

Жития русских святых профессор Сергей Иванович Смирнов

СЕНТЯБРЬ * ОКТАБРЬ * НОЯБРЬ * ДЕКАБРЬ * ЯНВАРЬ *
ФЕВРАЛЬ * МАРТ * АПРЕЛЬ * МАЙ * ИЮНЬ * ИЮЛЬ * АВГУСТ

Сентябрь

Октябрь

Ноябрь

Декабрь

Январь

Февраль

Март

Апрель

Май

Июнь

Июль

Август

Аннотация

Почитание святых – важная составная часть православного вероучения. Святые – земные люди, достигшие обожения, состояния причастности Богу через пронизанность божественными энергиями, которое дается им как награда за праведность. Разделяя в земной жизни с людьми все тяготы бренного существования, они становились реальными, телесными носителями качеств, присущих иному миру. Святой, праведник – это земной ангел и небесный человек. Он соединяет церковь земную и Церковь Небесную, ясно свидетельствуя о действенности божественного начала в мире. Вступая после смерти в Небесную Церковь, он становится молитвенником и покровителем христиан, прибегающих к его помощи. С точки зрения осмысления истории человечества, святые – это исторические лица, открывавшие для своего времени пути национального религиозного призвания, которые ярко характеризуют ту или иную историческую эпоху. Русский историк Г. П. Федотов писал, что именно национальное понятие

святости содержит в себе ключ для понимания наиболее сложных и противоречивых явлений русской культуры.

Сентябрь 3

Иоанн милостивый власатый, епископ Ростовский, блаженный

По краткому рукописному его житию не видно, кто он и откуда пришел в Ростов. Преосвященный Филарет предполагает, что Иоанн был знатного рода и человек образованный (знал латинский язык). Но по обстоятельствам времени царя Иоанна IV Грозного весьма вероятно, что он скрылся из Москвы от ужасов, чтобы в тиши и неизвестности служить Господу. В Ростове блаженный Иоанн принял на себя подвиг юродства, терпя нужды и скорби. Он не имел постоянного пристанища и лишь изредка отдыхал в доме своего духовника, священника Всесвятской церкви, или у одной престарелой вдовицы. Он имел «власы на главе велики», почему и назывался Власатым. Живя в смирении, терпении и непрестанной молитве, он духовно окормлял многих людей, в том числе и преподобного Иринарха, затворника Ростовского (память 13/26 января). Скончался блаженный Иоанн после долгих подвигов, перенеся много скорбей, в глубокой старости 3 сентября 1580 (1582) года и, согласно завещанию, был погребен за алтарем церкви св. Власия.

Погребение блаженного Иоанна ознаменовано было, по преданию, страшной бурей, молнией и громом, что произвело на всех удручающее впечатление. Благочестивые люди со времени погребения блаженного приходили на его могилу и брали землю; многие по вере получали исцеления и потому прозвали св. Иоанна Милостивым, отождествляя его со св. Иоанном Милостивым, Александрийским патриархом, память которого 12/25 ноября. В числе исцелившихся был ростовский митрополит Кирилл, лишившийся в старости руки и ноги, а потому оставивший управление епархией. После усердной молитвы над гробницей блаженного Иоанна престарелый святитель, принесенный в церковь на руках, получил внезапное облегчение от своего недуга, так что уже мог сам идти в архиерейский дом, и впоследствии не только совершал богослужения, но и снова управлял епархией во время плена

знаменитого своего преемника Филарета Никитича Романова (Патриарха Всероссийского).

Над могилой блаженного Иоанна вместо прежней деревянной Власиевской церкви была построена каменная церковь в честь Толгской иконы Божией Матери с приделом св. мч. Власия.

Память блаженного Иоанна Власатого, Христа ради юродивого, Ростовского чудотворца, празднуется в день его кончины – 3/16 сентября и вторично – 12/25 ноября в память св. патриарха Александрийского Иоанна Милостивого, имя которого он носил.

Сентябрь 4

Иоасаф, епископ Белгородский, святитель

Святитель Иоасаф родился в Прилуках, бывшей Полтавской губернии, 8 сентября 1705 г., на праздник Рождества Пресвятой Богородицы. При крещении назван Иоакимом. Он происходил из древнего благочестивого малороссийского рода Горленковых. В 1712 г. семилетнего Иоакима отец отдал в Киевскую Духовную Академию. В стенах академии он ощутил влечение к монашеской жизни. В течение семи лет испытывал себя будущий святитель, наконец, открылся родителям. Долго мать с отцом упрашивали сына-первенца не принимать монашеский постриг. Но в 1725 г. он тайно от них принял рясофор с именем Иларион в Киевском Межигорском монастыре, а 21 ноября 1727 года был пострижен в мантию с именем Иоасаф в Киево-Братском монастыре. Это событие совпало с завершением обучения в духовной академии.

Через год инок Иоасаф был хиротонисан архиепископом Варлаамом (Вонатовичем) в сан иеродиакона. Его оставили преподавателем в Киевской Духовной Академии. После смерти преосвященного Варлаама Киевской кафедрой стал управлять архиепископ Рафаил (Заборовский). Архиепископ Рафаил обратил внимание на выдающиеся способности молодого подвижника и привлек его для более широкого служения Церкви. Ему было поручено ответственное послушание в должности экзаменатора при Киевской архиепископии.

В ноябре 1734 года архиепископ Рафаил посвятил иеродиакона Иоасафа в сан иеромонаха и перевел из училищного Братского монастыря в Киево-Софийский архиерейский дом. Одновременно он был назначен членом Киевской Духовной Консистории. Исполняя должность экзаменатора, он приложил много усилий к исправлению нравственных недостатков приходского духовенства. Консисторская должность святителя была прекрасной школой для его организаторских способностей. В это время он хорошо изучил нужды священнослужителей, достоинства и недостатки епархии. Здесь ясно определилась всесторонность деловых

качеств Иоасафа, сочетающаяся с большими внутренними подвигами. Он быстро восходил во лестнице духовного совершенства, о чем свидетельствует сохранившееся его произведение «Брань седми чесных добродетелей с седми грехами смертными».

24 июня 1737 года иеромонах Иоасаф был назначен настоятелем Свято-Преображенского Мгарского монастыря с возведением в сан игумена. В своем монастыре все силы игумен полагал на благоустройство обители, в прошлом бывшей оплотом Православия в борьбе с унией. В монастыре находились мощи свт. Афанасия, патриарха Константинопольского, Лубенского чудотворца (память 2/15 мая). Несколько раз патриарх Афанасий являлся игумену Иоасафу, свидетельствуя о своем покровительстве.

В 1744 году митрополит Рафаил возвел игумена Иоасафа в сан архимандрита. В конце того же года он был вызван в Москву и вскоре распоряжением Святейшего Синода назначен наместником Свято-Троицкой лавры. В обители преподобного Сергия он также самоотверженно исполнял послушания Церкви (в те годы требовалось много сил для восстановления монастыря после пожара).

2 июня 1748 г. в Петропавловском соборе Петербурга архимандрит Иоасаф был хиротонисан во епископа Белгородского. Вступив на архиерейскую кафедру, свт. Иоасаф строго следил за благочинием и состоянием храмов, за правильностью совершения богослужения и особенно нравственностью паствы. Большое внимание святитель уделял образованию духовенства, правильному соблюдению ими устава и церковных традиций. Как и прежде, свт. Иоасаф все силы отдавал архипастырскому служению, не щадя своего здоровья. Своему келейнику Стефану накануне своего преставления святитель запретил домогаться священного сана и предупредил, что в случае непослушания его постигнет безвременная кончина. Другому келейнику, Василию, святитель указал, что он будет диаконом, а сана священника никогда не достигнет. И это предсказание впоследствии исполнилось. 10

декабря 1754 г. святитель преставился. Прославление свт. Иоасафа в лике святых состоялось 4 сентября 1911 года.

Сентябрь 5

Глеб, благоверный князь Муромский

Благоверный князь Глеб был сыном великого князя Владимира равноапостольного, от одной матери с Борисом. По глубокой и искренней любви к новой христианской вере, по нежной братской любви они были лучшими и любимыми сыновьями святого Владимира. Святой Глеб еще при жизни отца в удел получил город Муром, где с 1010 по 1015 гг. старался распространить христианскую веру среди упорных и грубых язычников.

Благоверный князь Глеб – один из первых русских мучеников-страстотерпцев. Он пострадал вместе со своим братом – благоверным князем Борисом (во святом крещении Романом). После убийства святого Бориса Святополк послал к его младшему брату Глебу гонца с ложным известием о болезни уже скончавшегося к тому времени их отца, великого князя Владимира, для того, чтобы коварно убить возможного претендента на Киевский престол. Обман удался, и Глеб с небольшой дружиной поспешил в Киев. Предупреждение брата Ярослава, застигшее его у Смоленска, не остановило святого, который сам был воспитан в правилах христианской веры и не мог предположить такого злодейства со стороны их брата Святополка. Недалеко от Смоленска ладья убийц настигла ладью Глеба, который не сопротивлялся, а только кротко молил пощадить его совсем еще юную жизнь. Однако по приказу хладнокровных убийц собственный повар Глеба перерезал ему горло. Но смертельные раны мученик вменил ни во что ради Господа. Это произошло 5 сентября 1015 года. Тело князя было погребено в пустынном месте недалеко от Смоленска, «между двумя колодами», т. е. в простом деревянном гробу.

Святой Глеб считается первопроевнелем Муромо-Рязанской страны, где память о нем с древнейших времен и доселе хранятся как о первом проповеднике христианской веры и о покровителе страны.

В 1019–1020 гг. могилу святого Глеба разыскал его брат Ярослав, и тело, оказавшееся нетленным, было перенесено в

Вышгород Киевский и погребено рядом со святым князем Борисом. У их гробницы стали происходить чудеса. Мощи братьев были перенесены в церковь святителя Василия Великого; митрополит Киевский Иоанн составил службу князьям-страстотерпцам и установил им совместное празднование 24 июля, которое и совершается с первой половины XI века. Два древнейших жития XI века – «Чтение», написанное преподобным Нестором, и «Сказание», с именем монаха Иакова, – показывают, что Русская Церковь издревле почитала братьев-страстотерпцев, которые постоянно оказывали молитвенную помощь своей родной земле, особенно в годину тяжелых испытаний.

Память святых благоверных князей увековечена церквами (как, например, в Муроме, где второй по древности церковью в XII веке была церковь святых Бориса и Глеба; в старой Рязани, где древнейшая, бывшая соборной, церковь посвящена их имени, и в других городах, монастырями (как, например, бывший еще в XII веке монастырь в их память близ реки Смядыни на месте мученической кончины святого Глеба, а также в Муроме и других местах), старинными изображениями (например, в городе Касимове, Рязани и других) и т. п. Самая епархия Муромо-Рязанская в старину называлась Борисоглебской по памяти ко святому Глебу, как перводержавцу и первопроевсетелю Муромо-Рязанской страны. В 1853 году на месте кончины святого Глеба был великолепно обстроен древний Смядынский колодезь муромским купцом Ермаковым, в знак особенного почтения к памяти его как ближайшего хранителя и покровителя города Мурома. Полное описание жития смотри во 2-й день месяца мая.

Афанасий Брестский, преподобномученик – преставление

Святой Афанасий подвизался в Юго-Западной Церкви вскоре после объявления унии и мученически пострадал от латинян, защищая православную истину и Церковь. Положение Православия в Польше и Литве было тогда очень тяжелое. На Соборе в Бресте в 1596 г. было объявлено единение (уния) Православной Юго-Западно-Русской Церкви с церковью Римско-католической, или латинской.

Казалось бы, это событие не только вполне отвечало любви и миру, главнейшим опорам христианства, но и проводило в жизнь величайший из заветов Спасителя, содержащийся в Его молитве к Богу Отцу: *Отче Святый, ихже дал еси Мне, да будут едино, якоже и Мы* (Ин. 17, 11). Но на самом деле уния готовилась недостойными людьми, вызывалась низменными расчетами и клонилась к попранию православной веры и русской народности на Юго-Западной Руси, которая в XVI веке входила в состав Польско-Литовского государства. Уже самое заключение унии не обещало ничего доброго: оно сопровождалось обстоятельствами, которые были противны не только духу Евангелия, церковным обычаям и канонам, но и простым требованиям рассудка. Уния была объявлена действительной, хотя принявшие ее не пожелали даже выслушать православных; на трехкратный позыв православных никто из униатов не явился для совещания о вере, и в конце концов представители восточного исповедания, не желавшие насильственного единения, были преданы анафеме со всеми их единомышленниками окружной соборной грамотой латинской партии. На это проклятие Православный Собор ответил осуждением митрополита и владык, принявших унию, и двумя следующими постановлениями:

1. «Мы даем обет веры, совести и чести за себя и за наших потомков не слушать этих осужденных соборным приговором митрополита и владык, не повиноваться им, не допускать их власти над нами; напротив, сколько возможно противиться их

определениям, действиям и распоряжениям, стоять твердо в нашей святой вере и при истинных пастырях нашей Святой Церкви, особенно при наших патриархах, не оставляя старого календаря, тщательно сохраняя огражденное законами общее спокойствие и сопротивляясь всем притеснениям, насилиям и новизнам, которыми бы стали препятствовать целости и свободе нашего богослужения, совершаемого по древнему обычаю. Объявляем об этом торжественно, прежде всего пред Господом Богом, потом и всему свету, и в особенности всем обитателям короны великого княжества Литовского и областей, к короне принадлежащих».

2. «Мы, сенаторы, сановники, урядники и рыцарство, а также и духовные лица греческой веры, сыны Восточной Церкви, собравшиеся сюда, в Брест, на Собор, достоверно узнали ныне от самых вельможных панов, присланных на Собор его королевской милостью, что они с митрополитами и несколькими владыками, отступниками от Греческой Церкви, составили и обнародовали, без нашего ведома и против нашей свободы и всякой справедливости, какую-то унию между Церквями Восточной и Западной. Мы протестуем против всех этих лиц и их несправедливого деяния и обещаемся не только не подчиняться, но, с Божией помощью, всеми силами сопротивляться им, а наше постановление, сделанное против них, будем подкреплять и утверждать всеми возможными средствами и особенно нашими просьбами пред его королевскою милостью».

Эти заветы, которые от лица Церкви возложили на ее верных чад представители восточного Православия в Брестском Соборе, стали признанием святого Афанасия, и их осуществлению была отдана вся его жизнь: борьба с действиями и распоряжениями униатов была для него обетом совести и чести, а в твердом стоянии за святую веру, в защите общего спокойствия, огражденного законами, в противлении всем притеснениям, насилиям и новизнам латинян состояли его подвиги, труды и страдания. О своем протесте против злоупотребления латинской партии властью и силой, на точном основании брестских постановлений, святой торжественно

объявлял перед обитателями короны и великого княжества Литовского, неотступно обращался с просьбами об охране Православия и к королевской милости.

Святой Афанасий родился когда-то около времени заключения церковной унии и, может быть, в Бресте, в том самом городе, где она была провозглашена, где особенно больно чувствовались обиды, наносимые Православной Церквью, и где были более живы любовь к отечественной вере и отвращение к латинству.

Неизвестно, из какого сословия вышел святой Афанасий, но, судя по его пламенной ревности о святой вере, можно думать, что унаследовал ее от людей простых, в то время отличавшихся особенно сильной преданностью Восточной Церкви и даже составлявших братские союзы для ее защиты от насилия латинян.

«Я, недостойный Афанасий Филиппович, – свидетельствует преподобный о себе, – милостью Божией и молитвами Пречистой Богородицы в вере православной и Церкви истинной Восточной, как следует, утвержден с самого детства и возникновения во мне разума».

Первоначальные познания «в науках церковно-русских» он получил, надо думать, в одной из братских школ, может быть, в школе родного города Берестья.

Где святой Афанасий получил дальнейшее развитие, не имеется сведений. Но несомненно он был одним из образованнейших людей своего времени: знал творения святых отцов, жития святых, а также и сочинения западноевропейских историков; свободно писал по-польски, по-латински и хорошо был знаком с греческим языком.

В своей молодости святой Афанасий «служил в разных местах», т. е. вероятно как человек, выдающийся по своему развитию, занимался преподаванием в богатых домах польско-русского дворянства. Когда канцлер литовский Лев Сапега, с ведома польского короля Сигизмунда III (1587–1632), был назначен опекуном над Яном Фавстином Лубой, которому поляки с детства внушили мысль, что он законный наследник московского престола (сын Марины Мнишек, жены первого

Лжедмитрия), Афанасий Филиппович, как известный по своему образованию человек, был приглашен к нему инспектором (надзирателем) и в этой должности прослужил семь лет при дворе Сапеги.

Вероятно, суетная, беспечная и не в меру разгульная жизнь, которую пришлось наблюдать св. Афанасию при дворе богатого польского вельможи, произвела в нем нравственный переворот, и он стал часто задумываться «над греховностью века сего». Размышления привели его к тому, что он решил порвать связи с миром, отошел от Сапеги и в 1627 г. принял монашеское пострижение в Виленском Свято-Духовом монастыре. Отсюда святой послан был на послушание сперва в монастырь Кутеинский под Оршою (Могилевская губ.), а затем в Межигорский около Киева, где «немалое время учился воле Божией и жизни по закону».

Из Межигорья св. Афанасий был снова позван в Вильну. При прощании межигорский игумен сказал преподобному: «Брат Афанасий, сохрани в глубине сердца по крайней мере три вещи: будь в послушании у своих старших, ревнуй о церковном правиле и стерегись бесед с женщинами; когда, при помощи Божией, сохранишь это, спасешься и будешь потребен на службу Церкви Христовой. Иди с миром!»

На пути в Вильну преподобный встретил весьма больного человека, «взял его на себя и нес не мало»; этот человек открыл подвижнику многое из тайн Божиих, «вложил ему в сердце сладчайшее имя Иисуса и научил, как сохранить его: 1) иметь в обращении с людьми разумную умеренность; 2) хранить послушание, чистоту и пребывать в бедности; 3) постоянно памятовать о двоякой смерти (духовной и телесной); 4) решительно во всем полагаться на волю Божию и 5) если бы по немощи тела приключилось что противное воле Божией, очищать себя исповедью и полным раскаянием».

В Вильне преподобный получил посвящение в сан иеромонаха и волей Божией и старших был назначен наместником в Дубойский монастырь под Пинском, где в течение трех лет «сильно боролся то со своими дурными помыслами, то с врагами Православия иезуитами». Канцлер

литовский князь Станислав Радзивил в 1636 году отобрал Дубойский монастырь для поселившихся в Пинске иезуитов. Благочестивая душа св. Афанасия была глубоко потрясена этой неправдой, и он видел наяву необыкновенно страшные знамения на небе и на земле: на небе – грозные облака с войсками, выстроенными для битвы и готовыми к отмщению; на земле – семь адских огней, назначенных для семи смертных грехов; в одном из них (в огне пламенного гнева) ясно заметил трех людей: папского нунция в папской короне, короля Сигизмунда и гетмана Сапегу, сидящих в страшной печали за преследование Восточной Церкви. В горячей ревности по святой вере православной преподобный написал жалобный лист о притеснениях православных латино-униатами и, закрепив его подписями многих почтенных людей, вручил его Пречистой Богородице Купятицкой, т. е. положил у Ее иконы, моля Ее вступить и защитить православных от обиды.

По отобрании у православных Дубойской обители Афанасий Филиппович был оставлен на послушании в Купятицком монастыре и пребывал здесь в трудах и терпении. В это время (1636 г.) в Купятицкий монастырь пришли листы Петра Могилы, митрополита Киевского (1633–1647), с просьбой собрать милостыню на обновление кафедральной митрополичьей церкви Киево-Софийского собора. Просьба была исполнена, и в мае 1637 г. собранные деньги были отправлены митрополиту. Узнав от посланного, что в Купятицах церковь весьма стара, Петр Могила дал «универсальный лист» (общий лист, по которому можно было собирать подаяния на всем Юго-Западе Руси, а не в одной определенной местности или повете) для сбора подаяний на обновление этого храма, а игумен Иларион (Денисович), после совета с братией, возложил это послушание на святого Афанасия и на послушника Онисима Волковицкого. Преподобный отнесся к труду на благо церкви, в которой помещалась Купятицкая чудотворная икона Богоматери, с необыкновенным усердием и ревностью. После совещания, которое происходило в монастырской трапезе, рассказывает св. Афанасий, «вдруг страх весьма великий напал на меня и я сидел у стола точно одеревенелый; ушедши в свою келлию, я

затворился и встал пред Всемогушим Богом молиться о своем послушании. Спустя немного, когда я стоял на молитве, на меня напал такой страх, что я порывался бежать из келлии, но, удержанный какой-то неведомой силой, остался и долго горько плакал и, хотя в келлии никого не было, я услышал сладкий голос: «Царь московский устроит Мне церковь; иди к нему». При этом меня точно облило варом, и я снова начал горько плакать, думая: что-то будет». В ноябре 1637 г., когда приближалось время отъезда на сбор, идя от заутрени из церкви, преподобный объявил игумену о своем видении, на что тот ответил: «Брате милый, куда тебя Всемогуший Бог и Пречистая Богородица поведут, туда и иди, а я тут с братией буду молиться, чтобы ты во здравии вернулся к нам; а о чем ты говоришь, не знаю, как это сбудется, когда у тебя нет и листа, который выдается от короля, нашего господина».

Простившись с братией, прп. Афанасий вошел в притвор церковный и, поручая себя во всем попечению Божию, стал молиться с коленопреклонением; потом через окно взглянул на чудотворный образ Пречистой Богородицы, и ему послышался из церкви шум, очень страшный. Поверженный в трепет, он хотел бежать, но потом, собравшись с духом, снова поглядел через оконце, говоря: «О, Пречистая Богородице, будь со мною». И в ту минуту от чудотворного образа Пречистой Богородицы послышался ясный голос: «Иду и Я с тобою». А диакон Неемия, стоя на левом клиросе наподобие иконы (этот диакон за несколько лет пред сим преставился в молодых летах после богоугодных подвигов иноческих) и, как бы заикаясь, вымолвил: «Иду, иду и я с Госпожою моей».

Когда св. Афанасий с Онисимом Волковицким приехали в Слуцк (уездный город Минской губернии), архимандрит Шицик отобрал у них листы и все Святки продержал их в большой тревоге, разобидевшись на купятицкого игумена за то, что он отправил сборщиков в Белоруссию без доклада ему, наместнику митрополита; но, уstraшенный во сне видением, вернул листы путникам и сказал: «Делаю это для Пречистой Богородицы, а не для вашего игумена; идите с Богом, куда хотите».

Оттуда сборщики прибыли в Кутеинский монастырь близ города Орши. В монастыре удивлялись их смелому плану идти в Москву за сбором подаяний. Но предостерегали. «Господине отче Афанасие! – говорил наместник монастыря. – Трудно без пашпорта короля, нашего повелителя, идти вам через Смоленск и Дорогобуж за границу до Москвы: виленские чернецы и пашпорт имели для милостыни, а много набедствовались».

Святой Афанасий был напуган этими словами, но не оставил своего плана; добыв от кутеинского игумена рекомендательные письма к разным протопопам и православным братствам, преподобный посетил Копыс, Шолов, Могилев, Головчин. Но нигде не получил милостыни, потому что перед ним прошли другие сборщики. Вернувшись в Кутеинский монастырь и уже решив ехать назад, в Купятицы, преподобный услышал такой совет от наместника: «Отче Афанасие, брате милый! Жаль мне тебя, что ты, сделав так мало для своего послушания, отъезжаешь домой. Советую тебе: иди через Трубецк до Брянска; хоть и там будет не без труда, однако, волей Божией, попадешь в столицу Московскую».

Запали эти слова в сердце св. Афанасию; передал он их и настоятелю Кутеинской обители, который благословил его на путь и дал рекомендательное письмо к князю Петру Трубецкому. С разными скорбями и неприятностями путники через Пропойск и Стародуб дошли до Трубецка. Но здешний воевода князь Петр, несмотря на письмо кутеинского игумена, отнесся к сборщикам крайне подозрительно, так как тогда было казацкое восстание под начальством Павлюка и граница оберегалась особенно строго. Трубецкой под угрозой великого наказания велел путникам возвратиться назад, и они уже хотели было ехать домой. Но решили побывать еще в Челнском монастыре. «Когда я, – говорит св. Афанасий, – шел пеший вдали перед конем и молился Господу Богу и Пречистой Богородице, страх великий напал на меня, так что я восклицал громким голосом: «О, Боже мой и Пречистая Богородица, смилуйся надо мною! Что это делается?» В это время мне показалось, будто послушник говорит: «На что требуешь людской помощи? Иди в

Москву, Я с тобою». Приблизившись к послушнику, я спросил его, что он говорил, а он ответил: «Ничего я не говорил тебе, я только сержусь на вас, что мы даром бродим'''».

Прибыв в Челнский монастырь, преподобный поведал братии, что при помощи Божией намерен добраться до Москвы; на это один из старцев ответил: «Не дойдешь, господине, так как время тревожное по случаю казацкого погрома, но если с тобою, как говоришь, помощь Божия, то можно дойти. Направляйся в Новгород Северский к воеводе Петру Песечинскому; счастье твое, если прикажет тебя пропустить, а тут везде великая охрана».

Св. Афанасий послушался этого совета. На пути к Новгород-Северску на ночлеге в постоялом доме, в глухую полночь, на преподобного напал великий страх и ему почудилось, будто кто-то едет с немалой свитой, слышался голос: «Есть, есть, он тут», а когда все утихло, Афанасий разбудил хозяина и, ничего не сказав ему, просил сию же минуту проводить на Новгородскую дорогу. В пути, ночной порой, не зная, куда ехать, преподобный, чтобы разогнать тревогу, начал возглашать акафист Богородице: «Взбранной Воеводе победительная» – с припевами: «Аллилуиа, аллилуиа», а затем под утро вздремнул. «Отряхнувши сон с очей, – пишет св. Афанасий, – я увидел юношу в мантии, сидящего на нашем коне, поглядывающего назад на нас и указывающего дорогу. Юноша сказал: «Я Неемия, диакон, сожитель ваш купятицкий». Затем исчез, а когда взошло солнце, вместе с ним я увидел на небе крест, а в нем – образ Пречистой Богородицы с Младенцем, вроде Купятицкого, пронизанный и окруженный лучами солнечными. И после того, как я в раздумье немало смотрел на него, хотел указать на это чудо послушнику Онисиму, а он, вострепнувшись от сна, начал бить коня, и в тот миг образ стал невидим на небе, и я уже больше не упоминал ему тогда о видении. Приблизившись к пограничному селу перед полуднем, мы чудесно миновали стражу воеводы новгородского: один поселянин того села стоял около дороги, сняв шапку, а когда я поздоровался с ним, сказал мне: «Что это за Госпожа, отче, и куда едет с такой немалой свитой?» Я не

знал, что отвечать ему, только сказал: «Но, но» — и отошел к саням».

Из селения проводила иноков большая толпа народа и около церкви во имя св. Афанасия, стоящей за селом в поле, путники волей Божией перешли границу и приехали в первое село Московской Руси Шепелево. Здесь они были приняты ласково. Все изумлялись, как это им удалось пробраться около стражи, видели в этом явную помощь Божию инокам-путникам, а одна женщина прямо сказала: «Воистину с ними едет Богородица, если они миновали охрану».

10 февраля 1638 г. св. Афанасий с Онисимом прибыли в Севск, где голова с другим чиновным человеком допытывались, для какой нужды явились путники; узнав, что у них нет пропуска к царю, они сказали, что невозможно им добраться до столицы. Преподобный на это ответил: «Иду по воле Божией и той иконы, которую даю вам в отпечатке на бумаге». Тогда они поверили ему и отошли, не приняв никакого решения. Когда преподобный при закате солнца был в одном лесу, неподалеку от Севска, явственно услышал следующий голос: «Афанасий! Иди к царю Михаилу и скажи ему: побеждай наших неприятелей, ибо уже пришел час; имей на военных хоругвях образ Пречистой Богородицы Купятицкой для помощи и в битвах храбро защищай каждого человека, именующегося православным».

Поздно ночью, сбившись с дороги, странники попали в деревню Кривцово, в пяти верстах от Севска, и выпросились на ночлег у одного христианина, у которого был сильно болен сын. Севши около страдальца, св. Афанасий обратился к Всевышнему с молитвой об его исцелении. На следующий день пришел к преподобному хозяин и говорит: «Старче великий, если ты священник, помолись Богу о сыне, чтобы он был здоров». Св. Афанасий, отправивши с послушником молебен, знаменал больного бумажным образом Пречистой Богородицы Купятицкой. О, дивные дела Божии! Точно как пробужденный от сна, больной поднялся и вскричал: «Откуда это пришла надежда моя Богородица исцелить меня?» И тотчас встал, возблагодарил Бога и прислуживал путникам за столом, а люди, бывшие при этом, сильно изумлялись в радости и страхе. Отец

исцеленного проводил дорогих гостей на Брянскую дорогу и советовал непременно ехать в Москву.

По отъезде из Кривцов послушник Онисим доставил много беспокойства св. Афанасию и даже порывался бежать от него, говоря: «Вернемся в Литву, ибо здесь погибнем. Для чего мы терпим такую беду и добровольно отдаем себя еще большим опасностям? Настойчиво стремишься ты быть в столице Московской, не будешь, не будешь!» Преподобный, обратившись про себя с молитвой к Господу и Пречистой Богородице, тихо сказал своему спутнику: «Милый брат, побойся Бога! Ты ведь сам слышал и видел немало Божиих чудес над нами; зачем же не рассудительно поступаешь?» И обстоятельнее раскрыв перед ним Божественное попечение о них обоих, наконец сказал: «Нам спутешествуют Пресвятая Богородица по обещанию Своему и Ангел Хранитель наш, которого я ясно видел в лице Неемии, диакона купятицкого».

Выслушав это, Онисим попросил у святого прощения и с того времени спутники ехали в полном согласии.

Когда спутники прибыли в Карачевский Воскресенский монастырь, его игумен принял их с любовью и посоветовал взять пропуск к царю от местного воеводы. Выслушав рассказ путников, воевода произнес: «Дивны судьбы Божии! Я об них выведывать не хочу, а каждому деянию Божию простым сердцем верую». И дал им лист и проводника до самой столицы. «Чудесным образом, – говорит преподобный, – доехавши до Московской столицы, будучи за рекою Москвою, на Ордынской улице, в гостинице, и по всей правде написавши историю того, что происходило по дороге по указанию Божию (как тому верую по простоте сердца), подал ее царю московскому на укрепление, охрану и распространение православной веры». Вероятно, история чудесного странствования св. Афанасия, поданная Михаилу Феодоровичу, пришлась вполне по душе благочестивому царю, и ее составитель, св. Афанасий, был отпущен домой с богатой милостыней на сооружение церкви во имя Пресвятой Богородицы Купятицкой. Из Москвы преподобный и его спутник выехали в Неделю Вербную (1638 г.) через Можайск и Вязьму

до Дорогобужа, а отсюда Днепром на челноке через Смоленск и Оршу до Могилева, из Могилева 16 июня «возом» через Минск на Вильну и прибыли в Купятицы 16 июля 1638 г.

Скоро после того, в 1640 г., монашествующие Брестского Симеонова монастыря просили настоятеля Купятицкого прислать им на игуменство одного из двух лиц: Афанасия Филипповича или Макария Токаревского. Иларион Денисович, не желая пускать от себя ни одного из дорогих трудников, отправил третье лицо, но брестские иноки не приняли его. Тогда решено было кинуть жребий, кому ехать в Брест, Макарию или Афанасию, и по воле Божией жребий пал на св. Афанасия. Расставаясь с ним, Иларион Денисович написал брестским инокам, что «с великой скорбью» отпускает к ним «половину себя самого» и при этом прибавил: «Спостраждите во всем ему, да со Христом воцаритесь».

По прибытии в Брест на игуменство преподобный прежде всего занялся разысканием старинных грамот, епископских и королевских, которыми утверждались разные права и преимущества за вверенным монастырем. Усмотрев из сих грамот, что «уния со старым Римом, принятая вопреки законам Церкви Восточной, проклята навеки, я, – говорит Афанасий, – открыто в церкви и в разных местах объявлял об этом». Открытое заявление произвело столь сильное действие, что, по словам преподобного, «в месте том Берестейском и во всем округе того воеводства униаты начали испытывать величайшую тревогу». В следующем (1641) году, в сентябре, св. Афанасий отправился на сейм, т. е. на собрание государственных чиновников, в Варшаву и выхлопотал у короля Владислава IV (1632–1648) за его собственноручной подписью грамоту (привилегий), которой подтверждались все старые преимущества православного братства в Бресте и обеспечивалось на вечное время полная свобода богослужения и обрядов по уставу Восточной Церкви. Но по законам царства Польского королевский привилегий не мог иметь силы без утверждения его печатью коронного канцлера или подканцлера. Св. Афанасий молился об этом и даже предлагал деньги, но напрасно.

«Будете все униатами, – говорили хранители печатей просителю, – так мы и даром запечатаем; знайте, что нам от святого отца, папы римского, под клятвой запрещено умножать здесь греческую веру».

Тогда преподобный обратился за советом и помощью к православным, сначала к влиятельным духовным особам, прибывшим на сейм. Но и здесь не нашел он поддержки, так как каждый из них был занят исключительно своими частными делами и выгодами. «Остальные отцы и монахи, – замечает преподобный, – все приехали со своими личными побуждениями и говорят одно: у меня довольно церковей, как себе кто хочет, так пусть и хлопочет, это не мое дело. О полном и общем успокоении веры Православной даже нет и помину». Проникнутый мыслью «о полном и общем успокоении», св. Афанасий чутко прислушивался к жалобам на унижение Православной Церкви, которые раздавались отовсюду и были принесены в Варшаву приехавшими на сейм по разным делам горожанами. Трогательными чертами со слов православных мирян описывает преподобный бедствия Православной Церкви в Польско-Литовском государстве: «Даже и за деньги нельзя иметь свободы в отеческом благочестии и поступать, как требует совесть православных людей. О, горе! Живут дети без крещения, взрослые – без венчания, а умерших хоронят крадучись, ночью, в полях, огородах, погребах. Здесь, в христианском государстве, православные люди терпят больше стеснений, чем в турецкой неволе. Бедные оршане потому только, что в своем братстве устроили новую церковь, должны были дать за печать двести червонцев». Пораженный грустью при мысли об этих притеснениях православных, св. Афанасий однажды говорил сам себе: «О, Боже правый! Весы беззакония упали до самого края; уже и отцы наши старшие не пекутся о вере православной, об утверждении славы Божией; все как будто стыдятся ее, а что хуже всего – некоторые, обольщенные латиной и высокоумием, из-за почестей и свободы света сего, безрассудно перекидываются от истинной веры к другой вере и, как бы хромая, возглашают: «О, и та и эта вера добра», а этого быть не может, чтобы существовало много вер добрых, ибо

написано: «Един Господь, едина вера, едино крещение» (Еф. 4, 5)».

В одном из видений притесняемая Церковь Православная представилась прп. Афанасию в виде девы, ограбленной, плачущей и жалующейся на врагов своих. Потом на постоялом дворе, когда св. Афанасий совершал акафист Пречистой Богородице и произнес слова: «От всяких нас бед свободы», то услышал от образа Богоматери явственный голос: «Афанасий! Жалуйся теперь на сейме при помощи иконы Моей Купятицкой, в кресте изображенной, перед королем польским и государством, грозя праведным гневом и страшным судом Божиим, который вот-вот поистине наступит, если не образумятся; пусть прежде всего навеки осудят проклятую унию – в этом самая насущная нужда, и им еще может быть хорошо».

Исполняя это повеление, преподобный в 1643 г., как св. пророк Илия, ревнующий об истинной вере, отправился на генеральный сейм в Варшаве. Он взял с собою по семи экземпляров образков Купятицкой Богоматери, написанных на полотне, историю своего путешествия в Москву и «надписание», заключающее предостережения о гневе и Страшном Суде Божиим за преследование Православия и покровительство унии. Вместо прошения от Церкви Восточной преподобный раздал знатнейшим членам сейма из дворянских родов иконы Богоматери с приложением и в присутствии всех членов сейма обратился к королю со следующей речью: «Наияснейший король польский, господин мой милостивый! Мы терпим несносную кривду; не хотят нам, людям православным, в делах церковного благочестия утверждать печатями привилегии, не хотят нас защищать на основании прав, скрепленных присягой вашей королевской милости, и вот уже около 50 лет вера православная и Церковь Греческая Восточная под вами, христианскими панамы, в королевстве Польском в угоду проклятой унии терпит чрезмерные притеснения, и это при содействии и помощи ненавистных римских церковников, в особенности же иезуитов, чрезвычайно хитрых. Эти иезуиты с помощью точеных речей, лукавых наук и высоких титулов, овладевая душами молодых людей, устрояя в школах комедии,

проповедуя в костелах и издавая превратные книжки, измышленные по внушению сатаны, безбожно соблазняют простых людей, своих потатчиков, а православных христиан, сами будучи неправославными, предают позору и преследуют».

Ревнитель Православия передал королю снимок с Купятицкой иконы Богоматери и приложил к нему особое писание. Этим писанием преподобный просил короля успокоить правдивую веру греческую, а унию уничтожить. Он писал Владиславу: «Если унию проклятую искорените, а Восточную истинную Церковь успокоите, то поживете лета ваша в счастье, а если не умирите истинной греческой веры и не сметете с лица земли унии проклятой, то воистину познаете гнев Божий. Образ Пресвятой Богородицы да будет вам трубою и знаменiem, предваряющими Страшный Суд Божий, который имеет наступить, когда благословенные унаследуют Царство Небесное, а проклятые будут низринуты в ад на вечные муки».

Грозные речи и писания Афанасия, конечно, должны были поразить сердце короля и сенаторов, и, вероятно, правительство по этому поводу выразило свое неудовольствие представителям православной партии на сейме, и «свои отцы старшие» взяли Афанасия, объявили помешанным и посадили под стражу. «Я, – пишет преподобный, – остался поруганным, осмеянным и оплеванным за то, что (прости им Боже!) не докладывался им, защищая мольбы (как будто нужно докладываться в таких тайнах Божиих и сделал это по собственному хотению, а не воле Божией). О, горе! До чего дошло у мудрых на латинский образец. Уже несколько не заботятся о вере и не слушают воли Божией, но, всецело надеясь на себя и на свой разум, творят свою волю и своих же угнетают». Снедаемый скорбью, что не только король с польской шляхтой, но и своя братия духовная не хочет поддержать великое дело успокоения веры Православной, Афанасий, подражая Христа ради юродивым, притворился как бы безумным. Вышел из темницы нагим, имея на себе только клобук да параманд для показания своего звания, вымазался в болоте и, поражая себя посохом, бегал по улицам Варшавы и восклицал громким голосом: «Горе проклятым и неверам!»

Преподобный имел намерение вбегать в костелы и возглашать те же слова, но его догнали слуги владык, съехавшихся на сейм, и, втолкнув в болото, глубиной выше колен, продержали его до прихода с постоялого двора воза. Произошло это в марте месяце: страдалец терпел великую стужу. Еле живой на возу был доставлен во владычную гостиницу и снова кинут в заключение. По жалобе некоего Даниловича, архиерейского писаря, «старшие отцы судят» преподобного и, «не имея на это никакого права», постановляют решение: лишают его игуменства и пресвитерства», затем препровождают его, как зачумленного, от одной духовной особы к другой и по окончании сейма отправляют на суд к Киевскому митрополиту, которым тогда был знаменитый Петр Могила.

Консистория митрополита оправдала Афанасия, и варшавское определение было уничтожено. «Когда я на суде, – замечает Афанасий, – припомнил, как меня в Варшаве водили от гостиницы к гостинице, отец Гизель сказал: «Как от Анны к Каиафе», т. е. сравнил варшавский суд над Афанасием с судом первосвященников иудейских над Иисусом Христом.

Восстановленный в пресвитерском сане, преподобный неоднократно совершал святые литургии в Киеве, как в пещерах, так и в церкви Успения Богоматери, а когда православное Брестское братство вошло к митрополиту с просьбой вновь прислать на игуменство св. Афанасия, Петр Могила исполнил это ходатайство братчиков. В грамоте братству по поводу возвращения игумена митрополит ставил на вид, что преподобный посылается на игуменство «после надлежащего вразумления духовного за поступок, который всей Церкви Российской причинил скорбь и трудности», и что Брестский игумен вперед «будет осторожней поступать в делах церковных, особенно же перед королем, его милостью, господином нашим милостивым и всем пресветлым его сенатом».

Вернувшись в Брест, св. Афанасий всей душой отдался монашеским подвигам с братией вверенного ему Симеонова монастыря. Но обстоятельства в Западной Руси слагались в то время так, что тихая и уединенная жизнь иноков постоянно

прерывалась. Православные – как духовенство и монахи, так и миряне – терпели много притеснений за свою веру: не раз испытывали от своевольных школьников иезуитских и от униатских попов ругательства, позорные насмешки и битье, нападения и всякого рода бедствия. Один униатский архимандрит, насильно захвативши на большой дороге монахов, посланных к св. Афанасию из Купятицкого монастыря, священноиноку отрезал бороду, диакона раздел донага и обоих прогнал, а двух монастырских коней со всеми вещами грабительски присвоил себе. Дошло до того, что никому из монастыря нельзя было показаться на улицу, не подвергаясь ругательствам. «На каждом месте, – рассказывает св. Афанасий, – во дворах и судах, ругаются над нами и кричат на нас: «Гу-гу, русин, волк, схизматик, турко-гречин, отщепенец'''».

Так как канцлер Сапега считался покровителем (патроном) Брестского монастыря (обитель имела землю, им данную), то преподобный в 1644 г. ездил к Сапеге в Краков и просил своего прежнего хозяина, чтобы он выхлопотал у короля охранный лист для православных жителей Бреста, которые не находят в судах защиты от притеснений со стороны униатов. Но гордый вельможа дал такой ответ преподобному: «Поп с попами подрался, а мне какое дело? Сделайтесь униатами и будете жить в покое».

Обиды и притеснения, которые отовсюду сыпались на православных, разумеется, не могли не волновать преподобного. В сильном возбуждении он становится на молитву перед Купятицкой иконой Богоматери и опять явственно слышит голос, исходящий от святой иконы: «Афанасий! Проси еще с помощью Моего образа на будущем сейме перед королем польским и Польским государством о полном уничтожении проклятой унии. Хорошо будет, если послушают и уничтожат ее: проживут еще счастливо в будущих летах».

Устрашенный видением, св. Афанасий пять дней был чрезвычайно слаб, не пил, не ел и все раздумывал о том, как ему поступить. Он знал, что смелые речи на сейме снова вызовут суд над ним и осуждение, и в то же время боялся

нарушить волю Божию. Смущался величию дела, которое на него, смиренного, возлагал Господь, и успокаивал себя тем, что даже ослица Валаама говорила некогда по воле Божией. Подобно другим инокам хотел бы преподобный сидеть в обители, молясь Творцу своему за себя и за всех властей, духовных и светских, а особливо за своих благодетелей, но, вынуждаемый волей Божией, он начал готовиться к генеральному сейму 1645 г. Прп. Афанасий имел намерение, как в предшествующий сейм, поднести королю и сановникам в нескольких тетрадях снимок Купятицкой иконы Пресвятой Богородицы вместе с описанием чудес от нее во время путешествия в Москву, а затем сделать предложение об отмене унии и успокоении православной веры. Но преподобному не суждено было осуществить свои намерения: в ноябре 1644 г. он был арестован в Бресте, отвезен в Варшаву и брошен в оковы, в которых содержался более года.

И в тюрьме, как на свободе, преподобный более всего отдавался скорби о тяжелом положении Православной Церкви в Польско-Литовском государстве и мысли о «полном и общем успокоении» истинной веры. Лучшим выражением его тогдашнего настроения служит стихотворение, которое он составил, сидя в тюрьме, и, положив на голос, распевал для утешения душевной боли: «Пошли покой Церкви Своей, Христе Боже! Не знаю, может ли кто из нас терпеть дальше! Дай нам помощь в печали, чтобы мы всецело отдались вере святой, непорочной».

Когда надзор за преподобным был ослаблен, он, сидя в тюрьме, усердно занялся составлением памятной записки (мемориала), которая и подана была от его имени королю Владиславу 29 июня 1645 г. во время заседания генерального сейма. В записке своей преподобный доказывает: Русь с самого принятия христианства стояла в церковной зависимости от Константинопольского патриарха, а униаты, «отбегшие пастыря своего законного» и отдавшиеся другому, не настоящему (папе), подлежат анафеме, как отступники от веры; самая уния принята была духовными по корыстным побуждениям: например, епископ Игнатий Поцей, один из ее защитников, добивался

сенаторского кресла; митрополит Рагоза и епископ Кирилл Терлецкий склонялись к унии, привлекаемые вольностями, которые им обещаны от лица папы. «От того часу, – говорит св. Афанасий, – как Каин Авеля и Измаил Исаака, так проклятый униат бил и преследовал православного брата своего и по сие время, с помощью прислужников и врагов правды святой, при поущении Божиим, как хочет, так и злодействует: бедных людей всякого сословия, как в братствах церковных, так и во всяких советах, судебных и ремесленных, клеветца безбожно, грабит и дерет со всего, что имеют православные христиане – с веры святой, с совести чистой, с славы доброй, с имущества, всячески поносит их и бьет; кроме того – и это хуже всего – печатает, отбирает, повергает в нищенство и уничтожает церкви, мешает свободе благочестивой совести. Во многих и разных местах в королевстве христианском ради той проклятой унии и по сие время совершаются ненужные кровопролития. В конце концов и с казаками из-за той же унии была внутренняя бесполезная война; из-за нее милость исчезла чуть не во всех; из-за нее ласкательство, подхалимство, зависть, предательства, злодейства и – хуже всего – размножается проклятая вражда; из-за нее погиб порядок духовный и светский». Св. Афанасий обращается к королю с мольбою отменить унию, введенную королевской властью: духовные отцы (епископы) уже не могут улучшить положения, так как сами нуждаются в исправлении. При вступлении на престол король присягою скрепил обещание умирить Православную Церковь, а между тем этого не сделано и доселе. Не нужно насилия ни над чьей совестью: пусть униаты остаются, если хотят, при своих заблуждениях, но и пусть православные будут свободны в своей вере.

Неизвестно, как эта горячая мольба узника была принята королем, думая, что бумага не дошла до него, преподобный из темницы пишет второе прошение, в котором обращается к королю с трогательным воззванием: «Смилуйся, наияснейший король польский, господин мой благосклонный, над гонимую Восточную Церковь, которая находится в твоём королевстве». Это прошение, оправленное в зеленый атлас, во время проезда

короля по Варшаве было брошено кем-то в его карету и прочитано Владиславом IV, но распоряжения по нему не было сделано. Еще одна бумага, назначавшаяся королю, не была им принята. «Не нужно, не нужно больше ничего, – сказал он, – я уже приказал выпустить его».

Действительно, 19 октября 1645 г. по приказу Владислава было написано Киевскому митрополиту, чтобы он прислал взять к себе Афанасия, который «заслужил наказание, но его королевская милость оставляет без внимания»; вместе с тем от митрополита требовалось послать беспокойного для польской власти игумена в такое место, где бы он не мог уже «чинить никаких тревог». Тем временем с преподобного сняли оковы и ослабили надзор, так что он мог свободно получать письма от близких ему людей. Одно из присланных в тюрьму писем, утешая узника, называет его исповедником. Преподобный сравнивается здесь со святым апостолом Павлом, и говорится далее, что «среди запустения он процвел как благоуханный цвет, сияющий не только российскому народу, но всему соборному вселенскому благочестию». Хотя св. Афанасий мог легко бежать из тюрьмы, но он не соблазнился свободой и требовал суда над собой или, по крайней мере, приема у короля. Он рассылал письма и прошения к лицам, влиятельным при дворе, чтобы они испросили ему у короля прием, и король было согласился выслушать игумена, но католическое духовенство отговорило Владислава, и 3 ноября 1645 г. преподобный был отправлен с двумя драгунами в Киев. Явившись к митрополиту Петру Могиле, св. Афанасий представил ему подробный отчет о своих деяниях в Варшаве с приложением в копиях документов, которые им были даны королю. Вероятно, преподобный надеялся, что митрополит и на этот раз оправдает его, как оправдал раньше, и отошлет опять на игуменство в Брест, но королевское повеление возымело свою силу: подвижник был оставлен в Печерском монастыре как бы под началом. Заключение преподобного в Киеве сильно волновало многочисленных его почитателей и один из них, по имени Михаил, писал по этому поводу наместнику и братии Брестского монастыря в следующих выражениях: «Извещает

ваше благочестие меня, что пречестный отец Афанасий разрешен от узилища иноверных и послан в Киев на заключение к единоверным. Это дивно для меня, ибо и Христос, Господь наш, пострадал не от неверных, но от верных своих предан был в руки человек грешных. Пророчествует господин отец Афанасий, что уния погибнет. Я бы веровал этому, если бы видел наши заслуги, но я не вижу их и не смею веровать в конец (унии). А почему? Спросите. Потому что наша Русь этого не хочет, особенно же старейшины. Кто не желает ратовать против унии, тот стремится к ней; поэтому наши старейшины хотят унии, если не словом, то делом, что еще хуже». Вероятно под влиянием этого ясно обнаружившегося расположения православных к святому и последовавшей 1 января 1647 г. смерти Петра Могилы преподобный получил свободу и вновь вступил на свое игуменство.

Но недолго святой Афанасий наслаждался покоем в тихой обители Брестской. Весною 1648 г. в Малороссии вспыхнуло казацкое восстание под предводительством Богдана Хмельницкого, началась несчастная для поляков война. Православное население Литвы и Польши во время войны страдало еще больше, было на постоянном подозрении в измене польскому королю, в соучастии с восставшими казаками. И святой Афанасий принял тогда мученическую кончину, несправедливо обвиненный в измене.

О суде над преподобным и его казни обстоятельно рассказывает особая повесть, составленная под сильным впечатлением скорбных событий послушниками Брестской обители св. Симеона, почитателями св. Афанасия. «Что мы видели своими глазами, что могли узнать от других людей о муках и отшествии из мира сего покойного отца Афанасия, нашего игумена, о том пишем и свидетельствуем. Кто-то недобрый в то время поднял войну с казаками: и встали великое преследование и неосновательное подозрение от иноверных на бедную Русь во всей короне Польской и великом княжестве Литовском. Покойный отец игумен уже не говорил ничего, противного униатам, сидел себе тихо в монастыре в то тревожное время. Вдруг паны из каптуровых судов воеводства

Брестского по навету пана Шумского, в то время капитана королевской гвардии, прислали несколько человек шляхты в наш монастырь, чтобы взять игумена в замок. А был тогда день субботний, именно 1 июля, и покойный сам служил литургию в храме Рождества Пречистой Девы Богородицы в другом своем монастыре.

Когда он, находясь у престола, заметил в церкви, как раз во время пения «Иже Херувимы», шляхту, за ним пришедшую, – сильно встревожился, как бы впал в забытие и стоял долго, ничего не совершая, так что можно было пропеть Херувимскую песнь в другой раз. Потом оправился, опять начал служить и всю литургию окончил чинно. А по окончании обедни выслушал от шляхты, что она пришла за ним, и немедленно, никуда не заходя из церкви, взявши с собой другого брата, пошел в замок. Там, став перед панами судьями, начал сперва громко говорить им и с почетом к судьям привел то, что святой апостол Павел был перед царем Агриппою и считал себя счастливым, так как знал, как ему защищаться (Деян. 26, 1–2). Но паны судьи отнеслись с презрением к речи покойного игумена и, не слушая больше, приказали доносчику, названному пану Шумскому, начать докладывать дело против него о посылке каких-то листов и пороху казакам. А отец игумен отвечает на это: «Милостивые паны! Это клевета и ложный вымысел, будто я посылал листы или порох казакам. Ведь вы имеете немало дозорщиков, пошлите за ними, и пусть они покажут, если я когда-нибудь и куда-нибудь отправлял порох. Что касается листов, то пусть ябедник приведет какое-нибудь доказательство, что я посылал их, как он клеветает». Тогда немедленно послали доносчика Шумского и других при нем, чтобы перерыли наш монастырь и отыскали порох и листы. А когда ничего не нашли там и уже уходили назад, доносчик отрыгнул злобу свою и сказал гайдукам: «Что же вы не подкинули какого-нибудь мешочка с порохом и не донесли, что нашли тут у монахов».

Увидали затем и сами паны судьи, что не было никаких доказательств вины игумена, а одна только пустая молва, вернее клевета, и успокоились. Но стали допрашивать о другом

предмете и сказали: «Но ведь ты унию святую бесчестил и проклинал?» Положивши на себя знамение креста Господня, покойный отец игумен в ответ на это произнес: «Ужели, милостивые паны, вы за то велели мене явиться к вам, что я бесчестил и проклинал вашу унию? Что я говорил на сейме в Варшаве перед его милостью королем Владиславом IV, господином своим яснейшим, и перед пресветлым его сенатом, что всюду провозглашал по воле Божией, то утверждаю и теперь пред вами: проклята ваша теперешняя уния, и ведайте по сущей правде, что если ее не истребите в своем государстве и Православной Восточной Церкви не умирите, навлечете на себя гнев Божий». А сказал это громким голосом, чтобы и те, кто был поодаль, могли хорошо слышать. Сейчас же на эти слова некоторые крикнули: «Казнить, четвертовать, посадить на кол такого схизматика!» И уже начали было его толкать от одного к другому и рвать во все стороны. Но паны судьи велели всем на время из избы выйти и, потолковав между собой, говорят отцу игумену: «Ты заслужил, чтобы тебя сейчас же предать позорной смерти (и она не минет тебя). А теперь мы приказываем взять тебя в темницу, пока не получим какого-либо указания из Варшавы».

Тогда отпустили брата, с ним бывшего, а его отдали в тюрьму при арсенале в замке Брестском от Рождества Христова в год 1648, июля первого. Несколько дней спустя приказали наложить оковы на ноги его, и так он просидел в темнице до 5 сентября того же года. В это время покойный (т. е. св. Афанасий) несколько раз посылал из тюрьмы некоего брата к панам судьям, прося, чтобы сделали для него одно из двух: или приказали снять кандалы, или выпустили из арсенала, а в оковах он обещал ходить сколько им угодно. Он задумал это, как сам объяснил нам, чтобы свидетельствовать перед ними и вразумлять, не отступят ли от своей давней и упорной привязанности к унию. «Ибо, – говорил он, – если поступят со мною столь мягко, что освободят или из оков, или из тюрьмы, то снесут и мои речи против унии; если же не захотят позволить этой малейшей вещи, очевидно, не допустят большей и будут крепко стоять за унию. А затем, – пояснил он, – мы никак уже не

можем надеяться на покой, который, как известно, отнят у нас в этом государстве во имя унии и с целью лишить Восточную Церковь, мать нашу, ее прав». Поэтому он, когда увидел, что не желают позволить ему ни того, ни другого, смело начал возглашать: «Не покинет государства этого меч и война, пока не сокрушат выю унии; благочестие, даст Бог, опять скоро зацветет, ей, ей, зацветет, а уния быстро погибнет». И часто бывало так, что он, когда заметит из арсенала шляхтичей, говорит им через окно такие речи.

Однажды пришел к отцу игумену тот брат, который ходил с ним к панам на суд, и говорит ему: «Не хотели вас паны избавить ни от оков, ни от тюрьмы, а ведь война с казаками улегается». За тем братом пришла и шляхта слушать, что отец игумен ответит на его слова, а он тотчас при всех произнес: «Не уляжется война, ибо не хотят из государства изгнать унии». Шляхта, услышав это, закричала: «Ах, какой схизматик!»

Раз в присутствии князя и епископа, которых здесь не называем, приказали паны судьи привести к себе покойного в оковах, и спросил его епископ, действительно ли он проклинает унию. Покойный сознался перед ним, говоря: «Действительно, она проклятая». А тот, не желая его больше слушать, ответил: «Скоро ты увидишь язык свой перед собою в руках палача». И приказал его отвести опять и посадить в тюрьму.

Когда миновал четвертый день сентября 1648 г. и наступила ночь пятого числа, взяли покойного отца игумена из темницы и, расковав кандалы, проводили в обоз (подвижной укрепленный лагерь). Говорят, что перед отправлением его в обоз иезуиты, знавшие об осуждении его на смерть, ночью приходили к нему в темницу и, как привыкли поступать всегда, сперва словами и обещаниями старались отвратить его от православной веры, а потом стращали огненными муками. Но, милостью Божией ничего не успев, сами ушли вспять, а одного ученика своего послали к нему, побуждая, чтобы передумал и не губил себя. Но на это он велел ответить так: «Пусть иезуиты знают, что как им приятно пребывать в прелестях мира сего, так мне приятно пойти теперь на смерть».

Что потом в обозе творили с ним, об этом ходят между многими людьми такие рассказы. Когда его ночью препроводили в обоз и хотели отдать бывшему там воеводе берестейскому, пан воевода не желал его брать к себе и сказал: «Для чего вы привели его ко мне? Он уже в ваших руках; делайте же с ним, что хотите».

Когда же, таким образом, начальник выдал его, его взяли к себе те, которые давно жаждали его крови (иезуиты и их помощники униаты), и отвели в лесок, бывший недалеко от обоза, а от места (т. е. города Бреста) в четверти мили, в левой стороне по направлению к селу Гершенович. Там его сперва припекали огнем, а один гайдук стоял тогда поодаль и слышал голос покойного отца игумена, как он им что-то грозно отвечал во время мучений. Потом вдруг закричали на того гайдука и велели ему зарядить ружье двумя пулями и в то же время приказали перед ним приготовить яму. Сначала требовали от покойного, чтобы он отрекся от своих слов об унии, но он ответил: «Что сказал, сказал, и с тем умру». Тогда велели гайдуку выстрелить ему в лоб из ружья. Гайдук, видя, что он духовный и знакомый ему, не торопился, но сперва испросил у него прощение и благословение, а потом выстрелил в лоб и убил.

Покойный, уже простреленный двумя пулями в лоб навылет, еще стоял некоторое время, опершись о сосну как бы своей силой, так что его велели сбросить в приготовленную яму. Но и там он сам обернулся лицом к небу, сложил крестом руки на персях и протянул ноги; потом и нашли его так лежащим в названном месте. В ту ночь, когда замучили покойного, великий трепет напал на нас и на всех мещан от этих дел, и, хотя ночь была ясная и не виделось облака даже в аршин величиной, молния была ужасная и разливалась по всему небу. И так лежал покойный, неведомо для нас, без погребения от 5 сентября до 1 мая, в течение восьми месяцев. Мы знали, что его уже нет на свете, но не ведали, где его тело, пока один мальчик, лет семи или восьми, не указал нам место, где оно было зарыто. Мы сперва желали увериться, подлинно ли это он или кто другой, потому что его могли оттуда тайно перевезти на

другое место (земля, на котором лежало тело его, принадлежала иезуитам). Поэтому, дождавшись ночи, откопали его и, узнавши, что это подлинно он, немедленно перенесли его в другое место. При теле его не нашли ничего из вещей, кроме одной рубашки – и то изорванной – и одного сапога. На другой день с позволения полковника брестского перевезли игумена в монастырь Рождества Пречистой Богородицы, а несколько дней спустя (8 мая), совершив отпевание по чину церковному, похоронили его в склепике на правом клиросе в храме прп. Симеона Столпника. Там и до сих пор тело его находится без истления.

Знаки муки и смерти на теле его следующие: под пахами с обеих сторон кости голые, впрочем тела по местам немного осталось, но и то от огня очень почернело; во главе три отверстия: два близ уха с левой стороны, в величину ружейной пули, а третье – с правой стороны за ухом, гораздо больше, нежели первые два, лицо у него все почернело от пороха и крови, язык из рта несколько вышел и усох промеж зубов: думаем, что его похоронили еще живого и это сделалось с ним от великой тяготы смертной. Бог благодатью Своею да утвердит и нас в благочестии и да пошлет терпение ради имени его святого».

Преподобный Афанасий был местно признан святым весьма скоро после своей кончины, в 1658 г., 5 января. Иннокентий Гизель, архимандрит Киево-Печерский, с Иосифом Нелюбович-Тукальским (с 1664 г. митрополит Киевский) в письме к царю Алексею Михайловичу говорят, что тело Афанасия «откровенно бывши, и доселе, дивну Богу во святых Своих, в Бресте пребывает нетленно». В 1666 г. в Бресте было составлено на польском языке житие, в котором Афанасий называется «святым и преподобномучеником». Мощи его покоились сначала в медной раке, но 1816 г., 8 ноября, сгорели вместе с деревянной церковью св. Симеона Столпника; остались лишь обожженные частицы, которые в присутствии молящихся были уложены на оловянном блюде и помещены в Благовещенской церкви монастыря. В 1823 г. для частиц мощей была устроена рака и они поставлены открыто для

всенародного чествования. В 1824 г. монастырь был упразднен, его церковь обращена в приходскую и святые мощи помещались в крепостном Николаевском соборе; по сооружении же в городе Симеоновского каменного собора в 1865 г. сюда были перенесены останки преподобного, где и пребывали.

Память св. Афанасия, как мученика за веру, на Юго-Западе Руси была настолько живуча и сильна, что не нуждалась ни в каких внешних уверениях и свидетельствах. Поэтому до нас не сохранилось записей его чудес вплоть до середины XIX века. Под 14 ноября 1856 г. в местных записях отмечается следующее знамение Божие от мощей св. Афанасия. Помещик Владимирской губернии Николай Александрович Поливанов, возвращаясь из-за границы, должен был задержаться в Бресте вследствие тяжелой болезни десятилетнего сына Александра. Болезнь развивалась быстро и не оставалось никаких надежд на выздоровление отрока. Пригласив местного священника для напутствия сына Святыми Тайнами, отец стал горько скорбеть, что здесь нет святыни, как в центре России, чтобы можно было прибегнуть к ней с горячей мольбой об исцелении ребенка. Священник ему сказал, что в Бресте имеется святыня – мощи прп. Афанасия, и Поливанов стал просить привезти ковчег с мощами, отправить при больном молебен и приложить его к ним. Благочестивое желание отца было исполнено, и как только ковчег с частицами мощей прикоснулся к Александру, страдания болящего тотчас же прекратились и он, вопреки ожиданиям врачей, вскоре совершенно выздоровел. 15 августа 1857 г. благодарный отец прислал в Брест серебряную с позолотой раку весом тринадцать с половиной фунтов, в которую и были торжественно переложены мощи св. Афанасия.

Под 14 мая 1860 г. записано следующее чудо от святых останков преподобного. Местный протоиерей Василий Соловьевич страдал грыжей, так что у него стали выходить наружу внутренности; доктора советовали больному сделать довольно тяжелую операцию, но он не согласился и стал готовиться к смерти; исповедавшись, он пожелал перед приобщением Святых Таин отслужить молебен св. Афанасию, которого он весьма почитал; во время молебна внутренности

его вошли на свое место; больной, к полному удивлению врачей, совершенно оправился и не испытывал больше приступов боли.

Сентябрь 7

Иоанн, архиепископ Новгородский, святитель

Святитель Иоанн, архиепископ Новгородский, родился в Новгороде от благочестивых родителей Николая и Христины. Детство его прошло в безмятежной, спокойной обстановке. С малого возраста святой Иоанн посвятил себя Богу и вел добродетельную жизнь; когда же он достиг совершеннолетия, то был рукоположен во пресвитера в церкви священномученика Власия, на Софийской стороне. Новопоставленный иерей еще с большим усердием стал служить Господу, неукоснительно и строго соблюдал все заповеди Божии. Между тем родители святого Иоанна умерли. И прежде он любил безмолвную, тихую жизнь, даже намеревался принять иноческое пострижение; теперь же, посоветовавшись с братом своим Гавриилом, он решил создать новый монастырь на средства, оставленные родителями. Сначала они построили деревянную церковь во имя Пречистой Богоматери, в память преславного Ее Благовещения, и основали монастырь; потом замыслили они воздвигнуть и каменную церковь. Но не без трудностей воплощались их добрые намерения. Не окончив строительство каменного храма, братья полностью израсходовали свои средства. Только твердая, живая вера побуждала их продолжать начатое дело. С ней они и обратились за помощью к Царице Небесной, ради Которой начали это богоугодное дело. «Владычица наша! – молились братья. – Ты знаешь нашу веру и любовь к Сыну Твоему и Богу нашему; Ты видишь наше усердие, с коим мы обращаемся к Тебе, Госпоже нашей; молим Тебя, помоги нам достроить сей храм; всю надежду нашу мы возлагаем на Тебя, Богоматерь, не оставь нас, рабов Твоих; Владычице, мы начали строить сей храм, но кончить его сооружение без Твоей помощи не можем». Так молились они Богородице и изливали перед Ней свое горе. По их неотступной молитве Она явила им Свою милость: предсказала во сне, что подаст все необходимое для окончания строительства. На следующее утро святые братья увидели прекрасного коня, нагруженного двумя мешками с золотом. Никто не подходил к

нему, и когда братья сняли мешки, конь тут же исчез. Так Божия Мать послала средства на обитель.

По окончании устройства обители здесь, под покровом Божией Матери, братья и приняли иноческий постриг. Святой Иоанн был наречен Илией, а святой Гавриил – Григорием. Богоугодно проходила жизнь их в посте и молитвах, исполненная иноческих трудов и подвигов.

Когда скончался святой архиепископ Новгородский Аркадий, блаженный Илия «князем, собором черноризцев, священников и всем народом» был избран в епископа Новгороду. Считая себя недостойным такого сана, Илия отрекался от него. Усердными мольбами и просьбами все убеждали смиренного инок вступить на престол архиепископский, все требовали сего. Наконец, против своего желания, он повиновался воле граждан и рукоположен был в архиепископа Новгородского святейшим Иоанном, Киевским и всея России митрополитом. Он верно пас стадо Христовых овец, живя в святости и праведности.

Летописи говорят о епископском поставлении святого Иоанна под 1162 годом. Его первое архипастырское послание было обращено к духовенству и клирикам его епархии. Оно проникнуто любвеобильной заботой о пастве, написано в духе отеческого наставления: «Богу и Пресвятой Богородице было угодно, по вашим молитвам, чтобы я, худой, не отрекался от этого высокого сана, которого недостойн. Так как вы сами побудили меня на это служение, то теперь послушайте меня...» Святитель говорил о призвании пастыря – радеть об овцах своих, не только обличать, но и врачевать тех, которые проводят греховную жизнь. «В начале слова моего я прошу вас, не привязывайтесь сильно к этому миру, но постоянно поучайте людей. Прежде всего смотрите, чтобы они не предавались сильному пьянству. Ведь сами знаете, что через это больше всего гибнут люди не только простые, но даже и мы. Когда приходят к вам на покаяние ваши духовные дети, то спрашивайте их с кротостью. На кающихся не налагайте епитимий. Не пренебрегайте книжным чтением, ибо если мы не станем делать этого, то чем будем отличаться от простых

некнижных людей?.. На сирот епитимий не налагайте... Пусть все каются, ведь иго Христово должно быть легко...»

В 1165 году святитель Иоанн был возведен во архиепископа (с тех пор Новгородская кафедра стала архиепископской).

Зима 1170 года для Новгорода была очень трудным временем. Суздальские войска с союзниками два дня осаждали город за то, что новгородцы не приняли князя Святослава, а также собирали дань с неподвластной им Двинской области.

В печали новгородцы молились Богу и Пречистой Богородице о спасении города. В третью ночь святитель Иоанн, когда он молился перед образом Спасителя, услышал голос, повелевший идти в церковь Спасителя на Ильине улице, взять икону Пресвятой Богородицы и поставить ее на острове. Наутро святитель рассказал собору о повелении и послал архидиакона с клириками Софийской церкви за иконой. Войдя в церковь, архидиакон поклонился пред иконой и хотел взять ее, но икона не двигалась. Архидиакон вернулся к архиепископу и рассказал о случившемся. Тогда святитель со всем собором пришел в Ильину церковь и на коленях начал молиться пред иконой: «О Премилостивая Госпоже, Дево Богородице, Ты – упование, надежда и заступница нашему городу. Ты – стена, покров и прибежище всех христиан, посему и мы, грешные, надеемся на Тебя; молись, Госпоже, Сыну Твоему и Богу нашему за город наш, не предай нас в руки врагов за грехи наши, но услыши плач и воздыхание людей Твоих, пощади нас, как некогда пощадил ниневитян Сын Твой за их покаяние, яви и на нас Свою милость, Владычице».

Окончив молитву, святитель начал молебен, и когда клир воспел кондак: «Предстательство христиан непостыдное», внезапно честная икона Пресвятой Богородицы двинулась сама собой. Весь народ, видя такое поразительное чудо, единогласно воскликнул: «Господи, помилуй!» А святейший архиепископ, взяв в руки честную икону и благоговейно облобызав ее, отправился с народом, совершая молебное пение, поднял икону на городскую стену и поставил ее против врагов. В то время неприятели стали все сильнее теснить город, пуская на него тучу стрел. В шестом часу вечера начался приступ, стрелы

сыпались дождем. Тогда Божиим Промыслом икона обратилась ликом к городу, и из глаз Пресвятой Богородицы потекли слезы, которые святитель собрал в фелонь. Тьма, словно пепел, покрыла суздальцев, они начали слепнуть и с ужасом отступили. Это было 25 февраля 1170 года. Святитель Иоанн установил в честь этого торжественный праздник для Новгорода – Знамение Пресвятой Богородицы (празднование 27 ноября/10 декабря).

В одно время святой Иоанн вел духовную беседу с честными мужами – с игуменами, священниками и благочестивыми гражданами, он рассказывал жития святых, говорил много о душеполезных подвигах и между прочим сообщил о своей поездке в Иерусалим, но не называл самого себя, а как будто говорил о ком-либо другом. «Я, – сказал он, – знаю такого человека, который в одну ночь из Новгорода достиг до Иерусалима: поклонившись Гробу Господню и Животворящему Древу Креста Господня, он снова в ту же самую ночь вернулся в Новгород: во время своего путешествия он ездил на бесе, которого он связал своим запрещением, сделав его как бы пленником своим...»

Слушатели сильно удивлялись сему рассказу святого, а диавол скрежетал зубами своими на архиепископа, говоря: «Так как ты рассказал тайну, то наведу на тебя искушение, что будешь ты осужден своими гражданами как блудник».

И с того времени бес, Божиим попущением, начал действительно строить свои коварные козни святителю, стараясь лишить его доброго имени. Он показал людям, которые во множестве приходили к Иоанну просить благословения, в келлии святого разные видения: то женскую обувь, то ожерелья, то какие-либо женские одежды. Приходящие к архиепископу люди, видя сие, сильно смущались и, толкуя между собой о виденном, говорили друг с другом, что человеку-блуднику недостойно занимать апостольский престол. Однажды, когда большая толпа горожан, возбужденная завистливыми и недоброжелательными людьми, собралась у келлии святого, бес превратился в девицу, которая побежала перед народом, как бы удаляясь из келлии блаженного.

Видевшие сие закричали и погнались было за девицей, чтобы схватить ее, но бес убежал за келлию святого и стал невидим. Услышав народный крик и шум, святитель вышел из келлии и спросил собравшихся: «Что случилось, дети моя, о чем вы шумите?» Раздраженная толпа, выкрикивая разные обвинения в порочной жизни святителя, повлекла его к реке Волхов. Святителя посадили на плот и пустили вниз по течению реки, рассчитывая избавиться от него. Но плот, вопреки ожиданию, поплыл против течения прямо к мужскому Юрьеву монастырю, находившемуся в трех верстах от Новгорода. Видя это, люди раскаялись и с плачем и криком устремились в город. Сердце простодушного архипастыря было переполнено благодатной радостью не столько за себя, сколько за свою паству. «Господи, не вмени им этого во грех!» – молился он и всем даровал прощение.

Это событие произошло незадолго до кончины святителя. Предчувствуя ее, он отложил святительский омофор и принял схиму с именем Иоанн, которое носил в юности. Преемником себе он назначил своего брата, святителя Григория. Скончался святитель Иоанн 7 сентября 1186 года и был положен в притворе Софийской церкви.

В 1439 г. усердием святителя Евфимия совершались починки в Софийском соборе; в притворе придела храма святого Иоанна Предтечи вдруг оторвался камень и сильно ударил в крышку стоявшей тут гробницы. Святитель Евфимий велел поднять пробитую камнем доску, и храм исполнился благоуханием. В гробу увидели нетленные мощи святителя, но никто не мог сказать, кто этот архипастырь. В своей келлии святитель Евфимий стал усердно молить Бога открыть ему имя угодника. Ночью явился перед ним муж, облеченный в святительские одежды, и сказал, что он архиепископ Иоанн, удостоившийся послужить чуду Пресвятой Богородицы, честному Ее знамени. «Возвещаю тебе волю Божию, – продолжал святитель, – совершать память о лежащих здесь архиепископах и князьях 4 октября, я же буду молиться Христу за всех христиан». Память его празднуется также с Собором

Новгородских святителей 10 февраля; в 1630 году установлено празднование еще на 1 декабря.

Серапион Спасо-Елеазарский, преподобный

Преподобный Серапион родился в 90-х годах XIV века в семье благочестивых родителей. Родиной его был город Юрьев, или Дерпт, который в то время находился во власти немцев.

Тяжело жилось немногочисленным православным русским в Юрьеве среди иноверного немецкого населения. Русские люди населяли особую часть города, носившую название «Русского конца». Здесь был храм во имя свт. Николая и св. вмч. Георгия, и родители прп. Серапиона принадлежали к его приходу.

Много приходилось переносить православным жителям от немцев-латинян, желавших привлечь их к своей вере. Там, где не имела успеха лесть, пускались в ход угрозы, принуждения и даже побои. Боясь преследований и мучений, некоторые из православных отступали в латинство, другие, желая сохранить отеческую веру, переселялись из Юрьева в пределы Русской земли.

Но прп. Серапион не обращал внимания на угрозы иноверцев и явился пламенным исповедником святой веры, ревностным обличителем латинян. Хорошо зная слово Божие и творения святых отцов, преподобный часто вступал в споры с латинянами и побеждал их, обличая в неправоте веры, в отступлении от древних святых уставов Вселенской Церкви. Всегда готовый пострадать за веру, ревностный ее поборник много перенес тяжких бесчестий и скорбей, но всегда был непоколебим и благодарил Господа, не оставлявшего его Своей благодатной помощью.

Когда прп. Серапиону было около 35 лет от роду, он принужден был оставить родной город, так как немцы, грозившими ему тяжкими побоями, решили в конце концов насильно привлечь его к своей вере. Он переселился в Псковскую область, в пустыню при речке Толве, где тогда подвизался прп. Евфросин (память 15/28 мая). Неизвестно, где принял прп. Серапион монашеское пострижение, но только в пустыню он явился уже иноком. Прп. Евфросин подвизался тогда в полном уединении и принял пришельца с радостью. Но

Серапиону, не искусившемуся в монашеском житии, подвиги отшельника показались очень тяжелыми, и он хотел уйти из Толвской пустыни. Видя его колебания, прп. Евфросин усердно просил своего сожителя пребывать с ним в непроходимой пустыне до конца жизни, но Серапион не соглашался. И говорил ему святой: «Брат! Великую скорбь причиняет мне уход твой и очень не хотел бы я разлучиться с тобой».

Слезы и мольбы не помогли, не помогла любовь, которую опытный в духовной жизни подвижник оказал своему начинающему сподвижнику. Серапион взял необходимые припасы для пути и, простившись с прп. Евфросином, ушел от него. Однако Господь немедленно вразумил прп. Серапиона и возвратил его в сожительство прп. Евфросина. Близ места их подвигов протекал небольшой ручей, заросший кустарником. Прп. Серапиону надо было перейти через него. И вот, рубя кустарник топором, чтобы проложить себе путь, он сильно рассек колено левой ноги. Нужда теперь заставила его вернуться к прп. Евфросину и просить прощения. «Прости меня, отче, ради Бога, – говорил прп. Серапион, – ибо согрешил я пред тобою уходом своим. И тут Господь явно наказал меня. Но святые молитвы твои снова привлекли меня к тебе. Теперь же не отойду я от тебя, пока не умру на этом святом месте».

Незлобиво и кротко принял раскаявшегося брата св. Евфросин и только заметил ему тихо: «О, брат! Это происходит от нашего маловерия». Затем утешил больного, простил его и скоро исцелил от раны.

С этого времени прп. Серапион начал вести трудную жизнь пустынника, разделяя нужды, лишения и подвиги своего учителя, прп. Евфросина. 55 лет подвизались они вместе, до самой кончины прп. Серапиона, который умер раньше прп. Евфросина.

В Толвской пустыне вырос большой монастырь, который подвижники устраивали общими трудами, в монастыре этом было много усердных подвижников. Но прп. Серапион едва ли не был усерднее всех из братии прп. Евфросина. На каждую монастырскую работу он приходил раньше всех и оставлял ее

последним. Он помогал своему учителю в управлении братией и в устройстве монастыря.

Непрестанными трудами, воздержанием и добродетелями прп. Серапион превосходил в обители всех братий, являясь для них образцом послушания и иноческих добродетелей. Когда кто-нибудь из иноков оскорблял его, незлобивый подвижник все претерпевал со смирением и сам же первый просил прощения у обидчика. «Прости меня, раб Божий, прости меня, грешного», – говорил он при этом.

Друг, сподвижник и ученик прп. Евфросина, он ежедневно открывал учителю свои помыслы, как больной показывает врачу свои раны. Все уставы и иноческие правила, которые вводил св. Евфросин, твердо и строго соблюдал прп. Серапион. Дорожа каждой свободной минутой, он уходил в свою келлию и предавался молитве, пению псалмов или чтению Божественного Писания. Случалось, что в монастырь приходили христолюбцы, городские благотворители, и после общей трапезы устраивалась беседа, в которой принимали участие вместе с прп. Евфросином и остальные братия. Но св. Серапион, любя подвиг уединения и молчания, тотчас после трапезы уходил в свою келлию, самую худшую, самую темную в монастыре, в которой ничего не было кроме святых икон. Здесь он слезно молился о всех требующих Божией помощи и благотворителях святой обители. Изнуряя плоть свою, преподобный не довольствовался келейными подвигами, но часто по ночам выходил на болотные места или на источник к часовне и здесь, полуобнажившись, предавал плоть свою на съедение комарам и оводам.

Строго соблюдая устав своего учителя, данный Трехсвятительской обители, прп. Серапион никогда не пропускал Божественной службы; ранее всех из братии приходил в храм и последним оставлял его. Особенно любил он молитву церковную и предпочитал ее келейной. Преподобный говорил обыкновенно: «Двенадцать псалмов, пропетых в келлии, не могут равняться единожды пропетой в храме краткой молитве: «Господи, помилуй!'''».

Отрекшись от всех благ земных, изнуряя воздержанием плоть свою, преподобный Серапион не только никогда не принимал сладкой или вкусной пищи, но и скудную пищу употреблял лишь в той мере, сколько требовалось ее для поддержания жизни. Одеждой подвижника было ветхое, разодранное рубище, едва прикрывавшее его наготу. И до тех пор носил он это рубище, пока оно, совершенно истлевши, не спадало с его плеч. Чтобы не видеть своего тела, святой никогда не обнажал его и не только не ходил в баню, но даже и не умывал водою лица и рук. В свою келлию преподобный никогда не допускал женщин, и если случалось где-нибудь встречаться с ними, он не смотрел на них, не разговаривал, старался скорее уйти, чтобы и мыслью не согрешить пред Богом. Так поступал он, в строгости исполняя предписания устава прп. Евфросина.

От непрерывных подвигов и воздержания преподобный однажды тяжело заболел и целых 12 дней находился между жизнью и смертью. Но от тяжелых страданий чудесно его избавил явившийся ему прп. Онуфрий (память 12/25 июня), во имя которого был устроен придел в монастырском храме. «Я пришел к тебе, чадо, на помощь, чтобы ты еще более утвердился в подвигах и делах Божиих», – сказал явившийся чудотворец исцеленному.

После чудесного избавления от болезни прп. Серапион еще с большим рвением стал подвизаться в молитве, воздержании и борьбе с греховной плотью.

Ради великих подвигов своих преподобный еще при жизни удостоился от Господа дара прозрения и чудотворений. Однажды, незадолго до своей кончины, в 1479 г., во время церковной службы св. Серапион с громким плачем и рыданиями молился перед чудотворным образом Божией Матери. Удивленные братия по окончании службы спросили преподобного: «Отче, о чем ты так горько плакал пред иконой Пречистой Богоматери?» Он отвечал: «О душе моей, не уготованной к исходу от тела, и о том еще, что в годину моей кончины сильный враг из Ливонии (немцы) с многочисленной ратью подступит к Пскову». И потом в утешение братии

прибавил: «Молитесь и уповайте на милость Божию! Господь святых ради молитв Пречистой Своей Матери и Псковских чудотворцев умиосердится над градом благоверной княгини Ольги и сохранит его, а святая обитель эта неприкосновенна будет».

Пророчество преподобного сбылось. Со стотысячной ратью, как раз в год кончины преподобного, к Пскову подступили немцы и хотели взять его. Но псковичи, воодушевленные чудесным явлением святого князя Довмонта († 1299; память 20 мая/2 июня), разбили их, и город остался цел.

Несколько ранее, в 1476 г., один латыш-крестьянин, по имени Отто, или Антоний, у которого сильно и долго болели от гнойной раны ноги, был привезен родственниками в Спасо-Елеазаровскую обитель. Увидев прп. Серапиона, выходящего из церкви, больной попросил у него исцеления. Но святой молча прошел в свою келлию. Веруя в силу преподобного, Антоний взял снег от его следов, стал примачивать им свои раны и тотчас же почувствовал облегчение от болезни. Когда Антоний явился благодарить святого за чудесное исцеление от раны, подвижник смиренно сказал ему: «Чадо, Бог исцелил тебя за святые молитвы Пречистой Своей Матери, а не я грешный».

8 сентября 1480 г. после непродолжительной болезни прп. Серапион скончался на 90-м году своей жизни и был погребен своим учителем прп. Евфросином. От подвигов воздержания и тяжких трудов тело преподобного представляло из себя одни кости и кожу. Ветхое рубище и власяницу подвижника после смерти его никто не хотел взять себе. Не только братия, но даже и нищие не дотронулись до этих одежд, когда они были оставлены за монастырской оградой.

И после кончины своей, как и при жизни, прп. Серапион по воле Божией совершил много чудес, являясь скорым помощником и врачом недугов телесных и душевных для притекающих к нему с верою больных и скорбящих.

Один псковский мальчик Павел совершенно ослеп. Однажды его родители в день памяти прп. Серапиона привели мальчика в монастырскую церковь. За службой больной задремал и увидел, что какой-то благообразный старец, – это

был прп. Серапион, – коснулся его очей своей рукой. Павел тотчас получил исцеление и, проснувшись от этого прикосновения, стал видеть.

Одна женщина из Иван-города, по имени Мелания, не любимая своим мужем, часто терпела от него побои. Несчастливая женщина хотела покончить жизнь самоубийством. В отчаянии она готова была броситься в прорубь, как вдруг явился прп. Серапион и удержал ее за руку с такими словами: «Зачем ты хочешь погубить жизнь свою? Молись прп. Серапиону Толвскому и иди в свой дом с радостью. Отселе муж будет любить тебя, а ты не ропщи на него и не бранись с ним». Так случилось все по словам преподобного.

Больным лихорадкой, параличом и другим недужным прп. Серапион по молитве их подавал чудесную помощь.

Мощи прп. Серапиона почивают под спудом в Спасо-Елеазаровской обители. Память его празднуется местно дважды в год: вместе с памятью прп. Евфросина – 15/28 мая и отдельно – в день блаженной кончины.

Макарий Овручский преподобномученик, блаженный

Блаженный Макарий родился в конце XVI или начале XVII века в городе Овруче.

Благочестивые родители Макария, по фамилии Токаревские, с ранних лет воспитали сына своего в благочестии и страхе Божиим, внушили ему любовь к молитве и к храму Божию. Движимой этой любовью, с детства запавшей в его душу, отрок нередко отказывался от домашних занятий, чтобы идти в церковь; не раз он поступал в услужение к духовным лицам только за тем, чтобы у них научиться духовной жизни. Наконец, благочестиво настроенный юноша оставил дом своих родителей навсегда, удалился в местный Овручский монастырь во имя Успения Пресвятой Богородицы и здесь принял монашеское пострижение. Молитва и изучение святоотеческих творений были его любимыми занятиями в обители. В конце 30-х годов XVII столетия прп. Макарий подвизался в Купятицком монастыре и настолько был известен своими подвигами и добродетелями, что иноки Симеоновского Брестского монастыря в 1640 г. просили его или прп. Афанасия Филипповича себе в игумены.

Рукоположенный сначала в сан иеродиакона, потом иеромонаха, блаженный Макарий получил от епископа Черниговского Лазаря Барановича (1657–1692) посвящение в сан архимандрита и звание настоятеля Овручской обители. Преподобный по смирению своему вначале долго отказывался от этой почести, но когда братья приступили к нему с настойчивой просьбой, возлагая в случае отказа все согрешения свои на его душу, тогда преподобный принял игуменство (ок. 1659 г.).

Пребывание блаженного Макария в должности настоятеля Овручской обители совпало с тяжелым и страшным временем преобладания на Волыни поляков, которые старались навязать православным унию и латинство. Прп. Макарий был здесь одним из самых деятельных защитников Православия, добрым

руководителем подчиненных ему братий, которые не раз думали даже оставить монастырь, часто приходили в уныние от насмешек и бесчестия со стороны униатов, нередко нападавших на Овручскую обитель и расхищавших церковное имущество. Среди таких бед и скорбей святой настоятель обители не падал духом и, ободряя братию надеждой на Промысл Божий и небесное заступничество, говорил им: «Повторяйте, повторяйте чаще слова пророка Давида: *Господь просвещение мое и Спаситель мой: кого убоюся? Аще восстанет на мя брань, на Него аз уповаю* (Пс. 26, 1, 3). И сердце иноков наполнялось твердостью и готовностью все терпеть.

Однажды св. Макарий чудесно избавил монастырь свой от грозившего ему опустошения со стороны татар, обложивших обитель. Монастырь был в осаде; иноки не могли выйти за стены обители ни за водой, ни за хлебом. Блаженный Макарий, совершив моление в храме, решил в совете с братией выйти против врага с духовным оружием; вместе с иноками, взяв иконы и хоругви, выступил он за монастырские стены. Торжественный ход устрасил врагов. Татарам показалось, что идет множество народа, и они обратились в бегство, не успев даже подобрать своих больных.

Но не оставили в покое обитель исконные враги ее – латиняне. Спустя некоторое время после татарского нападения, латиняне вместе с униатами пришли толпой в Овручский монастырь и приглашали прп. Макария на обращение к унии или же на спор с ними о вере. Святой отверг их предложение, говоря: «Какое общение возможно для нас с вами? Вы оставили правила Вселенских Соборов, приняли предания лжи и вместо того, чтобы быть под Главою Христом Господом, преклонились пред властителем земным».

На возражения противников, что у них вера та же христианская, святой подвижник отвечал: «Покажите мне веру вашу в делах своих. Христианские дела ваши, когда убиваете вы людей, истребляете заведения, воспитывающие христианское благочестие? О! Воздаст вам Господь судом Своим за дела ваши».

После этого взбешенные поляки, подстрекаемые иезуитами, воспользовавшись новым нашествием татар на Полесье, напали на Овручскую обитель, разорили ее, рассеяли иноков и заставили самого Макария удалиться из Овруча. Преподобный прибыл в Киево-Печерскую лавру. Это было в 1671 г.

В судьбе блаженного Макария весьма живое участие принял тогда Черниговский архипастырь Лазарь Баранович. Он соболезновал и утешал своими письмами страдальца. Так 15 мая 1671 г. святитель писал преподобному: «Весьма соболезную о том приключении, которого вы и отклонить не могли. В озлоблении этом ищите утешения в одном Боге, Который кого любит, того наказывает. Вы находитесь как роза между шипами: она растет между ними, а они ей ничуть вредить не могут; будете долго еще процветать в Церкви Божией, как в вертограде, доколе не достигнете небесного. И Христос не легко приобрел тот венец, которым теперь Он украшен; сперва на земли перенес терновые на главе Своей колючки и за тем получил на небеси венец неувядаемый. *Вестъ Господь благочестивыя от напасти избавляти (2Пет. 2, 9). Многи скорби праведным, и от всех их избавит я Господь (Пс. 33, 20).* Крепко хотелось мне жить по-приятельски с вами у Всемилоственного Спаса или где бы вам понравилось; но теперь этих лык не дерут уже; прежде гораздо удобнее было отыскать место, нежели теперь; в настоящее время и сами едим хлеб в печали (Пс. 126, 2; Иез. 12, 19), но готовы поделиться с вами тем же, потому что другого нигде нет, разве только там, где ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание. Желаю вам после многих лет многих обителей в небе и с молитвами моими благословение посылаю».

Епископ Лазарь заботился и хлопотал за подвижника перед гетманом Дорошевичем.

Гетману святитель писал: «Его милость, отец архимандрит Овручский, будучи не в состоянии покойно жить в своей архимандрии, ограбленный ордами (т. е. татарами) и ляхами, потерявший служителей, которые побиты, между тем как имения забраны, отправился на поклонение святым местам

Киевским. Как мой постриженник, он посетил меня, как сын отца, и сетовал о своих бедствиях. Благоволите, Вельможность Ваша, милостиво принять его как человека достойного и заслуженного в Церкви Божией; выслушайте его с полным доверием, как вполне стоящего веры».

Не долго преподобный пробыл в Киевской лавре. Митрополит Киевский Иосиф Нелюбович-Тукальский (1664–1676) назначил его настоятелем Каневского монастыря.

Смиренный подвижник долго отказывался, говоря: «Пошли, владыко святой, другого, более крепкого в истине». «Нет у меня иного, – отвечал святитель, – ты один лишь искусен на дело благое и добрый страж Церкви Христовой; ты достоин поручаемого тебе дела». И благословил его на игуменство.

В 1672 г. прп. Макарий дал в Каневском монастыре приют сыну Богдана Хмельницкого Юрию, который много перенес бед в своей жизни вследствие неопытности и наветов врагов своих.

Прп. Макарий особенно прославился в Каневской обители своими чудесами и дивным даром прозрения. Многие больные и убогие, бедные и скорбящие, нуждающиеся в утешении и совете, приходили к нему в обитель, и все находили в преподобном своего отца и благодетеля. Так, например, однажды пришел к нему страдавший слепотой житель Канева. Когда больной, по совету родных, обратился к прп. Макарию, тот отвечал, что он не имеет лекарств, но предлагает ему евангельский совет: «Веруй и молись Тому, Кто дал зрение слепому». И затем добавил: «Иди к навечерию Богоявления Господня и молись».

При словах молитвы, которую читал сам преподобный, совершавший богослужение: «Велий еси Господи и чудна дела Твоя», слепой почувствовал, что мимо очей промелькнул резкий луч света, и прозрел. Впоследствии исцеленный построил в Каневе церковь в честь Богоявления Господня, которая существует и донине.

Был еще такой случай. Одна скорбящая мать просила помощи преподобного: ее сын, молодой человек, вел самую рассеянную жизнь. Преподобный согласился исправить юношу и уговаривал его переменить порочный образ жизни. Юноша

плохо слушал наставления святого и наконец как-то раз сказал прп. Макарию: «Зачем принуждают меня долго молиться?» «Долгие молитвы, – ответил ему преподобный, – совершают иноки по обету, и это к тебе не относится. Но вот что относится к тебе: оставаться тебе без молитвы – то же, что осудить душу на голодную смерть; читай одну молитву «Отче наш» и в ней найдешь все – и свет богопознания, и уроки для жизни, и утешение, и силу для духа; прочесть эту молитву со вниманием, думаю, нетяжело».

На этот раз рассеянный сын послушался. Он прочел молитву Господню, и так она понравилась ему, что он стал читать ее чаще и чаще и, читая, учился добру. Скоро он совершенно переменился: стал внимателен к себе и трудолюбив.

Жил в Каневе судья-лихоимец. Из корыстных видов, несмотря на слезы бедных, которые не могли ему дать денег, творил он суд неправый. Прп. Макарий каждую субботу посылал за тяжущихся бедных от их имени деньги судье с запиской, в которой говорилось одно и то же: «Отдаю последнее, более не имею; пощади себя и меня». Этими вразумлениями преподобный довел неправедного судью до раскаяния. Судья оставил лихоимство и все нажитое неправдою роздал по церквам.

За несколько лет перед смертью своей блаженный Макарий видел недоброе предзнаменование: густые облака носились над обителью и грозный мрак облегал всю страну. «Недоброе знамение, – говорил он, – видно, будет лютая скорбь для нас». Предвещание прп. Макария вскоре исполнилось. В пределах Канева наступил ужасный голод. Подвижник раздал свое имущество, чтобы избавить голодающих от смерти, кормил и призывал к нему приходящих.

Еще поразительнее было предсказание прп. Макария за два года до смерти о разорении города Канева и о своей страдальческой кончине. Он убеждал стекавшихся в обитель, перепуганных обитателей города и окрестностей, твердо, безбоязненно держаться святой веры Православной: «Приять

венец нетленный нельзя иначе, как совершая законно подвиг свой», – говорил им преподобный.

Братия готовились постом, покаянием и причащением Святых Таин к страшному дню; миряне день и ночь слезно молились в храме Божиим.

Бедствия скоро начались. На город Канев напали поляки; они убивали и сжигали всех, кто не успел спастись в обитель. Но самое страшное несчастье обрушилось на разоренный город и на обитель прп. Макария в 1678 г., когда султан послал многочисленное войско из татар и турок завоевать Украину для Юрия Хмельницкого. Летописец рассказывает: «Басурмане 25 августа пошли из-под Бужина вверх по Днепру. Дав себе отдых после военных беспокойств, подошли они к славному казацкому городу Каневу и сентября 4-го, взяв его, опустошили и умертвили множество людей. В старинном и прекрасном монастыре Каневском каневцы собрались во множестве и заперлись в большой каменной церкви, надеясь спастись здесь». Неприятель окружил монастырь и употребил все усилия, чтобы вызвать жителей из-за стен обители. Но воодушевляемые твердостью и наставлениями прп. Макария каневцы непреклонно решили остаться под защитой молитв святого старца. Два дня враги морили голодом заключенных. Потом, видя их упорство, разрушили ворота обители и стремительно ринулись в нее. С крестом в руках бесстрашно их встретил один прп. Макарий; все остальные попрятались и, где кто мог, искали себе спасения. Враги схватили блаженного старца, били его чем попало, ругаясь над святым крестом. Преподобный молил их лишь о том, чтобы не осквернили святого храма, в котором заперлись многие, и не убивали невинных. Враги извлекли его из обители, влачили по улицам и нещадно били. Страдалец терпел и, возведя очи к небу, молился: «Господи, приложи мне веру, да верен обрящуся пред Тобою!»

После долгих мучений татары стали требовать, чтобы он сказал им, где имущество и золото монастырское, предполагая, что то и другое было спрятано в обители. Святой старец отвечал врагам: «Мое злато на небеси, а не на земле. Здесь я его не закапывал, зная, что придут тати и разбойники и

расхитят. А имущество церкви в благодати и милости Господней».

Злодеи отпустили некоторых из пленников с тем, чтобы они сказали скрывшимся христианам об ожидавшей их участи в случае, если те не сдадутся и не выдадут имущество. А преподобный со своей стороны велел передать заключенным свое увещание: «Да не отступят православные от святой веры, но да стремятся с терпением на подлежащий им подвиг, памятуя непрестанно Господа Иисуса».

Услышав имя Христово, неверные еще с большей злобой стали мучить преподобного. Страдальца поставили между двух столбов и колена его крутили железным орудием. «Стопы моя направи на путь мирен к Тебе, Боже, в селения Твоя, – взывал к Господу доблестнейший исповедник, – ибо сего желает и в сем скончается душа моя».

Видя, что старец жив и называет имя Господне, враги все с большей яростью продолжали терзать его: били по лицу, по глазам, по груди и наконец приготовились сдирать с него живого кожу; но, боясь стечения народного, кончили тем, что отрубили ему голову и бросили тело на площади. Так мученически скончался 7 сентября 1678 г. св. Макарий – защитник невинных, помощник бедных, опора слабых, целитель больных.

Православные христиане, оставшиеся в живых, оплакали святого страдальца. Им удалось среди ночной темноты унести тело в монастырскую церковь, где они заключились, обрекши себя на смерть за веру Христову. Но татары, бежавшие сначала, ибо объяты были страхом после совершенного ими злодейства, снова подступили к обители, подожгли храм, и все скрывавшиеся в нем погибли от дыма и огня.

Когда удалились враги, несчастные жители Канева, избегшие смерти, пришли искать тела своих присных на церковном пепелище. Но среди груды изуродованных трупов они нашли одно нетленное тело преподобномученика Макария. Во власянице, с крестом на персях и с другим крестом в руках тело преподобномученика было как живое.

Мощи прп. Макария похоронили в том же храме под жертвенником, где они и покоились до 1688 г. Когда в этом году

начали перестраивать монастырскую церковь, то останки св. Макария нашли нетленными, и тогда же, для безопасности от латинян, перенесли их в Переяславль Полтавский и поставили в церкви Воскресения Христова. В 1713 г. Переяславским епископом Захарием (Корниловичем) мощи были перенесены в Переяславский кафедральный Свято-Михайловский монастырь. Когда в 1786 г. Михайловский монастырь был упразднен, святые мощи преподобномученика были перенесены в каменную церковь Вознесенского Переяславского монастыря, где и покоились.

От нетленных мощей прп. Макария истекали не раз исцеления. Так, в 1742 г. ко гробу преподобного был принесен родственниками полковник Алексей Глебов, не владевший ни руками, ни ногами. По отпетии молебна, приложившись к святым мощам, Глебов получил совершенное исцеление.

Память прп. Макария празднуется местно 7 сентября, а также 13 мая, в день перенесения его мощей.

Сентябрь 9

Феодосий, архиепископ Черниговский, святитель

Святитель Феодосий, архиепископ Черниговский († 1696), принадлежал к дворянскому роду Углицких. Он родился около 30-х годов XVII в. (мирское имя его остается неизвестным) в семье священника Никиты от матери, по имени Мария. Благочестие, царившее в его доме, благотворно содействовало духовному развитию мальчика, с юных лет он горел любовью к Богу. С детства он отличался кротостью и прилежанием к молитве. Природные способности его раскрылись в Киево-Братской Богоявленской школе. Эти высокие и достолюбезные качества его души еще более развились под влиянием благочестивых наставников. Упражняясь в чтении слова Божия и писаний св. отцов и по ним устрояя свою жизнь, будущий святитель Феодосий возрастал и совершенствовался духом, укреплялся в зрении истин православной веры и в подвигах благочестия и своим прилежанием, покорностью и благонравием обратил на себя внимание школьного начальства. В годы обучения окончательно выявилось призвание Феодосия к иноческому подвигу: все свободное от занятий время он отдавал молитве, богомыслию и чтению Священного Писания. За эти же годы сложилось у него последовательное православное богословское понимание веры, поскольку Киево-Братская Богоявленская школа являлась в то время ведущим центром борьбы Православия против нападок католического духовенства, иезуитов и униатов. Вскоре после окончания школы будущий святитель принял иноческий постриг в Киево-Печерской лавре с именем Феодосий (в честь основателя лавры). Этого подвижника он считал, наряду с Антонием Печерским, своим особым небесным покровителем. Киевским митрополитом Дионисием (Балабаном) он был поставлен архидиаконом Киево-Софийского собора, а затем назначен наместником митрополичьего кафедрального дома. Но вскоре молодой инок, стремясь к уединению, покинул Киев и поселился в отдаленном Крупицком Батурином монастыре

Черниговской епархии, славившемся строгой иноческой жизнью. Там он был посвящен в сан иеромонаха.

В 1662 г. за свою духовную мудрость и строгую подвижническую жизнь Феодосий был назначен игуменом в Корсунском монастыре Киевской епархии, а в 1664 г. – настоятелем древнего Киево-Выдубицкого монастыря. Эта обитель незадолго перед тем находилась в руках униатов и была совершенно разорена. Но святому Феодосию, благодаря своей энергии и настойчивости, удалось быстро возродить Выдубицкий Михайловский монастырь. Он особенно заботился об устройении церковного благолепия. Он создал прекрасный хор, который славился не только в Малороссии, но и в Москве, куда святой Феодосий в 1685 году посылал своих певчих. Заботясь о духовном возрастании насельников обители, святой игумен, сам строгий подвижник, устроил в 1680 году недалеко от обители, на острове Михайловщине, небольшой скит для братии, желавшей уединения. Он назначил туда устроителем и наместником одного из самых ревностных иноков обители – иеромонаха Иова (Опалинского).

В бытность святого Феодосия игуменом Киево-Выдубицкого монастыря ему пришлось пережить тяжелые дни. Вместе с другими игуменами он был обвинен Мефодием, епископом Мстиславским и Оршанским, в измене русскому правительству и в мнимой переписке с изменниками России. 20 сентября 1668 г. святому Феодосию пришлось давать объяснения по этому делу. 17 ноября 1668 г. клевета была обнаружена, и святой Феодосий вместе с другими игуменами получил прощение. Преосвященный Лазарь (Баранович) оценил высокие духовные качества святого Феодосия и приблизил его к себе. Он называл его «овцой стада Христова, научившейся покорности», и пророчески желал, чтобы имя святого Феодосия было написано на небесах. Когда в 1679 году преосвященный Лазарь стал местоблюстителем Киевской митрополии, он назначил святого Феодосия своим наместником в Киеве, а сам оставался в Чернигове. В качестве наместника местоблюстителя Киевской митрополии святой Феодосий принимал деятельное участие во многих церковных событиях. В 1685 году он участвовал с

правом решающего голоса в избрании епископа Гедео́на (Четвертинского) митрополитом Киевским и вместе с Иеронимом (Дубиной), игуменом Переяславским, был послан в Москву с извещением об избрании. В Москве оба представителя были приняты с почетом и уважением. Результатом этого посольства было воссоединение Киевской митрополии с Русской Православной Церковью.

В 1688 году святой Феодосий был назначен архимандритом Черниговского Елецкого монастыря на место почившего архимандрита Иоанникия (Голятовского). С того времени вся деятельность святого переносится из Киева в Чернигов. Это назначение состоялось, главным образом, по желанию преосвященного Лазаря. Святому Феодосию пришлось немало потрудиться над благоустройством Елецкой обители, так как монастырь этот, еще не оправившийся после опустошения иезуитами и доминиканцами, был весьма беден и нестроен. Трудом святого Феодосия удалось достигнуть в продолжение двух-трех лет для Елецкой обители благосостояния, вполне обеспечивавшего ее существование. Святой и в своей новой должности оказывал всемерное содействие преосвященному Лазарю во всех важных делах. Он участвовал в составлении соборного ответа Московскому патриарху Иоакиму на его вопросные грамоты об отношении Киевской митрополии к Флорентийскому Собору и в обсуждении вопроса о времени пресуществления Святых Даров, поднятого на этом Соборе. Когда же патриарх не удовлетворился этими ответами и в Москву в начале 1689 года был послан Батуринский игумен святой Димитрий (Туптало), будущий митрополит Ростовский, святой Феодосий ездил с ним в качестве представителя от преосвященного Лазаря. Ему поручено было передать патриарху ответное письмо и выяснить недоразумение. 11 сентября 1692 года святой Феодосий был торжественно хиротонисан во архиепископа в Успенском соборе Московского Кремля.

Об управлении святителем Феодосием Черниговской епархией сохранилось мало сведений. Особенное внимание святитель обращал на пробуждение и поддержание в пастве

духа истинно христианского благочестия. Глубокая вера в Промысл Божий, деятельное стремление к святости, искренняя любовь к монашеским подвигам, всегдашняя заботливость о спасении своей паствы, отеческое внимание и снисходительность к подчиненным, суд справедливый и милостивый были отличительными чертами архипастырской деятельности святителя Феодосия. Он ревностно заботился о созидании храмов Божиих и об устройении иноческих обителей, дух его несказанно радовался при виде благолепия этих мест славы Божией и спасения ближних.

В самом начале его святительства по его благословению был создан Печеникский девичий монастырь, и он сам освятил храм этой обители в честь Успения Пресвятой Богородицы. В 1694 году по его благословению был основан Любецкий скит в двух верстах от Любеча; в 1694 году святитель освятил в Домницком мужском монастыре храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы, а летом 1695 года – величественный храм в честь Пресвятой Богородицы, построенный на вершине горы Болдинской, близ древнего Ильинского монастыря. При святителе Феодосии в Черниговской епархии замечается особый подъем в усилении иночества. Святитель уделял также большое внимание духовенству и был строго разборчив при выборе кандидатов священства. Он особенно покровительствовал черниговским духовным школам, приглашал в них из Киева ученых монахов, среди которых был святой Иоанн (Максимович), будущий митрополит Тобольский, сделавшийся впоследствии помощником и преемником святителя и устройтелем черниговских духовных школ. К нему часто обращались за помощью и советом не только православные, но и лица других исповеданий.

По преставлении преосвященного Лазаря (3 сентября 1693 г.) управление Черниговской епархией святителем Феодосием продолжалось недолго. Чувствуя приближение смерти, он вызвал к себе в Чернигов наместника Брянского Свенского монастыря святого Иоанна (Максимовича) и возвел его из иеромонаха в архимандрита Черниговского Елецкого монастыря. В новом архимандрите он заранее готовил себе

преемника. 5 февраля 1696 г. святитель Феодосий скончался и был погребен в Черниговском кафедральном Борисоглебском соборе, за правым клиросом, в особо сделанном для того склепе. Впоследствии его преемник святитель Иоанн (Максимович) построил над его гробом кирпичный свод с хвалебной надписью в стихах в благодарность за чудесное исцеление от тяжелой болезни. С тех пор благоговейное почитание святителя Феодосия становилось все распространеннее.

О необычной скромности святителя Феодосия, как особом благодатном даровании, свидетельствовала вся его подвижническая жизнь и сокровенная помощь тем, кто возносил ему молитвы.

В 1895 году ввиду того, что в православном народе все более и более возрастала и утверждалась уверенность в святости святителя Феодосия через совершавшиеся у гроба его чудесные исцеления, Св. Синод нашел благовременным приступить к необходимым распоряжениям для удостоверения о нетлении тела святителя Феодосия и о чудесных действиях, совершающихся при гробе его над верующими. Ближайшее обследование сего дела Св. Синод возложил на преосвященного Иоанникия, митрополита Киевского, и местного епископа Антония, которые, присоединив к себе викария Черниговской епархии епископа Питирима, ректора Черниговской семинарии, члена Киевской Духовной Консистории протоиерея Преображенского и двух протоиереев из местного соборного причта, 5 июля 1895 года прибыли в пещеру при Борисоглебском храме Черниговского кафедрального собора и по совершении здесь панихиды по святителю Феодосию произвели подробное освидетельствование гроба, одежд и самого тела святителя Феодосия. Тело святителя благодатью Божией сохранилось нетленным, несмотря на пребывание в течение двухсот лет в пещере Борисоглебского храма, не отличающейся притом сухостью. Независимо от сего, преосвященные Иоанникий и Антоний вместе с другими означенными духовными лицами, пригласив лиц, испытавших на себе или на своих сродниках

чудесные исцеления заступлением святителя Феодосия по молитвенном призывании благодатной его помощи собрали от них под присягой показания о действительности совершившихся над ними чудотворений. Таких событий было обследовано ими 49.

И в 1896 г. по определению Священного Синода святитель Феодосий был причислен к лику святых, нетленное тело его было признано святыми мощами, было положено составить ему особую службу, а до времени составления отправлять ему службу общую святителям, память же святителя праздновать как в день преставления – 5/18 февраля, так в день открытия его мощей – 9/21 сентября.

Иоаким Опочский, преподобный

По рукописным святцам, «преподобный отец Иоаким, игумен Опочского монастыря св. пророка Илии на реке Шелоне, преставися месяца сентября в 9-й день» (около 1550 г.). Этот монастырь был в 20 верстах от г. Порхова Псковской епархии. Мощи преподобного почивали в приходской (прежде бывшей монастырской) церкви пророка Илии под спудом.

Иосиф Волоколамский, преподобный

Преподобный Иосиф, в миру Иоанн, родился в 12 ноября 1440 г. от благочестивых родителей Иоанна и Марины близ Волоколамска, в селении Язвище. Селение это было пожаловано великим князем прадеду преподобного, Александру Сане, выехавшему из Литвы в Россию на службу. Семи лет от роду Иоанн отдан был своими родителями в Волоколамскую обитель Воздвижения Честного Креста Господня инок Арсению для обучения грамоте. Возраставший в страхе Божиим, отрок учился прилежно и в учении превзошел всех сверстников. В один год изучил он псалмы Давида, на другой же год навык в Божественном Писании, так что мог читать и петь в церкви. Непрестанно поучаясь слову Божию, отрок не принимал никакого участия в играх своих сверстников. Видя, что Иоанн разумен не по летам, люди говорили: «Что будет из сего отрока? Благодать Божия на нем».

Затем Иоанн перешел в обитель Пречистой Богородицы на Возмище. И здесь проводил он благочестивую жизнь, исполняя церковные правила и непрестанно помышляя о тщете суетного жития сего, которое, как он читал в Писании, святые называли тенью, сном и дымом. Видя истину этих слов и помня будущее воздаяние каждому по делам его, Иоанн опечалился; и сбылись на нем пророческие слова: *Стрелы твоя унзоша во мне, и утвердил еси на мне руку Твою. Несть исцеления в плоти моей* (Пс. 37, 3, 4). И пребывал он в уединенной храмине, в тишине, безмолвии и молитвах. Тогда пришел ему помысл бежать от мира и облечься во святой иноческий образ. Задумав совершить сие великое дело, Иоанн молился со слезами и недоумевал, как ему приобрести строгого наставника, коему он мог бы предаться в безответное повиновение, не утаивая ни одного своего помысла. Так проводил он жизнь до 12-летнего возраста.

Расспрашивая об обителях и иноках, Иоанн узнал, что в монастыре святого Саввы пребывал благочестивый старец, по имени Варсонофий. Помолившись, Иоанн дал обещание

послушаться совета, какой даст ему сей инок. Придя к нему, Иоанн принял от него благословение и на вопрос, зачем он пришел, сказал: «Научи, отче святой, как мне спастись; желаю я иноческого образа – дай мне полезный совет; ибо дал я обещание пред Богом, что все, что ты мне скажешь, будет мне заповедью от Господа». «Иди с Богом, возлюбленное чадо, – сказал старец, – в Боровск к преподобному игумену Пафнутию, который живет богоугодно, – там ты получишь желаемое».

Придя в Боровский монастырь, Иоанн застал прп. Пафнутия среди трудов. Блаженный старец вместе с другими иноками рубил и носил дрова. Лишь поздно вечером прп. Пафнутий пошел к богослужению. Иоанн припал к ногам старца и умолял принять его в число братии. Тот расспросил об обстоятельствах его жизни и увидел, что он, будучи юн возрастом, весьма разумен, по слову Писания: *Седина есть мудрость человеком, и возраст старости житие нескверное* (Прем. 4, 9). Прозрев в Иоанне будущего подвижника, прп. Пафнутий испытал его по иноческим правилам и, известив о всем братию, постриг его в иноческий образ, нарекиши Иосифом. Прп. Иосиф был пострижен 13 февраля 1460 г.

Сначала Иосифа отослали в монастырскую поварню и отдали под начало старцу, давно жившему в монастыре, дабы новопостриженный инок научился монашескому житию и вместе с тем потрудился для братии. И заповедали прп. Иосифу повиноваться старцу, как самому святому отцу Пафнутию, заботиться более всего об иноческом житии и предварять работу молитвой, чтобы Господь не оставил его Своей милостью. Прп. Иосиф принял к сердцу эти наставления и соблюдал их. Пребывая в повиновении старцу, он без отдыха работал в поварне, даже не выходя оттуда.

Спустя довольно времени св. Пафнутий, увидев, что Иосиф крепок телом и вынослив в трудах, и перевел его в хлебопекарню. Здесь было много тяжелой работы, потому что хлеб требовался как для братии, так и для богомольцев, странников и нищих, коих св. Пафнутий не только кормил в обители, но и снабжал хлебом на дорогу. Иосиф с любовью принял отчее повеление и усердно исполнял это дело. Вскоре

ему было поручено еще более тяжелое послушание – ходить за болящими иноками. И здесь никогда не оставлял он своей кротости и не проявлял нетерпения. Без ропота ухаживал он за больными, утешая их добрым словом и сострадая им, как будто бы сам болел. Памятуя слова Господа: *Болен бех, и посетисте Мене* (Мф. 25, 36), служил он братии как бы Самому Христу. Когда Иосиф исполнил возложенные на него послушания, Пафнутий поместил его в своей келлии и причислил к церковному клиру. Так воспитывал его св. Пафнутий, предвидя, что со временем Иосиф будет игуменом, и радовался душевной чистоте ученика своего.

Во время прохождения послушаний пришло прп. Иосифу на память, что отец и мать его остались в старости и немощи великой. Он сказал об этом св. Пафнутию. Тот же повелел Иосифу иметь попечение о родителях и позволил взять отца его в свой монастырь. Прп. Иосиф взял отца своего, а матери написал грамоту, советуя постричься. Прочтя грамоту сию, мать его воскликнула со слезами: «Чадо мое возлюбленное, сотворю повеленное тобою». И постриглась она в монашество в обители святого Власия с именем Мария. Отца же своего прп. Иосиф взял к себе в келлию; его постригли в иночество и нарекли имя Иоанникий. Отец Иосифа был в великой немощи, не владея ни ногами, ни руками. Иосиф ходил за ним и кормил его, будучи для него учителем, слугой и опорой, утешая его в унынии и читая Божественное Писание. Отец, видя его заботы, проливал слезы и говорил: «Чем я тебе воздам, чадо? Бог наградит тебя за труды; не я тебе, а ты мне отец телесный и духовный».

15 лет преподобный служил отцу своему, слушаясь каждого его слова. Когда же отпустил он отца своего с миром ко Господу, то снова пребывал в послушании у св. Пафнутия. Полюбил его св. Пафнутий: все, что открывал ему Господь, он рассказывал Иосифу, как возлюбленному сыну, и стал Иосиф сотаинником святого.

Так пребывал Иосиф у преподобного игумена в послушании 18 лет. Когда же св. Пафнутий прозрел свое отшествие ко Господу, то призвал братию и сказал им: «Старость приблизилась ко мне и немощь овладела мною; предвещают

они мне смерть и страшный Спасов суд; изберите игумена для сей обители». Братия же со слезами говорили: «Ты наш пастырь, отец и учитель – пусть будет во всем твоя воля».

Святой призвал тогда Иосифа и понуждал его занять по кончине своей место игумена. Иосиф долго отказывался, считая такое служение выше своих сил. И снова святой молил его. Страшась Божия осуждения за прекословие, Иосиф наконец согласился. Известив о сем братию, преподобный игумен Пафнутий повелел им после своей кончины просить у державного государя старца Иосифа на игуменство. Преподобный скончался, как предсказал, в четверг, в восьмом часу пополудни, 1 мая 1478 г.

Когда весть о кончине св. Пафнутия дошла до великого князя московского Иоанна Васильевича III (1462–1505), он опечалился и спросил прибывших к нему иноков Боровской обители, кого святой благословил на игуменство. Услышав, что святой благословил на сие Иосифа, великий князь, зная добродетельное житие преподобного, повелел исполнить волю почившего игумена. Иосифа же он принял с великой любовью и велел ему послушаться своего державного слова. Тогда Геронтий, митрополит Московский (1473–1489), возвел прп. Иосифа в священный сан и благословил его быть игуменом Боровской обители.

Когда Иосиф возвратился в обитель, братия встретили его с радостью и воздали ему честь, какая подобает начальнику обители. Иосиф, придя в церковь Божию, стал учить от Божественного Писания. И пробудились иноки от скорби о прп. Пафнутии, как от сна, и возблагодарили они Бога за новопоставленного игумена.

По некотором времени восхотел прп. Иосиф устроить в обители общежитие, чтобы все было общим у иноков, своего же никто бы не имел, по апостольскому слову: *Ничтоже имуще, а вся содержаще* (2Кор. 6, 10). Но в иноках не было сочувствия сему желанию преподобного, скоро начался между ними ропот. Посоветовавшись с некоторыми старцами, прп. Иосиф оставил настоятельство, дозволил братии избрать себе настоятеля по душе и, преподав им наставление, тайно ушел из монастыря со

старцем Герасимом, коего поставил как бы начальствующим над собою.

И странствовали они по монастырям русским, причем прп. Иосиф выдавал себя за простого инока и исполнял всякую работу в хлебопекарне и поварне и в иных низших службах.

Наконец, пришли они в Кириллов монастырь на Белом озере. Был же тот монастырь общежительным, не по званию только, но и на деле. Не объявив ни того, что он книжен и разумен, ни того, что он почтен саном игумена, прп. Иосиф просил настоятеля монастыря принять его в число братии. Тогда преподобному поручили хлебопекарню; и не было у него здесь ни книг, ни священнических одежд. Когда приходило время исполнять правило, он тайно пел псалмы, боясь в смирении своем, чтобы братия не узнала, кто он. Полюбив общежительное житие в обители прп. Кирилла, Иосиф изучал устав и обычай сей обители. С этой целью он часто беседовал с престарелыми иноками и добродетельными подвижниками, возлюбившими прп. Кирилла и твердо державшимися его преданий; и в сих беседах прп. Иосиф выказывал себя ни в чем не сведущим.

Однажды, когда прп. Иосиф в уединенной келлии молился и пел, один брат, с ним вместе трудившийся, пришел позвать его на работу. Подойдя тихо к келлии, так что прп. Иосиф не заметил его присутствия, брат сквозь стену вдруг услышал, что прп. Иосиф необыкновенно правильно читает и поет священные псалмы. Посмотрев в щель, инок с удивлением заметил, что у прп. Иосифа не было никакой книги. Долго инок слушал и дивился, ибо все думали, что прп. Иосиф и азбуки не знает. Услышав затем, как преподобный читал Евангелие и Апостол, инок отошел от келлии и поведал братии, что видел и слышал.

Дознавшись об Иосифе, кто он, старшие иноки обители подивились великому смиренномудрию его, освободили от тяжелой работы в хлебопекарне и стали почитать его за равного.

Пробыв в этой обители 17 месяцев и многому научившись в ней, а еще более наставив других своим смиренномудрием, прп. Иосиф удалился с благословения настоятеля монастыря.

Затем посетил он много обителей, но нигде так не нравилось ему, как в Кирилловом монастыре. Посему он решился удалиться в пустынное место и основать там с Божией помощью общежительный монастырь по образу Кириллова. Явившись опять в Пафнутиев монастырь, к великой радости братии, он, однако, недолго оставался там, но, избрав нескольких единомышленных ему братьев, поселился в некоей лесной пустыни близ города Волоколамска, в месте безлюдном и обитаемом лишь дикими зверями. Сие было в 1479 г.

В то время владельцем области Волоколамской был князь Борис Васильевич. Узнав, что в лес его вотчины пришел игумен Иосиф, князь весьма обрадовался, ибо уже давно желал иметь преподобного у себя. Тотчас он отправился к Иосифу и сказал ему: «Во всем тебе необходимом я твой помощник; молю только твою святыню, избери место в моей вотчине, какое захочешь».

Князь дал преподобному ловчего своего, который должен был поискать удобного для обители места. Когда ловчий пошел по приказу преподобного в лес, внезапно поднялся вихрь, ломая деревья. Ловчий в страхе скрылся. Когда же буря перестала, он пошел путем, по которому пронесся вихрь. И лишь только ловчий пришел на место, где ныне стоит обитель, внезапно заблестала молния, сильнее солнечного света, хотя в то время воздух был чист и небо безоблачно; человек тот пришел от страха в иступление ума. О происшедшем он никому не поведал и только дивился в себе. Но вот игумен Иосиф пришел на то место, и сильно оно ему понравилось. Тогда ловчий рассказал многим, как здесь молния сияла сильнее солнечного света.

Иосиф и князь послали к епископу, прося благословения строить церковь. Когда святитель прислал благословение свое и антиминс, прп. Иосиф заложил церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы на память преподобного Илариона Далматского и Виссариона. Узнав о сем, приехал к месту закладки храма князь Борис Васильевич со всеми боярами и многими знатными юношами. Прежде всех он и преподобный взяли на свои плечи бревна и положили в основание храм.

Видя, как князь трудится для Бога, присутствовавшие там возрадовались, и все от мала до велика, как простые работники, стали трудиться во славу Божию и сносили бревна. Спустя немного времени церковь была совершенно построена и освящена в том же году, августа 15-го дня, на праздник честного Успения Пречистой Богородицы. Затем начали строить келлии и стали собираться братия. Приходили к прп. Иосифу князья и бояре на покаяние, и многие из них постригались, не достигшие же зрелого возраста отдавали себя без рассуждения на послушание и повиновение, на труды и воздержание.

Прп. Иосиф днем трудился с братией, ставя келлии, ночью же пребывал в молитве, не давая себе покоя. Слыша о сих великих трудах преподобного и братии, князь Борис Васильевич стал часто ездить в обитель Пречистой Богородицы, привозя с собою брашна и питье, ибо в обители еще во всем был недостаток, даже хлеба было мало. И здесь обнаружилась любовь иноков к Богу – они отказывались от яств, изнеживающих тело, и питались одним хлебом и простым зелием. Видя сие о Христе собравшееся стадо в таковом воздержании и трудах, Иосиф радовался духом и славил Пречистую Богоматерь, ибо он еще не налагал на братию полного соблюдения закона, а они сами добровольно жили согласно обещанию преподобного пред Богом. Обещание же было таково: все должно быть общим, никому своего не иметь, яства и питье всем поровну, также и одежда и обувь, в келлиях же не пить и не есть, разве лишь по болезни или старости.

Умилительно было видеть подвиги иноков, которые по своему произволению утруждали себя, ночью стоя на молитве, днем же пребывая в трудах. Служили они Богу не как нанятые работники, коих надсмотрщики побуждают к труду, а сами старались превзойти друг друга в иноческих подвигах. И когда кто-нибудь из них брался за тяжелое дело, другие запрещали ему, сами же принимались за труднейшее. Так трудились они, по наказанию и учению Иосифа, в молчании и с молитвой, не взирая на лица друг друга и испуская из очей слезы, не ради людей, но помня час смертный. Самый вид их показывал их покаяние и сокрушение, ибо все они, как иноки из

простолюдинов, так и происходившие от княжеского или боярского рода, ходили в лычной обуви и заплатанной одежде. Так же ходил и сам прп. Иосиф, коего по внешнему виду нельзя было отличить от прочей братии. И было правило у тех добровольных Христовых страдальцев, чтобы каждый делал сколько ему по силам, но все по благословению и совету отца Иосифа. От великого усердия во славу Божию один из них носил на теле под одеждой железную кольчугу, другой – тяжелые железные оковы, причем клали они поклоны числом даже до трех тысяч. О своем теле иноки не заботились, перенося с одинаковым терпением и зной, и стужу. Однажды случилась такая студеная зима, что птицы замерзали, а иноки стояли в холодном храме в летних одеждах.

Видя подвижническое житие братии, преподобный молился, чтобы избегнуть им навета вражия и получить достойное возмездие от Господа. Так имел он попечение не только о теле, но и о душах их. Поздно вечером обходил он келлии и, где слышал братию, беседующую после повечерия, ударял в окно, знаменуя приход свой, а затем отходил. Обходя однажды келлии, преподобный увидел человека, крадущего жито, и тихо подошел к нему. Увидев игумена, человек тот хотел бежать. Но Иосиф подал ему знак, чтобы он не боялся; насыпал сосуд и поднял ему на плечи, заповедав впредь не воровать. «Если же, – сказал преподобный, – у тебя будет в чем недостаток, скажи мне, и я исполню твое желание».

О происшедшем преподобный запретил рассказывать. Но спустя долгое время человек тот не мог сохранить сего в тайне и поведал многим. Однако в то время братия жили в такой безопасности, что у келлий не было замков, и вымытая на реке одежда вешалась иноками для просушки на дворе и не только на день, но и на ночь, так как никто к ней не смел прикоснуться.

И прошла по городу и окрестностям молва об Иосифе, как о муже, отличающемся совершенством иноческого жития и даром духовного красноречия. Бояре, воеводы и воины князя стремились лицезреть преподобного и пользоваться его беседою, побуждавшей к покаянию. Они молили игумена дозволить им исповедовать ему свои тайные помышления и

иметь его своим отцом духовным. Многие из вельмож и знатных воинов, повинувшись слову преподобного, переменяли свои грубые нравы на кроткие и исправлялись. В них являлось стремление угодить Богу; часто повторяли они заповеди Христовы, пели священные псалмы и читали душеполезные книги, пользуясь толкованиями, которые им давал прп. Иосиф. Тогда вся Волоколамская область склонялась к доброй жизни и наслаждалась тишиною и покоем. Все радовались, и крестьяне получали много облегчений от своих владельцев по внушению прп. Иосифа, ибо он постоянно увещевал владельцев быть снисходительными к своим крестьянам. «Когда, – говорил преподобный, – отягчают пахаря работами для дома своего и делают ему насилие, то вскоре приводят его к бедности. Когда же он обнищает, то будет ли он в силах собрать себе плоды с полей, чтобы заплатить подати, и чем он, сокрушенный нищетою, пропитается с семьею своею? Побуждаемый нуждою, он продаст скот, а продав, чем вспашет поля? Кто бедняку даст семена? Не обратятся ли его поля в пустоши? А когда поля запустеют, то и сам господин понесет убытки за сделанный им крестьянину ущерб. В какой мере кто сделает зло, в такой мере оно и падает на него. Дающий же облегчение крестьянину возделает пустоши свои, распашет поля свои и всегда получит обильные плоды. Пахарь же, пользуясь облегчением, окончит собственные работы, исправно уплатит подати и охотно послужит обогащению господина своего».

Владельцев прп. Иосиф умолял не быть злыми к своим подчиненным, подвластных же учил не быть нерадивыми по отношению к господам своим и платить им доброжелательством за руководство и заботы. Он часто напоминал им слова Писания: *Вся убо, елика аще хотите, да творят вам человецы, тако и вы творите им: дайте, и дастся вам: меру добру, наткану и потрясну и преливающуюся дадут на лоно ваше; тою бо мерою, ею же мерите, возмерится вам* (Мф. 7, 12; Лк. 6, 38). Часто увещевал преподобный словами свт. Николая: «По страху не делайте зла, не постигнет и вас зло», или же говорил словами апостола, который повелевает «добродетели прилежати, зла же удалятися».

Те, которые с любовью привязывались к прп. Иосифу, к сердцу приняли слова его, стали благословенны и богаты, и у многих пахарей умножились стога на гумнах и хлеб в амбарах. Сколько благодарений ради прп. Иосифа вознеслось к Богу! Для всей той страны Иосиф был как бы сияющее светило. О нем говорили, что речи его дышат великой благодатью, приятны для слуха и убедительны для воли; говорили, что ко всякому ищущему добродетели он бывал так благосклонен, что хотелось бы всегда находиться при нем и наслаждаться его беседой. Даже имя его произносилось как нечто священное, и дивились, восхваляя жизнь его, как одного из великих преподобных.

Вследствие сего многие ревностно старались подражать житию его, оставляли блага мира сего и, всего отрекшись, приходили к нему на пострижение.

В 1484 г. заложил преподобный каменную церковь, через два года окончил ее построение и поручил расписать ее искуснейшим иконописцам Русской земли. Сел у обители тогда не было. Князь Борис Васильевич часто приезжал ко всеобщему бдению и, видя, что братия умножается и пребывает в тяжелых трудах, весьма удивлялся их житию и великому воздержанию.

Видя скудость и недостаток во всем обиходе монастыря, дал он обители Пречистой Богородицы село Очищаево, княгиня же Иулиания дала село Успенское.

Когда представился благородный и милостивый, христоролюбивый и нищелюбивый князь Борис Васильевич, осталось у него два сына, которые видели, как отец их любил обитель Пречистой Богородицы и игумена Иосифа. И вот больше отца своего стали они блюсти сию обитель, часто посещали ее и привозили все необходимое для братии. Один из сих князей, Иоанн, был крестным сыном Иосифа, который принял его от святой купели. Вскоре после смерти отца своего заболел сей князь Иоанн Борисович. Когда он весьма разболелся, то велел отвезти себя в обитель Пречистой Богородицы, к отцу своему крестному, игумену Иосифу. Князь и бояре были в великой скорби, и все плакали, желая за него умереть, лишь бы он выздоровел, так он был любим всеми от

мала до велика. Да и как его не любить! Был он государь и правитель, посещение больных и утешение скорбным, одеяние нагим, старым честь и привет молодым. Князя привезли в обитель Пречистой Богородицы и отнесли в келлию. Когда же он изнемог и был без дыхания, князя, бояре и благородные юноши стали издавать вопли, некоторые же из них бились о землю. Услышав сие смятение, сошлась вся братия монастыря. Пришел и игумен Иосиф; он велел прекратить плач и, видя князя без дыхания, спросил: покался ли он и причастился ли. Узнав, что князь не покался и не причастился, св. Иосиф весьма опечалился, вздыхая и проливая слезы. Затем, выслав всех вон, кроме одного старца, преподобный помолился Господу Богу и Пречистой Его Матери – и тотчас князь очнулся, как бы от сна, сбросил одеяло и стал громко звать отца Иосифа, прося прощение во грехах. Услышав голос князя Иоанна, князя и бояре обратились от скорби к радости. И сказал им прп. Иосиф: «Что вы смутились? Князь немного задремал; глядите, он жив». Они же, видев его ранее мертвым, изумились и, видя его снова живым, воздали славу Богу. И все стали воздавать хвалу Иосифу, говоря: «Твоей молитвой ожил князь». Но преподобный запретил им так говорить, исповедал князя и сподобил причаститься Животворящих Христовых Таин. Князь же, воздав славу Богу и Пречистой Его Матери, возрадовался духовной радостью и благодарил отца Иосифа, говоря ему: «Чем я тебе воздам, отче, помощник души моей, которую ты не допустил до гибели? Бог тебе воздаст за твои труды». И приказал князь: «Если Бог возьмет душу мою, положите здесь мое грешное тело». Монастырю же он велел дать село свое Спасское в Рузском уезде. Распорядившись всем и разделив свое имение, князь предал с миром Господу дух свой. И положили его во святой церкви на правой стороне.

В то время исконный начальник зла, враг и ненавистник рода христианского – диавол – навел жидовина Схарию на новгородских христиан, и после него стали распространять жидовскую ересь ученики его. И возвестил преподобному Иосифу о сем зле архиепископ Новгородский Геннадий (1484–1504). Узнав о сем, отец Иосиф весьма опечалился и, ревнуя о

православной вере, стал помогать архиепископу наставлением и писаниями. И вот стараниями архиепископа и прп. Иосифа были созваны Соборы святителей Русской земли (1490, 1504 гг.) на обличение жидовствующих еретиков, кои обвинялись в отвержении христианских догматов и правил, в безбожии, отрицании истинности Божественных книг и в следовании бесовским обычаям: звездочетству и волхвованию. Обвиняли их также в совращении многих христиан в свою ересь.

Призванный для обличения еретиков, прп. Иосиф воссиял в священном собрании словом и разумом и показал себя доблестным подвижником, опровергая нечестие. Кроме этого, он написал против отступников большую книгу, известную под названием «Просветитель», которую епископы с радостью одобрили, признав благочестивой. Вскоре за тем преподобный еще два раза ездил в Москву на Соборы (1503–1504 гг.) по вопросу о вторично вступающих в брак вдовствующих священнослужителях и о приеме в вотчинное владение отказываемых монастырям сел и деревень. И на этих Соборах преподобный показал глубокое познание в правилах, установленных Вселенскими Соборами и святыми отцами Церкви. Высоко ценя в св. Иосифе глубокое понимание Священного Писания, епископы часто обращались к нему с письмами, предлагая ему на разрешение свои дела. И он усердно исполнял сии поручения и письменно сообщал свое мнение святителям. Особенно любил его и часто советовался с ним владыка Новгородский Геннадий, хотя прп. Иосиф жил от него почти за пятьсот верст. Сей владыка так почитал Иосифа, что сделал его наместником своим над волоколамскими церквами, поручил ему церковные дела и отчислил к монастырю его доходы с церковей города Волоколамска на все время своего епископства.

В одно время постигло Волоколамскую область Божие наказание или, лучше сказать, милость, так как Господь, праведных любя и грешных милуя, приводит их различными путями на покаяние: страну посетил великий голод. Многие оставили свои дома и разошлись по другим городам, иные же пришли к вратам обители прп. Иосифа, вопия от голода.

Привратники поведали о сем преподобному. Тот призвал келаря и велел кормить пришедших. А было их семь тысяч, кроме малых детей, среди которых находились и не достигшие трехлетнего возраста. Вскоре келарь пришел к отцу Иосифу и сказал, что нет ржи, так что и братию нечем кормить. Тогда Иосиф велел казначею купить ржи, но тот объявил, что нет денег. Преподобный приказал занять денег на рожь и кормить голодных, ибо еще со времени основания обители было его распоряжение келарю и казначею, чтобы никто из посетителей не уходил из монастыря ненакормленным, хотя бы он жил неподалеку.

Видя сие, некоторые из братии стали роптать, говоря: «Как столько народа накормить? Такое милосердие безрассудно; игумен нас уморит голодом и их не накормит». Услышав ропот, преподобный отец сказал: «Писано, братие, в Божественном Писании, что всякому любящему Бога и чающему воздаяния будущих благ подобает «радоваться с радующимися, и плакать с плачущими» (Рим. 12, 15). И ныне, братия, постигло нашу страну посещение Божие или, лучше сказать, милость, приводя заблудших к покаянию. Смотрите: весь этот народ не различных брашен, а лишь куска хлеба желает, ради этого они оставили дома свои и скитаются по чужим местам с женами и детьми. Мы же, обещавшие терпеть всякую скорбь Царствия ради Небесного, ныне немилостивы к несчастным. Молю вас, братие, потерпим немного, а в чем согрешили, покаемся, и Бог не оставит нас».

Слушая такие слова, братия почитали их исходящими как бы от Бога, а не от человека, и каждый из них, придя в свою келлию, со слезами молился Господу, чтобы укротил Он гнев свой и призрел на нищих и алчущих.

Сам же преподобный, видя нестерпимую скорбь, также молился со слезами, чтобы Создатель призрел на создание Свое и явил милость Свою.

И вот внезапно прибыл в обитель Пречистой Богородицы державный и милостивый великий князь московский Василий Иоаннович (1505–1533) с великой верой и любовью и пожаловал братию многими брашнами, которые привез с собою.

Узнав, что прп. Иосиф кормит столько народа, занимая для сего у других и покупая, державный государь тотчас повелел из сел своих привезти ржи и овса, сколько необходимо. И сказал он Иосифу: «Если сего не хватит, вели взять из села моего, сколько тебе нужно».

Узнав о сем, стали присылать милостыню и удельные князья и другие многие христолюбцы. И милостью Бога и Пречистой Его Матери появилось изобилие во всем. Лето случилось плодородное, и терпевшие голод разошлись из монастыря и поселились в своих прежних домах, благодаря Бога и отца Иосифа.

Видя, что братия умножается, преподобный написал им устав о благочинии церковном и монастырском и о всех службах обители. Удрученный многими подвигами и склоняясь под бременем глубокой старости, прп. Иосиф позаботился, чтобы и после его смерти сохранилось в монастыре устроенное им благочиние. Посему написал он христолюбивому самодержцу всея России Василию Иоанновичу послание, в коем просил его взять монастырь Пречистой Богородицы на его, государево, попечение, не посылать в обитель игумена из другого монастыря, не по мысли братии, и следить за верностью иноков преданному им уставу. «Уже, государь, с одра встать не могу, – писал Иосиф, – не могу и в церковь дойти, нет у меня сил управлять братиею ни телесно, ни духовно».

Прочитав это послание, государь Василий Иоаннович был весьма им опечален. Во исполнение же завета преподобного стал он заботиться о монастыре как при жизни Иосифа, так и по его кончине.

Немощь все более и более овладевала престарелым игуменом, и, наконец, он лишился зрения, подобно патриарху Исааку, но внутренние очи его и тогда оставались по-прежнему ясными. Так, случалось, прикажет он брату иноку прочесть что-нибудь из книг Божественного Писания, инок же, по незнанию, нескоро находил в книге указанное для чтения место; тогда прп. Иосиф повелевал подать ему книгу и, разогнув ее, сразу находил требуемое место.

Прозревая близость отхождения своего к Господу, преподобный призвал к себе старцев обители и сказал им: «Братия о Христе! Нemoщь мою вы и сами видите, преходят лета мои, и день склоняется к вечеру, предвещая мне смерть; посему изберите себе игумена по совету своему и по обычаю монастырскому». Братия со слезами отвечали: «Господин, отец и пастырь наш, ты сам ведаешь, кто достоин сего великого дела». Но преподобный настоял, чтобы они указали ему достойнейшего по избранию своему. И вот избрали они старца, любившего нищету и пребывавшего в трудах, посте и молитвах, по имени Даниил. И по повелению государя Даниил поставлен был во игумена митрополитом Варлаамом (1511–1521). Преподобный часто призывал Даниила к себе, учил, как иметь попечение о братии, братии же приказал обращаться за духовным руководством к Даниилу. Затем прп. Иосиф сам возложил на себя схиму, причастился Святых Христовых Таин и велел никого не пускать к себе, разве только по крайней необходимости. Чувствуя полное изнеможение, он еще раз причастился Божественных Таин. Братия ко всякой службе церковной носила его, полагая в укрomном месте храма, ибо он уже не мог сидеть.

В 9-й день месяца сентября, на память святых праведных богоотец Иоакима и Анны, в воскресенье, после келейной утрени, в то самое время, когда вся братия, находившаяся в церкви, воспевала исходную песнь «Святый Боже», в четыре часа утра прп. Иосиф перекрестил лице свое, вздохнул три раза, как бы исповедуя Святую Троицу: Отца, и Сына, и Святого Духа, и отошел ко Господу († 1515). Всех лет жизни прп. Иосифа было 76, в мире прожил он 20 лет, в иноческом послушании у прп. Пафнутия – 18 лет, в игуменстве: в Боровском монастыре – 2 года, в обители Пречистой Богородицы – 36 лет.

На погребение почившего прибыл Пешношский игумен Вассиан, дядя прп. Иосифа, и похоронил его. Он утешал осиротелых иноков, хотя и сам не мог удержаться от рыданий и слез. Оплакав достойно кончину преподобного, он обратился к инокам со словами утешения и упования, что прп. Иосиф не забудет их в своих молитвах. «Так как он человек, – говорил

Вассиан, – то необходимо было ему исполнить человеческий долг: вкусить смерть и труд сменить покоем, ибо много потрудился прп. Иосиф и у отца Пафнутия, и у отца Кирилла, и в своей обители, подвизался на Соборах среди епископов против вероотступников, участвовал и в других делах на пользу Церкви. Посему, отшедши к Богу, он соберет плоды многих и долгих трудов своих; эти плоды – братские подвиги воспитанных им иноков. Он не забудет своих учеников, но будет поминать их как любезных детей своих. Они же, подражая житию отца своего и по исполнении времени отшедши к нему, удостоятся вместе с ним милости Христа Бога нашего, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков».

Местное празднование прп. Иосифу установлено в 1578 г. и подтверждено в 1589 г. Общецерковное празднование установлено 1 июня 1591 г. Мощи преподобного почивали под спудом в соборной церкви его обители.

Сентябрь 10

Иоасаф Каменский, преподобный

Преподобный Иоасаф происходил из княжеского рода. Родители его – владетельный князь Димитрий Васильевич Заозерский Меньшой († 1299; память 19 сентября/2 октября) и княгиня Мария. Удел князя Димитрия, небольшой и очень богатый, Заозерье находился на северо-восточном берегу Кубенского озера, близ устья реки Кубины, впадающей в озеро. Столица Заозерского княжества представляла собою усадьбу князя на левом берегу Кубины с церковью во имя св. вмч. Димитрия Солунского, которую построил вероятно сам князь Димитрий Васильевич в честь своего небесного покровителя, да деревню Чирково, которая была приходом при этом храме. Несколько деревень составляли весь удел заозерского князя. И князь, и княгиня были очень благочестивы. Особенно почитали они иноческий чин. Обладая небольшими средствами, они тратили их на устройство монастырей. В соседстве с их княжеством на небольшом островке Кубенского озера стоял древний Спасо-Каменный монастырь. Когда из этого монастыря вышли два основателя новых обителей в окрестностях Кубенского озера – преподобные Дионисий Глушицкий (память 1/14 июня) и Александр Куштский (память 9/22 июня), князь Димитрий и его супруга содействовали и помогали подвижникам в устройении их пустынных обителей. К прп. Дионисию на реку Глушицу князь послал плотников и обильную милостыню, пожертвовал монастырю села и деревни. Княгиня Мария также благодарила прп. Александру, жертвовала в храм монастыря иконы и книги, братии посылала припасы, а по кончине князя Димитрия дала обители деревню на помин его души.

У князя Димитрия Васильевича было три сына – Симеон, Феодор, Андрей – и одна дочь – София. Княжич Андрей, в иночестве Иоасаф, был самым младшим в семье. Когда он родился, точно не известно.

В 1429 г. князь Димитрий Васильевич Заозерский был убит в Ярославле казанскими татарами во время их набега на приволжские города. Княжич Андрей был в то время, вероятно,

грудным ребенком. Благочестивая мать его княгиня Мария занялась воспитанием своих детей. Семи лет Андрея начали обучать грамоте. Учился он охотно, с любовью погружался в глубину Божественных Писаний, как дорогой бисер собирал богооткровенные слова Писания и слагал в своем младенческом сердце. Первых детей своих княгиня Мария успела устроить. Старший ее сын Симеон был женат, дочь София Дмитриевна выдана замуж за князя звенигородского Дмитрия Шемяку. Феодор же и Андрей женаты не были.

Но вскоре благочестивая княгиня скончалась. Впавши в недуг, она послала к прп. Александру Куштскому просить его молитв о выздоровлении. Но преподобный сказал, что княгиня скончается от этой болезни, и советовал ей по-христиански подготовиться к смерти. По смерти матери князь Андрей остался круглым сиротой. Тогда над осиротелой семьей князя заозерского стряслась новая беда. Муж Софии Дмитриевны князь Дмитрий Георгиевич Шемяка затеял усобицу с великим князем московским Василием Васильевичем Темным. Когда московский князь, ослепленный Шемякой, вернул себе великокняжеский стол, он отдал княжество Заозерское двум князьям – Михаилу Андреевичу верейскому и Ивану Андреевичу Можайскому. Таким образом дети заозерского князя лишились своего удела и перестали быть владетельными князьями.

Раннее сиротство, лишение, хотя и небольшое, княжеского удела, благочестивое воспитание в особенном почтении к иноческому званию – все это привело богобоязненного юношу князя Андрея Дмитриевича к сознанию тленности и временности всего земного – всего того, к чему стремятся, чего ищут, чем живут мирские люди. Соседний Каменный монастырь на уединенном маленьком острове Кубенского озера показался юноше-князю тихой пристанью, в которой он мог отдохнуть от суеты, невзгод и обид мирской жизни. И вот, имея за 20 лет от роду, князь Андрей приходит в монастырь (в 1452 г.) и просит игумена Кассиана удостоить его иноческого образа. Но игумен был не рад приходу молодого князя. Его просьба о принятии в монастырь привела игумена в страх и трепет, потому что он боялся гнева великого князя московского, неприязненно

относившегося к князьям заозерским, родственникам Шемяки. Однако усиленные моления князя Андрея склонили Кассиана на согласие. Он изобразил князю всю скудость монастырского жития, всю трудность иноческого подвига; лишь когда эти речи не разубедили князя в его намерении, игумен постриг его в монашество и нарек Иоасафом, вероятно, в честь св. Иоасафа царевича, который также происходил из владетельного рода и оставил мир ради Христа, – почему впоследствии и преподобный Иоасаф в Спасо-Каменном монастыре именовался «Иоасафом-царевичем». Новопостриженного инок игумен передал в послушание и для руководства в монашеской жизни опытному старцу Григорию.

Прп. Иоасаф отличался полным послушанием не только игумену и своему старцу, но и прочим братьям, смирением сердца, постничеством, душевным умилением, усердием в молитве келейной и благоговейным стоянием в церкви во время богослужения; любил читать книги, особенно о житиях преподобных отцов. Преподобный преуспевал в добродетелях: был украшен благою кротостью и разумною простотою. Он оставил всякую печаль о земном, об одном только заботясь – об угождении Богу. С братией он встречался лишь на молитве. Все в монастыре удивлялись его добродетелям. Местом своих подвигов прп. Иоасаф был очень доволен. Спасо-Каменный монастырь стоит на острове Кубенского озера и водою, как стенами, огражден от соблазнов и печалей мира. Святой радовался такому местоположению обители и восклицал: «Се покой! Зде вселюся».

Старец прп. Иоасафа, как добрый кормчий, вел своего послушника вперед по пути добродетели, но вскоре преставился к вечной жизни. Несмотря на юность свою, прп. Иоасаф достиг высших степеней совершенства, и Господь удостоил его Своего явления. Сидя раз в келлии, прп. Иоасаф пел псалмы Давида; тогда явился ему Господь наш Иисус Христос и сказал: «Мир тебе, возлюбленный угодник Мой!» Преподобный исполнился страха и трепета и спросил: «Какая причина явлению Твоему, Господи Человеколюбче?» – «Видишь ли эту окрестную пустыню, – изрек ему Господь, – ради тебя

всю ее наполню пустынниками, славящими имя Мое». Преподобный спросил Господа, какое более действительное оружие против врага нашего спасения, и узнал, что действительнее всего исполнение заповедей Божиих.

Но диавол не оставляет в покое истинных угодников Божиих. Много раз духи злобы вооружались на преподобного Иоасафа, но молитвою он отгонял их, а игумен, по смерти старца, постоянно направлял и руководил юного подвижника.

Однажды приехал в обитель родной дядя преподобного, князь ржевский Борис Васильевич, он привез прп. Иоасафу деньги для раздачи инокам. Но подвижник отказался принять их и сказал князю: «Инокам нет нужды в золоте и серебре. Мы живем в пустыне и никто из пустынников не примет от тебя даже малого. Но не скорби, Бог примет твой дар, если принесенные деньги раздашь нищим и нуждающимся, сиротам и вдовицам, которых так много по городам». Князь Борис Васильевич поступил по совету прп. Иоасафа.

Не довольствуясь обычными иноческими подвигами, преподобный решил жить в безмолвии, то есть затворился в своей келлии, так что не видел лица человеческого и не вел бесед с людьми. Мысль его непрестанно устремлена была теперь к горнему. Став на молитву, он, как на крыльях, возносился духом своим на небо и сподобился предвкушения райского блаженства. В последнее время своей жизни преподобный достиг крайней степени поста и воздержания: по воскресным дням он причащался Святых Христовых Таин и после постился целую седмицу.

От великого воздержания и трудов прп. Иоасаф, еще юный подвижник, изнемог телесными силами и впал в болезнь. Благодаря Бога за посланную болезнь, терпеливо переносил он ее и, чуждаясь общения с людьми, пребывал в молитве и богомыслии. Но когда преподобный почувствовал приближение своей кончины, он призвал к себе игумена и всю братию. Умоляя, он просил их о том, о чем постоянно заботился и раньше, чтобы общежительный устав нерушимо соблюдался в обители. После того, получив некоторое облегчение своей болезни, преподобный принимал участие в общей молитве

братии. В праздник Рождества Пресвятой Богородицы (8/21 сентября) он велел вести себя в церковь к литургии, причастился за нею Святых Таин, получил благословение и прощение от братии, был опять отведен в келлию и положен на одр. Снова подвижник впал в немоощь, так что игумен и братия, приходя у нему и видя его страдания, очень скорбели. На смертном одре своем преподобный продолжил увещевать и утешать скорбящих о нем иноков, наставлял их избегать всяких споров и несогласий. Приходившие к нему монахи целовали его со слезами и просили у него последнего благословения, и святой сам всех лобызал и у всех просил благословения и молитв. Наступило 10 сентября – день кончины преподобного. Когда братия собрались к нему, он велел начать правило и по совершении его встал с постели, взял кадильницу с фимиамом и велел игумену покадить святыя иконы и всю братию. Затем он сотворил молитву Господу и Богоматери, изливая в ней свои прошения не о себе только, но и о всей обители, в которой подвизался добрым подвигом, о ее духовном процветании. По окончании молитвы преподобный опять возлег на одр и молился о своем исхождении, нимало не печалась, а более радуясь в надежде на будущее блаженство, и с молитвой на устах тихо скончался. Лицо его было светло, как будто он не умер, но уснул. Игумен и вся братия скорбели и рыдали. Положив святое тело подвижника на одр, они понесли его на своих главах в церковь, совершили надгробное пение и погребли его в Успенской (тогда еще деревянной) церкви, на правой стороне. Пять лет подвизался преподобный в Спасо-Каменном монастыре. Он пришел в обитель в 1452 г., следовательно, кончина его последовала в 1457 г.

Вскоре по преставлении прп. Иоасафа начались чудеса при его гробе. Уже из первых богомольцев, стекавшихся в обитель по преставлении преподобного, многие больные выздоровели. Исцеления неоскудно изливались и после. Особенно много больных лихорадкой получили здесь исцеление. Местное празднование прп. Иоасафу установлено было вскоре после его кончины.

Павел Послушливый, преподобный

Преподобный Павел Послушливый (XIII-XIV вв.) – подвижник Дальних пещер в Киеве. По принятии иноческого образа в Печерском монастыре преподобный безропотно проходил самые тяжелые послушания, на которые его посылал настоятель. Он никогда не был в праздности, и когда нес послушания, «меляше в жорнах, размашисто, изнуряя тело свое всегда», хранил непрестанную внутреннюю молитву, «и проводя живот свой, побожно скончася». Память его Церковь чтит 10/23 сентября, в один день с тезоименитым святителем Павлом, епископом Никейским (IX в.), и 28 августа/10 сентября вместе с Собором преподобных отцов, почивающих в Дальних пещерах.

Сентябрь 11

Сергий и Герман Валаамские, преподобный

Преподобные Сергий и Герман Валаамские поселились на Валаамском острове в 1329 году. В Софийском свитке, писанном в конце XVI века, записано: «В лето 6837 (1329) старец Сергий пришел на Валаамов остров». Преподобные своими наставлениями и жизнью много способствовали распространению и утверждению православной веры в Карелии, которая много страдала от притеснений шведских папистов. Собранное ими братство явилось светочем Православия в этом крае. Карелы начали вновь с доверием относиться к христианству, авторитет которого был подорван в XIII веке шведами, мечом насаждавшими католичество. Основанная преподобными Сергием и Германом Спасо-Преображенская обитель была довольно многолюдной, и для нее ими установлено было полное общежитие. «На Валааме, – писали валаамские иноки, – исстари, как только стал монастырь, начальники Валаамского монастыря Сергий и Герман установили общину, полотняную одежду и обувь давали каждому...» Блаженная кончина Валаамских начальников последовала около 1353 года.

Валаамский монастырь с древних времен часто подвергался разорениям от шведов, поэтому мощи преподобных Сергия и Германа не раз были переносимы из обители в Новгород и обратно. Одно из таких перенесений и празднуется 11 сентября. Написание иконы преподобных Сергия и Германа последовало около 1401 года. После шведского разорения мощи в начале XVIII века, когда по Нейштатскому миру Валаам снова отошел к России, они были перенесены на остров и почивают под спудом в храме Преображения Господня.

В XVIII веке митрополит Санкт-Петербургский Гавриил (Петров) вызвал, по благословению Святейшего Синода, старца Назария и назначил его игуменом Валаамского монастыря. Были устроены уединенные скиты на небольших островках, разбросанных вокруг Преображенского монастыря. В результате его пастырской деятельности было возрождено старчество, на

острове процвела особо духовная жизнь по завету преподобных Сергия и Германа Валаамских.

Служба Валаамским чудотворцам ранее совершалась по Общей Минее. Строитель Коневского монастыря (впоследствии Тихвинский архимандрит) Иларион составил им особую службу, которая, по рассмотрении Святейшим Синодом, в 1817 году была напечатана. В 1819 году, 20 октября, Св. Синод определил день памяти 28 июня/11 июля и день перенесения мощей прпп. Сергия и Германа 11/24 сентября внести во все печатные месяцесловы.

Сентябрь 12

Вассиан Тиксненский, преподобный

В XVI столетии в деревне Бурцево жил благочестивый крестьянин Василий.

Кроме земледелия Василий знал еще мастерство портного и каждый год, окончив полевые работы, ходил шить по ближним и дальним селам и деревням. Мастерство давало Василию хорошие доходы, и небольшое семейство его, состоявшее из жены и двух сыновей, не терпело нужды ни в чем. Это же мастерство, заставлявшее Василия много узнать и переживать, содействовало и его духовному развитию. От природы он обладал богатыми способностями, горячим, отзывчивым сердцем и светлым, наблюдательным умом. И вот, переходя из селения в селение, знакомясь с разными людьми, он мог многому научиться. Любил Василий побеседовать с умными и набожными людьми о святой вере, о законе Божием, о спасении души; любил послушать чтение Божественных книг. Но более всего любил он ходить в храм Божий, горячо молиться, со вниманием и благоговением слушать церковное пение и чтение. Мало-помалу таким путем, и не зная грамоты, благочестивый крестьянин научился закону Божию и всей душой прилепился к Богу. Он теперь ясно понимал, что требуется от человека для спасения души, для жизни благочестивой по заповедям Божиим. Жизнь людей, которых он много видел, заставила задуматься наблюдательного Василия. Чаще и чаще приходило ему на мысль: почему это люди только заботятся о теле, о душе же и не думают? почему они хлопочут только о земном, а о небесном и не вспоминают? Просвещенный законом Божиим ум его ясно видел, как не соответствует жизнь людей требованиям Евангелия. Суэта мирская возмущала его; каждый слух о неправде, обиде или насилии наносил тяжелую рану его отзывчивому и чистому сердцу. И чем больше размышлял Василий о тщете и суетности мирской, тем больше отвращался от мира. Он чувствовал в сердце своем голос Отца Небесного, в душе его возгорелось неискоренимое желание уйти из мира, жить для Бога и для спасения своей души.

И как скоро это непоколебимое намерение созрело в душе Василия, он поспешил его выполнить. Чтобы не встретить противодействия со стороны родных, тайком, ночью, ушел он из своего дома и отправился искать удобного места для предстоящих подвигов. Когда Василий пришел в местность между реками Тиксной и Вопрой, вблизи озера Семенкова, где стояли два храма – во имя Христа Спасителя и свт. Николая Чудотворца, – красота места поразила его. Долго любовался он прекрасными видами, наслаждался тихим уединением под сенью храмов Божиих и решил избрать это место для подвигов своих. «Как хорошо бы, – думал Василий, – устроить здесь келлию и молиться в ней Богу в уединении и безмолвии». Приняв такое решение и отдохнув здесь немного, Василий отправился в г. Тотьму в Спасо-Суморинскую обитель прп. Феодосия († 1568; память 28 января/10 февраля).

Он припал к ногам настоятеля иеромонаха Ферапонта и со слезами умолял принять его в монастырь и удостоить пострижения в иноческий сан. Тщетно Ферапонт указывал пришедшему на то бедственное положение, какое будет терпеть его семейство, лишившись своего кормильца, на тяжесть монашеской жизни и обетов иночества – ничто не могло поколебать намерения Василия. Наконец, видя его твердое решение посвятить жизнь свою Богу, игумен уступил настойчивой просьбе и постриг Василия в монашество, дав иноческое имя Вассиан. Игумен поручил новопостриженного руководству опытного старца, причем заповедал прп. Вассиану смирение, терпение, полное отречение от своей воли и послушание воле руководителя. Глубоко к сердцу принял преподобный увещания настоятеля и всеми силами стремился выполнить их в своей жизни.

По приказанию своего старца подвижник поступил на послушание в пекарню. Несмотря на тяжесть и беспокойство этого труда, безропотно переносил и зимний холод, и сильный жар, проводя целый день на ногах, преподобный никогда не тяготился своим послушанием, даже постоянно старался услужить, чем только мог, каждому из братии. Охотно исполнял он самые трудные монастырские работы и еще находил время

неопустительно посещать службы Божии. Все дивились усердию и неустомимости преподобного.

Пробыв в обители несколько лет в молчании и смирении, подвижник приобрел немалую опытность в духовной жизни. Тогда он возревновал о высших подвигах благочестия и испросил у игумена Ферапонта благословения удалиться в излюбленное место – на реку Тиксну, чтобы там подвизаться в полном уединении и безмолвии, предаваться молитве и посту. Игумен не стал прекословить и дал преподобному свое благословение. В монастырском храме во имя Преображения Господня, у гроба прп. Феодосия, игумен отслужил молебен, со слезами простился с уходящим иноком и благословил его иконой Пресвятой Троицы. Плакал и прп. Вассиан, прощаясь с братией, и, припадая к ногам настоятеля, молил его хоть изредка навещать своего духовного сына.

И снова подвижник прибыл на Тиксну, и душа его исполнилась великой радостью. Войдя на паперть храма Христа Спасителя, он повергся пред иконой и горячо молился, прося Божия благословения на новые подвиги. Потом отправился к настоятелю храма, священнику Нестору Андрееву, и усердно просил священника, весь причт и прихожан уступить ему немного места на погосте для построения небольшой келлии. Те беспрекословно согласились, а прихожане даже выразили желание срубить иноку и самую келлию.

Все время, пока строилась келлия, прп. Вассиан проводил на паперти церковной, пребывая в посте и молитве. Когда же постройка была окончена и священник по просьбе его, отслужив молебен перед иконой Святой Троицы, освятил келлию, подвижник поселился в ней. Это было в 1594 г.

Достигнув исполнения своего желания, прп. Вассиан с новым усердием предался подвигам поста, молитвы и воздержания. Неопустительно каждую службу посещал он церковь Божию; у себя в келлии непрестанно молился, ежедневно совершая полное иноческое правило. Питался тем, что по усердию приносили ему добрые люди. В его келлию входил один духовник. Когда же приносили преподобному подаяние или просили его совета, он не принимал пришедших в

келлию, но беседовал с ними через окошко. Постелью служил подвижнику голый земляной пол, но большей частью он не смыкал очей и целые ночи проводил в молитве и коленопреклонении.

Однако же и такая жизнь казалась прп. Вассиану недостаточно богоугодной. Когда посетил его духовный отец, игумен Ферапонт, преподобный испросил у него благословения носить вериги для большего умерщвления плоти, да дух спасается. Дивясь силе духа и крепости благочестия прп. Вассиана, Ферапонт благословил его на этот новый подвиг, и подвижник с великой радостью возложил на свои плечи цепи, на руки и ноги одел оковы, на чресла – широкий железный обруч, а на голову – тяжелую железную шапку, прикрыв ее куколем.

Очищая дух страданиями грешной плоти, все более удаляясь от бренного мира и приближаясь к Богу, тридцать лет подвизался преподобный в затворе, и при жизни его никто, кроме игумена Ферапонта, не знал, какими тяжестями смирял он свое тело.

Достигнув уже преклонных лет и предчувствуя блаженную кончину свою, преподобный пригласил духовника своего, исповедал ему грехи, причастился Святых Христовых Таин, простился с ним, и со слезами радости воскликнув: «Господи! В руце Твои предаю дух мой!», скончался 12 сентября 1624 г.

Старец Ферапонт, видевший блаженную кончину преподобного, обрядил тело его по иноческому уставу и, пригласив из окрестных сел священников, при множестве народа, предал его земле в десяти сажнях от храма.

Окрестные крестьяне, пользовавшиеся духовными беседами и наставлениями прп. Вассиана, уверенные в святости его жизни, вскоре после его кончины стали призывать святого в молитвах. Они построили над гробом преподобного часовню, поставили в ней икону Пресвятой Богородицы, а на гробницу его возложили те тяжести, которыми он смирял свою плоть.

Прошло несколько лет, и на месте подвигов Вассиана возникла обитель в честь Нерукотворенного Образа Спасителя.

Господь вскоре прославил Своего угодника дивными знамениями и чудесами.

Местное почитание прп. Вассиана как святого началось со времени губительной моровой язвы в 1647 г. В этом году по всему Тотемскому уезду распространилось моровое поветрие: и люди, и животные умирали скоропостижной смертью. Особенно сильно свирепствовала язва на Тиксне. По приказанию царя Алексея Михайловича всю Тиксненскую волость кругом завалили лесом и на всех дорогах поставили стражу, которая не пропускала ни прохожих, ни плывущих по реке. Но ездившие этим путем в Архангельск московские купцы терпели от этого запрещения большие убытки. Поэтому они просили царя снять его. Тогда, по приказанию государя, был послан на Тиксну для расследования дела дворянин Иоанн Акингеров. Приехав на Тиксну и отслужив молебен в церкви Спаса, Акингеров зашел в часовню, построенную над гробом прп. Вассиана. Увидев вериги, оковы и поручи, памятники терпения и трудов преподобного, он удивлялся высоте его подвигов. Тотчас же он приказал, чтобы все жители Тиксненской волости собрались на молебен. Когда все собрались от мала до велика и служили молебен, вдруг умерло от язвы девять человек. Ужас объял народ. Акингеров, священник и все крестьяне в трепете припали ко гробу прп. Вассиана и со слезами молили его: «О преподобне отче наш Вассиане, избави нас от сего смертоносия и от тлетворного ветра!» И после молебного пения по молитве прп. Вассиана моровая язва сразу же прекратилась.

Женщина, по имени Елена, ослепла и ничего не видела шесть лет и пять месяцев. Но, увидев во сне преподобного, она пришла на Тиксну и, с молитвой приложившись к его гробу, тотчас прозрела.

Другая женщина Иустиния, также давно ничего не видевшая, была привезена на Тиксну своей матерью. Отслужив молебен, обе женщины с дозволения священника остались на ночь у гроба преподобного, чтобы помолиться. В конце ночи они услышали в церкви необычный шум и от страха пали на землю. За стеной они слышали голоса, и когда мать посмотрела в окно, то увидела двух человек, разговаривающих между собой. «Куда

ты идешь, брат, – сказал один, – и что несешь с собою?» – «Я несу святую воду, чтобы омыть женщину Иустинию», – отвечал другой.

Услышав это, мать и дочь снова припали к гробу преподобного и с новым усердием стали молиться. Во время молитвы Иустиния слышала голоса многих поющих, чувствовала, что кто-то кропил ее святой водой и отирал глаза ее одеждой, но ничего не видела. Потом, пробудившись как бы от сна, она вдруг стала видеть все, как будто никогда и не была слепой.

Солдатка-вдова Матрона Герасимовна четыре недели страдала горячкой. Болезнь усилилась до такой степени, что женщина в продолжение двух недель не только никого не узнавала, но даже не видела и самой комнаты, где лежала.

Но однажды ей представилось, что к постели ее подошли два монаха, высокие ростом, в низких черных клобуках и белых срачицах. Один из них стал по правую сторону у постели больной, а другой – по левую, и первый, приказав Матроне молиться прп. Вассиану, почивающему в Тиксненской волости, при этом указывал перстом на инок, стоящего слева и державшего в руках медный ковш с чистой водой. Потом оба они, омывши из ковша водою больную с головы до ног, стали невидимы. Тотчас после этого видения Матрона очнулась, пришла в сознание и почувствовала себя настолько здоровой, что на другой же день принялась за работу.

Многими и иными дивными чудесами прославил Бог прп. Вассиана, прелепившегося к Богу и оставившего мир, презиравшего плоть и прилежавшего о спасении души своей.

Мощи прп. Вассиана почивали под спудом в приходской Преображенской церкви.

Симеон Верхотурский, праведный

Праведный Симеон, сын благородных родителей, родился вне пределов Сибири в начале XVII века. Дворянин по происхождению, он презрел все мирские почести, удалился из России за Урал в Сибирь и прибыл в Верхотурскую область. Но святой не поселился в самом городе Верхотурье, ибо он избегал мирской суеты, а город Верхотурье был известен тогда как торговое место, где трудно было вести тихую жизнь, как того желал св. Симеон. Посему он остановился в селе Меркушине, которое отстояло от Верхотурья верст на пятьдесят. Самая природа того места располагала святого мужа к богомыслию и отшельническим трудам. Величественные кедры, громадные ели, густые леса, местами прекрасные долины, вздымавшиеся скалистые утесы привлекали к себе подвижника. Он не жил постоянно в селе Меркушине, но часто оставлял его, странником ходил по окрестным селам и деревням или уединялся где-либо на берегах реки Туры, предаваясь различным подвигам и в молитве беседуя с Создателем. Твердой своей верой в Бога он подавал всем пример благочестивой жизни. Он не хотел, чтобы руки его оставались праздными, но сам снискивал себе пропитание. Забыв о своем благородном происхождении на земле, он восхотел сделаться причастником Царства Христова и гражданином Горнего Иерусалима. О трудолюбии праведного Симеона осталась неизгладимая память в потомстве. Он занимался шитьем шуб с нашивками и таким образом доставал пропитание себе и помогал другим. По временам праведный Симеон удалялся в уединенное место на берегу реки Туры, в десяти верстах от Меркушина, и здесь занимался ужением рыбы. И доселе указывают это место на правом берегу. Симеон садился здесь под раскидистой елью на камне, который существует еще до сих пор. Так занятиями святого было: в зимнее время – шитье шуб, в летнее – ловля рыбы.

Богатый смирением, праведный Симеон отличался полной нестяжательностью. Занимаясь шитьем шуб, он обходил

окрестные селения и работал в домах разных крестьян. Нередко при сем приходилось блаженному испытывать разные неудобства и лишения, но он все переносил, славя и благодаря Господа. Часто, даже когда работа в доме какого-либо помещика была совсем окончена, Симеон тайно уходил из дома. За это его осуждали, но святой по своему обычаю терпеливо переносил все нарекания. Тогда поняли, что святой муж поступает так для того, чтобы уклониться от платы за свой труд.

Святой Симеон неуклонно посещал храм во имя Архистратига Божия Михаила, бывший в селе Меркушине. Ко всем относился он приветливо, старался всем служить, всем помогать. Св. Симеон был крайне воздержан, любил уединение, отличался чистотой не только телесной, но и душевной, ко всем питал любовь нелицемерную.

Так подвизался праведный Симеон и, еще не дожив до старости, с верою отошел к Господу, Которому, как истинный и верный раб, служил все дни своей жизни. Его блаженная кончина последовала около 1642 г. Честное тело его было погребено в Меркушине недалеко от церкви во имя святого Михаила, Архистратига сил Небесных.

Не много известий о подвижнической жизни сего праведного мужа дошло до нас, но яснее всяких известий говорят о благочестивой жизни св. Симеона исцеления, которые обильной струей истекают от мощей сего великого угодника Божия уже более трех столетий. Смиранный при своей жизни, Симеон не любил прославления людского, избегал славы сего суетного мира. Посему память о нем уже начинала исчезать, но Богу не было угодно, чтобы забыт был на земле тот, кто все земное забыл ради Него.

В 1692 г. заметили, что гроб праведного Симеона стал подниматься из земли. Все были поражены таким явлением, но еще более возросло изумление, когда сквозь расщелившиеся доски гробовой крышки увидели нетленные останки. А между тем уже не было человека, который мог бы припомнить имя праведника, гроб коего так чудесно стал являться. Все жители удивлялись такому необычайному явлению и благодарили

Господа, являющего верных рабов Своих. Вскоре благоговейное почитание новоявленных мощей еще более усилилось, когда от них стали совершаться чудотворения.

В то самое время один воевода – Антоний Савелов – должен был ехать в Неречинск. Слуга этого воеводы Григорий еще за год до того впал в тяжелый недуг: все тело его расслабело, так что он не мог ни ходить, ни делать что-либо своими руками. Не желая оставлять своего слуги, воевода взял его с собою на место новой службы. Но в дороге Григорию сделалось еще хуже. Путь их лежал через Верхотурье. Прибыв туда, Григорий узнал от местных жителей о мощах новоявленного праведника и о том, что при гробе его подаются исцеления. Слыша сии рассказы, Григорий стал размышлять: «Быть может, Господь и мне подаст исцеление по молитвам Своего новоявленного угодника». Посему он просил своего господина, чтобы тот позволил ему съездить в Меркушино. Савелов позволил ему это. И вот, прибыв в Меркушино, Григорий над могилой праведного попросил сначала отслужить молебен святому Архистратигу Михаилу, а потом отпеть панихиду при гробе новоявленного святого. Усердно молился Григорий о том, чтобы Господь даровал ему исцеление по молитвам Своего угодника. После сего он взял земли с гроба, обтер ею члены своего тела и тотчас почувствовал себя совершенно здоровым. В радости он стал прославлять Господа и рассказывал окружающим о чудесной помощи свыше.

Среди слышавших об исцелении Григория был слуга воеводы сибирского Андрея Нарышкина Илия Головачев. Он сильно страдал глазами: на них образовалась злокачественная опухоль, и от великой боли Илия даже не мог глядеть. Страшась совершенно потерять свое зрение, он обратился к Господу с усердной молитвой об исцелении. В таком положении его нашел Григорий, сам недавно получивший исцеление от своего недуга по молитвам св. Симеона. Григорий стал утешать Илию: «Не предавайся печали и отчаянию; вспомни, как милосерд Господь. Дивны Его благодеяния роду человеческому. И на мне, грешном, Он недавно проявил Свою милость, исцелил меня от тяжкого недуга по молитвам праведного человека Божия, новоявленного

Сибирского чудотворца. Обратись с молитвой к сему угоднику Божию и можешь получить облегчение и исцеление».

По просьбе Илии Григорий дал ему земли с гроба Меркушинского чудотворца. Илия с верой, что праведник поможет ему, приложил сию землю к глазам. В следующую же ночь во время сна больной почувствовал, что из глаз его выделяется какая-то жидкость. Проснувшись, он заметил, что по лицу у него течет из глаз кровь. Когда же сняли повязку, то вместе с нею отстала и самая опухоль. С великой радостью поспешил Илия прийти утром к своему господину и рассказал ему обо всем случившемся; при сем он просил у Нарышкина позволения съездить в Меркушино на поклонение мощам новоявленного чудотворца и получил на то согласие.

Дочь того же Нарышкина страдала также глазной болезнью. Слыша о чудесах в Меркушине, воевода отправился с нею в то селение. Здесь после панихиды над гробом праведника больная получила исцеление, как только приложила к глазам своим землю, взятую с гроба святого.

Слух о явлении мощей скоро достиг и до Тобольска. В то время Верхотурская страна принадлежала к Сибирской епархии. Тобольские иерархи с особенным рвением наблюдали за чистотой православной веры. Между тем в сию страну были отправляемы различные люди, уклонившиеся от истинного Православия. Посему Тобольские святители часто сами совершали объезды своей епархии или же поручали сие кому-либо из своих помощников. В 1693 г. с такой целью прибыл в Верхотурье клирик Сибирского архиерея, по имени Матфей. Из Верхотурья он направился в Меркушино. Здесь ему был показан выходящий из земли гроб с нетленными останками. Уверившись в действительности сего удивительного явления, Матфей донес о сем своему владыке, митрополиту Тобольскому Игнатию, незадолго до этого прибывшему в свою епархию. Кроме того упомянутый Матфея повелел священнику той церкви Иоанну Андреевичу и церковному старосте с прихожанами поставить небольшой сруб, или «голубчик», над выходящим гробом. Сие и было немедленно устроено. Вскоре после этого, в 1694 г., при гробе праведного произошло следующее чудесное

исцеление. В Верхотурье жил тогда один пушкарь, по имени Иоанн Григорьев. Его постигла тяжкая болезнь: он совершенно расслаб, так что, не надеясь выздороветь, стал уже готовиться к смерти. Болезнь все усиливалась. И вот однажды, находясь в таком тягостном положении, он во сне услышал голос: «Иоанн, иди в село Меркушино; вели священнику той церкви отпеть молебен святому Архангелу Божию Михаилу, а у выходящего гроба – совершить панихиду, и будешь здоров».

Пробудившись от сна, Иоанн тотчас же послал своего сына Стефана к священнику в село Меркушино. Там по просьбе Стефана был совершен молебен святому Архистратигу Михаилу и отпета панихида над гробом праведника. В сие самое время в Верхотурье расслабленный Иоанн почувствовал себя гораздо лучше, так что даже был в состоянии добраться без посторонней помощи к своему воеводе Иоанну Циклеру, рассказал ему о своем исцелении и о том, как он услышал во сне голос. Выслушав его рассказ, воевода сказал ему: «Не забывай же такой милости Божией».

Спустя неделю Иоанн отправился вместе со всем своим домом в Меркушино. Совершив над гробом праведного панихиду, он взял с гроба земли и стал обтирать ею свое тело и тотчас же почувствовал себя вполне здоровым, как будто никогда и не был болен.

Не только сам Иоанн испытал над собой помощь свыше по молитвам святого, но даже и дочь его, девица 15 лет, удостоилась получить по молитвам нового целителя избавление от своего недуга. Ее лицо стало покрываться неисцелимым струпом. Тогда отец ее, над самим собой недавно испытавший чудесное исцеление при гробе праведного, с твердой верой обратился к сему угоднику. Взяв свое семейство, он отправился в Меркушино и там попросил священника совершить панихиду над гробом праведника. Так как тогда еще не было известно имени сего угодника Божия, то его поминали «именем, егоже Господь весть». После сего болящая обтерла землей с гроба святого свое лицо и получила, по молитвам его, полное исцеление.

В том же 1694 г. совершилось новое чудо. Верхотурский воевода Иоанн Циклер сам рассказал о сем преосвященному митрополиту Тобольскому Игнатию, который прибыл в Верхотурье для освящения вновь построенного храм во имя Пресвятой Троицы.

Один из его слуг, по имени Петр, объезжал коня. Вдруг конь взбесился, сбросил с себя Петра, раздробил ему на одной ноге кость. Петр даже не мог сам приподняться с земли, нога его сильно распухла. Страдая, он дал обет сходить в село Меркушино, отслужить молебен святому Михаилу Архангелу и отпеть панихиду над гробом нового чудотворца. Но вследствие сильной боли он не мог отправиться туда пешком. «Посему он обратился ко мне с просьбой, чтобы я позволил ему ехать в Меркушино и дал лошадей, что я и приказал тотчас же исполнить», – рассказывал Циклер митрополиту.

В Меркушине, по просьбе Петра, сначала отслужили молебен Архистратигу Михаилу, затем панихиду над гробом праведника. Петр взял земли с гроба святого и стал ею растирать ушибленное место. В это время и совершилось чудо по неизреченной милости Божией. Тотчас болезнь Петра прекратилась, опухоль опала, и он стал ходить, как будто никогда и не хворал. Все видевшие это чудо прославили Господа, Его великого Архистратига Михаила и вновь просиявшего праведника.

Вскоре было совершено первое освидетельствование святых мощей праведного. Вышеназванный митрополит Тобольский Игнатий, объезжая епархию, направлялся из Пельми в город Верхотурье, где он намеревался освятить соборный храм. Прибыв в деревню Караульное на расстоянии семь верст от Меркушина, он остановился здесь на некоторое время. Здесь к нему приступил игумен Далматовской обители Исаак и сказал: «Недалеко отсюда стоит село Меркушино с храмом во имя святого Архистратига Михаила; при сей церкви находится выходящий из земли гроб. Не благоизволишь ли, владыка, сам осмотреть сей гроб? Уже немало чудес и знамений совершилось у него».

Но митрополит сам не хотел свидетельствовать гроб, а послал для того в Меркушино Исаака, игумена Далматовского, и вместе с ним ключаря Тобольского собора иерея Иоанна, другого иерея Иоасафа, диакона Петра и иеродиакона Далматовского монастыря Василида. Посланные быстро достигли села Меркушина и приступили к освидетельствованию гробницы с останками праведника. Их взорам представилось все тело праведника: глава, перси, ребра, стан и ноги – все оставалось в целости, кожа словно приросла к костям, только немногое обратилось в персть. Сие первое освидетельствование последовало 18 декабря 1694 г.

Тем времени и митрополит, выслушав утреннее славословие в Караульном, направился с остальными своими спутниками в село Меркушино, ибо путь в город Верхотурье лежал через это селение. Прибыв в Меркушино, митрополит посетил церковь во имя Архистратига Михаила. Потом он спросил игумена Исаака: открывали ли они гробницу и что в ней обрели? Сам митрополит был в нерешимости и недоумении, когда услышал ответ игумена. Но милосердый Господь вскоре положил предел его колебаниям. В тот же самый день митрополит почувствовал боль в левом глазу. Преосвященный сначала подумал, что болезнь его произошла от зимней стужи и ветра. Но вдруг, словно молния, блеснула у него мысль, что болезнь постигла его за то, что он не хотел сам освидетельствовать мощей праведника. Тогда он стал молиться и взывал: «Помилуй мя, Господи, и исцели мое око. И ты, святой праведник, не гневайся на меня. Я обещаю, что после Божественной литургии, если тебе будет угодно, я сам приду к святым мощам твоим и сам воззрю на них». Тотчас же боль утихла, и он опять стал хорошо видеть своими глазами. Согласно со своим обещанием преосвященный после литургии вместе с игуменами, священниками и диаконами отправился к явленному гробу. Раскрыв гроб с подобающим благоговением, он нашел то же, что ему сообщил игумен Исаак: он увидел, что все тело праведника совершенно цело, только не сохранилось перстов на руках. Кости были плотно покрыты плотью, так что исполнилось слово Писания: *Прильпе кость моя плоти моей*

(Пс. 101, 6), погребальные же пелены обратились в прах. Тогда исполненный благоговения митрополит провозгласил: «Свидетельствую и я, что воистину это мощи праведного и добродетельного человека; во всем подобны они мощам древних святых. Сей праведник подобен Алексию, митрополиту Московскому, или же Сергию Радонежскому, ибо он сподобился от Бога нетления, подобно сим светильникам веры Православной!»

После сего митрополит приказал снова закрыть гроб. И то было удивительно, что самый гроб был новым, хотя, по рассказами местных жителей, он находился в земле уже более пятидесяти лет. Совершив панихиду, его снова засыпали землей на четверть, с произнесением слов: *Господня земля, и исполнение ея* (Пс. 23, 1). После сего преосвященный вышел из часовни к собравшемуся народу и спросил: «Нет ли среди вас человека, который бы помнил, кто погребен на сем месте?»

Из среды народа выступил 70-летний старец Афанасий и сказал: «Никто не помнит имени погребенного здесь праведника, только сохранилось среди нас предание, что у сей церкви первым был погребен какой-то благочестивый и добродетельный муж». Затем он рассказал, что знал о происхождении и подвижнической жизни сего благочестивого мужа. Услышав все сие, митрополит сказал собравшимся: «Чада, молитесь Господу Богу, да откроет Он нам имя праведника, и я, грешный, сам буду молить о том же Господа».

Простясь с народом и преподав ему свое архипастырское благословение, преосвященный отправился в город Верхотурье. По дороге он размышлял обо всем бывшем, думал о том, что если Господь изволил проявить мощи Своего угодника, то Он же откроет и имя, данное сему праведнику при святом крещении. Уже десять верст отъехал от села Меркушина преосвященный. Среди своих размышлений он погрузился в дремоту, и внезапно в сонном видении представилось ему множество народа, вопрошающего об имени праведника. В то же самое время преосвященный услышал глас: «Симеоном зовут его». После сего будто кто-то повторил: «Симеоном зовут его». Еще в третий раз кто-то назвал праведника

уменьшительным ласкательным именем, как родители называют своих чад.

Великой радостью исполнился тогда преосвященный: он тотчас проснулся и понял, что видение было ему свыше. Объятый удивлением, прибыл преосвященный в Верхотурье, где остановился в Николаевском монастыре. О видении, бывшем ему на пути, он поведал архимандритам Сергию и Александру и игумену Далматовскому Исааку. Слыша рассказ преосвященного, удивились они и сказали, что первое наименование праведника показывает, как следует почитать праведника после кончины, второй возглас обозначает, как звали его при жизни, а наименование праведника ласкательным именем показывает, что так звали его родители. Преосвященный сказал, что и он так думает. После сего они возблагодарили Господа Бога, дивного во святых Своих. С того времени митрополит Тобольский повелел именовать новоявленного угодника Божия Симеоном.

Около того же времени было еще видение иеродиакону Василиду, послушнику вышеназванного Исаака Далматовского. После вечернего правила иеродиакон Василид сидя задремал, и вдруг ему в видении представилось множество народа, страшившего имя новоявленного чудотворца. И раздался голос: «К чему вы много вопрошаете? Уже вам известно, что его зовут Симеон». Проснувшись, иеродиакон ознаменовал себя крестным знамением; он понял, что удостоился видения свыше, и рассказал о чудесном сне своем преосвященному Игнатию.

Посетив город Верхотурье и освятив здесь соборный храм 27 декабря 1694 г., митрополит поехал обратно в Тобольск. По дороге он опять заехал в Меркушино. Вместе с ним прибыли сюда верхотурский воевода Циклер, священники, диаконы и большое число верхотурских жителей. В это время священник находившейся там церкви во имя Архистратига Михаила Иоанн рассказал митрополиту, что за день до прибытия преосвященного в Меркушино он после вечернего правила быстро заснул и во сне увидел следующее: гроб с мощами праведника перенесли в церковь, и ему, Иоанну, надлежит совершить литию у сего гроба. Не зная, каким именем следует

поминать усопшего, был он в недоумении, и вдруг слышался ему голос: «Зачем недоумеваешь? Поминай его Симеоном». Когда священник рассказал о сем, оказалось, что видения этого он удостоился в тот же самый вечер, когда иеродиакон Василид тоже узнал через видение во сне об имени праведника.

На другой день митрополит еще раз свидетельствовал святые мощи и с благоговением лобызал их. Еще раз торжественно объявил он всем присутствующим о святых мощах праведного Симеона Верхотурского, и все, воздав благодарение Господу, поклонились мощам новоявленного угодника и стали в сердечном умилении лобызать их. При сем верхотурский воевода засвидетельствовал, что мощи святого Симеона воистину подобны нетленным мощам Киево-Печерских подвижников.

Сам преосвященный Игнатий возложил на гроб праведного шелковую пелену и приказал сообщать ему все сведения о жизни и чудесах св. Симеона. Впоследствии на основании того, что сам видел и слышал, он составил повесть о явлении чесных мощей, о первых чудесах святого и акафист ему.

С того времени все чаще стали подаваться исцеления недугующим по молитвам праведного Симеона. Одно такое исцеление засвидетельствовано тем же митрополитом Игнатием. После посещения Меркушина преосвященный вместе со своими спутниками направился в город Ирбит, где в то время открывалась ярмарка. В сем городе находился некий иеродиакон, по имени Савватий. Он сильно тогда страдал зубной болью и изнемогал от страшной ломоты в ногах, так что едва мог ходить, и то лишь с величайшим трудом. Накануне, 12 января, перед днем праздника в честь великомученицы Татианы, вечером, незадолго до всенощного бдения, Савватий заснул и вдруг увидел во сне, будто он, взяв благословение у митрополита, отправился в Меркушино, и вот он стоит в часовне над гробом праведного. Игумен Исаак открыл ему мощи, бросившись ниц перед гробницей, он взывал: «Праведник Божий, святой Симеон, помилуй меня и молитвами твоими исцели мои недуги!» И вдруг он видит: св. Симеон, приподнявшись, сел на гроб, на нем – та самая пелена, которую

возложил митрополит Игнатий. И сказал праведный Савватию: «Старче!» Затем, возложив на голову Савватия руку свою, святой вторично сказал ему: «Поди, поди, Савватий». И, обрадованный, он будто направился в церковь Архистратига Михаила и стал рассказывать иерею Тобольского собора Иосифу и иеродиакону Петру о том, как сподобился он увидеть праведника. Тут Савватий проснулся и почувствовал, что недуги его прошли. Тогда он горячо стал благодарить Бога и прославлять праведного Симеона Сибирского. Сие исцеление произошло в Ирбите в то время, когда там собралось много народа. Все удивлялись и благодарили Господа, пославшего людям нового ходатая и молитвенника.

Скоро стало известно о новом чуде. Ключарь соборной сибирской церкви, иерей Иоанн, как выше упомянуто, был послан освидетельствовать мощи праведного вместе с игуменом Исааком. Окончив сие поручение, они вошли в дом священника села Меркушина Иоанна. Ключарь Иоанн, утомленный дорогой, скоро заснул и узрел видение. Снилось ему, будто он находится в церкви святого Архистратига Михаила в Меркушине и посредине церкви стоит гроб с мощами праведного; великое благоухание наполняет храм, подобно тому как это бывает во время каждения по всей церкви; преосвященный Игнатий стоит тут же, и вокруг головы его также носится благоухание. И в изумлении ключарь услышал голос, обращенный к нему: «Что ты так изумляешься сему, зачем ты не веруешь сему? Так прославляет Господь Бог сего праведника, как и Василия"1).

Св. Симеон даже после своей кончины не давал распространяться в стране своей заблуждениям, противным истинной вере христианской. На другой год после открытия мощей сего праведника, в 1696 г., 14 января, митрополит Игнатий, заботясь о душевном спасении своей паствы, посылает для обозрения епархии иеромонаха Израиля и соборного иеродиакона Никифора (Амвросиева). Они должны были наблюдать, где и как исповедуют истинную веру Христову, вразумлять уклоняющихся и ободрять колеблющихся. Прибыв в Верхотурье, они увидели, что в самом городе, да и в

окрестностях его, народ крепко держится Православия и живет благочестиво. Им сообщили, что здесь поселились было люди, уклонившиеся от Православия, но недолго они прожили в сих местах: одни из них вскоре отказались от своих заблуждений, другие совсем покинули ту местность. Посланные не могли не видеть в сем чудесной помощи свыше; так они и донесли митрополиту Игнатию, и преосвященный также признал в сем явлении особенное благоволение св. Симеона к тем местам.

Вскоре произошло новое чудо. Посланные митрополитом возвращались в Тобольск. Путь их лежал через село Меркушино. Приближаясь к Меркушину, один из посланных – иеродиакон Никифор (Амвросиев), сидя в санях, стал молиться, чтобы Господь сподобил его достойным образом поклониться мощам Своего славного угодника. В это время он погрузился в легкую дремоту и вдруг видит перед собою мужа в белой одежде, среднего возраста, лет около 25, волосы его были русого цвета. Добрым взглядом он смотрел на Никифора; последний спросил его: «Раб Божий, скажи мне, как тебя зовут?» Тогда явившийся отвечал необыкновенно приятным голосом: «Я Симеон Меркушинский», – и с этими словами стал невидим. Иеродиакон тотчас же проснулся, дрожь объяла его при мысли о видении. Между тем они прибыли в Меркушино. Иеродиакон Никифор с сердечным благоговением и великим страхом поклонился нетленным мощам сего славного угодника Божия, прославил Господа и тут же поведал всем о явлении, бывшем ему во сне.

Один человек, Петр Калинин, с реки Миаса рассказал в Меркушине следующее. В феврале 1700 года он с товарищами своими отправился на рыбную ловлю. Вдруг на них напали татары, схватили их и везли с собою куда-то целых два дня. К вечеру на третий день татары перевязали своих пленников и вскоре заснули крепким сном. Тогда Петр, возложив всю надежду свою на Божие милосердие, стал взывать к праведному Симеону: «Праведник Божий Симеон, помилуй меня и избавь меня от сих иноплеменников!» При этом он дал обещание сходить в Меркушино и совершить панихиду над гробом праведного. Лишь только он дал обещание, тотчас же с

рук и ног его спали сами собою крепкие узы, положенные врагами. Возблагодарив горячо Господа за помощь, он взял двух коней и вернулся к себе.

Чем более возрастала молва о святых мощах Симеона, тем более у жителей Верхотурья крепла мысль почитать достойным образом праведника. Посему они вознамерились перенести мощи св. Симеона из села Меркушина в город Верхотурье. В 1702 г. вступил на архипастырский престол новый митрополит Филофей, отличавшийся своей ученостью и ревностным проповеданием истинной веры Христовой. К нему-то и обратились верхотурские жители с просьбой о перенесении мощей св. Симеона. Особенно просили митрополита от лица всех верхотурских жителей воевода Алексей Калетин и таможенный голова Петр Худяков. Митрополит Филофей, и сам питавший к святому чувство глубокого благоговения, охотно дал свое архипастырское благословение и разрешил перенести мощи в Николаевский Верхотурский монастырь.

Когда было получено сие разрешение от преосвященного Филофея, в Меркушино отправился архимандрит Николаевского монастыря Израиль. Это происходило около 1-го числа сентября 1704 г., а перенесение было назначено на 8 сентября. Архимандрит должен был прежде совершить переложение святых мощей в новую раку. Но в то время началась ненастная погода, так что некоторым пришла в голову мысль, благоугодно ли святому сие перенесение мощей из Меркушина. Так думал даже упомянутый Худяков, бывший ходатаем о перенесении их. Но сам св. Симеон разрешил сие недоумение. Худякову во время сна представилось, будто стоит он в меркушинском храме и перед ним – гроб со святыми мощами, перед гробом – архимандрит Израиль со множеством народа. Вдруг от гроба поднялось некое благоухание в виде столба и направилось к городу Верхотурью. Из сего все поняли, что праведному непротивно перенесение его четных мощей в Верхотурье. Тогда 8 или 9 сентября было совершено переложение мощей в новую раку. И замечательно, что с сего дня прекратился дождь и наступила тихая, хорошая погода. 12 сентября 1704 г. торжественно и с подобающим благоговением было совершено

перенесение чесных мощей сего славного угодника Божия, который с тех пор стал именоваться Верхотурским. И до сего дня 12/25 сентября совершается торжественное празднование в честь св. Симеона.

По перенесении мощей в город Верхотурье от раки праведного с новой силой стали истекать чудотворения, из которых особенно замечательно следующее. В Верхотурье проживала одна вдова Параскева Быкова; она сильно страдала болезнью глаз, уже совсем лишилась зрения, не могла даже различать света, кроме того постоянно чувствовала в глазах нестерпимую боль, так что не могла ни спать, ни есть, ни пить. Никакие средства не приносили ей облегчение. Тогда она стала помышлять, что тщетно искать помощи от людей, если не будет помощи свыше. Видя такую скорбь сей вдовицы, праведный умилосердился над ней, и 12 сентября 1705 г., когда она погрузилась в дремоту, ей представилось, что она стоит за литургией в церкви свт. Николая, где почивали мощи праведного Симеона, и перед гробницей святого усердно молится о своем исцелении. Вдруг она слышит глас из раки дивного чудотворца: «Обещайся отслужить молебен Господу Богу и праведному Симеону в Николаевском храме и сделай посильное приношение в сей храм». Вдовица обещалась и присовокупила, что ничего не пожалеет для сего приношения. Лишь только она произнесла сие, как уже почувствовала некоторое облегчение, но по слабости своей отложила намерение о молебне угоднику. И вот вскоре она вторично увидела, будто молится в той самой церкви и слышит, как праведный сказал ей: «Что же ты забываешь свое обещание о молебне?» Она тотчас воскликнула: «Виновата я, грешная, пред Богом и тобою, праведниче. Я исполню свое обещание, только умилосердись надо мною и исцели болезнь мою».

Проснувшись, она почувствовала себя еще лучше, телесные силы ее возвратились, только все еще она не могла хорошо смотреть. Но и после сего она почему-то стала откладывать свое обещание. Тогда снова ей было видение, будто она стоит в Николаевском храме; внезапно праведный сел в своей раке и сказал ей: «Не забывай своего обещания

отслужить молебен и не откладывая сего на долгое время». Проснувшись, она ясно прозрела. Радуюсь своему исцелению и славя Господа, она поспешила в Николаевский монастырь. По ее просьбе было совершено молебствие у раки предивного угодника Симеона Верхотурского. Тогда же она сделала и пожертвование в сию обитель.

Немало было в то время нестроений в Сибирской стране. Нередко кочевники нападали на селения русские и уводили пленников. В 1709 г. летом башкиры напали на Багарятинскую слободу, разорили ее и взяли в плен местного священника Петра вместе с сыном его Иеремией. Кочевники, связав пленных, в течение трех дней везли их в свои улусы. Прибыв на озеро Чебаркулево, они остановились на ночлег. Истомленный страхом и тягостным путешествием священник быстро впал в сон, и вдруг ему явилась Пресвятая Богородица и повелела, чтобы он для освобождения от плена обещал поклониться в Верхотурье мощам праведного Симеона и сходил бы в село Нироб для поклонения иконе святителя и чудотворца Николая. Священник пробудился, пораженный таким явлением, и с великой благодарностью стал молиться Господу Богу и Его Пречистой Матери, а также возносил свои моления славному чудотворцу Симеону и дал обет исполнить все, что повелела ему Пресвятая Богородица. Между тем при наступлении ночи враги еще сильнее затянули веревки, которыми были связаны пленники. Но вдруг ременные путы на пленниках ослабевают и спадают с них сами собою. Освобожденные таким дивным образом священник вместе со своим сыном скрываются сначала в тростнике, который рос по берегам озера, потом вступают в самую воду по шею, чтобы враги не могли их заметить, и так освобождаются от плена. После сего они отправились на поклонение к образу Николая Чудотворца, от всего сердца благодарили Бога и Пресвятую Богородицу и прославляли праведного Симеона Верхотурского.

В 1711 г., в апреле месяце, один монастырский старец, по имени Иаков, внимательно слушал Божественную литургию и старался отрешиться мыслью от всего земного. Тихо стоял он в молитвенном умилении. Вдруг при возгласе: «Со страхом

Божиим и верою приступите» – он упал ниц и лежал долгое время без чувств, когда же он пришел в себя, то рассказал следующее.

При взгляде на образ Пресвятой Богородицы, именуемый «Одигитрия», его вдруг объял страх. Что с ним дальше было – он не помнит, лишь помнит только одно, как предстал пред ним праведный Симеон и, прикоснувшись к нему, сказал: «Встань, поди и объяви всем, чтобы воздерживались от сквернословия и слов бранных, иначе Господь пошлет на людей и на скот их голод и мор. Пусть все усердно молятся Господу, Его Пречистой Матери и всем святым, пусть весь народ служит молебное пение об отвращении гнева Божия». Кроме того праведный Симеон приказал Иакову рассказать о сем архимандриту и воеводе, дабы люди раскаялись в своих прегрешениях и молились бы об избавлении от праведного гнева Божия, что и было исполнено всеми с величайшим усердием.

Праведный Симеон являлся безвозмездным целителем даже таких людей, которые не ведали и не слышали об его прославлении. Так, в 1749 г. один крестьянин Василий Масленников был чудесно избавлен праведным от тяжкого и продолжительного недуга. Он жил в Новянском заводе и еще с самого раннего детства был научен некоторыми людьми, уклонившимися от Церкви, изображать на себе крестное знамение двумя перстами. Однажды он сразу впал в тяжелую болезнь; члены его расслабли так, что он не мог владеть правой рукою, не мог говорить. В таком болезненном состоянии он пробыл целых три года. И вот во время сна пред ним предстал какой-то муж средних лет в белой одежде с русыми волосами и необыкновенным видом. Явившийся спросил Василия: «Хочешь ли быть здоровым?» Болящий пришел в величайшее изумление и отвечал: «Да, я, господин, желаю того. Но кто ты и почему так заботишься обо мне?» «Я Симеон Верхотурский, – отвечал ему муж в светлом одеянии, – немедленно ступай в Верхотурский Николаевский монастырь, помолись с верою Господу Богу, попроси совершить молебное пение перед находящимися там мощами – и будешь здоров. Крестное же знамение изображай на себе во образ Святой Троицы не двумя,

а тремя перстами». Больной дал обещание. Проснувшись на другой день, он почувствовал себя совершенно здоровым. Тотчас он рассказал всем о чудесном своем исцелении и вскоре отправился в Верхотурье, за двести верст от того завода, где он жил, и здесь исполнил все, что повелел сей славный чудотворец и защитник Православия в стране Сибирской.

По просьбе некоторых почитателей св. Симеона в 1763 г. было произведено новое освидетельствование святых мощей его. Производившие осмотр с немалым усердием и великим старанием собирали все сведения как о житии праведного, так и о посмертных чудесах, истекавших в разное время от нетленных мощей сего угодника Божия.

Между тем чудесные исцеления все продолжали истекать от гроба праведного Симеона, как бы некий водный поток, никогда не иссякающий. Из многих чудес, бывших в то время, особенно замечательно одно – исцеление казака Феодора Кайдалова, проживавшего в городе Сургутском Тобольской епархии. О сем сам исцелевший рассказывал следующее.

«Случилось мне, – говорил он, – в 1790 г., в день Рождества Христова, быть в дому двоюродного моего брата, священника Иоанна Иоанновича Кайдалова. Тут я узнал, что у брата его есть порох и просил принести его сколько-нибудь. Брат согласился и принес в мешке двадцать фунтов пороха. Этот мешок с порохом положен был среди комнаты на полу. Мне вздумалось попробовать бывшее со мною ружье. Зарядив его тем порохом, я едва спустил курок, чтобы выстрелить, как искра от кремня в курке нечаянно упала в тот мешок. От того последовал ужасный взрыв, которым сбросило потолок со всего дома, хозяина оглушило и опалило, а у меня, так как я стоял еще ближе к мешку, все платье и тело обгорело так, что по местам обнаружились кости. С течением времени тело мое покрылось ранами и стало гнить, а в ранах завелись черви и все более и более грызли мое тело. В таком болезненном состоянии в ночь на 1-го января я имел утешительное видение. Некий старец благообразного вида советовал мне идти поклониться святым мощам праведного Симеона, обещая, что сей угодник Божий подаст мне исцеление. С того времени я постоянно имел

в мыслях праведного Симеона и положил непереносимое намерение с искренним обетом – съездить в Верхотурье помолиться праведному при раке и святых мощах его. Исполнение обета имело спасительное для меня действие, и через полтора месяца я совершенно исцелился».

Благоговейное уважение к праведному, озаряющему своими чудесами Сибирскую страну, все возрастало и увеличивалось. Супруги Турчаниновы в 1798 г. соорудили новую медную раку для мощей святого угодника Божия, а в 1808 г. в селе Меркушине была воздвигнута одним верхотурским жителем каменная гробница вместо прежней деревянной. Она была сооружена над самой могилой праведного, из коей истекает источник воды, не повреждающийся в сосудах, хотя бы и долго приходилось ей стоять. И до сего времени поклоняющиеся мощам праведного Симеона посещают и сие место, берут с собой воды из источника. По усердной молитве и призывании имени св. Симеона часто от сей воды подаются верующим различные исцеления недугов душевных и телесных.

Особенно замечательно одно чудо праведного Симеона, который быстро наказывает людей, недугующих неверием, но быстро и помогает им, если они раскаялись и от всего сердца обратились с молитвой к ходатайству его. Одна женщина, Ксения Феодорова, – это было в начале XIX столетия в Верхотурье, – вошла в Николаевский храм, где почивали мощи праведника, но сделала сие не по искреннему расположению сердца, а скорее из любопытства. В то время в храме была одна знатная женщина, по просьбе которой были совершенно открыты святые мощи праведного Симеона. Враг рода человеческого всегда старается уловить в свои коварные сети слабых и колеблющихся; сей древний завистник людей вложил Ксении в сердце сомнение. При виде обнаженных мощей она не только не воздала достойного поклонения им, но даже возгнушалась ими и небрежно удалилась из храма. Не успела она пройти и одной версты от города (она хотела возвратиться на место своего жительства), как вдруг поднялся страшный вихрь. Ветер поднял громадный столб пыли и мелкого песка, и вся эта пыль обрушилась на Ксению и совершенно засорила ей

глаза. От песка она не могла видеть света, стала протирать глаза – но все было тщетно. Она было закричала спутницам, но те за свистом ветра не слышали ее. Тогда она поняла, что Господь покарал ее за сомнение. Она стала призывать имя праведного Симеона, и он тотчас же помог ей: к ней подошла одна спутница. Ксения попросила ее, чтобы она проводила ее к мощам угодника Божия Симеона. Дорогой она все время молилась и просила, чтобы Господь простил ей прегрешение. Придя в храм с твердой надеждой на облегчение, Ксения не обманулась в своем ожидании. Лишь только приложились она к святым мощам, тотчас прозрела. Праведный Симеон избавил ее от недуга и вместе с тем от ее губительного сомнения. Так много значит «молитва праведного поспешествуема» (Иак. 5, 16).

После бывшего еще раз в 1825 г. освидетельствования мощей праведного Симеона последовали еще новые чудеса, из которых примечательно одно, происшедшее в 1828 г. Осенью сего года в октябре одному из работавших на Кыновском заводе Агапию Рачеву нужно было сходить в дом, находившийся за заводским прудом. В это время по случаю сильных дождей были открыты на плотине шлюзы, а для пешеходов было перекинуто несколько досок. Рачев благополучно переправился. Но в доме он просидел до вечера, так что ему пришлось возвращаться в сумерки. Дойдя до плотины, он начал выбирать место для перехода. Введенный в заблуждение сильным шумом и оглушительным гулом падавшей вниз воды он удалился от того места, где был переход, и, думая скорее пройти плотину, ускорил шаг и вдруг упал в одно из самых опасных мест перед плотиной, где было более трех саженей глубины. Известно, что при открытых шлюзах вода со страшной силой напирала на проходы. Около одного такого прохода и упал в воду Рачев. Опасность была велика; казалось, ничто уже более не могло спасти упавшего. Неудержимым напором воды его уносило в проход – ему предстояла верная гибель. Находясь в таком отчаянном положении, Агапий стал призывать на помощь свт. Николая и праведного Симеона, и молитва его была услышана. Внезапно, сам не зная каким образом, он почувствовал, что в

руках у него очутилась одна из балок, которые поддерживали мост. Ободренный, он громко стал звать на помощь, но никто не являлся. Долго он кричал, наконец стал изнемогать силами. Балка, за которую он держался, была толста, к тому же она осклизла. От холодной воды руки его стали коченеть. Еще несколько минут – и он должен был выпустить балку и погрузиться в воду. Тогда он опять стал внутренне молиться и дал обещание сходить в Верхотурье на поклонение святым мощам праведного Симеона. Угодник Божий, заступник находящихся в бедах и скорбях, помощник всех призывающих его, немедленно оказал Агапию свою чудную помощь. Вдруг прибежал народ, и вытащили утопающего. Велико было удивление всех, когда Агапий рассказал, как он спасся от верной смерти покровительством праведного Симеона.

Спустя шесть лет, именно в 1834 году, сей славный угодник Божий дивным образом исцелил от тяжелой болезни сына того же Агапия – Матфея Рачева. Явившись болящему во время забытья, праведный Симеон напомнил Матфею, что у него есть неисполненное еще обещание – сходить на поклонение в Верхотурский монастырь, после чего болящий вскоре поправился и исполнил свое обещание.

Не одни жители Западной Сибири получали по молитвам святого различную помощь. И за пределами Западной Сибири святой Симеон дивным образом проявлял силу, дарованную ему Всеблагим и Всемогущим Господом. Так, в 1844 г. произошло исцеление в Петербурге одной женщины Авдотьи Парфеньевой.

Много и других чудотворений было совершено по молитвам сего святого угодника Божия. Всем призывающим его с верою подается заступление, от огня спасение, болящим – исцеление, глухим – слух, немым – разрешение уст, плененным – освобождение. И доньше продолжают истекать различная чудеса от мощей сего славного угодника Божия по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава, хвала и благодарение во веки. Аминь.

Афанасий Серпуховской младший, преподобный

Когда с помощью благочестивого Серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго новый игумен Афанасий (Старший) построил в г. Серпухове храм и келлии монастыря, прозванного Высоцким, тогда скоро стали собираться к нему ученики. Первый из них был прп. Никон, будущий игумен лавры Сергиевой, присланный сюда самим Сергием, а вторым – Амос, сын знатных родителей, из Ярославской области, который при пострижении был назван Афанасием. Блаженный игумен ревностно заботился о душевной пользе учеников своих, советовал им остерегаться праздности и как можно чаще заниматься чтением книг. Преподобный Афанасий перед удалением своим в Царьград назначил Афанасия (Младшего) своим преемником в Высоцком монастыре.

О блаженном Афанасии (Младшем) известно, что он успешно направлял духовную жизнь братии и подавал пример своей богоугодной жизнью. Почил св. Афанасий Младший после долгой болезни 12 сентября 1395 г. В рукописных святцах о нем сказано: «Преподобный Афанасий, игумен Высоцкого Зачатского монастыря, иже в Серпухове, новый чудотворец, преставился в лето 6904 (1395), сентября в 12-й день, ученик преподобного Афанасия, дивнаго ученика преподобного Сергия Радонежского, что после был в Царьграде и тамо преставися».

Афанасий Высоцкий, преподобный

Преподобный Афанасий Высоцкий (Серпуховской) был одним из учеников прп. Сергия Радонежского. Он родился в семье священника Авксентия из Новгородской области (Обонежской пятины) и в миру носил имя Андрей.

Родителями своими Андрей воспитан был в правилах христианского благочестия и еще в детстве обучен чтению, письму и церковному пению. С ранних лет полюбил он храм Божий, часто молился в нем, и самое решение посвятить себя иноческой жизни созрело в юноше во время богослужения. Однажды во время литургии Андрея поразили слова Господа из дневного евангельского зачала: *Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет* (Мф. 16, 24; Мк. 8, 34); и в этих словах он услышал призыв к иночеству. В то время распространилась уже на Руси слава о великом подвижнике Радонежском прп. Сергии и об основанной им пустынной Троицкой обители. Под руководством прп. Сергия и пожелал Андрей проходить подвиг иночества; пешком пришел он из Обонежья в Троицкую обитель и со слезами упал к ногам святого старца, прося принять его в число своих учеников. Прп. Сергий исполнил пламенное желание Андрея, принял его в обитель и для испытания назначил ему послушание – трудиться на поварне. Проходя это испытание, Андрей показал себя благопокорным тружеником и усердным молитвенником, и потому прп. Сергий постриг его в монашество, дав при этом иноческое имя Афанасий.

Новый инок отличался добронравием, чистотою мысли и совершенным послушанием. «Во все время, пока ты был при мне, – говорил ему впоследствии прп. Сергий, – ты ни разу не оказал непослушания не только мне, но и братии». В то же время Афанасий отличался среди других братией знанием Священного Писания и любовью к переписыванию книг. Он оставил в Троицкой обители много «доброписаний» своей руки и за свою начитанность и любовь к книгам особенно любим был прп. Сергием.

Такой инок способен был не только проходить монастырское послушание, но и руководить других на иноческом пути. И действительно, прп. Афанасий стал основателем и игуменом одного из первых монастырей, происшедших от великой лавры Сергиевой, – монастыря Высоцкого Серпуховского.

Благочестивый князь серпуховской Владимир Андреевич Храбрый, почитавший и любивший монашеский и священнический чин, задумал устроить в своем городе монастырь. Он просил прп. Сергия прибыть к нему для благословения и основания обители. Исполняя желание князя и видя его усердие к монастырям и храмам Божиим, преподобный Сергей с радостью и без замедления пришел в Серпухов. Преподобный осмотрел и одобрил выбранное князем место для будущей обители, называвшееся Высоким (по своему положению на очень высоком берегу Нары), и своими руками заложил основание храма в честь Зачатия Пресвятой Богородицы богоматерью Анной. Это было в 1374 г. Князь Владимир просил у прп. Сергия любимого ученика его прп. Афанасия в игумены нового монастыря. Князь знал прп. Афанасия потому, что Радонежская обитель находилась в его княжестве и он часто посещал ее. Жалко было великому подвижнику отпускать от себя мужа, чудного в добродетелях и разумного в Божественном Писании. Но склоняясь на просьбу князя Владимира, он отпустил в Серпухов прп. Афанасия. Благодаря щедротам усердного князя скоро воздвигнут был храм обители, устроены братские келлии. Строитель пожертвовал в обитель все потребное в изобилии: святые иконы, книги, священные сосуды. На высокой горе прекрасно устроенный монастырь был очень красив. Быстро собирались в него братья, и прп. Афанасий, искусный и разумный в управлении монастырем, ввел в обители строгое общежитие. Поэтому монастырь процветал и нравами. В числе первых иноков Высоцкого монастыря был прп. Никон, впоследствии преемник самого прп. Сергия по игуменству в Троицком монастыре. Весьма знаменательно то, что когда юный Никон пришел в Троицкую обитель и просил пострижения, сам прп.

Сергий направил его сперва в Высоцкий монастырь к прп. Афанасию, сказав, что он получит там наставление в иноческой жизни: так ценил великий подвижник духовное руководство прп. Афанасия. После же того, как прп. Никон прошел первоначальный монашеский иску́с и удостоился сана священства за свои подвиги, прп. Сергий взял его в свой монастырь и перед смертью назначил своим преемником по игуменству.

Прп. Афанасий поучал подчиненную братию как высоким личным примером своим, так и проповедническим словом; свои наставления преподобный брал из творений святых – Василия Великого, Исаака Сирина и других отцов Церкви. По-прежнему, как и в Троицком монастыре, он любил переписывать душеполезные книги: эти книги его письма и после него долго хранились в Высоцком монастыре. Заставлял трудиться над перепискою книг и братию монастыря.

Преподобный был в близких, дружеских отношениях с тогдашним Московским митрополитом Киприаном (память 16/29 сентября), который и сам приезжал в Высоцкий монастырь для освящения каменной церкви, заменившей первоначальную деревянную (эта каменная церковь построена была тем же серпуховским князем Владимиром Андреевичем). Высоцкий игумен и митрополит Московский вели между собою переписку. Когда в 1382 г. митрополит Киприан вследствие недовольствия на него великого князя Димитрия Донского удалился из Москвы в Киев, вместе с ним на некоторое время уехал туда же и прп. Афанасий. В 1387 г. митрополит Киприан по вызову Константинопольского патриарха должен был отправиться в Константинополь. Пользуясь этим невольным путешествием митрополита, преподобный решился сопутствовать ему и уже навсегда оставил свой Высоцкий монастырь. Летопись объясняет нам причину этого решения в таких словах: «Бога ради остави игуменство». Это должно понимать так, что Афанасий, подобно прп. Никону, вскоре после смерти прп. Сергия оставившему игуменство, возжелал совершенного безмолвия и уединения. Но оставляя игуменство в Высоцком монастыре, прп. Афанасий передал его в добрые и верные

руки: он вручил управление обителью соименнику своему, им же воспитанному в иноческих добродетелях, Афанасию Младшему, как назывался он в отличие от своего учителя.

В Константинополе подвижник вместе с митрополитом Киприаном жил в Предтечевом монастыре, носившем прозвание «Богом богатого», затем подвизался в обители Перивлепто. В одном из этих монастырей св. Афанасий купил себе келлию и право на содержание от монастыря и пребывал, как один из убогих, оставив попечение о настоящем и желая будущего воздаяния. Когда митрополит Киприан в 1390 г. приехал снова в Москву и утвердился на митрополичьем престоле, он много упрашивал прп. Афанасия, чтобы тот возвратился в Россию и принял почетную должность. Но смиренный подвижник решительно отказался от этого и сказал: «Эта келлия моя дороже мне всяких почестей!»

Один из учеников Афанасия в Предтечевом монастыре, сообщивший известие об этом отказе, справедливо восклицал: «О, ум рассудительный! О, взор светлый! Дивлюсь я твоему воздержному житию!»

Проживая в Константинополе, прп. Афанасий не покидал своего любимого занятия – переписывания церковных книг. В 1401 г. он списал своей рукой церковный устав под названием «Око церковное», который много раз переписывался и быстро распространился в России. Послав такой устав на родину, прп. Афанасий, по всей вероятности, следовал своему сердечному желанию сообщить в свое отечество такое руководство, которое помогло бы править службу церковную благообразно и по чину (из одного послания к нему митрополита Киприана, написанного еще в Высоцком монастыре, мы видим, что и тогда преподобного весьма интересовали многие вопросы, относящиеся к уставному совершению богослужения). Имея любовь к переписыванию книг, преподобный воспитывал любовь к этому занятию и в других иноках. Так, в 1392 г. один из учеников по его благословению и совету написал в Предтечевой царской обители Константинополя Сборник отеческих сочинений (400 глав прп. Марка Исповедника, главы прп. Марка, Слово

Симеона Нового Богослова, несколько Слов Иоанна Златоуста и Исаака Сирина).

Живя в Константинополе, прп. Афанасий не забывал своего Серпухового монастыря; он прислал в него несколько икон византийского письма, которые и доныне стоят в главном монастырском храме Пресвятой Богородицы над царскими вратами.

Прп. Афанасий и в Константинополе пользовался, вероятно, большим почетом и уважением за свою подвижническую жизнь; переписчик упомянутого выше святоотеческого Сборника именует его «священночестнейшим между иноками». «Прожив в молчании со святым старцем», преподобный «старости глубоце преставился ко Господу» в Константинополе, по всей вероятности, в первых годах XV в.

Память прп. Афанасия празднуется местно.

Сентябрь 13

Кетевана царица Кахетинская, великомученица

Святая великомученица Кетевана происходила из царского рода Багратиони и была правнучкой царя карталинского Константина (1469–1505). После смерти своего супруга Давида, наследника царя кахетинского Александра II (1577–1605), она сама правила царством. Глубокое благочестие царицы проявилось в особенном попечении о нуждах Грузинской Церкви, в построении храмов, приютов и странноприимных домов. После смерти мужа святая Кетевана поселилась в уединении.

Брат ее мужа Константин (прозванный Окаянным) принял магометанство и, по наущению шаха Аббаса I, подослал убийц к престарелому отцу Александру II и брату его Георгию. Совершив преступление, Константин велел положить тела убитых на верблюдов и отправить их к царице Кетеване. Ужаснувшись злодеянию, царица оплакала безвинных страдальцев и похоронила их в Алавердском соборе. Нечестивец, однако, посягнул на ее честное вдовство и попросил ее руки, пригрозив в случае отказа принуждением.

Царица Кетевана собрала кахетинцев и выступила против Константина, разбила вероотступника-нечестивца. Он нашел бесславную смерть со множеством персидского войска. Под мудрым правлением царицы Кетеваны в Кахетии водворился мир и справедливость. Шах Аббас I возвратил ей сына Теймураза, который хотя и жил несколько лет при его дворе в качестве заложника, но сохранил православную веру в чистоте. Впоследствии шах Аббас, угрожая Грузии опустошением, принудил кахетинских феодалов к выдаче знатных заложников. В их числе по добровольному согласию оказалась и царица Кетевана. Желая отвратить беды от грузинского народа и Святой Церкви, она прибыла в Испагань. Шах Аббас предложил благоверной царице принять магометанство, но получил решительный отказ. Тогда царица Кетевана была брошена в темницу, где провела десять лет, исполненных мучительными страданиями. Ни пакости от персидских придворных, ни хитрые

предложения шаха возвести ее в царицы Персидского государства, ни предлагаемые ей великие сокровища, ни прошения и моления придворных и персидской знати пощадить себя, произнеся лишь одно хульное слово на Христа, – ничто не могло поколебать страдальцы Христовой. Ее пытали раскаленными клещами, повесив крестообразно на древе. На голову святой мученицы надели раскаленный докрасна железный котел. Густой дым от загоревшихся волос и всей головы поднялся вверх, и блаженная мученица предала Богу святую свою душу 13 сентября 1624 года.

Три светлых столпа, опустившиеся на тело святой Кетеваны, знаменовали ее духовную победу. Мощи святой царицы Кетеваны были перенесены в Рим в собор святого апостола Петра монахами Августинского ордена, бывшими свидетелями ее исповеднического подвига. Части мощей (честная глава и правая рука мученицы) были переданы августинскими монахами царю Теймуразу I и положены под престолом Алавердского собора святого великомученика Георгия в Кахетии. Католикос патриарх Захария (1613–1630) причислил великомученицу к лику святых и установил ее память праздновать 13/26 сентября.

Сентябрь 16

Иосиф и Исаак Грузинские, мученики

Святые мученики Исаак и Иосиф, родные братья, родились в городе Феодосиополе, или Карну (Эрзерум). Отец их был знатный мусульманин, а мать – христианка, добрая и благочестивая женщина, тайно воспитавшая этих двух сыновей и еще одного, старшего, неизвестного по имени, в христианской вере. Достигнув зрелого возраста, эти три брата, из которых один Иосиф был женат, пожелали удалиться от своего родителя-магометанина, чтобы беспрепятственно исповедовать веру в Господа Иисуса Христа. Они обратились с письмом к императору Никифору I (802–811), прося его произволения переселиться в Константинополь и поступить на службу при его дворе. Получив благоприятный ответ христианского государя, братья стали собираться в дорогу. Старший в скором времени отправился в Константинополь, а Иосиф и Исаак были задержаны по приказу эмира г. Феодосиополя. На вопрос о причине их переселения в Константинополь братья ответили ко всеобщему изумлению присутствовавших, в том числе их отца, что они христиане с самого рождения и потому бегут от нечестивых, желая свободно исповедовать свою веру. Никакие уговоры и угрозы не поколебали мужественных исповедников. Созвав совет вельмож, эмир вынес братьям смертным приговор. На месте казни, приклонив колени, святые Исаак и Иосиф вознесли молитву ко Господу, после чего палач отсек их честные главы. Это совершилось в 808 году. На непогребенные тела святых мучеников ночью спустился необыкновенный столп света и стал над ними. Пораженные этим знамением, магометане просили на следующие день христиан города предать святые тела мучеников погребению. На месте погребения святых впоследствии был построен храм и освящен во имя Пресвятой Троицы.

Сентябрь 18

Бидзин (Чолокашвили), Шалва и Элизбар Ксанские, мученики

Мученики Бидзин (Чолокашвили), Шалва и Элизбар Ксанские – грузинские князья, освободившие от персов Кахетию (Восточную Грузию). По требованию шаха Аббаса II все трое были выданы ему с согласия грузинского царя Вахтанга V (1658–1675), принявшего ислам и известного под именем Шах-Наваза.

Когда связанных святых представили шаху, то они на обычный вопрос отвечали, что они христиане. Никто не мог заставить переменить убеждение исповедников, стоявших на твердом исповедании веры Христовой. Шах Аббас, испробовав все возможные средства, включая посулы, угрозы и пытки, отослал Бидзина, Элизбара и Шалву к бывшему правителю Кахетии султану Алдаранскому, жившему тогда в Испагани. Султан, видя их непоколебимость, после жестоких мучений приказал отрубить главы Элизбару и Шалве, что и исполнено было на глазах Бидзина. Бидзина же он велел одеть в знак позора в женское платье и возить по городу на осле. Когда же и после этого Бидзин не поколебался в вере, его предали новым терзаниям и мучениям: тело его было разделено по суставам и, наконец, отсечена честная глава.

Это событие совершилось 18 сентября 1660 г. (по другим сведениям, мученики пострадали при шахе Сефи, сыне Аббаса II, в 1664 г.). Святые тела мучеников были выброшены в выгребные ямы за городом. Ночью над ними воссиял свет, струившийся с неба. Увидев это, местные армяне унесли и сокрыли святые мощи в своей церкви. Через некоторое время мощи были перенесены в Карталинию и с честью погребены в Икортском монастыре близ города Гори.

Аркадий епископ Новгородский, блаженный

Блаженный отец наш Аркадий происходил из бедного рода. Еще в юности он оставил своих родителей и удалился в монастырь св. Георгия. Видя благоговейное и целомудренное житие св. Аркадия, игумен монастыря поставил его во диакона, а затем во пресвитера. Через несколько лет святой принял игуменство в Георгиевском монастыре, но по зависти и наваждению диавольскому был оттуда изгнан. В то время из Киевской области прибыл в Новгород великий князь Изяслав. Он возлюбил св. Аркадия за его праведную жизнь и поручил ему игуменство в монастыре св. Пантелеимона. Но не долго св. Аркадий игуменствовал в этой обители – не более пяти лет. В 1153 г. он удалился в ненаселенное место на расстоянии трех поприщ от Новгорода, построил там деревянную церковь во имя Пресвятой Богородицы, честного Ее Успения, собрал братию и основал при церкви монастырь.

Первым игуменом Успенского монастыря был сам строитель его св. Аркадий. Неизвестно, как он правил монастырем своим, вероятно успешно, потому что был сведущ в деле церковного порядка и к нему обращались за разрешением своих пастырских недоумений новгородский иеромонах Кирик и священник Илия. Но не много времени св. Аркадий управлял и Успенским монастырем – всего три года. В апреле 1156 г. скончался Новгородский владыка св. Нифонт. В то время епископов на Руси избирал митрополит Киевский и всея Руси. Но когда умер св. Нифонт, митрополита в Киеве не было. Новгородцы не захотели оставаться без святителя и, вероятно, желали присвоить себе право избрания епископа. Поэтому, не дождавшись прихода из Греции назначенного митрополита, они собрались на вече и по жребию избрали епископом Великого Новгорода св. Аркадия.

После избрания на вече новгородцы ходили за св. Аркадием в его монастырь и вывели его оттуда. Принять епископство просили его все: и князь Мстислав Георгиевич, и клирики храма св. Софии, и священнослужители Новгорода, и

иноки. Они торжественно ввели св. Аркадия во двор храма Святой Софии и поручили ему епископию, пока из Константинополя не придет в Киев митрополит, чтобы тогда уже послать туда св. Аркадия для посвящения. Около двух лет он правил Новгородской епархией в сане игумена. В 1158 г. отправился в стольный Киев и здесь был поставлен во епископа митрополитом Константином (1156–1158) месяца августа в 6-й день.

Возвращаясь из Киева в Новгород, св. Аркадий встретил полоцкого князя Рогвольда Борисовича, идущего войной с дружиной и союзниками на своего двоюродного брата Ростислава Глебовича. Святитель уговаривает князя вернуться. Князь послушал миролюбивых речей святого, сам воротился домой; однако усобица князей-родичей тем не кончилась. В Новгород св. Аркадий прибыл 13 сентября.

Непродолжительное время управления его Новгородской епархией было тяжелое. В самый год посвящения св. Аркадия в Новгороде Божиим попущением сделался сильный мор на людей, на коней и на рогатый скот: умирало столько народа и скота, что от трупного запаха нельзя было пройти по улицам города. На третий год летом была засуха, а осенью наступили ранние морозы, от чего наступил голод, великая скорбь и нужда. Сверх этих бедствий, ниспосланных Господом за грехи людей, много было в Великом Новгороде внутренних смут и нестроений, виновниками которых были сами люди. Быстро менялись князья в вольном городе, вслед за ними и посадники, и при этом разные партии веча враждовали между собою. Были нестроения и в церковной жизни Новгородского края. В то время на Руси было много двоеверных христиан, т. е. таких, которые, приняв христианское крещение, не оставляли языческих обычаев, жизни и обрядов. Среди сельского населения были и совсем некрещеные. Приходские пастыри не отличались образованностью и разделяли суеверия своих пасомых. Все эти бедствия и нестроения обязывали епископа утешать несчастных, благотворить неимущим, обращать заблуждающихся на путь Христовой истины, неусыпно надзирать за духовенством. И св. Аркадий был истинным

пастырем. Живя благочестиво и добродетельно, он святительствовал в продолжении восьми лет и многих утвердил в вере и доброй жизни, многих наставил на разум. Преставился он в 1163 г., месяца сентября в 18-й день, в среду, после вечерни. На другой день в присутствии всего причта и паствы честное тело его было торжественно погребено в южной паперти новгородского храма Святой Софии. Молитвами святого и мы да получим оставление грехов.

Сентябрь 19

Феодор Ростиславич благоверный князь Ярославский и Смоленский

Святой благоверный князь Феодор Ростиславич, прозванный Черный, был сын смоленского князя Ростислава Мстиславича, происходил из племени Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха. Год его рождения неизвестен. Несомненно, родился св. Феодор в первой половине XIII столетия. Воспитанный в страхе Божиим, князь еще в юности был боголюбив и благочестив, усердно читал Божественные книги, украшал себя кротостью и целомудрием, соблюдал чистоту душевную и телесную. Вместе с тем св. Феодор отличался воинской отвагой и мужеством. По смерти князя Ростислава Мстиславича старшие братья св. Феодора Глеб и Михаил поступили с ним несправедливо: дали ему во владение из всего Смоленского княжества только небольшой город Можайск. Но святой не спорил и не гневался на братьев. Умный и добрый князь можайский сумел устроить небольшой городок свой, сделать его зажиточным и людным. И Господь, видя незлобие и чистое сердце святого князя, вскоре наградил его княжеством Ярославским.

В 1249 г. скончался ярославский князь Василий Всеволодович, не оставив после себя сыновей. Некоторое время княжеством управляла жена его княгиня Ксения. Но управление княжеством в те тяжелые и тревожные времена татарского ига и княжеского произвола в руках женщины не могло пойти успешно. И действительно, в 1262 г. народ в Ярославле, выведенный из терпения насилием татарских сборщиков дани, убил такого сборщика Зосиму. Этот Зосима раньше был христианином и даже монахом, а потом в угоду татарам принял магометанство. Ругаясь над верой Христовой и хуже татар утесняя своих прежних братьев, Зосима так ожесточил граждан ярославских вымогательствами, поруганием и хулой христианской святыни, что они убили отступника и бросили его тело на съедение псам и воронам. Чтобы наказать взбунтовавшийся Ярославль и другие русские города,

выгнавшие татарских сборщиков, хан Беркай (Берке) (1257–1266) уже стал собирать войско. В это тяжелое время великий князь св. Александр Невский (1252–1263; память 23 ноября/6 декабря и 30 августа/12 сентября) отправился в Орду и при помощи просьб и подарков хану и его приближенным вымолил пощаду Русской земле. Так как больше других городов провинился перед ханом Ярославль и ему грозила большая опасность разорения, то вдовствующая княгиня ярославская Ксения, вероятно, теперь ясно увидела, что для порядка в управлении княжеством нужна твердая мужская рука, и решила принять в дом к себе зятя. Со своей стороны молодой князь можайский Феодор не прочь был жениться на княжне ярославской Марии Васильевне. Он снесся с княгиней Ксенией и родственными ей князьями – ростовским Борисом Васильковичем († 1277 г.) и его братом Глебом Васильковичем белозерским († 1278 г.). Названные князья посоветовались с княгиней Ксенией и согласились на предложение можайского князя. Таким образом Феодор Ростиславич получил руку княжны Марии Васильевны, а вместе с ней и княжество Ярославское. Это случилось, вероятно, вскоре после 1262 г.

Ярославским княжеством святой князь Феодор управлял благочестиво и богоугодно. Заботясь всеми силами о поддержании и сохранении правосудия, как сам князь, сколько возможно, избегал всякой неправды, так и бояр своих увещевал творить суд правый и нелицеприятный, защищать убогих и не потворствовать богатым и сильным. Дом князя был открыт для всех: всякому, какую бы кто нужду ни имел, он помогал по мере сил. Всем сердцем любя Бога и Его Пречистую Матерь, св. Феодор неопустительно посещал службу Божию, почитал священников, как слуг Божиих, особенно же любил иноков. Господь благословил его благочестивую жизнь и даровал ему сына, которого во святом крещении называли Михаилом.

В 1277 г., когда хан Менгу-Темир (1266–1281) собрался против непокорных ясов (или алан), отказавшихся платить дань, он потребовал, чтобы и русские князья, как данники его, приняли участие в этом походе.

Отказать хану в помощи значило навлечь на себя его гнев и на землю Русскую новое опустошение. Поэтому князя – Андрей Александрович Городецкий и Феодор Ярославский повиновались хану и отправились в поход со своими дружинами. Сам хан пошел на ясов вместе с русскими князьями. Они смирили ясов, завоевали их славный город Дедаков, взяли богатую добычу и много пленников.

Хан был очень доволен службой русских князей; богато одарил их и отпустил на Русь с великой честью. Мужество и отвага, какими отличался князь Феодор, обратили на него особенное внимание хана. Поэтому, едва успел Феодор вернуться домой и в июле месяце 1278 г. отпраздновать свадьбу своей дочери, которую он выдал за Михаила Глебовича, сына Глеба Васильковича ростовского и белозерского, как осенью того же года, по воле хана, снова принужден был отправиться в поход, на этот раз вместе с зятем своим, в Волжскую Болгарию, поработченную татарами. Там возникло движение за свержение татарского ига и за возвращение Болгарии независимости. Во главе его стоял человек из простого звания, по имени Лахан, который выдавал себя за человека, посланного небом освободить Болгарию от ига татар. Князья русские должны были помогать своим поработителям татарам. При их помощи Лахан был разбит и казнен, а князь Феодор за услуги, оказанные хану, стал пользоваться еще большей его благосклонностью, вниманием и уважением. Плененный красивой наружностью святого князя, его мужеством и храбростью, повелитель Золотой Орды так полюбил его, что не хотел отпускать обратно на Русь. В знак особенного к нему уважения и благоволения хан повелел князю всегда предстоять пред собой и принимал чашу из рук его. Около трех лет он держал в Орде св. Феодора. А супруга хана даже хотела женить его на своей дочери. Но эти почести тяготили благочестивого князя: он стремился на родину. На предложение же ханши отвечал, что у него есть законная супруга, княжеская дочь, и по закону христианскому он не может иметь другую. Но такой ответ не убедил ханшу, потому что среди татар, особенно знатных, было распространено

многоженство. Тогда князь стал усиленно проситься на родину то лично, то через вельмож. Наконец, просьба его была уважена; хан отпустил его с великой честью, с дарами и грамотами, и св. Феодор с радостью возвратился в отечество. Подходя к Ярославлю, он узнал, что супруга его княгиня Мария скончалась, а городом управляют его сын Михаил и теща – княгиня Ксения вместе с боярами. Феодор хотел было войти в город, но теща и бояре не пустили его. «Нет у нас такого обычая, – сказали они, – чтобы принимать на княжение пришельцев; у нас уже есть законный князь ярославский – сын твой Михаил».

Бояре, конечно, хотели воспользоваться малолетством Михаила, чтобы управлять княжеством самым самовластно. Сильно опечаленный святой князь поехал снова в Орду искать прав своих и там молил хана возвратить ему Ярославское княжество. Хан склонился к просьбе князя и даже отправил в Ярославль своего посла, который должен был подействовать страшными угрозами и предсказанием царского гнева в том случае, если не примут св. Феодора на княжение. Однако властолюбивая княгиня Ксения и вероломные бояре не послушали даже ханского посла. Добрый князь не хотел призвать грозного ханского гнева на свою отчину.

В 1279 г. умер брат св. Феодора – смоленский князь Михаил Ростиславич. По праву старшинства Смоленский стол должен был перейти теперь к св. Феодору. Действительно, он получил в 1280 г. Смоленское княжество, которым управлял через наместника.

Св. Феодор продолжал проживать в Орде. Царица, еще больше полюбившая Феодора, хотела выдать за него дочь свою. Много раз она просила об этом хана. Но тот не соглашался и говорил: «Может ли быть, чтобы мы отдали нашу дочь за нашего данника и служебника, тем более, что он не одной с нами веры?» Царица со слезами просила хана: «Царь! Я уже давно имею желание, чтобы наша дочь веровала в Того Бога, Который сотворил небо и землю и всю тварь, в Которого веруют христиане». Видя настойчивость жены, хан согласился выдать дочь свою за князя Феодора Ростиславича. Со своей

стороны и святой князь Феодор был согласен жениться на ханской дочери, если только она обратится в христианство. «Царь, господин мой! – сказал святой князь хану, – по заповеди Творца Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, по учению апостолов и по правилам святых отцов, нам, христианам, запрещено брать в супружество неверных; если же крестится дочь твоя, то я не отказываюсь взять ее в супруги по христианскому закону церковному».

Хан пожелал испросить благословения на брак своей дочери у Константинопольского патриарха и послал в Царьград грамоту. Патриарх вскоре же прислал свое благословение на брак и в ответной грамоте своей упоминал о крещении ханской дочери. Невеста князя Феодора была крещена, наречена во святом крещении Анною и вступила в брак со святым князем Феодором. В знак особенного благоволения к зятю хан через особые послания приказал всем подвластным ему царям, князьям и вельможам принести почетные дары новобрачным; назначил им на содержание 36 городов и подарил много золота, серебра и драгоценных камней. Хан приказал выстроить своему зятю особый дом, снабдил всем в изобилии и свою любовь и уважение к князю каждодневно доказывал тем, что приказывал ему всегда сидеть против себя, надевал на голову его царский венец и другие царские одеяния.

Однако несмотря на все эти почести, на весь блеск, окружавший святого князя Феодора, он не возгордился своим положением: слава мира сего не удалила его от любви Христовой. Среди раболепства и роскоши он оставлялся истинным христианином: всегда исполнял заповеди Божии, еще больше преуспевал в посте, молитве и милостыне; по-прежнему любил он Господа и еще более старался о славе имени Его. В Орде всегда было много христиан: или состоявших в свите русских князей, или из кавказских епархий, находившихся вблизи Орды, из приезжих купцов, или же, наконец, из русских пленников, обращенных татарами в рабство и рассеянных по улусам. Для всех этих христиан в 1261 г. в Орде открыта была епархия в столице ханской – Сарае. Но храмов в Орде было мало и тысячи христиан лишены были

самого дорогого утешения для человека – утешения веры; они не имели возможности собраться на общую молитву, услышать церковную службу, причаститься Святых Христовых Таин. Исполненный глубокой веры и благочестия, святой князь Феодор более других чувствовал тяжесть такого лишения и решил, сколько возможно, облегчить участь христиан в Орде. С дозволением хана он устроил много храмов в татарских улусах и снабдил их необходимой церковной утварью.

В Орде св. Феодор прожил не один год. У него родились там один за другим два сына – святые Давид и Константин. Но вот пришло в Орду известие, что старший сын св. Феодора Михаил, княживший в Ярославле, умер. Тогда св. Феодор решил возвратиться в Ярославль и упросил хана отпустить его на Русь. Хан с честью отпустил его, и благоверный князь Феодор отправился на Русь со своей супругой Анной, с сыновьями Давидом и Константином и большим войском, состоявшим из русского и татарского отрядов. Жители Ярославля и теперь не хотели принять св. Феодора, но князь силою принудил их к покорности, и, согласно воле хана, наказав виновников возмущения, с честью отпустил татар в Орду.

Благоверному князю предстояло трудное дело управления сразу двумя княжествами – Смоленским и Ярославским. И он с Божией помощью управлял ими благочестиво и богоугодно, всеми силами заботясь о благе, счастье и выгодах своих подданных.

Город Смоленск вел оживленную торговлю с немцами, и св. Феодор заботился о том, чтобы поддержать ее на пользу своим подданным. В 1284 г. от имени князя была составлена присяжная грамота, посланная Рижскому епископу о свободной торговле между Смоленском и немецким городом Ригой, между русским и немецкими купцами. В том же году Феодор Ростиславич подтвердил эту грамоту и сам явил образец беспристрастного суда. Князь сам производил суд между немецким купцом Бирелем и русским Армановичем по спорному делу из-за неправильных весов. Он признал немца Биреля правым, а Армановича, своего подданного, виноватым и выдал Армановича со всем его имением немцам. Но произведя суд

правый и нелюбезный и решив это дело в пользу немецкого купца, благоверный князь в то же время строго вступался за обиды своих подданных, ведших торговые дела с немцами.

Не менее заботился святой князь о процветании и благосостоянии и другого своего княжества – Ярославского. В самом городе Ярославле он построил много святых храмов, снабдил их книгами и церковной утварью, святые иконы украсил драгоценными камнями и жемчугом.

Святой князь Феодор вел жизнь истинно благочестивую. Старался исполнять заповеди Божии, неопустительно присутствовал на богослужении, раздавал щедрую милостыню нищим. Благочестивый князь любил святые книги и день и ночь занимался чтением Божественного Писания. Любимым местом его молитвы был Спасо-Преображенский монастырь, который он посещал очень часто. Здесь он молился, кормил братию и раздавал щедрую милостыню нищим и убогим. Заботясь о процветании обители, князь утвердил грамотой жалованье каждому иноку из своих средств. И супруга святого князя – княгиня Анна – устроила соборный храм в Ярославле во имя святого Архистратига Михаила, поставила в нем чудно украшенную икону Богоматери и дала богатые средства на содержание при сем храме полного церковного причта.

Среди частых смут и междоусобий благочестивый князь Феодор оберегал свое Ярославское княжество и должен был принимать участие в печальных событиях того времени. В 1293 г. снова вспыхнула вражда между сыновьями святого Александра Невского, великим князем Димитрием и Андреем, из-за великого княжения. Св. Феодор всегда держал сторону князя Андрея. Союзники-князья обратились за помощью в Орду. Хан дал войско, и татары разграбили и опустошили главные города Суздальской земли. Великий князь Димитрий бежал. Одержав верх над Димитрием, князь Андрей, чтобы еще более привязать к себе св. Феодора, дал ему город Переяславль-Залесский, принадлежавший к уделу Димитрия. Однако через год Андрей помирился с братом – великим князем Димитрием и уступил ему названный город. Вследствие этого мирного

договора Феодор ярославский должен был оставить Переяславль. Оставляя город, князь сжег его.

В 1296 г. князь Феодор присутствовал на съезде враждовавших князей во Владимире на Клязьме. Разобрать споры князей был прислан от хана посол Неврюй. Князья стали на две стороны: на одной – Андрей Александрович с Феодором Ростиславичем и князем ростовским, на другой – князья московский, тверской, переяславский. Они заспорили и разгорячились до того, что взялись было за мечи, и только благодаря посредству владык Симеона Владимирского и Измаила Сарайского дело не дошло до кровопролития: князья мирно разъехались по своим уделам.

Пользуясь смутами и усобицами в суздальской земле, участие в которых пришлось принимать и св. Феодору, племянник его, князь Александр Глебович, лестью склонил смольнян признать его своим князем и в 1297 г. завладел Смоленском, нарушив права своего дяди и его детей. Благоверный князь был уже не молод годами, утомлен трудностями жизни, но ему не хотелось, чтобы дети его лишались законной части в Смоленском княжестве. Глубоко огорченный коварством племянника и непостоянством смольнян, св. Феодор решил силою возвратить их к повиновению. В 1298 г., собрав многочисленное войско, он двинулся к Смоленску, долгое время бился под городом, но не мог взять его укреплений и возвратился в Ярославль.

По возвращении из-под Смоленска благоверный князь Феодор прожил недолго. В сентябре месяце 1299 г. он сильно заболел и пожелал перед смертью принять монашеское пострижение, что было обычаем в Древней Руси. Но ранее пострижения святой князь призвал свою супругу и детей и завещал им пребывать в любви, мире и единении. «Бога бойтесь, – говорил он детям, – и страх Его имейте всегда пред глазами; не чуждайтесь церкви; святителей и весь священный и монашеский чин почитайте и любите; учению Святых Писаний внимайте. Старейшин чтите; между собой в мире и любви живите; не стремитесь к хищению чужого достояния; убогих

милуйте; помогайте беспомощным. Матери своей достойную честь воздавайте».

18 сентября в три часа дня (т. е. около 9 часов утра. В древней Руси часы считали от восхода солнца, а не с полночи) зазвонили во все колокола в Успенской церкви. Весь народ от мала до велика собрался на княжий двор, и поднялся плач. Болящего князя понесли, по желанию его, через весь город в любимый им Спасский монастырь. Неутешен был плач народа и трудно было слышать голоса поющих за воплем и криком людским. Принесши князя в монастырь, поставили его в притворе церковном. Вышел навстречу князю игумен и тотчас же начал обряд пострижения. Он спрашивал св. Феодора: «Что пришел, брате, припадая к святому жертвеннику и святой дружине сей? Желаешь ли быть причислен к ангельскому образу?» Благоверный князь, в умилении подняв руки к небу, воскликнул: «Всею душой, Владыка и Творец мой, готов работать Тебе!» И, обратясь к игумену, прибавил: «Да, честный отче».

По окончании обряда иноческого пострижения вынесли князя к игумену на двор и он пробыл здесь весь день. Князь исповедал грехи свои перед всеми, против кого согрешил, кого обидел; примирился с теми, с кем был в вражде, прося прощение у Бога и людей и сам прощая всех. Наконец, позвав княгиню и детей своих, святых Давида и Константина, св. Феодор простился с ними, умоляя их не забывать и исполнять его наставления. «Дети мои, – говорил он сыновьям, – если кто соблюдет слово мое, благословение мое пребудет на нем; если же кто из вас не соблюдет моего слова, не послушает наставления, тот будет лишен моего благословения».

Около 10 часов вечера, уже совсем изнемогая, князь попросил игумена облечь себя в великую схиму и сказал, чтобы кроме игумена и немногих из братьев, все вышли. Во время пения заутрени святой князь оградил себя крестным знаменiem и тихо предал дух свой Богу. Кончина св. Феодора последовала 19 сентября 1299 г. Тело благоверного князя, горько оплакиваемое всем народом, было погребено в Спасском монастыре. Сыновья его Давид и Константин наследовали

благочестие отца. Старший из них, св. Давид, княжил в Ярославле 22 года и скончался в 1321 г., оставив после себя двух сыновей – Василия и Михаила. Младший же, св. Константин, по прозванию Улемец, умер бездетным.

Богу угодны были добродетели и благочестивая жизнь благоверного князя Феодора и детей его Давида и Константина. И Господь вскоре прославил праведников в лике святых открытием их святых мощей и многими чудесами, совершавшимися по молитвам их у их гроба.

Открытие цельбоносных мощей св. Феодора и чад его произошло неизвестно когда, но до 1463 г. Мощи святых князей покоились поверх земли в Спасо-Преображенском монастыре под церковью Входа Господня в Иерусалим. В 1463 г. игумен Христофор с братией, по совещанию с соборными ярославскими священниками, решили положить мощи тут же в землю, в самой церкви. Когда известили об этом князя ярославского Александра Феодоровича, он не только согласился на это, но даже хотел устроить над могилой каменную гробницу, покрыть ее дорогим покровом и поставить большие свечи. В присутствии самого князя, при большом стечении народа 5 марта 1463 г. духовенство открыло мощи святых князей. Во время пения панихиды молитвами святых получили исцеление священник и его сын. Все видевшие это чудо вознесли благодарственную молитву и славословие Богу, дивному во святых Своих, и тотчас же начали петь молебен. От окропления водою, освященною при святых мощах, прозрели две слепые женщины. Тогда зазвонили во все колокола; сошлось множество народа. Все плакали от радости и целовали святые мощи. После этого их решили не опускать в землю, а положить открыто в Спасо-Преображенской церкви.

Донесли о новоявленных чудотворцах епископу Ростовскому Трифону, так как город Ярославль принадлежал тогда к Ростовской епархии. Но епископ, не веря чудесам святых князей, не обратил никакого внимания на это донесение. Между тем многочисленные чудеса у раки святых князей продолжались: в апреле 1463 г. исцелились слепой и бесноватый; прозрела слепая на один глаз девица,

освободились от мучения немилостивых бесов муж и жена; в мае исцелились совершенно слепая и больной отрок, который так окреп телом, как будто никогда и не болел; в июне молитвами святых прозрели три слепые женщины и исцелилась одна бесноватая, которая в припадке болезни грызла плоть свою. Слава о новых чудотворцах распространилась далеко за пределы Ярославля, и много людей из других городов приходили на поклонение святым мощам угодников Божиих, привозили своих больных, которые и получали исцеление.

Слышал о чудесах, проистекающих от новоявленных Ярославских чудотворцев, и епископ Трифон, но все еще сомневался. Чтобы удостовериться в нетлении мощей и испытать истинность чудес, он послал в Ярославль в 1467 г. ростовского соборного протоиерея Константина. Протоиерей Константин – человек грамотный, голосистый и речистый, представительный наружностью и заслуженный, был в то время очень горд и тщеславен и так же, как епископ Трифон, не верил в чудеса, совершавшиеся при мощах благоверных князей. Прибыв в Ярославль, протоиерей Константин сильно рассердился на игумена за то, что тот не встретил его, как архиерейского посла, с подобающей честью. «Разве ты не знаешь, – выговаривал Константин, – что воздающий честь мне, послу владычному, самому владыке честь воздаст? Я скажу об этом своему господину епископу».

Игумен приглашал Константина в свою келлию, но тот не пошел, а сейчас же хотел произвести освидетельствование мощей. Он заявил: «Я послан осмотреть ваших чудотворцев: в теле они лежат или это неправда. Правда ли то, что они творят исцеления, или это только обман людей».

Сейчас же отперли церковь, где покоились мощи святых князей. С гневом приступил Константин к освидетельствованию святых мощей. Но когда он, желая лучше удостовериться в их нетлении и гневаясь на игумена, которого считал обманщиком и корыстолюбцем, с дерзостью стал разрывать иноческую схиму святого князя Феодора и порвал кисти у схимы, внезапно, пораженный чудесною силою, был повержен на землю, онемел и тело его как бы помертвело. Видевшие это пришли в ужас и

побежали доложить игумену. Собрав священников, игумен тотчас же начал петь молебен перед ракою чудотворцев и окропил больного протоиерея освященною с мощей водою. Только через несколько часов милостью Божией и молитвами святых Константин как бы пробудился от сна, ожил и, придя в себя, стал плакать и молиться. Каясь в согрешениях своих, Константин долго не хотел отступить от раки чудотворцев и послал в Ростов рассказать о происшедшем.

Когда донесли об этом епископу Трифону, то он пришел в ужас, содрогнулся всем телом и сделался расслабленным. Отказавшись от кафедры, он удалился в монастырскую келлию, чтобы оплакивать свое неверие. Потом он прибыл в Ярославль и, получив исцеление у раки благоверных князей, остался в Спасском монастыре до своей смерти. После этих чудес, совершавшихся по молитве святого князя Феодора и чад его, святость новоявленных угодников Божиих была признана. Вероятно, сначала установлено было местное празднование святым князьям, но оно скоро получило значительную распространенность и в половине XVI столетия было признано празднованием общецерковным.

Господь продолжал прославить угодников Своих, источая реки чудес с верою приходящим к раке мощей их. Приведем лишь немногие из сих чудес.

Василий, сын богатых и знатных родителей, ослеп. Много врачей приходило лечить его, но не помогли ему нисколько. Услышав о чудесах, совершающихся по молитве святых князей Феодора, Давида и Константина, Василий приказал вести себя в Спасский монастырь. И когда привели его ко гробу святых, он только прикоснулся к раке, как вдруг прозрел.

Некий Михаил долго болел зубами и так сильно, что ему казалось, будто и челюсти у него сокрушены: от сильной боли не мог ни есть, ни пить, ни спать. Все время был в полузабытье, молясь мыслью св. Феодору об исцелении. И вот однажды святой князь явился Михаилу и сказал: «Если хочешь быть здоровым, иди в монастырь Святого Спаса и там получишь облегчение». Пробудившись от тяжелой дремоты, Михаил

тотчас же пошел в обитель и, припав к раке мощей святых угодников Божиих, получил внезапное и полное исцеление.

У тверского боярина Бориса Захарьина сошел с ума любимый слуга Феодор. Напрасно боярин лечил его, приглашал к нему врачей – ничего не помогало. Тогда он послал Феодора с другими слугами в Ярославль к гробу святых чудотворцев. Дорогою болезнь Феодора так усилилась, что он грыз свою плоть, сбрасывал спутников. Они никак не могли удержать больного и потому заковали в железо его руки и ноги. Больной кричал, чтобы везли его назад, и изрыгал хулы на св. Феодора и на обитель. Закованного привезли его в монастырь и привели ко гробу святых. Архимандрит отслужил молебен, окропил Феодора святой водой и тотчас, по молитве святых, возвратился здравый смысл его и он молился со слезами. Когда же исцеленный прикоснулся к святым мощам, то немедленно спали с него оковы.

Князь Роман Димитриевич, племянник князя Иосифа Андреевича дорогобужского, был нем от рождения. Родители Романа померли, когда он был еще очень мал; его приютила бабка, жившая в монастыре, и содержала там со всею пышностью, обычной для князя. Когда княжичу Роману было 15 лет, бабка послала его со слугами в Ярославль приложиться к мощам святых чудотворцев Феодора и чад его, а сама усердно день и ночь молилась об исцелении его, раздавала милостыню по церквам и кормила нищих. Прибыв в Ярославский Спасский монастырь, бояре и слуги, сопровождавшие князя Романа, просили архимандрита с братией отслужить молебен. Они молились усердно о выздоровлении отрока, и сам князь Роман встал у гроба чудотворцев и с умилением в душе молился. После молебна архимандрит осенил его святым крестом, приложил к святым мощам и дал ему выпить святой воды. И вдруг, к общему изумлению, князь Роман получил исцеление и заговорил так свободно, как будто никогда и не был нем.

Многими и другими славными чудесами угодно было Господу Богу прославить святых благоверных князей Феодора, Давида и Константина, даруя в лице их небесных ходатаев и верных защитников всем с верою к ним притекающим.

Игорь Черниговский, благоверный князь страстотерпец

Середина XII века была для Руси скорбным временем непрерывных междоусобных браней за Киевское княжение двух княжеских группировок – Ольговичей и Мстиславичей. Все они были в близком родстве, все – правнуки Ярослава Мудрого. Мстиславичи назывались по имени своего отца – святого Мстислава Великого († 1132 г.), сына Владимира Мономаха (отсюда другое их название «Мономашичи»). Ольговичи назывались по имени Олега Святославича († 1115 г.), прозванного за свою горькую судьбу «Гориславичем». Олег Гориславич был сын киевского князя Святослава († 1076 г.), который участвовал в 1072 году в перенесении мощей святых страстотерпцев Бориса и Глеба (сведения 2 мая) и вошел в историю Русской Церкви как владелец двух замечательнейших богословских сборников того времени – «Изборника Святослава 1073 года» и «Изборника 1076 года».

В некоторых древних месящесловах и сам князь Святослав почитался угодником Божиим, но особенно прославились два его внука: преподобный Никола Святоша († 1142 г.) и двоюродный брат его, сын Олега Гориславича, святой князь-мученик Игорь Ольгович († 1147 г.).

Преподобный Никола Святоша и святой Игорь Ольгович представляют два различных пути христианской святости в Древней Руси. Преподобный Никола, отрекшийся от мира и княжеских обязанностей, стал простым иноком и мирно почил, проведя почти 40 лет в монастыре. Святой Игорь, волей Божией вступивший в борьбу за киевское княжение, мученическим подвигом должен был искупить наследственный грех княжеских усобиц.

В 1138 году великим князем киевским стал старший брат Игоря – Всеволод Ольгович (прадед святого Михаила Черниговского). Хотя его княжение длилось всего несколько лет и было наполнено непрерывными войнами, князь считал Киев своим наследственным княжеством и решил передать его в

наследство своему брату Игорю. Он ссылался при этом на пример Владимира Мономаха и говорил, как бы нарочно подзадоривая Мономашичей: «Владимир посадил Мстислава, своего сына, после себя в Киеве, а Мстислав – брата своего Ярополка. А вот я говорю: если меня Бог возьмет, то я после себя даю Киев брату моему Игорю». Но Бог гордым противится. Горделивые слова Всеволода, которого и так не любили киевляне, стали предлогом для возбуждения ненависти против его брата Игоря и всех Ольговичей. «Не хотим быть в наследстве», – решило киевское вече. Злоба и гордыня князя вызвали ответную злобу и гордыню киевлян: святой Игорь, против воли вовлеченный в самый центр событий, стал невинной жертвой нараставшей ненависти.

Грозные события разворачивались стремительно. 1 августа 1146 года умер князь Всеволод, и киевляне целовали крест Игорю как новому князю, а Игорь целовал крест Киеву – справедливо править народом и защищать его. Но, преступив крестное целование, киевские бояре сразу же призвали Мстиславичей с войском. Под Киевом произошла битва между войсками князя Игоря и Изяслава Мстиславича, князя переяславского. Еще раз нарушив крестное целование, киевские войска в разгар сражения перешли на сторону Изяслава. Четыре дня Игорь Ольгович скрывался в болотах около Киева. Там его взяли в плен, привезли в Киев и посадили в поруб. Это было 13 августа, все его княжение продолжалось две недели.

В порубе (это был холодный бревенчатый сруб, без окон и дверей; чтобы освободить из него человека, надо было «вырубить» его оттуда) многострадальный князь тяжело заболел. Думали, что он умрет. В этих условиях противники князя решили «вырубить» его из заточения. Тогда же его заставили принять монашество в монастыре святого Иоанна, что, впрочем, было вполне созвучно его собственным желаниям, так как он с юности проявлял особое благочестие – «был читатель книг и в пении церковном учен». Теперь, под тяжестью бед и скорбей, в душе его совершилась решительная перемена. Он горько каялся в грехах прошлых, скорби души кающейся в соединении

с скорбями заключения темничного истощили силы его, и он поспешил просить себе милости – отречения от мира. Его вынесли из темницы до того больного, что восемь дней не мог ни пить, ни есть. И 5 января 1147 года епископ Переяславский Евфимий постриг его в иночество с именем Гавриил. Вскоре он выздоровел и был переведен в Киевский Феодоровский монастырь, где принял схиму с именем Игнатий и всецело предался иноческим подвигам, проводя время в слезах и молитве.

Но дух братоубийственной ненависти бушевал над Киевом. Возбуждаемая гордыней и ослепленная ненавистью, ни одна из сторон не хотела уступать. Черниговские князья, двоюродные братья Игоря, замыслили заманить Изяслава киевского в совместный поход с тем, чтобы захватить его или убить. Заговор открылся, когда князь был уже на пути к Чернигову. Возмущенные киевляне, узнав о коварстве черниговцев, обрушили месть на ни в чем неповинного князя-схимника.

Напрасно удерживал их митрополит Климент. «Не творите греха, дети, послушайте меня; иначе навлечете на себя гнев Божий, а вражда между князьями не утолится», – говорил он им. Они не хотели слушать ни его, ни тысяцкого, пошли к монастырю. Правивший в Киеве князь Изяслав Мстиславич и особенно его брат князь Владимир пытались предотвратить это бессмысленное кровопролитие, спасти святого мученика, но сами подверглись опасности со стороны ожесточенной толпы. Стоявший во время св. литургии и молившийся пред иконой Божией Матери услышал, чего хочет мятежная толпа. Он готовил себя ко всему мыслями о подвигах мучеников; потом пал в слезах и молился: «Господи! призри на немощь мою, чтобы, уповая на Тебя, мог я перенести все; благодарю Тебя, что Ты смирил меня; удостой взять меня из этого мятежного и мрачного мира в Твой свет». Свирепые мятежники, не уважая святости храма Божия, ворвались в храм, схватили Игоря, сорвали с него мантию и повлекли из храма. Игорь говорил им: «За что хотите вы убить меня, как разбойника? Пусть вы нарушили клятву предо мною – Бог вам простит; меня Он сподобил монашеского чина, и для меня довольно того».

Мятежная толпа кричала: «Убейте, убейте». С Игоря сорвали и подрясник, оставив в одной рубашке, и повлекли к воротам. В воротах монастыря толпу остановил князь Владимир. И сказал ему Игорь: «Ох, брате, куда ты?» Владимир же соскочил с коня, желая помочь ему, и покрыл его корзном (княжеским плащом) и говорил киевлянам: «Не убивайте, братья». И вел Владимир Игоря до двора матери своей, и стали бить Владимира. Так повествует летопись. Владимир успел втолкнуть Игоря во двор и затворить ворота. Но люди выломали ворота и, увидев Игоря «на сенях» (крытая галерея второго этажа в древнем киевском тереме), разбили сени, стащили святого мученика и убили на нижних ступенях лестницы. Ожесточение толпы было столь велико, что мертвое тело страдальца подвергли избиению и поруганию, его волочили веревкой за ноги до Десятинной церкви, бросили там на телегу, отвезли и «повергли на торгу».

Так святой мученик предал Господу дух свой «и совлекаясь ризы тленного человека, и в нетленную и многострадальную ризу Христа облекся». Когда вечером того же дня тело блаженного Игоря было перенесено в церковь святого Михаила, «Бог явил над ним знамение велико – зажглись свечи все над ним в церкви той». На другое утро митрополит послал Феодоровского игумена Ананию отпеть погребальное пение над князем в монастыре святого Симеона, построенном набожностью деда Игоря на окраине Киева. Игумен облек тело князя-инока в иноческие одежды и совершил погребальное пение. Благочестивый игумен горько плакал и сказал вслух всем: «Горе веку суетному и сердцам жестоким! Где любовь?» В то самое время загремел гром и затряслась земля и над церковью явился столп светлый. Народ в ужасе воскликнул: «Господи, помилуй!»

5 июня 1150 г., когда киевский престол был занят князем Юрием Долгоруким, его союзник, князь черниговский Святослав Ольгович, родной брат убиенного Игоря, торжественно перенес святые мощи князя Игоря на родину, в Чернигов, где они были положены в раку «с теремом» в кафедральном Спасском соборе. Тогда же было установлено празднование памяти святого.

Житие и страдания святого князя Игоря помещены в Степенной книге. Икона Богородицы, перед которой он молился в последние минуты своей жизни, находилась в Великой церкви Киево-Печерской лавры с именем «Игоревская». В «Иконописном подлиннике» говорится, что святой князь Игорь «ростом был средний и сух, смугл лицом, волосы над обычаем, как поп, носил долги, брада же узка и мала. Прилежно уставы иноческие хранил».

«Всякая душа да будет покорна высшим властям: ибо нет власти не от Бога, а существующие власти от Бога учреждены. Посему противящийся власти противится Божию постановлению, а противящиеся подвергнутся осуждению» (Рим. 13, 1–2). Таково заключение жития святого князя Игоря!

19 сентября празднуется его мученическая кончина, а 5 июня – прославление.

Сентябрь 20

Олег, князь Брянский

Святой Олег был сын брянского князя благочестивого Романа Михайловича, внук святого Михаила Всеволодовича, князя черниговского, мученически скончавшегося в Орде в 1246 г. В то время все русские князья были в воле татарской, и св. Олег с отцом своим, князем Романом, по приказанию хана Менгу-Темира участвовал вместе с татарами в войне против Литвы. По окончании похода Олег приехал из Новгорода Литовского во Владимир (на Волыни) к князю Владимиру Васильковичу волынскому, женатому на сестре св. Олега Ольге-Елене Романовне. Неизвестно, когда (после 1247 г.) св. Олег, оставив мир, принял монашеское пострижение. Иноческое имя святого князя передается в известиях разно: то Василий, то Леонтий. Св. Олег построил на свои средства в городе Брянске Петропавловскую обитель. Скончался он строгим подвижником, вероятно, в конце XIII или начале XIV вв. Мощи его почивают под спудом в каменном храме выстроенной им Петропавловской обители.

Память святого князя Олега Брянского Церковью местно празднуется с памятью его деда, св. Михаила Черниговского, 20 сентября.

Михаил Черниговский, благоверный князь

Святой благоверный князь Михаил Черниговский, сын Всеволода Ольговича Чермного († 1212 г.), с детства отличался благочестием и кротостью. У него было очень плохое здоровье, но, уповая на милость Божию, юный князь в 1186 г. испросил святых молитв у преподобного Никиты Переяславского Столпника, который в те годы получил известность своим молитвенным предстательством пред Господом (память 24 мая). Получив от святого подвижника деревянный посох, князь сразу исцелился. В 1223 году благоверный князь Михаил был участником съезда русских князей в Киеве, решавших вопрос о помощи половцам против надвигавшихся татарских полчищ. С 1223 года после гибели в битве на Калке его дяди, Мстислава черниговского, святой Михаил стал князем черниговским. В 1225 году он был приглашен на княжение новгородцами. Своей справедливостью, милосердием и твердостью правления он снискал любовь и уважение древнего Новгорода. Особенно важно для новгородцев было то, что вокняжение Михаила означало примирение с Новгородом святого благоверного великого князя владимирского Георгия Всеволодовича (память 4/17 марта), жена которого, святая княгиня Агафия, была сестрой князя Михаила.

Но благоверный князь Михаил недолго княжил в Новгороде. Вскоре он возвратился в свой родной Чернигов. На уговоры и просьбы новгородцев остаться князь отвечал, что Чернигов и Новгород должны стать родственными землями, а их жители – братьями, и он будет укреплять узы дружества этих городов.

Благоверный князь ревностно занялся благоустройством своего удела. Но трудно было ему в то тревожное время. Его деятельность вызвала беспокойство курского князя Олега, и между князьями в 1227 году едва не вспыхнула междоусобица – их примирил Киевский митрополит Кирилл (1224–1238). В том же году благоверный князь Михаил мирно разрешил на Волыни спор между киевским великим князем Владимиром Рюриковичем и князем галицким.

С 1235 года святой благоверный князь Михаил занимал Киевский великокняжеский стол.

Смуты и войны или иные бедствия – все сие бывает не простым, обычным явлением сего временного мира или произошло от какого-нибудь случая; бедствия попускаются волею Всемогущего Бога за наши грехи, дабы согрешающие приходили в чувство и исправлялись. Наказания малые, которые Господь попускает вначале, суть следующие: мятеж, голод, внезапная смерть, междоусобные войны и тому подобное. Если же такими наказаниями грешники не вразумляются, тогда Господь посылает на них жестокое и тяжкое нашествие иноплеменников, чтобы хотя в сем великом бедствии люди могли прийти в чувство и обратиться от путей своих лукавых, по слову пророка: *Егда убиваше я, тогда взыскашу его (Пс. 77, 34)*. Так было и с нами, со всей нашей землей Российской. Когда мы своим злым нравом прогневали благодать всемилостивого Бога и сильно оскорбили Его милосердие, прийти же в раскаяние, уклониться от зла и творить благое не хотели, тогда разгневался на нас Господь праведным гневом Своим и восхотел наказать нас за наши беззакония лютейшей казнью. И вот Он пустил тогда прийти на нас безбожным и жестоким татарам, с нечестивейшим и беззаконнейшим их царем Батыем.

Наступило тяжелое время. В 1238 г. в бесчисленном множестве напав на Русскую землю, татары опустошили Рязань, Суздаль, Владимир. В 1239 г. они двинулись на Южную Русь, опустошили левобережье Днепра, земли Черниговские и Переяславские. Осенью 1240 г. монголы подступили к Киеву.

Когда благоверный и христолюбивый Михаил владел княжеством Киевским, нечестивый Батый прислал своих татар осмотреть город Киев. Посланные изумились, увидев величие и красоту города Киева, и, возвратившись к Батыю, рассказали ему о сем знаменитом городе. Тогда Батый снова отправил послов к Михаилу с тем, чтобы они лестью уговорили князя добровольно покориться ему. Благоверный князь Михаил понял, что татары коварством хотят взять город и опустошить его: князь слышал уже раньше, что те жестокие варвары без

милосердия убивают даже добровольно покоряющихся им, и потому повелел умертвить послов Батыя. Вслед за тем Михаил узнал о приближении громадного войска татарского, которое, как саранча, в великом множестве (ибо воинов было 600 тысяч человек) нашло на Русскую землю и овладело укрепленными городами ее. Сознавая, что Киеву невозможно уцелеть от приближающихся врагов, князь Михаил вместе с боярином Феодором бежал в Венгрию искать помощи своей родине, чтобы побудить венгерского короля Бела, выдавшего дочь за его сына Ростислава, совместными силами организовать отпор общему врагу. Пытался святой Михаил поднять на борьбу с монголами и Польшу, и германского императора. Но момент для объединенного отпора был упущен: Русь была разгромлена, позже пришел черед Венгрии и Польши. Не получив поддержки, благоверный князь Михаил возвратился в разрушенный Киев и некоторое время жил неподалеку от города, на острове, а затем переселился в Чернигов.

Князь не терял надежды на возможность объединения христианской Европы против азиатских хищников. В 1245 году на Лионском Соборе во Франции присутствовал посланный святым Михаилом его сподвижник митрополит Петр (Акеревич), призывавший к крестовому походу против языческой Орды. Католическая Европа в лице своих главных духовных вождей – римского папы и германского императора предала интересы христианства. Папа был занят войной с императором, немцы же воспользовались монгольским нашествием, чтобы самим броситься на Русь.

В этих обстоятельствах общехристианское, вселенское значение имеет исповеднический подвиг в языческой Орде православного князя-мученика святого Михаила Черниговского. Вскоре на Русь явились ханские послы, чтобы произвести перепись русского населения и обложить его данью. От князей требовалась полная покорность татарскому хану, а на княжение его особое разрешение – ярлык. Послы сообщали князю Михаилу, что и ему нужно отправиться в Орду для подтверждения прав на княжение ханским ярлыком. Видя бедственное положение Руси, слыша, что многие из русских

князей, прельстившись славой мира сего, поклонялись идолам, благочестивый князь Михаил сильно скорбел о том и, возревновав о Господе Боге, решился идти к царю неправедному и неустрашимо исповедать перед ним Христа и пролить кровь свою за Господа. Замыслив сие и воспламенясь душой, Михаил призвал своего верного советника боярина Феодора и поведал ему о своем намерении. Тот, будучи благочестив и тверд в вере, одобрял решение своего господина и обещал не покидать его до самой кончины и вместе с ним положить свою душу за Христа. После такого совещания они твердо решили, отнюдь не изменяя своего намерения, идти и умереть за исповедание Иисуса Христа. От духовного отца, епископа Иоанна, он получил благословение ехать и Орду и быть там истинным исповедником имени Христова.

В Орде знали о попытках князя Михаила организовать выступление против татар совместно с Венгрией и другими европейскими державами. Враги давно искали случая убить его. И когда в 1246 году благоверный князь Михаил и боярин Феодор прибыли в Орду, им приказали перед тем, как идти к хану, пройти через огненный костер, что якобы должно было очистить их от злых намерений, и поклониться обожествляемым монголами стихиям: солнцу и огню. В ответ жрецам, повелевавшим исполнить языческий обряд, благоверный князь сказал: «Христианин кланяется только Богу, Творцу мира, а не твари». Хану донесли о непокорности русского князя. Батый через своего приближенного Эльдегу передал условие: если не будет выполнено требование жрецов, непокорные умрут в мучениях. Но и на это последовал решительный ответ святого князя Михаила: «Я готов поклониться царю, так как ему Бог вручил судьбу земных царств, но, как христианин, не могу поклоняться идолам». Судьба мужественных христиан была решена. Укрепляясь словами Господа: *Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее (Мк. 8, 35)*, святой князь и преданный его боярин приготовились к мученической кончине и приобщились Святых Таин, которые предусмотрительно дал им с собой духовный отец. Татарские палачи схватили

благочестивого князя и долго жестоко избивали, пока земля не облилась кровью. Наконец один из отступников от христианской веры, по имени Даман, отсек голову святому мученику.

Святому боярину Феодору, если он выполнит языческий обряд, татары льстиво стали обещать княжеское достоинство замученного страдальца. Но это не поколебало святого Феодора – он последовал примеру своего князя. После таких же зверских истязаний ему отрубили голову. Тела святых страстотерпцев были брошены на съедение псам, но Господь чудесно охранял их несколько дней, пока верные христиане не погребли их с почестью. Позже мощи святых мучеников были перенесены в Чернигов.

Так, честно пострадав, святые мученики Михаил и Феодор предали души свои в руки Господу 20 сентября/3 октября 1246 года (по другим источникам, в 1244 году).

Исповеднический подвиг святого Феодора поразил даже его палачей. Убедившись в непоколебимом хранении русскими людьми православной веры, их готовности умереть с радостью за Христа, татарские ханы не решились испытывать впредь терпение Божие и не требовали от русских в Одре прямого исполнения идольских обрядов. Но борьба русского народа и Русской Церкви против монгольского ига продолжалась еще долго. Православная Церковь украсилась в этой борьбе новыми мучениками и исповедниками. Отравлен монголами был великий князь Феодор († 1246 г.), замучены были святой Роман Рязанский († †1270 г.), святой Михаил Тверской († 1318 г.) и его сыновья Димитрий († 1325 г.) и Александр († 1339 г.). Всех их укрепляли пример и святые молитвы русского первомученика в Орде – святого Михаила Черниговского.

14 февраля 1572 года, по желанию царя Иоанна Васильевича Грозного, с благословения митрополита Антония, мощи святых мучеников были перенесены в Москву, в храм, посвященный их имени, оттуда в 1770 году они были перенесены в Сретенский собор, а 21 ноября 1774 года – в Архангельский собор Московского Кремля.

Сказание об исповедническом подвиге князя Михаила и боярина его Феодора было написано их духовником – епископом Иоанном. Житие и служба святым Михаилу и Феодору Черниговским были составлены в середине XVI столетия известным церковным писателем иноком Зиновием Отенским.

Вторичная память святых – 14 февраля.

«Род праведных благословится», – говорит святой псалмопевец Давид. Это в полной мере сбылось на святом Михаиле. Он явился родоначальником многих славных фамилий в русской истории. Дети и внуки его продолжали святое христианское служение князя Михаила. Церковь причислила к лику святых его дочь – преподобную Евфросинию Суздальскую (память 25 сентября) 8 октября) и его внука – святого благоверного Олега Брянского (память 20 сентября/3 октября).

Сентябрь 21

Иосиф Заоникиевский, преподобный

Преподобный Иосиф, по мирскому имени Иларион, происходил из крестьян деревни Обухово Кубенской волости (Вологодской губернии), и родился около 1530 г. В обычных заботах житейских и в земледельческих трудах проходила жизнь крестьянина Илариона. Прожив так полвека, он не скопил богатства, зато не испытывал и бедности. И, вероятно, безвестным крестьянином Иларион кончил бы дни свои, если бы Промысл Божий не указал ему иного пути жизни.

Различными способами призывает Господь ко спасению избранников Своих: одних обилием милости, других – и это случается чаще – привлекает под свое благое иго скорбями, испытаниями и несчастьями, показывающими верующему всю тщету и суетность мирской жизни. Такое испытание послал Господь Илариону. Неожиданно и без видимой причины заболели у него глаза. Много стараний и средств употребил Иларион, чтобы избавиться от своей болезни, но ничто не помогало: лекари и знахари оказались бессильны бороться в Божиим попущением. Болезнь все усиливалась и усиливалась и, в конце концов, Иларион ослеп. Положение его сделалось весьма тяжелым: работать он не мог, а скопленные ранее средства были истощены на лечение. Страшная нищета и полная беспомощность грозили теперь Илариону. Но он не отчаялся, не пал духом перед таким испытанием Божиим и не пожелал примириться с своей горькой участью, как советовали ему это родные и знакомые, потерявшие всякую надежду на возвращение его зрения. Все упование свое возложил Иларион на милосердие Божие. Вспомнив евангельское повествование об исцелении слепорожденного, он увидел в своей болезни руку Божественного Промысла, испытующего его для откровения славы Божией. «Да явятся дела Божии на нем» – такой смысл узрел он в своем несчастье. У Илариона родилась надежда на исцеление. Он думал, что если Господь наказал его по Своей благой воле, то эта же благая воля может и исцелить его. И вот, оставив врачей земных, он стал ожидать себе избавления от

Небесного Врача, к Которому обратился с горячей молитвой об исцелении.

Прежде всего, Иларион дал обет каждый воскресный и праздничный день ходить по церквам соседних селений и отправлять в них молебные пения, чаще всего он молился Заступнице рода человеческого Божией Матери и взывал к бессребреникам и целителям Косме и Дамиану. И по мере того, как усиливалась его молитва, в нем укреплялась надежда на исцеление и мятущаяся душа его успокаивалась.

Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете, – сказал Господь (Мф. 7, 7). Чего просил и искал Иларион с верою и молитвою, то и получил. Исполняя свой обет, в один из воскресных дней был он за литургией в церкви во имя Василия Великого, что на Едке, и с пламенной молитвой просил Господа об исцелении. Вдруг предстал пред ним муж в белой одежде. Устрашился Иларион небесного видения, но явившийся ободрил его и сказал: «Не ужасайся, Иларион, я раб Иисуса Христа, Косма бессребреник». Затем св. Косма снял нательный крест Илариона, благословил им страдальца и, надев снова, сказал ему: «Отныне ты победишь диавола и будешь видеть свет».

Глубокого благоговения исполнилось сердце Илариона от духовного восторга; он стоял безгласен, только слезы умиления и благодарности струились по его лицу. Между тем чудное видение продолжалось. Св. Косма сопровождал Илариону и по пути из храма. Когда, возвращаясь домой, усталый и от службы и от душевных волнений, он остановился отдохнуть в тени под деревом (время было летнее), чудесный спутник удерживал его, говоря: «Сие место не угодно, пойдем на другое; есть место, удобное Божией Матери».

Так они миновали селение Обухово, где был дом Илариона, и подходили к деревне Лусниково. Здесь, на сырой лесной поляне, св. Косма сказал Илариону, что на этом месте он узрит славу Божию и ему откроется тайна. Затем, повелев ему прийти сюда на другой день, небесный спутник стал невидим. Со страхом и трепетом возвратился Иларион домой; весь остаток дня он провел в молитве и размышлении о дивных делах

Божиих, с радостью ожидая явление славы Божией. Когда на другой день он пришел на указанное место, то услышал голоса, воспевающие хвалебные песни Богоматери, и увидел двух мужей, которые ему сказали: «Раб Божий Иларион, иди с нами. Мы – бессребреники Косма и Дамиан и посланы к тебе Божией Матерью, Которая за многие твои слезы и молитвы хочет даровать тебе исцеление». Внезапно явилась пред Иларионом икона Богоматери, сияющая солнечными лучами. Святые бессребреники подвели его к иконе и велели взять и облобызать ее.

С величайшим благоговением повергся Иларион пред святой иконой и, прикоснувшись к ней своими устами, тотчас прозрел, как будто никогда и не болел глазами. Затем голос, исходящий от святой иконы, повелел ему сказать окрестным жителям, чтобы они очистили место ее явления, водрузили на нем святой крест и поставили возле креста явившуюся святыню. Место требовало очищения и устройства, потому что представляло топкую поляну, заросшую мелким лесом. Святые бессребреники открыли Илариону, что на этом месте впредь будут источаться исцеления для всех, с верою приходящих к иконе Божией Матери. Необыкновенное благоухание разлилось по всей местности. Объятый трепетом от всего происходящего, Иларион едва мог прийти в себя и увериться в действительности случившегося. Возблагодарив Господа и Матерь Божию за исцеление и за дивное явление славы Божией, он поспешил сообщить окрестным жителям о всем виденном и слышанном и передать им повеление от святой иконы. Собрались крестьяне и расчистили место; были приглашены из ближайших селений священники, которые совершали молебны пред иконою Богоматери. На месте явления Иларион водрузил святой крест. Подле него поставил новоявленную икону, а над ними устроил из мелких деревьев часовню. Явление чудотворной иконы Богоматери произошло 23 июня 1588 г.

Не захотел Иларион оставлять святое место и возвращаться в мир. Проникнутый благодарностью к Господу и в случившемся видя перст Божий, указующий ему иной путь

жизни, Иларион решил остаться на месте своего исцеления и предаться духовным подвигам. Слава о новоявленной иконе быстро распространилась. Страждущие и скорбящие, как весенние воды, стекались к чудодейственной святыни и получали от нее исцеление и утешение. Место, дотоле пустынное и дикое, обитаемое некогда разбойниками, превратилось в место Божия славословия.

Когда весть о новоявленной чудотворной иконе дошла до епископа Вологодского, он послал игумена Песочного монастыря Пимена и соборного ключаря священника Иоанна Емельяновского удостовериться в подлинности чудес, исходящих от святой иконы. И оказалось, что рассказы о чудесах истинны и даже в присутствии названных лиц и других свидетелей совершилось чудо – прозрел слепой, семь лет не видевший света. После того епископ повелел воздвигнуть в Заоникиевской пустыне храм в честь Божией Матери и святого Алексия, человека Божия, и при храме устроить монастырь. С великой радостью принял преподобный святительское благословение. Его усердием и трудами окрестных жителей храм был скоро сооружен. В день его освящения Иларион был пострижен в иночество с именем Иосифа. В новоучрежденном монастыре прп. Иосиф явился первым иноком. Скоро пришли к нему сподвижники, обитель наполнилась братьями и нужно было выбрать игумена монастыря. Естественно, что прп. Иосифу, как основателю обители, было предложено взять на себя начальство в ней и духовное руководство братией. Но велико было смирение преподобного! Он отклонил от себя эту честь и просил избрать в игумены другого. Был избран Силуан (1589–1605), а прп. Иосиф до самой кончины своей остался рядовым иноком обители. Над братией монастыря возвышали его лишь великие подвиги. Когда братия и приходящие богомольцы начали почитать и прославлять прп. Иосифа, он принял на себя подвиг юродства: носил в пазухе камни, песок и землю. Удручая тело свое постом, он проводил холодные ночи даже зимой в часовне за непрерывной молитвой пред иконой Богоматери. Тайно от братии он надел на голое тело власяницу и не снимая носил ее. Власяница была грубая и жестокая; как

иголками, колола она тело святого, и кровь непрестанно струилась по его ногам. Игумен и братия видели это, но не догадывались, от чего это происходит. В монастыре начали считать подвижника скудоумным и в неразумии своем нередко обижали его и оскорбляли.

Много огорчений и обид пришлось перенести подвижнику и от мирян. Жители ближайшей к обители деревни Лусникова боялись того, что монастырь овладеет их лугами и полями, и потому стремились прогнать из своего соседства монахов, всячески вредили им, например, не позволяли ни самим инокам, ни монастырскому скоту проходить свою землю и даже угрожали смертью. Крестьяне похвалялись: «Здесь не жить монахам и не бывать». Игумен принужден был просить от них защиты у самого государя. Тяжело было видеть преподобному такое озлобление на его обитель, но он терпеливо переносил все обиды, отвечая на них кротостью и всепрощением, и только молился за оскорбителей.

Так дожил прп. Иосиф до глубокой старости. Праведна была его жизнь, непостыдна и мирна его кончина. Как бы предчувствуя ее, прп. Иосиф в воскресенье 20 сентября 1612 г. причастился Святых Таин, а по причащении начал веселиться и радоваться, вспоминая великие благодеяния Божии, явленные ему: явление бессребреников и святой иконы, свое исцеление от слепоты – весь тот дивный путь, каким вел его Господь ко спасению. На другой день, в понедельник, 21 сентября, прп. Иосиф призвал одного из братий и послал его к игумену Феодосию (1605–1612) с просьбой похоронить его тело на месте явления славы Божией и своего исцеления – в сооруженной им часовне. Высказав это заветное желание, по выходе брата из келлии престарелый подвижник мирно и тихо отошел ко Господу. Это случилось 21 сентября/4 октября 1612 г. 83 года прожил прп. Иосиф; из них около 25 лет провел в подвигах иночества.

Со слезами скорби и вместе радости игумен и братия встретили весть о кончине преподобного. Тяжело им было расставаться со своим наставником, но радостно было знать, что они имеют теперь своего ходатая пред Богом, радостно

было видеть блаженное упокоение, которого сподобил Господь преподобного за его святое житие. Игумен и братия торжественно погребли тело прп. Иосифа на указанном им месте, в часовне: могилу покрыли пеленой и оградил решеткой. Быстро распространилась слава о подвижнической жизни прп. Иосифа, и множество народа стекалось к его могиле. Над гробом святого пелись панихиды, происходили исцеления больных.

Так продолжалось более 50 лет по смерти прп. Иосифа. Но вот, в правление Вологодского епископа Симона (1664–1684), по наветам приближенных к нему и, по-видимому, по его распоряжению, часовня преподобного была разобрана, могила его лишена украшений и благолепия, и долгое время место погребения святого было в запустении. Многие из почитателей прп. Иосифа скорбели о том. Нашелся один инок, который из уважения к его памяти собрал и восстановил часовню, но, опасаясь клевет и укоризн, оставил ее без крыши и дверей и даже не посмел украсить гроб преподобного. Вскоре совершилось явное чудо. В монастыре произошел пожар: сгорели храмы с утварью, а никем неберегомая часовня сохранилась целой и невредимой и не обуглилась, хотя пламя огненное, как вода, затопляло ее. После пожара в часовне нашли чудотворный образ Божией Матери, перед тем стоявший в одной из монастырских церквей, теперь сгоревших. Но и это чудо не послужило началом чествования святого. Первоначально оно оставалось даже не записанным.

Неуважение к святому месту было так велико, что когда стали возить лес для постройки новой церкви, то будто бы ввиду тесноты разломали чудесно сохранившуюся от огня часовню, бревна ее сложили в груды, и снова могила преподобного много лет была в небрежении, мочимая дождем и снегом. Затем усердием казначея Пахомия часовня была восстановлена в том виде, в каком существовала раньше. Нравы монахов Заоникиевского монастыря были тогда не высоки. Когда между братий произошли распри, часовня была разрушена и разметана, некоторые бревна ее сожжены; решетка же, окружавшая могилу святого, брошена была под трапезу.

Прошло некоторое время, часовню восстановили в третий раз, но в худшем виде: кое-как из старого леса, без окон и дверей, более низкую – «не яко молитвенный дом, но яко непотребную хлевину». Могила же преподобного по-прежнему находилась в совершенном запустении. И опять совершилось чудо. Когда во время одного праздника в обитель собралось много народа, некоторые богомольцы, за неимением места в монастыре, ночевали в часовне. Случилось, что одна женщина, спавшая на самой могиле святого, вдруг неистово закричала: «Оставь меня, отче, не бей, ибо в неведении я легла на твою ногу». Спавшие богомольцы вскочили и стали женщину спрашивать, что с ней случилось, и она отвечала: «Этот монах бьет меня жезлом, так как я легла на его ноги». Слышавшие недоумевали, ибо никого не видели. «И сие чудо не памятно паки положиша» – оно не вразумило иноков, не внушило им почтения к святому месту, хотя об этом чуде много говорили в городе Вологде. Наконец епископ Вологодский Павел (1716–1725), вологодский уроженец, бывший до святительства священником в Вологде и потому много слышавший о чудесах от святой иконы и о богоугодной жизни прп. Иосифа, установил ему местное празднование. Он благословил служить прп. Иосифу молебны, составить ему службу, которая и написана была по образцу службы прп. Галактиону Вологодскому (память 24 сентября/7 октября). В Заоникиевскую пустынь епископ Павел послал в 1717 г. строителем иеромонаха Анастасия. Исполняя святительскую волю, Анастасий поставил над гробом преподобного новую и хорошую часовню, украсил могилу пеленою и стал совершать прп. Иосифу молебны. Верующие устремились в Заоникиевскую обитель ко гробу новопрославленного угодника Божия. На их приношения украшена икона Божией Матери, а на гробницу преподобного положена новая пелена, шелковая с золотыми украшениями. Вскоре решено было построить над гробом прп. Иосифа храм вместо часовни и начать сбор пожертвований. В том же 1717 г. одному из братьев Заоникиевской обители таинственный голос повелел отыскать и положить при гробе власяницу преподобного. Ее нашли и положили, и с того времени она стала служить источником исцелений для

верующих. Так Господь возвеличил и прославил Своего угодника.

Много чудес совершилось и совершается при гробе прп. Иосифа по вере притекающих к нему.

В 1717 г. в Вологодском крае случилась засуха. Жителям угрожал голод, болезни, смертность, разорение. Однако заступлением прп. Иосифа народ был спасен от этого бедствия. Святитель Павел, прибывший помолиться у гроба преподобного, простер руки и со слезами молился: «О, преподобне Иосифе, если имеешь благодать пред Богом, упроси, да снидет дождь, ибо земля не дает плода своего, а человеки и скоты жаждою погибают». И тотчас пошел дождь, который напоил землю. После этого епископ повелел написать на холсте образ преподобного и положил при гробе.

В Вологде была девица Ирина, 13 лет страдавшая головной и глазной болезнью. Никакие усилия и средства не могли избавить ее от тяжкого недуга. Лечение невежественными врачами привело лишь к тому, что девица совсем ослепла. Когда же привезли больную в монастырь (3 июля 1718 г.) и она приложила власяницу чудотворца к глазам своим, то почувствовала, «яко мраз некий начал отходить от главы ея». После этого она заснула. Проснувшись, Ирина стала ясно видеть: и болезнь глаз, и головные боли исчезли.

В часовне преподобного получил исцеление расслабленный Давид, не владевший ни руками, ни ногами. Он был оставлен на ночь при гробе преподобного и, когда начал засыпать, вдруг услышал голос: «Встань, Давид, и молись о том, за чем пришел». Расслабленный вскочил на ноги и, когда опомнился, почувствовал себя совершенно здоровым. Во время благовеста к утрени Давид, выйдя из часовни, пришел в церковь и тем привел в изумление всех его знавших. В благодарность за исцеление он дал обещание навсегда остаться в Заоникиевой обители.

Оказывая скорую помощь всем с верою приходящим к нему, преподобный строго наказывал тех, которые, не веря в его чудодейственную помощь, старались колебать эту веру у других.

Вологодский священник Василий сомневался в святости прп. Иосифа, повествования о чудесах его считал вымыслом и сказками; этого мало, он запрещал прихожанам своим ходить ко гробу угодника Божия. Видя, что его словам народ не внимает, священник выходил из себя и порой резко, грубо и непристойно отзывался о преподобном и о чудесах его. За это он был наказан. Когда однажды Василий обратился к прихожанам своим, шедшим в Заоникиеву пустынь, с обычными коштунственными речами, он вдруг был поражен слепотой. Но наказанный священник тотчас же образумился: исповедал Богу согрешения свои, просил прощения Его угодника, обещая не произносить хулы на святого, и получил исцеление.

Велики снисхождение и любовь прп. Иосифа к людям. Не только тот, кто обращается к нему с верою и молитвою, получал от него скорое исцеление, но даже и тем, кто не обращался к нему и вовсе не слышал о нем, он подавал скорую помощь.

У одной женщины, по имени Екатерина, мужа взяли в солдаты и был тяжело болен сын. Горько плакала бедная женщина о своих несчастьях. И вот однажды ночью она увидела во сне монаха, который сказал ей: «Не скорби, Екатерина, твой муж служит за христианскую веру и великого государя, а сын твой Иоанн вскоре будет здоров. Сходи с ним в Заоникиеву пустынь помолиться перед образом Божией Матери; я житель той пустыни, старец Иосиф». Когда Екатерина пробудилась от сна, то нашла сына своего совершенно здоровым.

Крестьянка Евдокия более двух лет находилась в расслабленном состоянии, не владея ни руками, ни ногами. Однажды ночью, лежа на постели, она увидела монаха высокого роста с длинной бородой, в куколе и мантии и с жезлом в руке. Монах подошел к ней, взял ее за плечо и сказал: «Встань и с верою призови на помощь Богоматерь и обещайся сходить в Заоникиеву пустынь к чудотворной иконе и исцелеешь». Когда Евдокия ответила ему, что она не может ходить, не слышит и не знает, где находится Заоникиева пустынь и как найти образ, то старец сказал: «Пустынь – недалеко от города Вологды и хорошо известна по совершающимся в ней чудесам, а я – монах той пустыни Иосиф.

Советую тебе не отчаяваться, но иметь веру, и получишь милость».

Сказавши это, старец стал невидим. Больная поражена была видением и от страха начала креститься, хотя раньше не могла поднять руки. Утром она была уже совершенно здорова. Немедленно отправилась она в Заоникиеву пустынь, где и поведала о чудесном исцелении своем.

Жена сельского булочника Мария Зайцева три года болела глазами. Помогать мужу своему она не могла и подвергалась его упрекам и брани. Однажды она подошла к столу, за которым работал ее муж, желая в чем-нибудь помочь ему, и в это время увидела, как отворилась дверь и в комнату вошел монах, держа на груди образ Богоматери. Вследствие сильного сияния, исходившего от иконы, Мария не могла рассмотреть лицо монаха; последний же, обратившись к ней, сказал: «Женщина, имей веру и обещаюсь сходить к сему образу Богоматери в Заоникиеву пустыню и исцелеешь». После того, как видение исчезло, больная тотчас почувствовала облегчение. Когда после этого она вышла в поле, чтобы помочь мужу в уборке хлеба, и во время отдыха размышляла о чудесном видении, вдруг ей представился монастырь, полный народа по случаю праздника, и будто сама она находится в этом монастыре. Кто-то подошел к ней и спросил, кого она ищет – не того ли, кто приносил образ и даровал ей облегчение от болезни? Когда она отвечала, что ищет именно этого монаха, собеседник, указывая перстом, сказал ей: «Смотри, вот он». И Мария увидела монаха высокого роста с седой бородой, с тростью, в мантии и клобуке. Он шел к дверям часовни, где покоились мощи прп. Иосифа. Едва она встала, чтобы поклониться ему, как видение исчезло. После этого второго видения болезнь ее более облегчилась. Вскоре Мария пришла в Заоникиевскую обитель, помолилась пред образом Божий Матери, у гроба прп. Иосифа и прозрела совершенно.

Святые мощи прп. Иосифа почивали под спудом в теплом каменном храме монастыря, в приделе его имени, подле левого клироса.

Память преподобного празднуется местно дважды в год: в день кончины – 21 сентября/4 октября и в день явления Заоникиевской Богоматери – 23 июня/6 июля.

Даниил Шужгорский, преподобный

Преподобный Даниил был родом из пределов Московских. Пострижение в иноческий сан он получил в Комельском монастыре прп. Корнилия (память 19 мая/1 июня). Отсюда прп. Даниил ушел для подвигов в безлюдную и лесистую местность, на гору, называемую Шужгорской, и основал здесь свой монастырь.

Время жизни подвижника относится к XVI столетию.

Празднование прп. Даниила местное. Его мощи почивали под спудом за правым клиросом в церкви в честь Преображения Господня.

Сентябрь 22

Феодор и Павел Борисоглебские преподобные

Когда преподобный Сергей Радонежский в 1363 году приходил на родину для примирения ростовских князей с великим князем, два пустыннотителя, Феодор и Павел, просили у богоносного старца благословения для устройства обители и указания места. Первый из них пришел из Новгородской стороны в Черный лес на реке Устье, построил себе из хвороста хижину, а на большой дороге, из Белозерска в Москву, повесил на дереве кузовок, чтобы принимать от проходящих милостыню для своего пропитания. Проходящие усердно клали в этот кузовок хлеб и «овощие». Феодор жил, как птица небесная, без забот о земном, проводя время в молитвах. Спустя три года пришел к нему Павел, и оба старца вместе обратились к великому отцу пустыннотителей, бывшему тогда в Ростове. Прп. Сергей избрал прекрасное местоположение на берегу реки Устья, в 15 верстах от города, и сказал пустынникам: «Призри Бог и Пресвятая Богородица на место сие. Великие страсотерпцы Борис и Глеб будут помогать вам; обстроится обитель и станет известна». С того времени старцы-пустынники постоянно пользовались советами и наставлениями великого аввы и с благословения Ростовского святителя Игнатия приступили к построению монастыря Борисоглебского. Во время постройки, когда оба старца, утрудившись в работе, легли отдохнуть на траве, им предстали два светлых воина, вооруженных и украшенных царскими багряницами. Воины сказали старцам: «Трудитесь с верою на месте сем; Бог и Пречистая Богородица не оставят вас, и мы неотступны будем от места сего на помощь вам». Подвижники проснулись и пали к ногам явившихся, а между тем воины стали невидимы; только слышан был голос. «Я Роман», – сказал один. «А я Давид», – сказал другой (имена, данные при крещении святым страсотерпцам Борису и Глебу). Это явление весьма ободрило строителей, и после того число братии в новой обители значительно увеличилось. Братия упросили Феодора быть игуменом. Феодор после недолгого настоятельства поручил

обитель сотруднику своему Павлу, а сам удалился сначала на берег Кубенского озера, а потом на устье реки Ковжи, где основал новый монастырь во имя святителя Николая. Предугадав кончину свою, блаженный старец возвратился в Борисоглебскую обитель, где и преставился 22 октября 1410 года. Вскоре после него скончался и преподобный Павел.

Борисоглебский, что на Устье, второклассный монастырь замечателен по громадным постройкам, воздвигнутым в конце XVI века усердием царя Иоанна Васильевича Грозного. Каменная ограда до 15 аршин вышиной, а в окружности около версты, с 14 башнями и множеством бойниц, огромные храмы, высокая однарусная колокольня – все это напоминало прежнее богатство обители. Мощи преподобных Феодора и Павла почивали под спудом в соборном храме монастыря.

Монастырь стоял на горе и был окружен с одной стороны рощей, с другой – живописными извилинами р. Устья и обширными слободами, принадлежавшими некогда графу Панину.

Ковжинский Николаевский монастырь находился в 40 верстах от города Белозерска, на устье реки Ковжи, впадающей в Белое озеро. Строение в нем было все деревянное. По ветхости и бедности он упразднен еще до учреждения штатов (то есть ранее 1763 года).

Иона Яшезерский, преподобный

Преподобный Иона был родом из селения Шокши, находящегося в 16 верстах к северу от основанной им Яшезерской пустыни. Местность, в которой стоит Яшезерская обитель, представляет собой каменистую пустыню. Начало основания обители было положено прп. Ионой в конце царствования Иоанна Васильевича Грозного (1533–1584). Тогда устроена была в монастыре деревянная церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы с приделом во имя свт. Николая Чудотворца. Около того же времени к прп. Ионе собралось восемь человек братии, чтобы разделить его пустынные труды и подвиги.

Много трудился прп. Иона над устройением обители. Своими руками выкопал он канаву из Яшезера в соседнее озеро Сенное для большего удобства рыбной ловли. По нуждам обители и ради ее пользы преподобный ездил верхом на лошади по глухим тропинкам окрестностей. Хранятся и доныне в монастыре две дорожные верховые кожаные сумы прп. Ионы. Сам подвижник вытачивал из дерева некоторые сосуды, употребляемые при богослужении. Напоминанием о таких трудах его служит выточенный им из карельской березы ковш для употребления под теплоту, также хранящийся в обители.

Слава, которую стяжал прп. Иона святостью жизни и неусыпным попечением об устройении обители, привлекла знатных покровителей и вкладчиков. В Яшезерскую пустынь при жизни преподобного жаловали различные предметы, чаще всего богослужебные книги: великая государыня инокиня Марфа Иоанновна, царь Василий Иоаннович Шуйский (1606–1610), кроме книг наделивший обитель пашенными, сенокосными, лесными и рыболовными угодьями.

Прп. Иона заслужил трудами и подвигами своими любовь и уважение от Соловецких игуменов Иакова (1581–1597) и прп. Ириарха (1613–1626; память 17/30 июля), а также от митрополита Новгородского Исидора (1603–1619), много также жертвовавших в бедную пустынную обитель. В 1628 г. в

Яшезерском монастыре было уже два храма: прибавилась теплая с трапезной церковь в честь Преображения Господня.

Время кончины прп. Ионы точно не известно. Вероятно, она последовала в конце XVI или в начале XVII столетия. Мощи святого почивают под спудом в часовне под монастырской колокольней. Память его совершается местно.

Сентябрь 24

Галактион Вологодский, преподобный

Преподобный отец наш Галактион родился в Москве в царствование Иоанна Васильевича Грозного (1533–1584); по своему происхождению он принадлежал к самому знатному боярскому роду: отцом его был князь Иоанн Иоаннович Бельский, потомок литовских князей. При крещении отроку было наречено имя Гавриил. Отец его, князь Бельский, подвергся царской опале и был казнен, когда отроку было семь лет. Родственники и знакомые отвезли его в город Старицу (уездный город Тверской губернии); Гавриил проживал там, скрывая от всех свое происхождение, и Бог хранил его. Благочестивый отрок усердно посещал храм Божий, ревностно изучал Божественное Писание. По внушению Божию, спустя немного времени, он тайно вышел из Старицы и прибыл в Вологду; поселился на посаде у одного сапожника и научился его ремеслу. Этим он добывал себе пропитание, а в свободное от работы время часто ходил в церковь Флора и Лавра и, подавая окружающим пример воздержания и смирения, избегал суеты мира. Его скромная жизнь проходила в труде и молитве. Когда Гавриил достиг совершеннолетия, он сочетался браком с девицей из простого звания. Но не долго пришлось жить Гавриилу связанным брачными узами. По воле Божией супруга его умерла, оставив после себя новорожденную дочь. Видя в этом указание свыше, Гавриил решился посвятить себя Богу: он отдал родным на воспитание дочь свою, возложил на себя тяжелые вериги и начал подвизаться в посте и молитвах. Скоро исполнилось на нем слово Писания: *Егоже любит Господь, наказует* (Ев. 12, 6). От чрезмерных подвигов Гавриил заболел: на теле появились язвы, жилы свело. Однако болезнь не удержала его от дальнейших подвигов Христа ради. Знатный боярин по рождению, лишившийся всех выгод высокого звания своего по царскому гневу, Гавриил стал размышлять о сей временной жизни и ясно увидел всю тщету благ ее, понял, что здесь все непрочное, как движущаяся тень и преходящий сон, и, поняв это, он решился всецело посвятить себя Богу. Городских

жителей он упросил дать ему небольшой участок земли близ посада на реке Содиме, поставил там себе небольшую келлийцу и затворился в ней. Он оставил только дверцу, чтобы через нее принимать приносимую христолюбцами пищу, которую угодник и употреблял помалу.

Господь подал ему исцеление от недуга. Видя такую милость Божию к себе, Гавриил принял иноческое пострижение и наречен был Галактионом. С еще большим рвением новый инок предался трудам духовным, исполняя все иноческие правила. Не оставлял подвижник и своего ремесла, которое его кормило. Он шил сапоги и заработанные деньги делил на три части: одну отдавал церквям, другую – нищим, а третью оставлял себе на пропитание. Своими руками святой ископал близ келлии своей пруд, обсадил его деревьями и развел в нем рыбу. Потом он нашел источник воды и вырыл колодец. Дни свои подвижник проводил в трудах, а ночи – без сна, в непрестанных молитвах и песнях духовных. Благодать Божия просветила разум его; воздержание и пост усмирили плоть; уединение и безмолвие развили смирение, наполнили сердце его радостью и веселием. Но обычными иноческими подвигами преподобный не довольствовался, душа его желала все большего: он приковал себя цепью к потолку своей малой хижины, так что не мог ни выйти куда-либо из своего затвора, ни лечь на пол; когда же уставшего подвижника одолевал сон, то он преклонял только колена и в таком положении, держась за цепь, на краткое время забывался дремотой. Пищей преподобного служили сухой хлеб и вода, и то в определенное время и понемногу. В келлии у него были только рогожа, стоя на которой он молился, власяная одежда, да миска, из которой он вкушал свою скудную пищу. И это – все имущество угодника Божия.

Жители города Вологды и окрестностей узнали о дивном житии прп. Галактиона, о его великих подвигах и приходили, чтобы посмотреть на него, получить благословение, услышать слово назидания. И преподобный, получив от Бога дар премудрости и слово утешения, назидал и утешал всех приходящих, подавал им добрые советы, с равной любовью

всем и без всякого лицепрятия. Его святое слово, как светильник, прогоняющий тьму ночи, освещало путь жизни для слышавших его, утешало труждающихся и обремененных. Лишь в крайней нужде преподобный оставлял затвор свой и выходил из келлии. При его жизни в Вологодской стране случилась великая засуха, грозившая голодом. По этому случаю в Вологде совершалось торжественное всенародное моление. Из города вышел крестный ход к церкви Живоначальной Троицы, недалеко от которой стояла келлия прп. Галактиона. Подвижника так уважали, что думали: если он помолится, то Господь услышит его святую молитву. Вологодский владыка, пришедший во главе крестного хода к церкви, послал за преподобным Галактионом просить его, чтобы и он вместе со всем народом помолился о даровании дождя. И хотя преподобный не хотел вовсе покидать своей келлии, но, ставя послушание выше всех подвигов, он расковал свою цепь и пошел в храм молиться. И Господь услышал молитвы праведника и всего народа: Он послал сильный дождь, который напоил истомленную зноем землю.

Господь прославил угодника Своего даром прозрения. Русская земля переживала смутное время. Законного государя не было; один за другим являлись самозванцы, а их союзники – поляки и литовцы – бродили шайками по Руси и производили грабежи, насилия, разорения мирным жителям. Прп. Галактион провидел, что этими бедствиями Господь накажет и приютивший его город Вологду. Он снова расковал свою цепь; в веригах вышел из келлии и явился в земскую избу, где собирался народ. Здесь он предсказал о скором нашествии польских и литовских людей на Вологду, о бедствиях и притеснениях от неприятеля и умолял жителей покаяться в грехах, исправить свою жизнь и не медля испросить милость у Господа угодным Ему делом. Подвижник советовал согражданам построить в один день на месте своих подвигов храм во имя Пресвятой Богородицы, в память чуда от иконы «Знамения» в Великом Новгороде. Преподобный убеждал своих слушателей: «С истинною верою, с теплыми слезами и усердно мы будем приходить в сей храм, очистим покаянием свою совесть, обратимся к Господу от всей души, вооружим себя против лютых зверей – духовных наших

врагов, ибо в Священном Писании сказано: *Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити* (1Пет. 5, 8). Будем соблюдать чистоту душевную и телесную, уклонимся от скверных похотей и дел. Если мы сделаем так, то Госпожа наша Пресвятая Богородица умолит Сына Своего Христа Бога нашего, защитит город наш и избавит нас от нашествия иноплемеников».

Однако жители Вологды не приняли благочестивого совета прп. Галактиона. Один из видных граждан Нечай Щелкунов стал возражать против его предложения: «О себе только и заботится этот старец, ради собственного удобства добивается он постройки новой церкви». И, обратясь к преподобному, заметил: «Ведь есть неподалеку храм Флора и Лавра и церковь святой Екатерины – туда и ходи молиться. Если же по твоему совету построим новый храм на твоём месте, а потом ты помрешь, храм твой запустеет и поддерживать его будет стоить дорого».

Святой ответил Нечаю: «Не о себе я забочусь, а о святых Божиих церквях, о нашем городе и о православных христианах, чтобы они напрасно не погибли. Не знаешь ты того, что впоследствии на месте моей келлии Бог прославит святое имя Свое: здесь будет построена обитель, соберется и братия, воздвигнутся украшенные храмы, а храм, тобою построенный во имя Живоначальной Троицы будет сожжен врагами; травой зарастет твой двор и род твой прекратится».

Возвращаясь в свою келлию, преподобный остановился против церкви во имя прп. Димитрия Прилуцкого и сказал: «Сей великий чудотворец у Бога милости просил граду нашему, ныне же прогневали своего заступника: осквернили место вокруг его церкви, построили лавки и открыли торговлю. Знайте же, что храм этот будет разорен первым, вы сами увидите, что произойдет вскоре».

Пророчество святого сильно опечалило и смутило жителей Вологды. Веря прозорливости преподобного, всякий боялся грядущих бедствий. Многие приходили к его келлии и каждый спрашивал, что с ним будет. Святой предсказывал одним смерть от вражеских мечей, другим же – спасение. Действительно, вскоре, 22 сентября 1612 г., Божиим

попущением на Вологду напали поляки и литовцы. Пророчество прп. Галактиона сбылось точно: неприятели сначала сожгли храм во имя прп. Димитрия Прилуцкого, потом предали пламени Троицкую церковь. Людей – одних убили, других взяли в плен, многие разбежались в разные стороны. Преподобный в то время находился в своей келлии. Сначала враги не замечали его бедной и малой хижины, но потом обратили на нее внимание. Дочь прп. Галактиона, не зная, куда спастись от разъяренных врагов, вбежала в келлию подвижника-отца. Узнав, что в келлии старца скрывается женщина, они ворвались в нее, как дикие звери. Испуганная девица спаслась от них бегством. Тогда враги с бешенством набросились на преподобного, вытащили его вон из келлии, волокли за вериги, нещадно били, поносили бранными словами, кололи его мечами. Все страдания подвижник переносил с благодарением и без всякого ропота. Тогда озверевшие враги бросили ему на голову бревно с крыши одного здания и оставили страдальца едва живым. Видя приближение своей кончины, святой молил Господа простить ему все согрешения и избавить от воздушных мытарств и миродержителя тьмы века сего.

Измученный врагами, прп. Галактион прожил всего два дня и на третий, 24 сентября 1612 г., с молитвою преставился ко Господу. В этот день и празднуется местно память святого. Благочестивые люди погребли тело преподобного в его же келлии. А Бог прославил своего угодника чудесами, и уединенная келлия прп. Галактиона стала усердно посещаться. Часто вспоминали жители Вологды его святую жизнь и пророчества. И вот, сошедшись раз в большое собрание, они обратились к архиепископу с просьбой о построении храма на месте келлии преподобного. Они говорили: «Истинно Господь послал нам своего заступника и молитвенника; он постоянно вещал нам правду и великую любовь показал к нам. Он повелел нам воздвигнуть храм во имя нашей Заступницы, честного и славного Ее Знамения. Мы же не исполнили его заветов, оскорбили его!» Так тужили граждане вологодские: архиепископ Варлаам (1627–1645) повелел написать житие угодника, воздвигнуть храм в честь Знамения Божией Матери на

месте келлии его и собрать братию. Так исполнилось пророчество прп. Галактиона; при следующем архиепископе Маркелле (1645–1663) построен был соборный храм во имя Святого Духа. По имени соборного храма и монастырь стал называться Свято-Духовым.

Обильные чудеса истекали и истекают от раки мощей прп. Галактиона: исцелялись те, кто пил воду из колодца, ископанным преподобным, получали облегчение и взявшие земли близ его гробницы.

Из многих чудес прп. Галактиона приводим два.

Один бедный человек был расслаблен. Шесть лет болел он всем телом, так что не мог ни встать, ни сесть, ни даже повернуться. Его сын, не имея средств содержать больного, выстроил ему близ моста в Вологде небольшой шалаш, в котором расслабленный лежал и просил у проходящих милостыню. Однажды ночью больной увидел, что дверь его шалаша растворилась и неведомый голос сказал ему: «Ложись, расслабленный». Затем вскоре он сказал: «Расслабленный, встань». Больной почувствовал силу, поднялся на своем ложе и осенил себя крестным знаменiem. В третий раз услышал: «Расслабленный, встань и иди в обитель Пресвятой Богородицы и преподобного Галактиона, помолись там и расскажи верующим о милости Божией к тебе». С тех пор больной выздоровел.

Летом 1655 г. в Вологодском крае шли проливные дожди, хлеб не созревал и убирать его было нельзя. Грозил голод. Народ вспомнил, как прп. Галактион еще при жизни святой молитвой своей вместе с народом избавил страну от засухи. Поэтому все стали просить архиепископа Маркелла идти крестным ходом ко гробу преподобного и здесь молиться. Архиепископ согласился, и когда народ молился при гробе святого, небо прояснилось, заблестало солнце и настало ведро. В память этого чуда установлен крестный ход в монастырь. Он совершается в праздник обители, в день Святого Духа.

Аврамий Мирожский, преподобный

Преподобный Авраамий был первым игуменом первого Псковского монастыря. Св. Нифонт, архиепископ Новгородский (1129–1156; память 8/21 апреля), поставленный на святительский престол из иноков Киево-Печерского монастыря и потому ревновавший о процветании монашества в своей епархии, основал в городе Пскове, принадлежавшем тогда к епархии Новгородской, монастырь в честь Преображения Господня. Монастырь устроен был на окраине города, в Завеличье, то есть за рекою Великой, при впадении в нее с левой стороны речки Мирожки, и посему в прежнее время он назывался то Мирожским, то Завеличским. Монастырь был «превелик зело и честен». Святитель богато украсил его, пожертвовав средства на его устройство и содержание, и собрал многочисленную братию «на славословие Божие». Главным украшением новосозданной обители, нет сомнения, был каменный собор ее в честь Преображения Господня, сложенный из плитняка и расписанный превосходной живописью. Игуменом новой обители св. Нифонт поставил «единого от братии, честного и свята» – прп. Аврамия. Никаких сведений ни о ранней жизни подвижника, ни об управлении им обителью не сохранилось. Надо думать, что свой монашеский искуc прп. Авраамий прошел в каком-нибудь монастыре, может быть в Киеве, где ранее подвизался и сам св. Нифонт, а может быть в одном из древнейших монастырей Новгорода. Недолго, по-видимому, управлял преподобный Спасо-Мирожской обителью: скончался он в 1158 г. 24 сентября. Мощи его почивают под спудом в Спасо-Преображенском соборе. Память прп. Аврамия Мирожского чтится местно.

Никандр Псковский чудотворец, преподобный

Преподобный Никандр Псковский (в крещении Никон) родился 24 июля 1507 года в семье крестьян Филиппа и Анастасии в селе Виделебье на Псковщине. С детского возраста он обнаружил стремление к великим подвигам. Отец Никона вскоре скончался, и отрок остался на попечении матери. Он стремился научиться грамоте, чтобы читать Божественное Писание. Часто посещал он свою сельскую церковь во имя угодника Божия Николая, архиепископа Мирликийского, не любил детских игр; не прельщался красивыми одеждами, довольствуясь худым рубищем, и только размышлял о том, как ему спастись. Сильно нравилась Никону тихая иноческая жизнь, посвященная труду и молитве. К подвижнической жизни привлекали благочестивого отрока примеры преподобных Евфросина Спасо-Елеазаровского, начальника псковских пустынножителей (память 15/28 мая), и Саввы Крыпецкого (память 28 августа/10 сентября), незадолго перед тем просиявших своими подвигами и чудесами в Псковской земле.

Когда Никону исполнилось семнадцать лет, он начал молить свою мать, чтобы она удалилась от суетного мира. Анастасия послушала совета сына; часть своего имения раздала нищим, часть пожертвовала в церкви Божии и приняла пострижение в одном женском монастыре, где и жила до самой кончины. Обойдя обители Псковской земли, поклонившись мощам преподобных Евфросина и его ученика Саввы, он окончательно утвердился в стремлении к отшельнической жизни.

Когда Никон возвратился в Псков, его принял к себе в дом торговый человек Филипп, возлюбивший юношу за его необычайное смирение и терпение. Видя великое желание Никона разуместь грамоту, Филипп отдал его в учение к некоему диакону. Господь просветил разум юного подвижника. Скоро Никон изучил грамоту и читал Божественные книги, так что все дивились его быстрым успехам. Но помыслы его заняты были одним – стремлением угодить Господу, спасти свою душу.

Помня слова святого пророка Давида: *Се удалихся бегая и водворихся в пустыни: чаях Бога, Спасяющего мя от малодушия и от бури* (Пс. 54, 8–9), смиренный подвижник усердно молил Господа, чтобы удостоил его видеть пустыню, послал человека, который бы мог указать ему то уединенное место. Молитва святого была услышана. Когда преподобный пришел в Псков, чтобы, по обычаю своему, выслушать Божественную литургию в церкви святого и славного Богоявления, в сем храме был глас Никону из алтаря, повелевавший ему идти в пустыню, которую Господь укажет через Своего раба Феодора. Крестьянин Феодор отвел его на речку Демьянку, между Псковом и Порховом. (Впоследствии Филипп и Феодор, которые помогли преподобному достичь своей заветной цели, по его молитвам также вступили на путь иночества и стали постриженниками Крыпецкого монастыря с именами Филарет и Феодосий).

Много искушений и бед пережил на тесном пути подвижничества преподобный Никандр. О «страстях пустынных» ему предсказал еще в Пскове блаженный Николай (память 28 февраля/12 марта). Молитвами всех Псковских угодников и преподобного Александра Свирского (память 30 августа/12 сентября и 17/30 апреля), который дважды являлся преподобному, наставляя и укрепляя его, он, с помощью благодати Божией, преодолел все многообразные козни лукавого. Силой молитв преподобный победил слабости плоти, человеческое недоброжелательство и дьявольские страхования.

Между тем распространился слух о подвигах пустытника, и окрестные жители стали стекаться к нему, прося молитв и наставлений. Тяжела была смиренному подвижнику слава от людей; он не хотел и боялся ее. Поэтому убегая от людского прославления, Никон оставил свое уединение и отправился снова в Псков в монастырь, основанный преподобным Саввой Крыпецким. Игумен, видя его телесную немощь, не сразу согласился принять его, опасаясь, что трудности монашеской жизни будут ему не по силам. Тогда Никон, припав к раке преподобного Саввы, стал, как живого, умолять его взять в

свою обитель. Игумен смягчился и постриг Никона с именем Никандр.

С новой силой устремился преподобный на подвиги – всего себя предал Богу, совершенно отказался от своей воли и повинился во всем воле игумена и братии. Постоянно укреплял он себя такими благочестивыми размышлениями: «Пшеничному полю подобно иноческое житие, оно требует частого дождя слезного и великого трудолюбия. Если хочешь принести обильный плод, а не терние, то трезвись умом и трудись; старайся быть доброй землей, а не каменистой почвой, чтобы всеянное свыше в сердце твое могло принести плоды, чтобы не изсыхало оно от зноя и уныния и небрежения».

Время, свободное от молитвы, преподобный Никандр проводил в рукоделии. Игумен и братия удивлялись подвижнику, его благонравию, смирению и покорности, бодрости и крепости в подвигах и прославляли Бога. Между тем преподобный Никандр, снова убегая людской славы и тоскуя о прежней отшельнической жизни, отправился в свою пустыню и прожил там несколько лет. В дикой пустыни самая жизнь подвижника нередко подвергалась опасности. Так, однажды разбойники напали на убогую хижину святого, отобрали скудные пожитки отшельника, отняли у него и последнее утешение – святые иконы и книги, а самого его сильно ранили в ребра копьем и оставили еле живым. По молитвам святого двое из них, устрашившись внезапной смертью своего товарища, раскаялись в своих злодеяниях и получили прощение старца.

Но преподобный не столько боялся разбойников, сколько похвалы людской. Посему снова оставил он пустыню и во второй раз отправился в Крыпецкий монастырь, где ранее принял монашество. Прибыв в обитель, святой продолжал свою строгую подвижническую жизнь. Дивясь его подвигам, братия поставила его в пономари. Кроме того, на святого было возложено трудное и тяжелое послушание печь просфоры. Но преподобный Никандр с радостью стал исполнять эту работу, размышляя: «Если Господь наш Иисус Христос назвал Своим Телом хлеб, приготовленный для Тайной вечери, то мне следует радоваться, что Бог сподобил меня готовить такие хлебы,

на коих совершается великая и страшная тайна: дивным и непостижимым образом прелагаются они в Святое Тело Христово».

И подвижник Божий продолжал неустанно трудиться. Иноки, видя его возрастающее рвение и полюбив его за смирение и кротость, просили игумена сделать Никандра келарем. Игумен исполнил просьбу братии и поставил преподобного на келарство. Святой при сем возвышении не изменил своей прежней жизни, но исполнял новую обязанность со смиренномудрием и усердием, как бы дело, порученное ему Самим Господом; не превозносился он данной ему властью, помня слова Писания: *Аще кто хочет в вас вящий быти, да будет всем слуга* (Мф. 20, 26). Получив власть в монастыре вместе с должностью келаря, преподобный Никандр вел себя как самый младший, раньше всех выходя на работы. Но недолго святой Никандр был келарем: несносна была ему суета, с которой соединялось келарство, тяжело было постоянное общение с людьми; он стремился к прежней отшельнической жизни, к безмолвию, потому и решился снова, уже навсегда, покинуть обитель. Выйдя из Крыпецкого монастыря, он поселился на одном острове, находящемся верстах в четырех от него; здесь святой построил хижину, опять предался своим обычным подвигам и провел таким образом три с половиной года. Слава отшельника привлекла к нему многих посетителей, которые искали у преподобного слова назидания. Между тем враг – завистник людей внушил игумену и братии Крыпецкого монастыря мысль, что, привлекая к себе народ, Никандр уменьшит монастырские доходы. Посему они пришли к преподобному и требовали, чтобы он удалился с этого места. С величайшим смирением исполнил святой требование: он снова отправился в свою пустыню, на место, указанное ему Богом.

Прибыв в свою пустыню, святой снова предался подвигам и прожил там отшельником до самой блаженной кончины своей в продолжение 32 лет и 2 месяцев. 15 лет из них он провел, не видя лица человеческого, так что и люди не знали о месте его подвигов. Чудесным образом Господь открыл миру Своего угодника. Некто Петр, по прозванию Есюков, живший в 12

верстах от хижины святого, однажды, погнавшись за лосем, заехал в темный лес, в глухую, непроходимую дебрь. Петр потерял из вида лося; тогда он заметил небольшую хижину, огороженную частоколом – жилище преподобного Никандра.

К преподобному стало приходиться много народа «пользы ради», ибо, по слову прп. Иоанна Лествичника, «монашеское житие – свет для всех человеков». Верующие обращались к прп. Никандру за молитвенной помощью, ибо Господь наделил его многими благодатными дарованиями. Пустынник с любовью и вниманием относился ко всем нуждам своих посетителей и даже устроил им для ночлега убогую «гостиницу у дуба», которую сам протапливал. Преподобный не позволял себе выставлять напоказ свои дарования. Приходя тайно к его келлии, люди всегда слышали, что он молится с горьким рыданием. Он же, заметив близость людей, тотчас умолкал, пряча от них полученный дар слез. Между тем, видя, что приближается конец земной его жизни, преподобный Никандр решился возложить на себя великую схиму. Он отправился в Демьянский монастырь и здесь принял от руки игумена великое пострижение; это произошло за восемь лет до его кончины.

В то время к преподобному часто приходил один диакон из г. Порхова, по имени Петр, для душеспасительных бесед. Во время одного посещения Никандр поведал Петру: «Брат Петр, скоро Господь призовет к Себе мою душу, и ты погреби тогда мое грешное тело. Не знаю, как извещу тебя, ибо в то время будет брань: тогда придут сюда польские и литовские войска и будут держать Псков и Порхов в осаде; ты же, когда услышишь о моей кончине, не боязненно погреби тело мое, а над моим гробом будет воздвигнута церковь в честь великого и славного Благовещения». Он предвидел свою смерть, предсказав, что умрет, когда на отечество нападут враги, предрекая им при этом скорое поражение. 24 сентября 1581 года, во время нашествия войск польского короля Стефана Батория, один крестьянин нашел его скончавшимся: он лежал на рогожке с крестообразно сложенными на груди руками. Так с миром почил о Господе досточудный отец наш преподобный Никандр пустынножитель.

Не осталось забытым уединенное место подвигов святого пустынника. Через два с половиной года после кончины прп. Никандра над его гробницей воздвигнута церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. В 1585 году пришел на то место один мирянин. Здесь он принял иноческое пострижение с именем Исаии. Долгое время Исаия страдал болезнью ног и наконец, по молитвам преподобного, получил исцеление от своего недуга. Сей Исаия на месте подвигов преподобного Никандра устроил монастырь и собрал в ней многочисленную братию.

В 1686 году по распоряжению патриарха Всероссийского Иоакима, вследствие слуха о его чудесах, мощи преподобного были освидетельствованы и найдены нетленными; в то же время было составлено его житие и сочинена ему служба (есть и акафист). Патриарх Иоаким, рассмотрев житие и службу преподобному, повелел праздновать память его в храмовый праздник обители (т. е. на праздник Благовещения), а также 24 сентября – в день кончины его. При перестройке собора монастыря были обретены мощи прп. Никандра, скрытые в стене, и 29 июня празднуется как день обретения его честных мощей. И сейчас крепка молитвенная связь верующих с прп. Никандром, которого глубоко чтят на Псковской земле.

Сентябрь 25

Сергий, игумен Радонежский, преподобный чудотворец – преставление

«Слава Богу, показавшему нам житие мужа свята и старца духовна, преподобного Сергия в земли нашей Рустей» – так начинается сказание блаженный Епифаний о житии преподобного спустя 26 лет после его смерти.

Велико значение преподобного как верного служителя Святой Троицы в истории Русской Церкви, русского подвижничества, русского просвещения и нравственного воспитания русского народа. Около 70 монастырей только было открыто преподобным, его учениками и учениками его учеников.

В 1992 году исполнилось 600 лет со дня преставления преподобного Сергия, столпа Российской Церкви, воспитавшего поколение святых и объединившего духом Православия полуязыческие племена северной и средней России в целое великорусское племя; преподобный – носитель крепкого, народного, русского, православного духа.

Преподобный Сергий стал игуменом всея России и возбранном воеводой Русской земли. Это почувствовали у гроба его многие миллионы душ человеческих как у очага благодатного огня, забывая суету земную и духом переносясь в родную древность, в леса Радонежские, Древнюю Русь, воспевая: «Радуйся, от чрева матерня освященный и прежде рождения прославивый Святую Троицу».

Великий печальник и заступник земли Русской родился от родителей Кирилла и Марии, добрых и богоугодных. Они строго хранили церковные уставы, помогали бедным. Их сын – краса Православной Церкви и опора родной земли – был избранник Божий.

В воскресный день в храме на литургии младенец трижды возгласил во чреве матери – перед чтением Евангелия, во время пения Херувимской песни и при возгласе «Святая святым». Младенец прежде рождения явил всем знамение, что он будет служителем Святой Троицы.

Мы знаем, что пророка Иеремию Бог от чрева матери предызбрал и освятил, также пророка Исаию. А Предтеча Иоанн еще во утробе матери узнал Господа, и мать его с радостью пророчески возопила: *Прииди Мати Господа Моего ко мне* (Лк. 1, 44).

Господь досточудно еще до рождения преподобного явил ему Свою благодать и Божественное промысление.

Мать его, сознавая, что носит во чреве будущего подвижника благочестия, соблюдала душу и тело в чистоте и воздержании, молитве и уединении. Родители могут еще до рождения детей своих сообщить им задатки добра и привить с молоком добрые нравы.

Преподобный Сергей родился в селе Варницы, под Ростовом, 3 мая 1314 г. Нарекли имя рожденному Варфоломей, яко сын радости. Младенец не брал сосцов, когда случалось матери вкушать мясную пищу, а в среду и пятницу вовсе не вкушал пищи, совершая детский пост.

Мать совсем оставила мясную пищу, и младенец, кроме среды и пятницы, всегда после того питался молоком матери, «яко детище благодати Божия исполненное».

В семилетнем возрасте Варфоломея отдали в школу, которая была в попечении епископа Ростовского Прохора, а учителями были люди благочестивые и богобоязненные. Обучение грамоте считалось делом священным, ибо преподавался ключ к чтению и уразумению Божественных Писаний и тайн Божиих. Грамота отроку не давалась, о чем печалились и родители, и отрок, и тогда обратились с молитвой к Подателю деяний благих и всякого рода совершенного (Ин. 1, 8), к Тому, Который просвещает всякого человека, грядущего в мир (Ин. 1, 8). И Господь даровал Свою милость. Когда в поле под дубом Варфоломей встретил старца-черноризца, саном пресвитера, благоговейного и ангелоподобного видом, и стал сокрушаться перед ним, что, желая уразуметь книжное учение, не может познать грамоту своими силами, то старец, воздев руки, помолился о нем и, вынув из пазухи небольшой ковчежец, преподал ему частицу святой просфоры со словами: «Возьми сие, чадо, и снеждь, сие дается тебе в знамение благодати

Божией и уразумения Святаго Писания». И по благословению отрок начал стройно и внятно стихословить Псалтирь и получил от Бога премудрость и разум, превосходя всех в познании. Благодать Божия просветила ум юного Варфоломея, и жил он в страхе Божиим под сению храма, поучаясь в житии святых, ибо в Древней Руси все воспитание детей велось в церковно-православном духе. И жизнь устроилась по Евангелию Христову во благочестии и святине. Наши предки не любили читать светских книг, а только святоотеческие писания и летописные сказания о судьбах родной земли.

Отрок уклоняется от детских игр, шуток, смеха и пустословия и налагает строгий пост: по средам и пятницам не вкушает ничего, а в другие дни питается только хлебом в воду, рассуждая, что никто не безгрешен, *никтоже чист пред Богом, аще и един день жития его будет на земли (Иов. 14, 5)*, как и Давид пророк говорит: *В беззаконниих зачат есмь и во гресех роди мя мати моя (Пс. 50, 7)*. И виден был, – восклицает Епифаний Премудрый, – во отроке уже совершенный инок, ибо всегда он был тихий и молчаливый, кроткий и смиренный, поступь его скромна и целомудренна и сердечная умиленная молитва была непрестанной. Юный подвижник любил молиться по ночам, взывая: «Дай мне, Господи, измлада возлюбить Тебя всем сердцем моим и всею душою моею». Возгорался яркий благодатный светильник, чтобы просиять в пустыне дремучих лесов Радонежских и светом Евангелия и благодатного учения сиять Москве первопрестольной и всей Руси Православной, многострадальной и униженной, которая несла тяжелое бремя и иго татарское. Грубые баскаки жгли и грабили храмы Божии, людей убивали и уводили в плен – был полный простор страстям негодных басурман. Падала нравственность, процветать стало воровство, обман, ложь, вражда, междоусобицы, распутство, пьянство – погибала Русь Православная. Но Бог готовил прославление Руси.

Родители преподобного с семейством переселились в Городище, или Городок, Радонеж, что в двенадцати верстах от лавры. В конце своей жизни Кирилл и Мария приняли ангельский образ в Покровском Хотьковском монастыре и в

1339 году скончались. Варфоломей совершил поминание родителей, многое раздал нищим, а оставшееся поручил младшему брату Петру и на 21-м году жизни оставил мир и со старшим братом иноком Стефаном ушел в пустыню.

В те времена каждый, желавший уединенной жизни, мог один или с товарищем свободно идти в лес, на любом месте строить себе хижину или копать пещеру и селиться тут. Братья поселились в дремучем лесу, на горе Маковице, построили церковь и основали обитель.

Они избрали благодатное место, над которым люди видели одни свет, другие – огонь, иные ощущали благоухание, ибо Бог эту Маковицу предназначил для обители. Кругом был густой лес, которого не касалась еще рука человеческая. Поставили крест, построили церковь и келлию.

По благословению митрополита Всероссийского Феогноста церковь была освящена во имя Живоначальной Троицы в 1340 году. Брат преподобного Стефан ушел в Богоявленский монастырь в Москве, а преподобный один начал подвизаться в пустыне.

Был у Варфоломея великий дар – добродетель рассуждения, которая, по словам Иоанна Лествичника, в том состоит и познается, чтобы точно и верно постигать Божественную волю во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи. Оно рождается от послушания и смирения только в чистых сердцем, телом и устами.

Рано навывк преподобный равноангельному житию, и в 23-летнем возрасте игумен Митрофан постриг его с именем Сергей в его убогой церкви в пустыне и семь раз причастил его, каждый день совершая Божественную литургию. И ликовала душа Сергиева и горела Божественным огнем, ибо пребывала в нем первобытная чистота и невинность, потерянные первым Адамом.

Жил юный инок с Единым Богом, Который тайными внушениями и гласами невещественными и благодатью руководил его во искушениях во спасение.

И были в пустыне многие брани от врага и страхования, а сколько слез и сердечного плача, бдений и ночей бессонных,

коленопреклонений, алкания, жажды и скудости! Этот мир многим неведом. Но преподобный с радостью и желанием шел этим узким путем.

Преподобный, проходя деятельную жизнь, переживал душевные муки и тоску невыносимую, ибо мысли в этой брани не покоряются разуму и бродят повсюду, молитва не действует в сердце, душа рвется бежать от подвига. Томит еще голод и жажда, опасение и страх за жизнь от зверей. Мир и плоть гонят пустынника из уединения. Приходят помыслы гордости, которые могут помрачить ум. Открывается сильная брань с духами злобы поднебесной, препятствуя войти в область духовную, к общению с небесными силами, Самим Богом. Демоны вторгаются в пределы воображения и чувств, показуя странные образы и нелепые мечтания о ложном смирении и святости. Монашеская жизнь, как наука из наук, в этой брани преподает всем особые правила:

- 1) наблюдать за собой, подражая святым отцам;
- 2) испытывать мысли и желания, выявляя их, в духе ли они заповедей Божиих;
- 3) помнить о смерти, пришествии Господнем, о суде и мучениях и блаженстве;
- 4) иметь непрестанную молитву;
- 5) любить пост, чтобы избежать худых дел и помыслов;
- 6) помнить всегда о всевидящем оке Божием;
- 7) все дела и жизнь соотносить с Христовым Евангелием.

Такой путь делания приводит в страну бесстрастия и возвышает дух. Преподобный никогда не роптал, не скорбел, но всегда был доволен, ибо жил в благодати Божией.

Демоны, принимая видимый образ страшных зверей и отвратительных гадов, со свистом и свирепостью устремлялись на преподобного, он же, вооружаясь молитвой, бил супостатов именем Иисусовым, и дал Господь победу над духами тьмы, и преподобный получил от Бога власть над демоном. Не страшился он уже зверей диких, и волков, и медведей и кротко с ними общался, как когда-то Адам во Едеме, в раю. Когда человек повинуетя Богу, то и все земные твари повинуются человеку, видя в нем и ощущая дивное благоухание светлого

образа Божия. Своим пустынным подвигом преподобный разорвал всякое общение с духом тьмы и во всей полноте исполнил первую заповедь – о любви к Богу, и теперь предстояло открыться любви к ближним и разнести по лицу родной земли благодатный свет, которым он, как благодатный светильник, был исполнен. Он светил из своей пустыни всей Православной Руси, чтобы от его света зажгли свет и другие светильники. Далеко разнеслось благоухание его святой жизни, и стали приходить к преподобному сначала ради душеполезной беседы, а потом нашлись и желающие жить близ него, соглашаясь терпеть скудность места и голод, и жажду, и всякие недостатки, дабы «внити в Царствие Божие» (Деян. 14, 22). И стали строить келлии в пустыни и с детской простотой и любовью пришельцы начали учиться пустынным подвигам. Долгое время число учеников Сергия было 12, из них первые были Василий, Иаков, Онисим диакон и Елисей – отец с сыном, земляки Сергеевы; Сильвестр, Мефодий, Андроник. Так возникла лавра Сергиева. Соблюдался порядок повседневного богослужения, собирались в церкви на полунощницу, утреню, третий, шестой и девятый час, на вечерню и повечерие, совершая и частые молебные пения за творящих милостыни, за болящих, за умерших – непрестанная молитва, по заповеди апостола (1Фес. 5, 17), была их непрестанным правилом и в церкви, и в келлии. В их обители, пожив малое время, скончался игумен Митрофан, постригавший Сергия. С глубоким смирением и трудолюбием преподобный служил братии – строил келлии, рубил дрова, молот зерно, пек хлеб, варил пищу, шил одежду и обувь, носил воду. Как земной Ангел, в посте и непрестанной молитве преподобный прилагал труды к трудам, и царил глубокий мир между братьями в духе евангельского смирения и самоотречения и любви. 12-летний отрок Иоанн, племянник Сергиев, принял ангельский образ с именем Феодор и, пожив 23 года, был первым иконописцем, а потом архиепископом Ростовским.

Была в Русской земле моровая язва, или черная смерть. Появилась в 1348 году и опустошала города и села до 1350 года и в следующие годы. В одном Китае вымерло 13 миллионов

народа. Вымирали целые города, становились безлюдными целые области, а у нас в Киеве, Чернигове, Смоленске в Суздале уцелела одна треть населения. Умерли митрополит Феогност, два сына великого князя и сам Симеон Иванович, и многие шли в монастыри, а в лавре преподобного не было священника, чтобы напутствовать к смерти таинствами. Братия желала видеть преподобного в священном сане, чтобы у своего игумена открывать совесть с покаянием, получать прощение и благословение и причащаться Таин Христовых и иметь упокоение в старости и погребение.

Волынский епископ Афанасий, замещающий путешествующего в Царьград митрополита Алексия, в Переяславле-Залесском в Нагорном Борисоглебском монастыре в 1354 г. поставил преподобного во иподиакона, затем во иеродиакона, а на другой день облек благодатью священства и поставил во игумена и, преподав правила апостольские и святоотеческое учение о спасении, как друг друга тяготы носить и исполнять закон Христов (Гал. 6, 2), отпустил с миром в свою обитель. С радостью братия встретила своего игумена, он же, преподав благословение, много молился со смирением и поучал братию. Сохранилось одно из поучений: «Внимайте себе, братия, всех молю, прежде имейте страх Божий и чистоту душевную и любовь нелицемерную; к сим же и страннолюбие и смирение с покорением, пост и молитву. Пища и питье в меру; чести и славы не любите, паче же всего бойтесь и поминайте час смертный и второе пришествие».

Число братии в обители стало увеличиваться и келлии умножаться. Все трудились, подражая апостолу Павлу, который день и ночь работал своими руками, чтоб не жить на чужой счет и не был никому в тягость, хотя как благовестник спасения имел на то полное право (2Фес. 3, 8–10). Каждый из братий доставал пропитание трудами рук своих и общежития не было. Была нужда во всем и часто зажигали лишь березовые или сосновые лучины при чтении на утрени. Преподобный поучал: люты скорби, но сладок рай; болезненны труды, но вечная за них награда. Благодать Божия никому не дается без скорбей и искушений. Когда братия несколько дней голодали, то Господь,

испытавши их веру и терпение, послал им утешение. В монастырские ворота въехали несколько повозок и привезли многое в изобилии на потребу. Ударили в било и в церкви отслужили благодарственный молебен Господу Богу, милующему и питающему рабов Своих, и потом сели насыщаться. Хлебы были очень теплые и удивительно вкусны, а благодетели были неведомы никому. И это часто потом повторялось. Как в древние времена, так и теперь Господь скор подать нам все потребное для жизни.

Был недостаток воды, и преподобный с иноком пошел в лесной овраг и помолился: «Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, сотворивший небо и землю и все видимое в невидимое, создавший человека и не желающий смерти грешника! Молим Тебя мы, грешные и недостойные рабы Твои: услыши нас в час сей и яви славу Твою! Как в пустыне чудодействовала крепкая десница Твоя, от камня воду источив, так и здесь яви силу Твою – даруй нам воду на месте сем, и да разумеют все, что Ты слушаешь боящихся Тебя, и имени Твоему славу воссылающих – Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и ныне присно и во веки веков, аминь».

И осенил крестным знаменем место, и из-под земли пробился обильный источник холодной ключевой воды, и она потекла быстрым ручьем по долине (считают, что ручей этот на северной стороне). От сей воды бывали и исцеления, и хватало воды в изобилии всем.

Мир вторгся в пустыню, прошли дороги, «составиша села в дворы многи», и приходили богомольцы, видели нищету пустынную, но видели благочестие и мир и благодать среди братии, и эта закваска благодатная уносилась в родные семьи, как свет, как соль. И славно стало на Руси имя угодника Божия, и шли многие к нему с верою. Один поселянин с верою нес опасно больного малютку к преподобному, но он умер, и старец, помолившись, воскресил умершего и отдал его обрадованному отцу.

Однажды, помолившись, старец исцелил тяжело болящего поселянина, в другой раз – бесноватого вельможу с берегов Волги, который был в исступлении ума и кусался и бился,

беснуясь с нечеловеческой силой, так что его десять человек не могли удержать.

Преподобный же погружался в смирение глубокое и пребывал в нищете и одежду имел всегда бедную, хотя обитель не имела уже недостатка ни в чем. В обители каждый приходящий получал утешение. И видели все, что Бог послал для Руси благодатного избранника для укрепления веры, и тысячи монахов воспитывались им и уходили в родные стороны, делаясь сами наставниками во спасение. И свет благодатный разливался по лицу родной земли, и чистая пшеница отделялась от плевел. Преподобный Сергей был для северной Московской Руси, как Антоний и Феодосий – для южной Киевской Руси. И было благодатное видение света, множества птиц, и слышался голос: «Так умножится стадо учеников твоих». И знаем, что уже при жизни преподобного основано до 25 монастырей, а потом число их возросло до 70.

Чтобы устранить собственность среди братии и всякую зависть, любостяжание, и превозношение, и пороки, преподобный желал ввести общежитие. И когда в 1372 году в обитель прибыл греческий митрополит с паломниками и грамотой от Вселенского патриарха Кир Филофея с благословением ввести общежитие в обители, то старец поспешил в Москву к святителю Алексию заручиться и его благословением. И, объявивши желание патриарха и митрополита, игумен ввел общежитие. Построили трапезу, хлебопекарни, амбары, кладовые. Называть своим что-либо было запрещено – одежда, пища, труды были общими. Все способные к труду, кроме престарелых и больных, должны трудиться для общего блага. Появились новые должности – келарь с обязанностями казначея, эконома, благочинного (был Никон), духовник (первым был Савва), экклесиарх. Обитель благоукрасилась, и число братии возросло, и изобилие появилось. Тогда излишество стали употреблять на странноприимство. Уединенная дотоле обитель выдвинулась из дремучих лесов на распутие жизни русской. При введении общежития оказались недовольные, некоторые ушли из обители, а другие, можно думать, с игуменом Стефаном

составили партию не желающих иметь Сергия главой братства. Тогда преподобный ушел из обители, избегая препирательства и личной распри со старшим братом Стефаном, который, оставив игуменство в Богоявленском монастыре, пришел в обитель, которую он основывал с братом. Преподобный посетил друга своего преподобного Стефана в Махрищском монастыре и, взяв в провожатые инока его, нашел прекрасное место на реке Киржаче, где и поселился для безмолвия.

К любимому игумену приходили братия и построили келлии, колодезь, церковь во имя Благовещения, и устроилась новая обитель. Митрополит благословил новую обитель, освятил церковь. Романа рукоположил в священный сан, поставил игуменом, а из Троице-Сергиевой лавры изгнал ропотников и вернул Сергия в свою обитель, где водворился мир. Воссиял во всем блеске преподобный как великий служитель Церкви Христовой и гражданин земного отечества – его имя было на устах всех, от великого князя и бояр до последнего поселянина Московской Руси, и был он, яко древний пророк. Любя пустыню, старец не желал наград и святительского сана, но, как великий благодетель, отводил своими молитвами от Руси беды и скорби. Он содействовал духовному возрождению и обновлению Русской земли и освобождению от рабства диким азиатским ордам. Это было такое время тяжкое, что оно грозило совершенной гибелью русскому народу. И Сергей дарован Богом земле Русской, как истинный печальник ее. Он вдохнул веру в помощь Божию, поднял дух родного народа встать на поработителей.

Мамай с полчищами шел на Русь. Великий князь Димитрий посетил Троицу со своими воинами-князьями. Преподобный отслужил Божественную литургию, пригласил князя и воевод на трапезу и сказал: «Господь Бог тебе Помощник. Еще не пришло время тебе самому носить венец этой победы с вечным сном; но многим, без числа многим сотрудникам твоим плетутся венцы мученические с вечною памятью». Окропил освященной водой князя и всех бывших с ним и сказал, что врага ожидает конечная гибель, «а тебя, великий княже, помощь, милость и слава от Господа. Уповаем на Господа и на

Пречистую Богородицу, что Они не оставят тебя». И, осеняя преклонившегося пред ним великого князя святым крестом, богоносный Сергей воодушевлено произнес: «Иди, господин, небоязненно! Господь поможет тебе на безбожных врагов!» А затем одному тихо сказал: «Победиши враги твоя». И как благословение, как залог победы своему воинству князь просил двух иноков, бывших воинов, Александра Пересвета и Андрея Ослябу. Возложив на них схимы, украшенные изображением креста Христова, старец отправил их на поле брани.

Благословив крестом и окропив еще раз освященной водой великого князя, своих иноков, витязей и всю дружину княжескую, преподобный Сергей сказал князю: «Господь Бог да будет твой Помощник и Заступник: Он победит и низложит супостатов твоих и прославит тебя!»

По лицу всей Русской земли пронеслась весть о благословении на брань с Мамаем, и луч надежды укрепился в сердцах сынов русских, заколебался Олег Рязанский и не пошел против Москвы. 8 сентября 1380 года на Дону войска встали в боевой порядок. Прибыли инок Нектарий и другие иноки от Сергея с благословением всему христоролюбивому воинству. Они привезли Богородичную просфору и грамоту с увещанием сражаться мужественно и уповать, что Бог увенчает их счастливым успехом. Поможет Бог и Троица. Преподобный как бы сам посетил воинство, и даже слабые духом воины воодушевились мужеством и готовностью положить души свои за святую веру православную, за дорогое отечество.

Было единоборство схимонаха Александра с татарским богатырем Челубеем. В схимническом одеянии, без лат и шлема, с тяжелым копьем сошелся зачинатель победы и пал вместе с татаринком. Мученически погибли многие воины: из 150 тыс., вышедших из Москвы, вернулось 40 тыс. Пока длилась грозная битва Куликовская, в обители Живоначальной Троицы святой Сергей собрал всю свою братию и возносил молитвы сердечные за успех великого дела. Телом стоял он на молитве, а духом был на поле Куликовом, прозревав очами веры все, что совершалось там, и, как очевидец, видел и называл павших воинов по имени, сам произносил за них заупокойные молитвы

со всей братией. Наконец, он возвестил совершенное поражение врагов и прославил Бога, даровавшего победу православным.

Заботы и молитвы печальника Русской земли продолжались и далее. На рукописи, написанной в 1380 году, говорится о том, что месяца сентября в 21-й день – памяти апостола Кондрата – Симоновский архимандрит Феодор приезжал из Москвы с тревожной вестью, что Литва грядет с агарянами на Москву. Племянник все поведал преподобному. Опять горячо молились Богу о помощи и направили келаря Никона в Рязань, чтобы предотвратить новое кровопролитие. И раскаялся в этот раз князь Олег с боярами своими и, имея наготове войско, оставил его и «отбежа от града своего Рязани к Ягайло Литовскому, которого уговорил уйти к себе на родину». Вот кому обязана Русь своим спасением и после Куликовской битвы, и тут преподобный Сергей явился заступником Руси и предупредил страшное кровопролитие родной братской крови. Великий князь после победы с многими воинами опять прибыл в обитель Троицы, чтобы воздать благодарение Богу, поведать старцу о богодарованной победе и поблагодарить за молитвы. Рассказав о герое-иноке, князь промолвил: «Если бы, отче святой, твой послушник Пересвет не убил татарина-богатыря, сколь бы многие испили от него чашу смертную! И без этого великое множество христианского воинства избито татарами, помолись о них, честный отче». И стали с тех пор петь панихиды и служить заупокойные литургии по всем убиенным на Куликовом поле пред 26 числом октября в Дмитриевскую субботу.

Князь наделил монастырь Сергиев щедрыми дарами, раздал много милостыни народу и при пособии преподобного Сергия устроил Стромынский Успенский монастырь на реке Дубенке, где ученик Сергиев Савва стал настоятелем. На месте захоронения в селе Монастырщина в память победы над Мамаем построен монастырь в честь Рождества Богородицы, куда Сергей пожертвовал царские врата. Великий князь увидел в преподобном Сергии мудрого советника и теплого молитвенника и обращался к нему за помощью в делах государственных, и пожелал иметь его восприемником от купели

крещения своих детей: Юрия, родившегося 26 ноября 1374 г., и Петра, родившегося 29 июня 1385 г.

Много раздоров было между князьями, и только угодники Божии умиротворяли князей. Преподобный Сергей призывал к миру ростовских князей, нижегородских в 1359 и в 1365 г., когда пришлось затворить все храмы до умирения.

Много хлопот было с тверским князем Михаилом Александровичем, который несколько раз призывал Ольгерда литовского, женатого на его сестре, против Москвы, и совет преподобного: всеми силами русских княжеств смирить Тверь – привел к миру с Тверью перед самим Мамаевым побоищем. Еще беспокойный хитрый сосед Олег рязанский нарушал договоры, входил в союзы то с Ольгердом, то с Тверью, то с Мамаем и Тохтамышем.

Осенью 1385 г. преподобный ходил в Рязань, смягчил сердце сурового Олега, и тот «взял с великим князем Димитрием вечный мир и любовь в род и род». Этот мир скрепили семейным союзом – Феодора Олеговича и Софии Дмитриевны. Так пробуждалось сознание единения под властью Москвы среди всех княжеств русских, чтобы общими силами сбросить иго Орды и хранить веру православную.

Преподобный похоронил победителя татар Димитрия Донского, умершего 19 мая 1389 года, и нес свой крест, служа родной Руси. Он нес сначала крест деятельный – время борьбы с ветхим человеком, с самим собой и с врагами спасения, миром и диаволом. И когда вошел в покой мира Христова, открылся крест созерцательный, в благодати путеводя уже других ко Христу.

Преподобный имел дар чудотворения, пророчества, утешения и назидания, совета и разума духовного.

Преподобный Сергей в трапезе духом увидел святителя Стефана Пермского и услышал духом его приветствие на большом расстоянии и сделал поклон ему к западу, промолвив: «Радуйся и ты, пастырь Христова стада, и мир Божий да пребывает с тобой!» Еще более высокое благодатное состояние богоносной его души чувствовалось в святейшие минуты Божественной литургии. В это время молчальник Исаакий видел

чудный пламень, исходящий от преподобного в минуты благословения. Видели Ангела в виде чудного в блистающих ризах мужа, сослужащего на литургии и шедшего на малом входе с Евангелием вслед за Сергием. Ангел Господень всегда при совершении Божественной литургии сослужил преподобному. Видели при служении преподобного, как небесный огонь сходил на Святые Тайны в минуты их освящения, как этот огонь ходил по святому престолу, озаряя весь алтарь, обвиваясь около святой трапезы и окружая всего священнодействующего Сергия, и как вошел он внутрь святого потира, и угодник Божий причащался этого огня «неопально, как древле купина неопально горевшая не сгорала».

Однажды преподобный сердечно молился Царице Небесной, и его чистое сердце горело благодатным огнем, и смиренный ум был погружен в созерцание, и видел он Пречистую с апостолами Петром и Иоанном Богословом, посетившую обитель и обещавшую избраннику Своему неотступной быть от места сего и покрывать обитель Своим чудным покровом. Не гаданием, не в сонном видении, а наяву видел он Божию Матерь, и это было венцом его подвигов здесь, на земле.

Вся вселенная видела в преподобном Сергии истинного человека Божия – земного Ангела и небесного человека, в котором, как и в древних подвижниках и святых, действовала всемогущая сила Божия. Он был обителью Пресвятой Троицы, и какое глубокое смирение, детская простота, незлобие, духовное рассуждение пребывали в нем, отображая в нем земную красоту его души, которая сияла, яко солнце.

Как корабль при тихом плаваньи приближается к своему доброму пристанищу, так и преподобный Сергей приближался к переходу в вечность, к Господу славы. За полгода вперед Господь открыл Ему день отшествия, и богоносный Сергей собрал братию, передал откровение Божие и передал управление обителью первому ученику своему и помощнику Никону, а сам стал безмолвствовать.

В последние минуты предсмертные он собрал братию и преподал завещание шествовать Его путем в небесные

обители, пребывать всегда в Православии и вере апостольской, хранить единомыслие, блюсти чистоту душевную и телесную и любовь нелицемерную, удаляться от злых похотей, иметь умеренность в пище и питии, страннолюбия не забывать. В своей прощальной беседе со всей силой отеческой любви сообщал он спасительные правила иноческого жития. Всех поручил Всемогущему Господу и Его Пречистой Матери.

Причастившись Божественных Таин Христовых, богоносный отец со словами: «В руце Твои предаю дух мой, Господи» – тихо отошел духом ко Господу 25 сентября 1392 года.

Лицо праведника сияло небесным блаженством, и благоухание чудное разлилось по его келлии.

Благодатное сопребывание Сергия духом в своей обители благочестивые иноки видели многократно, ибо он всегда пребывает игуменом неусыпающим лавры своей и всей Руси Православной взбранным воеводою.

Полюби святого Сергия, полюби его искренне, и Он полюбит тебя.

Спустя 30 лет после кончины в видении одному благочестивому почитателю своему во время легкого сна преподобный Сергей сказал: «Возвести игумену сей обители, зачем оставляет меня так долго под покровом земли во гробе, где вода окружает мое тело?»

Тело преподобного сохранилось целым и неврежденным, тление не коснулось даже одеяния его; несмотря на то, что гроб стоял в воде, она не касалась тела и одежды. Великое благоухание распространилось вокруг. Множество христиан прославляли Бога. С ликованием были положены святые мощи преподобного в новую раку. Обретение последовало 5 июля в 1422 году. При жизни много чудес сотворил преподобный Сергей, но по смирению и кротости он не велел рассказывать о всех, а по кончине Бог прославил Его так, что чудеса, совершаемые по Его молитвам, подобны многоводной реке.

Так, осенью 1408 года преподобный Сергей и святители Петр и Алексий явившись, предупредили игумена Никона: «Господу было угодно, чтобы иноплеменники (татары Эдигея) коснулись и сего места, ты же, чадо, не скорби, не смущайся –

обитель не запустеет, а процветет еще более». Никон и иноки временно удалились, а после отступления татар построили новый каменный храм Пресвятой Троицы.

Однажды, в праздник Троицы, бедный слепой с семилетнего возраста, оставленный своим проводником, молился и рыдал. Явился преподобный Сергей, подвел слепца раке, и он стал зрячим.

Поляки осаждали лавру с 23 сентября 1608 года по 12 января 1610 года. 30 тыс. против 2 тыс. защитников. Иноверцы хотели разорить дом Пресвятой Троицы, поляки и литовцы проливали кровь православных. В это время трижды в видении Косме Минину преподобный повелел собирать казну. Преподобный являлся казакам и укорял их за измену. Многие оставляли лагерь и уходили домой. Посылал трех учеников – Михея, Варфоломея и Наума – в Москву на слепых лошадях совершать молебствия. И совершилось чудо: слепые лошади сами принесли своих седоков в столицу. По молитвам преподобного Сергия в житницах не уменьшалась рожь. Всемогущий Господь спас и сохранил Русь и Православие. Архиепископ Арсений Эласонский, томившийся в плену в Москве, находящийся в сильном недуге, стал вестником небесного милосердия к России. Однажды в глухую полночь келлия больного святителя вдруг осветилась необыкновенным лучезарным светом, и он увидел пред собой преподобного Сергия, Радонежского чудотворца. «Арсений, – сказал явившийся преподобный болящему, – ваши и наши молитвы услышаны: предстательством Богоматери суд Божий об отечестве предложен на милость и завтра же Москва будет в руках России и Россия будет спасена». 22 октября считается днем избавления Москвы, и была встреча Владимирской иконы, которую нес из Кремля архиепископ Арсений.

В декабрьской книжке «Душеполезного чтения» за 1910 год помещено народное предание 1812 года, распространенное особенно в бывшей Ярославской губернии под заглавием «Видение Наполеона». В нем рассказывается такое происшествие. Заняв Москву, Наполеон, как-то попробовав русского сбитня, который сварил мастер своего дела старик

ярославец, приказал ему прийти со сбитнем и на следующий день. Его должен был сопровождать француз-приказчик из французской лавки с Кузнецкого моста, поступивший переводчиком во французскую армию. В рассказе он называется кургузым. «... Сбитенщик и кургузый дошли до Кремля. Ярославец уже приготовился по-вчерашнему потчевать Наполеона и его свиту, но императору было не до сбитня. Он взволнованный ходил по царской площади. Его лицо подергивалось судорогами, кулаки крепко сжимались. Свита казалась растерянной. Что-то произошло... «Но я видел... я видел войско и странного полководца», – ни к кому не обращаясь, говорил император французов настойчиво и с раздражением. Свита изумлялась, но не тому, что Наполеон видел, а тому, что она не видела ни войска, ни странного полководца. Просто у императора воображение болезненно расстроилось. Опустелая, похожая на кладбище, пылающая Москва, недостаток во всем и страх за будущее довели вождя до того, что он поддался обману зрения и чувств. Надо, чтобы доктора обратили внимание на это и употребили все средства: верховный вождь должен быть бодр и здоров... Между тем, вот что произошло.

Наполеон захотел полюбоваться окрестностями Москвы и поднялся на колокольню Ивана Великого. Солнце грянуло с небес. Бонапарт направил взор в сторону Воробьевых гор и вдруг встрепенулся, дрогнул и обратился к приближенным голосом, в котором чувствовался испуг. «Вы видите, там, на юго-западе движется армия! И с двух сторон подходят великие армии! Это русские!» – «Ваше величество, мы не видим там никаких армий». Наполеон топнул ногой о деревянный помост. «Три армии... да, да! Они еще далеко, но они приближаются и будут в Москве. Да, да, скоро будут». Он трепетал, стучал зубами и порывисто говорил: «Три великих армии! три! три!... как вы не видите?... Кажется, они не идут по земле, а несутся по воздуху, как Ангелы или демоны. И впереди – вождь. Вы видите вождя? Вы видите вождя?» – «Ваше величество, мы не видим вождя». «Проклятие!» – потрясая кулаками, простонал Наполеон и стал торопливо спускаться по лестнице. Бледный,

он рассеянно и злобно повторял: «Но я видел, я видел их. И этот предводитель весь в черном. Монах? Седые волосы, седая борода... с крестом в руках. Он осенил войско крестом... это необычайно! Что это? Кто этот черный вождь?» Наполеона трясло. В нем кипела злоба оттого, что никто не видел воздушных армий с необыкновенным предводителем монахом. Уже на площади Наполеон взглянул туда, но там уже ничего не было; солнце скрылось, тучи и дым висели над Воробьевыми горами. Тут как раз появились в Кремле сбитенщик с «языком», т. е. с кургузым. «Пусть подойдет ближе», – приказал Наполеон и, когда они приблизились, спросил ярославца, не знает ли он такого монаха: тощего, но величественного и седого, как лунь. Сбитенщик в свою очередь спросил, а где он, император, встретил такого монаха. В Москве не один монастырь, не один, следовательно, может быть и такой монах... «Там, в воздухе, впереди войск», – нетерпеливо произнес император. Кургузый перевел. Старик приосанился и, словно отчеканивая каждое слово, отвечал: «Вашему величеству известно должно быть, что простые монахи не ходят по воздуху, а единственно небесная сила открывалась вам. Не из нынешних монахов какой-либо вел воинов, а непременно угодник Божий, охраняющий Москву и Русь». «Так, так, – сказал Наполеон своим, – у русских людей и городов есть свои святые покровители». И обращаясь к сбитенщику, добавил: «Кто покровитель Москвы?» – «Святой и преподобный Сергей, Радонежский чудотворец». Наполеон повернулся, сделал рукой знак старику, чтобы шел за ним, и все – Наполеон, приближенные, сбитенщик, кургузый – направились в Благовещенский собор. Старик оставил посудины со сбитнем на паперти и один из всех обнажил голову. «Показать мне изображение святого!» – сказал Наполеон. Старик подвел его к образу преподобного Сергия. «Это он!» – воскликнул Наполеон и отшатнулся, вдруг обвеянный страшным холодом. Но он долго не мог оторвать глаз от святого образа, и мысли одна за другой проходили в голове императора, тревожные мысли... Видение смутило, взволновало и устрасило, держало в своем плену гордого победителя. С ним не было подобного... Наполеон хотел сейчас освободиться от тягостного плена и не

мог. Как будто судьба давала неумолимо понять, ему, что есть Божий перст, который указывает пути народам и правителям, и смиренным и гордым: пути к победе и величию, к падению и безднам. И глубокое раздумье взяло Наполеона. Он стал перебирать в памяти все события от того часа, когда он и «двенадцать других земель» 11 июня вторглись в пределы Российской империи, и до сегодняшнего видения в пылающей неприветливой Москве. Мало отрадного выпало на долю великой армии. Россия оказалась хорошей ловушкой, и этой ловушки не сломил даже Бородинский бой. «Что за радость, – думал Наполеон, – признавать себя победителем, если нет побежденных?» В раздумье он вышел из собора и вслух помыслил: «Что же это за народ – русские, если их армию водят святые... таких-то надо побеждать!» И вздрогнул. – «Коня!» Ему подведи великолепного арабского коня. Наполеон сел в седло и, сопровождаемый свитой, поскакал из Кремля. Он желал забыть видение; он проскакал через всю столицу и явился в Петровский дворец, хотел там остаться и не мог. Он не находил себе места, не мог ничем отвлечься от тяжких дум, навеянных видением. Ему чудилось ликование тех трех армий, что вел святой Сергей, и, казалось, это ликование все громче и громче. Армии, значит, приближаются, и не застигнут ли они врасплох его и «двенадцать других земель», с ним пришедших? И Наполеону стало жутко оставаться еще в Москве...»

Много и других чудес совершил великий угодник Божий. Дивен Бог во святых Своих, дивен в преподобном Сергии! И до сего времени гроб его является неоскудеваемым источником чудотворений: все с верою приходящие получают различные и богатые милости; припадем и мы к раке многоцелебных мощей святого Сергия и в сердечном умилении воззовем: «Преподобие отче Сергие, моли Бога о нас».

Афанасий и Феодосий Череповецкие преподобные

Преподобный Афанасий, по прозвищу «Железный посох», и преподобный Феодосий Череповецкие – ученики преподобного Сергия Радонежского.

Поселились они в Новгородском краю на Череповецком урочище, при впадении речки Ягорбы в реку Шексну, где подвизались в иноческих трудах. Здесь они построили храм во имя Святой Троицы и основали Воскресенский Череповецкий монастырь.

О преподобном Афанасии сказано в летописных святцах: «Преподобный Афанасий пустынник, зовомый Железный посох, ученик бысть святого Сергия чудотворца; преставился в лето 6900 (1392)». Череповский Воскресенский монастырь был razoren до основания во время нашествия Литвы, а потому не сохранилось сведений о блаженных его основателях, кроме одной надписи на вкладной книге 1568 года: «Сия книга святой обители Воскресения Христова и Живоначальной Троицы и начальников преподобных отец наших Феодосия и Афанасия».

Мощи преподобного Афанасия и Феодосия почивают под спудом и память совершается местно 25 сентября/8 октября и 26 ноября/9 декабря.

Ефросиния Суздальская, преподобная

В древнем граде Чернигове жил святой благоверный князь Михаил Всеволодович, теплый верою к Богу, милостивый к убогим.

Его княгиня – имя ее не дошло до нас – также была благочестива и милостива. Долго супруги не имели детей и, скорбя о своем бесчадии, молились Матери скорбящих Пресвятой Богородице о даровании им потомства. Часто ходили они в Киевский Печерский монастырь прпп. Антония и Феодосия, чтобы помолиться Пречистой Деве в храме, посвященном Ее имени, послушать наставления Печерских иноков и подать обильную милостыню на монастырь и братию.

Усердная молитва благочестивых супругов был услышана. В одну ночь явились им Пресвятая Богородица и сказала: «Дерзайте, дерзайте и молитесь; ваша молитва услышана и вот вам знамение: возьмите благоухание и покадите им весь дом свой». Испуганные супруги быстро встали и увидели в своем изголовье узел, в котором было завязано благоухание. Они вознесли слезную молитву к удостоившей их своим посещением Богоматери, потом взяли кадильницу и наполнили свой дом дивным благоуханием. Спустя некоторое время, также ночью, Пречистая Дева явилась им снова и дала новое знамение: вручила им прекрасную голубицу, предызображая тем рождение от них дочери.

Князь и княгиня поспешили в Печерский монастырь, по обычаю усердно молились о даровании им дитяти и удостоились третьего явления Богоматери, сопровождаемой на этот раз прпп. Антонием и Феодосием. Пресвятая Дева уже прямо предсказала благочестивым супругам рождение дочери. «Идите в свой дом, – говорила Она, – вы зачнете дочь и наречете имя ей Феодулия. Храните ее со всяким страхом, ибо она будет честным сосудом Святого Духа и сопричтется к лику девственных служительниц Мне при Ризоположенском монастыре в Суздале. Я сохраню ее, как зеницу ока,

приготавливая ее на брак Сыну Своему. Пищей для нее будет хлеб, соль и вода, мяса же не вкусит она».

Тогда же Пресвятая Богородица предрекла князю Михаилу, что по рождении Феодулии у него будет еще четыре сына.

Тем же годом княгиня почувствовала, что она зачала во чреве своем и с радостью известила о том благоверного князя. По истечении определенного срока у них родилась дочь. Крещение ее было совершено в Печерской обители; восприемником от святой купели был игумен; в святом крещении новорожденная получила имя Феодулии. По обычаю знатных людей того времени, к новорожденной княжне была приставлена кормилица. И когда кормилице случалось вкушать мяса, то Феодулия не принимала от нее молока и весь день оставалась без пищи. Заметив это, родители запретили кормилице вовсе вкушать мясную пищу. Когда же окончились годы кормления, пищей для отроковицы стал хлеб, соль и немного овощей, питьем – одна вода, как и предсказывала Пресвятая Богородица. Дитя росло, радуя родителей своим прекрасным видом и добрым нравом.

Благочестивая княгиня-мать часто предавалась размышлению о том, что ожидает ее дочь в будущем, и старалась понять, как исполнится на ней предсказание Богоматери. Как бы в ответ на недоумение княгини однажды приснилось ей, будто она возносится на высоту с отроковицей на руках своих и со словами благодарения отдает свое дитя в дар Всевышнему.

Когда пришло время, Феодулию стали обучать грамоте – сам князь Михаил и мудрый советник его Феодор. Сильно полюбила учение девятилетняя княжна и скоро достигла таких успехов, которые изумляли ее наставников и прославляли необычайную отроковицу.

Феодулия обладала редкой телесной красотой. Не один из князей хотел иметь ее невестой своего сына и засылал сватов к ее отцу. Князь предпочел всем другим сына суздальского князя Мины Иоанновича, потомка славного Симона Варяга, которого любил прп. Феодосий Печерский.

Путь жизни для Феодулии, по-видимому, был намечен. Но не то готовил ей Господь: к другому, тесному пути звал ее Он чудесными видениями.

Однажды отроковица видела грозный и нелицеприятный суд Господа. В Своих руках Он держал открытые книги жизни; на востоке был виден рай, а на западе кипело озеро огненное. Тогда является Заступница рода христианского и призывает Феодулию к богоугодному житию праведных, к бесконечным райским утехам, уготованным от Господа любящим Его. В видении пред ней предстал муж в белых одеждах. Он привел ее в Печерский монастырь, в церковь Пресвятой Богородицы и показал сонм черноризцев, поющих всенощные молитвы. Изумилась блаженная отроковица и помышляла в себе: «Блаженны люди сии, потому что и в этой жизни они подобны Ангелам и в будущей их ожидает райское наслаждение».

В то время в Суздальском Ризоположенском монастыре жила боголюбивая и благочестивая игуменья. В разных видениях ей представлялась неизвестная дивная отроковица, собирающаяся поступить в Ризоположенскую обитель.

Между тем Феодулии совершилось уже 15 лет, и приближалось время, когда князь Михаил должен был исполнить обещание, данное им суздальскому князю Мине. Родители сообщили об этом своей дочери, но та отказалась от брака, желая навсегда сохранить девство. Она обращается со слезной молитвой ко Пресвятой Богородице, прося у Ней утешения и наставления. Пресвятая Дева явилась ей и сказала: «Чти отца и мать и не противься своим родителям. Но не бойся: скверна мира сего не прикоснется к тебе и твоего брака не будет; ты, осененная Святым Духом, будешь иметь жилище в обители девственниц; однако, исполняя волю родителей, спеши в Суздаль и, когда еще будешь в пути, жених твой отойдет ко Господу. Не возвращайся тогда к родителям, чтобы они не сделали тебе какого-либо принуждения».

С упованием на Пречистую Матерь Божию Феодулия, не медля, отправилась в путь и на пути, действительно, узнала, что жених ее помер. И не возвратилась уже она обратно в свой родительский дом, а устремилась, по слову Богородицы, в

Суздаль и явилась к вратам обители во имя Положения ризы Пресвятой Богородицы.

Она предстала пред старицей-игуменьей и, упав ей в ноги, умоляла принять в обитель. Видя непреодолимое желание Феодулии посвятить себя на служение Богу, игумения вспомнила о чудной отроковице, которая представлялась ей в видениях, и уступила ее просьбе – приняла княжну в монастырь.

Вскоре совершено было пострижение Феодулии; ей дано новое имя Евфросинии, память которой праздновалась в день пострига.

Старица-игумения стала поучать новопостриженную: заповедала ей ревностно исполнять иноческие обеты, бояться Бога и почитать своих сестер, работать на них со смирением, не превозносясь своим княжеским происхождением и не думая, что они должны на нее работать; убеждала знатную постриженицу быть убогой на земле, чтобы обогатиться на небе. Прп. Евфросиния точно исполнила эти наставления.

О пострижении княжны вскоре узнали ее родители. Но они спокойно приняли известие, рассуждая, что если это совершилось, то значит так угодно Богу и Его Пречистой Матери.

Юная Евфросиния ревностно начала иноческие подвиги. Все время проводила она в трудах и молитве. Ум ее совершенствовался, никому от нее не было обиды. Подвижница все делала своими руками и при этом предавалась крайнему воздержанию: сначала она не принимает пищи в течении суток, затем постится по два и по три дня, иногда же всю неделю остается без пищи, подкрепляясь одной водой. Большую часть дня она проводила в храме Божиим. Усердно молилась и в келлии своей: проводила ночи без сна за чтением Священного Писания и пением псалмов.

Преподобная вскоре удостоилась небесной милости. Однажды ей явился Сам Господь Иисус Христос в образе прекрасного отрока и стал около нее. Евфросиния сразу поняла, что это Сам Христос, и осмелилась спросить Его: «Как Ты, бесплотный, воплотился ради нас и как Тебя распяли иудеи?»

Господь отвечал ей: «Я воплотился милости ради». И затем, распростерши крестообразно Свои пречистые руки, продолжал: «Так распяли Меня иудеи по Моему изволению. Ты же бодрствуй и крепись».

Ободренная этим явлением прп. Евфросиния усилила свои подвиги. Она забыла свою плоть. Подражая ангельскому житию, увеличила пост, молитвы и слезы. Но юная подвижница не избежала диавольских искушений. Исконный враг человеческого рода не оставил и ее в покое: то являлся он пред ней с венцом на голове, указывая тем на свое могущество, то угрожал ей полчищами бесов, которые окружали его, то представлял ей золото, серебро, церковную утварь, дорогие камни и бисер в виде кала для того, чтобы вызвать в ней отвращение к тому, чем обычно украшают святые иконы. Подвижница слышит скверные диавольские ласкательства и гнусное сладострастие и сама призывается к бесстыдному греху, видит она различных духов злобы – нерадения, лености, самолюбия, ненависти, зияющего духа сребролюбия, готового пожрать весь мир. Искушая святую, диавол рассчитывал, что она изнеможет в борьбе, оставит монастырь и, возвратившись к родителям, будет жить по-мирски. Поэтому он являлся ей в образе князя Михаила и звал в родной Чернигов или представлялся в образе слуги с дарами от ее жениха, с полчищами духов наполнял шумом и криком тихую келлию инокини во время ее ночной молитвы. Но неустрашимая подвижница крестом, именем Христа и молитвой к Богоматери отгоняла лукавого демона. Советы опытной игумении также помогали прп. Евфросинии против козней диавола. Подвижница спрашивала игумению, для чего Господь попускает диавольские искушения? Та отвечала: «Без нападения врага не было бы твердых рабов царских, и Господь допускает любящим Его терпеть искушения, дабы явились добродетели их».

После одного искушения, когда святая усердно молилась Господу о помощи против духов злобы, пред ее очами разверзлась земля и пропасть поглотила всю силу вражью. С тех пор диавол уже не искушал преподобную.

О подвижнической жизни св. Евфросинии вскоре узнали в Суздале. И знатные женщины города со своими дочерьми стали приходить в обитель, чтобы помолиться с нею и послушать ее душеспасительных бесед. Преподобная имела приятный голос: ее внятное чтение и доброгласное пение вызывали умиление и слезы молящихся, а душеспасительные беседы поучали и назидали посетительниц монастыря.

Поучала прп. Евфросиния и своих сестер. В древних монастырях братия чаще всего поучались в храме или на трапезе, куда собирались, чтобы послушать чтение священных книг. Прп. Евфросиния усердно читала священные книги на таких собраниях, а нередко обращалась к сестрам с живым, устным словом. Она убеждала инокинь возненавидеть грех и возлюбить добродетельное житие, подражать преподобным матерям, просиявшим в подвигах. Подвижница поучала сестер своим тому, что составляет похвалу черноризицы, что они должны делать, чтобы спастись: они обязаны соблюдать самый строгий пост, чтобы убить в себе страсти телесные, плакать горькими слезами о своих грехах, чаще петь псалмы и молиться, иметь нелицемерную любовь друг к другу; послушание и смирение – украшение инокинь; кротость и молчание – обязанности добродетели их; голос инокинь должен быть умеренный и слово доброточно; нельзя никого срамить, превозноситься, следует же считать себя последним человеком; должно избегать украшений в одежде, непрестанно поминать час смертный. Все это необходимо соблюдать черноризице, чтобы наследовать вечное блаженство, уготованное любящим Господа.

Игуменья монастыря и ее помощница не завидовали мудрости и славе преподобной Евфросинии. Напротив, они удивлялись дарам благодати, изливавшимся на святую, и удостоились видений, которые удостоверили богодухновенность ее мудрости и учительных бесед.

Вскоре слава о преподобной подвижнице распространилась и за пределами Суздаля. К ней часто приходили женщины и девицы послушать ее наставлений. И под влиянием их многие оставляли мир и поступали в Ризоположенский монастырь.

Поэтому и в монастыре среди сестер обители прп. Евфросиния пользовалась великим уважением. Сама игуменья слушала ее советов. Так, по ее просьбе в монастыре был установлен новый порядок: монастырь был перегороджен стеной на две части, а инокини разделены на две половины: одну составляли те, которые поступили в монастырь девицами, а другую – вдовы. Таким образом в одном монастыре стало как бы две обители и в каждой была своя начальница. Но так как церковь в монастыре была одна во имя Пресвятой Богородицы на половине инокинь-дев, то на молитву все собирались вместе в эту половину монастыря. Но монахини-вдовицы хотели иметь особый храм на своей половине; они упросили Евфросинию ходатайствовать об этом пред игуменьей. Игуменья и в этом послушалась преподобной и повелела в обители устроить церковь во имя Живоначальной Троицы.

Такое разделение монастыря и сестер его было сделано с такой мудрой целью, чтобы инокини-девы не узнавали того, что знали и испытывали в миру монахини-вдовицы. С этой же целью девам-черноризицам запрещено было беседовать с мирскими замужними женщинами, приходившими в монастырь. Замужние женщины отсылались в другую обитель, к инокиням-вдовицам. Инокини-девственницы могли вести беседу только между собою и с мирскими девицами, посещавшими монастырь.

Пример прп. Евфросинии был очень поучителен, и многие из мирских дев, слыша о подвигах ее и чудесных знамениях, которые творил ею Бог, оставляли женихов и постригались в монастыре Пресвятой Богородицы, где поучались наставлениями славной подвижницы и по силе подражали ей.

Своими трудами и подвигами она возвысила и значение самого монастыря. При жизни прп. Евфросинии не было женской обители, которая бы могла равняться с Ризоположенской по благочинию в жизни и богослужении, по благочестию и подвигам трудоположных инокинь. Сама же подвижница сияла, как светило на свещнице, или как денница среди звезд. Она была высоким примером для подражания русским черноризицам. Преподобная была истинная невеста Христова. В этом удостоверило ее сподвижниц одно видение.

Они видели во сне: в золотых палатах два престола и на них два венца, предназначенные для Христа и угодницы Евфросинии, возлюбившей Христа, Небесного Жениха своего.

Преподобная же все больше и больше усиливала свои подвиги: непрестанно молясь и поучаясь в законе Божиим день и ночь, она положила на себя подвиг молчания и некоторое время пребывала в безмолвии.

Так шла жизнь прп. Евфросинии в монастыре. Вскоре случилась смерть великой старицы-игумении, при которой преподобная пришла в монастырь и начала свои подвиги. О ее смерти Бог открыл своей избраннице заранее. Евфросиния пришла к игумении, когда та была еще здорова, сообщила ей о близкой кончине и просила благословения на свои труды и подвиги. Старица благословила Евфросинию и сказала: «Будь благословенна, чадо; ты взыскала Христа и обрела Его. Он наставит тебя и утешит и честь получишь в грядущем веке у несозданной Троицы». Вместе с тем она предсказала, что и отец ее удостоится особой благодати на небеси – мученически пострадает он от нечестивых вместе с боярином Феодором и за то примет венец доброты от руки Господа. Потом, поболев немного телесным недугом, старица тихо скончалась. Игуменией в монастыре была избрана старица, бывшая второй после игумении.

Между тем на Русь надвигалась страшная гроза. Приближалось нашествие татар. Господь открыл прп. Евфросинии, что Он предаст Русскую землю во власть неверных. Угодница молилась о помиловании родины, особенно же города Суздаля. Вскоре напал на Русскую землю монгольский или татарский хан Батый с своей ордой. Страх и трепет объял православную Русь. Но русские князья не соединились вместе, чтобы дружно отбить врагов. Татары быстро шли по Русской земле: жгли города и села, жилища людей и храмы Божии, беспощадно убивали жителей и уводили в плен. Спешно бежали от врагов русские люди и укрывались в непроходимых лесах, но другие, видя неминуемую беду, принимали монашеское пострижение. Много девиц из города Суздаля постриглось тогда в Ризоположенском монастыре,

чтобы найти убежище и покров в обители Пресвятой Богородицы.

В начале февраля 1237 г. татарские полчища осадили Суздаль. Жители заперлись в городе. Прп. Евфросиния и другие инокини не оставили своего монастыря и усердно молились о спасении града и обители. Господь явился преподобной и открыл ей, что враги возьмут и разрушат город, жители будут избиты или пленены, но обитель, посвященная Божией Матери, останется невредима. «Тебе вместе с живущими здесь обещаю, – говорил Господь, – что знамение креста будет охранять твой монастырь».

В тот же час явился дивный свет над монастырем, во свете был виден Животворящий Крест и два огнеобразных и световидных юноши, державшие в своей руке натянутые луки. Они сказали преподобной, что посланы от Бога охранять обитель от врагов. В другой раз святая видела, что некоторые инокини бежали в город, чтобы найти защиту за его стенами; но они были или усечены мечом, или отведены в плен, а иные возвратились опять в монастырь.

Все случилось так, как было открыто св. Евфросинии: город Суздаль взят, горожане избиты или отведены в плен, с ними погибли инокини, которые бежали из монастыря. Разорив город, отряд татар направился к обители Пресвятой Богородицы, но не мог близко подойти к ней: чудный свет, сиявший над нею, палил безбожных врагов огнем. Тогда выступил сам Батый и расположился на Яроновой горе, на берегу реки Каменки и отсюда двинулся на обитель. Но преподобная Евфросиния обратилась с молитвой к Богу, прося Его покрыть обитель заступлением Своим и омрачить очи нечестивых врагов. Тотчас же сошел на обитель мрак в виде облака, так что татары не могли и найти ее.

Жестокой бурей пронеслись татарские полчища по Суздальской земле: города, погосты и села были превращены в пепел одной зимой 1237 г., земля опустела. Следующий год прошел мирно, а зимой 1239 г. Батый снова двинулся на Русь, но уже в южные ее пределы. Он сжег южный Переяславль и Чернигов. Киевом владел тогда князь Михаил черниговский,

отец прп. Евфросинии. Батый отправил к нему своих послов, которые льстивыми словами склоняли князя подчиниться хану. Но князь приказал умертвить ханских послов, а после того ушел у Угорскую землю (Венгрию) и жил там как изгнанник.

Зимой 1240 г. Батый взял Киев, сжег город и святые церкви, избил жителей. С этого времени хан овладел всей Русской землей, которая стала платить ему дань. Князь Михаил плакал, слыша в своем изгнании о бедствиях Русской земли, наконец, не выдержал и решился возвратиться на родину. Данники хана русские князья уже ездили к нему на поклон. Того же потребовали слуги Батыя и от князя Михаила. «Нехорошо жить в Батыевой земле, не сходявши поклониться ему», – говорили они князю.

И князь вместе с боярином Феодором отправился (в 1246 г.) в Орду, чтобы предстать пред грозные очи Батыя. Слуги хана заставили князя пройти сквозь огонь, поклониться кусту и идолам и обещали за то почести и милости царя. Когда же князь отказался исполнить это требование, противное духу Христовой веры, ему объявили, что его ждет лютая смерть. Русские, бывшие тогда в Орде, стали уговаривать князя, чтобы послушался ханских слуг, прошел сквозь огонь и поклонился идолам. И князь стал колебаться. Боярин Феодор ободрял и поддерживал князя, убеждал его не отрекаться от Христа Бога и истинной веры. Однако колебания не оставили Михаила.

Об этом узнала его дочь, прп. Евфросиния. Чтобы поддержать отца, она написала ему послание и убеждала не совращаться с истинного пути Христова, не менять истину на ложь, не заботиться об угождении земному владыке, не поклоняться тленному царю с отречением от Царя веков Христа Бога. «Ты, благий отче, – писала преподобная, – послушай меня и пострадай как добрый воин Христа, Которым мы живем, движемся, и есмы (Деян. 17, 28). А если не послушаешься меня, знай, что отселе я – чужая, а не дочь твоя. Не хочешь слушать меня, послушай боярина Феодора и положишься на его мудрость, так как по своему разуму он философ над всеми философами и человек, преданный тебе. Царство же хана Батыя вскоре

разрушится, ибо кровь православных христиан вопиет на него ко Господу».

Получив послание, князь Михаил прочитал его и горько оплакивал свое малодушие. Он благодарил Господа, вразумившего его посланием дочери-подвижницы. Колебания Михаила теперь окончились, и он решил лучше пострадать за Христа, чем кланяться языческим идолам. Перечитывая вместе с Феодором это послание, он все больше и больше укреплялся в своем решении. Наконец однажды князь прямо сказал боярину: «Спутник мой добрый, истинный охранитель души моей, теперь я уразумел, как я могу спасти свою душу: я должен вместе с тобой пострадать за Христа».

О таком решении князя и боярина узнали ханские волхвы и донесли Батыю, и хан повелел предать их мучениям и смерти. Ханские слуги в точности исполнили повеление: мучили исповедников Христовых и усекли им главы мечом. Так перешли славные мученики в обители небесные.

Вскоре святые Михаил и Феодор во сне явились прп. Евфросинии. На них были белые ризы; венцы с драгоценными камнями и бисером украшали их головы. И сказал князь своей дочери: «Чадо мое, прославил меня Бог славою многою: Он сопричислил меня к лику мучеников, и вместе с боярином Феодором я получил небесное блаженство. Благословенна ты, чадо мое, у Господа, так как ты была ходатаицей моего спасения. Воистину твоим посланием я укрепился и получил спасение». И после того не один раз подвижница видела в ночных явлениях своего отца и боярина Феодора в обителях райских.

Еще при жизни прп. Евфросинии Господь прославил ее даром прозорливости и чудотворений. На Руси появились тогда повальные болезни, увеличилась смертность. Преподобная сжалилась над людьми и обратилась с молитвой к усердной Заступнице рода христианского. Пречистая Дева явилась Евфросинии и обещала ей: «Я умолю сына Моего, да дарует Он тебе власть спасать и исцелять всех, кто через тебя будет призывать Христа и Меня, рождшую Его».

И с того времени болящие, если призывали именем Евфросинии Господа нашего Иисуса Христа, получали помилование и исцелялись. Слух об этом распространился повсюду: к преподобной стали приносить больных различными недугами, и она исцеляла их именем Господа.

В Суздале жила знатная вдова, благочестивая, любившая Ризоположенский монастырь и почитавшая преподобную. У нее была одна дочь, которая захворала лютой болезнью – беснованием. Мать надеялась на помощь Пресвятой Богородицы и обещалась отдать свою дочь в монастырь, когда она выздоровеет. Вместе с больной она отправилась в обитель и умолила преподобную Евфросинию исцелить бесноватую. Блаженная воздела руки свои и вознесла молитву о несчастной отроковице. Тогда злой дух заговорил устами девицы: «С тех пор, как пришла на это место прелестница сия, нет мне власти в черноризицах, но уже и от этой девицы изгоняет она меня». Сказав это, он поверг больную к ногам преподобной, жестоко мучил, а потом навсегда ее оставил. Преподобная же подняла отроковицу за правую руку, и та встала здоровой. Обрадованная мать со слезами благодарила святую и немедленно выполнила свое обещание: отроковица была отдана в монастырь и приняла иноческий образ. Новая инокиня получила имя Таисии. Вскоре же после этого приняла монашество и сама мать и была отправлена во вдовью часть монастыря, в обитель Животворящей Троицы. И не один раз после того исцеленные от болезней св. Евфросинией и наставленные ее назидательными беседами оставляли мир и принимали иноческое пострижение.

Обращались к преподобной нуждавшиеся и в духовном врачевании. Однажды пришел к ней за наставлением один из богатых людей города Суздаля. Он увидел ее в ветхой и разорванной одежде с изможденным от подвигов лицом и просил подвижницу принять от него новую одежду. Но Евфросиния отклонила просьбу богача: «Рыба на морозе, – так сказала она, – засыпанная снегом, не портится, не воняет и даже бывает вкусна; так и мы, иноки: если переносим холод, становимся крепче и будем приятны Христу в жизни нетленной».

Так она оставалась в ветхих и разорванных одеждах, согреваемая и украшаемая Божественной благодатью. Тогда богач умолял сказать ему наставление о том, что нужно ему делать для спасения души. И она сказала: «Слушай, христолюбче: счастлив дом, в котором господа благочестивые, счастлив и корабль, который управляется искусным кормчим, блажен и монастырь, в котором обитают воздержные иноки. Но горе дому, в котором обитают нечестивые господа, горе кораблю, на котором нет искусного кормчего, горе и монастырю, где нет воздержания: дом обнищает, корабль разобьется, а монастырь запустеет. Ты же, боголюбезный человек, твори милостыню прежде всего домашним слугам своим, и если хочешь дать от своих щедрот нам в монастырь, то пришли только масла деревянного, свечей и ладану. Этого будет достаточно». И богач поступил так, как говорила ему подвижница. Прежде он был немилостив к слугам своим, но теперь, послушавши ее, переменился и стал милосерд.

Незадолго до своей кончины подвижница видела ночное видение, которое открыло ей, что город Суздаль постигнет великое землетрясение. Она сообщила об этом в монастыре: «Вот постигнет город великий трус, не помогут молитвы Пресвятой Богородицы и святых, от века Богу угодивших».

И действительно, в тот же день во время литургии случилось землетрясение, земля колебалась и издавала как бы рев из своих недр, густое облако покрыло город тьмою, люди в ужасе прибегали молиться в обитель Богоматери и обращались за помощью к святой. Преподобная же была спокойна и ободряла их: «Кайтесь и просите милости у Бога; я видела небо отверсто и в неизреченном свете Сына Божия, а пред Ним стояла Пречистая Мать Его со святыми угодниками и умоляла Господа ниспослать щедроты свои, пощадить город сей и повелеть бедствию перестать». Вскоре, действительно, землетрясение прекратилось.

Немного времени спустя к прп. Ефвросинии снова явился князь Михаил с боярином Феодором и сказал ей: «Гряди чадо мое любезное, Христос зовет тебя, гряди насладиться неизглаголанной радости и исполнится света небесного».

Преподобная поняла, что приближается час ее отшествия к Богу, и стала готовиться. Болезнь ее продолжалась недолго. В последний раз она обратилась к инокиням с наставлением. Потом, чувствуя приближение смерти, приобщилась Святых Христовых Таин и молилась: «Слава Тебе, Пресвятая Троице! Упование наше, Пресвятая Госпоже, помоги мне! Господи, в руке Твои предаю дух мой!» Перекрестилась и спокойно отошла в жизнь вечную.

Весть о смерти славной подвижницы быстро распространилась повсюду, и в обитель Пресвятой Богородицы собралось множество народа; явились недужные и одержимые злыми духами; они прикасались к телу умершей и получали исцеление от своих болезней.

После погребения почившей при раке ее происходили поразительные чудеса: слепые прозревали, хромы начинали ходить, немые отверзали уста, бесноватые освобождались от власти демона, расслабленные получали укрепление, к лишенным ума возвращался рассудок, и всякий, одержимый каким-либо недугом телесным и душевным, с верою притекая к мощам угодницы Божией, получал исцеление по молитвам ее.

Это обилие чудес послужило побуждением к причислению прп. Евфросинии к лику святых, что и произошло при митрополите Московском Антонии (1572–1581). Епископ Суздальский Варлаам (1570–1586), великий почитатель преподобной, отыскал ее житие и подал его с описанием чудес царю Иоанну Васильевичу и митрополиту Антонию. Митрополит созвал собор, который и установил повсеместное празднование прп. Евфросинии.

На торжественном прославлении угодницы Божией собрались толпы народа, и от ее мощей совершилось в то время много чудес. Одно из них особенно поразительно. Человек, именем Матфей, был одержим лукавым духом; долго и жестоко он мучился. Но вот, в день прославления преподобной, его привели в обитель Пресвятой Богородицы, ко гробу Евфросинии. Демон страшно мучил его, и больной как бы лишился разума; потом вдруг внезапно очнулся и сказал вслух: «Я вижу на образе пот». После того начал осмысленно и здраво

говорить. Присутствовавшие тут думали, что он все еще беснуется. Но потом увидали, что на образе прп. Евфросинии выступила как бы роса. С того времени Матфей стал здоров и возвратился в свой дом.

Нетленные мощи прп. Евфросинии были обретены в 1699 г., 18 сентября, и по благословению патриарха Адриана положены в соборной церкви Ризоположенского монастыря.

Сентябрь 26

Тихон, Патриарх Московский и всея Руси, святитель

Святитель Тихон родился 19 января 1865 года в семье сельского священника Торопецкого уезда Псковской епархии. В миру он носил имя Василия. Когда Василий был еще малолетним, его отцу Иоанну Белавину было откровение о каждом из его детей. Однажды, когда он с тремя сыновьями спал на сеновале, то вдруг ночью проснулся и разбудил их. «Знаете, – заговорил он, – я сейчас видел свою покойную мать, которая предсказала мне скорую кончину, а затем, указывая на вас, прибавила: этот будет горюном всю жизнь, этот умрет в молодости, а этот – Василий – будет великим». Понял ли старец священник, что его сына будут на всех ектениях по всей России и даже по всему миру поминать великим господином? Пророчество явившейся покойницы со всею точностью исполнилось на всех трех братьях.

Детские и юношеские годы Василия прошли в деревне, в непосредственном соприкосновении с крестьянством и близости к сельскому труду. Василий любил Церковь, имел особую религиозную настроенность и был кроток и смирен. Никакого сильного покровительства он не имел и своим великим и славным служением всецело обязан помощи Божией, даровавшей ему мудрость и трудолюбие, восприняв которые, он предал всего себя в волю Божию.

Учился Вася Белавин в Псковской духовной семинарии в 1878–1883 годах. Он был физически крепким, довольно высокого роста, белокурым, остроумным и жизнерадостным мальчиком. Товарищи любили его. К этой любви всегда присоединялось и чувство уважения, объяснявшееся его неуклонной религиозностью, блестящими успехами в науках и всегдашнюю готовностью помочь товарищам, неизменно обращавшимся к нему за разъяснениями уроков, особенно за помощью в составлении и исправлении многочисленных в семинарии сочинений. В этом юный Василий находил для себя даже какое-то удовольствие, веселье, и с постоянной шуткой, хотя и с наружно серьезным видом, целыми часами проводил с

товарищами, по одиночке или группами, внимавшими его объяснениям. Примечательно, что товарищи в семинарии шутливо называли его «архиереем».

В Петроградской духовной академии, куда поступил он в 19 лет, не принято было давать шутливые прозвища, но товарищи по курсу, очень любившие ласкового и спокойного религиозного псковича, называли его «патриархом». Впоследствии, когда он стал первым в России, после 217-летнего перерыва, патриархом, его товарищи по академии не раз вспоминали это пророческое прозвище.

В 1888 г. Белавин 23 лет от роду окончил академию и в светском звании получил назначение в родную Псковскую духовную семинарию преподавателем. И здесь он был любимцем не только всей семинарии, но и города Пскова. Жил он скромно, в мезонине деревянного домика, в тихом переулке близ церкви Николы Соусохи. Стремясь своей чистой душой к Богу, он вел строгую, целомудренную жизнь и на 26 году жизни, в 1891 году, принял монашество. На его постриг собрался чуть не весь город. Опасались, выдержат ли полы тяжесть собравшегося народа, ибо церковь была на втором этаже семинарского здания, поэтому к дню пострига поставили подпорки к потолкам в нижнем этаже. Постригаемый сознательно и обдуманно вступал в новую жизнь, желая посвятить себя исключительно служению Церкви. Ему, с молодости отличавшемуся кротостью и смирением, было дано имя Тихон – в честь святителя Задонского († 1783 г.; память 13/26 августа).

Из Псковской семинарии иеромонаха Тихона переводят инспектором в Холмогорскую духовную семинарию, где он вскоре затем был и ректором ее в сане архимандрита. В 1898 г. 34-летний архимандрит Тихон был возведен в сан епископа Люблинского, с назначением викарием Холмской епархии.

Епископ Тихон ревностно отдался работам по устройству своего нового назначения. Его честное сердце никогда не выносило каких бы то ни было посторонних вмешательств в церковную жизнь. Ревизируя по обязанности Холмского викария привислинские монастыри, он нашел в одном из них отсутствие

полной отчетности и полный произвол графини-игумении в распоряжения монастырскими доходами. Преосвященный Тихон заявил об этом своему архиепископу, и графиня должна была поехать с объяснениями в Петербург, в Синод. Одновременно он любил служить и проповедовать, за одиннадцать месяцев служения в Люблине будущий патриарх произнес 120 проповедей.

В 1898 г., 14 сентября, владыка Тихон был направлен для несения ответственного служения за океан, в далекую Американскую епархию в сане епископа Алеутского.

С большим волнением уезжал в далекие края молодой епископ, вместе с младшим своим братом, болезненным юношей, покидая в Псковской губернии горячо любимую мать. Отца его тогда уже не было в живых. Позднее и брат скончался на руках преосвященного Тихона, несмотря на все заботы о нем в далекой Америке, лишь тело его было перевезено в родной Торопец, где жила еще старушка мать. Вскоре с ее кончиной не осталось в живых никого из родственников будущего патриарха.

Возглавляя Православную Церковь в Америке, епископ Тихон много сделал в великом деле распространения Православия, в благоустройстве своей огромной епархии. На ее территории жили люди разных национальностей: русские, сербы, галичане и другие славяне, греки, арабы, креолы, индейцы, алеуты и эскимосы. Одни были из православных стран – России, Греции, Сербии, другие – из стран Оттоманской или Австро-венгерской империи; некоторые стали православными благодаря миссионерским усилиям на Северо-Американском континенте – Аляске и Алеутских островах. Епископу столь разнообразной паствы необходимо было быть щедрым, гибким и иметь ко всем сердечное расположение. 22 мая 1901 года епископ Тихон освятил при закладке камень в фундамент Свято-Николаевского собора. Такая церемония состоялась в Нью-Йорке впервые. Примерно через год, в ноябре 1902 года, сирийские и русские приходы в Нью-Йорке имели уже настоящие дома молитвы: сирийский храм в Бруклине во имя св. Николая был освящен 9 ноября 1902 года; 23 ноября был освящен русский храм во имя св. Николая.

Строительство храма св. Троицы в Чикаго заняло меньше года – с апреля 1902 года до марта 1903 года.

Одновременно с заботой о строительстве церковей епископ Тихон осуществляет пастырские поездки по своей епархии. «Вестник» тех лет давал ежемесячную хронику его постоянных и трудных визитов на Аляску, на Алеутские острова, в Канаду и в разные части Соединенных Штатов. Каждое пастырское посещение занимало определенное время: нужно было проверить приходские счета, рассмотреть проекты строительства, проверить школьников, встретиться с духовенством, прочитать письма и другие бумаги. Епископ Тихон посещал самые разные общины. Хорошо известно, что в те годы, когда он управлял Северо-Американской епархией, с Православной Церковью воссоединилось множество униатов. Многие приходы, возникшие в восточных штатах, состояли из бывших униатов, и епископ нес ответственность за то, чтобы эти общины всегда оставались составной частью Православной Церкви.

При своих пастырских поездках епископ Тихон пришел к выводу о необходимости реорганизации епархиальной структуры. Первым шагом в этом, предпринятым епископом Тихоном, было прошение к Святейшему Синоду о переименовании епархии. В качестве показателя миссионерских корней епархиальный архиерей назывался епископом Алеутским и Аляскинским, хотя кафедра с 1868 была в Сан-Франциско. Просьба епископа Тихона состояла в том, чтобы епархия называлась Алеутской и Северо-Американской. Святейший Синод счел его доводы состоятельными, и в 1900 году принял по ним положительное решение.

О желательности перевода кафедры в Нью-Йорк и создании в епархии викариатства впервые написал епархиальный «Вестник» 14/27 марта 1902 года. В те годы в нем регулярно освещались пастырские поездки епископа Тихона. Одна из статей кончалась выводом о том, что для решения всех миссионерских проблем нужно перенести кафедру на Восток и создать викариатство на Западе.

В июне 1903 года епископ Тихон отправился в Россию. Там он был вызван на сессию Св. Синода. Епископу Тихону было разрешено осуществить некоторые планы и проекты. «Вестник» от 15/28 сентября 1903 года опубликовал письмо Тихона о Северо-Американской семинарии.

12 декабря 1903 года Св. Синод принял решение о создании Аляскинского викариатства в Северо-Американской епархии. Викарным епископом был назначен преосвященный Иннокентий (Пустынский).

Епископ Тихон возвратился в Нью-Йорк 24 января 1904 года. Его пребывание в России оказалось успешным для возглавляемой им епархии. Новый викарий должен был прибыть через несколько недель. За этот период произошло и другое доброе событие. Св. Синод сообщил епископу Тихону об удовлетворении его просьбы о возведении архимандрита Рафаила в сан епископа Бруклинского, второго викария. Хиротония состоялась в сирийском храме Св. Николая в Бруклине 12 марта. Храм был полон верующими до отказа. Архимандрит Рафаил прочитал Символ веры частично на славянском и частично на арабском языках.

Епископ Тихон был возведен в сан архиепископа 19 мая 1905 года. В документе, написанном архиепископом Тихоном в декабре 1905 года, отражены его пророческие представления о Православной Церкви в Америке. В ответ на анкету, разосланную всем епархиальным архиереям Русской Церкви Св. Синодом в ходе подготовки к давно ожидаемому Собору Русской Церкви, архиепископ Тихон высказал свои идеи о структуре православной Миссии в Северной Америке. Он предложил превратить епархию в экзархат Русской Церкви, но с широкой автономией. Уже тогда он высказывался о возможности рассмотрения вопроса об автокефалии. Сербскую Миссию он предложил сделать викариатством с центром в Чикаго. Греческие общины, писал он, должны быть организованы так же, как Сирийская и Сербская Миссии. Он усматривал необходимость автономии и независимости только в вопросах, влияющих на внутреннюю жизнь или структуру каждой национальной епархии или викариатства, и подчеркивал

также необходимость согласованных общих решений, выработанных епископами на заседаниях под председательством архиепископа в вопросах, касающихся всех.

Как епископу миссионерской епархии, распростершейся по всему континенту, епархии с многонациональной паствой, владыке Тихону приходилось думать о создании таких учреждений, которые помогли бы Церкви в Америке стать самостоятельной. Существовала очевидная необходимость в школе. Условия, в которых совершались пастырские труды в Северной Америке, весьма отличались от условий в России. Большинство служивших в миссии священников прибыли из-за границы, где они и получили свое образование. Такая зависимость от помощи извне была для епархии нежелательной. В 1905–1906 учебном году Миссионерская школа в Миннеаполисе, Миннесота, была преобразована в семинарию. В 1913 году она была переведена в Тенальфи, Нью-Джерси. В семинарии было воспитано два поколения священников для Церкви в Америке.

Становящаяся все более самостоятельной Церковь нуждалась также и в монастыре. «Вестник» время от времени уделял внимание этому вопросу. Лидером дискуссии был иеромонах Арсений (Чаузов), которому в июне 1905 года архиепископ Тихон дал благословение на создание монастыря близ Саут-Канаана в Пенсильвании. К моменту перевода архиепископа Тихона в Ярославль Свято-Тихоновский монастырь был уже освящен и насчитывал пять насельников.

Хроника пастырских поездок архиепископа Тихона показывает, что он возглавлял богослужения, совершавшиеся на нескольких языках. К концу пребывания архиепископа Тихона в Америке в Северо-Американской Миссии была Сирийская Миссия с девятью общинами и Сербская Миссия также с девятью общинами. Многие приходы были многонациональными, и богослужения должны были проводиться на двух-трех языках. Наиболее приемлемым стал английский.

С самого начала своего служения в Америке архиепископ Тихон при малейшей возможности созывал епархиальное

духовенство для обсуждения проблем жизни Миссии. Одним из первых признаков того, что он желал большего, явилась конференция духовенства в Кливленде, Огайо, 2 июня 1905 года.

В январе 1907 года в «Вестнике» появилось объявление о созыве Собора от имени предсоборного комитета, назначенного архиепископом Тихоном. Собор открылся 5 марта. Делегатов приветствовал архиепископ Тихон, предложивший в качестве темы такую: «Как расширять Миссию». Было решено начать работу с выработки Устава, который был бы законным и авторитетным в глазах гражданских властей. Собор после некоторого обсуждения выработал название Северо-Американской Миссии – «Святая Православная Соборная и Апостольская Церковь», отразив таким образом наличие всех национальностей и языков.

На второй сессии рассматривались финансовые проблемы епархии.

На последней сессии Собора рассматривались богослужебные вопросы. Эта дискуссия была вызвана расхождениями в совершении обрядов и служб в разных приходах. Некоторые выступали за единообразие, но Собор согласился с мнением архиепископа Тихона о том, что различия совершенно естественны, поскольку Православие в Америке возникло благодаря выходцем из разных стран, и что священник должен объяснять прихожанам разницу между главным и второстепенным. Если расхождения не затрагивают сути веры, они приемлемы.

В Америке, как и в предыдущих местах службы, архиепископ Тихон снискал себе всеобщую любовь и преданность. Он очень много потрудился на ниве Божией. Паства и пастыри неизменно любили своего архипастыря и глубоко чтили. Американцы избрали архиепископа Тихона почетным гражданином Соединенных Штатов.

В 1907 году он был назначен на Ярославскую кафедру. Одним из первых распоряжений по епархии архипастыря было категорическое запрещение духовенству при личных к нему обращениях класть вошедшие в обычай земные поклоны. В

Ярославле святитель быстро приобрел любовь своей паствы, оценившей его светлую душу и теплую заботу о всех своих пасомых. Все полюбили доступного, разумного архипастыря, охотно откликавшегося на все приглашения служить в многочисленных храмах Ярославля, в его древних монастырях и приходских церквях обширной епархии. Часто посещал он церкви и без всякой пышности ходил пешком, что в ту пору было необычайным делом для русских архиереев. В посещении церквей вникал во все подробности церковной обстановки, поднимался иногда на колокольню, к удивлению батюшек, непривычных к такой простоте архиереев. Но это удавление скоро сменялось искренней любовью к архипастырю, разговаривавшему с подчиненными просто, без всякого следа начальственного тона. Даже замечания обыкновенно делались добродушно, иногда с шуткой, которая еще более заставляла виновного стараться устранить неисправность.

Владыка Тихон оказывал неизменную поддержку тем церковным кругам, которые боролись за правду и свободу церковную. На этой почве у него произошло столкновение с ярославским губернатором, вследствие которого он 22 декабря 1913 года был переведен на Литовскую кафедру. Ярославское общество приняло сторону архипастыря и выразило ему сочувствие, избрав его почетным гражданином Ярославля.

После перевода в Вильну он сделал особенно много пожертвований в различные благотворительные учреждения. Здесь также выявилась его натура, богатая духом любви к людям. В Вильне от православного архиепископа требовалось много такта. Нужно было регулировать отношения между местными властями и православными жителями края. Для любящего во всем простоту архиепископа Тихона труднее всего было поддерживать внешний престиж духовного главы господствующей Церкви в крае, где высоко ценили пышность. В этом отношении простой и скромный владыка не оправдывал, кажется, требований ревнителей внешнего блеска, хотя в церковном служении он не уклонялся, конечно, от подобающего церковного великолепия. И там все его уважали. Вот он едет из Вильны на свою архиерейскую дачу, в простой коляске и в

дорожной скуфейке, но все, кто его встречали и узнавали, – русские, поляки, евреи – низко ему кланялись. Во время прогулки по «кальварии» – так назывался ряд католических часовен вокруг архиерейской дачи, посвященных разным стадиям крестного пути Христа на Голгофу, – перед архиепископом вставали и приветствовали его все католики, служившие при часовне, хотя он был в подряснике и в шляпе.

Здесь, в Вильне, преосвященного застало в 1914 году объявление войны. Он направлял все свои силы к тому, чтобы помочь несчастным обитателям Виленщины, лишившимся по причине войны с немцами своего крова и средств к существованию и толпами шедшим к своему архипастырю. Его епархия оказалась в сфере военных действий, а затем через нее прошел и военный фронт, отрезавший часть епархии от России. Пришлось преосвященному покинуть Вильну. Сначала он поселился в Москве, куда перешли многие виленские учреждения, а потом в Десне, на окраине своей епархии. Во всех организациях, так или иначе помогавших пострадавшим на войне, обслуживавших духовные нужды воинов, преосвященный Тихон принимал деятельное участие: посещал и болящих, и страждущих, побывал даже на передовых позициях под неприятельским обстрелом, за это позднее он был награжден орденом.

Для преосвященного владыки Тихона, верного своему архиерейскому долгу, интересы Церкви всегда были дороже всего. Он противился любым посягательствам государства на Церковь. Это, конечно, влияло на отношение к нему правительства. Именно поэтому он довольно редко вызывался в столицу для присутствия в Святейшем Синоде. Когда же произошла февральская революция и был сформирован новый Синод, архиепископа Тихона пригласили в число его членов. 21 июня 1917 года Московский епархиальный съезд духовенства и мирян избрал его, как ревностного и просвещенного архипастыря, широко известного даже за пределами своей страны, своим правящим архиереем. Вот что писал об этом избрании орган Московской Духовной Академии «Богословский Вестник»: «Европейски просвещенный архиепископ Тихон на

всех местах своего служения проявил себя независимым деятелем высокой честности, твердости и энергии и одновременно большего такта, человеком сердечным, отзывчивым и чрезвычайно простым и доступным как в деловых, так и в частных отношениях к людям. Замечательно, наконец, что при всей страстности, которую иногда принимало обсуждение кандидатов на избирательном съезде, никто не мог бросить и тени чего-либо компрометирующего на личность архиепископа Тихона».

Москва торжественно и радостно встретила своего избранника-архипастыря. Он скоро пришелся по душе москвичам – и светским, и духовным. Для всех у него находился равный прием и ласковое слово, никому не отказывал он в совете, в помощи, в благословении. Скоро оказалось, что владыка охотно принимает приглашения служить в приходских церквях, и вот церковные причты начинают наперебой приглашать его на служение в престольные праздники, и отказа никому не было. После службы архипастырь охотно заходил и в дома прихожан, к их великой радости. Вся Москва за короткое время узнала своего архиерея и полюбила его.

15 августа 1917 года в Москве открылся Поместный Собор, и архиепископ Московский Тихон был удостоен сана митрополита, а затем был избран председателем Собора.

Много мудрости и такта требовало от него руководство Собором. Надо было примирять и направлять в единое правильное русло на благо Церкви противоречащие друг другу взгляды его членов, разного рода течения соборных групп.

Собор ставил своей целью восстановить жизнь Русской Церкви на строго канонических началах, и первой большой и важной задачей, остро ставшей перед Собором, был вопрос о патриаршестве.

«Почему необходимо восстановить патриаршество? – спрашивал Собор в свой исчерпывающей, блестящей речи архимандрит, позднее архиепископ, Иларион. – Потому что патриаршество есть основной закон высшего управления каждой Поместной Церкви». Церковное законодательство в

лице Апостольских правил совершенно недвусмысленно требует: «Епископам всякого народа – в том числе и русского, разумеется, – подобает знать первого из них и признавать его как главу. Вся Вселенская Христова Церковь до 1721 года не знала ни одной Поместной Церкви, управляемой коллегиально, без первоиерарха».

На Соборе все тревожились о судьбе московских святынь, подвергавшихся обстрелу во время революционных событий. И вот, первым спешит в Кремль, как только доступ туда оказался возможным, митрополит Тихон во главе небольшой группы членов Собора. С каким волнением выслушал Собор живой доклад митрополита, только что вернувшегося из Кремля, как перед этим члены Собора волновались из опасения за его судьбу: некоторые из спутников митрополита вернулись с полпути и рассказали о том, что они видели, но все свидетельствовали, что митрополит шел совершенно спокойно и побывал везде, где было нужно. Высота его духа была тогда для всех очевидна.

Приступили к выборам патриарха. Решено было голосованием всех членов Собора избрать трех кандидатов, а затем предоставить воле Божией посредством жребия указать избранника. И вот, усердно помолившись, члены Собора начинают длинными вереницами проходить перед урнами с именами намеченных кандидатов. Первое и второе голосование дало требуемое большинство архиепископам Харьковскому Антонию и Новгородскому Арсению и лишь на третьем определился митрополит Московский Тихон. Итак, свободным голосованием членов Собора, на патриарший престол были избраны три кандидата. «Самый умный из русских архиереев – архиепископ Антоний, самый строгий – архиепископ Арсений и самый добрый – митрополит Тихон», – так выразился один из членов Собора.

Перед Владимирской иконой Божией Матери, принесенной из Успенского собора в храм Христа Спасителя, после торжественной литургии и молебна, 5 ноября схииеромонах Зосимовой пустыни Алексей, член Собора, благоговейно вынул из урны один из трех жребиев с именем кандидата, и

митрополит Киевский Владимир провозгласил имя избранника – митрополита Тихона. С каким смирением, сознанием важности выпавшего жребия принял преосвященный Тихон известие о Божием избрании. Он не жаждал нетерпеливо этой вести, но и не тревожился страхом – его спокойное преклонение перед волей Божией было ясно видно для всех. Когда торжественная депутация членов Собора, во главе с высшим духовенством, явилась в церковь Троицкого подворья в Москве для «благовестия» о Божием избрании и для поздравления вновь избранного патриарха, преосвященный Тихон вышел из алтаря в архиерейской мантии и ровным голосом начал краткий молебен.

После молебна митрополит Владимир, обращаясь к новоизбранному, произнес: «Преосвященный митрополит Тихон, Священный и великий Собор призывает твою святыню на патриаршество богоспасаемого града Москвы и всея России», на что митрополит Тихон отвечал: «Понеже Священный и великий Собор судил меня, недостойного, быти в таком служении, благодарю, приемлю, и нимало вопреки глаголю». Вслед за провозглашенным ему многолетием митрополит Тихон обратился к Соборному посольству с кратким словом.

«Возлюбленные о Христе отцы и братие. Сейчас я изрек по чиноположению слова: «Благодарю, и приемлю, и нимало вопреки глаголю». Конечно, безмерно мое благодарение ко Господу за неизреченную ко мне малость Божию. Велика благодарность и к членам Священного Всероссийского Собора за высокую честь избрания меня в число кандидатов на патриаршество. Но, рассуждая по человеку, могу много глаголать вопреки настоящему моему избранию. Ваша весть об избрании меня в патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: «Плач, и стон, и горе», и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль (2, 10; 3, 1). Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении и, особенно в настоящую тяжелую годину! Подобно древнему вождю еврейского народа Моисею, мне придется говорить ко Господу: *Для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел*

милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я не носил во чреве весь народ сей и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка? Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня (Чис. 11, 11–14). Отныне на меня возлагается попечение о всех церквях российских и предстоит умирание за них, во вся дни. А к сим кто доволен, даже из крепких мене? Но да будет воля Божия! Нахожу подкрепление в том, что избрания сего я не искал, и оно пришло помимо меня и даже помимо человека, по жребию Божию. Уповаю, что Господь, призвавший меня, Сам и поможет мне Своею всесильною благодатию нести бремя, возложенное на меня, и соделает его легким бременем. Утешением и ободрением служит для меня и то, что избрание мое совершается не без воли Пречистой Богородицы. Дважды Она пришествием Своей честной иконы Владимирской в храме Христа Спасителя присутствует при моем избрании: в настоящий раз самый жребий взят от чудотворного Ее образа. И я как бы становлюсь под честным Ее омофором. Да прострет же Она, Многомощная, и мне, слабому, руку Своей помощи, и да избавит град сей и всю страну Российскую от всякия нужды и печали».

Время перед торжественным возведением на патриарший престол митрополит Тихон проводил в Троице-Сергиевой лавре, готовясь к принятию высокого сана. Соборная комиссия спешно вырабатывала давно забытый на Руси порядок постановления патриархов. Добыли из богатой патриаршей ризницы облачения русских патриархов, жезл митрополита Петра, митру, мантию и белый куколь патриарха Никона.

Великое церковное торжество происходило в Успенском соборе 21 ноября 1917 года. Мощно гудел Иван Великий, кругом шумели толпы народа, наполнявшие не только Кремль, но и Красную площадь, куда были собраны крестные ходы из всех московских церквей. За литургией два первенствующие митрополита при пении «Аксиос» трижды возвели Божия избранника на патриарший трон, облачили его в подобающие его сану священные одежды.

Когда митрополит Владимир вручил ему с приветственным словом жезл святителя Петра, митрополита Московского, Святейшей патриарх ответил исполненной глубины прозрения речью.

«Устроением Промышления Божия, мое вхождение в сей соборный патриарший храм Пречистой Богоматери совпадает с всечестным праздником Введения во храм Пресвятой Богородицы. Сотвори Захария вещь странну и всем удивительну, егда введе в самую внутреннюю скинию, во Святая святых, сие же сотвори по таинственному Божиему научению. Дивно для всех и мое Божиим устроением нынешнее вступление на патриаршее место, после того, как свыше 200 лет стояло пусто. Многие мужи, сильные словом и делом, свидетельствованные в вере, мужи, которых весь мир не был достоин, не получили, однако, осуществления своих чаяний о восстановлении Патриаршества на Руси, не вошли в покой Господень, в обетованную землю, куда направлены были их святые помышления, ибо Бог предузрел нечто лучшее о нас. Но да не впадем от сего, братие, в гордыню.

Один мыслитель, приветствуя мое недостоинство, писал: «Может быть, дарование нам Патриаршества, которого не могли увидеть люди, более нас сильные и достойные, служит указанием проявления Божией милости именно к нашей немощи, к бедности духовной». А по отношению ко мне самому дарованием Патриаршества дается мне чувствовать, как много от меня требуется и как много для сего мне не достает. И от сознания сего священным трепетом объемлется ныне душа моя. Подобно Давиду, я и мал бе в братии моей, а братия мои прекрасны и велики, но Господь благоволил избрать меня. Кто же я, Господи, Господи, что Ты так воззвал и отличил меня? Ты знаешь раба Твоего, и что может сказать Тебе? И ныне благослови раба Твоего. Раб Твой среди народа Твоего, столь многочисленного – даруй же сердце разумное, дабы мудро руководить народом по пути спасения. Согрей сердце мое любовью к чадам Церкви Божией и расширь его, да не тесно будет им вмещаться во мне. Ведь архипастырское служение есть по преимуществу служение любви. Горохищное обрет овца,

архипастырь подьмлет е на рамена своя. Правда, Патриаршество восстанавливается на Руси в грозные дни, среди огня и орудийной смертоносной пальбы. Вероятно, и само оно принуждено будет не раз прибегать к мерам запрещения для вразумления непокорных и для восстановления порядка церковного. Но как в древности пророку Илии явился Господь не в буре, не в трусе, не в огне, а в прохладе, в веянии тихого ветерка, так и ныне на наши малодушные укоры: «Господи, сыны Российские оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, стреляли по храмовым и кремлевским святыням, избивали священников Твоих», – слышится тихое веяние словес Твоих: «Еще семь тысяч мужей не преклонили колена пред современным ваалом и не изменили Богу истинному». И Господь как бы говорит мне так: «Иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит и держится Русская земля. Но не оставляй и заблудших овец, обреченных на погибель, на заклятие, овец, поистине жалких. Паси их, и для сего возьми сей жезл благоволения, с ним потерявшуюся – отыщи, угнанную – возврати, пораженную – перевяжи, больную – укрепи, разжиревшую и буйную – истреби, паси их по правде». В сем да поможет мне Сам Пастыреначальник, молитвами Пресвятыя Богородицы и святителей Московских. Бог да благословит всех нас благодатию Своею. Аминь».

После литургии патриарх по древнему обычаю с крестным ходом обошел вокруг Кремля, окропляя его святой водой.

Рука Божия в деле возглавления Русской Церкви именно Святейшим Тихоном в качестве патриарха не могла быть не усмотрена тогда же. Архиепископ Харьковский Антоний от лица всех епископов сказал новоизбранному: «Ваше избрание нужно назвать по преимуществу делом Божественного Промысла по той причине, что оно было бессознательно предсказано друзьями юности, товарищами вашими по академии. Подобно тому, как полтора-два года тому назад мальчики, учившиеся в Новгородской бурсе, дружески шутя над благочестием своего товарища Тимофея Соколова, кадили пред ним своими лаптями, а затем их внуки совершили уже настоящее каждение пред нетленными мощами его, то есть, Вашего небесного

покровителя – Тихона Задонского, – так и Ваши собственные товарищи по академии прозвали Вас патриархом, когда Вы были еще мирянином и когда ни они, ни Вы сами не могли и помышлять о действительном осуществлении такого наименования, данного Вам друзьями молодости за ваш степенный, невозмутимо солидный нрав и благочестивое настроение».

Интересна встреча будущего патриарха с Иоанном Кронштадтским в 1908 г. в Петербурге. Старый уже и больной о. Иоанн, вопреки этикету, первый закончил беседу следующими словами: «Теперь, владыко, садись на мое место, а я пойду отдохну». Эти слова многими истолковывались так, что о. Иоанн как бы назначил архиепископа Тихона своим преемником в качестве религиозного вождя русского народа и предрек ему Патриаршество.

Вступление Святейшего Тихона на патриарший престол свершилось в самый разгар революции. Государство не просто отделилось от Церкви – оно восстало против Бога и Его Церкви. Когда во время приезда патриарха Тихона в 1918 г. в Петроград сотрудник одной из петроградских газет спросил, что доносится ему со всех концов России, Святейший после некоторого раздумья ответил: «Вопли». Что было делать в такой ситуации патриарху? Требовалось найти единственно верное решение, отвечающее неповторимой, совершенно новой внешней обстановке. В чем же была единственная задача Церкви? Остаться Церковью: претерпевая удары, унижения, преследования, не отвечая на них ничем иным, как только твердым стоянием в истине. Государство безбожно? Пусть! Церковь в своей принципиальной отделенности от него остается Православной. Так начинается борьба, существо которой не укладывается ни в какие привычные понятия, борьба, которая выражается только в стойкости несения креста. Патриарх все готов был простить в отношении себя – лишь бы нетронутой была Церковь, лишь бы была обеспечена ее внутренняя независимость. Надо было острие развернувшейся борьбы притупить, надо было найти общий язык с властями, чтобы сохранить церковный корабль от потопления. Здесь

требовалось много мудрости и терпения. Как непередаваемо и неповторимо то чувство, которое испытывала Россия в отношении своего патриарха. В нем, как в фокусе, сосредоточилось само бытие Церкви. Став предстоятелем Церкви, патриарх Тихон не изменился – остался таким же доступным, ласковым человеком для простых людей. Близкие к нему лица советовали по возможности уклоняться от утомительных служений, но Святейший служил часто. Только в первый год своего первосвятительства им совершено 196 служб – следовательно, патриарх совершал служение через день, а иногда и каждый день. Везде его узнавали, везде полюбили и потом стояли за него горой, когда пришла нужда его защищать.

Святейший патриарх Тихон для православных людей – не только носитель высшей церковной власти. Он дорог им и как человек, достигший высокой степени совершенства, как бы благодатный носитель Духа Божия, дающего слово мудрости и рассуждения.

Своей жизнью он явил редкий нравственный облик христианина-монаха, отличаясь глубокой религиозной настроенностью, духом целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви. Святейший Тихон – воистину благодатная личность, жившая для Бога и Богом просветленная.

«Не напрасно носил он титул Святейшего. Это была действительно святость, величая в своей простоте и простая в своем исключительном величии», – вспоминало о патриархе русское духовенство. «От Святейшего уходишь духовно умытым», – говорили посещавшие его.

Великая любовь ко Христу, к Его Церкви и к людям проходила светлой полосой через всю жизнь и деятельность Святейшего Патриарха Тихона. «Он был олицетворением кротости, доброты и сердечности», – кратко и верно охарактеризовал Святейшего епископ Августин (Беляев). «Он любил вас всей силой великой души. Он душу полагал за вас...» – говорил другой архиерей бесчисленным тысячам православного русского народа, собравшимся ко гробу своего дорогого первосвятителя. «Молитвенник народный, старец всея Руси», – называли патриарха пасомые.

Его необыкновенная чуткость и отзывчивость проявлялись и в его широкой благотворительности, в щедрой помощи всем неимущим и обездоленным. Редкую заботу Святейшего Тихона не могли отрицать даже его враги и часто бывали обезоружены ею. «Подите к патриарху, попросите у него денег, и он вам отдаст все, что у него есть, несмотря на то, что ему, патриарху, в его возрасте, измученному после богослужения, придется идти пешком, что и было недавно», – свидетельствовал даже один из зачинщиков церковной смуты.

Все соприкасавшиеся со Святейшим Тихоном поражались его удивительной доступности, простоте и скромности. Многие нечуткие и недалёковидные люди не понимали его, злоупотребляли этими сторонами его души, готовы были видеть в нем «просто симпатичного человека», а между тем здесь-то и проявляется истинная святость. Широкую доступность Святейшего нисколько не ограничивал его высокий сан. Двери его дома всегда были для всех открыты, как открыто было каждому его сердце – отзывчивое, любвеобильное. Будучи необыкновенно простым и скромным, как в личной жизни, так и в своем первосвятительском служении, Святейший патриарх и не терпел и не делал ничего внешнего, показного. Он явил собой пример великого благородства. Безропотно нес он свой тяжелый крест. Он никогда не пытался выделить себя, не старался как-либо непременно настоять на своем, исполнить во что бы то ни стало свою волю. Он был полон неподдельного, глубокого смирения и всецело отдавал себя в волю Божию, благую и совершенную. Он стремился одну ее искать и исполнять, что неизбежно заставляло его отказываться от своей человеческой воли. В последнем случае он мог давать повод своим врагам обвинять его в безволии. Но он смотрел на жизнь не по-мирскому, а по разуму Божию, проявляя здесь свою истинную мудрость.

Это и отличало его всегда, как человека и архиерея. Этим он производил впечатление такой души, в которой живет и действует Христос. И свою паству звал к тому же Святейший Тихон. Одно из своих патриарших воззваний он закончил

словами: «Господь да умудрит каждого из вас искать не своего, но правды Божией и блага Святой Церкви!»

Но мягкость в обращении патриарха Тихона не мешала ему быть непреклонно твердым в делах церковных, особенно в защите Церкви от ее врагов.

Истинная добродетель всегда скрыта, и видят ее лишь люди чуткие. Многих великих святых их современники не замечали.

Огромные задачи стали перед Святейшим Тихоном. Ему была вверена многомиллионная, необозримая по территории Русская Православная Церковь, со всеми ее духовным и материальными ценностями. Вот почему, в сознании своей великой ответственности, он всегда, по завету Христа, Божье отдавал только Богу.

Патриарх не уклонялся и от прямых обличений, направленных против гонений на Церковь, против террора и жестокости, против отдельных безумцев, которым он провозглашает даже анафему в надежде разбудить этим грозным словом их совесть. Каждое послание патриарха Тихона, можно сказать, дышит упованием на то, что и в среде богоборцев возможно еще покаяние – и к ним обращает он слова обличения и увещания. Описывая в послании от 19 января 1918 года гонения, воздвигнутые на истину Христову, и зверские избиения ни в чем неповинных людей без всякого суда, с попранием всякого права и законности, патриарх говорил: «Все сие преисполняет сердце наше глубокою болезненною скорбью и вынуждает нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения. Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей, загробной, и страшному проклятию потомства в жизни настоящей, земной».

И в послании патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров по случаю первой годовщины Октябрьской революции говорится: «Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как

исполнили эти обещания? Поистине, вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Мф. 4, 9–10). Отечество вы подменили бездушным интернационалом... Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призраку мировой революции... Никто не чувствует себя в безопасности, все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Вы обещали свободу... Особенно больно жестокое нарушение свободы в делах веры, в органах печати злобные богохульства в кощунства... Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих... Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей... Вы заградили доступ в Московский Кремль – это священное достояние всего верующего народа. Вы разрушаете исконную форму церковной общины – прихода... разгоняете церковные епархиальные собрания, вмешиваетесь во внутреннее управление Православной Церкви... Мы знаем, что наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения нас в противлении власти; но чем выше будет подниматься столп злобы вашей, тем вернейшим будет то свидетельством справедливости наших обвинений... Отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры... А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк. 11, 51), и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. 26, 52)».

Неизмеримо тяжел был его крест. Руководить Церковью ему пришлось среди всеобщей церковной разрухи, без вспомогательных органов управления, в обстановке внутренних расколов и потрясений, вызванных всевозможными «живоцерковниками», «обновленцами», «автокефалистами». «Тяжелое время переживает наша Церковь», – писал в июле 1923 года Святейший.

Сам же Святейший Тихон был настолько скромен и чужд внешнего блеска, что очень многие при его избрании патриархом сомневались, справится ли он со своими великими задачами. Но теперь, видя необыкновенно плодотворные результаты его подвижнической деятельности, можно справедливо сказать о Святейшем: все, что мог, он уже совершил, всецело оправдав те надежды, какие возложила на него Церковь!

Своей мягкостью, кротостью, снисходительностью, своим тихим и любвеобильным отношением к людям Святейший Патриарх умел всех примирить, успокоить. Умел победить своим незлобием все враждебное Церкви и внутри и вне ее. Своим исключительно высоким нравственным в церковном авторитетом он собрал воедино распыленные и обескровленные церковные силы. В период церковного безвременья его незапятнанное имя было светлым маяком, указавшем путь к истине Православия. Своими посланиями он звал народ к исполнению заповедей Христовой веры, к духовному возрождению через покаяние. А его безукоризненная жизнь была примером для всех. Нельзя без волнения читать призыв к покаянию патриарха, обращенный им к народу перед Успенским постом.

«Еще продолжается на Руси эта страшная и томительная ночь, и не видно в ней радостного рассвета... Где же причина?.. Вопросите вашу православную совесть... Грех – вот корень болезни... Грех растлил нашу землю... Грех, тяжкий, нераскаянный грех вызвал сатану из бездны... О, кто даст очам нашим источники слез!.. Где ты, некогда могучий и державный русский народ?.. Неужели ты не возродишься духовно?.. Неужели Господь навсегда закрыл для тебя источники жизни, погасил твои творческие силы, чтобы посечь тебя, как бесплодную смоковницу? О, да не будет сего! Плачьте же, дорогие братья и чада, оставшиеся верными Церкви и Родине, плачьте о великих грехах вашего отечества, пока оно не погибло да конца. Плачьте о самих себе и тех, кто по ожесточению сердца не имеет благодати слез».

Неоднократно устраивались грандиозные крестные ходы для поддержания в народе религиозного чувства, и патриарх неизменно в них участвовал. А когда была получена весть об убийстве царской семьи, то патриарх на заседании Собора отслужил панихиду, а затем служил и заупокойную литургию, сказав грозную, обличительную речь, в которой говорил, что как бы ни судить политику государя, его убийство, после того, как он отрекся и не делал ни малейшей попытки вернуться к власти, является ничем неоправданным преступлением. «Не достаточно только думать это, – добавил патриарх, – не надо бояться громко утверждать это, какие бы репрессии ни угрожали вам».

Часто выезжал патриарх и в московские церкви, и вне Москвы, куда его приглашали. Выезжал он либо в карете, пока было можно, либо в открытом экипаже, а перед ним обычно ехал иподиакон в стихаре с высоким крестом в руках. Народ благоговейно останавливался и снимал шапки. Патриарх ездил в Богородск, промышленный город Московской губернии, а позже в Ярославль и в Петроград.

В Богородске рабочие устроили для его встречи красиво убранный павильон, переполняли все улицы во время его проезда. В Ярославле сами комиссары принимали участие во встрече, обедали с патриархом, снимались с ним. О поездках патриарха в Петроград хорошо известно: это был целый триумф. Железнодорожные рабочие настояли, чтобы ему был дан особый вагон, и по пути встречали его на остановках. Религиозное чувство сказалось в русском человеке, он сердцем почуял в патриархе «своего», любящего, преданного ему всей душой.

В многострадальной жизни Святейшего Патриарха пребывание его в Петрограде может быть было самым радостным событием. Поездка эта состоялась в конце мая 1918 года. В Москву от Петроградской епархии поехал за ним настоятель Казанского собора протоиерей отец Философ Орнатский, который принял потом мученическую кончину. Навстречу патриарху за границу епархии выехал vicарный преосвященный Артемий Лужский, а на вокзале ожидало

многочисленное духовенство во главе с митрополитом Вениамином, также впоследствии отдавшим жизнь свою во славу Церкви Христовой. От вокзала до Александро-Невской лавры по Старо-Невскому проспекту были выстроены крестные ходы и депутации от приходов. С 6 часов утра начал собираться народ и к приходу поезда переполнил всю Знаменскую площадь, Лиговку и все прилегающие улицы. Звон колоколов всех церквей Петрограда возвещал моменты переезда границы губернии, приближения к городу и выход патриарха из вокзала. Нельзя описать волнения толпы, когда показался экипаж, в котором патриарх был вместе с митрополитом Вениамином. Все бросались к экипажу, плакали, становились на колени. Патриарх, благословляя всех, стоял в коляске до самой лавры. Здесь его ожидали викарии епархии преосвященные Геннадий Нарвский, Анастасий Ямбургский и Мелхиседек Ладожский, около 200 священников и более 60 диаконов в облачениях. После молебна в переполненном соборе патриарх сказал речь о стоянии за веру до смерти.

Дни пребывания патриарха в Петрограде были днями настоящего всеобщего ликования; даже на улицах чувствовалось необычайное оживление. Святейший жил в Троице-Сергиевом подворье на Фонтанке. Самыми торжественными моментами были его службы в соборах Исаакиевском, Казанском и в лаврском. В Исаакиевском соборе при встрече патриарха пел хор из 60 диаконов в облачениях, так как соборный хор пришлось распустить из-за отсутствия средств. Сослужили патриарху митрополит, три викария, 13 протоиереев и 10 протодиаконов. На праздник Вознесения в Казанском соборе после литургии был крестный ход вокруг собора. Вся Казанская площадь, и Невский проспект, и Екатерининский канал представляли из себя море голов, среди которого терялась тонкая золотая лента духовенства. В этот день были именины отца Ф. Орнатского, и патриарх прямо из собора пошел к нему. Толпа не расходилась до 4 часов, и Святейший много раз выходил в сопровождении именинника на балкон, чтобы благословить всех. На последней торжественной службе в лавре был хиротонисан во епископа Охтинского

единоверческий архимандрит Симон, принявший потом мученическую кончину. Святейший ездил в Иоанновский монастырь на Карповке и служил панихиду на могиле отца Иоанна Кронштадтского. Он посетил также и Кронштадт.

В церковном служении патриарх Тихон соблюдал ту же простоту, какой он отличался в частной жизни: не было у него грубости, тех громких окриков и суетливости, какими иногда сопровождается торжественная служба. Если нужно было сделать какое-либо распоряжение, они давались тихо и вежливо, а замечания делались исключительно после службы, и всегда в самом мягком тоне. Да их и не приходилось делать: служащие проникались тихим молитвенным настроением патриарха, и каждый старался сделать свое дело как можно лучше. Торжественное служение патриарха со множеством архиереев и клириков, многолюдные крестные ходы, всегда совершались чинно, в полном порядке, с религиозным подъемом.

Жил патриарх в прежнем помещении московских архиереев, в Троицком подворье Сергиевской лавры, «у Троицы на Самотеке». Этот скромный, хотя и просторный, дом имел Крестовую церковь, где монахи Сергиевской лавры ежедневно совершали положенное по уставу богослужение. Рядом с алтарем помещалась небольшая моленная, уставленная иконами; в ней патриарх и молился во время богослужения, когда не служил сам. Но служить он любил и часто служил в своей Крестовой церкви. Дом был окружен небольшим садиком, где патриарх любил гулять, как только позволяли дела. Здесь часто к нему присоединялись и гости, и близко знакомые посетители, с которыми велась приятная, душевная беседа, иногда до позднего часа. Садик уютный, плотно отделенный от соседних дворов, но детишки-соседи взбирались иногда на высокий забор, и тогда патриарх ласково оделял их яблоками, конфетами.

Стол патриарха был очень скромный: черный хлеб подавался по порциям, часто с соломой, картофель без масла. Но и прежде преосвященный Тихон был совсем невзыскателен к

столу, любил больше простую пищу, особенно русские щи да кашу.

Начались трудные времена для Церкви: отбиралось церковное имущество, имели место преследования и массовое истребление духовенства. Со всех концов России приходили к патриарху известия об этом.

Для спасения тысяч жизней и улучшения общего положения Церкви патриарх принял меры к ограждению священнослужителей от чисто политических выступлений. 25 сентября 1919 года в разгар уже гражданской войны он издает послание с требованием к духовенству не вступать в политическую борьбу.

Отсутствие враждебности к существующей государственной власти и призыв к гражданской лояльности стали свойственны посланиям патриарха задолго до того, как стало ясно, что большевики победят в гражданской войне. Осенью 1919 года, 30 сентября, белые войска взяли Орел. Многие уже ждали их прихода в Москву. В это время исход борьбы было трудно предугадать. Но именно тогда появляется воззвание патриарха Тихона, обращенное к русскому духовенству. Вот его слова: «Памятуйте же, архипастыри и отцы, и канонические правила, и заветы святых апостолов: «Блюдайте себя от творящих распри и раздоры». Уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, повинуйтесь вашему человеческому начальству в делах внешних (1Пет. 2, 14), не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти, подчиняйтесь ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию, ибо Богу, по апостольскому наставлению, должны повиноваться более, чем людям». Таким образом, патриарх Тихон в этот решающий момент войны выразил верность принципу невмешательства Церкви в политическую борьбу при сохранении своей внутренней свободы.

Патриарх искренно и прежде всего сам отрекся от всякой политики. Когда отъезжающие в добровольческую армию просили тайного благословения вождям белого движения, патриарх твердо заявил, что не считает возможным это сделать, ибо, оставаясь в России, он хочет не только наружно, но и по

существо избежать упрека в каком-либо вмешательстве Церкви в политику.

На основании циркуляра Комиссариата Юстиции от 25 августа 1920 года власти на местах «проводили полную ликвидацию мощей». Такие действия еще ранее в обращении Святейшего Патриарха в Совнарком были квалифицированы как нарушение Декрета об отделении Церкви от государства.

Летом 1921 года разразился голод в Поволжье. В августе патриарх Тихон обратился с посланием о помощи голодающим, направленным ко всем русским людям и народам вселенной и благословил добровольные пожертвования церковных ценностей, не имеющих богослужебного употребления, рекомендуя контроль верующих над их использованием. Однако позднее, по постановлению ВЦИК от 23 февраля 1922 года, изъятию подлежали все драгоценные предметы. Таким образом, речь шла об изъятии предметов, имеющих сакральный характер в Православной Церкви, что по церковным канонам рассматривается как святотатство (73-е Апостольское правило). Естественно, патриарх не мог одобрять такого полного изъятия, тем более, что у многих возникли сомнения в том, что все ценности пойдут на борьбу с голодом. На местах насильственное изъятие вызвало повсеместное народное возмущение. Произошло до двух тысяч процессов по России и расстреляно было до десяти тысяч верующих, в связи с этим расстрелян был и Петроградский митрополит Вениамин, как было уже сказано. Послание патриарха было расценено как саботаж. И в связи с этим он находился в заключении с апреля 1922 года по июнь 1923 года.

По делу над группой московских священников об изъятии церковных ценностей самого патриарха неоднократно вызывали на суд в качестве главного свидетеля. Вот описание очевидца допроса патриарха и поведения обвиняемых и слушателей.

«Когда в дверях зала показалась величавая фигура в черном облачении, сопровождаемая двумя конвойными, все невольно встали... все головы низко склонились в глубоком почтительном поклоне. Святейший Патриарх спокойно-величаво

осенил крестом подсудимых и, повернувшись к судьям, прямой, величественно-строгий, опершись на посох, стал ждать допроса.

«Вы приказывали читать всенародно Ваше воззвание, призывая народ к неповиновению властям?» – спросил председатель.

Спокойно отвечает патриарх: «Власти хорошо знают, что в моем воззвании нет призыва к сопротивлению властям, а лишь призыв сохранить свои святыни, и во имя сохранения их просить власть дозволить уплатить деньгами их стоимость и, оказав тем помощь голодным братьям, сохранить у себя свои святыни».

«А вот этот призыв будет стоять жизни Вашим покорным рабам», – и председатель указал на скамьи подсудимых.

Благостно-любящим взором окинул старец служителей алтаря и ясно и твердо сказал: «Я всегда говорил и продолжаю говорить, как следственной власти, так и всему народу, что во всем виноват я одни, а это лишь моя Христова армия, послушно исполняющая веления ей Богом посланного главы. Но если нужна искупительная жертва, нужна смерть невинных овец стада Христова», – тут голос патриарха возвысился, стал слышен во всех углах громадного зала, и сам он как будто вырос, когда, обращаясь к подсудимым, поднял руку и благословил их, громко, отчетливо произнося: «Благословляю верных рабов Господа Иисуса Христа на муки и смерть за Него». Подсудимые опустили на колени... Допрос патриарха был окончен... Заседание в этот вечер более не продолжалось».

Благодатная сила благословения Святейшего видна из последующих событий.

На рассвете 25 апреля 1922 года был вынесен приговор: 18 человек – к расстрелу, остальные – к различным срокам каторги. На предложение председателя просить высшую власть о помиловании было отвечено горячей речью протоиерея Заозерского и отказом от лица всех приговоренных... Только вздох пронесся по залу при объявлении приговора. Ни стоны... ни плача... Приносилась великая искупительная жертва за грехи русского народа, и безмолвно разошелся народ. Было уже

светло, солнце всходило, когда раскрылись тяжелые двери суда и приговоренные смертники, окруженные лесом штыков, показались на площади... Шли с непокрытыми головами, со скрещенными на груди руками, со взором, поднятым высоко к небу, туда, где ждет их Благостный Искупитель мира, где все прощено, все забыто, где нет ни страданий, ни зла... И громко-ликующе лилась их песнь: «Христос Воскресе из мертвых...»

На долю патриарха Тихона выпало возглавление Русской Православной Церкви во время ее перехода к новой, самостоятельной жизни, в условиях нового государственного строя. Этот переход, сопровождавшийся открытым столкновением двух противоположных мировоззрений (религиозного и атеистического), был крайне тяжелым и болезненным. И если не все умиротворяющие, свойственные душе Святейшего кротость, добродушие и мудрость, он конечно, был бы еще острее.

Патриарх рассказывал, что, читая в заключении газеты, он с каждым днем все более скорбел о том, что обновленцы захватывают Церковь в свои руки.

И вот, самозванное обновленческое церковное управление созывает в мае 1923 года «Второй Поместный Собор Русской Церкви». Этот «Собор» лишил патриарха Тихона патриаршего сана и монашества, разрешил второбрачие священнослужителям, а также священнослужение женатым на вдовах или разведенных, ввел в жизнь брачный епископат. Один из бывших на этом «Соборе» молодых епископов – Иоасаф (Шишковский-Дрылевский) впоследствии рассказывал, как произошел акт лишения патриарха сана. Главари «Собора» Красницкий и Введенский собрали для совещания присутствующих на «Соборе» епископов, и когда начались многочисленные возражения против предложенной резолюции о низложении патриарха, Красницкий совершенно открыто заявил: «Кто сейчас же не подпишет этой резолюции, не выйдет из этой комнаты никуда, кроме как прямо в тюрьму». Терроризированные епископы (в том числе и сам Иоасаф) не нашли в себе мужества устоять перед перспективой нового тюремного заключения и подписали, хотя, по словам епископа

Иоасафа, в душе почти все были против этой резолюции. 11 июня 1923 года в печати вышла «Инструкция о порядке регистрации религиозных обществ и выдаче разрешений на созыв съездов таковых». В этой Инструкции имелся следующий пункт: «Религиозные общества, не зарегистрировавшиеся в законном порядке в трехмесячный срок со дня опубликования Инструкции в «Известиях ВЦИК», считаются закрытыми». Этот пункт постановления правительства в глазах обновленцев должен был совершенно покончить с остатками «тихоновщины», так как органы власти категорически отказывались регистрировать какие-либо православные общины, не находящиеся в общении с самозванным Высшим Церковным Управлением.

Но Бог судил иначе: 27 июня 1923 года в «Правде» и в «Известиях» было совершенно неожиданно опубликовано «Постановление Верховного Суда об освобождении гражданина Белафина из-под стражи». Патриарх подписал заявление Верховному трибуналу с признанием всех возведенных на него в обвинительном акте обвинений, «с покаянием в них и с отречением от сочувствия монархическим идеям», завершавшееся указанием, что он отныне «не враг Советской власти». «Конечно, – писал патриарх, – я не выдавал себя за такого поклонника Советской власти, каким объявили себя церковные обновленцы, но уж и не такой контрреволюционер, каким представляет меня Собор... Я решительно осуждаю всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно не исходило». По каким психологическим мотивам и в каких условиях подписал патриарх Тихон это заявление, он, насколько известно, никогда и никому не говорил, но никогда и не отрицал, что подписал его, не раз разъясняя буквально следующее: «Я написал, что отныне не враг Советской власти, но я не написал, что я друг...» Тем, кто не понимал его поступка и соблазнился им, он говорил: «Пусть погибнет мое имя в истории, только б Церкви была польза». Англиканскому епископу Бюри, который также просил объяснений, патриарх напомнил слова апостола Павла: *Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а*

остаться во плоти нужнее для вас (Флп. 1, 23–24). Он добавил, что лично с радостью принял бы мученическую смерть, но судьба остающейся Православной Церкви лежит на его ответственности.

Но еще за несколько лет до ареста патриарх ясно заявил в воззвании от 25 сентября 1919 года: «Установление той или иной формы правления – не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение».

Вот почему, обличая нападки обновленцев «о контрреволюционности» православных, Святейший имел право сказать: «И мы, и наша паства верны и Церкви Божией, и родному Православию, и нашему правительству, и только враги Церкви, сеющие смуту и вражду, могут утверждать иное».

Одной из постоянных забот Святейшего Патриарха было выхлопотать для Русской Православной Церкви регистрацию, а вместе с ней и возможность легального существования в пределах Союза ССР. Как писал об этом позднее митрополит Сергей: «Отсутствие регистрации для наших церковно-правительственных органов создает много практических неудобств, придавая всей нашей деятельности характер какой-то нелегальности, хотя мы и не совершаем ничего, запрещенного законом республики, что, в свою очередь, порождает много всяких недоразумений и подозрений».

Властям казалось, что главная притягательная сила патриарха для русского народа заключалась не в церковной области, а в политической, в том, что он был его идейным вдохновителем. Поэтому они были убеждены, что после публичного отречения от враждебного отношения к Советской власти все противники ее, а таковыми были, по утверждению большевиков, все искренне верующие люди, увидят в заявления патриарха измену их идеалам и решительно отвернуться от него, и патриарх, выйдя из заключения, не сможет найти себе среди верующих и духовенства сколь-нибудь значительного количества приверженцев. В церковном же отношении всякая притягательная сила патриарха, по расчетам властей, была уничтожена авторитетом «Собора» 1923 года. В

полной уверенности, что теперь патриарх и политически, и церковно умер для народа, власти объявили ему, что он свободен в области церковной жизни предпринимать, что сочтет нужным. Однако Советская власть, как безбожная, не учла одного и решительного фактора в церковной жизни – того, что Дух Божий правит Церковью. Случилось совсем не то, что ожидалось по чисто человеческим расчетам.

«Покаянное» заявление патриарха, напечатанное в советских газетах, не произвело на верующий народ ни малейшего впечатления. «Собор» же 1923 года не имел для него никакого авторитета; плохо разбираясь в канонических тонкостях, простой народ, однако, интуитивно почувствовал всю фальшь его постановлений. Подавляющая масса православных людей открыто приняла освобожденного патриарха как своего единственного законного главу, и патриарх предстал пред глазами властей в полном ореоле фактического духовного вождя верующих народных масс. То не была популярность, слава, обаяние личности. То не было и благоговение перед святостью и преклонение перед силой чудотворения, которыми окружена была личность о. Иоанна Кронштадтского, при всей видимой схожести встречи народом того и другого. Патриарх являл народу своей личностью радость сознания себя в Церкви! Отсюда ликование при непосредственном лицезрении его, принимавшее формы стихийного торжества чисто пасхальной настроенности. Отсюда тихая радость одного лишь сознания, что он есть.

Выход на свободу Святейшего принес огромную пользу Церкви, восстановив и утвердив в ней законное церковное управление.

Об обновленцах патриарх говорил в своих двух воззваниях.

В первом из них 28 июня 1923 года он указывает на всю неканоничность, несостоятельность обновленческого «Собора», на котором, между прочим, из 67 присутствовавших архиереев было только 10–15 % законного посвящения, а все остальные – лжеепископы.

Во втором, первоиюльском, своем обращении патриарх говорит, в частности, о значении «практических мероприятий»

обновленцев. «Обновленцы бессознательно или сознательно толкают Православную Церковь к сектантству, отступая от ее канонов».

Полностью же истории сущность и оценка обновленческого раскола и выводы, обязательные для всех членов Церкви, изложены Святейшим Патриархом Тихоном в его основном послании 15 июля. Это воззвание, прозвучавшее, как величественный благовест по всей России, открыло собой полосу покаяния многих обновленцев. Кончается оно призывом Святейшего к отклонившимся от церковного единства... «Умоляем сознать свой грех, очистить себя покаянием и возвратиться в спасающее лоно Единой Вселенской Церкви!»

Стремясь не на словах только к истинному церковному миру, Святейший Патриарх поручил состоявшемуся при нем архиерейскому Синоду вести переговоры с главенствующими обновленцами о присоединении их к Православной Церкви.

Толпами шли обновленческие священники и архиереи на путь покаяния перед Церковью, и ничего они не встречали у Святейшего, кроме безграничной ласки и всепокрывающей, подчас совсем незаслуженной любви. «Он имел особенную широту взглядов, способен был понять каждого и всех простить», – вспоминал о Святейшем Тихоне митрополит Сергей.

Но это не было уклонением от строго православной линии. Наоборот. «Прошу верить, что я не пойду на соглашения и уступки, которые поведут к потере чистоты и крепости Православия», – твердо и авторитетно сказал патриарх (из его резолюции о примирении с Красницким, на адресе Елизаветградского духовенства 26 июня 1924 года, за № 523).

Вот почему 5 апреля 1924 года (за № 291) он издал новое, краткое, но содержательное послание, обличающее тяжкие преступления вождей обновленческого раскола. В этом послании Святейший Патриарх на основании церковных канонов и от имени единомысленной с ним Российской Православной Церкви подвергнул обновленцев каноническому запрещению и подтвердил, что они, впредь до раскаяния, находятся вне общения с Церковью.

Но разнообразнейшие враги Православной Церкви ненавидели ее главу, Святейшего Тихона. Он был истинным избранником Божиим и на нем оправдались слова Христа: *Поносят вам и ижденут, и рекут всяк зол глагол, на вы лжуще Мене ради* (Мф. 5, 11).

Мало того – враги Церкви покушались на жизнь Святейшего Патриарха. 26 ноября 1924 года несколько преступников ворвались в комнаты патриарха и убили первым вышедшего на шум его келейника Я. О. Полозова.

К чести для верующих истина Православия восторжествовала, и Святейший Тихон мог писать Константинопольскому патриарху: «Весь русский православный народ сказал свое правдивое слово как о нечестивом собрании, дерзко именующим себя собором 1923 года, так о нечестивых вождях обновленческого раскола... Верующие не со схизматиками (раскольниками), а со своим законным и православным патриархом».

Русский православный народ глубоко ценил и понимал, кем был Святейший Патриарх для Церкви, и горячо любил своего великого духовного отца. Близок русскому сердцу он и потому, что этот первосвятитель был истинно русским человеком, воплотившем в себе лучшие стороны своего народа, от внешнего облика до внутренних черт характера.

«Очень многие, – говорил один архиерей, – выражали близость к патриарху, воспринимая его как благодатного старца. Это знаменательно – близость высокого архипастыря! Нам надо помнить, светильником какого света он является, и быть такими же тихими, кроткими, молитвенными, непосредственными в обращении к Господу, чтобы его любовь к Нему сообщалась и нам, и чтобы у нас была близость и к нему, и к Богу».

Будучи сам добрым пастырем, отдавшим всего себя на дело Церкви, он к тому же призывал и духовенство. «Посвящайте все свои силы на проповедь слова Божия, истины Христовой, особенно в наши дни, когда неверие и безбожие дерзновенно ополчились на Церковь Христову. И Бог мира и любви будет со всеми вами» (Обращение к архипастырям и пастырям 1919 года).

Он старался ставить достойных служителей алтаря и в общении с духовенством одобрял его. Последнему епископу, поставленному Святейшим Тихоном, он сказал в своем приветственном слове: «Архиерейство – великая честь, но с ним связаны великие страдания. Через страдания же – к небесной славе!» (воскресенье, 23 мая ст. ст. 1925 года).

В проповеди о патриархе архиепископ Трифон (Туркистанов) вспоминал, как он усталый, упавший духом пришел к Святейшему, а тот указал ему на архиерейскую панагию с изображением Богоматери. «Ей оружие пройдет душу, и Она не предалась мрачному отчаянию, и мы должны по Ее примеру терпеливо понести свой жизненный крест» (из проповеди архиепископа Трифона 25 декабря 1925 года).

«Мы все приходили к тебе при жизни за утешением и назиданием, – говорил позднее другой архиерей, и всегда встречали у тебя ласку и привет» (из проповеди архиепископа Августина на Пасху 1925 года).

Святейший Патриарх Тихон жил радостями Церкви и болел, страдая ее скорбями. Он верил в духовное, истинное обновление Русской Церкви. Не мог патриарх не видеть и многих уродливых явлений в жизни нашего общества: безверия, нравственной распущенности. Это нашло свое отражение в его воззваниях к Русской Церкви. В них и горячий протест против глубокого материалистического понимания жизни, и так присущее душе Святейшего чувство глубокого смирения, сознания человеческой неправды пред Божественной истиной.

«Ныне нужно дерзновение веры, – писал патриарх, – беспрестанное ее исповедание. Да возгорится пламя светоча вдохновения в Церкви Русской, да соберутся силы, расточенные в безвременьи. Пусть верные чада в союзе любви соединятся с архипастырями и пастырями своими и вместе являют служение в духе и силе» (18 декабря 1917 года).

«Очистим же сердца наши покаянием и молитвою», – звал Святейший Патриарх.

Устроение самой церковной жизни Святейший Тихон должен был осуществить в духе постановлений Священного Собора 1917 года, много работавшего над преобразованием

различных сторон церковной жизни. Однако большинство этих реформ не было принято или вследствие преждевременного прекращения деятельности Собора по условиям того времени, или как не привившихся в церковном сознании.

Святейший Тихон на всех ступенях своей жизни и деятельности всегда протягивал народу руку помощи, всегда говорил ему доброе слово, всегда шел навстречу в его бедствиях.

И народ это понимал и жалел его искренне и глубоко, получив полное убеждение в его святости. Это мужественное и кротчайшее существо. Это исключительная, безукоризненно святая личность. На вопрос одного человека к епископу, как он относится к патриарху, он отвечал: «Я реально ощутил его святость».

В период кровавых междоусобиц, полных ужаса и стремлений, которые «не могут не производить гнетущего впечатления на сердца каждого христианина» (Послание 1919 года), он многократно обращался к верующим с церковной кафедры со святыми словами пастырского назидания о прекращении распрей и раздоров. Когда вспыхнул голод в Поволжье, патриарх организовал Комитет помощи голодающим, его открытие 1 августа 1921 года ознаменовалось патриаршим богослужением в храме Христа Спасителя при огромном стечении духовенства и народа. После торжественного молебствия было прочитано патриаршее воззвание о помощи голодающим, обращенное к Православной России и ко всем народам земли. Комитет, возглавляемый патриархом, собрал большие средства и сделал очень много для голодающих.

Ни один воскресный или праздничный день не проходил, чтобы Святейший не служил в московских храмах или окрестностях Москвы. По-прежнему храмы эти даже в будние дни во время служения бывали переполнены. В уездных городах Московской губернии стечение народа бывало огромное, встреча и проводы патриарха очень торжественные. Рабочие везде покидали работу, и все светские и промышленные учреждения не работали в течение всего пребывания патриарха в городах.

После заключения патриарх проживал не в Троицком подворье, а в Донском монастыре, к нему со всех концов России приезжали разные лица и в его приемной можно было увидеть епископов, священников и мирян: одни приезжали по делам церковным, другие – за получением патриаршего благословения и за утешением в горе. Доступ к нему был свободным, и келейник его лишь спрашивал посетителей о цели прихода. Патриарх помещался в трех комнатах, первая из коих в указанные часы служила приемной. Обстановка патриарших покоев поражала своей простотой, а беседа с ним, по словам видевших его, производила сильное впечатление. Святейший находил всегда несколько слов для каждого, даже приходящего только за благословением. Приезжих подробно расспрашивал о положении Православной Церкви в провинции.

Московский корреспондент парижской газеты «Энформвсион» так описывает свои впечатления о Святейшим и о приеме у него. «Спокойный, умный, ласковый, широко сострадательный, очень просто одетый, без всякой роскоши, без различия принимающий всех посетителей. Патриарх лишен, может быть пышности, но он действительно чрезвычайно дорог тысячам малых людей, рабочих и крестьян, которые приходят его видеть. В нем под образом слабости угадывается крепкая воля, энергия для всех испытаний, вера непоколебимая... Постоянные изъявления сочувствия и преданности, которые он получает со всех концов Россия, делают его сильным и терпеливым... Густая молчаливая толпа ожидала прием. Странники, заметные по загорелым лицам, большой обуви и благочестивому виду, ожидали, сидя в тени башенного зубца. Они сделали несколько тысяч верст пешком, чтобы получить благословение патриарха. Сельский священник, нервный и застенчивый, ходил вдоль и поперек... Горожане и крестьяне, люди из народа главным образом, долгие часы, порою дни ждут, чтобы открылась маленькая дверь и мальчик певчий ввел их к патриарху Тихону» (№ 219, 1923 г.).

О большой любви и благоговейном уважении к нему верующих красноречиво говорит та трогательная заботливость, которой был окружен Святейший. Верующие сделали, чтобы он

ни в чем не нуждался, а после его радостного для них освобождения осыпали цветами своего любимого первосвященника.

Те многие и многие тысячи народа, которые стекались на его дивные службы, где на фоне общего великолепия к патриарху, простому и скромному и вместе неотразимо величественному, тянулись и взоры, и души всех!

Те многочисленные народные толпы, которые теснились к Святейшему, чтобы только его увидеть, простаивали часами в храмах и около них и в жару, и в мороз, чтобы получить его патриаршее благословение.

Его огромный авторитет и общее почитание не ограничивалось пределами России. Православные восточные патриархи приветствовали его в 1917 году как своего брата и до самой его смерти, как правило, поддерживали с ним, насколько это было возможно, самую тесную каноническую связь.

Когда обновленцы в 1924 году стали распространять свою очередную ложь об «устранении Святейшего всею Восточною Церковью», патриарх Сербский Димитрий в особой грамоте опроверг это утверждение, а обновленцам ответил советом прекратить церковную смуту и подчиниться Святейшему Тихону, единственной главе Русской Православной Церкви».

Крайне больно было переживать все церковные беды любящему отзывчивому сердцу патриарха. Внешние и внутренние церковные потрясения, обновленческий раскол, непрестанные первосвященнические труды и заботы по устройению и умиротворению церковной жизни, бессонные ночи и тяжелые думы, более чем годичное заключение, злобная гнусная травля со стороны врагов, глухое непонимание и неумная критика со стороны подчас и православной среды подточило его когда-то крепкий организм. Начиная с 1924 года, Святейших Патриарх стал настолько сильно недомогать, что в день Рождества Христова написал свое завещание, в котором, согласно постановлению Священного Собора от 25 апреля 1918 года, указывает себе преемника по управлению Русской Церковью. (В силу этого распоряжения Святейшего Тихона после его кончины

патриаршие права и обязанности перешли к митрополиту Крутицкому Петру).

Усилившаяся болезнь – сердечная астма – вынудила Святейшего лечь в больницу доктора Бакунина (Остоженка, дом 19). Однако, находясь там, патриарх Тихон регулярно выезжал по праздничным и воскресным дням для служения в храмах.

В воскресенье, 5 апреля, за два дня до своей кончины, Святейший Патриарх, несмотря на болезнь горла, выехал служить литургию в церковь Большого Вознесения на Никитской. Это была его последняя служба, последняя литургия.

Результат длинного богослужения и речи, сказанной Святейшим Тихоном поставленному им епископу, не замедлил обнаружиться прежде всего в сильном раздражении горла. Однако Святейший, по-видимому, чувствовал себя окрепшим и даже предполагал через несколько дней совсем выйти из больницы, тем более, что приближалось Страстная неделя. Но Господь судил иначе.

В самый день праздника Благовещения Он призвал к себе первосвященника Русской Церкви.

Во вторник, 25 марта/7 апреля 1925 года, последний день его земной жизни, он принял митрополита Петра и имел с ним продолжительную беседу, после которой чувствовал себя очень утомленным. Еще за три часа до своей кончины патриарх беседовал с навещавшими его лицами, живо интересовался ходом церковных дел, сообщал о предполагаемом своем скором выходе из лечебницы и жалел, что недомогание не позволило ему совершить богослужение в великий праздник...

Вечером дежуривший при патриархе послушник К. Пашкович предложил ему прилечь отдохнуть, так как Святейший страдал бессонницей: «Ночь все равно, Ваше Святейшество, Вы проведете спокойно». Святейший ответил ему: «Теперь я усну... крепко и надолго... Ночь будет длинная...»

В половине двенадцатого ночи у Святейшего начался сердечный приступ. Больной указывал на сердце и жаловался на боль. Была оказана обычная в таких случаях медицинская помощь, но пульс продолжал падать... Медицинские усилия

оказались тщетны. Было 11 часов 45 минут вечера. Святейший Патриарх Тихон умирал.

Умирал он с тихой молитвой к Богу, молитвой благодарности, славословия и крестясь: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи, слава Тебе...» – не успел он перекреститься в третий раз.

Наутро звон церквей, молитвенно печальный, дрожал над городом певучей волной.

Ужасная весть быстро облетела столицу. В храмах начались богослужения. Верующие останавливались на улицах и передавали друг другу последние вести из Донского монастыря.

На следующий день были совершены во всех московских храмах литургии Иоанна Златоуста.

Знаменательно, далее, что патриарх умер в день смерти праведного Лазаря и за его погребением началась Страстная седмица.

Из патриаршей келлии, куда было сначала доставлено тело почившего, Святейший был торжественно перенесен в сопровождении сонма духовенства во главе с преосвященным Борисом, епископом Можайским, в Большой собор Донского монастыря и облачен в патриаршее облачение – золотое с темно-зеленой бархатной оторочкой, шитой золотом и образами. На голову надета драгоценная патриаршая митра. Присутствовавшие архиереи по окончании облачения вложили в руки Святейшему трикирий и дикирий и его руками благословили народ при произнесении диаконом измененных слов богослужения: «Тако светится свет твой пред человеки и вси видеша добрая дела твоя и прославиша Отца нашего, Иже есть на небесах», точно сам почивший патриарх прощался со своей паствой, в последний раз благословляя ее.

Поклонение почившему во гробе первосвятителю началось в среду и беспрерывно продолжалось день и ночь, не прекращаясь во время всех богослужений.

В продолжении четырех суток служились панихиды над телом усопшего осиротевшими архипастырями в пастырями Православной Церкви, и день и ночь беспрерывно шел верующий русский народ. После 5–7-часового стояния в

огромном полутороверстной очереди входили в собор люди, съехавшиеся из всех городов России, куда успела дойти весть о кончине.

Сходили с болезненно сжимающимися сердцами и с благоговением целовали последний раз холодную руку Святейшего Патриарха Тихона. И хотя большого количества прощавшихся, в продолжении каких-нибудь ста часов, не мог пропустить собор, однако проститься с патриархом приходило около миллиона человек.

В Вербное воскресенье, в праздник Ваий, хоронила Православная Российская Церковь своего патриарха. Отпевание совершали 63 архиерея, в числе которых были 5 митрополитов, во главе с местоблюстителем Патриаршего престола высокопреосвященным Петром, митрополитом Крутицким, и около 400 священнослужителей. Колоссальные толпы мало-помалу загрохотали собой не только весь огромный монастырский двор, всю территорию монастыря, но и прилегающую громадную площадь, поле и соседние улицы. Это представляло собой нечто небывалое, что-то такое большое и сильное, чего, не видев, нельзя представить, а увидевши, нельзя забыть.

Благолепно и без торопливости совершался чин отпевания. После печального напева «Вечная память...» наступило молчание, точно никто не решался подойти, чтобы поднять гроб Святейшего и нести на место последнего упокоения.

И вдруг среди мертвой тишины раздались слова, кажется, ничего в себе не заключавшие, но которые по своей непосредственности и искренности дали выход общему чувству. Поились слезы...

На амвон вошел один из епископов. Он говорил надгробные слова, он сделал, так сказать административные распоряжения: «Сегодня мы погребем одиннадцатого патриарха Всероссийского – Тихона. На похороны его собралась почти вся Москва. И я обращаюсь к вам с просьбой, которая безусловно должна быть выполнена. Дело в том, что весь монастырский двор переполнен народом, ворота закрыты, и в монастырь больше никого не пускают. Все прилегающие к монастырю

площади и улицы запружены народам. Вся ответственность за соблюдение порядка лежит на мне. При таком скоплении народа малейшее нарушение дисциплины может вызвать катастрофу. Прошу, не омрачайте великого исторического момента, который мы сейчас переживаем с вами. Первым выйдет отсюда духовенство, потом епископы вынесут Святейшего. Пойдут только священнослужители в облачениях, все остальные останутся на местах... Никто не сойдет с места, пока вам не скажут. Вы должны исполнить это безусловно в память нашего Святейшего отца патриарха. И я знаю, что вы это сделаете и не омрачите ничем этих исторических минут...» Далее он подчеркнул единение, всегда царствовавшее между патриархом и паствой. В заключение он предложил присутствующим пропеть «Осанна». Песнопение было подхвачено многотысячной толпой.

Лес хоругвий двинулся к выходу. За ним по четыре человека в ряд выходили священники. На открытой площадке перед собором стояли носилки, на которые будет поставлен гроб. Кругом толпился народ, а около самых ступеней множество фотографов, направивших свои аппараты на носилки.

Из собора показалось шествие. Архиереи несли гроб Святейшего Патриарха. Пение хора сливалось с перезвоном колоколов. При пении «Вечная память...» гроб был поднят, и весь народ подхватил песнопение, как только процессия двинулась...

Сам народ устроил цепь. Ни толкотни, ни давки. Согласно воле почившего, перед самым погребением гроб патриарха был внесен в его келью, где он столько пережил, столько выстрадал.

Затем процессия двинулась к так называемому теплomu храму, где была приготовлена могила. В темные двери вошли архиереи, и двери за гробом закрылись. Все утихло. В молчании стоял крестный ход перед закрытыми дверями храма. Там проходила лития. Но вот раздалось пение: «Вечная память...» Это гроб Святейшего Патриарха Тихона опускали в могилу. Печальный перезвон колоколов точно плакал над раскрытой могилой почившего патриарха.

Вслед за духовенством народ устремился к большому собору и целовал место, где стоял гроб усопшего.

На ответственной посту первосвященника Святейший Тихон пробыл семь с половиной лет. Трудно представить Русскую Православную Церковь без патриарха Тихона в эти годы. Так неизмеримо много сделал он для Церкви и для самой веры.

Заслуги Святейшего перед Российской Церковью неисчислимы. Замечательные слова сказал о нем митрополит Сергей Нижегородский: «Он один безбоязненно шел прямым путем в служении Христу и Его Церкви. Он на себе одном нес всю тяжесть Церкви последние годы. Им мы живем, движемся и существуем, как православные люди».

Святейший Тихон был мудрым и опытным кормчим церковного корабля в бурные годы. Он сумел провести и сохранить его среди бушующих волн житейского моря. «И уже в одном месте, – сказал над гробом патриарха профессор-протоиерей Страхов, – несомненная и величайшая твоя заслуга».

В смирении и подвигах Святейшего Патриарха была видна помощь Божией Матери, Которая всегда опекала и укрепляла его; известно, что первое служение Московского митрополита Тихона было в Успенском соборе в праздник Успения Пресвятой Богородицы, позднее он избирается Поместным Собором перед образом особо чтимой святыни – иконой Владимирской Божией Матери. Патриаршая интронизация состоялась в Кремле, в Успенском соборе в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, и кончина совершилась тоже в Богородичный праздник – Благовещение.

Имеется еще одно знамение милости Божией Матери: в больнице, где находился перед кончиной патриарх Тихон, не было иконы. Он попросил принести икону, не указав, какую именно, его просьбу исполнили – из Зачатьевского монастыря принесли икону Благовещения Пресвятой Богородицы.

Несмотря на всю свою первосвященническую занятость, Святейший Патриарх Тихон часто служил. В среднем в месяц он совершал 23–25 богослужений. Это был его благодатный подвиг

предстояния престолу Господню. Это его земное предстояние Царю славы за Русскую Церковь ныне продолжается в предстоянии небесном.

На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 9 октября 1989 года Святейший Патриарх Тихон был причислен к лику святых: память совершать в сей день его прославления (9 октября), а также внести в месяцеслов дату его преставления в день Благовещения Пресвятой Богородицы.

Сентябрь 27

Савватий Соловецкий, преподобный

Преподобный Савватий Соловецкий († 27 сентября 1435 г.) продолжил лучшие традиции русского монастырского подвижничества, заложенные веком раньше преподобным Сергием Радонежским. Не сохранилось известий, из какого города или села происходил преподобный Савватий, кто были его родители и в каком возрасте он принял иноческий образ. Известно только, что во дни Всероссийского митрополита Фотия (1408–1431) достохвальный старец Савватий подвизался в Белозерском монастыре преподобного Кирилла, находящемся в Новгородской области. Безответное послушание игумену, изумительное терпение всяких монашеских скорбей, кроткая подвижническая жизнь стали приобретать ему уважение. Но твердо памятуя, что не от людей, а от Бога следует искать похвалы в здешней земной жизни, преподобный тяготился воздаваемою ему славой и потому непрестанно помышлял об удалении из Кириллова монастыря.

Услышав, что в Новгородской стороне на озере Нево (Ладожском) есть остров Валаам и на нем монастырь, отделяемый от мира водой, любитель смирения и безмолвия собрался идти на тихий остров. Белозерские иноки не без скорби расстались с подвижником Божиим. На Валааме Савватий явился таким же иноком послушливым, как и на Белом озере, и безответно выполнял поручения (не спрашивая и себя, для чего требуют того или другого), все принимая как от руки Самого Господа. Подражая многотрудным подвигам тамошних иноков и постоянно умножая свои труды, преподобный Савватий и здесь, как в монастыре Кирилловом, превзошел всех в подвижничестве. И скоро игумен и братия стали почитать его не как равного себе, но как отца. Преподобный стал опять жестоко скорбеть, тяготясь почитанием и похвалами братии, и вновь помышлял об отыскании безмолвного и уединенного места для своих подвигов.

Между тем преподобный узнал, что еще дальше на севере есть необитаемый Соловецкий остров, весьма нелегкий для

пребывания на нем, только летом доступный для рыбаков. Загорелась душа пустыннолюбивого старца желанием пожить там в любезном безмолвии. Когда объявил он о своем желании игумену и братии, они никак не хотели расстаться с Савватием. Чудная ревность к суровым подвигам! Убеленный сединами старец ночью бежал с Валаама. Когда достиг он берега Белого моря и стал расспрашивать прибрежных жителей о Соловецком острове, они рассказали ему, что остров велик, с озерами, лесами, горами, но необитаем потому, что очень неудобно сообщение с ним. Этот рассказ еще более воспламенил в старце желание поселиться на нем. «Чем же ты будешь питаться и одеваться там, старец, когда ты так беден и дряхл?» – спросили люди, с которыми беседовал Савватий. Подвижник отвечал: «Я, чада, имею такого Владыку, Который природу старика делает юною, равно как и младенца возвращает до лет преклонной старости. Он обогащает бедных, дает потребное нищим, одевает нагих и малою пищею досыта насыщает алчущих, подобно тому, как некогда в пустыни насытил Он пять тысяч человек пятью хлебами».

Некоторое время преподобный Савватий оставался в часовне, стоявшей вблизи устья реки Выги, в местечке Сороки. Там он встретился с подвизавшемся в отшельничестве преподобным Германом, и они вместе решили переселиться на остров. На утлой ладье, помолившись Богу, старцы отправились по суровому морю и через три дня достигли Соловецкого острова. Подвижники поселились около Секирной горы, где водрузили крест и поставили келлию. Это было в 1429 году. Так было положено начало подвижничества на Соловках – подвижничества более трудного, чем в жарких пустынях Востока. На крайнем Севере нельзя было круглый год находить себе растительную пищу, нельзя было обойтись в суровые зимние холода без теплой одежды и жилья – все это нужно было доставать себе с великим трудом. И старцы Божии терпеливо переносили все перемены климата в своих убогих хижинках, согреваясь любовью ко Господу. Преподобные руками работали, а устами славословили Господа, приближаясь к Нему

духом путем непрестанной молитвы и пения псалмов Давидовых. Вместе они жили здесь отшельниками шесть лет.

Здесь порой враг человечества диавол искушал святых старцев. Некий рыбак с женой, движимый чувством зависти, прибыл как-то на остров и поселился неподалеку от подвижников. Но Господь не допустил утвердиться мирянам рядом со старцами. Жене рыбака явились два светозарных юноши и высекли ее прутьями. «Уйдите от сего места, вы недостойны здесь жить, потому что Бог назначил его для пребывания иноков; скорее же уйдите отсюда, чтобы не погибнуть вам злою смертью». Рыбак испугался, быстро собрал вещи и поспешил вернуться на прежнее место жительства. С тех пор никто уже из мирян не дерзал селиться на Соловецком острове, и только рыбаки время от времени приезжали на остров для рыбного промысла.

По прошествии нескольких лет блаженный Герман удалился на реку Онегу, а преподобный Савватий с глубокой верой в Бога один остался на острове. Един только Всеведущий, свыше на Своего угодника призвавший Господь и святые Его Ангелы, посещавшие Савватия, раба Божия, во плоти подражавшего бесплотным, знали, каково было его пребывание на острове, каков пост, каковы духовные подвиги! Нам же можно судить о трудах и лишениях подвижнической жизни преподобного по самому свойству того места, на котором он поселился. У преподобного старца, одиноко пребывавшего на отдаленном, никем не посещаемом морском острове, не могло быть другого дела, кроме упражнений в постоянных подвигах богомыслия. И действительно, углубляясь умом в постоянную молитвенную беседу с Богом и к Нему обращая полные слез очи, преподобный вздыхал дань и ночь, желая отрешиться от тела и соединиться с Господом.

Почувствовав в глубокой старости приближение смерти, преподобный Савватий стал помышлять о том, как бы ему сподобиться причащения Божественных Таин, которых он лишен был после отшествия из Валаамского монастыря. Помолившись о том Богу, он сел в небольшой челнок и после того, как по его молитве море утихло, переплыл в течение двух суток на другой

берег моря. Выйдя на берег, он пошел по суше, желая дойти до находившейся на реке Выге часовни. Дорогою, по Промыслу Божию, он встретил игумена Нафанаила, который шел в дальнее селение причастить больного. Оба были рады этой встрече, и Савватий просил Нафанаила причастить его. «Иди к часовне, – отвечал игумен, – подожди меня там, я, причастив больного, утром рано возвращусь к тебе». – «Не отлагай до утра, – сказал преподобный, – ибо сказано: не весте, что утре случится (Иак. 4, 14)». Игумен причастил преподобного Христовых Таин и просил его, чтобы он подождал при часовне на реке Выге. Преподобный обещал исполнить его желание, если сие Господу угодно, и пошел к знакомой ему часовне. Чувствуя ослабление сил, он вошел в бывшую при часовне келлию, готовясь к блаженной кончине.

В это время один богатый купец из Новгорода, по имени Иоанн, зашел помолиться в часовню, а потом и в келлию. Преподобный благословил его и усладил душу полезной беседой. Богатый купец предложил святому Савватию свое подаяние, но преподобный сказал ему: «Мне не нужно ничего, раздай это бедным». И объявил ему как много значит подаяние милости. Купец опечалился, что преподобный не принял от него ничего, и святой старец с лаской любви сказал ему: «Останься, друг, да утра здесь, – не будешь жалеть о том и путь твой будет спокоен». Иоанн хотел однако же отправиться в путь. Но едва вышел он из кельи, вдруг поднялась буря на море, и он поневоле остался ночевать. Когда настало утро, Иоанн пришел к келлии, желая принять еще раз от преподобного напутственное благословение. Он с молитвой толкнул дверь, но ответа не было. Тогда он вошел в келью и, увидев преподобного, сидевшего в куколе и в мантии, с кадильницей в руке, сказал ему: «Прости, отче, что я осмелился войти к тебе. Благослови меня на путь, чтобы я совершил его благополучно, твоими святыми молитвами!»

Но преподобный не отвечал ему. Он уже почил о Господе. Это было 27 сентября 1435 года. Добрый купец, уверившись в кончине преподобного, умилился и заплакал. В это время пришел игумен Нафанаил. Он рассказал купцу, как вчера

приобщил преподобного Святых Таин, а купец сказал, что удостоился слышать душеполезную беседу его. С надгробным пением игумен и купец похоронили святое тело подвижника.

Спустя год по кончине преподобного Савватия пустынный и суровый остров Соловки снова увидел среди себе иноков-подвижников. Уроженец селения Толвуя (близ озера Онеги), воспитанный родителями в благочестии, инок Зосима, постриженник неизвестной обители, подвизался в уединении. Скорбя о себе и других, Зосима желал видеть иноков собранными в общежитии и вдали от мирских людей. Желая устроить монастырь, он стал искать себе наставника и отправился на север к берегам Белого моря. И вот, по Промыслу Божию, он встретил Германа, жившего прежде со св. Савватием на Соловецком острове. Услышав от Германа о пустынном острове и о прп. Савватии, св. Зосима просил Германа довести его до острова и научить пустынной жизни. Зосима с Германом отправились на Соловецкий остров.

Пребыв на острове, преподобные поставили себе кущу и в ней провели ночь в молитве. Утром святой Зосима вышел из кущи и увидел необыкновенный свет, который озарил его и все место, а на востоке – прекрасную церковь, явившуюся на воздухе. Не привыкнув к таким чудесным откровениям, преподобный не смел долго смотреть на чудесную церковь и удалился в кущу. Опытный в духовной жизни Герман, видя его изменившееся лицо, понял, что Зосима имел некое видение, и спросил его: «Чего устранился ты? или ты увидел что-нибудь необычное?» Преподобный рассказал ему о чудном видении, а Герман – о тех чудесах, какие совершались на острове при св. Савватии. Зосима с радостью удостоверился, что Господь услышал желание его сердца и указал ему место для обители. С Божией помощью они стали рубить деревья и строить келлии и построили с оградой двор. Господь помогал святым отшельникам. Так начала основываться преславная Соловецкая обитель.

Прошло уже 30 лет после блаженной кончины преподобного Савватия. Игумен Зосима, почитая его первым подвижником Соловецкого острова, скорбел душою, что мощи старца Божия

покоятся на пустынном берегу Выги. В то же время игумен и братия Кирилловой обители писали Соловецким подвижникам: «Вы лишены великого дара – не с вами преподобный Савватий, который прежде вас потрудился для Бога на вашем месте, провел жизнь в посте и трудах, подвизался во всех добродетелях, как древние отцы; возлюбив Христа всей душой, удалился от мира и умер блаженной кончиной. Некоторые из братии нашей, бывшие в Великом Новгороде, слышали о старце Савватии повествование боголюбивого Иоанна, что он, путешествуя по торговым делам, сподобился видеть прп. Савватия живым, слышал духовное поучение его и вместе с игуменом Нафанаилом погребал почившего. Тот же Иоанн сказывал братиям нашим, что по молитвам прп. Савватия Господь сохранил от потопления на море брата его Феодора. Мы слышали, что при гробе его совершаются знамения и чудеса. Он угодил Господу. И мы сами – свидетели добродетельного жития его: блаженный отец довольно лет прожил с нами в доме Пресвятой Богородицы, в Кирилловом монастыре. Потому пишем к вашей святости и советуем: не лишайтесь такого дара, перенесите к себе преподобного и блаженного Савватия; пусть положены будут мощи его там, где много лет трудился он. Здравствуйте о Господе в вечную жизнь и о нас молитесь, боголюбивые, да избавимся от всех зол молитвами преподобного Савватия». Возвеселился духом игумен Зосима, прочитав послание. «Это не от людей, а от Бога!» – решили все его сподвижники. Немедленно отправились иноки к часовне на берегу Ваги. Когда раскопали уединенную могилу, то воздух наполнился благовонием, а когда открыли гроб, увидели нетленное тело, ни мало не повредившееся, и все одеяние целое. Перенесенные мощи положены были за алтарем Преображенского храма обители. Это было в 1465 году. С этого времени больные стали получать исцеление при гробнице Савватия.

Преподобный Зосима скончался 17 апреля 1478 года. Мощи его были перенесены, вероятно, в Преображенский собор 2 сентября 1545 года. Повсеместное празднование на Соборе 1547 года установлено на день преставления каждому

преподобному. Совместное празднование, посвященное перенесению мощей обоих святых в 1566 году в храм в честь преподобных Зосимы и Савватия, приходится на 8 августа. Жития святых, сложившиеся к 1503 году, в дальнейшем значительно расширились описанием посмертных чудес преподобных, которые не прекращаются и по сей день. Соловецкие подвижники – одни из более почитаемых в Русской Церкви. Верующие особо прибегают к их молитвам в морских плаваниях и всяких недугах.

Сентябрь 28

Иродион Илоезерский, преподобный

О прп. Иродионе сохранились лишь скудные сведения. Неизвестно, когда и где он родился, кто и какого звания были его родители. Он был учеником прп. Корнилия Комельского (память 19 мая/1 июня). Когда же скончался преподобный Корнилий (в 1538 г.), в его обители произошли нестроения. Братия начали жить каждый по своей воле. Многие добивались начальственных должностей в монастыре, заботясь только о своей славе и о телесном покое. Но другие, храня в памяти образ святого учителя, восхотели подражать ему и предпочли узкий путь и жизнь, преисполненную скорбей и трудов. Стараясь найти уединение и избежать мирской суеты, они оставили Комельскую обитель; одни направились на восток, другие – на север, к Белому морю. Тогда и преподобный отец наш Иродион, оставив Комельский монастырь, пришел к Белоозеру, к селению, называемому Илоское. На этом пустом и тихом месте и поселился подвижник; создав здесь своими руками часовню, он ревностно трудился во славу Божию, беспрестанно воссылая пение и молитвы Господу; срубил он также себе и небольшую келлийцу. В строгом уединении отшельник прожил немного лет, но много потрудился для Господа. Одному Богу ведомы его великие подвиги: молитвенные бдения, пустынные труды и страхи.

В одну ночь, после продолжительного бодрствования, преподобный погрузился в легкий сон. Тогда явился к нему Ангел Господень и сказал: «Встань, старец!» Затем, указывая перстом, посланник Божий продолжал: «Иди на остров, который находится на озере Иле, и поставь там церковь во имя Пресвятой Богородицы в честь Ее славного Рождества; иди, ибо Бог там уготовал тебе место».

Преподобный тотчас же проснулся; его охватил трепет и смятение, и он стал на молитву; сильно поразило его необычайное видение, и он размышлял: что будет далее? После молитвы, укрепившей его душу, исполняя волю Божию, он отправляется в путь. Придя на некоторую реку, он снова

молился и во сне услышал звон на полуострове, который вдавался в озеро Ило и был необитаем. Этим звоном указано было свыше прп. Иродиону место его подвигов. Вскоре подвижник пришел на указанное место и осмотрел его. Искателю уединения сильно полюбился этот пустынный полуостров, покрытый густым лесом, удобный для подвигов. Так как земля эта принадлежала одному христолюбивому мужу, по имени Анисим, то преподобный купил ее и поставил на ней церковь во имя Пресвятой Богородицы, честного и славного Ее Рождества, как приказал ему Ангел. При храме была устроена теплая трапеза. Построив церковь, преподобный благолепно украсил ее иконами, священной утварью и всем необходимым. Сам он поселился в трапезе церковной. Однако недолго прп. Иродион подвизался и здесь. Услышав о добродетельной и благочестивой жизни преподобного, многие из окрестных жителей стали приходить к нему, прося его наставлений и поучений, и в благодарность приносили отшельнику пищу; преподобный же приносимое раздавал нищим, а сам вкушал лишь столько, чтобы не умереть от голода.

Однажды на пустынный полуостров, по Божию изволению, пришел благочестивый муж, по имени Елисей, и принес святому пищу. Став перед трапезой, в которой жил преподобный, Елисей сотворил молитву и ждал ответа, но ответа не было. Постояв немного, Елисей во второй раз сотворил молитву, но и на этот раз не услышал ответного возгласа. Не получив его и в третий раз, посетитель удивился, потом, осмелев, сам вошел в трапезу. Осматриваясь туда и сюда, Елисей сначала нигде не видел святого; только тогда он мог его заметить, когда подошел к печи: прп. Иродион лежал на горящих углях. Ужаснулся Елисей. Преподобный же, думая, что он пришел по нужде и в скорби, быстро вышел невредимым из печи и сказал Елисею: «Бога ради, прости меня, брат».

Елисей же сильно поразился тем, что видел: печь была сильно растоплена, а преподобный лежал в ней как в прохладном месте. Тогда святой строго запретил посетителю рассказывать о виденном им чуде. Елисей же после того, привязавшись всею душою, стал часто приходить к

преподобному Иродиону. И все окрестные жители, мужи и жены, все чаще и чаще посещали подвижника, прося его святых молитв и благословения. С течением времени у церкви, построенной прп. Иродионом, стали погребать умерших, приходили и с другими церковными требами: крестить младенцев, совершать таинство брака. Являясь на пустынный полуостров толпами, крестьяне приносили с собою и угощение: мясо и хмельные напитки, ели, пили и шумели; упившись, спорили и ссорились, оглашая тихую окрестность скверными и срамными словами. Преподобный сильно тяготился этими беспорядками, весьма сожалел о том времени, когда на уединенном острове царила полная тишина и он один среди окружающего безмолвия возносил горячие молитвы Богу. Он усердно молил теперь Господа, чтобы мир и безмолвие возвратились в его пустыню.

Неохотно преподобный вступал в разговор с посетителями, с еще большей неохотой принимал их приношения, и то лишь для того, чтобы только не обидеть принесшего, а потом все раздавал нищим. Свои подвиги он усиливал все более и более: ночи проводил в молитвах без сна, непрестанно утруждал свое тело воздержанием; каждую субботу причащался он святых Христовых Таин.

Спустя некоторое время прп. Иродиону было возведено Ангелом Господним отшествие в новую, лучшую жизнь. Тогда священноинок Исаия, живший вместе с преподобным, приобщил его Святых Таин, и на следующую ночь прп. Иродион отошел ко Господу. Когда на другое утро Исаия посетил преподобного, то увидел, что тело его лежит бездыханно, облеченное в схиму и с крестообразно сложенными на груди руками. Вся его келлия наполнена была благоуханием. Тогда священноинок Исаия, почитатель преподобного Елисей и другие мужи, собравшись, погребли трудолюбное тело святого и положили его на том самом полуострове, где он подвизался, в часовне, около воздвигнутой им церкви в честь славного Рождества Пресвятой Богородицы. Так мирно отошел к Господу преподобный отец наш Иродион 28 сентября 1541 г., всего через три года после оставления Комельской обители.

Спустя некоторое время над гробом прп. Иродиона построена была церковь в честь Похвалы Пресвятой Богородицы, собралась братия и устроилась обитель. От гроба святого стали происходить, по Божией милости, многие чудеса и исцеления для всех с верою притекающих к нему: слепые получали зрение, хромые – хождение, немые – дар речи, прогонялись бесы. Из многих чудес его упомянем о следующих.

В часовню, где была могила преподобного Иродиона, пришел некто Софония. По простоте своей он воткнул посох в могилу святого и тотчас же лишился зрения. Спустя несколько времени Софония понял, за что постигло его наказание. Тогда он начал сильно плакать и каяться в своем прегрешении, часто приходил ко гробу преподобного, прося отпущения греха своего.

Однажды, после молитвы на могиле, слепого отвели в келлию, где некогда жил блаженный Иродион; там он заснул. Во сне явился ему преподобный и сказал: «Для чего ты ударил в гробницу мою своим посохом? Но если ты раскаялся от всего сердца во всех прегрешениях, то ступай снова ко гробу моему – там получишь прощение».

Софония встал и тотчас просил вести себя к гробнице угодника. Со многими слезами он припал к ней и молил преподобного об исцелении: «Угодник Божий, помилуй меня, прости мне грех, который я совершил по неведению».

Тогда возвратилось ему зрение – он стал видеть по-прежнему. В благодарность за свое исцеление Софония приказал написать образ прп. Иродиона в том виде, каким он явился ему в видении, и поставил сию икону при гробнице святого.

Инок Вассиан иконописец ехал однажды через Илозеро. Поднялась сильная буря, так что волны опрокинули лодку Вассиана. Он начал уже тонуть и сперва отчаялся в своем спасении, так как поблизости некому было помочь ему. Но потом, вспомнив святого Иродиона, погибающий с верою стал просить его: «Угодниче Божий, подай мне, грешному, руку помощи, избавь меня от напрасной смерти».

Скорый на помощь прп. Иродион явился утопающему и сказал: «Не бойся, брат мой Вассиан, Господь избавляет тебя

от утопления».

И тотчас старец очутился стоящим на берегу; с радостными слезами молился Богу и Его угоднику Иродиону. Исполненный благодарности к преподобному, Вассиан пришел на Илозерский полуостров и в подвигах благочестия провел здесь остальные дни своей жизни.

Священник Евфимий, живший поблизости от места подвигов прп. Иродиона, часто приходил к гробнице святого, так как питал к нему великую веру. Однажды Евфимий отправился в соседнее селение. Проходя по озеру, он провалился под лед и начал утонуть. Когда же он призвал преподобного, то был поднят как бы на руках, перенесен на безопасное место и избавлен от смерти.

В смутное время, когда враги напали на Русскую землю, разорили и город Белоозеро, шайка их явилась к той часовне, в которой покоилось тело преподобного Иродиона. Один из врагов стал снимать оклады с икон, бывших в часовне, при гробе чудотворца; вдруг невидимой рукой грабитель был повержен на землю; долго лежал он как мертвый. Товарищи, схватив и привязав расслабленного на лошади, объятые ужасом, бежали. И другими многими чудесами через угодника Своего Бог прославил великое и святое имя Свое; слава Ему во веки. Аминь.

Харитон Сянжемский, преподобный

О роде и происхождении прп. Харитона не дошло никаких сведений. Известно только то, что он был ученик и сподвижник прп. Евфимия Сянжемского (память 20 января/2 февраля) и во всем подражал ему.

Вместе со своим учителем преподобный подвизался в молитве, посте и трудах: сам копал землю, сажал овощи, рубил дрова, носил воду.

После кончины прп. Евфимия, последовавшей около 1465 или 1470 гг., по воле его управление монастырем перешло к прп. Харитону. Около 40 лет продолжал он труды своего наставника и блаженно скончался 11 апреля 1509 г.

Празднование прп. Харитону местное. Его святые мощи почивали под спудом в приходской церкви Вознесения Господня, на месте бывшего монастыря.

Сергий Радонежский, родители

Верстах в четырех от славного в древности, но смиренного ныне Ростова Великого, на ровной открытой местности по пути в Ярославль, уединенно расположилась небольшая обитель во имя Пресвятой Троицы – Варницкий монастырь. Здесь было поместье благородных и знатных бояр Ростовских Кирилла и Марии. Тут и жили они, предпочитая уединение сельской природы городской жизни при княжеском дворе. Впрочем, Кирилл состоял на службе у ростовского князя Константина II Борисовича, а потом у Константина III Васильевича, которых не раз сопровождал в Орду как один из самых близких к ним людей. Он владел достаточным во своем положении состоянием, но по простоте тогдашних нравов, живя в деревне, не пренебрегал и обычными сельскими трудами.

Кирилл и Мария были люди добрые и богоугодные. Говоря о них, блаженный Епифаний замечает, что Господь, благоволивший воссиять на земле Русской великому светильнику, не попустил родиться ему от неправедных родителей, ибо такому детищу, которому по устройению Божию должно было в последствии послужить духовной пользе и спасению многих, подобало иметь и родителей святых, дабы доброе произошло от доброго и лучшее приложилось к лучшему, дабы взаимно умножилась похвала и рожденного, и самих родивших во славу Божию. И праведность их была известна не одному Богу, но и людям. Строгие блюстители всех уставов церковных, они помогали и бедным, но особенно свято хранили они заповедь апостола: *«Страннолюбия не забывают: тем бо невидяще неции странноприяша Ангелы»* (Ев. 13, 2). Тому же учили они и детей своих, строго внушая им не опускать случая позвать к себе путешествующего инока или иного усталого странника.

До нас не дошло подробных сведений о благочестивой жизни сей блаженной четы, зато мы можем вместе со святителем Платоном сказать, что «самый происшедший от них плод показал, лучше всяких красноречивых похвал, доброту

благословенного древа. Счастливы родители, коих имена прославляются вечно в их детях и потомстве! Счастливы и дети, которые не только не посрамили, но и приумножили, и возвеличили честь и благородство своих родителей и славных предков, ибо истинное благородство состоит в добродетели!»

Праведные Кирилл и Мария имели уже сына Стефана, когда Бог даровал им другого сына – будущего основателя Троицкой лавры, красу Церкви Православной и несокрушимую опору родной земли. Задолго до рождения сего святого младенца дивный Промысл Божий уже дал о нем знамение, что это будет великий избранник Божий и святая отрасль благословенного корня. В один воскресный день его благочестивая мать пришла в церковь к Божественной литургии и смиренно стала, по тогдашнему обычаю, в притворе церковном вместе с прочими женщинами. Началась литургия; пропели уже Трисвятую песнь, и вот, незадолго перед чтением святого Евангелия, вдруг среди общей тишины и благоговейного молчания младенец вскрикнул у нее во чреве, так что многие обратили внимание на этот крик. Когда начали петь Херувимскую песнь, младенец вскрикнул в другой раз, и притом уже столь громко, что голос его был слышен по всей церкви. Понятно, что мать его испугалась, а стоявшие близ нее женщины стали между собой переговариваться, что бы мог означать этот необыкновенный крик младенца? Между тем литургия продолжалась. Священник возгласит: «Вонмем! Святая святым!» При этом возглашении младенец воскликнул в третий раз, и смущенная мать едва не упала от страха: она начала плакать... Тут ее окружили женщины и, может быть, желая помочь ей успокоить плачущее дитя, стали спрашивать: «Где же у тебя младенец? Отчего он кричит так громко?» Но Мария в душевном волнении, обливаясь слезами, едва могла вымолвить им: «Нет у меня младенца; спросите еще у кого-нибудь». Женщины стали озираться кругом, и не видя нигде младенца, снова пристали к Марии с тем же вопросом. Тогда они принуждена была сказать им откровенно, что на руках у нее, действительно, нет младенца, но она носит его во чреве». «Как же может кричать младенец, когда он еще в утробе

матери?» – возражали ей удивленные женщины. «Я и сама удивляюсь этому, – отвечала им Мария, – и нахожусь в немалом недоумении и страхе».

Благоговейный описатель жития Сергеева, преподобный Епифаний, сопровождает свое повествование о сем необыкновенном происшествии таким размышлением: «Достойно удивления, – говорит он, – что младенец, будучи во чреве матери, не вскрикнул где-либо вне церкви, в уединенном месте, где никого не было, но именно при народе, как бы для того, чтобы многие его услышали и сделались достоверными свидетелями сего обстоятельства. Замечательно еще и то, что прокричал он не как-нибудь тихо, но на всю церковь, как бы давая понять, что по всей земле распространится слава о нем. Не прокричал он в каком-либо ином месте, но именно в церкви – в месте чистом, в месте святом, где пребывают святыни Господни и совершаются священнодействия, знаменуя тем, что и сам он будет совершенной святыней Господа в страхе Божиим. Достойно замечая то обстоятельство, что не возгласил он однажды или дважды, но именно трижды, являя тем, что он будет истинным учеником Святой Троицы.

Вскоре преданные воле Божией и внимательные к путям Провидения св. Кирилл и Мария поняли указания Промысла Божия и сообразно с этими указаниями должны были вести дело воспитания дитяти. После описанного происшествия особенно мать сделалась необыкновенно внимательна к своему состоянию. Всегда имея в мыслях, что она носит во чреве младенца, который будет избранным сосудом Святого Духа, Мария, во все остальное время беременности готовилась встретить в нем будущего подвижника благочестия и воздержания, а потому и сама, подобно матери древнего судии израильского Сампсона (Суд. 13, 4), тщательно соблюдала душу и тело в чистоте и строгом воздержании во всем. «Заботливо храня носимый ею во чреве Божий дар, она желала, – как говорит святитель Платон, – чрез свое воздержание дать телесному составу дитяти чистое и здоровое питание, хорошо понимая добрым сердцем своим ту истину, что добродетель, сияющая в здоровом и прекрасном теле, становится чрез то еще

прекраснее». Всегда благоговейная, усердная молитвенница, праведная мать теперь чувствовала особенную потребность сердца в молитве; поэтому она часто удалялась от людского взора и в тишине уединения со слезами изливала пред Богом свою горячую материнскую молитву о будущей судьбе своего младенца. «Господи! – говорила она тогда, – спаси и сохрани меня, убогую рабу Твою; спаси и соблюди сего младенца, носимого во утробе моей. Ты бо еси «храняй младенцы Господь» (Пс. 114, 5); да будет воля Твоя, Господи, на нас, и буди имя Твое благословенно во веки!» Так в строгом посте и частой сердечной молитве пребывала богобоязненная мать святого дитяти; так и самое дитя, благословенный плод ее чрева, еще до появления своего на свет некоторым образом уже предпочищался и освящался постом и молитвой.

«О родители, – замечает при повествовании о сем святитель Филарет, – если бы вы знали, сколько добра, или напротив, сколько зла можете вы сообщить вашим детям еще до их рождения! Вы удивились бы точности суда Божия, который благословляет детей в родителях и родителей в детях и отдает грехи отцов на чада (Чис. 14, 18), и, помышляя о сем, с благоговением проходили бы служение, вверенное вам от Того, из Него же всяко отечество на небесех и на земли именуется (Еф. 3, 15)».

Кирилл и Мария видели на себе великую милость Божию; их благочестие требовало, чтобы одушевлявшие их чувства благодарности к благодееющему Богу были выражены в каком-либо внешнем подвиге благочестия, в каком-либо благоговейном обете; а что могло быть приятнее Господу в таких обстоятельствах, в каких они находились, как не крепкое сердечное желание и твердая решимость оказаться вполне достойными милости Божией? И вот праведная Мария, подобно святой Анне, матери пророка Самуила, вместе со своим мужем дала такое обещание: если Бог даст им сына, то посвятить его на служение Богу. Это значило, что они, со своей стороны, обещали сделать все, что могли, чтобы на их будущем дитяти исполнилась воля Божия. Совершилось тайное о нем

предопределение Божие, на которое они уже имели некоторое указание.

3 мая 1319 года в доме боярина Кирилла была общая радость и веселие: Марии Бог дал сына. Праведные родители пригласили своих родных и добрых знакомых разделять с ними радость по случаю рождения нового члена семьи, и все благодарили Бога за сию новую милость, явленную Им на доме благочестивого боярина. В сороковой день по рождении родители принесли младенца в церковь, чтобы совершить над ним святое крещение и в то же время исполнить свое обещание представить дитя в непорочную жертву Богу, Который дал его. Благоговейный иерей, по имени Михаил, нарек младенцу во святом крещении имя Варфоломей, конечно потому, что в этот день (11 июня) праздновалась память святого апостола Варфоломея, ибо сего требовал тогдашний церковный обычай; но это имя и по самому значению своему – сын радости – было особенно утешительно для родителей сего младенца, ибо можно ли описать ту радость, которая переполняла их сердца, когда они видели пред собой начало исполнения тех светлых надежд, которые почивали на сем младенце со дня его чудесного приглашения во чреве матери?

Между тем мать, а потом и другие стали примечать в младенце нечто необыкновенное: когда матери случалось насыщаться мясной пищей, то младенец не брал сосцов ее; то же повторялось, и уже без всякой причины, по средам и пятницам: так что в эти дни младенец вовсе оставался без пищи. И это повторялось не раз, на два, а постоянно; мать, конечно, беспокоилась, думала, что дитя нездорово, советовалась с другими женщинами, которые тщательно осматривали дитя, но на нем ее было заметно признаков болезни. Возвращенный постом во чреве матери, младенец и по рождении как будто требовал от матери поста. И мать, действительно, стала еще строже соблюдать пост: она совсем оставила мясную пищу, и младенец, кроме среды и пятницы, всегда после того питался молоком матери.

Нередко можно и в наше время встретить горячее детское благочестие, продолжительные горячие со слезами молитвы,

любовь к богослужению, усердное стремление подражать подвигам святых отцов; это бывает в тех благочестивых семействах, в которых дети воспитываются в страхе Божиим, на чтении житий святых, под сенью храма Божия. А в Древней Руси все воспитание детей велось в строго-церковном духе. Так было и с отроком Варфоломеем. Рано в его душе, воспитанной примерами и уроками благочестия, раскрылось чувство любви к молитве и готовность к подвигам для угождения Богу. Но укрощая юную плоть свою воздержанием и трудами для сохранения чистоты душевной и телесной, он ни в чем не выходил из воли своих родителей: как кроткий и послушливый сын, он был истинным утешением для них.

Но не в Ростовской земле, не в Ростовском княжестве суждено было воссиять сему благодатному светильнику, а назначено Промыслом Божиим среди дремучих лесов Радонежских, чтобы оттуда светить и всему православному царству Русскому.

Славный и именитый некогда боярин Кирилл под старость стал терпеть нужду. Частые путешествия в Орду со своим князем, тяжкие дани и непосильные подарки ордынским вельможам, без чего никогда не обходились эти путешествия, жестокий голод, нередко опустошавший Ростовскую область, а больше всего, говорит преподобный Епифаний, великая рать, или нашествие Туралыково в 1327 году – все это вместе отозвалось крайне неблагоприятно на его состоянии и почти довело его до тщеты. Очень вероятно также, что своеволие московских наместников, которые распоряжались в Ростове, как независимые государи, не пощадило и Кирилла как ближнего боярина князей ростовских: может быть и он лишился тогда не только чести своей, но и всего своего достояния. Тяжело было Кириллу после всего, что испытал он в Ростове, оставаться там, а может быть и прямо приказано было от наместников московских удалиться из Ростова, и потому он решил, лишь только откроется возможность, покинуть родной город и перейти на службу к другому князю.

Случай скоро представился. В двенадцати верстах от Троицкой лавры, по направлению к Москве, есть село

Городище, или Городок, которое в древности носило имя Радонежа. Туда и переселился блаженный Кирилл со всем своим семейством.

По обычаю того времени Кирилл должен был получить поместье, но сам он по старости, уже не мог нести службы, и потому обязанность эту принял на себя старший сын его Стефан, который, вероятно, еще в Ростове женился. Младший из сыновей Кирилла Петр также избрал супружескую жизнь, но Варфоломей и в Радонеже продолжал свои подвиги, размышляя о суете всего земного. Рассуждая таким образом, Варфоломей стал просить у своих родителей благословения избрать путь иноческой жизни. Не раз он говорил отцу: «Отпусти меня, батюшка, с благословением, и я пойду в монастырь». «Помедли, чадо, – отвечал ему на это отец, – сам видишь: мы стали стары и немощны; послужить нам некому, у братьев твоих немало заботы о своих семьях. Мы радуемся, что ты печешься, како угодити Господу Богу; это дело хорошее, но верь, сын мой, твоя благая часть не отнимется у тебя, только послужи нам немного, пока Бог явит милость Свою над нами и возьмет нас отсюда; вот, проводи нас в могилу, тогда уже никто не возбранит тебе исполнить свое заветное желание».

И благодатный сын повиновался, он прилагал все свое старание угодить святым родителям в упокоить их старость, чтобы заслужить себе их благословение и молитвы. Не связанный семейными заботами, он всего себя посвятил упокоению родителей, а по своему краткому, любящему характеру был как нельзя более способен к этому.

Какой прекрасный, поучительный пример и благоразумия родительского, и послушании сыновнего! Святые Кирилл и Мария не усиливаются погасить возгорающееся в сыне своем Божественное желание, не принуждают его связать себя с суетой мира узами брачными; они только указывают ему на свои нужды и немощи, а в тайне, вероятно более имеют в виду его молодость и дают ему случай еще испытать самого себя и укрепиться в святом намерении, дабы он, возложив руку на рало, уже не озирался вспять. Но и Варфоломей знает достоинство того, чего желает; однако же, взирая на заповедь

Божью: *Чти отца и мать* (Мф. 15, 4), соглашается до времени томить себя неисполненным желанием, дабы сохранить повиновение родителям и чрез то наследовать их благословение. Так дорожил он этим благословением! И родители, конечно, от всего любящего сердца благословляли послушного сына святым своим благословением до последнего своего вздыхания!

Но дух иночества нечувствительно сообщился от сына родителям: при конце своей многоскорбной жизни Кирилл и Мария пожелали и сами, по благочестивому обычаю древности, воспринять на себя ангельский образ. Верстах в трех от Радонежа был Покровский Хотьков монастырь, который состоял из двух отделений: для старцев и стариц. В этот монастырь и направили свои стопы праведные родители Варфоломеевы, чтобы здесь провести остаток дней своих в подвиге покаяния и приготовления к другой жизни. Почти в то же время произошла важная перемена и в жизни старшего брата Варфоломеева – Стефана: не долго жил он в супружестве; жена его Анна умерла, оставив ему двух сыновей – Климента и Иоанна. Похоронив супругу в Хотьковом монастыре, Стефан не пожелал уже возвратиться в мир; поручив детей своих, вероятно, Петру, он тут же, в Хотькове и остался, чтобы принять монашество, а вместе с тем послужить и своим немощным родителям. Впрочем, перетружденные старостью и скорбями схимники-бояре недолго потрудились в своем новом звании: не позже 1339 года они с миром уже отошли ко Господу на вечный покой. Дети почтили их слезами сыновней любви и похоронили под сенью той же Покровской обители, которая с сего времени сделалась усыпальницей рода Сергиева.

Гробы схимонаха Кирилла и схимонахини Марии находились в трапезной монастырского собора, на правой стороне. На верхней стороне гробницы, осеняемой балдахином, угодники Божии изображены были во весь рост и изображения их украшены были серебряными ризами, которые устроены в 1827 году игуменией Евпраксией. На передней стороне гробницы вычеканены надписи: «Лета 6845 преставися раб Божий инок Кирилл, отец преподобного Сергия, Радонежского

чудотворца. Лета 6845 преставися раба Божия инокиня Мария, мать преподобного Сергия, Радонежского чудотворца».

Собор Преподобных Отцов Киево-Печерских

Ранее эта общая память совершалась в первую субботу по отдании праздника Воздвижения, то есть после 21 сентября. Установление празднования общей памяти преподобных, почивающих в Антониевой пещере, в субботу по отдании праздника Воздвижения Честного Креста относится к 1670 году. При возобновлении пещер, поврежденных землетрясением, было открыто несколько мощей древних подвижников и устроен храм в честь Воздвижения Честного Креста.

В 1760 году над пещерами была построена каменная церковь в честь Воздвижения Честного Креста. В 1836 году при Киевском митрополите Платоне празднование памяти Собора Ближних пещер было перенесено на 28 сентября в соответствии с совершаемый 28 августа празднованием Собора святых Дальних пещер. Преподобным отцам, почивающим в Ближних пещерах, известно два канона: один, составленный иеромонахом Мелетием Сиригом (напечатан в Киевском акафистнике 1764 года), другой, находящийся в службах Печерским преподобным, составлен святителем Димитрием Ростовским.

Из горы по предуведению Божию светила явишася на земли богоноснии отцы и просветиша Российскую землю светлостию жития своего: преподобный Антоний Первоначальник (память 10/23 июля), преподобный Прохор чудотворец, называемый Лебедником (память 10/23 февраля), преподобный Иоанн постник (память 7/20 декабря), преподобная Иулиания дева, княжна Ольшанская (память 6/19 июля), преподобномученики Феодор и Василий (память 11/24 августа), преподобный Поликарп, архимандрит Печерский (память 24 июля/6 августа), преподобный Варлаам, игумен Печерский (память 19 ноября/2 декабря), преподобный Дамиан пресвитер, целebник (память 5/18 октября), преподобный Никодим просфорник (память 31 октября/13 ноября), преподобный Лаврентий затворник, епископ Туровский (память 29 января/11 февраля), преподобный Афанасий затворник (память 2/15 декабря), преподобный Еразм

черноризец (память 24 февраля/8 марта), преподобный Лука, эконо́м Печерский (память 6/19 ноября), преподобный Агапит, врач безмездный (память 1/14 июня), преподобные Феофил слезоточивый и Иоанн богоугодный, во единой раке (память 29 декабря/11 января), преподобный Нектарий послушливый (память 29 ноября/12 декабря), преподобный Григорий иконописец (память 8/21 августа), священномученик Кукша, просветитель вятичей (память 27 августа/9 сентября), преподобный Алексей затворник (память 24 апреля/7 мая), преподобный Савва богоугодный (память 24 апреля/7 мая), преподобный Сергей послушливый (память 7/20 октября), преподобный Меркурий, епископ Смоленский (память 7/20 августа), преподобный Пимен Многоболезненный (память 7/20 августа), преподобный Нестор Летописец (память 27 октября/9 ноября), преподобномученик Евстратий (память 28 марта/10 апреля), преподобный Елладий затворник (память 4/17 октября), преподобный Иеремия прозорливый (память 5/18 октября), преподобномученик Моисей Угрин (память 26 июля/8 августа), преподобный Иоанн Многострадальный (память 18/31 июля), преподобный Марк гробокопатель (память 29 декабря/11 января), преподобный Никола Святоша, князь Черниговский (память 14/27 октября), мученик Григорий чудотворец (память 8/21 июля), преподобный Матфей прозорливый (память 5/18 октября), преподобный Исаия чудотворец (память 15/28 мая), преподобный Авраамий трудолюбивый (память 21 августа/3 сентября), преподобный Нифонт, епископ Новгородский (память 8/21 апреля), преподобный Сильвестр чудотворец (память 2/15 января), преподобный Пимен постник (память 27 августа/9 сентября), преподобный Онуфрий молчаливый (память 21 июля/3 августа), преподобный Анатолий затворник (память 3/16 июля), преподобный Алипий иконописец (память 17/30 августа), преподобный Сисой затворник (память 24 октября/6 ноября), преподобный Арефа затворник (память 24 октября/6 ноября), преподобный Спиридон просфорник (память 31 октября/13 ноября), преподобный Онисифор исповедник (память 9/22 ноября), преподобный Симон, епископ Суздальский (память 10/23 мая), преподобный Никон, игумен Печерский (память 23

марта/5 апреля), преподобный Феофан постник (память 11/24 октября), преподобный Макарий (память 19 января/1 февраля), преподобномученик Анастасий диакон (память 22 января/4 января), 12 мастеров греческих, зодчих Киево-Печерской Великой церкви в честь Успения Пресвятой Богородицы (память 14/27 февраля), преподобный Авраамий затворник (память 29 октября/11 ноября), преподобный Исаакий затворник (память 14/27 февраля), мученик Иоанн младенец (общая память с 14000 младенцами, от Ирода в Вифлееме избитыми, 29 декабря/11 января), преподобный Никон Сухой (память 11/24 декабря), преподобный Ефрем, епископ Переяславский (память 28 января/10 февраля), преподобный Тит иеромонах (память 27 февраля/11 марта).

Кроме перечисленных святых, среди Печерских преподобных известно 30 угодников Божиих, от которых сохранились мироточивые главы. В службе преподобным отцам Ближних пещер на 28 сентября упоминаются также преподобный Ефрем священник (песнь 9), о котором иеромонах Афанасий Кальпофийский в 1638 году писал, что его нетленное тело, облаченное в священнические одежды, лежит напротив святых мощей преподобного Илии Муромца; преподобный Евстафий, бывший в миру златарем (песнь 8). В каноне иеромонаха Мелетия Сирига также упоминаются (песнь 9) святитель Дионисий, архиепископ Суздальский (память 26 июня/9 июля, также 15/28 октября). Святитель был задержан в Киеве литовским князем при возвращении из Константинополя в сане Московского митрополита. Он скончался 15 октября 1384 года и был положен в Антониевой пещере. Кроме преподобных, упомянутых в службах, в Описании иеромонаха Афанасия Кальпофийского 1638 года указывались еще святые, чьи мощи почивали открыто: преподобный Иероним, затворник и чудотворец, преподобный Меладий, святой старец и чудотворец, преподобный Пергий, святой старец, преподобный Павел, инок чудесно-послушливый. В древних рукописных святцах сохранились имена иереев: преподобного Мелетия, преподобного Серапиона, преподобного Филарета, преподобного Петра. В одном из ответвлений Ближних пещер 24

мая 1853 года были найдены надписи XI века на сводах: «Господи, помози рабу Своему Феодосию и Феофилови, аминь, многа лета»; «Иванов гроб пещерника – Иван грешный се де жил и есть»; на дубовой дощечке: «Иван пещерник». Так открылись новые имена Печерских отцов: Феофил, Феодосий и Иоанн.

У преподобных Ближних пещер есть также общая память с преподобными Дальних пещер – во 2-ю неделю Великого поста, когда празднуется Собор всех преподобных отцов Киево-Печерских. Канон иеромонаха Мелетия Сириги вошел в службу этого праздника (служба преподобным отцам Печерским и всем святым, в Малой России просиявшим, напечатанная из акафистов с каноны. Киев, типография Киево-Печерской Успенской лавры, 1866 г.). Нет сомнения, что известны далеко не все имена преподобных отцов Киево-Печерских. В общей памяти Собора прославляются все отцы, просиявшие подвигами в пещерах. В иконе службы на 28 сентября об этом сказано так: «Восхвалити по одному, кто возможет, святых Твоя, Блаже, изочту их и паче песка умножатся. Но Сам, Владыко Христе, исчитай множество звезд и всем имена наряцаяй, яви им мольбы наша...»

Сентябрь 29

Киприан Устюжский, преподобный

Прп. Киприан Устюжский, по сказанию устюжского летописца, был землевладелец Двинской трети и Устюжской волости. Презрев во красная мира сего, он принял на себя иноческий образ с именем Киприан в обители во имя Пресвятой Троицы в Гледене. Жители вновь основанного г. Устюга просили прп. Киприана устроить обитель где-нибудь недалеко от города. Прп. Киприан, обойдя город и осмотрев местность, избрал место при озерах, за Острожской осыпью, и сначала поставил келлию, а с 1212 года начал строить обитель в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы и церковь во имя Архистратига Михаила. Жители Устюга, видя богоугодную жизнь подвижника, приносили ему все необходимое для устройства обители, и многие стали подвизаться вместе с прп. Киприаном, который с радостью и любовью принимал всех. Святая обитель возрастала, прп. Киприан, по выражению устюжского летописца, «был признан начальником святой обители и пастырем Христова стада», но по смирению не принимал священнического сана. О подвигах преподобного свидетельствовал камень, служивший ему изголовьем; во время ночных молитв подвижник держал его в руках, чтобы бодрствовать и постоянно пребывать в молитве. Прп. Киприан преставился 29 сентября 1276 года и был погребен в основанной им обители. Впоследствии на месте погребения был построен храм в честь Преполовления святой Пятидесятницы.

Сентябрь 30

Григорий Пельшемский, Вологодский, преподобный чудотворец

Прп. Григорий родился в городе Галиче от родителей боярского рода, богатых и почитаемых князьями, по прозванию Лопотовых. Отцом и матерью он был вскормлен млеком Божественного Писания и уже в ранних годах проявил великое смиренномудрие. Он удалялся от забав, не принимал участия в детских играх, не искал почести от слуг своих и не добивался высокого сана. От юных лет проводил Григорий жизнь свою в изучении святых книг, измлада возлюбил Бога, и Бог возлюбил его. Следуя закону Божию, отрок повиновался родителям во всем. Только не чтил своего высокого сана, в уставах которого, по обычаю вельмож, жили его родители. Рассмотрев суету света сего и скоропреходящее тленное житие земное, он поминал слова Господа, сказавшего в Святом Евангелии: *Всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отцы, или мать, или жену, или чада, или села, имене Моего ради, сторицею приимет, и живот вечный наследит (Мф. 19, 29)*. Так еще в ранней юности овладела Григорием мысль: ради любви Божией идти тесным и скорбным путем.

Когда Григорию исполнилось 15 лет, родители хотели сочетать его браком. Но преподобный противился этому. Твердо помня заповедь о почитании родителей и боясь гнева Божия за сыновнее непослушание, отрок смущался и молился Господу, чтобы Он помог ему сохранить чистоту девства. И по воле Божией родители Григория вскоре умерли, не успев женить сына, и он свободно пошел по пути подвижничества. Оставшись сиротою, молодой боярин так распорядился доставшимся ему богатством: рабов и рабынь своих он наделил землею и именьем и отпустил на волю, деньги роздал нищим, а сам без всяких средств пошел в обитель Пресвятой Богородицы, честного Ее Рождества, находящуюся близ озера Галицкого, и молил архимандрита той обители о пострижении. Видя, что Григорий еще юн, и слыша о его знатном происхождении, архимандрит сказал ему: «Чадо! В силах ли ты перенести

скорби и беды, свойственные иноческому житию? Ты еще так молод». Григорий сказал: «Отче! Все сотворю, что бы ты ни повелел».

Умиленный словами юноши и видя такое усердие его, архимандрит возложил на Григория иноческий образ и поручил его брату-иноку для научения в иноческом житии. Новопостриженный инок отрешился от всех соблазнов мирской суеты. Он всецело предался Христу и, следуя стопам Его, отрекся от своей воли, смиренно служа и повинуюсь братии, поучаясь в молитвах день и ночь. Все отцы обители смотрели на Григория, как на Ангела Божия. Был он чудный постник, и многие дивились его терпению, смиренномудрию и кротости.

За высокую добродетель Григорий сподобился принять сан священства. Приняв, как верный раб, великий талант от Бога и без лености преумножая его, святой, подобно граду, стоящему наверху горы, не укрылся от очей верующих. Ради своих подвигов св. Григорий был поставлен игуменом той обители, в которой принял иноческое пострижение. После того он предался еще большим трудам во славу Божию, по слову Евангелия: *Всякому же, ему же дано будет много, много взыщется от него (Лк. 12, 48);* и еще: *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на небесех (Мф. 5, 16).*

Управляя обителью, святой Григорий не оставил своих трудов и подвигов и никогда не возносился мыслью ради высоты сана своего; он отличался истинно христианским смирением, проявлял нелицемерную любовь, одинаковую и к великим, и к малым, и всех принимал с радостью: старых – как братию, юных – как детей. За это был он всеми славим и почитаем, и отовсюду приходили к нему князья и вельможи области той, желая получить полезное для души своей. Сам князь галицкий Георгий Димитриевич посещал преподобного Григория, зная его великое воздержание и дар учительства.

Знатные почитатели преподобного – его родные и знакомые – стесняли подвижника: они окружили его почетом и уважением, часто обращались к нему. Преподобный почувствовал, что все это привязывает его к миру, от которого он отрекся при

пострижении, и понял, что «нельзя смотреть одним глазом на небо, другим – на землю», что Господь воздаст иноку не за произнесенные, а за исполненные им обеты. Преподобный молил Господа о вразумлении и, покинув Галицкий монастырь, отправился в Ростов для поклонения святыням. Здесь он остался в монастыре прп. Авраамия (память 29 октября/11 ноября). Вскоре и в Ростове заметили его великие подвиги, и иноки Спасского монастыря, что на Песках, просили архиепископа Дионисия поставить им преподобного Григория архимандритом. После долгих отказов подвижник подчинился воле архипастыря, принял монастырь в управление. Быстро он возобновил и устроил Спасскую обитель, ранее бывшую в упадке, упорядочил жизнь братии и привлек много богомольцев. Но слава и почет следовали за преподобным и снова заставили его переменить место подвигов. Пробыв всего два года архимандритом Ростовской обители, прп. Григорий тайно от всех, ночью, оставил Ростов и исполнил второе отвержение от мира (первое же его отвержение от мира произошло тогда, когда он покинул родные места, родителей, сродников и блага мира сего). Путь свой он направил в северную область, в лесную пустыню, где в безызвестности мог бы он угождать Богу. И блуждал преподобный по непроходимым местам, пустыням и лесам, окружавшим город Вологду, ища места, где удобнее ему работать Богу и спасти душу свою.

Услыхав о прп. Дионисии и Глушицкой его обители во имя Пресвятой Богородицы, честного Ее Покрова, св. Григорий пришел в сей монастырь и, получив от прп. Дионисия благословение, просил дать ему келлию. Видя в Григории исполнителя Божиих заповедей, преподобный дал ему келлию при церкви, которую он построил в пустыне, называемой Сосновец, к югу от главной обители; и пребывал св. Григорий в послушании у преподобного. Видя в пришедшем мужа, опытного в добродетели, игумен Дионисий полюбил его; прп. Григорий платил ему тем же. Взаимная любовь подвижников была такова, что у них образовалась как бы одна воля. Раз сказал Дионисий Григорию: «Не питай в душе своей гордости, но с корнем извлекай ее из сердца своего. Служи Господу со

страхом, трепетом и умилением, зная, что тот, кто *в законе его поучится день и ночь, будет яко древо насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое: и лист его не отпадет* (Пс. 1, 2–3)». Сказал же сие преподобный Дионисий, провидя, что Григорий будет пастырь словесного стада в пустыне, и это сбылось. На слова наставника Григорий отвечал: «Как несомненна вера моя в Бога, так нет во мне сомнения и к твоим словам. Не оставляю я их без внимания, но приемлю их с верою и благоговением и сохраню в сердце своем, уповая, что они сбудутся. Удостой же меня своего мудрого совета, полного сладости духовной. Поучая меня, ты знал мои сокровенные мысли и чувства». Прп. Дионисий сказал на это: «Весь твой ум направь к тому, чтобы со всем тщанием искать Единого Бога и ревностно прилежаться к молитве. Но более всего будем стараться, отче Григорий, помогать нищим, сиротам и вдовицам. Пока есть время, твори благое».

Побыв несколько времени в Сосновской обители, Григорий исповедал преподобному свое желание идти в пустыню и в уединении служить Господу. Прп. Дионисий отвечал ему словами псалма: *Услышит тя Господь в день печали, защитит тя имя Бога Иаковля. Послет ти помощь от святаго, и от Сиона заступит тя: помянет жертву твою* (Пс. 19, 1–4) и прочее. Подвижники облобызали друг друга, и прп. Дионисий отпустил Григория.

Григорий пошел на восток, в места неизвестные, не имея пристанища, следуя стопам Владыки Христа. И молился он: *Приклони, Господи, ухо Твое и услыши мя: яко нищ и убог есмь аз. Сохрани душу мою, яко преподобен есмь: спаси раба твоего Боже мой, уповающего на Тя. Помилуй мя Господи, яко к тебе воззову весь день. Возвесели душу раба твоего* (Пс. 85, 1–3).

Дойдя до реки Сухоны, святой остановился здесь на ночь. Помолившись милосердному Спасу и Пречистой Его Матери, он забылся легким сном. И вот сквозь дремоту слышал он звон. Тотчас пробудившись, святой стал воссылать молитвы Господу: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Бога живаго, упование всем странам земли и прибежище, приими моление недостойного

раба Твоего и сподоби меня достигнуть места, где прославится имя Твое и Пречистой Твоей Матери».

Когда зарделась заря, преподобный взял крест, который носил с собою, и пошел в ту сторону, откуда слышал звон через леса и болота. Так пришел он на реку Пельшму. Походив туда и сюда по берегу, святой, наставляемый Богом, пришел на место будущей обители, в 30 поприщах от Вологды и в трех поприщах от реки Сухоны. Возрадовавшись и возвеселившись духом, преподобный водрузил на сем месте свой крест и, преклонив колена, усердно молился Господу и Пречистой Богородице, прося их помощи при устройении здесь общежительной обители.

Окончив молитву, святой обошел место, назначенное им для храма и келлии, затем поставил себе небольшую келлию и начал жить в ней в труде и бдении, моля Бога со слезами. Так служил он Богу, претерпевая лишения и напасти, трудясь в поте лица. Он копал землю для своего пропитания, делал своими руками все, что было нужно для устройства монастыря: очищал место от мха и кустарника, осушал его, запасал лес и другие материалы, нужные для постройки.

Через некоторое время пришел к преподобному священник, именем Алексей. Преподобный принял его с радостью, как бы от Бога посланного; и молил его Алексей о пострижении. Св. Григорий постриг священника и нарек ему имя Александр. Сей Александр, по кончине святого, стал игуменом обители той. Подвижники служили Богу, день и ночь молясь и воспевая псалмы. Потом стали собираться к пустынникам братья, по одному и по два. Составилось общежитие. Спустя некоторое время святой послал одного инок в волость, называемую Пельшма, к христоробивому мужу, по имени Мартин, и другим благочестивым людям, прося их прислать в обитель на помощь своих работников. Услыхав о приходе св. Григория, эти благочестивые люди возрадовались тому, что святой желает поблизости воздвигнуть монастырь. Они послали на помощь преподобному работников. Те пришли в пустыню и расчистили лес, порубили и пожгли деревья, выровняли место. Сотворив моление, начали строить небольшие келлии. Прп. Григорий все

дни трудился с братией, ночью же пребывал на молитве, непрестанно воспевая псалмы пророка Давида.

В это время архиепископский престол в городе Ростове занимал владыка Ефрем (1427–1454). Пришел к нему прп. Григорий принять благословение на устройство обители. Архиепископ сказал ему: «С добрым делом пришел ты, сын мой». Поучив преподобного душеполезною беседою, архиепископ сказал ему: «Царь Давид изрек: *Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе* (Пс. 132, 1). И Господом Богом сказано в Евангелии: *Идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18, 20). Посему и я благой совет даю тебе устроить общежитие, как и апостолы учат: *Ни един же что от имений своих глаголаше свое быти, но бяху им вся обща* (Деян. 4, 32). Ты, сын мой, имеешь сан священства, тебе следует заботиться о спасении общего жития и, по слову апостола, *немощи немощных носити и не себе угождати* (Рим. 15, 1)». Преподав полезные советы об устройении монастырской жизни, архиепископ облобызал подвижника и отпустил со словами: «Да будет с тобою, сослужебник нашего смирения Григорий, благодать, мир и милость Божия. Прими от меня благословение на доброе дело, предпринятое тобою».

После сего прп. Григорий удалился на место своих подвигов, с Божией помощью начал строить монастырь и прежде всего воздвиг церковь во имя Пречистой Богородицы и честного Ее Собора. Затем по чину поставил трапезу, келлии и все, что потребно для братии.

В это время посетил его прп. Дионисий Глушицкий. Благословив Григория, Дионисий похвалил избранное им место и дал ему иконы праздников Господних и книгу Пролог. Затем подвижник Глушицкий освятил алтарь церкви и возвратился в свой монастырь, заповедав св. Григорию, чтобы никто из братии ничего не держал у себя и не считал бы своим, но чтобы все было общим, то есть заповедал соблюдать строгое общежитие.

Прп. Григорий все более и более увеличивал труды свои, непрестанно молясь Богу, ночью отгоняя сон чтением Божественных книг и воздержанием смиряя плоть свою. Он

процветал кротостью, братолюбием, нищелюбием, всему сострадая, принимая всех приходивших к нему. Так проводил преподобный равноангельское житие, устроая с Божией помощью монастырское общежитие, и никто из братии ни в чем не смел ему противиться. Все он делал своими руками, подавая братии пример, по слову апостола Павла: *Яко аще кто не хочет делати, ниже да яст* (2Фес. 3, 10). Будучи искусным писцом, святой переписывал Божественные книги; на пение приходил прежде всех; учил всех братий подвизаться с прилежанием и радеть о своем спасении. «Каждый час, – говорил он, – следует нам бодрствовать, ибо Господь сказал своим ученикам: *Бдите и молитесь, да не внидете в напасть: дух убо бодр, плоть же немощна* (Мф. 26, 41). Следует нам постоянно ожидать и помышлять о часе смертном, боясь огня вечного».

Наставляя братию, святой утешал их: «Чада мои и братия, пусть не устрашает вас мысль о трудности и тяжести жизни в сих пустынных местах: лишь путем многих скорбей можем мы войти в Царствие Небесное. Путь же, вводящий в жизнь вечную, состоит в пощении, молитве, милостыне от чистого сердца, смирении и в любви нелицемерной». Говоря сие ученикам своим, преподобный понуждал их к добродетели. Они же, повинувшись ему, с ревностью исполняли его указания, каждый по силе своей.

Слыша о богоугодном житии св. Григория, о его терпении и смирении, приходили к нему ищущие спасения и постригались. Так умножалась братия обители.

Многие христороубцы отдавали в обитель преподобного имения и села свои. Но враг рода христианского диавол, видя свое уничтожение от святого и желая причинить ему зло, научил однажды злых людей прийти ночью в обитель и украсть все земледельческие орудия монастыря. Братия были сильно опечалены случившимся. Но преподобный сказал им, что все сие произошло от диавола, и утешил братию, уговаривая их не печалиться. «Все украденное снова у нас будет», – говорил подвижник. И действительно, спустя некоторое время воры

были пойманы, и монастырское имущество было возвращено по предсказанию преподобного.

Преподобный не смущался никакими кознями вражьими. И Бог прославил его повсюду; приходили к нему многие ради пользы душевной, и св. Григорий неленостно поучал их от Божественного Писания. Так проводил свою жизнь святой, молясь день и ночь, упражняясь в духовных подвигах и увеличивая труды свои, непрестанно заботясь о своем словесном стаде. Радостно совершал он путь свой без преткновений, вперяя ум в вышняя и ограждая сердце свое от мятежа страстей.

В 1433 г. отправился прп. Григорий в Москву, где тогда великим князем стал Георгий Димитриевич, удаливший великого князя Василия Васильевича в Коломну. И сказал преподобный великому князю Георгию: «Князь Георгий, подобало ли тебе принять власть, не упорядочив жития своего? Здесь тебя и детей твоих постигнет укор, поношение, досада, нестроение, раны и бесчестье, а там – суд. Не по строению Божию хочешь ты властвовать, как говорит Писание: *Темже убо ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога (Рим. 9, 16)*». Так говорил подвижник. Князь же просил у него благословения и прощения в грехах своих. Святой поучал его любви не только к братьям, но и ко всем православным христианам. Поучал он его и тому, как воспитывать детей и направлять их на добрый путь. Вняв нелицемерным наставлениям преподобного, князь Георгий удалился в область, доставшуюся ему от отца, в город Галич. Князь же Василий возвратился на свое княжение в Москву, завещанную ему отцом его, князем Василием Димитриевичем, воздал преподобному великие почести и отпустил его.

С еще большей смелостью обличил преподобный другого князя, сына названного Георгия Галицкого, Димитрия Георгиевича Шемяку. Князь Димитрий пришел зимою с большим войском на город Вологду и обложил ее. Много было в то время зла в Русской земле: князья не заботились об управлении землею, были между ними брани и смуты; разбой и воровство умножились, и много погибало христиан. Граждан Вологды объял страх, ибо в городе не доставало войска и не было

воеводы. Враги опустошали села вокруг осажденного города, крестьяне разбежались, не имея пристанища; от голода и стужи многие умирали; так разошлись они, как стадо, распуганное волками. Многие крестьяне пришли в монастырь к прп. Григорию и жили там, питаясь монастырской пищею. Преподобный не сетовал на это и усердно помогал нуждающимся. Видя православных в такой беде, св. Григорий молил милосердного Господа и Пречистую Богоматерь о тишине и устроении земском и о укрощении немилостивого князя. Затем он взял жезл свой и отправился к Вологде. Придя к князю, преподобный прямо и открыто обличил его. Подвижник не боялся смерти, не боялся и говорить истины. Он сказал князю: «Князь! Ты совершаешь не те дела, которые тебе приличны, но дела язычников, идеже в стране людей, Бога не знающих. Ты – православный христианин, а свою Русь воюешь, и воинство твое предаёт православных горькой смерти. Одни убиты, другие умерли от голода и стужи, многие пропали без вести. Плачут христиане – нищие, сироты и вдовицы, вопиют они к Богу против обидящих, и скоро Господь отмстит за них».

Сильно разгневался князь на бесстрашного обличителя и, не боясь суда Божия, велел его сбросить с моста в ров. Святой же бестрепетно продолжал свое обличение, помня слова Господа: *Не убойтесь от убивающих тело, души же не могущих убить (Мф. 10, 28)*. Пробыв долгое время под городом, враги ничего не достигли и удалились в Галич. Святой же уклонился от встречи с князем и не дал ему благословения. И многие из вражеского войска побиты были гневом Божиим, по слову блаженного, согласно Писанию: *Тии спяти быша и падоша (Пс. 19, 9)*, ибо без вины губили они христиан и воевали родную Русь.

Приходили к святому иноки из окрестных областей и желали жить с ним, подражая ему в добродетели. Приходили в голодный год и голодающие. Святой с радостью принимал всех, неослабно и без лености поучая иноков и мирян: «О, братие! Разумно проводите жизнь свою, живите чисто, покайтесь, чтобы не постигла вас беда в день страшного Христова суда. Братие! *Брашно нас не поставляет пред Богом*, – говорит апостол

Павел (1Кор. 8, 8); добрыми делами исполняйте заповеди Господни – послушанием, кротостью, смирением. Учитесь закону доброму – иметь сердце и душу чистыми. Одежда души – истинная вера, молитва, слезы и воздыхания, покаяние, молчание, милование нищих, братолюбие и воздержание от всякого зла; все сие доставляет душе веселие».

Поучая приходящих, святой не уклонялся от исполнения правила молитвенного, увеличивал подвиги и трудился над перепиской книг. Он подвизался, соединяя пост с милостынею: принимал странных, кормил голодных, выкупал должников, был одеждою нагим, утешением печальным, исцелением немощным и наставником всем хотящим спастись. Много лет ведя суровую жизнь и шествуя скорбным и тесным путем, прп. Григорий достиг маститой старости и украсился сединами.

Скончался прп. Григорий глубоким, 127-летним, старцем.

В Пельшемской обители жил муж, постриженный впоследствии в ней, именем Тихон. Сей инок поведал следующее о кончине святого.

«Я служил игумену Григорию, когда еще был мирянином и носил мирскую одежду. Предвидя свое скорое отшествие к Богу, святой призвал к себе священноинока Александра с братиею и сказал им: "Чада и братия, изнемогаю я от глубокой старости и предаю вас в руки Господа; наставником же вместо меня пусть будет у вас священноинок Александр». Так он предал Александру монастырь и братию. Поучив их о пользе душевной, моля соблюдать строгое иноческое житие, согласно своему обещанию, св. Григорий, сильный душою, стал изнемогать телом. Видя свое полное изнеможение и приближение кончины, прп. Григорий призвал к себе всю братию обители – было же их, работавших с ним Богу, 13 человек – и сказал им: "Телом я отхожу от вас, духом же вечно буду пребывать с вами».

Видя святого в такой немощи, братия скорбели и рыдали, желая от великой любви к нему умереть вместе с ним. Тогда один из его учеников, Феодосий, заливаясь слезами, сказал святому: "Ты оставляешь нас, отче Григорий, и отходишь ко Господу. А когда тебя не станет с нами, оскудеет монастырь, ибо

многие удаляться из него, не имея тебя, нашего крепкого пастыря».

Святой же сказал: "О чада и братия, не я, грешный и недостойный, устраивал сию обитель, но Бог и Пречистая Богородица. Строил же я обитель ради нищих и беспомощных, а не ради богатых, по благословению и наказанию отца своего Дионисия. Не скорбите, братия и чада, – с вами Бог и Пречистая Богородица. Если дела, совершенные мною на земле, будут угодны Богу – не оскудеет место сие, только храните любовь между собою».

Слыша это, братия не могли удержаться от рыданий. Преподобный же, облобызав братию, пошел из своей обители в другую, к отцу своему духовному, священноиноку Варсонофию, мужу строгой жизни. Братия следовали за ним и рыдали, расставаясь со своим пастырем и начальником. Изнемогая телом и чувствуя приближение кончины, св. Григорий велел отслужить Божественную литургию, причастился Святых Таин и, осенив себя крестом, сказал: "Мир всем вам! Владыко человеколюбче, сподоби меня стать одесную Тебя, когда придешь во славе судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его».

Присутствующие не могли удержаться от слез своих. Затем святой сказал: "Что на глазах ваших творил я, то и вы творите; не скорбите, братия и чада, в день покаяния моего, ибо уже настал час почить мне о Господе. Вы же храните любовь и чистоту душевную».

Братия спросили подвижника, где они должны положить тело его, и он ответил: "Когда душа моя разлучится с телом, не оказывайте мне никакой чести. Влачите меня за ноги и бросьте в болото; попирайте ногами своими».

Сказав сие, он лег на одре своем, осенил себя крестным знаменiem и мирно предал честную душу свою в руки Божии».

Кончина прп. Григория последовала около половины XV столетия, месяца сентября в 30-й день, но в каком году, точно не известно. Тело его как бы покоилось во сне, хранина же была наполнена благоуханием. И рыдали все, лишившись своего доброго пастыря и благого отца. Вспоминали скорбные

слова святого, смиренно сказанные им в последние минуты жизни. Вспоминая о сем, братия плакали от умиления и, возложив упование на Бога и Пречистую Богородицу, нарушили его волю: они взяли мощи преподобного, повезли в монастырь, основанный им и освященный его подвигами, и положили их на одре посреди церкви святой Богородицы, честного Ее Успения. Затем, повелев изготовить место для погребения святого, стали совершать обычное пение и прощаться у гроба.

В монастыре был инок, по имени Сергей, одержимый болезнью глаз. При гробе преподобного он тотчас исцелился от болезни своей, и храм наполнился великим благоуханием. Сергей исповедал исцеление свое пред всеми в церкви Божией. Припадая со слезами ко гробу святого, братия говорили: «О, раб Божий, телесно ты окончил свою жизнь, но духом не отступай от нас и руководи нами, чтобы мы достигли Христа Бога».

Осиротевшие иноки с честью погребли трудолюбивое тело святого. Они поставили гробницу над его могилой и поместили над нею образ Спаса и Пречистой Его Матери на поклонение приходящей братии.

Много и других чудес совершалось через св. Григория, как при жизни его, так и по смерти.

Около Пельшемского монастыря жил некий муж, именем Иоанн, питавший великую веру к святому. По Божью попущению овладел им бес и немилосердно мучил его. Иоанн впал в расслабление ума и говорил неразумное. Родственники привезли его в монастырь, принесли ко гробу преподобного отца нашего Григория и положили его на ложе. Игумен же с братией вознесли о нем молитвы к Богу. Исцеленный со слезами помолился Пречистой Богородице и призвал на помощь прп. Григория, прося его помиловать и защитить от таковой беды. Вспомнились ему все совершенные им неподобные дела, и, рыдая, говорил он: «Увы мне, грешному и нераскаянному! Как мне идти неуклонно путем спасения, как избежать страха последнего суда и вечных неминуемых мук!» В такой печали стал он петь: «Владычица, приими молитву рабов Своих». И почувствовал себя совершенно исцеленным. Молясь

и припадая к образу Пресвятой Богородицы, воссылал он Богу благодарственные песнопения и, поклонившись цельбоносному гробу святого, возвратился в дом свой. Остальные лета жизни своей Иоанн прожил благочестиво, славя Бога и прп. Григория чудотворца.

В Пельшемском монастыре был инок Никодим. Жил он дурно – в непослушании у св. Григория. Святой постоянно поучал его, он же не внимал и все белее уклонялся от пути добродетели. Видя, что на Никодима не действует епитимия, святой без благословения удалил его из обители, поминая слова Господа: *Слушай вас, Мене слушает: и отменяяся вас, Мене отменяется* (Лк. 10, 16). И сказал преподобный ученикам своим: «Не нужен мне брат сей, как при моей жизни, так и по преставлении моем, ради его непослушания». Случилось это незадолго до кончины преподобного. Уйдя из монастыря, инок скитался. Уведав о чудесах, происходивших от гроба святого, и познав славу его, коей сподобил его по преставлении Господь, Никодим вспомнил, как он оскорбил блаженного Григория непослушанием своим. Много дней скорбел он и сокрушался. Наконец решился пойти в Пельшемскую обитель. Ученики же святого не приняли его, не смея преступить заповедь наставника. Тогда инок пошел в Глушицкий монастырь в честь Покрова Пресвятой Богородицы и, припадая со слезами к преподобному игумену Амфилохию (1437–1452; память 12/25 октября), все исповедал ему, прося благословения и разрешения от наказания. Преподобный сказал ему: «О, чадо, Господь сказал, что связанный Его учениками на земле будет связан и на небеси, разрешенный же на земле и на небеси разрешен будет (Мф. 16, 19). Иди же ко гробу святого и со слезами проси прощения своих согрешений».

Никодим снова пошел в Пельшемскую обитель и, молясь Господу Богу и Пречистой Его Матери, припадал ко гробу святого, день и ночь оплакивал свое согрешение, так что многие дивились непрестанным слезам его, причем говорил: «Пока ты не простишь меня, отче, не отойду от гроба твоего».

Братия же творили о нем молитвы Богу и Пречистой Его Матери, прося у св. Григория прощения согрешившему. От

многих слез инок впал в тяжкий недуг и стал приближаться к кончине. Братия же много дней скорбели о нем и сокрушались. Тогда прп. Григорий явился в видении священноиноку Александру и сказал ему: «Скажи брату Никодиму, чтобы он не скорбел и не печалился, так как я простил его».

На следующее утро священноинок Александр поведал видение всей братии и Никодиму, и все уразумели, что инок получил прощение. Его причастили святых и животворящих Таин Христовых, и он мирно отошел ко Господу.

Похоронив его с честью, братия воссылали славу Господу, творящему чудеса по молитвам святого угодника своего Григория.

Один крестьянин, питавший глубокую веру в помощь св. Григория, имел сына Самуила, который страдал слабостью ума. Он привел его в монастырь и приставил служить его братии.

Служа с великой любовью и верою, Самуил часто приходил к гробу св. Григория, припадая, оплакивал грехи свои, и многие дивились непрерывным слезам Самуила. За свои молитвы и раскаяние получил он полное исцеление от недуга и возвратился в дом свой, славя Бога и благодаря чудотворца Григория.

Однажды пришел в монастырь житель села Ваги Григорий, слепой на один глаз уже в продолжение шести лет. Приведенный двумя своими сыновьями ко гробу чудотворца, Григорий умолил игумена и братию совершить молебен о своем исцелении. Игумен отслужил молебен, он же молился со слезами. И вот, во время молитвы услышал он как бы гром, который исходил от гроба прп. Григория, и, упав на землю, лежал как мертвый долгое время без движения. Размышляя о происшедшем и закрывая рукой здоровый глаз, он испытывал, не может ли он видеть слепым глазом. Убедившись, что зрение вернулось к нему, он понял, что Господь помиловал его молитвами прп. Григория. Радуюсь своему исцелению, он всем рассказал о нем и, воссылая хвалу Богу и чудотворцу Его, возвратился в дом свой.

Из веси, называемой Галич, пришла в монастырь женщина именем Анна, у которой болели сосед и рука. Руку свою она не

могла поднести к устам. От этого недуга Анна не ела, не пила и отчаялась в своей жизни. Припадая ко гробу блаженного Григория, она просила прощения и плакала о своем недуге день и ночь. Спустя немного дней Анна получила исцеление и возвратилась в дом свой.

Чудеса св. Григория неисчетны и до сего времени. Молитвами блаженного Господь дарует их тем, кто с верою приходит ко гробу святого.

Михаил, первый митрополит Киевский, святитель

Свт. Михаил, первый митрополит Киевский, по Иоакимовой летописи, родом сириец. По другим летописным сообщениям – болгарин или серб.

В 989 г. он прибыл из Корсуни вместе с другими священнослужителями к св. равноапостольному князю Владимиру (память 15/28 июля), незадолго до этого принявшего крещение (988 г.). На долю первого митрополита Русской Церкви выпало нелегкое, но благодатное служение. Он ревностно обходил новопросвещенную Русскую землю, проповедуя Св. Евангелие, крестя и поучая новообращенных людей, основывая первые храмы и духовные училища. В Ростове он основал первую деревянную церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы и поставил там епископом Феодора Грека. Свт. Михаил был мудрым и тихим, хотя и строгим, иерархом. Русская Церковь сохранила память о заслугах первосвятителя: в синодиках новгородского и киевского Софийских соборов он по праву именуется первоначальником.

Преставился свт. Михаил в 992 г. и был погребен в Десятинной церкви Пресвятой Богородицы в Киеве. Около 1103 г. при святом игумене Феоктисте (впоследствии святитель Черниговский; память 5/18 августа) мощи его были перенесены в Антониеву пещеру, а 1 октября 1730 г. – в Великую Печерскую церковь (Успенский храм). В связи с этим память его установлена на 30 сентября, а также 15 июня – в день преставления. Ранее память его отмечалась также 2 сентября, вместе с прпп. Антонием и Феодосием Печерскими. Подтверждение этому содержит служба ему: во 2-й стихире на «Хвалите» о свт. Михаиле говорится так: «Первое нового лета начинающе обхождение, яко первейшему тебе, блаженне, и начальнейшему Русския земли архиерею, первая песней рукояти приносим».

Октябрь 1

Савва Вишерский, преподобный

Преподобный Савва Вишерский родился в городе Кашине Тверского княжества. Его отец Иван Васильевич Борозда происходил из благородного и славного рода, отличавшегося в боях воинскими доблестями. Еще в самых юных летах Савва отличался добродетельной жизнью; нося мирскую одежду, он подражал иноческим подвигам, молился, постился, как совершенный инок, и усердно ходил в храм Божий. Движимый любовью к Богу, Савва решил принять иноческий образ и стал проводить суровую монашескую жизнь в некоторых из тверских монастырей, безропотно исполняя различные монастырские послушания: на поварне, в хлебопекарне и в других службах. При сем он отличался необыкновенным смирением. Братия Саввинской Тверской пустыни, где он вскоре поселился, настолько полюбили Савву и стали уважать его за подвижническую жизнь, что имели его посреди себя как бы Ангела Божия и избрали его себе во игумена. Бояре и все жители той страны стали почитать его как святого, и молва о его смирении, воздержании и других великих добродетелях далеко разнеслась кругом. Но преподобного тяготила слава человеческая, и он, избегая ее и ревнуя о высших подвигах иноческих, отправился около 1411 года на далекий Афон, прославленный святой жизнью своих подвижников, и там совершенствовался в духовной жизни. Неизвестно, долго ли он пробыл на Афоне, но впечатления Афона надолго остались в душе, как это увидим по жизни; известно также, что он принес с собой с Афона в Россию список Кормчей книги, которым пользовался потом Вассиан, архиепископ Ростовский. По возвращении с Афона прп. Савва странствовал в виде бедного инок по обителям Новгорода, отыскивая себе место для уединенного пребывания.

В семи верстах от Новгорода, на р. Вишере, понравилось ему тихое место. Он поставил крест, а вблизи хижину, и стал подвизаться отшельнически. Здесь видна живая память об афонском отшельничестве. Но узнав, что его подвиги известны

новгородцам, прп. Савва удалился на реку Сосницу. Новгородский архиепископ Иоанн (на кафедре был с 1387 по 1415 гг.) пожелал видеть преподобного и отправился в пустыню.

Блаженный Савва, одетый в рубище, встретил архиерея еще на пути и с глубоким смирением пал перед ним на землю. Архиепископ благословил преподобного, считая его обыкновенным странником. Только у своего жилища святой поведал, что он – грешный Савва. Святитель подивился его смирению. Разделив с ним пустынную трапезу и насладясь духовной беседой его, архиепископ Иоанн прислал потом свои дары для пустыни Саввы.

Вскоре у преподобного Саввы появились ученики, и он задумал основать в своей пустыни обитель. Не стерпел сего лукавый враг рода человеческого и, побуждаемый завистью к нему, внушил разбойникам причинить преподобному зло. Думая, что у него есть какое-нибудь имущество, они пришли к нему со злым намерением. Савва строил в это время келлию. С ложным смирением разбойники стали просить у старца благословения. Но он прозрел их коварный замысел и то, что они разбойники. И вот он обратился к ним с следующей просьбой: «Детки! Окажите любовь, помогите мне поднять дерево на стену». При этом старец велел им взяться за тонкий конец бревна, а сам взялся за толстый. Разбойники никак не могли все вместе поднять своего конца, а старец, с Божией помощью, легко один поднял дерево на стену. Пораженные сим, разбойники переглянулись между собой со стыдом и страхом, поспешили уйти от преподобного, боясь, чтобы из-за него им самим не потерпеть какого-либо вреда.

По случаю спора, поднятого иноками Лисичьего монастыря за землю, прп. Савва обратился к начальникам Славянского конца с просьбой отвести ему место на реке Вишере для пустынной обители, и они с любовью отвели. И по благословению блаженного архиепископа Симеона уже в 1418 году преподобный построил деревянный храм в честь Вознесения Господня и келлии для братии.

По устройении обители в честь Вознесения Господня святой Савва поставил себе столп и на нем проводил всю седмицу в

посте и молитве, а в субботу сходил со столпа, причащался Святых Таин, молился с братией и разделял трапезу. После душеполезного поучения он вновь восходил на столп и снова подвязался до следующей субботы. Живя на столпе, преподобный своими молитвами охранял обитель. Однажды разбойники подошли к монастырю, чтобы ограбить его. Преподобный стал стучать жезлом по стене. Услыхав стук, объятые страхом, разбойники убежали и с того времени более не подходили к монастырю.

Пребывая в подвигах, преподобный Савва на восьмидесятом году заболел. Готовясь к кончине, святой призвал братию и обратился к ней с душеполезными наставлениями, призывая их твердо и неизменно пребывать в Православии и соблюдении иноческих обетов и возрастая в смирении. Перед кончиной преподобный заповедал своим ученикам: «Когда душа моя разлучится с телом, не совершайте над ним никаких торжественных погребальных обрядов, но просто, без всяких приготовлений, отнесите тело до могилы и предайте земле». Причастившись Святых Христовых Таин, он мирно отошел ко Господу 1 октября 1460 года.

Вскоре после кончины преподобного монастырь и столп его сгорели; но часовня над гробом Саввы уцелела среди пламени. Это было первое чудо, в котором Господь указал в почившем Савве угодного Ему раба. Потом некто Захария увидел во сне старца, который говорил ему: «Если хочешь увидеть Савву, иди за мною и увидишь». Захарии казалось, что он пошел за старцем, дошел до гробницы преподобного, увидел несколько святителей и между ними преподобного Савву, который сказал ему несколько слов назидания. Настоятель Саввиной обители Геласий заболел от отравы; в крайности своей обратился он с молитвой к преподобному Савве; задремав потом, увидел он старца в светлой одежде, молящегося в церкви, и, пробудясь, нашел себя совсем здоровым. Новгородский святитель Иона, узнав о чудесах преподобного, приказал написать икону преподобного Саввы, составить в честь его службу и описать житие, что и было исполнено просвещенным иноком Пахомием. В летописи читаем, что осенью 1522 года освящен был в

Саввиной пустыни каменный храм Покрова Богоматери над мощами преподобного: «Ту и гроб преподобного Саввы Вышерского», – замечает Иона. От гроба его продолжали истекать исцеления, и преподобный Савва известен был с именем Новгородского чудотворца.

Под руководством Саввы образовались люди высокой жизни. Ученик его Андрей, принимавший после него начальство над обителью, до того изнурил тело свое постом и бдением, что у него остались только кожа и кости; преподобный Ефрем Перекопский также был учеником его.

Местное празднование было установлено при Новгородском архиепископе Ионе († 1470 г.) в связи с исцелением игумена Савво-Вишерского монастыря. Общецерковное прославление преподобного Саввы состоялось на Московском Соборе 1549 года.

«Не прельщайтесь, – говорит нам жизнью своею святой Савва, – Бога не обманешь: что посеет человек, то и пожнет. Да не унываем, делая добро: ибо в свое время пожнем, если не ослабеем» (Гал. 6, 7, 9).

Мириан, равноапостольный царь Иверский и Нина, святая царица

Просвещение Грузии светом Христова Евангелия принесла святая равноапостольная Нина, пришедши туда в 319 году. Слава о ней вскоре распространилась в окрестностях Мцхета, где она подвизалась, ибо проповедь ее сопровождалась многими знамениями. В день преславного Преображения Господня по молитве святой Нины во время языческого жертвоприношения, совершаемого жрецами в присутствии царя Мириана и многочисленного народа, были низвергнуты с высокой горы идолы Армаз, Гац и Гаим. Это явление сопровождалось сильной бурей.

Святая Нина исцелила от тяжкого недуга грузинскую царицу Нану, которая, приняв святое крещение, из идолопоклонницы стала ревностной христианкой. Несмотря на чудесное исцеление супруги, царь Мириан (265–342), внимая наущениям язычников, готов был подвергнуть святую Нину жестоким мучениям. «В то самое время, как вымышлял казнь святой праведнице, померкло солнце и непроницаемая мгла покрыла место, где находился царь». Царь внезапно ослеп, а пораженная ужасом свита начала умолять своих языческих идолов о возвращении дневного света. «Но Армаз, Заден, Гаим и Гац были глухи, и мрак умножился. Тогда уstraшенные единогласно воззвали к Богу, Которого проповедовала Нина. Мгновенно рассеялся мрак, и солнце осветило все своими лучами». Это событие совершилось 6 мая 319 года.

Царь Мириан, исцеленный святой Ниной от слепоты, принял святое крещение вместе со своей свитой. По прошествии нескольких лет, в 324 году, христианство окончательно утвердилось в Грузии. Летопись повествует, что святой Нине по молитве было открыто, где сокрыт хитон Господень, и там был воздвигнут первый в Грузии христианский храм (вначале деревянный, ныне каменный собор в честь 12-ти святых апостолов, Светицховели). К тому времени с помощью византийского императора Константина (306–337), приславшего

по просьбе царя Мириана в Грузию Антиохийского епископа Евстафия, двух священников и трех диаконов, христианство окончательно упрочилось в стране. Однако горные области Грузии оставались непросвещенными. В сопровождении пресвитера Иакова и одного диакона святая Нина отправилась к верховьям рек Арагви и Иори, где проповедовала Евангелие язычникам-горцам. Многие из них уверовали во Христа и приняли святое крещение. Оттуда святая Нина прошла в Кахетию (Восточная Грузия) и поселилась в селении Бодбе, в маленькой палатке на склоне горы.

Совершив свое апостольское служение в Грузии, святая Нина была извещена свыше о близкой кончине. В послании к царю Мириану она попросила его прислать епископа Иоанна, чтобы он приуготовил ее в последний путь. Не только епископ Иоанн, но и сам царь, вместе со всем духовенством, отправился в Бодбе, где у смертного одра святой Нины они были свидетелями многих исцелений. Царь, духовенство и народ, скорбя о кончине святой Нины, хотели перенести ее останки в соборную Мцхетскую церковь, но не могли сдвинуть гроба подвижницы с избранного ею места упокоения. На этом месте в 342 году царь Мириан основал, а сын его царь Бакур (342–364) завершил и освятил храм во имя сродника святой Нины, святого великомученика Георгия.

Октябрь 2

Анна Кашинская, благоверная княгиня – преставление

Святая благоверная княгиня Анна Кашинская, дочь ростовского князя Дмитрия Борисовича, в 1294 году стала супругой святого благоверного великого князя Михаила Ярославича тверского (он был замучен татарами в Орде в 1318 г. Память 22 ноября/5 декабря). После страдальческой кончины мужа Анна удалилась в Тверской Софийский монастырь и приняла постриг с именем Евфросиния. По просьбе своего сына кашинского князя Василия Михайловича перешла на жительство в Кашинский Успенский монастырь, где приняла схиму с прежним именем своим Анна. Святая Анна имела кроме Василия еще трех сыновей: Дмитрия и Александра, повторивших исповеднический подвиг своего отца, и Константина. Дмитрий Михайлович (Грозные очи) был убит в Орде 15 сентября 1325 года, а Александр Михайлович, князь тверской, вместе с сыном Феодором – 29 октября 1339 года. Преподобная скончалась 2 октября 1338 года и погребена в Успенском Кашинском монастыре.

Чудеса при гробе святой Анны начались в 1611 году, во время осады Кашина литовскими войсками. Святая княгиня явилась пономарю Успенского собора Герасиму и сказала, что она молит Спасителя и Пресвятую Богородицу об избавлении города от иноплеменников.

На Соборе 1649 года было постановлено открыть ее мощи для всеобщего почитания и причислить благоверную княгиню Анну к лику святых Русской Церкви. Но в 1677 г. патриарх Иоаким поставил вопрос на Московском Соборе об упразднении ее почитания в связи с обострением старообрядческого раскола, использующего имя Анны Кашинской в своих целях. В 1909 г., 12 июня, произошло вторичное ее прославление и установлено повсеместное празднование.

Кассиан Угличский, преподобный

Преподобный Кассиан был знатный грек и происходил из рода князей Мангунских.

В мире он назывался Константином. О родителях князя Константина, о его жизни в детском и юношеском возрасте ничего не известно. Вероятно, еще в юных летах Константин отправлен был в Константинополь. Затем, когда в 1453 г. Константинополь взят был турками, он мог искать убежища в Италии, подобно Фоме Палеологу, князю морейскому, брату последнего византийского императора Константина, погибшего на стенах греческой столицы.

Известно, что около 1472 г. Константин находился в Риме, при дворе папы, где в то время жил Фома Палеолог со своими двумя сыновьями и дочерью Софией, а также много и других знатных греков. Несмотря на свою близость ко двору римского первосвященника, благоверный князь Константин не изменил святой православной вере. В 1472 г. София Фоминична с пышной свитой отправилась в Москву для того, чтобы сочетаться браком с великим князем Иоанном Васильевичем III (1462–1505). Князь Константин вместе с другими греками сопровождал княжну Софию в Московское государство. Великий князь Иоанн с большим почетом встретил свою невесту и давал богатые дары всем прибывшим с нею, в том числе и князю Константину. Но тогда как прочие греки с радостью принимали великокняжеские подарки – города в управление и села в вотчины и занимали разные почетные должности в Московском государстве, благочестивый князь Константин отказывался от всего этого. «Господин великий князь! – говорил Константин, – и отечество свое я оставил Господа ради, и хочу того, что изволит Господь Бог и Пречистая Богородица». Его душа не лежала к тленному и скоропреходящему богатству мира сего. И жил Константин при дворе московского государя в великом смирении, и кротости, и тихости, и многом безмолвии. Так прошло несколько лет. Князь Константин сдружился за это время с угличским князем Андреем, братом великого князя

Иоанна Васильевича, и воспринимал у него сына Димитрия. Но тревожная и шумная жизнь при великокняжеском дворе не по душе была благочестивому князю, склонному к созерцательной жизни инока. Великий князь назначает его поэтому владычным боярином к Ростовскому архиепископу Иоасафу.

Владычные бояре – светские архиерейские чиновники, заведовавшие главным образом судебными делами в епархии.

Константин жил по-прежнему богобоязненно, в чистоте и целомудрии, часто посещая храм Божий. В 1489 г. свт. Иоасаф отказался от управления епархией и удалился в Ферапонтов монастырь, на место своего пострижения. Князь Константин отправился провожать своего епископа, а вместе с тем посмотреть на монастырские порядки, о которых слышал много хорошего, и поучиться у здешних иноков богоугодной жизни.

Но Провидение не для того привело сюда этого богобоязненного князя. В обители отвели для него келлию и поручили наблюдению благочестивого иеромонаха Филарета. Несмотря на свой чисто монашеский образ жизни, Константин все еще не решался постричься в монахи, хотя, наверное, свт. Иоасаф и уговаривал его. И Господу было угодно именно здесь, в обители прп. Ферапонта, призвать его к иночеству. Случилось это так. Однажды Константин после продолжительного всенощного бдения задремал в своей келлии от утомления и видит страшный сон. В ужасе он просыпается и громко зовет своего сожителя: «Филарет, Филарет!» «Вот я! Что нужно, князь?» – спрашивает его Филарет. Но князь Константин был в ужасе и не мог говорить. Филарет сообщил о случившемся архиепископу Иоасафу и игумену. Архиепископ велел привести к себе князя Константина и, сотворив над ним молитву, начал тихо его спрашивать, что с ним случилось. Князь стал говорить, как бы пробуждаясь от сна, а потом, оправившись, рассказал следующее: «Видел я каменную церковь, большую и прекрасную; в ней было множество монахов, а посреди церкви на престоле сидел прп. Мартиниан († 1483 г.; память 12/25 января и 7/20 октября), бывший игумен здешнего монастыря, с большим жезлом в руке. «Постригись», – говорил мне Мартиниан. «Не постригусь», – отвечал я ему. Тогда

преподобный опять повторил мне: «Постригись; если же не пострижешься, я прибую тебя этим жезлом». Но я не согласился исполнить приказание святого и долго с ним спорил. Преподобный поднял свой жезл и хотел ударить меня им. От страха я закричал и проснулся. Душа моя в смятении. Постригите меня в святой иноческий образ».

Кончив рассказ, князь упал в ноги к архиепископу, потом игумену, со слезами и рыданиями молил их постричь его. И все дивились такой быстрой перемене мыслей у князя Константина. По повелению архиепископа игумен постриг его в иночество и нарек Кассианом. С верою и слезами умиления князь давал свои обеты Богу. Прочитав новопостриженному наставление о том, как должно жить иноку, игумен передал его старцу, упомянутому иеромонаху Филарету, и поручил ему пещись о душе Кассиана.

Филарет был муж весьма благочестивый, исполненный страха Божия и любви, строгий монах и постник, и вся братия взирала на него, как на Ангела Божия. И Кассиан был весьма ревностным учеником его. Он старался в точности исполнять заповеди и наставления своего премудрого старца, к которому относился с полным повиновением, послушанием и покорностью, как добрый воин Христов, как истинный христианский подвижник. Прежде всех приходил преподобный в церковь Божию и уходил из нее последним; любил безмолвие, был кроток и нищелюбив; с охотой и без ропота исполнял подчас тяжелые монастырские послушания, не забывая в точности совершать и свое келейное правило. Своими подвигами прп. Кассиан скоро превзошел всех в обители.

В это время прп. Кассиан познакомился с прп. Нилом Сорским (память 7/20 мая), основателем скитского жития в Русской земле, и, вероятно, руководился его наставлениями. Оба подвижника были дружны, проводили время в душеспасительных беседах и впоследствии переписывались друг с другом. Сохранились два послания прп. Нила, написанные, вероятно, прп. Кассиану. В одном послании Сорский подвижник решает вопрос прп. Кассиана, как иноку бороться с искусительными помыслами о прежней мирской

жизни, во втором утешает преподобного в скорбях, которые его постигли.

В обители прп. Ферапонта прп. Кассиан прожил недолго.

Неизвестно, что заставило его покинуть место своего пострижения, но только с несколькими иноками преподобный поплыл сначала по реке Шексне, затем вверх по Волге в княжество своего друга – угличского князя Андрея. Не доезжая 23 верст до Углича, при впадении в Волгу речки Учмы, преподобный вышел на берег, может быть, только для остановки для ночлега. Но Господу угодно было, чтобы здесь прп. Кассиан основал обитель. Место это понравилось подвижнику красотой, и он решился поселиться на нем с некоторыми из своих спутников. Сотворив молитву, иноки водрузили вскоре крест, поставили сначала шалаш для жилья, а потом вскоре выстроили келлию и начали жить в пустыне, славя Бога день и ночь, сияя своей жизнью и богоугодными подвигами.

Но не могли смиренные пустынники укрыться от людей. Слава о святой жизни их прошла по всей Угличской области: услышал о них и князь Андрей Васильевич. Он призвал к себе прп. Кассиана и принял его с великой честью. Князь Андрей очень обрадовался, увидев своего старого друга, бывшего князя Константина, а теперь инока Кассиана, и долго с ним беседовал. Преподобный просил князя позволить ему построить монастырь на берегу реки Волги и речки Учмы, в местности, где он уже поселился. С великой радостью исполняет князь угличский просьбу своего друга, дает ему богатую милостыню на первоначальное устройство монастыря, повелевает принимать в обитель братию и в заключение говорит: «Я должен помогать тебе, сколько в силах».

Вернулся прп. Кассиан в пустыню свою и приступил к устройству обители. Прежде всего по благословению Ростовского архиепископа Тихона (1489–1503) он построил храм в честь успения Божией Матери, затем поставил трапезу и келлии для братии.

Стали собираться к преподобному сподвижники, желавшие жить с ним и спастись: одни приходили из мира и постригались

здесь, другие являлись уже иноками из обителей, даже отдаленных. С умножением братии явилась нужда поставить игумена, но сам прп. Кассиан отказался от этой чести и назывался лишь строителем. Игуменом поставлен был один из братии. Князь Андрей угличский и бояре очень любили святого строителя и делали богатые приношения в Учемскую обитель. Князь нередко посещал прп. Кассиана, молился в храме обители, отпускал средства на ее строение, кормил братию и давал им милостыню. Близ монастыря, в лесу, водились разные звери: лоси, олени, зубры, медведи, волки, лисицы и другие. Князь Андрей с боярами часто охотился здесь и тогда заходил в пустынную обитель прп. Кассиана и кормил братию.

Так процветала Учемская обитель. Но вот Господь посылает ей великое испытание, которое, впрочем, не уничтожило обители, даже способствовало ее большему процветанию. Одной весной сделался такой сильный разлив Волги, что вода затопила монастырь прп. Кассиана, потрясла и разрушила деревянные строения, многие келлии и монастырские постройки совсем снесла. Это бедствие так огорчило иноков, что они хотели разойтись в разные стороны. Преподобный утешал братию и напоминал им о всемирном потопе, которым Господь наказал грешный род людской, затем прибавил: «И ныне, братия возлюбленная, пришла сия вода на нас за грехи и беззакония наши. Но, наказуя, Господь нас милует. И никто так себя не милует, как Бог нас милует. И теперь не скорбите: Господь Бог не оставит нас, собранных во имя Его. Если же мы не будем терпеливы, то за что получим награду на небе? Ведь без подвига никто не получает венца. Потерпим мало здесь, да во веки возрадуемся. Возложим все упование свое на Бога и Его Пречистую Матерь, Питательницу нашу и Помощницу».

Утешенные такими словами святого, братия успокоились. Преподобный же Кассиан тотчас отправляется в Углич к князю Андрею. Он рассказывает о своей беде, а вместе с тем и просит у князя позволения перенести монастырь на другое, более возвышенное место. Князь Андрей принял большое участие в горе преподобного. Немедленно послал в монастырь богатую милостыню, съестные припасы для братии и повелел сказать

им: «Не скорбите ни о чем. Всякую нужду вашу удовлетворю и недостатки исполню, только терпите на месте сем и не уходите; я стану помогать вам, насколько в силах».

Действительно, скоро князь послал плотников и многих слуг, которые заново обстроили церковь и весь монастырь, но уже на новом, более возвышенном и безопасном месте. В то время благочестивый князь на свои средства построил новую, вторую церковь обители в честь Рождества святого Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Для обеспечения на будущее время он дал монастырю землю с деревнями и починками и право собирать ругу в пользу церкви и все это закрепил своими грамотами с печатями.

Но вскоре после того, именно в 1492 г., прп. Кассиан лишился своего друга и благодетеля князя Андрея Васильевича. Князя Андрея вызвал в Москву брат его, великий князь Иоанн III, и приказал заключить его в темницу и заковать в цепи как изменника и крамольника. Заключены были в темницу в Переяславле-Залесском и малолетние сыновья князя Андрея – Димитрий и Иоанн.

После этого св. Кассиан прожил более 10 лет, сияя святостью и богоугодной жизнью. Он заботился не только о своей душе, но и о благе ближних своих, особенно нуждающихся. Руководясь словами Св. Евангелия, преподобный старался исполнить заповеди Господни: поил, кормил алчущих и жаждущих, одевал нагих, давал приют и пропитание странникам и не имеющим крова. Больным и нищим, лежащим на улицах и торжищах, подвижник раздавал милостыню и утешал их мужественно терпеть нищету ради будущих воздаяний. «Блажени, – говорил преподобный, – нищии не только духом, но и житием, яко тех есть Царство Небесное (Мф. 5, 3)». Св. Кассиан посещал заключенных в темницах, с любовью удовлетворял их нужды и утешал душеполезными словами.

Духовным другом и собеседником прп. Кассиана был прп. Паисий († 1504 г.; память 6/19 июня и 8/21 января), основатель Угличского Покровского монастыря. Прп. Кассиан познакомился с ним еще в миру. Тесная дружба связывала обоих

подвижников, и прп. Паисий очень любил и уважал Кассиана. Перед своей кончиной он завещал прп. Кассиану наблюдение за Покровской обителью, а братии приказал слушать и исполнять советы и наставления Учемского подвижника.

После великих трудов и богоугодных подвигов пришло время преподобному переселиться от временной жизни к вечной. Предугадав свою кончину, он призвал братию и дал им свое последнее наставление. «Братия моя возлюбленная, – говорил умирающий подвижник, – приходит день моей кончины. Я уйду от вас к Богу, Которого возлюбил измлада. Вас же поручаю Спасителю, Пречистой Его Матери и великому Предтече Иоанну. По отшествии моем, возлюбленные братия мои, имейте между собою мир и любовь. Не опускайте службы Божией, пойте молебны; на литиях поминайте усопших и синодик прочитывайте, ибо кто поминает усопших, тот и сам будет помянут. Страннолюбия не забывайте. Умоляю вас, питайте нищих, сиротам помогайте и вдовиц защищайте от обижающих их. Крестьян своих берегите, печалуйтесь за них пред государем и вельможами. Берегите единодушно землю, принадлежащую обители. Игумена своего слушайтесь и повинуйтесь ему о Господе, как родному отцу своему, потому что, по апостолу, *тии бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще* (Ев. 13, 17)".

Преподав такое наставление братии, прп. Кассиан причастился Животворящих Христовых Таин и, благодаря Бога за все, предал свою чистую душу Господу 2 октября 1504 г.

На погребение преподобного стеклось множество народа, не только крестьян из окрестных сел и деревень, но и из города Углича монахов, духовенства и горожан.

Прошел год после кончины прп. Кассиана, и Господь Бог прославил угодника Своего великими и дивными чудесами, происходившими при его гробе. Но чудеса эти начали записываться лишь с XVII столетия.

Благочестивый муж Дометиан, по прозванию Ширяй, и жена его Гликерия за год до разорения Углича поляками видели много раз прп. Кассиана едущим ночью на белом коне и в белых ризах вокруг монастыря.

В правой руке преподобный держал множество зажженных свечей, от которых весь монастырь и его округа как бы сияли. Свет был так велик, что его можно было видеть с противоположного берега Волги. Объехав весь монастырь, преподобный опять возвращался к тому месту своего упокоения, причем святые врата обители и церковные двери сами отверзались перед чудотворцем. Пораженный чудным видением, Дометиан пришел в монастырь и рассказал об этом. Выслушав рассказ, игумен и братия прославили Господа, дивного во святых Своих, даровавшего им такого покровителя.

И действительно, преподобный не раз избавлял обитель свою от разных бедствий и несчастий. После разорения города Углича поляками и казаками многие жители его искали убежища в Учемской обители. Враги погнались за несчастными и подошли к обители прп. Кассиана. Они умертвили многих монастырских прислужников, а иных связали и хотели ограбить монастырь. Один казак поехал на коне в святые врата обители, несмотря на то, что связанные служки говорили ему, что в святые врата не ездят на конях и даже некоторые товарищи казака отговаривали его от этого. Но безумный никого не слушался, и прп. Кассиан строго наказал его за дерзость. Лишь только конь казака переступил подворотню, какая-то неведомая сила повергла его на землю. Вошел в него дух нечистый и стал мучить. Товарищи связали его и отвезли за две версты от монастыря, а так как он не переставал бесноваться, то, боясь гнева Божия, отсекали ему голову и оставили на том месте с конем и оружием без погребения. Скоро узнали о происшествии во всем войске и после этого никто из врагов не смел приблизиться к монастырю, боясь наказания от Бога.

Преподобный охранял свою обитель от воров и грабителей. Так, он наказал и обратил на путь добра одного известного вора и грабителя, слугу боярина Мстиславского, которого звали Захария Рудак. Этот Захария ограбил иноков, пришедших по монастырским надобностям в село Мышкино: он отнял у иноков коней и все, что они закупили, и отпустил ни с чем. Не удовлетворившись этим, Захария отправился в одну монастырскую вотчину к богатому крестьянину Василию

Лукиянову, зная, что у него много денег и лошадей. Приехав туда ночью со слугами, Рудак стал спрашивать хозяина, который в это время был на гумне и готовил корм для скота. Догадавшись, кто к нему приехал, и предчувствуя, что Рудак явился в ночное время не для доброго дела, крестьянин поспешно скрылся в лесу. Подождав много времени, Захария наконец понял, что Василий скрылся от него, но не хотел уходить, ничего не получив, и решил дожждаться его возвращения. Он велел подать себе ужин и стал есть и пить. Но Господь по молитвам прп. Кассиана чудным образом вразумил нечестивца. Как только Захария выпил первую чашу, им овладела такая слабость, что он не мог шевельнуть ни руками, ни ногами и глаза его стали плохо видеть. Такое состояние продолжалось и следующую ночь и день, пока несчастный не понял, что это прп. Кассиан наказывает его за ограбление иноков и монастырского крестьянина. Он приказал тогда слугам своим отвезти себя в монастырь и просить игумена помолиться о нем Пречистой Богородице и прп. Кассиану. Когда игумен отслужил молебен и окропил больного святой водой, то, благословив, приказал нести его к мощам угодника Божия. Со слезами раскаяния молился наказанный грабитель Пресвятой Богородице и прп. Кассиану и открыто исповедывал свой грех пред игуменом и братией, прося у них прощения и святых молитв; дал обещание не творить более обид монастырю, а, напротив, оберегать обитель и ее вотчины от злых людей и возратить назад все, что раньше взял. Игумен и братия много дивились такой скорой перемене Захарии, Господь же, видя чистосердечное раскаяние и исправление заблудшего, простил согрешение его и тотчас исцелил так, как будто он никогда и не хворал. Благодарный за свое исцеление и исправление, Захария стал часто приходить молиться в обитель прп. Кассиана, приносил с собою богатую милостыню братии, а перед смертью он завещал отдать монастырю коня своего с седлом, много домашней утвари и похоронить себя в обители преподобного.

Похожий случай произошел с монастырским поваром Вавилой, прозванием Молодой, который тайно от игумена крал

хлеб и съестные припасы и носил их к себе домой. Преподобный наказал его за это горячкой. Вместо того, чтобы раскаяться в своем грехе и просить прощения у прп. Кассиана и игумена с братией, больной стал лечиться у разных врачей, но ни один из них не мог оказать ему помощи. И вот однажды ночью он видит чудный сон: явился к нему прп. Кассиан и говорит: «Вавила! Перестань красть монастырский хлеб и припасы и носить их из монастыря в свой дом; покайся в своем грехе отцу духовному и получишь исцеление».

Проснувшись, Вавила тотчас же пошел к духовному отцу, исповедал ему грех свой, обещая больше не красть, причастился Святых Таин и тотчас получил исцеление от своей болезни молитвами преподобного отца нашего Кассиана.

Богатый помещичий крестьянин деревни Настасьиной Косма, прозванный Богдан, без благословения игумена рубил монастырский лес для своих надобностей, не боясь Бога и прп. Кассиана. Соседи говорили ему, чтобы он не брал насильно лес, но спросил бы у игумена позволения, пока Господь не наказал его за это. Косма же, надеясь на своего знатного господина и свое богатство, с гордостью и смехом отвечал им: «Мне ли велите бить челом и благословения просить у них. Я не таким не повиновался, а у этих и без спроса возьму, и никто мне ничего не сделает».

Но через несколько времени у Космы сгорел овин, построенный из монастырского леса. Народ объяснил пожар тем, что овин построен из краденого леса и советовал Косме спросить благословения у игумена. Он же не слушал добрых советов и поставил новый овин из монастырского леса. Но и этот овин немедленно сгорел, как только начали сушить в нем хлеб, причем огонь едва не уничтожил весь хлеб Космы, стоявший на гумне. Теперь уже и домашние говорили ему: «Правду говорят люди: наши овины горят от того, что они построены из не благословенного леса. Пойди, благословись у игумена».

Но Косма не послушался и домашних: построил третий овин из чужого леса и насадил его хлебом. Но и третий овин загорелся и огонь был так велик, что чуть не сгорела и вся

деревня. Прибежали на пожар крестьяне из соседних деревень и все говорили Косме, чтобы он шел в монастырь и просил прощения у Пресвятой Богородицы и прп. Кассиана, взял благословение у игумена на рубку леса. Тогда только он образумился и поспешил в Учемскую обитель. Здесь, горячо раскаявшись в своем согрешении, он просил игумена помолиться за него угоднику Божию. Игумен отслужил молебен, и Косма со слезами просил преподобного простить ему грех. Он сделал богатое приношение в церковь и обещал никогда не наносить обиды монастырю. Игумен дал ему краткое наставление и отпустил с миром. И с тех пор, благодарный за свое чудесное вразумление, Косма часто приходил помолиться в обитель, принося всякий раз богатую милостыню братии.

Однажды преподобный чудесным образом напичкал рыбой иноков своей обители. Это случилось перед светлым Христовым Воскресением, когда Волга только что вскрылась и нельзя было переправиться на тот берег, в село Мышкино, чтобы купить рыбы на светлый праздник. Братия были огорчены этим. Но преподобный Кассиан утешил их. По указанию странствующего инока нашли на берегу монастырского пруда двух больших рыб, которых и достало на всю светлую седмицу.

Иконописец священник Симеон дал обещание написать образ прп. Кассиана в надежде, что Господь пошлет ему за это мирную кончину. Боясь ошибиться в изображении угодника Божия, Симеон колебался. Он достал в Учемской обители небольшое изображение преподобного, но не был уверен, правильно ли оно, и потому все еще не решался писать. И вот одной ночью, думая о том, как ему написать икону, Симеон увидел множество нечистых духов. В ужасе и трепете он призвал на помощь прп. Кассиана, и злые духи исчезли. Священник услышал громкий голос, как будто кто-то стоял у постели и говорил: «Пиши образ мой без колебания, пиши так же, как написан благоверный князь Роман угличский, только бороду сделай длиннее, чем у князя».

Явилась доска, которую священник приготовил для образа преподобного, и на ней он ясно увидел уже написанное изображение св. Кассиана: волосы длинные, борода длиннее,

чем у князя Романа, русая, седины чуть заметны; подвижник изображен в княжеских ризах. Священник проснулся, весьма обрадованный тем, что прп. Кассиан показал ему, как писать его образ, и тотчас приступил к работе. Он написал преподобного в схиме. На следующую же ночь слышит он чудный голос во сне, который сказал ему: «Исправь браду, в чем ты неправильно написал». И тотчас явился у постели образ прп. Кассиана; подвижник был написан в схиме, как изобразил его Симеон, борода была до персей, русая, как бы обложенная серебром, седины ее были чуть заметны. Встав от сна, священник поправил икону. Так преподобный чудесным образом помог написать свою икону, которую священник и отправил в его обитель, рассказав игумену и братии о чудесных явлениях преподобного. Затем Симеон заболел и хворал два года, пока не записал рассказанного чуда.

Страдающие разными болезнями часто прибегали к преподобному Кассиану за помощью и по вере своей получали исцеление.

Так, по молитвам прп. Кассиана был исцелен от зубной болезни игумен Филарет, который долго и напрасно лечился у разных врачей.

Другой игумен – Гермоген – был дважды исцелен преподобным Кассианом. На ногах у него появились гнойные язвы, которые с течением времени все более и более умножались; образовалось с лишком 40 ран; стали гнить голени. Болезнь игумена продолжалась уже 20 лет. Напрасно лечился он у многих врачей, призывая их издалека, тратя на них деньги: болезнь только усиливалась. Но вот раз усердно помолился игумен прп. Кассиану о своих грехах и о своей болезни, взял песку от гроба преподобного, пришедши в келлию свою, посыпал этим песком свои раны и лег спать. Встав утром от сна, он увидел, что болезнь прошла, язвы исцелели и обе ноги сделались здоровы.

Прошло несколько времени. Игумен Гермоген заболел глазами, но, позабыв о своем первом исцелении от тяжелой болезни молитвами прп. Кассиана, снова стал лечиться у разных врачей, и опять без пользы: болезнь усиливалась и

игумен даже ослеп на один глаз. Великая скорбь и печаль овладела Гермогеном, и тогда, вспомнив о своем первом исцелении по молитвам прп. Кассиана, он решил обратиться к нему за помощью. С великой верой и умилением пришел игумен в церковь, слезно молился преподобному, прося у него исцеления. Затем взял земли от гроба преподобного; придя в келлию, высыпал землю в сосуд с водою и, умывшись этой водой, исцелился от глазной болезни.

Не один раз прп. Кассиан исцелял больных беснованием.

Крестьянка Мария из деревни, близкой к Учемской обители, была одержима бесом и часто приходила в исступление. В припадке она никого не узнавала, на всех бросалась и била. Напрасно муж Марии обращался ко многим врачам – они не оказывали ей помощи. Так прошло полгода. Однажды больная немного пришла в себя, вот она слышит колокольный звон в обители прп. Кассиана, хотя на самом деле благовеста в это время там не было. Мария сказала об этом своим домашним. Те начали звать больную в монастырь, веря, что этим благовестом прп. Кассиан зовет ее к себе. Мария согласилась, но лишь только они переехали Волгу, как дух лукавый стал снова мучить ее и не давал идти. С великим трудом привели бесноватую в храм, отслужили водосвятный молебен преподобному и, окропив святой водой, приложили ко гробу чудотворца. На больную тотчас напал глубокий сон; сонную привели ее домой, и, проспавши целые сутки, Мария встала здоровой, как будто и не хворала.

Подобное чудо совершилось при гробе прп. Кассиана над юношей Григорием, единственным сыном одного крестьянина из села Клементьева. Этот юноша, одержимый бесом, бегал по лесам, бросался в воду. Родители, глубоко скорбя о болезни сына, безуспешно лечили его. Потом стали они ходить по монастырям, моля Бога и святых Его угодников об исцелении сына. Услышав, что в обители преподобного Кассиана совершаются исцеления, они пришли сюда и усердно молились. Затем попросили игумена оставить сына их на некоторое время в монастыре. Игумен позволил и передал Григория под надзор пономаря. Прошла неделя. Юношу каждый день приводили в

церковь и однажды, во время Божественной литургии, он получил совершенное исцеление: бес оставил его. С радостью великой пошел Григорий восвояси, славя и благодаря Бога и угодника Его, прп. Кассиана.

Много и еще дивных чудес совершил и совершает до ныне преподобный для всех с верою притекающих ко гробу его.

Святые мощи прп. Кассиана почивают под спудом в храме упраздненного Учемского монастыря. Они освидетельствованы в 1629 г. Ростовским митрополитом Варлаамом (1619–1652). Тогда же составлена была служба прп. Кассиану и установлено общецерковное празднование. Память его празднуется дважды – в день кончины 2 октября и 21 мая – в день его тезоименитства.

Казанские мученики

В Казани убиенны мученики Иоанн, Стефан, Петр, Борис, Феодор, Сильван, Феодор, Василий, Феодор, Димитрий, Михаил, Иоанн и Василий. Предание не сохранило никаких сведений, кто они были, только о первых трех (Иоанне, Стефане и Петре) есть краткое сказание в грамоте Казанского митрополита (впоследствии патриарха) Гермогена к патриарху Иову. Ответная грамота патриарха Иова писана 3 февраля 1592 года. В сей грамоте сказано: «Убиенны под Казанью, записаны в большой Синодик и память их положено совершать во второй день Покрова Пресвятой Богородицы, а свв. Иоанн, Стефан и Петр, кроме большого Синодика, записаны были еще в литийные и повседневные». Особо вспоминаются Иоанн – 24 января, Стефан и Петр – 24 марта.

Киприан Суздальский, блаженный

По рукописным святцам, «святой блаженный Киприан, Христа ради юродивый, бысть в Воскресенском селе на Увоти реке, Суздальский чудотворец, преставися в лето 7130 октября во второй день», следовательно, в 1622 г. Блаженный Киприан жил на небольшом острове при устье р. Уводи (в Ковровском уезде), а в воскресные в праздничные дни приходил молиться в храм села Воскресенского. Место, где пребывал он, в семи верстах от Воскресенского, известно ныне под именем пустыни Киприановой, а ямы местности называются пещерами Киприана. Иначе, это памятники подвижничества его, тогда как для большинства казался он малоумным или простаком.

О юродстве еще преподобный Никон Черной горы писал в своем 38-м послании и прп. Кирилл Белозерский записал это в своем сборнике: «О юродстве и прежние отцы говорили, что это путь не обязательный, а дело благорассуждения, оно может служить даже соблазном и во вред. В житии св. Симеона, юродивого ради Христа, пишется, что он молился за соблазняющихся, да не вменится им в грех». «Не погрешим, – говорит архиепископ Филарет, – если прибавим к сему, что самое вредное для нас дело – страсть к просторной жизни. Пусть боятся более всего этой страсти на всяком пути. А простота – верный вождь для праведных, – говорит премудрый (Притч. 11, 3)». Это испытал на себе блж. Киприан. В 1751 г. в память его построен храм в Воскресенском.

Давид и Константин, святые мученики, князя Арагветские

Святые братья Давид и Константин – родом грузины – были наследственными правителями Арагветской страны. С детства воспитанные в православной вере, юные князья вели истинно христианскую жизнь и вместе с тем были достойными правителями и мужественными военачальниками. Во время их правления на Арагветскую страну напали полчища арабов, посланные племянником Магомета Мурваном. Святые братья разбили оные, о чем узнав, Мурван сильно разгневался и для разорения Грузии отправил большое войско. Силы были неравными. Мусульманские завоеватели разгромили Арагветскую страну, и братья князья, схваченные в плен, были представлены к Мурвану, который приказал их бить палками. А потом, желая обратить молодых, красивых и мужественных князей в мусульманство, лаской и льстивыми обещаниями убеждал их оставить христианскую веру. Но они твердо исповедали Христа. Тогда Мурван с помощью чародеев хотел добиться отречения их от православной веры. Но святые братья Давид и Константин все ухищрения языческого суемудрия преодолели молитвой. Видя непреклонность святых исповедников, магометанин приказал подвергнуть их жестоким мучениям, а затем утопить с камнями на шее в реке Риопи (в 730–740 году). Река вынесла тела братьев, освещенные тремя столпами света. Христиане взяли тела святых мучеников и погребли в пещере горы Цхал-Цители в городе Кутаиси.

В XII веке во время охоты царя Баграта Великого (1072–1117) нетленные мощи святых братьев были обретены в пещере, осиянной светом. Царь выстроил в их честь церковь Мучеников (Моцамети) и основал Моцаметский монастырь. Мощи святых братьев прославились многочисленными исцелениями.

Октябрь 3

Дионисий Затворник, в Дальних Пещерах почивающий, преподобный

Преподобный Дионисий, по прозванию Щепа, – пресвитер и затворник Печерский. При нем в 1463 г. в княжение киевского князя Симеона Александровича, при митрополите св. Ионе и Печерском архимандрите Николае, было следующее событие в Антониевой пещере. В день св. Пасхи, во время пасхальной утрени, когда Дионисий обходил с каждением мощи святых угодников, то в избытке духовной радости и любви к ним воскликнул: «Святые отцы и братие! Сегодня есть великий день. Христос Воскресе!» Как гром, прозвучал ответ от святых мощей: «Воистину Воскресе!» С того дня преподобный Дионисий ушел в затвор и после многих трудов отошел ко Господу. Это дивное событие с преподобным Дионисием увековечено в 8-й песни канона Киево-Печерским святым. Преподобный погребен в Дальних пещерах. Память преподобному Дионисию совершается 3/16 октября, также 28 августа/10 сентября и во 2-ю Неделю Великого Поста.

Октябрь 4

Иона и Нектарий Казанские, преподобные

Преподобные Иона и Нектарий Казанские – в миру Иоанн и Нестор Застольские. Когда святитель Гурий († 1563 г.; память 5/18 декабря) отправлялся в новоучрежденную Казанскую епархию, то царь Иоанн Грозный дал ему для забот о житейских делах боярина Иоанна Застольского. Под духовным руководством святителя Гурия Иоанн вел добродетельную, благочестивую жизнь. Он боялся греха, любил правду и был строго честен. В страхе Божиим воспитал Иоанн своего сына Нестора. Кроткий юноша с детства был аскетом: носил власяницу, соблюдал пост. Он любил молиться в храме. С согласия отца Нестор принял монашеский постриг с именем Нектарий. Скончался он в молодых годах. Отец Нестора Иоанн постригся в монашество с именем Иона. Перед кончиной он завещал похоронить его рядом со святителем Гурием, около могилы которого был погребен Нектарий.

При открытии мощей святителей Гурия и Варсонофия в 1595 году были обретены нетленные тела и одежды иноков Ионы и Нектария и оставлены под спудом в часовне Казанского Спасо-Преображенского монастыря (часовня построена Ионой над могилой святителя Гурия). В «Книге святых» сказано: «Преподобные отцы Иона и Нектарий ученики и боляры быша Гурия архиепископа, с ним и мощи их обретены в лето 7104 октября в четвертый день». Святые упоминаются в службе святителю Гурию: «Монаха два подвигшася к Богу добре, Иона и Нектарий, един единого родивый, тебе же послуживша в мире верно и по смерти твоей веру к тебе держаста несумненну и храмину каменну над грабом твоим соградиста. В той же и сами близ тебе погребошася святии тии, многим нетлением от Бога почтени бывше. Моли с ними, святителю Гурие, Христа Бога даровати нам мир и велию милость».

Гурий, Архиепископ Казанский и Варсонофий, Епископ Тверской

Спустя 32 года после кончины святого Гурия и через 20 лет со времени преставления святого Варсонофия, по повелению царя Феодора Иоанновича, начали строить на месте деревянной каменную церковь в честь Преображения Господня. Когда начали копать рвы и выкопали гробницы святых Гурия и Варсонофия – 1596 года, 4 октября, – то возвестили о сем митрополиту Ермогену, бывшему тогда архипастырем Казани. Митрополит, совершив литургию и панихиду, пришел в монастырь со всем освященная собором. Необычность вида нетленных гробов исполнила святителя благоговейным дерзновением открыть гробы при большом стечении народа. Сам святитель Ермоген так описывает это событие: «Видехом диво, его же не надеяхомся. Рака бо святого бе полна благоуханна мира, как чистой воды, мощи же святого Гурия вверху мира, яко губа ношахуся. Нетлением бо одари Бог честное и многотрудное его тело, яко и ныне зрится всеми. Токмо мало верхняя губы тление коснуся, прочие же его уды целы бяша, ничем же невредимы. Осязахом же и погребальные ризы его, и бяху крепки зело. Потом же открыхом раку преподобного Варсонофия и видехом: многим нетлением почтени от Бога мощи святого Варсонофия. К ногам преподобного тление коснуся, но обаче не токмо кости не разрушены, но крепки бяху зело и никакоже слабости в составе имуще, яко же и Гурия святителю. И погребальные ризы такожде, яко и Гурию преподобному, новых крепчае».

Честные мощи святителей переложили из тех гробов в новые ковчеги и при пении надгробных песнопений поставили поверх земли, чтобы все приходящие могли видеть и с верой лобызать их. Возвещено было о сем письмом царю Феодору Иоанновичу и патриарху Иову. Благочестивый царь и Святейший Патриарх, весь царский синклит и множество народа, узнав о сем, прославили Бога, прославляющего святых Своих. Благочестивый царь повелел хранить святые и многоцелебные

мощи святителей в особом приделе, с южной стороны алтаря большой церкви, которая ради этой святыни вскоре была благолепно украшена.

На древней иконе изображения святителей Гурия и Варсонофия отличаются строгостью старинного иконописного стиля. Ростом свт. Гурий выше свт. Варсонофия. Лицо свт. Гурия отличается кротостью, карие глаза его смотрят открыто и приветливо; у святителя окладистая борода, длинная и почти вся седая. У свт. Варсонофия лицо худое, изможденное, щеки глубоко впали, борода длинная, но редкая и оканчивается остро около половины груди; брови у свт. Варсонофия шире, усы тоньше, глаза смотрят строже, чем у свт. Гурия.

В соответствии с докладом архиепископа Чебоксарского и Чувашского Вениамина (Новицкого; 14 октября 1976 г.), Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен благословил творить в первое воскресенье после сего дня соборную память всем Казанским святителям.

Владимир Ярославич, князь Новгородский

Благоверный князь новгородский Владимир, внук св. равноапостольного князя Владимира, старший сын великого князя Ярослава и благоверной княгини Анны (в мире Ирины), родился в 1020 г. В 1034 г. князь Ярослав посадил его на княжение в Новгороде Великом и дал новгородцам грамоту с повелением платить по ней дань. Отсюда, из Новгорода, в 1042 г. Владимир Ярославич ходил войною на ямь и победил их.

Но случился мор на коней, и воины князя лишились их.

В 1043 г. по приказанию отца Владимир Ярославич участвовал в походе русских против греков, предпринятом для наказания греков за оскорбление русских купцов в Царьграде и за убийство одного из них. Поход этот был неудачен. На пути в Царьград Владимира встретили послы императора Константина Мономаха (1042–1054), обещая именем императора наказать убийц русского купца, но князь Владимир отпустил послов ни с чем и на лодках приблизился к городу. На вторичное предложение мира со стороны императора Владимир Ярославич соглашался на мир только под тем условием, что греки дадут по три фунта золота на каждого человека в его войске. Тогда греки начали сражение и зажгли несколько русских лодок; к довершению бедствия поднялась буря, разметала русские суда и много их потопила. Пошла ко дну и лодка князя, так что Владимира взяли в другую лодку. Войско русских принуждено было разделиться: воины, лишившиеся судов, под предводительством Вышаты решили возвращаться сухим путем, а княжеская дружина под начальством Владимира Ярославича отправилась морем. Император послал за русскими погоню сухим путем и морским. Заметив лодки греков, князь Владимир вступил в битву и, поразив греков наголову, возвратился в Киев со множеством пленных. Не так счастлив был шеститысячный отряд, возвращавшийся на родину сушей под предводительством Вышаты. При городе Варне (ныне болгарский город на западном берегу Черного моря) русские окружены были греками, взяты в плен и в Царьграде многие из

русских воинов были ослеплены. Отпущены они были на Русь лишь через три года, после заключения мира с греками.

В 1045 г. Владимир Ярославич с тогдашним Новгородским епископом Лукою Жидятою заложил каменный собор во имя Святой Софии, Премудрости Божией, оконченный через семь лет (в 1052 г.) Этот храм был главной святыней вольного города, священным средоточием его жизни. Древние новгородцы говорили: «Где Святая София, там Новгород; умрем, прольем кровь за Святую Софию». По распоряжению благочестивого князя в 1017 г. списаны были одним священником пророческие книги с толкованиями.

4 октября 1052 г. Владимир Ярославич, имея всего 32 года от рода, преставился в Новгороде; тело его было положено в созданном им храме Святой Софии, где немного ранее, в 1050 г., погребено было тело благочестивой его матери, благоверной княгини Анны. После святого князя остался один сын Ростислав.

В 1178 г. новгородцы в одной гробнице со святым Владимиром положили тело умершего у них князя Мстислава Ростиславича Храброго. В 1439 г. архиепископ Новгородский Евфимий позолотил, сделал надписи и положил покровы на гробницы св. Владимира и его благочестивой матери; тогда же он установил праздновать их память в 4-й день октября. В 1654 г. митрополит Новгородский Макарий перенес их мощи из Корсунской паперти в самую церковь Святой Софии и положил их в новой раке на правой стороне, у полуденных дверей. Мощи св. князя Владимира Ярославича почивают открыто.

Собор Казанских святителей

Последними словами Господа Иисуса Христа святым апостолам было повеление идти просвещать народы, «сидящая во тьме и сени смертной» (Пс. 106, 10). Укрепляемые благодатью Святого Духа последователи Спасителя взяли на себя Его благое иго и во все века смело шли в самые отдаленные уголки земли. Невзирая ни на какие трудности и опасности, они несли свет Истины, «просвещающий всякого человека» (Ин. 1, 9).

Русские православные пастыри, горевшие любовью ко Христу, видели, что Казань и Казанский край имеют громадное значение в деле дальнейшего просвещения всех народов Востока (Сибири).

Перед взятием Казани русскими был построен город-плацдарм Свияжск, место основания которого указал явившийся преподобный Сергей Радонежский. После учреждения Казанской епархии в татарскую столицу был назначен первый архипастырь – святитель Гурий, уроженец города Радонежа – родины преподобного Сергия.

Восемь лет святительских трудов – это постоянный подвиг проповеди слова Божия неверным, строительство монастырей, храмов и собственная внимательная духовная жизнь. Подорванное в юности здоровье совсем покинуло святителя за два года до кончины. Перед смертью свт. Гурий принял великую схиму от св. Варсонофия и мирно почил 5 декабря 1563 г. На Казанскую кафедру вступил его достойный преемник – ревнитель Православия свт. Герман.

Святой Варсонофий (в миру Иоанн), когда ему было еще 17 лет, попал в плен. Он не тратил времени попусту, а изучал татарский язык и знакомился с мусульманством. В этом явно видна рука Промысла Божия, готовившего великого просветителя Казанского края. Св. Варсонофий уже в сане архимандрита прибыл в Казань вместе со свт. Гурием. Там он устроил Спасо-Преображенский монастырь, занимался просвещением татар, исцелял телесные недуги

новопросвещенных. В 1567 г. Московский митрополит свт. Филипп вызвал св. Варсонофия в Москву и рукоположил его во епископа Тверского. Через три года свт. Варсонофий был уволен на покой и переехал в Казанский Спасо-Преображенский монастырь, где скончался 11 апреля 1567 года и был погребен вместе со своим наставником.

Обретение мощей свтт. Гурия и Варсонофия произошло в 1595 г. при строительстве нового храма в Спасо-Преображенском монастыре, основанном св. Варсонофием. Тела святых Гурия и Варсонофия оказались нетленными. Мощи первого Казанского святителя Гурия источали благовонное и целебное миро. Во время открытия мощей свтт. Казанских обретены нетленные тела святых иноков Ионы и Нектария, отца и сына, учеников святителя Гурия.

Церковь прославляет Казанских чудотворцев как просветителей, молитвенников о новопросвещенных, вразумителей неверных, образов спасения, защитников от нахождения иноплеменных, умирителей междоусобной брани, наказателей клеветников, прогонителей лукавых духов и исцелителей немых, наставников монахов. Особо память всех Казанских святителей совершается: Гурия – 5/18 декабря, Варсонофия – 11/24 апреля и Германа – 6/19 ноября.

Аммон Затворник, в Дальних Пещерах почивающий, преподобный

Преподобный Аммон, затворник Печерский (XIII в.), именуется трудолюбивым. По благословению игумена, он странствовал во святую Афонскую гору и во Иерусалим, ревнуя житию святых великих отец. По возвращении своем оттуда так жил благочестиво и свято, что даже старцы брали его себе за образец в иноческой жизни. Святой Аммон любил нищету и заботился о приобретении нетленных богатств на небе; затворившись в пещере, своими подвигами он поправил все вражьи коварства. Преставившись душою ко Господу, обрел в Нем вечный покой; тело же его святое положено здесь, в Дальних пещерах. Кроме общей памяти преподобным, в Феодосиевой пещере почивающим, – 28 августа, преподобного Аммона память совершается еще 4/17 октября, вероятно, в день его тезоименитства, так как 4/17 октября в Православной Церкви совершается память прп. Аммона Египетского, ученика преподобного – Антония Великого.

Елладий и Онисим, затворники Печерские, в Ближних Пещерах почивающие

В Полном христианском месяцеслове (Киев, 1875 г.), под 4-м числом октября, положена, вместе с преподобным Аммоном, память преподобных Елладия и Онисима, но почему – неизвестно, тем более, что преподобные сии почивают в Ближних (т. е. преподобного Антония) пещерах, а преподобный Аммон – в Дальних. Преподобный Елладий в каноне преподобных, почивающих в Ближних пещерах, упоминается дважды – в 6 и 7-й песнях; но не сохранилось никаких его житий.

В тот же день совершается память **святителя Евдемона католикоса, патриарха Грузинского.**

Пиор Затворник, в Дальних Пещерах почивающий, преподобный

Преподобный Пиор отличался постом и трудолюбием и в этом служил примером для постников и трудолюбцев. Не желая взирать на прелесть и суету мира сего, он затворился в темной пещере и там подвизался в беспрестанной молитве. Память его совершается 4/17 октября, 28 августа/10 сентября и в Сырную субботу.

Октябрь 5

Харитина, княжна Литовская, преподобная

Преподобная Харитина подвизалась в Петропавловском девичьем монастыре, что на Синичьей горе, вблизи Новгорода. Время жизни и подвигов преподобной указывается не согласно и не одинаково в тех немногих известиях о ней, которые дошли до нас. Можно, однако, думать, что время жизни преподобной Харитины относится к XIII столетию, ко второй его половине, когда бурные и кровавые события в Литве заставляли многих знатных литовцев искать убежища в Русской земле. Преподобная Харитина была княжна, по некоторым известиям, из рода королей литовских. Гонимая с родины междоусобиями в королевской семье, преподобная Харитина нашла себе убежище в Великом Новгороде, в женском Петропавловском монастыре, где и посвятила себя на служение Господу. Отрекшись от мирского счастья, которое сулило ей высокое княжеское положение, отказавшись от утех семейной жизни, преподобная проводила строго подвижническую жизнь. Вероятно за то она возведена была в настоятельницы Петропавловской обители. Скончалась преподобная Харитина 5 октября, но в каком году, точно неизвестно – вероятно, в конце XIII в.

Память преподобной Харитины чтится местно неизвестно с какого времени. Святые мощи ее почивают в Петропавловской церкви, бывшей ранее монастырской, теперь кладбищенской.

Григорий Хандзтийский, преподобный

Преподобный Григорий Хандзтийский, основатель и архимандрит Кларджети. Происходил из знатного грузинского рода, пользовавшегося расположением царя Ашота Куропалата (786–826). Призвание к иноческой жизни сказалось еще в отроческие годы преподобного. Свой уход из дому и вступление на подвижнический путь он так объяснял своей матери: «Прости меня, мать моя, но я удалился от тебя не по своей воле, а потому, что то, что произошло, угодно было Богу».

Вся жизнь преподобного Григория протекала в постоянных молитвах, в слезах, воздержании, в терпении, кротости, глубочайшем смирении и неутомимых трудах. Он достойно стяжал себе славу благочестивого и ревностного служителя Церкви Христовой и был избран при царе Ашоте Куропалате игуменом Хандзтийского монастыря. Отличаясь глубочайшим послушанием воле Божией, святой Григорий видел смысл земной жизни именно в послушании, дарующем высшую благодатную свободу всей твари. Послушание духовному отцу положил он и в основу всего уклада монастырской жизни, укрепляя общежительные монастыри по всей Кларджети, а впоследствии, будучи архимандритом, и по всей Грузии.

В то время как в Византии, после иконоборческого собора 815 года, Православие было сильно теснимо, грузинское монашество, духовно окормляемое преподобным Григорием Хандзтийским, отстаивало и утверждало чистоту православной веры, одновременно борясь с монофизитством.

В 825 году Григорий Хандзтийский «по прибытии в Константинополь поклонился Древу Жизни и всем святым мощам, обошел радостно все святые богомолья» и привез с собой в Грузию «мощи святых, святые иконы и иные благословения во множестве». Святой Григорий был ревностным поборником сотрудничества Церкви и государства, независимых и равноправных по отношению друг к другу. Его взгляды благотворно сказались на решениях церковного Собора, созванного в Джавахети, содействовали упрочению

Автокефалии Грузинской Православной Церкви. Духовный сын преподобного Григория Хандзтийского епископ Ацкурский Ефрем «установил мироосвящение в Грузии, по благословению Иерусалимского патриарха и его свидетельству», как повествует Григорий Мерчули, составивший житие святого Григория Хандзтийского.

Последние месяцы своей жизни, по преданию, святой Григорий Хандзтийский провел в уединенной келлии, где сподобился благодатных видений. Иноки монастыря видели сияние, озарившее его келлию, и были убеждены, что «не сжигающий огонь, а Дух Божий» осиял праведника, подобно Фаворскому свету. Грузинская Церковь совершает память святого Григория Хандзтийского 5/18 октября, в день его блаженной кончины.

Собор святителей Московских

Подобно празднованию трем Вселенским учителям и святителям Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту, совершаемому и порознь каждому, и всем вместе в один день, и Русская Церковь, каждого порознь и всех вместе чтит и воспевает святителей Московских: митрополитов Петра, Алексия, Иону, Филиппа и Еρμοгена – заступников, предстателей и хранителей Церкви и Отечества. Прежде установления праздника в честь Всероссийских святителей они все совокупно и равночестно называемы были у православных великими чудотворцами и молитвенниками.

После монгольского нашествия вставала обновленная Русь, когда архипастырем и духовным вождем ее Господь избрал «смиренного богомудрого Петра» и открыл его духовному взору грядущий жребий Москвы – первопрестольного града, сердца Православной России. Уроженец далекой Волыни, носитель традиционного титула митрополита Киевского и всея Руси, святитель Петр († 1326 г.) завещал похоронить его в заложенном его честными руками Успенском соборе Московского Кремля, и рака святых мощей его сделалась краеугольным камнем, благословением великого дела – собирания Русской земли.

Подвиг его продолжил святитель Алексей († 1378 г.) – «правило монашествующих и Церкви утверждение», духовный отец и воспитатель великого князя Дмитрия Донского. Родом из черниговских бояр, постриженник Московского Богоявленского монастыря, святой митрополит всю свою жизнь отдал служению единству раздираемой междоусобными бранями Руси. «Постникам сподвижник», друг и собеседник богоносного аввы Сергия, богоспросвещенный создатель нового славянского перевода Нового Завета, он соединил в себе совершенства духовные с мудростью государственной. Многие годы при юном князе Дмитрии он стоял у кормила гражданского правления, мужественно предстательствовал за родную землю пред ордынскими ханами и исцеленной им

ханшей Тайдулой. Он не дожил до великой победы на поле Куликовом, но победа эта стала возможной лишь благодаря его неустанным трудам и первосвятительскому молитвенному предстоянию перед Господом Сил.

Прославлением чудотворных мощей святителя Алексия начал свое первосвятительское служение Русской Церкви святой митрополит Иона († 1461 г.) – достойный преемник «осиянных светом Божественным» первопрестольников Российских. Уроженец Костромских пределов, с 12 лет вручивший свою жизнь монастырским старцам, он подвизался, восходя по лестнице добродетелей, в Московском Симоновом монастыре, где послушанием его было «Божественных книг списание». Посвященный в архиерейское достоинство святым митрополитом Фотием († 1431 г.), он по смерти последнего должен был стать его преемником, но Господь послал в эти годы Русской Православной Церкви великие испытания: митрополитом поставлен был в Царьграде (в 1439 году) латинствующий Исидор. Святитель Иона, поборник истинного почитания Святой Троицы, потерпел много трудов и скорбей в обличении лжепастыря во имя веры и благочестия. Милость Божия была ему наградой – он сподобился чести стать в 1448 году первым предстоятелем Автокефальной Русской Церкви.

Служением правды и милости был недолгий первосвятительский подвиг святого митрополита Филиппа († 1570 г.). В прошлом московский боярин, он сменил придворные одежды на рубище странника, покинул богатый свой дом, возревновав о пустынножительстве. Много лет подвизался он в Соловецкой обители, удостоился быть в ней игуменом; иноческий остров среди Студеного моря преобразил в возделанный цветущий сад. Возведенный по воле Иоанна Грозного на Русскую митрополию, святитель Филипп, «Христова смирения ревнитель», взывал к милосердию, мужественно обличал царя в пролитии невинной крови, напоминал, что «начало мудрости есть любовь». Ярость властителя разбивалась о необоримую кротость святителя, пребывавшего верным заповедям любви до своей мученической смерти.

Святитель Ермоген († 1612 г.), родом из донских казаков, в годы правления Иоанна Грозного был приходским священником в одном из храмов новопросвещенной Казани. В 1579 году по воле Божией он участвовал в прославлении чудотворной Казанской иконы Божией Матери, позже – в сане митрополита Казанского – составил Сказание о ее обретении и службу. В Смутное время, «среди ночи нечестия и вражеского состояния», когда с помощью самозванцев и польского нашествия иезуиты надеялись подчинить себе Русскую Церковь, Господь привел святого Ермогена на патриарший престол. Духоносный старец-патриарх стал поистине Ангелом Хранителем истерзанной врагами Москвы, вдохновителем всенародной борьбы за освобождение столицы и всей Русской земли от «нахождения иноплемennых».

Мученическая кончина достойно увенчала святую жизнь патриархов.

Время не затмило подвига кротких и мужественных, смиренных и величественных святых иноков – пастырей и государственных мужей – святителей Московских: Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена, засвидетельствовавших своей жизнью могучую созидательную силу Православия.

Празднование в один день в честь Московских святителей Петра, Алексия и Ионы установлено патриархом Иовом 5 октября 1596 года. Святитель Филипп причислен к ним в 1875 году, по ходатайству святителя Иннокентия, митрополита Московского (память 31 марта и 23 сентября), а святитель Ермоген – в 1913 году.

Празднуя память всероссийских святителей в один день, Церковь воздает каждому из них равную честь как небесным покровителям города Москвы и молитвенникам за наше Отечество.

Память святителей также совершается: свт. Петра – 21 декабря/3 января, свт. Алексия – 12/25 февраля, свт. Ионы – 31 марта/13 апреля, свт. Филиппа – 9/22 января, свт. Ермогена – 17 февраля/1 марта.

Дамиан, Пресвитер и Целебник, Иеремия и Матфей, в Ближних Пещерах почивающие, преподобные

Преподобный Дамиан подвизался в Киево-Печерской обители во время игуменства преподобного Феодосия (память 3/16 мая). О преподобном Дамиане св. Нестор в житии преподобного Феодосия пишет, что он во всем подражал равноангельскому житию наставника своего и ревностно подвизался во всяких добродетелях. Многие свидетельствовали о добром его житии, смирении и послушании. Дамиан отличался покорностью; удивлял всех своей кротостью. Его подвижническая жизнь, бодрствование по ночам, прилежное занятие чтением святых книг и частое восстание на молитву – все это было хорошо известно братии и вызывало благоговение ко св. Дамиану. Многие говорили о нем, что он был великий постник и подвижник и до самого дня смерти своей не вкушал ничего, кроме хлеба и воды. За свою благочестивую жизнь он удостоился получить от Господа дар чудотворения, особенно же благодать исцеления болящих, подобно святому бессребренику и чудотворцу Дамиану, имя которого носил. Приносил ли кто к преподобному больного ребенка или приводил к нему взрослого человека, страдавшего каким-либо недугом, Феодосий повелевал блаженному Дамиану творить молитву над болящим. Со смирением и безропотной покорностью, считая себя недостойным дара исцеления, творил тогда Дамиан над болящими молитвы и помазывал их святым елеем, и, Божией благодатью, все получали исцеление и уходили здоровыми. В богоугодных делах прошла вся жизнь святого. Перед кончиной он заболел и, лежа на смертном одре, со слезами молился: «Господи мой, Иисусе Христе, сподоби меня быть сообщником славы святых Твоих, и с ними причастником Царствия Твоего; не отлучи меня, Владыко, от отца моего и наставника преподобного Феодосия, но вместе с ним всели меня во свете Твоем, который приготовил Ты праведникам». Когда он так молился, вдруг у одра его предстал Ангел в образе прп. Феодосия, наклонился на перси Дамиана и, любезно целуя его,

сказал: «Чадо, вот я пришел возвестить тебе от лица Господня, что ты получишь то, о чем молился, будешь причтен с Его святыми и с ними водворишься в Царствии Небесного Владыки. Когда же Господь Бог повелит тебе преставиться от мира сего, не разлучимся мы друг с другом, но вместе в том Свете обитать будем». Сказав сие, Ангел стал невидим. Блаженный Дамиан понял, что ему было явление от Бога, ибо он не видел, чтобы говоривший ему входил иди выходил дверями, но на том же самом месте, где явился, там и стал невидим. Тотчас призвал он послушника и послал его к преподобному Феодосию, прося его прийти к себе. Когда святой немедленно пришел, блаженный Дамиан с радостным лицом спросил его: «Отче! Будет ли так, как ныне явился ты мне и обещал?» Преподобный же, ничего о том не зная, ответил: «Не знаю, чадо, о каком обещании говоришь ты». Тогда поведал ему блаженный Димиан о своей молитве и о чудном явлении ему некоего мужа в образе преподобного. Слышав это, богодухновенный Феодосий восхвалил Бога и, прослезившись, сказал: «Ей, чадо! Будет так, как обещано тебе, ибо Ангел Божий явился тебе в образе моем. Я же грешен и как могу быть обещателем славы, которая уготована праведным Богом». Получив такое извещение, преподобный Дамиан возрадовался духом и утвердился в надежде. Между тем к нему в келлию собрались иноки; он простился со всеми и в добром исповедании с миром предал душу свою в руки Господа. И когда Ангелы пришли за ней, преподобный просиял лицом, являя радостное разлучение души с телом. Тогда преподобный Феодосий повелел ударить в било, чтобы собралась вся братия; с пением и великой честью погребли они в пещере честное тело Христова угодника. Преставился он за три года до кончины преподобного Феодосия, в 1071 году, 5 октября.

Наша Русская земля была славна пророком Иеремией, не ветхозаветным, иудейским, но великим подвижником Печерским. О нем прп. Нестор так пишет в летописи: «Был и другой брат, именем Иеремия, который помнил крещение Русской земли». Тогда и был он просвещен святым крещением. Спустя много лет после сего он пришел в святой монастырь

Печерский к преподобным отцам нашим Антонию и Феодосию, принял великий ангельский образ – схиму, и в нем богоугодно подвизался, подражая житию святых отцов. За великую свою добродетель «ему, – продолжает св. Нестор, – дан был Богом дар: он предсказывал будущее и, если в ком видел худые помыслы, обличал его тайно и увещевал беречься диавола; если брат хотел выйти из монастыря, то, посмотрев на него, приходил к нему, обличал помысл его и утешал брата; если говорил ему, что будет с ним приятное или неприятное, слово старца сбывалось». Прожив много лет и принеся много добра и пользы ближним своим прозрением, Иеремия скончался в глубокой старости (90 лет) и, оставив в пещере храмину своей души – тело, духом отошел к сонму святых пророков и прозорливцев. Мощи его почивают в Антониевой пещере.

«Был и еще старец – Матфей», – пишет прп. Нестор. Он иночествовал в Печерском монастыре во дни святых первоначальников сей обители. Преподобный Матфей пострижен св. Феодосием. За великие свои подвиги удостоился получить от Бога такое дарование, что ясно мог зреть лица подземных эфипов – бесов, обличать их и открывать на пользу спасающимся тайные козни их.

Стоя однажды в святом храме на обычном своем месте во время церковного богослужения, блаженный Матфей увидел беса в образе воина, который обходил иноков, стоящих в храме, и бросал на них липкие цветы, предварительно налагая на цветы что-то злое. Причем, если цветок приставал к кому-нибудь из братьев, в том сейчас же ослабевало внимание к богослужению и терялось усердие к молитве, и он, найдя себе какой-нибудь предлог, вскоре уходил из церкви в свою келлию, где ложился спать, не возвращаясь больше в церковь. Если же брошенный цветок падал мимо инока к не приставал к нему, то инок по-прежнему оставался в церкви и стоял до конца церковной службы. Все виденное старец передал братии и все с этого времени стали остерегаться выходить из церкви.

У блаженного Матфея был обычай уходить из церкви по окончании богослужения последним. Однажды, по выходе из церкви, по окончании заутрени, он сел под колокольной с целью

отдохнуть и немного заснуть, потому что келлия его далеко была от церкви. И он увидел, что большая толпа идет в монастырский двор из ворот и, внимательно всмотревшись, заметил, что один бес горделиво едет на свинье, а остальное множество входящих окружают его. И сказал старец входящим: «Куда идете вы?» Сидящий на свинье бес ответил: «За Михаилом Тоболковичем». Старец, осенив себя крестным знаменем, ушел в свою келлию; уже светало на дворе, и блаженный сказал своему ученику: «Поди, узнай, в келлии ли Михаил?» Тот пошел узнать, и ему сказали: «Сегодня после утрени он вышел за монастырскую ограду». Старец открыл свое видение игумену и старшей братии. Игумен, призвав названного и расспросив о его поведении, словом назидания вразумил его и отпустил. Блаженный Матфей наставлял братию оставаться в келлиях и пребывать в молитве и богомыслии.

При блаженном Матфее мирно почил преподобный отец Феодосий, после коего игуменом был Стефан, а затем Никон, при котором Матфею было такое видение: стоя в церкви во время утрени, Матфей поднял очи, чтобы увидеть игумена, но к своему ужасу на месте игумена вместо Никона увидел осла. Когда блаженный старец сообщил свое видение игумену Никону, тот понял это видение, как наказание за неаккуратное посещение церковных служб, и с тех пор не только леность, но и какое бы то ни было монастырское дело или нужды не могли отвлечь блаженного Никона от посещения церкви.

Многих и других видений сподобился этот старец и, открывая их братии, служил им на пользу и вразумление. По известию Поликарпа, прп. Матфей прозорливый при игумене Никоне (1074–1088) молился вместе с другими об исцелении обольщенного Никиты. Достигнув глубокой старости, он почил о Господе в добром исповедании в 1088 году, честные мощи его лежат нетленно в Антониевой пещере со святыми отцами, а сам он молится за нас, предстоя пред Престолом Владыки.

Совместная служба преподобным Дамиану, Иеремии и Матфею совершается 5/18 октября, 28 сентября/11 октября и во вторую Неделю Великого поста.

Октябрь 6

Феодосий, митрополит Московский, святитель

Московский митрополит Феодосий в старинных святцах считается в числе святых неканонизированных; мощи его под спудом в Троице-Сергиевой лавре в Серапионовой палате. О жизни свт. Феодосия известно, что он носил фамилию Бывальцев, 10 лет был архимандритом Чудова монастыря в Москве; с апреля 1454 года был Ростовским архиепископом; от времени управления им Ростовской паствой известна окружная грамота, в которой он призывал духовенство в Белозерск на собор для поучения их Божию закону. Необычно было избрание Феодосия на кафедру восточно-русской (Московской) митрополии. Когда святой Иона (см. 15/28 июня) видимо изнемогал и приближался к смерти, великий князь Василий Васильевич созвал несколько епископов и вместе с ними обратился к первосвятителю с просьбой, чтобы он сам назначил себе преемника. Иона, посоветовавшись с князем и епископами, избрал и благословил на свое место Ростовского архиепископа Феодосия, написал на его имя благословенную грамоту и положил ее, за своей подписью и печатью, на престоле в Московском Успенском соборе. Такое необычайное избрание Феодосия было сделано, вероятно, с целью предотвратить по смерти св. Ионы между русскими всякие колебания в выборе ему преемника и лишить польского короля Казимира единственного благовидного случая ходатайствовать перед патриархом о принятии литовского митрополита Григория на Московскую кафедру. По смерти св. Ионы бывшие в Москве епископы известили об этом прочих, послали им копии с благословенной грамоты покойного на имя Феодосия и приглашали их в Москву для поставления новоизбранного митрополита. Некоторые из архипастырей – Иоанн Новгородский, Тверской Геннадий – прислали свои повольные грамоты с обещанием повиноваться новому митрополиту и не принимать Григория. Другие же явились в Москву и 3 мая 1451 года в Успенском соборе возвели Феодосия на степень митрополита. Очевидно, русские святители сделали это без

сношения с Константинопольским патриархом, на основании грамоты, которую патриархи раз навсегда предоставили русским митрополитам ставиться у себя дома, без всяких сношений с Царьградом. Святитель Феодосий известен был как ревностный пастырь, заботившийся особенно об улучшении нравственно-религиозного состояния московского духовенства. Он каждую неделю созывал оное к себе и учил святым правилам, а вдовых священников и диаконов, среди коих много было лиц зазорного поведения, заставлял постригаться в монастырь, а державших у себя наложниц лишал священства. Это возбудило ропот не только в духовенстве, но и в прихожанах. Огорчения, каким по этому случаю подвергался митрополит, расположили его добровольно оставить митрополию, и 3 сентября 1464 г. он удалился в Чудов монастырь, где взял к себе в келлию одного расслабленного старца и служил ему, а через одиннадцать лет (в 1475 г.) он перешел в Троице-Сергиеву лавру, где и скончался в октябре 1476 г.

Октябрь 7

Сергий Обнорский, Нуромский, Волгодоский, преподобный

Жития святых угодников Божиих, просиявших в России, составлены в монастырях иноками и предназначались для чтения преимущественно инокам. Инокам же, совершенно отрекшимся от мира и оставившим даже свое имя, данное им при св. крещении, естественно все мирское казалось маловажным и не заслуживающим внимания. Оттого во многих житиях святых, в которых подробно рассказывается их жизнь в монастыре и иноческие подвиги, что единственно только и было важно в глазах писателей-инок, ничего не говорится об их роде и происхождении, о мирском имени, занятиях и других обстоятельствах их жизни до прибытия в монастырь. Таково и дошедшее до нас житие преподобного Сергия, Нуромского чудотворца, написанное Глушицким игуменом Ионой по запискам Обнорского игумена Протасия.

Когда слава великого духовного светила, прп. Сергия Радонежского, распространилась по всему северу и достигла Царьграда, привлекая в пустынную его обитель множество бельцов и инок, желавших учиться у него духовным подвигам, пришел к нему некто Сергей – постриженник святой горы Афонской. Не мало времени провел афонский постриженник в Сергиевой пустыне, наслаждаясь его духовными беседами, и чем долее жил, тем более дивился смирению и подвигам духовного старца, каких напрасно искал на дальнем Востоке. Прп. Сергей душевно радовался прибытию к нему странника, столь ревностного к подвигам и опытного в духовной жизни, и искренно полюбил его.

И не легка была разлука с прп. Сергием для афонского инок, сердечно прилепившегося к нему, как к отцу, и собственным опытом дознавшего, как полезно для души иметь такого мудрого руководителя и наставника, каким был преподобный Сергей. Но любовь к уединению непрестанно влекла его из многолюдной обители Сергиевой в пустыню, и, побеждаемый ею, он припал к ногам прп. Сергия и, открыв ему

желание своего сердца, со слезами просил у него совета и благословения. Искренний любитель пустыни, лучше других знавший пользу уединения и безмолвия, не мог отказать своему другу в том, чего сердечно желал сам, и подвижники со слезами расстались, прося друг у друга молитв и благословения.

Оставив Радонежскую пустыню, Сергей направил путь свой к северу и, переходя из лесу в лес, достиг Вологодских пределов и остановился на берегу реки Нурмы на горе в дремучем лесу. Осмотрев с возвышенности холмистую окрестность в увлекшись красотой места, удаленного от мирских селений и удобного для уединения, он ощутил в сердце своем радостный трепет, как будто нашел какое великое сокровище, и, сказавши сам себе: «Се покой мой, zde вселюся», пал на колени и со слезами начал молиться Богу, прося Его помощи и благословения. Вставши от молитвы, Сергей водрузил на горе крест, построил малую часовню для молитвы и келью для жительства и стал подвизаться, никем незнаемый, в совершенном безмолвии, дни и ночи проводил в молитвах и псалмопении, умерщвляя плоть свою постом и непрерывным трудом. «И пребысть ту блаженный един лета довольна, равноангельскую жизнь проводя» и терпеливо переноса искушения и напасти и от бесов и от людей. Два раза нападали на него здесь недобрые люди. В первый раз избили они его до того, что оставили его едва живым; но по молитве своей он скоро выздоровел. В другой раз хотели напасть на него во время полунощной молитвы его. У них были в руках орудия смерти; у Сергия были только четки. «Боже, в помощь мою вонми», – взывал отшельник. Страх напал на разбойников, и они бежали из келлии его, никем не преследуемые.

Из любви к пустыне и безмолвию прп. Сергей расстался со своим великим наставником и вышел из обители Радонежской; как ни тесен и не прискорбен был избранный им путь, он с радостью шел по нему, терпеливо переносил все пустынные скорби и лишения, утешаясь тем, что, ничем не развлекаемый, неведомо для людей он может служить Богу. Он желал прожить так до конца своей жизни, но Господь восхотел поставить его светильником на свещнице, чтобы равноангельская жизнь его

была примером для других и чтобы исполненные мудрости и опыта слова его служили к духовной пользе многих. Мало-помалу молва о строгом отшельнике стала распространяться в окрестности. И стали приходить к нему жаждущие спасения душевного: приходили одни для того, чтобы попросить себе его молитв и благословения, другие желали подать труднику милостыню на пропитание в получить от него назидание, а некоторые изъявляли желание навсегда остаться с ним в пустыне и подвизаться под руководством мудрого старца.

Уразумев, что на то есть воля Божия и что пустыня его должна обратиться в общежитие, старец с любовью принимал всех приходивших к нему. Когда собралось к нему таким образом до сорока человек, блаженный старец начал думать о сооружении церкви и келлии по чину общежительных монастырей. И при единодушном старании вскоре был построен небольшой деревянный храм в честь Происхождения Древ Святого Креста, келлии для братии и другие необходимые для общежития службы.

В то время на той же реке Нурме, во внутренней пустыне, проводил безмолвную и уединенную жизнь великий отец наш Павел. Он пришел сюда из той же славной лавры великого российского светила Сергия, откуда пришел и преподобный Сергий, Нуромский чудотворец. Еще находясь под паствою преподобного Сергия Радонежского, святой Павел внимательно поучался жителству его о Боге и по благословию его удалился в сию пустыню. Монастырь же блаженного Сергия Нуромского отстоял от жилища великого Павла на расстоянии около четырех верст. Преподобный Сергий пожелал увидеться с ним. И, как братья, с радостью встретились великие подвижники, взаимно приветствовали друг друга, просили себе молитв и благословения, не желая только уступить один другому в смирении. Сергий удивлялся невещественной жизни пустытника, а Павел благоговел пред ним как пред священником и превозносил труды его как основателя обители и мудрого наставника. С этой встречи они на всю жизнь сделались друзьями и собеседниками, не делая ничего без совета друг с другом. Кроме того, прп. Павел принимал от святых рук

блаженного Сергия причащение Святых Животворящих Таин, Тела и Крови Христа, Бога вашего, исповедуя блаженному все свои помышления, и был преподобный Сергей преподобному Павлу духовным отцом. Поэтому во всяком деле они поведывали друг другу свои помышления, будучи рабами и последователями Единого Владыки. Советуясь между собой о пустынном озлоблении и устрашении бесовском, они делились своими скорбями и укреплялись духом и словом Божиим, утверждаясь надеждой будущих благ.

После многих трудов и подвигов преподобный Сергей достиг старости глубокой. От старости и трудов впал он в тяжкую болезнь и долго находился в полном изнеможении. Узнав о недуге прп. Сергия, великий Павел пришел посетить его, думая, что близко его прехождение от земной жизни в вечную. Лишаясь друга своего и собеседника, Павел обливался слезами и просил у него благословения и прощения. Слезы мешали им сначала говорить. Наконец, сдержав рыдание, святой Павел рассказал прп. Сергию, что в одном месте в своей пустыни, под горой, на реке Нурме, слышал он звон великий и видел свет неизреченный, сиявший сильнее солнечных лучей. Услыхав сие, прп. Сергей счел это не простой вещью, но проразумел дело Божие. «На том месте, – сказал преподобный, – созиждется обитель во славу Пресвятой Троицы, и многие спасутся на месте том». Так пророчествовал блаженный. После сего Нуромские чудотворцы облобызали друг друга со слезами, и великий Павел удалился в свою внутреннюю пустыню. С тех пор начал он принимать братию и строить монастырь. На том же месте, где слышал звон и свет видел, святой Павел воздвиг церковь во имя Пресвятой Живоначальной Троицы, по пророчеству Сергия, Нуромского чудотворца.

Наконец от великой болезни и старости блаженный Сергей совершенно изнемог. Видя себя приближающимся к кончине и проразумев отшествие свое к Богу, он призвал к себе всю о Христе братию. Когда они пришли и увидели отца своего приближающимся к концу, то залились слезами и, припадая к нему, говорили: «Не оставляй нас, благий отче, но еще побудь с нами».

Преподобный же, возведя очи к небу, сказал им: «Приблизился, братие, конец земной жизни моей, и я должен нести общий телесный долг. Таково изволение Господа. Предаю вас, чада, Богу и Пречистой Богоматери. Бог мира и Пречистая Его Мать да будут с вами до скончания века и да хранят вас и утвердят в любви Своей. Вы же, чада, не скорбите о моем отшествии, но пребывайте в любви Божией и заповеди Его сохраняйте, поминая со страхом и трепетом слово Владыки Христа: *Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя* (Ин. 14, 21). Страхом Божиим ограждайте сердца ваши, чтобы Он наставил вас всякому благу делу, ибо *начало премудрости страх Господень* (Прем. 1, 7); украшайте друг друга смирением, отвращайтесь от лживых речей, говорите каждый брату своему истину, ненавидьте клевету, избегайте вражды. Но если кто из вас допустит гнев в сердце свое, вы с любовью уговорите его, ибо сказано: *Солнце да не зайдет в гневе вашем* (Еф. 4, 26). Покоряйтесь наставникам, ибо они бдят о душах ваших, так как должны дать ответ за вас Богу. Без лености совершайте церковную службу. Если будете жить так, то будете блаженны».

Слушая сие последнее поучение отца своего, реки слез испускали из очей своих братия. Когда же преподобный совсем изнемог и был близок к последнему издыханию, он приобщился Святых Таин Тела и Крови Христа Бога нашего. По приобщении же Святых Таин он возвел руки свои к небу и вознес тайную молитву. Помолившись, св. Сергей сложил на персях руки крестообразно и предал Господу дух свой. Так перешел святой в вечную жизнь. И было лицо его, по преставлении к Богу, светло, так что можно было сказать, что не умер он, а покоился во сне, ибо непорочно было житие его. Взяв святые его мощи, плачущие братия понесли их на головах своих в церковь с надгробными песнопениями и возжжением свеч и схоронили они трудолюбное и святое тело своего пастыря близ созданного самим преподобным храма Происхождения Честного Животворящего Креста Господня. Преставился же преподобный Сергей в 1421 году, 7 октября, в день памяти чесных мучеников Сергия и Вакха.

Невозможно граду, стоящему на верху горы, утаиться и горящему светильнику быть сокрытым от всех. Невозможно и добродетелям святых долгое время быть утаенными под землею, как под спудом, и кануть в глубину забвения в течение многих лет, ибо Господь желает явно показать их всем. Сего дара Божественного сподобился по смерти своей и святой отец наш Сергей. Спустя много лет по преставлении святого случилось, по устроению Божию, следующее. Преподобный Сергей явился ночью одному благоговейному иноку Никифору во время тонкого сна и велел сказать игумену и братии, чтобы очистили место его погребения, потому что не хочет Господь долее оставлять его в неизвестности и небрежении. «Кто ты?» – спросил явившегося смущенный инок. «Я грешный Сергей, бывший начальником сего святого места», – отвечал явившийся и указал место, где находится гроб его. Три раза повторялось видение и в последний раз даже с угрозой за непослушание, но Никифор, почитая свои видения за сонные мечтания и опасаясь, как бы не обмануться, не исполнял приказания дотоле, пока не был поражен тяжелой болезнью. Тогда со слезами раскаяния он открыл игумену свои видения и послушание, указал место гроба под церковной папертью, и когда был приведен туда, внезапно получил исцеление. Гробница преподобного была найдена, и когда над мощами угодника поставлена была рака с иконой преподобного, то, как из неисчерпаемого источника, потекли от нее исцеления болезней душевных и телесных.

«Умоляю вас, – говорит нам преподобный Сергей своей жизнью, – поступайте сообразно званию, в которое вы призваны со всяким смиренномудрием, кротостью и великодушием, снисходя друг ко другу из любви, стараясь соблюдать единство духа в союзе мира (Еф. 4, 1–3)».

С 1546 года началось церковное почитание святого.

Сергий Послушливый, Печерский, преподобный

О жизни сего угодника Божия ничего неизвестно, даже неизвестно время его жизни; думают, что он жил в XII-XIII веке.

Имя «послушливый», с которым преподобный Сергей почивает в Антониевой пещере, своим наименованием показывает отличительные подвиги своего жития: отречение от своей воли и совершенное послушание настоятелю.

Послушание – великое дело в христианской жизни, подвиг, прославляемый Господом. С недавнего времени стали и у нас говорить, как говорила несчастная реформация, что «в ваше время покорность чужой воле – дело лишнее, ныне каждый сам в состоянии избирать лучшее». Но тому ли учит нас откровение Божие? Не говорит ли оно, что самоволие – самое опасное дело, дело, губившее не только людей, но и духов, более сильных, чем люди? О! Да избавит Господь каждую христианскую душу от мыслей и дел сатаны! Как совершается в душе спасительное преобразование блаженным послушанием? Самолюбие – самое страшное зло в душе нашей: все грехи – отрасли его. Послушание – бич самолюбию. По мере отвержения своей воли и преданности воле Божией самолюбие стесняется, ослабляется, подавляется в душе. Болезненно это стеснение самолюбия послушанием: гордость возмущается против чужой воли и хочет отстаивать свою волю. Но чем менее щадит себя послушливый, тем более одерживает побед над господствующим злом души. В послушливом вместо любви к себе развивается и крепнет любовь к Господу: для кого, как не для Господа, отрекается он от своей воли? Так бичевал самолюбие послушанием во всю свою жизнь и почил святым рабом Божиим Сергей Печерский, и почивает нетленным!

Память его общая с преподобными Ближних пещер, и особенно – 7/20 октября. В рукописных святцах преподобный Сергей называется постником. В каноне преподобным Печерским Ближних пещер Сергей величается «единонравным Нектарию послушливому». «Нектарие послушливе с Сергием, тебе единонравным, яко предавший души своя под иго

послушания Христова, преклоните молитвою своею наше непокорство под ярем послушливого Иисуса, во еже усердно исполнять веления Его» (песнь 6).

В тот же день совершается память **преподобного Иосифа Хуция, Мохевского, Грузинского чудотворца** († 1763).

Октябрь 8

Трифон Вятский, преподобный

В селе Малой Немнюшке Пинежского уезда (Архангельской губернии), на далеком севере, в Мезени, жил благочестивый крестьянин, по имени Димитрий. И он, и жена его Пелагия твердо соблюдали заповеди Божии, часто посещали церковь, подавали милостыню неимущим. Они были зажиточны, имели несколько сыновей и младшим из всех был Трофим. Благодать Божия почивала на сем отроке: всегда повиновался он своим родителям; с ранних лет соблюдал строгий пост, был тих нравом, кроток, ко всем приветлив. Отец Трофима Димитрий скоро помер. После его смерти блаженный отрок жил вместе с матерью и братьями, повинаясь им во всем. Когда же он достиг совершеннолетнего возраста, сродники его желали, чтобы Трофим вступил в супружество. Но в этом одном блаженный не хотел повиноваться воле старших, хотел пребывать в девстве, остаться свободным от мирских связей. Желая расположить к браку Трофима, братья прибегали к такому средству: они заставили свою служанку одеться в лучшие одежды и, скрыв ее в одном месте, послали туда Трофима. Служанка начала соблазнять юношу ласками и словами, но напрасны были ее усилия. Блаженный не хотел даже слышать речей ее и начал громко восклицать: «Горе мне, горе! Что за несчастье приключилось со мною? За что хотят отлучить меня от Господа, Бога моего, и низринуть на вечную погибель?»

Слыша это, братья дивились его целомудрию и воздержанию и с тех пор перестали даже напоминать ему о браке. Однажды благочестивый юноша был в церкви. По окончании утрени священник, поучая народ, говорил: «Храните измлада чистоту телесную и духовную. Ибо кто сохранит чистоту и восприимлет на себя ангельский, иноческий образ, Господь Бог сопричтет того к Своим избранным».

Святой твердо запомнил эти слова пастыря Христова и молился Господу, чтобы Он помог ему сохранить чистоту и сподобиться воспринять ангельский образ. С того времени мысль посвятить себя на служение Господу не оставляла блаженного.

Он начал думать, как бы ему втайне от матери и братьев оставить родной дом и поселиться там, где ему укажет Господь, и молился Господу, чтобы указал ему путь спасения. Отпросившись у матери на какое-то дело, блаженный Трофим навсегда ушел из своего дома, покинул и своих родственников, и свое имение. Он прошел обширные пустыни севера, встречал на пути своем много сел и городов, терпел голод, холод и нищету.

Дойдя до Великого Устюга, блаженный нашел в сем городке наставника себе – священника Иоанна. Блаженный избрал Иоанна своим духовным отцом, исповедался ему и получил наставление хранить чистоту телесную и душевную. С благословения духовного отца Трофим отходит из Устюга в близлежащую волость Шомоксу. Преподобный питался трудами рук своих, поэтому он нанялся на работу и безленостно трудился. Жители волости полюбили блаженного, хотели его удержать у себя, а для того уговаривали его и даже принуждали вступить в брак. Но святой, помня свой обет, особенно наставление духовного отца, тайно оставил Шомоксу и пришел сначала в Пермь, а после в городок, основанный Строгановыми, – Орлов. Здесь целый год прожил он на церковной паперти. Легко выносил он суровую зимнюю стужу, несмотря на то, что ходил в ветхой одежде странника, прикрывающей только наготу тела. Один раз зимой блаженный шел по высокому, отвесному берегу Камы. Мимо проезжали люди Строгановых. Увидав бедного странника, они схватили его и сбросили с высоты вниз к реке, а внизу были глубокие снежные сугробы. Когда блаженный упал в снег, с верху отвесной горы оборвался нависший сугроб и засыпал блаженного, так что долго его не было видно. Но шутники раскаялись и пожалели блаженного. Они спустились вниз, вынесли оттуда святого и сняли с него сапоги, чтобы вытряхнуть набившийся снег. При этом сами они сильно потерпели от трескучего мороза и дивились тому, что преподобный был весел лицом, а вокруг себя как бы распространял теплоту. Они просили прощения у преподобного и тотчас же получили его. Придя домой, они рассказали о происшедшем своему господину Иакову Строганову. На другой

день блаженный, по обычаю своему, был утром в церкви и усердно молился. В церковь пришел и Строганов. По окончании Божественной службы Строганов подошел к преподобному и сказал: «Воистину ты Божий избранник, во всем подобный древним святым. Прошу тебя Господа ради, помоги мне. У меня сначала было много детей, но Божиим изволением все они умерли. Остался один только сын Максим, но и тот заболел. Прошу тебя: помолись о нем Господу. По твоим святым молитвам Господь дарует ему здравие. Я буду во всем помогать тебе». Блаженный ответил: «То, о чем ты просишь, дело не наше, а Божье. Я же грешен и недостойн взять на себя такое великое дело. Но велика благодать Божия». Вслед за тем преподобный помолился о выздоровлении отрока, и Господь исцелил его.

После того блаженный удалился из города Орлова в село Никольское на реке Виляди и, как и прежде, вел жизнь нищего странника.

В селе Никольском жил приказной человек Максим Федоров. Его сын, двухлетний младенец Тимофей, сильно заболел и уже был при смерти. Когда Максима не было дома и с больным ребенком оставалась жена его Иулиания, женщина богобоязненная и нищелюбивая, св. Трофим посетил дом Максима. Иулиания сильно обрадовалась и просила преподобного помолиться о ее больном сыне. Блаженный утешил ее. Всю ночь он молился, а наутро взял ладан, покадил сначала святые иконы, а потом и младенца. И тотчас младенец получил исцеление, весело начал играть, как будто и не был болен. Иулиания со слезами благодарила целителя, предлагала ему от своего имения, просила не покидать их дома. Но блаженный отвечал ей: «Не ради меня, грешного, получил исцеление сей отрок, но ради веры твоей Господь спас его». Отказавшись от награды за исцеление младенца, преподобный наставлял Иулианию не забывать страннолюбия – подавать милостыню, и предсказал ей, что будут у нее и еще дети. И это исполнилось.

Уже давно желал блаженный воспринять ангельский образ; живя в мире, измлада он вел подвижническую жизнь. Теперь же,

после совершения чуда, избегая людской славы, святой ушел в Пыскорский монастырь и поселился при нем. Вскоре он пришел к настоятелю обители иеромонаху Варлааму и просил принять его в число братии. Игумен постриг преподобного в иночество и нарек ему имя Трифон. В то время ему было 22 года от рождения. Со дня иноческого пострижения блаженный еще усилил свои подвиги; он служил братии, трудами смирял плоть, ночами бодрствовал и молился. Все дивились его подвигам и великому смирению. Вскоре прп. Трифона поставили пономарем. В то же время он проходил и другие монастырские послушания: пек просфоры, сучил свечи, варил кушанья для братии, пек хлебы, носил на себе дрова из леса, сверх того, настоятель дал ему послушание ходить за болящими братиями – кормить и поить их. Все эти работы преподобный исполнял без ропота, с великой радостью. Однако и таких подвигов было мало для преподобного Трифона. В летние ночи он выходил из своей келлии и, обнажившись до пояса, отдавал свое тело на съедение комарам и оводам. И так неподвижно, как столб, он простаивал на молитве до утра. К церковным службам подвижник приходил первым. Из церкви же уходил в свою келлию, ни с кем не разговаривая и не слушая праздных разговоров. Твердо исполнял святой келейное правило, вкушал лишь хлеб да воду, и то в меру, в определенные дни. Постели он не имел и ложился не надолго уснуть на земле.

Вероятно, от таких непрестанных трудов и великих подвигов прп. Трифон тяжело заболел: не принимал пищи, не спал, наконец, не мог он двинуться, так что переворачивали его другие иноки. Болел он более сорока дней, плакал и раскаивался в своих согрешениях. Однажды, когда болящий был в забытии, явился Ангел Господень в светлых ризах и, став по правую руку, сказал: «Я твой Хранитель, послан от Бога. Мне повелено взять душу твою».

Преподобному представилось, что у него выросли крылья. Он встал, как будто никогда не болел, смотрел на свой одр, и одр показался ему как бы землею. Ангел возлетел на воздух. Преподобный как будто следовал за ним. Ни неба, ни земли не видел он, видел только чудный свет. Великий глас сказал

Ангелу: «Ты поспешил взять его сюда, верни снова, где он был».

Ангел Божий поставил преподобного в келлии, где он лежал, и стал невидим. В это время настоятеля с братьями не было в обители: они работали в поле. Но если бы кто видел тогда преподобного, тот бы подумал, что перед ним лежит бездыханное тело. Очнувшись от своего видения, подвижник воззрел на иконы и горячо молился о своем спасении.

Вдруг он замечает у своего одра стоящего старца в светлой одежде. Это был святитель Николай Чудотворец. В руках святителя был крест. Он сказал преподобному: «Раб Божий Трифон, ты болен?» «Да, господин мой, – отвечал болящий, – я сильно изнемогаю». – «Встань и ходи». – «Но я не могу, господин мой». Тогда светлый муж взял болящего за руки. Поднял его со словами: «Встань и ходи». И благословил прп. Трифона своим крестом. Больной почувствовал себя совсем здоровым.

С того времени прп. Трифон стал подвизаться еще усерднее. И Господь прославил Своего раба даром чудес.

Преподобный исцелил девицу, одержимую злым духом, и больного двухлетнего ребенка. Весть о чудесах пронеслась по окрестностям монастыря, и многие стали приходить к прп. Трифону ради духовной пользы, приносили больных детей, приводили бесноватых. Тогда некоторые из иноков позавидовали преподобному и начали его злословить и поносить. Дьяк монастыря Василий и еще некоторые из братии причиняли много зла ему: поносили святого, как самого последнего инок, клеветали на него. Но Господь защитил своего верного раба.

Через некоторое время Василий впал в болезнь и долго хворал, пока не получил исцеление от прп. Трифона.

Блаженный не желал славы людской и не хотел, чтобы среди братии были раздоры. И потому, помолившись, он оставил Пыскорскую обитель и искал себе уединения. На берегу реки Камы он нашел малую лодку, сел в нее и поплыл вниз по реке. Он уже удалился от монастыря на 150 поприщ и достиг

реки Нижней Муллы. Чудесный голос трижды указал преподобному это место для пребывания.

Тотчас же волны направили лодку к берегу, к устью реки Мулянки; потом этою рекою против течения лодка шла пять поприщ. На берегу Мулянки, при впадении в нее другой речки, преподобный обрел уединенную, красивую поляну, окруженную лесом. Он остановился здесь и устроил себе небольшую хижину. На этом месте было остяцкое мольбище: остяки приносили здесь жертвы своим идолам.

На новом месте преподобный начал подвизаться с новой силой: он беспрестанно молился, питался травой, называемой сарана, сам копал землю и сажал овощи для пропитания себе.

Давно преподобный научился грамоте – читать и разуметь Божественное Писание; теперь он усердно просил Господа, чтобы Он осенил его благодатью, отверз ему очи сердечные к разумению Писания. И Господь услышал молитву святого. С того времени прп. Трифон стал читать Божественные книги, разуметь их и по ним молиться.

Между тем жившие поблизости остяки узнали, что недалеко поселился отшельник. Их старейшина Зевендук собрал до 70 человек остяков; все вооружились и пришли к преподобному. В это время он копал землю, в одной руке держал лопату, в другой железную клюку. Когда остяки увидели подвижника, то им показалось, что в руках его меч и железная палица. Зевендук спросил преподобного: «Кто ты, как твое имя, зачем пришел и поселился здесь? Что делаешь ты? Часто я видел, как с сего места к небу восходит огненный столб, а иногда дым или пар».

«Имя мое Трифон, – отвечал преподобный, – я раб Господа моего Иисуса Христа». «Но кто же твой Бог?» – спросил остяк. Тогда преподобный передал им всю историю Божественного домостроительства и заключил, что кумиры, которым они поклоняются – не боги, а таинственные явления, которые случаются при них, – вражье наваждение. Внимательно слушали остяки проповедь отшельника. После того они пошли к своему князю Амбалу и сказали ему о преподобном и его учении. «Никогда, – говорили они, – не слышали ни мы, ни отцы

наши такого учения». Амбал расспрашивал их о преподобном и сказал, что и он также хочет увидеть святого мужа.

Около того места, где поселился преподобный, росла огромная ель. К ней собирались для жертвоприношений остяки с рек Печеры, Сильвы, Обвы, Тулвы, приезжал остяцкий князь Амбал, вогульский Бебяк со своими соплеменниками вогулами.

При этом дереве происходили дивные, устрашающие явления. Если кто из христиан, не твердый верою, смеялся под деревом, ломал его ветвь или брал что-нибудь из приношений, с теми случались несчастья, даже смерть.

В то время посетил прп. Трифона купец Федор Сухоятин, который вел торговые дела с остяками. Он дал преподобному топор из хорошего железа. При этом купец рассказывал, как один христианин из города Чердыни, посмеявшись над почитаемым деревом, внезапно заболел и помер. Услышав об этом, прп. Трифон решился на подвиг – истребить языческое мольбище. Молитвою и постом он готовил себя к подвигу четыре недели. Затем, взяв святую икону, пошел к тому месту, где стояла ель. Это было огромное и необычайное широкое дерево, в обхвате две с половиной сажени; ветви ее имели четыре сажени длины и даже более. Помолившись перед образом, преподобный возложил его на себя и с молитвой начал рубить топором дерево. При Божией помощи он скоро срубил его. На ели висело много предметов, которые язычники приносили в жертву своим богам, – золото, серебро, шелк, полотенца и шкуры зверей. Святой сжег все приношения вместе с деревом.

Когда услышал об этом остяцкий князь Амбал, он со множеством остяков пришел к преподобному. Увидев, что их священное дерево повержено на землю и сожжено, остяки дивились, как мог сделать это святой без всякого вреда для себя. Амбал без укоризны и поношения тихо сказал святому: «Дивлюсь я, старче, как это мог ты сделать. Отцы наши и мы почитали это дерево как бога; никто не мог даже подумать о том, чтобы сокрушить его. Даже люди вашей веры и те не смели его касаться. Или ты сильнее богов наших?» Преподобный ответил: «Бог, Которого я проповедовал вам, Тот помог мне в

этом удивительном для вас деле, помог для вашего спасения». Остяки громко воскликнули: «Велик Бог христианский!»

Но жалея о своем мольбище, они отправились в городок на реке Сылве и жаловались приказчику Иоанну на преподобного – рассказывали ему, как подвижник срубил и сжег священное дерево, и спрашивали: «Он проповедует нам Христа Бога и велит креститься, мы же не знаем, что сделать с этим человеком?»

В городке тогда случился другой приказчик Строгановых Третьяк Моисеев, который знал преподобного. Слыша слова остяков, Третьяк сказал им: «Я знаю этого человека, о котором вы говорите. Он муж святой. Исполните все, что он говорил вам: учение его ведет к бессмертной жизни».

Остяки не знали, как им быть, как отомстить святому за истребление священного дерева. Видя, что они замышляют злое, Иоанн и Третьяк сказали им: «Зачем вы гневаетесь на него? И мы его отыскиваем, чтобы принять благословение. Укажите нам, где он поселился».

Между тем вскоре разнесся слух, что черемисы идут войной на Пермь, грабят суда по реке Каме, убивают торговых и других людей и собираются идти на остяков.

Тогда остяки решили убить преподобного, потому что боялись, как бы он, захваченный черемисами, не указал им остяцкие жилища. В то время у начальника остяков Зевендука находилось несколько русских людей, бежавших из плена от черемис; когда остяки с Зевендуком пошли убивать святого, эти русские люди последовали за ними. Придя на то место, где обитал преподобный, остяки долго искали, но не могли найти его келлии, ибо по воле Божией она осталась для них невидима. Святой же в то время стоял на молитве в своей келлии. Много дивились этому сами остяки, которым не пришлось исполнить своего умысла. С того времени они начали почитать блаженного Трифона и обращаться в христианство. Скоро крестилась дочь остяцкого князя Амбала и дочь вогульского князя Бебяка, а с ними и многие другие обратились в Христову веру. Крещеные остяки приносили святому воск, мед

и все потребное. Чтобы не огорчать их, святой принимал приношения и молился за новообращенных христиан.

Но не долго прп. Трифону пришлось жить с остояками. Скоро он оставил уединение и снова поселился в Пыскорском монастыре. Случилось это так. Братия стали жалеть удалившегося от них подвижника. Доходили слухи о его подвигах и чудесах в пустыне. В то время на монастырских соляных промыслах иссяк соляной раствор. Работы знающих людей не помогли. Тогда настоятель и братия решили обратиться к преподобному с просьбой вернуться в обитель. Было для того и другое побуждение. При преподобном монастырь посещали многие, прося его молитв или исцеления от болезни, теперь монастырь беднел. Строитель и братия обратились к Третьяку, упомянутому приказчику Строгановых, чтобы он уговорил преподобного возвратиться в обитель. Третьяк отправил за преподобным своих людей рекою Камою. Они уговорили подвижника вернуться в обитель и привезли его на струге. Когда струг подходил к монастырю, строитель и иноки вышли навстречу преподобному; лишь только он вышел на берег, они упали на землю и просили у подвижника прощения за прежнюю обиду и благословения. И преподобный поклонился инокам, прося их молитв и благословения. С такой честью приняли прп. Трифона Пыскорские иноки и с радостью повели его в монастырь. Скоро братия просили святого о том, чтобы по-прежнему тек соляной раствор, который по-видимому совершенно иссяк. Напомнив им слова Писания: *Близ Господь всем призывающим Его, всем призывающим Его во истине: волю боящихся Его сотворит и молитву их услышит, и спасет я* (Пс. 144, 18, 19), преподобный пригласил братию к молитве и сам молился с ними. Потом велел очистить трубы в соляных варницах, и соляной раствор появился снова и гораздо обильнее, чем прежде.

Живя в монастыре, подвижник безвыходно пребывал в своей келлии и непрестанно молился Господу. Названный ваше дьяк Василий, ранее враждебный к преподобному, узнав о чуде, раскаялся в своем прегрешении и просил через других преподобного посетить его келлию, где лежал он

расслабленным. Когда передали просьбу прп. Трифону, он пришел к болящему, благословил и простил его. После того, по молитве святого, Василий получил исцеление.

Один человек, по имени Петр, имел сына четырех лет, тоже Петра, немого от рождения. Имея великую веру к святому, Петр однажды пришел в монастырь вместе с сыном и просил преподобного помолиться об отроке. Святой помолился, и отрок стал говорить. Некоторое время спустя Петр принял иноческое пострижение в Пыскорском монастыре с именем Пимена.

В народе шла молва о чудесах преподобного. Но святой не терпел славы людской и захотел снова уединиться. Выйдя из обители, он отправился к братьям Строгановым – Иакову и Григорию – и просил у них позволения поселиться в их владениях. Они с радостью предложили ему идти на реку Чусовую и избрать в их вотчине место, какое ему будет угодно. Преподобный отправился на Чусовую, обошел много мест, наконец избрал для отшельничества одну гору, где и поставил себе хижину. Окрестные жители скоро узнали об отшельнике и начали посещать его, прося молитв и благословения. Для этих посетителей преподобный построил часовню и украсил ее святыми иконами.

Особенно привлекали к преподобному чудеса, которые он совершал над болящими. Он исцелил бесноватую женщину Иулианию и бесноватого Игнатия. Очень поучительно было исцеление от глазной болезни крестьянина Григория.

Страдая болезнью глаз, Григорий много лет ничего не видел. Слыша о чудесах святого, он сказал себе: «Пойду и я к преподобному, помолюсь образу Святой Софии, Премудрости Божией, чтобы Господь и мне даровал исцеление».

Образ же Святой Софии находился в устроенной преподобным часовне и более других почитался богомольцами.

Придя к подвижнику, Григорий со слезами просил его молитв. Видя твердую веру болящего, преподобный помолился о его исцелении, окропил глаза его святою водою, и тот прозрел. Но через некоторое время, по диавольскому внушению, Григорий усомнился в чуде, которого удостоился, и думал так: «Не Премудрость Божия помиловала меня, не ради

молитвы Трифона я получил исцеление. Болезнь прошла сама собою, и я стал видеть». За такое неверие Григорий опять ослеп. Тогда, поняв свое преступление, он начал каяться и плакать: «Увы мне, увy! За мое неверие я впал в слепоту». Он снова попросил отвести себя к преподобному. Раскаялся и вновь, по молитве святого, получил прозрение. Преподобный же наставлял его: «Чадо, ты видишь, что милость Божия подала тебе прозрение, верь сему. Ведь ничего не бывает без воли Божией, но все от Бога, по вере нашей и добрым делам. Не будь же маловерен и не согрешай, чтобы не случилось с тобою худшее».

Прп. Трифон питался трудами рук своих: сам сеял хлеб. И вот случилось с ним происшествие, которое заставило его удалиться из вотчины Строгановых, с реки Чусовой. Преподобный расчистил место для посева. Срубил лес и начал сжигать срубленные деревья. Вдруг поднялась сильная буря; загорелся соседний лес; далее огонь перешел на дрова, заготовленные поселянами для соляных промыслов Строгановых, и дров погорело до 3000 сажень. Крестьяне вознегодовали на преподобного. Забыв все его благодеяния, они собрались и отправились на гору, где обитал подвижник, схватили его и бросили вниз с высокой горы, по острым камням. Они думали, что святой расшибется до смерти. Но по благодати Божией преподобный встал и начал тихо подвигаться к реке Чусовой, желая избежать своих гонителей и дать им время опомниться. Крестьяне же, увидев, что святой поднялся и идет, бросились догонять его. Преподобный, насколько хватало сил, поспешил к реке Чусовой, думая, как бы ему переплыть реку и уйти от своих врагов. И вот он увидел у берега судно, с трудом вошел на него, отчалил от берега и поплыл по течению реки, не имея ни весел, ни чего другого. В то время Господь поспешил Своему угоднику на помощь. Судно перевезло его и остановилось у противоположенного берега. Преподобный прославил Бога за дивную помощь и молился за врагов своих. Преследовавшие его увидели чудо, ужаснулись и быстро пошли к своему господину Григорию Строганову рассказать обо всем происшедшем, обвиняя преподобного в сожжении дров.

Строганов разгневался на преподобного Трифона, приказал разыскать его и привести к себе. Когда преподобный был приведен, Строганов долго порицал и поносил его, затем велел заковать в железо. Но святой предрек Григорию Строганову: «Вскоре и сам ты перенесешь то же!»

Действительно, на четвертый день из Москвы пришли царские посланные, они взяли Григория и сковали. Вспомнил тогда Григорий о пророчестве святого; приказал снять с него оковы и, припав к ногам подвижника, умолял о прощении и просил, чтобы он помолился о прекращении царского гнева. Святой помолился о том и дал ему наставление. Возблагодарив святого, Строганов все-таки просил уйти из его владений. Жил же там преподобный 9 лет (до 1579 г.). Многие стали скорбеть о чудотворце, помня многочисленные исцеления, им совершенные. Святой же утешал их тем, что вместо себя он оставляет своего ученика Иоанна. Войдя в свою часовню, где потом была воздвигнута церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы, святой долго молился и, благословив народ, вышел из тех пределов.

И вложил Бог на сердце прп. Трифону идти в Вятскую землю. Начал он размышлять об этом: «От многих слышал я, что в Вятской земле нет ни одной иноческой обители».

Он пришел в город Чердынь, в обитель святого евангелиста Иоанна Богослова, к своему духовному отцу, иеромонаху Варлааму, и, рассказав о всех своих злоключениях, открыл ему о своем намерении пойти в Вятку. – «Имею сильное желание достигнуть той земли. Прошу твоего совета и благословения».

Варлаам сказал преподобному, что Сам Господь внушил ему идти в Вятку, и благословил его. Когда преподобный дошел до Кай-города, что на верхнем течении Камы, он встретил здесь вятчанина из города Слободского Иоанна Витезова. Иоанн сказал преподобному, что уже давно вятчане желают, чтобы был у них монастырь, и ищут человека, который мог бы устроить его, но не находят. «И если ты, святой отче, помышляешь быть на Вятке, – сказал ему Иоанн, – жители той страны с радостью примут тебя и будут тебе повиноваться».

Преподобный возрадовался и, ободренный, направился туда. Когда он достиг реки Вятки, то, утомленный трудным путем, захотел немного отдохнуть и выпить воды из названной реки. С молитвой он начал пить воду и вода показалась ему сладка, как мед. Возблагодарив Бога, подвижник снова пошел в путь. Но не доходя еще Вятской земли, преподобный удостоился видения. Он видел в Вятской земле одно высокое прекрасное место, покрытое красивыми деревьями; среди них одно было выше и прекраснее прочих. Преподобный влез на то дерево и возрадовался духом, а все другие деревья преклонились перед ним.

18 января 1580 г. св. Трифон пришел в город Слободский. А оттуда направился вскоре к городу Хлынову, или Вятке. Здесь святой обходил городские церкви и усердно молился Господу. Никто в Хлынове не знал угодника Божия, бедным странником ходил он по городу. Особенно часто являлся преподобный в церковь великого чудотворца Николая Мирликийского, к чудотворному образу святителя, именуемому Великорецким. Вспоминая бывшее ему явление святителя Николая в Пыскаром монастыре, преподобный часто молился пред его образом. На благочестивого странника обратил здесь внимание дьякон той церкви Максим Мальцов. Максим понял, что это человек Божий, и с любовью принял святого в дом свой. Потом и многие из вятчан узнали о преподобном, начали почитать его, призывали в свои дома и упокоевали. Видя любовь к себе христолюбцев, подвижник молился за них. Вскоре полюбили его многие хлыновцы. Ходя по городу, прп. Трифон смотрел туда и сюда и старался найти место, пригодное для построения обители. Потом он пришел на сход вятских людей и стал просить их о построении монастыря. Наконец обратился к ним с посланием, в котором между прочим писал: «Слышал я о вере вашей, знаю о вашем желании построить монастырь. И если вы хотите исполнить свое желание, Господь призывает меня, грешного, на сие дело, и я готов поработать Богу и потрудиться, насколько поможет мне Господь. Место, удобное для монастыря, находится за рекою Засорою, где стоят две малых и ветхих церкви: одна во имя Пресвятой Богородицы, а другая во

имя Афанасия и Кирилла, Александрийских чудотворцев. Вручите, если вам угодно, сие дело мне и священнику иноку Онисиму, который обещает трудиться вместе со мною и совершать службы на сем месте. Пошлите меня, убогого старца, к Москве быть челом царю Иоанну Васильевичу и преосвященному митрополиту Антонию о построении монастыря».

При тех церквах жители Вятки погребали усопших и в некоторые дни приходившие из городов священники совершали здесь богослужение; иноков при них не было. Вятчане обрадовались и, написав челобитье, послали прп. Трифона в Москву к царю и митрополиту просить разрешение на открытие монастыря. Разрешение скоро было дано. Митрополит назначил преподобного строителем новосозидаемой обители и посвятил его в сан священника. Это было 24 марта 1580 г.

12 июня царь Иоанн Васильевич дал грамоту на строение монастыря и пожертвовал обители ту землю, которую просил прп. Трифон. Сверх того царь дал колокола и богослужебные книги для новой обители.

Получив царские грамоты, 24 июня преподобный вышел из Москвы, 20 июля пришел в Вятку и был встречен с великой радостью. Теперь он стал строить монастырь – сначала поставил келлии для братии. Однако обе церкви были весьма ветхи, и преподобный помышлял, как бы построить новую. Здесь встретились ему препятствия. Жители Вятки, начавшие с такой радостью, скоро охладели к делу строения монастыря. Одни еще мало знали преподобного, а некоторые даже относились к нему с недоверием, как к чужому. Тогда преподобный услышал, что недалеко от города Слободского есть недостроенная деревянная церковь на месте предполагавшегося монастыря. Преподобный просил ее у жителей Слободского, и они отдали ему недостроенную церковь. Преподобный послал своих учеников Дионисия и Гурия, чтобы разобрать церковь и рекой перевезти ее в Хлынов, к месту нового монастыря. С Божией помощью в один день церковь была разобрана до основания и разложена по порядку. Бревна свезли к реке. Положили их на плоты и поплыли по

Вятке. Когда приблизились уже к месту нового монастыря, поднялась сильная буря, плоты занесло песком и они стали неподвижно. Но после усердной молитвы иноков ветер поднял волны, которые смыли весь песок, и плоты благополучно пристали к берегу. В тот год сильный дождь лил со дня Успения Пресвятой Богородицы до дня Рождества Ее, в наказание вятчанам, которые, положив начало доброму, по своему небрежению не хотели продолжить его. Но Господь не попустил, чтобы остановилось доброе дело.

8 сентября, в день Рождества Пресвятой Богородицы, благочестивый поселянин Никита Кучков, живший от Хлынова в пяти поприщах, удостоился узреть видение. Во время сна ему представилось, будто он находится в городе Хлынове и вдруг видит Царицу Небесную с Небесными Силами и со святым Иоанном Предтечею. Пресвятая Богородица сказала собравшемуся здесь множеству народа: «Вы обещались построить монастырь во имя Мое, зачем же ныне вы забыли о своем обещании? Есть у вас и строитель, данный вам Богом. Он скорбит и в молитвах непрестанно просит о том Господа. Вы презираете его, не исполняете его велений. Если же и ныне не исполните Моего повеления, то постигнет вас гнев Божий: пожар, голод и мор». После сего Богоматерь в сопровождении народа направилась к месту монастыря и, показав рукою, сказала: «Здесь воздвигнете храм Мой!» Предтеча же сказал народу: «Зрите, христиане, Пресвятая Богоматерь разгневалась на вас за то, что не радуете о строении монастыря. Если хотите избежать гнева Божия, то ревнуйте о строении монастыря того».

В страхе пробудился Никита от сна. Немедленно он пошел в Хлынов и рассказал на собрании народа о своем видении. Весь народ прославил Господа и в тот же день, 8 сентября, заложена была церковь во имя честного и славного Благовещения Пресвятой Богородицы. С того времени дождь прекратился. Вскоре церковь была построена и освящена. С великой радостью прп. Трифон продолжал постройку монастыря. Он поставил новые келлии, принимал иноков, поучал их словом и примером. Слава о подвижнике

распространилась далеко; многие стали приходить к нему в обитель из Вятской земли и других и постригаться в ней. Преподобный принимал их с радостью, и они повиновались ему, как отцу. Братии собралось теперь 40 человек. Скоро монастырский храм стал тесен.

В то время послан был царем в Вятку воевода Василий Овцын, благочестивый и богобоязненный, милостивый к нищим, почитавший духовный и монашеский чин. Видя подвиги прп. Трифона, воевода сильно полюбил его, как святого, и часто с ним беседовал. Во время одной беседы преподобный просил Василия Овцына помочь ему в построении новой церкви в честь Успения Пресвятой Богородицы. И воевода помог ему.

В самый праздник Пасхи, в первый день, воевода устроил в своем доме великий пир и созвал всех именитых жителей Вятки. Пригласил он и преподобного Трифона. Когда все подкрепились пищей, воевода Василий сказал: «Православные христиане! Я давно слышал, что вы желаете устроить монастырь. Господь послал вам строителя – отца и наставника ко спасению (при этом воевода указал на прп. Трифона). Господь хочет через сего раба Своего собрать множество иноков. Но обитель у него скудна и церковь мала. Ведь, если он ходатайствует пред Богом об отпущении нам грехов нашим, то и мы должны помогать ему в устройении монастыря. Поможем ныне, кто сколько в силах; принесите в дар Богу от своего имени».

Гости согласились со словами воеводы. Тотчас же стали записывать, кто сколько хотел пожертвовать на построение церкви, и первым подписался благочестивый воевода. На второй и на третий день Василий также устраивал пиры и призывал на них жителей Вятки, которые подписывали пожертвования. Всего было пожертвовано более 600 рублей, которые вскоре и собрали. Тогда преподобный вместе с воеводой начали строить новую деревянную церковь: заготавливали лес, совещались с плотниками и заложили обширный храм в честь Успения Божией Матери.

Вскоре преподобный снова ходил в Москву. Он просил пожертвований у царя Иоанна Васильевича, а потом у его сына

Феодора Иоанновича. Цари пожертвовали в монастырь села и деревни, озера и рыбные ловли и другие угодья; дали на них жалованные грамоты.

В Москве преподобного чтили за подвиги и охотно принимали к себе многие знатные люди. Один из бояр, благочестивый князь Иоанн Михайлович Воротынский в это время сильно скорбел о том, что не имел сына. Услышал он о прп. Трифоне и призвал его к себе в свой дом. Князь и жена его с любовью встретили святого. Видя их веру, преподобный молился Господу о даровании им сына. Потом предсказал князю, что у него родится сын Алексей. Обрадованный боярин угостил и одарил преподобного. Через год предсказание исполнилось. С того времени князь Воротынский еще более стал уважать прп. Трифона, посылал в его обитель обильную милостыню. Побуждал и царя жертвовать обители села и угодья. Князь Воротынский прислал однажды прп. Трифону соболью шубу и 5 рублей деньгами. Но, вознося молитвы Господу за творящих приношения, подвижник себе не брал ничего: все приношения отдавал на нужды обители. Щедрый князь помогал обители прп. Трифона не только при его жизни, но и при преемнике его, архимандрите Ионе Мамине (1602–1630).

Царь Феодор Иоаннович и патриарх Иов любили и почитали блаженного Трифона.

Патриарх возвел преподобного в сан архимандрита и дал ему антиминсы для новой церкви. Благочестивые москвичи жертвовали в монастырь книги, иконы, облачения и другие предметы. Царь приказал дать преподобному из Москвы и из других городов по пути до самой Волги 12 телег для того, чтобы преподобный мог увезти полученные пожертвования. Скоро освятили новую церковь. Воевода Василий Овцын не оставлял обители. Он обложил белым железом главу новой церкви, пожертвовал в монастырь деревни, сенные покосы и другие угодья.

Ездил преподобный из Вятки в Казань. В то время митрополитом Казанским был Гермоген. Прп. Трифон предрек

Гермогену во время одной беседы, что он будет патриархом в Москве и что скончается мучеником.

По-прежнему трудился, подвизался и устраивал обитель прп. Трифон. Часто поучал он свою братию – наставлял ее в заповедях Божиих и в иноческих правилах, особенно предостерегал иноков от пьянства. Сам преподобный не употреблял мягкой одежды, не питался сладкими яствами. На теле носил железные вериги, ветхую и заплатавшую власяницу. Если христолюбцы приносили ему что-либо из пищи или деньги, он просил все отдавать в монастырь, ни одной вещи не называл он своею, но все – владением Пресвятой Богородицы. В келлии подвижника были только святые иконы и книги.

Преподобный был требователен к братии, не терпел нарушений иноческого устава. И это вызвало недовольство на подвижника. Некоторые из монахов не хотели слушать его поучений и наставлений, оставили иноческие правила, стали жить, как миряне; часто приходили они к преподобному и просили послаблений. Даже поносили святого, заявляя ему: пусть сделает послабления или же пусть отказывается от настоятельства.

Но преподобный спокойно и кротко увещевал их: «Нам, братия, следует жить по преданию святых отец, довольствоваться общей трапезой в определенное время, вина не держать». Так кротко поучал подвижник свою братию. Но они еще более досаждали святому, хотели избить его, иногда силой брали у него церковные ключи, гнали из монастыря.

Они избрали вместо прп. Трифона настоятелем ученика его Иону Мамина, родом из московских дворян; тайно написали в Москву прошение и послали Иону для поставления в архимандрита в то время, когда подвижник уходил из обители для сбора подаяний. В Москве, по ходатайству родственников, Иона был возведен в архимандрита. Возвратившись, он не стал более повиноваться преподобному и побуждал его оставить монастырь. Иона еще в юности пришел к подвижнику, был принят им как ученик и под руководством святого старца проходил различные послушания. И преподобный полюбил Иону. Однажды в болезни святой старец написал духовное

завещание, в котором назначил его своим преемником. Иона же перешел на сторону недовольных и, не дождавшись времени, самовольно похитил начальство в обители. Сильно печалился о том прп. Трифон, кротко поучал Иону и братию, вразумлял непокорных и неразумных. Но все оставались глухи к словам святого. Иона начал держать в монастыре хмельные пития, устраивал пиры и призывал на них воевод и простых мирян; сам ходил в дома горожан и упивался вином. У него был слуга Феодор. По повелению Ионы, не терпевшего обличений прп. Трифона, этот Феодор всячески досаждал прп. Трифону, поносил и укорял его, бил и даже заключил в темницу. Наконец братия изгнали святого из обители, им самим основанной и устроенной. В крайней нищете св. Трифон вышел из своей обители.

Побывав в Москве, в Сольвычегодске и в Соловецком монастыре, преподобный отправился в город Слободской. Жители этого города обрадовались приходу подвижника. Еще в 1599 г. они получили разрешение от патриарха Иова на устройство монастыря, но дело почему-то замедлилось. Когда же преподобный сказал им, что хочет устроить у них монастырь, они с радостью приняли его, отвели место для обители, усердно стали помогать ему. Вскоре построили церковь и освятили ее в честь Богоявления Господня. К преподобному начали собираться люди, искавшие иноческих подвигов, и принимали от него пострижение. Подвижник наставлял их и укреплял в иноческих трудах, служа всем примером. Поставили келлии, обвели монастырь оградой и над воротами монастырскими построили церковь во имя Архистратига Михаила.

Построив монастырь, преподобный отправился вместе с учеником своим Досифеем в страну Поморскую для сбора пожертвований на новую обитель. По пути пришел преподобный в город Сольвычегодск. Здесь он посетил знатных людей Строгановых. И все принимали его радушно. Лишь один из них, Никита Строганов, разгневался на преподобного, не принял от него благословения, так что подвижник тотчас вышел из его дома. Однако на другой же день Никита раскаялся в своем гневе и обиде преподобному и объяснил ученику его Досифею,

чем был вызван его поступок. Оказывается, Никита Строганов считал себя оскорбленным прп. Трифоном. После изгнания из Вятского монастыря Никита пригласил подвижника к себе и поселил его в Сольвычегодском Введенском монастыре, устроил ему особенную келлию, часто посылал с своего стола пищу и питье, давал все потребное. Когда вскоре преподобный захотел идти в Соловецкую обитель, он испросил у Строганова судно, людей и все нужное для продолжительного путешествия. Плывя по Двине, преподобный Трифон отпустил людей, продал все вещи и судно, а сам по образу убогого, по своему обычаю, достиг Соловецкой обители. Побыв там недолго, он пришел в Успенский Вятский монастырь и отдал вырученные деньги на нужды обители. Рассказав о причине своего гнева на преподобного, Никита прибавил: «Я разгневался на него за то, что он все, что я дал ему, хитростью употребил на монастырское строение. Я не размыслил, что он делает это для спасения душ наших».

Теперь Никита просил через Досифея прощения у подвижника и приглашал его в дом свой. Преподобный исполнил желание Строганова, пришел к нему и дал благословение его дому; с щедрыми пожертвованиями – иконами, книгами и ризами для храма, солью и железом для братии – отпустил Никита св. Трифона.

Некоторое время преподобный жил в Николаевском Коряжемском монастыре. Многие приходили сюда, прося его молитв. По его святым молитвам стали происходить чудотворения от образа святителя Христова Николая Чудотворца. Слух об этом распространился, и к преподобному стало стекаться еще больше народа. Вспоминая о видении, бывшем ему в Пыскарском монастыре, преподобный усердно, со слезами молился перед образом св. Николая, простаивая на молитве целые ночи.

Оставив Коряжемский монастырь, преподобный пошел в город Сольвычегодск. Затем он обходил со святыми иконами Устьсысольский и Устюжский уезды по рекам Вычегде и Двине. Везде в городах и селах говорили о святом старце; многие приходили к нему, слыша о чудесных исцелениях,

совершавшихся по молитвам подвижника. Приходящие приносили ему пожертвования для нового монастыря; золото и серебро, книги – всякий жертвовал, что мог и что имел. Приходило к преподобному тогда и много нищих; он всех их оделял милостыней.

Во время этого хождения Трифона со святыми иконами один человек, по внушению диавола, стал поносить и укорять святого, будто он обманывает и ходит с иконами ради прибытка. Внезапно поразил его тяжкий недуг. Наказанный раскаялся в своем согрешении, просил помолиться о нем и получил здравие, когда преподобный вознес за него молитву и окропил его святой водой. Также наказана была и женщина, похулившая святого.

Вернулся преподобный с иконами в Слободской Богоявленский монастырь и принес сюда собранные пожертвования. Отсюда подвижник предпринял трудное путешествие в Соловецкую обитель – последнее путешествие в своей многотрудной жизни. Здесь поклонился он мощам прпп. Зосимы и Савватия. Соловецкие иноки, слышавшие о подвигах прп. Трифона, с великой честью его приняли и даже не хотели отпускать от себя. Некоторые из них прозорливо предрекали святому скорую кончину. Но подвижник, благодаря Соловецких иноков, просил отпустить его на Вятку, в Успенский монастырь, потому что там он желал найти место своего упокоения.

Плывя рекою Вяткою, глубокий старец подвижник впал в предсмертный недуг. Больным он прибыл 15 июля в город Хлынов и отправил своего слугу в Успенский монастырь к архимандриту Ионе Мамину. Подвижник просил своего бывшего ученика принять его в обитель, которую сам же устроил. Но, питая злобу на преподобного, Иона отказался принять его. Святой нимало не возроптал на это, ибо все скорби принимал с радостью. Изнемогая от болезни, он послал своего слугу к Никольскому диакону, упомянутому Максиму Мальцову. Максим вышел к больному и застал больным, лежащим в лодке. Приподнявшись в лодке, преподобный благословил Максима образом Владимирской Божией Матери и просил диакона перенести его в свой дом. Максим с радостью взял больного

старца к себе в дом, ухаживал за ним, как за своим отцом. Узнав о возвращении подвижника, многие приходили к нему за благословением. Приходил к святому и духовный отец его священноинок Варлаам, который был духовником и архимандрита Ионы. По просьбе преподобного Варлаам поведал ему подробно об Успенском монастыре, его игумене и братии. Так святой старец пробыл в доме диакона Максима, болея, до 23 сентября. Чувствуя приближение кончины, преподобный снова стал проситься в Успенский монастырь через соборных священников, а также через Варлаама и келаря монастыря, старца Дионисия. Тогда архимандрит Иона устыдился своего бессердечия, просил благословения у святого старца и призывал его в обитель. Услышав об этом, преподобный с радостью возблагодарил Господа и просил помочь ему дойти до монастыря. Архимандрит Иона со всю братиею встретил преподобного во вратах обители и, припав к его ногам, просил прощения. «Отче святой, – говорил он, – я виновник твоих страданий, жестоко оскорбил я тебя. Прости меня, ибо враг омрачил мое сердце гневом и ввел меня в грех». – «Чадю мое духовное, Иона! Господь да простит тебя, – отвечал св. Трифон, – ибо это дело старого врага нашего диавола».

Не много, лишь несколько дней после возвращения, прожил прп. Трифон в Успенской обители. 8 октября 1612 г. он мирно предал Богу свою душу. Архимандрит Иона с братией с честью погребли его святое тело в Успенском монастыре.

Преподобный оставил монастырю свою духовную грамоту, или завещание. Настоятелем он благословляет архимандрита Иону, от которого так много потерпел. Завещал братии жить в любви, неопустительно являться к церковным службам, хранить монастырское имущество и не иметь частной собственности. Заботясь о нравах монастырской братии, подвижник умолял архимандрита Иону: «Бога ради хмельного питья не вводи у Пречистой Богородицы в дому, как это было при мне».

Досифей Верхнеостровской, преподобный

Преподобный Досифей был ученик преподобного Евфросина Псковского.

Около 1470 года он основал свой монастырь во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла на острове Псковского озера, называемом Верхний. Отсюда монастырь преподобного стал называться Верхнеостровским. Преподобный Досифей имел сан иеромонаха и, вероятно, был первым игуменом созданной им обители. Преставился он 8 октября 1482 года. Мощи его почивают под спудом в храме обители, упраздненной в 1764 году. Память преподобного Досифея празднуется местно.

Октябрь 10

Собор Волынских святых

В 10-й день месяца октября – в воспоминание о возвращении Почаевской лавры из унии в Православие 10 октября 1831 г. – празднуется Собор святых угодников Волынских. Да и когда в лавре Почаевской всего благопристойнее прославлять родных своих угодников Волынских, как не в тот именно день, когда на горе Почаевской воссиял свет Православия, которое эти святые содержали и утверждали на Волыни всеми силами своей души, своей жизни и деятельности.

Великими и высокочинаменательными чертами запечатлена история Православной Церкви Христовой на Волыни. Современная по своему происхождению первоначальному просвещению славян еще от времен святых и равноапостольных Кирилла и Мефодия, она в течении многих веков жила и развивалась под влиянием самых разнообразных условий и обстоятельств религиозных, политических и гражданских. И тяжелые смуты княжеских междоусобиц удельного времени, и жестокое иго татарское, и невыносимые преследования со стороны поляков, латинян и униатов пережила Волынь. Но терпением непоколебимым, мечом, кровью почти непрестанно берегли наши предки свою национальность, свою родную православную веру.

История Волынской Церкви богата обилием святых мужей, Самим Господом прославленных за высокие подвиги веры и благочестия на пользу и спасение России. Это св. блгв. Ярополк, князь Владимиро-Волынский († 1086 г; см. 22 ноября/5 декабря), прп. Стефан Печерский, епископ Волынский († 1094 г., см. 27 апреля/10 мая), св. Амфилохий, епископ Волынский, Печерский чудотворец († 1122 г.; см. 10/23 октября), прп. Феодор, в монашестве Феодосий, князь Острожский († 1460 г.; см. 11/24 августа), св. прав. дева Иулиания, княжна из Домбровицы Ольшанская († 1546 г.; см. 6/19 июля), прп. Иов, в схиме Иоанн, игумен Почаевский († 1651 г.; см. 28 августа/10 сентября) и св. прмч. Макарий, архимандрит Овручский († 1678

г.; см. 7/20 октября). Из этих святых только один прп. Иов почивает на Волини, в лавре Почаевской; да кроме сего, по преданию, прп. Стефан погребен при своей кафедре, во Владимире-Волынском. Из остальных святых угодников свт. Амфилохий и прп. Феодор, например, покоятся в Киеве в Дальних пещерах; там же, как известно, почивают и останки святой и блаженной Иулиании Ольшанской. Блаженный Ярополк, как говорит предание, из Владимиро-Волынского тоже перевезен в Киев для погребения и там положен в церкви св. апостолов Петра и Павла, которую сам создал. Что касается прпмч. Макария Овручского, то мощи его еще далее – в Переяславле Полтавской губернии, в каменном храме Вознесенского монастыря.

Из других св. угодников, принимавших ближайшее участие в исторических судьбах Волини, прежде всего известны свт. Петр, митрополит Киево-Московский, с именем коего издревле в отечественной истории нашей соединяется наименование уроженца и игумена Волынского. В самом ближайшем родственном отношении к земле Волинской находятся свт. Иннокентий, епископ Иркутский, который, по преданию, происходил от древней волинской дворянской фамилии Кульчицких.

Вследствие векового, неразрывного единства, в каком земля Волинская находилась всегда с остальными областями Русскими, по единству веры и народности, непрерываемому в самые трудные времена польского преобладания в пределах Западной России, на Волинь из России являлись непрестанно то князья, то всероссийские первосвятители, архипастыри и другие подобные им лица, по разным обстоятельствам посещавшие Волинские пределы для устройства Волинской Церкви, назидания ее древних городов и т. п.

Сюда прежде всего надобно отнести св. Ольгу († 969 г.), которая так известна усмирением древлян, состоявших, как ныне известно, в пределах Волинской губернии. За сим следуют: св. равноапостольный князь Владимир, просветитель Волини и основатель многих ее городов и храмов; прп. Никола Святоша, кн. Черниговский, который в 1099 г. был князем

Луцкого удела на Волыни, и сверх сего в различные времена княживший в Дорогобуже, Пересоннице (Ровенского уезда) и в других местах древней Волынской области. И многие-многие другие посещали Волынскую епархию или для «смотрения и наставления», или занимались устройением Волынской Церкви в смутные времена.

Наконец, даже святые и равноапостольные братья-просветители славянские Кирилл и Мефодий находятся в непосредственном ближайшем союзе с землей Волынской, т. к. история прямо говорит, что в числе других стран они также посылали проповедников и в пределы Волынские, так что вследствие этого, по сказаниям древних писателей, пределы Моравской епархии св. Мефодия простирались в самую глубь земли Волынской, до рек Буга и Стири.

Андрей Тотемский, блаженный

Блаженный Андрей родился в июне 1638 г. в крестьянской семье Усть-Толшемского прихода, верст на 50 отстоящего от города Тотмы (уездный город Вологодской губернии). Крестьяне-родители не могли дать сыну образования, которого тогда и не было на Руси, не дали даже простой грамотности, слабо распространенной в тогдашней деревне среди крестьян. Но несомненно, они воспитали в нем детски чистую веру в Бога, твердую и неизменную; приучили сына бояться Бога, молиться Ему и Его угодникам, ходить в церковь, строго соблюдать посты – научили всему тому, в чем сами полагали сущность веры Христовой. Во все воскресные и праздничные дни родители блаженного Андрея посылали его в приходскую церковь, не далеко отстоящую от села Усть-Толшемского. И церковь сделалась единственной школой для блаженного отрока. Здесь он скоро приобрел первые познания о Боге, и любовь к Нему прочно, на всю жизнь утвердилась в его детском сердце. Благочестивым отроком овладела мысль о необходимости служить одному Богу; все думы и дела мальчика направлялись к тому, чтобы служение Ему поставить единственной задачей жизни и найти средства осуществить эту задачу. В храме он слышал, что мир весь во зле лежит (1Ин. 5, 19), и потому покинул мир; слышал еще, что истинный слуга и последователь Христа должен оставить отца и мать (Мф. 19, 29), и потому ушел из родительского дома в пустынные места, жил там, как птица, не заботясь о пище, думая только о Боге и об угождении Ему. Мирская жизнь уже не стесняла теперь блаженного, и он свободно предался молитве.

Уход из дома родителей был первой жертвой святого Андрея Богу, и с этого начались его подвиги. Неизвестно, сколько времени пробыл в уединении блаженный, но когда он возвратился, то не застал уже в живых своих родителей. С их смертью порвалась последняя связь его с миром: ничто теперь не привязывало блаженного к родному селу, и он решился навсегда оставить родину. Он ушел в Галичский Воскресенский

монастырь. Давно этот монастырь славился благочестивой жизнью своих иноков, и блаженный Андрей хотел под руководством опытных старцев продолжать там свои подвиги. Он пришел в монастырь и, не открывая своего звания, поселился у одного инока. Нелицемерное смирение пришельца и строгое благочестие обратило на него внимание братии. Долго присматривался к блаженному Андрею инок, у которого он поселился, и когда уверился в его искреннем благочестии и терпении, сказал о блаженном настоятелю. Настоятелем монастыря был в то время Стефан. Часто беседуя с молодым послушником, настоятель увидел в нем избранника Божия и понял, что для отрока мало подвигов в тиши монастырской келлии, что он в состоянии выполнить подвиги более трудные, и благословил его безмолвствовать.

Казалось бы, блаженный Андрей достиг теперь полной возможности служить единому Богу и совершенно ушел от мира. В тишине монастыря ничто не мешало ему предаваться молитве и размышлению о Боге; но блаженный не удовлетворился этим и стремился к большему. По совету своего настоятеля он принял на себя подвиг юродства о Христе – едва ли не самый трудный из всех видов христианского подвижничества. С непрестанной молитвой на устах, с постоянной думой о Боге блаженный стал обходить окрестные города и обители для поклонения святыням. Босой, в ветхой разодранной одежде ходил он зимой и летом, не имея, где главы приклонить. Пищей блаженного были хлеб и вода, да и тех он принимал лишь постольку, чтобы не помереть с голода. Окончив свое путешествие по обителям, блаженный снова возвращался в Воскресенский монастырь, где находил всегда приют и духовное руководство со стороны благочестивого настоятеля. Стефан, как и прежде, часто беседовал с ним, укреплял его в трудном подвиге, наставлял с терпением переносить случавшиеся скорби. В этих беседах блаженный Андрей находил поддержку и укрепление к совершению новых подвигов. Так жил он то в монастыре, то в хождениях по обителям до кончины Стефана Галичского. После смерти

любимого настоятеля уже ничто не привязывало блаженного Андрея к Воскресенскому монастырю, и он ушел оттуда.

Необыкновенная жизнь блаженного обратила на себя внимание народа. Стали догадываться о его богоугодной жизни, и молва о человеке Божиим начала распространяться по окрестностям. Но это также побуждало подвижника оставить Галич. Избегая славы людской, Блаженный Андрей ушел оттуда в Тотьму и поселился близ церкви в честь Воскресения Христова, на берегу реки Сухоны. В Тотьме никто его не знал, и потому с большим удобством он продолжал здесь свои великие подвиги. Ночи блаженный Андрей проводил в молитве, а днем, как юродивый, бегал по городу, собирая милостыню. Самому блаженному нужно было очень мало, лишь бы не помереть с голода, поэтому большую часть получаемых подаяний он разделял с другими нищими. Одеждой блаженного Андрея было разодранное рубище, которое только прикрывало его тело, не защищая от дождя и мороза. Обуви он никогда не носил: ходил босым и зиму, и лето. Подвиг юродства труден главным образом еще тем, что неразумные люди подвергают Христа ради юродивых, как безумных, насмешкам и оскорблениям, поруганию и побоям; это пришлось испытать и блаженному Андрею. Но он терпел все, потому что, думая постоянно только о Боге, к Нему направляя все силы своего духа, блаженный забывал себя, ни во что вменяя голод, холод, обиды, насмешки и побои – всякие горести и скорби своей многотрудной жизни.

И не напрасны были подвиги блаженного Андрея. В награду за них он получил от Господа обильные дары духовные. Уже при жизни своей святой проявил великую силу чудотворений, и многие больные получили исцеление по его молитвам.

Шел раз блаженный Андрей на праздник святого архидиакона Стефана (27 декабря) в свое родное село Усть-Толшемское. Стоял декабрь, самое холодное время зимы, а на блаженном была, по обыкновению, ветхая разодранная одежда, едва прикрывавшая наготу. Сибирские инородцы, кочевавшие в то время на реке Сухоне, встретили его на дороге и, видя босого, полуодетого человека, стоявшего по колена в снегу, догадались, что это блаженный Андрей. По слуху знали они о

том, что в Тотье есть угодник Божий, слышали о его подвигах, о чудесах, через него совершавшихся, и потому узнали блаженного. Их старшина Ажбакай, во святом крещении названный Авраамием, страдал в это время глазами и, зная о чудесах блаженного Андрея, начал просить его о своем исцелении. В награду за исцеление Ажбакай обещал много денег. Но блаженный ничего не взял и побежал, не ответив ни слова на его просьбу. Тогда старшина инородцев потер глаза снегом, на котором стоял юродивый, и получил исцеление.

Тотемский воевода Михаил Григорьевич Ртищев долго страдал сильными головными болями. Не получая ниоткуда помощи, воевода обратился к блаженному Андрею и, призвав его в свой дом, просил его помолиться. Блаженный велел воеводе приложиться к образу Спасителя, находившемуся в его комнате, и когда он приложился к святой иконе, то почувствовал себя здоровым.

На берегу реки Сухоны в Тотье обыкновенно собирались городские дети и играли в свайку. Во время игры они часто спорили между собою и, так заспорив однажды, беспрестанно сквернословили. Блаженный Андрей слышал это из своей хижины и, не потерпя их сквернословия, погнал детей прочь. Дети побежали от него, но один из них обругал святого и ударил железной свайкою. Господь сохранил блаженного от удара без вреда, но дерзкого мальчика немедленно наказал. Тут же с криком упал он на землю и скоро умер.

10 лет блаженный Андрей юродствовал Христа ради. Скончался он в молодых годах, всего 35 лет от роду, вероятно, истощив свое тело тяжелыми подвигами. Кончина его была мирной и непостыдной. Предугадывая заранее день своей смерти, блаженный приготовился к ней. Призвав своего друга – пономаря Воскресенской церкви Иоанна Иаковлева, он отдал ему свое посмертное завещание и потом встал на молитву. Долго молился он о царствующем граде, о городах русских, о всем мире православном, и усердна была предсмертная молитва святого. Окончив молитву, блаженный просил себе прощения, затем попросил пригласить священника для исповеди. Когда священник окончил исповедь и причастил

блаженного Андрея Святых Таин, подвижник начал склоняться как бы ко сну и, подозревая к себе Иоанна Иаковлева, сказал: «Брат, пришло время разлучения души с телом: приготовь все нужное для моего погребения».

С глубокой скорбью зажег Иоанн лампаду перед образом и покурил в комнате фимиамом. Видя, что блаженный начал кончаться, он со слезами поцеловал руку умирающего и ненадолго вышел из комнаты. Возвратившись снова, он нашел блаженного Андрея уже умершим и комнату – наполненной благоуханием. Кончина блаженного Андрея последовала 10 октября 1673 г. Весть о ней скоро разнеслась по окрестным городам и селениям, и множество народа собралось ко гробу подвижника. Все увидели ясное, спокойное лицо блаженного, поняли действие на нем Божественной благодати и прославили Бога. Многие вспомнили тогда чудесные явления им блаженного Андрея, полученные исцеления по его молитвам, вспомнили сказанные им слова, на которые прежде не обращали внимание и которые сбылись в свое время. Вспомнив все это, знавшие блаженного убедились, что среди них жил угодник Божий, истинный человек Божий, и с великим почетом похоронили его тело под колокольной Воскресенской церкви.

Вскоре после кончины блаженного Андрея Господь прославил его даром чудотворений. Место погребения его сделалось источником исцелений, и много больных приходило туда за помощью. Больные брали землю с могилы блаженного, и земля эта, по молитвам его, возвращала им здоровье. Жители города Тотьмы видели эти чудеса, и среди них с каждым годом росло глубокое благоговение к памяти почившего святого. Это побудило их просить о постройке церкви над гробом блаженного. 20 октября 1707 г. архиепископ Великоустюжский Иосиф дал на это разрешение, и церковь была построена. Так как блаженный Андрей не был причислен тогда к лику святых, то церковь была построена не во имя его, а во имя его Ангела, святого мученика Андрея Стратилата (память 19 августа/1 сентября). В настоящее время мощи блаженного Андрея почивают под спудом в каменной Успенской церкви города Тотьмы, у левого клироса. Память блаженного чтится местно.

Из посмертных чудес блаженного Андрея расскажем лишь некоторые.

Житель Тотмы Симеон Болонин полгода был болен; во время болезни у него отнялась нога и он был не в силах ходить. Часто молился Симеон блаженному Андрею, прося помощи, и вот раз он видит во сне, будто он в церкви и молится блаженному около его гроба, а на гробе стоит чаша, полная земли. Вдруг из гроба послышался голос: «Симеон, возьми из чаши обеими руками и пересыпай с руки на руку». Когда больной исполнил это, то земля в его руках сделалась мукою, и он стал просить блаженного Андрея об исцелении. Проснувшись, Симеон почувствовал некоторое облегчение от болезни и мог прийти в церковь ко гробу чудотворца, где и получил полное исцеление.

Крестьянка Тотемского уезда Пелагия Пудова долго страдала лихорадкой. Однажды вечером явился ей блаженный Андрей, подошел к ее постели и сказал: «Обещайся сходить к блаженному Андрею, что на Тотме, у Воскресения Христова, близ реки Сухоны; приложишься ко гробу его и будешь здорова». Обрадованная женщина со слезами начала молиться святому, почувствовала себя здоровой, но позабыла свое обещание. Через два дня она опять сделалась больной хуже прежнего и снова во сне явился ей блаженный Андрей, на этот раз с евангелием в руках. «Что же ты не пришла помолиться блаженному?» – сказал святой. «Святче Божий, прости меня, грешную», – ответила крестьянка, вспомнив свое обещание. Святой дал ей приложиться к Евангелию, взял ее за руку и поднял с постели совершенно здоровой.

Блаженный Андрей сохранил скот крестьянина Тотемского уезда Макисма Ручкова. Во время скотского падежа, свирепствовавшего в этой деревне, святой явился этому крестьянину и сказал: «Раб Божий, помолись блаженному Андрею Тотемскому и скот будет цел». Обрадованный крестьянин исполнил приказание святого, и скот его, действительно, не пострадал.

Так прославил Господь Своего смиренного угодника.

Амвросий Оптинский, преподобный

Великий Оптинский старец иеросхимонах Амвросий родился, как принято считать, в день памяти святого Александра Невского 23 ноября 1812 года в селе Большая Липовица Тамбовской губернии в семье пономаря Михаила Федоровича, отец которого был священник. «В какое число было мое рождение, – вспоминал впоследствии старец, – не помнила и сама матушка, потому что в тот самый день, как я родился, к деду в дом, где тогда жила моя мать, съехалось много гостей (дед мой был благочинным), так что мать мою должны были выпроводить вон, и она в этой суматохе и запамятовала, в какое именно число я родился. Должно полагать, что это было около 23 ноября». И, говоря об обстоятельствах своего рождения, отец Амвросий любил пошутить: «Как на людях родился, так все на людях и живу». При крещении новорожденному дано было имя Александр в честь святого благоверного князя.

В детстве Александр был очень бойкий, веселый и смысленный мальчик. По обычаю того времени учился он читать по славянскому букварю, Часослову и Псалтири. Каждый праздник он вместе с отцом пел и читал на клиросе. Он никогда не видал и не слышал ничего худого, так как воспитывался в строгой церковной и религиозной среде.

Когда мальчику исполнилось 12 лет, родители определили его в первый класс Тамбовского духовного училища, по окончании которого в 1830 году он поступил в Тамбовскую духовную семинарию. И в училище, и в семинарии, благодаря своим богатым способностям, Александр Гренков учился очень хорошо. «Гренков мало занимается, – говорил его товарищ по семинарии, – а придет в класс, станет отвечать, точно как по писанному, лучше всех». Обладая от природы веселым и живым нравом, он всегда был душой общества молодых людей. В семинарии любимым занятием Александра было изучение Св. Писания, богословских, исторических и словесных наук. И поэтому ему никогда и в голову не приходила мысль о

монастыре, хотя некоторые и предрекли ему об этом. За год до окончания он тяжело заболел. Надежды на поправление почти не было, и он дал обет в случае выздоровления пойти в монастырь.

Целый год семинарской жизни, проведенной им в кругу веселого общества молодых товарищей, не мог не ослабить его ревности к монашеству, так что и по окончании семинарского курса он не сразу решился поступить в монастырь. Полтора года пробыл Александр Михайлович в помещичьем доме. А в 1838 году освободилось место наставника духовного училища в г. Липецке, и он занял эту должность.

Но, часто вспоминая о данном обете идти в монастырь, он всегда чувствовал угрызение совести. Вот как сам старец рассказывал об этом периоде своей жизни: «После выздоровления я целых четыре года все жался, не решался сразу покончить с миром, а продолжал по-прежнему посещать знакомых и не оставлял своей словоохотливости... Придешь домой – на душе беспокойно; и думаешь: ну, теперь уже все кончено навсегда – совсем перестану болтать. Смотришь, опять позвали в гости и опять наболтаешь. И так я мучился целых четыре года». Для облегчения душевного он стал по ночам уединяться и молиться, но это вызвало насмешки товарищей. Тогда он стал уходить молиться на чердак, а потом за город в лес. Так приближалась его развязка с миром.

Летом 1839 года по дороге на богомолье в Троице-Сергиеву лавру Александр Михайлович вместе с другом своим П. С. Покровским заехали в Троекурово к известному затворнику о. Илариону. Святой подвижник принял молодых людей отечески и дал Александру Михайловичу вполне определенное указание: «Иди в Оптину, ты там нужен». У гробницы преподобного Сергия, в горячей молитве испрашивая благословения на новую жизнь, он в своем решении оставить мир ощутил предчувствие какого-то громадного захватывающего счастья. Но, вернувшись в Липецк, Александр Михайлович продолжал, по его словам, еще «жаться». Случилось же, что после одного вечера в гостях, на котором он особенно смешил всех присутствующих, его воображению представился его обет, данный Богу, вспомнилось

ему горение духа в Троицкой лавре, прежние долгие молитвы, воздыхания и слезы, определение Божие, переданное через о. Илариона, и наряду с этим он почувствовал несостоятельность и шаткость всех намерений. Наутро решимость на этот раз твердо созрела. Опасаясь же, что уговоры родных и знакомых поколеблют его, решил бежать в Оптину тайно от всех, не испросив даже разрешения епархиального начальства. Будучи уже в Оптиной, он доложил о своем намерении Тамбовскому архиерею.

8 октября 1839 года, прибыв в Оптину, Александр Михайлович застал при жизни самый цвет ее монашества – таких ее столпов, как игумена Моисея, старцев Льва (Леонида) и Макария. Начальником скита был равный им по духовной высоте иеросхимонах Антоний, брат о. Моисея, подвижник и прозорливец. Вообще все иночество под руководством старцев носило на себе отпечаток духовных добродетелей; простота (нелукавство), кротость и смирение были отличительными признаками Оптинского монашества. Младшая братия старалась всячески смиряться, не только перед старшими, но и перед равными, даже боясь взглядом оскорбить другого и при малейшем поводе немедленно просили друг у друга прощения. В такой высокого духовного уровня монашеской среде оказался новоприбывший молодой Гренков.

Александр Михайлович имел такие черты характера, как чрезмерную живость, сметливость, остроумие, общительность, обладал способностью все схватывать на лету. Это была сильная, творческая, богатая натура. Впоследствии все эти качества, составлявшие его сущность, не исчезли в нем, но по мере его духовного возрастания преображались, одухотворялись, проникались Божией благодатью, давая ему возможность, подобно апостолу, стать «всем вся», чтобы приобрести многих.

Духовный руководитель Оптинской братии старец схиархимандрит Лев с любовью принял Александра Михайловича и благословил предварительно пожить на монастырском гостинном дворе. Живя в гостинице, он ежедневно посещал старца, слушал его наставления, а в свободное время,

по его поручению, переводил рукопись «Грешных спасение» с новогреческого языка.

Полгода шла канцелярская переписка с епархиальными властями по поводу его исчезновения. Только 2 апреля 1840 г. последовал указ Калужской духовной консистории об определении Александра Михайловича Гренкова в число братства, и вскоре за тем он был одет в монашеское платье.

В монастыре он был некоторое время келейником старца Льва и чтецом (т. е. вычитывал в положенное время для старца молитвенные правила, так как старец, по слабости сил телесных, не мог ходить в храм Божий). Отношения его к старцу были самые искренние. Почему и старец со своей стороны относился к послушнику Александру с особенной, нежно отеческой любовью, называя его Сашей.

В ноябре 1840 года Александра Гренкова перевели из монастыря в скит, где он был под ближайшим руководством старца Макария. Но и оттуда новоначальный послушник не переставал ходить к старцу Льву в монастырь для назидания.

В скиту он был помощником повара целый год. Ему часто приходилось по службе приходить к старцу Макарию: то благословляться относительно кушаний, то ударять к трапезе, то по иным поводам. При этом он имел возможность сказать старцу о своем душевном состоянии и получить мудрые советы, как поступить в искусительных случаях. Цель была: чтобы не искушение побеждало человека, а чтобы человек побеждал искушение.

На закате дней своей труднической богоугодной жизни старец о. Лев, прозревая в своем любимом послушнике Александре будущего преемника по старчеству, поручил его особенному попечению своего сотрудника старца о. Макария, сказав: «Вот человек больно ютится к нам, старцам. Я теперь уже очень стал слаб. Так вот я и передаю тебе его из полы в полу – владей им, как знаешь». Думается, что эти полы великих старцев были для близкого к ним ученика подобием милоти Илииной, брошенной на Елисея.

После смерти старца Льва брат Александр стал келейником старца Макария. Послушание это он проходил четыре года (с

осени 1841 г. по 2 января 1846 г.).

В следующем, 1842, году, 29 ноября, был он пострижен в мантию и наречен Амвросием, во имя свт. Амвросия, епископа Медиоланского, память которого 7/20 декабря. Затем последовало иеродиаконство (1843 г.), в сане которого Амвросий служил всегда с великим благоговением. Пробывши почти три года иеродиаконом, о. Амвросий в конце 1845 года представлен был к посвящению в иеромонаха.

Для этой цели (посвящения) о. Амвросий поехал в Калугу. Был сильный холод. О. Амвросий, изнуренный постом, схватил сильную простуду, отразившуюся на внутренних органах. С этих пор уже никогда не мог поправиться по-настоящему.

Вначале, когда о. Амвросий еще как-то держался, приезжал в Оптину преосвященный Николай Калужский. Он сказал ему: «А ты помогай о. Макарию в духовничестве. Он уже стар становится. Ведь это тоже наука, только не семинарская, а монашеская». А о. Амвросию было тогда 34 года. Ему часто приходилось иметь дело с посетителями, передавать старцу их вопросы и давать от старца ответы. Так было до 1846 года, когда после нового приступа своего недуга о. Амвросий был вынужден по болезни выйти за штат, будучи признан неспособным к послушаниям, и стал числиться на иждивении обители. Он с тех пор уже не мог совершать литургии; еле передвигался, страдал от испарины, так что переодевался по несколько раз в сутки. Не выносил холода и сквозняков. Пищу употреблял жидкую, перетирал теркой, вкушал очень мало.

Несмотря на это, он не только не скорбел о своих болезнях, но даже считал их необходимыми для своего духовного преуспеяния. Веруя вполне и уразумевая собственным опытом, что «аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни» (2Кор. 4, 16), он никогда не желал себе совершенного выздоровления. И другим поэтому всегда говорил: «Монаху не следует серьезно лечиться, а только подлечиваться», для того, конечно, чтобы не лежать в постели и не быть в тягость другим. Так и сам он постоянно подлечивался. Зная из учения святых отцов-подвижников, что телесная болезнь выше и крепче поста, трудов и подвигов телесных, он в

напоминание себе, в назидание и утешение ученикам своим недужным имел обыкновение говорить: «Бог не требует от больного подвигов телесных, а только терпения со смирением и благодарения».

Послушание его к своему старцу, батюшке о. Макарию, как и всегда, было беспрекословное, даже в малейшей вещи давал отчет. Теперь на него была возложена переводческая работа, приготовление к изданию святоотеческих книг. Им была переведена на легкий общепонятный славянский язык «Лествица» Иоанна, игумена Синайского.

Этот период жизни о. Амвросия являлся самым благоприятным для прохождения им искусства из искусств – умной молитвы. Однажды старец Макарий спросил своего любимого ученика о. Амвросия: «Угадай, кто получил свое спасение без бед и скорбей?» Сам старец Амвросий приписывал такое спасение своему руководителю старцу Макарию. Но в жизнеописании этого старца сказано, что «прохождение им умной молитвы, по степени тогдашнего духовного возраста, было преждевременным и едва не повредило ему». Главной причиной сего было то, что о. Макарий не имел при себе постоянного руководителя в этом высоком духовном делании. Отец же Амвросий имел в лице о. Макария опытейшего духовного наставника, восшедшего на высоту духовной жизни. Поэтому он мог обучаться умной молитве, действительно, «без бед», т. е. минуя козни врагии, вводящие подвижника в прелесть, и «без скорбей», приключающихся вследствие наших ложно-благовидных желаний. Внешние же скорби (как болезнь) считаются подвижниками полезными и душеспасительными. Да и вся с самого начала иноческая жизнь о. Амвросия под окормлением мудрых старцев шла ровно, без особых преткновений, направляемая к большему и большему совершенствованию духовному.

И что слова о. Макария относились к о. Амвросию, можно видеть еще из того, что о. Амвросий в последние годы жизни своего старца достиг уже высокого совершенствования в духовной жизни. Ибо, как в свое время старец Лев называл о.

Макария святым, так же теперь и старец Макарий относился к о. Амвросию. Но это не мешало ему подвергать его ударам по самолюбию, воспитывая в нем строгого подвижника нищеты, смирения, терпения и других иноческих добродетелей. Когда однажды за о. Амвросия заступились: «Батюшка, он человек больной», старец ответил: «А я разве хуже тебя знаю? Но ведь выговоры и замечания монаху – это щеточки, которыми стирается греховная пыль с его души, а без сего монах заржавеет». Так под опытным руководством великого старца незаметно вырабатывалась у о. Амвросия та высота духа, та сила любви, которая потребовалась ему, когда он принял на себя высокий и многотрудный подвиг старчества.

Еще при жизни старца Макария, с его благословения, некоторые из братии приходили к о. Амвросию для откровения помыслов. Так старец Макарий постепенно готовил себе достойного преемника. А потому, видя своего преданнейшего ученика и сына духовного окруженным толпой и беседующим с посетителями на пользу душевную, проходя мимо, шутливо промолвит: «Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросий-то у меня хлеб отнимает». А иногда среди разговора с близкими к случаю скажет: «Отец Амвросий вас не бросит».

В это время духовному окормлению о. Амвросия уже поручены были относившиеся к Оптиным старцам монахини Борисовой пустыни Курской губернии. И потому, когда они приезжали в Оптину, он по обязанности немедленно отправлялся к ним в гостиницу. Ходил он по благословию о. Макария и к мирским посетителям.

Когда же старец Макарий преставился (7 сентября 1860 г.), хотя он не был прямо назначен, но постепенно обстоятельства так складывались, что о. Амвросий стал на его место. Ибо по прошествии 12 лет старчества его в зависимости от старца Макария он уже настолько был подготовлен к сему служению, что вполне мог быть и заместителем своего предшественника.

После смерти архимандрита о. Моисея настоятелем был избран о. Исаакий, который относился к о. Амвросию как к своему старцу до самой его смерти. Таким образом в Оптиной

пустыни не существовало никаких тренировок между начальственными лицами.

Старец перешел на жительство в другой корпус, вблизи скитской ограды, с правой стороны колокольни. На западной стороне этого корпуса была сделана пристройка, называемая «хибаркой» для приема женщин. И целых 30 лет он простоял на Божественной страже, предавшись служению ближним.

Старец был уже тайно пострижен в схиму, очевидно, в тот момент, когда во время болезни жизнь его была в опасности. При нем было два келейника: о. Михаил и о. Иосиф (будущий старец). Главным письмоводителем был о. Климент (Зедергольм), сын протестантского пастора, перешедший в Православие, ученейший человек, магистр греческой словесности.

Повседневная жизнь старца Амвросия начиналась с келейного правила. Для слушания утреннего правила поначалу он вставал в 4 часа утра, звонил в звонок, на который являлись к нему келейники и прочитывали: утренние молитвы, 12 избранных псалмов и первый час, после чего он наедине пребывал в умной молитве. Затем, после краткого отдыха, старец слушал часы третий, шестой с изобразительными и, смотря по дню, канон с акафистом Спасителю или Божией Матери, которые он выслушивал стоя.

О. Амвросий не любил молиться на виду. Келейник, читавший правило, должен был стоять в другой комнате. Как-то раз читали молебный канон Богородице, и один из скитских иеромонахов решился в это время подойти к батюшке. Глаза о. Амвросия были устремлены на небо, лицо сияло радостью, яркое сияние почил на нем, так что священноинок не мог его вынести. Такие случаи, когда исполненное дивной доброты лицо старца чудесно преображалось, озаряясь благодатным светом, почти всегда происходили в утренние часы во время или после его молитвенного правила.

После молитвы и чаепития начинался трудовой день с небольшим перерывом в обеденную пору. За едой келейники продолжали задавать вопросы по поручению посетителей. Но иногда, чтобы сколько-нибудь облегчить отуманенную голову,

старец приказывал прочесть себе одну или две басни Крылова. После некоторого отдыха напряженный труд возобновлялся – и так до глубокого вечера. Несмотря на крайнее обессиление и болезненность старца, день всегда заканчивался вечерними молитвенными правилами, состоявшими из малого повечерия, канона Ангелу Хранителю и вечерних молитв. От целодневных докладов келейники, то и дело приводившие к старцу и выводившие посетителей, едва держались на ногах. Сам старец временами лежал без чувств. После правила старец испрашивал прощения, елика согреши делом, словом, помышлением. Келейники принимали благословение и направлялись к выходу.

Через два года старца постигла новая болезнь. Здоровье его, и без того слабое, совсем ослабело. С тех пор он уже не мог ходить в храм Божий и должен был причащаться в келлии. И такие тяжелые ухудшения повторялись не раз.

Трудно представить себе, как он мог, будучи пригвожденным к такому страдальческому кресту, в полном изнеможении сил принимать ежедневно толпы людей и отвечать на десятки писем. На нем сбывались слова: *Сила бо Моя в немощи совершается* (2Кор. 12, 9). Не будь он избранным сосудом Божиим, через который Сам Бог вещал и действовал, такой подвиг, такой гигантский труд не мог быть осуществим никакими человеческими силами. Животворящая Божественная благодать явно присутствовала и содействовала.

«Совершенно соединивший чувства свои с Богом, – говорит Лествичник, – тайно научается от него словесам Его». Это живое общение с Богом и есть дар пророческий, та необыкновенная прозорливость, которой обладал о. Амвросий. Об этом свидетельствовали тысячи его духовных чад.

Приведем слова о старце одной его духовной дочери: «Как легко на душе, когда сидишь в этой тесной и душной хибарке, и как светло кажется при ее таинственном полусвете. Сколько людей перебывало здесь! Приходили сюда, обливаясь слезами скорби, а выходили со слезами радости; отчаявшиеся – утешенными и ободренными; неверующие и сомневающиеся – верными чадами Церкви. Здесь жил батюшка – источник

стольких благодеяний и утешений. Ни звание человека, ни состояние не имели никакого значения в его глазах. Ему нужна была только душа человека, которая настолько была дорога для него, что он, забывая себя, всеми силами старался спасти ее, поставить на истинный путь».

С утра и до вечера удрученный недугом старец принимал посетителей. К нему приходили люди с самыми жгучими вопросами, которые он усваивал себе, которыми в минуту беседы жил. Он всегда разом схватывал сущность дела, непостижимо мудро разъяснял его и давал ответ. Для него не существовало тайн: он видел все. Незнакомый человек мог прийти к нему и молчать, а он знал его жизнь, и его обстоятельства, и зачем он сюда пришел. Слова его принимались с верой, потому что были с властью, основанной на близости к Богу, дававшему ему всезнание. Чтобы понять хоть сколько-нибудь подвижничество о. Амвросия, надо себе представить, какой труд – говорить более 12 часов в день!

Любил также старец побеседовать и с мирскими благочестивыми, в особенности образованными, людьми, каковых бывало у него немало. Вследствие общей любви и уважения к старцу приезжали в Оптину лица католического и других неправославных вероисповеданий, которые по его благословению принимали тут же Православие.

По любви к Богу о. Амвросий покинул мир и стал на путь нравственного совершенствования. Но как любовь к Богу в христианстве неразрывно связана с подвигом любви к ближнему, так и подвиг усовершенствования и личного спасения у старца никогда не отделялся от его подвига служения людям.

Нищета духовная, или смирение, было основой всей подвижнической жизни старца Амвросия. Смирение же заставляло старца все свои труды и подвиги, сколько было возможно, укрывать от любопытных или самоукорением, или шутилой речью, или иногда даже не совсем благовидными поступками, или просто молчанием и сдержанностью, так что и самые близкие к нему люди временами смотрели на него как на человека самого обыкновенного. Во все времена дня и ночи келейные входили к нему по звонку, и не иначе как с молитвой,

и потому никогда не могли заметить в нем каких-либо выдающихся особенностей.

Живя сам в смирении, без которой невозможно спасение, старец и в относившихся к нему всегда желал видеть эту необходимейшую добродетель, и к смиренным относился весьма благосклонно, как, наоборот, терпеть не мог горделивых.

Когда его спрашивали: «Можно ли желать совершенствования в жизни духовной?», старец отвечал: «Не только можно желать, но и должно стараться совершенствоваться в смирении, т. е. в том, чтобы считать себя в чувстве сердца хуже и ниже всех людей и всякой твари». «Лишь только смирится человек, – говорил старец, – как тотчас же смирение поставляет его в преддверии Царства Небесного, которое не в словах, а в силе: нужно меньше толковать, больше молчать, никого не осуждать, и всем мое почтение». «Когда человек понуждает себя смиряться, – поучал он одну монахиню, – то Господь утешает его внутренне, и это-то и есть та благодать, которую Бог дает смиренным».

«Имейте страх Божий и храните совесть свою во всех делах ваших и поступках, более же всего смиряйтесь. Тогда несомненно получите великую милость Божию».

При глубоком же смирении, несмотря на свой веселый характер и свою сдержанность, старец Амвросий нередко и против своей воли проливал слезы. Он плакал среди служб и молитвословий, отправлявшихся по какому-либо случаю в его келлии, в особенности, если был по желанию просителей отслужен молебен с акафистом пред особенно чтимой келейной иконой Царицы Небесной «Достойно есть». Во время чтения акафиста он стоял около двери, неподалеку от святой иконы, и умиленно взирал на благодатный лик Всепетой Богоматери. Всем и каждому можно было видеть, как слезы струились по его исхудалым ланитам. Он всегда скорбел и болезновал, иногда до пролития слез, о некоторых из духовных чад своих, страдавших душевными недугами. Плакал о себе, плакал о частных лицах, скорбел и болезновал душой и о всем дорогом ему отечестве, и о благочестивых царях русских. В свое время появились у

старца и слезы радости духовной, в особенности при слушании им стройного нотного пения некоторых церковных песнопений.

Старец, опытом познавший цену милосердия и сострадания к ближним, поощрял и детей своих духовных к этой добродетели, обнадеживая их в получении милости от Милостивого Бога за милость, оказываемую ими ближним.

Советы и наставления, которыми старец Амвросий врачевал души приходивших к нему с верою, преподавал он или часто в уединенной беседе, или вообще всем окружавшим его, в форме самой простой, отрывочной и нередко шутиливой. Вообще нужно заметить, что шутиливый тон назидательной речи был его характерной чертой, что вызывало часто улыбку на устах легкомысленных слушателей. Но если посерьезнее вникнуть в это наставление, то каждый увидит в нем глубокий смысл. «Как жить?» – слышался со всех сторон общий и весьма важный вопрос. И по своему обыкновению старец отвечал: «Нужно жить нелицемерно, и вести себя примерно; тогда наше дело будет верно, а иначе выйдет скверно». Или так: «Жить можно и в миру, только не на юру, а жить тихо». Но и эти наставления старца клонились к приобретению смирения.

Кроме словесных, лично преподаваемых старцем Амвросием советов, множество рассылалось им писем к тем, которые не имели возможности приехать. И своими ответами направлял он волю человека к добру: «Насильно никого не приведешь ко спасению... Воли человека и Сам Господь не понуждает, хотя многим способами и вразумляет». «Вся жизнь христианина, а тем более инока, должна проходить в покаянии, ибо с прекращением покаяния прекращается и духовная жизнь человека. Евангелие тем и начинается, и оканчивается: «Покайтесь». Смиренное покаяние изглаживает все грехи, оно привлекает милость Божию к кающемуся грешнику».

Большое место в письмах уделяется и рассуждению о молитве. «Нет большего утешения для христианина, как ощущать близость Небесного Отца и беседовать с Ним в своей молитве. Молитва имеет великую силу: она вливает в нас новую духовную жизнь, утешает в скорбях, поддерживает и подкрепляет в унынии и отчаянии. Бог слышит каждый вздох

нашей души. Он Всемогущ и Любвеобилен – какой мир и тишина водворяется в такой душе, и из глубины ее хочется сказать: «Да будет во всем, Господи, воля Твоя». Молитву Иисусову старец Амвросий ставит на первое место. Он пишет, что в молитве Иисусовой мы должны пребывать постоянно, не ограничиваясь ни местом, ни временем. Во время молитвы должны стараться отвергать всякие помыслы и, не обращая внимания на них, продолжать молитву.

Молитва, произносимая в смирении сердца, по мысли старца Амвросия, дает человеку распознать все искушения, наносимые дьяволом, и помогает молящемуся одержать победу над ними. Для руководства к разумному молению молитвой Иисусовой старец раздавал брошюры под заглавием «Толкование на «Господи, помилуй»».

Следует также отметить, что по благословению старца и под его непосредственным наблюдением и руководством некоторые Оптикинские монахи занимались переводом отеческих книг с греческого и латинского языка на русский и составлением душеполезных книг.

Милость Божия изливается на всех ищущих спасения, но особенно она изливается на тех избранников Божиих, которые отреклись от мирской жизни и день и ночь многими подвигами и слезами стараются очиститься от всякой скверны и плотских мудрований. Старец высказывает мысль, что сущность монашеской жизни заключается в отсечении страстей и достижении бесстрастия. Образ монашества называется ангельским. «Монашество есть тайна». «О монашестве можно разуметь, что оно есть таинство, покрывающее прежние грехи, подобно крещению». «Схима есть втрое крещение, очищающее и прощающее грехи».

Монашеский путь – это отрешение от всего земного и взятие на себя ига Христова. Вступившие на путь монашества, желающие всецело последовать Христу должны прежде всего жить по заповедям евангельским. В другом месте старец пишет: «Мудрые и опытно-духовные изрекли, что рассуждение выше всего, а благоразумное молчание лучше всего, а смирение прочнее всего; послушание же, по слову Лествичника, такая

добродетель, без которой никто из заплетенных страстями не узрит Господа». Поэтому можно сказать, что общее содержание писем о. Амвросия к монашествующим следующее: безропотность, смирение, самоукорение, терпение находящихся скорбей и предание себя в волю Божию.

В письмах к мирским людям старец разрешал некоторые недоумения касательно веры Православной и церкви католической; обличал еретиков и сектантов; растолковывал некоторые знаменательные сны; подсказывал, как поступить. Старец пишет, что нужно обращать особое внимание на воспитание детей в страхе Божиим. Без внушения страха Божия чем детей ни занимай, ничто не принесет желаемых плодов в отношении доброй нравственности и благоустроенной жизни.

Старец Амвросий обладал всеобъемлющей опытностью, широким кругозором и мог дать совет по любому вопросу не только в области духовной, но и житейской. Многим мирским людям в их хозяйственных делах старец давал замечательные практические советы. И случаи прозорливости были многочисленны и нередко поразительны.

Немало обращалось к старцу Амвросию с прошением его святых молитв об исцелении от тяжких болезней и большей частью в крайних случаях, когда врачебное искусство оказывалось бессильным. В таких случаях старец чаще всего советовал воспользоваться таинством елеосвящения, через которое болящие нередко исцелялись. Во всех же вообще болезнях старец назначал служить молебн пред местными чудотворными иконами или посылал в Тихонову пустынь (верстах в 18 от Калуги) помолиться угоднику Божию Тихону Калужскому и покупаться в его целебном колодце, и случаи исцелений по святым молитвам угодника Божия были многочисленны.

Впрочем, не всегда так прикровенно действовал старец Амвросий. По данной ему благодати Божией исцелял он и непосредственно, и таких примеров, можно сказать, было множество...

Многими подвигами старец предочистил свою душу, соделав ее избранным сосудом Святого Духа, Который обильно

действовал через него. Эта духовность о. Амвросия была настолько велика, что его заметила, оценила и потянулась к нему даже интеллигенция XIX века, которая в это время нередко была слаба в вере, мучилась сомнениями, а иногда была и враждебна к Церкви и всему церковному.

Старец по возможности склонял некоторых благочестивых состоятельных лиц к устройению женских общин, и сам, сколько мог, содействовал этому. Его попечением устроена женская община в г. Кромах Орловской губернии. Особенно много забот он употреблял на благоустройство Гусевской женской обители в Саратовской губернии. По его благословению устроилась благотворителями Козельщанская община в Полтавской губернии и Пятницкая в Воронежской. Старцу приходилось не только рассматривать планы, давать советы и благословлять людей на дело, но и защищать как благотворителей, так и насельниц от различных злоключений и препинаний со стороны некоторых недоброжелательных мирян. По этому случаю он входил даже в переписку с епархиальными архиереями и членами Св. Синода.

Последняя женская обитель, над которой старец Амвросий особенно потрудился, была Шамординская Казанская община.

В 1871 году усадьба Шамордино в 200 десятин земли была куплена послушницей старца, вдовой помещицей Ключаревой (в иночестве Амвросия).

Шамординская обитель прежде всего удовлетворяла ту горячую жажду милосердия к страждущим, которой всегда был полон о. Амвросий. Сюда он посылал многих беспомощных. Старец принимал самое живое участие в устройстве новой обители. Еще до ее официального открытия стали строиться один корпус за другим. Но желавших поступить в общину было так много, что этих помещений не хватало для вдов и сирот, находившихся в крайней бедности, а также всех страдающих какой-либо болезнью и не могущих найти в жизни ни утешения, ни пристанища. Но приходили сюда также и молодые курсистки, искавшие и находившие у старца смысл жизни. Но более всего просились в общину простые крестьянки. Все они составили

одну тесную семью, объединенную любовью к своему старцу, который собрал их и который так же горячо и отечески любил их.

Кто приезжал в Шамордино, тот прежде всего поражался необыкновенным строем обители. Здесь не было ни начальствующих, ни подчиненных – все от Батюшки. Спрашивал: «Отчего так охотно, свободно готовы все выполнять его волю?» И от разных лиц получал один и тот же ответ: «Только то хорошо бывает, на что Батюшка благословит».

Принесут, бывало, грязного, полунагого, покрытого лохмотьями и сыпью от нечистоты и истощения ребенка. «Возьмите его в Шамордино», – распоряжается старец (там приют для беднейших девочек). Здесь, в Шамордино, не спрашивали, способен ли человек принести пользу и доставить выгоду монастырю. Здесь видели, что человеческая душа страдала, что иному голову некуда приклонить, – и всех принимали, упокоевали.

Каждый раз, как старец посещал в общине приют, дети пели сочиненный в честь него стих: «Отец родной, отец святой! Как благодарить тебя, не знаем. Ты нас призрел, ты нас одел. Ты нас от бедности избавил. Быть может мы теперь бы все скитались по миру с сумой, не знали б крова мы нигде и враждовали бы с судьбой. А здесь мы молим лишь Творца и за тебя Его мы славим. Мы молим Господа Отца, чтоб нас, сироток, не оставил» – или пели тропарь Казанской иконе, которой посвящена обитель. Серьезно и задумчиво слушал о. Амвросий эти детские моления и часто крупные слезы катились по его впалым щекам.

Число сестер старцевой обители под конец превысило пять сотен.

Уже в начале 1891 года старец знал, что ему предстоит скоро умереть... Предчувствуя это, он особенно поспешно старался устроить монастырь. Между тем недовольный архиерей собирался лично явиться в Шамордино и в своей карете вывезти старца. К нему обращались сестры с вопросами: «Батюшка! Как нам встречать Владыку?» Старец отвечал: «Не мы его, а он нас встречать будет!» «Что для владыки петь?» Старец сказал: «Мы ему «Аллилуиа» пропоем». И

действительно, архиерей застал старца уже в гробу и вошел в церковь под пение «Аллилуиа».

Промыслительно и последние дни своей жизни старец провел в Шамординской обители. В последнее время он был очень слаб, но никому не верилось, что он может умереть, так он всем был нужен. «Батюшка ослабел. Батюшка захворал», – слышалось во всех концах монастыря. У старца сильно заболели уши и ослаб голос. «Это последнее испытание», – сказал он. Болезнь постепенно прогрессировала, к боли в ушах прибавилась еще боль в голове и во всем теле, но старец письменно отвечал на вопросы и понемногу принимал посетителей. Вскоре всем стало ясно, что старец умирает.

Видя, что старец совсем приблизился к исходу, о. Иосиф поспешил отправиться в скит, чтобы взять оттуда хранившиеся в келлии старца для его погребения вещи: мухояровую старую мантию, в которую он некогда был облачен при пострижении, и власяницу, да еще холщовую рубашку старца Макария, к которому батюшка о. Амвросий, как выше сказано, во всю свою жизнь питал глубокую преданность и уважение. В этой рубашке была собственноручная надпись старца Амвросия: «По смерти моей надеть на меня неотменно».

Как только кончили отходную, и старец начал кончаться. Лицо стало покрываться мертвенной бледностью. Дыхание становилось все короче и короче. Наконец, он сильно потянул в себя воздух. Минуты через две это повторилось. Затем Батюшка поднял правую руку, сложил ее для крестного знамения, донес ее до лба, потом на грудь, на правое плечо и, донеся до левого, сильно стукнул об левое плечо, видно потому, что это ему стояло страшного усилия, дыхание прекратилось. Потом он еще вздохнул в третий и последний раз. Было ровно половина 12-го часа дня 10 октября 1891 года.

Долго еще стояли окружающие одр мирно почившего старца, боясь нарушить торжественную минуту разлучения праведной души с телом. Все находились как бы в оцепенении, не веря себе и не понимая: что это – сон или правда. Но святая душа его уже отлетела в иной мир, дабы предстоять Престолу Всевышнего в сиянии той любви, которой он полон был на

земле. Светел и покоен был его старческий лик. Неземная улыбка озаряла его. Сбылись слова прозорливого старца: «Вот, целый век свой я все на народе – так и умру».

От тела покойного вскоре стал ощущаться тяжелый мертвенный запах. Впрочем, об этом обстоятельстве давно еще он прямо говорил своему келейнику о. Иосифу. На вопрос же последнего, почему так, смиренный старец сказал: «Это мне за то, что в жизни я принял слишком много незаслуженной чести».

Но то дивно, что чем более стояло в церкви тело почившего, тем менее стал ощущаться мертвенный запах. От множества народа, в продолжении нескольких суток почти не отходившего от гроба, в церкви была нестерпимая жара, которая должна была бы способствовать быстрому и сильному разложению тела, а вышло наоборот. В последний день отпевания старца от тела его уже стал ощущаться приятный запах, как бы от свежего меда.

Смерть старца была всероссийским горем, но для Оптиной и Шамордина и для всех духовных чад оно было безмерно.

Ко дню погребения скопилось в Шамордино до восьми тысяч народу. После литургии епископ Виталий в сослужении тридцати священнослужителей совершил чин отпевания. Семь часов продолжалось перенесение тела почившего старца. В течение всего этого времени свечи у гроба ни разу не погасли и даже не слышно было обычного треска, который бывает, когда капельки воды попадают на фитиль горящей свечи (шел сильный дождь). При жизни своей старец Амвросий был светильником, который в любых жизненных условиях ярко светил светом своих добродетелей истомившемуся от греховной жизни человечеству, и вот теперь, когда его не стало, Господь горением свечей в ненастную дождливую погоду засвидетельствовал всем еще раз о святости его жизни.

14 октября вечером гроб с телом почившего старца был внесен в Оптинский монастырь, 15 октября по совершении литургии и панихиды гроб был поднят на руки священнослужителями и в преднесении святых икон и хоругвей погребальное шествие направилось к приготовленной могиле. Погребен был старец Амвросий рядом со своими

предшественниками по старчеству о. Леонидом и о. Макарием. К лику святых угодников Божиих старец Амвросий был причислен на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1988 году.

Живет старец Амвросия вечной жизнью, как получивший велие дерзновение ко Господу, и никогда не угаснет в народном сознании память об этом великом молитвеннике земли Русской.

Амфилохий, епископ Владимиро-Волынский

Епархия в городе Владимире-Волынском учреждена была еще равноапостольным князем Владимиром, и св. Амфилохий был третьим из известных теперь Владимиро-Волынских епископов.

К сожалению, о свт. Амфилохии сохранились лишь самые скудные сведения. Его происхождение и место подвигов до епископства остается вовсе неизвестным. В епископы посвящен он был 27 августа 1105 г. Киевским митрополитом Никифором I (1103–1121). Семнадцать лет управлял свт. Амфилохий владими́ро-во́лынско́й па́ствой. В то далекое время вера Христова только насаждалась на Руси, – всюду встречались еще и чистые язычники, не принявшие святого крещения, а из крещенных не мало было двоеверов, то есть людей, принявших христианство, но не забывших своих языческих заблуждений и примешивавших их к чистой вере Христовой. И, без сомнения, св. Амфилохию пришлось много потрудиться в обращении ко Христу неведущих Его, а также в искоренении языческих суеверий у новопросвещенных пасомых своих.

Годы его святительства для Владимиро-Волынского княжества были беспокойным временем княжеских междоусобий и столкновений. Тогдашний князь волынский Ярослав Святополкович, женатый на внучке великого князя Владимира Мономаха, дочери Мстислава Владимировича, очень грубо обращался с своей супругой.

Не терпя злодеяний Ярослава, великий князь пошел на него в 1117 г. войной, осадил в Владимире и стоял под стенами города 60 дней. Ярослав был вынужден просить прощения, покориться великому князю и заключить мир на всей воле Владимира Мономаха. Однако это не исправило волынского князя. Через год он отослал от себя свою жену, и когда Владимир снова пошел на него войной, бежал в Венгрию. Тогда бояре покидают Ярослава. Владимиро-Волынское княжество достается сыновьям Мономаха – Роману, а после его смерти (в 1118 г.) Андрею. Но Ярослав Святополкович не хотел отказаться

от Волынского княжества и в союзе с венграми, чехами и поляками приходил воевать на Волынь.

Современником таких печальных событий довелось быть святому епископу Владимиро-Волынскому. Разумеется, дурной, вероломный и беспокойный князь много доставил ему забот, хлопот и огорчений. Может быть, нападение Ярослава с иноземными войсками на родное княжество было причиной того, что святой Амфилохий оставил место своего святительства, переселился в пещеру Киево-Печерского монастыря, где и скончался в 1122 г.

Память свт. Амфилохия празднуется местно: в Почаевской лавре, вместе с другими Волынскими святыми, празднование совершается ему 10 октября – в день возвращения Почаевской лавры к Православию в 1831 г.

Зографские преподобномученики

В 1274 г. на соборе в Лионе византийский император Михаил VIII Палеолог решил укрепить свою близкую к падению державу за счет союза с католическим Римом – унией. Этот шаг вызвал всеобщее недовольство в стране, и император в 1278 г. издал указ вводить унию в Византии хотя бы даже и насильственными мерами. Святая Афонская гора твердо противостояла унии. Афонские иноки отправили послание к Михаилу, в котором основательно доказывали, что главенство папы, поминание его в церквах, совершение Евхаристии на опресноках, прибавление к Символу веры «и от Сына» не могут быть приняты православными, и призывали императора одуматься. «Мы ясно видим, – говорилось в послании, – что ты еретик, но умоляем тебя: оставь все это и пребывай в том учении, которое ты принял... Отринь несвятые новые учения ложного знания, прибавляющего к вере догадки». Крестоносцы, изгнанные из Палестины и нашедшие приют в Романии, заявили императору о своей готовности огнем и мечом утверждать власть папы. Михаил нанял еще турок и татар. Когда войска подошли к ненавистному для императора Афону, то, чтобы не раздражать греков, они решили выместить свою злобу на афонцах, среди которых спасались иноки грузинские, сербские, болгарские и русские.

Прежде латиняне пришли в лавру св. Афанасия, потом в Иверскую лавру, в Ватопедскую обитель. За неповиновение беззаконникам многие иноки приняли мученические венцы, а обители были преданы разрушению и сожжению. Затем они перешли на другую сторону Горы и достигли обители св. вмч. Георгия, именуемой Зограф. По приказу Михаила слуги папы обрушились на Зографский болгарский монастырь. Когда инокам было предъявлено требование принять унию, никто из них не хотел даже слушать о католичестве. Большинство зографцев покинуло обитель, а самые твердые, числом 26, остались в монастырской башне. Это были: игумен Фома, иноки Варсонофий, Кирилл, Михей, Симон, Иларион, Иаков, Иов,

Киприан, Савва, Иаков, Мартиниан, Косма, Сергей, Мина, Иоасаф, Иоанникий, Павел, Антоний, Евфимий, Дометиан, Парфений и четыре мирянина. Святые мученики за веру православную были сожжены в монастырской башне 10 октября 1284 года.

Память пострадавших преподобномучеников празднуется вместе со всеми святыми, подвизавшимися на Святой Горе, – в Неделю, следующую по Неделе Всех Святых. Но празднуется и отдельно память преподобномучеников: Иверских – в Ивере (13/26 мая), Ватопедских – в Ватопеде (4/17 января), Зографских – в Зографе (10/23 октября).

Октябрь 11

Феофан Печерский, преподобный

Преподобный Феофан, называемый Постник, подвизался в Киево-Печерской обители в XII в. Название преподобного Постником показывает, что он угодил Господу строгим постом и воздержанием. Однако в древних сказаниях совершенно не описываются его труды и подвиги. Святые мощи прп. Феофана открыто почивают в Ближней, Антониевой, пещере Киево-Печерской лавры. Память празднуется общецерковно.

Октябрь 12

Амфилохий Глушицкий, преподобный

О жизни и подвигах прп. Амфилохия Глушицкого дошло до нас очень мало сведений. Где родился прп. Амфилохий, кто были его родители, как прошли детские годы подвижника – обо всем этом не сохранилось никаких известий. Известно, что преподобный подвизался в одном из монастырей города Устюга Великого и подвизался, вероятно, немалое время, потому что там он получил сан священника.

Когда слава о Глушицкой обители, основанной прп. Дионисием († 1437 г.; память 1/14 июня), дошла до Устюга, он оставил монастырь и в 1417 г. пришел на речку Глушицу. Его влекло сюда желание усовершенствоваться в духовной жизни под руководством такого опытного и славного подвижника, каким был прп. Дионисий. Придя в Глушицкую обитель, прп. Амфилохий просил св. Дионисия: «Отче, спаси меня». Глушицкий подвижник спросил пришельца: «Зачем ты принял на себя труд прийти сюда?». «Я пришел, – ответил Амфилохий, – поклониться сначала Пречистой Богоматери, а потом стопам твоим и живущей с тобою братии и просить молитв ваших». Прп. Дионисий пригласил устюжского инока в свою келлию, и когда они помолились и сели, призвал для беседы ученика своего Макария. Макарию преподобный сказал: «Пришел к нам в монастырь наставляемый Богом инок Амфилохий и хочет с нами приносить молитву Богу». «Прости меня, невежду, отче, не знаю, что говорить», – сказал Макарий. «Говори, послушник, что Бог положит тебе на сердце», – повелел настоятель, и Макарий сказал: «Благословен Бог, иже всем человеком хочет спастися и в разум истины прийти (1Тим. 2, 4)». «Да даст тебе Бог говорить полезное», – добавил прп. Дионисий.

Из этого разговора прп. Амфилохий понял смирение настоятеля, его простоту и благочестие; увидел мудрую скромность ученика, и желание подвизаться под руководством прп. Дионисия удвоилось в нем. Он пал к ногам святого старца и воскликнул: «Теперь я разумею пути твои, отче, вижу, как, ненавидя славу человеческую, ты ищешь славы только от

Бога». Но св. Дионисий, поднимая прп. Амфилохия от своих ног, кротко говорил ему: «Зачем ты, брат мой, отягчаешь грешного человека? Встань. Одному Богу – слава и поклонение. Он один может спасти тебя и меня». «Бог, хотящий всем спасения, – со слезами ответил прп. Амфилохий, – привел меня в святые твои руки, и с помощью Божией я буду исполнять все, что мне велишь».

Трудна и сурова жизнь пустынника, и ее трудностей не скрыл от пришлого инока прп. Дионисий. Но в пришельце он видел искреннее желание пустынной жизни и решился поддерживать его на тернистом пути подвижника. «Если хочешь с нами пребывать здесь, – сказал старец прп. Амфилохию, – сотворим завет между собой – не разлучаться друг с другом, пока живем на земле».

С радостью принял прп. Амфилохий завет святого настоятеля и твердо решился исполнять в точности устав общежития. Так совершилось принятие прп. Амфилохия в Глушицкую обитель.

Строго исполняя устав общежития, новый инок Глушицкий все переносил с терпением ради будущего блаженства. Он подражал во всем примеру прп. Дионисия, свято соблюдал его заповеди и заботился только о своей душе. Добродетели кротости и терпения особенно отличали прп. Амфилохия и прославили его. Прп. Дионисий любил труд, писал иконы для нового храма обители, плотничал, шил одежду, и в прп. Амфилохии он нашел себе усердного помощника. Разделяя с прп. Дионисием его труды, прп. Амфилохий помогал ему в управлении обителью, все более и более расширявшейся. Он был любимым учеником святого настоятеля, его другом и усердным сотрудником.

Двадцать лет жили подвижники вместе, и перед кончиной своей преподобный Дионисий поставил прп. Амфилохия своим преемником по игуменству в обители. В последние годы жизни своей прп. Дионисий жил большей частью в Сосновце и только по временам навещал Покровский монастырь. В одно из таких посещений он сказал прп. Амфилохию: «Ныне вижу я, что время отшествия моего уже при дверях; тебе же, друг мой и сверстник,

Господь повелел еще долго жить. Покрой тело мое землею и персть отдай персти, а сам пребывай на этом месте, держась духовного жития и творя память моему смирению. Чадо! Не изнемогай в болезнях и воздыханиях на всякий день, ожидая скоро разлучиться отселе, и спеши на почесть вышнего звания. Вспоминай еще слово Господне: *Егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лк. 17, 10); ибо кто из нас может выплатить долг Владыке Христу, обнищавшему нас ради и освободившему нас от страстей?»

Прощаясь с наставником своим, прп. Амфилохий говорил сквозь слезы: «Отче духовный, ты сам отходишь на покой, а меня оставляешь в скорби. Помолись Господу, чтобы быть мне спутником твоим из сей жизни». Но преподобный Дионисий ответил: «Тебе еще рано оставлять мир, ибо ты недостаточно подвизался для приготовленной тебе награды. Долго будешь трудиться на этом месте после моего преставления. Заботься, как я, о избранном стаде Христовом во все дни жизни своей, пася, надзирая и возводя его к духовному разумению».

Когда братия, плача, спрашивали прп. Дионисия, кому он оставляет их, кто станет заботиться о душах их, умирающий подвижник ответил: «Богу я оставляю вас и Его Пречистой Матери; старейшинство же вручаю возлюбленному моему ученику Амфилохию. Ему приказываю пасти стадо Христово внимательно и право».

Похоронив своего наставника, прп. Амфилохий еще 15 лет продолжал подвиги в Глушицкой обители. «Внимательно и право», по завету своего настоятеля, пас он вверенное ему стадо и тихо скончался 12 октября 1452 г. Согласно завещанию преподобного, он похоронен был в Сосновецкой пустыни, рядом с прп. Дионисием.

Мощи прп. Амфилохия почивали под спудом в Глушицком-Сосновецком монастыре посреди храма во имя святого Иоанна Предтечи и прпп. Дионисия и Амфилохия. Празднование прп. Амфилохию – 11/24 октября и 13/26 мая.

Октябрь 13

Вениамин Печерский, в Дальних Пещерах почивающий, преподобный

Преподобный Вениамин Печерский жил в XIV веке и до принятия монашества был купцом и имел много богатств. Однажды, слушая внимательно церковное богослужение, услышал он псаломское слово: *Погубиши вся глаголющая лжу* (Пс. 5, 7). И тотчас, относя эти слова к себе, сказал: «Если Господь Бог погубит «глаголющая лжу», то погубит и купцов ложных. А кто из купцов может сказать, что никогда не говорил лжи? Потом в другой раз услышал он евангельское слово: *неудобь богатии в Царствие Божие внидут* (Мф. 19, 23). Размышляя об этом изречении Господа, он решился раздать все свое имение нищим и на храмы Божии. А сам присоединился к нищим в духе преподобным отцам Печерским и стал иноком, «угождаючи Господу Богу» до конца своей жизни постом, молитвою, нищетою и послушанием. Достигши блаженной кончины, он перешел от земли на небо к подвигоположнику Христу получить от Него венец вечной награды. Мощи его почивают в Феодосиевой пещере, и, кроме 13/26 октября, память ему общая с преподобными Дальних пещер 28 августа/10 сентября и во 2-ю Неделю Великого поста.

Октябрь 14

Николай Святоша, князь Черниговский, Печерский чудотворец, в Ближних Пещерах почивающий, преподобный

Преподобный Николай был сын черниговского князя Давида Святославича и внук Святослава Ярославича, основавшего великую Печерскую церковь в Киевской лавре. При рождении своем Николай был назван княжеским именем своего деда и, вероятно в отличие от него, с детства стал слыть под уменьшительным именем Святоша (что тогда было в обычае, например Станислав – Станиша, Добыслав – Добыша). При крещении Святослав наречен был Панкратием. По достижении совершеннолетия он вступил в брак (супруга его называлась Анною) и имел детей; одна из его дочерей была в замужестве за св. Всеволодом, псковским князем (см. 11 февраля). В 1097 году Святослав-Панкратий был луцким князем, но в том же году, осажденный Боняком и князем Давидом Ольговичем, добровольно оставил г. Луцк и выехал в Чернигов, где владел землями. Селения Пакул и Навоз со своими окрестностями на берегу р. Днепра принадлежали князю Святославу-Панкратию и впоследствии им были отданы Киево-Печерской лавре, которая долгое время владела ими. Устроив покой своей жены и детей, князь решил оставить славу и богатство, честь и власть княжения своего земного ради вечного Царствия Небесного и пришел в Печерский монастырь. И 17 февраля 1106 (1107) года принял монашество с именем Николая (Николы).

Прежде всего св. князь преуспел в добродетели послушания, «ибо три года, – пишет блаженный Симон, – он провел в поварне, работая на братию, своими руками рубил дрова для приготовления пищи братии, часто носил воду с берега Днепра на своих плечах. Узнав о таких трудах Николая, братья его, Изяслав и Владимир, хотели удалить его от такого дела; но сей истинный послушник со слезами просил позволить поработать еще одно лето на братию. Оставленный здесь, он трудился на поварне в продолжение еще одного года со всяким прилежанием и благоговением. После этого испытания он, как

искусный и совершенный, приставлен был охранять монастырские ворота, где пробыл три года, никуда не отходя, кроме церкви. Отсюда он был взят для служения при трапезе. Такое великое смирение бывшего князя являлось делом необычайным, тем более, что св. Николай первый из князей постригся в монашество и добровольно принял на себя тяжелые и считавшиеся унижительными для княжеского достоинства послушания. Родственники, особенно братья св. Николая, всячески старались о возвращении его в мир, но блаженный инок выказал много твердости в характере в перенесении упреков от своих родных за решимость вести жизнь безответного послушника. Братья действовали на смиренного инока через одного врача, по имени Петр, который жил при святом Николае, когда он был еще в мире, и затем последовал за своим господином, но трудности монастырской жизни заставили его снова возвратиться в мир. Этот врач часто навещал бывшего своего господина и нередко убеждал его оставить обитель или ослабить свои подвиги, но его увещания остались тщетными; мало того, он впоследствии сам принял иночество. Однажды этот врач сильно заболел, и прп. Николай молитвой своей спас его от смерти. После того Петр стал переменяться в мыслях, потом решился быть иноком и, как и назначил блаженный, скоро скончался. А блаженный князь Святоша подвизался еще 30 лет, не выходя из монастыря. Пройдя благочинно все степени послушания, он по благословению игумена наложил на себя подвиг безмолвия уже в келлии и стал внимать спасению своему в тишине. Послушавшись игумена, он насадил своими руками при келлии своей вертоград и во все время своего иночества никогда не был празден, но всегда в руках своих имел рукоделие, а в устах – молитву Иисусову сию: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Ничего не вкушал он, кроме как только немного пищи от общей монастырской трапезы. Когда святой получал деньги, то употреблял их на украшение храма, на покупку книг (ибо любил книжное чтение) или раздавал нищим. На свои средства он построил в монастыре храм Святой Троицы и больничную церковь во имя свт. Николая, своего небесного

покровителя. Перед концом жизни прп. Николай иногда оставлял келлию и являлся в мир в качестве общественного деятеля: в 1142 г. прп. Николай, по просьбе великого князя Всеволода Олеговича (1139–1146) примирил черниговских князей с их братьями.

В 1143 году, после 36-летнего пребывания в Печерской обители, преподобный скончался 14 октября. На погребение его собрался весь Киев, многие проливали слезы над ним, а особенно оплакивали кончину его братья Владимир и Изяслав. Они просили игумена прислать крест, который носил на себе св. Николай, и много дали золота в обитель на память о нем. Вскоре по смерти преподобного Николая сильно заболел князь Изяслав. Игумен прислал ему власяницу преподобного; великий князь надел ее на себя и немедленно получил облегчение от болезни. Изяслав после этого не переставал носить власяницу, выходил в ней на войну – и оставался цел. После преподобного Николая, по завещанию, в монастыре осталось много книг. Мощи его почивают в Антониевых (Ближних пещерах). Преподобному Николаю есть особая служба.

Блж. Симон, окончив свою повесть, говорит иноку Поликарпу нужное и для других: «Ты что подобное сделал? Богатство ли оставил? Но у тебя не было его. Славу ли? Но ты не владел ею. Ты в бедности перешел к известности и счастью. Подумай об этом князе. Подобного ему никто из князей не сделал; никто из них волею не пошел в иночество: истинно он выше всех русских князей...»

Косма, Яхромский чудотворец, преподобный

Преподобный Косма Яхромской, когда был отроком, служил у одного боярина и во время продолжительной болезни своего господина утешал его чтением книг. Как-то, переезжая из города в город, они остановились на реке Яхроме, в 40 верстах от Владимира, и больной уснул. Внезапно Косма увидел яркий свет и услышал голос, повелевавший быть ему иноком и устроить монастырь. Свет исходил от иконы Пресвятой Богородицы, явившейся на дереве. Его больной господин тогда же получил от иконы исцеление, а Косма с чудотворной иконой отправился в Киев в Печерскую лавру, где ему показали подлинное изображение чудотворной иконы (Успения Божией Матери, так как Яхромская икона изображает Успение Богоматери). В Печерском монастыре он был пострижен и возрос для самостоятельных духовных подвигов. По тайному внушению Божию преподобный Косма взял с собой чудотворную икону и удалился на берег Яхромы в то место, где обрел этот образ, и при пособии добрых христиан построил храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, в котором поставил Яхромскую икону. К преподобному стала собираться братия, и образовался монастырь. Преподобный Косма был избран игуменом. Слава об иноческих подвигах святого доходила в те времена даже до великого князя. Преподобный Косма скончался в глубокой старости 18 февраля 1492 г. и был погребен в основанной им обители. Память ему совершается 18 февраля/2 марта и 14/27 октября, в день празднования Божией Матери ради Ее иконы Яхромской.

Октябрь 15

Лука, епископ Новгородский, святитель – преставление

Святой Лука (Жидята), воспоминаемый Церковью в числе девяти святителей Новгородских, сколько известно, первый из русских был удостоен епископского сана в 1035 г. При нем и под его надзором строился Софийский собор, который и освящал он в 1049 г. В 1055 г., оклеветанный своим слугой Дудиком, епископ Лука был вызван в Киев, где после трехлетнего заключения был оправдан и освобожден, а клеветнику его в наказание были отрезаны нос и руки.

Св. Лука скончался на возвратном пути из Киева в Новгород 15 октября 1058 года в г. Копысе Могилевской губернии; тело святителя было привезено в Новгород и погребено в Софийском соборе. Мощи его обретены были в 1558 г. Об этом событии говорится в житии св. Никиты, епископа Новгородского (31 января/13 февраля). «Обретоша гроб шестью досками каменными соделан, на верхней же каменной дске изображение бе честнаго креста... и отверсти его повеле (архиепископ Пимен) и абие виде мощи святительски, свидетельствующему омофору, яко быти епископу, лежащему во гробе том. Взем же мощи оны, архиепископ внесе в притвор великия церкви и положи я в епископских гробех одесную страны великия церкви, иже суть притвор с полуденная страны. Взыскающе же помятованием и обретоша, яко ту погребен есть епископ Лука, иже бе от крещения нашего второй епископ великому Новуграду». Святитель Лука был пастырь «учительный», от него осталось пастырское «Поучение к братии», новопросвещенной пастве, неподражаемое по простоте изложения.

Память святителя Луки совершается вместе с Новгородскими святителями 4/17 октября и 10/23 февраля.

Лукиан Киево-Печерский, священномученик, в Дальних Пещерах почивающий

Лукиан-пресвитер жил в XIII в. На одной древней доске с иконой святого написано, что Лукиан священномученик пострадал от Батыя около 1243 года; более ничего о нем не известно. Мощи его почивают в Феодосиевых (Дальних) пещерах; память его совершается 28 августа/10 сентября (совместно с преподобными, почивающими в Дальних пещерах), особо 15/28 октября, вероятно, ради тезоименитства его, и во 2-ю Неделю Великого поста.

Иоанн, епископ Суздальский, святитель – преставление

О месте рождения святого, о родителях его, обучении грамоте и о времени принятия им иночества сведений не сохранилось. Известно лишь, что св. Иоанн пребывал в некоей обители, где в исполнении порученных ему служб отличался послушанием к игумену и братии. Игумен монастыря того, муж опытный в иноческом жительстве, руководил блаженного Иоанна и учил его уставу иноческому, наставляя его иметь страх Божий пред очами своими, не пренебрегать убогими, не возноситься ведением, но всегда пребывать в смирении мысли, не унывать в скорбях, но мужественно переносить их и не жаловаться на случившиеся напасти. Ибо по внушению Святого Духа игумен предвидел, что блаженному Иоанну предстоит принять епископский престол и благоверно пасти Христову паству.

В то время князь Константин Васильевич, полюбив Нижний Новгород, сделал его вместо Суздаля главным городом своего обширного княжества. Это было в 1350 году. Вместе с тем он пожелал иметь при себе особого епископа, отдельного от Ростовского и Владимирского, и обратился о том к патриарху. Согласно с его желанием благочестивый Иоанн посвящен был патриархом в епископа Нижегородского и Суздальского (1350 г.).

Блаженный архипастырь, радуясь успехам мужественного князя Константина, покорявшего своей власти дикую мордву, усердно сеял семя слова Божия на новой ниве. Он покорял сердца святой вере особенно своею высокою благостью и живым благочестием. Пребывая во епископии, полагал он, по евангельскому слову, душу свою за овец паствы своей и любовно заботился о спасении всех. Невозможно достойным образом поведать о трудах, кои исполнил сей истинный трудник. Воссылал он моления к Богу; на молитве же стоял он непоколебимый, как бы вылитый из меди образ. Был он молчалив и кроток, никогда не гневался, питал неизмеримую любовь одинаково к знатым и простым людям, отвращался от

тщеславия и лукавства. Кроме сих добродетелей, обладал он даром учительства и слова, так что многие приходили к нему за наставлением не только из Суздаля, но и от других окрестных городов. Не витиевато говорил святитель, но нравоучительно, обращая всех на покаяние. Богатых учил он не величаться богатством и не уповать на мимотекущее богатство; вдовиц – прилежать посту и воздержанию и избегать украшения в одежде. Бескорыстный и сердобольный, он заботился более о покое других, чем о своем. Ему казалось, что на крестьянах, которые жили на землях церковных, лежат тяжелые налоги, и он облегчил повинности их. Он устроил богадельни для больных и престарелых. Благодетель в народе возбуждал и поддерживал он повременным совершением крестных ходов.

Когда благочестивый князь Борис Константинович пожелал устроить обитель в Суздале, то блаженный святитель Иоанн не только назначил прп. Евфимия в исполнителя доброй воли князя, но сам освящал место для обители (это было в 1352 г.) и Евфимия поставил в архимандрита.

Раз, в праздник Преображения Господня, служил он литургию в Евфимиевой обители. Князь Борис видел, что со святым служит кто-то, облеченный светом и славой. По настоятельной просьбе князя святитель сказал: «Если Бог открыл тебе видение, я ли могу сие утаить? То был Ангел Господень, который не только ныне, но и всегда, посещением Божиим, сослужит мне, недостойному. Но не рассказывай никому о виденном тобою, пока я жив». Так говорил святой, ибо не любил он, смиренный, чтобы дела его добрые и мзды, принимаемые им от Бога, были ведомы другим людям. И когда его вопрошали, какая добродетель высшая, он отвечал: «Творимая тайно».

Однажды к святому Иоанну пришел благоверный князь Андрей, брат великого князя Бориса Константиновича. После обычного благословения и молитвы князь сказал епископу: «Желаю я, чтобы ты дал мне благословение на создание монастыря инокиням, ибо чудо случилось со мною. Плыли мы однажды по Волге от Нижнего Новгорода, и вот на реке поднялся такой сильный ветер, что от множества великих волн

ладьи начали сокрушаться, и всем угрожала смерть. Тогда пловаты стали молить Бога; с ними и я молился, чтобы Господь избавил нас от угрожающего несчастья. И дал я обет Богу построить церковь во имя Пресвятой Богородицы, в честь и славу Ее Покрова, и устроить монастырь на жилище и покой инокиням. Тотчас прекратилось на реке волнение и настала тишина. Ныне время исполнить обет мой». Святитель благословил добрые желания князя, назначил место для новой обители и настоятельницей поставил племянницу прп. Евфимия, жившую дотоле в Суздальском Александровом монастыре. Это было в 1364 году. Вскоре после того святитель похоронил благочестивого князя Андрея, а вслед за тем открылись сильные споры между братьями князьями – Борисом и Димитрием. Первосвятитель Алексей на том основании, что при митрополите Максиме к Владимирской кафедре его принадлежал не один Владимир, а и города Суздальского княжества, причислил к митрополичьей кафедре Суздаль, Нижнийгород и Городец. С того времени блаженный Иоанн, отказавшись от дел правления, стал проводить жизнь в уединении. В Боголюбской обители Пресвятой Богородицы, где постригся в схиму, совершал он подвиги молитвы и поста безмолвником.

Когда приблизилось время его блаженной кончины, св. Иоанн заболел, но не надолго. В час разлучения с телом он причастился Святых и Пречистых Таин тела и Крови Иисуса Христа, Господа нашего, и почил о Господе в 1373 году, октября месяца в 15-й день. Тело его святое с песнопениями было перенесено в город Суздаль.

Стенная надпись 1635 г. в Суздальском соборе говорит: «Лето 6882 октября 15 дня (1373 г.) святитель Иоанн почи zde». Мощи его почивают в Суздальском соборе под спудом. Надпись на шитом покрове говорит: «лето 7086 (1578) июля 28 декабря – положила есми покров на гробе великого чудотворца Ивана епископа княже Владимировича княгиня Андреевича Евпраксия удельная». На том же покрове вышит тропарь, в котором свт. Иоанн прославляется как чудотворец. «Злоумышленным церковником молитвою скоро прозрети повеле и научи, якоже

прежде св. Леонтия, – связа и паки благослови» Итак, в 1578 г. святитель Иоанн был уже почитаем в числе святых. В честь его воздвигались в Суздальской стороне храмы; а служба ему написана была в начале XVI столетия. У гроба святителя засвидетельствованы многочисленные чудеса.

Дионисий, архиепископ Суздальский, святитель

Дионисий, в мире Давид, родился на юге России, в Киевских пределах, в начале XIV столетия. Кто были его родители и где они жили – неизвестно. Обучившись грамоте, он с ранних лет посвятил себя подвигам иноческой жизни в Киево-Печерской лавре. Из любви к уединению он с благословения настоятеля обители удалялся с некоторыми из братии на север России, взявши с собой на память о Киево-Печерской лавре копию с чудотворной Киево-Печерской иконы Божией Матери. На берегу Волги, ниже верст на пять от Нижнего Новгорода, на месте, напоминавшем Киево-Печерскую лавру, Дионисий выкопал себе пещеру и поселился в ней. Сначала он жил здесь один отшельником, а потом, когда собрались к нему искатели безмолвия (около 1335 года) основал монастырь с храмом в честь Вознесения Господня. Обширным знанием правил веры и строгой подвижнической жизнью Дионисий приобрел себе всеобщее уважение. Современники видели в нем мужа кроткого, рассудительного, знающего Святое Писание, учительного, славного постничеством и исполненного любви ко всем. Под опытным его руководством воспитались в иноческой жизни великие подвижники: прп. Евфимий Суздальский (1/14 апреля) и прп. Макарий Желтоводский, Унженский (25 июля/7 августа) и учительные старцы, каков был Павел Высокий (1/14 января). В 1352 году святой старец послал двенадцать человек из своей братии в «верхние грады и страны, идеже Бог кого благословит» для духовного просвещения народа и основания новых обителей.

С глубоким уважением к св. Дионисию относились нижегородские князья Константин Васильевич, много заботившийся о построении церквей, сыновья его Борис, Димитрий и Андрей Константиновичи и дорожили мудрыми его советами и наставлениями, почему, приезжая к своему отцу, они посещали Печерский монастырь и делали значительные пожертвования в пользу обители. Супруга Андрея Константиновича Анастасия Ивановна, по совету св. Дионисия,

основала в Нижнем Новгороде женский монастырь в честь Зачатия Пресвятой Девы в 1355 г., а по смерти своего мужа она под именем Вассы (см. 16/29 апреля) была пострижена в иночество св. Дионисием в 1371 году. По примеру ее приняли монашество многие «боярыни: жены, и вдовицы, и девицы».

Находясь в близких отношениях к великим князьям, Дионисий лично был известен и всероссийским митрополитам. Его знал митрополит Феогност (см. 14/27 марта); свт. Алексий, Московский митрополит, нередко, во время своих странствований в Орду, посещал Нижний Новгород и, бывая в Печерском монастыре, высоко оценил благочестивую жизнь преподобного Дионисия, которого сначала посвятил в игумена, затем в архимандрита, а в 1374 году вызвал его в Москву для посвящения в сан епископа Суздальского и Нижегородского. По кончине святого Алексия преподобный Сергей, узнавший Дионисия еще в Печерском монастыре в 1365 году, предлагал великому князю Дмитрию избрать Дионисия в митрополиты. Но великий князь Дмитрий настоятельно хотел видеть митрополитом любимца своего Михаила (Митяя) и созвал епископов для его посвящения в Москве; только один из них, блаженный Дионисий, смело говорил князю: «Кто это учит тебя, государь, переменять закон по своему усмотрению? Не следует быть тому, чего желают от тебя и от нас!» Он убеждал князя, что по зависимости Русской Церкви от Цареградской поставление первосвященника без воли вселенского патриарха будет незаконно. Великий князь должен был согласиться с мнением Дионисия, и Митяй отправился в Константинополь, угрожая, что по возвращении лишит Дионисия сана и своими руками спорет скрижали с его мантии. Через несколько времени Дионисий отправился в Константинополь, но не по собственному произволу и не для того, чтобы испросить себе тем сан митрополита, а по вызову его вселенским патриархом Филофеем по церковным делам (по делу о стригольниках).

В Царьграде Дионисий пробыл более года. Он употребил это время для пользы не только своей паствы, но и всей Русской Церкви. Для паствы своей послал он из Константинополя два точные списка с иконы Божией Матери

Одигитрии, потом приобрел часть Животворящего Древа и мощи некоторых святых. Важнее же всего было то, что он объяснил патриарху опасность, в какой находится Русская Церковь от ереси стригольников, усилившейся во Пскове и Новгороде. Патриарх, лично узнав высокие достоинства Дионисия, почтил его саном архиепископа, дал ему фелонь с крестами и стихарь с источниками. Если бы Дионисий желал высшей чести, при расположении к нему патриарха, он после несчастной смерти Митяя мог бы испросить себе сан митрополита. Но он не искал земной чести, а славы Божией желал. «Мы нашли его, – писал патриарх в грамоте, достойным всякой похвалы: видели пощение и слезы его, молитву и милостыню, все, чем обозначается духовный Божий человек; он присутствовал и на пятом Соборе, духовно беседовал с епископами о Священном Писании, причем показал ревность к вере и глубокое разумение священных правил. Потому и удостоен он почетного сана с возведением кафедры его на степень архиепископии, второй после Новгородской; даны ему стихарь с источниками и фелонь с четырьмя крестами и ликами евангелистов». В патриаршей грамоте по поводу возведения Дионисия в архиепископа свидетельствуется, что он (Дионисий) не самовольно отправился в Царьград, как бы смущаемым честолюбивыми замыслами испросить себе митрополичий сан, а предпринял дальнейшее и трудное путешествие потому, что «прежде бывший патриарх видети восхоте его... и приити повеле ему». В той же грамоте между прочим сказано: «Должны суть вси благороднии велиции князи Руссии чтити его, яко святителя Божия, и души их пользовати могуща, из глубины греховныя извлеци, от всемирския злобы и сует, и прелести и смущения истерзати и изводите своим разумом, и духовным наставлением, и состроением, и знанием, и деянием, и поучением и утешением».

Снабженный патриаршими грамотами, блаженный Дионисий в конце 1381 г. возвратился в Россию. Он был в Новгороде и Пскове и успел сильно потрясти там тлетворную ересь стригольников. В это же время он установил общежитие в Псковском Снетогорском монастыре. К празднику Богоявления

(1383 г.) прибыл он в Суздаль и затем был в Нижнем. В любимой Печерской обители своей оплакал он кончину великого старца Павла, подвижника учительного.

В 1383 году великий князь Димитрий Иоаннович Донской, недовольный митрополитами Пименом и Киприаном, поставленными помимо его ведома, увидел теперь достоинства блаженного Дионисия и вызвал его в Москву.

С грамотами и в сопровождении своего духовника, св. Феодора, Ростовского архиепископа, князь отправил св. Дионисия в Константинополь для поставления в сан митрополита. На пути из Константинополя Дионисий посетил Киев, но киевский князь Владимир Ольгердович, постоянный недруг великого князя Димитрия Иоанновича Донского, велел задержать и посадить под стражу святителя за то, что великий князь (Донской) изгнал из Москвы митрополита Киприана, долгое время проживавшего в Киеве. По отношению к Святой Церкви это означало, что произвол человеческий вводит с собой в св. Церковь только страдания и неурядицы. По отношению к блаженному Дионисию это значило, что Господь еще раз, и уже в последний, подвергает его очистительным скорбям. *Господь кого любит, – учит Св. Писание, – того наказывает: бьет всякого сына, о котором благоволит* (Ев. 12, 6). *"Благо мне, что я страдаю, дабы научиться уставам Твоим"* (Пс. 118, 71), – исповедует священный певец. Блаженный Дионисий в пещерной келлии проводил время в молитве и сокрушении сердечном, «такو бысть в заточении и до смерти».

Св. Дионисий скончался 15 октября 1385 года и погребен в Аитониевой пещере Киевской лавры. Впоследствии частые неприятельские нашествия на Киев с 1638 по 1686 года истребили мощи свт. Дионисия с мощами других угодников Божиих. По древним памятникам, Дионисий называется чудотворцем.

В Синодике Нижегородско-Печерского монастыря сказано: «Преосвященный митрополит Дионисий, иже бысть архиепископ Суздальский, а прежде того был начальник Печерского монастыря, преставися 6893 (1385) года октября в 15-й день, а память его в 26-й день июня». В Нижегородском Печерском

монастыре, в теплом Успенском соборе, на левой стороне в 1887 году устроен придел в честь свт. Дионисия. На храмовой иконе представлен вид древнего Нижегородско-Печерского монастыря, который был разрушен обвалом горы в 1597 году. Святому Дионисию есть служба в рукописи. В общей службе Киево-Печерским преподобным молятся и святителю Дионисию.

Октябрь 16

Лонгин Вратарь, в Дальних Пещерах почивающий, преподобный

О жизни сего святого известно только, что он славился великим послушанием и святостью жизни. Ибо и надпись на пещерной доске гласит: «Преподобный Лонгин, вратарь Печерский, свято и праведно проходя монастырское послушание, сицеваго от Всеведца Бога сподобися дара чудотворения, яко ведал приходящих в монастырь и исходящих мысли сокровенныя; добрых во благом предложении утверждал, злых же нещадно обличал, приводя к покаянию. По многотрудном житии отыдя ко Господу, есть неусыпающий о всех приходящих к Богу молитвенник». Мощи его почивают в Дальних (Феодосиевых) пещерах, при выходе уже из означенных пещер в входную (в пещере же) часовню. Память его совершается совместно с преподобными Дальних пещер 28 августа/10 сентября, особо 16/29 октября, ради дня его тезоименитства, и во 2-ю Неделю Великого поста.

Евпраксия Псковская, святая благоверная княгиня

Святая благоверная княгиня Евпраксия Псковская, в миру Евфросиния, дочь полоцкого князя Рогволода Борисовича и тетка святого благоверного князя Довмонта-Тимофея (память 20 мая/2 июня), была женой псковского князя Ярослава Владимировича. Князь Ярослав, думая жить счастливо между немцами, бежал из Пскова в Ливонию и женился там на немке. Вместе с немецкими рыцарями он не раз нападал на русские земли, в 1231 году захватил Изборск. После ухода мужа Евфросиния обратилась к подвигам благочестия. В 1243 г. она построила на берегу реки Великой монастырь во имя святого Иоанна Предтечи и стала его первой игуменией. Приглашенная в Ливонию для свидания с бывшим мужем в городе Оденпе (Медвежья Голова), была убита 8 мая 1243 г. пасынком, вероятно, сыном Ярослава от немки. Летописи не говорят, почему она была умерщвлена. Преосвященный Филарет полагает, что мученическая смерть Евпраксии была делом жадного до корысти немецкого папизма, изливавшего месть свою над нею за неудачи Ярослава и за свое собственное бесславие, присоединяя к тому еще то, что смерть праведницы последовала на другом году после знаменитой победы святого благоверного князя Александра Невского над немцами. Память ее местно чтится в Пскове 16 октября. Через десять дней после смерти святой Евпраксии над ее гробом совершилось чудо: от иконы Спасителя двенадцать дней истекало миро. Икона была названа «Спаситель Мироточивый». Лик праведной княгини сохранился на двух иконах. На одной она изображена молящейся со святым апостолом Андреем Первозванным. Другая икона с ее изображением находилась рядом с чудотворной иконой Спасителя.

Октябрь 17

Антоний Леохновский, преподобный

Преподобный Антоний, сын тверских боярских детей Вениаминовых, родился около 1526 года. Люди богобоязненные, родители Антония воспитали сына в заветах строгого благочестия, и посеянное ими в юной душе семя страха Божия скоро принесло свой добрый плод. Еще будучи отроком, Антоний обнаружил склонность к подвижничеству; с годами его ревность к благочестию возрастала все более и более, пока, наконец, не созрело в нем решение оставить мир с его соблазнами и поселиться где-либо в уединении, чтобы беспрепятственно служить Богу. Улучив подходящее время, Антоний тайно покинул навсегда родительский дом и, вверив себя водительству Промысла Божия, отправился искать желанного безмолвия. Он достиг пределов Новгородской области и остановился в урочище Пустошь Рублево, Бурежского погоста, на юго-западном берегу озера Ильменя. Пустошь отстоит от Новгорода окольным, сухим путем верст на сто, а прямым, чрез озеро Ильмень, верст на 50. Рублево лежало при речке Переходе и представляло собою горы, прорезанные оврагами и покрытые вековым лесом. Место это показалось Антонию удобным для уединенного пустынножительства. В одной горе он выкопал себе тесную пещеру и начал в ней спасаться: труд, молитва, пост и другие подвиги обуздания плоти были для отшельника средствами спасения. По заповеди Божией, преподобный Антоний вкушал свой хлеб *в поте лица* (Быт. 3, 19). Он расчистил лес под пашню и огород, сеял хлеб, сажал овощи; затем сам убирал созревшую ниву, сам и молотил хлеб на гумне, которое устроил недалеко от пещеры. Добытый собственным трудом хлеб и служил пустыннику пищей; изредка он прибавлял к нему немного овощей. Но и этой скудной пищи преподобный вкушал лишь по столько, сколько необходимо для подкрепления изнемогающей плоти, один раз в сутки, по захождении солнца; часто же преподобный и совсем отказывался от пищи, налагая на себя строгий пост. Пил он простую колодезную воду. Спал подвижник на сырой земле,

заменявшей в его пещере пол, причем в изголовье себе стлал ничем не покрытую деревянную колоду. Неоднократно в течение ночи он оставлял свое суровое ложе для молитвы. В молитве изливал он пред всевидящим Господом свою душу и ею ограждал себя от нападавших на него пустынных страхований.

Идя неуклонно скорбным и узким путем самого сурового подвижничества, преподобный Антоний, подкрепляемый благодатью Божией, достиг столь высокой степени совершенства, что окончательно умертвил в себе всякую привязанность к миру. Между тем тайный уход его с родины поверг домашних в скорбь и слезы; они начали повсюду искать пропавшего. Двум сестрам преподобного удалось узнать о месте его подвигов. Пришли они в Рублевскую пустынь, долго ходили здесь по дремучему лесу, звали подвижника-брата и плакали; но преподобный Антоний не показался им, ибо ради Господа он оставил дом свой. Господь сказал: *Всяк, иже оставит дом... имене Моего ради, сторицею приимлет* (Мф. 19, 29). Во исполнение сих слов Он удостоил Своего угодника великого дара чудотворений.

Несмотря на полное уединение преподобного Антония, молва о его богоугодной жизни распространялась все далее и далее.

Услышал о нем инок одного монастыря, по имени Нифонт, который и захотел посетить славного подвижника. От одного новгородского купца Нифонт узнал, где находится Рублевская пустынь, и отправился к преподобному Антонию. Увидев его, инок сначала испугался, потому что изнуренная подвигами плоть пустытника была черна и груба. Но преподобный успокоил посетителя словами: «Чадю, не бойся вида моего тела!» Потом, назвав по имени Нифонта, с которым встречался первый раз в жизни, преподобный облобызал его и разделил с ним свою скромную трапезу. Целый день вели они душеспасительную беседу, прерывая ее по временам общей молитвой.

Заветным желанием преподобного Антония было облечься в иноческий образ. Об исполнении этого желания он усердно молил Бога, и Господь услышал его молитву. В праздник

Вознесения Христова преподобному явился Ангел Господень и сказал: «Антоний! Иди на место, называемое Леохново, на три поприща отсюда».

Повинуясь велению небесного вестника, прп. Антоний оставил пустынное безмолвие и пришел в Леохново; здесь он нашел священноинока-отшельника Тарасия, который и постриг его без перемены прежнего, мирского имени.

Общими усилиями и трудами преподобные Антоний и Тарасий построили в Леохнове храм, украсили его святыми иконами, снабдили книгами и другими предметами, необходимыми для богослужения. Когда постройка храма была окончена, сподвижники послали к Новгородскому архиепископу за благословением на освящение храма и за антиминомом. Узнав от посланного, от чьего имени он пришел, архиепископ охотно исполнил просьбу иноков – дал свое благословение преподобному Антонию и антиминос для церкви. Храм был освящен в честь Преображения Господня в самый день этого праздника (6/19 августа). Так положено было основание Леохновской пустыни. Вскоре начали стекаться сюда желающие подвизаться под руководством преподобного Антония. Приходили в Леохново не только люди простого звания, но также и знатные, подобно самому преподобному, люди благородного происхождения, которые, по апостолу, вменили «вся уметы быти, да Христа приобрящут» (Флп. 3, 8). Преподобный не был человеком образованным или даже начитанным, но для собравшейся братии он явился мудрым руководителем, назидавшим иноков и собственным примером и хотя простыми, но полными глубокого жизненного значения поучениями. Первым являлся подвижник в храм и оставлял его последним; за службой Божией он стоял с великим вниманием и благоговением. Время, свободное от церковной молитвы, он проводил в трудах, сам исполнял все черные монастырские работы; иногда преподобный пек для братии хлеб или готовил кушанье. После трудового дня наступала ночь, но и ее подвижник нередко проводил без сна в молитве, не давая никакого послабления плоти, и без того изможденной непрерывным трудом и постом.

Подражая сам великим пустынникам древности, преподобный Антоний ставил их в образец иноческой жизни братии своей обители. Он любил напоминать им следующие слова святого Исидора Пелусиота: «Для чего мы называем отцами прежде нас бывших черноризцев, если сами не хотим, как истинные сыны их, последовать их отеческим нравам и украшаться их обычаями? Не могут нам быть отцами те, нравам которых не подражаем. Поревнуем, братия, житию отцов наших, которые, окрылившись любовью к Богу, возлетели от видимого превыше всего земного, чтобы вкусить сладости небесной; бездомовные, безыменные, в пустынях и расселинах земных, они покорили плоть свою духу и уже на земле явили себя не человеками, но Ангелами; поревнуем им, чтобы вместе с ними прославиться на небесах». Убеждая братию идти путем, завещанным святыми отцами, преподобный Антоний указывал им, что для этого требуется единственно искреннее желание и здравый ум; спасительный путь одинаково открыт и ученому, и простецу. В подтверждении этой истины он повторял братии изречение отца монашествующих, преподобного Антония Великого: «Не требует иных душа человеческая, как только здравого ума».

Наставления Леохновского подвижника, подкрепляемые его примером, падали на добрую почву: братия усердно исполняли его наставления. Церковное богослужение в обители совершалось со строгим благочинием; в храме братия с благоговением внимали церковному пению и чтению, не нарушая молитвенной тишины. Охотно исполняя возложенные послушания, иноки присоединяли к ним и добровольные подвиги для спасения души. Поэтому монастырь преподобного Антония был действительным приютом мира, братской любви, взаимного самопожертвования и других христианских добродетелей. Видя духовное возрастание братии, преподобный радовался и благодарил Господа. Между тем число братии Леохновской обители возрастало и с течением времени достигло до пятидесяти.

Дары прозорливости и чудотворений, полученные от Господа преподобным Антонием еще во дни уединенного

подвижничества, подвижник проявлял и в последующее время своей жизни.

Так, стоя однажды на молитве, преподобный Антоний сказал келейнику: «Брат! Сегодня под Оршею, ради грехов наших, побито множество православных».

И через несколько дней до монастыря дошла печальная весть о поражении русских под Оршею в битве с поляками, происшедшей в тот именно день, в который сказал о ней преподобный.

При жизни преподобного Антония в Леохновской обители случился пожар: загорелась крыша трапезной, и огонь, раздуваемый и направляемый сильным ветром, готов был перекинуться на соседние келлии. Опасность грозила всему монастырю. Испуганный келарь прибежал к преподобному и, припав к ногам игумена, со слезами просил его помолиться о спасении обители. Тогда преподобный Антоний обратился к иконе Всемилоственного Спаса, стоявшей в келлии, и так молился со слезами: «Господи! Ты благоволил возлюбить место сие, попусти же наказание с милостью и сотвори достойное».

Затем, еще с не обсохшими от слез глазами, преподобный сказал келарю: «Не бойся, брат, Всемилоственный Господь Бог наш не опечалит нас свыше меры».

И только что он произнес эти слова, как ветер изменил свое направление. Благодаря этому пожар прекратился, причинив незначительный ущерб обители.

Один юноша, пасший овец близ монастыря, был ужален змеею и находился при смерти. В это время пришел к нему преподобный Антоний и сказал: «Иди к источнику близ обители и принеси воды». Когда юноша исполнил приказание, преподобный влил ему в рот воды со словами: «Во имя Святой Троицы, силою Христовою исцеляет тебя раб Христов, старец Антоний».

Тотчас же у больного началась очень продолжительная и такая сильная рвота, что даже сам преподобный пришел в изумление. После этого юноша почувствовал себя совершенно здоровым и хотел уже гнать свое стадо далее. Но святой старец остановил его таким вопросом: «Скажи, зачем ты вчера клялся

бедной вдове, что волк съел ее овцу, тогда как сам ты продал ее за три сребренника?» – «Действительно, солгал я ей, отец». Юноша признался в грехе своем и потом с удивлением спросил подвижника: «Ты, отец, как узнал об этом?» «Когда я сидел в келлии своей, – отвечал преподобный, – приехал ко мне всадник на белом коне и сказал: «Антоний! Встань и иди скорее на южную сторону, где источник. Увидишь там человека, ужаленного змеею, и скажи ему: не клянись именем Божиим и Его святыми, не делай неправды и отдай вдове овцу, чтобы не было тебе хуже».

Тогда юноша, упав к ногам угодника Божия, подробно исповедал пред ним свой грех: «Точно, – сказал он, – продал я овцу женщины за три сребренника, а сказал, что съел волк. Вдова не поверила мне и говорила: «Разве ты не знаешь, что я человек бедный, но делай, как хочешь». Прошу тебя, отец, помолись о мне Господу Богу, чтобы Он простил мой грех; вдове же обиженной я возвращу овцу; а в обитель на праздник Преображения Господня и убогим буду ежегодно уделять до самой смерти своей десятую часть от стада».

Преподав покаявшемуся наставление избегать дурных дел, чтобы не потерпеть еще большего наказания, преподобный снова повелел ему возвратить украденное. Потом с миром отпустил юношу; и он удалился, благодаря за свое исцеление Бога и Его угодника.

Слава о преподобном Антонии как великом подвижнике и чудотворце распространилась по Русской земле, достигла и до Москвы. Царь Иоанн Васильевич Грозный, много слышавший об угоднике Божием, имел сильное желание его увидеть. Поэтому, когда преподобный Антоний прибыл по нуждам обители в Москву, царь призвал его к себе и просил молитв и благословения. Он вручил преподобному щедрую милостыню для его обители вместе с жалованными грамотами ей на земли и рыбные ловли на озере Ильмене.

Как заботливый хозяин, преподобный Антоний много потрудился и позаботился о благосостоянии своей обители. В 1587 году обитель получила пустоши Рублево и Леохново, затем в конце XVI века и начале XVII были пожалованы ей другие,

близко лежащие угодья. В 1606 году преподобный бил челом о пустоши Иваново, причем жаловался, что «монастырския животины выпустити негде», а между тем эта пустошь, не населенная и заросшая лесом, подошла к монастырю близко. Пустошь дана была обители из оброка, другие же угодья – безоброчно.

Пятьдесят шесть лет подвизался преподобный Антоний в иноческом образе и, будучи уже глубоким старцем, приблизился к блаженной кончине, встретить которую Промысл Божий судил ему вне стен родной обители. В 1611 году шведы вторглись в пределы Новгорода и начали опустошать его окрестности. Тогда митрополит Новгородский Исидор (1603–1619), чтобы уберечь уважаемого старца от опасности, вызвал преподобного Антония с несколькими учениками к себе в Новгород. Здесь престарелый подвижник заболел и, чувствуя приближение своей смерти, стал с радостью готовиться к ней. В день Воздвижения Честного Креста Господня старец приобщился Святых Христовых Таин и преподал последнее благословение окружавшим его смертный одр. Затем он велел позвать к себе Корнилия, пономаря церкви святого евангелиста Луки, и обратился к нему с такими словами: «Брат Корнилий! пусть будет тебе знамение, чтобы мне быть положенным в созданном мною монастыре благолепного Преображения».

В этот же день, 14 сентября, прп. Антоний мирно почил на 86-м году от рождения. Время кончины святого старца относится к 1611, 1612 или 1613 г.

Торжественное погребение блаженного старца совершил Новгородский митрополит. Трудлюбное тело преподобного было положено близ алтаря Новгородской церкви во имя святого евангелиста Луки на Рядитине улице. Место своего погребения преподобный Антоний избрал сам, так как нашествие шведов отрезало доступ к Леохновской обители.

По удалении шведов из пределов Новгородских скитавшиеся по лесам жители начали возвращаться на покинутые места. На место Леохновской обители первым пришел Григорий, любимый ученик преподобного Антония, который убежал из нее при нападении шведов и затем

укрывался в лесу. На месте обители он нашел лишь пепелище да непогребенные тела убитых братьев – враги не пощадили скромной обители преподобного Антония: убогое строение монастырское предали огню, а не успевших скрыться иноков – смерти. Со слезами похоронив тела убиенных, Григорий поставил на родном пепелище маленькую келлию, а близ нее часовню в честь Преображения Господня. Подвизаясь в пустыне, инок молил Господа, чтобы вновь возродилась уничтоженная врагами обитель. Так прошло несколько лет, и вот однажды преподобный Антоний является ученику своему во сне и говорит: «Брат Григорий, пойдя в Новгород, скажи митрополиту Киприану и старейшинам города, чтобы положили меня на месте моей обители».

Григорий не обратил внимание на явление, приняв его за обыкновенный сон, хотя оно и повторилось. Наконец преподобный Антоний явился своему ученику в третий раз и, испуская огненные лучи, сказал: «Если не исполнишь слов моих, явлюсь в другом месте; ты же погибнешь».

Грозное явление угодника Божия так сильно поразило Григория, что он долго пролежал как мертвый, без сознания. Придя в себя, он сейчас же отправился в Новгород, где и передал митрополиту и старейшинам города о повелении преподобного Антония. Тогда митрополит Киприан (1626–1634) с крестным ходом, при большом стечении молящихся, пошел ко храму святого евангелиста Луки, близ которого находилась могила преподобного Антония. Когда ее раскопали и, вынув гроб, сняли с него крышку, то тело угодника Божия оказалось нетленным. Среди множества теснившегося народа находился слепец Иосиф, уже три года не видевший света. Молитвами преподобного Антония Иосиф тут же прозрел. По распоряжению Новгородского митрополита мощи чудотворца на место его подвигов сопровождали с молебным пением настоятели Новгородских монастырей во главе с архимандритом Юрьевской обители Дионисием; множество народа следовало за мощами. На пути в Леохново, когда честные мощи несли близ Аркажского монастыря, совершилось новое чудо – прозрел другой слепец, по имени Стефан. С благословением положены

были святые мощи преподобного Антония на том месте, где он подвизался более 50 лет. Так исполнилось предсказание святого, что тело его будет покоиться в созданной им обители.

В скором времени после перенесения мощей преподобного Антония его разоренная обитель была восстановлена, но затем скудость содержания прекратила ее самостоятельное существование: монастырь стал приписным, а в 1764 г. был окончательно упразднен, причем два монастырских храма обращены в приходские церкви.

На месте основанной преподобным Антонием обители осталось село Леохново. В 1788 году церкви и остатки деревянного монастырского строения сгорели. Усердием прихожан в том же году вместо деревянных сгоревших церквей был выстроен каменный храм в честь Преображения Господня с двумя приделами, из которых один (северный) – во имя преподобного Антония Леохновского. Придел освящен 30 декабря 1788 года, и в нем под аркой, отделяющей придел от средней части храма, были положены честные мощи преподобного Антония; здесь под спудом они покоятся и в настоящее время. Над мощами преподобного Антония поставлена деревянная вызолоченная рака, на верхней доске которой находится сделанный из серебра образ угодника Божия с вызолоченным венцом и хартией. Пред ракою, на восточной стороне, висит древний образ Нерукотворенного Спаса; предание говорит, что пред этою иконою молился подвижник и что она чудесно сохранилась в куче пепла после пожара 1788 года, когда огонь уничтожил все. При раке хранятся жернова, которыми, по преданию, преподобный Антоний молот хлеб, а также каменный клевец (род кирочки или остроконечного молотка, служащий для обтески камня), служивший ему для обделки жерновов.

Празднование преподобному Антонию местное. Совершается оно трижды в год: во вторую пятницу после праздника святых апостолов Петра и Павла в Леохново бывает крестный ход из семи соседних церквей в память перенесения мощей преподобного Антония из Новгорода; в праздник Вознесения Господня, после литургии, из Леохновской церкви

бывает крестный ход в церковь Рублевой пустыни в память пришествия преподобного Антония в Леохново из Рублева после видения ему Ангела в день Вознесения Господня; наконец, 14/27 сентября вспоминается кончина преподобного Антония.

В тот же день совершается память **святителя Иосифа католикоса, патриарха всей Грузии** († 1770).

Октябрь 18

Давид Серпуховской, преподобный

Преподобный Давид – ученик преподобного Пафнутия Боровского (память 1/14 мая). Потом подвизался в безмолвном уединении, живя отшельником на реке Лопасне, в 23 верстах от Серпухова. В 1515 году на правом берегу реки построил церковь во имя Вознесения и положил основание Давидовой пустыни. Мощи преподобного старца, почившего 18 октября 1520 г., почивают в соборном каменном храме обители, где хранится и гроб преподобного Моисея Урина, подвижника Печерского.

Октябрь 20

Артемий Веркольский, праведный

Артемий, сын благочестивых поселян Космы и Аполлинарии, родился в с. Верколе в Двинском округе, на р. Пинеге в 1532 г. Воспитанный в страхе Божиим и благочестии христианском, он с пяти лет уже начал чуждаться свойственных детям привычек, не любил детских игр, был тих, кроток, богобоязнен, послушен родителям, прилежно помогая своему отцу в его крестьянских работах сколько мог по своему возрасту. Однажды в 13-летнем возрасте святой Артемий пошел с отцом на поле. Неожиданно сверкнула молния, ударил гром, и отрок пал мертвым, хотя молния и не коснулась его. Крестьяне сочли случившееся за гнев Божий, поэтому тело отрока оставили непогребенным в пустынном месте, в сосновом лесу. Произошло это 23 июня 1545 года. Спустя 28 лет по смерти праведного Артемия по необычному свету над лесом было обретено забытое всеми нетленное тело отрока. По разнесшейся о том молве собрались крестьяне, перенесли тело праведного Артемия и положили его на паперти церкви святителя Николая. Бог прославил мощи праведника чудесами, вследствие чего Новгородский митрополит Киприан в 1639 году послал из Великого Новгорода «свидетельствовать тутошними и окольными игумены и попы и дьяконы». Составленная опись исцелениям была доставлена митрополиту, который «после свидетельства» на другой год прислал «сотворенное празднество праведному Артемию полный праздник: стихиры и славники, и литею, и стиховну, и тропарь, и кондак, и икос, и светилен, и хвалитны и розпев под знаменем». По молитвам святого получали исцеление многие больные, в особенности страждущие глазными болезнями. Житель Холмогор Иларион потерял зрение и доходил до отчаяния. В день памяти святителя Николая Чудотворца праведный Артемий явился страдальцу с посохом в левой и с крестом в правой руке; осенив крестом больного, он сказал: «Встань, исцеляет тебя Христос рукою раба Своего Артемия: иди в Верколу, поклонись его гробу и расскажи обо всем священнику и крестьянам».

После этого больной тотчас выздоровел. Благодарные почитатели святого отрока перенесли мощи с паперти храма в особый предел, устроенный в 1584 г. Мезенский воевода Афанасий Пашков в благодарность за исцеление своего сына построил храм во имя святого великомученика Артемия, небесного покровителя праведного отрока. В 1619 году мощи святого Артемия были освидетельствованы и перенесены (6 декабря) в этот храм. Через тридцать лет, когда храм сгорел, на месте вновь обретенных мощей в период правления царя Алексея Михайловича построили монастырь (1649 г.), в который перенесли мощи святого. По преданию, у святого Артемия была сестра – праведная Параскева Пириминская, прославившаяся чудотворениями. Память праведного Артемия совершается 23 июня/6 июля – в день преставления, также 20 октября/2 ноября – в день памяти тезоименитого святого великомученика Артемия.

Октябрь 21

Феофил и Иаков Омучские, преподобные

Неизвестные по происхождению преподобные Феофил и Иаков несколько времени подвизались на острове Коневце вместе с преподобным Арсением Коневским (память 12/25 июня), и, может быть, там они начали свои иноческие труды.

Затем в 1395 или 1396 годах оба подвижника оставили Коневец и перешли на речку Омучу. Здесь, в округе Демянского погоста, в 65 верстах от города Порхова они основали пустынь в честь Успения Божией Матери. Основателем обители почитался преподобный Феофил, судя по тому, что она называлась Феофиловой пустынью, тогда как преподобный Иаков был ее строителем. Преставились преподобные в начале XV столетия, около 1412 года. День кончины преподобного Иакова неизвестен, преподобный же Феофил преставился 29 декабря. Празднование преподобным местное. Святые мощи угодников Божиих почивают под спудом, в храме Успения Божией Матери, с 1764 года приходском.

Иларион, святитель, митрополит Киевский

Святитель Иларион, митрополит Киевский и всея Руси, жил в эпоху великого князя Ярослава Мудрого († 1054 г.), сына святого равноапостольного Владимира. В историю Русской Церкви он вошел как первый из ее русских предстателей, представленных на митрополию Собором русских епископов.

К сожалению, скудные сведения сохранились о знаменитом первосвятителе Русской земли, св. Иларионе. Преподобный Нестор, повествуя в летописи о начале Печерского монастыря, пишет: «Боголюбивому князю Ярославу, любящу Берестовое и церковь ту сущу Свв. апостол и попы многи снабдящу, в них же бе пресвитер именем Иларион муж благ и книжен и постник, и хожаше с Берестового на Днепр на холм, где ныне ветхий монастырь Печерский и ту молитву творише; бе бо лес ту велик; ископа пещеру малу дву сажену, и приходя с Берестового отпеваше часы и моляшася Богу ту втайне. По сем же вложи Бог в сердце князю и постави его митрополитом святей Софии, а сия пещерка тако оста». Итак, св. Иларион был родом русский, первоначальное образование он, вероятно, получил в Киевском училище, которое завел еще св. равноапостольный князь Владимир и куда братья велел детей знатных лиц. Особенные дарования, необыкновенные умственные способности или другие какие-либо обстоятельства доставили ему место священника в селе Берестове (близ нынешней лавры), где был великокняжеский дворец, в котором скончался св. Владимир. Ярослав Мудрый часто бывал в своем загородном дворце, обратил особенное внимание на Илариона, отличавшегося пред всеми и своим образованием, и благочестием. Ревностный служитель Христов не довольствовался обыкновенным исправлением своих обязанностей, но, устремляясь к высшим подвигам, часто оставлял свой дом и уходил в соседнюю гору, покрытую лесом, чтобы там в уединении предаться молитве и богомыслию, устроил себе там другое жилище, тесное – в пещере. Такие

подвиги должны были еще больше расположить к нему благочестивого Ярослава.

В то время Русская Церковь была митрополией, входящей в состав Константинопольского патриархата. Первыми митрополитами на Руси были греки, поставление их совершалось в Царьграде. Когда скончался митрополит Феопемпт, Русь находилась в состоянии войны с Византией. Соборным суждением иерархов Русской Церкви было решено поставить митрополита в Киеве, не обращаясь в Царьград. Среди русского духовенства святой Иларион славился высокой духовной жизнью и проповедническим дарованием. И, как свидетельствуют его творения, он был не просто «муж книжный», но обладал великими духовными дарованиями, глубиной богословского ведения. Поэтому выбор Собора архиереев, павший на св. Илариона, был по душе Ярославу Мудрому. В Святой Софии подвижник был поставлен митрополитом в 1015 году. Поставление Илариона в сан митрополита показывает, что он испрашивал и получил себе утверждение от Константинопольского патриарха. К мысли, что на митрополичью кафедру Иларион получил утверждение от Константинопольского патриарха, приводит написание самого исповедания, которое, вероятно, отсылалось в Царьград согласно тогдашнему обычаю.

Время управления русской митрополией св. Илариона было одно из самых славных и памятных для потомства. В его время, по словам летописца, «вера христианская нача плодиться»; в его время стала процветать великими подвижниками Киево-Печерская лавра, бывшая рассадником духовного просвещения в России; в его время начало процветать и духовное просвещение – умножены церковные училища; к его времени относилось благоустройство церковного богослужения. При нем был посвящен храм великомученика Георгия и установлено праздновать по всей России праздник 26 ноября (св. Георгию). Неизвестно, сколько времени управлял Киевский митрополит св. Иларион, ибо летопись не отметила года его кончины, но на погребении князя Ярослава Мудрого († 20 февраля 1054 г.) святителя уже не было, а в 1055 году в Киев прибыл новый

митрополит. Очевидно, святой Иларион отошел ко Господу в 1053 году. Оставленное им духовное наследие живет в Русской Церкви. И, прежде всего, лучшее творение древнерусской церковной литературы – «Слово о законе и благодати», произнесенное в Десятинной церкви в похвалу святому князю Владимиру, в котором дал богословское осмысление места Русской Церкви в истории Божественного домостроительства спасения. Содержание его глубоко и многосторонне. В центре «Слова» – учение о спасении и благодати. Большое внимание уделено вопросу о превосходстве христианства над иудейством. Эта тема была очень важная в те времена для Киевской Руси: к святому Владимиру приходили иудеи, надеясь обратить его в свою веру, преподобный Феодосий Печерский († 1074 г.) ходил на «жидовский конец» в Киеве с проповедью Христа Распятого. Известно также, что евреи старались совратить в иудейство святителя Никиту Затворника, когда он был еще иноком Печерского монастыря (1088 г.). Об этом рассказывает святитель Симон в «Киево-Печерском патерике». Поэтому понятно внимание, которое уделяет святитель Иларион вопросу «о законе, Моисеем данном, и о благодати и истине, чрез Иисуса Христа бывших». Наконец, третья тема, давшая повод произнесению самого «Слова», – прославление апостольского подвига святого князя Владимира.

Царство природы, царство благодати и будущее Царство Славы воспринимаются в духовном опыте Церкви в неразрывной слитности. Закон – лишь предтеча и слуга благодати и истины. Истина и благодать – лишь слуги будущего века и жизни истинной. Так же учит святитель Иларион о преемственности Церкви: «Моисей и пророки о Христовом пришествии поведали, что Христос же и апостолы Его – о Воскресении и о будущем веке».

С момента, как пришел в мир Спаситель, ветхий (прежний) завет человека с Богом утратил силу. Богословскими символами ветхого и нового заветов служат святителю заимствованные у святого апостола Павла образы двух жен Авраама – свободной Сарры и рабыни Агари. «Изгнана была Агарь, рабыня, с сыном ее Измаилом, и Исаак, сын свободной, наследник был Аврааму.

Так же изгнаны были иудеи и рассеяны по странам, а сыны благодати, христиане, наследники стали Богу и Отцу. Как меркнет свет луны при воссиявшем солнце, так и закон – при явлении благодати; стужа ночная гибнет от солнечного тепла, согревающего землю, – и человечество уже не горбится под бременем закона, но в благодати свободно ходит».

Радость о Христе преисполняет самого праведника, когда он говорит о вхождении родной Руси в сонм христианских племен. «Христова благодать всю землю исполнила» и, прежде всего, молодые жизнестойкие народы, к которым относился и русский народ. «Приличествует благодати и истине на новые люди воссиять. Не вливают, по слову Господню, вина нового – учения благодати – в мехи ветхие, обветшавшие в иудействе, но новое учение – в новые мехи, новые народы». Так вера благодатная «по всей земле распростерлась и до нашего языка русского дошла. Вот уже и мы со всеми христианами славим Святую Троицу, а Иудея молчит; язычники приняты, а иудеи отринуты».

Русские православные отныне «не идолослужителями зовутся, но христианами, и уже не капища строим, но Христовы церкви зиждем; уже не заколаем друга бесам на жертву (см. память варягов-мучеников 12/25 июля), но Христос за нас заколается в жертву Богу и Отцу. Все страны Благий Бог помиловал – и нас не презрел, захотел и нас спасти и в разум истины привести». Великий апостольский подвиг просвещения Русской земли совершил святой князь Владимир (память 15/28 июля), «подобник святому равноапостольному Константину», который «заповедал по всей земле своей креститься во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, и ясно и громогласно во всех градах славить Святую Троицу и всем быть христианами – малым и великим, рабам и свободным, юным и старым, богатым и убогим». С гордостью говорит святой Иларион о родной земле: «Святой Владимир не в худой и не в неведомой земле владычествовал, но в Русской, которая ведома и слышима всеми концами земли».

«Слово о законе и благодати» – первое по времени творение Русской Церкви, в котором святой креститель Руси

ублажается в чине равноапостольных. «Радуйся во владыках, апостоле, не мертвые тела воскресивший, но душою нас мертвых воскресивший, ибо тобою обожились и жизнь Христову познали». Таково содержание этого замечательного памятника древнего русского богословия. Из других творений святителя Илариона известно его архиерейское «Исповедание», ставшее образцом епископской присяги в Русской Церкви. К «Слову о законе и благодати» в рукописях присоединяется обычно «Молитва святого Илариона». Это творение святителя также имеет долгую жизнь в отечественном церковном предании. В 1555 году, при отправлении в новоучрежденную Казанскую епархию святителя Гурия, повелено было ему в Москве и в других городах, через которые он будет проезжать, читать молитву «творение митрополита Илариона Русского».

Святитель Иларион был погребен в Киевских пещерах. В надписаниях его творений, в рукописных святцах и каталогах святителей святитель Иларион неизменно именуется святым и предивным чудотворцем. Устойчивое литургическое почитание его как святого засвидетельствовано в службах Киево-Печерским преподобным. Как в службе Собору отцов Ближних пещер (28 сентября/11 октября), так и в службе всем Киево-Печерским святым (вторая Неделя Великого поста) он перечисляется наравне с другими святыми иерархами Русской Православной Церкви.

Иларион, Схимник Печерский, в Дальних Пещерах почивающий

В житии преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского монастыря, о преподобном Иларионе сказано: «Чернец Ларион по вся дни и нощи писалше книги в келлии преподобного отца нашего Феодосия, оному Псалтирь поющу усты тихо, руками же прядущу волну, или ино что делающу». В «Сказаниях о житиях святых, в пещере преподобного Феодосия почивающих» описывается преподобный Иларион так: «Преподобный Иларион схимник такого воздержания был, иже в неделю раз только и то мало что едал, ревнуючи преподобному Феодосию, бо и сожитель его был, молитв же и молений много, день и ночь, с коленопреклонением и слезами творяше, угодил Господу Богу». В житии же преподобного Феодосия повествуется еще, что упомянутый Иларион открывался преподобному Нестору, как искушали его бесы и как преподобный Феодосий часто увещевал его терпеть эти искушения и своими молитвами избавил его от них. Преподобный Иларион подвизался в XI веке. Имя преподобного Илариона, как ученика преподобного Феодосия, упоминается в общей службе преподобным Дальних пещер (4-я песнь канона). Мощи его почивают в Феодосиевых (Дальних) пещерах, поэтому и память его совершается совместно с преподобными упомянутых пещер 28 августа. А 21 октября память его совершается, вероятно, ради тезоименитства его преподобному Илариону Великому († 372).

Иларион Псковоезерский, преподобный – день тезоименитства

Преподобный Иларион был одним из учеников преподобного Евфросина Псковского (память 15/28 мая). Около 1460 (или 1470) года он основал свой монастырь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Монастырь преподобного Илариона находился на реке Желче и отстоял от обители преподобного Евфросина верст на 45 к северо-западу. В созданной им Покровской обители преподобный был первым игуменом и скончался 28 марта 1476 года. Мощи преподобного Илариона почивают под спудом в храме бывшей обители его.

Память его празднуется местно два раза: в день преставления – 28 марта/10 апреля и в день тезоименитства – 21 октября/3 ноября.

Октябрь 22

Феодор и Павел Ростовские, преподобные

Преподобные Феодор и Павел Ростовские основали в XIV веке на реке Устье, недалеко от Ростова, обитель во имя святых мучеников Бориса и Глеба. Первым на место будущего монастыря пришел из Новгородской области инок Феодор, неизвестно где родившийся и где принявший пострижение. По дороге, ведущей из Каргополя и с Бела озера в Ростов и Москву, он остановился в темном лесу при реке Устье, верстах в семнадцати от Ростова. Поставив себе в лесу шалаш из древесных ветвей, он остался здесь на жительство. У проезжей дороги на дереве он повесил сделанный из древесной коры кузов, и прохожие и проезжие, догадываясь, что тут живет пустынник, стали класть в него то хлеб, то овощи и другую милостыню. Пустынник, не видимый никем, тайно вынимал милостыню и делил ее с нищей братией; проведавши о сем, из многих селений стали приходить к пустыннику за милостыней, и он делился всем, что находил в повешенном кузове. Спустя три года пришел к нему Павел и стал делить с ним пустынническую жизнь.

При великом князе Дмитриии Иоанновиче и митрополите Алексии, когда в Ростове княжил Константин III Васильевич, а святительскую кафедру занимал Игнатий III, прп. Сергей приходил на родину свою в Ростов. Это было в 1363 году, когда кн. Константина надлежало мирить с новым великим кн. Дмитрием, и святое дело примирения было совершено с успехом. Пустынножители Феодор и Павел сочли за святое дело обратиться за духовным советом к великому пустынножителю. Они просили его осмотреть место для новой пустынной обители и благословить его. Сергей обошел с ними лесную пустыню и на реке Устье, где ныне стоит храм обители, указал строить церковь во имя св. мучеников Бориса и Глеба, и сказал пустынникам: «Призрит Господь Бог и Пречистая Богородица на место сие, и великие страстотерпцы Христовы в помощь вам будут. И сие место весьма обстроится и в будущие времена превозносимо будет наряду с большими лаврами». Дав

пустынникам мир и благословение, преподобный Сергей отправился в обратный путь. Князь Константин и епископ Игнатий с любовью дозволили строить новую обитель. Одушевленные словами св. подвижника, которого все уважали, пустынники начали рубить лес, чтобы очистить место для храма и обители, и скоро увидели подтверждение словам Сергия. Однажды во время отдохновения от трудов в тонком сне явились Феодору и Павлу два светлых воина, вооруженные и украшенные царскими багряницами, и сказали: «Трудитесь на сем месте: Бог и Пречистая Богородица не оставят места сего, и мы неотступно будем на сем месте на помощь вам и тем, кто после вас будет устраивать место сие». Преподобные припали к ногам их и спросили, кто они. Но воины вдруг стали невидимы, только слышан был голос, называвший одного Романом, а другого Давидом: имена Романа и Давида – имена Бориса и Глеба, данные им при святом крещении. После того они с новым рвением стали трудиться и подвизаться над устройством места. И начали собираться к ним братия и мирские люди – плотники на помощь делу. В скором времени братия умножилась, и все стали умолять Феодора, чтобы он был им игуменом. Так и совершилось.

В скором времени обитель эта стала известной в окрестностях Ростова, и к празднику св. страстотерпцев собирались в нее многие богомольцы. Вместе с ними из близлежащих городов и селений приезжали в монастырь купцы и производили торговлю, платя монастырю на свечи, ладан и церковное вино. Многие вельможи из Ростовской области стали завещать, чтобы их погребли в Борисоглебской обители, и дарствовать ей на поминовение души вотчины свои, села, деревни и пашни. Благодаря этому усилились средства монастыря, и преподобный Феодор еще более стал трудиться над его устройством и собиранием братии. Он воздвиг для общей соборной молитвы теплую церковь Благовещения Пресвятой Богородицы.

Много лет милостью Божией, заступлением Пресвятой Богородицы и помощью Христовых страстотерпцев Бориса и Глеба подвизался преподобный Феодор в устройении обители:

он воздвиг церкви, поставил келлии, все устроив по монастырскому чину, приобрел монастырю нивы и пашни, устроил на службу обители много людей и приобрел довольно скота.

Блаженный Феодор, достигнув старости, желал подвизаться в безмолвии. Поручив Борисоглебскую обитель спостнику своему Павлу, он с двумя учениками отправился на Кубенское озеро. Там нашел он место, называемое Святая Лука, и поставил келлию. Узнали об этом окрестные жители, еще не просвещенные тогда инородцы чудского племени, и изгнали оттуда преподобного труженика. Перейдя на другой берег Белого озера, он прошел по глухим местам на реку Ковжу и при устье ее положил основать обитель св. Николая. Он отправился в Москву к удельному князю Андрею Дмитриевичу, сыну Донского, в области которого находилось выбранное им место, и просил уступить оное под монастырь. Князь не только дал место, но снабдил будущую обитель разными угодьями. Возвращаясь из Москвы, прп. Феодор убедил Павла принять на себя сан игумена Борисоглебской обители и потом удалился на Ковжу, чтобы создать здесь новый монастырь. При впадении реки Ковжи в Белое озеро (в 40 верстах от нынешнего Белозерска) построил он храм во имя чудотворца Николая, а потом возводил и монастырские постройки. Узнав о трудах преподобного, окрестные православные жители стали стекаться к старцу за благословением, а иные и для того, чтобы принять иноческое пострижение. Старец Феодор принимал всех с радостью. Устроив монастырь, преподобный Феодор поставил в нем игумена, а сам, получив откровение о скорой кончине, возвратился в Борисоглебскую обитель, и все духовно и телесно веселились и благодарили Бога и Пресвятую Богородицу за успех трудов старца. Преподобный Феодор распорядился, чтобы Никольский монастырь был присоединен к Борисоглебскому и чтобы брат его, игумен Павел, руководил им.

После всех сих подвигов и распоряжений, через недолгое время, преподобный основатель Борисоглебского монастыря почил с миром 22 октября 1409 года. Преподобный игумен

Павел с братиею оплакали усопшего и с честью погребли тело его.

После кончины Феодора оставшийся в живых сотрудник его Павел еще более стал трудиться и пещись об обоих монастырях, но, прожив после того недолго, в добром исповедании отошел к Господу. И Борисоглебская обитель установила совершать его память в один день с памятью первоначальника своего Феодора.

Пророческие слова преподобного Сергия, благословившего основание Борисоглебского монастыря и предрекшего его расширение, сбылись в точности. После смерти основателей, преподобных Феодора и Павла, преемники их, Борисоглебские игумены, продолжали усердно заботиться о благе монастыря, который постепенно стал приобретать широкую известность.

Октябрь 24

Иоанн, затворник Псковский, преподобный

Краткое известие о прп. Иоанне затворнике содержится в Псковской первой летописи под 1616 г.

Неизвестный по своему происхождению, преподобный Иоанн в 1594 г. поселился затворником в стене города Пскова и безысходно прожил здесь 22 года, – «во граде якоже в пустыни в молчании великом», то есть прожил в совершенном безмолвии. Затворник не вкушал вовсе хлеба и питался одною рыбою. Преставился преподобный Иоанн 24 октября 1616 года.

Сисой и Феофил, затворники Печерские, в Ближних Пещерах почивающие

Прп. Сисой затворник в общей службе преподобным Антониевых пещер называется «просиявшим в посте». Прп. Феофил в этой же службе именуется как «в чудесех изящный». Память всем преподобным – 28 сентября/11 октября, во вторую Неделю Великого поста и 24 октября/6 ноября.

Арефа, в Ближних Пещерах почивающий, преподобный

Воистину достойно и праведно всегда благодарить Бога не только о благодеяниях, но и о злключениях, ибо такое благодарение не только праведнику умножает благодать, как некогда Иову, но и великого грешника делает святым. Все это исполнилось на преподобном отце нашем Арефе, о котором самовидец его, блаженный епископ Симон, так рассказывает: был в Печерском монастыре один черноризец, именем Арефа, родом из города Полоцка. Живя в монастыре, он имел в своей келлии тайно большое богатство и отличался такою скупостью, что никогда не подал нищему ни одной мелкой монеты и никогда ничего не тратил для себя. Однажды ночью воры украли все его имение. Тогда инок впал в такую скорбь, что едва не погубил себя и начал нападать на многих неповинных в этом деле. Братия умоляла его престать от такого взыскания, говоря: «Брате! Возверзи на Господа печаль твою». Но он никого не хотел слушать и отвечал грубостями на все убеждения. Через несколько дней он впал в тяжкий недуг и был уже близок к смерти, однако не преставал от роптания и хулы своей. Но человеколюбивый Господь, иже всем человеком хочет спастися, явил и на нем милость Свою. Однажды больной, лежа на одре, как мертвый после долгого молчания, начал взывать: «Господи, помилуй! Господи, спаси! Господи, согреших! Твое есть и не жалею о том». Он встал с одра и рассказал собравшейся братии о бывшем ему явлении. «Я видел, – говорил он, – как пришли ко мне Ангелы и полк бесов. Они начали спорить между собою о украденном у меня богатстве. Бесы говорили, что так как я не прославил Бога за покражу, а хулил, посему должен быть передан им. Ангелы говорили мне: «Несчастный человек! Если бы ты благодарил Бога за украденное у тебя имущество, это вменилось бы тебе в милостыню, как Иову. Великое дело пред Богом, если кто творит милостыню по своему произволению. Но если благодарно терпят и утрату, то борьба с искушением заменяет дело

охотного произволения, когда благоугодно предает все Богу». Когда сказали мне это Ангелы, то закричал я: «Господи, помилуй! Твое оно, не жалею». Тогда бесы исчезли. Ангелы же возрадовались». С тех пор блаженный Арефа совсем переменялся. Тот, кого нельзя было ничем удержать от ропота, теперь только хвалил Бога и повторял с Иовом: *Господь даде, Господь отъят, яко Господеви изволися, тако и бысть* (Иов. 1, 21). Так же каялся он и в прочие своих грехах, заботясь нелицемерно о нищих, преуспевая в послушании, очищаясь внутренне, подвизаясь в молении, посте и во многих других добродетелях, особенно же в добродетели благодарения. Скончался святой Арефа не позже 1190 года. Мощи его были положены в Ближних пещерах, и память его совершается совместно с преподобными Ближних пещер 28 сентября/11 октября и во 2-ю Неделю Великого поста, особо – 24 октября/6 ноября.

Октябрь 25

Мартирій, затворник Печерський, в Дальніх Пещерах почитаючий

В «Полном христианском месяцеслове» (Киев, 1875 г.) под 25-м числом октября сказано: «Преподобного Мартирия диакона и преподобного Мартирия, затворника Печерского». Но и о втором преподобном Мартирии не сохранилось никаких сведений. Оба стяжали нетление и покоятся в Феодосиевых пещерах в Киеве. Память прп. Мартирия затворника совершается 28 августа/10 сентября совместно с преподобными Дальних пещер, а 25 октября/7 ноября память его положена ради тезоименитства его с св. мучеником Мартирием.

Мартирий, диакон Печерский, в Дальних Пещерах почивающий

Подвизался св. Мартирий в XIV в. в Киево-Печерской обители. Угодив Богу великой чистотой и строгой постнической жизнью, прославлен был даром чудотворений еще при жизни своей. Его святое имя вспоминается в 7-й песни канона преподобным Дальних пещер. Здесь прославляются его трудолюбие, праведность и сердечная чистота, а также дар изгнания бесов и исцеления недугов. «В диаконах светило, и в трудолюбивцах образе, Мартирие, чистоты рачителю, дар имевый прогоняти от человек лукавыя духи и немощи целити». Память его совершается особо 25 октября/7 ноября, вероятно, ради тезоименитства его с св. мч. Мартирием († 355 г.), также 28 августа/10 сентября и во 2-ю Неделю Великого поста.

Октябрь 26

Феофил, святитель, архиепископ Новгородский

Святитель Феофил был последним из владык Новгородских, избранных на вече. Об избрании его так повествует летопись: «Утром 15 ноября 1470 г. раздался благовест Св. Софии, в последний раз призывающий новгородцев приступить, по древнему обычаю, к избранию архиепископа Великого Новгорода и Пскова. Посадники новгородские и тысяцкие и весь Великий Новгород стал вечем у Св. Софии; и избра Бог у Святой Софии Премудрости Божией служителя своему престолу, а Великому Новуграду – преосвященного архиепископа, и остаще на престоле жребий Феофилов, протодиакона и ризника владычня». Состояние новгородского общества летописцы сравнивали тогда с морем во время бури... В этом обществе господствовали те, которые, по выражению митрополита св. Филиппа, «льстят сердца незлобивых, и посреди мирнующих вводят неправду и нелепую ярость», а потому для смиренного инока Отенской пустынной обители сан архиепископа, по справедливому замечанию архиепископа Филарета, «был причиной одних только скорбей». Трудно было сему святителю управлять своею паствою. Посадница Марфа Борецкая и ее приверженцы вооружали и возмущали народ против великого московского князя Иоанна III, а монах Пимен, сторонник Борецких, разжигал в пастве ненависть к архиепископу. Некоторые из новгородцев склонялись перейти на сторону Литвы, изменив московскому князю, и готовы были пойти на вероотступничество. Святитель Феофил останавливал мятежных новгородцев: «Не изменяйте Православию или не буду пастырем отступников, уйду назад в смиренную келлию, откуда извлекли вы меня на позорище мятежа». Сохранилась отреченная грамота святителя, написанная в 1479 г. Однако ослепленный народ не внимал словам пастыря: между Новгородом и Москвой разгорелась междоусобная война. Неоднократно разбитые новгородцы принуждены были просить пощады. Феофил был их заступником. Ему обязаны многие новгородские бояре

освобождением из темниц литовских. В 1480 году святитель Феофил был отправлен Иоанном III на заточение (но он мог и сам проситься туда на покой, видя много смут в Новгороде) в Московский Чудов монастырь и «сидел полтретья лето, ту и преставися». По преданию, когда святитель Феофил лежал больной в Чудовом монастыре, во сне явился к нему Новгородский святитель Нифонт († 1156 г.; память 8/21 апреля), похороненный в пещерах преподобного Антония Печерского, и напомнил об обещании поклониться Печерским чудотворцам. Святой архиепископ отправился в Киев и уже приближался к Днепру, как болезнь его усилилась, и он получил откровение, что хотя не дойдет живым до пещер, но тело его упокоится в них. И это исполнилось.

Память его совершается особо 26 октября/8 ноября, а также с Собором Дальних пещер 28 августа/10 сентября и во 2-ю Неделю Великого поста, с общим Собором Киево-Печерских отцов.

Антоний, епископ Новгородский, святитель

Когда преподобный Герасим основал (в 1528 г.) Свято-Троицкий Болдинский монастырь в 15 верстах от Дорогобужа, то слава о его подвигах и духовной опытности вскоре привлекла к нему множество учеников, желавших под его руководством проводить иноческую жизнь. При отеческой заботливости преподобного о спасении собранного им братства казалось, что все оно имеет одну душу, одно желание, так что и после блаженной кончины преподобного Герасима основанный им Болдинский монастырь долго еще славился строгостью жизни своих иноков, между которыми не мало было подвижников добродетели, истинных рабов Божиих. Ближе всех по духу к прп. Герасиму был инок Антоний. Откуда он был родом и какого происхождения – неизвестно, так как в древности в иноческих обителях мало обращалось внимания на происхождение и мирское звание. Известно только то, что Антоний был постриженник и любимейший ученик прп. Герасима, он написал житие своего наставника, удостоен был сана священства еще при его жизни и впоследствии достойно заменил его для братии в сане игумена. Ученик во всем старался подражать своему учителю и по смерти Иосафата, преемника св. Герасима, всей братией единогласно избран был игуменом на его место. Своей отеческой заботливостью о благоустроении вверенного ему стада, кротостью и любовью ко всем, незлобием и детской простотой сердца он не только привлек к себе сердца братии к служил для нее примером, но и вне монастыря широко распространилась слава о его подвигах и достигла царствующего града. Поэтому, когда Вологодская архиерейская кафедра, после епископа Варлаама I, сделалась свободной, Антоний собором иерархов признан был достойным занять ее «многого ради добродетельного жития своего». И 11 октября 1586 года был рукоположен во епископа в Москве митрополитом Дионисием.

С апостольской ревностью принял он за управление обширнейшей епархией, не жалея ни трудов своих, ни здоровья,

стараясь всем быть вся (1Кор. 9, 22) и всех привлекал к себе любовью. Не долго, впрочем, привелось ему с высоты архипастырской кафедры светить пастве светом своих добродетелей и назидать пасомых словом и житием. Только два года и две недели продолжалось его управление Вологодской епархией. Но и в это непродолжительное время своими отеческими заботами о благе пасомых, тихостью нрава и кротостью обращения, нелицеприятным правосудием, радушием и милосердием к бедным он снискал у всех великую любовь и уважение. Как истинный преемник служения апостольского, всю жизнь свою заботившийся только о славе Божией и о пользе ближних, св. Антоний в последний год своей жизни обрадован был чудесным явлением иконы Божией Матери в 14 верстах от Вологды, в Заоникиевской пустыни. Со слезами сердечной благодарности приемля явление св. иконы как знак особенного благоволения и милости Божией к пастве и пастырю, он приказал на месте явления святой иконы воздвигнуть храм и устроить монастырь во славу и честь Богородицы.

Предвидя близость своей кончины, святитель поспешил устроить при новом каменном Софийском соборе придельный храм св. Иоанна Крестителя, который к своей радости и освятил 1 октября 1588 года. Еще при жизни своего учителя, прп. Герасима († 1554 г., 1 мая) св. Антоний был уже в годах совершенных и удостоен священного сана (что в тогдашнее время не могло быть ранее тридцатилетнего возраста), – следовательно в год освящения храма св. Иоанна Крестителя ему было уже более 60 лет от роду. Но в заботах о скорейшем устройении храма Господня он не обращал внимания на свое телесное здоровье, забывал свою старость и неразлучные с ней немощи, казался бодрым и деятельным, подавая собой пример другим. Вскоре после освящения храма святитель почувствовал в себе упадок сил, с каждым днем становился слабее и слабее и начал готовиться к смерти. Каждодневно он ходил в новоосвященный храм ко всем церковным службам и дома большую часть дня и ночи проводил в молитвах. По прошествии недели, когда здоровье его еще более расстроилось и он сильно

изнемог, «в субботу на Божественной литургии во свою подобную одежду оболкся, – говорит современный писатель его жизни, – и всему священному собору мир и благословение подав и сам взя у них прощение, целовав святые иконы и пред престолом Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, во храме св. Иоанна Предтечи своими руками причастия Святых Таин Божественных Тела в Крови Господня и в последнюю печать и дар Святого Духа прим, ко исходу души своей». Святитель был уже настолько слаб, что по окончании службы едва мог дойти до своей келлии; но и в это время и даже до последних минут своей жизни, перемогая себя, по-прежнему с радушием и любовью принимал всех приходивших к нему, со всеми прощался и благословлял всех, так что и по преставлении его охладевшая рука осталась благословляющей. Тихая, мирная, истинно блаженная кончина его последовала в 26-й день октября, со среды на четверг в пятом часу ночи, по тогдашнему счислению времени.

Более трех недель тело святителя не было предано земле, пока для погребения его, по распоряжению Московского митрополита Иова, не прибыл из Ростова архиепископ Варлаам; но и в столь продолжительное время нисколько не изменилось и не предалось тлению, а было как бы у спящего. Архиепископ Ростовский и Ярославский Варлаам с настоятелями ближайших к Вологде монастырей и со всем городским духовенством, при бесчисленном множестве плачущего народа, с величайшей честью предал земле тело святителя в Софийском соборе, возле северной стены его, на втором месте от дверей, 18 ноября. По преставлении его от честного гроба его «вернии исцеление приемлют и доныне, всякими недуги и болезнями одержимыя, молитвами его».

Димитрий Цилибинский, преподобный

Преподобный Димитрий был основателем Цилибинской Архангельской пустыни на реке Вычегде, в 28 верстах от Яренска. Цилибинская пустынь основана была при свт. Стефане Пермском († 1396 г.; память 26 апреля/9 мая) с той целью, чтобы служить приютом для проповедников христианства, трудившихся в зырянских селениях по Вычегде. Прп. Димитрий был одним из самых ближайших учеников и ревностных помощников святителя Стефана в распространении православной веры между грубыми идолопоклонниками. Из жития святителя известно, что кроме многих духовных лиц, приглашенных им из Устюга, он из самых зырян воспитал и образовал себе не мало помощников, которые как их соплеменники, хорошо знакомые с нравами и обычаями своего народа и говорившие с ними на одном языке, могли быть более способны к миссионерству, скорее приобретать доверие народа и успешнее действовать на простые сердца диких сынов природы. Вероятно, из числа этих природных зырян-священнослужителей и был преподобный иеромонах Димитрий. Он старался во всем подражать своему наставнику, почему и храм в пустыне, им устроенной, посвятил тому же Архистратигу Михаилу, как и в Усть-Выме. Выкопав под храмом пещеру, преподобный Димитрий долгое время подвизался в ней в посте и молитве и выходил из нее только для совершения церковной службы и для проповеди слова Божия в окрестных селениях. Когда и как скончался – неизвестно. Тело его положено было близ церкви, над его могилой впоследствии была устроена часовня, а в ней поставлена гробница с изображением преподобного на верхней доске ее. Из древней записи и церковного синодика видно, что часовня и гробница устроены ранее 7173 (1666) года, память его благоговейно почиталась народом как угодника Божия. Память преподобного Димитрия местно совершается 26 октября/8 ноября, вероятно, в память его тезоименитства.

Октябрь 27

Андрей, князь Смоленский, Переяславский

Точных сведений о св. Андрее, о его происхождении, времени жизни и подвигах не сохранилось. В Переяславле-Залесском, где подвизался и скончался св. Андрей, держалось предание, что он происходил из рода князей смоленских. Зависть и крамолы против Андрея его родичей-князей, столь обычные на Руси в древнее время, не заставили князя защищать свои права и власть также крамолой; он не поднял и открытой борьбы – не взялся за оружие, что так часто бывало в подобных случаях. Кроткий князь отказался от своего удела, бросил все свое достояние и скрылся из отечественного города. Бедным странником святой Андрей явился в город Переяславль-Залесский (около 1360 года) и поселился при церкви святого Николая Чудотворца у городских ворот. Некоторое время спустя смоленский князь был принят пономарем к этой церкви и в такой скромной должности подвизался тридцать лет, скрывая от всех свое знатное происхождение. Сказания не описывают подвиги святого князя-пономаря, но уж одно это разве не великий подвиг – оставить княжение, семью, родной город и сделаться пономарем при бедной церкви чужого города? Когда святой Андрей преставился (около 1390 года), на его теле нашли золотую цепь и перстень – знаки княжеского достоинства, тяжелые железные вериги – знак его подвижничества, а также малую хартию, на которой рукою почившего было написано: «Аз есмь Андрей, един от смоленских князей. Зависти ради и крамолы от братий моих оставих княжение мое и дом и прочее».

Бедного пономаря похоронили при Никольской церкви, при которой он проходил свое скромное служение, причем его тело обернули берестой.

Много лет прошло с тех пор, но жители Переяславля помнили о подвижнике-пономаре. Скоро после кончины начали почитать его святым и праздновать память в день преставления – 27 октября; написали его образ; составили службу – особые стихиры и канон. Но потом, около половины XVI столетия,

празднование памяти святого Андрея почему-то прекратилось и о подвижнике стали забывать. В то время в Переяславле-Залесском подвизался преподобный Даниил, уроженец этого города, который, вероятно, хорошо знал устные предания о святом Андрее и посещал храм, при котором угодник служил пономарем, и его могилу, видел его образ и вериги. Преподобный решил содействовать прославлению святого князя Андрея.

В последний год жизни преподобному Даниилу случилось быть в Москве по делам своей обители. Он просил у малолетнего государя Иоанна Васильевича IV, своего крестного сына, и у митрополита Иоасафа (1539–1542) средств на постройку обветшавших церквей города Переяславля во имя Иоанна Предтечи (у западных городских ворот) и во имя святителя Николая. Затем преподобный рассказал царю и митрополиту, что при Никольском храме лежат мощи святого Андрея, князя Смоленского, и просил дозволения освидетельствовать их. Он передал те устные рассказы, которые ходили в Переяславле о святом угоднике, упомянул о том, что ранее память его в Никольской церкви праздновалась ежегодно, указывал на службу святому и его образ и горько жаловался на то, что жители Переяславля перестали вспоминать о святом угоднике Божиим. «Для того возвестил я все это державе твоей, государь, – говорил преподобный, – чтобы не пришел в забвение такой святой. Боюсь, чтобы за молчание свое я не был повинен осуждению».

Государь отпустил средства из своей казны на постройку новых храмов на место обветшавших и вместе с митрополитом разрешил преподобному Даниилу и местному духовенству раскопать могилу святого Андрея и осмотреть его мощи, лежащие в земле. Когда преподобный, возвратившись в Переяславль, возвестил об этой милости, все так обрадовались, что хотели звоном собирать народ на торжество открытия мощей. Но один священник заметил: «Если Богу будет угодно явить мощи раба Своего, то без звона совершим молебствие и пойдем к могиле угодника. Тогда станет ясно, угодно ли это делу Богу и самому святому».

Так и поступили. Отпели молебен и, разобрав надгробие, раскопали могилу. Оказалось, что хотя тление и коснулось мощей святого, однако тело было цело; составы не отделились один от другого. Несмотря на то, что о торжестве не извещали нарочно, на него собралось множество народа. И когда святые мощи ископали и отгребли с них истлевшую бересту, многие недужные брали ее кусочки и получали исцеление. Освидетельствовав мощи святого князя Андрея и не вынимая их из земли, преподобный Даниил послал донесение царю и митрополиту. Из Москвы для официального освидетельствования мощей были присланы архимандрит Чудовского монастыря Иона и протопоп Успенского собора Гурий. Когда они осмотрели мощи святого угодника Божия, Иона спросил преподобного Даниила: «Зачем ты свидетельствовал сии мощи? Кто повелел тебе это?»

Преподобный был сильно огорчен укоризненными словами Ионы. Он заплакал и говорил, что поступил не самовольно, а с дозволения царя и митрополита, которые приказали ему освидетельствовать мощи святого Андрея; указал на его образ; сослался на службу святому. Наконец он представил трех человек, которые получили исцеление от недугов при открытии мощей: управитель царских сел Иоанн Оклячеев сказал, что он исцелился от долголетней головной болезни после прикосновения к мощам святого князя; одна женщина из Переяславля рассказала, что три года она страдала тяжелой болезнью горла, не могла выговорить слова, но когда, при открытии мощей святого Андрея, она взяла кусочек бересты и проглотила его, тотчас почувствовала облегчение и стала говорить; другая женщина также при помощи бересты от мощей святого исцелилась от продолжительной главной болезни.

Но ни доводы преподобного Даниила, ни засвидетельствованные чудеса святого князя Андрея не убедили Иону и Гурия. Иона обратился к преподобному с такими словами: «Преосвященный митрополит ничего не сказал мне о святых мощах и не дал никакого приказания».

Это значило, что митрополит Иоасаф оставил дело на решение самих Ионы и Гурия, а они считали недостаточно

ясными свидетельства о святости князя Андрея и отказывались прославить угодника Божия церковным празднованием. Преподобный Даниил сильно огорчился решением митрополита и посланных им следователей и предсказал, что за неверие в святость угодника Божия всех троих постигнут скорби: митрополит скоро будет свержен с престола, Ионе предсказал разные несчастья, Гурию – лишение любимого сына. Сначала они смутились, услышав грозные предсказания подвижника, потом сказали, что от старости он лишился смысла (в то время преподобному было 80 лет) и говорит неподобающее. Однако пророчество преподобного Даниила точно сбылось.

Заботы подвижника о прославлении святого князя Андрея не пропали напрасно. С того времени воспоминание о святом князе снова оживило в Переяславле-Залесском и память его начали праздновать местно. Указом Святейшего Синода 1749 года местное празднование благоверному князю Андрею было утверждено; указом предписывалось: на всех службах в церквях города Переяславля поминать святого князя Андрея рядом с именами других угодников Переяславских.

Чудеса при его гробе продолжили совершаться. Так, во время одного пожара деревянная церковь святителя Николая сгорела дотла, но гроб святого князя, его образ, стоявший над гробом, пелена и икона Богоматери на гробе остались целы и невредимы.

В настоящее время святые мощи благоверного князя Андрея почивают под спудом в церкви святителя Николая.

Нестор Некнижный, Печерский, в Дальних Пещерах почитающийся

Преподобный Нестор Некнижный, именуемый так в отличие от преподобного Нестора Летописца, подвизался в Дальних пещерах. Оставивши мир и мирские заботы, Нестор Некнижный так усердно служил Господу, что, слушая богослужения, никогда не воздремал, а, молясь, всегда старался мыслить только о Боге и о том, что устами произносил пред Богом. Память его совершается 27 октября/9 ноября, вероятно, ради тезоименитства с мучеником Нестором Солунским († 306). Не лишен интереса рассказ архиепископа Воронежского Антония о посещении императором Александром I Киевских пещер. В 1816 году, 9 сентября, император посетил лавру. Архимандрит Антоний, как состоявший тогда в должности наместника лавры, сопровождал государя при обозрении им пещер как Ближних, так и Дальних. Наместник в кратких словах рассказал государю императору об именах и жизни преподобных, к коим с благоговением он прикладывался. При приближении к мощам сего св. Нестора архимандрит Антоний сказал: «Здесь почивают преподобный Нестор Некнижный». Государь в ответ ему: «Как это преподобный Нестор Некнижный? Там (т. е. в Ближних пещерах) был Летописец, отец истории... Некнижный, значит, не знал грамоты?» «Так, Ваше величество, – отвечал архимандрит Антоний, – он не умел читать. Но слово Божие, вразумляющее человеков, научило его мудрости не земной, но вышней, и он при молитвах своих сподобился видеть Ангелов и предузнал свою кончину». В это время государь, обращаясь к князю Волконскому, сказал: «Угодник Божий не имел суетного просвещения, но чистое сердце и живую веру. Слушая слово Божие, он исполнял его самым делом. Пламенная молитва растворяла ему небеса и, блаженный, он видел небожителей». Тут государь, осенив себя крестным знамением, сделал земной поклон, произнеся: «Преподобный отче Несторе Некнижный! Моли Бога о нас», – потом приложился к его руке.

(Н. Севастьянова. Жизнь преосвященного Антония, архиепископа Воронежского).

Имя преподобного Нестора Некнижного упоминается в общей службе преподобным Дальних пещер: «Слово Божие, вразумляющее человеки, не книжныя мудрости научи тя, Несторе святе, но вышняя; ею же зрел еси при молитве Ангелы, и кончину свою предвидел еси, тоя и нас причастники сотвори, молим тя, память твою почитающе». Память его совершается также с Собором отцов Дальних пещер 28 августа/10 сентября, и в 3-ю Неделю Великого поста.

Нестор, летописец Печерский, в Ближних Пещерах почивающий, преподобный

Всякое событие, если бы не было закреплено писанием, забылось бы и утратилось для знания. Так, если бы Моисей, наученный Богом, не оставил нам в своих книгах известия о самом начале и первом строении мира, а также о родоначальнике нашем Адаме, то все сие продолжительность времени покрыла бы, как тьмою, и привела бы в забвение. Но Бог, сохраняющий в людях память о Своих чудесах, в какое захочет время, воздвигает описателей, дабы последующие поколения, прочитавши начертанное ими, могли сим воспользоваться. Подобным образом Господь явил и в нашей Русской земле, в святом Киево-Печерском монастыре, приснопамятного писателя, преподобного отца нашего Нестора, который просветил очи наши, изложив полезное для нас. Преподобный Нестор был первым летописцем в нашем отечестве. Он описал первоначальную историю, где в простой и занимательной форме рассказано не только о начале Русского государства, о первых русских князьях, о том, как возникали первые города, как были войны и проч., но и о устройении мира внутреннего, духовного – то есть об основании и благоустройстве на Руси иноческого жития, насажденного, как в раю, в святом Печерском монастыре.

Родиной преподобного Нестора был Киев: здесь видим его по летописи в 1064 году, когда он еще жил в миру. По собственным словам его, он поступил в Печерскую обитель в 17 лет, еще при жизни прп. Феодосия; но при нем жил не долго, проходил только путь послушнической жизни. В монашество пострижен уже преемником Феодосия, преподобным Стефаном. По греческому церковному правилу поступающие в монастырь три года остаются на испытании, «не удостаиваясь монашеского образа», а посвящаемому в диакона следует быть не меньше 25 лет. И прп. Феодосий установил: поступающего в монастырь не спешить постригать, а велеть ему ходить в своей одежде, пока ознакомится с монастырским чином, после одевать его в

черную одежду и испытывать послушаниями, а затем уже облекать в монашескую мантию. Так и для блаженного Нестора трехгодичный иску́с окончился уже при прп. Стефане, при котором удостоен он сана диаконского, не раньше 1078 года. В Печерской обители было тогда много высоких мужей, у которых можно было обучиться духовному совершенству. Обитель процветала тогда духовной жизнью. Блаженный Нестор так пишет об этом сам: «Когда Стефан управлял монастырем и блаженным стадом, которое собрал Феодосий, чернецы, как светила, сияли на Руси. Одни были крепкими наставниками, другие тверды были на бдении или на коленопреклонной молитве; иные постились через день и через два дня, другие вкушали только хлеб с водой, иные – вареное зелье, другие – только сырое. Все пребывали в любви: младшие покорялись старшим, не смея и говорить пред ними, и изъявляя полную покорность и послушание; а старшие оказывали любовь к младшим, наставляли и утешали их, как отцы детей малых. Если какой-либо брат впадал в какое-либо прегрешение, утешали его и по великой любви делили епитимию одного на двух и на трех. Такова была любовь взаимная, при строгом воздержании! Если брат выходил из монастыря, то все братия скорбели о том, посылали за ним и звали брата в монастырь, потом шли к игумену, кланялись и упрашивали принять брата, и принимали с великой радостью. Блаженный Нестор под влиянием таких примеров, под управлением таких наставников, при своей ревности к подвижничеству спешно возрастал в духовной жизни. Как было глубоко смирение его, это видно каждый раз, как только касается он своей личности в своих писаниях. Иначе не называет он себя, как худым, недостойным, грешным Нестором, меньшим из всех в монастыре преподобного отца Феодосия; или окаянным, с грубым и неразумным сердцем, Нестором грешным. Если напоминает он другим о нужде покаяния, о потребности помнить отношения свои к Богу, то спешит обратиться к себе самому с укоризной. Так, рассказав о победе половцев, последовавшей накануне памяти св. Бориса и Глеба, говорит он: «Бысть плач в граде, а

не радость, грех наших ради... В лепоту паче инех казними есмы. Се бо аз грешный и много и часто согрешаю во вся дни».

Опытом высокого успеха его в жизни духовной служит и то, что он участвовал (около 1088 г.) в молитвах, исцеливших обольщенного Никиту. В 1091 году ему поручил игумен Иоанн отыскать мощи прп. Феодосия, и это поручение выполнено им с полным усердием, которое и увенчалось успехом. «Истинно и верно расскажу вам, – так говорит он в описании мощей, – не от других слышал о том, а сам был совершителем дела. Пришел ко мне игумен Иоанн и сказал: «Пойдем в пещеру к Феодосию», и я пришел с игуменом, тогда как никто не знал; осмотрев, куда бросать землю, и, назначив место, где копать, кроме отверстия, игумен сказал мне: «Никому не сказывай из братии, чтобы никто не знал; возьми кого хочешь в помощь себе». Я уже приготовил в седьмой день заступы (рогалии), которыми надлежало копать. Во вторник вечером взял с собой двух братьев, а прочие не знали; пришел в пещеру и, пропев псалмы, начал копать. Утомясь, дал другому брату, и копали мы до полуночи; утомились, но не могли докопаться. Я начал скорбеть, не в сторону ли копаем мы. Взяв заступ (рогалию), начал я выше; друг мой отдыхал перед пещерой и сказал мне: «Ударили в било», а я в ту же минуту прокопал до мощей Феодосия. Он говорил мне: «Ударили в било», а я говорю ему: «Уже прокопал». Когда докопался я, то страх напал на меня, и я начал взывать: «Господи, помилуй!""». Рассказав о знамениях, которые в то же время видели другие, продолжает: «Когда докопался я, то послал сказать игумену: иди, и вынесем мощи. Игумен пришел с двумя братьями. Я же раскопал широко, и, войдя, увидели мы: лежит мощами, составы не рассыпались, волосы на голове присохли; мы положили их на мантию и вынесли перед пещерой». В летописи прп. Нестор упоминает о себе еще при описании события 1096 и 1106 гг.

Блаженная кончина его последовала по всей вероятности в 1114 г. Таким образом, если положим, что блж. Нестор поступил в обитель только за год до кончины прп. Феодосия († 1074 г.), тогда окажется, что он провел в Печерской обители 41 год, а умер 58 лет. Поликарп уже около 1226 г. писал архимандриту

Акиндину: «Если повелит твое преподобие, напишем для пользы тех, которые будут жить после нас, – по тому примеру, как блж. Нестор писал в летописе о преподобных отцах Дамиане, Иеремии, Матфее и Исааке». Ясно, что Нестора уже чтили тогда как мужа святой жизни. В рукописных святцах читаем: «Преподобный Нестор Летописец преставился октября в 27-й день». Мощи прп. Нестора Летописца почивают нетленными в пещере Антония.

Прп. Нестор глубоко ценил истинное знание, соединенное со смирением и покаянием. «Великая бывает польза от учения книжного, – говорил он, – книги наказуют и учат нас пути к покаянию, ибо от книжных слов обретаем мудрость и воздержание. В книгах непечатная глубина, ими утешаемся в печали, они узда воздержания. Если прилежно поищешь мудрости, то приобретешь великую пользу для своей души. Ибо тот, кто читает книги, беседует с Богом или святыми мужами».

Первое из его сочинений по времени было житие святых князей Бориса и Глеба, «чтение на пользу повиновения младших старшим». Оно писано с живым, благочестивым чувством, человеком, в котором проницательность ума и без пособия свидетелей угадывает историческую истину. Самая лучшая страница в этом сочинении – это начало повести, где после молитвы о просвещении сердца его говорит он о сотворении человека, о падении его, о распространении на земле идолопоклонства, о явлении Сына Божия на земле, о распространении Евангелия в мире и в России. «Между тем, как повсюду умножались христиане и идольские жертвенники были упраздняемы, страна Русская оставалась в прежней прелести идольской, потому что не слышала ни от кого слов о Господе нашем Иисусе Христе; не приходили к ним апостолы и никто не проповедовал им слова Божия».

В 80-х годах преподобный Нестор составил житие преподобного Феодосия Печерского. Это сочинение есть образец превосходного жизнеописания и по духу, и по слогу, и по изложению, есть драгоценнейший памятник нашей древней письменности. Преподобный в начале и в конце его говорит, что благоговейная любовь к преподобному Феодосию управляла им

в этом занятии. И точно, все говорит в этом сочинении, что оно написано любовью святою. Сочинение писано с целью, «чтобы будущие после нас черноризцы, читая житие его и увидев доблести мужа, прославили Бога, прославили и угодника Его и укрепились на подвиг, особенно тем, что в сей стране явился такой муж и угодник Божий». Несторово житие прп. Феодосия во все века служило самым назидательным чтением и для иноков, и для всех православных христиан. Оно драгоценно и для науки, как один из древнейших и самых достоверных источников истории.

Главным подвигом жизни преподобного Нестора было составление к 1112–1113 годам «Повести временных лет». «Се повести временных лет, откуда есть пошла земля Русская, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Русская земля стала есть» – так с первых строк определил цель своего труда преподобный Нестор. Летопись прп. Нестора писана столько же красноречиво, с одушевлением истинного благочестия, сколько с осмотрительностью, которая весьма дорожит правдой. О древних временах говорит она кратко, слухи и известия подвергает проверке. Необычайно широкий круг источников – предшествующие русские летописные своды и сказания, монастырские записи, византийские хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола, различные исторические сборники, рассказы 90-летнего старца-боярина Яна Вышатича, торговцев, воинов, путешественников, осмысленных с единой, строго церковной точки зрения, – позволил преподобному Нестору написать историю Руси как составную часть всемирной истории, истории спасения человеческого рода.

Инок-патриот излагает историю Русской Церкви в гласных моментах ее исторического становления. Он говорит о первом упоминании русского народа в церковных источниках – в 866 г., при святом патриархе Константинопольском Фотии; повествует о создании славянской грамоты святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием, о крещении святой равноапостольной Ольги в Константинополе. Летопись преподобного Нестора сохранила нам рассказ о первом прославленном храме в Киеве (под 945 г.), об исповедническом подвиге святых варягов-

мучеников (под 983 г.), о «испытании вер» святым равноапостольным Владимиром (под 986 г.) и Крещении Руси (988 г.). Без его летописи мы не знали бы и обстоятельств просвещения земли Русской святой верой. Святой князь Владимир может быть назван главным лицом летописи. Подвиги его изображены со всей подробностью и с живым одушевлением; обращение его к вере, крещение народа русского описаны так, как никем другим в древнее время. «Дух повествования в Несторовой летописи, – пишет архиепископ Филарет, – близок к библейским повествованиям; Нестор – благоговейный созерцатель невидимого Промысла Божия; от сказаний он переходит к нравственным размышлениям, не опускает из вида наставлений слова Божия; действующие лица говорят у него сами; характеры лиц не оставлены без внимания». Не оскорбим мы правды лишь тогда, когда скажем, что летопись Нестора столько же важна для гражданской, сколько для церковной истории, и что она по характеру своему не есть ни летопись церковная, ни летопись гражданская, а летопись народа русского, летопись его жизни в ее положениях самых важных. Поэтому с такой-то любовью читали ее во времена, и имя Нестора заменялось именем Летописца.

Первому русскому церковному историку обязаны мы сведениями о первых митрополитах Русской Церкви, о возникновении Печерской обители, о ее основателях и подвижниках. Время прп. Нестора было нелегким для Русской земли и Русской Церкви. Русь терзали княжеские междоусобицы, степные кочевники-половцы хищными набегами разоряли города и села, угоняли в рабство русских людей, сжигали храмы и обители. Преподобный Нестор был очевидцем разгрома Печерской обители в 1096 году. В летописи дано богословское осмысление отечественной истории. Духовная глубина, историческая верность и патриотизм «Повести временных лет» ставят ее в ряд высочайших творений мировой письменности.

Прп. Нестор завещал печерским инокам-летописцам продолжение своего великого труда. Его преемниками в летописании стали игумен Сильвестр, придавший современный

вид «Повести временных лет», игумен Моисей Выдубицкий, продливший ее до 1200 г., наконец, игумен Лаврентий, написавший в 1377 г. древнейший из дошедших до нас списков, сохранивших «Повесть» прп. Нестора («Лаврентьевскую летопись»). Наследником агиографической традиции печерского подвижника стал святитель Симон, епископ Владимирский († 1226; память 10/23 мая), писатель Киево-Печерского патерика. Рассказывая о событиях, связанных с жизнью святых угодников Божиих, святитель Симон нередко ссылается, среди других источников, на летописи преподобного Нестора. Память прп. Нестора Церковь чтит особо 27 октября/9 ноября, также вместе с Собором отцов, в Ближних пещерах почивающих, – 28 сентября/11 октября и во 2-ю Неделю Великого поста, когда празднуется Собор всех Киево-Печерских отцов.

Октябрь 28

Иов, Игумен Почаевский, преподобный – преставление

Вся столетняя подвижническая жизнь преподобного Иова прошла на далекой западной окраине русской земли, в королевстве Польско-Литовском, в тяжелые годы гонения на Православие и русскую народность со стороны иезуитов, униатов и протестантов.

Родиной преподобного Иова была юго-западная часть Галиции – Покутье.

Здесь около 1551 года у благочестивой, вероятно дворянской, супружеской четы по фамилии Железо родился сын, названный при святом крещении Иоанном. Проникнутые духом Христовой любви родители Иоанна внушили ее и своему сыну: в отрочке очень рано начала обнаруживаться склонность к тихой, уединенной иноческой жизни, решительное стремление всецело посвятить себя на служение Богу. На десятом году Иоанн, оставивши «любимых родителей», удаляется в Угорницкий монастырь и просит игумена «дозволить ему служить братии». Опытный в духовной жизни настоятель с любовью принял юного пришельца, провидя в нем избранника Божия, и поручил монастырскому еkkлесиарху научить его церковному послушанию.

Кротостью, смирением, стремлением «услужить каждому из наименьших монастырских работников» Иоанн приобрел всеобщую любовь и скоро был принят в число иноков; на втором году со дня вступления в монастырь и на двенадцатом от рождения игумен, с согласия всей братии, постриг Иоанна «за его добрые нравы» в иночество с именем Иова.

Приняв ангельский образ, преподобный Иов жил среди братии действительно как Ангел Божий и, несмотря на свою молодость, служил для всех примером добродетельной жизни. Поэтому как только подвижник достиг совершенных лет, игумен настоял, чтобы он принял священство, хотя преподобный, по своему смирению, и отказывался, считая себя недостойным столь великого сана. Спустя немного времени по

рукоположении во пресвитера преподобный Иов облекся в великий «серафимский образ», то есть в схиму, и снова получил данное ему при крещении имя Иоанна: сердце подвижника горело любовью к Богу, и он, подобно Серафимам, желал непрестанно славословить своего Создателя.

Но не может укрыться город, стоящий на верху горы (Мф. 5, 14). Слава о подвижнике начала распространяться по всем окрестностям обители, в пределах Галиции и Волыни, привлекая в Угорницкий монастырь множество желавших получить духовное наставление от преподобного; среди посетителей были простые и знатные, богатые и бедные. Тем более такой светильник благочестия, каким в то мрачное время являлся преподобный Иов, не мог утаиться от взора могущественного защитника Православной Церкви на Волыни, князя Константина Константиновича Острожского. В борьбе с врагами Православия Константин острожский особенно заботился о благоустройстве монастырей, находившихся в его владениях, и главное – о благочестивой жизни их иноков; поэтому князь усердно просил игумена Угорницкой обители, «да сотворит любовь Божию и пошлет сего блаженного трудолюбца» (преподобного Иова) в его Дубенский Крестный монастырь, где бы преподобный Иов показал инокам образ богоугодного жития; это было особенно необходимо тогда среди общей порчи нравов. Долго отказывался Угорницкий игумен, не желая лишать свою обитель великого подвижника, но, уступая настоятельным просьбам князя, он согласился. Благословив преподобного Иова на новое служение, игумен с печалью отпустил его в Дубенский монастырь.

Вскоре по прибытии сюда преподобного братия помимо его воли избрали его игуменом, и преподобный Иов управлял Дубенской обителью более двадцати лет. За это двадцатилетие была подготовлена и провозглашена церковная уния (в 1596 г. на Соборе в Бресте) со всеми ее печальными последствиями для Православной Церкви западного края – жестоким преследованиям верных чад ее в пределах Волыни, Подолии и Украины. Правда, сам преподобный Иов, находясь под покровительством близко стоявшего к Дубенской обители

могущественного князя острожского, может быть и не испытывал всех горьких последствий унии, но, весь проникнутый любовью ко Христу, он не мог безучастно относиться к бедствию, постигшему Православную Церковь, и деятельно выступил на ее защиту. Прежде всего преподобный Иов старался укрепить на пути евангельской жизни братию своего монастыря: свыше одаренный даром учительства, преподобный часто поучал иноков, подкрепляя словесные наставления живым примером – подвигами своей трудолюбивой жизни; и, без сомнения, Дубенская обитель в описываемое время могла быть поставлена наряду с теми лучшими монастырями, какие называет славный современник преподобного Иова, митрополит Киевский Петр Могила (1597–1647), доказывая, что «убогие православные монастыри» по жизни своих иноков стоят неизмеримо выше богатых униатских.

Затем, по примеру своего покровителя, князя острожского, преподобный Иов заботился о распространении духовных и церковно-богослужебных книг, ибо в то время они были едва ли не главным средством борьбы Православной юго-западной Церкви с католиками. Преподобный игумен собрал вокруг себя многочисленное братство, члены которого ревностно изучали Священное Писание и творения отцов Церкви, делали переводы святоотеческих творений на славянский язык. Избранные писцы переписывали лучшие книги под руководством подвижника для распространения их среди православных, причем и сам он «писанием книг церковных упражняшеся».

Слава о добродетельной жизни преподобного, о его деятельности по устройению обители и о подвигах на защиту Православия разнеслась по окрестным странам, и жители их начали собираться к блаженному игумену и докучать ему честью и похвалами. Но суетная слава от людей только смущала стремившегося к уединенной жизни подвижника Христова; желая иметь похвалу лишь от «Единого Тайнозрителя Бога», преподобный решил искать нового места для подвигов. Кроме этого, желанию преподобного Иова удалиться из Дубенской обители могли содействовать и некоторые поступки князя

острожского, которых преподобный не мог одобрить, хотя поступки эти и вытекали из благочестивых побуждений. Стремясь к умиротворению Церкви, князь острожский вступал иногда в столь близкие сношения с ее врагами, каких не мог одобрить строго-православный Дубенский игумен, горевший ревностью по Боге и чуждый политических расчетов. Не мог сочувствовать преподобный Иов, любящий уединенную скитскую жизнь, и мысли князя Константина острожского преобразовать все свои монастыри в общежительные: князь предпринял это преобразование в тех целях, чтобы строй монастырской жизни в его обителях не был ниже строя униатских монастырей, чтобы униаты и католики не оскорбляли православных иноков, живших без строгих уставов, называнием «зверьми дивиими».

Улучив удобное время, преподобный Иов около 1600 года тайно оставляет Дубенский монастырь и удаляется на соседнюю Почаевскую гору, «издревле светлостью чудес многих сияющую». Поселившись в пустынной Почаевской обители, он думал совершенно скрыться от людских взоров. Но Промысл Божий судил иначе: и в Почаевской обители преподобный Иов не нашел уединения, к которому стремилась его душа. В это самое время Почаевская обитель была преобразована. До того времени она была обителью отшельников-затворников: иноки спасались отдельно в горных пещерах, сходясь только для молитвы в храм Успения Божией Матери, стоявший под Почаевскою горою. Теперь же она делается общежительной.

В местечке Орле, близ Почаева, жила благочестивая православная помещица, вдова Анна Гойская. В 1559 году греческий митрополит Неофит в благодарность за гостеприимство подарил ей свою родовую икону Божией Матери. Знамения и чудеса, совершавшиеся от иконы, особенно исцеление слепого от рождения брата, побудили Гойскую передать образ Богоматери, как великую святыню, на Почаевскую гору, в церковь во имя Успения Богоматери «на вечное хранение». При этом Анна Гойская пожертвовала в стоявшую на ее земле и потому принадлежавшую ей Почаевскую обитель богатые угодья: поля, сенокосы, леса и

даже крестьян с тем, чтобы при церкви Успения содержалось на началах общежития восемь православных иноков доброй и набожной жизни. Переустройство обители из пустынной в общежительную потребовало от иноков избрания игумена. Подвижники Почаевские единодушно, со слезными увещаниями, избрали в игумена преподобного Иова: хотя он и скрывал звание свое, но не мог утаить от иноков своего благочестия и великих духовных дарований. «Тако бо, – замечает писатель жития преподобного Иова, ученик его Досифей, – по истине сицеваго стража зело подвижна и искусна изволи имети Пресвятая Дева Богородица Мария в Своей, небеси подобящейся, обители».

И по тому времени, действительно, нужен был муж, особенно сильный духом и твердый верою, чтобы стоять во главе Почаевской обители. Нужен был он как для устройства порядка в самой обители, только что превращенной в общежительную, так и для защиты Православия. Для того и для другого требовалось от преподобного Иова несравненно более забот и трудов, чем в предыдущие годы управления Дубенским монастырем. Враги Православной Церкви еще более усилились теперь и сосредоточили свою губительную деятельность главным образом на Волыни, уничтожая здесь православные храмы и монастыри; они до того стеснили православных, что последние принуждены были собираться на молитву под покровом ночи, но и тогда униатские власти разгоняли их. Между тем главные защитники Православия – князь Константин острожский и Гедеон Болобан, епископ Львовский, – померли один за другим, а с их смертью прекратили свою деятельность и лучшие училища на Волыни (Острожское и Львовское), служившие рассадниками поборников православной веры. Дворянство начало изменять Православию. Сын князя острожского Иоанн (Януш) склонился на сторону латинства, и пример его увлек многих из православной знати. К довершению несчастья, в 1612 г. умирает последний православный епископ Волынский Михаил Копыстенский, так что православные не знали, к кому теперь следует обращаться за рукоположением.

Искушенный в борьбе с врагами Православия еще за время своего двадцатилетнего управления Дубенской обителью, преподобный Иов и в настоящие, особенно тяжелые годы явился одним из главных защитников угнетаемой Церкви. Устройство обители, усиление ее просветительной деятельности при помощи типографии, личный пример истинно-христианской, подвижнической жизни, – вот те орудия, какие противопоставил преподобный насилиям врагов Православной Церкви.

Святостью своей жизни преподобный Иов невольно привлекал к себе сердца православных обывателей Волыни, особенно из ближайших окрестностей Почаевской обители. И некоторые богатые дворянские роды на Волыни, твердо державшиеся Православия, щедро жертвовали в его монастырь средства на помин души из любви к преподобному. Средства эти расходовались на украшение храмов Божиих в обители и на содержание иноков. При преподобном Иове увеличилось и число братии в Почаевской обители; естественно, что теперь многие поступали в нее, ибо желали проходить путь монашеской жизни под руководством столь опытного и славного своими подвигами игумена. Внешнее благоустройство обители, умножение числа иноков, молва о благочестии настоятеля вскоре сделали Почаевский монастырь предметом особенного внимания и почтения со стороны православных: из соседних областей стекалось множество богомольцев для поклонения чудотворному образу Богоматери. И малый деревянный храм монастыря скоро оказался тесен, почувствовалась нужда в новом, более обширном. Создание этого нового храма – одно из наиболее важных дел преподобного Иова по устройению обители. Средства на постройку были пожертвованы. Супруги-дворяне Домашевские, Феодор и Ева, пожелали на собственные средства построить на Почаевской горе новый каменный храм во имя Пресвятой Троицы с двумя приделами: в честь Благовещения Пресвятой Богородицы и святого мученика Феодора. Вероятно, по указанию преподобного Иова, храм был поставлен выше Успенского собора, так что в него вошла скала с цельбоносною стопою. Домашевские украсили новый храм «всеми потребами, приличествующими таковой церкви», и

пожертвовали большие денежные средства вместе с наследственными сокровищами из золотых, серебряных вещей и других драгоценностей с тем, чтобы игумен и братия постоянно молились за отпущение грехов их. Храм окончили постройкою и освятили в 1649 г. и тогда же перенесена была в него из Успенской церкви чудотворная икона Богоматери и поставлена в иконостасе над царскими вратами главного престола.

В своей деятельности, направленной к возвышению Почаевской обители, преподобный Иов встретился с новым врагом Православия, протестантизмом, в лице внука основательницы монастыря Анны Гойской Андрея Фирлея, к которому, после смерти Анны, перешли принадлежавшие ей имения. Как протестант, Фирлей не мог не относиться враждебно к православной обители и ее святыням, а как человек завистливый, не мог мириться с тем, что Гойская пожертвовала монастырю столько имений и доходов. И вот он задумал разрушить монастырь, чтобы все, что только было по благодати Божией на горе Почаевской чудесного, пришло в вечное забвение. Для этого Фирлей сначала отнял поля, леса и сенокосы монастырские; затем присвоил себе монастырских крестьян, портил разные материалы, раскопал пограничные знаки для уничтожения дарственной записи, ловил за монастырем иноков, бил их и тиранил. Наконец он запретил брать воду из колодцев местечка Почаева, а своего колодца в монастыре не было, так что дальнейшее пребывание иноков на Почаевской горе становилось невозможным. Тогда преподобный Иов, помолившись Пресвятой Богородице, велел рыть колодезь в самой обители, в горе, и на глубине 64 локтей нашли воду. Этот источник и доселе, при безводности лаврской местности, доставляет прохладу инокам и богомольцам. Озлобленный безуспешностью своих усилий повредить монастырю, Фирлей в октябре 1623 года приказал своим слугам, также лютеранам, как и сам он, разграбить монастырь и захватить образ Богоматери, «ибо, – думал он, – если возьму чудотворную икону, иноки не смогут оставаться на этом месте». В тот же день было произведено нападение, причем грабители похитили

не только украшения церковные, но и икону чудотворную. Отнесли ее в городок Козин, во двор Фирлея вместе с золотом, серебром, фелонями и серебряными подвесками, на которых изображены были чудеса от иконы Богоматери. После безуспешных кротких просьб возвратить похищенное и примириться с обителью, преподобный Иов, в течение долгих лет безропотно переносивший несправедливые притеснения и обиды, наконец в 1641 году обратился за защитой от своего лица и братии в Луцкий суд. Но главным образом он надеялся на помощь Божию и вместе с братией усердно молил Господа, чтобы Он вразумил святотатца. И особенно горячи были молитвы преподобного и иноков о возвращении неоценимого сокровища обители – чудотворной иконы. Господь услышал рабов Своих. Однажды Фирлей, «не ведая, что более делать», нарядил свою жену в священные одежды, дал ей в руки святую чашу, и она вместе с присутствовавшими начала хулить Пресвятую Богородицу. Злой дух тотчас же овладел обезумевшей женщиной, и страшные мучения ее прекратились только тогда, когда икона Божией Матери была возвращена обители. Таким образом, важнейшую свою драгоценность Почаевская обитель получила не по суду человеческому, а по суду Божию. Затем, благодаря неутомимой ревности преподобного Иова, Фирлей, несмотря на свое упорство в исполнении даже прямых решений суда в пользу Почаевской обители, все-таки в конце концов принужден был возвратить часть захваченных монастырских сокровищ и примириться с православными иноками. А дела о земельных угодьях были окончены уже по смерти преподобного Иова его преемниками с наследниками Фирлея.

По преданию, в Почаевской обители еще Анной Гойской была заведена типография, которую преподобный Иов застал в цветущем состоянии. Конечно, он с радостью воспользовался ею для распространения среди православных необходимых и полезных книг, имея при этом в виду главную нужду времени – борьбу с врагами Православия. Такая деятельность преподобного была тем более полезна, что остальные древние типографии Волыни уже прекратили свое существование:

оставалась только Почаевская. Одним из важнейших трудов, изданных по благословению преподобного Иова, является направленное против латинян сочинение Кирилла Транквилиона, впоследствии архимандрита Черниговского, «Зерцало Богословия», напечатанное в 1618 году. В Почаевской типографии кроме того печатались проскомидийные листы для рассылки в православные церкви, послания православных архиереев, разные молитвы.

Наконец, преподобный Иов не только издавал чужие книги, но и сам, как поборник Православия, «писанием книг церковных упражняшеся»; в своих книгах, при свете Христова учения, преподобный объясняет чистоту и истинность вероучений Православной Церкви по сравнению с церковью католической и, главным образом, различными протестантскими сектами.

Как одному из видных и всеми уважаемых членов православной Церкви, прп. Иову приходилось принимать непосредственное участие в особенно важных событиях церковно-общественной жизни своего времени. В 1628 году он присутствовал на Киевском Соборе западно-русских епископов, архимандритов и игуменов: Собор был созван Киевским митрополитом Иовом Борецким (1622–1631) по делу о Полоцком епископе Мелетии Смотрицком, отпавшем в унию. На Соборе Мелетий доставил православным великое утешение, раскаявшись в своем уклонении в унию, совершенном из боязни смертной казни; но, к сожалению, его раскаяние не было продолжительным.

16 августа Собор издал объявление, в котором отцы, присутствовавшие на Соборе, оповещали, что они твердо стоят в православной восточной вере, не мыслят об отступлении в унию, под клятвою обещаются бороться с нею и увещевать к тому весь народ православный. Среди подписавших это соборное объявление находится и имя «Иоанна Железо, игумена Почаевского».

Управляя обширную обителью, принимая участие в церковных делах своего времени, преподобный Иов в своей внутренней, скрытой от взоров людских жизни не оставлял любимых подвигов созерцания и уединения. Под схимнической

одеждой он всегда носил власяницу и тяжелые вериги. День посвящал труду, а ночь – молитве. Днем подвижник беспрестанно работал: сажал деревья, делал прививки, насыпал плотины, подавая братии пример трудолюбия. При этом с его уст не сходила молитва Иисусова: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя». Ночами преподобный любил уединяться для молитвы в глубокую каменную пещеру в Почаевской горе; со всех сторон обросшая лесом, она представляла надежное убежище для уединенной, безмолвной молитвы. В этой тесной пещере, немой свидетельнице подвигов преподобного, игумен Почаевский, затворившись, проводил в молитве по несколько суток, питаясь «только слезами, изливаемыми от чистого сердца». Угодник Божий с давних лет поставил на уступе скалы, вдавшемся в пещеру, лучший список с чудотворной Почаевской иконы Божией Матери: устремляя к ней свои духовные взоры, преподобный преклонял колена на жестком каменном полу и молился Владычице мира «о благосостоянии света, во зле лежащего». Однажды, когда преподобный Иов молился в пещере, вдруг озарил ее необычайный свет и более двух часов отражался из глубины пещеры на противоположащей церкви. Это небесное явление, венчавшее подвиги преподобного, возбудило такой страх в ученике его Досифее, удостоившемся быть свидетелем чудного явления, что он упал на землю. От «такового плоти измождения», а главное, от продолжительных стояний на молитве у преподобного Иова начали отекают ноги и тело кусками отпадало от костей, «о чем и до сего дне, – замечает Досифей, – свидетельствуют честные мощи нетленные, в раке лежащая».

Со всеми преподобный Иов обходился кротко и милостиво; никто не слышал от него резкого слова. Он вел себя, как последний между старшими, как самый грешный между праведными. Следующий случай может свидетельствовать ясно о незлобии и кротости подвижника. Проходя раз ночью через монастырское гумно, преподобный Иов застал человека, кравшего пшеницу. В испуге человек тот упал к ногам игумена, умоляя не разглашать о его поступке, чтобы доброе имя его не обесчестилось между соседями. Незлобивый старец не только

не укорил ни единым словом кравшего, но еще сам поднял на его плечи мешок с пшеницей, наставляя смиренномудрыми словами впредь не совершать ничего подобного, «и приводя ему в ум заповеди Божии и нелицемерный суд, на котором надобно будет во всем отдать отчет Господу». Затем с миром отпустил его.

Благочестивая жизнь преподобного Иова, его любящая, кроткая душа привлекали к нему и здесь, в Почаеве, как прежде в Дубенской обители, многих почитателей: одни из них вверяли свою совесть и душу его опытному руководству – делали его своим духовником, другие обращались к нему за помощью в трудных обстоятельствах жизни и всегда находили утешение в бедах и защиту в напастях. Во время войны Хмельницкого с Польшей, когда, вследствие неприятельских нападений, мало иноков было в обители и из мирян только немногие приходили на гору Почаевскую, преподобный Иов открыл у себя убежище для всех соседних обывателей. Из числа таких был пан Жабокрицкий. С трогательною простотою названный пан рассказывает в своем завещании о том радушном приеме, какой при тогдашнем бедствии оказал ему преподобный Иов. Жабокрицкий «не мог иметь при себе не только приятеля, но и собственных деток, разбежавшихся по разным местам». В эту тяжелую минуту «отец Иоанн Железо, игумен Почаевский, принять изволил как его, так и сына его младшего», и их обоих «достаточками своими содержал». В конце завещания благодарный пан просит похоронить его в Почаевской обители и дарует ей небольшой вклад на помин души.

Неустанно украшаясь подвигами благочестия и неусыпно стоя на страже Православия, преподобный Иов управлял Почаевской обителью до 1649 года, когда ему исполнилось 98 лет. Удрученный трудами и обремененный годами, теперь преподобный начал заботиться о достойном преемнике. В то время мрачные тучи, висевшие над Православной Церковью, сгущались все более и более: многие православные из дворян уклонились в латинство; почти все древнейшие православные монастыри и храмы на Волыни были разрушены. Поэтому преподобный Иов мог опасаться, как бы и его обитель,

остававшаяся почти единственным оплотом Православия в пределах Волынской земли, не сделалась достоянием униатов. Опасаясь этого, преподобный пожелал избрать себе преемника при своей жизни и действительно избрал иеромонаха Самуила Добрянского. Когда избрание состоялось, то все, принимавшие участие в исполнении воли преподобного Иова, скрепили его особым актом за подписями.

21 октября 1661 года преподобный Иов имел откровение свыше, что через семь дней он умрет, о чем и сказал тогда братии. И действительно, 28 октября, совершив последнюю литургию, святой старец, имевший 100 лет от роду, простился со скорбящей братией и в тот самый час, который предсказал, мирно перешел от сей временной жизни к вечному блаженству.

Братия, опрятавши трудолюбное тело святого, иссохшее от поста и трудов, и отпевши его по чину Православной Церкви, с великой скорбью и слезами предали его земли.

Только семь лет тело преподобного Иова находилось в земле, причем над могилою его весьма часто являлся необычайный свет. Наконец, в 1659 году в одну ночь преподобный в сонном видении явился Киевскому митрополиту Дионисию Болобану (1657–1663), говоря: «Известую твоему преосвященству, яко тобою хочет Бог открыть кости моя».

Митрополит узнал старца, так как еще при жизни хорошо знал образ лица и богоугодное житие его, но счел видение за обыкновенный сон. Спустя некоторое время оно повторилось еще. Угодник Божий, «не давая покоя митрополиту», явился и в третий раз, «уже отмщением грозя ему, если не исполнит повеленного». После этого митрополит Дионисий уразумел, что видение – дело Божия Промысла, и, нимало не медля, со всем клиром своим в то же утро отправился в Почаевскую обитель. Здесь, на месте, «изведав благия дела преподобного, Богу угодныя», митрополит велел открыть гроб, в котором и обрели святые мощи, «без всякаго изменения, как бы в тот час погребенныя и исполненныя неизреченнаго благоухания». При многочисленном стечении народа митрополит с подобающей честью 28 августа 1659 года перенес останки святого в церковь

Живоначалной Троицы и поставил в притвор, по древнему обычаю. Торжество это сопровождалось множеством чудес.

И в последующее время, по молитвам Своего угодника, преподобного Иова, Господь являл многочисленные чудеса и знамения. Из них упомянем здесь только те, в которых с особенной силою проявлялись всемогущество и милосердие Божие.

Через несколько дней по открытии мощей преподобного Иова, перед самым праздником Воздвижения Честного Креста, игумен Почаевский Досифей заболел «огнем презельным», так что утратилась надежда на его выздоровление. Тогда же на праздник прибыла в Почаев благотворительница обители Домашевская. В полночь она услышала из своей келлии, где проводила ночь, необыкновенное пение, выходившее из храма, а в окнах его увидела необычайный свет. Думая, что это иноки совершают всенощное бдение, Домашевская послала свою прислугу Анну разузнать, действительно ли это так. Анна нашла церковные двери отворенными и вошла в храм. Здесь она увидела тот же необычайный свет, а в нем среди двух светлых юношей преподобного Иова, совершающего молитву. В страхе Анна остановилась, но преподобный, обратившись к ней, сказал: «Не бойся, девушка, пойдя и позови ко мне игумена обители». – «Он лежит на смертном одре», – отвечала Анна. Преподобный дал ей шелковый платок, омоченный в миро, и велел отнести к больному. Подойдя к двери, ведущей в келлию игумена, Анна от имени преподобного Иова стала звать его в храм. Больной сначала принял это за мечту, но потом, оградив себя крестным знамением, наложил на себя плат, данный преподобным и, почувствовав выздоровление, пошел в храм. Небесное явление уже прекратилось, и ектесиахр отпирал церковные двери для утрени. Увидев настоятеля, он изумился и сказал: «Что это, отче всечестнейший? Ради великой болезни твоей я не пошел к тебе и за благословением, а вот ты здоров и спешишь на утреннее пение». – «Спешу, – отвечал игумен, – исполняя повеление блаженного отца нашего Иова, который, исцеливши меня, немедленно повелел мне идти в церковь».

И как только еkkлесиарх отпер двери, Досифей вошел в храм и припал с благодарною, горячею молитвою к раке чудотворца.

Сама обитель Почаевская в 1675 году заступлением Богородицы, по молитвам преподобного Иова, была избавлена от разорения татарского. Это случилось во время Збаражской войны Польши с Турцией. Полчища татар, союзников турок, обложили обитель с трех сторон, угрожая ей совершенным разрушением. В такой беде игумен обители Иосиф убедил братию и мирян, затворившихся в стенах монастыря, обратиться к единственной Заступнице Божией Матери и преподобному Иову, и все «непрестанно молились Богу, теплые слезы от очей проливая и припадая к образу Пресвятыя Богородицы и к раке блаженного Иова». На третий день осады татары решили овладеть монастырем. Игумен велел петь акафист Божией Матери, и только что начали первый кондак «Взбранной Воеводе», как над церковью Пресвятой Троицы явилась, «омофор бело-блестящийся распуская», Богоматерь с Ангелами, имеющими обнаженные мечи; близ Нее находился преподобный Иов, который, кланяясь Пречистой Деве, молил не предавать татарам монастыря, где он был игуменом. Татары приняли явление за привидение и пустили целую тучу стрел в Богородицу и угодника Божия, но стрелы, возвращаясь назад, ранили их же самих. Неприятели пришли в ужас и, бросая оружие, побежали от Почаевской обители. Православные же, ободренные небесным заступлением, погнались за татарами, взяли много пленных, из которых некоторые потом приняли христианство.

В 1711 году пришел в Почаевскую обитель пан Каменский с двумя братьями, и все трое молились в монастырском храме. Один из братьев, Владислав, усомнился в святости мощей преподобного Иова и помышлял, что иноки прославили его ради корыстных видов. За это он был наказан: в следующую же ночь явился ему во сне грозный старец, и Владислав проснулся и вопил, говоря своему брату: «Или ты не видишь страшного старца с палицей, грозящего мне, чтобы не смел я говорить

хульно о святом? Спасите меня из рук блаженного Иова Железа».

На другой день братья помолились пред ракою преподобного о прощении греха и с клятвой засвидетельствовали пред игуменом явление преподобного. Прошло 20 лет после того; пришел в Почаевскую лавру один из Каменских и, спросив, записано ли чудо в книге жития преподобного Иова, снова повторил, что чудотворец наказал его брата за хульные мысли.

Верная заветам преподобного Иова обитель Почаевская и после его смерти была твердым оплотом Православия, но в 1720 году перешла в руки униатов. Униаты, не почитая преподобного Иова, скоро закрыли мощи его, прекратив в первое время почти всякий доступ к ним. Но угодник Божий не переставал являть свою силу и врагам Православия, и чудеса его засвидетельствованы самими униатами.

В 1737 году помещица Понтовская с семейством и слугами пришла в Почаевскую обитель. Когда прибывшие вошли в храм, где покоятся мощи прп. Иова, старший сын Понтовской, мальчик десяти лет, спросил еkkлесиарха: «Где почивает Иов Железо, о котором говорят, что он не святой?» «Кто же это говорил тебе, что он не святой?» – возразил еkkлесиарх. Мальчик указал на слуг, а затем все подошли к раке преподобного и, не воздав никакой чести мощам его, хотели уйти. Вдруг мальчик, «зле глаголавший о блаженном», оцепенел, руки его скорчило; у него отнялся при этом язык и все тело одеревенело. В ужасе мать и слуги вынесли мальчика из храма и насилу привели его в чувство, окропив его водою из цельбоносной стопы и вливши ее немного ему в рот, и таким образом в дом свой принесли еле живого. А между тем многие, приходившие с верою, получали у раки преподобного исцеления. Вследствие этого сами униаты стали с уважением относиться к памяти прп. Иова, признали его святость, нетление его мощей, начали ставить свечи пред его гробом и даже совершать тайком молебны. Во второй половине XVIII века они даже хлопотали пред римским папой Климентом XIV (1769–1774) о признании святым преподобного Иова, но

папа не решился объявить святым ревностного защитника Православия.

В 1831 году Почаевская обитель по высочайшему повелению императора Николая Павловича, после более чем векового пребывания в руках униатов, была возвращена православным. А через два года, 28 августа, мощи прп. Иова были торжественно открыты для всеобщего поклонения. В 1858 году было постановлено день преставления прп. Иова – 28 октября – праздновать местно, «наравне со всеми остальными важнейшими праздниками (на Волыни)».

Так прославил Господь угодника Своего, преподобного Иова Почаевского.

Неофит, священномученик, епископ Урбнисский

Священномученик Неофит, епископ Урбнисский, бывший персидский военачальник Омар, участвовал в походе султана Ахмета, вторгшегося в Грузию. Подъезжая к Шиомгвимской обители с передовым отрядом, Омар, по Промыслу Божию, увидел духовными очами сонм Ангелов над обителью и посреди них старца – святого Шио. Пораженный красотой Шиомгвимского монастыря, Омар не тронул обители, а унес с собой желание самому стать ее иноком.

Через некоторое время он, действительно, вернулся в Шиомгвимский монастырь с двумя верными своими слугами. Здесь он принял святое крещение и постригся с именем Неофит, что значит «новообращенный», а его слуги были названы в христианстве Христодулом и Христофором.

С этого времени начал святой Неофит ревностную подвижническую жизнь и стяжал много Божиих дарований. Он стал настоятелем обители, и слава о его равноангельской жизни разнеслась по всей Грузии. Католикос Силуан IV (582–591) вызвал его из обители и возвел на Урбнисскую кафедру.

Новопоставленный епископ с апостольской ревностью стал распространять христианскую веру среди язычников и огнепоклонников, искореняя их ложные учения. Тогда они решили умертвить врага их религии. Зная, что преосвященный Неофит ежедневно ходит в кафедральный свой храм, посвященный первомученику Стефану, и слыша нередко повествования о смерти святого архидиакона, побитого от иудеев камнями, они ворвались в его дом. Застав епископа на молитве, язычники схватили его, выволокли вон и предали мучительной смерти через побиение камнями. Это произошло в 587 году.

Спустя некоторое время тело святого было перенесено в Шиомгвимский монастырь и положено под престолом соборного храма.

Бывшие его слуги Христодул и Христофор высокими иноческими подвигами прославились в означенной обители, а

Христофор, достигший глубокой старости, был настоятелем обители (после игумена Илариона). Он был пятым игуменом после св. Шио (см. 9/22 мая), которого преемниками были: Евагрий, Неофит (впоследствии Урбнисский епископ); Иларион и Христофор.

Грузинская Церковь празднует память священномученика Неофита, епископа Урбнисского, 28 октября/10 ноября.

Димитрий, святитель, митрополит Ростовский

В том же году, как скончался дивный подвижник юга прп. Иов Почаевский, в южном местечке Макарове у благочестивого сотника Саввы Григорьевича Тупталы в декабре 1651 г. родился сын Даниил, который в свое время, еще в земной жизни, явился великим светильником не для одного юга, но и для всей России. Чудное Промышление Божие о Церкви Русской!

Отец был постоянно отвлекаем от дома военными занятиями, и отрок воспитывался преимущественно под влиянием добродетельной матери, возрастая в страхе Божиим и благочестии.

Начальное образование Даниил получил дома. Родители обучили его читать, и когда исполнилось Даниилу 11 лет от роду, отправили его в Киевское Братское при Богоявленском монастыре училище, или Киево-Могилянскую коллегию (ныне Киевская академия). Вступив в училище, Даниил, благодаря отличным способностям и пламенному усердию в занятиях, скоро стал преуспевать в науках и превзошел всех сверстников. Он успешно изучил греческий и латинский языки и ряд классических наук. В классах риторики он обратил на себя особенное внимание искусством стихотворства и витийства. Даниил в совершенстве изучил те приемы и обороты речи, которые невольно поражали потом слушателей его поучений, и приобрел ту энергию и необходимую силу убеждения, которые проявились впоследствии в борьбе с раскольниками.

Но, успевая в науке, Даниил в то же время отличался и замечательным благонравием и рано обнаружил склонность к жизни созерцательной и подвижнической. Он не принимал никакого участия в детских играх и избегал всяких утех и увеселений. Свободное от школьных занятий время он проводил в чтении Священного Писания, творений и житий святых мужей и в молитве. С особенным рвением посещал он храм Божий, где благоговейно возносил свои усердные молитвы к Господу.

Когда училище во время войны было расстроено и два года (1666–1667) совсем не преподавали в нем учения, Даниил не мог окончить курса и должен был прекратить свои научные занятия, пробыв в школе всего три года.

С отроческих лет питая склонность к жизни иноческой, Даниил вскоре по выходе из училища оставил мир сей со всеми его благами. Испросив благословения своих родителей, он на восемнадцатом году своей жизни поселился в Кирилловском монастыре, где отец его был ктиторм. Савва Григорьевич отличался живой любовью к благочестию. Посвящая милого сына на служение Господу, он построил в обители трапезный храм в честь вмч. Димитрия – Ангелу сына-инока. Три дочери его, сестры Даниила Саввича, были одна за другою игумениями Иорданской женской обители, и самая эта обитель устроена заботливостью боголюбивого Саввы Григорьевича. Мать († 1693) и отец († 1703) похоронены в храме Кирилловского монастыря.

Игумен монастыря Мелетий Дзик давно уже знал Даниила, так как раньше был ректором Киевского училища. 9 июля 1668 года он совершил пострижение Даниила в иночество и нарек его Димитрием. Новопостриженный инок всецело поручил себя воле в Промыслу Божию. Строго и неуклонно стал он соблюдать все монастырские правила и ревностно в смирении и послушании проходил иноческие подвиги. Всеми силами старался подражать в добродетелях преподобным Антонию и Феодосию и прочим Печерским подвижникам.

Не прошло и года после пострижения Димитрия, как, по просьбе настоятеля, он был посвящен в сан иеродиакона. Это посвящение совершено было в день Благовещения Пресвятой Богородицы в 1669 году в Каневе митрополитом Иосифом Тукальским. Келейная молитва, строгий пост, неуклонное посещение храма Божия, чтение книг были его занятиями, которыми очищалась и просвещалась душа его. Игумен обители о. Мелетий (Дзик), бывший ректор его по коллегии, любил его, как сына, и в обители dokonчил научное образование его.

В 1675 г. Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский и блюститель митрополии, по ходатайству доброго игумена

посвятил Димитрия в иеромонаха и, узнав дарования его, оставил при кафедре своей в должности проповедника. «И был, – замечает св. Димитрий, – при его преосвященстве проповедником довольное время». Проповедь его была весьма плодотворна для его поучения, потому что слова его были от души, от искреннего сердца, горящего любовью к Богу и ближним. И тем сильнее поучения его действовали на слушателей, что его святая жизнь была подтверждением тому, чему он учил других...

Понуждаемый благочестивым усердием, он отправился в Новодворский монастырь для поклонения чудотворной иконе Богоматери и был в Виленском монастыре Св. Духа. Белорусский епископ Феодосий приглашал его в Слуцк; здесь в Братском Преображенском монастыре, пользуясь любовью ктитора Иоанна Скочкевича, более года проповедовал он слово Божие. Из Слуцка отлучался он не один раз для поклонения разным святыням Православия. Почтив надгробным словом Скочкевича, св. Димитрий в 1679 возвратился на Украину, где гетман «принял его весьма милостиво и благодетельно», как говорит он сам. В Купицком Николаевском монастыре проводил он время в молитве, а в праздничные дни проповедовал в Батурине, по желанию благочестивого Самойловича. В следующем году приглашали его на игуменство в Кирилловский монастырь; он же отказался, конечно потому, что сам опасался обители, где могли беспокоить его родные, да и полюбивший его гетман не хотел с ним расставаться. В 1681 г. предложили ему игуменство Максаковской обители, и он с письмом гетмана явился к архиепископу Лазарю Барановичу. «Не читая письма, сказываю: да благословит вас Господь Бог не только игуменством, но по имени Димитрия желаю вам митры; Димитрий да получит митру», – так говорил умный архипастырь при встрече с Димитрием, радуясь за паству свою, которая будет иметь такого редкого игумена. Он благословил его своим посохом. Вступив в управление обителью, святой Димитрий нисколько не изменил прежней своей строго-иноческой жизни. Подвизаясь по-прежнему в бдениях, молитве и добрых делах, он всем подавал пример христианского смирения. Всегда помня

слова Господа: *Иже аще хочет в вас вящий быти, да будет вам слуга* (Мф. 20, 26), он так жил сам, так жить учил и других, служа для всех образцом веры и благочестия. Несомненно, что такие игумены – слава и украшение для управляемых ими обителей. Вот почему святой Димитрий ни в одной обители долго не оставался, и был, как увидим, перемещаем из одного монастыря в другой.

Не долго максакские иноки назидались словом и святою жизнью Димитрия. 1 марта 1682 года он был назначен в Николаевский Батуринский монастырь. Но от этого монастыря сам он вскоре отказался. Он жаждал тихого и безмолвного жития, чтобы беспрепятственно предаться богомыслию, молитве и другим богоугодным занятиям. Посему на другой же год своего игуменства в Батурине, в день своего Ангела, 26 октября 1683 года, он сложил с себя управление обителью, оставшись в ней простым иноком. Вскоре, однако, Промыслом Божиим святой Димитрий призван был к великому делу составления Миней-Четых, которыми он принес величайшую пользу всему народу русскому.

В 1684 году архимандритом Киево-Печерской лавры был назначен Варлаам Ясинский (впоследствии Киевский митрополит), который, зная духовную настроенность своего бывшего ученика, его образованность, склонность к научному труду, а также большие литературные дарования, поручил иеромонаху Димитрию составление Четых-Миней (Житий святых) на весь год.

Составление Четых-Миней требовало от иеромонаха Димитрия величайшего напряжения сил. Этим многолетним трудом (20 лет), над которым потерял и здоровье, свт. Димитрий принес величайшую услугу всей Российской Церкви. Предки наши искони любили чтение житий святых Божиих; их подвиги и страдания ради имени Христова, явления силы Божией, действовавшей в преподобных и мучениках, всегда служили средством к возбуждению, одушевлению и утверждению чад Божиих в подвигах благочестия; поэтому распространение сведений о жизни святых Божиих всегда считалось одной из первых потребностей в Православной

Церкви, для чего издавна переводили отдельные жизнеописания святых с греческого языка и вновь составлялись жития святых Русской Церкви. На севере России (в Новгороде) архиепископ Макарий (впоследствии Московский митрополит; † 1563 г.) собирал «все книги чтимая, которая в русской земле обретаются» и составил «Великия Четыи Минеи», но на юге России, со времен Батыева разорения, не было сборников житий святых, в чем для благочестивых малороссов чувствовалась настоятельная потребность (а также и в видах ограждения православных от польских легенд и католических сказаний о святых, не всегда согласных с духом Православия).

Еще Киевский митрополит Петр Могила († 1647 г.) имел намерение издать жития святых на славяно-русском языке и выписал с Афона жития святых, составленные Симеоном Метафрастом, но ранняя смерть воспрепятствовала ему совершить это благое дело. Ректор Киевской академии архимандрит Иннокентий Гизель приступил уже к этому труду и в дополнение Метафрастовым житиям святых испросил у Московского патриарха Иоакима Великие Четыи-Минеи митрополита Макария; но и ему, по причине военных смут, не суждено было совершить начатое. Киевский митрополит Варлаам, сознавая важность составления житий святых и не решаясь взять этот труд на себя, поручил оный св. Димитрию.

Устрашенный тяжестью возлагаемого на него труда, смиренный подвижник старался отклонить его от себя. Но, страшась греха непослушания и хорошо сознавая сам нужды Церкви, он предпочел покориться настоятельным требованиям Варлаама. Возлагая надежду на помощь Божию и на молитвы Пречистой Богоматери и всех святых, Димитрий в июне 1684 года приступил к новому своему подвигу и с великим тщанием начал проходить возложенное на него послушание. Он обратился к широкому кругу источников, занимался исследованием и анализом их, закладывая тем самым фундамент отечественной научной агиографии. Душа его, наполненная образами святых, жизнеописанием коих он занимался, сподоблялась духовных видений во сне, которые укрепляли его на пути к высшему совершенству духовному и

ободряли его в великих трудах. В своем «Диаре» он записал два особенно замечательных сновидения (10 августа 1685 г. о видении им св. вмц. Варвары, в ноябре 1685 г. мч. Ореста – 13 декабря, – пополнявшего сведения о своих страданиях за имя Христово).

Считая издание житий святых первостепенной задачей, иеромонах Димитрий одновременно строго исполнял другие церковные послушания, являясь поочередно настоятелем нескольких монастырей. Прошло с лишком два года, как св. Димитрий сложил с себя игуменство и в уединенной келлии совершал свой великий труд. Случилось быть ему с архимандритом Ваарлаамом в Батурине. С радостью встретили его гетман и новый митрополит Гедеон и стали убеждать снова принять на себя управление Николаевской обителью. Долго Димитрий отказывался от сего, но, наконец, должен был уступить усердным просьбам и 9 февраля 1686 г. переселился в Батурин.

Но, оставив Киевскую лавру, святой Димитрий не оставил своего дела. С тем же усердием, как и в лавре, он продолжал составлять Жития святых, и здесь окончил первую четверть Миней-Четых, заключающую в себе три месяца – сентябрь, октябрь и ноябрь.

Труд свой святой Димитрий представил архимандриту Варлааму. Прочитав и рассмотрев рукопись вместе с соборными старцами и другими благоразумными мужами, Варлаам решил приступить к печатанию Житий святых.

Святой Димитрий прибыл из Батурина в лавру, и под его личным наблюдением в 1689 г. была напечатана первая книга Миней-Четых.

Между тем из Москвы поднялись тревоги на Малороссийскую Церковь по поводу спора о святой Евхаристии. Эти тревоги не прошли без неприятностей для занятий св. Димитрия житиями святых. Патриарх Иоаким, не доверяя Православию малороссийских ученых, как состоявших под влиянием Запада, вытребовал в Москву Четьи-Минеи Макария и в грамоте выражал сильное неудовольствие за печатание первой части Миней без его рассмотрения, указав притом на

несколько ошибок в печатном ее издании. В половине 1689 г. св. Димитрий был сам в Москве с новым гетманом. Они были представлены царю Иоанну Алексеевичу и царевне Софии. В тот же день святой Димитрий представился патриарху Иоакиму. Спустя месяц после своего приезда святой Димитрий вместе с гетманом были в Троице-Сергиевой лавре. Здесь тогда жил царь Петр Алексеевич, скрывавшийся от покушений царицы Софии. Он милостиво принял Димитрия. В лавре же Димитрий имел случай видеть патриарха. «Мы посещали его часто, – говорит сам святой, – он благословил мне, грешному, продолжать писания Житий святых и дал на благословение мне образ Пресвятой Богородицы в окладе».

По возвращении из Москвы св. Димитрий усердно продолжал заниматься благочестивым трудом своим, и замеченные в первой части недосмотры заставили его только удвоить осторожность. Чтобы иметь более свободы для труда своего, он начал жить в ските близ церкви св. Николая Крупицкого. Новый Московский патриарх Адриан прислал от 3 октября 1690 г. похвальную грамоту Димитрию. «Сам Бог, – писал патриарх, – воздаст ти, брате, всяцем благословением благостынным, написуя тя в книге живота вечного, за твои богоугодные труды в писании, исправлении же и типом издании книги душеполезных Жития святых на три месяца первые. Той же и впредь да благословит, укрепят и поспешит потрудяться тебе даже на всецелый год и прочия таковыя же Жития святых книги исправить совершенно и типом изобразить».

В ответ на это послание св. Димитрий с чувством смирения излил благодарность доброму пастырю Церкви за его внимание к труду для святых и просил прислать взятые у него Минеи Макария. Получив Минеи на весь год, св. Димитрий заключился в новой келлии скита и отказался от управления монастырем Батуриным. Живя в уединенной своей келлии, он составил вторую книгу, заключающую в себе три месяца – декабрь, январь и февраль, и 9 мая 1693 г. сам привез ее в Киево-Печерскую типографию.

Но как ни стремился трудолюбивый инок к тихой и уединенной жизни, люди, ценившие его высокие душевные

качества, не давали ему покоя. Так, пока святой Димитрий наблюдал за печатанием своего труда, новый архиепископ Черниговский, святой Феодосий Углицкий, убедил его принять на себя управление Петропавловской обители, в 27 верстах от города Глухова. Во время пребывания его в сем монастыре, в январе 1695 года, окончено было печатание второй четверти Четых-Миней. И за эту книгу патриарх Адриан удостоил Димитрия таких же похвал, как и за первую, прислав ему другую одобрительную грамоту. Это побудило Димитрия усердно продолжать свой труд, и он начал готовить третью книгу, заключающую в себе месяцы март, апрель и май.

В начале 1697 года святой Димитрий был назначен настоятелем Киевского Кириллова монастыря, а через пять месяцев после сего, 20 июня, его посвятили в архимандрита Черниговского Елецкого Успенского монастыря. Так исполнилось, наконец, благожелание Лазаря Барановича: Димитрий получил митру. Но, возведенный в сан архимандрита, святой Димитрий, памятуя слова Писания: *Ему же дано будет много, много и взыщется от него* (Лк. 12, 48), предался своим трудам и подвигам еще с большим рвением и усердием. Не оставляя занятий Житиями святых, он не забывал и монастырского благоустройства и всюду помогал советом и рассуждением, словом и делом.

Прошло еще два года, и святой Димитрий был переведен в Спасский Новгород-Северский монастырь. Это был последний монастырь, коим он управлял. Здесь он окончил третью четверть Миней-Четых, которая и была напечатана в январе 1700 года. После сего архимандрит лавры Иоасаф Кроюковский с братией, в знак особенного уважения к составителю Житий святых, прислал ему в дар икону Пресвятой Богородицы, пожалованную царем Алексеем Михайловичем Киевскому митрополиту Петру Могиле во время венчания своего на царство.

В 1700 году указом Петра I архимандрит Димитрий был вызван в Москву, где 23 марта в успенском соборе Кремля хиротонисан на Сибирскую кафедру в г. Тобольск. Высокой честью украсили смиренного Димитрия, но она была ему не по

сердцу. Сибирь – страна суровая и холодная; а здоровье святого Димитрия было слабое, расстроенное непрестанными занятиями. Сибирь – страна далекая, а у святого Димитрия было близкое сердцу занятие, которое начал он в Киеве и мог продолжать только там, или близ тех мест, где сосредотачивалось тогда просвещение, а не в глухой и далекой Сибири. Все это так беспокоило его, что он слег в постель. Сам государь посетил больного и, узнав причину его болезни, успокоил его и дозволил остаться на время в Москве, в ожидании ближайшей епархии. Вакансия на такую епархию вскоре открылась: скончался Ростовский митрополит Иоасаф, и святой Димитрий 4 января 1702 года был назначен его преемником.

В Ростов святой Димитрий прибыл 1 марта, во вторую неделю Великого поста. Вступив в город, он прежде всего посетил Спасо-Яковлевскую обитель. Войдя в собор Зачатия Божией Матери, где почивают мощи святителя Иакова Ростовского, новый архипастырь совершил обычное моление и в то же самое время, узнав по особенному откровению свыше, что в Ростове суждено ему окончить свою многотрудную и многоплодную жизнь, назначил для себя могилу в правом углу собора и сказал окружающим: «Се покой мой: здесь вселюся во век века».

Совершив после сего в Успенском кафедральном соборе Божественную литургию, святитель произнес новой своей пастве красноречивое и трогательное слово, где изложил взаимные обязанности пастыря и паствы. «Да не смущается, – говорил святитель, – сердце ваше о моем к вам пришествии: дверьми бо внидох, а не прелазяй инуде; не исках, но поискан есмь, и не ведах вас, ниже вы мене ведаете, судьбы же Господни бездна многа; тыя мя послаша к вам, аз же приидох, не да послужите ми, но да послужу вам, по словеси Господню: хотяй быти в вас первый, да будет всем слуга».

Вступив в управление Ростовской митрополией, свт. Димитрий нашел в ней великие нестроения. С ревностью Илии он предался неусыпным заботам о благоустроении церковном и спасении душ человеческих. Как истинный пастырь, следуя

словам Евангелия: *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5, 16), святитель сам во всем являлся образцом благочестия.

Семилетнее пребывание свт. Димитрия на митрополии ознаменовалось непрерывными заботами его о благе вверенной ему паствы и трудами, которых польза простиралась на всю Русскую Церковь. Святитель нашел свое духовенство (в сравнении с малороссийским) в жалком положении: не было училищ для приготовления кандидатов священства, к принятию священнического сана являлись малоподготовленными – между духовенством замечено было много нравственных недостатков и беспорядков в исполнении священнических обязанностей. Св. Димитрий немедленно составил и разослал два окружных послания к епархиальному духовенству. В первом обличал невежество и нерадение их относительно тайны исповеди. Во втором подверг рассмотрению небрежность и грубые мнения о таинстве Евхаристии. Чтобы приготовить сколько-нибудь достойных служителей алтаря Божия, завел при архиерейском доме училища из трех классов; часто посещал сам классы, следил за успехами учеников, предлагал вопросы и возбуждал любовь к святым истинам; иногда сам исправлял должность учителя, в другое время способным объяснял Священное Писание. Святитель Божий служил образцом ревности к высокому долгу пастыря. Во все воскресные и праздничные дни совершал он служение и редко без проповедания слова Божия.

Как, однако, ни был обременен святитель многочисленными заботами и делами, он и в новом своем служении не оставлял своего труда над Житиями святых. Прошло почти три года, как прибыл св. Димитрий в Ростов, и в летопись Ростовских архиереев, находящуюся при соборе Ростовском, внесена была следующая запись об окончании этого великого труда святителем Димитрием: «В лето от воплощения Бога Слова 1705, месяца февраля, в девятый день, на память святого мученика Никифора, сказуемаго победоносца, в отдание праздника Сретения Господня, изрекшу святому Симеону Богоприимцу свое моление: «Ныне отпускаеши раба Твоего,

Владыко», в день страданий Господних пятничный, в оньже на кресте рече Христос: «Совершишася», пред субботою поминовения усопших и пред неделей Страшного суда, помощью Божиею и Пречистыя Богоматере, и всех святых молитвами, месяц август написася. Аминь».

В сентябре того же года эта последняя книга, заключающая в себе месяцы июнь, июль и август, была отпечатана в Киево-Печерской лавре. Так закончено было великое дело составления Миней-Четых, потребовавшее от святителя более чем двадцатилетних напряженных трудов.

Но святому Димитрию предлежал в Ростовской пастве другой важный подвиг. Там было в то время множество раскольников, главные учителя которых, укрываясь в Брынских лесах, через потаенных своих проповедников всюду рассевали свое зловерное учение. Попечительный архипастырь написал для своей паствы рассуждение «Об образе Божии», которое впоследствии много раз было издаваемо для всей России. Он рассылал и другие наставления по своей пастве, как то: вопросы и ответы о вере, где говорил и о перстосложении для креста, «Зерцало православного исповедания», наставления для Евхаристии.

В конце 1705 г. и в начале 1706 г. свт. Димитрий проживал в Москве, куда его, вероятно, вызывали для занятий церковными делами; в Москве он, как знаменитый проповедник, произносил церковные поучения. Для священников своей епархии святитель составил катехизические наставления «Вопросы и ответы о вере». В начале 1707 г. свт. Димитрий так был болен, что решился написать завещание. Но, оправившись от болезни, он, неустанно подвизаясь на пользу Церкви и государства, занялся составлением книги «Летопись», сказующую деяния от начала миробытия до Рождества Христова. Книгу сию святитель хотел составить как для собственного келейного чтения, так и по другим особнным обстоятельствам. Он хорошо знал, что не только в Малой, но и в Великой России редко у кого есть славянская Библия. Ее могли приобрести только люди богатые, бедняки же были совершенно лишены той духовной пользы, какую доставляет чтение сей богодухновенной книги.

Многие лица даже в среде духовенства не знали порядка библейского повествования. Посему святитель и желал составить краткую библейскую историю, чтобы каждый мог приобрести ее за недорогую цену и познакомиться с содержанием Библии. Немедленно приступил святой Димитрий к делу и начал выбирать сведения из Священного Писания и различных хронографов.

Он пересылал по частям труд свой на рассмотрение к блюстителю патриаршей кафедры митрополиту Стефану. Тому было много скорбей по управлению, скорбей таких, которые по временам заставляли думать о покое. Ростовский святитель и в судьбе людей прошлых времен и в собственной видел, как неизбежны скорби на земле, и утешал первосвятителя и самого себя мыслями христианскими, самым верным врачеванием против земных скорбей. Он писал блж. Стефану: «Сколько могу, молю Господа, Крепкого, Сильного, да укрепит Он архиерейство ваше в ношении тяжкого креста. Не ослабевай, святитель Божий, под тяжестями. Ветвь под тяжестью приносит плоды. Не думай, что труды твои напрасны. «Приидите ко Мне, – говорит Господь, – вси труждающиеся и обремененнии». Велика награда перенесшим труды и зной дня. Не в суете те, которыми умно управляется корабль Христовой Церкви среди бурь. Ваше преосвященство считаете блаженным уединение. И я ублажаю его. Но худо ли рассуждение и св. Макария Египетского о пустынных и о трудящихся для пользы других? Он пишет: «Одни (пустынники) с помощью благодати заботятся только о себе; другие (учители) стараются принести пользу душам ближних. Последние много выше первых». Подвизайся же, Христов подвижник, о укрепляющем Иисусе. Бремя возложено на ваше святительство не случайно, а по смотрению Божию. Готов для вас и венец праведной награды. Благо носить иго Христово; да будет же легким бремя его».

Как ни сильно желал святитель окончить «Летопись», однако не мог исполнить своего намерения. В этом большим препятствием было для него совершенно расстроенное его здоровье. Он успел описать события только за 4600 лет. А между тем вслед за этим трудом святитель думал приступить с

Божией помощью к составлению краткого толкования на Псалтирь.

Святитель Димитрий был знаменитым проповедником своего времени и часто обращался к своей пастве с красноречивым словом назидания. Никакие труды и обязанности никогда не отвлекали его от проповедания слова Божия. Проповедуемые им истины христианства, изливаясь прямо из души проповедника, являлись всегда живыми и действенными и увлекали слушателей простотою беседы отца с детьми, учителя с учениками. Если бы возможно было отыскать и собрать воедино все поучения сего российского Златоуста, их должно бы оказаться великое множество. Но, к сожалению, весьма многие поучения святого Димитрия утрачены.

Мудро управлял своею паствою святитель Димитрий и никогда не прибегал к суровым мерам. Отличаясь кротостью, он ко всем – и знатным, и простым – относился с одинаковой любовью и без всякого лицепрятия. Все верные сыны Церкви любили его и почитали как отца. Сам государь и вся царская семья глубоко уважали Ростовского митрополита за его истинно добродетельную жизнь.

Несмотря на множество дел по управлению епархией, святой Димитрий ежедневно приходил в церковь для молитвы; во все воскресные и праздничные дни совершал литургию и произносил проповедь. Посещая семинарию, он увещевал учеников постоянно призывать на помощь Наставника мудрости и Подателя разума, Всемоущего Господа. Слуг своих и всех живших с ним святитель поучал осенять себя крестным знамением и тихо прочитывать молитву «Богородице Дево, радуйся», всякий раз, когда бьют часы. Обращался он со своими слугами очень человечно. Когда кто-нибудь из них бывал именинник, того он благословлял образом или жаловал деньгами. Учил их усердно поститься, избегать объедения и пьянства. Сам святой Димитрий подавал пример к тому в своей собственной жизни. Принимая пищу только для того, чтобы поддерживать свои телесные силы, святитель на первой неделе Великого поста вкушал только один раз, один только раз вкушал он и на Страстной неделе, в Великий Четверток.

Памятуя непрестанно слова Спасителя: *Всяк возносяйся смирится: смиряяй же себе вознесется (Лк. 18, 14)*, святой Димитрий во всю свою жизнь отличался великим смирением. И достигнув высшего сана святительского, святой Димитрий сохранил то же смирение: к высшим был почитителен, к равным благосклонен, к подчиненным милостив, к несчастным сострадате́лен.

За три дня до преставления святого Димитрия болезнь, давно уже таившаяся в его груди, обнаружилась с особенною силою в кашле. Несмотря на сие, святитель старался казаться бодрым. В день своего тезоименитства, 26 октября, он сам соверши литургию в соборе, но поучения своего говорить уже не мог, и одного из своих певчих заставил прочитать его по тетрадке. На другой день святой Димитрий приказал позвать к себе певчих для пения им самим сочиненных духовных песней. По окончании пения, отпустив певчих, святитель удержал одного из них, Савву Яковлева, любимого им, усердного переписчика его сочинений. Святитель Димитрий начал рассказывать ему о своей жизни, как он проводил ее в юности и в совершеннолетнем возрасте, как молился Богу и Пречистой Его Матери и всем угодникам, и сказал: «И вы, дети, молитесь так же». Потом благословил певчего и, провожая его из келлии, поклонился ему едва не до земли и благодарил его за усердие в переписке. Видя, что архипастырь так смиренно и необычно провожает его и так ему низко кланяется, певчий содрогнулся и с благоговением сказал: «Мне ли, владыко святой, последнейшему рабу твоему, ты так кланяешься?» На сие святитель с той же кротостью отвечал: «Благодарю тебя, чадо!»

Певчий горько заплакал и удалился. После сего святой Димитрий приказал служителям разойтись по своим местам, а сам заключился в особенную комнату, как бы желая отдохнуть и наедине предаться усердной молитве к Богу. Утром служители вошли в сию комнату и нашли святителя скончавшимся на коленях, в положении молящегося. Так молитва, услаждавшая жизнь святителя, сопровождала его и к смерти.

Честное тело почившего святителя было облечено в архиерейские одежды, им самим приготовленные, и в тот же

день перенесено в домовую церковь. Во гробе под главу и под все тело были постланы, по завещанию святого Димитрия, его черновые бумаги. Немедленно весть о преставлении святителя разнеслась по всему Ростову. Ко гробу его стеклось множество народа, искренно плакавшего о неоценимой потере своего возлюбленного пастыря и учителя.

30 октября тело святителя перенесено было в собор с подобающею честью. Вскоре прибыл для погребения святителя митрополит Стефан. Войдя прямо с обор, он поклонился телу почившего друга и много плакал над ним. После сего он приказал казначею Филарету приготовить все нужное к погребению в Яковлевском монастыре, как и избрал себе сам святитель.

Несмотря на желание святителя, выраженное в завещании, духовенство и жители Ростова просили прибывшего для погребения местоблюстителя патриаршего престола Рязанского митрополита Стефана Яворского совершить погребение в соборном храме города, рядом с предшественником свт. Димитрия, свт. Иоасафом. Митрополит Стефан, соблюдая завещание своего почившего друга, настоял на погребении тела святителя в указанном месте. Однако до прибытия митрополита Стефана место погребения приготовлено не было, хотя со дня кончины прошло около месяца. В связи с неотложным отъездом митрополита Стефана из Ростова в выкопанной могиле был сделан наскоро заготовленный деревянный сруб, в котором 25 ноября было погребено тело святителя. Это обстоятельство, предусмотренное Промыслом Божиим, привело к скорому обретению мощей.

Через 42 года, в 1752 г., производился ремонт в соборной церкви монастыря, и 21 сентября при починке опустившегося пола было обнаружено нетленное тело свт. Димитрия. Место погребения оказалось сырым, дубовый гроб и находившиеся в нем рукописи истлели, но тело святителя, а также омофор, саккос, митра и шелковые четки сохранились нетленными. После обретения у святых мощей совершалось множество исцелений, о чем было донесено Синоду, по предписанию которого в Ростов прибыли Суздальский митрополит Сильвестр

и Симоновский архимандрит Гавриил для освидетельствования мощей свт. Димитрия и происшедших чудесных исцелений. Последовал указ Синода от 29 апреля 1757 г. о причислении к лику святых святителя Димитрия, митрополита Ростовского, и установлении празднования 28 октября (день преставления) и 21 сентября (день обретения мощей).

Святитель Димитрий – святой учитель Церкви всех времен. Можно ли насладиться учением его? Из догматических сочинений свт. Димитрия самый важный труд его – «Розыск о Брынской вере», написанный с явным и глубоким разумением христианства.

После «Розыска» достойны внимания «Зерцало православного исповедания» и «Ответы о вере»; то и другое – род краткого катехизиса, примененного к нуждам времени.

Четьи-Минеи свт. Димитрия – образцовое сочинение по искусству изложения, по критической осторожности в выборе известий и по духу благочестия. «Да не будет ми лгати на святаго», – сказал сочинитель и выполнил свое слово, предложив чтение самое назидательное.

Всех проповедей святителя издано до 94 и еще две речи; искренность убеждения и глубокое благочестие составляли лучшую собственность их. Живостью речи и выражением сильными проповедник поддерживает внимание слушателей к нему и не позволяет скучать даже сухостью созерцательных истин. В аскетических творениях выдающегося иерарха, а также его проповедях видится благодатный и мужественный подвижник-покровитель богословской науки. В его трудах многие поколения русских богословов черпают духовные силы к творчеству и молитве.

Октябрь 29

Аврамий, Архимандрит Ростовский, преподобный

Преподобный Авраамий, архимандрит Ростовский, в миру Аверкий, с юных лет ушел из родительского дома и вступил на путь христианского подвижничества. Приняв иночество на Валааме, или в другом месте (в точности неизвестно), по особому Божию откровению поселился Авраамий в Ростове на берегу озера Неро.

В Ростовской земле тогда было много язычников, и преподобный усиленно трудился над распространением истинной веры. Недалеко от келлии святого было капище, где язычники поклонялись каменному идолу Велесу (Волосу), который наводил страх на жителей Ростова. Это исполняло глубокой скорбью боголюбивую душу Авраамия: он скорбел о слепоте людей. Скорбь побуждала усердно молить Господа об истреблении дел духа злобы. Он глубоко чувствовал немощь свою и просил помощи свыше.

Однажды преподобный Авраамий в скорби и недоумении сидел вблизи идола. И вот он видит идущего к нему благолепного старца. Авраамий встает и спешит к нему навстречу. После взаимного приветствия и благословения преподобный спросил, откуда он и из какой страны. «Я из Царьграда, отче, родом; в земле вашей странник. Скажи мне, отче, почему ты сидишь в печали?» «Я молю Господа Бога о том, чтобы мне дана была сила сокрушить идола, – отвечал Авраамий, – но молитва моя не выполняется». «Если хочешь, – сказал старец, – чтобы исполнилось твое желание, иди на Восток, отыщи дом Иоанна Богослова и помолись иконе его». Авраамий опечалился тем, что так далеко надобно идти, но старец ободрил: «Господь сократит путь твой». Блаженный Авраамий, исполнившись Святого Духа, взял благословение у старца и отправился в путь, забыв о его дальности.

Лишь только перешел он речку Ишну, что в четырех верстах от Ростова, как ему встретился старец, вид которого невольно заставлял благоговеть пред ним. Лицо его было величественно и ясно, седой, он был с большой круглой бородой, почти совсем

без волос на голове – он был прекрасен. В руке у него была трость, увенчанная крестом. Блаженный Авраамий поклонился ему. Незвестный спросил: «Куда идешь, старец?» «Иду отыскивать дом Иоанна Богослова», – отвечал Авраамий. «Возьми эту трость мою, – сказал старец, – иди к Велесу и ударь ею идола со словами: во имя Господа Иисуса Христа повелевает тебе Иоанн Богослов сокрушиться». И стал невидим.

Блаженный Авраамий понял, что это был Иоанн Богослов. Объятый страхом и радостью, Авраамий воротился назад, беспрепятственно подошел к идолу, ударил его тростью во имя Иоанна Богослова, и идол тотчас превратился в прах.

На том месте, где встретил Авраамий самого старца, он поставил церковь во имя св. апостола Иоанна Богослова, а там, где стоял идол Велеса, преподобный, с благословения епископа, соорудил небольшую церковь во имя Богоявления Господня, поставил при ней келлии, собрал иноков и учредил общежитие.

Преподобный Авраамий был ревностным проповедником христианской веры в Ростове и его окрестностях. Много зла потерпел преподобный Авраамий от неверовавших во Христа язычников.

Однажды они хотели даже разорить и сжечь построенную им святыню, но Бог не попустил этого ради молитв и терпения преподобного. Однако своим учением и убеждением преподобный Авраамий в непродолжительное время всех неверующих привел ко Христу: крестились все от мала до велика и начали ходить на славословие Божие и на всенощное бдение, даже женщины и дети. Преподобный Авраамий укреплял сердца их в вере чтением книжным и поучением духовным. Особенно велико было его влияние на детей: он обучал их грамоте, наставлял в законе Божиим, крестил, постригал в иноки. Всех приходящих в обитель святой принимал с любовью. Так умножалась братия, которую преподобный поучал слову Божию. Тогда преподобный Авраамий построил большую церковь, украсил ее, как невесту Христову, чудными иконами и святыми книгами и завел благолепное пение.

Князья ростовские, относясь с уважением к отцу Аврамию, предоставили особые преимущества основанному монастырю: давали много имения на монастырское строение и деревни на содержание иноков. Видя возрастание и процветание монастыря, Ростовский епископ, посоветовавшись с князьями, возвел Аврамиев монастырь на степень архимандритии, а преподобного Аврамия поставил в архимандриты.

С того времени преподобный Авракий стал еще усерднее подвизаться и прилагал труды к трудам. Жизнь его была повседневным подвигом молитвы и труда на пользу братии. Он колол дрова для пекарни, стирал одежды иноков, носил воду для кухни – везде был первым и всех поучал терпению и смиреномудрию своим благим примером. Он служил для братии живым образцом смирения и послушания, произвольной нищеты и целомудрия, мудрости духовной и любви ко всем ближним.

Благодать Божия, ясно почившая на преподобном, его твердая вера и непрестанная молитва постоянно ограждали его от наветов диавола, который, не терпя благочестивой жизни его и помня свое прежнее поражение при сокрушении идола, с яростью восставал на него и строил ему разные козни.

Почил преподобный в глубокой старости и погребен был учениками в созданной им обители в храме Богоявления. При внуке Мономаха, великом князе Всеволоде Георгиевиче (1176–1212), обретены нетленными мощи преподобного Аврамия. В 1551 году царь Иоанн Грозный перед походом на Казань обходил святые места. В Богоявленском Аврамиевом монастыре ему показали тот жезл, которым преподобный Авракий сокрушил идола Велеса. Посох царь взял с собой в поход, а крест оставил в обители. Возвратившись после покорения Казанского ханства, Иоанн Грозный приказал построить в Аврамиевой обители новый каменный храм в честь Богоявления с четырьмя приделами и прислал туда книги и иконы.

Преподобный Авракий канонизирован до Собора 1547 г. В Уставе церковных обрядов, совершавшихся в Московском Успенском соборе (октябрь 1634 г.), говорится: «Октября в 29

день, Аврамию, Ростовскому чудотворцу; трезвон средний, а поют по уставу с полиелеосом».

Октябрь 31

Спиридон и Никодим, просфорники Печерские, в Ближних Пещерах почивающие, преподобные

Для христиан всех времен поучительно и отрадно видеть в числе угодивших Господу людей простых, некнижных. В них особенно видна сила той веры, которая, быв проповедана рыбаками, преобразовывает и возвышает умы и сердца, как никакая философия человеческая. В их примере видно, что истина Христова, живительная и чудодействующая, дана для всех людей и всеми может быть усвояема. Преподобные Спиридон и Никодим были люди простые, и занятие их было очень простое – печение просфор. Но они совершали его с любовью к Господу и братии, и любовь обратила простое занятие в служение духовное. О прп. Спиридоне известно, что он был родом из села («пришел в обитель не из города, а невежею селянином») при игумене Пимене (1132–1241), и в немолодых летах. Не зная грамоты, он начал учиться книжному искусству и все богодухновенные псалмы Давидовы твердо изучил. Игумен, видя, что святой Спиридон отличается смирением и трудолюбием, постоянно пребывает в посте и молитве и во всем непорочен, возложил на него богоприятное для него послушание: печь просфоры. Полный страха Божия, он выполнял поручение с великим усердием, считая это за великую милость Божию. А усвоив душе своей святую Псалтирь, он – рубил ли дрова, месил ли тесто, топил ли печь, приготовлял ли просфоры – непрестанно читал псалмы. Так подвизался раб Божий! И какую смелость духовную, какую силу чудесную приобрел он, подвизаясь таким образом! Однажды от огня из печи загорелась кровля кельи его. Блаженный, взяв свою мантию, закрыл ею печь; а завязав рукава власяницы своей, побежал к колодцу, налил воды. Созвав братию, он просил, чтобы иноки помогли ему погасить пожар. Собравшись, братия увидела дивное явление: мантия, которой блаженный закрыл печь, была нетронута огнем, и вода из власяницы не вытекала. Иноки быстро погасили принесенной водой горящее здание и радостно прославили Бога.

Другом и сотрудником преподобного Спиридона был преподобный Никодим, такой же, как он, простак, но умудрившийся для Господа. Он делил со Спиридоном труды печения просфор, носил дрова и воду, месил тесто, а вместе с тем пребывал в молитве и пел псалмы. Так провели 30 лет и мирно почили угодные Господу рабы.

Преподобный Спиридон почивает в положении молящегося. Три первые перста руки его соединены совершенно ровно, а безымянный и мизинец пригнуты к ладони. Рука сложена так крепко, что если бы кто захотел дать иное положение перстам его, тот скорее мог бы переломать их, чем выполнить свое желание. Вот проповедь громкая для мнимых старообрядцев! Память преподобных совершается 31 октября/13 ноября, также 28 сентября/11 октября и во 2-ю Неделю Великого поста.

Анатолий Печерский, в Ближних Пещерах почивающий, преподобный

Преподобный отец Анатолий подвизался в то же время, когда и преподобные Спиридон и Никодим. В службе преподобным отцам (28 сентября/11 октября), погребенным в Ближних пещерах, говорится: «Спиридон, незлобия крин, и Никодим победотезоименитый, оба просфорницы святии... Причисляется к сим и Анатолий, ихже вси величают». Прп. Анатолий почивает нетленным в Антониевой пещере, там же, где и мощи преподобных Спиридона и Никодима. День его памяти по церковной службе Киево-Печерским подвижникам также отнесен к памяти преподобных Спиридона и Никодима.

31 октября/13 ноября совершается память **святых 100000 мучеников Тбилисских, пострадавших от монгол, Грузинских** († 1240).

Ноябрь 2

Киприан Стороженский, преподобный

Преподобный Киприан жил в XVI столетии. Ему приписывают основание Николаевского Стороженского монастыря, который находился в Новгородской Обоненской пятине, при Ладожском озере, на месте, называвшемся Сторожки. 14 мая 1587 года царь Феодор Иоаннович пожертвовал Николаевской Стороженской пустыни несудимую грамоту, в которой, между прочим, писано: «Строитель Киприан нам бил челом и сказал: было де и в том монастыре двадцать братьев, а ныне де и в том монастыре тридцать братьев, а нашей де милостины оброчного хлеба и денег в тот монастырь ничего не идет, питаются от своих трудов: и отец наш блаженные памяти царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси пожаловал, дал в тот монастырь обжу земли, на воск и на ладан, и в руги и в милостивы место, и обелил им тое обжу ото всяких податей». Грамоту эту еще при жизни строителя Киприана, 25 июня 1598 г., подтвердил царь Борис Годунов. Неизвестно, когда и в каком году скончался прп. Киприан. В 1722 г. Стороженский Николаевский монастырь был приписан к новгородскому архиерейскому дому. Мощи преподобного Киприана почивали под спудом в Николаевской, бывшей монастырской, церкви.

Ноябрь 3

Анна Всеволодовна, преподобная

Ряд святых Русской Церкви начинается равноапостольной княгиней Ольгой. Княгини прежде князей принимают на себя иго иночества. Из княжеского рода прежде всех постриглась в иночество супруга великого князя Ярослава Ирина, в иночестве св. Анна. Второй инокиней, но первой девственницей из княжеского рода была блаженная Анна, дочь великого князя Всеволода. Она постриглась в 1086 году, тогда как первым добровольным иноком из князей был святой Николай Святоша, поступивший в иноческую обитель в 1106 г. Магдалина прежде апостолов посетила гроб Спасителя и видела Его воскресшим. Таковы жены!

Отец благоверной Анны, великий князь Всеволод Ярославич, по словам летописи, «с детства любил Бога и правду, оделял бедных, чтил епископов и священников, особенно же черноризцев». Он любил образованность, говорил на пяти языках иностранных. Мать Анны была греческая царица, дочь императора Константина Мономаха; ее благочестие доставило России неоцененное сокровище – св. мощи вмц. Варвары. Брат Анны Владимир Мономах своими добродетелями приобрел такую любовь народа, что и поздние потомки его пользовались ее теплотой. Он любил монашество и ясно понимал значение его. В такой-то семье родилась и воспиталась благоверная Анна. Под благотворным влиянием ума и благочестия она образовала из себя образец девственной красоты – честь и славу княжеского дома. По нежнейшей любви родителей она называлась уменьшительным именем – Янкою, по нынешнему -Аннушкой. Благоверная княжна, с юных лет возлюбив Господа, предпочла девство всем наслаждениям светской молодой жизни, и не напрасно. «Девство, – говорит Антоний Великий, – подобие Ангелам, духовная и святая жертва, великий дар Божий, залог будущего наследия в Небесном Царстве». Князь Всеволод построил каменный храм апостола Андрея и при нем монастырь; княжна Анна посвятила здесь девство свое Господу. Это было в 1087 г. Вслед за тем

приняла она обитель в свое ведение и употребила меры к ее внешнему и внутреннему благоустройству. Св. Анна ревностно занималась обучением закону Божию и грамоте девиц, для которых было устроено первое в России училище при ее монастыре. Для лучшего благоустройства своей обители и для обогащения своего училища книгами св. Анна путешествовала в тогдашнюю столицу Православия, в Константинополь. Она привезла с собой наблюдения, полезные не только для ее обители, но и для других обителей. «Анна, – говорит древний повествователь, – ходила туда не напрасно, а с тем, чтобы вдвойне быть полезной – себе и другим инокиням Русской земли». В Киев возвратилась она в 1090 г. в сопровождении новопоставленного митрополита Иоанна-скопца. Благодетельная княжна-инокиня своим примером возбуждала сильное движение в сердцах современниц. Сестра ее, княжна Евпраксия, в 1106 г. по ее примеру приняла иночество. Вторая супруга вел. кн. Всеволода, ее мачеха, пожелала быть погребенной в ее обители. Блж. Анна собрала в свой монастырь множество черноризниц. Самоотречение благоверной княжны, ее строгая жизнь одушевляли живших с ней ревностью к подвигам жизни духовной. Княжна наравне со всеми жила по иноческим правилам, в посте, молитвах и глубоком смирении. Юных девиц обучала она чтению, пению, письму и некоторым полезным рукоделиям. Блаженная Анна 26 лет провела в иноческих подвигах. По летописям, св. Анна скончалась 3 ноября 1112 г. В рукописных святцах о ней сказано: «В Андреевском монастыре святая княжна Анна Всеволодовна в инокинях преставися в лето 6624 (1116 г.), месяца мая в 18 день». Но это, вероятно, было время обретения ее мощей. Монастырь, где подвизалась блж. Анна, долго назывался Янчиным, сохраняя благоговейную память о своей основательнице. Он стоял вблизи Михайловского монастыря и разрушен был Батыем.

Ноябрь 4

Никандр Городноезерский, преподобный

О преподобном Никандре Городноезерском известно только то, что в XVI веке он основал пустынь на западном берегу озера Городно с храмом в честь Воскресения Господня. Пустынь прозывалась по месту Городноезерской, а по имени основателя – Никандровою. Обитель не отличалась многолюдством и с преподобным Никандром подвизалось никак не более десяти человек братии. Свою подвижническую жизнь преподобный Никандр проводил в трудах, посте и молитвах, подавая своим сподвижникам пример святой жизни.

Мощи угодника Божия почивают под спудом. Над могилою святого мужа, находящейся в роще, за монастырем, в начале XVII столетия существовала новая церковь во имя Всемиловитого Спаса. Позже над могилой появилась часовня, и в ней надгробие, имеющее вид раки.

Память преподобного Никандра празднуется местно, с какого времени – неизвестно.

Меркурий, в Дальних Пещерах почивающий, преподобный

Преподобные отцы Паисий и Меркурий, живя между собой в неразлучной братской любви и единомыслии, просили непрестанно Бога, чтобы Он никогда их не разлучал ни в сей, ни в будущей жизни. И дал им Господь по молитве их. На земле они жили в одной келлии, и по смерти были положены в одном гробе, и на небе наслаждаются одной радостью вместе со Христом.

Память их совершается 28 августа/10 сентября вместе с другими преподобными Дальних пещер, и особо: Паисию – 19 июля/1 августа, а Меркурию – 4/17 ноября.

Ноябрь 5

Иона, святитель, архиепископ Новгородский

«Остался я сиротою, – так рассказывал сам св. Иона, в миру Иоанн, – после отца семи лет, а после матери – трех лет. Бог положил на сердце вдовице Наталии Медоварцевой: взяла она меня в свой дом, кормила и одевала, и отдала меня дьяку учиться грамоте. В училище было множество учащихся; я от бедности был тихий. В один день дети играли после вечерни. Идет по улице блаженный муж; дети, кинувшись на него, бросали в него камешки и в глаза сор; а я стоял, не трогаясь с места. Блаженный, оставив детей, прибежал ко мне, взял меня, поднял выше себя и, вовсе не зная меня, называл меня по имени. «Ванюша! – говорил, – учись грамоте, быть тебе в Новгороде архиепископом”». Потом обнял Ваню и убежал. Это был блаженный Михаил Клопский. В зрелых летах Иоанн удалился в Отнюю пустынь, за 50 верст от Новгорода, где и постригся. По смерти основателя обители Харитона, Иона, как благочестивый строгий подвижник, был избран братией в игумена. Новгородцы, увидев бескорыстное усердие нового настоятеля к своей обители, полюбили игумена и обитель и стали щедро благотворить ей. И при нем Отняя пустынь становилась очень достаточной. В 1452 году в Отней пустыни был построен великолепный каменный храм трех святителей. Искусные живописцы, лучшие того времени, написали иконы для иконостаса, расписали стены храма.

В 1458 году, по смерти владыки Евфимия (11 марта 1458 г.), новгородцы единодушно избрали его на архиепископскую кафедру. Св. Иона явился пастырем добрым. Он учил новгородцев и словом, и делом. Ко всем благорасположенный, святитель особенно, помня свое сиротство, заботился о бедных и сиротах, успокаивал беспомощных вдов, избавлял обижаемых от насилия. Святитель Иона пользовался большим уважением в Москве и не раз удерживал мятежный Новгород от союза с Литвой. При его святительстве и Псков, сильно желавший иметь у себя особого епископа, подчинился воле Новгородского владыки, который не раз посещал этот город.

Перед кончиной своей (март 1461 г.) великий Московский святитель Иона желал видеть в Москве блаженного архиепископа для совета о своем преемнике и с мыслью о назначении его на эту кафедру. Смиренный архиепископ отвечал: «Я уже стар, ноги у меня слабы, не могу исполнить желания твоего, святой отец; увидимся в той жизни». Он послал только обыкновенное согласие свое на избрание того, кто признан будет за достойного Собором. Новый митрополит Феодосий прислал Новгородскому архиепископу подтверждение охранять паству от сношений с униатом Григорием. Не оставляя забот о своей пастве, святитель Иона обратил заботливую любовь свою на Отнюю пустынь. В 1462 году построил он в ней каменный храм в честь св. Предтечи и в том же храме – придел в честь св. Онуфрия. В следующем году построили там же теплый каменный храм свт. Николая с братской трапезой. Отняя пустынь усердием святителя сделалась богатым монастырем. Архиепископ Иона по обету, данному им в одну из поездок в Москву, построил в Новгороде первый на севере Руси храм в честь преподобного Сергия Радонежского (1463 г.). Заботясь о возрождении преданий новгородской церковной старины, он вызвал в Новгород известного составителя житий святых иеромонаха Пахомия Логофета, который на основании местных источников написал службы и жития наиболее известных новгородских святых и канон святителю Ионе, митрополиту Московскому, по его прославлению. К тому времени относится начало основания Соловецкого монастыря. Святитель Иона оказал большую помощь и содействие устройству обители. Преподобному Зосиме он выдал особую благословенную грамоту, по которой отдавал (вместе с мирскими властями Новгорода) во владение новой обители весь Соловецкий остров. После многих трудов святитель, чувствуя приближение своей кончины, написал духовную, завещая похоронить тело его в Отненской обители. 5 ноября 1470 года, причастившись Святых Таин, святитель отошел ко Господу. До наших дней дошло послание святителя к митрополиту Феодосию, написанное в 1464 году. Житие святителя имеется также в Великих Минеях-Четых митрополита Макария под 5 ноября. В

1453 году после открытия мощей архиепископа Ионы было составлено слово об этом событии, принадлежащее перу инокa Зиновия Отенского. Особое сказание о чудесах святителя встречается в рукописях XVII века.

Ноябрь 6

Лука, эконо́м Печерский, преподобный

В 7-й песни канона преподобным Ближних пещер воспевается преподобный Лука «иконом», как добрый делатель заповедей Владычных, но кроме должности эконо́мской, каковую он неизвестно когда отправлял в Киево-Печерской лавре, больше о нем ничего не известно. Память его, кроме 6/19 ноября, совершается совместно с преподобными Ближних пещер, где и его тело нетленное почивает. Эконо́мы Киево-Печерской лавры, почитая его своим покровителем, имеют в своих (экономических) помещениях икону преподобного Луки «иконо́ма».

Герман, святитель, Архиепископ Казанский

Святитель Герман, архиепископ Казанский (в миру Григорий), родился около 1505 года в городе Старицы Тверской области в семье боярина Феодора Афанасьевича Садырева-Полева. С юных лет Григорий возлюбил молитву и чтение святых книг. Монашеский постриг он принял в двадцатипятилетнем возрасте в Иосифо-Волоколамском монастыре от игумена Гурия (память 5/18 декабря), впоследствии архиепископа Казанского, и находился под его духовным руководством.

В монастыре святой занимался книгописанием; был близок с жившим там в заключении преподобным Максимом Греком. Молодой монах Герман усердно читал книги, хранившиеся в богатой монастырской библиотеке, ревностно исполнял послушания и вел строгую подвижническую жизнь.

В 1551 году братия Старицкого Успенского монастыря, узнав о благочестии своего соотечественника, избрала его настоятелем. И в том же году Тверской епископ Ананий рукоположил его во иеромонаха. Затем возвел в сан архимандрита и поставил настоятелем Старицкой Успенской обители.

Вступив в управление монастырем, святой Герман с пастырской ревностью заботился о его благоустройстве – как внешнем, так и внутреннем. Для иноков он был образцом смирения и кротости. Он увещевал всех строго соблюдать иноческие обязанности, а для руководства ввел в своей обители устав преподобного Иосифа Волоцкого († 1515; память 18/31 октября).

Но через два с половиной года архимандрит Герман оставил Старицкий монастырь, передав начальство в нем своему постриженнику, священноиноку Иову, впоследствии первому патриарху Московскому, подвижнику и страдальцу за Русскую землю. Любовь к уединенным подвигам вернула его в родной Волоколамский монастырь, где святой Герман спасался как простой инок. Когда же в Москве появился новый еретик

Матфей Башкин, не признававший Святых Таин и отрицавший веру в Святую Троицу, святой Герман вместе со своим отцом (принявшим постриг в Волоколамской обители с именем Филофей) был вызван на Московский Собор 1553 г. Собор осудил еретика Башкина и постановил послать его для вразумления в Волоколамскую обитель к святому Герману, известному святой жизнью ревнителю Христовой веры.

В 1555 году, после покорения Казани, там была учреждена архиерейская кафедра, на которую назначили архиепископом бывшего игумена Волоколамского монастыря святителя Гурия. Ему было поручено устроить обитель в г. Свияжске, чтобы она была рассадником веры и благочестия в магометанской (Казанской) стране. Настоятелем новой обители Успения Пресвятой Богородицы в г. Свияжске по указанию святителя Гурия был назначен святой Герман. Получив от Грозного царя богатые пособия, Герман ревностно занялся сооружением каменного храма Успения Пресвятой Богородицы и келлий для монашествующих. Благоустроая обитель, сам Герман жил очень скромно в малой келлии под колокольной.

Свияжская обитель сделалась средоточием христианской проповеди для язычников, населявших правый берег Волги. Основа просвещения – книги. И, зная это, святой настоятель за восемь лет управления собрал более 150 книг разного содержания. Опыт в этом деле он приобрел еще в Волоколамской обители. Св. Герман был усердным помощником своему архипастырю по делам веры, и свт. Гурий оказывал ему особенное доверие – поручил суду его все сельские церковные причты Свияжского уезда, а монастырь его освободил от своего суда. По смерти св. Гурия собором святителей Герман был признан достойным занять его кафедру. И 12 марта 1564 года святой Герман был хиротонисан во архиепископа Казанского и Свияжского и успешно управлял епархией в течение нескольких лет, продолжая дело своего предшественника и учителя. Он способствовал утверждению Православия, усилил миссионерскую деятельность, воздвигал храмы, заботился о насельниках монастырей, основал Казанский Иоанно-

Предтеченский монастырь, а при Зилантовском монастыре устроил школу для детей.

В 1566 году святителя Германа вызвал в Москву Иоанн Грозный и повелел избрать его на митрополичью кафедру. Святитель Герман сначала отказывался от возлагаемого на него бремени. Царь не терпел возражений, и святитель должен был поселиться в митрополичьих покоях до возведения в сан митрополита. Видя несправедливости со стороны царского окружения, свт. Герман, верный своему пастырскому долгу, попытался вразумить царя своими увещаниями. Святитель начал говорить с царем о его грехах, о Страшном Суде Божиим, на котором все подданные и цари должны отдать отчет и перед которым страшно будет презрителям закона Божия, кто бы они ни были. Царь вышел от митрополита с лицом мрачным. Смиренный, но правдолюбивый истинный светильник Церкви не понравился Иоанну Грозному, ибо при первой же встрече смело обличил бесчинства опричников. Иоанн с бесчестьем выгнал святого Германа из митрополичьих палат, но он не был отпущен в Казань, а содержался в Москве, в заключении, почему и не был на Соборе, на котором избран в митрополита св. Филипп; от того-то думали, что он или отравлен, или задушен. Но он был на посвящении святого Филиппа; перед ним протекла вся страшная буря гонений и страданий Филипповых; он один поднял за него на Соборе искренний голос, когда гневный царь требовал осуждения Филиппа. «Хотя бы и вся братия наша, – говорил Герман, – еще тьмами словес обносила перед тобою сего блаженного – ни один из них не сказал тебе правды. Сей человек от юности своей никогда не произносил неправды и не знал никакого лицемерия!» Безмолвствовал царь, внимая сей дерзновенной речи святителя, пораженный ли крайним его смирением, или стыдясь царской своей багряницы. Но слова Германа не спасли Филиппа от заточения и смерти.

Это был последний, предсмертный подвиг свт. Германа; он преставился в 1567 году, ноября 6 дня в Москве, во время морового поветрия, «погребен по чину святительскому, в церкви святителя Николая, иже зовется «мокрый», паствы своя

архимандритами Иродионом (Свияжским) и Спасским (Казанским) Иеремией».

Спустя 27 лет, в 1595 году (по другим источникам – в 1592 г.), свияжские граждане выпросили у царя и патриарха дозволения перенести тело их архипастыря в Свияжск. Благоуханный гроб встречал Казанский митрополит Ермоген, впоследствии патриарх Московский и всея Руси. 25 сентября мощи святителя были поставлены в алтаре Успенского храма Свияжской области. Тогда же совершилось несколько чудесных исцелений, в том числе прозрели два слепца.

Современник составил такой отзыв о свт. Германе: «Герман был человек... столько же высок умом, сколько ростом, муж жизни чистой и святой, ревностный последователь Священного Писания, подвижник духовный; он несколько перенял и учение Максима философа (Грека); был человек простой и твердый, готовый на помощь застигнутым бедой и напастью и усердный попечитель о бедных».

При Казанском митрополите Лаврентии, управлявшем Казанской епархией с 1657 по 1672 год, была составлена служба святителю Герману и написано его житие. Автором жития был инок Свияжского монастыря Иоанн, составивший жизнеописание святителя по благословению митрополита Лаврентия. Всероссийское прославление святителя Германа началось с 1695 года, после освидетельствования его святых мощей Казанским митрополитом Маркеллом, по благословению патриарха Адриана. 6 октября 1695 года Казанский митрополит Маркелл (1690–1699) переложил мощи в новую гробницу, тогда же часть их была передана в город Симбирск по просьбе жителей города.

В 1714 году, при преемнике митрополита Маркелла Тихоне (1699–1724), останки святителя Германа были перенесены из алтаря Успенского храма и поставлены за левым клиросом между колонной и западной стеной. В память этого события 23 июня было установлено празднование. Митрополитом Тихоном была составлена особая служба, употреблявшаяся за богослужением в Свияжской области до середины XIX века. В 1857 году архиепископ Евлампий, бывший Тобольский, живший

в Свияжском монастыре на покое, составил акафист святителю Герману, а 1860 – новую службу. Память святителя Германа, архиепископа Казанского, совершается 6/19 ноября – в день преставления, 25 сентября/8 октября – первое перенесение святых его мощей, и 23 июня/6 июля – второе перенесение.

Варлаам Керетский, преподобный

Преподобный Варлаам жил во дни царя Иоанна Васильевича Грозного (1533–1584). Родился и воспитывался он близ Белого моря, в Керетской волости. Наученный грамоте, Варлаам поставлен был священником в церкви святителя Николая Чудотворца в городе Коле и ревностно служил Господу, поучая людей, как истинный пастырь, закону Господню.

Но враг рода человеческого уловил праведного в свои сети: внушил священнику чувство ревности к жене, затем, обольстив его, побудил убить ни в чем неповинную женщину, что тот и исполнил (по преданию, жена Варлаама оказалась неповинной, так как сам диавол обморочил святого: принял на себя вид мужчины и вышел из горницы жены священника). Совершив такой страшный грех, Варлаам убедился скоро в невинности своей супруги, понял всю степень своего падения, начал каяться, строго постился и горько плакал. Признав себя недостойным продолжать священническое служение, он совсем оставил должность. Этого мало. Чтобы искупить великую вину свою, раскаявшийся убийца подвергает себя чрезвычайно тяжкому наказанию. Труп жены своей он положил в карбас (большая лодка, гребная и парусная, на 4–10 весел; употребляется для перевозки людей и тяжестей по рекам и морям) и в этом карбасе плавал по морю, плавал непрерывно с места на место до тех пор, пока мертвое тело убитой не истлело вовсе. Начав от Колы и держась обыкновенно берега, Варлаам направлялся по Северному Ледовитому океану на восток, к Белому морю; огибал он Святой Мыс, или Нос, около которого море опасно для плавания; далее заходил в Белое море и достигал родной Керети при Кандалакской губе. Люди с удивлением видели человека, который один в своем карбасе плавал по морю, не останавливаясь, без отдыха. Варлаам не ждал себе, как обыкновенные мореплаватели, попутного ветра, чтобы плыть на парусах; напротив, плавал против ветра, против волн океана, работая постоянно веслом, не выпуская весла из рук своих и воспевая псалмы Давида. Непрерывно трудясь

днем, преподобный ночи проводил без сна, со слезами моля Господа об отпущении греха. Так искупал убийца-священник вину свою.

Потрудившись довольное время, преподобный Варлаам восхотел принять от Бога извещение о том, прощен ли грех его. Древняя повесть о преподобном рассказывает, что около Святого Мыса плавание было опасно потому, что здесь водились особые морские черви, которые протачивали суда. Эти черви – моллюски, называемые «корабельные сверлила», протачивали суда даже из самого крепкого леса и заставляли судовщиков проходить Святой Мыс не морем, а волоком, то есть переносить суда берегом. Черви эти не причинили никакого вреда преподобному, но он хотел сделать безвредным плавание около Мыса для всех. Святой помолился Богу и был скоро услышан: черви бесследно пропали, и с тех пор путь около Святого Мыса стал безопасен для плавания.

Приняв чудо за извещение о том, что Господь уже простил великий грех его, преподобный Варлаам вскоре оставляет мир, принимает иноческое пострижение и поселяется в лесной пустыни близ озера Керети. Предание рассказывает, что отшельника в его уединении беспокоили женщины, которые летом приходили в лес собирать ягоды и при этом распевали мирские песни. Беспокойство заставило подвижника оставить Кереть и удалиться к Чупской губе. Там преподобный и скончался.

Неизвестно, когда и кем многострадальное и трудолюбное тело преподобного Варлаама принесено было в село Кереть и погребено здесь при церкви святого Георгия, за алтарем с восточной стороны.

С первых десятилетий XVII века среди населения северного Поморья началось почитание Керетского подвижника святым. В 1664 году со слов трех свидетелей – Петра Васильевича Буторина, Иакова Носкова (или Поснова) и Евфимия Больнищева – записаны были явления и чудеса преподобного, которые с достаточной ясностью указывают на то великое благоговение, с каким относились жители Поморья к памяти угодника Божия.

Петр Васильевич Буторин, еще будучи десятилетним мальчиком, выехал с отцом на рыбную ловлю в Белое море, к Сон-острову. И видел Петр во сне, будто плывут они близ Шарапова мыса. Поднялась буря. Мальчик с ужасом заметил, что карбас их полон воды, а спереди шла на них волна, готовая потопить их. Но затем Петр видит старца с седой бородой, защищающего их судно от напора волны. И вдруг карбас очутился в защищенном от волн месте, за коргою (корга – каменная подводная гряда, или риф). Когда минула опасность, старец сказал мальчику: «Вы потонули бы, если бы не я, Варлаам из Керети». И велел ему поведать о том людям. Петр проснулся и рассказал сон свой отцу, но тот не обратил внимания на слова мальчика.

Утром рыболовы увидели ладью, признали, что ладья керетская, но не решились подойти к ней, так как поднялась большая зыбь – начиналась буря. По приказанию отца Петрова поплыли в Керетскую волость за хлебом, и сон мальчика сбылся теперь наяву: волна залила лодку; рыбаками овладели ужас и отчаяние, потому что они видели волну еще более яростную, которая приближалась и грозила покрыть и похоронить их. Но внезапно какой-то невидимой силой карбас был отброшен к берегу, за коргу. Тогда они вычерпали воду из карбаса и благополучно доплыли до волости.

Через пять дней преподобный вторично явился Петру во сне; теперь укорял его и грозился бить, если он не расскажет людям о своих видениях и о чуде святого.

При царе Михаиле Феодоровиче, после Литовской войны, в Кольский остров, то есть в город Колу, прислан был воеводой Гурий Иванович Волынцев. Захворал он черной немочью и был удручен, потому что ниоткуда не ждал себе помощи. Тогда явился Гурию святой Варлаам в иноческом виде и сказал: «Не скорби, человече, избавит тебя Бог от болезни твоей». На вопрос воеводы, кто явившийся и откуда, старец отвечал: «Я Варлаам из Керети». Гурий никогда не слыхал о преподобном Варлааме. Поэтому стал разузнавать о нем и от одного керетского уроженца узнал подробно о житии и подвигах преподобного. Осведомившись о том, что могила святого в

небрежении, исцеленный воевода дал средства на устройство гробницы и креста на ней. Болезнь Волинцева более не повторялась.

Два купца из Каргополя – Иаков Носков (или Поснов) и Евфимий Больнищев – плыли весною от Онежского устья в Колу торговать. Когда они прошли Соловецкий остров, их ладью стал затирать наносный лед. Долго и безуспешно боролись со льдом мореходы и уже отчаялись в своем спасении. Стоявший на корме ладьи Евфимий задремал от утомления. Вдруг увидел он в лодке своей старца, который его спрашивал: «Далек ли, братие, путь ваш?» Евфимий отвечал: «Идем торговать в Поморье, но нас затерло льдом и мы погибаем». «Не скорби, брате, – утешал его старец, – поедете вы в Кереть, и Бог даст вам путь чист». Сам пошел на нос ладьи и начал распахивать льдины. Проснувшись, Евфимий рассказал спутникам о своем сновидении. Действительно, вскоре увидали они сквозь льдины как бы дорогу. Начало проясняться, и попутный ветер вынес их невредимыми из льдов в море. Приплыв в Кереть, мореходы рассказали о явлении святого Варлаама и о чудесном избавлении своем от смерти. Благодарный за спасение Евфимий поставил часовню над гробом преподобного.

Никифор с Северной Двины вместе с товарищами своими плыл домой с Мурманского берега. Страшная буря застигла их против Святого Мыса. Мачту ладьи их сломало, парус и весла унесло в море. Захлестывая беспомощную ладью, волны носили ее несколько дней по морю. Положение мореплавателей стало безнадежным, когда ладью понесло от берега в открытое море. Тогда Никифору явился во сне муж и сказал: «Зачем вы впали в отчаяние и уже не думаете о себе? Парус ваш под ладьею и три весла, и мачта тут же, но вы не ставите ее. Приступите к делу и будьте осторожны». Никифор рассказал товарищам о видении. Точас стали искать парус и скоро нашли его под лодкой вместе с мачтой и рулем. Измученные работой, мореходы заснули; снова явился им старец и снова ободрял их. «Кто ты, промышляющий и пекущийся о нас?» – спросил его Никифор. «Я Варлаам из Керети», – ответил старец. На третий день при попутном ветре мореплаватели благополучно достигли

устья Двины. На второй год после этого происшествия пришел Никифор в Кереть и стал расспрашивать, кто такой здесь Варлаам (он считал чудотворца еще живым). Никифору сказали, что ему явился и оказал помощь почивший угодник Божий, и показали гробницу святого. Тогда Никифор принес на гроб чудотворца много свеч и, молясь, благодарил его за чудесное спасение свое.

К двадцатым годам XVIII века местное почитание преподобного Варлаама установилось. Тогда были свидетельствованы и мощи его. Однако подвижник не был причислен Церковью к лику святых, общецерковно чтимых. До сих пор преподобный Варлаам чтится местно и признается жителями Поморского края покровителем мореходов. В молитве угоднику Божию говорится: «Молимся, избави и сохрани нас от всяких напастей, и на мори от зельного обуревания и от истопления морского невредны сохрани».

Варлаам Хутынский, преподобный

Преподобный отец наш Варлаам родился в Великом Новгороде от благочестивых и богатых родителей и во святом крещении наречен был Алексием. Отца его звали Михаилом; имя матери точно неизвестно. Он получил доброе воспитание в страхе Божиим. Научен был грамоте, постиг книжную мудрость и легко проникал в разум Божественного Писания. Еще будучи ребенком, Алексей не любил игр и не предавался смеху. При сем он отличался воздержанием и никогда не ел чего-либо услаждающего вкус; занимался не земным, а небесным, постился и молился. Родители его были даже опечалены его необычайным воздержанием, но уговоры их не могли остановить усердия юного подвижника.

Рано пришел преподобный к мысли о суетности мирской жизни и сказал себе: «Истинно жизнь наша, как тень и сон, вертится, как колесо».

Он возненавидел мир и его прелести, оставил славу мира сего и богатство и вышел из родного города в пустынное место на берегу реки Волхова. Родители Алексея тогда уже умерли.

Место, выбранное преподобным для подвигов, называлось Хутын (Хутын – от слова «худынь», то есть «худое место»; по народному преданию, здесь обитала нечистая сила. Тут же находилось болото, слывшее в народе под именем Видень, где, по народному представлению, виделись нечистые). Оно находилось в десяти верстах к северу от Новгорода, на правом берегу реки Волхова, и представляло значительную возвышенность, далеко видимую со всех сторон. Подвижник не один вышел на Хутын для отшельнического жития. С ним были и другие знатные, богатые новгородцы, пожелавшие разделять с преподобным труды пустыни: Порфирий Малышевич и брат его Феодор. Монашеское пострижение Алексей Михайлович принял на месте подвигов своих от некоего инока-иерея, причем получил имя Варлаам.

Преподобный срубил себе небольшую келлейку; день и ночь непрестанно воссылал в ней молитвы и пение, неослабно

трудясь в посте и бдении. Преподобный твердо помнил слова святого апостола: «Аще кто не хочет делати, ниже да яст» и много трудился: рубил дрова, возделывал нивы.

Враги нашего спасения, бесы, восстали против святого: они являлись ему в виде то змеев, то различных зверей, стараясь устрашить его и прогнать с того места, но подвижник, ограждая себя знаменiem креста, сам прогонял их от себя; иногда с той же целью они научали мирских людей наносить ему всякие обиды, но и *тии спяти быша и падоша* (Пс. 19, 9), так как наталкивались на твердый камень и сами стирались в пыль, а его поколебать не могли.

Слух о подвижнике пронесся по всей округе, и воздыхающие о небесной отчизне с усердием стали стекаться к нему, чтобы послушать его наставлений. К святому приходили князья и вельможи, шли и бедные люди, чтобы получить от него полезное наставление, и все получали желаемое. Преподобный кротко поучал их: «Дети мои! Остерегайтесь разных пороков: зависти, клеветы, гнева, лжи, лихоимания, пристрастного суда; оставьте ложную присягу, воздерживайтесь от блуда, особенно имейте кротость и любовь – мать всему доброму. Исполните это, чтобы не лишиться вечных благ, обещанных Господом всем праведным. Избегайте вечной муки постом, молитвой и добрыми делами, ночным бдением и дневными трудами».

Не одни поучения привлекали к преподобному Варлааму мирских посетителей. Дела открывали людям в преподобном великого подвижника и угодника Божия. Его строгая нестяжательность и духовная опытность всем приходившим к нему – вельможным людям и простолюдинам, богатым купцам и бездомным инокам – приносила великую душевную пользу. Высокие подвиги самоотречения очистили внутренние очи святого и стяжали ему благодатный дар прозрения и чудотворений.

Князь новгородский Ярослав (сын внука Мономахова Владимира Мстиславича, несколько раз был новгородским князем в конце XII столетия, принужденный уступать престол свой другим князьям. Новорожденный сын его, предреченный прп. Варлаамом, носил имя Изяслава, в крещении – Михаила),

прибыл к преподобному. «Буди здрав, добрый князь, и с сыном твоим», – сказал ему преподобный при первой встрече. Князь изумился, но, по возвращении домой узнал, что у него родился сын. По просьбе князя преподобный крестил новорожденного.

Однажды преподобный Варлаам ехал в Новгород ко владыке Новгородскому. На мосту он встретил толпу народа, который собирался сбросить в Волхов уличенного преступника. Взглянув на осужденного, преподобный сказал: «Отдайте мне его: он загладит вины свои на Хутыни». И народ отдал осужденного уважаемому пустыннику. Преподобный, послав его в монастырь, повелел работать на братию. И из него вышел усердный и способный ко всякой службе работник. Впоследствии Варлаам постриг его в иноческий сан, принял в число братии и, таким образом, спас его душу.

И в другой раз преподобный Варлаам проезжал мостом в то время, когда новгородцы готовились сбросить в Волхов осужденного, причем его родственники просили преподобного спасти несчастного от смерти. Но святой молча проехал мимо. Когда же недоумевающие ученики его спросили, почему одного он спас, а другому не хотел оказать той же милости, преподобный отвечал: «Вижу я, что вы, взирая внешними очами, по внешнему и судите; я же сердечными очами усмотрел, что первый осужденник, которого я выпросил у народа, был осквернен многими грехами и осужден справедливо, но что когда судья осудил его, раскаяние проникло в его сердце. Но он ниоткуда не видел помощи и был окружен многими недоброжелателями, между тем как еще не пришел час его. Я же увидел, что он имеет веру на спасение, и выпросил его себе на поруки и устроил его, как было угодно Господу. Другой же был осужден несправедливо и вопреки закону, и я видел, что он умирает мученической смертью и имеет получить венец от Христа: ему не нужно было молитвы моей ко Христу, ибо он имеет Его Самого помощником и избавителем. Вы же не соблазняйтесь о сем».

Раз, когда приближался праздник Светлого Христова Воскресения, преподобный послал монастырских рыбаков ловить рыбу и, по молитвам его, улов был очень хорош. Между

прочим, пойман был огромный осетр, но рыбаки скрыли его и принесли к преподобному только мелкую рыбу; разбирая рыбу своим посохом, он сказал: «Детей вы принесли, а куда девали мать?» Рыбаки пали ему в ноги, покаялись в своем грехе и принесли спрятанную рыбу.

В жизни Новгорода увековечен один случай прозорливости преподобного Варлаама. Однажды преподобному случилось быть у архиепископа Новгородского Григория (управлял епархией с 1186 по 1193 гг.), и святитель, отпуская его от себя, сказал, чтобы старец побывал у него спустя неделю. «Если Господу угодно, – отвечал преподобный, – в пятницу первой недели поста святых апостолов приеду к твоей святыне на санях».

Архиепископ удивился, что старец в летнюю пору обещается приехать на санях, но не решился потребовать объяснения этих непонятных слов. Между тем, в ночь перед указанною преподобным пятницей выпал глубокий снег, сделался сильный мороз, и подвижник, действительно, прибыл к владыке на санях. Когда же святитель начал скорбеть о том, что мороз может повредить рожь, которая тогда цвела, преподобный, утешая его, сказал: «Не скорби, но паче возблагодари Господа нашего Иисуса Христа и Пречистую Его Матерь и всех святых, что ниспослал Господь Бог на нас милость Свою. Если бы не послал Он снега и мороза, то люди погибли бы от голода: ибо за умножение грехов наших Господь попустил быть голоду. Но молитв ради Пречистой Богородицы и всех святых великих чудотворцев даровал Он снег и мороз для того, чтобы черви, в изобилии находящиеся в корню ржи, вымерли. Снег же пробудет на земле только один день, и потом, по Божию промыслению и повелению, наступит теплая погода, а снег вместо дождя напоит жаждущую землю и умножит плоды земные».

Действительно, на другой день стало тепло, снег растаял и вода напоила сухую землю, а при корнях ржи найдены были погибшие от мороза черви. И в то лето был такой урожай хлебов, какого давно не видали.

В рассказанных случаях проявился благодатный дар прозрения, которым наградил Господь угодника Своего. Но не мало и чудес творил преподобный Варлаам при жизни своей. Вот некоторые примеры его чудотворений. Один христолюбец, весьма любивший преподобного и имевший к нему горячую веру, повез к нему своего единственного сына, тяжело больного, чтобы просить святого помолиться о нем; но дорогою мальчик умер, и отец привез его мертвым в обитель. Когда же преподобный помолился о нем, ребенок, по молитве его, тотчас же воскрес. В другое время новгородские жители плыли по Волхову, и один из них, упав из лодки, был вытащен из воды уже бездыханным. Когда его принесли к Варлааму и святой помолился, утопленник мгновенно ожил.

Долго подвизался преподобный подвигом отшельничества вместе с друзьями своими. Но дар прозрения и чудеса прославили его и привлекли к нему многих желавших подвизаться с ним. Тогда он решил устроить на Хутыни обитель и заложил каменный храм в честь Преображения Господня. Храм освящен был архиепископом Григорием в праздник Преображения Господня (6 августа) 1192 года. При этом архиепископ открыл Хутынский монастырь. Преподобный Варлаам старался снабдить монастырь свой средствами к существованию и оградить его имущество от притязаний корыстных людей. Он пожертвовал обители поемный луг, рыбные ловли, село, земли, сенокосы и нивы, скот и слуг. «Если же кто, – пишет в конце своей вкладной грамоты преподобный, – по научению диавола и злых людей захочет отнять что-либо из пашен, из сенокосов или из ловлей, да будет ему противником святой Спас в сем веке и в будущем».

Создавая строения обители и его хозяйство, преподобный Варлаам не забыл и внутреннего устройства монастыря – жизни иноков. Он дал обители своей устав, который, к сожалению, не сохранился до нашего времени. По уставу, Хутынский монастырь, вероятно, был общежительным. По крайней мере известно, что преподобный Варлаам предписал монастырю расходовать остатки своих средств на благотворительность, а так предписывали все устроители общежительного монашества

как в древней Восточной Церкви, так и в Церкви Русской. Заповедь преподобного Варлаама, данная обители, была следующая: «Странных с пути покоить, поить и кормить, приезжих на конях покоить всяким покоем и творить милостыню нищим. Если страннолюбия не забудете, то благодатью Божией обитель моя никогда не оскудеет».

Устроив Хутынскую обитель, преподобный почувствовал приближение своей кончины. В это время вернулся из Константинополя паломник Добрыня Ядрейкович, в монашестве Антоний, сверстник преподобного Варлаама. Рад был подвижник своему духовному брату и поручил ему монастырь свой. Преподобный говорил своему другу: «И ранее помышлял ты о сем святом месте. Ныне же я предаю его тебе: снабжай его всем и сохраняй, ибо я отхожу к Небесному Царю. Рад я, что вижу тебя. Господь же зовет меня отсюда».

Обращаясь к братии, умирающий подвижник говорил: «Итак, братия, телом я ухожу от вас, но духом всегда буду с вами».

Год смерти преподобного Варлаама с точностью неизвестен. По летописи, подвижник преставился 6 ноября 1192 года.

Кончина почитаемого всеми подвижника собрала в пустынную Хутынскую обитель множество народа. Прибыл архиепископ Новгородский, собрались иноки из окрестных монастырей и с честью погребли многотрудное тело преподобного. В то время многие больные различными болезнями получили исцеление.

Местное празднование преподобному Варлааму в его монастыре и в Новгороде началось во второй половине XIV века. Многочисленные чудеса при гробе святого были основанием для его прославления. В XV столетии были обретены нетленные мощи угодника Божия. Архиепископом Новгородским был тогда блаженный Евфимий II. Питая теплую веру к преподобному Варлааму как благодатному угоднику Божию, он, призвав Хутынского игумена Тарасия, заповедал три дня поститься и совершать келейно молитвы, дабы узнать волю Божию об основателе обители. По прошествии трех дней

архиепископ, игумен и один иподиакон вошли в храм, сняли каменную крышку с гроба преподобного и обрели тело его нетленным; лице и брада оказались сходными с изображением преподобного на иконе, стоявшей над его гробом. Святитель прославил Бога, а иподиакон, пораженный чудом, тогда же принял иночество. Но мощи преподобного остались и после того закрытыми, и празднование памяти его не распространилось далее Новгородской области.

Дальнейшие чудеса преподобного Варлаама прославили его на всю Святую Русь как великого чудотворца. Особенно поразительно было чудо, совершившееся над Григорием, молодым постельничим (должностное лицо при княжеском и царском дворах в Древней Руси. На обязанности его лежало наблюдение за спальней государя. Вследствие постоянной, по службе, близости к нему должность эта была весьма почетной), великого князя московского Василия Васильевича (прозванного Темным за то, что был ослеплен своими противниками – Василием Косым и Димитрием Шемякой, княжил с 1425 по 1462 гг.). Во время пребывания великого князя в Новгороде Григорий тяжело захворал и был близок к смерти. Григорий читал ранее житие и чудеса преподобного Варлаама и, веруя в чудодейственную силу его молитв, просил отвезти себя в Хутынский монастырь. И вот во сне явился ему преподобный и обещал исцеление. Обрадованный юноша с верою говорил окружавшим его: «Если на пути меня застанет даже смерть, все равно – и мертвого везите меня к преподобному». Дорогой он действительно умер и мертвым был везен в обитель. Но недалеко от обители мертвец вдруг ожил и, прибывши в обитель, поклонился преподобному и совершенно выздоровел. Когда исцеленного спросили, что с ним было, он поведал следующее: «Я видел около себя множество бесов, один из коих держал свиток, где записаны были мои грехи. Но явившийся святитель Николай сказал: «Немногие добрые его дела значат более, чем грехи его, открытые притом духовному отцу». Бесы скрылись. Потом явились Ангелы, и высший из них с ласкою повел меня в какое-то светлое место, где было много прекрасных деревьев и цветов. И вот я увидел там

преподобного Варлаама чудотворца с посохом в руках, в том виде, как написан он на иконе. Подойдя, он сказал мне: «Григорий! Я не успел прийти к тебе при исходе твоём; теперь ты хочешь ли остаться здесь?» «Хочу здесь пребывать», – отвечал я. На это святой Варлаам сказал: «Да, хорошо бы остаться тебе здесь, но будут скорбеть о тебе родители твои. Иди, утешь отца и мать; я твой помощник». Взяв за руку, он повел меня, а впереди шел тот Ангел в диаконском облачении. Пройдя мимо цветущих деревьев, Ангел стал невидим, а святой Варлаам, оградив меня крестным знаменем и иконою святителя Николая, сказал: «Григорий! Ты молился великому чудотворцу Николаю и меня призывал на помощь; молись ему и вперед, а я помощник твой». Отошедши немного, он оглянулся на меня и прибавил: «Спустя семь лет ты будешь у меня», – и стал невидим».

Это дивное чудо при гробе преподобного Варлаама над постельничим великого князя послужило поводом к установлению церковного празднования в честь чудотворца Хутынского в Москве и затем по всей России (1460 г.). Тогда же сам великий князь Василий Васильевич соорудил в Москве и первую придельную церковь во имя преподобного Варлаама.

Великий князь Иоанн Васильевич был свидетелем грозного чуда при гробе преподобного Варлаама. В 1471 году великий князь, предав опустошению Новгородскую область, вступил в Новгород как грозный победитель. Заехал он тогда и на Хутынь поклониться, как говорил он, преподобному.

«Почему, – спросил князь, – не открывают гроб святого Варлаама?» «Издавна, – отвечал игумен обители Нафанаил, – никто не смеет видеть мощи чудотворца: ни для архиепископов, ни для бояр не открывают их, доколе Господь не соблаговолит ясно изъявить на то Свою всесвятую волю».

Тогда грозный победитель Новгорода с гневом приказал открыть мощи угодника Божия. Но едва начали, по его приказанию, поднимать каменную доску и копать землю, как из гроба чудотворцева вырвался дым и за ним – пламень, опаливший стены храма. Великий князь в ужасе убежал со всею своею свитою, так что выронил в монастыре и свой

великокняжеский жезл, которым, в бегстве своем, ударял он бессознательно о землю.

Трудно описать все чудеса, какие совершал преподобный Варлаам. В Хутынской обители преподобный, и по блаженном преставлении своем, дивным образом являлся бдительным настоятелем, иногда очень строгим к невнимательным из братии и упорным нарушителям иноческих обетов. Чудотворец вразумлял также и начальников монастыря, не соблюдавших его заповеди о благотворительности обители. Он насылал на виновных болезни и по раскаянии исцелял их, нераскаянных же предавал смерти. Одного игумена, не кормившего в монастыре голодающий народ, он бил жезлом своим, и у виновного отнялись рука и нога. В другой раз за скупость монастырских начальников, переставших принимать странных, преподобный наказал обитель оскудением хлеба в амбарах. Казначей Тарасий, первоначально проводивший строгую жизнь, но потом начавший злоупотреблять монастырской собственностью для угощения и увеселения своих друзей, был также наказан жезлом явившимся ему преподобным Варлаамом и едва выздоровел после того, как принес слезное покаяние, а веселый собеседник его умер в расслаблении. Монастырский чашник (монах, заведующий питьями) вразумлен быть преподобным за свои излишества, но после того, как не исправился, с заздравною чашею в руке испустил дух. Зато для иноков внимательных и строгих к себе преподобный являлся милостивым. Один инок, по имени Иринарх, три года тяжело страдал от грыжи и уже готовился к смерти. В таком положении в Пасху видел он во сне преподобного, явившегося ему в одеянии пресвитера в сопровождении иеродиакона и нескольких иноков. Окадив иконы, преподобный Варлаам благословил больного и сказал: «Вот ты и здоров, брат мой; вкуси пищу», которая, действительно, вслед за тем и была принесена братьями к нему в келлию. Больной встал с одра здоровым, вкусил пищи и прославил Бога и Его угодника, преподобного Варлаама чудотворца.

Неоднократно преподобный Варлаам являлся теплым молитвенником и предстателем за родной ему Новгород,

предостерегая об имеющих постигнуть его бедствиях. Вот какое чудо произошло в Хутынской обители в начале XVI века. Инок Хутынской обители Тарасий вошел ночью в Преображенский храм. И видит он, что свечи на паникадилах и подсвечниках все зажглись сами собой, храм наполнился фимиамом, из гроба поднялся преподобный Варлаам и, став посреди храма, долго молился вслух Господу Иисусу Христу, Пречистой Его Богоматери и всем святым со слезами и умилением за Новгород, дабы человеколюбивый Господь отвратил от него гнев Свой. Тарасий в ужасе пал ниц. Но преподобный, подойдя к нему, сказал: «Брат Тарасий! Господь Бог хочет погубить великий Новгород. Ступай, взойди на церковную кровлю и увидишь будущее бедствие Новгорода и что Господь хочет сделать с ним».

Тарасий пошел и увидел, что воды озера Ильменя поднялись и угрожают затопить город; в страхе побежав обратно, он рассказал, что видел. Тогда преподобный со слезами снова стал молиться Господу и Пречистой Богородице о спасении города; потом опять послал инок посмотреть на город. Тарасий во второй раз вошел на кровлю церкви и увидел множество Ангелов, бросающих огненные стрелы, как бы сильный дождь из тучи, на толпы мужчин, женщин и детей. Когда поведал он о том преподобному, тот еще раз слезно молился за Новгород. Потом сказал: «Молитвами Богородицы и всех святых избавлен Новгород от потопления, но в нем – сильный мор на людей». И опять послал Тарасия смотреть на город.

Иноку представилась огненная туча, наступающая на город. В трепете поведал он о том святому. «После мора будет пожар в Новгороде, и вся торговая сторона его сгорит, и множество людей погибнет», – сказал на это преподобный, опять лег в гроб свой, и свечи погасли.

Печальное пророчество преподобного через несколько лет, действительно, с точностью исполнилось на злополучном Новгороде, избавленном, однако же, небесным предстательством святого от грозного потопления.

Иногда преподобный Варлаам являлся дивным заступником и молитвенником и за всю Русскую землю. Особенно замечательно обнаружилось это во время нашествия на Москву Махмет-Гирея (1521 год, при князе московском Василия Иоанновиче), когда Москва была избавлена от страшного врага чудесным заступлением преподобных Сергия, Радонежского чудотворца, и Варлаама Хутынского. Во время нашествия одной престарелой и лишенной зрения инокине было следующее видение. Оглушенная каким-то необыкновенным шумом инокиня увидела, что из Кремля в Флоровские ворота идет сонм святителей и других светолепных мужей в священных одеждах; они уносили с собою и чудотворный образ Божией Матери; шествие имело вид крестного хода. Между святителями можно было признать святых митрополитов Московских Петра, Алексия, Иону и Леонтия, епископа Ростовского. Собор сей, по выходе из Кремля, встречен был двумя старцами: один был преподобный Сергий, другой – Варлаам Хутынский. Старцы спросили святителей: зачем идут вон из города? Святители ответствовали, что исходят по воле Божией за нечестие города. Святые подвижники стали умолять отходящих, чтобы они умиливали своим ходатайством правосудие Божие, и начали обще с ними петь молебен. По совершении молитвословия, осенив град крестообразно, все возвратились в Кремль. И Москва была спасена от вражеского нашествия и разорения.

Верующие, во множестве стекавшиеся ко гробу преподобного Варлаама, по вере своей получали утешение в своих скорбях и исцеление от своих недугов молитвенным предстательством чудотворца. Упомянем о некоторых исцелениях, совершившихся по молитвам преподобного Варлаама.

Один человек страдал слепотой, хотя глаза у него и были открыты. Много истратил он денег на врачей, но не получил от них никакой пользы. Когда однажды наступил день памяти преподобного Варлаама, слепец велел вести себя в монастырь и поставить при ковчеге с мощами святого, которому и начал со слезами молиться о своем исцелении. В это время братия пели в храме молебен. И вот, когда в конце молебна запели:

«Владычице, приими молитвы раб твоих» (Богородичен 8-го гласа, на водоосвящении), слепой вдруг прозрел и прежде всего увидел ковчег с мощами. Не веря себе, он подошел и осязал ковчег руками, а потом, обведя взором церковь, увидел молящихся, народ и братию. Убедившись, что он видит совсем хорошо, он пришел в несказанную радость и громким голосом объявил всем о своем исцелении по молитвам святого Варлаама.

Один почитатель преподобного пришел вместе со своей женой помолиться ему, принес, что нужно было для братии, и устроил на свой счет общую трапезу. Когда он возвращался с богомолья водою, то недалеко еще от монастыря лодка опрокинулась и он утонул, а остальные с трудом спаслись. Люди, бывшие на берегу, не могли оказать тонувшему никакой помощи, побежали в ближнюю деревню и позвали рыбаков с сетями искать тело погибшего. Наконец мертвое и уже посиневшее тело было найдено и положено на берегу. Жена утонувшего громко плакала по нем, причем поминала святого Варлаама и, как бы гневаясь на него, говорила: «Это ли твое воздаяние, святой, нам, приходившим поклониться твоему гробу? Через твои молитвы мы надеялись получить долгоденствие, а ты попустил моему мужу умереть здесь нечаянную смертью! Лучше было бы нам не приходиться к тебе: тогда не погиб бы муж мой!»

Мертвеца уже хотели погребать, как вдруг вода хлынула у него из уст, и он встал здоровым и воздал благодарение святому, объявляя, что именно молитвами преподобного Варлаама он возвращен был к жизни.

Однажды в обитель преподобного был привезен из Новгорода больной князь Константин (самый младший (восьмой) сын Димитрия Донского; 1389–1434 гг.; принял иноческий сан с именем Кассиана). Болезнь его была так сильна, что он не мог уже двигаться на постели и сказать хотя бы одно слово, и все окружавшие уже отчаивались за его жизнь. Но когда его положили у раки преподобного и стали совершать молебное о нем пение, князь внезапно встал совершенно здоровый и возвратился домой, как будто никогда и не болел.

Много и других чудес совершалось при гробе преподобного Варлаама. И доныне все притекающие к нему с верою получают просимое по его молитвам и по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки. Аминь.

Ноябрь 8

Мария, святая благоверная княгиня

Благоверная княгиня Мария Димитриевна (дочь Димитрия Александровича, внука св. великого князя Александра Невского) была в супружестве с Довмонтом (в крещении Тимофеем, см. 20 мая), псковским князем. В 1267 году в Литве убит был князь Миндовг, вследствие чего произошли сильные возмущения и множество знаменитых литовских семейств прибежали из Литвы в Псков. Одним их таких переселенцев был Довмонт, который храбростью своей так понравился псковичам, что они выбрали его своим князем. Но чтобы упрочить его на княжестве (ввиду происков некоторых из русских князей), псковичи испросили у тогда бывшего великим князем Димитрия Александровича руку его дочери Марии для своего избранного князя (Довмонта). И Мария, с согласия родителя, вступила в брак с Довмонтом, принявшим крещение с именем Тимофей. По смерти Довмонта (в 1299 г.) Мария Димитриевна с именем Марфы пострижена была в монашество в Иоанно-Предтеченской женской обители, но в скором времени скончалась – 8 ноября 1300 года. Мощи ее находятся под спудом в древней церкви этой обители близ юго-западного угла. Память ее совершается 8/21 ноября. Над гробницей на черной доске надпись: «Гробница под спудом благоверной княгини, схимонахини Марфы». В Спасо-Мирожском монастыре на иконе Знамения Божией Матери, именуемой Спасо-Мирожскою, со стороны Богоматери изображены молящимися св. благоверный князь Довмонт (Тимофей) и супруга его княгиня Мария (в княжеской одежде и с короной на голове).

Ноябрь 9

Онисифор Печерский, в Ближних Пещерах Почивающий

Преподобный Онисифор прозорливый подвизался в Киево-Печерской обители в XII веке. О нем сказание помещено в «Послании смиренного Симона, епископа Владимирского и Суздальского, к Поликарпу, черноризцу Печерскому». «Слышал я правдивую вещь, – писал св. Симон, – от блаженных старцев Печерских; они же говорят от самовидцев этого чуда. Во время игуменства Пимена (1132–1141) в св. Печерском монастыре был там муж, совершенный во всякой добродетели, именем Онисифор, пресвитер саном. Он сподобился от Бога дара прозорливости, так что видел в сердце всякого человека согрешения его. Рассказывают о многих его подвигах; но я тебе одно скажу...» И далее повествуется об одном черноризце, который скоропостижно умер, и от его тела начал исходить сильный смрад, но, по молитве преподобного Онисифора, тело умершего перестало смердеть. Преподобный Онисифор скончался в 1148 году. Мощи его почивают в Антониевых (Ближних) пещерах. Память его, кроме общей всем преподобным Антониевых пещер, 9/22 ноября (вероятно, в память его тезоименитства со св. мучеником Онисифором IV века). Имя преподобного Онисифора упоминается в общем каноне Киево-Печерским преподобным (в 3-й песни) вместе с преподобным Иеремием и Матфеем прозорливыми (см. 5 октября): «Онисифоре блаженне, предвидевый вся и предвещая ясно, со Иеремием и Матфием, яко пророцы предвидящие, беды належащая скоро мя избавите молитвами вашими».

Ноябрь 10

Константин, грузинский князь, святой мученик

Константин происходил из знатной грузинской фамилии, в верхней Карталинии владевшей огромными имениями, унаследованными от предков. Он прославился в своей стране щедростью ко всем бедным, покровительствовал церквам и духовенству. В его время Грузия часто подвергалась нападениям от разных врагов; в одну из битв с варварами Константин был взят в плен и отведен в Тифлис к эмиру Буге, который сначала заключил его в темницу, а затем отправил к царю Джепару. Последний стал убеждать его отречься от Христа, но Константин твердо исповедовал себя христианином, за что заключен был в тюрьму, где вельможи уговаривали его подчиниться требованию Джепара. Непоколебимый исповедник скорей желал подвергнуться смерти, нежели отречься от исповедания христианской веры, за что, по повелению царя, он был усечен мечом в темнице на 85-м году его жизни – 10 ноября 842 года. Тело его было повешено на площади, но христианами было взято и перенесено в Грузию; где было погребено оно – неизвестно. При католикосе Иверском Иоанне II (871–893) в честь св. мученика Константина установлен был праздник и католикосом Антонием составлена служба.

Ноябрь 11

Максим Московский чудотворец, блаженный – преставление

Блаженный Максим, Христа ради юродивый, жил в Москве. О его родителях, времени и месте рождения ничего не известно. Святой Максим избрал один из самых трудных и тернистых путей ко спасению, добровольно, Христа ради, приняв на себя личину юродивого. Летом и зимой Максим ходил почти совсем нагим, переноса с молитвой и зной, и холод. «Хоть люта зима, но сладок рай», – говорил он, поучая всех терпению и перенесению житейских невзгод.

Русь очень любила своих юродивых, ценила их глубочайшее смирение, внимала их мудрости, высказанной доходчиво и образно народным языком пословиц. И слушали юродивых все: от великих князей до последнего бедняка.

Блаженный Максим жил в тяжелые для русского народа времена. Татарские набеги, засухи, эпидемии разоряли и губили людей. Святой говорил обездоленным: «Не все по шерсти, ино и напротив... За дело побьют, повинись, да пониже поклонись; не плачь битый, плачь небитый; оттерпимся, и мы люди будем; исподволь и сырые дрова загораются; за терпение даст Бог спасение». Но не только слова утешения говорил святой. Его гневных обличений страшились сильные мира сего – купцы и московская знать. Блаженный Максим говорил им, знатным да богатым: «Божницы домашня, а совесть продажна; всяк крестится, да не всяк молится; Бог всяку неправду сыщет. Ни Он тебя, ни ты Его не обманешь». Обличения юродивого не оставались бесплодными, многие из москвичей обращали свои сердца к Богу. Скончался блаженный Максим 11 ноября 1434 года и был погребен у церкви святых князей Бориса и Глеба. У мощей святого угодника Божия стали происходить чудесные исцеления. В 1547 году в окружной грамоте митрополита Макария предписывалось: «Пети и праздновати на Москве новому чудотворцу Максиму, Христа ради юродивому», вследствие чудес, совершавшихся при его гробе. Храм в честь князей Бориса и Глеба, рядом с которым был погребен святой

Максим, сгорел в 1568 году. При построении нового храма нашли нетленные мощи блаженного и стали праздновать обретение их 13 августа. В «Уставе церковных обрядов, совершавшихся в Московском Успенском соборе» (около 1634 г.) под 11 ноября сказано: «Максиму уродивому: благовест в лебедь, звон средней»; под 12/13 августа: «Праздновали преж сего Максиму блаженному: благовест в лебедь, звон средней; а ныне только празднуется в ноябре, а поют по уставу». В «Повести о перенесении мощей блаженного Максима» сказано: «О святом же житии его и чудесех, глаголют мнози, еже была не малая книга написанная, но не вем, како из церкви изгибе, или кто у прежде бывших священников взял ради списания». В 1698 году построена была новая церковь, которую освятили во имя святого Максима, Христа ради юродивого. В этом храме были положены честные мощи святого Максима.

Ноябрь 14

Филипп Ирапский, Череповецкий, преподобный

Преподобный Филипп, в миру Феофил, был основателем Ирапской пустыни; родился он в 1482 году.

Трудным и безрадостным было детство святого. Круглый сирота, 12-летний Феофил поселился вблизи Комельской обители и жил подаянием. Преподобный Корнилий († 1537; 19 мая/1 июня) сжалился над бесприютным сиротой, принял благочестивого отрока в обитель и через три года постриг в иночество с именем Филипп. Кроткий, смиренный и трудолюбивый, он, по ходатайству братии, был удостоен священства. Прослужив 15 лет в Корнилиевской обители, Филипп из любви к уединенной жизни удалился в Белозерские пределы и поселился на пустынном берегу реки Андоги. Здесь, пользуясь покровительством князя Андрея Шелешпанского, выделившего ему землю близ реки Ирапа, в 45 верстах от Череповца, преподобный поставил часовню во имя Пресвятой Троицы и соорудил себе келлию. Молва о святом пустыннике распространилась по всей округе, и к нему стали стекаться иноки. Вскоре на месте часовни была поставлена церковь во имя Святой Живоначальной Троицы. Усердные души приносили отшельнику все нужное для богослужения, а он часто приносил Бескровную Жертву за спасение своих братьев христиан. Много вытерпел он скорбей в пустыне, но твердо молился Господу. Раз пришел к нему благоговейный поселянин Мелетий и, после долгой беседы о душевном спасении, оставлен был ночевать. В полночь, проснувшись, стал он звать старца, но его не было в келлии; посмотрев в окно, увидел он: старец стоит у церкви с воздетыми к небу руками и руки его светятся, как свечи. Мелетий рассказывал это потом многим. Так подвизался в пустыни преподобный Филипп и приблизился к смерти. Когда стал он немощен ногами, так что не мог ходить в церковь, пришел к нему инок Герман, знавший его и прежде, и выпросил у святого старца дозволение жить с ним. Герман во время разговоров расспрашивал старца о прошлой жизни его и тайно записывал, что слышал. Немного времени спустя старец сказал

ученику: «Прошу любовь твою: когда увидишь меня мертвым, не оставь меня валяться на земле – погребви меня, я дряхл; ныне с тобой, а завтра найдешь меня мертвым». Причастившись Св. Таин, святой старец вечером почил мирно; ученик, совершив свое правило, застал уже его умершим. Необлеченный в сан священства Герман не знал, что ему делать. На рассвете вышел из келлии, и вот идет к нему старец. Оказалось, что то был священноинок Свирский Иона, слышавший об отшельнике Ирапском и желавший видеться с ним. Преподобный Филипп скончался 14 ноября 1527 года на 45-м году от рождения. Мощи его были положены под спудом в Троицком храме. Над его гробницей была икона, написанная по видению иноком Феодосием. Вскоре после кончины святого Филиппа на месте его подвига возник Красноборовский Филиппов монастырь. Празднование преподобному Филиппу было установлено в конце XVI века. Рукописная служба ему относится к концу XVI века.

Ноябрь 15

Филипп Рабангский, преподобный

Сведения, сохранившиеся о жизни преподобного Филиппа Рабангского, очень скудны. Совершенно неизвестно, где и когда родился преподобный, кто были его родители и в какое время он пришел в Глушицкую обитель, ставшей колыбелью его иноческой жизни. Здесь, в обители преподобного Дионисия (память 1/14 июня), он принял монашество и, как истинный инок, как строгий подвижник, сделался одним из приближенных учеников угодника Божия. По кончине преподобного Дионисия Глушицкого (в 1437 г.) преподобный Филипп оставался некоторое время в родной ему обители при втором игумене ее, преподобном Амфилохии (память 12/25 октября), а потом, ища безмолвия, покинул Глушицы и поселился на берегу Рабангской Сухоны, в 32-х верстах к северо-востоку от Вологды. Местность эта отличалась удивительной красотой. Высокий берег Сухоны при одном из ее поворотов позволял далеко видеть течение величественной реки, а на противоположном берегу шла цепь невысоких холмов. Местность представляла море девственного леса, не тронутого рукою человека. Здесь, среди векового бора, подвижник поставил себе келлию, чтобы в желанном уединении и безмолвии проводить жизнь свою. Но вскоре жители более близких поселений случайно открыли отшельника, и уединение его было нарушено.

Пустынника начали посещать миряне для духовной беседы. Среди ищущих совета и помощи подвижника были и такие, которые желали спастись под его руководством; таким путем собралось несколько человек братии. Братия просили преподобного Филиппа, чтобы он построил храм и основал при нем общежительный монастырь. Видя в просьбе их указание Промысла Божия, преподобный отправился в Ростов к архиепископу Ефрему (управлял Ростовской епархией с 1427 по 1454 гг.) за благословением на создание храма и обители. Архиепископ охотно дал благословение преподобному Филиппу как ближайшему ученику преподобного Дионисия и сверх того снабдил его всем необходимым для освящения церкви; самого

подвижника владыка поставил игуменом новосозидаемой обители. В 1447 году храм обители был уже освящен в честь Преображения Господня, от которого и самая обитель получила наименование Спасо-Преображенской. Став во главе братии, преподобный Филипп удвоил свои подвиги: проводя жизнь в непрестанных трудах, посте и молитве, он подавал пример своему словесному стаду; всегда строгий к себе, подвижник был неизменно снисходителен и милостив к другим. Так, не ослабевая в суровых подвигах даже с достижением старческого возраста, преподобный Филипп свершил течение своей жизни по пути добродетели. После десятилетнего управления своей обителью 15 ноября 1457 года он мирно почил и был погребен в ней близ церкви.

Гурий, Игумен Шалочский, преподобный

Преподобный Гурий был первым игуменом Шалочской Богородичной пустыни, расположенной в 35-ти верстах от Устюжны. В «Книге, глаголемой описание о Российских святых», упоминается «преподобный Гурий, игумен Шалатской пустыни». Он игуменствовал в 1603 году. В «Иконописном подлиннике» преподобный Гурий описан под 14 ноября: «подобием сед, брада, аки Никона Радонежского, ризы преподобническа».

Паисий Величковский, преподобный

Преподобный Паисий родился в городе Полтаве в семье Иоанна Величковского в 1722 году 21 декабря, на память преставления святителя Петра Московского и всея Руси чудотворца, и наречен был во имя этого святого. Отцовская линия Петра была духовного сословия – брат, отец, дед и прадед были священниками, окормляя один и тот же приход города Полтавы – церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы. Четырех лет от роду младенец лишился отца, а в отрочестве лишился и брата. Попечителем и воспитателем Петра стала его мать Ирина. Грамоте отрок был обучен по Псалтири и после этого по желанию матери и прихода Успенской церкви на тринадцатом году был отдан на учение в Киевскую духовную академию. Здесь, в академии, впервые Петр стал тянуться душой к монашескому житию; мудрым наставником в этом его стремлении был иеросхимонах Братского Богоявленского монастыря Пахомий, открывший в душе своего воспитанника чувство благоговения перед словом Божиим.

Когда Петру исполнилось семнадцать лет, он пожелал удалиться в монастырь и там постричься в монахи. В это время с ним произошла история, сохранившаяся в памяти старца Паисия всю жизнь. Петр обратился к настоятелю Китаевской пустыни, что под Киевом, с просьбой оставить его в монастыре для принятия пострига. Настоятель пригласил Петра в келлию и там троекратно предложил ему сесть на стул, но Петр остался стоять у дверей, явив этим в глазах настоятеля несовершенное смирение. На это игумен сказал ему: «О брате, ты молишь меня принять тебя во святую обитель нашу монашества ради. Но я в душе твоей не вижу и следа монашеского устройства. Не вижу в тебе смирения Христова. Не вижу в тебе послушания и отсечения воли своей и рассуждения, но сопротивное все». Этот отказ сильно опечалил юношу, но через того же наставника услышал он, что на все укорения, от кого бы они ни исходили, истинный инок должен отвечать: «Прости, отче святой,

согреших» и не говорить более ни слова оправдательного. Эту историю потом всегда рассказывал преподобный ученикам своим как урок для послушания.

После случившегося Петр должен был опять приступить к академическим занятиям. Однако, прожив так до лета, он вновь оставил академию, и по благословению духовника своего Пахомия отправился в Любечский монастырь, основанный преподобным Антонием Печерским. Чадолубивый игумен Никифор (Коханский) принял юношу и благословил его келарствовать. Образ этого первого для Петра игумена оставался образцом ему всю жизнь во все дни его старческих подвигов. Здесь же, в Любечском монастыре, началось для Петра его первое послушание по списыванию книг. Один из иноков обители, иеромонах Иоаким, увидев большую любовь Петра к святоотеческим творениям, предложил юноше «Лествицу» Иоанна, игумена Синайского. Послушанием инок стал теперь работа по переписыванию «Лествицы». Вскоре в Любечском монастыре произошли перемены. Игумена Никифора сменил Герман (Загоровский), который настоятельствовал «не по подобию прежнего игумена, но властительски». Однажды Петр, со страху не выяснив, о какой пище просил его настоятель, досадил последнему своей непонятливостью, за что был с гневом выгнан. Петр рассудил, что если за малый грех такое ему наказание, то каковое же будет за большое прегрешение. После случившегося он ночью тайно вышел к Днепру, и, помолившись Богу, перешел на другую сторону по льду.

Между тем, во время пребывания Петра в монастыре его мать Ирина скорбела об уходе сына. Дабы вернуть его домой, она, наложив на себя пост, стала ежедневно читать акафист Божией Матери. Вскоре ей было открыто, что сын ее Петр непременно будет монахом. Как она потом рассказывала духовному своему отцу и родственникам, ей был явлен Ангел, сказавший: «О, окаянная, что это ты делаешь? Вместо того, чтобы от всей души и от всего сердца возлюбить Господа Бога Создателя твоего; ты больше твоего Создателя возлюбила создание Его – твоего сына и ради нерассудной и богопротивной

любви твоей умыслила сама себя голодом уморить, что сын твой, благодати Божией споспешествующей, непременно будет монах. Подобаает же и тебе подражать в этом сыну твоему – отречься от мира и всего, что в мире, и быть монахиней; такова есть воля Божия; да научатся и прочие родители не любить чад своих паче Бога». В скором времени приняла Ирина монашество с именем Иулиании в Старопокровском монастыре близ Полтавы. Это освобождало Петра от домашних обязанностей и открывало ему путь к постригу.

Выйдя из Люблича, Промыслом Божиим достиг Петр пустытника Исхия у Монашеских гор, постоянным рукоделием которого была переписка книг святых отцов. Два раза просился Петр к нему в послушание, но смиренный старец всякий раз отвечал: «Немощи ради души моя не могу тебя принять». Петр, сочтя причиной отказа свое недостойнство, опечаленный и расстроенный, решил продолжить свой путь в какую-нибудь другую обитель.

По приходе в обитель святителя Николая – в Медведовский монастырь на реке Тясмин, в день Преображения Господня в 1714 году Петр был пострижен в рясофор с именем Парфений. Однако братия, смиряя его, постоянно, как бы по ошибке, стала называть его Платоном. Неоднократно просил Парфений у игумена позволения называться именем пострига, но никак не преуспел в этом и смирился. Старец-восприемник, не дав ему никакого правила, сам не ученый, удалился через несколько дней после пострига, так что постриженник лишился не только имени, но и духовного отца своего, не выдав его потом уже никогда. Недолго пришлось подвизаться иноку Платону, ибо униаты воздвигли гонение на Православие. Медведовским монахам было предложено принять унию, и по их отказе церковь монастырскую власти опечатали, а братия разошлась; Платон же, Маркирий и Крискент ушли в Киевскую лавру, где и нашли приют. Здесь хотел остаться инок Платон на постоянное жительство, однако один лаврский прозорливец старец Ковальский предрек ему новое странничество. Инок Платон сначала сомневался в его словах, но появившийся в лавре друг по академии Алексей вновь пробудил жажду пустынничества и

странствия, напомнив об их обете юности: не жить в обителях телесного довольствия и достатка.

На этот раз инок Платон направился в Валахию. Путь странствия пролегал через келлии и пещеры подвижников скитских и пустынных Матроненского монастыря, скита Кодрица, скита Доогоуцы и, наконец, скита Трейстены – Свято-Никольского. Все эти обители были окормляемы старцем Василием Поляномерульским (или Мерлополянским).

Видя ревность по Боге и опытное восхождение в смиренномудрии инок Платона, братия предупредила его о том, что когда придет старец Василий Поляномерульский, он будет звать его к себе в скит Мерлополяны на священническое служение. Однако монах Досифей предостерег Платона, чтобы он принимал сан лишь в том случае, если уверен, что, будучи в сани, сохранит в себе правила и заповеди святых отцов, в противном случае пусть принимает сан в зрелом возрасте телесном и духовном. Старец Василий, действительно, удивившись опытности молодого монаха, предложил ему принять священное рукоположение, на что преподобный отец ответил: «аз не имам намерения в такой великий и страшный сан и до смерти моей вступить».

Послушание Платона было стеречь монастырский виноград. В трудах он однажды, не услышав монастырское било, проспал на богослужение. Дойдя до церкви ко времени чтения канона, «от смущения не дерзнул войти в нее, впал в отчаянный плач и сетование, и даже на литургию и трапезу не явился, сидяше под древо на земли и горько плакаше». Инок Афанасий по повелению игумена отыскал его и принудил явиться перед братиею. Платон упал перед игуменом и собором «на землю, плача горько, и рыдая неустанно, и прося прощения». Старец Михаил, видевший слезы Платона, сказал: «Видите, братие, сего брата, толику ревность по Бозе и печаль огненну имуща: пусть он будет всем вам в образ и в подражание к усердному на правило востанию и хождению». После этого события инок Платон, чтобы более не проспать, решил совсем не ложиться на одре, но отдыхать только, сидя на лавке.

Но через некоторое время Платон вновь решил отправиться в путь. На этот раз он пошел в горный скит Кырнул во имя св. Архистратига Михаила. Здесь с благословения старца Михаила Трейстенского и начальника Кырнульского скита иеромонаха Феодосия началось пустынножителство отца Платона, который, «седе в келлии своей радуясь и со слезами славя Бога, обучаясь истинному монашескому безмолвию – матери покаяния и молитвы». К этому времени плодом странствования отца Платона по обителям и пустыням Малороссии и Молдо-Влахии явилось опытное знание послушания и смирения и умной молитвы, в сердце совершаемой, которую старец непрестанно совершал до самой своей смерти.

Наконец, инок Платон оставляет и это место, отправляясь в новое странствие, на сей раз на гору Афон. Это было последнее путешествие, которое преподобный совершил по своему желанию; все последующие его хождения были вынужденными оставлениями монастырей. До Афона отец Платон поселялся в пустынях, а после Афона – в общежитиях.

Умолив старцев Василия Поляномерульского, Михаила Трейстенского и Онуфрия Кырнульского отпустить его и благословить на гору Афон, добрался Платон до Святой Горы со многими трудностями и, спустя четыре дня по прибытии на Афон, отец Платон остался один – спутник его иеромонах Трифон, заболев, скончался. Многие места Святой Горы обошел инок Платон, ища старцев, сильных в подвиге и в знании святоотеческих писаний и, не найдя таковых, вселился один в пустыню, пробыв в этом подвиге сорок месяцев. «Кто же может исповедать вся его подвиги, егда пребываше один с Единым Богом, сущу ему в разженном богорачении». В это время на Афон явился отец молдавских пустынников и старцев Василий Поляномерульский. Найдя блаженного Платона, беседовав с ним несколько дней и ночей, по просьбам пустытника облачил его в мантию с переменной имени на Паисий. Ему в это время было двадцать восемь лет. Спустя некоторое время монах Виссарион пришел к старцу Паисию, прося оставить его жить при себе в послушании. Старец, знающий на опыте своем такую

же жажду, предложил Виссариону жить вместе и творить равно для обоих все подвиги – телесные и духовные.

Преподобный Паисий учил, что истинным наставником в деле спасения души может быть только тот, который сам понуждает себя творить все заповеди Господни, по слову Писания: «Иже сотворит и научит, сей велий наречется. Какого бо инаго наставити на путь может, иже сам не хождаше?» Соблюдение заповедей Господних и научение всему тому ближних – таков образ святости, достигнутый старцем Паисием.

Старец Паисий не считал себя достойным учительствовать, поэтому согласился принять Виссариона только в качестве друга, но не ученика, чтобы обоим вместо отца и наставника иметь учение святых и богоносных отцов Церкви. С таким условием принимал святой Паисий и других братьев, посему возникло среди Паисеева братства стремление собирания писаний святых отцов, традиция книжности. Это было необычно для афонских монастырей того времени – большинство монахов книг не имело, а о святых писателях даже и не слышало. Поэтому каждая находка древней книги была поводом для большой радости преподобного Паисия. Однажды он увидел у монаха-каппадокийца на столе книгу св. Петра Дамаскина, которую тот переписывал. Старец много позже писал: «Не могу сказать, какой неизъяснимой духовной радости я исполнился, когда увидел ее. Я думал, что на земле вижу небесное сокровище». Такое книжное накопление сопутствуемо было нестяжанием в духе преподобного Нила Сорского, ибо преподобный Паисий «не имяше бо срачицы (нижней одежды), точию един подрясник и ряску искропаны (изодраны) и в заплатах». Вскоре братии собралось до двенадцати, и назрела необходимость в священнике и духовнике, поэтому не только собратия, но и другие афонские подвижники стали умолять Паисия принять священный сан. Рукоположен отец Паисий был в 1758 году в возрасте тридцати шести лет. Будучи иереем, преподобный Паисий никогда не мог совершать святую литургию без слез.

Братия с благословения патриарха цареградского Серафима переселилась в Ильинский скит монастыря

Пантократор. Этот скит стал по примеру других национальных на Афоне монастырей обителью малороссов. Здесь находили упокоение выходцы из Запорожской Сечи и других мест Украины. Старец Паисий за сто лет предсказывал славу этого скита: «Со временем будет в скиту другой Паисий, и при нем обитель устроится, возвеличится и прославится». Пророчество осуществилось в середине XIX века при игуменстве Паисия II. В Ильинской обители было установлено общежитие, которое по примеру святых отцов преподобный Паисий уподоблял страстям Господним или «земному небу», посреди которого насаждено Богом древо жизни – треблаженное послушание.

Вскоре начали посещать Паисиево братство испытания. Один монах афонский, имевший под своим началом скит Кавсокалив, начал публично осуждать образ жития Паисиева братства за их книжное собирание и опущение молитвенных правил. Отец Паисий по ряду выражений в письме понял и объявил Афанасию, что он даже и Евангелие не читал, а пытается учить братию и хулить священное предание, содержащееся в святоотеческой письменности. По поводу же молитвенных правил старец ответил – слово в слово как на такое же обвинение ответил тысячу лет назад Нил Синайский – для пения тропарей, прокимнов, канонов, и прочего необходимы иерархические чины: чтецы, певцы, диаконы, священники; пустынникам же подобает читать Псалтирь, молитвы и святоотеческие писания.

Афонское пустынно-общежительное пребывание преподобного Паисия длилось семнадцать лет. В это время на Афоне начались притеснения христиан со стороны мусульман, по причине этого старец оставляет Святую Гору и возвращается в Молдавию. В Молдавии нашелся пустующий Драгомирнский монастырь Святого Духа, куда с позволения господаря Григория и благословения митрополита Ясского Гавриила вселился старец Паисий с братией. Молдо-Влахия тех времен была прибежищем монашествующих со всех окрестных стран – это время закрытия монастырей в России (введение штатов) и униато-католического наступления на православных юго-западных славян. За три года число Драгомирнской братии

устроилось. Устроитель братства отец Паисий написал и ввел устав по чину св. Василия Великого, св. Феодосия Великого, св. Феодора Студита и Афонской горы. Основные идеи этого устава: нестяжательность («ниже малейшей вещи не имети»), отсечение воли и послушание, умная молитва и чтение книг, непрестанное рукоделие и бытовое благочиние (образцовая больница, странноприимница, церковные художества и другое). С наступлением долгих зимних вечеров до Лазаревой субботы по вечерни старец Паисий собирал вокруг себя всю братию, попеременно славян и молдаван, и читал от святых отец поучения – св. Василия Великого, «Лествицу», Авву Дорофея, св. Симеона Нового Богослова и других. В этом же монастыре преподобный принял схиму без перемены имени.

Паисиевская книжность – переводы и переписка – расцвела здесь во всей красе; монахи различных языков трудились по распространению святоотеческих творений и составляли славянский свод Добротолюбия. Земля, на которой помещался Драгомирнский монастырь, после русско-турецкой войны (1774 г.) отошла к католической Австрии. Авва Паисий, не видя возможности мира духовного Восточной Церкви в новом государстве, решил уйти и увести за собой всю братию – 350 человек. Господарь Григорий Гика и митрополит Гавриил предоставили им уединенный в горах бедный Секульский монастырь Усекновения главы Иоанна Предтечи. Житие в Секуле было по образу Драгомирнскому, но братия умножилась, переполняя все келлии и строения. Поэтому преподобный отец обратился к господарю Константину Мурузу о помощи в строительстве келлии. К изумлению и смущению старца Константин повелел переселиться братии в богатейший Нямецкий монастырь. «Предвидя разорение и гибель устроения душевного братии, к сему же яко имать упразднится общее поучение братии», старец стал просить господаря не переводить его мирное братство в многолюдный монастырь, часто посещаемый мирянами. Константин же на все мольбы ответил: «Сотвори послушание, иди в Нямец, ничтоже рассуждая». В Секуле осталась часть братии, а другая вместе с аввой Паисием переселилась в Нямец. Войдя накануне Успения

в 1779 году в соборную церковь Нямецкого монастыря с пением «Достойно есть», братия поклонилась святым иконам, старец же, подойдя к иконе Пресвятой Богородицы, вручил себя и братию покрову и окормлению Божией Матери.

В Нямце житие было устроено отцом Паисием по образу Драгомирны и Секула – общежитие, умная молитва, переписка и чтение святоотеческих книг, ежедневное (утром и вечером) исповедание помыслов духовникам. Паства преподобного умножилась – в Нямецком монастыре были иноки более чем десяти национальностей, и число их к 1790 году возросло до тысячи человек. В то время это была самая многолюдная обитель Восточной Православной Церкви. Авва Паисий, кроме этого монастыря, окормлял по-прежнему Секул и другие окрестные монастыри и скиты. Подлинно, вселившись в пустыню, заселил он ее плодами Божественного добротолубия.

Окормляя многочисленных пасомых, авва по достоинству должен был принять сан архимандрита, что и совершилось в 1790 году при посещении Нямца архиепископом Екатеринославским Амвросием. На протяжении всего времени старческих подвигов в молдавских монастырях авва Паисий учил братию умной молитве, продолжая единую линию отцов Добротолубия: св. Григория Синаита, св. Григория Паламы и прп. Нила Сорского. Отец Паисий приводит многочисленные доказательства и свидетельства святоотеческого почитания умной молитвы «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», которая есть и моление, и исповедание веры, и само спасение. Всяким видам христианской молитвы старец находит место и значение по их достоинствам и благоплодию: «Умно-сердечная молитва – для преуспевающих, для средних – пение, то есть обычные церковные песнопения, и для новоначальных – послушание и труд». Многотрудная жизнь старца подходила к своему земному концу. Поболев пред кончиной и преподав через Софрония – духовника славянской братии и Сильвестра – духовника молдавской братии благословение всем, с кем был связан духовными узами подвижничества, он с миром преставился в 1794 году 15 ноября, пожив 72 года. Погребен преподобный Паисий в Нямецком монастыре в соборном храме

Вознесения Господня у южной стены. Житие и деяния старца Паисия сказались на духовной истории сотни российских монастырей. Известные пустыни – Софрониевская, Глинская, а в особенности Оптиная, определявшие духовное возрождение русского народа в XIX веке, были продолжательницами духовного наследия старца Паисия.

Старцы оптинские – Моисей, Леонид, Макарий и Амвросий – явились учениками того дела, которому так много послужил знаменитый архимандрит Нямца и Секулы преподобный Паисий.

Преподобный Паисий канонизован за святую подвижническую жизнь, как молитвенник, совершитель и учитель умной Иисусовой молитвы, как восстановитель в русском монашестве спасительного подвига старчества, как духовный писатель, оставивший в своих трудах назидательный пример для восхождения чад церковных по пути духовного совершенства.

Ноябрь 16

Сергий Малопинежский, преподобный

Преподобный Сергий, в миру Симеон, родился в 1493 году. Отец его Маркиан Стефанович Неклюд, из рода митрополичьих десятильников детей боярских (боярские дети при древних епископах были их светским чиновниками. Должность десятильника, или десятичника, установлена в глубокой древности для сбора десятины, жертвваемой богатыми людьми, главным образом князьями, в пользу Церкви), жил в Великом Новгороде в тяжелую пору подчинения вольного города державной воле великого князя московского Иоанна III (княжил с 1462 по 1505 гг.). Тогда Маркиан покинул родину и удалился «в страну Студеного (то есть Белого) моря». Местом своего жительства он избрал волость Малую Пинежку по уезде Пинеге. Маркиан здесь женился. Он был «навычен книжному учению и грамоте». Это открыло ему путь в духовное звание, и он с честью служил сначала клириком, а потом священником в Сурском погосте. Как сам Маркиан, так и жена его Аполлинария вели жизнь добродетельную и в старости, по взаимному согласию, облеклись в иночество – Маркиан с именем Матфея, Аполлинария с именем Пелагеи. Матфей скончался игуменом Воскресенского монастыря в городе Кевроле, а Пелагея – схимницей.

От этой благочестивой четы и родился Симеон. Нет сомнения, что родители воспитали его в заветах строгого благочестия. Ничего не известно о жизни Симеона до времени достижения им тридцатилетнего возраста, когда он был уже иереем Малопинежского погоста, при только что устроенных церквах в честь Преображения Господня и во имя великомученика Георгия. Шестьдесят два года Симеон самоотверженно нес нелегкие обязанности приходского пастыря: не только руководил спасением овец своего словесного стада, но и умножал число их, обращая ко Христу «некрещеную чужд», то есть инородцев-финнов. Как свою паству, так и присоединяющихся к Церкви Симеон поучал не столько словом, сколько собственным примером святой жизни.

Он «имел душу милостиву и чист помысл, сердце бодро, смирение и крепость молчаливую и любовь воистину нелицемерную». При этом подвижник-пастырь имел внушительную и благолепную наружность. Добродетели и достоинства его привлекали к святому не одних прихожан, из которых многие и родились при нем и состарились, но и окрестных жителей: слава о Симеоне, как о человеке добродетельном и редком пастыре, далеко распространилась за пределы его прихода.

Чувствуя приближение кончины, блаженный Симеон принял сначала монашество, потом схиму с именем Сергия от игумена Воскресенского монастыря Иринарха, прибывшего в село из города Кевролы для сбора церковной дани. 16 ноября 1585 года, будучи уже глубоким 92-летним старцем, преподобный Сергий мирно почил. Тело преподобного, по завещанию его, было погребено близ алтаря церкви Преображения Господня. «Памяти ради», чтобы не забыть место погребения преподобного, поставили над его могилой «голбчик деревянный», то есть надгробный памятник в виде маленькой сени. Под эту сень вскоре стали стекаться ищущие исцеления, потому что Господь прославил Своего угодника даром чудотворений.

На другой год по кончине преподобного Сергия клирик Преображенской церкви, страдавший головными болями, услышал во сне голос, который побуждал его идти на могилу Сергия и взятой с нее перстью потереть голову. И лишь только клирик исполнил повеление, как избавился от своей болезни. Слух об исцелении быстро распространился среди многочисленных почитателей памяти почившего пресвитера и привлек к его могиле многих больных. Они также брали с нее землю и, отираясь ею, по молитвенному ходатайству перед Господом преподобного Сергия получали исцеления. Новые же исцеления еще более укрепляли убеждение в святости Сергия.

Его разделял и священник церкви Преображения Господня Елисей, живший спустя 60 лет после преподобного: ежегодно 16 ноября, в день кончины преподобного Сергия, он совершал его память. Этот чтимый Елисеем день раз ознаменовался для него

следующим видением. После домашнего утреннего правила Елисей пошел в церковь служить утрению. Приблизившись к храму, он с удивлением заметил, что храм освещен как в праздник, полон молящегося народа, и что какой-то священник уже совершает в нем богослужение. Елисей подумал, что это присланный для сбора церковной дани десятильник, который начал богослужение, не дожидаясь его. Смущенный, вступил священник в трапезу и взглянул через окно ее в самую церковь, но в ней уже ничего не увидел, а только почувствовал чудесное благоухание, распространившееся по трапезе из храма.

Сын Елисея Киприан, служивший на месте отца, также свято чтит память преподобного Сергия и особенно день его кончины. За двадцать восемь лет своего священства при храме Преображения он был свидетелем многих чудотворений угодника Божия, а одно из них проявилось даже над его семьей. Киприан дал обет построить часовню над могилой преподобного Сергия, но потом, откладывая день за днем исполнение своего обещания, он в конце концов и совсем позабыл о нем. Вдруг (в 1648 году) всех сыновей его постигла тяжелая болезнь, которая не поддавалась никакому лечению. Отчаявшись в помощи человеческой, родители обратились за помощью к Богу: молились, делали пожертвования на церковь, давали обеты, но ничто не помогало – болезнь детей даже усиливалась. И вот однажды младшему сыну Киприана Нифонту является во сне преподобный Сергий и открывает, что болезнь есть наказание родителям, не исполнившим своего обета – построить над его могилой часовню. При этом угодник Божий обещал возвращение здоровья Нифонту и его братьям, если отец их загладит свой грех, то есть построит часовню. Уже потерявший от болезни силы говорить, отрок однако после явления получил возможность рассказать родителям о своем сновидении. Они поспешили поставить часовню, и болезнь детей немедленно прекратилась.

Через три года после этого, в 1651 году, было установлено по воскресным дням еженедельное молебное пение над могилой преподобного Сергия. Ближайшим поводом для этого послужило явление угодника Божия одной женщине по имени

Феодосия. Феодосия пришла в Малопинежскую волость с Двины и ранее ничего не слыхала о преподобном Сергии. Женщину эту постигла болезнь, во время которой в сонном видении ей явился преподобный: обещая исцеление, он велел ей идти в часовню на его могилу и сказать клирикам церкви Преображения, чтобы они совершали отселе во все воскресные дни молебное пение Всемиловитому Спасу «по обычаю в часовне над его гробом, и память его творили бы, покамест Бог восхощет, неотложно». После видения больная тотчас же выздоровела, поспешила к могиле преподобного и рассказала малопинежским клирикам о всем происшедшем с нею. Молебное пение в часовне было тогда установлено. Но в том же году, в один воскресный день почему-то не было совершено молебна, и в следующую ночь преподобный Сергей явился во сне одному из местных жителей и строго подтвердил, чтобы его повеление соблюдалось «неотложно и неизменно».

Новые чудотворения у гроба угодника Божия побудили жителей Малопинежья в 1655 году установить празднование памяти преподобного Сергия в 16/29 день месяца ноября и написать «образ подобия его». Честные мощи преподобного Сергия почивали под спудом в деревянной часовне.

Ноябрь 17

Гоброн, мученик и с ним 133 воинов грузинских

Мученик Гоброн, во святом крещении Михаил, и с ним 133 воина – грузинские мученики X века. Мученик Михаил, происходивший из знатного княжеского рода, с юных лет отличался храбростью и неустрашимостью, за что и был прозван Гоброном (что значит на арабском языке «мужественный, храбрый»).

В 914 году арабский военачальник Абдул-Касим, опустошив Армению, захватил Тбилиси и осадил крепость Квели, защищаемую святым Гоброном и его воинами. После 28-дневной осады, вероломно нарушив заключенное перемирие, арабы ворвались в крепость и пленили ее стойких защитников во главе с Гоброном.

Грузинский царь Адарнасе II (881–923) выкупил многих пленных, но на выкуп святого Гоброна арабы не согласились. Эмир предложил ему принять ислам, обещая свободу и богатство, но получил решительный отказ. Тогда на глазах у святого Гоброна были истреблены 133 его воина, также отказавшиеся отступить от веры во Христа. Святой Гоброн, омочив в крови мучеников палец, изобразил на своем лбу крест и, возблагодарив Господа за ниспосылаемый мученический венец, кротко и незлобиво принял смерть через усекновение главы 17 ноября 914 года. Автор «Мученичества Михаила (Гоброна)» (914–918), Тбетский епископ Стефан, повествует, что тело святого Гоброна и тела 133-х его воинов были зарыты в общую яму. «Чудный свет почти каждую ночь освещал могилу святых мучеников, множество больных, приходивших на могилу святых, получали здравие». Грузинская Церковь причислила мученика Гоброна и его воинов к лику святых и установила их память в день мученичества – 17/30 ноября.

Никон, Игумен Радонежский, преподобный

«Повеждь ми ныне вся великая, яже сотвори Елисей» (4Цар. 8, 4). Так говорил царь израильский отроку – слуге пророка Елисея, человека Божия. Елисей был ученик и служитель великого пророка Илии; но поскольку почил на нем дух Илиин, то и его дела сделались велики, жизнь его достопамятна. Подобно сему и преподобный Никон был ученик великого аввы Сергия. И поскольку он был совершенный ученик совершенного учителя, то почил на нем дух наставника его. И Никоново имя еще во время земной жизни его, как изъяснился первый жизнеописатель, «яко освящение некое обносимо было».

Преподобный Никон родился и лета детства провел в недалеком месте от обители преподобного Сергия, в городе Юрьеве Польском. В юном возрасте Никон, услышав об ангельской жизни преподобного Сергия и желая последовать ему, пришел к святому Сергию в обитель и просил приобщения к лику монашествующих. Но случилось то, чего не ожидал проситель: преподобный Сергей не принял своего будущего преемника.

Дела святых бывают и в малом велики, и в виде недоразумений премудры. Так некогда преподобный Евфимий Великий не принял в свою лавру будущего основателя лавры и вождя всех палестинских монахов Савву Освященного, пришедшего к нему в юном возрасте, а отослал его в другой подчиненный монастырь к преподобному Феоктисту. Несообразным находил он, к собору, составленному преимущественно из старцев-подвижников, приобщить юношу по возрасту, требующего иногда отдельного руководства. Так, вероятно, рассуждал и преподобный Сергей о юном Никоне, провидя его чистоту и благоразумие, потому решил поставить его в неожиданный подвиг послушания и смирения. Предвидел прп. Сергей будущую судьбу Никона и хотел, чтобы тот, кому суждено младшему начальствовать над старейшими подвижниками лавры, явился им, по крайней мере не юношей, а

уже в пресвитерском сане. Таким образом авва послал юношу в монастырь к ученику своему Афанасию Высоцкому († после 1401 г.; память 12/25 сентября).

Заметим начальный, но уже не маловажный подвиг Никона. Он знал святость и премудрость прп. Сергия и в нем именно надеялся найти для себя совершенного руководителя. А прп. Афанасия, по всей вероятности, он не знал и не мог иметь к нему такой веры, какую имел к Сергию. Кто в подобных обстоятельствах не был бы в искушении сделать возражение наставнику? Но Никон не прекословил. Он согласился быть в удалении от прп. Сергия, и тем совершил подвиг послушания и самоотвержения; согласился быть учеником ученика, и тем совершил подвиг смирения. И как подвиг его награжден впоследствии! Никто не пользовался такой близостью к прп. Сергию, как сей, из послушания удалившийся от него. Таков жребий беспрекословного послушника. Он еще ничего не сделал, а уже совершил подвиг и обеспечил себе награду.

И прп. Афанасий не без испытания принял Никона. Духом Святым прозревая в нем будущее, святой старец устрашал его трудностями монашеского жития: «Иноки называются добровольными мучениками. Святые мученики многие в один час пострадали и скончались, а иноки каждый день терпят страдания, не от мучителей, но внутри от естества собственной плоти и от врагов мысленных бывают боримы и до последнего издыхания страдают. Чадо, если приступаешь работать Господу, уготовь душу свою терпеть искушения и страдания, и если это претерпишь, то получишь великое мздовоздаяние на небе». Но видя его твердую решимость на все требуемое и слезы, принял его и облек в иноческий образ. Прп. Никон следовал руководству опытного подвижника, как бы самого прп. Сергия: учился умному деланию, изучал Священное Писание и преуспевал в добродетели и чистоте. По достижении совершенного возраста он был возведен в сан иеромонаха.

Блаженный Афанасий любил Никона, но душа Никона стремилась в пустынь великого Сергия. Не более двух лет пробыл он в Высоцкой обители, как возникло в нем сильное желание видеть преподобного Сергия, получить его

благословение и слышать его богомудрое наставление. То было сокровенное мановение благодати, зовущей его к predetermined назначению. Он открыл свое желание прп. Афанасию и, получив благословение, пришел в лавру Сергия. Угодник Божий не только с любовью принял его, как посетителя, но и оставил в своей обители. Он повелел преподобному Никону служить братии. Целые дни проводил ученик в монастырских делах, а ночи – в молитвенных беседах с Богом. Преподобный Сергей утешался духовным преуспеванием смиренного послушника, который с усердием принимал наставления и поучения, ибо искренно желал быть подобным своему великому старцу. В лице своего учителя он видел образ Христа и всегда мыслил себя предстоявшим Богу, каждое послушание духоносного Сергия он принимал с верой и исполнял без промедления. Предвидя особую благодать в любимом ученике, преподобный Сергей повелел ему пребывать с собой в одной келлии. Здесь нашел для себя преподобный Никон и высшее училище духовного любомудрия, и новое поощрение к подвигам и добродетелям в близком его примере, и ограждение от искушений в его прозорливом руководстве, и подкрепление против немощей в его сильной молитве, и райское утешение в общении сей молитвы. Желая видеть в подвижнике соучастника духовного делания, авва Сергей с любовью поучал его добродетели и разъяснял сущность духовной жизни. Любящее сердце прп. Сергия было для прп. Никона отверстой дверью, отколе исходил к нему благодатный свет и мир; верное сердце Никона к Сергию было также отверстой дверью для открытия помыслов и душевных движений, дабы никакая мгла сомнения или смущения не уменьшала чистоты совести. Уже одно открытие старцу худых помыслов, по свидетельству опытных подвижников, истребляет их и обессиливает страсти. Сколько же святого и духовного переходило с наставлениями прп. Сергия в открытую для них душу прп. Никона! Так почил на блаженном Никоне дух великого Сергия. Видя духовную зрелость и опытность ученика, строгий игумен сначала возложил на преподобного Никона часть своих попечений о братии под своим смотрением, а за шесть месяцев

до своего преставления, перед удалением для безмолвия в затвор, назначил его своим преемником. После блаженной кончины любимого учителя († 25 сентября 1392 г.) кто мог наполнить безмерную пустоту, оставленную в обители? По крайней мере, никто лучше преподобного Никона не мог уменьшить чувство сего лишения. И он с любовью поддерживал все, что было установлено преподобным Сергием. По обычаю он обходил все монастырские службы, никогда не оставляя общих дел, трудился наравне с братией, о которой постоянно заботился, и отечески, с любовью поучал всех не ослабевать в молитве, но подвизаться каждому по мере сил. Если он видел их преуспеяние в духовном делании, то радовался о своих чадах, а когда замечал нерадение о спасении, то скорбел и обращался к виновным с напоминанием об иноческих обетах: «Попекитесь, братия, о своем спасении, ведь мы отверглись мира ради заповеди Божией, поэтому следует нам, посвятившим себя Богу, внимать одной только Его воле, чтобы не лишиться вечного спасения». Подобные наставления получали и многочисленные миряне, приходившие к благодатному игумену из различных городов и селений. Но бремя настоятельства тяготило преподобного Никона. Вспоминая свою безмолвную жизнь сначала в Серпуховском Высоцком монастыре, а затем совместные подвиги с преподобным Сергием, он оставил настоятельство и уединился в особую келлию.

Шесть лет обителью руководил вновь избранный игумен преподобный Савва Сторожевский († 1407, память 3/16 декабря). Но и сей оставил начальствование и, по просьбе звенигородского князя Юрия Димитриевича, удалился в его удел, чтобы там основать новую обитель на «Стороже». Тогда братия обители Сергиевой, как бы дав преподобному Никону отдохнуть от дел управления и насладиться вожделенным ему безмолвием, пришли к нему вновь и со слезами умоляли его паки вступить в должность игумена. «Неприлично, – говорили они, – тебе, отче, искать пользы для себя одного; попекись лучше и о спасении ближних». Закон братолюбия победил, богоносный старец согласился, но назначил себе на каждый

день известное время для безмолвия, чтобы наедине предстоять Богу.

Пустынная жизнь текла тихо и богоугодно. Но вот слух о приближавшемся Едигее с свирепым войском привел (в 1408 г.) в страх всю Россию. Прп. Никон молил Господа о защите и призывал на помощь переселившегося на небо наставника своего, дабы не погибли плоды трудов его пустынных. Раз, после долгой молитвы, сел он для отдыха и в тонком сне ему явились святители Московские Петр († 1326, память 21 декабря/3 января) и Алексей († 1378, память 12/25 февраля) с преподобным Сергием. «Так угодно судьбам Божиим, – сказал Сергей, – чтобы нашествие иноплеменников коснулось сего места. Но ты, чадо, не скорби, не смущайся: искушение будет непродолжительно, и обитель не запустеет, а распространится еще более». Затем, преподав мир, святые перестали быть видимы.

«Боже правды и милосердия! – восклицает в благоговении святитель Филарет Московский. – Кто весть державу гнева Твоего? Кто уразумеет судьбы Твои, по которым и на дела святых, и на места святыни приходят грозные посещения? Возымела ль обитель Сергиева нужду довольно скоро после чистоты Сергеевой в огненном очищении? Надлежало ли ей пострадать безвинно, как жертве, чтобы вслед за гневом на грешников скорее привлечено было милосердие молитвами безвинно страждущих? Или по подобию того, как подобаше пострадати Христу, и через крест и смерть внити в славу воскресения, и всему, что Христом благословляется на долготу дней и славу, надобно испытать свой крест и свою смерть? Ты сие веши, Господи! Мы только веруем и знаем, что праведен еси во всех путех Твоих и преподобен во всех делах Твоих (Пс. 144, 17), и в правде милостив, равно как и в милости праведен. Уже милость Твоя предварила Твой суд, когда Ты благоволил предвещанием предохранить Твоего угодника от усугубляющей бедствие внезапности, и против находящих скорбей укрепить надеждою лучшего будущего».

По кратком времени за предвещанием последовало событие. Обитель Сергиева не укрылась от набега

иноплеменников, опустошена и сожжена. Но преподобный Никон с братией, по Божественному предварению, благовременно удалился и имел возможность сохранить от свирепых хищников некоторые святыни, иконы, деревянные сосуды, книги и келейные вещи. Когда опасность миновала, то преподобный Никон возвратился на пепелище, собрал рассеявшуюся братию и на прежнем месте стал создавать обитель. Прежде всего был построен храм во имя Пресвятой Живоначальной Троицы, где теперь стоит церковь Сошествия Святого Духа; и освящен сей храм был в 1412 году, 25 сентября, в день преставления прп. Сергия. И достойные видели, как святитель Алексей с преподобным Сергием приходили освящать новые здания обители.

Преподобный ученик великого аввы, подобно наставнику своему, пользовался великим уважением и любовью не только у народа, но и у князей. В 1401 году он крестил сына Димитрия у князя кашинского Василия Михайловича; в 1410 году, по просьбе доброго князя Владимира Андреевича, он свидетельствовал духовное завещание его о разделе удела между детьми. Великий князь Василий Димитриевич чтит преподобного Никона, как это показывают жалованные грамоты князя. При Никоне обитель приобрела несколько земельных владений часто складами, частью покупкой, и много льгот в ограждение ее спокойствия. Но всего более заботился преподобный об устройении душевного спасения себе и другим. Святой Исаак Сирин, коего поучения описаны были в обители еще при жизни преподобного Сергия, учит: «От воспоминания о мирских предметах хладеет горячность любви и душа впадает в суетные и безрассудные пожелания». И преподобный Никон заботливо оберегал свою братию от этой духовной опасности. При нем и по его указаниям в Сергиевой обители, кроме многих богослужебных книг, списаны были: два списка «Лестницы» с главами Григория Синаита, поучения аввы Дорофея, «Диоптра» Филиппа пустынника с ответами аввы Варсонофия и с наставлениями Исихия.

Когда исполнилось 30 лет по преставлении преподобного Сергия, Бог благоволил явить миру сокровище святыни.

Незадолго пред строением нового храма во имя Живоначальной Троицы преподобный Сергей явился одному благочестивому мужу, жившему близ обители, и повелел возвестить игумену и братии: «Вскую мя оставите толико время во гробе, землю покровена, воде утесняющей тело мое?» И преподобный Никон предпринял построение каменной церкви над гробом своего духовного отца. Во время копания рвов для фундамента 5 июля 1422 года были обретены нетленные мощи преподобного Сергея. При открытии гроба разлилось благоухание необыкновенное. И не только тело чудотворца оказалось нетленным, но даже самые одежды его были невредимы, хотя с обеих сторон гроба стояла вода. При общей радости святые мощи положили в новую раку и перенесли в деревянную церковь. После открытия цельбоносных нетленных мощей обитель Троицкая стала любимым местом богомолья русского народа, что содействовало ее обогащению. Новый белокаменный храм, как место покоя великого Сергея, созидался и украшался с благоговейной любовью и с усердными молитвами. Над украшением сего святилища потрудились преподобные иконописцы Андрей Рублев († ок. 1427 г.) и Даниил Черный. В это время преподобным Андреем была написана икона Живоначальной и Пресвятой Троицы, величайшее творение русского иконописца, воплотившее то, что было открыто преподобному Сергию. О благоустроении Троицкого храма преподобный Никон не переставал заботиться до конца жизни. И доныне стоит этот храм Никонова строения, не потрясаемый веками, и освящает молящихся, и руки нечестивых врагов доныне не прикасались к нему.

Накануне блаженной кончины Господь в откровении указал ему место будущего упокоения вместе с преподобным Сергием. Чувствуя приближение кончины, он призвал к одру своему братию и дал им последние наставления: соблюдать чин молитвы, дневной и ночной, не часто исходить из обители, быть терпеливыми в искушениях, соблюдать повиновение начальствующим, ненавидеть праздность – гнездо пороков, любить безмолвие – мать добродетелей, не презирать ни одного бедствующего, дабы не случилось Христа презрети.

Причастившись Святых Христовых Таин, преподобный Никон сказал: «Отнесите меня в светлую храмину, уготованную мне молитвами отца моего! Изыди, душа моя, – тихо промолвил он наконец, – идеже ти уготовано пребывалище; пойдя радующися: Христос зовет тя!» Осенив себя крестным знамением, преподобный Никон отошел к Богу 17 ноября 1426 года и после отпевания был погребен близ раки преподобного Сергия.

Над могилой преподобного Никона построен около 1560 года каменный храм во имя его. Мощи преподобного Никона почивают здесь под гробницей. Рака великого Сергия отделяется одной каменной стеной от раки ученика его. Близки были друг к другу в земной жизни преподобные Сергей и Никон; близкими остаются и в загробной жизни. Неоднократно они оба вместе являлись и совокупно чудодествовали.

Ноябрь 19

Варлаам, Игумен Печерский, преподобный

Преподобный Варлаам, игумен Печерский, жил в XI веке в Киеве, был сыном знатного боярина. В доме своих родителей Варлаам получил доброе христианское воспитание и от юности отличался душевной чистотой. С юных лет Варлаам, посещая преподобного Антония († 1073, память 10/23 июля), так увлекся безмятежной благочестивой жизнью Киево-Печерских подвижников, что решил навсегда оставить мир со всеми его прелестями и жить в пещере. Тайный свой помысл он открыл преподобному Антонию, но тот, одобряя благое намерение юноши, заметил, как бы слава мира сего не обратила его из пещеры от монашества вспять.

Через день после своей беседы с преподобным Антонием Варлаам оставил родительский дом и даже обрученную невесту свою и, одевшись в пышные одежды, с великолепной свитой, на богато убранном коне подъехал к пещере преподобного Антония. Кроткие иноки вышли навстречу вельможе и с поклоном и почетом приняли его. Варлаам, сошедши с коня в поклонившись до земли преподобному, снял с себя боярские одежды и, положивши их к ногам преподобного, а также подведши к нему своего коня и свиту, сказал: «Вот прелести мирской жизни, как хочешь, так и поступи с ними, а я вменяю их в ничто, хочу с вами жить в пещере, да Христа приобрящу и никогда не возвращусь в дом свой». Преподобный старец ответил: «Помни, чадо, кому ты обещание даешь и чьим ты воином хочешь быть. Тут невидимо предстоят Ангелы Божии и принимают твои обещания. Смотри, а если отец твой, пришедши сюда, насильно возьмет тебя – ведь мы помочь тебе в этом не в силах, – и ты окажешься лжецом и отступником от Бога!»

Но Варлаам сказал: «Если и мучить меня станет отец мой, не возвращусь к мирской жизни и только умоляю тебя, отче, постриги меня». После этого, по распоряжению преподобного Антония, блаженный Никон постриг Варлаама в иноки и облек его в монашеские одежды.

Отец Варлаама, воевода Иоанн, узнав о пострижении в иноки своего любимого сына, крайне разгневался на преподобных иноков Печерских, якобы увлекших юношу, пришел с войском к пещерам, разогнал иноков, взял сына своего и, сняв с него иноческие одежды и одев в пышные боярские, насильно повел его домой. По дороге Варлаам несколько раз скидал с себя пышные одежды и топтал их в грязь. Приведенный насильно домой, Варлаам не захотел даже сесть за стол для вкушения пищи вместе с родными и, несмотря на принуждения отца, не хотел даже прикасаться к пище, а сидел молча с поникшими долу очами. Затем отец повелел прислуге отвести его в назначенные ему покои и зорко блюсти, чтобы он не ушел из дому, а невесту его научил, чтобы она, украсивши себя богатыми нарядами, постаралась соблазнить его и отвлечь от намерения поступить в монастырь. Но Варлаам не обращал внимания ни на ласки невесты, ни на слезы матери и угрозы отца, сидел в углу комнаты своей молча и три дня не вкушал пищи. Одновременно с этим преподобный Антоний с иноками, скорбя об участи Варлаама, искренне молились за него Господу Богу. Милостивый Господь услышал эти молитвы и послал Свою милость Варлааму, изменив сердечную жестокость отца на милость и сострадание к сыну. Узнав, что сын его три дня уже не прикасается к пище и, опасаясь, чтобы он не умер от голода и добровольных лишений, отец, простившись, с любовью и ласково отпустил его в пещеру.

По возвращении в пещеры с усиленным рвением и энергией предался Варлаам иноческим подвигам и молитве. Преподобный Антоний, с радостью замечая в этом молодом еще подвижнике высокие добродетели и необычайное благочестие, считал его вполне способным руководителем братии. И поэтому, чувствуя потребность уединенной молитвы, он, по совещании со всеми иноками и с общего желания и согласия поставил Варлаама вместо себя игуменом всей братии в пещере. Сам же прп. Антоний удалился от братии, выкопал себе новую пещеру и стал пребывать там в уединенной молитве и богомыслии.

Преподобный Варлаам стал первым игуменом Киево-Печерского монастыря. Принявши начальство, прп. Варлаам еще более стал подвизаться в иноческих трудах. Постепенно братия увеличивалась. Когда же число братии достигло до 20-ти, то преподобный Варлаам стал замечать, что пещерная церковь слишком мала и не вмещает всех иноков. В 1058 году, испросив благословение преподобного Антония, преподобный Варлаам построил над пещерой деревянную церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы. И с этого времени место селения св. подвижников стало видным и явным для всех.

Блаженный Варлаам не долго пробыл игуменом пещерной братии. По воле великого князя Изяслава Ярославовича он переведен был «в монастырь святого мученика Димитрия и в нем поставлен был игуменом». Это было в 1057 году. Монастырь св. Димитрия построен был великим князем Изяславом в честь Ангела своего, великомученика Димитрия. И здесь прп. Варлаам продолжал с той же ревностью и святостью богоугодно пасти вверенное ему новое стадо Христово. Он старался ввести в новой обители дух и правила преподобных отцов Печерских. Бог благословил труды преподобного игумена, и новая обитель стала известна добродетелью и подвигами ее иноков.

Дважды преподобный Варлаам совершал паломничество к святым местам Иерусалима и Константинополя, сколько для пользы своей души, столько и для блага Церкви желая лучше ознакомиться с жизнью иноков Восточной Церкви и изучить церковный чин богослужения. Возвращаясь из второго путешествия, он скончался во Владимирском Святогорском монастыре на Волыни в 1065 году. Пред кончиной он завещал о погребении его тела в Печерской обители, коей завещал все иконы и церковную утварь, приобретенные им в Царьграде. Он был погребен в Печерской обители в Ближних пещерах.

Память его совершается 19 ноября/2 декабря, также 28 сентября/11 октября и во 2-ю неделю Великого поста.

Иларион грузинский, преподобный

Преподобный Иларион чудотворец родился в 816 году в Кахетии (Восточная Грузия). Он происходил из рода грузинских князей Вачнадзе (Донаури). У благочестивых родителей долго не было детей, и Иларион дарован был им Господом после долгих молитв. Для воспитания его в христианском благочестии родители отдали Илариона сначала одному пресвитеру. В мальчике очень рано проявилась склонность к подвижничеству. В 9 лет он знал наизусть Евангелие, а 12 лет был пострижен в монашество в обители, основанной его отцом. В 16 лет юноша переселился в Давидо-Гареджийскую пустынь. Здесь преподобный Иларион провел отшельником 10 лет. Непрестанными молитвами, слезами, безмолвием, бдением и постничеством он стал известен всей Грузии. Многие приходили к нему для назидания и утешения; в числе посетителей был один епископ из Кахетии, который рукоположил Илариона сначала в диакона, а потом в пресвитера. Но слава была чужда преподобному и, уклонившись от предложенной ему в Грузии епископской кафедры в Сагареджо (в Кахетии), он удалился в Святую Землю на поклонение святыням. Он посетил гору Фавор, обитель преподобного Саввы Освященного, все святыни Иерусалима и поселился в Иорданской пустыни, где провел 17 лет в безмолвии, живя в пещере святого пророка Илии Фесвитянина, которая некогда служила жилищем и святому Иоанну Крестителю. Здесь ему во сне явился Ангел Господень и призвал преподобного поспешить в Грузию, чтобы застать в живых своего отца. Святой Иларион отправился на родину, где после кончины своего родителя устроил из отчего дома монастырь, постриг в монашество мать и сестру и оставался при этом монастыре до смерти своей матери. Строгая благочестивая жизнь Илариона была причиной избрания его в епископа Кахетии. Но смиренный Иларион, поручив управление Давидо-Гареджийским монастырем одному из своих учеников и отдав половину своего имения монастырю, а другую половину разделив нищей братии, в простой одежде, с двумя учениками,

отправился сначала в Константинополь. Поклонившись святыням Царьграда, святой Иларион удалился на гору Олимп в Малой Азии, где около 864 г. основал грузинскую обитель. Здесь он пробыл пять лет. За это время стало известно о многих исцелениях, совершенных преподобным силой молитвы, крестного знамения и миропомазания. Избегая славы, святой Иларион отправился в Рим на поклонение гробам святых первоверховных апостолов Петра и Павла. По пути он посетил Константинополь и Фессалоники, совершив несколько исцелений (садовника и отрока, имевших «сухие» ноги). На обратном пути преподобный Иларион вновь остановился в Фессалониках, где провел три года. Известно чудо, когда плененный скифами диакон (из церкви во имя святого великомученика Димитрия Солунского) освободился от оков, молитвенно призвав на помощь святого Илариона.

Святой Иларион был извещен о своей кончине за сорок дней, и за три дня до смерти он приобщился Святых Таин, простился с братией и затворился в своей келлии. Он мирно отошел ко Господу 19 ноября 875 года.

Честные мощи его были опущены в каменный склеп, а по прошествии сорока дней прославились исцелениями приходивших к ним с верой. По распоряжению императора Василия Македонянина (866–886) мощи святого Илариона были перенесены из Фессалоник в Константинополь в 882 году. Император предполагал положить их в царские палаты, но святой Иларион явился ему во сне и указал, чтобы мощи его были положены в новоустроенном храме в честь Святых апостолов близ Босфора Фракийского. Грузинская Церковь в IX веке причислила преподобного Илариона к лику святых и установила ему память 19 ноября/2 декабря.

Ноябрь 22

Ярополк Изяславич Владимиро-Волынский, святой благоверный князь

Святой благоверный князь Ярополк, во святом крещении Петр, был сын великого князя киевского Изяслава Ярославича, внук Ярослава Мудрого (Ярослав Мудрый был великим князем с 1019 по 1054 гг.), правнук святого Владимира. Время рождения князя Ярополка неизвестно, но судя по тому, что уже в 1071 г. князь участвует в битве, надо полагать, что родился он не позже, как в 50-х гг. XI столетия. Он был, полагают, третьим сыном князя Изяслава. Мать святого князя называлась Гертруда. Она была ранее польская княжна, сестра короля Казимира.

В тяжелые времена жил благоверный князь Ярополк, в годы усобиц между братьями-князьями, детьми Ярослава Мудрого, а также между ними и их младшими родичами. Во время этих усобиц великий князь Изяслав два раза был принужден оставить Киев и скитаться по чужим землям со всей семьей своей. Благоверный князь Ярополк делил с отцом своим его горе и несчастье.

После Ярослава осталось пять сыновей: Изяслав, Святослав, Всеволод, Вячеслав и Игорь. Святой Ярополк был сыном старшего из них – Изяслава Ярославича (родившегося в 1024 г.). Три старших Ярославича померли великими князьями киевскими (см. ниже), Вячеслав смоленский (умер в 1057 г.) и Игорь (сначала владимиристо-волинский, потом смоленский; † 1060 г.) – не дождавшись очереди побывать на великокняжеском столе. Еще ранее смерти Ярослава помер св. Владимир Ярославич († 1052 г.; память его 4/17 ноября), оставив сына Ростислава, князя тмутараканского (отравлен ядом в 1065 г.). У благоверного князя Ярополка были два родных брата: Мстислав, († 1068 г.) и Святополк (умер великим князем в 1113 г.). Из двоюродных братьев его будут упоминаться: Владимир Всеволодович Мономах, знаменитый князь (род. в 1053 г., был великим князем с 1114 г. по 1125 г., или с 1113 г. по 1126 г.), Борис Вячеславич, князь тмутараканский, павший в битве в

1078 г., Олег Святославич, князь черниговский († 1115 г.), Давид Игоревич, князь владимиро-волынскй (после св. Ярополка, † 1112 г.). Будут упомянуты двоюродные племянники св. князя Ярополка, дети Ростислава Владимировича: Рюрик, князь перемышльскй († 1092 г.), Володарь (тоже после него князь перемышльскй) и Василько, князь теребовльскй († 1024 г.). Дальше по родству стоял удельный князь полоцкий Всеслав Брячиславич, внук Изяслава, сына св. Владимира (в 1066 г. он был схвачен Изяславом и посажен в Киеве в темницу, † 1101 г.) и сын его Глеб, женатый на дочери князя Ярополка († 1118 г.).

При жизни св. Ярополка на Киевском столе сменилось немало князей: отец его, Изяслав Ярославич, первый раз – с 1054 г. по 1068 г., Всеслав Брячиславич – с 1068 г. по 1069 г., Изяслав Ярославич во второй раз – с 1069 г. по 1073 г., Святослав Ярославич – с 1073 г. по 1076 г., Всеволод Ярославич – первый раз с 1075 г. по 1076 г. (шесть месяцев), Изяслав Ярославич третий раз – с 1076 г. по 1078 г., Всеволод Ярославич во второй раз – с 1078 г. по 1093 г.

Первый раз Изяслав был изгнан из Киева 15 сентября 1068 года, после поражения от половцев, возмущившихся против него народом, который провозгласил своим князем Всеслава полоцкого, сидевшего тогда в киевской тюрьме. Изяслав бежал в Польшу, оставив свое имущество на разграбление киевлянам, а через семь месяцев (весной 1069 года) с помощью поляков он снова занял Киев. В наказание за обиду Изяслав изгнал Всеслава из Полоцка и посадил туда сына своего Мстислава, а когда Мстислав умер – другого сына, Святополка. Но храбрый и предприимчивый Всеслав вскоре набрал большую и сильную рать, ограбил Новгород и, разумеется, выгнал Святополка Изяславича из Полоцка. Против Всеслава, по приказанию отца, пошел с войском благоверный князь Ярополк. Они встретились у Голотичска, и Ярополк разбил Всеслава (в 1071 г.). Однако побежденный Всеслав удержался на Полоцком столе и примирился с великим князем.

Скоро открылась вражда между братьями Ярославичами. Великий князь один теперь вел войну с полоцким князем – братья ему не помогали; один он заключал с ним и мир. Но это

показалось подозрительным. Братья стали думать, что Изяслав сносит с Всеславом «на лихо» им и потому против него восстали: Святослав черниговский и Всеволод переяславский пошли на великого князя войной. Изяслав должен был второй раз бежать из Киева в марте 1073 года, оставивши великокняжеский престол Святославу.

С имуществом и семьей Изяслав выехал снова в Польшу. Изгнание его продолжалось на этот раз более трех лет.

Печаль и горе изгнания разделял с отцом и верный сын его Ярополк. У польского короля Болеслава Смелого (Болеслав II, Смелый, сын Казимира I, правил Польшей с 1058 по 1082 гг.) Изяслав просил помощи против братьев-обидчиков. Но польский король воевал тогда с Чехией и не мог оказать ему помощи. Этого мало. Король со своими вельможами захватил часть имения Изяслава и указал ему путь.

Тогда изгнанник поехал просить помощи к германскому императору Генриху IV (был императором с 1050 по 1106 гг.) и принес ему богатые дары. Император не отказался быть его защитником и даже послал в Киев своего чиновника, требуя под угрозой войны, чтобы русские князья возвратили Изяславу законную власть. Но и император не мог оказать изгнаннику-князю никакой существенной поддержки, ограничился лишь пустыми угрозами Святославу.

Вероятно, одновременно с обращением к императору, а может быть и вскоре после того, не дождавшись императорской помощи, Изяслав обращался к папе Римскому, знаменитому Григорию (Григорий VII Гильдебрандт, был римским папой с 1073 по 1085 гг.) и посылал к нему одного из своих сыновей. Сын Изяслава молился в святых местах Рима. Благосклонно принятый папой, русский князь просил его помощи и, если верить словам папского послания, смиренно молил, чтобы папа властью святого Петра утвердил его на княжении, даже будто дал присягу быть верным Римскому престолу, то есть признал и мирскую и духовную власть папы над Русью (едва ли можно решительно отрицать это грустное происшествие – обращение русского великого князя к Римскому папе и готовность признать власть последнего над государством и даже над Церковью

Русской. Но оно бросает тень на великого кн. Изяслава, а не на сына его, который явился лишь послом от своего отца и делал то, что ему было поручено. Притом же неизвестно, который из двух сыновей Изяслава был у Римского первосвященника – Ярополк или Святополк (Мстислав Изяславич умер ранее). Наконец, из этого обращения к папе ничего не вышло для распространения его власти над Русью: Русь осталась православной и вовсе независимой от Рима).

Сверх того, князь жаловался папе на хищничество польского короля, исповедовавшего римскую веру, и почтительно просил, чтобы папа своей духовной властью побудил короля Болеслава возвратить Изяславу ограбленные у него сокровища. Папа исполнил последнюю просьбу и в послании своем к королю заклинал его именем Божиим возвратить русскому князю похищенное имение.

Но вмешательство папы в русские дела не принесло изгнанному князю пользы, хотя польский король и решил помогать ему. Более года Изяслав должен был оставаться за границами родной земли и вернул себе Киевский стол в силу договора с братом.

В самом конце 1075 года умер в Киеве Святослав, оставивши великое княжение брату своему Всеволоду, который вступил на Киевский стол 1 января 1076 г. Но Всеволод вскоре примирился с старшим братом своим Изяславом, который, впрочем, шел тогда на Русь с поляками, и добровольно уступил ему великокняжеский престол. Изяслав в третий раз сел в Киеве 15 июля 1076 года.

Скоро благоверный князь Ярополк получил от отца своего в управление город Вышгород. Но не надолго успокоился благоверный князь Ярополк, не долго он мирно правил Вышгородом. В 1078 году он снова должен был принять участие в печальных событиях того времени: между князьями произошли новые раздоры, поднялась междоусобная война. Сын покойного Святослава Ярославича Олег вместе с Борисом, сыном Вячеслава Ярославича, наняли половцев (половцы – кочевой народ татарского происхождения и языка, появились в южнорусской степи в 1055 г.). Войдя с ними в пределы

Черниговского княжества, разбили дядю своего Всеволода (25 августа) и выгнали его из Чернигова. Всеволод поехал в Киев, к великому князю Изяславу, и рассказал ему про свое несчастье. Изяслав утешил брата, обещал ему помощь и сказал между прочим: «Я сложу за тебя голову».

Немедленно собрал Изяслав войско и выступил на племянников с благоверным князем Ярополком; Всеволод пошел с сыном своим Владимиром Мономахом. 3 октября произошла злая сеча на Нежатине Ниве. В ней пал Борис Вячеславич, хваставший перед битвой, что с одним своим войском разобьет врагов, потом убит был и великий князь Изяслав. Он стоял с пешими полками, как вдруг наехал неприятельский всадник и ударил его копьем в плечо. Рана была смертельна, и великий князь тут же скончался. Битва продолжалась, и побежденный Олег едва убежал в Тмутаракань. Тело убитого князя везли сначала на лодке, а потом на санях. Благоверный князь Ярополк следовал за ним до самого Киева и вместе с дружиной своей горько оплакивал внезапную кончину отца. «Отец, отец мой, – говорил он, – не без печали ты пожил на этом свете; много напастей принял от людей и от братии своей. И вот погиб ты не от брата, а за брата сложил голову!»

Останки князя Изяслава положили в мраморную гробницу и с честью похоронили в одном из храмов Киева.

После смерти Изяслава великокняжеский стол занял Всеволод Ярославич. Добрый князь поспешил наградить племянника за его верную службу: он дал Ярополку в том же 1078 году Владимиро-Волынское княжество, присоединив к нему и Туров.

Более пяти лет благоверный князь мирно правил своим княжеством. Мир нарушили принятые и облагодетельствованные Ярополком князья – изгои Ростиславичи. Сыновья его, двоюродные братья Ростислава Владимировича – Володарь, Рюрик и Василько, не имевшие никакой волости, не знали даже, где приклонить голову, и нашли приют у доброго князя Ярополка во Владимире Волынском. Но Володарь вскоре убежал от него искать счастья в чужой земле,

а Рюрик и Василько отплатили своему доброму дяде черной неблагодарностью.

В 1084 году благоверный князь Ярополк отправился на Пасху в Киев, чтобы провести светлый праздник у дяди своего, великого князя. Отсутствием Ярополка и воспользовались Ростиславичи. Они убежали из Владимира, собрали дружины и, когда Ярополк вернулся, выгнали его. Права изгнанного князя восстановил великий князь Всеволод. Он послал Мономаха, который прогнал Ростиславичей и посадил Ярополка на Владимиро-Волынский стол. Но борьба с Ростиславичами еще не кончилась. По крайней мере, Владимир Мономах не раз ходил с войском на Волынь и заключил тесный дружественный союз с Ярополком.

К сожалению, дружба эта была вскоре нарушена опять благодаря князьям изгоям. Побуждаемый постоянными требованиями безземельных и беспокойных князей, особенно Давида Игоревича, который грабил купеческие караваны, идущие в Киев из Константинополя, и тем пресекал торговлю Руси с Византией, и двух Ростиславичей, великий князь, желая усмирить их, роздал им города в западной части Волынского княжества: Давиду – Дорогобуж, а Ростиславичам – Перемышль и Теремовль. Но так как города эти с давних пор входили в состав Владимиро-Волынского княжества и составляли с ним одно целое, то Ярополк Изяславич был обижен захватом своих земель. Под влиянием этой обиды, да к тому же побуждаемый злыми советниками, Ярополк стал готовиться в поход на великого князя. Но Всеволод предупредил его. Он послал против Ярополка свои войска под начальством Владимира Мономаха, и волынский князь бежал в Польшу, оставив свою мать, жену Ирину и дружину в Луцке. Мономах захватил их в плен и отвел в Киев, взял его имение, а стол Владимиро-Волынский отдал Давиду Игоревичу. Это случилось в 1085 году.

На следующий год Ярополк возвратился из изгнания, заключил мир с Момахом и опять, благодаря его дружбе, стал княжить на Волыни. Но не долго, всего несколько дней, пришлось ему управлять княжеством: скоро благоверный князь Ярополк был предательски убит.

По каким-то делам, может быть походом, он отправился в Звенигород, один из городов Галицких. Когда дорогою князь покойно лежал на санях, какой-то нерядец, ехавший подле на коне и, вероятно, находившийся в дружине Ярополка, вдруг приблизился к нему и вонзил саблю в бок. Ярополк вскочил, извлек из себя окровавленное оружие и, громко воскликнув: «Ох! Этот враг погубил меня!», испустил дух.

Кончина благоверного князя последовала 22 ноября 1086 года. Нерядец совершил убийство князя, говорит летописец, по наущению диавола и злых людей – каких именно, не указывают. Но судя по тому, что убийца бежал к Рюрику Ростиславичу в Перемышль и что впоследствии Ростиславичей обвиняли прямо в этом убийстве, можно предполагать, что нерядец был подослан ими.

Княжие отроки взяли тело благоверного князя-мученика и повезли сначала во Владимир-Волынский, а оттуда в Киев, чтобы похоронить его там. 5 декабря честные останки блаженного князя прибыли к Киеву. Великий князь Всеволод с двумя сыновьями своими, митрополит Иоанн с собором духовенства, бояре и весь народ от мала до велика вышли встретить тело благоверного князя Ярополка. Плакали киевляне над безвременно скончавшимся князем. С торжественным пением псалмов и молитвенных песнопений проводили его до монастыря святого Димитрия и, приготовив к погребению, с честью положили в мраморном гробе, в каменной церкви святого апостола Петра, которую сам благоверный князь начал строить.

По свидетельству современника-летописца, князь Ярополк в жизни своей явил образец истинно-христианского благочестия.

«Блаженный князь Ярополк, – пишет древний летописец, – был кроток, смирен, братолюбив и нищелюбив; давал десятину церкви Святой Богородицы ежегодно от всего своего имения: от всех стад своих и от хлеба». Особенно усердно почитал князь святого апостола Петра, имя которого носил. В древней рукописи, принадлежавшей матери святого Ярополка, княгине Гертруде, святой князь изображен молящимся с воздетыми руками перед святым апостолом Петром. Имени

первоверховного апостола он посвящает храм в монастыре отца своего, как упомянуто выше.

Благоверный князь был усердный жертвователь. В Киево-Печерский монастырь он пожертвовал, – повествует летописец, – «все имущество свое: Небольскую волость, Деревьскую и Лучскую и (земли) около Киева». Это значит или то, что князь отдал монастырю все свои частные недвижимые имения, или то, что он дал наиболее устроенные с стороны их хозяйства. Одного этого вклада было достаточно, чтобы монастырь Печерский стал богатым.

Много бед принял благоверный князь: без вины изгоняем был своей братией, обидим, ограблен, наконец, принял и горькую смерть, за что и сподобился упокоения в вечной жизни. Всегдашняя молитва князя была такова: «Господи Боже мой, Иисусе Христе! Приими молитву мою и дай мне смерть такую же, какую Ты дал братьям моих – Борису и Глебу, от чужих рук, чтобы омыть мне все грехи своею кровию, избавиться от суетного мира и сети вражией».

И Господь услышал молитву блаженного князя: даровал ему благодатную кончину мученика и сподобил тех неизъяснимых благ, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1Кор. 2, 9).

Благоверный князь оставил после себя семью, по крайней мере двух сыновей, упоминаемых в летописях, – Ярослава и Вячеслава, и одну не известную по имени дочь, бывшую в замужестве за полоцко-минским князем Глебом Всеславичем.

Празднование святому благоверному князю Ярополку Изяславичу совершается местно в Почаевской лавре. Когда началось оно, точно не известно, но первый раз имя князя Ярополка в числе святых встречается в конце XVI или начале XVII вв.

Михаил Тверской, святой благоверный великий КНЯЗЬ

В первой половине XIII века Русскую землю постигло великое бедствие. По Божию попущению на нее напали татары, разбили русских князей, попленили всю землю Русскую, пожгли много городов и сел, беспощадно избили тысячи людей. Многих увели в плен в горькое рабство, обложили народ тяжелой данью. После татарского погрома Русь долго не могла оправиться. К великим внешним бедствиям присоединились не меньшие внутренние нестроения. Князья оспаривали друг у друга право на великокняжеский престол; отправляясь в Орду на поклон ханам, они часто клеветали один на другого и строили козни друг другу.

В это безотраднo тяжелое время богоугодно жил святой князь Михаил Ярославич Тверской. Родители его вели жизнь благочестивую и ходили по заповедям Божиим. Отец его, князь Ярослав Ярославич, после кончины брата своего, великого князя Александра Невского, занимал семь лет великокняжеский престол во Владимире на Клязьме. Отправившись по делам в Орду, на обратном пути князь Ярослав сильно захворал и, чувствуя приближение смертного часа, принял монашеское пострижение с именем Афанасия, после чего скончался в 1271 году. Великокняжеская власть перешла к его брату Василию Ярославичу.

Святой князь Михаил Ярославич родился уже после смерти своего отца, в 1272 году. Мать его, благочестивая княгиня Ксения, воспитала сына в духе святой веры и заботливо научила грамоте. Молодой княжич был благочестиво настроен: он любил читать Божественные книги, избегал детских игр и веселых собраний и усердно посещал храм Божий. Часто тайком от всех в тишине ночной он возносил свои горячие молитвы ко Господу. Не любил он роскошных яств, но утолял свой голод простой пищей, вел жизнь воздержную и благочестивую, постоянно боролся с плотью и был злейшим врагом своему телу, украшая душу свою цветами добродетелей.

Так святой Михаил стяжал страх Божий – начало всякой премудрости. С особенной любовью он относился к нищим и убогим и подавал им щедрую милостыню. Кто терпел беды, тот смело шел к своему князю, зная, что у него найдет помощь и заступление; кого постигали несчастья и скорби, тот получал от него слово утешения и ободрения. Святая жизнь князя была поучительна для всех, и все почитали его не столько за сан, сколько за благочестие и участие к людям.

На Тверской стол благодетельный князь вступил после брата своего Святослава между 1282 и 1285 годами. Свое княжение святой Михаил начал богоугодным делом – построением соборного храма в Твери. Вероятно, по совету благочестивой матери отрок-князь в 1285 году заложил каменный храм в честь славного Преображения Господа нашего Иисуса Христа на месте прежней деревянной церкви во имя святых бессребреников Космы и Дамиана. Вместе с княгиней Ксенией благодетельный князь богато и щедро украсил новый храм, снабдил его святыми иконами и священной утварью, необходимой для богослужения.

Тяжелое время переживала тогда Русь: князья часто поднимались один на другого и нередко правому приходилось оружием отстаивать права свои. Великокняжеский престол занимали тогда сыновья Александра Невского Андрей и Димитрий.

Вступив на Тверской престол, святой Михаил, по обычаю того времени, отправился в Орду на поклон хану. В то время между братьями – князьями Андреем и Димитрием Александровичами – происходила усобица. В 1293 году Андрей привел татар, которые взяли 14 городов, в том числе Владимир и Москву, сильно опустошили страну и собирались идти к Твери.

Сильно опечалились тверичи тем, что князя с ними не было. Но они целовали крест, что станут биться с неприятелем из-за стен города до последней крайности и ни за что не сдадутся. Из других княжеств в Тверь сбежалось много людей, которые также готовы были сразиться с врагами. И в это самое время святой Михаил возвращался из Орды. Князь едва не попался в руки врагов, но всемогущая десница Божия хранила его: о грозящей

опасности его предупредил один священник, и князь счастливо проехал к родному городу. С величайшей радостью услышали тверичи весть о возвращении своего князя; они вышли навстречу ему с крестным ходом. Но татары, узнав о приходе святого Михаила, не пошли на Тверь.

Двадцати двух лет (8 ноября 1294 года) святой Михаил вступил в брак с княжной Анной, дочерью ростовского князя Дмитрия Борисовича. Вскоре его постигли испытания. В 1298 году глубокой ночью, когда все во дворе князя спали, загорелись сени княжеского дворца. Никто не слышал начавшегося пожара. Его услышал, пробудившись, сам князь. Второпях он едва успел с княгиней выйти из горящего дворца. Вся казна его сгорела. После того князь сильно заболел.

Летописец повествует, что святой князь Михаил был высок ростом, силен и отважен. Бояре и народ его любили. Усердно читал Божественные книги, усердно жертвовал на храмы, почитал иноческий и священнический чин. Пьянства не терпел и всегда отличался воздержностью. Он желал иноческого или мученического подвига, и Господь судил ему скончаться мучеником.

В 1304 году умер великий князь Андрей Александрович. Старшим в роде стал теперь князь тверской Михаил Ярославич; к нему на службу перешли и бояре умершего великого князя. Но права старейшинства начал оспаривать у него двоюродный племянник, московский князь Георгий Даниилович, хотя он и не был старшим в княжеском роде. По обычаю того времени, новый великий князь Михаил должен был отправиться в Орду, чтобы там получить ярлык на великокняжеский престол Владимирский. Туда же отправился и князь московский. Когда он проезжал через Владимир, святой митрополит Максим, предвидя начинающуюся усобицу, с мольбою возбранял московскому князю идти в Орду и добиваться великокняжеской власти. «Я ручаюсь тебе, – говорил святой Максим, – княгиней Ксенией, матерью князя Михаила, что ты получишь от великого князя Михаила любой город, какой ты пожелаешь». Георгий отвечал святителю: «Хотя я и еду в Орду, но не стану

добиваться великокняжеского стола: еду я туда по своим делам».

Он отправился в Орду и встретился там с тверским князем. Татарские мурзы были очень корыстолюбивы. Желая получить больше даров, они говорили князю Георгию: «Если ты дашь выход (так называлась дань, которую русские платили татарам) больше князя Михаила Тверского, мы дадим тебе великое княжение».

Такие речи сильно смутили московского князя, и он стал добиваться великокняжеской власти. Великий раздор начался между князьями. Георгий, как только мог, старался склонить хана на свою сторону; он давал в Орде большие дары. Святой Михаил принужден был также много тратить денег, которые собирались с бедного народа, и была великая тягота в Русской земле. Распря между князьями усилилась. Однако великокняжеская власть осталась за Михаилом Тверским. В 1305 году святой Михаил вступил на престол великокняжеский. С московским князем святой Михаил заключил мир, но согласия между ними все-таки не было: борьба Москвы с Тверью продолжалась. Князья спорили теперь из-за княжения в Великом Новгороде, и не раз они водили свои полки один на другого. В 1313 году в Орде занял престол молодой хан Узбек. Новый хан принял магометанство и ревностно старался распространять и утверждать его между татарами. При хане Узбеке Русская земля сильно страдала.

Святой Михаил должен был отправиться на поклон к новому хану, чтобы получить от него новый ярлык (ханская грамота) на великое княжение. И на этот раз великокняжеский престол остался за ним. После того благоверный князь возвратился на Русь. Князь московский, на обиды которого жаловался хану святой Михаил, был вызван в Орду и пробыл там около трех лет. Георгий давал подарки ханским вельможам и употребил все средства, чтобы склонить хана на свою сторону, наконец оправдался в обвинениях великого князя, успел сблизиться с ханским семейством, даже породнился с ханом, вступив в брак с сестрой его Кончакой (во святом крещении Агафией). Ярлык на великокняжеский престол хан

Узбек дал теперь своему зятю, князю Георгию. Вместе с ним хан отпустил на Русь послов своих, а во главе их – Кавгадыя, одного из приближенных вельмож своих. Святой Михаил с кротостью отказался от великокняжеского достоинства; он послал сказать Георгию: «Брат, если хан дал тебе великое княжение, то я уступаю тебе. Княжи на нем, только будь доволен своим и не вступайся в мой удел».

Но великий князь Георгий не хотел примириться со святым князем Михаилом. Собрав большое войско, вместе с кровожадным Кавгадыем и со множеством татар и мордвы он напал на Тверскую область, жег города и села. Враги забирали мужей и жен и предавали их различным мучениям и смерти; татары подвергали женщин насилию. Опустошив Тверское княжество по одну сторону Волги, они готовились напасть и на другую его часть, заволжскую. Скорбя о бедствиях Русской земли, благочестивый князь Михаил призвал Тверского епископа и бояр и сказал им: «Разве не уступил я великого княжения своему сроднику, разве не дал ему я дани? Сколько зла теперь причиняет моей отчине князь Георгий! Я претерпел все, думая, что беда эта скоро кончится. Ныне же вижу, что они ищут моей головы. Ни в чем не виновен я перед ним; если же виновен, скажите, в чем?»

Епископ и бояре, проливая слезы, в один голос отвечали князю: «Ты прав, князь наш, во всем. Перед племянником твоим ты обнаружил такое смирение, а они – князь Георгий с Кавгадыем – за это взяли твою волость. Теперь хотят опустошить и другую половину твоего княжества. Иди же против них, государь, а мы готовы за тебя сложить свои головы».

Святой Михаил ответил: «Братия! Вам известно, что сказал Господь во святом Евангелии: *Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя (Ин. 15, 13)*. Ныне нам предстоит отдать свою жизнь не за одного или двух из наших ближних, но за множество народа, плененного и избитого врагами, за жен и дочерей, оскверненных погаными. Если положим душу свою за стольких людей, слово Господне нам вменится во спасение».

Святой князь Михаил собрал полки свои и мужественно вышел навстречу неприятелю. 22 декабря 1317 года враги встретились в сорока верстах от Твери, при селе Бортеневе. Произошла великая битва. Войско московского князя не выдержало и поспешно побежало. Князь Михаил преследовал врагов, и бесчисленное множество воинов, побитых и смятых конями, усеяли ратное поле; они лежали, как снопы на поле во время жатвы. Великий князь Георгий с остатком войска бежал в Торжок, а оттуда – в Великий Новгород. Его жена Кончака-Агафия, брат Борис и много князей и бояр, а также и татар, взято было победителями в плен. Доспехи самого святого Михаила были все иссечены, но на теле не оказалось ни одной раны. Князь отпустил на волю многих русских пленников, захваченных татарами Кавгадыя. С великой радостью возвратился святой Михаил в Тверь и горячо благодарил за дарованную победу Господа, Пречистую Его Матерь и святого Архистратига Михаила.

Видя поражение Георгия, Кавгадый велел своей дружине бежать в стан, а на другой день после битвы явился в Тверь и просил мира. Святой Михаил принял его с честью, а татары обманом говорили князю: «Отныне мы твои. Без повеления хана приходили мы на тебя с Георгием; мы виноваты и боимся гнева царя за то, что много пролили крови».

Святой Михаил, поверив их льстивым речам, щедро одарил Кавгадыя и его свиту и отпустил с честью.

Между тем великий князь собрал из новгородцев и псковичей новое войско и с ним снова двинулся к Твери. Войско встретилось на Волге, около Синеевского брода. Святой Михаил не хотел еще раз напрасно проливать христианскую кровь; князья заключили мир. Святой Михаил даже предлагал князю Георгию вместе отправиться в Орду и там перед ханом ходатайствовать за Русскую землю.

Между тем в Твери скончалась супруга великого князя, сестра хана. Пронесся слух, что великую княгиню в Твери отравили. Московский князь и Кавгадый сговорились действовать заодно. Георгий отправился в Орду со множеством князей и бояр. Поспешил в Орду и Кавгадый. Они написали на

святого Михаила многие лжесвидетельства и вызвали гнев хана. На него клеветали хану, будто, собрав много дани по городам, князь хотел бежать к немцам, а к хану идти не хотел, что вообще он не повинуется ханской власти. Тогда святой князь отправил в Орду своего 12-летнего сына Константина, вероятно, в качестве заложника. Разгневанный Узбек велел посадить князя Константина Михайловича под стражу и уморить его голодом, но хану советники его сказали, что если он уморит так сына, то отец его никогда не приедет в Орду. Константина отпустили. Кавгадью не хотелось, чтобы тверской князь приехал в Орду и успел оправдаться. Поэтому он послал татар перехватить его и убить. Однако это не удалось. Тогда он стал говорить хану, что Михаил в Орду не приедет и что надо скорее посылать на него войско. Но 6-го августа 1318 года благоверный князь Михаил отправился к хану, взяв благословение у епископа Варсонофия и у своего духовного отца игумена Иоанна. Простился святой князь с близкими своими на берегу реки Нерли. Он исповедался перед отцом духовным и раскрыл ему душу свою. «Отче, – говорил святой князь, – много заботился я о том, чтобы помочь христианам, но за грехи мои им приходится терпеть много тягостей из-за наших раздоров. Теперь благослови меня, отче: может быть, мне, придется пролить кровь мою за народ православный. Господь да подаст мне отпущение прегрешений, да ниспошлет христианам покой».

До реки Нерли святого Михаила провожали супруга княгиня Анна и сын его князь Василий. Здесь святой князь навеки простился с ними; преподав им свое благословение, он отправился в путь. Неутешно плакала княгиня, предчувствуя беду и прощаясь со своим супругом. Она вернулась с князем Василием в Тверь. А святой Михаил взял с собою двух других сыновей – Дмитрия и Александра. Во Владимире их встретил ханский посол Ахмыл. «Спеши в Орду, – сказал он святому Михаилу, – хан ждет тебя; если через месяц ты не явишься, царь решил идти войной на твою область. Кавгадый оговорил тебя перед ханом, что ты не придешь к нему».

Тогда бояре стали отговаривать князя от поездки к хану: «Вот сын твой в Орде, пошли еще другого». Также и сыновья

говорили ему: «Возлюбленный родитель, не езди сам в Орду, лучше пошли кого-либо из нас; ведь на тебя возвели клевету перед ханом. Пережди до тех пор, пока пройдет его гнев».

Но святой Михаил с твердостью отвечал: «Знайте, мои дорогие дети, не вас требует хан, но меня; моей головы он хочет. Если я уклонюсь от поездки к хану, то отчина моя будет опустошена и множество христиан избито, да и сам я не избегну тогда смерти; не лучше ли же ныне положить мне свою душу за многих».

Желая утешить своих детей и преданных ему бояр, князь напомнил им о святом великомученике Димитрии Солунском, который сказал: «Господи, если погубишь сей город, то и я с ним погибну; если же Ты спасешь его, то и я с ним спасен буду».

После того князь наставлял сыновей своих, заповедал их жить добродетельно и благочестиво. Готовясь к смерти, он написал завещание, распределил между сыновьями города своего княжества и простился с ними. Плакали дети, отпуская отца в Орду на верную смерть, и едва могли расстаться с ним. Святой Михаил отпустил детей своих в Тверь и поехал к хану с боярами, 6 сентября он прибыл на устье Дона, где кочевала тогда Орда. Здесь святой Михаил увидался со своим сыном Константином. По обычаю, князь щедро одарил хана, его жен и приближенных. Хан сначала довольно милостиво обходился с Михаилом. Он даже дал князю пристава, чтобы тот защищал его от оскорблений. Полтора месяца пробыл святой Михаил в Орде. Но злобный Кавгадый не переставал клеветать на него. Наконец Узбек сказал своим вельможам: «Что вы говорили мне на князя Михаила? Беспристрастно рассудите его с князем Георгием и скажите, кто из них виноват; правого я награжу, а виноватого предаю казни».

И не знал жестокий хан, что казнью он сплетал святому князю неувядаемый венец мученика.

Неправеден был суд над святым Михаилом. Судиями были злобный Кавгадый с другими своими единомышленниками. Сбравшись в одну вежу (палатка, кибитка, шатер кочевников), вельможи хана призвали святого князя и коварно измышляли его вины: они утверждали, будто Михаил собирал по городам

большую дань и не платил хану выхода. Невинный страдалец, любя правду и говоря только истину, бесстрашно обличал ложные показания своих судей. Однако Кавгадый не только был судьей, но и обвинителем и лживым свидетелем против святого: он отвергал все оправдания святого Михаила, исполненные истины, возводил ложные обвинения на доблестного князя и оправдал своих сторонников. После этого разбирательства пристрастные судьи донесли хану, что святой Михаил виновен и заслуживает смерти. Но хан не решился сразу осудить его на смертную казнь и приказал снова пересмотреть его дело. Так окончилось первое разбирательство дела. Через неделю святого Михаила опять призвали на суд; на этот раз привели его уже в оковах. Судьи выставили против князя следующие обвинения: «Ты был горд и не покорялся хану, срамил его посла и бился с ним; побил многих татар и не давал хану дани; собирался с казною бежать к немцам; посылал казну папе; уморил княгиню Георгия».

Благоверный же князь Михаил так оправдывался от этих обвинений и клевет: «Царю я покорен. Сколько дани платил хану, на то у меня есть роспись. В бой с послом ханским я вступил по неволе: он пришел на меня с князем московским; не держал я посла в плену, но с честью отпустил его в Орду. А отравить жену князя Георгия, Бог тому свидетель, у меня и помысла никогда не было. Вспомнил бы брат мой Георгий Даниилович мою дружбу и любовь к нему. Еще отцу его я не раз помогал в бедах и ему не был соперником. Он сам восстал на меня и хотел всем владеть противно нашему обычаю. Судите же меня справедливо и милостиво».

Но нечестные судьи поистине уподобились тем, которые, по слову псалмопевца, *уста имут, и не возглаголют, очи имут и не узрят, уши имут и не услышат* (Пс. 113, 13–14). Они заранее решили умертвить святого князя, и Кавгадый с яростью ответил ему: «Не достоин ты милости, а достоин смерти». Вельможи донесли хану, что и теперь они убеждены в виновности князя Михаила и что он достоин смерти. Узбек сказал на это: «Если это справедливо, то так и сделайте». После приговора они приставили к осужденному семь сторожей,

связали князя, разграбили его одежду; в то же время они прогнали от него всех его бояр и слуг, причем сильно избили их; удалили и отца его духовного игумена Александра.

Так святой остался один в руках безбожных. Одно лишь утешение оставалось ему – молитва, и блаженный страстотерпец, не питая злобы на врагов своих, стал воспевать богодухновенные псалмы Давидовы. На другое день – это было воскресенье – татары возложили на выю святого тяжелую колоду, чтобы увеличить мучения блаженного; но он с кротостью молился и взывал: «Слава Тебе, Владыко Человеколюбче, что Ты сподобил меня положить ныне начало мучению моему, удостой же меня и кончить подвиг сей: да не смутят меня слова лукавых и угрозы нечестивых да не устрашат меня».

В то время хан двинулся на охоту к берегам Терека. По обычаю, его должна была сопровождать вся Орда. Повлеки также и святого Михаила. Тягостно было это передвижение для святого страдальца. На вые его лежала тяжелая колода; каждую ночь в ту же самую колоду заключали и руки святого. Одно лишь утешало его: к нему были допущены игумен, иереи и сын его Константин. Все время путешествия своего святой Михаил проводил в посте, каждую неделю он исповедовался и приобщался святых Христовых Таин. Благодетельный князь еще смолоду имел обычай каждую ночь петь псалмы Давида. Тем более теперь, осужденный на смерть, он утешал себя пением псалмов. Но так как враги заключили руки страдальца в колоду, то перед ним с разогнутой Псалтирью стоял отрок и перевертывал листы.

Так молился страстотерпец со слезами всякую ночь. Днем лице его было ясно и светло; своим кротким словом он утешал окружающих и старался ободрить их: «Не печальтесь и не скорбите, други мои, не огорчайтесь тем, что тот, которого вы привыкли видеть прежде в княжеском одеянии, теперь закован в колоду. Вспомните, сколько благ я получил в своей жизни, неужели же я не хочу потерпеть за них? И что значит сия временная мука в сравнении с бесчисленными грехами моими? Еще более должен я страдать, чтобы получить прощение за свои грехи. Вспомните, сам праведный и благодетельный Иов,

будучи чист, претерпел много страданий. Вас печалит колода? Не скорбите, друзья мои, – скоро ее не будет на вые моей».

Злобный Кавгадый и теперь не оставлял узника, но старался увеличивать его страдания. С целью надругаться над святым Михаилом, он велел вывести его на торго, где было много народа. Здесь он приказал поставить святого князя на колени перед собой, насмехался над ним, говорил ему много досадительных слов. Потом, как бы тронутый состраданием, обратился к нему со следующей речью: «Знай, Михаил, таков существует обычай у хана: если он разгневается на кого, даже из своих родственников, то приказывает держать его в колоде. Но когда гнев его пройдет, тогда он возвращает опальному прежние почести. Так и тебя завтра или послезавтра освободят, и ты будешь в большей чести».

Затем, обратясь к сторожам, сказал им: «Почему вы не снимете с него колоды?»

Понимая, что Кавгадый издевается над несчастным узником, они отвечали с улыбкой: «Мы снимем ее завтра или послезавтра, как ты сказал». – «Так поддержите теперь колоду, чтобы она не давила ему плеч».

Один из сторожей стал поддерживать колоду, пока мучитель предлагал святому различные вопросы. Но народу Кавгадый сказал, что князь за свои вины осужден ханом на смерть. Наконец, надругавшись над святым князем, Кавгадый велел отвести его. Немного отойдя, святой Михаил захотел отдохнуть. Сбежалась разноплеменная толпа праздных зрителей: немцы, греки, литовцы, русские, и с любопытством смотрели на того, кто сидел прежде на великокняжеском престоле в чести и славе, а ныне в оковах переносит поругание. Один из княжеских отроков сказал святому мученику: «Князь, не лучше ли тебе идти в свою палатку и там отдохнуть? Ты видишь, здесь стоит множество народа, все смотрят на тебя». *И аз бых поношение им: видеша мя, покиваша главами своими (Пс. 108, 25),* – отвечал страдалец словами Священного Писания. – Но не престану уповать на Тебя, Господи, *яко ты еси исторгий мя из чрева, упование мое от сосцу матере моея (Пс. 21, 10).*

Князь встал и направился к своему шатру. С того времени на очах Христова страдальца всегда были слезы, ибо он провидел свою скорую кончину.

Между тем Орда остановилась за рекою Тереком, под городом Дедяковым, недалеко от города Дербента. Уже двадцать шесть дней томился святой страдалец. Не раз слуги предлагали ему: «Господин наш, великий князь, уже готовы у нас для тебя проводники и кони. Беги в горы, спаси себе жизнь». Но святой князь твердо отвечал им: «Я и прежде никогда не бегал от врагов моих, не сделаю сего и ныне. Если я один спасусь, а бояре и слуги мои останутся здесь в беде, то какая мне честь будет за это? Не могу сделать этого. Да будет Господня воля!»

22 ноября рано утром святой Михаил велел совершить заутреню и Божественную литургию. С сердечным вниманием, обливаясь слезами, слушал святой князь Божественную службу, сам прочитал правило перед причащением. Благоверный князь исповедался и приобщился святых Христовых Таин. Он готовился к смерти, потому что той ночью видел сон, извещавший его о кончине. После литургии князь простился с духовенством, которое было с ним (игумен, два иеромонаха, два священника и диакон): каждого целовал, слезно просил не забывать его и всегда поминать в своих молитвах. Потом он позвал к себе сына, князя Константина. Святой Михаил дал ему последнее наставление о том, как надо держать ему православную веру, почитать храмы Божии, духовный и иноческий чин, благотворить странным и нищим. Затем страдалец-князь сделал распоряжение о своей отчине, о боярах и слугах, приказывая обходиться с ними внимательно и милостиво. После того он сказал: «Дайте мне Псалтирь, ибо сердце мое исполнено смущением». Когда он разогнул книгу, ему открылись следующие слова: *«Сердце мое смятется во мне, и боязнь смерти нападе на мя (Пс. 54, 5)»*. Святой Михаил сказал иереям, бывшим с ним: «Скажите мне, что означают слова сии?» Они отвечали ему: «Государь, да не смущается сердце твое словами сими, ибо в том же псалме сказано:

Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает (Пс. 54, 23)".

Слова эти утешили страдальца, и он продолжал чтение псалмов Давидовых. Вдруг в шатер вбегает княжеский отрок; он был бледен и испуганным голосом сказал: «Государь, идут Кавгадый и Георгий со множеством народа и прямо к твоему шатру». Тогда блаженный страдалец кротко заметил: «Знаю, зачем они идут, – убить меня». Затем он отослал сына своего Константина под покровительство жены хана. Между тем безбожные убийцы были уже недалеко от вежи святого Михаила. Кавгадый и Георгий остановились на торгу, недалеко от шатра святого Михаила, и сошли с коней. Отсюда они послали убийц к святому князю. Как дикие звери, убийцы вскочили в шатер, разогнали всех княжеских слуг. Святой в то время стоял на молитве и последний раз на земле прославлял своего Создателя. Схватив святого за колоду, убийцы ударили его о стену, так что стена шатра проломила. Князь поднялся было на ноги. Тогда лютые убийцы всей толпой набросились на него, топтали ногами, немилосердно били; потом один из них, Романцев, выхватив нож, поразил им святого князя в бок и повернул несколько раз нож в ране, наконец, вырезал сердце. Так предал в руки Господа святую душу свою страдалец Христов. Мученическая кончина святого Михаила последовала в среду, 22 ноября 1318 г., в третьем часу дня.

Толпа татар и русских, бывших в Орде, набросилась на палатку убитого князя и разграбила ее. Святое и честное тело мученика было брошено и лежало без всякого покрова, ибо убийцы сорвали со святого князя одеяние. Один из злодеев пришел на торг к Кавгадыю и Георгию и сказал им: «Приказание ваше исполнено».

Тогда Кавгадый с князем быстро подъехали к палатке. Увидев обнаженное тело князя, Кавгадый с укором сказал Георгию: «Разве он не старший тебе брат, все равно как отец? Что же тело его лежит без покрова, брошенное на поругание всем? Возьми его и вези в свою землю, погребви в отчине его, по вашему обычаю».

Князь Георгий послушал этого совета. Он велел своим слугам прикрыть обнаженное тело святого, и один из них покрыл его своей верхней одеждой. Потом князь приказал положить тело на большую доску, а доску поднять на повозку и крепко привязать.

Сын князя-мученика Константин, некоторые бояре и слуги едва успели убежать к жене хана и, пользуясь покровительством татарской царицы, избежали злой смерти. Другие бояре и слуги тверского князя были раздеты, подвернуты побоям и закованы в железа. Предав смерти святого Михаила, сторонники князя Георгия – князья и бояре – собрались в одну вежу, пили вино, и каждый хвалился тем, какую вину он выдумал на страдальца.

Святое тело князя Михаила, по приказанию Георгия, повезли в реку Адежь (что значит – горесть). Ночью два сторожа были приставлены охранять его. Но сильный страх напал на них; сторожа бросились бежать от повозки, где лежало тело святого мученика. Рано утром они возвратились на свое место, и видят дивное чудо: к повозке привязана одна только доска, тело же лежало особо, раной к земле, причем из язвы вышло много крови. Правая рука святого была подложена под лицо его, а левая находилась у раны. Удивительно то, что в степи рыскало много хищных зверей, и ни один из них не смел прикоснуться к святым останкам мученика. Так поистине смерть праведников честна; смерть же грешников люта. Злобный человекоубийца Кавгадый не избег праведного суда Божия: вскоре он был казнен по приказанию хана Узбека.

В ту же ночь многие из христиан и иноверных видели, как два облака осеняли то место, где находилось честное тело убиенного князя. Они то сходились, то расходились, и сияли, точно солнце. Утром говорили: «Князь Михаил – святой. Он убит неповинно».

От реки Адежи тело святого повезли в Маджары. Здесь купцы, знавшие святого Михаила, хотели прикрыть тело его дорогими тканями и поставить в святом храме. Однако бояре князя Георгия не позволяли им сделать этого; они поместили его в хлеву и приставили стражу. Но Бог прославил дивным

образом мощи Своего угодника: многие из жителей по ночам видали, что над тем местом поднимался огненный столб от земли до небес. Другие же видели радугу, которая склонялась над тем хлевом. Отсюда мощи святого Михаила повезли далее; повозка со святыми останками благоверного князя подъезжала к Бездежу, и некоторые из жителей того города видели, что множество народа со свечами и кадилами окружало тело мученика, светлые всадники носились в воздухе над колесницей. Когда тело святого привезли в сей город, провожатые не позволили поставить его в церкви, но поместили на дворе и стерегли целую ночь. Один сторож осмелился лечь на повозку, где лежало тело страдальца. Вдруг невидимая сила отбросила его далеко в сторону. Сторож почувствовал себя больным и с великим трудом мог подняться на ноги, но, раскаявшись в своем согрешении, он получил исцеление.

Наконец, тело князя-мученика привезли в Москву и погребли в кремлевском Спасском монастыре, в церкви Преображения. Благоверная княгиня Анна не знала о мученической кончине своего супруга. Через год возвратился от хана князь Георгий с великокняжеским ярлыком. Он привез с собою из Орды тверских бояр и князя Константина Михайловича. Тогда в Твери узнали о смерти святого Михаила и о погребении его в Москве. Княгиня Анна и дети святого князя просили князя московского перевезти святые мощи мученика в Тверь. Георгий едва дал свое согласие. Тогда из Твери отправили в Москву бояр, чтобы они с торжеством перевезли мощи святого Михаила. Прибывшие в Москву сподобились узреть дивное чудо, которым Господь благоволил прославить Своего угодника. Тление совершенно не коснулось его святого тела. Посланные взяли гроб с мощами святого и с великой честью понесли его в Тверь. Когда шествие приближалось к городу, княгиня Анна со своими сыновьями Димитрием, Александром и Василием поехали навстречу Волгой в насадах, а епископ Варсонофий со всем священным собором и бесчисленное множество народа встретили святые мощи на берегу. Велико было рыдание; за плачем народа не было

слышно церковного пения. Особенно же горько плакала княгиня Анна.

6 сентября 1320 года святые мощи благоверного князя Михаила были погребены в построенном им соборном храме Преображения Господа нашего Иисуса Христа, где были погребены и родители его, великий князь Ярослав Ярославич и великая княгиня Ксения.

Господу было угодно прославить Своего угодника многими чудесами. Еще до открытия его чесных мощей благочестивые люди молились у его гробницы о разрешении своих недугов и получали исцеление. Местное празднование благоверному князю Михаилу в Твери началось, вероятно, вскоре после перенесения его мощей из Москвы; всероссийское празднование ему установлено на Соборе 1549 года.

В 1606 году на Русскую землю напали поляки и литовцы; враги достигли Тверских пределов и сильно опустошили страну. Но Господь послал Русской земле славного защитника. Неприятеля часто видели, как из города выезжал дивный всадник на белом коне с обнаженным мечом в руках. Страх тогда нападал на врагов, и они обращались в бегство. Когда предводители неприятельского войска увидели икону святого Михаила, то они с клятвой поведали святителю Тверскому Феокисту (управлял Тверской епархией с 1603 по 1609 гг.), что дивный всадник, которого они видели, и был святой Михаил.

Нетленные мощи мученика-князя были обретены в 1632 году, 24 ноября. При этом произошло много чудес у гроба святого. Некоторые видели огненный столп над соборным храмом, где почивали честные мощи. В 1655 году Тверь постигло бедствие – началось сильное моровое поветрие, и много людей погибло от сей болезни. Тогдашний архиепископ Тверской Лаврентий (управлял Тверской епархией с 1654 по 1657 гг.), по благословению патриарха, переложил мощи святого в новую раку. При этом гробницу святого носили вокруг города. И с того же дня болезнь прекратилась. В воспоминание о таком чудесном заступлении святого Михаила в Твери был установлен крестный ход.

Ноябрь 23

Митрофан, епископ Воронежский – чудеса и открытие мощей

Заветы святителя Митрофана своей пастве молиться о упокоении души его не были забыты ею. Образ любвеобильного и милосердного епископа глубоко врезался в душу народную, чуткую к проявлениям святости на грешной земле, и много благоговейных почитателей памяти почившего святителя стекалось к его могиле, чтобы отслужить панихиду. Поколение свидетелей благочестивой жизни первопрестольника Воронежского сменилось другим, но память о нем не ослабевала; не редели, а увеличивались ряды молящихся у гроба святого, где многие, по молитвенному ходатайству его перед Господом, получали чудесную помощь. Вскоре Господь, исполняя благочестивые чаяния почитателей святителя Митрофана как угодника Божия, положил начало его открытому прославлению.

Соборная Благовещенская церковь, созданная трудами святителя Митрофана, около 1717 года рушилась. Собор пришлось разломать, чтобы материалом его воспользоваться для постройки нового, который был заложен на более прочном фундаменте и на месте, не угрожавшем целостности здания. Работы были начаты в 1718 году, и тогда же гроб с телом святителя Митрофана из исподней палаты Архангельского придела, тоже значительно пострадавшего, по повелению епископа Воронежского Пахомия, перенесен в церковь Неопалимой Купины под деревянной соборной колокольней. По окончании постройки в 1735 г. тело святого Митрофана перенесли в новый кафедральный собор и погребли «в правом крыле собора, близ самой южной стены, в вышнем первом месте, в углу». При обоих перенесениях тело святителя оказалось нетленным, так что окончательно окрепло убеждение в святости почившего первопрестольника Воронежского, и все шире и шире по лицу земли Русской начало распространяться благоговейное почитание его памяти. С 1830 года особенно усиливается стечение богомольцев ко гробу святителя, и как бы в ответ на

это возрастание благочестивой ревности к его памяти возрастают чудесные явления помощи Божией у могилы Его угодника. Обо всем этом епархиальная власть почла необходимым довести до сведения Святейшего Синода, который, ожидая дальнейших указаний Промысла Божия относительно прославления святителя Митрофана, предписал епископу Воронежскому Антонию скромное и осторожное наблюдение событий. Так как из среды притекавших ко гробу святителя делались заявления о чудесных исцелениях, то епископ Антоний приказал заносить их в особую записку. До поднесения всеподданнейшего доклада императору Николаю Павловичу об открытии мощей святителя Митрофана Синоду было представлено девяносто девять засвидетельствований о чудесах, совершившихся по заступлению первосвятителя Воронежского. Из них приведем здесь некоторые, наиболее примечательные.

Липецкий помещик Иван Николаевич Ладыгин, потрясенный семейным несчастьем, в 1829 году расхворался. Чем далее шло время, тем больше усиливался недуг, так что, наконец, больной не мог пошевелинуться, и его с трудом передвигали при помощи простынь; при этом он совсем лишился сна и только непродолжительная дремота на короткое время облегчала его страдания. В таком почти безнадежном состоянии Ладыгин, слышавший о явлениях при гробе святителя Митрофана, вдруг почувствовал горячее желание отправиться в Воронеж и поклониться гробу святого Митрофана. С этой мыслью он заснул. Проснувшись, больной с радостью заметил неожиданное облегчение от тяжелой болезни: он мог сам поднять голову и сидеть в постели, прислонясь к подушке; вскоре при помощи костылей он стал переступать по несколько шагов. В таком состоянии Ладыгина привезли в Воронеж. Здесь его на кресле внесли в собор. Отслужен был молебен перед иконой Богоматери, стоящей над могилою первосвятителя Воронежского, а после него – панихида по епископе Митрофане. Когда, по окончании панихиды, на больного возложили мантию угодника Божия, он сейчас же почувствовал такое облегчение, что вышел из собора без посторонней помощи и с одним лишь

костылем. Дома он все еще чувствовал себя не совсем здоровым, но когда снова отправился в Воронеж и опять пришел в собор, к могиле святителя, то возвратился от нее уже совершенно выздоровевшим.

Тот же Ладыгин испытал проявление благодатной помощи святителя Митрофана и над своим семейством. Через год по исцелении самого Ладыгина сильно захворала горячкой его одиннадцатилетняя дочь; она впала в беспамятство и была недалеко от смерти. Но вот ей явился во сне святитель Митрофан, облеченный в архиерейские одежды, и благословил ее; с этого момента больная стала быстро поправляться.

Дочь однодворца Трофимова Параскева, восемнадцати лет, страдала от припадков, к которым затем присоединилась новая болезнь: у нее на носу появился нарост, который скоро разросся почти во все лицо. С усердием почитая память святителя Митрофана и горячо веруя в силу его молитвенного заступления, больная в продолжении трех месяцев ежедневно приходила в Благовещенский собор к могиле святителя. Здесь по ее желанию совершались по нем панихиды и служились молебны перед иконой Богоматери. И вот однажды, вернувшись из собора домой, Параскева в полубодственном состоянии увидела святителя Митрофана, который сказал ей: «Полно тебе лечиться: я – Митрофан, будь здорова».

Когда на другой день на больную возложили мантию святителя, нарост на носу ее начал опадать и совершенно исчез. Через неделю с больной сделался припадок, сопровождавшийся страшной рвотой, и это был последний мучивший ее припадок, не повторявшийся более.

Крестьянин Василий Матвеев в течении двух лет страдал слепотою; но он прозрел после того, как его мать, отслужив панихиду у гроба святителя Митрофана, помазала дважды глаза его маслом, взятым из лампы перед иконой Богоматери, стоящей над могилой угодника Божия.

Мария Дорожкина, крепостная тамбовского помещика Коноплина, десять лет страдала ломотой рук, сопровождавшейся гнойными нарывами на кистях, что, к довершению бедствия, отнимало у нее всякую возможность

работать. В 1830 году она отправилась на богомолье в Воронеж. После молебна Богоматери и панихиды по святителю больная с верой помазала руки маслом из лампы над его гробом и сейчас же почувствовала облегчение. В четыре следующих дня руки, к великой радости измученной женщины, совершенно очистились от гнойных язв, и ломота в них прекратилась.

Жена дьячка Агафия Струкова сорок пять лет подвергалась ужасным припадкам беснования, во время которых готова была наложить на себя руки. Когда муж ее, ища помощи у святителя Митрофана, вводил ее в Благовещенский собор, то она сильно противилась этому. Когда возложили на больную мантию святителя, она впала в беспамятство, а затем, очнувшись, по молитвам угодника Божия совершенно исцелилась от страшной болезни.

Особенно замечательно исцеление по молитвам святителя Митрофана восьмилетней девочки Марии Жукевич от недуга, перед которым медицина бессильна. В 1830 году ее постигла болезнь, известная под именем пляски Витта и начинающаяся с судорожного расстройства движений. Врачи не облегчили болезни девочки; напротив, после непродолжительного лечения болезнь усилилась до того, что у Марии отнялись руки, ноги и язык. Осталась одна надежда на помощь Божию, и родные больной обратились с горячей молитвой к Божией Матери и к святителю Митрофану: они служили молебны перед иконой Богоматери, стоящей над могилой первопрестольника Воронежского, и панихиды на месте его погребения; при этом в течение трех дней на больную возлагалась мантия святителя Митрофана, облегчавшая ее страдания. На третий день, по возложении мантии, больная почувствовала приятную теплоту в теле, а потом крепко заснула и спокойно спала целых двенадцать часов. Во время этого целительного сна больная увидела, что у ее кровати появился какой-то старец в иноческой одежде, который стоял несколько времени на том же месте и после того, как она проснулась. В течение последующих трех недель Мария совершенно избавилась от своего недуга, неизлечимого обычными человеческими средствами. Увидав

затем икону святителя Митрофана, она узнала в нем являвшегося ей старца.

Вообще многие, получившие чудесную помощь святителя Митрофана во время его явлений, узнавали впоследствии своего благодатного целителя, взглянув на его изображение, подлинное происхождение которого тоже чудесно.

В 1830 году воронежский купец Гарденин, испытавший на себе благодатную помощь святителя Митрофана и почитавший его как великого угодника Божия, нашел очень старинный портрет первопрестольника Воронежского. Желая иметь изображение святителя, Гарденин обратился с просьбой к любителю-художнику, чиновнику Швецову, чтобы он снял с портрета копию. Но портрет был так ветх, что трудно было уловить черты, стертые временем. Боясь исказить лик великого святителя, Швецов отказался исполнить просьбу Гарденина. Изменить это решение Швецова не могли и убеждения Воронежского епископа Антония, также желавшего иметь изображение первосвятителя Воронежского, память которого он благоговейно чтит. Однажды владыка Антоний, после тщетных стараний убедить Швецова, с глубокою уверенностью сказал ему: «Не сомневайся: ты увидишь святителя наяву или во сне».

Швецов поверил словам благочестивого епископа Антония и весь тот день провел в молитве к Богу, чтобы Он сподобил его увидеть святителя Митрофана. И вот на следующую же ночь Швецов увидел во сне старца, но только в сумраке, неясно; затем свет рассеял сумрак и перед ним стояло совершенно отчетливое изображение святителя Митрофана, которое он будто бы и поспешил списать. Когда Швецов проснулся, то образ святителя так живо запечатлелся в его душе, что он без труда по памяти воспроизвел его на холсте. Затем он рассказал преосвященному Антонию о чудесном явлении святителя Митрофана и показал нарисованное им изображение. Владыка благословил Швецова писать копии с этого изображения, имея в виду желание многих почитателей памяти первопрестольника Воронежского.

Наступил, наконец, «предустановленный свыше час прославления угодника Божия, потрудившегося подвигом

добрым в пользу Церкви и отчизны».

Весной 1831 года производилась поправка обветшавшего Воронежского кафедрального собора; между прочим, нужно было освидетельствовать прочность фундамента и переменить пол. Когда церковный помост был разобран, то вблизи стены, на правой стороне, оказался склеп с разломанным наверху его отверстием. Через это отверстие увидели непокрытый гроб (крышка истлела), а в нем – тело святого Митрофана «в нерушимой целости». Об обретении мощей в начале 1832 года тайно было донесено императору Николаю Павловичу, который передал дело на рассмотрение Святейшего Синода с условием, чтобы оно велось негласно. Духовное завещание первосвятителя Воронежского, являющееся достойным отображением благочестивых чувств и мыслей, которыми он руководствовался в своей жизни, и записка от епископа Антония об исцелениях при гробе святителя Митрофана побудила Святейший Синод не медлить более с прославлением угодника Божия. Для освидетельствования мощей была образована особая комиссия, в состав которой вошли: Евгений, архиепископ Рязанский, Антоний, епископ Воронежский, Герман, архимандрит Московского Спасо-Андрониева монастыря, и несколько лиц из воронежского духовенства, по своему положению и благочестивой жизни пользовавшихся общественным доверием. Подробное освидетельствование места погребения святого Митрофана, гроба, священных облачений и честного тела его, производившееся 18 и 19 апреля 1832 г., не оставляло никакого сомнения «в святости мощей». Производившая дознание комиссия доносила Святейшему Синоду, что, несмотря на чрезвычайную сырость места погребения святителя Митрофана, исподняя доска гроба, «на коей покоится тело, особенно осталась целою»; схимонашеское облачение святителя оказалось невредимым, а тело его – нетленным. Вместе с этим донесением комиссия представила в Синод сведения о чудесах, совершившихся по молитвенному заступлению святителя Митрофана: сведения эти были собраны комиссией на месте под присягою и за рукоприкладством лиц, или на себе испытавших, или видевших на своих домочадцах

чудесную помощь угодника Божия. Получив донесение комиссии, Святейший Синод предоставил императору Николаю Павловичу на утверждение доклад, в котором было постановлено:

1. «Тело Воронежского епископа Митрофана, в схимонасах Макария, признать за мощи несомненно святые».

2. «Изнеся оныя с подобающею честью из подземного склепа в кафедральный Благовещенский собор, положить в приличном и открытом месте для общего поклонения».

3. «Службу преосвященному Митрофану отправлять общую, положенную святителям, пока не будет составлена и Синодом одобрена особая ему служба».

4. «Память сего святителя праздновать в день преставления его, 23 ноября».

Государь император утвердил этот доклад. На торжество открытия мощей святителя Митрофана им был назначен один из членов Святейшего Синода, Григорий, архиепископ Тверской.

Ко дню Преображения Господня, 6 августа, когда было назначено открытие мощей святителя Митрофана, в Воронеже собралось из разных губерний до пятидесяти тысяч благоговейных почитателей новоявленного угодника Божия. Вскоре после литургии в день Преображения Господня по соборному благовесту начался звон во всех церквях города Воронежа, причем из приходских храмов начался крестный ход в кафедральный Благовещенский собор. Собралось сюда и все воронежское духовенство. С утра ненастная погода прояснилась, и солнце, точно разделяя радость верующих, играло своими лучами на хоругвях и иконах. К двум часам в Архангельский собор прибыли в святительских мантиях в предшестве сослужащих Григорий, архиепископ Тверской, и Антоний, епископ Воронежский; здесь они облеклись в полное священное облачение. После коленопреклоненной молитвы, прочитанной первенствовавшим в служении архиепископом Григорием, в которой испрашивалось благословение у Господа на предстоящее открытие мощей святителя Митрофана, с пением покаянного псалма «Помилуй мя, Боже» двинулся торжественный крестный ход из Архангельского собора в

Благовещенский, к могиле святого первопрестольника Воронежского; здесь еще накануне был открыт склеп и приготовлена кипарисная рака, но честные мощи пребывали на месте векового покоя. По вступлении крестного хода в Благовещенский собор началось пение 33-го псалма; во время его архиепископ Григорий после каждения перед святыми иконами и честными мощами окропил святой водой раку, покров для мощей и лентионы, или полотна, предназначенные для поднятия из склепа нетленного тела святителя. Потом, по возгласу протодиакона, все собрание преклонило колена и архиепископ Григорий произнес следующую трогательную молитву, обращенную к новоявленному угоднику Божию: «Угодниче Божий, святителю отче Митрофане! Призри с высоты святых на нас, смиренных, грешных и недостойных братий своих и чад, рабов Господа Бога нашего Иисуса Христа, пришедших подъяти нечистыми и грешными руками нашими честные и святые мощи твоя, положи их в новом гробе, уготованном любовью чтущих святую память твою, и поставь их в матери церкви бывшей паствы твоя, да почивают они пред очима всех людей возлюбленного тебе православного земного отечества, России; да воспоминают они всем нам святые твои наставления в вере, паче же к жизни по святой вере, да вся православная людие поклоняются тебе, святителю Божий; и ты моли Христа Бога нашего, да никтоже от прибегающих к тебе отыдет тощ, но да устроится всякому, с верою к тебе притекающему и просящему твоея помощи, полезное и благое ко спасению. Всем же нам, пришедшим прияти всечестные мощи твоя, моли Господа Бога нашего, освятится и пребыть отныне в нерушимой святости вся дни жизни нашей. Ей, угодниче Божий, аминь».

По окончании молитвы два священнослужителя, сойдя в склеп, подложили под исподнюю, уцелевшую доску гроба, лентионы, концы которых подали стоявшим по бокам могилы священникам. Наступила самая торжественная минута, наполнившая трепетом духовного восторга сердца присутствовавших: при непрерывном и тихом пении священнослужителей «Господи, помилуй» мощи святителя

Митрофана на лентионах медленно поднимались из земли, где покоились 128 лет. Когда они были изнесены из могилы, епископы с помощью священнослужителей положили их в новую кипарисную раку и покрыли покровом. Затем все находившиеся в соборе, во главе со святителями, воздали земным поклоном благоговейное чествование новоявленному чудотворцу. Сейчас же началось молебное пение святителю Митрофану; во время пения тропаря, после вторичного земного поклонения честным мощам, двенадцать священников подняли раку, и по возглашении архиепископа Григория «с миром изыдем», в предшествии крестного хода и всего духовенства, с пением тропаря святителю торжественное шествие с честными мощами двинулось из Благовещенского собора в Архангельский, куда переносили святые мощи лишь на время исправления Благовещенского собора. Многочисленный народ, стоявший по пути в благоговейном ожидании появления раки с мощами святого Митрофана, при виде ее опускался на колени, воссылая горячие, слезные молитвы к новому предстателю за грешный мир перед Богом. Обойдя кругом Благовещенского собора, крестный ход с честными мощами направился в Архангельский собор, и здесь они были поставлены на ранее приготовленном перед алтарем возвышении. По окончании молебного пения была совершена малая вечерня, крестные же ходы возвратились обратно в свои церкви. В шесть часов вечера раздался благовест соборного колокола, призывавший ко всеобщему бдению, которое с особенной торжественностью отправлялось в Архангельском соборе, где была поставлена рака с мощами святителя Митрофана. Во время полиелея многочисленный священный собор во главе с епископами вышел из алтаря на середину храма и окружил раку с мощами; перед пением величания святителю открыли раку. После прочтения Евангелия происходило благоговейное лобызание честных мощей, которое продолжалось и по окончании всеобщего бдения: всю ночь собор не был заперт, чтобы дать возможность тысячам народа поклониться честным мощам угодника Божия, причем для

назидания усердных почитателей памяти святителя читалось его духовное завещание, обращенное к пастве.

На другой день, 7-го августа, в 10-м часу утра началась в Архангельском соборе поздняя литургия, которую с многочисленным собором совершали святители Григорий и Антоний. На малом входе при пении «Приидите, поклонимся» священнослужители подняли раку с мощами угодника Божия, через царские двери внесли ее в алтарь и поставили на горнем месте, лицом к святому престолу; епископы стояли по бокам, как сослужащие. И невольно присутствовавшим казалось, что возвратилось далекое прошлое, когда святитель Митрофан священнодействовал среди паствы своей.

По окончании литургии и изнесении мощей снова на средину храма совершенно было святителю Митрофану молебное пение с коленопреклонением. Затем мощи были поставлены ближе к южным боковым дверям алтаря соборного храма для всеобщего чествования. В продолжении недели, с 7-го августа по 14-е, в Архангельском соборе архиепископом Воронежским Антонием совершались ежедневно торжественные богослужения, а при мощах святителя Митрофана – молебствия. В это же время император Николай Павлович, подробно извещенный об открытии мощей святителя Митрофана, почтя новоявленного угодника Божия, прислал для возложения на его раку золотой покров, а спустя сорок дней после открытия мощей сам прибыл в Воронеж, чтобы поклониться честным мощам его святого первопрестольника.

День прославления святителя Митрофана Господь ознаменовал обильным излиянием чудес на всех, с верою притекавших к цельбоносной раке и искавших врачевства недугов душевных и телесных, что еще более увеличивало торжественную радость праздника. Многие из этих чудес сохранились лишь в благодарной памяти получивших благодатную помощь святителя Митрофана, но некоторые дошли до епархиальной власти «в определенной и правильно засвидетельствованной известности». Из них приведем следующие.

Дворовый человек Петр Юрьев, совершенно глухонемой от рождения, ко дню открытия мощей святителя Митрофана был прислан в Воронеж. Приложившись к мощам угодника Божия, он стал слышать и говорить, но, не зная названия вещей, сначала только повторял слова, произносимые другими. В следующем месяце он начал уже учиться азбуке.

У майора Александра Юрьева в конце июля 1832 года сильно расхворалась малолетняя дочь Наталия: сначала на шее, под челюстью появились железы, а затем десны, небо, язык и маленький язычок покрылись гнойными ранками. Лекарств не употребляли, так как девочка не могла глотать: десять дней она была без пищи, с большим трудом по временам проглатывая каплю чая. В день открытия мощей святителя Митрофана ее приобщили святых Христовых Таин, после чего она почувствовала некоторое облегчение. На другой день девочку принесли к раке святителя, и лишь только она приложилась к мощам угодника Божия, как болезнь ее прошла: рот совершенно очистился от гнойных язв, так что в тот же день она могла употреблять пищу.

Дочь одного крестьянина Тобольской губернии Лыжина, Анну, постиг ужасный недуг. Однажды – это было за пять лет до открытия мощей святителя Митрофана – она вышла на крыльцо и увидела здесь свирель, неизвестно кому принадлежавшую; она нагнулась, чтобы поднять ее, и в тот же момент почувствовала неприятное ощущение – точно ее кто облил с головы до ног холодной водой; при этом она впала в беспамятство, рвала на себе одежду и волосы, кусала сама себя. Во время таких припадков у Анны появлялась страшная сила, так что четыре человека не могли удержать ее. Больная чувствовала отвращение к святыне и попытки насильственно привлечь ее к ней только усиливали припадки. По просьбе родственников над Анною совершено было освящение воды. Больная с криком сказала: «Сколько ни ухитряйтесь, мне ничего не сделаете. Я теперь не выйду, а разве через пять лет, когда она пойдет в Воронеж».

В течение пяти лет повторялись эти припадки. Когда же больная отправилась в Воронеж на открытие мощей, то лишь с

помощью других могла достигнуть желанной цели, потому что на пути с ней то происходил крайний упадок сил, то охлаждение членов, похожее на их омертвление. При первом же намерении идти в собор (6 августа) с Анной случился столь жестокий припадок, что она, точно мертвая, была поднесена к окну, против которого покоились мощи святителя Митрофана. Всю ночь продолжались страдания, пока, наконец, не наступила рвота, с прекращением которой окончился и недуг, и больной возвратилось совершенное здоровье.

И после того свт. Митрофан продолжал проявлять благодатную силу чудотворений над всеми, с верою обращающимися к нему. Этот благодатный источник исцелений не оскудел и доньше, так что описание всех чудес, совершившихся по молитвенному ходатайству угодника Божия, составило бы немалую книгу.

В 1833 году, после возобновления Благовещенского собора трудами архиепископа Воронежского Антония, сюда были торжественно перенесены из Архангельского собора мощи святителя Митрофана. Тогда же воронежское купечество, побуждаемое помянутым архипастырем, устроило для мощей святителя Митрофана серебряную вызолоченую раку в семь пудов.

23 ноября 1903 года Воронежская епархия торжественно отпраздновала двухсотлетие со дня кончины своего первопрестольника. Это торжество объединило в чувстве благоговейной любви к угоднику Божию многочисленных почитателей его памяти, которая, без сомнения, никогда не умрет среди чад Православной Церкви Русской, как никогда, по милости Божией и молитве святителя Митрофана, не прекратится чудесная и благодатная помощь его всем, притекающим к нему в нуждах и скорбях.

Митрофан, епископ Воронежский, святитель

Первопрестольник Воронежский, святой Митрофан, во святом крещении Михаил, родился в ноябре 1623 года в области нынешней Владимирской губернии. Не имеется сведений, кто именно были его родители, какое занимали положение, лишь предполагают, что они принадлежали к духовному званию. Зато сохранилось ценное свидетельство самого святителя о том, каковы были родители его и как воспитали они своего сына. «Я родился в мир сей, – говорит святой Митрофан в своем духовном завещании, – от благочестивых родителей и воспитан ими в непорочном благочестии Восточной Церкви, в православной вере».

Половину своей жизни угодник Божий провел в миру: был женат, имел сына и проходил должность приходского священника. Местом пастырского служения иерея Михаила было село Сидоровское. Более ничего не известно о мирской жизни святителя. Но его строго христианское воспитание, последующая богоугодная жизнь и самоотверженная архипастырская деятельность без сомнения говорят о том, что для своего прихода священник Михаил был пастырем, полагавшим душу за своих овец, а для своей семьи – мудрым руководителем и любящим отцом. Нежная заботливость святителя о своем сыне Иоанне сквозит в письмах, сохранившихся от времени его епископского служения.

На сороковом году своей жизни угодник Божий лишился супруги и тогда же решил отречься от мира, чтобы беспрепятственно служить Богу. Он поселился в Золотниковской пустыни в честь Успения Божией Матери. Здесь в 1663 году священник Михаил был пострижен в иночество с именем Митрофана. К сожалению, ничего не известно о подвигах святого Митрофана в тихой пустыни. Следуя учению Евангелия, он старался скрыть свои подвиги от людских взоров и дал обет окончить жизнь и быть погребенным в Золотниковской пустыни – так ему была дорога мирная сень скромной обители.

Но Господь судил святому Митрофану иной, высший жребий духовного водительства другими. Несмотря на старание подвижника укрыться от славы человеческой, богоугодная жизнь его сделалась известна для окрестного населения: спустя три года по вступлении святого в Золотниковскую обитель братия соседнего Яхромского Космина монастыря, не имевшая в то время настоятеля, обратилась вместе с крестьянами монастырских вотчин с просьбой к духовной власти поставить игуменом их обители известного своей строгой жизнью инок Митрофана. Просьба была исполнена: в июне 1665 года блюстителем патриаршей кафедры митрополитом Сарским и Подонским Павлом инок Митрофан «благословен во игуменский чин». Во всю свою последующую жизнь угодник Божий сильно скорбел, что не мог выполнить обета об безысходном пребывании на месте своего пострижения, хотя он нарушил его не самовольно, а по иноческому послушанию. В Яхромском монастыре святой Митрофан был настоятелем почти десять лет. Насаждая среди братии дух благочестия, святой игумен заботился и о внешнем процветании обители. Вскоре после вступления в управление монастырем он приобрел для него богато украшенное Евангелие; затем, видя тесноту монастырского храма, святой Митрофан с помощью благотворителей соорудил новый, более обширный, во имя Всемиловитого Спаса, Нерукотворенного Его образа, причем снабдил этот храм новой церковной утварью.

В 1675 году управлению святого Митрофана, как «мужа благоговейного и добродетельного», патриарх Иоаким (управлял Русской Церковью с 1674 по 1690 гг.) поручил другую, более обширную и славную Унженскую обитель во имя Живоначальной Троицы. Унженская обитель пользовалась милостью царей дома Романовых. Она была знакома царю Михаилу Феодоровичу еще до вступления его на Российский престол: в 1612 году или начале 1613 года он с матерью своей, инокиней Марфой Иоанновной, приезжал в обитель и молился преподобному Макарию о возвращении отца своего, митрополита Ростовского Филарета, томившегося в плену у поляков. В 1619 году Михаил Феодорович совершил в

торжественно-царской обстановке путешествие в монастырь преподобного Макария по своему обету «за некоторые угодника Божия чудеса и помощь, оказанную великому государю и родителем его во время их печали». Со времени царского посещения Унженская обитель, по воле Михаила Феодоровича, была учинена «наравне с Соловецким монастырем», а игумены ее получили право ежегодного приезда в Москву к царю и патриарху с образом преподобного Макария и со святой водой после дней празднования преподобному Макарию, приходившихся на 19 января и 25 июля. Таким путем Унженские игумены получили личный доступ к царю и патриарху, что имело важное значение для обители, особенно в случае каких-либо дел. Не меньшую любовь и веру к преподобному Макарию Унженскому имел и внук царя Михаила, Феодор Алексеевич (царствовал с 1676 г. по 1682 г. Эти годы падают на время управления св. Митрофана Унженской обителью), у которого было сильное желание видеть обитель и поклониться гробу преподобного. Высокое покровительство царствующего дома благоприятно отразилось на внешнем положении обители, которая из малозаметной и немногочисленной становится знаменитой, многолюдной и богатой, обладающей многочисленными вотчинами, обширным и разнообразным хозяйством.

Назначение святого Митрофана игуменом такой обители показывает, как патриарх Иоаким почитал его за благочестие и мудрую распорядительность, и следует признать это тем более, что обстоятельства внутренней жизни обители требовали особенной внимательности при выборе настоятеля ей. Последние годы правления предшественника святого Митрофана, игумена Никиты, были для Унженской обители очень тяжелы. В 1671 году были обретены честные мощи основателя монастыря – преподобного Макария; по распоряжению игумена они были положены в издавна устроенной поверх могилы преподобного гробнице с изображением почившего угодника Божия на верхней доске. Ежегодно начали совершать празднование в память открытия мощей. Но это радостное событие омрачилось печалью: игумен

и братия, «содержимые простотою», не сообщили об открытии мощей ни патриарху, ни царю. Через четыре года по доносу одного монаха, недовольного игуменом Никитой, поднялось об этом дело. Начавшееся по распоряжению патриарха следствие окончилось тем, что открытые мощи были положены под спуд, а Никита лишен был игуменства и сослан «под начал в послушники» в Желтоводский монастырь.

В столь тяжелую годину патриарх Иоаким дал в руководители Унженской обители никого иного, как святого Митрофана, надеясь, что он сумеет укрепить веру и вселить мир в смятенных сердцах братии и множества богомольцев, приходивших на поклонение чудотворцу Макарию. И действительно, обитель получила теперь себе надежного и опытного руководителя. Святой Митрофан управлял Унженским монастырем почти семь лет. Здесь, как и в Яхромской обители, его трудами был сооружен в честь Благовещения Пресвятой Богородицы теплый каменный храм с трапезой и колокольней, причем святой украсил его утварью и иконами; некоторые из местных икон сохранились от того времени доныне. Церковь была освящена в 1680 году, через три года после закладки; за благословенной грамотой на освящение храма святой Митрофан ездил лично в Москву зимой этого года. В храме прп. Макария, основателя обители, находится образ Спасителя с надписью: «1680 года, по обещанию монаха Митрофана».

Эти памятники благочестивого храмоздательства свидетельствуют о горячей любви святого Митрофана к благолепию дома Божия. К сожалению, нет сведений, которые изображали бы нам деятельность святого игумена, направленную к созиданию храма Божия в душах вверенного ему словесного стада. Но что она была благотворна, об этом красноречиво говорит то доверие, какое питал патриарх Иоаким к Унженскому игумену. Видя, вероятно, как он мудро правит своею обителью, патриарх поручил ему исполнение важных дел, лежащих на обязанности других лиц. В 1677 году, по повелению патриарха Иоакима, Унженский игумен «дозирал святые церкви в ветлужских селах». В том же году, по приказанию патриарха, он совместно с поповскими старостами

отбирал в городах Галиче и Юрьевце Повольском с уездами, в монастырских, соборных, приходских и ружных церквях старопечатные служебники, а вместо них раздавал безденежно служебники новой печати. Вскоре святой Митрофан получил новое, уже постоянное служебное назначение. Он был поставлен десятильником. Унженская обитель принадлежала к обширной Галицкой десятине патриаршей епархии. Десятильничий двор, где сосредоточивалось управление этой десятиной, был в городе Галиче, отдаленном от обители. Обширность десятины и многочисленность входивших в нее церквей создавали большое неудобство в надзоре за духовенством. Поэтому в 1680 году, незадолго до оставления святым Митрофаном настоятельства в Унженской обители, из Галичской десятины были выделены и вновь образованы две особые десятины: Усольская и Унженская. Заведывание Унженской десятиной, в состав которой вошло 94 церкви, было поручено игуменам Макарьева монастыря. В городе Унже был устроен «десятильничий двор», или приказ духовных дел, где председательствовали Унженские игумены. Святой Митрофан, таким образом, был первым десятильником Унженской десятины.

Богоугодная жизнь святого Митрофана привлекала к нему почитателей, которые выражали свое уважение к Унженскому игумену пожертвованиями в его монастырь. Среди них по любви к святому и щедрым пожертвованиям в обитель выдавался приближенный к царю боярин Богдан Матфеевич Хитрово. До сих пор сохранились вклады этого боярина и жены его Марины: икона преподобного Макария Унженского, пожертвованная «по обещанию» в 1679 г., напрестольное Евангелие, подаренное царем Феодором Алексеевичем боярину, а им после сооружения богатого оклада отданное в Унженскую обитель, и синодик «для вечного поминовения» родителей Хитрово. И игумен Митрофан любил боярина за любовь его к обители.

Во время настоятельства святого Митрофана икону преподобного Макария, находившуюся на его гробнице, приносили, по распоряжению благочестивого царя, из Унженского монастыря в Москву, во дворец. Царь «со всем

своим пресветлым домом» воздал честной иконе, «яко самому великому угоднику Божию Макарию», поклонение, совершив перед нею «молебныя пения». Потом он приказал сделать на икону новое украшение из золота и серебра, которые были выданы из царских сокровищ. Отпуская обратно честную икону, царь провожал ее со своим «синклитом с пением и со священным чином до уреченного места». Нет сомнения, что икону сопровождал в Москву сам настоятель обители святой Митрофан. Личные свидания набожного царя со святым старцем и беседы с ним западали в его душу, и царь относился к подвижнику с глубоким уважением. Об этом свидетельствуют многочисленные царские грамоты, дарованные Унженскому монастырю в то время, когда настоятелем его был святой Митрофан: в этих грамотах или вновь жаловались, или подтверждались прежние льготы обители.

Благоговейная любовь к прп. и уважение к святому Митрофану побудили царя Феодора избрать Унженского игумена во епископа новоучрежденной Воронежской епархии. На Московском Соборе 1681–1682 гг. в числе мер для борьбы с усиливавшимся расколом старообрядчества и в целях содействия большему распространению христианского просвещения среди православных положено было увеличить число епархий и между прочим решено открыть новую кафедру – Воронежскую. На эту кафедру, по желание царя, и избран святой Митрофан, еще ранее, года за полтора вызванный из Унженской обители в Москву на чреду священнослужения. Современники объясняют это избрание высокой подвижнической жизнью св. Митрофана, «мужа воистину праведна и свята», а также желанием благочестивого царя возвеличить Унженскую обитель возведением на епископскую кафедру ее настоятеля, в котором он видел наместника преподобного Макария по игуменству и ученика его по жизни.

2 апреля 1682 года святой Митрофан был посвящен в епископа патриархом Иоакимом с шестнадцатью архиереями. Святителю было тогда 58 лет от роду. После своего посвящения святитель Митрофан прожил довольно продолжительное время в Москве, с апреля до половины

августа. Новоучрежденная епархия нуждалась первоначально в его заботах здесь, в столице, где находилась высшая духовная и светская власть: так, в Москве вскоре после хиротонии святой Митрофан возбудил вопрос об отводе места в городе Воронеже под соборную церковь и под двор епископу с домовыми людьми. Кроме того, первопрестольнику Воронежскому нужно было запастись и советами опытных людей, а также приобрести предметы, необходимые для богослужения. Между прочим, из домово́й архиерейской казны Рязанского митрополита святому Митрофану были выданы книги, епископское облачение, посох, кресты; из нее же получены им были и деньги.

28 апреля скончался благочестивый царь Феодор Алексеевич, и святитель Митрофан, чередуясь с другими бывшими в Москве епископами, совершал установленное поминовение по усопшем государе. 25-го июня святитель участвовал в венчании на царство юных государей Иоанна и Петра Алексеевичей, причем в числе других священнослужителей поднес патриарху Иоакиму для вручения царям державу.

Лето, проведенное святителем в Москве после хиротонии, было тяжелым временем волнений государственных и церковных. На его глазах происходили кровавые неистовства стрельцов (15, 16 и 17 мая), державших в постоянной тревоге и правительство, и народ в продолжении всего лета 1682 года. Воронежский епископ присутствовал 5 июля на Соборе в грановитой палате, устроенном для прений с раскольниками, и был свидетелем диких проявлений необузданного фанатизма невежественных защитников старины: их предводитель, суздальский поп Никита Пустосвят, не стесняясь присутствием на Соборе правительницы Софии, вдовой царицы Наталии Кирилловны и патриарха, даже нанес побои Холмогорскому архиепископу Афанасию (управлял Холмогорской епархией с 1682 по 1702 гг.), когда тот обратился к нему со словом увещания. Без сомнения, эти печальные события глубоко запали в душу святого Митрофана, и святитель до гроба ревностно заботился как об устройении церковной жизни, так и о благе государственном. Впоследствии он сам напоминал в

челобитных государям, что был отпущен из Москвы в Воронеж в «смутное время», почему и архиерейский дом его оставлен в забвении, не имея вотчин и угодий.

Тяжелый подвиг епископского служения для святителя Митрофана увеличивался нестроениями его новоучрежденной епархии. Воронежский край был лишь недавно заселен; город Воронеж еще не насчитывал себе тогда и ста лет (город Воронеж возник в 1586 г.). Первые поселенцы здесь были невольные, согнанные сюда правительством из разных сел и городов России для охраны края от нападений крымских татар; к ним впоследствии присоединились беглецы, покидавшие по тяжелым условиям жизни родные места и искавшие приволья в Придонской Украине; были здесь и выходцы из Приднепровья, укрывавшиеся от польских притеснений. Это разнообразное население Придонского края было подчинено в церковном отношении Рязанским митрополитам, но в действительности оно лишено было епископского руководства и надзора: при обширности Рязанской епархии, имевшей более 1200 церквей, Рязанские архипастыри едва ли посещали город Воронеж, не говоря уже об уезде, а потому они не могли иметь пастырского влияния на этот отдаленный край своей епархии. Все это печальным образом отражалось на состоянии веры и нравов населения: свет евангельского учения не проник в жизнь народа.

Многие христиане того края не только носили языческие имена, но и жили по-язычески: сильно пьянствовали, семейный быт расшатывался такими пороками, о которых и говорить непристойно, богослужение посещалось редко. Неуважение к храму и духовенству даже среди высшего слоя населения – помещиков доходило до того, что были случаи, когда служба Божия прерывалась непристойной перебранкой, а храм Божий делался местом избиения священника. Такие происшествия показывают, как было слабо религиозно-нравственное влияние на пасомых не только со стороны высшей церковной власти, но и со стороны приходского духовенства. А происходило это от того, что само духовенство стояло невысоко по своей жизни. Первыми священниками новонаселенного края были

«сведенцы» из других сел и городов, и, можно думать, то были не лучшие из священников. Впоследствии, с возрастанием церквей в Воронежской епархии, возрастало и число пастырей, причем становились священниками или потомки первых священников, или простецы из мирян, то есть малограмотные крестьяне, которые затруднялись подписать свое собственное имя, так что за них требовалось постороннее рукоприкладство. К тому же и таких пастырей, которые были в состоянии лишь совершать богослужение, не доставало. По пространству Воронежская епархия была обширна, но церквей в ней было мало – всего 182, так что в иных местах верст на 50, на 80 не было храма. И все-таки духовенства не хватало на все храмы: нередко, по отсутствию пастырей, церкви стояли «без пения», и население привыкало к беспоповскому строю жизни, что создавало здесь чрезвычайно благоприятную почву для развития раскола. И действительно, хорошо известно, что Придонский край был одним из излюбленных убежищ для раскольников. Раскольники построили пустыньки и отсюда с особым удобством прививали православным если не раскол, то нерасположение к Церкви и ее пастырям; малопросвещенные христиане, числящиеся православными, безбоязненно посещали эти пустыньки, считая их устроителей принадлежащими к Православной Церкви, и таким путем удалялись от Церкви.

Не находило надлежащего удовлетворения своим духовным нуждам население Придонского края и в монастырях, которые возникли здесь главным образом в первой половине XVII века: не столько монастыри действовали благотворным образом на жизнь окружающих мирян, сколько последние вносили в их внутренний строй чуждый и пагубный дух мирской жизни. Монастыри эти были малочисленны и притом находились в постоянной опасности ограбления или от крымских татар, или от полуразбойничьих шаек, бродивших в крае под видом «воинских людей», состоящих на государственной службе. Это побуждало монастыри искать себе защитников среди местного населения, с которым они приходили в очень близкое соприкосновение. Благодаря

военному положению страны, среди жителей Придонского края было много инвалидов, выбывших из рядов охранителей Украины; много было вдов и сирот, оставшихся без кормильцев, убитых в стычках с татарами. И вот, при отсутствии богоугодных заведений – богаделен и приютов, монастыри и наполнялись инвалидами, вдовами и сиротами; некоторые из монастырей даже и основывались отчасти с этой целью, причем местное население помогало устройению монастыря и оказывало ему дальнейшую поддержку. Но эта близость к миру вредно отзывалась на жизни обитателей: попавшие в монастыри, нередко без призвания, насельники их втягивались в хозяйственные хлопоты, уделяя им более внимания, нежели делу собственного спасения: монастыри стали походить больше на поместья. Из-за хозяйственных угодий у многих монастырей Придонья бывали не только судебные тяжбы, но и вооруженные столкновения с населением. Уклонение иноков с пути своих обетов тем более усиливалось, что жертвователи-миряне вмешивались во внутреннюю жизнь монастырей, тогда как влияние духовной власти на них, по причине отдаленности кафедрального города Рязани, было крайне слабо. Здесь не мало было чернецов, которые бежали сюда из монастырей Москвы и прочих епархий, чтобы жить на свободе, «ведая, что здесь не обреталось архиерейства». Своевольные монахи, почти не знавшие в действительности епископского надзора, опираясь на поддержку мирян, иногда открыто противились распоряжениям духовной власти, так что епископ принужден был искать управы на ослушников у царя или патриарха.

Вообще край требовал для своего церковного устройства больших трудов, забот и настойчивости. И святой Митрофан хорошо понимал это: в одной из своих челобитных он дает такой отзыв о своей епархии: «У нас место украинское и всякого чину люди обыкли жить не подвластно, по своей воле».

В конце августа 1682 года святитель Митрофан прибыл в Воронеж и вскоре обратился к священникам своей вновь открытой епархии с архипастырским посланием. Чтобы внедрить начала христианской жизни в своей пастве, святитель нуждался в сотрудничестве со стороны своих ближайших

помощников – пресвитеров, но для этого нужно было еще в них самих прежде зажечь огонь святой ревности о спасении вверенных им душ. И вот святитель в простых, но одушевленных словах послания выясняет пресвитерам высокое призвание пастыря, указывает три его главные обязанности и прекрасно подобранными изречениями из Священного Писания убеждает к неленостному их исполнению. Приводим от начала до конца послание святого Митрофана.

«Честные иереи Бога Вышняго, – писал святитель, – вожди словесного стада Христова! Вы должны иметь светлые очи ума, просвещенные светом разумения, чтобы вести других по правому пути; по слову Господа, вы должны быть самым светом: *Вы есте свет мира* (Мф. 5, 14). Вы, пастыри, должны преподавать овцам словесным приготовленную манну слова Божия, подобно тому, как Ангелы приготовляли чувственную манну в пустыне. Вы, как ходатаи, должны в молитвах ваших подражать Моисею и Павлу, которые с такою ревностью молились Богу за людей своих! Моисей говорил Богу: *И ныне, аще оставиши им грех их, остави: аще же ни, изгладь мя из книги твоея, в нюже вписал еси* (Исх. 32, 32). Павел говорит: *Молил бых ся бо сам аз облучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти: иже суть истраилите* (Рим. 9, 3).

Так и вам подобает ревновать о спасении людей Божиих. Добрые пастыри были таковы, что готовы были души свои положить за овцы (Ин. 10, 11, 15). Так и вы устрояйте себя. *Пасите еже в вас, стадо Божие, посещающе не нуждею, но волею, и по Бозе: ниже неправедными прибытки, но усердно* (1Пет. 5, 2).

Христос Спаситель, когда вручал святому апостолу Петру пасение овец Своих, трижды говорил ему: *Паси...* (Ин. 21, 15–17). Это, очевидно, для того, что пастыри трояко пасут врученное им стадо: словом учения, молитвою и силою святых таинств, наконец образом жизни. Эти три вида пасения и вы усердно выполняйте: преподавайте людям слово учения, показывайте на себе пример доброй жизни, усердно возносите молитвы к Богу о врученной вам пастве, старайтесь

преподавать им святые таинства, то есть просвещайте неверующих святым крещением, согрешивших после крещения старайтесь приводить к покаянию и исправлению жизни, достойных сподобляйте Пречистых Таин Тела и Крови Христовых, заботьтесь о больных, особенно чтобы не отходили из этой жизни без Святых Таин и не лишались последнего елеосвящения.

Вместе с Божественным Павлом засвидетельствую убо аз пред Богом и Господом Иисус Христом, хотящим судити живым и мертвым в явлении его и царствии его: проповедуйте слово, настойте благовременно и безвременно, обличайте, запрещайте, умоляйте со всяким долготерпением и учением (2Тим. 4, 1–2). И молю вы, братие, вразумляйте безчинныя, утешайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всем: непрестанно молитесь. О всем благодарите: сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас (1Фес. 5, 14, 17–18). Образ будите верным словом, житием, любовью, духом, верою и чистотою (1Тим. 4, 12). Ни едино ни в чем же дающе претыкание, да служение безпорочно будет: но во всем представляйте себе, яко Божия слуги (2Кор. 6, 3–4). Если все это соблюдете, то воистину явльшуся пастыреначальнику примете неувядаемый славы венец (1Пет. 5, 4).

О! если бы получить всем нам сию славу, благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Которому подобает слава и держава со Отцем и Святым Духом во веки веков! Благословение Господне на вас, благодатию Его, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Приведенное послание проникнуто одной мыслью – о величии и святости пастырского служения; ею же проникнуто и последнее обращение к священнослужителям Воронежской епархии, наставление святителя, содержащееся в его духовном завещании. Та же самая мысль одушевляла святителя и во время его двадцатилетней многотрудной архипастырской деятельности. Вступив на Воронежскую кафедру, святой Митрофан самоотверженно возложил на себя нелегкие и сложные обязанности епископа. Как опытный хозяин, радеющий

об имуществе церковном, он стремился к тому, чтобы увеличить средства своей небогатой епархии, и заботливо упорядочивал ее внешний, церковно-хозяйственный обиход. Но главные заботы святителя сосредоточивались на пастырском попечении о спасении душ вверенного ему Господом словесного стада. Святой Митрофан явился истинным пастырем, со страхом Божиим он совершал свое служение: с любовью и милосердием вспахивал святитель ниву сердец человеческих, чтобы посеять на них спасительные семена слова Божия; лишь в крайних случаях для искоренения пороков обращался он к суровым карательным мерам.

Неприветливо встретил святого Митрофана его кафедральный город: архиерейский двор оказался настолько ветхим, что старец святитель вынужден был на первых порах ютиться со «своими домовыми людьми» на постоялом дворе, причем, по его собственному выражению, он терпел «большую нужду» – должен был даже покупать себе хлеб. Средства новой епархии, вверенной управлению святого Митрофана, были очень невелики: не считая Воронежа, к ней отошло главным образом из соседней Рязанской митрополии шесть незначительных городков: Елец, Коротояк, Землянский, Урыв, Орлов, Костенской, а между тем на сбор с местных церквей и монастырей нужно было содержать архиерейскую кафедру с «домовыми людьми». За грозными событиями лета 1682 года духовные и светские власти в Москве забыли позаботиться о нуждах новоучрежденной маленькой Воронежской епархии. И святитель впоследствии указывал в челобитных, что он «отпущен из Москвы на Воронеж в смутное время, а ничем не пожалован», почему «на Воронеже, в дому Пресвятыя Богородицы вотчин и никаких угодий нет, и он, Митрофан епископ, ничем не взыскан». Таким образом, перед святителем прежде всего возник вопрос о хозяйственных нуждах епархии. Сам святитель вел настолько простой образ жизни, что ему с избытком хватило бы самых незначительных средств. Но бедность епархии была тяжела ему потому, что обрекала на нужду и всех обитателей его архиерейского дома, что не позволяло ему раздавать щедрую милостыню нищим, что,

наконец, препятствовало ввести в епархии благолепное церковное богослужение, к чему особенно лежало сердце святого Митрофана.

Сам по себе тяжелый вопрос о епархиальных средствах для святителя осложнился еще новым неприятным делом: он вынужден был отстаивать границы своей епархии от притязаний Рязанских митрополитов, недовольных выделением из своей митрополии некоторых городов, отошедших к новоучрежденной Воронежской кафедре. Этот спор о границе смежных епархий вызывался отчасти тем, что собором 1674 года было постановлено каждой епархии руководиться при разграничении входящих в ее состав городов и уездов старыми писцовыми книгами, составленными вскоре после Смутного времени. Но потом, когда на Украине, благодаря усиленному приливу переселенцев, с течением времени возник целый ряд новых городков, получилось несоответствие нового деления на уезды со старым по писцовым книгам, которыми все-таки продолжали еще руководиться в делах землевладения и податном. Поводом для начала распри могли послужить случаи добровольного отделения от Рязани некоторых сел, близких к Воронежу или к уездам Воронежской епархии, или наоборот – попытки некоторых приходов Воронежской епархии отписаться к Рязани, причем святой Митрофан принимал меры к возвращению отложившихся приходов. Продолжительный спор святого Митрофана с Рязанскими митрополитами о границах соседних епархий был решен в конце концов в его пользу царем Петром Алексеевичем весной 1699 года. К Воронежской епархии теперь были присоединены Усмань, Демшинск, Белоколодезь и село Мокрый Боярак от Рязанской епархии, а от Белгородской – Острогожск, или Рыбный. Ранее того (в 1697 году) патриарх Адриан значительно расширил пределы Воронежской епархии, присоединив к ней новопоселенцев Воронежского уезда по рекам Битюгу, Икорцу и Осереду. При святителе значительно возросли отчины и угодья Воронежского архиерейского дома: одни из них были приписаны к нему духовной или светской властью по челобитным святого Митрофана, в которых он указывал на бедность своего архиерейского дома; другие были

пожалованы государем Петром Великим, отличавшим святителя среди прочих иерархов.

Одной из первых забот святого Митрофана было построение нового кафедрального собора, ибо существовавшая тогда соборная церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы была очень ветха. Еще в Москве, до переезда в Воронеж, святитель просил об отводе удобного места для постройки собора.

Ответом на эту просьбу была царская грамота (19 июня 1682 г.) воронежскому воеводе, на основании которой он отвел под собор и архиерейский двор почти третью часть тогдашнего города – около 255 сажен. Но недостаток средств вынудил святого Митрофана отложить свое намерение и пока ограничиться поправкой прежней соборной церкви. 24 марта 1688 г. святитель просил государей челобитной грамотой дать ему на три года и с уплатою за работу из архиерейской казны двух плотников из числа тех, которые правительством брались из городов и монастырей Воронежской епархии для постройки стругов. Однако соборный храм оказался настолько ветхим, что поддержка его становилась бесполезной: кровля и помост обвалились, так что совершать в нем богослужение было почти невозможно. Указывая в челобитной патриарху Иоакиму на такую ветхость соборного храма, святитель просил его разрешить построение нового собора и именно каменного, потому что кирпич и камень были под рукой, а лес «в дальнем расстоянии, верстах в тридцати и больше». Вскоре святым Митрофаном была получена от патриарха благословенная грамота (от 19 апреля 1684 г.) на постройку каменного соборного храма, так же, как и прежнего, в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. На построение соборной церкви государи пожаловали святителю мельницу при речке Ельце, а ко времени окончания собора они же вместе с царевной Софией Алексеевной сделали (16 декабря 1688 г.) новое пожертвование – колокол весом в 160 пудов. К 1692 году собор был уже освящен.

Благовещенский собор, воздвигнутый заботами святителя, представлял собою храм, значительно превосходивший своими

размерами все церкви Воронежа. Архитектура его была очень проста: на высоких прямых стенах с окнами в два ряда покоилась низкая деревянная крыша с пятью большими главами, над которыми значительно высились венчавшие их кресты. С правой стороны к главной части храма, отделяясь от нее по обычаю того времени глухой каменной стеной, примыкал придел в честь Архангела Михаила, имя которого святитель носил в миру. О благочестивой ревности святителя и заботах его о благолепии храма Божия не менее красноречиво свидетельствовал и внутренний вид собора. Перед алтарем высился шестиярусный иконостас прекрасной столярной работы. Главные иконы иконостаса блистали серебряными чеканными позолоченными окладами. Царские врата с царским венцом над ними были обложены драгоценным серебряным вызолоченным чеканной работы окладом, который стоил более 9 тысяч рублей на наши деньги. Бархатная с золотом одежда покрывала святой престол. Смиренный и полный простоты в домашнем обиходе, святой Митрофан любил в храме Божиим благолепием как в священных одеждах, так и в церковной утвари. Поэтому Воронежский собор при святителе (особенно в последние годы, когда Воронежская епархия стала обширнее и богаче) был богат ценными облачениями. Большая часть их была из атласа, шелка и бархата, а также из материй, вышедших ныне из употребления, но равных по достоинству помянутым. Многие облачения были шиты золотом и серебром. Церковная утварь, за незначительными исключениями, была серебряная, вызолоченная. Все это, как говорит святитель в духовном завещании, было собрано «с великим трудом»; например, за покупкой материи для облачений святому Митрофану приходилось посылать не только в Москву, но даже в Астрахань, где продавались дорогие восточные шелковые ткани, вывозимые из Персии.

Святитель любил построенный им соборный храм, как свое детище, и перед смертью своею завещал хранить «недвижимо» все устроенное в нем. Но беспощадное время и люди, невнимательные к последней воле святителя, не соблюли его завета: сохранилось от его времени в Воронежском

Благовещенском соборе очень немного и очень малоценное из собранных им сокровищ, например, медный посох, крашенинная мантия. Вероятно, значительную часть средств на постройку соборного храма и на его драгоценную утварь святитель Митрофан собрал на стороне, может быть, в Москве у знатных людей, знакомых с ним раньше. Местные средства новооткрытой епархии, особенно в первые годы до ее увеличения, были очень скромны. По крайней мере, святитель жаловался государю на отсутствие «подаяния» соборной церкви, вследствие чего была «великая скудость» в свечах, ладане и церковном вине, тогда как в других епархиях все это выдавалось из казны. Царской грамотой (10 июля 1696 г.) велено было в соборную церковь выдавать «в вечныя времена» ежегодно «без умаления» по пять пудов воску на свечи и по пять рублей на вино и ладан «из Воронежских таможенных доходов». К собору святителем был приписан довольно большой причт, а за богослужением обычно пел стройный архиерейский хор, состоявший из 13–20 человек.

За истовое и благолепное богослужение святителя Благовещенский собор сделался любимым храмом постоянных и временных жителей Воронежа: среди вкладчиков собора, внесших имена своих почивших родных в синодик, находятся москвичи, ярославцы, зарайцы. Встречаются имена и знатных людей времени святого Митрофана, например, Льва Кирилловича Нарышкина (дяди царя Петра по матери), Феодора Аврамовича Лопухина (тестя царя), Тихона Николаевича Стрешнева (ближнего боярина государя).

Недолго просуществовал Благовещенский собор: спустя 14 лет по смерти своего создателя (ок. 1717 г.) он обрушился от близости рвов, а главное – от нетвердости фундамента. Это печальное событие по действию Промысла Божия послужило, как увидим далее, к явлению славы Божией.

Любя храм Божий и убежденный в глубоком значении его для усвоения истин веры и добрых нравов народом, святой Митрофан сумел вдохнуть эту любовь и своей пастве. Во время его управления в Воронежской епархии происходила оживленная церковно-строительная деятельность, и число

храмов по сравнению с прежним увеличилось более чем на четверть.

Для новоучрежденной Воронежской епархии деятельность святого Митрофана была истинным благословением Божиим. Под мудрым управлением святителя все стороны не только церковной, но и государственной жизни края испытали благодетельную перемену. Монахи, белое духовенство и миряне – все одинаково были дороги святителю, о всех он одинаково заботился, ибо сознавал, что все без различия вручены Господом его архипастырскому водительству.

Монастыри Воронежской епархии нашли себе надежного руководителя в лице святого Митрофана. Он вступил на Воронежскую кафедру после девятнадцатилетнего пребывания в различных монастырях. 14 лет из этих 19-ти он был игуменом в двух обителях. Особенно большой опыт как в управлении братиею, так и хозяйственными делами монастырей святой Митрофан приобрел за время своего игуменства в Унженской обители, сравнительно многолюдной и богатой вотчинами.

Мероприятия святого Митрофана, касавшиеся обителей Воронежской епархии, направлены были прежде всего к искоренению упрочившихся в них нестроений, которые происходили от своеволия иноков и мирян, делавших вклады, и отражали общую беспорядочность украинской жизни. Святитель приписывал к архиерейскому дому, то есть подчинял монастыри непосредственному своему надзору, когда вмешательство «вкладчиков» – мирян во внутренний строй их в корень подрывало самые основы иноческой жизни. По этой именно причине к Воронежскому архиерейскому дому был приписан Боршевский монастырь во имя Живоначальной Троицы, построенный донскими казаками, постригавшимися здесь в старости и болезни. Обитель была богата: не мало льгот и угодий получила она от войска донского, привыкшего смотреть на нее как на свое достояние. Отсюда происходило вмешательство казаков в монастырские дела и беспорядки в обители. Своеволие иноков Боршевского монастыря, поддерживаемых донскими казаками, дошло до того, что святой Митрофан в челобитной великим государям принужден был

писать: (Боршова) «монастыря и монастырских крестьян во всяких духовных и челобитных делах от донских казаков мне, богомольцу вашему, ведать невозможно». Царской грамотой (9 февраля 1686 года) монастырь этот с крестьянами, вотчинной землей и угодьями велено было приписать к Воронежскому архиерейскому дому, чем прекращалось самостоятельное существование обители. Предписано было выслать на Дон казаков из монастыря, чтобы они перестали хозяйничать в нем; казаков же, приезжавших на богомолье, разрешалось держать в обители не более трех дней. Приписаны были к архиерейскому дому при святом Митрофане и некоторые другие монастыри, а один закрыт.

Но при этом святой Митрофан много заботился о поддержке тех монастырей, которые считал необходимыми для удовлетворения духовных нужд своей паствы. С этой целью святитель основывает даже новые монастыри. По его распоряжению (в 1682 г.) Рождественский скит на Каменной горе, принадлежавший Елецкому мужскому монастырю во имя Живоначальной Троицы, был обращен в женский общежительный монастырь для поселения «черных стариц», скитавшихся в миру по городу Ельцу «с великою нуждою». Новых монастырей, возникших в Воронежской епархии во дни святителя Митрофана, два: Коротояцкий в честь Вознесения Господня и Битюцкий во имя Живоначальной Троицы.

В обителях Воронежской епархии было тогда не мало нестроений и беспорядков. Монастырское хозяйство было неупорядочено и сильно расшатано непомерными государственными повинностями, а главное — жизнь монашествующих была далека от высоты иноческих обетов. На все это святитель и обратил свое внимание.

Он требовал, чтобы в обителях велась строгая отчетность о приходе и расходе монастырских денег; такую правильную отчетность он ввел в Дивногорском монастыре. В Покровском девичьем монастыре святитель учредил особую должность казначеи, назначаемой по общему выбору сестер. В Успенском монастыре он установил правильное распределение денежных доходов между братией. Затем святитель ходатайствовал

перед царем об уменьшении государственных повинностей для некоторых обителей, и ходатайства его имели успех: на время святого Митрофана падает большая часть жалованных грамот царя Петра Алексеевича монастырям Воронежской епархии. Чтобы оценить по достоинству значение этих ходатайств святителя, должно помнить, что царь, ввиду страшного напряжения всех производительных сил страны на государственные нужды, был мало склонен на пожалования такого рода.

Заботясь о процветании благочестия и добрых нравов среди насельников обителей Воронежского края, святой Митрофан прежде всего стремился обуздать своеволие монашествующих, до сего времени почти не знавших епископского надзора. С этой стороны поучительно дело Толшевского монастыря. В Толшевской Преображенской обители возникло возмущение против святителя после того, как он запретил торговать близ монастыря вином, потому что эта торговля сопровождалась бесчинием в самом монастыре. Недовольная распоряжением святителя часть братии, действуя под влиянием усманского кабацкого откупщика Фомы Годовикова и его отца, недавно постригшегося в Толшевском монастыре, старца Пимена, постановила «отписаться в Рязанскую епархию, а к Воронежской епархии не быть». Отдаленность Толшевского монастыря от Рязани, затруднявшая наблюдение над ним со стороны Рязанских владык, была очень удобна для монахов, желавших жить не по-монашески. Это открытое противление святительской власти сопровождалось таким бесчинием, что Толшевский монастырь в конце концов пришел в полное запустение: братия принуждена была уйти из него. Святой Митрофан, ввиду притязаний на Толшевскую обитель Рязанского митрополита Павла, не решился собственною властью положить конец смуте и обратился к патриарху Иоакиму. В ответ на это грамотою патриарха (22 ноября 1684 года) Толшевский монастырь был причислен к Воронежской епархии.

При важных проступках монашествующих святитель не оказывал им снисхождения, наказывал по всей справедливости:

или отдавал их на строгий суд светской власти, или подвергал наказаниям, порожденным тем суровым временем. Но при этом святой Митрофан считал необходимым и воздействие на совесть и на чувство провинившегося. В одном указе того времени игумену Покровского девичьего монастыря читаем: «тех колодниц, которыя посланы в монастырь под начал (то есть на смирение) и которыя сидят в цепях, также которыя колодницы и впредь в тот монастырь посланы будут в смирение, велеть их к церкви Божией ко всякой Божественной службе приводить непрестанно».

Стремясь к искоренению нестроений и беспорядков в обителях епархии, святой Митрофан заботился и о том, чтобы направить жизнь иноков на путь, указанный монашескими обетами. Он действовал на иноков поучениями, в которых предлагал им уроки истинного подвижничества: указывал на то, чтобы церковные службы исполнялись в соответствии с требованиями устава, чтобы пение за богослужением было единогласное и немятежное, чтобы иноки без лености ежедневно посещали храм Божий, выполняли келейное правило, соблюдали посты и каждый пост говели, жили в мире между собою и не оставляли без необходимости своего монастыря. При поступлении в новый монастырь, дозволяемом лишь по нужде, монах должен был представить настоятелю «писание того монастыря начальнаго, из котораго он пришел». От настоятелей монастырей святитель требовал, чтобы они учили братию «Господним заповедям, преданию святых апостолов и отец» и подтверждали свое учение примером собственной жизни доброй и богоугодной.

Таковы были наставления иночествующим святого Митрофана, который и своею жизнью давал им пример истинного подвижничества. Влияние этих наставлений на иноков усиливалось чуткой отзывчивостью святителя к их нуждам. Записи приходо-расходных книг Воронежского архиерейского дома при святом Митрофане содержат указание на то, что при своих объездах по епархии он брал деньги для раздачи монахам и монахиням; по просьбе нуждающихся иноков давал средства то на покупку книги, то «на погорелое

место», то «на пропитание», то вообще «на монастырское строение».

К белому духовенству своей епархии святитель Митрофан относился так же строго и справедливо и в то же время участливо и отзывчиво. Пламеневший духом пастырской ревности, он стремился зажечь ее огонь и в сердцах подчиненных пастырей, рассуждая, что «престец согрешивый за свою едину душу ответ даст Богу, а иерей – за многих паствы своей». «Молением» и «наказанием» боролся святитель с недугами, которыми болели воронежские пастыри. Среди них было много людей недостойных, подававших пастве дурной пример пьянством и «безчинною» жизнью, обвинявшихся даже в воровских и разбойных делах, самовольно отлучавшихся от приходов, в которых долгое время не совершалось богослужения и не исправлялось треб. Виноватых в такого рода проступках святой Митрофан или «смирят» монастырским наказанием и снимал с них скуфью, то есть запрещал священнослужение, или даже лишал священства, отбирая ставленные грамоты, чтобы не была поругаема благодать Божия. Для предупреждения таких печальных явлений в жизни духовенства святитель со строгим выбором относился к ставленникам на освободившиеся священнические места, причем и из других епархий принимал только тех священников, которые имели отпускные грамоты от своих епископов. Наряду с мерами прещения святитель обращался к пастырям и со словом назидания – внушал им «поучать непрестанно (прихожан) от Божественного Писания», наблюдать за благочестивым хранением ими святых дней Четыредесятницы, за исполнением христианского долга исповеди и приобщения Святых Таин.

Строго относившийся к порокам священно- и церковнослужителей, святитель был отзывчив к их нуждам. Забитое и бесправное духовенство Воронежской епархии находило в своем епископе усердного и могущественного защитника. В нередких случаях обид со стороны мирян он доносил о виновных в «озорничестве к священному чину» светской власти или же сам отлучал «ругателей» от входа в

церковь и от святыни до тех пор, пока виновный придет в покаяние, попросит прощение и помирится со священником. Насколько сильно любил святитель тех из духовных лиц своей епархии, которые безупречно исполняли обязанности своего служения, видно из его духовного завещания. Здесь в словах, полных любви и смирения, он просит своего преемника на кафедре «не оскорбить и не утеснить» его ближайших помощников по управлению епархии, которые «подъяли труды великие».

Как заботился святитель Митрофан о спасении мирян, об этом, к сожалению, не сохранилось достаточных известий. Нет сомнения, что святитель был вынужден вести тяжелую и упорную борьбу с нравственными нестроениями, которые изобиловали среди его своевольной паствы. Но имеются сведения, правда отрывочные, лишь об усиленном стремлении святителя Митрофана укрепить семейную жизнь своих пасомых, в которой особенно заметно и особенно пагубно было уклонение от нравственного закона. Он поставил под строгое наблюдение Церкви основу семьи – брак, чтобы предотвратить широко распространенное в его сбродной пастве сожителство без церковного благословения или браки донских казаков с воронежскими жительницами без благословения родителей. Чтобы укрепить в пасомых мысль о святости брачного союза, святой Митрофан с особенною осмотрительностью давал разрешение на развод; между тем, с просьбами о расторжении брака к святителю нередко обращались его пасомые, усвоившие на развод столь же легкомысленный взгляд, как и на самый брак. Для лиц распущенных, осквернявших семейный очаг, святитель употреблял суровые меры наказания в духе того времени: развратный помещик, вытребованный святителем в духовный приказ, по его распоряжению был посажен «за пристава», а потом, закованный в цепи, отправлен в хлебопекарню Успенского монастыря. Но эти строгие наказания налагались святителем только в исключительных случаях, когда не было смягчающих вину обстоятельств, с которыми святой епископ всегда сообразовался. Так, известен случай, когда он

отменил на этом именно основании наказание, наложенное его судным приказом.

Забываясь о чистоте нравов своих пасомых, святой Митрофан вооружался против народных увеселений, носивших в то время безнравственный характер. Один указ его времени запрещает качанье на качелях, «бесовские игры», пляски и плескание руками, ибо эти богомерзкие дела противны нашему Спасителю и угодны супостату диаволу.

Без сомнения, много забот доставили святому Митрофану раскольники старообрядцы, поселившиеся в его епархии и соблазнявшие к отступлению от Православной Церкви его пасомых. Надо помнить, что в то время, после раскольничьего бунта 1682 года, старообрядцы признавались не только заблуждающимися в вере, но и государственными преступниками. Отсюда понятно, почему святитель так строго судил о них. Раскольники, по его выражению, – «враги и развратители церквей Божиих и хульники истинныя православныя веры, враги Божии, други диавола». Они появляются в Воронежском крае после Московского Собора 1667 года, отлучившего их от Церкви; затем, благодаря преследованиям правительства, число их быстро увеличивается. Они бежали в Придонский край, здесь скрывались в лесах, в пустующих строениях, в погребах и подпольях и тайно отправляли богослужение. Святой Митрофан поступал с ними по суровым законам того времени, отсылал противников Церкви «к градскому суду», но этим он не ограничивался. Он отбирал старопечатные книги и раздавал новые, предписывал священникам следить, чтобы их пасомые по-христиански проводили святые посты и говели, а также – поучать их непрестанно в храмах Божиих чтением учительных книг; сам же он усердно произносил проповеди в храме. По разным селам Воронежской епархии при святом Митрофане возникли школы, учителями в которых являлись переселенцы из Малороссии, люди, часто грамотные и книжные. Школы эти помогали Церкви в борьбе с противниками. Защитниками раскольников были в то время донские казаки, и святитель Воронежский, по предписанию правительства, в 1688 г. посылал

в главный город войска донского Черкесск двух священников для научения раскольников. Неизвестно, к сожалению, каким успехом сопровождались меры, предпринимаемые святителем.

Вероятно, лучшая защита Православной Церкви была в высокой личности самого Воронежского епископа. Он был милосердный святитель. Борясь с недугами, пятнавшими чистоту веры и жизни Воронежской Церкви, святой Митрофан вместе с тем боролся и с недугами общественными – бедностью и нищетой, которые очень часто и бывают причиной порочной жизни. Ход государственных событий содействовал особенно сильному росту неимущих и обездоленных в Воронежской епархии в дни святителя Митрофана. Поэтому истинное значение его благотворительной деятельности вполне может быть понято и оценено лишь в связи с государственным положением Придонского края в то время, в царствование Петра Великого. Здесь нам предстоит слово о взаимных отношениях между святым Митрофаном и царем Петром Великим, что представляет наиболее светлые страницы в повествовании о богоугодной жизни святителя.

Святой Митрофан находился в Москве в тяжелый 1682 год, когда десятилетний Петр вступил на престол. В первые же дни царствования юного государя в Москве произошли бунты – стрельцкий и раскольниковый, и от рук стрельцов погибло насильственной смертью несколько близких родственников царя Петра. Тяжелый след пережитых ужасов на всю жизнь остался в душе государя в виде болезненной раздражительности и крайней суровости по отношению к тем, кого он считал за врагов своей царской власти, в ком видел нарушителя своей воли. В душе же святителя, тоже перенесшего много скорбей от происходивших в Москве смут, навсегда осталась любовь к гениальному царю, который уже в детском возрасте поражал своим умом и красотой.

До 1696 года отношения святителя-подвижника к молодому царю ничем не отличались от обычных отношений епархиального архиерея к государю. Но с этого времени

обстоятельства меняются и сама жизнь сближает святителя с царем.

Желая открыть России доступ к Азовскому и Черному морям, Петр Великий начал войну с турками. Первый поход (1695 г.) на пограничный с Россией турецкий город Азов был неудачен для русских, так как не было флота, который подкреплял бы действия русских войск с суши и препятствовал бы туркам сноситься морем с осажденной крепостью. Тогда Петр решил построить флот, а местом постройки избрал город Воронеж и его обильные лесами окрестности. Таким образом Воронеж с ближайшими к нему по реке Воронежу городками превратился в обширную корабельную верфь, которую царь часто посещал, причем подолгу жил в Воронеже.

Жизнь кафедрального города святителя Митрофана теперь совершенно изменилась. Не только жители Воронежского края были привлечены к корабельным работам: для этой цели были собраны сюда со всей России тысячи рабочего люда (до 26 тыс.). Народ обременен был тогда многими повинностями, но эта повинность была особенно тяжела и по трудности, и по новизне корабельного дела. К тому же начальники работ, по большей части люди нечестные, отличавшиеся подкупностью, заботились больше о своей наживе, и пришлый рабочий люд, лишенный необходимого приюта, вынужден был кое-как ютиться по берегу реки Воронежа. От этого развиваются среди рабочих заразные болезни, больные «лежали мостом»; а так как настоящего ухода за ними не было, то в большинстве случаев они умирали. До крайности тяжелое положение вызывало побег рабочих целыми сотнями; их ловили, и арестованные за побег и другие проступки переполняли тюрьмы.

Неуменьше русских строить корабли создавало нужду в иностранцах – мастерах, которые сотнями вызывались в Воронеж из-за границы; они образовали на берегу реки, близ верфи, целую немецкую слободу, в которой были построены две кирки (лютеранская или протестантская церковь). Многие, если не все иностранцы, прибывшие в Россию, были люди, не сумевшие пристроиться у себя дома и покинувшие родину ради наживы. На вызов русского царя из-за границы явилось много

«людей распутных, склонных к пьянству, насилиям и разным преступлениям». Будучи начальниками русских рабочих и сознавая свое превосходство в знаниях, мастера-иностранцы усвоили и вообще презрительное отношение к русским: осмеивали чуждые им обычаи и нравы, хотя бы в них и ничего не было предосудительного. Как протестанты они позволяли себе открыто издаваться над русской верой – над почитанием святых, над соблюдением постов, иконопочитанием. Среди окружающих их русских находились люди, которые, перенимая знания, перенимали с ними и многое дурное, уклоняясь от добрых заветов отцов и даже от Православной Церкви. Но в большей части населения создавалось недовольство, особенно усиливавшееся, когда стали замечать близость царя с иноземцами. Созданный веками и внедрившийся в умы образ царя, как величавого и благочестивого хранителя преданий старины, неукоснительно соблюдавшего церковный устав, не мог примириться с образом царя-плотника, друга иноземцев, нередко пировавшего с ними, не соблюдавшего постов. Труды царя казались странными, непонятными. Поэтому среди народа бродило глухое недовольство и носились темные слухи о самом царе.

В это трудное время святитель Митрофан для царя-работника явился помощником, который всеми зависящими от него средствами поддерживал дело, предпринятое царем. Петр хорошо понимал и высоко ценил ту могучую поддержку, какую он имел в «усердножелательном радении» святителя «к государю и всему христианскому народу». В первый же приезд царь начал оказывать Воронежскому святителю знаки своего расположения.

В храмовый праздник, 25 марта 1696 года, государь присутствовал в кафедральном соборе за литургией, которую совершал святой Митрофан, причем на правом клиросе пели государевы певчие. 12 апреля в соборной же церкви государь слушал Пасхальную утреню, за которой пели также его певчие; по приказанию царя, когда начали пасхальный канон, производилась пушечная пальба с судов флота. В это время, вероятно, государь пожаловал святителю два архиерейских

облачения: одно белое камчатое с «золотными» травами, и другое «золотное» с серебряными и шелковыми разноцветными травами. Внимание государя настолько радовало святого Митрофана, что он сообщил патриарху в одной челобитной о «благоприятстве и милостивом жаловании» к нему царя.

Святой Митрофан любил и уважал государя, своею жизнью осуществившего заповедь святителя в его завещании: «употреби труд». Оказывать ему помощь он считал своим долгом. Тяготы, связанные с постройкой флота, раздражали народ, выражавший свое недовольство в поджогах и побегах. Святитель в церковных поучениях выяснял всю государственную необходимость и пользу предпринятого царем дела и вносил умиротворение во многие сердца. «Когда великий государь, – говорит один из первых историков Петра Великого, – устраивал в Воронеже верфь корабельную, сооружал флот, к поражению турок и к отнятию у них Азова необходимо нужный, тогда сей архиерей от избытка, так сказать, усердия своего ль государю и отечеству в простых, но сильно над сердцами народа действующих поучениях возносил хвалами намерения государевы и увещевал трудящихся в работах и весь народ к ревностному содействию отеческим попечениям монарха».

Но еще сильнее влиял святитель на бесприютную бедноту, поневоле собранную в Воронеже, своим поистине отеческим попечением о ней, проникнутым милосердной любовью. Бедные и несчастные были близки и дороги его сердцу, как те самые малые, благодеяние которым Господь наш Иисус Христос вменяет как благодеяние Себе (Мф. 18, 10; 25, 36–40). Справедливо говорит один жизнеописатель святого Митрофана: «У святителя было всегдашним правилом жизни: ничего не оставлять себе, а все приобретения отдавать Богу, давшему все, и ближним, у которых нет ничего». Все путешествия святителя по епархии были истинным праздником для нуждающихся. Намереваясь ехать по епархии, святитель берет «в келью архиерейскую казенных денег 100 рублей (на наши деньги около 1000 рублей) для раздачи в милостыню погорелым и по тюрьмам и по богадельням и по приказам и нищим и убогим и ссылочным и всякого чину людям и в раздачу ж в

шествие архиерейское мужских и женских монастырей монахам и монахиням, где архиерей епархии своей в городах бывает». Еще более благодений и милостей святого Митрофана получали постоянные или пришлые обитатели Воронежа. «Дом его архиерейский, – говорит жизнеописатель святителя, – был домом прибежища всем скорбящим, странникам гостиница, болящим врачевница, убогим место упокоения». Святитель щедрою рукою выдавал странникам и неимущим из своей архиерейской казны одежду, белье, пособия деньгами; для нищих устраивал столы. Он благодетельствовал не только русским, но и иностранцам; посещал тюрьмы и колодничные избы, согревая словом участия озлобленные сердца вольных и невольных сидельцев и раздавая им милостыню. Когда святитель состарился и не имел сил сам посещать тюрьмы, то присылал через близких лиц милостыню для раздачи по рукам, а также деньги на выкуп «влазнаго», то есть денежный взнос при вступлении в тюрьму за содержание в ней. Умиравших на чужбине, безвестных тружеников, если не кому и не на что было похоронить их, святитель погребал на свои средства: в некоторые месяцы, вероятно во время болезней, у святителя делались расходы на десятки гробов; покупались саваны, а иногда и прямо выдавалась деньги на погребение неимущих. Любовь святителя не оставляла их и за гробом: он и сам молился, и в соборный синодик велел внести для всегдашнего поминовения имена тех, которые при первопрестольнике преосвященном Митрофане скончались «без покаяния и без причастия».

В мае 1696 г. царь выступил с построенным в Воронеже флотом под Азов, который и сдался ему 19 июля, конечно, не без молитвенного содействия со стороны святого Митрофана. Подробности об этой победе сообщил святителю дядька царя Петра Никита Моисеевич Зотов в письме от 10 августа, писанном, вероятно, по поручению самого государя. Зотов просил келейных и соборных благодарственных молитв святителя за такое милосердие Божие и молитв о здравии государя с воинством. Затем была получена грамота от государя на имя воронежского воеводы; в ней сообщалось о

взятии Азова и преосвященному Митрофану предписывалось совершить в соборной церкви благодарственное молебствие в присутствии чинов.

По распоряжению государя, в ноябре 1696 года составлены были из духовных и светских владельцев, имевших более 100 дворов (в вотчинах воронежского архиерейского дома их было 196), компании для постройки на их счет кораблей; каждая компания обязана была сначала устроить один, вполне снаряженный корабль, а затем построить по одному кораблю на две компании с вооружением нескольких галер, причем компании из духовных владельцев составляли 8000 крестьянских дворов, а из светских – 10000 дворов. Святой Митрофан, как духовный владелец, входивший в компанию Рязанского митрополита, принимал участие в построении двух кораблей и трех галер.

Весною 1699 года государь приехал в Воронеж для изготовления новой флотилии. Святитель Митрофан полагал, что, по примеру прежних лет, государь после богослужения в соборе 25 марта посетит его; он озабочивается тем, чтобы принять как следует высокого гостя. Этой трогательной заботливостью проникнуто его письмо острогожскому полковнику Феодору Иоанновичу Куколю: «Приходит праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, – пишет святитель, – а на Воронеже соборная церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Пожалуй, Феодор Иоаннович, к такому честному празднику и ради пришествия великого государя, прикажи промыслить свежинькова осетрика да белужины свежей или хотя новосольной. А у нас на Воронеже взять и сомины негде». Государь, действительно, был у святителя на праздника Благовещения и в первый день Пасхи 9 апреля. В этот раз государь сделал щедрые пожертвования воронежскому архиерейскому дому и епархии, выражая этим свое глубокое уважение к святому Митрофану. После литургии в Благовещенском соборе 25 марта государь, будучи у святителя Митрофана в доме, приказал приписать «ради малыя Воронежския епархии и домовых всяких нужд» к архиерейскому дому святителя Даншинскую пустынь у реки Дона, в Елецком

уезде, а к Воронежской епархии ряд городов от Рязанской и Белгородской епархий. В день святой Пасхи, во время часов, перед литургией государь «для пополнения» Воронежской епархии пожаловал из Рязанской епархии свою волость Мокрый Боярок с приселками, а архиерейскому дому отдал в безоборочное владение принадлежавшую Белгородскому митрополиту мельницу на реке Сосни, в городе Острогжске. Этими новыми пожертвованиями скудная средствами Воронежская епархия увеличила свои владения почти на одну пятую против прежнего: теперь разрешился в пользу святого Митрофана неприятный для него спор с Рязанским митрополитом из-за границ епархии: ранее неуступчивый и поддерживаемый патриархом, Рязанский митрополит Авраамий, получив царскую грамоту, тотчас отослал Воронежскому святителю окладные книги отчисленных уездов, боясь «великого гнева» государя.

27 апреля 1699 г. государь отбыл с флотом под Азов, сопровождая в Константинополь чрезвычайного посла Украинцева, отправленного в Турцию для заключения мира, и пробыл на юге все лето. В это время престарелый святитель так сильно разболелся, что не думал уже встать. Готовясь к смерти, он решил облечься в схиму, о чем и сообщил 30 августа патриарху Адриану, прося его благословения. Патриарх ответил святителю грамотой от 2 сентября, в которой оставляет на добрую волю святителя исполнение его благочестивого желания; однако первосвятитель напоминает ему, что, по церковным правилам, епископ, принявший схиму, лишается архиерейской чести и правления врученною ему паствою, «да един ко единому Богу в безмолвии, кроме всяких церковных попечений, жительствует». 14 сентября государь возвратился в Воронеж и на другой день навещил больного святителя и «изволил у него кушать хлеб». Для приготовления обеда святителем были приглашены государевы повара и скатертник. Думают, что во время этого свидания государь, которому святой Митрофан сказал о своем желании принять схиму, уговорил святителя отложить исполнение своего намерения. Весною следующего, 1700, года царю Петру снова пришлось быть в

Воронеже. 25 марта царь присутствовал за богослужением на храмовом празднике у святителя; потом обедал у него со всею свитой.

Один приезд царя в Воронеж в 1700 (или 1699) году ознаменовался столкновением святителя с государем, в котором архипастырь Воронежский обнаружил величие духа, свойственное отцам церкви – Василию Великому, Амвросию Медиоланскому, Иоанну Златоустому и митрополиту Московскому Филиппу Колычеву, безбоязненно обличавшим царей, и показал, что души вверенной ему паствы дороже жизни, по завету великого Пастыреначальника, положившего душу Свою за овец Своих (Ин. 10, 15). Государь пожелал видеть у себя святого Митрофана и велел ему явиться во дворец. Святитель тотчас же отправился царю пешком. Но, войдя во двор, ведущий ко дворцу, он увидел статуи греческих богов и богинь, поставленные в качестве украшения по царскому приказанию. Святитель сейчас же повернулся и пошел домой. Об этом доложили государю, который, не зная, почему святой Митрофан возвратился обратно, вторично отправил к нему посланного с приказанием явиться. Но святитель ответил: «Пока государь не прикажет снять идолов, соблазняющих весь народ, я не могу войти в его дворец».

Разгневанный такими словами святителя, государь приказал передать ему: «Если он не придет, то ослушанием предрержащей власти подвергнет себя смертной казни».

На эту угрозу святитель отвечал: «В жизни моей государь властен; но неприлично христианскому государю ставить языческих идолов и тем соблазнять простые сердца».

Под вечерь царь вдруг услышал благовест в большой соборный колокол; так как на другой день не было никакого праздника, то государь велел справиться у святителя о причине благовеста. «Понеже мне, – отвечал святой Митрофан, – от его величества сказана смерть, того ради я, яко человек грешный, должен пред смертью своею принести Господу Богу покаяние и испросить грехов своих прощение соборным молением и для сего я назначил быть всенощному бдению».

Узнавши об этом, царь рассмеялся и сейчас же велел сказать святителю, что «он его прощает, и для того перестал бы он тревожить народ необыкновенным звоном»; а потом царь приказал убрать и статуи. Надо помнить, что Петр никогда не поступался своими нововведениями и если здесь уступил он, то это показывает, какое великое уважение он питал к Воронежскому святителю. На другой день святой Митрофан явился во дворец благодарить государя.

Готовый до смерти стоять на вверенной ему страже душ христианских, святитель оберегал их «простые сердца» от соблазна и особенно от вредного влияния иноземцев. Он признавал полезными приносимые ими знания, и в бытность игуменом Унженского монастыря был дружен с боярином Хитрово, горячим сторонником близких сношений России с Европой. Святитель оказывал помощь нуждающимся иноземцам и не считал предосудительным пользоваться их знаниями. Но он сам чуждался иноземцев и поучал тому же паству, когда они выступали противниками Православной Церкви и добрых нравов, как «враги Божии, ругатели церковные, злословящие нашу святую веру» и вносящие в среду православных «непотребные обычаи». Руководясь именно таким мыслями, святитель внес в свое духовное завещание резкое предостережение патриарха Иоакима против сближения с иноземцами».

Справедливое и законное в указанном смысле нерасположение святителя Митрофана к иноземцам могло, по-видимому, отдалить от него царя-преобразователя, особенно после столкновения из-за статуй. Но на самом деле этого не произошло: расположение Петра к святителю, основанное на приязни к нему и уважении, с течением времени все более и более усиливается, так что его кончина почувствовалась государем как невознаградимая потеря.

1700 год и последующие ознаменованы были продолжительной войной со Швецией, вести которую России было очень трудно по недостатку средств. Государь, уже готовившийся к войне, в это посещение святителя, быть может, сказал ему о недостатке в деньгах, и слова государя нашли

живой отклик в душе святого Митрофана, который смотрел на войны православной России как на борьбу «против неприятелей Креста святого». В казне архиерейского дома нашлось 4000 рублей, и святитель всю эту крупную для того времени сумму отдал «на жалованье ратным людям морского воинского флота на Воронеже». Своевременная жертва святителя, служившая красноречивым доказательством его любви к родине и царю, была принята государем с искреннею признательностью. Свои чувства он выразил в грамоте на имя святого Митрофана от 20 апреля, заканчивавшейся такими словами: «И ты б, богомолец наш, преосвященный Митрофан епископ, сию нашу царского величества милость к тебе за твое вышеупомянутое радение ведал; по тому ж и впредь имел надежду».

Самая война со шведами, сначала неудачная для России, истощила и без того небольшие средства, находившиеся в распоряжении царя, так что государь вынужден был переливать на пушки церковные колокола. Святой Митрофан опять пришел на помощь царю: в это тяжелое время он доставил в Воронежское адмиралтейство 3000 рублей на строение кораблей. За это он был пожалован другой благодарственной грамотой 18 мая 1701 года такого же содержания, как и первая.

Последнее свидание святителя и государя было в феврале 1702 года, когда царь, пользуясь перерывом войны со шведами, прибыл для корабельных работ в Воронеж. 28-го он со свитой посетил св. Митрофана и был принят с обычным гостеприимством (государь знал, что святителю дороги успехи России, и 6 марта прислал ему в подарок «печатный чертеж» о Слюсенбурге», то есть изображение взятия русскими войсками 11 октября 1701 года шведской крепости Нотебург, переименованный Петром Великим в Шлиссельбург – ключ-город, так как она открывала России доступ к Балтийскому морю.

Более не суждено было увидаться на земле великому святителю и великому государю за смертью святого Митрофана. Но и за гробом угодник Божий не прерывает общения с царем; молясь сам за его душу перед Престолом Господним, святой Митрофан желает, чтобы и почитающие его память молились о

царе Петре, об упокоении души его в селениях праведных. В недавнее время святой Митрофан явился одному своему почитателю и сказал: «Если хочешь быть мне угодным, молись об упокоении души императора Петра Великого».

Среди постоянных подвигов епископского служения престарелый святитель приблизился ко гробу. Прихварывал он давно, а за год до кончины стало изменять ему и зрение, так что потребовались очки. 1703 год, когда святитель Митрофан достиг 80-летнего возраста, был последним годом его богоугодной жизни. 2 августа постигла святителя Воронежского тяжелая болезнь, от которой он уже не оправился. Но если поучительна многолетняя жизнь его, то не менее поучительна и поистине блаженная его кончина: это была кончина праведника – достойное завершение всей святой жизни.

Без печали оставлял святитель этот мир: не скорбел он о разлуке с земными радостями и утехами, которых было мало в его подвижнической жизни. В сане епископа он получал значительные доходы и мог бы устроить жизнь свою с большими удобствами. Но святитель Митрофан не считал своими получаемые деньги, помня ту истину, что «церковное богатство – нищих богатство». В своей келейной жизни он был прост чрезвычайно, почти до убожества. Его «домовой обиход» отличался удивительной скромностью: из записи расходов на воронежский архиерейский дом видим, что для личных нужд святителя приобретались такие незатейливые покупки, как оловянные стаканы и железные щипцы для сальных свеч. В келлии Воронежского владыки не было никаких украшений, исключая упомянутой картины, подаренной царем. Пища святителя ничем не отличалась от пищи служителей архиерейского дома: она готовилась из припасов, доставляемых из вотчин епархии. Покупались к столу святителя: рыба для ухи, икра, стоившая тогда дешево, затем грибы и овощи; редко упоминаются малина и клюква. Вина святитель не пил, оно покупалось на праздники для гостей, особенно при приеме царя и его свиты, когда и стол Воронежского святителя был более изыскан. И одевался святитель очень просто. Полукафтаны и рубашки его шились из синей крашенины, из которой были

сделаны и наволочки подушек. Одеяло было сшито из обыкновенных «овчин серых овец» и опушено пестрою крашениной. Даже самая архиерейская мантия святителя, для многих по его молитвам явившаяся источником исцелений, сшита из грубой крашенины. Обращая на свои потребности лишь самую малую часть дохода, получаемого с земель и угодий архиерейского дома, святой Митрофан все остальное, как уже говорилось, обращал на нужды своей епархии и главным образом – на благотворения. Доходы Воронежского святителя после увеличения епархии были немалые. Об этом можно судить хотя бы по тому, что по смерти святого Митрофана осталось денежной казны в архиерейском доме около 25 тысяч рублей на наши деньги. И тем не менее, помогая бедным и несчастным своей паствы, святитель сам умер бедняком, который не мог ничего оставить на поминавание души. «А келейных моих денег, – читаем в предсмертном завещании святого Митрофана, – у меня нет... не имам в келлии своей ни злата, ни сребра, что дати на воспоминание души моей грешной».

Путем евангельского милосердая собирал святитель себе сокровища на небеси; здесь, по слову Христову, полагал он свое сердце; сюда же возносил и ум свой. Любимой и постоянной мыслью святителя была мысль о смерти, как свидетельствует синодик Благовещенского собора, статьи которого собраны по указанию святого Митрофана. «Память смертная», как верный страж, охраняла сердце святителя от привязанности к временному и тленному, вселяя в него жажду вечного. Этой же постоянной мыслью о смерти объясняется и трогательная черта в жизни святителя, его заботливость о поминании всех умерших безвестной, безгодной и горькой смертью, скончавшихся на войне и в бедности, без покаяния и не имевших возможности пожертвовать на свое поминавание. Синодик заканчивается следующими молитвами, которые показывают, как близки были сердцу святителя все скончавшиеся без надлежащего христианского напутствия: «Помяни, Господи, души... преставившихся скоропостижною смертью без покаяния и без причастия, без отцев духовных и

утопших от Адама и до сего дни, а имена их Ты, Господи, веси, и сотвори им, Господи, вечную память и подаждь им, Господи, Царство Небесное».

«Помяни, Господи, души и тех в новопостроенной Воронежской епархии при первопрестольнике преосвященном Митрофане скоропостижною смертью преставившихся и утопших без покаяния и без причастия, без отцов духовных, которых имена их написаны в архиерейском казенном приказе в челобитнях родственников их, такжеде которые написаны ж в той епархии в городах скоропостижною смертью преставившихся и утопших без покаяния и без причастия, без отцов духовных и сотвори им, Господи, вечную память».

«Помяни, Господи, души усопших православных христиан, преставившихся в граде сем и во всяком месте от глада и всякою нужною смертью скончавшихся с покаянием и без покаяния и без причастия из многих городов, и которых в полку боярина Алексея Семеновича Шеина на пути преставившихся и под городом Азовом побиенных, и в плен заведенных... и всякою нужною смертью скончавшихся, и в полку боярина Бориса Петровича Шереметева побиенных и в плен заведенных, скончавшихся православных христиан. Ты, Господи, имена их веси».

Со смирением истинного христианина и с надеждой на милосердие Божие возлег он на смертный одр. Духовное завещание, хотя и составленное святителем несколько ранее, между 1696 и 1699 гг., живо изображает то истинно-христианское и высоко-пастырское настроение, с которым готовился святой Митрофан к концу, неизбежному для каждого смертного. Обращиваясь на продолжительный путь своей многотрудной жизни и свидетельствуя о бессмертии человеческой души, святитель прежде всего благодарил Бога Творца и Промыслителя, благостью Которого и он родился «в мир сей»; «Непобедимому благоутробию Премудрого Бога» святитель вручает свою душу и по разрешении ее «от союза плоти».

После этих вступительных слов завещания святой Митрофан обращается к своей возлюбленной пастве и прежде всего к ближайшим сотрудникам своим в вертограде Христовом

— к «священному чину». Он умоляет их охранять себя от «всяких дел нечистых» и жить «по заповедям Господним», чтобы «непорочным встать» на Страшном судилище Христовом, когда от пастырей потребуется ответ не только за себя, но и за пасомых. С особенною силою останавливается святитель на последней мысли: учением Священного Писания, отцов Церкви и собственными увещаниями он убеждает пастырей свято исполнять свой долг. Это сознание великой ответственности, с которою связано пастырское служение, видимо, нарушало его покой на пороге вечности. Он испытывал тревогу при мысли об ответе за врученный его водительству «народ христианский» и поэтому со слезами просил прощения «у всей Божией Церкви» и у своего преемника на Воронежском престоле. Усердно просил святитель у «освященного собора и у всего православного народа» молитв, чтобы Господь сподобил его Царствия Небесного. Со своей стороны святитель дарует благословение и прощение всей своей пастве, клиру и мирянам, разрешая запрещенных священнослужителей, а также мирян, наказанных епитимией. Оказывая милость согрешившим, святитель снова выражает надежду на милосердие Господа и к себе.

Расставаясь с паствою, святой Митрофан обращается и к ней с последним наставлением; привыкший руководить пасомыми при жизни, он не хотел оставлять их без назидания и по смерти. Здесь святитель дает увещания о вседушном хранении веры в ее целостности и чистоте, о соблюдении правосудия. Наставление судьям проникнуто обычною для святителя любовью к сирым и угнетенным: «о правосудии в делах гражданских всячески (судьи) да попечутся и суд праведен да судят, ибо милость и любовь в том явят многу, зане зело неправда в суждениях и коварстве в людех умножися, обидами же всяких чинов люди, и вдовицы, и сироты и немощни, во убожестве же люди зело во оскорблении мнози плачут, ибо суд Божий в людех всяко от неправды умножися». Затем, предостерегши паству от вредного влияния иноземцев, святитель заключает наставления, предлагая, как общее жизненное руководство, сохранение умеренности, трудолюбия,

воздержания и любви к добру: «епархии наша всякого чина люди имели (бы) по чину своему жити, во всяком опасстве и мерности (то есть в осторожности и умеренности), кому что должно и что кому прилично, в во всяких неполезных делах не истощеватися и не приходити тем в последнюю скудость и убожество; излишнее бо все дело непотребно, по апостолу же, весьма несть полезно кому; глумления же и игrania и многое питание каждому вредно и грешно есть». Затем приводятся наставления мудрых мужей всякому человеку, полезные для спасения, благополучия жизни и здоровья тела:

«Употреби труд, храни мерность – богат будеши.

Воздержно пей, мало яждь – здоров будеши.

Твори благо, бегай злаго – спасен будеши».

За этими наставлениями в духовном завещании святого Митрофана следуют самые подробные распоряжения его относительно погребения. Оканчивается завещание следующими трогательными словами: «Все оставшиеся люди епархии наша, всякого чину и возраста! От (вас) святая молитвы смиренно прошу и от всех вас прощения прошу, а вам благословение мое архиерейское оставляю; мене же грешного самого Божию вручаю милосердию и непотыдному предстательству Госпоже моей Пресвятей Деве Богородице Марии и Ангелу своему Хранителю и всех святых, благоугодивших Богу, молитвам, вопия и глагола Богу, Отцу нашему небесному: Отче, в руце Твои предаю дух мой, аминь».

Таковы были мысли и чувства святителя в ожидании смерти. По справедливому замечанию митрополита Филарета, духовное завещание святого Митрофана есть «излияние благочестивого, смиренного, ревностью о спасении паствы исполненного духа».

Чрезвычайно поучительны и последние дни жизни святого Митрофана. Чувствуя, что болезнь, постигшая его в августе 1703 г., смертельна, святитель начал готовиться к кончине. Несмотря на присутствие в Воронеже врачей, иностранцев и русских, он не обращался к их помощи, но искал облечения своим страданиям у небесного Врача: в течение болезни угодник Божий неоднократно прибегал к таинству елеосвящения

и, конечно, приобщения Святых Христовых Таин. Нищелюбивый и милосердный святитель перед кончиной усилил свои заботы о нуждающихся: он посылает для раздачи щедрую милостыню в тюрьмы, по приказам, где также содержались арестанты, в богадельни; помогает ссыльным и иноземцам, прощает оброки. 10 августа болезнь усилилась, и в этот день святитель, по совершении над ним таинства елеосвящения, облекся в великий ангельский образ – принял пострижение в схиму, что было его давнишним заветным желанием. Пострижение в схиму совершал «черный священник» и, вероятно, не в храме, как происходило это обычно, а, ввиду тяжелой болезни святителя, у него на дому. При пострижении в схиму святой Митрофан принял имя Макария, в честь преподобного Макария Унженского, в обители которого святитель был игуменом перед возведением на Воронежскую кафедру.

Еще в духовном завещании святитель сделал подробные распоряжения о своем погребении и поминании. Так, он просил положить его во гроб в схимонашеском одеянии, «архиерейскими же одеждами отнюдь не облачать». По дальности расстояния и по неудобству святой Митрофан не находил возможным «погребену быти» в Золотниковской пустыни, каково было его давнишнее обещание, и со смирением просит предать тело его земле «в приделе соборной церкви (во имя архистратига Михаила), под церковью в исподней палате, а не в великой соборной церкви». Не имея собственных келейных денег, он просит оставить половину денег, собираемых за год по окладным книгам, священникам, диаконам и причетникам всех церквей, епархий «на сорокоушие и на поминок души». Он сделал распоряжение относительно отправления сорокоуста с непрерывным чтением Псалтири, и годичного поминания по субботам в приделе соборной церкви. Не имея «ни злата, ни серебра», святитель, как о милости, молит, чтобы вознаграждение за поминание выдавалось из домово́й архиерейской казны. Для этого 10 августа святой Митрофан составил «духовную роспись», то есть роспись денег лицам, назначенным участвовать в богослужении при его погребении и поминании.

Тогда же начали готовить для святителя гроб, который к 13 августа был уже окончен. В этот же день, 13-го, домовый архиерейский певчий был отправлен в Москву для покупки каменной гробницы, которую предполагалось поставить над церковным помостом, поверх могилы. К духовным властям в Москву посланы были известия о принятии святителем схимы и об отсутствии у него своих средств на погребение и поминание. В ответ на это из монастырского приказа последовали две грамоты великого государя от 24 и 26 августа: в первой говорилось о том, чтобы «преосвященному епископу в схимонашеском чину из дому не исходить», то есть святитель мог носить одежду схимонаха только дома, а вне его должен был появляться в одеянии, присвоенном сану епископа; второй грамотой предписывалось: «на поминание души преосвященного епископа раздать из казны архиерейской в сорокоушие и в милостыню денег семьсот рублей».

Так, истинно по-христиански приготовившись к кончине, святитель мирно почил 23 ноября того же 1703 года. Свидетели кончины святого Митрофана не оставили нам ее описания. Наиболее полная запись современника о преставлении святителя не так подробна, как бы того хотело благочестивое чувство. В ней говорится лишь следующее: «В лето от Рождества Христова 1703, ноября 23 в шестом часу дня во второй четверти, во вторник, между патриаршества, изволением всемогущего Бога он, преосвященный Митрофан, епископ Воронежский, а в схимонасах Макарий, отыде в вечное блаженство... А на престоле своем в Воронеже, в архиерействе был двадцать лет и осмь месяцев, всех же лет жития его осмдесят лет и полмесяца».

По кончине святого Митрофана временное управление делами в осиротившей епархии перешло в руки казенного и судного приказов, находившихся, как видно из духовного завещания святителя, в ведении близких ему лиц: казначея архиерейского дома иеромонаха Тихона, бывшего и духовником святителя, и соборного диакона Филимона. Они, конечно, распоряжались и погребением.

Тело святителя было облечено в шелковую зеленого цвета мантию; поверх ее положена желтоватая епитрахиль из шелковой же материи, а сверх всего – омофор из желтого атласа. На руках надеты были поручи из зеленого бархата с нашитыми крестами из серебряного глазета. Главу святителя покрывала схимонашеская шапочка из фиолетового бархата, а сверх ее клобук из тафты. На персях были положены евангелие малого формата и небольшой четвероконечный сердоликовый крест. В туфли из простой черной кожи обуты были ноги; такой же кожей покрыта и подушка под главою святителя. По облачении тело святого Митрофана положили в дубовый, обитый черным сукном, гроб и перенесли в Благовещенский собор, где над гробом был поставлен тройной иконный складень.

На погребении святителя присутствовал сам царь Петр Великий. Государь собирался в Воронеж на верфи, и, получив донесение о смерти святителя, ускорил свой приезд. При погребении он оказал почившему архипастырю невиданные почести, по которым можно судить о том уважении, какое имел великий государь к смиренному святителю. Справедливо замечают, что такие почести едва ли оказывал какой-нибудь из русских государей кому-нибудь из архиереев. По личному распоряжению царя, погребение было отложено на двенадцатый день по кончине святого Митрофана, – на субботу, 4 декабря. Погребальное пение совершал архимандрит Воронежского Алексеевского монастыря Никанор «с прилучившимися игуменами и прочим освященным собором». Отпевание отправлялось по монашескому, а не иерейскому чину; пели певчие государя, который «со своим царским синклитом» присутствовал в церкви. Когда, по окончании заупокойного богослужения, духовенство готовилось поднять гроб, государь, обратившись к свите, сказал: «Стыдно нам будет, если мы не засвидетельствуем нашей благодарности благодетельному сему пастырю отданием ему последней чести. Итак вынесем его тело сами».

С этими словами государь первый взялся за гроб и нес его до усыпальницы, находившейся под помостом соборного

придельного храма. После панихиды царь опять вместе с вельможами и офицерами поднял гроб и опустил в землю. При этом, обращаясь к своим приближенным «и иноземцам», государь громко сказал: «Не осталось у меня такого святого старца».

Эти справедливые слова любви и благодарности в устах труженика-царя были лучшею речью над могилой труженика-святителя. Царя и епископа связывала любовь к отечеству и оба они, хотя и на различных путях, трудились на благо дорогой родины.

Ноябрь 24

Меркурий Киево-Печерский, в Дальних Пещерах почивающий

Прп. Меркурий Киево-Печерский подвизался в Дальних пещерах в XIV в., был строгим постником. О жизни сего преподобного известно только, что он был соединен союзом неразлучной братской любви с прп. Паисием. Они, живя в единомыслии, просили непрестанно Бога, чтобы Он никогда их не разлучал ни в сей, ни в будущей жизни. И дал им Господь по молитве их. На земле они жили в одной келлии и по смерти были положены в одной гробе, о чем упоминается в 3-й песни канона преподобным Дальних пещер. 24 ноября/7 декабря память преподобного совершается ради его тезоименитства святому великомученику Меркурию, 28 августа/10 сентября – вместе с Собором Дальних пещер и во 2-ю Неделю Великого поста – с Собором всех преподобных Киево-Печерских.

Меркурий Смоленский, святой мученик

Святой мученик Меркурий Смоленский был славянин, родом, вероятно, из Моравии, потомок княжеского рода. Воспитанный в Православии, святой Меркурий по ревности к истинной вере ушел из своего отечества на Русь. Величайшее бедствие постигло Русскую землю в начале XIII века – нашествие татаро-монгольских орд. Жестокие враги не щадили беззащитных жителей, грабили и разрушали храмы, монастыри, города и селения. Тысячи русских людей пали в битвах, защищая свое Отечество, многие захвачены в плен и отведены в неволю. Шел 1239 год.

Прибыв в древний русский город Смоленск, Меркурий поступил на воинскую службу в княжескую дружину. Святой Меркурий отличался физической силой, мужеством и высоким ростом. Велик был он и духом, вел втайне жизнь подвижника, был строгий постник, проводил ночь в молитве и хранил девственную чистоту; православную веру не только исповедовал на словах, но готов был умереть за нее.

В 1239 году полчища татар, разоряя все на пути и нагло ругаясь над святынями христианства, полонившие уже много русских городов, подошли к Смоленску. Встав в 25 верстах от него, на Долгомостье, татары стали угрожать разорением городу и его святыням. Предводитель татарского отряда, богатырь огромного роста, похваляясь своей гигантской силой, вызывает на поединок лучшего смоленского витязя, чтобы в единоборстве решить участь города и Смоленского княжества.

Успенский соборный храм был переполнен, все жители города, от младенца до старца, собрались у чудотворного образа Божией Матери Одигитрии, со слезами и теплой верой они обращались к Заступнице о помиловании. Вместе с народом святой Меркурий скорбел и соболезнавал душой, и, все более и более проникаясь любовью к ближним, он исполнился решимости пострадать за них: положить душу за Святую Церковь. В ту тревожную ночь соборный пономарь Георгий тихо молился перед образом Одигитрии, испрашивая

избавления города от врагов. Вдруг он услышал голос от иконы: «Иди к рабу Моему Меркурию, на Подолье». Пречистая Богородица также указала пономарю, где живет Меркурий, и поторопила: «Иди скорее и тихо скажи ему: «Меркурий, тебя зовет Владычица"". Георгий удивился голосу от иконы, но тотчас же поспешил исполнить приказание. Он пошел на Подолье и увидел среди двора воина Меркурия с воздетыми к небу руками. Тихо объявил ему небесную волю пономарь, и оба пошли они в храм. Упав перед чудотворной иконой, Меркурий стал просить о помощи и заступлении города, и был голос от святой иконы: «Раб Мой Меркурий, Я посылаю тебя, чтобы ты отразил врагов от града сего и защитил этот храм. Для этого Я призвала тебя сюда из страны Римской. Я не оставлю этого города, по молитвам Моим он не будет предан в руки врагов. Немедленно ступай навстречу врагам. Я не оставлю тебя. Не бойся, ты победишь врагов и сам получишь от Господа венец победы и вечного блаженства».

Воин Христов той же ночью сел на коня и отправился в татарский стан в Долгомостье. Он прошел военную стражу, не замеченный никем, и среди неприятельского стана увидел великана. Оградясь крестным знаменем и воскликнув: «Пресвятая Богородица, помоги мне!», Меркурий убил гордого и надменного исполина, уповавшего на свою страшную силу. Призывая имя Господа и Пречистой Богородицы, святой воин истребил множество врагов. Татарские воины с ужасом видели, что святому Меркурию помогают в битве молниеносные мужи и лучезарная Жена и, не в силах устоять против воина Христова, обратились в бегство. В это время сын убитого татарского исполина, желая отомстить русскому воину за смерть отца, сзади напал на святого Меркурия и нанес ему смертельный удар. Но внезапно непонятный ужас охватил врагов и, бросая оружие, они бежали от города, гонимые неведомой силой из пределов Смоленской земли.

На рассвете жители Смоленска, готовившиеся к сражению с неприятелем, увидели, что поле усеяно трупами врагов, и поняли, что сохранены заступлением Богородицы.

С благоговением они перенесли честное тело святого воина-мученика и с честью погребли в соборе в честь Успения Пресвятой Богородицы. Вскоре после своей кончины святой Меркурий явился в видении тому же пономарю и велел повесить над гробом его оружие, обещая смолянам постоянную помощь и заступничество во всех скорбях и бранях. Ныне в смоленском кафедральном соборе хранятся сандалии святого мученика Меркурия. «Сандалии железные, большие, тяжелые, вроде лаптей, застегиваются спереди железным же перехватом».

Почитание небесного покровителя города началось сразу после доблестной мученической кончины в 1239 году. Празднование ему установлено в конце XVI века, уже в 1509 г. жители Смоленска называли его своим главным заступником. Память его Святая Церковь празднует 24 ноября/7 декабря, в день великомученика Меркурия, имя которого носил святой мученик Меркурий Смоленский.

Симон Сонгийский, преподобный

Преподобный Симон Сойгинский принадлежит к Комельской ветви учеников преподобного Сергия Радонежского. Он родился в Сольвычегодске, но, оставив дом родителей, пришел в монастырь к преподобному Корнилию Комельскому (память 19 мая/1 июня), усердно прося себе пострижения. Прозорливый старец, склонясь на неотступные просьбы и слезы юноши и провидя в нем истинного подвижника Божия, принял Симона и после пострижения в мантию поручил его одному опытному старцу.

Симон всего себя посвятил подвигам поста и молитвы, стараясь во всем подражать своему мудрому наставнику. Проходя различные монастырские послушания в среде таких подвижников, каковы были ученики преподобного Корнилия Геннадий Любимский (память 23 января/5 февраля), Кирилл Новоезерский (память 4/17 февраля), Иродион Илоезерский (память 28 сентября/11 октября), Адриан Пошехонский (память 5/18 марта), Лаврентий Комельский (память 16/29 мая), новый инок и сам скоро приобрел навык в иноческой жизни и в течение многих лет неисходно подвизался в Комельской обители.

В 1537 году, по преставлении своего наставника, Симон вместе со старцем Лонгином направился к своей родине Сольвычегодску, надеясь там среди неизмеримых и девственных лесов найти себе удобное для жительства место. Там странники остановились в 15 верстах от города при устье речки Коряжемы.

Преподобный Лонгин решился поселиться на этом действительно прекрасном и удобном месте, а так как он был уже в годах преклонных и изнурен иноческими подвигами, то остался с ним и Симон и помог ему устроить келлию и часовню.

Поживши с преподобным Лонгином несколько времени, преподобный Симон, вследствие близкого расстояния от города, не нашел это место достаточно для себя удобным и пошел далее вверх по Вычегде искать себе новое место для подвигов. В 60 верстах от Коряжемы, на высоком и крутом

берегу Вычегды, при устье речки Сойхи, в дикой тогда пустыне, под сенью вековых деревьев, он поставил себе малую келлию. К блаженному пустыннику собрались любители пустынного жития; строгий постник и усердный молитвенник вел их примером святой жизни к блаженной вечности.

Со временем преподобный Симон основал церковь в честь Преображения Господня, освященную 17 мая 1541 года. Устроив при этом храм пустынную обитель, преподобный был избран братией во игумена. Двадцать лет преподобный Симон подвизался в своей обители, под конец жизни имел утешение слышать о чудесах и прославлении друга своего преподобного Лонгина и сам, достигши маститой старости, тихо и мирно скончался 24 ноября 1562 года. Оплаканный своими учениками, преподобный был погребен в основанной им обители в церкви во имя святой великомученицы Екатерины, память которой совершается также 24 ноября/7 декабря.

Ноябрь 26

Иннокентий, епископ Иркутский, святитель

Святой Иннокентий, в миру Иоанн, происходил из дворянского рода Кульчицких, или Кольцецких. В половине XVII века родители святого и некоторые родственники его переселились из Волыни в Малороссию, в Черниговскую губернию, вследствие голода и тяжести польского владычества. Многие лица из этого рода проходили духовные должности и отличались своим благочестием. О родителях святителя ничего не известно. Сохранилось только предание, что они были люди благочестивые и богобоязненные.

Святой Иоанн родился около 1680 года. Когда он достиг отроческого возраста, то около 1695 года отдан был в училище при Киевском Богоявленском монастыре. Здесь святой отрок обучался риторике, философии, богословию и языкам: латинскому, греческому и польскому. Училище при Киевском Богоявленском монастыре, переименованное в 1701 году в академию, было тогда лучшим рассадником просвещения и благочестия в Юго-Западной Руси. В то время в нем преподавали многие знаменитые мужи. Ректором академии был ученый архимандрит Иоасаф Кроковский, словесность преподавал Стефан Яворский, впоследствии митрополит Рязанский и местоблюститель патриаршего престола. В то же время был наставником в академии и знаменитейший проповедник царствования Петра I – Феофан Прокопович.

Блаженный Иоанн прилежно занимался науками; до нас дошло много книг, переписанных рукою святителя или принадлежавших ему. Особенно же ревностно изучал святой Иоанн словесность и читал западнорусских проповедников, так как желал впоследствии подвизаться в проповедании слова Божия. Не менее любил он читать творения отцов и учителей Церкви и другие назидательные книги. Молитва и изучение слова Божия – таковы были занятия блаженного Иоанна в годы учения. Но святой этим не довольствовался: сердце его давно уже горело любовью к Богу. Уже давно мечтал он о том, чтобы посвятить себя всецело на служение Господу. Внешние тяжелые

обстоятельства побудили его ускорить свое намерение. Смерть родителей, чума, появившаяся тогда в Киеве, наконец, вероятно, преследование Мазепой всего рода Кульчицких представили блаженному Иоанну еще более тщетность и суету сей жизни. Посему, окончив в 1706 году курс обучения в Киевской академии, он воспринял иночество и вступил с именем Иннокентия в число братии Киево-Печерской обители.

Недолго, однако, блаженный Иннокентий подвизался в Киевской лавре. В 1710 году он был вызван в Москву Стефаном Яворским для преподавания в Московской славяно-греко-латинской академии. Эта академия находилась в Заиконоспасском монастыре. Здесь святой Иннокентий преподавал словесность и поучал своих учеников искусству церковного витийства. В 1714 году святой был назначен префектом академии. Его обязанностью было наблюдать за порядком внутренней и внешней жизни воспитанников, а кроме того он еще преподавал нравственное богословие и философию. Такую должность он занимал до 1719 года. В этом году он был вызван в звании соборного иеромонаха в Александро-Невскую лавру и назначен на корабль «Самсон», стоявший в Ревеле. Вскоре он был переведен обер-иеромонахом в город Або. Занимая сию должность, святой был начальником флотских иеромонахов, служивших в Финляндском корпусе, надзирал за их поведением, разрешал недоразумения и сносился о церковных нуждах с Святейшим Синодом. Так как святой Иннокентий по обязанности своей службы каждую неделю должен был посещать каждый корабль, то, вероятно, он хорошо был известен государю, так любившему созданный им флот.

Но Господь назначил Своему угоднику новое, высшее служение. Он судил ему быть просветителем отдаленнейшей окраины русского государства – Восточной Сибири.

Сибирь, завоеванная в 80-х годах XVI века, хотя медленно, но непрерывно заселялась русскими переселенцами. По берегам многочисленных рек они строили зимовья для сбора дани с инородцев, остроги для военной защиты от их набегов в города, где сосредоточивалось управление завоеванного края.

Вместе с расселением русских по обширной Сибири распространялась и Христова вера: по зимовьям ставились кресты или часовни, по острогам строились церкви, а по городам – церкви и монастыри. В 1620 году была открыта Сибирская епархия в городе Тобольске. Но одного епископа, разумеется, было недостаточно для огромной страны, и церковная жизнь Сибири за все XVII столетие представляла грустную картину вопиющих беспорядков. Духовенства было недостаточно, и многие церкви стояли без пения; монастыри жили без устава, и монахи были таковыми только по имени. Среди верующих, не исключая и духовенства с монашеством, встречались такие пороки и царила такая распущенность, что неприлично и описывать. Сибирь нуждалась в апостолах веры Христовой.

В половине XVII столетия русские переселенцы дошли до границы Китайской империи, до озера Байкал и реки Амур. В то время были там построены небольшие крепости-остроги: в 1654 году построен Нерчинский острог, в 1665 году – Селенганский, оба на восточной стороне Байкала, а на западной еще ранее, в 1652 году, было основано Иркутское городище для сбора дани с соседних инородцев. Благодаря этим русским переселенцам начинаются сношения и столкновения с Китаем; от них проникает в Китай и православная христианская вера. В 1650 году казацкий атаман Иерофей Хабаров занял китайский город Албазин на левом берегу реки Амура. Укрепившись в Албазине и настроив городков, казаки держались здесь тридцать пять лет и отсюда владели всем течением Амура. Но в 1685 году китайцы осадили 450 казаков, засевших в Албазине с 15-тысячным войском и многочисленной артиллерией, и, истребив часть русских, остальных (около 300 человек) взяли в плен. Китайцы предложили пленникам на выбор – или вернуться в свои сибирские поселения, или поступить в подданство китайскому богдыхану. Из них перешло в китайское подданство только 45 человек с женщинами и детьми. Эти пленные албазинцы и были зерном Православной Русской Миссии в Китае. При выходе своем из Албазина они взяли с собою из крепостной церкви бедную церковную утварь с иконами и в

числе их – образ святителя Николая, а также насильно увлекли с собою священника Максима Леонтьева. Русские пленники были приняты богдыханом Канси очень ласково, поселены были в самой столице Китая – в Пекине, на так называемом «Берестовом урочище», в северо-восточном углу столицы, у самой городской стены. (Богдыхан Канси царствовал с 1662 по 1722 гг. Он был государь мягкий и сочувствовавший европейцам. В его продолжительное царствование сделала большие успехи в Китае католическая миссия.) Спустя немного времени богдыхан отдал пленным христианам буддийское капище, которое они переделали в часовню. Сами пленники причислены были к почетному сословию воинов. В 1696 году часовня превращена была в церковь во имя Святой Софии Премудрости Божией, хотя обычно называлась Никольской по имени чтимой иконы. Престарелый отец Максим ревностно трудился на чужбине и продолжал свою пастырскую деятельность до самой кончины своей, последовавшей в 1711 или 1712 году.

По мысли митрополита Тобольского Филофея, неутомимого «апостола Сибири», в 1715 году с согласия богдыхана отправлена была первая Русская Миссия из десяти лиц под начальством архимандрита Илариона Лежайского. Богдыхан принял Миссию ласково, дал ей содержание и дозволил богослужение.

В 1718 году настоятель Миссии архимандрит Иларион скончался. На его место Святейшим Синодом был назначен святой Иннокентий. Еще до возведения его в сан архимандрита до Синода дошли слухи, что китайский император Канси склонен принять христианство (слух этот после оказался неверным). По сему поводу Тобольский митрополит Филофей, от которого была в зависимости и Китайская Миссия, писал сибирскому губернатору князю Гагарину, чтобы он сообщил о том Стефану Яворскому: «Полезно было бы при назначении доброго и мудрого человека в Пекин почтить его чином архиерейским или архипастырским и клиру с ним сослать человек пятнадцать».

Святейший Синод, рассмотрев это дело, определил послать в Пекин, столицу Китая, епископа, чтобы он мог рукополагать священников и диаконов. Епископом в Пекин и выбрали святого Иннокентия – мужа, известного своим благочестием и ученостью. Это определение решено было повергнуть на усмотрение императора Петра I. Во время производства этого дела архимандрит Александро-Невской лавры Феодосий был назначен епископом Новгородским, а святому Иннокентию было временно поручено исполнять должность наместника лавры.

14 февраля 1721 года Святейший Синод доложил императору Петру I «Определенного в Хинское государство (то есть в Китай) иеромонаха Иннокентия Кульчицкого архиереем Иркутским и Нерчинским для близости к оному государству посвятить ли? и оного для удобнейшего обхождения от Сибирской епархии отделить ли?»

Государь повелел: «В архиереи посвятить, но лучше без титула городов, понеже сии города порубежные к Хине (то есть к Китаю), чтобы иезуиты не перетолковали низко и бедства б не нанесли».

Тогда святой Иннокентий донес в Синод: «Понеже Богу, царскому величеству и Вашему Святейшему Синоду тако изволися, во еже бо мене, нижеподписанного, почет саном епископства, послать в Китай на дело, яже Вам известно, сего ради и аз таких высоких лиц воле не противяся, но паче со всяким достодолжным почтением облобызая, дерзая некия нужды, без которых тамо и на пути быти невозможно, изъяснити».

В дальнейшем донесении блаженный Иннокентий просил отпустить необходимые для богослужения вещи и потребную сумму.

5 марта 1721 года святой Иннокентий был посвящен в епископа в Петербурге в присутствии самого государя. Но так как по церковным правилам всякий епископ должен именоваться по области, то блаженного Иннокентия нарекли епископом Переяславским от имени Переяславля-Залесского. В указе Святейшего Синода сказано, что Иннокентий рукоположен

во епископа для «проповеди слова Божия и размножения ради православных восточного благочестия веры в Хинское государство, где архиерея прежде сего не бывало».

Назначая Иннокентия на евангельскую проповедь, Святейший Синод в то же время поставил его в независимое положение относительно митрополита Сибирского, подчинил новопоставленного святителя непосредственно себе, а Сибирскому владыке предписывал помогать епископу Иннокентию в его сношениях со Святейшим Синодом.

19 апреля 1721 года святитель вместе с двумя иеромонахами, двумя диаконами, 5 певчими и с несколькими служителями выехал из Петербурга в Москву. В Москве святитель получил грамоту от Сената, в которой говорилось между прочим, чтобы по прибытии своем в Китай не разглашал там о себе, что имеет архиерейский сан, – и это затем, чтобы не учинилось какое-нибудь препятствие от иезуитов, противников православной веры, которые издревле имели обычай сеять посреди пшеницы Православия плевелы раздоров и поношений. Если же случайно кто-нибудь из тамошних знатных и высоких лиц спросит его о чине, то мог сказать, что имеет чин епископства ради того, что может рукоположить священника и диакона, когда их надобно будет на место умерших, а не ради чего другого. Но и такое заявление предписывалось делать с большою осторожностью.

Еще святитель не покидал Россию, как уже власти опасались враждебных действий со стороны китайцев и в особенности со стороны хитрых иезуитов. Ожидания эти оправдались, но исполнилось также и то, чего Святейший Синод ждал от святого Иннокентия. На отдаленной окраине Русского государства святитель был истинным пастырем, ярким светочем Христова учения, приведшим ко Господу не мало душ из тьмы язычества.

Перед отъездом в Сибирь святому Иннокентию были выданы из патриаршей ризницы серебряные сосуды и омофор. Прочую же необходимую утварь, по синодальному распоряжению, взяли в Суздале из ризницы митрополита

Ефрема. А богослужебные книги были выданы ему из Синодальной типографии.

Около года употребил святитель, чтобы достигнуть города Иркутска, где он должен был ждать дальнейших распоряжений Синода. Путешествие было весьма тягостно и трудно. Много опасностей грозило путешественникам. Суровый климат, незнакомые места, отсутствие дорог, дикие звери, инородцы-кочевники – все это пришлось перенести святому Иннокентию и его спутникам. Им пришлось иметь с собою порох и ружья. Наконец в марте 1722 года святитель вместе со своей свитой прибыл в Иркутск. Иркутский воевода Полуектов немедленно послал грамоту нашего правительства в Ургу к Тушетхану, монгольскому владельцу, через которого обычно пересылались грамоты китайскому правительству со стороны России.

Незадолго перед этим временем, в 1719 году, император Петр I отправил в Пекин посольство для разрешения вопросов о свободной торговле России с Китаем. Посланником был назначен капитан гвардейского Преображенского полка Лев Измайлов. В инструкции, данной Измайлову, стояли требования, чтобы китайское правительство не возбраняло приезжавшим русским содержать свою веру, чтобы оно разрешило постройку православной церкви и отвело для нее место. Но посольство Измайлова не имело успеха: разрешения на постройку второй церкви дано не было. В это время пришло в Пекин известие, что 700 человек монголов перебежали русскую границу. Этим китайское правительство воспользовалось, чтобы прекратить переговоры с русским посланником: Измайлову объявили, что до тех пор не дадут ответ на его предложения, пока не кончится дело о беглецах. Измайлов должен был уехать из Китая в марте 1721 года.

Когда святой Иннокентий приблизился к китайской границе, в это время из Китая уже выехал наш посланник. Тушетхан сообщил нашему правительству, что при рекомендательной грамоте святителю нет письма от Сибирского губернатора к нему, Тушетхану, и вообще русская новая Миссия не может быть принята ранее, чем кончатся переговоры о выдаче беглецов. Причиной такого нерасположения китайцев следует считать

зависть иезуитов. В листе, или рекомендательной грамоте, посланной из Сената в отсутствие Петра Великого, святитель был назван «духовной особой, господином Иннокентием Кульчицким». Иезуиты поспешили объяснить в неблагоприятном для нас смысле, что должно подразумевать под словами «господин, духовная особа».

Присланная вскоре тобольским губернатором к Тушетхану грамота еще более затруднила и без того запутанные отношения. Согласно с обычаем, Иннокентий был назван в этой грамоте «великим господином». Китайское правительство отвечало, что богдыхан не может принять такой великой и важной особы. Так дело о посылке в Китай святителя не могло быть приведено к желанному концу. Подозрительность и замкнутость китайцев, интриги и зависть иезуитов, тяжелые исторические условия, которые тогда переживало русское государство – это было время персидского похода (персидский поход был в 1722 г. Император Петр I принимал в нем личное участие) – вот главные причины, воспрепятствовавшие успеху Миссии.

Между тем положение святителя, который проживал тогда в Троицком Селенгинском монастыре, было крайне тягостно. Он неоднократно обращался в Синод за дальнейшими распоряжениями:

«Где мне главу приклонити и прочее жития моего время окончити Святейший Правительствующий Синод заблагорассудит? Прошу покорно о милостивом указе, что мне делать: сидеть ли в Селенгинске и ждать того, чего не ведаю, или возвратиться назад? И чем? Понеже без указа подвод не дадут. И куда? Понеже лисы язвины имеют на опочинок (то есть для отдыха), я же по сие время не имам, где главы приклонити. Скитаюся бо со двора на двор и из дома в дом преходящи».

Так описывал сам святитель свое положение. Святейший Синод, надеясь, что положение дел изменится к лучшему, прислал в 1723 году святителю указ, которым повелевал ему пребывать в Селенгинске до тех пор, пока не изменятся обстоятельства.

Положение святителя все более и более становилось бедственным и затруднительным. Жалованье стали задерживать и не выдавать, писем в Россию нельзя было посылать, так как китайцы их перехватывали.

«Что ми хочет Святейший Синод творить и куда обратиться? Ибо зело печален есть, не ведая пути, в онъже пойду», – писал святитель в Синод.

Не получая жалования, он сам и его свита питались добродетельными даяниями русских купцов; свита занималась рыбной ловлей, святитель сам чинил свое изношенное платье. Скучна и бедна была жизнь чинов Китайской Миссии, но, богатый смирением и терпением, святитель подавал всем пример и утешал надеждой на будущее воздаяние. Единственной отрадой для блаженного Иннокентия было тогда совершать богослужение в Селенгинском соборе. Но нужда заставила его переехать на дачу Троицкого Селенгинского монастыря. Эта дача находилась на левом берегу реки Хилки, против селения Красноярского. В бывшем при той даче храме святитель изливал в молитвах пред Господом свою печаль; лишь одна молитва и поддерживала святого. Несмотря на тягостные условия жизни, святитель не любил оставаться в праздности. В свободное от молитв время он писал иконы. Много таких икон, писанных его рукою, сохранялось в храме села Куналеи, к которому приписано было Красноярское. В то же время святитель проповедовал слово Божие жившим вокруг бурятам и монголам, и много содействовал утверждению среди них истинной веры Христовой. Посему Церковь, вспоминая о святителе, воспекает: «Радуйся, яко проповедию Евангелия, тобою к языкам монгольским принесенной, злоухищрение душ человеческих жестоко посрамися». В Селенгинске и на даче монастыря святой прожил три года.

Между тем в Китае произошли перемены. Еще в конце 1722 года помер престарелый богдыхан Канси и на престол вступил сын его Юн-чжен. Новый государь был очень нерасположен к иностранцам и к христианам: он распорядился выслать из пределов Китая большую часть католических миссионеров, храмы их обратить в общественные дома, строго воспретил

совершать богослужение. В этом нерасположении китайского государя к христианам и заключалась теперь главная причина того неопределенного положения, в котором находился святитель Иннокентий.

В августе 1724 года возобновились переговоры с китайскими уполномоченными, которые прибыли в Селенгинск. Но они отказались хлопотать перед своим правительством о пропуске святого Иннокентия. «Мы теперь не можем принять его, пока не доложим богдыхану, а когда будет от самодержца Всероссийского некая персона, с такими же полномочиями, какие у нас, и договор сделается о всем, зачем мы были присланы, снова будем тогда (хлопотать) и об этом господине, получив инструкции от нашего государя, принят ли он будет или нет».

Так китайские уполномоченные потребовали прежде всего отправки посла в Петербург; на это нужно было много времени.

В то время (14 февраля 1725 года) из Синода пришел указ, которым блаженному святителю повелевалось выехать из Селенгинска в Иркутск и ждать здесь нового указа. Прибыв в Иркутск, святитель, с согласия Тобольского митрополита Антония поселился в Вознесенском монастыре. Здесь святитель прожил почти год, не вступаясь в дела управления, только посвящая ставленников по поручению митрополита Сибирского.

Новые невзгоды ожидали святого мужа на новом его местожительстве. Архимандритом Вознесенского монастыря был Антоний Платковский, человек честолубивый и очень хитрый. Стремление стать во главе Пекинской Миссии побуждало его, не разбирая средств, домогаться своей цели. Платковский отличался необузданным нравом и жестокостью. Но за дальностью от Петербурга и покровительством некоторых лиц он, не обращая внимания на жалобы угнетенных, продолжал чинить несправедливости. Узнав о приезде святого Иннокентия в Иркутск, Тобольский митрополит Антоний и губернатор князь Долгоруков просили святителя разобрать их спор с Платковским, но святитель не взял на себя этого, так как считал себя не в праве разбирать проступки архимандрита, не состоящего в его ведении.

В апреле 1726 года в Иркутск прибыл из Петербурга чрезвычайный посланник граф Савва Владиславич Рагузинский. Граф Рагузинский послан был уже по смерти Петра I императрицей Екатериной I для того, чтобы разрешить спорные дела между Россией и Китаем. Относительно святителя Иннокентия дано было графу такое постановление Святейшего Синода: ехать ему с посланниками в Китай, если с китайской стороны не будет к тому препятствия; если же туда его не допустят, то предписывалось ехать с графом архимандриту Антонию. Согласно этому указу святому Иннокентию пришлось сопровождать посланника до границы и поступать вообще по совету с ним. Святитель отправился в Селенгинск. Но и на этот раз Господь не привел ему переехать за границу России. Посланник письменно ходатайствовал перед китайскими властями о пропуске святого Иннокентия в Пекин, но не имел успеха. После свидания с двумя министрами богдыхана на пограничной речке Буре посланник 31 августа 1726 года доносил в Петербург, «что китайские министры, которые на границе его принимали, епископа Иннокентия Кульчицкого туда с ним, графом, в Китай без указа ханского не пропустили и не чает он, чтобы его китайцы приняли». В то же время Рагузинский сообщал, что, по словам китайских министров, богдыхан никогда не согласится принять в Китай такую превеликую особу, так как «великим господином называется их папа или хутухта». Такое донесение Рагузинского было принято в Петербурге к сведению. Принято было и представление графа, чтобы поехать в Пекин архимандриту Антонию, о котором тот отзывался с похвалой: живя в Иркутске, «учит насколько детей языку монгольскому и бывал в Пекине и человек трезв и не без ума». И вот Святейший Синод повелевает святителю Иннокентию впредь до получения нового указа начальствовать в Иркутском Вознесенском монастыре. Незнание и неопределенность положения томили святителя. Чем более проходило времени, тем все более затруднений и лишений приходилось ему испытывать. Но он терпеливо переносил их, ибо знал, что без воли Божией ни один волос не может упасть с головы человека.

Несчастья и лишения – это лучший путь, ведущий к вечному блаженству. Святой Иннокентий переносил их без ропота.

Недолго, однако, святителю пришлось ждать нового назначения: 26 августа 1727 года он получил указ о бытии ему епископом в Иркутске. До сего времени Церковь Иркутская признавалась только викариатством Тобольской митрополии. Теперь она была выделена в особую епископию. На новом поприще ждало святителя не отдохновение, не успокоение от прежних трудов, а еще более забот, еще более невзгод. Достаточно упомянуть, что назначение в Иркутск его предшественники принимали как наказание и очень тяготились этим. Не так думал святитель. Не отдыха он искал в земной жизни, а труда.

2 сентября 1727 года он обратился с первым словом к своей пастве как архипастырь и отец. Вот его послание: «Божиею милостию преосвященный Иннокентий, епископ Иркутский и Нерчинский. Во град Иркутск всем Церкви Святыя и Восточныя сыном послушным, духовным и мирским, благодать Господа нашего Иисуса Христа, любовь Бога и Отца и причастие Святаго Духа да будет со всеми вами. Понеже благословением Божиим ея императорское величество, имея сердце свое благодатное в руке Божией, по докладу Святейшаго правительствующаго Синода, благоволила мя милостивым своим императорским указом определить в Иркутскую епархию настоящим епископом, и титуловати себе по той епархии, якоже и прежде бывало, того ради молю прежде всех творити моления за ея императорское величество о здравии, и всея ея императорской фамилии, Святейшаго правительствующаго Синода, такожде и о нашем смирении, титулуя нас Иркутским и Нерчинским. Прочее молим вас и архипастырски увещеваем, да такожде мудрствуйте единодушно, друг друга честию больша творяще, мир и любовь между собою имуще, якоже и апостол святой Павел поучает: елика пречестна, елика прелюбезна, елика прехвальна и прочая, сих поучайтесь, сим последуйте, сия держите, тако да и временная благая и вечная удостоитесь наследовати, всеусердно желаем и благословение посылаем. Аминь. Иннокентий епископ».

Много огорчений доставил святому Иннокентию Антоний Платковский. Возгордившись своим назначением в Пекинскую Миссию, он потребовал у святителя денег более 1000 рублей из суммы Вознесенского монастыря, не имея на то никакого права. Святитель отвечал, что выслать требуемой суммы он не может, так как таких денег в монастырской казне нет. В то же время открылось, что сам Платковский, в бытность свою в Иркутске архимандритом Вознесенского монастыря, растратил большие деньги. Надменный архимандрит грозил даже, что он будет жаловаться в Синод. Но дело кончилось тем, что он принужден был смириться и выплатить растраченные им деньги.

Такие несправедливые притязания Платковского сильно утруждали святителя, который в то же время ревностно занимался делами по своей епархии. Вступая на архипастырский престол в Иркутске, святой Иннокентий был преисполнен усердия послужить на пользу своей паствы, посвятить все силы своим пасомым. Он ясно провидел, что много трудов ему предстоит на новом служении. Духовенство в новой епархии было в самом жалком положении. Большинство из лиц духовных не получило почти никакого образования. Невежественные пастыри немногим отличались от пасомых и не могли быть духовными руководителями их – наставлять назидательным словом и привлекать добрым примером. Дети духовных учились тогда по большей части у своих отцов, а те, сами получив скудное образование, немногому могли научить своих детей. Недостаточное приготовление к священному сану необходимо влекло за собою разные беспорядки и нестроения. Многие священники с трудом читали и, стыдясь своего безграмотства, подпись за них других лиц объясняли своим слабым зрением, что «де он, поп, очима скорбен». Новых служителей Церкви взять было неоткуда, ибо в священники возводились из низших степеней; из дьячка ставили диаконом, а диакон возводился в сан иерея.

Святитель Иннокентий не замедлил принять все доступные ему средства для искоренения таких нестроений. Он потребовал, чтобы все священники в воскресные дни читали книжки, разосланные Святейшим Синодом под названием

«Заповеди с толкованием», также поучения святых отцов Церкви. В случае неисполнения своих обязанностей святитель грозил нерадивым пастырям судом Божиим, на котором они должны будут дать ответ не только за себя, но и за своих детей духовных. Вообще, понимая важное значение духовенства, святой Иннокентий старался возвысить его положение, что видно из одной речи его, обращенной к пастырям. В этой речи святитель старался объяснить важность и ответственность иерейского служения. Он говорил, что священники – строители таин Божиих, свет для тьмы, соль земли, звезды неба, пастыри, которые обязаны отгонять волков от своего словесного стада. Священники, говорил ревностный архипастырь, должны усердно устроить дом Божий, украшать его всяким благодеянием, особенно усердно проповедовать слово Божие, непрерывно поучая своих духовных чад.

Но одними предписаниями нельзя было всего исправить. Нужно было добрым учением и воспитанием приготовить будущих пастырей Церкви. Посему святитель много заботился об училище. До него была одна монгольская школа, заведенная во время Платковского при Вознесенском монастыре. Но при Платковском школа эта была в самом плохом состоянии. В начале 1728 года святитель устроил при монгольской школе и русскую. С того времени школа получила название русско-монгольской. Из русского отделения этой школы должны были выходить будущие пастыри. Святитель много заботился о ней; он привел в порядок ее помещение, вызвал сам учителей. В школу принимались дети не только из духовенства, но также из всех сословий. Духовенству святитель приказал немедленно доставлять в школу своих детей в возрасте от 7 до 15 лет. Не исполнившие этого распоряжения должны были уплачивать 15 рублей штрафа и, кроме того, детей высылали через начальство на счет непослушных. В 1730 году, по прошествии двух лет после открытия школы, в ней было уже около 36 человек учащихся. Святитель увеличил жалование учителям; он также ревностно заботился и о доставлении необходимых книг. В 1729 году для монгольского отделения выписал несколько книг у лам, живших за озером Байкал. Переписчики переписали эти книги,

подлинники были возвращены их владельцам, а новые книги были переданы в школу для пользования ими. Для надзора над учениками святитель выбрал иеромонаха Лаврентия. Содержание школы стоило ему немалых забот и огорчений. Средства были крайне скудны. Главным образом святитель содержал эту школу на доходы Вознесенского монастыря и на свои собственные, хотя последние были очень незначительны.

Дело в том, что при определении святого Иннокентия на Иркутскую кафедру не было почему-то сделано распоряжение о жаловании ему. Также и пределы его епархии не обозначены были точно. Тобольский митрополит Антоний удерживал за собою некоторые округа, которые должны были бы перейти к святому Иннокентию, так как ранее были в ведении Иркутского викарного епископа. Святитель ходатайствовал перед Синодом в 1728 г. о своем жаловании и просил точнее обозначить границы новой епархии. Святейший Синод 29 августа постановил о выдаче жалования святителю и определил построить архиерейский дом для него; тогда же он нашел необходимым включить в состав новой епархии не только Селенгинский округ, но также еще округа Якутский и Илимский. Для окончательного решения это постановление Синода было послано в сенат, но долго еще пришлось ждать сенатского распоряжения.

В то время в Сибири был такой обычай: прихожане сами из своей среды выбирали лиц, которых считали достойными священства, и посылали их для поставления к епископу. И святой Иннокентий уважал этот обычай, причем нисколько не поступался своим правом следить за тем, чтобы избранные пастыри были достойны своего звания, и поставлял только таковых. Если по справке в архиерейском приказе действительно выбранное лицо не имело никаких препятствий к принятию священного сана, то святитель полагал резолюцию «для научения в школе». Избираемый посылался в монгольско-русскую школу и здесь учился не менее двух месяцев. В это время он был обязан списать для себя правила из Духовного Регламента, относящиеся к священническому служению, затем заучить их наизусть. В то же время он знакомился с

предстоящим ему новым служением. При выпуске из школы вышеупомянутый иеромонах Лаврентий испытывал его. Если по испытании выбранный признавался достойным, то получал ставленную грамоту от святителя и, научившись отправлять церковное богослужение, уезжал на место своего служения. Так заботился святитель о избрании достойных пастырей. Если же кто из избранных прихожанами лиц оказывался недостойным великого сана, то святитель отвергал такого.

При обширности Сибири и при затруднительности проездов святителю Иннокентию нередко приходилось рукополагать священников не только для своей Иркутской епархии, но и для сопредельной Тобольской. Многим ставленникам гораздо ближе было ехать для посвящения в Иркутск, чем в Тобольск. Но святитель Иннокентий делал это по просьбе и уговору с Тобольским митрополитом Антонием.

Много заботился св. Иннокентий о благолепии службы Божией. До него часто в воскресные и праздничные дни не бывало богослужения или бывало оно в неудобное время; жители Иркутска жаловались на это святителю, и он ревностно искоренял эти беспорядки. Святитель распорядился, чтобы священники в городе Иркутске не совершали литургии слишком рано. Он приказал в праздники благовестить к литургии в 9 часов утра, а в простые дни – в 7 с половиной.

Святой Иннокентий распорядился и о том, чтобы священники его епархии не исполняли треб в чужих приходах, исключая крайней необходимости. Только на исповедь было дозволено принимать каждого приходящего даже из других приходов. Причащаться же всякий был обязан в своем приходском храме, причем, если он был у исповеди в другом приходе, то от духовного отца давалась ему отпускная грамота, удостоверяющая в том, что он был на исповеди и достоин принятия святых Христовых Таин.

Святитель обратил особенное внимание на большое число уклонявшихся от исповеди. В одном Иркутске в 1722 г. число не бывших у исповеди доходило до 420 человек. Святитель не мог без внимания оставить этого. Виновным было сделано внушение, чтобы они строго исполняли постановления Церкви.

Вообще святой первопрестольник Иркутский был ревностным пастырем подчиненной епархии, опытным устроителем церковной жизни в глухом краю необъятной Сибири. С этой стороны особенно замечательна инструкция святителя, данная священнику Даниилу Иванову, «закащику», по-нашему – благочинному.

«Выдать тебе заказ (благочиние) Заморский (Забайкальский) во всем Селенгинском округе, а в действии поступать по сим пунктам:

1. Объехать тебе церкви в твоём заказе и смотреть всего благочиния церковного и над священниками и над всем причтом, а именно: не бесчинствовали бы, не шумели бы по улицам или в церкви пьяни; не пьют ли вино по кабакам и прочая по прибавлению Регламента о священниках.

2. Указы его величества рассылать, а для рассылки оных посылать поочередно в твоём заказе дьячков и пономарей, аще куда скорых и хороших попутчиков не прилучится, а подводы дьячкам и пономарям брать от церкви до церкви.

3. Тебе, священнику, давать венечные памяти ко всем церквам своего заказа, по Правилам святых апостол и святых отец и по указам его величества; и аще где далеко, то иным приказывать; собирать пошлину по прежнему обыновению без излишества; такожде давать дьячкам и пономарям указы по указу Преосвященного со взятием пошлин; в прошениях о местах прописано бы было, руга ли (то есть жалованье ли) ему или из доходов питаться будет, и что он добрый и не подозрительный человек.

4. Тебе же повсегодно собирать со всех церквей твоего заказа данные по табели окладные деньги без излишества. Аще где возобновятся по указу часовни, данные окладные собирать же и отдавать.

5. Аще кто на священника или на причетника подает тебе доношение, тебе смотреть; аще в каком важном деле есть, отсылать в Иркутский архиерейский приказ к решению, аще же о маловажных делах, таковыя самому по правилам и регламенту решать, без всякой понаровки (то есть, без всякого попустительства).

6. О своем решении дела доносить в приказ.
7. Доставлять от всех церквей метрические тетради и исповедные записи.
8. Надзирать за тем, чтобы не было беспаспортных духовных лиц в округе и, если окажутся, доставлять к Преосвященному.
9. Надзирать за тем, нет ли раскольников и, если окажутся, доносить.
10. Не поступать сверх права, предоставленного инструкцией, и дела должности исполнять усердно и по совести.
11. На бумагу, чернила брать со всех церквей по пропорции, сколько изойдет; также и писчику определить с каждой церкви по рублю, а больше не определять.
12. Подводы разложить на священников с причетники и собрать с них деньги в одну сумму, по рассмотрении прихода, с кого надлежать больше, с кого меньше, чтоб в том никому не было обиды; когда придут какие указы, то наимовать из той суммы собранной без излишества и рассылать, куда надлежит».
- Вообще недолголетнее пребывание святителя Иннокентия на Иркутской кафедре было ознаменовано непрерывными заботами его о благе вверенной ему паствы и неусыпными трудами. Сам он всем подавал пример строгой благочестивой жизни и требовал, чтобы и духовенство служило примером для своей паствы. Но трудно было бороться святителю с некоторыми пороками, которыми страдало сибирское духовенство. Особенно сильно был развит среди него порок пьянства. Часто священники «бывали сильны и храбры к питью» в домах прихожан. Такие пастыри и в храме Божиим позволяли себе непристойные поступки. «В церквах, – говорят документы того времени, – такие священники иногда бранятся, иногда и дерутся; друзии же злонравнии священницы в церкви и алтаре сквернословят, бранятся и творят дом Божий вертепом разбойников»; многие священники чревоугодию своему следовали, пьяные бродили по улицам, валялись в кабаках; по улицам бродя, бесчиние шумели, ложились спать на дороге, кощунствовали, дрались».

На это уже было давно обращено внимание духовной власти. Еще в 1702 г. в Тобольске был собран Собор по поводу таких бесчинств. Здесь были изданы правила против пьянства священников и прочего притча. Одно из них подвергает строгой ответственности виновных: «Священник, аще в безмерном явится пьянстве, или диакон, или дьячек и пономарь, пене архиерейской подлежит, яко соблазн миру, по третьем же наказании чужд да будет священства».

Святой Иннокентий всякими мерами старался искоренить пьянство; виновных он подвергал суду.

Раз до святителя дошли слухи, что сторож одной церкви с церковным ключом был в питейном доме и там в нетрезвом виде вступил в драку с другими. Святитель потребовал к себе виновного, усовещивал его. Когда же тот сознался во всем, святитель повелел его держать взаперти в монастырской хлебопекарне с тем, чтобы он сеял муку, а затем отпустить, взяв с него расписку – впредь церковного ключа не носить с собой в корчемницу и жить трезво.

Не только наказанием, но чаще всего увещанием и своим мудрым словом старался святитель исправлять подчиненных. С 1729 года военная церковь Якутского полка поступила в ведение Иркутского архипастыря. Святителю донесли, что полковой священник иеромонах Феофан Капарский ведет сильно нетрезвую жизнь и не исполняет своих обязанностей. Даже дни Страстной седмицы не останавливали его. Святитель обратился к нему с трогательным, чисто отеческим вразумлением: «Честный отец Феофан! Не заслужил ты такого нашего вразумления, а скорее достоин бесчестия. Однако мы пишем к тебе. Как ты не стыдишься, что призван от Господа Бога о всем мире святую жертву приносить и пасти стадо словесных овец Его, о нихже истязан будешь и дашь ответ в день страшного испытания, а сам ты того звания не содержишь, но беспрестанно пьешь и безгодно упиваешься допьяна, а дела своего не исправляешь, чинишь многие бездельные непотребства. Дело ли это священника? Ныне тебе это пишем, увещевая тебя отечески, чтобы ты исправился. Если же ты не оставишь своих пороков, то знай, что с бесчестием ты из полку

переменен будешь, позван к нам на суд и примешь достойное по делам твоим. Но прошу, исправься».

Всеми силами старался святитель искоренить этот недуг духовных пастырей народа. Для сего-то он и требовал, чтобы прихожане были осмотрительны в своем избрании будущих священников, избирали достойных, а не таких, которые «надзирают корчемницы». «Сего ради, – говорил святитель в одном из своих поучений к пастырям, – достоин им познать свою честь и хранить ее, яко зеницу ока, да свет не обратится в тьму и слава – в бесчестие».

Святитель заботливо следил, чтобы не было никаких распрей и раздоров среда духовенства. А при тогдашнем состоянии Сибирской Церкви такие случаи, действительно, иногда происходили, как это видно из следующего.

Дворянский сын Никита Варлаамов с царского разрешения построил в 1709 году монастырь в Нерчинске на свое иждивение. Согласно с царской грамотой, Никита был возведен в сан игумена и наречен Панкратием. В этой грамоте было сказано, чтобы «игуменам не ведать крестьян, ведать им токмо церковь Божию». Заведование монастырскими имуществами после Панкратия должно было перейти к одному из мирян. Это и вызвало среди братии недовольство и малое уважение к вновь избранному игумену после Панкратия – иеромонаху Нафанаилу. Некоторые из братии позволяли себе бранить нового игумена; ссоры и брань, своеволие и непослушание в обители были непрестанные. Нафанаилу пришлось лично просить святого Иннокентия, чтобы он своей святительской властью положил предел таким беспорядкам. Святитель не остался глух к просьбам Нафанаила и послал в Нерчинский монастырь такое послание: «Указ нашего архиерейства Нерчинского Успенского монастыря монахам, вкладчикам и крестьянам. Известно нашему архиерейству от достоверных персон учинилось, а наипаче от того монастыря игумена Нафанаила, который в прошлом годе по просьбе нашей, а по благодати Всесвятаго Духа, через мерность нашу произведен к вам в игумена, что от монахов и бельцов наносятся ему укорительные, бездельные слова; такожде во многих случаях и

монастырских трудах, которые бывают для общей монастырской пользы, чинится непослушание. Того ради мы вас отечески увещеваем и повелеваем, дабы вы игумену Нафанаилу, яко отцу своему и начальнику, во всем повиновались и без его повелений ниче соже действовали и между собою, яко зверие, не ссорилися, под неблагословением Божиим и нашим. Аще противно будете чинить, и аще от него на вас впредь будет в чем прошение, то таковой к ответу по указам ея императорского величества взят будет в Иркутск. Прочее же Бог мира и любви да пребывает с вами и наше недостойное благословение».

Не менее святитель заботился и о простых мирянах. Побуждая священников поучать своих чад духовных, сам святитель часто и неоднократно обращался к своей пастве со словом поучения. В своих проповедях он грозно вооружался против пороков и кротко увещевал своих слушателей исполнять заповеди Божии, и призыв святителя не остался без ответа. Его мудрое и отеческое слово глубоко западало в сердца слушателей. Множество народа стекалось, чтобы послушать его поучения. Многих слово святителя исправляло и поддерживало на жизненном пути, среди бед и невзгод. Более 200 лет хранилось предание о красноречивых сердечных поучениях блаженного Иннокентия. Многие списывали эти поучения.

Остановимся на некоторых мыслях святителя, которые он проводил в своих поучениях к пастве; посмотрим, куда он вел свое словесное стадо. Мы отсюда увидим, как просто, наглядно и жизненно поучал он верующих.

Мир сей скоропреходящ; человек на земле – временный гость; конец для всех – смерть. «Како слепцы, тако и мы душевныма очима ослеплении прелестию мира сего, не видим истиннаго пути, како прийти к истинному Солнцу – Свету Христу, понеже бо мир сей прельщает, много нам живота обещает; обещает нам злато, но отымет от нас небесное благо; ничтоже бо злато, разве благо, понеже бо и мире сем на земли есть. Обретаются черви в травах, иже в нощи видятся светлы, яко адаманты (то есть алмазы), аще же рукою прикоснешися, ничтоже ино, точно прах. Так и человек всяк: аще повыситя за высоту рода, за красоту лица, за крепость силы, за множество

богатства, но узрит себе прах и землю и червя, по словеси Давидову: *Аз есмь червь, а не человек (Пс. 21, 7)*, еще же и древа существо прменяется тлением: гнилое дерево, а видится в темном месте светло быта: аще рассмотриши и узриши точию тление и землю... Таковым образом и миряне, прилежащи земным вещем: аще приложит человек мысль на пищи и питии, что ему воздаст чрево, точию мотылие и прах; аще же приложит человек тщание на купли и в торге мира сего, что себе приобрящет купец? Ничтоже, точию суету; а от сокровища и богатства своего ничтоже возмем, точию срачицу и саван. И аще человек оженится и дети приживет, сына оженит и дщери замуж выдаст и проживет сто лет и больше, потом что? Смерть; а по смерти приобрящет тление...»

«О премудрый Соломоне, ты глаголеши: несть ничтоже вечно пребывающее, и человек, живуще в мире сем суетном, льстится нажитками сего света, говорит тако: «добро нам zde быти». Не знают, что творят. Кое добро есть в мире сем непостоянном? В мире бо сем вся изменна; ибо кто ныне живет, тот утре во гробе гниет; ныне здрав есть, яко Моисей, а по утру в великом недуге, яко Иов; ныне в чести и славе, а по утру в темнице и заключении; днесь о богатствах печется, яже не может сочести, яко же богач оный евангельский, а во утрий день единыя крупицы алчет, яко Лазарь, и не обретает; днесь на свободе, а утре в неволе; сегодня в радости, а утре в печали; днесь господствует и повелевает, утре издыхает и умирает».

Не должно привязываться к богатству, ибо оно ведет к погибели. «Понеже вы богатства свои держите на непотребные вещи – на объедение и пьянство и на нечистый блуд, того ради богатства ваши до неба вас не допускают. А те же богатства ваши и от муки вас освобождают, аще начнете милостыню творити».

Трогательно увещевает святитель творить милостыню. «Вам должно быти милосердным к прошению нищих, егда к вам вопиют: «Христа ради милостыню нищим»; и вы будьте милостивы на прошение их. Не просят бо у вас коего великого дара; но только просят единыя копейки или малаго куска хлеба, Бога ради. Будьте милостивы; за ту бо милость сами от Бога

помиловани будете... Аще убогим будем давати милостыню, отдаст вам Бог оную на том свете, и кто больше дает, тому и Бог больше отдает, а кто меньше дает, меньше тому подает. Милостыня – это приобретение для вечности: ею получает верующий Царство Небесное. Молюся вам, любимицы мои, еже бы нам получитьи Царство Небесное. Чим же получитьи? 1) Даяти ясти алчущим, 2) даяти пити жаждущим, 3) приимати странныя, 4) одевати нагия, 5) посещати немощныя, 6) в темницу ходити, 7) споследовати, во еже погребати мертвыя. Сими добродетельми получим Царство Небесное».

Совершение этих добродетелей святитель советовал приурочивать особенно к великим праздникам. «Любимцы! не будьте не верны словом и житием, словом исповедуйте, яко воистину воскресе Господь, и житием будете верни в творении добрых дел, подаянием милостыни и хранением любви. И аще кто сотворит любовь, той нищия да одевает, а не суетне плоть свою украшает, якоже мы ныне творим, красимся ризами; что какова праздника ждем, Воскресения Господня, или иного коего праздника, то мы готовим себе кафтаны хорошие, рукавицы уборныя, шапки изрядныя, сапоги красные; а лучше бы нам готовиться к праздникам с добрыми делами».

В одном из своих поучений святитель ясно и просто излагал правила благочестивой жизни.

«Послушайте, возлюбленнии, – говорит святитель, – се Христос Господь и Мария, Мати Его, свята сущи, изволиста со грешники вчинитися (потому что Пресвятая Дева исполнила закон, относящийся грешным новорожденным младенцам, и принесла в жертву два птенца голубина). Также и нам, братие, учиться, еже очищати души наши святым покаянием и ходити на молитву в дом Божий и приносить потребная. Приносите ов свечи, а ин просфоры, а кто сего не имеет, тот приходи в церковь на молитву с сокрушенною жертвою сердца, со слезами покаяния. Прежде всего бойся Бога, люби Его всею душою и сердцем и помышлением, а Пречистую Богоматерь и всех святых почитайте, а в церковь Божию безленостно приходите к вечерне, и заутрене, и обедне к началу, и слушайте Божественнаго пения со вниманием в молчании; а из церкви до

отпуста не выходите. Аще далече от церкви, или не досужно та будет, то ты можешь дома правило свое исправить, пение и поклоны по силе, а не ленися, да не бесплоден будеши, аки древо сухое. И аще сотвориши правило без лености, то великую мзду от Бога получиши и грехов отпущение. Праздники празднуйте духовно, а не телесно, нищих милуйте, а в церкви свечи и просфоры в отшить по силе давайте; рабам же своим в праздники от работы покой дайте; праздники празднуйте не объядением и пьянством, но молитвою и чистотою. Кротко живите и во Христе любовь нелицемерну имейте ко всякому христианину... Почитайте священников, яко Божии слуги, и всем церковникам честь воздавайте, и неприятеля своя любите, и Бога за них моли, и любите всех православных христиан яко сам себе, другу не завиди, никого не обиди, сребра в росты не давай, чти отца и мать, больныя посещай, нужным помогай, в темницах и оковах потребная донеси, нищих по силе накорми, напой и одень, вся бо та в руке Божии влагаеши, вдовиц не презри, наипаче всего от блуда бегай и с женами живите по закону. В среду и пяток и воскресенье в чистоте будьте. Праздники Господские и Пречистыя Богородицы и всех святых почитай честно, а дети своя и челядь учи страху Божию, храни от пьянства; татьбы и всякаго зла удаляйся, а в церкви Божией детем своим вели ходити ко службе во вся дня, а наипаче в праздники... Аще случится согрешити, по наущению диаволу, то вскоре исповеждь отцу духовному, да не вкоренится диавол в душе твоей, и смерть да не застанет тя без покаяния. А наипаче всего буди смирен, не высокоумен, не празднослови, скверных бесед бегай, друга не укори, не досади... в церкви Божией стой на молитве со страхом, ни говоря ни с кем и не помышляй что зло в сердце своем, но точно глаголи: Господи, помилуй мя».

Святитель указывает своим слушателям примеры, следуя которым они могут спастись.

«Да воспоминаем жития святых, яже чем на всякий лень, како они угодиша Богу – смехом ли безобразным или празднословием угодили Богу? Ни како, но добрыми делами. Тако и нас учат молчанию и терпению и остатися от злых дел. И

святые отцы, мужие и жены, не с небес же снидоша, но такожде на земли родишася и имяху тело от земли, якоже и мы.

Имели и они искушение от демонов; но диавола побеждаху. Они бо не много ядяху, яко же мы; вином не упивахуся, яко же мы творим окаяннии... Что же творили? Они бо работали Богу всем сердцем, терпели мучения, искушения за Христово имя».

Над всеми святыми безмерно возвышается Матерь Божия, высшая небес и чистшая светлостей солнечных, Заступница грешного мира. Святитель Иннокентий говорит о Владычице мира: «Есть же она Мати не токмо Сыну и Богу, но и всем нам православным. Мати Сыну Своему по естеству человечества, Мати нам же по милосердию и по ходатайству и по заступлению. Якоже бо мати родная всегда милосердная есть к чадам своим естественным: питает я, греет и одевает, подымлет; аще дети и досадят, она все прощает и вся немощи их любезно терпит. Тако и Дева Мария питает нас брашном милосердия Своего, поит млеком щедрот, греет ны ризою покровы Своего, одевает нагость нашу одеянием брачным; падающия в ров грехов, подымля рукою пособия Своего, утверждает жезлом утверждения Своего. А егда мы по согрешении каемся, Она скоро прощает и Бога ко прощению молитвами Своими преклоняет. Терпит же вся немощи наша, яко знающая поползновение наше. Тем же к Ней, яко, милосердной Матери, с дерзновением и надеждою вси притекайте, и теплыми молитвами, со усердными слезами молящися Ей».

Святой Иннокентий звал своих пасомых на высоту христианского совершенства, но жизнь их была очень невысока. Особенно часты были в Сибири случаи нарушения целомудрия и супружеской верности. В своих поучениях святитель предостерегал пасомых от этих пороков. Так, изъясняя притчу о блудном сыне, святитель говорит: «А той злой обычай и ныне есть в мире. Егда человек придет в возраст, то сперва приищет друга себе такого, каков сам; сначала подружатся, а потом начнут чинить советы и все друг к другу плотским люблением располагаются, а не духовным, и в той любви научатся пьянству, а иные скакать, плясать, а затем гордиться,

лихоимствовать и блуд творити. О, любители блуда и нечистоты! О, насытая мерзость! Понеже бо всякая нечистота не точию сердце помрачает, но и видение лица погубляет. Слыши, что апостол глаголет: *Бегайте блудодеяния: всяк бо грех, егоже аще сотворит человек, кроме тела есть, а блудяй во свое тело согрешает* (1Кор. 6, 18). А ныне едва не все от Бога отступили, ови гордостью и лихоимством, ови завистию и злым пьянством. Сии все диаволу служения и все уклонишася вкупе и неключими быша. Все уклонишася от смирения в гордость, от милостыни — в лихоимство, от любви — в ненависть, от воздержания — в объядение, от трезвости — к пьянству. Что мерзостнее пьяного человека? Хочет утаиться, яко не пьян, а лежит яко мертв. Ничтоже сквернее пьяницы; из уст бо его смрад зол исходит, расслабление тела и самого себя невладение, из очей слезам истечение, рукам дрожание. Пьяный много обещает, таин не соблюдает, разум и красоту погубляет, и что ино от пьянства бывает, точию брани и прекословия, еще же безстыдство и в словах неудержание».

Своими распоряжениями святитель старался положить предел беспорядочной плотской жизни некоторых из его паствы. От священников он требовал, чтобы браки были заключаемы по установленным законам. Не исполнявшие этого подвергались денежным взысканиям, но искренно каявшиеся получали прощение. Таков был святитель — со строгостью он соединял кротость и незлобие. Иркутский кафедральный протоиерей Петр Григорьев, уличенный в том, что он содействовал венчанию незаконного брака, был лишен протоиерейства и низведен на год в ряд простых священников. Но после искреннего раскаяния святитель простил его и возвел в прежнее достоинство. Много можно указать примеров такой кротости святителя.

В Сибири было тогда весьма мало церквей. В новой епархии всего насчитывалось 33 церкви и 4 монастыря. Множество сел было удалено от церквей на огромное расстояние. Поэтому большая часть верующих не могла исполнять в точности всех церковных обрядов. Было много таких, которые долгое время не принимали крещения; браки заключались без благословения Церкви. Будучи сам строгим

ревнителем благочестия, святитель ревностно и неутомимо заботился об умножении благочестия между пастырями и пасомыми, между мирянами и монашествующими. Не имея средств, он не имел возможности строить новые церкви, но разрешал строить часовни. Вследствие того, что антиминсов новых, по неизвестной причине, не присылали в Тобольскую епархию, святитель взял даже лишний антиминс из Свято-Троицкого Селенгинского монастыря. В Иркутске он освятил две церкви в 1729 году.

В одной проповеди на освящение церкви святитель говорит: «Но ныне аще кто пожелает святую церковь построить, то не стены едины созидайте, но и внутрь украшайте ризами, сосудами, а наипаче всех сих – людьми благоразумными, священниками богобоязненными».

Вследствие отдаленности храмов Божиих в Сибири было много людей, которые до 30 лет и более не ходили в храм и не соблюдали постановлений Церкви. Святитель и сам говорил и духовным пастырям поручал говорить в церквях о необходимости, по мере сил, ходить в храм Божий, о соблюдении поста, о причащении, изъяснял значение семи таинств, красноречиво изображал кончину мира, говорил о воскресении мертвых, о Страшном Суде Божиим, о будущем блаженстве праведных и лютых муках грешников, и этим побуждал всех к покаянию.

В поучении на Введение во храм Пресвятой Богородицы святитель говорит: «Она, Пречистая, от рождения трех лет, сущи безгрешна и чиста, всегда в церкви пребывала, а мы грешнии, нечистии, не только от трех лет рождения, но и до тридцати лет живем и в церковь не входим и грехи всегда сотворим и не раскаиваемся».

Настаивая на том, чтобы все исполняли постановления Церкви, святитель требовал, чтобы внезапно умиравшие от какой бы то ни было причины не иначе были удостоиваемы погребения при церквях, как по строгом дознании, были ли они в течение года, предшествовавшего их внезапной кончине, у исповеди и святого причастия. Если оказывалось противное, то они, как не заслужившие почета Церкви, были зарываемы за

городом. Это же правило прилагалось и к тем, кто умирал без должного напутствия. Святитель понимал, что без мер строгости нельзя было получить желанных плодов.

Сильно любя благочестие и благолепие, святой Иннокентий противодействовал всяким беспорядкам и нестроениям в Церкви. Узнав о разных неурядицах в Забайкальской области в 1728 г., святитель послал игумена Пахомия осмотреть церкви и в случае нужды производить дознание и следствие. В следующем, 1729, году сам святитель обозревал зимой свою епархию по левому берегу реки Ангары. Как необходимы были такие заботы о своей пастве, видно из следующего.

Святителю донесли, что у некоего Иоанна Шункова проживает лама. Последний задумал построить кумирню, и Шунков оказывал ламе содействие при этой постройке. Призванный к допросу, Шунков открыто признался, что он помогал в постройке кумирни. Лама говорил ему, что он будет молиться своему богу и у него будут держаться дети. Тогда было решено: в присутствии народа наказать суевера Шункова в предостережение других.

По указу 1723 года часовни были закрыты, но потом дозволено было возобновлять их, впрочем, только с разрешения архиерея. Священник Григорий Смагин, не испрашивая благословения у святого Иннокентия, самовольно дозволил возобновить в 1729 г. часовню за рекой Ангарой и нанял к ней дьячка-каторжника. Тот же священник открыл самовольно еще другую часовню при деревне Евсеевой. Святитель повелел подвергнуть этого священника наказанию, взыскать с него пять рублей штрафа, а часовни упразднить.

Святитель любил истинное подвижничество и ценил людей, подвизавшихся во славу Божию. Особенным вниманием святителя пользовались благочестивый настоятель Свято-Троицкого Селенгинского монастыря архимандрит Мисаил, настоятель Нерчинского монастыря игумен Нафанаил и духовник святителя иеромонах Корнилий.

В то время в Сибири не раз происходили недороды хлеба. Святитель всегда сам молился перед Господом о изобилии плодов земных и того же требовал от пастырей. Во времена же

грядущего бедствия он возносил сугубые моления об отвращении праведного суда Божия. «В граде Иркутске, – писал святитель в одном из своих писем в 1728 году, – умножились между людьми блудные дела, за что грядет гнев Божий на сыны противления». И действительно, во всей Иркутской епархии в том году стояла засуха. Святитель повелел по всем церквам возносить моления Господу о ниспослании дождя. Молитвы святого архипастыря были услышаны: в конце июля прошел сильный дождь, и грозная опасность голода исчезла. На следующий год, наоборот, лето было необыкновенно дождливо, и святитель опять предписал молиться. В следующих, 1730 и 1731 гг. владыка опять делает то же распоряжение.

«По желанию нашему, – говорит сей истинный пастырь Христовой Церкви, – к общему всех православных христиан благу повелевается соборне со всеми градскими священниками в соборе совершить ко всех благих Подателю Всещедрому Богу молебное по последованию Требника о дожде пение, по Божественной литургии, да и впредь по вся дни нынешние весенние, как в соборе, так и во всех градских церквах чередным священникам на всяк день».

Так в течение немногих лет своего святительства блаженный Иннокентий не переставал молить Господа о благополучии вверенной ему паствы.

Много невзгод и обид приходилось переносить святителю. Он желал уничтожить право откупа, по крайней мере, в монастырских владениях, потому что не мог видеть, как откупщики опаивали народ, особенно новообращенных инородцев. Его желание не противоречило закону, но против этого восстали откупщики. Они настаивали на том, чтобы им было разрешено продавать вино не только в монастырских селах, но даже и вблизи монастырей. Для разрешения дела об откупах надо было ехать в столицу, потому что в Сибири почти невозможно было добиться справедливого решения. Но сделать этого он не имел ни времени, ни средств.

Святитель в течение недолгого времени своего пребывания на Иркутской кафедре, которую он занимал 4 года и 3 месяца, положил твердое начало успехам веры Христовой в Иркутском

крае. Он был истинным пастырем своего стада, ревностным учителем добра и правды, насадителем Христовой веры среди монголов и бурят, искоренителем суеверий и ложных учений, распространителем просвещения в дикой Сибирской стране.

Многотрудна и нерадостна была вся жизнь святителя Иннокентия. Но всего более невзгод и лишений претерпел он в Сибири. Здесь он шествовал поистине тесным и скорбным путем. Имея великое смирение, блаженный видел на себе особое усмотрение Божие: посему не роптал, не просил перемещения на другую кафедру. Святитель любил уединяться для молитвы в пещеру, которую ископал для себя первый основатель Вознесенской обители Герасим; любил возносить свои моления святой пастырь и над могилой Герасима. Каждую ночь святитель читал творения святых отцов или составлял поучения для своей паствы. Часто по ночам, выходя из своей келлии, он направлялся к главному храму Вознесенской обители и молился на него со всех четырех сторон. Заповедуя инокам соблюдать монашеское правило, святитель сам строго выполнял его.

Святой Иннокентий иногда удалялся в монастырское село Малую Бланку, отстоявшее верстах в пятнадцати от Иркутска. Отдыхая от трудов управления, святитель и здесь не оставался праздным: он принимал участие в полевых работах. В своей домашней жизни святитель был прост. Одежда его состояла из власяницы, поверх которой он надевал сделанный из кожи лося подрясник и кожаный пояс. Насколько святитель был незлобив, лучше всего видно из следующего. Вышеупомянутый архимандрит Антоний Платковский, причинивший много зла блаженному, был поражен благочестием и добротой святого Иннокентия. Он был обвинен в растратах монастырских денег. Ему не на что было отправляться в Пекин. Но незлобивый святитель дал ему средства для этой поездки.

Близким к святителю человеком был учитель монгольской школы Лапсан. Святитель неоднократно беседовал с ним. Сии беседы, а равно и подвиги Иннокентия, очевидцем коих был Лапсан, произвели на него сильное впечатление. По кончине

святого епископа он перешел в христианство вместе со всем своим домом.

Непрерывные труды надломили и без того слабое здоровье святителя. Уроженец Черниговской губернии, он с трудом мог привыкнуть к суровой природе Сибири. Огорчения, тяжкие обиды, дальние разъезды, строгая подвижническая жизнь – все это расстраивало его здоровье. Сначала у него открылись сильные головные боли, затем к этому присоединились другие болезни и немощи. В сентябре и октябре месяцах 1731 года святитель уже лежал больным и не мог совершать богослужения. В последний раз он служил 3 октября в воскресенье.

Во время болезни святой Иннокентий благодарил всех служивших ему; в случае выздоровления обещал всех вознаградить из своих рук. Особенно он заботился о построении каменного храма в Вознесенской обители вместо прежнего деревянного, крайне обветшавшего. Святитель неоднократно выражал тогда сожаление, что ему замедлили выдачей жалованья, из которого первая тысяча рублей давно была уже обещана им на построение этого храма. В случае своей смерти он заповедал братии построить храм на монастырские средства, о сбережении и умножении которых он так много заботился. Между тем болезнь все усиливалась. 24 ноября святитель всех удовлетворил жалованием, а остальные деньги велел сосчитать и положить в мешки за печатью; наместнику Паисию за его услуги подарил свою шубу. 25 ноября он просил братию и духовенство города помолиться о нем. Церковь Иркутская стала горячо молиться о выздоровлении своего архипастыря, но Господь судил иначе. Утром в субботу, 27 ноября 1731 года, святитель мирно отошел к Господу, имея всего около 50 лет от рода, но истощенный заботами и скорбями своей многотрудной жизни.

Паства оплакала кончину своего отца и учителя. С подобающим торжеством честное тело его было погребено в Тихвинской церкви Вознесенского монастыря.

Много чудес проистекло от святых мощей славного угодника Божия. Упомянем только о некоторых.

В 1770 году проживавшая в Иркутске Пелагея Судейкина сильно заболела горячкой. Во время болезни ей было видение: больной представилось, будто она стоит в Тихвинской церкви и святитель совершает утреню. Она просила благословения. Святитель вышел из алтаря, благословил, потом послал ей с светлым юношей частицу артоса; она вкусила и почувствовала себя здоровой. Желая возблагодарить своего целителя, Пелагея спросила, какую читать ему молитву? Святитель вторично вышел к ней, развернул перед ней свиток, в котором было написано: «Милостивый мой наставниче, благоутробия сокровище, правоверия учителю, архиереев похвало, беспомощных заступниче, отче наш, иерарше, моли Бога о нас!»

Пробудившись, Пелагея почувствовала себя совершенно здоровой и тотчас же встала.

Якутский купец Павел Лебедев переломил себе ногу. Его болезнь так усилилась, что он стал готовиться к смерти. В ночь на 3 января 1785 года в комнату, где лежал больной, вошел святитель с жезлом в руке и сказал: «Проси помощи у Иннокентия, что в Иркутске».

Лебедев проснулся, но потом опять погрузился в дремоту, не придавая особенного значения видению. Святитель опять явился и, укоряя болящего в неверии, ударил жезлом в пол. Лебедев, пробудившись, увидел на полу след удара. Он начал верить. Перед утром святитель в третий раз явился болящему, и ужасная боль сменяется легким зудом. Утром Лебедев уже мог ходить без костыля и поспешно направился к гробу своего целителя.

В 1786 году протоиерей Иаков Загоскин заметил, что зрение его стало слабеть. Он долго страдал и наконец вовсе перестал видеть. Слыша о чудесах, которые подает святой Иннокентий, больной непрестанно обращался к нему с молитвой о помощи. Однажды, сидя в кресле, он забылся легкой дремотой. Вдруг перед ним явился святитель Иннокентий в полном облачении, как он почивает во гробе. Святитель положил свою десницу на голову болящего и повелел чаще призывать его имя. Спустя немного времени протоиерей начал слегка разбирать окружающие его предметы, а потом стал ясно видеть все.

В Вознесенский монастырь, в котором погребены мощи святого Иннокентия, раз прибыли два человека, чтобы прогуляться. Зайдя в церковь, они остановились перед ракою угодника Божия и начали кощунствовать: один взял святителя за руку, другой за ногу. Господь скоро наказал их за дерзость. Когда они возвращались домой, дрожки, на которых оба ехали, упали, и один из кощунников сломал себе руку, а другой – ногу.

Летом 1783 году в Вознесенском монастыре произошел пожар. Была уже объята пламенем и деревянная Тихвинская церковь, под которой покоились мощи святого Иннокентия. Народ с ужасом ожидал, что святые мощи погибнут в огне, и просил у епископа Михаила разрешения вынести их из пещеры. Епископ на эту просьбу ответил: «Если покойный Иннокентий угодил Богу, то ради его нетленных мощей Всемогущий спасет и церковь».

И тотчас огонь начал ослабевать. Тихвинская церковь осталась целою, лишь с обгорелыми снаружи стенами.

В 1796 году из Екатеринбурга была приведена в Иркутск одна слабоумная женщина. Кто она была такая, как было ей имя – никто этого не знал. Она впала в тяжелую болезнь. Добрые люди приютили ее. Находясь в болезни, она просила денег у своих благодетелей. «На что тебе деньги?» – спросили ее. «Мне надо идти за реку, поставить свечи там, где живут одетые в черное платье и погребен старец». Ей дали денег, она переправилась через Ангару, попросила указать ей дорогу в Вознесенскую обитель. В это время в монастыре совершалась литургия. В течение всей службы больная усердно молилась перед иконою Богоматери и часто подходила к тому месту, где находилась гробница святителя. Через два дня слабоумная не только получила исцеление от своего недуга, но даже стала рассуждать совершенно здраво. Умственное расстройство у нее совсем прошло. Она рассказала, кто она и откуда, прибавила, что ей во сне явился святитель, велел исповедаться и приобщиться Святых Таин. Он сказал ей, что вскоре, в такой-то день, она умрет. Действительно, в назначенный святителем день она умерла.

Честное тело святителя, погребенное под алтарем Тихвинской церкви в Вознесенской обители, недолго оставалось под спудом. Около 1765 года по случаю перестройки храма гробницу с мощами святителя открыли. Гроб был совершенно цел, даже бархат, которым он был обит, не был поврежден сыростью. Святые мощи оказались совершенно нетленными и издавали благоухание.

В 1800 году сенаторы Ржевский и Левашев, бывшие с ревизией в Иркутской губернии, донесли императору Павлу I о нетленности мощей святого Иннокентия и о чудесах, проистекавших от мощей угодника Божия. В том же году согласно с желанием государя Святейший Синод предписал двум епископам – Вениамину Иркутскому и Иустину, викарию Казанскому – произвести точное дознание по сему делу. Строгое исследование духовных и мирских лиц, производившееся в начале 1801 года, вполне подтвердило сообщение сенаторов. 5 марта епископы сделали донесение Святейшему Синоду, в котором высказывали и свое мнение: «Чтобы сего первого Иркутского епископа Иннокентия причесть к лику святителей, Церковью почитаемых и прославляемых; тело его нетленное, яко истинные мощи и достойные, чтобы для почитания народного были объявлены и открыты». Через два года Святейший Синод потребовал от Иркутского епископа новые сведения, касающиеся признания святости угодника Божия. Епископ ответил, что в нетленном теле святителя за эти два года не произошло перемены, что усердие жителей увеличивается, что произошли новые исцеления и явления святителя, описание которых в числе 24-х епископ послал в Святейший Синод. После сего синодальным определением святитель Иннокентий причислен к лику святых, чтимых всею Русскою Церковью, и днем празднования его установлено 26 число ноября (9 декабря). Определение было утверждено императором Александром I 28 октября 1804 года, а 1 декабря объявлено во всеобщее сведение.

Таково было житие святого Иннокентия, таковы были его труды и подвиги, таково было и прославление его. Прославим и

мы сего славного святителя Русской Церкви и вместе со всеми верными воззовем.

Ноябрь 27

Диодор, или Дамиан, Юрьегорский чудотворец, преподобный

Преподобный отец наш Диодор родился в конце XVI столетия в селе Турчасове Каргопольского уезда на реке Онеге, близ Белого моря. Отца его звали Иерофей, мать – Мария. Во святом крещении он получил имя Диомид. Когда Диомиду было 15 лет, приняв благословение родителей, он отправился помолиться в Соловецкий монастырь и не возвратился оттуда в родительский дом. Он полюбил монастырскую жизнь и трудился в славной обители три года, проходя разные службы с полным послушанием, без всякого прекословия и ропота, за что и любим был всеми. Со страхом Божиим и смирением стоял Диомид в храме, слушая священное пение и чтение. Более всего хранил он чистоту телесную и уклонялся от тех братий, которые небрегли этой добродетелью. Всей душой юный подвижник стремился к ангельскому образу, и, когда ему минуло 19 лет, он слезно молил игумена Антония сподобить его иноческого пострижения. Видя смирение и слезы юноши, игумен дал повеление постричь его и наречь в монашестве Диодором. Затем передал новопостриженного инока под руководство старца, опытного в иноческом житии, священноинока Иосифа, родом из Великого Новгорода.

Священноинок Иосиф, старец преподобного Диодора, был великим почитателем пустынного, отшельнического монашества и нередко рассказывал своему юному послушнику, как в лесных дебрях спасаются святые пустынники. Рассказы эти возбуждали в молодом иноке горячее желание самому поселиться в лесу с пустынножителями и подражать многотрудному, вышеестественному житию их. Преподобный Диодор непрестанно помышлял теперь только об этом, хотя усердно исполнял и возлагаемые на него трудные монастырские службы в хлебне и поварне. Один раз, трудясь с братьями в хлебне, преподобный смотрел на озеро и вдруг сказал им: «Смотрите, братия: по воде, как по суку, ходит пустынножитель».

Но братия посмотрели и ничего не увидели. После того подвижник служил в квасоварне, трудясь без лености, усердно молясь Господу в храме и в келлии.

Много лет подвизался так преподобный Диодор в Соловецком монастыре. Сюда пришел к нему старый его отец Иерофей, к радости преподобного принял монашеское пострижение и прожил в монастыре до смерти. Подвижник похоронил родителя своими руками.

По смерти отца у преподобного Диодора снова возникло настойчивое желание оставить многолюдный монастырь, уйти в пустыню, чтобы в безмолвии проводить там многоскорбное житие отшельника. Он выходит из Соловецкой обители на остров, чтобы разыскать тамошних отшельников, беседовать с ними и даже сожительствовать им. Сорок дней ходил по острову, питался только травой и росой. Он изнемог от голода и, еле дыша, лег под деревом. Здесь нашли его братия Соловецкого монастыря, пришедшие сюда собирать растения и ягоды. Они сочли подвижника умершим и на носилках принесли к монастырскому подворью. Когда же братия заметили в нем признаки жизни и поняли, что он изнемогает от голода, тотчас же дали ему хлеба с квасом. Так был спасен ревнитель пустынного подвига от голодной смерти.

Этот несчастный случай не удержал, однако, преподобного Диодора от исполнения заветного желания. Вскоре он снова отправляется на Соловецкий остров и поселяется на нем. На первое время преподобный занял одну пустую келлию, оставленную неизвестным пустынником. Потом, когда преподобному удалось встретить двух отшельников и беседовать с ними о пустынном житии, он еще более возлюбил подвиг отшельничества, сам поставил себе в лесу хижину и пребывал в ней, трудясь днями и проводя ночи в молитве.

Но преподобного не оставляла прежняя мысль посетить всех отшельников острова, безвестных тружеников и рабов Божиих, скрывавшихся от человеческих взоров в лесных дебрях. Помолясь Господу и Соловецким чудотворцам об исполнении своего заветного желания, преподобный Диодор начал обходить пустыню. И не презрел Господь молитвы

угодника Своего, сподобил его видеть многочисленных отшельников – иноков и мирян, которые тогда спасались на Анзерском и Соловецких островах. Желая облегчить их подвиг, преподобный начал часто приходить в монастырь и приносить им оттуда пропитание. Погребал скончавшихся.

Однажды зимою пошел он в пустыню и встретился с отшельником Никифором, мирянином родом из Новгорода. Отшельник был совершенно нагой. Обратившись к преподобному, он сказал: «Посещай, посещай, Диодор, чтобы и самого тебя посетил Бог».

И побежал. Преподобному хотелось побеседовать с пустынником, но он не мог догнать его.

В другой раз преподобный Диодор посетил еще более совершенного отшельника, удостоился беседы с ним и узнал, кто он такой. Его имя было Тимофей, родом из города Алексина. Он ушел в пустыню в Смутное время, в царствование Расстриги (так называли первого Лжедмитрия, которого считали расстриженным чернецом Григорием Отрепьевым; царствовал он с 1605 по 1606 гг.), видя мятеж и расстройство в Московском государстве. В малой ладье приехал Тимофей к острову, достиг пустыни и, построив себе хижину, водворился в ней. Пустынник три года терпел тяжкие искушения и голод, пока явившийся светообразный старец не указал ему траву, которой он должен питаться, и воду, которую должен пить. Одушевленный рассказом пустынножителя, преподобный Диодор решил окончательно поселиться в пустыне в сожитии с Никифором и Тимофеем.

«Раб Христов, – сказал преподобный Тимофею – моли Бога, чтобы и меня сподобил Он сожительства с вами, чтобы укрепил наше сожительство, помог нести мне этот труднейший подвиг для спасения моей души».

Теперь преподобный стал часто ходить к обоим отшельникам, приносил им все необходимое, молил и увещевал продолжать высокий подвиг их, утешал в скорбях, сам обещался до смерти хранить обет иночества и неисходно пребывать в пустыне. Его пример нашел подражателей.

Но братия Соловецкого монастыря начали роптать на преподобного Диодора и говорили: «Он разоряет монастырь, а пустыни устраивает монастырским добром. Пустыни наполняет братьями, которых уводит из монастыря. Проживая в пустыне, они уже не трудятся для обители. Прельщаются и другие. Если теперь будем мы послаблять ему, то он соблазнит многих и немалый вред принесет монастырю».

В это время в пустыню преподобного Диодора ушел из монастыря больничный келарь Кирик. Оскорбились этим больничные братия и слезно просили своего игумена, преподобного Иринарха, чтобы он велел отыскать Кирика в пустыне у отшельника Диодора. «Кирик опечалил нас своим отшествием, – говорили они игумену, – потому что никто не умел так покоить нас, как он. Скорбим мы теперь».

Слыша их жалобу, игумен и вся братия Соловецкая сильно разгневались на преподобного Диодора. Послали на остров некоторых из братий, стрельцов и монастырских работников, чтобы разыскать преподобного и других отшельников. Их нашли, схватили и привели в монастырь как преступников; келлии их разорили. Преподобного же Диодора, как виновника всему, как главного злодея, привели связанного. Всем пустынникам было приказано жить в монастыре, а преподобного заковали в железо и бросили в больницу. Здесь он пробыл пять с половиной месяцев в строгом заключении, не имея возможности выйти ни в церковь, ни к братии. Освободившись по Божией милости от уз, преподобный тайно покинул монастырь уже навсегда и ушел в прежнюю свою пустыню. Все келлии и жилища пустынников были разорены; видел это преподобный, скорбел и молился со слезами: «Милостивый Господи, Владыко Человеколюбче! Если угодно Тебе это, да будет воля Твоя!»

Долго и усердно искали преподобного Диодора братия Соловецкого монастыря, но не нашли, так как Господь покрыл раба Своего. Шесть месяцев прожил преподобный в пустыни и непрестанно молил Господа и Соловецких угодников, чтобы найти ему более удобное и безопасное место для безмолвия. Один только, кажется, человек из Соловецкой братии знал место пустынного уединения преподобного Диодора – родной

брат его, который иногда и посещал пустынника. Раз пришел он к келлии брата-отшельника; не получив ответа на свое молитвенное приветствие, он вошел внутрь келлии и увидел преподобного без чувств лежащим на земле, сильно распухшим. Подвижник объяснил брату, что избит бесами.

После того преподобный Диодор решил уйти для подвигов на другое место. Он переехал на лодке море и, выйдя на берег в устье реки Онеги, возблагодарил Господа, помогшего ему безопасно переплыть морскую пучину. Оттуда он поплыл вверх по реке, ища места для поселения. Преподобному понравилось пустынное место по речке Кене не доходя Кенозера, и он решил там поселиться: сотворив молитву, поставил крест, срубил келлию и предался обычным подвигам, прилагая труды к трудам, принося Господу благовонное кадило молитв своих. Но ревностного отшельника и здесь ждали испытания. Около того места крестьяне ловили зверей. Встретив преподобного, они избили его, сожгли келлию и лодку; надругаясь над старцем, таскали его за ноги и оставили еле живым. При этом они кричали подвижнику: «Зачем поселился ты здесь? Уж не хочешь ли поставить монастырь? Не задумал ли отнять насильно наши угодья и рыбную ловлю? Если не уйдешь отсюда, убьем тебя».

Преподобный ушел оттуда, молясь Господу за своих обидчиков. Придя к реке Онеге, подвижник стал под берегом на обычную молитву, а в это время ехал к реке богатый московский купец Надея Светечников. Увидев старца, он поклонился ему и спросил, откуда и кто он. «Нищий я и скитаюсь», – смиренно отвечал подвижник.

На настойчивые расспросы купца преподобный Диодор рассказал ему о своих заключениях. Купец разгневался на крестьян, пожалел невинно обиженного подвижника и сказал ему: «Я донесу обо всем царю, и он отмстит твоим обидчикам».

Но старец не желал этого и молил своего защитника: «Нет, господин мой, не делай этого, не доноси царю».

Купец обещал исполнить волю кроткого старца, но, придя в Кенозерское село, рассказал местному судье о поселянах, избивших святого, и грозил донести на них. Виновные испугались; они разыскали подвижника и, припадая к его ногам,

умоляли вернуться на прежнее место, соглашаясь устроить ему келлию и всячески покоить его.

Но преподобный Диодор удалился от них к Заводлому озеру и нашел там пустынное место – гору Юрьеву при Юрьевом озере. Место это отличалось красотой и показалось преподобному удобным для отшельничества. И возрадовался пустынный, возблагодарил Господа, водрузил крест, построил келлию и предался подвигам пустыни: трудам и молитве. Семь лет подвизался здесь преподобный Диодор совершенно один. После того пришел к нему некий инок Прохор. Он увидел труды преподобного, удивился его вышестественному житию и остался его сожителем.

Много раз пустынники слышали звон на месте том, слышали его и приходившие сюда мирские люди и рассказывали об этом святому старцу. Преподобный же прославлял Господа. И вот однажды явился ему светолепный муж и сказал: «Богу угодно, чтобы на месте этом был храм во имя Живоначальной Троицы, другой – во имя Пречистой Богородицы, честного и славного Ее Введения, третий – во имя преподобных Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев; соберутся сюда братия, и общежитие умножится».

Но пустынный не помышлял о создании монастыря, поэтому не придавал видению особенного значения. Когда видение повторилось и повторилось вместе с тем небесное повеление, преподобный Диодор стал советоваться с Прохором и говорил своему сожителю: «Я недоумеваю, как могу устроить общежительный монастырь с тремя храмами, когда не имею ни одной медницы».

Когда так смущался и размышлял пустынный, в следующую ночь явился ему в третий раз светолепный муж и сказал: «Что ты помышляешь в сердце своем и недоумеваешь? Ты беспокоишься, что ничего не имеешь? Но пойми, что судьбы Божии неиспытанны и *вся возможна суть у Бога (Мк. 10, 27; Мф. 19, 26)*; не думай теперь ни о чем».

Далее явившийся посылает преподобного в Москву, к келарю Троицкой лавры, велит рассказать ему все происшедшее и обещает, что келарь будет строить это место,

что найдутся и другие строители монастыря. «Ты же не преслушайся, – говорил явившийся муж преподобному, – и не наводи на себя гнева Божия».

И стал невидим.

Тою же ночью преподобный решил идти на Москву. Он сказал Прохору о своем решении, просил его потерпеть на этом месте его возвращения и с молитвой отправился в дальний путь.

Пришел преподобный Диодор в Троице-Сергиеву лавру, помолился у мощей Сергия и Никона, Радонежских чудотворцев, но келаря Александра Булатникова в лавре он не застал: в то время келарь был в Москве. Преподобный поспешил в Москву, молился перед ее святынями и разыскал келаря Александра. Келарь рассказал о пришедшем из Поморского края пустыннике благочестивой матери царя Михаила Феодоровича инокине Марфе. Она призвала преподобного к себе, расспрашивала его о пустынной жизни, о месте подвигов, о видении, которого удостоился, дала ему церковные сосуды, образа, книги, ризы, колокола и двести рублей денег на устройство церквей и монастыря. Обещалась жертвовать и на будущее время, приказала старцу приходить к ней и напоминать о разных нуждах пустынной его обители. Она повелела преподобному с усердием устроить монастырь свой и сказала о пустыннике своему сыну, царю Михаилу Феодоровичу. Царь дал ему грамоту. Келарь Александр также снабдил преподобного книгами, ризами, колоколами и деньгами. Купец Надея Светечников пожертвовал ему два колокола и книги. Жертвовали и другие христолюбцы и надавали подвижнику 300 рублей.

Из Москвы преподобный Диодор пошел в Великий Новгород, к митрополиту Киприану, своему епархиальному владыке, чтобы просить его дозволения на устройство монастыря. Келарь Александр дал преподобному письмо к митрополиту с просьбой оказать покровительство подвижнику. И Новгородский владыка принял его очень ласково, поместил у себя, расспрашивал и полюбил святого старца. С радостью дал митрополит Киприан благословенную грамоту на построение

монастыря, антиминс на освящение церкви, денег, разных припасов на путь, дал ему жалованную грамоту, которой освобождал монастырь от податей, и священника, который был должен совершать богослужение в новоустроенной обители. Отпуская подвижника, митрополит обещал ему покровительство и помощь и на будущее время.

Радостно шел преподобный Диодор в свою желанную пустыню, размышляя и удивляясь тому, как это, ранее ничего не имея, он получил все нужное для устройства храмов и монастыря. Еще более возрадовался, увидев своими глазами дорогую пустыню, убогую келлию и сожителя своего Прохора, который дождался здесь возвращения подвижника.

Преподобный начал трудиться над созданием обители. Прежде всего он обратился к Господу с усердной молитвой показать ему то место, где должен быть устроен главный храм монастыря, и удостоился видения. Он видел, что с неба сошел превеликий крест и стал на горе; около креста вилось множество воронов, которые спустились потом на гору и разошлись по деревьям. И услышал он голос, говорящий: «На сем месте да воздвигнется храм Пресвятой Троицы. А сколько видишь здесь птиц, столько сойдется сюда иноков, и на сем месте прославится имя Божие».

Преподобный поведал Прохору о видении, и они прославили Бога. Потом подрядили плотников и работников рубить лес на церковное здание. Когда лес был готов, приступили к постройке деревянного храма во имя Живоначальной Троицы. В прежнее время на Юрьевой горе было языческое кладбище, ложным богам приносились там жертвы, и место это было нечисто. Когда начали строить храм, гора тряслась, слышны были в ней крики. Плотники испугались и хотели оставить работу. Тогда святой совершил на горе молебное пение, окропил место святою водою, и бесы с шумом и криками бежали в Юрьево озеро, потом исчезли в лесу. Поставив храм во имя Живоначальной Троицы, приступили к постройке Введенского храма и придела во имя Соловецких чудотворцев. Устроили келлии, монастырь обнесли оградой.

Иерей, приведенный преподобным Диодором из Новгорода, совершал богослужение в главном храме.

Братии в новоустроенной обители первое время было всего трое: преподобный Диодор, его сожитель Прохор и священник, пришедший из Новгорода. Но потом один по одному начали сходиться к ним миряне, постригались в иноческий образ и трудились в пустынной обители со смирением и послушанием. Сам преподобный прилежно и с любовью трудился для братии в хлебне и в поварне, мыл братские свиты и заботился о братии, как отец о детях. Новоначальных братий он утешал и поучал трудиться, подвизаться и избегать празднословия, которым враг часто прельщает иноков.

Раз, стоя на молитве, преподобный видел как бы медный столб от земли до неба; у столба того висели крючья и по ним поднимаются многие иноки: одни по крючьям и столбу восходят до небес, небеса отверзаются, великий свет обвивает пришедших, и небеса затворяются снова; другие поднимаются лишь до половины столба и падают на землю, чтобы снова начать восхождение. Видение означало трудность и высоту иноческого подвига.

Когда в монастырь Живоначальной Троицы собралось много братии, почувствовался недостаток в хлебе и других предметах пропитания. И неоткуда было получить их обители: место ее далеко отстояло от мирских сел; а в летнее время по причине окружающих болот к ней не было и дороги; только с большим трудом и по крайней нужде проходил кто-нибудь до обители. Настал голод, и братия начали роптать на преподобного Диодора. «Неразумно истратил ты все средства на постройки: в одно время выстроил три храма, поставил келлии, оградил монастырь. А теперь нам нечем питаться. Лучше бы ты поставил сначала один храм, а другой после. Не можем переносить мы голода и завтра же утром все разойдемся, кто куда хочет». Старец утешал их и говорил: «Потерпите, братия. Бог нас не оставит, ибо может пропитать нас».

Но братия не переставали роптать. Святой стал на молитву и просил Господа не оставить уповающих на Него. Тогда явился ему светолепный муж и сказал: «Не малодушествуй, укрепляй

братию и вспомни, сколько душ пропитал Господь в пустыне: неужели же вас немногих не может Он пропитать? Трудитесь и благодарите Бога, ловите на озерах рыбу».

Явление это повторилось два раза. Но преподобный не верил своим видениям и считал их бесовским наваждением. Увидев светлеющего старца в третий раз, он испытывал его, заставляя читать молитву. Явившийся прочел «Достойно есть», и лицо его озарилось неземным светом. Преподобный упал к ногам чудного старца и вопрошал его: «Кто ты, господин мой, и почему имеешь такое попечение о месте этом и о братии – о нас, грешных? Сладкий свет осияло сердце мое в твоём присутствии». «Я постриженник Кириллова монастыря, игумен Ошевенского монастыря. Имя мое Александр (память 20 апреля/3 мая). Не скорби, Диодор, укрепляй братию. Возложите упование на Бога, работайте Ему со страхом, и пропитает вас».

Затем чудотворец напомнил свои слова, сказанные в прежние явления, предсказал умножение братии в обители и стал невидим. Преподобный Диодор прославил Бога и угодника Его, преподобного Александра, и умолил братию идти на озеро и ловить рыбу. Братия пошли на ловлю и поймали множество рыб. Потом продали их за 60 рублей и купили хлеба и всего потребного.

В другой раз во время голода сподвижник преподобного Прохор услышал глас от образа Пресвятой Богородицы, перед которым молился: «Не скорбите, но имейте любовь между собою и трудитесь. Бог не оставит вас, но пропитает на месте сем. Идите на озеро и ловите рыбу».

И снова братия наловили множество рыбы.

Случилось и еще раз голодать Юрьегорской братии. Иноки роптали на преподобного, а он, кроткий душой, утешал братию, призывал надеяться только на Бога, Который не заставит терпеть выше сил и будет милостив. Братия успокоились и, вышедши после за монастырь по делу, они увидели лежащей черную лисицу, взяли ее и, продав за восемь рублей, купили пищи.

До этого времени у монастыря не было своей пахотной земли и своего хлеба, потому часто и приходилось братии

голодать. Теперь, когда монастырь увеличился, братия умножились, преподобный и сподвижники решили завести свои пашни. Они рубили лес и распахивали землю.

Но преподобному готовились новые тяжкие испытания. В то время прислан был патриархом Всероссийским Филаретом (1619–1633) в Юрьегорский монастырь опальный старец Феодосий. Пожив недолго в обители, он замыслил зло на преподобного Диодора – решил убить его. Улучив время, злодей зазвал подвижника в лес и там исполнил свой замысел: повалил старца на землю, бил его без милости и давил за горло. Потом потащил бесчувственного подвижника под лежащее дерево и накрыл им, думая, что он умер. Но благодать Божия помогла преподобному: он пришел в себя и с великим трудом добрал до своей келлии. Увидел его Феодосий и обмер от страха, потом пришел в келлию подвижника, пал ему в ноги и со слезами просил у него прощения, умоляя не рассказывать о происшедшем. Кроткий подвижник простил преступника, не разгневался даже на него и только заметил: «Бог да простит тебе, чадо, ибо не твое это дело, но бесовское».

Он обещал Феодосию от всех скрыть его преступление и стал любить его более прежнего. Но злодея нисколько не тронуло незлобие святого и ничуть не исправило.

Прошло немного времени, и Феодосий начал возмущать против преподобного Диодора новоначальных иноков, уговаривал их уйти из монастыря. Один раз братия рубили лес. Был с ними и Феодосий. Он вырезал топором на дереве подобие лица преподобного Диодора, подписал его имя и начал бить изображение плетью. Все смеялись на это. Феодосий продолжал возмущать новоначальную братию и прельстил 17 человек бежать из монастыря. Сговорившись, они ограбили монастырскую казну, взяли из имущества обители столько, сколько могли унести с собою, и, оскорбив преподобного, ушли. Но святой старец не огорчился лишением монастырских достатков, он даже радовался уходу недостойных братьев, которые соблазняли своим неповиновением других. Уповав на одного Бога, он благодарил Его за все скорби. Много обид принял преподобный Диодор и от других неразумных людей и

всегда терпел безропотно, молясь за своих оскорбителей, направляя их ко спасению и приводя в любовь тайными обличениями и уговорами. Часто он уединялся от братии и безмолвствовал, молясь Господу день и ночь.

Но приближалась уже блаженная кончина угодника Божия. По монастырским делам нужно было преподобному ехать в город Каргополь. Перед отъездом позвал он к себе священноинока Иоасафа и старца Прохора, первого сожителя своего, и поручил им управление обителью, убеждая с радением и без послаблений держать монастырь. Прохору он открыл о своей скорой смерти. «Уже не увидимся мы с тобою, – говорил преподобный своему пустынному сподвижнику. – Если Богу угодно, встретимся в будущем мире».

Приехав в Каргополь, преподобный Диодор скоро заболел и после непродолжительной болезни, напутствуемый приобщением Святых Таин, с миром преставился в 27-й день ноября 1633 года. Тело его было погребено при приходской церкви того священника, который его напутствовал перед смертью. Но недолго трудолюбному телу подвижника пришлось лежать вдали от его обители. Через два месяца после кончины преподобного пришел в Каргополь Прохор и взял его нетленное тело. Привезя мощи угодника Божия в Юрьегорский монастырь, Прохор похоронил его близ церкви Живоначальной Троицы на южной стороне.

Преподобный Диодор оставил своей обители письменное завещание через того каргопольского священника, который напутствовал святого в загробную жизнь. Подвижник заповедует братии и закликает ее: «Чтобы и не слышно было о хмельном питии в монастыре у братии, но трезво веселитесь в духовном житии. Если же кто, одержимый бесстрашием и презрев сию мою заповедь и писание, начнет носить в монастырь вино и предаваться пьянству, тот будет судиться со мною перед грозным и нелицеприятным Судиею, Господом нашим Иисусом Христом».

Господь прославил преподобного Диодора дарами благодати Своей – прозорливости и чудес.

Однажды подвижник ездил в Великий Новгород для сбора подаяний на обитель и, возвращаясь оттуда, остановился в деревне Андомской (близ Онежского озера), у одного христороубца Иоанна, имевшего дочь девицу, которая перед тем была просватана. Беседуя с преподобным, Иоанн сказал: «Отче святой! Я хочу дочь свою отдать замуж». Помолчав немного, подвижник заметил: «Раб Божий! Подожди недолго и, как будет угодно Богу о ней, так и поступи».

На следующий день преподобный отправился в свою обитель, а дочь Иоанна через сорок дней после этого умерла девицей.

Другое чудо случилось после кончины преподобного Диодора. Юноша Андрей, живший в Юрьегорской обители, был неумерен в пище и питии и согрешал блудом. Не хотя смерти грешника, Господь наказал Андрея слепотою. Он искал у людей себе помощи, но не находил. Тогда пришел ко гробу преподобного, горячо молился об исцелении, утирал свои слепые глаза покровом с гроба и клобуком преподобного, и тотчас прозрел. Это произошло в 1656 г. Но скоро забыл Андрей милость угодника Божия и предался мыслию своею прежнему греху, тогда явился ему во сне преподобный и с запрещением говорил: «Не согрешай, не согрешай, чтобы не захворать тебе прежнею болезнью».

Немного времени помнил Андрей предостережение угодника Божия, потом опять предался своему греху и даже впал в блуд. Напала тогда на него болезнь и страдал он ею, пока не покался настоятелю и не исправил своей жизни.

Раз у Андрея возникло желание уйти из обители. Но преподобный Диодор еще раз явился ему во сне и сказал: «Терпи на месте сем и хорошо тебе будет».

Вспомнил Андрей милости, явленные ему угодником Божиим, убоялся оставить обитель, с радостью обещался терпеть в ней, сколько будет угодно Господу, и принял монашеское пострижение.

Иаков, святитель, епископ Ростовский

Святитель Иаков, епископ Ростовский, родился в простой крестьянской семье в деревне Яковлево Ростовской области. Сердцеведец Господь избирает Своих служителей не по знатности рода, а за простоту сердца. Возлюбив Господа, в молодые годы он принял монашеский постриг в небольшой Коньрьской обители, расположенной в 48 верстах от Ростова, по другим источникам, Копырском на реке Ухтоме монастыре, в 80 верстах от Ростова. Долгое время он был игуменом этого монастыря, а в 1385 году поставлен епископом Ростовским при митрополите Пимене и великом князе Димитрии Донском. Однако недолго святитель Иаков возглавлял Ростовскую кафедру. Около 1389 года ростовская княгиня Феодора, осужденная за преступление на смерть, обратилась за помощью к святителю, умоляя спасти ее от казни. Святитель Иаков, следуя примеру Спасителя, велел бросить в нее первый камень тому, кто считал себя безгрешным. Князь, бояре и горожане, недовольные епископским судом, отменившим их приговор, изгнали святого архипастыря из города. Покинув Ростовский кремль, он, подошел к озеру Неро, разостлал на воде свою святительскую мантию и, осенив себя крестным знамением, поплыл на ней, как в лодке, управляемый благодатью Божией. Удалившись от города версты на полторы, святитель Иаков вышел на берег у места будущего монастыря. На берегу озера Неро он построил небольшую келлию для уединенных подвигов. Вскоре к нему за духовным советом стали приходить городские жители. Некоторые из них оставались со святителем. Для них угодник Божий построил келлию и деревянную церковь в честь Зачатия святой праведной Анны (празднование 9/22 декабря), так было положено основание Иаковлевскому монастырю. Ростовцы, осознавшие свое заблуждение, раскаялись перед святителем и просили его возвратиться на архипастырскую кафедру, но праведник не пожелал оставить своей уединенной обители.

27 ноября 1392 года он мирно отошел к Богу и был погребен у северной стены основанного им Зачатьевского храма. Празднование памяти святителя Иакова, епископа Ростовского, установлено определением Собора Русской Церкви в 1549 году.

Ноябрь 28

Феодор, архиепископ Ростовский, святитель

Святитель Феодор, первый архиепископ Ростовский – ученик и племянник преподобного Сергия Радонежского. Его родители – Стефан, старший брат преподобного Сергия, и Анна – были известны в Радонеже благочестием и глубокой верой. После ранней кончины супруги овдовевший Стефан продолжил воспитание двух сыновей, Климента и Иоанна (будущего святителя), и вскоре принял монашеский постриг в Хотьковском Покровском монастыре. Некоторое время он жил в пустынном уединении с братом своим, а потом – в Московском Богоявленском монастыре. Желая дать духовное воспитание своему младшему сыну Иоанну, он не нашел ничего лучше, как поручить его духовному попечению своего брата. И в двенадцатилетнем возрасте отец привел его к авве Сергию в дремучие леса Радонежские и в храме передал на воспитание великому подвижнику. Преподобный Сергий, провидя подвижническую жизнь отрока Иоанна, постриг его на четырнадцатом году от рождения в иноки 20 апреля и нарек ему имя в честь св. Феодора Трихины: тогда, – замечает летопись, – давали иноку имя того святого, чья память совершалась в день пострижения.

Под надзором великого дяди юный инок возрастал в чистоте и святости, недоступный для дуновения грешного мира. Он так настроен был прп. Сергием, что в душе его не было ничего сокровенного для его отца и; он не таил от него ни помыслов тревожных, ни дел греха ни днем, ни ночью. «Тако пребывающу ему у святого в совершенном послушании, житие добродетельное прохаждаше». Блаженный Феодор удостоился в пустыне Сергия и сана священства. Он так возрос в жизни духовной под руководством святого, что когда совершал он литургию с преподобным Сергием, чистые сердцем видели сослужившего им Ангела. Так он прожил в тихой обители Сергиевой более 22 лет и между прочим обучился иконописному искусству.

Когда стало появляться желание основать особую общежительную обитель, он открыл это желание святому и потом по временам напоминал ему о не оставляющем его помысле. Преподобный сказал ему, что желал бы иметь его преемником своим в обители Святой Троицы, но, считая твердый помысл его делом Божиим, благословил избрать место для новой обители. Блаженный Феодор облюбывал местечко Симоново, находившееся на берегу Москвы-реки. Преподобный Сергей сам приходил осматривать избранное место и одобрил выбор ученика. Это было около 1370 года. По благословению святителя Алексия, митрополита Московского, святой Феодор построил церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

С самого начала обители привлекала в нее многих слава Феодора, которых, как сосуд, прекрасно устроенный зиждущим духом Сергия, сиял, по выражению летописи, добродетелями, премудростью и рассудительным смыслом и при том привлекательной наружностью, высоким ростом и красотой. Известность его росла до того, что св. Сергей скорбел за эту известность и молился, чтобы без преткновения совершил он течение свое.

Обитель Рождественская была у большой дороги, от которой немало прибавлялось шума для иноков. Уклоняясь от молвы людской и от посетителей, св. Феодор перешел на другое место, тогда лесное и тихое, построил себе келлию в пяти верстах от Московского Кремля и стал подвизаться безмолвно в новых трудах. Но скоро и сюда собрались к нему ученики. Преподобный Сергей, посетив это место, благословил основание монастыря, а митрополит Алексей благословил выстроить церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы в Новом Симонове, которая и была заложена в 1370 году. Преподобный Сергей и теперь желал, чтобы Феодор пребывал в безмолвной молитве и уединении. Великий отец иноков почитал обитель Симоновскую, родственною о Христе своей Радонежской обители, и когда потребность и польза вызывали его в Москву, он приходил прямо в Симонов монастырь, где для него устроена была даже особая келлия. А старый Симонов монастырь остался усыпальницей иноков. Здесь в 1380 году в

храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы были погребены герои Куликовской битвы схимонахи Александр и Андрей. Новый монастырь стал называться Симоновым.

Своей добродетельной жизнью и строгим подвижничеством святой Феодор приобрел известность в Москве. Святой митрополит Алексей возвел его в сан игумена, а великий князь Димитрий Донской избрал его своим духовником. В 1381 году Феодор крестил у великого князя сына Андрея.

Святой Феодор был доверенным лицом великого князя, который часто поручал ему важные церковные и государственные дела. Так, в 1381 году князь Димитрий посылал святого Феодора в Киев в качестве посланника для приглашения святителя Киприана († 1385, память 16/29 сентября) на Московскую кафедру; в 1383 году с важным церковным поручением он был направлен в Константинополь к патриарху Нилу (1378–1388), где первосвятитель возвел святого Феодора в сан архимандрита, а его монастырю даровал степень патриаршей ставропигии.

Будучи игуменом и архимандритом Симонова монастыря и несмотря на занятость общецерковными делами, святитель Феодор неослабно руководил монастырской жизнью и среди учеников своих воспитал много великих и славных подвижников. В Симоновом монастыре приняли постриг иноки Кирилл и Ферапонт, будущие основатели двух известных Белозерских монастырей – Кириллова и Ферапонтова.

В 1388 году святой Феодор вновь прибыл в Константинополь по делам Русской Церкви и возвратился в Россию в сане архиепископа Ростовского. В течение непродолжительного управления Ростовской епархией святитель Феодор основал в Ростове женский монастырь в честь Рождества Богородицы и не прекращал управления им до блаженной кончины. Устройство этого первого женского монастыря зависело от некоторого видения: в тропаре св. Феодору сказано, что он «извещением Святаго Духа обитель воздвиже». Так думать заставляет еще одна, сохранившаяся в сей обители, древняя икона, писанная, по преданию, самим святым Феодором. На ней изображена Божия Матерь с

Предвечным Младенцем, благословляющим молящихся Ей преподобных отцов Феодосия и Антония Печерских и Стефана Нового, святителей Игнатия Ростовского и Никиту Новгородского, преподобных матерей Афанасию, Марфу, Февронию, Феодору и Ксению. Внизу этой иконы написано: «Сие изображение образа Пресвятой Богородицы написано по виденному явлению молящемуся святителю Феодору, архиепископу Ростовскому, чудотворцу, коим основана ваша богоспасаемая обитель во имя Рождества Богородицы». Святитель Феодор, занимаясь иконописью, украсил иконами своего письма Симоновскую обитель и многие московские церкви. В «Сказании о святых иконописцах» говорится: «Святой Феодор, племянник святого Сергия, писал многие святые иконы, когда был архимандритом в Симоновом монастыре на Москве; и образ написал дяди своего преподобного Сергия чудотворца. И здесь на Москве обретаются его письма иконы, Деисус на Болвановке у Николая святого».

После пятилетнего управления епархией наступила блаженная кончина святителя 28 ноября 1394 года, и вскоре он был прославлен в лике святых. Мощи его находятся в Ростовском Успенском соборе.

Ноябрь 29

Авив, священномученик, епископ Некресский

Священномученик Авив, епископ Некресский – один из тридцати святых сирийских (каппадокийских) отцов, основателей грузинского монашества, пришедших в Грузию в VI веке (сведения о них помещены под 7/20 мая). По благословению католикоса, архиепископа Грузии Евлавия (552–560), поселились они над рекой Арагвой на Заден (Зедазени).

Слава о подвигах святых 13 сирийских отцов возросла в народе так, что католикос предложил собору епископов избрать на свободные кафедры некоторых из этих подвижников. При затруднении, кого именно выбрать, так как все были одинаково достойны епископского сана, положили взойти на гору Заден, где жили подвижники, и избрать тех, которые там будут в это время совершать Божественную литургию. И таковыми оказались пресвитер Авив и диакон Иессей (память 2/15 декабря). По окончании литургии Евлавий взял правой рукой Авива, а левой – Иессея, поцеловал их и сказал: «Радуйся, Авив, епископ Некресский! Радуйся, Иессей, епископ Цилканский!» – и затем оба были хиротонисаны в Мцхете. Святой Авив, по прибытии в свою епархию, в виду г. Некресси, на высокой горе построил церковь в честь Рождества Спасителя.

Печально было тогда положение всей Грузии. Персы, захватившие в это время Кахетию (Восточная Грузия), повсеместно насаждали огнепоклонство. Епископ Авив, исполнившись апостольской ревности, с крестом в руках ходил по городам и селам своей епархии и истреблял везде грубые суеверия, туша огни в капищах зороастрийцев. Дидойцы и другие горцы Кахетии, жившие на левому берегу реки Алазани, отреклись от огнеслужения и вошли через покаяние в лоно Церкви Христовой. Святитель Авив обратил в христианство и многих персов.

Персидский сатрап, живший в городе Рехи, обеспокоенный успешной проповедью святителя, приказал связать его и доставить к нему. Как повествует Имеретино-Абхазский

католикос Арсений Великий († 1390), автор описания мученичества святого Авива, святитель по дороге в Рехи получил письмо и жезл от своего друга святого Симеона Столпника Дивногорца (память 24 мая/6 июня), а также простился со своими сподвижниками – святым Зеноном Икалтским и святым Шио Мгвимским (сведения о них помещены под 7/20 и 9/22 мая).

Представ перед персидским сатрапом, святитель Авив отказался принять зороастризм, обличая его в идолопоклонстве и твердо исповедуя перед ним Бога Христа. По приказанию сатрапа святителя Авива подвергли бичеванию и страшным пыткам, после чего он мученически скончался, избитый камнями в селении Рехи, близ Гори. Тело святого Авива бросили на съедение диким зверям, но ни звери, ни птицы, ни тление не коснулись святых мощей. Братия Самтавийской обители с честью погребли их в своей обители.

Мощи святого, прославленные исцелениями, были позднее, при правителе Картли Степанозе (639–663), по желанию католикоса Фавора перенесены из Самтавийской обители в Мцхетский Самтаврский собор и положены под престолом, где почивали под спудом.

Празднование св. Авиву было установлено 29 ноября в 1700 году при царе Вахтанге IX, хотя память священномученика читалась и прежде в Грузии. Церковь близ Некресси, построенная св. Авивом, находилась в ведении диких лезгин, и только однажды в год, в праздник Рождества Христова, христиане могли посещать ее. Накануне праздника окрестные жители с оружием в руках и с бубнами поднимались на высокую гору Некресскую, чтобы встретить праздник. Клир стоял у дверей опустелого храма, окроплял каждого святой водой. Народ спешил в церковь приложиться к изображению святого Авива. На самый праздник, рано утром, совершалась в ней утренняя и литургия, после чего бывало братское пиршество и гулянье. К вечеру гора пустела до нового Вифлеемского торжества.

30 ноября/13 декабря совершается память **святого благоверного царя Грузинского Вахтанга Горгосали** († 502 г.).

Нектарий Печерский, в Ближних Пещерах почивающий

Преподобный Нектарий Печерский, инок Киево-Печерского монастыря, подвизался в XII веке. За беспрекословное исполнение воли старшей братии и усердие в трудах он именовался «послушливым» (6-я песнь канона). Преподобный Нектарий погребен в Антониевой пещере.

Люди мира не хотят слышать о послушании: им дорога свобода безграничная. Как, казалось бы, не видеть необходимости послушания! В природе каждое звено ее сцеплено с другим и все держится повиновением низшего высшему. Владыка миров правит миром человеческим при посредстве мира ангельского, а мир вещественный отдан в распоряжение человека. Возможен ли порядок в семье, в общине, в городе, в государстве, если не будет послушания? Свобода, говорят, – неприкосновенная святыня! Но какая свобода? Истинная свобода состоит в повиновении святой воле Божией; другая же свобода – унижение человеку, бессмыслие и нечестие. «Послушание лучше жертвы. Непокорным быть – то же, что творить грех волхвования, и непослушным быть – то же, что совершать нечестие идолопоклонства» (1Цар. 15, 22–23). Таково учение откровения Божия!

Память преподобного Нектария совершается особо 29 ноября/12 декабря, также 28 сентября/11 октября и во 2-ю Неделю Великого поста.

Декабрь 2

Афанасий преподобный, Затворник Печерский, в Ближних пещерах почивающий

Преподобный Афанасий был простым и смиренным иноком, проводил богоугодную жизнь, за что исполнились на нем слова Спасителя: *Аз есмь Воскрешение и Жизнь, веруяй в Мя, аще и умрет, оживет* (Ин. 11, 25). По сообщению автора жития преподобного Симона, епископа Владимирского, после продолжительной тяжелой болезни преподобный Афанасий скончался и был положен во гроб. На третий день, когда игумен с братией пришли совершать погребение, нашли преподобного сидящим и плачущим. Ужаснувшись его воскресению, все стали спрашивать: «Как ты ожил? Что ты видел и слышал?» Он же на все вопросы отвечал только так: «Спасайтесь, имейте во всем послушание к игумену, кайтесь ежечасно, молитесь Господу нашему Иисусу Христу, Пречистой Его Матери и преподобным Антонию и Феодосию, чтобы окончить добре жизнь свою здесь. Более не спрашивайте».

После этого преподобный Афанасий прожил двенадцать лет в строгом затворе, питаясь только хлебом и водой, не видя солнечного света. Перед кончиной, собрав братию, он повторил ранее сказанные слова и мирно отошел ко Господу (ок. 1176 г.). Погребен был в Ближних пещерах преподобного Антония.

У мощей преподобного Афанасия получил исцеление инок Вавила, много лет страдавший болезнью ног. «Однажды лежал я, – рассказывал он братии, – и кричал от сильной боли. Внезапно вошел ко мне блаженный Афанасий и сказал: «Прииди ко мне, и я исцелю тебя». И стал невидим. Я попросил, чтобы принесли меня к его мощам. И вот, я исцелился». Предстательством его молящимся с верою у святых мощей преподобного Афанасия подается Господом истинное покаяние.

Память преподобного Афанасия совершается также 28 сентября/11 октября и во 2-ю неделю Великого поста.

Афанасий преподобный, затворник Печерский, в Дальних пещерах почивающий

Преподобный Афанасий Затворник, не желая видеть суеты и прелести мира сего, затворил себя в пещере, чтобы в безмолвии угодить Богу, и там непрестанно стоял на молитве. В «Сказании о житиях святых, в пещере преподобного Феодосия почивающих» говорится, что преподобному Афанасию не нужна была свечка в пещере: ему светила небесная светлость. Во многих трудах и подвигах духовных он предал дух свой Богу.

Господь прославил подвижника благодатным даром исцелений, которые православные христиане получают по молитвам преподобного Афанасия.

Имя его упоминается в 4-й песни общего канона преподобным Дальних пещер. Память святого Афанасия совершается также 28 августа/10 сентября и во 2-ю неделю Великого поста.

Исе (Иессея), епископ Цилканский, Грузинский, святитель

Преподобный Исе (Иессей), епископ Цилканский, родился в Антиохии Сирийской в благочестивой христианской семье. Еще отроком он почувствовал влечение к духовной жизни, а по достижении совершеннолетия, с благословения родителей, отправился в одну из антиохийских обителей, где подвизался тогда преподобный Иоанн Зедазнийский (сведения о нем помещены под 7/20 мая).

В числе 13 святых Сирийских (Каппадокийских) отцов (общая память 7/20 мая), избранных по жребию преподобным Иоанном Зедазнийским (так повелела Пресвятая Богородица), преподобный Исе пришел в Грузию. Здесь он вместе с другими святыми отцами учил народ и наставлял людей в благочестивой жизни, являя пример святости и исцеляя больных.

Слава о подвигах 13 святых Сирийских отцов возросла в народе так, что Католикос-архиепископ Грузии Евлавий (552–560) предложил собору епископов избрать на свободные кафедры некоторых из этих подвижников. При затруднении кого именно выбрать, так как все были одинаково достойны епископского сана, положили взойти на гору Заден, где жили подвижники, и избрать тех, которые там будут в это время совершать Божественную литургию. Таким образом стали епископами иеромонах Авив (сведения о нем помещены под 29 ноября/12 декабря) и иеродиакон Исе, назначенный на Цилканскую кафедру. Прибыв в свою епархию, святитель Исе был поражен обилием языческих обрядов, обычаев и суеверий. Он ревностно занялся восстановлением благочестия, неутомимо проповедуя и часто совершая богослужения. Труды его дали всходы: в Цилканской епархии утвердилось православное благочестие, а с ним утвердилось и Церковь Христова. Продолжая свои аскетические подвиги, святитель Исе стяжал великие дары молитвы и чудотворений. По его молитве, именем Господа Иисуса Христа, из реки Ксани отделилась струя воды, которая, следуя движению святительского жезла,

образовала русло канала и протянулась до храма Пресвятой Богородицы (близ Цилкани).

Благоустроив свою епархию, святитель Исе отправился с проповедью слова Божия к осетинам и другим горским народностям главного Кавказского хребта. Он обходил ущелья и скалы с Евангелием и крестом в руках, повсюду утверждая богооткровенное учение.

О близости кончины святитель Исе узнал по откровению свыше. Собрав свою паству и клир, он преподавал духовное наставление, приобщился Святых Таин и с воздетыми к небу руками предал свою душу Господу. Это произошло в конце VI века (точно известен день кончины святителя – 18 августа). Честные мощи святого Исе, прославленные исцелением уже во время погребения его, были преданы земле в храме Пресвятой Богородицы в Цилкани между алтарем и жертвенником. Церковь причислила святителя Исе к лику святых и установила праздновать его память 2/15 декабря.

Декабрь 3

Савва Сторожевский, Звенигородский чудотворец, преподобный

Прп. Савва Звенигородский был одним из учеников прп. Сергия, Радонежского чудотворца. От юности возлюбив чистое и целомудренное житие и отвергши суетные прелести мира, Савва пришел в пустыню к прп. Сергию и принял от него иноческий постриг. Руководимый своим богоносным наставником, он пребывал в совершенном послушании ему, навывая в Троицкой обители порядкам иноческого жития. Жизнь свою прп. Савва проводил в строгом воздержании и непрестанном бдении, заботясь о соблюдении чистоты душевной и телесной, которая есть украшение иноческого жития. Прежде всех приходил преподобный в церковь на Божественную службу и после всех выходил из нее. Со страхом Божиим стоял он в храме на молитве, в умилении не мог удерживаться от сильного плача и рыдания, так что удивлял всех инок обители. Непрестанно упражнялся он в церковном пении и чтении, а в свободное от молитвы и церковных служб время занимался каким-либо рукоделием, боясь праздности – матери пороков. Подвижник любил безмолвие и избегал бесед с другими. Поэтому он казался всем простецом, ничего не знавшим, а на деле превосходил мудростью своей многих, считающих себя разумными. Он искал не показной человеческой мудрости, а высшей, духовной, в которой и преуспевал. Прп. Сергей лучше других видел успехи прп. Саввы в духовной жизни и поставил его духовником всей братии монастыря.

В те времена благоверный князь московский Димитрий Иоаннович одержал победу над неверным ханом татарским Мамаем и его полчищами. Возвратившись с радостью в Москву, великий князь немедленно пришел к преподобному Сергию в обитель – помолиться и принять от него благословение. При этом князь обратился к святому старцу с такими словами: «Святче Божий! Когда я хотел выступить против неверных магометан, то обещался построить монастырь во имя Пресвятой

Богородицы и устроить в нем общежитие. И вот теперь, честный отче, с помощью Всесильного Бога и Пречистой Богородицы и твоими молитвами, желание наше исполнилось, супостаты наши побеждены. Посему молю твое преподобие: всячески постарайся, Господа ради, чтобы обет наш был вскоре исполнен».

Князь отправился в Москву, а прп. Сергей с усердием стал исполнять его просьбу. Он обошел много пустынных мест, изыскивая, где бы удобнее устроить монастырь. Пришедши на реку, называемую Дубенкой, он нашел там место, которое ему весьма понравилось. Там прп. Сергей и создал церковь, а при ней монастырь во имя Пресвятой Богородицы, честного Ее Успения. Вскоре пришли сюда некоторые из братии. Преподобный с радостью принял их и затем учредил здесь общежитие. Настоятелем сего монастыря прп. Сергей выбрал из учеников своих блаженного Савву, считая его вполне способным к самостоятельному руководству братией. Помолившись о нем, великий подвижник благословил его и сказал: «Бог да поможет тебе, чадо, да подаст тебе усердие и силу и да руководит тобою на все благое и полезное».

Приняв благословение от святого старца, прп. Савва начал управлять Дубенским монастырем. Житие он проводил здесь чистое, равноангельское; удручал себя постом и бдением, питался лишь пустынными растениями, отказываясь от всякой сытной и вкусной пищи; никогда не носил мягких одежд. Часто проливал он сердечные слезы, сокрушаясь о грехах своих, и предавался самым строгим монашеским подвигам.

Между тем братия обители начали умножаться. Преподобный Савва с любовью наставлял их и служил каждому со смирением и кротостью. Так прожил преподобный в Дубенском монастыре более 10 лет.

25 сентября 1392 года преподобный Сергей преставился ко Господу. Готовясь к исходу из земной жизни, еще за полгода до кончины своей он вручил управление великой лавры ближайшему своему ученику прп. Никону. Но Никон по преставлении прп. Сергия сначала недолго настоятельствовал над лаврой; желая пребывать в совершенном безмолвии, он

вскоре затворился в особой келлии. Троицкие братья после долгих молений возвели на игуменство прп. Савву Дубенского. Приняв на себя игуменство в Троице-Сергиевой лавре, прп. Савва благоуспешно управлял порученным ему стадом, вспомоществуемый молитвами великого отца своего духовного и основателя лавры – прп. Сергия. Древнее предание относит ко времени начальствования прп. Саввы в лавре чудесное изведение его молитвами водного источника за стенами обители, к северу, в то время как монастырь нуждался в воде. По прошествии шести лет прп. Савва, ища безмолвия, оставил управление обителью, после чего братья Сергиевой лавры вновь возвели на игуменство прп. Никона. Прп. Савва остался подвизаться в Троицкой лавре.

Вскоре после этого в Троицкую обитель прибыл благоверный князь Георгий Димитриевич. Князь Георгий был связан духовными узами с Троицкой обителью. Прп. Сергей был его крестным отцом, прп. Савва – отцом духовным. Теперь он обратился к своему отцу духовному с просьбой посетить его дом и преподать благословение всем домашним. Упрощенный князем, прп. Савва отправился к нему, думая вскоре же возвратиться в Сергиеву обитель. Но христоробивый князь стал неотступно просить преподобного старца, чтобы он никогда не отлучался от него, но чтобы устроил монастырь в его вотчине, близ Звенигорода, и игуменствовал в нем. Видя доброе произволение князя, прп. Савва не отказался исполнить его просьбу. Он хотел искать подходящего места для устройства монастыря, но князь звенигородский уже заранее облюбовал и избрал такое место на горе Сторожевской, в полутора верстах от самого Звенигорода. Место это показалось преподобному как бы небесным раем, наполненным благовонными цветами. Молитвенно припав к честной иконе Пресвятой Богородицы, которую подвижник носил с собою, он со слезами воззвал к Заступнице: «Владычице мира, Пресвятая Богородице! На Тебя возлагаю надежду спасения моего. Не отрини меня, убогого раба Твоего, ибо Ты знаешь немощь души моей. И ныне, Владычице, призри на место сие и сохрани его безопасным от врагов. Буди мне наставницей и окормительницей моей до

самого конца жизни моей, ибо иной надежды, кроме Тебя, я не имею».

Так помолившись и возложив всю надежду на Богоматерь, прп. Савва поселился на том месте. В непродолжительном времени он построил здесь небольшую деревянную церковь во имя Пресвятой Богородицы, честного и славного Рождества Ее. Недалеко от нее он соорудил себе маленькую келлейку. От этого времени преподобный еще больше утруждал плоть свою постническими трудами и лишениями, подвизаясь в безмолвии. Скоро слух о его святой жизни привел к нему многих, искавших безмолвного жития, и преподобный всех принимал с любовью и был для них образцом смирения и иноческих трудов. Когда собралось довольно братии, прп. Савва, по образцу духовно воспитавшей его Троице-Сергиевой обители, устроил для них общежитие. В своих отношениях к братии он старался подражать своему великому учителю прп. Сергию, заветы которого хранил в сердце своем и соблюдал в своей подвижнической деятельности; свои распоряжения и приказания прп. Савва подкреплял собственным примером. Предание сохранило о нем рассказ, что он сам на своих перетруженных подвигами и возрастом плечах носил воду на крутую гору, к монастырю, и все потребное для себя старался делать сам, чтобы научить братию не лениться и не губить дней своих в праздности. Все это радовало благоверного князя Георгия; он имел к прп. Савве, духовному отцу своему, великую веру и весьма почитал его, покровительствовал новосозданной обители и щедро благодотворил ей. Благодатью Божией и молитвами прп. Саввы монастырь Сторожевский распространялся: братство увеличивалось пришельцами из соседних городов и селений, искавших духовной пользы и руководства в добродетелях. Как чадолюбивый отец, прп. Савва принимал всех с любовью и отечески непрестанно вразумлял их душеполезными поучениями. Они же, побеждаемые Божественной любовью, соблюдали заповеди своего наставника и приносили духовные плоды добродетели.

В 1399 году князь Георгий, по повелению брата своего великого князя московского Василия Димитриевича, должен был

идти войною против волжских болгар. Перед самым походом благочестивый князь пришел в Сторожевскую обитель испросить благословения на брань у своего духовного отца. Он просил прп. Савву помолиться Всемилоستивому Богу, да подаст ему силу на супротивных врагов. Святой помолился и, взяв честный крест, осенил им князя и при этом пророчески изрек: «Иди, благоверный княже, и Господь будет с тобою, помогая тебе. Врагов своих ты одолеешь и благодатью Божией здоровым возвратишься в свое отечество».

Приняв от святого старца благословение, князь Георгий Димитриевич собрал свои войска и пошел на болгар, покорил много городов и областей и с великой славой и победой возвратился в свою вотчину, как и пророчествовал преподобный старец.

По возвращении с победой князь Георгий Димитриевич поспешил к преподобному Савве благодарить его за благоуспешную молитву и помолиться в обители. После благодарственного молебна князь сказал подвижнику: «Великого молитвенника обрел я в тебе и крепкого помощника в бранях, ибо ясно вижу, что лишь твоими молитвами я победил врагов своих». Преподобный смиренно отвечал князю: «Благий и Милосердный Бог, видя твое благочестивое княжение и смирение сердца твоего и любовь, которую оказываешь ты убогим, даровал тебе такую победу над неверными, ибо ничем нельзя так приблизиться к Богу, как милосердием к нищим. И если до конца пребудешь милостив к ним, то много доброго приобретешь в сей жизни и будешь наследником вечных благ».

Князь сделал щедрое пожертвование в монастырь и учредил трапезу братии. После того князь Георгий стал питать еще большую веру к прп. Савве.

Вслед за тем благодарный и благочестивый князь поспешил доказать свою благодарность еще яснее, с усердием доставляя обители преподобного Саввы различные пособия, дары и вклады. Вновь были устроены келлии для братии и обитель обнесена деревянной оградой. Но лучшим памятником трудов прп. Саввы и благотворительности князя Георгия Димитриевича остается существующий и поныне благолепный,

величественный, обширный каменный храм во имя Рождества Богородицы, построенный на месте прежнего бедного, неудобного и слишком малого деревянного храма. Приступая к его построению, благочестивый князь дал прп. Савве много золота, сел и имений. Делал благочестивый князь и другие богатые приношения в обитель отца своего духовного, перед святой, подвижнической жизнью которого благоговел.

Между тем смиренномудрый старец преуспевал в добродетелях и дарованиях духовных. Бодрствуя над другими, он еще более, непрестанно и неослабно, бодрствовал над собою. Монастырь его украшался, и имя прп. Саввы прославлялось везде вокруг, как и имя Сторожевской обители. Со всех сторон стекались к нему иноки, ища руководства в духовной жизни и монашеских подвигах. Миряне приходили к нему, прося наставлений и руководства. Опасаясь и бегая земной славы, прп. Савва ушел для подвигов за версту от монастыря и там, в глубоком овраге, под сенью густого леса, ископал себе тесную пещеру, где в совершенном уединении и безмолвии, в покаянии со слезами молился Господу. Молитву и богомыслие преподобный чередовал с рукоделием и невзирая на свои преклонные лета не переставал сам трудиться для обители: своими руками он выкопал колодезь под горою, который и поныне доставляет прекрасную воду для обители.

Так, со дня в день усовершаясь в духовной жизни, прп. Савва достиг наконец глубокой старости, никогда не изменив своего уставного правила и отвергшись однажды мира, о мирском и суетном уже более не заботился; никогда он не одевался в мягкие одежды и не искал телесного покоя, предпочитая тесный и прискорбный путь пространному. Нищету возлюбил он паче богатства, бесславие – паче земной славы и терпение скорбей – паче суетной радости. Наконец преподобный впал в предсмертную болезнь. Почувствовав приближение кончины, старец призвал к своему смертному ложу братию, поучал их довольно от Божественных Писаний, убеждал блюсти чистоту душевную и телесную, иметь братолюбие, украшаться смирением и подвизаться в посте и молитве и при этом назначил преемником себе, игуменом

обители, одного из своих учеников именем Савву. После этого, преподав всем мир и целование, преподобный скончался 3 декабря 1407 года.

Много слез пролили братья Сторожевского монастыря, лишившись своего «кормника и учителя». Весть о блаженной кончине прп. Саввы быстро распространилась по окрестностям и привлекла в обитель множество благоговейных почитателей его из иночествующих и мирян. На погребение собрались князья, бояре и жители звенигородские. Скорбь была всеобщая; все шли на погребение, как бы на погребение своего отца. Многие приносили своих недужных ко гробу преподобного. Тело прп. Саввы было предано в земле в церкви Рождества Пресвятой Богородицы, при нем построенной, на правой стороне.

Спустя много лет по преставлении прп. Саввы игумен обители Звенигородской, по имени Дионисий, окончив свое обычное молитвенное правило, прилег отдохнуть. И вот в тонком сне он видит благообразного, украшенного сединами старца-инока, который сказал: «Дионисий! Встань скорее и напиши лик мой на иконе». «Кто ты, господине, – спросил в недоумении Дионисий, – и как твое имя?» «Я Савва – начальник обители сей», – отвечал благолепный старец.

Тогда игумен пробудился от сна и, пораженный видением, призвал одного из учеников прп. Саввы, старца Аввакума, видевшего в молодых годах преподобного живым, и спрашивал его о блаженном Савве, каков он был по виду. Аввакум описал наружность преподобного и его возраст. Дионисий отсюда убедился, что ему явился сам прп. Савва и повелел изобразить себя на иконе. А так как Дионисий сам был искусный иконописец и муж благочестивый, то он с усердием написал икону прп. Саввы. С тех пор при гробе святого начали совершаться чудеса.

Братья Саввиной обители возроптали на своего игумена Дионисия и безрассудно принесли на него ложные жалобы великому князю Иоанну Васильевичу (1462–1505). Тот поверил доносу и повелел игумену немедленно явиться к себе. Игумен впал в глубокую скорбь. И вот во сне он видит блаженного Савву, который, ободряя его, говорил: «Что скорбишь, брат

мой? Иди к князю и говори смело, ничего не боясь, Господь будет тебе помощником».

Воспрянув от сна, Дионисий всю ночь со слезами молился Богу. В ту же ночь некоторые из ропщущих видели во сне благолепного старца, который говорил им: «На то ли вы оставили мир, чтобы с ропотом совершать подвиг иночества? Вы ропщете, а игумен со слезами молится о вас и бодрствует. Что же одолеет: ваш ропот или его молитва? Знайте, что в сердцах ропотливых не почиет смирение и Бог не оправдает их».

Братия, проснувшись, пересказали свой сон прочим. Когда же они явились к великому князю, то ничего не могли сказать против игумена, которого ранее оклеветали, и остались в великом стыде, а Дионисий с честью возвратился в свой монастырь молитвами прп. Саввы.

Один из иноков Сторожевского монастыря долго страдал глазами, так что совсем ничего не мог видеть. Однажды он пришел ко гробу прп. Саввы, со слезами молился и отер глаза свои покрывалом, лежавшим на гробе святого. Другой монах, смотря на это, стал издеваться над больным и с дерзкой насмешкой произнес: «Исцеления-то не получишь ты, а только песком глаза свои еще больше запорошишь».

И вот, прикоснувшись с верой к гробу преподобного получил скорое исцеление, а насмехавшийся над ним был внезапно поражен слепотою, причем услышал голос, говорящий ему: «Ты обрел, чего искал. Пусть через тебя и другие вразумятся не смеяться и не хулить чудес, бывающих от угодника Божия».

Тогда ослепший, пришедши в себя, со страхом и слезами покаяния пал у гроба прп. Саввы, умоляя о прощении. Преподобный же, щедрый в милостях, подал исцеление и согрешившему.

Один мирянин, благоговейный почитатель прп. Саввы, глубоко веровавший в его молитвенную помощь и предстательство пред Богом, после усердных молитв до трех раз был исцеляем у гроба преподобного от тяжкого недуга. Но лишь только возвращался он домой, каждый раз возвращалась

к нему в большей степени его болезнь. Благочестивый мирянин уразумел в этом судьбы Божии о себе, понял, что преподобный призывает его в свою обитель, и потому после третьего своего исцеления он уже не возвратился домой, а остался в обители преподобного и принял иночество. Остальные годы своей жизни он провел в покаянии, со смирением служа братии. Болезнь же его более к нему не возвращалась.

Ночью в монастырь преподобного прокрались воры в намерении обокрасть церковь Рождества Пресвятой Богородицы; но когда они подошли к окну, находившемуся над гробом преподобного, то им представилась высокая гора, на которую им никак невозможно было взойти. Тогда на татей напал страх, и они ушли ни с чем. Впоследствии они исповедали свой грех и остальное время жизни провели в покаянии.

Прибыл однажды в обитель Саввину боярский сын Иоанн Ртищев. Он принес на одре больного сына своего Георгия, который не мог даже вымолвить ни слова. Отслужили о нем молебен, после чего влили в уста его немного монастырского кваса. И совершилось чудо: больной тотчас заговорил, исцелился от недуга и вкусил монастырского хлеба. Видя милосердие Божие и скорое исцеление сына, Иоанн Ртищев со слезами радости благодарил угодника Божия и взывал к нему, как к живому: «Вот я, святче Божий, имею в доме моем рабов и рабынь, одержимых различными недугами; всей душой верую я, преподобный отче, что, если восхощешь, можешь и тех исцелить».

Возвращаясь домой с выздоровевшим сыном, Ртищев испросил у игумена освященного монастырского кваса. По прибытии в свой дом он приказал привести к себе служанку свою Ирину, глухую и слепую, приказал влить ей в уши кваса, взятого из Саввиной обители, помазать им и глаза ее. И молитвами прп. Саввы немедленно разрешился ее слух и прозрели глаза, так что все дивились величию Божию и славили Бога и Его угодника. Потом Ртищев позвал своего слугу Артемия, который семь лет был одержим глухотой, и влил ему в уши кваса, как бы в благословение от прп. Саввы, и тот

исцелился. Принесли, наконец, слепую девицу Киликию, полили тем квасом глаза ее и она прозрела. Спустя некоторое время и сам Ртищев исцелился от болезни тем же благословенным квасом. Но, конечно, не квас производил все эти чудеса, а благословение и молитвы прп. Саввы и усердная вера сына боярского Иоанна Ртищева.

Игумен Саввиного монастыря Мисаил впал в тяжкую болезнь, так что потерял надежду на выздоровление и был при смерти. В это время монастырский пономарь Гурий, идя благовестить к утрени, близ церковных дверей встретил благолепного старца, который спросил его: «Как здравствует игумен ваш?» Гурий рассказал ему о болезни своего настоятеля. Старец же, выслушав, сказал ему: «Иди и скажи игумену, да призовет в помощь Пресвятую Богородицу и начальника места сего старца Савву – и получит здравие. Мне же отопри двери церковные, чтобы войти в церковь». Гурий усомнился и не хотел отпирать дверей, потому что не знал явившегося старца, и спросил его: «Кто ты, господине, и как твое имя?» Но явившийся старец ничего не отвечал, только пошел к дверям храма – те сами собою отворились, и он вошел в храм. Гурий в великом страхе позвал другого пономаря и начал упрекать его, говоря: «Почему не запер ты с вечера дверей церковных? Вот я видел незнакомого человека, который вошел отверстыми вратами в церковь». Но тот с клятвой уверял Гурия, что с вечера он крепко запер церковь. Оба инок пришли в смущение, зажгли свечи и пошли к церкви, но двери были затворены и, как оказалось, накрепко заперты. По окончании утрени Гурий поведал игумену и братии обо всем виденном и слышанном им. Тогда все уразумели, что явившийся Гурию благолепный старец ни кто иной, как прп. Савва. Игумен Мисаил повелел немедленно же отнести себя ко гробу преподобного и вскоре за тем получил исцеление.

При игумене Афанасии произошло следующее чудо по молитвам преподобного. Приспела память прп. Саввы. Келарь Геронтий по благословиению игумена хотел устроить на этот день для утешения братии трапезу повкуснее. Принесли большой глиняный сосуд с маслом; тогда с потолка вдруг

свалился деревянный брус прямо на сосуд и разбил его. В монастыре осталось очень мало масла, но игумен сказал келарю: «Во всем этом, брате, надо нам возложить упование на Господа Бога и на угодника Его – великого чудотворца Савву, ибо он может и малое умножить. Ты же вели пока готовить пищу, и, что Бог даст, то и предложим братии на трапезе».

Действительно, по молитвам прп. Саввы масла не только достало на праздничную трапезу братии, но еще и осталось.

Чествование прп. Саввы при его гробе как угодника Божия началось вскоре по его преставлении, а причтен он Церковью к лику святых в XV или в первой половине XVI столетия. Нетленные мощи угодника Божия были открыты спустя почти два столетия с половиной после его кончины, в царствование благочестивейшего Алексея Михайловича, в 1652 году. Обретение святых и нетленных мощей прп. Саввы было вызвано многочисленными дивными исцелениями и чудотворениями, совершившимися при гробе и по его молитвенному предстательству. Ближайшим поводом к обретению мощей прп. Саввы, по существующем в Сторожевском монастыре древнему преданию, послужило явление угодника Божия самому царю Алексею. Алексей Михайлович в одно из своих посещений монастыря ходил на охоту в окрестные леса звенигородские. Когда свита его рассеялась по лесу для отыскания логовища медведя и он остался один, из лесной чащи внезапно выбежал медведь и бросился на него. Царь, видя невозможность защищаться, обрек себя на верную смерть. Вдруг около него явился старец, и с его явлением зверь бежал от царя. Спрошенный об имени, старец отвечал, что его зовут Саввой и что он инок Сторожевской обители. В это время собрались к царю некоторые из его свиты, а старец пошел к монастырю. Вернувшись в обитель, Алексей Михайлович спрашивал архимандрита о монахе Савве, думая, что это какой-нибудь еще неизвестный ему подвижник, поселившийся в монастыре. Архимандрит отвечал царю, что в монастыре нет ни одного монаха с именем Саввы. Тогда царь, взглянув на образ преподобного, уразумел, что это он сам, велел отслужить молебен и освидетельствовать гроб для

приготовления святых мощей прп. Саввы к торжественному открытию.

Много и других чудес и явлений угодника Божия предшествовало открытию его мощей.

Торжественное открытие мощей прп. Саввы было совершено 19 января 1652 г. в присутствии самого государя Алексия Михайловича, его супруги царицы Марии Ильиничны, Всероссийского Патриарха Иоасафа, Новгородского митрополита Никона, впоследствии знаменитого Патриарха Всероссийского, и бесчисленного множества народа не только из Звенигорода и его окрестностей и всего округа Московского, но и из отдаленных городов и всей великой земли Русской. Мощи прп. Саввы обретены были нетленными после 245-летнего пребывания в сырой земле и поставлены в дубовой гробнице на правой стороне в соборе, у южных врат, ведущих в алтарь Богородице-Рождественской церкви обители.

И по открытии святых нетленных мощей прп. Саввы много чудес совершалось при гробе его. Не станем здесь перечислять их. Укажем лишь на один замечательный случай загробного явления угодника Божия неприятелю земли Русской. Это произошло в 1812 году, когда наше Отечество было разорено громадными полчищами французского императора Наполеона Бонапарта. В то время, как он овладел Москвой, принц Евгений Богарне, вице-король итальянский, с 20-тысячным отрядом подошел от Москвы к Звенигороду. Он занял комнаты в Сторожевской обители, а его солдаты рассеялись по монастырю и начали грабеж, не щадя даже храмов и святых икон. Но сам преподобный своим явлением устроил и вразумил дерзких грабителей. Однажды вечером принц Евгений, не раздеваясь, лег и уснул, и вот, наяву или во сне – он сам не знал того – видит, что в комнату входит какой-то благообразный старец в черной длинной иноческой одежде и подходит к нему так близко, что он имел возможность при лунном свете рассмотреть черты его лица и грозный взгляд. Явившийся сказал: «Не вели войску своему расхищать монастырь, особенно уносить что-либо из церкви. Если ты исполнишь мою просьбу, то Бог

помилует тебя и ты возвратишься в свое отечество целым и невредимым».

Устрашенный видением, принц отдал утром приказ, чтобы отряд его возвратился в Москву, а сам пошел в соборную церковь и при гробе прп. Саввы увидел образ того, кто являлся ему ночью, и, узнав, чей это образ, с благоговением поклонился мощам преподобного и записал о случившемся в своей книжке. Потом принц велел запереть соборный храм, запечатал его своей печатью и приставил к дверям храма стражу из 30-ти человек. Нужно к этому присовокупить, что, согласно предсказанию прп. Саввы, в то время, как все другие главные военачальники Наполеона кончили неблагополучно, принц Евгений остался цел и нигде в сражениях после того не был даже ранен.

И доныне Бог хранит обитель Сторожевскую молитвенным предстательством первоначальника ее, прп. Саввы, и от святых мощей его истекают чудотворения с верою и любовью призывающим святое имя его в благодатную помощь себе и заступление. Молитвами прп. Саввы Сторожевского, Звенигородского чудотворца, да избавит Господь Бог и всех нас от всяких бед, скорбей и злых обстоятельств. Аминь.

Декабрь 4

Геннадий, архиепископ Новгородский, блаженный

О жизни святителя Геннадия до пострижения его в иночество почти не имеется сведений. В одной летописи он называется «Геннадий Гонзов» вероятно потому, что происходил из московского боярского рода Гонзовых. Когда и где принял он монашеское пострижение, нет известий. Некоторое время он подвизался в Валаамской обители, и его руководителем, или старцем, был знаменитый подвижник, впоследствии Соловецкий игумен, прп. Савватий.

Более обстоятельные сведения начинаются с того времени, когда блаженный Геннадий был поставлен архимандритом Чудова монастыря в Москве. Это видное положение он занял в феврале 1477 года, а в 1479 году святой Геннадий является участником в знаменитом споре о хождении посолонь.

Этот спор возник вскоре после освящения большого Московского Успенского собора (12 августа 1479 года). Какие-то «прелестники» донесли великому князю Иоанну III, что митрополит Геронтий поступил неправильно – ходил вокруг церкви с крестами не по солнечному восходу. Великий князь разгневался и сказал, что ради таких погрешностей приходит гнев Божий. Для решения вопроса обратился к книгам, но, несмотря на самые старательные розыски, не мог найти в них ответа. Мнения разделились, причем большинство было на стороне митрополита, а за великого князя только двое – Ростовский владыка Вассиан и чудовский архимандрит Геннадий. В доказательство своей мысли, что при освящении церкви должно ходить с крестами посолонь, они, как передает летописец, не имея другого свидетельства, говорили следующее: «Солнце праведное Христос на ада наступи и смерть связа и души свободи, и того ради исходят на Пасху, то же преобразуют на утрени». Спор прервался нерешенным на год или более вследствие нашествия в 1480 году хана Золотой Орды Ахмата. Но в 1481 году великий князь снова возбудил его; между тем до решения спорного вопроса в Москве отложено было освящение многих церквей. Упорство великого князя

побудило огорченного митрополита удалиться в Симонов монастырь, причем он думал даже оставить митрополию, если великий князь не придет к нему бить челом и не перестанет настаивать о хождении посолонь. Поддерживаемый только преемником Ростовского архиепископа Вассиана Иоасафом и архимандритом Геннадием, великий князь наконец уступил – признал себя виновным перед митрополитом, бил ему челом и обещал во всем его слушаться. Митрополит Геронтий возвратился из монастыря, спор кончился, но «устава» относительно вопроса о хождении посолонь на будущее время «не учинили».

Вскоре на чудовского архимандрита обрушился гнев митрополита Геронтия. Он едва ли мог забыть, что в недавнем споре о хождении посолонь Геннадий стоял против него. Навечерие праздника Богоявления в 1482 году пришлось на воскресенье. Поэтому блаженный Геннадий разрешил братии своего монастыря пить богоявленную воду поевши, к чему, по видимому, склонялся и церковный устав. Митрополит счел это за великое нарушение церковного устава и приказал силою взять архимандрита и привести к себе. Геннадий укрылся у великого князя, но митрополит сам отправился на великокняжеский двор. Он требовал выдачи Геннадия, обвиняя его в том, что он, во-первых, самостоятельно, не спросив митрополита, разрешил столь важный вопрос, а, во-вторых, в том, что «обесчестил такую священную воду, которую святые отцы повелели оглашенным однажды в год, на Пасху, испивать вместо причастия», а прочим христианам разрешили пить в самый день Богоявления, и то прежде антидора. Тогда великий князь выдал Геннадия митрополиту, который велел его сковать и посадить в ледник под палату. Великий князь и бояре печаловались пред митрополитом за наказанного и напоминали при этом случай, что когда Ростовский владыка Феодосий дозволил также в навечерие Крещения Господня, случившегося в субботу, вкушать мирянам мясо, то митрополит Иона, теперь чудотворец, хотя и обличил владыку, но все-таки простил, видя его раскаяние. Тогда митрополит Геронтий освободил блаженного Геннадия.

Как настоятель Чудова монастыря, Геннадий оставил по себе память в его истории постройкой каменного храма во имя святителя Алексия с трапезой, которая имела «многие палаты горняя и дольная, удобны на всяку потребу монастырскую и живущим ту братьям на преупокоение». В новосозданном храме, по освящении, с подобающей честью были поставлены на правой стороне «многочудесные мощи святого Алексия митрополита».

Впрочем, храм был окончен уже в отсутствие блаженного Геннадия: 12 декабря 1484 года он был избран Новгородским архиепископом «на престол святых великих Софии» и зимой 1485 года прибыл в Новгород. Но и в Новгороде не прекращались заботы его о чудовском храме; поручив при отъезде попечение о нем «сообщникам своим», родным братьям вельможам Сергию и Димитрию с сыном его Георгием, грекам по происхождению, по фамилии Траханиотам, Геннадий посылал «довольно серебра» из Новгорода «на совершение церкви и трапезы и прочих палат».

Тяжелое бремя возложил на себя блаженный Геннадий вместе с саном архиепископа Новгородского. Глухое, затаенное раздражение против Москвы было среди новгородцев, недавно (в 1478 году) утративших свою независимость. Кроме этой общей, были и частные причины, вызвавшие враждебную настроенность новгородской паствы, особенно клира, а именно: отнятие в 1478 году великим князем десяти волостей у Новгородского архиепископа и половины волостей у шести наиболее богатых монастырей; низведение в 1480 году с кафедры будто бы за тайную связь с враждебной Москве Литвой любимого Новгородского архиепископа Феофила, ходатая за них перед великим князем. Конечно, новгородцы не могли смотреть дружелюбно на нового, уже второго, владыку, поставленного великим князем московским и митрополитом Геронтием, а не выбранного ими из природных новгородцев, как это делалось раньше в продолжение трех с лишком столетий. В самом клире, долгое время лишенном архипастырского руководства, замечались нестроения, а в Церкви Новгородской свила себе гнездо ересь жидовствующих. Борьба с этой ересью

составляла главную заботу архиепископа Геннадия за все время святительства его на Новгородской кафедре.

Ересь занесена была в Новгород в 1470–1471 гг. евреями, выходцами из Литвы, и состояла в следующем. Отрицая догмат Пресвятой Троицы и признавая только Единого Вседержителя, жидовствующие учили, что Иисус Христос есть не Бог, а простой человек, Которого распяли евреи и Который истлел во гробе. Он не есть истинный Мессия. Мессия еще только придет и будет также простым человеком, пророком, подобным Моисею и Давиду. И так как Мессия еще не пришел, то должно держать закон Моисеев. Отрицая Божество Христа, жидовствующие отрицали и церковные установления: отвергали таинства, посты, праздники, почитание Божией Матери, святых угодников, кощунственно относились к святым иконам, а также честному кресту и мощам, отвергали храмы и вообще священные предметы, крайне ненавидели монашество. Признавая Страшный Суд и воскресение мертвых, еретики учили, что «судити имать Бог Вседержитель». Среди еретиков находились и люди, не вполне разделявшие их учение, а только отчасти, в зависимости от степени своего вольномыслия, и главным образом отрицавшие обряды. Жидовствующие занимались тайными науками, звездочетством и чернокнижием, и вероятно ими более, чем своим крайним учением, привлекали к себе православных.

Первыми последователями ереси были видные новгородские священники Дионисий и Алексей. Распространяясь сначала главным образом среди духовных лиц, ересь затем проникла и в среду мирских людей и, оставаясь неизвестной в течение 17 лет, успела из Новгорода перейти в Белоозеро, в скиты и монастыри Вологодского края и даже в Москву. В конце 1479 года великий князь прибыл в Новгород и здесь ему так понравились священники Алексей и Дионисий, тайные вожди ереси, что он взял их с собою в Москву; Алексея сделал протопопом Успенского собора, а Дионисия – священником Архангельского. В Москве, как и в Новгороде, они усердно сеяли свое лжеучение и успели привлечь к нему таких сильных и видных людей, каковы:

архимандрит Симонова монастыря Зосима, близкий великокняжеский думный (посольский) дьяк Феодор Курицын и невестка великого князя Елена, супруга его сына Иоанна.

На борьбу с ересью жидовствующих первым выступил блаженный Геннадий. Он явился для еретиков «яко меч обоюдоостр, посекая студеяние их и яко пламень пожигая плевелы нечестивого замышления их и стадо от таковы прелести свободжая... и душу свою полагая за порученную ему паству». Через полтора года после своего поставления на кафедру случайно узнал он о существовании в Новгороде какого-то противощерковного общества – более определенного о ереси тогда еще архиепископ не знал – и немедленно известил митрополита и великого князя. Государь прислал приказ: «Береги, чтоб то лихо в земли не распростерлось». Тогда архиепископ начал обыск еретиков. Во время обыска совращенный в ересь священник Наум, раскаявшись, дал блаженному Геннадию подробные сведения о ереси и даже доставил ему книги, по которым еретики совершали свою службу. При дальнейших розысках ревностный святитель открыл всего только четырех еретиков (двух священников и двух дьяков) вследствие упорного заперательства еретиков, не останавливавшихся даже перед ложными клятвами. Захваченных еретиков архиепископ отдал на поруки. Но они убежали в Москву. Архиепископ Геннадий отправил вслед за ними обыскное дело с показаниями священника Наума и продолжал обыск. Не получив на свое донесение немедленного ответа ни от митрополита, ни от великого князя, святитель Новгородский обратился с просьбой о содействии к некоторым епископам и просил их походатайствовать перед государем и митрополитом, чтобы «делу (о ереси) исправление учинити, занеже ныне как продлилось то дело, обыск ему не крепок чинится... еретикам ослаба пришла, уже наругаются христианству». Затем он описывает эти дерзкие ругательства еретиков над святым крестом и иконами, добавляя, что если и теперь великий князь не обратит внимание на ересь, будет последняя лесь горше первой.

В январе – начале февраля 1488 года на уличенных еретиков, бежавших в Москву, был созван Собор. На этом Соборе троих из них, поименованных блаженным Геннадием, по правилам апостольским и отеческим, по извержению, отлучили от Церкви, а великий князь «по правилам царским» подверг их градской казни, приказав бить на торгу кнутием. После гражданских казней еретики для духовного увещания были посланы к святителю Геннадию, причем от великого князя и митрополита Новгородский архиепископ получил грамоты. Грамотой государя предписывалось Новгородскому владыке: отосланных из Москвы еретиков в случае их нераскаянности посылать к наместникам великого князя для новой казни; продолжать с великим прилежанием дальнейшие розыски еретиков, пользуясь содействием наместников, и кто из уличенных в ереси будет достоин церковной епитимии, на тех ее налагать ему, архиепископу, а кто будет достоин по правилам градской казни, тех для этого отдавать в распоряжение великокняжеских наместников.

Получив грамоты, святитель Геннадий еще усерднее принялся при ревностном содействии наместников, бояр великого князя, за розыск. Всех раскаявшихся еретиков, которые «свои действия писали на себя сами своими руками», он привел к покаянию, наложив на них открытую епитимию – во время богослужения стоять перед церковью и в церковь не входить. Упорствующих же в ереси предал боярам для торговой казни. Но митрополит Геронтий нимало не позаботился о погибавших от еретического учения, вероятно сознавая бесполезность, а может быть, и небезопасность своих ходатайств перед великим князем, находившемся под влиянием протопопа Алексия и Феодора Курицына. Дело с еретиками в Москве, по выражению архиепископа Геннадия, «положили ни за что, как будто бы Новгород с Москвою не едино Православие» (то есть как будто бы Москве не было никаких забот до Новгорода). Видя невнимание властей к донесению архиепископа Геннадия и услышав, что в Москве их единомышленники живут в ослабе, новгородские еретики снова обратились в жидовство и бежали в Москву под сильную защиту

Феодора Курицына. К тому же, хотя и слабый духом, но мудрствовавший православно, митрополит Геронтий вскоре (28 мая 1489 года) умер и кафедра Московской митрополии более года оставалась праздною. Но святитель Геннадий и при таких неблагоприятных для него и благоприятных для еретиков обстоятельствах не переставал действовать. В феврале 1489 года он написал бывшему архиепископу Ростовскому Иоасафу грамоту; в ней он жалуется на все усиливающееся распространение учения жидовствующих, которое, по его мнению, содержало в себе не только иудейство, а и другие ереси; скорбит о невнимательном отношении со стороны великого князя, митрополита и епископов в Москве к ереси, весьма опасной для Православия. В заключение святитель упрекает своего друга за оставление архиепископии в такое тяжелое для Церкви время, при этом выражая высокий взгляд на служение архипастыря. «Чем бы в такое время вооружиться великим терпением и даже пострадать за Православие, если бы было нужно, ради душевной пользы, ты, – обращается Новгородский архипастырь к Иоасафу, – предал овцы волкам на расхищение».

Между тем влияние еретиков в Москве все более возрастало; они даже добились, благодаря главным образом внушению протопопа Алексия великому князю, избрания на кафедру Московской митрополии тайного единомышленника своего, Симоновского архимандрита Зосимы. 26 сентября 1490 года Зосима был поставлен в митрополита.

Новый митрополит вскоре после своего поставления обратился к архиепископу Геннадию с предложением прислать исповедание веры и повольную грамоту для избрания епископа на вдовствующую Коломенскую кафедру. В ответной грамоте митрополиту святитель писал, что он уже дал свое исповедание митрополиту Геронтию и Собору, когда был рукоположен во епископа; это исповедание веры хранится в Москве, а сам он доселе в нем тверд и непоколебим. Далее излагает свои действия против ереси жидовствующих, жалуется на потворство еретикам в Москве, напоминает об исповедании, какое дали «все пред Богом и избранными Его Ангелы, как ты, господин,

отец наш, так и мы, твои дети, архиепископы и епископы... не попустити православного христианина с еретиком общения имети или с жидовином». Поэтому святой Геннадий просит созвать в Москве Собор и предать проклятию живых и умерших еретиков и сочувствующих их учению, «да и мне бы, – пишет он далее митрополиту, – приказал бы Собор учинити, и я бы тех еретиков и их единомысленников предал проклятию, чтобы лихо перестало, да и нам в том осуждения от Бога не было, что мы попустили тому быть». В подтверждение последней мысли блаженный Геннадий приводит грозную проповедь пророка Иезекииля против пастырей, не исполняющих своих обязанностей. О согласии на избрание Коломенского епископа святитель Геннадий замечает, что сначала нужно управить дело с еретиками, которое долго затянулось: «три года минуло, и уже четвертый настал», и снова требует казни еретиков. Если же «ты, господин наш, – обращается он к митрополиту, – тех еретиков накрепко не обыщешь, да их не велишь казнить и предать проклятию, уже какие мы будем владыки?» Попросив затем митрополита поговорить великому князю, чтобы он не отстранял его, Геннадия, от присутствия на Соборе в Москве, святитель Новгородский заключает свое послание жалобой на чернеца Захарию, который в течение трех лет беспрестанно оскорблял архиепископа, рассылая по городам грамоты, в которых называл его еретиком. Святитель просит защиты у митрополита, так как не может сносить такого поношения.

Одновременно с посланием к митрополиту Зосиме архиепископ Геннадий отправил грамоту к собору епископов, находившихся в Москве. Содержание ее во многом сходно с посланием к митрополиту. Между прочим святитель и здесь требовал Собора на еретиков, чтобы их предать проклятию и казни, потому что они, покаявшись и принявши в Новгороде епитимию, изменили клятве и, бежав в Москву, снова обратились к ереси. «Не плошите, – увещевал он епископов, – станьте крепко, чтобы гнев на вас не пришел, да не како человекоугодницы обрящемся и со Иудою Христа продающе: они (еретики) иконы щепляют, режут, Христу поругаются, а мы их воле сходим». Со своей стороны Новгородский владыка

предлагает наказывать беспощадным образом еретиков, раскаявшихся притворно в своих заблуждениях.

Проникнутые твердым убеждением послания архиепископа Геннадия произвели на епископов свое действие: они потребовали на еретиков Собора, который под председательством митрополита Зосимы и состоялся 17 октября 1490 года. Хотя святитель Геннадий требовал осуждения всех вообще еретиков, но великий князь, вероятно под влиянием митрополита и Курицына, приказал кончить дело только о новгородских еретиках, о которых ранее были розыски святителя Геннадия. Впрочем, к ним были присоединены еще два человека: священник Архангельского собора Дионисий и чернец Захар. Позванные на Собор еретики упорно запирались в своих ересьях «и быша, по словам летописи, яко во исступлении ума». Не добившись их собственного признания, Собор осудил еретиков на основании розысков блаженного Геннадия и свидетельств против них некоторых жителей Москвы: еретики были отлучены от Церкви и преданы проклятию, а потом гражданской казни, состоявшей в заточении для одних и в иных, более легких, наказаниях для других, менее виновных. Этих последних возвратили в Новгород. Святитель распорядился встретить их за 40 верст от города, посадить верхом на лошадей, лицом к хвостам, одежду перевернуть передом назад. На головы еретиков он приказал одеть берестяные остроконечные шлемы с мочальными гребнями и с ободами, свитыми из соломы и сена; к шлемам были пришиты ярлыки с надписью: «Се есть сатанино воинство». В таком виде еретиков водили по городу, причем православные приглашались плевать на них со словами: «Се врази Божии и христианстии хульницы». В заключение шлемы были сожжены на головах еретиков. Из страха наказания присланные в Новгород еретики начали каяться. Святитель поверил их покаянию и дал им ослабу. Пользуясь этим, еретики разбежались по городам и селам, распространяя свое лжеучение. Некоторые бежали в Литву, к немцам, а другие даже остались в Новгороде, укрываясь и продолжая сеять ересь.

Настал 1492 год, имевший особенное значение в истории ереси жидовствующих. В XV веке над умами русских тяготела грозная, унаследованная от греков, мысль о скорой кончине мира, которую ожидали по истечении седьмой тысячи лет от сотворения мира. Жидовствующие тоже разделяли это верование, но по принятому ими еврейскому летоисчислению было далеко до этого времени, а по греко-русскому летоисчислению семь тысяч лет оканчивались как раз в 1492 году. Поэтому и богослужебная Пасхалия, указывавшая месяцы и числа празднования Пасхи и зависящих от нее подвижных праздников, доведена была только до 1492 года. Когда же роковой год прошел благополучно, жидовствующие начали глумиться над православными: «Семь тысяч лет окончились, и ваша Пасхалия прошла, отчего ж Христос не является, вопреки вашим ожиданиям? Значит ложны писания ваших апостолов и ваших отцов, будто бы возвещавших славное пришествие Христова по истечении семи тысяч лет». Необходимо было продолжить расчисление Пасхалии на будущее время, чтобы внести успокоение во взволнованные умы. Для этого в начале восьмой тысячи лет, в сентябре 1492 года, собрался в Москве под председательством митрополита Зосимы Собор, на котором присутствовал и святитель Геннадий. Собор постановил написать Пасхалию на восьмую тысячу лет. Первый осуществил постановление Собора митрополит Зосима: с небольшим через год с четвертью он расчислил Пасхалию на следующие 20 лет и послал для проверки к Пермскому епископу Филофею и святителю Геннадию, чтобы они также составили Пасхалию и прислали в Москву. Геннадий составил Пасхалию на первые 70 лет восьмой тысячи. По проверке, произведенной в Москве, разницы между Пасхалиями не оказалось, и митрополит послал свою Пасхалию в Новгород к архиепископу с наказом разослать ее по Новгородской епархии, как это было сделано уже в других. Исполняя волю митрополита, святитель Геннадий к его Пасхалии присоединил свою вместе с окружной грамотой, содержащей толкование на Пасхалию с архиерейскими наставлениями. Между прочим здесь он изложил правила, как составлять так называемую вечную Пасхалию.

Борьба с ересью жидовствующих, побудив архиепископа Геннадия расчислить Пасхалию, заставила его предпринять и выполнить еще другой, более важный труд. Святитель хорошо понимал, что одного внешнего преследования еретиков для искоренения ереси мало, что для этого нужно бороться с еретиками тем духовным оружием, к какому прибегали они, а жидовствующие, сея свое лжеучение, доказывали мнимую истинность его ссылками на Священное Писание Ветхого Завета и притом на те именно книги, каких у православных не было под рукою, потому что не существовало полного списка Библии в славянском переводе. И святитель Геннадий оказал великую услугу нашей Церкви Православной, сделав это необходимое собрание в один состав всех книг Библии в славянском переводе. Полного списка Библии не было даже у самого архиепископа Новгородского в богатой Софийской библиотеке, так что он принужден был отыскивать некоторые книги по русским монастырям, а для других книг, по причине отсутствия славянских списков, им было поручено составить новый перевод. Таким путем святой Геннадий составил полное собрание всех священных книг. Одни из книг славянской Библии, собранной им, помещены в древнейшем, быть может даже в первоначальном Кирилло-Мефодиевском переводе, другие уже не носят в своем переводе признаков такой глубокой древности. Некоторые священные книги извлечены из толкований на них, содержавших и самый текст их. Новозаветные книги помещены не в древнем, а исправленном переводе, близком к современному печатному. Славянские переводы большинства книг Священного Писания, вошедших в состав Библии святителя Геннадия, сделаны с греческого. Но некоторые священные книги за отсутствием славянского текста пришлось переводить с латинской Библии – Вульгаты; а большая часть книги Есфирь помещена в славянском переводе с еврейского. Из латинской Библии взяты предварительные сведения о священных книгах или предисловия к ним, распределение священных книг и деление их на главы. Это руководство архиепископа Геннадия латинской, а не греческой Библией ближе всего можно объяснить отсутствием у

святителя списка греческой Библии и переводчиков с нее, тогда как латинская Библия, уже печатная, нашлась, нашлись и люди, знающие латинский язык. Великий труд собрания славянской Библии, производившийся под непосредственным руководством архиепископа Геннадия, был окончен в 1499 году, как об этом говорится на первом листе предисловия к Библии: «В лето 7007 написана бысть сия книга, глаголемая Библия, рекши обоих Заветов Ветхаго и Новаго, при благоверном великом князе Иоанне Васильевиче, всея Руси самодержце, и при митрополите всея Руси Симоне, и при архиепископе Новгородском Геннадии в Великом Новгороде, во дворе архиепископле, повелением архиепископля архидиакона инока Герасима».

Собрав полную славянскую Библию, святитель Геннадий не остановился на этом. Он хорошо понимал, что писанное слово Божие без пастырей, которые бы поучались в нем и в свою очередь поучали бы других, подобно сокрытому от жаждущих источнику чистой воды; поэтому он заботился о том, чтобы поднять уровень образованности духовенства, по крайней мере своей епархии. В послании к митрополиту Симону он со скорбью изображает малограмотность ставленников на священнические степени. «Приведут ко мне, – пишет он, – мужика (ставленника) и я велю дать прочесть Апостол, а он и ступить не умеет; я велю Псалтирь дать, а он и по той едва бредет». Сознавая невозможность посвящать столь малограмотных, святитель отказывал, но пришедшие со ставленником жаловались ему, говоря: «Нет человека в нашей земле, кого бы можно избрать», и просили учить ставленника у него, при архиерейском доме. Видя такое невежество, архиепископ просил у великого князя для его же чести завести в Новгороде училище, в котором бы можно выучиться правильно читать Священные книги и отправлять церковную службу. Он просил митрополита, чтобы последний просил о том же великого князя. Святитель Геннадий первый начал говорить о необходимости устройства училищ для духовенства и этим приобрел право на благодарную память о нем со стороны тех, кому дорого духовное просвещение на Руси.

В борьбе с ересью жидовствующих блаженный Геннадий явился самоотверженным архипастырем, который, выступив на защиту Православной Церкви, твердо и неуклонно шел по этому пути, несмотря на то, что вначале на стороне еретиков были сильные мира. Ему в высшей степени были чужды робость и лесть перед ними. Так, где дело касалось Церкви, он в сознании лежащего на нем долга выступал с откровенным словом, невзирая на лица. Так, когда великий князь Иоанн III, чтобы очистить место для великокняжеского двора и сада, приказал вынести из Кремля монастыри и церкви, причем даже не пощадил древнего кладбища, святитель Геннадий был сильно возмущен поступком великого князя и, не скрывая, высказал свое негодование в грамоте митрополиту Зосиме: «Ныне беда стала земская да нечисть государская великая: церкви старья извечныя выношены из города вон, да монастыри старья извечныя переставлены... да еще паки сверх того и кости мертвых выношены за Дрогомилово... да на тех местах сад насажден. А господин наш отец Геронтий митрополит о том не воспретил, то он ведает, каков ответ за то даст Богу... вынести церкви, да и гробы мертвых, да на том месте сад посадить... какова нечесть учинена! От Бога грех, а от людей сором... Церкви Божии стояли колико лет, а где священник служил, руки умывал и то место бывало непроходно, а где престол стоял да жертвенник и те места не проходны же, а ныне те места не огорожены, ино и собаки на то место ходят и всякий скот... Нам, твоим детям и сослужебником, пригоже тебе о том вспоминать, а ты, господин отец наш, сыну своему великому князю накрепко о том воспоминай, понеже должно ти есть».

Тяжесть епископского служения для блаженного Геннадия увеличивалась не одной борьбой с еретиками, но и со своеволием православных чад его паствы в Пскове. Вообще издавна не любившие вмешательства Новгородских владык в церковные дела своей области, псковичи с тем большей неприязнью относились к архиепископу Геннадию, в котором видели слугу страшного для них московского правительства. Вначале отношения между пастырем и пасомыми были дружественные: в 1485 году, при вступлении на кафедру,

святитель Геннадий послал псковичам благословенную грамоту с богатым подарком (подарил им турий рог, обложенный золотом, и икону размером в локоть, «на злате»). В следующем 1486 году сами псковичи пригласили святителя в Псков и устроили ему торжественную встречу: князь Ярослав, посадники, бояре, священноиноки, священники и диаконы с крестным ходом встретили у городских ворот архиепископа, который в тот же день совершил литургию в соборном храме во имя Пресвятой Троицы, а потом благословлял народ на вече. Затем владыка еще раз был на вече, где вместе с благословением преподавал народу «многа словеса учительныя», а после этого, прожив в Пскове три недели, мирно отбыл со своими боярами. Но эти мирные отношения заменились враждой со стороны псковичей при первом проявлении архиепископом своей власти в своевольной области. В том же 1486 году архиепископ Геннадий послал в Псков со своим боярином игумена Евфимия, поручив им описать церкви и монастыри всей Псковской волости и «положить в число» все псковское духовенство, после чего Евфимий остался в Пскове наместником архиепископа. Но псковичи не признавали власти Евфимия над собою. Чем далее шло время, тем более резко обнаруживали псковичи свое своеволие в сношениях с Новгородским архиепископом. В 1500 году святитель прислал священника для осмотра антиминсов в псковских церквях, и хотя такое действие со стороны Новгородского владыки было вполне законно, однако князь псковский, посадники и весь Псков только после продолжительных совещаний допустили священника в церковь. Еще хуже обошлись псковичи с самим владыкой в его новый приезд в Псков, куда он прибыл, чтобы, по обычаю своих предшественников, принести пастырские молитвы за свою паству и заняться разбором судебных дел: псковичи запретили духовенству соборной церкви служить с владыкой, а просфорницам не велели печь для него просфор, при этом они объяснили свое отношение к Геннадию той причиной, что видели в нем сторонника московского великого князя Василия. «Ты, – говорили они, – хочешь молить Бога за великого князя Василия».

Это происходило лет за десять до подчинения Пскова власти великого князя московского.

Свою жизнь святитель Геннадий окончил под сенью любимой им Чудовской обители. Но причиной этого было невольное удаление епископа с Новгородской кафедры вскоре после Собора 1503 года, на котором присутствовал и он. Собор этот собран был для устранения нестроений церковной жизни: безнравственной жизни вдовых священнослужителей, бесчиния в монастырях и взимания епископами мзды за поставление. Первый вопрос отцами Собора был решен в смысле запрещения священнослужения вдовым священникам и диаконам, если они не постриглись. О монастырях было постановлено, чтобы монахи и монахини, как это было обычно для того времени, не жили вместе в одних монастырях. Поборы при поставлении на церковно-иерархические степени, издавна укоренившиеся в Русской Церкви и перешедшие к нам из Греции, Собором были безусловно воспрещены под страхом извержения из сана как епископа, так и поставленного им.

И как не печально, но должно сознаться, что первым нарушителем последнего соборного определения был Новгородский архиепископ. Поддавшись влиянию любимого им дьяка, он, вопреки своему обещанию на Соборе, стал брать мзду за поставление еще более прежнего. Когда это сделалось известным великому князю Иоанну Васильевичу, он велел произвести дознание, после которого в июне 1504 года архиепископ Геннадий низведен был с кафедры и поселился в Чудовом монастыре. Через два с половиной года, в 1506 году, 4 декабря, святитель Геннадий мирно скончался и «погребен бысть в том же монастыре... в самом том месте, идеже бе лежало в земли освященное тело великаго святителя и чудотворца Алексия прежде обретения его, у самыя стены великия церкви».

Мощи святителя Геннадия почивали под спудом в Чудовом монастыре. Он называется «святым» в «Книге глаголемой: Описание о Российских святых» (XVIII столетие).

Декабрь 5

Гурий, первый Архиепископ Казанский, святитель

Святитель Гурий, в крещении Григорий, родился в Радонежском городке, где жил некогда преподобный Сергей в родной семье своей до удаления в пустыню. Родители Григория были дворяне Руготины, бедные и малоизвестные. В доме благочестивого отца сын получил и благочестивое воспитание и обучен был чтению и письму. Сыновья незнатных дворян обыкновенно служили тогда если не в службе великого князя, то при домах богатых княжеских фамилий. Так служил в доме князя Ивана Пенькова и Григорий Руготин в должности управляющего имением. Григорий был умен и деятелен, нрава кроткого и послушливого, честности неподкупной. Он любил ходить в храм Божий на молитву, молился и в доме; в брак вступать не захотел, потому что любил целомудрие и, охраняя его, держал пост; подавал нищим милостыню, какую только мог. Ум, строгая честность и благочестивая жизнь Григория приобрели особенное доверие к нему князя и его супруги. Другие слуги стали завидовать Григорию и, чтобы погубить его, оклеветали чистого юношу в преступной связи с княгиней. Разгневанный князь придумал жестокую месть: была выкопана яма и в нее опустили сруб, в который заперли Григория. Только малое отверстие сверху темницы пропускало в нее свет, и в то же окошко бросали Григорию на пять дней по снопу овса и опускали немного воды. Тяжко было положение невинного страдальца. Икона Божией Матери с Предвечным Младенцем была его единственным сокровищем. И благочестивая душа его скоро помирилась с темницей. «Мученики, – думал Григорий, – терпели и не то при всей своей святости. Темница избавила меня от соблазна и тревог мирских. Это уединение оставляет мне полную свободу готовиться к вечности. Да для чего и жить на земле, как не для вечности?» И блаженный Григорий «в таковой беде наипаче простирался на славословие Божие, терпя и благодаря Бога о всем». Уже проходил второй год заключения, когда один из товарищей по княжескому дому, бывши другом Григорию, упросил сурового сторожа позволить

подойти к окну темницы и поговорить с заключенным. Расспросив о состоянии заключенного, он вызвался доставлять ему приличную пищу. Григорий поблагодарил друга за участие и сказал: «Без наказания, которое терплю я, душа моя могла остаться неисцеленною. Благодарение Богу за все! В пище не имею я нужды, но прошу тебя приносить чернила и бумагу». Он стал писать азбуку для обучения детей грамоте, а вырученные деньги раздавал нищим и употреблял на покупку новой бумаги. Так исполнял он два своих заветных желания: учить детей читать слово Божие и помогать нуждающимся. Никто не решался напомнить о нем господину его, а сам господин как бы забыл его – видно Богу угодно было продлить испытание Григория к пользе души его.

Спустя два года неожиданно в дверях темницы блеснул свет. Григорий, сотворив молитву, толкнул дверь – она отворилась. Страдалец понял, что Господь посылает ему свободу. Он взял икону Божией Матери, бывшую с ним в темнице, и пошел прямо в обитель Иосифа Волоколамского, известную тогда по строгой жизни иноков. Там он и постригся с именем Гурий.

После многолетних подвигов в посте, безмолвии и богомыслии, к которым приучился еще в темнице, в 1542 (1543) году Гурий был возведен на игуменство в Иосифовом монастыре. Он поставил себе правилом: не столько заботиться о внешнем благолепии обители, сколько о спасении вверенных ему душ. «Не добро, – говорил он, – монастыри богатити чрез потребу, они бо сим более пустуют». Такое управление обителью привлекало к ней много и иноков, и мирян. Почти девять лет настоятельствовал Гурий в Иосифовом монастыре; но темничное заключение расстроило его здоровье на всю жизнь, и он вследствие болезни сложил с себя начальствование и два года жил на покое, предаваясь подвигам поста и богомыслия. По воле царя святой Гурий в течение года управлял Троицким Селижаровым монастырем в Тверской епархии.

Для завоеванного царства Казанского собор архипастырей приступил к избранию архиепископа. Это место служения в

тогдашнее время было чрезвычайно важно: здесь надлежало быть мужу с апостольской ревностью и чистотой души, чтобы благоплодно проповедовать святую веру незнающим ее. Поэтому и избрание архипастыря происходило необыкновенным образом. По совершении молебного пения Московским митрополитом Макарием из четырех жребиев взят был один со святого престола, и это был жребий св. Гурия; потом взят один из двух, и это был опять жребий того же избранника. В 1555 году, 3 февраля, святой Гурий собором архипастырей был рукоположен в сан архиепископа Казанского.

В новопокоренном царстве Казанском открыта, по определению собора 1555 года, новая архиепископия, к которой причислены: Казань, Свияжск, Нагорная сторона и вся Вятская земля. Вместе со святителем Гурием в далекий Казанский край отправились бывший архимандрит Старицкого Успенского монастыря, который жил тогда на покое в Иосифо-Волоколамской обители, святой Герман († 1567; память 6/19 ноября) и игумен Песношского монастыря святой Варсонофий († 1576; память 11/24 апреля). В них святитель Гурий провидел своих верных помощников и преемников.

Само путешествие святителя Гурия в Казанскую епархию стало миссионерским и патриотическим. На Красной площади в Москве 26 мая 1555 года, в неделю Святых отец, он освятил основание каменного Покровского собора (который впоследствии стал именоваться храмом Василия Блаженного), заложенного царем Иоанном Грозным в благодарность за взятие Казани. В соборной церкви Симонова монастыря святитель Гурий совершил Божественную литургию. В Симоновом монастыре в 1380 году были погребены тела героев Куликовской битвы – преподобных схимонахов Александра и Андрея. Святитель Гурий как бы брал у них благословение на продолжение их подвига – проповедь Православия в мусульманском мире, защита отечества, просвещение татарского народа и вовлечение его в культурное общение с Россией.

Новый первопрестольник Казанский был торжественно отпущен из Москвы на судах, сопровождаемый крестами и

хоругвями. В каждом городе встречаем был молебствиями и сам совершал молебствия, так что все путешествие святителя до Казани было почти непрерывным молением. Достигнув границы своей епархии, там, где назначено было построить город Чебоксары, святитель по черте города совершил крестный ход и потом отслужил литургию. Еще поныне здесь читается Владимирская икона Божией Матери, которой святитель благословил городок – будущий рассадник христианства между чувашами и черемисами. И так в течение всего путешествия освящались города и села, читалась особая молитва, составленная первым русским митрополитом святителем Иларионом († ок. 1053; память 21 октября/3 ноября).

28 июля 1555 года, в воскресенье, святитель Гурий прибыл в Казань. После Божественной литургии в соборе был читан синодик так, как он читался ранее в первую неделю Великого поста, чтобы новоосвященная епархия не потерпела в себе никакого лжеучения, но утверждалась в Православии.

На Казанской кафедре святитель Гурий в духе любви приводил к православной вере магометан и язычников, всех новокрещеных учил жить по заповедям Спасителя, ходатайствовал о нуждах татар, даже если они не принимали крещения. Труден был подвиг святителя. Татары, только что присоединенные Русским государством, переносили свою вражду и на христианскую веру. Каждый воскресный и праздничный день святитель Гурий проповедовал пастве. Он нес мир, любовь и доверие. Чтобы миссионерское дело развивалось успешно, святитель Гурий основал на второй год после своего прибытия Зилантов монастырь. В нем была устроена школа, в которой монастырские старцы обучали читать, писать и правильно понимать Священные книги. Даже царю очень понравилось такое начинание святителя, он писал Гурию: «Доброе это дело, помоги тебе Бог, хорошее дело – старцам учить детей и обращать поганных в веру Христову». Обучение детей шло так успешно, что казанцы и впоследствии никогда не начинали учить своих детей грамоте, не испросив благословения от святителя Гурия при его мощах усердной молитвой.

За восемь лет, проведенных святителем Гурием в Казанской епархии, было устроено четыре монастыря, более десятка городских церквей, выстроен Благовещенский кафедральный собор.

В 1561 году святитель Гурий тяжело заболел. Только в самые великие праздники его приносили в храм к Божественной литургии. Во время службы святитель Гурий сидел или лежал, не имея сил стоять. Но душа святителя была так же добра и ревностна к делу Божию, словно не было болезни. «Душевные силы, – говорил святитель Гурий, – увеличиваются по мере того, как уменьшается удовлетворение плоти... Все настоящее время есть время трудов. Вознаграждение получается в жизни будущей. Небесные радости будут дарованы только тому, кто на земле подвизается и для получения благ нетленных оставляет тленные. Должно подвизаться несмотря ни на какие трудности и неудовольствия, ибо *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас (Рим. 8, 18)*».

2 декабря 1563 года святитель Гурий принял от святого Варсонофия великую схиму. Скончался он 5 декабря около 2 часов ночи и был погребен за алтарем соборной церкви Преображенского монастыря, созданного его любимым учеником святым Варсонофием.

Спустя 32 года после кончины святого Гурия и через 20 лет со времени преставления святого Варсонофия, по повелению царя Феодора Иоанновича, начали строить на месте деревянной каменную церковь в честь Преображения Господня. Когда начали копать рвы и выкопали гробницы святых Гурия и Варсонофия – 1596 года, 4 октября, – то возвестили о сем митрополиту Ермогену, бывшему тогда архипастырем Казани. Митрополит, совершив литургию и панихиду, пришел в монастырь со всем освященным собором. Необычность вида нетленных гробов исполнила святителя благоговейным дерзновением открыть гробы при большом стечении народа. Сам святитель Ермоген так описывает это событие: «Видехом диво, его же не надеяхомся. Рака бо святого бе полна благоуханна мира, как чистой воды, мощи же святого Гурия

вверху мира, яко губа, ношахуся. Нетлением бо одари Бог честное и многотрудное его тело, яко и ныне зрится всеми. Токмо мало верхняя губы тление коснуся, прочие же его уды целы быша, ничем же невредимы. Осязахом же и погребальные ризы его и бяху крепки зело. Потом же открыхом раку преподобнаго Варсонофия и видехом: многим нетлением почтени от Бога мощи святаго Варсонофия. К ногам преподобнаго тление коснулося, но обаче не токмо кости не разрушены, по крепки бяху зело и никакоже слабости в составе имуще, яко же и Гурия святителю. И погребальные ризы такожде, яко Гурию преподобному, новых крепчае». Честные мощи святителей переложили из тех гробов в новые ковчеги и при пении надгробных песнопений поставили поверх земли, чтобы все приходящие могли видеть и с верою лобызать их. Возвещено было о сем письмом царю Феодору Иоанновичу и патриарху Иову. Благочестивый царь и Святейший Патриарх, весь царский синклит и множество народа, узнав о сем, прославили Бога, прославляющего святых Своих. Благочестивый царь повелел хранить святые и многоцелебные мощи святителей в особом приделе, с южной стороны алтаря большой церкви, которая ради этой святыни вскоре была благолепно украшена.

20 июня 1630 года, по благословению митрополита Матфея, мощи святителя Гурия были перенесены из Спасо-Преображенского монастыря в Казанский кафедральный Благовещенский собор. В честь этого события было установлено ежегодное празднование. Святые мощи покоились в позлащенной гробнице под резной сенью. В том же соборе хранились риза и посох святителя Гурия.

Силу нетленных мощей первый испытал на себе инок Иоасаф. Ему пришла дерзкая мысль открыть раку святого Гурия из простого любопытства, но едва коснулся он, как руки стали гореть и их корчило нестерпимой болью. Познав свой грех, он стал молить святителя о помиловании и был исцелен не только от новой болезни, но и от долго томившей его лихорадки.

Особенно замечательно исцеление дьяка Панкратьева. Он так болен, что был близок к смерти. В тяжком страдании

молился он Богу и призывал в помощь новоявленных чудотворцев Казанских. Затем в тонком сне казалось ему, что он в соборном храме видит архиепископа Гурия; святитель хотел взять его за правую руку, но он пал на землю. Тихо подняв его, святой сказал: «Не скорби, раб Божий Иоанн, Господь помиловал тебя – и ты будешь здоров; но иди и благословись у друга моего Варсонофия». Святитель сам повел его к правому углу собора, где стоял епископ Варсонофий, и сказал: «Брат Варсонофий! Благослови Иоанна и освободи его от болезни». Варсонофий, благословляя, сказал: «Не скорби, чадо Иоанн! По вере твоей к Богу ты будешь здоров». Мгновенно пробудясь от сна, Иоанн начал плакать пред иконой святителя и почувствовал себя здоровым.

Декабрь 6

Максим, Митрополит, блаженный

Блаженный Максим, родом грек, возведен на кафедру Русской митрополии Константинопольским патриархом из его собственного клира. В Киев, кафедральный город своей митрополии, блаженный Максим прибыл в 1283 году, на третий год по смерти своего предшественника Митрополита Всероссийского Кирилла. Из Киева новый первосвященник немедленно отправился в Орду к хану Тода-Мангу, вероятно, по нуждам Русской Церкви, а быть может и с каким-нибудь важным поручением от греческого императора Андроника старшего. В 1284 году, возвратившись из Орды, блаженный Максим созвал в Киев на Собор всех русских епископов. К сожалению, летописи более ничего не говорят об этом Соборе и можно только догадываться о том, зачем этот Собор был созван: очень вероятно, что митрополит Максим привез что-нибудь важное для Церкви из Орды от хана или еще ранее из Константинополя от патриарха.

С половины XII века Киев, «мать градов русских», постепенно утрачивает прежнее значение средоточия государственной жизни Русской земли: он разделяет одинаковую участь со всей Южной, или Приднепровской, Русью. Южную Русь вели к неизбежному запустению как недостатки ее внутреннего строя, так и невыгодное положение на окраине Европы, по соседству со степями, населенными полудикими кочевниками, исконными врагами Руси. Обнищание земледельческой рабочей части населения, становившейся все в большую и большую зависимость до полного порабощения от немногочисленной, но богатой и влиятельной земледельческой части; усобицы князей, сопровождавшиеся разграблением области побежденного князя-соперника и уводом в плен всех ее жителей, которых как рабов поселяли на землях князя-победителя и его дружины; наконец, двухвековая изнурительная борьба с половцами, которые делали беспрестанные набеги на смежные со степью границы Южной Руси, обращали в пустыри области, города, нивы и пастбища, а во второй половине XII

века почти отрезали Киевскую Русь от черноморских речных путей, а грекам – от главного источника ее обогащения – таковы причины, в корень подрывавшие общественный порядок и благосостояние Киевской Руси и делавшие жизнь в ней прямо невозможной. Поэтому с половины XII столетия население Южной Руси начинает отливать из Приднепровья двумя неравномерными струями: меньшая часть населения уходит на запад, на верховья Днестра и Вислы, вглубь Галиции и Польши, а большая – на северо-восток, в междуречье Оки и Волги. Вызванное этим отливом населения запустение Южной Руси было настолько велико, что стольный Киев обеднел и обезлюдел. Разгром Киева татарами в 1240 г. надолго обращает его в ничтожный городок, беззащитное население которого терпело страшное угнетение с южной стороны от Литвы, а с другой стороны – от татар. В то время, как Южная Русь падает, Северная, благодаря необычному наплыву переселенцев из Приднепровья, возвышается, и сюда, естественно, за населением переносится средоточие государственной и церковной жизни Руси. Так Суздальская северо-восточная область, малозаметная еще в начале XII века, спустя столетие выступает как господствующее княжество всей Русской земли. Поэтому уже предшественник блаженного Максима Киевский митрополит Кирилл большую часть своего управления Русской Церковью проводил в разъездах по своей обширной митрополии, не только из желания лично надзирать за своей паствой, но и тяготясь тем несоответствием, какое получалось от сохранения за захудалым Киевом прежнего значения в церковном управлении. Во время своих путешествий по митрополии Кирилл часто приходил в Северную Русь между прочим для свидания с ее великими князьями; он даже здесь и скончался, в Переяславле Залесском.

Точно так же поступал и блаженный Максим. Летопись говорит о нем, что он «по обычаю своему ходил по всей Русской земли, уча и исправляя дела церковныя». В 1285 году блаженный Максим из Киева отправился на север, в Суздальскую область, а отсюда прошел в Новгород, так как здесь временно находился великий князь Димитрий

Александрович. Из Новгорода митрополит заходил в соседний Псков. Затем скудные исторические сведения о блаженном Максиме сообщают, что в 1288 и 1289 годах он проживал в Киеве; здесь за это время блаженный Максим рукоположил несколько епископов: в 1288 году – Владимирского и Суздальского Иакова и Ростовского Тарасия, а в следующем – Тверского Андрея. В 1295 году он снова посетил Северную Русь, причем неизвестно за какую вину свел с кафедры своего же ставленника, Владимирского епископа Иакова. В одно из своих архипастырских путешествий блаженный Максим посетил Галичско-Волынскую область. Здесь ему при встрече ратский игумен, будущий митрополит, святой Петр (память его 21 декабря/3 января и 5/18 октября) поднес икону Пресвятой Богородицы своего письма.

В 1299 году Киев подвергся столь сильному разграблению от татар, что весь город разбежался; поспешно удалился из Киева в Брянск, а отсюда в Суздальскую землю и блаженный Максим, решивший окончательно покинуть кафедральный город российских митрополитов и перенести столицу Русской митрополии на север, во Владимир. Хотя и раньше как сам блаженный Максим, так и его предшественник, жили в Киеве только в промежутки своих почти постоянных путешествий по митрополии, но здесь все-таки находился хозяйственный двор и дом митрополита; здесь же жили и его клирошане, или чиновники. Теперь же блаженный Максим перешел из Киева во Владимир со всем своим имуществом и клирошанами. Это перенесение кафедры из древнего города в новый блаженный Максим совершил не без колебаний: его могло смущать недовольство, с каким встретили удаление митрополита князья и пастыри Юга и непрочность великокняжеского престола на Севере, переходившего от одного князя к другому, из удела в удел. Придя во Владимир, блаженный Максим обратился с теплой молитвой к Богоматери, прося Ее о вразумлении, и Благостная Матерь всех христиан утешила смятенного митрополита Своим явлением и одобрила его избрание Владимира кафедральным городом. Во Владимирском Успенском соборе хранится икона Максимовской Божией

Матери, на которой Пресвятая Богородица изображена стоящей во весь рост, а перед Богоматерью коленопреклоненный блаженный Максим, приемлющий из Ее рук омофор. Подпись на иконе так объясняет ее происхождение: «Сей святой и чудотворный образ Пресвятыя Богородицы написан бысть в лето 6807 (1299) по видению Максима, митрополита Киевского, гречанина родом, егда ему пришедшу от Киева во Владимир и от путнаго шествия в келлии своей мало уснув, абие видит, яко наяве свет велик и необычен, и в том свете явися ему Пречистая Дева Богородица, держаще на руку Превечнаго Младенца, и рекла: «Рабе Мой Максиме, добре сотвори, яко пришел еси семо посетити град Мой». И подав ему омофор, рекла: «Приими сей омофор и паси во граде Моем словесныя овцы». Он же прием возбудися от сна и в келлии никого не виде, а омофор обретесе в руце его. Он же страхом объят бысть на мног час, абие (тотчас) поведа великому князю Андрею, и построиша ковчег злат и положиша в него той омофор, и прославися сие чудо по всей Русской земли и в Палестине, и повеле митрополит написати сей образ тем подобием, якоже виде. Омофор же во время безбожного царевича Талича, егда плени град и разори, где скончася (куда пропал) неизвестно».

Перенесши столицу митрополии из Киева во Владимир, блаженный Максим перевел епископа Владимирского Симеона на праздную кафедру Ростовскую, а Киев с принадлежавшей ему епархией оставил за собой, как старшую столицу. Таким образом у митрополита явилось две епархии, причем Киевская находилась в ведении его наместников.

Летом 1300 года блаженный Максим с двумя епископами – Ростовским Симеоном и Тверским Андреем – был в Новгороде для рукоположения Новгородского архиепископа святого Феоктиста (память 23 декабря/5 января). В 1304 году по смерти великого князя Андрея Александровича возникает распря из-за великокняжеского престола между Георгием Даниловичем Московским и святым Михаилом Ярославичем Тверским, до которого по праву старшинства дошла очередь великого княжения. Святой Михаил отправился в Орду за утверждением на великом княжении, туда же за ним последовал и Георгий

Данилович. Когда московский князь зашел по пути во Владимир, то блаженный Максим усердно молил его не ходить в Орду и не искать там великого княжения, ручаясь, что князь Михаил его не обидит. Георгий успокоил святителя, что едет к хану не за великим княжением, но обманул его.

Это пастырски-миротворное вмешательство блаженного Максима в распри князей не предупредило ожесточенной борьбы московского князя с тверским, которая наполняет все время правления преемника блаженного Максима святого Петра. Но все-таки он имел утешение видеть во Владимире на столе великого княжения святого Михаила.

О церковно-правительственной деятельности блаженного Максима не сохранилось сведений за исключением дошедшего до нас его устава, или правила, о посте в среду и пяток. Вопрос этот еще ранее, в половине XII столетия, волновавший Русскую Церковь, был уже решен на Константинопольском патриаршем Соборе в том смысле, чтобы наша Церковь следовала уставу Церкви Греческой. Поэтому в своем правиле блаженный Максим лишь воспроизводит устав Греческой Церкви о посте в среду и пяток, только он излагает его более подробно, чем постановление помянутого Собора, очевидно, желая упрочить порядок родной ему Греческой Церкви среди своих пасомых. Устав блаженного Максима совершенно отменяет пост, оставляя его, впрочем, на произволение желающих, в среду и пяток Пасхальной недели, в среду Преполовения, в среду и пяток недели Святого Духа (по Пятидесятнице), в неделю от Рождества Христова до Васильева дня (1/14 января) и в неделю перед мясопустом. Отменяется пост в среду и пяток также в том случае, если в какой-либо из этих дней прилучится праздник или Рождества Христова, или Богоявления Господня. Кроме того, пост уставом ослабляется (дается разрешение есть рыбу, но не мясо) в следующие праздники, павшие на среду или пяток: в праздник святых апостолов Петра и Павла, в Преображение Господне, в Успение Пресвятой Богородицы и в праздник святого апостола Филиппа. К уставу о посте в среду и пяток блаженный Максим присоединил предписание о строгом соблюдении поста (нельзя есть мяса и рыбы) в канун Рождества

Христова и Богоявления. К уставу блаженный митрополит прилагает также и просьбу, обращенную к пасомым, не вступать в супружеское сожитие без церковного венчания; о живущих же с женами без благословения церковного митрополит дает повеление священникам настойчиво умолять и понуждать таких лиц исправить грех свой – венчаться в церкви, будут ли они старые или молодые. Этим предписанием святитель вооружался против давнишнего беспорядка в нашей Церкви, идущего от первых веков христианства на Руси.

Скончался блаженный Максим 6 декабря 1305 года и погребен во Владимирском Успенском соборе, у юго-западного угла его.

В древних рукописных святцах блаженный Максим именуется «святым и чудотворцем»; известно сказание «о святом и блаженном митрополите Максиме». Имеются его изображения: на восточных вратах Владимирского Рождественского монастыря находится изображение Богоматери, а перед Нею изображение коленопреклоненного святителя Максима, князя Андрея Боголюбского с его сыном Глебом, святого Александра Невского, великого князя Георгия Всеволодовича и мученика Аврамия. Было изображение святителя и над его гробницей. О мощах святого Максима существует следующее известие от половины XIX столетия: «рассказывают, что при поправке пола в соборе нечаянно сдвинута была несколько крышка с гроба митрополита Максима, в котором видели мощи его и одежду».

Декабрь 7

Антоний Сийский, преподобный

Родители прп. Антония были зажиточными поселянами Двинской волости деревни Кехты, вышедшие из Новгорода. Никифор и Агафия – так звали их – были люди благочестивой жизни: часто посещали храм Божий, делали посильные приношения в пользу Церкви и старались исполнять заповеди Господни. Они горячо молили Господа, чтобы Он даровал им сына, и молитвы их были услышаны. В 1478 году у них родился первенец сын, которого они нарекли Андреем. Андрей отличался не только красотой лица, но и своими добродетелями. С ранних лет он был чист сердцем, кроток, незлобив, так что все любили его. Когда Андрею исполнилось семь лет, родители отдали его обучаться грамоте. Отрок быстро усвоил грамоту, а в то же время научился иконописанию и очень полюбил это занятие. Особенно часто он посещал храм Божий. Душа Андрея не лежала к занятиям родителей: сельские работы его не привлекали, ибо он хотел служить Господу. Любил он чтение. Все творения святых отцов и учителей Церкви, какие только мог достать, он изучал с великим рвением. Между тем Никифор и Агафия почувствовали приближение своей кончины, призвали всех своих детей и сказали им: «Дети, мы достигли глубокой старости, и тяжелые болезни постигли нас, как сами вы видите. Уже недалеко время нашей кончины. Ныне мы поручаем вас Богу и Пречистой Его Матери. Они станут пещись о вас во все время вашей жизни и будут вам помогать во всех ваших делах. Вы же старайтесь всегда соблюдать заповеди Божии. Милость Господня да будет с вами во веки».

Вскоре они с миром отошли ко Господу. Андрею в то время было 25 лет. По смерти родителей он переселился в Новгород и здесь прослужил одному боярину пять лет. По совету боярина вступил в брак. Но жена его через год умерла, и святой Андрей увидел в этом волю Божию. Он вернулся на родину, однако недолго пробыл там. Продав свою часть из имения родителей, он раздал бедным вырученные деньги и навсегда удалился из Кехты, чтобы служить Единому Господу.

Преподобный направился в обитель Пахомия близ озера Кено, не взяв с собой даже другой смены одежды. Верст за пять до обители его застигла ночь. Святой стал усердно просить Господа, чтобы Он указал ему путь, и после молитвы заснул. Во сне явился ему благолепный муж в светлых ризах, с крестом в руках и сказал: «Возьми крест свой и не бойся вступить на подвиг твой. Подвизайся и не страшись козней диавольских, ибо ты будешь муж желаний духовных и явишься наставником множества иноков». Осенив его крестом, дивный муж сказал еще: «Сим побеждай лукавых духов».

Святой тотчас же пробудился. Сердце его было исполнено духовной радости. Всю остальную ночь он провел в молитве. Наутро, войдя в обитель прп. Пахомия, он припал к ногам благочестивого основателя и начальника Кенской обители и с великим смирением просился в число иноков. Пахомий указывал на трудность иноческой жизни, говорил, что обитель его недавно основана, но ничто не могло удержать избранника Божия. Прозревая в пришедшем будущего подвижника, Пахомий принял Андрея в число иноков и облек в иноческие одежды, причем нарек его Антонием в честь прп. Антония Великого (память 17/30 января). Это произошло в 1508 году, когда прп. Антонию было 30 лет. Сам Пахомий стал руководить новоначальным иноком, взяв его в свою келлию. Новый иннок прежде всех являлся в храм Божий, постоянно хранил в своем сердце память о Страшном Суде и о будущем нелицеприятном возмездии. Отличаясь крепким здоровьем, он охотно исполнял самые трудные работы, занимался земледелием, трудился на поварне, усердно работая на братию. Телесным трудом преподобный умерщвлял свою плоть и тем очищал свою душу. Сильно он боролся с наваждениями злых духов и всегда побеждал их. Спал он крайне мало, соблюдал строгий пост, пищу вкушал через день и то помалу. За такую подвижническую жизнь вся братия относились к нему с любовью и уважением. Но великий своим смирением, святой Антоний тяготился людской похвалой. В то время в обители не стало иеромонаха. Преподобный Пахомий и вся братия просили Антония принять на себя сан священства. Уступая их просьбам, он отправился в

Новгород к архиепископу и принял от него священный сан. Возвратившись в обитель, подвижник начал вести еще более строгую жизнь. В монастыре была больница. В свободное от богослужения время прп. Антоний ухаживал за больными: сам готовил для них воду, омывал болящих, стирал их одежды, ободрял и утешал своим словом. Так он подготавливал себя к будущим подвигам. Любя уединение, преподобный просил Пахомия благословить его на этот подвиг. И Пахомий благословил его, видя его добродетели и труды.

Преподобный отправился искать себе пустынное место для подвигов. Его сопровождали два благочестивых инока Кенской обители Александр и Иоаким. Из Кенской обители прп. Антоний со спутниками своими поплыл по реке Онеге до речки Шелексы. Поднимаясь по течению этой реки лесами и непроходимыми дебрями, иноки пришли на реку Емцу, в которую Шелекса впадает, к порогу, называемому Темная Стремнина. Место это понравилось отшельникам, они поставили здесь хижину, а через несколько времени построили небольшой храм во имя святителя и чудотворца Николая и келлии. К трем подвижникам присоединилось еще четверо иноков: Исаия, Елисей, Александр и Иона. Место, избранное преподобным Антонием, было покрыто густым лесом и расположено вдали от человеческих жилищ. Безмолвие тихой пустыни нарушалось только горячими молитвами иноков да пением птиц. Сурова была природа, суровы были и подвиги иноков. Только Господу Богу и самим подвижникам было известно, сколько лишений они претерпели в это время. Семь лет провел святой Антоний со своими сожителями, постоянно молясь и трудясь. Но враг рода человеческого не мог больше сносить их благочестия. Он внушил жителям соседней деревни Скороботовой мысль, что с основанием обители земля их будет взята у них преподобным. Жители восстали против отшельников и изгнали их. Преподобный Антоний кротко удалился со своими учениками из того места и направился еще дальше на север. Снова начались странствования иноков по лесам и болотам.

Однажды прп. Антоний молился вместе с братией. Святой стоял впереди прочих с воздетыми руками. Во время молитвы к

инокам подошел рыболов Самуил. Дождавшись окончания молитвы, он приблизился к преподобному и просил его благословения. Святой Антоний благословил Самуила, затем долго беседовал с ним и просил указать место, удобное для иноческих подвигов. Самуил привел иноков к Михайлову озеру, откуда вытекает река Сия. Место это отстояло на 78 верст к югу от Холмогор и было еще более пустынно: непроходимые дебри, темные леса, чащи, болота, заросшие мхом, глубокие озера – таковы были стены, отделявшие от мира место подвигов прп. Антония. Единственными обитателями этого места были дикие звери. Здесь никогда не было человеческого жилья, одни лишь звероловы порой приходили сюда. И они рассказывали, что на этом месте не раз слышали звон колоколов и пение иноков; иногда им представлялось, будто иноки рубят лес. Отсюда составилось убеждение, что место Самим Богом предназначено для обители.

Место понравилось блаженному, и он решил здесь поселиться: на первый раз поставил здесь часовню и келлии. Так была основана знаменитая впоследствии Сийская обитель. Это произошло около 1520 года, когда преподобному было 42 года от рода. Вначале инокам приходилось переносить много лишений. Сам преподобный вместе с другими иноками вырубал лес и копал землю. Этим подвижники добывали себе скудное пропитание. Питались и «саморастущими былиями», то есть ягодами, корнями трав и грибами. Но часто не хватало им масла, хлеба и соли, приходилось терпеть голод. Однажды скудость была столь велика, что иноки стали роптать и даже хотели оставить то место. Но Господь помог прп. Антонию. Неожиданно явился неизвестный христороубец, который доставил братии муку, масло, хлеб и дал еще средства на строение обители. Христороубец сказал о себе инокам, что он совершил далекое путешествие и теперь идет в Великий Новгород, обещал возвратиться к ним, но уже более никогда не возвращался.

Около того времени сборщик дани от Новгородского владыки – новая обитель находилась в области Великого Новгорода – Василий Бебрь, думая, что у прп. Антония много

денег, подговорил разбойников ограбить иноков. Но Господь хранил Своих верных рабов. Когда хищники хотели напасть на обитель, им показалось, что ее охраняет множество вооруженных людей. Они засели в лесных дебрях, окружавших то место, но не могли дожидаться удобного времени для нападения. Потом, гонимые ужасом, побежали, и когда обо всем сообщили Бебрю, он понял, что Сам Господь защищает иноков; пришел к прп. Антонию, упал перед ним на колени и раскаялся в своем согрешении. Старец кротко простил его.

Слух о подвигах преподобного и сожителей его распространился по окрестностям, и многие стали приходить к ним и доставлять средства к жизни. Некоторые принимали пострижение от руки подвижника. Когда число учеников умножилось, прп. Антоний послал в Москву учеников своих Александра и Исаию. Они должны были испросить у великого князя Василия Иоанновича разрешение на постройку новой обители. Великий князь милостиво принял иноков, вручил им грамоту на землю, которую занимал монастырь, пожертвовал церковную утварь и ризы. С радостью были встречены иноки, принесшие из Москвы грамоту и пожертвования. Прп. Антоний начал усердно строить обширный деревянный храм во имя Пресвятой Троицы. Наконец храм был окончен. Местную икону Живоначальной Троицы, по преданию, писал сам святой Антоний. Но Господь хотел испытать терпение рабов Своих. Раз после утреннего пения, когда прп. Антоний с братией был на работе, от оставшейся непогашенной свечи храм, выстроенный с таким старанием, сгорел. После сего братия даже хотели разойтись. Они были утешены лишь тем, что местная икона Пресвятой Троицы осталась совершенно неповрежденной. Тогда построили новый храм, и чудно сохранившаяся икона была торжественно внесена в него. Вскоре от нее по молитвам святого недугующие стали получать исцеления. Кроме этого храма преподобный выстроил еще две церкви: одну – в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, другую – во имя прп. Сергия, Радонежского чудотворца, к которому преподобный часто обращался в своих молитвах. Когда обитель была устроена, братия стали просить подвижника, чтобы он принял

игуменство. Смиранный подвижник должен был уступить настойчивым просьбам братии и принять на себя управление монастырем.

Несколько лет он управлял обителью и показывал всем добрый пример. Ежедневно являлся преподобный в храм Божий и, стоя на Божественной службе от начала до конца ее, не опирался на жезл, не прислонялся к стене. И за братией следил, чтобы соблюдали благочиние в церкви: не переходили с места на место, не выходили вон без нужды. Предписывал братии неопустительно исполнять и келейное правило. По окончании молитвы подвижник первый являлся на работу и здесь подавал братии пример трудолюбия. Любил он и Божественные книги и собирал в своей обители писания отцов и учителей Церкви. Проводя ночи в молитве, преподобный отдыхал, лишь ненадолго забываясь сном после трапезы. Пища его была такая же скудная, как и братии; одежда ветхая, покрытая заплатами, как одежда нищих, так что никто из посторонних не узнавал в преподобном начальника обители. Заботливо обходил подвижник монастырские службы – пекарню и поварню, ободрял братию, несущих эти тяжелые послушания, и советовал им избегать праздных бесед. С особенной любовью посещал прп. Антоний монастырскую больницу, наставлял болящих иноков с благодарностью переносить недуги и непрестанно молиться, памятуя о приближающемся смертном часе. Для ухода за больными преподобный поставил особого надзирателя. Было установлено в обители строгое общежитие – общая и для всех равная пища и одежда. Хмельные пития запрещались совершенно, предписывалось не принимать их и от христоробцев, даже не допускать принесших к монастырю. «И сим уставом блаженный возмoже пьянственного змия главу отторгнути и корение его отсеци», как свидетельствует жизнеописатель преподобного. Много заботился подвижник и о нищей братии: обязал иноков подавать нескудную милостыню, делал это нередко и сам тайно от братии, боясь вызвать их ропот.

Слыша о строгой жизни святого, миряне стали приходить к нему, прося его молитв, и некоторые поступали в число братии.

Всех иноков собралось в обитель 70 человек. Многие между ними отличались святостью своей жизни и духовными трудами; один из них, Иона, составил потом житие своего духовного отца и наставника.

Но преподобный Антоний тяготился людской славой. После нескольких лет управления обителью, избрав на свое место Феогноста, мужа опытного в духовной жизни, он оставил игуменство и вместе с одним простым иноком удалился из обители в уединенное место. Сначала прп. Антоний поселился на острове Дубницкого озера, в трех поприщах от обители, вверх по течению реки Си. Остров был весьма красив и удобен к пустынножительству. Обошел его преподобный, осмотрел и возлюбил: остров окружали озера, по берегам которых росли непроходимые леса, расстилались болота, заросшие мхами. Преподобный Антоний поселился здесь, поставил малую хижину и часовню во имя святителя и чудотворца Николая и еще ревностнее, чем прежде, начал подвизаться в безмолвии, непрестанной молитве и трудах: рубил лес, очищал место для посева, копал землю своими руками, сеял хлеб и питался от трудов своих, а оставшийся хлеб отсылал в монастырь. Ночью, по вечернем правиле, подвижник до самой заутрени молол муку, в летние ночи обнажался до пояса и отдавал свое тело на съедение комарам.

Господь сподобил подвижника дара прозорливости. Юный инок Сийского монастыря Филофей, боримый искушением, задумал уйти в мир, расстричься и жениться. Но ему пришла благая мысль зайти к преподобному в пустыню и принять от него благословение. Увидев Филофея, подвижник обратился к нему с такими словами: «Что это, чадо, пришел ты сюда, смущаемый от злого помысла? Хочешь уйти в мир, расстричься и думаешь утаить это от меня». Услышав свою тайну из уст преподобного, Филофей устрасился, упал к ногам его и во всем признался. Подвижник поднял его, ободрил и после наставления отпустил в монастырь.

Через некоторое время прп. Антоний отошел в другое уединенное место за пять поприщ от прежнего, на озеро Падун, и, поставив там себе келлию, предался молитвенным подвигам.

Это место было окружено горами; на горах рос такой высокий лес, что снизу казалось – он достигает до небес. Келлия преподобного приютилась у подножия этих гор и как бы обсажена была кругом двенадцатью белыми березами. Печальна была эта вторая пустыня преподобного, она располагала к богомыслию и молитве. Подвижник сколотил из бревен плот и с него удил рыбу на озере для пропитания. Во время уженья он обнажал голову и плечи на съедение комарам и оводам: насекомые слетались роями, покрывали его тело, кровь струилась по шее и плечам, а подвижник стоял неподвижно. Так прожил преподобный два года вне своей обители, в обеих пустынях.

Между тем Феогност отказался от игуменства. Братия просили преподобного, чтобы он снова принял игуменство. «Отче, не оставь нас, чад своих, – говорили со слезами братия. – Иди в обитель свою и пребывай с нами. Если же не придешь, мы все разойдемся, как овцы, не имеющие пастыря». Прп. Антоний склонился на их просьбу. Снова начал управлять обителью, подавая всем пример благочестивой и подвижнической жизни. От старости он не имел уже сил исполнять тяжелые работы, но не усыпал в молитве, не ослабевал в посте.

Тогда проявился у прп. Антония дар чудотворений – награда святой его жизни.

Перед самым праздником Преображения иноки целую ночь трудились на рыбной ловле, но ничего не поймали. Печальные пришли они в монастырь, но преподобный, ободрив их, снова послал на озеро, к Красному мысу, говоря: «Чада, окажите послушание и узрите славу Божию, ибо Господь милостив: Живоначальная Троица не забудет ваших трудов и не оставит братий ваших, верно служащих Господу, на этом святом месте алчущими в великий праздник».

Иноки отправились на указанное место, закинули сеть и поймали такое количество рыбы, что долгое время питались ею и после того праздника.

От суровых подвигов и от старости тело прп. Антония высохло и ослабло, весь он сгорбился, не мог сам ходить, так

что водили его братия. Но он не прекратил своих подвигов и сидя исполнял молитвенное правило.

Видя изнеможение своего наставника и ожидая близкую кончину его, братия просили преподобного дать им письменный устав и указать себе преемника по управлению монастырем. Преподобный исполнил просьбы скорбящих учеников своих: поставил им строителя обители Кирилла, а игуменом на свое место – Геласия. Геласий в то время был за морем, на реке Золотице, посланный по делу. Кирилл находился в монастыре, и подвижник обратился к нему с предсмертным наставлением: убеждал нерушимо соблюдать устав монастырский – в церковной службе, в пище и питии, равно любить братию и быть всем слугой; всякие монастырские дела обсуждать со всей братией на трапезе и без совета с ними не делать ничего, чтобы не было в монастыре неудовольствий; предписывал посещать больных братий и особенно о них заботиться.

Затем обратился к собравшимся братиям и уговаривал их не ослабевать в молитвах, иметь взаимную любовь и единомыслие, удаляться гнева и лукавых слов, повиноваться старшим, хранить чистоту телесную и душевную, иметь пищу по уставу монастыря и совершенно избегать пьянства – не варить хмельных напитков в монастыре и не держать их, без всякого нарушения соблюдать общежительный устав обители.

Для большей же крепости своих распоряжений подвижник передал братии заветное, писанное своей рукой, содержащее и правила иноческого жития.

В назидание и руководство современным инокам приведем эти правила Сийского подвижника.

«... А которые братья ропотники и раскольники (то есть нарушители братского единения) не восхотят по монастырскому чину жить, строителю и братии не почнут повиноваться, тех изгоните из монастыря, чтобы и прочие имели страх». Впрочем, после искреннего раскаяния их следует снова принимать и держать как братию, равно как и тех раскаявшихся, которые выехали из монастыря при жизни преподобного и свезли монастырскую казну. «Да прежде всего имейте страх Божий в сердце своем, да вселится в нем Дух Святой, да научит Он вас

и наставит на истинный путь. А между собою имейте любовь и покорение о Христе друг другу, чем покроете многие грехи свои. В общежитии живите равно и духовно, и телесно, в пище и в одежде – по заповеди святых отец. Строителю не прибавляйте на трапезе ничего из пищи и питья сверх братского довольствия. То же равенство и в одежде, и в обуви. Питья хмельного не держите в монастыре, не принимайте его и от христолюбцев. Женский пол в монастыре отнюдь не должен ночевать, также и миряне (мужчины) не ночевали бы с братией и не жили бы по келлиям. Нищих пойте и кормите вдоволь и милостыню им давайте, да не оскудеет место сие святое. А братия, которые здоровы, не оставались бы без монастырского послушания ради спасения своего, исключая больных. Близ монастыря не позволяйте крестьянам ставить починков и дворов, кроме коровьего двора, да и тот пусть будет за озером. Сие, молю вас, храните – и да будет с вами милость Божия».

Когда братия спросили, где предать погребению его тело, святой ответил: «Связавши ноги, влеките мое грешное тело в дебрь и затопчите во мху, в болоте, на растерзание зверям и гадам, или повесьте на дереве на съедение птицам, или же бросьте с камнем в озеро». Но иноки прямо сказали, что не сделают этого, а честно погребут его. Накануне своей кончины преподобный приобщился Святых Христовых Таин. На следующий день, 7 декабря 1556 года, перед утреней, простившись в братией, подвижник мирно предал Господу свою душу, прожив всего 79 лет; из них 37 лет преподобный провел в пределах Сийских – в обители и пустынях. Братия честно погребли мощи его в храме Живоначальной Троицы, на правой стороне, близ алтаря.

Оставив видимым образом братию, преподобный не оставил их своей помощью, как и всех призывающих его имя. Много чудес совершилось при его чесных мощах. Укажем наиболее замечательные.

Священник соседнего села Харитон относился с завистью к памяти преподобного Антония и раз с хулою отзывался о нем. После того Харитон внезапно ослеп и скоро понял, что Господь наказывает его за хулу на святого. Тогда он начал раскаиваться

в своем прегрешении, усердно молился преподобному и снова прозрел. Благодаря Господа Бога и Его угодника, Харитон поступил после того в Сийский монастырь и здесь подвизался в трудах иноческих.

При жизни своей прп. Антоний любил писать иконы. Еще и доныне сохраняются святые иконы, писанные его рукою. И по кончине своей он покровительствовал людям, занимавшимся этим богоугодным делом. Так, игумен Сийского монастыря Питирим, заботившийся о благоукрашении обители, много писал новых икон и поновлял старые. Однажды Питирим заболел. Недуг его все усиливался, и ему стала грозить смерть. Больной молился Живоначальной Троице и прп. Антонию. И вот раз ночью, забывшись легким сном, он увидел, что от гробницы преподобного в его келлию идет благолепный старец, украшенный сединами. «Хочешь ли ты быть здоров и окончить начатое?» – спросил он у Питирима. «Хочу, но не могу», – отвечал болящий. На это старец сказал: «Святая Троица исцеляет тебя, не ослабевай в твоём деле; я, настоятель Антоний, пришел посетить тебя в болезни». Чудотворец коснулся больного игумена. Питирим почувствовал себя здоровым и с новым рвением стал заниматься иконописанием и украшением храмов обители.

Купец из Холмогор, по имени Карп, плыл по морю с Терского берега, с реки Варзуги. На ладье его среди других товаров был запас рыбы для Сийского монастыря. Поднялась сильная буря, волны вздымались, как горы, и захлестывали ладью. Гребцы уже совсем отчаялись в спасении. Вдруг Карп увидел недалеко от себя старца, который расprostер свою мантию над лодкой и охранял ее от волн. «Ты призываешь многих на помощь, – сказал изумленному дивный старец, – а меня не зовешь. Между тем в ладье твоей есть часть и нашего монастыря. Но Бог дарует тишину». «Кто ты, человек Божий?» – спросил купец. «Я Антоний, начальник обители на Михайлове озере, на реке Си», – сказал старец и стал невидим. С этого времени буря стала стихать и подул попутный ветер. Прибыв благополучно в Сийскую обитель, Карп возблагодарил за свое

спасение прп. Антония и вскоре принял иноческое пострижение в его обители.

Тимофей, по прозванию Рябок, живший в десяти поприщах от обители, ослеп и ничего не видел два года. Наступил праздник Живоначала́ной Троицы; в Сийскую обитель шли богомольцы. Слепой слышал это движение и горько плакал о том, что не может идти с богобоязненными людьми. Горячо молясь Пресвятой Троице и преподобному, Тимофей попросил свести себя в обитель и всю дорогу продолжал мысленную молитву. Вдруг он почувствовал, что начинает видеть как бы некую слабую зарю; потом начало зеленеть в его глазах: это он видел лес, которым шел. Обрадованный Тимофей боялся поверить своему исцелению и ничего не сказал спутникам. Желая испытать свои глаза, он начал всматриваться в дорогу, которой шел, и разобрал тропу. Сердце его наполнилось радостью и восторгом, но он утерпел и все еще не говорил о своем исцелении. Придя в храм обители, Тимофей увидел чудотворный образ Живоначала́ной Троицы и другие иконы, увидел горящие свечи и тогда во всеуслышание возблагодарил Господа и Его ученика за свое чудное исцеление.

Много и других чудес происходило по молитвам сего великого угодника Божия во славу Пресвятой Троицы.

Многочисленные чудеса, совершавшиеся при гробе прп. Антония, побудили братию Сийского монастыря при упомянутом игумене Питириме хлопотать перед царем Иоанном Васильевичем Грозном о причтении преподобного к лику святых. Это и было совершено спустя 23 года после кончины преподобного, в 1579 году: прп. Антоний причтен был к лику святых, чтимых всей Русской Церковью.

Нил Столобенский, Новгородский чудотворец

Прп. Нил Столобенский родился в конце XV столетия в одном селе Новгородской области, Деревской пятины, Жабенского погоста. Кто были родители преподобного и какое имя носил он в миру – неизвестно. Известно только, что отец и мать его вели благочестивую жизнь и воспитали сына в страхе Божиим. С ранних лет отрок воспламенился любовью к Богу и, оставив родительский дом, удалился в Псковскую область, в монастырь святого Иоанна Богослова, именуемый Крыпецкий. Здесь он принял пострижение в монашество и был назван Нилом, во имя Нила Постника, подвижника Синайской горы. Приняв на себя ангельский образ, прп. Нил начал проводить высокую подвижническую жизнь, удручая плоть свою строгим воздержанием. Сколько лет подвизался преподобный в обители – неизвестно. Оставив Крыпецкий монастырь, преподобный около 1515 года ушел в лесную пустыню и остановился в Ржевском уезде в дремучем лесу, близ реки Серемхи. Подвижник питался здесь лесными травами и желудями. Измождая плоть свою, он укреплял душу непрерывным богомыслием, постом, бдением и молитвой.

Видя высокую жизнь пустытника, исконный враг нашего спасения диавол восстал на него со всей злобой. Первоначально он старался утратить святого и изгнать его из пустыни разными привидениями. Принимая на себя вид страшных зверей, змеев и гадов, бесы устремлялись на святого с диким свистом и воплем. Святой же, как мечом, отражал демонские нападения крестным знаменем и усердными молитвами. Посрамленный твердостью пустытника, диавол внушил разбойникам замысел убить святого Нила. Но преподобный, принеся молитву Богу о помощи, бестрепетно вышел к ним навстречу со своей келейной иконой Пресвятой Богородицы, и сила Небесной Заступницы превратила злодеев в боязливых и кротких людей. Разбойникам показалось, что святого сопровождает целый полк вооруженных воинов; в ужасе они упали на землю к ногам прп. Нила и, открыв ему свое злое

намерение, просили прощения в грехе. Кроткий и незлобивый подвижник сказал им: «Не ваше это дело, чада, но общего нашего врага, дьявола, ненавистника всего доброго в роде человеческом». И преподав им наставление, преподобный с миром отпустил разбойников.

По-прежнему он прилагал труды к трудам и подвиги к подвигам, воссылая день и ночь благодарные молитвы к Богу.

Прошло несколько лет со времени поселения прп. Нила в пустыне Серемхской. По окрестным селениям прошел слух о его богоугодной жизни, и многие из благочестивых жителей этих селений стали приходить к святому за молитвой и наставлением. И все они получали от него, как от неоскудевающего источника премудрости и благочестия, великое утешение, и преподобного Нила превозносили похвалами за его дивные подвиги и милосердие. Тяжело было смиренному подвижнику от похвал людских. Боясь потерять награду от Бога за свои труды, он сказал сам себе: «Что мне делать? За грехи свои я несу подвиг пустыни. Сам Владыка Мой Христос дал нам пример смирения и не велел добрые дела творить напоказ людям, но совершать их в тайне, чтобы Отец наш Небесный, видя в тайне, воздал явно. Лучше мне отойти от места сего, ибо, принимая честь от людей, могу сделать тщетными труды свои и, изнузив свою плоть, боюсь лишиться награды». И с того времени прп. Нил начал днем и ночью молиться Богу и Пречистой Его Матери, взывая к Ней: «Пресвятая Владычица, Мати Христа Бога нашего! Ты знаешь, что всю мою надежду по Боге я на Тебя возлагаю. Ты же Сама, как ведаешь, наставь меня на путь, которым я должен идти, чтобы спастись».

Мать Божия исполнила его прошение: однажды преподобный на молитве немного задремал и вдруг услышал голос, говорящий ему: «Нил! Выйди отсюда и иди на остров Столобное; на нем ты можешь спастись». Преподобный исполнился радости, слыша небесный глас, благодаря Пречистую Богородицу, что не презрела моления его. С тех пор подвижник сам стал расспрашивать об этом острове своих посетителей. Ему сказали, что остров Столобное находится на

озере Селигере, в семи верстах от города Осташкова, что место то пустынно и никто не живет на нем. Получив нужные сведения об острове, преподобный оставил Серемхскую пустыню, в которой подвизался 13 лет (с 1515 по 1528 гг.), и с радостью отправился в путь, возложив надежду на Бога, Спасителя человека.

Пришедши на остров Столобное, прп. Нил обошел его, увидел, что он весьма удобен для уединенного безмолвного жития, и поселился там. Остров этот очень невелик; на нем рос вековой лес, а в лесу вызревало множество всяких ягод. Преподобный возлюбил это красивое место, окруженное со всех сторон водами Селигера. На острове Столобном возвышается гора, тогда покрытая сосновым бором. Поднявшись на гору, преподобный молитвой благодарил Бога за то, что не презрел моление его, но привел на место сие. «Се, Господи, покой мой, – говорил пустыльник, – се жилище мое во веки веков».

После слезных молитв подвижник начал устраивать себе жилище. Он выкопал в горе небольшую пещеру, в которой находил кратковременный покой от трудов своих. В ней он прожил одну зиму; с наступлением весны из леса, росшего на острове, построил себе на той же горе небольшую келлейку и часовню. В строгом уединении преподобный начал свои труды и подвиги, радуясь духом, вознося ум свой к небесному, помышляя всегда о часе смертном и о праведном воздаянии в будущей жизни; тело и душу он упражнял во всеобщих стояниях и молитвах; беспрестанно поучался в законе Господнем и изливал душу свою пред Господом во *псалмах и пении и песнях духовных, поя и воспевая в сердце своем Господу (Еф. 5, 19)*, «ибо на Него, – говорил святой, – уповала душа моя и Он был мне помощником».

Пищу преподобный приобретал своими трудами: он возделывал землю мотыгой, сеял хлеб и сажал овощи, и таким образом ел хлеб, по слову Писания, в поте лица своего (*Быт. 3, 19*). Ненавистник добра диавол воздвиг брань на преподобного и здесь, на острове Столобном, как прежде в пустыне Серемхской. Однажды он явился подвижнику видимым образом и обратился к нему с такими словами: «Выйди отсюда, монах,

зачем ты пришел на это место? Сам видишь, что место это пусто и ни к чему не пригодно, а окрестные жители злы. Зачем ты хочешь трудиться здесь без пользы?» Преподобный же, оградив себя крестным знаменем, произнес псалом: *Да воскреснет Бог и расточатся врази его (Пс. 67, 1)*. Тогда диавол исчез, как дым, и стал невидим.

В другой раз, когда Нил оканчивал в келлии своей всенощное бдение, диавол пришел к нему в видении с целым полчищем бесов. Они принесли с собой веревки и, окружив келлию святого, как будто оцепили ее веревками и неистово кричали: «Потащим келлию и бросим ее в озеро». Но блаженный не уstraшилcя, он вознес пламенную молитву к Богу об избавлении от напасти и говорил: *«Внуши, Боже, молитву мою, и не презри моления моего (Пс. 54, 1)*. Господи, Защитниче мой! *Обыдоша мя беси, яко пчелы сот, и разгорешася, яко огонь в тернии, и именем Господним противляхся им (Пс. 117, 2)*». Услышав слова молитвы, сатана со всем воинством возопил: «Не знаю, что мне и делать теперь. Вот, ты совершенно победил меня и все воинство мое. Но знай, что я не отступлю от тебя, пока не одолею и не смирю тебя». Преподобный с твердым упованием на Бога дерзновенно ответил диаволу: «Будь ты проклят, нечистый, и все дела твои. Слава же и честь и поклонение Единому Истинному Богу нашему, попирающему и повергающему тебя под ноги любящих Его. Знай ныне, окаянный и бесстыдный, что я и все уповающие на имя Господне не убоимся тебя и всех привидений твоих».

Так при всех ухищрениях своих дух злобы не мог отвлечь преподобного от любви Христовой, удалить его с пустынного острова и, побежденный крепким дерзновением к Богу, оставил святого.

Ненависть людей также оказалась бессильной против подвижника, одинокого и безоружного, но сильного надеждой на Господа. Так, в одно время жившие против Столобного острова поселяне, завидуя святому, что он – дальний и чуждый пришелец – один владеет и пользуется островом, а они – соседние жители – не извлекают из него никаких выгод, пришли на остров рубить лес, чтобы потом сжечь его здесь же и

распахать землю для посева. Преподобный умолял их: «Оставьте мне бор, по крайней мере, на одной горе». На этой горе была келлия его. Но они не послушали подвижника. Возбуждаемые бесовским внушением и завистью, крестьяне хотели совсем прогнать преподобного с уединенного острова или предать его смерти. Они вырубили весь лес, оставив одну только сосну близ жилища преподобного. Затем зажгли срубленные деревья, надеясь, что огонь дойдет до келлии святого и она сгорит. Действительно, огонь разлился по острову, с шумом и треском сжигая срубленные деревья, угрожая сосне, стоявшей близ келлии святого, и самой келлии и ее обитателю. Тогда святой Нил слезно молился Богу об избавлении от напасти, воспевая псалом Давида: *Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися. Да постыдятся и посрамятся ищущии душу мою, да возвратятся вспять и постыдятся хотящия ми злая* (Пс. 69, 1–3). И Милосердный Господь не оставил Своего раба, уповающего на Него, но вскоре услышал молитву его и избавил от напасти. Когда огненное пламя, с яростью истреблявшее деревья, дошло до горы, где стояла келлия святого, то вдруг, по мановению Божию, угасло, как бы залитое водою. Увидев скорую милость Божию, преподобный возрадовался духом и возблагодарил Господа, а его недоброжелатели со стыдом и страхом возвратились домой.

Но диавол, чем более терпел поражений от святого, тем с большей яростью нападал на него. Он возбудил против святого разбойников. Пришли однажды на остров к преподобному разбойники, называемые «кочененки». Они думали, что у преподобного много сокровищ, и хотели воспользоваться ими. Преподобный в то время трудился вне келлии. С угрозой они кричали пустыннику: «Старик, сказывай, где твое сокровище?» Святой, ничего не имея у себя, кроме ветхого рубища и одной келейной иконы Пресвятой Богородицы, которая уже раз спасла его от разбойников, сказал им: «Чада, мое сокровище – в углу келлии». Они бросились в келлию святого, но как только посмотрели в передний угол, где стояла икона, внезапно ослепли, пораженные ее чудесным сиянием. Объятые страхом, они пали ниц на помост келейный и плакали. Преподобный

вошел в келлию и, увидев разбойников в таком положении, сказал им: «За чем пришли, чада, то и собирайте». Разбойники просили у святого прощения в своих согрешениях и открыли ему все бывшие у них злые намерения против него. Преподобный увещевал их удаляться от худых дел; они же с горькими слезами умоляли святого: «Прости нас, отче, Бога ради, прости, в чем мы согрешили пред Богом и пред тобою, и молись о нас». Видя, что разбойники с сердечным сокрушением каются в своих грехах, преподобный сжалился над ними, встал на молитву и долго со слезами молился о них Богу. И Господь, милостиво преклоняющийся на молитву рабов Своих, скоро даровал прощение покаявшимся разбойникам. После того они припали к ногам святого и воздали ему благодарение. Он отпустил их с миром, заповедуя при этом никому не рассказывать о случившемся. Разбойники при жизни преподобного молчали, по преставлении же его подробно рассказали о том.

Очистившись от страстей пустынными подвигами и терпением, преподобный Нил удостоился особых даров Святого Духа, которые проявлялись в дивных знамениях и чудесах. Преподобный сподобился дара прозрения. Наиболее богобоязненные из селигерских рыболовов посещали пустынника, когда ловили на озере рыбу, и приносили ему часть своего улова. Преподобный принимал от них рыбу с благодарением, как посланную Самим Богом, и питался ею во славу Божию. Один раз, окончив свою ловлю на озере, рыболовы пристали к Столобному острову и одного товарища послали с рыбой к преподобному Нилу. Увидев его еще издалека, святой закрыл оконце келлии своей и не отзывался на стук и зов посетителя. Рыболов возвратился к товарищам своим и рассказал о происшедшем. Товарищи спросили его: «Не сделал ли ты, брат, какого греха, что святой отвернулся от тебя?» Он сознался им в плотском грехе. Тогда рыболовы послали с рыбой к преподобному другого товарища. Святой охотно принял дар усердия и, благословив принесшего, отпустил его с миром. Придя к своим, он рассказал, как охотно

принял от него дар пустынник, как благословил его. И рыболовы дивились дару прозрения, которым обладал преподобный Нил.

Много лет подвизался преподобный на указанном ему Богом острове. На месте вырубленного и сожженного прежде селигерцами леса поднялся новый, и вот опять нашелся дерзкий человек, который приехал ночью на остров и стал рубить вновь выросший лес на дрова. Имя этого поселянина было Стефан, прозвание – Шам. Он или забыл, что было прежде при порубке леса на острове, или не верил рассказам о знамениях благодати Божией, ограждавшей преподобного, и не считал его святым. И вот когда Стефан нарубил целый воз дров и хотел уже ехать, вдруг, как страшный гром, раздался голос, говоривший: «Человече, перестань делать неприятности рабу Божию!» Крестьянин упал на землю и долго лежал, как мертвый. Когда он очнулся, как бы от крепкого сна, то опять пытался уехать с нарубленным лесом домой, но лошадь его не могла сдвинуться с места. Долго трудился Стефан, но все без успеха, и отсюда понял, что сила Божия ему не попускает съехать с острова с возом дров ради молитв преподобного. Нила. Поэтому, сложив с воза нарубленные дрова и обещаясь впредь никогда не рубить леса на Столобном острове, он отправился домой, но рассказал о чуде только после преставления преподобного.

Прп. Нил обладал также даром совета и разума духовного. Поселянин Феодор Харитонов, живший нерадиво, пришел к нему, оскверненный плотским грехом. Преподобный, хотя и допустил его к себе, но обличил в грехе и дал ему наставление и увещание вести чистую жизнь. Слушая со вниманием наставления святого, Феодор пришел в страх Божий, начал часто навещать преподобного для душеполезных наставлений, провел остальное время жизни в целомудрии и чистоте и скончался добрым христианином. Для простого народа, косневшего во тьме невежества, прп. Нил был поистине светильником пресветлым. На уединенный Столобный остров, как прежде в пустыню Серемхскую, к подвижнику приходило множество народа, жаждавшего получить от него наставление, совет, утешение или молитвенную помощь. Особенно почитали

святого и часто бывали на острове оставковские жители. Видя, какие чудеса творит Бог по молитвам угодника Своего преподобного Нила, благочестивые оставковцы с верою начали призывать угодника Божия на помощь и прибегать к его молитвам. Замечая на озере обуреваемых волнами пловцов, святой Нил своими молитвами укрощал ветры и избавлял плавающих от опасности потопления; и во всяких скорбях и напастях он был скорым помощником и утешителем для всех, призывавших имя его в подкрепление молитв своих.

Проводя дни и ночи в молитве и помышлении о Боге, прп. Нил не позволял себе и на краткое время ложиться на одр. Когда же доходил до крайнего изнеможения, то, стоя на коленях, для отдыха он опирался руками на два больших деревянных крюка, вбитые в стене его келлии. Прп. Нил живо содержал всегда смерть в памяти своей. Но чтобы еще более усилить память смертную, подвижник еще за много лет до кончины выкопал в часовне могилу и, поставив в ней вытесанный своими руками гроб, приходил к нем каждый день плакать о грехах своих.

Среди неослабных подвигов поста, бдения и молитв преподобный приблизился к исходу из сей временной жизни, и Господь даровал ему извещение об этом. Теперь подвижник усердно молил Бога, да сподобит его причаститься Святых Христовых Таин, и молитва его была услышана.

Вскоре после того, по устроению Божию, прибыл на остров Столобное для посещения преподобного настоятель Никольского Рожковского монастыря игумен Сергей, духовный отец подвижника, и принес с собою Святые Дары. Увидев отца духовного, преподобный исполнился великой радости. По его просьбе игумен Сергей исповедал и приобщил его Святых Таин. После того, беседуя с Сергием, прп. Нил исполнился пророческого вдохновения и сказал своему духовному отцу: «Отче святой! По моем отшествии к Богу на сем острове Бог воздвигнет храм в прославление Своего имени, и место сие будет жилищем иноков» (это сбылось через 40 лет по преставлении преподобного). Когда же игумен расставался с подвижником, то преподобный сказал ему: «Отче святой! Приди

опять, посети меня грешного, приди Господа ради, приди». Игумен обещался посетить преподобного и отправился в свой монастырь.

Оставшись один, преподобный всю ночь провел в своей келлии на молитве. По окончании ее, почувствовав крайнее изнеможение, он оперся подмышками на крюки и в таком положении, предстоя пред Богом на молитве, уснул вечным сном. Кончина прп. Нила последовала 7 декабря 1554 года. На другой день игумен Сергей и братия пришли посетить подвижника и нашли его уже почившим. Лицо святого было светло, как у живого; вся келлия наполнилась благоуханием. Опрятав честное тело преподобного и совершив надгробное пение, игумен Сергей с братией положили его во гроб, который сам угодник поставил для себя в часовне. Всего преподобный прожил в пустыне 40 лет; у реки Серемхи – 13 лет и 27 – на Столобном острове. Во все это время он неисходно пребывал в пустыне: не выходил ни в город, ни в села, непрестанно молился Богу, Которого возлюбил от утробы матери своей и от Которого восприял за то блага, уготованные любящим Его.

Спустя немного лет по преставлении прп. Нила на Столобенский остров пришел иеромонах Герман – из братии близлежащего Николаевского Рожковского монастыря. Много слыша о жизни и подвигах прп. Нила, он питал к нему в душе великое благоговение и любовь и желал, пополнив сведения о святом, написать его житие. Поэтому несколько раз посещал он Столобенский остров как для молитвенного общения с преподобным, так и для того, чтобы слышанное о нем проверить и пополнить на месте свидетельствами лиц, знавших преподобного. В то время пустынный остров стали посещать любители уединения, и некоторые проживали в келлии прп. Нила довольно долгое время.

Первым поселился здесь игумен одного из новгородских монастырей Антоний, с которым Герман прожил вместе на острове три года. Пустынники возобновили над могилой преподобного часовню, а поверх могилы устроили гробницу и накрыли ее покровом. Прожив три года, Антоний и Герман

оставили остров. В это время над мощами преподобного время от времени стали совершаться чудеса и знамения.

Приходящие ко гробу угодника Божия с теплой верой, больные и немощные, получали исцеление от своих недугов. Но те, которые не почитали почившего святого, не берегли места его подвигов, получали грозное вразумление. Проезжал раз озером в Осташков Иоанн Куров. Он завернул к острову Столобному, потом пошел в часовню на гроб преподобного. Куров прельстился покровом, лежавшим на гробе святого, и думал присвоить его себе. Когда он начал поднимать покров, то увидел, что вместе с ним поднимается и гробница. Иоанн так испугался, что помешался умом, проболел полгода и исцелился только тогда, когда покался перед гробом чудотворца.

Один житель Осташкова хотел срубить большую сосну перед келлией преподобного Нила, но неведомой силой был откинут далеко от нее, вразумился и просил прощения у гроба святого. Другой, рубя это дерево, сломал три топора и также с раскаянием вернулся домой. И долго после кончины прп. Нила на горе пустынного острова стояла эта сосна, видимая со всех сторон издалека, напоминавшая проезжавшим о месте подвигов пустытника.

Около 1590 года Герман снова пришел в пустыню преподобного, которая уже славилась чудесами. В то время здесь жил странник Борис Холмогорец. При помощи многих боголюбивых окрестных жителей Герман и Борис построили на Столобном острове первую деревянную церковь во имя Богоявления Господня с приделом во имя блаженного Василия, Христа ради юродивого, Московского чудотворца.

Вскоре после устройства храма двумя иноками Вознесенского Оршина монастыря был написан лик преподобного Нила. Лик преподобного писан был по рассказам тех, кто знал его при жизни и хорошо его помнил.

Вслед за этим, через 40 лет после преставления прп. Нила, при содействии Божиим собрались на острове иноки, поставили келлии, обнесли все строения оградой и начали здесь жить. Таким образом устроился на Столобном острове в честь и память прп. Нила общежительный монастырь. Обитель эта

приняла название по имени прп. Нила и называется с того времени и поныне Ниловой пустыней. Первым настоятелем (строителем) монастыря был поставлен иеромонах Герман.

После устройства обители на Столобном острове чудеса на гробе прп. Нила не переставали совершаться. Упомянем два из них.

В праздник Василия Блаженного (2/15 августа), когда в пустынь собирались богомольцы, два мальчика зашли в часовню, где находился гроб преподобного, и по неразумию начали играть, бросать один в другого рябиной. Внезапно загремел страшный гром, дети обмерли и упали на землю. Когда народ увидел мальчиков, лежавших без движения, стали служить угоднику молебен и призывать его на помощь. Дети пришли в себя и рассказали, что когда они бросали рябину, то увидели старца, который велел им перестать; они не послушали его и от страшного грома упали на землю. По усердной молитве родителей дети возвратились домой здоровыми.

Исаия Травков, слуга боярина Бельского, проезжая раз озером Селигером мимо Столобного острова, кощунственно говорил перед своими спутниками: «Хотя ты, Нил, и свят, а все-таки я проеду мимо». Когда Исаия вернулся домой, он внезапно захворал каменной болезнью. Едучи в другой раз по озеру, Исаия почувствовал себя особенно плохо, еле дышал и говорил едущим с ним, что он умирает. Тут он вспомнил о своем кощунстве, понял, что наказан преподобным, и просил привезти его на остров Столобный. Как только вынесли Исаию на остров, ему стало лучше; он сам дошел до часовни, перед гробом угодника Божия покаялся в своем безумии и получил исцеление. После того прп. Нил явился Исаии во сне и сказал: «Почему ты не заезжаешь к Нилу и говоришь, что он не творит чудес? А это разве не чудеса?» И потом по книге начал читать сказание о чудесах своих. После этого вразумленный Исаия почитал прп. Нила великим чудотворцем.

Однако, несмотря на многие чудеса, более ста лет святые мощи прп. Нила пролежали в земле. Они были обретены при таких обстоятельствах.

В августе 1665 года в Ниловой пустыни произошел пожар: церковь и все другие деревянные здания монастыря сгорели. Архиепископу Нектарию, управлявшему тогда Ниловым монастырем, пришла мысль построить в обители каменную церковь. Он испросил на это разрешение у царя Алексея Михайловича, но до начала строения не дожил (скончался 15 января 1668 года). Строеие каменной церкви пришлось начинать его преемнику по управлению монастырем игумену Герману II. По грамоте патриаршего местоблюстителя Новгородского митрополита Питирима в мае месяце 1667 года приступили к работам. Разобрана была деревянная часовня, временно устроенная после пожара над гробницей преподобного Нила, и 24 мая начали копать рвы под фундамент нового храма по составленному заранее чертежу. На другой день ров довели до того места, где по чертежу линия его проходила в полутора аршинах от гробницы преподобного.

Копали в этом месте братия монастыря под наблюдением игумена, чтобы не потревожить святые мощи, но 27 мая земля, закрывавшая их, сама собою внезапно осыпалась, и мощи преподобного обнаружались: гроб и тело истлели, а кости все оказались целы (это событие последовало через 112 лет после преставления прп. Нила).

Обретение мощей прп. Нила предуказано было монастырю некоторыми чудесными знамениями и явлением самого преподобного. С 17 на 18 мая, в третьем часу ночи, иеромонах Ниловой пустыни Леонтий и монастырские работники ловили рыбу на озере в шести верстах от монастыря и видели над ним столп огненный, который стоял от земли до неба и потом спустился на землю. За два дня до обретения мощей, на восходе солнца, когда братия начали копать ров близ гробницы преподобного, работники монастыря, ловившие рыбу в двух верстах от обители, видели над гробницей большую горящую свечу и подумали, что перед гробом чудотворца совершают молебн. В самый день обретения мощей явился прп. Нил иеромонаху пустыни Александру во время его дневного отдыха, повелевая ему воспрянуть от сна. В тот же день преподобный

явился, лежа на одре, и самому игумену Герману, как бы живой, повелевая поднять себя с одра.

Игумен Герман с братией монастыря, воздав благодарение Богу, с глубоким благоговением вынули святые мощи из земли, положили их в новый деревянный гроб и, накрыв их, поставили поверх земли. Потом отправили донесение об этом царю Алексею Михайловичу и митрополиту Питириму. В июне месяце от митрополита отправлена была в Нилову пустынь грамота, которой поручалось самому игумену с братией совершить открытие святых мощей. При этом предписывалось, переложив святые мощи в новую раку, поставить их – до окончания каменного соборного храма – в построенной на время деревянной Покровской церкви, а обретение святых мощей ежегодно праздновать 27 мая/9 июня. Когда постройка каменного храма была окончена, святые мощи торжественно перенесли сначала в придел святого Иоанна Богослова (в 1669 г.), а затем в 1671 году, когда каменный храм был освящен, поставлены здесь на правой стороне, повыше правого клироса. Со времени открытия мощей, как и ранее его, при гробе прп. Нила совершались многочисленные чудеса. Неиссякаемо изливаются они для всех истинно верующих и доныне.

Каждый год в день обретения мощей прп. Нила, 27 мая/9 июня, совершается особенное торжество в Столобенской пустыни: обнесение святых мощей вокруг монастыря и крестный ход из города Осташкова. Крестный ход отправляется в Нилову пустынь по озеру Селигеру на особо устроенной барке, на которой помещаются хоругви и иконы с духовенством; барку эту сопровождает множество богомольцев на лодках.

Декабрь 8

Кирилл Челменский или Челмогорский, преподобный

Преподобный Кирилл Челменский подвизался в XIV столетии.

Он родился в конце XIII века (годом его рождения указывают 1286 г.). 20-ти лет от роду преподобный оставил мир и поселился в Новгородском монастыре прп. Антония Римлянина, где и принял иноческое пострижение. Шесть лет пробыл новопостриженный подвижник в обители прп. Антония, а потом отправился странствовать по другим монастырям и ходил в течение трех лет. Переходя с одного места на другое, странник пришел, наконец, в 1316 году на гору Челму (в Каргопольском уезде, в 53 верстах от города, при устье реки Челмы, над озером Челмозером). В то время ему исполнилось 30 лет. Три года подвизался преподобный уединенно в пустыни. Потом пришел к нему другой подвижник, по имени Корнилий, родной брат его. Но прожив на Челме немного времени, Корнилий оставил брата, а сам удалился для подвига безмолвия в другую пустыню. Прп. Кирилл снова остался один на горе Челме и с большим усердием продолжал работать Господу.

Святая жизнь отшельника в пустынном уединении все-таки не укрылась от людей. Слава о преподобном Кирилле, как о великом подвижнике, проникла в окрестные села. И к преподобному начали приходить многие христиане за благословением, ради назидания и духовной пользы. Но не одни православные получали пользу от духовных даров преподобного. Его влияние простиралось и на тех окрестных жителей, которые еще не были просвещены светом Христовой веры. В окрестных местах Челмы жила чудь – финское племя, имевшее свой язык и свою языческую веру. Христиан среди чуди тогда почти не было. И вот трудами прп. Кирилла христианство среди них стало успешно распространяться. Многие чудины вскоре приняли святое крещение. Новокрещенные приходили к преподобному и слушали его

наставления о вере, о святом крещении и о всех заповедях Божиих.

Так в посте, молитве и апостольских трудах прп. Кирилл прожил в пустыне 52 года. В глубокой старости, 82-х лет, он отошел к Господу. Блаженная кончина преподобного последовала 8 декабря 1368 года.

Спустя несколько лет после преставления преподобного стали приходить на Челму искатели пустынного подвига. Два таких подвижника устроили гробницу над могилой святого. Но они скоро ушли из Челменской пустыни. Прошло еще несколько лет и в пустыне прп. Кирилла поселился иеромонах Арсений. К нему стали собираться боголюбивые пустыннолюбцы. Образовалась община в 24 человека. Сподвижники построили храм во имя Богоявления Господня, завели пашни и огороды. Так возник монастырь. Однако вскоре его постигло несчастье: церковь от молнии сгорела. Братия воздвигли другой храм, теплый, во имя Успения Пресвятой Богородицы. К нему пристроили трапезу. В новую обитель, или пустынь, начали стекаться почитатели прп. Кирилла для поклонения его мощам, принося сюда свечи, фимиам и все необходимое для пустынников.

Между тем при мощах преподобного начали совершаться многочисленные чудеса, и слава о новом чудотворце распространилась по Святой Руси. Поэтому Челмогорская обитель быстро умножалась, и Успенская церковь стала тесна. Тогда братия своими трудами и с помощью усердных мирян выстроили более обширный храм в честь Богоявления Господня с приделом во имя великомученицы Екатерины. Это произошло в 1419 году. Братии в обители было тогда до 80 человек. Они выстроили себе келлии, и обитель превратилась в общежительный монастырь, который стал называться Челмогорским.

Господь прославил прп. Кирилла многими чудесами. Расскажем лишь о немногих из них.

Иеромонах Герман, подвизавшийся 30 лет в обители, впал в предсмертную болезнь. К больному раз пришел его зять Венедикт. Герман предложил ему взять с монастырского двора

две скотины. Венедикт поблагодарил Германа и возвратился домой. Когда больной остался один, поздно вечером он увидел следующее: в келлии было светло как днем, перед иконами была зажжена свеча, в углу стоит старец в иноческой одежде и молится Богу. По окончании молитвы старец обратился к инок с такими словами: «Иеромонах Герман! Прельстился ты суетою мира сего. Вместо того, чтобы созидать, ты расхищаешь, губя свою душу и души тех, которым повелеваешь брать монастырское. Думаешь восполнить их нищету, но они сильнее обнищают. Зачем ты делаешь это? Зачем монастырское сокровище разоряешь и велишь зятю своему и дочери брать монастырскую скотину? Великий грех приемлешь ты на себя и тяжкое осуждение».

Сказав это, чудный старец стал невидим. Герман же почувствовал страх и трепет. На другой день утром к нему опять пришел зять. Герман рассказал ему о видении преподобного и все, что говорил ему чудотворец. Потом, обратившись к Венедикту, Герман дал такое завещание: «Чадо мое, Господа ради после моей смерти не бери из монастыря то, что я позволил тебе взять. Берегись, да не погибнут души наши по слову преподобного». От этих слов Венедикт пришел в ужас. А больной старец продолжал: «И не только не берите ничего из обители, но и сами пекитесь о сем святом месте». Сказавши это, Герман скончался. Так прп. Кирилл охранял от расхищения свою обитель.

В пятнадцати поприщах от обители находилось село Лядины, в котором в половине XVII столетия жил священник Иоанн, знавший иконописное художество. Почитая прп. Кирилла, Иоанн желал написать его образ. И вскоре он удостоился видения во сне. Он видел, будто находится в Челмогорской обители в церковном притворе, в самой же церкви – лик святителей и преподобных со множеством священников и иноков совершают молебен. И вот один из диаконов подошел к Иоанну и сказал: «Смотри сие; что ты видишь, так и напиши; поможет тебе Бог, если ты захочешь исполнить это». При этом он указал на икону, изображающую многих святых, среди которой выделялся один, и, обращая на

него внимание Иоанна, диакон продолжал: «Если желаешь написать образ Кирилла Челмогорского, то пиши его таким, как видишь на этой иконе». Иоанн пристально всмотрелся в лик святого и запомнил его черты. После видения он мог бы написать образ святого. Но проходил день за днем, а ему все не удавалось осуществить своего желания.

Спустя три года Иоанну было второе видение. Великим постом после всенощного бдения он лег отдохнуть, утомленный службой. И снова увидел во сне, что находится в Челмогорской обители и молится у гроба прп. Кирилла. Спустя немного он видит самого чудотворца спящим во гробе в иноческой одежде. Рука святого была приподнята кверху и возложена на голову. Святой обратился к Иоанну с такими словами: «Смотри на меня. Ты желаешь написать мой образ – пиши так, как меня видишь. Старайся и понуждай себя на это дело». После этих слов Иоанн проснулся, объятый страхом и трепетом. Спустя некоторое время он отправился в Каргополь и рассказал о своем видении одному иерею. Тот одобрил его намерение написать образ преподобного и поведал ему, что и сам он видел во сне святого именно таким, каким он явился Иоанну. Затем Иоанн сообщил о том же некоторым старцам и, получив благословение их, скоро написал образ прп. Кирилла, на котором изобразил чудотворца сидящим, как его видел. Затем отдал этот образ в Челмогорскую обитель, что случилось в июне месяце 1656 года.

При обители прп. Кирилла проживала добродетельная инокиня Марфа, которая исполняла различные монастырские службы. В течение многолетней жизни при монастыре ей пришлось слышать и видеть много чудес, совершенных святым угодником. И вот какое чудо рассказала она жизнеописателю преподобного Кирилла.

В Челмогорскую обитель пожертвовали коня. Вскоре конь пропал. Много искали его, но нигде не могли найти. Прошло сорок дней, уже потеряли всякую надежду найти его и решили, что конь или украден злыми людьми, или съеден зверями. Вдруг в одну субботу вечером, когда совершалось всенощное бдение, Марфа, работавшая в это время на скотном дворе,

увидела, что пропавший конь возвращается на монастырский двор, а следом за ним идет инок в багровидной одежде. Когда конь подошел к воротам, старец отворил их и впустил его, а сам пошел к монастырю. Когда окончилась служба, иеромонах Мисаил пришел на скотный двор. Увидев коня, он удивился, потом спросил Марфу, кто привел его. Она же отвечала: «Я думала, что ты, отче, пригнал его воротам, а сам направился к монастырю». Тогда Мисаил догадался, что это сделал прп. Кирилл, пошел в церковь и воздал благодарение Богу у гроба преподобного за то, что Он даровал обители заступника и молитвенника и дивного хранителя не только людей, но и скотов.

Крестьянин Иоанн Шмыгин, живший в Каргопольской волости, по наущению диавола возымел злое намерение обокрасть церковь Челмогорской обители и похитить казну монастырскую. Он выждал удобное время и направился к обители, которая находилась в сорока верстах от его села. Немного не доходя до монастыря, злоумышленник скрылся в лесной чаще, чтобы дожидаться ночи. Наступила ночь, и он вдруг увидел инок в багровидной одежде, идущего прямо к нему. Старец подошел к Иоанну и остановился. Видя, что нельзя скрыться, крестьянин почувствовал великий страх. Старец же сказал ему: «Иоанн! Зачем ты замыслил это? Зачем дерзаешь на церкви обители моей? Удержись от такого дела и покайся в своем согрешении. Знай, что ни татие, ни хищницы Царствия Божия не наследуют. Если же ты не оставишь своего намерения, погибнешь лютой смертью на земле и в будущем веке примешь муку вечную». Сказав это, инок стал невидим. Иоанн понял, что перед ним был сам преподобный. Одержимый великим страхом, он возвратился обратно и рассказал о бывшем ему явлении чудотворца.

Один человек из города Каргополя, неизвестный по имени, долгое время был болен желудочной болезнью. Желая получить исцеление, он пришел в Челмогорскую обитель. В это время шла вечерня. Но больной не пошел в храм к гробу преподобного, а направился прямо на ночлег, где и расположился вместе с другими богомольцами. Когда все

уснули и он забылся тонким сном, явился ему светолепный инок с жезлом в руке и сказал: «Разве ты не знаешь, что кто приходит к врачу и прогневляет его, тот не получает исцеления. А ты, неразумный, идешь прежде на ночлег, а не в церковь Божию». При этих словах инок ударил его своим жезлом. Больной вскочил и, крича от страха, стал наносить удары спящим богомольцам. Испуганные богомольцы стали говорить ему: «Что случилось с тобой?» Он же рассказал им все, что было с ним в видении. На другой день больной пошел в церковь ко гробу чудотворца и здесь по совершении молебна преподобному Кириллу получил исцеление от своей болезни.

Один раз в сухое летнее время после службы в Богоявленской церкви забыли загасить горящую свечу на паникадиле. Прошло три дня, и когда монастырский еkkлесиарх вошел в храм, то он увидел следующее. От горящей свечи, упавшей на гробницу прп. Кирилла, затлелся верхний покров. На нем выгорел шелковый крест, нашитый на ткань покрыва, истлела и ткань, но далее огонь не распространился, хотя под сгоревшим покрывом было еще два. Так Господь спас от огня обитель и гроб прп. Кирилла.

Но в 1674 году накануне праздника Рождества Христова в Челмогорской обители случился пожар: загорелась церковь Успения Пресвятой Богородицы. Иеромонах Макарий, заметивший дым в церкви, побежал тушить пожар. Скоро он понял, что погасить пламя нельзя, и бросился выносить из церкви книги, иконы и различную утварь. Он вбежал в алтарь, но там было так жарко и дымно, что Макарий, задыхаясь, упал на пол за престолом. Скоро прибежали монахи и окрестные поселяне, но потушить пожар не могли. Стали искать Макария и, с трудом проникши в алтарь через окно, нашли его без признаков жизни. Вытащили его через окно из алтаря, отнесли в келлию и положили на одре. Спустя немного времени заметили, что Макарий слабо дышит. Долго больной оставался в постели, не имея сил ни говорить, ни смотреть. И только потом он стал беседовать и понемногу принимать пищу. Так он пролежал около 40 дней. В день праздника Сретения Господня больной увидел, что к его одру приближаются два благолепных инок.

Он поклонился им и принял благословение. Всмотревшись пристально в лица старцев, Макарий узнал в одном из них прп. Макария Желтоводского (память 25 июля/7 августа), а в другом – прп. Кирилла Челмогорского. Довольно долго небесные гости стояли над Макарием и смотрели на него. Потом сказал один другому: «Видишь ли, брат, старца сего, который без помощи Божией хотел погасить пламень и сам едва не сгорел?» Старец, к которому были обращены эти слова, по виду Макарий Желтоводский, сказал: «Этот старец наш: он у нас ставился и в нашей обители обещался служить». Кирилл же отвечал на это: «Нет, он наш, у нас теперь служит и терпит». Потом оба спросили Макария: «Скажи нам, кому из нас ты служишь?» Больной отвечал: «Я обещался служить Макарию, но из его обители изгнал меня иеромонах Григорий; ныне же я служу преподобному Кириллу». Тогда прп. Кирилл спросил больного: «Макарий, хочешь ли быть живым и здоровым?» «Да, честный отче», – отвечал больной. Кирилл взял свою мантию и, приблизившись к Макарию, велел произнести ему слова: «Свет Христов просвещает всех». Сам же прикоснулся мантией к глазам больного и потер их. Макарий произнес приказанные ему слова и тотчас прозрел, начал говорить и слышать, как и прежде.

У клирика Иоанна было двое детей: мальчик двух с половиной лет и девочка пяти лет. Однажды дети играли на колокольне. Вдруг поднялась буря и пошел сильный дождь. Дети испугались, и девочка, взявши на руки маленького брата, понесла его по лестнице вниз. Но дети сорвались с лестницы и упали на пол замертво. Прибежали отец и мать. Пораженные горем, в первое время они произносили только одни слова: «Господи, помилуй», но потом обратились с молитвой к прп. Кириллу: «Преподобный отче Кирилле! Будь теплым молитвенником к Богу и Пречистой Его Матери: воскреси детей наших. Ты – новый светильник, воссиявший чудесами в странах наших, и ходатай к Богу. Прими наши горькие вопли и слезы сердечные». Обезумевшие от горя, они дали обет отдать в обитель прп. Кирилла свою скотину, если преподобный услышит их молитву и воскресит детей. Плача и молясь святому,

родители метались около своих несчастных детей. Вдруг дети разом встрепенулись и как бы проснулись от сна. У них много вышло крови и лица их опухли, глаза не глядели и уста почернели. Родители перенесли их в свой дом и стали ухаживать за ними. Вместе с тем они непрестанно молились Богу и преподобному Кириллу о даровании их детям выздоровления: обещались отправиться в монастырь и там вознести молитву. И преподобный Кирилл услышал их молитву: скоро дети выздоровели.

Декабрь 11

Никон Сухой, в Ближних пещерах почивающий, преподобный

Преподобный Никон Сухой, сын богатых и знатных родителей, жил в конце XI – начале XII века в Киеве. Оставив все Христа ради, он принял иночество в Киево-Печерском монастыре.

В 1096 году, при нашествии половецкого хана Боняка, он вместе с другими иноками был взят в плен. Некий христолюбец из града Киева прибыл к половцам, желая выкупить пленников. Никон, однако, не заботился об этом, и христолюбец, уплатив выкуп за многих, возвратился и поведал о блаженном. Родственники его, услышав о том, явились со многими именами, чтобы выкупить преподобного. Но блаженный Никон сказал им: «Не теряйте напрасно своего имени. Если бы Господь хотел, чтобы я был свободен, Он бы не предал меня в руки сих беззаконников, ибо Сам предает в тяжкий плен тех, кого хочет. Но мы, *еще благая прияхом от руки Господней, злых ли не стерпим (Иов. 20, 10)*». И родственники возвратились обратно со всем своим богатством. Тогда пленившие блаженного и прочие половцы, видя, что лишились платы за выкуп, начали немилосердно мучить раба своего. В продолжение целых трех лет они ежедневно озлобляли его, сковав ему руки и ноги, иногда возлагали его на огонь и резали ножами его тело, морили голодом и жаждой, давая пищу через день, через два или же три. Летом его оставляли под палящим солнцем, зимой же, полагая на снег, мучили холодом. Все это делали безбожные половцы для того, чтобы блаженный выкупил себя. Но преподобный Никон благодарил о всем Господа, молясь Ему непрестанно. Тогда Господь послал ему дар чудотворений: своей молитвой преподобный Никон исцелял других пленников, а однажды исцелил и своего хозяина, лежавшего на смертном одре.

Испытывая муки, он собирался умирать. Призвав к себе жен и детей своих, заповедал им, чтобы черноризец Никон был распят над гробом его. Блаженный же прозрел духом будущее

покаяние половчанина, поэтому усердно помолился о нем, и тот получил исцеление. Так избавил преподобный Никон и себя от горькой смерти телесной, и половчанина – не только от телесной, но и от душевной.

Но половчане продолжали жестоко обращаться с преподобным, и однажды он сказал своим мучителям: «Христос туне избавит меня от рук ваших. Мне же явился и брат мой Евстратий († 1097; память 28 марта/10 апреля), которого вы предали жидам на распятие. Сей брат известил меня о моем освобождении: в третий день я буду в монастыре ради молитв преподобных Антония († 1073; память 10/23 июля и 28 сентября/11 октября) и Феодосия († 1074; память 3/16 мая и 14/27 августа) Печерских. Вы же, окаянные, с Иудою, продавшим на крест Господа, будете мучиться». Услышав все это, хозяин думал, что он хочет бежать, подрезал блаженному Никону жилы на ногах и приставил к нему большую стражу. На третий день после такого предсказания, в шестом часу дня, на глазах стражников преподобный Никон стал невидим, только был слышан голос, воспевающий: «Хвалите Господа с небес».

Так преподобный Никон невидимо был перенесен в Печерскую церковь Пресвятой Богородицы в то время, когда совершалась Божественная литургия. Израненный и в кандалах, святой угодник хотел из смирения скрыть дивное чудо своего избавления, но братия, видя его связанным, видя на нем железные оковы, и раны, и все тело его, сгнившее от ран, и даже каплющую кровь от подрезания жил на ногах, стала упрашивать рассказать истину. Тогда преподобный рассказал все с ним бывшее, но не давал снять железных оков с рук и ног своих. Тогда игумен сказал ему: «Брате! Если бы Господу было угодно видеть тебя в этих оковах, то Он не избавил бы тебя от плена. Поэтому теперь послушай нас». Так, сняв с него железо, они освободили его; железо же перековано было на необходимые принадлежности алтаря.

Прошло много времени. С половцами был заключен мир. В Киев прибыл половчанин, пленивший Никона. Он пришел в Печерский монастырь, где увидел блаженного, сразу узнал своего бывшего пленника и рассказал о нем игумену и братии

все подробно. Братия прославили Бога, а умилившись духом половчанин не пожелал возвращаться на родину. Он сделался черноризцем вместе с прочими половцами, пришедшими с ним в Киев. Работая пленнику своему, блаженному Никону, половчанин вместе со своими друзьями и жизнь свою кончил в покаянии во святом Печерском монастыре.

Святой Никон именуется «Сухим», потому что высох от голода и других мучений за годы пребывания в плену, так что мог сказать с Давидом: *изсше яко скудель крепость моя; и еще: кости моя, яко сушило сосхошоя* (Пс. 21, 16). Однако и в сухости своей преподобный горел огнем любви к Богу, светясь добрыми делами.

Освобожденный чудесно от уз телесных за сухость свою, увядающую в сей жизни, он приял по смерти нетление тела своего неувядающее. В нем он пребывает и доселе в пещере, духом же своим удостоился «наследия нетленного, чистого, неувядаемого, хранящегося на небесах» (1Пет. 1, 4).

Скончался преподобный Никон в середине XII века и был погребен в Ближних пещерах. Память его празднуется также 28 сентября/11 октября и во 2-ю неделю Великого поста.

Декабрь 12

Ферапонт Монзенский, преподобный

Не сохранилось никаких известий о происхождении и ранних годах жизни угодника Божия преподобного Ферапонта. Место и время его рождения, звание и имена родителей остались неизвестны. Можно только догадываться, что он происходил не из Москвы, потому что сам говорил о себе, что он был пришельцем в Москве, и не из Костромской и Галичской областей, в которых подвизался после, так как на месте его подвигов не знали о его происхождении. По своему смирению преподобный ничего не говорил об этом. Он сказал только своему духовному отцу преподобному Адриану Монзенскому († 1619; память 5/18 мая), что был пришельцем в царствующем граде Москве и жил близ дома Василия Блаженного († 1552; память 2/15 августа), рядом с его тыном; другому заявил, что он был сожителем блаженного. Но так как известно, что Василий Блаженный не имел постоянного места жительства и даже ходил нагой, то слова прп. Ферапонта о соседстве и сожитии с ним следует понимать так, что он Христа ради юродствовал по Москве, подражая подвигам Василия Блаженного.

Иноческое пострижение прп. Ферапонт принял в Воздвиженском Костромском монастыре (около 1580 года) и после пострижения пробыл там тринадцать с половиной лет. За свою подвижническую жизнь, за послушание игумену и всей братии, за кротость и смирение он был любим и славим всеми. Преподобный служил образцом добродетели для иноков обители, подавая им пример великого воздержания, которым изнурял свое тело.

Слава о святой жизни подвижника быстро распространилась по всему городу. Миряне во множестве сходились к нему и просили его молитв и благословения. Приходили воеводы, дьяки и разных чинов люди от мала до велика. Не всех своих посетителей одинаково принимал подвижник: для одних он приветливо произносил молитвы и подавал им благословение, иных же сурово обличал за слабую,

распущенную жизнь, за пристрастие к мирской суете и особенно за пороки пьянства.

Архимандрит монастыря уважал преподобного Ферапонта и почитал святым. Но подвижник избегал славы человеческой. Он тайно оставил обитель и переселился в область Галича в пустынный Благовещенский монастырь на устье реки Монзы, при впадении ее в реку Кострому, в котором тогда жил строитель монастыря старец Адриан.

За свои великие подвиги и усердные молитвы прп. Ферапонт получил благодатный дар прозирать и предсказывать будущее и творить чудеса. Чудесным образом он содействовал устройству Монзенской обители, в которой потом подвизался.

В монастыре Павла Обнорского († 1429; память 10/23 января) подвизались два друга-инока – Пафнутий и Адриан. Раз Пафнутий ночью видел наяву на востоке необычный свет, как бы зарю, а в ней церковь и кресты с дивным сиянием. После того другой ночью, лишь только Пафнутий помолился и лег спать, ему явился незнакомый человек и сказал: «Пошли друга своего старца Адриана на изыскание места для новой обители, того самого места, которое ты видел в заре на востоке. Место то расстоянием отсюда 50 поприщ. На нем явится человек свят». Затем он предсказал Пафнутию, что ему не придется жить в этой обители, и стал невидим. В чудесном пришельца после узнали прп. Ферапонта.

Когда Пафнутий рассказал о видении своему другу, преподобный Адриан отправился на изыскание чудесно указанного места и скоро нашел его. Это была непроходимая дебрь, достигнуть которой от города Солигалича можно было только на лодке рекой Костромой. Оно называлось Устье. Там стояла пустая ветхая церковь во имя Пресвятой Богородицы, честного и славного Ее Благовещения. Прп. Адриан увидел, что место удобно для монастыря: вокруг него много было леса, годного для устройства келлий и служб, в реке – рыбы для пропитания, удобно было распахать пашни, поставить близ монастыря деревни, на реке выстроить мельницу.

Когда прп. Адриан вернулся в Павло-Обнорский монастырь и рассказал Пафнутию все виденное, тот дивился и помышлял

о том, что и он переселится для подвигов с другом своим на новое место, чудесно ему открытое. Но предсказание святого Ферапонта исполнилось в точности. Вскоре в Обнорский монастырь от царя пришла грамота, которой повелевалось старцу Пафнутию отправляться в Москву. Там он был поставлен архимандритом Чудова монастыря. Пафнутий только дал средства на устройство обители.

С преподобным Адрианом было всего три брата-сподвижника. Они устроили две келлии. По берегу реки Костромы раскопали мотыгами землю, сеяли хлеб и питались от трудов своих. В новый монастырь начали приходить желающие пустынного подвига, и келлии умножились. Но лесную обитель знали немногие: ее посещали только плотники, строившие насады. Один такой плотник, узнавши о чудесном возникновении и нуждах обители, дал строителю довольную милостыню. Но место, на котором стоял монастырь, было неудобно. Низкий речной берег каждую весну затопляла вода и размывала. Адриан скорбел об этом. Он посоветовался с братией и хотел перенести монастырь на более высокий берег реки Костромы. Но так как место обители было указано чудесно, то подвижник желал получить указание воли Божией и на задуманное им дело. Он часто ходил молиться на предполагаемое место монастыря и однажды, заснув там, удостоился видения. Ему явился незнакомый человек и сказал: «Старче! Не заботься об этом месте, другое назначено тебе для жительства. То место на берегу реки Монзы. Там явится святой человек. А узнаешь о месте том тогда, когда двое юношей исцелятся на нем от тяжких болезней».

Действительно, вскоре в монастырь привезли двух больных отроков: одного – из Буя, расслабленного ногами, другого, страдавшего горячкой, – из Солигалича. Отец первого, рыбак Лукиан, при всех рассказал, как во время рыбной ловли явился ему неизвестный старец, украшенный продолговатой бородой и сияющий сединами, и приказал везти больного сына к Адриану в новоустроенный монастырь, обещая, что отрок получит там исцеление. Отец другого юноши, кузнец из Солигалича, поведал преподобному Адриану, что и ему явился незнакомый старец,

который сказал, что болезнь его сына прекратится в новом монастыре Адриана. На вопросы того и другого, кто он и какой обители, явившийся старец отвечал: «Я из Благовещенского монастыря с устья реки Монзы, живу в одной келлии с Адрианом. Иду теперь в город Кострому. Туда послал меня старец Адриан нанять рабочих для перенесения монастыря в новое место».

Прп. Адриан знал, что в то время из монастыря никто не выходил; при том же в обители не было инока такой наружности, как описывали посетители. Больные действительно исцелились от своих болезней после совершения литургии в монастырском храме, а окончательно – во время молебна в часовне на берегу реки Монзы. Тогда прп. Адриан и братия уже вполне уверились в том, что есть какой-то незнакомый им чудесный покровитель обители и что ему угодно перенести монастырь на реку Монзу при впадении ее в Кострому. Так они и поступили. Чудовский архимандрит Пафнутий опять дал средства для устройства монастыря на новом месте. Построили два храма: в честь Воскресения Христова с приделом во имя Николая Чудотворца и теплую церковь во имя Пресвятой Богородицы, честного и славного Ее Благовещения.

Спустя немного времени после устройства монастыря при устье Монзы пришел в него прп. Ферапонт и просил строителя принять его в число братии. Прп. Адриан охотно принял пришельца, не зная, кто он такой. Но вскоре один инок монастыря признал прп. Ферапонта по тем приметам, какими его описывали удостоившиеся видения, и сообщил свою догадку прп. Адриану. Ее подтвердили два монастырских рабочих. Идя в монастырь строить храм, значит, еще до поступления преподобного в обитель, они встретили новопришедшего инока, который им предсказал о явлении святого человека в Монзенском монастыре. Прп. Адриан долго не знал, как ему удостовериться окончательно в этом, не смея прямо спросить подвижника. Но один раз на исповеди он обратился к преподобному с вопросом: из какой он обители и где раньше жил? Святой отвечал так, как говорил обычно в своих явлениях, что он постриженник Костромской

Воздвиженской обители, раньше жил в Москве близ дома Василия Блаженного и назвал свое имя. Прп. Адриан теперь убедился, что таинственный покровитель Монзенской обители был ни кто иной, как прп. Ферапонт, и сильно обрадовался, что святой угодник открылся и живет в Благовещенском монастыре. Однако смиренный подвижник, не желая прославления, умолял прп. Адриана, потом настойчиво требовал от него, чтобы он никому не сказывал того, что узнал о нем, чтобы хранил это как тайну исповеди, и тогда же просил игумена быть его духовным отцом.

Исповедь обнаружила великую святость прп. Ферапонта, и прп. Адриан припал к его стопам и воскликнул: *«Не требуют здравии врача (Мк. 2, 17). Как же ты, чистый, пришел за исцелением к недужному?»* Прп. Ферапонт сказал тогда Адриану: «Припомни, кого ты видел раньше на берегу реки Костромы, на месте, где хотел воздвигнуть монастырь. Тогда я сказал тебе: «Отец мне будешь и узнаешь имя мое». Ныне это сбылось: ты отец мне и узнал имя мое. Спустя два с половиной года исполнится на мне воля Божия». Так угодник Божий прозрел и предсказал свою близкую кончину. Потом снова просил своего духовного отца не разглашать того, что узнал от него на исповеди.

Живя в пустынной Монзенской обители, прп. Ферапонт каждый день с благословения духовного отца удалялся для молитвы в болотные дебри и лесные чащи. Случилось раз, что один из братии, инок Кирилл, возроптал на святого за то, что он не бывает в монастырской ограде. В следующую ночь во сне Кирилл увидел множество бесов в виде черных эфиопов, похвалявших его за ропот на преподобного. «Изгоните его отсюда, – говорили бесы о святом старце, – потому что ленив он и нерадив о монастырской работе. Вы даром его кормите. Вам он представляется святым, а на самом деле, уходя в лесную чащу, только спит там». С ужасом пробудился Кирилл и побежал из келлии к старцу Адриану. Он исповедал ему свой грех ропота на преподобного и рассказал видение. Преподобный Адриан знаменал честным крестом перепуганного инока. Когда, опять уснув, Кирилл снова увидел бесов, он начал

мысленно молиться преподобному Ферапонту и просил у него прощения за свой ропот. Внезапно у его одра предстал с жезлом преподобный и бесы исчезли, как дым.

В другой раз был наказан за насмешку над преподобным монастырский служитель Петр. «Ты стар годами, а ходишь так плавно, – сказал Петр преподобному Ферапонту при встрече. – Мантия твоя не движется, и ногами своими ты как будто скользишь». Преподобный ничего не сказал насмешнику. Но в тот же день Петр почувствовал страшную боль головы и шеи, лицо же его повернулось назад. Он пошел к прп. Адриану, а тот послал его к прп. Ферапонту просить прощения. Петр упал к ногам угодника, каялся в своих грехах и молил об исцелении. Святой Ферапонт поднял его, осязал руками его больную голову и шею, повернул лицо назад, и Петр исцелился. А подвижник наставлял его не осуждать ближнего. Оба эти чуда остались в тайне при жизни преподобного: рассказывать о них он запретил.

Раз подвижник молился на своем обычном месте, в лесной чаще за рекой Монзой. Место это называлось Медвежий овраг. Женщина Пелагия, собиравшая грибы, увидела преподобного с другой стороны оврага: он сидел на колоде, тело его обливалось кровью от укусов комаров и мошек, целым столбом вились над подвижником оводы. Движимая любопытством, Пелагия перешла овраг, разделявший ее от преподобного, и хотела подойти к подвижнику, чтобы пожалеть его и поплакать над добровольным мучеником, но тотчас ослепла. «Старче Божий, – возопила она, – прости меня грешную». В тот же миг она прозрела и очутилась на другой стороне оврага. После того она могла рассказать о чуде только прп. Адриану и никому другому, возбраняемая неведомой силой.

В уединенной молитве и изнурении своего тела преподобный Ферапонт проводил свои дни, но по ночам он предавался подвигам. Ночи проводил он без сна: усердно молился, переписывал Божественные книги или читал жития святых. Особенную веру он питал к святителю Николаю и много раз перечитывал житие и чудеса чудотворца.

Святой угодник не только был образом подвижничества для братии, но и защитником их от притеснителей. В то время

нередко случалось, что служилые люди, дворяне, обижали простой крестьянский люд и те монастыри, которые были незначительны. И Благовещенский монастырь подвергался притеснению боярского сына Алексея Нелидова, земли которого были смежны с монастырскими угодьями. Нелидов объявил, что все угодья монастыря принадлежат ему, и начал притеснять Адриана, братию и монастырских слуг: строителя оскорблял, бил иноков, живших на починках, не пускал их рубить лес и ловить рыбу, монастырских слуг поносил и грабил. Нелидов и своих родственников научил теснить монастырь. Он учинил такое гонение и притеснение обители, как будто желал разорить святое место. В это тяжелое время прп. Ферапонт утешал и подкреплял братию, заповедал им кротко терпеть все озлобления от людей, признавая виновником их дьявола, и угрожал гонителям наказанием от Бога в этой и в будущей жизни.

Один инок монастыря старец Иов соблазнился мыслью освободить обитель от гонений Нелидова, подчинив его другому, сильному монастырю. Не посоветовавшись ни со строителем его преподобный Адрианом, ни с братией, Иов отправился в Павлов Обнорский монастырь и предложил игумену Иоилу владеть Благовещенским монастырем и его вотчинами с тем, чтобы не давать обитель в обиду соседним и окрестным дворянам. Игумен Иоиль охотно согласился и писал старцу Адриану, именуя Благовещенскую обитель вотчиной Павлова монастыря, а самого старца называл причетником своей церкви. Адриан опечалился, но преподобный Ферапонт утешал его и братию, говоря: «Место это не будет в подчинении другому монастырю или в подданстве другой области». А старцу Иову подвижник предсказал, что Благовещенский монастырь не будет местом его упокоения.

Игумен Иоиль горячо взялся за дело присоединения Благовещенской обители к своему монастырю. Строителя его Адриана он хотел перевести в свой монастырь и неожиданно приехал в Монзенскую обитель. Но строитель и старцы скрылись. Не найдя никого и не имея возможности исполнить свое намерение относительно прп. Адриана, Иоиль взял из

монастыря церковные книги и увез их с собою. Когда по отъезде его прп. Адриан вернулся в свою обитель, то он увидел, как прп. Ферапонт ходил и мел двор монастыря крыльями своей мантии. При этом вслух всем подвижник говорил: «Прах и смрад твой да выйдут с тобою и козни бесовские да изгонятся».

Когда прп. Адриан начал тужить о пропаже церковных книг, святой угодник утешал его, предсказывая, что игумен Иоиль скоро впадет в лютую болезнь и раскается. Действительно, все предсказания прп. Ферапонта исполнились в точности. Благовещенская обитель осталась самостоятельным монастырем. Игумен Иоиль скоро заболел и, раскаявшись, прислал взятые из обители книги и письмо преподобному Ферапонту с просьбой о прощении. Старец Иов, виновник всех этих несчастий обители, побоялся снова вернуться в нее и поселился для подвигов в пустынном уединении. Но его нашли там разбойники, убили и тело его закопали во рву городища.

Благовещенский монастырь был всегда дорог преподобному Ферапонту. Он чудесно содействовал его устройению и перенесению на новое место, защищал его от недоброжелателей и притеснителей. Наконец, он чудесно изыскивал средства для содержания бедного монастыря.

Один раз прп. Ферапонт пришел к строителю прп. Адриану и сказал: «Иди в царствующий град Москву. Ты найдешь там архимандрита Пафнутия больным, и не в Чудове монастыре, а у митрополита на Крутицах». Прп. Адриан спросил: «Откуда ты получил эту весть?» «Подробно об этом узнаешь там, – отвечал преподобный, – архимандрит желает тебя видеть».

Преподобный Адриан поверил словам святого Ферапонта и отправился в Москву. Архимандрита Пафнутия, как и предсказал прозорливый угодник, он нашел больным в Крутицах. В беседе о делах Благовещенской обители, о подвижнике Ферапонте и его дивных деяниях архимандрит Пафнутий спросил Адриана: «Возвратился ли к тебе тот старец, который был у меня недавно с твоим письмом?» При этом он взял письмо и показал прп. Адриану. Удивился старец, видя письмо, написанное собственной рукой. В нем говорилось о нуждах монастырских: о колоколах, книгах и церковных сосудах.

Но преподобный помнил, что такого письма он не писал никогда. Расспросивши Пафнутия о старце, принесшем письмо, Адриан узнал в нем преподобного Ферапонта, чудесно явившегося митрополиту Крутицкому и Пафнутию, так как подвижник в то время не оставлял монастыря и прп. Адриан никогда не посылал его в Москву. Когда узнал обо всем этом Крутицкий митрополит Геласий, то вместе с Пафнутием он дал прп. Адриану обильную милостыню на нужды монастыря. Так заботился прп. Ферапонт о своей обители и чудесно помогал ей.

Два с половиной года прожил угодник Божий в Монзенском монастыре. Он непрестанно пребывал в молитве, в трудах и воздержании. Каждый день приходил в придел святителя и чудотворца Николая и плакал о душе своей, памятуя о часе смертном и Страшном Суде.

Господь открыл Своему угоднику о дне и часе его кончины. Прп. Ферапонт казался братии здоровым и бодрым, но готовился к смерти. Он призывает отца своего духовного преподобного Адриана и братию и обращается к ним с прощальным словом. «Близок конец моей жизни, – сказал со слезами преподобный, – я отхожу от нее и предаю дух мой в руце Божии. Господь да сохранит вас и утвердит в любви Своей. Я же, хотя и отхожу телом, но не отступаю от вас духом своим, если между вами любовь будет».

Это было утром 11 декабря. Простившись с братией, он просил прп. Адриана приобщить его в тот же день за литургией Святых Христовых Таин и завещал духовному отцу, чтобы по смерти он причастил его святой богоявленской водой. Прп. Ферапонт отстоял Божественную литургию и приобщился Святых Таин. Братия, видя подвижника еще крепким, не хотели верить, что он скоро умрет. Весь день и ночь святой провел в уединенной келейной молитве. Следующий день был воскресный, неделя праотец пред Рождеством Христовым. Прп. Ферапонт последний раз пришел в храм Божий к утрени и по окончании ее испросил благословение и прощение у своего духовного отца, второй раз простился с братией и удалился в келлию. Вся братия монастыря вместе с игуменом отправились к преподобному, чтобы еще раз услышать от него прощальное

слово. Но братья и теперь сомневались в близости кончины прп. Ферапонта, так как подвижник всем казался бодрым и здоровым. Когда пришли в келлию, то увидели, что святой почил. Он лежал на своем одре в мантии и куколе. Лицо его было покрыто парамандом, а в головах почившего стояло кадило с горящими углями и фимиамом. Великое благоухание распространилось по всей обители и даже за ее стены. Зажженные свечи стояли перед образами. Блаженная кончина прп. Ферапонта последовала, по всей вероятности, в 1597 году, 12 декабря, через 16 лет после пострижения его в монашество. Исполняя предсмертную волю почившего угодника, прп. Адриан причастил его богоявленской водой. Тогда уста почившего сами отверзлись и лицо его просияло. День чудесного преставления преподобного Ферапонта ознаменовался и другим чудом – исцелением инока Протасия от болезни глаз, которой он страдал с детства.

После смерти своей преподобный продолжает творить обильные чудеса. Многие больные, приходя к его гробу, получали исцеления по мере веры и усердия молитвы к преподобному. Обитель, в которой подвизался прп. Ферапонт, не раз была спасаема им от бед и скорбей, от нашествия литовский ратников, от нападения разбойников, от боярских притеснений.

Святой угодник Божий помогал своей чудесной помощью особенно тем христианам, которые обнаруживали расположение к его обители. На реке Костроме, прямо против Благовещенского монастыря, был большой порог, который затруднял плавание по реке. Случилось раз, что из Солигалича вниз по Костроме плыл караван стругов с солью. Когда суда подошли к порогу, торговые люди сошли на берег и решили сходить в монастырь, чтобы отпеть там молебен и призвать на помощь прп. Ферапонта. Но один из них, именем Вавила, не захотел этого сделать. Он сказал: «Много таких старцев, неужели все они святые?» И остался на берегу, когда его товарищи отправились в монастырь, молились там, дали в обитель соли и денег.

Начали спускать суда через порог. Первые шесть стругов, принадлежавшие хозяевам, помолившимся в монастыре, прошли благополучно. При этом один инок и некоторые из торговых людей видели, что какой-то незнакомый ветхий старец, одетый в куколь, мантию и лапти, садился на корму каждого струга и правил им на опасном месте. Когда проводили последний струг, принадлежавший Вавиле, к нему привязали веревки, чтобы держать судно на берегу, и в то время, когда судно проходило порог, какой-то юноша (так видели некоторые) перерубил веревки. Тотчас же струг понесло по порогу, он бился о камни, накренился набок, вода его заливала и он готов был потонуть. Вавила бросился на землю, валялся и кричал: «Горе мне окаянному, все потерял – и свое, и чужое». Другие уговаривали его: «Согрешил ты: изрек хулу на преподобного Ферапонта и не послал в монастырь милостыни. Струги товарищей твоих прошли, а ты страдаешь». Вавила беспрестанно кричал: «Святче Божий, прости меня грешного!» И мысленно обещался снести в монастырь часть соли, чтобы преподобный помог ему. Сразу струг Вавилы выпрямился и стал по течению. Незнакомый старец стал перед стругом на речной быстрине и, распространив крылья своей мантии против волн, не пускал воду заливать судно. Снова привязали веревки. Старец подошел к корме, повернул ее своей рукой и направил струг куда следовало, так что он благополучно прошел порог.

Вразумленный Вавила тотчас же пошел в монастырь. Он дал строителю преподобному Адриану денег и соли и просил его отпеть молебен. Потом рассказал о происшествии и дал обет заходить в монастырь, молиться и давать милостыню каждый раз, когда придется ему проезжать мимо. Один инок монастыря, наблюдавший все происшествие с берега, и один из хозяев удостоверили прп. Адриана в этом чуде угодника Божия святого Ферапонта.

Вскоре после своей смерти преподобный явился Адриану и сказал: «Скоро великий голод будет в Русской земле; храни хлеб. В то время увеличатся земли у монастыря и монастырские деревни построятся там, где теперь владеют дети боярские. Тогда многие пропитаются от твоих житниц, и они

не оскудеют». Сказав это, святой стал невидим. Преподобный вторично подтвердил свое предсказание, явившись слепому старцу Феодосию, иноку Благовещенской обители, когда тот молот муку ручным жерновом (монастырь был так беден, что не имел средств устроить мельницу), и сказал: «Скоро настанет великий голод по всей земле Русской, но ты до этого не доживешь. Тайно с настойчивостью скажи Адриану, чтобы берег он хлеб свой, потому что многие будут питаться от монастыря сего. И распространятся земли монастыря, леса его, и будут деревни».

Действительно, по пророчеству прп. Ферапонта, в 1601 году настал страшный голод, продолжавшийся три года. Цены на хлеб подорожали и множество людей умирало от голода. В Москве, куда голодный народ стекался в надежде найти кусок хлеба на работах, начатых царем Борисом Годуновым, померло тогда 500 тыс. человек. Монзенский монастырь в это тяжелое время отпускал свой хлеб всем нуждающимся, и житницы монастыря, как и предсказывал преподобный, не оскудевали. Вся окрестность питалась монастырским хлебом, и пустоши обители заметно заселялись.

Через 20 лет после кончины преподобного (то есть в 1617–1618 гг.) его святые мощи, почивавшие под помостом в приделе Николая Чудотворца, были обретены. Когда прп. Адриан, собравшееся духовенство и иноки пришли к месту погребения преподобного Ферапонта, его гроб оказался стоящим на поверхности земли, над тем местом, где он был зарыт. Все недоумевали, не знали, что делать, и, покрыв гроб покровом, удалились. Когда в тот же день вечером снова пришли ко гробу угодника Божия, то увидели, что он опустился в землю, наверху остался только покров. Начали копать около гроба и дорылись до него. Сдвинув гробовую крышку, присутствующие увидели нетленными и мощи подвижника, и даже ризы, покрывавшие их. Из гроба распространилось великое благоухание. Но поднять гроба собравшиеся были не в состоянии и потому, обложив его новыми досками, снова закопали в том же месте.

Декабрь 13

Аркадий Вяземский Новоторжский, преподобный – преставление

Преподобный Аркадий Вяземский и Новоторжский происходил из города Вязьмы (Смоленская область) от простых благочестивых родителей, с детства научивших его молитве и послушанию. Кроткий, проницательный, добрый и целомудренный юноша избрал своим подвигом юродство Христа ради. Он питался подаянием, спал, где придется: в лесу, на церковной паперти. Блаженная беззаботность и близость к природе придавали облику юного Аркадия особую одухотворенность и отрешенность от житейской суеты. В церкви, углубившись в молитву, святой Аркадий часто плакал слезами умиления и духовной радости, его советы были точны, предсказания сбывались, обличения вразумляли. Опытный наставник преподобный Ефрем, Новоторжский чудотворец († 1053; память 28 января/10 февраля и 11/24 июня), помогал юному подвижнику избегать духовных опасностей в прохождении трудного и редкого в то время подвига юродства. После того, как вязьмичи стали свидетелями нескольких чудес, совершенных по молитвам блаженного Аркадия, он, избегая человеческой славы, удалился в верховье реки Тверцы. Здесь преподобный Аркадий разделил труды своего духовного наставника преподобного Ефрема Новоторжского, участвуя вместе с ним в основании храма и обители в честь святых благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба († 1015; первое перенесение святых мощей в 1072 г.; общая память 2/15 мая).

Поступив в новоустроенный монастырь, преподобный Аркадий принял монашество и взял на себя подвиг полного послушания духовному отцу преподобному Ефрему. Преподобный Аркадий никогда не пропускал литургии и являлся к заутрене первым, вместе со своим наставником. После преставления преподобного Ефрема преподобный Аркадий продолжал подвизаться по заветам своего старца, пребывая в молитве, посте и молчании. По прошествии нескольких лет (по

некоторым данным, 13 декабря 1077 г.) он также мирно отошел ко Господу. В 1594 году в одной из церквей города Вязьмы был устроен придел во имя преподобного Аркадия. Совместное празднование преподобным Аркадию и Ефрему Новоторжским было установлено при митрополите Дионисии в 1584–1587 гг. Мощи преподобного Аркадия, прославленные чудесными исцелениями, были обретены 11 июня (ранее в этот день совершалась память) 1677 года в каменном склепе Борисоглебского собора города Торжка. 14 августа 1798 года их положили под спуд в каменном гробу, служившим раньше местом упокоения преподобного Ефрема. В 1841 году на левой стороне Борисоглебского соборного храма был устроен придел в честь преподобного Аркадия.

Герман Аляскинский, равноапостол Алеутский

Преподобный Герман Аляскинский родился в городе Серпухове, под Москвой, в 1757 году в купеческой семье. С шестнадцати лет вступил он на иноческий путь. Вначале преподобный нес послушание в Троице-Сергиевой пустыни, расположенной в окрестностях Петербурга, на берегу Финского залива.

В обители будущий миссионер подвизался около пяти лет. Желая полного уединения и безмолвия, преподобный Герман ушел на Валаам.

После тщательного испытания различными послушаниями игумен Назарий благословил молодого подвижника на постоянное жительство в лесу в пустынном уединении. По праздникам, приходя в монастырь, преподобный нес клиросное послушание (у него был прекрасный голос). В Валаамской обители святой Герман принял монашеский постриг.

Есть мнение, что святой Герман пришел на Валаам в 1778 году. В том же году преподобный Серафим пришел в Саровскую обитель. Обстоятельства жизни преподобного Германа на Валааме напоминают об уединенных подвигах его великого современника – Саровского чудотворца. Подобно преподобному Серафиму, Валаамский подвижник отличался исключительным и проникновенным знанием духа и буквы Священного Писания, творений святых отцов и учителей Церкви.

Духовным руководителем и наставником будущего миссионера был игумен Назарий, Саровский старец, который ввел на Валааме устав Саровской пустыни. Таким образом, благодатный строй саровского подвижничества, в котором совершалось духовное возрастание преподобного Германа на Валааме, стал неотъемлемой частью его души и сделал его родным и исключительно близким по духу преподобному Серафиму, Саровскому чудотворцу. Есть сведения, что преподобный Серафим пользовался, в свою очередь, наставлениями старца Назария во время его жительства в Сарове.

Через 15 лет пребывания преподобного Германа на Валааме Господь призвал смиренного инока на апостольское служение и послал его проповедовать Евангелие и крестить язычников малообжитого и сурового края Аляски и прилегающих к ней островов Северной Америки. С этой целью в 1793 году была создана Духовная Миссия, получившая название Кадыякской, с центром на острове Кадыяк. Руководителем Миссии был назначен архимандрит Иоасаф (Болотов), инок Валаамского монастыря. В числе прочих сотрудников Миссии было еще пять иноков Валаамского монастыря, среди них и преподобный Герман, которому Господь благословил потрудиться в благовестии дольше и плодотворнее, чем кому-либо другому из членов Миссии.

По прибытии на остров Кадыяк миссионеры немедленно занялись постройкой храма и обращением язычников. «1794 года, сентября с 24 живу на острове Кадыяке. Слава Богу, более 700 американцев перекрестил, да более 2000 браков обвенчал, соорили церковь, а время позволит – сделаем другую, да походные две, а то и пятую можно сделать», – замечает в одном из писем архимандрит Иоасаф.

Отец Герман на новом месте поначалу нес послушание в пекарне и занимался хозяйственными заботами Миссии.

Под руководством архимандрита Иоасафа (позднее епископа) Миссия находилась недолго: во время бури (в 1799 году) преосвященный Иоасаф со своими спутниками погиб в волнах океана. На помощь оставшимся в живых миссионерам в 1804 году был командирован только один иеромонах Александро-Невской лавры Гедеон. Он на некоторое время возглавил Миссию. Его заботами была устроена школа для детей крещеных алеутов. В 1807 году иеромонах Гедеон навсегда покинул стан миссионеров, возложив всю ответственность на преподобного Германа, который до самой кончины своей оставался духовным отцом, пастырем и попечителем душ человеческих в доверенной ему Миссии. Преподобного хотели посвятить в сан иеромонаха и возвести в архимандрита, но смиренный инок отказался от какого бы то ни

было возвышения и до конца своих дней пребывал простым монахом.

Преподобный Герман был для местных жителей истинным добрым пастырем и защищал их, как мог, от злых и хищных людей, которые видели в островитянах только объект для жестокой эксплуатации.

Непоколебимо и настойчиво, не имея никакой поддержки, кроме своей пламенной веры, старец продолжал свое заступничество за обиженных и угнетенных, видя в этом свой долг и призвание, сущность которого он выразил удивительно простыми словами: «Я – низайший слуга здешних народов и нянька».

Отец Герман жил сначала возле храма Миссии на Кадьяке, а после переселился на близлежащий остров Еловый, который назвал Новым Валаамом. Остров Еловый был последним приютом в многотрудных апостольских странствиях святого старца.

Преподобный Герман предсказал своим духовным детям время своей кончины и объяснил, как похоронить его. 13 декабря 1837 года он попросил зажечь пред иконами свечи и почитать Деяния святых апостолов. Во время чтения о трудах святых благовестников святой старец Герман перешел от земных трудов к небесному упокоению на 81-м году жизни. Над могилой старца первоначально поставлен простой деревянный памятник, затем сооружена скромная деревянная церковь, освященная во имя преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев.

В этом храме хранится старинное изображение преподобного Серафима Саровского, находившееся в келлии святого старца Германа при его жизни: старец любил и чтит своего прославленного современника и единокровного с ним великого работника на Божией ниве.

С 1860 г. Русская Православная Церковь знала о большом местном почитании памяти старца Германа на Кадьяке.

В 1867 году один из Аляскинских епископов составил записку о его жизни и чудесах. Первый публичный доклад об отце Германе был напечатан в Валаамском монастыре в

Финляндии в 1894 году. В 1930-х годах другой русский православный монах – архимандрит Герасим (Шмальц) – прибыл на остров Еловый и долго жил там, как преподобный Герман за 100 с лишним лет до него. Перед своей кончиной в 1969 году архимандрит Герасим открыл останки своего славного предшественника и построил здесь небольшую часовню. Исцеления, связанные с молитвенным заступничеством старца Германа, записывались в течение долгого периода (со времени его жизни и до 1970 года). В марте 1969 года Собор епископов Русской Православной Греко-Кафолической Церкви в Америке под председательством архиепископа Нью-Йоркского, Митрополита всей Америки и Канады Ириней совершил прославление преподобного Аляскинского инокa.

9 августа (27 июля) 1970 года состоялось открытие мощей и прославление преподобного Германа, Аляскинского чудотворца.

Мардарий затворник, нестяжатель, в Дальних пещерах почивающий

Преподобный Мардарий, инок Киево-Печерской обители, подвизался в Дальних пещерах в XIII веке. Сделавшись иноком, он старался быть совершеннейшим не только в посте, молитвах, послушании и других добродетелях, но и в нестяжании и нищете. В келлии своей он не имел ни одной вещи, кроме одеяния, которое носил на себе. По рукописным святцам, в тропаре и кондаке он называется «нестяжательным», а по надписи у мощей – «бескелейным». Имя его воспоминается в 7-й песни службы Собора отцов Дальних пещер (28 августа/10 сентября) вместе с преподобным Аммоном (память 4/17 октября), где он называется «рачителем нищеты». В довершение своих подвигов он затворился в пещере и там до кончины своей угождал Господу. За такие добродетели он наследовал пространное жилище в Царстве Небесном. Память его совершается также 28 августа/10 сентября и во 2-ю неделю Великого поста.

Декабрь 14

Иларион, Митрополит Суздальский и Юрьевский, святитель

Святитель Иларион, митрополит Суздальский и Юрьевский, в миру Иоанн, родился 13 ноября 1631 года в семье нижегородского священника Зачатиевского монастыря Анании и его жены Мелании. Отец Иоанна славился глубоким благочестием и начитанностью. Он начал учить сына грамоте в трехлетнем возрасте. Господь даровал Иоанну особенные способности: через год он уже мог читать Псалтирь и другие книги Священного Писания. В пять лет Иоанн читал в церкви и был канонархом. После смерти супруги отец его Анания оставил паству, дом оставил на попечение старшим сыновьям, а сам удалился в Спасо-Преображенский монастырь вместе с малолетним сыном Иоанном. В 1652 году он был одним из трех кандидатов на патриарший престол, избираемых вместе с будущим патриархом Никоном.

В безмолвии монастыря, церковных службах, молитве и посте протекало детство будущего святителя. Братья не сочувствовали аскетическому настроению юноши и уговорили Иоанна жениться на Ксении, дочери священника. Брак был счастливым, но не продолжительным: через полтора года жена его умерла. Это послужило указанием Иоанну вернуться на иноческий путь. В этом намерении утвердил Иоанна его отец-иеромонах Антоний. «Не ищи себе покоя на земле, ни богатства, ни славы», – говорил старец Антоний своему сыну перед кончиной.

Не сразу Иоанн выбрал место для иноческой жизни. При посещении Флорищевой пустыни, где жили всего четыре человека, он дал обет поселиться в ней. Основатель пустыни схимонах Мефодий предсказал, что Иоанн создаст здесь обитель. Место это находилось в девственном лесу на Флорищевой горе, недалеко от местечка Гороховца.

Родные, узнав о намерении Иоанна, стали отговаривать его от иночества. Тот стал колебаться и почти согласился вступить вторично в брак, но неожиданно ослеп. Так повторялось

трижды: как только Иоанн хотел нарушить свой обет, Господь наказывал его слепотою. В удрученном состоянии он отправился в Троице-Сергиеву обитель, где со слезами молился у мощей преподобного Сергия о своем исцелении. Преподобный Сергей явился ему в видении, приказал идти во Флорищеву пустынь и обещал свою помощь. К Иоанну вернулось зрение. Из Свято-Троицкого Сергиева монастыря Иоанн поехал к брату жены, Коломенскому епископу Павлу, который 11 декабря 1653 г. постриг его в монашество с именем Иларион. Епископ Павел хотел оставить его у себя, но молодой инок горел желанием вернуться в указанную волей Божией Флорищеву пустынь.

Трогательна была встреча монаха Илариона со старцами. Они во время его отсутствия построили деревянную церковь в честь Пресвятой Богородицы с приделом преподобного Ефрема Сирина. 22 мая 1654 года патриарх Никон по просьбе братии посвятил Илариона в сан иеромонаха, признав его «зело искусным в Священном Писании».

Иеромонах Иларион удивлял своими подвигами даже духовно-опытных иноков: ночи он проводил в бдении, полагая по тысячи поклонов, пищу вкушал через день, иногда через два-три дня, в посты же оставался без пищи всю неделю. Свое тело он изнурял тяжелой работой по благоустройству пустыни, а короткий отдых посвящал чтению святых книг.

Во время моровой язвы 1654 года умерли все иноки Флорищевой пустыни, кроме Илариона. Некоторое время он жил один, но затем переселился поближе к селению Афанасьеву. Окрестные жители помогли построить келлию, но так как она была срублена из сырых деревьев, то святой Иларион всю зиму терпел сырость и холод. Весной он возвратился в пустынь вместе с присоединившимся к нему для совместных подвигов монахом Ионой. Вскоре собралось до 15 человек братии. Иноки расчистили дороги, устроили мосты через реки и ручьи, и с тех пор обитель начали посещать богомольцы. Была построена теплая зимняя церковь, так как первая церковь, построенная старцем Мефодием, сгорела. Вокруг новоустроенной обители насельники возвели ограду.

Во время непрерывного труда по устройству обители священноиноку Илариону пришлось пережить тяжелые искушения. При строительстве в обители каменной церкви возникли разногласия между строителями. Святой Иларион скорбел об этом и стал сомневаться в начатом деле. С такими мыслями он однажды уснул в храме после службы. Во сне ему явилась Божия Мать и сказала: «Перенеси Мой образ, называемый Владимирский, из теплой церкви и поставь его в новосозидаемой каменной – и Я буду тебе там Помощницей». Святой Иларион собрал иноков. Под торжественный звон колокола и молебное пение они принесли икону Богородицы в строившуюся церковь и поставили среди лесов. С тех пор дело пошло успешно. Когда строители ночью отдыхали, иноки помогали в строительстве: они носили кирпичи, песок, тесали доски. Святой хотел сделать икону местной и освятить в честь ее храм. Но ему было видение, по которому он понял, что храм должен быть освящен в честь Успения Пресвятой Богородицы.

Однажды во время вечернего иноческого правила, которое игумен Иларион совершал вдвоем с иеродиаконем, в церковь ворвались грабители. Они убили иеродиакона, а игумена начали жечь огнем, требуя денег. Они не верили, что в обители не было золота. Преодолевая боль, святой Иларион обратился к чудотворной иконе и сказал: «О, Пречистая Дева Мария, Мать Господа нашего Иисуса Христа! Если они повредят меня огнем, у меня не останется сил всегда прославлять Сына Твоего и Тебя». Вдруг разбойникам послышались крики людей, искавших их, и они в страхе разбежались.

Однажды св. Иларион, проходя мимо церкви, услышал голос: «Я прославлю тебя по всей земле». Он затрепетал и, пройдя в преддверье, не нашел там никого из людей; в притворе была только Владимирская икона Божией Матери. Подвижник со слезами пал перед образом на колени и исповедал свое недостойство.

В неурожайные годы в обители не хватало хлеба, и братия роптали, что св. Иларион и в это время не отказывал в пропитании странникам и богомольцам. Но игумен надеялся на

помощь Божию и действительно получал ее: когда иссекали последние запасы, благотворители привозили в обитель хлеб.

Кроме внешних искушений, святому Илариону пришлось перенести и тяжелую внутреннюю брань. Три года помыслы сладострастия и уныния одолевали подвижника. Царица Небесная и святые угодники и в этой брани поддерживали святого. Так, когда под влиянием нечистых помыслов в сновидениях он решил не служить Божественных литургий, святитель Николай явился ему во сне и повелел, не смущаясь видениями духа злобы, ежедневно совершать литургию. Когда же ни строжайший пост, ни тяжелый труд не избавили святого от этих помыслов, так что он впал в уныние, во сне явилась ему Пречистая Дева и укрепила его.

Но самое тяжкое испытание было связано с событием, которое едва не отдалило игумена Илариона от Православной Церкви. В начале пятидесятих годов XVI века под руководством патриарха Никона в Русской Церкви началось исправление богослужебных книг и обрядов по образцу Греко-Восточной Церкви. Были напечатаны и разосланы по всем храмам и монастырям новые Служебники. С одной стороны – сомнение в правильности исправленных книг, а с другой – нежелание послушаться патриарха с одинаковой силой терзали душу святого Илариона. Он наложил на себя строгий пост и долго со слезами молил Господа открыть ему истину. Молитва святого была услышана, и он удостоился видения. Однажды после потребления Святых Даров он увидел на Чаше Кровь и услышал голос: «Совершается ли служба по прежним книгам или по новоисправленным, сила таинства остается та же». С этой минуты все сомнения Илариона исчезли и он беспрекословно повиновался патриарху.

В обители игумен Иларион ввел строгий устав: все было общее, трапеза совместная, кроме больных и немощных все трудились на монастырских послушаниях. Впоследствии, уже став митрополитом, он в 1694 году отправил во Флорищеву пустынь наказную грамоту о монастырском управлении, в которой вспоминал о своем управлении этой пустыней: «При мне грешном никто своего не имел, но все полагали общим. И

сейчас у вас многое осталось на память о том прежнем общежительстве. Помнят же и то, что я предавал огню имущество тех, которые при мне грешном хотели то общежительство разрушать». Во время богослужения иноки стояли так тихо, что казалось, в церкви никого нет.

За праведную жизнь, кротость и смирение Господь прославил преподобного Илариона даром прозорливости и дал власть над нечистыми духами.

Монастырь святого Илариона привлекал многочисленных богомольцев. Его посещал царь Феодор Алексеевич, полюбивший душеспасительные беседы с игуменом Иларионом. Он подарил обители несколько икон письма Симона Ушакова, родственника святого Илариона.

11 декабря 1682 года святой Иларион был рукоположен в сан архиепископа Суздальского и Юрьевского и вскоре возведен в сан митрополита. В Суздальской епархии святитель Иларион строил, восстанавливал и украшал храмы. Только в Суздале на его средства было построено пять церквей и перестроен древний собор. Богослужение при святителе Иларионе получило особую торжественность. Он учредил крестные ходы и устроил для них особые иконы и большие фонари, которые и ныне употребляются во время крестных ходов. Святитель Иларион часто говорил проповеди и поучал приходивших к нему за наставлениями. Особенную заботу он проявлял о вдовах и сиротах, а также благотворил бедным, кормил нищих и убогих. О нестяжательности святителя свидетельствовало то, что после смерти у него нашли всего три полушки денег.

25 лет управлял святитель Иларион Суздальской епархией. 18 сентября 1698 года, по благословению патриарха Адриана (1690–1700), митрополит Иларион открыл святые мощи преподобной Евфросинии Суздальской († 1250; память 25 сентября/8 октября). Незадолго до смерти от многих слез он лишился зрения, но не прекратил служение.

Святитель Иларион скончался 14 декабря 1707 года и был погребен в суздальском соборе в честь Рождества Пресвятой Богородицы. У гробницы святителя Илариона совершались

чудеса и многие исцеления; до тридцати из них засвидетельствованы в древнем житии святителя. Житие митрополита Илариона составлено его учениками, оно было впервые издано в 1868 году.

Декабрь 15

Иона Печенгский, Кольский, преподобный

Преподобный Иона Печенгский, Кольский, по преданию, был священником в городе Коле. После смерти дочери и жены пришел в Троицкий Печенгский монастырь, расположенный в окрестностях Колы, и стал учеником его основателя преподобного Трифона. В 1583 году, после смерти учителя, поселился на месте его погребения в соседней Успенской пустыни, где был убит шведами в 1590 году.

Трифон Печенгский, преподобный

Преподобный Трифон родился и получил воспитание в пределах Новгородских – в самом ли Новгороде или где-либо в области, о том не сохранилось письменного свидетельства. По устному же преданию, он родился близ города Торжка, где и жили его благочестивые родители, принадлежавшие, вероятно, к духовному званию. Время рождения преподобного известно точно, оно произошло в 1495 году. Измлада святой отрок начал подражать богоугодной жизни своих родителей, с юных лет предавался постническим трудам, был кроток и милостив. Если кто-нибудь звал его с собой в храм, то он с величайшей радостью стремился туда; всегда старался он прийти в храм Божий первым и здесь благоговейно внимал Божественному пению. Семя слова Божия упало на добрую почву. Однажды отрока сильно поразили слова: «пустынным живот блажен есть, Божественным рачением возкриляющимся». С этого самого часа святой Трифон твердо решил удалиться в пустыню. Он часто уходил для молитвы в глухие, непроходимые места. Ни зима, ни зной не могли удержать благочестивого отрока. Уединение пустыни не страшило, а радовало его. Родители старались удержать его, но не могли отклонить от такого доброго намерения, ибо огонь Божественной благодати ярко горел и согревал юного подвижника. Однажды по своему обычаю святой отрок был в пустыне и упражнялся здесь в богоугодных подвигах. Вдруг раздался глас: «Я, милующий вас, вспомнил о тебе: ступай в землю пустынную, жаждущую, где не ходил еще никто и не обитал ни один человек».

Великий страх объял подвижника, недоумевающего, чей голос слышал он. «Я Иисус, – раздался вторично глас, – Которому ты служишь в пустыне сей». Святой убоялся еще более и сказал: «Владыко Господи, я человек малознающий и некнижный». Тогда опять послышался глас: «Не дерзай противоречить. Ступай, куда Я пошлю тебя, говори, что Я тебе повелю».

После этого святой еще больше стал подвизаться в добродетелях, еще чаще стал посещать храм Божий. По окончании церковного пения он уединялся в пустыню для молитвы и душеполезных размышлений. Часто он думал о чудных словах, которые услышал в пустыне. Наконец, вразумляемый Святым Духом, он постиг, что под именем земли непроходимой, жаждущей разумеются язычники, жаждущие евангельского благовестия. Тогда он оставил место, где родился, и, будучи еще мирянином, направился туда, куда ему указывал Господь. И пришел он на берег Северного Ледовитого океана, в Кольскую область, на реку Печенгу. Издавна страна эта входила в состав Новгородских земель, а после падения Новгорода (в 1478 году) перешла под власть великих князей московских. Здесь обитали лопари. Прп. Трифон был одиноким пришельцем в диком и отдаленном краю. Подражая Господу нашему Иисусу Христу, Который не имел, где приклонить главы Своей, преподобный странствовал по реке Печенге, не имея крова и пристанища, скитался по лесам и горам, среди каменных расселин и пропастей. Часто ему досаждали нечистые духи, стараясь помешать его трудам и подвигам духовным. Но святой Трифон мужественно претерпевал все лишения и нападки бесов. Часто, обливаясь слезами, он бросался на землю, молился и в сердечном умилении взывал к Создателю: «Любовь Твоя, Господи, да отженет от меня страх. Скажи мне, Господи, путь, на который наставит меня десница Твоя».

Кроме Господа, не с кем было сперва беседовать уединенному подвижнику. Вокруг него обитали лопари – народ, живший во мраке самого грубого язычества. Они почитали богами камни, утесы и горы, реки и озера, зверей и гадов, поклонялись грубо сделанным идолам и закаляли им в жертву оленей. Лопари кочевали по местам гористым или болотистым, куда трудно было достигнуть. Их бедные и грязные поселения, состоящие из шалашей, далеко отстояли друг от друга, верст на сто или более.

Встречаясь с лопарями на берегу реки Печенги, святой проповедник начал вступать с ними в беседы, желая просветить их истинной верой Христовой. Приняв вид торговца,

преподобный сначала говорил с ними о предметах купли, а затем, с Божией помощью, он начал свою проповедь, обличая идолопоклонство, говорил о суетности их богов. А затем уже смело и необязненно начал проповедовать им о Едином, в Троице славимом, Боге, рассказывал им о создании мира, о грехопадении, о том, как Единородный Сын Божий Своей крестной смертью искупил грехи всего мира, поведал им о славном Его воскресении и вознесении на небо. Своим словом он поучал всех, ревностно проповедовал о вечном Царствии, о блаженстве праведников и бесконечной муке грешников. Но лопари, омраченные неверием, не внимали Божественному учению. Особенно же вооружились на святого волхвы, или колдуны, лопарей, называемые у них «кебуны». Они вступали в препирательство с прп. Трифоном, но, не имея возможности одолеть его словами, словно дикие звери, бросались на святого, всячески старались причинять ему зло, били, толкали его, повергали на землю, вопили, что этот странник и неведомый пришелец глумится над их богами и не чтит их. С воплем они требовали, чтобы святой Трифон тотчас же оставил их пределы, грозили ему страшными мучениями и смертью. Иногда, вооружившись дреколием, они говорили между собою: «Пойдем и убьем его, ибо он поносит богов наших и обличает наши грехи».

Но Господь Бог, по слову Своему, всегда пребывал с Своим верным слугою, многократно избавляя его от рук врагов, которые старались умертвить его. Хранимый Божией благодатью, преподобный иногда укрывался в горах или каменных расселинах, иногда невидимо проходил мимо своих врагов, ослепленных злобою. Затем показывался снова и безбоязненно продолжал проповедь слова Божия дикому и грубому народу. Нередко лопари видели, как из уст преподобного, проповедующего слово Божие, исходил огонь, и дивились такому чуду. Тогда некоторые, внимая словам проповедника, стали принимать учение евангельское. Другие же с яростью кричали на благовестника: «Возьмем и умертвим его». Но готовые принять святое благовестие говорили им: «Мы не находим в нем никакой вины. Добру учит он нас, возвещает

нам о Царствии Божием, о будущей жизни, о воскресении из мертвых. Лучше оставим его. Если мы найдем на нем какую-нибудь вину, то тогда и убьем его». С такими словами изгоняли своего просветителя лопари, слушавшие проповедь его. Преподобный же радовался духом тому, что подвергался ударам и поношению ради Господа.

Немало лет ревностно трудился прп. Трифон, благовествуя истинную веру, и с Божией помощью огласил святым учением лопарей, живших по реке Печенге и по реке Пазе. Не было лишь иерея, который бы мог крестить их. Поэтому святой Трифон отправился в Новгород, взял у архипастыря Новгородского грамоту и получил от него благословение. Взял он отсюда также плотников и, возвратившись на реку Печенгу, приступил к постройке храма во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы. Сам преподобный продолжал подвизаться в добродетелях и изнурял свою плоть трудами телесными. Каждую ночь он пребывал в молитве, днем издалека носил на своих плечах бревна и тес для постройки церкви. Не оставлял он и своих апостольских трудов, но с великим тщанием утверждал в святой вере тех, которые склонялись к ней. Наконец церковь была построена, но неизвестно почему оставалась три года неосвященной. По истечении трех лет преподобный прибыл в Кольскую волость, где тогда было лишь небольшое число русских пришельцев. Они образовали поселение. Божиим Промыслом в Коле преподобный неожиданно встретил священноинока Илию. Этот Илия был посылаем два раза (в 1534 и 1535 гг.) Новгородским архиепископом Макарием в те части епархии, которые населены были инородцами финнами, для того, чтобы разрушать их идолов и мольбища, просвещать их светом евангельского благовестия, особенно в тех местах, где христианство ранее было насаждено и проповедано, где были крещеные, отпавшие снова в язычество. Пригласив священноинока Илию с собою, блаженный Трифон возвратился на реку Печенгу, в то место, где стояла новопостроенная церковь во имя Живоначальной Троицы. Илия освятил церковь и крестил лопарей, которые были просвещены проповедью преподобного.

В то же самое время прп. Трифон воспринял иноческое пострижение, которое совершил над ним священноинок Илия. Проповедь и назидания святого Трифона благотворно действовали на лопарей, прежде объятых тьмой идолослужения. Новопросвещенные от своего усердия начали приносить в церковь различные дары и клали их к ногам святого Трифона, как то было во времена апостольские. Другие же отдавали блаженному земли, озера, речные и морские уголья. Но подвижник еще с юных лет своих был нестяжателем и великим нищелюбцем. И теперь он ничего не брал из приносимого, но отдавал все на нужды воздвигнутой им церкви во имя Живоначальной Троицы, а за подаяние повелевал в той церкви молить Бога о здравии живых и упокоении усопших, записывая имена их в помянники.

Слух о благочестивой жизни преподобного начал распространяться. К нему приходили из русских земель бельцы и иноки, желающие подвизаться под его руководством. Так образовалась обитель при церкви Живоначальной Троицы, и число подвизавшихся в новой обители росло все более и более. Скоро настало оскудение в ней. Хотя новопросвещенные лопари и делали приношения преподобному, но их было недостаточно для поддержания благолепия церковного и пропитания иноков.

Много трудностей пришлось перенести прп. Трифону при устройстве обители в дикой стране. Однажды преподобный, замесив хлеб, вышел из своей келлии. В это время в келлию вошел большой медведь. Опрокинув квашню, он стал есть приготовленное тесто. Возвратившись в келлию и увидев зверя, преподобный сказал: «Именем Господа Иисуса Христа повелеваю тебе: выйди из келлии и стань вот здесь смирно». Медведь тотчас исполнил приказание и покорно стал перед келлией. Преподобный взял большую палку и нанес несколько ударов зверю, говоря: «Во имя Иисуса Христа даю тебе удары за то, что ты сделал». Затем он отпустил зверя, и с тех пор все было тихо в окрестностях монастыря, ни медведи, ни волки не нападали на монастырское стадо оленей. Такую силу Господь

дает Своим угодникам, что даже и дикие звери повинуются им, как некогда повиновались праотцу нашему Адаму.

Однажды преподобный купил для монастырских нужд в городе Коле ручные жернова. Путь предстоял долгий и утомительный, до Печенгского монастыря было 150 верст, дорога проходила то по болотам, то по гористой местности. Но преподобный не страшился трудов телесных. Он сам взял жернова и на своих плечах понес их в обитель. Увидев это, бывшие с ним ученики просили учителя не утруждать себя напрасно, умоляли его, чтобы он передал им свою нелегкую ношу. «Братия, – отвечивал им святой, – тяжкое бремя лежит на потомках Адама с рождения и до самой смерти. Нет, лучше мне повесить себе на шею мельничный камень, чем смущать братию своей праздношью». Ученики дивились разумного ответу, но еще более изумлялись, видя терпение святого. Всю дорогу прп. Трифон нес на себе жернова, невзирая на плохой путь. К тому же подвижник ничего не вкушал во время пути, так как путешествие происходило Великим постом.

Между тем число иноков в Печенгской обители сильно возросло. Руководимые святым отшельники трудились в подвигах и совершенствовались в добродетелях. Показывая пример смирения, преподобный не восхотел принять на себя управление новой обителью, но поставил для братии игуменом ученика своего Гурия. Тяжела была жизнь иноков в отдаленной и суровой стране. Недалеко от монастыря начиналось Студеное море, большую часть года покрытое льдом. Земли у монастыря было немного, да и та была камениста и малопригодна для земледелия. Зимой стояла великая стужа. Летом снег сходил лишь на короткое время; нередко хлеб и овощи померзали. Часто инокам приходилось переносить всякие лишения и невзгоды. Целый ряд годов погибали от морозов все овощи и посевы. Скудные монастырские запасы совершенно истощились и братии грозила голодная смерть. Тогда преподобный, взяв с собою нескольких иноков, отправился к Новгороду и странствовал в этой области целых восемь лет, переходя из города в город, из одного селения в другое. Именем Христовым святой Трифон собирал милостыню и отсылал ее в монастырь

на реке Печенге. Так кормил он своих духовных детей и спас их от неизбежной смерти. Много страждущих и болящих исцелил в то время святой в Новгородских пределах и тем вознаграждал боголюбивых людей за их подаяния. По прошествии восьми лет святой возвратился в свою обитель и снова предался иноческим трудам.

Во время этих странствований или отдельно ходил прп. Трифон за милостыней и в Москву. Было это во дни царя и великого князя Иоанна Васильевича. Накануне прибытия святого в Москву царь шел из своих палат в соборный храм Успения Богоматери к литургии. На пути вдруг предстали пред ним два благолепных инока. Царь милостиво посмотрел на явившихся и приветливо спросил их, откуда они. «Один из нас пришел из монастыря Соловецкого, другой – просветитель лопарей и строитель церкви Живоначальной Троицы на реке Печенге, в Кольском уезде, смиренный Трифон». После этого явившиеся стали невидимы. Окружавшие царя бояре были сильно удивлены: они заметили, что царь с кем-то беседует, слышали его голос, но не видели, кто это беседовал с царем, спросить же его самого не осмеливались. На следующий день царь Иоанн с царевичем Феодором также шел к литургии. В это самое время к нему подошел прп. Трифон вместе с другим иноком из Соловецкого монастыря. Иноки смиренно подали царю свои челобитные. Царь остановился и сказал им: «Я еще вчера видел вас. Сейчас я иду к Божественной литургии. После разберу ваши просьбы».

Сказав это, царь ушел в святой храм, а благоверный царевич вошел в один из приделов, снял с себя верхнюю драгоценную одежду и, призвав к себе одного из бояр, сказал ему: «Ступай, отдай эту одежду иноку Трифону и скажи, что царевич посылает ее в дар ему; пусть он сделает из нее священную одежду для богослужения». Посланный немедленно исполнил волю царевича. Прп. Трифон с радостью принял драгоценную милостыню и возблагодарил Господа, вложившего благую мысль в сердце царевича.

По окончании Божественной службы царь Иоанн Васильевич сел с боярами в своих палатах и приказал прочесть

челобитные иноков. При этом он рассказал боярам, как вчера явились ему эти странники, которые сегодня подали челобитные. «Мы видели их сегодня, государь, а вчера – нет. Слышали мы, как ты говорил, а говорящих с тобою не видели и голоса их не слышали». – «Я с ними говорил довольно долго: как это вы их не видели?» Царь повелел призвать к себе иноков, подавших ему челобитные. Царь спросил: «Вы ли вчера говорили со мною?» Иноки стали отрекаться: «Нет, великий государь, вчера нас и в Москве еще не было. Многие могут засвидетельствовать, что мы только сегодня пришли в царствующий град».

Слыша это, царь и бояре удивились. Они поняли, что перед ними стоят потаенные рабы Божии. С того времени царь особенно полюбил прп. Трифона. Он одарил иноков, пожаловал в обитель, основанную преподобным, колокола и церковную утварь и милостиво отпустил их.

Святой с большой милостыней возвратился в свою обитель и с ликованием был встречен иноками и новопросвещенной своей паствой.

Долгое время подвизался святой Трифон и достиг мастиной старости: ему уже исполнилось 88 лет. Незадолго до своей кончины он впал в тяжкий недуг. Игумен Гурий и братия, видя то, скорбели и со слезами говорили ему: «Зачем ты, отче, оставляешь нас?» Святой утешал и ободрял их: «Не скорбите, чада мои, и не прерывайте добрый путь течения моего. Возложите все упование на Господа, ибо Он никогда не оставлял меня в бедах и несчастьях. Не оставит Он и вас, собранных во имя Его, только любите Его всей душой и всем сердцем. Чада мои, любите друг друга и твердо соблюдайте свои иноческие обеты. Уклоняйтесь от начальствования; вы знаете, как много мне лет: я всегда старался служить всем и никому никогда не отказывал, всегда у всех был в послушании. Не скорбите о том, что я оставляю вас: смерть для верующего христианина не страшна, она доставляет ему покой. Душа человеческая подобна некоему страннику: она приходит в мертвенное тело, оживляет его и некоторое время пребывает в нем. Но лишь только она оставит тело, плоть наша становится

прахом. Душа возвращается к Творцу, переселяется в свое отечество. Дети мои, не будем обременять души свои грехами, но станем стремиться к вечному свету. Не любите мира, ни того, что в мире, ибо сами вы знаете, что мир во зле лежит. Еще последнюю заповедь даю вам: когда душа моя покинет грешную плоть, погребите тело мое в пустыне, у церкви Успения Пресвятой Богородицы, куда я часто удалялся для богомыслия и молчания».

Так назидал в последний раз святой Трифон братию. Сподобившись причастия страшных Христовых Таин, болящий старец сел на своей рогожине. Силы уже совсем оставляли его. Вдруг игумен заметил, что преподобный прослезился. Видя это, игумен сказал блаженному: «Отче, что с тобой? Ведь сам ты запрещаешь нам скорбеть, ты говоришь, что с радостью идешь к сладкому Иисусу. Так почему же ты проливаешь слезы?» – «Тяжкая напасть постигнет сию святую обитель, многие погибнут от острия меча. Но не смущайтесь, уповайте на Бога, Он может возобновить обитель». Сказав это, святой лег на своей рогожине. Лицо его просияло дивным образом, и с улыбкой он предал Господу свою чистую душу. Блаженная кончина его последовала 15 декабря 1583 года. Иноки благоговейно погребли его честное тело в пустыне, где он сам указал место.

После своего отшествия ко Господу он не покидает всех молящихся ему. Часто дивный заступник на суше и на море оказывает скорую помощь призывающим его и с верою притекающим к его мощам.

Одно чудо произошло вскоре по преставлении святого. Царь Феодор Иоаннович вел войну со Швецией и осадил один неприятельский город. Сам он расположился недалеко от города. Шведы коварным образом узнали, где стоят царские шатры, и ночью навели пушки на то место. Царь после воинских трудов почивал в своем шатре. Вдруг во сне пред ним предстал благообразный инок и сказал: «Встань, царь, и выйди из своего шатра, чтобы тебе не быть убитым». Царь же спросил его: «Кто ты, отче?» – «Я Трифон, которому ты дал в милостыню одежду свою с намерением, чтобы твоя милостыня была раньше всех.

За это Господь, обещавший спасение царям, говорит тебе: скорее встань с ложа и немедленно выйди из шатра».

Царь тотчас же пробудился и вышел из шатра. В это время шведы стали стрелять; одно ядро ударилось в царский шатер и пробило ложе, на котором недавно почивал царь. Государь, видя дивное покровительство святого Трифона, возрадовался и возблагодарил Господа за свое спасение. Немедленно он отправил посланцев в Печенгский монастырь разыскать святого: царь не знал, что преподобный уже скончался. С этого времени Феодор Иоаннович возымел еще большую веру и усердие к нему и часто делал вклады и пожертвования в его монастырь.

Вскоре обитель постигло несчастье, о котором предсказывал перед своей кончиной прп. Трифон. В ту же войну шведы с большой ратью приступили к обители Живоначальной Троицы. Сначала они сожгли храм Успения Пресвятой Богородицы, где были погребены мощи преподобного. При сем храме находился некий благочестивый священноинок Иона. Одно время он был иереем в городе Коле при храме во имя святителя и чудотворца Николая. У него родилась дочь, но вскоре после рождения младенец захворал и был уже при смерти. Тогда Иона, посоветовавшись со своей супругой, дал обет вступить в число иноков Трифонова монастыря, если выздоровеет дочь его. Лишь только при святом крещении младенца погрузили в воду, он тотчас получил исцеление. Тогда Иона, оставив жену и дочь, вступил в число иноков, начал подвизаться под руководством самого блаженного Трифона, постригся и стал священноинок. При нашествии врагов в 1590 году он был замучен из числа первых. После сего шведы направились к самой обители. Однако целых семь дней враги не осмеливались напасть на монастырь: они видели на стенах его множество вооруженных воинов. Наконец, в самый день праздника Рождества Христова, по Божиему попущению, шведы овладели обителью, когда кончалась Божественная литургия. Сначала неприятели избили всех иноков и мирян, бывших на монастырских службах. Потом, как дикие звери, ворвались в самую церковь и умертвили всех бывших в храме: одних они перерубили пополам, другим отсекали руки и ноги. Игумена

Гурия и казначея они подвергли разным мучениям, стараясь узнать, где находится монастырская казна: кололи оружием, жгли на огне. Но Христовы страдальцы не отвечали им на слова, только с молитвою взирали на небеса. Враги разъярились еще более и изрубили доблестных иноков на части. Затем они осквернили храм, подожгли его вместе с телами умерщвленных ими иноков и разорили всю обитель до основания. Но безбожные убийцы не избегли праведного суда Божия. На обратном пути они заблудились и почти все погибли от голода. Только некоторые из них спаслись и принесли на родину весть о гибели своих сотоварищей. Всего в монастыре было убито тогда иноков 51, а мирян – 65 человек. Только те, кто находился в отлучке, на работах или других монастырских службах, избегли вражеского меча. Возвратившись в обитель, они оплакали и погребли умерщвленных, потом донесли обо всем царю Феодору Иоанновичу. Благоверный государь сильно скорбел о разорении обители прп. Трифона. Он повелел вновь построить обитель в Кольском остроге при храме в честь славного Благовещения Пресвятой Богородицы. Но в 1619 году обитель сгорела. Тогда повелением благоверного государя Михаила Феодоровича обитель была построена близ города, за рекой Колой.

Много чудес совершалось в обители прп. Трифона. Священноинок той обители Иона, по прозванию Сорокоум, должен был проезжать мимо могил убиенного Ионы и святого Трифона. А в обители было установлено правило: если кому-либо из братии случалось проезжать мимо того места, то он должен был совершить панихиду и благоговейно поклониться перед теми могилами. Инок же Иона дерзнул не только нарушить то установление, но даже осмелился сесть на одну могилу (убиенного Ионы). Не воздав должного поклонения, он отправился далее в путь, но, отъехав немного, вдруг впал в тяжкий недуг: паралич расслабил тело его, так что едва живым привезли его обратно в обитель. Тогда Иона сознал свой грех и перед всеми каялся в нем: «Бог наказал меня, братия, за грех мой: я не сотворил поминовения преподобному и даже сел на

могилу праведного». С великой верой молил он Бога и прп. Трифона о прощении.

На четвертый день ночью явились ему во сне два мужа: один – благолепный и благообразный старец – был облечен в монашеское одеяние, другой же был в фелони. Явление их устрасило больного, так что он не мог произнести ни слова. Тогда тот, на котором была иерейская фелонь, сказал другому: «Отче мой, святой Трифоне, коснись болящего и исцели его». Старец же отвечал: «Ты, Иона, почтен саном иерейским, ты должен коснуться, ибо болящий сел на твою могилу». «Нет, отче Трифоне, – говорил другой старец, – ты – первоначальник в сей стране и мой учитель, я же – твой раб и ученик». Преподобный Трифон сказал: «Если ты именуешь меня своим учителем, то тебе подобает исполнить мое повеление». Тогда старец, облеченный в фелонь, осенил болящего крестным знамением и перстом коснулся его со словами: «Во имя Пресвятой Троицы и молитвами преподобного Трифона будь здоров и никогда не нарушай правил, которые установлены были в обители первыми отцами».

Пробудившись, больной почувствовал себя здоровым и, видя свет, как бы последующий удалявшимся преподобным, быстро поднялся с постели и побежал было вслед за этим светом. Другие иноки, видя его неожиданное и скорое исцеление, прославили Пресвятую Троицу и прп. Трифона.

Место, где был погребен преподобный, несколько лет оставалось ничем не огороженным. Однажды на то место приехала помолиться кровоточивая женщина. По своей нерассудительности она дерзнула сесть на могилу преподобного. Вдруг невидимой силой ее далеко отбросило от могилы и с оленем, на котором она приехала, так что некоторое время женщина лежала точно мертвая. Бывший при этом народ, видя такое чудо, был поражен ужасом. С того времени построили над гробом преподобного часовню, куда для молитвы собирались богомольцы.

Сын стрельца Назария Пастухова из Колы, по имени Игнатий, заболел и пролежал в своем недуге целых три года. Болезнь все усиливалась: он оглох и так ослабел, что родители

отчаялись в его выздоровлении. Но они вспомнили безмездного целителя прп. Трифона и дали обет съездить ко гробу святого со своим болящим сыном. Здесь они отслужили молебен и с теплой верой молились святому угоднику Божию. На обратном пути, когда они еще недалеко отъехали от обители, вдруг отрок получил исцеление, стал слышать и почувствовал себя совершенно здоровым. С великой радостью родители благодарили прп. Трифона за исцеление своего сына.

Инок Печенгской обители, по имени Иоасаф, впал в тяжкий недуг. Шесть недель страдал он нестерпимой головной болью и наконец ослеп. Болезнь его все усиливалась, так что Иоасаф уже отчаялся в своем выздоровлении. В такой беде с сердечной верой помолился он прп. Трифону. И вот ночью во сне явился ему светолепный инок. Больной спросил инок, кто он. — «Я Трифон, строитель сего монастыря». С этими словами он коснулся десницей глаз и лица Иоасафа и сказал: «Во имя Пресвятой Троицы будь здоров и прозри. Не нарушай никогда обетов иноческих». После того преподобный стал невидим. Проснувшись, болящий почувствовал себя здоровым и стал видеть.

Из монастыря прп. Трифона была послана ладья на рыбную ловлю в реку Печенгу. На ладье той был управителем монах Вениамин. Поднялась буря и отнесла ее в открытое море. Волны высоко вздымались и покрывали ладью. Ее то прибывало к берегам, к которым нельзя было пристать, то снова относило в море. Все отчаялись в своем спасении, один монах Вениамин ободрял их, убеждая не малодушествовать и уповать на Пресвятую Троицу и на прп. Трифона. Наконец волны принесли ладью в устье реки Варьемы, прибили к мели и угрожали совершенно разбить ее. Все ужасались, только Вениамин снова ободрял отчаявшихся: «Не ужасайтесь, вскоре увидим спасение от Господа». Однако малодушные спустили малую лодку и в ней поплыли к берегу. Вениамин остался в ладье и с ним один мирянин. Они громко кричали: «Пресвятая Троица, помогай нам! Мы обещались на сей лодке умереть при казне и при запасах монастырских». В это время явился на море благообразный инок такого же вида, как изображался на

иконе прп. Трифон. Приблизившись к ладье, разбиваемой волнами, он оградил ее крестным знаменем и стал невидим. Тотчас остановилась буря и умолкли волны. Ладья благополучно прибыла в реку Печенгу.

В октябре месяце, когда на море бывают сильные ветры, плыло с Двины несколько больших ладей с хлебными запасами. На одной ладье находился инок Печенгской обители, по имени Аркадий, с частью монастырских запасов. В это время поднялся сильный ветер; ладью принесло к крутому скалистому берегу. Люди, бывшие в ней, бросили якоря, но волны заливали ладью. В отчаянии после долгой борьбы они пересели на маленькую лодку и на ней пристали к берегу, все время только повторяя молитву: «Господи, помилуй». С берега им казалось, что их ладья уже погружалась в море. Вдруг явился на ней благообразный старец. Он ходил по ладье и помогал ей веревкой. Потом запретил ветру, утишил море и стал невидим. Возвратившись с берега, они нашли ладью в целости и, возблагодарив Пресвятую Троицу и преподобного отца Трифона, приплыли в город. Все прочие ладьи, числом семь, потонули от бури, только люди спаслись.

Житель Колы Иларион Грохотов, ловя на море рыбу, разорвал себе глаз удой. Все лицо его опухло, глаз закрылся и от нестерпимой боли Илариону казалось, что он умирает. Товарищи повезли его в Колу. Когда плыли по Кольскому заливу, больной начал громко молить прп. Трифона об исцелении, обещаясь до кончины своей работать в его обители. Помолчав немного, он спросил товарищей: «Видите ли вы, от города идет к нам судно. На нем сидят молниеносные иноки». Товарищи отвечали ему, что никого не видят. Вдруг больной вскричал: «Прозрел, вижу!» – и начал рассказывать товарищам, как один из монахов, которого он видел на той лодке, подошел к нему, коснулся его глаза краем своей одежды и исцелил его. «Я видел, – сказал он им, – молниеносных иноков на судне. Один из них, похожий видом на прп. Трифона, подошел ко мне, коснулся воскрелием своей одежды моего ока, и я прозрел». Все дивились такому чуду, а исцеленный по обету своему

проработал до самого окончания своей жизни на монастырских рыбных ловлях.

Инок из обители Кадалажской, по имени Иоасаф Майков, по обету трудился в Старо-Печенгской обители. Завистник рода человеческого смутил его; Иоасаф, забыв обеты иноческие, впал в нетрезвую жизнь. Тогда явился Иоасафу прп. Трифон и грозно сказал ему: «Недостойный инок, так ли ты обещался работать Господу?» Иоасаф в ужасе упал на землю и почувствовал, будто на него надели тяжелые оковы. Между тем к нему пришли другие иноки той обители и слышали, как гремят оковы, но не могли их ни видеть, ни осязать. Они спросили его, что такое с ним случилось. Тогда он рассказал им все, поведал о явлении преподобного и о своем наказании. Так целую неделю пребывал Иоасаф в оковах. И снова явился ему преподобный, запретил грешить и разрешил его от оков.

Игумен Печенгской обители Иоанн, побежденный духом властолюбия, отправился в Москву за милостыней для обители и, чтобы сделать угодное патриарху Никону (1652–1658), говорил от лица печенгской братии, будто все они хотят, чтобы обитель прп. Трифона была приписана к устроенному патриархом Крестному монастырю. Патриарх, поверив Иоанну, сделал такое распоряжение и послал его с соответствующими полномочиями в Крестный монастырь. Иоанн прибыл туда, потом, приехав в Печенгскую обитель, он забрал дорогую утварь и казну и частью отвез в Крестный монастырь, а частью взял себе. Этого мало. Дерзкий игумен, может быть, ища денег, начал раскапывать могилу прп. Трифона. Господь немедленно же наказал его. У гробницы святого он был поражен невидимой силой, со страхом бежал в монастырь, затем впал в болезнь и скончался лютой смертью.

Много и других чудес на суше и на море совершилось по молитвами преподобного Трифона и совершается доныне.

Память прп. Трифона вскоре после его кончины установлено праздновать местно.

Стефан Исповедник, Архиепископ Сурожский

Святитель Стефан был родом из Каппадокии (Малая Азия), 15-ти лет пришел в Царьград для высшего образования, которое и окончил успешно, так что превзошел «всех учителей, иже во граде». Все удивлялись усердию, выдающимся способностям и смирению юноши. Благодетель Стефана было замечено святым патриархом Константинопольским Германом I (715–730; † 740; память 12/25 мая). Несколько лет святой Стефан жил со святителем и служил в Константинопольской церкви, а затем тайно ушел в один из монастырей и там принял монашеский постриг. Вскоре он, стремясь к безмолвию, поселился в пустынном месте, где провел несколько лет в подвигах поста и молитвы.

Около 730 года в городе Суроже (ныне город Судак в Крыму) умер епископ. В этом большом торговом городе жили люди разных вероисповеданий. Среди них было много язычников и магометан. Христиане Сурожа просили патриарха Германа прислать епископа, который бы упрочил Православие. Во время молитвы патриарху явился Ангел и сказал, что епископом должен быть святой пустынный Стефан. Воля Господня была открыта также и Стефану. Вскоре он был рукоположен во епископа и отплыл в свою епархию.

Пять лет святитель Стефан провел в неустанных пастырских трудах, просвещая народ словом истины. В результате многие иноверцы Сурожской епархии были присоединены к Церкви Христовой.

В то время византийский император Лев III Исавр (717–741) приказал хулить и бесчестить иконы. Он сместил патриарха Германа, отказавшегося присоединиться к иконоборцам, и поставил на его место сириянина Анастасия, который пробыл на патриаршей кафедре с 730 по 753 год. Святитель Стефан прибыл в Константинополь и обличил императора в иконоборчестве. Лев Исавр пытался уговорами и угрозами склонить святителя к иконоборческой ереси, но безуспешно. Святой Стефан отвечал императору: «Хотя бы ты меня сжег или

рассек на части, за иконы и Крест Господень все готов претерпеть». За свою ревность он был жестоко избит, а затем на многие годы заключен темницу.

В 741 году умер император Лев III и на престол вступил его сын Константин V Копроним (741–775). Он также был иконоборцем. Но по ходатайству жены императора Ирины святитель Стефан был освобожден и возвращен на свою кафедру.

Святителю Стефану, уже глубокому старцу, было открыто время его кончины. Он назначил себе преемником клирика Филарета и мирно преставился ко Господу.

Сохранилось свидетельство, что в начале IX века русский князь Бравлин во время похода в Крым принял крещение, обратившись к истинной вере под влиянием чудес у раки святителя.

Декабрь 16

София Суздальская, преподобная

Преподобная София, в миру великая княгиня Соломония Сабурова, была первой женой великого князя московского Василия Иоанновича (1505–1533). Он выбрал ее в супруги из пятисот самых красивых девиц. Но брак оказался бездетным, о чем великокняжеская чета сильно скорбела. После 20 лет супружества, несмотря на увещания духовенства, великий князь решил вступить во второй брак с литовской княжной Еленой Глинской. Митрополит Варлаам, обличивший незаконность расторжения брака, был сведен с митрополичьего престола – впервые в русской истории – и заточен в монастырь, а преподобный Максим Грек, заступившийся за княгиню Соломонию, запрещен и также заключен в темницу. Все вселенские патриархи осудили поступок великого князя, а патриарх Иерусалимский Марк предсказал рождение от второго брака младенца, который поразит мир своей жестокостью (Иоанна Грозного).

25 ноября 1525 года великая княгиня Соломония насильно была пострижена в монашество с именем София в Московском Рождественском монастыре. После пострига ее отправили под стражей в Суздальский Покровский монастырь, который впоследствии стал местом заточения невольных царственных пострижениц. Не сразу примирилась великая княгиня со своим новым положением, долго скорбела. Но покорясь воле Божией, София нашла утешение и умиротворение в усердной молитве.

Инокиня София, познав тщету скоропреходящих земных благ, всей душой возжелала *Царствия Божия и правды его* (Мф. 6, 33). В то время, как в миру умножались беззакония, она в своем уединении украшалась добродетелями и постепенно восходила к духовному совершенству. Князь Курбский в послании к Иоанну Грозному (1533–1584) назвал княгиню-инокиню «преподобномученицей».

Преподобная София скончалась в 1542 году и была похоронена в Суздальском Покровском монастыре. Степенная книга гласит об этом: «Пожив благодарно и богоугодно к Богу

отыде». Уже ближайшие потомки молитвенно почитали преподобную Софию. В рукописных святцах она именуется как «святая праведная княгиня София инокиня, яже бысть в Покровском монастыре девиче, чудотворица». При царе Феодоре Иоанновиче (1584–1598), сыне Грозного, ее уже чтили как святую. Царица Ирина Феодоровна отправила в дар на ее гробницу «бархатный покров с изображением Спасителя и святых».

Патриарх Иосиф (1642–1652) писал Суздальскому архиепископу Серапиону о совершении молебнов и панихид над гробом преподобной Софии. Позже, в XIX веке, архиепископом Суздальским и Тарусским Серапионом была составлена служба преподобной Софии.

В описании города Суздаля ключарь Анания сообщил о чудесных исцелениях при гробнице преподобной Софии. Так, в 1598 году у ее гробницы прозрела княжна Анна Нечтева, шесть лет страдавшая слепотою. В 1609 году, во время нашествия поляков на Россию, преподобная София спасла Суздаль от разорения. Она явилась в грозном виде предводителю военного отряда поляков Лисовскому. От страха у него парализовало руку, и он дал клятву оставить в покое город и монастырь. Много и других чудес совершилось по молитвам преподобной Софии.

Декабрь 18

Севастиан Пошехонский, преподобный

Немного дошло до нас известий о преподобном Севастиане, который подвизался в XV или, может быть, в первой половине XVI века. Ничего неизвестно о родителях и о месте рождения преподобного. Только сохранившееся местное предание о его святой жизни говорит, что родители прп. Севастиана воспитали его в страхе Божиим, наставили в вере и благочестии, научили грамоте. Наклонность к подвижнической жизни, как рассказывает о том народное предание, преподобный получил еще в юношеском возрасте.

Желая посвятить себя уединению и жизни подвижнической, прп. Севастиан по примеру других благочестивых подвижников удалился в дремучие пошехонские леса, простиравшиеся на 80 верст в длину и 45 верст в ширину, и поселился здесь в безлюдной и лесистой местности при реке Сохоти, в 23 верстах к северо-западу от Пошехонья. Особым откровением Господь указал ему место для его подвигов.

Неизвестно, где и когда преподобный получил священноиноческий сан. Народное предание рассказывает, что он жил и подвизался первоначально один и сам соорудил храм в честь Преображения Господня. Слух о богоугодной жизни преподобного Севастиана скоро привлек к нему учеников, желавших подвизаться под его управлением и руководством.

Собственным примером и наставлениями поучал иноческой жизни преподобный братию своей обители. Подвижник сам жил все время в тесной и ветхой хижине, построенной своими руками. В молитве, посте и трудах протекла жизнь его. Целые ночи он проводил без сна, в славословии Богу, коленопреклонении и молитве, а днем совершал богослужение в храме и изнурял тело, чтобы удалить себя от земные и чувственные помыслы. Смиренный основатель обители сам обрабатывал землю и питался трудами рук своих. Он носил воду, рубил дрова, молот жито, помогал пекущим хлебы, пряд волну, плел вервие. Обычно преподобный питался только хлебом и вареными плодами без масла; пил воду, за которой

сам же ходил на реку Сохоть до самой глубокой старости. Его одежда, ветхая и убогая, едва покрывала тело.

Подвизаясь с преданностью воле Божией, удаляясь от всего мирского, преподобный советовал ученикам своим: «Братия, терпите скорби и беды, да избудете вечныя муки».

Год кончины прп. Севастиана точно указать нельзя. По одному известию, это было в самом конце XV века – в 1500 г., по другому – в 1542 г. Мощи преподобного почивают под спудом на месте его подвигов.

После смерти прп. Севастиана иноки его пустыни, по примеру своего наставника, сами обрабатывали землю и питались трудами рук своих. И многие верующие стекались в обитель поклониться гробу преподобного, которого почитали угодником Божиим и чудотворцем, памятуя святую жизнь его.

Память преподобного Севастиана празднуется местно, с какого времени – точно неизвестно, вероятно, после учреждения Святейшего Синода (1721 г.).

Декабрь 19

Илия Муромец, преподобный

Преподобный Илия, по народному именованию Чоботок (Чеботок), был родом из Мурома и подвизался в Киево-Печерской обители в XII веке. Мощи его почивают в Антониевой пещере.

Некоторые из историков считают преподобного Илию Печерского за одно лицо с богатырем Ильей Муромцем. В былинах Илья Муромец представляется человеком религиозным, в народных сказаниях проводится та мысль, что Илья Муромец после ратных подвигов и воинской службы раздал нажитые им богатства на украшение храмов и нищим и посвятил себя исключительно богослужению и, подвизаясь в делах благочестия, странствовал по земле Русской. Паломник XVIII века (Леонтий) в своих записках говорит: «Видехом храброго воина Илию Муромца, в нетлении под покровом златым; ростом яко нынешние крупные люди; рука у него левая пробита копием, язва вся знать; а правая рука его изображена крестным знамением». Преподобный Илия почивает в молитвенном положении, сложив персты правой руки так, как принято и теперь в Православной Церкви – три первые перста вместе, а два последних пригнув к ладони. В период борьбы со старообрядческим расколом (XVII-XIX вв.) этот факт из жития святого служил сильным доказательством в пользу трехперстного сложения.

Декабрь 20

Игнатий архимандрит Печерский, в Дальних пещерах почивающий

Преподобный Игнатий от юности соблюдал себя в чистоте и непорочности. Принявши на себя иноческий чин, святой своей жизнью, кротостью и любовью ко всем обратил на себя взоры всех. Братия по монашеству так любили и уважали его, что единогласно избрали его настоятелем, руководителем и пастырем иночествующих в Печерской обители. Но св. Игнатий, став выше других саном, не ослабевал в подвигах монашеских; напротив, он превосходил братию и добродетелями: постом, молитвою и смирением. Его усердные молитвы и священнослужения чудотворно действовали на других. Болящие исцелялись его молитвою и даже одним вкушением просфоры, на которой он священнодействовал. Велика сила добродетельной жизни! Велика сила благоговейных священнодействий и веры, с которой принимаются святые просфоры жертвоприношения!

В общей службе Киево-Печерским святым о нем сказано: «Игнатие пастырю иночествующих и целителю болящих, в недугех наших пособствуй ты почитающих, да в памяти твоей песнь хвалы Богу приносим» (1-я песнь канона). Достигши старости, преподобный Игнатий отошел ко Господу. Мощи святого почивают в Дальних (Феодосиевых) пещерах, и память его совершается вместе с преподобными этих пещер 28 августа/10 сентября. 20 декабря/2 января преподобному Игнатию положена память, вероятно, по тезоименитству его со священномучеником Игнатием Богоносцем. Еще одна память – с Собором всех отцов Киево-Печерских во 2-ю неделю Великого поста.

Иоанн Кронштадтский чудотворец, праведный

Святой праведный отец наш Иоанн, Кронштадтский чудотворец, родился 19 октября 1829 года в селе Сура Пинежского уезда, Архангельской губернии – на далеком севере России – в семье бедного сельского дьячка Илии Сергиева и жены его Феодоры. Новорожденный казался столь слабым и болезненным, что родители поспешили тотчас же окрестить его, причем нарекли его Иоанном, в честь преподобного Иоанна Рыльского, в тот день Святой Церковью празднуемого. Вскоре после крещения младенец Иоанн стал заметно поправляться. Благочестивые родители, приписав это благодатному действию святого таинства крещения, стали с особой ревностью направлять его мысль и чувство к Богу, приучая его к усердной домашней и церковной молитве. Отец с раннего детства постоянно брал его в церковь и тем воспитал в нем особую любовь к богослужению.

Живя в суровых условиях крайней материальной нужды, отрок Иоанн рано познакомился с безотрадными картинами бедности, горя, слез и страданий. Это сделало его сосредоточенным, вдумчивым и замкнутым в себе и, вместе с тем, воспитало в нем глубокое сочувствие и сострадательную любовь к беднякам. Не увлекаясь свойственными детскому возрасту играми, он, нося постоянно в сердце своем память о Боге, любил природу, которая возбуждала в нем умиление и преклонение пред величием Творца всякой твари.

На шестом году отрок Иоанн при помощи отца стал учиться грамоте. Но грамота вначале плохо давалась мальчику. Это его печалило, но это же подвигло и на особенно горячие молитвы к Богу о помощи. Когда отец его, собрав последние средства от скудости своей, отвез его в Архангельское приходское училище, он особенно остро почувствовал там свое одиночество и беспомощность, все утешение находил только в молитве. Молился он часто и пламенно, горячо прося у Бога помощи. И вот после одной из таких горячих молитв, ночью, мальчика вдруг точно потрясло всего, «точно завеса спала с глаз, как

будто раскрылся ум в голове», «легко и радостно так стало на душе»: ему ясно представился учитель того дня, его урок, он вспомнил даже, о чем и что он говорил. Чуть засветлело, он вскочил с постели, схватил книги, и – о, счастье! – он стал читать гораздо лучше, стал хорошо понимать все и запоминать прочитанное. С той поры отрок Иоанн стал отлично учиться: одним из первых окончил училище, первым окончил Архангельскую духовную семинарию и был принят на казенный счет в Санкт-Петербургскую духовную академию.

Еще учась в семинарии, он лишился нежно любимого им отца. Как любящий и заботливый сын, Иоанн хотел было прямо из семинарии искать себе место диакона или псаломщика, чтобы содержать оставшуюся без средств к существованию старушку-мать. Но она не пожелала, чтобы сын из-за нее лишился высшего духовного образования и настояла на его поступлении в академию.

Поступив в академию, молодой студент не оставил свою мать без попечения: он выхлопотал себе в академическом правлении канцелярскую работу и весь скудный свой заработок полностью отсылал матери.

Учась в академии, Иоанн первоначально склонялся посвятить себя миссионерской работе среди дикарей Сибири и Северной Америки. Но Промыслу Божию угодно было призвать его к иному роду пастырской деятельности. Размышляя однажды о предстоящем ему служении Церкви Христовой во время уединенной прогулки по академическому саду, он, вернувшись домой, заснул и во сне увидел себя священником, служащим в Кронштадтском Андреевском соборе, в котором в действительности он никогда еще не был. Он принял это за указание свыше. Скоро сон сбылся с буквальной точностью. В 1855 году, когда Иоанн Сергиев окончил курс академии со степенью кандидата богословия, ему предложено было вступить в брак с дочерью протоиерея Кронштадтского Андреевского собора К. Несвитского Елизаветой и принять сан священства для служения в том же соборе. Вспомнив свой сон, он принял это предложение.

12 декабря 1855 года совершилось его посвящение в священники. Когда он впервые вошел в Кронштадтский Андреевский собор, он остановился почти в ужасе на его пороге: это был именно тот храм, который задолго до того представился ему в его детских видениях. Вся остальная жизнь о. Иоанна и его пастырская деятельность протекала в Кронштадте, почему многие забывали даже его фамилию «Сергиев» и называли его «Кронштадтский», да и сам он нередко так подписывался.

Брак о. Иоанна, который требовался обычаями нашей Церкви для иерея, проходящего свое служение в миру, был только фиктивный, нужный ему для прикрытия его самоотверженных пастырских подвигов: в действительности он жил с женой как брат с сестрой. «Счастливых семей, Лиза, и без нас много. А мы с тобой, давай, посвятим себя на служение Богу», – так сказал он своей жене в первый день своей брачной жизни, до конца дней своих оставаясь чистым девственником.

Хотя однажды о. Иоанн и говорил, что он не ведет аскетической жизни, но это, конечно, сказано было им лишь по глубокому смирению. В действительности, тщательно скрывая от людей свое подвижничество, о. Иоанн был величайшим аскетом. В основе его аскетического подвига лежала непрестанная молитва и пост. Его замечательный дневник «Моя жизнь во Христе» ярко свидетельствует об этой его аскетической борьбе с греховными помыслами, этой «невидимой брани», которую заповедуют всем истинным христианам древние великие отцы-подвижники. Строгого поста, как душевного, так и телесного, требовало естественно от него и ежедневное совершение Божественной литургии, которое он поставил себе за правило.

При первом же знакомстве со своей паствой о. Иоанн увидел, что здесь ему предстоит не меньшее поле для самоотверженной и плодотворной пастырской деятельности, нежели в далеких языческих странах. Безверие, иноверие и сектантство, не говоря уже о полном религиозном индифферентизме, процветали тут. Кронштадт был местом административной высылки из столицы разных порочных

людей. Кроме того, там много было чернорабочих, работавших главным образом в порту. Все они ютились, по большей части, в жалких лачугах и землянках, попрошайничали и пьянствовали. Городские жители немало терпели от этих морально опустившихся людей, получивших название «посадских». Ночью не всегда безопасно было пройти по улицам, ибо был риск подвергнуться нападению грабителей.

Вот на этих-то, казалось, нравственно погибших людей, презираемых всеми, и обратил свое внимание исполненный духа подлинной Христовой любви наш великий пастырь. Среди них-то он начал дивный подвиг своего самоотверженного пастырского делания. Ежедневно стал он бывать в их убогих жилищах, беседовал, утешал, ухаживал за больными и помогал им материально, раздавая все, что имел, нередко возвращаясь домой раздетым и даже без сапог. Эти кронштадтские «босяки», «подонки общества», которых о. Иоанн силой своей сострадательной пастырской любви опять делал людьми, возвращая им утраченный было ими человеческий образ, первые «открыли» святость о. Иоанна. И это «открытие» очень быстро восприняла затем вся верующая народная Россия.

Необыкновенно трогательно рассказывал об одном из таких случаев духовного возрождения благодаря о. Иоанну один ремесленник: «Мне было тогда годов 22–23. Теперь я старик, а помню хорошо, как видел первый раз батюшку. У меня была семья, двое детишек. Я работал и пьянствовал. Семья голодала. Жена потихоньку по миру собирала. Жили в дрянной конурке. Прихожу раз не очень пьяный. Вижу, какой-то молодой батюшка сидит, на руках сынишку держит и что-то ему говорит ласково. Ребенок серьезно слушает. Мне все кажется, батюшка был как Христос на картине «Благословение детей». Я было ругаться хотел: вот, мол, шлятся... да глаза батюшки, ласковые и серьезные, меня остановили: стыдно стало. Опустил я глаза, а он смотрит – прямо в душу смотрит. Начал говорить. Не смею передать все, что он говорил. Говорил про то, что у меня в каморке рай, потому что где дети, там всегда и тепло, и хорошо, и о том, что не нужно этот рай менять на чад кабацкий. Не винил он меня, нет, все оправдывал, только мне

было не до оправдания. Ушел он, я сижу и молчу... Не плачу, хотя на душе так, как перед слезами. Жена смотрит... И вот с тех пор я человеком стал...» Такой необычный пастырский подвиг молодого пастыря стал вызывать нарекания и даже нападки на него со всех сторон. Многие долго не признавали искренности его настроения, глумились над ним, клеветали на него, устно и печатно, называли его юродивым. Одно время епархиальное начальство воспретило даже выдавать ему на руки жалование, так как он, получив его в свои руки, все до последней копейки раздавал нищим, и вызывало его для объяснений. Но все эти испытания и глумления о. Иоанн мужественно переносил, ни в чем не изменяя, в угоду нападавшим на него, принятого им образа жизни. И с Божией помощью он победил всех и вся, и за все то, над чем в первые годы пастырства над ним смеялись, поносили, клеветали и преследовали, впоследствии стали прославлять, поняв, что перед ними истинный последователь Христов, подлинный пастырь, полагающий душу свою за овцы своя.

«Нужно любить всякого человека и в грехе его, и в позоре его, – говорил о. Иоанн, – не нужно смешивать человека – этот образ Божий – со злом, которое в нем». С таким сознанием он и шел к людям, всех побеждая и возрождая силою своей истинно пастырской состраждущей любви.

Скоро открылся в о. Иоанне и дивный дар чудотворения, который прославил его на всю Россию и даже далеко за пределами ее. Нет никакой возможности перечислить все чудеса, совершенные о. Иоанном. Наша неверующая интеллигенция и ее печать намеренно замалчивали эти бесчисленные явления силы Божией. Но все же очень много чудес записано и сохранено в памяти. Сохранилась точная запись рассказа самого о. Иоанна о первом его чуде своим сопастырям-священникам. Глубоким смирением дышит этот рассказ: «Кто-то в Кронштадте заболел, – так рассказывал об этом о. Иоанн. – Просили моей молитвенной помощи. У меня и тогда уже была такая привычка: никому в просьбе не отказывать. Я стал молиться, предавая молящего в руки Божии, прося у Господа исполнения над болящим Его святой воли. Но

неожиданно приходит ко мне одна старушка, которую я давно знал. Она была богобоязненная, глубоко верующая женщина, проведшая свою жизнь по-христиански и в страхе Божиим кончившая свое земное странствование. Приходит она ко мне и настойчиво требует от меня, чтобы я молился о болящем не иначе, как о его выздоровлении. Помню, тогда я почти испугался: «Как я могу, – думал я, – иметь такое дерзновение?» Однако эта старушка твердо верила в силу моей молитвы и стояла на своем. Тогда я исповедал пред Господом свое ничтожество и свою греховность, увидел волю Божию во всем этом деле и стал просить для болящего исцеления. И Господь послал ему милость Свою – он выздоровел. Я же благодарил Господа за эту милость. В другой раз по моей молитве исцеление повторилось. Я тогда в этих двух случаях уже прямо усмотрел волю Божию, новое себе послушание от Бога – молиться за тех, кто будет этого просить».

И по молитве о. Иоанна действительно совершалось – и теперь по его блаженной кончине – продолжает совершаться множество дивных чудес. Излечивались молитвою и возложением рук о. Иоанна самые тяжкие болезни, когда медицина терялась в своей беспомощности. Исцеления совершались как наедине, так и при большом стечении народа, а весьма часто и заочно. Достаточно было иногда написать письмо о. Иоанну или послать телеграмму, чтобы чудо исцеления совершилось. Особенно замечательно происшедшее на глазах у всех чудо в селе Кончанском (Суворовском), описанное случайно находившейся тогда там Суворовской комиссией профессоров Военной академии (в 1901 г.). Женщина, много лет страдавшая беснованием и приведенная к о. Иоанну в бесчувственном состоянии, через несколько мгновений была им совершенно исцелена и приведена в нормальное состояние вполне здорового человека. По молитве о. Иоанна прозревали слепые. Художником Животовским описано чудесное пролитие дождя в местности, страдавшей засухой и угрожаемой лесным пожаром, после того, как о. Иоанн вознес там свою молитву. О. Иоанн исцелял молитвою своею не только русских православных людей, но и мусульман, и

евреев, и обращавшихся к нему из-за границы иностранцев. Этот великий дар чудотворений естественно был наградой о. Иоанну за его великие подвиги – молитвенные труды, пост и самоотверженные дела любви к Богу и ближним.

И вот скоро вся верующая Россия потекла к великому и дивному чудотворцу. Наступил второй период его славной жизни, его подвигов. Вначале он сам шел к народу в пределах одного своего города, а теперь народ сам отовсюду, со всех концов России, устремился к нему. Тысячи людей ежедневно приезжали в Кронштадт, желая видеть о. Иоанна и получить от него ту или иную помощь. Еще больше число писем и телеграмм получал он: кронштадтская почта для его переписки должна была открыть особое отделение. Вместе с письмами и телеграммами текли к о. Иоанну и огромные суммы денег на благотворительность. О размерах их можно судить только приблизительно, ибо, получая деньги, о. Иоанн тотчас все раздавал. По самому минимальному подсчету через его руки проходило в год не менее одного миллиона рублей (сумма по тому времени громадная)! На эти деньги о. Иоанн ежедневно кормил тысячу нищих, устроил в Кронштадте замечательное учреждение – «Дом Трудолюбия» со школой, церковью, мастерскими и приютом, основал в своем родном селе женский монастырь и воздвиг большой каменный храм, а в Санкт-Петербурге построил женский монастырь на Карповке, в котором и был по кончине своей погребен.

К общей скорби жителей Кронштадта во второй период своей жизни, период своей всероссийской славы, о. Иоанн должен был оставить преподавание Закона Божия в Кронштадтском городском училище и в Кронштадтской классической гимназии, где он преподавал свыше 25 лет. А был он замечательным педагогом-законоучителем. Он никогда не прибегал к тем приемам преподавания, которые часто имели место тогда в наших учебных заведениях, то есть ни к чрезмерной строгости, ни к нравственному принижению неспособных. У о. Иоанна мерами поощрения не служили отметки, ни мерами устрашения – наказания. Успехи рождало теплое, задушевное отношение его как к самому делу

преподавания, так и к ученикам. Поэтому у него не было «неспособных». На его уроках все без исключения жадно вслушивались в каждое его слово. Урока его ждали. Уроки его были скорее удовольствием, отдыхом для учащихся, чем тяжелой обязанностью, трудом. Это была живая беседа, увлекательная речь, интересный, захватывающий внимание рассказ. И эти живые беседы пастыря-отца со своими детьми на всю жизнь глубоко запечатлевались в памяти учащихся. Такой способ преподавания он в своих речах, обращаемых к педагогам перед началом учебного года, объяснял необходимостью дать отечеству прежде всего человека и христианина, отодвигая вопрос о науках на второй план. Нередко бывали случаи, когда о. Иоанн, заступившись за какого-нибудь ленивого ученика, приговоренного к исключению, сам принимался за его исправление. Проходило несколько лет и из ребенка, не подававшего, казалось, никаких надежд, вырабатывался полезный член общества. Особенное значение о. Иоанн придавал чтению житий святых и всегда приносил на уроки отдельные жития, которые раздавал учащимся для чтения на дому.

Но этот славный подвиг плодотворного законоучительства о. Иоанн должен был оставить ради еще более плодотворного и широкого подвига своего всероссийского душепопечения.

Надо только представить себе, как проходил день у о. Иоанна, чтобы понять и прочувствовать всю тяжесть и величие этого его беспримерного подвига. Вставал о. Иоанн в три часа ночи и готовился к служению Божественной литургии. Около четырех часов он отправлялся в собор к утрени. Здесь его уже встречали толпы паломников, жаждавших получить от него хотя бы благословение. Тут же было и множество нищих, которым о. Иоанн раздавал милостыню. За утреней о. Иоанн непременно сам всегда читал канон, придавая этому чтению большое значение. Перед началом литургии была исповедь. Исповедь, из-за громадного числа желавших исповедаться у о. Иоанна, была им введена, по необходимости, общая. Производила она, эта общая исповедь, на всех участников и очевидцев потрясающее впечатление: многие каялись вслух, громко

выкрикивая, не стыдась и не стесняясь, свои грехи. Андреевский собор, вмещавший до пяти тысяч человек, всегда бывал полон, а потому очень долго шло причащение, и литургия раньше 12 часов дня не оканчивалась. Служба о. Иоанна представляла собой непрерывный горячий молитвенный порыв к Богу. Во время службы он был воистину посредником между Богом и людьми, ходатаем за грехи их, был живым звеном, соединявшим Церковь земную, за которую он предстательствовал, и Церковь Небесную, среди членов которой он витал в те минуты духом. Чтение о. Иоанна на клиросе было не простым чтением, а живой восторженной беседой с Богом и с Его святыми: читал он громко, отчетливо, проникновенно, и голос его проникал в самую душу молящихся. А за Божественной литургией все возгласы и молитвы произносились им так, как будто своими просветленными очами лицом к лицу видел он пред собою Господа и разговаривал с Ним. Слезы умиления лились из его глаз, но он не замечал их. Видно было, что о. Иоанн во время Божественной литургии переживал всю историю нашего спасения, чувствовал глубоко и сильно всю любовь к нам Господа, чувствовал Его страдания. Такое служение необычайно действовало на всех присутствующих. Не все шли к нему с твердой верой: некоторые – с сомнением, другие – с недоверием, а третьи – из любопытства. Но здесь все перерождались и чувствовали, как лед сомнения и неверия постепенно таял и заменялся теплотой веры. Причащающихся после общей исповеди бывало всегда так много, что на святом престоле стояло иногда несколько больших Чаш, из которых несколько священников приобщали верующих одновременно. И такое причащение продолжалось нередко более двух часов.

Во время службы письма и телеграммы приносились о. Иоанну прямо в алтарь, и он тут же прочитывал их и молился о тех, кого просили его помянуть.

После службы, сопровождаемый тысячами верующих, о. Иоанн выходил из собора и отправлялся в Петербург по бесчисленным вызовам к больным. И редко когда возвращался

домой ранее полуночи. Надо полагать, что многие ночи он совсем не имел времени спать.

Так жить и трудиться можно было, конечно, только при наличии сверхъестественной благодатной помощи Божией.

Но и самая слава о. Иоанна была его величайшим подвигом, тяжким трудом. Подумать только, что ведь всюду, где бы он ни показался, около него мгновенно вырастала толпа жаждавших хотя бы прикоснуться к чудотворцу. Почитатели его бросались даже за быстро мчавшейся каретой, хватая ее за колеса с опасностью быть изувеченными.

По желанию верующих о. Иоанну приходилось предпринимать поездки в разные города России. Эти поездки были настоящим триумфом смиренного Христова служителя. Стечение народа определялось десятками тысяч, и все бывали объяты чувствами сердечной веры и благоговения, страхом Божиим и жаждой получить целительное благословение. Во время проезда о. Иоанна на пароходе толпы народа бежали по берегу, многие при приближении парохода становились на колени. В имении Рыжовка, около Харькова, где поместили о. Иоанна, уничтожены были многотысячной толпой трава, цветы, клумбы. Тысячи народа проводили дни и ночи лагерем около этого имения. Харьковский собор во время служения о. Иоанна 15 июля 1890 года не мог вместить молящихся. Не только весь собор, но и площадь около собора не вместила народа, который наполнял даже все прилегающие улицы. В самом соборе певчие принуждены были поместиться в алтаре. Железные решетки оказались всюду сломанными от давки. 20 июля о. Иоанн совершал молебен на Соборной площади – народу было более 60 тыс. Точно такие же сцены происходили в поволжских городах: в Самаре, Саратове, Казани, Нижнем Новгороде.

О. Иоанн находился в царском дворце в Ливадии при последних днях жизни императора Александра III, и самая кончина государя последовала в его присутствии. Больной государь встретил о. Иоанна словами: «Я не смел пригласить вас сам. Благодарю, что вы прибыли. Прошу молиться за меня. Я очень недомогаю». Это было 12 октября 1894 года. После совместной коленопреклоненной молитвы государя наедине с о.

Иоанном последовало значительное улучшение здоровья больного и явились надежды на его полное выздоровление. Так продолжалось пять дней; 17 октября началось снова ухудшение, и в этот день государь сподобился вторично приобщиться Святых Таин из рук отца Иоанна Кронштадтского. «Я не считал своей миссии выполненной, – говорил о. Иоанн, – доколе сам не причащу высокого больного. Я нуждаюсь крайне сам в ежедневном причащении Святых Таин и почитаю за великое лишение, если не причащусь; так же больной человек нуждается в этом все оживотворяющем таинстве, если не всякий день, то через некоторый промежуток, и я, отслужив 17 октября литургию в присутствии высочайших особ, отправился с Чашею Жизни вместе с протодиаконом в карете во дворец к болящему. Вошедши со Святой Чашей в помещение его, я вслух произнес слова из церковной песни: «Се входит Царь славы, се жертва тайная совершенно дориносится, верою и любовью приступим, да причастницы жизни вечная будем»¹. Государь получил большое утешение благодатью Христовой. В последние часы своей жизни государь говорил о. Иоанну: «Вы – святой человек. Вы – праведник. Вот почему вас любит русский народ». «Да, – отвечал о. Иоанн, – ваш народ любит меня». «Любит, – ответил государь, – потому что он знает, кто вы и что вы» (подлинные его слова). Умирая, по принятии Святых Таин и таинства елеосвящения, государь просил о. Иоанна возложить свои руки на его голову, говоря ему: «Когда вы держите руки свои на моей голове, я чувствую большое облегчение, а когда отнимаете, очень страдаю – не отнимайте их». О. Иоанн так и продолжал держать свои руки на голове умирающего царя, пока царь не предал душу свою Богу.

Достигнув высокой степени молитвенного созерцания и бесстрастия, о. Иоанн спокойно принимал богатые одежды, преподносимые ему его почитателями, и облачался в них. Это ему даже и нужно было для прикрытия своих подвигов. Полученные же пожертвования раздавал все, до последней копейки. Так, например, получив однажды при громадном стечении народа пакет из рук купца, о. Иоанн тотчас же передал его в протянутую руку бедняка, не вскрывая даже пакета. Купец

взволновался: «Батюшка, да там тысяча рублей!» – «Его счастье», – спокойно ответил о. Иоанн. Иногда, однако, он отказывался принимать от некоторых лиц пожертвование. Известен случай, когда он не принял от одной богатой дамы 30 тыс. рублей. В этом случае проявилась прозорливость о. Иоанна, ибо эта дама получила эти деньги нечистым путем, в чем после и покаялась.

Был о. Иоанн замечательным проповедником, причем говорил он весьма просто и чаще всего без особой подготовки – экспромтом. Он не искал красивых слов и оригинальных выражений, но проповеди его отличались необыкновенной силой и глубиной мысли, а вместе с тем и исключительной богословской ученостью, при всей своей доступности для понимания даже простыми людьми. В каждом слове его чувствовалась какая-то особенная сила, как отражение силы его собственного духа.

Несмотря на всю свою необыкновенную занятость, о. Иоанн находил однако время вести как бы духовный дневник, записывая ежедневно свои мысли, приходившие ему во время молитвы и созерцания в результате «благодатного озарения души, которого удостаивался он от всепросвещающего Духа Божия». Эти мысли составили собой целую замечательную книгу, изданную под заглавием «Моя жизнь во Христе». Книга эта представляет собой подлинное духовное сокровище и может быть поставлена наравне с вдохновенными творениями древних великих отцов Церкви и подвижников христианского благочестия. В полном собрании сочинений о. Иоанна, издания 1893 года, «Моя жизнь во Христе» занимает три тома в тысячу с лишком страниц. Это – совершенно своеобразный дневник, в котором мы находим необыкновенно поучительное для каждого читателя отражение духовной жизни автора. Книга эта на вечные времена останется ярким свидетельством того, как жил наш великий праведник и как должно жить всем тем, кто хочет не только называться, но и в действительности быть христианином.

Замечательным памятником святой личности о. Иоанна и неисчерпаемым материалом для назидания являются также три

тома его проповедей, содержащие общим счетом до 1800 страниц. Впоследствии накопилось еще очень много отдельных сочинений о. Иоанна, издававшихся отдельными книжками в огромном количестве. Все эти слова и поучения о. Иоанна – подлинное веяние Св. Духа, раскрывающее нам неисследимые глубины Премудрости Божией. В них поражает дивное своеобразие во всем: в изложении, в мысли, в чувстве. Каждое слово – от сердца, полно веры и огня; в мыслях – изумительная глубина и мудрость, во всем – поразительная простота и ясность. Нет ни одного лишнего слова, нет «красивых фраз». Их нельзя только «прочитать» – их надо всегда перечитывать, и всегда найдешь в них что-то новое, живое, святое.

«Моя жизнь во Христе» уже вскоре после своего выхода в свет настолько привлекла к себе всеобщее внимание, что была переведена на несколько иностранных языков, а у англиканских священников сделалась даже любимейшей настольной книгой.

Основная мысль всех письменных творений о. Иоанна – необходимость истинной горячей веры в Бога и жизни по вере, в непрестанной борьбе со «страстями и похотями», преданность вере и Церкви Православной, как единой спасающей.

В отношении к нашей Родине – России – о. Иоанн явил собою образ грозного пророка Божия, проповедующего истину, обличающего ложь, призывающего к покаянию и предрекающего близкую кару Божию за грехи и за богоотступничество. Будучи сам образом кротости и смирения, любви к каждому человеку, независимо от национальности и вероисповедания, о. Иоанн с великим негодованием относился ко всем тем безбожным материалистическим и вольнодумным либеральным течениям, которые подрывали веру русского народа и подрывали тысячелетний государственный строй России.

«Научись, Россия, веровать в правящего судьбами мира Бога Вседержителя и учись у твоих святых предков вере, мудрости и мужеству. Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант православной веры. Восстань же, русский человек! Кто вас научил непокорности и мятежам бессмысленным, коих не было прежде в России?.. Перестаньте безумствовать! Довольно! Довольно пить горькую, полную яда

чашу – и вам, и России». И грозно прорекает: «Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению. Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены праведной каре закона и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония». «Бедное отечество, когда-то ты будешь благоденствовать?! Только тогда, когда будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к царю и Отечеству и чистоты нравов».

Последующие события кровавой русской революция и торжества безбожного, человеконенавистнического большевизма показали, насколько был прав в своих предостережениях и пророческих предвидениях великий праведник земли Русской.

К тяжелому подвигу служения людям в последние годы жизни о. Иоанна присоединился мучительный личный недуг – болезнь, которую он кротко и терпеливо переносил, никому никогда не жалуясь. Решительно отверг он предписание врачей поддерживать свои силы скоромной пищей. Вот его слова: «Благодарю Господа моего за ниспосланные мне страдания для предпочищения моей грешной души. Оживляет – святое причастие». И он приобщался по-прежнему каждый день.

10 декабря 1908 года, собрав остаток своих сил, о. Иоанн в последний раз сам совершил Божественную литургию в Кронштадтском Андреевском соборе. А в 7 часов 40 минут утра 20 декабря 1908 года великий наш праведник мирно отошел ко Господу, заранее предсказав день своей кончины.

В погребении о. Иоанна участвовали и присутствовали десятки тысяч людей, а у гробницы его и тогда, и в последующее время совершалось немало чудес. Необычайные были похороны! На всем пространстве от Кронштадта до Ораниенбаума и от Балтийского вокзала в Петербурге до Иоанновского монастыря на Карповке стояли огромные толпы плачущего народа. Такого количества людей не было до того времени ни на одних похоронах – это был случай в России совершенно беспримерный. Похоронное шествие

сопровождалось войсками со знаменами, военные оркестры исполняли «Коль славен», по всей дороге через весь город стояли войска шпалерами. Чин отпевания совершал Санкт-Петербургский митрополит Антоний во главе сонма епископов и многочисленного духовенства. Лобызавшие руку покойного свидетельствуют, что рука оставалась не холодной, не окоченевшей. Заупокойные службы сопровождались общими рыданиями людей, чувствовавших себя осиротевшими. Слышались возгласы: «Закатилось наше солнышко! На кого покинул нас, отец родной? Кто придет теперь на помощь нам, сирым, немощным?» Но в отпевании не было ничего скорбного: оно напоминало собой скорее светлую пасхальную заутреню, и чем дальше шла служба, тем это праздничное настроение у молящихся все росло и увеличивалось. Чувствовалось, что из гроба исходит какая-то благодатная сила и наполняет сердца присутствующих какой-то неземной радостью. Для всех ясно было, что во гробе лежит святой, праведник, и дух его незримо носится в храме, объемля своей любовью и лаской всех собравшихся отдать ему последний долг. Похоронили о. Иоанна в церкви-усыпальнице, специально устроенной для него в подвальном этаже сооруженного им монастыря на Карповке. Вся церковка эта красиво облицована белым мрамором; иконостас и гробница – тоже из белого мрамора. На гробнице (с правой стороны храма) лежит святое Евангелие и резная митра, под которой горит неугасаемый розовый светильник. Множество дорогих художественно исполненных лампад постоянно теплятся над гробницей. Море света от тысяч свечей, возжигаемых богомольцами, заливают этот дивный сияющий храм.

Ныне великое дело церковного прославления нашего дивного праведника, милостью Божией, совершилось. О, если бы это радостное событие воскресило в сердцах всех православных русских людей важнейший завет приснопамятного о. Иоанна и побудило их со всей решительностью последовать ему: «Нам необходимо всеобщее нравственное очищение, всенародное глубокое покаяние, перемена нравов языческих на христианские: очистимся,

омоемся слезами покаяния, примиримся с Богом – и Он примирится с нами!»

На Поместном Соборе Русской Православной Церкви 7–8 июня 1990 года Иоанн Кронштадтский был канонизован и установлено совершать его память 20 декабря/2 января – в день блаженной кончины святого праведника.

Декабрь 21

Иулиания княгиня Вяземская, святая

Святая княгиня Иулиания была супругой удельного князя вяземского Симеона Мстиславича, подчиненного великому князю смоленскому. Смоленское княжество, срединное между Москвой и Литвой, переживало в то время тяжелую пору, последние годы существования. Витовт, великий князь литовский, решил окончательно подчинить себе исконно русское княжество. Московский же князь Василий Дмитриевич, женатый на дочери Витовта, явно держал сторону тестя. И вот в 1404 году Смоленск был взят литовскими войсками и княжество Смоленское пало. Последний князь его Георгий Святославич, оставив в плену литовцев супругу свою, сначала отправился в Новгород Великий и в продолжение двух лет княжил здесь. Был вместе с ним и подручный князь его Симеон Мстиславич, супруг святой Иулиании. Затем бывший князь смоленский бил челом московскому князю, просился у него на службу. Князь вяземский, преданный своему старшему князю, не отставал от него. Василий Дмитриевич принял на службу князя Георгия с его подручником и послал их обоих наместниками в Торжок, разделив город на две половины между князьями-наместниками.

Блаженная Иулиания, супруга князя Симеона, процветала своими добродетелями, строгим целомудрием и блистала красотой телесной. Князь Георгий, супруга которого находилась в плену, прельстился ее красотой и уговаривал княгиню жить с ним. Святая долго удерживала князя, ослепленного страстью, от его злого умысла. Она ему говорила: «Зачем, господин, ты задумал такое зло? Вспомни, у меня есть муж. Как же я могу оставить живого мужа и пойти к тебе? Могу ли я осквернить чистое супружеское ложе? Лучше мне умереть, чем согласиться на такое дурное дело».

Но блудная страсть ослепила ум и совесть несчастного князя. Побуждаемый диаволом, он не слушал слов блаженной Иулиании и решился силою, даже преступлением добиться своего. Георгий Святославич устроил пир у себя в доме и на

этом пиру своими руками убил князя Симеона, ни в чем неповинного, всегда ему преданного, усердно ему служившего. Совершив злодеяние, он хотел тотчас же насытить свою скотскую похоть. Но святая Иулиания стала мужественно защищаться: она хотела ударить ножом в горло насильника, но только ранила его в руку. Вырвавшись из рук обезумевшего Георгия, княгиня выбежала на двор. В ярости князь погнался за нею, нагнал и зарубил мечом. Бездыханное тело святой мученицы по приказанию убийцы было брошено в реку Тверцу. Мученическая кончина блаженной Иулиании последовала в Торжке 21 декабря 1406 г.

Терзаемый укорами совести и всеми порицаемый, князь Георгий бежал в Орду к татарам. Но и там не мог найти он себе покоя. Он возвратился в Русскую землю и искал пустыню, чтобы поселиться в ней и оплакивать свой страшный грех. Скоро он нашел такой монастырь – Николаевский на реке Осетре и был принят его игуменом, добрым старцем Петром. Но грешный князь пробыл здесь только несколько дней. Впал в болезнь и, принеся Богу искреннее покаяние, скончался 14 сентября 1408 г.

Господу было угодно открыть тело святой мученицы. Весной один расслабленный крестьянин с трудом шел по берегу реки Тверцы. Вдруг он видит, что тело блаженной Иулиании плывет по реке не вниз, но вверх, против течения. Изумленный сим видением, крестьянин ужаснулся и хотел было уйти поскорее с этого места, но услышал голос, исходящий от бездыханного тела: «Раб Божий, не бойся. Ступай в соборную церковь Преображения Господня и возвести протопопу и прочим, чтобы они взяли мое грешное тело – тело Иулиании – и погребли его на правой стороне в этой церкви». В то же время расслабленный почувствовал себя совершенно здоровым. С радостью поспешил он исполнить чудесное приказание. Протоиерей со множеством народа отправился на указанное им место и здесь, недалеко от берега, они обрели честное тело блаженной Иулиании, перенесли его в город и с подобающим торжеством погребли у южных дверей Преображенского собора.

При этом многие больные получили исцеление от своих недугов.

В 1598 году протодиакон соборной церкви Торжка Иоанн захотел сам осмотреть мощи святой Иулиании. 40 дней перед тем он постился и молился Богу. Потом стал открывать гроб; вдруг на Иоанна напал ужас, и в то же время из гроба вырвался огонь, который сильно опалил дерзкого протодиакона. Он упал на церковный помост, взывал о помощи, но никто этого не слышал. Вдруг раздался чей-то голос: «Не трудись напрасно, отец, ибо не следует видеть тела моего, пока не будет на то воли Божией». Так лежал наказанный протодиакон в расслаблении с полудня до вечерни. Вошедший в церковь пономарь ужаснулся, собрал народ. Иоанн поведал всем случившееся с ним. Более двух месяцев лежал он в расслаблении, но потом по молитвам у гроба святой мученицы получил исцеление.

В апреле 1815 года старый собор Преображения Господня был разобран. При сем была видима часть каменной гробницы, в которой почивали мощи святой княгини. Многие верующие, касаясь гроба мученицы или захватывая часть земли с того места, получали исцеление от своих недугов по молитвам святой Иулиании и по неизреченной милости Христа Бога нашего, Которому вместе с Отцем и Святым Духом слава, честь и поклонение во веки. Аминь.

Петр, митрополит Киевский и всея России, святитель

Великий святитель Христов блаженный Петр происходил из Галицко-Волынской области. Родители его были люди благочестивые и богобоязненные; его отца звали Феодор, имя же матери его точно неизвестно. Перед рождением святого Петра его матери привиделся пророческий сон: будто держит она на руках барашка, между рогами которого растет дерево, покрытое красивой листвой, цветами и плодами. В ветвях дерева теплились многочисленные свечи, благоухание исходило от него. С изумлением рассказывала благочестивая женщина своим близким о чудесном сновидении, которое впоследствии сбылось, когда блаженный сын ее в изобилии духовных дарований стал первосвятителем и молитвенником земли Русской.

На седьмом году блаженный Петр был отдан учителю. Однако грамота не давалась ему, и много скорбели о том родители святого отрока, немалое огорчение испытывал и учитель. Но Господь чудесно просветил ум Своего избранника. Однажды во сне святой отрок увидел мужа в святительском одеянии, который сказал ему: «Открой, чадо, уста твои». Он открыл уста; святитель прикоснулся к языку его правой рукой, и святой Петр почувствовал, что гортань его наполнилась чем-то сладостным. И с того времени блаженный отрок обнаружил такие дарования, что вскоре опередил всех своих сверстников.

Двенадцати лет от роду святой Петр удалился в одну из пустынных обителей своей родины и был пострижен в монашество. Юный инок отрешился от своей воли и отдался в полное послушание старцу, своему духовному руководителю. Святой Петр проходил тяжелое послушание на монастырской поварне: и зимой, и летом носил он на своих плечах дрова и воду и мыл для братии власяницы. Однако труд этого послушания не препятствовал святому первым по церковному звону приходить ко всем дневным и ночным службам и уходить последним, благоговейно и внимательно стоять в храме.

Немало лет провел святой Петр в таких подвигах, проходя монастырское житие по правилам прп. Иоанна Лествичника. Всегда послушный своему наставнику, неленостно служа братии, смиренный, кроткий и молчаливый подвижник являлся обители благим примером добродетельного жития. Удостоившись диаконского, а потом и пресвитерского сана, святой Петр оставался прежним смиренным иноком и служил братии, как и раньше.

Во время жития в обители у святого созрело благочестивое желание научиться писанию святых икон. Старец одобрил это благое намерение. С его благословения святой Петр прилежно принялся за дело и быстро сделался искусным иконописцем. Благолепно писал он изображения Господа нашего Иисуса Христа, Пресвятой Его Матери и святых Божиих и за своей работой возводил свои помыслы от земли к горним. Ум же его проникался богомыслием, дух приближался к небесным жителям, образы которых писал на иконах, и еще сильнее подвижник стремился к высшему совершенству, прося у Господа благодатной помощи. С любовью занимался он писанием святых икон, а его наставник раздавал их в благословение и своей братии, и приходившим в обитель христолюбцам-мирянам. Случалось, что чудный иконописец продавал свои иконы, чтобы вырученные деньги раздавать нищим.

Спустя некоторое время, по повелению и с благословения своего наставника, святой Петр оставляет монастырь и приискивает себе место для более уединенной иноческой жизни. Обойдя окрестности, он нашел безмолвное место на реке Рате и поставил здесь келлию и храм во имя Спаса нашего Иисуса Христа (Преображенский). Не щадя сил своих, угодник Божий работал своими руками, сооружая храм и келлии для себя и для иноков, которые вскоре стали во множестве собираться под его духовное руководство. О братии святой Петр заботился как чадолюбивый отец, наставляя своих учеников ко спасению не столько словом назидания, сколько поучительным примером собственной жизни: он не выставлял себя властным начальником братства и превосходил

смирением младшего из братьев; был кроток и молчалив; на согрешающих учеников никогда не гневался, а поучал их словами мира и любви. Святой Петр милостив был к бедным и не отпускал без подаяния никого, кто просил Христа ради, помня изречение премудрого: *Милуяй нища, взаим дает Богу* (Притч. 19, 17) и слово Господа: *Будите убо милосерди, якоже Отец ваш Милосерд есть* (Лк. 6, 36). Щедро благодетельствуя из средств монастыря, святой игумен много подавал нищим и от себя, тайно от братии. Когда же случалось, что подавать было нечего, святой Петр раздавал иконы, которые сам писал; не раз снимал он с себя власяницу, чтобы укрыть бедняка от зимней стужи.

Слава о дивных подвигах и добродетелях блаженного игумена ратского распространилась по всей Волынско-Галицкой области. Князь, бояре и простой народ стекались в обитель послушать его поучительного слова. Когда прибыл в эту область Всероссийский Митрополит Максим (память 6/19 декабря), посещавший по обычаю все города своей митрополии ради церковного устройства, святой Петр со своей братией явился к святителю, чтобы принять благословение, и поднес ему образ Успения Пресвятой Богородицы, написанный им самим. С любовью принял святитель икону Пресвятой Девы, украсил ее золотом и драгоценными камнями и до конца жизни благоговейно хранил у себя в келлии, молясь перед сей иконой о спасении земли Русской.

По преставлении митрополита Максима (в декабре 1305 года) игумен, по имени Геронтий, дерзнул воспринять сан митрополита и с этой целью отправился в Константинополь в сопровождении митрополичьих сановников, взяв с собою из Владимира святительские одежды, пастырский жезл и ту святую икону, которую блаженный Петр написал для почившего святителя. Слух о таком происшествии распространился по всей Русской земле, и многие были недовольны поступком Геронтия. В числе недовольных был и великий князь галицкий Георгий Львович. Зная добродетельную жизнь блаженного Петра и его великие подвиги, великий князь начал настойчиво убеждать святого игумена ратского отправиться в

Константинополь, чтобы воспринять там святительство Галицкой земли, в которой князю, недовольному поступком Геронтия, хотелось учредить особую митрополию. Но святой Петр по великому смирению своему долго уклонялся от настойчивых уговоров великого князя. Князь то убеждал его сам, то посылал для этого бояр. Наконец святой Петр склонился на увещания Юрия Львовича и стал готовиться в путь. Великий князь тайно от святого написал ко вселенскому патриарху и его собору грамоту, в которой усердно просил патриарха о поставлении святого Петра митрополитом Галицким. Послу с этой грамотой великий князь приказал сопровождать будущего святителя в Константинополь.

Тем временем игумен Геронтий достиг берега Черного моря и на корабле отправился к Царьграду. Плавание его было крайне бедственно: поднялась буря, воздымались великие волны и противные ветры относили судно в сторону от прямого пути. Святой же Петр вошел в корабль в другой пристани и, путешествуя по другой полосе Черного моря, с попутным ветром быстро, спокойно и благополучно прибыл, как будто прилетел, к стенам Константинополя. Геронтию, опечаленному продолжительным и тяжелым плаванием, было во сне видение: явилась икона Пресвятой Богородицы, написанная святым Петром, которую он вез с собою, и был от нее глас: «Напрасно претерпеваешь ты трудности столь далекого пути: не достанется тебе сан святительский, которого ты домогаешься. Тот, кто написал Мой образ, игумен ратский Петр, служитель Сына Моего и Бога и Мой, возведен будет на высокий престол славной митрополии Русской, украсит сей престол, будет добрым пастырем людей, за которых Христос, Сын Мой и Господь, пролил кровь Свою, от Меня восприятую, и, пожив богоугодно, он в маститой старости преставится к вождеденному Владыке и Первосвятителю».

Объятый ужасом, Геронтий проснулся и сказал своим спутникам: «Напрасно мы трудимся, братия, ибо желаемого не получим». На расспросы о причине такого уныния Геронтий рассказал о видении и передал слова, которые слышал от святой иконы. С великим трудом, истомленные бурным

плаванием, достигли они наконец Константинополя уже после того, как прибыл туда святой Петр. Патриарший вселенский престол занимал тогда святой Афанасий (память 24 октября/6 ноября). Святой Петр явился к нему в сопровождении великокняжеского сановника; при входе блаженного палата, где находился патриарх, наполнилась благоуханием; отсюда святитель Константинопольский уразумел, что святой Петр послан Богом, и принял его с любовью. Известившись из послания великого князя о цели прибытия блаженного игумена, патриарх немедленно созвал Собор, который избрал святого Петра митрополитом не только Галицкой, но и всей Русской земли. Так исполнилось видение, бывшее матери святого Петра еще до его рождения, так осуществились пророческие слова, которые слышал игумен Геронтий от святой иконы Божией Матери. Когда во время Божественной литургии совершено было поставление блаженного в святительский сан, лицо его просветилось как солнце. Патриарх и сослужившие с ним, видя это, в удивлении говорили: «Человек этот пришел к нам по повелению Божию и Его благодатью будет добрым пастырем порученного ему словесного стада».

Поставление святого Петра в митрополита произошло в мае или июне 1308 года.

Вскоре после этого приехал и Геронтий. Он пришел к патриарху и, против воли своей, рассказал обо всем случившемся с ним в пути, не умолчал и о бывшем ему видении. Патриарх отечески увещевал его не думать о земном, но помышлять о горних и возлагать свое упование на Бога, Который дарует Свои щедроты, кому хочет. Поучив Геронтия от правил святых отец о сани святительском, который не может быть ни дарован мирскими властями, ни самовольно захвачен всяким честолубцем, патриарх отобрал у него взятый из Владимира архиерейский жезл и одежды и вручил их святому Петру вместе с чудотворной иконой Пресвятой Богородицы. И при этом сказал: «Приими Богородичный образ святой, который ты написал своими руками. За труд свой ты получил награду: сама икона изрекла о тебе пророчество».

После поставления святого Петра патриарх каждый день беседовал с ним о трудностях пастырского служения в Русской земле, а затем отпустил святителя в его страну.

Благополучно прибыл святой Петр в Русские пределы и ревностно отдался трудам пастырства. С великим усердием, кротостью и смирением он укреплял в сердцах верующих правила веры и жизни христианской, поколебленные в русском народе монгольским владычеством. Подобно великим вселенским учителям и святителям Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту, блаженный Петр в поучениях своих предлагал Богом вверенной ему пастве истолкование Священных Писаний евангельских и апостольских и сей проповедью вместе с примером собственной подвижнической жизни утверждал истинную Христову веру в областях своей обширной митрополии. В то время престол Русской митрополии помещался во Владимире на Клязьме, и местом жительства святителя Петра был этот город. Но ревностный святитель часто посещал и близкие, и отдаленные области, путешествуя и по земле Волынской, Киевской и Суздальской. И не в одних больших городах святитель бывал для благоустроения Церкви и назидания верующих. Он посещал даже и села и здесь поучал народ истине Христовой. Невзирая ни на какие трудности, терпеливо переносил болезни и лишения, святитель Божий заботился о вверенном ему стаде словесных овец. Однако, несмотря на высокие духовные дарования и неустанные пастырские труды святого Петра, не сразу признали его своим пастырем все овцы его духовного стада.

У святого Петра были противники при самом вступлении его на кафедру Русской митрополии. Были люди, которые не желали его святительства и старались лишить его власти.

Тверской епископ Андрей, происходивший из литовский князей, послал на святого митрополита донос Константинопольскому патриарху Афанасию. Он обвинял святителя в каких-то тяжких преступлениях. Удивился и не поверил патриарх наветам на святого Петра, но, чтобы проверить их, отправил к нему со своим клириком следующее послание: «Всесвященнейший митрополит Киевский и всея

России, во Святом Духе возлюбленный брат и сослужитель нашего смирения Петр! Ты знаешь, что избранием Святаго Духа поставлен ты пастырем и учителем словесного стада Христова. И вот ныне от вашего народа и из твоей страны дошли до моего слуха тяжкие на тебя обвинения и смутили мою мысль. Постарайся, сын мой, очистить и исправить это».

Замысел Андрея и ранее не был тайной для святого Петра, и не смутился он, но все свое упование он возложил на Господа, говоря: *Терпя потерпех Господа и внят ми, аще Бог по нас, кто на ны?* (Пс. 39, 2; Рим. 8, 31). Когда же прибыл патриарший посол, немедленно составился Собор в Переяславле-Залесском в 1310 году. На Соборе присутствовали епископ Симеон и игумен Прохор Ростовские, патриарший посол и призванный сюда Тверской епископ Андрей. Великий князь Михаил Ярославич был тогда в Орде и вместо него на Соборе присутствовали малолетние сыновья его Димитрий и Александр. Собралось несколько князей, много бояр; съехались лучшие из игуменов и чернецов и множество белого духовенства.

По прочтении патриаршего послания в собрании поднялись распри и великий шум. Некоторые из присутствовавших, имевшие вражду на святителя, стали на сторону доносчика, другие же, почитая угодника Божия, восстали против ложных обвинений. Враждебное настроение между спорившими все разгоралось, и тогда святой Петр обратился к ним со словами кротости: «Братия и дети о Христе возлюбленные! Я не лучше пророка Ионы, который был причиной морской бури и для укрощения ее брошен с корабля в море. Из-за меня происходит ныне волнение. Извергните же меня, и прекратится среди вас смятение; зачем вы так волнуетесь из-за меня? Изберите из своей среды пастыря, удобного для всех». Но Собор оправдал святителя Петра. На Соборе не утаилось, кто истинный виновник смуты, открылся ложный донос епископа Андрея, и доносчик был посрамлен и унижен перед всеми. Но кроткий первосвятитель земли Русской не желал унижения своего врага. Он обратился к нему со словом всепрощения и утешения: «Мир тебе, чадо о Христе! Не ты, но исконный завистник рода

человеческого диавол возбудил эту брань. Берегись впредь, чтобы не было с тобой худшего. Прошедшее же Бог простит». Преподав наставление духовенству и мирским участникам Собора, святой Петр закрыл его.

Вскоре после Переяславского Собора великий князь Михаил Ярославич Тверской жаловался на святого Петра патриарху Константинопольскому Нифонту, обвиняя святителя в том, что он дозволяет браки в незаконных степенях родства и что берет мзду с поставленных на священные степени. Но эта жалоба не имела успеха может быть от того, что обвинения были ложны, а может быть и потому, что патриарх Нифонт не успел произвести расследования, так как скоро лишен был престола.

В трудное время правил Русской Церковью митрополит Петр – во время монгольского владычества над Русью и княжеских усобиц. И святителю приходилось ездить в Орду, чтобы умиловать грозного хана и мирить враждующих князей.

В 1313 году святой Петр по распоряжению хана Узбека, который только что вступил на престол, предпринял далекое путешествие в Орду вместе с великим князем Михаилом Ярославичем – жаловаться хану на обиды, чинимые Церкви лукавыми людьми, и ходатайствовал пред ним о даровании покровительства Русской Церкви и духовенству. С великой честью принял грозный хан смиренного святителя, не стал удерживать его долго в Орде и с честью отпустил на Русь, приказав выдать ему весьма милостивую грамоту, в которой ограждались неприкосновенность православной веры, имущество и права Церкви и духовенства на Русской земле.

Во время княжеских междоусобиц святитель Петр не раз являлся любвеобильным советником и миротворцем враждующих князей.

В 1310 году святитель был в Брянске. В то время к городу подступил с татарской ратью князь Василий, племянник брянского князя Святослава Глебовича, обиженный им, лишенный Брянского стола за год до этого происшествия. Святой Петр уговаривал князя поделиться волостью с

племянником или, оставивши ему все, бежать из города, а не биться. Не внял Святослав кроткому увещанию святителя, понадеялся на свою силу и на помощь брянцев. Но брянцы изменили Святославу во время самого сражения, и князь был убит. Татары ворвались в самый город, и святой Петр укрылся в храме, чтобы спасти свою жизнь.

В следующем году святой Петр настоял, чтобы князь Димитрий Михайлович Тверской, который хотел идти на разорение Нижегородской области, распустил рать.

Заботы святителя о внешнем благе Церкви и о внутреннем мире на Руси не мешали ему ревностно исполнять свои пастырские обязанности. По-прежнему он объезжал города и селения своей митрополии и надзирал за верой и жизнью христиан. Защищая православную веру, святой Петр вел спор с еретиком Сеитом, показал ему всю ложность его учения и проклял еретика (когда и где происходил этот спор – неизвестно. Точно неизвестно также и то, кто такой был этот Сеит и какую ересь он проповедовал. Предполагают, что он был магометанин, духовное лицо. Вероятно, Сеит был высшим начальником монголов, только что обращенных в магометанство при хане Узбеке. Целью же его спора с русским первосвятителем могло быть стремление обратить и русских христиан, подвластных монголам, в магометанскую веру). Святитель прилагал труды к трудам, смирение к смирению. Ревностный пастырь не чувствовал тяжести трудов, которые нес, не замечал болезней, которые его посещали. Для виновных святой Петр был строгим начальником, для обездоленного люда являлся усердным благотворителем, истинным отцом сирот, убогих и вдов. Старость не охладила пастырской ревности святого Петра. Для иереев же он был постоянным учителем, наставлял их, как следует руководить ко спасению Христова стадо, строго наказывал ведущих соблазнительный образ жизни, зорко следил за иноками и инокинями.

Для духовного назидания своей паствы святой Петр многократно писал послания, из которых до нашего времени сохранились только два. В первом послании своем святитель говорит священникам: «Знайτε, дети, в какое достоинство вы

призваны Богом. Апостол Павел пишет: *Кийждо в звании, в немже призван бысть, в том да пребывает* (1Кор. 7, 20). Вы, дети, называетесь стражами Церкви, пастырями словесных овец, за которых Христос пролил Свою спасительную кровь. Будьте же, дети, истинными пастырями, а не наемниками, которые млеко ядят и волною одеваются, а об овцах не пекутся (Иез. 34, 3). И не входящие *дверми во двор овчий* также не суть пастыри, *но татие и разбойницы* (Ин. 10, 1, 8). Но вы, дети, таким не последуйте. Подражайте же истинному пастырю – Христу, как сам Он сказал в Евангелии: *Аз есмь пастырь добрый, пастырь добрый душу свою полагает за овцы* (Ин. 10, 11) и пр. Будьте, дети, образцом для своего стада, по слову Спасителя, как Он говорил Своим апостолам: *Вы есте соль земли, вы есте свет мира. Тако да просветится свет ваш пред человека, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. 5, 13–14, 16). Прежде всего вам нужно просветиться сими добродетелями: кротостью и смирением, также блюстись от всех дел непристойных, которыми мир соблазняется. *Горе человеку тому, –* сказал Спаситель, *– имже соблазн приходит* (Мф. 18, 7). Оградившись страхом Божиим, отсекайте, дети, от сердец ваших всякую отрасль, пагубную для души: гнев, ярость, зависть, ненависть, пьянство, которое есть корень всякому злу, и смехотворство. Ибо сказано: *Всяко слово гнило да не исходит из уст ваших* (Еф. 4, 29). И Спаситель говорит: *От словес своих оправдишися и от словес своих осудишися* (Мф. 12, 37). Будьте, дети, в доме Божиим как маслина плодовая, приносите плоды духовные, святость. Упражняйтесь в чтении духовных книг и учении день и ночь, по слову пророка: *В законе Господни поучится день и ночь* (Пс. 1, 2). Вы – люди святые, *царское священство, язык свят* (1Пет. 2, 9). Да почивает на вас Дух Святой, как пишет Василий Великий Кесарийский в Божественной литургии: «Свят бо есть Господь и во святых почиваяй». Нужно, чтобы дела ваши соответствовали имени вашего священства: *вера без дел мертва есть* (Иак. 2, 20). Облекитесь, дети, как избранные Божии, во оружие света, то есть в благочестие. Если таким образом сами вы, дети, будете творить добрые дела пред

Богом, тогда в состоянии будете научить и своих детей духовных. Ибо сказано: *Иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем* (Мф. 5, 19). Иерей должен приносить молитву Богу сперва за себя, потом и за людские прегрешения, а духовных детей своих сперва поучать страху Божию, потом покаянию во грехах, любви, кротости, смирению, милостыне. Без епитимии детей своих не держите, но назначайте против каждого греха соответствующую по силе; вовремя надо связать и вовремя разрешить. Учите же детей своих всегда удаляться от блуда и пьянства, чародеяния, волхвования, лихвы, да не будут рабами греха. Если так, дети, сотворите и научите, как я написал вам по закону Божию, тогда сможете сказать Богу: се мы и дети, которых Ты нам дал, и вы примете похвалу от Бога и неизреченную радость. Но если не сотворите и не упасете своего стада, великая ожидает вас пагуба и вечное мучение. Ибо все блага света сего – ничто пред Богом сравнительно с душою человеческой.

Посему, Бога ради, всеми силами потщитесь, дети, проводить жизнь в страхе Божиим, чтобы упасти себя и стадо свое и избавиться от вечной муки. Писанием и неписанием понуждаю вас, дети, на дела благие, потому что я должен всегда напоминать вам и писать о том, что душеполезно и спасительно. Вместе и сам прошу вас, преподобные: помолитесь о моем недостойнстве и о моей худости, по слову Писания: *Молитесь друг за друга, яко да исцелее* (Иак. 5, 16). Да сподобит Бог всех нас без вреда освободиться от сей суетной жизни и получить вечное блаженство и неизреченную радость Христа Бога нашего, молитвами Владычицы нашей Богородицы. Наконец, будем славить Безначального Отца и Единородного Сына Его, Христа Бога нашего, и Пречистого, Преблагого, Животворящего Духа, ибо так верными славится пресвятое имя Божие и тою Божественною силою мы избавляемся от врагов видимых и невидимых в сем веке и в будущем, во веки. Аминь».

Второе поучение святого митрополита обращено не только к духовенству, но и к мирянам: «Молюся Богу, – пишет святитель сначала к пастырям Церкви, – да будете душою чисты и крепки

телом, здоровы и с женами и детьми своими, так чтобы вы могли исполнить заповеди Христовы: правую веру во Святую Троицу, любовь друг ко другу, правду и целомудрие, милостыню, исповедание грехов и все, чем угождаем Богу. Христос сказал: *Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, тот есть любяй Мя* (Ин. 14, 21). Исполняйте же заповеди Его, да возлюблены будете от Христа. Апостол говорит: *Вера без дел мертва есть* (Иак. 2, 20), так и дела без веры мертвы, ибо грехи очищаются милостыней и верой.

Много раз писал к вам, священникам и монахам, о том, как вам жить, как соблюсти в чистоте и непорочности священство, которое вы приняли от Святого Духа, как пасти людей Божиих, живущих в сем мятежном мире и согрешающих: лжущих, обидящих, совершающих клятвопреступления и другие грехи. И этим поучением хочу вас утешить, так как о многом вы будете истязаемы и воспримите заслуженное на суде Христовом: прежде всего о святом крещении, которое приняли, затем о священстве и, наконец, о детях своих духовных. Мы, пастыри, должны за все это дать ответ, потому что в этом мире сияем как звезды, как ученики Христовы, по Его слову, ибо Он говорит: *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. 5, 16). Учителям следует прежде всего внимать себе (подумать о своей душе), а учащему и не исполняющему то, чему он учит, нет никакой пользы. Ибо всякий, кто только говорит и поучает, но не исполняет этого, сам подобен меди звенящей. *А иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем* (Мф. 5, 19).

Епитимии нам передали святые отцы на спасение, чтобы подавать согрешающим на очищение грехов. А вы их не даете. Вы смотрите, как бы получить что-нибудь с согрешающих, а они пребывают во грехах своих: троюженца и четвероженца, живущего с женою без церковного венчания, не запрещаете, то есть не отлучаете от святого причащения. Если так поступаете вы, то какой успех вашего пастырства?

Много раз писал я к вам и о следующем. Когда у священника умрет жена, пусть идет он в монастырь, и тогда

может священнодействовать; если же он слаб и любит мир, пусть не служит. Если не послушает он моего распоряжения, пусть будет неблагословен, и те, кто общается с ним. Вы же, как аспиды, заткнувши уши свои, не слышите, но готовы умереть во грехах ваших. Да не будет так. Снова пишу вам, и если хотите быть чадами Христовыми и моими возлюбленными детьми, желая предстать без осуждения на Страшном Суде Христовом, то послушайте узаконения святых отцов, послушайте меня, сердечно хотящего спасения душам вашим: возьмите иго Христово, возьмите крест Христов, последуйте Ему, да сторицею получите жизнь вечную в будущем веке. Если же опять ослушаетесь моего распоряжения – в монастырь не пойдете, то имею вас неблагословенных и лишаю священства, по слову апостола: *Не льстите себе: ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни пьяницы Царствия Божия не наследят* (1Кор. 6, 9–10). Который же священник начинает пить вино, а службы Божественной не оставит, то он не истинный священник Христов».

Далее святой Петр обращается к простым верующим: «Вы же, люди Христовы, язык святой, новое достояние, имейте в себе страх Божий, помните о суде, смерти и воскресении, о жизни вечной праведным и вечной муке грешным. Спешите в церковь, приносите Богу дар от своего имения на очищение. Священников Божиих любите, любите и почитайте монахов, милуйте убогих, вдов и сирот, плененных и заключенных в темницы; каждый пусть благоворит по силе, одевает нагих, да услышит блаженный глас: *Приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира* (Мф. 25, 34). Милость Божия и мое благословение да будет с вами во веки веков. Аминь».

Во время своих путешествий по митрополии святой Петр часто останавливался в Москве, которая в то время представляла собой небольшой и малолюдный городок, расположенный на Боровицком холме, при слиянии рек Москвы и Неглинной.

Московским князем при святом Петре был сначала внук святого Александра Невского – Георгий Данилович, потом брат

его Иоанн Данилович, по прозванию Калита. Но так как князь Георгий часто и надолго уезжал из Москвы, то ею правил брат его Иоанн. Этот князь относился к святому Петру с великой любовью и почтением, и святитель Божий возлюбил князя за его преданность православной вере, добродетельную жизнь, милосердие к бедным, за любовь к чтению и слушанию Божественного Писания. Более, чем в других городах, стал святой Петр проживать в Москве, где для него был построен особый дом. Незадолго до своей блаженной кончины святой Петр посоветовал князю построить в Москве каменный храм в честь Успения Пресвятой Богородицы. Тогда в Москве еще не было каменного храма. При этом святитель пророчествовал: «Если послушаешь меня, сын мой, и воздвигнешь храм Пречистыя Богородицы в сем городе, то и сам прославишься более других князей, и сыновья и внуки твои прославятся в роды, и город этот будет славен среди других городов русских. Враги его будут посрамлены, и Бог прославится в нем; святители будут жить, еще же и мои кости в нем будут положены».

Князь поспешил исполнить совет святителя, и 4 августа 1326 года святой Петр совершил закладку храма, впоследствии знаменитого Успенского собора.

Как ни поспешно, по воле святителя и усердию князя, производилась постройка, но святой Петр не дождался ее завершения. Князь Иоанн видел сон: представилась ему высокая гора и на вершине ее снег. Но вдруг снег растаял и исчез. Князь рассказал свой сон святителю и услышал от него такое объяснение: «Гора высокая – это ты, князь, а снег – это я смиренный. Мне прежде тебя должно отойти из этой жизни».

Получив откровение о близости своей кончины, святитель собственными руками устраивал для себя каменную гробницу близ жертвенника в сооружавшемся храме. Вскоре после того возведено было святому через Ангела о самом дне отшествия его к Богу, Которого он возлюбил от юности. Исполненный духовной радости, святой Петр совершил в тот день Божественную литургию, вознес молитвы о князе Иоанне, о всех христианах Русской земли, своих пасомых, и помянул

усопших. Придя из храма, святитель созвал церковный причт и преподал ему последнее наставление. Призвав затем нищих, убогих и своих слуг, он раздал им обильную милостыню. Прочее свое достояние святой Петр распределил на свое поминование между церковниками и монахами, уделил значительную часть и на постройку храма Успения Пресвятой Богородицы. Князя Иоанна в Москве тогда не было, и святой Петр вручил свои деньги его вельможе Протасию, который был хорошим христианином. Святитель сказал Протасию: «Сын мой, вот я отхожу из этой жизни. Оставляю милость, мир и благословение от Бога возлюбленному сыну моему, князю Иоанну, и семени его до века. За то, что сын мой меня успокоил, да воздаст ему Господь Бог сторицею в мире сем, да наследует он живот вечный, да не отнимется от рода его преемство обладания местом его и память его да распространится».

Еще ранее святой Петр благословлял князя и весь род его своим шейным крестом, которым московские князья благословляли старших сыновей своих, наследников московского великокняжеского престола.

Наступил вечер, и святой начал совершать вечерню; во время молитвы он обратился к архимандриту Феодору, которого избрал своим преемником, и сказал ему: «Мир тебе, сын мой, я умираю». Воздев руки горе, блаженный предал святую душу свою Господу. Кончина святого Петра последовала в ночь с 20 на 21 декабря 1326 года.

Известили князя о преставлении святителя. Иоанн Данилович поспешил в Москву со всеми вельможами своими и горько скорбел о кончине доброго отца своего и друга.

Погребение тела святителя на другой день после его смерти совершил Луцкий епископ Феодосий. Когда совершалось торжественное перенесение мощей в храм в предшествовании многочисленного духовенства и в сопровождении князя, вельмож и множества народа, один иноверец в осуждение размышлял: зачем мертвому человеку воздают такие почести – за ним идет сам князь и множество народа? Только что он это подумал, как увидел, что святой Петр сидит на одре, на котором

его несли, и на обе стороны благословляет народ. Об этом видении сам иноверец после засвидетельствовал с клятвой.

В то же время получили исцеление от мощей святителя трое больных.

Тело святого Петра было положено в приготовленную им самим гробницу и погребено в недоконченном храме Успения Пресвятой Богородицы, в отделении жертвенника у правой стены. Через несколько дней после погребения святителя при гробе его получил исцеление юноша, не владевший руками со дня рождения. Вскоре здесь же, по молитве, возвратился слух к глухому и прозрел слепец. Много и других чудес совершалось по вере в небесное предстательство святого Петра митрополита, но и по преставлении блаженный являл смирение, коими преукрашен был в жизни: в тайне остались многие совершенные при его мощах исцеления сокровенных болезней. Князь Иоанн Даниилович приказал составить описание чудес святого, которое и было прочитано Ростовским епископом Прохором в стольном граде Владимире с церковного амвона всенародно в праздничный день при соборном служении. В это время иноверец и засвидетельствовал о видении, бывшем ему при погребении святителя.

Преемник святого Петра митрополит Феогност, зная о чудесах, совершавшихся при мощах почившего святителя, донес о сем патриарху Константинопольскому. Патриарх Иоанн с собором святителей, рассмотрев послание русского митрополита, возблагодарил Бога, прославляющего святых Своих, и написал в июле 1339 года Фегносту следующую грамоту, которой устанавливалось празднование святому митрополиту Петру: «Преосвященнейший Митрополит всея России и пречестный во Святом Духе возлюбленный брат и сослужитель нашего смирения! Благодать и мир от Бога да будет твоему святительству! Получили мы послание твоего святительства, извещающее и удостоверяющее нас о бывшем до тебя святителе той же Святейшей Церкви, как он по смерти прославлен от Бога и явлен истинным угодником Его, так что совершаются им великие чудеса и исцеляются болезни всякого рода. И мы возрадовались о сем и возслали Богу подобающее

славословие. А поскольку твое святительство и от нас искало наставления, как поступить с таковыми святыми мощами, то ты сам знаешь, какой есть чин на то во Святой Божией Церкви. Получив твердое и несомненное удостоверение относительно сего, святительство твое и в настоящем случае да поступит вполне по этому уставу Церкви: почти и ублажи угодника Божия песнопениями и священными славословиями и предай сия на будущие времена в хвалу и славу Богу, прославляющему славящих Его. Благодать Господня да будет с тобою».

По получении патриаршего послания митрополит Феогност с великой радостью объявил его великому князю и всему народу и учинил празднование святому Петру. И с того времени совершается празднование блаженной памяти святителя и чудотворца Петра, митрополита Киевского и всея России. Небесным его предстательством источаются исцеления недугов телесных и душевных всем, с верою притекающим с молитвой ко гробу его.

В 1472 году митрополит Московский Филипп предпринял перестройку Успенского собора, основанного святым Петром, так как собор обветшал и грозил падением, к тому же он был маловместителен. Новый храм предположено было построить на месте старого, но в значительно больших размерах и притом поставить его так, чтобы он со всех сторон равномерно облагал старый собор. Гробница с мощами святого Петра, по мысли митрополита, должна была остаться на прежнем месте, а так как пол в новом храме поднят был выше против прежнего более чем в рост человека, то надо было поднять гробницу, чтобы оставить ее сверх пола, как было и прежде. Когда пришло время строить отделение жертвенника, в котором почивали мощи святого Петра, и надо было их перенести оттуда, чтобы после положить превозвышенно на прежнем месте, митрополит Филипп обратился за разрешением этого важного дела к великому князю Иоанну Васильевичу III, а тот представил его решить самому митрополиту с собором епископов и духовенства. Тогда митрополит собрал епископов, наиболее разумных архимандритов и священников и после совещания с ними дерзнул вынуть мощи святого Петра. Ночью 14 июня он

пришел ко гробу святителя с духовенством и повелел священникам разбирать надгробие. Митрополит трепетал, обливался слезами и размышлял, угодно ли будет святому, что поднимут его мощи. Оказалось, что гробница святого сильно пострадала от пожара, бывшего во время нашествия Тохтамыша в 1382 году, когда ворвавшиеся монголы искали драгоценности и для того разобрали гробницу чудотворца, но, ничего не найдя, зажгли храм; обнаружались мощи святителя – его кости. Но и голые кости праведных источают исцеления, ибо неложно слово Писания: *Кости их да процветут от места их* (Сир. 46, 14). И сколько чудес в разное время совершилось у гроба святого Петра! Их много записано в разных летописях, но еще больше их осталось неизвестно потомству. Так открыты были честные и многоцелебные мощи великого чудотворца Петра спустя 146 лет после его кончины.

По обретении святые мощи положены были с подобающим молитвословием в новую каменную гробницу, которая и поставлена была в строящемся храме близ северных дверей для народного поклонения. После сооружения новой раки 1 июля 1472 года состоялось торжественное перенесение в нее честных мощей святого Петра в присутствии митрополита, епископов, великого князя, других князей, бояр и множества народа.

Но невозможно было оставить без прикрытия святые мощи среди строящегося храма, и поэтому великий князь повелел на месте будущего алтаря построить временный деревянный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы, приградивши к нему и гроб святого чудотворца Петра.

Когда кладка собора, строившегося неискусными русскими мастерами, приближалась к концу, в мае 1474 года часть стен собора, его своды и столбы обрушились. Засыпало при этом и гроб святого Петра, однако нисколько не повредило его. Приходилось начинать постройку снова, и мощи святителя перенесли на время в церковь преподобного Иоанна Лествичника, что под колокольной. То было 16 апреля 1475 года. Здесь они стояли четыре года в продолжение этой, третьей по счету, постройки Успенского собора,

производившейся итальянским архитектором Аристотелем Фиоравенти. 24 августа 1479 года мощи святого основателя Успенского собора снова перенесены в собор и положены на месте его погребения, на том самом месте, где находятся и ныне – между северным предалтарием главного престола и приделом святых апостолов Петра и Павла.

Святой Петр издавна почитается защитником Русской земли. Вот какими словами, по сказанию летописи, молился перед его мощами Иоанн Васильевич IV со своим братом князем Георгием: «Ныне пришла на нас великая беда от басурман и тебе подобает о нас молиться. Тебя, как светлую свечу, Бог зажег нам и поставил на свещнице. Тебя Бог даровал крепкого стража роду нашему и всему православному христианству. Не оставь же нас во время скорби нашей, помоли о нас Бога и о всем роде христианском, да избавит нас от поганых».

Прокопий Вятский, Христа ради Юродивый

В шести верстах от Хлынова, в деревне Корякинской, жил крестьянин Максим Плушков. Он и жена его Ирина были люди благочестивые и богобоязненные, почтительные к духовному сану, милостивые к бедным. Не имея детей, Максим и Ирина усердно просили их у Господа, и Он услышал их молитвы: в 1578 году у них родился сын, которому во святом крещении нарекли имя Прокопий. С раннего возраста Прокопий отличался благочестием и усердно помогал своим родителям в их сельских работах. Когда отроку было 12 лет от роду, отец послал его один раз в поле на работу. Вдруг поднялась страшная буря. От грома и страшной молнии Прокопий упал с лошади на землю и лежал как мертвый. Увидели его бесчувственного соседи и известили родителей. Максим и Ирина сильно скорбели о своем единственном сыне. Когда с плачем принесли они его к себе в дом, сюда собрались родные и соседи. Родители Прокопия стали молиться Господу, призывая на помощь Пресвятую Богородицу и святого Николая угодника. В то время Прокопий как бы пробудился от сна, опомнился. Он вернулся к жизни, но с того времени находился в исступлении, раздирал на себе одежду и бросал ее на землю, ходил нагим. Тогда родители привезли больного отрока в Вятскую обитель Успения Пресвятой Богоматери. В то время архимандритом монастыря был его основатель прп. Трифон (память 8/21 октября). Родители усердно молились Господу и Пречистой Его Матери за своего сына, призывали на помощь святителя Николая и прп. Сергия Радонежского. Припав к ногам преподобного Трифона, они просили его помолиться об исцелении и вразумлении Прокопия. Отслужив молебен, прп. Трифон окропил больного святой водой, и он стал здоровым. С радостью возвратились его родители в свой дом, прославляя Господа и Его угодника преподобного Трифона.

После исцеления Прокопий жил, как и до болезни, со своими родителями и во всем повиновался им.

Через некоторое время, получив от своих родителей благословение, Прокопий отправился в город Слободский. Здесь он поселился у священника Илариона, который служил при церкви святой великомученицы Екатерины, и жил у него три года, служа ему и послушно исполняя все его повеления. Когда блаженному Прокопию исполнилось 20 лет, родители стали думать о браке своего сына, но он не чувствовал никакой склонности к семейной жизни. Тайно от родителей святой удалился в Хлынов и воспринял на себя подвиг юродства Христа ради: он раздирал на себе одежды и бросал их на землю, ходил наг и бос. В своих подвигах он подражал святым Божиим: Андрею юродивому († ок. 936; память 2/15 октября), Прокопию Устюжскому († конец XIV или начало XV в.; память 8/21 июля) и Василию Блаженному Московскому († 1552; память 2/15 августа). От всего сердца возлюбив Господа, он отверг все земное стяжание и всякую славу земную. Каждый день обходил он городские церкви, тайно молился пред ними, ходил по улицам и городскому торгу. Блаженный наложил на себя подвиг молчания, и почти никто не слышал от него слова. Многие, считая его безумным, смеялись над ним, другие неразумные люди и уличные дети часто наносили ему побои. Ни слова не отвечал святой на издевательства и насмешки неразумных, с благодарением терпел побои, как будто они давались не его, а чужому телу. Никому из обидчиков своих он не мстил и молился Господу Богу о прощении им этого греха. Терпеливо переносил святой Порокопий и зимний холод, и летний зной, отдавал плоть свою на съедение комарам и мошкам. Так подвизался он днем, а ночью со слезами покаяния непрестанно молился. Терпел голод и жажду. Никто не знал о молитвенных подвигах, великом смирении и незлобии блаженного Прокопия. Святой не имел постоянного пристанища и ночевал там, где заставала его ночь: на церковной паперти, на улице, в грязи или на куче навоза. У него не было ни рогожи, ни изголовья, ни одежды для покрова. Одром его была земля, а покровом – небо, как выражается жизнеописатель блаженного.

За такие подвиги Господь сподобил Своего угодника дара прозорливости. Святой Прокопий начал ходить по болящим

города Хлынова. Если он видел, что больной должен выздороветь, то своими руками приподнимал с одра, радовался и веселился о нем. Если же провидел он, что больной выздороветь не может, то начинал плакать над ним, целовать его, складывал свои руки на груди и знаками указывал готовиться к погребению. Не один раз блаженный Прокопий предсказывал об угрожавшем городу пожаре. Задолго до этого он поднимался на колокольни, звонил в колокола, как бы в набат. Когда он хотел оповестить, что в город придут указы с требованием денежных сборов, то за много времени ходил по торгу, расстанавливал в ряд молодые деревца и, проходя, ударял их деревом же, изображая этим людей на правеже (взыскание долга с неисправных плательщиков посредством ударов палками по голням, которое производилось на площади).

Вятский воевода князь Александр Ростовский и жена его Наталия были почитателями блаженного. Видя, что предсказания его исполняются, князь часто призывал подвижника к себе в дом; княгиня своими руками обмывала тело святого и одевала его в новые сорочки, брала его с собою в церковь. Блаженный, повинаясь им, некоторое время носил сорочки княгини, но вскоре опять их раздирал, бросал на землю и попирали ногами. И снова ходил нагой, как и раньше. Видя, что тело его обмыто от грязи, блаженный Прокопий ложился на землю, ходил по черным баням, по поварням и корчемницам города до тех пор, пока тело его становилось черным, как было прежде. Богобоязненные люди также нередко снабжали его одеждой, надевали обувь, но он то раздавал их нищим, то раздирал и бросал.

Чаще всего он приходил к церкви Вознесения Христова и молился здесь. Священник той церкви Иоанн Колачников был духовником Прокопия. Святой часто приходил к своему духовному отцу на исповедь. Тогда блаженный разрешал себя от молчания и беседовал с духовником, как все люди, а не как юродивый. Каждый воскресный день он приобщался Святых Христовых Таин. И с клятвой заповедал блаженный своему духовному отцу никому не сказывать о том, что он говорит с

ним, как и все другие люди, чтобы никто не знал о его добровольном подвиге Христа ради до тех пор, пока Господь не переселит его из сей жизни.

Провидя будущее, святой Прокопий предсказывал его без слов, но наглядным образом. В то время в вятской темнице заключен был опальный московский боярин Михаил Татищев. Блаженный Прокопий приходил к нему и приносил то хлеба, то воды. Боярин с радостью принимал приносимое и благодарил Господа за посещения святого. При этих посещениях блаженный тащил узника через окно или бил по замку тюрьмы, стучал в ее двери. Всем этим он давал знать о скором освобождении опального боярина. И пророчество вскоре сбылось. Пришел из Москвы царский указ: Татищев был прощен и снова возвращен в Москву.

Раз пришел блаженный в приказную избу. Воевода князь Григорий Жемчужников сидел тогда на своем месте. Святой Прокопий снял с его головы шапку и одел на себя. Тогда воевода уступил ему и свое место. Блаженный сел на месте его как судья. Потом взял князя за руку, вывел из приказной избы и привел к тюрьме, затворил его в ней и ушел. Через несколько дней по повелению царя воевода был посажен в тюрьму на неделю за какой-то проступок.

Пришел однажды святой Прокопий к своему духовному отцу священнику Иоанну. В это время у священника обедали, и кроме домашних был здесь сын его Иоанн, тоже священник. Посадили за стол и святого Прокопия. По окончании обеда блаженный взял нож и начал им махать над головой сына и подносить к его груди. Все были в ужасе, боялись, что он заколет священника, но, бросив нож на землю, святой обнял молодого священника и начал горько плакать над ним, как над умершим. Затем ушел. Через год сбылось пророчество подвижника: родственники закололи ножом до смерти того священника.

Однажды блаженный Прокопий пришел в город Слободской. Священник церкви во имя Иоанна Предтечи Иоанн Юмин вместе со своим маленьким сыном звонил к вечерне. Блаженный подошел к мальчику и взял его на руки, но тот с

испуга заплакал. Отпустив его, Прокопий лег на землю, вытянул ноги, а руки сложил на груди. И вскоре после того мальчик помер. Жена этого священника Анисия сильно страдала от зубной боли. Священник, встретив блаженного в своей церкви, просил его: «Помолись, раб Божий, Господу, чтобы Он подал исцеление моей жене, страдающей от зубной боли». Блаженный вырвал свой зуб, подал ему и ясно сказал: «Возьми». И болезнь у жены священника прекратилась, когда она взяла тот зуб в свой рот.

В той же Предтеченской церкви было такое происшествие. Один юноша, по имени Корнилий Корсаков, пел за литургией. Святой Прокопий, подойдя к клиросу, встал рядом с ним, потом взял Корнилия за руку, повел его к царским дверям и толкнул в алтарь. Через шесть лет Корнилий принял на себя сан священника, а после, когда овдовел, был игуменом Киприаном.

Так подвизался блаженный 30 лет. Господу было благоугодно открыть блаженному о предстоящей кончине. Подвижник находился тогда в Хлынове; он стоял в одной церкви за утреней, потом перешел в женский монастырь и был здесь до конца богослужения. Из монастыря он вышел на Пятницкий мост и молился. Перейдя его, он сел и отер свое тело снегом. Потом пришел под городскую башню, называемую Вышкой, обратился лицом на восток, снова усердно молился Богу и с миром предал Господу свою душу. Руки блаженного были молитвенно простерты. Узнав о кончине святого Прокопия, отец его духовный Иоанн известил городского воеводу Никиту Борятинского и духовенство города.

Один благочестивый человек, подьячий Симеон Павлов, попросил у воеводы и духовных властей позволения приготовить тело праведника к погребению, и тело почившего с честью было перенесено в его дом. Здесь со всем усердием облекли его в погребальные ризы. Собралось все духовенство города, жители с женами и с детьми, и все молились почившему праведнику: «О, преблаженне Прокопие! Помолись за нас прилежно Богу».

Святое и трудолюбное тело блаженного погребли в монастыре преподобного Трифона с северной стороны

Успенского храма. Блаженная кончина святого Прокопия последовала 21 декабря 1627 года. Всего жития его было 50 лет, из которых 30 лет он провел в подвиге юродства Христа ради.

В 1666 году одна девица из Слободского уезда Марфа Тимофеева была одержима нечистым духом. После усердной молитвы в Вятском Успенском монастыре ей было видение: два светоносных мужа предстали перед ней, называя друг друга Трифоном и Прокопием, они обещали ей скорое исцеление, и она скоро избавилась от своего недуга. Так прославил Господь угодников Своих.

Декабрь 23

Феоктист, архиепископ Новгородский, святой

О времени и месте рождения святого Феоктиста, а также о его родителях не сохранилось никаких известий. Из его жизни до святительства известно только то, что он подвизался в Новгородском Благовещенском монастыре – был его игуменом.

По преставлении архиепископа Климента новгородцы с посадником своим Андреем много рассуждали о преемнике его, все, от мала до велика, возлюбили Богом назначенного, мужа смиренного и доброго, игумена Благовещенского монастыря Феоктиста. Собрав звоном вече у Святой Софии, князь Борис Андреевич и все новгородцы почтительно привели его и посадили во владычном дворе, пока узнают, где митрополит. В то самое время святой митрополит Максим оставил Киев и переселился во Владимир на Клязьме. В 1300 году приехали в Великий Новгород святой митрополит Максим, а с ним епископы: Ростовский Симеон и Тверской Андрей. Они и поставили Феоктиста архиепископом Новгороду. «Знаменаша его в церкви святого Бориса и Глеба месяца июня 28 дня и того же месяца поставиша его во Святой Софии, на память святых апостолов Петра и Павла. И совершиша праздник светел, и бысть радость Новгороду о своем владыце». Торжество для Новгорода было поистине необыкновенное: только в первый раз Новгородский владыка был посвящен в новгородском храме Святой Софии.

О пастырской деятельности святого Феоктиста летописи сообщают лишь отрывочные сведения. В недолгие годы его святительства в Новгороде происходит усиленная постройка храмов.

В 1300 или 1301 году по благословению владыки Феоктиста была заложена каменная церковь во имя Архангела Михаила на Михайловской улице и через два года освящена. В 1301 году новгородцы срубили четыре деревянных храма. В 1302 году заложили каменную церковь во имя святых князей-мучеников Бориса и Глеба, «которая порушилася». В следующем году были срублены еще четыре деревянных храма в Новгороде.

В 1305 году святитель Феоктист участвовал в договорах Новгорода с великим князем святым Михаилом Тверским (память 22 ноября/5 декабря) о сохранении прежних взаимных отношений. «Княжение твое, – говорят новгородцы, – честно держати (должны), по пошлине (по обычаю), без обиды, а тебе, господине, також Новгород держати (должно) без обиды по пошлине». Печать на договоре представляет Богоматерь с Предвечным Младенцем на персях, а на обороте слова: «Феоктист, архиепископ Новгородский».

В том же году новгородский посадник Симеон Климович по благословению святителя поставил каменную церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы на воротах от Прусской улицы, на каменном детинце (детинцем называлась в Древней Руси внутренняя крепость). 9 декабря архиепископ Феоктист освятил «великим священием» храм во имя святых Бориса и Глеба и другой, на княжеском дворе, в честь Отцов Первого Вселенского Собора. Через два года (в 1307 г.) новгородцы пожаловались великому князю святому Михаилу на его новгородских наместников. На жалобе была печать святителя Феоктиста. Вообще время тогда было смутное: московский князь Георгий Данилович препирался с великим князем Михаилом за княжение в Новгороде. Несправедливые домогательства московского князя причиняли Новгороду много неприятностей. Писец Апостола 1307 года со скорбью говорит: «При сих князьях сеялись и росли усобицы, и жизнь наша гибла от ссор княжеских, и век людей укорачивался». К тому же в это время у владыки Феоктиста и у новгородцев было «немирье» с псковичами.

Все это должно было огорчать святителя и, может быть, влияло на его здоровье. В том же 1307 году, в декабре, после восьмилетнего управления новгородской паствой, святитель Феоктист «своего ради нездоровья» оставил архиепископскую кафедру. Благословив новгородцев, он удалился в Благовещенский монастырь, где «изволив молчальное житие». Так в безмолвии, то есть в свободе от суеты людской, прожил святитель три года в обители. Архиепископское место святителя Феоктиста по уходе его в монастырь занял его духовный отец

Давид, которого все новгородцы с игуменами и со всем иерейским чином возлюбили и с честью посадили во владычном дворе, а святитель Феоктист благословил его на свое место.

23 декабря 1310 года блаженный святитель Феоктист мирно почил. «Он много пострадал для Бога», – говорит современник. Когда он преставился от этой временной жизни, святая душа его возшла на небо, а лицо как бы озарилось светом. Видевшие это дивились и прославляли Бога. Честное тело святителя было положено всем иерейским чином в монастырской Благовещенской церкви. «Дай же, Господи Боже, ему Небесное Царство, а Новгороду – молитву его и благословение», – заключает летописец свой рассказ о кончине святителя.

Таковы немногочисленные известия о трудах и подвигах земной жизни святителя Феоктиста.

После его блаженной кончины Бог прославил его многими чудесами. Упомянем лишь некоторые из них.

В первый раз Бог прославил святителя Феоктиста через 300 лет после его преставления. Супруга царского дьяка Иулиания долго была больна, так что потеряла всякую надежду на выздоровление. Но вот одной ночью явился ей во сне муж в священном облачении и сказал: «Поищи гроб архиепископа сего города Феоктиста и получишь исцеление». Дьяк справился по летописям о гробе святителя, привез больную жену в Благовещенский монастырь, отпел здесь панихиду и раздал щедрую милостыню. Больная тогда же почувствовала облегчение, а скоро и совсем выздоровела. Благодарный дьяк пожелал, чтобы тогда же была написана икона святителя по явлению, бывшему его жене. В то же время пономарь Софийского собора Феодор, занимавшийся иконописанием, написал икону святого Феоктиста с древнего подлинника, который сохранился на стене Софийской паперти. На иконе святитель изображен в молитвенном положении пред иконой Благовещения Пресвятой Богородицы.

В 1664 году князь Василий Ромодановский, наместник Новгорода, по благоговейному усердию к святителю велел очистить среди остатков Благовещенской церкви от развалин гроб святителя и устроить над ним часовню, потом устроил раку

над мощами с ликом святителя и наконец возобновил каменный храм, который существует и доныне.

Между тем святитель продолжал изливать благодать чудотворений.

В 1700 году перед гробом прозрела дочь знаменского священника, ослепшая после долговременной болезни. Такое же чудо совершилось над дочерью священника Ильинской церкви и над женою священника той же церкви. Десятилетний немой отрок, сын купца Афанасия, получил дар слова после молебна у раки святителя. В том же году исцелились два родные брата – купцы Потап и Иоанн. В 1705 году у раки святителя Феоктиста получил исцеление Антон Михайлов Боровиков. Он страдал умопомешательством и был без языка.

В 1707 году мощи блаженного были положены открыто, исцеления продолжались. Так, в 1710 году крестьянка Мария, двадцать лет бывшая больной и три года слепой, мгновенно получила исцеление после того, как облобызала лик святителя на гробе. Жена новгородского дворянина Силы Корсакова долго страдала внутренней болезнью. Раз во сне явился ей неизвестный муж в архиерейской одежде и велел идти на гроб святителя Феоктиста. Она исполнила таинственное повеление и при гробе чудотворца исцелилась. В 1703 году по молитвам у раки святителя разрешилось неплодство жен дворянина Феодора Нелядинского и Симеона Савельева Зеленина.

В 1714 году явился в сонном видении неизвестный муж в святительском одеянии купеческой вдове Марии, которая целый год не владела руками и ногами. Вспомнив о святителе Феоктисте, она со слезами стала молить его о своем исцелении, дала обет помолиться пред его ракой и действительно исцелилась. Подобное же явление святого в ночном видении и в том же году было пономарской вдове Евдокии, лежавшей в расслаблении. Священнолепный старец явился ей во сне и сказал: «Для чего ты напрасно лечишься у глупых волхвов?» Евдокия велела сыну своему снести себя на гроб святителя Феоктиста и там получила исцеление.

Последнее чудо в рукописном житии святителя Феоктиста XVIII столетия записано под 1727 годом. Там сказано, что после

продолжительной болезни исцелился, отслужив молебен при гробе святого, посадский человек Софроний.

Почитание памяти святителя Феоктиста началось вероятно вскоре после его кончины. Местное празднование ему в Благовещенском монастыре установлено до 1786 года, в котором был устроен придел во имя его. В 1786 году по ходатайству митрополита Петербургского Гавриила мощи святителя Феоктиста с разрешения Священного Синода были перенесены из упраздненного Благовещенского монастыря в Георгиевский и положены в серебряной раке под спудом в храме, подле стены, у иконостаса, по левую сторону алтаря. В 1827 году архимандрит Фотий устроил здесь придел во имя святителя Феоктиста.

Наум Охридский, сотрудник просветителей славян

Преподобный Наум Охридский, болгарин, был одним из ближайших учеников и сподвижников святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (память 11/24 мая). С юности он последовал за своим учителями в Великоморавию и Паннонию, где в течение многих лет (863–885) подвижнической жизни проповедовал слово Божие славянским народам на их родном языке. Преподобный Наум обучал славян грамоте, распространял переведенные равноапостольными братьями с греческого языка на славянский богослужебные книги. В 868 году в Риме папой Адрианом II (867–872) преподобный был рукоположен во диакона, а затем принял сан пресвитера. Папа Адриан II признал богоугодным дело учителей Словенских, освятил славянские книги и благословил служить литургию на славянском языке. Самые тяжелые испытания выпали на долю святого Наума и других учеников святого Мефодия после преставления последнего в 885 году. Епископом Моравским стал давний враг славянского просвещения немец Вихинг. Проповедники были брошены в темницу, прикованы цепями, подверглись истязаниям. По их молитвам Господь явил чудо: случилось землетрясение, стены темницы обрушились, цепи разорвались. Народ, увидев это, уверовал в святость узников, но Вихинг объявил Божие знамение дьявольским наваждением и изгнал святого Наума и его сподвижников из Великоморавии.

Святые проповедники, движимые Промыслом Божиим, творя многие чудеса, достигли Дуная. Там они разделились на группы. Одни пошли в Мизию, другие – в Дакию и Иллирию, «слово Божие умножая повсюду сторицею».

Преподобный Наум вместе со святыми Климентом и Ангеляром отправился в Болгарию. Святой царь болгарский Борис-Михаил, крестивший свой народ в 865 г., принял с радостью учеников святых Кирилла и Мефодия. Он возложил на них распространение и умножение славянских богослужебных и проповеднических книг, устройство при храмах и монастырях школ для будущего болгарского духовенства,

которое, по замыслу царя, должно было стать преемником духовенства греческого в Болгарских землях. Преподобный Наум стал учительствовать и проповедовать в монастыре в честь святого Пантелеимона близ Преслава.

В 894 году святой Наум возглавил просветительское дело в Деволе в Охридской епархии вместо св. Климента, рукоположенного во епископа Белицкого.

Уже в глубокой старости, «просветив болгар светом проповедания» и «всеявши Божественные догматы в земле Болгарской», преподобный Наум удалился от мира в монастырь в честь Архангела Михаила и всех Небесных Сил, который он основал на средства святого царя Бориса и его сына Симеона. Там он закончил свой земной путь в 910 году, приняв перед смертью монашеский постриг. Святая Церковь вскоре причислила преподобного Наума к лику святых, а основанный им монастырь стал известен в народе как монастырь святого Наума. Там и поныне покоятся его мощи, врачующие силой благодати Христовой душевные недуги.

Память св. равноапостольного Наума совершается также 20 июня/3 июля и 27 июля/9 августа вместе со свв. Климентом, Саввой, Гораздом и Ангеляром.

Декабрь 26

Констанций Русский, священномученик

Родом великоросс, священномученик Констанций служил иеромонахом при русской посольской церкви в Константинополе. Он проявлял особенную заботливость по украшению храма, на что давал и свои средства; отличался особенной ревностью к богослужениям, почти каждый день совершал литургию и два раза в неделю вел беседы на русском и греческом языках. Его набожность и точность в исполнении возложенных на него обязанностей привлекали к нему народ, и все его любили и уважали. Вследствие каких-то неудовольствий, возникших между ним и посланником, разгневанный Констанций отправился к султану и там принял ислам. Скоро он глубоко раскаялся в этом и, снова явившись во дворец, громко порицал Магомета и исповедал Христа. Разъяренные этим турецкие фанатики убили его на дворцовой площади (в 1743 г.).

Декабрь 28

Игнатий Ломский, преподобный

Ничего неизвестно относительно места рождения и родителей преподобного Игнатия. Полагают, что первоначально он подвизался в Вологодском Спасо-Прилуцком монастыре. Но потом прп. Игнатий перешел в Кириллов Белозерский монастырь и здесь продолжал свою иноческую жизнь. Однако, любя безмолвие, он удалился из многолюдной обители преподобного Кирилла и стал спасаться в окрестности бывшего города Ломска, или Лома, где и основал Спасскую пустынь. Долгое время пустынь эта называлась Игнатиевой-Спасской. С 1673 года она звалась Ломовским монастырем, или Верховоломовской пустынью. Желание пустынной отшельнической жизни снова заставило прп. Игнатия оставить основанный им монастырь. Передавши управление своей обители одному из учеников своих, подвижник удалился в Вадожскую волость, на берега реки Даровицы, впадающей в реку Сару через одну версту от места поселения преподобного, и стал здесь жить отшельником. Место было глухое, лесистое, и поселения людские отстояли отсюда верст на пять-шесть. Сообщения с ними шли по едва заметной тропинке, вьющейся по берегу речки Даровицы. Преподобный Игнатий плел лапти и потом оставлял их на этой лесной тропинке. Путники, нуждавшиеся в них, поднимали те лапти, оставляя взамен их хлеб. Этим хлебом и питался преподобный, уделяя часть подаяний другому иноку, именем Иоакиму, подвизавшемуся верстах в трех от преподобного.

Слух о высокой подвижнической жизни отшельника мало-помалу распространился, и к нему стали приходить ревнители иночества. Для них преподобный поставил здесь храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Так постепенно устроилась Вадожская пустынь.

Прп. Игнатий почил от трудов своих 28 декабря 1591 года. Мощи его покоятся под спудом в Спасо-Ломской приходской церкви, за правым клиросом Благовещенского придела. Над местом погребения преподобного устроена рака, а перед нею –

ход на его могилу. Подле гробницы хранятся железные вериги прп. Игнатия.

Почитание памяти преподобного началось издавна, может быть, вскоре после его кончины. На напрестольном Евангелии, пожертвованном в 1658 году в обитель, читается надпись, в которой прп. Игнатий называется «великим чудотворцем». В 1659 году царь Алексей Михайлович пожертвовал в бедный Ломовский монастырь несколько земли с разных угодий и в грамоте своей называл его основателя «преподобным отцом и чудотворцем». В храме Спаса на Лому хранятся до сих пор восемь древних икон с изображениями прп. Игнатия, свидетельствующих также о давнем почитании его. Память прп. Игнатия чтится местно. От святых мощей его неоднократно истекали чудеса с верою призывающим его.

Декабрь 29

Марк, Иоанн, Феофил Печерские, преподобные

Преподобные Марк, Иоанн и Феофил подвизались в Киево-Печерской обители в конце XI и самом начале XII вв.

Занятием преподобного Марка было копать пещеры и готовить каморы – места для погребения братии (оттого он назывался Печерник, то есть живущий в пещере). Но и при таком простом труде подвижник достиг необычайно духовного совершенства. Живя в пещере, преподобный своими руками копал такие могилы и на своих плечах выносил вон землю. День и ночь трудясь для Господа, преподобный приготовил много мест для погребения братии. Подвижник не брал за свой труд ничего; если же кто добровольно давал ему что-нибудь, он принимал и все раздавал нищим. В безмолвии трудясь и бодрствуя день и ночь, прп. Марк однако не удовлетворялся этими трудами и подвигами. Смирив плоть свою постом, бдением и молитвой, для полного умерщвления ее он возложил на чресла свои тяжелые вериги и воздерживался даже в употреблении воды: когда мучила жажда, он пил воды лишь столько, сколько вмещалось в его медном кресте, который он всегда носил с собою.

Богу угодны были непрестанные труды и подвиги прп. Марка, и Он сподобил Печерника такой чудесной силы, что даже мертвецы слушались его голоса.

Однажды Марк, по обычаю копая могилу, утомился до изнеможения и оставил место тесным и нерасширенным. Случилось, что в этот же день умер один болевший инок и для него не нашлось другой могилы, кроме этой узкой и неудобной. Тогда же было в обычае хоронить тело умершего в день его смерти. Поэтому скоро принесли мертвого в пещеру, к недоконченной каморе и вследствие тесноты с трудом уложили его. Ни убрать мертвого, ни поправить на нем одежд, ни даже возлить на него елей оказалось совершенно невозможным, настолько узким и неудобным было место. Тогда братия возроптали на Марка. Печерник же со смирением низко кланялся всем и говорил: «Простите меня, отцы святые, за

немощью не dokonчил я». Но братия еще больше бранили и укоряли его. Тогда Марк, обратившись к мертвому, сказал ему: «Брат, место тесно; так потрудись ты сам, возьми масло и возлей на себя». И мертвый, приподнявшись немного, простер руку, взял масло, возлил его крестообразно на грудь и лицо свое и, отдавши сосуд, сам перед всеми прибрал себя, лег и уснул. Страх и трепет объяли всех, видевших такое чудо.

Другой брат после долгой болезни помер. Один из друзей его отер губкой тело покойного и пошел в пещеру посмотреть место, где будет лежать тело усопшего. Он спросил об этом Марка Печерника, но блаженный отвечал ему: «Пойди и скажи брату: подожди до завтра, пока ископают тебе место, тогда и отойдешь от жизни на покой». «Отче, – возразил Марку пришедший инок, – кому говорить ты велишь? Я уже губою отер его мертвое тело». Но преподобный снова повторил ему: «Ты видишь: место еще не готово. Я велю тебе – иди и скажи умершему: грешный Марк говорит тебе: проживи еще этот день, а завтра отойдешь к желаемому тобою Христу, Господу нашему. Когда приготовлю место, куда положить тебя, то пришлю за тобою».

Повинуясь прп. Марку, инок возвратился в монастырь. Здесь все братия совершали погребальное пение над усопшим. Тогда инок встал перед ними и обратился к покойному с такими словами: «Марк говорит тебе, что место тебе еще не приготовлено, подожди до утра». Все удивлялись этим словам. Но еще более изумительно было то, что по этому слову душа усопшего возвратилась в тело его; он открыл глаза и всю ночь оставался живым, с открытыми глазами, только не говорил ничего. На другой день друг его опять пошел в пещеру узнать, готово ли место. Блаженный Марк встретил его и сказал: «Пойди и скажи ожившему: Марк говорит тебе: оставь эту временную жизнь и перейди в вечную; готово место для тела твоего. Дух свой предай Богу, а тело твое будет положено здесь, в пещере со святыми отцами».

Брат пошел и передал ожившему другу слова прп. Марка. Тот на глазах у всех, пришедших посетить его, тотчас смежил

очи и предал дух свой Богу. Он был погребен в пещере, на приготовленном для него месте. И все дивились этому чуду.

В Печерском монастыре жили два духовных брата – Иоанн и Феофил. От юности они были соединены узами духовной любви: имели одну волю, одни мысли и желания, одинаковую ревность по Боге. Они упросили прп. Марка приготовить им общее место для погребения, где бы они могли лечь вместе, когда Господь им повелит. Много времени спустя старший из них, Феофил, отлучился из обители по какой-то нужде. В это время младший брат, Иоанн, угодив Господу, разболелся и скончался. Его похоронили на приготовленном месте. Через несколько дней по смерти Иоанна возвратился Феофил и, узнав о кончине любимого брата, сильно скорбел. Потом, взявши с собою несколько иноков, он пошел в пещеру посмотреть, где и на каком месте положен умерший. Увидев, что тот положен на первом месте в их общей каморе, сильно разгневался на Марка, много роптал на него и с негодованием говорил: «Зачем ты положил его здесь? Я старше, а ты положил его на моем месте». Печерник, смиренно кланяясь ему, отвечал: «Прости меня, брат, согрешил я пред тобою». Затем, обратясь к умершему, сказал ему: «Брат, встань и уступи место не умершему, а сам ляг на другом, низшем месте». И вдруг, по слову блаженного, умерший встал и лег на другом месте. Сильный ужас объял всех присутствующих. Тогда роптавший на преподобного Феофил с трепетом припал к ногам его и просил: «Отче, согрешил я, потревожил с места брата моего. Молю тебя, прикажи ему опять лечь на старом месте». Но блаженный смиренно отвечал ему: «Господь Сам прекратил вражду между нами. Ради твоего ропота, чтобы ты, вечно враждуя, не держал злобы на меня, Он сотворил такое чудное дело, что даже бездушное тело показало истинную любовь к тебе, уступая тебе старейшинство и по смерти. И я хотел было, чтобы, не выходя отсюда, ты воспользовался своим старшинством и тотчас был бы положен здесь. Но так как ты еще не готов к смерти, то пойди и позаботься о своей душе: через несколько дней тебя принесут сюда. Воскрешать умерших – дело Божие, а я человек грешный. Вот мертвый, не стерпев твоего гнева, оскорблений и

укоров мне, уступил тебе половину места, приготовленного для вас обоих. И так как только Всемогущий Бог может поднять его, то я сам собою не могу сказать умершему: встань и опять ляг на высшем месте. Прикажи ему теперь ты, не послушает ли он тебя, как теперь?» Услышав это, Феофил пришел в ужас и думал, что тут же падет мертвым и не дойдет до монастыря. Добравшись до своей келлии, он предался подвигу непрестанного плача. Раздав все до последней сорочки и оставив у себя только свиту и мантию, Феофил каждый день ожидал смертного часа. И никто не мог удержать его от слез; никто не мог принудить его вкусить сладкой пищи. Каждое утро он говорил сам себе: «Не знаю, доживу ли я до вечера». Приходила ночь, и он с плачем говорил: «Что мне делать? Доживу ли я до утра? Ибо многие, вставши утром, не достигали вечера и, возлегши на своих ложах, уже не вставали с них. Тем более я, уже получивший извещение от преподобного, что скоро кончится жизнь моя». И со слезами молил он Господа дать ему время покаяния. Каждый день и час ожидал Феофил кончины своей, изнуряя себя постом, плача и молясь непрестанно. Таким подвигом в течение нескольких лет Феофил до того иссушил свое тело, что можно было счесть все его суставы и кости. Многие приходили утешать его, но своими речами только доводили до большего рыдания. Наконец, от непрестанно плача и слез он ослеп.

Преподобный же Марк, провидев час отшествия своего ко Господу, призвал Феофила и сказал ему: «Брат Феофил! Прости меня, что я огорчил тебя на много лет, и молись обо мне, ибо я уже отхожу из этого света. Если я получу дерзновение пред Всевышним, то не забуду молиться за тебя, да сподобит нас Господь свидеться там и быть вместе с отцами нашими Антонием и Феодосием». Феофил с плачем отвечал ему: «Отец Марк! Зачем ты меня оставляешь? Или возьми меня с собою, или дай мне прозреть». «Не скорби, брат, – отвечал ему преподобный Марк, – телесными очами ты ослеп ради Бога, а духовными прозрел на разумение Его. Объявив тебе близкую кончину, я стал виною твоей слепоты. Но я хотел принести пользу душе твоей, превратив твое высокоумие в смирение, ибо

сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Пс. 50, 19)». Феофил отвечал преподобному: «Знаю, отец мой, что за грехи мои я должен был пасть мертвым пред тобою в пещере тогда же, как ты воскресил умершего брата моего, но Господь пощадил меня ради твоих святых молитв, дал мне жизнь, ожидая моего покаяния. Теперь же я прошу тебя о сем: или возьми меня с собою к Господу, или возврати свет очам моим». Тогда прп. Марк снова возразил ему: «Нет тебе нужды видеть этот маловременный свет, а лучше проси Господа, чтобы Он сподобил тебя увидеть славу Его. И смерти не желай: она придет, хотя бы ты и не хотел. И вот тебе знамение твоего отшествия: за три дня до кончины твоей ты прозришь, так отойдешь ко Господу и узришь там свет нескончаемый и славу неизреченную». Сказав это, прп. Марк почил, и честные мощи его были положены в пещере, на месте, которое он сам себе выкопал.

Глубоко опечалила преподобного Феофила разлука с отцом и наставником его преподобным Марком. Кончина Печерника уязвила сердце Феофила и удвоила его плач и рыдания. Целые источники слез проливал он, а слезы все более и более умножались. Он имел сосуд и, становясь на молитву, ставил его пред собою и неутешно плакал над ним, вспоминая кончину наставника, со слезами помышляя и о своем скором отшествии из этого бренного мира. И через несколько лет сосуд этот был полон слез. Наконец, узнав приближение своей кончины, Феофил прилежно молил Господа, чтобы угодны были пред Ним слезы его. Подняв руки к небу, он молился: «Владыко Человеколюбче, Господи Иисусе Христе, Царю мой Пресвятой! Ты – не хотящий смерти грешников, но ожидающий их обращения, знающий глубокую немощь нашу, Утешителю Благий! Ты – здравие больным, грешником спасение, изнемогающим укрепитель, падающим восстание! Молю Тебя, Господи, в час сей: покажи и на мне, недостойном, милость Свою и излей на меня неисчерпаемую пучину Твоего благоутробия, избавь меня от искушений на мытарствах воздушными князьями и не дай им овладеть мною, молитвами

угодников Твоих великих отцов наших Антония и Феодосия и всех святых, от века Тебе угодивших».

И вдруг пред ним предстал Ангел Господень, прекрасный видом, и сказал ему: «Ты хорошо молишься, но зачем же хвалишься суетою слез твоих, собранных тобою в сосуд?» И взяв другой сосуд, гораздо больший Феофилова, исполненный благоухания, как мира благовонного, показал его подвижнику и сказал: «Это твои же слезы, излитые тобою от сердца на молитве, которые ты отирал рукою, платком или одеждою и которые капали на землю из глаз твоих. По повелению Творца нашего я собрал их все и сохранил в этом сосуде. Теперь же я послан возвестить тебе радость: с веселием отойдешь ты к Нему, ибо Он сказал: *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5, 4)".

Сказав это, Ангел поставил сосуд перед Феофилом и стал невидим. Блаженный Феофил тотчас призвал игумена и поведал ему явление Ангела и речи его. Показав игумену оба сосуда: один полный слез, а другой – благовония, несравнимого ни с какими ароматами, преподобный просил вылить их при погребении на его тело.

Через три дня прп. Феофил мирно отошел ко Господу. Честное тело его было положено в пещере, вместе с телом любимого брата его преподобного Иоанна, вблизи от прп. Марка Печерника. Все три подвижника покоятся в Антониевой, или Ближней, пещере. И когда тело Феофила помазали из сосуда Ангелова, вся пещера исполнилась благоухания. Потом вылили на него и сосуд слез, чтобы сеявший слезами в радости пожал плод дела рук своих. «Ибо сказано, – заканчивает инок Поликарп свою повесть о преподобных Марке, Иоанне и Феофиле, – *плакахуся метаяще семена своя* (Пс. 125, 6), но они утешены будут о Христе, Которому слава со Отцем и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь».

В настоящее время над мощами прп. Марка висят тяжелые вериги, свидетельствующие о подвигах и трудах преподобного, и памятник воздержания его – медный крест, из которого он пил воду. И многие, с верою приходящие ко святым мощам прп. Марка и с благоговением пьющие воду из его медного креста,

освященного его устами, по молитве святого получают исцеление от всех недугов и болезней.

Память святых угодников Божиих преподобных Марка Печерника-гробокопателя, Иоанна и Феофила Плачливого издавна празднуется всей Русской Церковью.

Декабрь 30

Макарий, митрополит Московский и всея России

Святитель Макарий, митрополит Московский, родился в Москве около 1482 года в семье благочестивых родителей и при крещении был наречен именем Михаил в честь Архистратига Небесных Сил Господних. Род его не отличался знатностью, но в нем было много людей духовного сословия; сам святитель всегда поминал среди них «инокиню Наталию, инока Акакия, инока Иоасафа, игумена Вассиана, архимандрита Кассиана, священноиерея Игнатия, инока Селивана и инока Макария». Отец Михаила Леонтий вскоре умер, и мать его, возложив упование о воспитании сына на Бога, постриглась в инокини с именем Евфросиния. Тогда и юный Михаил рассудил оставить сей временный мир и посвятить себя на служение Богу; он поступил послушником в монастырь преподобного Пафнутия Боровского († 1477; память 1/14 мая). Весьма прославленная была эта обитель с ее суровой аскетической жизнью и высокой духовной культурой. До Михаила здесь подвизались великие угодники Русской Церкви: преподобные Пафнутий Боровский и Иосиф Волоцкий, Левкий Волоколамский, Даниил Переяславский и Давид Серпуховской. Приняв постриг с именем Макарий в честь знаменитого православного святого аскета-пустынника Макария Египетского († 391; память 19 января/1 февраля), будущий святитель начинает свои первые монашеские подвиги бдения, смирения, молитвы и послушания; приобщается к книжной мудрости русского ученого монашества; имея перед глазами иконы, писанные прославленным древнерусским иконописцем Дионисием, приобретает навык иконописания, столь пригодившейся ему впоследствии.

Это были долгие годы ежедневного монашеского труда и подвига. Промыслу Божию было угодно воздвигнуть сей смиренный сосуд целомудрия и кротости в более высокую степень церковного послушания. Так, в 1523 году инок Макарий, пройдя все духовные степени: чтеца, иподиакона, диакона и пресвитера, 15 февраля, в воскресенье, в заговенье на Великий пост, был поставлен митрополитом Даниилом в архимандриты в

Лужецкий монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, основанный прп. Ферапонтом Можайским († 27 декабря 1424 г.). Так началось самостоятельное послушание Церкви будущего ее первоиерарха.

Приняв попечение об обители, архимандрит Макарий устанавливает в ней традицию соборного поминовения всей прежде почившей монастырской братии, а в монастырском соборе устраивает придел в честь своего небесного покровителя прп. Макария Египетского. Через всю жизнь пронес святитель Макарий любовь к своей обители, и, уже будучи митрополитом в Москве, он неоднократно просил царя отпустить его на «смирненное житие» в монастырь своего игуменства или в монастырь своего монашеского пострига.

4 марта 1526 года архимандрит Макарий поставляется на самую древнюю архиерейскую кафедру Московской митрополии – архиепископом Великого Новгорода и Пскова. Хиротония святителя совершалась в Успенском соборе Московского Кремля, и 29 июля того же года приехал архиепископ Макарий на свою Новгородскую кафедру, которая находилась без епископа, по словам летописца, 17 лет и 7 недель. Новгородская кафедра, находившаяся столь долгое время без своего архипастыря, выглядела весьма неустроенной и неприглядной. Святитель Макарий начинает широкую миссионерскую деятельность среди соседствовавших с Новгородской землей северных народов. Он неоднократно посылает туда священников-миссионеров, в числе которых трудился и преподобный Трифон Печенгский († 1583; память 15/28 декабря), получивший от святителя благословение на проповедь среди язычников, благословенную грамоту, антиминос, священные сосуды и книги, и преподобный Феодорит Кольский, рукоположенный архиепископом Макарием для проповеди лопарям на их родном языке. Одновременно святитель заботился и о своей новгородской пастве. Он посылает иеромонаха Илию в Вотскую пятину с повелением-грамотой разорять языческие требища, обряды и кропить все освященной водой. Эта его грамота поистине есть «памятник

апостольских трудов Макария для распространения света Христова между оставшимися язычниками».

На второй год своего архиерейского служения (1528 г.) святитель Макарий, следуя уставу преподобных Пафнутия Боровского и Иосифа Волоцкого, а также исполняя постановление Московского Собора 1503 года, предпринимает решение об устройении единообразного иноческого общежитийного устава всем новгородским монастырям.

Большую заботу проявил святитель и о создании храмов в своей епархии. Он украшает кафедральный Софийский собор новыми иконами (дополняет иконостас праотеческим рядом), новыми царскими вратами и богато украшенной завесой, а также устраивает искусной работы амвон. С внешней стороны на соборе были написаны образы Святой Троицы и Софии Премудрости Божией «на поклонение всем православным христианам». Всего при святителе Макарии только в Новгороде строятся, перестраиваются, вновь украшаются после пожаров около сорока храмов, которые снабжались книгами, утварью и сосудами из мастерских, учрежденных святителем.

Вопрос снабжения храмов книгами стоял перед архиепископом Макарием очень строго, ибо в то время в церковном быту существовало очень много различных житийных списков и их редакций. Святитель Макарий в 1529 году принимает на себя великий труд собирания и систематизации русского календарного агиографического года и сведение его в единый корпус Четьи-Миней. Этот труд у святителя занял 12 лет.

Особое внимание уделял святитель Макарий составлению житий и установлению памяти местно чтимых святых. По его благословению племянник Иосифа Волоцкого инок Досифей Топорков работает над исправлением Синайского Патерика, составляет Волоколамский Патерик и Хронограф. В период новгородского архипастырства по повелению святителя Макария составляется Новгородский летописный свод, ведшийся из года в год при храме Святой Софии.

Получив еще в монастыре опыт иконописания и сам будучи «иконником искусным», свт. Макарий поновляет великую

святыню Новгородской земли – икону Божией Матери «Знамение». В 1528 году «поновил святитель икону «Знамения» Пречистой, ибо от многа лет она обветшала сильно. После окончания работы проводил с честью сам преосвященный архиепископ Пречистую Богородицу с крестным ходом при стечении большого количества новгородцев в храм Пресвятой Богородицы».

С великой заботой обращается святитель со своей паствой, одинаково относясь к бедным и богатым, малым и великим. Во время приключившихся в Великом Новгороде народных бедствий – мора и засухи – архиепископ созывает клир и сам служит молебны с чином омовения мощей и затем велит кропить водой в окрестностях. После этого мор прекратился. Он сам хоронит сгоревших в тюрьме во время пожара, собирает у молящихся деньги для выкупа соотечественников у татар, посылает великому князю часть свечи от мощей преподобного Варлаама Хутынского, чудесным образом возгоревшейся ночью, поет молебны по случаю победы над татарами. Таким житием он приобретает великую любовь у своих пасомых чад. Преподобный Александр Свирский († 1533; память 30 августа/12 сентября), монастырь которого находился во владении святителя Макария, умирая, сказал братии: «Кого Бог восхочет, да архиепископ Макарий благословит, тот да будет вам игумен вместо меня».

В 1542 году в Русской Церкви встал вопрос об избрании на освободившуюся Московскую кафедру нового митрополита. Усмотрением Божиим выбор пал на Новгородского владыку. Ко времени избрания святителя Макария на престол Московских чудотворцев Петра, Алексия и Ионы ему было около 60 лет.

После возведения в сан митрополита одним из первых желаний святителя Макария было посетить места своего иноческого пострига, первых, еще юных трудов на благо Церкви и место своего игуменства – Можайский Лужецкий монастырь. Много лет прошло со времени его прихода в клир церковный, и теперь, когда святитель Макарий приехал в свою обитель (1544 г.), это был уже убеленный годами и опытом владыка, архипастырь своего великого Московского государства.

Россия крепла и представляла собой всему миру ни от кого не зависимый православный мир. Когда в 1547 году в России воцарился первый русский царь, то Промыслом Божиим было уготовано венчать его на царство митрополиту Макарию. Впервые это делал митрополит, ибо ранее венчание на царство в Греческой Церкви совершал первоиерарх в сане патриарха. Вскоре царь Иоанн Васильевич собирается в поход против Казани. Святителю Макарию было чудесным образом открыто о грядущей победе царя, благословляя которого, святитель предрек Иоанну Васильевичу о грядущей победе в брани. По возвращении из похода в Москве был построен и освящен святителем Макарием собор Покрова на Рву (собор Василия Блаженного). Он был воздвигнут как дар благодарения Богу от русского народа, одержавшего победу над нехристианским миром.

В Покровском соборе святителем Макарием был устроен и освящен придел в честь Входа Господня в Иерусалим. С этого времени митрополит Макарий стал совершать в неделю ваий торжественное шествие на ослати с выходом за стены Кремля на Красную площадь. После казанской победы Русская Церковь приобрела новую обширную епархию. Встречая царя из похода, митрополит радуется о победе, «ибо казанцы всегда неповинно проливают кровь христианскую и оскверняют и разоряют святые Божии церкви, православных христиан в плен расхищая и рассеивая по всему лицу земли».

Теперь забота святителя охватывает всех людей обширного Русского государства. Так, когда случились бедствия в новооснованном городе Свяжске, митрополит на вопрос царя, как помочь беде, отвечает: «Не скорби, царь, но уповай на Бога. Да принесутся мощи всех святых в церковь соборную, да совершится над ними служба и освятится сливанием с них вода, да пошлется тобою, государем, по нашему смирению через священников на Свягу к Пречистой, честного Ея Рождества церкви и по всем церквам, да также молебные службы пусть освятят город крестным обхождением и водами святыми, и всех людей осенят крестом и водою окропят, да утолит Христос молитвами святых Его праведный Свой гнев. А к

живущим в городе послать поучение, чтобы, если в чем согрешили как человецы, вскоре удалились от злоб своих; так и царю и всем нам подобает по заповедям Христовым быть, да не прогневаем Владыки своего, ибо страшно есть впасть в руки Бога Живаго». Освященную таким образом воду послали в 1552 году в Свияжск, где вскоре болезнь прекратилась. Так же освящает воду святитель Макарий и в 1558 году, отсылая ее в Новгород по случаю наступившего там голода.

Все годы пребывания на митрополии святителя Макария ознаменованы бурной деятельностью, как устроителя всех сфер русской церковной и культурной жизни. Вопросы церковной практики, дисциплины, литургики, каноники, агиографии, канонизации святых, иконографии, вопросы церковного пения и многие другие митрополит всегда представлял на всеобщее соборное обсуждение.

В 1547 и 1549 гг. святитель Макарий созывает в Москве два Собора, на которых была проведена большая работа по канонизации русских святых. До святителя Макария почитание святых на Руси осуществлялось по благословению и властью местного архиерея. В результате было очень много местно чтимых святых, память которых почиталась в одних, но не почиталась в других землях. Митрополит Макарий, созывая Соборы, положил перед собой труд канонизации угодников Божиих всею полнотою Русской Церкви.

Прославление святых требовало написания им служб и житий, требовались также и литургические указания типиконного характера о порядке совершения им служб. Все это принял на себя первосвятитель Макарий славы ради Божией и Его угодников, вновь канонизированных на Руси.

Так на Руси появилась типологически новая «Книга новых чудотворцев». Это было своего рода дополнением к имевшимся уже тогда Макарьевским Великим Четым-Минеем. В книгу вошли службы, жития и похвальные слова российским чудотворцам.

Соборы 1547, 1549 гг. вызвали большой подъем в русском обществе. По благословению митрополита пишутся жития русским святым или создаются их новые доработанные

редакции. «В 20-летнее правление митрополита Макария было написано житий святых почти на одну треть больше, чем во все предшествующее время от нашествия монголов, а если считать новые редакции прежних житий, то почти в два раза больше». Увеличивается насельничество в монастырях, особенно в тех, в которых почивали останки новопрославленных святых. Основываются новые обители. Так, по благословению свт. Макария была основана обитель прп. Адрианом Пошехонским, которого митрополит сам рукоположил и дал грамоту на возведение церкви во имя Успения Божией Матери.

Современником святителя Макария был и другой святой – Василий Блаженный († 1552; память 2/15 августа), который неоднократно молился на службах митрополита Макария. Позднее святитель сам лично отпевал и погребал блаженного. «Преосвященный Макарий митрополит со всеосвященным собором, псалмы и песни надгробные певше над мощами святого, погребоша его честно».

Другого святого, своего современника, преподобного Макария Римлянина Новгородского (XVI-XVII; память 19 января/1 февраля) святитель Макарий поставляет настоятелем основанного им монастыря.

Особо следует остановиться на взаимоотношениях великого русского подвижника XVI века преподобного Александра Свирского († 1535; память 30 августа/12 сентября) и святителя Макария. Преподобный Александр подвизался в пределах Новгородской епархии и был знаком святителю Макарию еще по новгородскому архипастырству. Святитель чтит преподобного за его труды и подвиги, которые Сам Господь почтил Тройческим снисхождением – посещением. Перед кончиной преподобный Александр поручил святителю Макарию свою братию и монастырь, испрося для святителя от Бога прощение. Через 12 лет после кончины преподобного митрополит Макарий повелевает игумену Иродиону написать житие преподобного, а еще через два года Александр Свирский канонизируется на Соборе 1547 года, т. е. всего через 14 лет после кончины. Святитель Макарий, таким образом, принадлежал одновременно и к числу тех, кто канонизовал

преподобного Александра, и к числу тех, с кем он был лично знаком. В Покровском же соборе (храм Василия Блаженного) устроен был и первый храм в честь преподобного, освященный святителем Макарием в 1560 году. С именем преподобного Александра и святителя Макария связана одна повесть, поведенная игуменом Иродионом – автором жития преподобного Александра. «В одну ночь, когда я, смиренный Иродион, стоял в келлии своей за обычным своим правилом, то в убогой молитве моей задремал и прилег на постели моей полежать и уснул. И вот явился внезапно в окне келлии свет сильно светящий. Я же, вскочив, наклонился к окну, желая увидеть, что там, и увидел свет некий весьма светящий по всему монастырю, а от церкви Покрова Пресвятой Богородицы увидел идущего преподобного отца Александра по монастырю вокруг церкви Святой Троицы, а в руках несущего Животворящий Крест Господень; перед ним же шли отроки, в белую одежду облаченные, а в руках несшие горящие свечи. И вот слышу преподобного отца Александра, тихим голосом говорящего: «Макарий, иди следом за мной, и я покажу тебе место на воротах монастыря, на нем я хочу, чтобы воздвигнута была церковь Николая Мирликийского чудотворца». Я же внимательно слушал голос тот, и вот вижу: два мужа зело светолепно вслед святому идущих, и ведут коня, запряженного в сани, а в них сидящего Макария, митрополита Московского (тот, что раньше был архиепископом Великого Новгорода, и знаком был тогда преподобному), а в руках своих держащего образ святого Николая Чудотворца, а око его правое было закрыто. Я же, все это увидев, страха и радости исполнился, выбежал быстро из келлии и как только догнал митрополита Макария, поклонился ему и спросил его, говоря: «О, святой владыко, поведай мне, почему у тебя закрылось правое око?» Он же, ответив, сказал мне: «Чадо, грехов моих ради сие сотворил мне Бог». И услышал опять преподобного Александра, зовущего к себе митрополита, который скоро двинулся вослед преподобного. Когда же преподобный подошел ко дверям Троицкой церкви и назнаменовал ее честным крестом, тотчас

отверзлись двери и вошли они оба в церковь; и опять затворились двери церковные, и уже более не были видимы».

Увиденное игуменом Иродионом о митрополите Макарии вскоре исполнилось. 21 июня 1547 года в Москве случился пожар страшной силы, дотоле еще небывалый: загорелась церковь Воздвижения на Арбате при сильной буре, огонь потек, как молния, спалил на запад все, вплоть до Москвы-реки у Семчинского сельца, крыши на царском дворе, казенный двор, Благовещенский собор; сгорела Оружейная палата с оружием, Постельная палата с казною, двор митрополичий, по каменным церквам сгорели иконостасы и людское добро, которое хранили в это время по церквам. В Успенском соборе уцелел иконостас и все сосуды церковные; митрополит Макарий едва не задохся от дыма в соборе, он вышел из него, неся образ Богородицы, написанный святителем Петром, митрополитом, за ним шел протопоп и нес церковные правила. Все сопровождавшие митрополита умерли от ожогов и удушья на площади перед собором. Митрополит Макарий чудом спасся. Он ушел было сначала на городскую стену, на тайник, проведенный к Москве-реке, но здесь не мог долго оставаться от дыма; его стали спускать с тайника на канате на взруб к реке, канат оборвался и он, 65-летний старец, сильно расшибся, едва мог прийти в себя, и был отвезен в Новоспасский монастырь. Кремлевские монастыри – Чудов и Вознесенский – сгорели; в Китай-городе сгорели все лавки с товарами и все дворы. За городом – большой посад по Неглинной, Рождественка – до Никольского Драчевского монастыря; по Мясницкой пожар шел до церкви святого Флора, на Покровке – до церкви святого Василия, народу сгорело 1700 человек. Святителю Макарию опалило глаза так, что правое око его перестало видеть.

После пожара началось восстановление Москвы. Строятся новые церкви. Святитель Макарий храмы освящает сам. Он рассылал грамоты с повелением строить храмы и в других городах: в Костроме, в Тихвинском монастыре, в Пскове. Заботясь о всей земле Русской, святитель заботится и о каждом человеке, милостиво относится к отдельным, даже заблудшим, чадам Церкви.

Так, однажды в Успенском соборе после вечернего богослужения некто «вражьим научением умысли кражу сотворить, но чудесным образом он не смог этого сделать. Утром, когда его обнаружили, пришел преосвященный Макарий, митрополит всея Руси, и рассказали ему о том, как вора застали в церкви, и о всем, что приключилось в той великой церкви. Макарий же митрополит не велел ему никакого зла делать, но повелел без вреда из церкви извести его вон. Земские судьи, желая взять его и по закону судить, на митрополита роптали, говоря, что он отпустил злодея, не судив его сам и городским судьям на передав. Макарий же митрополит строго запретил им всем, да не судят его вообще. И послал стража церковного, чтобы тот проводил вора за пределы города безопасно. Вор тот, придя на Кулишки к церкви Всех святых, стал ходить там и тут с неистовым взором. Потом же начал неистово кричать и так крича умер. Некоторые роптали на митрополита и на ключников, что так просто отпустили вора церковного. Макарий же на них не досадовал, а тело умершего повелел предать погребению».

24 февраля 1549 года был Собор, созванный митрополитом Макарием, осудивший еретика Исаака Собаку, архимандрита Чудова монастыря.

В 1551 году, 23 февраля, в Москве в царских палатах начал работу другой Собор, созванный митрополитом, – знаменитый Стоглав. Собор возглавлял святитель Макарий в присутствии восьми архиереев, множество архимандритов и игуменов. Вопросы, которых касался Собор, были самые разные: это и внешность христианина, и его поведение, и церковное благочиние и дисциплина, церковная иконопись, духовное просвещение и многие другие. Последнее было особенно важно для святителя Макария. Он повелевает протопопу из храма Спаса на Бору написать книгу о Святой Троице, житие епископа Василия Рязанского и переделать Пасхалию. По инициативе митрополита Макария составляется десяти томный «Лицевой летописный свод» (в нем до 16 тысяч миниатюр) и «Степенная книга царского родословия», составленная по повелению

Макария в 1555–1563 гг. царским духовником, протопопом Благовещенского собора Андреем (в постриге Афанасий).

При митрополите Макарии начинается в Русском государстве печатание книг. Еще в 1553 году на Соборе, касавшемся дела о ереси Матфея Башкина, встал вопрос об издании выверенных книг, ибо еретики часто ссылались на испорченные книги, в частности, на Апостол.

7 октября 1555 года святителем Макарием была освящена церковь святителя Николая Гостунского в Кремле. Клириком этой церкви был Иван Федоров – первый русский книгопечатник. Первый Апостол вышел более чем за полгода до кончины святителя, а в вышедшем после его смерти Часослове (1565 г.) упоминается о его участии: «Благословением преосвященного Макария, митрополита всея Руси, составися сия штанба сиречь печатных книг дело во царствующем граде Москве».

3 февраля 1555 года святитель Макарий хиротонисает на новую Казанскую кафедру святителя Гурия. В этом же году приносится в Москву на праздник Петра и Павла чудотворная икона святителя Николая Великорецкого. Промыслом Божиим было суждено митрополиту поновлять эту великую святыню земли Русской. «И обновлял образ Николы Чудотворца сам Макарий митрополит, бе бо иконному писанию навичен, со многим желанием и верою, постом и молитвою».

Постничество и пребывание в молитве было повседневным правилом митрополита Макария. Об этом пишет современник святителя: «Когда митрополит Макарий в Москве стал жить, правя слово Божие истинное, так постился, что от воздержания в пище и питии едва ходил, был кроток и смирен и милостив ко всем, не терпя гордости, и в других ее искоренял со властью, как дитя был умом, оставаясь всегда совершенным».

Известно такое чудесное событие, когда митрополит провидел грядущие бедствия Русской земли, которые принесла ей опричина, учрежденная царем вскоре после кончины Макария. В некую ночь стоял святитель на обычной молитве и восклицал сильным голосом: «Ох, мне грешному паче всех человек. Как мне видети сие! Грядет нечестие и разделение земли! Господи, пощади, пощади! Утоли Свой гнев! Аще не

помилуеши нас за грехи наши, то уж не при мне, а после! Не дай, Господи, увидеть это!» И слезы проливал обильно. Слышал все это его келейник и дивился, и помышлял в себе: «С кем это он говорит?» И не видел никого и дивился всему. Макарий же, как бы в духе, говорил ему: «Грядет нечестие, и кровопролитие, и разделение земли». И вот так и было. А ведь за много времени до опричнины видел он это видение.

В том же году однажды прислал царь Иоанн Васильевич к митрополиту Макарию с просьбой прислать душеполезную книгу. И Макарий прислал ему чин погребения. И разгневался царь и сказал: «Ты прислал мне погребальную, а в наши царские чертоги такие книги не вносятся». Макарий же ответил ему: «Я, богомолец твой, попросту прислал, по твоему приказу, ведь ты просил книгу душеполезную, а эта – всех полезнее, если кто ее со вниманием почитает, тот вовеки не согрешит». Митрополит Макарий провидел и взятие русскими войсками древнего Полоцка в 1563 году.

В середине сентября 1563 года, на память мученика Никиты, митрополит Макарий совершал крестный ход, во время которого простудился и заболел. Вечером он «нача сказывати старцам своим, что изнемогает сильно, тело его студеное со болезнью одержимо есть».

Заболев, святитель «повелел послать в Пафнутьев-Боровский монастырь, в место своего пострижения, к игумену с братией сообщить о своей немощи, прося прислать старца духовного для прислуживания ему больному. К нему был послан старец Елисей. У этого старца был обычай утешать всех болящих и скорбных: когда кто из братии в немощь впадал, тогда старец приходил к брату, увещевая его последним покаянием и причащая Святых Даров».

4 ноября святитель был в соборе, молился за молебном и, «подойдя к иконам, прикладывался никем не держимый, и у великих чудотворцев Петра и Ионы, и у других преосвященных митрополитов, что погребены в соборе. И слезы сердечные от очей его текли, и много часов плакал перед образом Пречистой Богородицы Владимирской, и все предстоящие дивились

чудному его молению. И помолившись, святитель у всех смиренно испросил себе прощение».

3 декабря к митрополиту Макарию пришел царь просить благословения. Святитель высказал ему свое намерение уехать в монастырь своего пострижения – Пафнутьев, куда он давно собирался удалиться. Но царь уговорил его остаться. Наконец, перед самой кончиной, святитель опять делает попытку удалиться в монастырь своего пострижения, с этой целью он даже пишет письмо к царю. Но по желанию Иоанна Васильевича святитель оставил свое намерение, «пока Бог его не изволит исполнить».

Наступил праздник Рождества Христова, 25 декабря. Жизнь святителя между тем угасала. Он уже не мог сам читать святое Евангелие, которое всегда ежедневно читал, и теперь по его просьбе ему читали Евангелие разные духовные лица.

И вот 31 декабря 1563 года, когда колокол ударил к заутрени, «преосвященный дивный святитель и пастырь митрополии всея Руси предал душу свою в руки Бога Живаго, Его же возлюби от юности своея». На погребении, когда тело святителя заносили в Успенский собор, то открыли лицо его, и вот «было лицо его, как свет, сияющее за его чистое, и непорочное, и духовное, и милостивое житие и за другие добродетели, и видом не как у мертвеца, но как у спящего. И все дивились этому, вознося славу Богу, прославившему Своего угодника».

Отпевали святителя пять архиереев в присутствии царя. После отпевания всем была прочитана прощальная грамота, которую еще при жизни написал митрополит, прося у всех молитв и прощение и испрашивая для всех свое последнее Божие благословение.

Так окончил свою славную жизнь великий устроитель Церкви Русской митрополит Московский Макарий, и чада российские не забывают забот, трудов и подвигов его. Почитание святителя началось сразу после его кончины, вскоре появились и первые его иконы. Царь, вернувшись из похода против Литвы в 1564 году, просит перед надгробием святителя благословения, ибо митрополит Макарий еще до похода

предсказал ему победу. Иоанн Васильевич прикладывается к образам святителей Петра, Алексия, Ионы и Макария, «любезно их целоваше».

Имя святителя встречается и в «Сказании о святых иконописцах», где о нем говорится: «Святой и предивный и чудный Макарий, митрополит Московский и всея России чудотворец, писал святые иконы, и книги, и жития святых отцов во весь год, Минеи-Четы, как никто другой от всех российских написал. Он повелел праздновать российских святых и на Соборе правило изложил, и образ Пресвятой Богородицы Успения написал».

Самое раннее прижизненное изображение святителя Макария находится на четырехчастной иконе 1547 года, в левой ее нижней части среди других живых известных лиц изображен царь и патриарх.

Другое прижизненное изображение 1560 года было в алтаре Успенского собора Свияжского монастыря на фреске «Да молчит всяка плоть человеческая...»

На иконах святитель изображается сухим, высоким, седым старцем, с немного косым прорезом глаз.

О личной святости святителя Макария имеется много свидетельств современников как о постнике, воздержнике, прозорливом и смиренном подвижнике. Канонизован митрополит Макарий на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 6–8 июня 1988 года на основании святости его жизни, явленной через его дар прозорливости, а также на основании больших заслуг перед Церковью.

Январь, 2

Иулиания Лазаревская, праведная

Великий христианский подвижник Макарий Великий († около 390 года) в минуту горячей мольбы к Богу услышал голос с неба: «Макарий! Ты и до сих пор еще не сравнялся с двумя женщинами, которые живут в городе недалеко отсюда».

Старец немедленно взял посох и пошел, чтобы отыскать праведниц, которых указал ему голос свыше. После долгих исканий он постучался в двери одного городского дома и его ласково встретили две женщины. Макарий сказал им: «Для вас только я пришел из пустыни, чтобы узнать ваши дела, откройтесь предо мною». «Человек Божий! – ответили стыдливо женщины, – можно ли чего-нибудь богоугодного требовать от тех, кто беспрестанно занят домашними хлопотами и должен исполнять супружеские обязанности?»

Но подвижник неотступно просил женщин объявить ему, какую они ведут жизнь. И они ответили: «Мы две снохи, супруги родных братьев; пятнадцать лет живем вместе и за это время не сказали друг дружке ни одного досадного слова; мы не имеем детей, а если Господь даст их, будем молить Его, чтобы помог нам воспитать малюток в вере и благочестии; с рабами поступаем ласково. Неоднократно советовались между собою вступить в общество святых дев, но не могли получить на то дозволения своих супругов. Видя их любовь к нам, мы решились не разлучаться с ними и служить им утешением. А чтобы наша жизнь хоть сколько-нибудь походила на жизнь святых пустынниц, мы положили на сердце своем убегать шумных бесед, чаще быть дома и заниматься хозяйством».

На это преподобный Макарий сказал: «Поистине Бог не смотрит, дева ли кто, или супруга, инок или мирянин, но ищет только сердечного расположения к добрым делам: его Он принимает и по нему ниспосылает Святого Духа каждому, кто желает спастись; Утешитель же Дух Святый направляет его мысли и волю к небесной и вечной жизни».

Милостивая Иулиания в нашем отечестве показала такой же пример благочестия и чистоты духовной, какой в глубокой

христианской древности на Востоке явили женщины преподобному Макарию. Ее жизнь поучает нас, что и в миру, в семье, среди забот о детях, муже и домочадцах можно угодить Богу не меньше тех, кто покидает мир для монастырской келлии: нужно только жить по требованиям христианской любви и евангельской правды.

Милостивая Иулиания родилась в Москве в дворянской среде от благочестивых и нищелюбивых родителей Иустина и Стефаниды, по фамилии Недюревых. Ее отец служил ключником при дворе царя Иоанна Васильевича. Иустин и Стефанида жили во всяком благоверии и чистоте, имели сыновей и дочерей, множество рабов и большое богатство. В этой семье в 30-х годах XVI века и родилась блаженная Иулиания. Шести лет от роду она потеряла мать, была взята на воспитание бабушкой с материнской стороны Анастасией Лукиной, урожденной Дубенской, и увезена из Москвы в пределы города Мурома.

Но через шесть лет скончалась бабка праведной Иулиании и завещала взять на воспитание двенадцатилетнюю сиротку тетке ее, а своей дочери, Наталье Араповой, у которой было много своих детей: восемь девиц и один сын. Известно, что и родные братья с сестрами далеко не всегда живут в мире и добром согласии; тем легче поселяются раздоры и свары между дальними родственниками, если они живут вместе. Праведная Иулиания почитала свою тетку, была всегда во всем послушна ей и неизменно смирялась перед своими двоюродными сестрами, хозяйками дома, молчаливо снося их обиды и укоры. Но по своей жизни Иулиания не была похожа на сестер: она не любила игр, забав и шалостей, на которые падка бывает юность, а отдавалась посту и молитве. Эта разница в поведении между Иулианией и ее сестрами вызывала не только у сестер, но даже у рабов издевательства и насмешки; под влиянием детей и тетка часто корила сироту. «О, безумная, – говорили часто Иулиании хозяева-родственники, – для чего ты в такой молодости изнуряешь свое тело и губишь девическую красоту?» Даже насильно и без времени принуждали сироту есть и пить. Но всегда кроткая, молчаливая и покорная

Иулиания становилась твердой и настойчивой, когда шло дело о спасении души и богоугодной жизни. Насмешки и укоры родных и рабов не действовали на Иулианию: она по-прежнему вела самую строгую и воздержную жизнь, игры и веселые песни сверстниц не привлекали ее, а вызывали в ней только недовольство и недоумение. Чуждаясь девических потех и забав, Иулиания зато с удвоенной силой предавалась труду – тем рукоделиям, которые в старину процветали в дворянских домах, особенно прядью и шитью в пяльцах. За этим занятием праведная просиживала ночи.

Но не для себя работала Иулиания: она обшивала и обряжала бесприютных сирот, вдов и малосильных больных, которые были в той деревне. Для них-то она и трудилась, не покладая рук, не допивая, не доедая, не досыпая. Молва о ее человеколюбии разнеслась по окрестностям и вызывала удивление к ее добродетельной жизни. И что всего поразительнее, – высокое смирение и безграничную любовь к ближним Иулиания добыла лишь из глубины своего чистого, христиански кроткого сердца. У ней не было руководителей и наставников; она не умела читать Священного Писания и брать оттуда уроки; за время своего девчества она даже не посещала храма Божия, так как его не было поблизости.

На 16-м году жизни Иулиания была повенчана священником Патапием с богатым муромским дворянином Георгием Осорьиным в селе Лазареве, вотчине Осорьиных. По совершении венчания священник сказал новобрачным поучение о том, как они должны жить между собой, как должны воспитывать детей в страхе Божиим, насаждать добродетель между домочадцами и вообще устроить из семьи малую церковь. Слова священника глубоко запали в душу Иулиании, и она свято следовала им всю свою жизнь. Ее свекор Василий и свекровь Евдокия были люди известные при царском дворе, богатые, имели множество рабов и несколько благоустроенных поместий; кроме Георгия, их единственного сына, у них было две дочери. Иулиания своим тихим, кротким характером, всегдашней лаской и приветом скоро приобрела любовь не только свекра и свекрови, но даже золовок, которые обычно не

ладят с невестками. Полюбили Иулианию даже и дальние родственники Осорьиных и близкие к ним люди. Ее искушали разными вопросами, чтобы разузнать ее характер, но она постоянным приветом и добротой, кроткими и мягкими ответами обезоруживала совопросников и мало-помалу приобрела любовь и даже тех, кто вначале не доверял ей. Так Иулиания заняла самое видное место в семье своего мужа и стала полной хозяйкой дома.

Хлопоты по дому и хозяйству не поглощали всего внимания блаженной Иулиании, не наполняли всю ее душу: рано встав утром или усталая от дневных забот и волнений перед отходом ко сну, она подолгу молилась Богу и клала по сто земных поклонов и больше; к этой постоянной и теплой молитве приучала она и своего мужа. Георгия Осорьина часто призывали на царскую службу в Астрахань и другие дальние места, и он не бывал дома по году, по два или по три. В разлуке с мужем, под влиянием естественной скорби, Иулиания с особенной силой предавалась труду и молитве. Часто целые ночи она молилась, пряла или шила в пальцах; изделия рук своих – пряжу и пяличное шитье – Иулиания продавала и вырученные деньги раздавала нищим; впрочем, как искусная рукодельница, блаженная вышивала пелены, чтобы жертвовать их в храмы. Свои благодеяния совершала она тайно от свекра и свекрови. Милостыню посылала по ночам с верной служанкой, заботилась о вдовах и сиротах, как родная мать, своими руками омывала, кормила, поила и обшивала. Рабам она указывала дело, но была с ними всегда ласкова и кротка, не называла рабов полуименем, а всегда полными христианскими именами. Услуг себе она не требовала от рабов: никто не подавал ей воды на руки, не надевал и не снимал сапог, как то делалось у других дворянок. Если, по обычаю, при гостях ей приходилось пользоваться услугами рабов, то с уходом гостей она каялась и говорила про себя: «Кто я такая, что мне служат люди, создания Божии?» Напротив, она сама всегда была готова услужить другим: наблюдала, чтобы у ее рабов была хорошая пища и пристойная одежда. Но одними заботами о пище и одежде слуг не довольствовалась праведная Иулиания: она

старалась, чтобы между ее слугами не было ссор и брани, чтобы в доме царили тишь, да гладь, да Божия благодать. При ссорах рабов между собой Иулиания часто брала вину на себя и тем успокаивала враждующих. При этом она нередко говаривала: «Я часто грешу пред Богом, и Он, Милосердый, прощает мне. Буду терпеть и я грехи моих слуг; хотя они и подвластны мне, но в душе может быть лучше меня и чище пред Богом». Никогда она не доносила на проступки рабов ни мужу, ни свекру со свекровью, которые бранили праведницу за излишнюю снисходительность. Когда не хватало ее умения и сил справиться с испорченными слугами и утвердить в доме мир и тишину, она горячо молилась Пресвятой Деве и чудотворцу Николаю, прося их помощи. В одну из таких тяжелых минут Иулиания стала ночью на молитву; бесы же навели на ее душу ужас, и она, в бессилии упавшая на постели, погрузилась в крепкий сон. Во сне она видит, что к ней подошло множество нечистой силы с оружием. «Если не бросишь своих дел, – говорили демоны, – немедленно погубим тебя». Блаженная Иулиания взмолилась Богоматери и Николаю Чудотворцу, и угодник Божий явился с большой книгой и разогнал врагов, которые расселись, как дым; после того он благословил милостивую Иулианию и сказал: «Дочь моя, мужайся и крепись и не бойся бесовских козней! Христос повелел мне защищать тебя от бесов и злых людей».

Проснувшись, Иулиания ясно увидела светлого мужа, который вышел в дверь из опочивальни и скрылся. Она бросилась за ним вслед, но засовы и затворы терема оказались все на своих местах. Иулиания поняла, что Господь действительно послал ей небесного защитника, укрепилась в своей вере и надежде на помощь Божию и еще с большим усердием продолжала дела милосердия и любви к ближним.

Настал в Русской земле великий голод, и множество людей умирало от недостатка хлеба. (Это надо думать, голод 1570 г. Историк Карамзин так изображает это ужасное время: «Казалось, земля утратила силу плодородия, сеяли, но не собирали хлеба, и холод и засуха губили жатву. Дороговизна сделалась неслыханная: четверть ржи стоила в Москве 60

алтын или около 9 серебряных рублей. Бедные толпились на рынках, спрашивали о цене хлеба и вопили в отчаянии. Милостыня оскудела: ее просили и те, которые дотоле и сами питали нищих. Люди скитались, как тени, умирали на улицах и на дорогах. Не было явного возмущения, но были страшные злодейства: голодные тайно убивали и ели друг друга. От изнурения сил, от пищи неестественной родилась прилипчивая смертоносная болезнь в разных местах. Бедствие продолжалось до 1572 г.). Милостивая Иулиания брала у свекрови пищу себе на завтраки и полдники и тайно раздавала все голодным и нищим. Свекровь удивлялась этому и говорила: «Радуюсь я, что ты стала часто есть, но удивляюсь тому, что переменялся твой обычай: прежде, когда было всего вдоволь, ты не брала еды на утро и на полдник, и я не могла тебя заставить делать это. Теперь же, когда всюду недостача в хлебе, ты берешь и завтраки, и полдники». Блаженная Иулиания, чтобы не открыть своей тайной милостыни, ответила свекрови: «Когда я не рожала детей, мне не хотелось так есть; теперь же я от родов обессилила, и мне хочется есть не только днем, а и по ночам, но я стыжусь просить у тебя пищи на ночь».

Свекровь очень обрадовалась, что невестка стала есть больше, и начала посылать ей пищу и на ночное время. Милостивая Иулиания принимала пищу и все раздавала тайком голодным. Когда умирал кто-нибудь из нищих в окрестности, блаженная Иулиания нанимала обмывать и убирать покойника, покупала саван, давала средства на похороны. Она молилась о душе каждого известного ей или неизвестного, кого хоронили в селе Лазареве.

Вслед за голодом новое бедствие постигло Русь: начался сильный мор на людей от болезни «пострела» (один из видов язвы, может быть, сибирской или чумы). Пораженные ужасом жители запирались в домах и не пускали к себе заболевших, а также боялись прикасаться к их одеждам. Но милостивая Иулиания тайком от свекра и свекрови своими руками мыла в банях больных, лечила их, как умела, и молила Господа Бога об их выздоровлении. А когда кто умирал из сирот и бедняков, она

своими же руками обмывала их и нанимала относить их для погребения.

Свекор и свекровь Иулиании умерли в глубокой старости и, по обычаю наших предков, на смертном одре постриглись в монашество. Мужа Иулиании не было в то время дома: он оставался более трех лет на царской службе в Астрахани. Блаженная Иулиания честно погребла Василия и Евдокию Осорьиных, раздала за упокой их душ щедрую милостыню, заказала по церквам сорокоусты и в течение 40 дней ставила поминальные столы для монахов, священников, вдов, сирот и нищих, а также посылала обильные подаяния по тюрьмам. И после каждый год справляла память умерших свекра и свекрови и много родового имения потратила на это доброе дело.

Блаженная Иулиания жила с мужем мирно и тихо немало лет, и Господь послал ей десять сыновей и три дочери. Из них четыре сына и две дочери умерли еще в младенческом возрасте. Остальных она вырастила и радовалась на детей своих.

Но враг рода человеческого сеял вражду между взрослыми детьми и слугами блаженной, несмотря на все желание ее примирить враждующих. И вот старший сын ее был даже убит рабом; вскоре на царской службе убили и другого ее сына. Горько было материнскому сердцу Иулиании переносить скорби, но она не вопила, не рвала волосы на голове, как делали тогда другие женщины: непрестанная молитва и милостыня подкрепляли ее силы. Скорбел и отец о потере детей, но блаженная утешала его. Под влиянием семейного горя Иулиания стала просить мужа отпустить ее в монастырь и даже заявила, что уйдет тайком, но Георгий указал ей на прекрасные слова Космы пресвитера и других учительных отцов: «Не спасут вас ризы черные, если живем не по-монашески, и не погубят ризы белые, если творим Богу угодное. Если кто уходит в монастырь, не желая заботиться о детях, – не любви Божией ищет, а покоя. Дети же, осиротевши, часто плачут и клянут родителей, говоря: «Зачем, родивши нас, оставили на беду и страдания?» Если велено кормить чужих сирот, следует и своих

не морить». Муж праведной Иулиании, человек грамотный, читал ей и другие места из духовных писателей, пока не убедил ее, и она сказала: «Да будет воля Господня!»

После этого супруги стали жить как брат с сестрой: муж спал на прежней постели, а жена с вечера ложилась на печи, подкладывая себе вместо постели дрова ребрами вверх, а под бок железные ключи. Так она погружалась в сон на час или на два. Когда все в доме затихало, блаженная Иулиания вставала на молитву и проводила в ней часто целые ночи, а по утрам отправлялась в храм к заутрене и обедне. Из церкви милостивая Иулиания приходила в дом и занималась хозяйством. По понедельникам и средам блаженная вкушала один раз, по пятницам совсем не принимала пищи и удалялась в отдельную комнату на молитву, устроив у себя дома подобие монастырского затвора. Она позволяла себе выпить одну чашу вина только по субботам, когда кормила духовенство, вдов, сирот и нищих.

Через десять лет по прекращении супружеской жизни умер муж Иулиании. Похоронив и помянув его по обычаю, как свекра и свекровь, милостивая Иулиания вся отдалась служению Богу и ближним. Так как дети сильно горевали об отце, то она, утешая их, говорила: «Не скорбите, чада мои! Смерть отца вашего – назидание нам, грешным; видя ее и постоянно ожидая для себя кончины, будьте добродетельны, больше всего любите друг друга и творите милостыню».

Не только словами поучала других блаженная Иулиания; она старалась и жизнью подражать великим христианским подвижникам, святым женам, о которых читали ей муж и грамотные люди. В свободные от домашних забот минуты блаженная Иулиания становилась на молитву, усиленно постилась.

Но больше всего заботилась она о делах милосердия. Часто у нее не оставалось ни одной монеты для раздачи нищим; тогда она брала займы и оделяла бедняков. По зимам она брала у детей деньги себе на одежду, но все раздавала бедным, сама же ходила без теплой одежды и в сапогах на босу ногу. Чтобы подвизаться для Господа и, чувствуя боль, сильнее

пламенеть молитвою к Богу, Подателю радости и утешения, она под свои босые ноги в сапог подкладывала битые черепки и ореховую скорлупу и так ходила.

Была необыкновенно холодная зима, так что от мороза даже трескалась земля. Иулиания некоторое время по причине стужи не ходила в церковь, а молилась только дома. Однажды священник села Лазарева пришел ранним утром в храм и услышал голос от иконы Богородицы: «Пойди и скажи милостивой Иулиании, отчего она не ходит в церковь? И ее домашняя молитва угодна Богу, но не так, как церковная. Вы же почитайте ее: уже ей не менее 60 лет, и на ней почивает Дух Святой».

Священник в сильном страхе прибежал к Иулиании, пал к ее ногам, просил простить его и рассказал при всех о бывшем ему явлении. Блаженная сильно опечалилась и сказала священнику: «Ты впал в соблазн, когда так говоришь. Как я, грешница пред Господом, могу быть достойной такого позова?» И взяла с него клятву и со всех, при ком он сказал, не разглашать о видении ни при жизни ее, ни по смерти. Сама же отправилась в храм, отслужила молебен пред иконой Богоматери, облобызала ее и слезно молилась пред Заступницей Усердной.

Блаженная прожила во вдовстве девять лет; за это время она раздала бедным почти все свое имущество. Она оставляла дома только самое необходимое и распределяла хозяйственные запасы так, чтобы они из одного года не переходили в другой. Все, что оставалось от годового обихода, она немедленно делила между нищими, сиротами и бедняками.

Настало несчастное царствование Бориса Годунова. Господь наказал Русскую землю необыкновенным голодом: голодающие ели всякую падаль, даже человеческие тела; бесчисленное множество людей умерло от голода. Не стало пищи и в доме Осорьиных, так как посевы не взошли, скот гиб от бескормицы. Блаженная Иулиания молила детей и рабов не брать ничего чужого. Все, что осталось в доме из одежды, скота и посуды, она продала и на полученные деньги купила хлеба, им она кормила своих домочадцев; несмотря на страшную

скудость, помогала и беднякам; и никто из них не уходил от нее с пустыми руками. Когда не осталось больше хлеба, милостивая Иулиания не упала духом, но все надежды возложила на помощь Божию. Она вынуждена была переселиться в Нижегородские пределы, в село Вочнево, где оставалась еще хоть какая-нибудь пища. Но скоро и здесь развился голод во всей силе: Иулиания, не имея средств кормить рабов своих, отпустила их на волю. Некоторые воспользовались свободой, а другие остались вместе с своей госпожой терпеть нужду и горе. Оставшимся при ней слугам она приказывала собирать лебеду, сдирать с дерева илем (род вяза) кору и готовить из них хлебы, которыми и питалась сама с детьми и рабами. По ее молитвам хлеб, сделанный из лебеды с корой, оказывался достаточно сладким, и нищие, которых по причине голода было необыкновенно много, толпами приходили за подаванием к милостивой Иулиании. Соседи ее спрашивали нищих: «Зачем вы ходите в дом Иулиании? Она и сама с детьми чуть жива от голода». Бедняки отвечали на это: «Мы ходим по многим селам и иногда получаем чистый хлеб, но не знаем хлеба более сладкого, чем у этой вдовы».

Соседи, имевшие довольно чистого хлеба, посылали просить у Иулиании хлеба из лебеды с корой и убеждались, что он очень сладок. Но объясняли это уменьем рабов Иулиании готовить тесто. Испытывая два года тяжелую нужду, праведная Иулиания не смутилась, не подняла ропота, не пала духом, но была благодушна и радостна как всегда. Одно огорчало ее, что в Вочневе не было храма, по старости же она не могла посещать храм ближайшего села. Но вспомнив о Корнилии сотнике, как его домашняя молитва оказалась угодной Богу, блаженная горячо отдалась ей и скоро обрела душевный покой.

26 декабря 1603 года милостивая Иулиания разболелась; шесть дней продолжалась болезнь ее, но она только днем лежала, ночью же вставала без всякой поддержки и молилась. Ее рабыни смеялись над ней, говоря: «Какая это больная! Днем лежит, а ночью встает и молится!» Но блаженная кротко отвечала насмешницам: «Чего же вы смеетесь? Разве вы не знаете, что Господь и от больного требует духовных молитв?»

2 января, на рассвете, милостивая Иулиания призвала своего духовного отца священника Афанасия, причастилась Святых Таин, села на своем одре, призвала к себе детей, слуг и сельчан. Она много поучала стоявших около нее благоугодной жизни и, между прочим, сказала: «Еще в молодости я сильно желала великого ангельского образа, но не удостоилась его по грехам моим... Но слава праведному суду Божию!»

Она приказала заготовить на свое погребение кадило и положить в него ладану, простилась с детьми, прислугой и знакомыми, выпрямилась на постели, перекрестилась трижды, обвила четки около рук и произнесла последние слова: «Слава Богу за все! В руце Твои, Господи, предаю дух мой!»

Когда почила в Господе блаженная, все видели, как около ее главы образовалось сияние наподобие золотого венца, что пишут на иконах святых. Когда обмыли тело почившей и положили в отдельной клети, видели ночью горящие свечи (хотя их никто не зажигал) и чувствовали благоухание, которое струилось из комнат, где лежала блаженная. В ночь, сменившую день успения, милостивая Иулиания явилась одной рабыне и приказала отвезти себя из Вочнева в Муромские пределы и положить в церкви праведного Лазаря возле мужа. Многотрудное тело блаженной положили в дубовый гроб, отвезли в село Лазаревское, в четырех верстах от Мурома, и погребли 10 января 1604 г.

Позднее над могилой милостивой Иулиании ее дети и родные воздвигли теплую церковь во имя Архистратига Михаила. Когда 8 августа 1614 года умер сын блаженной Георгий и в усыпальнице Осорьиных, под церковью, стали готовить место для его погребения, нашли гроб милостивой Иулиании невредимым, но не знали, чей он. 10 августа, по совершении отпевания над Георгием, когда участники обряда пошли в дом Осорьиных помянуть почившего, любопытные женщины села открыли гроб и увидели, что он полон благовонного мира. После того, как гости ушли с поминовения, женщины объявили о виденном ими семье Осорьиных; дети милостивой Иулиании пришли ко гробу и увидели то же, что и женщины. В благоговейном страхе они набрали в небольшой

сосудец мира и отвезли его в муромскую соборную церковь, вероятно для освидетельствования; и было оно днем подобно свекольному квасу, а ночью становилось густым и походило на масло багряного цвета.

Но всего тела милостивой Иулиании от ужаса не могли досмотреть: видели только, что невредимы ноги и бедра ее; главы не видали потому, что на крышку гроба налегло бревно, поддерживавшее церковную печь. В ту же ночь многие слышали звон в церкви праведного Лазаря и прибежали к храму, думая, что бьют в набат, но пожара никакого не было. Прибежавшие чувствовали, как от гроба исходит благовоние. Молва об этом событии быстро разнеслась по окрестностям; многие приходили ко гробу, мазали себя миром и получали исцеление от разных болезней.

Когда мир все было разобрано, больные начали брать песок из-под гроба милостивой Иулиании, обтирались им и по вере своей получали облегчение в нуждах. Так, муромский гражданин Иеремия Червев прибыл ко гробу милостивой Иулиании с женой и двумя больными детьми: у сына Андрея и дочери из рук, ног и локтей текла более двух лет кровь, и они не могли даже поднести руки ко рту. Отпев молебен и панихиду у гроба Иулиании и отерши детей песком, родители вернулись домой; их дети проспали весь день и ночь, по пробуждении могли свободно креститься, а через неделю совсем выздоровели.

Крестьянин из деревни Макаровой страшно болел зубами и долго не мог ни есть, ни пить, ни работать. По совету жены он один в полдень пришел ко гробу милостивой Иулиании, помолился блаженной, вытер песком зубы и вернулся домой здоровым.

Ночью в селе Лазаревском пожар охватил четыре избы, крытых соломой; дул необыкновенно сильный ветер, и уже огонь начал приближаться к церкви. Священник вбежал в храм, торопливо нахватал в обе руки земли из-под гроба Иулиании и стал бросать в огонь. Тогда ветер переменялся, пожар начал мало-помалу утихать и наконец совершенно прекратился.

Крестьянин из деревни Коледина, по имени Климент, имел на ноге язву, под названием «пострел», от которой многие умирали. Больной, наслышавшись о чудесах Иулиании, велел отвезти себя к ее гробу, совершил молебен, отер песком язву и скоро выздоровел.

Жившая в Муроме на посаде раба боярина Матфея Черкасова, именем Мария, ослепла. Ее привели к раке Иулиании, отслужили молебен и панихиду, и она почувствовала себя зрячей, так что на возвратном пути уже могла собирать грибы и ягоды.

Один 10-летний отрок впал в расслабление и ослеп. Его принесли к церкви Архангела Михаила, совершили молебен у гроба праведной Иулиании, и больной вдруг увидел горящую свечу, а спустя немного времени и совсем прозрел.

У Агафьи, жены Феодора, служившего при церкви Архангела Михаила клириком, отнялась рука, так что больная не могла и двинуть ею. Несчастной явилась во сне милостивая Иулиания и сказала: «Иди в церковь Архангела Михаила и приложишься к иконе Иулиании». Затем назвала место, где лежат у больной две монеты, и велела ей отдать их священнику, чтобы приложил к иконе. Больная исполнила все, отслужила молебен и панихиду, испила святой воды, отерлась песком и исцелилась.

Московский дворянин Иосиф Ковков был страшно болен и уже не чаял остаться в живых. Тогда ему пришло на мысль послать своего слугу Аникия к раке праведной Иулиании: слуга совершил молебен за здоровье болящего господина, взял святой воды и песку, и когда Ковков окропил себя принесенной водой и отер песком, тотчас выздоровел. Исцеленный пешком из Москвы пришел в село Лазаревское возблагодарить милостивую Иулианию за дарование здоровья и пожертвовал в храм Архангела Михаила священнические ризы.

8 мая 1649 г. женщина из Вязниковской области Елена Васильева во молодых годах стала слепой и ходила ко многим чудотворцам и святым местам с мольбой об исцелении. Наконец ей пришло на мысль пойти в село Лазарево и приложиться ко гробу милостивой Иулиании. Отслужив молебен, больная начала видеть; она пробыла в Муроме два

года и неустанно приходила молиться к мощам милостивой
Иулиании во дни ее памяти и погребения.

Серафим Саровский, преподобный – преставление

Преподобный Серафим Саровский родился 19 июля 1754 года в г. Курске (родине прп. Феодосия Печерского, память 3/16 мая) в благочестивой купеческой семье Исидора и Агафьи Мошниных. Во святом крещении был наречен Прохором в честь святого Прохора, апостола от 70-ти (память 4/17 января и 10/23 августа). Исидор Мошнин брал подряд на строительство каменных зданий; под конец жизни начал постройку церкви во имя преподобного Сергия Радонежского в г. Курске, но скончался до окончания работ. Трех лет святой Прохор лишился отца, завещавшего своей супруге окончить строительство храма.

С младенчества святой Прохор был под особенным покровительством Промысла Божия. Однажды Агафья Мошнина взяла с собой сына на строительство храма и он, оступившись, упал с колокольни; но Господь сохранил жизнь будущего светильники Церкви: испуганная мать, спустившись вниз, нашла сына невредимым. Святой Прохор с детских лет любил посещать церковные службы и читать Священное Писание и Четьи-Минеи, но больше всего любил он молиться в уединении.

На десятом году святой Прохор тяжело заболел; в сонном видении ему явилась Божия Матерь, обещая исцелить его от болезни. Вскоре через двор усадьбы Мошниных прошел крестный ход с иконой Знамение Пресвятой Богородицы (Коренной); мать вынесла святого Прохора приложиться к святой иконе, после чего он быстро поправился.

Еще в юности у Прохора созрело решение всецело посвятить жизнь Богу и уйти в монастырь. Благочестивая мать не препятствовала этому и благословила его на иноческий путь Распятием, которое преподобный носил на груди всю жизнь. Прохор с паломниками отправился пешком из Курска в Киев на поклонение Печерским угодникам.

Схимонах старец Досифей, которого посетил Прохор, благословил его идти в Саровскую обитель: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо, место сие будет тебе во спасение, с

помощью Божией скончаешь там земное свое странствование, только старайся стяжать непрестанную память о Боге в постоянном призывании имени Божия, и вселится в тебя Дух Святый и управит жизнь твою во святыни. Там и настоятель о. Пахомий (из курских) богоугодной жизни, он последователь жития преподобных отец наших Антония и Феодосия». Вернувшись ненадолго в родительский дом, Прохор навсегда простился с матерью и родными. 20 ноября 1778 года прибыл в Саров. День Введения во храм Пресвятой Богородицы был днем введения Прохора Мошнина в Саровскую обитель. Настоятелем тогда был мудрый старец отец Пахомий. Он ласково принял юношу и назначил ему в духовники старца Иосифа, казначея. О. Пахомий и о. Иосиф любили его «как свои души». Под их руководством Прохор проходил многие послушания в монастыре: был келейником старца, трудился в хлебне, просфорне и столярне, нес обязанности будильщика и пономаря и все исполнял с ревностью и усердием, служа как бы Самому Господу. Постоянной работой он ограждал себя от скуки – этого, как позже он говорил, «опаснейшего искушения для новоначальных иноков, которое врачуеться молитвой, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божия и терпением, потому что рождается оно от малодушия, беспечности и празднословия». В храме стоял он с опущенными глазами для избежания развлечения, напряженно и внимательно слушал пение и чтение, сопровождая их умной молитвой. Уединялся в келлии и выполнял правило прп. Пахомия Великого. Читал, во-первых, книги Священного Писания – Евангелие, Апостольские послания и Псалтирь; во-вторых, отцов: свт. Василия Великого, прп. Макария Великого, прп. Иоанна Лествичника, Четьи-Минеи свт. Димитрия Ростовского.

Уже в эти годы Прохор по примеру других монахов, удалявшихся в лес для молитвы, испросил благословение старца в свободное время тоже уходить в лес, где в полном одиночестве творил Иисусову молитву. Преподобный устроил шалаш и стал предаваться богомыслию и молитве и усилил пост – в среду и пяток совсем не ел, а в другие дни принимал

пищу только один раз. Стал переходить от жизни деятельной – пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги – к жизни созерцательной, которая «состоит в возвышении ума к Господу Богу, в сердечном внимании, умной молитве и созерцании вещей духовных». Братия видели в Прохоре будущую славу Сарова, ибо он, будучи послушником, был выше многих иноков. «В искусе Господь послал Прохору тяжелое испытание – продолжительную и сильную болезнь, как опыт страдания, как пробный камень его веры, упования и терпения».

В 1780 г. Прохор заболел водянкой. Болел три года. Первую половину этого времени Прохор еще перемогался, на ногах держался, но затем слег, ибо тело его распухло. С удивительным терпением переносил он свои страдания, ни одного слова ропота не сорвалось с языка его, он лишь молился и орошал ложе свое слезами. Старцы, опасаясь за жизнь больного, хотели вызвать к нему врача, однако Прохор просил этого не делать, сказав отцу Пахомию: «Я предал себя, старче святой, истинному Врачу душ и телес – Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери». Отслужили бдение и литургию о здравии больного и причастили его. Тогда же святому Прохору было видение: в несказанном свете явилась Мать Божия в сопровождении святых апостолов Петра и Иоанна Богослова. Указав рукою на больного, Пресвятая Дева сказала Иоанну: «Сей – от рода нашего». «Пресвятая Богородица, – говорил впоследствии сам преподобный, – правую ручку положила мне на голову, а в левой-то ручке держала жезл и этим-то жезлом и коснулась убогого Серафима; у меня на том месте, на правом бедре-то, и сделалось углубление: вода-то вся в него и вытекла, и спасла Царица Небесная убогого Серафима». И он быстро поправился. Вскоре на месте явления Божией Матери была построена больничная церковь, один из приделов которой был освящен во имя прпп. Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев. Престол для придела св. Прохор соорудил из кипарисового дерева и всегда приобщался Святых Таин в этой церкви.

Пробыв восемь лет послушником в Саровской обители, 13 августа 1786 года Прохор был пострижен в монашество настоятелем о. Пахомием; назван без его выбора Серафимом, столь удачно выражающим его подлинно пламенную любовь к Богу и стремление ревностно Ему служить. В этом же 1786 году посвящен в иеродиакона и 6 лет и 10 месяцев почти непрерывно служил. Служил он со страхом и трепетом и полным умилением, с сердечным сокрушением, глубокой верой и полной отрешенностью от всего земного. Был зрителем Ангелов в образе молниеносных юношей и слышал прекрасные голоса пения. В Великий Четверг было видение после молитвы «Сотвори со входом нашим входу св. Ангелов быти, сослужащих нам и сославословящих Твою благодать». Когда после пения тропарей преподобный произнес: «Господи, спаси благочестивыя» – и, стоя в царских вратах, навел орать на молящихся с возгласом: «И во веки веков», – внезапно его осенил светлый луч. Подняв глаза, преподобный Серафим увидел Господа Иисуса Христа, идущего по воздуху от западных дверей храма в окружении Небесных Бесплотных Сил. Дойдя до амвона, Господь благословил всех молящихся и вступил в местный образ справа от царских врат. Прп. Серафим в духовном восторге не мог ни слова проговорить, ни сойти с места. Его увели под руки в алтарь, где он простоял еще три часа, меняясь в лице от озарявшей его великой благодати. После видения преподобный усилил подвиги: днем он трудился в обители, а ночи проводил в молитве в пустынной лесной келлии. 15 лет был в монастыре прп. Серафим в таких подвигах. 2 сентября 1793 года, в возрасте 39 лет, был посвящен в иеромонахи. Душа его стремилась к уединению, и был еще и внешний повод – тяжелый недуг от стояния на молитве – опухоль, гнойные раны ног. После кончины настоятеля отца Пахомия прп. Серафим, имея его предсмертное благословение на новый подвиг – пустынножительство, взял также благословение у нового настоятеля отца Исаии и 20 ноября 1794 года ушел на холм в сосновом лесу на берегу реки Саровки, в 5–6 верстах от монастыря. Здесь он предавался уединенным молитвам, сам

себе добывая пропитание – около келлии преподобный развел огород и устроил пчельник. Насекомые жестоко кусали его тело, так что оно распухало, синело и запекалось кровью. Зимой он заготавливал дрова. Келлия его состояла из одной комнаты с одним маленьким окном, были сени, крылечко, икона, печка, обрубок дерева вместо стола, кувшин для сухарей – вот убранство ее, а также огород, забор, пчельник. Это была «дальняя пустынька». Преподобный назвал евангельскими именами места, окружавшие ее: св. Иерусалим, гора Елеонская, Вифлеем, Иордан, Фавор, Голгофа. Одежда святого зимой и летом была одна и та же: камилавка, балахон на плечах из белого полотна, кожаные рукавицы, кожаные бахилы и лапти.

На груди крест – благословение матери, сумка, и там – св. Евангелие. Накануне воскресных и праздничных дней он приходил в обитель. Слушал вечерню, бдение, за ранней литургией причащался Св. Таин в больничной церкви святых Зосимы и Савватия. Затем до вечерни он оставался в своей монастырской келлии и принимал приходивших к нему из братии за советом и наставлениями. Во время вечерни, когда братия уходили в церковь, преподобный, захватив с собою хлеба на неделю, удалялся в свою пустыньку. Он питался хлебом и, любя зверей и птиц, кормил их. Даже видели огромного медведя, который, как овечка, с руки брал хлеб. Употреблял прп. Серафим с огорода картофель, свеклу, лук, потом усилил пост, отказывался от вкушения хлеба и употреблял лишь свои овощи. А три года питался травой снитью.

Всю первую неделю Великого поста он проводил в обители и совсем ничего не вкушал. При этом посте «плоть постящегося становится тонкой и легкой. Духовная жизнь приходит в совершенство и открывает себя чудными явлениями, внешние чувства точно закрываются, и ум, отрешась от земли, возносится к небу и всецело погружается в созерцание мира духовного».

В пустыньке его посещали, приходили даже женщины. Но кто шел не для назидания, а ради любопытства, тех он избегал и удалялся в секретный каменный гроб в подполье. Он молчал,

с встречающимися кланялся, иногда в ноги, и уходил молча. Испросив благословение настоятеля, преподобный прекратил к себе доступ мирянам, а затем и всем остальным, получив знамение, что Господь одобряет его мысль о полном безмолвии: по молитве преподобного дорогу в его пустыню преградили огромные сучья вековых сосен. Теперь только птицы, слетавшиеся во множестве к преподобному, и дикие звери посещали его. Из желающих жить с ним никто не уживался от тяготы трудов. Иноки борются в монастыре с духом злобы, как с голубями, а живущие в пустыни – как со львами и леопардами. Дьявол сначала наводил на преподобного страх, так что он слышал вой зверей за дверями келлии; потом точно целая толпа народа стала ломиться в жилище его, вышибла косяки у дверей и к ногам преподобного упал страшно тяжелый кряж дерева, который потом с трудом могли вынести восемь человек. Видел преподобный, что в окно его келлии как будто врывался огромный медведь. Иногда келлия разрывалась, иногда перед подвижником являлся открытый гроб, из которого вставал мертвец. Иногда враг во время молитвы со страшной злобой нападал на него, поднимал его в воздух и ударял о пол с такой силой, что кости преподобного могли бы сокрушиться от таких ударов, если бы благодать Божия не сохраняла его.

Преподобный Серафим отказался от настоятельства в двух монастырях, а дьявол за это воздвиг адскую брань – мысленную, хульные помыслы и уныние. Тогда преподобный в двух верстах от пустыньки избрал местом подвига гранитный камень и на нем на коленях ночами с поднятыми руками взывал: «Боже, милостив буди мне грешному». И так тысячу дней и тысячу ночей, почти три года, нес он такой подвиг. Вновь открылись раны на ногах у святого.

Враг избрал злых людей, чувственных разбойников. 12 сентября 1804 года три крестьянина из села Кременок помещика Татищева требовали у преподобного деньги, а он бросил топор, сложил руки крестообразно на груди и сказал: «Делайте, что вам надобно». Разбойники стали бить преподобного, обухом проломили голову, сломали несколько ребер, потом, связав его, хотели бросить в реку, но сначала

обыскали келлию в поисках денег. Все сокрушив в келлии и ничего не найдя в ней, кроме иконы и нескольких картофелин, они устыдились своего злодеяния и ушли. Преподобный, придя в сознание, дополз до келлии и, жестоко страдая, пролежал всю ночь. Наутро с великим трудом он добрался до обители. Братия ужаснулись, увидев израненного подвижника. Восемь суток пролежал преподобный, страдая от ран. К нему были вызваны врачи, удивившиеся тому, что Серафим после таких побоев остался жив.

Но преподобный не от врачей получил исцеление: Царица Небесная явилась ему в тонком сне с апостолами Петром и Иоанном. Коснувшись головы преподобного, Пресвятая Дева даровала ему исцеление. После видения четыре часа был преподобный в восторженной радости, а потом встал с постели, стал ходить, покушал и поправился, но остался согбенным старцем и ходил, уже опираясь на палку или топорик. Через пять месяцев преподобный опять возвратился в пустыньку. Разбойников о. Серафим простил и умолял их не наказывать.

Все пережитое им – пост, труды, стояние на камне, беды от разбойников – это путь креста, путь страданий – добровольное мученичество ради Христа и по любви ко Христу.

Пламенея любовью к Богу, избрал он новый подвиг – молчаливость, прося Бога: «Положи, Господи, хранение устом моим». Этот подвиг состоит не во внешнем только молчании и воздержании языка от слова, а в отречении от всех житейских помыслов, полной сосредоточенности в Боге, во всецелом погружении ума в Божественное, в чистейшем посвящении всех мыслей и чувств одному Господу. Здесь он более подражал Антонию Великому и Иоанну Молчальнику. Ни с кем не говорил, при встречах падал ниц, молчал устами, молчал и в разуме. И враг не успевал ничего к потаенному сердцу человека. Более двух лет по кончине о. Исаии прп. Серафим был в дальней пустыньке в молчании, по учению евангельскому: *Вниди в клеть твою и, затворив двери твои, помолись Отцу своему (Мф. 6, 6).*

Почили столпы и духовные отцы: Пахомий, Исаия, Иосиф, которые любили прп. Серафима. Заметилось после них

недоверие и подозрительность.

Преподобный по требованию настоятеля покинул пустыньку и 8 мая 1810 г., после 15 лет пребывания в пустыне, пришел в монастырь и сразу же ушел в затвор в свою келлию 5 кв. аршин с двумя окнами, где были: одна икона, обрубок пня, кучка дров перед печкой. Пять лет он был в затворе. Никому не открывал дверь, даже епархиальному архиерею Тамбовскому Ионе. Пища в затворе – толокно и белая рубленая капуста, питье – вода. Однажды пять дней молился прп. Серафим и видел славу святых: Предтечи, апостолов, вселенских учителей, преподобных и мучеников, сияющих в неизреченной славе и радости, каких око не видело, ухо не слышало и на помышление человеку не приходило. «Если бы ты знал, – говорил преподобный, – какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить скорби, гонения, клевету с благодарением. Если бы самая эта келлия наша была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно было бы на это согласиться, чтобы не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его». При созерцании он часто изменялся видом: лицо изменялось, оно издавало чудный свет и просвещалось до того, что невозможно было смотреть на него, во всем лице – радость и восторг; и был он как земной Ангел и небесный человек. Он во время молчания как будто что-то видел – созерцал умом с умилением и слушал что-то с изумлением. Лицо его было необыкновенно: сквозь кожу у него проникал благодатный свет, в глазах было спокойствие и особенный душевный восторг. В келлии его приобщали по воскресеньям и ежедневно приносили антидор.

Пять лет проведя в строгом затворе, преподобный еще 4–5 лет держал затвор с послаблением: дверь была открыта, но бесед он не вел. И вот Царица Небесная явилась ему с преподобным Онуфрием Великим и Петром Афонским и велела затворнику принимать посетителей и давать им наставления. Теперь с ранней литургии до 8 часов вечера ежедневно приходили к нему.

25 ноября 1825 года, в день свв. Климента и Петра Александрийских, Богоматерь в видении разрешила прп. Серафиму оставить затвор и посещать пустыньку. Когда преподобный впервые пошел к дальней пустыньке, он вблизи Богословского источника увидел Богородицу с апостолами. Божия Матерь ударила жезлом в землю так, что исшел из земли фонтаном источник свежей воды. Это место, где стояли пречистые стопы ног Царицы Небесной и явился чудесно изведенный Ею источник, означено на память будущих родов выкопанным тут колодцем, который известен под именем источника, или колодца, прп. Серафима. Вода его обладает свойством никогда не портиться, хотя бы она стояла несколько лет в закупоренных сосудах, а для больных, употребляющих ее для питья и для омовения, служит средством исцеления. «Я молился, – говорит преподобный, – чтобы вода в колодце была целительной от болезней. И Сама Богоматерь обещала дать Свое благословение водам этого изведенного Ею источника». Из-за болезни ног он не мог посещать часто дальнюю пустыньку и избрал место ближе – верстах в двух от монастыря, у Богословского родника. На краю горы поставил домик без окон и дверей высотой и длиной в сажень, а шириной в два аршина. Вблизи был и изведенный Богородицей источник – колодец о. Серафима. В 1827 году вблизи поставили более удобную келлию у родника. Спал, как придется: то сидя, то на полу, то на поленьях. Зажигал свечи и лампы за поминовение посещавших его. Молился преподобный за всех православных христиан, живых и усопших.

Преподобный стал на путь старчества – как завершение долголетнего подвижничества, как общественное служение ищущим спасения. Ум его стал прозорливым, имел дар духовного рассуждения. Народу к преподобному приходило в иные праздники до пяти тысяч. Шли и ученые, и простые, и богатые, и бедные. Он был со всеми ласков, кроток и не всем открывал свои дарования. Всех принимал с лаской и любовью, иных целовал, благодарил за посещение. Преподобный был всегда весел, хотя иногда говорил при гробе. Лицо его имело ангельский вид, в глазах – тихое сияние, «целое откровение

любви». Его не видели печальным или унывающим. Он всех называл словами: «батюшка мой, матушка моя, радость моя». Словом любви и кротости пробуждал совесть. Цель его прозорливых внушений и действий – пробудить голос совести у приходивших, вызвать у них раскаяние в грехах, сердечное сокрушение, желание перемены к лучшему. Являл он людям плод опытного познания духовного, а не научного. И приходили к нему и знатные люди, и бедные крестьяне. Старец учил, что цель жизни – стяжание Духа Божьего через любовь и молитву, особенно молитву Иисусову («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»). «Ходя и сидя, делая что-то и в церкви стоя, входя и исходя, сие непрестанно держи в устах и в сердце твоём. С таким призыванием имени Божия ты найдешь покой, достигнешь чистоты душевной и телесной, вселится в тебя Святой Дух – источник всех благ, и управит Он тебя во святые, во всяком благочестии и чистоте. Очень важно посещать храм Божий и ум хранить от рассеяния». Безграмотным советовал утром читать трижды «Отче наш», трижды «Богородице Дево» и «Верую». Во время же работы дома и в пути тихо читать: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». А если окружают другие, то, занимаясь делом, умом говорить: «Господи, помилуй». Перед обедом – то же правило. После обеда советовал прибегать к Богородице: «Пресвятая Богородице, спаси мя грешного», «Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного» или «Богородице Дево, радуйся». «Отходя ко сну, пусть всякий христианин вновь прочтет указанное правило. Держась этого правила, – говорил о. Серафим, – можно достигнуть меры христианского совершенства, ибо означенные три молитвы – основание христианства. Первая – «Отче наш» – как молитва, данная Самим Богом, есть образец всех молитв. Вторая принесена с неба Архангелом в приветствие Деве Богородице, Матери Господа. Символ же веры вкратце содержит в себе все спасительные догматы христианской веры. И слово Божие читать надо, ибо оно обновляет ум и направляет на благо и охраняет душу от греха. Душа от Писания понимает, что есть добро и что есть зло. Путь непрестанной молитвы и чтения

слова Божия возводит к добродетели. Твори непрестанную молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своей, тогда потечет в тебе молитва она же беспреестанно и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя. Уединение и молитва, очищая ум, делают его прозорливым».

Молитвенное правило, которое прп. Серафим исполнял в дальней пустыньке: сначала по Псалтири исполнял свое правило молитвенное. Около полуночи вставал, исполнял правило прп. Пахомия, читал утренние молитвы, пел полунощницу, утреню и читал первый час. В наступлении 9 часа утра прочитывал часы – третий, шестой, девятый и изобразительные. Вечером читал вечерню и малое повечерие. При наступлении ночи творил монастырское правило с молитвами на сон грядущим. Правило такое: три канона, акафист, пятисотница с поклонами, помянник, глава Евангелия, Послания, кафизма. Часто вместо вечернего правила преподобный полагал по тысяче поклонов за один раз. Сверх того он занимался псалмопением – сперва по уставу Пахомия Великого, а потом составил свое чинопоследование, известное под именем Келейного правила прп. Серафима. Много читал Евангелие, чтобы ум как бы плавал в законе Божиим, и устроил жизнь по воле Бога. Из отцов любил прп. Иоанна Лествичника, прпп. Варсонофия, Ефрема и Исаака Сирина. Все занятия были с молитвой на устах, любил петь «Всемирную славу». Дух и при работе уходил в созерцание.

Молитва о. Серафима в затворе: молился как и в пустыньке – службы все, кроме литургии, и келейное правило. Читал Иисусову молитву и Богородичную. Иногда не читал молитвы, не клал поклонов, но погружался в продолжительное созерцание Господа умом. Иногда, помня о смерти, уходил в сени и молился у гроба. В затворе читал Евангелие – питался от сладчайшей беседы с Господом. В течение недели прочитывал весь Новый Завет: понедельник – Евангелие от Матфея, вторник – от Марка, среда – от Луки, четверг – от Иоанна Богослова. На остальные дни разделял Деяния апостолов и Послания. Читал и дневные зачала. И часто сподоблялся

созерцания и видения. На каждой статье кафизмы молился за всех живых и усопших православных христиан.

За живых: «Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан и на всяком месте владычества Твоего православно живущия; подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие и прости им всякое согрешение вольное и невольное и их святыми молитвами меня, окаянного раба, помилуй». За усопших: «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих: праотец, отец и братья наших, zde лежащих и повсюду православных христиан преставльшихся; подаждь им, Господи, царствие и причастие Твоя бесконечныя и блаженныя жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение вольное и невольное».

В последний период земной жизни преподобный Серафим особенно заботился о своем любимом детище – Дивеевской женской обители. Еще в сане иеродиакона он сопровождал покойного настоятеля отца Пахомия в Дивеевскую общину к настоятельнице монахине Александре, великой подвижнице, и тогда отец Пахомий благословил Серафима всегда заботиться о «дивеевских сиротах». Он был подлинным отцом для сестер, обращавшихся к нему во всех своих духовных и житейских затруднениях.

«По бывшему ему (о. Серафиму), – пишет Н. А. Мотовилов, – лично явлению Самой Божией Матери, и не только устав сей обители и молебное правило и житейское законоположение для оной опять-таки не сам придумал, а все по единственной воле Ее, из уст в уста возвещенной ему, установил; но даже и не одной девицы в оную по своему личному желанию, избранию и усмотрению не принял».

Заповедал батюшка в обители: 1) держать неугасимые лампы; 2) читать Псалтирь неусыпающую по усопшим; 3) петь Параклис Божией Матери. Приобщаться в четыре поста и двенадцатые праздники, даже еще можно и в большие праздничные дни – чем чаще, тем лучше. Только приступать в смиренном сознании греховности своей. Священнику сколько возможно быть снисходительнее на исповеди, Бог прощает, а он – свидетель.

Правило для девиц: три раза в сутки прочесть: один раз «Достойно», три раза «Отче наш», три раза «Богородице Дево», один раз Символ веры, два раза «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную», один раз «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных» с поясными поклонами, два раза «Господи Иисусе Христе, Госпожею Девою Мариєю Богородицею помилуй мя грешную», один раз «Господи Иисусе Христе, Госпожею Девою Мариєю Богородицею помилуй нас грешных» также с поясными поклонами, двенадцать раз «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас» и двенадцать раз «Владычице моя, Пресвятая Богородица, спаси нас грешных» тоже с поясными поклонами. Да вечерние и утренние молитвы, да помянник с двенадцатью избранными псалмами святых отец и сто земных поклонов Иисусу и сто земных поклонов Богородице. При работе можно и на ходу читать это правило.

Начальницу, говорил батюшка, выбирать только из своих сестер, а не из чужой обители. А когда отец Серафим стал предчувствовать свою кончину, то говорил дивеевским сестрам: «Искал я вам матери (настоятельницы) и не мог найти. Человека-то днем с огнем не найдешь. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери».

Ученики и духовные друзья помогали преподобному окормлять Дивеевскую общину. Это – Михаил Васильевич Мантуров, исцеленный преподобным от тяжелой болезни и по совету старца принявший на себя подвиг добровольной нищеты; Елена Васильевна Мантурова, одна из сестер дивеевских, добровольно согласившаяся умереть из послушания старцу за своего брата, который был еще нужен в этой жизни; Николай Александрович Мотовилов, также исцеленный преподобным. Н. А. Мотовилов записал замечательное поучение прп. Серафима о цели христианской жизни. В последние годы жизни прп. Серафима один исцеленный им видел его стоявшим на воздухе во время молитвы. Святой строго запретил рассказывать об этом ранее его смерти.

Все знали и чтили преподобного Серафима как великого подвижника и чудотворца. С 1831 года преподобный многим

предвозвещал о предстоявшем голоде, и по его совету в Саровской обители сделали запас хлеба на шесть лет, вследствие чего спаслись от голода.

За год и девять месяцев до своей кончины о. Серафим сподобился еще посещения Богоматери. Посещение было ранним утром в день Благовещения, 25 марта 1831 года. Записала его и подробно сообщила дивная старица Евдокия Ефремовна (впоследствии мать Евпраксия). «Это явление продолжалось четыре часа. Впереди шли два Ангела, держа один в правой, а другой в левой руке по ветке, усаженной только что расцветшими цветами. Волосы их, похожие на золотисто-желтый лен, лежали распущенными на плечах. Одежда Иоанна Предтечи и апостола Иоанна Богослова была белая, блестящая от чистоты. Царица Небесная имела на Себе мантию, подобную той, какая пишется на образе Скорбящей Божией Матери, блестящую, но какого цвета – сказать не могу, несказанной красоты. Волосы Ее были распущены, лежали на плечах и были длиннее и прекраснее ангельских. За Ней шли девы в венцах, в одеждах разного цвета и с распущенными волосами. Они стали кругом всех нас. Царица Небесная была в середине. Келлия батюшки сделалась просторная, и весь верх исполнился огней, как бы от горящих свечей. Свет был особый, непохожий на дневной свет и светлее солнечного. Взяв меня за правую руку, Царица Небесная изволила сказать: «Встань, девица, и не убойся нас. Такие же девы, как ты, пришли сюда со Мною». Я не почувствовала, как встала. Царица Небесная изволила повторить: «Не убойся, мы пришли посетить вас». Батюшка Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах перед Пресвятой Богородицей, и Она говорила столь милостиво, как бы с родным человеком. Девы все говорили: «Не так Бог даровал нам эту славу, а за страдание и за поношение; и ты страдаешь». Пресвятая Богородица много говорила батюшке Серафиму, но всего не могла я расслышать, а вот что слышала хорошо.

«Не оставь дев Моих дивеевских», – говорила Богородица. Отец Серафим отвечал: «О, Владычица! Я собираю их, но сам собой не могу их управить». На это Царица Небесная ответила:

«Я тебе, любимиче Мой, во всем помогу. Возложи на них послушание, если исправят, то будут с тобою и близ Меня, а если потеряют мудрость, то лишатся участи сих ближних дев Моих, ни места, ни венца такого не будет. Кто обидит их, тот поражен будет от Меня; кто послужит им ради Господа, тот помилован будет пред Богом». Потом, обратясь ко мне, сказала: «Вот посмотри на сих дев Моих и на венцы их; иные из них оставили земное царство и богатство, возжелав Царства вечного и Небесного, возлюбивши нищету самоизвольную, возлюбивши единого Господа, и за то, видишь, какой славы и почести сподобились. Как было прежде, так и ныне. Только прежние мученицы страдали явно, а нынешние – тайно, сердечными скорбями, но мзда им будет такая же». Видение кончилось тем, что Пресвятая Богородица сказала о. Серафиму: «Скоро, любимиче Мой, будешь с нами» – и благословила его. Простились с ним и все святые: девы целовались с ним рука в руку. Мне сказано было: «Это видение тебе дано ради молитв о. Серафима, Марка, Назария и Пахомия». Батюшка, обратясь после этого ко мне, сказал: «Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас, убогих. Мне таким образом уже двенадцатый раз было явление от Бога, и тебя Господь сподобил. Вот какой радости достигли! Есть нам почему веру и надежду иметь ко Господу. Побеждай врага диавола и противу его будь во всем мудра. Господь тебе во всем поможет».

Преподобный Серафим заметно стал слабеть и говорил многим о близкой кончине. В то время его часто видели у гроба, стоявшего в сенях его келлии и приготовленного им для себя. О. Серафим сам отмерил себе сбоку алтаря Успенского собора могилу и на вопрос брата: «Почему мы, батюшка, не имеем такой строгой жизни, какую вели древние подвижники благочестия?» – ответил: «Потому что не имеем к тому решимости. Если бы решимость имели, то и жили бы так, как отцы, древле просиявшие подвигами и благочестием, потому что благодать и помощь Божия верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая была и прежде, ибо, по слову Божию, *Иисус Христос вчера и днесь той же и во веки* (Евр. 13, 8)». Эта глубокая и святая истина, которую о. Серафим уразумел из

опыта собственной жизни, была, так сказать, заключительным словом его уст и печатью его подвигов.

1 января 1833 года прп. Серафим в последний раз пришел в больничную Зосимо-Савватиевскую церковь к литургии и причастился Святых Таин, после чего благословил братию и простился, сказав: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днесь нам венцы готовятся». 2 января келейник преподобного, отец Павел, в шестом часу утра вышел из своей келлии, направляясь в церковь, и почувствовал запах гари, исходившей из келлии преподобного. В келлии святого всегда горели свечи, и он говорил: «Пока я жив, пожара не будет, а когда я умру, кончина моя откроется пожаром». Когда двери открыли, оказалось, что книги и другие вещи тлели, а сам преподобный стоял на коленях перед иконой Божией Матери Умиление со сложенными крестообразно руками, с медным Распятием, но уже бездыханный.

Желая дать возможность почитателям проститься с преподобным, лежащим уже во гробе, восемь суток оставляли почившего непогребенным. Он лежал в Успенском соборе, и в это время ко гробу его стекались тысячи жителей из окрестных мест и соседних губерний.

В 1891 году над гробницей преподобного была выстроена часовня. У раки с его святыми мощами совершались многочисленные знамения и исцеления.

29 января 1903 года Святейший Синод Российской Православной Церкви вынес свое решение: «Благоговейного старца Серафима, почивающего в Саровской пустыни, признать в лике святых, благодатию Божией прославленных, а всечестные останки его – святыми мощами». Этим собственно актом и начинаются дни подготовительные к торжеству открытия мощей, совершить которое было поручено митрополиту Петербургскому Антонию с сонмом особо назначенного духовенства.

Митрополит Петербургский Антоний прибыл в Саров к 3 июля, и в этот день гроб с останками прп. Серафима был перенесен с места его упокоения в больничную церковь свв. Зосимы и Савватия, в алтаре которой и предположено было

совершить омовение чесных мощей о. Серафима. Это перенесение не ускользнуло от взора скопившихся уже в Сарове богомольцев и произвело на всех глубокое впечатление. Гроб был установлен посредине храма. Митрополит Антоний по неотступной просьбе усердствующих паломников благословил допускать на некоторое время народ ко гробу преподобного. Затем гроб был внесен через северные двери в алтарь и здесь было совершено омовение и переложение мощей в новый кипарисовый гроб. Участие в омовении принимали: архимандрит Серафим (Чичагов), ключарь Тамбовского кафедрального собора священник Т. Пospelов, иеромонах саровский – благочинный монастыря, под личным руководством митрополита Антония.

Присутствовавшие при открытии крышки гроба свидетельствуют, что честные мощи преподобного были завернуты в момент погребения в монашескую мантию, а на голове его был возложен войлочный куколь. Отец Серафим лежал в гробу на дубовых стружках, отчего все содержимое в гробу ввиду дубильных свойств – и самые честные мощи, и седые власы на голове, бороде и усах, и все одеяние преподобного: белье, холщовый подрясник, мантия, епитрахиль и куколь – все окрасилось в один цвет, напоминающий корку черного ржаного хлеба.

Известно также, что с самого начала омовения чесных мощей в алтаре стало распространяться ясно ощутимое всеми присутствовавшими благоухание, запах цветов гвоздики и душистого липового меда. Июльский день был ясный, солнечный, жаркий и церковные окна были открыты настежь. Думалось, что где-нибудь поблизости косят траву и этот аромат производится скошенными цветами и свежим сеном.

После переложения святых мощей прп. Серафима в новую гробницу митрополит Антоний на некоторое время отбыл из Сарова. За время его отсутствия заканчивались все строительные и другие работы. Для богомольцев были выстроены вне стен обители целые корпуса и лавки для продажи съестных припасов. Чрезвычайно пеструю и живописную картину представляли все эти богомольцы,

пришедшие насладиться духовным торжеством. Множество людей собралось сюда в надежде на благодатную помощь и исцеления.

Саров в эти дни жил напряженной жизнью. Всюду крестные ходы, ежедневные богослужения, непрерывные панихиды, молебны, люди говели, исповедывались, приобщались. А 17 июля распространилось известие о скором прибытии в Саров государя. Тысячи богомольцев расположились по пути царского следования плотной стеной. Приехал государь и тотчас же проследовал в церковь свв. Зосимы и Савватия, чтобы поклониться честным останкам преподобного.

Торжество прославления началось 18 июля в 6 часов вечера благовестом в большой колокол, созывающим богомольцев ко всенощному бдению, на котором прп. Серафим впервые стал ублажаться в лике святых.

Владыка-митрополит проследовал в Успенский собор, за ним вскоре вошла туда и царская семья. Богослужение уже отправлялось по вновь составленной службе преподобному Серафиму. После литии все зажгли свечи и начался крестный ход к церкви свв. Зосимы и Савватия за святыми мощами прп. Серафима. Гроб, установленный на носилках, высоко подняли над головами всех. Плавное, благоговейное вошел крестный ход в Успенский собор. Всенощная продолжалась, и при пении «Хвалите имя Господне» все служащие вышли на середину храма. Как только была открыта крышка гробницы, все преклонили колена и неудержимый порыв молитвенного восторга услышался в могучем пении первого величания преподобному Серафиму. Это была всенощная духовного восторга, умиления и ощущения особой милости Божией к людям. Богомольцы всю ночь приходили потом ко гробу, прикладывались к святым мощам, при этом было несколько случаев исцелений.

На следующий день, 19 июля, поздняя литургия началась в Успенском соборе в 8 часов утра. На малом входе, при пении «Приидите, поклонимся», архимандриты подняли гроб с середины храма, обнесли его вокруг святого престола, а затем положили в уготованную раку. Когда же кончилась литургия, из

собора последовал крестный ход. Народ так же, как и накануне, живой стеной стоявший по пути крестного хода, был охвачен сильным религиозным воодушевлением. Да и вся Россия, весь русский народ в этот день молитвенно был в Сарове.

Так торжественно совершилось обретение чесных мощей прп. Серафима, Саровского чудотворца. Память его Православная Церковь празднует 2/15 января – в день преставления и 19 июля/1 августа – в день обретения мощей.

Сильвестр Печерский, преподобный

Житие преподобного Сильвестра Печерского остается почти неизвестным. Подвизался он в XII столетии. Единственное, дошедшее до нас, свидетельство сообщает о нем, что он был игуменом Михайловского Выдубицкого монастыря в Киеве и что он продолжил труд летописца преподобного Нестора († ок. 1114; память 27 октября/9 ноября и 28 сентября/11 октября) и написал девять житий святых угодников Печерских. В службе отцам Печерским, почивающим в Ближних пещерах, преподобный Сильвестр называется блаженным и обладающим «чудесным даром прогонять бесовские прилоги» (9-я песнь канона). Преподобный Сильвестр погребен в Ближних пещерах, память его празднуется также 28 сентября/11 октября и во 2-ю неделю Великого поста.

Январь, 4

Ахилла, диакон Печерский, преподобный

Преподобный отец наш Ахила диакон (XIV в.), возлюбив от младенчества постническую жизнь и отвергши мир, пришел в Печерский монастырь, чтобы здесь угодить Господу. Здесь он принял на себя ангельский образ и проходил тесный путь иночества с великим терпением, послушанием и смирением. Воздержанием своим в пище и питии он превосходил многих подвижников, ибо он не вкушал ни сладкой, ни вареной пищи, зелие же употреблял весьма редко и то в малом количестве. Обыкновенно пищей его была одна просфора в неделю. Долгое время преподобный Ахила провел в затворе.

К заступничеству святого Ахилы прибегают жаждущие избавиться от «порабощения чревных страстей» (от чревоугодия) и желающие научиться воздержанию (3-я песнь канона преподобным, почивающим в Дальних пещерах).

Память преподобного Ахилы совершается также 28 августа/10 сентября (Собор преподобных отцов Киево-Печерских, в Дальних пещерах, преподобного Феодосия, почивающих) и в неделю 2-ю Великого поста (Собор всех преподобных отцов Киево-Печерских).

Январь, 8

Або Тбилели (Тбилисский), мученик

Мученик Або Тбилели (Тбилисский), араб по происхождению, жил в XIII веке в Багдаде и был изготовителем благовонных мазей. В возрасте 17–18 лет он оказался в Тбилиси, последовав за правителем Картли (Восточная Грузия) Нерсесом. Нерсес, будучи оговорен перед халифом, провел в Багдаде три года в заключении; освобожденный новым халифом, он взял с собой Або. В Тбилиси Або изучал грузинский язык. Своими добродетелями он заслужил общую любовь и уважение народа. Або стал изучать Священное Писание и все чаще посещать храмы Божии. Пребывая в посте и молитве, он искал удобного случая, чтобы принять святое крещение. В то время правитель Картли Нерсес вновь был оклеветан перед халифом и вызван в Багдад. Нерсес, желая избежать расправы, поехал на север, в Хазарию. В его свите из 300 человек оказался также Або.

В Хазарии он принял святое крещение. Через несколько месяцев, следуя за Нерсесом, Або оказался в Абхазии. Там он вел строгую подвижническую жизнь, постоянно размышлял над Священным Писанием, подолгу молился на церковных службах. О благочестивой жизни святого Або стало известно владетелю и епископу Абхазии. Он часто призывал святого Або для духовной беседы, удивляясь его глубокой вере и знаниям. Но, желая избежать мирской славы и подражая подвигу преподобного Антония Великого, святой Або предался безмолвию и лишь через три месяца, в день Светлого Воскресения Христова, прервал свое молчание, славя и проповедуя Воскресшего Спасителя.

Вскоре Нерсес решил вернуться в Тбилиси, и Або безбоязненно последовал за ним, хотя правитель Абхазии просил его остаться, опасаясь за его судьбу.

В Тбилиси, находившемся тогда под властью магометан, святой Або открыто исповедовал Христа Спасителя и тем навлек на себя мстительный гнев персов. Святой Або был заключен в темницу, а затем приведен на суд. Уговорами и

обещаниями всяческих богатств и почестей его пытались вернуть к магометанству. И когда увидели, что Або остается непреклонным, вновь бросили в темницу. На девятый день заточения Ангел Господень возвестил святому Або о близком дне его мученической смерти.

В третий час праздника Богоявления святой Або приобщился Святых Таин и вскоре был уведен стражниками на казнь. Надеясь страхом вынудить его отречься от Христа, святому трижды нанесли удар тупой стороной меча. Мученик остался непоколебим. Скончался он через усекновение честной главы в тот же день, в пятницу, 6 января 786 года (по другим источникам, 8 января 790 г.).

Тело святого Або было облито нефтью и сожжено на краю скалы на том месте, где позже была построена Тбилисская Метехская церковь. Господь послал на то место звезду, светящуюся как лампада, которая стояла в воздухе до трех часов ночи и более и освещала собой весь Тифлис. Кости святого Або были брошены в реку Куру под мост. На другой день, 7 января, они были прославлены удивительным столпом света, исходящим из воды, о чем свидетельствовал современник святого Або Иоанн Сабанисдзе, составивший его житие.

Григорий, затворник Печерский, преподобный

Преподобный Григорий подвизался в Киево-Печерском монастыре в XIV веке. Он прославился особенно подвигом воздержания и поста. Пищей ему во всю жизнь служило невареное зелие, а питием вода. Ночь проводил он в молитвах. За такие подвиги преподобный сподобился от Бога дара чудотворения. Все недужные, приходящие к нему с верой, вкушая зелие, которым он питался, получали исцеления.

Память преподобного Григория совершается также 28 сентября/11 октября и во 2-ю неделю Великого поста.

Григорий, чудотворец Печерский

Сей блаженный во время безмолвствования преподобного Антония († 1073; память 10/23 июля) в пещере пришел к преподобному Феodosию († 1074; память 3/16 мая), строившему тогда монастырь, и принял в 1064 году иноческий образ. Он отличался нестяжанием, смирением, послушанием и особенно подвигом молитвы. За свои подвижнические труды святой Григорий был удостоен от Бога благодатного дара изгнания бесов и других чудотворений. Неоднократно, искушая святого подвижника, враг посылал к нему недобрых людей. И однажды он научил, чтобы те украли все его имущество, хотя преподобный ничего не имел, кроме книг для чтения и молитвы. Воры пришли ночью в келлию Григория и, притаившись в ней, ждали, пока старец уйдет в церковь к утрени, чтобы потом взять его имущество. Но блаженный ощутил их приход, ибо не спал всю ночь, стоя на молитве посреди келлии. Тогда блаженный, желая привести воров к покаянию, стал молиться о них, говоря: «Боже, дай сон рабам Твоим, которые напрасно пришли сюда, угождая врагу диаволу». Господь услышал его молитву. Воры заснули и проспали пять дней и пять ночей, пока блаженный при многих братьях не разбудил их, говоря: «Доколе еще будете всуе стеречь, чтобы украсть мое имение? Уже пора, идите по домам своим». Они же, вставши, не могли идти, ибо не принимали пищи столь долгое время. Тогда блаженный поставил перед ними брашно и, напившись, отпустил их.

Узнав об этом, властелин города приказал мучить воров. Когда рассказали о том преподобному Григорию, то он сильно опечалился и, придя к властелину, дал ему некоторые свои книги и просил освободить воров; остальные все свои книги преподобный продал и деньги раздал убогим, говоря: «Это для того, чтобы еще кто не впал в беду, желая обокрасть меня». Пораженные таким чудом, воры уже не возвращались больше к своим нечестивым делам, но с покаянием пришли в тот же Печерский монастырь и здесь работали с братией.

Но враг не оставил своего злого начинания. Блаженный Григорий имел небольшой огород, в котором сеял зелие и сажал плодовые деревья. И вот, по наущению врага дьявола, пришли другие воры и наполнили овощами свои мешки. Когда же они хотели уйти, то вдруг не могли двинуться с места и так стояли два дня и две ночи, угнетаемые ношей. Наконец они начали кричать: «Отче, святой Григорие,пусти нас, мы покаемся в грехе своем и больше никогда не будем воровать». Черноризцы, услышав это, пришли и хотели их свести с того места, но не смогли. Тогда иноки спросили их: «Как вы сюда пришли?» Воры же отвечали: «Уже два дня и две ночи стоим мы здесь». Черноризцы сказали: «Мы каждый день приходили сюда и не видели вас, стоящих здесь». «И мы, – отвечали воры, – если бы видели вас здесь, то просили бы у вас со слезами ходатайства ко святому старцу. Но вот мы уже изнемогли теперь и потому просим вас: молитесь чудотворца святого, да отпустит нас». Тогда пришел преподобный Григорий и сказал им: «Так как вы праздны всю жизнь и, занимаясь кражей чужого имущества, сами не хотите трудиться, то вот стойте теперь праздными до конца жизни вашей». Они же со слезами стали молить старца отпустить их, обещая больше не заниматься такими делами. Сжалившись над ними, старец сказал: «Если будете трудиться и от труда вашего питать и других, то отпущу вас». Воры тогда с клятвой ответили: «Никогда, отче, не преслушаем тебя». – «Благословен Бог, укрепивший вас! Отселе будете работать на святую братию и от труда вашего приносить все нужное им на потребу», – и затем отпустил их. С этого времени воры эти работали и в огороде преподобного, и в оградах монастыря до конца своей жизни.

Покусился враг дьявол и в третий раз приступить к блаженному тоже через воров. Однажды пришли к преподобному три человека. Искушая его, они стали просить его помощи, и двое из них, указывая на третьего, ложно говорили: «Отче! Сей друг наш осужден на смерть. Молим тебя, дай ему что-либо, дабы искупил себя от смерти». Блаженный, провидя духом, что ложь их сбудется, прослезился жалостно и сказал: «Горе человеку сему, ибо настал день его гибели». Они же

отвечали: «Отче! Если ты дашь ему что-либо, то он не умрет». Говоря это, они помышляли полученное разделить между собою. Чудотворец, провидя духом, сказал: «Если и дам вам, то он все же умрет. Однако скажите мне: на какую смерть он осужден?» Они отвечали: «Он будет повешен на дереве». «Хорошо рассудили, – сказал прозорливец, – ибо завтра сбудется это». Сказав это, он сошел в пещеру, где обычно творил молитву и, принеся оттуда книги, отдал их просившим, говоря: «Возьмите это, а если оно будет вам не нужно, то возвратите мне». Они взяли книги и, выйдя, смеялись над преподобным, говоря: «Продадим это и разделим вырученное между собою». Проходя затем мимо огорода преподобного и, видя плодовые деревья, они сговорились между собою: «Придем в эту ночь и унесем все плоды». С наступлением ночи вору пришли; Григорий же в это время молился в пещере. Они затворили наружную дверь пещеры, где был старец, и один из них, которому преподобный предсказал повешение, влез на дерево, собирая плоды. И вот ветвь, за которую он держался, обломилась. Он начал падать, а те двое, устранившись, бежали. Падающий же, зацепившись головой за ветви, повис и удавился. Между тем св. Григорий, затворенный в пещере, не мог прийти к утрени в церковь. Братия, выйдя после утрени из церкви, отправились к преподобному, желая знать причину необычного для него отсутствия в церкви. И с ужасом они заметили на дереве висящего мертвого человека. После долгих поисков святого старца они нашли его затворенным в пещере. Выйдя из пещеры, прп. Григорий приказал снять висящего с дерева и затем, увидев в толпе смотревших друзей мертвеца, сказал им: «Смотрите, как окающая ваша ложь сделалась правдой; ибо *Бог поругаем не бывает* (Гал. 6, 7). Если бы вы не затворили меня, то я пришел бы и помог ему, и он бы не умер». Они, видя исполнение словес блаженного, пали к ногам его, прося прощение. В наказание преподобный осудил их на работы Печерскому монастырю, дабы трудам они добывали хлеб свой и от трудов своих питали других. Здесь они и умерли, трудясь вместе с братией.

Блаженная кончина преподобного Григория последовала в 1093 году. Случилось однажды, что монастырский сосуд был осквернен нечистым животным. Для очищения этого сосуда блаженный пошел к Днепру почерпнуть здесь воды. В то же время пришел сюда князь Ростислав Всеволодович, намереваясь зайти в Печерский монастырь ради молитвы и благословения, ибо в то время он хотел вместе с братом своим Владимиром Мономахом идти войной против половцев. Слуги Ростислава, видя старца, начали смеяться над ним и досаждают срамными словами, наваемые врагом диаволом. Старец, пророчески провидя духом, что близок час их смерти, сказал им: «О, чада! Если вам нужна молитва, то зачем вы творите злое и неугодное Богу? Плачьте о своей гибели и кайтесь о своих согрешениях, чтобы получить отраду в страшный день; ибо для вас скоро наступит суд: все вы будете потоплены в воде вместе с князем вашим». Слыша это и считая слова преподобного не за пророчество, а за насмешку, Ростислав сильно разгневался: «Мне ли, умеющему хорошо плавать, предсказываешь ты смерть от воды! Сам ты примешь эту смерть». И тотчас, не имея страха Божия в сердце, он приказал связать старцу руки и ноги, повесить на шею камень и бросить его в воду. Так был потоплен преподобный чудотворец. Между тем братия искали его два дня и не находили. Придя в третий день к келлии и войдя в нее, нашли преподобного здесь мертвого, связанного по рукам и ногам, с камнем на шее. Одежды его были мокры, а лицо светлое, и все тело как бы живое. Все удивились столь великому чуду: каким образом и кем был перенесен сюда старец, так как и келлия была закрыта. Воздавши хвалу Богу, творящему чудеса во святых Своих, братия вынесли чудотворные мощи и положили их в пещере, где пребывают они и доныне нетленными.

Ростислав, не сознавая своей вины и дыша яростью, не вошел в монастырь, как хотел сначала, и, не приняв благословения, удалился. Владимир же Мономах, брат его, зашел в монастырь и получил благословение. Во время битвы у Триполя, перейдя реку Стугну, князья были побеждены половцами. Владимир, брат Ростислава, ради молитв и

благословения Печерских святых, спасся, а двадцатилетний князь Ростислав со всем воинством на глазах у своего брата был потоплен в реке Стугне. Так исполнилось предсказание преподобного Григория чудотворца: «в нюже меру мери злый убийца, возмерися ему».

Григорий чудотворец скончался в 1093 г. и погребен в Ближних пещерах. Память ему совершается также 28 сентября/11 октября и во 2-ю неделю Великого поста.

Исидор Пресвитер, священномученик и с ним 72 мученика в городе Юрьеве Ливонском

Благоверный великий князь Ярослав, во святом крещении нареченный Георгием, сын святого равноапостольного великого князя Владимира, в 1030 году покорил своей власти чудское племя, жившее в пределах Новгородских и Псковских, потом на реке Омовже (или Эмбахе) основал город и выстроил в нем церковь во имя святого великомученика Георгия. И было наречено имя городу Юрьев. С половины XII века стали проникать в эту землю морем католики немцы, начали там селиться и, укрепившись, овладели ею, так как в Русской земле были тогда междоусобия и нестроения. Поработивши местных жителей-язычников, немцы более силою, нежели волею, обратили их в латинскую веру, которую сами содержали, и вместе с тем начали притеснять живших среди них православных христиан.

Во дни великого князя московского Иоанна III Васильевича православные христиане, бывшие под властью немцев, имели в городе Юрьеве Ливонском в русском конце две церкви: святителя Николая Чудотворца и святого великомученика Георгия. Служили в тех церквах два пресвитера: один – именем Иоанн, по прозванию Шестник (то есть пришлец), из Московской земли, а другой – Исидор. Когда же немцы то ласками, то угрозами начали увлекать в латинство живущих в городе православных, тогда священник Иоанн, прослуживший в Юрьеве всего два с половиной года, ушел оттуда в Псков и вскоре после этого, приняв иночество с именем Ионы, основал в Псковской земле, на границе с Ливонией, Псково-Печерскую обитель, где прожил свято, сподобился блаженной кончины о Господе. Исидор же остался в Юрьеве и имел с немцами большие прения о православной вере. Нередко укорял он иноверцев, внушая им отступить от веры латинской, или римско-католической, и присоединиться к Православию.

В 1472 году вооружились латины на православных – решили воздвигнуть гонение на богоспасаемый град Псков и

подвластное ему православное население, чтобы насадить среди него латинскую веру, утверждаясь главным образом на правилах Флорентийского собора, положившего насильственно восстановить единение Церквей. Между тем уже многие годы пресвитер Исидор беспорочно служил при храме святителя Николая Чудотворца, как звезда, сияя между христианами своей паствы. И вот старейшина города Юрьева, немец по имени Юрий, прозванием Трясиголов, восстав на Исидора и на христиан православных, клеветал на них бискупу Андрею и городским начальникам латинской веры и всем посадским людям Ливонской земли, говоря, будто слышал он от иерея русского и всей его паствы хулу на веру латинскую и служение на опресноках и похвалу одной только греческой вере. Таким образом он возбудил ярость в бискупе и вельможах, и латины с того времени искали, как бы истязать православных христиан города Юрьева.

Настал праздник Богоявления Господня – 6 января 1472 года. Пресвитер Исидор вышел со всеми православными на реку Омовжу с честными крестами освятить воду. Там, на водах богоявленских, немцы, посланные от бискупа и от старейшин, захватили Исидора, учителя христианского, и бывших с ним мужей и жен и, как волки лютые, повлекли их к бискупу и судьям городским. Великое было истязание на судилище добрым воинам Христовым о вере их, от которой их принуждали отречься. Но Исидор и все православные с ним исповедники как бы едиными устами сказали, обращаясь сначала к бискупу, потом ко всем судьям своим: «Не буди то, враг истины, чтобы нам, православным, отречься от Христа истинного и веры Православной; не пощадим телес наших за Христа Бога, сколько бы ты нас не мучил; но вас, нечестивые, умоляем: пощадите души свои Господа ради, ибо и вы создание Божие».

Тогда с великим дерзновением обличал Исидор латинские лжеумудрования и отступления от истины христианской. Разгневанный бискуп ввергнул православных в темницу, а всех державцев местных пригласил из окрестных замков, якобы для суда над православными. Пока они собирались, святой Исидор поучал в темнице дружину свою.

«Братия и чада, – говорил он, – Господь собрал вас со мною на подвиг сей духовный, желая увенчать вас от вседержительной руки Своей неувядаемыми венцами; вы же, братия, добре пострадайте от беззаконных, без всякого сомнения, и не убойтесь горьких сих мук, ниже ослабевайте, зане супостат ваш диавол, *яко лев, рыкая, ходит, иский кого поглотити* (1Пет. 5, 8), то есть уловить от веры Православной. Станем в ней неподвижно, как добрые воины, против его козней, ибо Сам Господь сказал: *Аще Мене изгнаша, и вас изженут: аще слово Мое соблюдоша, и ваша соблюдут. Но сия вся творят вам за имя Мое, яко не ведут Пославшаго Мя. Егда же приидет Утешитель, Егоже Аз пошлю вам от Отца, Дух истины, Иже от Отца исходит, Той свидетельствует о Мне. И вы свидетельствуете, яко искони со Мною есте* (Ин. 15, 20, 21, 26, 27). Так, братия, говорил Христос ученикам Своим, так же говорит Он и нам, если кто имени Его ради постраждет до крови, то есть до смерти. И вы, братия мои возлюбленные, не оставляйте меня, но пострадайте вместе со мною и не прельщайтесь вожделениями мира сего, но будьте великими мучениками Христовыми в роде сем».

Потом святой Исидор с дружиной своей, став в темнице лицом к востоку, начал петь и молиться со слезами и с воздыханием сердечным; причастился сам запасными Дарами Святых Животворящих Таин и причастил всех бывших с ним мужей, жен и детей. Все исполнились духовной радости, и благоговейный пресвитер поучал их еще о воздаянии благ вечных за благие дела и о вечных муках за дела тьмы. «Ни один из вас, – сказал он дружине своей, – от мала до велика да не страшится угроз и самых мук да не убоится, но добре постраждет за Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа, и примем почеть страдания нашего в день судный».

Потом все единодушно громким голосом воспели церковную песнь в честь мучеников: «Святии мученицы, иже добре страдалчествовавши и венчавшиися, молитесь ко Господу спастися душам нашим».

Посланные от бискупа и судей городских пришли в темницу и, извлеки их оттуда, поставили на судилище, на место,

называемое у них ратуша, для скорого испытания перед бискупом и всеми латинами, которые собрались на это зрелище. Как солнце со звездами, стоял пред ними исповедник Исидор со своей дружиной. Сперва ласкательными словами старался бискуп приклонить исповедников Православия к своей вере. Обращаясь к Исидору, как к наставнику и руководителю паствы, а затем ко всем его пасомым, бискуп говорил: «Только послушай меня и посадников града сего перед многими немцами, которые сошлись из окрестных замков моей державы; приимите честную веру нашу, которая одна с вашей, и опресночное служение и не губите себя; будьте присными братьями нам и участники нашего богатства. Если хотите, держите опять свою веру; только теперь повинитесь предо мною и пред судьями и пред немцами».

Но мужественные исповедники отвечали бискупу: «Что ищешь уловить нас льстивыми речами? Не можешь ты отклонить нас от истинной веры христианской; твори над нами, что хочешь; вот мы пред тобою и повторяем тебе то же, что говорили прежде».

Тогда суровый бискуп вместе с другими судьями, как змеи, распалившись яростью на православных, велел их в той одежде, в какой они были, ввергнуть в реку Омовжу, а самого Исидора, облекши в иерейские священные одежды, бросил в самую Иордань, где освящал он воду в день Богоявления. Так поступили с ним, как со злодеем, казнили лютой смертью за православную веру Христову. Всех страдальцев, считая учителя их Исидора, было 73. Они предали свои чистые души в руки Бога Живаго и увенчались нетленными венцами.

Было же при страдании их и таковое дивное зрелище. В числе православных ведена была юная мать с трехлетним младенцем на руках, который был прекрасен лицом. Нечестивые немцы взяли младенца из рук матери, ее же бросили в реку. Видя свою мать потопляемую с блаженными мучениками, младенец начал плакать на руках мучителей, и сколько ни старались они успокоить его, рвался из рук их, терзая их лица. Тогда жестокие мучители бросили его подле проруби. Младенец же, подползши к самой проруби, трижды

перекрестился и, возрев на предстоящий народ, сказал: «И я христианин, верую в Господа и хочу умереть, как и учитель наш Исидор и моя мать».

Сказав это, он бросился под лед. Так пострадал за истину младенец, как некогда мученик Христов младенец Кирик, исповедовавший Господа на коленях мучителя при виде страданий своей матери Иулитты и вместе с нею восприявший мученический венец.

Настала весна. Разливавшаяся река Омовжа выступила из берегов своих; тогда явились и тела всех исповедников Христовых за три поприща от города Юрьева, вверх по реке, под деревом у горы, ничем не поврежденные, как бы положенные людьми на восток лицом; пресвитер же Исидор лежал посреди них во всем облачении священническом. Так прославил Господь святых Своих угодников. Тогда православные гости (купцы) города Юрьева взяли мощи страдальцев и честно погребли их в городе, около церкви чудотворца Николая, где будут почивать они до Второго Пришествия Христова.

Чтить память священномученика Исидора и его сомучеников начали рано, не позже половины XVI столетия. Но причислены они Церковью к лику святых лишь в 1897 году. Тогда же постановлено по благословению Святейшего Синода праздновать их память местно; и первое празднование святым мученикам торжественно совершено было 8 января 1898 года.

Январь, 9

Филипп митрополит – перенесение честных мощей святого в Москву

Спустя шесть лет после открытия мощей святителя Филиппа, а именно в начале 1652 года, по желанию царя Алексея Михайловича церковным собором было постановлено перенести мощи святителя Филиппа из Соловецкого монастыря в Московский Успенский собор. Думают, что эту мысль подал царю Никон, митрополит Новгородский, бывший впоследствии Патриархом Всероссийским. Тогда же решено было почтить память двух других первосвятителей Московских – Иова и Гермогена, перенеся в Успенский собор их останки. В жизни и деятельности названных иерархов была та общая черта, что они были твердыми защитниками Церкви и государственности в смутные годы нашей истории, а два из них и скончались мучениками во исполнение слов Спасителя: *Пастырь добрый душу свою полагает за овцы* (Ин. 10, 11).

Святой митрополит Филипп, восставший против опричнины и жестокости царя, послан в заключение в Тверской Отрочь монастырь и там задушен Малютой Скуратовым. Иов, первый патриарх Российской Церкви, за противодействие самозванцу с позором был низведен им с патриаршего престола и заключен в Старицкий монастырь, где он и скончался 19 июня 1607 года. Наконец, патриарх Гермоген, неустрашимый борец против врагов Церкви и отечества во время нашествия поляков на Москву, был уморен ими голодом и скончался 17 января 1612 года, после десятимесячного заключения в Московском Чудовом монастыре.

Сам престарелый патриарх Иосиф торжественно перенес гробницу патриарха Гермогена в Успенский собор. За гробом патриарха Иова был послан другой старец, митрополит Ростовский Варлаам. С первых же дней Великого поста начались большие приготовления к отправлению посольства на Соловки за мощами святителя Филиппа. Во главе посольства было приказано ехать митрополиту Никону, другу царя, к митрополии которого к тому же принадлежала тогда Соловецкая

обитель. Сопровождать митрополита назначен был князь Иван Никитич Хованский и многочисленная свита из духовенства и государевых служилых людей. Многие бояре и сами спешили испросить себе отпуск на Соловки помолиться. По приказанию государя для чудотворцевых мощей был приготовлен на казенном дворе бархатный покров. Более недели прошло в приготовлениях. Наконец, 11 марта, в четверг на второй неделе Великого поста, состоялись торжественные проводы митрополита Никона в Соловки. В Успенском соборе был отслужен молебен, на котором присутствовал сам государь, и Никон с своей свитой в тот же день выехал из Москвы.

Предстоял дальний и небезопасный путь, вследствие ожидавшегося вскрытия рек и бурности Белого моря. Действительно, 15 мая, на второй же день морского плавания, в которое Никон со своей свитой отправился на десяти больших лодках, поднялась страшная буря. Суда были сорваны с якорей и с изодранными парусами носились по морским волнам, пока не были выброшены на берег. А одна ладья (дьяка Леонтьева) после этой бури была найдена плавающей в море разбитая пополам, так что не оставалось сомнения в том, что все ехавшие в ней потонули; в числе погибших оказались игумен, несколько священников и старцев, отправленных в свите Никона. Но это печальное событие не могло утратить Новгородского владыку, человека с несокрушимой силой воли. Оправившись несколько на суше от морского крушения, он пересел на другие суда, как только они были готовы, и не медля продолжал путь.

3 июня московское посольство наконец достигло Соловецкого острова, где в обители преподобных Зосимы и Савватия хранились, как бесценное сокровище, честные мощи страдальца Христова Филиппа. Митрополит Никон немедленно отправился в соборную церковь Преображения Господня и отслужил благодарственный молебен по случаю прибытия на Соловецкий остров. После молебна Никон обратился к монашествующей братии с речью. Упомянув о подвигах и страдальческой кончине святителя Филиппа, он сообщил, что «благочестивый царь Алексей Михайлович по совещанию с

благоверною своею царицею и отцом своим Святейшим Патриархом вознамерился возвратить мощи святого митрополита Филиппа в свой царственный град, да водворится опять на первопрестолии своем, в дому Пресвятыя Богородицы, и да разрешит своим пришествием грех прадеда его царя Иоанна. Послал же нас государь, – заключил свою речь Никон, – во святую сию обитель и велел нам, богомольцам своим, купно с вами молить о том Христа Бога и святого отца Филиппа, чтобы Господь Бог сподобил, а святой Филипп соизволил, в царствующий град прийти на престол своего святительства». По окончании речи Никон показал братии привезенные с собою грамоты святому Филиппу от царя и патриарха и тут же положил их в раку святителя. Затем назначил всеобщий трехдневный пост и усиленные всенощные моления.

По прошествии трех дней, накануне Духова дня, было торжественно отслужено праздничное всенощное бдение с приложением канона святителю Филиппу, а в самый праздник (7 июня) – перед литургией молебен с водосвятием. По окончании литургии митрополит Никон, став на амвоне перед собравшейся братией, во всеуслышание прочел оба послания к святителю Филиппу. «Молебное послание» царя Алексея Михайловича сохранилось в полном виде. Приводим его в переводе на современный язык.

«Христову подражателю, небесному жителю, вышеестественному и Ангелу во плоти, лучшему и премудрому духовному учителю вашему, пастырю же и молитвеннику, великому господину, отцу отцев, преосвященному Филиппу, митрополиту Московскому и всея Руси, по благоволению Вседержителя Христа Бога царь Алексей, чадо твое, молитвами святыми твоими здравствует. Ничто так не печалит моей души, пресвятой владыка, как то, что ты не находишься в нашем богохранимом царствующем граде Москве во святой великой и славной соборной апостольской церкви Успения Пресвятой, Пречистой и Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии вместе с бывшими до тебя и после тебя святителями, чтобы вашими совокупными молитвами пребывала неподвижно Святая Соборная и Апостольская

Церковь и вера Христова, которою спасаемся, и стадо нашей святительской паствы оставалось безопасным от губительных волков; ибо и мы крепки не своею силою и многооружным воинством, но Божией помощью, и вашими святыми молитвами все им на пользу устраивается. Еще молю тебя и желаю пришествия твоего сюда, чтобы ты разрешил согрешение прадеда нашего, царя и великого князя Иоанна, совершенное против тебя нерассудно, завистью, несдержанною яростью, ибо твое на него негодование как бы нас делает сообщниками его злобы. Хотя я и не повинен в досаждении тебе, но гроб прадеда постоянно убеждает меня, приводит в жалость; слушая о твоём житие и страданиях, мучаюсь совестью, что ты со времени изгнания твоего и доньше пребываешь вдали от твоей святительской паствы. И ради этого преклоняю сан мой царский за согрешившего против тебя, да отпустишь ему согрешение своим пришествием к нам, да подашь ему прощение и тем да уничтожится поношение, которое лежит на нем за твое изгнание. Пусть все уверятся, что ты примирился с ним ради благодати твоего к нам пришествия и пребывания во Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Молю тебя о сем и честь моего царства преклоню пред честными твоими мощами, повергаю к молению тебе всю мою власть, приди и прости оскорбившего тебя напрасно, ибо он тогда раскаялся в содеянном грехе. За его покаяние и за наше прошение приди к нам, святой владыко, так как уже оправдалось евангельское слово, за которое ты пострадал. *Если царство разделятся само в себе, не может устоять царство то* (Мк. 3, 24). Теперь у нас нет прекословящих словам твоим о сведениях Господних, и благодать Божия ради святых твоих молитв в нашем царстве всегда изобилует, нет уже ныне в твоей пастве никакого разделения; если бы оно было, не устояло бы доселе (царство) ради разделения. Но ныне все единомысленно просим и молим тебя: даруй себя желающим тебя, приди с миром восвояси, и свои тебя примут с любовью, и не вмени себе в некое искушение посылаемое нами моление! Ты знаешь, воистину, освященная главо, что нам это чуждо. Посему уповаем на Господа скоро тебя увидеть и облобызать ожидаемые нами

честные твои мощи. О, священная глава, святой владыко Филипп, пастырь наш! Молим тебя, не презри нашего грешного моления, прииди к нам с миром. Царь Алексей, желающий видать тебя и поклониться мощам твоим святым».

Умилительное послание набожного царя произвело на всех присутствующих сильное впечатление. Плач братии, сокрушавшейся при мысли о необходимости скоро расстаться со своей уважаемой святыней, не раз прерывал чтение привезенных грамот. И сам Никон не мог удержаться от слез, когда молил святителя, «яко да изволит отойти в царствующий град с миром».

Памятником скорби соловецких иноков до сих пор служит следующий гимн, сложенный ими на день проводов своего пастыря и учителя. «Не подобало бы тебе, о святитель Филипп, оставлять твоё отечество! Но должно к нам возвратиться, где ты духовно породился, где ты понес разнообразные труды богоносным отцам и где, наконец, воздвиг ты великолепные храмы во спасение иноков и к славословию Творца. Моли Того, помолись Тому о спасении душ наших».

Когда волнение несколько стихло, архимандрит с братией просили Никона об оставлении части святых мощей на благословение обители. Никон тотчас же согласился исполнить их просьбу и, «мало укрывшись», начал отделять часть святых мощей. В ту же минуту митрополит почувствовал чудесное благоухание, которые сподобились обонять и многие из предстоящих. Рака с честными мощами святителя Филиппа была поднята, поставлена на уготованный одр и покрыта привезенным из Москвы царским покровом. Затем при пении иноков и торжественном звоне колоколов ее понесли из собора на морское судно. Снова раздался неописуемый плач соловецкой братии. Многие из иноков от слез не могли даже идти и в изнеможении падали на пути. Но велика была радость самого митрополита и его свиты: им казалось, что и солнце в тот день светило ярче и воздух был благораствореннее. Когда святые мощи поставлены были на судно, а крестный ход возвратился в монастырь, Никон угощал братию трапезою от

царского имени и оделял подарками. К вечеру того же дня (7 июня) он отправился в обратный путь в Москву.

Обратное путешествие митрополита Никона из Соловков в Москву совершилось в один месяц и без особенных препятствий. Весь путь от берегов Белого моря до Москвы, путь которым святой Филипп возвращался в престольный град свой после осуждения, изгнания и мученической кончины, представлял из себя необычную и умилительную картину, ибо народ выходил всюду большими толпами с крестами и хоругвями, чтобы встретить и проводить святые мощи страдальца Христова.

Первую ночь пути Никон провел на острове Заяцком, где некогда святой Филипп устроил пристань и гостиницу для пловцов. Пробыв здесь два дня в ожидании погоды, 10 июня Никон отправился в море и во время плавания по нему только на несколько времени останавливался у острова Кия пред устьем реки Онеги, где он к своей радости нашел целым поставленный им еще в 1639 году крест в благодарность Богу за спасение от потопления во время морской бури. На Онежском устье, куда Никон со святынею вошел 11 числа утром, его уже давно ждали царские гонцы с важными письмами из Москвы.

В них царь Алексей сообщал своему любимцу, что по случаю кончины Святейшего Патриарха Иосифа «сделалась вдовствующею мати наша Соборная и Апостольская Церковь», и умолял его поспешить возвращением в Москву, чтобы поскорее приступить к избранию нового первосвященника, давая ясно понять Никону, что он хочет видеть его патриархом всея Руси.

Митрополит не мог ослушаться царского повеления и ускорил свой путь. Пересев на речные суда, отправились вверх по реке Онеге и 20 июня вечером достигли Каргополя. За версту от города святыне были встречены духовенством с крестами и множеством народа. В городе мощи были внесены в соборную церковь Рождества Христова, и митрополит Никон отслужил перед ними молебен. На другой день Никон совершил здесь литургию и после полудня продолжал плавание по рекам и озерам до пристани Волока-Короткого, откуда сухим путем

направился к Кириллову монастырю. В деревне Взвозе, принадлежащей названной обители, раку с честными мощами поставили опять в судно иплыли реками Шексною и Волгою до Ярославля, куда после пятидневного плавания и прибыли 30 июня. Здесь плавание должно было окончиться, и Никон, не теряя времени, продолжал дорогу сухим путем через Переяславль Залесский на Троице-Сергиеву лавру. 3 июля, не доезжая верст семи до обители преподобного Сергия, митрополит Никон остановился в ожидании царского указа; но так как никаких грамот от царя не было получено, то утром 4 июля, накануне дня обретения мощей преподобного Сергия, мощи свт. Филиппа были торжественно внесены в лавру и поставлены в соборе Живоначальной Троицы.

Никон служил здесь молебен и литургию и после обеда отправился далее, спеша согласно прежнему царскому указу скорее достигнуть Москвы. Но едва он успел отъехать шесть верст, как был встречен государевым стольником с запоздавшим царским повелением остановиться в Троице-Сергиевой лавре иждать здесь дальнейших распоряжений. Чтобы не возвращаться назад, Никон расположился ожидать повелений в селе Воздвиженском, в 12 верстах от Троицы. Святые мощи не были внесены в местную деревянную церковь за многолюдством стекавшегося отовсюду для поклонения им народа и за опасением пожара от множества горевших свечей, но были помещены под царским шатром.

Сюда же в село прибыли посланные царем для встречи и сопровождения святых мощей до Москвы митрополит Казанский Корнилий и Вологодский архиепископ Маркелл с духовенством и боярин князь Трубецкой со своей свитой.

Это новое почетное посольство прибыло в село Воздвиженское в ночь на 6 июля и утром 7-го, после молебна перед мощами святителя Филиппа, торжественное шествие снова и на этот раз уже не так поспешно направилось к Москве. Митрополит же Никон после проводов из Воздвиженского, согласно царскому повелению, отбыл вперед в Москву. 8 июля мощи святителя Филиппа были перенесены в село Ростокино и

поставлены в шатре близ церкви за невозможностью пронести их через узкие церковные двери.

Между тем в Москве готовилась царем великолепная встреча первосвятителю Христову. Она состоялась 9 июля.

Рано утром весь путь от Кремля до нынешней Крестовской заставы был занят толпами народа. Из Успенского собора вышел крестный ход. Во главе многочисленного духовенства и архиереев шли митрополит Никон и митрополит Варлаам Ростовский. За ними в богатейшем наряде с драгоценным посохом в руке шествовал сам царь, окруженный блестящей свитой.

Крестный ход был уже за Сретенскими воротами, у Напрудного, когда показалось шествие со святыми мощами, которые были приостановлены подле приходской церкви Троицы на Капельках, на месте, доныне называемом «у Креста», потому что в память описываемого события здесь поставлен дубовый крест, сохраняющийся и теперь в часовне. Тут произошло неожиданное и печальное событие. Престарелый митрополит Варлаам, несмотря на все убеждения царя, хотевший принять участие в торжестве, так изнемог от утомления, что, не успев достигнуть раки святителя Филиппа, сел в кресла и скончался. Отдав нужные распоряжения, государь поспешил навстречу святому Филиппу. Он пал на землю перед его нетленными останками и со слезами умиления благодарил Господа, давшего ему узреть мощи святого угодника Божия, возвращающегося со славою в первопрестольный град, откуда он так позорно был изгнан его царственным предком. После того рака со святыми мощами была принята царем и боярами на головы и шествие направилось через город к Кремлю. Оно живо описано самим царем в письме к одному воеводе.

Стечение народа по всему пути от Напрудного до кремлевских соборов было настолько велико, что «нельзя было и яблоку упасть». Среди пения и звона колокольного раздавались вопли бесчисленных больных, которые на коленях или лежа на одрах взывали к угоднику Божию о помощи. Произошло при этом несколько чудесных исцелений. При

встрече у Напрудного получила исцеление немая и бесноватая женщина, которая тут же стала говорить и сделалась совершенно здоровой. У Лобного места произошло другое чудо – исцеление девицы. Когда же святые мощи были поставлены на Лобном месте для молебна и сразу стали видимы даже стоявшим вдали, то все прослезилось, умиленные видом торжества, с которым пастырь, изгнанный напрасно, возвращается опять на свой престол. Медленно подвигаясь сквозь густые толпы народа, священная процессия достигла Кремля, где на площади у Грановитой палаты еще был исцелен слепой. Наконец, святые мощи были внесены в Успенский собор и поставлены на том самом амвоне, с которого святой митрополит Филипп при жизни раздавал благословение, поучал паству и обличал грозного царя. Тотчас же по внесении святых мощей в собор отслужена была Божественная литургия. Десять дней стояли мощи святителя Филиппа среди собора, переполненного с утра до вечера молящимися, и при них – неутомимый в своей ревности Никон, читавший молитвы над больными и благословлявший людей от имени новоявленного чудотворца. Все эти дни раздавался звон колоколов, как на святой неделе; радость была всеобщая.

Перед святыми мощами постоянно служили молебны, и от них изливались новые чудеса. Не было дня, пишет царь, чтобы кто-нибудь не получил исцеления; самое меньшее, когда в сутки исцелялось двое или трое, но было по пяти, шести и даже до семи чудесных исцелений, и не только болевшие восемь лет, но и двадцать и тридцать лет страдавшие всякими болезнями, кровоточивые и бесноватые, с равной легкостью исцелялись. Поразительный случай исцеления жены Стефана Вельяминова. Будучи слепой и глухой восемь лет, она кроме того страдала еще и головной болью. Страдания эти настолько усилились, что она уже велела читать отходную и забылась, но явился ей чудотворец и сказал: «Вели себя нести к моему гробу!» И как только ее принесли к мощам святителя Филиппа, она в тот же час прозрела, начала слышать, встала на ноги и, возблагодарив Бога и Его великого угодника, пошла домой вполне здоровой.

17 июля в Успенском соборе происходило особое празднество перед мощами святителя Филиппа по случаю их перенесения. Накануне этого дня торжественно отслужены были вечерня и всенощное бдение, а в самый праздник – литургия. На все богослужения выходил государь в праздничном наряде. Празднество закончилось обильным угощением у государя. Можно думать, что именно в этот день мощи святителя, переложённые в новую серебряную раку, были поставлены на приготовленное для них место – с правой стороны собора, близ иконостаса, у придела святого великомученика Димитрия Солунского. Здесь они находятся и доныне.

С этих пор память святителя Филиппа стала чествоваться особенно торжественно. День страдальческой кончины его, 23 декабря, праздновался в Москве соборным служением патриарха; не менее торжественно отправлялся и праздник 17 июля в честь перенесения мощей святого Филиппа. Но так как торжество 23 декабря ослаблялось службою наступавшего сочельника перед Рождеством Христовым, то иногда оно переносилось на Рождественские праздники и на первые числа января и даже на февраль месяц. Праздник в честь перенесения мощей святителя также переносился на другие числа июля и даже на август. Наконец, в 1661 году праздники в честь святителя Филиппа были окончательно перенесены по воле царя Алексея Михайловича с 23 декабря на 9 января и с 17 июля на 3 число того же месяца. В эти дни празднуются они и доныне.

Филипп, митрополит Московский и Всея Руси

Великий святитель Московский Филипп происходил из знатного и древнего боярского рода Колычевых, вышедшего из Пруссии в XIII веке.

Отец святого Филиппа, боярин Стефан Иоаннович, был важным сановником при дворе великого князя Василия Иоанновича (1505–1533) и пользовался его расположением и любовью. Не ослепляясь, однако, высоким саном, он отличался редкими душевными качествами: праведностью, мужеством и милосердием.

И супруга его Варвара, впоследствии принявшая иноческий сан с именем Варсонофии, была женщиной набожной и благочестивой. В своей жизни супруги Колычевы старались осуществить заповедь Господа о любви к ближним, а потому двери их дома всегда были открыты для братии Христовой – нищих, сирых и недужных.

11 февраля 1507 года у них родился первенец, которого они называли Феодором, – будущий митрополит Филипп.

Несомненно, родители Феодора приложили все старания к тому, чтобы дать своему сыну самое лучшее воспитание. Благочестивая мать вложила в чистую душу ребенка семена добра и благочестия. Когда же Феодор подрос, его отдали учиться грамоте. Книжное учение в школах того времени было преимущественно церковным и, следовательно, как нельзя лучше отвечало домашней подготовке отрока и общему направлению его воспитания. Феодор прилежно взялся за учение и вскоре его полюбил; не привлекали Феодора более ни шумные детские игры, ни веселия товарищей. Равнодушный к развлечениям мирским, богобоязненный отрок имел, однако, свои привязанности. С первых же шагов своего учения он полюбил чтение богослужебных книг Священного Писания, творений святых отцов и особенно жизнеописаний «прежде живших и досточудных мужей», откуда он почерпал уроки праведной жизни. Любил Феодор посещать храм Божий; с благоговейным вниманием прислушивался к умирительным

церковным песнопениям и всего более и более утверждался через это в своем стремлении к правде, к жизни по Божиим заповедям. Впрочем, живя в доме родителей, Феодор не чуждался и мирских занятий: вникал в житейские хозяйственные дела и скоро приобрел весьма большую опытность в домостроительстве. Это видно уже из того, что впоследствии на Соловках он явил себя образцовым хозяином.

Как сыну знатного боярина, Феодору предстояла высокая служебная деятельность. Его ждала служба государева в рядах воинских и должностях придворных. А для этого, конечно, недостаточно было одного книжного обучения: необходимо было изучать воинское искусство. Все это хорошо знали родители Феодора и с этой целью приставили к нему в качестве учителей особых слуг. Они должны были обучать Феодора верховой езде, уменью владеть оружием и другим воинским навыкам, без которых невозможно обойтись вступающему на службу боярскому сыну. Такие занятия, однако, были не по душе тихому юноше. Только из послушания воле родителей он исполнял все, что от него требовали воспитатели. Но ум его был устремлен к богомыслию, а все его старания были направлены не к тому, чтобы ловкостью и храбростью превзойти своих товарищей, но чтобы исполнить заповеди Господни. Целомудренный, скромный и обходительный со всеми Феодор не мог поэтому сойтись со своими сверстниками. Он бегал, как огня, ветреных и знатных юношей с их удалью и веселым проведением времени, предпочитая им людей пожилых и опытных, в беседах с которыми старался почерпать для себя душевную пользу.

Такая степенность не по летам, чрезвычайное благоразумие в поступках и другие добрые качества Феодора возбуждали всеобщее удивление и радовали его благочестивых родителей.

Когда Феодору исполнилось 26 лет, слух о благонравии юноши, принадлежащего к знатной фамилии, достиг двора царского. Имя Феодора Колычева сделалось известным самому великому князю Василию. Но вскоре последовала кончина Василия Иоанновича (3 декабря 1533 года). И только после воцарения малолетнего сына его Иоанна IV под опекою матери и бояр Феодор был призван на службу к царскому двору вместе

с другими детьми боярскими. За свои прекрасные качества он был скоро приближен к государю, который полюбил Феодора. Можно было даже заметить, что детская привязанность к нему государя постоянно усиливалась. Какая блестящая будущность ожидала впоследствии этого молодого придворного! И кто бы мог даже в более зрелом возрасте устоять перед соблазнами властолюбия. Но не могли прельстить Феодора его успехи в придворной жизни. Наоборот, здесь-то, при великокняжеском дворе, он увидел всю суету мира и непрочность земных благ; увидел, как трудно сохранить себя от козней боярских или легкости нравов, царившей при дворе.

Среди шума и блеска придворного Феодор жил одиноко с своими думами о вечном спасении и нисколько не изменился в образе жизни: не переставал быть кротким и мужественно отражал все соблазны, какие встречались ему на пути. С раннего детства настроенный набожно, научившись смирению, послушанию и целомудрию – этим главным обетам монашества, Феодор был уже недалек от решимости оставить мир и посвятить всего себя на служение Богу. Несомненно, поэтому он не вступал в супружескую жизнь в том возрасте, в котором, по обычаю времени, вступали другие. И вот вскоре настал час, когда сам Бог призвал его к жизни лучшей. Произошло это так.

Правление Елены Глинской полно было смутами и раздорами среди бояр. Самовластие ее любимца временщика князя Телепнева-Оболенского вызвало против себя возмущение государева дяди – князя Андрея Ивановича Старицкого. На поддержку его мужественно выступили вместе с другими и некоторые из бояр Колычевых. Однако дело князя Андрея не увенчалось успехом, и он принужден был сдаться, но вопреки клятвенному обещанию Оболенского в сохранении ему жизни и свободы Андрей был заключен в темницу, где и умер. Его приверженцы подверглись жестоким казням. Родной дядя Феодора боярин Иоанн Иоаннович Умной-Колычев был подвергнут пытке и заперт в темнице; трое других Колычевых биты кнутом и повешены.

Эти несчастные события не могли не подействовать на впечатлительную душу Феодора. Ему стало невыносимо

оставаться при дворе, и тут-то, быть может, он стал жалеть о том, что заранее не уклонился от всяких треволнений мира к уединенной монашеской жизни. В молитве в храме Божиим искал он успокоения.

Однажды в день воскресный, вскоре после описанных событий, в июне 1537 года Феодор был в церкви на литургии. Во время чтения Евангелия он услышал слова: *Никтоже может двема господинома работати: либо единого возлюбит, а другаго возненавидит: или единого держится, о другом же нерадити начнет: не можете Богу работати и мамоне* (Мф. 6, 24). Священные слова Евангелия, которые и ранее слышал Феодор, на этот раз поразили его: до такой степени они отвечали его внутреннему настроению и внешнему положению. Феодор принял их за внушение свыше, за лично к нему обращенный призыв Христа Спасителя, и его сердце возгорелось огнем любви Божественной. Тут же без колебаний и навсегда решил он удалиться от суетного мира, чтобы всего себя посвятить на служение Богу. Но куда было идти?

Еще в раннем детстве он слышал от многих благочестивых странников-богомольцев, что на отдаленном холодном севере, «на краю вселенная, во океанской пучине», есть остров Соловецкий. Пустынна его природа: мхи, да чахлые хвойные деревья растут на нем. Но зато процвела там обитель преподобных Зосимы и Савватия, славная строгостью жизни своих иноков. Туда-то и решил уйти пустыннолюбивый Феодор. Ему уже исполнилось в то время 30 лет. И вот, никому не открывая своего намерения, Феодор в последний раз посещает кремлевские соборы, преклоняет колена пред мощами великих чудотворцев и лобызает их, прося себе помощи и духовного водительства. «Господи, Боже мой, – так напутствовал он себя молитвой, – Просветитель и Спаситель мой и Защититель живота моего! Настави мя на путь Твой и пойду во истине Твоей».

Сменив пышное одеяние царедворца на грубые одежды простолудина, Феодор тайно оставляет Москву. Чтобы сразу порвать все связи с миром, он уходит даже не простившись с родными, как ни тяжело это было его нежной, любящей душе; и,

уходя, не берет с собой ничего, кроме одежды и небольшого количества хлеба.

Трудность пути по пустынным и болотистым местностям, покрытым дремучими лесами, и отдаленность цели путешествия не могли утешить Феодора и заставить его изменить своему намерению. Гораздо большим препятствием служило для него недостаточное знание дороги. И вероятно благодаря этому он уклонился в сторону от своего пути и вышел на равнину Онежского озера.

Здесь, в одной из многочисленных прибрежных деревень, по названию Хижи, он остановился на отдых и был радушно принят крестьянином Субботой. Рассказы о дальности Соловецкой обители, а может быть, невозможность продолжать путь по недостатку средств, побудили Феодора пожить у Субботы. Но чтобы не быть ему в тягость, он трудами рук своих платил за свое пропитание, усердно исполняя все возлагаемые на него работы. Видя трудолюбие и кротость неведомого странника, Суббота вскоре поручил ему пасти своих овец. И вот, свыше предназначенный быть пастырем стада словесного, по воле Божией стал пасти бессловесных.

Так прошло несколько времени. Изнуренные долгим путешествием силы Феодора окрепли; изменился и сам он, благодаря непривычному образу жизни; и нелегко было теперь узнать в нем прежнего царедворца. Ничто уже более не удерживало Феодора у Субботы. К тому же наступала бурная осень и льды могли на всю зиму прекратить сообщение с Соловками. Спеша к тихому пристанищу, Феодор простился со своим гостеприимным хозяином и снова отправился в путь.

Между тем родители Феодора, не зная, куда скрылся их любимый сын, искали его по всей Москве и окрестным городам и селам. И после напрасных поисков предались безутешной печали, считая его умершим.

Но Феодор был тогда уже далеко. Он плыл по морю к святой обители Соловецкой. Наконец, показалась и обитель. Феодор вышел на остров; его сердце исполнялось неизреченной радостью, когда он с благоговением вступал в селение великих

молитвенников и чудотворцев преподобных Зосимы, Савватия и Германа.

Помолившись перед раками преподобных, Феодор пошел к игумену, чтобы испросить у него благословение на жительство в монастыре.

Алексий, так звали игумена, был добрый и простодушный старец, но строго относился к обязанностям монаха. Он охотно принял пришельца, но наложил на него суровое послушание для приготовления к монашеской жизни.

Получив благословение от настоятеля, Феодор с покорностью принял возложенные на него послушания и, не ослабевая в усердии, проходил их более полутора лет. «Удивительно было видеть, – повествует его жизнеописатель, – как сын знаменитых и славных родителей, воспитанный в неге и покое, предавался таким суровым трудам: рубил дрова, копал и удобрял землю в огороде, носил камни, переносил большую тягость в рыбной ловле, работал на мельнице и все это делал с усердием». При беспрестанных трудах он не ослабевал духом от телесных немощей и не огорчался тем, что за труды свои вместо благодарности принимает от неразумных людей насмешки, ругательства и даже побои, ибо никто не знал в обители, кто он.

Тяжелый физический труд не мешал Феодору наложить на себя вместе с ним иго духовное. Он старался вникать в образ жизни соловецких иноков и, подражая в духовной жизни наилучшим из братии, приводил всех в удивление той решительностью, с какой отсекал подвижник от себя мирские привязанности.

Так проводил юный подвижник первое время своей монастырской жизни. Наконец, он просил игумена и братию о пострижении. Видя постоянные труды и послушание пришельца, игумен и братия с радостью исполнили его просьбу. Феодор был пострижен и наречен в монашестве Филиппом.

По уставу иноческому новопостриженный инок был отдан в послушание своему восприемнику – опытному в духовной жизни старцу Ионе Шамину, который в юности своей был другом и собеседником преподобного Александра Свирского и теперь

занимал должность духовника и уставщика в обители. Филипп поместился в келлии благочестивого старца и под его руководством начал подвизаться.

Вскоре же после пострижения новоначальный инок был послан служить на монастырской кухне. С усердием и в безмолвии трудился он здесь на пользу всей братии. Спустя несколько времени Филиппа перевели в хлебню; он и там не оставался праздным: рубил дрова, носил воду и делал все необходимое.

Несмотря на тяжелые работы в хлебне и поварне, Филипп никогда не оставлял богослужения. С первым же ударом колокола он являлся в храм монастырский и последним уходил из него. Мало того, возвратясь после дневных трудов в келлию своего наставника и после благочестивых бесед с ним, святой Филипп снова становился на молитву. Кто знает, сколько бессонных ночей проведены им в непрерывных стояниях! Когда же истощенное трудами и бдением тело требовало отдохновения, юный подвижник ложился отдыхать на голую землю, положив в изголовье камень. И Господь призрел на смиренного труженика, ободряя его в непосильных подвигах небесным покровом. В Преображенском соборе и теперь указывают икону Богоматери «Хлебенную», или «Запечную», по преданию, явившуюся Филиппу, когда он проходил послушание хлебопекаря.

Суровая подвижническая жизнь святого Филиппа не могла укрыться от общего внимания; все начали говорить о нем, как о примерном иноке, и весьма скоро своим смирением и благочестием он приобрел всеобщую любовь и уважение. А его наставник старец Иона, радуясь за своего ученика, пророчески предсказал о нем: «Сей будет настоятелем в обители нашей». Но всеобщая похвала не прельщала Филиппа. Он избегал даже и тени славы земной, от которой удалился в монастырь, боясь, как бы ради нее не лишиться Царства Небесного. Его душа искала уединения и пустынного безмолвия. С благословения игумена Филипп удалился из монастыря в глубину острова, в пустынный и непроходимый лес и стал там жить, незримый людьми. И немало лет провел святой Филипп в пустыне.

Навыкнув безмолвию и богомыслию в тиши уединения, он наконец возвратился в покинутую обитель для того, чтобы по-прежнему терпеливо трудиться вместе с братией.

Игумен Алексей давно уже обратил внимание на подвиги, смиренномудрие и рассудительность юного подвижника. Находясь теперь в преклонном возрасте, он сделал Филиппа своим помощником в делах управления монастырем, поручив ему надзор за начальными послушниками. И Филипп всеми силами старался оправдать доверие к нему настоятеля; через усердное исполнение его заповедей он стал его правой рукой и опорой в старости. С нежностью сына он покоил старца в болезнях и утешал его в скорбях.

Прошло девять лет иноческой жизни святого Филиппа. Отягченный недугами престарелый Алексей захотел сложить с себя должность настоятеля. Имея в виду достоинства Филиппа и общую любовь к нему братии, он открыл о своем желании передать ему управление монастырем; затем призвал и высказал свое желание иметь его преемником своим. Но тот и слышать не хотел о предлагаемой ему власти, считая по своему смирению более для себя приличествующим повиноваться, нежели наставлять других. Тогда игумен собрал на совет всю братию и сказал: «Я стар, и немощные силы мои требуют успокоения: кого бы вы вместо меня избрали себе настоятелем?»

На вопрос игумена все единогласно отвечали: «Нет лучше Филиппа к нашему наставлению, ибо никто не может сравниться с ним житием, разумом и опытностью».

После того Филипп не смел прекословить общему избранию и согласился на принятие сана игуменского. Алексей немедленно отправил грамоту к архиепископу Новгородскому Феодосию, в которой просил его от имени всей братии возвести Филиппа в сан игумена соловецкого. Грамоту доставили в Новгород несколько старцев, посланных от обители.

Приняв благословение архиепископа, они сказали ему: «Владыко святой! Собор Соловецкой обители молит тебя поставить нам в игумены посланного с нами монаха Филиппа».

Феодосий благосклонно принял просьбу соловецких старцев, так как и раньше слышал о Филиппе, однако спросил их об избраннике, по смирению уклонившемся от представления своему владыке: «Отчего не вижу его между вами?» – и велел привести его к себе.

Филипп вошел к святителю и принял от него благословение. Из беседы с ним архиепископ убедился в его опытности и дарованиях; поэтому он вскоре рукоположил святого Филиппа во пресвитера и вручил ему жезл игуменский. А обращаясь к сопровождавшей его братии, сказал: «Вот отец ваш, имейте его во Христов образ и подчиняйтесь ему со всяким послушанием».

Получив от архиепископа для обители церковную утварь и от многих граждан богатые дары, соловецкие иноки отправились в обратный путь.

Новому игумену устроена была в обители торжественная встреча. Бывший игумен Алексей, собрав свои дряхлые силы, со всей братией вышел навстречу. Святого Филиппа торжественно ввели в церковь и затем, когда по произнесении ектении за государя была во всеуслышание прочитана грамота от архиепископа, его возвели на настоятельское место. Потом новый игумен сказал братии свое первое поучение и предложил иереям и диаконам готовиться к Божественной службе. 17 августа 1548 года он соборне совершил первую литургию. В тот день вся братия приобщилась из рук его, и все видели лицо его просветленным, как бы лицо Ангела.

Приняв на себя сан игумена вопреки своему желанию и вследствие болезни Алексея, святой Филипп, как только увидел, что силы его предшественника восстанавливаются, опять ушел в пустыню. Алексей вторично принял на себя управление обителью. Филипп еще строже подвизался в безмолвии, приходя в монастырь только по праздникам для принятия Святых Христовых Таин.

Так прошло полтора года, и Алексей занемог. Чувствуя приближение кончины, он вызвал отшельника из пустыни и, собрав всю братию, сказал: «Уже я отхожу в путь отцов моих, вы же изберите себе отца и наставника». Затем простился со всеми и тихо предал дух свой Богу.

Похоронив старца, братия обители по общему совету, как прежде, стали умолять Филиппа принять над ними старейшинство. И тот, сознавая себя законным настоятелем обители, с благословения архиепископа снова принял игуменство, от которого бежал в пустыню.

Филипп все силы свои употребил на благоустройство Соловецкой обители.

В то время монастырские дела были расстроены. Случившийся в 1538 году пожар уничтожил весь монастырь до основания, и, несмотря на заботы игумена Алексия, он оставался почти совершенно не обстроеным, ибо строительного материала и денег было недостаточно для того, чтобы восстановить обитель хотя бы в прежнем ее виде. Между тем число братии увеличивалось и необходимо было заботиться о ее содержании и в то же время о расширении обители. Много и других забот и трудов предстояло новому игумену, но они не могли утешить его.

Благодаря своим необычайным хозяйственным способностям и личным средствам святой Филипп в короткое время привел монастырь в цветущее состояние. И справедливо потому он может считаться новым устройтелем Соловецкой обители, ибо очень многое в ней до сих пор напоминает о его деятельности.

Прежде всего, имея нужду для устройства монастыря в больших средствах, Филипп обратил внимание на монастырское хозяйство. В то время Соловецкая обитель владела довольно обширными землями на островах Белого моря. Но главный источник ее доходов был в вотчинах, или монастырских волостях, расположенных по морскому берегу. Суровый климат и скудная почва делали эти владения совершенно неудобными для хлебопашества; зато естественные богатства вод и лесов давали обильный материал для заведения разных промыслов, из которых особенно было распространено солеварение. С их устройства и начал мудрый игумен. Он умножил и улучшил соляные варницы и вновь открыл железный промысел, а царь Иоанн Васильевич по его просьбе дал монастырю льготу: беспошлинно продавать 10 тыс. пудов соли и на вырученную

сумму делать беспошлинно же необходимые закупки для монастырского обихода. Вместе с повышением доходности волостей Филипп в то же время заботился об устройстве внутреннего порядка в их управлении и об улучшении быта населявших их крестьян. С этой целью он назначил по волостям добросовестных начальников со строгой ответственностью и определенным вознаграждением, ввел в управление выборное начало, а при раскладке податей предписывал наблюдать самую строгую правду. Всем же обиженным игумен предоставил право лично обращаться к нему с жалобами и в случае справедливости этих жалоб обещал им самое полное удовлетворение. Особенно много мер предпринято было святым Филиппом для поддержания среди крестьян доброй нравственности. Он входил во все подробности крестьянской жизни и, строго преследуя среди них пьянство и азартные игры, старался приучить их к труду и порядку.

Устраивая так поморские вотчины, неутомимый игумен еще более занимался благоустройством Соловков. Здесь со времени вступления святого Филиппа на игуменство закипела необычайная работа. Он осушал болота каналами, расчищал заросли, удобрял землю, образовал превосходные пастбища и завел рогатый скот, построив для него двор на Муксальмском острове, в десяти верстах от монастыря, вблизи которого по завещанию святого Зосимы запрещалось разведение животных. В глухие леса соловецкие он пустил лапландских оленей, из шкур которых в монастырских мастерских выделялась обувь и одежда. Наконец, решив начать постройку в монастыре каменных зданий вместо сгоревших деревянных, св. Филипп устроил кирпичный завод и установил правильную порубку леса, чтобы не истреблять его без нужды, но даже содействовал его размножению. Это повело к проведению дорог, которые через леса, горы и осушенные болота прошли в различных направлениях от монастыря.

Для указания входа в залив, в углубление которого стоит Соловецкая обитель, святой игумен сделал большие насыпи и на них поставил вместо маяков высокие кресты. Затем устроил на собственные средства в гавани Заяцкого острова пристань с

гостиницей и поварней, а в самом монастыре двух- и трехэтажные палаты для келлий и монастырских служб.

Обширные и почти непрерывные работы требовали много рабочих рук, которыми не всегда могла располагать обитель. И вот, чтобы сделать облегчение инокам, Филипп изобрел для разных монастырских работ, особенно сельскохозяйственных, исполнявшихся прежде людьми, невиданные дотоле машины: какую-то телегу, которая «сама насыпается, да и привозится, да и сама высыплет рожь на сушило»; какой-то механизм, с помощью которого «десятью решетами один старец сеет», и еще особое решето – «само сеет и насыпает и отруби и муку разводит разно, да и крупу само же сеет и насыпает и разводит разно крупу и высевки». Но самое замечательное из хозяйственных сооружений Филиппа – это так называемые «Филипповы мельницы». Еще прежде, когда он проходил послушание, то присматривался к устройству соловецких мельниц; теперь же, сделавшись игуменом, решил перестроить старые мельницы вновь, сообразно расширившимся потребностям монастыря. Избрав для этого из многочисленных озер, покрывавших Соловецкий остров, 52 наиболее удобных, он соединил их каналами, открыл спуск в самое большое из них – Святое озеро, расширил это озеро и провел канал до самого моря. На этом канале внутри монастыря и были устроены мельницы.

Последствием всех необычайных трудов св. Филиппа было то, что дикие и неприступные острова Белого моря сделались благоустроенными и сравнительно даже плодородными, а воздух здоровым и благорастворенным. Самая обитель украсилась новыми каменными зданиями и благолепными церквями. На построение храмов святой Филипп положил особенно много труда и забот.

Так, еще в начале своего игуменства он задумал соорудить теплую каменную церковь в честь Успения Божией Матери. Но не имея достаточно средств для такой дорогой постройки, Филипп обратился с челобитной к царю Иоанну Грозному. И государь, благоволивший к игумену, пожаловал обители Колежемскую волость с деревнями и варницами, а немного

позднее приморскую деревню Сороцкую, где при Троицкой церкви был первоначально погребен святой Савватий. Средства были найдены.

Но прежде чем приступить к сооружению соборного храма святой Филипп советовался с братией. «Отче! Господь Бог, внушивший тебе это, может тебе вспомоществовать и при самом деле; мы же ни в чем не выступим из твоей воли», – смиренно отвечали иноки на слова своего игумена.

Тогда святой Филипп, видя сочувствие братии, послал за искусными мастерами в Новгород и по прибытии их, призвав на помощь Господа и Его Пречистую Матерь и чудотворцев Соловецких, ревностно приступил к делу. Постройка продолжалась пять лет, и в 1557 году, 15 августа, святой игумен освятил новый храм в честь Успения Божией Матери с приделом в честь Усекновения главы святого Иоанна Предтечи (Ангела царя). При храме была устроена обширная трапеза в 12 сажен длины и около нее несколько монастырских служб. Тяжелые своды трапезы опирались на один внутренний столп, который, поддерживая их, вместе с тем служил основанием колокольни, воздвигнутой над трапезой. На этой колокольне вместо старинных бил и клепал Филипп устроил настоящий звон из колоколов, вылитых в Пскове на деньги, пожертвованные царем.

Окончив построение Успенского собора, неутомимый игумен, однако, не успокоился. На следующий же год он объявил братии о своем намерении приступить к созданию еще более обширного и великолепного храма в честь Преображения Господня вместо деревянного, устроенного святым Зосимой на том месте, где преподобный видел чудесный свет и церковь на воздухе. Братия, зная недостаточные средства обители, удивлялись намерениям игумена и на этот раз кротко высказали ему свои опасения. Припоминая слово евангельское: *Кто бо от вас, хотяй столп создати, не прежде ли сед разчет имение, аще имать, еже есть на совершение (Лк. 14, 28)*, они говорили ему: «Отче! Ты видишь, какой недостаток и большое оскудение в обители, ибо нет прилежащих городов. Откуда же ты возьмешь золота на создание великого храма?»

«Братия! – восторженно отвечал им Филипп. – Упование на Бога необманчиво; если будет Ему угодно дело сие, Он невидимо подаст нам от неоскудных Своих сокровищ на воздвижение дома святому имени Его».

Действительно, надежда святого Филиппа на помощь Божию не обманула его. Царь был вкладчиком в пользу и этого храма: он пожертвовал на его постройку 1000 рублей и оказывал обители разные льготы и милости. Ободренный милостью царя, Филипп, собрав лучших строителей и художников, в 1558 году приступил к сооружению нового обширного храма, весьма замечательного для своего времени.

Его основание в 170 квадратных сажений лежит на кладовых и погребях, а своды подпираются двумя огромными столбами. К главному алтарю примыкают приделы: справа – Соловецких чудотворцев и слева – Архангела Михаила, четыре других придела устроены в соборных главах.

Впрочем, святой Филипп не успел при себе окончить строение Преображенского собора, но заранее приготовил для него утварь, разноцветные стекла в узорчатых рамах для окон, драгоценные ткани, серебряные подсвечники, кадила, книги, образа – все большей частью на собственные средства. С северной же стороны храма, под папертью, он сам ископал себе могилу, рядом с другой, в которой похоронил своего духовного наставника – иеромонаха Иону.

Усердно занимаясь возобновлением монастыря, постройкой новых храмов и зданий, святой Филипп не менее заботился и о сохранении всего, что было связано с воспоминанием о строителях обители и чудотворцах Соловецких. Он обрел чудотворный образ Одигитрии, принесенный преподобным Савватием на пустынный остров, и поставил эту святыню над его гробом, а его каменный крест водрузил в часовне, где покоился святой Герман, его сподвижник. Собственноручно исправил ветхую келейную Псалтирь преподобного Зосимы и вычинил его убогие ризы, в которые любил облекаться для священнослужения. Наконец, по распоряжению же святого Филиппа было дополнено житие преподобных чудотворцев

Соловецких описанием чудес, совершенных угодниками Божиими со времени его прибытия на Соловки.

Распорядительный хозяин, беспримерный в иночестве, святой Филипп был в то же время мудрым правителем и опытным наставником в духовной деятельности. Он входил во все подробности монашеского быта, столь хорошо ему знакомого, и старался предупреждать все нужды монаха. Сознывая необходимость в здоровой пище при суровости северного климата, святой Филипп улучшил братии трапезу, завел однообразие и благоприличие в одежде, уставив, по сколько кто из братии должен иметь в келлии одежд и обуви. Для желающих уединения он учредил пустыньки в глуши лесов, а на Заяцком острове устроил на свои средства целый скит с деревянными келлиями и службами. Наконец, чтобы доставить покой и призрение дряхлым и недужным инокам и труженикам обители, а также вероятно и больным богомольцам, святой Филипп устроил в монастыре больницу.

Но при заботах об удобстве и хотя скромном довольстве братии святой игумен отнюдь не позволял в обители праздности, лености, привычек мирских, не согласных с духом монашества. С разборчивостью принимал он в число братии таких, которые вместе с иночеством возлюбили неразлучный с ним труд. Сам настоятель всех руководил своим примером и среди всяких тягостей и трудов многообразной деятельности не ослабевал в подвигах иночества и даже отшельничества. По-прежнему не прекращал он своих молитвенных бдений и удручал тело постом, стремясь к окончательной победе над чувственными помыслами и желаниями. По временам, освобождаясь от дел, святой Филипп любил удаляться на безмолвие в пустыньку, находившуюся недалеко от Святого озера (в 2,5 верстах от монастыря), которая и доселе носит название Филипповой. Так, переходя от подвига к подвигу, от добродетели к добродетели, восходил он к высшему совершенству.

Молва о мудрости и добродетелях соловецкого игумена быстро распространилась далеко за пределы северного края. С большим вниманием относились к нему и в Москве. В 1550 и

1551 г. святой Филипп был вызван царем в Москву и заслужил его расположение. К прославившемуся святостью жизни игумену присылали для увещевания и исправления заблуждающихся в вере и даже опальных, навлекших на себя гнев царский. В 1554 году по соборному определению был прислан в Соловецкий монастырь бывший игумен Троицкой лавры Артемий, обвиненный в участии с еретиком Бакшиным. Соборной грамотой приписывалось Филиппу не только держать Артемия в заключении, но и навещать и вразумлять его от Божественного Писания. На Соловки же немного позднее, а именно в 1560 году, был сослан знаменитый духовник и советник царя Иоанна Васильевича Грозного священник Сильвестр. Здесь он принял пострижение с именем Спиридона и окончил свою жизнь, будучи любим и уважаем святым игуменом, несмотря на царскую опалу.

Ссылка Сильвестра и одновременное же удаление от царского двора Адашева – другого любимца и советника царя – были лишь началом бедственных событий, разразившихся скоро в Москве. И в них-то Промыслом Божиим суждено было святому Филиппу принимать ближайшее участие, но уже не в скромном звании игумена, а в сане первосвященника Русской Церкви.

В это время с царем Иоанном Грозным произошла большая перемена. Ревнивый до своей власти и возбуждаемый нашептываниями льстецов, уверявших царя, будто его советники «сняли с него всю власть», сами огосударились, он сделался подозрительным и жестоким, удалил от себя прежних своих любимцев и подпал влиянию людей недостойных. Мало того, он скоро объявил всех бояр, ненавистных ему, изменниками, а духовных лиц их укрывателями.

И чтобы возможно лучше отгородиться от них, царь разделил в 1565 году все государство на опричнину и земщину, образовав для себя особый отряд телохранителей, которые назывались опричниками. Иоанн имел к ним полное доверие. Пользуясь этим, опричники делали в Москве все, что хотели. Дерзость их доходила до того, что они грабили и убивали ни в чем не повинных земских людей, а имения и вотчины их

отбирали в свою пользу. Никто не смел жаловаться на них царю.

При таких обстоятельствах митрополит Афанасий, больной и слабый старец, видя скорбь народа и не имея в себе достаточно сил, чтобы противодействовать Иоанну Грозному, 16 мая 1566 года отказывается от митрополии и удаляется в Чудов монастырь, где был ранее пострижен в монашество. На его место был избран святой архиепископ Казанский Герман и, и как будущий митрополит, уже жил в первосвятительских палатах. Но прошло несколько дней, и он по наущению опричников был изгнан из митрополии за то, что осмелился обратиться к царю с наставлением и напоминаем об ответственности его перед судом Божиим.

Следовало избрать нового митрополита. Тогда царь вспомнил о святом Филиппе, о котором у него сохранились лучшие воспоминания с детства. По совету с освященным собором и со своими приближенными боярами он решил возвести его на митрополичий престол.

На Соловки была послана грамота. Царь очень милостиво писал игумену и звал его немедленно в Москву «духовного ради совета».

По получении грамоты святой Филипп в собрании всей братии объявил о воле царя и немедленном своем отъезде. Глубокой скорбью поразило братию это известие. Может быть, они уже предчувствовали, что не увидят более своего любимого наставника. С жалостью и сам Филипп покидал свою обитель, но утешал духовных чад своих, увещевал их возложить все упование на Господа и Его Пречистую Матерь и, призывая на помощь преподобных Зосиму и Савватия, пецись о своем спасении и блюсти монастырское предание. В последний раз святой Филипп совершил в своей родной обители литургию, причастил всю братию Святых Таин и после прощальной трапезы отправился в столицу, напутствуемый благословением соловецких иноков.

Дорога, которой он направлялся к Москве, шла через Новгород. И вот навстречу святому Филиппу версты за две вышли новгородцы – мужчины, женщины и дети. Приблизившись

к нему, они кланялись и слезно молили его: «Отче, будь ходатаем за нас и за город наш пред царем. Заступись за свое отечество, ибо мы слышали, что царь держит гнев свой на нас».

Благосклонно выслушав их просьбы, он вступил в город, где и был радушно принят его наместником.

Но недолго оставался святой в Новгороде. По зову царскому он спешил в первопрестольный град Москву, где его ждала торжественная встреча. Много внимания оказал сам царь прибывшему игумену. Он осыпал его щедрыми дарами, ласково беседовал с ним и угощал на своей трапезе. Наконец решил открыть причину его вызова в Москву. Но зная смирение святого, царь начал свою речь издалека: описал ему тяжелое положение Церкви без пастыря, дружески раскрыл пред ним свое затруднение в выборе первосвященника и в заключение объявил, что по его державной воле и всего освященного собора Филипп должен быть митрополитом.

Эта беседа происходила в присутствии высшего духовенства и бояр. И все собрание вслед за царем единогласно признало Филиппа достойным митрополичьего престола.

Изумился смиренный игумен, что на его долю выпала такая высокая честь, и, прослезившись от волнения, смиренно отвечал: «Нет, милосердный государь, не разлучай меня с пустынею и не возлагай на меня дела выше сил моих. Отпусти, Господа ради, отпусти, ибо ненадежно вручать ладье малой бремя великое».

Но царь настаивал на своем предложении, а епископы словами Писания убеждали Филиппа не прекословить Божественному призванию и воле царской и не зарывать в землю Богом данный ему талант.

Тогда святой Филипп, будучи «понуждаем» царем и собором на митрополию, объявил, что он готов исполнить царскую волю, если только царь отменит опричнину; иначе ему быть митрополитом невозможно, а если его и поставят, он принужден будет покинуть митрополию; святой Филипп требовал соединить воедино разделенное царство, как было прежде, то есть уничтожить опричнину.

Это смелое требование сильно раздражило царя, казалось, что и Филипп, подобно Герману, будет отвергнут с бесчестьем. Но царь еще слишком благоговел перед соловецким игуменом, чтобы решиться на его удаление, и потому по просьбе архиепископов и епископов он смягчил свой гнев на Филиппа и велел им добиваться от него, чтобы Филипп «ставился на митрополию, но не вступался в дела двора и опричнины, а советовался бы с царем, как прежние митрополиты с его отцом и дедом».

Духовенство и бояре от себя слезно молили святого Филиппа принять сан митрополита. Убежденные в его добродетелях, они надеялись, что он на месте первосвященника твердостью своего духа и благоразумием возвратит Иоанну и всему царству прежнее спокойствие. После этих убеждений Филипп не мог не согласиться и «дал свое слово архиепископам и епископам», как говорится в нарочито составленной грамоте, что он «по царскому слову и по их благословению соглашается стать на митрополию, что в опричнину и в царский домовый обиход ему не вступаться и по поставлении из-за опричнины и царского домового обихода митрополии не оставлять».

Так, после долгих убеждений, изъявил святой Филипп покорность воле царской. Но, отказавшись от вмешательства в политически и личные отношения царя, он оставил за собою право печаловаться за невинно гонимых и говорить царю о правде евангельской и о правах Церкви во всех тех случаях, когда они попирались.

20 июля соборный приговор был подписан нареченным на митрополию соловецким игуменом Филиппом, а через пять дней – 25 июля 1566 года – в Успенском соборе в присутствии царя и царской фамилии, всего двора и многочисленного народа, при соучастии почти всех святителей с земли Русской торжественно совершено было рукоположение святого Филиппа в митрополита всея Руси.

По совершении литургии царь вручил новопоставленному святителю пастырский посох святого Петра митрополита, а сонм архиереев возвел его на святительское место, откуда святой Филипп произнес свое первое глубоко прочувствованное слово

к царю. Он говорил царю о его долге – быть отцом для своих подданных, кротко выслушивать просящих помощи, внимать в нищете страждущим, а не превозноситься высотой своего положения, зная, что и над ним есть высшая небесная власть. Убеждал принимать советы людей добрых, но отвращать свой слух от клеветников и льстецов, которые ослепляют ум царей, заботясь не о пользе государства, а лишь об угождении власти и своих выгодах; быть твердым в православной вере и защищать отечество от вражеских нападений; но, охраняя правила доброго закона от посягательства на него со стороны людей злых, наипаче всего помнить, что сила и величие царя заключается не столько в ратных подвигах, сколько в любви, которой он приобретает сердца своих подданных.

После речи к царю новопоставленный святитель обратил свое назидательное слово и ко всей пастве. С великой радостью внимали присутствующие голосу архипастыря, уже давно не раздававшемуся. Царь без гнева выслушал речь митрополита. По окончании же богослужения радушно угощал святого Филиппа, все духовенство и бояр в своих царских палатах.

По-видимому, правдивые слова святителя не остались без добрых последствий. Царь стал мягче в обращении с подданными, казни совершались реже, даже опричники присмирели, видя уважение царя к Филиппу и боясь обличений святителя. Эта перемена не прошла, конечно, незаметной для народа, и снова зародилась в его душе надежда на лучшее будущее. Все приободрились, начали думать, что уже настал конец бедам, и благословляли доброе влияние митрополита на царя.

Между тем святой Филипп спешил воспользоваться наступившим спокойствием, чтобы внимательнее заняться делами Церкви. Первой его заботой было назначение нового епископа в Полоцк, недавно (в 1563 году) завоеванный у Польши. Святой Филипп ясно понимал важность этой пограничной епархии и потому заботился о ней постоянно, даже в самые смутные дни своего правления. Так, в сентябре 1568 года, получив известие о недостатке священнослужителей в

Полоцке, он немедленно отправил туда 33 священника и диакона из Новгорода.

До нас не дошло подробных сведений о других действиях святого Филиппа, касающихся управления и церковного благоустройства. Но если в сане игумена на Соловках он проявлял необыкновенную деятельность, то, конечно, не менее деятелен был теперь на престоле первосвятителей Московских.

Однако шумная жизнь столичного города, от которой давно уже отвык святой Филипп, была тяжела для его смиренной души. Вдали от чудотворцев Соловецких он чувствовал себя сирым и, часто вспоминая о своей тихой обители, укоризненно говорил себе: «Что случилось с тобою, убогий Филипп? Неужели не удовлетворяло твоему мирскому тщеславию начальство над отцами в киновии! Ты восхотел большего. Посмотри же, от такого спокойствия в какие труды ты предал себя и от такой безмятежной тишины в какую бездну устремился корабль души твоей».

Между тем святая обитель Соловецкая благодаря его стараниям в сане игумена процветала все более и более. Впрочем, о ее благоустройстве он не переставал заботиться и теперь. И даже в 1568 году посылал распоряжения об окончании начатых им работ по расширению Святого озера.

Но самое главное, что составляло первую заботу святого Филиппа, было уже сделано. Соборный храм Преображения, почти уже выстроенный им в бытности на Соловках, теперь был совсем закончен и освящен в первый год его святительства, в самый день праздника Преображения Господня. С известием об этом прибыл в Москву иеромонах Спиридон, который привез для государя и митрополита святую воду и частицы мощей чудотворцев.

Подобные и конечно редкие сношения с Соловецкой обителью не могли удовлетворять святого Филиппа. Постоянно пребывая в ней духом, святитель восхотел иметь вблизи себя вещественное напоминание о духовном общении с преподобными отцами Соловецкими. С этой целью он устроил у себя в митрополии небольшой храм во имя преподобных Зосимы и Савватия и благолепно украсил его. Сюда же часто

приходил для Божественной службы и для уединенных молитв в минуты душевной скорби, прося благодатной помощи на новом высоком служении своем. А эта невидимая помощь особенно необходима была святому Филиппу теперь, когда приближалось время его подвига.

Спокойствие и тишина, наступившая в России со вступлением на святительство Филиппа, продолжались недолго. В июле 1567 года перехвачены были письма польского короля Сигизмунда и литовского гетмана Хоткевича к главнейшим нашим боярам с приглашением отъехать в Литву. Начались страшные казни. Не только бояре, обвиненные в измене, погибали в страшных муках, но пострадали даже многие граждане. Пользуясь неограниченным доверием царя, вооруженные опричники под видом искоренения крамолы неистовствовали в Москве. Убивали всех ненавистных им лиц и отбирали их имущество. Кровь лилась рекой. На опустелых площадях и улицах столицы валялись неубранные трупы, которых никто не смел погребать. Вся Москва как бы замерла от страха, и напуганные граждане опасались выходить из своих домов. Святой Филипп, видя непрекращающиеся бесчинства опричников, решил наконец обратиться к царю с увещанием остановить кровопролитие.

Но прежде чем сделать это, он постарался привлечь к этому высокому делу пастырей Церкви, молчаливо покорявшихся всем приказаниям грозного царя. Призывая их к самоотвержению, он говорил им: «На то ли собрались вы, отцы и братия, чтобы молчать, страшась вымолвить истину? Но ваше молчание душу царице в грех вводит и своей душе делает горшую погибель, а православной вере наносит скорбь и смущение. Боитесь ли лишиться славы тленные, но никакой сан мира сего не избавит вас от муки вечной, если преступим заповедь Христову и забудем наш долг пещись о благочестии благоверного царя, о мире и благоденствии всего православного христианства. На то ли взираете, что молчит царский синклит? Но бояре связаны попечениями житейскими, нас же Господь освободил от них. Мы поставлены право править великую истину, хотя бы и душу положили за

порученное стадо. Вы сами знаете, что за истину будете истязуемы в день судный».

Горячий призыв архипастыря не нашел, однако, отклика и поддержки среди пастырей. Им не хватало мужества, чтобы противиться царю, а потому на все убеждения святого Филиппа они уклончиво отвечали: «Добро было во всем царя слушати и волю его творити, а не разгневлиати».

Впрочем, некоторые из них, по крайней мере в глубине души, сочувствовали святому Филиппу. А святой Герман, архиепископ Казанский, и не скрывал своего сочувствия митрополиту. Другие же, напротив, всеми силами старались повредить ему. Самоотверженность святителя была невыносима для их честолюбия. В числе последних были Пимен, архиепископ Новгородский, мечтавший сам быть митрополитом, Пафнутий Суздальский, Филофей Рязанский. Но более всех восставал против митрополита духовник государев, благовещенский протопоп Евстафий, пользовавшийся расположением и доверием царя, несмотря на то, что был в запрещении от митрополита. Он тайно и явно при всяком удобном случае доносил царю на первосвятителя все те клеветы и наговоры, которыми старались его враги раздуть в душе царя искру подозрительности, зароненную первым требованием Филиппа об отмене опричнины.

Несмотря на такое малодушие духовенства, святитель не устранился один обратиться с увещаниями царю, надеясь словами Писания укротить его гнев и успокоить его возмущенную душу. Увещания эти сначала были тайные. Но когда они не подействовали, святитель перешел к открытым обличениям. 21 марта 1568 года в неделю Крестопоклонную в соборном храме святой Филипп обратился к Грозному с такими словами: «Державный царь, ты облечен от Бога самым высоким саном и потому должен чтить более всего Бога. Но скипетр земной власти дан тебе для того, чтобы ты соблюдал правду в людях и царствовал над ними законно. По естеству ты подобен всякому человеку, как по власти подобен Богу. Подобаает же тебе, как смертному, не превозноситься и, как образу Божию, не гневаться, ибо только тот по справедливости может называться

властелином, кто сам собою обладает и не работает позорным страстям, но побеждает их с помощью своего ума. Слышано ли когда было, чтобы благочестивые цари возмущали свою державу? Не только при твоих предках, но даже у иноплеменников никогда ничего подобного не бывало».

Не привыкший к таким обличениям царь с гневом сказал Филиппу: «Что тебе, чернецу, за дело до наших царских советов? Или не знаешь, что мои же хотят меня поглотить?» «Я, точно, чернец моему Христу, – кротко возражал на это святитель, – но по благодати Святого Духа, по избранию священного собора и твоему изволению я – пастырь Христовой Церкви, и вместе с тобой мы должны иметь попечение о благочестии и мире всего православного христианства». «Одно, говорю тебе, честный отче, молчи, – повторял Иоанн, – а нас благослови действовать по нашему изволению». «Благочестивый царь, – отвечал Филипп, – наше молчание ведет тебя к греху и всенародной гибели, ибо худой кормчий губит весь корабль. Так и мы, если будем следовать воле человеческой, то как скажем в день пришествия Господня: *Се аз, и дети, яже ми дал есть Бог* (Евр. 2, 13; Ис. 8, 18)? Сам Господь заповедал нам любить друг друга и душу свою полагать за други своя».

Слова любви несколько успокоили раздраженного царя, и он стал оправдывать свою жестокость тем, что его окружают тайные враги, говоря словами пророка Давида: *«Владыко святыи! Восстали на меня друзи мои и искренние мои, прямо мне приближишася и сташа, и нуждахуся ищущии душу мою, ищущии злая мне* (Пс. 37, 12–13)».

«Государь, – отвечал ему на это святитель, – есть действительно люди лукавые и льстивые, но надобно уметь различать добрых людей от худых. Приближай к себе людей, желающих советовать тебе доброе, а не ласкателей; тех, которые соблюдают общую пользу, а не таких, которые имеют в виду лишь угождение сильным. Грешно не возбранять согрешающим, но зачем разделять единство державы? Ты поставлен от Бога судить в правде людей Божиих, а не представлять из себя мучителя. Обличи тех, кто неправо

говорит пред тобою, как гнилые члены, отсеки их от себя и устрой воедино народ свой, ибо там лишь пребывает Бог, где единомушье и нелицемерная любовь». Царь вскричал: «Филипп! Не прекословь державе нашей, а не то гнев мой постигнет тебя, или оставь свой сан». Но святитель сказал ему: «Я не просил тебя о сани, ни ходатаев к тебе не посылал и никого не подкупал, чтобы получить его. Зачем ты сам лишил меня пустыни? Если ты дерзаешь поступать против закона, твори, как хочешь, а мне непростительно ослабевать, когда приходит время подвига». После сих слов царь в большом раздумье и гневѣ удалился в свои палаты.

Этим воспользовались враги святого Филиппа – опричники Малюта Скуратов и Василий Грязной со своими единомышленниками, давно уже искавшие повода отомстить неутомимому обличителю их безобразий. Они умоляли Иоанна не выдавать их Филиппу, ради его речей не оставлять опричнину и обычного образа жизни. Старались внушить ему, что митрополит заодно с его врагами-боярами, которых он покрывает.

Старания врагов святого Филиппа не остались бесплодными: царь не слушал настойчивого митрополита и, не обращая внимания на его обличения, продолжал прежний образ жизни. Мало того, жестокость его все более и более усиливалась, казни следовали за казнями, и опричники, ободренные безнаказанностью, наводили на всех ужас. В отчаянии граждане московские шли к митрополиту, со слезами молили его о защите. И святой Филипп, сам возмущенный до глубины души, один поддерживал в народе бодрость духа и веру в лучшее будущее.

«Не скорбите, дети, – говорил святитель, – верен Господь. Он не попустит нам быть искушаемыми сверх сил и не даст нам погибнуть до конца; если враг человеческий и воздвигнул на нас брань, то вскоре на его же главу обратится. Не Господь ли сказал, что *нужда есть прийти соблазном; обаче горе человеку тому, имже соблазн приходит* (Мф. 18, 7). Здесь-то и уготованы нам венцы! Здесь-то и мне предстоит благой подвиг. Апостол говорит: «Не на лица зрит Бог» (Деян. 10, 34). Давид вооружает

меня песнию: *глаголах о свидениях Твоих пред цари и не стыдяхся* (Пс. 118, 46). Все это, избранники Божии, случилось с нами по грехам нашим для нашего спасения и исправления. Вот секира лежит при корени, но помните, что не земные блага, а небесные обещал нам Бог. Я же радуюсь, что могу пострадать за вас, ибо вы – мой ответ пред Богом, вы – венец мой от Господа». После беседы со своим пастырем успокоенные и утешенные жители расходились по своим домам.

Спустя несколько времени в воскресный день в Успенском соборе было митрополичье служение. Уже во время службы вдруг появились в храме царь с толпой придворных и опричников. И царь, и свита были в черных высоких шапках и черных рясах. Царь подошел к святому Филиппу, стоявшему на своем митрополичьем месте и ждал от него благословения. Три раза обращался он к святителю, но тот не отвечал ни слова, как бы не замечая присутствия царя. Наконец, бояре сказали: «Владыко святой, благочестивый государь, царь Иоанн Васильевич всея Руси пришел к твоей святости и требует от тебя благословения».

Тогда святой Филипп, взглянул на царя и подойдя к нему, произнес: «Государь, кому поревновал ты, изменив благолепие твоего сана и облекшись в неподобающий тебе образ? С тех пор, как светит солнце на небе, не слыхано, чтобы благочестивые цари так возмущали собственную державу. Убойся Божия суда и постыдись своей багряницы! Полагая законы другим, для чего сам делаешь достойное осуждения? Правда царева в суде, по слову Писания; а ты лишь неправду творишь твоему народу. Как страждут православные! У всех народов, даже у татар и язычников, есть закон и правда, только у нас их нет; всюду находим милосердие, а в России и к невинным и праведным нет жалости. Мы, государь, приносим здесь чистую и Бескровную Жертву Господу о спасении людей, а за алтарем льется невинная кровь христианская. Хотя и образом Божиим возвеличен ты, однако же и ты смертный человек, и Господь взыщет все от руки твоей. Ты глубоко изучил Божественное Писание, отчего же не следуешь ему? *Всяк не творяй правды несть от Бога и не любяй брата своего* (1Ин.

3, 10)». «Филипп, – с гневом сказал царь, – нашу ли волю думаешь изменить? Лучше было бы тебе быть единомысленным с нами». «Тогда к чему же вера наша? – отвечал ему святой, – напрасны и страдания Спасителя и Его заповеди, данные нам, если мы сами ныне рассыпем то, что нам даровал Господь, чтобы мы непорочно сие соблюдали. Не о тех скорблю, которые невинно предаются смерти, как мученики; я скорблю о тебе, пекусь о твоём спасении».

Но Грозный уже не слушал слов праведника, в гневе махал рукой на святителя, грозил ему изгнанием и разными муками. «Нашей ли державе смеешь ты противиться? – кричал он, – увидим твою твердость». «Я пришлец на земле и переселенец, – тихо отвечал на это святитель, – как и все отцы мои подвигаюсь за истину благочестия и хотя бы мне пришлось и сана лишиться, и лютые страдания претерпеть, не смирюсь пред тобою».

Вне себя от гнева вышел царь из храма, решив погубить своего обличителя. Но он еще не смел наложить рук на уважаемого всеми святителя. Нужно было прежде уронить его во мнении народном. Здесь открывалось широкое поле для всякого рода клеветников. Так, еще в соборе враги святого Филиппа, желая унижить его всенародно, подготовили на старца самую гнусную клевету, которую подучили произнести перед всеми юного чтеца домово́й митрополи́чье́й церкви. Выслушав отрока, Пимен Новгородский и другие епископы – угодники царские, как бы веря его словам с негодованием воскликнули: «Царя обличает, а сам делает гнусности». Услышав это, святой Филипп заметил Пимену: «Хотя ты и человекоугодничаешь и чужой престол домогаешься восхитить, но скоро лишишься и своего».

Епископы, сочувствующие святому Филиппу, конечно понимали всю нелепость возведенного на него обвинения, но не смели сказать ни слова в его защиту; они только молили святителя простить невольного клеветника, который тоже со слезами на глазах сознался перед своим дядей – соборным эконо́мом Харала́мпием, что говорил неправду по принуждению и из-за страха. Видя раскаяние отрока, добрый пастырь ласково

сказал ему: «Буди к тебе милостив Христос и да даст тебе прощение; но и ты отпусти тем, которые тебя этому научили». Затем, обратившись к епископам, святитель сказал: «Вижу готовящуюся мне кончину, но знаете ли, почему меня хотят изгнать отсюда и возбуждают против меня царя? Потому что не льстил я пред ними, не дарил их богатыми одеждами и не угощал их пирами. Впрочем, что бы ни было, не перестану говорить истину, да не тщетно ношу сан святительский».

После этого столкновения с царем святой Филипп переехал из Кремля в монастырь святого Николая Старого (ныне греческий монастырь на Никольской улице). Между тем ужасы опричнины продолжались как в столице, так и далеко за ее пределами. Как бы назло митрополиту царь дозволял себе всевозможные мерзости: казнил князя Василия Пронского, только что принявшего монашество, а сам неистовствовал в окрестностях Москвы: жег боярские села и усадьбы, увозил их жен и истреблял даже скот. Видя в святом Филиппе своего защитника, народ не оставлял его, а царь при встречах не мог говорить с митрополитом без раздражения.

Наступило 28 июля – день святых апостолов Прохора и Никанора. В этот день по случаю храмового праздника перенесения иконы Одигитрии Смоленской митрополит совершал обычный крестный ход по стенам Новодевичьего монастыря. Присутствовал по обычаю и сам царь, окруженный толпой опричников. Когда крестный ход достиг святых ворот и остановился для прочтения святого Евангелия, святой Филипп обратился к народу, чтобы преподать «мир всем». Вдруг он заметил опричника, стоящего позади царя в татарской тафье. Негодование возмутило душу святителя, и, обратясь к царю, он сказал ему: «Когда совершается Божественное славословие и читается слово Божие, подобает внимать ему с открытой главой; с чего же эти люди следуют агарянскому обычаю – стоят с покрытыми главами? Не все ли здесь единоверцы?» «Как? Кто это такой?» – спросил царь. «Некто из твоей дружины, с тобой пришедшей», – отвечал ему святитель.

Царь окинул взором свою свиту, но опричник уже успел снять и скрыть свою тафью. Это рассердило Грозного и он

непременно хотел дознаться, кто учинил беззаконие. Несмотря на это, никто из присутствующих не посмел открыть виновного, потому что он был одним из любимцев царских. Приближенные же Иоанна сумели уверить его, что митрополит солгал, издеваясь всенародно над его царской державой. Тогда разгневанный царь стал грубо ругать святителя. Называл его лжецом, мятежником, клялся, что уличит его во всем. И с этого же дня начал проводить свое намерение относительно низложения святого Филиппа.

Желая придать своему замыслу вид законности, Иоанн не задумался устроить показательный суд над праведником. Ему хотелось, чтобы митрополит был низложен как бы за свое дурное поведение. С этой целью царь приказал схватить всех главных бояр и сановников митрополичьих. Их заключили под стражу, пытали, стараясь выведать что-нибудь недоброе о святителе, но ничего не допытались. Тогда, не надеясь найти оснований к обвинению святого Филиппа в Москве, где его жизнь, сиявшая добродетелями, была известна всем и каждому, послали на Соловки известных недоброжелателей Филиппа: Суздальского епископа Пафнутия, андрониевского архимандрита Феодосия и князя Василия Темкина с военным конвоем, как бы для расследования его тамошней жизни.

Прибыв в Соловецкий монастырь, они употребили все – и ласки, и угрозы, и дары, и обещания почестей, чтобы найти между иноками лжесвидетелей на митрополита. Более всего старался Пафнутий, который не хотел слышать ни одного слова правды о святом. Обещанием епископского сана он привлек на свою сторону игумена Паисия, недостойного преемника святого Филиппа по игуменству. Примером настоятеля соблазнилось еще несколько легкомысленных иноков, а на других действовали угрозами. Были, однако, благочестивые старцы в Соловецкой обители, которые, несмотря на все угрозы и даже мучения, не согласились лгать. Они единодушно свидетельствовали о непорочной жизни святого Филиппа и его отеческом попечении о спасении вверенной его надзору братии. Но послы царские не слушали их. Записав клеветы и

лжесвидетельства на святителя и взяв с собой Паисия и других клеветников, они поспешили в Москву.

Иоанн Грозный, которому немедленно были доставлены лживые обвинения против святого Филиппа, остался ими доволен и приказал собраться боярам и епископам в соборной церкви Успения для открытого суда над митрополитом. Это было 4 ноября.

В назначенный час прибыли сам государь и невинно обвиняемый первосвятитель; облаченный в святительские одежды, предстал он на суд. Началось чтение доносов, но обвинителей налицо не было, ибо царь побоялся дать святому очную ставку с клеветниками. По прочтении доносов остановились, чтобы выслушать обвиняемого. Святой Филипп, считая излишним оправдываться, ибо знал, что его участь уже заранее решена, обратился к царю с такими словам: «Государь и великий князь! Ты думаешь я боюсь тебя или смерти? Нет! Лучше умереть невинным мучеником, чем в сане митрополита безмолвно терпеть все эти ужасы беззакония. Твори, что тебе угодно. Вот жезл пастырский, вот клобук и мантия, которыми ты хотел меня возвеличить. А вы, служители алтаря, – продолжал святитель, обращаясь к епископам, – пасите верно стадо Христово: готовьтесь дать ответ Богу и страшитесь Царя Небесного более, чем земного».

Сказав эти слова, святой Филипп снял с себя знаки своего достоинства и хотел удалиться, но царь остановил его, сказав, что ему должно еще ожидать соборного определения, а не быть своим судьей. Принудил его взять обратно одежду святителя и еще служить обедню 8 ноября.

Это был праздник Архангела Михаила. Митрополит Филипп в полном святительском облачении стоял на своем месте в Успенском соборе, готовясь в последний раз совершить Бескровную Жертву Господу. Вдруг с шумом растворились двери церковные и в собор вошел царский любимец Алексей Басманов с толпою воинов и опричников. Богослужение было прервано. Басманов приказал прочитать вслух перед всем народом царский указ и приговор собора о низложении митрополита, причем оглашены были и все клеветы на него. По

окончании чтения пришедшие с яростью кинулись на святителя и стали срывать с него священные одежды. Святой Филипп не смутился духом и старался успокоить свой клир. «Дети, – говорил он, – прискорбно душе моей разлучение с вами, но я радуюсь, что терплю все это ради Церкви Божией. Настало время ее вдовства, ибо пастыри, как наемники, презираемы будут. Не удержат они здесь своей кафедры, не будут погребены во святой сей церкви Божией Матери».

Накинув на плечи святого оборванную и грязную рясу простого инокa, опричники вытолкали его из храма, били метлами по голове, посадили на дровни и, осыпая бранью и побоями, повезли в Богоявленский монастырь. Толпы народа, совершенно запрудив тесную Никольскую улицу, со слезами провожали своего архипастыря. Но он, мужественно перенося сие уничижение, с радостным лицом благословлял на обе стороны своих духовных чад, увещевая их хранить терпение и молиться Богу. Пред вратами обители святой Филипп в последний раз обратился к окружающей его пастве с утешительными словами: «Все это принял я ради вашего блага, чтобы умиротворилось смятение ваше. Если бы не любовь к вам, ни одного дня не хотел бы здесь оставаться, но удержало меня слово Божие: *Пастырь добрый душу свою полагает за овцы* (Ин. 10, 11). Не смущайтесь, все это от лукавого, но Господь, сие попустивший, нам помощник: Христос с нами, кого убоимся? Готов я пострадать за вас, и любовь ваша сплетет мне венец в будущем веке, ибо с болезнями сопряжена победа. Но умоляю вас, не теряйте надежды; с любовью наказывает нас Господь для нашего же искупления. Не от чужих страдания, а от своих; с радостью переносите от них скорби, ибо Господь велел добро творить ненавидящим нас и за них молиться. Бог же мира да устроит все на пользу по Своей благодати». Приняв последнее благословение от святителя, народ в смущении разошелся по своим домам, а святой Филипп был заключен в обитель.

Через несколько дней низложенного митрополита с таким же поруганием повезли на митрополию, чтобы объявить ему окончательный приговор. Здесь в присутствии царя и епископов

соловецкий игумен Паисий со всей наглостью подтвердил все те обвинения против святого Филиппа, которые он со своими сообщниками ранее письменно представил царю. Святитель сказал Паисию, своему ученику: «Благодать Божия да будет на устах твоих, чадо, ибо лъстивые уста против меня отверзлись. Не слышал ли Божие слово: *Аще кто речет брату своему уроде, повинен есть геенне огненной* (Мф. 5, 22). Вспомни и другое изречение Священного Писания: что посеет человек, то и пожнет, это слово не мое, а Господне». Поднялся шум. Святитель же стоял как агнец посреди волков. Его признали виновным в разных преступлениях и, между прочим, в волшебстве. Есть известие, что Иоанн Грозный, не удовлетворенный низложением митрополита, хотел еще осудить его на сожжение и только по ходатайству духовенства согласился оставить ему жизнь, определив вместо казни пожизненное заключение в монастыре.

Но святого не страшила его собственная участь: в настоящую минуту, как и всегда, он болел сердцем за несчастную Россию. И снова в последний раз он обратился с увещанием к царю, умоляя его сжалиться над своими подданными и прекратить свои нечестивые дела: «Вспомни древних царей и князей и посмотри на нынешних. Те, которые добро творили, ублажаются поныне, а которые жестоко держали царство, те проклинаются. И ты, христоробивый, подражай обычаям добрых». Не отвечая на слова Филиппу, Иоанн велел страже взять святого старца и посадить его в темницу. Царь знал, что его усердные слуги не будут щадить низложенного святителя. Действительно, они употребили все средства, чтобы скорее погубить своего единственного стойкого обличителя. Заключив престарелого страдальца в душную и грязную тюрьму, они сковали его по рукам железными оковами, ноги его забили в колоду, а на шею набросили тяжелые железные вериги. Наконец, думая уморить его голодом, целую неделю не давали ему пищи. Но узник, от юности привыкший к посту и воздержанию, все жил, находя подкрепление в молитве. И вот сами собой спали с рук и шеи праведного железные оковы и ноги его освободились от тяжелой колоды. Бояре, посланные

царем узнать, жив ли еще Филипп, доложили ему о происшедшем. Но чудо не образумило Иоанна, и он воскликнул: «Чары, чары сотворил мой изменник».

Затем, есть известие, царь приказал впустить к узнику голодного медведя и на другой день пришел сам в темницу, но к удивлению своему увидел, что святой Филипп невредимо стоит на молитве, а лютый зверь спокойно лежит в углу.

После того святого страдальца перевели в монастырь Николы Старого, который и был назначен местом заключения для низложенного митрополита, причем на его держание было определено по четыре алтына в день.

Желая как можно скорее изгладить в народе память о святом Филиппе, Иоанн Грозный поспешил назначить на освободившуюся кафедру нового митрополита. Выбор пал на слабого, хотя и доброго старца, троицкого архимандрита Кирилла; 11 ноября он был уже возведен на митрополию.

Казалось бы, с устранением святого Филиппа злоба царя должна была утихнуть. Но раздраженный Иоанн еще не был удовлетворен и готовил невинному страдальцу испытания еще более тяжкие. Зная, чем можно более огорчить святого Филиппа, он начал жестокую расправу с близкими ему людьми. Один за другим десять родственников митрополита погибли в муках и пытках. А одному из них, любимому племяннику Филиппа, после жестоких истязаний отрубили голову. Царь велел зашить ее в мешок и отнести к заключенному святителю со словами: «Вот голова твоего сродника; не помогли ему твои чары». Святой Филипп с благоговением принял жестокий дар, положил окровавленную голову пред собою и, поклонившись до земли, со слезами поцеловал ее, потом сказал: *Блажен, егоже избрал еси и приял, Господи* (Пс. 64, 5).

Терпение и мужество, с которыми святой Филипп переносил свои страдания, не вразумляли, а еще сильнее возмущали царя, тем более, что сочувствие народа было явно на стороне великого святителя. Поэтому Грозный решил удалить его из Москвы на заточение в Тверской Отрочь монастырь.

Много страданий вытерпел святой Филипп в продолжение пути и заточения. Плохая одежда едва защищала его от мороза;

часто по несколько дней не приносили ему пищи. Мало того, жестокий пристав Стефан Кобылин и другие сторожа обращались с ним грубо и порой бесчеловечно. Но святой Филипп все переносил с кротостью, ни разу с уст его не сорвалось ни одной укоризны по отношению к мучителям, ни одной жалобы на свои страдания.

Прошло около года, как святой Филипп томился в заточении. В декабре 1569 года Иоанн Грозный двинулся с войском на Новгород, чтобы покарать его за мнимую измену. Он шел как на войну, все разоряя на пути. Когда же приблизился к Твери, вспомнил о заключенном здесь митрополите Филиппе и послал к нему злейшего из своих опричников Малюту Скуратова как бы за благословением. Святитель Филипп, предчувствуя свою кончину, еще за три дня до этого говорил окружающим: «Настало время совершения моего подвига; отшествие мое близко». И приобщившись Святых Таин, спокойно ждал своего конца. Малюта вошел в келлию и, смиренно кланяясь, сказал святому: «Владыко святой, подай благословение царю идти в Великий Новгород». Зная, зачем пришел посланец царский, святой Филипп ему ответил: «Делай то, за чем ты пришел ко мне, и не искушай меня, лестью испрашивая дар Божий». Сказав это, святой вознес к Богу свою предсмертную молитву. «Владыко, Господи Вседержителю, – так молился он, – приими с миром дух мой и пошли от пресвятыя славы Твоея мирного Ангела, наставляющего меня к трисолнечному Божеству, да не будет мне возбранен восход от начальника тьмы, и не посрами меня пред Ангелами Своими, но причисли меня к лику избранных, яко благословен во веки. Аминь».

Малюта взял подушку и задушил ею святого Филиппа. Потом поспешно вышел из келлии и, сообщив о смерти его настоятелю и братии, стал укорять их в небрежении к узнику, который будто бы умер от чрезмерного угара в келлии.

В ужас пришли собравшиеся иноки, когда узнали о смерти праведного старца, и от страха не могли произнести ни одного слова. Не давая им опомниться, Малюта приказал вырыть глубокую яму за алтарем соборной церкви и при себе погребсти многострадальное тело святителя Христова. Не было при этом

ни звона колоколов, ни благоухания фимиама, ни, быть может, самого пения церковного, ибо злой опричник спешил скрыть следы своего преступления. И как только могила была сравнена с землей, он немедленно уехал из обители.

Так окончил жизнь свою великий святитель Христов Филипп – борец за правду и страдалец за мир и благоденствие нашего отечества. 23 декабря 1569 года был днем его мученической кончины.

Но недолго торжествовали враги святого Филиппа. Скоро гнев Божий постиг его гонителей. Бессердечный палач Малюта Скуратов немного после своего злодеяния был тяжело ранен, а потом и убит. Царь видимо тяготился преступлением и положил свою грозную опалу на всех виновников и пособников его казни. Несчастный архиепископ Новгородский Пимен по низложению с престола был отправлен в заключение в Веневский Никольский монастырь и жил там под вечным страхом смерти, а Филофей Рязанский был лишен архиерейства. Не остался забытым и суровый пристав святого – Стефан Кобылин: его постригли против воли в монахи и заключили в Спасо-Каменный монастырь на озере Кубенском. Но главным образом гнев царский постиг Соловецкий монастырь. Честолюбивый игумен Паисий вместо обещанного ему епископства был сослан на Валаам, монах Зосима и еще девять иноков, клеветавших на митрополита, были также разосланы по разным монастырям, и многие из них на пути к местам ссылки умерли от тяжких болезней. Как бы в наказание всей братии разгневанный царь прислал в Соловки чужого постриженника Варлаама, иеромонаха Белозерского Кириллова монастыря, для управления монастырем в звании строителя. И только под конец дней своих он снова вернул свое благоволение обители, жалую ее большими денежными вкладами и вещами для поминовения опальных и пострадавших от его гнева соловецких монахов и новгородцев.

Вернулись милости царя, но одна потеря была невознаградима для Соловецкой обители – лишение останков незабвенного ее настоятеля святого Филиппа. Прошло уже 20 лет со дня его кончины, и царский престол занимал не Грозный

Иоанн, но кроткий и набожный сын его Феодор Иоаннович, а честное тело святителя Филиппа все еще покоилось в Тверском Отрочем монастыре. Горько скорбели об этом благочестивые иноки соловецкие, вспоминая неусыпные труды и попечения святого о благоустройстве их обители. Наконец решили просить своего настоятеля Иакова, чтобы он исходатайствовал пред царем позволение перенести останки святого Филиппа в родную ему обитель Соловецкую. Иаков и сам давно помышлял об этом и потому с любовью принял просьбу иноков, видя в ней как бы извещение Божие.

Нимало не медля, он отправился в путь и, явившись к царю, сказал ему от лица всей братии соловецкой: «Благочестивый царь, даруй нам пустынного нашего гражданина Филиппа, изгнанного с своего престола наветами учеников и погребенного в чужом ему месте. От юности своей он нес труды вместе с отцами обители и ныне на нас висит клятва за то, что причинили ему неразумные. Твое же царское разрешение дарует нам опять благословение, которого мы лишились».

Царь Феодор исполнил просьбу соловецких иноков и дал им грамоту к Тверскому епископу Захарии об отпуске мощей святого Филиппа на Соловки. Захария не мог ослушаться царского повеления и приказал настоятелю Отроча монастыря показать то место, где был погребен святитель. Когда раскопали могилу и вскрыли гроб, воздух наполнился благоуханием, которое разливалось от мощей, как бы от мира многоценного; тело святителя было найдено совершенно нетленным, и даже ризы его сохранились в целости.

Со всех сторон стали стекаться граждане, чтобы поклониться страстотерпцу Христову. Растроганный епископ со слезами припал к гробнице святого Филиппа, умоляя его поминать в своих молитвах к Царю всех Богу тот град, в котором он довершил свой мученический подвиг и где много лет покоились его честные мощи. Вручив затем раку с мощами игумену Иакову, владыка со всем духовенством с крестами и хоругвями при великом стечении народа проводил святыню к берегу реки Волги, откуда старцы соловецкие с радостью повезли ее в свою далекую обитель.

По прибытии святых мощей к соловецкой пристани вся братия в сопровождении множества народа вышли навстречу им со свечами и кадилами. При пении священных песнопений они перенесли раку с мощами святителя в соборный храм Преображения, который он создал своими трудами, и поставили там посредине храма. На следующий день после совершения торжественного богослужения нетленное тело святителя Филиппа было погребено на заповеданном им месте под папертью Преображенского собора, при церкви преподобных Зосимы и Савватия. Там до сего времени сохраняется надпись на белой каменной доске: «Лета 7078 преставился Филипп, митрополит во Твери, декабря в 23 день. Лета 7099 (то есть 1591 г.) привезены мощи Филипповы в Соловецкий монастырь и погребены августа в 8 день». Но ныне эта скромная надпись обозначает уже праздную могилу, в которой мощи святителя покоились в продолжение 55 лет.

Дивный во святых Своих Господь прославил великого угодника святителя Филиппа силой чудотворений. Его честные мощи соделались источником исцелений для всех, с верою призывающих его святое имя. Упомянем о некоторых чудесах святого Филиппа.

Вскоре после перенесения мощей святителя в Соловки монастырский рабочий Василий был послан вместе с прочими рубить деревья для обновляемого храма. Во время работы большое дерево упало на Василия и придавило его так, что разбитого работника с трудом довели до обители. Терзаемый жестокой болезнью, он три года лежал расслабленным и, казалось, должен был потерять всякую надежду на выздоровление. Только вера на помощь свыше не покидала его. Движимый этой верой, он стал горячо молить святителя Филиппа: «Ты мне будь надежда и прибежище, страдальче; ныне спаси меня, погибающего». Пришел праздник Рождества Христова. Товарищи Василия ушли все в церковь к утрени. А он остался один и в скорби сетовал, что не мог быть в храме Божиим. От слез и боли Василий ослаб и впал в легкий сон. И вот ему представилось, что он вместе с братией на утрени и перед ним – святой Филипп в одежде святительской с

кадильницей в руках, сияющий ярким светом. Чудный муж приблизился к болящему и сказал: «Встань, Василий, будь здоров именем Господним и ходи». И с этими словами взял его за руку и поднял с постели. Больной от ужаса проснулся и к удивлению своему увидел себя стоящим у постели, с которой не мог сходить три года. Опомнившись, он немедленно отправился в церковь, где еще продолжалось утреннее славословие, и, рассказав братии о бывшем чуде, со слезами благодарности поклонился гробу святителя.

Так же чудесно исцелился иеромонах Геронтий. Инок Григорий, живший с ним в одной келлии, рассказывал, что у Геронтия разболелись зубы и он решился их выдернуть. К зубной боли присоединилась другая немощь: ослабли у него ноги так, что он не мог двинуться с места. В таком мучительном положении Геронтий находился долгое время. Раз он просит Григория, своего сожителя по келлии, довести его до раки святого Филиппа. Григорий исполнил его желание. И едва коснулся больной гроба святителя, зубная боль утихла и ноги как будто не болели. Геронтий получил совершенное исцеление.

С молитвой к святому Филиппу прибегали не только иноки, но и миряне – окрестные жители – и получали исцеление от своих недугов.

В одном из приморских селений, близ реки Варзуги, жил серебряных дел мастер, по имени Иоанн. Однажды он пришел в Соловецкую обитель и рассказал, что долго страдал внутренней болезнью, и так как никакое врачевание не помогало, то он уже отчаялся в своем исцелении. В одну ночь, когда Иоанн от слабости несколько забылся, предстал ему светолепный муж в святительском облачении и спросил: «Что у тебя болит?» Тот ответил, что болен утробой, и показал ему больное место. Явившийся осенил его крестным знаменiem и сказал: «Не знаешь ли меня? Я митрополит Филипп, что в Соловках». С этими словами он сделался невидим. Иоанн, очнувшись, почувствовал себя совершенно здоровым и принес благодарственную молитву великому чудотворцу.

Слава о чудесах святого Филиппа в скором времени распространилась повсеместно. Все северное поморье

стекалось в Соловецкую обитель на поклонение гробу святого Филиппа, и память его, как нового заступника земли Русской, была прославляема еще задолго до открытия его святых мощей. Местное празднование святому Филиппу началось со времени перенесения его мощей в Соловецкий монастырь. В декабрьской Минеи 1636 года уже содержится служба святителю. Торжественное же открытие мощей последовало лишь десять лет спустя после этого времени.

В 1646 году, 29 апреля, были присланы из Москвы к соловецкому игумену Илию две грамоты от царя Алексея Михайловича и Святейшего Иосифа, Патриарха Московского. Означенными грамотами повелено было: мощи святителя Филиппа открыть и положить в новую раку; если же одеяние его окажется ветхим или истлевшим – облачить в новое и из-под паперти перенести в Преображенский собор, а день перенесения праздновать во все последующие годы. С чувством живейшей радости встретили иноки это повеление и, назначив днем открытия мощей 31 мая, стали готовиться к сему торжеству. Они говели и усердно молились, прося милости у Бога и Его новоявленного угодника – святого Филиппа.

Настал, наконец, и день светлого торжества.

По совершении заутрени игумен Илия и с ним вся братия в преднесении множества свечей, с крестами и новой ракой для чудотворца отправились на то место, где почивал святой Филипп. Здесь во время пения молебнов священноиноки переложили честные мощи святителя в новую раку, оставив, однако, на нем старые одежды, ибо они нисколько не обветшали, пролежав в земле около 80 лет. Затем в сопровождении крестного хода и умиленного народа, при пении священных песнопений честные мощи были перенесены в собор Преображения Господня и поставлены там с правой стороны против иконостаса.

Январь, 10

Феофан, затворник Вышенский, святитель

Святитель Феофан, в миру Георгий Васильевич Говоров, родился 10 января 1815 года в селе Чернавское Елецкого уезда Орловской губернии.

Его отец Василий Тимофеевич Говоров был священником Владимирской церкви села Чернавское и всю жизнь отличался глубоким благочестием. Мать святителя Татьяна Ивановна происходила из священнической семьи и имела тихий, кроткий нрав и любвеобильное сердце.

Первоначальное образование отрок Георгий получил в родительском доме. Благочестивые родители старались дать ему воспитание в духе христианской любви и церковности. Уже в детстве у Георгия стали проявляться яркие черты его характера: от отца он унаследовал живость и чистоту ума, от матери – нежное, любящее сердце, кротость, скромность и впечатлительность.

В 1823 году отрок Георгий поступил в Ливенское духовное училище. Способный, хорошо подготовленный отрок Георгий легко прошел курс духовного училища и через шесть лет (в 1829 году) в числе лучших учеников был переведен в Орловскую семинарию. Во главе ее стоял тогда архимандрит Исидор – впоследствии известный иерарх Русской Православной Церкви. Георгий Говоров с большим интересом изучал преподаваемые науки, но особенный интерес возбудили в нем уроки психологии. В годы учебы, после паломничества в Задонский монастырь, где почивали мощи святителя Тихона Задонского, в то время еще не прославленные, у Георгия появилось необычайное, все более возрастающее благоговение к святителю Тихону Задонскому.

Отлично окончив семинарию в 1837 году, Георгий Васильевич Говоров получает назначение в Киевскую духовную академию, которая в те годы находилась в цветущем состоянии. Киевский митрополит Филарет (Амфитеатов), прозванный за святость жизни «Филаретом благочестивым», уделял очень большое внимание развитию внутренней духовно-религиозной

жизни студентов академии. Это было цветущее время как по доброму нравственному направлению жизни академии, так и по обилию талантов и профессорской корпорации.

В академии завершилось образование и ясно определилось общее направление нравственной жизни Георгия Говорова.

В профессорских ведомостях он аттестуется как студент, обладающий весьма хорошими способностями, отличающийся усердием и имеющим отличные успехи в науках. Любимыми предметами будущего архипастыря были предметы богословские и в особенности Священное Писание и Церковное красноречие. Академическая инспекция постоянно характеризовала его как человека «весьма скромного», «честного поведением», «отличающегося благонравием, исправностью в отношении своих обязанностей, любовью к богослужению» и как «подающего пример другим». Все эти добрые качества нравственного поведения студента Георгия Говорова предрекали его путь к иноческой жизни.

Благодатное влияние оказали на Георгия Киево-Печерская лавра и другие киевские памятники священной истории, являющиеся красноречивыми свидетелями подвигов русского иночества. Юный студент нередко посещал Киевскую лавру, где переживал возвышенные религиозные настроения. Впечатления о подобных посещениях были настолько глубоки и сильны, что святитель до конца жизни с восторгом вспоминал о них: «Киевская лавра – неземная обитель».

В последний год своей учебы Георгий Говоров решил всецело посвятить себя служению Святой Церкви в иноческом чине. 1 октября 1840 года, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, он подал академическому начальству прошение о пострижении в монашество, в котором писал: «Имея постоянное усердие к занятию богословскими предметами и к уединенной жизни, я, чтобы соединить то и другое на предлежащем мне служении Церкви, положил обет посвятить жизнь свою монашескому званию».

С разрешения академического и высшего духовного начальства 15 февраля 1841 г. он принял постриг с именем Феофан. Чин пострижения был совершен в Свято-Духовской

церкви Киево-Братского монастыря ректором академии архимандритом Иеремией, который был впоследствии архиепископом Нижегородским.

С апреля 1841 г. Феофан тем же Иеремией (в то время уже епископом Чигиринским, викарием Киевского митрополита) в большом Успенском соборе Киево-Печерской лавры рукоположен был в иеродиакона, а 1 июля – в иеромонаха. Во время этой важной перемены в своей жизни иеромонах Феофан продолжал учебу в академии и писал курсовое сочинение на тему: «Обозрение подзаконной религии». Он успешно сдал выпускные экзамены, а курсовое сочинение академическим ученым советом в числе лучших было отослано в Синод на рассмотрение. Постоянный член Синода митрополит Московский Филарет, строгий ценитель богословских сочинений, своим мудрым и проницательным взором заметил даровитость и трудолюбие отца Феофана.

В 1841 г. иеромонах Феофан в числе первых закончил академию со степенью магистра. Началось время его служебной деятельности на учебно-воспитательном поприще.

27 августа 1841 года иеромонах Феофан был назначен ректором Киево-Софийского духовного училища, которое находилось под непосредственным наблюдением Киевского митрополита Филарета. Но недолго трудился отец Феофан в Киевском училище: 7 декабря 1842 года он был назначен инспектором Новгородской семинарии. Три года иеромонах Феофан был в Новгороде. За это короткое время он успел проявить себя как талантливый воспитатель и прекрасный преподаватель психологии и логики.

Высшее духовное начальство высоко ценило нравственные качества и незаурядные умственные способности иеромонаха Феофана, и потому 13 декабря 1844 года он был переведен в Петербургскую духовную академию на должность бакалавра по кафедре нравственного и пастырского богословия.

Сознавая великую ответственность перед Богом в деле духовного воспитания юношества, отец Феофан стремился действовать на будущих пастырей своей большой добротой, любовью и кротостью. Свой взгляд на духовно-педагогическую

деятельность потом он выразил следующими словами: «Воспитатель должен пройти все степени христианского совершенства, чтобы впоследствии в деятельности уметь держать себя, быть способным замечать направления воспитываемых и потом действовать на них с терпением, успешно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословие лиц чистейших, богоизбранных и святых». К преподаваемым предметам иеромонах Феофан относился с большим вниманием. Оставив философско-умозрительные методы работы, молодой богослов опирался на опыт аскетический и психологический. Главными после Священного Писания и творений святых отцов источниками его лекций были жития святых и психология.

1 февраля 1845 года отец Феофан был назначен помощником инспектора академии, а с 20 мая по 4 августа 1846 года он исполнял обязанности инспектора. За ревностное исполнение этих обязанностей, засвидетельствованное академическим начальством, иеромонах Феофан был во второй раз удостоен благословения Святейшего Синода, а 25 мая 1846 года – и звания соборного иеромонаха Александро-Невской лавры.

Иеромонах Феофан был глубоко предан важному делу христианского воспитания, однако его влекло другое, а именно – уединенная монашеская жизнь. Его учебная работа соединилась с административными и хозяйственными заботами, к которым не лежала его душа, а поэтому внутренне он не был удовлетворен служебной деятельностью. Дух его стремился в более сродную ему сферу иноческого жития и молитвенного общения с Богом.

Вскоре представился случай к удовлетворению духовных потребностей отца Феофана. 21 августа 1847 года по собственному желанию он был назначен членом Духовной Миссии в Иерусалиме. И 14 октября 1847 года Миссия в полном составе отбыла из Петербурга в Палестину.

Шестилетнее пребывание на Востоке имело для иеромонаха Феофана большое духовное и нравственное значение. Посещая древние обители, он неутомимо изучал

писания святых отцов по древним рукописям, знакомился с уставом и житиями древних подвижников восточных обителей и святой Афонской горы.

Молодой аскет вошел в тесную связь с афонскими старцами, которые оказали благотворное влияние на направление его духовной жизни и впоследствии способствовали изданию его сочинений. Здесь, на Востоке, отец Феофан основательно изучил греческий и французский языки, познакомился с еврейским и арабским.

В 1853 году началась Крымская война. 3 мая 1854 года члены Русской Духовной Миссии были отозваны из Иерусалима в Россию. За свои труды в Миссии иеромонах Феофан был возведен 4 апреля 1855 года в сан архимандрита и 12 апреля назначен в Петербургскую духовную академию бакалавром по кафедре канонического права, а через полгода – на должность ректора Олонецкой духовной семинарии.

В исполнении должности ректора семинарии архимандриту Феофану предстояло много дел и хлопот. Олонецкая духовная семинария в это время была еще совершенно не устроена, даже не имела своего здания. Архимандрит Феофан занимается организацией строительства здания для семинарии. Однако главной заботой, отвечавшей высоким стремлениям души отца Феофана, было воспитание учащихся Олонецкой семинарии.

Помимо семинарии на архимандрита Феофана были возложены многие дела по епархии из-за отсутствия Олонецкого архиепископа Аркадия, который был вызван в Санкт-Петербург для присутствия в Святейшем Синоде. Исполняя поручения в этой сфере, он должен был соприкасаться с жизнью и деятельностью приходского духовенства. 17 октября 1855 года отец Феофан определен членом Олонецкой духовной консистории. Архимандрит Феофан заботился об улучшении проповеднической деятельности приходского духовенства и выработал целый ряд мер борьбы с расколом, который утвердился в форме даниловщины, филипповщины, аристовщины и странничества.

В 1856 году архимандрит Феофан был назначен на должность настоятеля посольской церкви в Константинополе.

Выбор отца Феофана на столь важный и ответственный пост обуславливался тем обстоятельством, что он был хорошо знаком с православным Востоком и был вполне подготовлен к этой должности.

Константинопольская Церковь в это время переживала большие трудности в связи с распрей греков с болгарами. Русское правительство и Святейший Синод, озабоченные скорейшим прекращением этой распри, поручили архимандриту Феофану собрать сведения, которые могли бы осветить положение греко-болгарской распри. Отец Феофан исполнил возложенную на него миссию и представил от 9 марта 1857 года отчет, в котором писал о движении среди болгар и о состоянии Константинопольского патриарха. Этот отчет имел впоследствии большое значение при обсуждении греко-болгарской распри Святейшим Синодом Русской Православной Церкви.

Своей симпатией к болгарскому народу, сочувствием к его законным требованиям, своим искренним желанием помочь им отец Феофан снискал себе большую любовь среди болгар. Озабоченный сложной ситуацией в Болгарской Церкви архимандрит Феофан не забывал и о благе Константинопольской Церкви. Он близко познакомился с внутренней жизнью Константинопольского патриарха, епископов, священников, содержанием церквей и духовенства, и ему открылась бедственная картина. Обо всем этом отец Феофан писал в своем отчете, взывая о помощи к «великодушной» России, которой «не следует оставлять своей матери по вере в этом беспомощном состоянии».

Во время своего пребывания в Константинополе архимандрит Феофан заботился и о русских, которые здесь жили, и предложил русскому правительству устроить в Константинополе госпиталь для русских матросов и паломников и просил также устроить «братство с церковью».

На православном Востоке он собрал много драгоценных жемчужин святоотеческой, главным образом аскетической письменности. Но недолго архимандриту Феофану пришлось быть в Константинополе: ему предназначалось новое, более ответственное поприще служения Церкви и Отечеству.

13 июня 1857 года указом Святейшего Синода архимандрит Феофан назначается на должность ректора Санкт-Петербургской духовной академии. Подчиняясь действию Промысла Божия, он в течение двух лет возглавлял высший рассадник духовного просвещения в Санкт-Петербурге.

Как ректор, архимандрит Феофан посещал лекции профессоров, присутствовал на экзаменах, следил за всем ходом учебного дела в академии. Особое внимание он обращал на воспитательную работу во вверенной ему академии. Одновременно отец Феофан усиленно занимался редакторской и богословской работой. Свои сочинения он публиковал главным образом в академическом журнале «Христианское чтение», который выходил тогда под его наблюдением.

Время ректорства архимандрита Феофана совпало с празднованием 50-летия открытия Петербургской духовной академии. Для проведения празднования юбилея, которое состоялось 17 февраля 1859 года, ректору пришлось понести много трудов. Святейший Синод наградил отца Феофана орденом святого князя Владимира III степени.

Недолго после этого события отцу Феофану пришлось быть ректором. Всеблагову Промыслу Божию угодно было возвести его в сан епископа, да будет всем, ищущим спасения, светильником горящим и светящим.

29 мая 1859 года состоялось наречение его во епископа Тамбовского и Шацкого. В речи при наречении епископа архимандрит Феофан сравнил свою жизнь и разнообразную деятельность с шаром, без грохота и шума катящимся туда и сюда, по направлению сообщаемых ему ударов. Отец Феофан выразил свою покорность воле Божией, свое смирение и недостойнство. В том же слове, обращаясь к сонму архипастырей, он поведал, что имеет тайное желание высших подвигов добродетели. «Не скрываю, – сказал отец Феофан, – что не чуждо было бы тайным желаниям сердца, если бы на мою долю выпало такое место, где бы я свободно мог бы предаться занятиям по сердцу». 1 июня митрополитом Георгием с собором епископов в Троицком соборе Александро-Невской лавры была совершена его хиротония.

Много забот и трудов пришлось понести владыке при управлении Тамбовской епархией. Служение преосвященного Феофана продолжалось только четыре года. Но за это короткое время он необыкновенной кротостью своего характера, редкой деликатностью и участливым вниманием к нуждам пасомых успел сродниться со своей паствой и снискать всеобщую самую искреннюю любовь.

Святитель Феофан проявил себя ревностным служителем во всех сферах церковной жизни. Почти каждое богослужение он сопровождал проповедью, и слово его, шедшее от сердца и дышавшее глубоким убеждением, привлекало многочисленных слушателей. Плодом его ревностного проповедания явился выпуск двух томов его слов к тамбовской пастве. В целях подъема народного образования при содействии преосвященного Феофана было открыто много церковно-приходских училищ, воскресных школ и частных школ грамотности, а также открыто женское епархиальное училище с шестилетним сроком обучения. Епископ Феофан в то же время заботился о повышении образования и самого духовенства. По его ходатайству пред Святейшим Синодом с 1 июля 1861 года стали выходить «Тамбовские Епархиальные Ведомости». Не оставлял владыка без внимания и благоустройство духовно-учебных заведений; так, он побудил начальство Тамбовской семинарии произвести капитальный ремонт семинарского храма.

Епископ Феофан всего себя отдавал на служение своим пасомым, уделяя малое время для сна. В дни скорби и мира он был любвеобильным отцом для всех. При своих многочисленных и разнообразных делах и заботах по управлению Тамбовской епархией святитель Феофан находил время и для учебно-литературной деятельности. К этому времени относится его богословский труд «Письма о христианской жизни», который включает в себя целую систему христианского нравственного учения.

Во всей последующей жизни в нем все больше пробуждалась склонность к уединению. Во время одной из поездок с целью обозрения храмов и монастырей своей епархии

святитель Феофан посетил Вышенскую пустынь, которая понравилась ему строгим иноческим уставом и красотой местности. Назначая туда настоятелем эконома архиерейского дома игумена Аркадия, владыка на прощание сказал ему пророчески: «Поезжайте, отец игумен, туда, а там, Бог даст, и я к вам приеду».

В 1861 году епископ Феофан пережил большую радость. По решению Святейшего Синода он принимал участие в торжестве открытия мощей святителя Тихона Задонского. Это событие произвело большое впечатление на Тамбовского архипастыря и послужило как бы особым благодатным освящением его собственного служения. Но недолго тамбовской пастве пришлось быть под управлением преосвященного Феофана: 22 июля 1863 г. он был перемещен на древнюю, более обширную Владимирскую кафедру вместо уволенного на покой епископа Иустина. В синодальном докладе было сказано, что преосвященный Феофан «настоящим своим служением снискал потребную опытность для управления столь обширной паствой».

Непродолжительно было служение епископа Феофана и во Владимире, но и здесь он проявил себя ревностным архипастырем и успел заслужить всеобщее уважение и любовь. Первым предметом попечения заботливого архипастыря Владимирской епархии было спасение вверенных ему душ через назидание, посредством проповеди слова Божия. Он поучал народ с высоты церковного амвона и в храмах епархиального города, «обходя грады и веси обширной, миллионной своей паствы». Посещая раскольнические центры епархии, епископ Феофан произнес целый ряд проповедей, а в конце 1865 года открыл в селе Мстере Вязниковского уезда Богоявленское православное братство.

Однако предметом самых усердных забот епископа Феофана явились церковно-приходские школы и духовно-учебные заведения епархии. Он закончил начатую его предшественником постройку общежития для учеников Владимирской духовной семинарии, открыл училище для девиц духовного звания.

С начала 1865 года по ходатайству святителя Феофана стали выходить «Владимирские Епархиальные Ведомости». За усердную и плодотворную архипастырскую деятельность во благо Церкви преосвященный Феофан 17 апреля 1857 года был награжден орденом святой Анны II степени, а 19 апреля 1864 года – орденом святой Анны I степени.

Но обширная практическая деятельность по епархиальному управлению не была сродна душе архипастыря. Как уже было сказано, с юных лет он стремился к уединению и идеал монашества видел в совершенном отречении от всех житейских забот. И вот теперь, после 25-летнего служения Церкви на различных поприщах, святитель нашел благовременным осуществить свое всегдашнее стремление. Посоветовавшись со своим давним духовным руководителем митрополитом Исидором, он подал прошение в Святейший Синод об увольнении его на покой с правом пребывания в Вышенской пустыни Тамбовской епархии. Ходатайство владыки было удовлетворено, и он 17 июля 1866 года был освобожден от управления епархией и назначен настоятелем Вышенской пустыни, где провел свою жизнь как ученый инок.

Но не возможностью покоя влекли к себе тихие монастырские стены сердце владыки, они звали его к себе на новый духовный подвиг. «Я ищу покоя, – писал епископ Феофан митрополиту Исидору, – чтобы покойнее предаться занятиям желаемым, с тем непременно намерением, чтобы был и плод трудов, полезный и нужный для Церкви Божией. Имею в мысли служить Церкви Божией, только иным образом служить».

Епископ Феофан прибыл в Вышенскую пустынь в качестве ее настоятеля. Суетная должность настоятеля нарушала его внутренний покой, и он скоро подает новое прошение – об освобождении его от этой должности. Святейший Синод удовлетворил его просьбу. Долгожданное уединение, к которому так настойчиво стремился святитель, наконец пришло по милости Божией.

По своему внутреннему устройству Вышенская пустынь представляла из себя общежительный монастырь. Устав и обычаи ее отличались большой строгостью. Святитель Феофан

до конца жизни чувствовал себя вполне счастливым на Выше. «Вы меня называете счастливым. Я и чувствую себя таковым, – писал он, – Выши моей не променяю не только на Санкт-Петербургскую митрополию, но и на патриаршество, если бы его восстановили у нас и меня назначили бы на него. Вышу можно променять только на Царствие Небесное». В первые шесть лет своего пребывания в Вышенской пустыни преосвященный Феофан не уединялся окончательно. Вместе с иноками обители он ходил ко всем церковным службам, а в воскресные и в праздничные дни сам совершал литургию в сослужении братии. Внешняя обстановка вполне соответствовала духовным потребностям святителя-подвижника. Он охотно принимал посетителей – родных и почитателей, искавших его духовных советов, вразумлений и наставлений, выходил из келлии на прогулку. Но в начале своего пребывания в Вышенской пустыни владыка испытывал борьбу с помыслами, которые внушали ему сожаление о раннем оставлении кафедры. В 1872 г. духовное начальство предлагало ему снова принять управление епархией, даже Московской, и в этом же году предлагало ему заседать в судном отделении Святейшего Синода. 1879 году он был приглашен в Японию через Святейший Синод. Но епископ Феофан отказался от этих приглашений.

После пасхальных дней 1872 года он начал вести затворническую жизнь. Он прекратил всякие сношения с людьми, перестал ходить в монастырский храм на богослужение и затворился в отдельном флигеле. С этого времени он принимал к себе только настоятеля пустыни, духовника игумена Тихона и келейника отца Евлампия. К этому времени епископ Феофан устроил в своих келлиях малую церковь во имя Крещения Господня, в которой служил Божественную литургию во все воскресные и праздничные дни, а в последние 11 лет ежедневно.

В богослужении и молитве, в подвигах телесных и духовных проходила большая часть затворнической жизни архипастыря. В свободное от духовных подвигов время он занимался учеными литературными богословскими трудами, писал множество писем к разным лицам, обращавшимся к нему с недоуменными

вопросами, с просьбами о помощи и наставлениях. Уйдя из мира и почти не встречаясь с людьми, епископ-затворник интересовался жизнью Церкви и своей родины. Он выписывал многие журналы, выходившие в его время.

В кабинете у него была огромная библиотека. При написании своих произведений святитель использовал обширную литературу на русском и иностранном языках. Все прочитанное он переживал, вынашивал, и постепенно из-под пера его выходили творения, подобных которым по разнообразию тематики и глубине освещения вопроса можно указать немного. В подвиге духовно-литературного творчества святитель Феофан видел великое служение Церкви Божией. Об этом он говорил в одном из своих писем: «Писать – это служба Церкви нужная».

Весьма разнообразны предметы и содержание творений Вышенского затворника. Почти ни одна деталь духовной жизни не ускользнула от его глубокого, внимательного наблюдения. Но главной темой всех его многочисленных произведений является спасение во Христе. При этом, как отмечают исследователи, творения Вышенского подвижника, «полные духовно-благодатного помазания... в возможной полноте и близости отражают дух учения Христова и апостольского». Сам перечень этих творений вызывает чувство благоговения перед великим трудолюбием, перед большой нравственной силой и духовной опытностью святителя-затворника. «Мы имеем полное право, – пишет один из биографов епископа Феофана, – назвать его великим мудрецом христианской философии. Он в такой же степени плодотворен, как и святые отцы IV столетия».

Основной для его богомудрых писаний служили почти исключительно творения восточных церковных учителей и аскетов. И как выдающийся знаток аскетической письменности, преосвященный Феофан не только отразил ее особенности в своих творениях, но и воплотил в своей жизни, проверив истинность святоотеческих предпосылок собственным духовным опытом. Его учение во многом родственно учению старца Паисия Величковского (память 15/28 ноября). Это особенно

заметно в раскрытии тем о старчестве, умном делании и молитве.

По содержанию сочинения епископа Феофана распадаются на три отдела: нравоучительный, истолковательный и переводный. Особенно большую ценность для богословской науки представляют многочисленные труды по христианской нравственности. В своих нравоучительных произведениях преосвященный Феофан изобразил идеал истинной христианской жизни и пути, ведущие к его достижению. Излагая свои мысли ясно и доступно для широкого круга читателей, святитель Феофан в сочинениях преподает основы святоотеческой психологии. Обозревая душевные и духовные способности человека, преосвященный Феофан глубоко проникает в его внутренний мир, в сокровенные тайники человеческой души.

Среди творений епископа Феофана почти не встречается трудов специального догматического характера, но поскольку нравственное учение христианства стоит в неразрывной связи с христианскими догматами, то в разных местах его трудов можно увидеть раскрытие и догматического учения. Догматический элемент в творениях свт. Феофана особенно важен потому, что разъяснения автора касаются высочайших и труднейших пунктов христианской догматики.

Одним из важнейших дел жизненного подвига преосвященного Феофана являются его замечательные труды по изъяснению слова Божия, которые представляют собой ценный вклад в русскую библиотеку.

В тесной связи со всеми трудами епископа Феофана в области богословия стоит его переводческая деятельность. Важнейшей из переводных работ святителя является «Добротолюбие», главный предмет которого составляют писания о духовной жизни основателей и великих учителей христианского аскетизма.

Особый вид литературных трудов преосвященного Феофана представляют его многочисленные письма, которыми он обменивался со всеми, кто просил его советов, поддержки и одобрения. Со всех концов России поступали в Вышенскую

пустынь письма к епископу-затворнику; нередко почта приносила их до 20–40 в день. «К нему обращались за советом, за разрешением недоумений, в нем искали утешение в скорби, облегчение в бедах все, начиная с сановников и кончая простолюдинами». В письмах епископ Феофан высказал те же положения, что и в своих творениях, но в более простой, ясной форме и в применении и к нравственному, и к общественному положению собеседников. Святитель, чутко улавливая духовные потребности писавшего, не жалея сил, обстоятельно и сердечно разъяснял все вопросы и недоумения. Он как-то особенно умел войти в положение писавшего и сразу установить с ним самую близкую духовную связь, где преобладали полная искренность и откровенность. Эту искренность и любовь к людям святитель сохранил до своей блаженной кончины.

Постоянным вниманием к себе, трезвением и бодрствованием подвижник-затворник достиг высокой степени духовного совершенства и сделался образцом веры и благочестия. Самоотверженная любовь к людям, которая видна из содержания обширной переписки святителя, была в нем той особенной нравственной силой, которая влекла к нему современников и продолжает влечь к его памяти и творениям последующие поколения христиан.

Все духовные академии Русской Православной Церкви избрали святителя Феофана своим почетным членом, а Санкт-Петербургская присвоила ему в 1890 году звание доктора богословия за многополезные богословские сочинения.

При всех своих добродетелях и высоких достоинствах епископ Феофан считал себя ниже всех. «Я вот и книги читаю, и пишу, – говорил он, – а у меня нет ничего похожего на то, что творили угодники Божии». Он готов был считать всех людей добрыми и святыми.

Дни жизни святителя-затворника постепенно умаялись, и он, сознавая это, спокойно ждал смерти. «Умереть, – писал владыка, – это не особенность какая. И ждать надо. Как бодрствующий днем ждет ночи, чтобы заснуть, так и живущим

надо впереди увидеть конец, чтобы опочить. Только даруй, Боже, почить о Господе, чтобы с Господом быть всегда».

6 января 1894 года, около четырех часов дня, епископ Феофан мирно скончался в день престольного праздника своего келейного храма Крещения Господня. Когда было подготовлено тело почившего к погребению и его стали одевать в архиерейское облачение, все присутствовавшие увидели, что на лице его просияла блаженная улыбка. Было ли это прощальное приветствие опечаленной братии обители или отражение блаженного ликования души – ведомо одному Богу!

Отпевание почившего епископа-затворника было совершено 11 января епископом Тамбовским Иеронимом при огромном стечении духовенства и народа. Тело почившего архипастыря было погребено в Казанском соборе Вышенской пустыни, в правом Владимирском приделе. Над могилой почившего усердием настоятеля обители архимандрита Аркадия и почитателей памяти епископа Феофана было воздвигнуто великолепное надгробие из белого мрамора с изображением трех книг Святителя: «Добротолубия», «Толкования Апостольских посланий» и «Начертания христианского нравоучения».

В одном из своих многочисленных сочинений епископ Феофан Затворник пишет: «Умершие продолжают и на земле жить в памяти живущих через добрые дела свои». Добрые дела епископа Феофана – это прежде всего его многочисленные творения. Святитель Феофан, посвятив свою жизнь поискам пути к вечной жизни, показал этот путь и следующим поколениям в своих богословских трудах.

На Поместном Соборе Русской Православной Церкви 6–8 июня 1988 года епископ Феофан Затворник канонизирован как подвижник веры и благочестия, оказавший глубокое влияние на духовное возрождение современного ему общества.

Макарий Писемский, преподобный

10 января, в день памяти преподобного Павла Обнорского, или Комельского, честно празднуется память одного из друзей и собеседников его – преподобного Макария Писемского. Не сохранилось известий, когда началось знакомство обоих отшельников. Древнее же предание говорит, что преподобный Павел обрел преподобного Макария во время странствований своих по монастырям прежде поселения в Комельском лесу, на реке Обноре, то есть до 1414 года. Предание называет родиной преподобного Макария село Данилово, расположенное по левому берегу речки Письмы, верстах в двенадцати от пустыни, откуда берет свое происхождение дворянское семейство Писемских, почитающее преподобного Макария в числе своих родичей. Первоначальное научение иночеству преподобный Макарий получил от преподобного Сергия в славной его обители, а отсюда, по любви к уединению, возвратился на родину и поселился в густом лесу близ речки Письмы. Это место сохранило наименование Старой Макариевой пустыни. Когда к отшельнику стал собираться народ и нашлись многие, пожелавшие поселиться возле него, преподобный Макарий устроил небольшую обитель в расстоянии версты от уединенной своей келлии и поставил деревянную церковь во имя Преображения Господня. Возле этой церкви преподобный и был впоследствии погребен.

По устройении собственной обители преподобный Павел не забыл о своем друге; со своей стороны, и преподобный Макарий устроенную им на Письме пустынь не почитал чужою обители Павловой. Единомыслие в разумении человеческой жизни и пользы уединения и безмолвия сближало обоих отшельников, почему в основание устроенных им обителей положены были, вероятно, общие начала монастырского жития. Но разную судьбу имели обители духовных друзей: обитель Обнорская сделалась многолюдной, а Писемская обитель оставалась небольшой пустынью. Однако связь между ними не прерывалась. Грамоты царей Иоанна Грозного (1566 г.) и

Михаила Феодоровича (1625 г.) называют Макариеву пустынь в Шачебальском стану приписною к Павло-Обнорскому монастырю.

В описи Павло-Обнорского монастыря 1683 года упоминается образ преподобного Макария и преподобного Павла – значит местное почитание подвижника в то время уже началось. О самом монастыре в описи говорится: «Да Павлова же монастыря пустыня Макарьева в Костромском уезде, в Шачебальском стану, на реке Письме, а в пустыни церковь Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа с приделом преподобного Павла, Обнорского чудотворца, верхи шатровые. Да в том же приделе гробница прп. Макария, а на гробнице покров, сукно черное, в середине висит крест».

При гробе прп. Макария совершилось такое чудо. В конце XVIII столетия сгорела церковь, под которой был устроен деревянный сруб над могилой преподобного, и на том месте, где находился этот сруб, не только не заметили горящего дерева и углей, но даже и пепла; все это место покрыто было необыкновенной росой. После пожара один любопытный зритель захотел вскрыть надгробие и посмотреть, что там находится. За это он был наказан слепотой.

В настоящее время мощи преподобного покоятся под спудом. На гробнице находится икона преподобного Макария; под пеленою лежит его посох.

От 1750 года хранится молитва преподобному.

Павел Обнорский, Комельский, преподобный

Преподобный Павел родился в 1317 году в Москве и по рождении принадлежал к благородной и благочестивой семье. Молодые годы свои он проводил под руководством богобоязненных родителей, крепко державшихся в жизни обычаев и порядков, освященных Православной Церковью. С детства отличался кротостью и смирением. Шумные детские игры, резвый смех, сладкие кушанья никогда не были ему привлекательны. Постоянное посещение церковных служб и внимательное слушание церковных молитвословий рано приучили Павла к сосредоточенности. Пост, бдение, молитва с отроческих лет вошли в его жизненные привычки и наклонности. Юный подвижник был очень милосерд и подавал обильную милостыню нищим.

Когда преподобный Павел достиг 22-го года своей жизни, родители настаивали, чтобы он вступил в брак. Но природные наклонности, благочестивые упражнения и глубокие размышления влекли его на иной путь. И вот тайно от родителей Павел уходит в обитель Рождества Христова на Прилуке и принимает иноческое пострижение. Новопостриженный инок предается усиленному посту и труду. Хлеб, соль и вода служили ему для питания тела; бдение, молитва и неослабное соблюдение правил иноческого жития питали дух его; свободное от церковной молитвы время он отдавал на исполнение монастырских послушаний, служа братии как бы последний, худший всех и всем слуга.

Устремляясь на высшие подвиги, преподобный желал иметь себе опытного наставника на пути добродетели. В то время сиял своими подвигами и чудесами преподобный Сергей Радонежский, и Павел, слыша о великом подвижнике, отправился в обитель Живоначальной Троицы. Преподобный принял его с любовью; прилежно испытал пришельца, преподобный убедился, что он исполнен страха Божия и с великим тщанием прилежит подвигам добродетели, а потому и начал наставлять его на путь спасения. Преподобный Павел

отказался от своей воли и отдал всего себя воле наставника, полагая в этом первую обязанность инока. В обители преподобного Сергия Павел с полным усердием нес послушания на кухне и хлебопекарне. С усердием и благоговением посещал подвижник храм Божий, с неослабным вниманием выслушивал слова церковных молитв и песнопений. Воздерживался от праздных разговоров, от излишества в пище. По смирению своему считал себя последним из братии. Своими подвигами преподобный Павел достиг дара умиления и обильного источника слез.

Так прожил преподобный в Радонежской обители немало времени и заслужил от братии общее почитание и славу. Но честь и слава от людей не привлекали подвижника: он стал просить у преподобного благословения на уединение и, получив разрешение, провел в отходной, или уединенной, келлии пятнадцать лет. Здесь труды телесные и непрестанная молитва наполняли все его время. Беседы с людьми он заменил и с великой пользой углублением в Божественные Писания. Напоенный же священными словами Писания, как древо при водном источнике, преподобный безмолвник возрастил в себе благодатный дар слова: слово его было растворено Божественной солью. И братия устремились за поучением к отшельнику, прерывая подвиги его уединения. Возрастала молва о проникновенных поучениях блаженного, но он находил, что для него самого полезнее бежать от братии. К великому Арсению было слово от Бога: «Бежи, молчи, безмолвствуй – и в сем корень несогрешения. Бегай от людей – и спасешься».

Размышляя об этом и полагая, что обращение с людьми принесет ему смущение и оторвет от богомыслия, преподобный Павел упросил своего наставника благословить его на пустынножительство.

Преподобный Сергей, зная духовную зрелость Павла, благословил его на отшествие в пустыню и, отпуская с молитвой, вручил ему непобедимое оружие – крест Господень, как верное напутствие. Сей медный крест до последнего времени хранился на гробе преподобного Павла в устроенной им обители.

Выйдя из Троице-Сергиева монастыря, преподобный Павел отправился на север, за Волгу, в лесную пустыню и переходил с одного места на другое: жил некоторое время в уединенной келлии недалеко от Успенского Аврамиева монастыря, но отсюда был изгнан игуменом; потом подвизался вблизи Городецкого Феодоровского монастыря; жил и в других уединенных местах. Потом ушел он в отдаленный Комельский лес и остановился на речке Грязовице, избрав себе для жительства дупло липы, в котором провел три года в полном уединении, в подвигах молитвы и поста, в созерцании, освобождавшим ум преподобного от пристрастия ко всему земному.

Но Господу было угодно, чтобы преподобный Павел послужил спасению других, наставляя их и своим словом, и примером подвижнической жизни. Преподобный оставляет дупло липы и еще раз переменяет место подвига: переходит к речке Нурме в том же Комельском лесу, где впоследствии он основал свою обитель. Здесь преподобный Павел построил себе малую хижину и выкопал колодезь в полугоре.

На новом месте он предался обычным своим подвигам поста и молитвы. Подвижник был уже престарелый возрастом: к тому времени он уже прожил лет 70. Но немощи старости не ослабили его ревности; наоборот, молитвы и славословие к Богу становились еще продолжительнее, пост суровее прежнего: пять дней в неделю пребывал преподобный совсем без пищи и только в субботу и воскресенье принимал немного хлеба и воды. Блаженная жизнь его была подобна жизни первого человека до грехопадения. И действительно, птицы и звери, даже хищные, мирно паслись возле жилища праведника, утешая его незлобием. К нему приходили заяц вместе с лисицей и принимали пищу из рук святого старца. Вились птицы. Являлся медведь и смирно ждал себе пищи. Правда, здесь испытал преподобный сильные искушения от врага человеческого рода, но, укрепившись ранее в добродетели, он победил все искушения и досаждения демонов, ограждая себя крестным знамением креста Христова. Еще менее могли

вредить злые люди, пытавшиеся овладеть имуществом в хижине преподобного, который сам тяготился земными вещами.

О подвигах отшельника узнали в окрестности. Стали приходить к нему в уединение ради поучения, ибо слову его дана была премудрость, разум и утешение. И слышавшие наставления и видевшие житие преподобного почитали его уже не как человека, а как Ангела Божия. Многие просили его разрешения поселиться с ним в пустыне и пользоваться его руководством на пути спасения. Преподобный долго отказывал им, называя себя недостойным быть учителем, но уступил неотступным просьбам и стал принимать братию и устанавливать правила общего жития. Однако он действовал не как старейшина и начальник, но как самый последний из братии – тихо и кротко. Он нисколько не послаблял требований иноческого устава, но умел заставить сподвижников выполнять его добровольно и охотно. Своей кротостью, долготерпением в обхождении, своим примером и попечительностью о каждом преподобный Павел объединял всю братию. Его поучения были исполнены удивительной простоты и мягкости чувства. «Чада, – говорил он, – сколько сил имеете, подвижайтесь о своем спасении, прежде чем наступит время, когда принуждены будем плакать о нынешней лености. Если кто скажет, что немощен и слаб он, я отвечу: а ты по силе своей положи начало подвигу, и Бог даст тебе помощь на все доброе. Разумея это, воспрянем от сна духовного, пойдем тесным путем, ведущим в жизнь вечную, предадим тела свои на труд, и на пост, и на молитву, и на воздержание, и на поклоны: с усилием достигается Царство Небесное. Пожалеть придется, если из-за своей лености мы лишимся вечной жизни: понудим же себя в этом кратком веке. Не будем лениться, братия, и угождать тленному телу, не будем забывать, что всякий увлеченный временным житием сим лишится жизни вечной. Раскроем книги и прочтем жития святых отцов и найдем много полезного. Сколько отцы исправляли себя, сколь были смиренны, до какого изнеможения и унижения себя доводили! С какой тихостью и чистотою жили они! Бдение, молитва, покаяние, слезы; если мы не потерпим этого, никогда не будем оправданы. Напишем же на скрижалях

сердце наших наставления, какие оставили нам святые отцы, да не будут нам во осуждение словеса их в день судный».

Собравшееся возле преподобного Павла братство не имело сначала своей церкви. Построение церкви и с нею образование монастыря сопровождалось особыми знамениями. Как-то ночью на молитве преподобный слышит звон на том месте, где стоит теперь его монастырь. И это повторялось не раз и не два, а многократно, причем звон в праздники отличался от звона в будни. Преподобный долго почитал слышимый им звон за мечтание. Но вот случилось, что он услышал звон в пасхальную светносную ночь, звон сильный. Открывает он оконце своей келлии и видит свет, сияющий на месте, где ныне стоит церковь Живоначальной Троицы. Слышание звона и видение света исполнили сердце его великой радостью и убедили, что благоволение Божие к месту сему несомнительно и что здесь прославится святое имя Божие. Поведал он обо всем братии, и все славили и благодарили Бога.

Взяв одного из братии, Павел отправился в Москву испросить благословение у митрополита Фотия на построение церкви во имя Живоначальной Троицы. Митрополит сперва не только не исполнил просьбы преподобного, но и обошелся с ним сурово, говорил немилостиво и отказал преподобному в просьбе построить церковь и открыть монастырь, вероятно, принимая подвижника за тех людей, которые строили монастыри не по искреннему влечению к монашеству, а ради телесного покоя, чтобы получать доходы и управлять братией в сане игумена. Уверенный в правоте своего прошения, Павел скромно заметил, что храм будет устроен, если то угодно Богу, и удалился. В следующую ночь владыка Фотий по особому внушению уразумел, что несправедливо суров был к человеку Божию, и немедленно послал за ним. Не без труда нашли преподобного в одном из московских монастырей и привели к митрополиту. Фотий встретил его с честью в дверях своего дома и стал подробно обо всем расспрашивать, испросив прощение за вчерашний прием. Павел поведал владыке откровенно, в чем нуждался. И речи преподобного и кроткий нрав его расположили к нему святителя; он не только дал просителю благословение

на построение церкви и монастыря, но и вошел в это дело личным участием, преподал Павлу наставления о том, как подобает устроить спасение душ человеческих, и вручил ему богатую милостыню, между прочим, одежду свою. Последнюю смиренный отшельник едва согласился принять. Отклонил от себя преподобный и честь священства, так что поставлен был на эту ступень ученик его Алексий.

По возвращении Павла из Москвы на место его обитания храм во имя Живоначальной Троицы и при нем монастырь были воздвигнуты. К этому приложили все усердие свое братия, число которых все возрастало и возрастало. Обращаясь к новому виду жития, от отшельнического к монастырскому, преподобный Павел сразу указал для своей обители правила монастырей общежительных, ссылаясь на древние предания святых отцов. Всем вместе и каждому отдельно он неустанно повторял наиболее важные правила общежития: в келлиях ничего не иметь и своим не называть, но все иметь общее; серебро и подобные ему необходимые стяжания держать в монастырской казне, откуда и брать по мере действительной нужды, по правилам Великого Василия и прочих святых отцов. Кто одержим жаждою, должен идти в трапезу и там утолять жажду; хлеба и ничего съестного в келлиях не держать, ни воды, разве для мытья рук. В келлиях братии должны быть только иконы и книги – они приняли на себя добровольную нищету. Одно попечение должно быть у каждого: превосходить других смирением, нестяжательностью и любовью. В церковь приходить каждый должен, не опаздывая; стоять в ней, не разговаривая друг с другом. Также и в трапезе должно быть общее молчание. Преподобный усиленно настаивал на безмолвии: лучше с высоты упасть, чем повредить себе языком. И за общими монастырскими работами не должно быть празднословия: работая, каждый да хранит свое любомудрие молитвою. Кто знает рукоделие, пусть трудится и сработанное отнесет в казну, ибо надлежит братии не только кормиться трудами, но показать любовь и о нищих. В утешение ослабевающим преподобный говорил, что от монастырской казны каждый получит и одежду, и обувь, и пищу и что не

следует иметь ничего своего, чтобы не соделаться рабами того, что называем своим. Пусть никто не принимается за дело по своей воле, но да слушает во всем волю и желание отцов искусных. В праздности же никому отнюдь не оставаться: праздность бывает виною многих зол, как, наоборот, безмолвие есть мать добродетелям многим, а потому никто в праздности да не заходит к брату своему, но да пребывает за трудом и в безмолвии. Настоятельно запрещал преподобный приносить питья пьянственные. «Пьянство, – говорил он, – всем злым делам корень. Не имейте питья пьянственного, да не прогневаете Бога; предавая погибели свои души и многих соблазняя, навлечете на себя пьянством проклятие и горе». Полное воздержание от крепких напитков преподобный предписывал при своей жизни; просил соблюдать его и после своей смерти.

Желая поддержать строгость общежития, преподобный Павел заповедал изгонять из монастыря нарушителей установленных правил, «да и прочая братия страх имут». Впрочем, при жизни преподобного трудно было и представить себе появление таковых нарушителей, ибо все почитали наставника своего как Ангела Божия.

Устроение душ братии началось ранее построения монастыря; и как только готов был храм и начались уставные службы, монастырь оказался духовно благоустроенным. Митрополит Фотий прислал на имя преподобного Павла, просившего об антиминос для вновь устроенной церкви и о наставлении для иноков новой обители, нарочитое послание. «Ты прислал ко мне грамоту, – писал Московский святитель, – и пишешь, что собрал уже в обитель желающих. Не только не препятствую этому, но посылаю благословение и молю Милостивого Бога, да просветит то место и да прославится имя Его в вас. Я послал антиминос для освящения храма Божия. Когда был ты у меня, помнишь, сын мой, сам ты много говорил, каковым надо быть духовному наставнику. Ему надлежит быть образцом для всех, в день Великого Суда ему придется ответ дать за вверенные ему души. О том же и я пишу: будь внимателен, кого и откуда принимаешь к себе. Они приходят в

безветренное пристанище, во святую обитель, принимают на себя ангельский образ, обещают переносить до последнего издыхания всякую тяготу, и сие исповедание записывается Ангелами, хранится в руке Творца нашего и Владыки Христа, Коему даем мы обеты свои, и предъявлено будет нам в день Великого Суда».

Далее святитель обращается к братии новоустроенной обители: «Пишу любви вашей, собравшейся о Христе, – помните, что, подчинив временное вечному, придя в безветренное пристанище, приняв на себя великое иго, вы решились работать Небесному Царю. Обещание ваше дано не Ангелу, или царю, или князю земному и временному, а Самому Царю царствующих. С сим нашим исповеданием придет Господь в день Страшного Суда и воздаст каждому, кто чего стоит. Поэтому молю вас внимать таковому исповеданию и ограждать себя словом Христовым: *Никто же возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии (Лк. 9, 62)*. Молю вас, потщитесь совершить подвиг свой по званию вашему, старайтесь сохранить ризу спасения и шлем нелицеприятия чистыми и представить себя непорочными своему Владыке. Будьте непоколебимыми воинами Христовыми, мужественно и смело боритесь крепкими борцами. Супостат наш диавол не хочет спасения нашего, раскидывает противу нас свои сети и козни и уловляет в свою волю и не терпит, чтобы возвышались мы над тлением...»

По устройении монастыря, поручив игумену управление, сам преподобный пребывал в отходной келлии своей в безмолвии и молитве. Но это не значит, что он совершенно отделил себя от остального мира. Нет, никто из приходящих не был лишен его утешения и назидания. На общую молитву с братией преподобный приходил два раза в неделю: по субботам и воскресным дням. Тогда он присутствовал и за общей трапезой, но вкушал только помалу воды, хлеба и овощей. Ни рыбы, ни масла, ни молока он не ел никогда: вся жизнь его было пост и воздержание. И при такой суровой жизни он сохранил до конца нрав мягкий, был светел лицом и душою превесел. Доступен он был для каждого, и днем и ночью всех встречал приветливо и

отпускал с полезным наставлением. Приходил ли к нему одержимый страстью – получал врачевство, искал ли его беседы отягченный скорбью – находил у него утешение. Молитва, богомыслие и углубление в святоотеческие писания приобрели ему дар проникновения, духовной прозорливости. Посему он постигал и невысказанные тайные помыслы собеседников и исцелял их своим словом.

Когда же оставался один, подвижник углублялся в молитву или со славословием на устах прилежал труду внешнему. При его престарелом возрасте братия почитали труды обременительными для него и просили, чтобы он более оставался в покое.

Преподобный же не соглашался с ними и указывал самой братии в непрестанном труде искать врачевства от злых помыслов, искушающих монаха, предающегося праздности. Речи его о борьбе с злыми помыслами молитвою и трудом исполнены были глубокой назидательности и настойчиво повторялись перед монастырской братией.

Преподобный Павел достиг глубокой старости, и тело его стало изнемогать. Бодрый духом, он терпеливо переносил болезнь свою, но уже безмолвствовал совершенно, в молитве и созерцании очищая ум свой, чистым сердцем созерцая славу Господню. В день Богоявления, перед Божественной литургией, окруженный братией, преподобный глубоко вздохнул и прослезился. Братия приступили к нему с расспросами. Преподобный молчал, а потом, уступая просьбам, промолвил: «В этот день и час нечестивые татары взяли город Кострому, предали его огню и мечу, а многих жителей увели в плен». Потом все это и подтвердилось: город действительно был взят 6 января 1429 года татарами.

Немного дней спустя, чувствуя приближение своей смерти, преподобный Павел созывает к себе всю братию и обращается к ним с последним наставлением: призывает во свидетели Бога, что главное его желание – не разорять введенного общежития, а потом повторяет то, что говорил им неоднократно прежде: «Соблюдайте введенный устав и порядок и после отшествия моего. Церковную службу творите без лености, с благоговением

и умилением. В келлиях молитесь, занимайтесь рукоделиями и чтением Божественных книг. Сохраняйте общий мир в обители, почитая каждого брата честью выше себя. Пищу и питье немятежное имейте и противословия удаляйтесь, обуздывая язык свой. Пьянственного питания, молю вас и запрещаю, никогда не имейте, дабы не прогневать Бога и не разрушить весь монастырский устав. Если пребудете в страхе Божиим, Господь не лишит благ Своих место сие и ни в чем оно не будет терпеть недостатка. И сам я, если обрету дерзновение пред Богом, буду и там молиться за вас и за монастырь, да будете благоуспешны. Если бы кто нарушил устав общежития, изгоните такового: подобает нам от таковых удаляться. Если кто несправедливо терпит, надейся на милость Божию. Грешен будет, пусть молится, и простится ему». Братия стояли вокруг отходящего праведника и плакали. «Не скорбите обо мне, – говорил он, – имейте любовь между собою, и Бог не оставит вас. Буду молить Живоначальную Троицу, если получу дерзновение, да распространится и прославится место сие. И Бог мира да будет с вами».

В самый час своего исхода преподобный Павел сподобился причащения Святых Таин. Благословив братию и перекрестившись, он возлег на одре, с молитвою на устах предавая душу свою Господу.

Преподобный скончался 112 лет от рождения 10 января 1429 года. Двадцати двух лет он принял иноческое пострижение и жил по разным пустыням около 50 лет, а в Комельском лесу около 40 лет. И так 90 лет своей жизни он посвятил деннонощным трудам иноческим. Братия похоронили тело его возле храма Живоначальной Троицы с великой честью и благоговением.

По преставлении преподобного наставником братии остался ученик его Алексей, достойный называться игуменом по добродетельному житию своему и обычаям, ревнивый поборник заветов своего наставника.

По преставлении преподобного Павла от святых мощей его излились многие чудеса. Слепые, глухие, немые и одержимые

другими болезнями получали исцеление по молитвам угодника Божия.

Во время игуменства Иларионова воры задумали разграбить монастырь, льстясь более всего на церковные сосуды. Пришли ночью к монастырским воротам, надеясь легко проникнуть внутрь обители. Но совершенно неожиданно разверзается перед ними глубокая пропасть, а из нее поднимается пламя. Объятые страхом воры побежали прочь. На другую ночь они встретили кругом монастыря множество людей: одни упражнялись в стрельбе, другие – в метании копий, третьи – в борьбе. В удивлении, откуда явилось здесь столько людей, воры опять отошли назад, не причинив зла обители. На третью ночь они нашли весь монастырь освещенным, как бы стоящим в огне. До утра они простояли в раздумии о значении виденного; а как только рассвело, пошли к игумену и принесли ему покаяние.

В те же времена воры хотели украсть скот из монастырского стада. Но всякий раз, как они приходили со своим злым умыслом, они встречали возле стада седого старца с густой бородой, не дававшего животным расходиться и оберегавшего их от похитителей. Воры после многих неудачных попыток опомнились, пришли в монастырь и рассказали обо всем игумену Илариону. Игумен увещевал их честно трудиться и, взяв обещание впредь не воровать, отпустил их.

В 1538 году на Вологодский край напали татары. Проникли они в Комельский лес и начали жечь монастыри. Услыхали об этом иноки Павлово-Обнорской обители, и большая часть их разбежалась. В монастыре осталось всего десять дряхлых старцев, которые или не могли уже бежать, или же не хотели оставить святого места. Сошлись они в одной келлии и всю ночь провели в молитвах и слезах. Один из старцев, Ефрем, задремал от утомления и увидел преподобного Павла. Преподобный подошел к старцу, взял его за руку и сказал: «Брат Ефрем! Вас ждет тяжкая скорбь от нечестивых варваров; тебя изрубят и еще двух с тобою, один поболее и выздоровеет. Не скорби: эта смерть будет в жизнь вечную, а монастырь ваш хотя будет сожжен и ограблен, но выстроится еще лучше и

станет богат». Все это точно исполнилось по предсказанию преподобного. Ефрем пересказал слова чудотворца своим братьям. Ночь прошла спокойно, но около полудня, когда старцы пели часы в трапезе, подъехали к монастырю конные татары. Объятые ужасом старцы начали возлагать на себя схимы и прощаться. Между тем враги были уже в монастыре. Одного старца, вышедшего из трапезы, они раздели, изранили и умертвили, отрубив ему голову. Двое скрылись в трапезе: один – под печью, другой – в трубе, а один инок прошел незамеченным среди врагов и спасся. Несколько старцев бросились в церковь и начали молиться Богу о спасении. Татары побежали за ними, сорвали с несчастных схимы и одежды, избили их, изранили и, оставив еле живыми, бросились грабить келлии. Старец Ефрем был изранен в келлии и через 10 дней скончался; скончался и другой старец Митрофан, но келейник Ефрема Мина сверх всякой надежды выздоровел после продолжительной болезни.

Татары изрубили и изранили также и мирян, монастырских слуг, встретившихся им вблизи монастыря. Один из них чудесно исцелился от тяжких ран молитвами преподобного Павла. Зажегши монастырь, татары поехали прочь и встретили монастырского слугу Иоанна; раздели его донага, изранили до того, что Иоанн пять часов лежал без сознания; особенно тяжелы были раны на шее: она оказалась чуть не перерубленной. Придя в себя, Иоанн дополз до пустой избы, и когда лежал в ней, страдая от ран и от мороза, вдруг услышал через окно избы голос: «Встань и иди отсюда в дом свой, иначе здесь погибнешь». «Как мне идти? – спросил раненый. – Ноги поднять не могу, уже душа выходит из меня». – «Помолись Живоначальной Троице, призови на помощь Павла и приложи бумагу к ранам». «Где же мне взять бумаги?» – возразил Иоанн.

Но тотчас же увидел около себя бумагу. Он приложил ее к ранам, почувствовал облегчение и скоро заснул. Его беспокоила мысль о том, как ему, раздетому, в мороз и ветер добраться до дома, который стоял за три версты. Но благолепный старец уговаривал его не сомневаться в Божией помощи и немедленно идти домой; Иоанн с радостью и необыкновенной легкостью

прошел три версты до своего дома. Но здесь силы покинули его. Долго лечился он от тяжелых ран: первоначально лежал без движения и не принимал пищи, так что домашние отчаялись в его выздоровлении, но Иоанн не переставал молиться своему заступнику преподобному Павлу о своем исцелении. И вот он увидел перед собою того же старца, который являлся ему в пустой избе. Старец подошел с ножом к его постели, разрезал живот больного, вынул оттуда внутренности и, очистив их ножом, снова вложил на место. Иоанн в страхе воскликнул: «Отче, я просил, чтобы ты исцелил меня, а ты изрезал мою утробу». «Я не утробу твою режу, – тихо отвечал чудотворец, – а только отнимаю болезнь». И тотчас вышел. После этого Иоанн почувствовал себя совершенно здоровым.

В Вологде жили два брата. Один из них заболел. У него начала сохнуть рука, и он принужден был слечь в постель. Ослабел он до того, что не принимал пищи и три дня не мог произнести ни слова. Тогда он вспомнил о преподобном Павле, обратился к нему с мольбою о выздоровлении и дал обет принять пострижение, если поправится. Один, со своей мысленной молитвой, пребывал больной в комнате. Вдруг он видит возле себя глубокого старца с большой седой бородой. Старец склоняется над больным и с силою жмет его бок пальцем. Больной чувствует, что не спит, что перед ним действительно старец, который быстро стал удаляться из комнаты. Больной начал звать брата: «Григорий, кто это к нам приходил? Зачем ты не предупредил меня? Хоть бы благословение я принял у старца!» Брат был удивлен, что больной, молчавший три дня, заговорил; объяснил ему, что к нему никто не входил. Больной стоял на своем; вдруг он заявляет, что чувствует себя лучше и просит есть. Скоро он совсем поправился, только рука оставалась сухой и в повязке.

Вспомнив о своем обете, болевший рассказывает обо всем брату, и оба они отправляются в монастырь преподобного. Едва завидели они главы храма Живоначальной Троицы, сухорукий со слезами воззвал: «О, преподобне отче Павле, сподоби мя видеть монастырь свой». И вдруг он почувствовал зуд в

больной руке. Снял повязку, а за нею с больной руки, как чешуя, спала сухая кожа, и рука стала совсем здоровой.

По приходе в монастырь братья рассказали о происшедшем монастырской братии (ибо настоятеля в те дни не было). Все прославили Бога и угодника Его – преподобного Павла, а братьев с любовью приняли в монастырь.

У одного боярина, по имени Мелетий, сын Феодор вел нетрезвую и буйную жизнь. Невоздержание привело Феодора к тяжелой болезни. То в унынии он бросался в огонь или в воду, то в бешенстве метался на людей, то кричал звериным голосом, то грыз себе язык, то ослабевал до полного изнеможения и уста его покрывались пеною. Отец по совету христоролюбивых людей надумал обратиться в обитель преподобного Павла, но буйный сын крепко восстал против такого намерения. Силою посадили его на коня и по несколько человек с обеих сторон держали. Несчастный изрыгал хульные глаголы на преподобного, называя его тунеядцем, хотящим его убить. По настоянию отца подвезли больного к монастырю. Здесь вопли больного усилились. Ему казалось, что страшное воинство с черными лицами и медными очами заграждало путь через монастырские ворота. В исступлении больной упал без чувств. Его положили на носилки и так доставили к гробнице преподобного и приложили к ней. С криком: «Горю!» – больной вскочил на ноги, но тут же почувствовал себя здоровым. Начался молебен. Исцеленный от болезни припал ко гробу преподобного и затем в течение всей своей жизни не забывал его обитель.

По введенному преподобным общежительному монастырскому уставу в монастыре отнюдь не допускалась держать пьянственного питья, а по келлиям – хлеба или чего-нибудь съестного. Однако впоследствии встречались нарушения этих правил, и преподобный строго наказывал нарушителей своего устава.

Двое из монастырской братии уходили в другие обители и забыли обеты общежития. Принятые вновь в монастырь преподобного Павла, они вздумали было в келлии готовить себе пищу: один начал варить, а другой пошел в трапезу, чтобы тайно взять там хлеба. Вдруг оставшийся слышит голос:

«Окаянные, что преступаете заповедь Божию и разоряете закон монастырский?» Полагая, что ему послышалось, брат продолжает свое дело. Голос повторил: «Безумный, перестань!» И в этот миг работавший над приготовлением пищи в келлии падает без чувств, пена выступает на устах его. Приходит ушедший за хлебом; видя пораженного, сознает грех свой и начинает молить: «Преподобне отче Павле, прости нас, мы нарушили твою заповедь и монастырский устав; никогда впредь не допустим этого». Вместе с тем, выбросив приготовленную пищу, он дал обет не готовить ее в келлии. Молился он и о пораженном брате, который стал приходить в чувство. Первыми словами очнувшегося была молитва: «Прости меня грешного, преподобне отче Павле, и избави от лютой болезни сей». И по молитве он встал и также дал обет держать строго устав общежития.

Один брат служил в квасоварне. Он как-то впал в искушение: стал уносить сусло в келлию и там готовить себе квас. И это продолжалось два года. За такое нарушение устава он был поражен расслаблением, от которого не мог оправиться в течение многих лет до самой смерти своей.

Другой брат в подобном же искушении нес сусло в келлию. Ему пришлось проходить мимо гробницы преподобного, и едва он поравнялся с нею, как поражен был расслаблением. Только после усиленной покаянной молитвы и обета мог он встать и рассказать обо всем этом игумену.

А еще один из братии, служивший больным, вздумал забрать всю их одежду и унести ее. С чужим добром вышел он в поле, но тут нога перестала у него служить и рука иссохла. Монастырские люди нашли вора, привезли в обитель. Здесь он и умер неизлеченный.

Монах Митрофан за тайное питание в келлии поражен был на глазах у всех в церкви. По молитве братии он несколько оправился, но рука и нога у него оставались больными до смерти, в наущение той же братии.

Бесноватые нередко получали исцеление по молитвам преподобного Павла. Одержимый Артемий, исцеленный у раки преподобного, рассказывал потом, как целое воинство

бесовское гналось за ним, возбраняя путь в обитель, с каким ожесточением они хотели отсечь ему голову, а невдалеке от монастыря остановились, воскликнув: «Ушел-таки от нас, идти за тобою не можем».

Бесноватый Леонтий из селения Обнора, исцеленный во время молебна, свидетельствовал потом, что злой дух и в обитель его не пускал, и в обители мешал молиться. С грозным оружием в одной руке он все застилал перед больным раку преподобного ризою, которую держал в другой руке. Во время молебного Евангелия преподобный Павел встал из гроба с посохом, ударил врага и тот исчез, а вторым ударом изгнал беса из больного.

Житель Москвы Симеон был болен глазами: веки его покрылись язвами, а зрачки – бельмами. Три недели провел он в обители преподобного Павла, часто приходя к его гробнице. Услышана была молитва его. Средством исцеления послужила вода из колодца, ископанного самим преподобным при жизни его. Больной умыл лицо свое и прозрел.

Симон, житель селения Кубены, тайно оставил родной кров свой и отправился в путь. Придя в Троицкий Белопесоцкий монастырь на реке Оке, он был принят игуменом и братией, но вскоре тяжело занемог. У него утратилась способность двигать руками и ногами, затем ноги опухли и покрылись язвами. Недавний пришлец в обители, никому неведомый, он оказался совсем заброшенным и сильно страдал. Странник Алексей, родом из Вологды, обратил на него внимание и, будучи почитателем святынь своей области, спросил больного, знает ли он монастырь преподобного Павла на своей родине. Оказалось, что больной не знает этой обители, но слышал о ней. Странник поведал Симону о чудесах, какие бывают по вере и молитве притекающих к Обнорскому чудотворцу, и расположил молиться ему и Пречистой Матери Божией. При свидании с человеком, пришедшим с родины, где еще живы были родители, где сам он когда-то был счастлив, мучительно горько показалось больному настоящее его состояние, когда всеми забытый и заброшенный страдал он на чужой стороне. Он сердцем почувствовал силу слов евангельских, какие привел ему странник на память:

Просите, и дано будет вам; ищите и найдете; толките, и отворят вам, ибо всякий просящий примет и ищущий находит и стучащему отворят (Мф. 7, 7–8). И вот в душе его возгорелась искренняя молитва: «Пречистая Матерь Христа Бога нашего, услышь меня, грешного, прокаженного душою и телом, услышь непотребного, на чужой стороне тяжело страждущего, и сотвори молитву Сыну Своему, Христу Богу нашему, да и меня помилует, как воздвиг расслабленного при Овчей купели, тридцать восемь лет лежавшего!»

Призывал он и преподобного Павла и давал ему обет: даже по малом облегчении пойти в монастырь его и остаться там на всю жизнь, чтобы трудиться на братию. Молитва его была услышана. Получив же облегчение, Симон отправился на север. По пути туда, в Москве, он встретил знакомого своего отца и вместе с ним доехал до родного дома. Родители, давно потерявшие сына из вида, считали его уже умершим и были несказанно обрадованы его возвращением. Симон рассказал им по порядку обо всем, что с ним произошло, не умолчал и о данном преподобному Павлу обете. Родители сначала уговаривали сына отложить пострижение до их смерти, просили только погостить у них, а потом склонили его вступить в брак. Симон из любви к родителям, у которых все остальные дети перемерли, остался в родном доме, а потом стал и забывать о своем обете.

Как-то ночью Симон чувствует, что к нему возвращается прежняя болезнь – действительно, его опять постигло расслабление, и ноги его прикорчились к чреву. Сам больной не замедлил понять причину возвратившегося недуга. Поняли и родители, что неправильно задерживали сына. Не без труда доставили несчастного в монастырь. Состояние его было ужасно. Ему приходилось ползать на чреве своем или же валяться на хребте. 15 недель провел он в таком состоянии, слезно оплакивая свое согрешение и умоляя о помиловании. В одну ночь больной Симон, лежавший в какой-то уединенной храмине за монастырской оградой, молился и имел видение. В ослепительном сиянии света он видит Пречистую Богородицу, в отдалении же от Нее – благолепного старца с большой густой

бородой. Пречистая обличала больного, обратив к нему такие слова: «Встань, человек, что лежишь! Пойди в церковь на молитву. Здесь никто из живущих не пребывает в лени, но всякий молится и по силе своей трудится. Ты же столько времени в монастыре и без труда хлеб снедаешь».

«Воздвигни его, Владычица! – умолял Богоматерь старец, – и ныне да идет на молитву».

И взяв его за два перста правой руки, Она потянула его. Больной в страшном смущении вскочил и бросился в монастырь, не сознавая, жив он или умер. Несколько часов прошло, пока он очнулся и получил дар слова. И горяча была благодарственная молитва его у гроба преподобного.

Двинянин Симон рассказал о себе следующее: «Мы шли по морю в ладье, направляясь от реки Злотицы в реку Двину. Всех нас было пятнадцать человек. Попутный ветер неожиданно перешел в бурю, паруса сорвало, руль сломало. Смерть была неизбежна. Но среди нас было двое, живших раньше в монастыре преподобного. «Молитесь Павлу Обнорскому, – убеждали они нас, – через него бывают многие чудеса». Мы лежали ниц в ладье и горячо молились. Неожиданно раздается над нами голос: «Встаньте». Поднимаемся и видим, что ладья пристала куда нужно, а от нее уходит старец с большой и густой седой бородой. Один из нас, лежа на дне лодки, видел этого старца у кормы, как он жезлом своим заменял нам потерянный руль. Мы прославили Бога и угодника Его преподобного Павла и с радостью пошли в дома свои».

Боярин Симон Литвин не верил в чудеса преподобного. Раз, посещая монастырь для молитвы Пресвятой Троице, он шел мимо гробницы чудотворца. Раздался гром, и Симон пал без чувств. Грома присутствующие не слышали, но видели случившееся и ждали, что будет. Симон не скоро очнулся, поведал о том, что произошло, но по расслаблению не мог двигаться. Позвали священников, запели молебен Живоначальной Троице и преподобному Павлу. Больной встал, со слезами припал к гробнице и исцелился от неверия своего.

Много лет проживший в монастыре инок Антоний заболел. С терпением переносил он посланный ему недуг. Братия заходили

навестить больного. Одному из братии он рассказал следующее: «Раз как-то лежу я на своем одре и вижу, что вся келлия наполнилась демонами, но близко они не подходили. Один стоял высокий, как дерево, и опирался на палицу, другой стоял и кричал свиньей. Иные явились и приблизились к нему и вели между собою разговор и показывали друг другу каждый свое оружие: у них в руках были копья, клещи, пилы малые, рожны, шила, бритвы, а на бедре у каждого то брус, то оселок». Бесы говорят один другому: «Распилим его, да и сошьем». Или: «Дай ему из своей чаши напиться». А то вдруг один срезает у другого кожу и мясо с затылка и предлагает заткнуть ему горло. Больной в страхе лежит недвижимо. Вдруг демоны начинают шуметь своим оружием и метаться по келлии. Больной обращается к мысленной молитве, и только помянул он Пресвятую Богородицу и преподобного Павла, бесы исчезли по воздуху, как сухой хмель, разносимый ветром.

Около половины XVI века приходил в монастырь из Москвы пушкарь Феодор, родом иностранец, и пробыл там два дня. Он страдал простудой. Обходя кругом обители, Феодор выпил воды из колодца преподобного, возвратился в келлию и уснул. Является ему старец и порицает его, зачем пил из колодца без благословения игуменского, и требует, чтобы он шел сейчас же к игумену. Феодор ответил, что нарушил монастырские обычаи в простоте ума, без злого умысла. Старец умягчен был смирением Феодора и обещал ему исцеление от болезни по исполнении предписанного покаяния. Феодор пошел к игумену, был им прощен и исцелен.

В 1546 году игумен Протасий с братией решили поставить над гробом преподобного Павла каменную церковь во имя преподобного Сергия чудотворца, а другую – во славу преподобного Павла. При копании рвов найдено было шестеро мощей, на которых ризы сохранились нетленными. То были, вероятно, мощи учеников преподобного Павла. Инок Паисий страдал в то время зубной болью. В тяжком мучении приходит он ко рву, берет от одних мощей зуб и кладет себе на больные зубы. Боль тотчас унялась, а после краткого сна в келлии Паисий объявил, что зубы его как будто никогда не болели.

Между тем копание продолжалось. Дошли до гроба преподобного Павла и стали окапывать его в расстоянии одного локтя. Земля, которой над гробом осталось с какую-нибудь пядь, осыпалась и открыла угол гроба, нисколько не сгнившего, как будто вновь положенного. Игумен посоветовался с братией, чтобы после поста и молитвы открыть гроб и осмотреть святыи мощи. Поговорив о том в церкви за утреней, игумен пошел в келлию читать правило, а потом задремал. И видит он: открываются двери, входит преподобный Павел и с гневом говорит игумену: «Зачем помышляете осматривать мои мощи? Смотрите, огонь попалит за это. Прикажи заделать гроб вновь и скорее». Игумен с ужасом вскочил, позвал мастера и приказал ему с благоговением заделать гроб преподобного.

Местное празднование преподобному Павлу началось неизвестно в какое время. На Московском Соборе 1547 года было постановлено праздновать ему повсеместно. Святыи мощи угодника Божия почивают под спудом. В 1878 году над ними поставлена массивная серебряная рака.

В ночь на 26 августа 1909 г. Обнорскую обитель постигло великое несчастье: выгорела вся внутренность собора, где почивали мощи преподобного. Мощи не пострадали, потому что они покоятся в земле. Но серебряная рака над ним расплавилась и собрана в виде слитков. К великому сожалению погибли безвозвратно медный крест, которым преподобный Сергей благословил своего ученика преподобного Павла на пустынные подвиги, и остатки липы, в дупле которой он подвизался. Из вещественных памятников, связанных с именем преподобного Павла, остался теперь один колодезь, ископанный его руками.

Январь, 11

Михаил Клопский, преподобный, Христа ради юродивый

В 15 верстах к юго-западу от Великого Новгорода, в трех верстах к западу от озера Ильменя, на реке Веряже, стоит небольшой древний монастырь во имя Пресвятой Троицы, называемый Клопским. Здесь в XV веке подвизался и почил преподобный Михаил, прославивший обитель своей святой жизнью и чудесами.

Преподобный Михаил начал свои подвиги юродства в Великом Новгороде. В 1408 году он предсказал скромному мальчику Иоанну славную будущность – то, что он будет архиепископом Новгородским. Спустя лет около пяти подвижник явился в Клопский монастырь.

В ночь на 24 июня в монастыре служили утреню. Череду правил иеромонах Макарий. Покадив церковь на девятой песни канона, Макарий вышел покадить и свою келлию. Уходя к службе, Макарий оставил ее запертой, а теперь видит, что келлия отомкнута. Входит, а там на стуле перед столом сидит старец-инок. На столе горит свеча, и старец переписывает Деяния апостольские, именно о плавании святого апостола Павла. Ужас напал на иеромонаха, он торопится в храм и рассказывает обо всем игумену Феодосию. По окончании службы игумен взял святой крест и кадило и в сопровождении братии направился к келлии иеромонаха Макария. Теперь оказывается, что не только келлия, но и сени заперты изнутри. Подошли к окну и увидели, что за столом сидит и пишет старец-инок.

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных!» – говорит игумен. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных!» – отвечает старец.

Трижды повторял игумен молитву. Трижды ответил ему старец повторением слов его.

Все пришли в ужас, думая, что это привидение от диавола.

«Кто ты, – спрашивает игумен, – человек или бес, и как тебе имя?» – «Кто ты, человек или бес, и как тебе имя?» – ответил

старец.

Трижды повторяет игумен вопрос, и трижды слышится тот же ответ. Это удивило и рассердило всех. Игумен приказал разобрать крышу на сенях и открыть наружную дверь, а дверь в келлию выломать. Вошли. Игумен окадил келлию ладаном, окадил и старца. Тот, как пойманный, закрывается от ладана, при осенении крестом возлагает на себя крестное знамение. Игумен опять спрашивает его: «Как пришел к нам? Откуда ты? Что за человек и как звать тебя?»

Старец отвечает повторением тех же вопросов. Так ничего и не узнали. Однако игумен Феодосий успокоил братию: «Не бойтесь. Бог послал нам сего старца преподобного, Своего угодника».

Братия спокойно разошлись по келлиям. Позвонили к обедне. Служил тот же иеромонах Макарий. Ко времени пения «Единородный Сыне» странный пришелец чинно вошел в церковь и, получив благословение, принял участие в пении; прочел Апостол, а потом пел и всю обедню. Окончив службу, Макарий поднес просфору игумену, а игумен передал ее пришельцу и пригласил его в братскую трапезу. По исхождении из трапезы взял его игумен за руку, повел в келлию, благословил жить в ней и просил остаться в обители.

Так водворился блаженный в Клопском монастыре. Никто не знал ни имени блаженного, ни того, откуда пришел он. Однако все знали и видели, что он вел жизнь поистине подвижническую. Он жил один в своей келлии. Не имел ни постели, ни изголовья, никаких одежд, кроме ряски и мантии, в которых ходил в храм. Ночи проводил без сна в непрестанном славословии Богу или в чтении житий святых. Когда же подвижника одолевал тяжкий сон, он ложился на песок на полу келлии и немного отдыхал. Келлию свою топил навозом. Вкушал хлеб и воду и притом не каждый день. Еженедельно приобщался Святых Животворящих Таин. Покорен был блаженный игумену, своему отцу духовному и братии. В храм Божий являлся первым и, внимательно выслушав Божественную службу, последним выходил из него. Все только видели, что от великих трудов и воздержания тело его было

подобно тени. Игумен и братия исполнились почтения к житию святого, а он таился от них, принимая вид Христа ради юродивого.

Раз в церкви за обедней блаженный сказал игумену: «У нас, отче, гости незнакомые!» «Кто такие?» – спрашивает игумен. Блаженный не ответил ему, а велел только усердно молиться. Вышли они из церкви и видят, стоят три человека. Игумен подал им просфоры. Двое взяли, третий отказался. «Зови их в трапезу, потому что они пришли издалека», – сказал блаженный игумену.

И тот пригласил их. Один из пришельцев отозвался: «Есть у нас и еще товарищи». – «Пусть кто-нибудь из вас позовет и товарищей на трапезу».

Позвали, и пришло 30 разбойников, вооруженных дубинами, в доспехах. Сели за стол. Все ели и насытились. Только двое старших не едят, сидят в смущении. «Отчего не едите, детки? Ведь не исполнится ваше злое намерение, с каким пришли сюда», – говорит им блаженный Михаил.

А они пришли разорить и разграбить обитель. И по слову святого обоим разбойникам сделалось дурно: сперва один со стоном схватился за сердце, потом другой. Тогда испугались остальные разбойники и поднялись, чтобы уйти. Они не только не причинили обители зла, но оставили дары и просили братию поберечь их заболевших товарищей. Из этих же двоих один стал вскоре просить о пострижении в иночество. Игумен затруднялся было исполнить просьбу молодого разбойника, опасаясь, что он обратится снова к беззаконной жизни. Но блаженный убедил его постричь просящего: «Он будет нам братом, поживет немного и умрет».

И постригли его с именем Иерофея. Он скоро оправился от болезни, но скоро же и умер. А другой, по предсказанию блаженного, выздоровел и был отпущен из монастыря со строгим наказом от блаженного оставить кражи и разбой и удерживать от них товарищей.

Об имени блаженного узнали не скоро. Младший сын Дмитрия Донского князь Константин Дмитриевич в 1419 году лишен был своего удела и поехал в Новгород, где его помнили с

1408 года как великокняжеского наместника и теперь приняли с любовью. На праздник Преображения Господня князь с супругой прибыл в обитель Пресвятой Троицы и здесь говел у своего духовного отца игумена Феодосия. После литургии, за которой князь и княгиня приобщились Святых Таин, все отправились на трапезу, учрежденную князем для братии. Игумен велел блаженному Михаилу читать на трапезе книгу Иова, и он читал. Услыхав голос чтеца, князь подошел к нему ближе, всмотрелся в него, узнал и поклонился ему. «Это Михаил, сын Максимов, княжеского рода, – проговорил князь, – поберегите его, он человек нам близкий».

«Один Создавший меня знает, кто я», – отвечал блаженный. Тогда игумен заметил: «Сын мой, отчего ты не скажешь нам своего имени?» «Мое имя Михаил», – подтвердил инок.

Игумен и братия были обрадованы этим признанием блаженного и за близость его к княжескому семейству начали заботливо беречь его.

А Господь Бог, ведая сердце человеческое, не восхотел, чтобы великий оставался потаенным, и скоро явил славу его перед людьми, сообщив ему дар пророческого предвидения и силу творить чудеса.

В то время в Великом Новгороде и его окрестностях настала засуха. Дожда не было три года. Пересохли не только ручьи, но и реки. До крайней степени обмелела и Веряжа. Как-то утром перед обедней пономарь пошел к реке зачерпнуть воды для Божественной службы и видит: недалеко от берега старец Михаил пишет на песке какие-то слова. За службой пономарь передал об этом игумену, и после обедни игумен с Михаилом отправились на то же место. Слова на песке сохранились и показывали: «Чашу спасения приму, имя Господне призову. На сем месте будет источник воды неисчерпаемой».

Игумен спрашивает: «Что это, сынок, написано здесь?» Михаил прочитал написанное и прибавил: «Нужно молиться». Тогда оба старца стали молиться. Слова молитвы произносил Михаил: «Отче, Владыко, Царю, Сила великая, и страшное имя, недоуменная Божия Премудрость и Разум, Святой и Сильный, Око, призирающее на убогих людей наших и на сию обитель, да

не умрем жаждою водною. Твое имя себе призываем в помощь, яко благословен еси во веки. Аминь».

Начали копать на этом месте, и тотчас пошла вода ключом. Открылся неисчерпаемый колодезь. Его обложили, утвердили, и он сохраняется до наших дней. А тогда, в засуху, приходили за водою из всей округи. Игумен же Феодосий прославлял дивного во святых Своих Бога.

Вместе с засухой наступил голод. Монастырь Клопский наполнился нищими и голодными: многие оставили свои дома и переселялись в обитель на пропитание. Хлебные запасы в обители не могли быть велики, но по настоянию блаженного кормили всех. «Напитавший тысячи людей в пустыне, нас ли, Своих рабов, презрит?» – так успокаивал блаженный Михаил заботливого игумена и повелел варить в котле рожь и раздавать невозбранно всем нуждающимся. Тогда заволновались братия монастыря, ожидая голода от такой расточительности. Блаженный повел игумена и братию к житницам, и все воочию убедились, что хлеб в них не убывает, сколько не берут его.

Удивились игумен и братия и прославили Бога, что творит волю боящихся Его. Блаженный же повелел неоскудно подавать жито всем приходящим.

Князь Константин Димитриевич провел в Новгороде более двух лет и бывал в обители Пресвятой Троицы, тоскуя об утраченном уделе. В Лазареву субботу 1423 года прибыл он в обитель и просил у игумена Феодосия и старца Михаила ехать в Москву к братьям. «Братья примут тебя с честью, – говорил ему старец, – но обожди, построй сперва у нас каменный храм во славу Живоначальной Троицы на память о себе и о своих родителях, и Святая Троица уготовит тебе, чадо, невидимо храм на небесах».

«А мастера есть у вас?» – спрашивает князь.

Сейчас же послали в город и привели четырех мастеров. Князь условился с ними построить каменный храм по образу Николаевского на Лятке и дал им 30 рублей задатка, а потом уплатил еще 100 рублей да однорядки (верхняя широкая одежда, длиною до пят, без воротника, с длинными суживающимися к запястью рукавами, под которыми сделаны

прорехи), а пищу работавшие имели в монастырской трапезе. Основание храма положено было 22 апреля 1423 года. Камень для постройки возили рекою, и работа подвигалась сначала быстро. Но вот настала дурная погода: сильная буря не только мешала возить камень, но и стоять на работах. Князь был в горе, опечалились и игумен с братией, а рабочие собирались бежать. Обратились к блаженному Михаилу. Он предложил всем молиться, а потом успокоил обещанием, что наутро буря пройдет. И действительно настала благоприятная погода. Все ободрилось. Послали за камнем, и ветер помогал судам, когда они возвращались с грузом. Постройка шла быстро; 24 сентября того же 1423 года храм был освящен.

На торжество прибыли князь с княгиней и бояре. Привезено было князем все необходимое для праздничной трапезы. Князь, счастливый успешным окончанием постройки, с радостью объявил игумену Феодосию и старцу Михаилу, что по молитвам их братья прислали за ним, с честью зовут в Москву и дают ему вотчину. Игумен и старец благословили князя Константина и просили не забывать их обители. Растроганный князь дал обещание до гроба помнить их за участие и сдержал свое слово.

Блаженный Михаил предсказал игумену Феодосию: «Будешь ты возведен на архиерейский престол и там два лета поживешь, святительского же сана не сподобишься».

Это было еще при жизни архиепископа Иоанна (1388–1415). И через несколько лет это предсказание точно исполнилось. По смерти архиепископа Симеона (1415–1421) жребий архиерейства действительно пал на клопского игумена Феодосия. Взяли его новгородцы из монастыря и ввели на сени в дом Премудрости Божией, и там оставался он нареченным, но не поставленным архиепископом два года, управляя делами церковными. А потом новгородские бояре свели его с владычных сеней, сказав, что не хотят иметь владыкой пришельца, послали его в тот же Клопский монастырь, в котором Феодосий и скончался через два года.

Был вторник Пасхальной недели. За утрений в обители не видали преподобного Михаила. После заутрени в притворе

Новгородского Софийского собора встретил его посадник Григорий Кириллович со свитой и звал на обед. Блаженный ответил на это: «Знает Бог злой умысел ваш против обители».

Бояре впали в раздумье и на время обедни приставили человека, чтобы он постерег блаженного. Но старец незаметно удалился отсюда и в то время, как чередной иеромонах в Клопской обители шел к обедне, стоял уже в церковном притворе и со слезами молился словами псалма: «Суди, Господи, обидящая ны и побори борющая ны, да разумеют Твое человеколюбие о сей обители и о нас, странных».

После обедни игумен с братией, а с ними и блаженный, пошли в трапезу.

В то время прибегает посланный из Новгорода отыскать блаженного, видит его в трапезе и приглашает на обед к посаднику. «Скажи своим господам, чтобы не кормили нас; нас питает Живоначальная Троица», – так сказал ему блаженный Михаил. – А что замыслили они против обители, то не сбудется».

Окончилась монастырская трапеза и все разошлись.

Посадник Григорий Кириллович Посахно владел землей возле Клопского монастыря. В дни святой Пасхи этот богатый и по Новгороду знатный муж, присутствуя в монастыре, объявляет игумену и братии: «Не смейте пасти свои стада на моей земле, не ловите и рыбы ни в реке, ни в поемном болоте. Это мои владения. А если не послушаетесь и я поймаю кого на пастыбе или на рыбной ловле, тому я переломаю руки и ноги».

Слыша такие речи, блаженный Михаил ответил: «Я говорил тебе прежде, что не сбудется твое злое замышление против честной обители. Сам будешь без рук и без ног и в реке едва не утонешь. А ловцы станут по-прежнему ловить, и скот пастись».

Но Григорий не вразумился. Прошло немного времени. Святой старец и игумен снарядили рыбную ловлю на реке. В то время, как монастырские ловцы тащили невод с рыбой, прибежал Григорий, ударил одного ловца, погнался за другим и свалился в воду. Едва-едва вытащили его и привели в чувство, но руки и ноги у него отнялись. Господь сохранил ему только язык для покаяния. Наутро больной опомнился и приказал

нести себя в монастырь, хотел получить благословение у игумена и прощение у блаженного. Но монастырские ворота перед ним, по распоряжению старца, закрыли и его не пустили в обитель, даров его – кануна, свечей и просфор – не приняли. Игумен и братия были смущены тем, что отказали посаднику. И действительно, разгневанный Григорий поехал в Новгород с жалобой. Здесь за него вступились знатные люди; они жаловались на вече, пошли к архиепископу и требовали от него распоряжения, чтобы не смели монастырские старцы отказывать Григорию в молитвах. Владыка послал в монастырь протопопа и протодиакона сказать, чтобы пели там молебен и обедню за посадника. Блаженный Михаил объявил посланным: «Передайте владыке, молимся мы на всяк час о благоверных князьях, пекущихся о Русской земле, о твоей, владыка, святыне и о всем мире православных христиан; не о Григории только, но и обо всех ненавидящих и обидящих нас и творящих нам пакость. А Григорий за свою злую наглость пусть поедит по монастырям и попросит у Бога милости и о своих согрешениях крепко помолится. Всещедрый Господь воздаст ему противу дел его».

Посланные передали речь старца владыке, и владыка благословил Григория ехать по монастырям. Григорий объехал все монастыри кругом Новгорода, давал милостыню на службы и на молебны, вспоминая пророчество блаженного, ездил по всем городским церквам. Так прошел год и полтора месяца. Григорий опять обратился к владыке, поведал, что нигде не обрел себе помощи и милости от Бога и просил благословения и прощения.

«Поезжай опять в Клопский монастырь и проси милости у Пресвятой Троицы и прощения у блаженного Михаила», – так решил архиепископ и послал с ним священников от Святой Софии и посадских людей. Приехали в монастырь. Приняв благословение у игумена и блаженного старца, посадник просил отслужить молебен и литургию. Внесли больного на ковре в церковь и запели молебен. Григорий не мог даже руки поднять для крестного знамения. В конце молебна, при пении кондака, больной мог уже двигать рукой, которая висела расслабленной

четырнадцатый месяц. Затем начали Божественную литургию. Во время малого входа больной перекрестился и сел, а при пении Херувимской он поднялся на ноги и стоял до конца службы. Все были свидетелями преславного чуда и в веселии сердца направились в трапезу. На этот день трапеза учреждена была исцеленным посадником. Приглашая братию вкусить хлеба и соли, Григорий просил у них прощения за обиды, благодарил за чудесное исцеление. Блаженный Михаил ему ответил: «Господь уготовал благая любящим Его и исполняющим Его заповеди. А начинающих вражду Бог погубит. Будь, чадо, добр до сей обители – ее игумена и братии».

Затем он простил и благословил раскаявшегося посадника, который с этой поры стал добр до Клопской обители.

Был спор о земле у двух владельцев: Елевферия Иоанновича и Иоанна Семеновича Лошинского. Тяжущиеся прибыли в Клопскую обитель, и каждый из них поведал свою обиду блаженному Михаилу. Блаженный ясно уразумел, на чьей стороне правда, и прямо говорит Елевферию: «Откажись от неправой тяжбы и проси прощение у Бога; а не сделаешь этого, постигнет тебя беда тяжкая, будешь без рук, без ног, нем и расслаблен».

Спорившие уехали, а потом скоро встретились у одной церкви. «А ведь та земля моя!» – заявил Елевферий Лошинскому и предлагал покончить дело, ударив по рукам.

В азарте он бросает на землю рукавицу с правой руки и хочет ее поднять. Наклоняется, а встать не может: отнялись у него и руки, и ноги, и язык. Так он вскоре и умер расслабленным, по пророчеству блаженного старца Михаила.

В монастыре пребывал священник Никифор. По наваждению диавола он прельстился панагией – иконой, облаженной золотом, серебром и драгоценными камнями. Никто не видел, как он взял ее из церкви и скрыл. Игумен и братия много печалились и сетовали. «Не скорбите, – говорит им преподобный Михаил, – дарованное нам Богом не погибнет». Затем, обратившись к Никифору, он строго произнес: «А ты отселе будешь сумасшедшим и глупым».

И с того часа Никифор потерял и ум, и память, и весь смысл. По указанию же блаженного игумен и братия пошли в келлию Никифора, раскопали в ней горн и нашли панагию неповрежденной. У преступника был умысел растопить драгоценный металл, но по молитвам преподобного он не успел в своем намерении.

Святитель Новгородский Евфимий I не всегда был милостив к Клопской обители. Уплата дани в архиерейскую казну была для бедной обители обременительна. Поэтому случилось, что из обители как-то взяли на архиерейский двор вороного коня. Блаженный Михаил вознегодовал, отправился в Новгород, просил владыку возвратить обители коня, но безуспешно. Тогда он сказал корыстолюбивому владыке: «Пастырь наш и учитель! Мало проживешь ты; останется вся слава мира сего и богатство. Они – персть и пар, скоро являются и скоро погибают».

Преподобный с молитвою на устах возвратился в обитель, а святитель сделался болен и в той болезни умер в ноябре 1429 года.

Иное обращение было с обителью и совсем иное отношение установилось у преподобного к следующему Новгородскому владыке, святому Евфимию Вяжицкому. Святитель этот не только ничего не брал из обители, но сам, нередко бывая в ней, устраивал для братии обеды. Избранный на место Евфимия I новгородцами по общему согласию за свои высокие добродетели он потом оказался между двух течений в городе, из коих одно тянуло к Москве, а другое к Литве. Потом умер Московский митрополит святой Фотий I. По таким обстоятельствам святой Евфимий оставался непосвященным, между тем как пастве новгородской нужен был епископ. В тяжелой заботе своей Евфимий прибег к блаженному Михаилу. Как-то за столом, им же, Евфимием, учрежденным для братии, он говорит: «Моли Бога о мне, Михайлушко, чтобы получить мне решение от великого князя Василия Васильевича». Блаженный берет из рук Евфимия полотенце и кладет ему на голову со словами: «В Смоленск поедешь, в Литовскую землю, там и поставят тебя».

Так и случилось. Евфимий в Смоленске был рукоположен митрополитом Герасимом. Приехав в другой раз в Клопскую обитель, владыка сказал: «Бог меня поставил и митрополит Смоленский твоими, отче, молитвами». Старец ему предсказал, что скоро святителя позовут в Москву и в сане утвердят.

И действительно, по малом времени святой Евфимий приглашен был в Москву и новое пророчество блаженного оправдалось. И с того времени еще более возлюбил святитель Клопскую обитель и блаженного Михаила.

Была на Русской земле усобица из-за великокняжеского московского престола. Князь Димитрий Георгиевич Шемяка восстал на великого князя Василия Васильевича, занял московский стол, а потом сам был побежден Василием и бежал. Будучи в Новгороде, он услышал о блаженном Михаиле и отправился в Клопский монастырь, желая узнать судьбу свою от прозорливого старца.

«Михайлушко! Бегаю от своей вотчины; сбили меня с великого княжения Московского», – так жаловался Шемяка. «Всякая власть от Бога, – отвечал старец, – и дается Им ни хотящему, ни текущему, а кого Сам Бог помилует». – «Так помолись, Михайлушко, чтобы Господь дал мне достигнуть своей вотчины – великого княжения». – «Достигнешь ты окрест Новгорода во обители Всемиловитового Спаса и страстотерпца Георгия трилокотного гроба», – отвечал блаженный.

Не понравился князю такой ответ, невесел ушел из обители; но, не послушав предсказания, он двинулся к Москве. «Всуче труждаешься: чего Бог не даст, того и не будет», – повторял блаженный.

Проходит некоторое время. Окружающие спрашивают блаженного: не имеет ли князь теперь успеха. «Заблудились наши, от супротивных бегая», – отвечал Михаил.

Эту речь его тогда же записали. Так действительно и было.

Князь Димитрий опять прибежал в Новгород. Побывав у Святой Софии, он поехал на богомолье в Клопский монастырь. Был пяток Троицкой недели. Князь старался оказать всем расположение, братии он предложил богатый стол, а старцу Михаилу подарил шубу с плеч. «Сбылось, честный отче, твое

прорицание, не получил я своего удела», – промолвил князь и стал прощаться.

Вся обитель вышла проводить гостя до судна, на котором он прибыл. Стали опять прощаться; блаженный Михаил погладил князя по голове и трижды повторял: «Князь, земля зовет тебя!» «Хочу ехать во Ржову Константинову, на свою вотчину», – отвечает князь. «Не исполнится и это желание, – продолжает блаженный, – молись Богу о грехах своих и будь ко всем слугам своим милостив».

Князь Димитрий Георгиевич был отравлен в Новгороде.

Пророчество сбылось. Он был погребен в монастыре новгородском, в церкви во имя святого Георгия.

Блаженный Михаил, столько лет проживший в Новгородском крае, столько раз предрекавший будущее по просьбам отдельных лиц, не оставил без предсказания и будущей судьбы вольного Новгорода. Так, в присутствии архиепископа Евфимия II, посетившего Клопскую обитель, блаженный Михаил объявляет: «А сегодня у великого князя в Москве радость!» «Какая радость?» – спрашивает архиепископ. – «У великого князя Василия родился сын Тимофей, а дали ему имя Иоанн. Он будет наследником своему отцу, разорит обычаи нашей Новгородской земли; погубит город наш и страшен будет многим землям».

Пророчество это сбылось лет сорок спустя. Блаженный имел случай пророчествовать о том же предмете еще подробнее. Пришел в монастырь посадник Иоанн Васильевич Немир с боярами. Блаженный встретил его на монастырском дворе и спрашивает: «Откуда, сын мой, и что привело тебя к нам?» – «Был у своей пратеци, у Евфросинии, а теперь заехал к тебе благословиться». «О чем твоя дума? – молвил старец. – Ездишь ты да думаешь с женками». Посадник ответил: «Трудное дело. Великий князь собирается на Новгород, а у нас есть свой князь из Литвы». «Сын мой, – говорит блаженный, – то у вас не князь, а грязь. Нет, посылайте послов к великому князю да к его богомольцу митрополиту и бейте ему челом за свою вину. А не сделаете этого, так не уймется гнева князя. Он приедет к Великому Новгороду со всеми силами своими, станет

в Буречах, а силу свою распустит по Шелоню и по всей вашей вотчине. Вы пойдете на бой, но помощи Божией не будет вам: многих он убьет, других пленит и сведет в Москву, иных даст на откуп. От вашего же князя помощи не ждите, он сам уйдет в Литву от крамолы вашей. Итак, посылайте к великому князю своего владыку и посадников с челобитьем и денежной данью. Примет князь и челобитье, и деньги. Но не надолго успокоите вы князя московского. Грехи ваши пред Господом, неповиновение власти великокняжеской, ваше братоненавидение и наглость друг ко другу опять возбудят сердце княжеское.

И придет он снова, возьмет Великий Новгород и всю свою волю в нем учинит, и богомольца отселе уведет, и людей по разным городам разошлет».

Так пророчествовал блаженный. Немир и бояре слушали его, опустив головы, не нашлись ничего сказать ему в ответ, приняли благословение и с печалью оставили обитель. Многие слышали грозную пророческую речь, а потом она и оправдалась вполне на судьбе Великого Новгорода.

Клопский игумен Феодосий достиг преклонного возраста. За три недели перед его смертью из обители пропал ручной олень. Одновременно с тем никем не замеченный скрылся и блаженный Михаил. Феодосий скончался в отсутствие его. На похороны ждали владыку, но он не приехал, а послал вместо себя в обитель игуменов и священников с диаконами. После торжественного отпевания, когда гроб несли уже в могилу, вдруг все увидели, что блаженный возвращается, а за ним идет олень, как привязанный; в руках у блаженного мох; олень за этим мхом и тянется. Дивились тому видевшие и разошлись, не уразумевши, что это значит.

Блаженный же Михаил, предчувствуя и свое близкое отшествие, перестал ходить на свое обычное место в церкви и во время богослужения стоял близ Феодосиевой могилы, с правой стороны церкви снаружи. Его спрашивали, зачем он тут стоит, и он отвечал: «Тут полежать хочу, тут мое и место».

5 декабря блаженный совсем разболелся и не вставал. Прошло уже 44 года пребывания его в обители. По своему обычаю он говел каждый месяц, причащался и во время своей

болезни. Братия навещали его и видели, что больной угасает, но не замечали в нем никакого сожаления о жизни. Скорее он подобен был путнику, который из долгого странствования с радостью возвращался на родину. 10 января игумен предложил напутствовать больного Святыми Тайнами. Блаженный твердо ответил: «Я причащался недавно, но завтра приду в церковь и попрошу святого причастия».

И действительно, к общему удивлению, он наутро поднялся, был в церкви и там сподобился принятия Святых Таин. После обедни блаженный взял с собой кадильницу и ладан и отправился в свою келлию, а игумен с братией пошли в трапезу. Из трапезы игумен посылает больному пищу. Но посланные нашли святого уже умершим; руки сложены крестообразно, за главою курится кадильница.

Блаженный Михаил преставился 11 января, но в каком году, точно неизвестно, всего вероятнее, в 1456 году. Сообщили Новгородскому владыке, и он сам приехал на похороны. А когда весть о смерти разнеслась по Новгороду и окрестностям, то народ потек рекою по всем дорогам в Клопскую обитель. Когда подумали, где хоронить святое тело почившего, то нигде не могли выкопать ему могилы, до того земля была тверда от мороза. Вспомнили тогда о месте близ могилы Феодосиевой, где стоял блаженный; здесь земля оказалась мягкой, как летом. На этом месте после отпевания архиепископом и великим собором пресвитеров и диаконов и опустили в землю трудолюбное тело преподобного и блаженного старца Михаила.

Господь прославил чудесами Своего угодника вскоре после его кончины.

Новгородский купец Михаил Марков был почитателем блаженного Михаила при жизни его. Случилась этому купцу по торговым делам быть в Колывани. Целый год провел он за морем, счастливо вел свои дела и возвращался с нагруженным кораблем домой. На море его застигла жестокая буря. Шесть дней корабль носился по бурным волнам, много раз ему угрожала гибель; люди отчаивались в спасении. Купец вспомнил о своем благожелателе и начал молиться: «Раб Божий, блаженный Михаил Клопский, ты был моим

покровителем при жизни. Помоги мне, погружаемому в пучине моря, помолись обо мне ко Господу, да спасет Он нас от потопления!»

И видит за кормою святого старца, каким знал его при жизни, благообразного, светлого лицом, с седой бородой. Старец держал корму и махал рукою. Купец был поражен видением и пал ниц, а когда поднялся, то буря унялась; корабль благополучно достиг Новгорода. С чувством искренней благодарности за оказанную помощь купец поспешил в обитель Живоначальной Троицы, молился у гроба блаженного, рассказывал всем о происшествии. Он первый украсил могилу блаженного каменными плитами и постоянно возвращался к ней, не переставая прославлять Бога и угодника Его Михаила.

Такое же чудесное избавление от бури подано было блаженным Михаилом князю белозерскому Василию, когда ехал он из Пскова озером Ильменем и молился святому о помощи.

Новгородцы возвращались в лодке из обители преподобного Ефрема Перекомского. С ними был священник Феодор. Когда проезжали они рекой Веряжей близ Клопского монастыря, то захотели поклониться гробу блаженного Михаила. Воспротивился этому священник, не имевший веры к блаженному, и убедил спутников ехать мимо. Но едва удалились они от берега, как поднялась буря и путешественники начали тонуть. Они подняли крик и призывали на помощь блаженного Михаила, горько оплакивая свое малодушие. Молитва их была услышана. Монастырские люди вышли к ним на помощь и доставили в монастырь. Священник был в совершенно иступленном состоянии. Пошли ко гробу блаженного и молились об исцелении болящего спутника, а его держали у раки святого. Когда в церкви молебен о болящем окончился, священник пришел в сознание и со слезами припал сам ко гробу, исповедуя грехи свои и свое неверие. «Если бы ты, святой, не помог мне, – взывал раскаявшийся, – душа моя во ад вселилась бы».

Все прославили Бога и с радостью возвратились в дома свои.

Один человек, живший близ Клопской обители, тяжело заболел. Все его домашние плакали, видя, что он не может шевельнуть ни одним членом. Исцеление казалось невозможным. Но больной в мысли своей непрестанно призывал себе на помощь блаженного Михаила. И чудотворец явился ему во время легкого забытья, обещая исцеление. Заснул больной и потом поднялся здоровым. В благодарность за выздоровление он приказал изготовить ко гробу блаженного такую большую свечу, что понес ее в обитель на плечах. Все знавшие его больным, видя его теперь идущим, изумлялись. Живущие же во обители славили Бога, подающего угодникам Своим благодать исцеления.

Январь, 12

Галактион Белозерский, преподобный

Много выдающихся людей было среди учеников преподобного Мартиниана: одни заняли епископские кафедры, другие – места настоятелей в монастырях, руководителей иноческих братств, третьи просияли святостью жизни и прозорливостью. К числу последних принадлежал блаженный Галактион. Когда преподобный Мартиниан ослабел от старости и недугов и не имел сил ходить, Галактион носил его в церковь на общую молитву. Подражая примеру наставника, он был очень усерден к подвигам и молитве, не знал покоя телесного. Преподобный благословил его юродствовать во Христе, и блаженный прославился этим подвигом, соединившимся у него с поразительной прозорливостью.

Один раз пришел блаженный Галактион с братией в только что отстроенную монастырскую трапезу. Братия начали хвалить новую храмину, но Галактион, юродствуя, заметил: «Добра то добра, да не долговечна».

Братия не придали словам блаженного никакого значения, а между тем они сбылись на следующий же день. Загорелась в монастыре келлия одного брата; огонь перешел на другие строения, потом на трапезу, и она сгорела без остатка.

В то время в Ферапонтовом монастыре жил на покое Иоасаф, в миру князь Оболенский, бывший Ростовский архиепископ. Когда загорелась келлия бывшего владыки Ростовского, он вспомнил, что в ней осталась драгоценная вещь, предназначенная на монастырское строение, и начал тужить. Галактион укорил Иоасафа за его малодушие, а тот ему ответил, что жалеет не о своей потере, а о монастырской. Тогда блаженный попросил его точно указать, где лежит сокровище, и, осенив себя крестным знамением, бесстрашно пошел в пылающую келлию; взяв там сокровище, он положил его перед владыкой в присутствии изумленной братии и сказал Иоасафу: «Вот, не тужи, о худом деле скорбишь».

Ожидали, что загорится деревянная звонница, и подошли рубить ее топорами, чтобы спасти от огня колокола. Но

блаженный, подбежав, оттолкнул всех и заявил: «Этому не гореть». Сам стал у звонницы, и действительно огонь ее не коснулся, хотя окружающие ее строения сгорели.

Один брат, живя в обители, впал в уныние и хотел уйти. Блаженный Галактион пришел к нему, сел на пороге келлии и сказал: «Что это ты задумал, брат, послушал нашего врага? Но не избегнуть тебе его преследований; если и убежишь от нас, нигде невозможно избежать сетей лукавого».

Инок поражен был прозорливостью блаженного, проникновением его в тайные помыслы свои и остался в Ферапонтовой обители; в течение 30 лет он был ее игуменом.

Великий князь Василий Иоаннович послал в 1506 году войско на Казань под предводительством своего брата князя Димитрия. Слух об этом дошел до Ферапонтова монастыря. Блаженный Галактион сказал: «Великий князь еще долго будет хлопотать о Казани; родится князь Иоанн: тот овладеет Казанским царством».

Братья с года на год ждали рождения в великокняжеской семье сына Иоанна. Но так как предсказание блаженного долго не сбывалось, то о нем забыли. Его припомнили лишь тогда, когда в 1553 году Иоанн Васильевич Грозный завоевал Казань.

Более 20 лет после смерти преподобного Мартиниана подвизался блаженный Галактион в Ферапонтовом монастыре. Заболев предсмертным недугом, за много дней он предвидел свою кончину и предсказал ее время. Посетить больного старца пришел инок Савва, должностью просфорник, пользовавшийся советами и наставлениями блаженного. Савва начал тужить о его болезни, а блаженный ему ответил: «Не скорби, брат, о том, что я хочу отойти от вас: через восемь дней и ты придешь за мною».

Савва недоумевал, что значат его слова, и передал их братии. Но они сбылись со всей точностью: скончался блаженный, и через восемь дней помер и духовный друг его Савва. Кончина блаженного Галактиона последовала в 1506 году.

Мартиниан Белозерский, преподобный

Преподобный Мартиниан родился около 1397 года в деревне Березниках и во святом крещении был назван Михаилом. Первоначальное воспитание он получил в своей благочестивой семье; когда же достиг отроческого возраста и стал обнаруживать склонность к учению, благоразумные родители задумались о его образовании. Не зная, кому бы отдать своего сына учиться грамоте, они привели его в монастырь к святому Кириллу, в 30 верстах от их села. Это было около 1410 года, когда Михаилу не исполнилось еще и 14 лет. Увидев преподобного старца, благочестивый отрок упал ему в ноги и неотступно умолял его: «Возьми меня к себе, господин!»

Тронутый детскими мольбами, подвижник с радостью и отеческой любовью принял его к себе. В то время близ Кирилловой обители жил дьяк Алексей Павлов, который был известен по округе своим искусством в обучении грамоте. Преподобный призвал его к себе и сказал: «Друг, исполни для меня заповедь любви Божией: научи грамоте отрока, которого видишь, и сохрани его, как зеницу ока, во всякой чистоте».

Дьяк взял с собою отрока и усердно выполнял поручение преподобного. Михаил скоро научился грамоте и по окончании книжного учения был снова приведен к преподобному Кириллу. Тогда подвижник, испытав юношу и видя его душевную чистоту и незлобие, постриг его в иноческий образ с именем Мартиниана. Мало того, видя усердие новопостриженного и желая дать ему наилучшую подготовку к иноческой жизни, святой старец сделал его своим ближайшим учеником и повелел ему жить у себя в келлии.

Под руководством великого подвижника и наставника иноков вступил преподобный Мартиниан в подвиги иночества. Перед его глазами был живой пример иноческих добродетелей. И какой пример! Живя в одной келлии с преподобным Кириллом, Мартиниан видел, что ни естественная слабость, ни недуги не могли ослабить подвигов святого старца, и усердно

подражал своему учителю. Стремясь к воздержанию, он считал пост наслаждением и всячески старался изнурить плоть свою. Молодые силы неудержимо рвутся на подвиги, и ревность юного инока доходит до того, что он просит старца установить ему более строгий пост, чем тот, к какому принуждала братию скудная монастырская трапеза; но опытный старец не дозволил ему этого и приказал есть хлеб с братией, только не до сытости. Днем ли или ночью, когда преподобный Кирилл стоял на обычном правиле, и Мартиниан также клал поклоны. Он первым являлся в храм к утреннему славословию и после всех выходил из него. Когда же на юного подвижника нападало смущение от помыслов или разлечение, то есть ослабевала ревность к подвигам, он открывал свою душу святому старцу и получал облегчение.

В свободное от молитвы время Мартиниан не оставался праздным: он исполнял возложенное на него преподобным Кириллом послушание – чтение и списывание книг. В обители хранится канонник, написанный рукою преподобного Мартиниана в 1423 году «по благословению господина старца Кирилла игумена, во славу Святыя Троицы», как говорится о том в послесловии. Из дальнейших слов его видны чувства благоговения и глубокого смирения, которыми был проникнут подвижник.

Преподобный Кирилл радовался успехам своего ученика и, благодаря Бога, говорил братии: «Этот будет искусный инок».

По прошествии некоторого времени преподобный дает Мартиниану новое и притом более тяжелое послушание – посылает его на службу в хлебню и поварню. Здесь юный инок смиренно выполнял трудные работы: носил воду, рубил дрова и приносил хлеб братии, прося у всех молитв и благословения.

С благословением же и в строгом молчании он выходил из келлии и также возвращался в нее с послушанием к своему начальнику.

Стало ясно, что юный инок окончательно укрепился в правилах монашества. Поэтому преподобный Кирилл позволил ему жить в особой келлии, хотя и после того не переставал следить за духовной жизнью своего ученика. Так, увидев

однажды, что Мартиниан из церкви зашел в келлию одного брата, святой Кирилл спросил его: «Зачем нарушаешь устав обители?» «Сомневаюсь, чтобы, войдя в свою келлию, захотел я выйти из нее, а мне нужно было быть в келлии брата», – ответил Мартиниан. Тогда святой игумен заметил ему: «Наперед иди в свою келлию, чтобы сотворить там положенную молитву, и келлия научит тебя всему».

С благодарностью принимал подобные указания старца святой Мартиниан и руководился ими в своей жизни.

Видя его ревность, святой Кирилл сделал его клириком, а спустя немного времени преподобный Мартиниан был посвящен во иеродиакона, потом во иеромонаха.

Удостоенный священного сана, преподобный Мартиниан благоговейно совершал Божественную службу, руководясь примером своего наставника. Своими трудами и смирением, а также и близостью к святому Кириллу преподобный Мартиниан скоро снискал себе любовь и уважение братии. «Блажен брат сей, – говорили они, – что сподобился быть учеником такового подвижника», – и молили за него Бога.

Но находились между иноками и такие, которые ему завидовали и осуждали его. Блаженный Мартиниан терпеливо переносил все это, не обращая внимания на оскорбления. К друзьям и недругам он относился одинаково: всем воздавал равное послушание, и если к нему обращались, всегда отвечал почтительно и с любовью, побеждая любовью и смирением своих недоброжелателей.

Но вот приблизилась кончина блаженного Кирилла. 9 июня 1427 года он мирно отошел ко Господу. Со слезами проводил преподобный Мартиниан останки преподобного Кирилла к месту погребения, благодаря Бога за то, что сподобился наставлений святого старца. И во всей своей последующей жизни он непрестанно поминал своего учителя в молитвах, а его добрый пример хранил в своем сердце, как бы написанный на хартии.

Прошло уже немало времени с тех пор, как Мартиниан был пострижен в монашество. Ища высших подвигов для себя, преподобный пожелал теперь безмолвствовать. Для этого, помолившись Богу и поклонившись гробу святого Кирилла, он

удалился на безлюдный лесистый остров озера Воже, в 120 верстах от монастыря, и начал там пустынную жизнь.

Но недолго пришлось преподобному быть в уединении. Прослышали о месте его подвигов и стали к нему стекаться сподвижники. Одна мысль одушевляла собравшихся – как бы воздвигнуть церковь на месте их пустынных подвигов. Все просили об этом преподобного Мартиниана, и общими трудами они создали церковь в честь Преображения Господня. Преподобный освятил ее и снабдил всем необходимым, а в возникшем монастыре ввел чин общежития.

Раз преподобный Мартиниан отправился помолиться в Ферапонтов монастырь. Расположенные к нему игумен и братия монастыря просили его навсегда остаться с ними, но преподобный сказал: «Если Господь Бог изволит и Пречистая Богородица не отринет, то в будущем я готов поселиться с вами».

Теперь же, зная, что не пришло еще к тому время, он возвратился в свою пустынь, где он прожил в трудах и подвигах около десяти лет. За это время его пустынь разрослась и братия умножилась; преподобный убедился, что он может со спокойной совестью покинуть созданный им монастырь. Тогда он оставляет свою обитель и дает заповедь ученикам своим иметь особенное попечение об устроенной им церкви. Сам же, помолившись, снова отправился в Ферапонтов монастырь, где и был принят с великой честью и радостью игуменом и братией.

В Ферапонтовом монастыре преподобный Мартиниан начал подвизаться с обычным усердием. Благодаря своему смирению и благоговению, а также и знанию устава монашеской жизни он скоро сделался образцом для всех и заслужил уважение всей братии, видевшей в нем своего наставника. В это время игумен Ферапонтова монастыря оставил свое место и инокам следовало выбрать себе нового игумена. Естественно, что выбор пал на преподобного Мартиниана, которого и начали просить принять игуменство. Но, ссылаясь на свое недостойнство, преподобный смиренно отказался от предлагаемой ему чести. Собравшись снова, братия опять умоляли преподобного Мартиниана, и он покорился их

мольбам. Тогда братия вместе с преподобным отправились бить челом князьям-братьям Иоанну и Михаилу Андреевичам, в вотчине которых находился монастырь, прося князей утвердить выбранного ими игумена. Хорошо зная преподобного Мартиниана и любя его, князья утвердили новоизбранного игумена и, одарив его, отпустили в монастырь. Это произошло около 1435 г.

Теперь началась новая усиленная деятельность преподобного Мартиниана. К заботам о подвигах личного самоусовершенствования присоединились попечения о вверенном ему монастыре. Преподобный неустанно заботился о благоустройстве Ферапонтовой обители и за образец себе взял устав и обычаи монастыря преподобного Кирилла Белозерского. Он старался ввести порядок не только в церкви, но и в келейной жизни инока и на трапезе братии, установив общую трапезу – «равную для всех и в строгом молчании».

Строгим сохранением иноческих правил преподобный Мартиниан возвысил и прославил Ферапонтову обитель. Как пчелы слетаются на медовые цветы, так стекались к преподобному иноки и миряне: одни – чтобы, приняв пострижение, поселиться с ними, другие – чтобы слушать его наставления и видеть иноческую жизнь, устроившуюся под его руководством.

Под управлением преподобного Мартиниана Ферапонтова обитель пришла в цветущее состояние и долго называлась его именем, как именем устроителя, «обителью Мартиниановой». При этом много помогали святому игумену в средствах к поддержанию и украшению монастыря князья Иоанн и Михаил Андреевичи, которые часто посылали милостыню и жертвовали обители свои вотчины.

Тихо и мирно протекала жизнь в пустынной обители, но не мирное было то время на Русской земле. Удельные распри между князьями и споры из-за великокняжеского престола не стихали.

В феврале 1446 года великий князь московский Василий Васильевич отправился на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Воспользовавшись его отъездом, князь Димитрий

Шемяка овладел Москвой и великокняжеским престолом, а Василия Васильевича ослепил и сослал в Углич с его княгиней и детьми; потом, опасаясь народного движения в пользу сосланного князя, и вследствие увещаний нареченного митрополита святого Ионы он отпустил его и дал ему в удел Вологду. Сюда к обиженному князю стали стекаться его приверженцы – недовольные Шемякой бояре и народ. Обнадеженный в помощи тверским князем, Василий Темный отправился с войсками искать потерянного им московского престола. Но прежде чем вступить в борьбу с Шемякой, благочестивый князь хотел испросить помощи Божией и потому по дороге к Москве посетил сперва Кириллов, а потом и Ферапонтов монастыри.

Игумен Мартиниан со всей братией встретил Василия Васильевича за оградой монастыря. Осенив его святым крестом и окропив святой водой, он служил молебен Пресвятой Богородице и после того угощал князя на трапезе. Уговаривая Василия Васильевича идти против врага, преподобный обнадежил его словом утешения. В ответ на это князь сказал: «Мартиниан! Если будет на мне милосердие Божие, Пресвятой Богородицы и великих чудотворцев моление и твоими молитвами сяду на столе своем великокняжеском, даст Бог, позабочусь о твоём монастыре, а тебя приближу к себе».

Приняв затем благословение святого игумена, Василий Васильевич со всем воинством пошел на врага. Но Шемяка без боя поспешно бежал из Москвы, а Василий Темный снова стал на великом княжении.

Вступив на московский престол, Василий Васильевич согласно своему обещанию вызвал в 1448 году преподобного Мартиниана и назначил его игуменом в обители преподобного Сергия, выбрав его к тому же своим духовником.

В грамоте Московского Собора от 29 декабря 1448 года, в которой Шемяка в случае нераскаяния предавался отлучению от Церкви за кровавые смуты, имя Мартиниана уже в сане игумена Троицкого монастыря стоит первым между именами других игуменов.

Высокое положение игумена великой лавры и великокняжеского духовника впрочем нисколько не изменило строгого подвижника, ставившего правду выше всяких расчетов. В то время один боярин перешел от московского князя на службу к тверскому. Василию Васильевичу было досадно и жаль лишиться слуги, он изыскивал средства вернуть его к себе. Он обращается к преподобному Мартиниану, просит его содействовать возвращению боярина в Москву, обещает тому честь и богатство. При содействии подвижника боярин вернулся, но великий князь вероломно заключил его под стражу. Услышав об этом от сродников заключенного боярина, преподобный Мартиниан оскорбился такой несправедливостью великого князя и немедленно явился в Москву. Войдя в княжескую палату, преподобный помолился перед иконами и затем обратился к князю со следующей речью: «Так ли ты, великий князь самодержавный, научился судить праведно? Зачем ты продал мою грешную душу и послал в ад? Зачем велел ты заковать боярина, которого я призвал, ручаясь душою моею? Зачем преступил ты свое слово? Да не будет же благословения моего грешного на тебе и на твоём великом княжении». И повернувшись, вышел от князя, а потом уехал в Троицкий монастырь.

Скоро великий князь сознал свой грех, и когда пришли к нему бояре, он сказал им, как бы гневаясь: «Смотрите, бояре, что сделал со мною этот болотный чернец? Пришел ко мне неожиданно во дворец, обличил и снял с меня благословение Божие, оставив без великого княжения».

Бояре не понимали, что это значит и что отвечать великому князю. Но тут сам прибавил: «Виноват я перед Богом и перед ним! Забыл свое слово и поступил несправедливо; пойдем же к Живоначальной Троице, к преподобному Сергию и тому игумену, чтобы получить прощение греха».

Вслед за тем Василий освободил боярина и осыпал его милостями, а сам отправился в обитель преподобного Сергия. Услышав, что великий князь приближается к обители, преподобный Мартиниан со всей братией вышел ему навстречу, с радостью благословил своего духовного сына, видя его

раскаяние; после молитв в храме преподобный дал ему прощение и сам просил прощения у великого князя. С тех пор Василий Васильевич еще более возлюбил своего духовного отца, ни в чем не оскорблял его, слушал во всем и почитал.

Но жизнь в обители, близкой к столице, тяготила пустыннлюбца, приходившего уже в старость и искавшего безмолвия. Он припоминал слова своего наставника преподобного Кирилла: «Хорошо иноку соблюдать молчание и нестяжательность и избегать всего, что может возмущать душевные чувства». С другой стороны преподобный Мартиниан желал докончить устройство любезной ему Ферапонтовой обители. И вот, несмотря на увещания всей троицкой братии не разлучаться с ними, преподобный собрал своих духовных чад и, преподав им свое последнее поучение, сдал управление монастырем. Потом помолился Пресвятой Троице, облобызал мощи преподобного Сергия и простился со всей братией. Оставив монастырь, преподобный отправился в Ферапонтову обитель. Это было в начале 1455 года.

Сильно обрадовались ферапонтовские иноки возвращению любимого игумена. Они встретили его как своего отца и по случаю его прибытия устроили праздник. Игумен уступал ему свое место, и все братия просили преподобного Мартиниана снова быть их пастырем и руководителем. Но преподобный смиренно уклонялся от их предложения, указывая на свое недостойнство и слабость сил. «Для того, – говорил он, – я ушел из обители преподобного Сергия, чтобы в старости найти покой и безмолвие и оплакивать свои грехи».

И только после неотступной просьбы со стороны игумена и братии согласился он снова принять на себя бремя управления монастырем.

Несмотря на свой уже преклонный возраст, преподобный Мартиниан с прежней ревностью взялся за окончательное устройство любимой им обители. Как купец, вернувшийся из дальних стран, он привез с собою сокровища духовного опыта и старался передать их любимой обители. Ее он устроил отчасти по уставу Кирилловой обители, отчасти же руководясь порядками Троице-Сергиевой лавры. Преподобный хорошо

помнил о своем наставнике преподобном Кирилле Белозерском, у которого постригся в отрочестве в первые годы существования Кирилловой обители. И житие преподобного Кирилла написано Пахомием Сербом главным образом по рассказам ученика и сожителя его преподобного Мартиниана.

Подвижник достиг глубокой старости. Но несмотря на то, он не оставлял не только келейного правила и поста, но и служб церковных. Когда он одряхлел и не мог ходить, его водили под руки или возили в храм на Божественную службу – такова была верность преподобного иноческим обетам!

Чувствуя приближение своей кончины, святой старец созвал к себе всю братию, подвизавшуюся с ним, и пред всеми заповедал игумену сохранять предание и устав обители. «Отцы и братия! Поступайте так, как я учил и поступал. Божия же любовь и милость и Пречистая Богородица да будет со всеми вами!» – так закончил свою речь подвижник и затем простился с игуменом и братией. Причастившись Святых Таин, преподобный Мартиниан мирно скончался в воскресенье 12 января 1483 года на 86 году от рождения, прожив в иночестве более 70 лет.

Игумен и братия торжественно погребли честные мощи преподобного близ церкви Пресвятой Богородицы, на левой стороне от алтаря.

Бог, дивный во святых Своих, скоро прославил Своего угодника. Спустя 31 год после кончины преподобного Мартиниана в Ферапонтовом монастыре скончался его ученик и постриженник Иоасаф, бывший архиепископ Ростовский, потом долго живший на покое. Игумен и братия решили похоронить его вблизи преподобного Мартиниана. Сотворив молитву, начали копать могилу, и когда открыли гроб преподобного, то с изумлением увидели, что не только тело, но и одежды святого остались целыми и не подверглись тлению, хотя весь гроб был наполнен водою. Все видевшие это прославили Бога, а некоторые из них, будучи особенными почитателями памяти святого, с верою взяли воды из гроба в свои сосуды на благословение. И не тщетной оказалась их горячая вера. Эта вода послужила источником исцелений. Так, инок Ферапонтовой обители Памва, будучи одержим тяжким недугом всего тела,

взял воды из гроба святого Мартиниана и полный веры к преподобному выпил той воды, помазал ею все тело и тотчас выздоровел.

Много и других исцелений было совершено при мощах преподобного Мартиниана. Упомянем некоторые из них.

Поразительное чудо по молитвам преподобного совершилось над иноком Ферапонтовой обители Сильвестром. Много лет от расслабления он не мог не только ходить, но даже и принимать пищу без посторонней помощи. Жалевшие больного иноки, принося ему пищу, сами кормили его. Сильно скорбел Сильвестр о своем недуге, но не терял надежды на помощь Божию: терпеливо молил Господа и Его Пречистую Матерь о том, чтобы получить здравие. В одну ночь, раздумывая о своей болезни, Сильвестр захотел помолиться у гроба преподобного Мартиниана; но боясь, что во внеурочное время его не понесут туда, он обратился с горячей мольбой к святому и пополз к его гробнице, с плачем продолжая свою молитву: «Помилуй меня Господа ради, угодниче Христов, и помолись за меня грешного, чтобы Он показал на мне милость Свою молитвами твоими святыми! Помяни, отче, сколько лет я послужил святыне твоей еще при жизни твоей, сколько лет служил во обители твоей».

Так молился расслабленный и с плачем прикладывал свою голову ко гробу святого. Вдруг он почувствовал себя выздоровевшим; с радостью припал он к раке преподобного Мартиниана; потом на своих ногах вернулся в келлию. Наутро братия, узнав о чудесном исцелении Сильвестра, прославили Бога, даровавшего их обители неоцененное сокровище – святые мощи прп. Мартиниана-чудотворца, неоскудно источающие исцеления всем, с верою приходящих к ним.

Иеромонаху Мартиниану пришлось раз, за отсутствием приходского священника, исповедовать в ближнем селении больного. Мартиниан увидел в доме женщину, дочь этого больного. Она сидела на печи и неистово хохотала. Иеромонах узнал, что женщина больна давно, что она сделалась немой, ничего почти не видит и не слышит, и родственники не знают, что с ней делать. Он посоветовал привезти бесноватую к

мощам преподобного Мартиниана. И когда ее привезли, во время молебна она быстро пришла в сознание, подойдя к чудотворцеву гробу, целовала его с плачем и радостью. Ясно было всем, видящим это, что бесноватая исцелилась. Она сказала служащему священнику, тому же Мартиниану: «Вот чудотворец встал из гроба, благословил меня крестом и удалился».

И другая бесноватая Акилина из близлежащего села Сусла получила исцеление от своего недуга молитвами преподобного Мартиниана. Много лет страдала несчастная. Муж и сродники возили ее по обителям, были и в монастыре преподобного Кирилла, наконец, повезли ко гробу преподобного Мартиниана. Когда они достигли монастырских врат, бесноватая завопила и закричала таким страшным голосом, что все ужаснулись и отбежали. Она воспользовалась этим и пыталась бежать. Но сродники и некоторые из монастырских успели ее удержать. Бесноватая билась и кричала, повторяя много раз: «Чернец бьет меня деревом».

Когда Акилину привели ко гробу преподобного и служили молебен, она начала утихать, но произносила все те же слова. Ее уговаривали: «Что ты говоришь? Никто тебя не бьет». Акилина отвечала на это: «Не видели ли вы, как за монастырскими воротами начал меня бить палкой, говоря: «Всегда мимо ворот моих ходите и презираете меня»».

Ее продолжали уговаривать, что никто ее не бил, что не было никакого чернеца. Она же указывала пальцем и говорила: «Вон он пошел!» Подошла ко гробу святого и продолжала: «Уже ушел; на нем была черная одежда».

Присутствующие поняли, что больная видела чудотворца в видении, что он измучил в ней беса и отогнал. Священник благословил ее крестом, и Акилина совершенно выздоровела.

Юноша пскович Стефан Федоров Клещев, по ремеслу среброковач, бродя по своим делам в разных странах, заболел проказою: опроказилась правая рука его. Отяжелев, она сделалась неподвижной, не поднималась и для крестного знамения. Не зная, как избавиться от проказы, Стефан начал усердно молить Бога об исцелении и дал обет ходить по святым

местам. Он обошел много монастырей: побывал в обителях Кирилловой и Ферапонтовой и в волости Сяма, где молился перед чудотворной иконой Богоматери; однако не находил даже малейшего облегчения своей болезни. Тогда он оделся в иноческие одежды и, возвратившись в обитель преподобного Кирилла, стал просить игумена Афанасия и старцев, чтобы его приняли в монастырь. Но они, по болезни Стефана, не приняли его: он принужден был поселиться в монастырской странноприимнице вместе с другими больными и прожил здесь недели три. Потом, по совету своих знакомых, Стефан пошел в Ферапонтов монастырь.

В одежде инок предстал он перед игуменом Гурием и усиленно просил его о принятии в обитель. Видя его уже монахом, игумен сдался на мольбы Стефана, тем более, что за него просили некоторые из братии, и, приняв в обитель, поручил его старцу. Прошло с тех пор еще три месяца, а болезнь Стефана не только не ослабевала, но еще более усилилась. Рука его так сгнила, что в четырех местах виднелись кости и невозможно было жить с ним в одной келлии вследствие тяжелого запаха. Сознывая свое бедственное положение и боясь удаления из монастыря, Стефан снова обратился к молитвам. С горькими слезами молился он у раки преподобного Мартиниана, прося чудотворца об исцелении от тяжкого недуга и обещаясь поработать в его обители до конца своей жизни. В то же время, чувствуя угрызение совести в том, что не будучи еще пострижен, он самовольно надел монашеские одежды, Стефан открыл это келарю, который управлял монастырем за отъездом игумена. Келарь, по совету с братией, повелел иеромонаху Симеону постричь Стефана и наречь его Сергием, что тот и сделал.

С тех пор новопостриженный инок никогда не оставлял молитвы к преподобному и за это скоро получил исцеление от своей тяжкой болезни. Однажды Стефан со скорбью пришел ко гробу преподобного Мартиниана и долго молился со слезами, прикладывая свою больную руку к раке святого. И вот в ту же ночь в дремоте он увидел, что кто-то, войдя, толкнул его и сказал: «Встань и молись».

Проснувшись от страха, он не видел уже никого, но сразу почувствовал облегчение от болезни: повязка, как лубок, спала с руки его, и на руке явилось новое, молодое тело. И исцеленный, и братия возблагодарили Бога и преподобного Мартиниана.

Преподобный Мартиниан причтен к лику святых, вероятно, в 1553 году. Празднование ему совершается местно.

Январь, 13

Елеазар Анзерский, преподобный

Преподобный Елеазар происходил от благочестивых родителей купеческого рода, по прозванию Севрюковых, из города Козельска. С ранних лет он был воспитан в страхе Божиим и отдан обучению грамоте. Послушный родителям святой отрок прилежно изучал Божественное Писание, которое было главным предметом в школе старого времени, успевал в нем день от дня и часто посещал храм Божий для своих чистых детских молитв. Уже в это время возгорелось в нем желание найти путь спасения. С годами оно все более крепло, пока не обратилось в твердую решимость оставить мир с его соблазнами и непостоянством. Узнав о Соловецкой обители, что она служит лучшим местом для иноческих подвигов, святой Елеазар, достигший уже совершеннолетия, отправился туда, благополучно достиг Соловков и был беспрепятственно принят в обитель игуменом преподобным Иринархом.

С этого времени начинаются иноческие труды и подвиги преподобного. Непрестанная молитва, пост и другие требования монастырских правил исполнялись им строго и неуклонно. Кроме того, преподобный Елеазар нес и различные монастырские послушания; между прочим, будучи обучен резному искусству, он ревностно трудился по устройству и украшению иконостаса в соборной церкви Преображения Господня, созданной игуменом святым Филиппом, который был после того митрополитом Московским. Подвижник прожил в обители несколько лет, проходя разные послушания и совершенствуясь в иноческой жизни. После того он был пострижен в монашество и еще усерднее стал служить Богу, посвятив Ему все свои силы. Своей подвижнической жизнью и строгим вниманием к самому себе преподобный Елеазар скоро приобрел уважение всей братии и любовь игумена Иринарха. Но не того желала смиренная душа его. Она стремилась к новым подвигам уединения и безмолвия. И вот, избегая почитания и славы, подвижник тайно уходит из монастыря и удаляется на Анзерский остров.

Здесь вдали от людей, в безмолвии отшельника стал подвизаться преподобный. Сначала он избрал себе место на горе, называемой Голгофа, близ озера Круглого, где поставил крест, а спустя немного времени и келлию. Гора Голгофа крутая и высокая. В ясный день с нее виден весь остров, покрытый лесом, необъятное море, острова. Для пропитания же своего на пустынном острове преподобный имел деревянные чашки и с надписанной на них просьбой уделить что-нибудь от пищи живущему тут страннику ставил их у морской пристани. Временные гости пустынного острова моряки-рыболовы, находя их, оставляли в них отшельнику хлеб и другие припасы. И по молитвам преподобного они сторицею были награждаемы от морского улова за свое доброе дело.

Постриженный в 1616 году соловецким иеромонахом Фирсом в схиму, преподобный Елеазар спустя четыре года перешел на другое место, поближе к морю и Соловецкому острову, к ветхой церкви святителя Николая, поставленной для временных тружеников на солеварнях. Здесь он построил новую часовню и малую келейку для себя и продолжал благоугодную свою жизнь.

Однако скоро жилище преподобного Елеазара было открыто посещающими Анзерский остров; слава о его подвигах дошла до Соловецкого монастыря и пронеслась по всем окрестным странам. Многие, как иноки, так и миряне, стекались к нему: одни, чтобы получить от него наставление, другие – желая поселиться близ него для безмолвия и воздержания. Жаль было преподобному расстаться со своим тихим уединением, но всех приходящих он принимал с кротостью и любовью и не возбранял им селиться около себя. Так мало-помалу собирались к нему ревнители отшельнической жизни. Их было 12 человек. Среди учеников преподобного Елеазара известны: Никодим, бывший строитель Анзерского скита по кончине преподобного, Никифор и Никон. Никон, по мирскому имени Никита, пришел к преподобному Елеазару около 1635 года, принял от него пострижение и подвизался на Анзерском острове три года. Отшельники питались царским жалованием, а

также милостыней рыболовов, приезжавших на Анзерский остров.

Преподобный установил для сподвижников древний чин скитского жития по примеру святых отцов. Келлии безмолвных пустынников поставлены были в версте одна от другой. В субботу вечером и накануне праздников собирались они для общей молитвы, в которой проводили всю ночь и следующий день. Совершив праздничное или воскресное пение, расходились по келлиям для богомыслия. Молитва, песнопение, пост и ручной труд по силам составляли их обычное занятие; о душевных помыслах и искушениях, нападающих на них, они открывали преподобному старцу как опытному своему наставнику и пользовались от него духовными советами. Сам преподобный Елеазар во всех указанных подвигах был примером для своих учеников. Обладая от природы крепким здоровьем, он ради смирения налагал на свое тело железные вериги и предавался усиленным трудам, как духовным, так и телесным: то коленопреклоненно и днем, и ночью подолгу молился, то рубил дрова и носил их на спине своей, то, наконец, переписывал духовные книги. Таким способом преподобный, как сказано во вкладной книге скита, собрал «от Божественных Писаний различные повести и три книги Цветника написал своей рукой уставом», а также ясно истолковал в своем писании чин монашеского келейного правила от своего иноческого опыта. Все эти книги он потом вкладом положил в церковное книгохранилище. Не ограничиваясь только собственноручным списыванием и составлением книг, он много покупал их на деньги или приобретал через пожертвования и таким образом положил основание Анзерской библиотеке. Отсюда видно, что преподобный Елеазар был не только великим подвижником, но и любителем книжности.

Таковы были труды и подвиги преподобного Елеазара, принятые им на себя добровольно. А сколько кроме того пришлось перенести во дни своей пустынной жизни трудностей и испытаний всякого рода, особенно искушений от злого духа – ненавистника всякого добра! Но преподобный мужественно и

безропотно переносил лишения и смело отражал искушения бесовские.

Случалось иногда, во время воздержания нападало на подвижника непреодолимое желание ко вкушению рыбы. Что же делал преподобный? Приготовив рыбы и поставив ее перед собою, он за одно только соблазнительное желание начинал с укором обличать себя в невоздержании и не прикасался к приготовленной им пищи до тех пор, пока она не портилась и дурным запахом не наполняла келлию. Тогда он снова ставил рыбу перед собой и говорил: «Хочешь ли есть добрых рыб ныне, о любострастная моя душа? Ешь же ныне и насыться злосмрадия сего».

Так побеждал святой Елеазар все восстания страстей и оставался непреодолимым от них по благодати Божией.

Однако злой дух, видя, что все его искушения отражены преподобным, не оставил его в покое, но новыми кознями захотел окончательно погубить святого подвижника. Произошло это так. Игумен Соловецкого монастыря блаженный Иринарх, впервые принявший преподобного Елеазара в свою обитель, не прерывал общения и после его удаления на Анзерский остров. Часто, особенно в зимнее время, когда устанавливался удобный путь по льду, он посылал от себя послушника на санях, запряженных лошадей, с приглашением преподобного в обитель для полезных духовных бесед с ним. Зная это, лукавый дух однажды преобразился в такого послушника и, явившись к келлии преподобного, постучал к нему в оконце. И когда тот подошел к окну, чтобы видеть, кто стучится, лукавый с поклоном сказал, что он прислан за ним от игумена.

По смотрению Божию и для большего испытания подвижника была скрыта от него эта хитрость диавола, и он, не обратив даже внимания на то, что тогда не было пути морем, принял к себе лукавого в образе послушника, а сам начал готовиться в дорогу. Преподобный не желал, однако, отправиться в путь, прежде чем совершит правило келейной молитвы, и потому ранее обыкновенного встал на молитву – для пения часов. Когда же начал он читать слова молитвы Господней: «... и не введи нас во искушение, но избави нас от

лукавого», – мнимый послушник не вынес этих слов, вышел из келлии и через некоторое время появился снова. Это повторялось несколько раз, по мере того, как читалась молитва Господня. Удивленный этим, преподобный спросил послушника, почему он выходит из келлии, тот ему ответил: «Посмотреть за лошадью: она не смиренно стоит».

По окончании часов преподобный по обычаю гостеприимства предложил мнимому брату трапезу, и тогда-то, наконец, при чтении молитвы Господней лукавый исчез без следа. Рассказав после того братии соловецкой об искушении, преподобный Елеазар возблагодарил Бога, что Он не искусил его свыше сил, не предав в руки врага.

Восстали на пустынника и злые люди из береговых жителей. Сговорившись между собою ограбить преподобного, злодеи пришли к пустыннику в расчете найти у него много богатств. Преподобный Елеазар увидел пришедших, предугадал их злой умысел и помолился Богу о защите. И Божественный Промысл, хранивший святого угодника, отнял разум у злоумышленников. Обезумев, они начали ходить вокруг келлии святого, не зная, что им делать, и даже забыв, зачем они пришли сюда. Умилосердившись над ними, преподобный вышел и кротко спросил их: «Чада! Что вы здесь хотите и зачем пришли сюда?»

Они же, как безумные, не отвечая ему, продолжали кружиться до тех пор, пока по молитвам преподобного снова вернулся разум их и они очнулись как бы от сна. Сознав свой грех и вину перед подвижником, грабители, припав к ногам его, просили прощения. Преподобный же, поучив их не красть чужого, с миром отпустил их.

После этого искушения подвижник избавлен был Божественным Провидением от наветов вражых. Путем непрестанных подвигов он восшел на высшую ступень чистоты и бесстрастия, которые снискали ему милость Божию.

Милость Божия к избраннику выразилась в следующем чудесном событии с ним. Однажды преподобный бодрствовал в молитвах, углубивши все свое внимание в богомыслие. Вдруг

он услышал свыше Божественный повелительный голос: «Напиши мой образ!»

Страх и радость овладели преподобным от этого необычного голоса. Но опасаясь искушения, он не тотчас приступает к исполнению повеления, ожидая дальнейшего разъяснения сего чуда. На другой же день, когда преподобный по обычаю своему с утра бодрствовал и молился, размышляя о том, чей ему образ повелено написать, он снова услышал тот же голос, еще с большей силой говорящий ему: «Напиши Мой образ, Христов».

Тогда, уразумев в этом действительную Божественную волю, он попросил соловецкого иконописца Памву начертить образ Богочеловека Христа и потом уже сам тщательно изобразил его в красках. Образ этот, поставленный по погребении преподобного Елеазара против его гроба, послужил источником многих исцелений с верою приходившим и прикасавшимся к нему.

В 1620 году игумену соловецкому преподобному Иринарху случилось быть в Москве. Когда он пришел к матери царя Михаила Феодоровича инокине Марфе Иоанновне просить о нуждах своего монастыря, она спросила его об Анзерском острове и подвижниках его. Игумен сказал, что остров очень удобен для пустынножительства.

«Можно ли поставить там церковь?» – спросила Марфа Иоанновна. Игумен ответил, что это удобно, и получил на устройство храма 100 рублей, книги, ризы и иконы. Начальником одиннадцати анзерских пустынников был в то время иеромонах Варлаам. При нем и построена была в Анзерском скиту деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы с приделом во имя преподобного Михаила Малеина (Ангела царя).

Около 1625 года преподобный Елеазар является начальником скитян.

Без сомнения он превосходил учеников своих духовными дарованиями, например, даром прозорливости.

Так, когда приблизилась кончина соловецкого игумена преподобного Иринарха, преподобному Елеазару было открыто об этом от Господа. Тогда святой возвестил братии своей, что

его друг и собеседник о Господе Иринарх уже кончается, что он спешит к нему, но уже не увидит его в живых. А преподобный Иринарх, в свою очередь провидя, говорил братии: «Духовный мой брат Елеазар плывет морем, стараясь застать меня в живых, но смотрением Божиим не застанет». Так это и сбылось.

Мало-помалу молва о подвижнической жизни преподобного вышла далеко за пределы Поморского края и дошла даже до царского дворца. Царь Михаил Феодорович, весьма сильно скорбевший о том, что он не имеет наследника, однажды в беседе с соловецким постриженником келарем Троицкой лавры Александром Булатниковым спросил его: «Нет ли среди вас такого праведного мужа, который бы разрешил нашу печаль?»

Александр же, зная великое дерзновение к Богу преподобного Елеазара, ответил царю: «Есть такой муж в твоей державе и, надеюсь, он может испросить вам у Бога сына».

Затем подробно рассказал о святом. Царь обрадовался и послал к преподобному Елеазару самого Александра с приказанием привести его с собою в Москву. Преподобный прибыл в Москву и с честью был принят при дворе.

Своими речами подвижник утешал опечаленного царя. Он говорил ему о всемогуществе Божиим, о том, что Бог может нам дать все по вере нашей, и в заключение сказал: «Как вот сей день, так и я уповаю на Господа, что зачнется и родится у вас сын и будет наследником вашего царства».

Обрадованный царь упросил преподобного Елеазара остаться в Чудове монастыре до исполнения сего события, а через несколько времени, именно в 1629 г., действительно сбылись слова преподобного – родился у царя сын царевич Алексей Михайлович. В порыве благодарности царь предлагал преподобному и почести, и власть, но он ради смирения и пустыннолюбия отказался от всего этого. Мысли подвижника были там, в созданном им скиту. Он получил от государя церковную утварь для скитского храма и грамоту, в которой расписано было жалованье Анзерскому скиту и давалось право получать из казны воск, ладан и прочее. После того святой старец с миром возвратился в свой скит.

Преподобному Елеазару под конец его жизни пришлось еще раз побывать в Москве. По вступлении своем на престол царь Алексей Михайлович, слыша о подвигах преподобного и глубоко почитая его, как бы другого благодарованного отца, пожелал видеть его лично, а посему святой Елеазар, преодолевая обычную в его летах слабость, вторично должен был ехать в столицу. Он с радостью был принят и обласкан царем, исполненным веры и любви к преподобному. Но и теперь он не искал при дворе царевом своих выгод, по-прежнему заботился лишь о ските своем. Вот почему во время пребывания преподобного в Москве ему дана была украшенная золотом грамота о выдаче от казны всего потребного для церковных нужд и содержания братии, а также был издан указ о непременном создании в Анзерском скиту каменной церкви, постройка которой, начатая еще при царе Михаиле Феодоровиче, была приостановлена по той лишь причине, что Елеазар хотел выстроить ее в гораздо больших размерах, чем предполагалось. Одарив преподобного, царь с честью отпустил его в скит.

Теперь, казалось бы, легко могли исполниться заветные желания Анзерского пустынника о новой каменной церкви, и потому первой его заботой по возвращении в скит было приступить к ее построению. Но так как без помощи Соловецкого монастыря нельзя было построить каменного храма, то, возвратившись от царя, Елеазар отправился в Соловки и рассказал монастырским властям о милости царя к скиту, показал и грамоты, в которых повелевалось соловецким настоятелям заботиться об Анзерском ските, особенно о постройке в нем церкви, не считая его, однако, подчиненным монастырем. Смиренно просил преподобный Елеазар вспоможения от настоятеля и братии соловецкой. Но соловецким старцам прискорбно было, что Анзерский скит совершенно устраняется от их зависимости, и они не только отказали преподобному в помощи, но и подвергли строгому взысканию за нарушение устава о монастырской подчиненности – посадили в тюрьму. Незлобивый и блаженный старец не разгневался на них и по смирению своему не хотел навести

гнев царя на соловян. Кротость и терпение подвижника победили все. Наконец, и постройка церкви началась, когда побудил к этому соловецкого настоятеля Илию двинский воевода.

Чудесные знамения сопровождали постройку каменного храма в ските.

На Анзерском острове не было своих кирпичных заводов. Поэтому кирпич и другие строительные материалы брали из Соловецкого монастыря. Но вот наступила весна. Путь в обитель был прерван, так как за множеством плывущего льда невозможно было проехать ни на санях, ни в лодках. Строители скорбели о том, что опять приходится откладывать постройку на неопределенное время. Скорбел об этом и преподобный Елеазар, бывший уже в то время в преклонном возрасте. И вот, несмотря на свою слабость, он сам с несколькими строителями отправился в опасный путь. Путники благополучно достигли обители и насколько возможно нагрузили свои лодки кирпичом и другими материалами для постройки. Но на возвратном пути они встретили множество льда. Страшный испуг овладел спутниками преподобного старца, особенно когда громадные льдины, громясь одна на другую, с треском и шумом приближались к маленьким лодкам, грозя стереть и потопить их. Не устрасился только преподобный. Увещевая и своих спутников не поддаваться испугу, он повелел кормчим, к их изумлению, обратить ладьи прямо против шедшего на них льда. Ужаснулись кормчие и не знали, что делать, но все-таки послушали преподобного. И тотчас совершилось великое чудо. Море оказалось послушным повелениям святого старца. Оно разбивало лед и, отводя его от лодок, очищало им путь. Увидев это, спутники преподобного были страшно поражены и возблагодарили за свое спасение Господа, прославляющего святых Своих.

Так, с помощью Божией, приближалась к концу постройка храма. Но не судил Господь преподобному Елеазару видеть ее окончание. Неизвестно, сколько лет прожил преподобный, но он был тогда в глубокой старости, так как довольно много времени

пробыл в обители Соловецкой, удалясь из мира, а потом еще сорок лет подвизался на Анзерском острове.

Чувствуя приближение своей кончины, преподобный в последний раз собрал вокруг себя всю братию. Он много поучал своих духовных чад всему полезному ко спасению и дал им письменный устав жизни иноческой. Потом святой Елеазар поставил вместо себя наставником своего первого ученика Никодима, заповедав ему иметь постоянную заботу о братии, а братии – слушаться своего наставника, как его самого. «Если труды мои воспомянутся перед Богом, – так закончил свое прощальное слово преподобный, – со временем прославится место сие и не оскудеет никогда благодатью Божией».

После того, причастившись Святых Таин, он мирно предал дух свой Господу 13 января 1656 года и с честью был погребен своими учениками вблизи выстроенного его трудами храма, с восточной стороны, в часовне.

Вскоре после смерти преподобного Елеазара была окончена постройка каменной церкви в Анзерском скиту и она была освящена во имя Живоначальной Троицы с двумя пределами: в честь Знамения Пресвятой Богородицы и во имя преподобного Михаила Малеина.

Благодать Божия по молитвам преподобного не покидала его духовного наследия и места его святых подвигов. Сама Пречистая Дева сделалась Покровительницей скита. Один старец строгой жизни после молитвенных трудов сел отдохнуть и во сне увидал Жену, стоящую на воздухе над скитом. Простерши руки к Господу, Она молилась Ему: «Владыко Вседержителю и Господи! Призри с высоты святая славы Своя на скит Анзерский и посети его ради человеколюбия Твоего и помилуй живущих в нем». И тотчас послышался голос с неба: «Послан был человек в скит Анзерский, чтобы прославить его».

Проснувшийся в трепете старец узнал в молящейся Жене Пречистую Деву и возблагодарил Господа и Богоматерь, что не отступают Они от места сего.

Как бы некоторым видимым знаком особенного присутствия здесь Богородицы являются три леторасли, чудесным образом

произросшие из каменного помоста алтаря под Ее образом Знамение.

Благодаря особому покровительству Божию Анзерский скит сделался местом благоговейного почитания и паломничества окрестных жителей. Много прибегающих сюда за духовной помощью и с верою молящихся здесь получали исполнение прошений и исцеление недугов своих как от иконы Пресвятой Троицы, так и от мощей преподобного.

Много чудесных знамений, совершенных по его молитвам, было собрано его почитателями, но еще более было предано забвению. Будем и мы, благочестивые читатели, памятуя труды и подвиги преподобного Елеазара и великое дерзновение его к Богу, прибегать к его помощи.

Мощи преподобного Елеазара, обретенные в 1757 году, почивают под спудом в каменной часовне. Память преподобного чтится местно.

Иринарх, затворник Ростовский, преподобный

Преподобный Иринарх, затворник Ростовский, во святом крещении Илия, родился в июне 1548 года в селе Кондаково, в 43 верстах от Ростова Великого. Он был третьим сыном в благочестивой крестьянской семье Акиндина и Ирины. С раннего детства в мальчике обнаружилось стремление к монашеской жизни: в детских играх он не участвовал, но старался сдерживать свои желания и во всем ограничивать себя. Шестилетний Илия однажды сказал матери: «Как вырасту, так постригусь и стану монахом; буду носить на себе железа и трудиться ради Бога...» С юных лет Илия мечтал подражать подвигам преподобного Макария Калязинского († 1483; память 17/30 марта и 26 мая/8 июня), тайно носившего тяжелые вериги, житие которого он слышал от приходского священника Василия.

Когда в округе случился голод, 18-летний Илия отправился на заработки в Нижний Новгород. После кончины отца, о которой он был извещен свыше, Илия вместе с матерью и старшим братом Андреем переселился в Ростов Великий. Здесь родные Илии стали вести торговлю, но Илия тяготился мирскими заботами и находил утешение в чтении Священного Писания. Стремление уйти в монастырь окончательно окрепло. В 1578 году, испросив благословение матери, Илия ушел в Борисоглебский монастырь на реке Устье, близ Ростова Великого, где принял постриг с именем Иринарх.

Игумен монастыря благословил Иринарха жить под руководством опытного старца и назначил ему послушание в пекарне. С первых дней монашеской жизни преподобный Иринарх отказался от своей воли и смиренно предал себя во власть братии; первым приходил он на церковные службы, ни с кем не разговаривал в храме, благоговейно стоял во время богослужения и никогда не уходил прежде отпуска.

Однажды преподобный Иринарх увидел в монастыре босого странника. Сжалившись, он отдал ему свои сапоги, а сам с тех пор не надевал обуви. Вместо рясы Иринарх носил рубище, за что претерпевал насмешки. Игумену не понравилось такое

поведение подвижника, и он начал смирять его, заставляя часа по два стоять на морозе против своей келлии или подолгу звонить на колокольне.

Святой все переносил с терпением и не изменил своего поведения. Игумен продолжал жестокосердствовать, давая суровые послушания. Но когда преподобному Иринарху назначили послушание вне монастыря, то есть лишили церковной молитвы, он ушел в Ростов Великий, в Богоявленский монастырь, основанный преподобным Авраамием Ростовским (1073–1077 гг.; память 29 октября/11 ноября).

В Авраамиевом монастыре преподобный Иринарх был назначен келарем и около шести месяцев с усердием исполнял порученное послушание. Однажды во время пения Херувимской преподобный Иринарх громко зарыдал. На вопрос архимандрита он ответил: «Мать моя преставилась!» Оставив Авраамиев монастырь, преподобный перешел в Ростовский монастырь праведного Лазаря. Там преподобный Иринарх поселился в тесной келлии, где три с половиной года омывал свою душу слезами, очищал молитвой и строгим постом. Он начал носить на себе тяжелые железные вериги. В Лазаревом монастыре его часто посещал блаженный Иоанн, Христа ради юродивый, по прозванию Большой Колпак († 1589; память 12/25 июня и 3/16 июля). Святые подкрепляли друг друга духовной беседой, и блаженный Иоанн предрекал преподобному Иринарху достижение высокого духовного совершенства.

По повелению явившихся в сонном видении святых страсотерпцев Бориса и Глеба († 1015; память 2/15 мая и 24 июля/6 августа), преподобный Иринарх вернулся в Борисоглебский монастырь, где его с радостью встретил новый игумен Варлаам.

Однажды, молясь перед иконой Спасителя и вопрошая Господа о том, как ему спастись, Иринарх услышал слова: «Иди в келлию свою и будь затворник, и не исходи, и так спасешься». Познав волю Божию, преподобный Иринарх затворился в тесной келлии, где приковал себя железными цепями.

Преподобный Иринарх стал носить множество медных крестов, со временем число их возрастало; на голову

подвижник надевал тяжелый обруч. Спал он на голом полу не более трех часов в сутки, остальное время посвящал молитве и трудам: вязал «свитки» (широкие верхние одежды), делал клобуки, шил одежду для нищих. Полученное подаяние он раздавал бедным. 25 лет провел преподобный Иринарх закованным цепями и веригами в тяжелых трудах. Подвиги его обличали нерадиво живших в обители, и они солгали игумену, что старец учит не ходить на монастырские работы, а подвизаться подобно ему. Игумен поверил клевете и изгнал святого старца из обители. Смиренно покорившись, преподобный Иринарх опять ушел в Ростов и прожил в монастыре святого Лазаря один год. Между тем борисоглебский игумен раскаялся в своем поступке и послал за преподобным Иринархом иноков. Он возвратился, укоряя себя, что живет не так, как братия, которая несет праведные труды, и продолжал вести прежний образ жизни.

Тяжкими и долгими подвигами духовное зрение преподобного Иринарха очистилось для принятия Божественных откровений. Однажды ему было видение о том, что Москву захватит Литва, а церкви по местам будут разорены.

Он стал горько плакать о предстоящем бедствии, и игумен повелел ему ехать в Москву и предупредить царя Василия Иоанновича Шуйского (1606–1610) о грозящей беде. Преподобный Иринарх выполнил послушание. Он отказался от предложенных ему даров и, вернувшись, стал усердно молиться, чтобы Господь помиловал Русскую землю.

Враги явились на Русь, стали завоевывать города, избивали жителей, грабили монастыри и церкви. Несколько раз они приходили в Борисоглебский монастырь, и всякий раз преподобный Иринарх безбоязненно обличал греховность их действий и убеждал оставить пределы Российские. Польский полководец Сапега, остановившийся в Борисоглебском монастыре, пожелал видеть старца, сидящего в цепях, и удивился такому подвигу. Когда паны, пришедшие с Сапегой, сказали ему, что старец молится за Шуйского, преподобный смело сказал: «Я в России рожден и крещен, за русского царя и Бога молю». Сапега отвечал: «Правда в батьке велика – в

которой земле жить, той земле и служить». Преподобный Иринарх стал убеждать Сапегу уйти из России, предсказывая ему в противном случае смерть. После беседы Сапега сказал: «Я такого батюшки нигде не нашел: ни здесь, ни в иных землях...» – и велел не разорять обитель. Святого Иринарха посещали и другие польские военачальники. Один из них, Иван Каменский, по совету старца со своим отрядом вернулся в Польшу. Сапега же и другие, пренебрегшие советами преподобного Иринарха, сложили свои головы на Русской земле. В тяжелое лихолетье Смутного времени преподобный Иринарх вдохновлял соотечественников на ратный подвиг, вселял в них уверенность в победе русского оружия. Он благословил приезжавших к нему воевод Скопина-Шуйского, Минина и князя Дмитрия Пожарского и предсказал им победу: «Увидите над собой славу Божию». Для поддержки надежды на милость Господа преподобный посылал им просфоры и свои кресты. С Божией помощью русские одолели Литву, князь Пожарский овладел Кремлем, и в Русской земле постепенно начал водворяться мир. В благодарность за помощь князь Дмитрий Михайлович Пожарский освободил Борисоглебский монастырь и поселян вокруг него от сборов на ополчение.

Старец Иринарх по-прежнему непрестанно молил Бога со слезами об избавлении Руси от врагов и, обладая силою творить чудеса, исцелял больных и бесноватых. Ему был открыт день кончины, и он, призвав своих учеников Александра и Корнилия, преподавал им последнее наставление: «... проводите свою жизнь в трудах и молитве, посте и бдении... во взаимной любви.., оказывая всем послушание и покорность...» И простившись со всеми, тихо отошел ко Господу в вечный покой 13 января 1616 года. После святого старца осталось 142 медных креста, семь наплечных вериг, цепь в 20 сажень, которую он носил на шее, железные ножные путы, 18 ручных оков, «связки», которые он носил на поясе, весом в пуд и железная палка, которой он избивал свое тело и прогонял бесов. В этих трудах, как называл их старец, он прожил 38 лет, в миру прожил 30 лет, скончался же 68 лет от роду. После смерти преподобного Иринарха совершалось много чудес при его гробе, особенно же

исцелений больных и бесноватых при возложении на них крестов и цепей святого подвижника.

Житие и чудеса преподобного Иринарха Затворника описаны его учеником иноком Борисоглебского монастыря Александром, который подвизался с преподобным в течение 30 лет.

Память преподобного Иринарха совершается также 23 мая/5 июня – в день празднования Собора Ростово-Ярославских святых (установлено решением Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода Русской Православной Церкви 10 марта 1964 года).

Январь, 14

Нина, равноапостольная, просветительница Грузии

Святая равноапостольная Нина, просветительница Грузии, родилась около 280 года в городе Коластры, в Каппадокии, где было много грузинских поселений. Ее отец Завулон доводился родственником святому великомученику Георгию († 303; память 23 апреля/6 мая). Он происходил из знатного рода, от благочестивых родителей, пользовался расположением императора Максимиана (284–305). Находясь на военной службе у императора, Завулон, как христианин, содействовал освобождению пленных галлов, принявших христианство. Мать святой Нины Сусанна была сестрой Иерусалимского патриарха.

Двенадцати лет от роду святая Нина пришла в Иерусалим вместе с родителями, у которых была единственной дочерью. По их обоюдному согласию и по благословению патриарха Иерусалимского Завулон посвятил свою жизнь служению Богу в пустынях Иорданских, Сусанна была поставлена диаконисой при храме Гроба Господня, а воспитание святой Нины было поручено благочестивой старице Нианфоре.

Святая Нина проявила послушание и прилежание и через два года, при помощи благодати Божией, твердо навывкла исполнять правило веры и с усердием читала Священное Писание.

Однажды, когда она, плача, сопереживала евангелисту, описавшему распятие Христа Спасителя, мысль ее остановилась на судьбе хитона Господня (Ин. 19, 23–24). На вопрос святой Нины, где пребывает хитон Господень, старица Нианфора пояснила, что нетленный хитон Господень, по преданию, отнесен мцхетским раввином Элеазаром в Иверию (Грузию), именуемую уделом Божией Матери.

Святой Нине часто приходилось слышать об этой стране от иудеев, поселившихся там и приезжавших в Иерусалим на праздник Пасхи. Узнав, что Грузия еще не просвещена светом христианства, святая Нина денно и нощно молилась Пресвятой Богородице: да сподобит ее увидеть Грузию обращенной ко Господу и да поможет ей обрести хитон Господень.

Царица Небесная услышала молитвы юной праведницы. Однажды, когда святая Нина почивала после долгих молитв, Пречистая Дева явилась ей во сне и вручила крест, сплетенный из виноградной лозы, со словами: «Возьми этот крест, он будет тебе щитом и оградой против всех видимых и невидимых врагов. Иди в страну Иверскую, благовествуй там Евангелие Господа Иисуса Христа и обрящешь благодать у Него. Я же буду тебе Покровительницею».

Пробудившись, святая Нина увидела в своих руках крест (ныне хранится в особом кивоте в Тбилисском Сионском кафедральном соборе) и возрадовалась духом.

В другой раз Нине явился Спаситель и дал ей свиток, в котором было написано: *Идите и научите все народы, крестяще их во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа (Мф. 28, 19).*

С восторгом поспешила Нина объявить своему дяде, патриарху Иерусалимскому, об этих снах и полученных ею повелениях. Патриарх и мать ее благословили святую на тот подвиг, к которому вдохновенно и неудержимо стремилась она, и действительно Господь привел Нину совершить его.

По пути в Грузию святая Нина чудесным образом избежала мученической смерти от армянского царя Тиридата, которой подверглись ее спутницы – царевна Рипсимия, ее наставница Гаиания и 35 дев (IV в.; память 30 сентября/13 октября), бежавшие в Армению из Рима от гонений императора Диоклетиана (284–305). Укрепленная видениями Ангела Господня, святая Нина продолжала свой путь и явилась в Грузию около 319 года. Слава о ней вскоре распространилась в окрестностях Мцхета, где она подвизалась, ибо проповедь ее сопровождалась многими знамениями. В день преславного Преображения Господня по молитве святой Нины во время языческого жертвоприношения, совершаемого жрецами в присутствии царя Мириана и многочисленного народа, были низвергнуты с высокой горы идолы Армаз, Гац и Гаим. Это явление сопровождалось сильной бурей.

Войдя в Мцхет, древнюю столицу Грузии, святая Нина нашла приют в семье бездетного царского садовника, жена

которого Анастасия по молитвам святой разрешилась от неплодства и уверовала во Христа. В скором времени она сделалась известной в окрестностях, потому что оказывала чудесную помощь страждущим. Больные во множестве стали приходить к ней, и святая Нина молитвой исцеляла их недуги и проповедовала о Христе. Слова ее, чудеса, совершаемые ею, добродетельная жизнь сильно действовали на окрестных жителей, и многие из них уверовали в истинного Бога. Авиафар, бывший прежде первосвященником, и его дочь Сидония по принятии христианской веры стали сотрудниками в распространении евангельского учения.

Святая Нина любила проводить дни и ночи в молитве под величественным кедром, под которым, по грузинскому преданию, был сокрыт в земле хитон Спасителя. На этом месте впоследствии воздвигли первый в Грузии христианский храм (вначале деревянный, ныне каменный собор в честь Двенадцати святых апостолов, именуемый Светицховели, что означает «Животворящий Столп»).

Святая Нина исцелила от тяжкого недуга грузинскую царевну Нану, которая, приняв святое крещение, из идолопоклонницы стала ревностной христианкой (память 1/14 октября). Несмотря на чудесное исцеление супруги, царь Мириан (265–342), внимая наущениям язычников, готов был подвергнуть святую Нину жестоким мучениям. В то самое время, как вымышляли казнь святой праведнице, померкло солнце и непроницаемая мгла покрыла место, где находился царь. Царь внезапно ослеп, а пораженная ужасом свита начала умолять своих языческих идолов о возвращении дневного света, но они были глухи и мрак умножался. Тогда уstraшенные единогласно воззвали к Богу, Которого проповедовала Нина. Мгновенно рассеялся мрак, и солнце все осветило своими лучами. Это событие совершилось 6 мая 319 года.

И царь Мириан, исцеленный святой Ниной от слепоты, вскоре обратился к истинному Богу. По совету Нины царь послал просить византийского императора Константина (306–337) прислать епископа и священников для совершения таинства крещения над народом. Прибывшего в столицу

епископа с иереями и диаконами царь и весь народ встретили с великим почетом и радостью, и вскоре началось совершение святого крещения (324 г.; по другим источникам, 326 г.). Прежде всех принял святое крещение царь, за ним царица с детьми. После этого, приготовив крещальню у моста на реке Куре, епископ совершил водоосвящение и крестил всю знать царскую. Место это до сих пор носит название «Купели вельмож», а несколько ниже «Купели вельмож» два иерея и диаконы крестили в то время весь народ, который принимал святое крещение так усердно и стремился к этому с такой поспешностью, что в исполнении таинственного обряда было немало замешательств. Такое усердие происходило от того, что народ хорошо помнил наставления святой Нины, говорившей им, что кто не примет крещение, тот не может найти вечного света. Таким образом, почти вся Карталиния приняла святое крещение, за исключением кавказских горцев, оставшихся во тьме язычества.

Вслед за тем царь отправил послов в Константинополь с просьбой к императору прислать в Иверию архитекторов для постройки храмов. Император хорошо принял послов, исполнил их просьбу и вместе с ними отправил в новопросвещенный край много архитекторов и иереев, вручив в распоряжение епископа большую сумму денег для постройки церквей.

Побуждаемая святым усердием, Нина продолжала проповедовать Евангелие. Она старалась распространять слово Божие между горцами и в сопровождении пресвитера Иакова и одного диакона отправилась к верховьям рек Арагви и Иори. И многие из горцев приняли святое крещение. Оттуда святая Нина прошла в Кахетию (Восточная Грузия) и поселилась в селении Бодбе в маленькой палатке на склоне горы. Здесь она вела подвижническую жизнь, пребывая в постоянных молитвах, обращая ко Христу окрестных жителей. В их числе была и царица Кахетии Соджа (София), принявшая крещение вместе со своими царедворцами и множеством народа.

Совершив свое апостольское служение в Грузии, святая Нина была извещена свыше о близкой кончине. В послании к

царю Мириану она попросила его прислать епископа Иоанна, чтобы он приуготовил ее в последний путь.

Не только епископ Иоанн, но и сам царь вместе со всем духовенством отправился в Бодбе, где у смертного одра святой Нины были свидетелями многих исцелений. Назидавая народ, пришедший ей поклониться, святая Нина по просьбе своих учениц рассказала о своем происхождении и жизни. Этот рассказ, записанный Соломией Уджармской, послужил основанием жития святой Нины.

Благоговейно приобщившись Святых Таин, святая Нина завещала, чтобы ее тело погребли в Бодбе, и мирно отошла ко Господу в 335 г. (по другим источникам, в 347 г. на 67 году от рождения, после 35 лет апостольских подвигов).

Царь, духовенство и народ, скорбя о кончине святой Нины, хотели перенести ее честное тело в соборную Мцхетскую церковь, но не могли сдвинуть гроб подвижницы с избранного ею места упокоения. На этом месте в 342 году царь Мириан основал, а сын его царь Бакур (342–364) завершил и освятил храм во имя сродника святой Нины святого великомученика Георгия; позднее здесь был основан женский монастырь во имя святой Нины. Мощи святой, по повелению ее сокрытые под спудом, были прославлены многими исцелениями и чудесами. Грузинская Православная Церковь с согласия Антиохийского Патриархата наименовала просветительницу Грузии равноапостольной и, причислив к лику святых, установила ее память 14/27 января, в день ее блаженной кончины.

Январь, 16

Максим праведный, Тотемский чудотворец

Праведный Максим был священником в городе Тотьме в первой половине XVII века. Он именовался Максим Макарьев, сын Попов. Поставленный в иерея, в течение 45 лет он проходил добровольный подвиг юродства Христа ради и пребывал в непрестанной молитве, в посте, нагоде, совершенно пренебрегал заботами о своем теле.

Праведный священноиерей Максим уже при жизни своей был отличен благодатными дарами от Бога. Он почил в глубокой старости 16 января 1650 года и был погребен при Воскресенской Варницкой церкви города Тотьмы. Труженическая и святая жизнь его и чудесные исцеления, истекавшие от его гроба, послужили побуждением к составлению письменного сказания о нем, но сказание это сгорело в пожаре Воскресенской церкви в 1676 году. Позднее утрачено и составленное в 1680 году новое сказание. Между тем чудеса у гроба праведника продолжались.

В 1715 году священник Воскресенской церкви Иоанн Рохлецов с приходскими людьми обратился к архиепископу Велико-Устюжскому Иосифу с просьбой разрешить им поставить гробницу над мощами святого Максима в Параскевиевской церкви, над сими мощами построенной, и положить на гробнице образ святого. Владыка дал свое разрешение и благословил служить молебны как прочим угодникам Божиим.

В то время были еще всем памятны чудеса, совершившиеся у места погребения праведного Максима, и чудеса эти были изображены на клеймах, украшающих гробницу угодника Божия.

В 1680 году житель Тотьмы Борис Тимофеев Тарунин заболел лихорадкою и лежал полгода расслабленным. Когда он призвал на помощь праведного Максима, тотчас получил исцеление.

В 1691 году крестьянин Арефа Малевинский девять недель не вставал с постели от лихорадки; когда же стал призывать на помощь святого Максима, болезнь его совсем прошла.

Крестьянин Феодор Васильев Мамошов девять лет был нездоров и находился в расслаблении. Ночью на 5 ноября 1703 года он видел во сне, будто старый человек в одной рубашке подошел к его постели и сказал ему: «Феодор, перестань скорбеть». И, взявши его за плечо, повел в церковь и велел приложиться к надгробию праведного Максима. Пробудившись, Феодор почувствовал себя настолько здоровым, что мог пешком отправиться к Воскресенской церкви для поклонения гробу своего целителя.

Анна Яковлева Татаурова в 1705 году в течение месяца была в исступлении ума. Ночью во сне явился ей праведный Максим и велел отслужить две панихиды над его гробом, обещая ей за то выздоровление. Пробудившись, больная пришла в сознание и стала просить, чтобы ее свезли ко гробу праведного, где она по совершении панихид тотчас же почувствовала себя совершенно здоровою.

Январь, 17

Антоний Краснохолмский, преподобный

Преподобный Антоний Краснохолмский первоначально был пустынником в Белозерской земле. Уже в сане иеромонаха пришел он в Тверскую землю и поселился близ Красного холма на берегу реки Мологи, построив часовню и келлию. После обретения явленной иконы святителя Николая на этом месте был построен каменный храм и основан монастырь, где преподобный был настоятелем, поучая братию словом и примером своей жизни. Скончался преподобный Антоний в 1481 году.

Антоний Черноземский, преподобный

О преподобном Антонии сохранилось очень мало сведений. Время подвигов его относят к XVI столетию. Преподобный основал монастырь с храмом в честь Рождества Пресвятой Богородицы на берегу Черного озера, в Череповецком уезде Новгородской губернии, в 40 верстах к северо-востоку от Череповца. Здесь подвижник и скончался. Мощи преподобного Антония покоятся под спудом в храме давно упраздненной его обители. Местное празднование его началось неизвестно когда, но ранее учреждения Святейшего Синода (1721 г.).

Иоанн, епископ Ростовский, святитель

В Вознесенской церкви г. Ростова, Ярославской епархии, хранится замечательная икона Ростовских святых чудотворцев, между которыми находится святитель Иоанн. Вероятно, это был Иоанн I (1190–1213), который в старинных рукописных святцах считается святым (в рукописи С. Т. Большакова: А. А. Титов. Летопись Ростовских архиереев. 1890 г. С. 7). Иоанн был духовником великого князя Всеволода III Юрьевича и в 1190 году был рукоположен в Ростовского епископа митрополитом Никифором. В 1196 году Иоанн венчал во Владимире князя Константина Всеволодовича, а в 1212 г. – Георгия (Юрия) Всеволодовича (см. 4/17 марта); в 1202 г. освящал Успенский храм в г. Владимире. В 1190 году он установил праздновать обретение мощей свт. Леонтия (23 мая/5 июня), которому и написал канон, помещенный в служебной (майской) Минее; при нем от Ростовской епархии в 1208 году отделилась Муромская. Епископ Иоанн скончался в 1213 году в Суздале в Космо-Дамиановском монастыре, где и погребен. Память свт. Иоанна в старинных святцах показана 17/30 января (вероятно, этот день был днем его кончины).

Январь, 18

Афанасий Сяндемский, преподобный

В конце XV столетия между многочисленными подвижниками древней Валаамской обители подвизался инок Афанасий – ученик и сомолитвенник пустынножителя Александра, работавшего Господу в тесной пещере одного из Валаамских островов. Душеспасительные советы и примеры высоких добродетелей Александра укрепляли Афанасия на трудном пути спасения. С течением же времени, по неисповедимым судьбам Божиим, наставник и ученик должны были разлучиться. Преподобный Александр удалился в леса Обонежской пятины на реку Свирь и семь лет провел там в строжайшем уединении, а потом приступил к устройению общежития, тогда и преподобный Афанасий переселился с Валаама опять под его руководство.

Смиренномудрие и послушание сделали Афанасия любимейшим учеником преподобного игумена, и он сподобился быть свидетелем благодатного посещения его учителя Пресвятой Девой Богородицей.

По преставлении преподобного Александра (1533 г.), преподобный Афанасий отошел на пустынножитие в дремучие леса Карелии и на холме перешейка двух небольших озер Сяндема и Рошинского поставил себе хижину. Некоторые из сподвижников преподобного Александра последовали за Афанасием в уединение, а к ним присоединилось еще несколько любителей пустынного жития. Таким образом было положено начало процветавшей впоследствии Сяндемской пустыни.

Сам преподобный Афанасий рассказывал о своем поселении в пустыни так. Жил он в Обонежской пятине, в Олонецком уезде, на Сяндеме озере, в пустыне на Софийской земле, в диком лесу от Олонца 20 верст, а от ближних деревень 10 верст; ту пустыню позволили ему строить олончане на богомолье о государе и на прибежище себе. По благословению архиепископа Пимена он поставил в пустыне часовню во имя

Живоначальной Троицы да восемь келлий. И собралось к нему в пустыню десять братий; он распахал пашню.

Но по зависти те олончане оболгали его перед архиепископом Пименом, будто он построил свою пустыньку насильственно, и выслали его из пустыньки. Пустынька осталась пустою.

Преподобный удалился в Свирский монастырь и избран был там в игумена. Вероятно, в это время он и получил сан священства, по крайней мере, в 1577 г. называется священноиноком. Долго ли управлял преподобный Афанасий обителью своего наставника, остается неизвестным, только в 1577 г. он называется уже бывшим игуменом Свирского монастыря и просит у Новгородского архиепископа Александра позволения на месте пустыни устроить монастырь с храмом во имя Живоначальной Троицы и отвести земли под пашню. Такое дозволение было дано; отведена монастырю и пашня по одной версте во все четыре стороны. Монастырь был освобожден от пошлин в пользу Новгородской Софийской казны. Преподобный служил примером братии в трудолюбии и терпении, и вся братия трудами рук своих добывали себе пропитание.

Основатель обители был и наставником нового братства. Для собственного же научения имел он частые духовные беседы с преподобным Адрианом Андрусовским, валаамским схимонахом, основавшим около того же времени иноческую обитель на берегу Ладожского озера. Подвижники жили верстах в 20 один от другого. Памятниками этого духовного общения остались кресты, водруженные угодниками Божиими на пути через все пространство, отделявшее их друг от друга. Предание говорит, что и на том месте, где теперь церковь во имя чудотворца Николая в селении Тулокса, преподобным Афанасием был поставлен крест и предсказано создание храма на служение Господу. Пророчество исполнилось, церковь святителя Николая, почти современная основателю Сяндемской пустыни, существует и поныне. При устье реки Сяндемки (текущей на девять верст из Сяндемского озера в речку Тулоксу) находятся на обоих ее берегах два каменные креста. По свидетельству предания, они сопутствовали преподобному

Афанасию с Валаама и суть благословение тамошних старцев основателю Сяндемской пустыни. У окрестных жителей сохранились рассказы, что эти кресты чудесно приплыли за преподобным против речного течения со стороны Ладожского озера.

По древнему же сказанию, угодник Божий Афанасий последние годы святой жизни своей провел в уединении на одном из островов озера Сяндема, который называется и доселе Святым.

Преподобный Афанасий преставился в своей пустыни и погребен на одном из мысов Рощинского озера, где потом над могилой его сооружена церковь во имя святителя Кирилла и Афанасия, патриархов Александрийских.

Нашествие Литвы и шведов в начале XVII века истребило все письменные свидетельства о времени и трудах первоначальника пустыни. До этого несчастного события обитель процветала: храмы Божии удивляли своим благолепием, хозяйство изобиловало всеми угодьями. При нашествии врагов старцы, чтобы спасти некоторые церковные предметы и колокола, опустили все в озеро, на топком дне которого они навсегда и остались.

В начале XVIII столетия, Божиим попущением, Сяндемская пустынь сгорела дотла, и, как видно из надписи закладного креста, в 1720 году церковь святителей Кирилла и Афанасия выстроена вновь.

Местность Сяндема очень живописна. Обитель расположена почти в средоточии кругообразной поляны, имеющей в поперечнике до 400 сажень; окружность ее составляет густой хвойный лес, а два озера разливаются по северной и южной сторонам и заливами своими образуют множество восхитительных видов. На возвышенном перешейке этих озер стоит деревянным храм Успения Божией Матери, воздвигнутый попечителем Андрусовой пустыни валаамским игуменом Иннокентием.

В это время были обретены честные мощи преподобного Афанасия. После пожара при копании рва под фундамент нынешней церкви обрели святое тело его нетленным, причем

даже четки и хартия с разрешительной молитвой в руках угодника Божия были совершенно целы. Несколько суток святые мощи оставались на земной поверхности и потом 2 мая погребены в прежней могиле. Над мощами внутри храма воздвигнута рака красного дерева с образом преподобного; у южных дверей есть также его икона во весь рост, а за левым клиросом изображено посещение Пресвятой Богородицы, которого преподобный Афанасий сподобился вместе с преподобным учителем своим.

Память святого преподобного Афанасия совершается местно 18/31 января и 2/15 мая.

Афанасий Наволоцкий, преподобный

Преподобный Афанасий Наволоцкий подвизался не позднее начала XVII века. Он пришел из Каргопольских пределов в Олонецкую землю, где основал монастырь в 78 верстах от возникшего позже Петрозаводска. Скончался святой близ Верхоледской Слободки, близ Шенкурска.

Январь, 19

Феодор Новгородский, блаженный

Блаженный Феодор родился в XIV веке в Великом Новгороде, на Торговой стороне, близ торговых рядов. О родителях его известно только, что они были люди благочестивые. То обстоятельство, что блаженный был обучен чтению книг и имел возможность, до вступления на свой главный жизненный подвиг, свободно предаваться подготовительным подвигам благочестия и между прочим творил обильную милостыню, позволяет думать, что он принадлежал семье состоятельной и занимавшей не низкое общественное положение в городе.

Родителями своими блаженный Феодор был воспитан в страхе Божием и добрых навыках и «изучен Божественному Писанию». Доброе воспитание и просвещенный светом Божественного учения разум дали особое возвышенное направление всем его силам и способностям. Придя в совершенный возраст, Феодор решил всецело посвятить себя на служение Богу. Подражая жизни святых, он наложил на себя постоянный строгий пост, принимал пищу лишь один раз в день, по заходе солнца, а в среду и пятницу совсем ничего не вкушал; часто ходил к церковным службам, посещал для молитвы окрестные обители и заботился о бедных, подавая обильную милостыню нуждающимся, особенно же юродивым Христа ради, которых он любил, подвигам которых стремился подражать. Укрепив свои силы такими упражнениями, он принял на себя великий и трудный подвиг юродства, доступный только людям высокого нравственного совершенства.

Подвиг юродства блаженный Феодор проходил там же, где жил ранее, на Торговой стороне Новгорода. Он проводил все время под открытым небом, не имея крова и пристанища, полунагой и босой под дождем и снегом, в зной и мороз. Соблюдая полную нищету и изнуряя себя постом, он всю милостыню, получаемую от почитателей-сограждан, раздавал бедным. Ночью мало спал, но обходил храмы, молясь за родной город и живущих в нем, прося у Господа избавления от

нашествия иноплеменных, междоусобной брани, от голода и пожара. Днем же юродствовал на многолюдных улицах и рынках. Нередко за свои странные и смелые действия и речи, имевшие скрытой целью назидание и спасение ближних, блаженный принимал оскорбления – толчки и побои, но переносил их терпеливо, молясь за причинявших ему обиды.

Часто Феодор юродствовал вместе с блаженным Николаем Кочановым, который одновременно с ним подвизался в Новгороде, но на другой, Софийской, стороне. Оба святые делали вид, что ненавидят друг друга, и постоянно находились в мнимой борьбе. Когда блаженный Николай приходил на Торговую сторону, Феодор бежал вслед за ним и прогонял его до половины волховского моста, говоря: «Не ходи на мою сторону, живи на своей».

Подобным же образом поступал и Николай, когда замечал Феодора на Софийской стороне. Один случай дал повод увековечить эти взаимные отношения в прозвании блаженного Николая «Кочановым». Какой-то житель Софийской стороны обратился к блаженному Феодору с просьбой посетить его дом. Феодор сначала отказался идти за реку, ссылаясь на враждебность к нему блаженного Николая, но затем уступил усиленным просьбам и пошел вместе с приглашавшим. В это время блаженный Николай юродствовал на улицах. Услышав о приходе на Софийскую сторону своего противника, он быстро отыскал Феодора и стал бить его плетью, взятой у проезжавшего мимо всадника, приговаривая: «Зачем ты, Феодор, пришел на нашу сторону, или ты хочешь что украсть у нас?»

Укрываясь от Николая, блаженный Феодор побежал по улицам, потом по огородам и наконец по реке Волхову, идя по воде, как по суше. Николай продолжал погоню до половины реки и отсюда бросил в скрывавшегося беглеца вырванный перед тем в огороде кочан капусты. Видя, что Феодор взял кочан с собою, он долго стоял и кричал ему вслед: «Феодор, отдай кочан капусты, – мой он, а не твой». После этого случая народ прозвал блаженного Николая «Кочановым».

Цель этой видимой ненависти и борьбы святых заключалась в том, чтобы наглядно показать нелепость той взаимной вражды, которая весьма часто в вольном Новгороде по незначительным поводам разделяла между собою братьев-сограждан и приводила их даже к вооруженным и кровопролитным столкновениям.

Блаженный Феодор получил от Господа дар прозрения и пророчеств. Иногда, видя умножение беззакония в людях, он говорил: «Берегите хлеб, дорог будет хлеб». Действительно, наступал голод. Иногда же предсказывал: «Все это место будет чисто, хорошо будет хлеб да репу сеять». И после того случался пожар. Многим бездетным женщинам он предрекал рождение детей, говоря: «Молись Богу, даст Бог сына», или: «Молись Богу, даст Бог дочь».

О времени своей кончины блаженный Феодор был предуведомлен через Ангела Божия. Обрадованный этим извещением, он продолжал днем юродствовать на улицах, говоря всем: «Прощайте, я далеко иду».

Ночи же проводил без сна, обходя храмы и молясь о себе и гражданах. 19 января 1392 года последовала его блаженная кончина. Тело его, как и завещал блаженный, погребено близ торжища при храме святого великомученика Георгия. С течением времени над гробом была выстроена часовня с каменной гробницей, и приходившие с верою больные получали здесь исцеления. В новой каменной часовне, построенной в 1832 году на месте древней, и ныне почивают под спудом мощи блаженного Феодора. Торговые люди Новгорода считают его своим покровителем и особенно чтут его память.

Имеется рукописная служба блаженному Феодору, составленная не ранее второй половины XVI века, быть может, одновременно с установлением ему местного церковного празднования, совершаемого 19 января/1 февраля.

Антоний, столпник Марткопский, преподобный

Преподобный Антоний, столпник Марткопский – один из 13-ти Каппадокийских святых отцов, основателей грузинского монашества (сведения о них помещены 7/20 мая), пришедший в Грузию в VI веке. По преданию, он принес в Грузию первый отпечаток на «черепице» с подлинника Едесского изображения Нерукотворного Спаса. Поселился на уединенной горе, названной в его честь Марткопской, что значит «уединенной», где основал обитель и построил храм в честь Нерукотворного Образа Спасителя.

Последние пятнадцать лет своей жизни преподобный Антоний подвизался на столпе, почему и получил название столпника Иверской Церкви. (Столп этот, разрушенный временем, сохранялся еще в прошлом столетии, а монастырь, основанный преподобным Антонием, существовал до середины XVIII века).

По окончании своей земной жизни преподобный Антоний был погребен в устроенном им храме; на его гробнице, привлекавшей множество верующих, совершались чудесные исцеления.

Память преподобного Антония совершается Грузинской Церковью 19 января/1 февраля и 16/29 августа, в храмовой праздник Анчисхатской церкви в Тбилиси, где хранилась чудотворная икона Нерукотворного Спаса, принесенная преподобным.

Макарий Римлянин, Новгородский, преподобный

Преподобный Макарий Римлянин, Новгородский, родился в конце XV столетия в Риме в семье богатых и знатных граждан. Родители воспитали его в строгих законах религии и дали ему блестящее образование. Изучение Священного Писания и творений святых отцов было постоянным занятием будущего подвижника.

Духовный разлад западноевропейского общества и церковные нестроения побудили его идти на восток. Раздав нищим богатство, преподобный Макарий покинул Рим.

Труден был путь подвижника. Наконец он достиг Великого Новгорода. Благолепие церквей и многочисленных монастырей новгородских поразили преподобного Макария. Паломничая по обителям новгородским, он пришел в Свирский монастырь преподобного Александра († 1533; память 30 августа/12 сентября и 17/30 апреля), где игуменствовал сам основатель обители.

Приняв здесь монашество с именем Макарий, преподобный решил навсегда затвориться в келлии. По благословению преподобного Александра Свирского инок Макарий избрал себе островок заболоченного берега реки Лены, где срубил келлию.

Изнуряя плоть и смиряя дух, в строгих подвигах бдения, поста и беспрестанных молитв, питаясь ягодами и травами, он подвизался немалое время в полном уединении. Господь восхотел явить подвижника миру и через него привести многих к душевному спасению. Однажды Промыслом Божиим к келлии преподобного пришли охотники, заблудившиеся среди болотных топей. Преподобный Макарий принял путников в своей келлии и поделился своей скромной пищей. Покидая его, охотники дивились смирению и уму одинокого подвижника. Молва о его святой жизни стала распространяться в округе, привлекая людей, жаждавших духовных наставлений и иноческой жизни. Преподобный не отказывал в духовной помощи страждущим, но мирская слава тяготила его. Преподобный Макарий переселился еще далее, в глубь болота, но Господь дивным

образом открыл людям его новое убежище. Своими подвигами он привлек к месту особую благодать Божию, являвшуюся окрестным жителям то в виде столпа огненного, то в виде благоуханного дыма, распространявшегося по окрестностям. Усердно помолившись Господу, преподобный Макарий благословил ревнителей жизни иноческой ставить здесь келлии. Так было положено начало новой обители.

Вскоре была построена небольшая деревянная церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы (ок. 1540 г.). Первым игуменом стал сам преподобный Макарий, возведенный в священный сан святителем Новгородским, митрополитом Макарием. Управляя обителью в течение нескольких лет, преподобный Макарий стяжал у Господа дар прозорливости и чудотворения. Предчувствуя кончину, преподобный передал настоятельство одному из учеников, сам же удалился на место своего первоподвижничества. Здесь преподобный Макарий мирно почил о Господе 15 августа во второй половине XVI века.

Иноки погребли своего игумена у стены созданной им Успенской церкви.

В 1761 году при перестройке храма над могилой преподобного Макария Римлянина устроен придел в его честь.

Разоренный шведами в 1615 году, монастырь преподобного Макария Римлянина был восстановлен в XIX веке.

Макарий, постник Печерский, преподобный

О жизни преподобного Макария известно только, что он был диаконом Киево-Печерской обители и преставился в XII веке. Мощи его открыто почивают в Ближних, Антониевых, пещерах. Память его положена 19 января/1 февраля ради тезоименитства с преподобным Макарием Египетским, а также 28 сентября/11 октября и общая память со всеми Печерскими чудотворцами – во 2-ю неделю Великого поста.

Макарий, диакон Печерский, преподобный

О преподобном Макарии из Дальних пещер известно, что он отличался нестяжательностью, имел великое усердие к храму Божию и постоянно упражнялся в чтении Священного Писания и посте. По преданию, он в детстве много болел, и родители дали обет Богу отдать сына в Печерский монастырь, если он выздоровеет. Кротостью и смирением он заслужил любовь братии, которая научила его грамоте. За благочестивую жизнь он был возведен в сан диакона и при жизни имел дар чудотворений. Память его положена 19 января/1 февраля ради тезоименитства с преподобным Макарием Египетским. Помимо этого дня, память его совершается еще 28 августа/10 сентября и общая память со всеми Печерскими чудотворцами – во 2-ю неделю Великого поста.

Январь, 20

Евфимий, схимник, в Дальних пещерах почивающий

Преподобный Евфимий (XIV в.) был иеромонахом. Жил он чисто и безмолвно и подражал иноческим добродетелям преподобных. Часто с великим благоговением приносил он Бескровную Жертву и своими всегдашними молитвами достиг духовного общения и собеседования с Ангелами. А когда облекся в схиму, тогда, предавшись подвигу безмолвия, ни с кем ни о чем не беседовал. Одна молитва в церкви и в келлии была в его устах. Также никакой пищи, приготовляемой на огне, он не ел, а довольствовался одним зелием. Погребен в Дальних, Феодосиевых, пещерах Киево-Печерского монастыря. Память его также 28 августа/10 сентября и во 2-ю неделю Великого поста.

Евфимий Сянжемский, преподобный

Преподобный Евфимий первоначально подвизался в Спасо-Каменном монастыре на Кубенском озере. О роде и происхождении, о времени его прибытия в монастырь и пострижения сведений до нас не дошло. Известно только, что он был уроженец вологодский, пробыл в монастыре в различных послушаниях довольно времени, но по любви к уединению вышел из него и поселился в пустыне близ устья реки Кушты, на восточном берегу Кубенского озера, в двух верстах от него. Здесь, окруженный со всех сторон непроходимыми болотами и чащей, он построил себе малую келлию, в которой и подвизался в посте и молитве, не давая себе успокоения от труда.

Через несколько времени пришел к нему инок Александр (прп. Александр Куштский, память 9/22 июня), постриженник Спасо-Каменного монастыря, оставивший, как и он, Каменный монастырь по любви к безмолвию и поселившийся было на реке Сянжеме. Преподобному Александру понравилось место жительства Евфимия, как совершенно безмолвное, и он стал просить его уступить ему свою келлию, предлагая взамен оставленную им на Сянжеме. Преподобный Евфимий охотно согласился поменяться с преподобным Александром местом подвигов. Прощаясь, преподобный Евфимий оставил Александру в благословение свой крест, пошел на Сянжему и поселился там в келлии преподобного Александра. Сюда пришел к нему Харитон, чтобы разделить с ним иноческие подвиги. Были и другие, желавшие поселиться с Евфимием и Харитоном. А так как поблизости не было храма Божия и окрестные жители в нем нуждались, то Евфимий решился построить церковь во имя Вознесения Господня, при ней устроить монастырь и вскоре исполнил это. До глубокой старости трудился преподобный Евфимий над устройством своей обители и, только предчувствуя приближение смерти, передал управление монастырем ученику своему Харитону,

который состарился, во всем подражая ему († 11 апреля 1509 г.).

Блаженная кончина преподобного Евфимия последовала около 1470 года. Мощи его почивают под спудом в приходской Вознесенской Евфимиевской церкви Кадниковского уезда, оставшейся на месте упраздненного монастыря. Местное празднование преподобному Евфимию началось, точно неизвестно когда, после 1549 года и до учреждения Святейшего Синода.

Евфимий Архангелогородский, преподобный

О преподобном Евфимии Архангелогородском ничего не было известно до обретения его мощей 7 июля 1643 года.

Житель города Холмогоры кузнец Остафей Трофимов, роя яму для установления кузнечного горна во дворе своего боярина князя Юрия Петровича Буйносова-Ростовского, обнаружил гроб, который принял за клад. Пытаясь выкопать его, Остафей позволил себе «выговорить невежливо», за что был поражен болезнью (расслаблением). Остафей рассказал о происшедшем, молился у гроба и получил исцеление. Боярин Ю. П. Буйносов и другие лица, бывшие свидетелями происшедшего, поняли, что они обрели мощи неизвестного им чудотворца. Впоследствии у гроба святого стали совершаться чудесные исцеления. Мощи его были перенесены в Архангельскую церковь в честь Происхождения Честного Креста Господня. Боярин Ю. П. Буйносов построил над ними гробницу, к которой собирался народ для поклонения и моления об исцелениях. У гроба совершались молебны со звоном и панихиды; местное духовенство с усердием исполняло непрерывное торжественное почитание новоявленного чудотворца. В 1644 году старец Архангельского монастыря Иосиф составил и подал боярину Буйносову «опись» о чудесах преподобного, а боярин устроил «ропрос», свидетелями которого явились некоторые духовные лица Архангельска. В результате были собраны устные и письменные свидетельства о чудесах преподобного. Из этих рассказов удается по крупицам собрать сведения о личности преподобного. Некоторым лицам он являлся во сне, но не называл имени, хотя обычно указывал местонахождение своих мощей, так что было ясно, что это именно и есть новоявленный чудотворец. Имя преподобного Евфимия слышали только Косма Игнатьев, служитель Архангельского монастыря, и некая Ксения из Емецкого погоста. Остальные или не расслышали, или забыли, или им вовсе не было сказано. Внешность и одежду преподобного все они описывают согласно: это был человек высокого роста, с

длинной с проседью бородой и с темными волосами. Он являлся в иноческой одежде или в светлых сверкающих ризах (только один человек видел его в «срачице и портцах»). Еремею Нестерову он сообщил, что «преставился тому 120 лет». Вот и все скудные данные о личности преподобного Евфимия. Однако почитание чудотворца продолжалось.

В 1829 году на основании «дела об обретении мощей» (записей рассказов о чудесах) была написана служба.

Пахомий Кенский, преподобный

Преподобный Пахомий был основатель Спасо-Преображенского Кенского монастыря, который возник не позднее начала XVI столетия, а может быть, и в конце предшествующего века. В 1508 году в Кенской обители принял иноческое пострижение преподобный Антоний Сийский († 1556; память 7/20 декабря) и подвизался первоначально под руководством преподобного Пахомия. Антоний пробыл здесь, вероятно, значительное время, потому что был удостоен священного сана. А потом по благословению своего наставника он оставил Кенскую обитель и отправился в пустынное уединение с двумя другими учениками преподобного Пахомия.

Скончался прп. Пахомий около 1515 года. Память его празднуется местно в первую субботу после праздника Крещения Господня.

Лаврентий затворник, в Дальних пещерах почивающий

Преподобный Лаврентий подвизался в Киево-Печерском монастыре в XIV веке (не смешивать с одноименным затворником Киево-Печерским, епископом Туровским, подвизавшимся в XII в., память которого совершается 29 января/11 февраля).

Сведений о преподобном Лаврентии почти не сохранилось. Возненавидев красоту и суету мира, восхотел преподобный жить в темной пещере, чтобы в ней постом и непрестанной молитвой прогонять тьму страстей, достигнуть общения со светом Божиим. Этого он и достиг, переселившись душою на небо, а нетленное свое тело оставив в пещере. И доныне мощи его почивают в Дальних (Феодосиевых) пещерах Киево-Печерской лавры. Память его совершается 20 января/2 февраля. Общая память преподобного Лаврентия вместе с другими преподобными отцами Киево-Печерскими, в Дальних пещерах преподобного Феодосия почивающими, 28 августа/10 сентября и во 2-ю неделю Великого поста.

Январь, 22

Анастасий, диакон Печерский, преподобный

Преподобномученик Анастасий, диакон Печерский, подвизался в Ближних пещерах. Иеромонах Афанасий Кальпофийский называет его братом прп. Тита пресвитера († не ранее 1190; память 27 февраля/11 марта). В рукописных святцах он называется диаконом. В службе Собору отцов Ближних пещер о преподобномученике Анастасии говорится, что он имел такое дерзновение к Богу, что получал все просимое. Память его празднуется также 28 сентября/11 октября и во 2-ю неделю Великого поста.

Макарий Жабынский, преподобный

Преподобный Макарий подвизался в начале XVII века в пределах нынешней Тульской губернии. Он известен как возобновитель разоренной Жабынской пустыни, почему и называется ее «возградителем». Сведения о нем, как письменные, так и устные, очень скудны. Неизвестно, откуда преподобный был родом и в какой обители положил начало своей подвижнической жизни. Письменные сказания называют преподобного уже священно-иноком, подвижником Жабынской пустыни. Пустынь эта получила свое начало, как общежительная обитель, в 1585 году, когда старцу Онуфрию была пожалована грамота царя Феодора Иоанновича, которой давалось «старцу Анофрию Жабынское городище под монастырь в Карманы, да пашни... лужок церковный села Спыхова... ему ж дан бор на свечи и на ладан, а черный ему лес сечи на монастырское строение и на дрова про монастырский обиход, а не на продажу». Вместе с угодьями старцу было дано несколько деревень. По той же дарственной грамоте Онуфрий должен был «на том Жабынском городищи храм воздвигнуть Введения Пресвятой Богородицы и монастырь строить». Это обязательство было исполнено Онуфрием, и храм Введения Пресвятой Богородицы был воздвигнут. Пустынь стала называться и доселе именуется Введенской – по имени главного храма, Белевской – по близлежащему городу и Жабынской – по имени колодца Жабынца. Но обитель не могла долго процветать, чему препятствовало само положение ее на границе Московского государства. Благодаря последнему обстоятельству монастырю приходилось много терпеть в XVI веке от лихих набегов крымских татар, а в начале XVII века – и так называемое литовское разорение – от частых набегов и грабежей польских и литовских отрядов, опустошавших под предводительством Лисовского этот край и Белевский уезд. Быть может, в один из таких набегов была разграблена и Жабынская пустынь, прекратившая поэтому на время свое существование. Разграбленная, разоренная и окончательно

запустевшая Жабынская обитель своим восстановлением обязана трудам преподобного Макария, ее «возградителя», избравшего ее местом для своих иноческих подвигов и проведшего здесь большую часть своей трудолюбивой жизни. Дни и ночи укрепляясь молитвою, проводил преподобный Макарий в непрерывной борьбе с искушениями от диавола и плоти и в непрестанных заботах и трудах по восстановлению обители. Господь Бог благословил великие труды и молитвенные подвиги Своего угодника, и обитель снова процвела. «Стражда в терпении иночески плотию», претерпевая «мраз, зной, в алчбе и жажде», преподобный снова устроил монастырь и собрал братию. Своей святой жизнью подвижник подавал братии пример для подражания. В конце жизни, закончив устройство обители, он уже схимником подвизался на кладезе Жабынце: «крайняго смирения не оставль в житии своем, великий ангельский образ приял», как поет канон ему. Здесь в уединении старец всецело посвятил свою жизнь служению Богу, проводя дни в умной молитве и в духовных подвигах. В пламенной, исполненной горячей веры, молитве и в подвигах измождения плоти преподобный почерпал силы для борьбы с искушениями, какие неизбежно приходится терпеть от врага спасения рода человеческого всем подвижникам, ищущим высших степеней нравственного совершенствования. И «плотию стражда», преподобный «врага человекоубийцу диавола под нозе свои покорил». Скончался преподобный Макарий 84 лет от роду в 1623 году, 22 января, «в нощи, в куроглашение». Погребен он учениками своими в воссозданной им обители, близ монастырского храма в честь Введения Пресвятой Богородицы.

Мощи преподобного Макария, по преданию, первоначально почивали открыто. Вследствие запустения обители в начале XVIII века они были положены под спудом, но где именно, в каком из храмов обители в точности неизвестно. Предание говорит, что в 1816 году, когда на место деревянной ветхой строили новую церковь и рыли яму для бута, был найден вполне сохранившимся гроб преподобного Макария и с подобающею честью опущен под алтарь новосозданного храма.

В настоящее время в храме во имя преподобного Макария Жабынского, построенном на месте бывшей Никольской церкви, между правым приделом во имя святителя Николая Чудотворца и правым столпом можно видеть на возвышении, под деревянным с позолотой балдахином гробницу с изображением преподобного Макария, перед которой постоянно служатся молебны. На этом месте, по преданию, и почивают мощи преподобного.

Господь Бог, «препрославленный старцем в житии его, препрославил» и Своего угодника – преподобного Макария, «в чудесах и доныне сияющего».

Существует следующее предание о чуде, совершившемся по молитвам преподобного Макария еще при его жизни. Один польский воин, отставший от своих полчищ, встретил в лесу около монастыря преподобного Макария. Умирая от жажды, поляк попросил преподобного дать ему воды. Старец отвечал, что вода есть, но за ней нужно идти к реке. Поляк сказал, что так далеко идти он не в состоянии. Тогда преподобный со словами, что Господу совершить все возможно, ударил посохом по земле, и сейчас же забил ключ чистой, прозрачной воды. Этот ключ получил название «Жабынца».

Много чудес было явлено и много исцелений совершалось и по смерти подвижника при его «цельбоносном гробе», как о том свидетельствует синодик Жабынской пустыни. И в наше время преподобный не оставляет своей помощью с верою притекающих ко гробу его.

Передают о двух случаях чудесных исцелений преподобного Макария. У одной женщины опасно заболел мальчик. У него образовалась водянка головы: голова мальчика сделалась огромной по размеру; стала какой-то прозрачной, страшной. Горько плакала мать, когда врачи отказались помочь больному; по совету некоторых благочестивых жителей города Белева она отправилась пешком в Жабынскую пустынь. Горячо молилась несчастная женщина преподобному Макарию в церкви и на кладезе, где он подвизался. С надеждой после того она возвратилась домой. Пришла – и вдруг ее встречает сын вполне здоровым: водянка исчезла и голова приняла обычный

здоровый вид; ему стало лучше в то самое время, когда его мать молила о помощи преподобного. Мать сначала была поражена до испуга, затем поспешила вместе с мальчиком в Жабынскую пустынь, чтобы на этот раз уже со слезами радости и словами благодарности поклониться преподобному.

Другая женщина сама исцелилась по вере своей через погружение в кладезе Жабынце. Она была опасно больна, так что не могла даже двигаться без посторонней помощи, и врачи отказались лечить ее. Вдруг у ней явилось горячее желание ехать в Жабынскую пустынь. Муж долго уговаривал ее не делать этого и не подвергать себя опасности, но она настояла на своем. И по приезде в пустынь, когда она хотела искупаться в кладезе, муж советовал ей не погружаться в воду, а только обливаться. Но она с верою в Бога и заступление преподобного Макария попросила погрузить ее в воду. На простыни больную погрузили несколько раз; тот час же она почувствовала себя лучше и, встав, горячо молилась преподобному Макарию.

Упадок и запустение Жабынской пустыни в конце XVIII века послужило причиной того печального обстоятельства, что о самом преподобном Макарии не сохранилось не только подробных, но более или менее достоверных сведений. Однако имя Жабынского чудотворца не было забыто; и если дальние богомольцы в годы запустения пустыни Жабынской не забывали о ней совершенно, то многие из ближайших к ней жителей всегда свято чтили память ее преподобного покровителя. Благочестивых ревнителей памяти преподобного Макария, от отцов и дедов слышавших сказания о жизни и чудесах Жабынского чудотворца, глубоко огорчало то обстоятельство, что прославление его памяти оставлено, что самые сказания и воспоминания о нем, изглаживая из памяти, забываются. И вот, волей Божией, благодаря ревности некоторых благочестивых людей из града Белева, после их заботливых ходатайств перед церковной властью прославление памяти преподобного Макария ныне восстановлено. В 1902 году, 22 января, происходило торжественное чествование памяти преподобного Макария Жабынского и по всей Туле. С этого времени

установлено в Туле и на будущее время праздновать 22 января/4 февраля как день памяти преподобного Макария.

Максим Грек, преподобный

Ревнитель истины и благочестия прп. Максим, инок Афонского Ватопедского монастыря, был родом грек, но по своим великим подвигам вполне принадлежит Святой Русской Церкви, для которой он был светильником при жизни и остался светильником по смерти в своих сочинениях.

Отечество прп. Максима был город Арто в Албании, близ Эпира. Он родился около 1480 года от благочестивых и богатых родителей Мануила и Ирины, греческого происхождения, почему и сам везде значится Грек.

Отец его был важным сановником и отличался чистотою православной веры, а потому и Максима воспитал в глубоком благочестии и научении страху Божию. Первоначальное образование в науках Максим получил от своего же родителя, ибо в то время с падением Константинополя и порабощением всех греческих областей под игом магометан были уничтожены и все училища. Так с ранних лет Промысл Божий судил Максиму встретить в отечестве своем испытания и этим как бы приготавливал его к тем горьким страданиям, которым он должен был подвергнуться в позднейшие годы своей жизни.

В горестное то время невозможно было любознательному уму получить в порабощенной Греции высшее ученое образование, почему многие юноши из греческих областей отправлялись в европейские государства для образования себя в науках. При этом и ученые греки рассеялись по всем западным государствам, которые с любовью принимали их и покровительствовали наукам. Для них открыты были дворы государей, кафедры университетов и дружба богатых и знатных. Италия преимущественно отличалась тогда особенным покровительством науки, повсюду в знатнейших ее городах учреждались библиотеки. Папы, государи и богатые граждане спешили спасать греческие рукописи от истребления невежественными завоевателями.

Естественно было и юному Максиму, по любви к наукам, искать образования вне отечественной страны. Поэтому он

отправился в Галлию, где слушал уроки знаменитого соотечественника своего Иоанна Ласкариса, бывшего профессором в Парижском университете.

Окончив образование у Ласкариса, Максим, желая короче ознакомиться с древними языками, отправился в Венецию и сблизился там со знаменитым типографом издателем Альдом Мануччи, который обладал глубоким познанием древних языков; при нем всегда было общество ученых, помогавших ему при печатании книг с древних рукописей. При помощи таких руководителей Максим ознакомился со словесными произведениями древней Эллады, так что и сам впоследствии нередко приводил в своих сочинениях древних поэтов.

Из Венеции Максим отправился в Флоренцию, где долгое время прожил, тоже среди ученых, но, к несчастью, зараженных языческими убеждениями; но он, как мудрая пчела, извлекал из проповедуемой философии только то, что не чуждо было христианской религии. В то время Италия жестоко страдала недугом неверия и, как обыкновенно бывает по закону правосудия Божия, за отвержение чистой веры предана была жалкому суеверию, о чем современник Максима итальянец Доминик Бенивени говорит так: «Грехи и злодеяния в Италии умножались потому, что эта страна потеряла веру во Христа». Тогда верили, что все в мире, и в особенности судьба человеческая, есть только дело случая. Некоторые думали, что все управляется движением и влиянием звезд, отвергали будущую жизнь и смеялись над религией. Философы находили ее слишком простой, годной только разве для старых женщин и невежд. Некоторые видели в ней обман и выдумку человеческую. Так было во всей Италии, и в особенности во Флоренции. В самых даже предстоятелях Западной церкви потрясена была вера.

Общее заражение безверием частью колебало и Максима, который, в юношеском своем возрасте вращаясь среди заразы, не всегда мог правильно понимать отношение философии к евангельской истине, «и если бы, как пишет об этом Максим, Господь, пекущийся о спасении всех, не помиловал меня и не посетил вскоре Своею благодатью и не озарил светом Своим

мысль мою, то давно бы и я погиб с находящимися там проповедниками нечестия».

И действительно, при повсеместном заражении безверием без особой помощи Божией невозможно было устоять юноше, видя наставников своих последующих туда, куда влекла волна языческих нравов. Поэтому Максим даже удивлялся, как только он мог избежать от поглощающей волны, остаться невредимым от увлечения среди безбожников и сохранить чистую веру в Бога!

Таким образом Максим окончил на Западе свое образование, там почерпнул он глубокие сведения в богословии и философии, в истории и словесности и основательно изучил древнегреческий, латинский, французский и итальянский языки. Но не Парижский университет довершил образование Максима, а гора Афонская. В Италии, в Галлии он мог получить образование светское, но просвещение богословское, утверждение в догматах веры Православной он мог почерпнуть только на Востоке. Благодать Божия расположила Максима посвятить себя иноческой жизни. По своему образованию он мог бы занять видное положение в обществе, но юного ученого занимали не почести и слава, не чины и богатство, а мирная жизнь вдали от шума городского, в тихой обители, среди людей, посвятивших себя на служение Богу. Тем более Максим мог решиться на уединение монастырское, что здесь по преимуществу он мог с полной свободой предаться занятиям столь любимой им наукой.

И вот Максим по возвращении из путешествия снова оставляет свой родной очаг и отправляется на Афон, и тогда, как и ныне, служивший приютом для душ всецело преданных Богу, где притом можно было найти все удобства не для одних подвигов иноческих, но и для умственного усовершенствования и богословского образования. Максим неоднократно слышал от своего наставника Иоанна Ласкариса о тех драгоценных сокровищах, какие хранились в библиотеках афонских монастырей, а также и о великих старцах-философах, живших в то время на Афонской горе, которые были зеркалом духовной учености в высшем смысле любомудрия духовного, основанном

не на одном только созерцании, но и на деянии подвижнической жизни. В то время на Афоне в его обителях сосредоточились все богатейшие греческие книгохранилища, а особенно в Ватопедской, которая владела редкими сокровищами церковной науки, оставшимися после смерти двух иночествовавших в ней императоров: Андроника Палеолога и Кантакузена.

Около 1507 года Максим прибыл на Афон и поступил в братство Благовещенской Ватопедской обители, где принял и пострижение в монашество. И здесь-то, в уединении и вдали от шума житейских волн, разных превратностей и разномыслий, Максим в кругу опытных, великих и единомысленных старцев начал, как трудолюбивая пчела, собирать мед со всех благовонных цветов афонских и проводить жизнь в обучении иноческим подвигам.

Так прошло около десяти лет. Притом неоднократно, в виде послушания, возлагалось на него поручение от обители отправляться для сбора милостыни, так как в то время Ватопедская обитель не могла более содержаться собственными средствами. Хотя и прискорбно было юному иноку Максиму разлучиться с обителью, но, как истинный послушник, для блага и пользы ближних он отправлялся в странствования и, проходя из города в город, собирал от доброхотных жертвователей изобильную милостыню, а сам, как бы взамен оной, проповедовал им из неоскудного источника своего любомудрия слово назидания и чистоту православной веры.

Вместе с тем эти поручения показывают, что Максима уже успели понять и оценить как опытного инока, который с честью мог выполнить нелегкую обязанность просителя. Здесь-то, в обители Ватопедской, думал Максим мирно окончить дни свои в безвестной тишине, в подвигах иноческого послушания; но Господь судил иначе: иной предлежал ему ученый и вместе страдальческий подвиг в земле ему чуждой, где должен был положить свои кости после многих невинных страданий за любовь не только к науке, но и к истине, в исправлении церковных книг, за что сподобился если не венца мученического, то, по крайней мере, славы исповедника,

долготерпением в многолетних скорбях, в узах и темнице, и даже в несправедном отлучении от Церкви, которой он был предан со всей ревностью православного ее сына и защитника догматов.

Великий князь московский Василий Иоаннович, пользуясь миром своей державы, обратил внимание на хранившееся в палатах его драгоценное сокровище, которое однако же не было доступно решительно никому из русских. Это сокровище состояло в редком и громадном собрании древних греческих рукописей, переходивших из Византии с самых первых времен просвещения Руси Христовой верой и особенно умножившихся при отце Василия Иоанновича (великом собирателе земли Русской Иоанне III), за которым была в замужестве последняя отрасль константинопольских Палеологов – София. Желая узнать содержание этих рукописей и в то же время не находя в России человека, который мог удовлетворить этому желанию, Василий Иоаннович, по совету и с благословения духовного отца своего митрополита Варлаама, решился обратиться на Афон с просьбой прислать в Москву умного мужа, который бы в состоянии был пересмотреть греческие книги, находившиеся в княжеской библиотеке, и, если нужно будет, перевести их; великий князь писал об этом патриарху Константинопольскому Феоплиту и проту Святой Горы Симеону, прося прислать в Москву ватопедского старца Савву, которого, как видно, указал ватопедский иеромонах Неофит, бывший в Москве по сбору и теперь возвращавшийся из России. С этой просьбой и с богатой милостыней в марте месяце 1515 года посланы были на Афон от великого князя торговые люди Василий Копыл и Иван Варавин.

Посланные по прибытии на Святую Гору предложили старцу Савве приглашение великого князя московского, но Савва, ссылаясь на старость и болезненное состояние ног, отказался. После этого прот Святой Горы Симеон, по совету ватопедской братии, решился заменить престарелого Савву иноком Максимом; но Максим, как бы предвидя, что в России ожидают его многолетние страдания, отказывался от этого тяжелого поручения и удаления из любимой им Святой Горы. Игумен

ватопедский, видя непреклонность его, сказал, что доставить духовную пищу алчущим есть святое дело величайшей любви; убеждения эти смягчили Максима, и он, предавши себя на волю Божию, решился ехать в Россию.

При отправлении Максима в Москву ватопедский игумен Анфим писал митрополиту Варлааму, что избрали и посылают инока Максима, «яко сведуща в Божественном Писании и способного к изъяснению и переводу всяких книг, и церковных, и глаголемых еллинских. Правда, – писал он, – Максим не знает русского языка, а только греческий и латинский, но мы надеемся, что он скоро научится и русскому языку». И таким образом с молитвой и напутственным благословением инок Максим отправился с послами в Россию, взявши с собою и вышеупомянутого иеромонаха Неофита и инок Лаврентия для приготовления себя к изучению русского языка, так как они были несколько ознакомлены с оным.

Путешествие их продолжалось два года, ибо посланные великого князя несколько времени должны были провести в Константинополе и потом в Крыму. Максим же в это время занимался изучением русского языка и в начале 1518 года прибыл в Москву.

По прибытии Максима в Москву великий князь принял его с радушием и, обласкавши своим вниманием и покровительством, назначил ему пребывание в Чудовом монастыре, а содержание получать от его великокняжеского двора. Кроме великого князя, Максиму оказал особое внимание и первосвятитель Московский Варлаам, муж святой жизни, который был рад приезду ученого мужа и впоследствии охотно последовал его мудрым советам к улучшению состояния церковного.

Осмотр великокняжеского книгохранилища привел в восторг любознательного Максима, которому такого множества редких книг не приходилось видеть и на Востоке. Осмотревши всю библиотеку, Максим представил великому князю список не переведенных книг. Великий князь, посоветовавшись с митрополитом и боярами, просил Максима заняться переводом Толковой Псалтири, так как эта книга наиболее других

обращалась в руках: с нее начинали знакомиться с грамотой, к ней всего чаще обращались в церковном богослужении, она служила и для домашнего благочестивого упражнения как уединенному подвижнику, так равно и простому мирянину. А так как Максим еще не был силен в церковно-славянском языке и не ознакомлен с его особенностями, то в помощь дали ему двух переводчиков: Димитрия Герасимова и Власия, владеющих латинским языком, которые должны были передавать с латинского на церковно-славянский язык то, что будет переводить им Максим с греческого на латинский. В пособие же переводчикам назначены были два писца: Михайло Медоварцев и инок Троицкого Сергиева монастыря Силуан.

Год и пять месяцев трудился Максим над переводом Псалтири, который и был наконец представлен великому князю. Василий Иоаннович передал книгу митрополиту Варлааму. Святитель с восторгом одобрил на соборе первый труд Максима. Князь в награду осыпал инока новыми милостями. Все это однако же не обольщало Максима, как бы предчувствовавшего предстоящее ему бедствие. Он предвидел, что труды его могут быть не поняты или худо истолкованы людьми, не отличавшимися образованием и особенно не знавшими греческого языка. Поэтому в письме к великому князю труженик, не считая свой труд совершенством, из скромности и по глубокому смирению писал: «Надлежало бы книге, исполненной таких достоинств, иметь и переводчика более опытного в словесном искусстве, который бы мог не только глубокомысленные речения богомудрых мужей достойно передать, но и временем похищенное вознаградить, и невежеством переписчиков и поврежденное исправить. Ибо хотя мы и сами греки, и учились у знаменитых учителей, но еще стоим негде долу, при подошве горы Фаворской, с девятью учениками, как еще неспособные по грубости разума быть участниками боголепных видений Просветителя Иисуса, которых удостаиваются только просиявшие высокими добродетелями. Говорю это потому, что греческий язык по изобилию в значении слов и в разных способах выражения, придуманных древними риториками, довольно представляет трудностей в переводах, для

побеждения которых нужно бы нам было еще много времени и усилий. Однако же, сколько Бог нам свыше даровал и сколько мы сами могли уразуметь, не оставили потрудиться, чтобы сказанное нами было переведено ясно, правильно и вразумительно, а поврежденное писцом или от долговременности, где возможно было при пособии книг или по собственной догадке, старались вознаградить или исправить; где же не могли мы ничего сделать, оставили так, как было». При том Максим не отрицал, что могут найтись в его переводе и ошибки, происшедшие от недосмотра и недоразумения, и просил, по возможности, исправлять их, но с тем, чтобы исправитель сам был силен в знании греческого языка, хорошо был знаком с грамматикой, риторикой и значением греческих слов.

Указав затем на труды помощников своих и испросив им у государя достойного вознаграждения, Максим себе, как единственной милости, просил позволения возвратиться на Святую Гору вместе с возвращающимися спутниками своими Неофитом и Лаврентием. «Избавь нас, – писал он государю, – от печали долгой разлуки, возврати безбедно честному монастырю Ватопедскому, давно уже нас ждущему. Дай нам совершить обеты иноческие там, где мы их произнесли перед Христом и страшными Его Ангелами в день пострижения. Отпусти нас скорее в мире, чтобы нам возвестить и там находящимся православным о твоих царских добродетелях, да ведают бедствующие христиане тех стран, что есть еще на свете царь, не только владеющий многими народами, но и цветущий правдою и Православием, подобно Константину и Феодосию Великим. Да дарует нам Господь еще некогда царствовать, освобожденным тобою от рабства нечестивых».

Усиленные просьбы Максима о возвращении на Афон уже показывают, что он имел причины опасаться несогласия на то правительства, а с другой стороны дают разуметь, что не так он был очарован благоприятностью обстоятельств в России, чтобы забыть свой убогий Афон. Но не суждено было Максиму когда-либо возвратиться на родину, сперва по той необходимости,

которую почувствовали в ученых трудах его, а потом по тяжким гонениям.

Великий князь, видя по первому опыту перевода Псалтири даровитость глубокого познания ученого грека, никоим образом не соглашался отпустить его на Святую Гору и упросил Максима остаться еще на некоторое время в Москве. И когда Максим, переводя другие книги (Толкования древних отцов на Деяния апостольские и Толкование Иоанна Златоуста на Евангелие Матфея и Иоанна), довольно изучил русский язык, Василий Иоаннович по совету с митрополитом поручил ему заняться пересмотром и исправлением тогдашних церковно-богослужебных книг. Труд нелегкий и крайне щекотливый; тем не менее Максим не мог отказаться от него. Немало времени провел Максим в трудах книжного исправления, и во все время он пользовался милостями князя. «Жегомый Божественною ревностью, очищал плевелы обеими руками», как об этом сам он выражался; и, дерзая о Господе, преподобный иногда высказывал резкие отзывы о том, что видел. Но то, что видел он, видели немногие. Поэтому слепая страсть к старине все те отзывы Максима считала за оскорбление святыни. Начался втайне ропот на «пришельца греческого», – так выражались о Максиме ропотники; стали говорить втихомолку, что Максим не исправляет, а портит церковные книги; Максим – еретик! Однако явно никто не дерзал возводить клеветы на честного и бескорыстного труженика, боясь великого князя, который, кроме оказываемой ему любви и уважения, часто приглашал его к себе и пользовался его советами в делах церковных и государственных, так как видел в нем мудрого мужа и ревностного поборника за православную веру. Между тем и Максим, видя расположение к себе государя, не скрывал для одного себя эту царскую милость: он через это внимание приносил пользу ближним, часто ходатайствуя перед великим князем за бояр, подпавших его гневу. Ревнуя о чистоте православной веры, преподобный и собору духовному подавал совет ревностно действовать против упорных пререкателей веры, наипаче же против ереси жидовской, возмущавшей Церковь, и предлагал митрополиту Варлааму перевести

собрание правил церковных, но в исправлении богослужебных книг действовал осторожно, представляя свои недоумения на разрешение святителя, если находил что излишним против греческих книг. Хотя дело и производилось келейно, однако возбудил он недовольство духовенства: все заговорили, будто Максим отвергает русские церковные книги и утверждает, что на Руси нет ни Евангелия, ни Апостола, ни Псалтири, ни Устава. Клеветы сии не могли бы иметь никаких последствий для ученого пришельца греческого, если бы на кафедре Московской оставался благоразумный пастырь, ему покровительствовавший; но в 1521 году Варлаам был вынужден оставить свою кафедру по неудовольствию с великим князем, и на его место поступил Даниил, из иноков Волоколамского монастыря, тяжкий для Максима; и отселе начались все его бедствия.

Преподобный Максим и прежде замечал, что несправедливо включено в присягу архиерейскую обязательство никого не принимать от Константинопольского патриарха. Оно могло быть нужным тогда, как дела Православия в последние годы Греческой империи в Константинополе колебались. Но впоследствии, когда патриарх строго держался Православия, оно было оскорбительно для престола патриаршего, ибо порабощение империи не могло иметь никакого влияния на дела веры. Максим не оставил этого без замечания и написал об этом слово. Перемена митрополита подала повод и к другому вопросу: почему новый митрополит поставлен без сношения с греческим патриархом? Любопытствующему иноку отвечали, что есть в Москве благословенная грамота от патриарха Константинопольского, которой дозволяется русским митрополитам ставиться своими епископами. Но сколько не доискивался Максим, не мог он видеть этой грамоты. Такие вопросы и сомнения конечно не могли быть приятны Даниилу.

Новым митрополитом не были довольны, потому что находили его слишком угодливым перед светской властью; у Максима между этими недовольными были знакомые, которые приходили к нему за советами. В одно время Даниил просил

ученого инокa заняться переводом Церковной истории блаженного Феодорита. Преподобный Максим отказался от сего поручения, потому что в этой книге помещено много актов еретических, которые могли быть соблазнительны для простого народа. Это очень огорчило митрополита.

Недовольство на преподобного Максима возрастало и с других сторон. В разных писаниях своих он обличал притязательность иноков, заботившихся только о приумножении своих имений, напоминал об обетах, данных каждым при пострижении, восхвалял виденные им на Западе монастыри братьев нищенствующих. Враги Максима всем этим пользовались и рассеивали против него клеветы, будто он порицает святых иноков русских, которые не отказывались от богатых приношений, делаемых их монастырям, принимали и приобретали села и деревни. Кроме того, общественные пороки, насилия слабым от сильных, бедным от богатых – все вызывало его обличения. Его положение было довольно особенное. Как беспристрастного инокa, как ученого мужа, много видевшего на свете, его спрашивали о многом, что делалось высшей властью, и потом передавали его речи со своим толкованием.

Но Максим, как адамант, твердо ратовал во благочестии, он не падал духом и на все распространяемые о нем клеветы смотрел безбоязненно, ибо чистая его душа только одного и желала – неутомимо и ревностно действовать об истине Христовой для пользы ближних.

В то время Римская церковь, обессиливаемая на Западе Лютером, много заботилась, чтобы распространить свою власть на Россию и склонить русских к соединению с ней. Для этой цели со стороны папы послан был легат Николай Шонберг, который по прибытии своем в Москву начал распространять среди народа «слово о соединении руссов и латинян». Он успел обольстить боярина Феодора Карпова, колебал и других. Особенно мысли его о фортуне производили волнение в суеверном народе.

Прп. Максим зорко следил за ходом дела и, вооружившись оружием правды, восстал против лукавства римского, разбил и опроверг все доводы и козни Шонберга, написав по этому

поводу до 15 сочинений, преследуя на каждом шагу вероломства папистов; в то же время его мудрые писания были направлены против иудеев, язычников и магометан. Труды сии на время оберегали Максима от злобы распространившегося невежества, ибо не были противны духу времени.

Не страшился Максим страстей человеческих, ибо еще не испытал всей их силы. «Заповедь Божия повелевает нам, – говорил он, – проповедовать всем вопрошающим нас о евангельской истине, несмотря на злобу невежества».

И он не щадил самолюбия, обличая пороки духовенства и вельмож. Столь яркий свет его учения был слишком тяжел для больных очей; ожидали только случая, чтобы раздраженное самолюбие могло пасть на ревнителя истины и благочестия, и этот случай представился в 1524 году. Великий князь Василий Иоаннович, скучая 20-летним неплодством супруги своей добродетельной Соломонии, задумал расторгнуть брак с нею и вступить в новый с Еленой Глинской, чтобы иметь наследника престола. Так как закон евангельский и правила церковные не позволяли расторжения брака по такой причине, то окружающие государя нашли полезным для достижения своей цели устранить людей, которые могли противодействовать сему намерению. Митрополит Даниил был на стороне великого князя; старец Максим, как надлежало ожидать, – на стороне правил церковных, и с ним вместе прямодушный друг его старец Вассиан, потомок князей литовских, которого до того времени много уважал князь. Движимый ревностью, преподобный написал наставление великому князю, в котором убеждал его не покоряться плотским страстям. «Того почитай истинным самодержцем, о благовернейший царь, – писал он, – который правдою и благозаконием ищет устроить житие своих подручников и старается всегда преодолеть похоти и бессловесные страсти своей души, ибо тот, кто ими одолеваем бывает, не есть одушевленный образ Небесного Владыки, но только человекообразное подобие бессловесного естества». Тогда предстал недоброжелателям давно желанный случай отомстить иноземцу, который осмеливался осуждать русское. Донесли великому князю, что Вассиан и Максим с друзьями

своими творят укоризну царству Русскому и по своему произволению искажают словеса церковных книг, обвинили и в подозрительных сношениях с двумя опальными боярами, Берсенем и Жареным, и даже в мнимых сношениях с послом турецким Искендером, бывшим в Москве, через которого будто бы Максим писал султану, чтобы шел войною на Россию, и невыгодно отзывался о военных силах великого князя и его жестокостях. После девятилетних постоянных почестей в феврале 1524 года внезапно схватили Максима и без всякого расспроса бросили в кандалах в темницу Симонова монастыря, где он томился несколько дней. Затем Максима потребовали к суду и допрашивали, какие имел он сношения с опальными боярами, но добродетельному старцу нечего было таить что-либо из своих бесед, потому что многие приходили к нему за душеполезными советами. Он рассказал, что говорили ему умные, хотя и не приучившиеся к терпению, бояре, открыл и то, что сам говорил им, когда жаловались, что недолго стоит земля, которая переменяет свои обычаи: «Нет, бояре, обычаи царские и земские государи переменяют, как лучше государству, но та земля, которая преступает заповеди Божии, та должна ожидать казни от Бога». Искренний во всех делах своих, не скрыл даже тайных мыслей души и о великом князе, о задушевной жалобе своей на невнимание державного к слезам вдовиц, что могло быть отнесено и к великой княгине Соломонии, ибо это было главным источником недовольства. Но не подействовали обличения Максимовы: в феврале он был посажен в темницу, в ноябре уже пострижена Соломония, а в январе великий князь вступил в брак с Еленой Глинской; все сие совершилось в течение одного года.

Вынуждены были, однако, отпустить на свободу преподобного, так как нельзя было обличить его ни в каких винах государственных, но враги не оставались в покое. Они обратились к такому предмету, по которому легче было обвинить его, – к делу о исправлении церковных книг. По воле митрополита Даниила созван был собор в палатах великокняжеских, и явились обвинители на пришельца греческого, будто бы он искажал смысл Священного Писания и

давал значение минувшего времени действию непреходящему, как, например, в выражении о Сыне Божиим «седе одесную Бога» заменил прошедшим временем того же глагола «седел еси» и что воскресшую плоть Христову наименовал «описуемой». Максим в оправдание себе указывал на грамматическое значение приводимых слов, которые выражали время прошедшее, но и это обратили ему в обвинение, как будто признает седение Сына одесную Отца уже окончившимся, и приводили против него, как бы на еретика, свидетельства святых отцов. Тогда Максим смиренно признал первую свою поправку за погрешность, говоря, что он не знал тогда довольно русского языка и различия сих изречений, ибо передавал мысль свою на латинском языке толмачам русским, которых спрашивал по совести, приличны ли такие выражения? Касательно же слова «описуемого» старался защитить оное выводами Святого Писания, но никто не хотел его слушать.

Три раза повергался он на землю перед собором, умоляя о помиловании ради милости Божией к немощам человеческим и со слезами просил простить ему погрешности, если какие допущены были им в книгах, но все было напрасно: его осудили как еретика, испортившего Писание Божие; схватили опять и вывезли из города так тайно, что в Москве не знали даже, жив ли он и где заключен. А страдалец томился в душной темнице Иосифо-Волоколамского монастыря, где отлучен был, как нераскаянный грешник, от приобщения Святых Таин, под строгим присмотром старцев; не только запрещено было ему видаться с кем-то из посторонних, но даже ходить в церковь. Такова была горькая участь пришельца греческого, вызванного с такой честью со Святой Горы.

От дыма и смрада, от уз и побоев впадал он по временам как бы в омертвление, но здесь же явившийся ему Ангел сказал: «Терпи, старец, сими муками избавишься вечных мук». И здесь, на стенах своей волоколамской темницы, написал он углем канон Утешителю Духу Святому, который и ныне воспевается в Церкви.

«Иже манною препитавый Израиля в пустыни древле, и душу мою, Владыко, Духа наполни Всесвятаго; яко да о Нем

богоугодно служу Ти выну».

«Всегда бурями губительных страстей и духов возмущаем душою, Тебе, всеблаженному Параклиту, яже о моем спасении, яко Богу, возлагаю».

Игуменом Волоколамского монастыря был тогда суровый Нифонт, из учеников Даниила, и, по свидетельству князя Курбского, много потерпел преподобный от глаголемых иосифлян, ибо до четырех лет продлилось тяжкое его заключение в их обители. Ученики и друзья Максима разделили его участь: Силуан отвезен в Соловецкий монастырь и там уморен в дыму; Михаил Медоварцев сослан в Коломну, а Савва святогорец, архимандрит Спасский, заточен в Возмицкий монастырь города Волоколамска. Немного позже Максима сослан в тот же Иосифов монастырь и друг его Вассиан, несмотря на княжеский род свой, а между тем враги Максима, искажая его оправдания, доносили на него в Москву, что Максим не кается и только повторяет одно и то же: «Чист есмь от чрева матере моя и доныне от всякаго греха».

Но тем не кончились страдания преподобного; через пять лет снова потребовали к суду Максима в престольный город; это было уже в 1531 году. Архиепископ Новгородский Макарий, собиравший свои Четьи-Минеи, обратил внимание митрополита на перевод жития Пресвятой Богородицы, сделанный Максимом за десять лет перед тем. В списках сего перевода найдено было много погрешностей. Митрополит открыл новый собор и припомнил прежние обвинения страдальца. С ужасом отвергнул Максим хульные изречения, внесенные в его перевод. «Я так не переводил, – восклицал он, – так не писал и не велел писать, это ложь на меня, я так не мудрствую. Если же кто произносит такие хулы, тот пусть будет проклят». Но его отрицания не приняли и поверили двум лжесвидетелям, которые утверждали, будто слышали неоднократно от самого Максима, когда изъявляли сомнение против его перевода: «так это надобно». Спрашивали еще Максима, почему исключил из службы Троицкой вечерни отпуст и из осьмого члена Символа веры слово «истинного»? Преподобный Максим защищался, сколько мог, отвечая, что ничего не приказывал исключать. Касательно

же исключения в Символе ссылается на древние рукописи греческие, где вместо «истинного» стояло другое слово – «Господа Животворящего».

Несмотря на то, не освободили узника и даже не разрешили ему приобщения Святых Таин. Изменили только место заключения, назначив ему пребыванием Тверской Отрочь монастырь под строгим надзором Тверского епископа Акакия. Это заключение было легче; епископ, не стесняясь определением соборным, часто приглашал невинного узника в свою трапезу. Большим утешением для него служило то, что он мог читать книги, и он написал себе в утешение слова инока, затворенного в темнице и скорбящего, которыми утверждал себя в терпении: «Не тужи, не скорби, ниже тоскуй, любезная душа, о том, что страждешь без правды, от руки тех, от коих подобало бы тебе приять все благое, ибо ты пользовала их духовно, предложив им трапезу, исполненную Святого Духа, т. е. сказания боговдохновенных песнопений Давидовых, которые перевел я от беседы эллинской на беседу шумящего вещания русского; но паче благодарствуй твоему Владыке и прославляй Его, что сподобил тебя в нынешнем житии привременными скорбями заплатить с лихвою весь долг многих талантов, коими был одержим. Внимай себе, да не помыслишь, что время сие есть время сетования, но паче Божественной радости, да не постраждешь, окаянная, сугубою нищетою, мучимая за свою неблагодарность в настоящем и будущем веке. Если так вооружаешь себя всегда, радуйся и веселися, как повелевает тебе Господь, ибо мзда твоя многа на небесех!»

В 1534 году скончался великий князь, и прп. Максим думал воспользоваться благоприятным временем, чтобы оправдать себя письменно в возведенных на него клеветах. В письменном исповедании он предложил свое верование, вполне православное, и свидетельствовал, что еретическими словами наполнены не те книги, которые им исправлены, но те, которые противники его считали за святыню.

«Поелику некоторые, не знаю почему, не страшатся называть еретиком меня, невинного человека, врагом и изменником богохранимой Российской державы, то праведным и

необходимым нахожу отвечать моим клеветникам. Благодатью истинного Бога нашего Иисуса Христа я по всему правоверный христианин и прилежный богомолец Русской державы, если же и не велик в разуме и познании Божественных Писаний, однако послан сюда от всей Святой Горы по прошению и грамоте благоверного великого князя, от которого в течение девяти лет преизобильные получал почести. Повинуясь его повелению, не только перевел я толкование Псалтири с греческого, но и иные боговдохновенные книги, различно испорченные от переписчиков, хорошо я исправил благодатью Христовою и содействием Утешителя Духа, как всем известно.

Не знаю, что случилось с некоторыми враждебно ко мне расположенными, которые утверждают, будто я не исправляю, а только порчу боговдохновенные книги. Воздадут они слово Господу за то, что не только препятствуют богоугодному делу, но и на меня, бедного и невинного, клеветают и ненавидят, как еретика. Я же не порчу священные книги, но прилежно и со всяким вниманием, со страхом Божиим и правым разумом исправляю в них то, что испорчено или переписчиками ненаученными и неопытными, или даже в начале, при их переводе, мужами приснопамятными, но не довольно разумевшими силу эллинских речей. Исправляю не Святые Писания, но то, что в них вкралось от непохвальных описей, от недоумения или забвения древних переводчиков или от многого невежества и небрежения новых переписчиков. Но, быть может, многие противники скажут: великое ты наносишь сим оскорбление воссиявшим в земле нашей чудотворцам. С сими священными книгами благоугодили они Богу в жизни и по преставлении прославлены от Него силой чудодейственной.

Не я буду отвечать им, но сам блаженный апостол Павел, да научит их Духом святым, глаголя: *Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно (1Кор.12,7–11).* Ясно из сего, что не

всякому даются вместе все дарования духовные. Исповедую и я, что святые русские чудотворцы по дарованию, им данному свыше, воссияли в земле Русской, и поклоняются им как верным Божиим угодникам, но ни различные языки, ни толкование оных не прияли они свыше. Посему не должно удивляться, если от столь святых мужей утаилось исправление многих исправленных мною описей: им ради апостольского их смиренномудрия, кротости и святости жития дано было дарование исцелений и чудес предивных; другому же, хотя и грешен он паче всех земнородных, дарованы разумение и толкование языков и не должно тому дивиться».

«Будь мне свидетелем Господь Иисус Христос, истинный Бог наш, что кроме множества моих согрешений ничего хульного в себе не ведаю о святой христианской нашей вере. Называвшим же меня врагом Русской державы да не вменит Господь Бог такое их согрешение». В заключении умолял отпустить его на святую гору Афонскую, представляя и то, что суд о нем принадлежит не русским епископам, а вселенскому патриарху. Но участь страдальца Максима не изменилась; крамольные бояре, управлявшие государством во дни малолетства Иоанна, заняты были только своими кознями и губили один другого. Недолго пользовался преподобный и снисхождением епископа Тверского Акакия. Пожар, истребивший в 1555 году великолепный храм, созданный в Твери Аაკием, подал повод Максиму высказать, по обыкновению своему, правду о жителях Твери и их пастыре, и это возбудило сильное негодование Акакия, который даже огласил такое обличение неправославным.

Между тем умерла правительница Елена, и сам митрополит Даниил после 10-летнего управления Церковью сослан был в заточение в Иосифов монастырь. Страдалец Максим почел долгом примирить с собою совесть изгнанного святителя. Узнав через близкого к себе человека, что Даниил продолжает питать к нему прежнее нерасположение, заклинал его именем Отца Небесного оставить вражду, с глубоким смирением говорил о своей невинности и в заключение сказал, что обвинение в ереси, которое не перестают против него повторять, есть только

действие оскорбленного самолюбия, всегда жестокосердного к другим. Преподобный решился написать еще о своей вере новому митрополиту Иоасафу и на имя бояр слово отвещательное для исправления книг русских, с той же свободой духа свидетельствуя перед ними, что не по лицемерию пишет к ним и не с ласкательством, чтобы получить временную славу и некую отраду в своих бедах.

Новый митрополит старался утешить страдальца милостивым словом, но, будучи сам обуреваем крамольными боярами, не мог облегчить участи невинного узника. «Целуем узы твои, как единого от святых, – писал он преподобному, – но ничего не можем более сделать в твою пользу». Он желал допустить осужденного до причастия Святых Таин, но противники соглашались не иначе, как под предлогом смертной болезни. Гнушаясь примесью обмана к святому делу, Максим не согласился на такое условие и, наконец, к своему утешению, после 13-летнего несправедливого запрещения получил разрешение приступать к Святым Тайнам, когда пожелает. Новый опыт крамолы боярской, низвержение святителя Иоасафа, возбудил в преподобном ревность; презрев собственной опасностью, он изобразил опытной рукой бедственное состояние Русского царства под образом жены, окруженной лютыми зверями, одетой в рубище и сидящей на распутье, ибо бедствия его отечества поражали глубоко душу Максима, так как и радости его были радостями для его сердца.

В 1545 году по предстательству Небесной Владычицы была спасена Москва от несметных полчищ крымского хана нечаянным их бегством, и Максим воспел благодарственную песнь Господу Иисусу за спасение России; а между тем, в уединении своем, изливал скорбь об участи грешной души за пределами гроба, переводя Слово св. Кирилла об исходе души.

Святители восточные не оставались равнодушными к участи долго томившегося на Руси страдальца, и патриарх Вселенский Дионисий и столетний старец Иоаким, патриарх Александрийский, писали в 1545 году к юному царю Иоанну об освобождении страдальца Максима. Особенно умирительно было послание последнего: «Имеем слово и малое прошение

изглаголать царствию твоему и молим, да услышишь внятно: тут в земле царства твоего обретается некий человек, инок от святой горы Афонской, учитель православной веры, имя ему Максим. На него, по действию диавольскому и козням злых людей, крепко разгневалось величайшее твое царство и ввергло его в темницы и узы нерешимые, и не может ни туда, ни сюда ходить и учить слову Божию, как даровал ему Бог. Мы слышали о нем и получили писания от многих великих людей, там сущих, и от святой горы Афонской, что тот Максим связанный несправедливо связан и пойман от царства и власти твоей. Не творят так православные христиане над нищим, паче же над иноком, и наипаче цари, удостоенные великого смысла и учиненные от Бога праведными судиями, чтобы иметь дверь свою отворстою всем приходящим. Праведно заключить в узы не боящихся тебя, озлобляющих, и вязать хотящих тебе зла, но убогих, наипаче же учителя, каков тот убогий Максим, который наставлял, поучал и пользовал многих христиан в царствии твоем и инде, не подобает несправедливо держать и силою оскорблять, ибо воздыхания убогих не погибнут до конца, а наипаче иноков. Неприлично царствию твоему давать веру всякому слову и всякому писанию, к тебе приходящему, без рассмотрения и испытания. Сего ради молим, когда увидишь послание наше, да освободишь вышеписанного инока Максима святогорца и дашь ему всякую свободу идти куда пожелает, наипаче на свое пострижение. Помоги и поспеши ему, сколько Бог положит на сердце твоем, по обычаю похвального твоего царствия, и не хоти посрамить нас в этом. Если послушаешь словес моих, будешь иметь похвалу от Бога, а от нас молитву и благословение. Никогда я не писал к тебе доселе, не просил какого-либо утешения от тебя, не оскорби же меня и в этом и не заставь написать иное послание к царствию твоему, вторичное моление, ибо не престану от таких прошений, доколе не услышит меня великое твое царствие и не даруешь мне сего человека».

Но и это прошение осталось безуспешным. Преподобный, со своей стороны посылая к царю кроткое увещание жить по-христиански, просил преклониться к умиленным его молениям и

исполнить праведное прошение о нем святителей. Но подозрительный дух того времени не позволил исполнить подобное прошение: слишком много видел на Руси преподобный, чтобы быть ему отпущенным из России. Наконец, только в 1551 году, после 20-летнего заключения в Твери, троицкий игумен Артемий, друг Максима, с некоторыми добродетельными боярами упросил державного освободить невинного пришельца, и старец, мирно принятый в Москве, с честью вступил в лавру прп. Сергия, но уже он был изможден тяжестью оков и темницы, внутренними скорбями и внешними страданиями и был слаб не только ногами, но и всем телом; однако дух его еще был бодр и способен к высоким созерцаниям.

По просьбе ученика своего Нила, из рода князей Курлятевых, прп. Максим после стольких бурь занялся в уединении лавры Сергиевой переводом Псалтири с греческого на русский язык, несмотря на свои преклонные годы, ибо ему было уже около 70 лет.

Через два года водворения его под сенью прп. Сергия царь Иоанн Васильевич посетил святого старца в его мирной келлии и открыл ему свое намерение совершить богомолье в обитель Кириллову, по данному обету за свое исцеление. Опытный старец сказал государю искреннее слово, которое всегда привык говорить державным: «Обет царствия твоего не согласует времени ради того, что вдовы, сироты и матери избитых под Казанью еще проливают слезы, ожидая твоей скорой помощи: собери их под царственный кров твой и тогда все святые Божии возрадуются о тебе и вознесут теплое моление о твоей державе, понеже Бог и святые Его не по месту внемлют молитвам нашим, но по доброму расположению нашего сердца». Смирненно выслушал царь искреннее слово многострадального Максима, но не хотел отменить своего намерения, почитая оное благочестивым. Тогда святой старец сказал князю Курбскому, одному из четырех бояр, сопутствовавших царю, слово пророческое, которое просил передать державному: «Если не послушаешь меня, советующего тебе по Боге и презришь крови избитых от

поганных, ведай, что умрет сын твой новорожденный Димитрий!» Но Иоанн упорствовал, и сбылось пророчество святого.

Это еще больше исполнило уважением к нему грозного царя, не только как к исповеднику истины, но и как к пророку. На следующий год пригласил он преподобного на Собор в Москву для обличения новой возникшей там ереси Матвея Башкина, которая имела сходство с кальвинской, ибо Башкин заразился сим новым учением Запада. Когда же Максим по дряхлости уклонился от присутствия на Соборе, царь написал ему послание, которым просил преподобного, чтобы прислал к нему свой отзыв о странном учении. «Да будет тебе ведомо, ради какой вины поднялись мы писать к тебе сие послание, ибо дошло до нашего слуха, что некоторые еретики не исповедуют Сына Божия равного Отцу, и Святое Тело Господа нашего Иисуса Христа и Честную Кровь Его ни во что вменяют, но как простой хлеб и вино приемлют, и Церковь отрицают, и называют идолами изображения Господа, Пречистой Его Матери и всех святых, и не приемлют покаяния, ни отеческих преданий, возлагая гордость свою на семь Вселенских Соборов, и иных поучают сему злочестию. Сего ради содрогнулся я душою и воздохнул из глубины сердца и немало о том поболел, что такое злочестие вошло в землю нашу, в нынешнее слабое время, в последние роды, и помыслил возложить печаль свою на Господа, да соберутся все обретающиеся под областью моей епископы, игумены и черноризцы, да исторгнут терние из чистой пшеницы и будут споспешники святым семи Вселенским Соборам. Изволилось мне и по тебя послать, да будешь и ты поборником Православия, как первые богоносные отцы, да приимут и тебя Небесные обители, как и прежде подвизавшихся ревнителей благочестия, имена коих тебе известны. Итак, явись им споспешником и данный тебе от Бога талант умножь и ко мне пришли отповедь на нынешнее злодейство. Слышали мы, что ты оскорбляешься и думаешь, что мы для того за тобою послали, что счисляем тебя с Матвеем. Не буди того, чтобы верного вчинять с неверными; ты же отложи всякое сомнение и по данному тебе таланту нас писанием не оставь в ответ на сие послание. Прочее же мир тебе о Христе. Аминь».

Итак, на самом закате дней отдана была наконец полная справедливость исповеднику истины, и это было последним церковным деянием великого страдальца. Через год он скончался (в 1556 г.), после 40-летних трудов и страданий, в старости глубокой, испытанной всеми бедствиями жизни. Древний сказатель о пришествии Максима в престольный град свидетельствует, что по смерти преподобного пробудилось к нему всеобщее уважение и многие стремились в лавру к его священным останкам, как к мощам, называя его то пророком, то великим учителем. Действительно, незабвенен должен быть для русского народа невинный страдалец прп. Максим Грек, ярче других осветивший мрак тогдашнего состояния, с болезненным воплем своими словами вызывал из оногo несчастных на пусть спасения. Хоть он и дорого поплатился за свою пламенную любовь к истине, за ревность к славе Божией, но, несмотря на все это, посеянное им семя впоследствии принесло изобильные плоды от трудов праведного мужа.

Спустя три года (1559 г.) после кончины прп. Максима, во время пребывания в Москве Константинопольского патриарха Иеремии, который приехал для посвящения первого Всероссийского Патриарха Иова, архимандрит Сергиевой обители и многие благочестивые люди за долг совести сочли просить его, чтобы было торжественно произнесено разрешение почившему труженику. Патриарх похвалил благое желание почитателей страдальца, с любовью дал от себя разрешительную грамоту сему исповеднику.

К числу почитателей прп. Максима принадлежал князь Курбский, ревностный защитник Православия, знавший жизнь его. Он с уважением относился к нему и не иначе называл его, как святым и преподобным, а также и прп. Дионисий, архимандрит Сергиевой обители, который, питая особую любовь к святому, много заботился, чтобы труды ученого и праведного мужа были известны Церкви. Все сочинения прп. Максима, которые он написал на разные предметы, изданы в «Православном собеседнике» (1859, 1860, 1861 и 1862 гг.) и заключают в себе поучения нравственные, обличительные и исторические. Митрополит же Московский Платон устроил над

незабвенным прахом прп. Максима раку и палатку. А в 1840 г. усердный почитатель великих людей наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандрит Антоний по своей пламенной любви ко всему историческому, с благословения святителя Московского Филарета, устроил над его могилой часовню.

После себя прп. Максим оставил много ревностных и умных учеников. Таковыми были, кроме вышеупомянутых страдальцев Силуана, Саввы, архимандрита Новоспасского, и Михаила Медоварцева, инок Нил Курлятев, Димитрий Толмач, Зиновий, инок отенский – муж с просвещением, далеко превосходившим понятия его времени, святой Герман, архиепископ Казанский, князь Андрей Курбский, который устные наставления многострадального Максима употреблял в защиту против проповедников лютеранства.

Сказав о жизни прп. Максима, не умолчим и о чудесах, бывших над его гробом, которые записаны в преданиях Сергиевой лавры. Так, в 1651 году, во дни Всероссийского Патриарха Никона, пришел по обещанию в обитель прп. Сергия некий человек из Москвы, слободы Кошельной, и после литургии, отслужив молебен, сел близ храма Сошествия Святого Духа на гробовой доске, но вдруг силой Божией сбросило его с гробницы, и несчастный вследствие падения разбился и долго не мог встать. Но когда, собравшись с силами, он приполз к могиле и стал спрашивать стоявших тут людей, кто под доской сей почивает, они отвечали: «Монах Максим Грек». Тогда расслабленный воскликнул: «Отче Максиме, прости меня!» Когда по просьбе его была отслужена по преподобному Максиму панихида, то вслед за тем оный расслабленный получил совершенное исцеление. В то время случился тут келейник соборного старца Вассиана Иоанн, который, будучи одержим гордостью, не поверил чуду и по самонадеянности сел на гробницу прп. Максима, думая про себя: тогда я поверю бывшему чуду, когда и со мною то же самое случится. Но несчастного постиг гнев Божий, и он был три раза сбрасываем с гробницы, так что лицо его разбилось до крови и раздробились зубы с повреждением языка. Когда он встал и вспомнил свое неверие, горько раскаялся в своей дерзости и, склонивши

колена пред иконой Господа нашего Иисуса Христа, стал просить прощения. В это время впал он в глубокий сон и увидел перед образом Всемиловитого Спаса молящегося инок, которого Иоанн спросил: «Кто ты?» Когда же молящийся инок отвечал, что он Максим Грек, Иоанн стал просить у него прощения, но преподобный с гневом сказал ему: «За что бесчестишь меня? Ты слышал, что в сей день был сброшен человек, сидевший на моей могиле? А потому за твое неверие ты получил должное». Прощения же искалеченному Иоанну не подал явившийся старец и скрылся от него. Так рассказывал сам Иоанн о бывшем ему явлении. А в 1851 году, по сказанию «Монастырских писем», сам прп. Сергей Радонежский засвидетельствовал своим явлением одному московскому купцу о святости прп. Максима. Чудо это произошло следующим образом.

Некто московский купец З. был болен и во время молитвы у себя в доме призывал в помощь прп. Сергия. Затем в следующую ночь видит он во сне преподобного Сергия, как бы вставшего из гробницы. Больной подошел к нему и, упавши к ногам, стал просить его святых молитв и ходатайства пред Богом, но преподобный Сергей говорит ему: «Грехи твои оскорбляют Господа, а потому постарайся исправиться и принести покаяние». Но больной, не теряя надежды на его помощь, снова стал умолять его. Тогда прп. Сергей обещал принести о нем молитву и помочь в болезни. Видя милостивое обещание преподобного, больной в восторге говорит ему: «Преподобне отче Сергие, чем же я могу достойно принести тебе мою благодарность?» «Ничего мне не надобно, – отвечал ему преподобный, – а принеси что можешь преподобному Максиму Греку». После этого больной получил облегчение в болезни и, по наказу преподобного Сергия, 4 декабря 1851 года привез от своего усердия два покрова: один покров на гробницу преподобного Сергия, а другой – на гробницу преподобного Максима Грека.

Над гробницей преподобного Макама на медной доске вырезаны стихи:

: Блаженный здесь Максим телом почивает,

И с Богом в небеси душою пребывает.
И что Божественно он в книгах написал,
То жизнь свою и делом показал.
Оставил образ нам и святости примеры,
Смирения, любви, терпения и веры!

Январь, 23

Геннадий Костромской и Любимоградский, преподобный

Преподобный Геннадий Костромской и Любимоградский (в миру Григорий) родился в начале XVI века в г. Могилеве в семье русско-литовских бояр Иоанна и Елены. Еще с детства он выделялся среди сверстников задумчивостью и склонностью к уединению. Рано проявившаяся в нем любовь к храму, частое посещение монастырей вызывали недовольство родителей. Однако, несмотря на увещания матери, Григорий твердо решил посветить себя Богу и, переодевшись в бедную одежду, тайно покинул родительский дом и направился в Москву. Посетив московские святыни, он не нашел себе здесь прибежища по духу и отправился в Новгородскую землю. Судьбу будущего подвижника решила встреча с преподобным Александром Свирским (память 30 августа/12 сентября). По его благословению Григорий направился в вологодские леса к преподобному Корнилию Комельскому (память 19 мая/1 июня).

Преподобный Корнилий взял его послушником под свое духовное руководство и после нескольких лет испытания постриг в монашество с именем Геннадий. Святой Корнилий назидал юного инок: «Усвой, чадо, разум древних святых отцов: терпение, любовь и смирение, особенно же молитву общую, или соборную, и келейную и потрудись в подвигах нелицемерных». На склоне лет преподобный Корнилий удалился с преподобный Геннадием в костромские леса близ города Любима, где они около 1529 года основали обитель (позднее названную Любимоградской, или Геннадиевой). Оставив преподобного Геннадия настоятелем обители, преподобный Корнилий по желанию великого князя Василия IV Иоанновича (1505–1533) вернулся в Комельский монастырь.

Преподобный Геннадий построил на берегу Сурского озера храм в честь Преображения Господня. Став игуменом, он не ослабил иноческих подвигов, постоянно носил на себе тяжелые вериги. Вместе с братией преподобный Геннадий выходил на монастырские работы: рубил лес, носил дрова, делал свечи и

пек просфоры. Любимым его занятием было писание икон, которыми он украшал храмы Божии.

За свою святую жизнь преподобный Геннадий получил от Господа дар прозорливости и чудотворения. Исцеляя болящих, преподобный Геннадий призывал их к покаянию и памятованию о часе смертном. Приехав по монастырским делам в Москву, он предрек Иулиании, дочери боярина Романа Юрьевича Захарьина, что она будет царицей. И действительно, царь Иоанн Грозный выбрал ее себе в супруги. С помощью бояр Захарьиных преподобный Геннадий соорудил в своей обители второй храм во имя преподобного Сергия Радонежского. Исцеленный святым Геннадием от тяжелой болезни, боярин Борис Палецкий пожертвовал в его обитель ценный колокол.

Житие преподобного Геннадия вместе со службой ему написано учеником его игуменом Алексием между 1584 и 1587 годами. В нем помещено духовное завещание, продиктованное самим преподобным, исполненное тепла и простоты. Он заповедует соблюдать общежительный устав и постоянно трудиться, иметь мир со всеми, хранить собранные в монастыре книги и ум свой прилагать к пониманию их. Преподобный призывал: «Стремитесь к свету, а тьму оставляйте». От преподобного Геннадия осталось также написанное им «Наставление духовного старца новонаначальному иноку».

Преподобный Геннадий преставился 23 января 1565 года. В 1646 году при копании фундамента под каменный храм на месте прежней разобранный деревянной церкви в честь Преображения Господня были обретены мощи преподобного Геннадия и перенесены под спуд в придел этого храма. 19 августа 1646 года совершилось и общецерковное прославление преподобного Геннадия. К этому времени в обители уже была освящена церковь во имя преподобного Геннадия, так как местное почитание его началось сразу же после преставления.

Собор Костромских святых

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена в 1981 году установлен соборный праздник святых древней Костромской земли. 23 января/5 февраля 1982 года, в день памяти преподобного Геннадия, Костромского и Любимоградского чудотворца, было впервые совершено празднование Собора святых, в земле Костромской просиявших.

По свидетельству русских летописей, город Кострома был основан в 1152 г. После смерти великого князя владимирского Всеволода, по прозвищу Большое Гнездо (1154–1212), во Владимирском княжестве образовались три удела: Суздальский, Московский и Костромской.

В XIV-XV вв. ученики преподобного Сергия Радонежского, по его благословению, основали несколько монастырей на Костромской земле. Здесь, на обширной равнине, изрезанной реками, пролегли их пути: один – по реке Шексне на Белоозере, другой – по реке Костроме на Вычегду. В освоении костромского междуречья трудились преподобные Авраамий Чухломской († 1375; память 20 июля/2 августа) – основатель нескольких обителей, просветитель местных чудских племен; Иаков Железоборовский († 1442; память 11/24 апреля), Макарий Писемский (XIV в.; память 10/23 января), Павел Обнорский († 1429; память 10/23 января).

По благословению преподобных Кирилла Белозерского († 1427; память 9/22 июня), также ученика аввы Сергия, и преемника Кирилла – Корнилия Комельского – на Костромской земле подвизались впоследствии преподобные Геннадий Костромской и Любимоградский († 1565; память 23 января/5 февраля), Кирилл Новоезерский († 1532; память 4/17 февраля), Адриан Монзенский († 1610; память 5/18 мая) – основатель Благовещенского монастыря на реке Монзе, Ферапонт Монзенский († 1597; память 12/25 декабря). Введенскую пустынь основал преподобный Иаков Брылинский, иначе

Брылеевский (XV в., память 11/24 апреля) – ученик и сподвижник преподобного Иакова Железноборовского.

В монастыре преподобного Паисия Галичского († 1460; память 23 мая/5 июня), который обрел Овиновский образ Божией Матери (празднование 15/28 августа), подвизался Иаков Галичский (в конце XV-начале XVI вв., память 7/20 апреля).

В XVI веке преподобный Александр Вочский (память 27 марта/9 апреля) основал Преображенский монастырь на реке Воче.

Святитель Дионисий Суздальский († 1385; память 26 июня/9 июля), спостник и собеседник преподобного Сергия Радонежского, в середине XV века «послал двенадцать человек из своей братии в верхние грады и страны, идеже кого Бог благословит, для духовного просвещения народа и основания обителей», в числе двенадцати был и преподобный Макарий Унженский († 1444; память 25 июля/7 августа) – основатель трех обителей. Макариево-Успенский монастырь в XVII веке, в правление Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича, стал вторым по значению после Троице-Сергиевой лавры. Сюда был назначен игуменом будущий святитель Митрофан, епископ Воронежский († 1703; память 23 ноября/6 декабря), впоследствии принявший в схиме имя в честь преподобного Макария Унженского. Узы духовного братства связывают преподобного Макария с преподобным Варнавой Ветлужским († 1445; память 11/24 июня) – основателем Варнавиной обители, вокруг которой спустя некоторое время вырос город Варнавин. Преподобный Григорий Пельшемский († 1442; память 30 сентября/13 октября) явился основателем обители на реке Пельшме. Он положил немало трудов, чтобы примирить враждовавших между собою русских удельных князей.

Святитель Иона, митрополит Московский и всея Руси († 1461; память 15/28 июня), был родом из Костромской земли. Он начал свои иноческие подвиги в одном из галичских монастырей.

По благословению святителя Алексия, митрополита Московского, преподобный Пахомий Нерехтский († 1384, память

15/28 мая) основал в Костромском крае обитель во имя Святой Троицы.

Ученики преподобного Сергия Радонежского, который «был учитель всем монастырям, иже на Руси», просвещая Христовой верой языческие и полуязыческие племена, присоединяли их к Русской Православной Церкви. Из многочисленных ветвей духовного генеалогического древа, имеющего корни в Троице-Сергиевой лавре, ветви – Белозерская (от преподобного Кирилла Белозерского), Комельская (от преподобного Корнилия Комельского), Железноборовская (от преподобного Иакова Железноборовского), Нижегородская (от святителя Суздальского Дионисия) принесли обильные плоды добротолубия и молитвы на Костромской земле.

Январь, 24

Иоанн, мученик Казанский

Святой мученик Иоанн Казанский был родом из Нижнего Новгорода. Он жил в начале XVI века, когда Московское государство подвергалось частым набегам казанских татар. В один из таких набегов в царствование великого князя Василия IV Иоанновича (1505–1533) татарами был взят в плен богобоязненный юноша Иоанн. Его привели в Казань и отдали в рабство ханскому родственнику Алей-Шпуру. Несмотря на тяжесть разлуки с родными, святой Иоанн со смирением покорился воле Божией и стал безропотно служить своему господину. В то же время он усердно выполнял все заповеди христианской веры, которым был научен благочестивыми родителями с детства. Святой Иоанн строго соблюдал посты, честно трудился, был кроток и послушлив. Так как днем он всегда был занят работой, то молиться ему приходилось только ночью. И святой неленостно проводил большую часть ночи в молитве. За такую строгую подвижническую жизнь он нередко терпел укоры и насмешки от хозяев и слуг.

Когда Алей-Шпур вместе с казанским муллой захотели обратить святого Иоанна в магометанство, он объявил, что исповедует Иисуса Христа истинным Богом, а учение Магомета считает заблуждением. Ни ласки, ни угрозы не поколебали его. Алей-Шпур приказал пытать праведника, но и мучения не заставили святого Иоанна отречься от Христа и принять лжеучение Магомета. Видя твердость святого и бесполезность своих пыток, Алей-Шпур приказал отсечь ему голову. Святому Иоанну связали ремнем руки и вывели за город, где находилось русское кладбище. Там мучители изранили его тело мечом, но удар, которым хотели отрубить голову, по Промыслу Божию, был нанесен неудачно: святому только поранили шею, и он, обливаясь кровью, потерял сознание. Слуги Алей-Шпура подумали, что мученик умер, и вернулись в город.

До поздней ночи святой Иоанн лежал без чувств, полумертвый, но Господь сохранил праведника, чтобы вместе с ним не исчезла память о его страданиях. Снег вокруг мученика

растаял, а руки его развязались. Очнувшись, он пошел в город к послам великого князя московского в Казани и рассказал им о своих мучениях. Нанесенные святому Иоанну раны были смертельны. Предчувствуя свою близкую кончину, он попросил причастить его Святых Христовых Таин. После причастия оставшуюся часть ночи святой мученик провел в слезной молитве. Утром, при восходе солнца, он преставился ко Господу († 1529). Святое тело мученика Иоанна было погребено на старом русском кладбище близ Казани.

Герасим, епископ Великопермский, святитель

Святитель Герасим, епископ Великопермский (Устьвымский), явился достойным преемником основателя Устьвымской епархии, просветителя Пермского края святого Стефана († 1396; память 26 апреля/9 мая). Непосредственным предшественником святителя Герасима был епископ Великопермский Исаакий (1397–1416), который большую часть времени проводил в Москве, а в 1416 году удалился на покой. Святитель Герасим был возведен на Пермскую кафедру после 1416 года, в трудное время, когда положение дел в епархии было весьма неблагоприятным. Паства, состоявшая из принявших христианство зырян, страдала от нападения диких языческих племен вогулов, а также от притеснения корыстолюбивой новгородской и вятской вольницы, пользовавшейся тем, что северо-восточная окраина России была слабо защищена отдаленным московским правительством.

Святитель Герасим неусыпно заботился об устройении своей паствы и распространении веры Христовой. Он не жалел ни трудов своих, ни сил в постоянных разъездах по Пермской земле, проникая в самые глухие места и оказывая помощь в самых безысходных обстоятельствах. Господь благословил деятельность ревностного пастыря. В 1429 году святитель Фотий, митрополит Киевский (Московский) и всея Руси (1408–1431), писал: «Отринув заблуждение и мрак, ныне страна Пермская чисто и православно совершает службу Божию, по закону христианскому».

Несмотря на удаленность от стольного града, святитель Герасим был участником Московских Соборов: 1441 года, осудившего Флорентийскую унию и ее сторонника – митрополита Киевского Исидора (1437–1441), и 1448 года, определившего поставлять митрополитов всея Руси собором русских епископов. Это свидетельствует о том, что современники дорожили мнением святителя Герасима и он пользовался большим авторитетом. Без сомнения, на этих

Соборах святитель ходатайствовал за свою паству перед великим князем Василием II (1425–1462), прося ей помощи и льгот.

В последние годы святительства епископа Герасима увеличились непрекращающиеся и раньше набеги вогулов на христиан-зырян. Не щадя здоровья, с опасностью для жизни святитель сам ездил в стан вогулов. Просьбы и убеждения его действовали на дикарей, и они на время оставили в покое зырян, удалились в места своей оседлой жизни.

Имя святого Герасима повсюду стало произноситься с благоговением, но силы его уже были подорваны. Душевные огорчения и недуги старости окончательно расстроили его здоровье. Однажды больной святитель возвращался к себе после посещения близлежащих к Усть-Выми приходов, где, по-видимому, совершал богослужения, так как с ним было архиерейское облачение. На усть-вымском лугу, близ городка и соборной церкви, святителя настигла мученическая кончина: он был удушен омофором рукой вогулича, которого взял на воспитание; вероятно, дикарь действовал по наущению своих шаманов, которым было дорого уничтожаемое язычество. Святитель Герасим принял мученическую кончину 24 января. Год его смерти точно неизвестен, по всей вероятности, около 1441 года.

Святой мученик Герасим был погребен в кафедральном Благовещенском соборе в селении Усть-Выми, расположенном к северо-востоку от города Яренска, на реке Вычегде. У мощей святителя Герасима происходили многие чудесные исцеления. Празднование памяти его 24 января/6 февраля установлено в 1607 г. 29 января/11 февраля совершается общая память трем святителям Пермским – Герасиму, Питириму († 19 августа 1455 г.) и Ионе († 6 июня 1470 г.).

В 1607 году по благословению святителя Ермогена, патриарха Московского и всея Руси, был написан образ трех Пермских святителей. В 1649 году в Вологде в их честь был воздвигнут храм.

Моисей, архиепископ Новгородский, святитель

Святой Моисей был сыном именитого, богатого и славного родителя Филиппа и в мире назывался Митрофаном. Родиной его был Великий Новгород. Обучившись грамоте и постоянно читая Священное Писание, он измлада возлюбил Христа: часто посещал храм Божий, был серьезен и сосредоточен и не приближался к играющим детям. Благочестивый отрок тайно ушел из дома родительского в Тверской Отрочь монастырь, где и постригся в монашество с именем Моисея. Пост, послушание и молитва были украшениями новопостриженного инок и стяжали ему в той обители немалую славу. Между тем родители искали неожиданно исчезнувшего юношу и много скорбели о нем, а когда нашли, то упросили его перейти в монастырь, ближайший к Новгороду. Уступая неотступным просьбам и желая избежать молвы и славы о своих иноческих подвигах, святой Моисей переселился в Колмов монастырь, где усугубил свои подвиги, «Божественною ревностью распаляем, в дни и ночи удручая тело свое».

За свою подвижническую жизнь сначала он был рукоположен архиепископом Давидом в иеромонаха, а затем возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Новгородского Юрьева монастыря. Недолго он был в этом монастыре и снова возвратился в свой любимый Колмов монастырь.

В 1324 году, по смерти архиепископа Давида, архимандрит Моисей, по изволению Божию, причтом и всеми людьми возведен был на архиепископию Новгородскую, а в 1326 году хиротонисан в Москве митрополитом всея Руси святым Петром. В трудное время пришлось святительствовать святому Моисею: неоднократные пожары, опустошавшие Новгород с его многочисленными храмами, народные волнения, сопровождавшиеся грабежами и державшие всех в страхе, угроза татар, преследовавших непокорных им князей, – вот печальные события первых лет управления Новгородской кафедрой святого Моисея. Однако, несмотря на эти

неблагоприятные обстоятельства, владыка Моисей украшал Новгород храмами Божиими; так, в 1327 году построил церковь во имя Пресвятой Богородицы в Десятинском монастыре, украсил ее святыми иконами, снабдил книгами.

Святой Моисей был добрым пастырем своего стада, проводил свою жизнь в строгом воздержании; отличался любовью к книгам, собрал многих писцов, которые переписали много книг, главным образом богослужебных, для храмов Божиих. Святитель был милосерд и сострадателен к бедным: был обидимым помощник, вдовам заступник, избавлял их от насильников, не утрущаясь лица сильного, и многих исправил своими увещаниями.

По прошествии пяти лет святительства святой Моисей сказал жителям Новгорода: «Изберите себе мужа достойного, а я вас благословляю».

На его место выбран был новгородцами священник Григорий Калика (то есть «паломник»), по монашескому имени Василий.

Святой Моисей оставил в 1330 году архиепископию, удалился в Колмов монастырь и там принял схиму. Ища уединения, он спустя пять лет переселился на противоположный берег реки Волхова в пустынное место и основал там Деревяницкий монастырь с храмом в честь Воскресения Господня. Но не укрылся и здесь этот светильник от взоров людских: бояре и простые люди знали подвижническую жизнь святителя и приходили поучаться от него день и ночь. Так прошло более 20 лет строго монашеской жизни святителя Моисея. В 1352 году он построил каменную церковь Успения Пресвятой Богородицы на Волотове и при ней монастырь.

В том же 1352 году скончался архиепископ Новгородский Василий, возвращавшийся из Пскова, где был сильный мор. Новгородцы умолили святого Моисея возвратиться на свой престол и принять управление паствой. В 1353 году владыка посылал послов в Царьград к царю Иоанну Кантакузину и патриарху Филофею с жалобой на обиды от митрополита Феогноста. Сохранились (от 1354 г.) два послания патриарха к

владыке Моисею, в которых он увещевает его подчиняться Московскому митрополиту. Добродетельная жизнь святителя Моисея была известна и в Константинополе. В 1354 году послы возвратились и привезли владыке жалованную с золотой печатью грамоту от императора и крестчатые ризы от патриарха. Вторичное управление святого Моисея епархией ознаменовалось постройкой в Новгороде многих церквей. По сказанию летописей, владыкой Моисеем построены: Знаменская церковь (1354 г.) и Дмитриевская в Торгу на Лубянице в том же году, Сковородский монастырь с церковью во имя святого Архистратига Михаила (1355 г.), Успенская церковь в Радоговицах (1357 г.) и тогда же церковь во имя Святого Духа в монастыре того же имени, церковь во имя Сорока мучеников и святого Георгия на Лубянице, в 1359 году Прокопиевская на княжем дворе и святого Иоанна Богослова в женской обители. Умножая храмы, святитель добре пас вверенное ему стадо, многих утвердил он учением своим и наставил, хотя и сам претерпел от бесов многие напасти. Есть известие, что святой Моисей подвизался добрым подвигом против стригольников-еретиков, восставших против церковной иерархии. К подвигам святого Моисея должно быть отнесено и уничтожение в 1358 году в Новгороде языческого обычая «бить бочки». Новгородцы целовали крест в том, что впредь оставят этот обычай. Святитель написал много книг. Письменных поучений святителя не сохранилось до нашего времени, до нас дошло только три Евангелия, списанные по повелению боголюбивого архиепископа Моисея, одно из них написано в 1355 году.

Слабость ли сил телесных почувствовал владыка, любовь ли к уединению сказалась сильнее, только в 1359 году он вновь обратился к новгородцам с такими словами: «Изберите себе мужа, которого вам Бог даст».

Несмотря на усиленные просьбы и мольбы, владыка удалился на покой в построенный им Сковородский монастырь. Но Бог еще раз призвал святителя к деятельности. В год удаления его с архиепископии по случаю смены посадника в Новгороде вспыхнул сильный мятеж: умертвили многих бояр, разрушили волховский мост и три дня стояли друг против друга

жители Торговой и Софийской сторон, готовясь вступить в ожесточенный бой. Тогда пришел из своего уединения старец святитель Моисей; с крестом в руках, окруженный духовенством, он встал на остатках разрушенного моста, посреди враждующих сторон, благословил их и сказал: «Дети, не подымайте брани, да не будет похвалы поганым, а святым церквам и месту сему пустоты! Не вступайте в бой!»

Мятеж утих. Бог не попустил диаволу посмеяться над христианами. Владыка удалился в свою обитель, подвизался там в посте и молитве и был образцом смирения и благочестия для собранной им братии.

Тихая блаженная кончина святителя Моисея последовала в 1362 году, в 25-й день января месяца. С великой честью, при всенародном плаче погребен был владыка Моисей в Сковородском монастыре. Святитель Моисей был прославлен от Бога чудесами вскоре после блаженной кончины: прибегающие с верою к честным его мощам мужи и жены получают здравие, наипаче же жены исцелевают, одержимые своими немощами.

Вскоре после блаженной кончины святого Моисея человек тридцать разбойников хотели разграбить Сковородский монастырь, полагая, что святитель оставил ему много имущества. Их встретил сам святитель Моисей, завел в трясину и хотел потопить, если они не раскаются. Хищники обещались не делать никакого зла обители, тогда выведены были святителем из опасной трясины и отпущены.

Новгородский купец, по имени Алексей, дважды получил помощь от святителя Моисея. Один раз он упал с лодки в воду на реке Неве и был поддержан на воде неизвестным благолепным, украшенным седилами мужем. В другой раз также на реке Неве напали на него разбойники, и тот же благолепный старец внезапно появился на корме лодки и невредимо провел лодку среди хищников. По молитве Алексея святой Моисей явился ему во сне и указал место своего погребения, повелел устроить покров над гробом.

Существует рассказ о наказании Новгородского архиепископа Сергия за непочтительное отношение к памяти

святителя Моисея. Архиепископ Сергей, назначенный на Новгородскую кафедру 4 сентября 1483 года из Москвы, ехал на место своего служения мимо Сковородского монастыря и посетил эту обитель. Помолившись святым иконам и отпевши молебен, он вышел в притвор, где показали ему гроб основателя монастыря святителя Моисея. Обратясь к сопровождавшему его священнику, архиепископ Сергей дерзновенно велел открыть гроб святителя. Священник сказал архиепископу: «Подобает святителю святителя скрывать!». Архиепископ же гордо укорил святителя Моисея, говоря: «Кого сего смердовича и смотрити!»

Возносясь тем, что он пришел из Москвы к покоренным гражданам, архиепископ Сергей не усомнился святителя назвать смердовым сыном, иными словами – мужиком. «И бысть оттого времени прииде на архиепископа Сергия изумление»: то видели его в Евфимиевской паперти сидящим в одной ряске, то в полдень у Святой Софии сидящим без клобука и без мантии. Вскоре его больного отвезли в Троице-Сергиев монастырь на место его пострижения.

В 1686 году, 19 апреля, чудесным образом были открыты нетленные мощи святителя Моисея: они сами явились посреди церкви перед утренним пением и потом были перенесены к правой стороне иконостаса; часть его святых мощей в 1693 году перенесена в Духов монастырь.

После святого Моисея немало сохранилось вещей, свидетельствующих о его благочестии и подвижнической жизни: двое вериг (одни – в ризнице Софийского собора, другие – в Сковородском монастыре); яшмовые сосуды, поднесенные святым Моисеем святому митрополиту Петру (в Московском Благовещенском соборе); там же сосуд из агата с надписью: «В лето 6837 (1328) месяца марта созданы быша сосуды сии архиепископом Новгородским Моисеем». Сохранились в Сковородском монастыре деревянный крест, который был положен со святым Моисеем при погребении и 323 года находился у него в руках; простой деревянный посох в Духовом монастыре. В ризнице Софийского собора сохранились крестчатая риза, присланная святому Моисею патриархом

Филофеем; омофор с вышитой надписью: «Моисея архиепископа молитвами Святыя София»; наконец, его келейная мантия.

Точно неизвестно, когда начали в Новгороде местно праздновать память святителя Моисея. Несомненно, в первых десятилетиях XVII столетия память праздновали и притом дважды в год: 25 января – в день его блаженной кончины и в шестую неделю по Пасхе. В настоящее время празднуется только день кончины святителя.

Ксения Петербургская, блаженная

Блаженная Ксения родилась между 1719 и 1730 гг., свой спасительный подвиг она несла в Петербурге. Мужем Ксении был певчий придворного хора Андрей Феодорович Петров, служивший в звании полковника. О детстве и юности блаженной ничего неизвестно, память народная сохранила лишь то, что связано с началом подвига юродства Ксении – внезапная смерть мужа, умершего без христианского приготовления.

Потрясенная этим страшным событием, 26-летняя вдова решила начать труднейший христианский подвиг – казаться безумной, дабы, принеся в жертву Богу самое ценное, что есть у человека – разум, умолить Создателя о помиловании внезапно скончавшегося супруга Андрея. Посему, дабы спасти своего мужа, Ксения отказалась от всех благ мира, отреклась от звания и богатства и более того – от себя самой. Она оставила свое имя и, приняв имя супруга, прошла под его именем весь свой жизненный путь, принеся на алтарь Божий дары всеспасительного подвига любви к ближнему.

Своего желания казаться безумной Ксения достигла в день похорон мужа; когда Андрея Феодоровича повезли на кладбище, блаженная одела на себя его одежду: камзол, кафтан, штаны и картуз – и в таком костюме пошла провожать гроб супруга. Родственники мужа и знакомые Ксении весьма сожалели о ней, они думали, что смерть Андрея Феодоровича внезапным горем помрачила сознание молодой овдовевшей жены. Ксения же, как потерявшая рассудок, утешала их, говоря: «Андрей Феодорович не умер, но воплотился в меня, Ксению, которая давно умерла. Не зовите меня больше Ксенией, но зовите меня Андреем Феодоровичем». С такими словами Ксения стала скитаться по улицам Петербурга, сообщая всем, знавшим ее, что «Ксеньюшка моя скончалась и мирно поживает на кладбище, аз же грешный весь тут».

После смерти мужа овдовевшей Ксении отошло имущество Андрея Феодоровича – дом, который он имел в приходе церкви апостола Матфия на Петербургской стороне. Часть этого дома

снимала одна благочестивая христианка Параскева Антонова, хорошо знавшая Ксению и давно бывшая с ней в дружбе. Утешая после похорон «помрачившуюся умом» вдову, Параскева в причитаниях спросила: «Как же ты будешь жить теперь, матушка?» На это вопрос начавшая свой подвиг юродства Ксения ответила: «Да что, ведь я похоронила свою Ксеньюшку и мне теперь уже ничего не нужно. Дом подарю тебе, только ты бедных даром жить пускай; вещи сегодня же раздам все, а деньги в церковь снесу, пусть молятся об упокоении души рабы Божией Ксении».

Тогда Параскева Антонова стала упрашивать Ксению не делать этого, ибо ей самой нужно будет на что-то жить и кормиться, но Ксения твердо отвечала: «Господь питает птиц небесных, а я не хуже птицы. Пусть воля Его будет».

Услышав о таком решении, Параскева из жалости к «повредившейся умом» вдове обратилась к родственникам ее мужа Андрея Петрова с просьбой поспособствовать ей отвратить Ксению от такого неразумного поступка. Родные мужа подали прошение начальству умершего Андрея Феодоровича, прося не позволять Ксении в безумстве раздавать свое имущество. По причине этого Ксения была вызвана на соответствующее обследование, которое заключило, что она совершенно здорова, и утвердило за ней право распоряжаться своим имуществом как ей угодно.

После этого блаженная Ксения, вольная во всех своих действиях, раздала все принадлежавшее ей имение и в одном только мужнином костюме вышла на улицу на свое подвижническое странствие. Теперь какого-либо определенного местожительства Ксения не имела. Она в своем странном одеянии целыми днями бродила по Петербургской стороне, по преимуществу в районе прихода церкви святого апостола Матфия. Встречающимся знакомым или обращающимся к ней по имени она с досадой говорила: «Ну какое вам дело до покойницы Ксении, она вам ничего худого не сделала».

Через некоторое время все могли убедиться в безумстве молодой вдовы: ее странный костюм и невразумительный разговор, ее кротость и незлобие давали повод злым людям и в

особенности шалунам мальчишкам глумиться над блаженной. Так блаженная Ксения начала свой подвиг. Целыми днями она скиталась по улицам Петербурга. Зимой и летом, в зной и стужу, подвергаясь всяким нападкам и насмешкам, она, непрестанно молясь, безропотно несла свой спасительный подвиг.

В это время началось строительство новой каменной церкви на Смоленском кладбище. Воздвигнутое строение было уже весьма высоким, так что каменщикам приходилось сначала поднимать кирпич на леса, а потом класть его в кладку. Тогда блаженная Ксения решила тайно по ночам помогать строителям; она целыми ночами поднимала кирпич и складывала его на лесах. Наутро приходили рабочие и очень удивлялись случившемуся. Наконец, они решили узнать, кто все же этот незримый помощник строительства. Оказалось, что этот тяжелый труд выполняла известная всей Петербургской стороне «безумная» Ксения.

Мало-помалу к таким странностям блаженной привыкли, многие стали считать, что от помрачившейся умом можно ожидать чего угодно, однако некоторые наиболее чуткие христиане стали замечать, что Ксения какая-то не простая глупая побирushка, но в ней есть что-то особенное. Милостыню, которую ей предлагали, она брала не у каждого, но только у людей доброго сердечного расположения. Всегда беря только копейку, она тут же отдавала ее таким же бедным и нищим, как и она сама.

После того, как мужнин камзол и кафтан Ксении истлели, она стала одеваться зимой и летом в жалкие лохмотья, а на босых ногах, распухших от мороза, носила рваные башмаки. Многие христиане предлагали Ксении теплую одежду, обувь, милостыню. Блаженная же ничего не соглашалась взять, но неизменно одевалась либо в красную кофточку и зеленую юбку, либо в зеленую кофту и красную юбку.

Днем Ксения, как безумная, бродила по городу, а ночью она укрывалась от глаз людских, выходя за город, в поле, и там пребывала в молитве. Так ее однажды и застали заинтересовавшиеся ночными исчезновениями Ксении горожане. Ксения всю ночь стояла на молитве, попеременно

кладя поклоны на все четыре стороны света. В поле, по ее словам, присутствие Божие было «более явственно».

Только в редких случаях оставалась Ксения на ночлег у знавших ее благочестивых людей – Параскевы Антоновой, Евдокии Гайдуковой и Пелагеи Черпаковой.

Блаженная все обиды и печали сносила безропотно, лишь однажды, когда Ксения уже стала почитаться за угодницу Божию, жители Петербургской стороны видели ее в страшном гневе. Уличные мальчишки, завидев юродивую, стали над ней смеяться, дразнить ее. Блаженная, по обычаю, безропотно сносила это. Но злые дети не ограничивались одними издевательствами. Видя безропотность и беззащитность блаженной, они стали бросать в нее грязью и камнями. Тогда, по-видимому, и у блаженной не хватило терпения. Как вихрь, бросилась она за злыми мальчишками, грозя им своей палкой, которую всегда носила с собой. Жители Петербургской стороны, видя блаженную в страшном гневе, пришли в ужас от поступка детей и тотчас же приняли все меры к тому, чтобы никто не обижал Ксению.

Окружающие блаженную Ксению стали обращать внимание, что в ее словах и поступках часто кроется какой-то глубокий смысл. Замечали, что если Ксения просила у кого что-либо, то это было знаком грядущей невзгоды и беды, если же Ксения подавала кому-либо что-то, то получателя в скором времени посещала внезапная радость. Позднее, когда блаженную стали почитать за прозорливицу, стоило ей только появиться на рынках и улицах города, как всякий знавший ее предлагал ей свои услуги. Купцы открывали свои лотки и прилавки со всевозможными съестными и прочими товарами. Все наперебой упрашивали «Андрея Феодоровича» взять что-либо или отведать от предлагаемого товара, ибо они замечали, что если Ксения брала что-нибудь у хозяина, то торговля у угостившего ее купца бывала очень удачной.

Извозчики, завидев блаженную издали, гнали лошадей, прося Ксению проехать с ними хотя бы несколько шагов, ибо это приносило им удачу в работе.

Особый дар блаженной Ксении состоял в устройстве семейного быта христиан. Матери детей были убеждены, что если блаженная приласкает или покачает в люльке больного ребенка, тот непременно выздоровеет. Посему они, завидев Ксению, спешили к ней со своими детьми, прося ее благословить или просто погладить их по голове.

Своим великим смирением, подвигом духовной и телесной нищеты, любви к ближним и молитвой стяжала Ксения благодатный дар прозорливости. Этим своим даром многим она помогала в деле жизненного устройства и душевного спасения.

Так однажды блаженная, зайдя в гости к купчихе Крапивиной, беседовала с хозяйкой и принимала от нее угощение. Жалея молодую купчиху, столь радушно ее принимавшую и предвидя близкую смерть последней, Ксения пожелала сказать ей о необходимости должного христианского приготовления к смерти. Посему, уходя, она во всеуслышание сказала между прочим: «Вот, зелена крапива, а скоро, скоро завянет». Все слышавшие это гости Крапивиной не придали словам Ксении должного внимания, однако позднее, после внезапной скоропостижной смерти молодой купчихи, вспомнили эти слова и весьма были поражены и потрясены.

Известен случай, когда блаженная Ксения заботилась о благе и спасении еще не родившегося младенца. Приходит она как-то к своей давнишней знакомой Параскеве Антоновой, которой подарила свой дом, и говорит: «Вот, ты тут сидишь, да чулки штопаешь, а не знаешь, что тебе Бог сына послал! Иди скорее на Смоленское кладбище!» Параскева весьма смущенно восприняла эту нелепицу, однако послушалась блаженной и пошла. На одной из улиц Васильевского острова, у самого кладбища, она увидела толпу народа и, подойдя, узнала, что какой-то извозчик сбил с ног беременную женщину. Здесь же на земле женщина родила мальчика, а сама скончалась. Все пытались узнать, кто эта женщина и где ее родственники, но не преуспели в этом. Увидев во всем случившемся перст Божий, Параскева взяла мальчика себе и, несмотря на усиленные старания найти отца, должна была в конечном счете усыновить младенца. Она взяла его в свой дом, бывший дом блаженной, и

воспитала по всей строгости христианской жизни. Этот приемный сын до глубокой старости содержал и весьма почитал ее. Параскева же благодарила Бога и рабу Божию Ксению за ее повеление принять на воспитание сына.

Ксения всегда принимала участие в устроении жизни благочестивых христиан. Она часто бывала в семье Голубевых, состоявшей из матери-вдовы и ее семнадцатилетней дочери. Блаженная Ксения очень любила эту девушку за ее кроткий, тихий нрав и доброе сердце. Однажды она неожиданно появилась в дверях их дома как раз в тот момент, когда мать и дочь в столовой готовили кофе.

Обращаясь к дочери, Ксения сказала: «Эх, красавица, ты тут кофе варишь, а муж твой жену хоронит на Охте. Беги скорей туда!»

Девушка была весьма смущена услышанным. «Как так?! – возразила она. – У меня не только мужа, но и жениха-то нет. А тут какой-то муж, да еще жену хоронит?» Услышав все эти возражения, Ксения стала сердито настаивать: «Иди!»

На кладбище мать с дочерью увидели похоронную процессию. Хоронили молодую жену одного доктора, скончавшуюся при родах. Молодой вдовец все время безутешно рыдал, а увидев могильный холм над прахом супруги, лишился чувств и свалился на руки едва успевшим подбежать Голубевым. Когда он пришел к себя, мать и дочь как могли старались утешить несчастного. Так состоялось их знакомство. Через некоторое время оно возобновилось, а год спустя молодой человек сделал дочери Голубевой предложение. Брак их оказался счастливым. Быть может, не без молитвенного заступления блаженной прозорливицы прожили они долгую тихую и благочестивую жизнь и, умирая, заповедали чтить память ее и следить за ее могилкой.

Еще при жизни своей блаженная Ксения была многим христианам скорой в бедах помощницей. Как-то раз встретила она одну благочестивую женщину, свою знакомую, и, остановив ее, вручила ей медный пятак с изображением всадника и сказала: «Возьми пятак, тут царь на коне; потухнет». Ничего более не добавив, она пошла дальше. Обескураженная

женщина отправилась домой, недоумевая, что бы могли значить слова Ксении. Едва выйдя на свою улицу, она с ужасом увидела, что в ее доме начался пожар. Но не успела она еще даже добежать до поглощаемого пламенем строения, случилось чудо – по милости Божией огонь удалось остановить, людская помощь подоспела вовремя. Тут только поняла женщина, что означали слова блаженной: «Возьми пятак, потухнет!»

Юродивая Ксения в подвиге юродства подвизалась 45 лет; можно утверждать, что блаженная отошла ко Господу в самом начале XIX века; есть мнение, что Ксения преставилась около 1803 года. Погребена была святая угодница Божия на Смоленском кладбище Петербурга, где в свое время она помогала строить церковь в честь иконы Божией Матери, именуемой Смоленская. Отпевание добровольной страдальницы совершалось в церкви апостола Матфия.

Чудеса, творимые блаженной, не прекратились и после ее смерти. Так, в одной семье перед намечавшейся свадьбой невеста и ее мать отслужили панихиду на могиле блаженной Ксении; свадьба сейчас же расстроилась, так как публично обнаружилось, что жених является преступником и убийцей, бежавшим с каторги.

Некто А. А. Романов был смертельно болен; и вот супруге его, сидевшей ночью у постели больного, явилась в видении старая женщина, назвавшаяся Ксенией, которая сказала, что муж ее выздоровеет и что будущий их ребенок будет девочкой, а назвать ее следует Ксенией. Все так впоследствии и произошло.

Случалось, что в моменты панихид и молебствий на могиле блаженной Ксении она являлась молящимся в виде старой женщины с посохом в руке. Если видение случалось виновнику бедствий, то вид этой женщины был грозен и повеления непререкаемы. Например, одному человеку, страдавшему сильной приверженностью к страсти винопития, но за которого молились усердно мать и жена, Ксения явилась в видении и сурово сказал: «Брось пить! Слезы матери и жены твоей затопили могилу мою! Встань!»

Со дня кончины блаженной Ксении прошло около двух веков, однако творимые по молитве сей угодницы чудеса не иссякают и народная память о ней не исчезает.

В первые же годы после ее кончины на могилу блаженной стало стекаться множество людей, которые часто брали после панихиды землю с ее могилки в память о святой.

Постепенно весь могильный холм оказался разобран, пришлось насыпать новый, но и этот был разобран. Тогда положили на могилу мраморную плиту, но почитателей блаженной и это не остановило – плита разбивалась и частицы ее разносились во все концы России. Разбирая землю и ломая плиты, почитатели блаженной оставляли на могиле денежные пожертвования, которыми пользовались нищие.

Не прекращались чудеса от блаженной, которая по-прежнему оставалась помощницей христиан в бедах и болезнях. Например, благочестивое предание доносит до нас и рассказ о таком случае. В жаркие летние месяцы одна семья, в которой было двое детей, оказалась вдали от родного дома и в весьма тяжелых обстоятельствах. Глава семейства, муж женщины, поведавшей об этом чудесном заступлении блаженной Ксении, опасно заболел. Ему становилось все хуже и хуже, лекарства не помогали, болезнь усугублялась. Через три месяца, когда палящее южное солнце, царившая кругом невыносимая жара и духота совсем подорвали здоровье больного, он уже был не в состоянии даже разжимать губы и принимать пищу. Дни его, казалось, были сочтены. Что произошло дальше, рассказывает его жена.

«Доктор, уходя, как-то странно посмотрел мне в глаза и сказал: «Я приду завтра утром». Я поняла, что это конец. Я отвела детей к соседям, жившим через два дома от нас. Мне хотелось тишины и молитвы. Жара стояла нестерпимая, удушающая. Я открыла все двери для движения воздуха. Мысли самые отчаянные и горестные одолевали меня. Помимо скорби от потери верного друга пугала перспектива остаться одной с малыми детьми. Если бы я была сейчас дома, я бы поехала на Смоленское кладбище к блаженной Ксении. Там, припав к ее могиле, выплакала бы свое горе. Шум

захлопнувшейся калитки прервал мои думы. «Кто-то вошел к нам в сад», – подумала я. В это время в проеме открытой двери бесшумно появилась странная гостья. Лета ее нельзя было определить, но самым странным был ее наряд. Теплые мягкие валенки, длинная шуба особого покроя, вся в сборках, а на голове большой белый пуховый платок; концы его были закручены на шее. Так, верно, носили глухой зимой женщины-простолюдинки. Вся она была необыкновенно привлекательна. «Голубка, скажи мне, где живут Пироговы, я ищу их?» – сказал она. «Через два дома», – ответила я. «А что, твой-то плох?» – спросила она, указывая на дверь, где лежал больной. Она бесшумно прошла мимо меня к больному.

С минуту посмотрела она на него. «Слушай, голубка! – сказала она, подходя ко мне. – Не печалься! Вчера тут приезжал один важный доктор, такой ученый, что страсть. Он говорил, что больного надо кормить все же каждые полчаса всего лишь понемногу, по две ложечки. Ну, там, молока, чаю, каши, а там уж сама что придумай». – «Да он уже третий день губ не разжимает», – ответила я. – «Ничего, ничего, ты попробуй! Ну, прощай, мне пора». Она исчезла. На этот раз даже калитка не хлопнула. Я вышла на балкон. Вправо и влево далеко была видна улица, залитая палящим солнцем, но моей зимней гостьи не было видно. Тут только я поняла всю несообразность ее зимнего наряда при этой нестерпимой жаре. Я подошла к больному. Муж открыл глаза и чуть слышно попросил пить. Дрожащими руками я поднесла ему чашку чая, еще не решаясь верить, что этот слабый проблеск жизни есть намерк на выздоровление.

«Кто подходил ко мне?» – спросил больной. Я не знала, что ответить. «Одна незнакомая женщина», – говорю ему. Муж глубоко вздохнул, точно выдохнул какую-то тяжесть. «Мне легче. Кто подходил ко мне?» – сказал он, засыпая.

Вернулись дети. Я спросила их, не приходила ли женщина в шубе и валенках, закутанная в платке к Пироговым. Дети сказали, что никакой женщины не видели и вообще не видели, чтобы кто-нибудь заходил.

Я подошла к мужу с чашкой молока. Он встретил меня со слабой улыбкой на изможденном, исхудалом до неузнаваемости лице. Он отпил полчашки молока и опять спросил меня: «Кто приходил ко мне?» Я ему, как могла, объясняла появление таинственной гостыи и прибавила, что сейчас пойду к Пироговым и узнаю, кто она, так как она их искала.

Я пошла к Пироговым и стала спрашивать о женщине в валенках и шубе, которая искала их. К ним, оказалось, никакая зимняя гостыя не приходила, и они начали подшучивать и острить надо мной. В такой жаре и появиться в шубе и в валенках! Верно какая-нибудь «блаженная», или вам привиделось.

Не добившись ничего, я вернулась домой. Муж уже сидел на кровати, опираясь на подушку. «Ну, что узнала?» – был его первый вопрос. – «Нет, ничего не узнала, ее там не было». – «Так слушай меня, – говорит муж, – ведь я умирал и я сознавал, что умираю. У меня не было сил ни открыть глаза, ни позвать тебя, и силы оставляли меня. Вдруг я почувствовал, что кто-то подошел ко мне, и на меня вдруг повеяла какая-то живительная прохлада. Это был миг: я силился схватить струю этой прохлады. Теперь я знаю, что поправляюсь. Ты молилась; кого же ты звала на помощь?» – «Блаженную Ксению», – сказал я и разрыдалась. Когда мой муж окончательно поправился, он стал наводить справки, какой доктор был проездом в то время. Оказалось, никакой доктор не проезжал и зимней гостыи никто не видел. Я же в душе храню, что блаженная Ксения являлась ко мне на мой зов».

В 1902 году над могилой блаженной Ксении была построена новая часовня с мраморным иконостасом и надгробием.

Могила блаженной Ксении находится посреди часовни; часовня была украшена прекрасной иконой Распятия Спасителя на кресте, а по стенам установлены иконы, пожертвованные разными лицами по тому или иному случаю, некоторые из них с венчальными свечами.

Часовня была всегда открыта для совершения панихид; по свидетельству священников, нигде не служилось столько панихид, сколько на могиле блаженной Ксении.

Над входом в часовню с наружной стороны была сделана надпись: «Раба Божия Ксения». На первоначальной же могильной плите было начертано: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. На сем месте погребено тело рабы Божией Ксении Григорьевны, жены придворного певчего Андрея Феодоровича в ранге полковника, осталась после мужа 26-ти лет, странствовала 45 лет; всего жития ее было 71 год; называлась Андреем Феодоровичем. Кто меня знал, да помянет душу мою для спасения своей души. Аминь».

В начале XX века по благословению митрополита Антония (Вадковского) в память блаженной Ксении на Малом проспекте Васильевского острова был устроен Дом трудолюбия для бедных одиноких вдовиц и сирот-детей, не имеющих крова и возможности заработать себе на хлеб насущный. День памяти блаженной Ксении совершается 24 января/6 февраля.

В настоящее время часовня отреставрирована и вновь открыта для доступа и молитвы.

Блаженная Ксения канонизована за святость жизни, проявившуюся в глубокой любви к ближним, в смирении, терпении, кротости и прозорливости, на основании большого количества чудес, совершающихся по молитвам блаженной, а также не прекращающегося народного почитания.

Январь, 26

Давид III Возобновитель, благоверный царь Иверии и Абхазии

Святой благоверный Давид III Возобновитель, царь Иверии и Абхазии (1089–1125; по другим источникам, 1084–1125; в современных изданиях Давид IV Строитель) – выдающийся государственный, культурный и церковный деятель Грузии. Был воспитан своим духовником – преподобным Арсением Икалтойским, известным богословом и ученым-энциклопедистом († 1127; память 6/19 февраля).

Наименование «Возобновитель» дал святому царю Давиду грузинский народ за его великие труды по восстановлению Грузии и укреплению Грузинской Православной Церкви. Грузия, безжалостно опустошенная турками, страдавшая от междоусобиц, под скипетром Давида Возобновителя объединилась в сильное централизованное государство. Грузинская Церковь, в процветании которой царь видел залог незыблемости и единства государства, являлась предметом его особого попечения. Святой Давид отличался глубоким благочестием, свято чтит церковные каноны и своей властью охранял и утверждал их. По инициативе святого Давида Возобновителя в 1103 году был созван церковный Собор в Руиси, постановления которого содействовали укреплению канонической жизни Церкви и утверждению церковного благочестия.

Человек высокообразованный, святой Давид поощрял развитие наук. Он основал Гелатскую и Икалтойскую академии. В царствование святого Давида Возобновителя в Грузии были воздвигнуты десятки храмов и монастырей, создавались новые и расширялись старые города. Много забот уделял благоверный царь благосостоянию и процветанию грузинских обитателей в Палестине и Синае, Антиохии и на святой горе Афон. Когда святой Давид решил воздвигнуть храм во имя великомученика Георгия, к помощи которого он постоянно прибегал в своих освободительных битвах, то святой Георгий явился ему в видении и указал место постройки храма.

Понимая миротворчество как осуществление заповеди Господней, царь Давид примирил кипчакского хана Атрака с осетинами и водворил мир в Дарьяльском ущелье.

В 1123 году, незадолго до кончины, благоверный царь освободил Армению от турецкого засилья. Он повелел вновь освятить храмы, превращенные турками в мечети. По преданию, когда царь подошел в одном из храмов ко гробу своей бабки, супруги армянского царя Гагика I, и сказал: «Радуйся, царица! Бог избавил храм твой от агарян», – внезапно послышался глас: «Богу благодарение». Забота царя Давида о воссоединении с Армянской Церковью выразилась в созыве церковного Собора в городе Ани, на котором часть армянских епископов-монофизитов склонилась к принятию Православия (однако в целом Собор не привел к желаемым результатам). Патриотические подвиги святого Давида не мешали ему совершать подвиг духовный. С юных лет святой имел основу премудрости – страх Божий, побуждавший его к добрым делам и намерениям. Любимым занятием святого Давида было чтение Священного Писания. О его высокой духовности свидетельствует составленный им «Покаянный канон», состоящий из девяти скорбных и умилительных песней.

Почувствовав приближение смерти, святой царь Давид составил духовное завещание, в котором, передавая управление страной своему сыну Димитрию, писал: «Ныне Промыслом Правосудного Бога отзываюсь я, а на царство наследственное призывается он. Все совершил я силою Честного Животворящего Древа и ему вручаю это осчастливившее меня Знамение». Причастившись Святых Таин, «со славословием на устах он предал свою душу Господу на 53-м году жизни, в субботу 24 января 1125 года». Царь был погребен в Гелатском монастыре, при входе в привратную церковь. Спустя некоторое время мощи его, прославленные знаменами милости Божией, были перенесены под престол соборного храма. В конце XIII века святой царь Давид III Возобновитель был прославлен, тогда же ему была составлена служба. Память его совершается 26 января/8 февраля.

Январь, 28

Феодосий Тотемский, преподобный

Преподобный Феодосий родился в первых десятилетиях XVI века в городе Вологде в благочестивой семье Сумориных. Отец его Иулиан воспитал сына в страхе Божием и научил его грамоте. Грамотность открыла отроку доступ к церковным и душеполезным книгам и очень рано расположила его к мысли посвятить свою жизнь Богу в иноческом чине.

В то время в окрестностях Вологды было уже много иноческих обителей и благочестивому юноше нетрудно было найти себе место подвигов. Но Феодосий оставался в доме родителей до совершенного возраста и по воле родителей вступил в брак. От этого брака он имел дочь Марину, впоследствии бывшую в замужестве за одним вологжанином. Супружество Феодосия, любовь его к жене и дочери немало не препятствовали возрастанию его в духовной жизни. Усердно посещая храм Божий, Феодосий всем сердцем погружался в молитву и поэтому избегал стоять в толпе, становился где-либо в углу храма или за столбом. При такой сосредоточенности он принимал к сердцу услышанные в храме Божественные слова и размышлял о их значении. Особенно запало ему в сердце изречение Господа: *Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин, и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин. И иже не приимет креста своего и в след Мене грядет, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37–38). Повинуясь воле родителей и живя в супружестве среди мира, Феодосий надеялся достигнуть высоты нравственного совершенства, а слова Евангелия побуждали его спрашивать себя, совмещается ли с истинной любовью к Богу врожденная и естественная привязанность его к самым близким людям. Он волновался до слез, разрешая это недоумение, много размышлял и молился. Нетрудно понять, к какому решению он должен был склониться, как только начали падать узы, привязывавшие его к миру. Скончались родители Феодосия, по-видимому, и супруга его оставила этот мир, осталась дочь Марина и наследственное имущество. Феодосий упросил

родственников взять Марину на попечение, а равно сберечь для нее и семейное его достояние.

Колебания окончились. Феодосий оставил мир и пошел в ближний Прилуцкий монастырь просить у настоятеля иноческого пострижения. Прилуцкий игумен, знавший благочестие Феодосия, согласился исполнить его просьбу: не подвергая его обычному испытанию, он постриг его в монахи и поручил опытному старцу. Новый инок предал себя воле наставника. По его приказанию он прошел все тяжелые монастырские послушания: рубил дрова, носил воду, молол муку, пек хлебы, трудился в поварне и все исполнял с усердием и любовью, стараясь услужить каждому из братии, и в то же время успевал первым прийти в церковь к богослужению и не упускал ни одного правила. Пищей подвижника были хлеб с водой, и то в меру. Поставляя себе в образец основателя обители преподобного Димитрия, Феодосий каждый день приходил к его гробу и со слезами молился, чтобы получить силы подражать древнему подвижнику.

Неизвестно сколько времени провел преподобный в Спасо-Прилуцкой обители. Потом он послан был игуменом в Тотьму на соляной завод смотрителем за монастырскими варницами.

После усердной молитвы у гроба преподобного Димитрия, приняв благословение игумена, преподобный Феодосий отправился в Тотьму и с усердием принялся за исполнение порученного дела. Управление его было таково, что Прилуцкий монастырь никогда не получал от варниц столько выгоды, как при нем. Феодосий, по замечанию древнего жизнеописателя, был тих, кроток, милостив и добродетелен ко всем, особенно же к слугам, трудившимся на варницах. В своем смотрителе они встретили отца и благодетеля, готового всегда им помочь, и стали смотреть на него как на Ангела Божия.

Исполняя монастырское послушание среди хлопот и суеты, преподобный Феодосий желал уединения, а потому все чаще и чаще приходил к мысли: или возвратиться самому в монастырь, или же устроить монастырь здесь, в Тотьме. В то время жители старого посада переселялись от варниц за две версты на берег реки Сухоны, где ныне стоит город Тотьма, и с удалением их на

заводе стало меньше шума и молвы житейской. Так подготовлялось устройство монастыря. Притом же потребность в обители была: близ Тотьмы монастыря не было. Преподобный начал искать место около города по горам и дебрям, много исходил мест и нашел, что монастырь было бы лучше всего построить на возвышенном месте, омываемом двумя речками, Ковдой и Песьей Деньгой, и окруженном высокими лесистыми горами. Земля эта принадлежала некоей вдове Марии Григорьевне Истоминской. Преподобный пошел к Марии с просьбой отдать землю для устройства на ней монастыря, и та с радостью уступила землю по особой дарственной записи, сохранившейся до наших дней.

Тогда Феодосий отправился в Прилуцкий монастырь и стал просить игумена об увольнении от смотрительской должности на соляных варницах и о благословении построить новый монастырь на избранном им месте. Игумен Арсений, управлявший тогда Прилуцким монастырем, не захотел препятствовать его благочестивому намерению и, преподав ему наставление, с молитвой и благословением отпустил его.

Феодосий возвратился в Тотьму, поставил на избранном месте крест и вознес пламенную молитву, прося Божия благословения на предпринятое дело. Укрепившись молитвой, он принялся за устройство себе жилища. Сперва шалаш из хвороста, потом землянка для защиты от зимнего холода, наконец, деревянная келлия были изготовлены собственными трудами преподобного. Население Тотьмы и окрестных деревень, знавшее и любившее Феодосия еще на варницах, услышав о поселении его между речками Ковдой и Песьей Деньгой и о намерении основать здесь монастырь, приходило к нему с выражением своей духовной радости и приносило все необходимое для жизни. Усердие простиралось до того, что некоторые отдавали на будущий монастырь свои паи в варницах, соседние поля, пожни и разные угоды. Видя такое усердие населения, Феодосий просил написать челобитную царю о дозволении построить монастырь. Челобитная была написана и в ней говорилось: «На Тотьме и во всем Тотемском уезде нет монастыря, и если бы кто при старости или при

смерти захотел принять постриг, учинить сие негде. А желает у них на Тотьме церковь воздвигнуть, и монастырь строить, и в том монастыре строить старец Феодосий Суморин». Тотемцы просили царя Иоанна Васильевича исполнить такое их желание. Преподобный был отправлен с челобитной в Москву к царю и митрополиту и 20 февраля 1554 года получил несудимую грамоту, каковой государь дал дозволение на построение обители на избранном месте и освободил будущую обитель от суда тотемского наместника. Митрополит Макарий со своей стороны приказал Ростовскому архиепископу Никандру выдать Феодосию грамоту на построение храма и снабдить его всем потребным для его освящения. На обратном пути Феодосий не преминул поклониться гробу преподобного Димитрия в Прилуцком монастыре, от игумена которого получил в благословение икону Божией Матери, известную и доселе в обители под именем Суморинской чудотворной.

По возвращении в Тотьму преподобный немедленно приступил к построению монастыря и в течение одного года, при помощи соседних жителей, поставил деревянную церковь в честь Преображения Господня, трапезу, келлии для братии и другие необходимые для общежития службы и постройки. Монастырь скоро наполнился иноками. Чтобы насельники не оставались в праздности и обитель не терпела нужды в самом необходимом, попечительный строитель озаботился приобрести покупкою мельницы на Песьей Деньге и лежащий против нее на том берегу сенный покос, также овин и гумно, а в 1555 г. выхлопотал царскую грамоту на владение в тотемских солеварнях своими трубами и на беспошлинную продажу добытой там соли.

Хозяйственная распорядительность преподобного Феодосия и его неутомимое трудолюбие расположили Ростовского владыку поручить ему восстановление запустевшей Ефремовой пустыни, лежавшей в займище Левонидовом на реке Реже, в той же Тотемской округе. Феодосий возобновил названную обитель и собрал в нее братию.

Но не одним хозяйством монастыря занимался преподобный. Всегда в молитве и труде, он был неизменным

образцом и воплощенным назиданием для братии. Примечательно и то, что сам получивший достаточное образование и любивший чтение, преподобный усиленно располагал и братию к духовному просвещению. Для этого он собирал в своей обители, кроме богослужебных, учительные книги и преимущественно святоотеческие творения и составленные из творений сих извлечения, каковы Ефрем, Златоуст и подобные. За всем тем, строитель и начальник двух обителей, всем почитаемый и любимый, по своей скромности не решился принять на себя священного сана и до конца оставался рядовым монахом – схимником. Та же личная скромность или естественное смирение были причиной, что никто никогда не знал тайных подвигов его, этих вериг и власяницы, которые он возложил на свое тело, лишь только сделался начальником монастыря.

Пятнадцать лет прожил преподобный в устроенной им Тотемской обители. Предвидя скорую свою кончину, он созвал братию и приказал записать духовное его завещание о том, как управлять монастырем после его смерти. Духовная преподобного сохранилась до нашего времени. Здесь всего поучительнее смиренная вера подвижника, которому в жизни так удавались все начинания. Необходимость церковной молитвы за усопших, каким праведниками ни казались они при жизни, изъясняется в завещании со всей настойчивостью. Назначив денежные вклады на помин своего рода и себя самого «десять рублей на Прилук к Спасу, да в Тотьме по престолом по всем сорокоустам по полтине», умирающий убеждает остающихся в живых неизменно поминать завещателя и род его, дабы и самим молитвенникам получить прощение от Бога. Духовная была составлена 19 декабря 1567 года, когда преподобный еще держался на ногах. Но вот пришли рождественские праздники и он перестал совсем выходить из своей келлии. Тогда подвижник снова собрал к себе всю братию и, возвестив им о скором своем отшествии, преподал последние наставления, благословил и простился со всеми, обнимая и целуя каждого, как чадолюбивый отец, и у всех прося себе прощения и молитвы.

Наступило 28 января 1568 года. Старец в полном сознании приобщился Святых Таин и, творя молитву, тихо скончался, как бы погружаясь в глубокий сон. Когда братия, следуя обычаю, приступили к омовению тела усопшего, тогда только с изумлением увидели, что на самом теле его под одеждой надета власяница и тяжелые вериги, уже врезавшиеся в его тело, о чем никто прежде и не подозревал, никогда не замечая на лице начальника ни тени страдания или изнурения.

Честное тело преподобного Феодосия было погребено с великой честью и многими слезами в созданном им монастыре. Над его могилой была положена каменная плита с соответствующей надписью.

Так как преподобный Феодосий и при жизни своей лично просил, и в своей духовной завещал братии поминать его в молитвах, то по кончине его братия, а с ними и почитатели почившего не оставляли служить по нем панихиды. Вошло в обычай и у всех странников и богомольцев, посещавших обитель, молиться об упокоении ее устроителя. Общее почитание и память о богоугодной жизни и трудах почившего располагало многих просить самого преподобного о молитвенном заступлении пред Богом.

И по вере молящихся, по предстательству преподобного Феодосия, скоро начался непрерывающийся и доныне поток чудесных знамений и исцелений от гроба. Так, в 1606 году, через 38 лет по преставлении преподобного, когда еще живы были и в монастыре, и в городе люди, знавшие его лично, девица Ирина, дочь одного тотемского жителя, полтора года лежавшая в расслаблении, однажды увидела во сне монаха с иконой Богоматери в руках, который приказал ей идти в монастырь и отправить молебен Спасителю и Божией Матери и обещал исцеление от болезни. Когда это было исполнено, больная стала здорова, как бы никогда и больна не была. По ее рассказам о наружности явившегося ей инока все узнали в нем Феодосия.

Когда слух о чудесном исцелении расслабленной распространился в окрестности, одна женщина из деревни Фетино привела в монастырь свою дочь Иустину, уже много лет

ничего не видевшую, и просила совершить о ней молебное пение Спасителю и Божией Матери. По окончании молебна слепая приложилась к гробнице преподобного, и мать с дочерью испросили у настоятеля позволение остаться на ночь в церкви для молитвы. Под утро, когда обе они молились со слезами у гробницы преподобного, им слышался необыкновенный шум, так что они пали от страха на землю и лежали как мертвые. Мать Иустины первая пришла в себя и слышит, что кто-то разговаривает за стеной церкви. Поднявшись, она подходит к окну и видит двух иноков, идущих к церкви и беседующих.

«Куда идешь, брат, и что несешь?» – спрашивал один другого. – «В церковь, несу освященную воду, чтобы умыть глаза слепой Иустине». – «Доброе дело!»

Обе женщины с усиленной мольбой припали к гробнице. Иустине слышится пение, чувствует она, что ее кропят водой итирают глаза ее губкой и покровом с гробницы, слышит она около себя движение, но ничего не видит. Но вот движение и пение прекратилось, и слепая прозрела. Женщины не утаили ничего из ночных происшествий, и все прославили Бога и чудотворца Его – преподобного Феодосия.

Вскоре в обитель приведен был крестьянин Корнилий, три года страдавший тяжелой душевной болезнью. Одержимый в припадках болезни неоднократно покушался на самоубийство. Приведшие его просили отслужить молебен Спасителю, Божией Матери и преподобному Феодосию. Больного приложили к гробнице, и он стал здоровым.

Женщина, по имени Татиана, была в таком расслаблении, что не владела ни одним членом своего тела. Еле живую привезли ее в монастырь, принесли в церковь и положили возле гробницы преподобного. С великим усердием и слезами она стала молиться и вдруг почувствовала себя совершенно здоровой.

Монах Тотемского монастыря Уар долгое время не мог встать с постели от болезни и, не получая облегчения от принятых мер, просил братию отнести его к гробу преподобного Феодосия. Братия исполнили его желание, и Уар, лежа на постели, стал со слезами молиться чудотворцу. Во время

молитвы он вдруг почувствовал себя здоровым, от радости вскочил на ноги и начал славить и благодарить Бога и Его угодника. Услышав об этом, игумен и братия пришли в церковь и с изумлением увидели Уара, которого за час перед тем принесли на одре едва живого, здоровым, как будто он и не был болен.

Боярыня Ирина Головачева, жена тотемского воеводы, впала в столь тяжкую болезнь, что лишилась рассудка, рвала на себе волосы, бросала кругом дикие взоры и говорила безумные речи. Воевода, услышав о чудесах преподобного Феодосия, приказал отнести ее в монастырь и положить при гробе, а о больной просил отслужить молебен с водосвятием. Как только по окончании молебна игумен осенил ее крестом и окропил святой водой, больная почувствовалась, сама встала с одра, приложилась ко гробу преподобного и ушла совершенно здоровой.

Григорий Болонин, писец тотемской приказной избы, находясь в Москве, сделался так нездоров, что уже отчаялся в жизни, так как и день, и ночь непрестанно шла у него носом кровь. Готовясь умереть, он исповедовался и причастился Святых Таин. В ту же ночь ему является во сне преподобный Феодосий с иконой в руках; трижды махнув ему рукою, он как бы песком посыпал на него и сказал: «Восстань!» Пробудившись, Болонин почувствовал себя здоровым.

Григорий Евтихийев Фирсов, тотемский дьяк, будучи в Москве по делу о писцовых книгах, тяжело заболел; все лицо его покрылось струпьями, из которых тек смрадный гной. Испробовав все врачебные средства и не получив облегчения, Фирсов вспомнил о преподобном Феодосии и пожелал поклониться его гробу. Однако и болезнь препятствовала ему ехать, и книги были не окончены. Тогда во сне является к нему сам преподобный, берет его за руку, несет в Тотьму в дом его матери и говорит ей: «Прими своего сына исцеленного от злого недуга».

В ужасе просыпается дьяк и не может понять, что означает виденный им сон. По привычке трогает он руками свое больное лицо и не находит ни одного струпа, а во всем теле чувствует

силу и здоровье. И уразумел он помощь преподобного, обрадовался и возблагодарил Бога за свое исцеление.

Много было и других чудесных исцелений по молитвам преподобному Феодосию. Наблюдая все это, игумен Спасо-Суморина монастыря Галактион просил тотемского иконописца Иакова Попова написать образ преподобного. Попов в 1626 г. изобразил преподобного Феодосия по рассказам одного столетнего старца, который знал Феодосия еще при жизни. В 1635 г. был написан образ большого размера и положен на раке, над которой была устроена сень. В 1655 г., в самый праздник Крещения Господня, во время освящения воды на реке произошел пожар от упавшей свечи. Пожар с трудом затушили и к общему изумлению оказалось, что сгорел пол и окружавшая гробницу решетка, а сень, образа и покровы остались целыми. И это происшествие было понято, как новое указание свыше, что преподобный Феодосий угоден Богу. Толпы богомольцев, направлявшиеся к нашим святыням на севере, приняли за обычай бывать в Спасо-Суморинском монастыре, а ищущие небесной помощи при посредстве молитв угодников Божиих находили в этом монастыре отраду, утешения и исцеления от болезней. Император Петр I во время путешествия своего в Архангельск 17 июля 1693 года посетил обитель Феодосиеву и возложил на изображение преподобного, находившееся на его гробнице, янтарный крест. В 1729 г. была уже составлена и служба преподобному Феодосию, на память его преставления, и отправлялась в обители, в Тотьме и во всей окрестности. В это время установлено было местное празднование прп. Феодосию в его монастыре.

Обретение нетленных мощей преподобного послужило поводом к его общецерковному прославлению. Надгробная плита с надписью над могилой преподобного Феодосия со временем от бывших пожаров оказалась разбитой. Когда число притекающих с молитвой к преподобному умножилось, в самой церкви была поставлена рака, на ней возложен образ преподобного, а над ракой воздвигнута сень. Но деревянные церкви в монастыре не один раз подвергались пожарам. В конце XVIII века рака с образом преподобного стояла в

холодной Вознесенской каменной церкви, построенной в 1757 г. С церковными перестройками и перенесениями раки с образом преподобного из одной церкви в другую, со сменой монастырских насельников было утрачено точное предание о месте погребения преподобного Феодосия.

Каменная Вознесенская церковь в 1795 году была разобрана, и в следующем году начали копать рвы для постройки новой церкви по другому плану. Приняты были меры предосторожности, чтобы при копании не потревожить гроба преподобного, который предполагался под тем местом, где в старой церкви стояла рака с иконой. Но по слабости грунта земля с того места сползла в выкопанный по соседству для фундамента ров, причем ни гроба, ни костей на том месте не оказалось. Когда же стали копать ров с западной стороны прежней церкви, то 2 сентября нашли гроб, лежавший поперек рва, и так как он препятствовал дальнейшей работе, то хотели перенести его на другое место, как это делали с другими гробами, найденными при той же работе. Стали поднимать гроб веревками, нечаянно задели за крышку, и гроб открылся. Тогда увидели в нем покрытое схимой тело, у которого голова, руки, весь состав и одежды были целы. По вышитым на схиме словам было видно, что это тело преподобного Феодосия Суморина, основателя монастыря. Строитель монастыря Израиль приказал найденный гроб с телом заделать со всех сторон досками и поместил его в нарочито устроенную деревянную часовню, запер ее замком, а о происшествии донес своему духовному начальству. Немного спустя гроб с телом преподобного Феодосия был зарыт в землю; наконец, поставлен в нишу стены Преображенской церкви.

Со времени погребения преподобного прошло более двухсот лет. Многочисленные чудеса, совершавшиеся по молитвам угодника Божия, издавна соделали имя его святым, почему и церковная служба ему отправлялась как признанному святому. Но огласить найденное в 1796 году нетленное тело подлинными мощами преподобного Феодосия без нарочитого и обстоятельного исследования признано было со стороны церковной власти несвоевременным. Поэтому в течение двух

лет найденное тело оставалось недоступным богомольцам, но подвергалась троекратному освидетельствованию духовными лицами епископов и пресвитеров по особым назначениям Святейшего Синода, а заявление о чудесах, в течение этого времени бывших в обители преподобного, подлежали строгой проверке. Наконец Святейший Синод, приняв в уважение троекратное свидетельство мощей, многочисленные исцеления, от них последовавшие, всеобщее возрастающее к ним усердие народа, а также святое и богоугодное житие преподобного, определил: обретенное в 1796 году в Тотемском Спасо-Суморинском монастыре нетленное тело огласить за совершенные преподобного Феодосия, Тотемского чудотворца, святые мощи, с празднованием по прежнему тамошнему установлению.

Император Павел I по сему поводу 28 сентября 1798 г. писал: «Утверждаясь на донесении, полученном Нами от Святейшего Синода о явлении чудотворных мощей Вологодской епархии, в Тотемском Спасо-Суморинском монастыре, преподобного Феодосия Тотемского, ознаменовавшихся благодатью в исцелении недуг с твердым усердием к ним прибегающих, приемлем Мы явление святых мощей знаком отличного благословения Господня на царство Наше и, воссылая за то наше теплое моление и благодарение Благодетелю в вышних, препоручаем Святейшему Синоду учинить о сем знаменитом явлении оглашение повсеместное в государстве Нашем по обрядам и преданиям Церкви и святых отец». Таковое оглашение произведено было печатными указами Святейшего Синода от 30 сентября.

В Тотьме, по получении указа Святейшего Синода, была снята деревянная часовня над гробом преподобного, но самый гроб еще не был открыт. Для чествования на него был возложен образ преподобного Феодосия. Но вот 28 декабря прибыл в монастырь епархиальный епископ Арсений, осмотрел еще раз святые мощи и позаботился о изготовлении богато украшенной кипарисовой раки, куда 31 декабря и был поставлен гроб с нетленными останками преподобного. Лицо его было покрыто схимой, а для прикладывания оставлено отверстие над правой

рукой. Новый 1799 год начался для Тотьмы светлым праздником в честь преподобного Феодосия перед открытыми его святыми мощами. Ныне эти мощи почивают в каменном главном Вознесенском храме под аркой, открытой в северный придел, посвященный преподобному Феодосию. Чудесные исцеления, начавшиеся при гробе прп. Феодосия вскоре за его кончиною, во множестве происходившие в дни обретения мощей его, продолжаются и доньше.

В монастырской книге записано 146 чудес, совершенных прп. Феодосием, и записывать последующие чудотворения уже давно перестали.

Георгий, брат преподобного Ефрема Новоторжского

Из жития преподобного Ефрема известно, что он вместе со своими братьями – преподобным Моисеем Угрином († ок. 1043; память 26 июля/8 августа) и святым Георгием Угрином – переселился на Русь из Венгрии. Все трое поступили на службу конюшими к святому князю Борису (память 2/15 мая и 24 июля/6 августа), сыну святого равноапостольного Владимира. Святой страстотерпец князь Борис был умерщвлен на реке Альте по приказанию князя Святополка Окаянного в 1015 году. Вместе с ним принял смерть от руки убийцы и верный его слуга Георгий Угрин. Убийцы отрезали ему голову, чтобы снять золотую гривну, которую он носил на шее. Преподобному Моисею удалось спастись бегством, и он, впоследствии приняв монашество, поступил в Киево-Печерский монастырь. Прп. Ефрем горько плакал, прибыв на место убийства. Он нашел отсеченную главу своего брата Георгия и взял ее с собою. 28 января 1053 года прп. Ефрем отошел ко Господу. Тело его с подобающей честью, под пение скорбных псалмов было погребено в основанной им обители. И согласно завещанию преподобного, честная глава брата Георгия была положена в одну с ним гробницу.

Ефрем Новоторжский, преподобный

Преподобный Ефрем, как передает житие его, был родом венгр и доводился родным братом прп. Моисею Угину († ок. 1043; память 26 июля/8 августа), а также Георгию, любимому и преданному отроку святого князя Бориса (память 2/15 мая и 24 июля/6 августа). Оставив свое отечество, преподобный вместе с братьями поступил на службу к святому Борису. Когда 24 июля 1015 года князь был умерщвлен подосланными Святополком Окаянным убийцами, а родной брат прп. Ефрема Георгий обезглавлен ими ради золотой гривны, возложенной на него святым князем, прп. Ефрем, находившийся в то время в отсутствии, пришел на берег реки Альты и искал тело убитого брата. Но нашел он лишь одну главу Георгия и взял ее с тем, чтобы завещать потом положить с собою в одну гробницу. Вскоре после того преподобный оставил мир и поселился в уединенном месте на берегу реки Тверцы, недалеко от городка Торжка или от того места, где возник он. На свои средства преподобный Ефрем построил здесь странноприимный дом и принял на себя подвиг страннолюбия, распространенный среди благочестивых и нищелюбивых людей Древней Руси. Когда открыты были мощи святых страстотерпцев Бориса и Глеба и установлено им общецерковное празднование, в 1038 году преподобный построил храм во имя мучеников Христовых и при нем основал монастырь, в котором подвизался до глубокой старости. Скончался преподобный 28 января 1053 года.

Честные мощи преподобного Ефрема были обретены 11 июня 1572 г. Новгородский архиепископ Леонид, возвращаясь из Москвы в Новгород, посетил тогда для молитвы Борисоглебскую обитель. Настоятеля и братию он спрашивал, где положены мощи чудотворца. Когда показали гробницу святого, архиепископ приказал открыть и самый гроб. Тогда присутствующие увидели тело преподобного нетленным и ощутили благоухание. После этого в 80-х годах XVI века было установлено местное празднование преподобному Ефрему. В настоящее время память угодника Божия чтится общецерковно.

Господь прославил преподобного Ефрема даром чудотворения. Из многих записанных чудес его передадим лишь два.

Бывший царь казанский Эдигер, принявший во святом крещении имя Симеона, получил от царя Иоанна Грозного в удел Тверь и Торжок. Часто посещая Борисоглебскую обитель, он начал благоговейно почитать преподобного Ефрема и решил устроить для его мощей кипарисовую раку. Но поручил он это дело небрежному мастеру, который уронил дерево в раку и сокрушил кость ноги преподобного. В это самое время чудотворец явился во сне настоятелю обители Мисаилу и сказал о небрежности мастера, показывая язву ноги своей, и просил передать царю Симеону, чтобы он переменял мастера. Мисаил поспешил к Симеону, и благочестивый царь не только исполнил волю святого, но и украсил его храм святыми иконами и церковной утварью.

Во времена же Грозного посланы были в Новгород с царской казной Дементий Черемисин и Замятня-Завоплюцкий. Черемисин хотел везти казну водою против течения реки Тверцы; но сам он ехал сухим путем, поручив сопровождать казну Замятне. Царские слуги жестоко грабили по дороге народ и монастыри. Так они собрали много имущества. Доплыв до Борисоглебской обители, Замятня потребовал у братии под царскую казну людей и много запасов. Братия вынуждены были занимать деньги, чтобы ими откупиться. Но когда Замятня плыл по Тверце, обремененный монастырским богатством, он уронил в воду деньги, а сам вдруг смертельно заболел. Дали знать Черемисину. Он ужаснулся, велел нести больного товарища в обитель и сам сопровождал его. Здесь служили молебны святым мученикам; оба плакали о своих грехах и возвратили отнятое у обители серебро. Тогда явился больному старец; укорив его за расхищение обители, он смиростивился и даровал ему исцеление.

Ефрем Печерский, епископ Переяславский

Преподобный Ефрем происходил из боярского рода. Он служил казначеем и управлял хозяйством при дворе великого князя киевского Изяслава (Димитрия) Ярославича (1154–1168). Ефрем был близким к великому князю Изяславу и пользовался особым вниманием при дворе, будучи его любимцем, но тяготился этой шумной и суетливой жизнью.

К этому времени преподобный Антоний Печерский († 1073; память 10/23 июля и 28 сентября/11 октября) уже прославился своими добродетелями по всей земле Русской. Узнал о святой жизни прп. Антония и христолюбивый князь Изяслав. Он пришел к нему с дружиной своей, прося себе благословения и молитв. С этого времени молва о прп. Антонии стала распространяться еще больше; все его почитали, а многие начали приходить к нему и для пострижения. Преподобный Ефрем всей душой любил преподобного Антония и пожелал переселиться к нему в пещеру. В одно время прибыли в Киево-Печерский монастырь прп. Ефрем и блаженный Варлаам, сын боярина Иоанна; и оба они в 1056 году по усиленной и настойчивой просьбе были пострижены в иноки, по благословию прп. Антония, игуменом преподобным Никоном († 1088; память 23 марта/5 апреля).

Много скорбей и душевных страданий пришлось перенести преподобному Антонию из-за пострижения бояр Варлаама и Ефрема от великого князя. Разгневанный князь Изяслав потребовал, чтобы прп. Ефрем возвратился домой, угрожая ему заключением. Князь повелел взять блаженного Никона и также с яростью угрожал отправить его вместе с прп. Антонием и братией в заточение, а самую пещеру их закопать. Видя такой гнев князя, прп. Антоний решил оставить пещеру и идти с братией в Черниговское княжество. Враг всякого добра и ненавистник святых подвижников диавол задумал было разрушить ненавистное ему пещерное селение праведников, для чего употребил все силы своего духовного влияния, чтобы озлобить и разжечь гневом сердце князя против Печерских иноков-подвижников. Но милостью Божией и заступничеством

Всемиловитейшей Царицы и Матери Божией иноки вскоре возвратились в Печерскую обитель. Великая княгиня Мария, родом полячка, узнав о том, что прп. Антоний с братией вышли из монастыря, напомнила мужу о гневе Божиим, постигшем ее отца короля Болеслава, изгнавшего монахов за постриг преподобного Моисея Угрина († 1043; память 26 июля/8 августа и 28 сентября/11 октября). Изяслав убоялся гнева Божия, внял уговорам супруги и снял опалу с монастыря. И место это не только не было опустошено и разрушено, как этого желал враг рода человеческого, но постепенно возвышалось и слава о нем постепенно росла и распространялась по лицу земному.

Преподобный Ефрем, не желая навлекать на обитель княжеской немилости, отправился к тому времени странствовать по святым местам. Посетив святую гору Афон, он поселился в одном из константинопольских монастырей. Здесь святой Ефрем по просьбе преподобного Феодосия († 1074; память 3/16 мая и 14/27 августа) списал Студийский устав и переслал его в Киев. Получив устав, преподобный Феодосий ввел его в Киево-Печерской обители.

По возвращении из путешествия по святым местам прп. Ефрем оставался в монастыре очень недолго. После 1072 года преподобный Ефрем был поставлен епископом в Переяславль и носил титул митрополита. Хиротонисан он был в Киеве при митрополите Киевском Иоанне (1073–1089).

Приняв святительский сан, св. Ефрем с особенным усердием начал строить в своей епархии церкви Божии, и в этом добром деле Бог помогал ему. Он украсил Переяславль многими прекрасными церквами и гражданскими зданиями, по греческому образцу возвел вокруг города каменные стены. Среди прочих, по свидетельству современников, особенно выделялись церковь Архистратига Михаила, надвратные церкви святого великомученика Феодора и святого апостола Андрея Первозванного. Прп. Нестор Летописец († ок. 1114; память 27 октября/9 ноября) пишет: «Заложи (Ефрем) банное строение, сего же не бысть прежде в Руси и град бе заложи камен от церкви святого Феодора». Прп. Нестор под словом «город» понимает здесь ограду церковную, а банным строением

называет особенное здание, где ставили купель для взрослых людей. Святитель Ефрем первый начал строить крестильницы при церквях. Такие здания, до того времени неизвестные в России, действительно бывали при древних церквях христианских (например, в Софийской Цареградской) и назывались баптистирион. Слово «баня» и в Новом Завете употребляется в смысле крещения («баня пакибытия»). Прп. Ефрем завел больницы, где даром лечили бедных. Но все эти прекрасные здания были разрушены и уничтожены во время татарского нашествия.

Сей святитель, как пишут, установил торжествовать 9 мая перенесение мощей святителя Николая из Ликии в итальянский город Бар; ему же приписывается «Сказание» и «Похвальное слово Николаю Чудотворцу». В августе 1091 (1092) года святой Ефрем участвовал в перенесении святых нетленных мощей прп. Феодосия Печерского. Добродетельную жизнь свою святой Ефрем окончил мирной блаженной кончиной в 1096 году (по другим источникам, в 1098 г. или в 1105 г.). Честные мощи его были положены в созданной им церкви, а впоследствии перенесены и погребены в Антониевых пещерах Киево-Печерского монастыря.

Память святого совершается также 28 сентября/11 октября и во 2-ю неделю Великого поста.

Январь, 29

Лаврентий, затворник Печерский, епископ Туровский

В Печерском Патерике повествуется следующее о преподобном Лаврентии. Преподобный хотел идти в затвор, но Печерские отцы не дозволили ему сделать этого, считая подвиги затворничества весьма трудными и небезопасными; тогда он ушел в Дмитриевский монастырь и там затворился. «За крепкое житие» Господь даровал ему благодать исцелений, и он стяжал славу подвижника и чудотворца. Но раз случилось так: привели к нему из Киева одного бесноватого, и преподобный Лаврентий не мог отогнать от него беса; долгое время больной оставался без исцеления; наконец, преподобный велел отвести его в Печерский монастырь. Много бесновался больной во время пути, но не успел он войти в монастырь, как исцелился. Этим исчерпывается краткое сказание Патерика о преподобном Лаврентии. Затем преподобный опять подвизался в Печерском монастыре и отсюда по смерти святого Кирилла, знаменитого духовного писателя и проповедника, был возведен на Туровскую кафедру. В сане епископа он упоминается в летописи под 1182 годом, когда участвовал в поставлении пресвитера Василия в архимандрита печерского. Местное туровское предание говорит, что из бывшего Туровского Борисоглебского монастыря взяты нетленные мощи в Киев. Должно думать, что это мощи святителя Лаврентия. Ныне мощи угодника Божия покоятся в Антониевой пещере, где он подвизался. В каноне Печерским отцам молятся святителю Лаврентию.

Герасим, Питирим и Иона, епископы Пермские

Подобно тому, как Православная Греческая Церковь установила совокупное торжество трем великим святителям: Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту, хотя они жили и не в одно время и скончались в разных местах, – так и древняя Пермская Церковь, подражая Греческой и царствующему граду Москве, издавна установившей одновременное празднество трем святителям 29 января/11 февраля, накануне праздника святителей вселенских вспоминает и прославляет подвиги трех своих архипастырей – Герасима, Питирима и Ионы. Эти три епископа преемственно продолжали апостольские труды великого просветителя Перми – святого Стефана, и святые мощи их покоятся под одной ракой в бывшем их кафедральном соборе в Усть-Выми.

День местно празднуемой общей их памяти – 29 января – установлен по соборному определению святого патриарха Ермогена и повелению царя Василия Иоанновича Шуйского. Об этом свидетельствует надпись на иконе, поставленной над гробницей святителей в Усть-Вымской Благовещенской церкви. Надпись гласит: «Лета 7115 (1607), месяца июня в 8 день, при великом государе, царе и великом князе Василии Ивановиче, всея Руси самодержце, и при Святейшем Ермогене, патриархе Московском, написан бысть сей образ трех святителей Герасима, Питирима и Ионы во славу Святыя Троицы, Отца, и Сына, и Святаго Духа, повелением их, смиренным епископом Иоасафом Вологодским и Великопермским и положен бысть сей образ на гробницах их великих чудотворцев Герасима, Питирима и Ионы».

Время святительских подвигов Герасима, Питирима и Ионы – XV столетие. Блаженный Герасим был поставлен епископом вслед за преемником святого Стефана Исаакием, удалившимся на покой после своего участия на Московском Соборе в марте 1416 года.

Время управления святого Герасима было в высшей степени трудное. Новообращенные зыряне нуждались в

неослабном попечении святителя, легко теряли веру под настойчивым воздействием сильных языческих соседей, особенно вогуличей. Северо-восточная окраина Руси в то время мало защищалась отдаленным московским правительством от набегов полудиких племен и вольницы новгородской и вятской. Откуда был родом блаженный Герасим, когда именно поставлен во епископа и когда прибыл в свою епархию, неизвестно. Древнее местное предание повествует только, что он был святой жизни, с ревностью очищал плевелы, появившиеся на ниве Христовой, и старался глубже вкоренить в сердцах паствы православную веру, не жалея ни трудов своих, ни здоровья. И Господь благословил деятельность ревностного пастыря великим успехом. Митрополит Фотий в 1429 году писал: «Отринув заблуждение и мрак, страна Пермская православно и чисто служит ныне христианскую службу». Успешной деятельности святителя Герасима отчасти благоприятствовали возникшие нестроения у врагов его паствы, диких вогуличей; но когда один из вогулических вождей, по имени Асыка, победил своих соперников, Пермская земля, особенно же поселение по верхней Вычегде, почти пятьдесят лет терпела нападения от этих страшных соседей. Одновременно с тем нижевычегодские поселения грабили новгородцы, а вятчане нападали на живших по Лузе и Сыsole. Святой Герасим ездил на Московские Соборы 1438 и 1441 гг. для участия в разрешении церковных дел. Без сомнения, при этих поездках он ходатайствовал перед великим князем за свою паству и просил ей помощи, милостей и льгот. Ободряемый сочувствием и помощью, ревностный пастырь еще более усилил свою попечительность о епархии. Жители разбегались от врагов и спасались в лесах. Епископ не переставал всех успокаивать и помогать, странствуя по Перми из конца в конец. Новгородцы и вятчане, тронутые его просьбами и увещаниями, возвращали зырянам отнятое у них имущество и даже давали свои пожертвования на пермские храмы и монастыри. Сами свирепые вогуличи уступали просьбам и увещаниям маститого старца и заступника за обиженных и прекращали свои набеги.

Блаженный Герасим скончался посреди неусыпных трудов своих. Больной он возвращался из поездки по церквам, ближайшим к владычному городу.

При обозрении церковей он, видимо, принимал личное участие в церковном богослужении, по крайней мере, с ним были архиерейские священные одежды. И вот уже «на усть-вымском лугу, за мало стадий от соборныя церкви, бысть удушен святой отец за нечто от своих домочадцев, неповинно кончину восприя месяца января в 24 день». В каком году последовала мученическая кончина святителя, точно неизвестно. Несомненно, не ранее 1441 года и не позднее 1447 года. Предание прибавляет, что святой Герасим был удушен омофором, а виновником смерти его был слуга вогулич, которого он взял на воспитание, чтобы сделать из него проповедника православной веры диким его соплеменникам.

Преемником святому Герасиму был поставлен чудовский архимандрит Питирим. Святой Питирим был родом из Ярославля. С юных лет он принял иноческое пострижение и проходил путь подвижничества под руководством старца Кирилла. Будучи архимандритом Московского Чудова монастыря, святой Питирим в 1440 году крестил Иоанна III, сына великого князя Василия Темного. Инок Пахомий Логофет, писавший по благословению митрополита Ионы житие святого митрополита Алексия, в 1459 г. в предисловии к этому житию говорит: «Иное извлек я из самого достоверного писания архимандрита Питирима, бывшего потом епископом Перми. Он кратко написал о святителе и составил канон в похвалу ему, слышав впервые о его жизни и чудесах. Сей епископ и вместе мученик не только пострадал от неверных за веру, но много потерпел бед и от князя, считавшего себя верным, которого потому нужно считать худшим неверного, что осквернил руки свои кровию брата». В последних словах указывается на Шемяку, долго свирепствовавшего в Двинской области. Итак, преемникам блаженного Герасима было еще труднее проходить святительское поприще. Недавно обращенная паства его, не окрепшая в вере, терпевшая бедствия от инородных соседей, при святом Питириме вынуждена была нести на себе

последствия кровавой борьбы русских князей между собою. Сам святитель немало пострадал от этих беспорядков: его движимое имущество было разграблено, равно как и церковное богатство: священная утварь, казна, книги, колокола. Может быть, он подвергался и тюремному заключению, вытерпев «многия томления».

В 1446 году новгородские владельцы земель по Ваге и Двине предприняли во главе с Василием Своеземцевым (в монашестве св. Варлаам Важский; память 19 июня/2 июля) и Михаилом Яковлевым поход против остяков и вогулов. Поход был неудачен. Однако Асык попал в плен и был освобожден только после клятвы, что не будет тревожить христиан. Отпущенный на свободу, коварный вогулич, основавшись на Печоре, нетерпеливо ждал случая отмстить христианам. В 1447 году такой случай ему представился, и к Усть-Выми стеклось великое множество беглецов, лишенных крова, имущества и своих близких. Святитель Питирим, прибывший из Москвы после Собора 1447 года, старался утешить бедствующих, утешал их помощью и милостыней великого князя и раздавал все, что привез с собою из столицы. В следующем 1448 году был в Москве новый церковный Собор, на котором митрополитом был поставлен святой Иона. Блаженный Питирим ездил на этот Собор как для участия в постановлении всероссийского владыки, так и для предстательства перед великим князем за свою бедствующую паству. Следующие семь лет пермская паства наслаждалась миром, потому что набеги прекратились.

Епископ всецело посвятил себя духовному устройению своей паствы и со всем расположением предался долгу учительства. На далекой окраине появились духовные книги, привезенные святым Питиримом. Часто обозревая пределы своей обширной епархии и посещая отдаленнейшие части ее, Удору и Печору, он с любовью заботился об их просвещении, поучал в домах, проповедовал в храмах, а чаще всего беседовал с народом на открытом воздухе, объясняя правила веры и христианского благочестия. Действие его проповеди было столько сильно, что даже вогуличи, жившие в притоках Печоры в соседстве с

зырянами, приняли христианскую веру. Зыряне вздохнули свободно и получили надежду, что новообращенные вогуличи станут удерживать оставшихся язычниками своих единоплеменников от жестоких нападений.

Однако же успех доброго дела, столь радостный для христиан, возбудил ненависть в давнем враге христианства Асыке и стоил жизни самому святому Питириму. В древнем житии св. Питирима его мученическая кончина описана очень кратко: «И пришли тайно вогуличи в страну ту (т. е. в Пермскую область) и предали многих смерти; сего же святого, схватив на пути, как овца, предали особенно мучительной смерти, наученные сатаной». Это было 19 августа 1455 г.

Святитель Иона, поставленный после Питирима, был счастливее своих предшественников, так как весь край при нем был умиротворен. В 1458–1459 годах сильная московская рать покорила вятчан; против вогуличей были обращены силы новгородцев и устюжан, обязанных помогать пермскому владыке; когда в 1468 году казанские татары вздумали опустошить Пермский край, то и они были побеждены устюжанами. Поэтому владыка Иона озаботился распространением Христовой веры во всей великой Перми и утверждением в ней благочестия. И успел в том. В 1463 году святой Иона окрестил великую Пермь и князя их (вероятно, Михаила); строил церкви и ставил к ним священников белых или же иеромонахов. По преданию, в этом святом деле ему сперва помогали иноки Троицкой Печерской пустыни, а потом братия основанного при нем Богословского монастыря в Чердыни. Несмотря на свои апостольские труды в Пермской земле, святой Иона принимал участие в делах высшего церковного управления и не раз бывал в Москве. В 1459 году, 12 декабря, он вместе с другими иерархами подписал увещание литовским епископам сохранять верность Московскому митрополиту, а в 1461 году, по кончине святого митрополита Ионы, объявлял Собору волю почившего. Скончался блаженный епископ в преклонной старости, после 15-летнего управления епархией, в 1470 году, и положен в соборной церкви по левую сторону от святителей Герасима и Питирима, где и доныне они

три вкупе почивают и творят чудеса, подавая исцеления с верою приходящим к ним.

Зион постник, в Дальних пещерах почивающий, преподобный

Преподобный Зион, постник и трудолюбец, подвизался в Дальних пещерах Киево-Печерского монастыря в XIV веке. В 3-й песне канона преподобным отцам в Дальних пещерах он прославляется как «сияющий постом». Память его празднуется также 28 августа/10 сентября и во 2-ю неделю Великого поста. В «Сказании о житиях святых, в пещере преподобного Феодосия почивающих», говорится: «Преподобный Зион, постник и трудолюбец, многими добродетельными иноческого жития подвиги, постом, молитвами, смирением, послушанием благоугоди Богу». Афанасий Кальпофийский писал о преподобном Зиноне: «Почил после трудов своих благословенный инок Зион; в теле целом лежит». Мощи св. Зиона открыто почивают в Дальних (Феодосиевых) пещерах.

Январь, 31

Никита, епископ Новгородский – преставление

Когда и где родился святой Никита, кто были его родители, о том не дошло до нас никаких известий. Мы ничего не знаем также о годах его детства и отрочества. Известно только, что в княжение великого князя киевского Изяслава Ярославича он был уже юным иноком Киево-Печерского монастыря и здесь испытал великое искушение, о чем повествует святой Поликарп в послании к архимандриту печерскому Акиндину.

Юный инок Никита, с благоговением взирая на высокие подвиги печерских братий и отчасти увлекаясь славой и честью мирской, пожелал подвизаться в затворе. Он испрашивает благословения у своего игумена преподобного Никона. Но, запрещая Никите поступать по своему желанию, игумен говорил ему: «Чадо, не будет тебе никакой пользы от того, что в годы юности ты станешь сидеть наедине в праздности; гораздо лучше тебе остаться жить вместе с братиями и работать на них – тогда ты не лишишься награды своей. Ты сам видел брата нашего Исаакия, как он в затворе прельщен бесами; но его спасла великая благодать Божия по молитвам преподобных Антония и Феодосия, которые и доныне творят много чудес».

Никита отвечал, что он уже не прельстится подобно Исаакию, но крепко будет стоять против козней диавола и молиться Богу, чтобы Господь и его сподобил дара чудотворений, как Исаакия затворника. Но игумен снова возразил ему: «Желание твое свыше сил твоих; берегись, чадо, чтобы, превознесшись, не пасть тебе. Смирение наше велит тебе служить на святую братию, и за это ты будешь увенчан от Бога».

Не послушался Никита игумена и сделал то, что задумал: затворившись накрепко в своей келлии, он молился в ней неистово. Но прошло несколько дней, и его искусил диавол. Однажды, воспевая молитвы, Никита услышал голос, молящийся вместе с ним, и почувствовал неизъяснимое благоухание. Прельщенный инок подумал: «Если бы это был не Ангел, то не молился бы со мною и не было бы здесь такого

благоухания Святого Духа». Никита начал с большим жаром молиться, взывая: «Господи, явись мне Сам, чтобы я мог видеть Тебя». И тогда был к нему голос: «Не явлюсь тебе, потому что ты юн, – чтобы ты не возгордился и не упал». Затворник же со слезами говорил: «Не прельщусь я, Господи, игумен наказал мне не внимать бесовской прелести. Я готов исполнить Твои повеления».

С этой минуты взял над ним власть обольститель и сказал: «Невозможно человеку во плоти видеть меня, но я посылаю ангела моего, который пребудет с тобою, ты же исполняй его волю».

И тотчас стал перед Никитой бес в образе Ангела. Инок поклонился ему как Ангелу. И тогда сказал ему бес: «Ты больше не молись, а читай книги, и через это будешь постоянно беседовать с Богом и подавать полезные советы приходящим к тебе. Я же непрестанно буду молиться Творцу всех о твоём спасении».

Прельщенный затворник совсем перестал молиться и, видя постоянно молящегося беса, радовался, что Ангел молится за него; сам же только и делал, что прилежно читал книги и поучал приходящих к нему, а по временам пророчествовал.

Однажды он послал сказать князю Изяславу, чтобы тот скорее отправил сына своего Святополка на новгородский престол, так как князь Глеб Святославич убит в Заволочье. И действительно, через несколько дней пришла весть, что князь Глеб убит заволоцкой чюдью. Случилось же это 30 мая 1078 года. С этого времени пошла большая слава о затворнике Никите. Князья и бояре верили, что затворник – пророк, во всем и во многом слушались его. Хотя бес и не знает будущего, но он возвещает то, что сам делает или чему научает злых людей: убить ли кого, украсть ли. Так было и с Никитой: когда приходили к нему за словом наставления и утешения, тогда бес, мнимый Ангел, сообщал затворнику о случившемся, а тот пророчествовал, и предсказания сбывались.

Но вот что обратило на себя особое внимание Печерских подвижников: инок Никита знал наизусть все книги Ветхого Завета и не хотел ни видеть, ни слышать, а не только что читать

Евангелие и Апостол – тех Священных книг, которые преданы нам благодатью для нашего исправления и утверждения в вере. Для всех стало ясно, что инок Никита прельщен врагом человеческого рода. Не могли потерпеть этого преподобные отцы Печерские. Вместе с игуменом своим преподобным Никоном пришли они к прельщенному затворнику и силою своих молитв прогнали прочь от него беса. Выведя Никиту из затвора, спрашивали его о Ветхом Завете, но он клялся, что никогда не читал тех книг, которые прежде знал наизусть; он даже не умел прочесть ни одного слова в них, и братия едва научили Никиту грамоте. Придя в себя по молитвам святой братии Печерской, Никита исповедал и горькими слезами оплакивал перед ними свой грех, а затем обрек себя на строгое воздержание и иноческое послушание. Чистой и смиренной жизнью он стяжал высокие добродетели, слава о которых разнеслась далеко за пределы Киевской земли.

Человеколюбец Бог принял истинное покаяние Никиты и поставил его пастырем словесного стада Христова. В 1096 году святой Никита Божиим Промышлением был избран и посвящен во епископа Великого Новгорода, где Господь прославил Своего угодника даром чудотворений. На втором году своего святительства Никита молитвами своими прекратил большой пожар в Новгороде. В другой раз во время засухи, грозившей Новгородской земле голодом, по его молитвам дождь оживил поля и луга с полями и травами.

По сказанию жития преподобного Антония Римлянина, подвижник чудесным образом прибыл в Новгород при жизни святителя Никиты и с его благословения основал свой монастырь.

Святитель Никита был озабочен устройством и украшением храмов Божиих в Новгороде, но из церквей, построенных в его время, уцелела до наших дней одна – Благовещенская на Городище. И доныне существует памятник его забот о благоустройстве Новгородского архиерейского дома – это каменный корпус, который и в памятниках письменности, и в народном предании известен под именем Никитинского. Святитель Никита имел намерение украсить живописью стены

храма Святой Софии; но это не удалось ему: «на иждивение святителя» роспись собора была произведена лишь после его кончины, спустя несколько месяцев. Преставился святитель Никита 30 января 1108 года, после 13-летнего управления Новгородской епархией. Честные мощи его были погребены в соборном Софийском храме, в приделе богоотец Иоакима и Анны.

Вероятно, местное празднование памяти святому Никите началось вскоре после его кончины. От половины XII столетия сохранилось известие: «И ныне со святыми чтут его, святого и блаженного Никиту». Но неизвестно в какое время, во всяком случае до половины XVI века, в Новгороде прекратилось чествование его памяти. Повсеместное празднование святому Никите установлено было если не на Московских Соборах 1547 и 1549 гг., то вслед за открытием его мощей, которое совершилось 30 апреля 1558 года.

Обретение чесных мощей святителя Никиты произошло при следующих обстоятельствах. В 1551 году вечером в Великую Субботу, когда христиане собрались в Софийский собор, чтобы слушать чтение Деяний апостольских перед светлой заутреней, пришел туда и боярин, который ведал царские дела в городе, и, обходя паперти соборные, занятые гробницами епископов, зашел в придел богоотец Иоакима и Анны, в котором гробница святителя Никиты находилась в полном небрежении. Церковный чтец в это время спал, опершись на нее. Выйдя из предела, боярин пошел в главный храм, где на левой стороне близ дверей, ведущих в жертвенник, сел и вскоре сам задремал. Во сне он услышал голос, который говорил ему: «Покрыт должен быть гроб епископа Никиты».

Повинуясь этому голосу, боярин пошел домой; оттуда вскоре вернулся с покровом, который и возложил на гробницу святого Никиты, прежде очистив ее от пыли и сора. Побуждаемый желанием взглянуть на мощи святителя, боярин проделал щель в гробнице и увидел, что тело святителя лежит покрытое покровом на церковном помосте, совершенно целое, без признаков разрушения. Мало-помалу об этом узнали и другие жители этого города, время от времени посматривали в

щель гробницы и дивились виденному. Так продолжалось до 1558 года. В этом же году архиепископ Пимен, убедившись через других и лично в нетленности мощей святителя Никиты, письменно донес об этом царю и митрополиту, которые с великой радостью повелели ему открыть гробницу святого, переложить тело его в новую деревянную гробницу так, чтобы оно открыто почивало, и установить общецерковное празднование святому. Чтобы открыть гробницу святого, пришлось разбирать иконостас, так как придел богоотец Иоакима и Анны был очень мал и половина гробницы святителя была в алтаре. Когда гробницу открыли, то увидели, что тело святого покоилось в земле, на два локтя ниже помоста церковного; оно было покрыто плащаницей, а лицо святителя озарено небесным светом; правая рука его благословляющая лежала на персях, левая же была простерта к коленям; правая нога обращена была подошвою вверх, левая же в сторону. Облачив святителя в новые архиерейские одежды, его снова положили в гробницу на прежнем месте.

В назначенное время архиепископ Пимен с многочисленным собором духовенства совершил при гробнице святителя Никиты молебное пение, во время которого честные мощи его были переложены на «уготованный одр» и перенесены в главный соборный храм, где затем было отслужено всенощное бдение. Во время богослужения, когда происходило уставное чтение и священнослужащие сидели, одному из игуменов было видение, что святитель Никита, восстав из гроба, в фелони и с кадилом в руках пошел сначала кадить в алтарь, а затем в храм и вскоре сделался невидим. По окончании всенощного бдения народ приложился к мощам святителя, а архиепископ переложил их в гробницу, которая временно, по повелению митрополита, была поставлена на правой стороне храма у малого столпа против амвона до окончания работ по расширению придела богоотец Иоакима и Анны.

Вскоре по обретении мощей святителя Никиты один из начальствующих города обнаружил свое сомнение в их нетленности. Чтобы рассеять его сомнения, архиепископ Пимен открыл покров на мощах святого до персей. Увидев лицо

святителя, как у здорового спящего человека, градоначальник раскаялся в своем грехе. Несмотря на это, вскоре затем пришли к архиепископу городские священники с просьбой дать им возможность убедиться воочию в нетленности мощей святого Никиты. Архиепископ наложил на них семидневный пост для покаяния в своих грехах, по истечении которого духовенство собралось к мощам святителя Никиты, и тогда архиепископ, сняв покров с них, показал им тело святого до конечностей ног, затем подложил свои руки под голову святителя так, что она приподнялась, а с ней и все тело пришло в движение. Священники были поражены чудом и просили архиепископа позволить им ежегодно в память этого происшествия отправлять всем собором при мощах святителя молебное пение, почему и установлен был архиепископом праздник в пяток второй седмицы в неделе Всех святых.

Требование, предъявленное духовенством Новгорода к своему архипастырю об осмотре мощей святителя Никиты, можно объяснить так. В то время сильно была распространена ересь Феодосия Косого, отвергавшая, между прочим, почитание святых икон и мощей; она имела свое действие и на духовенство и поколебала отчасти его веру в чудеса.

Между тем чудес при мощах святителя Никиты, по обретении их, совершилось немало: получали исцеление расслабленные, хромые, сухорукие, прокаженные, бесноватые, но особенного внимания достойно то, что преимущественно получали исцеление больные глазами, слепые или с испорченным зрением.

Когда были обретены честные мощи святителя Никиты и совершилось поразительное исцеление одного расслабленного, многие жители Новгорода и окрестностей начали притекать к мощам чудотворца со своими недужными. Среди больных была приведена старая и слепая Ксения, ничего не видевшая 12 лет. В то время шла литургия. Ксения молилась Господу об исцелении, обращалась своей мыслью к святителю Никите, а потом со слезами сказала во всеуслышание архиепископу Пимену, стоявшему в храме: «Молюсь тебе, преосвященный архиепископ: помолись своему сослужебнику, великому

святителю и чудотворцу Никите, чтобы он даровал мне прозрение».

И не раз повторяла слепая мольбу свою. Видя настойчивость женщины и ее слезы, архиепископ сказал: «Отойди от меня, старица, отойди, иди ко святому Никите, и он спасет тебя по вере твоей, если восхочет».

У гроба святого Ксения усердно молилась, и один глаз ее прозрел. Но она взяла смелость снова обратиться к архиепископу Пимену, припадая к ногам его, и со слезами радости опять умоляла, чтобы молитвами архиепископа прозрело и другое око ее. Владыка ей ответил: «Вижу, старица, что тебе много лет, и довольно бы одного глаза на службу тебе до смерти твоей».

Но Ксения с прежней настойчивостью слезно умоляет архиепископа. Тот посылает ее снова ко гробу святителя Никиты со словами: «Тот, кто отверз тебе одно око, откроет и другое».

Ксения опять приходит к раке чудотворца, прилагает к слезам слезы и сплетает молитвы с сердечными воздыханиями и верою. И надежда женщины не была напрасной: прозрела она и на второй глаз к общему удивлению бывших тогда в храме Святой Софии.

Иконописцу Симеону архиепископ Пимен приказал написать икону Богоматери с Богомладенцем, а пред Ними стоящего и молящегося с воздетыми руками святителя Никиту. У святителя совсем не было бороды. И иконописец думал, что следует изобразить на иконе хотя бы малую браду на лице святого Никиты. Размышляя об этом, Симеон начал дремать, пошел к постели своей и заснул. И вот в тонком сне он внезапно услышал голос: «Симеон, ты думаешь написать браду у епископа Никиты! Не помышляй об этом, ибо не было бороды у него. И прочим иконописцам возвести, чтобы не писали на иконах епископа Никиту с брадою».

Симеон проснулся, но никого не видел. Поспешил передать видение свое архиепископу Пимену, и архиепископ прославил Бога. Образ святителя написан был так, как он сам повелел.

В то же время на всяком месте и при всяких обстоятельствах святитель Никита являлся на помощь тем,

которые с верой и молитвой прибегали к нему. Во время обретения мощей святителя Никиты, по молитвам его, Бог увенчал победой русское оружие в войне с ливонцами. При взятии Ругодива и в русском войске, и в неприятельском видели, что святитель Никита ездит по берегу реки Наровы на коне в святительских одеждах и с жезлом в руке, увенчанным крестом, отражает врагов от русских полков. Это засвидетельствовали сами воины, вернувшиеся в Новгород; то же подтвердил и старейшина града Ругодива – латинянин, по имени Иоанн, когда увидел образ свт. Никиты.

В настоящее время мощи святого Никиты открыто почивают на том же месте, где были обретены: под аркой между приделами богоотец Иоакима и Анны и Богородице-Рождественским в богатой серебряной раке, в которую переложены из древней в 1846 году, 30 апреля. Память святителя празднуется дважды в году: 31 января/13 февраля и 30 апреля/3 мая – в день обретения чесных его мощей.

Февраль, 1

Трифон, епископ Ростовский, святитель

По рукописным святцам, в числе святых считается Трифон, епископ Ростовский: «1 февраля память иже во святых отца нашего Трифона, епископа Ростовского, погребенного в Ярославском Спасовом монастыре в лето 1466». Святитель Трифон до рукоположения во епископа был настоятелем Московского Новоспасского монастыря и духовником великого князя Василия Васильевича Темного. 23 мая 1462 года был хиротонисан митрополитом Московским Феодосием на Ростовскую кафедру. Но в 1466 году оставил кафедру и жил в Спасском Ярославском монастыре, где и скончался 30 декабря 1468 года (а по другим источникам, в 1466 г.). В этом же монастыре погребен св. Прохор, в схиме Трифон, епископ Ростовский, умерший в 1328 году (память 7/20 сентября). Память святителю Трифону совершается 1/14 февраля, вероятно, ради тезоименитства его со святым мучеником Трифоном.

Февраль, 3

Кирилл Новоезерский, преподобный

Преподобный Кирилл родился во второй половине XV века в городе Галиче от богатых и благородных родителей, отличавшихся благочестием и христианскими добродетелями. Рождению его предшествовало чудесное предзнаменование, указывавшее на его необычайную судьбу. Однажды, когда преподобный Кирилл находился еще во чреве матери, последняя во время Божественной службы услышала его голос, трижды возгласивший: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь вся земля славы Его!» Пораженная ужасом мать не поняла значения этого события и сохранила его до времени в тайне от всех.

Уже в юных летах святой Кирилл оказался настолько зрелым духовно, что из всех представлявшихся ему путей жизни без колебания выбрал путь иночества. Будучи всего 15 лет от роду, он решил тайно уйти из дома в обитель преподобного Корнилия Комельского, так как много слышал о ней и образе жизни ее братии от своих родителей. Помолясь Богу, он с радостью отправился в путь, не взяв с собою ничего, кроме той одежды, которая была на нем. Обитель отстояла от города Галича верстах в 80-ти. Пройдя 15 верст, он встретил благообразного старца с белыми волосами и бородой. Вид старца так подействовал на юношу, что он в слезах и с какой-то радостью бросился к ногам незнакомца, прося у него благословения. Старец поднял его и сказал: «Мир тебе, чадо, и благословение! Откуда ты и куда идешь, и чего ищешь от нищего и убогого старца?»

Кирилл рассказал ему, как он захотел быть иноком и тайно ушел от своих родителей. Старец одобрил его и спросил, где именно он думает иметь пребывание.

«Прости меня, отче, – отвечал Кирилл, – я думал об обители преподобного Корнилия, если на то будет воля Божия и Богоматери».

Старец восхвалил Бога, вложившего в сердце юноши это намерение, и предложил идти вместе с собою, назвавшись

иноком Комельской обители, возвращавшимся в монастырь по исполнению возложенного на него поручения. На второй день пути, проведенного путниками в посте и молитве, стал виден монастырь. Старец наставил юношу от Божественных Писаний и, помолясь, указал ему на монастырь: «Видишь ли, чадо, монастырь сей? Иди скоро к блаженному Корнилию, я буду тебе помощником и умолю блаженного Корнилия, да будешь благодатью Христовой инок».

Когда Кирилл стал у ног его просить благословения и молитв, старец сказал: «Встань, чадо! Бог, Творец всяческих, да благословит тебя и сподобит тебя великого ангельского образа, и да будешь ты сосуд избран Святаго Духа».

Вслед за сим старец сделался невидим, и Кирилл понял, что это было Божие посещение.

Приблизясь к монастырю, Кирилл встретил иноков у ворот обители и спросил игумена. Упав в ноги преподобному Корнилию, он со слезами молил принять его в монастырь. Проницательный Корнилий сразу прозрел в этом смиренном юноше будущего подвижника, но, обратив внимание на его лета, сказал: «О, чадо! Видишь ли, как много здесь скорбей и подвигов, ты же юн, не достиг еще совершенного возраста и, как думаю, не можешь переносить труда, какой тебе здесь предлежит». «Отче святой! – ответил Кирилл. – Так как Сам Провидец Бог, хотящий всем людям спастись чрез Него и в разум истины прийти, привел меня ко твоей святыне, хотя моего спасения, то все, что ты велишь мне делать, я буду исполнять, только спаси меня грешного». «Благословен Бог, чадо, укрепивший тебя в этом намерении, – сказал игумен. – Отселе буди служа братии со всяким смирением, терпением и послушанием». После этого юноша был пострижен с именем Кирилл.

Достигнув исполнения своего заветного желания, молодой инок весь предался Богу. Дни он проводил в постоянных трудах, а по ночам, отгоняя сон, молился и славословил Господа. Его труды, воздержание, смирение и послушание возбуждали удивление братии и даже самого преподобного Корнилия. Все

радовались, что он находится среди них, и у всех на устах были его подвиги.

Между тем родители преподобного Кирилла безуспешно искали его в Галиче и соседних селах и городах и уже оплакивали его как умершего. Несмотря на то, что ими была объявлена награда за извещение о сыне, много лет до них не доходило о нем никакой вести. Наконец, случайно от одного старца Корнилиева монастыря, зашедшего в их дом, они узнали о местопребывании Кирилла и о его добродетельной жизни. Мать его вспомнила при этом и рассказала бывшее ей предзнаменование о высокой судьбе сына и сама изъявила намерение последовать его примеру и принять пострижение. По ее совету муж ее с дарами отправился в монастырь, чтобы увидеть сына и убедиться в том, что он жив.

Прибыв в Комельский монастырь, отец Кирилла получил от иноков подтверждение вести, принесенной ранее старцем. Явившись к игумену, он скрыл цель своего прибытия и просто объявил, что пришел в обитель с намерением помолиться и принять благословение у славного подвижника.

«Бог да изочтет стопы твоя, и да не вотще труд твой будет», – ответил ему Корнилий.

На дальнейшие расспросы игумена он добавил, что пришел из Галича и принес с собою часть имения для раздачи братии. Преподобный разрешил раздачу милостыни и отпустил его в монастырскую гостиницу. Когда началась Божественная служба и все иноки заняли свои места, отец Кирилла вошел в храм, принял благословение у игумена и обошел всю братию, подавая милостыню каждому отдельно, но не мог узнать своего сына. Кирилл же сразу узнал отца и, получив деньги, вышел из храма и отдал милостыню нищим. Возвратившись после службы в свою келлию, Кирилл упал на колени перед образом Богородицы и стал молиться: «О, Всемиловитейшая Госпоже Богородице Дево! Ты упование наше и покров и прибежище всем христианам. Потому и я грешный на Тя надеюсь. Молися, Госпоже, Сыну Своему и Богу нашему за родителей моих, да не отлучены будут вечная жизни, и да сподобит их восприяти

благой ярем свой, иноческий образ, да причтены будут избранному стаду».

Молитва его была услышана. Не видя среди иноков своего сына, отец Кирилла пришел в отчаяние. На другой день, когда он со слезами молился в храме, его увидел преподобный Корнилий, призвал к себе и сказал: «Чадо! Поведай мне о своих скорбях, что тяготят душу, да мною грешным подаст Бог тебе облегчение. Ибо нет пользы предаваться безмерной печали, но подобает смириться пред Богом, когда пришла скорбь. Не предавай душу свою печали, ибо она уничтожает мужество духа, как моль в ризе и червь в дереве, так и печаль в человеке».

Отец Кирилла рассказал все, что утаивал ранее. Узнав, что он пришел только для того, чтобы увидеть сына, игумен сказал: «Если ты столь длинный путь сделал для этого, то посмотри на того, кого ты желаешь видеть».

Услышав эти слова, отец Кирилла обрадовался, так как понял, что сын его найден, и стал ждать следующего дня в монастырской странноприимной.

Преподобный Кирилл, извещенный игуменом о желании своего родителя, глубоко опечалился, что не мог совершенно утаиться от родных. Только уступая советам настоятеля, которого не хотел ослушаться, он вышел к отцу. Тот едва мог узнать сына – так велика была перемена во внешнем его виде от постоянного воздержания и многих трудов. Преподобный на коленях испросил у плачущего отца прощения и благословения. Затем он стал говорить, что ушел от мира, возненавидел все суетное, оставив временное для вечного, и что не хочет отвлекаться от небесного. Неожиданно отец объявил, что и он желает постричься и жить вместе с сыном в одной обители. Это намерение сильно обрадовало Кирилла. Он поспешил к преподобному Корнилию с ходатайством за отца, и тот, лично испытав последнего, велел постричь его с именем Варсонофия. Игумен сам наставил нового инока в иноческой жизни, а для дальнейшего попечения поручил его Кириллу. Кирилл принял своего отца как Ангела Божия. Восемь дней спустя было получено известие, что скончалась мать преподобного Кирилла,

которая также приняла иноческий образ с именем Елены. Кирилл велел слугам из дома своего отца раздать все имение нищим и отпустить на волю всех рабов.

Отец преподобного Кирилла скончался через три года после пострижения. Оплавав его, Кирилл сказал самому себе: «И я смертен» – и усугубил свои подвиги. Он усердно трудился в поварне, пекарне и исполнял все другие монастырские работы, с благоговением стоял в храме, имел совершенное повиновение не только игумену, но и всей братии, изнурял себя постом, упражнялся во бдении и молитве, днем и ночью читал в келлии слово Божие и жития святых, пел псалмы и беспрестанно источал обильные слезы, вспоминая о смертном часе. Его духовная зрелость была признана всей братией и, казалось, готовила ему высокую участь в монастыре. Но преподобный Кирилл, оградив себя кротостью и смирением, не имел на земле другой заботы, кроме заботы об угождении Богу. Движимый стремлением все к большему и большему совершенству, он задумал покинуть общежитие и поселиться в пустыне. Получив одобрение своего намерения от преподобного игумена, Кирилл помолился и вышел тайно из монастыря в одной рваной одежде.

Он пошел на север, к океану. Там, обходя все Поморье, скитаясь в пустынях, горах и лесах, питаясь грибами, травой и сосновой корой, видя более зверей, чем людей, провел он много лет. Покинув север, он обошел подмосковные страны и доходил до Новгорода и Псковской области, везде посещая святые места. Нигде он не заходил в мирские дома и не принимал подавания, за исключением небольшого количества пищи. Днем странствовал по улицам, а ночи проводил в молитве и пении псалмов. В храмы приходил к началу пения и с точностью исполнял церковные уставы. Ходил в заплатанной одежде и босой, страдая от мороза, солнца, дождя, комаров и других насекомых, и изнурял себя постом и жаждою. Не довольствуясь, однако, этим, он захотел для большего удобства подвигов избрать себе для пребывания одно определенное место. Став на молитву, он просил указаний у Спасителя и Богоматери и вдруг услышал голос с неба: «О, блаженне

Кирилле, возлюбленниче Мой! Ты уже совершил все доброе, сохранил заповеди Мои и прошел тесный и прискорбный путь. Ныне иди к Белоозеру – там уготовано тебе место, в котором ты можешь спастись». Вместе с этим яркий свет блеснул к стороне Белоозера. Преподобный Кирилл пошел в этом направлении и, достигнув Тихвинского монастыря, провел трое суток в молитве на паперти монастырского храма. Когда утомленный бдением он задремал, во сне ему явилась Богоматерь и сказала: «Угодниче Пресвятыя Троицы, рабе Мой Кирилле, ступай к востоку, к Белоозеру, и явит тебе Господь, Сын мой и Бог, покой старости твоей».

Взяв с собою икону Тихвинской Божией Матери, преподобный Кирилл отправился в путь, достиг Белозерского уезда, миновал Андоезеро и взошел вблизи Нового озера на Кобылину гору. Осмотревшись здесь, он увидел в восточной части Нового озера красивый местный островок и в нем огненный столп, поднимающийся от земли до неба. Это был Красный остров, принадлежавший крестьянам соседней деревни Шиднем – Дию, Григорию и Давиду. Кирилл пошел на остров и на восточной его стороне нашел большую ель. Пригнув ветви дерева к земле, он устроил род хижины и поселился в ней в 1517 году, 4 марта, на память «преподобнаго Герасима, иже на Иордани». В первую ночь ему явился Ангел в образе мужа в белых ризах и возвестил, что Красный остров назначен ему Господом для упокоения. На другой день он отправился в деревню Шиднем и испросил у Дия, Григория и Давида разрешения поселиться на острове.

Поселившись на Красном острове, преподобный Кирилл своими руками построил себе небольшую келлию и рядом с нею келлию для собирающейся братии. В следующем 1518 году он построил две небольшие церкви во имя Воскресения Христова и Пресвятой Богородицы Одигитрии и, получив посвящение, стал непрерывно совершать Божественную службу. Постепенно обитель наполнялась иноками и устраивалась. Среди первых учеников преподобного известен Дионисий. Преподобный Кирилл сам строил дома для монастырских служб, рубил лес, пахал землю и сажал овощи. Являлись благодетели,

дававшие обители средства и припасы и тем обеспечивавшие ее существование. Великий князь Василий Иоаннович пожаловал на прокормление обители деревни Кобылино и Шиднем, князь Иван Васильевич Пеньков выдал грамоту о ежегодной даче от своего дома монастырю по 40 мер жита, 20 пудов соли, 2 пуда масла и по 20 кругов сыра. Случайные посетители монастыря, приходившие к преподобному Кириллу, приносили обители более или менее значительную милостыню. С самого начала, как видно из обстоятельств жизни преподобного, монастырь пользовался рыбной ловлей в озере и был действительным собственником острова.

Трудясь над устройством монастыря, преподобный Кирилл немало перенес затруднений и испытаний. Так, в самом начале часто приезжали рыболовы, которые притесняли и оскорбляли подвижника. Их вражде святой противопоставил терпение и кротость. «Зачем, – говорил он, – скорби многие и пакости наносите мне, люди? Это бесовское научение».

Однажды на остров явилась разбойничья шайка некоего Ивана и с угрозами стала требовать у подвижника деньги. Преподобный грозно сказал грабителям: «Любимые дети, рабы и угодники отца вашего диавола! Зачем пришли вы ко мне на остров?» Затем он сообщил им, что все его имущество находится в келлии. Один разбойник вошел в келлию и начал громко призывать на помощь, крича, что его бьют два юноши. Но товарищи не могли подать ему помощи, так как сами внезапно лишились зрения. Разбойники пришли в ужас и стали молить о прощении и исцелении, обещая не возвращаться более на остров. По молитве преподобного Кирилла зрение было им возвращено.

Другой раз Евдоким, крестьянин из окрестностей обители, тайно пришел на остров и нарезал лип. Переправляя лес на лодке к другому берегу, Евдоким опрокинулся с лодкою и стал тонуть. Старец Кириак, увидев его в опасности, поспешил к преподобному. Взяв в руки крест, преподобный прибежал к берегу и оградил погибавшего крестным знаменiem. Тотчас Евдоким схватился за судно, а поднявшийся по молитве преподобного Кирилла ветер прибил его с судном к берегу.

Простив раскаявшегося грешника, Кирилл запретил ему на будущее время рубить лес на острове. С тех пор Евдоким питал глубокую веру в преподобного и часто приходил к нему за благословением.

После того какие-то злые люди украли колокола у церкви Воскресения Христова. Возвращаясь домой, похитители не могли найти дороги и, долго проблуждав по лесу, вновь очутились на берегу озера, прямо против острова. В это время, как бы случайно, их увидел преподобный Кирилл и велел перевезти их на остров. Вместе с ними перенесены были и колокола в кошмах, т. е. в войлоках (вероятно завернутые, чтобы скрыть похищение). Когда подвижник стал их спрашивать, для чего принесли они колокола, похитившие их упали в ноги и просили о помиловании. Подняв их, преподобный сказал им кротко: «Дети! Похищая чужое, никто еще не обогащался, но многие теряли свое».

От стыда и страха виновные не могли ни говорить, ни смотреть на святого. Запретив им поступать так впредь, Кирилл велел накормить их и отпустить с миром.

В личной своей жизни святой Кирилл не оставлял прежних духовных подвигов и прилагал к ним много трудов, служа во всем образцом братии. Он уже явно для всех достиг вершины добродетелей, где не могли его поколебать никакие искушения. Однажды какая-то женщина из окрестностей озера попыталась склонить его на грех. С бесстыдством она вошла в его келлию в то время, когда он молился, готовясь к службе. Но, увидев чудесное сияние, исходившее от его лица, она содрогнулась от ужаса и стала кричать как бы от боли.

На вопрос блаженного, для чего она пришла к нему, женщина сказала, что она только хотела попросить огня. Преподобный обличил ее перед всей братией и привел к раскаянию. Последствием этого случая было то, что преподобный Кирилл запретил женщинам приходить на остров.

Слух о добродетельной жизни преподобного Кирилла привлек к нему много посетителей, часто издали приходивших к нему за благословением, молитвой или духовным наставлением. Он всех принимал с радостью. В самом начале

его пребывания на Красном острове преподобный Александр Свирский прислал к нему своего старца Никифора, в доказательство своей духовной любви и общения. Старец Никифор пришел на берег озера через два часа по заходе солнца, в то время, когда Кирилл стоял на обычном своем месте в келлии. Читая кондак Богородице «О, Всепетая Мати», преподобный вострепетал сердцем и почувствовал присутствие старца на берегу. Окончив молитвы, он переехал в челне на северную сторону и увидел путника, уснувшего на камне. Сильный свет с неба разбудил старца, и после взаимных приветствий оба подвижника переехали на остров. Беседуя со старцем, преподобный Кирилл выражал радость по поводу общения с ним преподобного Александра и удивлялся терпению своего собеседника, носившего тяжелые вериги. По уходе посетителя святой поставил крест на том месте, где был замечен свет с неба.

Благодать Божия, изобильно почившая на преподобном Кирилле, открывалась и посторонним. В один Великий Четверг старец обители Дионисий видел преподобного Кирилла совершающим литургию в служении диакона. Все братия приходили и приобщались Святых Таин. После службы Дионисий не видел более диакона, и когда спросил о нем преподобного, то получил в ответ: «Чадю Дионисие! Судеб Божиих не испытай и до отшествия моего к Богу не сообщай никому, что тебе открыл Господь, духовной радости Податель».

Диакон Николай из города Белозерска, очень почитавший преподобного Кирилла, пришел к нему за благословением. Увидев его, преподобный сказал: «Чего ради, чадю, пришел ко мне, нищему и убогому старцу, и какой утешения ищешь у меня в пустыни? Иди скоро в дом свой и увидишь младенца мужского пола, лежащего с матерью, и будешь иметь утешение сердцу своему».

Николай, никогда не имевший и не ожидавший детей, сначала не поверил этому, так как при его уходе из дома ничего не предвещало подобного события, но возвратившись в город, он нашел все так, как сказал блаженный.

Преподобному Кириллу привели женщину, по имени Анна, уже два года не видевшую одним глазом. Помолившись о больной, преподобный окропил ее глаз святой водой, и она стала видеть. Многих других слепых, являвшихся в обитель, он исцелял, помазывая маслом во имя Иисуса Христа.

Князь Иоанн Васильевич Пеньков с Кубены, особенно чтивший икону Тихвинской Божией Матери, ежегодно жертвовавший Тихвинскому монастырю деньги, свечи и ладан, тяжело заболел. Не видя облегчения, он стал усердно молиться пред иконой Богоматери о даровании ему исцеления. После молитвы ему явился во сне преподобный Кирилл и сказал: «Иди с миром в Тихвин и оттуда в мою пустынь, и молитвами Пресвятой Богородицы и преподобного Кирилла Белого получишь исцеление от своей злой болезни».

Прибыв в монастырь на Новом озере, князь сразу узнал преподобного Кирилла и упал к ногам его, называя своим целителем. Он рассказал преподобному и братии все с ним случившееся и просил святого отслужить ему литургию и молебен с водосвятием. Был великий мороз, и никто не мог стоять при служении (в то время церкви не отоплялись). Преподобный же Кирилл служил в разорванной ризе и босой. Князь, выпив святой воды, совершенно выздоровел. Тогда же он собственноручно написал грамоту о ежегодной выдаче обители святого Кирилла разных припасов и, одарив обитель щедрой милостыней, приняв предложенную ему святым Кириллом монастырскую трапезу, отправился в обратный путь.

Новгородский купец Феодор по дороге в город напился воды в речке Колпе и сделался бесноватым. Товарищи должны были связать его железными путами и с большим трудом привели к преподобному Кириллу. Помолившись над больным, святой оградил его крестным знамением, окропил святой водой, и Феодор стал здоров.

1532 год был последним годом жизни преподобного Кирилла. Почувствовав приближение смерти, он призвал братию и сказал: «Уже приближается конец мой, братия. Я отхожу от этой жизни и предаю вас в руки Божии, да сохранит Он вас и утвердит в любви Своей. Я только телом ухожу от вас,

духом же буду с вами. Да будет вам известно, что по благодати Божией монастырь мой и по смерти моей никогда не оскудеет, если любовь будет между вами».

Далее умирающий подвижник со слезами наставлял братию вести строгую жизнь, поститься, иметь усердие и благоговение к службе, взаимную любовь и повиновение. Когда он умирал, братия ничего не отвечали и с великой скорбью смотрели на своего угасающего наставника. Блаженный хранил молчание до второго часа по полудни, лежа с закрытыми глазами и без движения. После двух часов он начал задыхаться, но потом снова обратился к братии: «Братия моя и отцы! Сие время уже мятеж в людях, будет беда великая на земле нашей и гнев великий на людях, и падут от острия меча, и пленены будут от язычников, и трусы, и глады, и моры будут великие, как явил мне Господь».

Старец Дионисий просил преподобного открыть, что будет после этого.

«Сейчас видел я царя, – сказал Кирилл, – на престоле сидящего и пред ним стоящих двух храбрых отроков, имеющих на главах царские венцы. И дал им Господь в руки оружие на супротивных, и побеждены будут враги их, и поклонятся все народы, и будет царство наше умирено Богом и устроено. Вы же, братия и отцы, молитесь со слезами Богу и Пречистой Его Богоматери о державе царства Российской земли».

Затем святой снова наставлял братию, особенно предостерегал от пьянства, и закончил завещанием похоронить его посреди острова, на месте, затопляемом водою, и в той одежде, в какой он был. Братия приступили к нему и стали прощаться. Причастившись Святых Таин, преподобный Кирилл сказал: «Слава Богу за все», оградил себя крестным знаменiem, прочитал молитву и скончался. Это было 4 февраля 1532 г. Лицо умершего просияло чудесным светом, как бы указывая на его душевную чистоту. Безутешно горевавшая братия вынесли тело в церковь и совершили обычное отпевание. На погребении святого присутствовало множество окрестных жителей, которые по собственному побуждению

пришли в монастырь отдать последний долг великому подвижнику.

Вскоре после кончины преподобного Кирилла начались чудеса при его гробе. Старец Кириак, ученик преподобного и монастырский рыболов, будучи тяжело болен, не мог присутствовать при последних часах своего учителя и много скорбел об этом. Преподобный Кирилл явился ему во сне с двумя юношами в белых одеждах, державшими в руках горящие свечи, оградил его крестным знамением и сказал: «Зачем ты, брат Кириак, столь долго страждешь? Встань и иди лови рыбу на потребу братии».

Пробудившись от сна, расслабленный Кириак почувствовал, что он владеет руками и ногами. По его просьбе его привели ко гробу преподобного, и он стал исповедывать свои грехи преподобному Кириллу как живому. Получив совершенное исцеление у гроба, Кириак поведал чудо собравшейся братии, а на другой день по повелению чудотворца отправился на рыбную ловлю и наловил такое множество рыбы, что ее хватило на день памяти преподобного, когда в обитель собиралось очень много народа.

Слуга князя Феодора Чеснока-Вадбольского Григорий, потерявший зрение и испытывавший мучительную боль в глазах, получил исцеление от прикосновения ко гробу преподобного и окропления головы освященной самим преподобным Кириллом водой.

Жена белозерского жителя Елена Текутова долгое время безуспешно лечилась от своей тяжелой болезни. Однажды ночью она подумала о поездке к мощам преподобного Кирилла, но после забыла об этом. Когда болезнь ее усилилась и она ожидала уже смерти, преподобный явился ей во сне, благословил ее святым крестом, окропил водою и сказал: «Встань, чадо, иди в монастырь мой и у церкви Воскресения помолись Богу и Пречистой Его Богоматери, и получишь исцеление у гроба моего».

Исполнив волю святого, она выздоровела.

Скоморох Стефан, живший в городе Белозерске, два года лежал расслабленный. Слыша о чудесах преподобного

Кирилла, он подобно другим пожелал прибегнуть к его помощи. Не дойдя до обители всего 12 верст, он впал в совершенное изнеможение и стал просить угодника Божия исцелить его, давая обет постричься в его монастыре. Тотчас ему явился преподобный и велел идти в монастырь, помолиться в храме Воскресения и приложиться к цельбоносному гробу. Сделав по указанию святого и получив исцеление, Стефан принял пострижение с именем Сергия и жил в обители преподобного до своей смерти.

Сын белозерского жителя Даниила Текутова Симеон имел горб. Отец привез его в монастырь и положил его на гроб святого. После молебна отрок стал укрепляться и по окроплении святою водою совершенно исцелел. Другой раз заболел сам Даниил. Он также был привезен своими родителями в обитель и выздоровел по прикосновению ко гробу преподобного и по окроплении святою водою.

Инок Новоезерской обители Мартиниан совершенно изнемог от зубной боли. Узнав, что иноки Тихон, Иоанникий и Геронтий получили исцеление у гроба преподобного, он пошел ко гробу, помолился пред ним и, взяв в рот святой воды, получил исцеление.

Старец Макарий из Карельской стороны, постриженник Сенного монастыря, пришел жить в обитель преподобного, но, имея сварливый и своевольный характер, скоро начал тяготиться строгим строем жизни в обители и перешел в Белозерский монастырь. Здесь он впал в тяжкую болезнь, много страдал и, придя в раскаяние, стал молиться преподобному Кириллу. Получив после молитвы облегчение, он прибыл в монастырь преподобного и едва приблизился к его гробу, как был повержен невидимой силой на землю и лежал целый день без движения. Когда он пришел в себя, братия приложили его ко гробу и он получил исцеление. Сев у гроба, Макарий рассказал братии, что он видел бесов, которые повергли его на землю и мучили, пока явившийся благообразный седой старец с блистающим челом и с жезлом в руке не разогнал их. Старец дал ему четки и сказал: «Восстань, брат, будь здоров и не греши более».

Некоему Викулу из окрестной обители, долгое время страдавшему изнурительной лихорадкой, преподобный Кирилл явился во сне в разорванной ризе, какую носил при жизни, в сопровождении мужа в светлых одеждах, державшего в руках Евангелие, и сказал: «Иди в обитель блаженного Кирилла, ибо исцеления многие бывают от гроба его, и если с верою придешь и помолишься святому, то будешь исцелен».

Поступив так, Викул избавился от болезни. От той же болезни получил исцеление у гроба преподобного житель Белозерска Елевферий.

Во время распространившейся в России болезни железа, от которой умирало много народа, в городе Белозерске заболел этой болезнью житель Василий Евфимиев и все его домашние. Василий и его жена уже потеряли всякую надежду на выздоровление и готовились к смерти. Однажды больной почувствовал некоторое облегчение, впал в дремоту и в дремоте, почти бессознательно, обратился с молитвой к преподобному Кириллу. Тотчас ему явился святой и спросил: «О, Василий, ты болен?» «Весьма болен, даже до смерти», – ответил ему Василий. «Если хочешь быть здоров со всем домом своим, – сказал преподобный Кирилл, – то иди в мой монастырь и получишь там исцеление». Василий посетил обитель, исцелился сам и все его домашние.

В 1542 году царю Иоанну Васильевичу Грозному явился во сне благообразный старец-монах и сказал: «Царь, не ходи завтра в палату до третьего часу дня», причем назвал и палату. «Чего ради не ходить?» – спросил царь. «Чтобы не умереть напрасной смертью». «Кто ты, как твое имя и как ты осмелился войти в мои покои?» – спросил царь. «Имя мое Кирилл Белый, пустынь моя находится в 30 верстах от Белозерска», – ответил старец и, прибавив: «Послушай меня, царь, сделай то, что я тебе сказал», исчез.

Проснувшись, царь почувствовал страх и провел время до утра в молитве. Будучи уверен, что явившийся ему монах послан от Бога, царь не пошел днем в палату, о которой говорил преподобный Кирилл, хотя и имел обыкновение ежедневно бывать в ней, и стал ждать объяснения слов старца. Между тем

в палате с утра собрались князья, бояре и придворные и ожидали царского выхода, недоумевая о причинах необычного замедления. В третьем часу дня послышался грохот, как бы от грома, палата потряслась и упала, задавив под собою множество людей. Обрадованный своим спасением царь рассказал всем о бывшем ему видении и начал расспрашивать, не был ли кто на Белом озере и не знает ли пустынь Кирилла. Среди приближенных его нашлись бывшие в этой пустыни, и от них он узнал, что пустынь находится именно в том расстоянии от Белозерска, какое было указано ему в видении. Царь тотчас послал в пустынь грамоту с требованием к себе игумена и старца из братии. Прибывшие по этому требованию игумен Вассиан и старец Сильвестр привезли царю образ преподобного Кирилла, написанный на иконе, освященную при его гробе воду и хлеб. Царь сразу узнал в изображении святого явившегося ему старца и облобызал икону со словами: «О, преподобный отче и преблаженне Кирилле великий, скорый помощник и теплый предстатель и избавитель от напрасной смерти, поспешительствовавший мне во святых своих молитвах ко Христу Богу!»

Рассказав игумену и старцу о бывшем с ним чуде, он повелел угостить их и отпустил домой, пожаловав им ризы и церковную утварь, 1000 рублей денег на монастырское строение и украшение церквей, на двенадцать человек братии столовые медные и оловянные сосуды, для келлий рукомои, лохани и медные водоносы и грамоту, которой в монастырское владение отводилась земля со всеми деревнями, крестьянами и угодьями на продолжении трех верст от обители во все стороны. Узнав о царском жаловании, братия монастыря воскликнули: «Будь, царь, здоров на царском своем престоле на многа лета!» – и вознесли о нем молитвы.

В 1571 году в народе было поветрие – изнурительный кашель. Многие больные этой болезнью получали исцеление у гроба преподобного Кирилла и между другими – житель соседнего с обителью села Замошья Мелетий, едва не умерший. В этом же году в обитель был приведен на память преподобного отрок Иосиф, с двухлетнего возраста страдавший

бесным недугом. Родители больного попросили братию отслужить молебен при гробе святого и во время молебна со слезами взывали к преподобному: «Помилуй нас, рабе Божий, – сын наш очень страдает, грехов наших ради!» Когда больного приложили ко гробу, недуг исчез навсегда.

Жена жителя Белозерска Иоанна Евсеева Мария не могла разрешиться от бремени и сильно страдала. Родственники больной призывали к себе знахарок, но те не оказали ей никакой помощи. Тогда, видя, что Мария близка к смерти, вынесли ее в чистую комнату, положили на особое ложе и стали делать другие приготовления к кончине. В это время муж ее принес икону Богоматери и начал молиться пред нею, упоминая и преподобного Кирилла. После этого Марии в той же комнате явился преподобный в образе высокого благообразного старца с небольшой седой бородой и, перекрестив ее, сказал: «Мария, имей веру к блаженному Кириллу Белому – и будешь здорова!» Тотчас больная разрешилась от бремени и стала здорова.

Симеон, родом из Кемской стороны, живший в обители преподобного, пошел однажды в лес за грибами и ягодами для братии и много дней блуждал в нем, отыскивая путь. Выбившись совершенно из сил и потеряв надежду возвратиться в монастырь, он сел под деревом и в ожидании смерти начал молиться преподобному Кириллу. Вдруг ему явился благообразный старец и велел следовать за собой. Приведя Симеона к монастырю, старец сказал: «Иди, чадо, с миром ко гробу блаженного Кирилла» – и сделался невидим.

9 ноября 1612 года получил исцеление, призывая имя святого Кирилла, житель города Ростова Димитрий, пораженный параличом во время пребывания в монастыре преподобного.

В 1620 году в селе Кем Белозерского уезда, у церкви Пресвятой Богородицы жил священник Михаил с женою Антониною, которая давно страдала тяжелыми припадками. В воскресенье 23 июля с Антониной случился особенно сильный припадок, продолжавшийся с утра до вечера. Когда она в изнеможении лежала под присмотром вдовы Дарии, ей явился преподобный Кирилл в святительской одежде и с крестом в руках и сказал: «Чадо, ты страдаешь? Иди в монастырь мой,

помолись Господу Богу, приложись к моему гробу – и будешь здорова».

Изумленная больная сообщила Дарии, что чувствует себя лучше и просила ее дать за себя обет поклониться гробу святого Кирилла. Дарья рассказала об этом родным больной, но те не придали этому значения. Вслед за этим припадки возобновились и продолжались ежедневно с утра до ночи. 30 июля Антонина одна осталась в своей комнате и, ожидая приближения недуга, со слезами молилась Божией Матери и преподобному Кириллу. Вдруг открылись двери и вошел чудотворец. Он был в святительском одеянии, лицо его светилось, в правой руке он держал кадило, а в левой крест и незажженную свечу. Воскурив фимиам пред иконами и Антониной, преподобный сказал: «Чадо, не бойся меня; ты будешь здорова».

Дав ей свечу и ладан, он велел ей заказать молебен, который бы пели все время, пока горит свеча, и самой держать эту свечу и ладан в бумаге; затем все, что останется от свечи в бумаге, положить в кемскую церковь Покрова Пресвятой Богородицы на исцеление приходящим с верою больным, а ладан отдать в церковь Николая Чудотворца на Ковже; в память же этого события написать образ его явления и поставить его в церкви Покрова над местным образом. Затем он стал говорить: «Чадо, не вели мужу четверобрачных и троебрачных мужчин и женщин пускать в храм. Также пусть не входят и те, которые имеют с кем-нибудь вражду и не примирились. Видишь ли, чадо, Божие посещение и наказание, как Бог наказывает мир сей многими казнями за невоздержание то нахождением иноплеменных воинов, то голодом, то мором? Ибо праздники Божии не исполняют, в среду и пятницу не постятся и воскресных дней не почитают: живут скотски, как свиньи в кале валяются. Если не покаются и не оставят злых своих дел, то будет великая казнь от Бога. Ты же, пока не сходишь в мой монастырь, питайся только ягодами и не принимай никакой другой пищи».

Долго преподобный поучал больную и, окончив речь, сделался невидим. Антонина почувствовала себя здоровой и

только не могла владеть языком, но, сходя в обитель и помолившись у гроба преподобного, она получила полное исцеление. После этого она дала обет ежегодно приходить в обитель преподобного Кирилла ко дню его памяти. Однако в первый же наступивший день памяти святого (4 февраля 1621 года) она осталась дома, думая пойти в монастырь в следующий раз. 11 февраля Антонина внезапно ослепла, а на третий день почувствовала на себе влияние какой-то невидимой силы, удерживавшей ее на одном месте. В глубоком ужасе и раскаянии Антонина прибегла к помощи преподобного Кирилла и вновь получила исцеление, приложив к глазам оставшийся от свечи святого Кирилла воск и послав вместо себя мужа в обитель.

С тех пор она и муж ее до смерти не нарушали данного обета.

В 1628 году монастырь посетила жена окольного Никиты Годунова Анна вместе с своими детьми, чтобы помолиться о царском здравии и о даровании царю детей. После литургии и молебна она попросила дать ей немного земли от гроба блаженного, которой народ приписывал целебную силу. Когда игумен при пении тропарей преподобному Кириллу велел приподнять помост над гробом и наклонился, чтобы взять земли из-под помоста, к изумлению всех присутствовавших поднялось благоуханное облако, распространившееся затем по всей обители. В то же время получили исцеление бывшие при гробе двое больных: Иван Шишкин и Ирина Волохова (или Молакова).

После ряда чудес, бывших у гроба преподобного Кирилла в присутствии Анны Годуновой, настоятель и братия Новоезерского монастыря донесли о происшедшем царю Михаилу Феодоровичу и патриарху Филарету. Царь и патриарх приказали митрополиту Ростовскому Варлааму произвести на месте расследование обстоятельств дела. Расследование было произведено по поручению митрополита игуменом Белозерского монастыря Филиппом и бывшим игуменом того же монастыря Никоном. При дознании присутствовали: белозерский протопоп, белозерские горожане, власти Белозерского уезда, священники и многие люди всяких чинов. Все присутствовавшие

единогласно, на словах и письменно, засвидетельствовали справедливость донесения монастыря и кроме того сообщили и засвидетельствовали множество и других чудес. Донесение об этом было послано через митрополита Варлаама царю и патриарху. По неизвестным причинам дело остановилось на этом и ожидавшегося всеми церковного прославления преподобного Кирилла как угодника Божия на этот раз не последовало.

В то же царствование Михаила Феодоровича братия и вкладчики Новоезерского монастыря и почитатели преподобного в Москве и других городах предприняли постройку каменной церкви во славу преподобного Кирилла на его гробе. Но быть может вследствие того, что дознание о чудесах не имело дальнейшего движения, все дело ограничилось заготовлением небольшого количества кирпича и других материалов.

В царствование Алексея Михайловича, в мае 1648 года, в Москве вспыхнул народный мятеж против некоторых лиц, бывших в приближении царя. Начальник пушкарского приказа Петр Траханитов, дьяк Елеазар Чистой и многие другие были убиты и ограблены. Мятежная толпа приступила к Красному крыльцу и требовала выдачи боярина Бориса Ивановича Морозова, царского воспитателя и родственника, и уже разбила его дом и разграбила имущество. Боярина с трудом успели укрыть от рук разъяренной толпы, и вскоре он тайно бежал в Кирилло-Белозерский монастырь. Игумен Новоезерского монастыря Амфилохий и братия, узнав о пребывании его в соседстве с ними, послали к нему монаха Иону с образом и житием преподобного Кирилла. Боярин с честью принял образ и с благоговением прочитал житие святого. После этого душа его наполнилась какой-то радостью и восторгом, мучившие его страхи и горе совершенно исчезли, и он возымел желание поклониться гробу преподобного Кирилла. Отслужив молебен на гробе и со слезами помолясь святому, боярин сказал игумену и братии: «Отцы святые, помолитесь о мне Господу Богу, Пречистой Его Богоматери и преподобному чудотворцу Кириллу. Если Бог умиласердится надо мною по молитвам преподобного Кирилла и возвращусь в царствующий град и великий государь

пожалует меня в свой царский синклит, в первый мой чин, то я построю на этом месте каменную церковь в честь и славу Воскресения Христова и в похвалу святого Кирилла».

Обрадованные игумен и братия отвечали ему горячими благопожеланиями. Раздав богатую милостыню, боярин возвратился в Кирилло-Белозерский монастырь. Спустя немного времени в Москве утихло волнение, боярин был позван к царю и занял свое прежнее положение. В следующем 1649 году Морозов приступил к исполнению своего обещания. 4 сентября по его приказу архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Афанасий и старец келарь Савватий Юшков были на основании каменного храма. В их присутствии начали копать рвы, и когда повели один ров близ того места, где была гробница преподобного Кирилла, под гробницей на глубине поларшина от поверхности земли среди древесных корней открылся совершенно неповрежденный гроб. Без патриаршего указа и митрополичьего приказания архимандрит и келарь не осмелились взять землю с гроба, открыть и освидетельствовать его. Гроб был до указа обложен кругом досками, а об открытии донесено митрополиту Ростовскому Варлааму, патриарху Иосифу и боярину Морозову. Морозов, получив извещение, рассказал царю все с ним бывшее и ознакомил его с житием и чудесами преподобного Кирилла. В октябре патриарх, по совету с царем, послал Вологодскому архиепископу Маркеллу грамоту с предписанием ехать на Новое озеро, осмотреть мощи святого, перенести их во временное помещение, устроить празднество и донести о всем царю и патриарху.

Архиепископ Маркелл прибыл в Новоезерский монастырь вместе с архимандритом Кирилло-Белозерского монастыря Афанасием и того же монастыря келарем Савватием и соборными старцами. 7 ноября при игумене новоезерском Амфилохии, монастырской братии и многочисленном стечении народа он велел очистить гроб от земли, открыть его и освидетельствовать мощи и одежды. По осмотре архиерей и священный собор переложили тело в новый гроб и перенесли его в деревянную церковь Воскресения Христова. В церкви праздновали Успению Пресвятой Богородицы, пели соборне

вечерню, заутреню и перед литургией молебен Всемилостивейшему Спасу, Богородице и всем святым и святили воду. Многие из бывших на торжестве больных получили исцеление. Народ брал от ветхого гроба частицы дерева и уносил их с собою с верою в их целебную силу.

В 1651 году, по царскому повелению, в деревянном храме Воскресения была поставлена новая рака для мощей преподобного Кирилла. Около того же времени было установлено общецерковное празднование ему как святому Российской Церкви. В 1652 году была окончена постройка новой каменной церкви и освящена 22 августа Кирилло-Белозерским архимандритом Митрофаном и новоезерским игуменом Амфилохием. В день освящения с великой честью, со свечами, кадилами и пением святые мощи были положены в новой церкви Воскресения на правой стороне, у южных дверей, над тем местом, где был ранее гроб в земле.

9 марта 1722 года Новоезерский монастырь посетил император Петр Великий. Император пробыл около трех часов, молился у гроба преподобного, осматривал старую и новую гробницы, церковную утварь и монастырское имущество и читал в келлии настоятеля житие святого. 15 марта Петр, присутствуя в Преображенском, приказал переложить мощи преподобного Кирилла из старой гробницы в новую. Это повеление было исполнено по распоряжению Святейшего Синода архимандритом Кирилло-Белозерского монастыря Иринархом.

Святослав-Гавриил Юрьевский, благоверный князь

В древних русских летописных святцах Святослав-Гавриил Всеволодович, юрьевский князь, именуется «святým», показан в числе русских святых не канонизованных. Память его и до сего времени благоговейно почитают не только жители Юрьева (Польского) во Владимирской губернии, но и окрестные жители, притекая в Георгиевский собор (в Юрьев) на поклонение ему.

Святослав III, в крещении Гавриил, великий князь владимирский, сын Всеволода III (Димитрия) Юрьевича, прозванного Большое Гнездо, и Марии (в иночестве Марфы), дочери богемского (чешского) князя Шварна, родился в г. Владимире на Клязьме 26 марта 1196 года. Четырехлетним ребенком (в 1199 г.) он был назначен на княжение в Новгороде, а затем в 1206 году был сменен старшим братом Константином, в 1208 году снова возвращен в Новгород; в 1212 году (уже по смерти отца) получил в удел г. Юрьев Польский (основанный его дедом великим князем Юрием Владимировичем Долгоруким). В 1247 году получил великокняжеский престол во Владимире, но изгнанный своим племянником Михаилом Ярославичем Храборитом в 1248 году и замещенный на великокняжеском престоле другим своим племянником Андреем Ярославичем ездил в 1250 году в Орду, где не имел успеха в возвращении себе великокняжеского престола и умер в г. Юрьеве Польском 3 февраля 1253 года. Тело его было погребено в Георгиевском соборе (им же построенном) в г. Юрьеве.

Князь Святослав-Гавриил был женат на Евдокии – дочери Петра Юрьевича (в монашестве Давида), муромского князя, и Февронии (в иночестве Евфросинии – см. 25 июня/8 июля). От этого брака у них был единственный сын Димитрий, признаваемый по старинным святцам святým. Из летописи видно, что супруга Святослава Евдокия еще при жизни своего мужа, в 1228 г., пожелала пойти в монастырь. «Святослав отпусти княгиню свою по свету, всхотевше ей в монастырь, и даст ей наделок мног». Княгиня ушла «к братии» в Муром и там постриглась.

Симеон, епископ Тверской, святитель

В рукописных святцах Симеон, епископ Тверской, поставлен между святыми Русской Церкви. Летописи разных времен, говоря о нем, называют его «преподобным епископом», чем показывают в нем подвижническую, святую жизнь.

Блаженный Симеон был седьмым Полоцким епископом и первым епископом Тверской епархии. Происходил он из рода князей полоцких. Кафедра святого первоначально была в Полоцке, но враждебные нападения и распри литовских князей, убийство в 1263 году полоцкого князя, его племянника, принудили переселиться в Тверь. В то же самое время тверской князь Ярослав Ярославич стал великим князем России и любимую им Тверь избрал в свой престольный город. Благоверный князь принял блаженного пастыря со всей любовью и наделил его Тверскую кафедру богатыми именьями и угодьями.

Епископ Симеон управлял паствой как один из лучших пастырей Церкви; своими высокими умственными и нравственными качествами души он приобрел всеобщее уважение. Летописец говорит, что святитель тот был «смыслен зело и силен в книгах Божественнаго Писания, учителен, добродетелен, нищия и сироты и вдовицы жаловаше, и обидимых заступляше, и насилуемых избавляше», без боязни говорил правду князьям и вельможам. Памятники древности передают разговор св. Симеона с полоцким князем Константином, который, желая посмеяться над своим тиуном (судьей), за обедом спросил у святителя: «Где будут тиуны на том свете?» Симеон отвечал: «Тиун будет там же, где и князь». Князю это не понравилось, и он сказал: «Тиун судит неправедно, берет взятки, мучит людей, а я что худое делаю?» Владыка объяснил ему: «Если князь добрый и богобоязненный, жалеет людей, любит правду и поставит тиуна – человека доброго и богобоязненного, умного и правдолюбивого, то князь будет в раю и тиун его с ним. Если же князь без страха Божия, не жалеет христиан, не думает о сиротах и вдовах и поставляет

начальника злого, нерассудительного, а только бы доставлял ему деньги, пускает его, как голодного пса на пададь, губить людей, то и князь будет в аду, и тиун его с ним. Говорю вам, князьям и наместникам: утешайте печальных, избавляйте слабых из руки сильных. Богатые обижают их, и они к вам приходят как к защитникам добрым. Вы же, князья и наместники, подобны дождевой туче, пускающей воду над морем, а не над землей жаждущей. Вы тем даете и помогаете, у которых много серебра и золота, а не тем, которые не имеют ни пенязя; бедных отдаете в рабство, а богатых наделяете щедро». Это свободное, бестрепетное обличение сильных земли, это чистое сознание требований правды древность русская почтила тем, что вынесла его в общие руководства правосудия.

По летописи, блаженный пастырь в 1271 году с любовью отдавал последний долг любви и уважения почившему благотворителю своему великому князю Ярославу Ярославичу, скончавшемуся на пути из Орды. Князя привезли в Тверь для погребения. «Тверской епископ Симеон совершил над ним обычное надгробное пение, и его положили в соборном храме св. Космы и Дамиана». Юный княжеский сын Михаил († 1318; память 22 ноября/5 декабря) стал воспитываться под руководством святителя.

В 1276 году пожар истребил жилые строения города Твери; истреблены были все храмы, за исключением одного. Заботливому святителю много надо было употребить трудов для построения дома святительского и храмов.

В 1282 году снова был пожар в Твери. Ветхий деревянный кафедральный храм св. Космы и Дамиана был разобран и на его месте в 1285 году святитель основал каменный кафедральный храм в честь Спасителя.

Какой сердечной преданностью и любовью св. Симеон пользовался у своих пасомых, можно видеть из следующего: «1286 г. Литва повоева Тверскаго владыки церковную волость Олешню и прочая...» и ограбили их. Тверитяне добровольно, сами собой бросились за хищниками, догнали их и отняли все награбленное. И князь, каков был святой Михаил Ярославич, употребил все, чтобы новый собор строился без замедления и

остановок, но прочный великолепный храм не мог быть построен скоро. Святитель, чувствуя, что при его старости не доживет он до освящения нового собора, и скучая без служения при кафедре, столько отрадного для печальной старости, освятил (в 1287 г.) в созидавшемся соборе подвижной престол, чтобы молиться здесь вместе с паствой пока может. А храм был освящен преемником его, епископом Андреем, в 1290 году.

Святой Симеон скончался 3 февраля 1289 года, в летописи под 1289 г. записано: «Преставися блаженный епископ Симеон Тверский... и положиша тело его в церкви св. Спаса на правой стороне, февраля в 3-й день».

Роман Угличский, благоверный князь

Святой благоверный князь Роман, Угличский чудотворец, родился 1 октября 1235 года. Он был младшим сыном угличского князя Владимира и княгини Фотинии и племянников святого князя Василька Ростовского († 1238; память 4/17 марта). С детства святой князь Роман отличался любовью к молитве, послушанием родителям и прилежанием к чтению Священных книг. Он был утешением своему отцу, матери, брату и всему семейству. Святому Роману было всего два года, когда Батый со своими полчищами двинулся на Русь. Узнав о приближении татар к Угличу, отец святого Романа увез его вместе со старшим братом Андреем в Новгород. Целые три года скитались они в Новгородской области, и когда татары уже совсем оставили Россию, возвратились в Углич.

В 1248 году явились в Углич татарские чиновники; князь Владимир отправился во Владимир и здесь умер в 1249 году. Чиновники хана нашли, что Угличское княжество покорно хану и исправно платит дань. Потому старший сын князя Владимира Андрей стал управлять княжеством Угличским.

В 1261 году, по смерти старшего брата, святой Роман 26-ти лет принял на себя управление княжеством. С отеческой любовью заботился он о своих подданных и старался не столько об умножении княжеской казны, сколько о благополучии вверенного ему Богом княжества: строил и содержал больницы, странноприимные дома и богадельни. Многие люди из соседних княжеств, прослышав о милосердии, щедрости и благонравии святого князя Романа, переходили в его Угличский удел. Святой князь Роман Владимирович также много потрудился для украшения столицы своего княжества – города Углича. Он перестроил княжеский дворец, построил ряд общественных зданий. Заботился святой князь Роман и о монастырях и храмах Божиих. В течение 24 лет своего правления он построил и украсил богатыми вклады более 15 храмов.

Святой князь Роман Владимирович часто беседовал с опытными мужами того времени. Особенно он любил посещать

келлии монахов, ведущих благочестивую, подвижническую жизнь. В 1280 году скончалась жена святого благоверного князя Романа княгиня Александра. С того времени он всецело посвятил себя подвигам поста, молитвы, благотворительности и благочестия. Каждый день святой Роман присутствовал на богослужении, много времени уделял чтению духовных книг.

Святой князь прославился также построением в своем княжестве нового прекрасного города, который был назван в честь основателя Романовым (ныне г. Тутаев). Летописи сохранили подробности его постройки. Святой князь выбрал для него место на высоком берегу Волги. Там была заложена церковь в честь Воздвижения Честного Креста Господня. Святой князь сам указывал, где и что должно быть в городе построено.

Во время правления святого князя Романа Угличское княжество разрослось и укрепилось. Предвидя кончину, он созвал бояр и духовенство к своему ложу и завещал им жить в мире, любви и согласии, как родным братьям. После его смерти Угличское княжество перешло в удел ростовских князей, так как святой князь Роман умер бездетным.

Преставился к Богу святой князь Роман 3 февраля 1285 года. Тело его было погребено в церкви Преображения в Угличе. Мощи святого Романа в 1486 году были обретены нетленными и перенесены в новую соборную церковь Преображения. По распоряжению патриарха Иова мощи были освидетельствованы Казанским митрополитом святителем Ермогеном (будущим патриархом) в 1595 году, после чего последовало прославление святого. В 1605 году святые мощи князя Романа были сожжены поляками вместе с храмом, но частицы их сохранились.

О святом князе Романе в 1605 году было написано житие Семеном Олферьевым и иноком Сергием, но оно погибло во время разорения Углича в 1609 г.

Первая служба святому князю Роману происходит из Угличского Спасо-Преображенского собора. Ко второй службе XVII века сделана приписка: «Лета 6793 (1285). Преставление святого благоверного князя Романа Угличскаго, нового чудотворца. А обретение чесных мощей на основании храма во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Боголепного

Преображения. А память святого благоверного князя Романа октября в 1-й день, на память святого Романа Певца кондакорев. А проявление преславных чудес его лета 7113 (1605), февраля в 3-й день, на память святого праведного Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. Повесть, стихиры же и каноны сотворены по благословению великого святейшего кир Иова, патриарха Московского и всея России, труды и тщанием Симеона Олферьева, да инока Сергия честныя обители Пресвятыя Троицы Даниилова монастыря Переяславля Залесского».

Февраль, 4

Георгий Всеволодович, благоверный великий князь – прославление

Великий князь Георгий Всеволодович был третьим сыном великого князя Всеволода III Георгиевича, по прозванию Большое Гнездо, и княгини Марии Шварновны. Он родился 26 ноября 1187 года в городе Суздале и по желанию отца получил имя деда. Пяти лет от рода княжич Георгий по обычаю того времени был «посажен на конь», совершены были его постриги. Торжество происходило в Суздале. Когда ему исполнилось 19 лет, его мать Мария, сильно заболевши, постриглась в монастыре Пресвятой Богородицы во Владимире на Клязьме, и Георгий провожал свою мать до обители. Через несколько дней она скончалась, и Георгий оплакивает кончину матери, особенной любовью которой он пользовался. В 1211 году князь Георгий вступил в брак с дочерью киевского князя Всеволода Святославича Чермного, родной сестрой святого благоверного князя Михаила Черниговского. От этого брака князь Георгий имел трех сыновей – Всеволода, Мстислава и Владимира.

В XII-XIII веках, когда жил благоверный князь Георгий, Русская земля сильно страдала от междоусобий удельных князей, между которыми была разделена. Отец Георгия великий князь Всеволод III пытался достигнуть объединения и за свои заслуги получил имя Великого Всеволода, однако не был в состоянии прекратить удельную вражду и при своей жизни не раз привлекал детей своих к участию в междоусобной борьбе. Таким образом молодой Георгий в первый раз выступает в истории действующим вместе с отцом и братьями в осаде Пронска в 1207 году. В следующем году Георгий Всеволодович отражал нападение прежнего пронского князя Михаила и двоюродного его брата Изяслава на Московские волости великого князя, действовал потом против мятежных новгородцев.

В 1212 году великий князь Всеволод стал изнемогать и захотел при жизни урядить сыновей, которых у него в то время оставалось шестеро: Константин, Георгий, Ярослав, Святослав,

Владимир и Иоанн. Он послал за старшим Константином, княжившим в Ростове, желая дать ему после себя стольный город Владимир, а в Ростов посадить Георгия. Но Константин не соглашался на такое распоряжение и ответил отцу: «Если хочешь сделать меня старшим, то дай мне начальный город Ростов и к нему Владимир, или, если тебе так угодно, дай мне Владимир и к нему Ростов».

Всеволод, посоветовавшись с боярами и епископом Иоанном, решил наказать непослушного Константина – отдать старшинство Георгию и 14 апреля 1212 г. на 64 году жизни скончался. Константин оскорбился на Георгия и «воздвиге брови своя со гневом».

Так сделался великим князем владимирским Георгий Всеволодович, получивший в наследие неустроенную землю, борьбу городов и князей и нерасположение обиженного старшего брата. Уже в следующем году Константин, недовольный потерей старшинства, возбудил всю землю Суздальскую и поднял восстание на брата Георгия. И остальные братья приняли участие в междоусобице. Собранные ими войска сошлись под Ростовом у реки Ишни. На сей раз братья помирились и разошлись по своим городам без битвы, так как великий князь, сильный миролюбием и предусмотрительностью, имел средства избежать кровопролития. В другой раз усобицу начал Владимир Всеволодович, выбежавший из своего города Юрьева Польского сперва на Волок, а оттуда на Москву, чтобы отнять их у Георгия. За последнего стал брат Ярослав. Полки Владимира были прогнаны дмитровцами, до большой битвы дело не дошло, великий князь не пожелал мстить нападавшему, и братья опять помирились. Князь Ярослав рассорился с новгородцами, которые взяли себе князем храброго Мстислава Мстиславича Удалого; возникла новая усобица, в которой Георгий Всеволодович должен был поддерживать Ярослава, а с новгородцами соединились псковичи, смоляне и все сторонники князя Константина Ростовского. В апреле 1216 года произошла Липицкая битва (битва называется от речки Липицы в Юрьевском уезде, Владимирской губернии, близ которой она разыгралась), в которой великий князь и его союзники были

разбиты наголову, и ему пришлось уступить первенство брату Константину. Уходя из Владимира в Радилов – городок на Волге, Георгий Всеволодович молился у отцовского гроба и со слезами говорил: «Суди Бог брату моему Ярославу, что довел меня до этого».

В 1217 году Георгий Всеволодович получил от брата Константина предложение взять княжение в Суздале; а когда 2 февраля 1218 года великий князь Константин скончался, то следующий за ним по старшинству Георгий Всеволодович возвратился на великокняжеский стол, который занимал до своей страдальческой кончины.

Отмеченные черты смутного состояния Руси выступали во всей силе в течение дальнейшего правления Георгия Всеволодовича и привели государство к страшному погрому, известному под именем монгольского (татарского) ига. Новгородская вольница причиняла великому князю великие заботы и отвлекала его силы на бесплодную внутреннюю борьбу. По просьбе новгородцев он неоднократно посылал им в правители то сына своего Всеволода, то шурина своего святого князя Михаила Черниговского, вынуждался идти походом на земли Новгородские и занимал своими полками Торжок: порядка в Новгороде не удалось достигнуть. Между тем государство терпело от набегов восточных соседей – камских болгар и мордвы. В большом походе болгар в 1220 году по предложению великого князя приняли участие брат его Ярослав, княживший в Переяславле, племянник Василько Константинович из Ростова, муромский князь Святослав Давидович и другие. Поход был удачный, но утомительный. Чтобы закрепить достигнутые успехи, великий князь основал (в 1221 г.) при устье Оки крепость – город Нижний Новгород.

Заложен был город на Мордовской земле, а потому после 1221 года должны были возникнуть и возникли особенно враждебные действия со стороны мордвы. В 1229 году мордва приходила с князем своим Пургасом к самому Нижнему Новгороду и успела сжечь устроенные здесь Богородицкий монастырь и загородную церковь. Продолжалась борьба и с болгарами. Но главные заботы великого князя Всеволода

вызывались внутренней враждой князей. Великому князю владимирскому приходилось вести войну с Черниговом и всячески умиротворять беспокойного брата Ярослава. Главным поводом к раздору был тот же Новгород, где враждовали сторонники Михаила Черниговского и суздальская. Ярослав под тем предлогом будто Георгий Всеволодович продолжает поддерживать Михаила в Новгороде, возбудил против великого князя его племянников Константиновичей – Василька, Всеволода и Владимира. В 1229 году Георгий Всеволодович собирал к себе во Владимире недовольных родственников и успокоил их. За то скоро возмутился Михаил Черниговский и вместе с князем Владимиром Киевским двинулся на волынских князей Даниила и Василька Романовичей, бывших в близком родстве с великим князем, выдавшим за Василька свою дочь. Поход в Черниговские волости, хотя и не сопровождавшийся битвами и победами, не увеличил ни русской военной силы, ни единодушия князей русских, против которых уже стоял вблизи страшный враг – монголы.

Еще под 1229 годом наши летописи упоминают, что саксины и половцы прибежали с низовьев Волги к болгарам, гонимые татарами, прибежали и сторожа болгарские, разбитые татарами на реке Яике. В 1236 году 300 тыс. татар под начальством Батыея вошли в землю Болгарскую, сожгли город Великие Болгары, истребили всех жителей и опустошили землю; а в следующем году лесною стороною с востока татары явились и в пределах Рязанских. Князья рязанские, не допуская татар к городам, отправились к ним навстречу в Воронеж и объявили: «Когда никого из нас не останется, тогда все будет ваше».

Такая решимость не спасла государства. Разрозненные уделы один за другим были покорены врагом, не встретившим объединенного отпора всей земли.

Крайне тяжело, вероятно, было на душе у великого князя, посвятившего всю жизнь свою объединению и внутреннему миру и теперь перед страшной опасностью видевшего Русскую землю разделенной и обессиленной. Рязань сожжена. Пришла очередь и стольному Владимиру. Опустошив Рязанскую землю, татары двинулись к Коломне. Здесь дожидался их сын великого

князя Всеволод с беглым рязанским князем Романом и воеводой Иеремией Глебовичем. После крепкой сечи великокняжеское войско потерпело поражение. В числе убитых были князь Роман и воевода Иеремия, а Всеволод Георгиевич успел спастись с малой дружиной бегством во Владимир. Татары шли дальше; взяли Москву, где убили воеводу Филиппа Няньку, захватили князя Владимира Георгиевича и отправились с ним к Владимиру. Великий князь оставил здесь своих сыновей Всеволода и Мстислава с воеводой Петром Ослядуковичем, а сам с тремя племянниками Константиновичами поехал на Волгу и стал на реке Сити. Потом, оставив здесь воеводу Жирослава Михайловича, отправился по окрестным волостям собирать ратных людей, поджидал и братьев Ярослава и Святослава. Между тем татары быстро двигались вперед. Скоро к великому князю на Сити была принесена страшная весть: его сын князь Владимир убит, другой князь – Всеволод, понявши, что силой города не отстоять, вышел к Батыю с дарами и был также умерщвлен, Мстислав с частью жителей пытался укрыться в старом городе и был убит татарами. Епископ Митрофан, великая княгиня с дочерью, снохами и внучатами, другие княгини со множеством бояр и простых людей заперлись в Успенском соборе на хорах. Татары отбили двери, церковь ограбили, а бывших там сожгли вместе с церковью. Перед смертью многие приняли иноческий образ от епископа Митрофана. Выслушав скорбную повесть, великий князь заплакал. «Господи, Боже мой! – взывал он. – Испытание, Тобою ниспосланное, тяжело мне! Ты лишил меня, как некогда Иова, лишил всего, что у меня было. Жена и дети мои погибли. Взяты Тобою и люди, вверенные Тобою же моей державе. Что же делать мне? Согрешили мы пред Тобою, Господи, и Ты смирил нас: праведен Ты, Господи, и правы суды Твои о нас. Но эта кровь множества людей, не повинных в наших грехах? Господи, Господи! Ты призвал к Себе это множество новых мучеников: почто же меня единого сохранил посрамленным? Всемиловите Господи! Не лишай и меня, грешного и недостойного, Твоего участия в их славе, сподоби и меня пострадать со Христом, как они пострадали, ради имени Твоего

святого, Отца, и Сына, и Святаго Духа. Но да будет воля Твоя святая, яко благословен еси во веки. Аминь».

Молитва укрепила его, и князь стал спокойно готовиться к битве и к смерти. Воевода Дорожа с трехтысячным отрядом послан был разузнать о неприятеле; но он скоро возвратился и донес, что татары уже обошли русское войско кругом. Тогда князь сел на коня и вместе с братом Святославом и тремя племянниками выступил против врагов. Произошла страшная сеча, русские полки побежали, и великий князь был убит. Татары отсекли ему голову. Молитва его была услышана, он пал как добрый воин, как мученик за веру и Русь Православную.

Как буря, пронеслось вражеское войско, оставив за собою поле, покрытое трупами. Недолго спустя после битвы возвращался с Белоозера к своей пастве Ростовский епископ Кирилл. Путь его лежал недалеко от Сити. Архипастырь зашел сюда, чтобы вознести свои молитвы к Богу об упокоении душ за веру и отечество павших воинов. Среди множества мертвых тел святитель узнал по великокняжескому одеянию тело великого князя Георгия, но туловище его лежало без головы. С благоговением взял он тело князя, принес его в Ростов и здесь при великом плаче народа, отпев обычные погребальные пения, похоронил его в соборном Богородичном храме. Через некоторое время была найдена и глава князя-страдальца, принесена и приложена к телу. Новый великий князь, брат почившего, Ярослав Всеволодович, устроившись во Владимире, очистив от трупов и возобновив церкви, в 1239 году послал в Ростов за телом благоверного Георгия. Честные останки великого страдальца возле Владимира встретил митрополит Кирилл II со всем духовенством, великий князь Ярослав с братом Святославом и детьми, со всеми боярами и всеми жителями Владимира от мала до велика. При виде гроба раздался общий плач и рыдания, заглушавшие церковное пение. Гроб был положен в соборе Успения Пресвятой Богородицы, где лежал и Всеволод, отец князя Георгия. Дивный во святых Своих Господь благоволил утешить сердца русского народа, явив в благоверном князе Георгии Своего угодника. Все бывшие при перенесении тела увидели преславное чудо: глава

святого Георгия, отсеченная татарским мечом, приросла в гробе к телу, так что не видно было на теле и следа отсечения ее, но все составы были целы и неразлучны. Каменный гроб, в котором были положены мощи святого Георгия, установлен в возглавии гробниц с телами его сыновей – Всеволода, Мстислава и Владимира. В этом гробе тело пребывало до 1645 года, когда обретено было нетленным и переложено в сребропозлащенную гробницу, устроенную патриархом Иосифом, питавшим особенное уважение к этому святому.

Авраамий и Коприй Печенгские, преподобные

О преподобных Авраамии и Коприи не сохранилось почти никаких сведений. Неизвестно происхождение того и другого, не знаем места иноческого пострижения обоих. Знаем только, что они подвизались в Печенгской обители во имя Преображения Господня, которую, вероятно, сами основали недалеко от города Вологды. Время жизни угодников Божиих определяется лишь приблизительно – конец XV столетия. Мощи их почивают под спудом на месте их совместных подвигов, в храме упраздненного Спасского монастыря, в настоящее время приходском Владимиро-Печенгского погоста. Празднование преподобным Авраамиию и Коприю местное.

Февраль, 6

Арсений Икалтойский, Грузинский, преподобный

Преподобный Арсений Икалтойский происходил из грузинского княжеского рода Вачнадзе. Он родился в Кахетии (Восточная Грузия), по некоторым данным, в селении Икалто. Воспитанный благочестивыми родителями, преподобный Арсений с детства отличался любовью к церковным службам и молитве. Духовное образование он получил в Константинопольской академии, где глубоко изучил не только богословие, но и естественные науки.

По окончании академии принял монашество и нес послушание в одном из грузинских монастырей Черной горы (близ Антиохии) под руководством святого Ефрема Мцире († 1101; память 18/31 января). Здесь преподобный Арсений ревностно занимался богословской и переводческой деятельностью, исследуя, в частности, причины отпадения нехалкидонских Церквей от Православия.

Ему принадлежит перевод на грузинский язык «Великого Номоканона» святого Фотия, патриарха Константинопольского (857–867, 877–886 гг.), «Золотого нектара» святого Иоанна Дамаскина, а также составление сборника переводных трудов «Догматикон» с комментариями, направленными против различных еретических учений. После кончины своего наставника преподобный Арсений вернулся в Константинополь и продолжал свои ученые труды.

Отстаивая чистоту Православия, преподобный Арсений стяжал еще при жизни славу ученого-энциклопедиста (богослова, философа, филолога, логика, физика, анатома, поэта). По приглашению грузинского царя Давида III Возобновителя (1089–1125) (сведения о нем помещены под 26 января/8 февраля) он вернулся в Грузию в 1114 году и некоторое время преподавал в Гелатской академии (Западная Грузия). Затем в 1114–1120 гг. преподобный Арсений возглавил основанную при его деятельном участии Икалтойскую академию (у себя на родине в селении Икалто, при монастыре

Нерукотворного Образа). В этой академии, по преданию, учился великий грузинский поэт Шота Руставели.

Преподобный Арсений был одним из инициаторов и деятельнейшим участником церковного Собора в армянском городе Ани, под его влиянием часть армянских епископов-монофизитов склонилась к принятию Православия. В течение многих лет преподобный Арсений являлся духовником святого благоверного царя Давида III Возобновителя и своими благими советами всемерно содействовал процветанию Грузинской Церкви. Его проницательность и духовная мудрость, чистота и праведность жизни свято чтутся Грузинской Православной Церковью. Память преподобного Арсения Икалтойского совершается 6/19 февраля, в день его блаженной кончины.

Февраль, 9

Геннадий и Никифор Важеозерские, преподобные

В Олонецкой епархии существует монастырь, называемый Задне-Никифоровской пустынью. Устроение сей обители связано с именами преподобных Геннадия и Никифора, учеников преподобного Александра Свирского. Геннадий освятил место будущей обители своими продолжительными уединенными молитвами, а Никифор – строительными трудами.

Преподобный Геннадий был сыном благочестивых и состоятельных родителей, в молодых годах воспылал ревностью к иноческим подвигам, покинул мир и отправился к преподобному Александру, тогда еще одиноко подвизавшемуся на реке Свири. Преподобный долго не соглашался нарушить свое уединение принятием пришедшего юноши и уступил только неотступным его мольбам.

В течение нескольких лет проживая подле великого учителя, Геннадий показал столько великих подвигов труда, бдения, послушания и поста, что преподобный Александр признал его окончившим испытание и благословил его на уединенное подвижничество. Смиранный инок отошел от своего учителя на недалекое расстояние, к озеру Важе, устроил здесь для себя на берегу келлию-пещеру и весь остаток дней своих провел в ней одиноким отшельником. Молва о его подвижнической жизни не могла не распространиться, к нему приходили многие и изъявляли желание устроить жизнь свою возле него и под его руководством. Но лишь под конец своей жизни преподобный Геннадий позволил двум-трем ученикам, по настоянию их, поселиться недалеко от его келлии для безмолвной молитвы.

Господь возлюбил место подвигов преподобного Геннадия и открыл ему, что здесь будет построен и храм, и монашеское общежитие. Преподобный перед своей кончиной утешил таковым откровением учеников своих и мирно почил в 8 день января около 1516 года.

Преподобный Никифор родился в Важеском погосте, поблизости от реки Свири. О детстве и юности его сведений не

сохранилось. Известно только, что он происходил из благочестивой крестьянской семьи и в доме родителей был научен страху Божию. В то время весь Олонецкий край был полон славой о высоких подвигах и благочестии преподобного Александра, уже основавшего на реке Свири обитель в честь Живоначальной Троицы. Ни мало не удивительно, если окрестные жители часто посещали Свирскую обитель, помогали ее строению или же оставались в ней навсегда. Никифор прибыл в обитель уже иноком около 1510 года и был принят преподобным Александром в число братии, так как святой игумен знал о подвижнической жизни преподобного Никифора, о том, что он носил тяжелые вериги на теле своем.

Несколько лет прожил преподобный Никифор в Свирской обители. Преподобный Александр видел его добродетели, понимал духовную пользу, которую приносил братии Никифор, благодарил Бога. Из Свирского монастыря преподобный Никифор совершил два великих путешествия: одно – по приказанию преподобного Александра к Новоезерскому подвижнику Кириллу, другое – по своей воле в Киев на поклонение Печерским угодникам.

Преподобный Александр возложил на Никифора послушание – отправиться к преподобному Кириллу, в пределы Белого озера, в обитель Воскресения Христова, и испросить у игумена благословения и молитв, побеседовать с ним и поучиться от него монашеской жизни и уставу монастырскому. С радостью принял Никифор поручение-послушание и отправился в далекий путь. Через несколько дней он благополучно достиг западного берега озера, где расположено село Кобылина гора, в двух верстах от обители, лежавшей на противоположном берегу. Наступал вечер. Путник отошел к лесистому северному берегу озера и там заснул.

Между тем преподобный Кирилл в это время совершал в своей обители вечернее келейное правило. Окончив его, подвижник один направился на берег, взял небольшую лодку и отплыл к северному берегу озера, где почивал преподобный Никифор. Отсюда они переехали в монастырь Новоезерский, где преподобный Никифор пробыл восемь дней, разделяя

молитвенные подвиги монастырского братства и услаждая слух свой поучительными беседами игумена. Вероятно, после того преподобный Никифор совершил свое паломничество в Киев.

Преподобный сказал своему игумену: «Отче, я отхожу в Киево-Печерский монастырь Пресвятой Богородицы и преподобных отец Антония и Феодосия. Ты же моли о мне Бога, чтобы ради святых молитв твоих благополучно совершить мне путь свой».

Преподобный Александр опечалился: он не хотел разлучаться с добродетельным старцем и начал молить преподобного Никифора, чтобы он пребывал с ним в монастыре, пока Бог не разлучит их. Но преподобный Никифор не преклонился к его молению и, только утешая подвижника, говорил ему, что разлучаясь телом, они неразлучны будут духом. Со слезами расстались преподобные старцы.

Из путешествия в Киев преподобный возвратился с горячим желанием устроить собственную монастырскую обитель и, вероятно, в таком намерении был поддержан преподобным Александром. Обходя и осматривая различные места на родине, он остановился наконец там, где незадолго окончил свое земное странствие преподобный Геннадий, и основал монастырь и в нем храм во славу Преображения Господня. Много лет отдал преподобный своей обители, построил десять келлий, очистив место от леса и осушив болото, и испросил царскую грамоту на владение окрестной землей «вокруг монастыря на все четыре стороны по версте, опричь мхов и болот и глыб» (грамота 1557 года). Окончив таким образом давно заботившее его дело, преподобный, окруженный собранной им братией, мирно скончался 9 февраля.

В начале XVII века Олонецкий край был опустошен бродившими повсюду иноземцами. Разграблена была и обитель, устроенная преподобным Никифором, иноки прогнаны, а имущество уничтожено и увезено. Но память о преподобном Геннадии и Никифоре не исчезла. Когда миновали опасности, над общей могилой преподобных была восстановлена часовня, а потом мало-помалу восстановилась и обитель. В 1846 году она получила самостоятельное существование, а в 1854 году ей

было дано разрешение над мощами преподобных построить храм на месте древней деревянной часовни. Этот храм, по благословению Святейшего Синода и Олонецкого архиепископа Аркадия, 8 августа 1858 года освящен во имя Всех святых, в сонме которых благодарная память туземцев искони почитала преподобных Геннадия и Никифора.

Панкратий, в Дальних пещерах почивающий, преподобный

Прп. Панкратий Печерский жил в XIV веке. Подвизался в Киево-Печерском монастыре в сане иеромонаха. Священствуя Вышнему в преподобии и правде, обогатился чудотворными дарами и от них неоскудно подавал помощь требующим: молитвою, постом и помазанием елея исцелял он болящих. Был погребен в Дальних пещерах.

Память преподобного Панкратия совершается вместе с Собором преподобных отцов Дальних пещер (28 августа/10 сентября), во 2-ю неделю Великого поста и 9/22 февраля – вместе со святителем Панкратием, епископом Тавроменийским (I в).

Преподобный Панкратий был посвящен в сан иеромонаха, прославился в подвигах поста, а также чудотворениями. Имя его упоминается в каноне преподобным Дальних пещер.

Февраль, 10

Анна, великая княгиня, супруга великого князя Ярослава I Владимировича

Святая Анна была дочь шведского короля Олафа Скетконунга. На своей родине она исключительно была известна под языческим именем Ингигерды, так как в Швеции, равно как и в других северных странах того времени, еще не было обычая употреблять христианские имена, даваемые при крещении. Христианским ее именем, которым она исключительно называлась в России было Ирина. Имя Анны принято ею перед смертью при пострижении в схиму. Время и обстоятельства крещения ее точно неизвестны. Отец ее король Олаф, бывший первым христианским королем Швеции, принял крещение в зрелом возрасте перед 1000 годом в источнике Гусабы, близ города Скары в западной Готландии, от английского епископа Зигфрида. По одним сведениям, вместе с ним тогда же и крестилось все его семейство, по другим – мать и младший брат святой Анны, следовательно, также и Анна были крещены по приказанию короля (в одно время или разновременно) после 1000 года первым Шведским епископом Турготом, вызванным королем Олафом из Бремена.

Святая Анна принадлежала к самому благочестивому и достойному семейству своего времени. Король Олаф отличался глубокой набожностью, возвышенностью духа и благородством мысли, был мудр и деятелен в делах правления и не имел себе равного по решимости и храбрости на войне. Пылая огнем верности к вере, он в продолжение всего своего царствования с великим воодушевлением и неустанно трудился над христианским просвещением своей языческой страны. Он находился в сношениях по делам веры с римским, английским и германским духовенством и был прозван современниками «христианнейшим королем». Мать святой Анны королева Эстриди, происходившая из самого знатного рода Швеции, была известна своим выдающимся умом, любвеобильным сердцем и великодушием. Все дети их отличались прекрасной наружностью и высокими духовными дарованиями.

Вопреки господствовавшему тогда обычаю посылать детей на воспитание к родственникам или знакомым, которому следовал и король Олаф по отношению к некоторым из своих детей, святая Анна с детства воспитывалась под кровом и непосредственным влиянием родителей. Вместе с ними она имела пребывание сначала в городе Упсале, затем попеременно то в построенной королем на морском берегу Новой Сигтуне, то в городе Скаре, где находилась кафедра епископа и сосредоточивались главные христианские силы страны. Воспитание на севере отличалось уже в то время некоторой широтой, а положение женщины, тем более королевского дома, – полной свободой. Святая Анна умела читать и писать на своем языке и, несомненно, получила необходимые религиозные познания, была знакома и с областью народной поэзии и поэзии особых певцов – скальдов, обнимавшей тогда и религию, и историю, и философию и бывшей единственным способом выражения духовной жизни и творчества северных племен: она принимала скальдов у себя и имела случай слушать их при дворе отца, любившего и постоянно державшего при себе наиболее известных поэтов. Святая Анна принимала участие в народных собраниях и торжествах, присутствовала на приемах при дворе, жила в собственном тереме, где свободно принимала посетителей, владела и самостоятельно управляла собственными поместьями, имела в своем распоряжении многочисленную вооруженную свиту и предпринимала по своему усмотрению поездки по стране. В народных преданиях Скандинавского севера о ней сохранилась память как о женщине самоотверженной, обладавшей добрым сердцем, умной, смелой и предприимчивой, всегда имевшей значительное влияние на ту среду, с которой сближала ее судьба.

Из жизни святой Анны на родине северные предания помнят только об участии ее в установлении мира между Швецией и Норвегией.

В 1000 году после смерти норвежского короля Олафа, сына Триггви, частью Норвегии завладел шведский король Олаф Скетконунг. Вскоре после этого возвратился из морского набега

норвежский принц Олаф Гаральдович и провозгласил себя норвежским королем. Началась упорная многолетняя борьба шведов с норвежцами, сильно ожесточившая стороны и сделавшая их взаимное положение невыносимым. Обе страны подвергались время от времени набегам, опустошению, прекратились взаимные сношения, остановилась торговля. Мало-помалу у народов выросло убеждение в необходимости прочного мира, и тем же убеждением проникся и норвежский король, желавший по многим причинам окончания борьбы и дружбы шведского государя. Но осуществлению этих общих желаний препятствовала могучая воля шведского короля, который после многих случаев предательства со стороны своего врага так возненавидел его, что не мог слышать его имени. Чтобы склонить шведского короля к миру, норвежский совет из короля и его сановников решили обратиться к помощи правителя западной Готландии Рогнвальда, который приходился двоюродным братом шведскому королю и был в то же время родственником по жене Олафу Гаральдовичу. Рогнвальд и его жена Ингибиорга не нашли другого средства, как прибегнуть к содействию и влиянию святой Анны, находившейся с ними в самых близких отношениях. К шведскому двору с поручением по этому делу был послан славный исландский поэт Гяльте. Будучи благосклонно принят королем, Гяльте был представлен и святой Анне в ее тереме и передал ей письмо Ингибиорги. Святая Анна сразу же обещала ему свое покровительство и после нередко советовалась с ним по поводу сообщенного ей плана своих друзей. Когда обстоятельства показали, что поэт своими средствами не в состоянии достигнуть цели, все надежды были возложены на святую Анну. Однажды она решилась прямо просить у отца откровенно выяснить, что он думает относительно прекращения вражды, существующей между ним и норвежским королем. Она указала ему, что многие его подданные страдают от этой войны, одни – потеряв свое имущество, другие – оплакивая убитых родственников и все вообще находясь в постоянной опасности от норвежцев, что сама Норвегия – страна бедная, трудно проходимая, населенная вероломными и непокорными

жителями и не стоящая того, чтобы домогаться ее, что на востоке есть страны, находившиеся некогда под шведской властью и более заслуживающие внимания шведского короля. «Лучше было бы тебе, – сказала она, – уступить Олафу оставленную ему предками землю и заключить с ним мир».

Король с гневом ответил, что он никогда не примет подобного совета и обещал ближайшей же зимой собрать в Упсале народный совет и объявить ему свою непреклонную волю идти на Норвегию с многочисленным войском ранее, чем растает лед. Этот резкий отпор, однако, не остановил святую Анну. Необходимость во что бы то не стало добиться мира привела ее и Гяльте к новому плану. Святая Анна решила самоотверженно принести себя в жертву и ценою своего брака с норвежским королем установить между ним и отцом желаемые отношения. Она известила письмом жену Рогнвальда о положении дела. То же сделал и Гяльте по отношению других заинтересованных лиц. Скоро было получено согласие норвежского короля на новый план, и Рогнвальд начал тайным образом и с большим успехом набирать ему сторонников среди шведов, созывавшихся шведским королем зимою 1014–1015 гг. на народный совет в Упсале. Осенью, до открытия совета, святая Анна в сопровождении большой свиты и Гяльте выезжала на несколько дней в свое имение близ Упсалы Улларокер и имела продолжительное совещание с прибывшим туда Рогнвальдом. На совет в Упсалу вместе с Рогнвальдом явился Биорн, маршал норвежского короля, в качестве посла последнего. Биорн заявил совету, что он прибыл от своего короля с предложением мира и просьбой выдать за него замуж принцессу Анну. Шведский король было весьма сурово принял это предложение, но ввиду возмущения, поднявшегося на совете вследствие его упорства, принужден был уступить общему желанию и дал свое согласие.

Свадьба норвежского короля была назначена на ближайшее лето 1015 года. Согласно условию, жених с пышной свитой прибыл на границу в Конгеллу при Богуслене, но большую часть лета напрасно ждал своего соседа и невесту. Никто, даже Рогнвальд, не знал, почему замедлил шведский король. Между

тем шведский король, оскорбленный насилием, употребленным над ним в Упсале, придумывал меры, как бы не исполнить данного против воли обещания. Воспользовавшись одним случаем, он положительно объявил дочери, что никогда не выдаст ее за норвежского короля и что выдаст ее только за такое лицо, которое будет достойно его дружбы. Святая Анна поспешила известить об этом Рогнвальда, советуя ему быть готовым к открытию вновь враждебных действий. Олаф норвежский пришел в великий гнев при этой вести и решил к следующей зиме начать войну. Вскоре после того Рогнвальд получил письмо святой Анны, извещавшее, что она обещана отцом новгородскому князю Ярославу Владимировичу. В то же время к Рогнвальду прибыла сестра святой Анны Астрида. Норвежская партия условилась довести до конца задуманный ранее план, предоставив роль святой Анны ее сестре. Зимой 1015–1016 гг. Астрида была тайно выдана Рогнвальдом за норвежского короля, после чего сам собою установился мир между двумя державами.

Послы Ярослава с просьбой руки Анны-Ингигерды прибыли к шведскому королю из Новгорода летом 1015 года. Король «немедленно же и охотно» согласился на этот брак. По каким побуждениям и при каких обстоятельствах возникла мысль об этом союзе, определенно неизвестно. В 1014 году, как говорит русский летописец, Ярослав отказался платить святому Владимиру дань от Новгорода, и Владимир стал собираться в поход против сына. В 1015 году Ярослав посылал за море за варягами и получил оттуда большой отряд, и только болезнь и затем смерть крестителя Руси предотвратили междоусобие. По-видимому, «бояся отца», с которым он не мог бороться один, Ярослав задумал о тесном союзе с шведским королем, а таким союзом удобнее всего мог быть брак. Как будущий зять Олафа, он мог пользоваться от него помощью войсками или, по крайней мере, получить дозволение беспрепятственно набирать их в его земле. После смерти Владимира то же самое побуждение осталось в силе ввиду возникшей борьбы со Святополком Окаянным.

Весной 1016 года Ярослав прислал из Новгорода своих послов для окончательных условий относительно предложенного брака. По требованию святой Анны послы согласились именем своего князя дать ей в вено (приданое) город Ладогу и прилежащую к нему область с правом лично управлять этим веном и назначать над ним управителя. Затем она поставила условием разрешить ей выбрать в Швеции для сопутствования себе лицо, которое она найдет для того достойным, и обеспечение для него на Руси того сана, власти и почестей, какими он пользуется на родине. Король и послы изъявили на это свое согласие и утвердили весь договор своими присягами. Когда король спросил святую Анну, на кого падает ее выбор, она назвала Рогнвальда Ульфовича. Это было противно намерениям короля, который хотел казнить Рогнвальда за выдачу Астриды за Олафа Норвежского, но по просьбе святой Анны договор остался в силе. Она известила о всем Рогнвальда и назначила ему время и место для встречи. Соединившись с ним, святая Анна, с которой была большая свита и богатое приданое, летом отплыла на Русь.

Сведения о святой Анне за время жизни ее в нашей земле очень скудны и отрывочны. Несколько данных о ней за первые годы пребывания ее в новом отечестве сообщает норвежское сказание о подвигах на Руси норвежского отряда Эймунда и Рагнара, прибывшего в Новгород для службы у князя Ярослава в конце лета или в начале осени того же года, когда приехала туда и святая Анна. По приходе отряда Эймунд и Рагнар были на приеме у князя и княгини, причем княгиня вела с ними разговор о норвежских делах и норвежском короле. Княгиня произвела на предводителей самое хорошее впечатление своим решительным характером и общительностью. Первое время службы отряда княгиня была очень щедра и благосклонна к нему. После первой войны со Святополком эти отношения несколько изменились к худшему и в конце концов князь и княгиня вынуждены были вступить в борьбу с наемниками. Когда воины резко порвали с Ярославом и собирались ехать к его противнику князю Брячиславу Полоцкому, святая Анна сама лично вместе со своим

родственником Рогнвальдом сделала попытку силой остановить их и при этом едва не попала в плен. Во время последовавших затем войн норвежцы были на вражеской стороне. Сказание отмечает большое влияние святой Анны на дальнейший ход дела и на великого князя Ярослава, которого она будто бы иногда сопровождала на войну. Ее непосредственному вмешательству приписывается и окончание продолжительной борьбы с Брячиславом. Вмешательство это произошло, по сказанию, в самой необычайной обстановке. Когда войска Ярослава и Брячислава стояли в нерешительности одно перед другим, Эймунд составил план: взять в плен святую Анну, которая должна была приехать в стан Ярослава, рассуждая, что она едет помогать неприятелю своими советами. Однажды ночью он и Рагнар подстерегли великую княгиню и, убив под ней коня и разогнав конвой, взяли ее в стан Брячислава. Увидав себя в руках норвежцев, княгиня воскликнула: «Вы, северные люди, видно никогда не перестанете обижать меня!»

На следующее утро она призвала Эймунда и высказала желание служить посредницей для заключения мира, откровенно предупредив вместе с тем, что она всего более будет заботиться о выгодах князя Ярослава. Получив согласие на посредство со стороны мужа и Брячислава, она участвовала в выработке мирных условий, которые потом и были приняты. Вместе с заключением мира восстановились хорошие отношения ее с норвежцами.

В этих подробностях можно видеть отражение того положения, которое святая Анна занимала в бытность свою в России по отношению к северным единоплеменникам, во множестве заезжавшим на Русь и нередко чинившим здесь насилия над населением. Очевидно, княгиня совершенно сроднилась с интересами нового отечества и мужа и в своих отношениях к северянам руководилась только ими, а не племенным родством. Несомненно, отчасти ее личному влиянию и семейным связям нужно приписать установление тех постоянно мирных и дружеских связей Руси с правительствами и народами Швеции и Норвегии, которые особенно окрепли после ее прибытия в нашу землю и не прерывались более. Во

всяком случае в этих дружественных связях весьма видное положение занимают именно родственники святой Анны, например, брат ее Иаков, долгое время служивший на Руси, муж ее сестры норвежский король Олаф и трое сыновей Рогнвальда.

Судя по русским летописям, святая Анна, прибыв в Новгород летом 1016 г., недолго пробыла там. В конце того же года княжеский двор был перенесен в Киев.

В 1018 году, во время бегства Ярослава в Новгород, она была осаждена Болеславом Польским и Святополком в Киеве, но, по-видимому, успела избежать плена. С этого времени двор находился то в Киеве, то в Новгороде (1023–1026, 1030, 1034, 1045 гг.). В Новгороде в 1050 г. святая Анна и скончалась.

На севере Руси, согласно брачному договору, в распоряжении святой Анны находилась обширная волость – город Ладога с принадлежащей к нему областью. Непосредственное управление этой областью княгиня поручила Рогнвальду Ульфовичу, который летом находился в волости, а зимою в Новгороде. Каковы были пределы этой области, неизвестно, но можно предполагать, что они совпадали с тем, что известно теперь под названием Ингерманландии. Название «Ингерманландия», по финскому произношению «Ингеринмаа», в переводе означает «земля Ингигерды» и ведет свое происхождение, по всей вероятности, именно от имени супруги Ярослава. Посещала ли сама святая свои владения, об этом нет сведений, но сохранившиеся до настоящего времени названия находящихся на территории Ингерманландии местечек, например, приход Ингерис, или Ингрис, и река Ингериниока (русская Ижора), происходящие от того же корня, что и территориальное название, могут объясняемы как названия, явившиеся вследствие того, что в известных местах святая Анна или ее наместник имели жительство, поместье или временную остановку во время путешествия.

По владениям святой Анны пролегал главный торговый и военный путь с севера на юг – «из Варяг в Греки», а город Ладога был передовой русской крепостью. С этих владений платилась определенная дань великому князю.

Святая Анна была матерью многочисленного семейства, состоявшего не менее, чем из семи сыновей и трех дочерей. О благочестии матери и христианской настроенности воспитанных ею детей современный духовный оратор Иларион (впоследствии Киевский митрополит) так свидетельствовал, обращаясь к святому Владимиру в своем торжественном слове, произнесенном, может быть, в присутствии самой великой княгини: «Посмотри... на благоверную сноху твою Ирину; посмотри и на внуков и правнуков твоих, как они живут, как Господь хранит их, как содержат они благоверие, тобою преданное, как часто посещают святые храмы, как славят Христа, как поклоняются Его имени».

Указание на высокий внутренний строй жизни этой семьи можно видеть отчасти в предсмертных словах великого князя Ярослава детям, в которых он увещевает их сохранять по-прежнему взаимную любовь и послушание старшим. Летописец передает эти слова так: «Дети мои, имейте друг ко другу любовь, ибо вы братья одного отца и матери... пребывайте в мире, творя послушание брат брату. Киев поручаю старшему... слушайтесь его, как меня слушались». Один из сыновей святой Анны, Владимир, удостоился причисления к лику святых.

Кроме собственных детей, святая Анна имела материнское попечение и о чужих детях-сиротах. Таковы были изгнанные из Англии дети короля Эдмунда Эдвин и Эдуард и сын норвежского короля Олафа Магнус. После смерти Олафа друзья последнего пришли к Ярославу просить Магнуса на отцовский престол. Святая Анна отказалась отпустить с ними своего воспитанника до тех пор, пока действительно не будет обеспечено для него возвращение престола и всей дедины и отчины. По требованию ее и Ярослава норвежцы прислали торжественное посольство, заключили особое условие и только после этого им был выдан Магнус.

В 1037 году в честь Ангела святой княгини был построен в Киеве близ Софийского собора женский Ирининский монастырь. Это был великокняжеский монастырь, построенный на великокняжеское иждивение. Управление такими монастырями, устройство и снабжение всем необходимым, по обычаю того

времени, заимствованному у византийского императорского дома, принадлежало его строителям. Нет сомнения, что святая Анна имела самое близкое отношение к монастырю, созданному в честь ее Ангела. С именем святой Анны соединено также построение великой новгородской святыни – храма Святой Софии. Храм этот был заложен в 1045 году, вероятно, в присутствии самой княгини, так как есть известие, что в этом году Ярослав, несомненно с супругой, был в Новгороде и выдал там замуж за норвежского принца Гаральда свою дочь Елизавету. В какой мере княгиня участвовала в этой постройке, производившейся главным образом ее сыном Владимиром и законченной после ее смерти, неизвестно.

В иноземных известиях имя святой Анны (Ингигерды) упоминается еще по поводу пребывания на Руси норвежского короля Олафа и норвежского принца Гаральда Гардрада. О короле Олафе говорится, что по прибытии в Россию он был хорошо принят святой Анной, что она весьма уважала его, вместе с Ярославом даже уговаривала его не возвращаться в Норвегию и, когда он все-таки отправился в свою страну, участвовала в устроенных ему пышных проводах. О Гаральде сообщается, что он находился под особым покровительством святой Анны и что, много лет находясь в экспедиции в Африке, присылал собранные сокровища для хранения князю Ярославу и его супруге.

Кончина святой Анны последовала 10 февраля 1050 г. в Новгороде. Перед смертью она приняла схиму с именем Анны, обнаружив тем свое глубокое благочестие и истинно христианское смирение.

Мощи святой Анны, вероятно, по окончании Софийского собора (в 1052 г.), были положены в какой-либо паперти последнего. Позднее они всегда упоминаются вместе с мощами сына ее святого Владимира, погребенного в том же соборе. По сообщению летописи, в 1439 году архиепископ Евфимий позолотил, подписал и покрыл покровами гробы святых князя и княгини.

В описи Новгородского Софийского собора XVII века значится: «В средней паперти от Корсунских дверей, идучи в

церковь налево, среди паперти, два гроба деревянные, а в них мощи во плоти создателей храма Святой Софии Премудрости Божией – благоверного князя Владимира, а в другом гробе матери его благоверная княгиня Анна. На обоих гробех покров сукна червлена, а на них шиты кресты камки белой, перед ними во главех лампада медяна на стояльце; в царском месте (в главном храме) образ пядница, на ней писан благоверный князь Владимир и мати его Анна, обложен серебром, золочен». В другой подобной же описи того же века упоминаются «каменные» гробы святых князя и княгини.

В 1653 году мощи святой Анны по указу царя Алексея Михайловича и по благословению патриарха Никона и митрополита Новгородского Макария были перенесены из Корсунской паперти в собор, на левую сторону против северных дверей, и переложены в новую раку. В настоящее время святые мощи почивают в Мартириевской паперти в бронзовой золоченой раке.

Память святой Анны совершается 10/23 февраля и 4/17 октября. Память 4 октября установлена Новгородским архиепископом Евфимием в 1439 году во исполнение воли Божией, возвещенной ему в видении. Царь Иоанн Грозный жалованной грамотой 1556 года предписывал: «Да по благоверном великом князе Владимире Ярославиче да по матери его благоверной великой княгине Анне, на память их, служити панихиды и обедни соборне и по приделом и на панихидах и за просфоромисанием и на Божественных литургиях и в ектениях в заупокойных поминати их, докуду мир стоит». В одной описи Новгородского Софийского собора XVII века сказано, что мощи князя Владимира и матери его почтены от Бога нетлением, лежат в «каменных гробех всеми видими, а пение им не установлено, а исцеление бывает с верою приходящих». В письменном уставе Новгородского Софийского собора XVII века положена панихида у гроба святой Анны еще 5 сентября.

В древнее время память 4 октября совершалась с большой торжественностью. О праздновании в Софийском соборе были особо извещаемы настоятели некоторых новгородских

монастырей, а некоторые из них обязаны были явиться сами. Государев кормовой двор выдавал для вечерни два ведра меду для кутьи, которую ставили по гробам святителей, князей и княгинь. После вечерни святителем совершалась в соборе в присутствии государева большого дьяка панихида с поминовением государевых прародителей. В то же время настоятели и поповские старосты служили особые панихиды на княжеских и святительских гробах, в Корсунской паперти – благовещенский игумен; в Мартириевой – отенский. Для литургии снова выдавался мед для кутьи. После литургии от государя устраивались обеды для светских и духовных лиц.

Святой Анне составлена рукописная служба, и в честь нее с сыном в Софийском соборе устроен придел.

Собор Новгородских святителей

Собор Новгородских святителей празднуется, кроме 10/23 февраля, еще 4/17 октября и в 3-ю неделю по Пятидесятнице. 4 октября 1439 года святитель Иоанн († 1186; память 7/20 сентября) явился правившему тогда святителю Евфимию († 1458; память 11/24 марта) и повелел установить сугубую панихидную память погребенным в Софийском соборе русским князьям и архиепископам Новгородским и всем православным христианам на день памяти священномученика Иерофея, епископа Афинского. Тогда же были обретены нетленные мощи святителя Иоанна (сведения об этом помещены под 7/20 сентября).

Впоследствии, по мере прославления Новгородских святителей, им был установлен на этот же день Собор. Е. Е. Голубинский пишет об этих святителях как о таких, время прославления которых остается неизвестным, и определял дату установления их общего празднования периодом от Московского Собора 1549 года до учреждения Святейшего Синода (Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 157).

В Собор Новгородских святителей входят: святитель Иоаким Корсунянин, первый епископ Новгородский (988–1030); святитель Лука Жидята, епископ (1030; 1035–1060; † 15 октября 1060 г.); святитель Герман, епископ (1078–1096); святитель Аркадий, епископ (1157–1162; память 18 сентября/1 октября); святитель Григорий, архиепископ (1187–1193; † †24 мая 1193 г.); святитель Мартирий, архиепископ (1193–1199; † 24 августа 1199 г.); святитель Антоний, архиепископ (1212–1220; 1226–1228; † 8 октября 1231 г.); святитель Василий Калика, архиепископ (1331–1352; † 3 июля 1352 г.); святитель Симеон, архиепископ (1416–1421; † 15 июня 1421 г.); святитель Геннадий, архиепископ (1484–1504; память 4/17 декабря); святитель Пимен, архиепископ (1553–1571); Афоний, митрополит (1635–1648; † 6 апреля 1653 г.). Мощи этих святителей были погребены или перенесены в Новгородский Софийский собор (кроме свт.

Германа, свт. Геннадия и свт. Пимена, почему в некоторых источниках и не назначены их имена в числе Собора).

4 октября празднование было установлено совместно с памятью святого благоверного князя Владимира Ярославича Новгородского († 1052), а 10 февраля Собор святителей празднуется совместно со святой благоверной княгиней Анной Новгородской († 1056).

Кроме поименованных, из святителей Новгородских отдельные памяти имеют: свт. Никита Затворник, епископ († 1108; память 31 января/13 февраля); свт. Нифонт, епископ († 1156; память 8/21 апреля); свт. Иоанн, архиепископ († 1186; память 7/20 сентября); свт. Феоктист, архиепископ († 1310; память 23 декабря/5 января); свт. Моисей, архиепископ († 1362; память 25 января/7 февраля); свт. Евфимий, архиепископ († 1458; память 11/24 марта); свт. Иона, архиепископ († 1470; память 5/18 ноября); святитель Серапион, архиепископ († 1516; память 16/29 марта).

Лонгин Коряжемский, преподобный

Преподобный Лонгин был основателем Николаевского Коряжемского монастыря.

Прежде поселения своего у реки Коряжемки преподобный Лонгин подвизался в обители преподобного Павла Обнорского, или Комельского. Он прибыл в эту обитель в молодых летах, прошел там длинный ряд различных послушаний, дожил до старческих седин и приобрел немалую опытность в иноческой жизни, так что стал всем известен как старец испытанный и достойный искреннего почитания. У него был друг и собеседник в соседнем Корнилиеве монастыре – инок Симон, сольвычегодский уроженец. Многолюдные общежития Павловой и Корнилиевой обители и возраставшее к ним внимание братии тяготили скромных иноков Лонгина и Симона. Они стали склоняться к мысли об уединенных подвигах вдали от многолюдного братства. Можно предполагать, что Симон охотно вспоминал в этих беседах о своей родине и восхвалял ее уединенные пустынные места, весьма приспособленные к жизни отшельнической.

Посему два друга оставили свои монастыри и пошли искать себе для жительства такое место, где бы, не развлекаясь ничем, неведомо для людей, всецело посвятить себя на служение Богу. Преподобный Лонгин нес с собою деревянный крест, который ему дали в благословение от обители. Это произошло в 1535 или в 1537 гг. Спустившись водою от Вологды до Устюга, странники скоро достигли Сольвычегодска и на некоторое время остановились в тамошнем Борисоглебском монастыре, а потом отправились в дальнейший путь. Выйдя из города, они пошли вверх по левому берегу реки Вычегды и, дойдя до устья реки Коряженки, остановились на ее берегу в глухом лесу. Здесь они построили сперва келлию, а потом и часовню.

Однако блаженный Симон недолго пробыл с Лонгином при устье Коряжемки. Пособив старцу устроиться, он пошел далее по Вычегде, на речку Сойгу, за 60 верст от Коряжемки.

Преподобный Лонгин остался один и весь предался богомыслию, дни и ночи проводя в молитвах и псалмопении. Скоро весть об отшельнике разнеслась по окрестностям, и к нему стали приходить люди, желавшие разделить с ним пустынные труды. Напрасно старец сперва пытался всем отказывать, представляя трудность жизни в пустом месте, совершенное отсутствие средств к пропитанию и свое желание жить одному в уединении и богомыслии. Такие речи еще более располагали к нему приходящих, так что построенная им часовенка уже не могла вмещать всех поселившихся возле него пустынников и надобно было позаботиться о построении молитвенного помещения более обширного. Братия стали просить старца вместо часовни соорудить церковь и учредить при ней правильное общежитие. Не так думал, не того желал преподобный Лонгин для себя самого. Однако он принял желание братии за указание свыше, и не решился инок, давно отрекшийся от своей воли, противиться воле Божией. Он построил храм во имя святителя Николая, трапезу и другие необходимые для общежития службы – так сложилась обитель Коряжемская, а преподобный Лонгин был в ней игуменом.

Время недолгого управления его новой обителью богато примерами неусыпных трудов его и духовной опытности. Преподобный Лонгин, несмотря на свои уже немолодые годы, старался всех превзойти подвижничеством и трудами. Еще доселе сохранился выкопанный им колодезь, устроенный в самой братской трапезе, а ныне стоящий возле храма на открытом месте; цела и жесткая власяница, которой он изнурял свое постническое тело.

Блаженная кончина преподобного Лонгина последовала 10 февраля 1540 г. Умирая, смиренный старец заповедал ученикам своим похоронить его при входе в храм, чтобы все идущие в церковь и из церкви попирали его могилу. Братия не смели ослушаться завещания и погребли своего игумена «у лестницы папертняя», там, где он приказал.

Но Господь вскоре, еще при жизни тех, которые погребали преподобного Лонгина, прославил тело его нетлением и чудесами. В 1557 году устюжский воевода князь Владимир

находился в сильном расслаблении и не мог двинуть ни рукою, ни ногою; болезнь его была так упорна, что лекарства не приносили больному ни малейшей пользы. Находясь в столь безнадежном состоянии, воевода однажды увидел во сне старца, который сказал ему: «Князь Владимир, если хочешь быть здоров, молись Богу и обещайся вскоре побыть в Коряжемском монастыре и прикажи игумену и братии перенести на иное место тело начальника того монастыря игумена Лонгина. Ибо неприлично телу Лонгина почивать на том месте, где оно ныне находится».

Явившийся старец подробно рассказал, где находится тело и куда перенести его. Пробудившись от сна, воевода весьма дивился необычности и ясности своего сновидения и решился немедленно отправиться на Коряжемку. По прибытии в монастырь он сам указал место, где был погребен преподобный, и куда следовало перенести его, хотя до того времени не только никогда не бывал в монастыре, но даже и не слышал о нем. Когда, по его словам, гроб преподобного Лонгина был вынут из могилы и перенесен в новую, близ северной стены церкви, князь тотчас же сделался совершенно здоровым, как будто не подвергался болезни. Радуюсь и благодаря Бога и Его угодника за свое чудесное исцеление, он рассказал игумену и братии о бывшем ему сновидении и приказал над гробом преподобного устроить палатку или часовню. Когда слух об исцелении воеводы разнесся в народе, многие стали приходить в монастырь и служить над гробом преподобного панихиды, и все приходившие с верою получали исцеление от болезней.

Поразительное чудо произошло в Коряжемском монастыре 11 февраля 1618 г. Игумен Феодосий с иеромонахом Дионисием, священником Гавриилом и дьяконом Филиппом совершали соборную панихиду в гробовой палатке; тогда инок Иродион внезапно увидел среди служащих старца с сияющим постническим лицом и круглой седой бородой, в светлых и драгоценных священнических ризах. Во все время совершения панихиды Иродион пристально смотрел на него, удивляясь внезапному его появлению между служащими и думая, кто бы это был, ему неизвестный? Еще более он был поражен, когда по

окончании панихиды старец стал невидим. Когда Иродион тут же перед всеми с клятвой объявил о своем видении, то все признали, что это был сам преподобный Лонгин, и стали усерднее отправлять по нем панихиду.

Агриппина, жена сольвычегодского кузнеца Василия Худоногова, страдала падучей болезнью. Болезнь усиливалась, улучшения неоткуда было ждать. Женщина дала обет сходить в Коряжемский монастырь и поклониться гробу преподобного Лонгина. Исполняя обет, больная все время пребывания в монастыре проводит за молитвой в гробовой палатке. Однажды, когда она с особенным усердием и многими слезами молила преподобного о своем исцелении, внезапно ее ударило о землю и так сильно, что она казалась умершей. Мало-помалу, как бы пробуждаясь от тяжелого сна, Агриппина начала двигаться, приходить в сознание и наконец села, чувствуя себя совершенно свободной от страшного недуга. Заявив о своем исцелении игумену и братии, она в благодарность за полученную помощь, дала обещание три раза в год приходить на поклонение ко гробу преподобного Лонгина.

Другая женщина Анна, жена крестьянина Пачеозерской волости Антипы Надозерского, подверглась отравлению. Злые люди, покушавшиеся на ее целомудрие и отвергнутые ею, дали «ей отраву смертную, чтобы не видеть красоты ее». Невозможно описать тех мучений, какие выносила несчастная женщина. Боль в животе доводила ее до умоисступления. Облегчить болезнь ничто не могло. Вспомнила больная о преподобном Лонгине и стала просить мужа отвезти ее в Коряжемский монастырь. Вслед за тем она подверглась страшному припадку, во всем теле ее не осталось места, каким бы она не билась и не страдала. В то же время ей явился старец и обещал исцеление, если она исполнит намерение поклониться гробу преподобного Лонгина. Очнувшись, она рассказала о видении мужу, а тот поспешил везти ее в обитель. Здесь в церкви с ней возобновился припадок, а когда вели ее ко гробу преподобного в палатку, то она ударилась о землю и долго лежала как мертвая; пробудившись, она поднялась

здоровой и со слезами громко благодарила Бога и угодника Его преподобного Лонгина.

Устюжский священник Гавриил от церкви великомученицы Варвары был долго нездоров ногами, так что совершенно не мог ходить. После бесплодного лечения у разных врачей он попросил отвезти его в Коряжемский монастырь. Здесь он был помещен в келлии против дверей гробовой палатки. Однажды днем больной, выползши из келлии в сени и приоткрыв наружную дверь, читал канон преподобному, со слезами прося себе исцеление. Во время такой молитвы он вдруг слышит голос: «Гавриил, Гавриил!» Взглянув на часовню, он увидел на дверях ее преподобного в блестящих священнических ризах и призывающего его к себе. Больной напрягал все свои силы, с великим трудом и нестерпимой болью в ногах полз к часовне, но когда он достиг часовни, там никого уже не было. Священник припал ко гробу преподобного, молился и во время молитвы выздоровел.

Весною 1646 года крестьянин Лупп Опухлянов из монастырской деревни Емышева поранил себе руку топором. В досаде и ярости он начал сквернословить, проклинать тот день и богохульствовать. Не успокоившись, побежал он из дома в лес и там почувствовал, что слабеет, теряет сознание. Едва-едва добрался он домой. Долго болел крестьянин. Болезнь его усилилась. Ждали, что он умрет, и уже напутствовали его Святыми Тайнами. Но вот – это было 2 мая – он забылся и видит, что вошел к нему светообразный старец, укорил его за хулу на Бога и настаивал, чтобы он молился Богу и Пречистой Его Матери и пошел в монастырь на поклон ко гробу преподобного. Родные думали, что Лупп уже кончается, а он, очнувшись, рассказал о видении, начал поправляться и скоро пошел в монастырь совершенно здоровым.

Почитание преподобного благодаря многочисленным чудесам распространялось. Епископ Вятский и Великопермский Александр, бывший ранее (с 1643 по 1651 гг.) игуменом Коряжемского монастыря, 9 мая 1665 года приказал заложить в монастыре каменную церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы с приделом святителя Николая, давал средства на

построение, а 9 февраля 1671 года освятил уже эту церковь. Место погребения преподобного Лонгина пришлось теперь внутри церкви, при северной стене, и над ним устроена была гробница, украшенная позолоченной резьбой и покрытая пеленой с вышитым изображением преподобного и сказанием о перенесении мощей его. Усердный почитатель преподобного Лонгина епископ Александр составил ему и службу. Память Коряжемского подвижника празднуется местно. Празднование преподобному Лонгину установлено епископом Вологодским Онисифором, который занимал кафедру с 1814 по 1827 гг.

Прохор Печерский, Лебедник, преподобный

В княжение на Руси Святополка Изяславовича, известного своей жестокостью и несправедливостью, много бед и страданий терпели киевляне. Страдания эти усиливались еще от постоянных набегов на Киевскую область половцев и других соседних народов. Постоянные войны с соседними народами, а также междоусобные грабежи и беспорядки внутри государства были причиной обеднения и частых голодовок в русском народе.

В это тяжелое и печальное время из г. Смоленска пришел в Печерский монастырь некий муж, именем Прохор, и обратился к игумену Иоанну (1089–1103) с просьбой постричь его в иноки и принять в число братии. Игумен исполнил его просьбу, и Прохор, приняв иноческий сан, с особенным усердием стал подвизаться. Особенностью его подвижнической жизни было то, что он лишил себя обычного хлеба, а собирал траву лебеду и, растирая ее своими руками, делал себе хлеб и им питался. В летнее время он заготавливал такого хлеба на весь год и так делал ежегодно, так что всю жизнь не нуждался в обычном хлебе, а питался хлебом из лебеды и потому прозван Лебедник. Кроме этого хлеба, он иногда только вкушал еще просфору в церкви, дома же лебеда была единственной его пищей, даже зелени и овощей он не употреблял, а вода – единственным питьем.

Бог, видя терпение святого Прохора, претворил для него обычную горечь лебеды в обычную сладость, и хлеб, приготовляемый подвижником, доставлял ему приятное питание. Радовался подвижник и в радости с благодарностью работал Богу. Не страшны были подвижнику и набеги неприятеля, потому что жил он, как птица, ничего не имея. Своей жизнью преподобный исполнял слова Спасителя: *Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их* (Мф. 6, 26), и он, как птица, легко и с удобством переходил туда, где росла лебеда, и оттуда переносил ее в монастырь на плечах. И

таким образом он питался несеянной пищей с непаханной земли, как птица.

Во дни этих подвигов преподобного случился на Руси страшный голод, многим угрожала голодная смерть. Господь, желая прославить Своего подвижника и спасти людей от голодной смерти, умножил в это время произрастание лебеды, как никогда прежде, и блаженный Прохор с особенным усердием собирал траву в большом количестве и, приготовляя из нее хлеб, раздавал голодным неимущим. Некоторые сами хотели подражать преподобному, приготовлять из лебеды хлеб, но не могли есть от горечи. И тогда все нуждающиеся обращались за хлебом к святому Прохору, он никому не отказывал. Хлеб, приготовленный им из лебеды, казался всем вкушающим его сладким и приятным на вкус, лучше печеного из пшеницы. Но замечательно то, что только хлеб, данный святым Прохором и с его благословения, был годный для пищи и даже чистый и светлый на вид, а если кто сам его приготовлял или брал без ведома и благословения преподобного, то хлеб становился черен, как земля, и горек, как полынь. Один из братии задумал брать у преподобного хлеб тайно, но каждый раз хлеб этот оказывался негодным для пищи. Инок стыдился открыть Прохору свой грех, но голод и угрожающая ему голодная смерть заставили рассказать об этом игумену Иоанну. Игумен, не поверив рассказу, приказал другому брату тайно взять у преподобного хлеб, но принесенный им хлеб действительно оказался негодным от чрезвычайной горечи. Держа этот хлеб в своих руках, игумен послал к св. Прохору попросить хлеба от его благословения и при этом поручил посланному «при уходе от преподобного захватить тайно и другой хлеб». Когда эти хлебы были принесены, то первый, взятый из рук Прохора, был чистый и сладкий, а второй, взятый тайно, был черен, как земля, горек, как полынь. После этого слава чуда преподобного распространилась повсюду, и прославил народ Господа, давшего Свою милость и помощь голодным через преподобного.

Во время междоусобной борьбы Святополка с князьями владимирским и перемышльским, вследствие государственных

смут и неурядиц, беззакония и грабежей, не могли проезжать в Киев купцы, не стало соли в Русском государстве – великая скорбь объяла народ.

Блаженный Прохор, видя эту скудость, собрал со всех келлий множество пепла и, принеши его в свою келлию, после усердной молитвы и благословения стал раздавать его нуждающимся в соли, и пепел стал чистой солью. При этом, чем больше он его раздавал, тем больше его умножалось, так что было этой соли в достатке не только для иноков, но и для мирских людей. Всех нуждающихся в соли преподобный снабжал и за это не брал никакой платы, и пошел народ за солью в монастырь, а базар опустел.

Купцы, намеревавшиеся воспользоваться недостатком соли для своего обогащения и продававшие соль по весьма высокой цене, озлобились на преподобного, так как народ, получая от него даром, перестал покупать у купцов даже и за дешевую цену. Собравшись вместе, торговцы солью пришли к князю Святополку с такой жалобой: «Прохор, черноризец Печерского монастыря, отнял у нас большие деньги: всех неотступно привлек он к себе за солью, а мы, платящие тебе подати, не можем сбыть своей соли и через него разорились». Князь, выслушав их, задумал достигнуть сразу двух целей – прекратить жалобы купцов и себе нажить большие деньги. Он, по совету со своими приближенными, назначил определенную, весьма высокую цену на соль, приказал отнять соль у блаженного Прохора и продавать ее на княжеском дворе. Причем купцам сказал князь: «Ради вас пограблЮ монаха». О своей же наживе скрыл от всех. После этого посланные от князя люди, приехав в монастырь, забрали всю соль у преподобного. Когда соль была привезена во двор княжеский, то все увидели, что это – пепел. Князь приказал некоторым попробовать, и во рту оказался пепел. Все много удивлялись такой перемене и недоумевали. Но чтобы вернее убедиться, князь приказал привезенное хранить до трех дней, но и после этого, убедившись, что это пепел, приказал высыпать его за воротами своего дворца. Между тем к блаженному Прохору по-прежнему шел народ, чтобы получить соль, но узнав о его разграблении,

возвращался с пустыми руками, проклиная того, кто это сделал. Прохор, утешая народ, говорил: «Когда соль будет высыпана от князя, тогда пойдите собирать ее себе».

И действительно, пепел, выброшенный за ворота княжеского двора, снова стал солью, и народ с радостью собирал ее себе. Узнав об этом, князь пришел в ужас и стал расспрашивать подробнее о блаженном Прохоре. Узнав о подвижнической жизни Прохора и о его чудесах не только с солью, но и с хлебом из лебеды, Святополк устыдился своего дела, пошел в Печерский монастырь и примирился с игуменом Иоанном, к которому прежде питал вражду за обличение в ненасытной алчности и обидах народу. После этих чудес Святополк раскаялся, молитвенно просил прощения у Матери Божией и преподобных Антония и Феодосия, а блаженного Прохора стал чтить и уважать как истинного и великого угодника Божия и однажды дал обещание Прохору не делать насилия и обид никому впредь, а самому Прохору сказал: «Если я, по воле Божией, прежде тебя отойду от этого мира, ты своими руками положи меня во гроб, чтобы показать надо мною твое незлобие. Если же ты представишься прежде меня, я своими руками внесу тебя в пещеру, чтобы за то Господь подал мне прощение тяжкого моего греха пред тобою».

После этого разговора Прохор прожил еще много лет в непорочном житии и суровых подвигах и потом разболелся. А князь Святополк в то время находился в походе на половцев. Тогда блаженный послал ему сказать: «Приблизился уже час исхода моего из тела. Если хочешь исполнить свое обещание и получить от Бога прощение грехов, приди, чтобы получить разрешение, и своими руками положи меня во гроб. Ожидаю твоего прихода. Если же ты замедлишь и я отойду без тебя, то не моя будет вина и поход окончится не так, как если бы ты пришел ко мне». Получив эту весть, Святополк немедленно оставил войско и поспешил к блаженному Прохору. В своей предсмертной беседе с князем блаженный много поучал его о милостыни к ближним, о загробной жизни, о будущем суде, о вечных муках грешников, преподавал ему прощение и

благословение и, простившись с ним и его свитой, воздел руки к небу и предал свой дух в руки Божии.

Князь с иноками, взяв тело преподобного, отнес его в пещеру и своими руками положил его во гроб. Затем снова возвратился к войску и, продолжая поход, одержал полную победу над врагами, покориł себе Половецкие области и много пленных привел в свою землю. Это и была победа, дарованная Богом Русской земле по предсказанию и молитве преподобного Прохора. С тех пор князь Святаяполк, отправляясь в поход или на охоту, всякий раз предварительно заходил в Печерский монастырь за благословением и с особым усердием молился перед образом и у гробов преподобных Антония, Феодосия и Прохора. С этого времени вполне благополучно и счастливо проходило княжение Святополка, получившее после многих кар благословение Божие по молитвам преподобного Прохора, и сам князь Святополк открыто исповедовал чудеса и знамения этого великого угодника Божия.

О силе молитвы праведников Сам Бог говорил друзьям праведного Иова: «Пусть Иов, раб Мой, помолится за вас, и Я ходатайство его приму, чтобы не поступить с вами худо» (Иов. 42, 8). Св. угодник Божий Прохор и по кончине своей непрестанно ходатайствует за православный русский народ пред Престолом Божиим. Будем молиться, чтобы заступничеством сего угодника Божия и прочих святых Господь хранил русский народ, избавляя его от голода и разных бедствий и лишений и помогая ему во бранях с неверными врагами Православной Церкви.

Память преподобного Прохора отмечается также 28 сентября/11 октября и во 2-ю неделю Великого поста.

Февраль, 11

Дмитрий Прилуцкий, преподобный

Преподобный Димитрий родился в начале XIV века в Переяславле Залесском, где отец его – человек богатый – вел довольно значительную торговлю.

Когда мальчик достиг школьного возраста, родители, с раннего детства укреплявшие в нем благочестивую христианскую настроенность, начали его учение; по обычаю времени, оно заключалось в усвоении церковной грамоты, а затем в чтении книг богослужебных и Священного Писания, по преимуществу Псалтири. Семя слова Божия, западая в чистую душу ребенка, начало приносить свой плод: отрок выделился среди своих сверстников умом и смирением, он удалялся от шумных детских игр, избегал услуг и почета, какими окружала его домашняя челядь. Чем дальше шло время, тем более и более прилежал он чтению Священных книг и богомыслию, возгревая в сердце любовь к Богу. Неудивительно потому, что его мало занимали торговые дела отца – не о богатствах скоропреходящих он думал и не об утехах здешней жизни: душа его стремилась к небесному и вечному сокровищу, уготованному Христом Спасителем для тех верующих, которые из любви к Нему оставили не только мирские блага, но даже и самых близких по крови: *уже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села имене Моего ради, сторицею приимет, и живот вечный наследит* (Мф. 19, 29). Все более и более созревала его мысль о вступлении на «тесный и скорбный путь» иноческого жительства. Наконец, мысль перешла в решение: послушный внутреннему влечению и слову Евангелия, юный Димитрий покидает дом отца и принимает пострижение в Переяславском Горицком монастыре. Его пострижение было действительным отвержением своей воли, мирских соблазнов и забот для беспрепятственного сосредоточения душевных сил на достижение одной цели – спасения во Христе. Следуя по стопам Его, юный постриженник повинуетя во смирении братии и поучается день и ночь в молитве. Терпение, смирениюмудрие

и незлобие его были столь велики, что возбуждали невольное удивление братии.

За такую добродетельную жизнь преподобный был удостоен священства. Облеченный высоким званием совершителя Таин Божиих, он усилил подвиги, «как верный раб мног прикуп творя без лености Господу, от Которого получил он столь великий дар».

Неизвестно, сколько времени преподобный подвизался на месте своего пострижения – в Горицком монастыре. Потом он задумал создать свой монастырь со строгим общежительным уставом и исполнил свою мысль. Он переселился из Горицкой обители на болото; так называлось на западной окраине Переяславля сырое болотистое место в одной версте от Плещеева озера; на месте нового поселения преподобный Димитрий поставил храм во имя святителя Николая, а при нем устроил общежительный монастырь.

Расположенная в низменной и сырой местности, не имевшая ни сел, ни угодий, убогая обитель преподобного привлекала, однако, многих славой имени своего основателя; желая подвизаться под руководством преподобного Димитрия, к нему приходили как миряне, ищущие пострижения, так и иноки из других монастырей. Преподобный, как отец чадолюбивый, всех принимал с любовью. В сане игумена он с кротостью правил новособранным стадом словесных овец, поучая их, главным образом, примером собственной добродетельной жизни. Братия смотрели на него «как на Ангела Божия» и повиновались ему с сыновним расположением.

Особенные случаи проявления благодати Божией над преподобным еще более усиливали уважение к нему братии и мирян.

Преподобный Димитрий был одарен редкой красотой, и так как он вел «жестокое житие», измождая себя подвигами поста, молитвы и труда, то лицо его сияло особенной одухотворенностью, удивлявшей людей. Поэтому во избежание соблазна и искушения, преподобный обыкновенно закрывал лицо монашеским куколом даже во время бесед с мужчинами – посетителями монастыря; с женщинами же он говорил очень

редко, когда являлась настоящая нужда в слове назидания. Так как обитель преподобного находилась в городе, то в воскресные и праздничные дни сюда приходило к богослужению много горожан. Среди этих обычных посетителей монастырского храма была одна знатная женщина. Она часто слышала о красоте и целомудрии преподобного Димитрия и ей очень хотелось взглянуть на его лицо. Долгое время старания ее были безуспешны. Наконец, подстрекаемая пустым любопытством, женщина решилась на следующее: раз перед обедней она подкралась к келлии преподобного и в окно взглянула на игумена. Подвижник в это время готовился к Божественной литургии; заметив нескромность женщины, он огорчился и с укоризной посмотрел на нее. Под гневным взглядом преподобного женщину охватил столь сильный ужас, что она в расслаблении упала на землю, не имея сил подняться. Некоторые из братии еле живую подвели ее к крыльцу настоятельской келлии и усиленно просили игумена о прощении провинившейся. Видя искреннее раскаяние плачущей женщины, преподобный кротко упрекнул ее: «Для чего ты, неразумная, захотела видеть грешника, уже умершего для мира?»

К этому подвижник присоединил наставление о том, что в храм Божий должно приходить не для показа тленных украшений, а для просвещения души целомудренной, сосредоточенной молитвой и милостыней. Благословив затем женщину, преподобный Димитрий даровал ей прощение; женщина тотчас исцелилась от внезапного недуга и пошла домой, благодаря Бога и преподобного.

Во дни игуменства в Никольском монастыре у преподобного Димитрия завязалось искреннее содружество во Христе с отцом северо-русского монашества преподобным Сергием, подвизавшемся в 60 верстах от Переяславля, в дремучих лесах радонежских. Преподобный Димитрий любил приходить в монастырь Живоначальной Троицы к преподобному Сергию для взаимной молитвы и назидательной беседы.

Слава о подвижнической жизни преподобного Димитрия дошла до великого князя Димитрия Иоанновича Донского, который и вызвал к себе в Москву старца. Преподобный

Димитрий произвел сильное впечатление на великого князя, который проникся к нему глубоким уважением: почитая переяславского подвижника так же, как и преподобного Сергия, он просил его быть восприемником при крещении одного из своих детей. Затем великий князь с честью отпустил смиренного игумена бедной обители, богато одарив его.

Но мирская слава для истинного инока – тяжелое бремя и опасное препятствие на смиренном пути подвижничества; она то же для монаха, что «сеть для птицы и тенета для серны». Преподобный Димитрий хорошо сознавал это. Избегая людской славы, он решил оставить родной город и свою обитель. Взяв с собою одного только любимого ученика Пахомия, преподобный покинул Переяславль и направился на глухой лесистый север. Через дремучие леса, дебри и болота путники достигли реки Лежи. Здесь, неподалеку от впадения в нее речки Великой, верстах в 20-ти от Вологды, они устроили себе хижину: место понравилось преподобному Димитрию, как удобное, вследствие удаленности от селений, для безмолвного служения Богу. Преподобный и его ученик поспешили освятить новое поселение, построив своими руками небольшую церковку в честь Воскресения Христова.

Но когда жители соседнего села Авнеги узнали, что в лесах их на Леже поселились иноки и уже построили храм, то пришли в смущение. «Вот, – рассуждали они, – близ нас поселился великий старец, который в скором времени овладеет как нами, так и нашими селами».

Толпою с ропотом недовольства они пришли к преподобному, требуя, чтобы он оставил их область и шел в другую сторону. «Отче! – говорили они, – нам неуютно твое здесь пребывание».

Почитая их требование за указание Промысла Божия, преподобный Димитрий не стал прекословить: он покинул негостеприимные берега Лежи и летом 1371 года пришел с учеником в Вологду. Преподобный Димитрий решил здесь остаться и основать монастырь. Для обители он избрал место на повороте (луке) реки Вологды к северо-западу, верстах в трех от города на северо-восток. Земля здесь принадлежала

двум крестьянам, жителям ближайшего села Прилуцкого, Илии и его другу и соседу Исидору, по прозвищу Выпряг.

По просьбе преподобного Дмитрия они сдали ему участок земли, нужный для построения обители; земли эти представляли собою нивы, на которых озимый хлеб уже почти выколосился; но жертвователи, из любви и уважения к преподобному и чтобы можно было скорее приступить к постройке церкви, решили не дожидаться жатвы. Соорудив крест, преподобный Дмитрий с молитвой водрузил его на месте будущей обители, а затем приступил к построению храма.

Когда весть о приходе «человека Божия» и его решении создать обитель распространилась по городу и окрестным селениям, тогда, как повествует древнее житие преподобного, «малые и великие, богатые и убогие, предваряя друг друга, спешили за благословением к святому», оказывая при этом, кто какое мог, содействие ему при построении храма и обители: кто давал деньги, кто лес, кто те или другие предметы, необходимые для храма и монастыря. Так очень скоро была построена церковь и 1 августа 1371 года освящена во имя Спаса нашего Иисуса Христа, Его Пречистой Матери и в честь Животворящего Креста, потому что в Вологде, довольно богатой церквами, не было храма в честь Происхождения честных древ Креста Господня. Около храма были построены келлии для братии и самые необходимые службы; так возникла Спасо-Прилуцкая обитель, являвшаяся в пределах Вологодских первым монастырем со строго-общежительным уставом. Сюда к преподобному стали стекаться ищущие иноческого подвига; большинство из них было из Вологды и окрестных селений, но кроме них приходили и иноки из прежде основанного преподобным монастыря в Переяславле, после того, как до них достигла весть об основании им новой обители. Когда услышал об этом великий князь московский Дмитрий Иоаннович, то поспешил прислать чтимому старцу щедрое пожертвование на нужды монастыря.

Но, несмотря на пожертвования, новая обитель далеко не могла назваться богатой. Все ее земельное угодье составляло небольшое поле для посева хлеба, расположенное в двух

верстах от монастыря. Сюда часто приходил преподобный Димитрий для наблюдения за работами, и небольшой участок земли, возделываемый одним только пахарем Григорием, давал по молитвам святого обильную жатву. Монастырь был беден и книгами. Некоторые из братии однажды напомнили об этом игумену. Но преподобный, желая направить мысль иноков к главному и существенному в монашеском подвиге, так отвечал на их жалобу: «Достаточно, братия, и тех утешительных книг, какие у нас есть, если только мы без лени, от чистого сердца, с духовной любовью и смирением хвалим по ним Бога, яко труба Божия вопиющи на всяк день и ночь».

Впрочем, преподобный поучал братию не столько словами, сколько примером своей жизни, которая была истинным воплощением монашеских обетов.

Первый в трудах на пользу братии, преподобный Димитрий был первым и в церкви на молитве. По его приказанию в храме, по левую сторону алтаря, было устроено особое место, отгороженное досками; здесь, никем не видимый и ничем не рассеиваемый, изливал преподобный душу пред Богом в усердной и горячей молитве. Пост его был столь суров, что он по целым неделям не принимал пищи; лишь в праздники, когда по уставу братии полагалось за трапезой «некое утешение», преподобный несколько ослаблял пост: он вкушал малую просфору с теплой водой, которую подавал ему келарь в небольшом глиняном сосуде. Одежду подвижника составлял один только заскорузлый тулуп из жестких овчин; преподобный носил его бессменно в течение целого года, зимою страдая от стужи, а летом от зноя. Порабощая тело духу молитвой, постом и «худостью ризной», преподобный, кроме того, носил еще на теле тяжелые железные вериги.

Спасо-Прилуцкая обитель находилась при большой дороге в Устюг, Пермь Великую и к Белому морю. Такое положение монастыря побудило подвижника развить в широкой степени странноприимство. И здесь преподобный Димитрий подавал пример братии: он был, говорит его древнее житие, «нагим одежда, печальным утешение, бедным помогая и от напастей изымая, больных молитвою исцеляя, должников выкупая и сам

долги отпуская». Близки сердцу преподобного были и приходящие к нему с нуждами духовными: желая всех направить на путь спасения, он являлся для грешников учителем «на покаяние». Свою деятельность милосердия преподобный не ограничивал пределами монастыря: нередко он покидал обитель для ходатайств печалования в городе перед властями за обидимых и угнетенных. Преподобный защищал и рабов от насилия господ, прибегая не только к увещаниям, но, в случае необходимости, и к обличениям. Один из постоянных благотворителей монастыря, питавший глубокое уважение к преподобному Дмитрию, прислал раз в Прилуцкий монастырь пищу и питье для братии. Но преподобный не принял дара, заметив благотворителю: «Отнеси это в дом свой и напитай прежде домочадцев твоих, да не томятся они голодом и жаждою, остатки же, если будут, принеси нашей нищете, и тогда милостыня твоя угодна будет Богу». И только слезы и обещания жертвователя изменить свое отношение к рабам побудили старца отменить свое решение и взять принесенное. Этому благотворителю за его усердие к обители преподобный Дмитрий оказал много добра и однажды своей молитвой избавил его от великой беды.

В конце своей трудолюбивой подвижнической жизни преподобный Дмитрий был удостоен от Господа дара прозорливости.

Родной брат преподобного, наследовавший богатое отцовское имение, впал, однако, вследствие неудачных торговых оборотов в неоплатные долги, а с ними и в нищету. Желая поправить дела, он пришел в Спасо-Прилуцкий монастырь, прося у брата благословения на торговую поездку к языческим племенам югры и печоры. Преподобный дал благословение обнищавшему брату, и последний, взяв свои и чужие товары, отправился в путь со сборщиками великокняжеской дани. Торговля с печорой и югрой дала ему такой прибыль, что, возвратившись домой, он мог уплатить все свои долги. На следующий год, тоже с благословения преподобного, он снова отправился к тем же племенам для торговли и возвратился еще с большей прибылью. Страсть к

наживе загорелась в купце, и на третий год он опять пришел к преподобному, испрашивая благословения в знакомый путь. Но преподобный сказал ему: «Довольно, брат, можешь прожить и с тем, что приобрел; не ходи более – не погибнуть бы тебе от звероподобных людей».

Брат не внял увещанию святого старца и без его благословения предпринял третью торговую поездку, но более уже не возвращался домой, очевидно, убитый дикими язычниками.

Однажды весной 1389 года, трудясь вместе с братией над церковной постройкой, преподобный Димитрий, прослезившись, неожиданно сказал: «Мы, братия, строим теперь земные, тленные вещи, а благоверный великий князь Димитрий Иоаннович от сего дня уже не печется с нами о суетном сем житии».

И вслед за этим подвижник начал вслух молиться об упокоении души новопреставленного. Не было никаких известий о болезни великого князя, который был в поре мужества, и поэтому слова преподобного о его кончине показались братии странными. Но через несколько дней из Москвы пришла весть, что великий князь скончался и при том, как оказалось, в тот самый день и час, когда преподобный поведал об этом братии.

Идя «скорбным и узким путем» подвижничества, преподобный Димитрий достиг маститой старости и, наконец, почувствовал близость своей кончины. Желая оставить после себя братии надежного руководителя, преподобный решил сам назначить себе преемника. Собравши братию, он в таких, исполненных смирения, словах сообщил печальную для них весть о своей скорой кончине: «Великий грешник по делам моим худым, я уже изнемогаю и отхожу от сего временного жития, а вам благословляю вместо меня быть игуменом моему брату и сыну духовному Пахомию; повинуйтесь ему во всех добрых делах как отцу своему».

Когда же некоторые из братии спросили преподобного, где желает он быть похороненным, то смиренный подвижник отвечал: «Грешное тело мое бросьте в болото и затопчите там ногами».

Эта беседа, по-видимому, была последней беседой преподобного со своей братией.

В ночь на 11 февраля 1392 года иноки Спасо-Прилуцкой обители заметили, что по всему монастырю распространилось какое-то, напоминавшее фимиам, благоухание. Все тотчас же поспешили к жилищу преподобного, но нашли святого старца уже отшедшим: келлия его была полна дивного благоухания, а лик преставившегося подвижника сиял неземным светом, был покоен и тих, как у спящего. Оплакивая горькими слезами утрату «кроткого пастыря», с благоговением поклонились братия честным останкам преподобного Дмитрия. Затем, по совершении погребальных молитвословий, они предали земле трудолюбное тело игумена в созданной им церкви, позади правого клироса. Преподобный Дмитрий преставился во дни великого князя Василия Дмитриевича, при Московском митрополите Киприане, за семь с половиною месяцев до кончины своего духовного друга – преподобного Сергия Радонежского.

Смерть не положила предела милосердной деятельности преподобного Дмитрия: Господь прославил Своего угодника, и для, всех с верою призывающих его имя, гроб его по милости Божией явился источником многих благодатных чудес и исцелений.

В 1409 году в Вологодских пределах появилась повальная болезнь «корчета», очевидно, так названная потому, что она сопровождалась сильными корчами: в руки больных, чтобы они не поранили ладони ногтями, принуждены были даже вкладывать палки. Многих, страдавших этим мучительным и ужасным недугом, приводили ко гробу преподобного Дмитрия. Здесь они, валяясь в муках корчей и каясь во грехах, просили угодника Божия об исцелении, и по молитвам преподобного болезнь оставляла тех из них, которые с сильной верой и крепкой надеждой прикасались к его гробу. Такие исцеленные, с радостью повергши палки у гроба чудотворца, возвращались домой, славя Бога и преподобного Дмитрия. Когда по прекращении болезни братия вынесли из храма оставленные в нем больными палки, то последних оказалось более воза.

В 1417 году «отделившиеся от Московский державы» вятчане напали на Вологду, тогда еще не защищенную стенами, и овладели ею; разрушая и грабя окрестные селения, они пришли в Спасо-Прилуцкий монастырь и стали его грабить. Более наглые не постыдились войти даже в самый храм, и один из них, сдирая ризы и пелены со святых икон, коснулся даже гроба преподобного, желая снять покров. Но тотчас же невидимой силой Божией святотатец был отброшен на церковный помост. Оцепеневший и безгласный, лежал он среди своих товарищей, пораженных его неожиданной и грозной смертью. Когда предводители восставших вятчан узнали о наказании Божиим, постигшем грабителя, то почувствовали великий страх: они приказали отпустить всех монастырских пленных и, никому уже более не вредя, отправились домой.

Но не многие из них достигли родины – большинство нашло смерть на неустроенных и опасных лесных дорогах. Долго вятчане помнили о страшном чуде преподобного Димитрия: спустя много времени после описанного нападения их на Вологду, они прислали в Спасо-Прилуцкую обитель щедрую милостыню с иноком ее Закхеем, бывшим в их стране.

Особенно часты были исцеления у гроба преподобного Димитрия бесноватых.

Слух о чудотворениях, совершившихся по молитвенному предстательству угодника Божия, разносился далеко по окрестностям Спасо-Прилуцкой обители. Близ Вологды в одном селении жила богобоязненная и молитвенно чтившая преподобного Димитрия вдова, по имени Антонина. Она не владела рукою и была слепа на один глаз, который от болезни почти совсем выступил из орбит. Рассказы о чудесах при гробе преподобного западали ей в душу. И вот однажды во сне она видит какого-то светлепоного старца, который говорит ей: «Если хочешь быть здорова, иди на праздник Спасов, прикоснись ко гробу старца Димитрия – и Бог исцелит тебя». Она же ответила: «Господин! Я ничего не смогу пожертвовать на монастырь». Старец сказал на это: «Набери ягод и продай их за сребреницу, которую и пожертвуй с верою».

Женщина проснулась со страхом и радостью; исполняя приказание старца, она набрала ягод, которые один прохожий купил у нее за сребреницу. Когда наступило 1 августа, множество народа из города и окрестных сел собралось по обычаю в Спасо-Прилуцкий монастырь на храмовой праздник; среди них пришла и помянутая вдова. Положив сребреницу на гробницу преподобного, она припала к ней с такой молитвой: «О, святой Димитрий! Ты сам обещал даровать мне полное исцеление, ныне избавь меня хоть только от болезни глаза». И тотчас же она стала видеть глазом; с этого же времени начала выздоравливать и рука ее. Не веря себе, в страхе и радости таила женщина происшедшее с ней чудо, ожидая полного и окончательного исцеления. Только одному из монахов Спасо-Прилуцкой обители поведала она о милости Божией, явленной над нею по заступлению преподобного Димитрия.

Галичский князь Димитрий Шемяка, воюя с великим князем московским Василием Васильевичем, зимою 1450 г. напал на Вологду. Окружив ее со всех сторон, он начал подступать к самым городским стенам. Город был малолюден и не имел даже воеводы, поэтому жители Вологды находились в страхе, тем более, что осаждавшие начали грабить и разорять окрестности; по благоговению к преподобному Димитрию Шемяка не велел трогать лишь Спасо-Прилуцкую обитель. В это бедственное время священноинок Спасо-Прилуцкой обители Евфимий удостоился следующего видения. Раз по совершении вечернего правила он лег спать и только что начал смежать глаза, как вдруг точно наяву видит, что в келлию его вошел светолепный старец, украшенный сединою и окруженный необыкновенным сиянием, и говорит ему: «Помолимся Спасу нашему Иисусу Христу за город и за людей, чтобы Господь помиловал их, поможем им, потому что без вины найдет на них рать сия».

С этими словами старец стал невидим. Во время чудесного видения Евфимий был полон великой радости, так как узнал в светолепном старце преподобного Димитрия, и по удалении его очнулся. В ту же ночь черноризице вологодского монастыря было такое видение: ей представилось, что как бы сильный свет

окружил город, а по дороге из Спасо-Прилуцкого монастыря идет к городу светолепный старец; навстречу старцу из часовни при кладбище для странных вышли два световидных мужа белоризца, каждый из них нес на плечах большие бревна. Стены же города колебались и, казалось, вот-вот упадут; но белоризцы и старец со всех четырех сторон укрепили готовые разрушиться стены. Этой же ночью то же самое явление было во время сна и одному мирянину, находившемуся в Троицком монастыре на конце посада: он видел старца и двух светлых белоризцев, называвших старца Димитрием, которые укрепили четыре стороны города подпорками из бревен, а затем скрылись. На другой день жители Вологды отразили приступ Шемяки, бросая со стен в осаждавших глиняные ядра. После этого неудачного приступа, постояв около города еще довольно продолжительное время, Шемяка отошел к Галичу.

Две церкви одна за другой сгорели в Спасо-Прилуцкой обители. Когда начали постройку третьего храма, то она шла очень медленно по отсутствию нужных средств; игумен и братия печалились, не зная, где взять леса для строения и хлеба для прокормления рабочих. В это затруднительное для обители время один из иноков, лежавший у себя в келлии в жару по причине болезни, имел такое видение: ему представилось, что с некоторыми из братии он стоит перед монастырскими воротами, а какой-то светолепный старец носит от реки на гору к церкви бревна. Стоявшие же у ворот говорили между собою: «Смотрите-ка, вот сам Димитрий носит бревна!»

Тогда брат очнулся. С этого времени работа пошла заметно успешнее, и церковь вскоре была отстроена (в 1542 г.). По ее освящении тому же иноку было другое видение: будто бы внутри новосозданного храма около стен стоят сияющие святостью иноки-старцы; смотря на них, инок подумал, что тут должен находиться и святой Димитрий чудотворец. Вдруг сзади от алтаря, где находится гроб преподобного, раздался голос, подобный грому: «Ты ищешь Димитрия? Ныне чудотворец Димитрий в Казани».

На этом видение прекратилось, а инок, очнувшись, почувствовал себя совершенно выздоровевшим.

В тот год великий князь Иоанн IV посылал под Казань свое войско, с которым находилась взятая из Прилуцкого монастыря икона преподобного Димитрия. И в то самое время, когда было видение иконы, московское войско в сражении нанесло значительный урон татарам. По возвращении войска из похода Иоанн IV возвратил со щедрой милостыней Спасо-Прилуцкому монастырю икону преподобного, богато ее украсив. 3 июня 1545 года икона была принесена в Вологду, а отсюда с крестным ходом была препровождена в обитель.

При архиепископе Вологодском и Великопермском Варлааме и игумене Спасо-Прилуцкой обители Питириме между архиерейским домом и монастырем возник спор о праве владения землей на Лежском волоку и реке Великой. Для правильного размежевания спорных земель решили воспользоваться указаниями какого-либо из местных старожилов. По взаимному согласию архиепископ и игумен поручили проведение межи старцу Иннокентиева монастыря Мисаилу, как человеку, с давних пор хорошо знающему местность. Но Мисаил, заботясь более об угождении архиепископу, чем об истине, повел межу так, что значительная часть земли совершенно неправильно отходила от монастыря к архиерейскому дому. Указывая межу, Мисаил шел впереди и забрел в такую лесную дебрь, из которой не мог возвратиться. Долго его ожидали архиепископ и игумен и наконец, чувствуя недоброе, послали людей на розыски исчезнувшего вожатая. Те нашли его в глухом лесу, под одной колодой едва живым. Когда Мисаила привели к архиепископу, то он со слезами раскаяния поведал следующее: «Прости меня, владыко, согрешил я пред преподобным Димитрием чудотворцем, хотел подружить тебе и отмежевать земли у монастыря. Когда же с этой целью я шел вперед, вдруг объяла меня столь великая тьма, что я ничего не мог видеть пред собою; и явился мне светолепный, украшенный сединою старец; повергши меня под колоду, он начал бить меня своим жезлом, говоря: «Зачем, монах, неправо межуешь?»»

Архиепископ отослал старца для покаяния в Спасо-Прилуцкий монастырь и прекратил спор с обителью из-за земельных владений, оставив прежнюю межу.

В 1609 году вологодский воевода писал в Ростов: «Здесь, в Вологде, преподобный Димитрий явил свою милость, обещался стоять с нами против врагов государевых: он явился духовному старцу у своей гробницы и велел перенести свой образ с гробницы в Вологду. Архиепископ, воевода со всеми вологжанами и иногородними, сретив тот образ с великой честью 4 января, со слезами и молебным пением поставили его в церкви Всемилоственного Спаса на вологодской площади. Ныне сей образ стоит для уверения и поклонения всем христианам. Говорят, что этот образ преподобного Димитрия писал преподобный Дионисий Глушицкий. В Вологде хотят на площади поставить храм во имя преподобного Димитрия. С твердым упованием на Всемилоственного Спаса и Пречистую Богородицу, на преподобного Димитрия и всех святых решились мы смело стоять против врагов государя и всего православного христианства».

Храм преподобному Димитрию действительно вскоре был поставлен на площади, против земской палаты.

Мощи преподобного Димитрия почивают под спудом в арке среди нижней церкви, посвященной его имени. Над ними устроена деревянная гробница, обитая медными позолоченными листами; на гробнице лежит образ преподобного, писанный в рост, в серебряной ризе. Напротив гробницы, в ногах подвижника, в стеклянном шкафе висят его вериги. Из других вещей, принадлежащих преподобному, в обители сохранились следующие: деревянный осьмиконечный крест, собственноручно сделанный преподобным и водруженный на месте, избранном для построения Спасо-Прилуцкой обители; крест этот, вышиной три аршина, в поперечнике два аршина с четвертью, находится в каменной часовне близ колодца, выкопанного преподобным; другой крест, называемый Киликиевским, принесенный преподобным из Переяславля; келейный образ Божией Матери «Страстной»; фелонь из синей шелковой материи с красными цветами и с оплечьем из разного бархата, на крашенинной подкладке – дар преподобному великого князя Димитрия Донского; черный деревянный костыль с железным наконечником, обвитый красным бархатом и

золотым кружевом; деревянные четки с перламутровой инкрустацией.

Местное празднование преподобному Димитрию в Спасо-Прилуцком монастыре было установлено, вероятно, с 1409 года, когда начали твориться при гробе его чудеса. К концу XV века празднование преподобному стало уже не только епархиальным, но и общерусским.

Всеволод-Гавриил Псковский, благоверный великий князь – преставление

Благоверный князь Всеволод Мстиславович был старшим внуком доблестного великого князя Владимира Мономаха, выступил в жизни общественной в 1117 году в Новгороде, а скончался в 1138 году в Пскове, где нетленные мощи его почивают и доныне.

О первоначальном его воспитании точных сведений не сохранилось; по древнему же преданию Святая Церковь воспеваёт князя Гавриила как измлада наученному благочестию христианскому, как наследника добродетелей своего родителя князя Мстислава. Благочестивый, храбрый и рассудительный Мстислав Владимирович долгое время княжил в Великом Новгороде и заслужил преданность граждан, которые не хотели иметь у себя другого князя кроме Мстислава, «ими вскормленного».

Детство святого Всеволода протекало в Великом Новгороде. Здесь же прошла, впрочем, и большая часть его жизни.

В 1117 году великий князь Владимир Мономах отозвал своего сына Мстислава из Новгорода в Переяславль, подготавливая в нем себе преемника. Молодой Всеволод заступил место отца в Новгороде. Первые годы его правления ознаменовались благоустройством церковных учреждений, чтобы Церковь имела более способов для благотворного действия на нравы новокрещеного народа Новгородского края. В 1119 году князь Всеволод с игуменом Кириакom заложил каменную церковь в трех верстах от Новгорода во имя святого великомученика Георгия, dokonчил эту постройку и при храме учредил монастырь. Со своей стороны великий князь Мстислав вполне поддерживал благочестивые стремления своего сына. Сохранилась до нашего времени жалованная грамота Юрьеву монастырю, писанная около 1130 года и данная от имени обоих князей. Великий князь Мстислав приказывает своему сыну Всеволоду отдать монастырю святого Георгия село Буйце со

всеми податями. В конце же жалованной грамоты написано: «... а я, Всеволод, дал блюдо серебряное в 30 гривен серебра святому же Георгию, повелел бить в это блюдо на обеде, когда обедает игумен». Из других грамот видно, что святой Всеволод снабдил Юрьевский монастырь угожьями.

В 1123 году князь Всеволод женился на дочери черниговского князя святого Николая Святоши, из дома Ольговичей. И когда родился у него сын – первенец Иоанн, князь построил в 1127 году в честь его Ангела церковь святого Иоанна Предтечи на Опоках с приделом во имя святого пророка Захарии. На имя этой церкви благочестивый князь около 1135 года дал особую уставную грамоту, сохранившуюся до наших дней. В грамоте читается: «Вот, я, князь Всеволод, нареченный во святом крещении Гавриил, сын Мстиславов, внук Володимира Мономаха, благоволением Божиим поставил церковь святого Иоанна Великого на Петрятине дворище, и снабдил ее иконами многоценными и всеми книгами, и устроил попов и дьякона, и дьяка в соборной церкви». Новопостроенная церковь назначается быть приходской церковью особого торгового товарищества, которое называлось по ее имени «купечеством Иванским». Для заведения делами церкви и всего товарищества избиралось из среды его пять старост. Главный доход церкви составлялся из торговых пошлин, именно – из платы за употребление весов и мер, которые хранились в церковном притворе. Пошлины эти служили главным источником содержания церкви и служившего при ней духовенства. Из тех же доходов платилось и духовенству, приглашенному совершать богослужение в храмовые праздники. На праздник Рождества св. Иоанна Предтечи здесь служит Новгородский владыка, на другой день – архимандрит юрьевский, на третий – игумен из Антониева монастыря. Грамота точно исчисляет, сколько кому из высшего духовенства следует дать вознаграждения за эти службы и какие вообще выдачи следует производить по случаю праздника.

Богобоязненный князь Всеволод был вместе с тем и мужествен. Преданный своему долгу, он высоко ценил чувство чести и не оставлял безнаказанным дерзких врагов его удела.

Сохранился доселе огромный меч святого Всеволода с надписью: «Чести моей не уступлю никому». С этим мечом изображается он и на иконе.

Великим постом 1123 года князь Всеволод вынужден был предпринять поход против северных соседей Новгорода – ями. Враги были побеждены.

Но возвращение войска в Новгород было очень затруднительно. Снег растаял и дороги испортились, не хватало продовольствия. Тем не менее поход окончился счастливо.

В 1130 году Всеволод с двумя своими братьями Изяславом и Ростиславом ходил на финское племя эстов. Враги были жестоко наказаны: многих перебили, жилища сожгли, детей и женщин забрали в плен и привели на Русь.

Но в следующем году потребовался новый поход под предводительством уже одного Всеволода. Эстонцы сражались храбро, побили многих новгородцев. Еще ранее, в 1127 году, святому князю Всеволоду пришлось идти по воле отца на непокорного князя полоцкого Давида Всеславича, который и лишен был стола. Полоцкие князья с их женами и детьми взяты были в плен великим князем Мстиславом и отправлены в Царьград к византийскому императору. Так протекло 15 лет княжения Всеволода в Новгороде.

В 1132 году умер отец его великий князь Мстислав, и для Всеволода начался ряд тяжелых испытаний, которые почти не прекращались до самой его кончины. Причинами этого были общие в нашей земле тогдашние неурядицы и усобицы князей. Вступив на великокняжеский престол после своего брата Мстислава, князь Ярополк немедленно, в том же 1132 году, вызвал князя Всеволода из Новгорода в Переяславль, считавшийся старшим после Киева. Новгородцы отпустили князя с неудовольствием. Между тем младшие сыновья Мономаха, Георгий и Андрей, не захотели, чтобы в преемники великому князю Ярополку предназначался племянник их Всеволод и решили изгнать его из Переяславля. Утром Всеволод въехал в Переяславль, а к обеду оставил его, избегая междоусобия, и отправился опять в Новгород. Но здесь встретили его недоброжелательно. На вече в Новгород пришли

псковичи и ладожане. Вече сильно волновалось и не приняло князя Всеволода. Всеволод оставил Новгород. Однако граждане скоро одумались, вернули князя Всеволода, но, по видимому, ограничили его в правах и власти.

Тем временем Новгородские пригороды подверглись нападению чуди, и по возвращении в Новгород святой Всеволод в 1133 году ходил в Эстонию, ограждая границы Новгородские, и взял город Юрьев, или Дерпт.

В следующем году в Новгород прибыл брат Всеволода Изяслав, прогнанный дядей Георгием Суздальским из Турова, и просил себе помощи. Новгородцы зашумели, вызываясь на поход против властолюбивого Георгия. Вече было бурное: одни хотели защищать Мстиславичей, достать им волость, другие – нет. Большинство оказалось на стороне Мстиславичей, и положено было идти в поход. Князь Всеволод с братом и новгородским посадником пошли в Суздальскую землю. Но дорогой несогласия вече повторились в полках; противники Мстиславичей пересилили и заставили войско вернуться назад в Новгород. Однако вече вольного города не одобрило этого, выбрало нового посадника, и князь Всеволод вместе с новгородцами отправился в Ростовскую землю. В то время прибыл в Новгород митрополит Киевский Михаил. Он уговаривал новгородцев не проливать братской крови: «Не ходите, меня Бог послушает!» Но безуспешно. Новгородцы задержали святителя и отправили войско против князя Георгия под предводительством Всеволода. Стоял конец декабря. Метели и жестокий мороз преследовали новгородское войско и очень обессилили его. 26 января 1135 года произошло кровопролитное сражение на Ждановой горе. Суздальцев побито было не менее, чем новгородцев, но победы не было и продолжать войну не приходилось. Заключили мир, и новгородцы повернули домой.

Эта неудача имела неприятные последствия для святого Всеволода. Новгородцы от него отвернулись. Они начали склоняться на сторону враждебных Мономаховичам князей Ольговичей Черниговских, которые в то время вели успешную борьбу против великого князя Ярополка Мстиславича. Призвав

псковичей и ладожан, новгородцы думали с ними о том, как бы изгнать святого Всеволода. 28 мая 1136 года посадили его на епископском дворе под стражу вместе с женой, детьми и тещей. День и ночь стерегли князя 30 вооруженных сторожей. И так держали его до 15 июля. Князя обвиняли в следующих преступлениях: не заботился о смердах, т. е. крестьянах; хотел, оставив Новгород, сесть в Переяславле; в сражении на Ждановой горе не обнаружил храбрости – первый отступил; вмешивает Новгород в усобицы: сначала велел приступить к Ольговичам, теперь отступить. Говорили, будто князь больше развлекается играми и охотой, чем управляет людьми и судит их. Так обвиняли князя люди враждебной ему стороны, которые взяли верх в вольном городе. На место святого князя новгородцы призвали к себе Святослава Ольговича. Когда приехал Святослав, то Всеволод отправился к великому князю в Киев, и Ярополк дал изгнаннику Вышгород.

Но у князя Всеволода были в Новгороде и Пскове люди, которые к нему были привязаны и по-другому ценили его деятельность в управлении вольным городом. Они тайно прислали к нему в Вышгород сказать: «Иди, князь, опять тебя хотят».

И действительно, псковичи из уважения к высоким душевным качествам князя Всеволода с радостью приняли его. По дороге в Псков он имел случай убедиться, что даже те, кто мог считать его в числе своих врагов, исполнены к нему расположения. Полоцкий князь Василий Рогволодович принял едущего в Псков Всеволода с истинно братской любовью. Он с дарами вышел к нему навстречу, ради заповеди Божией забыл все зло, которое сделал отец Всеволода Мстислав всему роду его, целовал с ним крест и с честью проводил святого Всеволода.

Господь не судил князю Всеволоду долго управлять Псковом. По своему пониманию долга на новом месте благоверный князь обратил главное свое внимание на внутреннюю жизнь горожан. Справедливый суд и управа, призрение странных и нищих, попечение о больных – вот ежедневные занятия князя. Почитая каждый день последним в

своей жизни, он строгим воздержанием и молитвой приготавливал себе путь к вечности. Как раньше в Новгороде, так и теперь в Пскове святой Всеволод явил себя усердным храмовладельцем. Он построил каменный соборный храм во имя Пресвятой Троицы.

Прошло около года пребывания его в Пскове. Новгородцы были смущены появлением их изгнанника в Пскове, а вместе чувствовали боязнь и раскаяние. Восторжествовали в них чувства недобрые, и князь их Святослав в союзе с курянами и половцами пошел на Псков, чтобы прогнать Всеволода. Псковичи засекли в непроходимых лесах своих все дороги. Видя эту решительность псковичей, новгородцы со своим князем не захотели вести трудной войны со своими братьями. Между тем скоро не стало того, кто служил невольной причиной вражды. 11 февраля 1137 года, в четверг сырной недели, князь Всеволод почувствовал приближение смерти, причастился Святых Таин, простился с народом и мирно отошел ко Господу. Весь город, духовенство и миряне, старцы и дети, а особенно сирые и немощные, горько оплакивали общего добродетеля. Когда весть о смерти его пришла в Новгород, то возбудило во всех искреннее раскаяние, что не умели беречь у себя добродетельного князя. Тогда они решили, по крайней мере, останки его хранить у себя. Было снаряжено посольство в Псков во главе с протопопом Полюдом и лучшими людьми, чтобы взять и привезти тело в Новгород. Псковичи не смели противиться, но посланные из Новгорода никак не могли тронуть с места раку с телом почившего князя. Было ясно, что почившему неужгодно было оставить свое тело тем, кто изгнал его при жизни. Новгородцы плакали и просили перед гробом прощения в своей самонадеянности и были утешены тем, что могли взять с собою ноготь, отпавший с перста почившего князя.

Согласно завещанию, тело святого князя было погребено в храме святого Димитрия Солунского. Прошло немного времени по преставлении благоверного князя и от его чесных мощей начали истекать знамения и чудеса для приходящих с верою слепых, хромых, сухоруких, расслабленных, бесноватых и

разных больных. Все они по вере своей и по молитвам святого князя получили исцеление. Прошло 55 лет. Память о князе Гаврииле-Всеволоде сохранялась псковичами свято, ибо он положил основание самостоятельности Пскова, дотоле считавшегося только пригородом Новгорода. В 1193 году святой князь явился в сонном видении одному богобоязненному мужу и сказал: «Объяви всему священному собору, князю, посаднику и всему христолюбивому народу псковскому, чтобы перенесли мощи мои от святого Димитрия в храм Пресвятыя Троицы; ибо там хочу я возлечь».

Благочестивый муж осмелился спросить: «Кто ты, владыко мой, пришедший ко мне, смиренному, вспомнать грехи мои? От светлости лица твоего трепещет душа моя; открой мне имя твое святое». «Имя мое князь Всеволод, во святом крещении Гавриил, – отвечал явившийся, – Господь Иисус Христос предал мне град мой Псков, чтобы хранить его и соблюдать от безбожных немцев, и в нем хочу пребывать до скончания века сего. Не медли исполнить волю мою».

Обрадовались псковитяне и поспешили целым городом, в предшестве духовенства в церковь великомученика; там подняли раку чудотворца и понесли ее, но когда подошли к воротам города, которые назывались Смердиевыми, стала неподвижно рака. После многих напрасных усилий, слез и молитв принуждены были отнести мощи на прежнее место. В следующую ночь святой Всеволод явился тому же благоговейному мужу и сказал ему: «Не хочу идти во врата Смердии, но скажи князю и всему собору и посадникам: пусть пробьют ворота от реки Псковы на северную сторону и тут пронесут мощи мои в храм Пресвятыя Троицы».

Немедленно пробили городскую стену и сделали новые ворота, чрез которые внесли чудотворные мощи святого князя и поставили их открыто в возобновленном им соборном храме. Это перенесение мощей совершилось 27 ноября 1192 г.

В 1284 году при раке благоверного князя Всеволода совершилось чудо над бывшим псковским посадником Елисеем. Старый посадник лежал расслабленный всем телом, так что не мог двинуть ни рукой, ни ногой. По вере в благодатную силу

святого Всеволода он велел отнести себя к его мощам. Когда священник, совершив молебствие, окропил больного святою водою, расслабленный встал и без посторонней помощи возвратился домой.

Ночью на 30 июля 1363 года святой князь явился соборному пономарю и сказал: «Поспешి передать соборянам Пресвятой Троицы и посадникам, чтобы вынесли из соборной церкви иконы и сосуды, ибо Господу угодно явить чудо над мощами моими в следующую ночь».

Наутро из церкви все было вынесено, а в самую полночь обрушился церковный свод, пробил раку святого князя и отшиб малую часть честной главы его (челюсть). Часть эта сохраняется в особом серебряном ковчеге. Мощи были тогда поставлены в придельном храме Благовещения. Чудесных исцелений от болезней по молитвам у гроба святого князя записано до половины XVI века двадцать одно. Из получивших исцелений более других оставили о себе память богатый муж Иоанн Зайцев и две его дочери. По чувству благодарности они положили на честную раку дорогой покров с изображением святого князя, вышитый золотом и шелками. Покров сохраняется доселе. Местное празднование благоверному князю Всеволоду началось или со времени открытия мощей в 1192 году, или со времени первого чуда в 1284 году. Общецерковное празднование установлено на Соборе в 1549 году. Псковский летописец повествует, что сам царь Иоанн Грозный во время пребывания в Пскове в 1569 году с великим благоговением слушал молебное пение святому князю. Поклоняясь раке благоверного князя, царь удивлялся «величеству» меча его. Святой князь Всеволод стал для Пскова защитником, нерушимой стеной его. В неравной борьбе с ливонцами, поляками и другими врагами они уповают на молитвы святого Всеволода и отражают врагов. Его молитвам приписывали преложение ярости Грозного царя на милость, когда он приехал в Псков в 1569 году, после разгрома Новгорода. Ими же объясняли умирение внутренних междоусобий в Пскове. Особенно трогательно сказала вера псковитян в небесную защиту своего покровителя в 1581 году.

Когда Пскову угрожала великая опасность от польского короля Стефана Батория и враги заняли уже часть города Полонище, псковичи получили спасение единственно по молитвам к своим небесным покровителям. Они так и понимали тогда свое положение, ниоткуда не ожидая иного спасения. В продолжение двух недель они носили мощи святого Всеволода по городу к тем местам, каким наиболее угрожали осаждающие. И враг был принужден снять осаду и удалиться. Событие изнесения мощей святого Всеволода на место битвы в 1581 году изображено на одной из сторон серебряной раки, которая изготовлена в 1834 году, ко времени, когда по повелению императора Николая I святые мощи были перенесены в главный собор.

В ноябре 1893 года Псков торжественно праздновал 700-летие обретения мощей святого благоверного князя Всеволода-Гавриила.

Февраль, 12

Мелетий, архиепископ Харьковский и Ахтырский

Святитель Мелетий, архиепископ Харьковский и Ахтырский (в миру Михаил Иванович Леонтович), родился 6 ноября 1784 года в селе Старые Санжары Полтавской губернии.

В 1808 году Михаил Леонтович успешно окончил Екатеринославскую духовную семинарию. Как лучший ученик, он был направлен архиепископом Екатеринославским Платоном в Петербург в Александро-Невскую академию. Окончив духовную академию в 1814 году со степенью магистра богословия, он был определен адъюнкт-профессором греческого языка.

С 11 марта 1817 года Михаила Леонтовича назначили секретарем учрежденного при академии Строительного комитета.

30 июля 1817 года его перевели в Киевскую духовную семинарию на должность инспектора, где он был профессором церковной истории и греческого языка. Когда 28 сентября 1819 года была открыта Киевская духовная академия, Михаил Леонтович стал ее первым инспектором.

11 февраля 1820 года, накануне дня памяти святителя Мелетия Антиохийского, в соборном храме Киево-Братского монастыря он был пострижен в монашество с именем Мелетий. Постриг совершил Киевский митрополит Евгений (Болховитинов). 22 февраля 1820 г. инок Мелетий был посвящен митрополитом Евгением в сан иеродиакона, 25 февраля – во иеромонаха.

9 августа 1821 года иеромонах Мелетий был назначен ректором Могилевской духовной семинарии и настоятелем Кутеинского Оршанского монастыря с возведением в сан архимандрита. В августе 1823 года его перевели на должность ректора Псковской духовной семинарии, а 24 января 1824 года архимандрит Мелетий был назначен ректором Киевской духовной академии.

В октябре 1826 года последовало определение Святейшего Синода о назначении архимандрита Мелетия епископом

Чигиринском, викарием Киевской епархии, и настоятелем Киевского Златоверхого Михайловского монастыря. 19 октября 1826 года состоялось его наречение во епископа, а 21 октября в Киево-Софийском соборе была совершена архиерейская хиротония.

С отеческой любовью заботился святитель о юных питомцах Киевской академии, воспитывая их в духе преданности Церкви Христовой. Особой заботой святителя было попечение о бедных, вдовах и сиротах. Часто посещал он заключенных и для утешения совершал богослужения в тюремных церквях.

Не меньше заботился святитель и о духовном окормлении братии Михайловского монастыря. Устными назиданиями и личным примером он воспитывал в иноках обители дух истинного подвижничества. Святитель Мелетий говорил: «Смирение – охранительный меч, с ним безопасно пройдешь землю, ад и достигнешь неба».

В апреле 1828 года святитель Мелетий получил назначение на Пермскую кафедру.

Строгий к самому себе, святитель был строг и к другим. Для подготовки избранных кандидатов к принятию сана святитель Мелетий написал для них так называемый «Ставленнический катихизис». В августе 1831 святитель Мелетий был переведен на Иркутскую кафедру с возведением в сан архиепископа.

Большое внимание уделял святитель просвещению малых народов России светом евангельского учения. Святитель основал церкви на севере Камчатки, в северо-восточной части Иркутской епархии и вдоль реки Алдан, на тракте от Якутска до Охотска. Он часто объезжал свою обширную епархию, посетил побережье Охотского моря и Ледовитого океана, в пределах Северной Америки, где тогда трудился знаменитый апостол Сибири – священник Иоанн Вениаминов, впоследствии святитель Иннокентий († 1879; память 23 сентября/6 октября и 31 марта/13 апреля). Путешествуя по Сибири и берегам Тихого океана, святитель Мелетий нередко общался с населением, исповедовавшим ламаизм. Святитель с кротостью убеждал оставить заблуждение и объяснял евангельские истины

язычникам: тунгусам, бурятам, камчадалам, а также жителям Курильских и Алеутских островов.

После неустойчивых трудов здоровье святителя ухудшилось и в 1835 году его перевели на Слободско-Украинскую кафедру (впоследствии Харьковская и Ахтырская).

И здесь святитель Мелетий уделял большое внимание духовным учебным заведениям, много заботился о быте и образовании духовенства.

Он содействовал восстановлению тех монастырей и духовных училищ, которые упразднила императрица Екатерина II. Большое внимание святитель уделял борьбе с расколом.

2 июля 1839 года святитель Мелетий возглавил торжество в г. Ахтырске по случаю столетия со дня явления чудотворной иконы Божией Матери, именуемой Ахтырской (празднование 2/15 июля).

Блаженная кончина святителя последовала в ночь на 29 февраля 1840 г. После причащения Святых Таин, со словами «Ныне отпускаеши...» святитель осенил себя крестным знаменем и, обращаясь ко всем со словами: «Простите меня», отошел ко Господу.

4 марта 1840 года святитель Мелетий был предан земле епископом Курским Илиодором в усыпальнице под Крестовой церковью Покровского монастыря.

С первых дней кончины святителя верующие люди твердо уповали на предстательство святого Мелетия пред Богом и получали благодатную помощь: исцеление в болезнях, утешение в скорбях и избавление от злых обстоятельств. Особую надежду возлагали верующие жители г. Харькова на святого Мелетия в бедственные дни Великой Отечественной войны. Чудесным извещением святой предсказал скорое избавление города от врагов.

В 1948 году по благословению Святейшего Патриарха Алексия гробница с мощами святителя Мелетия была перенесена в Благовещенский кафедральный собор, где находится и в настоящее время, являясь духовным прибежищем и молитвенным утешением верующих людей.

Со времени утверждения в 1977 году Святейшим Патриархом Пименом и Святейшим Синодом службы и акафиста святителю Мелетию православные христиане обращаются к молитвенному ходатайству святителя о благосостоянии Святой Церкви, о мире и благоденствии отечества.

Память святителя Мелетия отмечается дважды: 12/25 февраля (тезоименитство) и 29 февраля/13 марта (28 марта в невисокосный год) – день преставления.

Вассиан Угличский, преподобный

Преподобный Вассиан Угличский был учеником преподобного Паисия Угличского († 6 июня 1504 г., сведения о нем помещены под 6/19 июня). Он родился в сельце Рожалове, находившемся в Кесовской волости г. Бежецкого Верха, и происходил из рода князей Шестихинских (их родоначальником является благоверный князь Феодор Смоленский, † 1299, сведения о нем помещены под 19 сентября/2 октября). Преподобный Вассиан пришел в Покровскую обитель, когда ему было 33 года, и вскоре был пострижен преподобным Паисием. Он проходил послушание без ропота и жил в великом воздержании. В 1482 году преподобный Вассиан встречал обретенную икону Покрова Пресвятой Богородицы. Пробыв в обители преподобного Паисия 20 лет, преподобный Вассиан просил благословения на безмолвное житие. Учитель благословил его, сказав: «Иди, чадо, вожделенное Христом, со благим ярмом Господним и благоугождай Господу. Вскоре и сам составишь свой монастырь и соберешь иноческое стадо во славу имени Пресвятой Троицы». В 1492 году преподобный Вассиан оставил обитель и, пробыв некоторое время в Николо-Улеймском монастыре, пошел на глухое место в 30 верстах к югу от Углича и начал подвизаться в отшельничестве. Но вскоре жители узнали его уединенное жилище и стали приходить за советом и наставлениями. На подаренной земле в 1492 году преподобный основал деревянный храм во имя Пресвятой Троицы, и вскоре собрались желавшие иноческого пострига. Преподобный не прерывал общения со своим учителем до его кончины, при которой он был вместе с другими учениками. Прожив 17 лет в Троицкой обители, преподобный скончался 12 февраля 1509 года. Через три года некто Герасим получил при его гробе освобождение от нечистого духа, а Валериан – от расслабления. В 1548 году преподобный Вассиан был прославлен обретением нетленных мощей, над которыми был устроен каменный свод. Память преподобного Вассиана совершается дважды: в день преставления 12/25 февраля и

6/19 июня, вместе с его духовным учителем преподобным Паисием Угличским.

Февраль, 14

Кирилл, равноапостольный, учитель Словенский

На долю русского народа выпало редкое счастье получить христианство тогда, когда еще почти не успели выразиться черты национального самоопределения. Христианство не сталкивается тут ни с оформившимся учением, ни с богатым культом какой-либо религии; не находит укоренившихся нравственных привычек или государственных устремлений. Самый язык, еще не запятнанный и гибкий, доверчиво дает устроить из себя сосуд благодати. Одним словом, христианство попадает в души младенческие, и все дальнейшее возрастание их, все внутреннее их устроение совершалось под прямым водительством Церкви. Весьма понятно, что народный дух, так сложившийся, не мог не быть существенно православным. Если же прибавить сюда еще природную мягкость русского характера, то станет вполне понятно, что Православие должно было запечатлеться на этом воске так, как предназначил Промысл Божий.

С славными именами свв. Кирилла и Мефодия соединяются самые дорогие для славянских племен вообще и для русского народа в частности воспоминания. Их вечно славные и памятные труды в составлении славянской грамоты, введении славянского языка при богослужении, в переводе Священных книг на родной славянский язык положили основание духовному и гражданскому величию славян, их нравственной и гражданской самобытности; переводом Священных и богослужебных книг на родной славянский язык они положили начало нашему вечному спасению. Святые Кирилл и Мефодий не только наши учителя и апостолы, но и отцы; они возродили нас духовно, научив своими трудами познать Единого Истинного Бога. Их святые имена для славянина – синоним Православия и просвещения.

Особенно в Древней Руси почитался святой Кирилл как первоучитель и духовный наставник не только славянских племен, но и русского народа. Наши летописцы считали его едва ли не единственным наставником в истинах веры первых

русских князей. Так, после чудесного поражения под Константинополем Аскольда и Дира для их оглашения и наставления в христианской вере явился св. Кирилл; равноапостольную великую княгиню Ольгу наставлял и утверждал в Православии тоже св. Кирилл; от греков для ознакомления с христианством являлся, по некоторым летописям, к мудрому нашему великому князю Владимиру тоже он.

Родные братья свв. Кирилл и Мефодий происходили из знатной и благочестивой семьи, жившей в греческом городе Солуни в Македонии. Святой Мефодий был старшим из семи братьев, святой Константин (Кирилл – его монашеское имя) – самым младшим. Существуют предположения, что они были славянами, но называются в источниках греками по принадлежности к Греческой Церкви. Отец – знатный и богатый вельможа, по имени Лев, и мать Мария жили благочестиво, исполняя заповеди Божии. Святой Константин родился в 827 году. И когда мать хотела отдать его кормилице, то он никак не желал питаться чужим молоком, но только молоком матери. Тогда родители его дали обет жить как брат с сестрой и так прожили четырнадцать лет до самой смерти.

Святой Константин с малых лет отличался большими способностями.

В городе Солуни в то время проживало многочисленное славянское население, язык которого стал с детства знаком и близок святому отроку. Семи лет от роду Константин видел сон и рассказал его отцу и матери в следующих словах: «Воевода, стратиг нашего города, собрал всех девиц города и сказал мне: «Выбери себе из них, кого хочешь, на помощь и в сверстницы себе». Я, оглядев, посмотрел их всех и заметил одну, прекраснейшую из всех, с лицом светящимся, украшенную многими золотыми монистами и жемчугом и украшениями; имя ей было София. Ее я избрал». Родители поняли, что Господь дает отроку деву Софию, т. е. Премудрость, возрадовались духом и со старанием стали учить Константина не только книжному учению, но и богоугодному добронравию – премудрости духовной. «Сыне, – говорили они Константину

словами Соломона, – *чти Господа, и укрепишися; храни заповеди, и поживеши; словеса Божии напиши на скрижали сердца своего. Нарцы (призови) премудрость сестру тебе быти, разум же знаешь* (т. е. близким, родным) *сотвори себе* (Притч. 7, 1–4). Премудрость сияет светлее солнца, и если ее будешь иметь своей помощницей, она избавит тебя от многого зла».

Святой Константин учился вместе с малолетним императором Михаилом у лучших учителей Константинополя, в том числе у Фотия, будущего патриарха Константинопольского. Он изучил Гомера, геометрию, диалектику и философию. Кроме того, он изучил риторику, арифметику, астрономию, музыкальное искусство и другие светские науки, а также знал языки: латинский, сирийский и другие. Святой Константин в совершенстве постиг все науки своего времени, но особенно прилежно изучал творения святителя Григория Богослова. За свой ум и выдающиеся познания святой Константин получил прозвание Философа (мудрого).

Хотя святой воспитывался при царском дворе вместе с юным императором Михаилом и мог занять высокое положение, он помнил о своей Подруге, поэтому и отказался от знатной невесты.

Когда святой Константин был возведен в иерейский сан, его одновременно поставили хранителем патриаршей библиотеки при храме Святой Софии. Вот от этого-то избранника Софии и получило свое начало Русское Православие. Так Промыслом Божиим и Святой Софией он был подготовляем к апостольской миссии у славян. После принятия священства святой Константин, стремясь к уединению, оставался в Царьграде недолго: он тайно ушел и скрылся в одном из монастырей. Только через полгода императору удалось найти его и уговорить быть учителем философии в главном Константинопольском училище. Святой Константин возвратился в Царьград. Со времени вступления на проповедь и общественно-церковное служение проявилась его строгая ревность в утверждении Православия.

Первые прения были с вождем еретиков-иконоборцев Аннием. Мудрость и сила веры еще совсем молодого философа св. Константина были столь велики, что ему удалось победить в прениях вождя еретиков-иконоборцев престарелого Анния.

После этой победы Константин был послан императором в 851 г. на диспут для прений о Святой Троице с сарацинами (мусульманами). Это было первое миссионерское путешествие святого, совершенное им в 24 года. Святой Константин так умело отстаивал истинность православной веры и так обличал ложность учения мусульман, что сарацинские мудрецы, не зная, что ему отвечать, пытались отравить святого. Но Господь сохранил Своего раба невредимым.

По возвращении от сарацин святой отказался от почетной должности учителя философии и поселился в монастыре на Олимпе, где подвизался его старший брат святой Мефодий (815–885; память 6/19 апреля). Несколько лет он провел в непрестанной молитве и чтении творений святых отцов. На Олимпе он стал изучать славянский язык, познакомился с древнееврейской и коптской письменностью.

В 858 году в Царьград пришли послы от хазар с просьбой прислать к ним ученого мужа, чтобы он обличил неправду сарацинских и еврейских проповедников, стремившихся обратить хазар в свою веру. Император Михаил III направил к хазарам для проповеди Евангелия святого Константина. Вместе с ним отправился и его святой брат Мефодий. На пути они остановились на некоторое время в городе Корсунь, готовясь к проповеди. Там святые братья чудесным образом обрели мощи священномученика Климента, папы Римского († 101; память 25 ноября/8 декабря). Там же, в Корсунь, святой Константин нашел Евангелие и Псалтирь, написанные «русскими буквами», и человека, говорящего по-русски, и стал учиться у этого человека читать и говорить на его языке. После этого святые братья отправились к хазарам, где одержали победу в прениях с иудеями и мусульманами, проповедуя евангельское учение. Убеденный проповедью хазарский князь и с ним весь народ приняли христианство. Благодарный князь хотел наградить проповедников богатыми дарами, но они отказались от этого и

просили князя отпустить с ним на родину всех греческих пленников. И 200 человек были отпущены на свободу и возвратились на родину. На пути домой братья снова посетили Корсунь и в 862 (или 863) году, взяв там мощи святого Климента, вернулись в Константинополь. Святой Константин остался в столице, а святой Мефодий получил игуменство в небольшом монастыре Полихрон, недалеко от горы Олимп, где он подвизался прежде.

Вскоре, в 862 (или 863) году, пришли к императору послы от моравского князя Ростислава, притесняемого немецкими епископами, с просьбой прислать в Моравию учителей, которые могли бы проповедовать на родном для славян языке. Выбор императора пал на святого Константина, уже подготовленного Промыслом Божиим к великой миссии среди славянских народов. Император, призвав его, сказал: «Необходимо тебе идти туда, ибо лучше тебя никто этого не выполнит». Несмотря на болезнь, святой Константин с радостью взялся за исполнение послушания. Как и всякое дело, он начал подвиг просвещения славян с молитвы, а затем наложил на себя сорокадневный пост. В скором времени Бог, слушающий молитвы рабов Своих, исполнил то, о чем просил Его верный слуга: святой Константин составил азбуку для славян (глаголицу), а затем с помощью брата и учеников Горазда, Климента, Саввы, Наума и Ангеляра продолжил перевод греческих Священных книг на славянский язык. Первой переведенной святым Константином книгой было Евангелие от Иоанна. Была переведена также Следованная Псалтирь (включавшая тексты тропарей и кондаков праздников и святых), различные тексты Священного Писания и богослужебных книг.

После завершения перевода святые братья отправились в Моравию, где были приняты с великой честью, и стали учить богослужению на славянском языке. Этот славный подвиг святого Кирилла явился основой великого дела приобщения славян к христианской вере и культуре. С тех пор для славян настала новая жизнь, явилась возможность самобытного духовного развития под благотворным действием проповеди и богослужения на родном славянском языке.

Борьба святого Константина за самостоятельность славянских народов усложнялась тем, что дело просвещения славян было начато в Моравии – стране, находившейся под римским влиянием. Немецкие священники, стоявшие во главе христианских церквей в Моравии, всячески препятствовали введению богослужения на славянском языке, считая, что оно должно совершаться только на трех языках: еврейском, латинском и греческом. Святой Константин отвечал им: «Вы признаете лишь три языка, достойных того, чтобы славить на них Бога. Но Давид вопиет: «Пойте Господеви вся земля, хвалите Господа вси языцы, всякое дыхание да хвалит Господа!» И в Святом Евангелии сказано: «Шедше научите вся языки''''. Немецкие епископы были посрамлены. Святые братья неутомимо готовили служителей новой Церкви. Под их руководством моравский князь начал постройку храмов и собрал много отроков для обучения славянской азбуке и чтению переведенных книг. В короткое время святой Константин со своими учениками перевел церковное чинопоследование и ввел в обиход все богослужения по уставу. Этим было положено начало образованию самостоятельных славянских Церквей. Но враги дела просвещения славян продолжали им препятствовать: они донесли на святых Кирилла и Мефодия папе римскому Николаю I, обвинив их в ереси. Папа вызвал святых братьев в Рим; взяв с собою часть мощей священномученика Климента, они отправились в новое путешествие, очень неблагоприятное для здоровья святого Константина. Путь их лежал через славянские земли. В Паннонии, по просьбе князя Коцела, они обучили его и 50 юношей славянской азбуке. При прощании князь хотел одарить святых проповедников. Но они не пожелали взять от Коцела так же, как и от Ростислава Моравского, ни серебра, ни золота. Евангельское слово они проповедовали безвозмездно и только испросили свободу у обоих для 900 греческих пленников. В Венеции братья сделали еще одну остановку. Там святой Константин снова вел горячие споры с «трехъязычниками». Он доказывал право каждого народа на свою письменность и ссылался на Священное Писание и опыт ряда народов (армян,

персов, грузин, готов, аваров, хазар, арабов, сирийцев и др.), издавна имевших свою письменность.

Перед прибытием святых в Рим умер папа Николай I. Новый папа Адриан II был настроен к святым братьям дружелюбно и встретил их торжественно, тем более, что они несли мощи священномученика Климента. Папа Адриан II признал славянский язык в Священном Писании и литургии, однако отпускать братьев для дальнейшей проповеди в славянские земли не спешил.

Постоянные усиленные ученые занятия св. Константин с самых ранних лет его жизни рано ослабили его телесные силы, и без того не очень крепкие; апостольские труды среди славян и долгие путешествия еще более расстроили их. В Риме он скоро почувствовал в себе болезнь уже смертную. Однажды, когда уже протекло много дней его болезни, удостоившись некоторого утешительного видения, он вдруг начал петь псалом Давидов: *Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем (Пс. 121, 1)*. Он облекся в лучшие свои одежды и целый день провел в них, радуясь о Господе. Наконец сказал: «Отселе несмы аз ни царю слуга, ни иному кому на земли, но токмо Богу Вседержителю» – и в следующий же день, утром, в знак совершенного отречения от мира принял схиму. Между тем жизнь в нем все слабела и слабела. Через 50 дней по пострижении он почувствовал, что уже пришло время отшествия от сей жизни. Час его, уреченный Господом, настал, а с тем вместе открылась и вся полнота его любви к своим духовным чадам, о спасении коих он и в страшные минуты своей смерти не переставал отечески заботиться. Провидя духом судьбу славян, со всех сторон окруженных хищными волками, св. Кирилл в последний раз воздевает праведные руки свои к небу и слезно умоляет Господа, чтобы Он сохранил это верное Свое стадо, избавил его от безбожной злобы, от всякого многоречивого и хульного еретического языка, возрастил Церковь Свою, всех призвал к единодушию и единомыслию в вере, вдохнул во всех слово Своего учения. Не забыл он и сотрудников своих. Всех он облобызал лобзанием святым, всем им молитвенно пожелал Божией помощью избавиться от

ловитвы врагов их. Особенно трогательно было его последнее слово к брату своему, с которым от юности своей делил и скорби, и радости, и труд, и покой, на которого возлагал теперь всю надежду в благом делании. «Се, брате, – говорил он св. Мефодию со смертного одра своего, – супруга бяхове, едину бразду тяжуща. И аз на лехе падаю, свой день скончав. А ты любишь гору (Олимп) вельми, но не мози горы ради оставит учения своего» (т. е.: «Мы были с тобою, брат, как пара волов, одну ниву возделывающих. И вот я падаю на бразде, окончив день свой, а ты, знаю, любишь гору Олимп, но из-за нее не оставляй просвещения славян»).

С такими святыми чувствами мирно отошел ко Господу верный делатель в дому Его на 42 году своей жизни в 14 день февраля 869 года.

Рановременная кончина Христова философа причинила тяжкую потерю не только ближайшим сотрудникам его, но и всей Церкви Православной.

В нем лишилась она одного из самых даровитых и ревностных учителей и защитников веры святой. По распоряжению папы Адриана, ко гробу почившего угодника Божия должны были предстать все: и греки, бывшие тогда в Риме, и римляне, петь над ним погребальные песни со свечами и проводить его с полной торжественностью, как бы проводили они самого папу. Всякое усердие к нему было принято папой как дело истинно богоугодное. Св. Мефодий объявил папе, что их мать заповедала им, чтобы тот из них, кто переживет другого, непременно перенес отшедшего ко Господу в свой монастырь. Адриан так и велел было сделать. Для этого по его же приказанию гроб почившего был поставлен в особый ящик и забит гвоздями. По истечении семи дней после того, когда все еще шли приготовления к пути, римские епископы стали просить папу оставить мощи святого в Риме. «После многих путешествий по разным странам, – говорили они, – Господь привел его наконец в Рим; здесь и взял душу его. Прилично ему, как мужу честному, и покоиться здесь же». Принял папа и эту просьбу, изъявив желание – большее сделать. «Если так, – отвечал он епископам, – то из уважения к святости почившего и

из любви к нему я, преступив обычай римский, погребу его в моем собственном гробе в церкви св. Петра». Ясно открывалось из всего этого, что Сам Господь избирал Рим в место вечного упокоения для святого пришельца с Востока, дабы он и по смерти своей не переставал обличать папство в уклонении от чистоты учения первобытной Церкви Христовой, оставаясь вместе предстателем пред Господом о новообращенных чадах своих в землях славянских, смущаемых кознями вражьиими. Святой Мефодий понял намерение Божие и оставил прежнее свое желание; но, чтобы, с одной стороны, сделать доступнее святыню для истинных читателей ее, а с другой, отклонить от нее земное величие, которого избегал при жизни смиренный слуга Христов, и, с тем вместе, очевиднее показать намерение Божие о ней, он решился просить папу положить честные останки единокровного сотрудника своего не в гробе папском, а в храме св. Климента, с мощами которого они пришли в Рим. Папа и на это охотно согласился. По его повелению немедленно собрались епископы, иноки и народ и с подобающей честью проводили святые останки до означенной церкви. При этом Господу было угодно земные почести, достойно оказанные усопшему праведнику, запечатлеть знаменiem Своей силы. В храме епископы хотели посмотреть, не похищена ли какая часть от его святых мощей, но сколько ни силились, не могли вынуть гвоздей, которыми был заколочен гроб. Так вместе с ящиком и поставили они гроб по правую сторону алтаря. Вскоре гроб святого сделался источником многоразличных чудес и дарований Божиих. Чем более обнаруживалась сила благодати, которую стяжал на небе угодник Божий, тем более возрастало благоговение к нему. Римляне поставили на гробе икону его, день и ночь возжигали елей пред ней, воздавая хвалу Богу, прославляющему прославляющих Его.

В том обстоятельстве, что просветитель славян святой Кирилл скончался и погребен в Риме, издревле видели великую славу его, равную славе первоверховных апостолов. В каноне святому Кириллу, составленном еще в IX веке, помещен стих следующего содержания: «Господь Бог повелел ему с ними (т. е. апостолами Петром и Павлом) причастный покой прияти, как

третьему (после них) свершителю Своего смотрения, как светилу, восполняющему лучами славы своей сияние двух верховных светил». Нельзя не увидеть глубоко знаменательного значения в том, что святой Кирилл погребен в церкви св. Климента. Святой Мефодий, отклонив почетное предложение папы Адриана похоронить брата в Ватикане в пышной папской гробнице и избрав местом вечного покоя для него бедную, забытую церковь св. Климента, тем засвидетельствовал, что апостолу Восточного Православия подобало почивать не среди папских гробниц в ватиканском храме, представляющем собой в настоящее время, по мнению многих, скорее пышный мавзолей и апофеоз папства, нежели дом молитвы, а именно здесь, в церкви св. Климента, которая одна из всех римских церквей через много веков сохранила в себе характер православного храма первых времен христианства, как бы для того, чтобы стать достойным и знаменательным надгробным памятником свв. Климента и Кирилла, которые оба, как истинные преемники апостолов, едиными усты и единым сердцем исповедовали Единую, Святую, Соборную, Апостольскую Церковь.

Память равноапостольного Кирилла отмечается также 11/24 мая вместе с памятью святого брата Мефодия.

В иконографическом предании древних Церквей святой равноапостольный Кирилл изображается в святительских одеждах, как, например, на фреске Софийского собора в Киеве или фреске IX века в церкви святого Климента в Риме, где изображается посвящение святого Кирилла в епископа, или на миниатюре из кенигсбергского списка летописи конца XV века. Эти факты свидетельствуют о том, что святой Кирилл был в сане епископа.

Исаакий, затворник Печерский, в Ближних пещерах почивающий, преподобный

Невозможно избежать человеку искушений. Если искустель к Самому Господу в пустыне дерзнул приступить, то тем более пытается он искушать рабов Господних. И житие прп. Исаакия служит примером тому, что нельзя пройти по пути жизни духовной, не подвергаясь искушениям; но не может быть такого искушения, которого не вынесли бы силы человеческие, укрепляемые незримой силой Божией (1Кор. 10, 13).

Прп. Исаакий был богатым купцом в г. Торопце, Псковской земли. Задумавши быть иноком, он раздал все свое имение нуждающимся и монастырям и пришел в Киев к преподобному Антонию в пещеру, умоляя его о принятии в иноческий чин. Прп. Антоний, провидя его добродетельное равноангельское житие, исполнил просьбу: облек его в одежду и назвал Исаакием, а прежнее его имя было Чернь. Преподобный отец Исаакий, став иноком, начал суровую подвижническую жизнь. Не довольствуясь ношением власяницы, он просил купить себе козла и снять с него кожу; потом поверх власяницы надел сырую козлиную кожу, которая на нем и высохла. В таком облачении преподобный затворился в пещерной келлии, настолько тесной и малой, что она скорее напоминала собой узкий проход, и здесь молился Богу со слезами. Пищей ему служила просфора, да и ту употреблял он через день, и воду пил очень умеренно. Эту скудную пищу приносил ему преподобный Антоний († 1073; память 10/23 июля и 28 сентября/11 октября) и подавал через оконце, в котором могла втиснуться только одна рука. При этом прп. Исаакий никогда не ложился на бок, но на немного засыпал сидя. Обыкновенно с вечера начинал он класть поклоны и петь псалмы, проводил так до полуночи; когда же утомлялся, тогда садился.

Раз сидел он, отдыхая, и свеча уже погасла. Внезапно воссиял в пещере великий свет, как бы от солнца, так что нельзя было свободно открыть глаза. В то же время вошли два светлых юноши, лица их блистали. «Исаакий, — сказали они, —

мы Ангелы, и вот идет к тебе Христос – поклонись Ему». Он не понял бесовского действия и, не оградив себя крестным знаменем, не осознав своего недостойнства, подошел и поклонился до земли, как Христу, бесовскому действию. Тотчас бесы учинили крик великий, взывая: «Наш еси, Исаакий!» – и, посадивши его, сами начали садиться вокруг, и мигом келлия и проход пещерный наполнились бесами. Один из бесов, мнимый Христос, сказал: «Возьмите дудки, тимпаны и гусли и ударьте дружнее, а Исаакий нам пусть попляшет». Бесы заиграли и, схватив Исаакия, начали с ним скакать и плясать в продолжение многих часов. Истомили его до того, что оставили едва живым; надругались над ним и ушли. Наутро, когда стало светло и пришло время для вкушения хлеба, прп. Антоний по обыкновению пришел к оконцу и сотворил молитву: «Благослови, отче Исаакий!» Но ответа не было. Прп. Антоний несколько раз повторял свое приветствие, но не было ни гласа, ни послушания. Тогда, подумав, что преподобный преставился, он послал в монастырь, приглашая прп. Феодосия († 1074; память 3/16 мая и 14/27 августа) и братию. Братия, придя сюда и открыв вход в пещеру, взяли Исаакия, считая его мертвым. Но, вынеся из пещеры, все заметили, что он еще жив. Тогда игумен прп. Феодосий решительно заметил: «Воистину, все это случилось с ним от бесовского действия». Его положили на одр, и св. Антоний стал служить Исаакию.

В те дни случилось киевскому князю Изяславу возвратиться в Киев из Ляхской земли. Князь начал гневаться на прп. Антония из-за Всеслава, князя полоцкого, который во дни преподобного был будто бы некоторое время князем киевским. Святослав же Черниговский прислал ночью за святым Антонием. Тот, придя в Чернигов, избрал место, называемое гора Болдыни, и, выкопав пещеру, поселился на горе. Преподобный игумен Феодосий, узнав, что святой Антоний ушел в Чернигов, явился с братией к пещере и, взяв преподобного Исаакия, принес его в свою келлию и служил ему, ибо Исаакий был расслаблен умом и телом, так что не мог ни сидеть, ни вставать, ни поворотиться на другую сторону, но лежал неподвижно на одном боку. Даже черви стали появляться под

бедрами его. Преподобный же Феодосий сам, своими руками, омывал и отирал больного и так служил ему в продолжение двух лет. И поистине дивно: в продолжение двухлетнего недуга преподобный Исаакий не вкушал хлеба и воды, ни овощей, ни иной какой-либо пищи, однако мог жить, лежа на одре своем нем и глух. Преподобный же Феодосий творил молитву над ним день и ночь, пока болящий на третье лето не заговорил, прося быть поставленным на ноги. Он начал ходить, как дитя, но в церковь не шел, так что его влекли туда насильно, и только уже потом начал понемногу привыкать к церкви. Стал также ходить в трапезу, где его сажали особо от братии и полагали перед ним хлеб, но он не хотел прикасаться к нему. Братия влагали хлеб ему в руку, но преподобный Феодосий говорил: «Положите перед ним хлеб и не влагайте в руки его, пусть он сам ест». Так делали в течение всей недели. Он же, смотря на других, стал вкушать хлеб сам и так научился есть. Этим способом избавил его преподобный Феодосий от козни диавола и от лести его.

После преставления преподобного Феодосия, во время игуменства Стефана, Исаакий снова воспринял суровое житие, говоря искустителю: «Вот ты прельстил меня, диавол, когда я был в пещере один. Отныне не буду затворяться, но одолею тебя благодатью Божией, ходя в монастыре». Тогда снова облекся он во власяницу, а поверх одел тесную свитку и начал помогать поварам и работать на братию. К утрени приходил первый и стоял неподвижно. В морозы ходил в протоптанных башмаках; ноги его примерзали к камню, но он не двигался, пока не оканчивали утреннего пения. После утрени шел в поварню, готовил дрова, воду, огонь. Один из поваров, называвшийся также Исаакием, раз, смеясь, сказал ему: «Исаакий! Вон сидит черный ворон, иди поймай его». Он, поклонясь ему до земли, пошел, поймал ворона и принес ему в виду всех. Повара изумились и сказали о том игумену и братии. С того времени братия стали уважать его. Но он, избегая славы человеческой, начал в юродстве оскорблять то игумена, то братию, то мирян, так что иные били его. И сделавшись юродивым, он опять поселился в пещере, в которой жил раньше. Преподобный Исаакий стал собирать к себе детей,

облекал их в чернецкие одежды. За это частью от игумена, частью от родителей тех детей принимал наказание и раны, но все переносил с радостью, и, прибывая в наготе, терпел холод день и ночь. В одну ночь блаженный зажег огонь в печи пещерной, печь загорелась, так как была ветхая, и пламя стало показываться сквозь расселины. Он же, не имея чем прикрыть скважины, взошел босыми ногами на пламень и стоял, доколе печь не погасла; огонь, однако, не причинил никакого вреда преподобному. Таковы и многие другие удивительные чудеса творил он и так возобладал над бесами, что вменял их ни во что, подобно мухам, и осмеивал их мечтания. Было иногда у бесов желание попугать блаженного, и они творили ему много пакостей. «Ты наш, – говорили они, – ты поклонился нашему старейшине и нам». «Ваш старейшина – враг Христа, и вы – бесы злые», – отвечал он, ограждаясь крестным знамением, и они исчезали. Иногда приходили к нему ночью и, стараясь навести на него страх, являлись многолюдной толпой с заступами и шумели: «Раскопаем эту пещеру и его погребем здесь». Другие кричали: «Беги, Исаакий, хотят тебя погребсти». А он отвечал: «Если бы вы были добрые, то пришли бы днем; но вы – тьма, во тьме ходите, тьма – доля ваша». И осенил их крестом, и они исчезли. В другой раз страшили его то медведем, то диким зверем, то волом, или же ползли к нему змеи, лягушки и всякая гадина. Но ничего не могли сделать с ним. «Победил ты нас, Исаакий!» – сказали они наконец. «Вы победили меня в образе Христа Иисуса и Ангелов, – отвечал он, – не будучи достойны такого образа; теперь вы являетесь в подлинном своем виде, в образе зверей, скотов, змей и гадин; вы точно гадки и злы». Бесы исчезли и после того более не тревожили его. Он сам говорил, что последняя брань продолжалась у него три года. Последние годы он провел еще строже: в воздержании, посте и бдении. Когда он разболелся в пещере, его перенесли в монастырь, и на восьмой день он скончался при игумене Иоанне. Так повествует преподобный Нестор.

По повествованию Поликарпа, преподобный Исаакий был в числе отцов, исцеливших молитвой обольщенного Никиту (†

1108; память 31 января/13 февраля), что было при предшественнике Иоанна (1102 г.) игумене Никоне († 1088; память 23 марта/5 апреля). Итак, преподобный Исаакий скончался не прежде 1090 года и после исцеления своего провел в подвигах около 20 лет. Мощи его открыто почивают в пещерах преподобного Антония, а часть их в 1711 году перенесена из Киева в Торопец игуменом Кудина монастыря. Память его отмечается также 28 сентября/11 октября и во 2-ю неделю Великого поста.

Сказание о созидании и украшении Великой соборной Успенской церкви

Великолепная церковь лаврская была устроена волей и Промыслом Самого Господа Бога по молитвам первоначальников Печерской обители – преподобных Антония и Феодосия.

Один из потомков варяжского князя Африкана, по имени Шимон, изгнанный своими родичами из родной земли, пришел в Россию к благоверному князю Ярославу, который с почетом принял его и поместил у своего сына Всеволода. Этот Шимон вскоре вошел в доверие Всеволода и пользовался большим влиянием. В княжение Изяслава Ярославича в Киеве пришли на Русскую землю половцы. Против них выступили три князя – Изяслав, Святослав и Всеволод с Шимоном. Собираясь в поход, Шимон зашел к прп. Антонию за благословением на брань. Старец откровенно предсказал ожидавшую их гибель. «Ты же, – сказал блаженный старец, – будешь спасен и положен здесь в церкви, которая здесь создастся». И когда Шимон лежал на поле раненый, то увидел великую церковь и возопил: «Господи, избави меня от горькой смерти молитвами Пречистой Твоей Матери и преподобных Антония и Феодосия Печерских!» И тут какая-то невидимая сила исторгла его из среды мертвых, он исцелился от ран и благополучно возвратился в Киев. Пришедши к прп. Антонию и рассказав о случившемся, он еще прибавил: «Отец мой Африкан сделал крест величиной с десять локтей, с изображением распятого на нем Спасителя. И в знак особого почитания этой святыни он возложил на чресла Распятого пояс с пятьюдесятью гривнами золота, а на главу Его – золотой венец. Когда я, изгнанный моими родными из дома, уходил в Россию, то взял с собою с креста этот пояс и венец; при этом я слышал голос: «Не возлагай, человек, этого венца на голову Мою, но неси на приготовленное место, где преподобным создается церковь Матери Моей, дай ему в руки, чтобы он повесил над жертвенником Моим». В трепете я упал на землю и лежал как мертвый. Потом, во время моего

путешествия по морю, однажды поднялась на море большая буря, так что все мы уже готовились к смерти. Тогда я, вспомнив о поясе и о таинственном голосе, возопил: «Господи, прости меня, я погибаю из-за пояса, который взял с Твоего святого изображения на кресте». Вдруг я увидел высоко в небе церковь и думал: «Какая это церковь?» И слышу голос свыше: «Та, которая создается преподобным во имя Божией Матери, и размеры ее определить тем золотым поясом: 20 поясов в ширину, 30 – в длину и 50 – в высоту, и в ней ты будешь положен». После этого море вдруг утихло». Рассказав все это, Симон прибавил: «Доселе, отче, я не знал, где создается показанная мне церковь, пока не услышал из твоих чesных уст, что я буду положен здесь в церкви, которая создается». И при этом подал пояс преподобному со словами: «Вот мера основания церкви той». Затем, отдавая венец, сказал: «Пусть этот венец будет повешен над святым жертвенником». Старец прославил Бога и сказал: «Чадо, с этих пор пусть не будет тебе имя Симон, но Симон».

Через несколько лет после того, как Симон вручил преподобным пояс и венец, пришли из Царьграда к преподобным Антонию и Феодосию четверо очень богатых церковных зодчих и сказали: «Где хотите начать строить церковь?» Преподобные отвечали: «Где Господь укажет это место». Мастера заметили: «Чудная вещь, вы узнали время своей смерти, а доселе не назначили места для своей церкви, дав нам на работу столько золота». Тогда преподобные в присутствии всей братии обители просили греков пояснить, что означают слова их. Те рассказали следующее: «Однажды рано, при восходе солнца, к каждому из нас в дом пришли благообразные юноши, говоря: «Зовет вас Царица во Влахерну». И мы, собравши всех своих родственников и друзей, пришли во Влахерну одновременно все и при этом из расспросов узнали, что одни и те же юноши одинаковыми словами звали каждого из нас. Вдруг мы увидели Царицу и множество воинов вокруг Нее и поклонились Ей. И Она сказала: «Хочу Себе воздвигнуть церковь в России, в Киеве. Повелеваю вам взять золота на три года и идти строить ее». При этом Она

указала нам идти к преподобным Антонию и Феодосию, прибавив, что Антоний, благословивши начало постройки, отойдет в вечность, а Феодосий пойдет за ним на второй год. Отправляя нас, Царица вручила нам мощи семи святых мучеников: Артемия, Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Иакова и Феодора, чтобы мы положили их в основание церкви. О размерах сей церкви Царица заметила: «Для меры послала Я пояс Сына Моего, по Его же повелению, но выйдите на открытое место и увидите размеры ее». Вышедши из церкви, мы увидели церковь на воздухе и, вернувшись, поклонились Царице и спросили: «Госпоже, в чье имя будет церковь?» Она сказала: «Хочу назвать ее во имя Мое». При этом Она дала нам эту святую икону, говоря: «Она будет наместницей». Отправляя нас, Царица обещала наградить нас за это дело и дать то, чего око не видело и ухо не слышало, что не взошло и на сердце человека». Выслушав этот рассказ, все иноки прославили Бога и Пречистую Богоматерь. При этом прп. Антоний сказал этим зодчим, что никто из них не приходил никогда к ним, на что зодчие отвечали: «Царицыно золото мы получили от вас при многочисленных свидетелях и через месяц по получении отправились мы в путь, и ныне десятый день, как мы вышли из Царьграда». После этого прп. Антоний разъяснил, что на все это воля Божия, что давшие им золото были Ангелы Божии, а Царица во Влахерне – это Сама Пречистая Матерь Божия. Относительно же сходства с вручившими им золото – один Бог знает.

Когда же греки вторично спросили о месте, на котором им предстоит строить церковь, преподобный Антоний сказал: «Мы проведем три дня в молитве, и Господь покажет нам». Во время молитвы преподобному Антонию явился Ангел Божий и сказал: «Ты обрел благодать предо Мною». Преподобный со смирением заметил: «Господи, если я обрел благодать пред Тобою, то пусть будет завтра на всей земле роса, а на месте, которое Ты благоволишь освятить, пусть будет сухо». На другой день нашли то место, где теперь церковь, сухим, а вокруг была роса. На другую ночь преподобный Антоний молитвенно возопил: «Господи, да будет по всей земле сухо, а на месте святом

роса!» Так и оказалось, и таким образом Сам Господь указал место для новой церкви. Все братия собрались вокруг места, назначенного для церкви, и преподобный Антоний, измерив ширину и длину храма поясом, принесенным Симоном, благословил это место и, подняв руки, громким голосом сказал: «Услышь меня, Господи, услыши меня днесь огнем, да разумеют вси, яко Ты еси, хотяй сего». И упал огонь с неба, и пожег весь хворост и терние, и истребил росу, и сделал углубление, подобное рву, на отмеренном месте. Все присутствующие пали от страха как мертвые. На сем месте в 1073 году преподобными отцами Печерскими Антонием и Феодосием была основана каменная лаврская церковь во имя Успения Божией Матери. В основание церкви были положены честные мощи поименованных выше святых мучеников, данные строителям во Влахернском храме.

Согласно определению Царицы Небесной, прп. Антоний через несколько времени, в самый год основания церкви, мирно скончался, а прп. Феодосий усердно заботился о построении храма и через год, когда уже стены церкви были подняты над фундаментом, также мирно почил. Постройка церкви была окончена в третий год игуменства святого Стефана (1074–1094), преемника прп. Феодосия.

По прошествии десяти лет с того времени, как волей и силой Пречистой Матери Божией присланы были из Константинополя строители церкви Печерской, пришли к игумену Печерскому Никону († 1088) из того же Константинополя иконописцы и обратились к игумену с такой удивительной речью: «Покажи нам тех, которые уговаривались с нами относительно иконописного украшения церкви. Хотим мы с ними сосчитаться, так как при уговоре они нам показали маленький храм для иконописного украшения, а эта церковь очень велика. Или иначе возьмите от нас данное нам при уговоре золото и мы возвратимся в Царьград». Выслушав эту непонятную речь иконописцев, игумен спросил: «А каковы на вид были уговаривавшиеся с вами?» Иконописцы, указав черты внешнего вида и лиц их, прибавили, что одни из уговаривавшихся назывался Антонием, а другой – Феодосием.

Тогда игумен кротко отвечал им: «О, дети, невозможно нам показать этих лиц, так как уже более десяти лет прошло с тех пор, как они отошли к Богу и ныне непременно молятся о нас, охраняя эту церковь, оберегая свой монастырь и заботясь о подвижающихся в нем». Ужаснулись такому ответу иконописцы. Они привели многих свидетелей, в присутствии коих происходил уговор, и сказали игумену: «В присутствии этих людей названные нами иноки договаривались с нами и в их присутствии мы получили золото из рук иноков, а ты не хочешь нам их показать. Если они уже скончались, покажи нам их образ, чтобы мы и свидетели могли видеть, они ли это были». Тогда игумен перед всеми вынес образ преподобных Антония и Феодосия Печерских. При виде образа иконописцы и свидетели поклонились до земли и сказали: «Это воистину были они, и мы веруем, что они живы и по смерти и могут помогать и защищать обращающихся к ним». При этом свидетели – купцы греческие – принесли в дар краски, привезенные ими для продажи. А иконописцы, раскаиваясь в своих грехах, вот что рассказали о своем прибытии: «Когда мы приплыли на лодке к г. Каневу, то издали на возвышении увидели обширную церковь и спросили тут бывших людей: «Какая это церковь?» Те нам отвечали: «Печерская, которую вы имеете украсить». Мы, недовольные тем, что церковь так велика, решили немедленно плыть назад вниз по реке. Наступившей ночью поднялась страшная буря, и лодка наша плыла вверх по реке, против течения, как бы некоей посторонней силой увлекаемая, и поутру мы очутились у Триполя. Страх напал на нас, и мы весь день размышляли, что это значит, что за одну ночь, не гребя, проехали мы такой путь, который обыкновенно проходится за три дня. В следующую ночь мы снова увидели эту церковь и в ней наместную икону Пресвятой Богородицы, Которая нам сказала: «Зачем вы, люди, напрасно противитесь воле Сына Моего и Моей? Если послушаетесь Меня и поплывете вниз, Я возьму вас и поставлю у церкви Моей, и знайте, что вы не выйдете оттуда, но, постригшись там в монастыре, окончите свою жизнь, и Я вам дам милость Мою в будущей жизни, по молитвам этих строителей Антония и Феодосия». Встав поутру, мы все-таки

поплыли вниз, но при всех наших усилиях лодка не только не двигалась вниз, а напротив, плыла вверх, против течения, наперекор нам. После долгих и тщетных усилий, мы, наконец, образумились и покорились воле Божией, и очень скоро лодка наша очутилась у стен монастыря». Когда иконописцы окончили свой рассказ, то все слышавшие и присутствовавшие здесь прославили Господа Бога и Пречистую Его Матерь и преподобных Антония и Феодосия.

Иконописцы принялись за дело украшения и росписи святой церкви, и Сам Господь дивными знаменами и чудесами помогал им. Когда иконописцы красками расписывали алтарь в этой богозданной церкви, то чудесной силой изобразился в алтаре дивный образ Матери Божией. Чудо это совершилось на виду у всех. Иконописцы в это время все вместе находились внутри алтаря, занимаясь своим делом, в числе их был в учении и один из Печерских подвижников – преподобный Алипий († ок. 1114; память 17/30 августа). Вдруг на стене явился чудный образ Богоматери. И когда все здесь присутствовавшие устремили на явленный образ свои удивленные взоры, то вдруг образ этот засиял необычайным светом, ярче солнца, так что смотреть на него было нельзя, и видевшие это чудо пали ниц. Когда, поднявшись, иконописцы стали опять всматриваться в этот дивный образ, то из уст изображенной на нем Матери Божией вылетел белый голубь, полетел к иконе Спасителя и за иконой скрылся. Затем этот голубь вылетел из уст Спасителя и летал по церкви, подлетая к каждой иконе святых и садясь одному на руку, другому на голову, и потом залетел за икону Матери Божией. Иконописцы хотели поймать голубя, приставили лестницу, но, поднявшись по ней, ничего не нашли за иконой и затем, обыскав всю церковь, нигде голубя не нашли. Все стояли с устремленными взорами на икону, чудесно явившуюся в алтаре, и вдруг снова голубь вылетел из уст Матери Божией и полетел к образу Спасителя. Стоявшие внизу люди с криком «Ловите его!» обратились к мастерам, работавшим наверху; те распростертыми руками окружили голубя, чтобы его поймать, а он снова влетел в уста Спасителя, и яркий свет опять осиял

иконы, и бывшие здесь мастера пали ниц, поклонились Господу с душевной благодарностью, что сподобились видеть действие Пресвятого Духа, пребывающего в Печерской церкви.

Окончив украшение храма иконами и живописью, иконописцы остались жить в Печерской лавре, упражняясь в молитве и украшая себя подвигами и добродетельной жизнью. Приняв иноческое пострижение, они и скончались в обители в глубокой старости. Так исполнилось предсказание, которое слышали блаженные иконописцы от иконы Пречистой Богоматери, Которая им сказала: «Не уйдете оттуда, но, постригшись там, окончите свою жизнь».

Греческие мастера — и зодчие, и иконописцы, — потрудившиеся при создании Успенской церкви в Киево-Печерской обители, погребены в пещере преподобного Антония, где до сих пор лежат нетленными. Они положены в особом затворе (пещере) рядом, один подле другого, между нетленно почивающими мощами прп. Авраамия Затворника и Исаакия. Вероятно, память их положена 14/27 февраля, как день, посвященный прп. Исаакию, почивающему близ сих праведных здателей. Память их отмечается также 28 сентября/11 октября.

Февраль, 15

Пафнутий затворник Печерский, в Дальних пещерах почитающийся

Преподобный Пафнутий (XIII в.), затворник Печерский, принявши иночество, непрестанно плакал. Он всегда представлял в своем уме тот час, когда при разлучении души с телом окружают человека Ангелы и духи злобы, покажут человеку дела добрые и злые, напомним ему о всех его делах, мыслях и желаниях, о том, что он забыл и чего не считал за грех. Страшное время для грешника – время разлучения души с телом! Об этом преподобный размышлял, плакал и вздыхал всю свою жизнь. Но «блажени плачущие, яко тии утешатся». И преподобный Пафнутий при кончине своей увидел лики ангельские, которые, принявши его душу, вознесли ее на небо. Его имя воспоминается в 8-й песни канона: «Плачущих поминая блаженство, Пафнутие, всегда плакал еси, ныне же радостная наследив места, молися тамо и нам в кров безплачевный вселитися». Память его вместе с другими святыми отцами Дальних пещер – 28 августа/10 сентября и особо – 15/28 февраля.

Февраль, 16

Николай, равноапостольный, Архиепископ Японский

Высокопреосвященный Николай, в миру Иоанн Димитриевич Касаткин, родился 1 августа 1836 года в селе Березе Бельского уезда, Смоленской губернии. Родители его были духовного звания. Тяжелую жизненную школу пришлось пройти юному Иоанну. Жизнь духовенства в то время протекала в крайней бедности, а школьные годы проходили в тяжелой бурсе, среди холода и голода. Но Иоанн, с детства отличавшийся прекрасными умственными способностями и живым и веселым характером, в 1856 году блестяще окончил семинарию и был принят на казенный счет в Петербургскую духовную академию. Здесь на четвертом курсе совершенно случайно попало ему на глаза приглашение к студентам занять место настоятеля домового церкви при русском консульстве в Хакодате, в Японии. Прочитав это приглашение и не обратив на него внимания, Иоанн Димитриевич отправился ко всенощной. И во время службы, в храме Божиим, совершенно неожиданно явилась и окрепла в нем мысль отправиться в Японию для проповеди христианства. Он подает соответствующее прошение, и 8 июня 1860 года состоялось его назначение в Хакодате. И вот только что отпраздновавший окончание академического курса и еще недавно веселившийся на свадьбе у своих родственников, он вдруг превращается в инока-миссионера. 24 июня 1860 г. он был пострижен в монашество с наречением имени Николая, 29-го рукоположен в иеродиакона и 30-го – в иеромонаха.

Вскоре после этого о. Николай отправился в Японию через Сибирь.

В г. Николаевске ему пришлось провести зиму. Тут он свиделся с миссионером архиепископом Иннокентием (впоследствии митрополитом Московским), который ласково принял его, дал ему много полезных советов, сам скроил ему рясу и в виде благословения возложил на него бронзовый крест за Севастопольскую кампанию.

2 июля 1861 года иеромонах Николай прибыл в Хакодате. Но начать миссионерскую деятельность молодому иноку было чрезвычайно трудно. Япония тогда только что была открыта для иностранцев; японцы их ненавидели, бросали в них камнями, а то даже рубили саблями, если представлялась к тому возможность. Исповедание христианской религии было запрещено под страхом смертной казни. Вот как о том времени говорит сам святитель: «Тогда я был молод и не лишен воображения, которое рисовало мне толпы отовсюду стекающих слушателей, а затем и последователей слова Божия, раз это последнее раздается Японской стране. Каково же было мое разочарование, когда я по прибытии в Японию встретил совершенно противоположное тому, о чем мечтал! Тогдашние японцы смотрели на иностранцев как на зверей, а на христианство – как на злодейскую секту, к которой могут принадлежать только отъявленные злодеи и чародеи».

Но Господь помог Своему рабу преодолеть все трудности. Прежде всего святитель Николай стал изучать японский язык. «Много было потрачено времени и труда, – писал он, – пока я успел присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему в свете, так как он состоит из двух: природного японского и китайского, перемешанных между собою, но отнюдь не слившихся в один. Сколько родов разговорного языка, начиная почти от чисто китайского наречия до простонародной речи, в которой, однако, неминуемо вплетаются китайские односложные слова». Восемь лет прошло в самых упорных трудах по изучению японского языка, и святитель достиг того, что стал как бы природным японцем, отлично знающим историю и всю литературу Японии, как древнюю, так и новую. Изучая страну, ее язык, присматриваясь к жизни японцев, святитель Божий стал понемногу сеять семена христианского учения. Исповедуя действия благодати Божией, в день своего 50-летнего юбилея об этих первых шагах своей деятельности святитель так говорил: «50 лет тому назад я приехал сюда проповедовать учение Христово; но тогда не только никто не был расположен слушать его, а все с враждой относились к нему. Один из тогдашних врагов христианства здесь, пред

нашими глазами, ныне один из почетнейших между нами. Он тогда известен был в Хакодате как замечательный фехтовальщик, поэтому приглашен был давать уроки фехтования сыну русского консула в Хакодате. Каждый день я там встречался с ним, и всегда он молча смотрел на меня с враждебным видом; наконец, враждебное чувство привело его ко мне. Пришедши, он грубо начал: «Вы, варвары, приезжаете высматривать нашу страну; особенно такие, как ты, вредны; твоя вера злая». «А вы знаете мою веру, что так отзываетесь о ней?» – спросил я. – «Ясно, не знаю». – «А не зная вещи, поносить ее разумно ли?» Это несколько остановило его, но он с прежней грубостью произнес: «Так что же за вера твоя? Говори». – «Изволь слушать». И стал говорить о Боге Едином, о Боге Творце вселенной, Боге Икупителе. По мере того, как я говорил, лицо моего слушателя прояснялось, и он, не переставая внимательно слушать, одной рукой достал из-за пояса тушницу, другой – из рукава бумагу и стал записывать мою речь. Через час или полтора он был совсем не тот человек, который пришел. «Это совсем не то, что я думал», – сказал он, когда я окончил говорить. «Поговорите еще», – попросил он уже ласково. «Приходите», – пригласил я. И он стал приходить каждый день, а через неделю был уже в душе христианином. Скажите, что его обратило ко Христу? Когда-то сильный противник христианства Савл был внезапно обращен светоносным явлением ему Господа Иисуса Христа. Там было великое чудо. Здесь я вижу также чудо, только прикровенное. Тот же Христос невидимо Своей благодатью коснулся сердца Своего врага, сердца чистого, только пребывавшего во мраке, блеснул на него лучом Своего света – и врага не стало, он обратился не только в верного последователя, но и в горячего проповедника Христа. Дальнейшее также полно указаний на помогающую благодать Божию. У Савабе был друг, доктор конфуцианист, которому он стал сообщать свои познания о Христовом учении и старался передать ему свою веру. Сакай, друг его, сначала только смеялся над ним и опровергал его тогда, но недолго это длилось; Сакая тоже коснулась благодать Божия, и он сделался не только последователем и

проповедником Христа, но и великим постником и молитвенником. Старые христиане, конечно, помнят, как он здесь, будучи диаконом, иногда во время ектении, которую произносил, в молитвенном восхищении припадал на землю и долго так оставался, умиляя всех и возбуждая глубокое молитвенное настроение. Когда Савабе и Сакай сделались христианами, то я увидел, что время для проповеди здесь настает, и потому отправился в Россию, чтобы просить Святейший Синод основать здесь Миссию и дать мне сотрудников. Когда я снова прибыл в Хакодате, то нашел, что ревностный Савабе уже образовал у себя маленькую церковь: у него собралось из Сендая несколько молодых хорошо образованных «сизоку» (дворян); то были: ныне еще здравствующие о. Матфей Качета, о. Петр Сасачава, уже скончавшийся о. Яков Такая, о. Иоанн Оно, только что отшедший в другой мир Павел Цуда и некоторые другие; всех я нашел уже довольно наученными в вере и в душе христианами. Кто же им указал путь из Сендая в Хакодате и кто обратил их в христианство, если не Сам Господь таинственным действием Своей благодати? Этими людьми началась катихизаторская школа в Хакодате, и они, вышедши из нее, сделались первыми проповедниками, основавшими церкви в разных городах и селениях северной части Ниппона. Когда потом в Токио основалась катихизаторская школа, а с течением времени и семинария, то число проповедников увеличилось, а с тем вместе и число наших церквей умножилось. Лучшие из проповедников на соборах избирались для поставления во иереи и диаконы, так образовалось наше священство. И иереи, как распорядители благодати Божией, особенно ясно могут свидетельствовать о явлениях ее в нашей Церкви: у каждого из них, вероятно, есть на памяти случаи чудесной помощи Божией, явленной через преподаваемые ими таинства крещения, причащения Святых Тела и Крови Христовых, особенно же таинства елеосвящения – исцеление болезней, облегчение страданий, внезапное умирение души и прочее».

Так скромно описывает святитель Николай первые шаги своей проповеди. И поистине благодать Божия

споспешествовала ему. Ибо первое время было самое труднейшее для него и для обращенных им христиан. Много было перенесено в то время и горя, и нужды, и лишений, и даже гонений на христианство. Надо помнить, как незадолго перед тем Япония поступала с христианами. Их завертывали в соломенные мешки, складывали в кучи и сжигали заживо, распинали и т. п. И только в 1873 году последовала отмена старых антихристианских эдиктов, и с этого только времени явилась свобода христианской проповеди в стране Восходящего Солнца. Около этого времени, в 1869 г., святитель Николай, еще в сане иеромонаха, приехал в Россию хлопотать об устройстве в Японии Русской Миссии. В 1870 году Миссия была открыта. Иеромонах Николай возведен в сан архимандрита. А с 1873 года православная проповедь стала гласно раздаваться в Японии. Юная Церковь Христова, основанная тайно в Хакодате, стала расти и крепнуть по всей Японии. Начали строиться церкви, совершаться богослужения, устраиваться публичные диспуты и собеседования, образовываться христианские общины, открываться школы. И везде, на каждом шагу этой юной жизни создателем и руководителем ее был апостол Японии Николай. Святейший Синод, видя такие труды его и находя неудобным Церковь Японскую оставлять без архипастыря, вызвал архимандрита Николая в Петербург, и 30 марта 1880 г. архимандрит Николай был рукоположен в епископа. Это была вторая и последняя поездка святителя в родную страну. Остальные 32 года он провел безвыездно в Японии.

Для приготовления пастырей святитель Николай устроил семинарию, сам учил в ней, а потом, когда постановка дела была расширена, не оставлял ее без своего внимания, но самым бдительным образом относился к ней до последних дней своей жизни, входил подробно во все нужды школы и знал каждого ученика по имени. Устроил женскую японскую школу, вроде наших епархиальных училищ, а также другие школы. Но заветной мечтой святителя было устройство православного храма в столице Японии Токио. Еще в 1880 г., когда святитель Николай был в России, то он стал собирать пожертвования для

постройки храма. Господь помог ему собрать около 300 тыс. рублей. В 1884 году приступили к постройке православного храма. Посреди японской столицы, возвышаясь над окрестностями, находится холм Суругадай. Он был куплен нами у японского правительства для Русской Миссии. На этом холме и решено было воздвигнуть храм. Но на нем не хватало места для постройки такого величественного храма. Пришлось делать громадные насыпи, ввиду частых землетрясений особенно тщательно закладывать фундамент. Постройка стен и арок длилась пять лет. Все усовершенствования техники были применены самым тщательным образом. Но много горьких минут пережил владыка Николай, прежде чем окончил это святое дело. Сколько нападений, сколько враждебных толков возбудила постройка собора. По словам святителя, каких только проектов по этому поводу не строили, чтобы исхитить из вражьих рук эту неприятельскую крепость, сооружаемую среди столицы на таком возвышенном месте, что оттуда будто бы император в своем дворце может быть наблюдаем во всякое время. Одни предлагали воздвигнуть гору, которая закрывала бы императорский дворец от храма, другие советовали обнести храм такой высокой стеной, чтобы с крыши его нельзя было видеть дворца, третьи требовали за миллион купить храм и подарить его императору. Наконец, храм был готов и 24 февраля 1891 года был торжественно освящен. В этот день впервые на глазах всей Японии во всей красе православного богослужения была совершена Божественная литургия и принесена Бескровная Жертва Единородного Сына Божия к Отцу Своему Небесному за весь мир. И в то время, как христиане-японцы возносили свои молитвы веры и любви в новосозданном храме, их братья-язычники в изумлении стояли около дома Всевышнего. В 8 часов утра раздался первый удар колокола православного собора, за ним другой, третий..., а затем и трезвон от рук искусного звонаря, нарочно выпясанного из России. Пораженные неслыханным звоном, японцы, как бабочки на огонь, помчались к Суругадаю и несметными толпами окружили собор...

Велика была радость святителя, совершавшего сие торжество. Одиноким он пришел в эту страну, даже не зная языка ее, безо всякой помощи от людей, но с великой силой Божией, в немогущей природе человека совершающейся, и вот теперь он освящал созданный им храм в языческой стране, храм, стоящий сотни тысяч рублей, и в присутствии своей паствы, им же обращенной ко Христу, паствы, в то время состоявшей уже не из трех человек, а из 216 общин с 18635 обращенных ко Христу язычников... Этот храм благодарные японцы и не называют иначе, как храм Николай («Сейдоо-Никорай»). Про сей храм святитель писал: «Собор этот будет памятен, будет изучаем, подражаем многие не десятки, а – смело говорю – сотни лет, ибо храм – действительно замечательнейшее здание в столице Японии, здание, о котором слава вознеслась по Европе и Америке еще прежде его окончания и которое ныне, будучи окончено, по справедливости вызывает внимание, любопытство и удивление всех, кто бывает в Токио». И японцы теперь считают это здание своей гордостью. Возле собора построены дома, в которых помещаются духовная семинария, женское училище, миссионерское управление, типография, жилище самого архиепископа и ближайших его помощников. «Это как бы отдельный городок, откуда во все концы Японии льется свет православной Христовой веры».

Для непрерывного общения с церквями и наблюдения за их жизнью святитель Николай предпринимал ежегодные пастырские путешествия по Японии. Обычно он объезжал общины со священником, в ведении которого они находятся. Местные христиане задолго до приезда владыки готовятся к встрече своего любимого «дайсимпы» (епископа) и устраивают ему по возможности торжественный прием. После первых приветствий вся процессия – прибывшие и встречающие – направляется в заранее отведенное помещение, где после краткого молебствия преосвященный произносит поучение. Затем просматривает списки крещеных, брачующихся и умерших данной общины. Местные христиане беседуют с епископом: высказывают ему свои предложения, спрашивают его советов и указаний по разным недоуменным вопросам.

Иногда к приезду преосвященного приурочивается проповедь для язычников. В таких случаях заранее вывешивается объявление о прибытии в общину «известного проповедника» – епископа Николая. В назначенный час собирается публика и проповедь начинается. Говорят катихизатор, священник и наконец епископ. Речь его обыкновенно длится не менее часа и всегда производит сильное впечатление на слушателей. Иногда речь епископа прерывается возражениями. Если можно разрешить возражение, не нарушая хода мысли, то это сейчас же и делается. Если же нельзя, то возражающего просят подождать до конца. По окончании проповеди говорящий всегда обращается с вопросом: не имеет ли кто-либо из слушателей сделать возражения. Иногда завязывается целый диспут. Большое внимание преосвященного привлекали дети христиан. Справедливо видя в них будущее Церкви, преосвященный везде, где только можно, собирает их к себе, ласково беседует и наставляет их в вере. В каждой общине преосвященный остается дня по два, по три: обойдет непременно все дома христиан, присутствует на их собраниях, поучает, делает различные указания. С утра до глубокого вечера продолжается это архипастырское посещение христиан. Вот наступил вечер; все и катихизатор, и священник – разошлись на ночлег. Один епископ не спит; вынул свою записную книжку и тщательно записывает: что где видел, что кому сказал. Кончил записки, приступает к чтению различных сообщений и писем, на многие из которых приходится тут же писать ответы. А завтра опять встает чуть свет, опять отправляется по домам христиан или едет на такой же труд в другое место. И так изо дня в день полвека работал неутомимый труженик! Так трудился он на ниве Христовой. И благодаря таковым трудам его в настоящее время в Японии около 300 православных приходов и около 40 тыс. православных японцев.

Громадный труд употребил святитель Николай в переводе на японский язык Священного Писания и богослужебных книг. И этот труд он один и мог только исполнить. По этому поводу он сам говорил: «Я не из гордости говорю, но по глубокому сознанию, что я действительно теперь могу лучше всякого

другого заниматься переводом богослужебных книг. Я знаю русский и славянский языки, знаю и греческий, а потому могу сличать славянский текст с греческими оригиналами; знаю японский и китайский языки и потому могу излагать переводы. Наконец, я имею уже опытность в деле переводов, и потому мне лучше всего сосредоточить все свое внимание на удовлетворении именно этой, самой важной, нужды Церкви». И святитель с великим усердием трудился над этим делом. В течение 30 последних лет, минута в минуту, в шесть часов вечера входил в его келью его постоянный сотрудник по переводам Накаисан, садился рядом с архиепископом на низенький, аршина полтора в квадрате, табурет, на котором лежала подушка, называемая по-японски «забутон», и начинал писать под диктовку архиепископа переводы. Работа эта продолжалась в течение четырех часов и оканчивалась в 10 часов вечера. Откладывалась она только в дни вечернего богослужения и праздников. В часы работы над переводами двери келлии высокопреосвященного были абсолютно закрыты, и входил туда только слуга преосвященного Иван-сан, чтобы подать чаю. «Хотя бы небо разверзлось, – говорил владыка, – а я не имею право отменить занятий по переводу». И святитель перевел на японский почти весь Ветхий Завет, весь Новый Завет, весь круг богослужебных книг (Октоих, Триодь постную и цветную и все другие богослужебные книги), Православное вероисповедание свт. Димитрия Ростовского, Катихизис, Краткую Священную историю и многое другое. В этом случае он один сделал то, чего не смогли бы так сделать десятки других в течение многих лет. Благодаря его трудам на японском языке совершается все православное богослужение во всем его годовом разнообразии, благодаря его трудам Японская Церковь читает слово Божие на своем родном языке.

Кроме сего святитель устроил прекрасную православную библиотеку. «Библиотека Православной Японской Миссии, – пишет собеседник святителя Д. Позднеев, – представляет собою поистине удивительное учреждение. Каким образом архиепископ Николай успел собрать такую чудную коллекцию книг, известно одному Господу Богу! Библиотека эта помещается

в специальном здании, построенном со всеми противопожарными приспособлениями, какие только возможны. Одних европейских книг в ней насчитывается свыше 12 тысяч названий, из коих большинство на русском языке, но много также книг английских, французских, немецких. Независимо от этого существуют также особые коллекции книг – японская и китайская. Миссийская библиотека является удивительнейшим доказательством аккуратного и любовного отношения почившего архиепископа к миссийскому делу и к миссийской собственности. Каждая получавшаяся книга не только заносилась им собственноручно в каталог, но после переплета он даже сам наклеивал ярлыки и ставил книги на полку. Библиотека до сих пор в глазах православных японцев составляет как бы святилище, куда доступ разрешается только лицам, преданным научным знаниям и стяжавшим полное доверие архиепископа. До самых последних лет архиепископ собственноручно в назначенные часы выдавал книги из этой библиотеки, собственноручно записывал их в отпускной журнал и собственноручно делал отметки о возвращении. Ясно, что при таком порядке библиотека оставалась и остается в идеальном порядке и сохранности. Только в самое последнее время выдача и получение книг доверяется владыкой ректору семинарии Сэнума».

Основаны владыкой православные японские журналы: «Православный Вестник» («Сэйкёо симпоо»), «Православная Беседа» («Сэйкёо ёова»), издавались также и другие. Под руководством святителя Николая переведены на японский язык все наши лучшие богословские сочинения, издано много и других книг. Есть богословские православные сочинения, написанные самими японцами.

Все это совершено святителем среди крайней скудости средств, без особенной посторонней помощи, единственно своим упорным, не знавшим отдыха, трудом, твердостью своего железного характера, постом, молитвой и всесильной помощью Божией.

Внутреннее состояние Церкви Японской, созданной святителем, таково. Все православное население разделено на

общины, во главе которых стоят священники. Ежегодно архиепископ объезжает эти общины. При посещении каждого прихода община собирала совет, и здесь вместе с архиепископом решали свои дела. Кроме того, в каждой общине периодически происходят собрания, где клир и народ вместе беседуют, молятся, слушают поучения и рассуждают о своих приходских нуждах. Высшей же инстанцией церковного управления являются Соборы. Они собираются ежегодно, попеременно то в Токио, то в Осака в конце июня. Сюда собираются духовенство, катихизаторы и выборные от мирян. Собор собирается в церкви, у амвона для архиепископа и старших священников ставят стол, а прочие садятся на полу. Архиепископ открывает заседание молитвой и поучением; затем читаются отчеты о состоянии приходов, решаются важнейшие вопросы по устройству и управлению Японской Церковью, производятся выборы священника, назначаются катихизаторы. О внутреннем состоянии своей Церкви святитель говорил так: «Как в первоначальной Церкви проповедь Христова учения сначала была устной, а потом в помощь и утверждение ей являлась проповедь письменная, так точно было и у нас. В помощь проповеди с первых времен Церкви основалось общество переводчиков, первоначальником которых явился сендайский молодой ученый Савва Хорие; трудами переводчиков образовалась наша уже весьма значительная богословская литература. Явились издатели журналов и писатели, произведения которых составляли порядочную литературу оригинальных сочинений, по преимуществу брошюр. Женская половина нашей Церкви также являет на себе ясные следы попечения Божия о ней. Учащие наших женских школ в главном составе своем суть жены, навсегда и всецело посвятивший себя Богу, те же монахини, кроме монашеского одеяния; без помощи воодушевляющей благодати Божией не возможны такая решимость и такая преданность в служении Божьему делу. Воспитавшиеся под их влиянием ныне жены церковнослужащих или еще девицы везде по церквам ревностно и разнообразно помогают церковному делу, т. е. благочестивые жены Японской Церкви совершают то же

служение, которое совершали благочестивые жены Церкви первоначальной. Женское же усердие и искусство украшает наши храмы иконами, как вот эти, что на стенах храма, и как множество других во многих иконостасах провинциальных церквей. Наконец, Господь наш Иисус Христос, Сам воспевший со Своими учениками в Сионской горнице, украсил Свою Церковь таким прекрасным пением, которое мы слышим здесь и которым возбуждается и питается наше молитвенное настроение. Не без Божией помощи наставники и руководители его ведут это дело и все участвующие в нем исполняют его. Отсюда они, вместе с кончающими здесь учение и поступающими в церковную службу, переходят в другие церкви и приносят духовную пользу.

О наших служащих в Церкви вообще я должен сказать следующее. Наши священнослужители и проповедники, наставники и наставницы, переводчики и писатели, учителя пения и псаломщики суть люди таких нравственных качеств и, большей частью, таких способностей и образований, что могли бы с большими мирскими выгодами для себя служить на гражданских поприщах; на церковной же службе у них нет решительно никаких выгод; у каждого из них едва струится тощий дымок из кухни; они со своими семьями едва питаются, едва имеют во что одеться; ни наград, ни повышений, никаких приманок у них нет впереди. Что же удерживает их на сей службе, заставляет пренебрегать всеми мирскими благами из-за нее? Что, как не Бог Своим таинственным благодатным внушением! И, кстати сказать, счастливы они, что есть у них в душе то чистое, высокое, к чему может коснуться перст Божий, чтобы разбудить их, возжечь их ревность и делать их светочами для людей».

Но бедность священников и катехизаторов сильно угнетала святителя.

И он не раз обращался к своим христианам с просьбами содержать духовенство самим прихожанам. Вот одно его Окружное письмо к христианам Японской Православной Церкви: «Возлюбленные братья и сестры во Христе, благословение Божие да осеняет всех вас, и да помогает вам и всей Церкви

Божией, да возрастет из силы в силу. Господь наш Иисус Христос, посылая Своих учеников на проповедь Евангелия, не велел им заботиться о их пропитании, а сказал им, что служащие и принимающие их будут питать их. Вот слова Господа: *жатвы много, а делателей мало... Идите... Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви... В какой дом войдете, сперва говорите: мир дому сему... В доме том же оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть, ибо трудящийся достоин награды за труды свои* (Лк. 10, 2–7; Мф. 10, 9–11). Что Господь установил, то всегда исполнялось, всегда и должно исполняться. Служащие проповеди от проповеди должны питаться; вообще, служащие Церкви от Церкви должны получать свое содержание. Но здесь, в Японской Церкви, это еще не вошло в обычай. Чтобы подать пример христианской благотворительности, иностранные христиане до сих пор жертвовали на содержание здешних проповедников Евангелия и всех служащих. Неизвестно, долго ли это продолжится; во всякое время Японская Церковь должна быть готова принять своих служащих на полное свое содержание. Но теперь еще обычное пожертвование иностранных христиан приходит; только с постепенным увеличением числа служащих Церкви и в то же время с постепенным возрастанием цен на все жизненные предметы сделалось это крайне недостаточным; оттого наши проповедники крайне бедствуют. Почти отовсюду христиане просят к себе катихизаторов семейных, и наши катихизаторы почти все семейные. Получают же они от Миссии на свое содержание: катихизаторские ученики – 10 иен (иена – около нашего рубля) в месяц, помощники катихизаторов – 12 иен, катихизаторы – 14 иен, из них самые многосемейные – 16 и иногда 18 иен. Истинно удивляться нужно, как Господь хранит их от голодной смерти, как они со своими семьями питаются, одеваются и имеют все прочее для жизни на такие малые средства. Правда, в некоторых церквях христиане от себя оказывают помощь, но это весьма недостаточно. Так не может продолжаться далее. Возлюбленные братья и сестры! Умоляю вас исполнять заповедь Божию, позаботиться о содержании ваших проповедников. *Если мы посеяли в вас духовное, велико*

ли то, если пожнем в вас телесное (1Кор. 9, 11), – писал апостол Павел коринфским христианам. Слово его простирается к вам о преподававших вам Евангелие душевного спасения. Помогите им, кто чем может: служащий государству – от своего жалования, купец – от предмета своей торговли, земледелец – от плодов своей нивы, ремесленник – от своих изделий и пр. Кто богат, давай от своего избытка, кто беден, отделяй от скудости своей. И всякий делай это с радостью, в той мысли и в той уверенности, что это руками человеческими приносимая жертва Богу, ибо по Божию повелению и в угождение Богу это делается. Помни всякий, что это будет не только телесная помощь проповеднику, но и духовная: проповедник, получая телесное, одушевляется благодарностью и вящей любовью к благотворящим и большей ревностью к исполнению своей духовной обязанности, а отсюда произойдет большой успех проповеди и оживление и возрастание Церкви Божией везде, где это будет твориться. Итак, да возгреет Господь Своей благодатью в ваших сердцах ревность к исполнению Его святой воли о проповедующих вам слово спасения. Архиепископ Николай».

В другом письме святитель еще подробнее объясняет необходимость для христиан содержать своих церковнослужителей. «Непременно все смотрите, – пишет он, – на помощь, оказываемую в содержании катихизаторам, как на пожертвование Богу, ибо это действительно есть таковое, как делаемое по повелению Божию и в угождение Богу. Эта уверенность удержит вас от смущения и неохоты жертвовать, если вы увидите, что катихизатор не всегда ревностно исполняет свои обязанности. Да не смущает вас это. Катихизатор ответит Богу за свое небрежение; вы же исполните свой долг, не переставая приносить Богу вашу жертву, и будете иметь похвалу от Бога. Не переставайте приносить Богу раз определенное и обещанное даже тогда, когда по каким-нибудь причинам катихизатора нет в вашей церкви, например, он послан священником временно для проповеди в другое место, или же при распределении служащих церкви, по недостатку катихизаторов, вы оставлены на время без катихизатора.

Сделайте для себя обычаем, привычкой обещанное Богу непременно приносить Ему, несмотря ни на какие обстоятельства, – и тогда основание самостоятельности вашей Церкви будет положено; вы перестанете быть, как теперь, в зависимости от иностранной Церкви в постоянном опасении, что при внезапном отнятии от вас посторонней руки помощи ваша Церковь подвергается страшному бедствию потерять всех своих служащих. Считаю уместным продолжить несколько об этом. Устроить содержание служащим Церкви – предмет нелегкий. Трудность его испытывали у всех народов, во всех местах, где возникала Церковь Божия. И нигде не открыто другого лучшего средства содержания служащих Церкви, как добровольными пожертвованиями людей, составляющих Церковь. И никогда, до скончания мира, не будет открыто другого, более совершенного средства, потому что так установил Бог, и не только устным повелением установил, но, когда явился в человеческом образе на землю, Сам же подал пример подчинения сему постановлению. Смотрите, Господь наш Иисус Христос, немногими хлебами чудесно насытивший тысячи народа, Сам со Своими учениками во время Своего земного служения чем питался? Чем содержался? Добровольными приношениями слушавших Его учение. Для чего у учеников Его был ковчежец, в который влагались приношения, употреблявшиеся на нужды Его и апостолов, составлявших в то время число служителей Церкви. Всемогущий Господь мог бы указать сотни и тысячи способов содержания служащих Церкви, и Он указал только одно приношение лиц, составляющих Церковь. И причина сего так ясна, что ее и объяснять много не нужно. Спаситель сказал: *где сокровище ваше, там будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21). Ты жертвуешь на Церковь сокровище твое, быть может, тяжелым трудом добытое тобою; понятно, что вместе с сокровищем твоим идет и сердце твое в жертву Богу; ты непременно и мыслью, и чувством участвуешь в деле Церкви, а не остаешься холодным зрителем его; итак, вместе с твоей материальной помощью катихизатору твоя мысль, твое чувство, твое участливое слово, твоя молитва помогают ему в его служении. Так и творится общее дело Церкви всеми членами,

составляющими Церковь; катихизатор и священник проповедью и священнослужением в Церкви творят это дело; ты трудом рук своих и душевным участием помогаешь в сем творении; благодать Господа, всегда пребывающего в Церкви Своей, невидимо содействует круговращению этого взаимного труда церковного, и таким образом совершается это церковное кровообращение в теле Церкви и тело растет из силы в силу. Так ли теперь в Японской Церкви? Нет, не так. Теперь служащий Церкви получает содержание от Миссии и не считает себя ничем обязанным местным христианам; оттого и истинного чувства любви к ним и попечение о них не может возбудиться у него; местные христиане, ничем крепко не связанные с ним, холодно относятся к нему и к его делу; и церковное дело не творится, как должно, так как нет к нему достодолжного взаимного участия служащих Церкви и христиан; оттого наши церкви так мало возрастают, не являют себя оживленными, а находятся как бы в полусонном состоянии. Совсем другое будет, когда христиане материальной помощью, а вместе с тем и сердечным участием и добрым словом и советом примут участие в деле Церкви, а служащие Церкви, отвечая на все это сердечной признательностью и любовью, одушевятся к исполнению своего служения всеми душевными силами».

Сам же святитель все свои личные средства делал достоянием своей юной Церкви. Вот как про это говорит один из японских христиан Кавамото: «Преосвященный Николай служит живым образом миссионерского самоотвержения. Все свои материальные средства он отдает Церкви, покрывая этим недостатки в содержании школ, редакций, проповедников, и при всем том не отказывается жертвовать иногда на разные случайные нужды бедных христиан: на постройки новых молитвенных домов, на обеспечение бедных семейств после пожаров и землетрясений, столь частых в Японии, тогда как сам он лишается первых удобств жизни. Нам лично приходилось встречать его дома одетым подобно какому-нибудь пустыннику, в грубом, даже местами заплатанном подряснике или же на улице идущего пешком, с одной тростью в руке».

И несмотря на такие труды и ревность о благе созданной им паствы, святителю всю свою жизнь в Японии приводилось бороться с ненавистью. «На него, – говорит Д. Позднеев, – как на крупную фигуру, обрушилась вся злоба, душившая японское общество по отношению к России до последней войны. Начиная с жреца Савабе, желавшего убить архиепископа, проявление ненависти со стороны японцев преследовало владыку постоянно. Без преувеличения миллионы газетных статей за эти 50 лет объявляли его «ротаном», т. е. русским шпионом. Православные христиане назывались в Японии: «Никораи но яцу», т. е. николаевские негодяи, или «Суругадаи но яцу», т. е. суругадайские негодяи. Всякий шаг архиепископа на почве распространения Православия и апостольского служения толковался печатью как зловерный для Японии, всякое открытие молитвенного дома или церковной общины трактовалось как расширение сети русских шпионов, опасные для государственной независимости Японии». И только после русско-японской войны, когда Япония воочию убедилась, как далек был святитель от политики, отношение японского общества к святителю переменилось. В день 50-летнего юбилея святителя по случаю сего торжества прислал приветствие Японской Церкви, восторженное и сердечное, губернатор Токио г. Абе Коо, язычник, в котором называл святителя «основателем православного христианства в нашей (Японской) стране и споспешником развития цивилизации в нашей стране» и желал ему – «маститому учителю Николаю» – «неисчислимых лет и блага». И это было выражение взглядов всего японского общества.

Самым же скорбным и тяжелым временем для святителя Николая было время русско-японской войны. Вражда против Православия была в то время страшно велика. Вот как говорили о Православной Церкви: «Православная Церковь является злостным местом, откуда сыплются проклятия на голову Японии и где молятся за ее поражение. Она всегда была центральным агентством шпионов, состоящих на русской службе. Японцам ненавистен купол русского собора, который, возвышаясь над всем городом, как бы шлет презрение самому

императорскому дворцу, ненавистен храмовой колокол, который каждое воскресное утро своим гвалтом докучает мирному сну жителей». С ожесточением нападали на самые христианские таинства. Ненавидели всякое проявление Православия. Трудно было в то время святителю Николаю. И ему и его делу грозила страшная опасность. Но не это главным образом угнетало его. Удручало же его то, что во все время войны он был лишен великого утешения принимать участие в церковном богослужении. Святитель не бросил своей паствы в минуты великой опасности, он не вернулся в Россию, он остался там, где был, но сердце его болело за свою родину. По объявлению военных действий, он говорил представителям своей Церкви: «Сегодня по обычаю я служу в соборе, но отныне впредь я уже не буду принимать более участия в общественных богослужениях нашей Церкви. Это не потому, что для меня будет опасно показываться в соборе, но доселе я молился за процветание и мир Японской империи. Ныне же, раз война объявлена между Японией и моей родиной, я, как русский подданный, не могу молиться за победу Японии над моим собственным отечеством. Я также имею обязательства к своей родине, и именно поэтому буду счастлив видеть, что вы исполняете долг в отношении к своей стране». По всем же церквам Японии святитель разослал следующее Окружное письмо: «Благочестивым христианам Святой Православной Церкви великой Японии. Возлюбленные о Господе братия и сестры! Господу угодно было допустить разрыв между Россией и Японией. Да будет Его святая воля. Будем верить, что это допущено для благих целей и приведет к благому концу, потому что воля Божия всегда благая и премудрая. Итак, братия и сестры, исполните все, что требует от вас в этих обстоятельствах долг верноподданных. Молите Бога, чтобы Он даровал победу вашему императорскому войску, благодарите Бога за дарованные победы, жертвуйте на военные нужды; кому придется идти в сражения, не щадя своей жизни, сражайтесь не из ненависти к врагу, а из любви к вашим соотечественникам, помня слова Спасителя: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). Словом,

делайте все, что требует от вас любовь к отечеству. Любовь к отечеству есть святое чувство. Спаситель освятил это чувство Своим примером: из любви к Своему земному отечеству Он плакал о бедственной участи Иерусалима (Лк. 19, 41). Но кроме земного отечества у нас есть еще Отечество Небесное. К нему принадлежат люди без различия народностей, потому что все люди одинаково дети Отца Небесного и братья между собою. Это Отечество наше есть Церковь, которой мы одинаково члены и по которой дети Отца Небесного, действительно, составляют одну семью. Поэтому-то я не разлучаюсь с вами, братия и сестры, и остаюсь в вашей семье, как в своей семье. И будем исполнять вместе наш долг относительно нашего Небесного Отечества, какой кому надлежит. Я буду, как всегда, молиться за Церковь, заниматься церковными делами, переводить богослужение; вы, священники, усердно пасите порученное вам от Бога словесное ваше стадо; вы, проповедники, ревностно проповедуйте Евангелие еще не познавшим истинного Бога, Отца Небесного; все христиане, мирно ли живущие дома или идущие на войну, возрастайте и укрепляйтесь в вере и преуспевайте во всех христианских добродетелях. Все же мы вместе будем горячо молиться, чтобы Господь поскорее восстановил нарушенный мир. Да поможет вам во всем этом Сам Господь. Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любовь Бога и Отца и причастие Святого Духа буди со всеми вами. Аминь. Великой Японии Православной Церкви епископ Николай».

Такое поведение святителя много содействовало успокоению японских умов, предотвратило много нежелательных и печальных явлений. Во время войны святитель принял все меры к тому, чтобы облегчить тяжелую участь пленных русских. По его мысли из православных японцев было образовано товарищество духовного утешения военнопленных. Во все места, где проживали военнопленные, им были посланы японцы-священники, кои совершали богослужение, напутствовали умирающих и больных и погребали усопших. Материально и духовно помогал он им, тратя подчас последние гроши своих скудных средств. На

местах, где были погребены останки наших воинов, святитель соорудил храмы или памятники.

Так в непрерывных трудах протекала жизнь святителя. С течением времени стали ослабевать и силы святителя. Весь декабрь 1911 года болезнь сильно мучила святителя. По ночам он не спал от страданий, но сидел в кресле, и только днем старался дополнить свой сон. С января болезнь приняла угрожающее течение. Владыку поместили в госпиталь. Здесь сильнодействующими средствами поддерживали жизнь святителя. Ежедневно служились утром литургии о его здравии, а вечером молебны. Сам святитель, несмотря на страдания от болезни, до последней минуты стремился еще и еще поработать над переводом Священных книг. Но Милосердому Господу было угодно дать покой Своему рабу и труженику, неустанному и верному, и, напутствованный всеми таинствами Святой Церкви, святитель Николай тихо скончался 3 февраля 1912 года в 12 часов дня.

Неизмерима была скорбь Японской Церкви по кончине своего апостола-святителя. С великой скорбной торжественностью было погребено тело святителя в Японии в присутствии министров русского посольства и многотысячного собрания японских христиан, съехавшихся со всех концов Японии. Гроб был покрыт венками, в том числе от принца Канин Сапондзи-Уци-да-Сайто Иай, от президента японского общества Терауци Гото, от русского поверенного в делах. Во время отпевания прислал великолепный венок сам Микадо. Так даже языческая Япония почтила память святителя. Но еще ранее, и особенно к концу жизни, святитель стяжал себе глубочайшее уважение всей Японии. Вековые предрассудки пали перед незлобивым и самоотверженным сердцем святителя. И не только народ, но и правительство и сам император Японии относились к святителю особенно дружелюбно и оказывали знаки особого внимания. «Нам неоднократно приходилось быть свидетелем, – пишет г. Недачин, – как язычники, совершенно не знакомые владыке, с шумным восторгом приветствовали его на улице и их мощное «банзай Никорай» частенько раздавалось в японских кварталах. А дети, милые японские дети, постоянно

оказывали его кольцом и, как бабочки на огонь, вихрем неслись навстречу суровому на вид, но с добрым, ласковым сердцем святителю... Должно заметить, что непрерывный тяжелый апостольский подвиг, праведная жизнь, особая прозорливость, чему мы сами неоднократно были свидетелями, давно уже между верующими православной Японии составили убеждение, что святитель Николай особенно близок и угоден Господу, что Он его прославил небесной славой. Даже язычники и те помещали в газетах его портреты с сиянием и нимбом и часто называли его «Сей да Са-кёо», т. е. святой архиепископ».

Прекрасно говорит о смерти святителя известный проповедник протоиерей Восторгов: «Святитель Николай, как зрелый колос пшеницы, пал, подкошенный косой смерти, созревши для житницы Господней. Он был светильник горяй и светяй, мы веселились в светении его, но кто горит и светит, тот и сам сгорает: и вот, догорела эта священная лампада! Не одна Японская юная Церковь оплакивает архиепископа Николая; о ней излишне теперь говорить, – и как тяжела для нее утрата! Но Церковь Христова живет законом, который указан апостолом Павлом: *Страдает ли один член, страдают с ним и все члены, славится ли один член, с ним радуются все члены; и вы – тело Христово, а порознь – члены* (1Кор. 12, 26–27). Поэтому-то скорбит теперь глубокой скорбью и Русская Церковь и вся Церковь Православная. Трудно теперь, в первые дни после кончины архиепископа Николая, выразить и показать, как велика для Церкви понесенная утрата. Для этого нужно перенестись всецело в ту обстановку, среди которой почивший жил и которую он в полном смысле создал, в то дело, которому он служил и которое, тоже в полном смысле слова, он сам создал. Воистину, он пошел один и как бы один за всех нас исполнил заповедь Христа Господа, данную Его Церкви, всему верующему миру: *Шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа...* (Мф. 28, 15). Чувствуется, что из Церкви земной в Церковь вечную, Небесную, к Судии всех Богу и к Ходатаю Завета нового Иисусу ушел один из праведников совершенных и приложился к торжеству и Церкви первородных на небесах написанных (Евр. 12, 23; Откр. 13, 8). И

в душе остановилось несказанно благоговейное чувство, как бы при виде святого: точно совершилось какое-то неизъяснимое всецерковное священнодействие и таинство, точно громоподобное молчание царит над Церковью – молчание, красноречивейшее всех слов. Ибо умер, ибо почил от дел своих святой муж. Так должны были чувствовать древние киевляне, когда умер святой князь Владимир, как это поведало нам красноречивое слово блаженного Илариона, митрополита Киевского; или древние зыряне при вести о смерти свт. Стефана Пермского, о чем поведал нам знаменитый «Плач земли Пермской»... В городе Киото, старой столице Японии, в женской школе ученицы при мне держали испытания. Я спрашивал их о житии и деянии святых апостолов. «А кто апостол Японии?» – спрашивал я девочку. «Никорай», – своеобразным японским выговором быстро ответила девочка. Да, умер человек, который на исходе второго тысячелетия христианства показал, что живут и ныне апостолы и возможны апостольские деяния. Ах, ушел он, и какое почувствовалось лишение, какое горькое сознание, что умер апостол-пастырь, красота Церкви, ее цвет, ее оправдание, ее слава, – и что еще более говорит сердцу, – слава родной нашей Русской Церкви! Чувствуется далее, что от земли отошел, если говорить по-мирски, отошел великий человек. Не часто дарит нас история великими людьми. Но счастливы века и поколения, которые знают людей великих! Они сияют, как звезды на темном небосклоне; они не могут не светить; нельзя их не видеть, нельзя не поддаваться их обаянию. Таков был и почивший архиепископ Николай. Языческая Япония, некогда преследовавшая его за проповедь Христа, подозрительно настроенная относительно всякого иностранца, несмотря на русское происхождение архиепископа Николая, относилась к нему с чувством, граничащим с благоговением. Его праведность, его ревность о вере, его прямота в словах и действиях, его необычайно высокая, редкая образованность даже в области японской истории и литературы – все это сделало его человеком, высоко стоящим среди всего японского народа. Ему не только прощали его пламенный русский

патриотизм, его за этот патриотизм еще более уважали. Не было человека в Японии, после императора, который пользовался бы в стране таким уважением, такой известностью, такой популярностью. В столице Японии не нужно было спрашивать, где Русская Православная Миссия; довольно было сказать одно слово «Николай», и буквально каждый «рикша» сразу знал, куда нужно было доставить гостя Миссии. И православный храм назывался «Николай», и место Миссии – тоже «Николай», даже само Православие называлось именем «Николай», и, путешествуя по стране в одежде русского священника, мы всегда и всюду встречали ласковые взоры, и в словах приветов и разговоров по поводу нас мы улавливали слухом среди непонятных слов и выражений незнакомого языка одно знакомое и дорогое – «Николай"... Он любил Россию всей горячностью сердца. Но он отдал себя Христу и Церкви и по евангельскому призыву оставил дом, родных и близких. Знаем, что не уста человеческие, а неложные уста Христовы изрекли нам, что сим путем пошедшие сядут на престолах, не останутся без награды (Мф. 19, 28). Он не захотел и перед смертью вернуться в Россию, хотя мог бы это сделать всегда. Дух Божий вел его в жизни, и сказалось Его, Духа Божия, веление – сохранить для Японской Церкви могилу великого апостола: могила его теперь остается в Японии святыней народной, святыней общецерковной, знамением и средоточием православно-христианской жизни... Велика и обильна была жатва святителя. Изнемог жнец и пал на борозде! Благословен его покой и радостно да будет его вхождение в житницу Господню!»

Русская Православная Церковь во главе с патриархом Московским и всея Руси Алексием 10 апреля 1970 г. приняла решение о прославлении святителя Николая в лике святых, с именованием – равноапостольный. В Японии святитель Николай до сего времени почитается как великий праведник и особый молитвенный предстатель пред Господом.

Февраль, 17

Феодор молчаливый, в Дальних пещерах почивающий, преподобный

Ничего, кроме подвига его молчания, неизвестно о сем преподобном. Молчание у него было путем к всегдашнему богомыслию, средством к тому, чтобы его ум не развлекался ничем земным, чтобы его язык ни в чем не согрешал. Через это он угодил Господу и получил от Него дар чудотворения, который и теперь являет над приходящими с верою и поклоняющимися его святым мощам. Мощи его открыто почивают в Феодосиевых (Дальних) пещерах, между мощами прпп. Нестора Некнижного (память 28 октября/10 ноября) и Памвы Затворника (память 18/31 июля).

Память его совершается 17 февраля/1 марта, вероятно, ради тезоименитства его со святым великомучеником Феодором Тироном и 28 августа/10 сентября.

Ермоген, Патриарх Московский и всея Руси, священномученик – преставление

Бессмертно в благодарной памяти потомства великое имя Святейшего Ермогена, Патриарха Московского и всея России. Но история, к сожалению, отчетливо и подробно помнит лишь вторую половину жизни первосвятителя, осиявшую его славой мученика за веру православную и отчизну. О первой же половине жизни святого Ермогена дошли до нас лишь немногие, притом отрывочные и смутные, известия. Кто был святой Ермоген по происхождению, как он рос и воспитывался, кем заронены в его душу, принесшую впоследствии «историчный плод» – семена самоотверженной любви к Православной Церкви и родной земле, – на все эти вопросы история не дает прямого ответа.

Родился святой Ермоген около 1530 года, вероятно, в местах приволжских или придонских: глухое предание называет родиной патриарха Казань; польские известия сообщают о пребывании его в молодости на Дону. Славный первосвятитель земли Русской во всяком случае не был знатного происхождения. На одной из икон в Вятке сохранилась запись о том, что патриарх Ермоген в 1607 году благословил иконой своей зятя – посадского человека в Вятке Корнилия Рязанцева. Если бы святой Ермоген происходил, как думают некоторые, из княжеского рода Шуйских или Голицыных, то, конечно, мужем его близкой родственницы не был бы посадский человек: Древняя Русь строго блюла доселе не утративший значения обычай, который требовал, чтобы тесть и зять были хотя бы приблизительно равного общественного положения. Вероятнее прочих мнение, по которому патриарх Ермоген «принадлежал к числу посадских тяглых людей или к посадскому духовенству». За это говорит то обстоятельство, что в числе родных патриарха были люди духовного звания: один священник и пять иноков; и сам он до пострижения в иночество был священником; при том вся известная нам жизнь святого Ермогена, обвеянная духом церковности, заставляет предполагать, что будущий

первосвятитель вырос в духовной среде. Учился святой Ермоген, вероятно, в одной из тех духовных школ, которые, в силу постановления Стоглавого Собора (1551 г.), находились при домах духовных лиц или при монастырях. Думают, что учителем святого Ермогена был Герман, впоследствии (второй) архиепископ Казанский, муж, по свидетельству современников, «высокий умом, ревностный исследователь Священного Писания». Возможно, что именно святой Герман, как человек книжный, привил святому Ермогену отличавшую его любовь к слову Божию и к обращавшейся в то время на Руси письменности религиозно-нравственного и церковно-исторического содержания.

Первое определенное известие о святом Ермогене встречаем в 1579 году. В это время 50-летний Ермоген был, по его собственному указанию, священником при Гостиннодворской церкви в Казани. Конечно, святой Ермоген мог занять это место и ранее помянутого года: думают, что именно к святому Ермогену относится «некая прозорительная речь» (то есть предсказание) о настоятельстве в Спасо-Преображенском монастыре, посланная «к клирику, в миру живущему», святым Варсонофием, Тверским епископом (1571–1576), жившим на покое в названной обители.

Конец 70-х годов XVI века был тяжелым временем для религиозно-нравственной жизни Казанского края. В 1576 году умер святой Варсонофий, последний из великой троицы просветителей Казани учением Христовым. Горевший истинной миссионерской ревностью, святой Варсонофий, знаток инородческих языков и безмездный врач, был в одинаковой мере дорог как русским, так и инородцам Казанского края. С его кончиной христианская Казань почувствовала как бы сиротство, оставленность: она жила воспоминаниями о славных просветителях, озаренных ореолом апостольского величия в подвиге просвещения инородцев. В довершение утраты в 1579 году, в июне месяце, пожар уничтожил половину кремля, большую часть Казанского посада, все торговые ряды, великокняжеский дворец и Спасо-Преображенский монастырь, в которых находились могилы святых Гурия и Варсонофия. В

таким великом бедствии магометане, вообще недружелюбно относившиеся к своим недавним победителям, видели гнев Божий на православных, между прочим, за поклонение иконам. Вспоминая это время, святой Ермоген писал впоследствии: «Тогда истинная православная вера была в притчу и поругание, источника целебного не было тогда в Казани».

Но в эти трудные дни для Церкви Православной в новопокоренном крае Господь не замедлил с благодатной помощью и ободрением. Ужасный пожар 1579 года начался с дома стрельца Даниила Онучина. На месте этого дома, где теперь находится холодная церковь Казанского женского монастыря, 8 июля чудесно явилась икона Божией Матери. Весть о явлении «Заступницы усердной» с благоговейной радостью была встречена христианским населением Казани: оно сознавало, что «пресветлую икону – источник неисчерпаемый» – Бог даровал православным Казанского края, «да не рекут языцы, где есть Бог их, в Негоже веруют... да заградятся уста их... и утвердилась бы... православная вера». Весь народ стекся к месту явления чудотворного образа; здесь же собрались воеводы и во главе с архиепископом Иеремией духовенство; среди последнего находился и Николо-Гостиннодворский иерей, будущий патриарх Ермоген. Все объединились пред иконою Богоматери в чувстве высокого религиозного умиления, вызывавшего слезы хвалы и благодарности Господу Богу и Пречистой. Это чувство охватило и душу святого Ермогена: хотя и «каменносердечен сый, обаче прослезися», – говорит он сам о себе, – «и припал к чудотворней иконе и к Превечному Младенцу Спасу Христу». С благословения архиепископа святой Ермоген удостоился первым взять образ Богоматери «с древца», отмечавшего местонахождение иконы в земле, из которой она была вырыта; затем, показав народу честный образ, как победную хоругвь Православия, святой Ермоген перенес его в торжественном крестном ходе, при громадном стечении молящихся, в соседнюю церковь святого Николая Тульского. Вероятно, не без участия святого Ермогена составлено было краткое сказание о явлении иконы Богоматери и отослано царю Иоанну

Васильевичу Грозному. На месте явления образа царь приказал построить в честь Божией Матери деревянный храм, положивший начало первому женскому монастырю в Казани. Впоследствии, в 1594 году, уже будучи митрополитом Казанским и Астраханским, святой Ермоген написал подробное «Сказание о явлении чудотворная иконы Пресвятыя Богородицы во граде Казани»; им же составлены стихиры и каноны в службе на день явления Казанской иконы Божией Матери; согретый глубоким религиозным чувством и проникнутый высоким религиозным вдохновением, известный каждому православному человеку тропарь «Заступнице усердная» принадлежит также святому Ермогену.

С 1579 года обрывается нить известий о святом Ермогене до 1587 года. В этом году он принимает пострижение, как должно думать, в Москве, в Чудовом монастыре: последний называется его «обещанием», т. е. местом, где он вступил на путь монашеского подвига, дав первоначальные обеты иночества. Тогда же или вскоре святой Ермоген избирается настоятелем, а потом возводится в сан архимандрита Казанского Спасо-Преображенского монастыря. Это избрание святой Ермоген принял с умилением перед памятью основателя и первого настоятеля обители святого Варсонофия. «И мне непотребному, – пишет он сам о себе, – случилось в той святой обители быть пятому по нему (т. е. Варсонофии), стоять на месте его и жезл его держать в руке своей».

После трехлетнего управления обителью, протекшего главным образом в трудах по возобновлению выгоревшего (в 1579 г.) монастыря, святой Ермоген в 1589 году (13 мая) возводится на Казанскую кафедру и начинает собою ряд Казанских и Астраханских митрополитов. В течение семнадцати лет митрополит Ермоген с великим достоинством держал жезл Казанского первосвященителя, управляя, как истинный пастырь Христов, епархией, обнимавшей обширный восточный и юго-восточный край. Руководство епархией, в юго-восточных областях которой церковная и гражданская жизнь еще только завязывалась, а в северных с трудом укреплялась среди разноплеменного и разноречивого населения, требовало от

святого Ермогена мудрой осмотрительности. К заботливой бдительности призывало и время. На годы епископства святого Ермогена в Казани падает начало той «разрухи» русского государства, которая известна в истории нашей родины под именем «Смутного времени» и которая едва не привела Православную Русь на край гибели. 15 мая 1591 года в Угличе погиб от руки наемного убийцы царевич Димитрий, единственный брат бездетного царя Феодора. Таинственная, доселе остающаяся загадкой, смерть царевича, прекращавшая династию Рюриковичей, породила в народе темные слухи и разные толки. Последние, конечно, доходили и до Казани. Человек большого государственного ума и всецело преданный родине, митрополит хорошо сознавал, какую опасность для Руси может иметь насильственная смерть царевича. Особенно справедливы были эти предположения по отношению к Казанскому краю с его инородческим населением, еще не забывшим своей самостоятельной, обособленной от Руси жизни. Кроме того, и среди инородцев, обратившихся в Православие, стал постепенно исчезать тот дух живой религиозной веры, который порожден был апостольскими трудами первых великих просветителей Казани. В это тяжелое время нарождавшейся смуты митрополит Ермоген заявил себя ревнителем Православия и народности.

По вступлении на кафедру митрополит Ермоген призывал новокрещеных инородцев в соборную церковь и поучал их, наставляя в жизни христианской. Но миссионерская деятельность архипастыря встречала настолько холодное и слепое равнодушие в казанских воеводах, что святитель вынужден был писать царю и патриарху об упадке миссии и слабости новокрещенцев в вере православной. Многие из новокрещеных татар и других инородцев, только видимым образом приняв христианство, в душе оставались магометанами. Живя среди татар, чувашей, черемис и вотяков, новообращенные вели прежний, не свойственный христианам образ жизни: они не ходили в храм Божий, не носили на себе крестов, не держали в домах чесных икон, не призывали к себе священников в дом, отцов духовных не имели, детей не

крестили, венчались по-татарски, даже и после венчания в церкви кроме жен держали наложниц, постов не соблюдали, «да и многие другие обычаи сохраняли бесстыдно и в христианстве не навывали». Наблюдая неверие новообращенных, татары не только не крестились, но прямо ругались над христианством; мало этого, многие и из русских, живя у зажиточных магометан, отпадали от Православия; другие, служившие у переселенных после Ливонской войны в Казанскую область немцев, добровольно или за деньги принимали то католичество, то протестантство, оставляя веру отцов своих. Причину таких печальных явлений святитель Ермоген видел, кроме соседственного общения новых христиан с неверными, в отсутствии нужного числа храмов, тогда как мечети ставились татарами даже вблизи Казанского посада – «всего как из лука стрельнуть», – чего не было прежде. В ответ на это донесение святителя Ермогена получена царская грамота (от 18 июля 1593 года) на имя казанских властей о выселении новокрещеных в новую слободу в Казани с наделением их землей из ближайших к Казани дворцовых земель, с запрещением строить мечети и с приказанием уничтожить построенные «по оплошке» светской власти. На будущее время татарам и немцам запрещено было держать у себя в услужении русских людей.

В тех же целях укрепления начал Православия в сознании пасомых и духовного объединения митрополии с коренными русскими областями святитель Ермоген извлекает из забвения память о мучениках, борцах и тружениках за веру православную и землю Русскую в Казанском крае.

9 января 1592 года святой Ермоген писал патриарху Иову, что в Казани доселе не совершается особого поминовения православных воевод и воинов, умерших на поле брани под Казанью и в пределах Казанских, «на костях которых встала христианская и русская Казань». Митрополит просил установить для их поминовения определенный день, чтобы по всей Казанской митрополии петь по ним панихиды и служить обедни. Вместе с тем святой Ермоген писал патриарху о забытых тех мучениках, принявших в Казани смерть за исповедание имени Христова. Святитель собирал о них сведения путем чтения

записей, существовавших до него в Казани, и путем опроса достоверных лиц; из этих мучеников один – Иоанн – был русский из Нижнего Новгорода, взятый в плен татарами, а двое – Стефан и Петр – из новообращенных татар. Святитель Ермоген скорбел, что эти мученики не вписаны в синодик, который читается в неделю Православия, и им не поется вечная память. Вскоре от патриарха Иова получена была святым Ермогеном ответная грамота. В ней патриарх благословлял по всем православным воинам, убитым под Казанью и в ее пределах, совершать панихиду по всей Казанской митрополии в первый субботний день после Покрова Пресвятой Богородицы и вписать их в большой синодик, читаемый в неделю Православия; в этот синодик патриарх приказал вписать и имена трех Казанских мучеников; день же поминовения их патриарх предоставил назначить самому митрополиту Ермогену. Объявляя патриарший указ по епархии, святитель Ермоген от себя лично предписал, чтобы литургии и панихиды по Казанским мученикам по всем церквям совершались 24 января – в день мученической кончины Иоанна.

В 1592 году митрополит Ермоген принимает деятельное участие в прославлении памяти своего учителя и просветителя Казани архиепископа Казанского Германа, который был силою взят (в 1566 г.) на московский митрополичий престол, потом навлек на себя несправедливый гнев Иоанна Васильевича Грозного и по его приказанию изгнан из митрополичьих палат: святой Герман скончался в Москве 6 ноября 1567 года во время моровой язвы и «погребен в чину святительском» у храма святого Николая Мокрого. Жители города Свияжска, в котором святой Герман подвизался до возведения в святительский сан и основал славный миссионерской деятельностью Успенский Богородичный монастырь, просили царя Феодора Иоанновича и патриарха Иова дозволить им перенести мощи архипастыря в свой город. Это ходатайство перед властями усиленно поддерживал святой Ермоген. Разрешение было дано, и по благословению патриарха митрополит Ермоген встречал мощи святого Германа в Свияжске, видел и осязал их, а затем «честно» предал погребению в Успенском монастыре. В 1595

году, во время перестройки Казанского Спасо-Преображенского монастыря, при копании рвов для закладки нового каменного храма обнаружены были гробы святителей Казанских: Гурия, первого архиепископа Казани, и Варсонофия. Придя со всем освященным собором, митрополит Еρμοген открыл сначала гроб святого Гурия, а потом – святого Варсонофия: тела угодников Божиих оказались нетленными. Святитель Еρμοген переложил мощи в ковчеги и поставил над землей для поклонения. При обретении мощей святых Гурия и Варсонофия митрополитом Еρμοгеном обретены были и потом снова преданы земле останки учеников святого Гурия иноков Ионы и Нектария, в миру бояр из фамилии Застолбских. По приказанию царя и благословению патриарха митрополитом Еρμοгеном было составлено житие Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев. Вероятно, тогда же святым Еρμοгеном составлена и служба на обретение мощей.

Останавливая для назидания внимание паствы на славных лицах и событиях из недавнего прошлого в церковной жизни Казанского края, митрополит Еρμοген усиленно строил храмы. Этим удовлетворял он острую нужду в храмах, которых было очень мало в недавно завоеванном крае, и сверх того стремился показать пасомым наглядным, осязательным образом силу и величие Православия.

Находясь в Москве для поставления в чин митрополита, святой Еρμοген лично ходатайствовал перед благочестивым царем Феодором Иоанновичем о том, чтобы на месте явления Казанской иконы Божией Матери устроить каменный храм, а честную икону достойно украсить. Горя духом теплой веры, царь пошел навстречу ходатайству. По его повелению в 1594 году, 14 апреля, был заложен «предивный каменный храм» в честь Пресвятой Богородицы, с двумя приделами – Успения Богоматери и святого Александра Невского. Храм был освящен 27 октября следующего (1595) года. Царь снабдил новый храм Казанской обители всем необходимым: книгами, ризами, местными иконами; среди последних выделялся образ «Деисус», обложенный серебром. Самая же явленная икона Владычицы была богато украшена из царских сокровищ

золотом, драгоценными камнями и крупным жемчугом. Из царской же казны выданы были деньги, хлеб и «все потребное» для шестидесяти инокинь-стариц обители. При содействии святителя Ермогена, по приказанию царя и благословению патриарха был воздвигнут величественный каменный храм в честь Преображения Господня в Спасо-Преображенском монастыре. В 1601 году митрополит Ермоген из архиерейских земель уступил городу Казани для расширения посада Забулачную слободу; находившихся в ней митрополичьих людей он переселил в деревню Кульмаметеву, преобразовав последнюю в село Архангельское. Святитель построил здесь храм во имя Архистратига Михаила; причем как самый храм, так и вся его утварь и все церковное строение, между прочим келлии для нищих, были созданы на средства митрополичьей казны. Святителем же Ермогеном был выстроен на окраине города, в Ягодной слободе, храм во имя святого Димитрия Солунского. Главный храм Казани в честь Благовещения Пресвятой Богородицы при митрополите Ермогене обогатился иконами «Деисуса», праздников и пророков; иконы эти были обложены серебром в «басму». Ко времени управления святителя Ермогена Казанской митрополией относят основание в Казани мужского (ныне женского) Феодоровского монастыря.

7 января 1598 года скончался царь Феодор Иоаннович, в лице которого сошел в могилу последний Рюрикович. Престол Российского государства занял (17 февраля) Борис Феодорович Годунов. С двумя архимандритами казанских монастырей митрополит Ермоген участвовал на Московском Соборе, избравшем на царство Бориса Годунова; участвовал он и во всенародном молении под Новодевичьим монастырем, когда население Москвы во главе с духовенством упрашивало Бориса, укрывшегося за стенами обители у овдовевшей сестры-царицы, не колебаться, но принять избрание на престол. О деятельности митрополита Ермогена за время царствования Бориса Годунова сохранилось очень немного известий, преимущественно говорящих о храмоздательных трудах Казанского первосвятителя.

13 апреля 1605 года умер с тревожными думами за государство и за свою семью царь Борис Годунов, а 20 июня того же года в Москву торжественно въехал как законный государь первый Лжедмитрий.

При самозванце митрополит Казанский Ермоген вместе с другим высшим духовенством был назначен в преобразованную по образу польской рады или сената боярскую думу, занимая второе место после патриарха и третье после царя. Здесь он вскоре показал себя мужественным защитником Церкви Православной. Тайный католик Лжедмитрий решил жениться на польке-католичке Марине Мнишек; он просил благословения венчаться с ней без принятия ею предварительно святого крещения по православному обряду, просил, кроме того, допустить устройство в Москве католических костелов. Эти заявления самозванца стояли в совершенном противоречии со взглядом Русской Церкви того времени на латинян, как «злых еретиков», которых принимать в лоно Православия можно только после перекрещивания. В своей архиерейской присяге русские святители давали клятву не допускать браков православных с латинянами и армянами. Несмотря на это, патриарх Игнатий, ставленник Лжедмитрия, дал беспрекословное согласие самозванцу, сказав: «На твоей воли буди, государь». Прочие власти молчали из-за боязни опалы. Тогда возвысил свой голос митрополит Казанский Ермоген. Поддерживаемый епископом Коломенским Иосифом и некоторыми протоиереями, он безбоязненно заявил самозванцу: «Непристойно христианскому царю жениться на некрещеной, вводить ее во святую церковь и строить римские костелы. Из прежних русских царей никто так не делал».

Самозванец возражал с гневом и угрозами, но митрополит Ермоген оставался непреклонен, заклиная Лжедмитрия оставить такие замыслы. За это, по одному известию, самозванец приказал не только сослать митрополита Ермогена в Казань, но «и сан святительский с него снять и в монастырь заточить».

Возможно, что в дальнейшем стойкого митрополита ожидали еще более сильные проявления опалы, вплоть до

насильственной смерти, если бы Лжедмитрий продолжал занимать престол Российского государства. Но 17 мая 1606 года Лжедмитрий был убит и московским царем становится главный виновник его свержения – князь Василий Иоаннович Шуйский. Вскоре и ставленник Лжедмитрия патриарх Игнатий был лишен собором иерархов святительства и как простой чернец отослан в Чудов монастырь под начало за то, что допустил Марину Мнишек к таинству причащения и таинству брака, не крестив ее по православному, а только миропомазав. Престол Всероссийского Патриарха становится праздным. И царь Василий возводит на него митрополита Казанского Ермогена, как страдальца за православную веру при самозванце-еретике. Но нет сомнения, что и выдающиеся личные качества митрополита Ермогена остановили на нем выбор царя.

Отзывы современников говорят о патриархе Ермогене как человеку выдающегося ума и начитанности: «государь велика разума и смысла и мудра ума», «чуден зело и многого рассуждения», «зело премудростию украшен и в книжном учении изящен», «о Божественных словесех присно упражняется и вся книги Ветхаго закона и Новыя благодати, и уставы церковные и правила законныя до конца извыче». Действительно, святитель Ермоген занимался в монастырских библиотеках и, между прочим, в богатейшей библиотеке Московского Чудова монастыря, записывал сам или приказывал записывать замечательные события и интересовавшие его устные предания. Помянутые уже творения святителя Ермогена, относящиеся к церковной жизни Казанского края, легли в основу летописных записей христианской Казани, положили начало ее письменной истории. Можно думать, что святой Ермоген и сам составлял летописи. В сочинениях святого Ермогена и его архипастырских грамотах встречаем ссылки на Священное Писание и примеры, взятые вообще из истории, что свидетельствует о начитанности святителя в тогдашней церковной письменности, обращавшейся на Руси. С этой начитанностью патриарх Ермоген соединял и выдающиеся способности проповедника и учителя. Даже люди, неблагоприятно настроенные к патриарху, признают, что он

«бысть словесен муж и хитроречив». К сожалению, проповедническим способностям патриарха не соответствовал его голос, несколько глухой и недостаточно сильный. Отзывы тех же современников столь же привлекательными чертами обрисовывают и нравственный облик патриарха Ермогена, как «мужа благочестиваго», «известнаго чистаго жития», «истиннаго пастыря стада Христова», «неложнаго стоятеля по вере христианской», «разумнаго и твердаго адаманта», «человеколюбиваго отца», «кроткаго Учителя-Христа кроткаго ученика».

Посвящение митрополита Казанского Ермогена в сан патриарха совершено было к Успенском соборе 3 июля 1603 года. Первенствовал при поставлении патриарха старейший среди русских иерархов Новгородский митрополит Исидор. Вместе с царем Василием он сидел на особо уготованном месте среди собора, когда святитель Ермоген читал перед ними «его рукою написанное исповедание православныя веры». В положенное время митрополит Исидор вручил патриарху посох святителя Петра, а царь подарил ему панагию, осыпанную драгоценными камнями, белый клобук и жезл. После литургии у царя был стол. Среди стола был перерыв, во время которого новопоставленный патриарх с воздвизальным крестом в руках совершил шествие на ослати «вокруг старого города». Во время этого шествия патриарх сошел на заранее уготованном месте с ослати, прочел молитву о благоденствии города, царя и царства, осенив затем честным крестом и покротив святой водой на все четыре стороны Руси Православной.

О чисто церковной деятельности святого Ермогена в сане патриарха сохранилось очень мало известий.

При нем начаты изданием и были отпечатаны Евангелие, «Месячные Минеи» за сентябрь (1607 г.), октябрь (1609 г.), ноябрь (1610 г.) и первые двадцать дней декабря, напечатан «Большой церковный устав» (1610 г.). При этом святой Ермоген не ограничивался только тем, что благословлял печатать книги, но и «свидетельствовал печатные переводы», т. е. наблюдал за исправностью их текста. По указанию святителя Ермогена переведена с греческого на русский язык полная служба

апостолу Андрею Первозванному и восстановлено торжественное празднование его памяти в Успенском соборе. По ходатайству патриарха царь Василий сделал новую «штанбу» для печатания богослужебных книг и новый «превеликий дом» для типографии, но все это сгорело во время страшного пожара 1611 года, когда Москва была подожжена поляками. Теми же заботами о соблюдении богослужебного чина вызвано и «Послание наказательно» патриарха Ермогена «ко всем людям, паче же к священникам и диаконам о исправлении церковного пения». Послание обличает священников в неуставном совершении церковных служб, в так называемом «многогласии», а мирян – в попустительстве неисправностям духовенства и даже поощрении такого невнимательного, неблагоговейного отношения к богослужению в храме. И в сане первосвятителя в Церкви Русской патриарх Ермоген не оставлял трудов литературных; он написал «Краткое слово» об обретении «чесных и многоцелебных мощей во святых отца нашего Алексия, митрополита Киевского и всея России чудотворца». Наконец сохранились, правда очень скудные, известия о борьбе патриарха с латинством.

Но от трудов по благоустройству Церкви патриарх принужден был оторваться, чтобы выступить на борьбу со смутой, всколыхнувшей сверху донизу землю Русскую. Святому Ермогену выпала тяжелая доля разделять время правления с царем Василием, который, по выражению современников, «за все время царствования не видал ни одного счастливого дня». Выкрикнутый кучкою своих доброхотов в цари, Василий Шуйский захватил престол, не дожидаясь земского собора; поэтому между ним и народом не существовало той нравственной связи, которая одна только в состоянии сообщить власти несокрушимую силу. Двусмысленное отношение Шуйского к убиению царевича Димитрия и к самозванцу, когда он открыто выступал перед народом с противоречивыми утверждениями, тоже не могло возбудить доверия к царю Василию – человеку двоедушному, лицемерному и не столько умному, сколько хитрому. Но при всех своих личных недостатках, которые, конечно, не укрывались от зоркого взгляда святого Ермогена,

царь Василий Шуйский был законный царь; поэтому патриарх Ермоген, вообще видя в царской власти проявление власти Божией, а в царе – Божия ставленника, поддерживал на царском престоле и Василия Шуйского всей силой архипастырского влияния, желая в то же время, как страж совести пасомых, уберечь и народ от страшного греха клятвопреступления государю.

Еще не успели убрать с Красной площади труп самозванца, как разнесся слух в самой Москве, что убит не Димитрий, а кто-то другой. Слух этот сразу пошатнул положение царя Василия, вызвав смуту, а с ней и мятеж против Шуйского в городах Северной Украйны. Святитель Ермоген послал к мятежникам митрополита Крутицкого Пафнутия с архимандритами и игуменами, призывая крамольников прекратить мятеж и измену. К этим устным увещаниям присоединялись послания от «священнаго чина». Но призыв первосвященника не находил нужного отклика в смятенных умах и сердцах. Восстание, руководимое князем Шаховским и Иваном Болотниковым, все более разгоралось, охватывая новые области. 20 октября 1606 года дружины Болотникова в соединении с рязанскими и тульскими остановились в подмосковном селе Коломенском, чтобы бить и грабить купцов и бояр. Тогда святой Ермоген по случаю видения одному духовному мужу установил с 14 по 19 октября пост и благословил петь просительные молебны, да отвратит Господь Свой праведный гнев от православных христиан, да укротит Он, Милосердный, междоусобную брань, ниспослав мир и безмятежие на землю Русскую. Народ, во главе с царем и патриархом, с плачем и рыданием взывал к Господу во время этих молебствий. И Господь внял усердной покаянной молитве: по Ярославской дороге, свободной от болотниковских шаек, которые не могли завладеть всеми дорогами, ведшими к Москве, в столицу двинулись из Смоленска, Двины и Холмогор 200 стрельцов. Этот в сущности незначительный отряд был принят «ворами» за «великую силу» тысяч в пять и больше: разбойники оробели и сократили свои нападения, а 15 ноября на сторону царя Василия перешли из Коломенского от Болотникова рязанцы. В то же время святой

Ермоген рассылал по городам грамоты, в которых, изобразив злые дела мятежников, призывал народ стоять за Василия Шуйского, «царя благочестиваго и поборателя по православной вере», которому целовала крест вся Русская земля.

Призывая русский народ к единению в духе мира и любви, святой Ермоген при этом хорошо понимал, что такой подвиг будет его пастве не по силам до тех пор, пока она не очистит свою совесть, запятнанную клятвопреступлением, признав в Лжедмитрии истинного царя. Русский народ тем самым нарушил присягу царю Борису и потом сыну его Феодору. Необходимо было разрешить совесть народную от такого греха, но это мог сделать только связавший русских людей клятвою патриарх Иов, живший на покое в Старицком монастыре. Решив даровать русскому народу торжественное церковное прощение в нарушении прежних крестоцелований, святой Ермоген вызывает для этого престарелого Иова из Старицы в Москву. Он отправляет к нему торжественное посольство с грамотой, в которой молит «его святейшество учинить подвиг – приехать в Москву – для великаго государева и земскаго дела». 14 февраля патриарх Иов прибыл в Москву и остановился на Троицком подворье. Через день на совещании обоих патриархов был избран день для общенародного моления Господу о прощении грехов клятвопреступления и было постановлено составить прощальную, разрешительную грамоту. После совещания святой Ермоген оповестил жителей Москвы, призывая их в большой Успенский собор 20 февраля в девятом часу утра. В назначенный день в Успенский собор стеклось множество народа, так что храм не мог вместить всех пришедших и многие стояли вне его. Сюда же прибыли и патриархи Иов и Ермоген со святителями и духовенством. Иов в бедной ризе простого инока стал у патриаршего места, а святой Ермоген, совершив молебное пение, стал на патриаршем месте. Тогда народ, наполнявший храм, с плачем и воплями обратился к Иову с челобитной о том, чтобы первосвятитель простил и разрешил все измены по отношению к царю Борису и сыну его Феодору не только жителям Москвы, но и всей России, даже и скончавшимся; об этом царь и народ молили именно

Иова, потому что «от святыни его связаны были и от его святыни хотели и разрешиться». После этой челобитной, прочтенной с амвона архиdiaконом, была оглашена разрешительная грамота от имени патриарха Иова, Ермогена и всего освященного Собора. Народ не мог от умиления сдержатъ невольных рыданий и обращался к Иову со слезными воплями: «Прости, прости нас и дай благословение!» Иов простил, предупреждая от нового великого греха клятвопреступления: «Чада духовные! Впредь молю вас... таковая не творити, еже крестное целование в чем преступати».

Но и духовный подъем, проявленный Москвою 20 февраля в Успенском соборе, не положил конца изменам Шуйскому. Спустя два месяца 15 тыс. царских воинов перешли под Калугой на сторону Болотникова. Царь Василий, посоветовавшись с патриархом и боярами, выступил, напутствуемый молитвами Церкви, против мятежников с оружием. Болотникова и его соумышленников патриарх Ермоген предал проклятию. Передовые отряды Шуйского одержали победу над мятежниками при реке Восми (в 17 верстах от Каширы); святой Ермоген не замедлил разослать по церквам известительные грамоты, приказывая петь благодарственные молебны. В октябре 1607 года многочисленным войском московского царя была взята Тула. Но это мало отразилось на городах Северской Украйны, где продолжала гнездиться смута и где появился даже второй самозванец. Царь Василий, однако, не считал нужным продолжение военных действий для окончательного подавления мятежа, хотя патриарх Ермоген, хорошо понимавший истинное положение дел, советовал царю из-под Тулы идти немедленно в Северский край. Но Шуйский не внял советам дальновидного патриарха: царское войско разошлось по домам, а «врагом тогда рука и возвысися». Вследствие такой неразумной бездеятельности Шуйского успехи мятежного движения в Украинных городах все более и более увеличивались, так что второй самозванец, опираясь на польско-шляхетскую и казацкую вольницу, утвердился в подмосковном селе Тушине. Царь Василий решил тогда обратиться за военной помощью к шведскому королю Карлу IV.

Патриарх Ермоген восставал против призыва в Русские пределы шведских войск, уговаривая защищаться народными силами; но союз со шведами все-таки был заключен и впоследствии послужил одним из главных поводов вторжения польского короля Сигизмунда в Русскую землю. Так, по словам одного современника, «видел добрый пастырь царя малодушествующего, много пользовал его от своего искусства и не имел успеха».

Растлевающий дух измены усилился влиянием соседнего Тушина. «Не только в простых людях, – говорит об описываемом времени житие сподвижника святого Ермогена преподобного Дионисия, – но и во многих князьях и боярах была большая расшатанность, и разделились как чернь, так и знать надвое: один брат в Москве с царем Василием в осаде, а другой в Тушине с Вором; или часто отец в Москве, а сын в Тушине. И таким образом сходились ежедневно на битву сын против отца и брат против брата». «Расшатанность» не осталась без печального воздействия и на многих представителей духовенства. «Тогда, – сообщает один памятник, – возбесишася многие церковницы, чтецы и певцы, священники и диаконы и иноцы мнози», радуясь «всякому злодейству». Против «крамольников священнаго чина», прельстившихся вместе с мирянами, патриарх Ермоген принимает ряд мер: одних он старался отвлечь от зла поучениями и просьбами, других – временным церковным запрещением, наиболее же упорных и «скверных кровопролитников» патриарх подвергал проклятию, чем многих удерживал и отвращал от измены. Но «кающихся истинно» святой Ермоген принимал с любовью, прощал их, «многих от смерти избавлял ходатайством своим».

Проживая в Тушине и не будучи в состоянии овладеть Москвою, Тушинский Вор посылал из-под Москвы свои отряды в различные места, «подводя под свою воровскую руку самую сердцевину Московского государства, междуречье Оки и Волги. Один из таких отрядов, представлявший собою сбродное войско из поляков, казаков и русских изменников, численностью, однако, почти в 30 тысяч и под начальством

самого способного польско-литовского полководца Яна Сапеги осадил 23 сентября 1608 года Троице-Сергиев монастырь. Осажденные неотступно просили царя Василия о помощи. Наконец патриарх Ермоген указал царю на необходимость поддержки монастыря не только как народной святыни, но и потому еще, что со взятием обители «весь предел Российский до океана моря погибнет, крайняя теснота будет и царствующему граду». В Троицкую обитель, чудесно защищаемую молитвами преподобных Сергия и Никона, была послана некоторая помощь.

Между тем в Москве, лишенной подвоза хлеба, начался голод. Пользуясь стесненным положением жителей, торговцы хлебом повысили цены до необычайных размеров, до семи рублей за четверть. От этого, конечно, прежде всего и сильнее всех страдали бедняки. Печалуясь за бедных, святой Ермоген созвал в Успенский собор бояр и купцов и здесь заклинал их понизить цены из сострадания к несчастным беднякам. Но сердце последних оказалось глухо к милосердному призыву архипастыря. Тогда святой Ермоген приказал вывезти на рынок троицкий хлеб, находившийся в амбарах при Богоявленском монастыре, и продавать его по умеренным ценам.

Голод и подметные письма тушинцев, призывавших москвичей к свержению Шуйского, начали возбуждать в Москве волнения среди нижних слоев населения. На площадях стали собираться толпы недовольных царем, кричавших о последнем, что он «муж крови есть». Святой Ермоген, обычно сопровождаемый своим сподвижником старицким архимандритом Дионисием, выходил на такие «всемирные собрания»; он старался успокоить волновавшийся народ, нередко подвергаясь оскорблениям как защитник нелюбимого царя. Среди служилых людей образовался даже заговор свергнуть Василия Шуйского. 25 февраля 1609 г., в Сыропустную субботу, заговорщики, числом до 300, явились в боярскую думу, требуя низложения царя Василия. Получив отказ от заседавших в думе бояр, мятежники направились в Успенский собор, где находился патриарх Ермоген, и насильно повели святителя на Лобное место. Дорогой крамольники

бранили патриарха, толкали его сзади, бросали в лицо песок и нечистоты, хватали за грудь. Набатным звоном собрали на Красную площадь много народа; прибыли и некоторые бояре, за которыми отправляли нарочных. Зачинщики мятежа стали кричать, что Шуйский самочинно, без согласия всей земли захватил власть, что он виновник всех несчастий России, как человек непотребный и нечестивый, и поэтому его должно свергнуть с престола. «Он тайно избивает, – кричали мятежники на увещания святого Ермогена, – нашу братию дворян и детей боярских с женами и детьми. Таких погибло 200 человек. Вот и теперь царь приказал посадить в воду некоторых из наших». Святитель Ермоген спросил: «Кто же и когда погиб? Почему мы ничего не знаем об этом?» «Мы послали воротить их, уж сами увидите», – кричали заговорщики и начали читать грамоту, написанную всему миру от тушинцев. «Царь Василий, – гласила грамота, – избран одной Москвой, а иные города того не ведают, не люб он нам, хотим выбрать другого царя». Святой Ермоген на это возразил: «До сих пор Москве ни Новгород, ни Казань, ни Астрахань, ни Псков и ни которые города не указывали, а указывала Москва всем городам. Царь Шуйский избран и поставлен Богом и всеми русскими властями, и московскими боярами, и вами дворянами, и всеми православными христианами. Крест ему, государю, целовала вся земля, присягала добра ему хотеть и лиха не мыслить, и вы забыли крестное целование, немногими людьми восстали на царя, хотите его без вины с царства свести, чего мир не хочет и не ведает, да и мы в ваш совет не пристанем. А если вы говорите, что через царя кровь льется и земля не умирается, то это делается по воле Божией, а не царя хотением, (и делается) вашего ради народного нестроения и междоусобия».

Увещания святителя подействовали на народ, который не присоединился к заговорщикам. Видя неудачу, мятежники бежали в Тушино. По словам патриарха, они «ударилась, как волны о камень, и рассыпались, и, как бурю, Господь рассеял их гневом Своим». В стан Вора к русским его сторонникам, усиленным недавними беглецами, патриархом Ермогеном посланы были одна за другой две грамоты: в трогательных

увещаниях первосвященник убеждал отстать от смуты, губящей отечество, доказывая, что измена законному царю Василию есть измена вере, отступление от Самого Бога и приобщение к вечному врагу человеческого рода сатане. «Не достает слов, – пишет патриарх, – болит душа, болит сердце, все внутренности мои расторгаются... плачу и с рыданием вопию: помилуйте, помилуйте свои души и души своих родителей, жен, чад, сродников, восстаньте, вразумитесь и возвратитесь! Вспомните, на кого воздвигли оружие? Не на Бога ли и на святых Его? Не на свое ли отечество, ныне вами попираемое? Вы оставили веру, в которой родились, крестились, воспитались, в которой были крепче всех народов, а ныне явились безумнее всех... Забыв страх Божий, полезные дела своих государей, разоряете церкви, ругаетесь над святыми иконами, проливаете родную кровь, землю обращаете в пустыню. Мое слово не ко всем; некоторые из вас, как Филарет, – мученики, за которых мы должны молиться; мое слово к клятвопреступникам... Бога ради сознайте свои вины и обратитесь. Вспоминайте своих отцов, которые не только не пускали врагов в Московское царство, но, подобно орлам острозрящим и быстролетным, на крыльях своих парили в далекие страны и все покоряли царям. Ревнуйте отцам своим и возвращайтесь к нам. Не будем вас порицать и примем с радостью».

Недовольство царем Василием, несмотря на защиту патриарха, росло с каждым днем. Недостаток хлеба, приостановка торговли и промыслов все более и более отягощали жизнь в Москве. «С криком и воплем» толпы недовольных врывались время от времени в Кремль, жалуясь на свое положение. «Чего нам дожидаться, – говорили они, – промыслов нет, хлеб дорогой, ничего негде взять и купить нечем... Приходить помирать голодной смертью». Гнев толпы иногда принимал такие размеры, что даже мужественное сердце святого Ермогена сжималось страхом. Но, верный своему долгу, он подавлял в себе естественную немощь и продолжал увещевать народ. «Имейте, – говорил он, – добрую совесть, стремитесь к согласной жизни и получите мир от злобы своей». Невыносимая печаль охватывала при этом душу святителя, и из

глаз его лились столь обильные слезы, что орошали не только его ланиты, но и одежду. Однако доведенный до отчаяния народ с каждым разом становился все менее и менее отзывчив на уговоры архипастыря; все чаще стали раздаваться возражения на речи святителя; многие не только не стыдились старости его, «но нечто и неправо нань помышляше».

Одно время положение Шуйского будто стало улучшаться. Славный племянник царя Скопин-Шуйский с помощью шведских наемных войск очищал от воровских шаек северные области государства. Снята была осада с Троицкой обители, отразившей врага не столько помощью человеческой, сколько Божией. Тушинский Вор, оставленный польскими и литовскими сторонниками, бежал в Калугу. Общее благоприятное положение дел омрачилось выступлением нового врага – польского короля Сигмунда III, осадившего Смоленск. Но русские люди надеялись, что их любимец и надежда – молодой талантливый воевода Скопин-Шуйский – справится с поляками. Неожиданная и загадочная смерть народного героя, а также полное поражение русских войск, шедших на освобождение Смоленска, под Клушиным (в конце июня 1610 года) уничтожили все надежды. Москве грозила новая тяжелая осада: с одной стороны приближалось польское войско, а с другой опять появился Вор со своими шайками. 17 июля 1610 года в Москве поднялся открытый бунт против «несчастливого» царя Василия. Предводительствуемые рязанскими Ляпуновыми дворяне и дети боярские подняли в Кремле крики, «чтобы царя Василия лишить царства». Беснуясь как одержимые, заговорщики насильно повлекли патриарха Ермогена и бояр на поле к Серпуховским воротам. Собравшаяся здесь многолюдная толпа в один голос кричала: «Да сведен будет с царства Василий!» Со слезами, но безуспешно пытался святитель образумить толпу; видя свое бессилие, он удалился в город с плачем. Затем, несмотря на протест патриарха, угрожавшего новыми и более сильными карами Божиими, Шуйского насильно постригли в монахи. Святому Ермогену в виде утешения осталась надежда на лучшее будущее. «Аще Владыка мой Христос, – говорил патриарх, – на престоле

владычества моего укрепит мя, совлеку его (Василия Шуйского) от риз и от иночества свободжу его». Такое отношение патриарха к пострижению царя Василия заставило врагов последнего отправить Шуйского в Иосифов Волоколамский монастырь.

По низложению царя Василия святой Ермоген становится «начальным человеком» всей Русской земли. Это высокое положение святитель оправдал своей деятельностью, проявив мужественную стойкость на тревожной и полной горьких испытаний страже Православия и русской народности; на этой страже он и умер, приняв мученическую кончину за Русь Православную. Но, по слову евангельскому, смерть его явилась тем зерном, из которого выросла новая Русь, сохранившая и свой народный облик и свою, завещанную отцами, «веру правую».

Святой Ермоген хорошо сознавал, что правительство Шуйского при всех своих недостатках, как ни как, а было олицетворением, хотя и плохого, но все же государственного порядка. Он предвидел, что с падением царя Василия смута только усилится. Так это и случилось. Временное московское правительство во главе с семибоярщиной было принуждено делать выбор между требованиями короля Сигизмунда и требованиями Вора. Порешили избрать на московский престол сына Сигизмунда – польского королевича Владислава. Патриарх Ермоген сильно противился этому избранию, настаивая, чтобы, если уж нельзя возвратить престол Василию Шуйскому, избран был православный царь из русских; он указывал и желательных лиц: князя Василия Васильевича Голицына или же четырнадцатилетнего Михаила Феодоровича Романова, сына Ростовского митрополита Филарета Никитича. Отголосок увещаний патриарха находим в русских летописных известиях, которые влагают в уста святителя такую речь: «Что всуе мятетесь и вверяете души свои поганым полякам? Разве вы не знаете, что издавна наша христианская греческая вера ненавидима в странах иноплеменных – как же мы примиримся с иноплеменниками?»

Предостерегая от присяги Владиславу и от неразумного доверия Польше, святитель напоминал о злодеяниях поляков при первом самозванце, ссылаясь и на пример Карла Великого, после завоевания одной только итальянской области (Ломбардии) короновавшегося уже римским императором. Но знатное боярство в это время больше всего боялось, как бы престол не занял пользовавшийся большой любовью московской черни Вор, который был врагом московского общественного порядка и бояр. Чтобы избежать такой развязки дела, бояре, пользуясь властью, призывают к Москве польского гетмана Жолкевского, стоявшего с войском в Можайске, который и идет, по его собственному выражению, «освобождать Москву от Вора». Приблизившись к Москве, Жолкевский начинает дело об избрании Владислава в цари. Страх перед тушинским «царьком» и польской военной силой решили вопрос. Патриарх Ермоген должен был уступить и сказал боярам: «Если королевич крестится и будет в православной вере, то я благословлю; если же не оставит латинской ереси, то от него во всем Московском государстве будет нарушена православная вера и да не будет на вас нашего благословения».

После долгих, не менее месяца, переговоров с Жолкевским был заключен договор, в котором утверждалось, что православная вера в России остается неприкосновенной, что государь Владислав примет греческую веру; последнее, впрочем, выражалось в договоре скорее как желание, но народу было объявлено, что Владислав примет Православие; в вопросе о государственном управлении договор заботился об укреплении и охране прежнего политического порядка от возможных нарушений со стороны власти, не привыкшей к московским порядкам. 27 августа жители Москвы целовали крест новоизбранному государю на Девичьем поле, а на другой день в Успенском соборе в присутствии патриарха. Здесь к патриарху, стоявшему со всем освященным собором, подошли за благословением тайные сторонники Сигизмунда и творцы договора: боярин Михаил Салтыков да князь Василий Мосальский с товарищами. Святитель дал им благословение

условно, сказав: «Если в вашем намерении нет лести и в ваших замыслах не будет нарушения православной вере и разорения Московскому государству, то пусть на вас будет от Вселенской Церкви, всего Собора православной веры, четырех патриархов и от нашего смирения благословение; иначе пусть ляжет на вас клятва от Вселенской Церкви и от нашего смирения, а вы будете лишены милости Бога и Пресвятой Богородицы и примите место от Него наравне с еретиками и богоотступниками».

Салтыков, заплакав притворными слезами, ответил патриарху, что в нем нет лукавства. Святитель смягчился, благословил его и товарищей. Но когда в числе других бояр подошел убийца Феодора Борисовича Годунова Михаил Молчанов, после смерти первого Лжедмитрия некоторое время называвшийся именем последнего, святитель «повелел его с бесчестьем выбить из церкви».

По заключении договора и принесении присяги Жолкевский прогнал Вора из Москвы, который и убежал опять в Калугу. Все-таки бояре опасались в Москве бунта в пользу Вора и поэтому согласились на убеждения Жолкевского впустить в столицу польское войско. Святой Ермоген всеми силами противодействовал этому пагубному решению. 10 октября патриарх собрал «великое множество людей», преимущественно из дворян и служилых людей. На это собрание, после троекратного приглашения со стороны святителя, явились и бояре. Здесь два часа они защищали свое решение открыть ворота столицы для польского войска.

«Видишь ты и сам, – говорил боярин Иоанн Романов святителю Ермогену, – какова в людях в Москве смута: нам надо свои головы от Вора оберегать и воинских людей польских и литовских для бережения в столицу впустить. Если на это не согласишься, то знай: сделается в столице какое-либо зло от Вора, то в этом мы не будем виноваты, наши души будут чисты и пред Богом и пред государством. Если гетман (Жолкевский) прочь пойдет от столицы, то и мы с ним, а своих голов не желаем отдавать Вору».

Скрепя сердце, святитель вынужден был уступить. Бесплодны были и слезные мольбы патриарха не отсылать Шуйских к польскому королю – он ничего не достиг, только «много бесчестия принял от изменников и поляков».

Договор об избрании Владислава был отправлен на утверждение Сигизмунда с «великим посольством» более чем из тысячи человек. Во главе посольства, составлявшего часть Земского собора, избравшего Владислава, стояли митрополит Ростовский Филарет и князь Василий Васильевич Голицын. Послам дан был наказ просить у Сигизмунда сына на царство с тем непременно условием, чтобы королевич крестился в Смоленске от митрополита Филарета и Смоленского архиепископа Сергия и таким образом прибыл в Москву уже православным. Святой Ермоген заботился, чтобы послами были избраны «люди разумные и крепкие», которые бы «стояли за православную веру непоколебимо». Благословляя послов в путь, патриарх взял с них клятву не прельщаться льстивыми словами, «не изменять русскому делу». Кроме того, святитель дал митрополиту Филарету «писание, избрав от правил святых апостол и святых отцов на укрепление (послам) и против еретиков различных многих еретических вер ответ, чего ради крестити их». От имени своего народа русский патриарх Ермоген отправил с послами грамоту Сигизмунду, в которой просил короля: «Даруй нам государя, соблюдающего заповеди Божии; даруй нам царя, которым бы вера христианская не разорялась; даруй нам царя, с верою принимающего святое крещение». В другой грамоте, адресованной самому Владиславу, патриарх умолял о том же королевича: «Будь второй Владимир, – убеждает Владислава святитель, – возлюби веру, которую Бог любит... Не противься, государь, суду Божию и нашему молению: со всякой тихостью, кротостью и смирением приими святое крещение и насладись его плодами. Смилуйся и к нам всем, облекись в новые нетленные ризы, в порфиру веселия и венец благоверия». Патриарх указывал Владиславу, что благодаря его крещению успокоится от мятежа Русская земля, перестанет литься кровь христианская: «Твоим крещением Московское великое государство престанет от

смятения и тишину примет; твоим крещением кровь христианская перестанет проливаться; твоим крещением возобновятся разоренные храмы и о тебе начнет воссылаться приносимая за тебя Богу Бескровная Жертва; твоим крещением запустошенные города и села и дома начнут отстраиваться и православные христиане перестанут плакать. Крестившись, Владислав прославится наравне с древними великими царями, его крещение будет в истории «всем сладчайшая повесть и слуха наслаждение».

Присяга Владиславу и «великое посольство» к королю Сигизмунду не умиротворили земли, раздираемой смутой. Москве по-прежнему угрожал Вор, а оставленный Жолкевским в Московском Кремле под начальством Гонсевского отряд польских войск мало-помалу стал хозяйничать в столице как в завоеванном городе: поляки не стеснялись оскорбить даже русскую святыню. Сигизмунд стоял под Смоленском, требуя его сдачи как древней собственности Литвы. «Великое посольство», явившееся под Смоленском, ничего не достигло: выяснилось, что Сигизмунд не согласен на принятие королевичем Православия и сам желает стать царем московским, конечно, не изменяя католицизму, которого он был усердным слугой. В Москве образуется двойное правительство – военно-польское и русско-боярское, состоявшее из «изменников бояр», предавшихся польскому королю. Это временное правительство, прикрывавшееся именем Владислава, в действительности получало указания от Сигизмунда и литовского канцлера Сапеги. Неудивительно поэтому, что Сигизмунд держал себя государем по отношению к русским людям: обратившихся к нему из Москвы сторонников он щедро награждал поместьями и вотчинами, как бы уже считая Русскую землю своею страной. В самом посольстве среди его членов сумели создать раскол: некоторые из участников посольства предали Сигизмунду и таких отправляли в Москву, чтобы усилить там польскую партию. Но зато другие из членов посольства во главе с митрополитом Филаретом и князем Голицыным своей стойкостью искупили вины мятущихся собратий: они усиленно просили короля согласиться на предложенные в договоре

условия, не считая возможным отступить от них. Тяжким пленом Сигизмунд хотел сломить благородную стойкость самоотверженно защищавших свою веру и народность.

Видя, что поляки не соглашаются ни на одну статью договора, а только требуют сдачи Смоленска, героически защищаемого воеводой Шеиным, послы настаивали, чтобы им разрешили отправить в Москву гонца за советом, как быть со Смоленском. После долгих проволочек разрешение было дано. Когда гонец из-под Смоленска прибыл в Москву с письмом послов, спрашивавших: как поступить с требованиями короля, то бояре-изменники решили отвечать послам в том смысле, что надо предаться во всем на волю короля. Но против такого ответа со всей решительностью восстал святой Ермоген, в ту трудную минуту покинутый даже епископами, которые тоже предалися полякам. В это время, по отзыву современника, в Москве «всеми овладела польская партия, многих маловременным богатством и славой прельстила, иных закармила и везде поставила своих слуг и доброхотов». У Русской Церкви и у русского народа остался «один только крепкий заступник, стена и забрало – великий святитель патриарх» Ермоген, возложивший всю свою надежду на Бога, Его Пречистую Матерь и великих чудотворцев. 30 ноября 1610 года к патриарху Ермогену пришли Салтыков и Андронов и стали говорить святителю, что надо Сигизмунду и митрополиту Филарету послать грамоты о том, что русские люди вполне отдаются в волю короля. Зная намерения изменников, патриарх не дал им своего согласия. На другой день бояре во главе с Мстиславским пришли к святителю с требованием подписать уже составленную и подписанную ими грамоту о том, чтобы митрополит Филарет с другими послами из Москвы во всем предался на волю короля. Но патриарх отвечал: «Пусть король даст своего сына на Московское государство и выведет всех своих людей из Москвы; пусть королевич примет греческую веру. Если вы напишете такое письмо, то я к нему руку приложу и вас благословлю на то же, а чтобы так писать, что нам всем положиться на королевскую волю, – я и сам того не сделаю и другим повелеваю не делать, и если меня не послушаете, то

положу на вас клятву. Явное дело, что после такого письма придется нам крест целовать королю... Я буду писать к городам: если королевич воцарится да веры единой с нами не примет и людей королевских не выведет из города, то я всех тех, которые ему крест уже целовали, благословлю идти на Москву и страдать до смерти».

В ответ на эти слова святителя один из главарей польской партии Михаил Салтыков начал поносить патриарха самой непристойной бранью и даже замахнулся на него ножом. Но мужественный первосвятитель безбоязненно отвечал «велиим гласом»: «Не боюсь твоего ножа, вооружаюсь против него силою святого креста; ты же будь проклят и со всем своим сонмом и в сем веке, и в будущем, и с тем, кого желаешь» (т. е. польским королем).

При этом патриарх заявил, что не только Сигизмунд не надобен России, но и его отрасль (т. е. Владислав), «аще не приидет в наше хотение». С наклоненной от стыда головой ушел Салтыков от патриарха; с ним ушли и остальные бояре. Затем, одумавшись и испугавшись того неблагоприятного для него впечатления, какое произведет слух о ссоре с патриархом в народе, Салтыков вернулся и испросил прощение у святителя.

На следующий день, 2 декабря, несмотря на противодействие поляков, патриарх собрал в Успенском соборе представителей московского посадского мира; святитель убеждал их не присягать польскому королю, обличал изменников, указывая на необходимость защиты православной веры и прося об этом сообщать в города. И те, согласно увещанию патриарха, постановили, что им королю «крест не целовать».

Но бояре не послушали патриарха и отправили без его подписи грамоту послам, которая была привезена под Смоленск 23 декабря 1610 года. Однако послы отказались повиноваться изложенному в грамоте приказанию поступать по воле короля: грамота не имела подписи патриарха и всего освященного собора и поэтому не выражала согласия всей земли. «Согласиться с такой грамотой, – говорили послы, –

значит навлечь на себя проклятие патриарха и презрение всей Русской земли». На состоявшемся затем совещании послов с панами, требовавшими исполнения присланной от бояр грамоты, князь Голицын (митрополит Филарет отсутствовал) заявил: «Мы посланы не от одних бояр, но от патриарха и от чинов всей земли, поэтому отвечать должны перед патриархом и землею. Между тем от патриарха и собора грамоты нам нет и согласиться мы не можем. Ныне по грехам нашим мы стали без государя, а патриарх у нас человек начальный и без патриарха ныне о таком деле советовать не пригоже».

В таком же совещании на следующий день митрополит Филарет заявил Жолкевскому, что он вполне разделяет вчерашние речи князя Голицына.

Так силою обстоятельств святой Ермоген становится во главе движения, поднявшегося на защиту Православия и русской народности. Патриарх начинает неустанно разъяснять народу, что присяга королевичу Владиславу только тогда имеет законную силу, если королевич крестится в православную веру и если литовские люди выйдут из пределов Московского государства. В то же время в проповедях он обличал вероучение латинян, как еретическое, привлекая к этой борьбе с латинством способных лиц из среды духовенства.

Но с вооруженным врагом нельзя было бороться одним только словом. Для избавления Русской земли необходимо было действовать оружием. Это хорошо сознавали как патриарх Ермоген, так и другие московские люди. В «Новой повести», составленной в конце декабря 1610 или в начале 1611 гг., читаем горячий призыв к вооруженному восстанию. «Что стали? Что оплошали? – обращается составитель повести к москвичам. – Или того ожидаете, чтобы вам сам великий тот столп святыми своими усты изрек и повелел бы вам на враги дерзнути и кровопролитие воздвигнути? Но этого, поясняет повесть, патриарху не дозволяет его сан. Его мысль та, «чтобы не от него зачалось, а им бы добро сотворилось», «его крепким стоянием и молитвою», а народным «ополчением и дерзновением на врага». И на освободителей Родины оружием от патриарха не будет «клятва и прещение», но «веле

благословение». Подобные же мысли, кроме Москвы, назревали и в других городах Русской земли: почувствовав над собою чужую руку, русские люди начали отрезвляться от собственной смуты. Нравственно возрождавшемуся народу нужна была личность, около которой бы можно было сплотиться и объединиться в борьбе с врагом во имя спасения родной веры и родной земли. Такой личностью явился патриарх Ермоген. Он решил откровенно обратиться к Русской земле, рассылая по городам грамоты, в которых разрешал народ от присяги Владиславу и просил города, не мешкая, собравшись, идти по зимнему пути к Москве на литовских людей. Время, избранное для этого патриархом Ермогеном, падает на декабрь 1610 года, когда был убит Вор. Смерть последнего обессиливала действовавшие под его именем казацкие шайки, а главное – благодаря ей русские люди получили больше возможности соединиться для отпора Сигизмунду: многие подчинялись польскому королю, чтобы не подпасть только под власть Вора. В то же время и русские послы рассылали из-под Смоленска грамоты, в которых вскрывали истинные намерения польского короля. Таким образом, грамоты, посланные святым Ермогеном в Переяславль Рязанский, Муром, Нижний Новгород и другие города, упали на подготовленную почву и произвели необычайно сильное впечатление. Города пересылаются друг с другом посланиями, призывая друг друга стоять «за православную христианскую веру, и за святые Божии церкви, и за Пречистая Богородицы Дом, и за Московское государство, на разорителей веры христианской, на богоотступников и на польских, и на литовских людей».

Имя святого Ермогена окружается ореолом «нового исповедника» за православную веру, «второго великого Златоуста». По благословию его пишутся грамоты и простые «подорожные». Предпринимается поход против поляков «на вечное благословение» от Святейшего Патриарха Ермогена и от всего освященного «христианского рода». «А кто умрет, – писалось в грамотах, – будут новые страстотерпцы». Проснулись великие и несокрушимые силы народные – любовь к Церкви Православной и родной земле. И в начале 1611 года

ополчения из разных городов под предводительством рязанского воеводы Прокопия Ляпунова стали стягиваться к Москве для очищения ее от поляков. Сила народного пробуждения была настолько велика, что покорила и тушинское казачество. Последнее тоже двигалось на освобождение Москвы под начальством тушинских бояр, князя Дмитрия Трубецкого и Заруцкого. От поляков, конечно, не могло укрыться ни само движение, ни значение в нем патриарха. По настоянию их военачальников некоторые бояре пришли к патриарху с требованием вернуть назад созданные им ополчения. Требование высказал «всея злобы начальник» Михаил Салтыков.

«Ты писал к ним, – с гневом обратился Салтыков к патриарху, – чтобы они шли под Москву, теперь пиши, чтобы они вернулись». «Я к ним стану писать, – отвечал патриарх, – ежели ты, изменник Михайло Салтыков, с литовскими людьми выйдете вон из Москвы, я им не велю ходить; а если вы будете сидеть в Москве, я их всех благословлю помереть за православную христианскую веру. Вижу истинную веру от еретиков и вас изменников попираему; граду Москве конечное разорение и святым Божиим церквам запустение; не могу более слышать латинского пения и видеть на дворе царя Бориса костела (построенного поляками в Кремле)».

Приходил к патриарху и Гонсевский с угрозами: «Ты первый зачинщик измены, – говорил он, – ты заводчик всего возмущения; не пройдет тебе это даром, дождешься законной кары; не думай, что охранит тебя твое достоинство».

Действительно, святителя окружили стражей и перестали допускать к нему народ, приходивший за советом и благословением. От него удалены были слуги; имущество его разграбили. Прокопий Ляпунов писал московским боярам по поводу этих стеснений патриарха, и тогда «ему учало быть повольнее, и дворовых людей ему немногих отдали». Но скоро страдальца-первосвятителя опять подвергли тесному заключению. Находясь в таком положении, святой Ермоген страдал не столько от внешних притеснений, сколько от

сожаления, что родная земля все еще терпит смуту и ей все еще угрожает латинство.

Приближались великие дни Страстной седмицы; наступало 17 марта – Вербное воскресенье, когда в Москву стекалось множество народа, чтобы видеть торжественное шествие патриарха на осляти. Опасаясь встречи святого Ермогена с народом, бояре решили отменить обряд и никого не пускать в город. Но это решение настолько усилило волнение москвичей, что Гонсевский освободил святого Ермогена от стражи и велел ему совершить обряд. Святитель повиновался. Не в обычной обстановке происходило в 1611 году это любимое народом церковное торжество: на площадях стояли ляхи и немцы, пехота и всадники, с обнаженными саблями и с пушками, но из православных почти никого не было. Существует известие, что будто бы сам патриарх, узнавший об умысле поляков избить собравшихся богомольцев, тайно приказал, чтобы ни духовенство, ни народ не являлись к шествию. Через два дня (19 марта) в Москве началась страшная резня между польскими войсками и жителями. Не имея сил прекратить восстание, поляки совершенно выжгли Москву, кроме Кремля и Китай-города, где они укрылись сами. Святого Ермогена свели с патриаршего престола и в одежде простого инока посадили в крепкое заточение в Кирилловском подворье. К святителю приставили стражу из 50 стрельцов во главе с польским офицером Мархоцким. Без разрешения последнего никого не допускали к святому узнику, «а сам (он) и за порог не мог переступить». Ему давали скудную пищу и мало воды. Преемником патриарха Ермогена был объявлен «недостойный святительского чина» бывший патриарх Игнатий.

На второй день Пасхи, в Благовещение, к Москве приблизилось стотысячное русское ополчение и 1 апреля начало осаду Кремля и Китай-города, где засели поляки и московское боярство, служившее Сигизмунду. По собственному признанию, высказанному под стенами Москвы, «ополчение собралось по благословению нового исповедника и поборителя по православной вере, отцем отца, святейшего Ермогена,

второго великого Златоуста, истинного обличителя на предателей и разорителей нашей христианской веры».

Гонсевский и Михаил Салтыков снова начали уговаривать патриарха Ермогена: «Вели ратным людям, стоящим под Москвою, идти прочь, а если не послушаешь нас, то мы уморим тебя злой смертью». «Что вы мне угрожаете? – ответил мужественный страдалец. – Я боюсь только единого Бога! Если вы уйдете из Московского государства, то я благословляю воинов отойти прочь; если нет, то благословляю против вас стоять и умереть за православную христианскую веру. Вы мне обещаете злую смерть, а я надеюсь чрез нее получить венец. Давно желаю я пострадать за правду».

После такой отповеди патриарха Гонсевский с товарищами свели святого Ермогена в Чудов монастырь и здесь «посадили его в темницу темную, под палатами», а Салтыков «начал делать ему тесноту».

Ополчение целовало крест под Москвой отстаивать Церковь Православную и землю Русскую, но оно, к великой скорби святого Ермогена, не выполнило своей задачи. Между земщиной и казачеством начались сильные разногласия, закончившиеся убийством вождя земского ополчения Прокопия Ляпунова (22 июня 1611 года). По справедливому выражению Карамзина, «Ляпунов пал на гроб своего отечества». Для Русского государства, по-видимому, настали последние дни. Поляки взяли Смоленск, шведы – Новгород, в Пскове появился третий самозванец, какой-то Сидорка; от Москвы уцелели лишь находившиеся в руках поляков Кремль и Китай-город. Ополчение по смерти Прокопия Ляпунова расстроилось; многие из членов его покинули подмосковный стан, в котором хозяйничали казаки. Появился слух, что один из их предводителей, Иван Заруцкий, хочет возвести на московский престол «Воренка» – сына Марины Мнишек и Тушинского Вора. Чтобы предупредить возникновение новой самозванщины, святой Ермоген в августе 1611 года отправил из своего заточения в Нижний Новгород грамоту, видимо написанную с лихорадочной поспешностью: «Пишите в Казань к митрополиту Ефрему: пусть пошлет в полки к боярам и к казацкому войску

учительную грамоту, чтобы они стояли крепко за веру и не принимали Маринкина сына на царство – я не благословляю. Да в Вологду пишите к властям о том и к Рязанскому владыке: пусть пошлет в полки учительную грамоту к боярам, чтобы унимали грабеж, сохраняли братство и как обещались положить души свои за Дом Пречистой, так же и совершили. Да и во все города пишите, что сына Маринки отнюдь не надо на царство; везде говорить моим именем».

При этом патриарх выражал желание, чтобы с грамотами были посланы «бесстрашные люди», тайно посещавшие его в заключении: служилый человек Роман Пахомов и свияженин Родион Моисеев. Святитель знал, что людей, прибывших в казацкие таборы с такими грамотами, ждет смерть, и заранее благословил их на страдание за веру и родину: «Если при этом и пострадаете, и вас в том Бог простит и разрешит в сем веке и будущем».

Эта последняя грамота доблестного святителя-мученика сослужила великую службу многострадальной Русской земле: под ее сильным влиянием создано новое нижегородское ополчение, освободившее Родину и умиротворившее ее. Но патриарх Ермоген не дождался этого светлого и радостного дня. «Он сиял в темной келлии, как лучезарное светило своего отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенив в нем жизнь и ревность к великому делу». Верным сынам отчизны, шедшим на ее избавление, святой Ермоген сопутствовал из своего заточения молитвою. Как благовонный фимиам, из глухого подземелья неслась эта молитва богомольца-патриарха к Престолу Божию; об одном он просил Господа, Его Пречистую Матерь и великих русских чудотворцев – да отнесет Милосердный Судия карающую десницу Свою от прогневавшей Его Русской земли и не попустит ей и вере православной погибнуть в конец от врагов. При этом слезы, как «речные быстрины», текли по ланитам «светолепного старца».

Когда слух о движении нижегородцев достиг Москвы, бояре – польские доброхоты – потребовали, чтобы патриарх послал в Нижний грамоты с запрещением ратным людям идти под Москву.

Он же, великий государь-исповедник, сказал им: «Да будут благословенны те, которые идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные московские изменники, будьте прокляты».

После этого «злые и немилостивые приставники изменничьи начали морить» великого узника голодом. Они «бросали в темницу страдальцу Христову нечеловеческую пищу: на неделю сноп овса и мало воды». 17 февраля 1612 года святой Ермоген окончил свою страдальческую жизнь: он предал честную душу в руки Божии и был погребен в Москве, в монастыре Чуда Архистратига Михаила.

По распоряжению святого Ермогена из Казани в подмосковные полки была принесена икона Казанской Божией Матери. Осеняемые ее благодатным заступлением, ополченцы 22 октября 1612 года взяли Китай-город, а 26 октября сдался и Кремль. С радостью и благодарностью ко Господу вошли русские люди в очищенную от иноземцев национальную твердыню. Одно лишь омрачало светлую радость – кончина патриарха. Когда освободители вошли в Успенский собор, то первая мысль их была о почившем первосвятителе. Дом Пречистой Богородицы как бы говорил им: «Отнялась моя красота, раздралась моя завеса, затворились уста от еретического хуления, померкла доброта. Дикий вепрь схватил пастыря моих овец, тлетворные звери осквернили плод моих уст. Многими скорбями удалил от меня моего словословника и моих людей учителя, затворили его в темном гробе и устав положили его молчанию».

Князь Хворостинин, приближенный к патриарху Ермогену, придя в Чудов монастырь, спрашивал немногочисленную оставшуюся в обители братию: «Где положили пострадавшего от еретиков за Христа учителя нашего? Где воин и заступник веры нашей?» Когда князю показали могилу первосвятителея, он «плакася зело у гроба патриарха».

Современники, пережившие мученическую кончину патриарха Ермогена, почитали его как «нового исповедника» и страдальца за веру и отечество. С таким же благоговейным уважением относилась к имени святого Ермогена и память

последующих поколений русского народа. При царе Михаиле Феодоровиче, которого желал видеть на Российском престоле патриарх Ермоген, великого святителя именовали «мужем праведным и ревностным по Святом и Животворящем Духе и поборником православной христианской веры».

Как видно из Устава Успенского собора 1634 года, здесь особо чтилась память патриарха Ермогена. По патриархе, как по «новом исповеднике», после Фоминой недели совершалась «безпереводно», «по вся годы» «всем собором панихида большая и вечная память большая», а после панихиды в палатах государя для патриарха, освященного собора и властей была поминовенная трапеза. Восхваляя митрополита Новгородского Никона за самоотверженное усмирение бунта в Новгороде в 1650 году, царь Алексей Михайлович между прочим пишет Никону: «Ты, богомолец наш, исполнял Господню заповедь... ревнуя прежнему святителю и хвалы достойному новому исповеднику, Ермогену патриарху». Ими патриарха Ермогена встречаем и в древних списках святых или в списках тех усопших, которые хотя не чтились как святые, но признавались таковыми.

Спустя 40 лет после мученической кончины патриарха Ермогена, в феврале 1652 года, «повелением великого государя царя Алексея Михайловича принесоша честныя и многострадальныя мощи новаго исповедника Ермогена патриарха из Чудова монастыря в соборную церковь Успения Пресвятыя Богородицы». Когда раскрыли могилу патриарха, то в распавшемся гробе останки первосвятителя оказались «целы, нетленны и благоухание испущающи». Их переложили в новый гроб, который поставили под каменным надгробьем, сверх пола Успенского собора, подле медного шатра Ризы Господней, в юго-западном углу храма. В 1812 году мощи патриарха Ермогена были выброшены французами из гробницы на пол собора, где их и нашли по уходе неприятеля сияющими нетлением. Во время приготовления к коронации императора Александра III, при реставрировании Успенского собора, со стены сорвался камень и пробил надгробие и самый гроб

патриарха Ермогена, в котором мощи святителя оказались в состоянии нетления.

Так в течение трех столетий из поколения в поколение передавалась память о патриархе Ермогене как святителе-мученике и росла народная вера в него как печаловника и молитвенника за землю Русскую у Престола Вседержителя. В тяжкие годы отеческих бедствий молитвенная мысль народа обращалась к памяти героя-патриарха. Шли русские люди к его гробнице и со своими личными скорбями, в недугах и болезнях благоговейно призывали на помощь святого Ермогена, веруя в него как в теплого молитвенника и предстателя пред Господом. И Милосердный Господь не посрамил этой веры. У гроба святителя Ермогена по его молитвенному предстательству совершились и совершаются обильные чудотворения. В слове, произнесенном в Московском Успенском соборе 11 мая 1913 года во время последней заупокойной литургии по Святейшем Патриархе Ермогене, проповедник утверждает: «Если бы я захотел здесь только перечислить все известные нам и строго проверенные случаи чудесных исцелений по молитвам святителя, то и для этого не достало бы времени повествуя.

А потому, – говорил он, обращаясь к слушателям, – сообщу только два-три наиболее поразительных факта, и вы несомненно убедитесь, что здесь нет места случаю, что нельзя объяснить чудесных исцелений простым естественным путем, что приходится с изумлением и страхом признать чудодейственность благодати Божией, изливающейся по молитвам Ермогена на страждущие и верою пламенеющие души народные».

Вот жена некая (московская мещанка Елена Жалуболина), страдающая в течение многих месяцев болезнью ног настолько, что и двигаться без посторонней помощи не может, с большим трудом вводится родными в Успенский собор, слезно молится за панихидой у гробницы патриарха Ермогена и тотчас же получает возможность ходить без посторонней помощи и со слезами благодарит Господа за свое чудесное исцеление.

Вот шестнадцатилетняя девица (Елена Кашаева), дочь состоятельных родителей, лечится от мучительного

хронического насморка и соединенной с ним постоянной головной боли у всех известных врачей Москвы и Петрограда; четыре раза ей делают операции, а облегчения все нет и нет. 23 марта 1911 г. привозит наконец больную девушку ее верующая мать в Успенский собор, просит отслужить панихиду у гробницы святого Ермогена, берет из лампады, горящей над этой гробницей, святого масла, дома на ночь намазывает этим маслом больной нос (дочери), и наутро 24 марта девушка делается совершенно здоровой.

А вот и еще более поразительный случай чудесного исцеления по молитвам угодники Божия некой жены (А. М. Гаух), бывшей уже прямо на краю могилы. В апреле 1911 года она заболевает воспалением сердечной оболочки и расширением аорты и помещается родными в частную лечебницу (Цандеровскую на Петровке, в Москве), где и пользуется прекрасным уходом и постоянной помощью врачей (доктора Мамонтова и др.). Но и при таких условиях болезнь все прогрессирует: сердечные припадки все учащаются и больная впадает в беспамятство. В конце второй недели после помещения в лечебницу положение больной настолько ухудшилось, что доктора признали его безнадежным: у больной посинели ноги, дыхание стало прерывистым и началась уже предсмертная агония. По желанию близких был приглашен приходской священник для прочтения «отходной» над умирающей. Как только священник начал читать положенные молитвы, больная вдруг приподнялась и сложила руки, как бы под благословение. Окружающие были страшно изумлены и почувствовали, что происходит что-то таинственное. И вот что поведала им пришедшая в себя больная: «Я увидела приближающегося старца, в котором узнала святого патриарха Ермогена, перед гробницей которого часто и усердно молилась я, бывая в Успенском соборе. Подойдя ко мне, святитель сказал: «Молись великому святителю Православия – Святейшему Патриарху Ермогену, ты исцелена и спасена Господом Богом» – и трижды благословил меня».

Очнувшись от сего чудного видения, больная почувствовала себя намного лучше и стала быстро

поправляться. Доктора, лечившие ее, сначала объясняли это улучшение положения болящей только временным нервным подъемом сил, но затем, видя ее окончательное выздоровление, признали, что спасти бывшую на краю могилы больную могло только чудо. По выздоровлении своем исцеленная прямо из больницы в сопровождении своего доктора приехала в Успенский собор, чтобы молитвенно возблагодарить святителя Ермогена за свое исцеление.

Настали юбилейные 1912–1913 гг., когда православные русские люди и мыслью, и чувством перенесли в далекое прошлое – к ужасной смуте, пережитой их предками 300 лет назад. Из туманной дали минувшего все яснее и яснее выступал величавый образ святителя Ермогена – истинного архипастыря, по завету Пастыреначальника Христа положившего душу свою за врученную ему Господом паству. Созерцая в сумраке времен подвиги чистого житием святителя, неутомимого борца за сокровище Русской земли – Христову веру, мудрого книжника, песнотворца, нищелюбца, богомольца и страдальца за родину, ныне молитвенника и чудотворца, сыны Православной Русской Церкви, и среди них преимущественно жители Москвы, которым особенно близок первосвятитель, не могли не прийти к сознанию, что «настало лето благоприятное, приспел день светлого торжества для общецерковного исповедания святителя – мученика и чудотворца». Почитатели его памяти через Московского митрополита Макария обратились к Святейшему Синоду с ходатайством о причтении Святейшего Патриарха Ермогена к лику святых Божиих как великого молитвенника за Русь Православную. Представив это ходатайство на благоустройство Святейшего Синода, митрополит Московский приложил и книгу с записью проверенных исследованием чудесных знамений у гробницы Святейшего Патриарха Ермогена.

«Святейший Синод, – говорит Деяние Святейшего Синода 14 апреля 1913 года, – рассмотрев во всей подробности и со всевозможным тщанием обстоятельства сего особо важного дела, нашел, что многочисленные случаи благодатной помощи по молитвам Святейшего Патриарха Ермогена не представляют

никаких сомнений в своей достоверности и по свойству их принадлежат к событиям, являющим чудодейственную силу Божию, ходатайством и заступлением святителя Ермогена изливаемую на тех, кои с верою и молитвою прибегают в своих душевных и телесных недугах к его благодатному предстательству. Посему Святейший Синод в полном убеждении в истинности и достоверности таковых чудес, по молитвам святителя Ермогена совершающихся, воздав хвалу дивному и славному во святых Своих Господу Богу, присно благодеему твердой в праотеческом Православии Российской державе и ныне, в дни благословенного царствования Государя Императора Николая Александровича, благоволившему явить прославлением сего великого иерарха Церкви Российской новое и великое знамение Своих благодеяний православному народу русскому, подносит Его Императорскому Величеству всеподданнейший доклад, в котором изложил следующее свое решение: 1) мученически скончавшегося Святейшего Всероссийского Патриарха Ермогена признать в лике святых, благодатью Божией прославленных, оставив всечестные останки его под спудом на месте их упокоения; 2) торжественное прославление святителя приурочить к воскресенью, 12 мая сего года, поручив сие совершить первенствующему члену Святейшего Синода преосвященному митрополиту Санкт-Петербургскому Владимиру совместно с преосвященным митрополитом Московским и другими постоянно прибывающими в Москве и нарочито для сего туда имеющими прибыть по своему желанию иерархами; 3) над местом погребения прославляемого угодника Божия устроить особое надгробие и поставить над ним находящийся вблизи места погребения святителя шатер, устроенный усердием и иждивением родоначальника царствовавшего ныне Дома царя Михаила Феодоровича Романова; 4) службу святителю Ермогену составить особую, а до времени составления таковой, после дня прославления памяти его, отправлять ему службу общую святителям, память же его праздновать как в день мученической кончины его – 17 февраля, так и в день торжественного прославления его – 12

мая; 5) на службах церковных при возглашении имени патриарха Ермогена именовать его святителем и 6) объявить о сем во всенародное известие от Святейшего Синода.

На всеподданнейшем докладе о сем Святейшего Синода Государь Император в 4-й день сего апреля соизволил собственноручно начертать: «Прочел с чувством истинной радости».

Ко дню торжественного прославления памяти святителя Ермогена в Москву начали стекаться богомольцы из разных мест Православной России. С раннего утра до позднего вечера народ шел, выстаивая продолжительную очередь в Успенский собор, который не мог вместить сразу всех желающих помолиться у гробницы патриарха. Почти безостановочно здесь служились панихиды по святителе Ермогене. Переполнено было народом и подземелье в Чудовом монастыре, под Михайловским собором – место кончины святого Ермогена. Подземелье обращено в храм во имя новопрославленного угодника Божия. Самое место заключения святого Ермогена находится в левой стороне от алтаря, в северо-восточном углу подземелья, и представляет собою маленькую комнатку с крошечным оконцем вверху, с железной решеткой.

10 мая в 6 часов вечера с колокольни Ивана Великого, а за ним и во всех церквях Москвы начался благовест к последнему заупокойному бдению по Святейшем Патриархе Ермогене. В Кремле не только Успенский собор, но и самая площадь около собора была переполнена богомольцами. Заупокойное всенощное бдение, «парастас», в соборе совершал первенствующий член Святейшего Синода митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир в сослужении Макария, митрополита Московского и Коломенского, одного архиепископа, пяти епископов, с двадцатью архимандритами и соборным духовенством. Все священно- и церковнослужители были в белых облачениях. К началу богослужения в собор прибыли Ее Императорское Высочество великая княгиня Елизавета Феодоровна, Его Высочество князь Иоанн Константинович, Ober-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер и другие высокопоставленные лица. «Как только

присутствующие в соборе, – пишет на страницах «Церковных Ведомостей» очевидец настоящего торжества, – услышали ектению об упокоении приснопамятного раба Божия Святейшего Патриарха Ермогена, трогательное чувство охватило многих... Приятно и сладостно было помолиться в последний раз о упокоении души того, к которому – пройдет немного времени – будут прибегать с молитвой, прося помощи и заступничества пред Богом».

В начале 17-й кафизмы духовенство вышло к гробнице патриарха Ермогена, покрытой бархатным покровом. Золоченый шатер, в котором находится гробница, сиял огнями свечей и лампад. Все присутствующие в соборе, вслед за священнослужителями, зажгли находившиеся в руках свечи, а на колокольне Ивана Великого начался грустный погребальный перезвон. Кафизму читали соборные сакеллари – протоиереи; положенные на ней припевы трогательно исполнялись синодальным хором; канон читал протопресвитер собора Любимов. В конце всенощной, уже на исходе десятого часа вечера, протодиакон перед гробницей возгласил «вечную память Святейшему Патриарху Ермогену». Когда в ответ послышалось умирительное пение хора: «Вечная память», то молившиеся не могли не почувствовать того глубокого, особенного значения, какое имеет этот возглас по отношению к поминаемому великому святителю Православной Русской Церкви.

В Чудове монастыре – месте «обещания» и упокоения святителя Ермогена – заупокойное всенощное бдение совершал архиепископ Алексей (настоятель Донского монастыря) в сослужении с одним епископом и несколькими архимандритами. В девять часов утра 11 мая в Успенском соборе, Алексеевском соборе Чудова монастыря и всех храмах Москвы начались последние заупокойные литургии, а вслед за ними – панихиды по Святейшем Ермогене.

В Успенском соборе литургию совершал митрополит Петроградский и Ладужский Владимир в сослужении Макария, митрополита Московского и Коломенского, трех архиепископов и трех епископов, десяти архимандритов и соборного

духовенства. Богослужебные песнопения исполнял синодальный хор древним унисонным напевом, который раздавался в соборе и во дни служения в нем святого Ермогена. Молящиеся наполняли не только собор, но и обширные площади вокруг него и перед Чудовым монастырем. Во время запричастного стиха протопресвитер Н. А. Любимов произнес слово о том, как «народная вера в святость патриарха (Ермогена), возникшая еще среди его современников и непрерывно проявляющаяся в движении народных масс к гробнице его, приуготовила торжество и его церковного прославления». Свое слово проповедник закончил таким проникновенным призывом, обращенным к слушателям: «Сегодня мы последний раз принесли Бескровную Жертву о упокоении души святителя; сейчас в последний раз мы многогрешные дерзаем принести свои недостойные молитвы о прощении грехов его вольных и невольных... По убеждению верующего сердца народного в эти последние минуты сопребывания святителя с грешным миром человеческим он особенно бывает близким к этому миру человеческому, особенно отзывчив на моления и вздохи верующего сердца молящихся... Припадите же днесь с верою и надеждою к гробнице Святейшего Ермогена, излейте в слезной молитве все ваши скорби и печали, и Всемогущий Господь, молитвами угодника Своего, претворит эти скорби в радость велию, подобно тому, как и настоящее скорбное поминовение усопшего через несколько часов, Бог даст, превратится в светлое торжество церковного прославления святителя Ермогена».

После литургии сонм святителей во главе с митрополитом Петроградским Владимиром и многочисленный собор священнослужителей вышли к гробнице Святейшего Патриарха Ермогена для совершения панихиды. Панихида служилась полная с чтением 17-й кафизмы; сопровождалась она похоронным перезвоном. «Панихида эта, – по справедливому замечанию одного архипастыря, – скорее напоминала последование утрени Великой Субботы с ее торжественно величавым предчувствием близкого воскресения, чем поминовение покойника». Последний раз протодьякон произнес:

«Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему Святейшему Патриарху Ермогену и сотвори ему вечную память». Последний раз под сводами древнего собора раздается ответное пение «вечной памяти» Святейшему Ермогену, чтобы смениться, и уже до скончания веков, пением: «Святителю отче Ермогене, моли Бога о нас».

Служба окончилась в час дня, а с двух часов в Кремле стал наблюдаться все усиливающийся и усиливающийся прилив народа, который густыми вереницами стекался на предстоящее великое торжество через Никольские и Троицкие ворота. В Успенском соборе заканчивались последние приготовления. Помост у гробницы покрыт красным сукном и коврами. К гробнице подвешены драгоценные жертвованные лампы. Как звезды, они мерцают под позолоченной сенью шатра в опустевшем соборе. Перед самой всенощной протопресвитер освятил большую икону святителя Ермогена – вдохновенное произведение художника В. М. Васнецова. Икону поставили на носилках к правому клиросу; лик святителя на иконе закрыли покрывалом.

С четырех часов дня в Кремль двинулись с пением пасхального канона с разных концов Москвы многотысячные крестные ходы. В шесть часов вечера с колокольни Ивана Великого раздался благовест ко всенощному бдению. Успенский собор наполняется молящимися, среди которых находятся Ее Императорское Высочество великая княгиня Елизавета Феодоровна, Его Высочество князь Иоанн Константинович, Обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер и другие высокопоставленные особы Москвы и Петербурга. Со «славою» вступает в собор Блаженнейший Патриарх Антиохийский Григорий IV, которому Господь судил возглавить торжество церковного прославления Всероссийского Патриарха Ермогена. До полиелея всенощная совершалась исключительно воскресная.

На литию выходили Блаженнейший Патриарх Григорий, два митрополита, пять архиепископов, один епископ, четырнадцать архимандритов во главе с наместником Троицкой лавры Товией, соборные протоиереи и пресвитеры. Возглас за литией

«Услыши ны, Боже» произнес на греческом языке патриарх Григорий; следующую за возгласом молитву «Владыко многомилостиве» произнес митрополит Петроградский Владимир; молитву на благословение хлебов – митрополит Московский Макарий. Во время первой кафизмы начались приготовления к главному моменту торжества: северной дверью из алтаря вышли соборные пресвитеры с запрестольной иконой Богоматери, хрустальными «Корсунскими крестами» и чудотворной Казанской иконой Богородицы, еще пред началом всенощной принесенной из Казанского собора в Успенский для участия в крестном ходе. Протодьякон вынес золотой предносный патриарший крест, украшенный драгоценными камнями. Вокруг Успенского собора по сторонам пути крестного хода, усыпанного цветами, зеленью и свежей травой, стали рядами хоругвеносцы с хоругвями; тут же разместились инородные хоры. Вместо второй кафизмы протопресвитер собора о. Любимов прочел «житие иже во святых отца нашего Ермогена, патриарха Московского и всея России чудотворца». Чтение жития о. протопресвитер закончил призывом: «Восхвалим же Господа, дивного во святых Своих. Аминь». Тотчас хор запел: «Хвалите имя Господне». На Ивановской колокольне загудел Царь-колокол, открылись царские врата и из алтаря выступил, направляясь к гробнице патриарха Ермогена, сонм святителей и священнослужителей в нарочито приготовленных к торжеству белых парчовых облачениях с золотыми крестами: во главе – патриарх Антиохийский, два митрополита, шесть архиепископов, десять епископов; за ними следуют двадцать архимандритов, двадцать протоиереев, два игумена, иеромонахи, священники и иеродиаконы. Богомольцы зажгли находившиеся в руках свечи и собор озарился потоками света. Все священнослужащие поместились на особом помосте перед ракою мощей святителя Ермогена. По окончании «Хвалите...» патриарх сделал три земных поклона, снял покров и святительскую мантию с гробницы угодника Божия и зажег первую лампаду над нею; вторую зажег митрополит Владимир, третью – митрополит Макарий; остальные – дежурный сакелларий. Затем сонм священнослужителей, сотворив земное

поклонение, громогласно и торжественно воспел: «Величаем ты, святителю отче Ермогене, и чтим святую память твою: ты бо молиши о нас Христа Бога нашего».

В то же время колокольный звон раздался по всей Москве, оповещая православных жителей столицы о совершившемся церковном прославлении Святейшего Патриарха Ермогена. Одновременно величание святителю запел и народ, наполнявший Кремль. Всех объединила высокая светлая радость. «Казалось, – по словам очевидца, – в эти торжественные минуты само небо соединилось с землей и совместно торжествовало, воспевая победную песнь Промыслителю Богу и прославляя память Его угодника». «Святые минуты, – говорит один из архипастырей-участников торжества, – когда целым сердцем чувствуешь себя сыном родной Руси Святой, верным чадом Церкви-Матери, когда сливаешься с этой Русью, живешь одной с ней жизнью, когда от всей души благодаришь Бога, что родился ты русским, православным и имеешь великое счастье быть таковым на веки».

Дважды повторил синодальный хор величание святителю вслед за священнослужителями, а потом начался крестный ход кругом собора. Среди хоругвей и других святынь высоко несли икону новопрославленного угодника Божия, а сзади нее – покров с гробницы, на котором святитель Ермоген изображен во весь рост в мантии и с посохом; несли в крестном ходе и икону сподвижника святителя Ермогена – преподобного Дионисия. Необычное по красоте и величию зрелище представляла собой соборная площадь в то время, когда из западных дверей Успенского собора выступил крестный ход. Храмы Кремля и среди них колокольня Ивана Великого сияли разноцветными электрическими огнями. На стене колокольни, над ее галереей ярко горела исполинская надпись: «Радуйся, священномучениче Ермогене, Российския земли великий заступниче!»

Сотни тысяч возженных свечей, как звезды, теплились в руках наполнявшего Кремль народа; с радостным звоном колоколов всех храмов первопрестольной соединилось пение десятков тысяч богомольцев, в молитвенном восторге

величавших вместе с священнослужителями угодника Божия святителя Ермогена. На всех четырех сторонах собора крестный ход останавливается. Сакелларий подает патриарху крест; протодьякон, став против честного креста, возглашает: «Господу помолимся! Рцем вси»; священнослужители трижды поют: «Господи, помилуй». Патриарх осеняет предстоящий народ крестом на все четыре стороны.

По возвращении крестного хода сонм священнослужителей снова окружает гробницу святителя Ермогена. По «Благословен еси, Господи» и прокимне патриарх читает Евангелие на славянском языке. Затем следует пение пасхального канона, к которому было присоединено и чтение канона новоявленному угоднику Божию святителю Ермогену.

Как только крестный ход возвратился в Успенский собор, на кремлевских площадях началось под открытым небом совершение всенощных бдений: на Сенатской площади, на Царской площади против Вознесенского монастыря, на той же площади ближе к Ивановской колокольне. Совершались они на особых помостах, окруженных хоругвями. На каждом из таких помостов имелся аналой с иконой святителя Ермогена, убранной зеленью и живыми цветами. В исходе 11 часа окончилось всенощное бдение в Успенском соборе; всенощные же на площадях окончились позднее, потому что позднее и начались, уже после крестного хода. После этих всенощных богоносцы в сопровождении многочисленного народа, шедшего с зажженными свечами и певшего пасхальные гимны и величание святителю Ермогену, возвратились из Кремля к своим храмам. Всю ночь Кремль был переполнен народом, который по очереди допускался прикладываться к гробнице новоявленного угодника Божия в Успенском соборе, и после всенощной шло непрерывное служение соборным духовенством молебнов святителю. Такие же молебны всю ночь служились иноками московских монастырей и на кремлевских площадях перед иконами святителя Ермогена. Всю ночь не умолкало и пение пасхальных песнопений и величаний святителю Ермогену богомольцами, собиравшимися то там, то здесь в отдельные группы.

«В эту поистине светозарную, спасительную ночь было наблюдаемо и несколько случаев чудесных исцелений. К сожалению, за полной невозможностью по крайней тесноте и многолюдству, исцеления эти, удостоверяемые показаниями очевидцев, остались незарегистрированными с документальной точностью. Так, например, исцелился мальчик, по имени Николай Савельев, восьми лет. Он с двух лет был болен ногами. Два раза был на излечении в больнице; врачи признали туберкулез костей и, по их словам, не было надежды на выздоровление. Больной пришел в Успенский собор на костылях, усердно молился и, приложившись к раке святителя Еρμοгена, почувствовал облегчение в ногах и вышел из собора без костылей. Исцелился и другой расслабленный мальчик, шести лет, о чем было сделано очевидцами словесное заявление протопресвитеру Успенского собора Н. А. Любимову и старосте собора. Мальчик с двух лет был болен полным расслаблением и не мог ходить; его принесли в собор на полотенце. Когда его приложили к гробнице святителя, то больной встал на ноги и пошел из собора сам, только подпираясь палочкой. Видя это знаменательное чудо, все окружающие исцеленного славили Бога и Его угодника и от умиления плакали».

В воскресенье 12 мая с самого рассвета снова закипела жизнь в Кремле: опять потянулись в Кремль паломники, и среди них, в чаянии милости Божией, больные, калеки и убогие. В 9 часов с колокольни Ивана Великого раздался благовест к литургии. В Успенский собор прибывают Ее Императорское Высочество великая княгиня Елизавета Феодоровна, Его Высочество князь Иоанн Константинович и высокопоставленные лица. В начале 10 часа со «славою» вступил в собор блаженнейший Григорий, патриарх Антиохийский. Патриарх облачается посреди собора в великолепное белое, шитое золотом, облачение, пожертвованное к настоящему дню Ее Императорским Высочеством великою княгиней Елизаветой Феодоровной. С патриархом литургию совершают: митрополиты – Петроградский и Московский, три архиепископа, три епископа, двадцать архимандритов и протоиереев. После запричастного

стиха преосвященный Анастасий, епископ Серпуховской, с большим воодушевлением произнес слово о святителе Ермогене как об истинном пастыре, по завету Пастыреначальника Христа положившим душу за паству свою.

Торжественные литургии в это время святителями совершались и во всех других храмах Кремля. После литургии были отслужены молебны святителю Ермогену, а затем архипастыри, архимандриты, высшее белое духовенство, а также духовенство Китайского, Сретенского и Пречистенского сороков собрались к Успенскому собору для участия в крестном ходе на Красную площадь. Около часа дня в Успенском соборе начался молебен. Во время пения тропаря святителю Ермогену крестный ход при звоне колоколов всех московских церквей двинулся из Успенского собора, продолжая молебен на пути. Среди святынь находились: предносный крест, хрустальные «Корсунские кресты», запрестольная икона Богоматери; икона Богоматери Казанская из Казанского собора, икона святителей Московских, икона преподобного Дионисия. Икону святителя Ермогена несли на высоких носилках хоругвеносцы Успенского собора – казалось, что икона сама собою тихо и плавно шествует по воздуху; вслед за иконой архимандриты несли покров, лежавший на раке мощей святителя, на котором он изображен во весь рост в мантии и с посохом.

В крестном ходе участвовало до двадцати архипастырей во главе с Антиохийским патриархом и митрополитами Петроградским и Московским и до 400 священников и 300 диаконов и псаломщиков. Все духовенство было в белых облачениях. Впереди духовенства шли до 200 хоругвеносцев с хоругвями; сзади, за патриархом, следовали: Ее Императорское Высочество великая княгиня Елизавета Феодоровна, Его Высочество князь Иоанн Константинович, обер-прокурор Святейшего Синода, начальствующие лица и богомольцы, бывшие в Успенском соборе. По левой стороне пути следования крестного хода были расположены шпалерами войска Московского военного округа со знаменами и музыкой; по правой находились несметные толпы народа; богомольцами были заняты не только кремлевская площадь, но и вся

противоположная Кремлю набережная Москвы-реки: тысячи народа желали, хотя издали, принять участие в молитве. Как только показался крестный ход, войска брали «на-караул», музыка играла «Коль славен», и десятки тысяч народа пели величание святителю, благоговейно и с умилением взирая на икону новоявленного угодника Божия; многие падали ниц перед иконою, многие с плачем зывали: «Святителю отче Ермогене, моли Бога о нас!» У Вознесенского женского монастыря крестный ход был встречен с иконами, хоругвями и пением тропаря святителю Ермогену. У Спасских ворот крестный ход останавливается, протодиакон говорит ектению, и патриарх осеняет наводнившие громадную площадь тысячи народа честным крестом. Икону святителя Ермогена вносят на Лобное место; туда же выходит патриарх со святителями; священнослужители встали двумя рядами до самых Никольских ворот. Патриарх прочел Евангелие на славянском языке и осенил народ на все четыре стороны «воздвизальным» крестом. У Никольских ворот патриарх снова осеняет народ честным крестом. Синодальный хор поет тропарь святителю Ермогену. Через Никольские ворота и Сенатскую площадь крестный ход возвращается в Успенский собор. Святители снова окружают гробницу угодника, и здесь заканчивается молебен. Молитву святому Ермогену в конце молебна с чувством глубокого умиления возгласил митрополит Петроградский Владимир. Во время величания святители и священнослужители прикладываются к гробнице новоявленного угодника Божия. Патриарх Антиохийский восходит на амвон, и богослужение заканчивается провозглашением многолетия, которое синодальный хор исполнил многоразличными напевами.

Так «исполнилось сердечное желание православных русских людей, удовлетворенное на потребность их сердца, совершилось давно ожидаемое событие: еще раз разверзлось небо над Русью Православной и оттуда в сиянии славы небесной благословил родную землю ее великий печальник, страдалец за нее – Святейший Патриарх Ермоген, являя свое заступление в знамениях и чудесах многих».

В день церковного прославления святителя Ермогена Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Александровичу была послана следующая всеподданнейшая телеграмма: «Ныне, в день прославления священномученика патриарха Ермогена, тысячи верных сынов Святой Церкви возносили усердные молитвы угоднику Божию, да дарует Господь его предстательством здравие и благополучие Вашему Императорскому Величеству, Их Величествам Государыням Императрицам, Наследнику Цесаревичу и всему Августейшему Семейству, да утверждаются мир и тишина на земле нашей, да умножаются люди твердые, подобно святителю Ермогену, в стоянии за веру и правду, в готовности положить душу свою за Православную Церковь, за венценосного Самодержавного Царя и за Святую Русь.

Патриарх Григорий, митрополит Владимир, митрополит Макарий, Владимир Саблер».

В ответ Обер-прокурором Святейшего Синода была получена следующая телеграмма: «Поручаю вам передать Святейшему Патриарху Григорию, высокопреосвященным Владимиру и Макарию, а также всем, помолившимся за Меня и Мою семью в день прославления священномученика Ермогена, Мою сердечную благодарность. Искренне сожалею, что не мог быть на прославлении. Николай».

Февраль, 18

Косма Яхромский чудотворец, преподобный – преставление

По неисповедимому Промыслу Божию ни история, ни предание не сохранили нам мирского имени Космы, до пострижения его в монашество; не знаем мы также и имени его родителей. Известно только, что преподобный происходил от богобоязненных и благочестивых родителей – бояр, живших в пределах нынешней Владимирской губернии, между городами Владимиром и Юрьевом. Заронив в юное сердце отрока искру христианского благочестия, родители преподобного не могли довершить сами его воспитание и образование по недостатку своих материальных средств. Юный отрок должен был оставить родную семью и перейти на служение к одному соседу-помещику. Господин его оказался человеком богобоязненным, так как проводил жизнь строго благочестивую. Он полюбил отрока и начал с усердием учить его грамоте и всей тогдашней премудрости; и Косма преуспевал в учении столько же, сколько в благочестии христианском.

Случилось господину Космы впасть в тяжкий недуг: он тяжело занемог желудком, страдая как бы от какой отравы. Всецело уповая на помощь Божию и заступление Его Пречистой Матери, больной однако же не пренебрегал и помощью человеческой; в поисках этой помощи господин Космы и предпринял вместе с блаженным отроком путешествие по разным городам и весям земли Русской.

Однажды путники остановились при источнике в Яхrome, или Яхрени; здесь больной, утомленный долгой дорогой, заснул. В это время праведный отрок внезапно увидел свет, осиявший все то место, и услышал таинственный голос: «Внимай, Косма, и разумей глаголы жизни, яви житие богоугодное, возжелай радости праведных, да получиши вечная блага!»

Внимательно смотревший Косма заметил, что лучи блеснувшего ему света исходили от иконы Успения Божией Матери. Икона эта явилась ему на дереве. Отрок дерзнул

приблизиться и взять святую икону; затем он приложил ее к больному месту своего страждущего господина, и тотчас последний пробудился от сна совершенно здоровым, как бы никогда не страдавшим своим тяжелым недугом.

Когда исполнилось время служения блаженного отрока своему господину, тот же самый таинственный голос воззвал его оставить мир, чтобы жить и работать для Господа. Вняв небесному внушению и взяв с собою икону Богоматери, преподобный оставил дом своего господина, намереваясь посвятить все свое служение Господу в какой-либо иноческой обители. Руководимый и охраняемый Промыслом Божиим, преподобный Косма вскоре пришел в знаменитую Киево-Печерскую обитель, где находился подлинник явленной ему иконы. Отдав святую икону в лавру преподобных Антония и Феодосия, блаженный отрок просил настоятеля облечь его в иноческий сан. Игумен несколько колебался, видя его юный возраст и не думая, чтобы в таких годах отрок Косма был бы способен переносить все трудности и тягости жития подвижнического; однако по причине настойчивого желания отрока игумен исполнил его просьбу.

В Печерском монастыре отрок изумил всю братию подвигами своей равноангельской жизни; даже старцы обители, наиболее опытные в трудах иноческого жития, дивились подвигам юного инока: непрестанна была молитва его к Богу, как непрестанны были и постнические труды его.

После многих лет дивного подвижничества, когда преподобный уже отчасти достиг в соединение веры и познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова, благоволил Господь избрать праведного Своего на особое служение Своей Пречистой Матери. В новом чудном видении явился преподобному Косме светоносный юноша и от имени Божия повелел ему идти в пределы Владимирские, на реку Яхрому, где некогда явилась ему святая икона, для того, чтобы построить там церковь в честь Успения Матери Божией. Внимая высшему призванию, преподобный оставил обитель Киево-Печерскую и отправился к тому месту, где было чудесное явление ему святой иконы.

Здесь благоугодно было Господу вторично показать верному рабу Своему знамение Своей милости и благоволения к нему. Едва только преподобный пришел к месту обретения честной иконы Богоматери, ему вторично явился неземной луч, осиявший все то место. Преподобный решил непременно запечатлеть в памяти грядущих родов то место, где произошло обретение честной иконы Богоматери. С этой целью он построил на месте небольшую деревянную церковь во имя честного и славного Успения Божией Матери и начал усердно подвизаться при этой церкви. Произошло это в 1482 или 1483 году.

Между тем, слух о подвигах преподобного Космы мало-помалу собирал к нему благочестивых людей, желавших подвизаться в постнических и молитвенных трудах под его непосредственным руководством. Так образовалась среди дебрей лесных обитель Космина, вверенная молитвенному предстательству и заступлению Пресвятой Богородицы. Блаженный, воздевая свои руки к Богу, молитвенно бодрствовал, охраняя свою обитель от козней демонов, невидимых врагов нашего спасения, учеников же своих неленостно наставлял и укреплял своим вдохновенным словом, показывая им в то же время в своем лице достойнейший пример для подражания. Никогда не оставляя своего молитвенного правила, подвижник с мольбою и радостью принимал в обитель свою странных и пришельцев, помня, что принимая сих братьев Христовых меньших, он принимал Самого Христа. Усердно посещал также преподобный болящих и страждущих разными недугами, врачую немощи их своими теплыми молитвами ко Господу и Его Пречистой Матери. Не оставлял без внимания преподобный Косма и душ грешников, исцеляя их любвеобильной, кроткой и сладостной беседой, располагавшей даже самых закоренелых грешников к покаянию, так как и сам угодник Божий был наделен от Бога особым даром покаянных слез.

Наконец, настало время окончания земных подвигов преподобного Космы. Уже в глубокой старости, после многолетних подвижнических трудов, преподобный начал

изнемогать телесно, но до самой кончины своей пребыл крепким духом. В смертный час свой приобщился он Божественных Таин Христовых и, призвав на помощь Пресвятую Владычицу Богородицу, с миром отошел ко Господу. Кончина прп. Космы последовала 18 февраля 1492 года. Честные мощи его были положены в основанной им обители.

Многие исцеления, совершившиеся от них, знаменовали святость угодника Божия. Но записаны только два из них.

Один из жителей деревни Зернево сильно страдал помрачением ума; иногда он доходил до такого исступления, что не мог узнать своих близких родных. Болезнь его развивалась все более и более; ему начали даже являться нечистые духи в разных страшных видах. В таком тяжком положении несчастный находился довольно долгое время и уже был близок к смерти. Тогда родные его и решили обратиться за помощью к прп. Косме и с этой целью привели его к мощам угодника Божия. Четыре дня они воссылали горячие молитвы к нему об исцелении несчастного страдальца. Усердная молитва их была услышана. На пятый день пребывания при гробнице преподобного больной совершенно исцелился от болезни и возвратился в дом свой совершенно здоровым.

В другой раз случилось, что отрок Стефан, сын работника, жившего при монастыре, впал в расслабление и так долго лежал на одре без движения, что приготовился уже к смерти. Родители больного, твердо веруя в силу молитвенного заступления преподобного Космы, принесли сына своего к его мощам. После усердной молитвы отрок здесь получил совершенное исцеление от своего недуга.

Февраль, 20

Корнилий Псковский, преподобномученик

Во второй половине XV века в 56 верстах к северо-западу от города Пскова среди гор и вековых лесов возник Псково-Печерский монастырь. На протяжении своей многовековой истории он был светочем Христовой веры для Псковского края и соседних инородцев; много содействовал он и постепенно слагавшемуся могуществу России, представляя твердыней стен своих сильную крепость.

Из числа настоятелей Псково-Печерского монастыря особенно выделяется личность прп. Корнилия по своей разносторонней, глубоко христианской деятельности и жизни, наконец, по мученической кончине.

Родился преподобный в самом начале XVI века, в 1502 году. Мирское имя Корнилия осталось неизвестным. Будучи еще юным, он оставил своих родителей – Стефана и Марию – и начал вести подвижническую жизнь в Печерском монастыре. Подвижничество юного отшельника скоро выделило его из числа братии и возбудило в них глубокое уважение к преподобному Корнилию, так как он неукоснительно исполнял монашеские правила, любил упражняться в молитве, без усталости работал для обители и при всем том отличался для своего времени большой начитанностью. Такому человеку по всей справедливости надлежало быть начальником обители. И действительно, после игумена Герасима преподобный Корнилий в 1529 году на 28-м году от рождения был облечен игуменским саном и управлял обителью в продолжение сорока с лишним лет, много содействуя ее внешнему и внутреннему процветанию. Он старался личным примером возбудить в подчиненных ему иноках ревность к подвижничеству; был для управляемой братии «образ ко спасению», «муж святых и во преподобии мног и славен: бо от молодости своей во множеских трудах просиявал», как выражается князь Курбский. Ревностный подвижник, преподобный Корнилий настойчиво боролся со всем тем, что могло ослаблять строгость монашеской жизни в обители. В то время случалось, что иные люди, поступавшие в

монастырь, приносили в обитель богатые вклады и позволяли себе жить в монастыре не по-иночески; они думали, что благодаря вкладу им можно жить, как им хочется. Преподобный же дорожил высоким значением обители, как училища благочестия, а потому всякого иного отступающего от монашеского устава подвергал исправительным мерам, а если тот не исправлялся, то удалял его из обители, кто бы он ни был. Один изгнанный преподобным Корнилием за плохую жизнь вкладчик явился даже с жалобой на него к митрополиту Московскому Макарию, но по приказанию митрополита должен был снова отправиться в Печерскую обитель и нести епитимию. По этому поводу Новгородский архиепископ Феодосий в 1543 году обращался к преподобному Корнилию с грамотой, ясно показывающей, с какой суровой строгостью следил преподобный игумен за соблюдением среди братии истинно монашеской жизни. «Писал к нам, – пишет ему архиепископ Феодосий, – святейший господин и отец наш Макарий, митрополит всея России, о вашем печерском вкладчике старце Савватии, что он был в монастырских службах с мирскими людьми и пал в великие грехи и что он приходил каяться и плакаться пред тобою о том падении, но ты не принял его на покаяние... Отдайте его доброму старцу под надзор, чтобы жил с правилом и ходил к началу каждой службы, а стоял бы перед церковью каждый день до конца правила, в церковь же не допускайте его. А ты наставляй и учи его по правилам». Таким образом, за тяжкие грехи Савватия подвергли открытой или публичной епитимии. При всей строгости преподобного Корнилия к братии число иноков обители умножилось при нем до 100 человек, тогда как прежде него их было мало. В то же время монастырь начал быстро богатеть от приношений христоробцев. Преподобный Корнилий с благодарностью принимал от благодетелей дары на благоустройство обители, нарочито установив синодик для поминовения усопшей братии и усопших благодетелей.

Трудами его предшественников-игуменов монастырь и с внешней, и с внутренней стороны был устроен; осталось только заботиться о поддержании его на будущее время в таком же

благолепии и порядке. Но преподобный Корнилий этим не довольствовался и с усердием занялся делом церковного строительства. Прежде всего в 1538 году он основал каменную церковь в Пскове, что на Усохе, на берегу реки Великой, во имя Пречистой Богородицы, называемой Одигитрия. В ней тогда же было установлено ежедневное богослужение. При этой церкви преподобный Корнилий построил также дом для священнослужителей и вместе для приходящих по каким-либо нуждам из монастыря в город. Деревянную церковь во имя Сорока святых мучеников Севастийских, устроенную в обители при игумене Дорофее, преподобный Корнилий перенес за монастырь на приезжий для богомольцев монастырский двор; тут же была поставлена им часовня во имя великомученицы Варвары и палаты для царского приезда. В монастыре же, на месте снесенной преподобным Корнилием церкви во имя Севастийских мучеников, им же была поставлена в 1541 году каменная церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Но самым памятным делом строительства преподобного было возведение им каменной ограды. При положении обители на границе с ливонскими немцами, заклятыми врагами Православия, такое укрепление было необходимо не для одной обители, но и для всей России. Монастырскую ограду преподобный Корнилий воздвиг во время войны (1558–1560 гг.) царя Иоанна Васильевича Грозного с Ливонией; ограда строилась с 1558 по 1565 гг. и имела трое ворот и девять крепостных башен. По вышине, прочности и обширности ее скорее можно было назвать крепостной стеной. Тогда же, в 1564 году, преподобный Корнилий устроил на монастырские средства над святыми воротами каменную церковь во имя святителя Николая Чудотворца. Эта стена придала Печерскому монастырю вид пограничной крепости и дала ему возможность с успехом выдержать осаду польского короля Стефана Батория в 1581 году.

Посреди хозяйственных трудов на пользу и процветание святой обители ее игумен находил время и для письменных занятий, к назиданию благочестивым читателям. Так, перу преподобного Корнилия принадлежит описание чудес Печерской

иконы Богоматери. «Свидетель этих чудес, – говорит он, – не я один, а весь Псков и Новгород. Богоматерь подает исцеления не только православным, но и иноверным, приходящим из Немецкой земли (из Лифляндии) с верою к чудотворному образу». Преподобный Корнилий написал еще первоначальную летопись Псково-Печерской обители – памятник в высшей степени ценный не только для истории этого монастыря, но и для Псковского края – и завел кормовую книгу с 1558 года.

Имя преподобного Корнилия, рачительного хозяина, строгого подвижника и просвещенного человека, было известно в то время на Руси. Образованные современные Корнилию люди приезжали к нему для умной беседы, для духовного поучения. Бывал в Псково-Печерском монастыре (может быть, даже подвизался в нем в числе братии) известный своей книжностью старец Артемий. Человек боярского рода, ученик князя Курбского, Вассиан Муромцев был так поражен светлыми качествами святого, что пожелал навсегда остаться в обители и сделался ближайшим учеником преподобного. Часто пребывал в монастыре и сам именитый князь Андрей Михайлович Курбский, впоследствии бежавший от царского гнева в Литву (в 1564 г.).

Деятельность святого подвижника не ограничивалась только монастырем. Полный любви ко Христу, преподобный Корнилий горел желанием укрепить и насадить истинную веру Христову среди коренных обитателей того края – эстов, находившихся в подчинении у немецких тевтонских рыцарей, не стеснявшихся никакими средствами для насаждения среди эстов лютеранства. Случай для миссионерской проповеди скоро представился Корнилию. В 1558 году царь Иоанн Грозный решился вернуть области, принадлежавшие Руси в Ливонии, и достойно наказать немцев, разрушивших много православных храмов в Ливонии. В апреле 1558 года русские воеводы подступили к городу Нарве.

Во время осады города «вельможные и гордые немцы», пьяные, найдя икону Богоматери с Предвечным Младенцем в доме, где раньше стояли русские купцы, стали ругаться над иконою; потом, взяв ее со стены, бросили в огонь, на котором

варилось пиво. Пламень внезапно, быстрее стрелы, бросился вверх, и верх здания запылал. В Нарве начался страшный пожар, благодаря которому русское войско завладело городом. Но несмотря на пожар, икона Богоматери, равно и другая – святителя Николая, брошенная в огонь, были найдены на пожарище целыми. Это чудесное событие в связи со страшной участью города произвело сильное впечатление на жителей края. Преподобный Корнилий и юрьевский архимандрит Варфоломей с другими духовными лицами, по воле митрополита и царя, освятили Нарву и лежавший против нее, на левом берегу реки Нарвы, Иван-город торжественным крестным ходом с чудодейственными иконами и затем доставили эти иконы в город (1558 г.). Вслед за городом Нарвой в Ливонии были взяты русскими и другие города и замки. Обездоленному и разоренному войною эстонскому населению преподобный Корнилий оказывал живую помощь. Благодаря его трудам были построены православные храмы во имя Пресвятой Троицы на Агиреве, во имя Рождества, что на Топине, еще в Нейгаузе, тогда как в Нарве и в других местах храмы строило правительство. Благотворительность преподобного Корнилия, любвеобильные наставления, жизнь, полная подвига и святости, – все это делало преподобного образцом, живым примером благочестия не только для монахов, но и для неправославных эстов. Все эсты в приходе Нейгауза и многие в других близких приходах обратились к православной вере искренно, без всякой корысти. Преподобный Корнилий, просветив их святым крещением, позаботился еще и о том, чтобы им даны были священники и клирики для совершения богослужения и укрепления среди новообращенных истинно христианского учения. В 1560 году подвижник был свидетелем дивной помощи Божией на укрепление Православия, а врагам его на посрамление. В праздник Успения Пресвятой Богоматери он послал просфору и святую воду воеводам, стоявшим под городом Феллином. Как только посланный преподобным Корнилием прибыл к русскому войску, обложившему город, в последнем от русских ядер вспыхнул пожар, истребивший и снаряды, и весь хлеб неприятеля. Немцы были принуждены

сдаться, а благодарные воеводы прислали в Печерскую обитель Богоматери феллинский колокол.

Однако во время вспыхнувших на Руси мятежей и нестроений, по окончании Ливонской войны, достохвальному и достоблаженному Корнилию пришлось много пострадать при всей своей ревности о славе святой обители и благе ближних. Клеветники и злые люди возвели страшное обвинение на Новгород и Псков: они говорили, что эти города хотят перейти к Литве и не признавать московского государя. Царь Иоанн Грозный поверил клеветникам, и ужасная кара обрушилась на Великий Новгород. Царь приехал сюда в 1569 году и приказал казнить новгородцев. В страшно неслыханных муках погибли тысячи невинного народа. Услышали псковичи о кровавой расправе новгородской и с ужасом ждали такой же участи. Царь явился в Псков в феврале 1570 года, но пощадил жителей. При этом вступлении Грозного в Псков его встречал преподобный Корнилий со всем освященным собором. Грозный проследовал в соборную церковь Живоначальной Троицы и слушал молебен, поклонялся мощам благоверного князя псковского Всеволода-Гавриила и дивился величине его меча, лежавшего на гробе. Избежав гнева Грозного царя в этот день, преподобный Корнилий скоро был замучен по его приказанию. «Повесть о начале и основании Печерского монастыря» выражается о его кончине так, что он «от тленного сего жития земным царем (Иоанном Грозным) предпослан к Небесному Царю в вечное жилище». Князь Курбский, как бы в пояснение приведенной краткой записи, со слов других говорит, что Грозный в один день раздавил преподобного Корнилия вместе с учеником его Вассианом Муромцевым каким-то мучительским орудием. Народное предание объясняет мученическую кончину подвижника так: он вызвал подозрения Грозного в измене тем, что построил без его разрешения каменные стены вокруг обители. Но возможно и то, что преподобный Корнилий принадлежал к числу тех немногих лиц, которые не молчали, видя зверства царя. В каком-то писании, до нашего времени, к сожалению, не дошедшем, преподобный изображал бедствия царствования Иоанна Грозного: «мятеж и нестроение в Русской

земле, и разделение царств, и крамолу, и смерть, и людям переселение, и имению отъятие, и пожары великие по градам, и мор, и глад, нашествие иноплемennых». Если Грозный знал о таком настроении преподобного Корнилия, то станет совершенно понятна его мученическая кончина от жестокого царя. Мученическая кончина (20 февраля 1570 года) пресекла жизнь преподобного на 69-м году от рождения; настоятелем Псково-Печерского монастыря он был 41 год и два месяца.

Тело преподобного Корнилия было положено в монастыре, в стене некоей пещеры, и пребывало здесь невредимо 120 лет; в 1690 году Маркеллом, митрополитом Псковским и Изборским, со священным собором было перенесено из пещеры в соборную Успенскую церковь и поставлено в новом гробе к стене. В 1872 году, 17 декабря, при Павле, настоятеле Печерского монастыря, епископе Псковском и Порховском, мощи преподобного были переложены в медно-посеребренную раку, из которой при настоятеле Иннокентии были переложены в другую, подобную, но более благолепную. Память преподобному Корнилию совершается Церковью местно 20 февраля/4 марта, в день его мученической кончины.

Преподобный Корнилий, так много при жизни заботившийся о преуспевании православной веры в родном крае, был ходатаем за него и по смерти. Так, в 1581 году, во время нашествия на Псков польского короля Стефана Батория, одному благочестивому старцу, жившему в Пскове, в монастыре Покрова Пречистой Богородицы, было открыто в видении, как преподобный Корнилий вместе с преподобным Антонием, Киевским подвижником, сопровождал Царице Небесной, шедшей на защиту Пскова, как умолял он Ее простить грехи людей и спасти виновный Псков. Молили также пощадить город и святые князья псковские Всеволод и Довмонт, святой князь Владимир Киевский и блаженный Николай Псковский. Молитва святых была услышана, и город Псков, несмотря на все усилия Батория, не был им взят.

Агафон, чудотворец Печерский, преподобный

В «Полном христианском месяцеслове» (Киев. 1875 г.) под 20-м числом февраля положена память «прп. Агафона, чудотворца Печерского, в Дальних пещерах почивающего». О жизни сего святого ничего неизвестно. В сказании о святых, почивающих в Дальних (Феодосиевых) пещерах, замечено, что он был целитель болезней и имел дар пророчества. Он предугадал день своей кончины. Память его совершается совокупно с преподобными Дальних пещер, и в общей службе сим святым в 3-й песни канона упоминается прп. Агафон: «Агафоне блаженне, благости вещания имените, постников красото, пророче неложный и целителю недужных... настави ны молитвами твоими на путь вечен». 20 февраля/4 марта память его положена, вероятно, ради тезоименитства его с св. Агафоном, Римским епископом († 682), а также с Собором преподобных Дальних пещер – 28 августа/10 сентября.

Февраль, 23

Моисей Белозерский, преподобный

Преподобный Моисей был подвижником Троицкого монастыря на Белоозере. По описанию святых Белозерских, «преподобный Моисей, прозорливый инок, на посаде Белоозера в Троицком монастыре», почил после преподобного Кирилла Белозерского († 1427; память 9/22 июня) и прежде преподобного Кирилла Новоезерского († 1532; память 4/17 февраля). поскольку же Троицкий Устьшехонский монастырь перенесен на посад Белозерский около 1480 года, то подвиги преподобного Моисея прозорливого надобно отнести к концу XV века. Имя преподобного Моисея внесено в «Полный христианский месяцеслов» под 23 числом февраля.

Поликарп Брянский, преподобный

У Святого Спаса во Брянске, по выражению народному, или, точнее сказать, в Брянском Преображенском соборе, с левой стороны, почивают под спудом мощи преподобного Поликарпа, строителя того собора, бывшего до 1764 года монастырским храмом.

Письменного жития преподобного Поликарпа не сохранилось. Нет бесспорных сведений и о времени основания Преображенского Поликарпова монастыря в Брянске, упраздненного в 1764 году. В описи монастырей 1662 года монастырь сей именуется Спасским, или Поликарпа чудотворца. Следовательно, около половины XVII века преподобный Поликарп был уже прославленным святым Русской Церкви. Посему наиболее вероятным следует признавать, что названный монастырь основан не позднее XVI века. Затем сохранились достоверные известия об особенном усердии к этому монастырю со стороны князей Барятинских, князя Даниила Афанасьевича и брата его Алексея, построивших в XVII веке в Спасском монастыре каменный храм во славу Рождества Богородицы. Из самого же расположения семейства князей Барятинских к тому монастырю местное предание заключает, что и строителем монастыря был один из членов этого княжеского семейства. Таковым почитается именно небезызвестный в письменных памятниках XVI века воевода князь Петр Иванович Барятинский. Он занимал почетные места и в гражданском управлении, и в военных походах, но по своему строгому пониманию чувства долга и чести возбудил нерасположение к себе со стороны искателей славы, не по заслугам и подвергся опале. Потомок святого Михаила Черниговского и Брянского, умышленно преследуемый за ревностное понимание мирской службы, он решил отправиться в местность, ранее прославленную его благочестивыми предками: святым князем Олегом, скончавшимся в монашестве, основателем Петропавловского монастыря, и князем Романом Михайловичем, получившим чудесное исцеление от иконы

Богоматери в Свенске; устроил иноческую обитель с церковью Преображения Господня, был в ней первым игуменом и после продолжительных подвигов мирно почил о Господе около 1620 года.

О святом Поликарпе в Брянске сохраняется немало преданий, как о суровом подвижнике и строгом судии. Ему именно приписывается изречение, что город Брянск будет ни сыт, ни голоден и с тоски и печали весь разойдется. Соборный диакон Соколов, ныне умерший, с особенным страхом всегда рассказывал, как он однажды, будучи в бурном настроении, в гневе, с криком выходил из собора и возле предполагаемого места погребения преподобного увидел старца-монаха, который сказал ему: «Чего ты кричишь и сердишься на этом святом месте? Смотри, я Поликарп. Ты будешь наказан за бесчинство».

Старец скрылся. Испуганный и растерявшийся диакон поспешно бросился с соборной горы и долго не ходил возле того места, где видел таинственного старца.

Однако строгий подвижник был милостив к тем, кто смиренно просил его предстательства у Бога, почему и прославлен был чудотворцем уже через сорок лет после своей кончины. Не оставляет он своим покровительством и до наших дней тех, кто приходит с должным молитвенным расположением к честной гробнице его. Записано несколько случаев исцелений по молитвам преподобного Поликарпа. Так, в начале шестидесятых годов XIX века из Петрограда приезжала дочь местного помещика Клавдия Петровна Гурова, неизлечимо больная. Однажды во сне является ей в монашеской мантии старец, показывает церковь на горе и говорит: «Иди в Брянск, помолись в этой церкви – и будешь здорова».

По приезду в город больная тотчас узнала, что она во сне видела брянский собор, попросила отслужить здесь молебен преподобному Поликарпу и выздоровела.

Крестьянка деревни Лбов Карачевского уезда Евдокия Петровна Донцова долгое время страдала расслаблением всего тела. По совету благочестивых людей она была приведена мужем в брянский собор. Больную внесли на руках муж и двое

односельчан и положили на лавку. Здесь провела она всю литургию, а потом была исповедана, приобщилась Святых Таин и слушала молебен преподобному Поликарпу. Она усердно молилась, и во время молебна на нее возложен был крест от вериг преподобного. Было это в первой половине июня 1900 года, и с того времени здоровье Донцовой начало быстро улучшаться. Через неделю она снова приезжала в Брянск на богомолье, а в сентябре была еще раз и слушала благодарственный молебен за свое исцеление.

1 июня 1901 года перед гробницей преподобного Поликарпа служил благодарственный молебен священник села Коростовки Брянского уезда Василий Данков, получивший исцеление от болезни по молитвам угодника Божия.

В письме к соборному протоиерею исцеленный рассказывает, что в половине апреля 1901 года он заболел ревматизмом в руках и ногах, так что не мог двигаться и слег в постель. Лечению болезнь не поддавалась. В крайнем болезненном состоянии он стал призывать на помощь преподобного Поликарпа и уже на следующий день после того, как он остановился на этой мысли, мог перейти с постели в другую комнату, а потом и совсем выздоровел.

Крестьянка деревни Летошники Брянского уезда, больная чахоткою, Анна Васильевна Муравьева в ночь на 1 сентября 1901 года видела во сне человека из толпы, сопровождавшей крестный ход с чудотворной иконой. Человек сказал ей: «Пойди в брянский собор и попроси надеть на твою грудь крест от мощей, оставшийся после пожара, и тебе будет легче».

Болезнь продолжалась уже год, больная потратила на лечение все состояние. 2 сентября в соборе по ее просьбе был отслужен молебен преподобному Поликарпу и возложен на нее крест его. Упомянутый в описаниях чудес крест преподобного – медный, складной, в форме древних энколпионов до татарского периода, имевших преимущественное распространение на юге России.

Запись чудес при гробе преподобного Поликарпа ведется обстоятельно в последнее время. До 1895 года не было особого празднования в память преподобного. Дозволение местного

празднования состоялось по ходатайству городского управления, а указ дан Святейшим Синодом в июле 1897 года.

Февраль, 24

Еразм Печерский, в Дальних пещерах почивающий, преподобный

Великое дело – уметь распоряжаться богатством. Не всякий знает, что и как с ним сделать. Иной готовит себе богатство, а с ним и гибель. Лучшим примером того, как надо распоряжаться богатством, служат святые угодники. Из них многие в миру имели богатство, и все они умели поступить с ним на пользу не себе, а другим. Таков был преподобный Еразм, черноризец Печерский. О нем святитель Симон, епископ Владимирский († 1226; память 10/23 мая), писал назидание другу своему преподобному Поликарпу († 1182; память 24 июля/6 августа).

Сей преподобный от руки Венчающего милостью и щедротами получил большое богатство. Поразмыслив, что иноку неприлично иметь его, и возлюбив благолепие дома Господня, он все, что имел, отдал на украшение церковное, оковав многие иконы в церкви Печерской серебром и золотом. В то же время украшал он и душу свою, как церковь Бога Живаго и образ Его, но не серебром и золотом вещественным, а чистой любовью и всякими добродетелями иноческого закона, говоря о благолепии своем с пророком: *Благ мне закон уст Твоих, паче тысяч злата и сребра* (Пс. 118, 72).

Сему преподобному случилось немалое искушение после того, как он истратил свое имение на украшение церкви и сделался бедным. Все стали пренебрегать им. Злохитрый прелестник диавол начал тогда внушать ему, что он не получит никакой награды за потраченное на украшение церкви богатство, а лучше было бы раздать его нищим. Блаженный, не поняв искушения, впал в отчаяние и начал жить в нерадении и всяком небрежении, проводя дни свои бесчинно. Но вот, Щедрый и Праведный, вспоминая прежние добродетели блаженного, спас его от гибели таким образом. Он навел на него лютую болезнь; больной, находясь при смерти, лежал с закрытыми глазами семь дней, едва дышал.

В восьмой день пришли к нему все братия и, видя его тяжелую кончину, удивлялись, говоря: «Горе душе брата сего,

ибо в лености жил он и во грехах, а ныне же видит нечто душа его и мятется, будучи не в силах выйти из тела». И вдруг блаженный Еразм встал, как будто бы не болел, сел и сказал братии: «Отцы и братия! Воистину как вы говорите, грешен я и не покался, но ныне явились мне преподобные отцы наши Антоний и Феодосий и сказали мне: «Мы молились о тебе Господу Богу, и Он даровал тебе время покаяния». Потом видел я и Пречистую Богородицу, как на иконе, имеющую на руках Сына Своего, Христа Бога нашего, и множество святых с Нею, и Она сказала мне: «Еразм! Так как ты украсил церковь Мою и возвеличил ее иконами, то и Я украшу тебя и возвеличу славою в Царстве Сына Моего, ибо нищих всегда имеете с собою, церковь Мою не везде имеете. Встань теперь, покайся и прими великий ангельский образ, в третий же день я возьму тебя к Себе, возлюбившего благолепие Моего дома"'. Сказав это, блаженный Еразм начал исповедывать перед всей братией грехи свои без всякого стыда, затем пошел в церковь и был здесь пострижен в схиму, а в третий день, по проречению Пресвятой Богородицы, отошел ко Господу.

«Все это слышал я от святых свидетелей и очевидцев, – писал блаженный Симон и затем, обращаясь к прп. Поликарпу, продолжал. – Зная это, не думай, брат, что ты напрасно истратил, что имел. Все изочтено у Бога до медницы. Ожидай от Бога милости за труд твой. Ты устроил двое дверей в великой Печерской церкви Пресвятой Богородицы, и тебе отверзет Бог двери милости Своей. Ибо иереи взывают в той церкви: «Освяти, Господи, любящая благолепие дома Твоего!» Вспомни о Патрикии, который велел сковать крест из чистого золота; поревновавший ему юноша и прибавивший немного своего золота стал наследником всего. И ты, если истратишь то, что есть у тебя, во славу Божию и Пречистой Матери Его, не останешься без награды. Скажи с Давидом: *Приложу на всяку похвалу твою* (Пс. 70, 14), дабы и тебе сказал Господь: «Прославляющия Мя прослаблю». Ты сам говорил мне: «Лучше мне истратить, что имею, на церковные нужды, чтобы не было отнято у меня войною, или татями, или огнем». Я похвалил твое доброе намерение. Обещался – так исполни. Обещайтесь,

сказано, и воздадите. Лучше не обещаться, чем, обещавшись, не отдать. А если и случится быть окрадену или лишиться всего от войны, – не ропщи, не смущайся, но прославь за то Бога и скажи с Иовом: «Господь даде, Господь отъя"".

Такова повесть блаженного Симона о Еразме! поскольку же блаженный Симон, по словам его, видел очевидцев умиравшего Еразма, то кончина преподобного Еразма последовала, вероятно, около 1160 года. Он почивает в Ближних пещерах. Память преподобного Еразма празднуется также 28 сентября/11 октября и во 2-ю неделю Великого поста.

Февраль, 27

Тит пресвитер, в Ближних пещерах почивающий, преподобный

Преподобный Тит, подвизавшийся в Ближних пещерах Киево-Печерского монастыря и достигший преклонных лет в духовной чистоте и великом смирении, поведал братии повесть о своей жизни, «о том, как Божий гнев открывается в ответ на гнев человеческий, а мир Господний, всякий ум превосходящий, нисходит на человека, мира взыскующего, соблюдая его душу, сердце, тело и разум». Был у преподобного Тита некогда близкий друг, инок того же монастыря – диакон Евагрий, с которым его соединяла великая, истинная любовь, такая, что другие иноки дивились их единомыслию и согласию. Ненавидящий добро враг рода человеческого, стремящийся везде и всюду посеять рознь между людьми, по зависти омрачил эту дружбу и превратил ее в такую вражду, что бывшие друзья не могли смотреть друг на друга. Когда один кадил в храме, другой избегал фимиама, а кадивший избегал его при каждении. Так они пребывали в греховном мраке, дерзая не примиряться даже тогда, когда вместе совершали литургию и причащались Божественных Даров. Братия старались примирить их, но бывшие друзья не хотели об этом даже слышать.

Случилось однажды пресвитеру Титу сильно разболеться. Находясь уже при смерти, он начал горько плакать о своем грехе и послал к диакону Евагрию, с умилением говоря: «Прости меня, брат, ради Господа, за то, что я оскорбил тебя гневом моим». Но тот не только не простил, а даже начал проклинать пресвитера жестокими словами. Между тем братия, видя Тита уже умирающим, привлекли Евагрия силою проститься с братом. Увидев его, больной тотчас же приподнялся, пал ниц пред ногами его и сказал со слезами: «Прости меня, отче, и благослови!» Но Евагрий оказался столь немилостив и бесчеловечен, что отвратился от брата и сказал всем предстоящим: «Никогда не примирюсь я с ним, ни в сем веке, ни в будущем». Едва успел он проговорить это, как тотчас

же пал. Братия хотели поднять его, но, подойдя, увидели, что он бездушен, и не могли ни рук ему согнуть, ни уст закрыть, ни даже очей свести. Больной же пресвитер Тит встал с одра своего совсем здоровым, как бы и не болел.

Ужас напал на всех ввиду такой смерти Евагрия и чудесного исцеления пресвитера Тита. Братия начали спрашивать исцеленного, что бы это значило. Блаженный Тит отвечал им, рассказав подробно все, открытое ему.

«Когда я болел, – говорил он, – будучи в гневе, увидел Ангелов, отступающих от меня и плачущих о гибели моей души; бесов же, радующихся о гневе моем. Ради сего я и начал молить вас, чтобы вы, отправившись к брату, попросили прощения для меня. Когда же вы привели его ко мне и я поклонился ему, он же отвернулся в сторону от меня, то вдруг я заметил вблизи одного Ангела немилостивого, державшего пламенное копье, которым он ударил непростившего, после чего тот и пал мертвым. Мне же тот Ангел подал руку и восстановил меня, и вот я здоров».

Устрашенные братии много плакали об умершем лютой смертью Евагрии и погребли его; очи и уста он имел открытыми, руки же распростертыми. Сами же братии стали бдительно остерегаться от гнева, прощая еще бы кто на кого имел поречение (Кол. 3, 13) и твердо помня, благодаря случившемуся наказанию, сии слова Господа: *яко всяк гневаяйся на брата своего всуе, повинен есть суду* (Мф. 5, 22), а также и изречение Ефрема: «Если кому случится умереть во вражде, таковой обрящет неумолимый суд». Особенно же сам блаженный пресвитер Тит, видя, что за искание мира с братом он обрел мир с Самим Богом благодатью от смерти телесной и душевной, стал с тех пор даже и в мыслях не иметь гнева. Он искоренил его и приобрел в замену этого никогда не отпадающую ко всей братии любовь (Кол. 3, 14), «яже есть союз совершенства, аки корень мира», любовь от чистого сердца, с благой совестью и верой нелицемерной; любовь долготерпящую, милосердную, незавидящую и все прочие добродетели содержащую, наипаче же целомудрие, пощение и моление всегдашнее (1Кор. 13, 4). Ибо блаженный пресвитер сей

последовал словами Писания: *оуцеломудритесь и трезвитесь в молитвах. Прежде же всех друг ко другу любовь прилежну имейте, зане любовь покрывает множество грехов (1Пет. 4, 7–8)*. И так совершил он при своих пресвитерских жертвах и святой евангельский обет любить Бога и ближнего.

После многих богоугодных и великих трудов «преподобный Тит преставися февраля 28 дня». Это было, по всей вероятности, не прежде 1190 года. Нетленное тело его почивается в Ближних пещерах прп. Антония. Память преподобного Тита празднуется также 28 сентября/11 октября и во 2-ю неделю Великого поста.

Тит, бывший воин, в Дальних пещерах почивающий

Преподобный Тит был в миру воином и, отличаясь мужеством в сражении с неприятелем, был ранен в голову. Болезнь и язва головная заставили его отказаться от воинской жизни и избрать иноческую в Печерском монастыре. Здесь он всю остальную жизнь свою оплакивал грехи свои и перед смертью получил от Бога извещение, что прощены его грехи. Кроме тропаря и кондака, имя преподобного Тита-воина упоминается в 5-й песне канона службы преподобным Дальних пещер.

Февраль, 28

Николай Салос Псковский, блаженный

Блаженный Николай был родом из Псковской земли и прославился тем, что своим вмешательством спас город Псков от кровавой расправы царя Грозного. Дело происходило так. Царь Иоанн Грозный в феврале 1570 года, разгромив по подозрению в измене Великий Новгород, приблизился к Пскову. Царь ночевал в Николаевском Любятове монастыре. Последняя ночь осенила трепещущий город, все жители города предались молитве. Они знали, что Грозный царь пришел, по выражению летописца, с великой яростью, как лев, рыкая, «хотя растерзати неповинныя люди и пролить кровь многую». Вот ударили в колокол к воскресной утрени (была первая неделя Великого поста) и тихий звон смягчил жестокое сердце кровожадного царя: он умилился душою, пришел в чувство и приказал воинам притупить мечи свои о камень – запретил убийства.

Но Господь, по милосердию Своему к людям, вложил в сердце блаженному Своему угоднику Николаю Салосу и христоролюбивому князю Юрию Токмакову, воеводе псковскому, мысль, как совершенно преложить царский гнев на милость. Согласно их приказанию, жители города, каждый перед своим домом, поставили столы с хлебом и солью; когда же царь шел по городу, то жители с женами и детьми стали на колени. Это зрелище тронуло сердце царя. Пройдя в соборную церковь Живоначальной Троицы, он слушал молебен, а из собора зашел в келлию к блаженному Николаю. Блаженный поучал царя с угрозами – не проливать человеческой крови, не грабить святых Божиих церквей. Есть известие, что блаженный предложил при этом своему державному посетителю в виде угощения кусок сырого мяса.

«Я христианин и не ем мяса в пост», – сказал ему Грозный. «Ты пьешь кровь человеческую», – ответил ему блаженный Николай. По другим известиям, блаженный изрек при этом: «Не трогай нас, проходящий, ступай от нас – не на чем тебе будет бежать».

Не обращая внимания на его слова, Грозный велел снять колокол с Троицкого собора, но в ту же минуту пал, по пророчеству святого, лучший царский конь. В ужасе ушел Грозный царь от Пскова. Однако по царскому приказу войско грабило имение граждан, кроме церковного причта, а также церкви и монастыри. Награбленные кресты, иконы, пелены, сосуды, книги, колокола и деньги царь в виде трофея повез в Москву.

Блаженный Николай преставился 28 февраля 1576 года и в силу особенного уважения псковичей был погребен под соборным храмом спасенного им города. Этой почести удостаивались тогда только князья, а впоследствии архипастыри Псковские.

По видению, бывшему в 1581 году Дорофею, старцу Псковского монастыря в честь Покрова Пресвятой Богородицы, во время нападения польского короля Батория на Псков преподобный Корнилий и блаженный Николай с другими святыми ходатайствовали пред Пречистой, чтобы Она умолила Сына Своего за людей согрешивших, и Богоматерь исполнила молитву их. Благодарные псковичи тогда же написали икону Богоматери с предстоящими преподобными Антонием и Корнилием, с князьями Владимиром Киевским, Гавриилом и Тимофеем Псковским и с блаженным Николаем.

Эта икона прославилась чудесами; она была поставлена и доныне находится в Покровской церкви; празднование ей совершается 1/14 октября. Местное празднование блаженному Николаю началось с того же 1581 года, всего пять лет спустя после его кончины.

Эта икона прославилась чудесами; она была поставлена и доныне находится в Покровской церкви; празднование ей совершается 1/14 октября. Местное празднование блаженному Николаю началось с того же 1581 года, всего пять лет спустя после его кончины.

Март, 1

Мартирий Зеленецкий, преподобный

Преподобный Мартирий, по мирскому имени Мина, происходил из города Великие Луки. Родители его, благочестивые и зажиточные, Косма и Стефанида, скончались, когда отроку было менее десяти лет, и он учился Псалтири. Произошло это в первой половине XVI века.

С самого детства Мина был назнаменован особенной благодатью Божией. Под руководством своего духовного отца, священника городского Благовещенского храма Бориса, он, чем более возрастал телом, тем более прилеплялся душою к Богу, питаясь наставлениями достойного пастыря. По принятии же Борисом иноческого образа в обители святых Космы и Дамиана с именем Боголепа, он был вскоре назначен строителем Великолуцкого монастыря во имя преподобного Сергия Радонежского, чудотворца. Мина не захотел более оставаться в мире: раздав нищим имение свое, поспешил к чтимому учителю и был пострижен им в иночество с именем Мартирия.

Не сокрыта была Богом от прозорливого Боголепа будущая духовная высота Мартирия, не сокрыл и он этого дара от избранника, пророчески предсказал своему ученику о будущем основании им обители в обширной пустыне, о населении ее иноками и о том, что сам он удостоится блаженства древних преподобных. Семь лет руководитель и руководимый неослабно трудились Господу в одной келлии, соревнуя друг другу в подвигах труда и молитвы. Один раз в день, в девятом часу, вкушали они хлеб и воду и мало приготовленных овощей. По совершении общих церковных служб и пения вечернего читали повечерие и четыре утренних канона, прилагая к ним еще два, по избранию, тысячу Иисусовых молитв, двести Пресвятой Богородице и шестьсот земных поклонов. После того они творили молитвы на сон грядущим, но ко сну не скоро отходили и большую часть ночи проводили без сна, в ручных трудах, перетирая жерновами зерно в муку. Переноса труды послушничества, Мартирий поставляется келарем монастыря, ему вручается службы казначейства и пономарства. Здесь было

первое явление преподобному Мартирию иконы Богоматери. В полдень вошел он на колокольню и заснул; во сне видит огненный столп, а около него образ Богородицы, именуемый Одигитрией, приложился к образу, а он был горяч от столпа огненного; проснулся в ужасе, осязал чело свое, и оно оказалось также горячим.

В то время пришел боярский сын Афанасий. Тронутый до глубины души примером добродетельной жизни иноков, Афанасий вскоре поселился в их обители и сам принял монашеский образ с именем Авраамия. Боголеп поручил его руководству Мартирия. Случилось, что Авраамий впал в тяжкий недуг, грозивший ему смертью, но после данного им обета, по совету Мартирия, сходить в Тихвин помолиться Пречистой Деве перед чудотворной Ее иконой, болящий инок получил исцеление. В чувстве глубокой благодарности к Пресвятой Деве Авраамий решил посвятить себя служению в честной Ее обители. Оставив монастырь преподобного Сергия, Авраамий пошел в монастырь Тихвинский, где архиепископом Новгородским Пименом, в то время полагавшим начало той обители и распределявшим братию по службам, был поставлен ключехранителем церковным, чтобы всегда быть первым и последним при чудотворной иконе Царицы Небесной за проявленную на нем неизреченную милость Ее. Это произошло в 1560 году, в царствование царя Иоанна Васильевича Грозного.

Преподобный Мартирий, ожидая возвращения Авраамия и раздумывая о нем и о святом месте его пребывания, увидел однажды во сне, будто бы над Тихвином высится огненный столп, а на самой вершине его блистает явленная икона, к которой он устремлялся, чтобы приложиться. Видение это возбудило в душе Мартирия пламенное желание посетить самому обитель Тихвинскую и перед иконой Царицы Небесной молить, чтобы Владычица указала, не шумен ли, не мятежен ли путь его настоящей жизни в избранном монастыре, и куда укрыться ему для совершенного безмолвия.

Он начал готовиться к исполнению этого намерения и тайно склонил одного боголюбца разделить с ним подвиг будущего жития в пустыне. Его останавливала лишь мысль, не противно

ли будет воле Божией исполнение такого желания. С горячими молитвенными слезами просил он указания свыше, и вот явился ему в келлии блаженный Михаил, объявляя, что он должен идти в пустыню один. Веруя, что повеление это давалось ему от Бога, преподобный тайно вышел из монастыря и за 60 верст от него, углубясь в едва проникаемую дебрь, ископал себе малую пещерку близ скудного источника воды и в новом месте посвятил себя молитве. Сам преподобный так пишет о своем отшествии в пустыню в своих записках: «Пришел мне помысл отойти в пустынножителство, и я совещался с их поваром бельцом идти в пустыню, куда наставит Бог. Неожиданно пришел в мою келлию юродивый именем Михаил и сказал мне: «Мартирий, иди один». Потом пошел к повару и ему сказал то же: «Иди один». Я же снова совещался с тем поваром идти в пустыню в праздник Архистратига Михаила. В монастыре шло освящение храма во имя Архистратига Божия. Только начался чин освящения, мы тайно вышли из монастыря и отошли на 60 верст от Великих Лук. В ту ночь выпало снега по колено. Мы нашли глубокую пустыню, решили поставить в ней хижину, но не могли этого сделать, потому что мох был засыпан снегом и мшить хижину было нечем. Подле одного потока, в глиняной почве берега выкопали мы хижину, покрыли ее еловыми прутьями и в ней поселились. За необходимым орудием я послал своего сподвижника в соседнее село, но он ушел и не вернулся. Однако, уходя, сказал одному крестьянину, что в таком-то месте живет один старец. Этот крестьянин приходил время от времени и навещал меня. Я жил в пустыне и питался рукоделием: плел лапти из лыка и с тем крестьянином отсылал по селам к крестьянам. Они присылали за лапти все потребное. Я, грешный, принимал все приносимое с благодарением, моля за них Бога».

Дикая безлюдная пустыня полна была всяких страхований, и преподобный Мартирий картинно описывает это в своих записках. «В этой пустыне принял я великие страхования от бесов. Приходили они ко мне и страшили около наружных дверей хижины моей, говоря между собою: «Спит он». Один бес вошел в хижину и, подойдя, намеревался коснуться меня и

даже удавить. Бесы, стоящие за дверями, побуждали его напасть на меня, но я молился, и бесы были посрамлены». В один праздничный день пустынник чувствовал себя нездоровым, с трудом отпел он дневные службы, через силу приготовил обед и поставил на стол, но ни к чему не прикоснулся, вкусил только сухариков и воды. После того он отписал своему отцу духовному, прося его благословения на пустынный подвиг. Но благословения на это не было дано. Духовный отец писал: «Иди жить в общежительном монастыре». Преподобный Мартирий, не дерзая преслушаться опытного учителя, но вместе размышляя о необходимости исполнить ранее данный обет, направился к Смоленску для поклонения чудотворной иконе Божией Матери, преподобным Аврамию и Ефрему, которых со слезами молил наставить его: что делать, как уготовать себе мир по Бозе. Преподобные Авраамий и Ефрем, представ Мартирию в сонном видении, успокоили его возвещением, что ему назначено жить в пустыне: «Где Бог благословит и Пресвятая Богородица наставит». Тогда, вспомнив бывшее ему прежде явление светозарного столпа и иконы над Тихвином, преподобный Мартирий уразумел значение этого указания и направился к этой обители, уверенный несомненно, что там Господь разрешит окончательно всякое его недоумение.

Найдя в Тихвинском монастыре ученика своего Авраамия, Мартирий поместился в одной с ним келлии и со смирением и покорностью истинного подвижника начал проходить тяжкие в общежительстве послушания, неотступно памятуя Господа, пришедшего в мир, «да не послужат Ему, но да послужит другим».

О своем приходе в Тихвинский монастырь и пребывании там преподобный Мартирий повествует так: «Когда я пришел из Лук Великих на Тихвину к Пречистой Богородице, был там ученик мой Авраамий пономарем, пришедший ранее меня. Я начал жить с ним в одной келлии. Рассказал я Аврамию о пустынном жительстве и прибавил: «Брат Авраамий, я хотел только приучить себя к пустынножительству, чтобы идти в Поморье и быть вдали от людей, незнаемый ими». Авраамий не

одобрил этого: «Не ходи, отче, ни в Поморье, ни куда еще, но иди в ту пустыню и в то место, о которых я скажу тебе. Шел я раз из церкви с книгой по монастырю темной ночью, направляясь к трапезе, посмотрел на небо в ту сторону, где та пустыня, и увидел на небе крест сияющий, как луч, усажен весь звездами, над тем самым пустынным местом. Место это я знаю, оно непроходимо, стоит во мху. Иди на него и не ищи другого. Живи там, пока Бог повелит тебе. Будет с тобою Бог в том месте и Божие милосердие». Вот что рассказал мне про святое место Авраамий, ученик мой. Потом я поселился в эту пустыню, называемую Зеленой».

Какие же побуждения были у преподобного Мартирия идти в уединение из людного Тихвинского монастыря?

Подвижническая жизнь двух братьев о Христе не могла не привлечь к ним всеобщего уважения; известность о них распространялась более и более, в то время как многолюдство богомольцев в знаменитой чудотворною иконою обители постоянно усиливалось. Мог ли терпеть это искавший полнейшей безвестности Мартирий? Неотложно он вознамерился уклониться в какую-либо глухую пустыню. Рассказ Авраамия решил для преподобного, куда ему идти. С этой минуты сердце Мартирия только и жаждало посетить пустыню, указанную Богом Авраамю. С неустрашимым рвением стал он молиться Царице Небесной, да управит его путь, и решился просить благословения на свой подвиг от настоятеля. Оно было дано, и Мартирий, изготовив две малые одинаковой меры иконы, одну – Живоначальной Троицы, другую – Пресвятой Богородицы Тихвинской, списанную с иконы чудотворной, отправился по данному указанию. На пути к пустыне около пяти верст не доходя до нее, находилось селение Бабурино. Здесь Мартирий сведал от одного из поселян по имени Иосиф о месте, к которому направлялся, и просил его провести туда. Едва заметной тропой миновав обширные, опасные и топкие мхи, Мартирий с проводником достиг пустыни, возвышавшейся красивым зеленым островом среди лесистой топи и за этой труднопроницаемой оградой как бы нарочно укрытой для иноческого безмолвия. Мартирий

убедился, что воистину Сам Бог привел его сюда и не напрасно со слезами благодарности повторял слова пророка: *Се удалихся бега и водворихся в пустыне, чаях Бога, спасающего мя (Пс. 54, 8–9)*. Преподобный здесь и остался. Крестьянин Иосиф, указав место, где должны были начаться иноческие подвиги Мартирия, думал уже удалиться, но преподобный, отпуская его, объявил по внушению Духа, открывающего безвестная и тайная, что его ожидают испытания, что в его отсутствие из дома дочь его утонула в колодце при черпании воды, и кроме того погиб вол, приподнятый, как вилами, сучьями высокого дерева. Таким образом при самом вступлении в пустыню, когда Мартирий призывался освятить свою жизнь и нетлением в ней, ему дарована была благодать прозорливости, о которой, конечно, не мог уже не разглашать при всяком случае крестьянин Иосиф. Сам Иосиф время от времени приносил Мартирию пищу. Раз Иосиф, будучи болен, решил дать на помин о себе ржи преподобному Мартирию. Но выздоровел и забыл о своем решении. Тогда во сне он увидел огненный столп над Зеленецкой пустыней, из него простертую руку, рассыпающую на землю огненные искры. Видение устрало Иосифа, он пришел к преподобному с раскаянием и привез рожь. Но пустынный не имел жернова, не был в состоянии превратить ее в муку, а затем в хлеб, и попросил Иосифа продолжить свою милость – смолоть рожь и печь из муки хлеба, что тот и исполнил. Жестоко, многоболезненно было житие Мартирия в этой дикой и угрюмой пустыне. Однако ни дикость места и суровость холодных здесь испарений, ни лишения в самонужнейшем, ни дикие звери этой местности, ни козни врага не могли поколебать доблестного воина Христова, в котором не было ни робости, ни уныния. Ископав себе сперва малую ямину, а вскоре поставив и часовенку в прославление и благодарение Господа и Пресвятой Богородицы, Мартирий непрерывным славословием стал оглашать и освящать пустыню, которая безжизненностью своей доселе пугала народ. Здесь он удостоился снова видеть во сне образ Богоматери. Ему представилось море, а на нем плавает икона Богоматери, подобная явившейся ему. Посмотрел он на правую сторону и

увидел близ иконы Архангела со скипетром, как пишется Гавриил на иконе «Благовещения Пресвятой Богородицы». Архангел приглашает подвижника приложиться к образу, и он после колебаний вступил в воду. Образ стал тотчас погружаться в море и на поверхности осталась только ножка Спасителя. Преподобный взял ножку обеими руками и начал плакать со слезами: «Милостивый Светодавче, если и придется потонуть, пусть это будет с Тобою». И тот же час как бы некоторая буря перенесла образ через море, поставила подвижника на берегу, и образ скрылся.

Пустыня просветлела святою жизнью отшельника, и уже безбоязненно все более и более начали приходить в нее люди, не только чтобы назидаться словом и делом преподобного, но многие и для водворения вместе с Мартирием и для восприятия отшельнического жительства. Умножившееся братство учеников преподобного побудило его приступить к построению первой для служения малой церкви во имя Живоначальной Троицы. В убогую церковь, украшенную иконами из часовни, были перенесены на время и две иконы Пресвятой Богородицы: Тихвинская, принесенная самим Мартирием, и другая – Живоначальной Троицы, принесенная учеником его Гурием. Инок этот по выходе из храма увидел на небе крест, сиявший над крестом церковным, во свидетельство благодати Божией к месту сему и храму.

Скоро стало весьма многим известно население пустыни иноками, так что именитые люди новгородские и бояре начали присылать приношения сюда на храм и на братию. В числе их известный своей ревностью к церкви Христовой, богатый новгородец Феодор Сырков, построивший несколько храмов своей казной, даровал обильные средства для сооружения в Зеленой пустыне каменной теплой церкви Благовещения Пресвятой Богородицы. Этот благодетель Зеленецкой пустыни, называемый то царевым мужем, то новгородским посадником, подпал вместе с другими новгородскими жителями под опалу царя Грозного в последнее пришествие его в Новгород в 1570 г. и был замучен.

Господь благословлял пустынно-подвижнические труды преподобного, и благодать Божия видимо почивала на нем самом. По его словам, однажды в тонком сне ему явилась Божия Матерь.

«И видел я во сне, – повествует преподобный Мартирий, – Богородицу в девичьем образе, благолепную видом. Такой девицы благообразной я не встречал среди людей: умилена лицом, красива видом, длинные зеницы и черные брови, нос средний, опущенный. На голове ее был венец золотой, разными цветами. Невозможно понять умом, не высказать языком, как сиял он подобно солнцу. И вот Она в келлии моей, на лавке, в большом углу, где стоят иконы. Я же будто бы вышел из чулана (где спал), стал перед Нею и смотрел на Нее, не сводя очей своих с Ее красоты. И Она, Царица и Богородица, смотрела на меня. Я глядел, не отрываясь, на Ее святой лик, на очи, исполненные слез, готовых капнуть на пречистое лицо Ее. И тотчас была невидима. Встал я ото сна и был в ужасе. Выходя из чулана, зажег свечу от лампы, чтобы посмотреть, не сидит ли Пречистая Дева на месте, где я видел Ее во сне. Вошел на средину келлии и не увидел на том месте. Подошел я к образу Одигитрии, стоящему в келлии моей, и убедился, что воистину явилась мне Богородица в том образе, как изображена Она на иконе моей».

Вскоре после этого преподобный Мартирий, не имея возможности противиться настояниям многих учеников своих и опасаясь оставить их без пастыря духовного, должен был идти в Новгород, дабы принять от архиепископа сан священства и игуменства. Достоверно неизвестно, который из архиепископов Новгородских, Александр или Леонид, управлявшие епархией в 70-х годах XVI века, удостоили священства и игуменства преподобного Мартирия. Но по писцевым книгам Обонежской пятины видно, что преподобный Мартирий в 1582 году был уже игуменом и имел 12 человек братий в Зеленецкой обители.

После Сыркова Господь не замедлил даровать Зеленой пустыни нового, еще более богатого благодетеля. Преподобному надлежало быть в Москве; на пути старец остановился в Твери, где по царскому повелению проживал

тогда бывший Касимовский царь Симеон Бекбулатович, любимый сын которого в то время находился при смерти от болезни, так как все врачебные средства оставались бесполезными. Когда печальному отцу возвестили о прибытии преподобного, которому уже сопутствовала слава о чудном житии его и о благодатных дарах Святого Духа, на нем напечатленных, последовал призыв старца к новообращенному христианину царю. Но в ту самую минуту, когда царь Симеон с честью встретил подвижника, ему возвестили, что сын его умирает. Видя печаль отца, преподобный сказал ему: «Не скорби, царь, но все упование возложи на Всесильного Бога, во Святой Троице присно славимого, и на Его Пресвятую Матерь, Пречистую Богородицу. Она, всемогущая Его Матерь, нас недостойных благоволит услышать, если мы молимся с верою».

Сотворив молитву перед бывшими с ним иконами Живоначальной Троицы и Пресвятой Богородицы, преподобный начал молебное пение с освящением воды, положив иконы на перси отрока, и тот, будто пробуждаясь от сна, встал с одра здоровый. С этой минуты Зеленецкая обитель обрела в царе Симеоне самого ревностного и щедрого почитателя. Не мог преподобный отречься от дара благотворительности и принял некоторую часть из тех значительных сумм, какие царь Симеон понуждал его принять на полное обстроение монастыря. Преподобный представлял при этом преклонность своих лет и невозможность ему начинать обширные сооружения; тем не менее пожертвования царя были приняты и вскоре построены и украшены церковь Богородицы честной иконы Тихвинской и церковь святителя Иоанна Златоуста, во имя Ангела царевича Иоанна. Вместе с тем же казной Симеона устраивались и улучшались и другие части обители.

Из Твери преподобный Мартирий продолжал свой путь в Москву, чтобы испросить царское утверждение основанному им монастырю. Благодетельный царь Феодор Иоаннович, сын Иоанна Грозного, вступивший на русский царский престол в 1584 году, сочувственно отнесся к просьбе преподобного Мартирия. Последовала жалованная грамота в 7103 (1595) году, из которой видно, что братии Зеленецкого монастыря «повелено

дати, по государевой грамоте, к монастырю три выти земли, и им дано две выти, а за третью выть дано им для их бедности и для монастырского строенья, на ладан и на вино церковное, на службы, на Ладожском озере ко Птинову носу Дубенский проход и Рябковский станок весь с пожнями и с рыбными ловлями и со всеми угождями». Такое царское пожалование, по которому монастырь получил в двух вытях 28 четей земли и богатые рыбные ловли, было весьма значительным приобретением для монастыря.

Преподобный Мартирий достиг между тем глубокой старости и, приготавливаясь к смерти, ископал себе глубокий ров, поставил там своими руками устроенный гроб и проводил возле того гроба много часов в молитвах, слезах и размышлениях. Это делал он и для себя, и было тут назидание спасающимся. Наконец, уразумев час радостного отшествия своего от временной жизни в вечную, созвал он братию на последнее прощание и умолял возлюбленных о Господе чад своих иметь непоколебимую надежду на Пресвятую Живоначальную Троицу и всецело возложить упование на Матерь Божию, как и он, недостойный, верно уповал на Нее, завещал им пребывать неотступно в обители, быть в трудах благодушными и неленостными и в молитвах усердными. Особенно увещевал быть благими, щедрыми, милостивыми, приветливыми ко всем приходящим в обитель, напоминал слова Спасителя: *будьте милосерды, якоже и отец ваш милосерд есть (Лк. 6, 36)*. Увещевал преподобный братию не оставлять свой монастырь, помня, что можно везде спастись, живя с верой. Не советовал подвижник братии хлопотать об обогащении обители земельными вкладами, разрешая принимать от государя лишь милостыню на поминование. Итак, поучив их пути спасения, преподобный объявил, что, отходя телом, духом пребудет всегда с ними, просил, чтобы избрали иного из среды себя пастыря, а не наемника, и заверил, что «если милость Господня на нем обрящется, то об отходящих от жизни в обители сей он имеет желанно и любезно молить Владыку, да спасет и успокоит души их; для живущих же все потребное, благое и спасительное

в болотной и уединенной обители сей да умножится дивно, как в самой честной и славной».

Велика была печаль стада Христова, глубоки были рыдания сердечные, теплы молитвы и искренни излияния преданности и благодарности доброму пастырю, который обитель свою, возросшую из малой хижины до благоустроенного монастыря с большими и благолепными храмами, оставлял в наследие инокам достаточно уже обеспеченной в ее ежедневных нуждах.

«Благословен Господь Бог Израилев, – произнес Мартирий, – яко посети и сотвори избавление людям своим».

Потом, приобщась Животворящих Христовых Таин, в духовном веселии произнес еще несколько слов во спасение, дал братии последнее благословение и изрек: «Мир всем православным», – и почил о Господе светлой кончиной праведника 1603 года, 1 марта. Трудлюбное тело преподобного погребено близ церкви Богоматери, построенной на пожертвование царя Симеона, в могиле, ископанной собственными его руками. В настоящее время мощи преподобного Мартирия покоятся под спудом в подвальном этаже церкви святого Иоанна Богослова.

Март, 2

Варсонофий и Савва Тверские, преподобные

Преподобные Варсонофий и Савва Тверские были игуменами Саввина Сретенского монастыря, основанного недалеко от Твери в 1397 г. Саввиным монастырь назывался по имени основателя или по храму во имя прп. Саввы Освященного, Сретенским же – по главному храму обители, храму Сретения Господня.

Преподобный Варсонофий, старший брат блаженного Саввы, был поставлен настоятелем обители преподобным игуменом Саввой Вишерским (память 1/14 октября), который отправлялся в паломничество на Святую Землю. После пяти лет управления монастырем прп. Варсонофий удалился в пустыню, передав игуменство своему брату, преподобному Савве, и повелел ему принять священный сан, ибо был «чист он от чрева матери своей и достоин такой благодати».

В уединении прп. Варсонофий прожил 40 лет и «во все эти годы, – свидетельствует прп. Иосиф Волоколамский, – другого дела не было у него, как молиться, петь и читать книги. Он брал книги у христолюбцев и по прочтении отдавал, потом брал в другом месте. У блаженного не было ничего, даже медной монеты, ибо любил он нищету и нестяжание. За строгое внимание к себе, безмолвие, молитвы и чтение святых книг он удостоился такой благодати, что помнил все Священное Писание наизусть и свободно передавал его всякому требующему. К нему приходили отовсюду многие иноки и мирские благородные люди, иные для пользы душевной, другие – требуя разъяснения какого-либо места Писания. Даже митрополит всея Руси Фотий по временам присылал к нему с просьбой дать объяснение непонятному изречению Священного Писания, о котором был у него с кем-либо спор».

Известен случай, когда один из братьев, прельщенный бесом, решил похитить из келлии преподобного книги и пал замертво на пороге с книгами за пазухой. Когда блаженный Варсонофий, возвратясь, увидел его, то стал плакать и рыдать, говоря: «Я виновен в смерти брата». Брата отнесли в

монастырь, чтобы предать земле. При отпевании блаженный Варсонофий столько плакал о брате, что все место, где стоял он, было смочено слезами. Когда же стали прощаться с умершим, тогда мертвый начал двигаться. Ему открыли голову, развязали его, и мертвый сел. Братия спрашивали, что видел или слышал он. «Ничего не видал и не слышал я», – отвечал он. Брат жил после этого в монастыре до смерти добродетельно.

Достигнув глубокой старости, прп. Варсонофий вернулся в монастырь к своему брату, прп. Савве.

О духовной строгости прп. Саввы свидетельствует прп. Иосиф Волоколамский (память 9/22 сентября): «Мы видели блаженного Савву, который настоятельствовал в Саввином монастыре, в Тверской стороне, более 50 лет. Он так заботился о своей пастве, что всегда стоял в церковных дверях с жезлом в руке. Если кто-либо из братии не приходил к началу служения в церковь или выходил прежде отпуска, или во время пения разговаривал, или переходил со своего места на другое, то прп. Савва никак не молчал о том, а запрещал, так что не опускал без внимания и малых проступков... Когда нужно бывало, бывал он строг, а когда надобность была, бывал и милостив». Во время страшной эпидемии в те годы в обители преставились все священники. Прп. Савва посещал, исповедовал, причащал больных и сам погребал умерших. Тогда проявилась великая благодатная сила святого подвижника. По словам прп. Иосифа, «когда блаженный Савва посещал больного и сподоблял исповеди, а в это время приходил брат и говорил, что такой-то умирает и требует исповеди, то блаженный отвечал: «иди, брат, скажи умирающему, чтобы не умирал, а подождал моего посещения». Как только брат передавал это умирающему, тому становилось легче; когда же приходил блаженный Савва и удостоивал Святых Христовых Таин, тогда брат умирал. И это было не с одним или двумя, а со многими».

«Пока живы были блаженный Савва и святой Варсонофий, – говорит прп. Иосиф Волоцкий, – в монастыре было все чинно, тихо и мирно при их наставлениях. Если являлся какой-либо строптивый и с худым нравом, они не позволяли ему творить свою волю. Когда же преставились блаженный Савва, святой

Варсонофий и другие отцы – ревнители отеческого предания, выбрали игумена из другого монастыря, и тот начал жить не по уставу сего монастыря и не по преданию тех святых старцев: их предание было такое, чтобы никто не ел и не пил иначе, как за общей трапезой, чтобы не выходили из монастыря без благословения, чтобы отроки не жили по келлиям или во дворе и чтобы женщины не входили в монастырь. Вообще у них все было по уставу общежития. А пришедший игумен все это испортил и оставил без внимания. Спустя немного времени является ему во сне святой Савва и говорит: «Несчастный, почему ты нимало не заботишься о монастырском благочинии и благочестии, но все пренебрег и посчитал ни во что?» И бил его жезлом довольно, так что тот не мог встать с постели. Когда же выздоровел и почувствовал свою неисправность, то уже не мог более и настоятельствовать, а вскоре возвратился туда, откуда пришел». Так прп. Савва и после своей кончины оберегал свою обитель. Преставился прп. Савва около 1467 г., а святой брат его – несколько ранее.

Савватий и ученик его Евфросин Тверские, преподобные

В рукописном описании Тверских святых сказано: «Преподобный Савватий, игумен пустыни, образом сед, брада, аки Иоанна Богослова». Преподобный подвизался по благословению святителя Арсения, епископа Тверского, в 15 верстах от Твери. Савватиева пустынь так была известна по строгости и святости правил ее основателя, что в нее приходили обучаться иноческой жизни такие любители благочестия, как прп. Корнилий Комельский (память 19 мая/1 июня) и Иосиф (Волоцкий) Волоколамский (память 9/22 сентября). Последний уже не застал в живых самого прп. Савватия, блаженная кончина которого последовала не позже 1434 г. Вериги, найденные в пещере, показывают подвижничество св. Савватия против плоти, а пещера, свидетельница чистых, безмолвных молитв его, говорит, что пребывание и с людьми пустыни не всегда было легко душе его, и он по временам укрывался в пещеру для бесед с Господом. Жизнь ученика его отчасти может показать нам, как жил учитель.

Учеником и достойным преемником прп. Савватия по управлению пустынью был прп. Евфросин. В его игуменство в обитель приходил прп. Иосиф Волоцкий (Волоколамский), который записал о своем посещении следующее: «Я видел в Савватиевой пустыне святого старца-отшельника по имени Евфросина. Он был родом из князей Тепринских. В пустыни он прожил безвыходно около 60 лет. К нему приходили за советом многие иноки, князья и бояре, прерывая его безмолвие. Тогда он бежал от людской молвы в Великий Новгород, на озеро Нево (Ладожское), нашел остров и прожил там несколько лет. Окрестные жители, услышав о подвижнике, стали стекаться к нему с женами и детьми, и он вновь вынужден был скрыться, теперь уже в Савватиеву пустынь. Властитель же той земли – князь Борис Александрович – прислал к нему юную дочь свою, тогда обрученную невесту великого князя Иоанна Васильевича; с ней пришли архимандриты, игумены, бояре и стали просить

блаженного Евфросина, чтобы помолился о девице: она была очень больна и в пустыню к блаженному ее принесли на руках. Он отказывался, называя себя недостойным и грешником. Они со слезами умоляли святого, говоря: «Если останется жива по твоим молитвам, то умиришь ты, отче, два княжества». Увидав, что девица впала в тяжелую болезнь, прп. Евфросин приказал отнести ее в церковь, сам стал молиться со слезами и рыданием перед иконой Пресвятой Богородицы. Потом велел петь молебен Пресвятой Богородице и святителю Николаю. Когда окончился молебен, девица открыла глаза и села. Принесшие подняли ее здоровою и в тот же день отвели к отцу ее, прославляя Бога, «дающего благодать угодникам Своим"". Прп. Евфросин, сподобившийся от Бога дара чудотворений, был глубоко чтим народом, князьями и боярами. Святой мирно почил около 1460 г.

Арсений, епископ Тверской, святитель

Святитель Арсений, епископ Тверской, по свидетельству церковного предания, родился в г. Твери от благочестивых, богатых и знатных родителей и получил высокое по тому времени образование. Еще в юные годы отличался он кротостью, не любил рассеянность. По смерти родителей своих, оставшись наследником богатого имения, Арсений обратил дом свой в дом принятия странных и бедных. Но родные сочли такую жизнь молодого человека странной и упрекали его в расточительности. «Полезно ли нам благочестие – увидим за гробом, если не видим здесь», – говорил Арсений. Отчаявшись одолеть «вражду и брань многу», юноша решил расстаться с миром и просил Господа указать ему путь. Ночью во время сна он услышал голос, звавший его в Киев, в обитель Пречистой. Он встал, тайно вышел из города и отправился в Печерскую обитель.

Со слезами объявив настоятелю о своих расположениях душевных, Арсений принят был в обитель и облечен в иночество. Как и всякий новый послушник, проходил он нелегкие послушания, но проходил с любовью. Даже среди иноков древнего монастыря, отличавшихся своим благочестием, Арсений выделялся святой жизнью – строгим хранением монашеских обетов, знанием церковного устава, начитанностью в Священном Писании и трудолюбием. Смирением и искренним благочестием Арсений обратил на себя внимание проживавшего тогда в Киеве митрополита Киприана, будущего святителя Московского († 1406, память 16/29 сентября). Святитель Киприан полюбил инок Арсения и приблизил к себе, посвятив в сан иеродиакона. Когда святитель Киприан занял престол Московской митрополии, он взял с собой в Москву и святого Арсения. Святой Арсений был у владыки архидиаконом, и когда Киприан в 1390 г. возвратился из Царьграда с именем и правами митрополита всея Руси, то, отправляясь в Москву, он взял с собой и Арсения и поручил ему заведовать письменными делами митрополии, ему было поручено также

письмоводительство, он занимался всеми делами, относившимися к внутреннему устройству митрополии.

3 июля 1390 г. Арсений вместе с митрополитом Киприаном прибыл в Тверь, где по просьбе тверского князя Михаила Александровича состоялся собор русских и греческих иерархов для суда над Тверским епископом Евфимием. Князь и епископ были в многолетней ссоре, многие тверичи представляли на епископа обвинения. После безуспешных попыток водворить в Твери церковный мир митрополит Киприан «отставил от епископства» Евфимия и отправил его в Москву, в Чудов монастырь. На место Евфимия митрополит назначил своего архидиакона (в Никоновской летописи – протодиакона) Арсения, «мужа дивна и нарочита и добродетельна суца». Но тот «боялся владычества прияти во Твери, виде бо там вражду и брань многу, и смутися и ужасеся». По возвращении митрополита Киприана и архидиакона Арсения в Москву тверской князь прислал своих бояр с челобитной к митрополиту о посвящении на Тверскую кафедру Арсения. Арсений и на этот раз не соглашался. По словам летописца, в 1390 г. «едва умолиша архидиакона Арсения митрополита быти во Твери». Под угрозой соборного запрещения митрополит и князь наконец получили его согласие на хиротонию, которая состоялась 15 августа 1390 г. Среди епископов, участвовавших в рукоположении его, был святитель Стефан, епископ Пермский (память 26 апреля/9 мая).

Вступив на архипастырскую кафедру, святитель Арсений, как великий молитвенник и миротворец, смог прекратить многие раздоры в Тверском княжестве. И князь Михаил Александрович своим умом, своей твердой волей, своими расположениями душевными поддерживал мир между подчиненными князьями; последние годы свои он особенно посвящал на строение и украшение храмов Божиих. Но князь был уже стар и близился к другой жизни, и для блаженного Арсения служило утешением последнее время жизни его. Князь Михаил, позвав к себе одного епископа Арсения, объявил о намерении своем постричься. Благочестивый епископ одобрил и укрепил в князе доброе желание его – посвятить последние дни очищению

совести и молитве. И, испросив у всех прощения, князь Михаил смиренно поклонился и пошел в Афанасьев монастырь. На четвертый день он был пострижен с именем Матфея (блаженным Арсением) и спустя восемь лет после этого умер.

После Михаила начались сильные раздоры между князьями Тверского княжества. Эти раздоры, сами по себе столько противные духу христианскому, вносили еще раздор в дома боярские, а для народа были сущим бедствием. Много надобно было трудиться святому пастырю, чтобы сколько-нибудь ослабить, если не совсем погасить этот пагубный дух вражды. И труды его не были бесплодны.

Жизнь блаженного пастыря служила назиданием для всех. Всегда тихий и кроткий, он ни от кого не отходил с гневом или враждой; был бескорыстен и не ласкал ничем своего самолюбия; дышал любовью ко всем, забывая себя. Заботливый о славе имени Божия, святитель построил несколько храмов в Твери и ее окрестностях. В его епископство, с 1390 по 1409 г., были построены и освящены соборы в честь Архангела Михаила в Старице и Микулине, обновлен Спасо-Преображенский кафедральный собор, заложена соборная колокольня. Тяготясь делами страстей людских, пустыннолюбивый архипастырь искал себе отдыха пустынного. В 20 верстах от Твери в 1397 г., на реке Тме, им был создан Саввин Сретенский монастырь, первыми иноками которого были преподобные Савва и Варсонофий (память 2/15 марта), принявшие постриг на святой Афонской горе. Не забыл святитель Арсений и обители Печерской, где начинал свои иноческие труды. В 4 верстах от Твери, на реке Тмаке, полюбилось ему место, и он построил здесь храм в честь прпп. Антония и Феодосия, незримых наставников своих, поставил келлии, пригласил иноков и избрал для них игумена. Это было в 1394 г. С того времени он часто проживал здесь, занимаясь богомыслием, молитвами и трудами пустытника. В 1404 г. святитель основал и в следующем году освятил в любимой обители своей каменный храм в честь Успения Богоматери – новое напоминание о близкой к душе его Печерской обители.

К окончанию строительства Желтикова монастыря по повелению святителя Арсения в 1406 г. был сделан список с Киево-Печерского патерика, самая древняя из дошедших до нашего времени редакций драгоценного памятника русской письменности (первого сборника Житий русских святых), получившая в науке название Арсеньевской. Из книг, переписывавшихся по повелению святителя Арсения, сохранились до нашего времени две рукописных «Лествицы» прп. Иоанна Лествичника (1402 и 1404 гг.).

Дабы иметь перед глазами постоянное напоминание о смерти, блаженный Арсений вслед за тем, как окончилось построение обители, начал готовить себе гроб. Собственными руками тесал он его из камня, выдалбливая ложе из одного и крышку из другого камня. Так готовил он душу свою к жизни загробной.

За свою жизнь святитель был удостоен от Бога дара чудес. По церковным песнопениям, св. Арсений имел «ум преподобен», «страстьми непорабощен», «слово мудростно и смиренно», «душу чисту» и был «князем учитель правых веры, вельможам твердое защищение, сирым яко отец милосерд, вдовицам теплое заступление, скорбящим утешение, болящим исцеление».

Кончина святителя Арсения последовала Великим постом 1409 г. К так называемому «соборному воскресенью» (воскресенье после первой седмицы поста, неделя Православия; в этот день к епископу съезжались священники и составляли епархиальный собор) по обыкновению съехалось в Тверь духовенство. Во вторник святитель Арсений произнес поучение к пастырям, благословил их и распустил собор. Скончался святитель 2/15 марта.

Святитель Арсений был погребен в Желтиковом монастыре, в притворе правого придела во имя образа Нерукотворенного Спаса Успенской церкви, в той самой гробнице, которую изготовил своими руками. По свидетельству летописи, у гроба его совершалось много исцелений с верой приходящих.

В «Иконописном подлиннике» святитель Арсений описывается следующим образом: «Подобием стар, сед, брада

аки Сергиева, в схиме, мантия с источники, омофор перекинут через плечи кольцами наперед, правая рука благословенна, в левой Евангелие».

Мощи святителя Арсения были обретены нетленными в Желтиковом монастыре в 1483 г. С того же года в Твери было установлено празднование ему по благословению Тверского епископа Вассиана.

Служба святому составлена в XVI веке; канон и стихиры Феодосия, инока Желтикова монастыря, составлены в 1483 г.

На серебряной раке святителя Арсения были изображены семь его чудес: первое – воскрешение рыболова Терентия; второе – дарование сына Иоанну Карташу; третье – исцеление протоиерея Алексия, страдавшего ногами; четвертое – исцеление девицы Устинии Головенковой; пятое – спасение одного человека от удушения; шестое – с покровом святого, когда в 1606 г. поляки ворвались в Желтиков монастырь, один всадник сорвал покров над ракой святителя и положил на своего коня. Конь взвился на дыбы и упал вместе с всадником, обоих нашли мертвыми; седьмое – исцеление Григория и жены его, бывших душевнобольных. Канонизация святителя Арсения состоялась на Московском Соборе 1547 года.

Ко второй памяти святителя Арсения, в первое воскресенье после 29 июня, ныне приурочено празднование Собора Тверских святых.

Март, 4

Даниил Московский, благоверный великий князь – преставление

Благоверный князь Даниил был четвертым сыном святого и приснопамятного великого князя Александра Ярославича Невского. Был он последним среди братьев своих, как и прадед его, великий князь Всеволод Юрьевич. Так князей Даниила и Всеволода уподобил Господь древнему царю, богоотцу и пророку Давиду: и тот был младшим из братьев своих.

Сей блаженный князь Даниил остался без родителей двух лет от рождения, и от младенческого возраста Господь хранил его. Господь избрал его, и возрастил, и устроил. Никто не ходил на него ратью, и ему досталась в наследие богохранимая держава преименитого града Москвы. Бог возлюбил и прославил Даниила князя и его праведное потомство и допустил их княжить и царствовать в роды и роды. Если в то время держава Московская и не была так многовластна, как впоследствии, но и тогда блаженный и великий князь Даниил никем побежден не был. Когда случалась среди братьев князя Даниила и сродников междоусобная брань близ его державы, он, храбрый и мужественный, всегда стремился проявить себя смиренномудрия рачителем. Мужественно вооружался он на враждующих с ним, выходил на них с воинством, но утишал вражду без кровопролития.

Неизбежно вовлекаемый в междоусобия князей русских, блаженный князь Даниил Александрович показал себя миролюбцем. В 1282 г. он соединил московские войска с войсками своего брата Андрея, боровшегося за великое княжение Владимирское, против другого брата – Дмитрия; но при первой встрече у града Дмитрова вооружившиеся заключили мир, и кровь не лилась. В 1292 г., когда князь Андрей привел в Россию полчища татар, домогаясь великокняжеского стола, и они грабили города, блаженный князь Даниил миролюбиво впустил татар в свой город, не быв в состоянии силой охранить его. Когда Андрей стал великим князем владимирским, в 1296 г. открылись ссоры между русскими

князьями, но и Андрей признал тогда правоту блаженного князя Даниила, а епископы Владимирский Симеон и Сарский Измаил убедили на съезде князей во Владимире прекратить ссору миром. Когда же вслед за тем Андрей хотел с войском своим завладеть Переяславлем Залесским, святой князь Даниил вместе с тверским князем Михаилом встретили Андрея с сильной ратью, и после переговоров в другой раз заключен был мир. В 1301 г. был съезд князей в Дмитрове. На этом собрании блаженный Даниил окончил миром все пререкания с Андреем и прочими князьями.

Так время княжения своего блаженный князь Даниил прожил мирно, десница Божия защищала его от всякой брани и крамолы, во все дни его жизни никто не нанес ущерба державе его, и сам он не покушался насилеиом приобретать чужие области, благодаря Бога за дарованное ему в жребий благословенное наследие – державу преславного града Москвы.

Старшие его братья княжили тогда каждый в доставшейся им по наследию области: великий князь Димитрий – в Переяславле на озере, при нем живал в Переяславле всероссийский митрополит преосвященный Кирилл, где и скончался, тело же его перевезено было в град Киев, бывший тогда стольным градом всероссийской митрополии, и положено в церкви Святой Софии. Митрополию затем занял Максим, родом грек. Сей митрополит, не стерпев насилия от татар, навсегда переселился из Киева во Владимир со всем клиром в лето 1300-е, месяца апреля в 18-й день, епископу же Владимирскому Симеону поручил Ростовскую епископию. Когда митрополит Максим прибыл во Владимир, от тяжелого и долгого пути задремал в своей келлии. И вот во время сна увидел он великий и необычный свет, в том свете явилась Пречистая Дева Богородица с Предвечным Младенцем на руках и сказала митрополиту: «Раб Мой Максим, хорошо ты сделал, придя в сей град». Подавая затем митрополиту омофор, Пречистая сказала: «Приими сей омофор и паси в граде Моем словесных овец». Митрополит принял омофор и пробудился: в келлии не было никого, но омофор был в руках его. И прославилось чудо сие по

всей Русской земле и в Палестине, а митрополит повелел написать образ тем подобием, как было ему видение.

Со времен блаженного князя Даниила честь и слава первокняжения и первосвятительства начали приближаться к боголюбивому граду Москве; здесь Господь возжелал сугубо прославить Свое святое имя, благоизволив утвердить и первосвятительство, и боговенчанное царство.

В 1301 г. благоверный князь московский Даниил Александрович, услышав, что у града Казани собралось множество татар, пошел туда с войском, чтобы воспрепятствовать нахождению варваров и не дать им в разорение отечество свое. У града Переяславля победил он полчища татар и, взяв в плен союзника татар князя рязанского Константина Романовича, привел в Москву, но не отягчил его участи жестокостью, напротив, ласково угощал его и содержал в почете.

Когда скончался брат святого князя Даниила Димитрий, другой его брат, князь Андрей, отправился в Орду добиваться у татарского хана признания его права на великое княжение. Затем (в 1302 г.) скончался бездетным и племянник Даниила князь Иоанн Димитриевич Переяславский, и завещал державу свою, княжество Переяславль-Залесское, младшему дяде своему, сему блаженному князю московскому Даниилу, но не старшему своему дяде, князю владимирскому Андрею, который считал себя наследником Иоанна и уже распорядился в Переяславле через своих бояр. Область Переяславская вместе с Дмитровом была одной из первых, как по числу жителей, так и по крепости главного города. Переяславль обведен был глубоким рвом с водой, высоким валом, двойной стеной с 12 башнями. Это новое владение вывело князя московского на степень князя весьма сильного, и сын блаженного князя Даниила – Георгий – уже стал великим князем. Так, по воле Божией, первенство российского скипетродержания без борьбы переходило в род князя Даниила. Он же, рачитель смиренномудрия, имея в уме пророческое слово: *богатство аще течет, не прилагайте сердца* (Пс. 61, 11), нимало не вознесся мыслью, не возжелал первенства державы. Святой

князь мыслил о нем с кротостью, не услаждался властолюбием, но больше ограждался страхом Божиим, преуспевал в братолюбии и уклонялся от жажды славы. Поэтому благодать Божия умножалась на нем, держава его распространялась, и он уже не был вынужден переменять место своего пребывания; в град Переяславль он послал своих наместников, а наместники брата его, великого князя Андрея, бежали из Переяславля.

Богоугодно господствуя в Московской области, блаженный князь Даниил построил за Москвой-рекой монастырь, который зовется по его имени Даниловский, создал церковь во имя Ангела своего, прп. Даниила Столпника, и поставил в нем архимандрита. В монастыре сем и сам князь сподобился пострижения в иночество. И так, приняв схиму, отошел он ко Христу в лето 1303-е, месяца марта в 4-й день на 42-м году от рождения своего. По своему смирению не пожелал он быть положенным в церкви, но в монастыре, где погребали всех братьев. Тогда переяславцы взяли себе в князя сына Даниилова Георгия и не пустили его на похороны отца.

Через 27 лет, в 1330-м г., месяца мая в 1-й день, сын блаженного князя Даниила Александровича великий князь Иоанн, по прозванию Калита, перевел по благословению св. Феофноста, митрополита Всероссийского, тот Даниловский монастырь с архимандритией внутрь града Москвы, на свой княжеский двор, поставил здесь церковь во имя боголепного Преображения Божия, устроил новый монастырь, а древний Даниловский и все имение Даниловского монастыря и самый погост Даниловский и иные монастырские села передал архимандриту новосозданного монастыря Святого Спаса, соединив таким образом оба монастыря под одним началом. Спустя много лет, по нерадению архимандритов Спасских, монастырь Даниловский обнищал так, что и след его изгладился, осталась только одна церковь во имя святого Даниила столпника. И прозвалось то место – сельцо Даниловское. О монастыре же не сохранилось и слуха, как будто его и не существовало.

Монастырь святого Спаса существовал внутри Москвы в княжеском дворе до лет благочестивого великого князя Иоанна

Васильевича III. Он снова перевел монастырь из града Москвы на новое место над Москвой-рекой, по ту ее сторону, на горе, называемой Крутицы, в расстоянии обозрения от места древнего Даниловского монастыря. Сия снова перенесенная обитель и доныне зовется Спасовой на Новом. Во граде же Москве церковь Преображения Господня была обращена в собор мирских иереев и в ней учреждено протопопство. Сия церковь и ныне зовется Спас на Бору.

Однажды великий князь Иоанн Васильевич ехал мимо места древнего Даниловского монастыря, где почивали честные мощи блаженного князя Даниила. Тогда у одного знатного юноши в полку княжеском споткнулся конь, и он остался один среди пути. И вот внезапно сему юноше явился незнакомый человек. Тот, увидев незнакомца, испугался; явившийся же сказал ему: «Не бойся меня, ибо я христианин, месту же сему господин. Имя мое Даниил Московский. По Божию изволению положен я здесь, на Даниловском сем месте. Иди, юноша, к великому князю Иоанну и скажи ему: вот, ты всячески себя утешаешь, зачем же меня предал забвению? Но если он забыл меня, то Бог мой не забывал меня никогда». Сказав сие, он стал невидим. Юноша тотчас сел на коня своего и скоро догнал великого князя. Видя его ослабевшего, испуганного, осунувшегося лицом, князь сказал ему: «Где ты замешкался и кого испугался? Почему в таком трепете приехал сюда?» Юноша рассказал ему подробно все, что видел и слышал. Великий же князь с того времени уставил петь соборные панихиды и Божественные службы и устроил раздачу милостыни и трапезы по отшедшим душам своих родственников, поживших в благочестии.

Спустя много лет новый великий князь Василий Иоаннович ехал однажды в сопровождении множества своих приближенных. Когда бывший среди них князь Иоанн Михайлович Шуйский приблизился к церкви святого Даниила, где почивали мощи блаженного князя Даниила Александровича, над которыми в древние годы был положен камень, то князь Шуйский наступил на сей камень и начал с него садиться на своего коня. Случившийся тут крестьянин сказал тогда ему:

«Господин князь, не дерзай садиться с сего камня на коня своего. Знай, что здесь положен блаженный князь Даниил». Князь Иоанн, видя место Даниловское в небрежении и сочтя обличавшего его крестьянина невеждой, не обратил внимания на слова его и, не подумав, сказал: «Мало ли тут князей!» И стал садиться на коня. Вдруг конь стал на дыбы, пал на землю и испустил дух. Князя же еле живого вытащили из-под коня. Князь раскаялся в своей дерзости и повелел иерею служить молебен по поводу своего прегрешения и панихиду по блаженном князе Данииле. И вскоре Шуйский выздоровел, по молитвам блаженного и великого князя Даниила.

Во дни царя Иоанна Васильевича, всея Руси самодержца, в городе Коломне проживал купец. Однажды сей купец поехал в лодке с товарами ко граду Москве и с ним был его юный сын. Сего юношу постигла тогда такая сильная болезнь, что отчаялись в его спасении, и он был при последнем издыхании. Когда купец с сыном приплыли к церкви, где почивали честные мощи блаженного и великого князя Даниила, купец принес своего больного сына ко гробу князя и велел иерею той церкви петь молебен, а сам с великой верой и обильными слезами стал молиться Богу, призывая в молитве святого князя Даниила, прося продления жизни своему сыну, которого и возложил на честный гроб князя Даниила. И тотчас сын его, как бы пробудившись от сна, стал здоровым. Тогда он взял своего исцеленного сына и пошел в путь, славя Бога и святого князя Даниила. С тех пор отец сильно уверовал в святого угодника и каждый год в день исцеления своего сына приходил ко гробу святого, совершал там молебны и творил милостыню.

Царь Иоанн Васильевич, видя то место Даниловское, где почивали честные мощи блаженного князя Даниила, в небрежении и забвении, сам стал ежегодно приходить к мощам сим, и митрополит со священным собором установили совершать там ежегодно панихиды и службы о святом. Царь повелел там устроить каменную церковь и воздвигнуть монастырь, собрать иноков и составить общее житие.

В 1652 году 30 августа обретены нетленными мощи святого князя Даниила и по повелению великого государя царя и

великого князя Алексея Михайловича перенесены в храм во имя святых Отец семи Вселенских Соборов обители святого Даниила, где и доселе сии мощи видимы всем приходящим и почитающим их. По молитвам святого и блаженного князя Даниила помилуй нас, Христе Боже наш, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Георгий Всеволодович, благоверный князь Владимирский – преставление

Святой благоверный князь Георгий (Юрий) был сыном великого князя Всеволода, по прозванию Большое Гнездо. Родился в 1189 году. По свидетельству летописи, св. Георгий был украшен добрыми качествами. С юных лет он отличался горячей любовью к Богу и делами благочестия, стараясь выполнять заповеди Божии и храня в сердце своем страх Божий. Еще в ранней юности он содействовал благоустроению владимирской Рождественской обители, благотворил ей, приходил в эту обитель «ко всякому церковному пению – к тому, что произносится, и чтениям из Священного Писания усердно внимал и слышимые книжные слова полагал себе на сердце, и размышлял часто в уме своем о том, что христианам должно в Царство Небесное войти многими напастями».

По завещанию отца (1212 г.) он первоначально назначен был ростовским князем, но старший брат его Константин, владея великим княжением, не отдавал ему и Ростова, в котором жил, вследствие чего отец, лишив Константина великого княжества, объявил Георгия Владимирским, великим князем. После Липицкой битвы (в 1216 г.), когда Георгий был разбит, братья примирились и бездетный Константин объявил Юрия своим преемником. В 1217 г. Георгий, по смерти брата, опять взошел на престол Владимирский.

Сделавшись великим князем, он явил особое усердие к делу религиозного просвещения и утверждения христианской веры как между своими подданными, так равно и между иноверными соседними народами. С этой целью он основал Нижний Новгород и построил в нем два благолепных храма, которые и были первоначальным рассадником Православия в той области. Суздальский храм Спасителя и храм Божией Матери во владимирском женском монастыре (оба каменные) – памятник благочестия Георгия. В 1225 г. в 140 верстах от Костромы на месте явления иконы св. вмч. Георгия основал на горе Юрьевец Поволжский. Был князь весьма милостив: даже

врага своего отпускал он от себя с дарами и не берег имущества своего, раздавая милостыни бедным, украшая храмы Божии иконами и книгами; почитал чин иноков и священников и подавал им нужное; приносил молитвы Господу днем и ночью. Любя святую веру, он горячо любил и православную Русскую землю, за что еще при жизни был почтен от благодарных современников титулом «отца и государя».

Благоверный князь отличался воинской доблестью, и в 1228 году наказал войной дикую мордву, а болгар усмирил. Когда пришли в Россию татары, Георгий вооружился против них и расположился с войском на берегах реки Сити. В 1238 г. Батый явился под стенами Владимира; город был взят, семейство Георгия погибло, большая часть жителей побита и немногие взяты в плен. Узнав о гибели своего семейства и народа, Георгий приготовился к решительной битве и сразился с татарами на реке Сити. Русские бились мужественно, но должны были уступить превосходству силы: Георгий пал в рядах своих воинов (4 марта 1238 г.). Ростовский епископ Кирилл отыскал в куче мертвых обезглавленное тело Георгия, которое узнал по княжеской одежде, привез его в Ростов и положил там в храме Богоматери. Положенная во гроб глава его прильнула к телу так, что даже не стало заметно следов отсечения. В 1239 г. тело Георгия перенесено из Ростова во Владимир братом его Ярославом и положено в Успенской соборной церкви «по обещанию, в честь и славу великому князю Георгию мученику, владимирскому чудотворцу». Около этого времени состоялось и церковное прославление святого.

Св. Церковь восхваляет св. Георгия, как «разумного светильника веры, добре пострадавшего и кровию мучения своего Церковь обогрившего», как «великого князя и страстотерпца, яже Российскую землю просвещаючи и мрак греховный отгоняючи, исцелений благодать всем источает».

Герасим Вологодский, преподобный

Преподобный Герасим был одним из первых подвижников Вологодского края; но сам он не был вологодским уроженцем.

Преподобный родился в Киеве. Еще в детских летах он помышлял о жизни отшельнической. Возмужавши, он решил принять пострижение в монашество, для чего и отправился в одну находившуюся недалеко от Киева обитель, именовавшуюся Гнилецкой, или Глинецкой. Придя сюда, преподобный обратился с просьбой к насельникам этой пустыни принять его в свое общество. Видя усердное желание преподобного, гнилецкие подвижники приняли его в свое общество и после непродолжительного искуса (испытания) облекли его в монашеское одеяние.

Под руководством гнилецких старцев, опытных в жизни духовной, преподобный Герасим начал усердно подвизаться в трудах иноческих. Потом, смиряя свое тело и укрепляясь молитвой, юный подвижник преуспевал все более и более, совершенствовался с каждым днем в добродетелях.

Когда подвижник достиг возраста, потребного для получения сана священного (не менее 30-ти лет), подвизавшиеся с ним братья предложили ему принять на себя сан пресвитера.

Герасим из смирения не хотел принять на себя великого сана, но, уступая настойчивым просьбам братии, должен был исполнить их желание.

В сане пресвитера преподобный еще с большим усердием начал подвизаться в трудах иноческой жизни. Помня слова Спасителя: «ему же дано будет много, много взыщется от него», святой Герасим не старался скрывать данного ему от Бога таланта доброделания, но приумножал его.

Подобно светильнику, святой Герасим светил всем своей доброй жизнью, каждодневно приносил Богу Бескровную жертву, с великим благоговением и страхом подвизаясь беспрестанно в молитве и посте. При этом подвижник заботился не только о своем личном спасении, но и о спасении ближних

своих. Горя истинно христианским желанием быть полезным для других, он оставил страну Киевскую и решил идти на дальний север, в область Вологодскую, для просвещения ее светом веры Христовой.

После продолжительного и трудного странствования по лесам и болотам, преподобный достиг, наконец, 19 августа 1147 года берегов реки Вологды. На месте нынешнего города Вологды тогда было небольшое селение или посад с церковью Воскресения Христова. Герасим выбрал себе для жительства глухой лес, отделявшийся от посада Вологды ручейком Кайсаровым. Здесь, в полуверсте от реки Вологды, среди лесной чащи, преподобный Герасим устроил скромную келлию и в тишине уединения, никем и ничем не развлекаемый и никому не ведомый, всецело предался богомыслию и подвигам суровой отшельнической жизни, дни и ночи проводя в молитвах и псалмопении.

Мало-помалу келлия преподобного Герасима становилась известной жителям посада Вологды. Видя святую жизнь отшельника, многие из поселян приходили к нему, прося его молитвы и совета. И сам преподобный, ближе познакомившись с жителями Вологды и увидев их недостаточные познания в вере Христовой, так как христианство в то время только начало распространяться в обширном Заволжском крае, возгорелся пламенным желанием послужить делу душевного спасения их. С этой целью преподобный решил построить здесь храм во имя Пресвятой Троицы, намереваясь в то же время основать при нем и обитель.

С юношеским одушевлением и неутомимым усердием начал преподобный Герасим рубить лес и очищать место для постройки. Но когда он обратился за помощью и содействием к тамошним жителям, то его просьба была встречена на первых порах довольно холодно. Из числа соседних и ближних крестьян сначала не нашлось никого, кто бы захотел поселиться с ним, принять монашеское пострижение и разделить с ним его труды, тем более, что на севере Руси тогда не было еще ни одной обители монашеской, и для обитателей Вологды это дело казалось новым и неслыханным.

Но преподобный Герасим не только не нашел в жителях дальнего севера сочувствия своему святому делу, но встретил даже противодействие со стороны одного тамошнего богатого землевладельца. Несмотря на то, что землевладелец был христианином, он по причине своей чрезмерной скупости сначала не хотел отдать преподобному землю, необходимую для храма и монастыря; земля в то время ценилась очень дешево, в особенности в том глухом краю.

Тяжело было переносить ревностному подвижнику такое несочувственное и холодное отношение к осуществлению его святого намерения – создать Божий храм и обитель. Однако преподобный не пал духом и не отчаялся в успехе своего предприятия, но, вооружившись терпением, еще с большим усердием и ревностью продолжал начатое, трудясь каждый день с утра до вечера.

Между тем слух о намерении преподобного старца построить храм Божий и при нем монастырь распространился по окрестности. Строгая подвижническая жизнь преподобного, его мужество, твердость и терпение удивляли и изумляли окружающих его поселян и прославили его. Его отеческие беседы и наставления, дышавшие истинно христианской любовью, все более и более привлекали к нему сердца их. Одни пожелали содействовать преподобному в его трудах по постройке церкви и обители, другие захотели под его старческим руководством подвизаться и сожительствовать ему. Так вскоре был устроен храм во имя Живоначальной Троицы и вместе с тем создан первый и древнейший в северных пределах Руси Троицкий Кайсаровский монастырь.

До нас не дошло никаких сведений о жизни и деятельности преподобного Герасима по устройении им храма и обители до самой блаженной его кончины, последовавшей в 1178 году. Но, без сомнения, в эти тридцать лет он совершил много подвигов, просвещая страну вологодскую светом своих добродетелей и учения евангельского.

Более четырех веков процветала потом обитель Пресвятой Троицы, привлекая множество богомольцев к цельбоносному гробу своего основателя, подававшего исцеления всем с верою

к нему прибежавшим. Но в 1612 году, когда было совершено нападение польско-литовских шаек на город Вологду, обитель преподобного Герасима была совершенно опустошена и разорена. Жители разоренной Вологды по удалении неприятеля занялись возобновлением и устройством своих домов, но забыли об обители. Тогда преподобный позаботился о том, чтобы место, освященное его трудами и подвигами, не пришло в совершенное забвение: он чудесно открыл и указал, где покоятся его святые мощи, и через это снова явил для страны вологодской и для всей России неисчерпаемый источник благодатных даров и исцелений. Случилось это так. Одна женщина, проживавшая в Вологде, была 12 лет слепой. Чудотворец явился ей во сне и сказал: «Попроси кого-либо отвести себя ко мне, в прежде бывший Троицкий монастырь, в верхнем посаде, и над гробом моим отслужи панихиду; если исполнишь это, будешь здорова».

Видение было столь живо и поразительно, что женщина та тотчас же пробудилась от сна и сказала, обратившись к преподобному, как бы видя его своими духовными очами перед собою: «Угодник Божий! Как могу я узнать то место, где ты почиваешь? Я слепа, да и место твое святое, по грехам нашим при нашествии иноплемеников разорено».

Преподобный отвечал ей: «Если ты действительно веришь в мою помощь, то ты увидишь место это». И потом, взяв у нее платок, сказал ей: «На том месте, где найдешь завтра платок свой, там и проси отслужить панихиду».

На другой день, рано утром, слепая просила отвести себя в бывший Троицкий монастырь и, нашедши свой платок в северном углу монастыря, просила тут отслужить панихиду по преподобному Герасиму, после которой она прозрела. Таким путем снова сделалось известным место земных трудов и подвигов преподобного. Теперь уже многие, одержимые разными болезнями, стали приходить сюда для того, чтобы получить, по молитвам угодника Божия, исцеление от недугов своих.

За этим первым чудом, записанным в XVII столетии, потекли многие другие благодатные исцеления от гроба

преподобного Герасима: вода, освященная в гробовой часовне, земля с могилы его мгновенно облегчали болезнь и возвращали здоровье страждущим. Не только все, приходившие в часовню с верой для поклонения гробу преподобного, получали просимое и выходили из нее здоровыми, но часто угодник Божий и сам являлся больным, до того совершенно его не знавшим, и приказывал им идти к своему гробу, обещая при этом исцеление от разных недугов.

Из числа многих чудес, совершенных преподобным Герасимом, приведем лишь те, которые записаны с большою подробностью и обстоятельностью.

Крестьянин Вологодского уезда Иаков Савелов долгое время был нездоров ногами. Болезнь становилась все более серьезной, так что, наконец, он слег в постель и был не в состоянии сдвинуться с места. Несмотря на усиленное лечение, помощи от врачей и знахарей Иаков не получил никакой. Когда больной не имел уже ни малейшей надежды на свое выздоровление, явился ему преподобный Герасим и говорит: «Иаков! Вели детям своим вести тебя ко мне в часовню, в Троицкий монастырь; у гроба моего отслужи панихиду и милостью Божией ты будешь здоров».

Вскоре после явления преподобного Иаков почувствовал облегчение от недуга своего и, полагая, что он уже совершенно освободился от него, не счел нужным исполнить повеление святого и идти к его гробу.

Однако, не прошло и двух недель после того, как крестьянин снова сделался нездоров и начал страдать гораздо сильнее прежнего. Когда, наконец, страдания вразумили его, привели его в сознание своей виновности перед преподобным и он начал раскаиваться и жалеть о своем непослушании, тогда ему снова явился преподобный Герасим, повелевая немедленно исполнить свое прежнее приказание. На этот раз Иаков поспешил в Троицкую обитель и когда, по совершении панихиды, приложился к иконе, находившейся при гробе преподобного, и испил освященной воды, тотчас же почувствовал себя совершенно здоровым и в благодарность за свое исцеление положил обещание написать икону

преподобного и ежегодно, в день его памяти, приходить на поклонение к его гробу.

Житель Вологды Аникий был нездоров глазами и более года не мог выходить из своего дома по причине своей слепоты. Мать его Антонина, по обещанию больного, привела его в церковь Пресвятой Троицы, основанную преподобным Герасимом. По совершении здесь молебствия слепец приложился к иконе святого, твердо веруя в его чудодейственную помощь. Тотчас же слепой прозрел и возвратился домой без провожатого, славя Бога и угодника Его, заступника болящих – преподобного Герасима.

Игнатий, уроженец города Каргополя, проживавший в Вологде, работая в лесу, почувствовал нестерпимую зубную боль; мучимый ею, он принужден был оставить работу и возвратиться домой. По дороге он молился преподобному Герасиму, обещая мысленно сходить на поклонение его гробу, – и болезнь его мгновенно прошла.

Получив исцеление и возвратясь домой, Игнатий в течение трех суток не вспомнил о своем обещании и не позаботился об исполнении его. На четвертый день у него опять заболели зубы и настолько сильно, что все лицо его опухло; от нестерпимой боли он упал навзничь и лежал на земле долгое время как мертвый. Увидевши в таком положении Игнатия, жена его бросилась к нему с плачем и слезами, подымая его с земли. При этом она сказала ему с горечью: «Забыл ты свое обещание преподобному Герасиму и тем прогневал Господа!»

Услыхав это, Игнатий вспомнил о своем обете и тотчас же, нимало не медля, отправился в путь, намереваясь помолиться у гроба угодника Божия. В то же мгновение Игнатий почувствовал облегчение от своих страданий.

Дорогой ему пришло на ум, что, быть может, он напрасно трудится и что от молитвы его едва ли будет ему какая-нибудь польза. Но лишь только он подумал это, болезнь его снова начала усиливаться. Тогда Игнатий понял, что он не случайно подвергается болезни, что враг спасения нашего, диавол, старается искусить его и вселяет в его ум сомнение для того, чтобы лишить его благодатной помощи преподобного Герасима.

Игнатий старался тогда побороть искусительные помыслы и утвердиться верою в угодника Божия, со слезами призывая его к себе в помощь.

К Троицкой церкви Игнатий пришел во время вечерни и по окончании ее просил отслужить панихиду в часовне при гробе преподобного Герасима. После панихиды Игнатий с верой приложился к иконе преподобного и испил освященной воды. Тотчас же он почувствовал себя совершенно здоровым.

Старица София из Вологды, сильно страдала глазами и наконец совершенно потеряла зрение. Однажды ночью явился ей во сне преподобный Герасим и повелел отправиться к Троицкому монастырю, чтобы совершить там панихиду при его гробнице. Однако София не придавала веры своему видению, почитая его мечтанием; на следующую ночь видение повторилось, и тогда старица велела вести себя к тому месту, где был Троицкий монастырь. Придя в часовню преподобного, она пала ниц перед его иконой, со слезами прося себе исцеления своего недуга. По окончании молебствия слепая София тотчас же прозрела и возвратилась в дом свой совершенно здоровой.

Священник одной из церквей Вологодской епархии Фома Андреев, прибыв к Троицкой церкви в 1666 году, просил местного священника Григория отслужить в часовне над гробом преподобного Герасима панихиду и после нее объявил, что год тому назад он был сильно нездоров и ничего не видел правым глазом более пяти недель. Услышав о чудесах, совершающихся при гробе преподобного, он стал призывать его себе на помощь, и когда однажды вечером, ложась спать, дал обещание сходить для молебствия ко гробу его, то поутру пробудился совершенно здоровым. В благодарность за исцеление он поставил для себя за правило ежегодно бывать у гроба чудотворца.

Много и других дивных и чудесных знамений сотворил Бог через Своего славного угодника преподобного Герасима.

В грамоте патриарха Адриана 1691–1692 гг. о месте упокоения угодника Божия говорится так: «А лежит он под спудом в земле, на краю Вологодского посада, при приходском храме Живоначальной Троицы на монастыре, в часовне; в ней

гробница, под часовню ход, и с гроба берут там персть; а под часовней, против гробницы, лежит на земле камень синий и от земли вверх до помоста часовни полтора аршина». Когда вместо панихид при гробе преподобного Герасима стали петь молебны, другими словами, когда началось местное празднование ему, остается неизвестным точно. Несомненно, это произошло после 1691 года и, может быть, до учреждения Святейшего Синода (1721 г.).

Василий и Иоасаф Псковские, преподобные

Преподобные Василий и Иоасаф подвизались одновременно в Пскове в XIII столетии. О жизни преподобного Василия не сохранилось никаких сведений. Известно только, что он был игуменом древнейшей псковской обители – Спасо-Мирожской. Там протекала его подвижническая жизнь, там удостоил его Господь и мученической кончины.

Преподобный Иоасаф был игуменом другой древней псковской обители – Снетогорской. Древние псковские синодики называют его и основателем этого монастыря. Много и материальных средств, а равно трудов и забот положено было подвижником для внешнего и внутреннего благоустройства обители. На высокой горе, названной от обильного весеннего лова снетков Снетной или Снятной, воздвиг он благолепный храм во имя Рождества Богородицы и братские келлии. Но не об одном внешнем благолепии обители и многочисленности братии заботился прп. Иоасаф. Он хотел видеть в своей обители подвижническую жизнь и ввел строгий устав иноческого общежития. Монахам предписывалось уставом не иметь в монастыре ничего своего, а довольствоваться общей монастырской трапезой и одеждой. Изгонялось все, что могло напоминать собою роскошь: сермяжное, суровое платье велено было выдавать из монастырской казны и строго запрещалась одежда из немецкого сукна, распространенного тогда в Пскове благодаря торговым сношениям с Западной Европой. Молитва, воздержание и труд должны были наполнять жизнь инока и отвлекать его от греховных мыслей. Желая, чтобы и после его кончины устав соблюдался в обители без всяких изменений, преподобный Иоасаф обязал иноков клятвенным обещанием ни в чем не отступать от заведенного в монастыре порядка и правил церковного и келейного благочиния. И благодаря заботам подвижника его обитель заняла среди псковских монастырей первое место по благоустройству. Сюда стекались любители подвижнической жизни, здесь избирали себе место вечного успокоения некоторые из благочестивых псковских

князей и граждан, здесь же положили начало своим подвигам и новые светильники Псковской Церкви: преподобный Евфросин (память 15/28 мая) и преподобный Савва Крыпецкий (память 28 августа/10 сентября).

Неизвестно в точности, как долго руководил жизнью своих иноков преподобный Иоасаф. И его, как и преподобного Василия, Господь удостоил страдальческой кончины и притом в один день с преподобным Василием.

Обители преподобных игуменов находились вне городских стен и не имели защиты. При частых нападениях на Псков немцев, шведов и литовцев они прежде всего подвергались опустошениям со стороны врагов. Так было и 4 марта 1299 года.

Немцы в огромном числе напали на Псков, зажгли Спасо-Мирожский и Снетогорский монастыри, и во время пожара в храмах, вместе с другими иноками сожжены были и преподобные Василий и Иоасаф. Число пострадавших с ними их сподвижников древние источники указывают различно: по одним, погибло 17 иноков, по другим известиям, 27. Много пострадало в это время в Пскове и иноков других монастырей, а также женщин и детей; но мужчин, пишет летописец, Господь сохранил. Соединившись под знаменем псковского защитника, благоверного князя Довмонта, они вышли против врага и возле храма святых апостолов Петра и Павла, на берегу реки Псковы, нанесли немцам полное поражение. Устрашенные мужеством псковичей и их вождя, немцы тщетно искали спасения в бегстве: большая часть их была избита или захвачена в плен, часть утонула в реке Пскове, и только немногие спаслись бегством.

Тотчас по изгнании врага благоверный князь Довмонт вместе с посадником псковским Иоанном Дорогомиловым позаботились о погребении святых останков иноков-мучеников и о возобновлении сожженных обителей. Преподобные Василий и Иоасаф вместе с их сподвижниками были погребены в храмах их обителей. Там под спудом почивают их мощи и ныне: глава же и две кости преподобного открыто, в особом ковчеге, хранятся в Снетогорском храме.

Подвижническая жизнь и мученическая кончина преподобных Василия и Иоасафа, вероятно, очень скоро после

их кончины, вызвали церковное прославление их в Пскове. По крайней мере в одном из древнейших пергаментных псковских прологов под 5 числом марта помещена уже их память. В псковской летописи и в старинных псковских синодиках день блаженного успения преподобных помещен под 4 марта. В этот день совершается их память и ныне.

Из числа безымянных сострадальцев преподобных Василия и Иоасафа в летописи назван пресвитер Иосиф, а в упомянутой выше проложной заметке – пресвитер Константин.

Василий, благоверный князь Ростовский, мученик

Благоверный князь Василий, или Василько, как называют его древние летописи, был сын великого князя Константина Всеволодовича и родился в Ростове Великом в 1209 году. Усобица отца с великим князем Георгием почти не затронула Василия, тогда еще ребенка. Из его детских лет известно одно событие – «постриги» в 1212 году, а затем в 1218 году он остался сиротой после кончины своего отца, великого князя Константина. Незадолго перед смертью Константин послал детей своих на уделы, – Василька в Ростов, – и, отпуская, обратился к ним следующим наставлением: «Любезные дети! живите в любви между собою, Бога бойтесь всей душою и соблюдайте Его заповеди во всем; живите, как жил я, нищих и вдовых не презирайте, не уклоняйтесь от церкви, чтите иерейский и инокский чины, внимайте учению книжному, будьте в любви между собой, и Бог мира да будет с вами; слушайтесь старших, они учат вас добру, а вы еще молоды возрастом. Вижу, дети мои, что приблизился конец мой. Поручаю вас Богу и Пресвятой Богородице и брату моему Георгию, который вам будет вместо меня».

Князь Константин выделялся среди своих современников начитанностью, книголюбием, собрал большую библиотеку из славянских и из греческих книг, заставлял переводить с греческого языка на русский. Сообщил ли отец эту любовь к просвещению своим детям, в частности, святому Василию, неизвестно: так рано оборвалась жизнь последнего, что трудно судить о разных сторонах личности благоверного князя.

Его деятельность протекает в великое княжение святого Георгия Всеволодовича. В 1220 г. благоверный князь Василий по приказанию великого князя посылает свои полки из Ростова и Устюга против болгар на реку Каму, а потом сам идет против болгар в Городец на Волге. Спустя три года Василий вместе с ростовцами ходил на помощь южным князьям против татар, впервые появившимся в южных степях, но за дальностью расстояния его помощь опоздала: в Чернигове князь узнал о

страшном поражении русских на реке Калке и возвратился в Ростов. В 1224 г. князь Василий помогает двоюродному брату Всеволоду Георгиевичу, не поладившему с новгородцами и ушедшему из Великого Новгорода в Торжок, а через год идет с великим князем в Чернигов на помощь святому князю Михаилу против курского князя Олега. В 1227 году благоверный князь Василий вступает в брак с дочерью святого князя Михаила Черниговского Марией; венчание совершается в Москве.

Далее идет ряд походов против мордвы. Еще в 1221 г. основанием Нижнего Новгорода при впадении Оки в Волгу было положено начало колонизации мордовского края. Но многочисленное финское племя не хотело добровольно подчиниться колонизаторам – русским и нападало то на Нижний, то на Суздальскую землю. Поэтому князю Василию пришлось в 1228 году идти походом в Мордовскую землю, потом вернуться вследствие проливных дождей, а в начале следующего участвовать в походе с великим князем Георгием против тех же иноплеменников. Этот поход был удачный: князья вернулись с многочисленным полонем.

До сих пор благоверный князь Василий действовал в полном согласии с великим князем, своим дядей Георгием Всеволодовичем. Но беспокойный Ярослав Всеволодович сумел привлечь на свою сторону Василия; однако «Бог не попустил быть лиху», как замечает летописец, – до вооруженного столкновения не дошло, и князья примирились в Суздале.

Близость свою к великому князю и покорность ему Василий засвидетельствовал после, когда гроза монгольского нашествия разразилась над нашей родиной. Когда враги хлынули на великое княжество Владимирское, разгромили полки рязанского князя, взяли Коломну и Москву, великий князь Георгий пошел собирать войско за Волгой и на реке Сити узнал о гибели стольного города Владимира и своего семейства. Здесь великий князь и сложил свою голову в страшной битве с татарами.

Вместе со святым князем Георгием против безбожных татарских полчищ бился и его племянник, ростовский князь Василий Константинович, именуемый Василько. Зловерные

татары захватили в полон святого князя, отвели его в свой стан и остановились у леса Шеринского. Увидав его мужество, храбрость и красоту, враги начали увещевать его, то обещая милости, то грозя мучениями, и даже предлагали ему воевать вместе с ними против князей русских. Но блаженный князь не склонился ни на ласки, ни на угрозы. Не приняв оскверненной их пищи, ни питья, он обличал безбожную их прелесть и, укоряя их, говорил: «Или думаете вы, сыны тьмы и скверны, что Бог возлюбил вас, предав нас в ваши руки? Нет! Он всегда любит и милует верующих в Него. В настоящие дни скорби Он только благоизволил таким наказанием очистить нас от прегрешений наших и в будущем веке даровать жизнь бесконечную. И никто не в силах отторгнуть меня от веры Христовой, хотя ныне я приемлю от вас великую тяготу за грехи мои перед Господом Богом. Вы же, окаянные, дадите ответ перед Господом за то, что погубили великое множество народа христианского, но Господь освободит души их, и вы будете мучимы в неугасающем огне в бесконечные веки».

Злобные татары, с скрежетом зубов услышав речи святого князя, воспылали желанием пролить кровь его и начали готовить ему мучения. Блаженный князь, видя это, стал приуготовлять себя к смерти, и было уныло лицо его, истомленное долгим страданием и неядением. Со слезами он исповедал Господу все грехи свои и, возведя очи к небу, молился: «Господи Боже мой! Ты ведаешь все тайны души моей и все помышления мои; очисти, Боже меня, от всех прегрешений моих, по Своему великому милосердию. Господи! Ты спасаешь уповающих на Тебя и любящих Тебя, Ты являл многократно Свою милость на мне грешном, и ныне избавь душу мою от незаконных плотоядцев. Господи Боже, Вседержителю Царю, сотвори ныне по молению моему, воздай достойное врагам нашим, не ведущим Тебя, истинного Бога, и помоги рабам Твоим – воинству христианскому. Помилуй, Господи, отца моего духовного епископа Кирилла, спаси супругу мою княгиню Марию и чад моих Бориса и Глеба. Ныне последнее приношу тебе благодарение, когда крепость тела Моего увядает и все помышления сердца моего исчезают.

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, в руце Твои предаю дух мой, дай почить мне в славе Твоей!»

После молитвы нечестивые варвары, долго мучив святого князя, наконец предали его смерти. Произошло это 4 марта 1238 года, в четверток 4-ой седмицы Великого поста. И причтен был князь Василий к лику святых мучеников, омыв кровью свои согрешения.

Блаженное же тело его было повержено в лесу. Одна верная и боголюбивая жена, по имени Мария, увидала в лесу тело святого князя и поведала мужу своему Адриану, поповичу. Они взяли тело убиенного князя и, обвинив его полотенцем, положили в сокровенном месте. Узнав об этом, княгиня Мария и епископ Ростовский Кирилл отправили посланных мужей и взяли тело святого, чтобы перевезти его в Ростов. И когда посланные стали подходить к Ростову, то навстречу им вышло множество народа, все проливали слезы жалости, горько сетуя, что лишились такого князя. Святые мощи князя Василия были погребены в Успенском соборе в Ростове, который был достроен сим князем, где и до сего дня почивают. И от плача не слышно было пения церковного.

А был князь Василько, как летописец сообщает, красив лицом и выше меры храбр, был он боголюбив, нищелюбив, богобоязнен, всегда чтил сан иерейский, сирым был отец, голодающим – кормитель, о неимущих непрерывное имел попечение, печальным всегда подавал утешения; любовно и ласково он поступал с своими вельможами и с служащими ему, и кто бы из бояр ни служил у князя Василия, никогда не оставлял его для другого князя; в нем обитало мужество и светлый ум, истина и правда были его спутниками. Посему и хвалим был князь Василий от всех людей, а за свою веру сподобился получить венец нетленный от Христа Бога нашего.

Март, 5

Феодор Смоленский и чада его Давид и Константин, благоверные князя Ярославские

Святой благоверный князь Феодор по прозванию Черный, внук Владимира Мономаха, сын Ростислава Мстиславича, князя смоленского, родился в грозную для Руси годину польского нашествия, около 1237–1239 гг., и был в крещении наречен во имя святого великомученика Феодора Стратилата (память 8/21 февраля), особо почитаемого русскими князьями-воинами. С юных лет он отличался смирением, строгой нравственностью и благочестием. И св. князю Феодору суждено было Богом прославиться в Русской земле воинскими подвигами.

В 1239 г., когда молитвами Пресвятой Богородицы святой воин-мученик Меркурий (память 24 ноября/7 декабря) избавил Смоленск от Батыева пленения, отрока Феодора в городе не было: его увезли и укрыли на время войны в безопасном месте. В 1240 году умер его отец, князь Ростислав, правнук благоверного князя Ростислава Смоленского и Киевского († 1168; память 14/27 марта).

Старшие братья, наследники, поделили между собой земли отца своего, выделив младшему – отроку Феодору – маленький Можайск. Здесь прошло его детство, здесь учился он Священному Писанию, церковной службе и воинскому искусству.

В 1260 году святой князь Феодор женился на Марии Васильевне, дочери святого благоверного князя Василия Ярославского († 1249; память 3/16 июля), и стал князем Ярославским. У них родился сын Михаил, но вскоре святой Феодор овдовел. Он много времени проводил в ратных трудах и походах, сына его воспитывала теща, княгиня Ксения.

В 1277 году объединенные дружины русских князей, среди которых был св. Феодор, в союзе с татарскими войсками участвовали в походе в Осетинскую землю и во взятии «славного града их Тетякова». Союзные войска одержали в этой войне полную победу. Дело в том, что со времен святого Александра Невского († 1263; память 23 ноября/6 декабря)

ханы Золотой Орды, видя несломленную духовную и военную мощь Православной Руси, были вынуждены изменить свое отношение к ней, стали привлекать русских князей к союзу, обращаться к ним за военной помощью. Русская Церковь промыслительно использовала это сближение для христианского просвещения инородцев. Уже в 1261 году стараниями святого Александра Невского и митрополита Кирилла III в Сарае, столице Золотой Орды, была учреждена епархия Русской Православной Церкви. В 1276 году Константинопольский Собор под председательством Патриарха Иоанна Векка (1275–1282) отвечал на вопросы русского Сарайского епископа Феоноста о порядке крещения татар и принятии в Православие бывших среди них монофизитов и несториан. В эти годы и оказался в Орде святой князь Феодор. Отличившийся ратными подвигами в осетинском походе, он вызвал к себе особенное расположение хана Менгу-Темира, который почтительно относился к Православной Церкви, первый выдал ханский ярлык о церковной неприкосновенности митрополиту Кириллу. В летописи сказано: «А князя Феодора Ростиславича царь Менгу-Темир и царица его вельми любяще и на Русь его не хотяше пустити мужества ради и красоты лица его».

Три года пробыл святой Феодор в Орде. Наконец «царь отпустил его с великой честью», и князь прибыл в Ярославль. К этому времени супруга его, Мария, уже умерла, в городе правила княгиня Ксения с внуком Михаилом. Ярославцы не приняли вернувшегося из Орды князя: «Не прияша его во град, но рекоша ему: «Сей град княгини Ксении, и есть у нас князь Михайло»».

Святой Феодор должен был вернуться в Орду. Царица, жена хана Менгу-Темира, «его любяще зело и хотяше за него дщерь свою дати. Такой брак имел бы для Руси большое значение. Хан долго не соглашался на него, считая русских князей своими «улусниками» (то есть вассалами, подданными). Выдать дочь за русского князя значило признать за ним равное достоинство. И еще важнее: это значило для хана признать превосходство Православия, потому что прежде венчания

нужно было, чтобы татарская царица приняла святое крещение. Хан пошел на это, слишком важен для него был союз с Русью: «и царевну повелел за князя Феодора дати, и повелел ее прежде крестить, а православной веры не повелел осквернить». Так женился святой Феодор на дочери могущественного татарского хана Менгу-Темира, нареченной в крещении Анной. «Царь же его весьма чтит и повелел ему садиться напротив себя, построил ему дворец, дал князи и бояре на послушание».

Там, в Орде, и родились у святого Феодора Черного его сыновья – святой благоверный князь Давид († 1321 г.) и святой благоверный князь Константин. Огромное влияние, которое святой Феодор приобрел в Орде, он использовал во славу Русской земли и Русской Церкви. Православие все более укреплялось среди татар, ордынцы усваивали русские обычаи, нравы и благочестие. Русские купцы, зодчие, мастера несли русскую культуру на берега Дона, Волги, Урала и дальше до самой Монголии. До сих пор археологи находят православные иконы, кресты, лампы по всей территории прежней Золотой Орды, вошедшей в состав России. Так начиналось великое миссионерское движение Русской Церкви на Восток, просвещение светом Евангельской истины всех племен до Великого океана. Русские православные князья и их дружинники, участвуя, как союзники, в монгольских походах, узнавали и осваивали бескрайние просторы Азии, Сибири и Дальнего Востока. В 1330 году, всего через тридцать лет после смерти святого Феодора Черного, китайские летописцы напишут о русских дружинах в Пекине.

Святой Феодор жил в Сарае до 1290 года, когда «пришла ему весть с Руси, от града Ярославля, что его сын первый, князь Михаил, преставился». Дав князю богатые дары и большую дружину, хан отпустил его на Русь. Вновь став князем в Ярославле, святой Феодор начал ревностно заботиться об усилении и благоустройстве своего города и княжества. Особенную любовь проявлял он к обители Преображения Господня. Слава его гремела по всей Руси, все князья искали с ним дружбы и союза. Но он больше всех любил сына святого

Александра Невского, Андрея Александровича, поддерживал его во всех начинаниях, когда тот был великим князем владимирским, ходил с ним в походы, делил радость побед и горечь поражений.

В 1296 году едва не разразилась кровопролитная братоубийственная война между двумя группами князей: на одной стороне были святой Феодор и великий князь Андрей, на другой – святой Михаил Тверской († 1318; память 2/15 ноября) и святой Даниил Московский († 1303; память 4/17 марта). Но кровопролитие Божией помощью удалось предотвратить. На Владимирском съезде князей (1296 г.) епископ Владимирский Симеон и епископ Сарайский Измаил сумели примирить обе стороны. Сам факт участия в съезде святого князя Феодора и сарайского владыки Измаила говорит о том, что первый употребил все свои дипломатические дарования и влияние в Орде, чтобы способствовать установлению мира на Русской земле.

Не порывались связи святого Феодора Черного и с его отчиной – Смоленском, хотя княжить ему там было непросто. Так, в 1297 году святой Феодор ходил походом к Смоленску восстановить свои законные права на Смоленское княжение, захваченное его племянником. Но взять город и стать снова смоленским князем ему в этот раз не довелось.

Вскоре после того похода святой князь-воин занемог. 18 сентября 1299 года угодник Божий повелел перенести его в Спасо-Преображенский монастырь, чтобы принять монашеское пострижение. Во время окончания обряда святой Феодор попросил прервать священнодействие. По благословению игумена, во исполнение воли умирающего, князя вынесли на монастырский двор, куда сошлось уже множество ярославцев. «И исповедался князь перед всем народом, если согрешил перед кем или нелюбие держал на кого. И кто перед ним согрешил и враждовал на него – всех благословил и простил и во всем вину на себя принял перед Богом и людьми». Лишь после этого решился смиренный воин завершить свой необычный и многотрудный жизненный путь принятием

ангельского образа. Всю ночь игумен и братия молились над святым князем.

В два часа ночи начали звонить к утрени. Напутствованный Святыми Тайнами Христовыми, святой Феодор безмолвно лежал на своем иноческом ложе. Когда же иноки начали третью «Славу» Псалтири, он осенил себя крестным знамением и предал душу Господу. Вид его в гробу был необычен: «Чудно бе зрети блаженнаго, на одре же лежаща не яко умерша, но яко жива суца. Светилось лице его солнечным лучам подобно честными сединами украшено, показуя душевную его чистоту и незлобивое сердце». Преставление святого благоверного князя Феодора отмечается Церковью 19 сентября/2 октября.

После него в Ярославле правил его сын – святой Давид († 1321). Второй из его младших сыновей, святой Константин, видимо почил ранее. Церковное почитание святого князя Феодора в Ярославской земле началось вскоре после его смерти. В 1322–1327 гг., по благословению и заказу епископа Ростовского Прохора, в память почитаемого владыкой святого Феодора было написано и украшено миниатюрами знаменитое Феодоровское Евангелие. Епископ Прохор был прежде игуменом Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. Вероятно, он лично знал святого князя, мог быть очевидцем его пострижения и всенародного покаяния.

Историки думают, что лучшие миниатюры, вшитые в эту драгоценную рукопись, принадлежали более раннему Евангелию, владельцем которого был сам святой Феодор Черный и которое он привез с собой в Ярославль как благословение из родного Смоленска.

5 марта 1463 года были обретены в Ярославле нетленные мощи святого князя Феодора и чад его, Давида и Константина, которые прославились чудесами. В следующем же году они были положены в каменную раку в соборной церкви Спасо-Преображенского монастыря. Летописец, очевидец события, записал под этим годом: «Во граде Ярославле в монастыре Святого Спаса лежали три князя великие, князь Феодор Ростиславич да дети его Давид и Константин, поверх земли лежали. Сам же великий князь Феодор велик был ростом

человек, те у него, сыновья Давид и Константин, под пазухами лежали, зане меньше его ростом были. Лежали же во едином гробе». Это обстоятельство так запечатлелось в восприятии очевидцев и современников обретения его мощей, что запись об этом вошла в проложные жития князя Феодора и в «Иконописные подлинники».

Житие святого князя Феодора Черного было написано вскоре по обретении мощей иеромонахом Ярославского Спасского монастыря Антонием, по благословению митрополита Московского и всея Руси Филиппа I. Другая редакция Жития была написана Андреем Юрьевым в Кирилло-Белозерском монастыре. Третье, наиболее подробное, Житие святого Феодора вошло в «Книгу степенную царского родословия», составленную при царе Иоанне Грозном и митрополите Макарии. Русский народ сложил о святом князе Феодоре духовные песни, которые на протяжении столетий распевали «калики перехожие». В них прославляются благочестие и правосудие, милосердие и благотворительность святого, его забота о строительстве и украшении храмов. Сложность исторических судеб, суровость эпохи, бесчисленное множество врагов – не личных, но врагов России и Церкви, – только ярче подчеркивают для нас величие подвига святых создателей России.

Адриан Пошехонский, преподобномученик

Был некий черноризец по прозванию Бестуж, настоящее же имя его одному Богу известно. В 1540 г. он появился в монастыре преподобного Корнилия Комельского († 1538; память 19 мая/1 июня). В то время подвизался там преподобномученик Адриан в сане иеродиакона. Он увидел боголепного старца Бестужа в храме Пресвятой Богородицы, был поражен его видом и обратился к нему с вопросом о его имени. Старец отвечал: «Я Бестуж». Адриан пригласил его в свою келлию и стал с ним беседовать о душевной пользе. В этой беседе старец сказал Адриану: «Я вижу в тебе чадолюбивого отца и пустынножителя: ты построишь прекрасный храм Пресвятой Богородицы и соберешь много иноков. Что мне сказать тебе? Ты сам, отец, поучаешь нас своим смирением. Впрочем, я знаю одну непроходимую пустыню; в ней никто из людей не селился, и боголюбивым людям она очень удобна для спасения. Господь сказал: «Прославляющего Мя прославлю»".

Слова сии побудили Адриана немедленно отправиться к игумену Лаврентию, преемнику основателя монастыря преподобного Корнилия, за благословением удалиться из монастыря в пустыню. Преподобный Корнилий завещал учеников своих, желающих пустынножительства, отпускать беспрепятственно. Посему игумен Лаврентий благословляет брата своего во Христе Адриана с послушником его старцем Леонидом. Прощание произошло у гроба преподобного Корнилия. Облобызав чудотворный гроб своего учителя, иеродиакон Адриан с своим учеником Леонидом и черноризцем Бестужем отправился в пределы Пошехонские 13 сентября 1540 года. Старец Бестуж остановился со своими спутниками в диком дремучем лесу между селениями Белым, Патробольским, Шелынедомским, Веретейским, Кештольским и Ухорским и вдруг стал невидим. Удивились Адриан и Леонид сему и прославили Бога, говоря: «Откуда явился к нам сей преподобный старец и привел нас в этот великий лес, в непроходимую пустыню? Или Бог послал Ангела Своего и

указал нам сей истинный путь в свой духовный праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста? Воспоем песнь Богу со слезами!» И они пропели весь праздничный канон и совершили все церковное правило. Тогда по всем окрестным селениям народ слышал звон в глухом диком лесу, да и прежде того по многим дням во всех окрестных селениях слышали то же.

После славословия преподобные отцы Адриан и Леонид поставили образ Пресвятой Богородицы на большой дуб у реки Ветху и долго ходили по дубраве, разыскивая пути в населенные людьми волости и выбирая места, где бы им поставить келлию для молитвы о православных и на спасение своим душам.

Во время их хождения белосельские поселяне отправились на рыбную ловлю по реке Ветху вниз и против того места, где на дубе был поставлен образ Пресвятой Богородицы, поймали двух таких больших щук, каких прежде не лавливали, да и после лет двенадцать таких крупных рыб не попадалось, а только мелкие. Один из рыболовов вышел на берег, увидел образ Успения Пречистой Богородицы на дубе и стал звать своих товарищей. Они побежали на гору, думая, что он встретил зверя, но он показывает им образ Богородицы. Все удивились, откуда взялся образ в этих непроходимых местах. Некоторые полагали, что кто-либо из их же поселян хочет занять это место себе для жилища. Первый, увидевший образ, поселянин с дерзостью хотел снять образ и взять себе и отнести домой, но Пречистая Богородица не допустила сделать этого: невидимая сила оттолкнула его на десять локтей от образа. Товарищи, видя сие, стали со слезами упрекать его за дерзость, а он лишился языка и ничего не мог сказать; они стали трясти его за руки и за ноги и старались привести в чувство. Когда он очнулся, товарищи стали спрашивать, что с ним случилось за его бездельный поступок. Рыболов отвечал: «Я никакого бездельного поступка не сделал; я только истомился с вами на рыбной ловле, взошел на гору и заснул. Мне явился старец в черных ризах, убеленной сединой, и сказал: «Не дерзай, чадо, на образ Пречистой Богородицы, иди с миром на дело, для

которого вышел"". И опять поселяне удивились сему чуду и прославили Бога и Пречистую Его Матерь. Положивши на землю перед образом Богоматери пшеничный хлеб и большую рыбу, поселяне, радуясь, опять отправились на рыбную ловлю.

Между тем поставившие образ иноки стали возвращаться к нему. Сначала пришел старец Леонид и, увидев хлеб и рыбу, стал потихоньку звать: «Адриан, Адриан, поди сюда, смотри: Богородица послала нам хлеб и рыбу». Подошел Адриан и увидел хлеб и рыбу, обратясь к образу Пречистой, воскликнул громким голосом. «О великое имя Пресвятой Троицы! Пресвятая Госпоже Богородице, помогай нам, нищим рабам Твоим. Мы искали в этом диком лесу самого высокого места, чтобы там поселиться: Ты же, Царица Небесная, восхотела остаться на сем обыкновенном месте и сожителемствовати с нами, послав хлеб Свой и рыбу! Моли Сына Твоего и Бога нашего, чтобы Он устроил полезное для нас на сем месте на спасение душам нашим. Благоволи, Царица, и благослови нам, рабам твоим, воздвигнуть Тебе храм во имя честного и славного Твоего Успения. И если нам Бог пошлет духовную братию чернечествовать вместе с нами, устрой в долготу дней и место сие и храмы и пропитай нас и братию нашу и преемников наших».

После сего они воспели песнь Богородице: «Преукрашенная Божественною славою» и прочее.

После сего преподобный Адриан с послушником своим старцем Леонидом построил себе небольшую хижину под тем великим дубом на речке Ветху. Здесь они прожили довольно долго, трудясь Бога ради и испытывая разные напасти пустынной жизни как от бесов, так и лукавых людей. Адриан помышлял о том, как бы ему получить благословение у митрополита на построение церкви. Избравши удобное время, он отправился вместе с Леонидом в царствующий град Москву. Здесь, помолившись Спасу Вседержителю и Пречистой Богородице и великим чудотворцам Московским, просят благословения у митрополита Макария. Преосвященный митрополит Макарий благословляет старцев и, по их прошению, повелевает им воздвигнуть храм во имя Пречистой Богородицы,

честного и славного Ея Успения, и дает им грамоту, освобождающую от всяких даней с церкви. Христоролюбивые московские люди, князь, бояре и воеводы, видя смелое и решительное желание старцев построить в пустыне пречестной храм, давали им щедрую милостыню на построение церкви и создание монастыря. Великий святитель Макарий митрополит вместе с тем благословляет и поставляет иеродиакона Адриана на священство и игуменство, дает ему настольную грамоту и повелевает священникам, диаконам и инокам и прочим людям его слушать и во всем повиноваться, как пастырю и учителю. Дав словесное духовное наставление, митрополит отпустил Адриана с миром в его пустыню.

Возвратившись в свое место, игумен Адриан заложил церковь 31 мая 1543 года. Он воздвиг небольшую церковь с трапезой во имя Пречистой Богородицы, честного Ея Успения, радуясь душою и веселясь сердцем. Он освятил церковь и призывал христоролюбивых людей к себе в обитель. Видя все это, люди недоумевали. Одни радовались о милости Божией и Пречистой Богородицы, так как верст на девяносто оттуда в Пошехонских местах не было обители; другие же, именно некоторые местные поселяне, говорили: «На наших придворьях поселяются чернецы, чтобы владеть и нами».

Вообще же православные христиане окрестных селений оказывали любовь к старцам и многие изъявляли желание с ними чернечествовать; даже жены их душевно радовались, говоря по церквам своим: «Вот возникает честная обитель: будет кому вводить в ангельский образ». Впрочем, женский пол в обитель преподобных не имел совершенно доступа.

Пустынные подвижники прилагали труды к трудам и приходили от подвига в подвиг, от добродетели в добродетель, подавая пример ученикам во всех путях своих, в молитве, посте и трудах. Когда они читали Божественное Писание, то не велегласно и не красно, но смиренным и кротким голосом, – один читает, а другой объясняет: так они повелевали делать и ученикам своим. Призывали они и мирских людей страдальцев в церковь на молитвенный подвиг и сами неустанно молились Богу и Пречистой Богородице со слезами, день и ночь, призывая

на помощь себе великих чудотворцев, чтобы обитель их распространилась и тела их на пустом месте не лежали.

Труды и молитвы пустынников не были тщетны: милостью Божией и предстательством Пресвятой Богородицы и великих чудотворцев обитель расширилась и устроилась, и слава о ней распространилась далеко за окрестные пределы. Братия стали умножаться, построены были келлии и особая черная изба для приготовления пищи и питья и для печения хлеба.

Из основателей монастыря старец Леонид скончался первый. Прп. Адриан с братией погребли старца с честью и оплакали его в надгробных песнопениях.

По преставлении старца Леонида наступили тяжкие бедствия для пустынной обители. Окрестные поселяне, по внушению лукавого, задумали разорить пустыню, ограбить ее и погубить преподобного Адриана с братией.

В 1550 году 5 марта, в канун памяти 42-х мучеников Амморейских, со среды на четверг, вооруженные злодеи белосельцы явились в монастырь, одни в доспехах с мечами, другие в саадаках (саадак – полный прибор вооружения луком и стрелами: лук с налучьем и стрелы с колчаном), прочие с копьями и рогатинами. Для них Христова Четыредесятница еще не достаточно исполнена была древними святыми мучениками в странах Цареградских, и Римских, и Севастийских, в Газе, Синае и Раифе и других местах. Но прежние мучители отвращали от Христа, а эти окаянные возмутились ради прибытка и приехали дополнять число Христовых мучеников в русском царстве сими пустынниками. Разбойники стали избивать братию, стреляли, рубили и кололи копьями. Преподобный Адриан скрылся от убийц в задний дровяник, но окаянные мучители отыскали его там под дровяником, оцепили игумена веревкой за горло и, притащивши в переднюю келлию, подвергли ужасным пыткам: царапали бритвами и прижигали огнем, допрашивая, где находятся у них «животы и статки», где их имущество и деньги. Преподобный Адриан отвечал: «"Животы" наши у Всемилового Спаса на небесах, а «статки» наши на земле; ослабьте немного муки мои, я их достану и отдам вам в руки». Мучители пустили нагого

страдальца. Преподобный, встав, достал горшочек, в котором было сорок рублей, подал мучителям и сказал: «На эти статки, на это серебро я и братия намеревались, было, создать большую церковь во имя Пречистой Богородицы». Мучители сказали: «Мы сейчас создадим тебе собственной силой!» Преподобный отвечал: «Горька мне ваша церковь и тошно мне создание ваше; прискорбна душа моя при смерти! Вот серебро, создание наше, и жизнь моя в руках ваших; статки наши вне моей келлии, а кругом много иноков. Отпустите меня ради Бога, братья мои, чернечествовать в Корнилиев монастырь, и я ни в каком случае не вернусь сюда, а спасу душу свою там, у отца своего Корнилия!» Мучители сказали: «Мы воздадим тебе шлем спасения и пошлем тебя к Царю Небесному!» Презревши мольбу старца, схватили его и вторично оцепили за шею. Преподобномученик сказал: «Как агнец ведусь на заклание, как овца безгласная в руках своих сторожей отверзаю уста свои!»

Потом мученик Адриан стал молиться: «Господи Боже мой! Прости прегрешения этим людям, ибо не ведают, что творят. Прими дух мой с миром, не помяни беззаконий моих, сделанных пред Тобою. Не презри моления моего, Пречистая Богородица, и родины моей, города Ростова! Отцы мои духовные и братия, сопостники и духовные дети мои, и великие сородичи, простите меня Бога ради и благословите: уже иду к судищу Христову и более не свижусь с вами на свете сем, по слову Господню: земля еси и в землю пойдеша».

После сего злодеи вытащили его веревкой вон из келлии и придавили полозьями саней. Тут мученик Адриан испустил дух свой.

Злодеи тогда приступили к грабежу. Перевязали всю братию и послушников и побросали в подполья, чтобы никто не мог подать вести в соседние села, и поставили вокруг обители и конюшни сторожей (коровьего двора не существовало). Грабители не пощадили и церкви Божией: выломали дверь и Царскими вратами вошли в алтарь и там за престолом нашли трех учеников преподобного, вытащили их вон из церкви в

трапезу и начали мучить и спутывать, как козлов, так что кости их хрустели. Тут был убит старец Давид.

Разбойники разграбили все имущество обители: мед и воск, книги и масло, ларцы и платье, посуду и все прочее, что было строителями собрано. Захватили лошадей и навалили воза. Наконец, и тело преподобномученика Адриана игумена бросили в сани и вывезли из обители. Куда разбойники дели тело мученика, тогда никто не знал.

Разбойники, вернувшись домой, радовались своему успеху и стали делить свою богатую добычу. Один из разбойников утаил от своих товарищей ларец, надеясь найти в нем много золота и серебра. Открывши ларец, разбойник увидел в нем несколько святых икон, а также краски, кисти и другие принадлежности иконного письма. Разбойник испугался, нашедши такие непонятные для него вещи.

Был тогда в приходе тех убийц у церкви великомученика Георгия (что в Шигараши) священник, по прозванию Косарь, с ведома и одобрения которого белосельцы произвели разбой в пустыне. Разбойник, утаивший ларец, и обратился к этому отцу своему духовному и сказал: «Отче, прости меня ради Бога: я дерзнул сделать то, чего не следует делать, я украл тайком от своих товарищей ларец, надеясь обрести много корысти, а нашел в нем вещи для меня непонятные».

Рассмотревши вещи и увидев иконы и принадлежности иконного письма, священник Косарь с огорчением сказал: «Это поличное на нас, а не корысть, такое сокровище необходимо где-нибудь скрыть». Сказавши это, он стал озираться, смотреть туда и сюда, где бы спрятать, и говорил про себя: «Реки у нас нет, пруда тоже не случилось, не знаю, где спрятать святыню». Эти речи слышал сослуживец его, по прозвищу Боба, и сказал: «Безумный поп, не знает куда девать краденное, а захотел заниматься разбоем, да еще и людей убивать, задался целью неправдою собирать богатство, воровать у соседей своих всякое добро и издалека привозить скотину и передавать из рук в руки. Бог крепок. Владыка Человеколюбец милостив к грешникам, но безумным злодеям не попускает и на сем свете!»

Тогда православные схватили пришедшего к священнику Косарю этого вора по имени Иван Матренин и представили государевым слугам, губным старостам и целовальникам. Матренин подвергнут был пытке на дыбе и рассказал перед всеми как о прежних своих преступлениях, так и о разбое, учиненном в обители преподобного Адриана. На вопрос старосты о том, где находится тело преподобного Адриана, разбойник перед множеством людей отвечал: «Нас было множество дружины – белосельцев, всех могу назвать поименно; разграбивши обитель Пречистой Богородицы, замучив преподобного игумена Адриана, тело его вывезли из обители и бросили на рубеже Белого Села и Шигараша; наутро мы хотели сложить большой костер и сжечь мощи преподобного; когда мы явились, стали искать тело и не нашли; куда оно делось, неизвестно нам».

После произведенного следствия над убийцами царские приказчики и губные старосты отправили донесение к царю. Вскоре пришло повеление разбойника Матренина казнить смертью через повешение, а прочих разбойников заключить в тюрьму бессрочно, имущество же их с пашнями продать и стоимость их внести в разбойную избу.

«Разбойники надеялись извести обитель и привести ее на свои белосельские дворы, а обитель Пречистой Богородицы и ныне сияет в Русской земле», – восклицает писатель повести о страдании преподобного Адриана, трудившийся в конце царствования Иоанна Грозного, лет тридцать спустя после мученической кончины Адриана.

После сих бедственных событий основанная преподобным Адрианом пустынь продолжала существовать, и оставшаяся братия, и последующие игумены, и строители не переставали разыскивать и расспрашивать в окрестных местностях, куда делось тело мученика, где оно схоронено. Но все старания оставались тщетными. Наконец, спустя более пятидесяти лет после кончины Адриана, игумен Порфирий и братия в скорби и сетовании обратились с горячей молитвой к Всещедрому Богу и Пречистой Богородице о явлении им места, где схоронено тело мученика после похищения его разбойниками, помня

евангельские слова: «Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете, толцые, и отверзется вам; всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает». И Господь не презрел молитвы рабов Своих, хотя прославить угодника Своего.

Дело было в 1612 году. В Пошехонском уезде, Шигорской волости, села Гужнева церковный дьячок Иоанн Прокофьев ходил ежегодно на пустошь на реку Ухру, при впадении в нее реки Ушломы, к рябине, в Ильинскую пятницу. В этот день приходили туда и священники из окрестных сел, приносили с собою икону Параскевы, нареченной Пятницы, и пели молебны. Из окрестных же волостей и городов многие торговые и пахотные люди держали веру к Христовой мученице Параскеве и в тот день приходили сюда и молились ей. Был там такой обычай. Сквозь сучья рябины пронимали маленьких детей и юношей, а некоторые пронимались и великовозрастные. Вышеупомянутый дьячок Иоанн Прокофьев говорил собиравшимся тем людям, что православным христианам не следует так делать; дерево, на котором нет образа Спасителя, не заслуживает поклонения; это есть неистовство.

«Если есть у вас теплая вера молиться на этом пустом месте», – рассуждал благочестивый дьячок, – то постройте здесь церковь во имя святого славного пророка Илии и святой мученицы Параскевы, нареченной Пятницы: вы и себе получите от Бога сугубую мзду, и от окрестных христиан честь и славу».

Люди окрестных селений, слыша такую богоугодную речь от Иоанна Прокофьева, стали совещаться с ним о том, как бы Бог дал им такого строителя в пустыню, который мог бы устроить в том пустом месте церковь.

Земля в этой пустыни была в поместье за Ириной, вдовой Корнилия Чеглокова. Бог внушил Иоанну Прокофьеву мысль пойти ко вдове Чеглоковой и просить у нее разрешения создать на том месте у рябины церковь во имя пророка Илии и мученицы Параскевы. Вдова Ирина Чеглокова не только велела Иоанну Прокофьеву строить церковь, но и просила его самого принять священство, чтобы служить при той церкви и быть ее духовным отцом.

После того Иоанн Прокофьев с окрестными христолюбцами стал рубить лес и возить на то церковное место. Это церковное место лет сто оставалось пустым, и единственным признаком его была насаженная здесь рябина: кладбища здесь никогда не было, а земля, где стояла церковь, обращена была в надел наравне с соседним лугом. Старожилы рассказывали, что потому церковь та и запустела, что при ней не было кладбища.

Молитвами преподобномученика Адриана и помощью Божией Иоанн Прокофьев закончил постройку церкви в 1612 году, а сам был поставлен к ней во священника.

Вдова Ирина дала к новопостроенной той церкви и пашню. Через некоторое время (в 1619 г.) то поместье было отобрано у вдовы Чеглоковой и отдано прежнему помещику, государеву думному дьяку Томиле Юдину Луговскому.

Священник Иоанн Прокофьев призывает к себе в новую пустыню к пророку Илии на Ухре к рябине игумена Лаврентия с Богоявленского острова, из Романовского уезда. Игумен Лаврентий, пришедши, начал у церкви пророка Илии на Ухре устраивать монастырь, призывать в него христолюбивых людей, желающих иночествовать, и постригать таковых. Тогда же священник Иоанн Прокофьев в дом святому пророку Илии и мученице Параскеве купил на свои деньги против монастыря за рекою Ухрою две поместных пустоши у детей боярских Жеребцовых, а игумен Лаврентий послал белого священника Иоанна Прокофьева с челобитной за своей игуменской подписью в Москву к государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу, чтобы государь те две пустоши пожаловал в дом святого пророка Илии в вотчину, как в свое богомолье. Государь по этой челобитной пожаловал игумена Лаврентия с братией, велел дать им свою царскую вотчинную грамоту за красной печатью на те две пустоши и на ту пашню, которая под монастырем, со всеми угодьями в дом святому пророку Илии и мученице Параскеве в новую пустыню.

И случилось тут постричься одному христолюбцу Белосельской волости деревни Иванники, по имени Иоанну Сидорову, в иночестве названному старцем Ионой. Он стал духовным сыном игумена Лаврентия. Перед своей кончиной (в

1626 году), чувствуя ее приближение, он поведал отцу своему духовному великое духовное дело. Он сказал следующее о преподобномученике Адриане: «Прости меня, отче святой, Бога ради, я доселе утаил от тебя то, что поведал мне отец мой родной Сидор, отходя сего света. Он мне говорил: «Сын мой Иван! В прошедшие времена, в 1550 году, марта в 5 день, приходили в Адрианову пустынь на речке на Ветху разбойники разорять и грабить эту пустынь. Замучив настоятеля ее Адриана, они свезли тело его на рубеж Белого Села и Шигороша на речку на Ушлому и бросили его в бочаг той речки». И отец мой деревни Иванники Сидор с соседями своими свезли тело игумена Адриана на пустое место к пустой церкви пророка Илии на Ухре, где стоит наш монастырь пророка Илии, новой пустыни. Они разобрали помост той пустой церкви, выкопали под ним могилу и тело Адриана погребли ночью без службы, боясь выемки от губных старост. А на том месте церковном для приметы на будущее время посадили небольшую рябинку, которая теперь является большим и красивым деревом. И прежде всего у того дерева в пустом месте совершалось много исцелений от болезней, только на это не обращали внимания и не записывали, так как писать было некому, ибо место было пустое. А съезжались сюда из разных городов торговые и земские люди, ярославцы, костромичи, вологжане, романовцы и пошехонцы для своих торговых дел раз в год, на Ильинскую пятницу. Тогда собиралось сюда много больных; священники окрестных сел служили молебны, больные прикладывались к образу великомученицы Параскевы, нареченной Пятницы, и продирались сквозь сучья рябины; тогда никто не знал, что под деревом тем погребено тело преподобномученика игумена Адриана: не от дерева происходили исцеления, а от мощей преподобномученика».

Слышав от своего духовного сына, старца Ионы, такое великое духовное дело, игумен Лаврентий послал в Шаготскую волость в село Андреевское за священником церкви Космы и Дамиана Лукианом Козминым и поручил ему писать изустную память, допрашивая при нем старца Иону, который повторил

ранее сказанное. Эту память подписал своей рукой игумен Лаврентий за себя и за своего духовного сына старца Иону.

Затем игумен Лаврентий в Адрианову пустынь посылает сослужбника своей новой пустыни Живоначальной Троицы и святого пророка Илии и мученицы Параскевы старца Исаию Кирпичника и поручает ему в церкви на соборе игумену Порфирию и всей братии Адриановой пустыни произнести духовное учительное слово для того, чтобы они пришли в чувство. Старец Исаия должен был сказать, что игумену Лаврентию достоверно известно их самочиние и невоздержное пьянство. А если они желают с теплой сердечной верой знать, где почивают и доныне мощи их начальника игумена Адриана, то они должны в своей обители совершенно оставить хмельное питье и пьянственные нравы; если они это исполняют, то игумен новой пустыни Лаврентий подробно известит их об этом духовном деле, то есть о месте нахождения мощей преподобного Адриана; если же они не примут его такого духовного совета и пьянственного нрава не оставят, то игумен Лаврентий совершенно не станет совещаться с ними об этом духовном деле. Тогда игумен Порфирий и вся братия Адриановой пустыни, воздевши руки, единогласно воскликнули: «Если бы нам Бог даровал мощи нашего начальника преподобного Адриана в дом Боявления Господня и Успения Пречистой Богоматери и чудотворца Николая, то мы на веки в обители оставили бы хмельное питье и пьянственные нравы. В этом обещании поручница нам и свидетельница Пречистая Богородица, чудотворец великий Николай и преподобный отец наш начальник и игумен Адриан».

Старец Исаия, выслушав в церкви такое великое их обещание, велел игумену Порфирию прибыть в новую пустынь Живоначальной Троицы и пророка Илии на Ухру, к игумену Лаврентию на совет. После того вскоре игумен Порфирий пришел в новую пустынь на Ухру. Игумен Лаврентий спросил его, по какому делу он пришел в их смиренную пустынь. Порфирий был духовным сыном Лаврентия, и с великой мольбой и обещаниями объяснил причину своего прихода. Игумен Лаврентий с подобающей духовному отцу строгостью,

спрашивает Порфирия: «Чадо и брат, помнишь ли ты со всей своей братией обещание свое, что в обители преподобномученика Адриана вы навсегда оставите хмельное питье и самочиние. Ведь преподобные отцы наши и начальники игумен Адриан и старец Леонид не хмельным питьем и не различными сладкими яствами питались, когда строили дом Пречистой Богородице, но более насыщались словами Божественного Писания, ночными бдениями и непрестанным постом и молитвами с горячими слезами. Пищей преподобных в такой непроходимой пустыне были овощи и немного хлеба, и то в определенное время и в урочный час. Если бы не таковые были их молитвы и подвиг, то и обитель их так не устроилась бы. Да и вообще всем нам инокам, от первых и до последних, должно соблюдать иноческое обещание по правилам святых отцов и по слову апостола Павла к ефесянам: «Братие, не упивайтесь вином, в немже есть блуд» (Еф. 5, 18)».

Игумен Порфирий с клятвой сказал отцу своему духовному Лаврентию: «Ей, ей, по священноиноческому обещанию, четный отче, будет так, как ты нас учишь и наставляешь на духовный подвиг, а поручительница и свидетельница нашему обещанию Пречистая Богородица и святитель Христов Николай и преподобномученик и отец наш игумен Адриан».

Игумен Лаврентий отвечал Порфирию: «По вере вашей да будет вам; да услышит Господь веру вашу и явит вам мощи преподобномученика Адриана».

За сим Лаврентий вручает Порфирию духовную изустную память старца Ионы за своей игуменской рукой и прибавляет: «Как Господь Бог вас наставит и отец наш игумен Адриан, так и делайте, чада и братие!»

Игумен Порфирий, принявши благословение от отца своего духовного игумена Лаврентия, отправился в Москву бить челом государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу и великому государю Святейшему Патриарху Филарету Никитичу, чтобы великий государь и Святейший Патриарх повелели перенести мощи преподобномученика Адриана в его обитель, в дом Богоявления и Пречистой Богородицы честного Ея Успения и чудотворца Николая, в Адрианову пустынь. Прибывши в

Москву, игумен Порфирий вручил Святейшему Патриарху Филарету изустную духовную память старца Ионы. Патриарх, прочитавши ее, после совета с государем Михаилом Феодоровичем и духовными властями – митрополитами, архиепископами и епископами, а также с архимандритами и игуменами, – повелел дать свою святительскую грамоту со своей святительской красной печатью, чтобы игумен Порфирий, приехав в Пошехонский уезд в новую пустынь Живоначальной Троицы и святого пророка Илии на Ухру, к рябине, искал там мощи преподобномученика Адриана, согласно духовной изустной памяти старца Ионы.

Игумен Порфирий, возвратившись из Москвы в Адрианову пустынь, стал совещаться с братией на соборе. Для совета приглашен был из Никольского монастыря, или Киприановой пустыни, игумен Серапион.

Местный помещик, вышеупомянутый Томило Луговской, услышав, что царь и патриарх разрешили искать в новой пустыне на Ухре мощей преподобного Адриана, согласно памяти старца Ионы, под рябиной, пишет своим приказчикам в Шаготскую волость в село Андреевское, чтобы они дозволили игумену Порфирию искать мощи под рябиной, но чтобы самого дерева игумен не трогал. Приказчики Томилы Луговского явились в новую пустынь к игумену Лаврентию и стали советоваться, как бы мощи искать, а дерева ничем не повредить.

Игумен Лаврентий с братией и с приказчиками пришел к рябине и, поклонившись Животворящему Кресту на святой церкви и прочитав «Достойно», стал осматривать место, с какой бы стороны дерева искать преподобного. Старец Иона не указал игумену Лаврентию точно, в каком месте положен Адриан, так как и отец его Сидор не указал этого, а только сказал, что для признака посажено дерево рябина в ногах, в стороне от могилы. Уповая на милость Божию и Его судьбы, игумен Лаврентий своим посохом обозначил место сажени на полторы от рябины с полуденной стороны, чтобы разгребши землю, идти оттуда подкопом к дереву. Великое, дивное чудо! Никто не знал, где в 1550 году погребено было тело мученика Адриана. К 1626 году

место погребения совершенно сравнялось с прочей пожней, а игумен Лаврентий посохом отметил для раскопки как раз тот пункт, где находились мощи.

Немного времени спустя, после заговенья, в Филипповский пост, на память святого апостола и евангелиста Матфея (16/29 ноября), прибыл из Адриановой пустыни игумен Порфирий, а также игумен Серапион от Николы Тропского, из Киприановой пустыни, с братией и с крестьянами. Игумена Лаврентия в новой пустыни тогда не случилось, он по делам отлучился в другое место. Игумены Порфирий и Серапион, вместе с иеромонахом новой пустыни Варлаамом и другими священниками и диаконами, совершив панихиду под рябиною, стали осматриваться, с какой стороны идти к дереву подкопом для разыскания мощей преподобного Адриана, не повредив дерева. В числе других находился тут человек помещика Луговского Иван Барма и заявил, что игумен Лаврентий приговаривал, благословлял и своим игуменским посохом очертил место, где начинать раскопку, и указал его. Игумен Порфирий и благословил копать в указанном месте. Земля уже совершенно промерзла. Сняли слой пожни в четверть толщины и захватили верхний слой; здесь попались гнилушки дерева пальца в три толщиною, под гнилушками сняли еще около четверти земли, и тут явились мощи преподобного Адриана. Все присутствовавшие видели и не знали, чьи останки; выбрали их и положили на береста. В это время возвратился в свою пустынь игумен Лаврентий, помолился, принял благословение от игуменов и сам благословил их, как и прочих тут бывших иноков и мирян. Подошедши к рябине и видя выбранные мощи, стал сетовать и приказал из хлебни принести хлебенную чашу, собрал мощи преподобного и понес в теплую трапезу, с честью поставил на стол своими руками, покрыл покровом и начал беседу с властями: «Братие, не скорбите Бога ради, – говорил он, – по вере вашей да явит нам Господь Бог подлинно и достоверно мощи преподобного отца нашего начальника игумена Адриана», – и приказал служителям идти подкопом под дерево.

В течение суток подкопались к дереву с южной и с северной стороны сажени на полторы, а с восточной и западной – на сажень. И ничего не нашли под деревом, кроме матерой земли, совершенно не тронутой никогда, да и никто не помнил, чтобы у той церкви пророка Илии когда-либо было кладбище, и не было могильных камней, которые указывали бы на кладбище.

Наутро игумен Лаврентий встал к заутрене, пришел в церковь, помолился святым иконам и пришел поклониться святым мощам. Открыв покров и приникнув со свечою, увидел, что у мощей и на прочих суставах земля обтаяла и обвалилась в сосуд. Игумен заметил, что у главы уцелел еще венчик волос, а под главою волосы слезались складками перста на три в ширину и в длину, черные, с какими он изображен и на иконе, писанной еще при тех людях, которые хорошо знали его в Адриановом монастыре. На прочих частях тела обтаяли небольшие куски одежды – не то атлас, некогда золотной, не то бархат узорчатый на золоте; не истлели и некоторые другие части волосяных иноческих одежд.

Игумен Лаврентий призвал пришлых игуменов и всю братию, и все возрадовались о том, что Бог явил им мощи преподобного начальника и игумена Адриана.

Облачили мощи преподобного и положили честно в гробницу, покрыли покровом и понесли из новой пустыни в обитель Богоявления Господня и славного Успения Богоматери, в Адрианову пустынь. Провожали мощи все братия и множество народа, мужей, жен и детей. Братия Адриановой пустыни и множество собравшегося народа за пять верст вышли навстречу святым мощам. Игумены и братия на главах внесли мощи в монастырь.

Отпевши надгробное пение, поставили мощи в соборной Успенской церкви в гробнице против правого клироса.

При обретении и перенесении мощей преподобномученика Адриана совершилось, по воле Божией, много чудесных исцелений от разных недугов и болезней. И в последующее время с верою притекавшие ко гробу преподобного получали утешение в скорби и исцелялись от болезней.

Важнейшие из чудес со времени обретения мощей записывались в Адриановой пустыни и переписывались при сказаниях о житии и страдании преподобного и обретении и перенесении его мощей. Вот некоторые из сих чудес.

В 1627 году, при обретении мощей преподобного Адриана, приказный человек Томилы Луговского из Шаготской волости по имени Константин тайком взял часть мощей и отнес в свой дом, думая, что сие послужит ему на благословение. Но он тотчас же впал в тяжкий недуг. В своей болезни он вспомнил, что взял часть мощей преподобного тайно, никому не сказавши. Раскаявшись в своем поступке, он отослал похищенную часть мощей в Адрианову пустынь и стал здоров.

Когда несли мощи преподобного Адриана в основанную им пустынь, крестьянин этой пустыни по имени Маркиан, пятнадцать лет страдавший полной слепотой, вышел на сретение мощей к селу Кобелеву и прозрел, как будто никогда и не был слеп.

По перенесении мощей в соборной церкви Успения у раки преподобного поставлена была на подсвечник неугасимая свеча. Ночью свеча упала на покров мощей и вся сгорела, покров же остался не тронутым. Когда наутро пришли в церковь игумен Порфирий и братия и увидали, что случилось, прославили Господа Бога, Пречистую Его Матерь и чудотворца Адриана.

Адриановой пустыни крестьянин Томило Борисов и монастырский служитель Архип, одержимые бесами, бесчинствовали, не покланялись святым иконам, Архип же надругался и над святым крестом. Силою приведенные к мощам преподобного Адриана, получили исцеление.

Крестьянин Шельшедомской волости по имени Мартиниан Злочаня, одержимый бесом, страдал расслаблением всего тела. Родители его рассказывали о чудесных исцелениях от мощей преподобного Адриана. Больной, слыша о сем, сказал: «Если преподобный Адриан исцелит меня от болезни, не уйду из его обители и останусь там до своей смерти». Родители отвезли его в монастырь, помолились и оставили его там. Спустя некоторое время больной исцелился и остался жить в монастыре.

Поживши значительное время, Злочаня, однако, захотел уйти домой, чувствуя себя совсем здоровым. Но вскоре он снова заболел тою же болезнью еще сильнее прежнего. Опомнившись, Злочаня опять стал просить родителей отвезти его в Адрианову обитель, повторяя свое прежнее обещание. Получивши снова исцеление, он уже из обители не отходил и остался там до смерти.

Один странник, нищий, по имени Дионисий Лотоша, ходил по окрестным селам за милостыней. Раз он остановился со своей дружиной в одном государевом дворцовом селе в Шельшедомской волости, и, находясь в бане у одного крестьянина, эта ватага творила непотребства. Дионисий лишился ума, впал в беснование и убежал из бани. Гонимый бесом, он хотел пробежать мимо Адриановой пустыни. Монастырские люди, увидевши несчастного, схватили и повели в церковь к раке преподобного. Но бесноватый неистовствовал, стал бросать иконы. Подвергаясь ударам розгами, он, однако, вырвался и побежал в Патробольскую волость. И там он подвергся многим побоям и ранам. Наконец, поздно вечером его одолел сон; заснул он в лесу близ деревни Кузнечки в монастырской вотчине. Во сне явился ему преподобномученик Адриан и указал ему путь в обитель Пречистой Богородицы, к своим мощам. Проснувшись, больной почувствовал себя здоровым, ужаснулся своей наготы, плакал и рыдал. Случайно встретила его одна боголюбивая женщина и, видя несчастного, оставив свою женскую немощь, с мужественной твердостью сняла с себя верхнюю одежду и одела нагого. Дионисий, пришедши в обитель и отпевши молебен у мощей преподобного, совершенно исцелился и прожил довольно долго, работая на обитель, а потом возвратился восвояси.

Адриановой пустыни села Портуя посадский человек Юрий Казаринов вдался в такое пьянство, что дошел до бешенства и надругался над святыми иконами. Благодетельные люди силою привели его к мощам преподобного. Заснувши у раки, больной встал, почувствовал себя здоровым и дал обещание отстать от пьянства. Проживши довольно долго в трезвенном состоянии, он опять впал в пьянство, полагая, что время обещания

прошло. Мучимый снова бесом, он отвезен был родителями к мощам Адриана. После молебствия он снова получил исцеление и уже до самой смерти своей вел трезвенную жизнь.

Пошехонский служилый военный человек Иосиф Михайлов Левашов впал в тяжкий недуг беснования, кричал, метался и не внимал никаким словам Божественным. Жена его Марфа Васильева из рода Павловых, жалея мужа, приказала своим людям везти его к мощам преподобного Адриана. Больной, неистовствуя, стал бить жену свою и людей, скрежеща зубами, так что едва удалось совладать с ним. Приложивши больного к мощам и окропивши святой водой, оставили его у раки на ночь одного, братия и все прочие ушли из церкви. Больной заснул. Проснувшись, он увидал у мощей Пречистую Богородицу, именуемую Одигитрия, с Предвечным Младенцем на руках. В страхе больной начал петь: «О Тебе радуется, обрадованная» и прочее до конца той песни, повторяя ее несколько раз и проливая слезы. В церкви распространилось благоухание. Братия, слыша пение в церкви, вошли туда и, видя Иосифа здоровым, наполнились радостью о таком чуде. Воин Иосиф рассказал о своем исцелении и видении у гроба. Братия начали тогда служить молебствие Всемилоستивому Спасу, Пречистой Богородице и преподобному чудотворцу Адриану. Исцеленный Иосиф здоровым возвратился в дом свой.

Белосельский государев губной староста Кирилл Васильев Хвостов при игумене Илии чинил насилия Адрианову монастырю и невинных подводил под вину. Игумен и братия давали двойные откупы, но староста не переставал делать притеснения. Но вот он впал в недуг беснования. Люди привезли его к мощам преподобного, служили молебствия. Через три дня больной исцелился и после уже не только не чинил насилий обители, но и стал ее благотворителем.

При том же игумене Илие у монастырского крестьянина Иоанна Евстафьева ослеп внезапно малолетний сын; он перестал совершенно видеть, а из глаз непрестанно тек гной, так что родители думали, что сгнили совсем глаза ребенка. Для лечения они обращались к волхвам или знахарям, но помощи никакой не было. Наконец, оставивши волхвов, родители

принесли младенца к мощам преподобного Адриана, отслужили молебен, и ребенок во время утрени в церкви прозрел и стал совершенно здоров.

Много и других чудесных исцелений совершалось при мощах преподобного как в те далекие времена, так и позже.

Март, 6

Иов Анзерский, преподобный

Преподобный Иов Анзерский, в миру Иоанн, родился в Москве в 1635 году. Свое пастырское служение начал священником в одном из приходских храмов. Он жил строго, по-монашески, в посте и постоянной молитве: «Помилуй мя, Господи! Пощади мя, Господи!» Любовь к людям была у него удивительная: он всегда искал случая сделать ближнему добро. С полным участием отец Иоанн помогал всем нуждающимся, заботился об обиженных и невинно страдающих, духовно слабых подкреплял, заблудших ласково и мудро вразумлял, утешал и наставлял. Дом его всегда был открыт для бедных – накормив, отечески побеседовав, он отпускал утешенных, наделяя их в дорогу, чем мог. Если сам нечаянно кого-нибудь обижал, то тут же каялся и немедленно просил прощения.

Слава о добром пастыре дошла до самого царя Петра I – преподобный был призван для священнослужения в придворной церкви и избран духовником царя и царствующего дома. Пользуясь своим влиянием при дворе, преподобный старался еще более быть полезным бедствующим. Посещая заключенных в тюрьмах, он через слово Божие благотворно влиял на преступников, невинно осужденных укреплял в терпении, тому же, кто отбывал срок за долги, помогал расплачиваться.

С годами отец Иоанн, посвятив себя богомыслию, выходил из дома только на церковные службы, не прекращая благотворений через доверенных лиц.

В 1701 году, по ложному доносу царю (якобы, узнав о злоумышлении, «он, яко духовник, не открыл начальству»), преподобный был сослан в Соловецкий монастырь и пострижен в монашество с именем Иов. После многих испытаний старец Иов был освобожден от послушаний и уединился на безмолвие в своей келлии. Узнав о святой жизни подвижника и удостоверившись, что старец был оклеветан, царь Петр I хотел вернуть духовника к себе, но преподобный Иов отказался. В 1702 году для большего безмолвия он перешел в Анзерский

скит Святой Троицы, где вскоре по смерти Анзерского строителя Елеазара был назначен настоятелем.

Помня слова Господни: *Ему же дано будет много, много и взыщется от него* (Лк. 12, 48), на новом поприще священноинок Иов положил много труда и забот. Мудрый наставник всех учил смиренному послушанию Богу и начальникам как первой добродетели, без которой не может быть спасения; приучал к постоянному труду и заботе о ближних. Он сам посещал больных, омывал и перевязывал им раны, а нередко исцелял их недуги своей молитвой. При этом церковных служб и келейного правила он никогда не опускал.

В 1710 году преподобный Иов принял и великий ангельский образ с именем Иисус. Вскоре Сама Матерь Божия определила дальнейший путь иеросхимонаху Иисусу: Она явилась ему во сне вместе с первоначальником и покровителем скита преподобным Елеазаром Анзерским (память 13/26 января) и сказала, что на горе, отныне называемой второй Голгофой, на Анзерском острове, будет устроена церковь Распятия Иисуса Христа и учредится скит. Приняв этот чудный сон за благословение Божие, старец Иисус в 1714 году переселился на жительство на гору Голгофу и с помощью учеников, схимонаха Матфея и монаха Макария, основал Голгофо-распятный скит, где продолжил свой многотрудный подвиг.

В 1715 году была построена деревянная церковь в честь Распятия Господня.

Сам престарелый строитель, в пример братии, нередко рубил дрова, носил воду, в пекарне затворял тесто. В своей келлии старец постоянно занимался рукоделием, а деньги, которые за это выручал, делил на три части: на нужды церковные, на нужды братии, на милостыню нищим. Себе он не оставлял ничего, имея при себе лишь несколько духовных книг.

За богоугодную жизнь преподобный был удостоен особенных откровений. По его горячим молитвам Сама Пресвятая Богородица явилась ему в келлии и назвала место на горе, где можно рыть колодец и получить воду, столь необходимую для нужд монастыря. Когда был открыт чудесный источник, преподобный вразумил братию: «Никогда не скорбите,

не малодушествуйте, но всегда уповайте на Бога. Помните обещание Его: «Мать исчадие свое скорее забудет, нежели Аз вас^{""}». Святой угодник с помощью Божией сумел предвидеть злые намерения пришедших однажды к нему чужих людей и своей молитвой: «Господи, пошли сон рабам Твоим, утрудившимся в суетном угождении врагу», – усыпил злоумышленников на пять дней и ночей и этим привел их к искреннему раскаянию.

В другой раз он наказал воров, заставив простоять их неподвижно под тяжестью награбленного два дня, пока те не взмолились о пощаде.

Святому Иисусу Бог открыл время приближавшейся кончины. Еще задолго до смерти святой известил братию, что умрет он в воскресный день до восхода солнца. Всю жизнь посвятив служению Богу и ближним, смиренный подвижник, готовясь к назначенному часу, сокрушенно каялся, что слишком мало угождал Господу.

Преставился преподобный, как и предсказывал, в воскресный день, в неделю Православия, утром, до восхода солнца 6 марта 1720 года.

В предсмертные минуты святого келлия его озарила необыкновенным светом, разлилось благоухание и слышна была псаломская песнь: *Яко пройду в место селения дивна даже до дому Божия, во гласе радования и исповедания, шума празднующих* (Пс. 41, 5).

Март, 7

Херсонесские священномученики

Святые священномученики епископы Херсонесские Ефрем, Василий, Евгений, Елпидий, Агафодор, Еферий и Капитон в разное время были епископами в Херсонесе Таврическом (Крым). Они благовествовали Христа и запечатлели свою проповедь мученической смертью в городе, из которого впоследствии воссиял для Руси свет истинной веры. Святой равноапостольный князь Владимир, крестивший киевлян в 988 году, сам принял святое крещение в 987 году в Херсонесе.

Начало просвещения Тавриды (Крымского полуострова) верой Христовой положено, по преданию, святым апостолом Андреем Первозванным. Затем распространению здесь христианства способствовали его же гонители: римские императоры ссылали сюда исповедников Христа. Так, в царствование императора Траяна сослан был в Херсонес, в Инкерманские каменоломни, святой Климент, епископ Римский (память 25 ноября/8 декабря), ученик святого апостола Павла, где и принял мученическую кончину.

Населявшие крымские земли язычники упорно сопротивлялись распространению христианства. Но вера Христова через своих самоотверженных проповедников крепла и утверждалась. Многие благовестники положили свои жизни в этой борьбе.

В начале IV века в Херсонесе была учреждена епископская кафедра. Это была переломная эпоха, когда Херсонес, служивший базой для римских воинов, постепенно переходил в зависимость от Византии. В 16-й год царствования императора Диоклетиана (301) патриарх Иерусалимский Ермон (303–313) для Евангельской проповеди разослал в разные страны многих епископов. В страну Тавроскифскую, в город Херсонес, он послал епископов Ефрема и Василия. Мирно трудились они, насаждая Церковь Божию. Затем святой Ефрем отправился к скифам, жившим по Дунаю, где и принял от них мученическую кончину через усекновение честной главы. Это (год кончины неизвестен) было 7 марта.

Святой Василий продолжал в Херсонесе апостольские труды, обличая заблуждения идолопоклонников. Подвергшись поруганию и избиению, он был изгнан. Святой удалился на гору неподалеку от Херсонеса и жил в пещере. Изгнанный за имя Христово, он молился непрестанно за изгнавших его.

В то время в Херсонесе умер юноша, единственный сын у одного из знатных горожан, и был погребен вне города. Наступила ночь, но родители не отходили от гроба. Во сне им явился умерший сын и слезно молил обратиться к святому Василию, живущему в пещере. Когда святой Василий, Силою Божией освятив воду, возлил ее на умершего, призывая помощь Святой Троицы, мертвый юноша ожил. С почетом был святой Василий введен в город, многие уверовали и крестились.

Видя запустение своих капищ, диавол вошел в сердца обитавших в Херсонесе иудеев, и те вооружили против святителя Христова слепотствующий народ. Вооруженная толпа напала ночью на его дом, схватила его и, связав, влачила по улицам, пока, наконец, не забила до смерти камнями и палками. Тело святителя было брошено вне города, но звери не тронули его. Это произошло 7 марта 309 года. Останки святого христиане похоронили в пещере.

Один из учеников святого Василия отправился морем в страну Гелеспонтскую и встретил там трех епископов, выехавших из Иерусалима вместе с Василием и Ефремом: Евгения, Елпидия и Агафодора. Узнав об участи, постигшей святого Василия, они прославили Бога, увенчавшего его мученическим венцом, и решились сами ехать в Херсонес, чтобы продолжить святое дело просвещения язычников. В Херсонесе они с жертвенной самоотверженностью проповедовали Евангелие, но вскоре претерпели мученическую смерть (не позднее 311 года). Святых мучеников побили камнями. Тела их бросили за городской стеной без погребения, но христиане тайно взяли их и с благоговением предали честному погребению в той же пещере.

Через несколько лет, уже в царствование Константина Великого, из Иерусалима прибыл в Херсонес епископ Ефений. Язычники продолжали жестоко притеснять христиан, и он

вынужден был отправиться в Константинополь, чтобы прибегнуть к покровительству императора, склонявшегося уже к принятию христианства. Благодаря этому христиане смогли беспрепятственно совершать богослужения. Еферий мирно правил паствой, построил в Херсонесе храм. Скончался 7 марта на острове Алос на обратном пути из Константинополя, куда вторично ездил благодарить императора Константина VI за защиту христиан.

Оплакав кончину святителя, херсонесские христиане обратились к императору Константину с просьбой прислать им епископа. На место усопшего прислан был в Херсонес епископ Капитон. Радостно приняли его верные. Но и язычников собралось множество, которые просили от него чудесного знамения, чтобы уверовать в Бога. Твердо уповая на помощь Божию, епископ вошел в разложенный ими огонь, молился среди пламени и вышел из него невредимым, набрав в свою фелонь горящих углей. Многих язычников это чудо обратило ко Христу. Святой Капитон несколько лет был епископом в Херсонесе. Однажды, на пути в Константинополь, он был застигнут бурей, прибавшей корабль к берегу в устье Днепра. Местные жители-язычники ограбили корабль, захватили в плен спутников святителя, а его самого утопили. Он скончался мученически 21 декабря, но память его совершается вместе с другими Херсонесскими святителями, пострадавшими 7 марта.

Древний город Херсонес теперь не существует; только развалины его видны близ Севастополя. В восьми верстах отсюда, в Инкерманской долине, находится киновия – остаток первых веков святыни, вырубленной в громадной скале, на высоте 40 сажен от поверхности моря – небольшой храм св. мученика епископа Римского Климента, и здесь же находится много гробниц мучеников, пострадавших за Христа.

Проповедь священномучеников укрепила веру Христову в Херсонесе. С начала V века этот город становится духовным центром, откуда проповедь распространяется на север в сторону Руси. С IX века Херсонес все более привлекает внимание русских, начавших селиться в городе. Современные археологические раскопки показали, что в городе находилось

более пятидесяти храмов, относящихся к V-XIV вв. В 987 году в Херсонесе принял крещение святой равноапостольный князь Владимир. Этот древний город явился колыбелью христианства для Руси.

Март, 8

Афанасий Муромский, преподобный

В обители преподобного Лазаря Муромского, или Мурманского подвизался около половины XV столетия игумен Афанасий. К сожалению, не сохранилось никаких сведений о его богоугодной жизни. После кончины тело преподобного Афанасия было положено в особой часовне и здесь же хранятся его вериги – памятник его подвигов. Подвижник почитается местно в обители преподобного Лазаря наравне с этим угодником Божиим. И почитание это идет издревле: уже во второй половине XVII века игумен Афанасий называется «преподобным чудотворцем».

Лазарь Мурманский, преподобный

Преподобный Лазарь был родом с Востока, из Константинополя, где и воспринял иноческое пострижение. Он прибыл на Русскую землю и поселился в Новгороде в то время, когда паствой новгородской правил архиепископ Василий (с 1331 по 1352 гг.). Преподобный Лазарь жил вместе с святителем Василием несколько лет, и когда пастырь отошел ко Господу, подвижник присутствовал при его погребении. Вступивший на престол Новгородский святой Моисей оказывал преподобному свое благорасположение и даже предложил жить вместе с ним. Но он через некоторое время пожелал удалиться на далекий Север, на Онежское озеро, где находится остров Мурманский, или, как его именовали прежде, Муч, и стал подробно расспрашивать сведущих людей о тех местах. Остров был тогда во владении новгородского посадника Иоанна. Преподобный Лазарь пришел к нему и стал просить на жительство этот остров, поведал посаднику и то, что он воздвигнет там церковь и построит монастырь. Сначала посадник Иоанн пожалел острова и отказал преподобному. Но ему было во сне видение (умерший архиепископ Василий явился и грозно приказал посаднику отдать остров Лазарю) и, призвав подвижника, он сказал: «Ступай, отче, на место, указанное тебе Богом, на остров Муч». При этом и рассказал о видении, бывшему ему. Однако родственники посадника стали жалеть об острове и уступили его лишь за плату в 100 гривен серебра и за некоторые драгоценные вещи. Лазарь отправился на Мурманский остров со слугами посадника, которых тот послал для сбора податей. Перед отъездом преподобный посетил святого Моисея, испросил у него благословение и передал ему о причине своего отшествия в пустыню. Святой архипастырь благословил преподобного и предрек много такого, что потом сбылось. Помолился преподобный Лазарь у гроба своего духовного друга архиепископа Василия и отправился в пустыню.

После долгого и трудного путешествия, когда не один раз смерть грозила путникам, преподобный прибыл на остров, в то

время необитаемый. Он поставил себе малую хижину и стал проводить тяжелую жизнь отшельника. Неподалеку от этого острова жили дикие и не ведущие истинного Бога инородцы – лопари. Не любо им было, что на острове поселился отшельник, и они часто приходили сюда. Некоторые поселились вместе с своими женами и детьми недалеко от хижины преподобного, причиняли ему много огорчений и говорили: «Оставь ты, инок, это место».

Много раз они немилосердно били святого, грозили даже убить его, неоднократно отгоняли его с острова. Но Господь не оставлял своего избранника, укреплял и хранил его. Лопари сильнее и сильнее ополчались на преподобного Лазаря: собирались убить его. Тогда преподобный удалился на одну гору, называемую Тетеревица, где он ископал себе малую пещеру, в одном поприще от острова. Однажды подошли они к хижине, но преподобный был не в ней, а в своей пещере. Дикие люди думали найти в хижине преподобного сокровище, но, не найдя ничего, предали ее огню. И как бы в возмездие за это, напал на них великий страх, и многие из них ослепли. В хижине находилась икона Богородицы, которой благословили преподобного при его пострижении в иноки. Увидев, как сгорела хижина, преподобный весьма опечалился, думая, что икона погибла в огне. Направляясь к месту своей хижины, он размышлял о том, угодно ли Господу, чтобы обитель была на этом месте. И вдруг, осмотревшись, увидел невдалеке, как яркий луч солнечный, образ Пречистой, который стоял у дерева на три локтя от земли, никем не поддерживаемый. Преподобный Лазарь с радостью приблизился к этому месту и долго молился со слезами перед иконой Богоматери. И услышал он голос от святой иконы: «Призрю на смиренных рабов Моих и на место сие и не оставлю его. Повелеваю тебе: воздвигни на сем месте церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы Печерской».

Пораженный чудом, преподобный долго, как мертвый, лежал на земле. Затем, встав, он прославил Пресвятую Богородицу: «Богородице, всем Царица, православным похвала. Ты рассеиваешь еретические шатания, Ты

посрамляешь не поклоняющихся Тебе и не чтущих Твоего Пречистого образа».

И был тогда вторично голос от иконы: «Сии люди неверные будут верными, будет едина церковь и едино стадо Христово».

После того икона Богоматери, бывшая на воздухе, спустилась вниз к преподобному и стала у него над головой. Преподобный с великой радостью принял ее в руки и принес в свою пещеру.

В другой раз преподобный Лазарь скрывался в своей пещере от лопарей, искавших умертвить его. В страхе усердно молился он Господу и Пречистой Богородице, пел псалмы и каноны. Взглянув на остров, он узрел дивное видение: посредине острова, там, где была раньше на воздухе икона Богоматери, стояла светлепная Жена, окруженная неизреченным светом и украшенная золотыми ризами; благообразные мужи издалека поклонялись светлепной Жене, а Она благословляла то место, на котором впоследствии была построена церковь Успения Пречистой Богородицы. Преподобный исполнился великою радостью и снова молился Заступнице рода человеческого. Отпев утреннее правило, он на рассвете пришел к месту явления Богоматери, поставил здесь крест и ископал пещеру – место будущего монастыря.

Вскоре после этого явился к пустыннику старейшина лопарей, неся на руках слепорожденное дитя свое, и сказал: «Исцели его, и мы отойдем от этого острова, как приказывают нам твои слуги». Удивился преподобный его словам, но, совершив моление Господу Богу и Пречистой, взял отрока, окропил его святою водою, приложил к образу Богородицы, и дитя прозрело. Старейшина удалился в радости и через некоторое время снова вернулся к чудотворцу, принес в дар часть своего имения и пищу. Преподобный взял от него одну только шкуру оленя и немного пищи. Лопарь при этом сказал преподобному: «С тобой живут здесь твои слуги, они сильно бьют жезлами наших жен и детей и приказывают оставить сие место». И о том поведал он, что на этом месте они слышат звон. Преподобный отпустил его с миром. Вскоре после этого лопари ушли с острова к океану, а старшина их впоследствии

принял христианство и стал монахом, крестились и сыновья его. Тогда стали приходить к преподобному люди из дальних стран и жить с ним, причем некоторые принимали иноческое пострижение. И поставили тогда отшельники деревянную церковь в честь Воскрешения Лазаря, друга Божия.

Тогда преподобный направился к Новгородскому архиепископу, святому Моисею. Святитель подробно расспросил его о месте подвигов, о многотрудном пустынном житии его, благословил, дал ему антиминс, священные сосуды и обильную милостыню. Пребывая в Новгороде, подвижник узнал, что посадник Иоанн уже скончался. Тогда он пришел к его сыну Феодору. Последний с любовью принял преподобного и сказал ему: «Отец мой, отходя ко Господу, велел мне отдать тебе сто гривен, которые прежде он взял от тебя за Мурманский остров; есть у меня, отче, и грамота отца моего о том острове, на котором живешь ты». При этом он отдал преподобному 100 гривен и щедрое пожертвование на устройство обители; отдал он и грамоту, где отец его собственною рукою написал следующее: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Дал я, посадник Иван, Фомин сын, Пречистой Богородице, священнику Лазарю и его чернецам принадлежащую мне часть земли и воды, по своей душе и по своим родителям, на озере Онеге остров Муч со всею землею, и озеро Мурманское, и около озера речки, и островки. В них воды, ловища и перевесища, чем владел я, покосы, и поросшие земли, и воды. Пусть владеют землею и водою все чернецы Пречистой во веки. А детям моим не вступаться, властям не делать насилия, не отнимать ни земли, ни воды; пусть владеют по духовной и по купчей деда моего во веки, пусть чернецы обрабатывают землю при помощи своих слуг. А кто преступит нашу грамоту и нарушит ее, тот даст ответ Богу и Пречистой».

Спустя некоторое время преподобный из Новгорода отправился на свой пустынный остров. Там он еще усерднее трудился над устройством обители: освятил церковь в честь Воскрешения Лазаря, друга Божия, поставил келлии для сподвижников и огородил все место. Два инока, пришедшие из Киева, построили другую церковь – Успения Пресвятой

Богородицы Печерской. И стало умножаться тогда число братии. Вскоре пришел в новую обитель с горы Афонской старец Феодосий, который проводил весьма добродетельную жизнь и носил на себе тяжелые вериги.

Между тем преподобный Лазарь достиг глубокой старости и было явлено ему, что скоро последует его кончина. Тогда он призвал к себе братию и сказал: «Братья мои, вы сами видите, что пришел конец моей жизни. Из среды вашей изберите себе вождя и учителя».

Но братья просили, чтобы преподобный сам назначил им игумена. Тогда преподобный благословил Феодосия на игуменство в своей обители. Причастившись Христовых Тайн, он благословил братию и, воздев святыя свои руки, предал Господу дух свой. Братия с честью и с псалмопением погребли преподобного за алтарем церкви друга Божия Лазаря, на том месте, где преподобный поставил первоначально крест. Преставился преподобный Лазарь 8 марта 1391 года, на 105-м году своей жизни. Мощи его почивают под спудом подле Успенской церкви бывшего Мурманского монастыря.

Март, 11

Евфимий, архиепископ Новгородский, святитель

Родители святого Евфимия жили в Великом Новгороде. Отец его Михей был священником церкви святого Феодора, мать его звали Анной. Детей у них не было долгое время, это их очень печалило, и они усердно молились Богу и Пречистой Его Матери о разрешении их неплодства. Бог услышал их молитву; у них родился отрок, которого при крещении они назвали Иоанном. Еще в пеленах они принесли его в церковь, положили перед иконою Божией Матери, перед которой молились о даровании дитяти, и сказали: «Вот, Царица и Владычица, что Ты даровала нам, то и приносим Тебе, что изрекли в печали уста наши, то радостью воздаем как Владычице и Царице, Ты же соблюди его, как Ты Сама восхощешь».

Споспешествуемый Божественной благодатью, отрок, питаемый матерью, рос и укреплялся в доме родительском, а когда настало время, отдан был учиться Божественным книгам, не увлекался детскими играми, но преуспевая в изучении Священного Писания и уже в 15-летнем возрасте возгорелся Божественною любовью, почувствовал в себе силу отречься от мира и сделаться иноком. В то время в окрестностях Новгорода была известна Вяжищская или Вяжицкая обитель, основанная тремя иноками Евфросином, Игнатием и Галактионом среди болот и лесов на месте, называемом Вяжище, отмеченном особым смотрением Божиим, так как иноки, придя на то место, слышали необыкновенное благоухание; они построили там келлии и часовню во имя святителя и чудотворца Николая, затем пришел к ним священник Пимен; на месте часовни они построили церковь. Пимен постригся в монашество с именем Пахомия и был первым игуменом Вяжищской обители. Много испытали иноки бед от корыстных жителей и особенно от одного вблизи жившего вельможи, который не хотел, чтобы тут жили монахи, – но великий чудотворец Николай не оставил своим заступлением с верою его просящих, всячески питал иноков, на вельможу же навел болезнь – злой струп на ноге. Вельможа стал молиться святителю Николаю, получил исцеление, пришел

в монастырь, подарил обители село свое, и обитель Вяжищская стала расширяться и процветать. В ней-то и положил начало своих иноческих подвигов отрок Иоанн. Он пришел к игумену Пахомию и умолял возложить на него иноческий образ. Пахомий принял Иоанна как посланного Самим Богом, облек его в ангельский образ с именем Евфимия; Промыслу Божию угодно было, чтобы эта обитель особенно прославилась через ее постриженника Евфимия. Юный инок поражал всех своим смирением и полным повиновением настоятелю и братии, дивились и глубокому его разуму, в нем виден был уже будущий пастырь и начальник. Прослышал о нем архиепископ Новгородский Симеон, призвал его к себе, долго беседовал с ним, остался им очень доволен и вскоре очень полюбил его, в монастырь его не отпустил, а назначил казначеем над церковным имуществом, каковую должность прежде исполняли всегда миряне. Святой Евфимий честно исполнял свое дело, не оставлял иноческого правила, какое имел в монастыре, не гордился данной ему властью, но остался таким же смиренным, каким был прежде.

В 1421 году, 15 июня, скончался архиепископ Симеон. После него святительствовал два года игумен Клопского монастыря Феодосий, выбранный владыкой Новгородским, но не хиротонисанный, и затем в 1423 году избран был в архиепископы инок Воскресенского Деревяницкого монастыря Емелиан, нареченный при хиротонии Евфимием и прозванный Брадатый. Казначей архиерейского дома святой Евфимий отпросился в 1425 г. на безмолвие в Хутынский Спасо-Преображенский монастырь, но был там недолго. Старцы Богородице-Рождественского монастыря, на Лисичьей горе, близ Новгорода упросили святого Евфимия принять игуменство в их обители, где он проявил высокие способности иноческого руководства: ко всем был снисходителен, со всеми обращался внимательно. В 1428 году последовала кончина архиепископа Евфимия Брадатого. Всеобщее желание было иметь архиепископом игумена Лисицкого Евфимия, имя его было написано в жребии, которые клались тогда на престол

Святой Софии при избрании владык новгородских. Не знали, что святой Евфимий от юности на это призван.

В 1429 году, 13 ноября, изволением Божиим и судом народным выпал жребий святого Евфимия, и он торжественно и радостно возведен был на сени, несмотря на его отказ по смирению и мнимому недостойнству. Долгое время святой Евфимий оставался не хиротонисанным; причиной тому было нестроение в Новгороде – одни склонялись к московским князьям, другие хотели владычества литовских королей, – а затем кончина митрополита всея Руси Фотия в 1431 году. Случилось в то время святому Евфимию быть в Троицкой Клопской обители, и здесь он услышал пророчество блаженного Михаила относительно обстоятельства своего посвящения в Смоленске. Святой Евфимий получил посвящение в Смоленске 26 мая 1434 года. Пробыв шесть с половиною недель в этом путешествии, с великою честью возвратился архиепископ Евфимий в Новгород. В соответствии своему великому сану он увеличил и свои иноческие подвиги, рассуждая в себе: «ему же дано будет много, много и взыщется от него». Он старался принести сторичный плод, по Евангелию, ибо до принятия великого сана заботился об одной своей душе, а после о многих нужно было пещись, чтобы с дерзновением можно было сказать пред Богом: «Се аз и дети, яже ми дал еси». О многом помышляла еще любомудренная душа архиепископа, много смущений таилось в его сердце, но он во всем положился на Бога и с надеждой на Его сильную помощь совершал свой великий подвиг. После рукоположения архиепископ опять был в обители Клопской и благодарил блаженного Михаила, что по его молитвам получил хиротонию. Тогда Михаил посоветовал владыке Евфимию съездить в Москву и утолить гнев великого князя Василия Васильевича Темного. Архиепископ поехал в Москву в 1437 году, когда митрополитом там был присланный из Царьграда Исидор, печально ознаменовавший себя изменою Православию на Флорентийском соборе. В том же году, осенью, митрополит посетил Новгород и Псков и отнял у Новгородского владыки «суд, и печать, и земли, и все доходы» по Псковской стороне. Святитель Евфимий со смирением и кротостью

перенес все это. Преемник Исидора святой митрополит Иона весьма уважал блаженного Евфимия и приходил к нему на помощь в тяжелые минуты. Так, когда князь Димитрий Шемяка захватил великокняжеский престол и нашел себе сочувствие в Новгороде, святой митрополит Иона в 1451 году писал архиепископу Евфимию: «Я знаю, сын и брат мой, что сам ты хорошо знаешь Священное Писание, но по долгу святительства благословляю тебя на то, чтобы ты наставлял и священникам наказывал учить духовных детей уклоняться от всякого худого дела». И не раз еще митрополит посылал грамоты архиепископу и увещательные послания новгородцам. В 1456 году святой Евфимий просил великого князя за преступных детей своих, и князь простил виновных.

Около тридцати лет святительствовал владыка Евфимий в Новгороде (если считать и годы с избрания его до посвящения), был любим и почитаем всеми и делами своими оставил по себе самую славную память.

О милостыне, ежедневно и открыто оказываемой святым Евфимием, все знали, тайная же и сердечная его милостыня известна одному Богу; с особенною любовью принимал он странников и пришельцев из чужих стран; подражал в этом Аврааму странноприимцу, никого не отпускал скорбным, всех успокаивал, говоря: «Это не мое, но все Божие». И не на один Новгород распространялись обильные деяния щедрой руки архиепископа, но повсюду – до Константинополя, до святой горы Афонской, Иерусалима и далее. Изумителен был пост и воздержание святителя. Никакие заботы и дела не могли ему помешать исполнить все иноческое правило: чего не успевал совершать днем, то доканчивал ночью, обычно до часу утреннего пел свое ночное и духовное славословие, и первый приходил в церковь к богослужению. Во святую Четыредесятницу на первой седмице не принимал никакой пищи, на прочих же неделях принимал пищу через день и то не до сытости; это же правило соблюдал и в остальные посты; в праздники разрешал на пищу с великим опасением, келейного же правила никогда не уменьшал.

Забываясь об украшении Божиих церквей, архиепископ Евфимий не одну и не две, но многое множество обновил церквей ветхих и соорудил новых в честь и славу святых.

Пахомий Логофет так описывает эти деяния святителя Евфимия: «Если хочешь увидеть нечто малое от великих, то подойди к великому храму Премудрости Божией Софии и возведи окрест очи твои; ты увидишь множество пресветлых храмов святых, созданных святителем, которые сияют, как звезды, стоят кругом, как горы, и если не словом, то самым видом своим возвращают свою разнообразную красоту, как бы соперничая друг с другом. «Это дал мне архиепископ Евфимий», – говорит одна церковь. «Таким благолепием он меня украсил», – похваляется другая. «А меня от основания он воздвиг», – перебивает третья. «Так как ты воздвиг мне храм на земле, то я умолю Творца даровать тебе храмы на небе», – взывает святитель Иоанн Златоуст, во имя которого высоко стоит созданный архиепископом храм.

Великий храм Премудрости Божией Софии, как град великого царя, стоя посреди церквей, восхваляет святителя Евфимия, который обновил его многолетние ветхости, возвратил ему прежнее благолепие, украсил многими добротами и иконами. «Се убо красота моя и похвала», – взывает он. «Се аз и дети, яже ми дал есть», – прибавляет он о прочих созданных святителем церквях.

Все же кругом стоящие церкви, воздавая подобающую честь соборной, как матери и царице, всех старейшей и высшей, радуются, что Святая София стяжала такого святителя.

Сам же святитель Евфимий, в лице храма своего Ангела (Евфимиевская церковь), не зная, что отвечать на все эти похвалы, воздевая руки, восклицает: «Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место вселения славы Твоея!» Так все единогласно похваляют своего создателя».

Действительно, по сказанию летописей, в святительство Евфимия создано весьма много церквей. В 1430 году пожар опустошил Новгород и двор владычний с церковью свт. Иоанна Златоуста, владыка тогда же соорудил на княжеском дворе каменную церковь святых отцов (старая упала); в 1432 году

воздвиг деревянную церковь Святых 12 апостолов на Чудинцевой улице с обителью близ скудельниц. В 1435 году построил каменную церковь свт. Иоанна Златоуста, но своды упали, в 1436–1437 гг. вновь устроена та же церковь и расписана; в 1437 году построена именная церковь святителя Петра митрополита на вратах у Святой Софии; святителя Николая на дворе владычном (1442 г.); Евфимиевская каменная на сенях (1445 г.), Жен Мироносиц на Ярославове дворе, Иоанна Богослова в Вяжицком монастыре (1439 г.), великомученицы Анастасии (1440 г.), Бориса и Глеба (1441 г.), каменная церковь Иоанна Предтечи на Отоках (1453 г.). Архангела Михаила на Михайловской улице (1454 г.), святителя Николая на выезде из города, Введенская на Прусской улице и каменная Ильинская в Славне (1455 г.), в Хутынском монастыре – во имя святого Григория и во имя преподобного Варлаама (1445–1446 гг.); в Отенском монастыре – во имя Трех святителей (1452 г.), в городе Старой Руссе – Преображенская (1442 г.), в Ладого – Георгиевский монастырь (1446 г.), и в Вяжищах – новый величественный храм во имя святителя Николая чудотворца (1448 г.). В мае 1442 года едва не выгорел весь Новгород, пострадало до 12 каменных церквей; много погибло христианских душ; через три года жестокий голод опустошил Новгород; щедрой милостыни архиепископа Евфимия не доставало для пропитания убогих.

Одним из важных памятников строительной деятельности святителя Евфимия остались каменные палаты архиерейского дома, воздвигнутые им на месте деревянных, много раз горевших. Опытным архитектором у него был казначей Феодор, поистине великий муж перед Богом; под руководством его немецкими и русскими мастерами были воздвигнуты «пречудные палаты». Палаты имели несколько ярусов с внутренними переходами и множеством дверей (подобно городским улицам), внутри и снаружи благолепно расписаны и украшены; вокруг них построено было много келлий для иноков и служб монастырских: поварня, хлебня и другие. Близ городской стены устроен был очень высокий каменный столб – «часозвоня» с дивными боевыми часами, которые оглашали

весь город. Это самое высокое здание в Новгороде – 23 сажени высоты, с него прекрасно виден весь город, открывается дивный вид на Ильмень озеро, Волхов и окрестные монастыри. Башня сохранилась доныне. Много и других зданий соорудил святитель, например, каменную духовницу, назначение которой неизвестно, сторожку и пр.

Среди забот об украшении храмов Божиих не забывал святитель Евфимий наставлениями согрешающих среди пасомых своих. Памятуя слова апостола: «научи, накажи и запрети», святитель сначала действовал на согрешившего кротостью; не исправляющихся запрещал с гневом на устах, а сердцем молился об исправлении их; обличал проступки и богатых и знатных, незаконные браки, и никто ничем не мог заставить его умолкнуть и прекратить обличения, пока не наступало исправление. В то время не было в Новгороде правды и правого суда; своеволие новгородцев вызвало гнев великих князей, много причиняло скорбей и трудов святителю – посреднику между паствою и князьями; много раз приходилось владыке посещать и псковскую свою паству для благословения и наставления.

Псковская Церковь, подчиненная в то время Новгородскому архиепископу, доставила немало хлопот и огорчений святому Евфимию. В 1435 году он прибыл в Псков, как жалуется местный летописец, не в установленное время, но когда захотел сам. Это вызвало неудовольствие во Пскове. Псковичи просили владыку остаться до недели Православия и совершить торжественную литургию с чином Православия. Но владыка почему-то не пожелал исполнить эту просьбу и потребовал подати, которые собирались с духовенства и мирян. Псковичи отказали ему. Не понравилось последним и то, что святитель не думал считаться со стариной: поставил в Псков наместника и печатника из новгородцев, а не из псковичей, которые судили по-своему. Неповиновение пасомых так огорчило святителя, что он, пробыв всего одну неделю, покинул Псков. Одумавшиеся князь, посадники и бояре псковские нагоняют владыку в пути, бьют ему челом, просят вернуться, что он и исполнил. Псковичи дали владыке подати. Но споры его духовенства – «софьян» – с

псковичами закончились схваткою. Это еще более огорчило святого Евфимия, и он уехал, отказавшись от поднесенных ему даров. Раздор прекратился в 1447 году, когда псковские послы прибыли в Новгород, били челом владыке и всему Новгороду о заключении мира по старине, и целовали крест. В 1453 году святой Евфимий приезжает в Псков, в кафедральном соборе во имя Живоначальной Троицы совершает торжественный обряд Православия, получает пошлины и с великою честью выезжает из Пскова. То же повторилось четыре года спустя.

В особенных откровениях Божиих, бывших, по сказанию летописца, в святительство Евфимия, можно усматривать как бы одобрение свыше деятельности архиепископа. В 1439 году ночью пономарь Аарон, находясь в соборе Софийской церкви, наяву видел всех бывших святителей Новгородских, как они прошли из притвора в алтарь, потом, один за другим по старшинству, вышли из алтаря и перед иконою Корсунской Божией Матери около часу совершали молебное пение. Голоса поющих были ясно слышны, но слов Аарон разобрать не мог. Когда узнал об этом архиепископ Евфимий, то прославил Бога, говоря: «Не оставил Бог места сего, молитв ради всех святых архиепископов».

Архиепископ служил соборную литургию и панихиду по всем святителям и установил на будущее время ежегодное поминовение архипастырей 4 октября. По случаю этого торжества святой Евфимий устроил почетный пир соборянам, подавал неоскудную милостыню нищим.

В том же году чудесным образом обретены были мощи святого архиепископа Иоанна. При возобновлении Софийского собора в притворе его открыт был гроб с нетленными мощами, но никто не знал, чьи были эти мощи. По молитве святого Евфимия ночью явился ему некий муж и сказал: «Я тот Иоанн архиепископ, которого открыт гроб и который послужил чудеси Богоматери в 1170 году».

Тогда же позлащены владыкой гробы ктитора соборного святого князя Владимира Ярославича и матери его святой княгини Анны и вся Софийская соборная церковь была обелена снаружи известью, поставлена новая каменная звонница и проч.

Нельзя пройти молчанием забот святителя Евфимия и об умножении богослужебных и священных книг. Еще и ныне целы книги, списанные по его воле и поручению: Служебник, Устав, Минеи (ноябрь, июнь, февраль и апрель) месячные и праздничные и Октоих.

Так в трудах и подвигах приближался святитель Евфимий к старости и к закату дней своих. Указавши место погребения своего в Вяжицах, архиепископ с особенною любовью относился к обители Вяжицкой – месту своего иноческого пострижения. Воздвигнув там великолепный храм во имя святителя Николая, владыка постоянно украшал его и иконами, и добротами, и всякими деяниями, а, соревнуя ему, бояре, вельможи новгородские и все народное множество не забывали обители милостыней и приношением. Было у владыки желание построить при жизни своей в том же монастыре теплый храм с трапезой во имя святого апостола Иоанна Богослова. Бог помог исполниться этому желанию. В Великом посту заложили церковь, а в день Воскресения Христова братия уже вкушали пищу в новой трапезе. Владыка захотел расписать церковь, но живописцы говорили, что стены еще сыры и писать нельзя. Владыка не хотел слушать их, велел приступить к делу, сам же молил Бога: «Господи Вседержителю, даруй мне хоть один день видеть церковь возлюбленного Твоего с трапезою совершившуюся, и тогда, как Сам хочешь, сотворишь».

Ко дню Сошествия Святого Духа все работы были окончены, и святитель Евфимий с радостными слезами восклицал: «Благодарю Тебя, Господи Человеколюбче, что Ты не оставил прошение раба Твоего, но сподобил меня, как Творец и Владыка мой, то, что я желал видеть, узреть сегодня своими очами».

Каждый год владыка Евфимий имел обыкновение проводить в своем любимом Вяжицком монастыре всю первую седмицу Великого поста. Не случилось этого только в 1458 году, в год блаженной кончины архиепископа. В последнее воскресенье перед Великим постом пришли к архиепископу посадники, бояре, игумены, священники и все множество народное, дать обычное целование с прощением при

наступлении Великого поста. Архиепископ, как чадолюбивый отец, всех прощал и милостиво учил, сколько можно, в чистоте проводить Великий пост, удаляться особенно пьянства, от которого происходит все зло. А когда наступил вечер, то, преподавши всем мир и благословение, архиепископ вышел из города и направился не в Вяжицкую обитель, а в монастырь Пречистой Богородицы на Лисичьей горе, откуда взят был на святительство. Придя в обитель, святитель разболелся, но всю седмицу постился и ходил на соборное пение. Все видели его телесные страдания, но ничего скорбного не было на лице у него: оно светилось радостью человека, как будто возвратившегося в свое отечество из дальних чужих стран, он радовался, что дух его разрешается от телесных уз. Перед кончиной своей он преподавал всем благословение и прощение, сам испросил у всех прощение, причастился святых Пречистых Таин, воздал хвалу Богу за все, тихо и мирно предал Господу честную и святую душу свою в 11-й день месяца марта в ночи. При кончине распространилось благоухание от тела архиепископа, а при помазании тела его найдены на нем тяжелые вериги («подобно схиме»), которых никто не видал на нем при жизни его.

Быстро распространилась весть о кончине любимого святителя. Многие множество народа и духовенства, подобно быстротечному потоку, устремились по всем путям к обители на Лисичьей горе. Плач и скорбь были великие.

С любовью, славой и честью перенесли тело архиепископа в собор святой Софии Премудрости Божией и там отпели его, а затем, согласно его завещанию, отнесли для погребения в Вяжицкий монастырь. Найденные на теле святителя вериги были повешены около гроба; «от них многие различные исцеления по молитвам святого бывают, – говорит древний жизнеописатель святителя Евфимия, – особенно страждущих студеною болезнию».

Находясь в предсмертной болезни и желая получить от митрополита Ионы последнее прощение всех своих согрешений и благословение в сей век и будущий, архиепископ Евфимий, незадолго до своей кончины, послал к митрополиту своего слугу

с умильным посланием и известием о своей тяжелой болезни. Митрополит сердечно отнесся к болезни святителя и послал ему разрешительную грамоту с священноиноком Евмением. Был уже шестнадцатый день со времени кончины архиепископа, когда прибыл инок Евмений. Открыли гроб святителя. Тело блаженного отца было светло, цело и не подверглось тлению. Как спящий, лежал он во гробе, «показуя душевную чистоту свою». Дивились все видимому чуду, а инок Евмений воскликнул: «Я уразумел воистину, что Бог сохраняет Великий Новгород и это святое место молитвами сего святителя».

Была прочитана разрешительная грамота и вложена в руку святителя, десная же рука его оставлена благословляющей, и гроб был закрыт.

Бог прославил святого Евфимия не только в жизни его, но и по смерти. Вскоре после кончины стали истекать чудеса от его гроба. Перечислим некоторые из них.

Игумен Вяжицкого монастыря Варлаам одержим был студеною болезнью, но помолился у гроба святителя Евфимия, возложил на себя железную его схиму и тотчас болезнь прекратилась.

Сын одного боярина Матфея Иоанн одержим был три года головною болезнью, и никто не мог его исцелить; придя в Вяжицкий монастырь, поклонился святителю Николаю и гробу блаженного Евфимия, возложил на себя железную схиму, и постепенно болезнь утихла и он был здоров, как будто никогда и не болел.

Келарь Вяжицкой обители Митрофан, вставая к утреннему славословию, сделался нем и почувствовал во всем теле расслабление; знаками показывал на гроб святителя и на голову; братия принесли к нему железную схиму святителя Евфимия; Митрофан с великою верою возложил ее на себя и много молился святому; затем он уснул и пробудился здоровым и ясно говорящим.

Служитель Новгородского архиепископа Ионы Захария 6 месяцев одержим был студеною болезнью, прибыл в монастырь, помолился святителю и исцелился. Через два дня,

не слушаясь увещаний игумена и братии, пошел в город и на дороге снова подвергся той же болезни в сильной степени. Возвратился в монастырь, поклонился чудотворцу Евфимию, возложил вериги и стал здоров.

Протодиакон Софийского собора Феодор, пользовавшийся милостью святого Евфимия еще при жизни его, после кончины блаженного отца заболел и постригся в монашество с именем Феодосия. Находясь на смертном одре, выразил желание быть погребенным в монастыре Рождества Господа нашего Иисуса Христа близ города, но в последние минуты его жизни явился ему блаженный Евфимий, как живой; протодиакон обрадовался, сотворил крестное знамение и хотел встать, чтобы поклониться святителю, но не мог этого сделать, велел всем присутствующим совершить крестное знамение и на предложенные ему вопросы отвечал: «Блаженный Евфимий архиепископ пришел ко мне и зовет меня в свой монастырь; молю вас, отнесите тело мое в честную обитель, нарицаемую Вяжища, куда и зван был я». Новгородский подьячий Евфимий одержим был лихорадкою, пришел в Вяжицкий монастырь, помолился чудотворному образу святителя, коснулся очами и лицом чудотворных его вериг и молитвами святого выздоровел от злой болезни.

Новгородский наместник Никита Романов, знатного рода, одержим был студеною болезнью, пришел в монастырь и, отпевши молебен, припал к раке святителя, облобызал ее и честные вериги и тотчас молитвами святого даровал ему Бог здравие, и с того времени он не чувствовал никакой болезни. Впоследствии этот боярин Никита с воеводою Георгием Токмаковым посланы были царем Иоанном Васильевичем в немецкую землю и там помощью Божией и молитвами святителя Евфимия взяли город Пернов и после победы возвратились с великою честью.

Много иных чудес сотворил и творит Бог через Своего угодника святителя Евфимия и не только приходящим ко гробу святого, но и на всяком месте призывающим имя его, невидим предстоит и помогает в напастях.

Память святителя Евфимия начала праздноваться вскоре после его кончины. В 1494 году он уже помещен в одной служебной Минее между новыми русскими чудотворцами. Шесть лет спустя в Вяжицкой обители была уже построена церковь, посвященная имени святого Евфимия. На Московском Соборе 1549 года установлено общецерковное празднование святителю. Святые мощи его почивают под спудом в Вяжицком монастыре под соборной церковью во имя Николая чудотворца.

Март, 12

Димитрий II, Самопожертвователь, благоверный грузинский князь

Святой благоверный грузинский царь Димитрий II, прозванный народом Самопожертвователем, происходил из династии Багратидов и был сыном царя Давида V († 1269). Царь Димитрий прилагал много усилий для процветания и мирного благоденствия своей страны. В его царствование в состав Грузии вошли прилегающие к ней армянские провинции, что вызвало неудовольствие соседней Персии. Благодаря мудрым действиям святого Димитрия II, оказавшего ряд услуг персидскому султану Ахмеду, столкновения с Персией в течение нескольких лет удавалось избежать.

Новый персидский султан Аргун по наущению своего придворного врача-иудея, возбудившего в нем сильную вражду против православного царя Димитрия, подступил с большим войском к границам Грузии. Султан Аргун расположил свой лагерь в Муганской степи. Святой царь Димитрий, желая спасти страну от опустошительного разорения, сам прибыл в стан неприятеля и старался заверить его в своем миролюбии.

Султан в неукротимом гневе предложил царю выбор – смерть или разорение Иверии. Царь Димитрий отвечал тирану: «Пожертвую жизнью для спасения своих подданных». Святой Димитрий был казнен († 1289). Грузинские и армянские историки сообщают, что через несколько часов после мученической кончины святого Димитрия внезапно затмилось солнце и ужас объял султана Аргуна и его войско. В страхе персы покинули Грузию, не успев предать ее разорению. «Память святого царя Димитрия, нареченного от иверцев Самопожертвователем, пребудет священной в стране, которую он спас от тирана жертвованием своей жизни».

Март, 14

Феогност, Митрополит Киевский и всея Руси

Блаженный Феогност, грек по происхождению, родился в Константинополе, еще юношей приобрел знание Божественных канонов и законов, проявил себя мужем разумным и боголюбивым и считался украшением родного города. Он поставлен был на митрополию Киевскую и всея России Исаиею, патриархом Константинопольским, в 1328 году и тогда же прибыл в Галицко-Волынскую землю, поставил здесь двух епископов, затем проследовал сначала во Владимир, потом в Москву, где и воссел на престол своего предшественника, чудотворца Петра митрополита, и стал жить в его доме.

В том же году великий князь московский Иоанн Даниилович ездил в Орду, хан которой по имени Узбек поручил ему великое княжение Владимирское и с великой честью отпустил в Москву. С тех пор татары перестали воевать с Русской землей, и была в ней тишина в продолжение сорока лет. Святитель Феогност радовался возвышению великого князя московского и во всех случаях был твердым его помощником, так как Господь благоволил перейти и утвердиться Киевской и Владимирской державе в боголюбивом граде Москве. На другой год после своего прибытия святой митрополит Феогност озаботился благоуукрашением стольного города своей митрополии, построил в Москве каменную церковь во имя прп. Иоанна Лествичника и создал придел к храму Успения Божией Матери, во имя св. апостола Петра (поклонения честным его веригам), знаменуя сим почитание святой памяти своего предшественника, митрополита Петра, почивающего в сем Успенском храме. В 1329 году блаженный митрополит отправился из Москвы осматривать обширную паству свою. Прежде всего, по примеру своих предшественников Кирилла, Максима и святого Петра, святитель Феогност посетил Новгород. В это время в Пскове княжил Александр Михайлович Тверской, укрывшийся сюда из Орды, где он умертвил убийцу отца своего. Хан Узбек настоятельно требовал, чтобы Александр явился на суд в Орду, но тот не решался ехать к татарам. Зная неистовство хана

Узбека, который не пощадит земли Русской за непослушание Александра Михайловича, братья его соединились с великим князем Иоанном Даниловичем, чтобы принудить псковского князя исполнить волю хана. Ни владыка Моисей, ни посадник, прибывшие из Новгорода во Псков, не убедили псковичей отпустить Александра в Орду. Тогда братья его и московский князь подошли ко Пскову со своими войсками и, чтобы избежать пролития крови христианской, упросили преосвященного Феогноста, чтобы он отлучением и запрещением связал князя Александра и послал его в Орду. Святой Феогност положил отлучение и проклятие на псковского князя, на весь город Псков и на всю область их.

Тогда князь Александр Михайлович сказал псковитянам: «Братия и друзья верные! пусть не будет на вас отлучения и проклятия святительского ради меня худого и грешного. Я ухожу от вас к немцам и в Литву, чтобы не было никакой тягости земле вашей от царя Узбека». Псковичи послушались, со слезами отпустили Александра и послали к великому князю Иоанну Даниловичу челобитье о мире и любви. Тот примирился с псковичами, а митрополит преподал им свое благословение.

Посвятив для Ростова и Ярославля, вместо почившего Прохора, епископа Антония, преосвященный Феогност отправился в 1330 году в Галицко-Волынскую область.

По дороге сюда или, может быть, ранее этого путешествия святой Феогност остановился в городе Костроме, где был собран собор из четырех епископов, который поставил на Суздальскую кафедру епископа Даниила, а затем разбирал спор между епископами Сарайским и Рязанским о Червленом Яре (местность между реками Доном и Хопром). Дело решено было в пользу рязанского владыки: Червлёный Яр приписан был к Рязанской епархии. В Галицко-Волынской области он пробыл продолжительное время к утешению Православия, сильно теснимого католичеством, и для того, чтобы воспрепятствовать отделению Галицко-Волынских епископий в особую от Всероссийской митрополию. Из Владимира Волынского он дал знать в Новгород, чтобы явился для посвящения к нему нареченный в архиепископа Новгородского

Василий. В то же время пришли во Владимир и послы от псковичей, от возвратившегося князя Александра Тверского и от князя Гедимина Литовского, с просьбой, чтобы митрополит поставил во Псков особого епископа – Арсения. Феогност поставил Василия во архиепископа Новгороду и Пскову, а псковичам в их просьбе отказал, так как они добивались себе отдельного епископа из стремления к церковной и гражданской независимости от Новгорода, и незадолго перед этим временем проявили непокорность великому князю и митрополиту. Во Владимире же Волынском был посвящен блаженным Феогностом и епископ Феодор для Твери.

Во след новопоставленному архиепископу Василию, возвращавшемуся с посадниками и их дружиной в Новгород, митрополит послал грамоту, в которой писал: «Князь литовский отпустил на вас 500 воинов, чтобы вас схватить».

Владыка Василий и посадники ускорили свой путь, но под Черниговом их настиг князь Феодор Киевский с татарским баскаком. Едва они откупились от преследующих. Бог же наказал за это дружину князя Феодора тем, что на обратном пути кони их пали, и они шли пешие. А блаженный митрополит стыдил князя, грозя: «Срам князю, который чинит неправду, обижает, творит насилие и разбой».

Посетив Перемышль, Холм и Галич, первосвяtitель водворился на время в Киеве, чтобы устроить древнюю митрополию, потерпевшую от монголов и Литвы. Сюда пришли к митрополиту послы от великого князя московского Иоанна Данииловича, чтобы он дал князю благословение воздвигнуть церковь во имя Преображения Спаса нашего Иисуса Христа, устроить монастырь внутри града Москвы и перенести туда архимандритию от святого Даниила из Заречья, ибо великий князь хотел вселить ее внутрь града, близ своего дворца, чтобы ни день ни ночь не быть отлученным от этой святыни. Преосвященный митрополит с любовью преподал князю свое благословение, и скоро построен был каменный храм Спаса на Бору, между жилищами великого князя и митрополита, и основалась Спасская обитель.

Из южной России митрополит Феогност отправился в Грецию и в Орду. Он был в Царьграде у патриарха для разрешения недоумений, возбужденных при пасторском обзоре епархий, и сообщил там собору о чудесах митрополита Петра. На последнее сообщение митрополит Феогност получил в 1333 году письменное разрешение патриарха Иоанна XIV Калеки праздновать память святителя. Преосвященный Феогност посетил Орду с тем, чтобы получить утверждение прав и преимуществ, предоставленных Русской Церкви татарскими ханами.

По возвращении в Москву митрополит освятил осенью 1333 года созданную великим князем на Кремлевской площади каменную церковь во имя святого Архангела Михаила, будущую усыпальницу князей Московского рода. Вслед за тем, по совету блаженного Феогноста, сын Иоанна Данииловича, Симеон вступил в брак с дочерью великого князя литовского Августой, которая была крещена в Москве и наречена Анастасией. Мудро содействуя установлению добрых отношений Литвы и Руси, блаженный святитель проявил себя миротворцем и между Москвою и Новгородом.

Посвятив в 1336 году епископа Гавриила для Ростова, первосвятитель утвердил князя тверского Александра Михайловича в намерении идти в Орду с покорностью татарскому хану. Приняв благословение от Феогноста митрополита и от всех святителей русских и решив, что лучше умереть за веру, чем своим неповиновением навлекать гнев татар на всю Россию, князь Александр отправился в Орду и со смирением предал себя воле хана Узбека. Тот подивился его мудрости, пожаловал княжением Тверским и отпустил на Русь. Но вскоре оклеветали тверского князя в Орде, он был вызван туда вторично со своим сыном Феодором, и оба были убиты по приказанию Узбека. Тела их встретил во Владимире митрополит Феогност со священным собором, отпел над ними надгробное пение и со слезами отпустил в Тверь. Зимой 1340 года митрополит Феогност был в Брянске. При нем поднялась крамола против князя Глеба Святославича. Напрасно святитель

уговаривал возмущившихся брянцев – они не послушались и умертвили князя.

В это время умер Иоанн Даниилович Калита; на престоле великого княжения Владимирского и Московского воссел сын его Симеон Иоаннович. Он послал в Торжок за данью. Но жители Торжка обратились в Новгород с жалобой на бояр московских, собиравших дань. Новгородцы захватили их и на время заточили. Разгневанный великий князь Симеон пошел с войском к Торжку. Новгородцев объял страх, и они умолили бывшего в войске митрополита печаловаться за них перед князем. Первосвященитель уговорил князя заключить с новгородцами мир и посетил Новгород, где и удерживал своими поучениями буйных жителей от разбоя и насилия.

В 1342 году великий князь Симеон Иоаннович отправился в Орду к новому хану Джанибеку, его сопровождал и преосвященный Феогност митрополит. Пробыв в Орде недолго, великий князь возвратился в Москву. Святитель же Божий Феогност остался в Орде, так как был оклеветан перед ханом некоторыми злодеями из русских, которые говорили: «Митрополит Феогност не дает дани в Орду с освященного чина и со всего церковного причта, а сам себе взимает с них дань бесчисленную, тебя же хана обижает, и ему следует давать тебе дань в Орду каждый год».

Хан потребовал у митрополита, чтобы тот представил ему ежегодную дань. Святой же Феогност не повиновался этому приказанию. На понуждение и вопросы татар, почему митрополит не желает давать церковную дань, святой отвечал: «Христос истинный Бог наш, Церковь Свою искупил от неверных честною Своею кровью, поэтому и причт церковный свободен от всякого рабства и служения, кроме служения Богу. Да и почему вы заставляете меня отвечать вам за эту дань?»

Неверные сказали на это: «Ты глава Церквам и должен или сам давать нам за них ежегодную дань, или разреши нам самим взимать с них дань, мы же никого не пощадим».

Святитель отвечал: «Если кто оскорбит Церковь Божию, того оскорбит Бог. Так пишет учитель наш Павел, апостол Христов».

Поганые не переставали принуждать святого к представлению дани, угрожая ему всякими мучениями, сами же не смели собирать дань со священнослужителей и причта. Не попустил Бог проявиться их дерзости и устрасил их. Ибо они знали, что и первые цари их, будучи нечестивыми, немилостивыми и кровопийцами, давали однако подтвержденные клятвами ярлыки митрополиту и епископам не брать дань ни с кого из причта церковного и из всех, живущих в областях, принадлежащих Церкви, всех их ханы считали Божиими слугами и приносили эту дань небесному Богу. И доныне сохранились такие грамоты (ярлыки) нечестивых царей, подкрепленные страшными клятвами, писанные к великому чудотворцу Петру, митрополиту всея России, и иным митрополитам. Много раз ханы пытались преступить свою клятву и сами, без разрешения митрополита, хотели собирать ежегодную дань с церковного причта, но возбранил им это Вышний Промысл, ибо они боялись Божией казни.

Нечестивые татары сильно мучили Христова святителя Феогноста, принуждая его снять с них прежнюю клятву и разрешить им собирать дань с церковного причта. Блаженный страдалец Феогност доблестно претерпел эти муки ради Церкви Христовой. О своем имуществе он не заботился и раздал тогда татарам до 600 рублей серебра. Но не только не разрешал татарам собирать дань с людей церковных, а совершенно запретил им это и заклиал страшными клятвами. Его отпустили на Русь с прежними правами духовенства, и жена хана Тайдула подтвердила их особой грамотой. Так освободил святитель Христову Церковь от напасти, а причетников от налога и дани. Как непобедимый воин, возвратился с победой святой Феогност и, в самое средокрестие святого и Великого поста, прибыл благополучно на свой престол Русской митрополии, принося благодарения Богу и Пречистой Богородице.

Вскоре по возвращении из Орды святитель огорчен был страшным пожаром, опустошившим Москву и истребившим до 18 церквей. Это бедствие тем более было тягостно, что пожар 1343 года был уже четвертый при блаженном Феогносте, а между тем столько расходов сделано было в Орде. И однако

ревностный архипастырь в следующем же году поручил греческим художникам возобновить иконное письмо в кафедральном своем храме Пречистой Богородицы, и возобновление было окончено в том же году.

По смерти великого князя Гедимины (в 1341 году) поднялись в Литве кровавые распри между сыновьями его. Один из них, Евнутий, вынужден был бежать из Литвы и явился в Москву. Здесь язычник-князь в 1345 году крещен был митрополитом и наречен Иоанном. Вслед затем (1346 г.) прибыл в Москву владыка Новгородский Василий с предложением великому князю Симеону занять стол Новгородского княжения. Тотчас по прибытии он посетил митрополита, принес ему дары и просил о благословении. Первосвяtitель благословил Василия и почтил его крестчатыми ризами. Тогда же митрополит поставил Спасского архимандрита Иоанна во епископа городу Ростову.

Случилось так, что патриарх Константинопольский возвел Галицкого епископа в сан митрополита всей южной России, создав таким образом митрополию отдельную от Киевской, это вызвало много беспорядков в церковном управлении. Вследствие назначения особого митрополита для южной России блаженному Феогносту пришлось испытать много тревог. По совещании с великим князем московским, посланы были в Царьград послы, и заботы святителя не были бесплодны. Константинопольский собор 1347 года постановил уничтожить прежнее определение о Галицко-Волынском митрополите и почтил Феогноста званием «предпочтенного митрополита и экзарха всея Руси».

Обрадованный таким решением Константинопольского собора, блаженный Феогност в следующем году отправился на Волынь. Вслед за возвращением его в Москву, волынский князь Любарт Гедиминович, во святом крещении Феодор, прислал к великому князю московскому просить для него в замужество племянницу великого князя, дочь ростовского князя. По совету преосвященного Феогноста, ростовская княжна охотно была выдана за усердного ко святой вере Любарта. Затем Ольгерд, великий князь литовский, прислал к Симеону Иоанновичу

послов с просьбой взять в замужество Иулианию, дочь князя тверского Александра. Великий князь московский усомнился выдать родственницу за язычника и просил совета у митрополита. Первосвяtitель, имея в виду полезные последствия сего брачного союза, как для государства, так особенно для успехов святой веры в языческой Литве, преподал благословение на брак (1350 г.).

Ослабленный летами и трудами, блаженный Феогност в конце 1350 года был тяжело болен. Смиренно перенося недуг, первосвяtitель не оставлял своего пастырского служения, возвратил на Суздальскую кафедру епископа Даниила, а в Новгороде также вторично поставил епископа Моисея. В 1352 году Россию посетило ужасное несчастье, открылась моровая язва и опустошила многие русские области. Престарелый свяtitель пережил тяжелый год, готовясь к смерти. Зимой преосвященный Феогност поставил наместника своего святого Алексия, которого любил, во епископа городу Владимиру. Так при жизни своей митрополит учинил его владыкою, а по смерти благословил на свое место, на митрополию Киевскую и всея России. Свяtitель Феогност отличался выдающимся умом, обширными богословскими познаниями. Ревность о Православии побудила свяtitеля выступить против не правоучащих о Божественном свете. После себя святой Феогност оставил письменные труды. Из них недавно найдено поучение под таким заглавием: «Почтение Феогноста, митрополита всея Руси, душеполезное и спасительное. К духовным детям нашим, правоверным христианам от Божественных Писаний о смиреннолюбии, что не подобает христианам играть и бесчинно смеяться, что недостойно приходящие к Божественным Тайнам ввергают себя в нестерпимую муку, и о том, как подобает почитать Честный и Животворящий Крест Господень».

В 1353 году, 11 марта, блаженный Феогност, великий пастырь и наставник Российский, с миром отошел к Господу, его же ради усердно подвизался. Всех лет его свяtitельства было 25. 14 марта честное тело блаженного было положено в преславном граде Москве, в великой соборной церкви Пречистой Богоматери, в приделе Поклонения веригам

верховного апостола Петра, близ чудотворного гроба Петра митрополита, богоносного святителя русского. Мощи святителя Феогноста, обретенные нетленными в 1471 году, недолго почивали в сем соборном храме, который стал уже ветхим, просуществовав 146 лет. Великий князь московский Иоанн III Васильевич и митрополит Филипп задумали построить на месте ветхого новый храм, подобный храму Пресвятой Богородицы во Владимире, и перенести туда мощи святых митрополитов. В 1474 году новый храм разрушился, и 10 марта 1475 года мощи святых митрополитов, в том числе и святителя Феогноста, перенесли в церковь св. Иоанна, под колокола. Новый храм Успения Пресвятой Богородицы был окончен строением в 1479 г. при митрополите Геронтии, и раки святых митрополитов торжественно перенесли туда 27 августа. Мощи Феогноста митрополита поставили по-старому, и здесь они доселе почивают под спудом.

В 1474 году у гроба святителя Феогноста совершилось преславное чудо. Некий человек в городе Москве пошел по обычаю к месту скудельничьему, где граждане погребали странников и нищих. Был обычай посещать это место в четверг седьмой недели, приносить туда канун и свечи и творить моление об умерших. Вместе со всеми пошел и тот человек. И вот стали засыпать старую яму, которая была наполнена мертвыми телами, и копать новую. А копали и засыпали землею все граждане, мужи и жены, Бога ради. И тот человек взял в полу землю из новой ямы и понес ее в старую, но вследствие тесноты людской споткнулся, упал на землю и внезапно оглох и онемел. Много дней страдал он этою болезнью; однажды сказал ему некто, как бы во сне: «Иди завтра в соборную церковь Пречистой Богородицы, в честь славного Ее Успения». Он пошел туда и стал прикладываться к гробам святых митрополитов Петра, Иоанна и Филиппа; когда же он приложился к гробу святителя Феогноста, внезапно стал говорить и слышать, и рассказал всем, как был он нем и как вернулась ему речь: «Когда я наклонился, – сказал исцеленный, – и хотел приложиться к мощам святителя Феогноста, святой внезапно поднялся, благословил меня рукою и коснулся языка

моего. Я же стоял, как мертвый, и вдруг стал говорить». Слышавшие это дивились и прославили Бога и святого митрополита Феогноста.

В XVI и XVII столетиях святитель Феогност стал в числе почитаемых усопших. Местное празднование установлено ему в XIX веке. В настоящее время святителю Феогносту совершается уже общецерковное празднование.

Ростислав-Михаил Киевский, благоверный князь

Святой Ростислав, великий князь киевский, внук благочестивого Мономаха, сын великого князя киевского святого Мстислава Великого († 1132, память 14/27 июня), брат святого князя Всеволода-Гавриила († 1138, память 1/14 февраля, 22 апреля/5 мая и 27 ноября/10 декабря), является одним из выдающихся государственных и церковных деятелей Руси середины XII века.

В молодых годах отличался он подвигами мужества в боях. Ростислав отличался как храбростью и подвигами мужества, так и высокими христианскими качествами: он был незлобив, уступчив и миролюбив. Любовь к своим подчиненным, желание им всякого блага, забвение обид и постоянное памятование о своих грехах составляли неотъемлемую принадлежность его души. Во время борьбы брата его великого князя Изяслава с Ольговичами и Юрием во многих случаях показал он храбрость бестрепетную, но вместе старался тушить вражду князей любовью уступчивой. С его именем Ростислава связано укрепление и возвышение Смоленска, Смоленского княжества и Смоленской епархии.

До XII века Смоленская земля была составной частью единого Киевского государства. Начало ее политическому обособлению было положено в 1125 году, когда святой князь Мстислав Великий, унаследовав от своего отца, Владимира Мономаха, Киевский великокняжеский стол, отдал Смоленск в держание своему сыну Ростиславу (в крещении Михаилу). Благодаря трудам и подвигам святого Ростислава Смоленское княжество, которым он правил более 40 лет, расширяется, застраивается городами и селами, украшается храмами и монастырями, приобретает влияние на общерусские дела. Каменный храм в честь святых князей Бориса и Глеба, построенный в 1145 г. на месте мученической кончины последнего, на Смядыне, и в Смоленске Петропавловский – памятники благочестивого родоначальника князей смоленских.

Дадите Господу Богу вашему славу прежде даже не смеркнется (Иер. 13, 16), – учит пророк Божий. Блаженный князь Ростислав поступал по учению откровения Божия. За счастье земное благодарил Господа и блага земные употреблял в славу имени Божия; для него прежде всего и выше всего была слава Божия.

После смерти брата Изяслава (13 ноября 1154 г.) святой Ростислав на короткое время стал великим князем киевским, но владел Киевом совместно со своим дядей Вячеславом Владимировичем. После смерти последнего (в конце того же года) он вернулся в Смоленск, уступив Киевское княжение другому своему дяде – Юрию Долгорукому, и устранился от активного участия в кровопролитных междукняжеских усобицах. Вторично он занял Киев 12 апреля 1159 года и оставался великим князем до самой смерти (в 1167 г.), хотя еще не раз пришлось ему отстаивать отчее наследие с мечом в руках.

Годы правления святого Ростислава приходятся на один из самых сложных периодов в истории Русской Церкви. Старший брат Ростислава, князь Изяслав Мстиславич, сторонник автокефалии Русской Церкви, избрал в митрополиты русского ученого инок Климента смолятича и повелел поставить его в митрополиты собором русских епископов, без обращения к константинопольскому патриарху. Это произошло в 1147 году. Русская иерархия в основном поддержала митрополита Климента и князя Изяслава в их борьбе за церковную независимость от Византии, но некоторые епископы во главе с Нифонтом, святителем Новгородским (память 8/21 апреля), не признали автокефального русского митрополита и уклонились от общения с ним, превратив свои епархии, впредь до выяснения обстановки, в своеобразные «автокефальные» церковные округа. Так поступил и епископ Мануил Смоленский. Святой Ростислав понимал опасность, которую таила в себе идея русской автокефалии в то время, в условиях раздробленности Руси. Постоянная битва за Киев, которую вели князья, усложнилась бы такой же «битвой» за Киевскую митрополию кафедру между многочисленными

претендентами, которых выдвигала та или иная княжеская группировка.

Предвидение святого Ростислава полностью оправдалось. Юрий Долгорукий, придерживавшийся византийской ориентации, заняв в 1154 году Киев, немедленно изгнал митрополита Климента и послал в Царьград за новым митрополитом. Им стал святой Константин (память 5/18 июня), но он прибыл на Русь лишь в 1156 году, за полгода до смерти Юрия Долгорукого († 15 мая 1157 г.).

А еще полгода спустя, когда 22 декабря 1157 года в город вступил племянник святого Ростислава Мстислав Изяславович, святитель Константин должен был бежать из Киева, и на митрополичью кафедру вернулся низложенный Климент смолятич. Началась церковник смута – на Руси стало два митрополита. Вся иерархия и духовенство оказались под запрещением: митрополит-грек запретил русских, поддерживавших Климента, Климент запретил всех ставленников и сторонников грека. Для прекращения соблазна святой Ростислав и Мстислав постановили удалить обоих митрополитов и просить у патриарха поставления на русскую кафедру нового первосвященителя.

Но сложности на этом не кончились. Прибывший в Киев осенью 1161 года митрополит Феодор умер весной следующего года. По примеру святого Андрея Боголюбского (память 4/17 июля), пытавшегося в это время провести в митрополиты своего подвижника епископа Феодора, святой Ростислав выдвинул своего кандидата, которым вновь оказался многострадальный Климент смолятич.

Тот факт, что великий князь изменил свое отношение к митрополиту Клименту, проникнутому идеей русской автокефалии, объясняется влиянием Киево-Печерского монастыря и особенно архимандрита Поликарпа. Архимандрит Поликарп, блюститель печерских преданий (в 1165 году он стал настоятелем обители), был самым близким к святому Ростиславу человеком.

Князь Ростислав, окруженный счастьем, не пленялся ничем земным. Никогда не искал он власти, а только принимал ее,

когда вручали, и притом как тяжесть. Незлобие его прощало все другим; он помнил о своих грехах, о своих долгах перед Богом и забывал о том, чем должны ему другие. Он постоянно заботился о том, как угодить Господу. Святой Ростислав имел благочестивый обычай приглашать по субботам и воскресеньям Великого поста к своему столу печерского игумена с шестнадцатью иноками и сам им прислуживал. Часто говорил он печерскому игумену: «Приготовь мне келлию, боюсь смерти неожиданной», – и сам в каждое воскресенье поста приобщался Св. Таин. Ему очень хотелось уклониться от сует жизни в Печерскую обитель, не раз говорил он о том печерскому игумену. Игумен останавливал его, указывая на то, что дело князя – ограждать покой людей правосудием и мечом, наконец предложил ему предоставить себя воле Божией.

Печерские иноки, пользовавшиеся огромным духовным влиянием в Древней Руси, поддерживали в князе мысль о независимости Русской Церкви. Тем более, что епископы из греков были в эти годы на Руси даже под подозрением относительно их православности, в связи с известным «спором о постах» (леонтианская ересь). Но благочестивое желание святого Ростислава добиться у патриарха благословения русского митрополита Климента не осуществилось. Греки считали право назначения митрополита на Киевскую кафедру своей важнейшей привилегией, что объяснялось не столько церковными, сколько политическими интересами империи. В 1165 году в Киев прибыл новый митрополит – грек Иоанн IV, и святой Ростислав из смирения и церковного послушания принял его. Новый митрополит, подобно своему предшественнику, управлял Русской Церковью менее года († 1165 г.). Киевская кафедра вновь осталась вдовствующей, а великий князь был лишен отеческого совета и духовного окормления со стороны митрополита. Единственным духовным утешением его было общение с игуменом Поликарпом и святыми старцами Киево-Печерского монастыря и Феодоровского монастыря в Киеве, основанного его отцом.

В 1167 г., несмотря на старость свою, отправился он в Новгород, чтобы утвердить там сына своего Святослава. На

дороге смоленские послы встретили его за 300 верст от Смоленска; потом жители всех сословий приняли его с подарками: так любили добродетельного старца-князя в Смоленске. В Великих Луках взял он клятву с послов новгородских забыть неудовольствия на сына его и разлучиться с ним одною смертью. Больным прибыл он на возвратном пути в Смоленск. Сестра и сын уговаривали его остаться в Смоленске, чтобы быть погребенным в храме, им созданным. «Везите меня в Киев, – отвечал он, – если умру на дороге, положите меня в отчем монастыре у св. Феодора, если Бог исцелит меня молитвами Пречистой Своей Матери и св. Феодосия, постригусь в Печерском монастыре».

Бог не судил исполниться давнему желанию Ростислава – окончить жизнь иноком святой обители. Блаженный князь скончался на пути в Киев, с тихою молитвою на устах. «Ныне отпусти раба Своего, Владыко, по глаголу Твоему с миром», – это были последние слова, и слезы остановились на застывшем лице его. Праведник почил 14 марта 1167 года. (В других источниках указан 1168 год.) Тело его, согласно завещанию, было положено в Киевском Феодоровском монастыре.

«Поступайте, – говорит нам в заключение жизнь праведного князя, – поступайте сообразно званию, в которое призваны, со всяким смиренномудрием, кротостью и великодушием, снисходя друг другу из любви» (Еф. 4, 1–2).

Март, 15

Никандр Городноезерский, преподобный

В конце XVI, начале XVII вв. на берегу озера Городного, что в 47 верстах от города Боровичи, в 4-х верстах от погоста Шероховичей, в Новгородской губернии, Боровицком уезде раб Божий Никандр построил храм Воскресения Христова. Ранее на этом месте был Воскресенский монастырь. Когда он был основан, неизвестно, но в 1581 году в монастырской описи говорилось, что в 10 келлиях жило лишь 3 старца. Преподобный Никандр был первым настоятелем возобновленной обители и служил для собранных им иноков примером святой жизни, проводил жизнь подвижническую, в трудах, посте и молитвах. Он скончался в 1603 году. Мощи его покоятся под спудом, и в храме упраздненной в 1764 году обители был придел во имя преподобного Никандра Городноезерского.

Март, 16

Серапион, Архиепископ Новгородский

Родиной святителя Серапиона было село Пехорка в 20-ти поприщах от Москвы; о родителях же его известно только, что они были поселяне, люди верующие и благочестивые. На седьмом году от рождения Серапион начал обучаться грамоте, а затем в раннем сравнительно возрасте хотел удалиться от мира, но родители не позволили сделать этого. Уступая их желанию, он вступает в брак и принимает сан священства; через год умерла его жена, Серапион постригается в монашество, но для покоя родителей и после пострижения остается для служения при той же Покровской церкви. Когда же скончались его родители, Серапион отпустил на волю рабов отца своего, имущество раздал бедным и поступил в Дубенский Успенский монастырь, что на острове; вскоре он сделан был строителем этой обители, много потрудился для монастыря и так прославился своими иноческими подвигами, что самая обитель стала называться пустыней Серапиона. Желая предаться богомыслию и строгим подвигам, Серапион сложил с себя обязанности строителя обители и перешел в Троице-Сергиеву лавру при игумене Симоне. Этот Симон был поставлен митрополитом Московским в 1495 году, а святой Серапион волею митрополита и великого князя тогда же сделан был игуменом лавры. Святой Серапион пользовался большим уважением великого князя Иоанна Васильевича, и был случай, когда по ходатайству святого Серапиона он помиловал осужденных на казнь.

Недобрые люди оклеветали перед великим князем трех боярынь, обвинив их в волшебстве. Иоанн Васильевич страшно опалился на них и присудил к смерти через сожжение. За невинно осужденных печалуется митрополит Симон соборне с духовенством своим, просят бояре, но без всякого успеха. Тогда святой Серапион, помолясь Живоначальной Троице, Пречистой Богородице и преподобному Сергию, отправился к великому князю и наедине со слезами начал печаловаться за несчастных боярынь, прося освободить их от смертной казни. Великий князь

умилился просьбой Троицкого игумена, перестал гневаться, умиловился до того, что без всякого наказания освободил боярынь. Этот подвиг печалования прославил святого Серапиона – народ припоминал святителя Николая, освобождавшего от смертной казни неповинных. Сам великий князь возлюбил за это подвижника.

Выделился своим благоразумием святой Серапион и на Соборе 1504 года, когда горячо отстаивал церковные и монастырские имения, как средство благотворительности.

Святой Серапион очень заботился о вверенной ему обители преподобного Сергия, был рачительным хозяином, берег ее вотчины и монастырские запасы, собранные в многочисленных селах и деревнях.

Великий князь Иоанн Васильевич при передаче царства своему сыну Василию указал на святого Серапиона как на одного из достойнейших к занятию архиерейской кафедры. Великий Новгород в то время более двух лет не имел своего святителя. Избрание пало на святого Серапиона, и 15 января 1506 года сбором архипастырей он был хиротонисан в архиепископа Новгородского. Попущением Божиим наступили тогда для Новгорода тяжелые времена. Третий уже год Новгород страдал от смертоносной язвы; в 1508 году мор был особенно силен: в одну осень умерло 15396 человек. В том же году страшный пожар опустошил торговую сторону Новгорода: при страшной буре огонь действовал с такою силою, что люди не успевали спасаться; «всех душ сгорело 3315, а утопших в реке Волхове Бог един весть», говорит летописец. Немалые скорби пришлось понести святителю Серапиону среди этих бедствий. Непрестанно молясь о прекращении страшной болезни, святитель Серапион с иконами и крестами ходил около города, велел в один день срубить и поставить церковь во имя Похвалы Богородицы на Детинце и в тот же день (15 октября) освятил ее. В то время молитвами святого архиепископа Серапиона исцелил Господь Бог трех человек: слепого, расслабленного и бесноватого. После этого чуда смертоносная язва немедленно прекратилась. Во время пожара архиепископ с иконами и крестами вышел на Волховский мост к Чудному

кресту, но не мог выговорить слова на молебне, сильно рыдал, источая слезы из очей своих, как струи непрестанно, и молился втайне сердца своего, пока прекратился гнев Божий. С прекращением пожара святой Серапион велел собрать тела погибших и зарыть в землю, отслужил по ним панихиду и, собравши многих граждан, проклял немилостивых грабителей, похищавших все ценное у обгоревших тел и из домов.

В то же время случилась великая распря святителя Серапиона с игуменом Волоколамского монастыря преподобным Иосифом. Волоколамская обитель находилась тогда в ведении Новгородского владыки. Когда князь Феодор Борисович стал теснить иноков и игумена Иосифа – отнимать монастырские деньги и имущество, приказав ему удалиться, куда угодно, если не желает исполнять княжеские распоряжения, – то святой Иосиф сначала хотел удалиться, а потом по просьбе братии остался и решил просить защиты обители у великого московского князя Василия Иоанновича и у митрополита Симона. Послал он и к владыке Серапиону некоего старца Игнатия за благословением на это дело, но в Новгород по случаю моровой язвы проникнуть было нельзя, и старец воротился назад. Великий князь тоже не сразу принял под свое покровительство Волоколамскую обитель, но сначала пытался уговорить князя Феодора Борисовича, затем в 1507 году собрал собор и по решению соборному принял обитель под свое покровительство, сказавши в успокоение игумену Иосифу: «Ты из предела Новгородской архиепископии не отошел; я взял монастырь твой только от насилия удельного князя, а к архиепископу сам пошлю, как минет земская невзгода».

Когда узнал владыка Серапион о переходе Волоколамской обители к великому князю, то очень огорчился, не принял посланного преподобным Иосифом старца с объяснениями дела и без сношения с великим князем и митрополитом запретил игумена Иосифа в священнослужении и отлучил от Церкви за то, говорилось в грамоте, что «он отступил от небесного, а пришел к земному». Преподобный Иосиф с покорностью принял гнев святителя, но последние слова неблагословенной грамоты огорчили великого князя и митрополита. Великий князь тогда же

лишил архиепископа престола, вытребовал в Москву и заточил в Андрониевском монастыре. В 1509 году на соборе архипастырей разбиралась между прочим жалоба игумена Иосифа на владыку Серапиона за отлучение от Церкви. Три раза отцы собора спрашивали архиепископа Серапиона: за что он отлучил игумена Иосифа и по каким церковным правилам.

Владыка Серапион ничего не отвечал, говорил летописец. По словам же преподобного Иосифа, архиепископ вместо ответа начал только свариться со всеми, говоря: «Про то я ведаю, почему не благословил Иосифа, а вам какое до того дело. Волен я в своем чернеце, как и князь Феодор в своем монастыре». На вопрос великого князя, за что он назвал князя Феодора небесным, а его земным, Серапион не нашелся ничего сказать. Собор простил и благословил игумена Иосифа, владыке же Серапиону определил пребывать в монастыре.

Долгое время новгородцы не могли утешиться о лишении своего доброго пастыря и учителя. Недолго был он у них, но успел и в короткое время показать себя питателем нищих, наказателем вельмож, утехой скорбящим, прохладой обуреваемым и общим всем помощником. 17 лет у новгородцев не было архиепископа после владыки Серапиона.

Много претерпел святой Серапион в заточении в Андрониевом монастыре. Митрополит перед своею смертью примирился с святым Серапионом в 1511 году, пригласил его в Москву к себе, благословил и сам принял от него прощение. Тогда же последовало примирение с владыкою Серапионом и преподобного Иосифа. Сам великий князь Василий Иоаннович, вспомнив завет своего родителя, смиловался и позволил владыке Серапиону переселиться в Троице-Сергиев монастырь, где он много подвизался в посте, молитве, глубоком смирении и терпении. Перед кончиною своею святой Серапион принял схиму; простившись с братией обители преподобного Сергия и причастившись Святых Тайн, он скончался 16 марта 1516 года, со словами на устах: «Господи, в руце Твои предаю дух мой».

Необыкновенною радостью осветилось лицо почившего святителя; со слезами и скорбью погребли иноки владыку Серапиона близ церкви Живоначальной Троицы; святые мощи

его обретенны нетленными в следующем 1517 году, 7 апреля, и почивают под спудом в Троице-Сергиевой лавре, на южной стороне Троицкого собора, где прежде была келлия преподобного Сергия.

Бог прославил Своего угодника особым даром чудотворений и прозорливости как при жизни, так и после блаженной его кончины.

Однажды святитель Серапион в праздник Успения Пресвятой Богородицы пригласил к себе на пир старейшин града и множество народа; среди пришедших был один хромым, который ползал много лет на ногах и руках, опираясь на деревянные. Милостивая душа архиепископа захотела напитать хромого сначала духовною пищею. Святой Серапион со слезами помолился Господу об исцелении больного и сказал хромому: «Во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа востани на ноги твои!» Хромым поднялся на ноги, подошел к архиепископу и принял от него благословение. Бывшие при этом чуде прославили Бога и его угодника.

Провидел святитель Серапион будущую судьбу своего любимого ученика архидиакона Иакова и еще в юношеском возрасте его поклонился ему как будущему игумену Троице-Сергиева монастыря, что и исполнилось: Иаков игуменствовал в Троицкой лавре с 1515 по 1520 гг.

Святой Серапион видел дальше, как бы находящееся близ него. Когда скончался преподобный Иосиф Волоколамский (9 сентября 1515 года), святой Серапион, пребывая в Троице-Сергиевом монастыре, в тот самый час сказал бывшим с ним: «Брат наш Иосиф преставился. Бог да просит его». И, молясь перед иконой Спасителя, прибавил: «Не постави ему, Господи, греха, ибо бывает подобное и с праведными».

В 1608 году, в тяжелую годину Троице-Сергиевой лавры, на призыв святого Сергия вошел в храм святой Серапион в святительском облачении и с поднятыми к небу руками молился в алтаре перед иконою Пресвятой Богородицы: «О, Всепетая Мати! От всякия избави напасти всех».

Имя святителя Серапиона, вместе с другими, призывается на помощь в церковных грамотах и в чине поставления

епископа.

Местное празднование святого Серапиона в Троицкой лавре началось после 1559 года, когда его мощи были открыты, переложены в новый гроб и снова погребены, причем произошли два чуда. В XVII веке Серапиона почитают святым на месте его святительства в Новгороде. В настоящее время празднование угоднику Божию общецерковное. Святые мощи его под спудом.

Март, 18

Кирилл Астраханский, преподобный

В русских рукописных свитках под 18 марта поставляется имя Кирилла Астраханского, Троицкого архимандрита, вероятно, потому, что в этот день Православная Церковь празднует свт. Кириллу, Иерусалимскому епископу, хотя в точности неизвестен день кончины тезоименитого этому святителю местно чтимого в Астрахани Кирилла.

Игумен Кирилл, пользуясь покровительством царя, ревностно занимался просвещением Астраханского края и своею кротостью и благочестием заслужил уважение даже у магометан, которые называли его по своему Кара-Дауд (черный Давид) в отличие от св. царя Давида. Кирилл, вероятно, скончался в 1576 году. Память о нем в Астрахани и доселе сохраняется как о святом и чудотворце. В рукописном житии его, составленном в 1790 г., рассказывается о чудесном спасении в 1676 году Емельяна Парфентьева, который спасен был от потопления в Волге старцем, назвавшим себя Кириллом. В память этого Парфентьев по обету написал его изображение, которое находится на гробовой доске его. На могиле св. Кирилла часто служат панихиды, берут песок и, растворяя его с водою, дают пить больным. Многие астраханцы верят, что давно были бы открыты мощи игумена Кирилла, если бы он не ушел из Астрахани, что, говорят, видел некогда часовой, стоявший в воротах Кремля. На спрос часового о его имени, св. Кирилл будто бы сказал, кто он и объявил, что упадок благочестия в Астрахани и усилие магометанства заставили его оставить свою могилу и удалиться в Киев. Кириллу составлен тропарь и кондак. Преподобному Кириллу Церковь установила праздновать 18/31 марта, в день прославления свт. Кирилла, епископа Иерусалимского.

Март, 19

Иннокентий Комельский, Вологодский чудотворец, преподобный

Сей преподобный отец наш Иннокентий родился в царствующем граде Москве и происходил от рода московских князей Охлябининых, который был в свойстве с князьями Хворостиниными. Он был верным, преданным учеником преподобного Нила Сорского.

Еще раньше основания Сорской пустыни святой Иннокентий путешествовал по Востоку вместе с преподобным Нилом: был в Палестине, в Константинополе, на Афоне и вместе с ним возвратился на Русь. Есть предположение, что святой Иннокентий принял иночество в Белозерской обители святого Кирилла.

Затем святой Иннокентий удалился в скит к преподобному отцу Нилу, на речку Сору. С ним он пожил лета благоугодные в посте, бдении и страхе Божиим.

Подробных сведений о совместном пребывании святого Иннокентия с преподобным Нилом в Сорской пустыни не сохранилось. Известно только, что преподобный Нил, предвидя скорое свое к Богу отхождение, послал ученика своего, святого Иннокентия, в Вологодский уезд на Нурму реку и предсказал ему: «Бог тебя прославит там, и обитель у тебя будет общежительная, моя же пустынь после смерти моей останется такую же, как при моей жизни, и братия по одному будут жить в келлиях своих».

По преставлении преподобного старца Нила пришел ученик его, святой Иннокентий, в Вологодские пределы на речку Еду, в селение так называемой Комельской волости, поселился здесь и положил основание обители.

Это место было почти недоступно – непроходимые леса и дебри. По Божию изволению собралось у святого Иннокентия множество братии, и был он им наставником, учителем и вождем ко спасению. Так прожил он много лет.

И оставил он в обители, перед своей кончиной, завещание и предание свое братии, где сказано: «Написал я, убогий инок

Иннокентий, такой завет. Если кому повелит Бог жить в пустыне нашей, то прежде всего о сем молю вас, Господа ради: поминайте меня, грешного, во святых молитвах своих. Я же вам, отцам и братьям нашим, до земли челом бью и завещаю вам, чтобы между вами не было ссор и споров, а были любовь о Христе и мир духовный.

А юных и безбородых иноков не принимать и не постригать здесь таковых, и мирских людей, юных и безбородых, на службе не держать. Женщинам же в нашу пустынь совсем входа нет, и бессловесных животных женского рода в нашей пустыни не держать. И пьянственного питья совсем на следует нам иметь.

А о том, как пребывать, в пустыни нашей, и о молитве и о пении, и как питаться, и когда подобает исходить из пустыни potrzeby ради, в благословенное время, и о рукоделии и о прочем – обо всем этом установлено в написании господина нашего и учителя моего, преподобного и святого старца Нила».

И еще завещал преподобный Иннокентий при жизни, пребывая с братиею в своей пустыни: «Если братия наша иноки, пребывающие в пустыне нашей, станут жить богоугодно и хранить заповеди Божии и задумают церковь воздвигнуть, то это – на Божиим благоволении и на их изволении, и, если благоволит Бог, пусть будет церковь во имя святого пророка Иоанна Предтечи, Крестителя Господня, в воспоминание третьего обретения честных его главы, празднуемого Церковью 25 мая/7 июня. Ибо сей великий Иоанн – наставник всем инокам и пустынножителям.

Если брат наш инок поставит себе келлию в пустыни нашей и потом удалится из пустыни сей, то тех келлий никому не продавать и не отдавать, и не покупать их никому, но пусть владеют теми келлиями настоятель и пребывающая с ним братия. Если же упомянутый брат возвратится в пустынь, то не имеет права владеть оставленною им келлией. Если же настоятель по совету с братией пожелает продать кому-либо из братии пустующие келлии, то пусть продает. Но если купивший их брат удалится затем из пустыни, то оставленными келлиями пусть владеют настоятель и пребывающие с ним братия. По возвращении сего брата в пустынь он не может владеть

оставленными келлиями. Если же кто из братии поставит многие келлии или много их купит, то все равно, оставив их и снова возвратясь, при оставлении пустыни и при возвращении в нее, брат тот теряет право на владение ими. Но если настоятель и братия пожелают возвратившемуся брату отдать прежнюю его келлию, то это пусть будет на их произволении. Брат, преставляющийся от жития сего в нашей пустыни, никому не может ни продать, ни отдать своей келлии, и пусть пребывающие в пустыни иноки не торгуют келлиями и не меняются ими между собою, но пусть каждый живет в своей келлии.

Если какой-либо инок из братии нашей пустыни не захочет проводить свою жизнь по Божиим заповедям, по написанию господина нашего и учителя старца Нила и по сему нашему писанию, но пожелает жить самочинно и самовольно, такового брата настоятель и братия пусть накажут; если же он после наказания не исправится, то пусть настоятель с братией удалят его из пустыни, как мякину от жита, без всякой боязни, сему нашему завещанию. Если же тот брат раскается и пожелает проводить свою жизнь по Божиим заповедям, по преданию святых отцов, по писанию господина и учителя моего старца Нила и по сему нашему завету, то пусть настоятель и братия примут его в пустынь сию. Это я, инок Иннокентий, написал, чтобы так исполняли после моей смерти».

Пожив много лет, управляя свое житие по Бозе, преподобный Иннокентий преставился ко Господу в вечный покой месяца марта в 19-й день, на память святых мучеников Хрисанфа и Дарии.

Братия же, взяв честное и многострадальное тело возлюбленного своего отца, учителя и наставника ко спасению Иннокентия, с псалмами и пениями надгробными похоронили его честно, по его завещанию, в коем он сам повелел погребсти свое тело в углу монастыря, близ ржавого болота; и на могилу его положили камень, на котором написали год, месяц и день преставления святого. Также и образ подобия его написали братия, каков был по виду преподобный отец Иннокентий.

Много завещаний написал преподобный Иннокентий рукой своею, послуживших ко спасению инокам; и о преподобном Иннокентии было написано немало. Но по грехам нашим в лето 1538-е случилось нашествие казанских татар на Русскую землю, на пределы Вологодские, и тогда пустынь преподобного отца Иннокентия враги разорили, сожгли церковь Иоанна Предтечи, все строения предали огню и перебили много иноков; спаслись только некоторые из них и бежали в обитель преподобного Павла, находившуюся в том же Комельском лесу, на реке Нурме. Во время пожара монастыря сгорело и написанное о преподобном Иннокентии.

Было и другое писание о нем, но некоторые из братии, удалившись из пустыни, куда хотели, писание это унесли с собою в иные монастыри. Так в обители преподобного Иннокентия и не осталось известий о его создателе.

По рукописному житию, преподобный отец наш Иннокентий изображается во всем подобен, и лицом и бородою, изображению святого Варлаама, Хутынского чудотворца, в ризах преподобнических. По святцам, принадлежавшим графу Строганову и писанным в начале XVII века, прп. Иннокентий изображается средним в росте, брада у него пошире, чем у сщмч. Власия, епископа Севастийского (память 11/24 февраля), не раздвоенная, с легкой сединой, ризы – преподобнические.

София, блаженная, княгиня Слуцкая

(Текст отсутствует).

Март, 20

Евфросин Синоезерский, преподобный

Святой Евфросин, в миру Ефрем, был родом из Карельской области. Его отец Симеон и неизвестная по имени мать жили около Ладожского озера (Нево). Близость Валаамского монастыря оказала влияние на религиозное настроение Ефрема. Он оставляет родительский дом и живет некоторое время при монастыре. Здесь он приобрел знание богослужебного устава и сроднился с суровыми условиями иноческой жизни. Но иноком Ефрем пока не стал. Он переселяется в Новгород Великий и живет там довольно продолжительное время, а потом уходит в одну из Новгородских областей, в Бежецкую пятину, и поселяется в селе Долосском, верстах в 20 от города Устюжны Железопольской. В этом селе, при храме святого великомученика Георгия, Ефрем долгое время служил чтецом. Он успел достигнуть зрелого возраста, когда благодать Божия коснулась его сердца и зажгла в нем непреодолимое желание принять иноческий подвиг. Приведя свой дом в полный порядок и распорядившись своим имуществом, Ефрем пошел в путь, не имея с собой ничего, кроме единственной бывшей на нем одежды. С тех пор его мысль не возвращалась к оставленному дому, устремляясь только к Богу, так что он уже не оглядывался вспять.

В твердом решении стать иноком Ефрем приходит в Тихвинский Успенский монастырь и умоляет настоятеля и братию удостоить его пострижения. Зрелый возраст просителя, его рассказ о юности, проведенной под кровом Валаамской обители, о продолжительных годах службы церкви Божией в должности чтеца снискали ему общее доверие, и его просьба вскоре же была исполнена. Ефрема облачают в иноческий образ и при пострижении дают имя Евфросина. Достигнув того, к чему так стремилась его душа, прп. Евфросин с радостью предается иноческим подвигам. Просвещая свой ум словом Божиим, которое он с любовью и вниманием читал, утверждая сердце на камне веры, он покоряет плоть свою постом и воздержанием, смиренным послушанием игумену и братии,

усердным трудом в заповеданных ему службах, работая не ради людей, но ради Бога, в чистоте совести и нелицемерной любви. Среди трудов и подвигов он всегда памятовал о кончине жизни и будущем воздаянии от Нелицеприятного Судии.

Прожив некоторое время в Тихвинской обители, преподобный почувствовал великое, неудержимое желание уйти в пустыню, в уединение, и там потрудиться Богу суровой постнической жизнью и безмолвием. Он идет к игумену, рассказывает ему о своем желании и испрашивает благословение на задуманное дело. Настоятель благословил его, дал ему наставление о пустынноческой жизни и отпустил с миром из монастыря, сказав: «Иди, чадо, Бог с тобою!»

Это было в 1600 году.

Лишенный какого бы то ни было имущества, но с сердцем, преисполненным радостей, отправился преподобный в свой путь. Его влекло в знакомые места, в вышеупомянутую Бежецкую пятину, где он и нашел себе пустыню, окруженную дебрями и лесами, среди зыбучих мхов и непроходимых болот. Реки и озера окружали ее, как оградой, и делали малодоступной для человека. Здесь, в диком бору близ реки Чагодищи, у берегов Синичьего озера, верстах в 15 от села Долосского и 50 верстах от Устюжны, преподобный выбрал место, удобное для уединения, достаточно обширное для основания обители, и остановился на нем. В горячей молитве он возблагодарил Бога, давшего ему новое жилище, как птице, которая обрела себе храмину, как горлице, отыскавшей себе гнездо.

«Призри на место сие, – взывал преподобный к Господу, – и благослови его, и сподоби меня на этом месте работать Тебе во все дни жизни моей. Ибо на то я и пришел сюда, чтобы работать Тебе, да прославится о мне Трисвятое Имя Твое».

На выбранном месте святой Евфросин поставил крест, выкопал себе пещеру и начал вести суровую подвижническую жизнь, проводя время в молитвах, бдении, песнопениях, часто всю ночь не смыкая глаз за молитвой. Подвиги поста и воздержания были для него непрерывны. Целых два года он не видел человеческого лица, скрытый дебрями лесов от внимания окрестных жителей и потому в оба года ни разу не вкушал

хлеба. Его пищей служили лесные растения – ягоды, грибы, часто приходилось питаться белым боровым мхом, который называется ягодником. Было у него и рукоделие: он плел рыболовные сети. Прожив год в пещере, святой Евфросин поставил малую келлию и продолжал уединенную жизнь среди молитвы, подвигов, труда и лишений. Еще год скрывался он от взоров людских; но потом люди нашли его.

Прошло немного времени, и слава о его подвижнической и добродетельной жизни пронеслась по всем окрестным селам. Благочестивые люди стали приходить к нему за назиданием, молитвой и советом. Другие же, ревнуя его добродетельной жизни, являлись к нему в пустыню учиться подвигам благочестия и селились рядом с ним. Мало-помалу вокруг преподобного собиралось духовное стадо, и уже в первый год его открытой жизни понадобилось более обширное помещение для совместных молитв братии. Было решено построить храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Святой Евфросин и его сподвижники сами принялись за работу, нарубили лес и поставили храм, который и был освящен священноиноком Гурием, игуменом Шалоцкого монастыря, на третьем году жизни Евфросина в пустыни.

Всего преподобный прожил здесь в подвигах одиннадцать лет – и Бог удостоил его дара прозорливости.

В те годы Русская земля переживала тяжкое Смутное время. По смерти Бориса Годунова (с 1605 года), на Руси воцарился самозванец, а после его скорой гибели и четырехлетнего правления Василия Шуйского государство осталось вовсе без царя – среди внутренних раздоров, неурядиц, междоусобиц, вызванных новыми самозванцами, и внешних опасностей от поляков и шведов. Поляки заняли Смоленск и самую Москву, шведы – Новгород. Шайки казаков и разбойников, отряды поляков и литовцев бродили по государству, грабя и убивая население. В начале 1612 года в Нижнем Новгороде по призыву Троице-Сергиева монастыря уже собиралось земское ополчение, которое под предводительством Космы Минина и князя Пожарского должно было освободить Москву от поляков и дать мир и тишину

исстрадавшемся от смуты государству и Церкви Православной; но пока смута и злодеяния царили по всей Русской земле. В этой смуте суждено было погибнуть смертью невинного страдальца и преподобному Евфросину.

Одна ватага ляхов, вероятно, принадлежавшая к отрядам пана Лисовского, с грабежом и разбоем проникла в округ Устюжны. Население, напуганное разбойниками, грабителями и насилиями иноплеменников, уже давно приучилось скрываться по лесам, среди болот и непроходимых топей. Обитель преподобного Евфросина казалась удобным и безопасным убежищем, будучи удалена от жилых мест и окружена реками, озерами и зыбучими мхами. Поэтому сюда собралось немало народа, не только простого, но и из знатных семейств, надеясь здесь скрыться от разбойничавших ляхов. Но обители суждено было потерпеть поругание от иноверных. Преподобный Евфросин прозрел надвигавшееся бедствие и предупредил о нем насельников обители и всех, искавших в ней защиты. В 19-й день марта 1612 года преподобный открыл им, что приближаются вооруженные супостаты, и предложил позаботиться о своей безопасности.

«Братья мои и чада возлюбленные о Христе! – говорил святой. Кто хочет избыть напрасной смерти, уходите из обители Пресвятой Богородицы и спасетесь от великой беды. Ибо так угодно праведному суду Божию, что вскоре придут на это святое место злые супостаты».

Многие не поверили ему. «Почему же ты не уходишь от святого места сего?» – спрашивали они. Старец отвечал: «Я пришел сюда умереть ради Христа».

Однако не все сочли ответ искренним и продолжали думать про себя, что старец говорит так из недоброжелательства к ним, желая себе одному спастись от меча врагов. Но кто послушался святого, те действительно спаслись; а кто не поверил ему, все погибли жестокой смертью от поляков.

Был среди насельников обители инок Иона. Устрашенный прозрением преподобного, которое он считал внушением Святого Духа, он хотел бежать вместе с прочими, но святой Евфросин выделил его из среды других и удержал с собою,

воспламенив в нем ревность к дому Божию и готовность пребыть здесь до смерти. «Брат Иона, – говорил преподобный, – зачем допускать в душу страх малодушия? Когда настоит брань, тогда и нужно показать подвиг мужества. Если Бог за нас, кто против нас? *Кто ны разлучит от любви Божия, скорбь ли, теснота, или гонение, или глад, беда или меч; ни смерть, ни живот, ни Ангели, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая* (Рим. 8, 35, 38–39) не могут сделать этого. Чего же испугался ты, брат? Нет ничего страшного в том, что угрожает. Смерть? Но она не страшна, так как мы отходим в пристанище. Ограбление? Но *наг изшел, нагим отыду* (Иов. 1, 21). Заточение? Но *Господня земля и исполнение ея* (Пс. 23, 1). Бояться ли оболгания? Но *егда рекут всяк зол глагол на вы – мзда ваша многа на небесех* (Мф. 5, 11–12). Я видел меч и небо в молниях, ждал смерти и думал о смертном, созерцал земные страдания и думал о вышних почестях и горнем венце, как конце подвигов, – и это было для меня достаточным утешением и умилением. Да будет же воля Божия! Но мы не устрашимся кратковременного страха ради любви Христовой. На то мы и званы, и обеты свои принесли Господу, чтобы умереть на месте сем ради имени Его святого. Иное дело мирские люди; они не связаны словом; им нужно беречь себя и для детей».

Так поучал старец инок Иону. Ободрился инок, возгорелся духом и, возложив надежду на Бога, решил не уходить из обители, но умереть здесь в пустыне со старцем Евфросином. Преподобный, поведав присутствовавшим о приближающемся бедствии, сам тотчас же облекся во всю иноческую одежду и схиму (он был уже схимником) и начал молиться Богу и Пречистой Богородице, да сподобят его удела праведных. Весь день и всю ночь без сна провел он в молитве, поя и славя Бога со слезами.

Все случилось по слову святого. На следующий день, 20 марта, явились, неизвестно откуда, кровожадные супостаты, окружили обитель и всех, кого нашли здесь, побили мечом. Но среди ужасов кровопролития и злодеяний страх остался неведом святому Евфросину. Укрепляемый молитвой, ограждаемый силою Святого Духа, он мужественно сам вышел

навстречу полякам. В иноческом одеянии и схиме прошел он из своей келлии к тому месту, где стоял водруженный им на земле честный крест, и встал у креста. Бросились к нему ляхи, окружили его и сказали: «Старец, отдай нам имение монастыря». Преподобный, не имевший не только золота и серебра, но и никаких ценных вещей, кроме самых необходимых и бедных, ответил: «Все имение этого монастыря и мое – в церкви Пречистой Богородицы». И он показал на храм, понимая то некрадмое богатство, которое для верующих скрыто в Боге. Но враги подумали, что он говорит о драгоценных вещах, и, обрадованные, бросились к храму. Однако один из них вынул меч и ударил преподобного Евфросина в шею. Шея была перерублена до половины, и святой старец пал на землю мертвым. Между тем ворвавшиеся в церковь поляки не нашли там ничего и были озлоблены. Лях, убийца преподобного, не довольствуясь тем, что старец был уже бездыханен, ударил его чеканом (чекан – кирка или топор) по голове и пробил ее до мозга.

Такова была страдальческая кончина святого Евфросина. Вместе с ним погиб и инок Иона, которого преподобный удержал от бегства.

Бог судил, чтобы остался в живых один из очевидцев кончины святого Евфросина. Жил в селе Долосском благочестивый крестьянин Иоанн, по прозвищу Сума, с сыном Емелианом. Оба они питали благоговение к обители Пречистой Богородицы и весьма почитали старца Евфросина. И старец любил их за благочестие. Вместе с другими Иоанн и его сын искали убежища от поляков в обители, и 20 марта, когда сюда ворвались супостаты, Иоанн находился в келлии преподобного. (Емелиан случайно отсутствовал в монастыре). Злодеи нанесли ему удар мечом в правое плечо, и он замертво упал среди трупов. Когда поляки, обыскав храм и не найдя там ничего, вышли вон, один из них, осматривая трупы, предположил, что Иоанн еще жив, и нанес ему вторую рану. По уходе поляков он пришел в себя и рассказал вернувшемуся сыну о том, что произошло. От них и узнали окрестные жители о разгроме обители и страдальческой кончине святого старца.

Тело преподобного Евфросина было с честью предано земле в 28-й день марта. На погребение собралось все окрестное население, почитавшее добродетельную жизнь святого. В тот же день похоронили инока Иону и прочих, кто погиб от меча поляков.

Спустя 34 года по кончине преподобного в его обители был построен строителем Моисеем новый храм во имя Пресвятой Троицы и колокольня с переходами. В 1655 году, 25 марта, на 44-ом году после кончины, мощи святого Евфросина по благословению Макария, митрополита Новгородского, были перенесены строителем Ионой под колокольню и положены в восточном углу правой стороны.

В 1904 году Новгородскому архиепископу Гурию был представлен журнал окружного съезда того же года, в котором просили разрешить духовенству служение молебнов и литургий в память преподобномученика Евфросина Синозерского, чтобы удовлетворить настойчивое желание почитателей преподобного, стекающихся к его гробу даже из других епархий, тогда же просили ознаменовать это событие особым торжеством с крестными ходами из церквей. В 1911 году окружной съезд духовенства возобновил свое ходатайство перед архиепископом Арсением, который и вошел с соответствующим представлением в Святейший Синод. С разрешения последнего на 29 июня в погосте «Синозерская пустынь», Новгородской губернии, Устюженского уезда, назначено восстановление церковного почитания преподобномученика Евфросина Синозерского.

Март, 21

Пахомий Нерехтский, преподобный

Преподобный Пахомий родился в первой четверти XIV века в городе Владимире на Клязьме. Мирское имя его было Иаков. Отец Иакова был священником в церкви святителя Николая, его имя Игнатий, мать называлась Анна. Оба они были люди богобоязненные и дали своему сыну благочестивое воспитание; семи лет он был отдан учиться священным книгам и, как скоро навык в Божественном Писании, начал проявлять необычайное усердие к храму Божию. Особенно любил Иаков молиться в монастыре во имя Рождества Пресвятой Богородицы, и в этой славной обители он принял иноческое пострижение с именем Пахомия. «И возгорелось Духом Святым сердце его, – говорит древний жизнеописатель преподобного, – и затрепетала душа его Божественной любовью, ибо огонь Божественной благодати зажег душу его, и восхотел быть иноком. – Дух Святый вел его на этот путь».

Отец его тогда скончался, оставив Иакова 12-летним сиротой, а мать не препятствовала сыну исполнить его благочестивое намерение и благословила сына на путь иночества. Новопостриженный юноша передается опытному старцу, строгому и требовательному духовному вождю, и беспрекословно подчинился ему: отрешается от своей воли и сдерживает желание своего сердца. Прошло сорок дней искуса, и настоятель посылает Пахомия в братскую пекарню. Неутомимо трудится здесь преподобный, работая днем и проводя без сна ночи, томя юную плоть свою.

Так прошло много времени. Игумен монастыря, видя трудолюбие и смирение преподобного Пахомия, приводит его к святому Алексию, наместнику Московского митрополита Феоноста, и просит посвятить Пахомия в диакона. Святой Алексей охотно исполняет это. И в сане диакона преподобный прожил в Рождественском монастыре много лет, около десяти, а затем сделался настоятелем Царе-Константиновской обители близ города Владимира. Святитель Алексей, восстановив древнюю обитель во имя равноапостольного царя Константина,

не нашел для нее более подходящего игумена, чем преподобный Пахомий, добродетели которого давно знал он. Прибыв в 1362 году во Владимир, чтобы осмотреть воссозданную обитель, святитель Алексий поставил Пахомия ее начальником.

Несколько лет управлял преподобный обителью, устраивая в ней порядок жизни, назидая братию словом и примером. Но затем «Божия благодать пришла на него», и явилось у него желание перенести свои подвиги на место, где еще не сияли светом благочестия христианские подвижники. Ночью, тайно от братии оставляет преподобный Пахомий Царе-Константиновскую обитель и удаляется в Костромские пределы, на место, которое называлось Нерехта.

С собою принес подвижник из имущества только две книги: «правильную книжицу» и Псалтирь.

Нерехта упоминается первый раз в 1214 году, и в половине XIV века она представляла собой, вероятно, значительное промышленное селение. В Нерехте Пахомий остановился на несколько дней у одного странноприимного мужа и в это время искал места, удобного для создания новой обители. Такое место нашел преподобный в двух верстах от селения на восток: оно отличалось красотой, было возвышенно и поросло лесом: вокруг него протекало две реки – Солоница и ее приток, речка Гридевка. Место представляло собой полуостров и издревле называлось Сыпаново городище, Сыпанова гора или просто Сыпаново. Плененный красотой Сыпанова, подвижник просил жителей Нерехты уступить ему полуостров, на котором можно бы было поставить монастырь, и землю для обзаведения монастырского хозяйства. С радостью согласились исполнить просьбу нерехтчане, которым было очень приятно поселение у них святого, и усердно помогали преподобному Пахомию в устройении места для обители: рубили лес, расчищали землю, поставили малую келлию самому подвижнику. Преподобный на свои и на собранные с народа средства написал образ Живоначальной Троицы и с крестным ходом, сопровождаемый толпою народа, принес образ на Сыпаново. На месте основания храма образ был поставлен и отпет молебен. Разошелся народ

по домам, а преподобный в своей келлии молился Богу, благодарил Его за успешное начатие дела и сказал: «Здесь покой мой; здесь я вселюсь и стану жить, и пусть будет то, что угодно Богу».

Жители Нерехты с большой охотой ежедневно приходили к преподобному Пахомию и помогали ему в трудах устроения монастыря. Преподобный усердно трудился с приходившими мирянами, благодарил жертвователей. Пример нерехтчан нашел подражателей среди окрестных жителей, которые также трудились с Пахომием. Появились желающие сожительствовать подвижнику в его пустыни; он с радостью постригал их в иноческий образ и принимал, как чадолюбивый отец. Все было приготовлено к открытию Троицко-Сыпановой обители.

Тогда преподобный Пахомий отправился с одним из братьев в Москву и просил у митрополита Алексия благословение на построение храма в обители. Святитель с радостью принял подвижника, давно ему знакомого, вел с ним душеполезную беседу, без замедления дал благословенную грамоту и антиминс. По возвращении из Москвы преподобный еще ревностнее спешил окончить Троицкий храм, еще усерднее работали с ним нерехтчане и окрестные жители. Вскоре храм был готов, украшен иконами, снабжен книгами и торжественно освящен при участии ближайшего духовенства и при стечении множества народа.

Окончив храм, преподобный Пахомий заботливо устраивает монастырь. Братия и многие посетители обители ставят братские келлии. Монастырь обносят стеною. Для пропитания братии заводится хлебопашество: вырубается окрестный лес, выжигается заросль и появляются поля, засеянные рожью, житом и овсом. Все это делал преподобный затем, чтобы братия не были праздными и питались от своих трудов, а не одними приношениями мирских людей. Этого мало. Помня, что монастырь устроился на пожертвования мирян и даже при их трудовом содействии, преподобный Пахомий поставил за монастырской стеною гостиницу для «гостей», то есть приходящих в обитель богомольцев. Исполняя долг гостеприимства, подвижник кормил пришельцев монастырским

хлебом и сам с братией вкушал вместе с ними трапезу. Вместе с внешним шло и внутреннее устройство Пахомиевой обители. Подвижник дал ей строгий общежительный устав, определил монастырские должности: келаря, казначея, чтеца, певца и еkkлесиарха. В конце концов Нерехтский монастырь стал отличаться таким порядком, что другие монастыри стали ставить его в образец себе. Это вызывало и более усердные жертвы окрестных христовлюбцев: они давали святому на строение монастыря, каждый от своего имения, кто сколько мог. Один зажиточный нерехтчанин пожертвовал монастырю два колокола, третий устроил подвижник на собственные средства.

В трудах и заботах о своей обители, в молитвенных подвигах и попечении о спасении души своей состарился преподобный Пахомий, занемог и почувствовал приближение кончины. Инокам, окружившим одр, он сказал прощальное наставление: «Братия! – начал подвижник, – ныне отхожу от вас и вручаю вас всех Пресвятой Троице и Пречистой Богородице. А вы выберите вместо меня, кого хотите, настоятелем».

В ответ братия заплакали и единогласно сказали умирающему старцу: «Отец наш и пастырь! Не лучше ли и нам быть погребенным с тобою, чем здесь оставаться без тебя!»

Преподобный утешил иноков, советовал им надеяться на Бога и выбрал им в игумены на свое место Феодора, постриженника Владимирского Рождественского монастыря, оттуда пришедшего в Сыпановскую пустынь. И много святой поучал братию и наставлял на путь спасения, как соблюдать чин и устав монастыря, а в заключение прибавил: «Братия! Терпите находящие на вас скорби и беды на сем месте, да обряцете благодать Божию». После того преподобный испросил у братии прощение, дал им последнее благословение и отпустил с миром по келлиям. 21 марта он приобщился Святых Таин, взирая на иконы, провозгласил: «Господи! В руке Твои предаю дух мой», – и скончался. Это было в 1384 году.

Погребение останков угодника Божия было очень торжественно, при большом стечении народа. Честные мощи преподобного положены были по правую сторону алтаря Троицкого собора. Когда в Сыпанове строили каменную церковь

на месте деревянной, 6 мая 1675 года они обретены нетленными, но оставлены под спудом. Потом над ними был устроен придел во имя угодника Божия. Теперь его святые мощи почивают на левой стороне Пахомиевского придела, против северных врат алтаря. Красивая металлическая рака возвышается над ними, а поверх ее положен образ преподобного Пахомия.

Господь Бог прославил Своего угодника даром чудотворений как при жизни его, так и по смерти.

В Нерехте во дни преподобного Пахомия проживал человек, преданный неумеренному пьянству. От вина он лишился рассудка, бесновался и говорил бессмыслицу. Много заботились о нем родные, желая исцелить его от болезни, но напрасно. 1 августа, во время освящения воды, когда преподобный шел на речку Гридевку, родственники вели несчастного в монастырь. Остановив крестный ход, подвижник велел привести больного к иордани, где происходило водоосвящение, и осенил его крестом. Безумный бросился в воду и кричал: «Ах, как больно мне: старец опалил меня огнем». При этом он оставался в речке, которая неглубока, плакал и молился на иконы; рассудок вернулся к нему. Исцеленный потом рассказывал, что из креста вышел огонь, который опалил его. После литургии Пахомий дал исцеленному просфору, и он навсегда избавился от своей болезни.

Инок Иринарх, поселившийся в монастыре при жизни преподобного и много помогавший ему в устройении обители, был искусным живописцем. Через два года после кончины святого напал на Иринарха блудный помысл и тяжело мучил его. Инок покался в своем грехе открыто перед всей братией, но и это не помогло ему. Он постился, молился и, наконец, обратился к заступлению преподобного Пахомия, могилу которого посещал каждый день. В одну ночь, утомленный молитвой и возвратясь с могилы, Иринарх заснул и видит во сне светлеющего старца, украшенного сединами, имеющего долгую бороду, белую, как снег, и с жезлом в руке. Старец сказал: «Брат Иринарх! Так всегда молись Господу Богу и

Пречистой Богородице, Господь помиловал тебя, не согрешай впредь: вот исцеляет тебя Господь от помысла твоего».

При этом чудотворец ударил инок по левому бедру жезлом. Иринарх в ужасе вскочил и видит перед собою преподобного Пахомия, который говорит: «Не бойся, чадо! Ты теперь видишь меня: напиши же образ подобия моего, потому что Господь сопричислил меня к лику преподобных».

Проснувшись, Иринарх рассказал о своем видении игумену и братии и в удостоверение показал след удара на бедре своем. Исполняя волю почившего святого, Иринарх написал образ его, который стоит над гробницею и сохраняется донныне.

В селе Иванькове, близ Костромы, в конце XVIII и начале XIX вв. жил помещик Протасьев. Он долго болел глазами и наконец ослеп. Несчастный не знал, что делать. Но вот является ему во сне старец и советует помолиться преподобному Пахомию. Между тем Протасьев и не знал, где лежат его мощи. Один знакомый ему сказал, что преподобный Пахомий лежит в Сыпанове, и больной с радостью и надеждой явился туда. Целый день горячо молился Протасьев у раки преподобного и совершенно прозрел. В благодарность за исцеление свое он сделал серебряную ризу на гробовую икону преподобного.

В 1811 году в церкви Сыпанова работали живописцы. Один из них, Соколов, работал в куполе, но так лениво, что священник хотел удалить его. Внезапно Соколов тяжело занемог, заболела и его семья. Чувствуя приближение смерти, живописец раскаялся в небрежности своей. Тогда явился ему во сне преподобный Пахомий и говорит: «Вставай и впредь так не делай». Явление так сильно подействовало на Соколова, что, скоро выздоровев, он с усердием принялся за работу и прекрасно исполнил стенную живопись.

Рассказывают, что преподобный Пахомий еще раз явился живописцу перед тем, как писать ему на стене изображение угодника Божия. Пробудившись, Соколов немедленно взялся за кисть, чтобы не забыть черты лица преподобного Пахомия.

В 1843 и 1892 гг. жители Сыпанова были чудесно избавлены предстательством преподобного от пожара. Но особенно

памятна для нерехтчан и всего Нерехтского края помощь угодника Божия во время холерных эпидемий 1848 и 1853 гг.

С весны 1848 года холера сильно распространилась по Костромской губернии. В Нерехте началась она в мае и скоро превратилась в мор. Прихожане села Сыпанова обратились с молитвой к преподобному Пахомию, и он избавил их от смертоносной язвы. Когда совершали крестный ход по селу и деревням прихода, болезнь немедленно прекращалась; отчаянные больные немедленно выздоравливали. В Нерехту икона преподобного принесена была в самый разгар эпидемии и оставалась десять дней, и там очень мало умерло из заболевших, – всего 9 человек из 300. Носили икону чудотворца и по соседним селениям и деревням.

Через пять лет повторились подобные явления милости Божией по молитвам преподобного Пахомия. В одной деревне был тяжело болен холерой старик. Без чувств лежал он, и родные ждали его смерти. Вдруг он вздрогнул и спросил: «Несут ли угодника?» Ему сказали, что с образом уже входят в деревню. Больной тотчас же встал, пошел навстречу иконе и носил ее по домам деревни совершенно здоровый. Так награждена была вера в помощь угодника Божия. Зато неверие наказывалось. Один врач и жена его смеялись над приверженностью православных к иконам и набожностью народа. В тот же день заболели они холерой и в страшных мучениях скончались.

В 1866 году по молитвам преподобного Пахомия прекратился в Сыпанове падеж скота.

К 1892 году совершилось чудо над крестьянкой Елизаветой Федосеевой. Около двух лет у нее была нестерпимая ломота в ногах и поясице; больная сначала еле ходила, потом более полугода почти не вставала. Много лечилась она у врачей, но ничего не помогало. Часто молилась она, прося Господа вразумить ее, куда ей идти на богомолье, чтобы получить исцеление. Молитва ее была услышана.

«Во сне ясно увидала я, – рассказывала сыпановскому священнику Елизавета, – будто молюсь в Пахомиев день, 15 мая, вот здесь у Троицы, стою же я в ограде, так как народа

было множество, а когда пошли крестным ходом, от иконы преподобного Пахомия исходило необыкновенное сияние. Преподобный мне в эту же ночь явился в том виде, как написан на иконе, и велел сходить помолиться об исцелении перед его мощами. Как только я пробудилась, тотчас же дала обещание сходить в Сыпаново к преподобному и отслужить молебен; с этого же дня выздоровление мое пошло быстро, и вот я совершенно здорова. Не знаю, как и благодарить угодника».

Благодаря многочисленным чудотворениям местное почитание преподобного в его обители началось вскоре после его кончины, как это видно из чуда с Иринархом. После обретения мощей преподобного Пахомия (в 1675 году) почитание его, естественно, усиливается: устраивается придел во имя его в одну связь с Троицкой церковью и каменная гробница над мощами. Дважды в год местно празднуется память угодника Божия: 21 марта/3 апреля – в день кончины, и 15/28 мая – в день его Ангела. Тогда бывает большое стечение богомольцев к приходской Троице-Сыпановской церкви, стоящей на месте закрытого в 1764 году монастыря.

Март, 23

Никон, игумен Киево-Печерский, преподобный

Преподобный Никон пришел к св. Антонию в его монастырь уже иноком и иереем, а где принял пострижение, неизвестно. По воле преподобного Антония, Никон, как имевший священный сан, постригал приходивших в пещеры для иноческой жизни. Пострижение знатных людей, придворных, как то: Ефрема казначея великокняжеского и молодого боярина Варлаама Вышатины навлекло на обитель св. Антония и особенно на Никона сильное негодование великого князя киевского Изяслава. Изяслав послал воинов разогнать Киево-Печерских иноков. Вместе с иноком монастыря св. Мины пошел он (1054 г.) искать другого безмолвного места.

Дойдя до моря Азовского, Никон полюбил близ Тмутаракани (Тамань) уединенное место и здесь стал подвизаться. «Место это, – говорит прп. Нестор, – благодатью Божией процвело; великий Никон основал здесь церковь Пресвятой Богородицы, и составил великий монастырь, который и поныне сохраняет сходство с Печерским монастырем». Прп. Никон приобрел у таманцев высокое уважение. Когда коварный Грек убил доблестного князя Ростислава, что было в 1065 г., таманцы просили блаженного Никона отправиться послом их к князю Святославу в Чернигов, чтобы князь прислал к ним сына своего Глеба на княжение. Никон согласился. Исполнив поручение в Чернигове, он посетил Печерскую обитель. Феодосий, постриженный прп. Никоном, а теперь игумен Печерский, принял Никона с духовной радостью и глубоким уважением; великие подвижники при встрече пали друг другу в ноги, потом обнявшись долго плакали от радости свидания. Феодосий просил Никона не разлучаться с ним. Никон дал слово, устроив дела в своем монастыре, прийти в обитель Феодосия. Проводив князя Глеба в Тмутаракань, Никон сделал распоряжение в своей обители, и затем прибыл в Киев. Феодосий оказывал Никону самую почтительную любовь, принимал его за отца. «Когда, – говорит Нестор, – отлучался он куда-либо, то Никону поручались все братия в ведение. Иногда представлял он

великому Никону вместо себя предлагать поучение братии. Много раз, когда великий Никон сидел и переплетал книги, блаженный Феодосий сидел при нем и пряд нитки, нужные для сего дела». Вот высокий образец любви христианской и христианской простоты! Приятно было Никону жить с Феодосием; но в 1068 году, когда в Киеве начались смуты, окончившиеся изгнанием великого князя Изяслава, Никон удалился в Тмутаракань, где с почетом был принят князем Глебом и пользовался благорасположением преемника его Романа Святославича (брат Глеба). По убиении князя Романа Олегом Черниговским, св. Никон в 1708 году снова возвратился в Киево-Печерскую лавру. Братия, зная, как уважал его Феодосий, предоставили ему игуменство в Феодосиевой обители. Здесь еще живы были великие ученики Антония и Феодосия: Исаакий затворник, Матфей прозорливый, Агапит врач, Григорий чудотворец. Авве Никону приятно было видеть подвиги их и беседовать с ними.

В 1083 году пришли к Никону из Константинополя иконописцы, нанятые, как говорили они, начальниками Печерской обители Антонием и Феодосием. Никон, сказав им, что уже 10 лет, как эти начальники скончались, показал им изображения Антония и Феодосия. «Это они самые, которые наняли нас», – сказали иконописцы. Тогда же греческие купцы привезли мозаику на украшение храма. Таким образом, под надзором прп. Никона великая Печерская церковь украшена была иконами и мозаикой.

По управлению братией преподобный Никон заботился сохранять в точности все установленное преподобным Феодосием, и Господь благословил это усердие, дышащее высоким смирением. «Для первой недели поста, – рассказывает преподобный Нестор, – по причине особенного воздержания, преподобным отцом нашим Феодосием установлено было, чтобы в пяток предлагались добрым подвижникам самые чистые хлебы и еще приготовленные с медом и маком». Так приказывал исполнять и великий Никон. Но раз, когда Никон велел келарю приготовить хлебы, келарь «ослушался и солгал, сказав, что нет муки для приготовления таких хлебов. Бог не

презрел труда и молитвы преподобных. После святой литургии, когда все шли на постный обед, привезли воз таких хлебов, откуда вовсе не ожидали. Увидав это, братия прославили Бога. Потом спустя два дня келарь приказал (для воскресного дня) испечь хлеба из той муки, о которой прежде сказал, что нет ее. Пекари, когда месили тесто и лили теплую воду, увидели лягушку, варившуюся в той воде. Так было осквернено, что сделано по преслушанию». Блаженному Никону приходилось терпеть немало скорбей от братии. И против него, как против блаженного Стефана, восставали с ропотом и негодованием, но он удержался в обители.

Он был свидетелем завещания, показавшего последствиями, как страшно нарушать данное слово и клясться в неправде. Два киевлянина, Иоанн и Сергей, перед Печерской иконой Богоматери, тогда уже прославившейся, заключили между собой духовное братство. Спустя несколько времени Иоанн сделался болен и, чувствуя близость смерти, пригласил к себе блаженного игумена Никона; при нем, раздав много имения бедным, 1000 гривен серебра и 100 гривен золота передал Сергию; ему же поручил пятилетнего сына Захарию и завещал отдать сыну серебро и золото, когда тот достигнет зрелого возраста. Достигнув 15 лет, Захария просил Сергия передать ему отцовскую собственность. «Отец твой, – отвечал Сергей, – отдал имение свое Богу, у Того и спроси; я же не должен ничем ни тебе, ни отцу; отец твой был так глуп, что раздал имение бедным и тебя оставил нищим». Молодой человек долго плакал, выслушав такой оскорбительный отзыв об отце своем; потом сказал Сергию: «Дай мне по крайней мере половину оставленного отцом; а другая пусть будет твоею». Сергей отказал, осыпая отца и сына бранью. Захария просил третью часть, потом десятую. Сергей отказал и в этом. «Если не взял ты ничего у отца моего, – сказал наконец Захария, – иди, поклянись в том перед иконой Богоматери, перед которой заключен тобой союз духовного братства с отцом моим». Сергей до того увлекся жадностью к деньгам, что пошел и перед иконой Богоматери сказал: «Не брал я 1000 гривен серебра и 100 гривен золота». Но когда хотел он целовать святую икону, то не

мог подойти к ней и, уходя, кричал: «Преподобные отцы Антоний и Феодосий! Запретите жестокому ангелу губить меня; молитесь за меня Пресвятую Богородицу, чтобы прогнаны были от меня нечистые духи; пусть возьмут серебро и золото в моей клети». Это навело на всех ужас. Послали в дом Сергия и нашли в запечатанном ящике 2000 гривен серебра и 200 гривен золота. Так Господь не остается в долгу ни перед кем.

Блаженный Никон после долгих и богоугодных подвигов мирно почил 23 марта 1088 года, прожив не менее 86 лет от роду. Погребен был преподобный Никон в обители же Печерской, где и почивают его нетленные мощи. Переселившись духом в обители Небесные, преподобный не оставил совсем своего монастыря, ибо много чудес совершилось от мощей его. Вместе с преподобным Антонием и Феодосием и блаженный Никон предстоит перед Престолом Трисиятельного Божества, и все они, как три светильника, просвещаемые вечной славой, молятся и о нас, своих чадах, как отцы. Мощи его поныне почивают в Антониевых (Ближних) пещерах Киево-Печерской лавры. Память его празднуется также 28 сентября/11 октября (Собор преподобных Ближних пещер) и во 2-ю неделю Великого поста (Собор всех Киево-Печерских святых).

Вассиан, архиепископ Ростовский

Святитель Вассиан I был родственником святого Иосифа Волоцкого († 1515; память 9/22 сентября и 18/31 октября) и любимым учеником преподобного Пафнутия Боровского († 1477, память 1/14 мая), от которого и принял пострижение.

В 1455 году стал иноконом настоятелем Троице-Сергиева монастыря, в 1466 – архимандритом Новоспасским, в 1467 – архиепископом Ростовским. В 1479 году святитель участвовал в перенесении мощей святых Киприана, Фотия и Ионы, святителей Московских и всея России чудотворцев (память 27 мая/9 июня). Святитель Вассиан славился даром назидательного, мудрого слова и часто выступал посредником при раздорах князей. В Ростове он строил и украшал церкви.

В 1480 году святитель написал знаменитое послание великому князю Иоанну III на Угрю, призывая его к решительным действиям против татар, – высокий образец христианского патриотизма. Святой Вассиан написал также житие преподобного Пафнутия Боровского.

Святитель скончался в глубокой старости 23 марта 1481 года и был погребен в Ростовском Успенском соборе.

Март, 24

Захария постник, в Дальних пещерах почивающий

Преподобный Захария Постник, Печерский, подвизался в Дальних пещерах в XIII-XIV вв.

В монастыре Печерском есть сказание о Захарии, иноке Печерском следующее: во время игуменства блаженного Никона два мужа киевские Сергей и Иоанн, увидевши однажды на чудотворной иконе Пресвятой Богородицы великий свет, заключили между собой духовное братство. Иоанн перед смертью своей вручил Сергию сына своего Захарию и тысячу гривен серебра и сто гривен золота с тем, чтобы серебро и золото он отдал Захарии, когда он придет в совершенный возраст. Захария, достигши 15-ти летнего возраста, просил у Сергия своего наследства...

Отождествление преподобного Захарии Постника, Печерского, с сыном киевского жителя Иоанна – Захарией, отдавшим все свое наследство на украшение Печерского храма и постригшемся в обители, необоснованно. Иоанн перед смертью передал имущество на сохранение своему другу Сергию. Это было при игумене преподобном Никоне († 1088; память 23 марта/5 апреля), Захарии в то время было 5 лет. В 15 лет, то есть не позднее 1098 года, он потребовал свое имущество у Сергия, чтобы передать его в монастырь. Таким образом, преподобный Захария Постник жил на два века позднее.

Рукописное же краткое жизнеописание и тропарь ему в каноне доканчивают это сказание тем, что Захария по пострижении в монашество положил себе за правило до смерти не есть ничего ни печеного, ни вареного, и питался всякий день по захождении солнца малым количеством зелия. Он был так страшен для бесов, что они боялись даже его имени. Часто видел он Ангелов, с которыми по смерти сподобился жить на небе вечно. Память его Церковь празднует 28 августа/10 сентября и особо 24 марта/6 апреля.

Стефан и Петр Казанские, мученики

"И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10, 28) – так учил Спаситель. Но так не учил и не мог учить Магомет. В рукописных святцах сказано: «Святии великомученицы и новые страдальцы Петр и Стефан пострадаша от казанских татар, убиени быша – марта в 24 день». Они были родом из татар; уверовав в Господа, приняли святое крещение в 1552 году, после взятия Казани Иоанном Грозным.

Святой мученик Стефан, страдавший расслаблением ног в течение 20 лет, получил исцеление и был крещен протоиереем Тимофеем, который доставил из Москвы в Казань послание святителя Макария, митрополита Московского, войску царя Иоанна Грозного. Среди новокрещенных татар, обратившихся в Православие в то время, был и святой мученик Петр.

После удаления русского войска из Казани, оставленный в Казани наместником хан Ших-Алеб вынужден был бежать в Свияжск; многие из русских торговых и военных людей не успели покинуть город и подверглись избиению татарами.

Святой мученик Стефан за твердость в христианской вере был изрублен на части; тело его разметали, а дом разграбили.

Святого мученика Петра после ухода русских родные взяли в свой дом – отец и мать, братья, сестры и многие знакомые из их племени – и пытались склонить его к отречению от христианства. Они называли его прежним мусульманским именем, но на все уговоры святой Петр продолжал твердо исповедовать веру в Христа Спасителя и отвечал: «Во святом крещении дано мне имя Петр, а не то, каким вы меня называете».

Видя, что он остается непоколебим в вере, семья выдала его на истязания, во время которых он до самой смерти среди жестоких мук не переставал исповедывать имя Христа, взывая: «Христианин есмь». Святой мученик был погребен в Казани на

месте, где находилась древняя церковь в честь Воскресения Христова, что на Житном торгу.

Через некоторое время после мученической кончины святых исповедников Стефана и Петра в Казани началось их почитание, выразившееся в совершении заупокойных молитв. В 1592 году святитель Казанский Гермоген (впоследствии Патриарх Московский и всея Руси) обратился к патриарху Иову с прошением о занесении в повседневный синодик имен святых мучеников и получил соответствующее разрешение.

Впоследствии, когда мученики Стефан и Петр были канонизированы, память их была установлена 24 марта/6 апреля. В «Иконописном подлиннике» образ святых описывается под 24 марта/6 апреля: «Стефан подобием стар, сед, брада, аки Николина, ризы мученические, простые».

Март, 27

Ефрем, архиепископ Ростовский

Святитель Ефрем, архиепископ Ростовский, был хиротонисан и поставлен на Ростовскую кафедру 13 апреля 1427 года святым митрополитом Фотием (память 2/15 июля). В 1449 году он был возведен в сан архиепископа святителем Ионой, митрополитом Московским (память 31 марта/13 апреля). В течение 27 лет святитель Ефрем управлял Ростовской паствой и преставился 27 марта 1454 года. Тело святого архипастыря погребли в Ростовском Успенском соборе. Память святителя Ефрема совершается также 23 мая/5 июня, в Соборе Ростово-Ярославских святых.

Александр Вочский, Галичский, преподобный

Преподобный Александр Вочский, Галичский подвизался в XV-XVI вв. Он основал монастырь в честь Преображения Господня на берегу реки Вочи в 50-ти верстах от Галича. Преподобный Александр преставился в начале XVI века и был погребен в церкви Преображения основанной им обители. Вскоре после смерти святого подвижника началось его почитание и был написан образ преподобного, установленный над мощами, погребенными под спудом.

Март, 28

Евстратий Печерский, преподобномученик

Блаженный Евстратий родился в Киеве, был богатым человеком, но, следуя евангельским словам: «Никтоже воин бывая обязуется куплями житейскими», раздал имение свое бедным и, из богача став нищим, вступил в Пещерную обитель под управлением прп. Антония. Святой Евстратий отличался кротостью и смирением и был, по слову сказания о нем, «послушник преизлиха». Он наложил на себя строгий пост и по примеру Господа постился сряду 40 дней, пребывая в молитве. Такой подвиг постничества оставил за ним имя «постника».

В 1096 г. половцы неожиданно напали на Киев, «пришли к Печерскому монастырю, – говорит очевидец Нестор, – тогда как мы после утрени спали по келлиям; подняв крик около монастыря, поставили два знамени перед воротами монастырскими; а мы побежали за монастырский дом, иные же убежали на хоры (на полати). Безбожные дети Измайловы выломали ворота и по келлиям выламывали двери и выносили все, что находили в келлии. Потом зажгли дома Владычицы, пришли к церкви и зажгли двери южные и северные, влезли в притвор у гроба Феодосиева, схватили иконы и охулили Бога и закон наш. Они не знали, что христианам надобно многими скорбями входить в Царствие Небесное: а эти нечистые и ругатели, после того как наслаются здесь веселием и простором, на том свете примут муки... Они убили нескольких из братьев наших». Тогда в числе многих взят был в плен половцами преподобный Евстратий. Он оказался в крымском городе Корсуни (Херсонес) вместе с 50-ю другими христианами, где был продан в рабство херсонскому еврею, который морил их голодом и тяжкими страданиями вынуждал их к отречению от христианской веры. Но пленники решились скорее умереть, чем отречься от Христа. Твердость их была непоколебима и они умерли христианами, кто через 3 дня, кто через 7, а иной через 10 дней; св. Евстратий 14 дней провел без пищи и остался жив. Жид рвался с досады и решился отомстить за себя. Когда пришел праздник Пасхи, еврей открыл празднование тем, что

распял Евстратия. К мукам страдальца прибавлял он хулы на Христа: «Проклят всяк висий на древе», – кричал он; другие жида также издевались над христианином-мучеником. Евстратий благодарил Господа за то, что Он удостоил его пострадать так, как Сам пострадал. «Я верую, – говорил он, – что Господь скажет некогда и мне, как сказал разбойнику: *днесъ со Мною будеши в раи* (Лк. 23, 43). Но на вас придет отмщение за кровь мою и за кровь купленных вами христиан». Раздраженный еврей схватил копье и пронзил им распятого Евстратия. Христов воин предал Господу дух свой. Тело мученика было ввержено в море, где совершились после этого различные чудеса, видя которые многие иудеи уверовали во Христа и крестились. Впоследствии мощи святого, чудесно обретенные в пещере, были перенесены в Киево-Печерский монастырь. Добрый воин и победоносный св. Евстратий сподобился с бессмертным воинством небесным воспевать победную песнь и с самим победителем смерти Христом сподобился пребывать в Царствии, хваля Того и благодаря, со Безначальным Его Отцем и Животворящим Духом, в бесконечные веки.

Иона Климецкий, Олонецкий, преподобный – прославление

Преподобный Иона Климецкий, в миру Иоанн, принял монашество и основал Троицкий Климецкий монастырь по обету.

В 1490 году он был застигнут бурей на Онежском озере. Когда уже не было никакой надежды на спасение, Иоанн воззвал к Господу, прося Его сохранить ему жизнь для покаяния и служения Богу. Лодку выбросило волнами на прибрежную отмель Климецкого острова. Там он услышал глас Господень, повелевший ему создать обитель во Имя Живоначальной Троицы, и на можжевелевом кусте чудесно обрел Ее святую икону. Преподобный исполнил завет Господа и построил обитель с двумя храмами – во имя Пресвятой Троицы и в честь святителя Николая, покровителя плавающих и путешествующих. Отказавшись, по смирению своему, от сана игумена, преподобный Иона оставался в обители простым иноком. Проведя всю остальную жизнь в строгих подвигах поста и молитвы, преподобный скончался 6 июня 1534 года. Впоследствии над его мощами был построен храм в честь святых Захарии и Елисаветы.

Иларион Гдовский, Псковоезерский, преподобный – преставление

Преподобный Иларион Псковоезерский, Гдовский был учеником преподобного Евфросина Псковского († 1481; память 15/28 мая). Но потом воспламенился усердием основать обитель молитвенников там, где ее не было, в нынешнем Гдовском уезде. Около 1460 года он основал на берегу реки Желчи, впадающей в Чудское озеро, неподалеку от Гдова монастырь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Обитель находилась почти на самой границе с землями Ливонского ордена, и иноки были под постоянной угрозой нападения приверженцев папы. Обитель много терпела и от недостатка средств. Несмотря на трудные условия и недостаток средств, преподобный Иларион утвердил в монастыре высокое благочестие. Вместе с тем велись большие работы по укреплению и благоустройству обители.

Преставился преподобный Иларион 28 марта 1476 года и был погребен у северных дверей иконостаса в храме Покрова Пресвятой Богородицы основанного им монастыря. Впоследствии в обители был построен храм в честь Рождества Христова, левый придел которого назывался именем основателя Гдовского монастыря. Память преподобного Илариона Гдовского совершается также 21 октября/3 ноября, в день тезоименитства.

Март, 29

Марк, Иона, Корнилий и Васса Псково-Печерские, преподобные

Преподобные Марк, Иона, Васса почитаются как родоначальники Псково-Печерского монастыря, в котором подвизался прп. мученик Корнилий († 1570; память 20 февраля/5 марта).

Точно неизвестно, когда поселились первые монахи-отшельники при ручье Каменце в пещерах горы, которую местные жители называли святой горой. Монастырская летопись передает рассказ очевидцев, звероловов из Изборска, по прозвищу Селиши: «Раз пришли мы случайно с отцом на край горы, где ныне церковь Богородицы, и слышим как будто церковное пение; пели стройно, благоговейно, а певцов не видно было, и воздух наполнен был благоуханием фимиама».

Из первых старцев Псково-Печерской обители по имени известен один лишь Марк. О нем свидетельствуется: «Вначале прежде некий старец живяше на потоце Каменце при пещере, егоже неции ловцы видяху у триех камней, лежащих над церковию Пресвятой Богородицы пещерною; но о сем известно не могохом обрести, каков бяше старец, и коего рода, или како и откуда в сие место прииде, и колико время поживе, и како скончася».

Второй игумен Печерской обители внес имя старца Марка в монастырский синодик. Преподобный игумен Корнилий (память 20 февраля/5 марта) усомнился в верности этой записи и велел изгладить его имя из синодика. Внезапно он тяжело заболел и получил откровение, что наказан за то, что приказал вычеркнуть имя преподобного Марка из монастырского диптиха. Испросив прощение слезной молитвой у гроба старца Марка, игумен Корнилий восстановил его святое имя. Когда была выкопана пещерная церковь Успения Пресвятой Богородицы и расширены погребальные пещеры, игумен Дорофей нашел гроб преподобного Марка истлевшим, а мощи и одежду невредимыми.

В 1472 году крестьянин Иван Дементьев рубил лес на обрыве горы. Одно из срубленных деревьев покатилося вниз, сдирая землю и увлекая за собой другие деревья. Обвал открыл вход в пещеру, над которой была надпись: «Богом зданная пещера». (Есть предание о том, что некий юродивый монах Варлаам часто приходил к пещере и стирал эту надпись, но она всякий раз чудесно восстанавливалась).

На это святое место, намоленное первыми подвижниками, пришел священник Иоанн, по прозвищу «шестник» – переселенец. Он был родом из «Московския страны» и священствовал в Юрьеве (ныне Тарту) в «правоверной церкви, поставленной от пскович» во имя святителя Николая и великомученика Георгия, вместе со священником Исидором, духовно окормляя живших там русских.

В 1470 году отец Иоанн был вынужден бежать с семьей в Псков от преследований немцев-католиков. Узнав о мученической кончине своего товарища (память священномученика Исидора 8/21 января), Иоанн решил удалиться в новоявленную Богом дарованную пещеру, чтобы там, на самом рубеже с Ливонией, основать монастырь как оплот Православия.

Вскоре заболела его жена и, приняв монашеский постриг с именем Васса, скончалась. Праведность ее была засвидетельствована сразу же после кончины. Ее муж и духовный отец похоронили преподобную Вассу в стене «Богом созданной пещеры», но ночью ее гроб был «изставлен из земли невидимою Божиею силою». Отец Иоанн и духовник преподобной Вассы смутились, решив, что это произошло от того, что они не полностью совершили чин отпевания, вторично отпели ее и снова погребли тело, но наутро оно вновь оказалось «на верху земли». Тогда стало ясно, что это – знамение Божие. Гроб преподобной Вассы поставили в пещере с левой стороны. Потрясенный чудом Иоанн принял монашество с именем Иона и стал подвизаться еще усерднее.

Собственноручно ископав пещерную церковь и две келлии на столбах, он стал просить священников Псковского Троицкого собора освятить ее, но те решились не сразу, «ради необычного

места». Тогда преподобный Иона со смирением испросил благословения у Новгородского архиепископа Феофила.

15 августа 1473 года пещерный храм был освящен в честь Успения Пресвятой Богородицы. При освящении произошло чудо от иконы Успения Пресвятой Богородицы – прозрела слепая женщина – «посла Милосердный Бог начало Своих великих даров Пречистою Своею Материю». (Эта икона, которую называют «старой» в отличие от другой чудотворной иконы Успения Пресвятой Богородицы с житием Ее, написанной около 1521 года псковским иконописцем Алексеем Малым, хранится сейчас в алтаре Успенского храма на горнем месте. Икона с житием – храмовая икона пещерной церкви). День освящения пещерного храма считается официальной датой основания Псково-Печерского монастыря. Преподобный Иона подвизался в пещерной обители до 1480 года и мирно отошел ко Господу. По смерти на его теле обнаружили кольчатый панцирь, который был повешен над его гробом как свидетель тайных подвигов преподобного, но при набеге немцев он был похищен.

Мощи преподобного Ионы почивают в пещерах рядом с мощами преподобного старца Марка и преподобной Вассы. Однажды при нападении на монастырь ливонский рыцарь, насмехаясь над святыми мощами, хотел мечом открыть крышку гроба преподобной Вассы, но его опалило исшедшее из гроба святой подвижницы пламя. Следы этого карающего огня до сих пор видны на гробе преподобной Вассы.

Март, 30

Софроний, епископ Иркутский

Святитель Софроний, епископ Иркутский, известный под фамилией Кристалевский (в миру Стефан), родился в Малороссии, в Черниговском полку в 1704 году. Отец его Назарий Феодоров был «посполитый человек» (то есть простолюдин, крестьянин; в данном случае – служивый крестьянского происхождения).

Детские годы святого Стефана проходили в местечке Березань Переяславского уезда Полтавской губернии, где поселилась семья после увольнения отца со службы. У святого Стефана было два брата и сестра Пелагея. Имя одного брата – Павел, имя другого, старшего, неизвестно, но есть сведения, что он был впоследствии наместником Красногорского Золотоношского монастыря.

С возрастом святой Стефан поступил в Киевскую духовную академию, где в то время обучались два других будущих святителя – Иоасаф, епископ Белгородский († 1754; 10/23 декабря), и Павел, митрополит Tobольский († 1770; 4/17 ноября).

Получив духовное образование, святой Стефан поступил в Красногорский Преображенский монастырь (позднее переименован в Покровский, а с 1789 года преобразован в женский монастырь), где уже подвизался его старший брат.

23 апреля 1730 года он принял постриг с именем Софроний, в честь святителя Софрония, патриарха Иерусалимского (память 11/24 марта).

В ночь после пострижения в монашество святой инок Софроний услышал в Покровском храме голос: «Когда будешь епископом, построй храм во имя Всех святых», – предуказавший его будущее служение. Через два года, в 1732 году, его вызвали в Киев, где в Софийском соборе хиротонисали в сан иеродиакона, а потом – иеромонаха. О последующем периоде жизни святого Софрония в его послужном списке говорится следующее: «После посвящения в оном Золотоношском монастыре казначеем был два года, а потом

взят по указу Переяславской епархии преосвященного Арсения Берлова в дом его архиерейский, в котором был экономом 8 лет по взятию в Александро-Невский монастырь, от которого в оные годы послан был в Санкт-Петербург за делами его архиерейскими, за которыми в ходатайстве пребыл два года».

Эти данные достаточно конкретно свидетельствуют о жизненном пути святителя. Проходя послушание у правящего архиерея в Переяславле, он часто уединялся в расположенном недалеко Преображенском монастыре для безмолвного созерцания и других иноческих трудов.

Во время пребывания иеромонаха Софрония по архиерейским делам в Петербурге, на него обратили особое внимание в Синоде. Когда возникла необходимость пополнить братство Александро-Невского монастыря в Санкт-Петербурге, то в числе 29 иноков, вызванных из разных монастырей России, в январе 1742 года был вызван и будущий святитель. Год спустя его назначили казначеем монастыря, а в 1746 году он был утвержден в должности наместника обители, которую исполнял более семи лет.

В помощь себе святой иеромонах Софроний вызвал своего земляка, уроженца города Прилуки, иеромонаха Синесия и поставил его строителем Ново-Сергиевой пустыни, приписанной к Александро-Невскому монастырю. С того времени дружба двух подвижников – иеромонаха Софрония и иеромонаха Синесия – все более крепла в едином пастырском делании, они уже были неразлучны вплоть до своей кончины на Сибирской земле. В эти годы святой Софроний много трудов положил на благоустройство обители и по улучшению преподавания в находившейся при ней семинарии. Совместно с архиепископом Феодосием он заботился о должном укомплектовании монастырской библиотеки.

При нем была построена двухэтажная церковь: верхняя, во имя святого Феодора Ярославича, старшего брата Александра Невского, и нижняя, во имя святителя Иоанна Златоуста.

В 1747 году скончался Иркутский епископ Иннокентий (Нерунович). Шесть лет самая большая по территории Иркутская епархия оставалась без духовного окормления.

Наконец, императрица Елизавета Петровна (1741–1761) указом от 23 февраля 1753 года рекомендовала Святейшему Синоду благочестивого наместника Александро-Невского монастыря святого Софрония, как «лицо, не только достойное епископского сана, но и вполне могущее оправдать желание и надежды государыни и Синода – подъять бремя епископского служения на далекой окраине и удовлетворить нужды паствы в суровой стране, среди дикой природы и произвола людского».

18 апреля 1753 года, в неделю о Фоме, в большом Успенском соборе Московского Кремля святой Софроний был рукоположен во епископа Иркутского и Нерчинского. В Москве большие услуги святителю оказал архиепископ Московский и Севский Платон (Малиновский), который участвовал в его хиротонии. Он преподал ему отеческие наставления на предстоящий подвиг, так как был хорошо знаком с особенностями сибирского духовного быта, предупреждал о своеволии местных властей и советовал подобрать надежных помощников.

Предвидя трудное служение в отдаленном Сибирском крае, новопоставленный святитель не отправился сразу в Иркутскую епархию, но начал подбирать образованных и духовно опытных сотрудников. Святитель Софроний посетил свою первую Красногорскую обитель, был и у святынь Киева, где испрашивал благословение на свое служение у Киево-Печерских угодников.

20 марта 1754 года святитель прибыл в Иркутск. Вначале он заехал в Вознесенский монастырь – место жительства своих предшественников, молился на могиле святителя Иннокентия (Кульчицкого, † 1731; память 26 ноября/9 декабря). Ко времени приезда святителя Софрония иркутские обители уже имели почти столетнюю историю. Основатели этих монастырей были исполнены горячим желанием иноческого, подвижнического жития.

Ознакомившись с положением дел в епархии, святитель Софроний приступил к преобразованиям в Духовной консистории, монастырях и приходах, обратился в Святейший Синод с просьбой прислать достойных людей для священнослужения в Иркутской епархии. Проницательный

святитель назначал настоятелями монастырей людей благочестивых, мудрых, деятельных, с большим жизненным и духовным опытом. В 1754 году святитель Софроний возвел своего друга и сподвижника иеромонаха Синесия в архимандрита Вознесенского монастыря. Этот достопамятный настоятель послужил монастырю 33 года до своей кончины. В сентябре 1754 года святитель издал указ, в котором выражалась озабоченность обучением и воспитанием детей. Духовенству вменялось в обязанность обучение своих детей Часослову, Псалтири, пению и букварю, причем учение «должно было идти со всяким прилежанием и крайним рачением, дабы дети могли пономарскую и дьячковскую обязанность исполнять по достоинствам своим».

В проповедях и личных беседах святитель Софроний неустанно побуждал всех к более высоким нравственным идеалам. Большое внимание он уделял благоговейному и правильному совершению богослужения и таинств священнослужителями, а также следил за нравственной чистотой мирян, заботился о положении женщин в семье, охранял их от несправедливостей. Святитель Софроний старался повсеместно водворить уставное богослужение, для чего вызывал к себе священников, диаконов, дьячков и пономарей, которые сослужили во время архиерейского богослужения, участвовали в хоре или иподиаконствовали. Особыми указами он восстановил правильное каждение и благовест.

Призванный на апостольское служение в Сибири, святитель Софроний положил много трудов на просвещение язычников.

С этой целью он заботился об устройстве быта малых народов, способствовал развитию в местном населении оседлости и культуры, предлагал им для поселения монастырские земли и всячески старался изолировать от влияния язычества. К святителю постоянно приходили и приезжали из далеких мест за благословением многочисленные посетители.

Но среди многих забот он не забывал о вечности, о своей внутренней духовной жизни. Сохранилось свидетельство

келейника святителя Софрония, который сообщает, что святитель «пищу употреблял самую простую и в малом количестве, служил весьма часто, большую часть ночи проводил в молитве, спал на полу».

Его подвижнический дух соответствовал общему подъему христианского духа в России вследствие подвижнических трудов святителей Феодосия, архиепископа Черниговского († 1696; память 5/18 февраля), Дмитрия, митрополита Ростовского († 1709; память 28 октября/10 ноября), Иннокентия, епископа Иркутского († 1711; память 9/22 февраля).

До конца своих дней святитель Софроний сохранял любовь к Красногорской Золотоношской обители, которая взлелеяла его в дни юности. Он постоянно способствовал поддержанию в ней благолепия, посылал для этого необходимые средства.

Чувствуя ухудшение здоровья, святитель Софроний подал прошение в Синод об увольнении его на покой. Но с ответом из Петербурга медлили, потому что трудно было подобрать достойного преемника.

Последние дни жизни святитель Софроний провел в молитвенном подвиге. Скончался он в преклонных летах 30 марта 1771 года, на второй день Пасхи.

Празднование святителю Софронию установлено на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 10–23 апреля 1928 года. На второй сессии этого Собора под председательством Святейшего Патриарха Тихона, Московского и всея Руси, была утверждена служба святителю Софронию.

Тропарь в этой службе составлен управлявшим в то время Иркутской епархией архиепископом Иоанном. Другой тропарь употребляется ныне в Красногорском Золотоношском женском монастыре в честь Покрова Божией Матери.

Память святителя Софрония совершается также 30 июня/13 июля, в связи с прославлением его 30 июня 1918 года.

Март, 31

Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский

Святитель Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский и Коломенский, родился 26 августа 1797 года в селе Ангинском Иркутской епархии в семье бедного причетника. Во святом крещении он был назван Иоанном. Апостол Америки и Сибири свое благовестие пронес «даже до края земли»: на Алеутские острова (с 1823 г.), на шести наречиях местных племен на о. Ситху (с 1834 г.), среди колошей (тлинкитов); в отдаленнейшие селения обширной Камчатской епархии (с 1853 г.); среди коряков, чукчей, тунгусов в Якутском крае (с 1853 г.) и Северной Америке (в 1857 г.); в Амурском и Уссурийском краях (с 1860 г.).

Но окончании Иркутской духовной семинарии в 1817 году юноша получил посвящение в сан диакона, а в 1821 году – во священника. Три года он проходил священнослужение в Благовещенском храме в Иркутске, проявив себя ревностным и усердным пастырем. В 1824 году будущий святитель, вместе с другими священнослужителями Иркутской епархии, получил от епархиального начальства письменное приглашение на миссионерское служение на Алеутские острова. Вначале он отказался, но затем, вняв призыву Божию потрудиться на ниве духовного просвещения, дал свое согласие. Вместе с женой, тещей и детьми священник Иоанн Вениаминов отправился в семимесячное, весьма опасное, путешествие из Иркутска на северо-восток.

Шестнадцать лет провел священник Иоанн Вениаминов на Алеутских островах и на острове Ситхе. Он сумел овладеть алеутским языком и различными наречиями местных племен. Переплывая с острова на остров, часто подвергаясь смертельной опасности, претерпевая всякую нужду и лишения, неутомимый миссионер продолжал благовествовать веру Христову. Он крестил тысячи людей, перевел на алеутский язык Евангелие, катехизис и некоторые богослужебные книги. В редкие часы отдыха будущий святитель занимался метеорологическими наблюдениями, вел этнографические

записи, описывал быт и нравы местных жителей. Эти труды были изданы в 1840 году в трех томах и назывались «Записки об островах Уналашкинского отдела». В 1833 году святитель Иннокентий написал на алеутском языке одно из лучших творений православного миссионерства – «Указание пути в Царствие Небесное».

В 1840 году священник Иоанн Вениаминов прибыл в Петербург, чтобы напечатать осуществленные им научные труды и переводы Священных книг на алеутский язык. К этому времени он овдовел. По решению Святейшего Синода он был пострижен в монашество и принял рукоположение во епископа Камчатского и Алеутского. Еще 28 лет святитель Иннокентий трудился на огромных просторах Камчатки и Восточной Сибири, Амурского и Уссурийского краев, просвещая светом веры Христовой коряков и чукчей, тунгусов и якутов, ламут и юкагир, а также другие народности, не приобщенные к христианской культуре и цивилизации. Под непосредственным руководством и при ближайшем участии святителя Иннокентия были осуществлены переводы Евангелия и некоторых других Священных книг на якутский и тунгусский языки, составлены соответствующие словари и грамматика. В 1852 году Якутская область была отчислена к Камчатской епархии и г. Якутск стал резиденцией святителя Иннокентия. Учитывая кочевой образ жизни якутов, он благословил устраивать в населенных пунктах небольшие часовни, а приходских священников снабдил переносными антиминсами, чтобы они могли почаще посещать эти часовни, а в случае необходимости совершать богослужения под открытым небом.

В 1854 году во время нападения англичан (в связи с Крымской войной) на наши дальневосточные владения святитель Иннокентий отправился на Амур через Аян, захваченный англичанами, и вел с ними переговоры.

Известный русский писатель И. А. Гончаров по завершении кругосветного путешествия на фрегате «Паллада», в сентябре-ноябре 1854 года, находился в Якутске, где лично познакомился со святителем Иннокентием и был свидетелем его неустанных переводческих и архипастырских трудов. Он писал о святителе

Иннокентии как о приветливом, общительном человеке, отличавшемся высоким трудолюбием, знавшем свой край, заботившемся о просвещении его жителей. И. А. Гончаров назвал святителя Иннокентия «величайшим патриотом». В 1857 году переводческий комитет, трудившийся под руководством святителя Иннокентия в Якутске, закончил свою деятельность. Под его редакцией вышли переводы на якутский язык всех книг Нового Завета (кроме Апокалипсиса); из Ветхого Завета были переведены книги Бытия и Псалтирь; из богослужебных книг – Служебник, Требник, Каноник, Часослов. К лету 1859 года в Московской Синодальной типографии были изданы все эти переводы. 19 июля 1859 года святитель Иннокентий совершил богослужение на якутском языке.

Миссионерские заботы архиепископа Иннокентия простирались и на более отдаленные народы, жившие по Амуру и даже за границей Китая, где оказались люди, слышавшие христианскую проповедь и выражавшие желание креститься. Как человек, преданный своей Родине и близко принимавший к сердцу ее интересы и величие, архиепископ Иннокентий проявил большую заботу о благоприятном для России разрешении Амурского вопроса. Для этого он сам совершил путешествие по Амуру и составил подробную записку «Нечто об Амуре», в которой, на основании личных наблюдений и опросов, решает вопрос о необходимости Амура для России и о возможности как навигации по Амуру, так и заселения его берегов. В качестве миссионера архиепископ Иннокентий назначил в эти места своего сына, священника Гавриила Вениаминова.

9 мая 1858 года святитель Иннокентий вместе с Н. Н. Муравьевым прибыл в Усть-Зейскую станицу, заложил там храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Святитель Иннокентий на этом месте основал г. Благовещенск. Он вдохновил Н. Н. Муравьева-Амурского на великие труды по укреплению и преобразованию Дальневосточного края. По обоюдному согласию святителя Иннокентия и Н. Н. Муравьева г. Благовещенск должен был стать главным городом Приамурья. В г. Благовещенск была перенесена кафедра святителя

Иннокентия, и оттуда он решил начать проповедь Евангелия китайцам. Между тем Н. Н. Муравьев отправился в пограничный китайский город Айгун, где в ходе дипломатических переговоров был заключен исторический Айгунский договор, подтверждавший права русских на все течение Амура и Уссурийский край. Айгунский договор создал благоприятные условия для дальнейшего просвещения Приамурья. При посредстве Н. Н. Муравьева и русского комиссара в Китае вице-адмирала графа Е. В. Путятина с Китаем было заключено соглашение, по которому всем христианским миссионерам предоставлялась там полная свобода евангельской проповеди. Тогда же в Камчатской епархии были открыты два викариатства – в Новоархангельске и Якутске.

Благодаря неослабным усилиям святителя Иннокентия в 1870 году была учреждена самостоятельная Якутская епархия. В это время святитель Иннокентий был уже митрополитом Московским и Коломенским (с 5 января 1868 года), непосредственным преемником митрополита Филарета (Дроздова, † 1867; 19 ноября/2 декабря). Находясь на кафедре московских святителей, он учредил Православное Миссионерское Общество, которое в течение девяти лет под его председательством достигло замечательных успехов.

Много трудов положил святитель Иннокентий и на благоустройство вверенной ему Московской епархии, улучшение преподавания в духовно-учебных заведениях, облегчение нужд духовенства, благотворительность. «Он привлек к себе любовь не только духовенства, но и паствы своей добротой, доступностью, простотой обращения. Он явил в себе образ любвеобильного отца-пастыря и своим примером разрушил искусственные преграды, установившиеся между епископами и паствой... Он являлся наружно тем, чем был внутренне: прямым, честным, искренним, любвеобильным и благожелательным пастырем. По нравственному характеру он был человек дела и труда, на подвиг, на лишения и на терпение всегда готовый, к себе неумолимо строгий, неустанно деятельный».

Дважды (в 1860 и 1861 гг.) святитель Иннокентий встречался с апостолом Японии – святителем Николаем (Касаткиным, † 3/16 февраля 1912 г.), которому передал свой духовный опыт.

Начав апостольские труды приходским священником, святитель Иннокентий завершил их на кафедре московских первоиерархов (с 5 января 1868 г. по 31 марта 1879 г.). Преданный воле Божией в течение всей жизни, он оставил завет веры своим преемникам, указав на слова пророка: «От Господа стопы человеку исправляются» (Пс. 36, 23). Память святителя Иннокентия празднуется дважды в год: 23 сентября/6 октября, и 31 марта/13 апреля.

Замечательный проповедник, святитель Иннокентий говорил: «Только тот, кто избыточествует верою и любовью, может иметь уста и премудрость, ей же не возмогут противиться сердца слушающих».

6 октября (23 сентября церковного стиля) 1977 года определением Священного Синода Русской Православной Церкви (в ответ на просьбу Священного Синода Православной Церкви в Америке от 8 мая 1974 года) митрополит Иннокентий, святитель Московский и апостол Америки и Сибири, был причислен к лику святых. Празднование его памяти установлено дважды в год: 31 марта/13 апреля – в день блаженной кончины († 1879) и 23 сентября/6 октября – в день его прославления.

Ипатий целебник, в Дальних Пещерах почивающий

Преподобный Ипатий Целебник подвизался в Киево-Печерской лавре в XIV веке. После нашествия полчищ хана Батыя в 1240 году «древний Киев исчез и на века, – по словам автора «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, – ибо сия, некогда знаменитая столица мать градов Российских в XIV и XV вв. представляла еще развалины». Подверглась жестокому разрушению и святая Киево-Печерская обитель. Дикие орды завоевателей не пощадили ни каменных монастырских стен, ни церкви Пресвятой Богородицы Печерской, ни людей: кого убили, кого увели в плен, «весь монастырь со всеми украшениями и каменными стенами до основания искорениша и разметаша».

Но свет, по пророчеству святого Андрея Первозванного, воссиявший на Киевских горах, уже нельзя погасить. По словам «Синописа» Иннокентия Гизеля, «если от злочестивого Батыя и в конечное разорение святая обитель Печерская пришла, и небу подобная церковь Успения Пресвятой Богородицы через многие лета пребывала в запустении, но в некоем приделе, уцелевшим от поганых, Божественные службы страха ради совершались втайне. Черноризцы же по лесам и вертепам скитались...»

Преподобный Ипатий Целебник непрестанно весь день трудился в послушании монастырском, ему было поручено ухаживать за больными, а ночи он стоял на молитве, мало когда принимая сна. Вкушал он только хлеб и воду, и то в малом количестве. Преподобный Ипатий всецело посвятил себя служению больным и за самоотверженный подвиг получил от Бога благодатный дар чудесных исцелений возложением рук на болящих. Страдавшие от разных недугов получали исцеление, прибегая к молитвенному заступничеству преподобного Ипатия. На нем исполнились слова преподобного Пимена Многоболезненного: «Равную награду будут иметь болящий и служащий тому». Нетленные мощи преподобного Ипатия, врача и целебника, почивают в Феодосиевых (Дальних) пещерах. И теперь, кто прибегает с верою в своих болезнях к его мощам,

получает исцеление. Память его читается также 28 августа/10 сентября (с Собором преподобных Киево-Печерских, почивающих в Дальних пещерах) и во 2-ю неделю Великого поста (с Собором всех преподобных Киево-Печерских).

Апрель 1

Евфимий Суздальский, преподобный

Среди бедствий татарского ига и удельного нестроения, когда Русь стонала от войн, погромов и опустошений, когда язычник-монгол убивал и грабил на Руси христианина ради добычи и жестокости, а христиане-князья поднимали друг на друга братоубийственную руку и часто искали один на другого помощи у иноверных татарских ханов. Богу угодно было воздвигнуть русскому народу таких наставников и подвижников, как святитель Алексей, митрополит Московский, и преподобный Сергий, Радонежский чудотворец. Их молитвами, их советом и руководством строилась Русская земля, собираясь около Москвы и накапливая силы, чтобы нанести решительный удар врагу веры и родины и сбросить вековое иго татарских ханов.

В одно время со святыми Алексеем и Сергием жил и подвизался преподобный Евфимий, Суздальский чудотворец.

Родители святого Евфимия жили в Нижнем Новгороде, который, входя в состав Суздальского княжества, до середины XIV в. был лишь второстепенным пригородом Суздаля. Кто были родители святого и как их звали, остается неизвестным. Несомненно лишь одно, что это были люди благочестивые и богобоязненные, так как они дали своему сыну истинно христианское воспитание; а судя по тому, что они постарались доставить ему и надлежащее образование, можно думать, что они обладали и некоторым достатком. Здесь, в Нижнем Новгороде, у них родился в 1316 году сын, которому впоследствии, при пострижении в инок, было дано имя Евфимия (мирское имя преподобного остается неизвестным). По преданию, он был крещен в Мироносицкой церкви. Окруженный любовью родителей, находясь под постоянным влиянием их благочестивой настроенности, святой Евфимий рос в христианских навыках, и уже с раннего детства в нем проявились исключительная любовь к Богу, стремление к подвигам благочестия и к религиозному самоуглублению. В заботах о воспитании отрока родители отдали его в учение книжное. С великою радостью мальчик, горячо любивший отца и

мать, оказывавший им полное послушание, принялся за нелегкий в те времена труд изучения грамоты. Но все свое внимание и прилежание он отдал на изучение Божественного Писания и книг душеполезных. Своим настроением он резко отличался от сверстников. Детские игры не привлекали его; среди товарищей он держался в стороне. Молчаливый и скромный, он был погружен в занятия над священными книгами. В молчании и внутреннем сосредоточии зрела его душа для высших подвигов благочестия.

Помимо чтения слова Божия, второй школой, воспитывавшей его в благочестивой настроенности, был Божий храм, куда святой Евфимий и из любви к Богу, и из послушания богобоязненным своим родителям ходил очень часто. Уединявшийся в школе, уединялся он и в храме. Встав в темном углу, где бы его не смущали суетные разговоры о вещах земных, погружался он в молитву и внимательно слушал чтение псалмов и апостольских писаний. Семя Божие падало на добрую почву. Еще юный возрастом, он глубоко воспринимает апостольское слово о том, что христианин навсегда должен остаться младенцем по своему незлобию, хотя уму его надлежит мужать, как пишет апостол Павел: *Братие, не дети бывайте умы: но злобою младенствуйте, умы же совершени бывайте* (1Кор. 14, 20). Молодость еще не позволяла ему вступить на путь суровых подвигов; но он жаждет самоотречения и жертв ради Христа. Его душу захватывают слышимые им в храме сказания о христианских мучениках, которые страдали за веру от язычников, мужественно исповедуя Христа перед мучителями. Его уму предносятся образы великих ветхозаветных пророков – тех, о ком апостол сказал, что они *проидоша в милотех, и в козиих кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бе достоин (весь) мир, в пустынях скитающиеся и в горах и в вертепах и в пропастях земных* (Евр. 11, 37–38). Слышит он о святых людях, которые, ревнуя житию бесплотных духов, отказались от мира и его прелести, стали отшельниками, предались безмолвию и подвигами воздержания и благочестия, кротостью и незлобием улучили себе спасение; как они, ополчившись на брань с

духами злобы, доблестно победили их и в награду удостоились от Бога вечных благ. В юном и чистом сердце Евфимия разгорается ревность и теплота духовная, и он прилагает пост к посту, молитву к молитве и слезы к слезам.

Здесь же, в храме Божиим, созревает в нем и святое решение всецело отдать свою жизнь Богу. Однажды Евфимий пришел к литургии. Встав на своем обычном месте, слышит он чтение святого Евангелия: *Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю. Кая бо польза человеку, аще обрящет мир весь, и отщепит душу свою; или что даст человек измену на души своей? (Мк. 8, 35–37).* С радостью воспринял святой отрок евангельское слово, сложил его в сердце своем, и падшее на добрую землю семя Божие принесло плод сторицею. Святой Евфимий возжелал взять на рамо крест Христов и, отказавшись от мира, искать спасения, по слову Господню: *иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села имени Моего ради, сторицею примет, и живот вечный наследит (Мф. 19, 29).*

Отречься от мира значило стать иноком. Святой Евфимий ищет иноческого подвига, жаждет постничества и суровых лишений. Ему нужен был духовный руководитель, который повел бы его правым путем. Ревностный отрок просит у Бога указания и помощи, и Господь услышал молитвы его.

В Нижний Новгород около 1330 года прибыл святой инок Дионисий († 1385; память 26 июня/9 июля). Здесь, в высоком гористом берегу Волги, выкопал он пещеру и начал вести богоугодную подвижническую жизнь. Слух о его благочестии и прозорливости быстро распространился по окрестностям. К нему стали приходить благочестивые люди за советами и молитвой: вскоре собрались вокруг него и ученики. Около первоначальной пещеры образовался монастырь и был построен храм во имя Вознесения Господня. Богобоязненная жизнь иноков, мудрое правление настоятеля, его благочестие и прозорливость приобрели обители общее уважение и далекую известность. Много слышал о Печерской обители и об отце

Дионисии святой Евфимий. И вот однажды, сам не отдавая себе отчета, куда он идет, руководимый только Божественной силой, Евфимий направился к Печерскому монастырю и здесь, по воле Божией, получил то, чего он так желал и к чему так стремился. Он пришел к старцу Дионисию, пал к его ногам и, орошая их слезами, не мог от слез ничего говорить. Старец поднял его и сказал: «Зачем, чадо, пришел сюда к нашей худости?» Отрок, встав с земли, отвечал: «Причти меня, отче, к святому твоему избранному стаду. Желаю, преподобная и освященная главо, иноческое житие воспринять от Бога твоими молитвами, наставляемый тобою на путь спасения».

Преподобный Дионисий возблагодарил Бога, воздав Ему хвалу о Его неизреченном милосердии, подивился просьбе благоразумного отрока и ободрил его, похвалив его решение оставить мирскую, скоропреходящую и тленную суету и нести на раменах своих легкое иго Христово.

Взяв отрока в отшельническую свою келлию, он вел с ним душеполезную беседу, наставляя его, а потом созвал свое духовное стадо и велел привести в собор отрока Евфимия. Здесь он и постриг его в иночество. Великою радостью исполнилось сердце Евфимия, и возблагодарил он Бога: «Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, Боже спасения моего, яко сподобил мя еси худого и недостойного получитьи желаемое спасение».

Став иноком, преподобный Евфимий предался духовным трудам и подвигам. Он видел перед собой образец в своем настоятеле, старце Дионисии, который проводил время в непрерывной молитве, в постах, бдениях и всяческом воздержании, и который, однако, среди своих великих трудов, всегда сохранял кротость, спокойствие и приветливость. Не щадя сил, преподобный Евфимий предается непрестанной молитве и суровому посту, умерщвляя свою плоть и порабощая ее Христу. В течение дня он покорно и старательно выполнял возлагаемые на него послушания, причем молитва и псалмы не сходили с его уст, не отделимые от них, как дыхание; ночью же удалялся в пещеру и в уединении возносил Богу со слезами горячие молитвы, часто в течение всей ночи не смыкая глаз.

Удивительно было его воздержание в пище. Пост как будто доставлял ему наслаждение. Он просил преподобного Дионисия разрешить ему вкушать пищу не ежедневно, а через два или три дня. Старец, сдерживая чрезмерное рвение отрока, не разрешил этого и повелел есть каждый день вместе со всей братией, хотя бы и не до сыта. Оказывавший настоятелю во всем великое послушание, Евфимий повиновался; но ел лишь столько, чтобы не умереть от голода. Иногда на трапезе он только делал вид, что вкушает пищу, поступая так затем, чтобы не обратить внимания братии на свое крайнее воздержание. Его питьем служила одна вода, и при том лишь тогда, когда он терпел особую жажду. Его ложем была голая земля; сон его был краток, а часто ночь проходила в молитве и вовсе без сна. Суровый зимний холод он переносил как тепло, и летний зной, как прохладу. Воистину он был жестоким врагом своей плоти; но изнуряя ее, он хотел возвысить, очистить и укрепить свою душу. Не считая достаточными пост, бдение, холод и зной, он возлагает на тело свое железные вериги. За кротость и смирение братия полюбили его, а его подвиги вызывали во всех удивление. Он оказывал инокам обители помощь, какую мог, а к настоятелю хранил глубокое послушание. По распоряжению святого Дионисия преподобный Евфимий нес службу на пекарне, где носил воду и рубил дрова. Но и в черных работах он проявил старательность и внимание и сумел сделать их для себя назидательными. Переноса жар пылающей кухонной печи, преподобный говорил самому себе: «Терпи, Евфимий, огонь сей, да сим огнем возможешь избежать тамошнего».

В таких размышлениях, получил он от Бога великий дар умиления, так что без слез не мог даже вкушать испеченный им хлеб.

Много лет подвизался преподобный Евфимий в Печерской обители Нижнего Новгорода; но свыше ему суждено было перенести свою деятельность в другие места, более видные и более в те времена населенные и важные.

В первой половине XIV века город Суздаль, как уже говорилось, был столицей Суздальского княжества, в состав которого входили Нижний Новгород и Городец. Суздальские

князя пользовались немалым влиянием и силой, так что в их руках оказывался и великокняжеский Владимирский стол. Если им приходилось подчиняться влиянию Москвы и отдавать по временам свои военные силы в распоряжение московских великих князей, то они уступали свою независимость не без борьбы, а князь суздальский Константин Васильевич считал за лучшее даже перенести в 1350 году свою столицу из Суздаля в Нижний Новгород, подальше от Москвы и ее властных правителей. Тем не менее Суздаль сохранил за собою свое важное и влиятельное положение, и князья не могли не проявлять своих забот о нем. Когда князь Константин перешел в Нижний, Суздаль, вероятно, остался в управлении его старшего сына Андрея. По смерти Константина в 1355 году Андрей стал великим князем нижегородским-суздальским. Он передал Суздаль своему второму брату Дмитрию, который около 1360 года занял даже Владимирский великокняжеский стол, хотя вскоре был изгнан московским великим князем Дмитрием Иоанновичем Донским не только из Владимира, но и из Суздаля. О третьем брате Борисе известно, что он в 1356 году, получил в удел от брата Андрея город Городец на Волге, а по смерти Андрея в 1365 году пытался захватить великое княжение, которое должно было перейти к Дмитрию; но Дмитрий, с помощью Москвы, осилил брата, и Борис жил потом, до смерти Дмитрия в 1383 году, в своем уделе в Городце. Заняв освободившееся в том же году Нижегородское княжение, Борис правил с перерывом, до 1392 года, когда Нижним овладел, с согласия хана Тохтамыша, московский князь Василий Дмитриевич. Борис был заточен в Суздаль, где и умер. Тогда же Суздальско-Нижегородское княжество кончило свое независимое существование и подчинилось Москве.

Князь Борис Константинович оставил по себе добрую память своим благочестием и набожностью. С великим уважением относился он к иноческому чину и с готовностью жертвовал монастырям все для них нужное. Бывая в Нижнем Новгороде, он посещал Печерскую Вознесенскую обитель, приходил к преподобному Дионисию за благословением, подолгу вел с ним душеполезные беседы и удовлетворял нужды

братии. Питая любовь к своему родному Суздалю и радея о его духовных пользах, князь Борис около 1351 года пришел к мысли создать там новый общежительный монастырь. На это дело он и испрашивал у преподобного Дионисия его благословения. В одну из бесед князь просил у святого Дионисия благословения и содействия в устройстве общежительного монастыря в Суздале.

«Я имею сердечное желание, если поможет Бог по твоим молитвам, создать каменную церковь во имя Господа нашего Иисуса Христа, в честь Его честного и боголепного Преображения. Хочу и обитель духовную устроить, на упокоение братии, и общежительный монастырь. Благослови же меня, отче святой, и помолись Богу. И пошли мне из своей обители одного из твоих учеников, кто был бы благопотребен на то Божие дело, на создание храма Господня и на устройство монастыря». Дионисий отвечал: «Благочестивый княже! если мы желаем сделать доброе дело, то Господь Бог – помощник. Он и будет руководителем в твоём благом и спасительном начинании и направлять твои стопы идти непреткновенно на благочестие».

Сотворив молитву, Дионисий дал князю благословение и целование и отпустил с миром. Князь Борис, обрадованный сочувствием и молитвами преподобного, возвратился в Суздаль и немедленно стал готовить материал и все нужное для построек.

Исполняя просьбу князя, Дионисий делает выбор среди своих учеников; но при этом принимает решение послать их не только в Суздаль, а и в другие места для служения Церкви, утверждения веры и благочестия, распространения монашества. Созвав братию обители, он избирает среди нее 12 иноков, наиболее твердых и ревностных в делах благочестия. Среди них были преподобный Евфимий, преподобный Макарий (память 25 июля/7 августа). Сотворив молитву и благословив учеников, Дионисий посылает их в верхние и нижние страны, куда каждому укажет Бог. Послушные ученики с радостью отправились в путь по своему желанию. Только преподобный Евфимий получил поручение идти в точно указанное место, именно в Суздаль, к князю Борису. Он был еще молод, имея отроду около 36 лет, но богатый опытом настоятель усматривал

в нем духовную зрелость, какая не всегда бывает и в преклонных летах. Тем не менее, сам преподобный Евфимий считал возлагаемое на него поручение свыше сил своих. Тяжело ему было расстаться и с своим духовным отцом, которого он много любил и в руководстве которого чувствовал нужду. И он пытается отклонить возлагаемое на него дело. На коленях и со слезами Евфимий умолял преподобного Дионисия: «Господине и отче, не оставь меня сирым; не отлучай меня от твоего преподобия, чтобы не быть мне пришельцем на чужой земле».

Дионисий отвечал: «Чадо о Христе духовное, *Господня земля и что наполняет ее* (Пс. 23, 1). Не впади же в ров преслушания, но будь послушен о Христе. Иди с Богом в путь свой, радуясь, а не скорбя. Если мы и разлучимся телом, то духом и молитвами будем неразлучны».

Так ободрял старец своего ученика и в утешение открыл ему, что Бог и его наградит даром прозорливости. Ибо преподобный Дионисий сам обладал этим даром, теперь, созерцая грядущие судьбы Суздальско-Нижегородского княжества и самого Нижнего Новгорода, он с глубокой скорбью и слезами поведал Евфимию: «Ради грехов наших и за умножение беззаконий в грядущие времена, после нашего отшествия к Богу, будет запустение граду сему; а святым Божиим церквам и монастырям разорение от поганных и безбожных агарян».

Заканчивая свое напутствие, Дионисий предупреждает преподобного Евфимия об ожидающей его в Суздале встрече. «Итак, чадо, не унывай, а иди, и Бог будет тебе хранителем и помощником на всякое доброе дело. Когда же дойдешь до богоспасаемого града Суздаля и будешь в преславном храме Пресвятой Богородицы, то увидишь там священного епископа Суздальского». Вероятно, Дионисий успокаивал своего ученика тем, что его путешествие в Суздаль состоится по княжескому соизволению, и он может ожидать со стороны князя и епископа благосклонной встречи, покровительства и поддержки.

Простившись со своим духовным отцом, напутствуемый его благословением и молитвой, преподобный Евфимий отправился

в путь. Бог хранил его в дороге, и его путешествие было благополучно.

Хотя прямой целью путешествия был Суздаль, однако святой Евфимий свято помнил тот завет, с каким преподобный Дионисий отпускал в путь своих учеников. Поэтому еще по дороге в Суздаль он, в согласии с волей учителя, предпринимает построение храма и учреждение новой обители. Не дойдя верст пять до города Гороховца, он встретил место, которое ему очень понравилось. Здесь было озеро, окруженное густым и диким бором, с непроходимыми чащами и прекрасными видами. В одном месте лесной берег полуостровом вдался в озеро. Здесь и решил преподобный Евфимий построить церковь во имя святого Василия Великого, епископа Кесарийского, а при церкви основать общежительный монастырь.

Прибыв, наконец, в Суздаль, Евфимий вошел, как говорил ему Дионисий, в храм Пресвятой Богородицы, встретил здесь владыку Суздальского, попросил у него благословение и, вероятно, сообщил, ради какого дела игумен Нижегородского Печерского монастыря отправил его в стольный город Суздаль. Епископ ласково его принял, ввел в свой дом и имел с ним продолжительную беседу. Вскоре прибыл отсутствовавший князь Борис Константинович. Преподобный Евфимий явился к нему и был принят с великою честью и радостью, как давно жданный гость. Затем оба они, князь и преподобный, отправились к епископу, и здесь Борис Константинович передал владыке свои намерения. Он рассказал о подвижнической жизни Дионисия Печерского, о полученном от него благословении на построение храма и обители, и указал в преподобном Евфимии будущего настоятеля, избранного не волей князя, а указанием Печерского игумена. Епископ одобрил намерение князя: «То, что ты начал, княже, – сказал он, – делай без колебаний. Ты видишь доброе начало; будем ждать от Бога и благоприятного конца. Ты принял молитву и благословение прозорливого старца; а ныне он послал и благопослушного ученика, трудоположника Евфимия, способного, с Божьей помощью, начать дело, потрудиться над ним и закончить его».

Князь встал, поклонился епископу и попросил немедля идти выбрать с ним место для монастыря. Взяли они с собой преподобного Евфимия и двинулись к северу, вверх по реке Каменке, на которой стоит Суздаль. На берегу этой реки, неподалеку от города, они выбрали ровную возвышенность, с которой открывались приятные виды во все стороны. Помолившись Богу об этом, они и решили быть здесь храму и обители. Весть очень скоро разнеслась по всему городу и привлекла множество народа. Собрались суздальские князья, бояре, духовенство, иноки и миряне. В присутствии этого многочисленного собрания епископ совершил молебствие, благословил место и прочитал освятительную молитву. Потом водрузил крест там, где должен стоять престол, а князь приказал свозить камни и известь и тотчас начинать работы. Он сам своими руками заложил храм. Взяв мотыгу, начал он рыть ров; ему помогали и присутствовавшие вельможи. Немедленно затем было положено основание, причем будущий храм был наречен в честь Преображения Господня, и стали строить стены. Преподобный Евфимий позаботился о приготовлении себе и места вечного упокоения. Испросив благословение у епископа, он собственными руками отесал три камня и устроил из них себе гробницу около стены, у северных врат, неподалеку от святого жертвенника, где впоследствии и было положено его многотрудное тело.

Построение храма шло успешно, с помощью Божией; рвением святого Евфимия храм вскоре был закончен. Это было в 1352 году. Своей красотой и благолепием храм вызывал изумление; его называли земным небом и его построению радовались не только жители Суздаля, но и всех окрестных земель. Князь Борис не пощадил средств на благоустройство, украсил его многочисленными и прекрасными иконами, снабдил богослужебными книгами и утварью и с великим торжеством храм был освящен епископом суздальским. Вскоре преподобный Евфимий, до сих пор бывший рядовым иноком, получает посвящение в диакона, потом в пресвитера и, наконец, поставляется архимандритом основываемого монастыря. При этом ему дается, как знак особой чести, право

совершать службу с палицей, в митре и с рипидами; это преимущество сохраняется за настоятелями Спасо-Евфимиевой обители доныне.

Построение храма было лишь началом дела, возложенного на преподобного Евфимия. Нужно было строить самую обитель, поставить келлии для братии, необходимые хозяйственные постройки и ограду. На все это князь Борис дал новую богатую жертву. На его средства ревностный настоятель и создал потребные здания. Было воздвигнуто большое число келлий, и вскоре здесь, под руководством и управлением не старого летами, но богатого духовным опытом и славного своими подвигами настоятеля, собралось множество иноков. Если для создания храма и прочих строений нужно было золото и серебро, которые щедрою рукою и были даны набожным князем, то для духовного процветания вновь созданной обители требовались иные богатства, сокровища духовные – подвиги христианского благочестия и молитвы. Все это и принес обители ее преподобный настоятель, который созидал ее духовную силу слезами, трудами, беспрестанными подвигами, непрерывной молитвой. В течение дня он заботливо следил за делом строения; ночью же предавался бдению, стоя на молитве и проливая слезы. И Бог благословил его святое начинание. Вскоре благочестивые люди увидели знамение, которое свидетельствовало о небесном покровительстве святому настоятелю и его монастырю.

Однажды в праздник Преображения Господня преподобный Евфимий пожелал, чтобы служба была совершена торжественным архиерейским служением. Взяв с собой несколько достойнейших иноков, он идет к Суздальскому владыке и прилежно просит его отслужить в монастырском храме святую литургию. Владыка согласился. Братия торжественно встретили его, выйдя к нему на встречу из стен монастыря, к началу литургии в храм прибыл и князь Борис Константинович. Во время усердной молитвы благочестивому князю было видение. Среди священнослужителей, совершавших литургию, он усмотрел неизвестного мужа, принимавшего участие в службе, и вид этого мужа был

необычен. Он возбуждал великий страх, так как лицо его сияло несказанным светом, и блеск его риз ослеплял зрение. Пораженный князь по окончании службы улучил минуту наедине и, поклонившись преподобному, умолял его открыть, что значит виденное им. Не хотел говорить преподобный Евфимий о том. «Что мог ты, княже, видеть чудесного, когда я служил Божественную литургию с нашим владыкой, добрым пастырем словесных овец сего духовного двора, и когда с нами были лишь священноиноки сей обители, которых ты сам знаешь, и иного священника не было с нами?» Но князь продолжал умолять его. Тогда преподобный сказал: «Княже, если Господь Бог открыл тебе, могу ли утаить я? Кого ты видел, это – Ангел Господень, с которым я, недостойный, служу, по милости Божией, не только сегодня, но и всегда. Но ты никому не рассказывай о видении, пока я жив». Ибо не любил святой Евфимий, что о его добрых делах знали другие, по своему крайнему смирению. Вот почему, когда его однажды спросили, какая добродетель наивысшая, он отвечал: «Та, которая творится тайно».

Если же он открыл князю о видении Ангела Господня, то не по своей воле, а повинувшись князю. Суздальский владыка, как и князь, с уважением относился к преподобному Евфимию, и оба они не отказывались от его гостеприимства. В тот же день Преображения Господня, когда было видение за литургией, преподобный Евфимий пригласил к себе князя и владыку на братскую трапезу, и они приняли приглашение. После трапезы собрание предалось душеполезной беседе, упросило владыку сказать наставление, и епископ говорил продолжительное назидание.

Обитель преподобного Евфимия разрасталась. Число братии увеличивалось, и являлась нужда в расширении обители. Преподобный Евфимий принял намерение создать еще большую новую церковь. Испросив благословение епископа, он приступает к построению теплого каменного храма, который был благополучно завершен и освящен во имя святого Иоанна, писателя Лествицы. К храму была пристроена каменная же трапеза, достаточно обширная, в которой братия

могли бы собираться на духовные беседы, молитву и для трапезования. Под трапезой устроили и пекарню. На некоторое время теснота была устранена. Но жаждущих принять иноческий образ и вести жизнь в стенах обители под руководством святого Евфимия становилось все больше и больше. В конце концов число братии достигло до трехсот, и недавно отстроенная каменная трапезная оказывалась уже недостаточно просторной. Требовались новые помещения, и ревностный настоятель приступает к построению третьего храма во имя святителя Николая чудотворца. Храм был деревянный, рядом с ним – обширная тоже деревянная трапезная с каменным погребом под нею. Никольская церковь получила название «больничной», очевидно потому, что при ней находились келлии для болеющих иноков, а также, вероятно и для посторонних. Теперь обитель была снабжена всем нужным и могла существовать безбедно. По преданию, святой Евфимий собственноручно выкопал колодезь, из которого снабжался его монастырь.

Заботы преподобного настоятеля никогда не ограничивались одним внешним благосостоянием обители. Еще больше внимания уделял он внутренней, духовной жизни братии и, как неусыпный страж, всегда наблюдал за поведением иноков и их преуспеянием в благочестии. Пастырь добрый, он верно пас свое стадо, не жалея своих трудов, и его ревностный надзор, мудрое руководство и собственный пример насадили в обители благочестие и укрепили благочиние. Безропотно братия оказывали послушания своему благочестивому и мудрому настоятелю, охотно исполняли монастырские работы, посещали богослужение и общие молитвы. Мир и любовь царили между иноками, они вели целомудренную и трезвую жизнь и свято соблюдали обет нестяжательности. Святой Евфимий строго наблюдал, чтобы в обители не было частной собственности: в ней все было общим, все принадлежало всем, и строгая епитимия налагалась на того, кто пытался что-нибудь тайно удержать у себя, как личное имущество. В храме, трапезной и келлиях наблюдался строгий порядок, тишина и благочиние. За богослужением иноки стояли каждый на своем месте, по

установленному чину, не вступая ни с кем ни в какие разговоры, сохраняя молчание и творя молитвы и песнопения. За трапезой все сидели в том же строгом порядке, в полном молчании, так что слышно было лишь положенное чтение. Оттрапезовав и возблагодарив Бога, братия расходились по своим келлиям, но и здесь воздерживались от разговоров, занимаясь рукоделием и предаваясь богомыслию; лишь при крайней нужде разрешалось уходить в чужую келлию, чтобы видеться и говорить с другим братом. Если обитель процветала духовно, то потому, что преподобный настоятель сам являлся во всем образцом для своего духовного стада. Братия оказывали ему во всем полное послушание.

Обитель преподобного Евфимия, сиявшая богоугодной жизнью насельников, была тихим пристанищем для ищущих иноческого подвига, местом молитвы и училищем благочестия для жителей Суздаля и окрестных земель. Но Бог судил святому строителю основать и еще один монастырь в том же Суздале. Это было в 1364 году. Старший брат князя Бориса, Андрей Константинович, с 1355 года бывший великим нижегородско-суздальским князем, не задолго до своей смерти (в 1365 году) возымел намерение построить новую обитель, во исполнение ранее данного им Богу обета. По какому поводу был дан обет, князь Андрей сам поведал о том Суздальскому епископу в одно из свиданий с ним. Прибыв однажды к нему в епископский дом, он, после обычного благословения, молитвы и беседы, обратился к владыке с такою речью: «Святитель Божий! хочу просить у тебя одного одолжения, да дарует его мне твоя духовная любовь».

Епископ отвечал с готовностью: «Ничто не возбранно тебе».

«Хочу, – сказал князь, – чтобы ты дал мне благословение создать монастырь для инокинь».

И князь рассказал, как у него явилась мысль об этом.

«Случилось однажды со мною, что, когда мы плыли по Волге от Нижнего Новгорода, поднялся на реке сильный ветер, так что ладьи разбивались от великих волн, и всем угрожала неминуемая смерть. Тогда находившиеся в ладьях начали молить Бога, а с ними и я умолял Всесильного, чтобы Он

избавил нас от угрожавшего бедствия. И дал я от себя обет Богу создать храм имени Пресвятой Бородицы, честного и славного Ее Покрова, и устроить монастырь на жилище и покой черноризицам. В тот же час волнение на реке прекратилось и наступила великая тишина. Ныне приспело время, и я хочу исполнить свой обет». «Чего ты хочешь, и я не возбраняю», – сказал епископ. Князь продолжал: «Тогда пошлем за преподобным отцом Евфимием и попросим у него места по ту сторону реки Каменки на берегу, где было бы удобно создать монастырь».

Так и сделали. Преподобный пришел и, поклонившись епископу и князю, справился, зачем пригласили его.

«У нас есть к тебе, боговозлюбленный, просьба, – ответили ему». Святой Евфимий сказал: «Нет ничего нашего в монастыре, что было бы возбранно вам, владыки мои». Князь и епископ изложили свою просьбу: «Дай нам небольшое место по ту сторону реки, где обитаешь ты, пастырь добрый, с иноками обители твоей, чтобы построить там монастырь».

И князь подробно рассказал преподобному о своем чудесном спасении от речной бури и о данном им обете.

«Князь! Если будет Богу угодно, – ответил преподобный, – Он может совершить дело это. А если ты требуешь земли для создания монастыря, да будет благословенно то место».

Князь Андрей поклонился блаженному Евфимию и дал его обители большую милостыню. Вслед за тем было выбрано место близ монастыря святого Евфимия, на противоположном берегу реки Каменки, и приступили к основанию обители. Построили деревянную церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы, келлии и стены. Настоятельницей новой женской общины, очевидно, из уважения к святому Евфимию, епископ назначил инокиню Суздальского Александровского девичьего монастыря, родственницу святого Евфимия – его племянницу по сестре. Созданная под наблюдением преподобного Евфимия обитель оставалась, несомненно, и впоследствии под его надзором и руководством, тем более возможным и удобным, что настоятельница стояла в родственных отношениях к преподобному. Когда обитель была отстроена и в ней началась

уставная иноческая жизнь, святой Евфимий, вместе с суздальским владыкой посещали ее для назиданий. В одно из посещений, после подробного осмотра монастыря, они убедились в его благолепии и благочестии обитательниц, и епископ, благословив обитель и инокинь, вознес за них Богу благодарственную молитву. Возвратившись к себе, Евфимий в беседе с братией и учениками предсказал, по дару данной ему от Бога прозорливости, будущую судьбу Покровского монастыря: «В грядущие дни, по нашем отшествии к Богу, распространится обитель Пресвятой Богородицы, честного и славного Ее Покрова, и будет славной во всех концах земли Русской». Так и сбылось, по слову преподобного прозорливца.

Сказания не сохранили нам известий о том, какое участие принимал преподобный Евфимий в тогдашних событиях русской жизни. Нельзя думать, чтобы он никак не отзывался на них. Пусть, преданный подвигам благочестия, молитве и заботам о спасении братии, он не имел ни времени, ни склонности лично вмешиваться в дела внешние; но слишком велики и важны были события на Руси, чтобы можно было кому бы то ни было их не замечать. Господь испытывал Русскую землю непрерывными бедствиями. Сама природа восставала на человека. По временам бывали необычайные засухи, от которых гибла растительность и вымирал скот. От зноя густая мгла покрывала землю; днем в нескольких шагах не было видно человека; птицы не осмеливались летать в воздухе и стаями ходили по земле.

В том самом 1352 году, когда преподобный Евфимий впервые прибыл в Суздаль из Нижнего Новгорода, страшная язва поразила Русскую землю. Ужасы морового поветрия неописуемы. Люди гибли целыми семьями. Не успевали хоронить умирающих; города и села превращались в кладбища. В Новгороде и Пскове погибло 2/3 населения. Оставшиеся в живых бежали в леса. Многие спешили отречься от мира и принять постриг, чтобы умереть в иноческом сане. Поветрие распространилось по многим русским областям, достигло Москвы, Владимира, Нижнего Новгорода, Суздаля. В Глухове и Белозерске не осталось ни одного человека. Плач и стон стояли

над Русской землей. Лет двенадцать спустя, в 1364 году, язва снова вспыхнула в Нижнем Новгороде и оттуда разошлась по многим местам. В Смоленске она повторилась трижды и, как свидетельствует летопись, в нем осталось в живых только пять человек, которые и ушли, затворив город, полный мертвых трупов.

То было время татарского ига. Русские князья должны были платить за себя и народ, тяжелую дань татарским ханам, от них получали грамоты (ярлыки) на обладание княжескими престолами, вынуждались указывать им почтение и повиновение. Требовалось много осторожности чтобы угодить грубым завоевателям. Но нередко ханы, или не довольствуясь тем, что приносилось им от поработанной Руси, раздражаемые сопротивлением русских князей, предпринимали губительные ходы. Так в 60-х и 70-х годах XIV века татары опустошили Городецкое княжество, Нижегородский край и дважды сожгли Нижний. Но как ни тяжело было монгольское иго, постепенно росла и крепла Русь, собираясь около Москвы. Пользуясь всяким случаем, московские князья стягивают уделы к Москве, а благодаря смутам, возникавшим в самой Орде между татарскими ханами, Москва собирает силы, чтобы нанести удар завоевателям. Когда в 1380 году хан Мамай с огромным войском двинулся, чтобы еще раз опустошить всю Русь, на призыв великого князя московского Дмитрия Иоанновича вся Русская земля собралась под его знаменами. Ободряемый молитвами святителя Алексия, напутствуемый благословением святого Сергия Радонежского, князь Дмитрий с русским воинством встретил татар, и в кровавой, но славной битве Куликовской монголам было нанесено тяжкое поражение, ослабившее силы Орды и открывшее впоследствии для Руси возможность к постепенному свержению татарского ига. Но и после Куликовской победы Русь много терпела от татар. Спустя всего лишь два года, в 1382 году, хан Тохтамыш вторгся в Московские пределы, разорил Москву, Владимир и ряд других городов, ходил и на Суздаль. В 1395 году Руси грозило страшное нашествие хана Тамерлана, и заступлением

Богоматери бедствие пронеслось мимо: Тамерлан с Дона неожиданно повернул на юг и оставил пределы России.

Казалось бы, что, в виду злого врага и для успешной борьбы с ним все русские области и города должны были всегда жить во взаимном согласии и действовать дружно, общими силами. Такое объединение иногда, действительно, бывало, как, например, в год Куликовской битвы. Но бывало оно редко. Обычно же удельные князья беспрестанно враждовали друг с другом и от усобиц тяжко страдала Русская земля, покрываясь кровью и пеплом пожаров. Суздальские князья Дмитрий и Борис, по смерти своего брата Андрея Константиновича в 1365 году, ведут усобицу из-за Нижнего Новгорода. Захватив Нижний, Борис не уступает его Дмитрию, и тщетно великий князь Дмитрий Иоаннович требовал от братьев передать всю ссору на его суд. Лишь посланное из Москвы ополчение принудило Бориса уступить Дмитрию Нижний и удовольствоваться Городцом. По смерти Дмитрия Константиновича (в 1383 году) Борис находится во вражде со своими племянниками и кончает жизнь в изгнании. Московские князья, собирающие Русь, встречают противодействие со стороны как удельных князей, так и вольных городов. Симеон Гордый борется с Новгородом; Дмитрий Иоаннович (Донской) – с Дмитрием Константиновичем Суздальским, при чем дело доходит до осады Суздаля московскими войсками, – затем с тверским князем Михаилом, который даже призывал на помощь себе против Москвы литовского великого князя Ольгерда. Бывало не раз, что во взаимной борьбе русские князья искали себе поддержки у ханов. Усобицы происходили так часто, что не проходило и года без того, чтобы где-нибудь не лилась кровь, не пылали пожары.

Даже в делах церковных нередко не доставало мира и согласия. Архиепископ Новгородский восставал на святого митрополита Алексия. По смерти митрополита Алексия (в 1378 году) князь Дмитрий Иоаннович предназначил на митрополичью кафедру своего духовника, Спасского игумена Митяя, человека гордого и строгого. Не все хотели видеть Митяя на митрополии. Среди противников Митяя был и руководитель

святого Евфимия, Дионисий Печерский, с 1374 года занимавший уже Суздальскую архиепископскую кафедру. Дионисий сам склонен был искать для себя митрополичьего сана и хотя по требованию великого князя дал обещание не ездить в Царьград добиваться поставления, уехал однако туда. Но на этот раз митрополии не получил. Когда отправленный князем в Царьград Митяй умер в дороге, митрополичий сан путем хитрости добыл спутник Митяя архимандрит Пимен. Впрочем московский князь не принял Пимена и отправил его в ссылку, а на митрополию вызвал из Киева Киприана, еще при жизни святого Алексия поставленного от патриарха в митрополиты, но в свое время не признанного. По-видимому, архиепископ Дионисий некоторое время и теперь добивался митрополии и был в борьбе с Киприаном. Но митрополитом Дионисий стал лишь позднее, когда Киприан в 1382 году был лишен великим князем кафедры за то, что во время Тохтамыша оставил свою паству и бежал в Тверь. Избранный теперь на митрополию, Дионисий успел съездить в Царьград на поставление и получил его в 1384 году. На обратном пути он был однако задержан в Киеве, где вскоре и умер в заключении.

Таковы были главные события на Руси при жизни святого Евфимия. Они глубоко затрагивали русский народ, государство и Церковь, и даже такие подвижники и отшельники, как святой Сергей Радонежский, не могли уйти, устранившись от них, вынужденные принимать в них то или иное участие. Трудно думать, чтобы не приходил в соприкосновение с ними и преподобный Евфимий. Самый Суздаль был свидетелем и жертвой многих народных бедствий. Сюда заходила моровая язва; набегали сюда и татары. Суздальские князья, покровители и почитатели святого Евфимия, ведут упорную борьбу с Москвой за свою удельную независимость. Друг Евфимия, архиепископ Дионисий, не хочет видеть на митрополичьей кафедре Киприана и противодействует ему. Наконец, борьба с Мамаем и Куликовская битва должны были волновать сердце всякого русского человека.

Печальник народных злоключений, преподобный Евфимий в дни бедствий помогал страждущим своей

благотворительностью, ободряющим словом и святой молитвой. В годину великой борьбы с врагами веры и Родины татарами, когда русские рати шли к полю Куликову, а оставшаяся дома Русь со слезами просила у Бога победы, вместе с молитвами святого митрополита Алексия и преподобного Сергия Радонежского к престолу Всевышнего возносились и горячие мольбы святого Евфимия. Огорчаясь нестроениями церковной и государственной жизни, преподобный Евфимий, несомненно, не принимал участия в тогдашних смутах. Правда преданность и дружба к Дионисию побудили его поддерживать своего духовного отца в исканиях им митрополичьего сана, и он высказывался против Киприана, некоторое время не признавая его митрополитом. Но от государственных неурядиц и междоусобиц он старался держаться в стороне. В положении святого Евфимия сделать это было не легко. Его сочувствие в борьбе суздальско-нижегородских князей с Москвой естественнее видеть на стороне первых. Евфимий был уроженец Нижнего Новгорода; там он вырос и начал свои иноческие подвиги. Второй его родиной стал Суздаль. Суздальско-нижегородские князья покровительствуют ему все время. Борис Константинович основывает Спасо-Преображенский монастырь, где святой Евфимий получает настоятельство; Андрей Константинович строит, под наблюдением Евфимия, Покровскую женскую обитель. Любовь к родине и чувство благодарности к покровителям должны были бы сделать из Евфимия приверженца Суздаля и противника Москвы. Ни откуда, однако, не видно, чтобы он противодействовал Москве в пользу Суздаля, и нужно думать, что от удельных распрей он вообще стоял в стороне. Возможно и то, что он уже прозревал, каких благодетельных последствий для умирения и усиления Русской земли можно ожидать от возвышения Москвы и собирания уделов в ее руках. Здесь же могло сказаться и влияние преподобного Сергия Радонежского, с которым связывали Евфимия узы любви и взаимного уважения. Хотя расстояние между Суздалем и обителью Живоначальной Троицы не мало, однако святой Евфимий ходил к преподобному Сергию в его монастырь. Богатые духовным

опытом, преподобные настоятели вели назидательные беседы о вопросах иноческого жития. Но едва ли беседы не переходили и на дела общенародные и государственные. Тогда то преподобный Сергей, радевший о строении и собирании земли около Москвы, и мог указать святому Евфимию на важность и благодетельность этого собирания.

Но если преподобный Евфимий и уделял некоторое внимание событиям общенародной жизни, то все же он прежде всего и больше всего был иноком, и потому вся его душа отдана была иноческим подвигам, молитве и постам, христианскому деланию, а также упорядочению жизни его обители.

Бог судил ему править монастырем целых 52 года, так что он дожил до глубокой старости; и за все это время преподобный каждый день и каждый час жил лишь ради Бога. С юных лет возгорелась в его душе любовь ко Христу и по смерти его горела немеркнущим пламенем. Ради Христа он оставил мир с его чувственными прелестями и суетой, избрал тесный путь спасения и, взяв на рамена иго Христова, мужественно нес его до конца. Непреклонный враг своей плоти, он изнурил ее суровым воздержанием, бдением, сухоядением, безмолвием, молитвами, трудами, послушанием и памятованием о смерти. Это было воистину жестокое житие и для тела его добровольное мучение. За всю свою долгую подвижническую жизнь святой Евфимий никогда не изменил своего правила молитвенного. Тяжкий пост, которому преподобный предавался, казалось, должен был обессилить его. Но он лишь укреплял его душу, искоренял телесные страсти, отгонял наветы лукавого. Изможденную постом плоть свою подвижник предавал зною и стуже. Подобно нищему, зимой и летом он носил одну и ту же одежду, сшитую из грубых овчин. Зимой она не спасала от холода, летом преподобный терпел от нее жар. Постом, трудами и молитвой святой Евфимий снискал великую чистоту для своей души, и духовный свет озарил ее. Его мысли всегда возносились к небу; его просветленный ум, созерцавший Бога, стал как бы жилищем Святой Троицы, а его сердце воистину было причастно Духу Святому. Сосуд избранный, победоносный воин Христов, ревновавший житию ангельскому, преподобный

Евфимий возшел на высоту святости. Но еще выше было его смирение. Самой великой добродетелью он считал ту, которая совершалась втайне. Свои собственные подвиги поста он старался утаить даже от близких; и лишь против своей воли открыл он князю Борису о сослужении ему Ангела.

Жестокий к своей плоти, суровый к себе, преподобный Евфимий был милосерд к ближнему. Его обитель, расположившаяся около большого и населенного города, как бы нарочно поместилась на распутии, среди проезжих дорог, около человеческих жилищ, чтобы быть всем доступной. Врата ее были открыты для всех нуждающихся; ее преподобный настоятель был скор на помощь всем, кто ее требовал. Странник находил у него приют, нищий – подаяние, голодный – пропитание, нагой – одежду, печальный – утешение, обидимый – покров, бедный – помощь, больной – пристанище и лечение, сирота и вдовица – защиту. Ради дел милосердия преподобный Евфимий не щадил средств, какими обладала обитель. Его щедрость некоторым казалась расточительностью, и он понуждался благотворить тайно, чтобы не вызвать ропота братии и тем не ввести ее в искушение. Он выкупал должников, не имевших средств откупиться от заимодавцев, и часто прощал свои собственные долги. Во дни народных бедствий его благотворительность была еще шире, еще неистощимей. Неустанный учитель милосердия и правды, он обличал злонравие. Злые судьи боялись его, и одним своим словом он избавлял от насилия неправомерно осужденных.

Но всякий грешник, искавший спасения, находил в нем наставника к покаянию. Для своих духовных чад, иноков обители своей, он был мудрым руководителем, являясь в своей богоугодной жизни примером для них и правилом. Он учил их презирать все земное, возлюбить смирение, искать сокровище чистоты и целомудрия. Как мудрый и добрый пастырь, он вел свое стадо к немутному источнику бесстрастия, на чистую пажить воздержания. И братия с любовью и послушанием шли за своим духовным отцом.

Богоугодная подвижническая жизнь святого Евфимия была награждена от Господа даром прозорливости и чудес: своими

молитвами он исцелял больных; его запрещения трепетали бесы.

Продлив дни своего угодника, Бог послал ему тихую кончину. Дожив до маститой старости и украсившись сединой, преподобный Евфимий был по-прежнему крепок духом, но тело уже немоществовало. Поняв, что приближается кончина его, он призывает к себе всю братию обители. Видя своего духовного отца столь слабым и близким к смерти, братия преисполнились скорби и рыданий, готовые, если бы можно было, умереть вместе с Евфимием, по великой любви к нему. Некоторые из учеников, опасаясь за будущую судьбу обители, говорили старцу: «Вот, отче, ты оставляешь нас сирыми и отходишь к Господу. И когда тебя не будет с нами, оскудеет место сие». «Не скорбите обо мне, – ответил преподобный, но знайте: если я приобрету некоторое дерзновение перед Богом и делание мое угодно будет Ему, то не только не оскудеет место это, но по кончине моей распространится еще более, если только будете иметь любовь между собою».

Братия не могли удержаться от умиленных рыданий. Утешая их, святой продолжал: «Не скорбите же в день упокоения моего. Уже время мне почить о Господе. А вас я предаю Богу, и да сохранит Он вас от всякого уловления вражия».

Многое и другое говорил он в утешение и ободрение. Но час кончины его приближался. Видя это, братия подходят к нему, целуют его, и каждый со слезами просит у него последнего благословения. А он, как любящий отец, всех лобызал, ласкал, всем давал последнее благословение, но и сам у всех просил прощения. Перед самой кончиной приобщившись Святых Таин, он предал святую свою блаженную душу Господу Богу, Которого так возлюбил от ранней юности. Келлия его наполнилась благоуханием. Изможденное многолетними постами тело его было светлее, чем у живого; казалось, что преподобный не умер, но спит. В скорби и слезах осиротелая обитель готовилась к погребению своего духовного отца и пастыря. Возложив тело на одр, иноки на своих главах внесли его в храм с подобающей честью в сопровождении всей

братии и, отпев, погребли под стеною Преображенской церкви, в том гробе, который при основании храма преподобный заложил собственными руками. Скончался святой Евфимий 88 лет от роду, 1 апреля 1404 года.

Но, оставив земную жизнь, преподобный Евфимий не оставил без покровительства свою обитель. Об этом свидетельствовали совершавшиеся у его гробницы чудеса, а сто с небольшим лет спустя после его смерти обитель была утешена обретением его нетленных мощей. Это случилось при архимандрите Кирилле. Кирилл был муж рассудительный в иноческих и мирских делах и впоследствии занимал Ростовскую архиепископскую кафедру. С великою ревностью заботился он о поддержании благоустройства монастырского. И пришла ему благая мысль: перестроить старый каменный храм во имя Преображения Господня, основанный еще святым Евфимием. Посоветовался архимандрит с братией, и нашли они, что прежний храм и ветх, и тесен. Решили, с помощью Божией, воздвигнуть церковь больших размеров. Приступили к работам и, когда копали ров с правой стороны, нашли гроб, обложенный тремя камнями и покрытый сверху досками. Рабочие сообщили об этом настоятелю. Архимандрит Кирилл повелел ударить в било, и собрались братия, радуясь великой радостью. Настоятель же поспешил к епископу Нифонту и рассказал о случившемся. Епископ прославил премудрость и милость Божию и, прибыв в монастырь с собором духовенства и иноков, поклонился гробу блаженного. Воздав хвалу Богу, прославляющему преподобных Своих, открыли гроб и увидели лицо святого Евфимия. Оно было светло; тело нисколько не изменилось, а одежды были как будто вчера надеты. Облобызав мощи, снова покрыли гроб досками и, совершив отпевание, поставили в храме Преображения у стены, на том месте, где они почивают и теперь, устроив над гробом каменную раку. Это было 4 июля 1507 года. Новый каменный храм отстроен и освящен в 1511 году, при державе великого князя Василия Иоанновича. Обретение мощей преподобного Евфимия положило начало его церковному прославлению.

Господь прославил Своего угодника преподобного Евфимия даром чудес.

В конце XV столетия архимандритом Суздальской Евфимиевой обители был также Евфимий, по прозвищу Подрез. Постриженник чужой обители (Иосифо-Волоколамской), этот архимандрит отличался дурным характером и нравом: «жил не по Боге», говорил жизнеописатель преподобного, нарушил монастырский устав, как наемник не радел о подчиненной братии; монастырь представлял тогда печальное зрелище: архимандрит всех братий бил, бранил, хулил, превозносил одного себя. Христолюбцы, наблюдая все происходящее в обители, оставили ее – усердие и щедрость их ослабели. Наконец, Евфимий решился на позорное преступление: выкрал монастырские деньги, одежды и книги и ночью тайно от всех бежал. Но прп. Евфимий наказал святотатца и разорителя своей обители. Недалеко отошел вор от монастыря и скрылся, но на него напал тяжкий сон и расслабление до такой степени, что он не мог двинуться. Между тем в ту же ночь чудотворец явился нескольким братьям обители и указал, где находится их архимандрит. Братия удивились, пошли к его келлии и не нашли его, тогда бросились к открытому в сновидении месту и нашли архимандрита Евфимия с награбленным имуществом в сильной лихорадке и полном расслаблении. Страх и ужас напали на виновного, он трепетал от позора, болезни и ожидаемого наказания. Во всем повинился он братии и просил у них прощения. Его привели в монастырь, к раке святого, и недавний грозный начальник смиренно, во всеуслышание, каялся в своих грехах от рождения, прося у преподобного Евфимия прощения и исцеления. Это происходило перед литургией, когда в церковь сошлись уже братия и миряне. И как только диакон начал читать Евангелие, архимандрит Евфимий получил полное исцеление. После того он вернулся на место своего пострижения – в обитель преподобного Иосифа Волоколамского.

В 1501 году, при архимандрите Константине произошел пожар всего монастыря. Это несчастье сильно угнетало начальника обители мыслью, что святой Евфимий покарал монастырь за какое-нибудь нарушение устава, завещанного

угодником Божиим. Но один инок успокоил Константина рассказом, что видел во сне явление преподобного, поведавшего о полной неповинности архимандрита. Слышав это, повеселел сердцем архимандрит и бодро возводил постройку келлии на деньги доброхотных дателей на погорелую обитель. В этих трудах и заботах он и скончался.

Его место заступил архимандрит Кирилл, бывший иноком в той же обители прп. Евфимия. При нем последовало открытие мощей преподобного. По обретении мощей преподобного Евфимия чудеса полились еще обильнее.

К раке его приведен был боярин именем Афанасий, одержимый бесом. Больной много говорил неподобного. Архимандрит с братией молились за бесновавшегося, он исцелился и стал разумен, как и до болезни. Благодарный боярин постригся в иночество под именем Аврамия.

Был еще и другой бесноватый боярин, новгородец. С исцелением его пришлось преодолеть большое затруднение. Больной приходил в необыкновенно буйственное состояние от представлявшихся ему многих бесов, которые бросались на него с копьями всякий раз, как больного подводили к раке святого. Никакая сила не могла сдержать страдавшего: он вырывался и выбегал из храма. Порою и сам больной молился словами: «Господи, помилуй меня; и помогите мне, святые чудотворцы», – но тогда еще сильнее нападали на него бесы. И вот однажды, когда его стали подводить к раке святого, внезапно засиял свет над гробом преподобного и больному предстало явление святителя Николая Чудотворца вместе с преподобным Евфимием: у раки был чудотворный образ святителя Николая. Этот свет, озаривший раку святого, рассеял нападавших бесов, и больному слышался голос: «Человече, оставляются тебе грехи», – и повелевалось этим голосом войти в церковь за литургией и принять исцеление. Только тогда больному удалось припасть к раке с горячей молитвой к своим заступникам – преподобному Евфимию и святителю Николаю, и больной удостоился полного исцеления. Пробыв несколько дней с благодарственной молитвой в монастыре, боярин, дав вклад свой, возвратился домой совсем здоровым.

Еще было чудо с исцелением отрока Иоанна, принесенного на одре расслабленным. Больной страдал уже три года и по молитвам преподобного возвратился домой исцеленным.

В монастыре преподобного Евфимия был келарь Киприан. Он впал в такую гордыню, что не стеснялся в злонравии своем и оскорблял всю братию, пищу в братской трапезе довел до оскудения, а всю свою келарскую службу обратил на своих гостей, тогда как, по завету преподобного Евфимия, гости пользовались трапезой наравне и заодно с братией, и трапеза полагалась непременно общей всем за исключением особых случайностей, требовавших обособления по нужде. Поднялось возмущение в братии. Не стал того больше терпеть преподобный и явился келарю в грозном видении, с жезлом в одной руке и зажженной свечей в другой. Келарь, объят страхом, обещал исправиться. Но наутро, когда пришел в себя от страха, решил, что все это было пустым мечтанием ума и продолжал свой злой обычай. Тогда преподобный покарал Киприана болезнью, от которой расслабли все члены его тела. И, придя в покаяние, взмолился келарь, чтобы несли его к раке преподобного. Там горячо молился он, пока не был исцелен святым.

Старец Патрикий рассказал следующее чудо над ним, когда он был еще мирянином, пребывая в обители святого и служа на потребу братии. Случилось ему простудиться и получить лихорадку. И стал не в состоянии Петр (мирское имя Патрикия) служить братии монастыря. Он был монастырским рыболовом и, как старший, распоряжался всей дружиной рыболовов – в приписанном к обители св. Евфимия Гороховецком монастыре святого Василия Кесарийского на Клязьме. Рыбная ловля была важнейшей доходной статьей в монастыре, и Петр со своей дружиной был очень нужный человек. Преподобный явился ему в видении, осенил его крестом и сказал: «Не сетуй, чадо Петре, не скорби, но будь здоров и держи ряд службы своей». Проснувшись, Петр чувствовал себя здоровым и больше не занемогал».

Был еще человек, радевший монастырю преподобного Евфимия и живший в одном селе, под Суздалем. Звали его

Симеоном. Имел он несчастье помешаться в уме: бесы являлись ему и повергали в неописанный ужас. Друзья больного привели его в обитель к чудотворной раке преподобного. Пели молебны. Точно благодать вселилась в сердце больного. И стал он по-прежнему здоров.

Боярин Димитрий Перепечин имел сильную веру к преподобному. Вдруг как-то нашло на боярина, и он сошел с ума. И до того обезумел, что не узнавал никого из своих семейных, не мог распознаваться в доме своем, когда ему нужно куда-либо идти. К тому же и бесы страшили его в привидении. Приятели боярина отправили его с отроками в обитель преподобного Евфимия. Больного сдали монастырским старцам, которые и приставили к нему Сильвестра, дивного старца по своим добрым делам и много лет проживавшего в обители. Старец наблюдал, чтобы больного ежедневно приводили к чудотворной раке преподобного. Бились немало с исступленным; он приходил в такое неистовство, что рвал даже путы, которыми связывали его, вырывался и убегал из церкви. В одну из церковных служб больной вдруг пришел в себя, проливал реки слез, горячо молился святому и благодарил за исцеление. Житель одного селения жестоко заболел: лихорадка напала на него и трясла шесть месяцев, так что ждали его кончины. Но он имел веру в целебную силу медового кваса, приготовлявшегося в монастыре преподобного Евфимия. В большую славу вошел этот медовый квас чудотворца, так как пившие его исцелялись от различных недугов. И послал, наконец, страдавший своего брата за медовым квасом чудотворца Евфимия. Прибыв в монастырь, брат отслужил за болящего молебны, взял целительный квас и отправился с ним обратно к больному. На дороге бес попутал брата: квас он выпил сам, а к больному решил позвать кудесников, врачующих болезни. От кваса брат впал в исступление. И явился ему некто белоризец в шапке, с седой бородой, упрекал его в поступке и настаивал на покаянии в обители. Брат вернулся в обитель, покался, стал опять здоров умом и привез больному медовый квас. Больной по молитве к преподобному выпил квас медовый, и привиделось ему, как будто стоит он в обители, у раки святого

Евфимия, и светолепный белоризец в шапке положил руку на главу ему и говорит: «Не сетуй, не скорби, человече, что потрудился ты в немощи своей и от сего часа будь здоров, по вере твоей». Очнувшись, больной стал чувствовать себя совершенно здоровым.

Был в Стародубе-Ряполовском некий князь, именем Василий Кривоборский. Разжигаемый бесом, он был гневен и всей силой своего гнева обрушился на монастырь прп. Евфимия. Одно из монастырских владений было смежным с вотчиной князя Василия, и князь заповедал своим слугам чинить всякие обиды монастырскому владению. Насилиям и разным пакостям монастырским селянам, всевозможным пререканиям с монастырем не было и конца от княжеских слуг. Сам же князь, как зверь рыкающий, пришел в обитель святого Евфимия и, преисполненный ярости, с угрозами напал на архимандрита Иова с братией, никого не щадя из них. Однако, справив молебны и приложившись к раке преподобного, ушел из обители, в чрезмерной гордости своей похваляясь в большую нужду привести обитель. Архимандрит с братией прилежно молились преподобному защитить свой монастырь от княжеской ярости, и молитвам их скоро внял чудотворец. На пути из монастыря в свою вотчину, при наступлении ночи впал князь в лютую болезнь: необыкновенный жар вступил в тело князя, все члены его расслабли, так что заболевший лежал пластом, и ужас обуял его душу. Едва успели слуги помочь князю Василию добраться ночью до некоторого селения, принадлежащего епископу Суздальскому, под названием Павловское, верстах в семи от города и обители. Князя устроили там на одре в одном из домов селения совсем уже в исступлении, вне себя. И явился ему в видении старец и страшно грозился обидчику монастыря – лютой смертью, если он не вернется к раке святого с покаянием и смирением. Придя в себя, стал князь в стенании и рыдании метаться и приказал слугам нести его в обитель в ту же ночь. В обитель принесли его совсем без памяти. Благоговейный архимандрит Иов, священноиноки и старцы молитвой своей за больного добились, наконец, того, что князь пришел в себя, вернулись его силы телесные. Приложившись к

чудотворной раке святого, он стал совсем здоров и покаялся перед всеми в своем окаянстве, восхваляя чудесную силу преподобного. Получив прощение от архимандрита и братии, князь Василий обещал помогать обители и, сделав вклад в монастырь, примиренный, отправился восвояси.

Чудеса преподобного Евфимия послужили основанием для местного почитания его. Обретение нетленных мощей в 1507 году было началом его церковного прославления. Во второй четверти XVI века инок Спасо-Евфимиева монастыря Григорий составил житие и службу преподобному. На Московском Соборе 1549 года это прославление угодника Божия было закреплено высшей церковной властью. В настоящее время празднование преподобному Евфимию Суздальскому общецерковное.

Неложным оказалось слово святого Евфимия, что не оскудеет обитель его. Вот уже более пяти с половиной веков существует она. Прославленная еще при жизни своего основателя, по смерти его обитель стала глубоко чтимой святыней всего Суздальского края. Князья суздальские, их потомки, как и частные лица щедро одаряли ее вотчинами, вкладами и деньгами; московские государи покровительствовали ей. Обитель процветала и к концу XVI века была одним из богатейших русских монастырей. Выпадали на ее долю и невзгоды. В 1445 году у стен ее произошла битва русских с татарами, окончившаяся тяжким поражением русской рати и пленом великого князя Василия Васильевича Темного. Победители два дня пировали в монастыре и при уходе разграбили его. Еще больший разгром потерпела обитель в Смутное время, в начале XVII века. При царе Василии Иоанновиче Шуйском и втором самозванце Суздалем овладели польско-литовские отряды пана Лисовского, и Евфимиев монастырь был превращен паном Лисовским в укрепленный лагерь. Поляки и литовцы за время пребывания в Суздале не только опустошили монастырь, но разграбили и монастырские вотчины. С концом Смуты монастырь опять достигает благосостояния.

Основанная в то время, когда Русь вела тяжкую борьбу с татарами за свое существование, и содействовавшая тогда

молитвами своего святого основателя победе родины над ее врагами, обитель преподобного Евфимия оказала Русской земле духовную поддержку и в другую опасную для Русского государства пору. Это бы на исходе тех Смутных лет, в течение которых обитель пострадала от отряда Лисовского. Когда в 1612 году Нижегородское земское ополчение двигалось к Москве спасать столицу и родину от поляков и самозванцев, главный вождь этого ополчения, князь Димитрий Михайлович Пожарский, благоговевший к памяти святого Евфимия, возымел намерение помолиться у гроба преподобного. Во время переходов от Ярославля к Ростову Димитрий Михайлович, поручив временно войско князю Хованскому и Косме Минину, направился в Суздаль просить благословения и помощи у Бога и Его святого угодника на начатое им великое дело спасения отечества. Укрепленный молитвой и заступлением преподобного Евфимия, князь Пожарский вернулся к ополчению и продолжал поход, спасший Россию. Воистину святой Евфимий – «второй Сергей», как говорится в службе ему.

Князь Димитрий Пожарский скончался в 1642 году и был погребен в Спасо-Евфимиевом монастыре, в родовой усыпальнице князей Пожарских и Хованских, находящейся около алтаря того Преображенского собора, в котором почивают мощи святого Евфимия.

Аврамий, мученик Болгарский

Святой Авраамий по происхождению своему не был русским, а «иногo языка», вероятнее всего, болгаринoм волжским. Он занимался «гостьбой», то есть торговлей по разным землям. Кто обратил Аврамия к христианской вере, когда и где он принял святое крещение, это остается неизвестным. Естественно, что разъезды по христианским землям в качестве торговца и встречи с христианами купцами познакомили его с евангельской верой, и это склонило Аврамия к православной истине, привело к сознанию ложности всех остальных вер. В 1229 году приплыл он по Волге с товаром в столицу Болгарии, на главный рынок всего царства – Болгар Великий, называемый в наших летописях Великим городом. Увидали болгары большое богатство Аврамия, узнали, что он не русский и, значит, не получит защиты ни от других русских торговцев, которых не мало жило в столице Болгарии, ни от суздальских князей, которые не давали в обиду своих подданных, и взяли его под стражу. Может быть, они считали Аврамия изменником веры отцов и законов их жизни; опасались, что за ним последуют другие их сородичи в обращении к Христовой вере, которую он неленостно проповедовал, и решили вернуть Аврамия в ислам или погубить. Много дней принуждали его отречься от Христа, но безуспешно. Потом начали увещевать ласками. Святой Авраамий не поддался и ласкам: он небоязненно исповедовал Христа истинным Богом и проклял Магомета и веру болгарскую. Болгары запрещали ему это, стращали муками, но исповедник Христов не восхотел им покориться: оставив все, от всего отказавшись, он предпочел умереть за Христа. Нечестивыми болгарами он был сначала повешен вниз головою, потом 1 апреля 1229 года усечен или обезглавлен на месте, которое и доныне известно по преданию – оно в полутора верстах от селения Успенского, бывшего Болгара Великого, в небольшой рощице: здесь вырыт колодезь с холодной, как лед, водою. Русские христиане, бывшие в то время по торговым делам в Болгаре, взяли тело святого мученика и погребли его на

христианском кладбище Великого города. Наказание от Бога не замедлило на безбожных мучителей святого Авраамия: загорелся город их великий, и погибла половина его; после того и оставшаяся половина загоралась несколько раз, так что в конце концов осталось очень мало городских жилищ, сгорело и многое множество без числа товара. Все это сделалось над безбожными за пролитие невинной крови Христова мученика Авраамия.

Между тем, при гробе святого мученика начались знамения, которые послужили поводом к его почитанию.

Прошел неполный год: 9 марта 1230 года принесены были мощи святого Авраамия в славный город Владимир на Клязьме. В сретение к мощам за версту от города шли святой и благоверный великий князь Георгий Всеволодович, епископ Митрофан с клиросом и духовенством, княгиня с детьми и весь народ. Святые мощи мученика положены были в женском Княгинином монастыре, в церкви Успения Пресвятой Богородицы, где почивают они и доныне.

При перенесении мощей святого Авраамия во Владимир и положении их во гробе совершилось много чудесных исцелений.

Во время нашествия татар на Владимир святые мощи мученика Христова Авраамия не раз приходилось скрывать от врагов: сестры монастыря скрывали их, вероятно, в усыпальнице под Благовещенским приделом Успенского храма. Когда опасность проходила, мощи вновь ставились наружу: но почему-то их поместили не в главном храме, а в названном приделе, в каменной гробнице. Мощи были закрыты, на верхней доске гробницы имелось изображение святого мученика. В 1711 году их перенесли в главный Успенский храм и поставили на вскрытии у северной стороны правого столба. Торжество перенесения происходило в Неделю о расслабленном; вместе с тем святые мощи переложены были из ветхой гробницы в новую деревянную. В конце XVIII столетия начат был сбор на серебряную раку угоднику Божию Аврамию, и в 1806 году его честные мощи вновь переложены в серебряную раку, а над нею поставлен деревянный резной вызолоченный балдахин.

При мощах хранятся в особом шкафе железные вериги, принадлежавшие, по преданию, святому мученику Аврамию. Их возлагали в прежнее время на болящих исступлением ума.

Местное празднование памяти святого Аврамия началось, вероятно, среди христиан, живших в Болгаре, благодаря знаменам при гробе мученика. Во Владимире или в одном Успенском монастыре местное празднование совершилось со времени перенесения его мощей. Затем митрополит Макарий, перед Собором 1547 года, установил общецерковное празднование памяти святого Аврамия. В Казани днями его памяти считаются день мученической кончины святого Аврамия и перенесения мощей – 1/14 апреля и 9/22 марта, во Владимире – день одного переложения мощей святого мученика – Неделя о расслабленном.

Геронтий канонарх, в Дальних Пещерах почивающий

Преподобный Геронтий жил в XIV веке. Он был иноком Киево-Печерского монастыря и совместно с прп. Леонтием исполнял послушание канонарха. Еще в отрочестве постригшись в иноческий образ, благоугождали Господу они всегдашними молитвами и воздержанием, уподобляясь совершенным святым отцам в подвигах молитвы и послушания. Преподобный Геронтий погребен в Дальних пещерах. Память святого празднуется также 28 августа/10 сентября, в день соборной памяти преподобных отцов, в Дальних пещерах почивающих, и особо и местно 1/14 апреля.

Иоанн Шавтели, грузинский

Преподобный Иоанн Шавтели – выдающийся грузинский поэт, философ и ритор XII-XIII вв. В молодости он получил превосходное образование в Гелатской академии (Западная Грузия), где изучал творения святых отцов, античную и арабскую историю, философию и литературу. Впоследствии святой принял монашество и долгие годы подвизался в знаменитом пещерном монастыре Вардзия (на юге Грузии), в уединенной келлии. Здесь, прилагая труды к трудам, преподобный Иоанн вел жизнь сурового подвижника, постоянно предаваясь молитвенным размышлениям о Творце, мироздании, назначении человека и глубоко проникая в смысл Священного Писания.

В постоянном подвиге он достиг высокого духовного совершенства и получил замечательный дар слова, раскрывшийся в его поэтическом творчестве.

В 1210–1214 гг., в Вардзийском монастыре, преподобный Иоанн написал замечательную оду «Абдул-Мессия» («Раб Христов»), в которой воспел образ христианина, верного канонам Святой Православной Церкви. В оде преподобный именует себя самого «странником» и «рабом Христовым». Много молитвенных строф посвящено в ней святому благоверному царю Грузии Давиду III Возобновителю († 1125; память 26 января/8 февраля) и святой благоверной царице Грузинской Тамаре Великой († 1212; память 1/14 мая и в Неделю жен мироносиц).

Шота Руставели, литературным предшественником которого был преподобный Иоанн Шавтели, восклицал: «Про Абдул Мессию пели строфы звучные Шавтели, – он в искусстве преуспел!» Богословская значительность «Абдул-Мессии» особенно очевидна в тех строфах, где поэт возносит молитвы во имя Пресвятой Троицы, благодарит Творца-Вседержителя и Благого Промыслителя, даровавшего людям спасение во Христе. Говоря об установленном Богом мироздании, преподобный Иоанн пишет, сообразуясь с трудами святого

Дионисия Ареопагита († 96; память 3/16 октября) о Небесной и церковной иерархии.

В другом своем произведении – «Песнопения Вардзийской Богоматери» – преподобный Иоанн Шавтели воспел историческую Басианскую битву (1204 г.), в которой грузинское всенародное ополчение, выступив из Вардзийского монастыря, разбило четырехсоттысячную армию мусульман во главе с султаном Рукн-эд-дином. Благодаря этой победе Грузия сохранила свою независимость и осталась оплотом Православия на Среднем Востоке, и это, несомненно, содействовало укреплению единой Византии.

Преподобный Иоанн Шавтели преставился в глубокой старости. Память его издревле чтится Грузинской Церковью.

Апрель 2

Савва, архиепископ Сурожский

Святитель Савва, архиепископ Сурожский (ныне город Судак) жил в Крыму (ранее XII века). Известие о нем сохранилось в записи на полях греческой Минеи XII века. В пяти верстах от бывшего города Сурожа существует гора, называемая Ай-Савва (святой Савва), где сохранились остатки храма и пещера, в которой, по-видимому, скончался и был погребен святитель. В 1872 г. найдена была икона святителя Саввы Сурожского.

Апрель 3

Нектарий Бежецкий, преподобный

Преподобный Нектарий Бежецкий был пострижеником Троице-Сергиевой обители. В середине XV века он поселился в дремучем лесу Бежецкого верха, где построил себе келлию. Подвиги и духовная мудрость преподобного привлекли к нему многих, желавших жить под его руководством. В скором времени иноки построили церковь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы и обнесли ее оградой. Новая обитель была одной из беднейших, которые, по выражению летописца, строились «слезами, постом и бдением». По общему согласию всей братии игуменом монастыря был избран ее основатель преподобный Нектарий. В рукописных святцах сказано: «Прп. Нектарий, начальник Введенского монастыря Пресвятой Богородицы, преставился в лето 7000 (1492) апреля в 3 день». Мощи его почивают под спудом в храме бывшей его обители в г. Бежецке Тверской епархии. В 1764 году обитель была закрыта и обращена в приходскую церковь.

Апрель 4

Зосима Ворбозомский, преподобный

Преподобный Зосима – основатель Благовещенского монастыря на острове Ворбозомского озера, в 23 верстах к югу от Белозерска. Когда преподобный прибыл на место своих подвигов, точно неизвестно. Всего вероятнее, это произошло еще в XV веке, потому что под 1501 годом упоминается ворбозомский игумен Иона, конечно, один из преемников Зосимы по игуменству. Откуда пришел преподобный на остров Ворбозомского озера, также не имеется сведений. Его пустынь была одною из тех, которые составляли монашеское «Заволжье» и располагались вокруг Кирилло-Белозерского монастыря. Время кончины ворбозомского подвижника указывается по-разному (половина или конец XVI века). Но едва ли не вернее перенести ее в конец XV столетия. Честные мощи преподобного Зосимы почивают под спудом в приделе его имени при Благовещенском храме упраздненного монастыря его. Местное празднование преподобному Зосиме началось после половины XVI века до учреждения Святейшего Синода (в 1721 году). Кроме 4/17 апреля, память угодника Божия празднуется еще 7/20 ноября.

Апрель 6

Афоний, Митрополит Новгородский

Жизнь этого святителя, предместника на Новгородской кафедре знаменитого Никона (впоследствии патриарха) мало известна. Афоний был игуменом Борисоглебского Переяславского (ныне упраздненного) монастыря Владимирской епархии; 8 марта 1635 г. хиротонисан в сан митрополита Новгородского и Великолуцкого, 7 января 1649 г. по старости и слабости зрения отказался от управления епархией и отошел в Хутынский монастырь, где и скончался 6 апреля 1652 года. Тело его погребено в Софийском Новгородском соборе в Мартириевой паперти. Этот благочестивый святитель местно чтится за святого и изображение его находится на стене собора.

Даниил Переяславский, преподобный

Родители преподобного Даниила, в миру Димитрия, были жителями Мценска, нынешнего уездного города Орловской губернии: звали их Константин и Фекла. Но рождение будущего подвижника произошло в городе Переяславле Залесском, теперешней Владимирской губернии, в правление великого князя Василия Темного около 1460 года. Константин и Фекла приехали в Переяславль вместе с боярином Григорием Протасьевым, который был вызван великим князем на службу из Мценска в Москву. Кроме Димитрия, в семействе у них были сыновья Герасим и Флор и дочь Ксения.

Димитрий от природы был тихим, кротким и самоуглубленным ребенком, а потому мало играл со сверстниками и держался в стороне от них. Когда его отдали учиться грамоте, он показал редкое прилежание. Его больше всего занимали чтение духовных книг и хождение в храм Божий. Усердно посещая церковь, Димитрий всей душой отдавался красоте богослужебных песнопений; с отроческих лет неотразимо влек его к себе образ христианского совершенства. Он вычитал в духовно-нравственных книгах, что люди совершенной жизни – отшельники – мало заботятся о своем теле и потому не моются в бане. Чуткому ребенку этого было довольно, чтобы оставить исконный русский обычай, и никто не мог уговорить его заняться омовением своего тела в бане. Один вельможа в присутствии Димитрия читал житие Симеона Столпника, где говорится, что святой отрезал от колодезного ведра волосяную веревку и окрутился ею, а поверх надел власяную ризу, чтобы томить свою грешную плоть. Житийный рассказ глубоко потряс душу отзывчивого отрока, и будущий подвижник решил, по мере сил своих, подражать страданиям и терпению святого Симеона. Увидав возле берега реки Трубежа на привязи большую лодку с товаром тверских купцов, Димитрий отрезал от нее волосяную веревку и незаметно для других обвил себя ею. Веревка мало-помалу начала въедаться в тело его и производить боль; Димитрий стал хиреть, мало ел и

пил, плохо спал, лицо его стало унылым и бледным, с трудом он доходил до учителя и через силу занимался грамотой. Но по мере того, как ослабевало тело подвижника, окрылялся его дух – он все сильнее прилеплялся своей мыслью к Богу и еще пламеннее предавался тайной молитве. Однажды его сестра, девица Ксения, проходя мимо спящего Дмитрия, почувствовала зловоние и слегка прикоснулась к брату. Послышался болезненный стон... Ксения с глубокой скорбью посмотрела на Дмитрия, увидела его страдания и быстро побежала к матери, чтобы сообщить ей о недуге брата. Мать немедленно подоспела к сыну, открыла его одежду и увидела, что веревка впилась в тело; тело начало гнить и издавать смрад, а в ранах заметно копошились черви. При виде страданий сына, Фекла горько зарыдала и немедленно призвала мужа, чтобы и он был свидетелем происшествия. Изумленные родители стали спрашивать Дмитрия: зачем он подвергает себя столь тяжким страданиям? Отрок, желая скрыть свой подвиг, ответил: «От неразумия своего я сделал это, простите меня!»

Отец и мать со слезами на глазах и укорами на устах стали отдирать веревку от тела сына, но Дмитрий смиренно молил их не делать этого и говорил: «Оставьте меня, дорогие родители, дайте мне пострадать за грехи мои». «Но какие же у тебя, столь юного, грехи?» – спросили отец с матерью и продолжали свое дело. В несколько дней, со всякими скорбями и болезнями, при обильном излиянии крови, веревка была отделена от тела и Дмитрий начал понемногу оправляться от ран.

Когда мальчик выучился грамоте, его отдали – для пополнения образования и усвоения добрых обычаев – к родственнику Константина и Феклы Ионе, игумену Никитского монастыря близ Переяславля. Этот Иона так же, как и родители Дмитрия, переселился из Мценска вместе с вышеназванным боярином Григорием Протасьевым. Он был известен за человека очень добродетельного и богобоязненного, так что сам великий князь Иоанн III почаству призывал игумена к себе и беседовал с ним о пользе душевной. Пример Ионы, понятно, действовал очень сильно на впечатлительную душу Дмитрия и

все больше и больше побуждал его вступить на путь монашеской жизни. Он с жадностью прислушивался к рассказам о тогдашних подвижниках благочестия и сильнее всего поражался равноангельским житием и великими трудами преподобного Пафнутия, игумена Боровского монастыря. Слава Пафнутия неотразимо влекла к себе отрока: он всегда думал о том, как бы совсем удалиться из мира, поступить под начало к Боровскому игумену, идти по его стопам и от него принять пострижение в иноческий образ. Но стремлениям Димитрия не суждено было исполниться при жизни Пафнутия.

По смерти Боровского игумена 1 мая 1477 г. в свои думы Димитрий посвятил и брата Герасима: они оставили дом, родных, и тайно удалились из Переяславля Залесского в Боровск, в обитель славного подвижника. Здесь оба брата были пострижены в монашество: Димитрий получил имя Даниила и был отдан под начало старцу Левкию, известному своей богоугодной жизнью. Под руководством Левкия Даниил пробыл десять лет и научился строгостям монашеской жизни: соблюдению иноческих правил, смиренномудрию и полному послушанию, так что не начинал без соизволения старца никакого дела. Но старец пожелал уединенной и безмолвной жизни: вышел из Пафнутьева монастыря и основал пустынь, получившую имя Левкиевой. По удалении своего старца Даниил пробыл в Пафнутьевом монастыре два года: он отдавался иноческим подвигам со всем пылом молодой души: проводил время в посте и молитве, раньше всех являлся к церковному пению, покорялся воле настоятеля, угождал всей братии, хранил душевную и телесную чистоту. Все в монастыре любили Даниила и удивлялись, как он, моложе других возрастом, мог столь быстро подняться добродетелями и чистотою жизни над своими сподвижниками. Преклонение перед подвигами Даниила было так велико, что его желали даже видеть преемником преподобного Пафнутия на игуменстве в Боровской обители.

Может быть, спасаясь от соблазнов властительства или подражая примеру своего начальника Левкия и других славных иноков, Даниил оставляет Пафнутьеву обитель и обходит многие монастыри, чтобы изучить их добрые обычаи и

наслаждаться беседами известных старцев-подвижников. Наконец, он пребывает в родной Переяславль, когда его отец уже умер, а мать постриглась в монашество с именем Феодосии. Он поселяется в Никитском Переяславском монастыре, несет пономарское послушание, затем переходит в Горицкий монастырь Пречистой Богородицы, где был игуменом его родственник Антоний, и прилежно несет послушание просфорника. Сюда пришли к нему братья Герасим и Флор; первый умер в Горицком монастыре в сане диакона в 1507 г., а второй перешел в обитель, которую позднее основал Даниил, и здесь окончил дни свои. Игумен Антоний убедил Даниила принять сан иеромонаха. Поставленный во священноинока, подвижник всего себя посвятил новому служению: нередко он проводил без сна целые ночи, а в течение одного года ежедневно совершал Божественные литургии. Строгой, богоугодной жизнью и неусыпными трудами Даниил обратил на себя общее внимание: не только монахи, но и мирские люди, от бояр до простолюдинов, приходили к нему и исповедывали свои грехи. Как искусный врач, преподобный проливает на душевные язвы целительный бальзам покаяния, повязует их Божественными заповедями и направляет грешников на путь здоровой, богоугодной жизни.

Когда случайно странники заходили в монастырь, Даниил неизменно по заповеди Господней принимал и покоил их; иногда же выпрашивал: нет ли кого, брошенного на пути, замерзшего или убитого грабителями? Узнавши, что такие беспризорные люди есть, преподобный тайно ночью выходил из обители, подбирал их и на своих плечах приносил в скудельницу, которая была недалеко от обители и называлась Божий дом. Здесь на божедомье он отпевал безвестных гостей и поминал их в молитвах при служении литургий. Но не на всех одинаково действовал пример подвижника: некто Григорий Изъединов, собственник того места, где было божедомье, приставил к нему своего слугу, чтобы со всякого, погребаемого в скудельнице, брать плату: и без нее нельзя было похоронить никого.

Как-то пришел в Горицкий монастырь странник: никто не знал, откуда он явился и как его зовут; пришлец ничего не говорил, кроме одного слова: «дядюшка». Преподобный Даниил очень привязался к неизвестному и часто давал ему приют в своей келлии, когда путник бывал в монастыре. Однажды, в перевозимье, подвижник шел в церковь к заутрени и так как ночь была темна, на полпути споткнулся обо что-то и упал. Думая, что у него под ногами дерево, преподобный хотел отодвинуть его и, к ужасу своему, заметил, что это мертвый странник, тот самый, который произносил одно слово: «дядюшка», тело было еще тепло, но душа оставила его. Даниил одел умершего, отпел надгробные песни, отнес на божедомье и положил вместе с другими покойниками. Начав совершать по страннику сорокоуст, подвижник сильно скорбел о том, что не знает его имени, и укорял себя, почему не похоронил усопшего в монастыре, около святой церкви. И часто, даже во время молитвы, вспоминался Даниилу безвестный странник: все хотелось перенести тело из скудельницы в монастырь, но сделать этого было нельзя, так как оно было завалено телами других покойников. После молитвы подвижник часто выходил из келлии на заднее крыльцо, откуда был виден на горе ряд скудельниц с человеческими телами, возникших от того, что в течение многих лет здесь погребали странников. И не один раз видел преподобный, как от скудельниц исходит свет, словно от множества пылающих свечей. Даниил дивился этому явлению и говорил себе: «Сколько среди погребенных здесь угодников Божиих? Их недостойн весь мир и мы, грешные; их не только презирают, но и унижают; по отшествии из мира, их не погребают у святых церквей, не совершают по ним поминок, но Бог не оставляет их, а еще больше прославляет. Что бы такое устроить для них?»

И Бог внушил преподобному мысль устроить церковь на том месте, где виднелся свет, и поставить при ней священника, чтобы он служил Божественные литургии и поминал души усопших, которые покоятся в скудельницах, и прежде других неведомого странника. Часто размышлял об этом преподобный, и не один год, но никому не объявлял о своих намерениях, говоря: «Если это угодно Богу, Он сотворит по воле Своей».

Как-то пришел к подвижнику священноинок Никифор, бывший игумен Никольского монастыря, на Болоте, в Переяславле Залесском, и сказал, что он много раз слышал звон на месте, где были скудельницы. Иногда же Никифору виделось, что он перенесен на гору со скудельницами, и вся она полна котлов и других сосудов, какие бывают в монастырских общежитиях. «Я, – прибавил Никифор, – не обращал внимания на это видение, почитал его как бы за сон или мечту; но оно неотступно было в моем уме, беспрерывно неся и звон со скудельничной горы, и вот я решил поведать это твоему преподобию».

Даниил ответил гостю: «Что ты видел духовными очами, Бог может привести и в исполнение на месте том, не сомневайся в этом».

Однажды шли на Москву из Заволжских обителей по делам три монаха и остановились у преподобного Даниила, как человека, более других набожного и известного гостеприимством. Подвижник принял путников, как вестников небесных, угостил их, чем Бог послал, и вступил с ними в беседу. Странники оказались людьми опытными в делах духовных, и Даниил подумал про себя: «Я никому не сообщал о свете, который видел в скудельницах, и о намерении устроить при них церковь, но эти три мужа, видимо, посланы мне от Бога; столь рассудительным людям следует открыть свою мысль и, как они разрешат мои недоумения, пусть так и будет». И подвижник по порядку стал говорить гостям о безвестном страннике, о его смерти, о своем раскаянии, что не у церкви похоронил его, о свете над скудельницами и о желании устроить при них храм для поминовения погребенных на божедомьи и прежде всех незабвенного странника. Со слезами на глазах Даниил закончил свою речь к старцам: «Господа мои! Вижу, что по Божественному изволению вы пришли сюда просветить мою худость и разрешить мои недоумения. Совета доброго прошу у вас: душа моя горит желанием выстроить церковь при скудельницах, но не знаю, от Бога ли эта мысль. Подайте мне руку помощи и помолитесь о моем недостойнстве, чтобы этот помысл оставил меня, если он не угоден Богу, или перешел в

дело, если Богу угоден. Сам я не верю желанию своему и боюсь, как бы оно не принесло соблазна вместо пользы. Посоветуйте мне, как следует поступить: что вы укажете, то я и выполню с помощью Божией». Три старца как бы одними устами ответили Даниилу: «Про столь великое дело Божие мы не смеем говорить от себя, а передадим лишь, что слышали от духовных отцов, которые искусны в благоумном обсуждении помыслов, волнующих души иноков. Если какой помысл и от Бога, не следует доверяться своему уму и скоро приступить к его исполнению, оберегая себя от искушений лукавого. Хотя ты и не новичок в подвигах, давно привержен к монашеским трудам и почтен саном священства, однако и тебе следует просить помощи от Бога и Ему вверить дело свое. Повелевают отцы: если мысль влечет нас на какое-нибудь начинание, хотя бы оно казалось и очень полезным, не следует раньше трех лет приводить его в исполнение: чтобы действовало не наше хотение и чтобы мы не вверялись своей воле и пониманию. Так и ты, отче Данииле, подожди три года. Если помысл не от Бога, незаметно переменится твое настроение, и мысль, тебя волнующая, мало-помалу исчезнет. А если хотение твое внушено Господом и согласно с Его волей, в течение трех лет твоя мысль будет расти и разгораться сильнее огня и никогда не пропадет и не забудется; днем и ночью она станет волновать твой дух – и ты узнаешь, что помысл от Господа, и Всесильный произведет его в дело по воле Своей. Тогда можно будет мало-помалу воздвигать святую церковь и начинание твое не посрамится».

Подвижник сложил мудрые слова старцев в сердце своем, подивился, почему они указали обождать именно три года, и расстался с дорогими гостями, которые отправились в дальнейший путь.

Три года ждал Даниил и никому не сказывал ни о видении над скудельницами, ни о намерении воздвигнуть церковь, ни о совете трех пустынножителей. Прежняя мысль не покидала его духа, но горела, как пламя, которое раздувает ветер и, как острое жало, не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Подвижник всегда смотрел на место, где надумал построить

храм, слезной молитвой призывал к себе помощь Божию, и вспоминал старцев, которые подали ему добрый совет. И Господь внял молению верного раба Своего.

У великого князя Василия Иоанновича были в приближении и пользовались почетом бояре-братья Иоанн и Василий Андреевичи Челяднины. Но величие земное часто разлетается как дым, и Челяднины попали в немилость. Являться ко двору великого князя им было невозможно и они отправились на житье с матерью, женами и детьми в свою вотчину – село Первятино в нынешнем Ростовском уезде Ярославской губернии, в 34 верстах от Переяславля Залесского. Опальные бояре всячески старались вернуть к себе благоволение великого князя, но их усилия были напрасны. Тогда Челяднины вспомнили о преподобном Данииле и решили просить его молитв, чтобы утолить гнев державного владыки. Они послали в Горицкий монастырь слугу с грамоткой, в которой просили подвижника отслужить молебен в скорбях Заступнице – Божией Матери и великому чудотворцу Николаю, освятить воду и совершить литургию за царское здравие. Кроме того, бояре просили Даниила, чтобы он, тайно от всех, даже и от архимандрита монастыря, посетил их в Первятине и принес им просфору со святой водой. Подвижник отслужил все, о чем его просили, и по своему обычаю пешком отправился к Челядним. Когда Даниил подходил к Первятину, звонили к обедне; бояре Иоанн и Василий с матерью шли и церковь к Божественной литургии. Увидев вдали путника-монаха, бояре тотчас решили, что это Даниил, быстро пошли к нему навстречу, приняли от него благословение и обрадовались ему, как доброму вестнику иного мира. Челяднины с гостем отправились в церковь. Когда началась литургия, приехал посол из Москвы от великого князя Василия: опала с бояр снималась, и им велели скорее ехать на службу в Москву. Счастье, выпавшее на их долю, Челяднины объяснили себе силою Данииловых молитв, упали к ногам подвижника и говорили: «Как мы отплатим тебе, отец, за то, что твоими молитвами Господь любвеобильно смягчил царское сердце и показал милость на нас, рабах Своих?»

После обедни бояре предложили Даниилу откусать с собой и окружили его всяческим почетом. Но подвижник считал всякую славу и честь на земле суетными и потому говорил боярам: «Я самый худой и грешный из всех людей, и за что вы меня чтите? Больше всего почитайте Бога, соблюдайте Его заповеди и делайте угодное перед очами Его; души свои очищайте покаянием, никому не делайте зла, имейте со всеми любовь, творите милостыню и служите великому князю верой и правдой. Так обретете счастье во временной сей жизни, а в будущем веке бесконечный покой».

После этого преподобный сказал Челядниным: «Есть вблизи Горицкого монастыря божедомье, где издавна почивают тела христиан, скончавшихся напрасной смертью, никогда не бывает над ними поминовений служб, не вынимают об их упокоении частиц, не приносят за них ладану и свеч. Следует вам позаботиться, чтобы при скудельницах была воздвигнута Божия церковь для поминовения нечаянно усопших христиан».

Боярин Василий ответил: «Отче Данииле! Поистине твоему преподобию следует позаботиться об этом чудном деле. Если твоими молитвами благоизволит Бог, чтобы мы узрели царские очи, я умолю святейшего митрополита, и он даст тебе грамоту на освобождение той церкви от всяких даней и пошлин».

Даниил сказал на это: «Великое дело – благословение и грамота святейшего митрополита. Но если та церковь не будет защищена царским именем, после нас наступит оскудение; а будет ей попечение и грамота царя и великого князя, верю, дело это не оскудеет во веки».

Челяднины ответили подвижнику: «Достойно и праведно не знать оскудения месту, которое взято в попечение самим царем. Раз ты этого хочешь, постарайся быть в Москве, а мы, если Господь приведет нам быть в прежних чинах (Василий состоял дворецким, а Иван – конюшим), представим тебя самодержавцу и он исполнит твоё хотение».

После этой беседы преподобный Даниил возвратился в монастырь, а Челяднины отправились к Москве и получили свои прежние звания. С благословения Горицкого архимандрита Исаии не замедлил пойти к Москве и Даниил. Челяднины

представили его великому князю Василию и рассказали о намерении подвижника соорудить церковь на божедомьи. Великий князь похвалил ревность Даниила, решил, что следует быть при скудельницах церкви и приказал дать подвижнику грамоту. По этой царской грамоте никто не должен был вступаться в место при скудельницах, и служители церкви, которая будет построена, не должны зависеть ни от кого, кроме Даниила. Великий князь дал милостыню на построение храма и послал Даниила за благословением к митрополиту Московскому Симону. Вместе с преподобным пошли к митрополиту по царскому повелению и Челяднины, рассказали святителю о деле и передали ему царскую волю, чтобы соорудить церковь в Переяславле, над скудельницами. Митрополит побеседовал с преподобным, благословил его ставить церковь и велел написать для него храмозданную грамоту.

Бояре Челяднины пригласили Даниила к себе в дом, и он вел с ними беседу о пользе душевной. Их мать Варвара внимательно прислушивалась к речам подвижника и просила его указать ей вернейший путь избавления от грехов. Преподобный говорил ей: «Если заботишься о душе, омывай грехи слезами и милостынею, истребляй их истинным покаянием и тогда получишь не только оставление прегрешений, но и вечную блаженную жизнь, станешь причастницей Небесного Царства; и не одну свою душу спасешь, но и многим послужишь на пользу и роду своему поможешь молитвами».

Варвара спросила со слезами на глазах: «Что же ты укажешь мне делать?» Даниил ответил: «Христос сказал во Святом Евангелии: если кто не отречется от всего имения, не может быть Моим учеником; кто не возьмет креста своего и не пойдет за Мною, не достоин Меня (Мф. 10, 38); если кто оставит отца и мать, или жену, или детей, или села и имения имени Моего ради, получит во сто крат и наследует живот вечный (Мф. 19, 29). Так и ты, госпожа, слушай слов Господних, возьми иго Его на себя, понеси крест Его: не тяжело ради Его оставить дом и детей, и все прелести мира. Если желаешь жить беспечальной жизнью, оденись в монашеские одежды, умертви

постом всякое мудрование плоти, поживи духом для Бога и будешь царствовать с Ним во веки».

Убежденная речь подвижника потрясла душу боярыни, и Варвара скоро постриглась в иноческий образ с именем Варсонофии. В своей дальнейшей жизни новонареченная монахиня старалась свято блюсти заветы преподобного Даниила: она непрестанно молилась, была воздержанна в пище и питье, прилежно посещала храм Божий, имела ко всем нелицемерную любовь и творила дела милосердия. Ее одежды хоть и не были дурны, но часто бывали покрыты пылью, и она не переменяла их целыми годами: только на Пасху надевала новые, а старые отдавала нищим. По уходе преподобного в Переяславль Варсонофия скорбела о том, что лишилась вождя, наставника в жизни духовной. А когда он по делам навещался в Москву, Варсонофия неизменно призывала его к себе и насыщала душу свою мудрыми словами старца. С ней вместе слушали беседы Даниила ее дочери и снохи и говорили потом старице: «Никогда и нигде мы не чувствовали такого благоухания, как в твоей келлии во время посещений Даниила».

По прибытии в Переяславль преподобный из Горицкой обители каждодневно ходил к скудельницам утром, в полдень и после вечерни, чтобы выбрать поудобнее место для построения храма. Божедомье находилось не вдали от селений, было удобно для распашки, но никто никогда не пахал и не сеял на нем. Место одичало, поросло можжевельником и ягодичьем: Промысл Божий, видимо, хранил его от мирских рук для водворения иноков и для прославления имени Божия, о чем так старался преподобный Даниил.

Раз, когда отшельник удалился на божедомье, он увидел женщину, которая бродила по можжевельнику и горько плакала. Желая подать скорбящей слово утешения, подвижник подошел к ней. Женщина спросила, как его имя. «Грешный Даниил, – ответил он со своим обычным смирением».

«Вижу, – сказала ему незнакомка, – что ты раб Божий; не посетуй, если я открою тебе одно изумительное явление. Мой дом на посаде этого города (то есть Переяславля) не вдалеке от скудельниц. По ночам мы занимаемся рукоделием, чтобы

зарабатывать на пропитание и одежду. Не один раз, выглядывая из окна на это место, я видела на нем ночью необычайное сияние и как бы ряд горящих свеч. Глубокое раздумье напало на меня, и я не могу отделаться от мысли, что этим видением умершие родные наводят на меня страх и требуют поминовения по себе. У меня в скудельницах похоронены отец и мать, дети и родственники, и я не знаю, что мне делать. Я охотно стала бы совершать поминки по ним, но на божедомье нет церкви и негде заказать канун по усопшим. В тебе, отче, я вижу посланника Божия: Господа ради, устрой поминовение моих родных на этом месте по твоему разумению».

Женщина вынула из-за пазухи платок, в котором было завернуто сто серебряных монет, и отдала деньги старцу, чтобы он поставил крест или икону в скудельнице или устроил что либо другое по своему желанию. Подвижник понял, что Божиим Промыслом начинается дело, о котором он так долго и так много думал, и воздал хвалу Господу.

В другой раз старец встретил на божедомье грустного и озабоченного человека, который сказал, что он рыболов. «По виду твоему, – обратился он к Даниилу, – я вижу, что ты истинный раб Божий, и хочу объяснить тебе, почему я скитаюсь в этих местах. Вставая до рассвета, мы имеем обычай отправляться на рыбную ловлю: и не один раз я видел с озера, как на божедомье блистал непонятный свет. Думаю, что это мои родители и родственники, погребенные в скудельницах, требуют помину по душам своим. А мне никогда не приходилось до сих пор поминать их частью по бедности, частью же потому, что на божедомье не построено церкви. Прошу тебя, отче, поминай родителей моих и молись за них на этом месте, чтобы душа моя успокоилась, и не тревожило меня больше это видение». Окончив речь, рыболов вручил Даниилу сто серебряных монет, который подвижник принял, как дар Божий, на святое дело построения церкви.

В третий раз старец, ходя по божедомью, встретил около можжевельника поселянина, который приблизился к Даниилу и сказал: «Благослови меня, отче, назови свое имя и открой,

зачем ты здесь ходишь?» Старец объявил свое имя и заметил, что ходит здесь, прогоняя уныние. Поселянин продолжал: «По твоему виду и словам я догадываюсь, что ты человек набожный и, если прикажешь, я расскажу тебе об одном деле».

«Говори, раб Божий, – ответил Даниил, – чтобы и нам получить пользу от твоих слов».

«Отче, – сказал поселянин, – нам всегда приходится ездить в Переяславль на торг с разными плодами и скотом около этого места, и мы спешим попасть в город пораньше, задолго до рассвета. Не один раз я видел на божедомье необычайный свет, слышал шум точно от какого-то пения, и ужас напал на меня при проезде этими местами. Вспоминая, что многие из наших родных покоятся в скудельницах, я думал: наверно, это они требуют поминовения. Но не знаю, что делать: на этом пустынном месте нет ни церкви, ни живых людей. Отче, помолись обо мне, чтобы Господь избавил меня от страшного видения, и поминай родителей наших на этом месте, как Бог умудрит тебя».

С этими словами поселянин также передал старцу сто серебряных монет. Даниил со слезами на глазах воздал хвалу Господу Богу, что Он через трех людей послал ему триста сребреников, и приступил к построению церкви над скудельницами.

Прежде всего надо было решить, во имя кого строить храм. Многие по этому поводу давали свои советы, но более других пришлась по душе Даниилу мысль Горицкого священника Трифона (позднее постриженного в монахи с именем Тихона); он сказал подвижнику: «Следует на божедомье поставить церковь во имя Всех святых, от века Богу угодивших, так как ты хочешь творить память о душах весьма многих людей, которые упокоены в скудельницах; если среди усопших окажутся угодники Божии, то и они причтутся к сонму всех святых и будут заступниками и покровителями храма Божия».

Подвижник, не любивший доверяться одному своему разумению, охотно последовал благому совету Трифона и прибавил от себя: «Да и тот безвестный странник, который мне говорил: «дядюшка», если он воистину угодник Божий, со всеми

святыми будет призываться в молитвах. А он ведь главный виновник того, что я стал размышлять о построении церкви: с тех пор, как я положил его в скудельнице, необыкновенно разгорелось во мне желание создать храм на божедомье». Преподобный решил построить всего одну церковь над скудельницами и призвать к ней белого священника с пономарем.

Отправившись на реку Трубеж (где стояло много плотов), чтобы приобрести бревна для церкви, Даниил встретился с престарелым купцом Феодором, который был переселен из Новгорода в Переяславль при великом князе Иоанне III в 1488 году. Приняв благословение от подвижника, купец спросил: «Для какой надобности, отче, ты покупаешь эти бревна?» – «Имею в виду, если угодно будет Господу, воздвигнуть на Божедомном месте церковь». – «Там будет монастырь?» – «Нет, будет одна церковка и при ней белый священник с пономарем». – «Следует на том месте быть монастырю; да и меня, отче, благослови купить бревенец, чтобы поставить себе на божедомье келлийку, там постричься в монашество и провести остаток дней своих».

Феодор, действительно, был потом пострижен с именем Феодосия и с усердием нес все тяготы иноческой жизни. И многие другие горожане и поселяне, купцы, ремесленники и земледельцы понастроили себе, по примеру Феодора, келлий и, с благословения Даниила, приняли пострижение. Так, помощью Божией, над скудельницами возник целый монастырь в лето от Рождества Христова 1508-е. Когда церковь во имя Всех святых была окончена, на освящение ее (15 июля) из города Переяславля и окрестных сел сошлось множество священников и всякого мирского люда со свечами, ладаном и милостынею, и была великая радость, что на опустелом месте устроится святая обитель. Вместе с храмом во имя Всех святых поставлена была трапеза с церковью во имя Похвалы Пресвятой Богородицы. Даниил избрал игумена, призвал двух священников, диакона, пономаря и просфорника, и началось каждодневное совершение Божественной литургии. Заботами подвижника церкви украсились святыми иконами чудного

письма; на монастырских вратах также были поставлены иконы хорошей работы; приобретены были книги и другая богослужебная утварь. У каждой скудельницы Даниил поставил высокие кресты и у подножия их часто стали совершаться панихиды всею служащею братиею обители. Когда от долгих лет изветшала клеть над скудельницами, где полагали усопших до их предания земле и где находили приют люди бездомные, – оказалось, что нет денег на построение новой. Преподобный обратился к упомянутому священнику Трифону: «У тебя есть клеть для жита, уступи ее мне». Трифон, думая, что подвижник хочет ссыпать хлеб, уступил клеть Даниилу, а старец поставил ее над скудельницей вместо старой. Немало дивился Трифон бескорыстию преподобного и его безграничной заботливости о упокоении странников и погребении умерших.

Преподобный, живя в Горицкой обители, всякий день ходил в монастырь, им устроенный: посещал игумена и братию и поучал их свято хранить монастырский чин и украшать себя добродетелями. Подавая добрый пример новосозванным инокам, Даниил строил для братии келлии своими руками и распахивал небольшое поле по соседству с монастырем. Без сел и имений пребывали эти иноки, снискивая себе пропитание рукодельем, какое кто знал, да принимая милостыню от христороубцев. Но находились жестокие люди, которые были не прочь покорыстоваться от обители и поживиться на счет ее трудов. Недалеко от устрояемого Даниилом монастыря было село Воргуша, которым владели немецкий выходец Иоанн с женой Наталией. Наталия, женщина свирепая и бесстыдная, вместе с Григорием Изъединовым, почувствовали сильную вражду к преподобному и стали укорять его: «На нашей земле, – говорили они, – поставил монастырь и распахивает поле и хочет захватить наши земли и села, которые близко подходят к монастырю».

Наталия, скача на коне, вместе со слугами, вооруженными кольями, отгоняла Даниила с трудниками от пашни и не давала им выходить из монастыря на полевые работы. Преподобный кротко сносил брань и укоры, утешал братию и молил Бога, чтобы Он смягчил сердца враждующих с монастырем, Наталию

же с Григорием увещевал не обижать братии и не злобствовать на новоустроюемую обитель. С течением времени кротость преподобного победила ярость соседей: они образумились, просили у старца прощения и никогда больше не враждовали с ним.

Не всегда был мир и в монастыре, который с беспредельной любовью и самоотвержением строил преподобный. Кое-кто из братии роптали на Даниила, говоря: «Мы ожидали, что ты соорудил обитель, собрав довольно имущества, а теперь нам приходится одеваться и питаться, как попало; не знаем, на что решиться: уйти назад в мир, или же ты промыслишь как-нибудь о нас?»

Преподобный утешал ропотников: «Бог Своим неизреченным промыслом все устроит на пользу людям; потерпите немного: Господь не оставит места этого и пропитает вас, не по моей воле устроился здесь монастырь, а по велению Божию. Что я могу сделать? Как позаботиться о вас? Господь же милосердый может все устроить и при моей жизни, и после моей смерти».

То, что было у Даниила в запасе, он немедленно раздал жалобникам и успокоил их недовольство. Но эти жалобы наполняли его душу скорбью и сомнениями: он уже хотел прекратить дальнейшее устройство обители и удалиться в Пафнутьев монастырь.

«Не по моему хотению, – грустил подвижник, – начал строиться монастырь: у меня и в мыслях этого не было; я желал одного – воздвигнуть церковь и вверить ее Промыслу Господню и царскому попечению, а самому почить от трудов и предаться безмолвному житию. По Божьей воле началось это дело, на нее я и оставлю его: как угодно Господу, так пусть и будет! Если бы я сам думал строить монастырь, то и жил бы в нем; а я живу под началом Горицкого архимандрита и не состою пастырем новособранного стада».

О мысли преподобного оставить начатое дело построения обители узнала мать его и стала увещевать сына: «Какая польза, дитя мое, что ты хочешь оставить начатое строение, опечалить братию обители, порвать свой союз с нею и огорчить

меня, близкую к смерти. Совсем не думай об этом, заботься о монастыре, сколько хватит сил, а скорби, какие будут выпадать тебе на долю, принимай с благодарностью, и Господь не оставит тебя с твоей обителью. А когда Бог возьмет меня из этой жизни, ты и мое грешное тело положишь в своем монастыре».

При этом мать дала Даниилу сто серебряных монет и полотно, которым велела покрыть себя при погребении. Мало-помалу бедность монастыря стала уменьшаться, а число братии прибавилось. Преподобный часто посещал братию монастыря и поучал их со вниманием относиться к своей душе; правило для церкви и келлии он налагал нетрудное, однако никому не давал разлениваться.

Среди иноков были тогда люди простые, больше всего из поселян; между ними находился и один брат, который сильно желал рассказать Даниилу чудесное явление, но по простоте своей робел и не решался. Подвижник понял намерение брата и спросил его: «Какое у тебя дело ко мне? Не стыдись, расскажи, брат». Простец ответил: «Не смею, отче, как бы братия не назвали меня клеветником». Преподобный сказал ему: «Не бойся, чадо, я никому не объявлю о том, что ты мне сообщишь». Тогда брат начал речь: «Накажи, отче, здешнего пономаря, так как он расточает твое достояние, и я думаю, будет большой ущерб тебе и монастырю, потому что он не бережет церковного имущества. Как-то я не спал ночью, глядел в окно из келлии на монастырь и видел большой огонь: думая, что начался пожар, я пришел в ужас. Но, осмотревшись, заметил, что отворена церковь, и в ней горит бесчисленное множество свеч: они прилеплены к стенам с одной стороны и с другой, изнутри и снаружи, и даже паперти были наполнены ими. Также и скудельница вся изнутри и снаружи, с обеих сторон, была облеплена свечами, и по всему монастырю горело множество огней. Самого пономаря я не видел, но ключи церковные обычно хранятся у него; ему поручены все свечи и, кроме него, кто может устроить это, когда нет ни людей, ни пения церковного? Ты, отче, запрети ему делать это, а на меня не сказывай». Даниил ответил брату: «Если бы ты пребывал в

лености и спал, не удостоился бы видеть такого чудного явления. И впредь, брат, делай также, всегда упражняйся в молитве, и увидишь больше этого, а я усовещу пономаря и тебя не выдам».

Даниил наставил брата душеполезными словами и отпустил в келлию, а сам воздал слезное благодарение Господу, что Он открыл простецу, ради его великого подвига, благодать света, озаряющую души праведников, которые упокоились в новосозданной обители.

О подобном же сиянии рассказывал Даниилу и монах Исаия, прежде бывший в миру священником, хромой на одну ногу. «Однажды я не спал ночью, отяготивши себя питьем (и это говорил он притворно, чтобы сокрыть свой духовный подвиг) и вышел из келлии в сени, чтобы прохладиться, отворил двери на монастырь и видел от церкви необыкновенный свет, который озарял всю обитель; церковь была отворена, внутри и вне ее горело множество свеч и большое число священников пело и совершало каждения внутри храма и около него, а также и в скудельнице (которая тогда была в монастыре); они окурили весь монастырь, так что запах фимиама наполнивший обитель, дошел и до меня грешного».

Даниил дивился столь чудному явлению и возблагодарил Господа. В первой четверти XVI века из монастыря, основанного преподобным Кириллом Белозерским, в Данилов прибыл священноинок Тихон, родом переяславец, ранее бывший священником при церкви святого Владимира, а позднее епископом города Коломны. Проживая в Даниловой обители, Тихон начал утверждать в братии правило церковное и келейное по примеру великих подвижников из Заволжских монастырей. Одни из братии последовали новым обычаям, другие же, частью по старости, частью от простоты сердечной, не могли подчинить себя им и подвизались по мере сил своих. Тихон же требовал, чтобы правило совершалось у него на глазах: кто не мог сделать десяти поклонов, тому предписывалось положить сто и более; кто был не в силах исполнить тридцати, получал приказание совершить триста. Немощные из братии приуныли, не зная как им быть, и с плачем

обратились к Даниилу, чтобы он вывел их из горького положения. Преподобный похвалил нововведение Тихона и не велел роптать на него.

«Кто эти законоположения выполнит без возражений, получит великую пользу душе своей». А Тихону сказал: «Надобно строгие правила налагать на людей сильных, по заветам Великого Пахомия, а немощным и не привыкшим к чрезмерным трудам предъявлять более слабые требования. Братия этой обители – из старых поселян и не привыкли к подвигам совершенных иноков. Проведши всю жизнь в простых обычаях и вступив в монахи с надломленными силами, они не могут вести себя как опытные подвижники: их добрые намерения, воздыхание сердечное, пост и молитва пред лицом Божиим заменят подвиги монахов, известных строгим соблюдением тяжелых иноческих уставов».

Скоро после этого Тихон ушел в Чудов монастырь в Москве.

Когда Горицкий архимандрит Исаия остарел, и ему было не под силу управлять монастырем, он оставил архимандритство и удалился на место своего пострижения – в Пафнутьев монастырь. Братия стали молить преподобного Даниила, чтобы он взял на себя начальствование в обители, так как он был всем угоден и все желали иметь его своим пастырем и наставником. Но напрасны были просьбы братии: преподобный не соглашался принять начальство над монастырем. Тогда было отправлено посольство в Москву к Челяднинным, которые пригласили к себе преподобного и упросили его принять архимандритство в Горицкой обители, близкой сердцу названных бояр. Вынужденный на то, чего в душе не желал, Даниил сказал Челяднинным: «Да будет вам известно, что хотя вы и принудили меня сделаться архимандритом, но не до конца я останусь в этой должности».

Когда Даниил в сане архимандрита явился к Горицкой братии, его приняли с необыкновенною радостью, как Ангела Божия. Войдя в церковь и совершив молебен, преподобный обратился к присутствующим: «Господа мои, отцы и братия, по благодати Божией и вашему хотению я, худейший и грешнейший

из всех людей, стал вашим наставником; если угодно вашей любви, предложу вам поучение».

Братия поклонились начальнику, изъявили готовность его слушать и повиноваться ему. Преподобный продолжал: «Если так хотите делать, будете истинными слугами Божиими и наследуете жизнь вечную. Вы знаете, господа мои, сколько лет странствия моего на земле вы берегли меня в этой обители и никогда ничем не огорчили меня, но во всем имели со мной согласие, хотя я и не был вашим начальником. Теперь же молю вас и советую вам: перемените ваш старый обычай, с которым вы сжились, так как при нем нельзя быть в обители чину и уставу».

Братия, как один человек, спросили: «Что прикажешь, отче, нам делать?» Даниил ответил: «Знаю, что вы привыкли выходить из монастыря без благословения настоятеля на рынки и в дома мирян; там вы пируете, проводите ночи, а иногда и многие дни, и не надолго приходите в монастырь. И вы, братие, без нашего благословения из монастыря никогда не выходите, ни по какой надобности, в мирских домах не ночуйте; пьянства уклоняйтесь, в церковь являйтесь к началу всякой службы. Есть у вас при каждой келлии баня, а инокам не следует бесстыдно обнажаться и мыться и творить угодное плоти; немедленно разорите бани и живите по-монашески. Я заметил среди вас: когда бывают праздники или совершаются поминки по родным или справляются именины, вы сзываете в свои келлии родственников и друзей, с женами и детьми. У вас в келлиях ночуют мужчины и женщины с грудными детьми и гостят без выхода многие дни. Молю вас, братие, чтобы подобное бесчинство было оставлено: пиров у себя в келлиях не устраивайте: женщин не только не оставляйте у себя на ночлег, но и совсем не допускайте в келлии, хотя бы они были и близкими родственниками. Келлии у вас большие, с высокими подъемами и лестницами, как у вельмож и начальников, а не как у монастырских насельников; и вы, братие, перестройте свои келлии сообразно иноческому смирению».

Братия обещались исполнить требования преподобного: хотя им и трудно было расстаться с старинным русским

обычаем, однако решили разорить бани; как не тяжело казалось удалить от себя родных и друзей и прекратить пиры, однако послушались подвижника и в этом; напрасным и невозможным представлялось им перестраивать келлии, но не могли перечить наставнику. Некоторые из братии, впрочем, тайком говорили друг другу: «Сами мы навлекли на себя все это; мы хотели, чтобы Даниил был у нас архимандритом, а не знали, что он разорит наши обычаи и положит конец своеволию. Он прекрасно знает наши нестроения и, с Божьей помощью, не попустит, чтобы продолжалось бесчиние».

Один из братии, Антоний Суровец, более других восставал на Даниила и с яростью говорил: «Разлучил ты нас с миром; теперь и я избавлюсь от падения своего», – и при всех исповедал тяжкий грех свой.

Преподобный кротко и любовно укоры и гнев Антония обратил в урок для остальной братии: «Его покаянию следует и нам подражать, так как сей брат не устыдился греха своего, но перед всеми вами исповедался».

Антоний поражен был речами преподобного, пришел в чувство и всю остальную жизнь провел в воздержании, постоянно прибегая к советам и молитвам Даниила. Подвижник стал своими руками перестраивать келлии, украшать церкви, искоренять в обители всякое бесчиние; он образумливал братию и наставлял на путь истины не силою, но кротостью и духовною любовью, всем подавая пример чистой жизни и глубокого смирения.

Один из московских вельмож пришел в обитель и увидел Даниила, который, подобно простому рабочему, копал яму для монастырской ограды. Боярин спросил Даниила, дома ли архимандрит? Даниил ответил: «Ступай в монастырь и там найдешь достойный прием и отдохновение, а архимандрит – человек непотребный и грешный».

Вельможа подивился укорам против архимандрита и пошел в обитель. Даниил же явился ранее его, встретив пришельца, по достоинству принял его и угостил, а затем отпустил со словами назидания. Немало был поражен гость трудолюбием и

смиренномудрием подвижника и пошел домой, благодаря Бога, что не бедна Русская земля людьми, великими духом.

Но начальство и власть тяготили преподобного Даниила: не прошло и года с принятия им архимандритства, как он оставил настоятельство и пожелал вести безмолвную жизнь в том же Горицком монастыре. Братия тужили об этом отречении и усилено просили подвижника снова принять под начало, но все моления иноков оказались напрасными. Вместо Даниила стал архимандритом на Горицах священноинок Иона из Богоявленского монастыря в Москве за торгом (на нынешней Никольской улице). Новый архимандрит очень чтит преподобного, охранял его от всяких беспокойств, почасту беседовал с ним и пользовался его советами. А Даниил часто посещал созданный им монастырь, всячески заботился о нем и трудился не покладая рук, чтобы между братией царили мир и согласие.

Многие из вельмож приходили к преподобному и наслаждались его беседами о пользе душевной, а также священники, монахи и люди простые. Посетители приносили в обитель богатую милостыню, а некоторые сами становились иноками и отказывали монастырю свои имущества. Как-то в Переяславль прибыл великий князь Василий и своими глазами увидал труды старца для прославления имени Божия: благочиние священноинок, благолепие церквей, добрые порядки монастыря, простоту и кротость иноков. Царственный гость остался очень доволен строем обители, проникся большим почтением к преподобному; из любви к нему, великий князь уделил монастырю щедрую милостыню, приказав ежегодно отпускать в него хлеб из царских житниц. От приношения христорожденьев обитель стала крепнуть: хотя она и не была богатою, но не терпела и прежних недостатков. Явилась даже возможность с благословения митрополита всея Руси Варлаама (между 1511 и 1521 гг.) воздвигнуть новую благолепную церковь, а старую перевести в Горицкий монастырь на место сгоревшей. Кроме того, был сооружен новый храм, по виду очень большой, с двумя кровлями: расширен монастырь и понастроены благообразные келлии. В

деле устройства преподобному много помогал его ученик Герасим, родом Переяславец, промыслом сапожник. Когда подвижник жил в Горицкой обители, Герасим был с ним в одной келлии его послушником, затем обошел много монастырей и хотел постричься в каком-нибудь из них, но ему посоветовали принять постриг от Даниила. Герасим пришел к преподобному, постригся у него, обучился грамоте и был очень полезным помощником ему во всякого рода делах и посылках, так что про него знал даже великий князь Василий. Этот Герасим († 1554; память 1/14 мая) позднее основал большой монастырь в 20-ти верстах от Дорогобужа (нынешней Смоленской губернии) в Болдине и несколько малых в теперешней Орловской губернии и той же Смоленской.

Брат великого князя Василия Димитрий Иоаннович Углицкий на пути из Углича в Москву и обратно всегда заезжал в Данилов монастырь, любил вести душеполезные беседы с преподобным и часто давал его монастырю милостыню. Благодаря старца за его труды во славу Божию, князь говаривал: «Всякое дело начинается людьми, а приводится к концу Богом. Сколько раз я проезжал по этому месту и всегда видел его пустым и заброшенным всеми, теперь в самое короткое время какой оно наполнилось красотой и благодатью!»

Князь Димитрий возымел сильную привязанность к монастырю и стал искать поводов как можно чаще встречаться с преподобным, так что Даниил много раз пешком приходил в Углич. Любовь князя к новой обители сказалась в том, что он упросил брата дать ей за упокой своей души целое село Будовское.

Великий князь во второй раз навестил преподобного в его монастыре, осматривал новые церкви, радовался увеличению братии и приказал выдать двойную милостыню и вспоможение хлебом. После того, как Даниил прожил в Горицком монастыре около 30 лет, великий князь в третий раз прибыл в Переяславль. Стоя за вечерней в Горицах, самодержец услышал, что на ектениях поминают настоятеля Иова, и сказал преподобному: «С этой поры иди на житие в свой монастырь и вели поминать

на ектениях себя; устрой в обители общежитие, а о том, что для него нужно, не печалься: я позабочусь об этом».

По этому княжескому повелению и устроилось в Данилове монастыре общее житие. В четвертый раз великий князь Василий с супругой Еленой посетил обитель преподобного Даниила в 1528 году на пути в монастырь Кирилло-Белозерский и в другие святые места для молитвы о даровании ему наследника. Прибыв в Переяславль, великий князь проявил больше прежнего любви к подвижнику, отведал братских хлеба с квасом, посадил преподобного рядом с собой и, по его ходатайству, избавил от смерти некоторых преступников. В память своего пребывания в обители великий князь приказал поставить каменную церковь во имя Святой Троицы, а каменные сараи Горицкой церкви и храма Никиты Чудотворца велел Даниилу перевезти в свой монастырь. Но Троицкая церковь с приделом Иоанна Предтечи была поставлена уже после смерти Василия, в правление его малолетнего сына Иоанна IV, при митрополите Данииле. Вместе с названной церковью была выстроена каменная же трапезная в честь Похвалы Пресвятой Богородицы с пределом во имя Всех святых, а под нею разные палаты, нужные для монастырского обихода. Один из иноков Марк сказал преподобному: «Хором понастроено много, для какой надобности все это?» Даниил отвечал: «Если Богу будет угодно, эти постройки не окажутся напрасными. Поверь мне, брат Марк, хотя я и грешен и телом буду отдален от вас, но духом никогда не разлучусь с вами и благодать Божия пребудет на месте этом».

Господь Бог, видимо, не покидал Своею помощью святую обитель. Наступил всюду большой голод, не минул он и Переяславля Залесского. На торгу не было хлеба ни печеного, ни в зерне, а у Даниила в монастыре проживало до 70 с лишком человек братии, кроме мирян. Жита становилось все меньше и меньше. Старший хлебник, по имени Филофей, инок добродетельный, упал духом и сказал: «Господин! дойди до житниц и посмотри, как мало остается муки: нам хватит ее не больше, как на неделю, а до нового урожая более 7 месяцев».

Подвижник пришел к житнице и увидел, что муки около 15 четвертей, как и сказал ему хлебник. Явилась убогая вдова, которой с детьми грозила голодная смерть, и просила себе с семьей муки на пропитание. Даниил наполнил ей мукой мешочек, помолился Богу, благословил остальную муку и торжественно сказал келарю: «Не нарушь повеления нашего, не обидь голодных людей, которые будут приходить в монастырь за помощью, не отпускай из него никого без пропитания, и Господь защитит нас по воле Своей». Приказания старца были свято исполнены: всем приходившим давали довольно, но остатка муки хватало на прокормление иноков, простых людей, нищих и голодных, которые являлись за подаванием. И жившие в монастырском селе питались тем же остатком муки, пока не поспел новый хлеб и не прекратился голод. Только за полмесяца до свежего урожая прослышали о недостатке хлеба в Данилове монастыре христоробивые вельможи Феодор Шапкин да Никита Зезевитов и прислали 80 четвертей ржи на пропитание братии.

Забываясь о пище телесной, больше всего преподобный старался питать братию хлебом духовным. Он наставлял монахов совершать молитвы в церкви и келлиях со страхом и благоговением не только днем, но и ночью. Он требовал также, чтобы после вечернего правила никто не вел праздных разговоров, но пребывал в безмолвии и в меру предавался сну. Когда один монах, состоявший при хлебной службе, после вечернего правила был вынужден вступить в тайную беседу с другим монахом, Даниил утром вразумил его: «Не следует, брат, после вечернего правила нарушать в монастыре безмолвие и вести разговоры в келлиях и во всяких службах, а надобно в тиши помышлять о душе. Ты же этой ночью беседовал в хлебопекарне. Оставь это, брат». Виновный упал к ногам преподобного и просил прощения, которое и получил.

Среди учеников подвижника был уроженец немецких стран Нил, знакомый с лекарскими науками. Он жил богато в мире, но презрел прелести его, пришел к Даниилу и принял пострижение в возрасте около 40 лет. Он с жаром отдался иноческим подвигам: мыл братиям власяницы, носил воду и ставил ее

около келлии каждого, одевался в плохие одежды, никогда не выходил из обители, даже не стаивал у ее ворот, питался хлебом и водой и то через день и помалу старался всем угодить. Воспитывая в себе умиление духа и беспрекословное послушание, даже, по благословению преподобного, возложил на себя железные вериги. Считая себя грешнее всех людей, Нил всех просил молиться за него и сам всегда благодарил Господа, говоря: «Я на себе постиг, что Христос, Бог наш, воистину человеколюбив, ибо меня, столь мерзкого и нечистого, Он не возгнушался привести от немецкой прелести в благочестивую православную веру и сопричислить к чину иноков, Ему работающих».

Этот брат всегда помнил о часе смертном и скорбел, что придется дать ответ на Страшном Суде и, может быть, терпеть вечные муки. Постоянные размышления об одной смерти без воспоминания о бесконечной любви Божией навели на душу Нила глубокое уныние, которое легко могло перейти в отчаяние. Преподобный Даниил понял опасность, в какой находился брат, и поспешил дать ему руку помощи: «Кто хочет избежать смерти, пусть верует от всей души Богу и никогда не умрет», – поучал он.

Нил обиделся на Даниила и в раздражении воскликнул: «Что это? Никогда я не слышал глумления из уст твоих, теперь же думаю, что ты, издеваясь надо мной говоришь: кто не хочет умереть, тот не умрет во веки. Все мы, люди, подчинены смерти: уж не думаешь ли ты один избежать ее? Перестань глумиться надо мной».

Преподобный не оскорбился, слыша эти укоризны, но еще сильнее убеждал Нила не отчаиваться, верить в бессмертие души. Нил слабо поддавался утешению, сердился на старца и плакал. Тогда преподобный велел одному из пришедших в монастырь увещевать страдальца, и этот сказал Нилу: «Зачем ты ропщешь на отца? Он говорит сущую правду, что живущие здесь богоугодно не увидят смерти. Душа человека праведного разлучается с телом и переселяется в вечную жизнь со святыми, которую уготовал Бог любящим Его (1Кор.2:9)».

Под влиянием этих слов Нил задумался, упал к ногам преподобного и с рыданием воскликнул: «Прости Христа ради, я сильно грешил пред тобой и спорил по неведению; теперь я вполне понял, что угодившие Богу не умирают. Не поднимусь от твоих ног пока не простишь меня совершенно».

Преподобный Даниил утешал скорбящего, а Нил до конца дней своих сохранил ясность душевную и умиление.

Один из монахов, живших в Даниловом монастыре, отпускал жито для приготовления братского кваса, кроме обычной доли в две осмины, без разрешения настоятеля прибавил третью, чтобы питье было лучше. Но квас оказался прогорклым и похожим на уксус. Даниил сделал выговор брату и приказал изготовить новый квас. Когда стали разводить сусло и влили обычное количество воды, подвижник велел принести еще воды, и так носили воду до тех пор, пока не осталось ее в колодце. Даниил приказал носить воду из горного пруда и ею наполнили всю монастырскую посуду. Братия дивились и говорили: «Что это будет, и какой-то получится квас при таком обилии воды?»

Преподобный же помолился Богу и благословил квас: и его молитвами множество воды превратилось в квас сладкий, с приятным запахом и видом. И все с удовольствием вкушали напиток, который не старел, но казался пьющим его неизменно новым. То же случалось и с пищей: самые простые кушанья через благословение Даниилово представлялись сладкими и полезными; а больные, с верою пившие братский квас, выздоравливали.

Как-то обходил преподобный с братией обитель и увидел у ограды монастырской трех, никому не ведомых калек, очень больных. Даниил сказал одному из монахов: «Возьми этих трех мужчин в свою келлию и позаботься о них; Господь послал их для нашей пользы».

Их взяли в монастырь и упокоили. И многие из горожан и поселян, зная Даниилово нищелюбие, приносили к его обители болящих, которые совсем не владели собой или были еле живы от укусов зверей. Таких недужных их родные подбрасывали в обитель тайно, не имея сил кормить их и ходить за ними.

Преподобный с радостью принимал страдальцев в монастырь, заботился о них, покоил и врачевал их, утешал душеполезными словами и снабжал пищей и одеждой. Некоторые из них, выздоровев, возвращались домой к родным, другие жили в обители, а иные и умирали в ней.

Однажды преподобный в простых санях направлялся к Москве со старым монахом Мисаилом (Шуленовым): подвижник усаживал его в санях, как господина, а сам шел пешком; так делал он и с другими братьями, когда они были его спутниками. Только сильно устав, Даниил присаживался на краешек саней, но, отдохнув, опять шел пешком. Настала снежная буря и продолжалась день и ночь: только с трудом можно было выйти из избы, а в дальнюю дорогу не смел идти никто. Порывом бури преподобного выбросило из саней, а Мисаила свалило в овраг. Престарелый монах не знал дороги, да и нельзя было видеть ни зги от необыкновенной выюги; он загоревал, не видя преподобного и не будучи в силах двинуться с места. Весь день и ночь Мисаил творил молитву, призывая на помощь Богоматерь, всех святых и преподобного Даниила, и ежеминутно ожидая смерти. Утром буря стихла, наугад Мисаил стал отыскивать путь и добрел до села Сваткова, куда другой дорогой прибыл немного ранее и преподобный с величайшим трудом. Старцы воздали благодарение Господу, что избавились от смерти, и все, видя их, дивились и славили Бога.

Некогда знакомый преподобному переяславский священник шел из Москвы в свой город, и с ним было двое сослуживцев, ростовский игумен и миряне. На путников внезапно напали разбойники из шайки Симона Воронова. Священник, знакомый преподобному, был схвачен первым, и один из грабителей крепко держал его. Чувствуя беду, служитель Божий осенил себя крестным знамением и стал совершать тайную молитву: «Господи, Иисусе Христе, Боже мой, силою Честного и Животворящего Креста Твоего и молитв ради отца моего, преподобного старца Даниила, избави мя от разбойников сих».

В тот же миг грабитель оставил священника и бросился обирать других, а освободившийся пустился бежать.

Другой разбойник из той же шайки догнал священника и уже занес обнаженную саблю, чтобы убить его, но Божией помощью и молитвами преподобного оставил свое намерение, и священник избежал явной смерти; не погибли и его спутники, а только были ограблены, между тем как других разбойники грабили и избивали.

Когда ограбленные достигли Переяславля, названный священник пришел в монастырь к Даниилу и подробно рассказал ему о нападении. Подвижник вместе со спасенным прославили Бога и решили до времени молчать о происшествии с разбойниками. Тому же священнику некогда преподобный сказал: «В настоящую пору христолюбивый самодержец совершает избрание нового духовника вместо прежнего. Ты ж хоть и не желаешь, будешь там в свое время».

И это действительно произошло на десятом году по смерти преподобного.

Неопытный ученик преподобного Мисаил Устинов, живший с ним в одной хоромине, вздумал сравняться в подвигах с Даниилом, но скоро впал в уныние и беспричинный страх. Ему стало чудиться, что келлия наполняется маленькими человечками: он чувствовал их у себя за пазухой, в рукавах, на голове под камилавкой и под обувью; всюду ползали человечки в бесчисленном множестве: он хватал их, старался сбросить с себя, но число их все увеличивалось и они своим ползанием и возней наводили на душу Мисаила невообразимый ужас. Тогда несчастный взмолился преподобному о помощи. Даниил ответил: «Подвизайся, брат, не бойся! Бог поможет тебе».

Мисаил, однако, не чувствовал облегчения: он не спал три ночи, ничего не ел и не пил и еле был жив от страха. Другой ученик преподобного Марк утешал собрата и говорил: «Не бойся козней вражиих; что тебе видится, то мы совсем не замечаем. А Мисаил ответил: «Если не видите, ощупайте руками; вот они, человечки, ползают у меня по голове и лицу, на руках и ногах, за пазухой и по всему телу: я, наверное, умру от них».

Марк ощупал несчастного руками и, понятно, ничего не заметил, а того больше и больше пронизывал ужас, и он

разражался рыданиями. Тогда Марк обратился с просьбами к преподобному, чтобы он своими молитвами помог Мисаилу в его тяжелых страданиях. Даниил немедленно отозвался на горе ближнего, пошел в церковь, совершил молебен, освятил воду и, возвратившись в келлию, оградил Мисаила крестом, окропил водою во имя Господа Вседержителя и сказал: «С тех пор ничего не бойся». Затем преподобный приказал Марку: «Веди Мисаила в келлию: когда же он уснет, не буди его к церковным службам, даже к литургии, пока не проснется сам».

Больной в тот же час погрузился в сон, спал долго, а встав, почувствовал себя бодрым, принял пищи и навсегда избавился от видений, помощью Божией и молитвами святого старца.

Та же болезнь постигла инок Феодосия Скудобрадного, певца, Горицкого постриженника, человека добродетельного и постника, который, всегда проливая слезы покаяния, так ослабил зрение, что еле видел тропу перед глазами. Живя в Даниловом монастыре при клиросном послушании, Феодосий однажды подбежал внезапно к окну Данииловой келлии, пал на землю и начал молить преподобного: «Бога ради, помоги мне, отец честный! я страдаю так же тяжело, как и Мисаил: нет на всем моем теле ни одного места, где бы не ползали человечки; я отчаялся в жизни и совсем не знаю, как избавиться мне от этой беды».

Святой старец сказал больному: «Иди, брат, в келлию свою и молитвою к Богу избавишься от скорби». Феодосий же возопил: «Не уйду от келлии твоей, пока не вознесешь ко Господу молитвы обо мне и благословением своим не спасешь меня от страшного горя».

Подвижник сотворил молитву, благословил страдальца, окропил святою водою и отпустил его с миром в келлию его. С той поры Феодосий совсем выздоровел и никогда больше, до конца дней своих, не переживал ни страха, ни видений.

В 1530 году исполнилось заветное желание великого князя Василия, которое, два года раньше, побудило его путешествовать по святым местам – у него 25 августа родился сын Иоанн. К преподобному Даниилу прибыл посол из Москвы с грамотой, которая указывала ему, как можно скорей, явиться к

Москве. Преподобный, забыв свою старость (ему было около 70 лет) и оставив труды по обители, не медля отправился в путь и скоро прибыл к самодержцу. Был призван и другой знаменитый в то время подвижник Кассиан Босой, ученик преподобного Иосифа Волоцкого. Великий князь со слезами умиления сказал старцам, что их святыми молитвами, помощью Господа и Пречистой Богоматери, послана ему на старости лет светлая радость – иметь сына и наследника царству. Вместе с тем самодержец просил подвижников быть восприемниками новорожденного от купели и ограждать его своими богоприятными молитвами.

Святые старцы, по обычному смирению, сначала отказывались быть крестными отцами царского сына, но потом уступили желанию и просьбам великого князя Василия. Царь со всеми ближними боярами отправился в славную обитель преподобного Сергия и здесь в церкви Живоначальной Троицы, у богоносных мощей чудотворца игумен монастыря Иоасаф (Скрипицын, с 1539 года митрополит всея Руси) 4 сентября совершил крещение младенца. От святой купели приняли новокрещеного праведные старцы Даниил и Кассиан; дитя приложили к раке преподобного Сергия, чтобы поручить его защите и покрову святого угодника. На Божественной литургии новокрещеного носил преподобный Даниил.

Когда окончились торжества крещения и помазания святым миром, преподобный Даниил отправился в свою обитель и обратился к прежним подвигам: он считал себя самым последним из людей, носил худые одежды, был первым на всякой монастырской работе, кротко и любовно беседовал со всеми, особенно же с убогими. Кое-кто из любопытных пришли посмотреть, как будет вести себя теперь царский кум, и нашли, что он заступом и лопатой вычищает сор из хлева, где кормились лошади у яслей и спрашивает, почему этого не сделали работники. И все дивились кротости и простоте старца, а также и его беспримерному трудолюбию.

Преподобный был позван великим князем Василием в кумовья и во второй раз, через три года, когда у него родился другой сын Георгий. И опять люди мира пришли посмотреть на

старца, которому на долю выпала такая честь, но они увидали, что подвижник своими руками строит братские келлии и отхожие места.

Раз пришлось преподобному вместе с иноками Иларионом и Матфеем путешествовать в Великий Новгород, чтобы купить иконы для новопоставленной церкви. Путешествие было, когда в Новгороде архиепископствовал владыка Макарий, то есть между 1526 и 1542 гг. В одном селе Калязинского монастыря (нынешней Тверской губернии) к монахам присоединились городские купцы: на всех их сделал нападение известный тогда разбойник Симон Воронов со своей шайкой. Похватав купцов и подпаливая их на огне, разбойники требовали у них денег, спрашивали и о Данииле, где он, рассчитывая ограбить и преподобного. Подвижник был в другой избе и творил молитву; сколько не зажигали душегубцы пучков с лучиной, лучина всегда гасла, словно подмоченная водой, и они не могли отыскать святого старца, так как его хранила небесная сила. Иларион сидел в углу в той же избе, где истязали купцов, но молитвами преподобного и он остался незамеченным грабителями. А Матфей стоял возле угла той же избы: разбойники искали его, рыскали и стреляли около него, но не могли его увидеть. Захватив коней и часть монашеского скарба, грабители бросились бежать, как будто на них сделало нападение невидимое воинство. Долго спустя грабители были пойманы и толковали между собой: «Везде перед нами молитвы Даниловы расставлены как сети: и страх постоянно загоняет нас туда, а теперь мы и совсем в них запутались». Московские судии дали знать преподобному, чтобы он прислал кого-нибудь опознать свой скарб и коней и взять их. Но подвижник отказывался, говоря: «Бог Своею благодатью укрыл нас от разбойничьих рук, не буду брать от них своего имущества; Господь отомстил им за нас, и нам больше нечего делать».

В царствование Иоанна Грозного градоправитель города Смоленска боярин Иоанн Семенович Воронцов впал в тяжкую болезнь. Находясь при смерти и не зная к кому обратиться за помощью, Воронцов вспомнил о любви к нему старца Даниила и говорил в душе: «Отче Данииле! Ты всегда приносил нам много

добра спасительными советами и поучениями, а твоими молитвами мы избавились не от одной скорби. Спаси мя и в этот раз от болезни своим заступлением: верую, что ты имеешь дерзновение перед Богом, чтобы облегчить мою боль».

Тотчас больной впал в забытие и видит, что около него сидит преподобный Даниил и врачует его. Пришедши в себя, Воронцов почувствовал себя здоровым, а его родственники и друзья были изумлены тем, что болезнь оставила его. Впоследствии боярин сам явился к преподобному, вручил ему милостыню на монастырь и объявил, что вернулся к жизни святыми молитвами подвижника.

В шестое лето правления Иоанна Грозного (в начале 1539 г.) преподобный Даниил почувствовал, что слабеет от старости и не в далеком времени должен покинуть эту жизнь. Созвав насельников своей обители, подвижник сказал им: «Возлюбленные о Христе отцы и братия! Бог собрал нас на этом месте для прославления святого имени Своего, Пречистой Богоматери и всех святых; вы обещались здесь работать Господу до конца дней, ради спасения душ своих, и меня приняли в общение с собой. Вы видите теперь, что дряхлею и прежние силы покидают меня: я не могу уже больше быть старейшиною над вами. Кого же вы хотите избрать наставником вместо меня?»

Скорбные иноки хранили молчание и, хотя некоторые желали видеть настоятелем Кирилла, но не решались заявить об этом (после Кирилл все же стал архимандритом и правил обителью с 1542 по 1572 гг.). Подвижник решил известить и великого князя о необходимости назначить себе преемника, для чего и отправился в Москву. Царь с митрополитом Иоасафом были в Троице-Сергиевой лавре, и игумен этой обители Порфирий посоветовал избрать настоятелем в Данилов монастырь постриженника преподобного Илариона, который жительствовавший на Белоозере, а в то время пребывал в Порьеве пустыни. По повелению царя и благословению митрополита Иларион и был поставлен архимандритом Даниловой обители. Тогда же Иоанн IV дал ей село Троицкое и Воргушу, а сродники Григория Изъединова приложили луг, где ныне находится

монастырская слободка. Так началось в Даниловой обители архимандритство.

В октябре 1539 года по настоянию преподобного Даниила свидетельствованы были мощи святого князя Андрея Смоленского, почивавшие при Никольской церкви города Переяславля. Преподобный Даниил часто рассказывал душеполезные повести братии и мирянам, приходившим к нему ради назидания. Вот одна из них. Некий муж в городе Переяславле имел обычай сумерками ходить по церквам и молиться с поклонами. Как-то вечером пришлось ему быть у запертой церкви пророка Илии, на берегу реки Трубежа в Рыбной слободе. Когда он молился и клал поклоны, увидел человека, который направлялся к тому же храму. Пришедший раньше тайком скрылся за углом церкви, чтобы не быть заметным. Явившийся после с умилением молился и часто клал поклоны, вдруг церковные двери отворились какой-то невидимой силой; путник прошел в церковь для дальнейшей молитвы, и тотчас все свечи сами собой зажглись. Помолвившись довольно, посетитель вышел из храма, свечи сами собой погасли, и двери затворились на замок. Таинственный богомolec подошел к реке Трубежу. Муж, ранее явившийся к церкви, подивился столь чудному делу, тайком последовал за богомольцем и видит, что он спустился на реку и перешел на другую сторону по воде, как по суше. Смотревший на таинственного путника нашел у берега плот с шестом и перебрался на другую сторону реки. У церкви святого Климента, царя Константина и апостола Филиппа он видел то же самое, что и у церкви пророка Илии, а затем богомolec пошел вверх реки по воде, как посуху. Следивший за ним не мог продолжать свои наблюдения, так как не нашел ни лады, ни плота, да и богомolec стал вдруг невидимым. Слушатели подвижника сильно подозревали, что ходивший по водам был никто иной, как сам преподобный Даниил.

Видя себя уже у дверей гроба, святой старец очень желал уйти на место своего пострижения – в Пафнутьев монастырь, но моления братии удержали его. Тогда подвижник решил уйти тайно: уже перебрался в другой свой (малый) монастырь

Христово Рождества и пробыл там ночь, чтобы отправиться в дальнейший путь, но его упросили до конца остаться в устроенной им обители. Он вернулся из Рождественского монастыря в городе Переяславле в свой большой монастырь и уже не делал попыток перейти в Пафнутьев Боровский монастырь. Больше и больше предчувствуя наступление смерти, Даниил кротко просил настоятеля своей обители руководить братией по закону Божию и преданиям святых отцов; управлять врученным ему стадом не из славы или своеволия, не в гневе или безрассудной дерзости, но в тишине, беззлобии и духовной любви; поддерживать немощных, пастырски направлять их и угождать не себе, а Богу и братии. Призвав своего ученика Кассиана, подвижник сказал: «Сын мой, возьми из грешных рук моих две эти волосяных одежды, которые я носил на теле моем: одну отдай повару Евстратию, а другую – Иринарху. Вы сами знаете все Евстратиевы добродетели... И другой повар Иринарх подвизается трудолюбно».

Старость все сильнее и сильнее повергала Даниила в изнеможение, и он уже с трудом передвигался. Однажды во время церковной службы он так ослабел, что не имел сил дойти до своей келлии, и сказал братии: «Ведите меня в келлию, ибо я изнемогаю». Архимандрит Иларион позвал инока Иону, и они повели под руки старца. Вышедши из церкви через левые двери и минуя место, где теперь гроб святого, Даниил сказал: «Вот покой мой на веки; здесь и поселюсь, как желал, – и, заливаясь слезами, промолвил братии, – молю вас, братие, здесь погребите тело мое грешное».

Снявши с главы клобук, святой старец передал его иноку Ионе со словами: «Теперь, Иона, исполни желание мое, возьми этот клобук из грешной руки моей и возложи на свою голову». Иона бережно взял подарок и, поклонившись преподобному до земли, произнес: «Благословение твое да будет со мною во веки веков».

Старец ответил: «Аминь». Архимандрит же Иларион заметил преподобному: «Этот клобук ты отдал Ионе, а другого у тебя нет; что ты возложишь на главу свою?» Подвижник ответил

на это: «Я уже не буду больше носить клобука, но поскорее ведите меня в келлию и пошлите за моим духовным отцом, пусть облечет меня в великий образ схимничества и возложит куколь на мою голову».

Пришел духовник и совершил над умирающим чин пострижения в схиму. Преподобный обратился тогда к архимандриту Илариону и братии с предсмертным наставлением: «Отцы и братия, богособранное стадо! всеми силами старайтесь хранить и в точности соблюдать Божественные заповеди и предания отцов, о которых Сам Христос сказал: «доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона... Поэтому, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Мф. 5, 18–19). Отцы и братия, всегда помните обещание свое, которое вы даете при пострижении, предстоя святому престолу, на вопрос, «хочешь ли терпеть всякую скорбь и бедствия ради Царствия Небесного? Ей, с помощью Божией, честный отче!» А так как мы дали этот обет перед святым престолом, то и должны всячески питать друг к другу любовь, о которой Христос Спаситель наш заповедал: *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20). Нам следует нести на себе немощи слабых, старых братий не раздражать, а скорее угождать им; странников и нищих не оставлять без призора, а всячески оказывать им милость, насыщать и покоить, чтобы их ради приобрести Царство Небесное: так в древности праведный Авраам заботой о нищих достиг райского жилища; бесчинства и пустых бесед избегал, как и апостол Павел, наставляя нас на истину, повелевает *удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно* (2Фес. 3, 6). Бойтесь пьянства и запоя и не держите в обители хмельного, помня слова апостола Павла: *Братия, не упивайтесь вином, от которого бывает распутство* (Еф. 5, 18). Молю вас, отцы и братия, постарайтесь всеми силами следовать этой заповеди – не пить вина. Изначала не было пьянства в этой обители, пусть и никогда не будет. Еще умоляю вас, отцы и братия, любите чистоту духа и

тела; всегда в мысли своей держите час смертный и помните, что дадите ответ Праведному Судии за всякое дело и слово».

И о многом другом беседовал умирающий подвижник с братией, и передал ей краткое письменное наставление.

Хотя преподобный слабел с каждым днем, однако, когда хоть немного собирал свои силы, старался раньше других явиться к церковной службе и со слезами молился Господу Богу. Иногда угасающие силы вдруг оставляли его и он не мог стоять, садился на своем месте по правую сторону церковного клироса и воссылал непрестанную молитву. Ежеминутно чувствуя, как он недалек от смерти, подвижник говорил братии и мирянам, которые навещали его: «Отцы и братия! Вы видите, что меня одолевают разные болезни и конец жития моего близок. Прошу вас, Господа ради, помните любовь, которую имели ко мне грешному и не забывают меня, ленивого, в своих молитвах ко Христу Богу нашему, да помилует Он мою душу грешную, да оградит святую обитель сию и живущих в ней, да сохранит их от наветов вражиих и направит на дела, угодные воле Его».

Но смерть все крепче и крепче налагала свою печать на уста подвижника: он уже не говорил, не слышал голоса братии и только слегка шевелил губами, творя тайную молитву. Так прошло довольно времени. Вдруг преподобный воскликнул радостным голосом настолько ясно, что все окружающие услышали его: «Где трое этих чудных старцев?» Бывшие вблизи братия спросили: «О каких монахах ты спрашиваешь, отец?»

«Перед основанием этой святой обители пустынники посетили меня в Горицах и теперь они пришли ко мне. Разве вы их не видите в этой келлии?»

Братия ответили: «Мы никого не видим, кроме твоих учеников, здесь стоящих».

Святой старец замолк, причастился Животворящих Таин Тела и Крови Господних и с миром предал трудолюбную душу свою в руки Божии. Это случилось 7 апреля 1540 года, в 11-м часу дня, в среду второй седмицы по Пасхе. Жития преподобного было более 80 лет.

Слух о кончине великого подвижника быстро разнесся по окрестностям: и сошлись на погребение его архимандриты, игумены, множество бояр, монахов, белых священников и простого люда из города и сел со свечами и ладаном. Торжественно погребли преподобного Даниила при церкви Святой Троицы, у самой стены, возле святого жертвенника, в монастыре, им устроенном.

В 1652 году, при царе Алексии Михайловиче и патриархе Никоне, последовало открытие мощей преподобного Даниила при таких обстоятельствах.

Боярский сын города Переяславля Залесского Иван Андреевич Дауров, которого родители лишили наследства, ушел из отцовского дома и поселился на житье в Троицком Даниловом монастыре, чтобы приготовить себя к монашескому служению. По повелению настоятеля Иоанн вместе с другими монастырскими рабочими трудился на удаленной от монастыря пустоши Пыжеве. День был жаркий: солнце палило так сильно, что нельзя было продолжать работы, и монастырские трудники старались укрыться в тени деревьев. Прилег под деревом Иоанн и уснул. Во сне предстал перед ним благообразный муж в монашеской одежде, и говорит: «Иоанн, Иоанн, встань! Новый исповедник и равноапостольный Филипп, митрополит Московский и всея Руси, не захотел пребывать на Соловецком острове, но пришел на свой престол, в царствующий град Москву. Время и мне явиться: не могу более оставаться в земле, но пусть прославится имя мое, как и блаженного Филиппа».

Иоанн очень испугался и еле мог спросить: «Господин, скажи мне, кто ты и как твое имя?» Явившийся старец ответил: «Я Даниил, игумен Переяславский; встань, иди в обитель Пресвятой Троицы, где мой гроб, и возвести, что ты видишь, настоятелю и братии».

Сказав это, старец стал невидим. Иоанн, поднявшись от сна, не стал задерживаться с рабочими, но немедленно отправился в Троицкий Данилов монастырь, явился к настоятелю архимандриту Тихону и поведал ему о видении. Тихон призвал эконома Никиту и стал совещаться с ним, как

устроить свидетельство мощей. Отдается приказание разыскать чудеса преподобного и с записью их отправиться к царю и патриарху, чтобы они повелели произвести осмотр святых останков подвижника. Благочестивый царь и святейший патриарх, узнав о многих чудесах Даниила, дают эконому Никите грамоту, которой дозволяют осмотреть мощи угодника Божия. Прибыв в монастырь, эконом прочитывает грамоту перед всей братией, устанавливается на короткое время пост, и затем монастырский собор приходит к Даниилову гробу, над которым был каменный склеп. Пропев «Достойно есть», приступают к осмотру: настоятель, взяв лопату, делает знамение креста у головной части гроба и начинает копать; прорыв три ряда (в высоту лопаты), архимандрит передает лопату эконому, который усердно продолжает дело. Отверстие в могиле, словно сделанное руками человека, привело к середине гроба, над которым земля как бы стояла, в высоту с пол-аршина; на верхней крышке гроба, прямо против скважины в земле, оказалось также отверстие, в которое могла пролезть человеческая рука (через это отверстие немного земли попало и в самый гроб). Эконом со свечою в руках начал осматривать через отверстие мощи святого, а за ним и другие: нашли нетленное сокровище и исполнились радости. Начали расчищать место около гроба, чтобы мог сойти к нему и настоятель, который вместе с монахом Иовом клиросным и пекарем из мирян Гавриилом стояли вверху. Вдруг обрушилась земля и засыпала эконома Никиту по шею: архимандрит Тихон стал колом откапывать землю, чтобы освободить эконома, а Иов и Гавриил черпали ее сосудами, и спустя немного времени, отрыли эконома. Теперь оказалось возможным совсем открыть гроб: и нашли мощи преподобного как бы помазанного миром; одежда святого истлела мало; на голове его венец схимный был совсем новым, как будто только что возложен; лицо его было обращено направо к церкви Пресвятой Троицы, которую он создал; правую рукою он держал мантию при бедре или коленях; лицо святого благоукрашалось сединами. Землю, ссыпавшуюся в гроб, доставали руками и переносили в сосуд, который до сих пор стоит в монастыре: многие из него берут

персть земную и получают исцеления от недугов и болезней. Настоятель, отпев панихиду, велел устроить деревянную палатку над гробом святого старца, и братия разошлись по келлиям, славя Господа, Который даровал обители столь великую благодать. Это обретение мощей совершилось 18 ноября; в навечерие пелась у гроба преподобного панихида, а утром – литургия. После этого настоятель с экономом изготовили донесение царю и патриарху об обретении мощей; грамоту повез в Москву эконом Никита. Патриарх спросил посланного: «Кого настоятель с братией хотят для освидетельствования мощей – архиерея, архимандрита или игумена?»

Эконом ответил, что было бы желательно архиерея, и указал на митрополита Ростовского и Ярославского Иону, который имеет сильную любовь к Троицкой обители и ее основателю Даниилу. Патриарх, по совету с царем, дает эконому грамоту, которой Иона уполномочивается совершить свидетельствование мощей. Никита привез грамоту в Ростов 20 ноября и вручил митрополиту. Последний прибыл в Переяславскую обитель Живоначальной Троицы 27 ноября. Было совершено соборное всенощное бдение, а на другой день – Божественная литургия. По окончании ее пошли ко гробу преподобного; отворивши палатку, вошли внутрь. Митрополит Иона сказал присутствующим: «Видите этого нового исповедника, не соблазняйтесь, будьте вместе со мною свидетелями перед царем; не один я вижу этот чудный светильник, это восходящее солнце, но и все вы».

Свидетелями же были, кроме множества священников и народа, игумены и архимандриты Переяславских монастырей. В тот же день прибежали в обитель двое исступленных, которые шумели и кричали: «Горе, горе! Беда, беда!» Иона дал им земли из гроба преподобного Даниила, и они выздоровели. Вошедши в Троицкую церковь, митрополит обратился к предстоящим со словами: «Вот мы исполнили царское повеление; теперь прошу вас, постарайтесь возвестить мне о чудесах преподобного, чтобы я мог отправить к царю донесение вместе с записанными чудотворениями».

Окружающие рассказывали о различных чудесах святого; митрополит записал их и за своею печатью отправил доклад с чудесами в Москву с экономом Никитой. Царь, ознакомившись с делом, приказал построить над гробом святого каменную церковь и расписать ее, а память святого праздновать дважды в году – в день кончины и обретения мощей.

Господь прославил Своего угодника многочисленными чудесами.

В царствование Грозного был наместником в Переяславле князь Андрей Александрович Алабышев, по прозванию Оленкин. Он имел великую любовь к святому Даниилу при его жизни, а по смерти нес гроб его на своих плечах и помогал своими трудами во время погребения подвижника. Впоследствии давал милостыню монастырю Даниилову и кормил нищих в память почившего старца. Однажды пропала у князя Андрея золотая пуговица с редким жемчугом, застегивавшая его рубашку (быть может фамильная драгоценность); он подозревал своих слуг, хотел расспрашивать их и, если потребуется, наказать. И вспомнил князь о преподобном Данииле и обратился с молитвой к нему: «Преподобный отче! хотя ты телом и ушел от нас, но духом пребываешь с нами. Помоги нам и рассеяй мои подозрения, чтобы мне избавиться от греха и не наказать домочадцев, если они невинны».

И вот смотрел раз Андрей из окна своего дома на уток, которые купались в дождевом потоке и гонялись друг за дружкой. Одна из них держала в носу пропавшую пуговицу, и, будто показав ее князю, бросила на землю. Пуговицу подняли и прославили Господа за избавление от греха. Князь Андрей немедленно пошел в Данилов монастырь, попросил отслужить панихиду над мощами преподобного, сделал покров к его гробу и соорудил каменное надгробье.

В походе с царем Иоанном IV под Казань 1552 года был пресвитер, знакомый преподобному Даниилу и всегда призывавший его в своих молитвах. Однажды ночью этот пресвитер погрузился в сон и видит себя как бы в обители Данииловой: преподобный – на каком-то высоком месте, около

него стоят необычайные мужи, а он, пресвитер сидит у ног святого старца и имеет на себе монашеское одеяние; предстоящие спросили Даниила: «Что прикажешь об этом человеке, одетом по-монашески, который имеет жену и детей?» Даниил ответил: «Бог хочет теперь пощадить его».

Пресвитер проснулся и так живо почувствовал на себе монашеские одежды, что даже стал искать их. Он преисполнился радости, что небесный покровитель защищает его и что ему не суждено умереть под Казанью. Открыв окно, пресвитер среди глубокой ночи видит явственно необычайный свет над городом, а в свете огненные столпы, которые, подобно горящим факелам, поднимали свое пламя к небесам. Он разбудил близкого к царю раненого вельможу, чтобы и тот взглянул на чудесное видение; вместе с раненым смотрели на свет другие и сказали: «Это должно быть знамением для христиан».

Кроме того, многие (и в числе их царь Иоанн IV) слышали в осажденной Казани звон наподобие звона большого колокола в Московском Симоновом монастыре. Царь и вельможи видели в этих явлениях залог победы над неверными и вознесли свои теплые молитвы к Пречистой Богородице и всем святым; призывался в молитвах и крестный царя преподобный Даниил. Казань, как известно, была взята войсками московского царя.

Боярин Лаврентий Дмитриевич Салтыков рассказал: жена моя Евдокия впала в тяжкую болезнь, что не могла двинуть ни одним членом. Страдала она около 3 лет без всякого облегчения; стали готовить ее к смерти: исповедали, приобщили. Поднялся большой плач. Вдруг больная впала в какое-то оцепенение и видит: к ней подошел благообразный старец в монашеском одеянии со словами: «Ты страдаешь, женщина, почему же ты не просишь игумена Даниила Переяславского, чтобы его молитвами получить исцеление?» «Кто же ты, что подаешь мне этот спасительный совет?» «Я игумен Даниил, пришел дать тебе здравие; мощи же мои лежат в Троицкой обители Переяславля Залесского, мною созданной». Сказав это, старец стал невидим.

Евдокия пришла в себя и почувствовала некоторое облегчение. Она начала со слезами молить Всесильного Бога даровать ей полное исцеление, призывала к себе на помощь прп. Даниила и велела совершить молебен у его гроба с освящением воды. Испив святой воды, страдальца почувствовала себя совершенно здоровой, как будто никогда и не болела.

Боярский сын Иоанн Аисин рассказал: «Я очень страдал внутреннюю болезнью и прибегал к разным врачевствам, ища облегчения. Промучившись около 7 лет, вспомнил я о безмездном враче, преподобном Данииле, от которого много верующих получают облегчения. Я со слезами стал молиться ему, пришел в обитель Пресвятой Троицы, к гробу святого и просил архимандрита Иосифа совершить молебен. Во время службы я, по слабости, сел близ раки преподобного и с умилением взирал на его образ; когда окончилось водоосвящение, я облобызал гроб преподобного Даниила, выпил святой воды и тотчас выздоровел по молитвам угодника Божия, дал довольную милостыню братии и возвратился в дом свой».

Жена Стефана Слоева Матрона впала в лютую болезнь глазами и почти совсем не видела света. Она потратила много имущества на лекарей и не получила облегчения. Стефан привозил свою жену в обитель преподобного Даниила. Прослушав молебен у гроба угодника Божия, муж ведет Матрону на колодезь святого, где она умывает свое лицо и глаза. По милости Бога и молитвам Его подвижника, спала с глаз Матроны болезнь, как чешуя. Больной возвратилось зрение, и она пошла домой, славя Господа, Подателя всех благ.

Слуга Даниилова монастыря, именем Авраам, поведал, что его сын Илия, 17-ти лет, перестал владеть руками, ногами, языком и лежал на одре как мертвый; это тянулось около 50 дней. Отец позвал к болящему сыну священника из Данииловой обители, чтобы совершить молебен, и принес воды из колодезя, который подвижник выкопал своими руками. По окончании молебна преподобному Даниилу насильно раскрыли уста Илии и влили ложечкой немного монастырской воды: внезапно

больной почувствовал себя бодрым, стал на ноги, овладел руками и начал говорить. Священник, возвратившись в Даниилову обитель, возвестил о чуде настоятелю и братии.

Повар Троицкого Даниилова монастыря Иоанн, по прозванию Богдан, лишился языка и долгое время лежал, как мертвец. Подозвав к себе знаками домашних, больной просил их послать за отцом духовным, чтобы не умереть без покаяния. Случайно вблизи оказался иеромонах Даниилова монастыря Матфей; он исповедал больного и причастил Тайн Христовых, и жена Богдана, Стефанида, с великой верой пошла к колодезю преподобного Даниила, зачерпнула воды и дала выпить мужу. По молитвам угодника, больной тотчас выздоровел.

Государев помытчик (помощник сокольничего) Антон Казаринов объявил: «За грехи свои я потерял разум и лежал на одре, как бездыханный истукан. После 40 дней страданий со слезами я стал молить угодника Божия Даниила об исцелении, обещал пойти к гробу преподобного и отслужить молебен, а также велел принести воды из Даниилова колодца. Испив этой воды, я уже не чувствовал болезни, встал со одра и пошел в обитель преподобного: совершил молебен у его гроба, всем рассказал о чуде и возвратился домой, славя Бога и Его святого угодника.

Посадский человек города Переяславля Залесского Автоном, по ремеслу гладильщик, потерял слух: в голове у него начались шум и ломота. Больной сильно страдал целый год. Он имел веру к преподобному Даниилу и часто молился ему от избавления от беды. В четверг седьмой седмицы по Пасхе, когда, по преданию Даниилову, погребали в Троицкой обители странников, прибыл в монастырь и Автоном. Он припал со слезами ко гробу Божия угодника и просил его об исцелении. Вдруг, как бы забывшись, он слышит сильный гром, содрогается от страха, приходит в себя и уже не чувствует прежних болей. Когда со крестами отправились к скудельнице, пошел и выздоровевший Автоном; по окончании обряда погребения он открыл настоятелю и братии о совершившемся чуде.

Иона Самаровский, монах Троицкой Данииловой обители, очень болел ногами и не мог выходить из келлии около

полтора лет. Болезнь не ослабевала, но с каждым днем становилась острее и острее. Старец часто молился преподобному Даниилу и призывал его к себе на помощь. Однажды ночью он слышит большой звон, который навел на него страх и в то же время несколько облегчил боли. Выбравшись из келлии, Иона видит над ракой угодника множества горящих свечей; больной пополз к гробу, свет начал ослабевать и, наконец, светильники погасли совсем. Помолившись у гроба долгое время, Иона направился в свою келлию и по пути спросил монастырского сторожа: «Разве утренняя окончилась?» Сторож ответил: «Отец, еще не пели петухи и нигде в обители не было звону к заутрени». После разговора со сторожем исчезла болезнь старца, и он объявил о чуде над ним архимандриту с братией.

Священник села Усолья (в 18 верстах к западу от Переяславля) Стефан возвестил: «Дочь моя Матрона имела глазную болезнь, тянувшуюся долгое время, и не могла ясно различать предметы. Прослышав о чудесах у гроба преподобного Даниила, просила свезти ее туда. Прибыв в обитель Даниилову, отслушав молебен и приложившись к раке святого, больная получила исцеление».

Горицкой обители подмонастырской слободки иконописец Димитрий долгое время страдал от лихорадки. Помолившись преподобному, он пошел к его обители, совершил молебен у гроба Даниилова, испил воды из чудотворцева колодца и тотчас выздоровел. В благодарность за дарованное чудо Димитрий написал образ прп. Даниила и поставил его при колодце во славу имени святого.

Женщина по имени Стефанида впала в расслабление: она не владела ни руками ни ногами, тряслась и еле могла лежать на одре. В великой скорби своей взмолилась больная преподобному Даниилу, который явился ей во сне и сказал: «Что вопиешь, жена и сокрушаешь душу свою? Иди на колодезь, который я выкопал своими руками, желая вам подавать помощь, напейся из него воды и будешь здорова».

Встав, женщина пошла к колодезю, напилась воды из него и стала здоровой.

Плотник города Переяславля Залесского Флор с женой Феодорой рассказали: «По грехам нашим, у нашего сына Симеона случилась падучая; больного бросало оземь, изо рта показывалась пена, и он совсем терял сознание. Болезнь затянулась. Мы стали призывать на помощь преподобного Даниила и отправились к его гробу совершить молебен: придя от молебна домой, нашли сына, по молитвам преподобного, здоровым».

Священник того же города, церкви апостола Филиппа, Гавриил сообщил: «Когда я был диаконом в обители Пресвятой Троицы, со мной случилась болезнь; я не мог согнуться, слег в постель и прохворал долгое время. Мысль о смерти заставила меня призвать духовника и открыть грехи свои. Когда духовный отец вышел от меня, вижу я, что двери храма, где служил, отворились: ко мне пришел светолепный старец (я узнал, что это был преподобный Даниил) и сказал: «Встань, диакон, до коих пор тебе болеть? Иди во святую церковь и слушай вечерню». Я встал при этих словах, а святой удалился. Отслушав вечерню, я совершил обычное правило, а утром отслужил литургию и совсем выздоровел».

Конюх Петр возвестил, что его сын Афанасий стал бесноваться, бил об стену руками, безумно поворачивал глаза туда и сюда и гнал от себя людей близких и соседей, навещавших его. Отец и мать через силу притащили его ко гробу преподобного Даниила и начали служить молебен: бесноватый притих, а когда на него полили воды из чудотворцева колодца, стал вполне здоровым.

Петр, житель села Усолья, впал в тяжкую болезнь, потерял память и никого не узнавал. К нему явился в видении преподобный и сказал: «Страдая таким недугом, почему ты не молишься игумену Даниилу, который может исцелить тебя?» Больной вскрикнул: «Отче! Помоги мне и избавь от этой лютой болезни».

После этого Петр стал всех узнавать. Мать его быстро повезла сына ко гробу преподобного и отслужила молебен. Возвратившись домой, больной попытался обойти около села, так как не знал, оставила ли его болезнь совсем. Оказалось, что

к Петру вернулась память, и он почувствовал себя окончательно выздоровевшим.

Моисей, старец Горицкого монастыря, объявил, что он еще в миру заболел ногами и пролежал более 8 недель в постели без всякого облегчения. Тогда он взмолился о помощи к преподобному Даниилу. В день Святого Духа сошлось в Троицкую обитель много богомольцев из окрестных сел и деревень; притащился вместе с другими и Моисей. Отстояв молебен у гроба святого и облив себя водой из чудотворцева колодца, он оказался совсем здоровым.

Житель подмонастырской слободы Горицкого монастыря Иоанн Савин рассказал, что его сын, тоже Иоанн, имел внутреннюю болезнь, от которой страшно исхудал, еле передвигал ноги и мог только малое время посидеть у ворот. Когда он проболел год без всякого облегчения, привели его родители в обитель Даниилову, отслужили молебен у гроба святого и напоили водой из чудотворного колодца: больной вздрогнул и стал здоровым.

Феодор Молчанов, житель Рыбной слободы в Переяславле Залесском, имел жену Параскеву, которая заболела горячкой: потеряла сознание, говорила неистовые речи, билась подолгу оземь и наводила на всех ужас. Прострадав полтора года, несчастная нисколько не оправилась. Однажды явился ей в видении преподобный Даниил и сказал: «Женщина! так страдая, ты не вспомнила, как согрешила перед Господом Богом; покайся, постись 7 дней и молись Всемогущему Богу, да будет милостив к тебе».

Параскева оцепенела от страха, потом пришла в себя и рассказала про явление отцу с матерью. Родители дали ей совет: «Хорошо, дочь; делай так, как велел тебе святой; призывай и его на помощь себе, и мы пойдем и отслужим за тебя молебен у его гроба».

После недели поста Параскева уже сама пришла к молебну и навсегда избавилась от болезни.

Казначей Феодоровского монастыря старец Гермоген сообщил, что он некогда был в Троицком Даниловом монастыре рабочим и строил келлии. Когда другие плотники уснули,

Гермоген пошел к колодезю чудотворца и стал палкой бить по воде, как делают шаловливые дети. Тотчас у него руки одеревенели и он перестал ими владеть. Проболев довольно долгое время, Гермоген раскаялся и со слезами просил прощения у святого подвижника, умильно взирал на его образ и молился словами и умом; в конце концов руки грешника приняли прежний вид.

В Рыбной слободе города Переяславля есть церковь Сорока мучеников; священник ее Иродион возвестил, что у него в доме жила племянница, именем Варвара, которая помутилась умом и говорила всевозможные нелепицы. Видя долгие страдания больной, священник стал молиться об ее выздоровлении и призывать на помощь преподобного Даниила. Он послал принести воды из чудотворцева колодца, отслужил молебен с водоосвящением, дал болящей напиться воды, и она тотчас пришла в себя.

Тот же священник рассказал, что у его сына Петра все тело покрылось вередками, что сильно беспокоило больного. В его же доме жила его сестра, богобоязненная вдова Феодора. Однажды ей привиделось во сне, что благовидный старец держит в руке сосуд с кропилом и долгое время кропит младенца. Утром она рассказала дома о видении. Отец пошел в Даниилову обитель и совершил молебен у гроба преподобного, усердно молясь перед его образом; потом пошел на чудотворцев колодезь, зачерпнул воды и дал младенцу. С того времени болячки исчезли с тела Петра.

Боярин Иван Климентович Чулков имел жену Ксению, у которой отнялись ноги, так что она не могла пройти по своему дому. Проболев около 2 лет и потратив много денег на лечение, Ксения решила прибегнуть к небесной помощи и с своим слугою Григорием Никифоровым послала милостыню в Троицкий Данилов монастырь. «Упроси архимандрита, – сказала больная Григорию, – чтобы он всем собором молил преподобного Даниила о моем исцелении, освятил воду и прислал ее мне, грешной, как многоценный дар».

Архимандрит Корнилий все исполнил по воле Чулковой, послал к ней в дом иеромонаха Иосифа, который сотворил

молитву и вручил больной святую воду. Испив ее, Чулкова почувствовала себя исцеленной, но ничего не сказала иеромонаху. Придя к заутрени в ближайшую церковь, Иосиф видит Ксению здоровой и ходящей, как следует. Боярыня отпускает Иосифа в монастырь и велит рассказать архимандриту о чуде над ней, а потом, явившись на богомолье в обитель, и сама сообщает о том же настоятелю с братией.

Посадский человек города Переяславля Залесского Максим Поклевин объявил, что его жена Матрона была очень больна ногою, на которой даже отгнили пальцы. Около года она пролежала в постели, так как не могла ходить. Ей во сне явился благообразный монах в священническом одеянии и сказал: «Женщина! Почему ты не поминаешь в молитвах и не хочешь призвать на помощь того, кто может тебя исцелить?» – «А кто ты, явившийся ко мне?» – «Я игумен Даниил».

Тогда больная стала взывать к угоднику о помощи, обещалась идти к его гробу, совершить молебен и приложить к его образу серебряную вызолоченную гривну. Спустя две недели она велит мужу отвезти ее в обитель Даниилову, исполняет свой обет и получает полное выздоровление.

Переяславец Прокопий Угримов известил, что его дочь девица Феодосия от какой-то болезни слегла в постель. Когда митрополит Иона свидетельствовал мощи преподобного, сошлось в монастырь много народа, и Прокопий послал своего сына Иоанна в Троицкий Данилов монастырь совершить молебен о болящей сестре. Посланный все сделал, как следует, принес воды из колодца святого угодника; ее дали пить страждущей и она почувствовала себя легче. После двух недель, так как забыли молитвенно отблагодарить преподобного за его помощь, Феодосия снова слегла. Прокопий, раскаявшись в своем грехе, идет в Троицкую обитель, совершает молебен у гроба угодника, берет персти от останков и воды из его колодца; смесив персть с водой, дали страждущей выпить, и болезнь навсегда оставила ее, так что на другой день Феодосия сама пошла на молитву ко гробу Даниилову.

Того ж села крестьянка Агриппина объявила, что ее постигла сильная болезнь – ломота в голове, дряблость во всем

теле, необыкновенная слабость в руках и ногах; она не могла больше работать и слегла в постель. Ее посетил духовный отец, ильинский священник Василий, и увещевал не унывать, а призывать в молитвах преподобного Даниила. Больная дала обет отправиться в Троицкий монастырь и помолиться у гроба преподобного, но раздумывала, как она исполнит обещание при своей хворобе. Внезапно ей стало легче и она мало-помалу выздоровела.

Посадский человек г. Переяславля Симеон Анофриев рассказал, что он заболел глазами и не мог видеть ничего; от болезни он впал в отчаянную тоску. В одно воскресенье он услышал в полночь звон в Троицкой обители и велел вести себя ко гробу преподобного Даниила. За всю ночь Симеон стоял близ раки угодника Божия и при чтении слов Псалмопевца «Господи, Господь наш, как дивно имя Твое во всей земле» (Пс. 8, 2) начал видеть гроб святого и образа, из людей же никого не видал. А когда услышал слова того же Псалмопевца «во всю землю прошла проповедь их (апостолов) и до конца вселенной речи их» (Пс. 18, 5), прозрел вполне. После утрени отслушав молебен, Симеон исцеленным пошел в дом свой с великой радостью.

Вдова Иустина, жительница города Переяславля, объявила, что она впала в тяжкую болезнь, от которой все ее внутренности тряслись; она лишилась сна и должна была лечь в постель. Больная призвала в молитве преподобного Даниила на помощь себе, послала сына Антонина отслужить молебен в Троицком монастыре, принести земли от гроба святого и воды из его колодца. Ей дали выпить воды с примесью принесенной земли, и она исцелилась.

Даниилова монастыря старец Игнатий удостоверил, что его сын Матфей страдал сильной горячкой, бился оземь с пеной у рта и говорил нелепости. Окружающие больного в страхе молились: «Господи, помилуй!» Болезнь продолжалась целых 15 лет. Старец много раз молился Богу о сыне своем и призывал на помощь преподобного Даниила, обещав написать и образ его. Наконец, Игнатию пришло на мысль взять Матфея и привезти ко гробу угодника Божия; здесь был совершен

молебен, страдальца приложили к раке святого; его отвели к колодезю чудотворцеву, дали выпить воды и умыться, и он выздоровел.

В Рыбной слободе во Введенском женском монастыре (ныне приходская церковь Переяславля) была набожная старица Екатерина, которая имела сына Никиту, рыболова, Бога не боявшегося и матери непокорного. Мать молила Господа Милосердного, чтобы Он вразумил ее сына и направил на путь истинный. Случилось Никите заболеть: у него начала гнить нога, на ней появилось до 12 ран; нога стала усыхать и потеряла обычную гибкость. Болезнь затянулась на полтора года. Екатерина много молилась о выздоровлении сына и призывала на помощь преподобного Даниила. В день Живоначальной Троицы старица пошла с народом в Троицкий монастырь ко гробу угодника, совершила молебен о болящем, взяла персти от гроба, воды из чудотворцева колодца и явилась в дом к сыну. Она стала увещевать Никиту, чтобы он покался и вел жизнь богобоязненную, что Господь за грехи наказывает нас болезнями, а когда мы исправляемся – получаем исцеление. Больной со вниманием прислушивался к наставлениям матери и размягчался сердцем, тогда она дала ему выпить воды с землей от гроба Даниилова, и сын ее стал здоров. Екатерина дала обет всякий год посещать Троицкую обитель и совершать молебны у раки святого; по исходе трех лет старица не исполнила своего обета и два года не являлась к мощам Даниила. Сын ее опять впал в прежний недуг. Екатерина поняла свой грех, скоро пошла в монастырь, просила прощения при гробе преподобного и совершила молебен. Когда она вернулась в свою келлию, пришел из дома и сын ее, говоря, что совсем выздоровел молитвами угодника Божия.

Павел русский, мученик

Еще в юных годах Павел был уведен татарами в плен в Крым, а потом продан в Константинополь. После тяжелых трудов святой получил свободу и женился на одной русской девушке, также находившейся в плену. От тяжелых трудов в неволе святой Павел заболел падучей болезнью. Его жена и соседи-христиане решили отвести его в храм Пресвятой Богородицы Муглунийской, где подобные больные получали исцеление. Святой Павел в припадках болезни сопротивлялся и кричал: «Я агарянин, я стал агарянином». Турки, разгневанные тем, что христиане насильно вели в храм человека, принявшего ислам, не замедлили доложить об этом визирю. Визирь вызвал святого Павла, но он явился к нему уже здоровым. На допросе святой твердо исповедал себя христианином и, укрепляемый супругой, не поддавался угрозам мусульман. В Великую Пятницу 6 апреля 1683 года святой Павел был обезглавлен за веру Христову. Жена его тоже претерпела истязания, но за выкуп была выпущена из заключения.

Апрель 8

Нифонт, архиепископ Новгородский, святитель

Святитель Нифонт, архиепископ Новгородский, уроженец Киева, принял монашеский постриг в Киево-Печерском монастыре при игумене Тимофее. Своей подвижнической жизнью в посте и молитве Нифонт снискал себе великую славу богомудрого и преданного служителя Божия. В 1113 году, когда епископ Новгородский Стефан после 20-летних архипастырских трудов оставил кафедру и удалился на безмолвие в монастырь, по изволению Божию и единодушному решению новгородцев на эту кафедру был возведен прп. Нифонт, епископская хиротония которого состоялась в Киеве.

Одной из первых забот святителя Нифонта стала забота о прекращении междоусобных браней и водворении мира между русскими князьями. В 1135 г. ему удалось прекратить казавшееся неминуемым столкновение между Киевом, Черниговом и Новгородом. Его святительские слова, обращенные к соперничавшим князьям, неоднократно способствовали утверждению мира и в дальнейшем.

Святитель Нифонт уделял большое внимание церковному строительству, содействовал украшению старых и возведению новых храмов. Вскоре, после его возведения на епископскую кафедру, был заложен в центре Новгорода белокаменный храм в честь Пресвятой Богородицы, а знаменитый новгородский храм Софии Премудрости Божией благоуукрашен иконами, и крыша храма покрыта оловом. В 1156 году святителем Нифонтом была основана Спасо-Мирожская обитель в пойме двух рек – Великой и Мiroжи, с соборным храмом в честь Преображения Господня, сооруженным несколько ранее. По приглашению суздальского князя Юрия он освящал церковь Богоматери в Суздале.

Будучи строгим блюстителем церковных правил, святитель Нифонт не побоялся гнева новгородского князя Святослава Ольговича и отказался благословить его на противозаконный брак. Когда же князь был все-таки венчан неподвластными Новгородскому епископу иереями, святитель Нифонт публично

осудил Святослава в законопреступлении. Твердость и верность церковным канонам святитель проявил и в 1147 году, когда по кончине митрополита Киевского Михаила на кафедру митрополита был возведен Климент, избранный без необходимого в то время благословения Константинопольского Патриарха, по своевольному решению великого князя Киевского Изяслава Мстиславича. На созванном великим князем архиерейском Соборе, в котором участвовали преосвященные иерархи Онуфрий Черниговский, Феодор Белгородский, Евфимий Переяславский, Дамиан Юрьевский, Феодор Владимирский, Мануил Смоленский, Иоаким Туровский и Косма Полоцкий, святитель Нифонт решительно выступил против незаконного волеизъявления Изяслава Мстиславича и предупредил епископов о неотвратимости Божией кары за отступление от церковных правил. Несмотря на то, что бесстрашному иерарху удалось склонить на свою сторону пятерых из участвовавших в Соборе епископов, Киевскую кафедру занял митрополит Климент. Ожесточившись на святителя Нифонта за отказ служить вместе с ним Божественную литургию, митрополит Киевский пожаловался на него великому князю Изяславу, который распорядился не отпускать святителя в Новгородскую епархию и заточить его в Киево-Печерский монастырь. Это решение святитель Нифонт принял со смирением, благодаря Господа за возможность вернуться «к безмолвному своему житию со святыми». После того как великий князь Изяслав Мстиславич был низвержен с Киевского престола князем Георгием Мономаховичем, святитель Нифонт вновь получил в управление Новгородскую епархию. Действия епископа в защиту патриарших прав были вознаграждены: новый патриарх Константинопольский Николай IV направил святителю одобрительную патриаршую грамоту, в которой сравнивал его с первыми святыми отцами, твердо стоявшими на защите Православия. В 1156 году, узнав о прибытии в Киев нового митрополита Константина, получившего посвящение и назначение на Киевскую кафедру в Константинополе, епископ Нифонт принял решение отправиться в Киев, чтобы приветствовать законно избранного митрополита

и одновременно поклониться чудотворной Киево-Печерской иконе Божией Матери и святым мощам преподобного Феодосия Печерского. В Киеве святитель остановился в Печерском монастыре, где за три дня до постигшей его болезни удостоился чудного видения; во сне ему явился преподобный Феодосий со свитком в руке, на котором было написано: «Се аз и дети, яже ми дал есть Бог». Благодаря этому явлению преподобного святитель Нифонт воспринял болезнь как милость Божию и, перенося ее со смирением и радостью, отошел с миром ко Господу в субботу Светлой седмицы, на тринадцатый день после начала болезни. Святитель Нифонт был погребен в Киево-Печерском монастыре, в пещере прп. Феодосия. Впоследствии его святые мощи были перенесены в Антониевы пещеры.

Святитель Нифонт является автором нескольких житий Киево-Печерских угодников, ему приписывается продолжение Несторовой летописи после Сильвестра, с 1116 по 1157 гг. В патриаршей библиотеке хранятся «Ответы» св. Нифонта на казуистические вопросы клирика Кирика; из них некоторые напечатаны в церковной истории преосвященного Макария; в этих ответах виден человек бывалый и знакомый с Палестиною. Сему святителю есть особая служба со славословием.

Руф, преподобный, в Дальних Пещерах почивающий

Преподобный Руф, затворник Печерский, подвизался в Киево-Печерском монастыре в XIV веке. Среди подвижников обители преподобный Руф особенно отличался послушанием, служил примером для постников и трудолюбцев. По обычаю иноческому, вручивши себя Христу, он старался всею душою угодить Богу постом, молитвою, послушанием, затвором в пещере и др. подвигами монашеской жизни, а потому день ото дня он делался лучшим и богоугоднейшим. Преподобный Руф погребен в Дальних пещерах. Память его празднуется 8/21 апреля и вторично 28 августа/10 сентября – в день памяти святых отцов, почивающих в Дальних пещерах.

Апрель 10

Квабтахебские мученики

Святые мученики Квабтахевские пострадали во время одного из опустошительных нашествий на Грузию полчищ монгольского завоевателя Тамерлана в 1386 году в Квабтаhevском монастыре (основан в конце V в., возобновлен в 1119 году грузинским царем святым Давидом III Строителем).

Вторгнувшись в Картли (центральная часть Грузии), войско Тамерлана разорило всю страну и захватило Квабтахевский монастырь, в стенах которого скрылись жители окрестных селений.

После разграбления монастыря военачальник Тамерлана собрал инокинь и, желая унижить и надругаться над ними, принуждал их петь и плясать. «Горе нам, инокиням», – с плачем и рыданиями отвечали мученицы.

Воины Тамерлана отвели их в соборный храм Пресвятой Богородицы, наполненный христианами, обложили храм дровами и подожгли. Так пострадали святые исповедники и получили мученические венцы.

Следы крови невинно убиенных неизгладимо запечатлелись на стенах храма, их можно было ясно видеть еще в конце XIX века. Свято чтя память мучениц и мучеников, паломники при входе в Квабтахевский монастырь снимают обувь, как повелось издревле.

Апрель 11

Иаков Железоборовский, преподобный – преставление

Преподобный Иаков родился во второй половине XIV столетия и происходил из славной галичской фамилии дворян Амосовых, или Аносовых. Относительно отроческих лет жизни преподобного не сохранилось никаких сведений; несомненно только, что склонность к иноческой жизни развилась у него еще в юношеских годах.

В это время в дремучих лесах Радонежских подвизался преподобный Сергей. Сюда и направился юный подвижник после кончины родителей своих, раздав полученное от них наследство. Оставив своих родных и отсеки все мирские привязанности, блаженный Иаков пришел к преподобному Сергию и просил принять себя в число троицкой братии. Видя твердое намерение Иакова посвятить себя трудам и подвигам отшельнической жизни, преподобный Сергей принял его в свою обитель. Несколько лет подвизался преподобный Иаков в Радонежской обители. Потом, ища большего уединения, он удалился из нее и избрал местом своих подвигов Железный Боров – глухой лес близ железных рудников на левом берегу Тебзы, недалеко от впадения ее в реку Кострому. Здесь Иаков поставил крест и келлию, подвизался уже в полнейшей тишине и безмолвии.

Но, по неисповедимым судьбам Божиим, место подвигов преподобного должно было открыться людям для того, чтобы светильник Божий не был под спудом, но на свещнице и светил бы всем. Слух об отшельнике распространился по окрестностям, и к нему мало-помалу начали приходить люди, искавшие подвижнической жизни. Когда число братии значительно увеличилось, преподобный Иаков решил построить храм во имя св. Иоанна Предтечи.

Подвигами поста и молитвы он достиг, наконец, высокого духовного совершенства и удостоился от Бога дара прозорливости или предвидения будущего. Известен следующий случай прозорливости святого.

В 1415 году случилось преподобному Иакову, вероятно, по делам своей обители быть в Москве; в это время супруга князя Василия Дмитриевича София Витовтовна сильно страдала родами и была уже, как думали, при смерти. Великий князь, глубоко уважавший преподобного, послал к нему нарочитого с просьбой помолиться о его больной супруге, чтобы Господь сохранил ей жизнь. Преподобный отвечал посланному: «Скажи князю, чтобы он молился Богу, Пресвятой Богородице и мученику Лонгину, так как этот мученик – ходатай и молитвенник всему роду его; о княгине же пусть князь не печалится, потому что она будет здорова и сегодня же вечером родит сына, наследника». Действительно, все так и случилось, как сказал преподобный.

После того, как у великого князя родился сын, к духовнику князя, проживавшему в кремлевском Спасском монастыре (ныне собор Спаса на Бору), пришел кто-то неизвестный и сказал: «Иди сейчас к великому князю и дай имя сыну его – Василий. И тотчас же удалился».

Едва только духовник великого князя вышел из монастыря, его встретили посланные от Василия Дмитриевича и сказали: «Иди в покои великого князя и дай молитву великой княгине, так как она родила сына».

Духовник назвал новорожденного Василием и потом стал тщательно допытываться, кто именно был послан к нему от князя с известием о рождении наследника. Оказалось, что никто не был послан к нему. Тогда все поняли, что все это устроил Бог по молитвам и предстательству угодника Своего прп. Иакова. В благодарность за это великий князь Василий Дмитриевич даровал землю для содержания обители преподобного, а также дал ему средства для благоустройства обители.

Сильное испытание пережила Железноборовская обитель в 1429 году от нашествия казанских татар. Около этого времени шайки татар проникли в окрестности Галича, предавая все на пути своем огню и мечу. Будучи крайне выносливыми, татары с быстротою молнии переносились с одного места на другое, наводя всюду ужас на мирных жителей и предавая все грабежу и разорению. Спасаясь от нашествия неприятельского,

преподобный Иаков с учениками своими удалился на время из обители. Жестокие хищники не пощадили обители: она была разграблена и разрушена до основания.

Когда буря прошла, преподобный вернулся на место своего монастыря и деятельно принялся за восстановление его. Он построил трапезный храм в честь святителя Николая, выкопал своими руками пруды. Восстановив внешний вид обители, преподобный достаточно потрудился и над внутренним благоустройством. В обители своей преподобный Иаков ввел строгое общежитие, по правилам которого никто ничего не называл своим, но все считал общим. При этом подвижник, без сомнения, руководился примером своего наставника.

Преподобный был весьма милостив и нищелюбив, так что в обители его находили себе приют и успокоение все нуждавшиеся и обездоленные. Особенно много потрудился преподобный в тяжелую годину голода, постигшего костромские пределы после нашествия казанских татар.

После многих лет совместного подвижничества братия упросили преподобного быть игуменом их. Уступая настойчивым просьбам братии, он принял на себя сан игумена; в то же время получил пожалования для своего монастыря.

После многих лет подвижнической жизни приблизилось время кончины преподобного: он скончался 11 апреля 1442 года. Честное тело его было положено под спудом в основанной им обители.

Великий князь московский Василий Васильевич в 1450 году, после победы над Шемякой под Галичем приезжал в Железоборовскую обитель и здесь молитвенно благодарил преподобного за успех в борьбе с Шемякой.

По кончине преподобного Иакова начали совершаться при гробе его многоразличные знамения и чудеса. Из числа чудес, совершенных по молитве его, известны следующие.

Нифонт не один год был одержим нечистым духом и потому сильно страдал: он рвал на себе одежду, бросался, как дикий зверь, на людей и доходил до крайней степени бешенства. Часто убегал он в лес и скитался здесь; его близкие находили и приводили его домой, привязывая на цепь, но Нифонт

неоднократно разрывал цепи и снова убегал в лес. Один раз, когда он зашел в окрестности обители преподобного Иакова, иноки насильно привели его ко гробу чудотворца. Лишь только больной коснулся гробницы, тотчас же пришел в себя; к нему возвратился здравый смысл и он, взглянув на икону преподобного, стоявшую при гробнице, начал слезно молиться угоднику Божию, прося исцеления. Слезная молитва была услышана, и Нифонт вернулся совершенно здоровым.

Фотий, человек весьма богатый, затеяв спор с кем-то, произнес клятву. Но Господь наказал его: тотчас же по произнесении клятвы, лицо Фотия исказилось, и он впал в совершенное расслабление. Три года пробыл несчастный в таком положении. Наконец, родные его решили обратиться за помощью к угоднику Божию Иакову и привезли больного в обитель. Во время молебного пения, Фотий громко каялся в грехе своем; в то же время лицо его выпрямилось, члены окрепли и он стал совершенно здоровым.

Один из иноков обители, по имени Феодосий, впал в расслабление и три года лежал на одре своем. Однажды в сердечном умилении он обратился с такой молитвой к угоднику Божию: «Отче Иакове, ты подаешь много различных исцелений у гроба своего. Подай же исцеление от недуга и мне». Вскоре после этого ночью явился Феодосию преподобный и сказал: «Дай обещание Богу, что ты пребудешь в обители моей до своей смерти, и иди к гробу моему». Расслабленный рассказал о видении братии, а братия передали игумену. По приказанию игумена больной инок был принесен ко гробу преподобного. Затем братия начали общую усердную молитву. Когда был отпет молебен, Феодосий сам приложился ко гробу чудотворца и тотчас же стал здоровым. «Пока жив, не выйду из обители», – воскликнул он и действительно сдержал слово.

Женщина по имени Фотиния, совсем ослепла. Не надеясь на помощь человеческую, она решила обратиться за помощью к угоднику Божию Иакову. Будучи приведена в обитель преподобного, она усердно молилась. Теплая молитва ее была услышана: тотчас же по окончании молебна Фотиния прозрела, так что не нуждались уже в посторонней помощи. Игумен

приказал ей, в благодарность за исцеление, побыть близ монастыря в чистоте и воздержании в продолжение сорока дней. Однако Фотиния не исполнила заповеди игумена и потому была наказана преподобным: глаза ее закрылись снова. Раскаявшись в грехе своем, она начала опять слезно молиться угоднику Божию, по его ходатайству перед Богом снова прозрела.

Благодаря этим чудотворениям с начала XVII века преподобный Иаков стал местно почитаться святым угодником Божиим. Вероятно, содействовало этому обретение мощей преподобного, совершившееся 5 мая 1613 года. В 1628 году при одной костромской церкви был придел во имя преподобного. После обретения честные мощи его погребены за левым клиросом соборного храма. На гробнице положены каменный крест и вериги, в которых подвизался преподобный.

Память угодника Божия празднуется дважды в год: в день кончины 11/24 апреля и в день обретения мощей 5/18 мая.

Иаков Брылеевский, преподобный

Преподобный Иаков Брылеевский (из рода дворян Брылеевых) был учеником преподобного Иакова Железноборовского (память 11/24 апреля) и трудником монастыря (слово «трудник» имеет два значения: «труженик» и «послушник»). Он основал впоследствии Брылеевскую пустынь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы в 5 верстах от Предтеченского Железноборовского монастыря по направлению к городу Бую. Преподобный Иаков скончался в XV веке и был погребен во Введенской церкви. Память его отмечается также в день Сошествия Святого Духа на апостолов.

Варсонофий, епископ Тверской

Святитель Варсонофий, епископ Тверской, чудотворец Казанский, родился около 1495 года в городе Серпухове в семье священника. При крещении младенец получил имя Иоанн, по другим источникам Василий. Отличаясь трудолюбием и понятливостью, отрок легко овладел грамотой, освоил чтение Псалтири и церковное пение настолько, что мог не только сам читать и петь, но помогать другим.

В 1512 году крымские татары под предводительством Ахмат Гирея и Бурнат Гирея ходили в поход на Рязань, но «не успев ничтоже во взятии града Рязани» прошли быстрым и неожиданным опустошительным походом по берегам Оки. В числе многих и Иоанн семнадцатилетним отроком был уведен в плен. Горько было положение пленника, но молитва и богомыслие облегчали скорбь его и доставляли сердцу его такое утешение, какого не чувствовал он в доме родительском. В нем росла любовь к Богу, а с нею и преданность святой воле Его. В таком расположении души молодой Иоанн работал неверным со всем усердием и обучался безответному послушанию, терпению и незлобию. Пост, сперва невольный, обратился в дело его доброго произволения. Утомительные работы невольника занимали у него все время дня, и только ночь он посвящал молитве, которая стала потребностью души его. Уповая на Господа, будущий святитель молился и пел приходившие на память псалмы, жил, как живет послушник в монастыре, неприметно навывая послушанию, незлобию и терпению. Спал Иоанн совсем мало, к еде почти не притрагивался, отличался усердием и кротостью, трудился без прекословия и потому расположил к себе ожесточенные сердца иноверцев, которые, невольно признав его достоинства, стали обращаться с ним мягче и снисходительнее, нежели с другими. Постепенно, благодаря незаурядным способностям, он овладел разговорным татарским языком до такой степени, что по прошествии двух лет мог не только хорошо говорить, но и писать по-татарски. Плен продолжался три года. С большим

трудом собрав необходимую сумму, священник Василий выкупил своего сына Иоанна из татарской неволи.

Блаженный Иоанн возвратился домой, однако сердце его уже охладело навсегда к непостоянным земным радостям и утехам. Согласно непоколебимому решению, созревшему в душе юноши еще в плену, он поехал в Москву, где в Спасском Андрониковом монастыре принял иноческое пострижение, дав Богу обеты девства, послушания и нестяжания. Три года плена заменили для него послушнический искуc. Отрекаясь от мира, монах умирает для него, потому и нарекается ему новое имя. Смерть для мира есть рождение в ангельское служение. Новопостриженного инока нарекли Варсонофием. Строгой и богоугодной жизнью инок Варсонофий преуспевал в подвигах добродетели и молитвы. В Андрониковом монастыре бывал наездами святитель Акакий, епископ Тверской (1522–1567), родной младший брат преподобного Иосифа Волоцкого и пострижник Иосифо-Волоколамского монастыря, архипастырь добрый и благочестивый, удостоенный от Бога дара прозорливости. Он неоднократно предсказывал преподобному Варсонофию, бывшему еще в сане иеродиакона (как вспоминал впоследствии сам святитель Варсонофий), что именно он станет некогда преемником святителя Акакия на Тверской кафедре.

О добродетельной и благочестивой жизни преподобного Варсонофия стало известно митрополиту Московскому Макарию, который возвел святого Варсонофия в сан игумена Николо-Пешношской Мефодиевой пустыни, основанной в 1361 году учеником прп. Сергия Радонежского преподобным Мефодием (память 14/27 июня) в 25 верстах от Дмитрова (на правом берегу реки Яхромы при впадении в нее реки Пешноши в лесной глуши). В старину пустынь эта именовалась «Никола на Песнуше».

В 1553 г. в паломничестве (в благодарность за чудесное избавление от смерти) на пути в Кирилло-Белозерский монастырь Пешношскую обитель посетил царь Иоанн Грозный с семейством. Он обратил внимание на опытного наставника иноческой жизни, побывавшего в плену и сведущего в татарском языке и нравах. Потому, когда в 1555 году в Казани

открывали новую епархию, вместе со святителем Гурием, первым архиепископом Казанским, был направлен в Казань и святой Варсонофий из Пешношской обители в сане архимандрита для основания там монастыря. 26 мая 1555 года первосвятители Казани торжественно отправились в путь. Из Москвы по рекам Москве, Оке и Волге путь до Казани длился два месяца.

В воскресенье 27 июля 1555 года святитель Гурий с игуменом Пешношским Варсонофием и игуменом Успенского Старицкого монастыря Германом прибыли в Казань. С крестами и хоругвями были встречены они в Казанском Благовещенском соборе местным духовенством и населением. Вместе со святым Варсонофием в Казань прибыли иноки, постриженники Пешноши: Тихон, Феодорит, Иов, Андроник, Сильвестр, а также инок Андроникова монастыря Симеон. Уже в следующем 1556 году преподобный Варсонофий исполнил возложенное на него поручение и устроил Преображенский монастырь в Казанском Кремле. Им был освящен первый каменный теплый храм в монастыре во имя святителя Николая Ратного, а впоследствии – и главный храм в честь Преображения Господня. В уставе монастыря, написанном самим архимандритом Варсонофием, он называет себя в приписке «многогрешным чернецом, что был игуменом на Пешноши». Тайно от всех он продолжал носить вериги для изнурения плоти. Монастырь в скором времени сделался средоточием духовной жизни бывшей татарской столицы. Через несколько лет число иноков в нем доходило до ста человек. По воле святителя Гурия, к которому сохранял он полное послушание и сыновнюю любовь, ревностно занимался он обращением магометан к вере христианской. Знание татарского языка позволяло ему входить в близкое сношение с татарами, а основательное знание учения Магометова, при его глубоком уме, делало обличения его магометанству неотразимыми. Умение лечить болезни привлекало к нему больных всякого рода, тогда как болезнь сама располагает душу для всего лучшего и, следовательно, для принятия учения христианского. 2 декабря 1563 года святой Варсонофий постриг в великую схиму, а 4 декабря предал погребению своего

ближайшего друга и наставника святителя Гурия, архиепископа Казанского (память 4/17 декабря). По смерти епископа Тверского Акакия († 1567) святитель Филипп, митрополит Московский, вызвал святого Варсонофия в Москву и возвел его в сан епископа Тверского.

Истинным светильником был святитель Варсонофий для своей паствы, не словами одними, но всем существом своим указуя спасительный путь Христов. Несмотря на высокий святительский сан, он продолжал быть смиренным подвижником, каким был он в Пешношской обители и в Казани. Ночи он проводил в молитве, дни в трудах и заботах, отдыхая, шил клобуки и дарил инокам и епископам, непрестанной молитвой усердно врачевал телесные и душевные болезни обращающихся к нему.

Тяжелое было время, в которое Господь судил ему управлять паствою Тверскою. Начались тогда для России тяжкие испытания – царь Иоанн Грозный, мудро и благочестиво правивший Россией, стал ужасом и бичом для своих подданных, насаждая так называемую «опричнину». Тверь не принадлежала опричнине и потому не пользовалась благосклонностью царя. С ужасом и негодованием видел святитель Варсонофий, как его друг Герман, архиепископ Казанский (память 6/19 ноября), некогда пользовавшийся уважением царя, был вызван из Казани в Москву для возведения в сан митрополита, однако после того, как напомнил царю тихими и кроткими словами, что тот даст ответ на суде Божием за свои жестокости, был изгнан и умер в заточении. Много страшных событий прошло перед очами святителя Варсонофия за четыре года его архиерейского служения. Глубоко сокрушался о своей пастве святитель Варсонофий. Ощущая старческую немощь, он в 1571 году удалился на покой в основанную им в Казани обитель. Пять лет провел он в Преображенском монастыре на покое, в молитве и уединении, где принял великую схиму. Когда он не мог по немощи сам ходить в церковь, любящие ученики помогали ему посещать храм Божий, зная его любовь к богослужению. Скончался святитель Варсонофий 11 апреля 1576 года и был погребен в Преображенском монастыре архиепископом

Казанским Тихоном. В 1595 году по благословению святейшего патриарха Иова (1588–1607) построен в этом монастыре новый храм в честь Преображения Господня. При строительстве храма были обретены мощи святителей Казанских Гурия и Варсонофия. Описание открытия мощей было сделано очевидцем, святителем Ермогеном (будущим патриархом), в то время Казанским архиепископом: «Когда же, 4 октября, дошли до гробов святых отцов, то пришли сказать об этом мне, смиренному. Принесши со всем освященным собором бескровную жертву Господу Богу и отпев панихиду, мы отправились в монастырь и, пришед на место, поклонились гробам преподобных отец Гурия и Варсонофия. Вскрыв гроб, мы увидали нечто совсем неожиданное: рака святого была полна благоуханного мира, мощи же святого Гурия носились, как губка, поверх мира; ни одна часть не была погружена. Нетлением одарил Бог честное и многотрудное тело его, как это видят все и ныне... Я, недостойный, многогрешною рукою коснулся святого тела, осязал ризы, в которых он был погребен, и они были весьма крепки. Попытался с силою потянуть и мантию его, и прочие погребальные одежды, и они казались крепче новых. В главах у преподобного Гурия лежал греческий клобук вязаный, который, по сказанию учеников святого Варсонофия, был сделан преподобным Варсонофием для Гурия и по смерти святителя положен недоконченным в возглавие гроба его. Мы соборне осмотрели этот клобук и, взяв прядь из него, едва могли перервать ее, потому что она была крепче новой. Мы перелили благоуханное миро в новый сосуд, и православные христиане, пользуясь тем миром, непрестанно получали исцеления. Потом мы открыли раку Варсонофия и увидали, что и его мощи почтены от Бога нетлением... в чем мы удостоверились, перелагая святые и чудотворные мощи обоих своими собственными руками с архимандритом Арсением из гробов в ковчеги. Дивясь неизреченному человеколюбию Божию, мы со слезами и кротостью пропели надгробные песни над преподобными отцами и поставили их поверх земли, дабы все приходящие видели их и, дивясь, славили Бога».

В «Иконописном подлиннике» дано описание образа святителя Варсонофия: «Подобием надсед, борода, как Гуриева (а борода свт. Гурия – как Василия Кесарийского), на конец раздвоилася, риза святительская, омофор и Евангелие». Жизнеописание святителей Гурия и Варсонофия составлено было священномучеником патриархом Ермогеном. Существует акафист святителю Варсонофию.

Евфимий и его ученик Харитон Сянжемские, преподобные

О жизни святых подвижников сохранилось не много сведений. Преподобный Евфимий был уроженцем Вологды. Монашеский постриг он принял недалеко от родного города, в Спасском Каменском монастыре на Кубенском озере. Эта древняя обитель была, начиная с XII века, духовным очагом Православия на Севере и в течение нескольких веков подготовила многочисленных миссионеров – подвижников и будущих основателей монастырей. Инок Евфимий провел в различных монастырских послушаниях длительное время. Стремясь к отшельнической жизни, он оставил обитель и перешел на восточный берег Кубенского озера, в пустыньку близ устья реки Кушты. Своими руками он построил маленькую келлию и жил в полном уединении, окруженный непроходимыми болотами и густым лесом. Здесь подвижника навестил его собрат по монастырю преподобный инок Александр Куштский, также оставивший обитель для уединенных подвигов на реке Сянжеме. Совершенная безлюдность местности пришлось по сердцу Александру, и он предложил Евфимию обменяться келлиями. И хотя преподобному Евфимию не хотелось покидать обжитое место, он воспринял эту просьбу как указание Божие и согласился, оставив свой крест в благословение иноку Александру, впоследствии прославившемуся духовными подвигами († 1439; память 9/22 июня). Поселившись на реке Сянжеме (в 120 верстах от Вологды) в келлии преподобного Александра, инок Евфимий продолжал свои подвижнические труды непрестанной молитвы и поста. Вскоре его уединение было нарушено. Жители окрестных селений, нуждавшиеся в отеческих советах, устремились к отшельнику. Преподобный Евфимий, полагаясь на Промысл Божий и не смущаясь нарушением своего безмолвия, всех принимал, никому не отказывая в духовной беседе. Однажды к нему пришел инок Харитон, будущий продолжатель дела преподобного Евфимия. Юноша, искавший наставника в духовном делании, пришелся

по душе преподобному, который предложил ему остаться на Сянжеме для совместного несения подвижнических трудов. Вскоре они решили воздвигнуть храм и при нем основать обитель. Чтобы получить благословение на это устройство, инок Евфимий отправился в Ростов, где, вероятно, и был рукоположен во пресвитера и одновременно назначен игуменом новой обители. Построенный вскоре храм был освящен в честь Вознесения Господня. Став игуменом, преподобный Евфимий выполнял самые тяжелые труды по монастырю, служа примером для братии. Вместе со своим верным учеником преподобным Харитоном, старавшимся во всем подражать своему духовному отцу, он работал в огороде, рубил дрова, копал землю, носил воду, с радостью выполняя все то, чего не хотели делать другие. Выполняя монастырские послушания, он не переставал хвалить Господа, распевая псалмы пророка Давида. Даже пищей преподобный Евфимий питался такой, которая казалась братии негодной. Величайшим терпением и смирением преподобный стяжал дар молитвы. Во храме преподобный Евфимий стоял со страхом и трепетом, и братия часто видели на его лице слезы умиления.

Точная дата кончины преподобного Евфимия неизвестна; вероятно, она последовала в начале второй половины XV века, но не позднее 1465 года. Предчувствуя завершение земной жизни, преподобный Евфимий передал управление монастырем преподобному Харитону, который был достойным преемником своего учителя и друга. Более 40 лет игуменствовал преподобный Харитон в Вознесенском монастыре на Сянжеме.

Преставился он глубоким старцем 11 апреля 1509 года. В 1764 году Вознесенский монастырь был упразднен, а соборный храм преобразован в приходской. В нем и погребены под спудом мощи святых. Слово о явлении мощей принадлежит епископу Вологодскому Иосафу. В «Иконописном подлиннике» дано описание ликов святых: «Преподобные отцы наши Евфимий и Харитон игумены, иже на Сяйжене (Сянжеме) Вологодские чудотворцы. Евфимий подобием надсед, брада аки Власиева, на конец раздвоилась, ризы преподобнические, схи́ма на плечах. Харитон подобием надсед изчерна, брада

шире и доле Сергиевы, ризы преподобнические и схима на плечах».

Апрель 12

Василий, епископ Рязанский

Святой Василий начал свое архипастырское служение в Муроме, одном из древнейших городов русских, принадлежавшем в его время (в XIII веке) к Муромско-Рязанскому княжеству, а закончил в Рязани.

Ни о происхождении и воспитании, ни о начальных подвигах, ни о годе вступления святителя на Муромскую кафедру, ни о пастырских трудах и скорбях его не сохранилось известий. Известно только, при каких обстоятельствах епископ Василий, «муж праведный и благочестивый», оставил Муром. Враг человеческого спасения и древний губитель душ христианских начал всячески вредить святому: желая выставить его блудником, диавол принимал вид девицы и являлся в окне святительской келлии перед народом, иногда же выходил в таком виде из храмины епископа. И народ и бояре не раз видели это и обвинили праведника в нечистой жизни, потом решили наказать его своею властью, помимо высшего церковного суда. В один день к вечеру собрались они, пришли к храмину своего епископа, и вот перед многолюдной толпой девица побежала по ступеням лестницы, ведущей в келлию святого Василия, держа сапоги в руках своих. Возмущенный народ громко закричал: «О, епископ! непозволительно тебе иметь девицу в храмине своей, на ложе своем». Святой Василий сказал народу: «Неповинен я этому блудному делу». Слыша это, народ еще громче кричал: «Лжешь ты, епископ, ибо мы все видели девицу, бежавшую к тебе».

Видел праведник мятеж; слышал шум собравшегося народа; до него долетали угрозы: «убьем его за это». Тогда он обращается к своим обвинителям с мольбою: «Дайте мне немного времени – только до третьего часа утра».

Народ внял просьбе владыки и разошелся по домам. Тогда святой Василий стал на молитву, в храме во имя страстотерпцев Бориса и Глеба отслужил всенощную, потом литургию и отсюда отправился в главный храм города во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Перед иконой Пречистой,

принесенной из Киева просветителем Муромом, благоверным князем Константином, горячо молился святитель. Окончив молебное пение, он взял на руки святую икону Богоматери с Предвечным Младенцем, так как на Заступницу он возложил надежду своего спасения, и пошел из церкви Благовещения – из своего кафедрального храма – на реку Оку, на высоком берегу которой стоял храм. Народ и вельможи, собравшись, изгнали своего владыку, по их мнению, недостойного, хотели дать ему судно, чтобы он плыл на нем, куда хочет. Но святому не понадобилась услуга оскорбившей его паствы. Он стоял на берегу Оки с Богородичным образом, потом, сняв с себя мантию, простер ее по воде и вступил на мантию, держа святую икону. И тотчас святой Василий быстро понесся против течения реки. Увидев такое чудо, все муромцы от стара и до мала со слезами говорили в след ему: «О, святой владыко Василий! Прости нас грешных рабов твоих, согрешивших пред тобою. Кому оставляешь нас сирых? Не забудь нас рабов твоих».

Но святитель был уже далеко: в мгновение ока он исчез из глаз муромского народа вверх по Оке. Это чудо произошло в третьем часу дня, в тот же день, в девятом часу святой Василий принесен был на место, называемое Старая Рязань, от Муромов вверх по Оке более чем на двести верст. В то время князья рязанские жили здесь. С большим торжеством встречен был святой Василий в Рязани: сам князь, все духовенство города с крестным ходом вышли навстречу ему. Князь принял святителя с большой радостью, радовались и жители Рязани.

С того времени престол епископский навсегда перешел из Муромов в Рязань, и епископы, живя здесь, стали именоваться Рязанско-Муромскими. Кафедральный храм Рязанской епархии был во имя благоверных князей Бориса и Глеба, так как святой Глеб признавался покровителем Рязанско-Муромской области. Чудотворная икона, которую принес на своих руках святой Василий, осталась в Рязани и доныне находится здесь в кафедральном соборе. Она называется Муромской, а в память того, что перед нею молился святой Василий, оскорбленный напрасным обвинением своей паствы, именуется еще «Моление святого Василия».

Не имеется сведений о том, как протекла жизнь и деятельность святого Василия в Рязани, но можно думать, что и здесь он претерпел ряд скорбей, лишений и огорчений. Княжество Рязанское в то время окраинное, близкое к Орде, много терпело от нападений татар. В 1277 году татары приходили на Рязань и, наделавши много зла, возвратились домой. Прошло десять лет и случилось новое бедствие: Элортай из Орды приходил ратью на Рязань, Муром и Мордву и, сотворив много зла, ушел восвояси. Ужасы татарского нашествия вместе с верной паствой своей пережил и святой Василий. Возможно, что в его время перенесены были из Старой Рязани, разоренной татарами, в Переяславль Рязанский столица княжества и престол епископии. Так говорится в службе святому Василию, где изображается «шествие святителя на мантии по водам в богоспасаемый град Переяславль». То же самое утверждают и местные предания. Рассказывают, будто сторож церкви Бориса и Глеба, старец благочестивой жизни, целую неделю мел и чистил в церкви и вокруг нее перед прибытием святителя в Переяславль Рязанский. Священники спросили его; почему он так хлопочет. Старец отвечал: «Великий гость пребудет к нам».

Другое предание гласит, что в Переяславле Рязанском торжественно не встречали святого Василия. Первыми увидали его на реке Трубежу на мантии с образом Богородицы две женщины, пришедшие на реку за водою.

Переселение святого Василия из Старой Рязани в Переяславль Рязанский, по одному известию, произошло в 1291 году.

Недолго пастырствовал святой Василий в Переяславле: в 1295 году он скончался. Честные мощи его были погребены в храме святых Бориса и Глеба.

Память святителя Василия стала праздноваться издавна. 10 июня 1609 года архиепископ Рязанский Феодорит открыл нетленные мощи святого Василия и перенес их торжественно из Борисоглебской церкви в собор Успенский (ныне Рождественский). Они положены под спудом. С тех пор началось его местное чествование. Прибегающие с верою к

раке мощей его получают помощь и заступление. Чаще всего обращаются к святому Василию отправляющиеся в путь, особенно по водам, веруя, что он спасает в пути – на суше от напастей, на водах от потопления. Празднование святителю Василию, кроме 12/25 апреля, совершается еще 10/23 июля, 31 мая/13 июня и в Неделю Всех святых.

Апрель 15

Сухий мученик и 16 его сподвижников

Святой мученик Сухий и 16 его сподвижников грузин были знатными вельможами при дворе албанского (агванского) правителя (кавказская Албания – государство на территории нынешнего Азербайджана).

Сопровождая дочь албанского правителя Сатенику, супругу армянского царя Артаксара (88–123), святой Сухий и его 16 сподвижников оказались в Арташате, древней столице Армении (город был разрушен римлянами позднее, в 163 году). Там проповедовал грек-христианин Хризос, просвещенный и рукоположенный во иерея святым апостолом Фадеем († ок. 44 г., память 21 августа/3 сентября). Вельможи уверовали во Спасителя и твердо решили посвятить всю свою жизнь служению Богу. Все семнадцать новообращенных грузин последовали за Хризосом в Месопотамию. Во время крещения в водах Евфрата, совершенного иереем Хризосом, они удостоились видеть Господа Славы Иисуса Христа.

У места крещения святые мученики воздвигли честной крест и наименовали его «Крестом Благовещения». При крещении иерей Хризос дал всем святым новые имена: старшему – Сухий (вместо Багадраса), а его сподвижникам – Андрей, Анастасий, Талале, Феодорит, Ивхирион, Иордан, Кондрат, Лукиан, Мимненос, Нерангиос, Полиевкт, Иаков, Фока, Доментиан, Виктор и Зосима.

После мученической кончины блаженного Хризоса святой Сухий стал духовным руководителем братии. Вскоре все переселились в дикую местность на гору Сукакети, недалеко от горного селения Багреванди. Здесь бывшие вельможи вели самую строгую подвижническую жизнь, пищей им служила скудная горная растительность, а питьем – холодная ключевая вода.

Новый правитель языческой Албании Датианос узнал о том, что его бывшие вельможи приняли христианство и поселились в молитвенном уединении. Он поручил своему приближенному Барнапасу с отрядом воинов уговорить их вернуться ко двору и

обратиться к прежней вере. Барнапас разыскал святого Сухия и его сподвижников, но они соблюдая обет служения Богу, отвергли все уговоры.

Тогда по приказу Барнапаса святой Сухий и его сподвижники были крестообразно пригвождены к земле и преданы сожжению. Умирая, святой Кондрат, а за ним и другие мученики стали петь 21-й псалом. После сожжения их тела были изрублены и разбросаны по всей горе Сукакети, отчего мученики и получили название месукевийских (правильнее – Сукакетских). Это совершилось в 123 году (по другим данным – в 130 году; афонская пергаментная рукопись XI века Иверского монастыря указывает 100 год).

Священные останки мучеников оставались непогребенными и нетленными до IV века, когда были положены в гробы и преданы земле местными христианами (имена святых мучеников оказались начертанными на скале).

Святой священномученик Григорий, просветитель Армении († ок. 335 г., память 30 сентября/13 октября), воздвиг на том месте церковь и основал обитель. Впоследствии там открылся целебный источник.

Савва Готфский, мученик

Святой мученик Савва, по происхождению готф, жил в IV веке. В то время среди готфов проповедовал христианство епископ Вульфил. Среди многих крестившихся был и святой Савва. Св. Савва, проживая в Готфии среди рода лукавого и развращенного, явился как звезда в мире, подражая святым. Он вел добродетельную жизнь, был благоговеен, мирен, воздержан, готов ко всякому послушанию в праведном деле, кроток, прост в слове, но не в разуме, говорил за истину, заграждал уста идолопоклонникам; не был горд, но вел себя, как подобает смиренным, молчалив, не продерзлив в слове, весьма ревностен ко всякому благому делу. Савва «пел в церкви с великим тщанием» (некоторые полагают, что он был церковным певцом), не заботился об имуществе и стяжаниях кроме необходимого, трезв, воздержен во всем, целомудрен, всегда постился, в молитве пребывал без тщеславия, возбуждал всех к благому произволению, делал пристойное и не творил неприличного, словом, имел веру непорочную, любовь споспешествуемую, так что никогда не колебался с дерзновением говорить о Господе.

Готфские князья и судьи под влиянием языческих жрецов начали гонение на христиан и стали принуждать их к вкушению идоложертвенного мяса. Многие из язычников, чтобы сохранить жизнь своим близким и родственникам, принявшим христианство, подавали им вместо идоложертвенного обычное мясо. Некоторые христиане согласились на такой обман, но святой Савва отказался и заявил, что христианин должен открыто исповедывать свою веру. За это жители селения, где жил святой Савва, выгнали его, но потом просили вернуться. Когда преследование христиан усилилось, односельчане святого Саввы решили идти к судье и принести клятву в том, что среди них нет ни одного христианина. Тогда святой Савва громогласно заявил: «Не клянитесь за меня, потому что я – христианин». Жители пошли и поклялись, что в их селении только один христианин. По приказанию судьи к нему привели

святого Савву. Но судья, увидев его бедность, решил, что он не может ни помочь кому-либо, ни повредить, и отпустил его.

Между тем гонение продолжалось. Вскоре один из готфских военачальников по имени Афарид во время праздника Святой Пасхи напал на селение. Святой Савва собрался встречать великий праздник с епископом Гуфиком, но был возвращен с пути Ангелом в свое селение. К тому времени туда вернулся из Греции и пресвитер Сапсал. Воины схватили священника Сапсала и святого Савву, которому не дали даже одеться. Священника везли на телеге, а святого Савву, обнаженного, вели за телегой по терновнику, били палкой и бичами. Господь невидимо хранил мученика, так что когда наутро они достигли города, святой Савва сказал мучителям: «Посмотрите на мое тело, есть ли на нем следы от терновника и от ваших ударов?» Воины были удивлены, увидев мученика здоровым и невредимым, без малейшего следа перенесенных мучений. Тогда святого Савву растянули на осях телеги и били весь день. Ночью одна благочестивая женщина встала, чтобы приготовить еду домашним, увидела привязанного мученика и освободила его. Он стал помогать ей по хозяйству. Днем по приказанию Афарида святой Савва был подвешен к перекладине дома. Ему и священнику поднесли идоложертвенное мясо и пообещали отпустить на свободу, если они вкусят его. Священник Сапсал ответил: «Мы скорее согласимся, чтобы Афарид распял нас, чем вкусим оскверненное бесами мясо». Святой Савва спросил: «Кто прислал это мясо?» «Владыка Афарид», – ответил слуга. «Есть только один Владыка – Бог, Который на Небесах», – произнес мученик. В ярости один из слуг сильно ударил святого Савву копьем в грудь. Все думали, что мученик умрет, но святой не чувствовал никакой боли и сказал ударившему: «Твой удар был для меня не сильнее того, как если бы ты меня ударил мягкой шерстью».

Афарид велел предать святого Савву смерти. Священника Сапсала оставили связанным, а святого Савву повели к реке Муссова, чтобы утопить его. По дороге святой радостно благодарил Бога за то, что Он сподобил его пострадать за исповедание Его святого имени.

Слуги тем временем рассуждали между собой: «Почему бы нам не отпустить этого неповинного ни в чем человека? Афарид не узнает о том, что мы отпустили его». Святой Савва услышал их и воскликнул: «Исполняйте приказанное вам! Я вижу Ангелов, пришедших со славою взять мою душу!» Мученика бросили в реку, привязав к шее его большой обрубок дерева.

Святой Савва пострадал 12 апреля 372 года, когда ему было 38 лет. Палачи извлекли тело мученика и бросили на берегу, но христиане скрыли его. Позднее один из скифских вождей, христианин Иуний Саран, перенес мощи святого Саввы в Каппадокию, где они были приняты с честью святителем Василием Великим (память 1/14 января).

Мстислав-Феодор, благоверный князь Киевский

Князь Мстислав, сын Мономаха (во святом крещении Феодор) родился 1 июня 1076 года. Когда ему было всего 12 лет, его дед, великий князь киевский Всеволод (1078–1093), отправил внука княжить в Новгород. Юный князь прославился особенно своим великодушием, миролюбием, храбростью и любовью к построению храмов. Новгородцы любили своего доброго князя и ни за что не соглашались принять на его место другого.

В 1095 году они изгнали князя Давида, который ушел в Смоленск, и специально ходили в Ростов за благоверным князем Мстиславом.

Святой не хотел проливать неповинной крови. Он желал примириться с дядей и просил его довольствоваться наследованным городом Рязанью. Но Олег уже собирался в поход на Новгород. Тогда благоверный князь Мстислав разбил его в сражении (1096 г.), и Олег, потеряв Суздаль и Ростов, едва укрылся в Муроме. Святой Мстислав снова предложил мир и просил лишь вернуть пленных. Олег притворно согласился, и благоверный князь Мстислав распустил войско. В празднование великомученику Феодору Тирону, в субботу первой седмицы Великого поста, он спокойно сидел за обедом в Суздале, когда гонцы принесли ему весть, что князь Олег стоит на Клязьме с войском. В одни сутки благоверный князь Мстислав собрал войско и через 4 дня, когда к нему подошел брат, дал новое сражение. Олег в страхе бежал в Рязань, а святой Мстислав освободил пленников, вышел из Муромской земли и затем примирил Олега с великим князем Святополком (1093–1114) и своим отцом Владимиром Мономахом.

Благодарный за милости Божии, благоверный князь заложил в 1099 году на Городище вблизи Новгорода храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Именно для этого храма было написано знаменитое Мстиславово Евангелие, дорогой оклад которого был сделан в Константинополе. В 1114 году благоверный князь заложил в Новгороде церковь во имя

святителя Николая. Этот храм был знаком признательности святителю Николаю за исцеление. В тяжелой болезни благоверный князь усердно призывал на помощь святителя, мощи которого незадолго перед тем были перенесены в Бар (1087 г., память 9/22 мая). Святитель Николай в видении повелел послать в Киев за своей иконой, указав вид и меру. Посланные за иконой люди были задержаны на острове Липном разыгравшейся бурей. На 4-й день они обрели на воде ту самую круглую икону, которая была показана в видении. Больной князь приложился к иконе и получил исцеление. Впоследствии на месте явления иконы на острове Липном был устроен монастырь с каменным храмом во имя святителя Николая.

В 1116 году благоверный князь снова ходил на чужд, а после победы обновил в Новгороде крепость – «заложил Новгород велик» – и выстроил более обширные помещения для Новгородского владыки. Тогда же по его повелению посадник Павел заложил крепость в Ладоге, где был построен каменный храм в честь великомученика Георгия.

В 1117 году великий князь Владимир Мономах (1114–1125) вызвал сына к себе в помощники и перевел его в Белгород. В 1123 году благоверный князь Мстислав противостоял Волынскому князю Ярославу, который пытался захватить Киевское княжение и привел на Русь польские и венгерские войска.

В 1125 году умер великий князь Владимир Мономах, и благоверный князь Мстислав занял киевский престол. В то время он одержал блистательную победу над давними врагами Руси – половцами, прогнав их за Волгу. Полоцкие князья, которые не поддерживали благоверного князя, были высланы в Грецию. В 1127 году святой Мстислав дал клятву защитить черниговского князя Ярослава, изгнанного племянником. Духовенство и все люди умоляли его не проливать христианскую кровь. Благоверный князь послушался, но до конца жизни плакал, что преступил крестное целование.

В 1128 году благоверный великий князь заложил каменную церковь во имя великомученика Феодора Тирона (своего тезоименитого святого) в память о победе, одержанной над

черниговским князем Олегом. В 1131 году после удачного похода на Литву святой Мстислав заложил храм в честь Пирогощской иконы Божией Матери.

Преставился благоверный князь Мстислав 14 апреля 1132 года на Пасхальной седмице и был погребен в построенном им храме святого великомученика Феодора.

Святой князь почитался еще при земной жизни. Писец Мстиславова Евангелия называл его благоверным и христолюбивым. Изготовитель оклада Мстиславова Евангелия, Наслав, писал о себе: «Много труда подъял я и печали. Но Бог утешил меня молитвой доброго князя... Дай Бог его молитву всем христианам». Проложное житие святого благоверного князя было помещено под 15 апреля в сербском Богослужебном Прологе конца XIII – начала XIV вв. Этот Пролог был переписан с более раннего болгарского, источником для которого служил русский оригинал. Под 15 апреля известно житие благоверного князя Мстислава в болгарском синаксаре 1340 года (исследования показали, что источник этого синаксаря был также русский.) В этих прологах память святого благоверного князя Мстислава поставлена наряду с такими известными русскими памятями, как память святой равноапостольной великой княгини Ольги (11/24 июля), святых благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба (24 июля/6 августа). Эти факты свидетельствуют о широком почитании святого благоверного князя Мстислава в славянских странах.

Апрель 16

Феодора Нижегородская, преподобная

Преподобная Феодора, в миру Анастасия (Васса), дочь тверского боярина Иоанна и его супруги Анны, родилась в 1331 году. В 12 лет ее выдали замуж за нижегородского князя Андрея Константиновича. После 12 лет бездетной супружеской жизни князь скончался, приняв монашество († 1365). Святая княгиня прожила в миру еще 4 года, а затем даровала свободу всем слугам, раздала имущество и поступила в Нижегородский Зачатьевский монастырь. Ее постригал святой Дионисий, впоследствии архиепископ Суздальский († 1385; память 15/28 октября и 26 июня/9 июля). В иночестве святая часто пребывала без пищи день, два, а иногда и пять; ночи проводила в слезных молитвах, на теле носила власяницу. Она стяжала дар смирения и любви и все оскорбления переносила незлобиво. Пример ее святой жизни привлек в обитель весьма много благочестивых девиц. В ее общежительной обители постригались княгини и боярыни, всего было около 100 сестер. Преподобная Феодора скончалась в 1378 году.

Апрель 17

Александр Свирский, преподобный – прославление

Преподобный Александр Свирский родился 15 июня 1448 года, в день памяти пророка Амоса, и при крещении назван в честь его. Всю жизнь пребывая вдали от исторических событий, преподобный Александр, светоч монашества, в глубине лесов Русского Севера творил иную, духовную историю, удостоившись необычайных даров Святого Духа.

Родители его, Стефан и Васса (Василисса), были крестьяне приладожского села Мандеры, на берегу реки Ояти, притока реки Свири. У них было двое детей, которые уже выросли и жили отдельно от родителей. Но Стефану и Вассе хотелось иметь еще одного сына. Они усердно молились и слышали голос свыше: «Радуйтесь, доброе супружество, вы родите сына, в рождении которого утешение Бог подаст Своим Церквам».

Амос рос особенным отроком. Он был всегда послушен и кроток, избегая игр, смеха и сквернословия, носил скудную одежду и так изнурял себя постом, что вызывал беспокойство матери. По исполнении совершеннолетия он однажды встретился с валаамскими монахами, пришедшими на Оять для покупки необходимых монастырю вещей и по другим хозяйственным нуждам. Валаам к этому времени уже слыл монастырем высокого благочестия и строго подвижнической жизни. Разговорившись с ними, юноша заинтересовался их рассказом о скитской (по двое-трое вместе) и отшельнической жизни иноков. Зная, что родители хотели женить его, юноша в 19 лет тайно ушел на Валаам. Под видом спутника ему явился Ангел Божий, указавший путь на остров.

Семь лет жил Амос в монастыре как послушник, ведя суровую жизнь. Дни проводил он в трудах, ночи в бдении и молитве. Иногда обнаженный до пояса, весь покрытый комарами и мошками, молился в лесу до утреннего пения птиц.

В 1474 году Амос принял постриг с именем Александр. Через несколько лет родители случайно узнали от пришедших в Мандеру карелов, куда пропал их сын. По примеру сына, родители вскоре также ушли в монастырь и приняли постриг с

именами Сергей и Варвара. После их смерти преподобный Александр, по благословению игумена монастыря, поселился на уединенном монастырском острове, где в расщелине скалы устроил келлию и продолжил свои духовные подвиги.

Далеко разнеслась слава его подвигов. Тогда преподобный в 1485 году удалился с Валаама и, по указанию свыше, избрал место в лесу на берегу прекрасного озера Рощинского, которое стало впоследствии именоваться Святым, близ р. Свирь. Тут преподобный устроил себе хижину и в одиночестве прожил семь лет, питаясь лишь тем, что собирал в лесу. В это время святой испытал лютые страдания от голода, стужи, болезней и диавольских искушений. Но Господь постоянно поддерживал духовные и телесные силы проповедника. Однажды, когда, страдая тягостными недугами, преподобный не только не мог встать с земли, но и приподнять голову, он лежал и пел псалмы. И вот ему предстал преславный муж. Положив руку на больное место, он ознаменовал святого крестным знамением и исцелил его.

В 1493 году на жилище преподобного, во время охоты на оленя, случайно набрел соседний владелец Андрей Завалишин. Пораженный видом праведника, Андрей поведал ему о свете, виденном ранее над этим местом, и умолил преподобного рассказать ему о своей жизни. С тех пор Андрей стал часто посещать преподобного Александра и, наконец, по его наставлению, сам удалился на Валаам, где принял постриг с именем Адриана. Впоследствии он основал Ондрусовский монастырь и прославился святой жизнью († 1549; память 26 августа/8 сентября и 17/30 мая).

Андрей Завалишин не смог умолчать о подвижнике, несмотря на данное ему обещание. Широко разнеслась слава праведника, и к нему стали собираться иноки. Тогда преподобный уединился от всей братии и устроил себе отходную пустынь в 130 саженьях от общего жилища. Там ему встретилось множество искушений. Бесы принимали звериный облик, свистели по-змеиному, понуждая преподобного бежать. Но молитва святого, словно огненный пламень, палила и разгоняла бесов.

В 1508 году, на 23-м году пребывания преподобного в заповеданном месте, ему было явление Живоначальной Троицы. Преподобный ночью молился в отходной пустыни. Вдруг воссиял сильный свет, и преподобный увидел вшедших к нему Трех Мужей, облаченных в светлые, белые одежды. Освященные Небесной славой, Они сияли чистотой ярче солнца. Каждый из них держал в Своей руке жезл. Преподобный пал в страхе, а, придя в себя, поклонился до земли. Подняв его за руку, Муже сказали: «Уповай, блаженне, и не бойся». Преподобный получил повеление построить церковь и устроить обитель. Он снова пал на колени, взывая о своем недостойнстве, но Господь восставил его и повелел исполнить указанное. Преподобный спросил, во имя кого должна быть церковь. Господь же сказал: «Возлюбленный, как видишь Говорящего с тобою в Трех Лицах, так и созижди церковь во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единосущной Троицы. Я оставляю тебе мир и мир Мой подам тебе». И тотчас преподобный Александр увидел Господа с простертыми крылами, словно по земле ходящего, и Он стал невидим. В истории Русской Православной Церкви это Божественное нисхождение известно как единственное. После этого явления преподобный стал думать, где строить церковь. Однажды, во время молитвы к Богу, он услышал голос свыше. Посмотрев в высоту, преподобный увидел Ангела Божия в мантии и куколе, подобно, как видел преподобный Пахомий Великий. Ангел, стоя в воздухе с простертыми крылами и воздетыми руками, произносил: «Един Свят, Един Господь Иисус Христос, во славу Бога Отца, аминь». И потом обратился к преподобному: «Александр, на этом месте да созиждется церковь во Имя явльшегося тебе в Трех Лицах Господа, Отца, и Сына, и Святаго Духа, Нераздельной Троицы». И, трижды перекрестив место, Ангел стал невидим.

В том же году была построена деревянная церковь Живоначальной Троицы (в 1526 году на ее месте воздвигнута каменная). Сразу же по построении церкви братия стали упрашивать преподобного принять священство. Он долго отказывался, считая себя недостойным. Тогда братия стали

молить святителя Серапиона, архиепископа Новгородского († 1516, память 16/29 марта), чтобы он убедил преподобного принять сан. В том же году преподобный ездил в Новгород и получил посвящение от святителя. Вскоре затем братия умолили преподобного принять игуменство.

Став игуменом, преподобный сделался еще смиреннее, чем прежде. Одежда его была вся в заплатах, спал он на голом полу. Сам готовил пищу, месил тесто, пек хлеб. Однажды не хватило дров и эконо́м просил игумена послать из иноков тех, кто празден, за дровами. «Я празден», – сказал преподобный и стал рубить дрова. В другой раз так же начал носить воду. А ночью, когда все спали, преподобный обходил келлии и, если слышал где суетные разговоры, легонько стучал в дверь и уходил, а утром наставлял братию, налагая епитимию на виновных.

Под конец жизни преподобный Александр задумал построить каменный храм Покрова Пресвятой Богородицы. Было заложено основание храма. Однажды вечером, после совершения акафиста Пресвятой Богородице, преподобный сел отдохнуть в келлии и вдруг сказал келейнику Афанасию: «Чадо, трезвись и бодрствуй, потому что в этот час будет чудное и ужасное посещение». Послышался голос, подобный грому: «Се Господь грядет и Рождшая Его». Преподобный поспешил в предсение келлии, и его осиял великий свет, распространившийся над всем монастырем ярче солнечных лучей. Посмотрев, преподобный увидел над основанием Покровской церкви сидящую на алтарном месте, словно царица на престоле, Пречистую Богородицу. Она держала Младенца Христа на Своих руках, а множество ангельских чинов, блистающих неизреченной светлостью, предстояло Ей. Преподобный упал, не стерпев великого света. Богородица сказала: «Восстань, избранник Сына и Бога Моего! Ибо вот пришла посетить тебя, возлюбленный Мой, и посмотреть основание Моей церкви. А за то, что молился об учениках и обители твоей, вот отныне всем она будет изобиловать; и не только при жизни твоей, но и по отшествии твоём неотступно буду от обители твоей, подавая неоскудно все потребное.

Смотри же и наблюдай тщательно, сколько иноков сошлось в твою паству, которые тобою должны быть наставлены на путь спасения о Имени Святой Троицы». Преподобный встал и увидел множество иноков. Мать Божия снова сказала: «Возлюбленный Мой, если кто и один кирпич принесет на построение церкви Моей, во Имя Иисуса Христа, Сына и Бога Моего, не погубит и мзды своей». И Она стала невидима. Перед своей кончиной преподобный проявил удивительное смирение. Он призвал братию и повелел ей: «Свяжите тело мое грешное по ногам веревкой и отволочите его в болотную дебрь и, закопавши во мху, потопчите своими ногами». Братия отвечали: «Нет, отче, не можем сотворить этого». Тогда преподобный указал не хоронить его тело в обители, но в отходной пустыни, у церкви Преображения Господня. Прожив 85 лет, преподобный 30 августа 1533 года отошел ко Господу.

Дивными чудесами прославился преподобный Александр Свирский при жизни и по кончине. В 1545 году ученик и преемник преподобного игумен Иродион составил его житие. В 1547 году началось местное празднование памяти преподобного и была составлена служба ему. В 1641 году, 17 апреля, при перестройке церкви Преображения, были обретены нетленные мощи преподобного Александра Свирского и ему установлено общецерковное празднование на две даты: день преставления – 30 августа/12 сентября и день прославления (обретение мощей) – 17/30 апреля.

Зосима, игумен Соловецкий

Преподобный Зосима, игумен Соловецкий, был уроженцем села Толвуя Новгородской епархии, расположенного на берегу Онежского озера. Воспитанный в строгом благочестии своими родителями Гавриилом и Варварой, он с ранних лет отличался кротостью и смирением. Еще отроком преподобный Зосима был научен грамоте и большую часть времени проводил в изучении Священного Писания и чтении духовных книг. Целомудренный юноша решил отказаться от брака и всю свою жизнь посвятить служению Богу. Когда родители пытались склонить его к женитьбе, он удалился из дома и поселился в молитвенном уединении. Не имея навыков несения монашеского послушания и тяготясь близостью своего местопребывания от родительского дома, юноша решил отправиться подальше в надежде найти пустынное место. Он усердно молил Бога послать ему опытного учителя, который показал бы пример добродетельной жизни и монашеского подвига. Вняв молитве благочестивого юноши, Господь устроил встречу с добродетельным старцем Германом в устье реки Сумы. Преподобный Зосима рассказал старцу о своих поисках удобного для пустынножительства места и о заветном желании основать монашескую обитель, в которой могли бы спасаться подвижники-отшельники. Блаженный Герман был сподвижником преподобного Савватия, скончавшегося за год до этого – 27 сентября 1435 года, после пятилетнего пребывания в безмолвии на пустынном и суровом Соловецком острове. Рассказы старца об этом острове и об удивительной жизни преподобного Савватия пробудили у юного Зосимы искреннее желание отправиться на Соловецкий остров. Блаженный Герман с радостью согласился не только препроводить благочестивого юношу на остров, но и поселиться там вместе с ним. Преподобные Герман и Зосима благополучно переправились на Соловки. Соорудив хижину и совершив всенощное бдение, отшельники предали себя воле Божией и попечительству Царицы Небесной. Наутро, выйдя из хижины, прп. Зосима увидел яркий луч света, исходящий с неба и

освещавший пространство вокруг их жилища. Возведя очи к востоку, преподобный был удивлен явственным видением: над его головой в воздухе возвышался храм, сверкавший белизной и поражавший своей неизреченной красотой. Это чудесное знамение было воспринято иноками как благословение Божие их замыслу основать здесь святую обитель. Вскоре они построили келлии, устроили огород, в котором трудились в поте лица своего, и, соблюдая строгие правила иноческие, усердствовали в посте и молитве. Однажды блаженный Герман отправился через море на лодке, чтобы пополнить оскудевшие запасы хлеба. Неожиданное наступление холодов и непогода не позволили ему возвратиться на остров до самой весны. Оставшемуся в одиночестве преподобному Зосиме угрожала голодная смерть. Воспользовавшись этим, диавол старался всевозможными ухищрениями и запугиваниями подчинить его своей воле. Твердость духа, непрестанная и горячая молитва и великое упование на милость Божию оградили инок и помогли ему преодолеть диавольское искушение. Господь не оставил Своего угодника и послал ему двух Ангелов, явившихся в облике незнакомцев, которые принесли с собой пищу. Ее хватило до самой весны, когда вернулся на остров блаженный Герман. Той же весной преподобный Зосима вместе с Германом и прибывшим с ним на остров Марком построил небольшой храм в честь Преображения Господня на месте, где ему было чудесное видение светоносного столпа и небесного храма. В этой первой на острове деревянной церкви был устроен придел во имя святителя Николая Чудотворца. Обнеся храм и вновь построенные келлии деревянной оградой, иноки положили начало святой обители, названной ими Спасо-Никольской, и учредили в ней общежительный устав. Постепенно на Соловецкий остров стали прибывать новые иноки. Число келлий росло. Тогда преподобный Зосима направил одного из послушников к епископу Новгородскому Ионе с просьбой о поставлении для них игумена и благословении на освящение новосозданного монастыря. По распоряжению епископа на остров прибыл иеромонах Павел, который освятил Соловецкую обитель, но, не выдержав суровой пустынной жизни, вскоре

оставил братию, сложив с себя игуменские обязанности. То же самое произошло и с присланным новым игуменом Феодосием. Собравшиеся на совет братия решили призвать к игуменскому служению самого преподобного Зосиму, который, однако, по своему великому смирению не давал на это согласия. Только благословение архиерея помогло уговорить преподобного. В 1452 году его вызвали в Новгород для рукоположения в священный сан и назначения на игуменство Соловецкой обители. По возвращении из Новгорода, когда преподобный Зосима совершал свою первую в монастыре Божественную литургию, лицо его по благодати Святого Духа светилось «яко лице Ангелово», а храм наполнился неизреченным благоуханием. Постоянно умножавшиеся братия строили новые келлии и воздвигли большой деревянный храм с трапезой. За алтарем этого храма в честь Успения Божией Матери были погребены в 1471 году торжественно перенесенные нетленные мощи преподобного Савватия Соловецкого, покоившиеся на берегу реки Выти, на месте кончины святого подвижника. Тем временем мирная жизнь Соловецкой обители стала все чаще нарушаться со стороны иноверных народностей, препятствовавших обычному ведению монастырского хозяйства и рыбной ловле. В поисках защиты преподобный Зосима отправился в 1470 году в Новгород к архиепископу Феофилу с просьбой о помощи. Простосердечный игумен не гнушался обходить дома местной богатой знати и просил содействия и защиты. Так, однажды он пришел в дом Марфы Борецкой, богатой вдовы новгородского посадника, которая, однако, грубо его прогнала. Раскаявшись впоследствии, она получила прощение милосердного угодника Божия, которому оказала щедрую материальную поддержку и содействие. В результате предпринятой поездки в Новгород преподобному Зосиме удалось получить необходимую защиту Соловецкой обители от притеснений и посягательств на ее владения, архиепископ и бояре выдали для монастыря охранные грамоты, скрепленные печатями архиерея, посадника и тысяченачальника, предоставлявшие в распоряжение святой обители всю территорию острова. Кроме охранных грамот преподобный

Зосима привез с собой на Соловецкий остров пожертвованные обители церковные сосуды, священнические одежды, золото, серебро и большое количество продовольствия. Предание сохранило рассказ об исполнившемся пророчестве преподобного Зосимы. Приглашенный на обед к обидевшей его, но раскаявшейся потом Марфе, преподобный ужаснулся при виде за столом шестерых известных в Новгороде бояр. На вопрос своего ученика Даниила о причине ужаса, изобразившегося на его лице, игумен Соловецкий ответил, что предвидит мученическую кончину бояр, которые виделись ему сидящими за трапезой обезглавленными. По прошествии нескольких лет предсказание преподобного Зосимы исполнилось: все шестеро бояр были за поступки казнены по приказу великого князя Иоанна III. Незадолго до своей кончины преподобный Зосима сам выкопал себе могилу и стал готовиться к смерти, усердно молясь о благоденствии и преуспевании созданной им обители. Призвав к себе братию, он предложил им самим выбрать себе будущего игумена Соловецкого монастыря. Объятые великой печалью, иноки плакали и не смели назвать имя возможного преемника преподобного Зосимы, просили его не оставлять их без молитвенного заступления и предстательства. Тогда святой угодник Божий назначил им в игумены добродетельного и старательного монаха по имени Арсений, которому поручил строго блюсти монастырский устав, расширять и украшать святую обитель и утверждаться в любви к Богу и подопечной братии. Преподобный Зосима преставился 17 апреля 1478 г. после 26-летнего своего игуменства, прожив 42 года на Соловецком острове. Погребен он был за алтарем монастырского соборного храма в честь Преображения Господня в выкопанной им самим могиле. После блаженной кончины преподобного Зосимы по его молитвам стали совершаться многочисленные чудеса и исцеления. 8 августа мощи преподобного были перенесены в новопостроенный придел храма во имя преподобных Зосимы и Савватия.

Много чудес было засвидетельствовано, когда преподобный Зосима с преподобным Савватием являлись гибнущим в

морской пучине рыбакам. Преподобный Зосима также покровитель пчеловодства и хранитель пчел, ему усвоено даже именование «пчельник». К преподобному Зосиме часто прибегают и в болезнях. Множество больничных храмов, посвященных ему, свидетельствуют о великой целительной силе его молитв перед Богом.

Апрель 18

Евфимий, Антоний и Феликс Карельские, преподобные

В рукописных святцах о прп. Евфимии сказано: «Прп. Евфимий начальник монастыря Карельскаго на Двине реце». Он был основателем Никольского монастыря на Карельском берегу, не вдали от Белого моря, около 1410 г. Но едва он успел выстроить храм во имя святителя Николая и несколько келлий, как в 1419 году норвежцы напали на обитель, сожгли церковь и убили несколько иноков. Преподобный Евфимий вновь начал строительство. В это-то несчастное для обители время сыновья известной Новгородской посадницы Марфы Борецкой Антоний и Феликс, осматривая обширные владения своей матери по побережью Белого моря, утонули в р. Двине. Пораженная их потерей, Борецкая предоставила Евфимию богатые средства возобновить обитель свою над гробами ее сыновей. Антоний и Феликс, известные своею благочестивою жизнью и благотворительностью к бедным, скончались в молодости. В рукописных святцах Карельского монастыря их имена были внесены в число святых. Над гробницами святых братьев была устроена часовня, а с 1719 года – храм в честь Сретения Господня. Преподобный Евфимий прославился апостольскими трудами в просвещении карелов. Он скончался в 1435 году, а в 1647 году были открыты его мощи. Преподобным Евфимию, Антонию и Феликсу имеется служба. Память преподобного Евфимия в «Иконописном подлиннике» полагается также 20 января/2 февраля ради тезоименитства с преподобным Евфимием Великим.

Апрель 20

Александр, иугмен Ошевенский, преподобный

О родителях блаженного отрока Алексия. Я хочу написать житие преподобного отца нашего Александра, которому прозвание – Ошевен. Ведь вы, отцы блаженные, воистину преблаженные, понудили меня грешного и недостойного невежду. Но выше моих сил это дело, ибо препятствует недостойнство мое и слабость ума моего, не могу осмелиться, и рассказывать стыжусь. А пройти молчанием мне горько, я боюсь ослушания и не могу утаить слова. Ибо любовь к святому и желание поведать чудеса его жжет, как огонь, внутренности мои. Но умоляю вас, честный собор, христоименитое стадо, богоизбранное собрание, святое ополчение: если вы хотите узнать и разумно услышать, прежде помолитесь обо мне, чтобы дано мне было слово от Бога, чтобы я с помощью Божией и в надежде на молитвы преподобного мог рассказать, что вы желаете.

Добро же есть, отцы святые и братия боголюбезные и чада возлюбленные о Христе, прежде поведать о сем блаженном отроке, из какой он был области и от кого родился: от области славного города Бела озера, находящегося в стране северной. Есть там озеро, называемое Вещеозеро. Верст около шестидесяти от города того есть село, также называемое Вещеозерским. Там жил некий человек, именем Никифор, по прозванью Ошевен. Тот Никифор был человек мужественный и известный в стране той; не был он вельможею, не отличался высоким саном, но был славен своею добродетельною жизнью. Был он земледелец, благочестивый, богобоязненный и весьма нищелюбивый. Сиял добродетелями и творил много добра всеми силами, более же всего был украшен добронравием, беззлобием и правдивостью, милостью и кротостью. Молитвою и постом угождал Богу. Избрал он себе в жены подобную себе, именем Фотинию, и сочетался с ней законным браком. Во всяком добронравии следовала она мужу своему. Так во благочинии и чистоте, в смирении любви жили они безмятежно.

И родились у них сыновья и дочери. Просветив их Божественным крещением и научив добронравию, радовались они о Господе. Затем прошло несколько лет, и не родилось у них еще детища. Оба они грустили и весьма сожалели об этом, и были души их погружены в великую жалость и уныние. И за то муж укорял и оскорблял блаженную Фотинию, говоря: «Есть в тебе, женщина, какой-то порок или грех!» Верная и благонравная супруга, по своему смирению, ничего не отвечала на упреки, но только от жалости и умиления проливала слезы. Видя, как унывает и печалится его супруга, Никифор перестал говорить ей об этом. Фотиния же, чувствуя, что муж ее, снедаемый горем, теряет душевную бодрость, отвергла от себя всякую печаль, возложила надежду на Бога и Пречистую Его Матерь и, избрав благополучное время, пошла в соседний монастырь. Войдя в церковь Пресвятой Богородицы, во имя честного Ее Успения, Фотиния пробыла там долгое время, молясь о даровании сына.

Так поступила Фотиния не один раз, не дважды, но много раз. Однажды пришла она в церковь и, став на месте, где всегда обычно молилась, воздела руки кверху и, возрев на образ Пречистой, горько стеная и умильно плача, сказала: «О всемилостивая Госпожа, Владычица Богородица! Нет у меня иной надежды, кроме как на Тебя, Госпожа Богородица: никто не уходит от Тебя посрамленным, но просит и получает; и ныне, Госпожа, сотвори мне знамение во благо и исполни просьбу нашу. Тебя же ублажают все роды и все века, аминь».

Пала она ниц на землю и от великого плача и рыдания пришла как бы в исступление ума, или впала как бы в сон. Вдруг увидела она великое сияние и в свете том Жену некую, светлообразную, на лицо Которой невозможно смотреть, как на лучи солнечные. Была Она облечена в багряную ризу и Ей сопутствовало много святых мужей в белых ризах. И еще увидела женщина старца светлепого, украшенного сединами. Указывая на старца, светлообразная Жена сказала: «Веселитесь ныне, добрые супруги! Ибо по прошению вашему, молитвами старца сего, подаст вам Бог сына знаменитого», – и назвала старца Кириллом. «Сим отроком прославится имя

Господне, и Бог прославит его, и многие через него спасение получат».

Поднявшись с земли, Фотиния не могла сказать ни слова от радости и ужаса и не поняла случившегося в то время. Потом начала она воздерживаться от зачатия детища, отлучилась от законной любви и от ложа, отдельно и в чистоте тела желая себя сохранить до конца своей жизни.

«Благ Господь всем призывающим Его и молитвы их услышит» (Пс. 144, 18–19). И услышал Господь моление их, как и прочих праведников, ибо сказано в некоем писании: лишь только человек возведет свои мысли к Богу с верою, вселится Бог в сердце его и, сияя, как солнце, просветит ум его и житие светом разума.

Спустя некоторое время родился у супругов младенец и нарекли ему имя Алексей. Родился блаженный младенец, как мы узнали, в 1427 году, в 17-й день месяца марта, при державе царя и великого князя всея России Василия Васильевича, при великом князе белозерском Андрее Дмитриевиче и при митрополите Киевском и всея России Фотии. Родители блаженного младенца весьма обрадовались и прославили Бога.

Немного времени спустя еще раз возродили они детище свое – водою и Духом, просветили его Божественным крещением. Блаженный же отрок укреплялся духом о Господе и хорошо рос. Когда достиг он поры учения, отдали его на обучение грамоте и святым книгам одному из бывших там учителей – дьяку некоему. Отрок быстро освоился с книжными занятиями и получил навык в Божественном Писании. Учитель отрока удивлялся столь быстрым его успехам, и сказал себе: «от Бога далось ему понимание книг, а не от моего преподавания». А было это все по смотрению Божию, ибо *всякое даяние благо, и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Тебе Отца светов!* (Иак. 1, 17).

В один из дней пошел освященный отрок Алексей, по обычаю своему, в церковь Пречистой Богородицы, честного Ее Успения, пал ниц перед образом Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери и сказал со слезами: «Господи Иисусе Христе, Сыне Единородный! Не скрой от меня заповедей Твоих,

но подай разум мне, ищущему Тебя, во всем, ибо Ты благословен во веки. Аминь».

Когда блаженный отрок лежал на земле, проливая многие слезы, явилось ему некое явление Божие и услышал он глас: «Встань без боязни! Получишь ты, о чем просишь».

Услышав сие от Божественного гласа, отрок тотчас поднялся с земли, воздал благодарственные молитвы к Богу и удалился в дом свой, весьма радуясь. Видя сияющее лицо сына, родители возрадовались душою, уразумев, что было ему посещение от Бога. Благодарили они за сие Господа, еще большая любовь к сыну овладела ими и, повседневно глядя на него, не могли наглядеться. И не только родители радовались разумности отрока, но ближние и соседи их говорили, что сей блаженный отрок какой-то особенный, просияет добродетелями, красотой телесной и многой мудростью. Ибо отрок был благообразен и весел душою; преуспевая в учении, день и ночь внимая чтению Божественных книг, пребывал во всяком повиновении родителям своим, стараясь ни в чем не преслушать их.

И предался он воздержанию, изнуряя тело свое постом; по всем дням единожды вкушал он хлеб, и то в меру и не досыта, от ранней пищи он воздерживался. Ночью мало вкушал сна. Родители изумевались чудному воздержанию его, ибо необычно для такого возраста усиленное подвижничество. Мать стала ласково увещать его, говоря: «Возлюбленное мое чадо, зачем ты сокрушаешь свое тело? Разве ты не знаешь, что многое воздержание причиняет вред телу, особенно, когда оно молодо и расцветает. Нам ты этим доставишь немалую скорбь. Поэтому, чадо, не преслушайся нас, но вместе с нами вкушай пищу и спи, подобно нам».

На это благоразумный отрок отвечал: «Зачем, мать, ты так говоришь мне, отлучая меня от сладостного для меня воздержания! Я думаю, что нет ничего полезнее воздержания для тех, кто им обладает, и я не слышал, чтобы родители научали своих детей злomu и бесполезному. Ибо, угождая плоти, они удаляются от Бога, особенно когда дитя юно и борется с плотью. В Писании ведь сказано, что брашно и питье нас не

поставляет перед Богом (1Кор. 8, 8). Позволь же мне, мать, совершить с Божией помощью то, что я начал».

Мать отрока удивилась премудрому ответу и, видя его доброе о Боге произволение, ответила ему: «Как хочешь, чадо, так и твори, возлюбленный». Затем со вздохом сказала ему: «Послушай, чадо, что скажет тебе мать твоя, и слова эти вложи в сердце твое».

И стала ему рассказывать все подробно, как она молилась Пресвятой Богородице и как ей явилось чудное видение и свет неизреченный, а в свете том увидела она Жenu светлообразную, одетую в багряную ризу, и светоносного старца, на которого Жена показывала перстом; передала она ему подробно и слова, произнесенные Ею. Услышав это от матери, блаженный отрок удивился и, увлеченный ее рассказом, спросил: «О мать моя! слышу о чуде и удивляюсь; я понял, что та Жена была Пречистая Богородица, но не знаю, кто был чудный тот старец, где жилище его, или монастырь, или пустынь, жив ли он, или преставился. Не скрывай, мать, сию тайну от чада своего!»

Ласково улыбнувшись, мать ответила ему: «Чадо Алексей, как мне утаить того, кого Господь Бог по всей вселенной прославил чудесами. Верст шестьдесят или несколько далее от нашего селения, по правую сторону Бела озера, есть монастырь, Кириллов называемый. А сей Кирилл был в том монастыре игуменом: велико было о Боге житие его, и тот монастырь создал он, и церкви воздвиг, и собрал братию. Монастырь его чуден и славен и братия его отличается великим воздержанием. Сам игумен Кирилл преставился в созданном им монастыре, но не знаю, сколько лет прошло по преставлении его. Только мы слышим, что многие чудеса проистекают от раки его. Память же преставления его празднуется 9/22 июня. Многие из нашего селения ходили на тот праздник – память его и получали пользу.

Выслушав эти слова от матери своей, блаженный юноша скрыл их в своем сердце и стал еще более приучать себя к подвигам. И никогда ум его не отклонялся, как это свойственно детям, к играм и смехотворным словам. Но вместо смеха предавался он изнеможению и печали. И насколько он

заботился о простоте, настолько питал он ум свой премудростью и насыщался постоянным воздержанием, голод и холод считал он наслаждением. Было видно, что по разуму своему он далек от детского возраста, так что все говорили: «Новое некое знамение проявится в сем отроке, ибо на нем благодать Божия».

И отсюда произошло начало премудрости – страх Божий. Вместе с тем отрок становился причастником Божественной любви, и день ото дня разгорался в нем огонь непрестанного желания. Славу, богатство и все мирское называл он многомятежным и непостоянным, видимую красоту и роскошную жизнь считал за тень, обильную пищу, веселие и все, что есть человеческого на земле, полагал он как суетное и несущественное. По правому пути пошел он, упражнялся в поучении Божественных книг и ежедневно без лени посещал церковь; хотя и далеко от церкви было его жилище, но он был близок к ней верою и теплою любовью. И не причинила ему вред никакая тварь, ни жар дневной, ни зной солнечный, ни дождь, ни ярость зимы, ни лютость мороза, ни буря и вихрь, ни иней, ни снег во время хождений в храм Божий. Приходя в церковь, слушал он Божественное пение и сам пел и читал жития и поучения святых отец. Слушал он и старался все так исполнить.

Любил он пост и сухоядение; празднословие же, смехотворение бесчинное, песни нечистые и душевредные, юношескую страсть – все что оскверняло его душу – он бесконечно ненавидел. Был он благ, кроток, приветлив ко всем, весьма нищелюбив, но более всего любил и почитал иноческий сан, так что и сами родители его удивлялись, видя столько сдержанности и благонравия в юном его возрасте, как будто не от них он был рожден, но воистину дан Богом.

Родители хотят сочетать Алексея законным браком, но он отходит в Кириллов монастырь и остается в нем. Когда блаженный возмужал и минуло ему лет восемнадцать, родители пожелали сочетать его законным браком. Блаженный же юноша испытывал непрестанное желание бежать от мира и от всех земных похотей и приблизиться к Богу. Уже слышал он от

матери своей и от других о монастыре Кирилла чудотворца, о постящихся в нем братиях и прочих пустынных монастырях, где Богу работают и спасаются.

Готов Господь к молитве рабов Своих, и сей блаженный был как бы научен Богом. Пришла ему мысль идти в Кириллов монастырь помолиться Спасу и Пречистой Его Матери и приложиться к чудотворцевой раке. И захотел он исполнить сию мысль на деле. Пришел блаженный к родителям и попросил их отпустить его с обычным благословением и молитвою: «О господа мои, если я получу от вас благодать и вы меня благословите и отпустите, то вот и спутники мне готовы. Есть у меня желание, хочу я исполнить обет, пойти в Кириллов монастырь помолиться Спасу и Пречистой Его Матери и приложиться к чудотворцевой раке. Если же я замедлю там, не прогневайтесь на меня».

Отец, желая исполнить просьбу его, сказал ему: «Господь с тобой, чадо; да благословит Он тебя и поможет в пути твоём!»

Мать же, как матерям свойственно, обняла его и любовно поцеловала. И отпустили они его с миром, наказав ему скоро возвратиться, ибо они видели, что не просто в ту обитель хочет он идти, но желает найти живой источник – Христа, чтобы Он напоил его душу, пылающую желанием любви к Богу. Приняв от родителей благословение, блаженный юноша вышел из дому, не имея с собой ничего, кроме одежды и куска хлеба, ради телесной немощи. Недалеко отойдя от дома своего, блаженный оглянулся, посмотрел издали на дом свой и сказал: «Боже, Ты повелел Аврааму, рабу своему: *изыди от земли твоя и от рода твоего* (Быт, 12, 1); научи ныне и меня страху твоему. Вот я оставил дом свой имени Твоего ради. Не затвори же от меня дверей Царствия Твоего!»

Долго плакал блаженный. Затем устремился в путь свой и наполнился многою радостью. Быстро догнал он своих спутников и весело пошел со своими товарищами. Немного дней спустя достигли они обители и, приблизившись к монастырю, увидели церковь Пречистой Богородицы. Прежде чем войти в монастырь, блаженный пал ниц на землю и помолился Всемиловитому Спасу и Пречистой Его Матери.

Долго молился блаженный со слезами, говоря: «Благодарю Тебя, Господи мой, за то, что Ты не оттолкнул меня, грешного и недостойного раба Твоего, и сподобил меня видеть дом Пречистой Твоей Матери. Сподоби меня поселиться здесь и сопричти меня избранному Твоему стаду; пусть я буду ему слугою».

Восстав от молитвы, блаженный увидел, что дружина его ушла вперед. Он быстро и скоро догнал спутников. Подойдя к воротам монастыря, они увидели вратаря, стоящего у ворот, поклонились ему и сказали: «Господине, скажи о нас игумену; мы хотим, чтобы он благословил нас».

Вратарь пошел и сказал о них игумену. Игумен же велел прийти им к себе. Они пришли и поклонились игумену до земли. Справившись через старшего о именах их и о селении, игумен спросил: «Зачем вы пришли к нашему смирению?»

Назвали они игумену свое селение, поведали ему свои имена и сказали: «Пришли мы, господине отче, во святую сию обитель помолиться Спасу и Пречистой Его Матери, приложиться к чудотворцевой раке, благословиться от твоей святыни и принять от отцов молитву».

И дали они игумену на молебен, сколько были в силе. Когда игумен беседовал с ними, то часто взглядывал на юношу Алексия, и подумал: «Что это значит? Сего юношу я очень полюбил. Не знаю почему, но благодать Божия почиет на нем». Но не сказал ничего. Затем игумен благословил их и дал им приставника, чтобы он отвел их приложиться к гробу чудотворца и потом пошел с ними к келарю, чтобы тот поставил им трапезу, накормил их и дал им отдельное помещение, где бы они отдохнули с дороги. Приставник пошел с ними к чудотворцеву гробу, а потом к келарю. Келарь накормил их и дал им особое помещение для отдыха, как велел игумен.

Настал праздник памяти Кирилла чудотворца, и собралось множество народа от многих областей. Праздник честно праздновали, веселясь духовно; радостно проводили его, и все множество народа разошлось, каждый на место своего жительства.

Блаженный же юноша Алексей скрылся от своей дружины, поведав лишь одному из друзей своих: «Хочу здесь остаться, побыть несколько времени».

Родителям же своим послал он письмо, запечатав его. Человек, с которым было послано письмо, пришел в дом Никифора; помолившись Спасову образу и Пречистой Его Матери, поклонился он до земли господину дома, Никифору, а также жене его, и сказал: «Сын ваш Алексей челом бьет». Вздыхнул Никифор и сказал: «Горе мне и беда! Что случилось с сыном нашим, где он остался, почему не пришел с вами, жив ли он, или умер, – скажи скорей, не медли!»

Жена Никифора также исполнилась жалостью многою и зарыдала. И был в дому Никифора плач великий, вопль и рыдание горькое, точно над мертвым. Пришли соседи, но не могли ни уговорить хозяев, ни утешить их в печали. А человек, который принес письмо, не успевал ничего сказать, но только отирал на лице пот, ибо день был очень жаркий, а шел он скоро, и пот лил с него рекою. Лишь успел он проговорить: «О Никифор! не плачь и не печалься: сын ваш, Алексей, жив и был в добром здоровье, когда оставил нас».

Затем, опустив руку в суму, вынул он письмо и подал Никифору. Никифор взял письмо и дал дьяку, а дьяк стал читать написанное: «Господа мои; родители, сын ваш меньшей, Алексей, челом бьет. Не прогневайтесь на меня за то, что я остался послужить в обители некоторое время. Снова я возвращусь к вам, творя нам угодное. Вы знаете, господа мои, что я никогда не ослушался вас и не прекословил. А в обители сей многие из бояр и из вельмож и из простых людей трудятся, служа Бога ради. Не запрещайте же мне побыть здесь. Будьте здоровы о Господе, господа мои». Прослушав такое письмо от сына своего, Никифор сильно опечалился и огорчился и с великой болью сердца сказал: «Тотчас пойду я в монастырь, с великим бесчестьем возьму Алексея, приведу домой и поставлю его на тяжелую работу, и будет он для меня не сын, но злой и негодный раб. Все мы хотели сочетать его законным браком, чтобы он жил с нами до дня смерти нашей, покоил бы старость нашу, стал бы наследником нашего достояния и погреб

кости наши. Когда я воспитывал своих детей и заботился, как их вырастить и научить добру, не имел я покоя ни днем ни ночью, работая, как раб у господина без выкупа, желая получить честь. Не щадил я имения своего, творя им угодное. А теперь кто не посмеется нашему безумию и глупой старости, кто не скажет: этот человек по пустому прожил дни свои; детей воспитал и распустил, один сюда ушел, а другой туда. Кто успокоит старость нашу, кто накормит нас и напоит, кто погребет кости наши? Сын наш изучил Божественные Писания, а ум его не достиг совершенного смысла, забыв написанное у святых отцов: «тогда сын будет свободен, когда погребет кости родителя своего». Сей же сын наш, нами рожденный и воспитанный, ушел от нас, не захотел о нас заботиться, не захотел нас покоить и поддерживать, желая ходить праздным все дни. А ведь известно ему писание святых отцов, где сказано, что всякое зло от праздности рождается».

Все это сказал Никифор, не зная от великой жалости и печали, что делать. Также и жена его говорила с плачем: «О чадо мое Алексей, что ты наделал! От своего отца ты скрыл свой замысел, но отчего ты не поведал его мне, матери своей? Я бы понемногу уговорила мужа, господина своего, твоего отца, чтобы ты не разбил сердце отца своего и не причинил скорби мне, матери своей. Теперь и заслуживаю двойного плача, видя мужа, господина своего, снедаемого печалью, и лишаясь тебя, своего детища. Уже я не вижу тебя, сидящего с нами за трапезою и веселящегося с братьями, не слышим мы из уст твоих чтения Божественных слов, ни твоих скромных речей. Ты оттолкнул любовь родителей и оставил в унынии братьев своих».

Так пропела печальную песню доброгласная ласточка. Жалостно было это зрелище и достойно умиления! Кто знает, какая скорбь бывает у родителей о детях, жалость тому сокрушает сердце, снедает печаль душу.

В это время старший сын Никифора Амвросий, работавший на поле с братьями и слугами, пришел домой, еще не зная случившегося. Услышав в доме плач и рыдание, ужаснулись

они и подумали: «Что это значит? Уж не прилучилась ли внезапно какая беда?»

Вошли братья в горницу и увидели своих родителей унылых, ослабевших и сетующих. Узнав о происшедшем, стали они утешать их: «Господа наши! Что вы смущаетесь, что думаете, что скорбите, зачем вы истомили себя печалью? Сын ваш взялся не за дурное дело, не задумал злого, но пожелал благого, ни погубить, ни скрыть в землю Богом дарованного ему таланта, но намереваясь сотворить им прикуп. Для того переселился он во святую обитель, чтобы научиться и достигнуть большего и получить лучшее».

Услышав такие слова от детей своих, родители сказали: «Хороша сия речь и благ сей совет, полезно и послушать».

И разрешил Господь недоумение родителей и наполнил сердце их радостью. Всю печаль возложил Никифор на Господа и предоставил сына своего Божьей воле.

О приходе блаженного отрока к игумену. Между тем, покинув свою дружину, блаженный юноша улучил потребное время, пришел к игумену и поклонился ему до земли. Игумен спросил его: «Кто ты, чадо, как твое имя, из какого ты селения и чего ты желаешь от нас?» С великим смирением отвечал игумену юноша: «Пришел я, господине отче, к твоей святыне; желая твоего благословения и молитвы. Из селения я Вещеозерского, имя мне Алексей. Просьба же моя такова: умоляю твою, отче, святыню, прими меня во святую сию обитель служить святой братии, по силам моим, сколько могу!»

Игумен, взирая духовными очами на юношу, видя его смирение и душевную чистоту и с удовольствием выслушав его слова, уразумел, что благодать явится на нем, и сказал ему: «Хочешь ли ты, чадо, быть иноком и служить Господу?» Юноша отвечал игумену: «Ей, отче, воистину желаю, но пока еще не время, потому что я, будучи молод, боюсь общего врага, совратившего прадедов наших и поколебавшего многих святых. Если же, господине отче, повелит твоя святыня, послужу я святой братии и года три испытаю юность свою».

Игумен, слушая его и видя, что он не просторечив, но говорит от Божественного Писания, сказал ему: «Чадо, читал ли

ты святые книги?» Юноша отвечал: «Мало, отче; с детства немногому я научился, пребывая в небрежении». Игумен же сказал ему: «И сие послужит тебе на великий успех, к твоему спасению».

Принял его игумен и, благословив, послал его к казначею, чтобы тот дал ему одежду, обувь и все необходимое. Потом послал его к некоему дьяку разумному и искусному, знающему Божественное Писание. Придя к дьяку, Алексей сказал с великим смирением: «Пришел я к тебе, господине, по повелению игумена, чтобы ты научил меня, поселянина и невежду».

Видя его смирение и покорность, дьяк принял его с любовью и стал его учить не как ученика, но как родного брата, за многое его смирение и послушание. Блаженный же юноша еще более увеличил свое воздержание, утруждая себя постом, бдением и молитвами. Постоянно читал он книги и ежедневно без лености ходил в церковь и слушал там пение и чтение Божественного писания. Внимал своему учителю, почитал его, во всем повиновался ему и с удовольствием слушал его наставления, и не давал ни единому слову его пасть на землю. И научился он всякому добронравию и всякому благочинию, и был он украшен правдою и беззлобием, более же всего любил душевную чистоту, ибо с нею каждый Бога узрит, помня сказанное Господом: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). И стал тот дьяк, учитель его, дивиться такому воздержанию отрока и добродетельному житию его, и еще более полюбил его. Отрок же, пребывая в обители, старался угодить своею службою, трудясь каждый день и делая своими руками. Всех он слушал и всем творил угодное. И все его полюбили.

Прошел год и приближался праздник преставления Кирилла чудотворца (9/22 июня). Вспомнил Никифор о сыне своем и сказал: «Пойду я теперь в Кириллов монастырь помолиться Спасу и Пречистой Его Матери и приложиться к чудотворцевой раке; посмотрю я и на пребывание там сына своего и возьму его домой, а если он захочет, то оставлю его побыть там и другой год. Но только повидать бы мне его».

Отправился Никифор в путь, совершил его в немного дней и достиг обители. Пришел он к игумену принять благословение. И спросил его игумен: «Кто ты, чадо, и какой области, как твое имя, зачем пришел ты к нам и чего желаешь от нашего смирения?»

Никифор же сказал игумену: «Господине отче! Я – из северной страны, Бела озера, из деревни Вещеозерской, имя мне Никифор, а называют меня люди Ошевен. Пришел я, господине отче, во святую сию обитель помолиться Спасу и Пречистой Его Матери, приложиться к раке чудотворца и получить благословение от твоей святыни и молитвы от отцов-иноков, а также провести сына своего, если повелит твоя святыня». Игумен спросил Никифора: «Кто сын твой?» – «Отче, – сказал Никифор, – сын мой служит на святую братию в сей обители, а имя ему Алексей».

По обычаю монастырскому игумен дал Никифору приставника, чтобы тот шел с ним приложиться к чудотворцевой раке и потом к келарю. И велел игумен келарю почествовать Никифора как следует, напитать его различными брашнами и напоить его вдоволь квасом житным и медом (вина же и пива в монастыре не водилось, таково было приказание настоятеля). Велел игумен дать Никифору и помещение особое для отдыха с дороги. Приставник пошел с ним в гробницу к раке чудотворца, а потом к келарю. Келарь достойно почтил Никифора, стал питать его различными брашнами и питьями, и побеседовал с ним о душевной пользе. В то же время велел келарь приставнику пойти и известить Алексея через дьяка, что пришел отец его Никифор. Услышав это, Алексей тотчас пришел, поклонился образу Спасову и Пречистой Его Матери и, взяв от келаря благословение, пал на землю к ногам отца своего с умилением и со слезами и попросил у него благословения и прощения. «Согрешил я, отче, не знал, что ты придешь сюда». Никифор же сказал ему: «Бог простит тебя, чадо».

Когда Никифор вдоволь насытился пищей и питием, принял он благословение от келаря и пошел к сыну своему в келлию отдохнуть. Келарь же велел приставнику отнести Никифору квасу, сколько надобно, и пригласил Никифора в трапезу, к

пению и к ядению. Из трапезы Никифор с сыном своим пришел в келлию, поклонился образу Спасову и Пречистой Его Матери, посмотрел на обиталище сына своего, на то, как берегли его игумен и братия, предоставивши ему такое жилище. И похвалил Никифор Бога, сказав про себя: «Владыко Человеколюбче! Слава неизреченной милости Твоей и благоутробию! Что я воздам Тебе за все добро, которое Ты творишь мне, грешному?»

Алексий же, упав к ногам родителя своего и испуская жалостные слезы, сказал ему нежно: «Отче, прости меня, прогневал я твою старость и огорчил тебя своим промедлением и небрежением. Но я надеюсь на твое милосердие и чадолюбие. Ныне же я и не знаю, что велишь мне делать, рабу своему? Только я возношу Богу хвалу за сие, пою Господу, благодетельствовавшему мне, *пою Богу моему, дóндеже есмь* (Пс. 103, 33), ибо Господь сподобил меня видеть тебя, родителя моего, и насладиться воззрением на доброту старости твоей, чтобы я возвеселился, взирая на твои седины, и облобызал твои ноги, которыми ты потрудился для меня. Что, отче, воздам тебе за труд твой? Для меня прошел ты такой путь, ища свою заблудшую овцу, потерянного ребенка. Кто видел столь чадолюбивого отца, как ты, не оставивший меня и пришедший посетить свое чадо!»

И каких только жалобных и нежных речей не наговорил Алексий отцу своему, заливаясь слезами и рыдая. Никифор пришел в умиление от слов сына, обнял его и сказал: «Встань, чадо!» Тот встал, отец поцеловал его, а сын обнял отца. Долго они плакали и едва могли прекратить плач свой; затем сели, и стал Никифор со слезами жалости рассказывать сыну своему все по порядку: «Приходил к нам посланный с письмом от тебя, выслушали мы написанные тобою речи, и так мне стало больно и печально, что я уже не надеялся видеть тебя на сем свете, чадо мое возлюбленное! Также и мать твоя с того дня и доныне ни единого раза не вкусила хлеба без слез и скорби. И только Господь утешил сердца наши слухом, что ты здоров».

Стал и Алексий рассказывать отцу своему, что случилось: как он покинул дружину свою, как игумен принял его с любовью,

как его берегут и игумен, и братия. И показал он отцу покой свой и различные одеяния, червленые и багряные, и иными различными цветами украшенные. И сказал Никифор: «Вижу я, чадо, что Бог споспешествует тебе; об этом свидетельствует все, что я видел. Теперь, чадо, если ты хочешь, пробудь здесь и другой год».

Блаженный отрок отвечал: «Не оставлю я тебя, отче, ибо ты прошел такой путь, ради меня ты заставил свою старость сделать это. Но пойду я с тобою, утешу печаль матери моей, посмотрю на любовь братьев моих и пробуду с вами до конца жизни вашей, творя вам угодное. Хотел бы я, отче, еще побыть здесь, но не смею говорить об этом, так как я тебя прогневал».

И сказал ему отец: «Чадод! Я говорю тебе, не искушая тебя и не с лукавством. Но правду говорю тебе: если хочешь, останься здесь. Посмотрев на твое жите, я убедился, что благодать Божия, вселившаяся в тебя, не останется тщетной. И за то благодарю Бога. Придя домой, расскажу я матери твоей, как ты живешь, избавлю ее от скорби и утешу печаль ее и обрадую братьев твоих. Ты же, чадо, останься здесь, сколько Господь повелит тебе, и будешь ты утешением в скорбях наших».

Алексий же сказал отцу своему: «Если, отче, это так, то Бог исполнит любовь твою».

Затем перестали они говорить о сем и кончили беседу. Никифор лег отдохнуть, а Алексий занялся своей службой. Мы же, прочитав сие, похвалим Бога и обратимся к дальнейшему рассказу.

О празднике Кирилла чудотворца и о собрании народа. Когда наступило празднование Кирилла чудотворца, из разных областей собралось много народа. Князья, бояре, вельможи, сановники, священники, клирики, купцы, земледельцы, богатые и величавые, знатные и незнатные, великие и малые, старцы и юные, мужи и жены, нищие и убогие, больные и недужные – все радостно праздновали и духовно веселились, ликуя друг со другом, слушая Божественное пение и чтение поучений святых отец, видя, как славится и хвалится Господь на земле, точно на небе, со страхом и трепетом, также слушая и видя чудеса Кирилла чудотворца. Кто может исповедать неисчетную милость

щедрот Божиих и кто передаст словами неизреченное человеколюбие и благодать Его, какими чудесами прославил Господь угодника Своего на земле, какими дарами почтил его на небеси!

Также и игумен с братиею праздновали честно и с любовью, благодарно похваляя Бога, и пели они молебны во славу Божию. А гостям они воздавали честь, каждому по его достоинству, питая их различными яствами, поставляя и многие брашна и пития из житных квасов и сладости медовой. Князей же, бояр и сановников они почитали дарами от изделий монастырских.

Когда праздник окончился, все множество народа разошлось, каждый восвояси. И все шли, радуясь, никто не уходил неудовлетворенным, не получив Божией милости. Один слышал пения Божественные и благодарил Бога, другой – наслаждался чтением и поучением святых отец; от чудес Кирилла чудотворца недужные стали здоровыми, а больные получили исцеление; нищие же и убогие получили милостыню от христолюбцев.

Никифор пришел к игумену и попросил благословения на обратный путь в дом свой. Игумен поучил его от Божественных писаний, наставил его духовной беседой, почтил дарами от вещей монастырских, благословил его и отпустил. Также и Алексей одарил отца тем, что Бог ему даровал, послал он дары и матери своей, сколько надобно, и братьям своим, что следует каждому. Братья же у него были: старший Амвросий, второй – Лукиан, третий – Леонтий, а он, Алексей, был четвертым. Проводив отца своего далее, чем за пять верст, Алексей нежно поцеловал его, и так, проливая умильные слезы, они расстались. Алексей возвратился в обитель к службе своей, а Никифор пошел к себе домой, встретили его домашние, и видя, что он весел и любовно говорит с ними, сами стали веселы. Войдя в дом и поклонившись образу Спаса и Пречистой Его Матери, Никифор сел и, немного отдохнув, начал рассказывать по порядку все, что случилось: как он пришел в обитель, как игумен с любовью благословил его, что за чин видел он в монастыре, какое пение слушал и какие чудеса творились перед

ним от чудотворцева гроба. Поведал он, что сын его здоров и как он живет в монастыре. Мать Алексия и братья его пролили слезы от радости, ибо сподобились слышать, что Алексий благоденствует. И славили они за это Бога.

Спустя немного лет Никифор захотел переселиться с своей родины и со всей своей семьей прибыл в Каргополь, где прожил один год. Затем он переехал в селение, по прозванию Волосово, находящееся в тридцати верстах от Каргополя, вниз по реке Онеге. И прожил он в том селении несколько лет.

Однажды отправился он с своими сыновьями на охоту за десять верст, в лес над рекой Чурьягой, и в тех лесах нашел место, подходящее для заселения. Обойдя место то возле реки, Никифор полюбил его и, отправившись в Великий Новгород, испросил грамоту у посадского боярина Иоанна Григорьевича и у детей его. Дал ему боярин Иоанн грамоту слободскую собирать слободу и созывать насельников. И названа была слобода Ошенева, как зовется до сих пор. Но мы, оставив это, возвратимся к прежнему.

О пострижении блаженного Алексия. Уже прошло более шести лет, как блаженный Алексий служил в обители. Услыхав, что родители его скоро переселились в дальнюю сторону, он очень опечалился и, вздохнув, сказал себе: «Весьма дивлюсь я тому, что родители мои, пожив праведно, переселились как изгнанники со своей родины в дальнюю страну. Что делать мне, окаянному? Ради малого покоя телесного лишусь я Небесного Царствия подобно прадеду нашему Адаму, который из-за вкушения сладкой пищи был изгнан из рая. И буду отослан лютыми ангелами во тьму кромешную и предан вечным мукам».

Сказавши все это, он застонал и прослезился. Но тут вспомнил он писанное в псалмах: *Господь просвещение мое и спаситель мой, кого убоюсь* (Пс. 26, 1). И, улучив подходящее время, пришел он к игумену. Тот спросил Алексия, зачем он пришел: «Прошу я, отче, – сказал юноша, – твоего благословения и молитвы; преподобный отец, помолись обо мне Богу. Надо мне побеседовать с тобою, если позволит твоя святыня».

Игумен же, взирая на юношу внутренними своими очами и видя его душевную чистоту, внимательно выслушал слова его и уразумел, что на нем будет явлена благодать. И повелел он Алексию войти в келлию. Блаженный юноша поклонился иконам и, упав к ногам игумена, сказал: «Поведай мне, отче, каким путем шествовали к Богу угодившие Ему и какова была стезя их». И спрашивал он о всем, что должно быть во святом монастыре, и об иноческом жительстве. Игумен рассказал ему все по чину пустынного, как происходит в монастыре общежительное пребывание, и отдельное пребывание двух ли трех иноков совместно, и полное уединение в пощении и молчании живущих. Обо всем этом он прекрасно сказал Алексию.

Юноша же, слушая о жизни иноков, о попечении их к Богу и добром их упражнении, рекою точил из очей слезы и, наконец, сказал: «Вижу я, отче, что Господь Всеведающий, увидев страдание сердца моего, послал меня к твоей святыне, чтобы укрепить меня, окаянного. И ныне утешилось сердце мое и душа моя возвеселилась радостью неизглаголанною. Ныне уразумел я, что воистину блаженны и треблаженны те, которые сподобились такого беспечального и немятежного жития. Что же делать мне, честный отче, как бежать мне от многомятежного мира сего и суетного жития и сподобиться такой жизни ангельской? Если возвращусь к родителям, они пожелают сочетать меня браком и, удержанный плотолюбием, я ни одного дня не проведу в таковом житии. А я хотел бы жить так, чтобы любосластие мира ко мне не прикасалось и, против моей воли, не отвлекло душу мою от любви к ангельскому житию, как поучаешь ты, честный отче. Если же я не стану слушаться родителей, то причиню им печаль и, к великому стыду моему, прииму клятву, а не благословение.

Игумен же сказал блаженному: «О, чадо желанное! Есть любовь родительская и соединение естества нерушимого, но Владыка повелевает отвергнуть это, взять крест на плечи. Ему усердно последовать и перестрадать все, подражая страданиям Его за нас, не в драгоценностях красоваться и не искать телесного покоя, но наготы и голода, прилежать бдению и

молитве, умилению и плачу с воздыханием сердца и сокрушением. Вот для боголюбивых какой предлагается удобнейший путь к добродетели. И это они вменяют во славу, истину и в настоящий себе почет».

Слушая это, блаженный юноша принимал слова игумена в сердце свое, как земля доброплодная приемлет семена, и рыдал неудержимо. Игумен же дивился теплейшей его любви к Богу и Божественному расположению души его. И сказал игумен: «Вижу, чадо, что душа твоя погрузилась во глубину любви; поспешу же совершить доброе твое желание, чтобы сеятель злых плевел не посеял в сердце твое и не укрепились бы они и не заглушили бы пшеницы – твоей благой мысли, и чтобы не изменилось твое благое рвение от плотолюбия и любострастия. Ибо, удержавшись, ты ничего не достигнешь, кроме порока и укоризны, и будешь равен тем, которые порицаемы в Евангелии за то, что ради приобретения сел и волов и ради новобрачной жены отказались от сладкой вечери и бессмертной пищи, и поистине были названы недостойным избранного звания и веселия Небесного Жениха, Христа. Лучше опечалить родителей своих, нежели Бога. Ибо Он создал и спас, они же много раз погубили и предали муче. Любовь к Богу побеждает любовь к родителям. Господь сказал, что Он принес не мир, но меч (Мф. 10, 34–35). Он радуется разделению и разлучению, которые происходят ради любви к Нему. Не поощряет он слезы родителей и друзей. И не вечно ли тебе придется плакать, когда они окружают тебя, подобно пчелам, или скорее – осам, рыдая о тебе? Ведь нельзя одним оком смотреть на небо, а другим на землю. Горе сердцу, которое мыслит надвое, и грешнику, идущему на два пути.

Выслушав все это, блаженный юноша почувствовал, что разум его как бы окрылился. Поклонившись игумену до земли, стал он просить со слезами, чтобы тот постриг его в иноки. Смотря на блаженного юношу, склонившегося к земле и проливающего слезы, игумен предугадал, что на нем должна явиться благодать, и стал говорить ему: «О, чадо! Знаешь ли ты, что место это трудное и требует всяких подвигов, а ты еще

юн и, как мне кажется, не можешь переносить скорбей места сего».

Это он говорил, только испытывая его, а прозорливыми очами видел, что блаженный сей юноша пришел, как бы наставляемый Богом, и что он будет сосудом избранным. Блаженный же юноша со многим смирением отвечал игумену: «О, честный отче! Господь, все провидящий, привел меня к твоей святыне, желая спасти меня. Чтобы ты ни повелел мне, все сотворю я, только причти меня к братии».

Тогда игумен сказал ему: «Благословен Бог, чадо, укрепивший тебя на сие рвение! Отныне работай Господу и служи братии со всяким терпением, покорением и послушанием».

Услышав это от игумена, блаженный юноша снова поклонился ему до земли. И так остриг он власы головы своей и вместе с отнятием влас отложил долу увлекающие мудрования. И нарекли ему имя Александр. А было ему, когда он принял иноческий образ, 25 лет. С этих пор преподобный Александр всего себя предал Богу и обратился на многие труды. Все ночи проводил он в бдении и молился без лености, сонную тяготу прогоняя славословием. Днем же он изнурял плоть свою делом телесным и работал своими руками каждый день.

Так жил он здесь, трудясь с братией и прилагая труды к трудам. Всяким воздержанном смирял он свою душу, истомляя свое тело работой и подвигом, а душу питая постом и молитвой.

Затем блаженного послали в пекарню и в хлебню, и там он терпеливо трудился: зажигал печь, терпя зной, носил на плечах воду и дрова, месил тесто, пек хлебы и приносил их братии – мягкие и теплые, от братии же принимал он теплые молитвы. В сей службе пробыл он немалое время. Потом настоятель послал его в поварню и здесь он также ревностно нес свою службу, приготовляя братии пищу, вкусную и достаточную. Много он трудился и мучил тело свое, днем угорая от огня, ночью же замерзая от стужи. И оттого стяжал он умиление великое. И в этой службе пробыл он некоторое время, повинувшись игумену и братии. Все наложенные на него службы монастырские блаженный юноша выполнял со всяким

терпением, послушанием и кротостью великою; ранее всех приходил он в церковь и, став на своем месте, пребывал неподвижно и без смятения ума совершал блаженное славословие. Поэтому все, видя его труды и смирение, почитали его не как человека или брата своего, но как отца или как Ангела Божия. Игумен и вся братия дивились его смирению, и покорению и такому в юности благонравию, крепости и бодрости, и много славили за то Бога, говоря между собою: «Что делать нам, видящим столь великого подвижника, который безответно и беспрекословно работает со всяким рвением, как вечный раб!»

Услыхал эти слова, блаженный Александр и вменил их себе в вину: он не мог утаить своих подвигов от людей. Слава, которую он имел среди братии, по его мнению, делала его труды напрасными и лишала загробного блаженства. Эти мысли угнетали блаженного Александра. Отселе уразумел он, что его считают за великого. Видя, как его чтут игумен и братия, как все его хвалят и прославляют, преподобный вменял все это в стыд и во грех и, стремясь бежать от славы человеческой, задумал идти путем уединения и работать Богу.

О приходе блаженного к игумену с просьбой, чтобы тот благословил его и отпустил идти в область Каргопольскую. Однажды пришел блаженный к игумену и, припав к ногам его, стал у него просить благословения и отпущения с молитвою. И открыл он тайные помышления свои, не утаил причину своего намерения и сердечного помысла, говоря: «Задумал я, отче, идти в область Каргопольскую, чтобы повидать там родителей своих и принять от них благословение и последнее прощение».

Игумен же сказал: «Чадо! Пусть будет тебе отцом тот, кто может и желает потрудиться с тобою за бремя греха, матерью же – умиление, которое может омыть тебя от скверны, братиями же – кто будет беседовать с тобою и сострадать тебе в стремлении к совершенству. В безотлучную супругу себе возьми память смертную, чадами пусть тебе будут Святые силы: при исходе души помогут твоему успеху, если станут тебе друзьями».

Александр же сказал игумену: «Есть у меня, отче и другой помысл, отыскать где-нибудь уединенное место, поселиться в пустыне, безмолвствовать и трудиться».

Удивился игумен нежелательной его просьбе и совершенно отказал в ней, говоря: «Нет, чадо, ты еще юн и не принесет тебе пользы жизнь в уединении. Живя в обители, братия друг друга назидают и укрепляют, когда же случится болезнь или печаль, брат, живущий с тобою, или кто-либо другой приготовит пищу и подаст питание, своими руками поднимет, положит тебя на постель и устроит все необходимое и всячески послужит. Когда же придет напасть какая от диавола, то братия все соборне Бога о тебе молят. Ты же не хочешь и одного дня пожить в послушания игумену и в мире с братьями и служить им, потрудиться для Господа и ради своего спасения. А труд по Бозе не остается без мзды. Хочешь ты жить один, не ведая еще козней диавола, не утвердив ногу внизу первой ступени общего жития послушанием, и не достигнув верха – молчанием. Ты хочешь испытать уединение и всегда распоряжаться собою по своей воле. Но все хорошо в свое время. Ныне ты задумал уйти из монастыря, ненавидящий же все доброе враг, видя твое повиновение, уведет тебя из монастыря и отлучит от братии, наполнит тебя гордостью, возвысит величанием. Ты станешь жить без дела и займешься не молитвами и трудами, но наставничеством, не в состоянии быть еще учеником. Если случится болезнь, то кто тебе послужит и накормит? И когда случится с тобою в пустыни безнадежная напасть от общего людям врага или от мужей крови, тогда все будут упрекать за то, что ты повиновался своей воле».

Так было сказано блаженному. И это произошло не без воли Божией, но по изволению благодати щедрот Его. Выслушав сие, блаженный Александр во всем повиновался игумену и сказал: «Воля Господня на нас, честный отче, да будет».

И продолжал он жизнь свою в послушании братии, помогая всем в необходимых работах, и много трудился он. За его великое смирение все любили его и удивлялись ему. Днем он служил братии в ее телесных потребностях, ночь же проводил в молитвах и имел часто целонощное стояние, и казалось, что он

был как бы бесплотен или имел особое крепчайшее тело, как бы одушевленного истукана. Он умерщвлял свою плоть возлежанием на земле и непрестанным коленопреклонением. Лишь хлеб и воду вкушал он и то помалу, изнуря цвет юности, зимою же он мерз, довольствуясь худой и много раз заплатанной одеждой, только бы плоть была прикрыта. Так творя, он являлся для тела своего немилостивым врагом. Дивились игумен и вся братия таковому рвению его и благой перемене, он же на редкость возлюбил усердное шествие по жестокому пути.

О втором приходе блаженного ко игумену. Спустя некоторое время снова пришел блаженный к игумену и, припав к ногам его, просил, чтобы тот помолился, благословил и отпустил его. Видя смирение и умиление блаженного, игумен прозрел, что благодать Божия явилась на нем, принял его моление и сказал: «Бог да благословит тебя, чадо; что Богу угодно, то и будет, куда Бог хочет, туда ты и влечешься».

Получив от игумена благословение, блаженный Александр наполнился радостью и обильные слезы лились из его глаз. Усердно помолившись Всемилоستивому Спасу и Пречистой Богоматери, ушел он из монастыря, ничего не взяв с собою, кроме необходимой одежды и малого количества хлеба немощи ради телесной. С помощью Божией пустился он в путь, несколько дней плыл озерами и реками и достиг Каргополя. Оттуда же он отправился в селение, называемое Слобода, чтобы посмотреть, как живут родители его. И пришел он в дом отца своего. Когда Никифор увидел сына в таком печальном положении, ибо лицо его изменилось от тяжкого труда воздержания, обнял его и горько заплакал. Немного успокоившись, сел он. И стал Никифор рассказывать сыну своему, как переселился в Каргополь, как нашел он место и ходил в Новгород и грамоту слободскую взял у боярина и как они поселились здесь. «Теперь мы, благодаря Бога, живем по своей воле и насилия никто не творит нам, так что я уже забыл прежние свои скорби».

Стал и Александр рассказывать отцу своему: «Я же, отче, когда услышал, что вы ушли в дальнюю сторону, так опечалился,

что даже хлеба не мог вкушать без слез».

Пробыв у отца недолгое время, Александр снова захотел возвратиться в обитель. Никифор же стал увещать Христова слугу: «Чадо Александр, пойдй на ту сторону реки нашей и поселись там и твори, что тебе надо на потребу и на спасение души твоей. А если Господь захочет, ты воздвигнешь и храм Божий и потом устроишь монастырь. Место же то пригодно к построению монастыря. Только не разлучайся с нами, родителями своими. А когда мы умрем и ты похоронишь тела наши, тогда снова возвращайся в монастырь свой или делай, что захочешь. Если ты пойдешь в монастырь, то один спасешься, а здесь, если Бог повелит, многие души приведешь ко Христу и спасешь. Подумай сам с собою, чадо, какая мзда больше, та или эта – спасти себя одного или же с собою многочисленную братию».

Услышав от отца своего такие слова, Александр умилился, подумал и сказал: «Пойду и посмотрю то место. Если будет воля Господня, может Бог и дело сотворит». И вот однажды блаженный Александр, вставши утром и взявши с собою старшего брата, пошел с ним на ту сторону реки Онеги. Много места обошли они и пришли на некое место, как бы Богом наставляемые. И увидел Александр, что место то пригодно к построению монастыря. Вокруг него повсюду были болота и дебри непроходимые. И возлюбил сие место преподобный и поставил там крест, который носил с собою. И преклонил колена Александр и молился Господу, чтобы Он благословил место будущей обители и помог создать ее во имя святителя Николая чудотворца.

Помолившись, они сели, и тотчас блаженный задремал и уснул легким сном. И слышит он глас, называющий его по имени: «Александр, угодник Мой! Вот Я приготовил тебе место, куда ты ныне пришел сам, без зова. Сотвори себе пребывание, живи здесь и спаси душу свою. И будет тебе покой во веки веков и через тебя многие получают спасение».

Тотчас Александр проснулся, но никого не увидел. От голоса же того исполнился он великой радости, изумился Божиему посещению и тому неизреченному призыву и сказал

себе: «Отныне, Господи, даю обет пребывать мне здесь все дни жизни моей. Пойду в монастырь свой, и, взяв от игумена благословение, возвращусь на место сие. Здесь мне будет во веки веков покой. Здесь поселюсь я, как пожелал Господь». И пошел он с братом в родительский дом, радуясь и удивляясь, что нашел, чего желал. Дома поставили им трапезу, и они насытились. Видя сына своего веселым и любовно беседующим, отец стал его спрашивать, пригодно ли то место к построению монастыря. «Весьма пригодно, отче, – сказал Александр, – и если воля Господня будет, обещаюсь жить на месте том».

Видя усердие сына своего и любовь ко Господу, Никифор стал его еще более уговаривать: «Вот что скажу тебе, чадо. Место, которое ты видел, кажется мне, не простое, но некая благодать Божия воссияет на нем. Не я один, но и многие поселяне, живущие близко к месту тому, слышали иногда звон, иногда голоса поющих, иногда же видели некий луч, озаряющий место то. Ты же, чадо, приди на то место, куда ты позван Богом, воздвигни там церковь и поставь там монастырь, и с Божией помощью собери братию. Я же с радостью буду работать Богу на построение обители Его, сколько сил моих хватит помочь тебе. Не забудь, чадо, обета своего!»

Александр клятвенно подтвердил отцу своему, что не преступит обета, если Господь пожелает. И решили они, что Александр спустя некоторое время пришлет отцу письмо с поручением нанять рабочих, чтобы они приготовили лес на создание церкви, на поставление келлий и на устройство монастыря. Пробыв неделю у своих родителей, блаженный возвратился в монастырь.

О приходе блаженного в монастырь. По прибытии в монастырь блаженный идет к игумену и просит у него прощение за долгое отсутствие. Игумен же, зная доброе житие его и добронравие, не упрекал его и не поставил его в новоначальные, но, благословив, принял с любовью и устроил его клириком. Блаженный достиг высшего чина, добродетели стяжал, показал великое усердие и всех препобедил смирением.

Это воспоминал он всякий день и от того явилось у него великое умиление, и о исходе души имел он постоянное попечение, и источники слез изливались из очей его.

Когда блаженный пробыл в том чину некоторое время, игумен, по совету с братией, сподобил его священного сана. Приняв сан священнический, блаженный в чистоте душевной служил, принося жертву Богу. Служил он по неделям, как и прочие священники; когда же был свободен, то уходил работать в поварню или хлебню и много помогал братии в ее службах. Не знал он совершенно лени и не превознесся мыслью ради сана священнического. Не уподобился оному ленивому рабу, не скрыл в земле дарованного ему таланта, но пожелал принести прикуп сторицею. Так жил он, служа Пречистым Тайнам, повинуюсь во всем настоятелю.

Послал он письмо отцу своему, чтобы тот велел готовить лес на сооружение церкви и на поставление келлий.

О третьем приходе Александра ко игумену. Спустя несколько времени, блаженный снова пришел к игумену и просил благословения и отпуска с молитвою, чтобы идти на вышеупомянутое место. Игумен же не захотел сотворить по желанию его: «Чадо, не нарушай обета своего, как ты обещался терпеть здесь даже до последнего вздоха».

Блаженный стал горячо просить игумена и с умилением и со слезами рассказал ему все по порядку: как его звал на то место чудесный голос и как он обещался и поклялся сдержать обет, как отец рассказывал ему о слышанном звоне и поющих голосах. Видя его стремление к Богу, игумен не просто отпустил его, но послал с ним брата некоего, искусного инок, хорошо знающего чин монастырский. Благословил он их и отпустил с молитвой, дав блаженному на утверждение Непобедимую Помощницу – образ Пречистой Богородицы, зовемый Одигитрия, с Предвечным Младенцем на руках, и другую икону – образ святителя Николая чудотворца. Образа эти стоят в обители и доныне, Богом соблюдаемые в притворе, над гробом преподобного отца нашего Александра, на глазах у всех.

Приняв от игумена благословение, блаженный и другой инок взяли необходимое для пути и отправились. Дойдя до некоего

селения, по прозванию Короткое, сели здесь в насад и отплыли в Каргополь. Наконец, прибыли они в селение Слободу, в жилище родителей Александра. Родители обрадовались приходу блаженного, он же обрадовался свиданию с родителями своими. Поставили путникам трапезу, чтобы они напитались и потом отдохнули с дороги, ибо уже был вечер.

На другой день блаженный встал рано утром; было это осенью, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Тотчас пошел он на вышеупомянутое место, поставил там навес, сделал киот и поместил в нем образ Пречистой Богородицы Одигитрии и икону святого Николая чудотворца, и, упавши на землю, молился Богоматери, прося заступления от козней диавольских и спасения для него, желающего работать и молиться на сем месте. Окончив молитву, блаженный обошел место и измерил. Нанял он работников и начал ставить келлию.

И скоро построили ее, Божией благодатью, и стал он жить в ней в трудах и во бдениях, молясь Богу. Затем он нанял работников церковь рубить и строить. Отца своего Никифора приставил он к делу нарядчиком и надзирателем, а сам собрался в Великий Новгород и позвал с собою пришедшего с ним старца. Брат тот не отказал ему, и так пошли они в путь, захватив необходимое. Путь этот посуху и по водам был благоприятен для святого, и через недолгое время прибыл он в славный Новгород.

О приходе преподобного к архиепископу. Пришел блаженный к архиепископу Ионе и, поклонившись ему до земли, объяснил цель своего прихода. И сказал: «Владыко святой! В Каргопольской области, над рекою Чурьягою, есть волостка, Слобода по прозванию, на той же стороне реки есть место, пригодное к построению монастыря. И если Бог пожелает и твое благословение будет, то мы там и храм воздвигнем. Повели, владыко, дать антиминос на освящение церкви. А потом Бог поможет твоими святыми молитвами, составим пустынь или устроим монастырь. Благослови меня быть там игуменом».

Архиепископ благословил его, велел ему сесть и начал подробно наедине вопрошать его о Божественном Писании и о

прочих вещах, о пострижении и пребывании его и о том, достанет ли земли на устройство монастыря. Александр поведал ему о себе все. Архиепископ же убедился по виду и по прозрению разума и смысла его, что он – раб Божий, посвятил его в сан иерея и поставил его игуменом богосозданной обители, Ошевнева монастыря, который так и прозвался. И дал архиепископ игумену Александру что следует на монастырскую потребу и грамоту игуменскую настольную и велел выдать на освящение церкви антиминос и, благословив, отпустил его с миром. Игумен же принял от архиепископа благословение и удалился.

О приходе игумена Александра к боярыне Анастасии. И пришел Александр к боярыне Анастасии, жене Иоанна, и к сыну ее Георгию. Видя, что Александр старец искусный, тихий лицом и смиренный взором, она не сочла его простым человеком, но встав, поклонилась ему и сказала: «Благослови, отче!»

Игумен благословил ее, она же пригласила его сесть и стала расспрашивать: «Откуда, отче, и зачем пришел ты к нам и что ты желаешь от нас?» И начал говорить ей игумен тихо и смиренно: «Слышал я о тебе, государыня, боголюбивая жена, боярыня Анастасия, что имя твое славно среди людей, добродетельного ради жития, и что великую веру имеешь ко Господу Богу и ко святым Его. Пришел же я возвестить тебе следующее. Я грешный чернец, именем Александр, саном игумен, с Онеги реки, как зовется у вас, из Заволочья, Каргопольской области. И есть в вашей области над рекою Чурьягою волостка, зовемая Слобода, а на той стороне реки есть место, пригодное к построению монастыря. Если воля Господня будет и твоя вера к Богу, повели нам воздвигнуть церковь во имя великого чудотворца Николая и монастырь построить. Дай земли для построения монастыря, и ты приимешь от Бога мзду великую, и мы с тобою получим малую часть, по своему труду».

Услышав эти слова от игумена, боярыня, воистину имевшая великую веру к Богу и ко святым Его, тотчас встала; упав на землю перед образом Спаса и Пречистой Его Матери, усердно помолилась. Потом обратилась она к игумену и, весело и

умильно взглянув на него, низко поклонилась ему и с чувством сказала: «Отче! Благословенны Богом уста твои, ибо такую весть принес ты мне и такие слова сказал мне. Я не считаю тебя за странника и за пришельца, но, думаю, что ты послан Богом посетить мое смирение. И ныне, отче, обнимаю и целую ноги твои. Господь Бог изочтет стопы твои и по твоему труду воздаст тебе».

Умиленный словами боярыни, отвечал ей игумен: «Встань, государыня, я уже потерял ум, стоя и дивясь мудрым словам твоим и вещанию сладких речей твоих. И в ответ на это могу лишь сказать, что не считаю тебя за обыкновенную женщину, но за мужественного мужа или за мудрого философа. Я же человек грешный, и недостойн слышать такие слова, которые ты мне говорила».

Она прекратила эти похвалы и сказала преподобному: «Приими, что ты просил, я же дам на монастырь, сколько тебе угодно будет. Если ты хочешь, всю волостку я дам тебе».

Александр, подумав, сказал про себя: «Если я попрошу для обители всю волостку, то обижу родителей своих и братьев, вознегодуют они и уйдут прочь».

И сказал он боярыне: «Дай мне, государыня земли, сколько потребуется для монастырского строения, и угодья на реке, заливных лугов для сенокосов. А устроит Бог монастырь. Бог его и пропитает. Волосткою же владей сама».

И сказала Анастасия: «Посоветовавшись с сыном, велю я, отче, написать грамоты, какие тебе угодно, и дам их тебе».

И воздала она игумену достойную честь, и во все дни питала его различными яствами и питиями вдоволь. Немного времени спустя Анастасия призвала игумена и дала ему четыре грамоты. В этих грамотах говорилось о пожертвовании земли и леса на построение обители, о праве селить крестьян на пожертвованной земле, монастырском земледелии в лесных участках, наконец, о пожертвовании монастырю деревни Лисицынской. Одарив игумена и старца, с ним пришедшего, Анастасия отпустила их. Игумен поклонился соборной церкви Святой Софии и прочим святым церквям новгородским и ушел восвояси. Благодатью Христова благополучно достигли они

обители. Пошел игумен к отцу своему, и рад был Никифор возвращению его. Трижды они облобызались, вошли в дом и сели. И стал Александр рассказывать отцу своему по порядку о своем пребывании в Новгороде. По благодати Божией построили они церковь и трапезу на собрание братии. И освятил игумен церковь во имя чудотворца Николая. И так жил он, проводя постническое житие и прилежа великому воздержанию, всеобщему бдению и молитве. Кто может поведать, какое исправление показал сей добрый муж! Много напастей претерпел он от бесов, много пота пролил он в трудах и заботах о составлении монастыря, делая потребное для монастыря своими руками.

Прошло немного времени, и брат тот, который пришел с ним, видя его великие труды и страдания, великое воздержание, суровую жизнь и не имея отдыха в работе, не мог перенести такого труда. К тому же место было неустроено, пустынно и непроходимо и приближалась зима. И захотел тот брат удалиться. Преподобный весьма этим опечалился, но никак не мог его уговорить. И дали они друг другу целование о Христе, испросили каждый себе мир и благословение, и, сотворив молитву, брат пошел в путь свой.

Об уединении преподобного Александра. В полном одиночестве остался преподобный Александр на месте том.

Жил он во плоти, подобясь Ангелам. О его добродетельном житии пронеслась всюду молва. Многие горячо желали сожительствовать с ним и слушать из уст его слово спасения. Любящих Бога и жаждущих наставления он поучал не только словами, но и делами.

Наступила весна, и процвело место подвигов преподобного Александра, а вместе с тем подвижник должен был устраивать место своего поселения. Отягчал он себя трудами, посекая деревья и собирая хворост, пожигая его огнем и готовя нивы, удобряя и умягчая землю и приготавливая ее к посеву. Так он усиленно подвизался, работая своими руками. От труда своего кормил он нищих и странников и нуждающимся подавал неоскудно, и всего им было вдоволь. Так начала устраиваться Ошевенская обитель преподобного Александра.

О приходе братии к преподобному. Из окрестных областей стали приходить к преподобному иереи и диаконы для священнодействия, клирики и иноки, странники и пришельцы. Приходили они по одному, но два, по три, желая жить с ним в ревности к добродетельному его житию и исправлению. Преподобный же Александр, точно чадолюбивый отец, всех принимал с радостью, любовно утешал и давал им телесный покой. Они же во всем повиновались ему, видя чудное его житие. И начали келлии ставить по чину, поварню, хлебню и иные здания, необходимые братии в устроенном монастыре. Все они имели в изобилии и по чину уставному: а чин положили они в монастыре весьма изрядно, по типу иерусалимскому. Прежде всего украсили церковь иконами и книгами. Затем он поставил братию по службам, сначала уставщика, потом пономаря и келаря и казначея, иного в хлебню, другого в поварню. И весь чин монастырский устроил чудный отец наш – трапезу всем равную, одеяние и обувь, пищу и питье. И заповедал преподобный, чтобы ничего не звали своим, но все бы имели общим, согласно апостолу; в церкви бы никто не разговаривал друг с другом, но все бы молчали, пребывая в своем чине. Также поклонение Святому Евангелию и святым иконам соблюдали они по уставу и по старшинству шли на места и к трапезе; за трапезою сидели каждый на своем месте в безмолвии, и никого не было слышно, кроме одного чтеца. Вставши же от трапезы, расходились по своим келлиям в молчании, благодаря Бога. И в келлиях они не пребывали праздными, но каждый имел свое попечение о келейном правиле и о рукоделии. Во время пения все находились в церкви, идя же на дело монастырское или куда бы то ни было, святой игумен заповедал братии всегда во устах иметь псалом Давидов или молитву Иисусову; тем и дело благословится и душа освятится. И не было среди них никакого празднословия; «при встречах же ваших, – указал игумен, – покланяйтесь брат брату, как прилично монахам; по вечерней молитве не творите никакой беседы».

Так учил он, говоря им: «Братие, на что вы вышли, над тем и работайте, ибо всякий час подобает нам бодрствовать о часе

смертном, ужасаться и трепетать огня вечного».

И утешал он их, говоря: «Чада, пусть не устрасит вас мысль, что место наше пустынное и трудное; ибо вы знаете, что нам подобает скорбями внити в Царство Небесное. Вот средства спасения: пощение, молитва от чистого сердца, смирение ко всем, любовь по Бозе нелицемерная, милостыня к нищим, посещение странных и заключенных в темницах».

И еще говорил им преподобный, понуждая их к благоразумию: «Молю вас, братие, попечемся о спасении душ наших, отступим от путей лукавых, которые суть сии: любодеяние, воровство, клевета, пьянство, объедение, братоненавидение; от всего этого, братие, уклонимся, и сим возгнушаемся, не оскверним души своей, но пойдем по пути Господнему, ведущему нас в жизнь вечную. Покаемся во грехах своих: покаяние же есть путь, ведущий к Небесному Царствию, оно ключ к сему Царствию, и без него нельзя войти туда: покаяние есть путь, вводящий в рай. Сего пути, братие, будем держаться, по нему направим стопы наши, к тому пути не приближается змий лукавый, шествие по тому пути скорбно ныне, но конец его полон радости и утешения. Обратимся же, братие, скорее к подвигам, чтобы получить те блага и избежать всего, что должно случиться с ленивыми и нераскаянно живущими».

Так творил и учил братию святой наставник их, они же подобно тому, как многоплодная земля приемлет семена, принимали слово его, принося трудов своих плоды Богу, один сторицею, другой в шестьдесят раз, иной в тридцать, каждый по мере дарования Божия и своих трудов.

Мы же, прочитав сие, оставим и в дальнейшем писании найдем еще полезнее писанного.

О приходящих к преподобному людях пользы ради и о приносящих. Когда все так совершалось, во все стороны области той распространилась слава о нем, как легкокрылая. Имя Александра произносилось повсюду, и всюду прославлялось житие его, так как Бог прославил угодника Своего. И стали приходить к нему христолюбивые мужи из многих мест: одни – желая получить благословение, другие – за

молитвой, иные – намереваясь спросить его о каком-либо своем недоразумении или трудном деле. У каждого была своя забота. Преподобный поучал всех от святых Писаний, наказуя душеполезными словами и духовными беседами. И было видно всем, что за человек был он – смиренный, незлобивый, рассудительный. Бог подал ему дар слова и отвержение устам. Уста его исполнены были разума, и все он мог сказать им и каждому вопросу давал разрешение. Всех уговаривал он с любовью, утешал и благословлял. Никого не отпускал неудовлетворенным. И все радостно благодарили Бога и с веселием возвращались в дома свои. И дивились речам его, благодати Божией, исходящей из уст его, и чудному разуму его, и премудрому рассуждению. И говорили про себя: «люди эти живут по Божьему и могут печального утешить». Все более и более отовсюду приходили к блаженному: одни – принося нечто на устройство монастырское, другие же – присылая милостыню от достатков своих на утешение братии. Преподобный видел в этом благую волю Божию, с благодарностью принимал он то, что приносили, как Богом посланное, и о всех приносящих молил Бога. Посещали его родители, братья и родственники его и приносили необходимое. Он же благодарил Бога за то, что Господь сподобил его принять милостыню от родных своих.

О том, как преподобный постриг двух родственников своих. Было у преподобного два родственника, которые имели к нему великую веру. Один – сын старшего его брата Амвросия, Никон именем, другой же – Лукианов сын, Петр. Чаше других приходили они к нему. Преподобный мало-помалу начал увещать их душеполезными словами и духовными беседами, поучая от святых Писаний, чтобы они оставили мир, разлучились с родителями, восприяли иноческое житие и, возлюбив ангельское пребывание, соединились с Богом и Того Единого возлюбили, Ему Единому работали и волю Его творили. Так говорил он часто; они же, в сладость наслушавшись речей и поучений его, вняли им и послушались повеления его. Преподобный же постриг их и нарек Никона Никифором, и Петра – Порфирием, и поставил Никифора келарем, а Порфирия – пономарем.

Услышавши о пострижении детей своих, родители весьма вознегодовали. Старший брат преподобного, Амвросий, человек мужественный и буйный, будучи вооружен диаволом против преподобного, желая смутить его покой, сказал брату своему Лукиану: «Пойдем в монастырь, сломаем замки, рассечем двери и возьмем детей своих. Что нам сделать со злодеем нашим чернецом Александром? Мы к нему относились, как к отцу, и почитали, как господина, он же причинил нам зло, отлучая от нас детей наших и постригая. Что печальнее той скорби, какую испытывают родители о детях своих, что тяжелее той беды, какою является жалостная сия разлука с детьми нашими! Не желая держать у себя чернецами пришлых странников, так как они не могут переносить страды его и постоянных тяжких трудов и уходят, ныне он хочет нашими детьми наполнить монастырь». И взяв топор, Амвросий быстро пошел. Брат же его Лукиан, человек смирный, бросился за ним и стал его уговаривать тихими словами и смиренными речами: «Брат, оставь это, – говорил он, – ибо так пожелал Господь, и чада наши по своему желанию пришли к нему. Он же не насильно постриг их, но сотворил по их воле».

Но Амвросий еще более разъярился и, подойдя к келлии преподобного, стал говорить некие оскорбительные речи, которых не следует ни произносить, ни слушать. Блаженный же, молясь Богу, пребывал в келлии своей и ничего не отвечал, не убоился он, не устрасился, не смутился. Лукиан же еще более стал увещевать брата своего Амвросия: «Брат, как ты не побоялся Бога и не постыдился святости мужа сего! Если мы обидим столь святого мужа, который показал такие труды, церковь поставил и монастырь устроил, он, не стерпев нашего поношения, уйдет прочь, и ты примешь проклятие, а не благословение. Какое осуждение примем мы от Бога, и от людей великий срам будет нам! Начнут говорить: если они такового святого мужа изгнали, к тому же и брата родного, то кто может жить у них, пришлых странников, и терпеть их суровость и несогласие. Бог созидает и собирает, а ты один хочешь разорить. Не спорь с Богом. Попросим прощения и благословения и пойдем домой».

Амвросий молчал, не зная, что сказать. Преподобный же Александр вышел перед сени келлии своей и сказал: «Люди, что вы смущаетесь о детях ваших? Никому не было пользы от детей ваших, ныне же они – слуги Божии». И возвратился в келлию свою. Амвросий устыдился святости мужа и смиренных слов преподобного, умилился и, вздохнув из глубины сердца, сказал: «Горе мне, грешному! Днем или утром, а конец будет, я же успеваю все в горших грехах».

И придя к келлии преподобного с великим молчанием, стал просить прощения и благословения. Преподобный безо всяких упреков дал прощение. И ушли они домой, славя Бога, а детей своих оставили на Божией воле.

О преставлении родителей блаженного и о ненависти родственников. Немного времени спустя скончался отец преподобного, уснул с миром о Господе. В короткое время преставилась и мать его. Преподобный похоронил тела родителей своих, отпел надгробные псалмы и, с песнопениями духовными проводив их, персть отдал персти и помолился над ними. Когда родители его преставились от жития, преподобный еще сильнее сознал, что он смертен, и стал он совершать еще большие подвиги и увеличивал труды свои, и придерживался он изнурительного воздержания, стараясь всяким образом соблюсти себя чистым и отразить всякую дурную мысль. Видя великие труды его и воздержание, братья говорили между собою, что не могут переносить такого жестокого жития. И прочь уходили, иные же, придя в обитель, жили в ней недолго и снова уходили, и мало было тех, кто претерпел с ним таковые труды. Испытывая стеснение и боясь, как бы святой не изгнал их от места того, бесы, видя его чудную борьбу с ними, грозили святому: «Уйди с места сего, а то мучительно умрешь здесь!»

Много неизреченного перенес он от досаждения бесовского! И сказать о том невозможно. Святой же, вооружившись молитвою, не убоялся и не устрасился козней их, ни свирепого лаяния их. Видя некрепкую их силу, постоянно рвущуюся подобно паутине благодатью Христовой, продолжал он пребывание свое невреждено от них. Подобно пламени исходила молитва из уст святого и тотчас пополаляла бесов и заставляла

их исчезнуть. Видя себя поругаемым и гонимым, диавол придумал иную лукавую кознь, которую и сотворил, чтобы смутить святого. И внушил злодей враг родственникам святого ненависть к нему. Сначала они начали стыдиться святого и удаляться от него. Он же, почувствовав перемену в любви их, стал прилежнее посещать их, и учил и наставлял их, как отец – своих детей. Они же, будучи юными, не подозревали сетей диавольских и не принимали наставлений святого, но еще более стали ненавидеть и не слушаться его, а также зачастую и прекословить. И говорили они между собою: «Мы молоды и не можем переносить такой страды».

И, посоветовавшись между собою, ушли прочь, неизвестно куда. Преподобный Александр весьма опечалился и огорчился удалением своих родственников. Начал он плакать и рыдать, не мог ни говорить, ни вкушать пищи. Когда наступила ночь, преподобный стал на молитву и просил Господа укрепить в борьбе с диаволом и посрамленным прогнать его. Молился до утра и рыдал. И вдруг услышал он голоса множества бесов; со скрежетом зубов говорили они: «Одолел ты нас Христовой благодатью и своим терпением!» И пропали без вести, и потом не было ему пакости от бесов, и остался он невредимым, сохраняемый непобедимой силой Божией.

Как преподобный впал в недуг и получил исцеление от явившегося Кирилла чудотворца. Спустя немного времени преподобного постигла болезнь, и была она очень тяжела. Все члены тела его ослабли, не мог он ни головы поднять, ни руку протянуть, ни ногой двинуть, ни уста открыть, ни языком сказать. Так он сильно страдал и не мог ни пить, ни есть, ни сколько-нибудь уснуть. Всеведущий же Бог не пожелал видеть долгих страданий угодника Своего. И послал Бог благую мысль в сердце его. Подумал он и сказал: «Сколько чудес творит Бог через отца нашего Кирилла! Может быть, он и надо мною умилосердится и умолит Господа Бога и Пречистую Богоматерь, чтобы облегчил Бог болезнь мою и подал мне здравие, его молитвами».

Через короткое время преподобный впал как бы в исступление и видит, что пришел к нему светеlepный старец,

украшенный сединами, в белых ризах, с крестом в руке. «И как только увидал я святого, – рассказывал преподобный, – узнал его по образу писанному, ибо в живых не видел я его», и стал он со слезами молиться ему: «Отче Кирилле, избавь меня от болезни сей».

Святой же осенил его крестом, который держал в руке, и сказал: «Не скорби больше, брат, ибо я буду молить Бога и Пречистую Его Матерь, чтобы ты исцелился. Но не забудь обета своего, как ты обещался не оставлять места сего и своего начинания. Я же буду помощником тебе, вместе молясь о месте сем».

Придя в себя от видения и почувствовав, что болезнь его стала легче и он получил отраду, преподобный возрадовался. Утром он не мог стать на ноги и пошел в церковь, по молитвам и явлению чудотворца Кирилла. И начал он рассказывать всем явление чудотворца, от которого получил исцеление. Услышав о бывшем посещении святого Кирилла и видя отца своего игумена здоровым, вся братия уразумели Божие дело в том, что великая болезнь столь скоро переменялась на здравие и в короткое время исцелился тяжкий недуг. И прославили они Бога, Пречистую Его Матерь и святого Кирилла.

Раб же Божий Александр пребывал во многих трудах и воздержании, имел в себе память смертную и наставлял себя на подвиги, плача по душе своей, как по мертвецу. Так проводил он свою жизнь благочестно и в добром исповедании, никогда не оставляя своих трудов и славословия Божия, но для Господа изнурял себя и оставил добрый пример жившим там инокам.

О преставлении преподобного Александра. И уразумел преподобный отхождение свое ко Господу и ни о чем уже не мог возвестить, кроме смерти. Видя приближение своего конца, он призвал всю братию, сколько их было тогда, и сказал им: «Братия и чада! Вот что поведаю я вам: уже отхожу от света сего. Сердце мое смятется во мне, и боязнь смерти нападе на мя, и страх и трепет суда Божия прииде на мя, и покры мя тьма недоумения. Вот что скажу я вам: некое искушение пошлет на вас Бог по моем отшествии; много будет приходить к вам

пришельцев и странников, желающих жить с вами. Назовутся они иереями, пастырями и учителями, также клириками и иноками, и обещают собрать и наполнить монастырь, обманывая лживыми речами, как сказал пророк: языки своими льщаху, и яд аспидов под устнами их. Игумены же и иереи не как пастыри и наставники будут, но как волки, расхищающие и распугивающие братию, они озлобят и опечалят. Также клирики и иноки не только не будут собирать и восполнять, но как тати и хищники, как бы сговорившись заодно, начнут разорять, расточать и разносить, один – книги, другой – ризы церковные, иной одежду и обувь и прочие вещи. Беря и грабя, недолго прожив в обители, будут они уходить и уносить, как бы никем не сохраняемое и необерегаемое, ни смерти не боясь, ни ожидая суда Божия, по которому им место будет в негасимом огне, и они получат геенну огненную вместо корысти. Вы же пребудете, терпя скорби и напасти, во искушении Господнем, ожидая от Него воздаяния, как сказал Господь во Евангелии: *претерпевый до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22).

Братия же стояли, проливая слезы и горько рыдая, и говорили: «Молим тебя, отче, не оставь нас сирых по твоём отшествии. Ибо ты отец наш, в тленной жизни сей заботился о смирении нашем. Кто же будет нам наставником и вождем ко спасению?»

Блаженный же сказал им: «Чада мои, отходя от вас, я передаю вас Всемогущему Богу и Пречистой Его Матери. Он будет вам прибежище и стена от сетей вражиих. И молитвенника к Господу Богу вы имеете у себя, великого чудотворца Николая, и всех святых. Терпите на месте сем лютые скорби, как ранее говорил я вам, пока Господь не посетит вас. Тогда Он все соберет, соединит и восполнит. О будущем игумене также возложите упование на Господа Бога и Пречистую Богородицу. И когда Господь посетит вас, тогда пошлет обители сей и строителя, игумена и наставника всей братии, о Боге собранной. Но смотрите, братие, чтобы ничто не отменил он из законов монастырских, из постановлений святых апостолов и пророков, святых Вселенских Соборов, что имеет церковь Божия в пении соборном, на трапезе и весь чин

монастырский и обычай, установленный о Боге нашим смирением. И Господь Бог направит стопы ваши к исполнению заповедей Его, молитвами Пречистой Владычицы нашей Богородицы, всех святых и чудотворца Николая. И Господь наш Иисус Христос да сохранит вас и утвердит вас в любви Своей. Я же, если телесно отхожу от вас, но духовно с вами неотступно пребуду. И узнаете по тому: если я обрету благодать перед Богом, то обитель сия по моем отшествии еще более умножится, распространится, всем обилием духовным наполнится, множество братии о Христе соберется в духовной любви, и в средствах пропитания не будет у вас скудости. Только любовь храните между собой. А если кто будет с чем-нибудь нарушать общее житие и чин, не повиноваться игумену, перекоряться с братьями, вы такого ропотника и крамольника изгоните из монастыря, чтобы и прочие братия убоялись делать подобное».

Так поучив их довольно, отпустил он их и, призвав к себе брата своего по плоти Леонтия, сказал ему: «Вот уже приблизился конец жизни моей. Оставляю тебе последнюю волю: заботься об обители сей, пока ты живешь в мире. Когда же останешься ты один, по смерти жены своей, удалишься от мира и в обители будешь, тогда прояви еще большую заботу и труды».

И благословив, отпустил его. Затем снова призвал братию. И вся братия пришли к нему, целовали его со слезами и умилением и просили у него последнего благословения. А он, как отец любящий, облобызал всех, дал последнее прощение и у всех просил прощения. Одарив их молитвами и осенив благословением, в тот самый час, когда хотел разрешиться от телесного союза, причастился он Святых Животворящих Таин Христа Бога нашего и, воздвигнув руки горе, осенил все животворящим крестом, перекрестил лице свое и сказал: «Мир всем. О, Владыко Человеколюбче, сподоби меня одесную Тебя стать, когда воссядешь во славе Своей судить живым и мертвым и воздати каждому по делам его».

И сказав последнее слово: «Господи, в руке Твои предаю дух мой», предал Господу с молитвою чистую и священную

свою душу. Жил же преподобный всего 52 года и пять недель. Ростом он был средний, выражение лица имел умильное, лик сухощавый, очи веселые, борода у него была невелика и не особенно густая, волосы русые, наполовину седые. Преставился он в 1479 году, месяца апреля в 20 день, во вторник второй седмицы по Пасхе.

Собрались вся братия, положили на одре честное и трудолюбное тело его; псалмопением и надгробными песнями провожали его ученики, плача и рыдая, сокрушались и изливали слез источники, лишившись своего наставника и не терпя разлучения с отцом своим. И если бы воля Господня была, то тогда они умерли бы с ним. Лице его просияло, не было на нем ни черноты, ни смуглости, как обычно бывает у умерших, но оно было таким, как бы он уснул, показуя тем духовную его чистоту и мздовоздаяние от Бога за труды его. Погребен он был братиею честно, с кадилами и со свечами. Честное и трудолюбивое тело его положили в созданном им монастыре, по правую сторону от алтаря, где оно покоится и доныне.

От гроба же святого исходит здравие: слепым – прозрение, бесов изгнание, расслабленным – укрепление, согбенным рукам и ногам – распрямление, хромым – хождение, немым – дар слова, от всех болезней подает он исцеление, нищих обогащает, малоимущим дает достаток и почет; всем дарует он полезное, и не только через приближение к раке его, но и кто где бы то ни было имя его призовет с верою, здравие получает, всякую необходимую просьбу исполняет он. Так творит он посредством чудес своих, совершая дело, достойное своего именованья. Распявшись миру, с миром к мирному Богу отошел он, возшел к присно славимому Владыке, украшаясь уготованным ему у Господа венцем, сподобился Христа видеть и со Христом пребывать всегда, о Христовой доброте радоваться. Перешел он в страну живых, где раздается глас празднующих и где находятся жилища радующихся.

Посмотрим на добродетели жития и премудрости древле просиявших святых, и что воистину ничем не был он скуден в житии, сравнительно с житием прежде угодивших святых отцов, и сей преподобный Александр, общего жития правитель,

который в пустыне церковь воздвиг и общее житие составил, разве не стяжал он доброе о себе мнение, не получил от Бога даров исцеления и чудес? Как и ранее прославлены были святые, так и его Бог прославил и сотворил знаменитым по всей земле. Неужели же мы не похвалим того, кого прославил Бог в последние роды наши, даровав нам также о светильника и чудотворца во славу земли нашей Онежской, северной дальней страны?

Ты же, отче, успешно скончав течение постническое и по кончине получив воздаяние трудам своим, ясно просвещаемый зарями Святой Троицы и наслаждаясь неизреченной Божественной благодатью, поминай детей своих и сохраняя учеников своих, призывающих же тебя и припадающих к чудотворному гробу твоему прошение молитвенное исполняй и постоянно защищай их. Моли о нас, преподобный, чтобы твоими молитвами Господь Бог даровал нам грехов оставление. Ты знаешь немощь нашу и леность, знаешь ты и лукавого навет на нас и озлобление, знаешь ты, как естество наше легко соблазняется и быстро склоняется ко злу. Посему просим твоей помощи и заступления молитвенного пред Богом. Ревностно молясь, моли о нас Господа Бога и Пречистую Его Матерь как чадолюбивый отец, чтобы мы постоянно сохранялись от видимых и невидимых врагов и творили Ему угодное, чтобы Господь наставил нас и укрепил, сотворил нас подвижнейшими к исполнению Его Божественных заповедей, подал нам изобильно все благое и полезное, чтобы мы получили покой и мир, пребывая безмолвно в житии сем, и могли бы исполнить всякую добродетель, освободиться будущих мук и получить вечные блага о Христе Иисусе Господе нашем.

О расхищении пришельцами вещей монастырских. Прошло некоторое время по преставлении преподобного отца нашего Александра, и явились многие раздорники и крамольники, пришлые странники, иереи, диаконы, клирики и иноки. Недолго пробыв в монастыре, они уходили, взяв что-нибудь или ограбив, и так уносили – один книги, другой ризы церковные, иной одежду и обувь и другие вещи, видя, что все это никем не хранимо и не соблюдается. Не убоялись они суда

Божия, не уstraшились вечных мук и, если даже знали Священное Писание, то поступали хуже неверных. Ибо многие и из язычников спасаются, а эти, хоть и знают заповеди Божии, но будут осуждены без милости, ибо, если кто чужое восхищает неправдою, то вместе с сим и свое потеряет, иной же и жизни лишится внезапно. Так и эти все, забывши обо всем, ушли и разнесли похищенное, разграбивши все, подобно татям и разбойникам, братию же оставили в негодовании, скорби и сетовании, так как они лишились самого необходимого. Оставшись во многом сетовании голодными, жаждущими и нагими, братия разошлись, и только пять из них остались на месте том, но и те были весьма стары годами или больны. Видя, что место то никто не оберегает и не хранит, поселяне соседней деревни также соблазнились и стали присваивать угоды монастырские и присоединять их к своим угодам. Пребывая в великом унижении и нужде, иноки дожили до того, что церковь Божия запустела без иерея и место постигло оскудение, так что уже не пахали и не сеяли, но питались только приношениями от христолюбцев. И так продолжалось, по воле Божией, в течение восьми лет по преставлении преподобного.

О скорби иноков. Иноки же весьма печалились и с плачем и рыданием говорили между собою: «Что делать нам, ибо уже погибаем! Куда мы денемся, что нам есть, пить и во что одеться?»

Был среди них один брат, который ни святым книгам не учился, ни Писания не знал, но был исполнен разума духовного. И стал он увещевать братию такими словами: «Слышали ли вы, братия, что сказал Господь во Святом Евангелии: *Не бойся малое стадо: яко благоизволи Отец ваш дати вам царство* (Лк. 12, 32), мы же с Иовом говорим: если мы и получили от Бога благо, то разве не стерпим зла. И еще скажу вам. Когда отец наш и наставник поведал нам о своем ко Господу отхождении, то все это предсказал нам, как придут странники и, расхитив, удалятся, обидят и унизят нас. И велел он нам терпеть на месте том, пока не исполнится последнее пророческое слово святого, что и случилось, по смотрению Божию. Мы же жаловались,

говоря: «сам ты, отче, к Богу отходишь, а нас оставляешь сиротами». Он же обещался пребывать с нами духом неотступно. Всему этому мы тогда не вняли. Теперь мы узнали, что все предсказания святого сбылись с нами».

И много говорил старец в утешение: «Потерпим еще немного, не отчаемся в надежде на Бога, но возложим упование наше на Господа и будем надеяться на молитвы отца нашего: не презрит он учеников своих и не оставит нас, детей своих!»

Как восхотел Господь преподобного Александра прославить даром чудес. Восхотел же Бог еще более прославить Своего угодника. Не желал святой славы человеческой ни при жизни, ни по смерти, но крепкая десница Господня прославила его. Не оставлял Господь святыне его мощи в забвении, не допустил, чтобы храм великого чудотворца Николая стоял без пения и не оскудело место святых трудов, но, как предсказал преподобный: «Если я обрету благодать перед Богом, то не оскудеет святое место сие, но и больше распространится по отшествии моем». Так и случилось, по строению Вышнего Бога.

О собрании поселян и соединении с иноками и о игумене. Наступил праздник Успения Пресвятой Богородицы, собрались поселяне деревни той и, сколько их ни было, и стали говорить инокам: «Отцы наши! Как это вы пребываете здесь, не имея игумена? И у вас в том великая нужда, так как священника нет. А теперь оставьте место сие. Бог может и в другом месте пропитать вас. Мы же станем искать себе священника белого, по своему выбору, как это обычно бывает у мирян».

Тот же вышеупомянутый старец имени которого нам не сохранило писание, но известный нам только по слухам, так сказал поселянам: «Лучше нам в голоде и жажде умереть здесь, нежели оставить святое место сие и нарушить поучения и наставления отца нашего, игумена Александра. Надеемся на Господа и на отца нашего Александра, что не оставит Бог святых трудов его. Теперь же, если вы хотите, соединимся воедино. На верховье реки нашей Чурьяги есть храм молебный, называемый часовня, а у храма того живет старец, именем Варлаам, священник саном. И мы теперь позовем его к себе в

монастырь жить. Есть также у него сын, по имени Матфей, а ныне у нас служит диаконом. Уговорим его, чтобы он нам был игуменом, а вам священником!»

Послали за старцем Варлаамом и пришел к ним Варлаам, согласно их приглашению. И начали братья говорить ему: «Отец Варлаам, пойдя ты к нам в монастырь и живи с нами до дня исхода своего, а сына своего убеди, чтобы был он нам игуменом и отцом духовным, мирянам же – священником, ради нужды их».

Варлаам отвечал: «Я пойду к вам, а сына моего сами уговаривайте, и я с вами».

Призвали дьяка Матфея иноки и в полном согласии с мирянами сказали ему: «Матфей! Ты теперь у нас дьяк, если же Бог изволит и будет твое желание, покажи нам свою любовь, будь нам отец и игумен».

Матфей стал отказываться: «Не мое это дело, не могу понести такого бремени, мал смысл имея и худой разум. И как я, сам еще не научившись, могу других учить, ведь Господь сказал в Евангелии: *Врачу, исцелися сам (Лк. 4, 23)*. Следует прежде себя наставить, а потом незазорно и людей учить. Как я буду называться учителем, когда не могу называться и учеником? Будучи еще юным, как буду называться отцем? Ведь, я еще отрок. Оставьте теперь меня на время».

Случилось тут быть вельможе некоему, который служил ключником у вышеупомянутой боярыни Анастасии, звали его Иоаким Иаковлев. Жил он в селении, называемом Усть-Волга. Он также стал уговаривать Матфея. Матфей же сказал им: «Перестаньте теперь просить, дайте мне подумать о себе, и наутро я вам дам ответ».

Был уже вечер и все разошлись, решивши собраться утром. Наутро собрались снова, и, как накануне, стали увещевать Матфея. Был же у них в то время в том селении Леонтий, брат по плоти преподобного Александра. Больше всех уговаривал он Матфея. Матфей же сказал Леонтию: «Постригись и ты, Леонтий, и устрой монастырь. Тогда и я стану игуменом». И все сказали, что хороша речь сия и благ совет и полезно послушаться этих слов. «Уже ты, Леонтий, проводил свою жену

в могилу и ничто не препятствует, детей же своих поручи Богу, доброму строителю».

О явлении трех святых мужей, как видел их Марк земледелец, и о строении монастыря и о Максиме игумене. В то время находился тут житель одной из деревень, родом из селения Усть-Волга, именем Марк, по прозванию Спица, знакомый тому вельможе Иоакиму. Марк отозвал Иоакима от собрания, и стал ему говорить тайно, наедине: «Иоаким, видел я в ночь сию чудное видение, изумительное для очей, исполненное ужаса, страшное для поведания. Видел я, господине, на монастыре и около монастыря много деревьев больших и малых и множество людей работающих, которые посекали эти деревья, рубили, тесали и кололи, воздвигали церкви, ставили келлии, огораживали монастырь. Видя сие, я ужаснулся и, одержимый страхом, стоял, глядя и изумляясь страшному видению. И подумал я: что это значит, откуда столько народа в пустыни сей? Посмотрев недолго, увидел я, что шествуют три мужа, двое из сих мужей, светоносных образом, были украшены сединами. Один из них, облаченный в святительскую одежду, был лыс, волосы на голове его были подобны чистой волне, борода же его была кругла, в руках имел он крест, крестом ограждал и благословлял место и работающих. Другой старец, также сединами украшенный, имел длинную бороду. Шествовал он, имея в руках воду святую и с благословением окроплял место и работающих. Третий старец был среднего роста, умильный по виду, русый волосами, имел бороду небольшую и не особенно густую, с проседью наполовину. В руках у него было кадило, которым он, ходя, кадил на место и делателей, благословляя их. Четвертый же муж шел неподалеку сзади их; был он молод и не мал ростом. И подошли они близко ко мне. Я же смотрел и дивился красоте их и светлости лица их, и поклонился им до земли. Поднявшись, узнал я в третьем из них, который был среднего роста, игумена Александра, начальника месту сему. Увидев меня, он позвал меня к себе. Я подошел, поклонился ему и сказал: «Поведай мне истину, отче, чтобы услышал я от неложных уст твоих, кто это такие светоносные мужи, вид

которых изумил меня, ибо никогда в жизни не видел я таких мужей».

Преподобный же Александр сказал мне тихо: «Неужели ты не узнал первого из них? Перед образом его ты всегда молишься ему – это славный и великий чудотворец Николай».

«Что же за дело у него здесь и зачем пришел он сюда?» – спросил я. Преподобный же сказал мне: «Как ты не понимаешь, что стоит здесь храм во имя его, и он пришел посетить храм свой. Господь повелел ему снабдить монастырь сей и хранить место».

«Позволь мне, отче еще спросить тебя: кто это другой светоносный муж, который носит святую воду; как зовут его?»

Александр сказал мне: «Это преподобный игумен, чудотворец Кирилл, называемый Белозерским».

«А он зачем пришел сюда, совершив такой путь, и кем он был послан?» – спросил Марк.

Александр же сказал ему: «Он отец наш, наставник и учитель; я получил пострижение в его монастыре, почему и называюсь учеником его. Когда я был еще в тленном житии, он много раз посещал меня и укреплял на подвиги. Некогда в болезни посетил он меня, и молитвами его я получил здравие. Ныне же я умолил его посетить место сие».

«А кто это младый старец, я и его не знаю. Скажи мне, отче, и это». Александр отвечал Марку: «Это дьяк Матфей, живущий в сей обители. Ныне, по Божию изволению, отцы наши устрояют его и благословляют на мое место, во обители игуменом быть, и передают ему монастырь».

Марк же сказал: «Не прогневайся на меня, отче, надо мне спросить тебя еще одно слово; если же ты мне не скажешь, от кого узнаю я истину! Откуда это собралось столько народа в пустыне сей и кто может их прокормить?»

«Чадо Марк! – отвечал Александр, – Бог, создавший их, собрал их и послал к нам на помощь. Он может и напитать их. Ты же, чадо, не удивляйся чудесам Божиим неизреченным. Иди в богосозданную обитель, в наш монастырь, постригись и пребудь там до дня исхода своего. И поставят тебя пономарем, что значит причетником церковным».

Так и было по слову святого. И сказал Александр: «И вот что, чадо, поведаю тебе. Если кто с терпением поживет на месте сем, благодаря Бога, со многим смирением и покорением, тот, как имею я надежду на Господа, не лишен будет милости Божией. Так и ты, чадо, получишь жребий с нами и мздовоздаяние от Бога по своему труду».

Сказавши это, святой отошел, я же пришел в себя и, не видя никого, стал дивиться великому тому сну и страшному видению и решил о том поведать тебе».

Как только услышал Иоаким эти речи от Марка, то вздохнул и сказал: «Благо тебе, брат Марк, ибо не лишил тебя Господь милости Своей, храни эти слова в сердце своем, не забудь наставления преподобного отца нашего Александра и совершай делом, что повелел тебе святой. На месте же сем воссияет великая благодать Божия, церкви воздвигнет Господь, место расширится, обитель умножится и исполнится довольством по слову святого».

Так и было. Снова придя в собрание, Иоаким стал еще прилежнее увещать Матфея и Леонтия, чтобы они оба постриглись, и обещался сделать в монастырь вклад. Услышав от Иоакима такие слова, Леонтий не замедлил своим решением, сказав: «Готов я на такой подвиг».

Посоветовавшись, решили принять пострижение оба мужа, Матфей и Леонтий. Иоаким же дал монастырю из скота своего двух лошадей и двух молочных коров. И дал им хлеба от всякого жита, чтобы им доставало его до нового хлеба. Дал им вдоволь и семян. И, желая помогать им всякими вещами и часто посещать их, дал он им милостыню и, получив от них благословение, отправился домой.

Леонтий оставил у себя дома сына старшего, а сам пошел в монастырь, взял с собою двух сыновей, Максима и Конона. Максима он поставил служить братии, а Конона отдал на учение святым книгам дьяку некоему, жившему в обители, Симеону именем. Быстро выучившись, стал он горазд грамоте, и потом пробыл в обители немалое время дьяком.

Матфей же и Леонтий постриглись оба, а постриг их Варлаам старец, священник саном. Сначала он постриг Леонтия

с именем Леонида. Потом постриг сына своего Матфея и нарек его Максимом. Леонид остался в монастыре, заботясь об обители. И повелел Леонид клирикам и диаконам написать житие преподобного Александра, ибо он хорошо знал святое житие его и чудеса, видел и все святые предсказания, которые сбылись. И стали писать клирики все сие для памяти.

Максим же отправился в Великий Новгород и, Божией помощью, был путь его благополучен и посуху и по водам. Скоро прибыл он в Великий Новгород и пришел к архиепископу Сергию. Архиепископ благословил его, посадил и стал подробно расспрашивать о монастыре, о средствах его и о устроении. Максим все рассказал ему о себе и о монастыре, что место то было пустынно и исполнено нужды. Видя, что Максим муж молодой, но смиренный, простой и незлобивый, архиепископ не воспрепятствовал ему, но освятил его священным саном и поставил игуменом, поучив его от Божественных Писаний и наставив духовными беседами, и дал ему грамоту игуменскую.

Приняв от архиепископа грамоту и благословение, игумен Максим отправился в монастырь свой. Итак, благодатью Христовою, дошел он до обители. Варлаам, Леонид и все братия встретили его. Игумен благословил их всех и о Христе целование дал им. Вошли они в церковь великого чудотворца Николая и пели молебен за великого князя и за архиепископа и за все православное христианство. И возведен был Максим на место игуменское и поучил братию довольно. Потом все разошлись, каждый в свою келлию, ибо уже наступил вечер.

Прошло немного времени, миновала осень, настала зима, воды и болота замерзли; начали падать на землю снег и иней. Стали приходить люди и купцы с возами, на работу и для торговли. Сказав о сем кратко и почитаем далее и там иную пользу найдем.

Явление преподобного Александра Максиму игумену. Настал праздник успения великого чудотворца Николая и, по Божию строению, погода потеплела, снега обратились в воду, и не только не было для возов дороги, но и пешим трудно было идти. Игумен Максим был смущен этим и думал про себя: «Никто из приходящих торговцев не будет на праздник к нам.

Мы уже перестали надеяться: как и прежде, у нас нет самого необходимого; некоторое время мы не пахали и не сеяли, но питались только приношениями от христолюбцев. А теперь что нам делать, ибо у нас почти нет хлеба и только сохранилось немного рыбы для гостей». Так подумав, решил он оставить праздник без службы. А было все это по изволению Божию, ибо таким решением игумена пожелал Господь прославить различными чудесами угодника Своего Александра, а игумена привести от маловерия в веру, чтобы и на будущее время стал он веровать чудесам святого.

В навечерие праздника, отпев вечернее пение, братия разошлись, каждый в свою келлию. Игумен же, придя в свою келлию, сел в раздумье, недоумевая, что делать. Слегка задремав, услышал он, что застучали доски и увидел в видении, что из гробницы вышел старец, имеющий наружность светоносного игумена, и пошел к келлии его. Подойдя к оконцу келлии, он сотворил молитву, игумен же отвечал ему «аминь». И сказал старец игумену: «Как, брате, хочешь ты такой праздник оставить без службы! Пусть не будет сего и в мыслях твоих, не рассуждай и не размышляй, не будь неверен, но верь. Все недостатки ваши Бог восполнит, и праздник честно устроит и пошлет вам обилие, и в дальнейшее время не будет у вас скудости».

Игумен в изумлении смотрел на святого и едва узнал преподобного Александра, хотя много раз видел его при жизни. Тотчас пробудившись от сна, он уже не увидел никого, исполнился страхом и трепетом и дивился чуду, прославляя Бога и преподобного Александра чудотворца. Обрадовался он посещению святого и с весельем в душе молвил: «Что такое будет?» Тотчас пошел игумен к пономарю и велел ему печь просфоры, а сам, возвратившись к себе в келлию, стал готовиться к службе и в молитве провел всю ночь без сна. А в то время бушевала сильная буря, шел снег и иней. Затем небо прояснилось и настала тишина, снег примерз к мокрому льду, и установилась дорога по-прежнему. Так все переменилось в короткое время: Всещедрый Бог совершил сие, прославляя Своего угодника, преподобного Александра. Торговцы тронулись

со станов своих и был путь их легок. Шли они к городу Каргополю от озер с рыбою. Собралось множество торговцев, и остановились они отдохнуть против монастыря по ту сторону реки. Игумен велел по обычаю звонить к заутрене, и начали пение. Пришли те торговцы и дали в монастырь рыб всякого рода, малых и больших, свежих и просольных, дали и игумену на молебен, кто сколько мог. Игумен же обещался вознести к Богу должное моление о них, что и исполнил, и, одарив их благословением, отпустил. И отправились они в путь свой.

Затем пришло от окрестных мест множество народа, везя с собою в монастырь кто деньги, кто хлеб всякого рода, привезли и печеного хлеба много, и все необходимое. Игумен и братия возрадовались, отпели молебен и воздали честь всем гостям, православным христианам. С духовным весельем праздновали они, ликуя друг со другом. Так проводили они праздник, и все народное множество разошлось каждый в дом свой. Игумен же поведал всей братии видение свое и посещение святого и что сказал ему святой. Услышав это, братия воздали хвалу Богу и преподобному Александру, угоднику Божию.

О создании церкви Пресвятой Богородицы. И прослышаны были чудеса святого Александра в окрестных местах и в городах; слух о них достиг и до берегов морских, и многие стали приходить и принимать пострижение, принося монастырю от имущества своего все необходимое, жертвуя угоды, деревни, пожни, деньги, хлеб и скот. Братия умножились и обитель расширялась, наполнялась всяким довольством.

И задумал игумен с братиею воздвигнуть другую церковь, во имя Пречистой Богородицы, славного Ее Успения. Помолившись, приступили они к делу и, с помощью Божией и по молитве преподобного Александра, скоро построили церковь во имя Успения Богоматери и украсили ее иконами и книгами, насколько могли.

О Пияле и рассоле. Прошло немного времени. Верстах в 170 от монастыря вниз по Онеге реке находилось место, называемое Пияла. И по некоему Божию смотрению явился там в реке источник воды соленой, которая в той области называется рассолом. В то время пришел в Пиялу с берега

моря некий старец, именем Тарасий, по прозвищу Беляй, искусный в соляном деле. Жители Пиялы стали уговаривать его приняться за ту работу и отдали ему в собственность часть той воды. Старец приступил к делу, подвел им воду близко к берегу, устроил колодезь и отделил воду от рассола. И дал старец Тарасий той воды соленой из своей части в Соловецкий монастырь на один солеварный чан, а в Александров Ошевнев монастырь на полчана. Игумен же Максим, услышав о том, поехал туда и прикупил той воды соленой еще на полчана. Купил и земли под двор, часть берега на пристанище и под дрова. Есть же и доныне там тот промысел. Братия работают, соль варят и продают купцам, на вырученные же деньги покупают себе одежду, обувь и все необходимое братии и монастырю. Жители Пиялы, люди добродетельные и богобоязненные, питая великую веру к Господу Богу и к Пречистой Его Матери и к преподобному Александру, имели желание помогать монастырю и пожертвовали к тому его промыслу один – деревню, другой – угодия и пожни, а иной – деньги и скот. И доныне подают они обители все необходимое, на спасение своим душам вечную милостыню.

О сырианском начальнике игумене Кирилле. Не пройдем молчанием и о следующем. На реке Онеге в Заостровии жил сын священника, именем Кириак. По смерти своих родителей остался он юным и еще не знающим никакого ремесла. И сказал он себе в раздумье: «Как поступить мне: не могу я вести какое-либо дело, так как не привык к этому, а просить милостыню мне стыдно. Чем же стану я кормиться?» Но Бог не хотел смерти грешника, но желал сохранить его к жизни. И вот явилась у него такая мысль: «Слышал я о чудесах преподобного Александра в области города Каргополя. Пойду теперь в монастырь его, называемый Ошевнев. Если Бог изволит и молитва преподобного Александра покажет мне, меня там примут, я постригусь и стану иноком». Так он подумал и с помощью Божией отправился в путь, пришел в обитель, явился к игумену, пал к ногам его, принял от него благословение с молитвою, и изливая из очей источники слез, горячо просил игумена, чтобы тот принял его и сделал монахом. Видя его желание и усердие,

игумен принимает его, постригает, нарекши имя ему Кирилл, и поручает его некоему искусному старцу. Старец научил его всякому благочинию, и затем настоятель послал его в поварню и в хлебню. Когда прошел он, как следует, все службы монастырские, игумен поставил его пономарем и просфорником и пробыл он в той службе времени не мало. Благий же Бог, желая всех людей спасти и в разум истинный привести, вложил еще желание Кириллу – научиться Божественному Писанию. И начал он просить об этом клириков и дьяков, живших во обители, предлагая им и плату. Начали они учить его с азбуки. Старец взялся за дело, а они направляли его. И научился он Писанию Божественному. Спустя некоторое время пришел он к игумену и попросил благословения и отпущения с молитвою. Игумен наставил его и отпустил с миром. Старец отправился в Великий Новгород, пришел там к архиепископу и припал к ногам его, прося исполнить желание свое. Архиепископ благословил его, посвятил в сан священства и отпустил. Он удалился в селение Кеноозеро, где и священствовал некоторое время, оттуда пришел он на Онегу реку, в селение, называемое Конецостровие, где был храм Всемиловитого Спаса, и пожил здесь честно, принося жертву Богу. Потом нашел он место, называемое Сырия Гора, отправился туда, построил там церковь во имя Пречистой Владычицы нашей Богородицы, основал монастырь и собрал братию. И доныне существует монастырь тот, называемый на Сырьей Горе. Мы же, оставив сие, обратимся к предыдущему.

О преподобном Александре, как видел его старец Герасим, и о пожаре на церкви. Во время настоятельства игумена Максима однажды загорелись келлии; а был в том монастыре старец некий, именем Герасим, семь лет не видевший очами. Во время пожара выйдя перед сени келлии своей, старец тотчас прозрел на один глаз и увидал, что наверху храма свт. Николая чудотворца стоит инок и, держась руками за крест, своею мантиею осеняет верх церкви. И ужаснулся он, подумав, что это привидение. Изумленный виденным, стал он всматриваться внимательнее и ясно узнал преподобного Александра, и с радостною душою начал взирать,

как все стало кругом светло и весело. Увидал он и другой храм, Пресвятой Богородицы, и ряд келлий, а также и пламень, столь сильный, что все не чаяли спасения. Снова посмотрел он на верх церкви, но уже никого не увидел, и стал он дивиться великому чуду и посещению преподобного Александра. Затем пожар утих, подоспел народ, разметали постройки и пламень погас. Сгорело всего две келлии, остальные же сохранил Бог молитвами и явлением преподобного Александра.

Придя к себе в келлию, старец поведал все брату Дионисию, жившему с ним, затем пошел и рассказал игумену и всей братии. Игумен же и братия, услышав о сем, исполнились радости и, отпев молебен, прославили Бога и преподобного Александра чудотворца за то, что явлением своим он угасил пожар и исцелил очи слепого. Прозревший старец жил еще год и преставился к Господу.

Чудо святого над беснующимся. Был отрок из селения Слободы, Григорий именем, Иоанном сын, жил он в полуверсте от обители святого. И за его небрежение овладел этим отроком лукавый дух, как это случается по грехам нашим.

Настал праздник Пречистой Богородицы, честного Ее Успения, и на тот праздник пошли все люди в монастырь на праздник, помолиться. А Григорий пошел на гумно свое и лег спать в сарае, куда собирают мякину. По забывчивости, ни молитвы не сотворил он, ни перекрестился, даже имени Пречистой Богородицы не помянул, и уснул крепко. Во время сна внезапно поразил его нечистый дух; потерял он разум и стал творить неподобное. Его связывали без жалости, он же, разорвав путы, убегал неизвестно куда, часто срывая с себя одежду и бросая ее. Пробовали запирали его в комнате, но он и там творил много зла. Долго продолжалось это, призывали многих волхвов, но ни от кого не получил он помощи, ибо кто в состоянии помочь, кроме Бога? Видя это, родственники отрока говорили, что все это случилось по Божью попущению, за их грехи. Вспомнили они, наконец, о чудесах преподобного Александра, привели отрока в монастырь, приложили его ко гробу святого и, отслужив молебен, окропили его святой водой. И тотчас оставил его нечистый дух, молитвами святого отца

нашего Александра, отрок исцелился и стал разумным, как будто никогда и не хворал. И удалился он в дом свой, радуясь, благодаря Господа Бога и чудотворца.

О игумене Максиме. Игумен Максим прожил в монастыре много лет, заботясь о нем с великим усердием, и явил многие труды и подвиги. Много деревень христолюбцев присоединил он к монастырю, много угодий и пожней приобрел он ему: работая своими руками, рубил он деревья, собирал хворост и жег его и уравнивал пожни. Был он немал ростом, крепок и неутомим телом, и редко можно было встретить такого мужа, как он. Так он работал для того, чтобы пот и труды его послужили и по смерти его тем, что он приобрел монастырю. Трудился он и для того, чтобы получить покой вечный и своей душе спасение и мздовоздаяние от Бога. Но не буду говорить много о трудолюбивом муже, подвиги которого Бог ведает: в юности он страдою утолил себя, чтобы тело свое соблюсти чистым от скверны, а душу сохранить от греха и уневестить ее Жениху своему Христу; в совершенном же возрасте молитвой и постом угасил телесные страсти, а в старости маститой бдением и слезами спас душу свою. Жил игумен Максим во всяком воздержании, никакими благами не пользуясь отдельно от братии. И отошел он от жития сего, пробыв настоятелем монастыря 42 года с половиною и предал Господу дух свой в добром исповедании.

В то время в обители был священником упомянутый выше Корнилий, который не получал от архиепископа благословения на игуменство и не был почтен саном настоятельства. Несколько времени спустя пришел в обитель из других монастырей старец, саном священник, именем Маркелл, и стал прельщать братию. Некие крамольники из братии пожелали его себе в игумены, другие же из братии стали им смиренно прекословить. Маркелл поехал в Великий Новгород и получил от архиепископа благословение на настоятельство и сан игуменский. Возвращаясь в обитель, привел он с собою какого-то пришлого чернеца. Спустя немного времени игумен Маркелл стал негодовать на священника Корнилия, Корнилий же начал прекословить Маркеллу. И поднялся из-за них в братии ропот.

Священник удалился из обители, а игумен Маркелл снова стал оболящать братию: «Хочу я, братие, поехать в Москву плакаться и бить челом великому князю, просить милостыню».

Те же крамольники стали говорить остальной братии: «Бог послал нам в игумены отца и строителя. Заботится он о монастыре! Человек он добрый, речистый, и, как московский житель, все порядки там знает».

Взял с собою игумен пришлого чернеца, которого привез из Новгорода, и слугу, такого же пришельца. И сговорились они между собою. Братия же избрали старца некоего, именем Иону, и послали его с игуменом. Игумен взял с собою три лучших коня, выбрав их из табуна, двадцать рублей серебром из казны монастырской, вдоволь хлеба и рыбы, а также книги и ризы церковные, как некогда предсказал святой о расхищении своего монастыря; взял с собою и книгу, в которой были написаны житие и чудеса преподобного Александра, говоря: «Писание это возведу и покажу преосвященному митрополиту, а он предоставит его великому князю». А говорил он это, лстя. Но если кто возьмет чужое правдою, то и свое с ним потеряет, а иной и жизни безжалостно лишится, что впоследствии случилось. Игумен лживым целованием облобызал братию и отправился в путь. Братия любовно проводили его и возвратились. Доехав до великого озера Воже, игумен приказал старцу Ионе вернуться в монастырь. Когда тот не захотел возвратиться, Маркелл сказал ему: «Если ты не послушаешь, то сейчас умрешь, мы утопим тебя в озере!»

Взяли они все у старца и, бросив, бежали. Маркелл же, доехав до некоего места, злую приял кончину, то есть от разбойников. Возвратился Иона в обитель. И объяла братию великая скорбь о том, что Маркелл увез книгу с житием и чудесами преподобного Александра, и что они, лишившись такого дара, остались без воспоминания о подвигах и чудесах святого. И с тех пор письменного жития его не было. Некоторые из братии, склонные к крамолам, возроптали на старца Иону. Не перенес он сего и удалился. Но обитель не могла оставаться без настоятеля. Пришел из Новгородской волости некий

священник, именем Вассиан, и братия приняли его себе в игумены.

О новгородце Алексии и сыне его Симеоне. Спустя немного времени прибыл в монастырь из Великого Новгорода человек некий боярского рода, именем Алексей, с сыном своим Симеоном и горячо просил он игумена с братиею о своем принятии в монастырь и о пострижении. Видя веру его к Богу и желание, игумен любовно принял его, постриг и нарек его во иночестве Иоасафом. Сын же его Симеон, недолго побыв в монастыре, удалился в город Каргополь, занялся торговлей и сделался купцом. И стал Симеон великую веру иметь к преподобному Александру и к монастырю его: часто приходил в обитель повидать отца своего, игумену же с братией приносил и присылал, сколько подавал ему Бог. Всемогущий Господь видел непреложную веру Симеона, и молитва преподобного всегда за него молящегося, споспешествовала ему, и благословил его Бог и умножил имение его. Сколько он ни давал в монастырь, Бог стократно возвращал ему. Отец его Иоасаф, пожив в монастыре лет 15 во всяком воздержании и благочинии, преставился в добром исповедании ко Господу. Проводив отца своего честно и отпев надгробное пение, Симеон велел служить по нем до установленного срока. Сам же весьма печалился по отце своем, благодаря Бога за то, что Бог сподобил его похоронить отца своими руками. Затем он снова возвратился в город и занялся торговлей. Но и после того много и прилежно заботился он о монастыре, как никто другой. К игумену питал он любовь, как к отцу, часто посещал братию и ободрял ее, много милостыни подавал им как бы от неистощимого сокровища, от Богом дарованного ему таланта. Благотворил и иным монастырям. О других его добродетелях скажем в своем месте.

О создании большой церкви. Когда же все так происходило, братии собралось в монастыре не мало, церковь же были тесна и ветха. И задумал игумен Вассиан с братиею воздвигнуть вместо той церкви большую. Но боялись греха – разорять церковь, построенную преподобным Александром. Наняли они работников и велели им приготовить лес на построение церкви, что и было исполнено. Начав строить

великую церковь, игумен с братией снова запечалились. По бедности своей жалко им было деревьев, а также съестных припасов и других вещей, необходимых для содержания многих работников. Но питали они надежду, что если Бог изволит и помолится преподобный Александр, то произойдет подобное тому, как древле Господь наплатил израильтян и пустыне, из камня источил им воду и пятью хлебами насытил пять тысяч людей (Исх. 16; Чис. 20, 1–12; Ин. 6, 5–14), и ныне Он малое умножит. И на глазах у всех сотворилось тогда явное чудо, которое даровал Бог по молитвам Своего угодника Александра. Та обычная мера пищи, которая ежедневно шла на своих, оказалась достаточною для всех и притом в изобилии.

Печалились иноки еще о том, что у них не было плотника. Но вот, точно Богом посланный, пришел в обитель с берега моря плотник именем Василий, известный многим как сообразительный и искусный в церковном строении. Игумен с братией стали говорить ему о создании церкви. Он же без колебания согласился: «Рад я потрудиться для такого Божьего дела и для вашей любви, лишь бы Бог помог. Вы позаботьтесь о деревьях, а Господь подаст разум для строения. Плату же вы дадите мне в свое время, по делу и по трудам моим». Уговорившись прийти в назначенный день и велев им церковь старую сносить и ровнять место, он удалился. Через короткое время Василий опять пришел в обитель, но ветхая церковь еще стояла на месте. Тогда Василий спросил игумена и братию: «Почему вы не снесли ветхой церкви, или вы хотите на ином месте церковь ставить?»

Игумен же с братией стали Василия уговаривать: «Постарайся, господине, Бога ради: твое это дело, ибо тебе повелено Богом создать церковь, у нас же нет человека, который бы решился на это».

Василий же сказал им: «Я уговорился с вами новую церковь строить, а не ветхую разорять».

Игумен с братиею стали его любовно уговаривать, и принялся Василий за дело, будучи весьма искусен в строении. Получив от игумена благословение, пошел он в хижину, которая дана была игуменом ему на отдых, и постился семь дней. Когда

седьмой день уже склонялся к вечеру, Василий, помолившись, сел и стал думать о стройке и задремал он, потрудившись в молитве к Богу.

Преподобный Александр явился церковному строителю Василию. И тотчас увидел он в хижине свет и увидел еще, что в хижину к нему вошел светолепный старец, умильного вида, с обычной молитвой Иисусовой на устах, одетый в ризу священническую, имея в руке крест. Василий подивился красоте старца того, ибо не видал в обители такового старца, затем поклонился ему земным поклоном и сказал: «Благослови, господине, отче!»

«Встань, чадо, Бог благословит тебя!» – отвечал старец. И, осенив его крестом, сказал: «Чадó Василий, без сомнения берись за дело, на которое ты позван Богом. Тебе дана благодать от Бога на церковное строение и Господа ты имеешь помощником. Призывай себе на помощь и великого чудотворца Николая. А я готов помогать тебе».

Василий же сказал: «Отче святой, скажи мне, кто ты; удивился я видению твоего образа, ибо не видал здесь такового старца, как ты». Старец сказал ему: «Чадó Василий, я грешный Александр, начальник месту сему, был прежде игуменом и святой этой обители. А ныне пришел я, чадо, поведать тебе следующее. Когда ты начнешь строить храм Божий во имя великого чудотворца Николая, то с правой стороны алтаря построй притвор и присоедини к алтарю, ибо тут лежат мощи мои, над мощами же моими сделай раку».

И сказав это, стал он невидим. Очнувшись от видения, Василий уже никого не увидел и стал плакать от радости, радуясь посещению и явлению святого.

Когда церковь была еще не достроена, игумен Вассиан удалился из обители, так как его постигла немощь. И был после него другой игумен, так же Вассиан именем, прозванный Великим. И сей игумен также заботился об устройении монастырском, о создании церковном, об украшении святых икон и о всяких потребах монастырских. Василий же прославил церковь великую и преславную и все устроил в ней, как велел ему святой. Потом случилось тому же Василию строить церковь

во имя Николая чудотворца на месте сгоревшей в селе Надпорожии, где я тогда священствовал. Василий сам рассказывал мне, беседуя со мною, и все подробно поведал мне о явлении преподобного и посещении святого. Потом он удалился, радуясь и многое благодарение воздавая Богу, творящему дивные чудеса и преславные явления Своим угодником Александром. Мы же это из уст его слышали и написали во славу Христу Богу.

О явлении преподобного старцу Тимофею и о написании образа преподобного Александра. По сем игумен Вассиан посоветовался с братией о иконах, как им следует быть. И призвали они из города иконописца, Симеона именем, по прозвищу Сокола. По приглашению их Симеон пришел к ним с сыном Иоанном. И стал игумен говорить Симеону о иконном писании. Симеон же так размышлял с собою: «Слышал я о чудесах преподобного Александра и думаю, что не напрасен труд мой будет, и буду я причастник святому сему месту». И сказал он игумену и братии: «Если Богу угодно будет и преподобному Александру и вам необходимо, потружусь, как Бог поможет и молитва преподобного».

Взяв благословение от игумена и молитвы от отцов, принялся он за дело. Был же в монастыре от древних лет старец некий, именем Тимофей, человек простой и неученый книгам, но духовный и трудолюбивый. И было ему за обычай постоянно ходить на монастырскую работу и трудиться для спасения своего. Однажды по вечерней молитве и по келейном правиле лег он отдохнуть немного, дневного труда ради, и уснул легким сном. И тотчас увидел он, как наяву, что пришел к нему старец умиленный образом, наполовину седой, и сказал ему: «Брат Тимофей, иди к игумену и к братии и скажи им, чтобы они велели написать образ игумена Александра, начальника обители сей, и положили его в притвор, на гробе моем. Я – Александр, как ты меня видишь».

Сказавши это, стал он невидим. Когда старец пришел в себя от видения, тотчас встал и прославил Бога и преподобного Александра. Утром он пошел к игумену и поведал ему о видении. После заутрени игумен рассказал об этом братии и

поставил Тимофея во свидетели тому видению, а он поведал братии о видении подробно. И все прославили Бога и Его угодника Александра и велели иконописцу Симеону написать образ начальника Александра. Симеон же иконописец не ведал, по какому подобию написать образ, ибо уже прошло много лет по преставлении святого. Стали опрашивать древних иноков, живущих в обители, и жителей окрестных мест, но никто не видал преподобного при жизни, так что пришлось положиться только на видение помянутого выше старца Тимофея.

Прещедрый же Бог творит все, что хочет. В то время пришел в монастырь посетить братию человек некий, Никифор именем, житель селения Пиялы на реке Онеге. Этот Никифор, как было известно, видал блаженного Александра при жизни и, имея к нему великую веру, после смерти преподобного посещал братию. Вот что рассказал он о преподобном игумену с братией и иконописцу Симеону: «Александр ростом был средний человек, лицом сух, образом умилен, очи имел впавшие, борода была у него невелика и не особенно густа, волосы русые, наполовину седые».

Выслушав Никифора, игумен, братия, и иконописец исполнились радости, ибо нашли, чего искали, и получили желанное. Иконописец же с радостью и с тщанием написал образ преподобного; и положили его на гроб святого, где он находится и доныне. И от него приходящим с верой многие исцеления бывают, благодатью Христовой и молитвами преподобного отца нашего Александра.

О Закхее чернеце. И поведал упомянутый выше дьяк Иоанн о некоем чернеце, именем Закхее. Одно время был он в селении Пияле приказчиком промысла, где варят соль. Пробыв там несколько времени, пришел он по обычаю в монастырь, отдал игумену и братии отчет о службе своей и положил перед ними деньги, которые ему Бог даровал от того промысла. И по диавольскому наущению утаил он семь рублей серебра, оставив их в келлии своей. В монастыре же был тогда некий пришлец, Василий именем, ремеслом портной. Он часто хаживал к тому чернецу и, узнав, что у него есть серебро, украл его и затем ушел из монастыря. Закхей же, ничего о том не

ведая, вдруг услышал, что братия ропщет на то, что Закхей-де утаил серебро, и, как лихоимец, казну монастырскую расхищает и скрывает в келлии своей. Услышав сие, он раскаялся в своем согрешении и сказал: «Зачем я столько серебра скрыл в келлии своей: пища и питье готовы мне с братией на трапезе, одежда и обувь даются готовыми из казны. Ни на что иное оно мне не послужит, кроме как на большее осуждение, на пагубу души моей скрываю я его, потому что для всей братии являюсь я злодеем, всем буду я ненавистен и прииму от них проклятие, а не благословение. Ныне я сам погубил свою душу из-за малого количества серебра! С еретиками осужден буду за это и с идолослужителями огню вечному предан буду, ибо святые отцы сребролюбие называют вторым идолопоклонством: Иуда сребра ради удавился, и кости его рассыпаны при аде. Так и я во тьму кромешную ввержен буду и буду терпеть бесконечную муку.

И сказал он потом: «Пойду и возьму серебро и положу его перед игуменом и братией, обнажу перед ними грех свой и получу прощение и благословение».

Пошел он за серебром, но не нашел его на положенном месте. Стал искать его и, ничего не найдя, сказал: «Горе мне и увы мне с бедой этой! Грех сотворил я, но ничего не получил. Беда мне одинакова – таить ли, или рассказать. Но думаю, лучше рассказать. Если мне и срам будет, то этим срамом избегну я позора оногo».

И поведал он игумену и братии о грехе своем. Много расспрашивали и искали, но ничего не нашли. Закхей же сказал, что серебро похитил брат Фотий, который был с ним в ссоре. Долго пререкались они и клялись, но ничего не добились. Был только один стыд и грех. Бог же не хотел людям гибели, но желал их спасти. И вот преподобный Александр явился во сне одному древнему старцу как наяву, и сказал: «Никто из братии не похитил вашего серебра, а украл его тот пришелец, потому он и ушел из монастыря. Иди и поведай сие игумену и братии. Послав, они найдут его в некоем ближнем селении и серебро у него, пока он еще не много истратил и пока не ушел далее». Сказавши это, он стал невидим. Придя в себя, старец уже никого не увидал и, подивившись видению, уверовал в истину

его. Тотчас пошел он и рассказал игумену и братии. Те, послав искать вора, нашли его, отобрали серебро и, укоривши его за истраченное, отпустили его невредимым и прославили Бога и хвалу воздали прп. Александру, новому чудотворцу.

Иное сказание о преподобном Александре. Поведал мне тот же Иоанн дьяк многие иные значения и явления преподобного отца нашего Александра, о которых он слышал в монастыре том от живущих в нем иноков, ибо он часто посещал их. Когда преподобному предстояло отойти к Богу, то он сказал им: «Телом отхожу от вас, братие, но духом с вами неотступно буду».

Поэтому и являлся он часто во сне, видели его то посещающим кладовые, то идущим на мельницу и снова возвращающимся в монастырь, то когда не доставало монастырю необходимого и братия скорбели. Тогда святой являлся некоторым из братии как наяву и утешал их: «Не скорбите, братия. Бог все исполнит, только имейте смирение между собою».

Когда же случалась напасть от диавола, или печали, или насилия от властей, или обида от злых людей, преподобный также являлся и повелевал возносить моления Господу Богу и Пречистой Его Матери и призывать на помощь Николая чудотворца, чтобы он молился о них. И снова эти скорби пропадали, разрушаясь, как паутиная сеть. От всех скорбей и бед защищали и избавляли молитвы преподобного отца Александра. Бывало часто, что неискусными иноками и ненаучившимися людьми поднимался в монастыре ропот. И тогда святой не оставлял монастырь, снова являлся и повелевал прекратить ропот и сохранять между собой любовь.

Отложите же неверие и всякое сомнение, идите в притвор, где лежат чудотворные мощи святого, припадите ко гробу преподобного, облобызайте раку его, умилитесь и плачьте о прежнем неведении, прося прощения. На будущее же время не оставайтесь неверующими, чтобы не пострадать, как пострадал я, окаянный, или еще тяжелей. Укажу вам на инок Мисаила, который был также маловерен, как и я, о нем здесь много написано. Если же мы умолчим, то сами чудеса вопиют о том,

за что Бог прославил его, а если кто одержим дьявольским неверием, то хоть весь мир явишь ему во свидетельство, он не поверит. Вы же идите с веселием и радостью и проповедуйте чудеса святого! Всякий, кто прибегнет к преподобному с верою, не постыдится и не уйдет неудовлетворенным, не получив Божией милости. Мы же за все то прославим Бога и преподобного отца нашего Александра чудотворца.

Чудо преподобного Александра о иноке Игнатии. И сие пусть будет известно. Некий старец, Игнатий именем, рассказал нам сам о себе следующее.

Когда он жил в миру, напали на него тяжкие болезни, различные недуги и скорби многие. Вспомянул он свои грехи, и смертный час и горькое разлучение души от тела, страшный и грозный суд, вечные те бесконечные муки и неусыпающий червь. Собрав свое скудное имущество, пришел он в монастырь и принял иноческий образ. Спустя сорок дней, согласно уставу монастырскому, послан был Игнатий настоятелем служить в поварню, работать на братию. И заботился он о своей службе, как только мог.

По попущению Божию, грех ради наших и по зависти дьявольской, был он напрасно оклеветан: будто он, Игнатий, чернец новоначальный, совсем не годен к такой службе, монастырю приносит вред, раздает за монастырь вещи монастырские, хлеб и рыбу, порученные ему. Встал в братии ропот, отрешили его от службы, посадили в темницу и надели ему оковы железные на руки и ноги. Долгое время пробыл он в темнице, тесны были ему оковы на правой руке, и стал он молиться Господу, чтобы Он ослабил оковы заключенного.

Долго он молился, пролил много слез, многих святых призывал на помощь, но не было ему помощи. И вспомянул он преподобного Александра начальника и сказал: «О преподобный отче Александре! Слышал я о многих чудесах твоих, но не верил, потому что слаб я верою. Не могу я поверить на слух, пока не проявишь на мне благодать Божьего тебе дарования чудес. Помилуй меня, маловерного, чтобы и я стал верить чудесам твоим!» И взялся он левою рукою за правую и за железные ее оковы, и тотчас расширились оковы и

спали с правой его руки. И начал он тотчас креститься правильно. С тех пор оковы стали просторными, надевал он их и снимал, славя Бога и дивясь неизглаголанной благодати Божией и чудесам преподобного Александра. Когда кто-нибудь из братии приходил посетить его, или сторож приносил пищу, тогда он надевал оковы на руку. Когда же уходили, он снимал их. Скрыл он чудо и не рассказывал никому, боясь, чтобы не сказали ропотники и невежды, что он колдун и что даже железные оковы не могут удержать его. Ради того скрыл он чудо, чтобы не препятствовали милости Божией и чудесам преподобного.

Услышав это, мы подробно расспрашивали его. Игнатий же инок подробно все рассказал нам по истине, мы же сие записали во славу Христу Богу и преподобному отцу нашему Александру, угоднику Божию.

Чудо о некоем юноше, исцеленном во обители святого. Недалеко от обители святого, вверх по Чурьяге реке, жил некий юноша, Михаил именем, Пахомиев сын. По смерти своих родителей остался он молод, и постигла его нищета. Пошел он в монастырь и на время нанялся служить. Когда он пробыл в монастыре несколько времени, случилась с ним тяжелая болезнь, сделался у него на правой ноге большой нарыв, и сильно страдал он от сего недуга. На ноге появились гнойные язвы и большая опухоль; долго и тяжело он болел, не будучи в состоянии ни есть, ни спать, ни встать с постели. По изволению и попущению Божию, грех ради наших, страдал он уже два месяца, и от тяжкого недуга согнулась нога его, и не знал он, что делать.

Благий же Бог праведных любит, а грешных милует и всех призывает ко спасению. Настал праздник перенесения мощей святителя Николая чудотворца. В навечерие праздника того юноша сильно разболелся и, весьма страдая, стал молиться со слезами Господу Богу и Пречистой Его Матери, призывая на молитву великого чудотворца Николая и святого старца, преподобного Александра, и сказал он себе: «О, сколько исцелений творит Бог через угодника Своего Александра!» И говорил он, молясь: «Святой Александр, помоги мне и избавь

меня от сей болезни! Знаю я, отче преподобие: что бы ты ни попросил у Бога, Он все подает тебе. Не презри меня в болезни сей».

И много еще говорил он от жалости сердца своего, с великим умилением. И всю ночь провел без сна, тяжело страдая от лютого недуга. Настало время звонить к заутрени, и все люди пришли к пению. Он же один остался лежать, только повторяя слова: «Святой Александр, избави меня от болезни сей!» Тотчас ему стало легче от тяжелого того недуга, и он крепко заснул. Скорый же помощник блаженный Александр пришел к больному юноше в священнической одежде и сказал: «Что ты спишь? Встань, иди в притвор и приложись ко гробу Александра. Затем пойди к заутрене, помолись Николаю чудотворцу и меня призови на помощь. Надейся на Бога и совершенно выздоровеешь!»

Увидя старца, светлеющего и умильного образом, больной не посмел спросить, кто он и как имя ему, но только отвечал: «Отче, хотел бы я встать, но не могу, потому что правая моя нога очень болит, на ней гнойная язва и большая опухоль, от чего она и согнулась».

Преподобный подошел, взял рукою своею за пальцы больной ноги и потянул ее: нога распрямилась и стала такой же здоровой, как и другая. Больной снова согнул ногу свою, а святой опять распрямил ее: так было и третий раз. И сказал святой: «Теперь ты здоров; не греши более! Но, как говорил я, ступай ко гробу моему приложись, потом иди к заутрени, и Господь подаст тебе здравие».

И стал невидим. Очнувшись, больной никого уже не увидел, и только чувствовал облегчение болезни своей. Тотчас встал, пошел в притвор и с честью облобызал раку святого, припадая к ней со многими слезами. И молился он, хвалу воздавая Богу: «Слава Тебе, Христе Боже наш за то, что Ты просветил нашу страну северную, даровав нам светильника, чудотворца Александра!»

Затем воздал благодарение преподобному отцу Александру и, радуясь, пошел к заутрене. С светлым лицом и веселой душой стал он рассказывать радостным голосом всему

священному собранию о чудесном посещении святого Александра, о явлении преподобного и о чуде, которое сотворил над ним святой. И все прославили Бога и преподобного отца Александра, видя преславное чудо, как больной совершенно исцелился, точно и не хворал, как не могший ранее двигаться ходит и скачет, славя Бога, по словам писания пророка: *скочит хромый яко елень* (Ис. 35, 6). Что слышали мы из уст его, то и написали на пользу всем слушающим.

О некоем боярине Иоанне Михайловиче Юрьеве. Случилось это при державе сильного царя и грозного государя нашего, великого князя Иоанна Васильевича. И был тогда среди великих вельмож и сильных бояр некий боярин именем Иоанн Михайлович Юрьев. Богатством и славою превосходил он многих вельмож и к тому же был сродником благоверной и милостивой царицы, великой княгини Анастасии. Вследствие всего того превознесся он гордостью. И вот царь пожаловал его – дан ему был на управление город Каргополь. Он же приехал в город с великой гордостью и величанием и подобно тому, как прежде владевшие тем городом сильные князья творили много зла и насилия христианам, так и он стремился сотворить, да и еще хуже их. Господь же, противящийся гордым, не допустил, чтобы так было, но звериную злобу изменил в овечью кротость таким образом.

Услышав, что властелин города величав и горд, игумен Вассиан посоветовался с братией и, помолясь, взял, что следует для чествования вельможи того, боярина Иоанна, поехал в город и пришел к боярину, благословил его, поклонился ему до земли, как подобает властелину кланяться, и положил перед ним почетный дар. Боярин с любовью принял от него благословение и дар и велел ему сесть. Игумен же показал ему пожалованную государем грамоту свою несудимую, а в грамоте писано, чтобы наместничьим тиунам ни игумена с братией, ни их крестьян не судить и доводчикам их ни за чем не въезжать к ним. Боярин весьма одобрил грамоту, отдал ее игумену и сказал, что есть все-таки пошлина, которую ему надлежит взять с иноков, с их крестьян. Старец же некий,

Евсевий именем, бывший с игуменом, возразил боярину: «Не надлежит тебе, господине, с нас брать, а нам тебе давать».

Боярин же с яростью сказал второй раз: «Как велел я брать с вас, так и будет!» – «Тогда будет, когда возьмешь», – отвечал старец.

Боярин зарычал, как лев, и сказал: «О горе мне с этим чернецом. Государь меня пожаловал городом Каргоподем и всею Онегою рекою и с Поморьем, сколько его к сей области прилежит, а чернец не хочет мне повиноваться и еще противоречит!»

Видя ярость и негодование вельможи, игумен удалился. Вернулся он в монастырь с великой скорбью и стал сильно выговаривать старцу: «Как это мог ты противоречить столь великому человеку, славному боярину?»

Рассказал игумен случившееся братии, и все опечалились.

По уходе игумена боярин вышел на предсенье горницы своей и воззвал громким голосом: «Есть ли у меня человек, который бы восстал на Ошевнев монастырь и в особенности на чернеца Евсевия?»

Так взывал он на второй день и на третий, но не нашлось никого, кто бы по воле его сотворил такое дело, дерзнул бы на святое то место или восстал на игумена или на братию – никто не смел причинить им зло, боясь Божьего гнева. Многие приходили в монастырь к игумену и братии с вестями о таком озлоблении на них вельможи. Игумен же и вся братия весьма опечалились, слыша о его неутолимой ярости и неукротимой лютости. Сильно роптали на того старца братия и послали Евсевия просить у боярина прощения.

Слышав от братии такие слова, старец тот весьма огорчился и, удалившись в свою келлию, заплакал горькими слезами и стал молиться Спасу, Пречистой Его Матери, Николаю чудотворцу и преподобному Александру, как бы умирить гнев того боярина. Всю ночь он молился со слезами, почти не спал. Встав рано утром, пришел к игумену и горячо просил его и братию, чтобы они помолились о нем Господу Богу и помогли ему чем-нибудь, если его постигнет какое-либо насилие от боярина. Получив благословение от игумена ехать в

город к боярину, всю дорогу обливался он слезами. Когда он ехал в город по улице, был уже день, и встретился ему священник того боярина, шедший по своему делу. Остановил он старца и сказал ему: «Радуйся, брат Евсевий».

Старец испугался, думая, что священник сказал ему это в насмешку. Священник же повторил: «Радуйся, брат, ибо Бог помиловал вас и великий чудотворец Николай и ваш начальник избавил вас от гнева нашего боярина и от великих бед!»

Евсевий же спросил священника: «Скажи мне, отче, правду».

И стал ему священник подробно рассказывать, как по уходе игумена боярин вышел на предсенье горницы своей и взывал, отыскивая противника ошевенским чернецам, в особенности же Евсевия; как он, воззвав на второй и третий день, не получил желаемого, еще более разъярился, созвал слуг своих ближних и, напоив их, вечером накануне сего дня сговорился с ними причинить зло святому тому месту; из этих слуг он выбрал самого свирепого мужа и велел ему утром ехать в монастырь, с великим бесчестьем схватить Евсевия, наложить на него оковы, привести и посадить его в темницу и крепко сторожить, пока не придумает, что с ним делать. Но в ту ночь совершилось боярину некое Божие явление, как он сам сказал священнику. После совета со слугами боярин опьянел от сильного питья, лег спать и уснул крепко. Потом, пробудившись, он почувствовал себя трезвым. Когда он опять уснул легким сном на своей постели, явился ему Николай чудотворец, как некогда царю Константину, имея некое оружие обнаженное в руке своей, и сказал: «Если не покаешься, то без милосердия умрешь».

С ним явился преподобный Александр, который также грозил боярину, говоря: «Если не послушаешь святого Николая и меня, то не будешь жив, но скоро умрешь!»

Видя страшное сие чудо и слыша грозное запрещение святых мужей и узнав из них только Николая чудотворца, по образу его, боярин испустил стон, горько заплакал и начал молиться: «О, великий архиерей Божий Николай, не погуби меня за грехи мои. Другого же святого мужа я не знаю имени, как назову его в святых молитвах!»

Николай же сказал: «Неужели ты не знаешь сего мужа, богосозданную обитель которого ты хвалился разорить и Богом собранное стадо учеников которого хочешь разогнать? Это преподобный Александр, начальник обители той. И вот он, соблюдая монастырь трудов своих, пришел остановить тебя, взял он с собою и меня, ибо мне также повелено Богом хранить место то, потому что там есть церковь во имя мое.

Услыхав это, боярин еще более испугался и снова стал молиться обоим святым, говоря: «О, великий чудотворец Николай, ты святой, уже в древние времена просиял ты святостью и творил великие чудеса. Знаю я их и всегда молюсь тебе!»

Также сказал он и преподобному Александру: «О преподобный Александр, прости мне неведение мое, ибо не знал я имени твоего и не слышал о чудесах твоих! Ныне узнал я о них, знаю и славлю имя твое святое и проповедую дивные чудеса твои, истинный раб Божий, угодник Христов, сопричастник в чудесах великому чудотворцу Николаю! Ныне, господин мой, прости меня Господа ради, ибо я сотворил это по неведению. Отныне же Бога поставляю во свидетели и даю обет ничем не вредить монастырю вашему, но даже рад я помогать ему».

Очнувшись от видения, боярин залился слезами, объятый страхом великим и трепетом, славил он святых чудотворцев Николая и Александра, дивясь случившемуся чуду.

«Когда же я, – сказал священник, – пришел к боярину, он поведал мне все то, что я тебе рассказал теперь. Повесть свою я кончил, ты же иди отселе, радуясь и веселясь о Господе. Смело иди к боярину, ничего не боясь и не ожидая дурного. С великой любовью он примет тебя, сам все о себе расскажет и отпустит тебя с честью и с похвалами, ты же с радостью возвратишься в свой монастырь».

Подав друг другу молитву и благословение, инок Евсевий и священник расстались. Священник пошел по своему делу, старец же поехал на свое подворье, а потом отправился к боярину. Боярин с любовью принял его, называя господином и отцом, попросил благословения и прощения, посадил с собою

рядом и стал с ним весело и любезно беседовать. Проливая слезы, затем рассказал он подробно о случившемся с ним чуде Николая и Александра чудотворцев, согласно с рассказом священника, прибавив только: «Если бы я знал о такой благодати Божией в вашем монастыре и о чудесах святых чудотворцев, то, прибыв в город, я не поехал бы во двор, пожалованный государем, но сначала ехал бы в монастырь ваш помолиться Спасу, Пречистой Его Матери и Николаю чудотворцу и приложился к начальнику Александру. А потом поехал бы и на двор, пожалованный государем».

Весьма почтив и одарив старца, боярин отпустил его в монастырь с достаточной милостыней и с мирным приветом игумену и братии. С радостью и похвалами возвратился старец в монастырь свой, передал игумену и братии о чуде, случившемся с боярином, и показал им данную милостыню, серебряные деньги и другие вещи, необходимые монастырю. Игумен же и братия все прославили Бога, воздали похвалу чудотворцу Николаю и преподобному Александру.

Мы же сие слышали от уст самого боярина. Пришлось мне однажды быть у него на пиру с другими священниками, и всему собранию он ясно поведал о страшном чуде и о благодеянии Божиим. Также и старец тот рассказал мне. Слышав этот рассказ от обоих, я соединил все воедино и написал на пользу читающим и служащим, во славу Христа Бога.

О некоем человеке Ермолае, Павлове сыне, Иоаннове. Не следует и сие предавать забвению, но как свечу на высоком светильнике поставить, чтобы входящие видели свет. Надлежит нам предать сие писанию, чтобы прочитавшие получили пользу.

Верстах в трех от города Каргополя жил в деревне некий муж, принадлежавший к людям знаменитым, Ермолай именем, Павлов сын, Иоаннов. Бог послал ему радость, поставил его государь царь властелином помянутого выше села Надпорожья, и явил он там много добродетели. Так, он украсил книгами церковь Божию, храм во имя великого чудотворца Николая, повелев написать сгоревшие во время церковного пожара книги и положить их в церковь. Те книги сохранились в церкви доныне, во свидетельство его добродетели. Был тогда большой

голод, и он накормил и напитал многих нищих и убогих, и многую милостыню творил он, так что его можно назвать отцом сирых. Иные добродетели его один Бог знает, мы же можем удостоверить, что сами видели своими глазами добрые поступки его. Имел он великую веру к обители преподобного Александра и часто посещал ее, ибо ему было поручено архиепископом блюсти монастырь тот. Весьма заботился он о монастыре, посылал туда много милостыни и дал обет постричься в том монастыре. Затем он оставил власть и жил в своем селе. Через короткое время умерла у него жена, и не взял он второй жены в дом свой, не прикоснулся нечистоте, но пребывал один, соблюдая чистоту своего вдовства. Потом послал он в монастырь к игумену и братии, предлагая в собственность монастырю часть села своего с засеянным хлебом. По совету с братией игумен ответил ему, что они не желают того сами, ибо оно близко к городу. Тогда он призвал зятя своего с женой, своей дочерью, и отдал им свое имение и село, оставив себе лишь одну ниву, засеянную хлебом, чтобы передать ее монастырю. Бог споспешествовал добродетели его, и нива та принесла обильный урожай. Ермолай поразмыслил и решил: «Возьму я хлеб, насыплю его в лодку, повезу на море, продам, на вырученные деньги куплю соли и опять продам, так получу я прибыль и отдам в монастырь, отчего сподоблюсь большой славы». Внезапно он заболел, и была болезнь его очень тяжела, так что все суставы его распадались и он уже отчаялся в жизни своей. Придя однажды в чувство, вспомнил он обет свой постричься и тотчас послал в монастырь к игумену и к братии, прося, чтобы они приняли его в монастырь и сделали монахом. Игумен тотчас поехал к нему и, увидав его тяжкую болезнь, решил не везти его в монастырь, но одел его в черные одежды и сделал монахом, во иночестве же нарек его Елисеем. И тотчас же стало ему легче. Игумен взял его в монастырь, он же привез с собою все свое богатое имущество и жил в обители во всяком благочестии и в добром исповедании. По навету же диавола некоторые из братии восстали на него, начали роптать и много раз поносили его, бранили и тем думали изгнать его из монастыря. Он же не сказал им ничего злого, но всем

повиновался, и снова зажил, как бы ни в чем не пострадав от них. Однажды послан он был игуменом и братией на службу монастырскую в Турчасово (так называлось место) вести тяжбу с противником о земельном участке. Противник тот, любитель тяжб и ссор, желал ту деревню отнять у старца и сильно укорял и бранил его. Старец же ничего не отвечал, но в тайне сердца своего молил Бога и не только о себе, но и о противнике, чтобы Бог сделал его кротким. А бранил он старца сильно и перед народом, и некоторые, зная добродетель старца, говорили ему: «Как это ты, старец, терпишь такие укоры от худого человека?» Старец же отвечал им: «Никакого вреда не причинили мне его укоры, все члены тела моего целы и здоровы».

Не стерпел, наконец, этих досаждений старец, с жалостью пришел он в келлию, где жил, и стал со слезами молиться преподобному Александру. И сказал он, как бы укоряя святого: «Я надеялся на помощь твою, ты же вринул меня в такие напасти, так что ни в монастыре, ни вне монастыря не могу я избегнуть зла. Если ты не помилуешь меня, то не могу терпеть сих бед, но уйду из монастыря твоего и поселюсь, где Бог ведает. Ныне, отче, помоги мне, или пошли мне терпение или отпусти меня идти, куда Бог повелит».

Сказавши это и сему подобное, лег он отдохнуть. Вставши утром, он не мог ясно видеть глазами своими, и перед глазами казался ему только слабый свет. Познал старец свое согрешение и стал молиться со слезами: «Прости мне Господа ради, отче святой Александр, что я согрешил перед тобою своим неразумием и грубостью, даруй хотя бы единому оку моему зрение. Не оставляй меня за мои грехи, не поминай моего невежества, но прославь свои чудеса. Если же ты, отче, и весь мир изумляешь чудесами, а меня презришь, то как мне проповедать твои чудеса, не испытав на себе такового дара!» Много и других умильных слов говорил он сверх того: «Не уйду я теперь из обители твоей и не преступлю своего обета».

И тотчас как бы сеть паутины разорвалась на правом его глазу, стал он ясно видеть по-прежнему и весело глядел. И пошел он к судьям. Те рассмотрели по правде и оправдали

старца, противника же его признали виновным и отдали старцу, пока не даст за себя выкуп. Взяв же противника, старец недолго продержал его, помиловал его и отпустил, а сам возвратился в монастырь свой, радуясь всем случившимся чудесам и говоря, что Александрова молитва везде помогает. Обо всем он рассказал игумену и братии, и все прославили Бога и преподобного отца Александра.

Сказание о новых чудесах преподобного Александра. Происшедшие прежде преславные знамения, великие чудодействия Божия и дивные явления, которые сотворил Бог через угодника Своего, богоносного отца нашего Александра, в прежние времена и годы, записаны были от известных свидетелей и истинных сказателей, затем и мы сами слышали о чудесах святого и явлениях из уст тех, над кем они совершались. Подобаает и нам со страхом и трепетом достойно поведать и истинно написать о великих благодеяниях Божиих, которыми прославил Бог преподобного Александра в эти годы, о новоявленных чудесах святого, которые перед глазами нашими сотворил Бог.

Чудо преподобного о немом отроке. Поведаю я дивное чудо, которое в наши лета сотворилось в обители. О таком преславном чуде, какое ныне видели, мы и не слышали ранее.

Осенью 1563 года в самый мясопуст перед Рождеством Христовым, на память святого апостола Филиппа, пришел к нам в обитель некий юноша лет около двадцати, и не мог он совсем говорить. Привели его к игумену. Тот много расспрашивал его, но юноша ничего не мог сказать в ответ и только бормотал невнятно. Собрались многие из братии, желая узнать, что такое с ним. И стали игумен и братия спрашивать юношу: «Из какого ты рода или селения?»

Он ничего не отвечал. Тогда они начали называть места по именам. Сначала он стоял, понурившись. Когда же назвали город Вологду, он весело взглянул на игумена и на братию и улыбнулся. Иноки спросили его о имени, но он и не посмотрел на них. Когда они произнесли имя Стефан, он опять весело взглянул и, ударяя в грудь свою тремя пальцами, тем указывал,

что это его имя. И стали спрашивать его братия: «Почему ты не говоришь прямо? Мы не можем понять бормотания твоего».

Тогда юноша открыл уста свои и показал им горло. И все увидели, что глубоко близ гортани чернелся отрезанный корень языка его. Стали спрашивать, как это с ним случилось и за что он пострадал так. Долго бормотал он, но ничего нельзя было понять. И снова спросили его: «Сколько лет тому назад случилось это с тобою?»

Он показал им четыре пальца, означая тем, что прошло четыре года. Братия же спросили его: «Не хочешь ли ты пожить здесь, в монастыре нашем, послужить Богу и потрудиться для своего спасения? Бог тебя помилует и Николай чудотворец и наш начальник Александр».

Юноша поклонился игумену и братии. Тогда они сказали: «Кто поручится за тебя, что ты не бежишь?»

Взглянув на образ Господень, юноша простер свою правую руку к образу, как бы приводя образ Божий в поручители.

«А умеешь ли ты работать?» – спросили его братия.

Тот стал махать руками, как бы сечь и колоть. Они спросили его также и о другом деле. Он опять замахал руками, как бы делая то, о чем спрашивали. С благословения игумена приняли его и дали ему одежду и обувь. И стал тот юноша жить в монастыре в послушании и покорении, заботясь о своей службе. Некоторые же несмысленные и не боящиеся Бога стали надругаться над ним, насмехаясь, понося и укоряя его; иные даже толкали его и били. Тогда пришел он к игумену и братии и с умильными поклонами горячо и слезно просил, указывая пальцами противников своих, больших и малых, прося позволения уйти из монастыря. И это было не один раз, ни дважды, но много раз. Игумен же и братия утешали его, говоря: «Терпи, чадо, Бог тебя помилует!»

Прошла зима. Настал праздник перенесения мощей Николая чудотворца. В этот праздник, после заутрени, когда я готовился к службе, пришел ко мне тот юноша и, смиренно кланяясь, показал мне три пальца. Я понял и дал ему три монеты из того серебра, которое он дал мне на хранение. Пойдя к своим товарищам, он дал им две серебряные монеты на

молебен в честь праздника. На третью же серебряную монету купил он у церковного сторожа три свечи, одну из них поставил перед образом Пречистой Матери Божией, другую – перед образом Николая чудотворца, а третью свечу – в притворе, у гроба Александрова. Ничего не мог он сказать, но тайно молился тайным помышлением сердца своего: «Господи, помилуй меня ради своего угодника Александра!» И, проливая слезы, сказал мысленно: «О преподобный отче Александре! вот я – пришелец; если не проявишь на мне благодати чудес, дарованной тебе Богом, то не могу я ни верить в них по слуху, ни проповедать о них».

Из притвора юноша пошел к келарю, а келарь поручил его служить старцу некоему, Игнатию именем, который был поставлен кормить и поить гостей. Игнатий же приставил юношу разносить питье.

Окончив трапезу, братия разошлись по своим келлиям, гости же продолжали пить и веселиться. Старец с юношей пошел взять питья и наполнил из бочки доверху большой сосуд, который надо было нести. Захотелось юноше попить, и поклонился он старцу, как бы прося благословения. И сказал старец: «Чадо Стефан! Помолись Николаю чудотворцу и преподобному Александру начальнику и испей во здравие: это, ведь, канун Николая чудотворца, ибо взято из полного сосуда».

Помолился Стефан мысленно, с печальным вздыханием сердца своего, молился втайне, Господь же услышал молитву своих угодников и явно помиловал его. Почерпнув малым сосудцем, юноша испил и тотчас почувствовал, что язык его вырос и удлинился от обрезанного своего корня. И воскликнул юноша: «Отче Игнатий, на мне чудо сотворил Господь по молитвам святых чудотворцев Николая и Александра, возрастил язык мой!»

Старец же искусен был в таком деле и воскликнул громким голосом по-гречески: «Кирие элейсон, что по-русски означает: «Господи, помилуй!» Велели звонить в колокола и отпели молебен, и множество народа сошлось на то великое и дивное чудо, дивясь неизглаголанному, видя, что отрок говорит ясно, проповедуя величие Божие. Весь народ разразился громкими

восклицаниями, говоря, что все благое делает Бог через святых Своих: глухим подает слух и немым речь; во столько лет не мог вырасти язык его, ныне же вырос мгновенно, разрешившись от союза своего. И все прославили Бога ради случившегося чуда и воздали хвалу чудотворцу Николаю и преподобному Александру.

И поведал юноша следующее. Отец его жил в селении, называемом Корторма (в другом списке – Катрома), в области города Вологды. Напали разбойники и зарубили отца с матерью, а ему отрезали язык и разграбили все их имущество. Поэтому юноша стал нищим и, произнося лишь неясные звуки, скитался по миру, питаясь милостыней Христа ради. Исцелившись, юноша прослужил в монастыре два лета, а затем удалился, славя Бога и проповедуя о чудесах святых чудотворцев Николая и Александра.

Чудо преподобного Александра о некоем человеке Никите. Не умолчим и о сем чуде святого. Верстах в десяти от обители, в селении, называвшемся Верхний Борок, на реке Онеге, жил некий человек, именем Никита, Евстафиев сын. И случилось ему ехать где-то, как обычно ездят на возах люди, промышляющие торговлей. Съезжая с горы, взял он лошадь за повод, чтобы сдержать ее ход. Лошадь еще более разгорячилась; он поскользнулся и, не удержав лошадь, упал, она же помчала через него воз, который раздавил обе его ноги. И он стал точно мертвый. Бывшие с ним соседи нашли его еле живым и отвезли его домой. Тяжко страдая от болезни своей, лежал он, совсем не мог ни вставать, ни ходить. Не знал он, как быть, но пришла ему на ум мысль, и сказал он себе: «Вся страна наша полна слухом о чудесах преподобного отца нашего Александра». И стал он призывать скорого помощника: «Преподобный отче Александре, избавь меня от недуга сего и дай облегчение болезни! Я отправлюсь в монастырь твой, приложусь у твоего гроба и там получу совершенное исцеление».

О великое чудо! Человек тот лишь мысленно помянул святого с верою, преподобный же поспешил скоро на помощь, тотчас подал болящему здравие. Больной почувствовал себя

здоровым, встал на ноги и исполнился великой радости, так как ранее не мог он двинуться, а теперь ходил всюду. Тотчас пошел он в обитель святого, с честью облобызал раку преподобного и ясно рассказал всему священному собору чудо, содеянное над ним чудным Александром. И возвратился он в дом свой, радуясь и воздавая великое благодарение Господу и Пречистой Его Матери и проповедуя чудеса преподобного отца нашего Александра.

Чудо святого о иноке Мисаиле. Был некий инок, Мисаил именем, постриженник монастыря блаженного Александра. В молодые годы он жил распутно и сверх того имел большую склонность к пьянственному питию и пил много, что, как известно, препятствует успеху и в душевных, и в телесных трудах и отлучает от Бога. Но не одна только эта дурная привычка была у него, овладело им маловерие к святому отцу Александру. Не осуждая, говорю я о нем: он сам поведал мне о себе это. Господь не пожелал оставить его в неверии и явил над ним такое чудо.

Случилось Мисаилу быть в помянутом селении Верхний Борок, лежавшем у Онеги реки, верстах в десяти от обители, на пиру у некоего христороубца именем Никиты, Васильева сына. И воздал ему тот христороубец достойную честь, как был у него обычай почитать гостей и угождать им. Много пил тот инок, вливая в себя питье, как в пустой сосуд, и от безмерного пьянства стал точно юродивый и бесчинствовал на пиру, делая неподобающее и говоря нелепое, о чем писать бесполезно и непристойно. Наступила ночь, и лег он отдохнуть. Проснувшись внезапно, вспомнил он свое неистовство, почувствовал стыд и задумал удалиться, чтобы избежать позора. Вышел он из дому в одной свитке, остальную одежду неся в узле, и не знал, как перейти на другой берег той страшной и быстрой реки. И провалился он в реку, едва удержавшись руками за лед. Он еще не отрезвился от пьянства и потому думал, что все это сон. Но оглянувшись назад, увидел он, что струи текут через руки его, и стал громко кричать. Никто не услышал его, потому что все спали. Видя конец жизни своей и горький час смертный, начал он молиться Господу Богу и Пречистой Его Матери и

призывать многих святых на помощь. Но не было ему помощи. Вспомнил он тогда о преподобном Александре и сказал: «О, преподобный отче Александре! Избавь меня от горького часа смертного, не сотвори по моему неверию, но сделай по чудесам твоим, чтобы и я мог проповедать великие чудеса твои!»

Велико могущество Божие и неизреченны чудеса святого! Тотчас почувствовал он под ногами своими как бы некий упор и по грудь высунулся из воды на лед. Но лед был не крепок и обломился. Тогда он громко воскликнул: «Великий чудотворец Александр, избавь меня от внезапной смерти!»

И второй раз ринулся из воды и упал на лед телом до пояса. И стал он руками хвататься за снег и за лед и изранил руки и ноги до крови. Дополз он до берега и встал на ноги, босой, потому что обувь свалилась где-то с ног его. Добравшись до дороги, пришел он на ту же сторону реки к некоему человеку, Иоанну именем, Иаковлеву сыну, который впустил его. Показав ему кровавые руки и ноги, рассказал он всю беду свою, как тонул и как преподобный Александр сотворил над ним превеликое и страшное чудо, даровав ему помощь и скорое избавление от горькой смерти. Слушавшие его дивились несказанному Божию милосердию и великому чуду преподобного. Наутро, как только рассвело, пошли они на реку и нашли в реке одежду его, примерзшую одним рукавом ко льду, почему он и не утонул. Стали мерить глубину воды и намерили четыре сажени. И все прославили Бога и преподобного Александра. Старец же тот отправился в обитель, проповедуя чудеса преподобного Александра.

О помянутом выше Симеоне, Алексиеве сыне. Однажды пришел в обитель помянутый выше Симеон, у которого было в обычае часто посещать братию. И видя, что обветшала теплая церковь Божия, храм во имя Пречистой Богородицы, честного Ее Успения, пожелал тот христоробивый человек воздвигнуть новую церковь вместо ветхой. И сговорился он с игуменом и с братией нанять работников и приготовить лес на создание новой церкви. И дал он вдоволь серебра на все устройство церковное и украсил церковь иконами и книгами и наполнил всем необходимым.

По попущению Божию, грехов ради наших, случился великий пожар, погорел весь монастырь, обе церкви и келлии до основания; уцелели только хлебная, поварня, келлия для гостей и дворец. Пришел в обитель Симеон посетить братию и, видя их в скорби и сетования, утешал их, говоря: «Господа и отцы, это случилось по грехам моим; вы же Бога ради терпите на месте сем, все снова Бог исполнит».

Снова нанял он работников, велел готовить лес на строение церкви и дал вдоволь серебра своего на такое Божие дело. Затем он привез в монастырь все свое имущество, сколько у него было. И спустя два года по пожаре создана была церковь теплая во имя Пресвятой Богородицы, честного Ее Успения, обширная и достойная хвалы, превышавшая сгоревшую церковь. И велел Симеон написать книги богослужебные, вместо сгоревших, и украсил церковь лучше прежней, ибо Бог споспешествовал ему по вере и делу его.

Когда церковь была построена, наступил праздник успения великого чудотворца Николая, и на праздник собралось из окрестных селений множество народа. В навечерие праздника отслужили вечерню, и велел игумен звонить на другой день с раннего утра, праздника ради. Собрались братия к пению; к началу пения пришел и тот христоробивый человек Симеон.

Некоторые из народа собрались в церкви, другие же на трапезу, слушая Божественное пение и чтение и дивясь благодати Божией, красоте первосозданного храма и украшению святых икон, удивляясь и добродетели христоробца, искусному мастерству строения и обширности его. Также иноки благодарили Бога, Пречистую Его Мать и Николая чудотворца и прославили чудеса преподобного отца нашего, начальника Александра, ибо Господь по его молитвам даровал нам такого строителя; и возносили они мольбы ко Господу Богу о христоробце Симеоне, ибо такой храм создал нам Бог его строением и по любви его к нам, нищим.

Также и Симеон мысленно радовался и славил Бога за то, что сподобил его Бог воздвигнуть такой храм во имя Пречистой Богородицы, честного Ее Успения. И сказал он мысленно: «Дай же мне, Господи, еще и другой храм воздвигнуть, во имя

великого чудотворца Николая!» Сказал он это не для хвалы, не возносясь тщеславию и не хвалясь богатством. Дьявол же позавидовал добродетели христороубца того и замыслил, вселикуавый, сотворить не одно зло, но многие души желал он низринут в ров пагубы.

Жил у христороубца того один нищий, хромой и слепой на одно око, Пантелеимон именем, которого он покоил у себя в другой келлии. Так прожил у него нищий много лет. И захотел злодей и враг возбудить в святом том месте смятение и злую ненависть, христороубца же Симеона лишитъ воздаяния, возбудив против него разные умысления, чтобы он, не стерпев досады, удалился из монастыря. Но не мог поколебать твердого столпа, совратить христороубца с пути веры. Ибо ничего нельзя утаить от Бога и никакая добродетель не оставляется Им в забвении. И не допустил Бог того, что желал дьявол, и преуспела Александрова молитва.

Восхотел дьявол лишитъ нищего хромца покоя и внушил ему злую мысль, которую тот и выполнил. Жил в том селении пришлый человек, Иоанн именем, и подружился он с хромцом. Дьявол сдружил их прелюбодеянием, ибо хромец пал с женою его. С той весны они и стали друзьями, и сговорились при случае украсть у христороубца серебро, что и исполнили. Как сказано выше, Симеон стоял на заутрени и молился, они же в то время обокрали его и задумались, как бы не открылось злодейство их, ибо много народа было тогда в монастыре. По окончании утрени и после молебного пения игумен с братией пришли к Симеону и поклонились ему до земли, говоря: «Спасибо, господин Симеон, за то, что ты проявил таковую о Христе любовь к нам, нищим, воздвигнув нам строения. Мы должны о твоём спасении молить Бога».

В свою очередь, Симеон поклонился им и сказал: «Господа и отцы, не мое это строение, но Божие».

Все разошлись по келлиям. Пришел в свою келлию и Симеон, не зная о случившемся. Келлия его была заперта, как обыкновенно. Войдя в сени, пошел он к задней стене их и увидел, что вопреки обыкновению дверь там не заперта. Тогда пошел он в другую келлию свою, в которой жил тот хромец,

взял свечу, вернулся в сени и у видал, что серебро его украдено. Придя к игумену, он известил его о случившемся. Собрались игумен, вся братия и множество народа и все увидели, что ящик разломан и серебро взято. Симеон же сказал игумену и братии: «Ищите серебро мое; если же не отыщите, то вы все участники этого дела. Бог сохранил его от потопления в море и от пожара, а вы теперь вдруг захотели воспользоваться серебром, обещанным мною на храм Николаю чудотворцу».

Долго укорял он игумена и братию, и из-за сего было в монастыре великое смятение. Игумен же и братия отвечали ему: «Господин Симеон! все единодушно скажем тебе: не наше это дело и не наш умысел. Сам диавол не может сего сделать один, но человек, послушав диавола, сделал это. Мы же надеемся на Господа Бога, на Пречистую Его мать, на чудотворца Николая и на молитвы отца нашего Александра, не оставит нас Господь и не презрит слез наших, но явит серебро твое и обличит похитителя. Ныне же мы не можем прекословить тебе; возьми что хочешь, призови палача и вели ему мучить различными муками, а мы готовы заодно с тобою помогать тебе против злодея, кто бы он ни был».

Симеон пошел в другую келлию свою, где у него жил нищий хромец, и сказал ему: «Друг Пантелеимон, не знаешь ли ты чего-нибудь о похищении серебра моего?» Нищий начал плакать и со слезами сказал: «Я нищий, но по твоей добродетели не голодаю, и не жажду, и не испытываю никакого недостатка. Не подозревай меня, господине! Если бы я что умыслил, Бог бы не попустил сего. Думается мне, что это дело старца Варлаама, так как он хорошо знал о серебре твоем и, будучи искусным кузнецом, мог сделать ключи; в этом участвовал и брат его, беглец Григорий, монастырский сторож. Нет никого другого, кто бы осмелился на такое дело».

И много другой лжи высказал он, чего и не переслушаешь, желая оправдать себя. Пошел Симеон в собор и сказал игумену и братии: «Есть у вас старец Варлаам, казначей, который знал о серебре моем, потому что оно было у него в казне. Еще у него есть брат, беглец, сторож монастырский. Это их дело».

Старец же Варлаам сказал: «Я готов на муку и на смерть, но неповинен я в таком злом деле».

То же сказал и брат его. Игумен и братия отставили старца того от казны, говоря: «Если это верно, то и нам он не годен для такой службы».

Брата же его, беглеца, и другого отрока, помянутого выше Стефана, над которым сотворилось чудо, посадили в темницу и заковали в железные оковы. Братия сильно скорбели. Долго искали, но ничего не нашли; многих спрашивали, но никто ничего не рассказывал. Всюду всячески искали, но не достигли никакого успеха. А в городе и с укором стали говорить, что-де чернецы украли серебро. Спустя несколько дней Симеон снова пришел на собор и сказал игумену и братии: «Отыскали ли вы пропавшее серебро мое?» Игумен и братия сказали Симеону: «Что мы тебе раньше говорили, то и теперь скажем, призови палача и вели мучить заключенных без милости. Если среди них не найдешь виновного, то мы все виновны перед тобою: вели бить нас всех, от первого и до последнего. Иначе мы отыскать не можем. Кровь же праведного взыщется на виновном в день суда, и станет праведник перед Господом в великом дерзновении и венец примет от рук Господа за пролитую кровь, и причтен будет к мученикам, и со Христом будет царствовать вовеки. Виновный же вместо корысти здесь примет позорную кончину, а по смерти наследует геенну огненную, дно адово и бесконечную муку».

Затем игумен и братия тихо и умильно сказали Симеону: «Не смеем мы сказать тебе, господине, ибо ты гневаешься. Если же не прогневаешься, то скажем с твоего позволения».

«Говорите», – сказал он.

И сказали они ему: «Живет у тебя нищий, хромой и слепой на одно око. Все мы думаем, что это он похитил твое серебро».

«Господа и отцы! Вы знаете, что на улице подобрал я сего детину, неведомого нищего, хромого, гнусного, коростового, смердящего гноем от ноги, которая согнулась от болезни. Привел я его в дом, покоил его, сам служил ему, носил его в баню и из бани на своих руках, не гнушаясь ни струпа на его язвах, ни смрадного их запаха. Позвал я искусного врача, чтобы

вылечить его, не жалея на врача серебра моего, сколько тот ни захотел получить. Не за любовь ко мне, а за нищету помиловал его Бог, и нога его, хотя и не выпрямилась, но исцелилась от язвы. Я всячески старался угождать ему, миловал его, как член своего тела, утешал, как свое детище. Прожил он в моем доме больше десяти лет, потом, заботясь о его спасении, поместил я его к вам в монастырь и дал ему в монастыре такую же келлию, какую устроил и себе, вы все это знаете. Уже 25 лет, как я взял его, и не думаю, чтобы он так поступил. Если же это верно, значит я сам похититель!»

И пошел Симеон в келлию того хромца и сказал ему все, что слышал от братии. Пронырливый же хромец стал обольщать Симеона лживыми и льстивыми словами: «Господине, ты видишь беду мою. Нищ я и убог. Есть ли кто хуже меня? Я жив среди мертвых и мертв среди живых, и считаю я себя поэтому непогребенным мертвецом. Они же все не могут и смотреть на меня и ненавидят тебя в особенности из-за меня».

Мною подобного говорил злоковарный хромец. Пришел от него Симеон в свою келлию и стал со слезами молиться Господу Его и Пречистой Его Матери, святого же Николая как бы упрекал, говоря: «О великий чудотворец Николай! обещал я серебро на храм твой: где ты скрыл его, скажи мне, чтобы мне пойти и взять его: или кому ты отдал его; зачем же ты отдал с своим и мое, пригодное на мою потребу? Я надеялся, что с своим ты сохранишь и мое, и мне думается, что неправильно ты поступил со мною. Не только ты меня обидел, но и себе досадил. Уже третий год нет храма твоего в обители, и теперь не знаю, когда он и будет, если ты не явишь серебра того».

Говорил он и еще многое от великой скорби. Потом сел и, раздумывая, сказал: «Если призову палача, как сказали мне черноризцы, то причину скорбь игумену и братии, и многих обижу, многих подвергну истязаниям и пролью много крови; если же падет хоть одна капля крови, придется мне сильно ответить перед Богом. Если же по грехам моим кто-нибудь, не перенеся истязаний, умрет или по судьбам Божиим придет кому-нибудь конец жизни, то я в день Страшного Суда буду осужден, как разбойник и убийца. К чему же мне тогда послужит

потерянное серебро мое? Ни в чем мне не поможет малая моя милостыня, подаваемая рукою, пролившею кровь; не будет мне тогда никакого избавления от храмов Божиих, от построения и украшения их, но все сие будет мне во обличение на суде перед Богом. Если я хоть одну душу оскорблю, то погублю свою душу и предам ее вечным мукам. Лучше мне не видать серебра того, нежели оскорбить хоть одну душу! Знает Господь, что это серебро не родилось со мною, ни осталось мне в наследство от отца моего, ни трудом великим не стяжал я его, ни нашел его в кладе, ни отнял его насилием, но даровано оно было мне Богом по молитвам великого чудотворца Николая и преподобного начальника Александра, как прибыль от моей небольшой торговли. Все, что я имел, принадлежит Богу, а не мне, ибо Он создал меня и душу вдохнул и жизнь даровал, дал мне имущество и сделал меня строителем дома Своего. Я же не умел владеть домом и не радел о его устройении, не передал серебра его торжникам, которые продают Царство Небесное, и не дал займы доброму Заимодавцу, от Которого было бы стократное воздаяние. Поэтому Господь мой и отнял от меня домовное строение. Когда давал мне Господь, я радовался, когда же взял у меня, не жалею, ибо освободился я от печали моих забот. Пусть будет воля Господня!»

Потом стал он молиться со слезами: «О великий архиерей Божий Николай! согрешил я перед тобою, прости мне неподобные слова, сказанный мною тебе от неразумия и грубости. Ныне призываю я на молитву преподобного Александра, ибо знаю, что он может умолить за меня грешного твою святыню. Поэтому я молюсь тебе и Александра призываю, что вы оба и сообща творите чудеса многие; можете вы и на мне явить чудо, избавить меня от скорби и сделать радостным».

Много и еще говорил он с умилением. Затем лег спать и в ту же ночь было некое Божие явление, о чем он нам не поведал. На другой день утром встал он радостный, пошел к заутрени, велел после заутрени отслужить молебен, затем предложил игумену и братии собраться на собор и позвать того хромца. И сказал Симеон игумену и братии: «Вот он, тот хромец, которого вы называете похитителем серебра!»

Хромец же стал говорить нелепое и не только возражал, но и всех, как пес, облаял, желая скрыть свое злодейство. Видя его коварство, Симеон велел отвести его в темницу и крепко сторожить. Некий же старец из братии сказал, неизвестно по какой причине, от неразумия ли и простоты, или от Бога дано ему было такое слово: «Господин Симеон, прежде привел ты к нам похитителя, а потом принесешь и серебро».

На эти слова Симеон весьма обиделся. Братия же стали укорять того брата, говоря: «Зачем ты причиняешь такому христороубцу новую печаль!» Старец же отвечал: «Нам от него печаль, а ему печаль не от нас!» Тогда сказал игумен: «Помолитесь, братия, ибо уже давно мы скорбим и сетуем, семь седмиц исполняются и приближается пятидесятница печали нашей».

Некоторые же из древних иноков сказали: «Господь Бог помилует, а медлит Он, ожидая обращения нашего и желая чудом прославить Своих угодников».

Пошли они в церковь Божией Матери и стали молиться о том, чтобы Господь избавил обитель преподобного Александра от скорби.

О нахождении серебра и обличении воров. Дошел до помянутого выше пришельца Иоанна слух, что друга его, хромого, посадили в темницу и крепко стерегут. И напал на него страх и трясение, вошла в кости его боязнь и в сердце его трепет, и не мог он ни пить, ни есть, ни спать. И стал он раздумывать: «Если бежать мне куда-нибудь, то буду убит на дороге, как собака, или же меня догонят и безжалостно схватят. Если здесь останусь, также немилостиво мучим буду. Если же расскажу обо всем такому же несправедному человеку, как я, то он предаст меня смерти. Серебро это пособить мне не может, и я окажусь сам своим убийцей. Если же мне повиниться Симеону, то уже много серебра истрачено – часть мною, а часть хромцом: с кого его взыскать? Я же особенно пострадаю за это, так уж лучше возвратить серебро Симеону и сказать ему правду».

Нашел он человека именем Аверкия, который был участником той обители, и сказал ему тайно: «Видел я серебро,

брошенное в некоей бане. Пойди и скажи о нем Симеону».

«Правда ли это?» – спросил Аверкий.

«Правда, я сам видел», – отвечал он.

Аверкий пошел и сказал Симеону. Захватив свечу, пошли они оба и под доскою нашли мешок с серебром. Симеон взял его, пошел в монастырь и, войдя в притвор, облобызал раку святого и с горячими слезами вознес преподобному молитву, ибо он не презрел его моления. Потом он отнес серебро в свою келлию, послал за вышеупомянутым вором и сказал ему: «Друг, где ты узнал о серебре моем?»

«Там, где сказал тебе Аверкий», – отвечал тот.

Пошли они туда, но не нашли ничего. Тогда вор сказал Симеону: «Ты взял его». Симеон же сказал: «Я не столько взял, сколько ты украл у меня».

«Не украл я серебра твоего», – сказал вор и начал лгать, рассказывая иначе, чем было в действительности.

Симеон схватил его за грудь, повел его в монастырь и привел его к мосту через реку. Видя себя крепко схваченным, вор очень испугался и спросил Симеона: «Господине, помилуешь ли ты меня?» Симеон сказал: «Если ты расскажешь мне правду, то помилую».

«Вернемся же, господине, и поищем в одном месте».

Пришли они на некое место. Вор палкою разрыл снег и нашел мешочек, больше чем на половину насыпанный серебром.

Симеон взял вора за одну руку, в другой же руке вор нес мешочек, и пошли они к монастырю, а день был светлый. Как же это не чудо: волк сам принес пастуху похищенную овцу, донеся на себя сам; украденное серебро вор сам возвратил хозяину, принеся его своими руками, и сам явился обличителем своего злодейства. Семь седмиц не было слуха о сем, ныне же в пятидесятый день и в первый час объявил Господь утаенное и молитвами преподобного Александра открыл. От всех тайно сделал он тать, ныне же всем стало явно и все узнали!

Привел Симеон его на двор; сказали игумену и братии. И собрались многие, пришли также и жители того селения посмотреть на преславное чудо. Но выше чуда была

несказанная милость Божия, неисповедимое явление великих чудотворцев Николая и Александра. И великую хвалу воздали Богу, ибо не презрел Он молитвы и слез нищих и убогих рабов Своих; не только от скорбей избавил Он их, но и оправдал. Одних похитителей явил он виновными, возвратил серебро, а христороубца Симеона снова успокоил и обрадовал. Вора Симеон посадил в темницу, а невинных отпустил, затем поехал в город, позвал оттуда сотника и некоторых из главных людей и городе, а также и палача, и поставил перед ними того лукавого хромца и другого вора – пришельца. Сотник стал допрашивать обоих, как они крали, каким умыслом. Они стали лгать, говоря не так, как было в действительности. Тогда сотник объявил им: «Если не скажете истины, то подвергнетесь разным мукам». Стали они препираться, и пришлец вор сказал хромому: «Ранее меня ты соблазнил жену мою великим соблазном и обилием серебра. Поведай же сначала коварство».

Но злокозненный человек, хромец, возразил: «Сначала ты расскажи о своем злодействе. Приходя ко мне, ты говорил о красоте твоей жены и о доступности ее. Сам ты соблазнил меня, звал и принуждал к прелюбодеянию с женой своей, злой и лукавый человек!» «Говори прежде ты», – сказал сотник вору-пришельцу.

И начал вор рассказывать: «Господине, я пришлый и убогий человек, пришел я сюда, поселился у одного здешнего жителя и, не имея, чем кормиться, начал ходить в монастырь и исполнять всякую службу на монастыре и вне его, тем и кормился. Увидал меня хромец и сказал: «что ты ко мне не зайдешь?» Стал я ходить к нему, он же давал мне то хлеба, то рыбы и другое необходимое. Видя его ласку ко мне, я думал, что Бога ради он кормит меня, за мою нищету. Стал и он ходить ко мне. Однажды пришел он ко мне и вино принес с собою и стал меня поить, а также и жену мою. Напившись, пошел он в монастырь, а я проводил его до келлии. И стал он говорить мне тайно: «Желаешь ли быть мне другом?» «Очень хочу», – сказал я. Тогда он сказал: «Знаю я, где много серебра; сколько хочешь, дам тебе, только отдай мне свою жену на прелюбодеяние.

Потом уйдем и поселимся вместе, потому что жена твоя мне очень нравится».

Прельстился я многим серебром и соблазнительными его словами и сделал, как он хотел, отдав ему жену свою. И подумал я: «Уйдем мы куда-нибудь, как сказал тот хромец, и построим себе жилище. Затем, дождавшись удобного случая, удавим хромца, как бешеную собаку, серебро станет нашим и будем мы с женою жить, питаясь на то серебро в остальное время жизни». Спустя некоторое время пришел я к нему, и дал он мне два мешочка серебра, в одном было взято немного, а в другом было взято около трети. Часть серебра я отдал в рост, но не крал, ибо не знал о серебре Симеоновом».

Когда воры стали препираться и рассказывать о своих преступлениях, Симеон велел записывать их речи, на обличение их. Сотник же спросил хромца: «А что же скажешь о том, что рассказывал твой друг?» Хромец сказал: «Когда я согрешил с женою его, стала она обнимать меня и соблазнять ласковыми словами: «Уйдем, господине; убьем мужа моего, как старого пса, станем с тобою беззастенчиво веселиться». Много и иных легкомысленных и позорных слов сказала она, прельщая меня. Прельщенный этими злодейскими словами, я надеялся, что она весьма любит меня и сделает, как сказала». Рассказав, как ходил, крал и отдавал серебро, которое теперь взято, хромец прибавил: «Но сам я не взял ни одной серебряной монеты».

Долго его допрашивали, но он ничего еще не сказал. Тогда вор-пришлец закричал на хромого: «Рассказывай, злодей, а то нас будут немилостиво мучить. Я все скажу, сколько взято мною: одна часть скрыта в доме, где я живу, другую же отдал сыну, третью отнес в город и там спрятал».

Симеон и сотник поехали с воров в город и разыскали там двадцать рублей серебра. Собрали они, сколько он сказал, и лишь часть не могли отыскать. Вора-пришельца Симеон велел выгнать из селения, а хромца, подержав немного, отпустил, и тот ушел.

Все это случилось по Божию смотрению и по молитвам Пречистой Богородицы и чудотворца Николая.

И прославил Господь угодника своего, преподобного Александра, за великие труды его и подвиги, которыми измлада поработал он Христу. Велико исправление сего блаженного мужа, отвержение от мира, воздержание, славные и предивные чудеса святого и явления, непорочная и добродетельная жизнь по Бозе могут многих подвигнуть на любовь к Богу и наставить к спасению. Посему и ныне, отцы и братия, ликуем мы весело и светло празднуем отца нашего торжество духовное, веселясь и радостно похваляя добродетельные подвиги и великие труды его по Боге. Приходя с верою, поклоняемся раке преподобного, где положены честные его мощи, при которых милостиво исполняются прошения и подаются исцеления до сего дня, ибо костям сим содействует Святый Дух и через них помогает живущим в страхе Божиим и хранящим заповеди Его. И видя это, думаем, что воистину видим мы самого чудотворца. Ибо хотя и в гробу положен святой, но духом всегда он среди нас и смотрит за всеми нами, живем ли мы по заповедям его и сохраняем ли предание его невредимым. Радуюсь этому, он милостиво приближается к нам, хранит и блюдет нас, как любимых детей своих. Если же мы станем нерадеть о своем спасении и не будем исполнять заповеди Божии и закон монашеский и не сохраним наставление отца нашего, то сами лишим себя помощи Божией, и молитва отца нашего не поможет нам. А без Божией помощи и без отеческих молитв мы не можем сотворить ничего благого.

Поэтому, любимые, сердечно позаботимся о своем спасении и будем подражать отцам нашим в том суровом житии, таким каким они богоугодно пожили здесь в безмолвии, тишине, любви, смирении и кротости, во бдении, молитвах и покаянии, со многими слезами, имея одно стремление – спастись. Соблюдаем себя и не оскверним святого места, которое отцы наши очистили от бесов плачем и рыданием и печальным сердечным воздыханием, и омыли горячими слезами, чтобы, богоугодно поживши здесь, получили мы оставление грехов и в будущем веке прияли блага, уготованные им, о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава ныне и присно и во веки.

О житии и подвигах и о писавшем житие преподобного.

И следующее поведаю вам, отцы святые и братия о Христе. Вы слышали чудеса святого и житие и подвиги блаженного отца нашего Александра, как святой измлада поработал Христу и потрудился своего ради спасения. Немного лет пожил он в жизни сей, но много угодил Богу и многие чудеса сотворил. И кому достанет силы подробно описать добродетельные его труды и подвиги! Я же, многогрешный, недостойный и грубый разумом священноинок Феодосий, составивший житие святого отца Александра, осмелился написать нечто малое о блаженном, не на разум свой надеясь или на свое умение, ибо сие дело выше моей силы. Не по своему мудрованию, но с Божией помощью и по произволению святого совершил я это, в собственности же видя чудеса его, которые Бог творил его ради и творит до сегодня. Иное я слышал от рассказывавших мне истинное – и радовался я, благодаря святого, ибо как он пожил и потрудился. А кроме того, никем не было писано житие святого. И от этого великая печаль и скорбь овладели душой моей, в особенности же одержим был я любовью к святому великому отцу Александру. Поэтому я написал из многого малое. Но иные чудеса прошел я молчанием, ради множества их, другие же поэтому не написано мною, что не дошли до слуха нашего. Хотя сими чудесами и помиловал Бог людей, но они скрыли чудеса святого по своему неразумию и невежеству, думая, что Божие благодеяние и чудеса святого послужат им к стыду и сраму. Мы за это не дадим ответа, а святой сам повествует о себе. Но мы зло ответим, если, слыша о чудотворениях, не напишем по лени. Сие же малое предал я писанию, чтобы не осталось в забвении добродетельное житие святого о Боге и чтобы вы не были лишены такого дара, не зная жития отца своего. Написано житие его на пользу духовную желающим своего спасения и для сореживания подвигам его. Поэтому я осмелился писать, что знал о святом лучше других и мог принести пользу; не желал я сего скрыть в молчании, боясь за преслушание смерти, чтобы не сподобиться мне осуждения одного раба, скрывшего талант в земле. Посему и позаботился написать о всех трудах и подвигах святого, что только мне будет

о них известно, чтобы никто не подумал или не сказал, что, не ведая истины о святом, написал я неправильно. И вы не говорите обо мне так: «Не мог он помнить совершившееся за столько лет, что написал». Ибо много лет прошло после преставления святого. Что от кого я слышал, то и рассказываю. Не дай Бог солгать на святого! Пусть не будет так! Но только скажу вот что.

Отец мой священствовал в том селении, где родился святой, и там разыскал я земледельца некоего, Исаака именем. Тот Исаак был родственник преподобному, сын старшего его брата Амвросия, и был моложе преподобного на немного лет. С детства жил он вместе со святым и все хорошо знал о нем. Часто приходил он к отцу моему и беседовал о святом. Отец мой спрашивал, Исаак же все рассказывал ему по порядку, я всю беседу слушал внимательно. Был я тогда еще только молод, только что навывкал святому Писанию. Затем отец мой переселился оттуда на реку Онегу в село, называемое Надпорожье, где была церковь во имя Николая Чудотворца, и при церкви этой священствовал отец мой. В то время властелин села того, Григорий именем, великую веру имел к монастырю преподобного, блюсти который поручено было ему от архиепископа. Поэтому часто приходил к нему священник, Корнилий именем, которого посылал игумен, постоянно беседовал с отцом моим о святом, о житии и чудесах его. Корнилий хорошо знал о святом и часто рассказывал и читал писанное, иное же писал по приказанию отца своего, старца Леонида, который прежде писания о сем рассказывал. По смерти родителя я сподобился священства и остался тут жить. Спустя некоторое время пришел к нему некий дьяк, Иоанн именем, много лет проведенный в обители. И был он принят служить с нами в святом том храме. О многих чудесах святого рассказывал он мне. Слушая все это, я весьма дивился, и, распаляемый, как огнем, желанием и любовью к святому, был влеком великим усердием, как бы неким вервием. Пребывая в миру, я часто стремился пройти в обитель святого, но не сподобился. Когда же потерял я жену, то пришел в обитель святого и облекся в одежду иноческую. Немного времени спустя

я был сподоблен священства от преосвященного архиепископа Пимена. И нашел я в обители древних иноков и сродников святого, которые и рассказывали мне чудеса, происшедшие от богоносного отца: одни – известные, другие – не явленные. Я записывал, что слышал от известных свидетелей, но многое обошел молчанием, так как с течением долгого времени было забыто, не будучи записано. Никаких записей не нашел я; какие же были писания, то они погибли по небрежению, как сказано выше. Слышав все это, я весьма дивился тому, что о житии и чудесах святого не было написано ясно в продолжение стольких лет. Подумав об этом, я сказал себе, что сие происходит по Божию строению, как и оказалось по изволению Божию.

О явлении преподобного священнику Феодосию, первый и второй раз с приказанием, и третий раз с угрозой и наказанием, а потом с милостью и прощением. Не умолчу о Божием даровании, не могу утаить благодеяния Господа нашего и не хочу скрыть явления и чудеса преподобного отца нашего, нового чудотворца Александра, начальника и игумена нашей обители, Ошевнева монастыря, который сотворил Бог его ради на мне грешном.

Пришел я в монастырь, приняли меня, и игумен постриг меня и сделал иноком и в черные одежды облек меня в понедельник первой недели Святого поста. И поручил он меня старцу некоему, Елисею именем. Прошло сорок дней, указанных монастырским уставом, и еще несколько дней прошло, и вот в среду Светлой недели явился мне преподобный Александр, как наяву, назвал меня по имени и сказал мне: «Чадо Феодосие, иди в Великий Новгород, возьми от архиепископа благословение и приими сан священства».

А узнал я святого по написанному образу, который положен на гроб его. И стал я отказываться. Он же взял меня за правую руку и дал мне обещание, как бы со временем желая дать мне мздовоздаяние некое, что и случилось после, по слову святого. Пошел я к архиепископу, принял сан священства и возвратился в обитель. Спустя несколько времени некоторые братия монастырские возроптали, и я присоединился к ним. И вот второй раз явился мне преподобный Александр в великой

церкви и сказал мне: «Разве ты начальный во обители?» Я же поклонился ему и сказал: «Что это ты, господине отче, спрашиваешь меня, как бы не зная? У нас есть игумен, а я – священник».

Святой сказал: «Так скажи своему игумену: «душевное попечение о всех лежит на твоей душе». Тебе же скажу: «оставь всякие злые козни и позаботься о своей душе»».

Упав перед ним на землю, стал я плакать и сказал: «Ты мне, отче, будь наставником и учителем!»

Придя в себя от явления, я никого не увидел и только заливался слезами от наставления святого. С наступлением вечера пришел я на собор и сказал одному из братии, что не мое это дело; и они также прекратили свое начинание. Прошло несколько времени и по навету диавола овладело мною неверие, иногда я веровал в истинность явления, иногда же считал его за призрак сна. Также и о чудесах святого думал я надвое, а видел я много чудес, происходивших перед нашими очами. Подумал я и сказал себе: «Если бы не было даровано святому от Бога, то не мог бы он творить сих знамений». Пришел в себя и познал свое согрешение и стал помышлять о том, чтобы написать хотя малое из многого. И взялся я за дело не по своему ухищрению, но возлагая надежду на Бога и надеясь на молитвы преподобного. Простер я грешную и грубую свою десницу и начертал начало душеполезной повести. Потом, написав немного, обленился и по небрежению оставил в забвении.

Наступил праздник великого и светлого дня Христова Воскресения; любовно ликовали и с честью проводили его. Отпев вечерню, разошлись мы по келлиям, я лег отдохнуть и вижу, что нахожусь в некоем великом храме и там явилось мне некое Божие видение и услышал я голоса, о которых я не осмеливаюсь написать или когда-либо поведать иным, будучи сам недостойн. И увидел я, что вошел преподобный Александр, держа в руке небольшой прут. Взглянул он на меня гневно и сказал: «Зачем ты приходил к вечерне?» И затем продолжал: «Зачем ты начинаешь дело выше своей меры? А что уже ты начал, то почему не оканчиваешь по лености?»

И пригрозил мне мукою. Я стал плакать, молиться и сказал: «Господине отче, не прогневайся на промедление мое. Отпусти мне, в чем я согрешил тебе, яви мне милость, ибо я стар и не могу перенести страдания. Если ты обидишь меня, то я не стану уже называть тебя отцом и удалюсь из монастыря твоего».

Видя мои умиленные слезы, преподобный слегка улыбнулся и сказал: «Не разговаривай много, не противоречь и пади ниц!»

Упал я на помост, где стоял, и протянул руки и ноги, святой же сделал надо мною прутom знак, как бы ударяя, но ни боли не было, ни удара я не чувствовал, только до одежды коснулся он. Затем велел мне встать. Очнувшись, я никого не увидел. Начал я плакать и рыдать, ибо много противоречил святому, и увидал, что правая моя рука ослабела, а кисть руки согнулась у запястья: едва мог я сложить три перста в крестное знамение и перекрестить лице, но два перста так и остались пригнутыми к ладони. Видя сие, исполнился я страхом и трепетом и познал свое согрешение, ибо за маловерие мое сотворил мне это Господь. Всеблагий Бог возжелал обратить мое маловерие в веру и Своего угодника еще более прославить, чтобы и другие научились бояться Бога и избежали страдания, подобного моему. Пошел я и рассказал о случившемся помянутому выше старцу Елисею. Он же, утешая, сказал мне: «Не скорби больше, радуйся и веселись, ибо Господь посетит тебя: Он творит все, что пожелает».

Потом пошел я в притвор к гробу Александрову, стал лобызать раку святого и, непрестанно вздыхая, плакал обильными слезами. И со умилением сказал я: «О великий чудотворец, преподобный Александр, видел я и убедился, что ты воистину неложный чудотворец; верую я и еще верую, помоги моему маловерию! Всю мою надежду по Боге на тебя я возлагаю, не оставь меня!»

И другие многие умильные речи говорил я от жалости души моей, и не один раз, ни дважды, но много раз. Потом вошел я в собор, рассказал о случившемся игумену и всей братии и руку свою обессиленную и больную всем ясно показал, и молил всех с покорением помолиться за меня. Все же вещи, какие имел в

келлии своей, велел я отнести в казну. И уже стал я разлучаться с жизнью, каждый день ожидая смерти; приходил день, наступал вечер, я же не имел надежды увидеть завтрашний день; приходила ночь, день наступал и озарялся светом, а я не знал, доживу ли до вечера. Но перестану о том много рассказывать, ибо все это полно великой жалости. Однажды пришел я в притвор, пал у гроба святого, заплакал и сказал: «О преподобный отче Александре! помилуй меня, не гневайся на меня больше, вспомни первое свое явление, когда ты обещал, желая воздать мне некое мздовоздаяние. Ныне и есть время даровать мне его. Исполни слово своего обещания! Знаю я, отче, что ты все можешь выпросить у Бога. Пусть же и о мне умолит Бога твое преподобие! Вот я уже состарился в грехах, не прошу ни богатства, ни продления годов жизни, ни почета, ни славы мира сего, ни сана, ни величества. Что же прошу, то даруй: чтобы подал мне Господь твоими молитвами отпущение моих грехов. Хотел я удалиться из обители твоей, но ты не допустил мне этого. И далее не попусти, чтобы совершилось намерение мое. С этих пор дай мне, преподобный, терпение и твердую решимость не оставлять святого сего места, не преступить святого своего обета, не удаляться от твоей святыни. И еще, отче, прошу у тебя; укрепи мою мышцу обессиленную, расправь десницу мою искривленную и распрями согнутые персты мои, чтобы я проповедал о чудесах твоих. Если тебе угодно будет, то, сколько достанет у меня силы разузнать и разыскать известия о житии и чудесах твоих, поработаю я для тебя с желанием и любовью, со страхом и трепетом, ради чудес твоих, совершаемых над нами, за леность же и небрежение пусть не буду страдать я так, как теперь или даже тяжелее!»

Выйдя из притвора, тотчас почувствовал я облегчение болезни в руке моей. Когда святой явился ко мне, намереваясь бить меня прутом, я жалобно стал плакать и сказал: «О, преподобный отче, ты видишь, что я стар и не могу перенести страданий!»

И иное многое сказал я. Святой же сжалился над моим молением и слегка улыбнулся, прообразуя тем, что милостиво

простит меня и обессиленную руку сделает здоровой. Когда же сделал надо мною знак прутом, как бы ударяя трижды, тогда прообразовал, что я буду три недели страдать от болезни той. И спустя три недели с каждым днем делалось мне легче и легче, и затем стала рука моя здоровой, подобно другой.

О, неизглаголанная милость Божия! О, великое чудо преподобного Александра, ибо обессиленную мышцу укрепил он, искривленную руку выпрямил и согнутые персты расправил! Многие и миряне, видевшие такое чудо, славили Бога и преподобного отца Александра, ибо все видели, как ранее нельзя мне было ни пищи к устам поднести тою рукою, ни взять что в руку, а теперь она стала здоровой, как будто никогда и не болела.

В пятую Неделю по Пасхе стал я опять служить Божественную литургию. Потом пожелал я писать житие святого и чудеса его, как сказано выше, малое из многого, что мог я разыскать и узнать, для ревности читающих и слушающих на пользу. Как недостойный раб, не хотевший исполнить дела господина своего, был бит за это, так и я, не желавший добровольно послужить преподобному, тотчас как бы насильно стал работать, и так написал я житие преподобного и чудеса святого.

Прославляю я Бога за то, что сподобил меня совершить таковое Божие дело, прославляю и чудеса преподобного Александра, ибо не отстранил меня Господь от таковой святой службы и не лишил меня святой такового дара своего. Ныне же, если бы я и больше узнал, не поленился бы писать и еще бы побудил старость свою за любовь к святому, сколько есть силы.

Здесь кончается душеполезная сия повесть. И если кто больше узнает или вернее услышит и расскажет яснее, чем я, худой и меньший из всех в обители, то мы о сем прославим и возблагодарим Бога, а он от Бога сугубую мзду примет и большей части сподобится о Христе Иисусе.

Написано было житие преподобного отца Александра в 1567 году, при державе царя государя и великого князя Иоанна Васильевича, всей России самодержца, при митрополите всея России Филиппе, при архиепископе Пимене Великого Новгорода

и Пскова, во обители великого Николая Чудотворца, в созданном преподобным Александром монастыре, который именуется Ошевнев, где святой приял конец жития сего, а наследовал начало жизни вечной и радость неизреченную, которую все мы да получим о Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же слава со Отцем и Святым Духом.

И о сем особенно молю вас, святые отцы и братия, когда будете читать житие святого, то, где я по небрежности описался или по лености не исправил, и вы Бога ради сами исправляйте, а мою грешную душу не отягощайте упреками Господа ради, и простите меня грешного, а Господь наш Иисус Христос простит вам ваши согрешения, и да будет со всеми вами милость Его со Отцем и со Святым Духом во веки. Аминь.

Апрель 21

Иаков Стромьинский, преподобный

Преподобный Иаков Стромьинский был учеником преподобного Сергия Радонежского (память 25 сентября/8 октября). Он был игуменом Стромьинского монастыря во имя Живоначальной Троицы. Сам преподобный Сергей в 1380 году основал этот монастырь по просьбе великого князя Дмитрия Донского (1363–1389) в память победы на Куликовом поле. В том монастыре был игуменом также преподобный Савва Звенигородский (1381–1392, память 3/16 декабря). Преподобный Иаков был погребен в монастырской церкви.

Апрель 22

Всеволод-Гавриил Псковский, благоверный князь – перенесение мощей

Святой благоверный князь Всеволод, в крещении Гавриил, Псковский, внук Владимира Мономаха, родился в 1092 году и почти всю жизнь прожил в Новгороде, где в 1088–1093 и 1095–1117 гг. княжил его отец, святой благоверный князь Мстислав-Феодор Великий († 15 апреля 1132 г.). В 1117 году, когда великий князь Владимир Мономах дал в удел Мстиславу Белгород Киевский, фактически сделав его своим соправителем, молодой Всеволод остался наместником отца на новгородском княжении. Благоверный князь Всеволод отличался благочестием и любовью к Святой Церкви. Много доброго сделал святой князь Всеволод для Новгорода. Со святителем Нифонтом, архиепископом Новгородским (память 8 апреля), он воздвиг множество храмов, среди которых – собор великомученика Георгия в Юрьевском монастыре и храм святого Иоанна Предтечи на Опоках, построенный в честь Ангела его сына-первенца Иоанна, умершего в младенчестве († 1128). В уставе князь даровал льготные грамоты собору Святой Софии и другим церквям. В страшный голод, спасая людей от гибели, он истратил всю казну. Князь Всеволод был доблестным воином, победоносно ходил на ямь (в 1123 г.) и на чудь, но никогда не брался за меч ради корысти и власти.

В 1132 году, по смерти святого великого князя Мстислава, киевский князь Ярополк Владимирович, дядя Всеволода, следуя завещанию брата, перевел Всеволода в Переяслав Южный, считавшийся старшим после Киева городом. Но младшие сыновья Мономаха – Юрий Долгорукий и Андрей Добрый, опасаясь, что Ярополк сделает Всеволода своим наследником, выступили против племянника. Не желая междоусобиц, святой князь вернулся в Новгород, но его приняли с неудовольствием. Новгородцы считали, что князь был «вскормлен» ими и не должен был уходить от них. «Ходил Всеволод в Русь, в Переяслав, – отметил новгородский

летописец, – а целовал крест новгородцам, сказав, «хочу у вас умереть».

Стремясь восстановить добрые отношения с новгородцами, князь в 1133 году предпринял новый победоносный поход на чудь и присоединил к новгородским владениям Юрьев. Но тяжелый зимний поход 1135–1136 гг. на Суздаль окончился неудачей. Своевольные новгородцы не вразумились Божиим наказанием и не могли простить поражения своему князю. Вече решило призвать князя из враждебного Мономаховичам рода Ольговичей, а святого Всеволода осудило на изгнание: «изгнание претерпел еси от своих», – поется в тропаре святому. Полтора месяца князя с семьей, как преступника, держали под стражей на архиерейском дворе, а когда прибыл князь Святослав Ольгович, «пустиша из города».

Всеволод вновь ушел в Киев, и дядя Ярополк дал ему в держание Вышгородскую волость под Киевом, где в X веке, в годы правления своего сына Святослава, жила святая равноапостольная великая княгиня российская Ольга (память 11/24 июля). Ольга, «градов Киева и Пскова изрядная доброто», защитила своего несправедливо обиженного потомка: в следующем, 1137 году жители Пскова, помнившие походы новгородско-псковского войска под водительством князя, призвали его на псковское княжение, на родину равноапостольной Ольги. Это был первый псковский князь, избранный по воле самих псковичей.

Славным деянием святого благоверного князя Всеволода-Гавриила во Пскове была постройка первого каменного храма во имя Живоначальной Троицы, на месте деревянного, времен равноапостольной Ольги. На иконах святого часто пишут держащим в руке храм «об одном верху – Святая Троица».

Только год прокняжил во Пскове святой Всеволод – 11 февраля 1138 года он скончался, прожив 46 лет. Весь Псков собрался на погребение любимого князя, не было слышно церковного пения от народного плача. Новгородцы, опомнившись, прислали протопопа из Софийского собора, чтобы взять в Новгород его святое тело, но князь отвратился от Новгорода, и рака не двинулась с места. Горько плакали

новгородцы, раскаиваясь в неблагодарности, и молили даровать им хоть малую частицу святого праха «на утверждение граду». По их молитвам отпал ноготь от руки святого, псковичи положили святого Всеволода в храме св. великомученика Димитрия. Рядом с гробом поставили боевое оружие князя – щит и меч, имевший форму креста, с надписью по-латыни: «чести моей никому не отдам».

27 ноября 1192 г. обретены мощи святого князя Всеволода и перенесены в Троицкий собор, в котором был освящен в честь его придел.

22 апреля 1834 года, в первый день Пасхи, святые нетленные мощи благоверного князя Всеволода вместе с прежней дубовой гробницей были положены в новую серебряную и перенесены из правого придела в главный собор.

Никогда не нарушалась глубокая духовная связь города святой равноапостольной Ольги со святым князем: он навсегда остался Псковским чудотворцем. При осаде Пскова Стефаном Баторием в 1581 году, когда уже была разрушена крепостная стена и поляки были готовы ворваться в город, из Троицкого собора с крестным ходом принесли на место сражения святые мощи князя Всеволода, и враг отступил. При явлении чудотворной Псково-Печерской иконы (память 1/14 октября) святой благоверный князь Всеволод-Гавриил был среди небесных защитников Пскова.

Житие святого князя Всеволода-Гавриила написано в 1550–1552 гг. пресвитером Василием, в иночестве Варлаамом. В «Иконописном подлиннике» о святом сказано: «Рус, власы с ушей повились, брада, что Василия Великого, пошире и подоле, шуба червчата, испод лазарь, на главе шапка княжеская, в руке церковь празелень с белилом, об одном верху, Святая Троица».

Апрель 23

Георгий Шенкурский, блаженный

Блаженный Георгий Шенкурский был современником преподобного Варлаама Вакского, Шенкурского († 1462, память 19 июня/2 июля). По рукописным святцам: «святой и блаженный Георгий, Христа ради юродивый, Шенкурский чудотворец, преставился апреля в 23-й день, в день своего тезоименитства». Блаженный Георгий изображается в рубище, босой, с молитвенно сложенными руками. В похвале, составленной в XVI веке праведному Прокопию, Христа ради юродивому, Устюжскому чудотворцу († 1303, память 8/21 июля), говорится: «Река Вага, на которой город Шенкурск, ублажает Георгия юродивого». Других сведений о нем не сохранилось.

Апрель 24

Савва и Алексей затворник, в Ближних Пещерах почитающиеся

Преподобный Савва Печерский подвизался в Ближних пещерах в Киево-Печерском монастыре не позднее середины XIII века. В рукописных святцах, в «Книге о святых» и в каноне службы преподобным отцам Киево-Печерским он называется чудотворцем. Так же назван и в службе Печерским преподобным. «Дамиане, исцеляяй страсти телесныя молитвою и елеем с Саввою чудотворцем, не презрите нас изнемогших душевными страстьми» (Песнь 6, 5 ст.). Память преподобного Саввы совершается также в день памяти преподобных отцов Ближних пещер, 28 сентября/11 октября, и в день памяти всех Киево-Печерских чудотворцев, в Неделю 2-ю Великого поста. 24 апреля/7 мая память преподобного празднуется ради тезоименитства со святым мучеником Саввой Стратилатом.

Преподобный Алексей, затворник Печерский, подвизался в Ближних пещерах Киево-Печерского монастыря в XIII веке. Мощи святого были обретены после 1675 года. Память преподобного Алексея празднуется также в день памяти преподобных отцов ближних пещер, 28 сентября/11 октября, и в день памяти всех Киево-Печерских чудотворцев, в Неделю 2-ю Великого поста. Святые мощи преподобного Алексея почитают рядом с мощами преподобного Саввы Печерского.

Апрель 25

Сильвестр Обнорский, преподобный

Преподобный Сильвестр Обнорский жил в XIV веке и был современником святителя Алексия, митрополита Московского, и одним из учеников преподобного Сергия Радонежского. Пространного жизнеописания преподобного Сильвестра не сохранилось. Известно, что любовь к молитвенному уединению жила в нем с юных лет. Получив благословение своего наставника – игумена Троицкой обители преподобного Сергия Радонежского, инок Сильвестр отправился искать пустынное место для пребывания в безмолвии. На покрытом дремучим лесом берегу реки Обноры, примерно в 20-ти километрах от прежнего города Любима в Ярославской земле, в глухой, безлюдной пустыньке преподобный водрузил крест. Построив небольшую келлию, святой отшельник стал дни и ночи проводить в неустанной молитве и строгом посте. Сохранилось предание, что однажды, идя за водой на реку, преподобный получил откровение о том, что пустынь, избранная им для подвижнических трудов, станет известной и соберет немало иноков.

Через некоторое время уединение преподобного Сильвестра было открыто жителями окрестных селений и к отшельнику стали приходить люди за советом и благословением, ища духовного руководства. Преподобный Сильвестр всех встречал с любовью и каждого желавшего подвизаться в совместных трудах благословлял на устройство отдельной келлии. Когда количество пустынножителей заметно возросло, преподобный Сильвестр решил основать в этом месте храм и при нем монастырь. Благословение на это, а также антиминос для храма он получил у святителя Алексия, митрополита Московского († 1378). Преподобный Сильвестр стал первым игуменом этого монастыря на реке Обноре, который впоследствии прославили своими духовными подвигами преподобные Павел Обнорский и Сергей Нуромский. Деревянный храм в обители был освящен в честь Воскресения Христова, поэтому и сам монастырь стал именоваться

Воскресенским. Как игумен, преподобный Сильвестр являл братии постоянный пример молитвенного подвига и неустанного труда. Любовь к безмолвию по-прежнему жила в сердце подвижника. Время от времени он оставлял монастырь и уходил вглубь леса для уединенной молитвы. Здесь преподобный Сильвестр собственноручно выкопал четыре колодца (один из которых еще в прошлом столетии был известен и чтим).

Стремление поучаться наставлениями мудрого старца заставляло народ приходить и к месту его отшельничества. Преподобный Сильвестр, не отказывая никому, выходил из убежища, благословлял богомольцев и вел с ними долгие беседы. Место, где уединялся преподобный, еще при его жизни получило название «заповедной» рощи, к которой местные жители относились благоговейно, из поколения в поколение передавая наказ святого старца не рубить в ней деревья. В глубине этой рощи преподобный сам вырыл три колодца, а четвертый – на склоне горы у реки Обноры.

В 1645 году строитель Воскресенской обители иеромонах Иов пренебрег заповедь чудотворца и вздумал рубить рощу. За это и он был наказан слепотой, от которой исцелился при гробе Сильвестра. С того времени и доныне никто не смеет срубить дерево в заповедной роще. Несмотря на то, вековых деревьев там мало; время истребляет их.

Когда святой впал в предсмертную болезнь, братия, горевавшие, когда он уходил в уединение, тем более скорбели о предстоящей кончине святого. «Не скорбите об этом, братия мои возлюбленные, – говорил им в утешение преподобный, – на все воля Божия. Сохраняйте заповеди Господни и не бойтесь в этой жизни потерпеть беды, чтобы получить награду на Небесах. Если же я буду иметь дерзновение у Бога и дело мое будет Ему угодно, то это святое место не оскудеет и по моем отшествии. Молитесь только Господа Богу и Его Пречистой Матери, чтобы избавиться вам от искушений лукавого». Преподобный скончался 25 апреля и был погребен справа от деревянного Воскресенского храма.

Известна икона XVII века, на которой прп. Сильвестр изображен держащим в руке свиток; на свитке помещена часть текста его завещания, дошедшая таким образом до нас.

Вскоре после кончины преподобного на месте его духовных бесед была сооружена часовня, вокруг которой ежегодно в день памяти святого подвижника совершались крестные ходы. Особо почиталось место погребения преподобного, так как от гроба его происходили чудесные исцеления. Как и другие северные монастыри, Воскресенская обитель неоднократно подвергалась разорению: в 1538 году во время нашествия казанских татар, в 1612 году польскими захватчиками. К 1647 году разрушенный монастырь был восстановлен. В 1656 году, по благословению патриарха Никона, вместо деревянной часовни над гробницей преподобного Сильвестра сооружен храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы. В 1764 году монастырь был упразднен, а его соборный храм превращен в приходскую церковь. В 1821 году архиепископ Ярославский Филарет (впоследствии митрополит Московский) дал благословенную грамоту на строительство вместо деревянной Покровской церкви каменного Воскресенского храма, которое было закончено в 1825 году. В одном из приделов Воскресенского храма в бронзовой посеребренной гробнице установили обретенные нетленные мощи преподобного Сильвестра. В 1860 году преподобный Сильвестр вновь напомнил о себе несколькими чудесными знамениями, описание которых помещено в Ярославских и Вологодских епархиальных ведомостях за 1860–1870 гг.

Апрель 26

Стефан Великопермский, святитель

Святитель Стефан, епископ Великопермский, родился около 1346 года в Великом Устюге. Его отец Симеон служил причетником соборной церкви. О матери святого известно предание, согласно которому ее, трехлетнюю девочку, однажды встретил на паперти церковной святой старец Прокопий Устюжский. Поклонившись ей до земли, он сказал: «Вот идет мать Стефана, епископа Пермского, который будет великим между слугами Божиими». В детские годы святой Стефан был научен молитве и послушанию. Отданный в «научение книжное», он удивлял своими способностями. Свободное от занятий время мальчик любил посвящать чтению Священного Писания. Через год он стал чтецом в соборной церкви. Как и многие северные русские города, Великий Устюг был в то время богатым торговым городом.

Вокруг него в густых лесах были расположены поселения, в которых жили языческие племена зырян, или западных пермяков.

«Пермская страна», обширная территория между реками Печорой и Двиною, в верховьях Камы и Вычегды, находилась в зависимости от Новгорода Великого, а по мере усиления Московского княжества – от Москвы. Занимаясь охотой, зыряне жили довольно обособлено, но вели оживленную торговлю с русскими городами, в особенности с Великим Устюгом. Общаясь с зырянами, юный Стефан в совершенстве овладел их языком. К этому времени юноша окончательно решил оставить мирскую жизнь и посвятить себя служению Богу. Родители со слезами радости отпустили сына. По благословению Ростовского епископа Парфения в монастыре во имя святителя Григория Богослова, славившемся своими образованными монахами, в 1365 году был совершен монашеский постриг молодого послушника с наречением ему имени Стефан.

С усердием углубился инок в изучение Священного Писания. Частые беседы с кем-либо из духовно опытных, умудренных книжной ученостью монахов, занятия греческим

языком, который он вскоре достаточно хорошо усвоил, помогли святому Стефану в его духовном возрастании и богословском образовании. Преподобный Епифаний Премудрый, будущий жизнеописатель святого Стефана, а в то время его собрат по монастырю, повествует о постоянных совместных беседах, посвященных толкованию Священного Писания и изъяснению творений святых отцов. В монастыре святой Стефан написал несколько произведений, свидетельствовавших о любви к богомыслию и глубоких знаниях автора (до наших дней не сохранились). Первым приходил святой Стефан к богослужению в храм и позже всех покидал его, подолгу молился, все более и более восходил в подвигах иноческого жития, преуспевая в добродетелях, смирении и любви.

Стремление просветить светом Христовой истины язычников-зырян, с детства жившее в его сердце, воодушевило святого Стефана на особый подвиг. Он создал для зырян письменность, которой они не имели, в качестве алфавита используя зырянские знаки на дереве, посредством которых охотники вели свою торговлю. С помощью созданной азбуки (состоявшей из 24 букв) святой Стефан перевел на зырянский язык богослужебные книги и частично Священное Писание. К концу своего десятилетнего пребывания в монастыре (около 1375 года), чувствуя себя уже достаточно подготовленным к делу евангельской проповеди, святой Стефан отправился в Москву за благословением. К тому времени святителя Алексия, митрополита Московского, особенно заботившегося о распространении Христовой веры среди народов отдаленных окраин Руси, уже не было в живых. Управителем митрополии был архимандрит Симонова монастыря Михаил (Митяй). Поняв важность задуманного молодым иеродиаконем просветительского дела, он испросил у великого князя охранные грамоты для святого Стефана и направил его к епископу Коломенскому Герасиму. После долгих бесед со Стефаном преосвященный Герасим рукоположил его во иеромонаха и благословил на миссионерское служение. Снабженный антиминсами, миром, частицами святых мощей, а также необходимой для богослужения церковной утварью, святой

Стефан отправился на родину, чтобы проститься с родителями. Осенью 1379 года святой Стефан отправился в Пермскую землю. Язычники-зыряне поклонялись стихиям (воде и огню), зверям и деревьям; главным их божеством была «Золотая баба» – каменный идол, которому приносилась в жертву лучшая часть добычи. Особым влиянием у зырян пользовались жрецы или волхвы, державшие в страхе и подчинении народ. Смерть ожидала каждого, кто осмелился бы коснуться их языческих верований. Положение для проповедника осложнялось еще и тем, что алчные великокняжеские сборщики дани озлобили зырян, поэтому все, что исходило из Москвы, казалось зырянам враждебным. Пырас (ныне город Котлас) стал первым селением, в котором святой Стефан начал свою проповедь. Жители его чаще бывали в Устьеге и общались с русскими. Когда они слышали, что инородец прекрасно говорит на их родном языке, то оказали ему гостеприимство.

Поначалу миссионерство святого Стефана не имело успеха. Непривычно и страшно было слышать зырянам, что их боги – ложные и бесполезные истуканы, созданные людьми, и что есть лишь один истинный Бог – Творец всего сущего, воплотившийся на земле, имя Которому Христос. Жители селения всячески старались помешать святому Стефану, а однажды, по наущению волхвов, предприняли даже попытку сжечь его. Но кротость, терпение и любовь, а также всецелая преданность воле Божией, с которыми выносил святой Стефан все испытания, тронула наконец их сердца. Покоренные его личностью, убедительностью и простотой доводов в пользу новой веры, почти все жители Пыраса, кроме нескольких наиболее упорных язычников, приняли святое крещение.

Святой Стефан выбрал себе из новокрещенных зырян нескольких спутников и отправился с ними далее вверх по течению Вычегды. В каждом из селений, где останавливался и проповедовал святой Стефан, он приводил язычников к вере Христовой. За короткое время святой Стефан крестил жителей селений от Пыраса до Усть-Гама и везде ставил кресты и часовни, как самые понятные для новообращенных символы. В Усть-Гаме, большом зырянском селении, где находилась

главная кумирница с особо почитавшимися идолами и где преимущественно жили жрецы, святой Стефан подвергся наибольшей опасности. Испуганные успехами его проповеди, в которой усматривали угрозу своему могуществу, жрецы возбудили в народе вражду к святому. Как только святой Стефан появился в селении, навстречу ему бросилась разъяренная толпа. Но кроткое лицо и дружелюбная речь на их родном языке обезоружили нападавших, и они невольно стали слушать, что говорил им пришелец. Святой Стефан знал, что, поклоняясь идолам, зыряне верили в существование некоего могущественного духа, который все сотворил, но которому они недостойны поклоняться. Это неясное верование использовал святой Стефан, чтобы как можно доходчивее объяснить зырянам основы Христовой веры. Считая, что лучшим доказательством бессилия языческих богов будет уничтожение идолов и кумирниц, он поджег кумирню, где стояла так называемая «Золотая баба».

Когда жители Усть-Гама с топорами и кольями бросились на св. Стефана, он, подняв руки к небу, со слезами молился о прозрении заблудших. Никто из зырян не решился напасть на него. Природная кротость этих людей отмечена иноком Епифанием Премудрым: «Обычай лих имать не творить начало бою». Так, сопровождаемый трудностями и опасностями, продвигался св. Стефан вглубь Пермской земли, убеждая словом, сокрушая идолов и кумирни, все новых и новых язычников обращая в христианство. Решающим моментом его миссионерской деятельности явилось столкновение с Памой, главным зырянским жрецом. Пытаясь поколебать у своих подопечных уважение к святому Стефану, Пама предложил ему пройти сквозь огонь и тем доказать на деле существование проповедуемого им Бога. Когда же смиренный инок, помолившись, решился подвергнуть себя жестокому испытанию и предложил Паме последовать за ним, то Пама проявил малодушие и в страхе отступил. После этого началось обращение многочисленных зырян ко Христу: реки Вымь и Вычегда ежедневно становились купелью для множества крещаемых.

Неоценимы заслуги святого Стефана в строительстве Божиих храмов на Пермской земле. Первой построенной им церковью стал храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в устье реки Выми. Затем в селе Усть-Выми были построены еще два храма во имя святителя Николая Чудотворца и во имя Архангела Михаила. Храмы обыкновенно возводились святым Стефаном на тех местах, где ранее стояли языческие идолы и кумирни. Придавая большое значение благолепию храмов, святой Стефан украшал их иконами, часть которых была написана им самим. Во всех построенных им храмах богослужение совершалось на зырянском языке. Святой Стефан учил крещаемых созданной им грамоте, с помощью которой они читали Евангелие, Псалтирь, Часослов и другие переведенные на зырянский язык книги. При храме Благовещения было учреждено училище, где занимались будущие пастыри – зыряне. Таким образом, вместе со светом Христова учения местные жители приобщались к культуре и просвещению. Жители Великого Устюга, узнав об успехах апостольской проповеди их земляка, вкладывали пожертвования на строительство храмов, а некоторые священнослужители становились помощниками пермского просветителя. По истечении четырех лет миссионерской деятельности иеромонах Стефан отправился в Москву, чтобы решить вопрос о епископе для зырян.

Собор русских архипастырей и великий князь Димитрий Иоаннович Донской († 1389) постановили, что первым архиереем новообращенной Пермской земли должен стать сам святой Стефан. Зимой 1383 года во Владимире-на-Клязьме митрополитом Пименом была совершена епископская хиротония святого Стефана. Возвратившись в Усть-Вымь, святитель Стефан учредил при соборном храме Благовещения архиерейскую кафедру и первый в тех краях монастырь, получивший название Архангельского. Впоследствии им были построены еще три монастыря и несколько странноприимных домов. Своей епископской властью святитель Стефан защищал местное население от частых нашествий новгородских «ушкуйников». В 1386 году он предпринял поездку в Новгород,

где содействовал прекращению нападений на зырян. Спустя четыре года святитель Стефан вновь отправился в Москву, где получил у великого князя Василия Дмитриевича льготы для Пермской земли, пострадавшей от неурожая.

Святителя Стефана связывала духовная дружба с преподобным Сергием Радонежским. Святитель Стефан с благоговением относился к Радонежскому подвижнику и очень желал повидаться с ним на пути из Пермской земли, но не смог исполнить своего желания из-за недостатка времени. Находясь в 10-ти верстах от монастыря преподобного Сергия, святитель Стефан обратился в сторону обители и с молитвой и поклоном произнес: «Мир тебе, духовный брате!» Преподобный Сергий, сидевший вместе с братией за трапезой, встал, помолился и, поклонившись в ту сторону, где проезжал святитель, ответил: «Радуйся и ты, пастырю стада Христова, и мир Божий да пребывает с тобой!» Об этой глубокой духовной связи святителя Стефана Пермского и преподобного Сергия Радонежского свидетельствует совершаемая и ныне особая повседневная молитва к ним на братской трапезе в Троице-Сергиевой лавре. Богословская образованность Пермского епископа и его выдающиеся личные качества создали ему высокий авторитет в Русской Православной Церкви. Несмотря на отдаленность его епархии, великие князья и митрополиты часто вызывали его в Москву для совета или участия в церковных Соборах. В начале 1396 года, по приглашению святого митрополита Московского Киприана, святитель Стефан вновь отправился в Москву. Здесь он заболел: здоровье его было подломлено 18-летними изнурительными трудами и подвигами, и, хотя ему было всего пятьдесят лет, выглядел он значительно старше своего возраста. 26 апреля 1396 года святитель Стефан мирно скончался. Он был погребен в Кремлевской великокняжеской обители, в соборе Спаса на Бору. В XVI столетии Русская Православная Церковь причислила епископа Пермского Стефана к лику святых.

Апрель 27

Стефан, игумен Печерский, епископ Владимирский

Преподобный Стефан, игумен Печерский, епископ Владимиро-Волинский, с молодых лет подвизался в Киево-Печерской обители под руководством преподобного Феодосия († 1074; память 3/16 мая). До пострижения в монашество святой Стефан рос в семье богатых родителей; после их смерти он раздал все имущество и решил посвятить себя служению Богу. Преподобный Феодосий иногда поручал ему вместо себя наставлять братию словом назидания. Перед кончиной преподобного Феодосия иноки просили его назначить игуменом святого Стефана, который был тогда domestikом (главным уставщиком на клиросе). Призвав к себе любимого ученика, преподобный Феодосий возложил на него послушание исполнять обязанности игумена Печерского монастыря, заповедав неукоснительно блюсти строгий монастырский устав, заботиться о странниках и молиться о благодетелях святой обители. Преподобный Стефан стал достойным преемником своего учителя. Он закончил строительство соборного Печерского храма, начатое еще при жизни преподобного Феодосия. Преподобный Стефан основал поблизости новый монастырь, куда перевел почти всю братию старой обители, оставив лишь несколько послушников, которым вменил в обязанность погребение умиравших иноков и ежедневное совершение Божественной литургии в память усопших братьев. Старания преподобного Стефана на ниве монастырского строительства, по молитвам самого игумена и предстательством преподобных Антония и Феодосия Печерских, были весьма многопольными и послужили укреплению духовной жизни обители. «Бог же на потребу его неоскудно подаваше: и тако умножашеся место то благодатию Божиею». При виде благочестивых забот о святой обители Божией враг рода человеческого сумел хитроумными своими кознями посеять смуту среди отдельных насельников монастыря и привел не только к низложению преподобного Стефана с

игуменского поста, но и к его изгнанию из Печерского монастыря.

Смиренно неся скорбь незаслуженно причиненных ему обид, святой подвижник Божий, в подражание святому первомученику Стефану и во исполнение наказа преподобного Феодосия о любви к братии, продолжал усердно молиться о гонителях своих: «Господи, не постави им греха сего». После изгнания из обители святой Стефан приступил к строительству неподалеку от нее, на реке Клове, нового монастыря на средства, щедро ему предоставленные многими боярами и вельможами, являвшимися его духовными сыновьями по наказу преподобного Феодосия. По желанию святого Стефана новый монастырь был освящен в честь Влахернской иконы Божией Матери, в память Ее чудесного явления константинопольским живописцам, посланным Ею к преподобным Антонию и Феодосию Печерским для украшения храма. Вскоре в новом монастыре собрались многочисленные братия, жившие строго по уставу, учрежденному преподобным Феодосием для Печерской обители.

В 1091 году, после кончины епископа Владимиро-Волынского, преподобный Стефан был хиротонисан митрополитом Киевским Иоанном во епископа и поставлен на кафедру города Владимира-на-Волыни, основанного святым равноапостольным князем Владимиром. Будучи уже епископом и прибыв на молитву в созданный им монастырь на Клове, святитель Стефан удостоился чудесного видения Божественного света, исходявшего от мощей преподобного Феодосия, которые покоились в пещере Печерской обители. Поспешив к месту этого явления, святитель узнал о решении игумена и братии Киево-Печерского монастыря перенести святые мощи преподобного Феодосия из пещеры в соборный храм обители. Таким образом, святитель Стефан смог принять участие вместе с сонмом других епископов в торжественном перенесении мощей своего учителя и духовного отца, прп. Феодосия. В епископском сане он прослужил три года, неизменно подавая пример кротости и милосердия. Ради добродетелей на пользу словесному стаду своему епископ

Стефан обрел неувядаемый венец славы. Кончина святителя последовала 27 апреля/10 мая в 1094 году.

Апрель 28

Кирилл, епископ Туровский, святитель

Святой Кирилл родился и был воспитан в городе Турове. В 30-х годах XII века, когда родился святой Кирилл, город Туров входил в состав Киевского княжества. Родители святого Кирилла были люди богатые, но он не любил богатства и тленной славы мира сего. С малых лет он с усердием читал книги Божественные и достиг совершенного их познания. Учился святой Кирилл не у одних русских учителей, но, судя по его сочинениям, и у греков, может быть, у тех, что были при Киевском митрополите, или же у тех, которые находились при греческой княжне, бывшей замужем за русским князем и жившей в Турове.

По достижении зрелого возраста Кирилл удалился в монастырь и постригся там в иночество. Сей монастырь был построен в Турове во имя святых Бориса и Глеба и служил местопребыванием Туровских епископов. В монастыре святой Кирилл более всех трудился Бога ради, удручая тело свое постом и молитвою, и сотворил себя вместилищем Святаго Духа. Многим он принес пользу, уча и побуждая иноков к покорению, чтобы они были в послушании у игумена, почитали его и слушались его повелений, как Божиих. Ибо инок, который не находится в послушании у игумена, не исполняет своего обета и потому не может спастись.

До настоящего времени сохранились три сочинения святого Кирилла об иноческой жизни, одно из них может быть отнесено ко времени пребывания святого Кирилла и Борисоглебовском монастыре, а именно «Сказание о черноризском чине от Ветхого Закона и Нового».

Затем блаженный Кирилл, желая больших подвигов, удалился в столп, то есть в однообразную, может быть, сторожевую башню, затворился там и пробыл в этом столпе долгое время, еще более утруждая себя постом и молитвами. Здесь изложил он много писаний духовных.

Слава о святом Кирилле распространилась по всей стране той, и, по умолению князя Георгия Ярославича и жителей

города Турова, он был поставлен во епископы Туровского княжества, которое с 1157 года стало независимым от Киева, наследственным княжеством в роде князя Георгия.

До святого Кирилла известны всего четыре епископа города Турова: Симеон, Игнатий, Иоаким, Георгий. Преемник епископа Георгия, святой Кирилл является, таким образом, пятым епископом в Турове.

Во епископстве святой Кирилл совершил еще большие подвиги во славу Церкви Божией, особенно в годину постигшего ее смятения. В 1169 году некий Феодор, который за свои преступления впоследствии укоризненно прозван Феодорцем, возмечтал занять епископскую Владимиро-Суздальскую кафедру, приложив все старания к тому, чтобы она стала особой митрополией, независимой от Киевской митрополии, которой были подчинены все епископские кафедры на Руси. В Константинополе Феодор достиг только того, что патриарх Лука Хризовберг посвятил его во епископы, в учреждении же новой митрополии Феодору было занято. Заняв кафедру, Феодор самовольно не признал власти Киевского митрополита. Сей нечестивый Феодор не захотел послушаться великого князя владимирского Андрея Георгиевича Боголюбского, приказывавшего ему идти ставиться к митрополиту в Киев. Князь был к Феодору расположен, хотел ему добра, а он не только не пожелал доставления от русского митрополита, но и церкви все во Владимире запер, и не было в них ни звона, ни служения. За это Феодор был изгнан. Много людей пострадало от него, одни лишились имущества, другие обращены были в рабство, и не только простые люди, но и иноки, игумены. Вымогая у людей имущество, Феодор подвергал их даже пыткам. Неустанно следя за благоденствием всей Русской Церкви, святой Кирилл обличил ересь Феодора на основании Божественных писаний и проклял его. Великий князь Андрей изгнал Феодора и послал его в Киев, к митрополиту Константину, который лишил непокорного епископского сана, после чего Феодор был казнен.

В поучении святого Кирилла «о расслабленном» сохранилось не прямое осуждение лжеепископа Феодора,

именно в словах: «горе согрешающему по принятии священного сана! Горе не боящимся Бога в монастыре, иерействе и самом епископстве».

Князю Андрею Борисоглебскому святой Кирилл написал много посланий, в которых, вероятно, поучал князя и наставлял по поводу нестроений церковных в области Ростовской. Послания эти в настоящее время неизвестны.

Кроме сего, святой Кирилл написал слова на праздники Господские и иные душеполезные слова, из которых и образовались книги, написанные святым Кириллом от евангельских и пророческих сказаний. Составил святой Кирилл и молитвы и похвалы многим святым, и все свои многочисленные писания предал Церкви, на поучение и утешение верующим русским людям. Святой Кирилл составил, вероятно, свои слова на весь годичный круг Господских праздников, но не все они сохранились. Из числа таких поучений святому Кириллу Туровскому, без сомнения, принадлежат помещавшиеся в особых древних сборниках, наряду с поучениями отцов и учителей Церкви, пять поучений на воскресные дни Триоди: «Слово в новую Неделю по Пасхе (на антипасху), о поновлении Воскресения и о артосе и о Фомине испытании ребр Господних», «Слово о снятии тела Христова со креста и о мироносицах, от сказания евангельского, и похвала Иосифу и Никодиму, в Неделю 3-ю по Пасхе», «Слово о расслабленном, от Бытия и от сказания евангельского, в Неделю 4-ю по Пасхе», «Слово о самаряныне, в Неделю 5-ю по Пасхе», «Слово о слепце и зависти жидовской, от сказания евангельского, в Неделю 6-ю по Пасхе»; четыре поучения на праздники подвижные: «Слово в Неделю цветоносную, от сказания евангельского», «Слово на святую Пасху, в светоносный день Воскресения Христова, от пророческих сказаний», «Слово на Вознесение Господне, в четверг 6-ой Недели по Пасхе, от пророческих сказаний, и о возведении Адама из ада», «Слово на Собор святых отец 318, собравшихся на Ария, указание от святых книг, яко Христос Сын Божий есть, и похвала отцем святым Никейского Собора, в Неделю прежде Пятидесятницы». Недавно открыто слово святого Кирилла на

Крещение Господне – «Слово на просвещение Господа нашего Иисуса Христа».

Каждое из перечисленных «Слов» святого Кирилла начинается приступом, в котором большей частью выражена какая-либо общая благочестивая мысль. В самом «Слове» далее обыкновенно изъясняется предмет праздника, раскрываются обстоятельства воспоминаемого события или излагается притча. При объяснении подробностей события или притчи, святой Кирилл почти везде показывает их переносный, таинственный смысл; краткие евангельские сказания Кирилл большей частью распространяет; в уста священников влагает прекрасные речи. «Слова» святого Кирилла оканчиваются назиданием слушателям, или молитвой к Богу, или похвалой угодникам Божиим и молитвой к ним. Содержание этих возвышенных слов святого Кирилла обнаруживает совершенное его знание Священного Писания и сочинений многих отцов и учителей Церкви: Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Кирилла Александрийского, Евлогия Александрийского, Прокла, архиепископа Константинопольского, и других, а также Симеона Метафраста, составителя житий святых и канонов.

Святой Кирилл писал поучения и об иноческой жизни. Одно из них написано для некоего, не названного инока, может быть, еще до епископства святого Кирилла, во время пребывания его в Борисоглебском монастыре. Сие произведение называется «Сказанием о черноризском чине от Ветхого Закона и Нового, онаго образ носяща, а сего дела совершающа» и представляет раскрытие прообразов иночества, содержащихся в Ветхом и Новом Завете. В сем сказании святой Кирилл говорит, что «не от себя» поучает он здесь, а «от святых книг», что он только «класособиратель», давая этим понять, что взгляды его на истинно-христианскую, в частности, на иноческую жизнь основаны на чтении и изучении Слова Божия, святоотеческих творений и сочинений святых восточных подвижников, известных на Руси с первых времен появления в ней иночества. Принимая обеты – поучает святой Кирилл – будущий инок должен тщательно испытать себя: «Желая последовать Христу, ведущему тебя на небо, держи в уме своем – для чего

удаляешься ты из мира, мысленного Египта? Желая ли обещанного тебе Царствия Небесного, избегая ли от греховной работы диаволу, или по нелюбви к житейским заботам, от которых нет пользы, а только погибель души, или же будучи смущаем женою и детьми?» Удаление от мира в монастырь святой Кирилл сравнивает с истреблением Израильян из Египта, а избавление последних от рабства фараону сопоставляет с избавлением через иночество от рабства мысленному фараону – диаволу – в мысленном Египте, то есть в мире. По поучению святого Кирилла, поступивший в монастырь должен помнить, что он всецело приносит себя в жертву Богу, подобно жертвенным агнцам, и, как для тех требовалось, чтобы они были без всякого пятна и недостатка, так и он должен блюсти свою душу в совершенной чистоте и непорочности – от чистого сердца, по вольному обету, принося себя в жертву, угодную Богу; путь инок тернистый, крестный путь Христов, им инок должен радостно идти, следуя Христу. Для сего прежде всего требуется совершенное отречение от собственной воли.

«Ты, как свеча, – внушает святой Кирилл иноку, – волен в себе до церковных дверей, а потом не смотри, как и что из тебя сделают. Ты, как одежда, знай себя до тех пор, пока не возьмут тебя в руки; а потом не размышляй, если разорвут тебя и на тряпки. Имей свою волю только до поступления в монастырь, по принятии иноческого образа всего себя отдай в послушание, не таи в своем сердце даже малого своеволия, дабы не умереть душою. Вступив в монастырь, постарайся найти мужа, имеющего дух Христов, украшенного добродетелями, представляющего свидетельство своим житием, более всего имеющего любовь ко Господу, послушание к игумену и незлобие к братии, разумеющего Божественные Писания и через то наставляющего идущих на небеса к Богу. Отдай такому мужу самого себя, уничтожив свою волю».

Таким учительным мужем-подвижником был и сам Кирилл, получивший, по святости своей жизни и глубокому пониманию иноческого подвига, право и власть учить и побуждать других к послушанию и прочим иноческим добродетелям, не будучи обязан к этому своим положением в обители.

Два других послания об иноческом житии написаны святым Кириллом к Василию, игумену Киево-Печерскому, которого святой Кирилл знал еще в миру, когда тот был священником в одном храме на Щековице, урочище города Киева. Сей Василий был поставлен во игумены Киево-Печерские в 1182 году, когда епископом Туровским был Лаврентий, а святой Кирилл оставил епископство и жил на покое в монастыре Туровском во имя святителя Николая. Послание Василия игумену Киево-Печерскому «О мирском сане и мнишеском чине и о уме и о душе» изложено святым Кириллом в виде толкования притчи, заимствованной из жития святых Варлаама пустынножителя и Иоасафа, царевича Индийского, которое издревле помещалось в Прологе. Другое послание святой Кирилл написал тому же игумену Василию на его вопрошание о значении иноческого образа – схимы.

Во время своего пребывания в Туровском Никольском монастыре святой Кирилл составлял и молитвы. Ему, несомненно, принадлежат молитвы на всю седмицу, в порядке ежедневных церковных служб, на каждый день от трех до шести молитв – после утрени, после часов, перед вечерней и после вечерни. Все эти молитвы следуют установившемуся образцу обычных церковных молитв: начиная обращением или воззванием к Богу Отцу, к Господу Иисусу Христу, к Пресвятой Богородице, святой Кирилл излагает прошения молящегося и оканчивает кратким славословием, при этом, в заключении каждой вечерней молитвы проводится мысль о смерти, о Страшном Суде и о будущей жизни. Каждая из этих молитв святого Кирилла приспособлена к священным лицам и событиям, воспоминаемым на ежедневных церковных службах. Во всех молитвах разумеется человек, являющийся пред лице Божие во всей наготе своей греховной. В духе умиления, сокрушения и покаяния молитвы святого Кирилла имеют сходство с творениями прп. Ефрема Сирина, а по изложению сходятся с творениями святого Андрея Критского.

Древний жизнеописатель святого Кирилла сообщает, что святой Кирилл составил и «Канон великий о покаянии ко

Господу по главам азбуки», и до сего времени дошел список «Канона молебного», сотворенного святым Кириллом.

Множество творений своих предал святой Кирилл Церкви. И не только люди русские поучались и наслаждались творениями святителя, но и в других странах славянских издревле переписывали их, читали, слушали и молились по ним.

Доброчестно пожив, сохранив порученную Богом паству в благоверии, святой Кирилл преставился в вечную и бесконечную жизнь.

Воздадим хвалу сему святителю, взывая: «Радуйся, честный учитель, воссиявший на Руси другой Златоуст! Радуйся, осиявший святым и пресветлым учением своим все концы земли Русской: подобно солнцу, освещающему мрачное и темное, ты просветил нас богоразумием. Молимся тебе, взывая малыми сими молитвами: моли о нас Вседержителя, Коему ты предстоишь со дерзновением, чтобы твоими молитвами мы избавились от напастей и получили милость Божию, прощение грехов и наслаждение непреходящими благами во оном веке».

Апрель 30

Игнатий Брянчанинов, святитель

Святитель Игнатий (в миру Димитрий Александрович Брянчанинов) родился 5 февраля 1807 года в селе Покровском Грязовецкого уезда Вологодской губернии. Отец святителя, Александр Семенович, принадлежал к старинной дворянской фамилии Брянчаниновых. Родоначальником ее был боярин Михаил Бренко, оруженосец великого князя московского Димитрия Иоанновича Донского. Летописи сообщают, что Михаил Бренко был тем самым воином, который в одежде великого князя и под княжеским знаменем героически погиб в битве с татарами на Куликовом поле. Александр Семенович Брянчанинов в своей семье сохранял добрые старинные обычаи. Он был верным сыном Православной Церкви и усердным прихожанином выстроенного им в селе Покровском храма.

Мать епископа Игнатия была образованная интеллигентная женщина. Выйдя весьма рано замуж, она всецело посвятила свою жизнь семье. София Афанасьевна любила больше всего старшего сына Димитрия, отличая в нем ум и красоту.

Димитрий рано научился читать. Его любимой книгой была «Училище благочестия». Эта книга, простым и ясным языком рассказывавшая о жизни и подвигах древних подвижников, оказала большое влияние на впечатлительную душу будущего подвижника. Юный Димитрий Брянчанинов весьма рано возлюбил уединенную сосредоточенную молитву. В ней он находил отраду и утешение.

Очень способный и не по годам серьезный отрок получил прекрасное домашнее образование.

Когда Димитрию исполнилось 15 лет, отец повез его в Петербург для продолжения образования. По дороге в столицу Димитрий впервые открыто высказал желание стать монахом, но отец не обратил на это внимания.

В Петербурге молодой Брянчанинов блестяще сдал вступительные экзамены в Военное Инженерное училище и при

значительном конкурсе первым был зачислен сразу же во 2-й класс.

Все годы учения Димитрий Брянчанинов был первым учеником, отличался редкой скромностью, искренней набожностью и пользовался всеобщей любовью соучеников и преподавателей. Но много и скорбей пришлось претерпеть будущему святителю в училище.

Светлой звездой, блеснувшей в этой чуждой ему мгле, явилась дружба с Михаилом Чихачевым, который учился в том же Инженерном училище и, подобно своему юному другу, с детства мечтал о молитве и подвигах. Их дружба затем продолжалась всю жизнь и являет прекрасный образец истинно христианской дружбы, потому что основой ее были не какие-нибудь земные интересы, а единое стремление служить Христу Спасителю и взаимная поддержка на пути этого служения. Они вместе ходили в храм Божий, вместе молились.

В годы учения Димитрий Александрович был желанным гостем во многих великосветских домах. Родственные связи ввели его в дом президента Академии художеств и члена Государственного Совета Алексея Николаевича Оленина. В его доме на литературных вечерах Брянчанинов был любимым чтецом и декламатором, а своими литературно-поэтическими дарованиями он приобрел благосклонное внимание А. С. Пушкина, И. А. Крылова, К. Н. Батюшкова и Н. И. Гнедича.

Светское общество заманчиво распростирало навстречу Брянчанинову свои объятия, но не смогло уловить его. Не мирскими развлечениями, а молитвой, посещением храма Божия и изучением наук был занят пытливый юноша. Более двух лет провел он в усердном изучении наук, и вот, когда перед миром ума его открылась обширная область эмпирических знаний человеческих, когда изучил он химию, физику, философию, географию, геодезию, языкознание, литературу и другие науки, он поставил перед собой вопрос: что, собственно, дают науки человеку? «Человек вечен и собственность его должна быть вечна. Покажите мне эту вечную собственность, – говорит он, – которую я мог бы взять с собою за пределы гроба». Но «науки молчали».

В это время искатель истины познакомился с монахами Балаамского подворья и Александро-Невской лавры. Они-то и помогли найти то, к чему стремилась его душа.

Под руководством иноков Дмитрий Александрович начал читать творения святых отцов. Вот как сам он пишет о том благодатном влиянии, которое произвели на него святоотеческие творения: «Что прежде всего поразило меня в писаниях отцов Православной Церкви? – Это их согласие, согласие чудное, величественное».

Чтение творений святых отцов, назидательные беседы с иноками лавры, через которых он познакомился с известным впоследствии Оптиным старцем Леонидом – все это возродило и окончательно укрепило в сердце Дмитрия желание детских лет его – уйти в монастырь.

Нелегко было Брянчанинову исполнить это заветное свое желание.

Окончив Инженерное училище в 1826 году в чине поручика, Дмитрий Александрович, желая уйти в монастырь, сразу, в том же году, подал прошение об отставке. Но здесь ему пришлось вступить в единоборство со многими «сильными мира сего» и «показать пример непоколебимого мужества, доблести мученической, прямого исповедничества». Родители категорически отказались благословить его на путь иноческой жизни. Начальство отказало ему в отставке. Сам император Николай I был против его увольнения.

Несмотря на убедительные просьбы, личные объяснения, твердость желания и редкую тактичность, Дмитрий Брянчанинов не получил отставки, и по назначению начальства должен был в 24 часа выехать в Динабургскую крепость.

Но когда в жизненной борьбе бывают бессильны собственные силы подвижника, ему на помощь приходит Сам Бог и Своим премудрым Промыслом устрояет все ко благу.

В Динабурге Брянчанинов скоро заболел, а осенью 1827 года было принято его прошение об освобождении от светской службы. Дмитрий Александрович сразу же воспрянул духом; он уехал в Александро-Свирский монастырь Олонецкой губернии к старцу иеромонаху Леониду и вступил в число

послушников этого монастыря. Однако вскоре иеромонах Леонид был вынужден переселиться в Площанскую пустынь Орловской губернии, а затем в Оптину пустынь. За ним последовал и Димитрий Брянчанинов. Не долго пробыл послушник Димитрий и в Оптиной пустыни. Скучная пища этой прославленной впоследствии обители отразилась на его здоровье.

В это время тяжело заболела мать Димитрия – София Афанасьевна. Готовясь к смерти и желая проститься со своим старшим сыном, она настояла, чтобы отец послал за ним в Оптину пустынь крытую повозку. Находясь и сам в очень тяжелом состоянии в Оптине, Димитрий Брянчанинов посещает больную мать.

Весьма недолго пробыл послушник Димитрий в родительском доме. В скором времени он удалился в Кирилло-Новоезерский монастырь. В этой обители жил на покое известный своей святой жизнью архимандрит Феофан. Строгий устав обители был по душе послушнику Димитрию, но суровый, сырой климат местности отрицательно повлиял на его здоровье. Он заболел лихорадкой и для лечения был вынужден вернуться в Вологду и остановиться у своих родственников. Несколько окрепнув, он с благословения Вологодского епископа жил в Семигородской пустыни, а затем – в более уединенном Дионисиево-Глушицком монастыре.

Годы, проведенные в перечисленных монастырях, обогатили его духовной мудростью, укрепили его преданность воле Божией.

В 1831 году Вологодский епископ Стефан, видя пламенную ревность послушника Димитрия, решил исполнить желание его сердца: 28 июня он совершил постриг Димитрия в монашество в кафедральном Воскресенском соборе и нарек его Игнатием, в честь священномученика Игнатия Богоносца. Тому, кто от юности своей носил Бога в своем сердце, приличнее всего было дать это имя.

4 июля того же года монах Игнатий был рукоположен епископом Стефаном во иеродиакона, а 25 июля – во иеромонаха.

Видя духовную зрелость иеромонаха Игнатия, епископ Стефан назначил его вскоре настоятелем и строителем Пельшемского Лопотова монастыря, который был уже предназначен к закрытию. Сравнительно недолго (около двух лет) настоятельствовал здесь отец Игнатий, но за этот короткий срок благодаря своей мудрости, твердой воле и несокрушимой энергии возродил обитель в духовном и хозяйственном отношении. За короткий срок число братии увеличилось до 30-ти человек.

Молодой настоятель относился к братии своей обители, сочетая отеческую строгость с трогательной любовью. Чувствуя эту любовь, насельники обители покорно повиновались настоятелю, несмотря на его сравнительно юный возраст.

28 января 1833 года за усердные труды по возрождению обители иеромонах Игнатий был возведен в сан игумена.

В это время о его деятельности стало известно в Петербурге. В конце 1833 года он был вызван в столицу и ему поручили в управление Троице-Сергиеву пустынь, с возведением в сан архимандрита.

Троице-Сергиева пустынь была расположена на берегу Финского залива близ Петербурга. Ко времени назначения в нее архимандрита Игнатия она пришла в сильное запустение. Храм и келлии пришли в крайнюю ветхость. Немногочисленные братия (15 человек) не отличались строгостью поведения. 27-летнему архимандриту пришлось перестраивать все заново: храмы, корпуса, заводить сельское хозяйство; он упорядочил богослужение в обители, собрал прекрасный хор.

С 1836 по 1841 гг. известный церковный композитор протоиерей Петр Иванович Турчанинов проживал рядом с Сергиевой пустыней – в Стрельне. Глубоко уважая отца Игнатия, он откликнулся на его просьбу и взял на себя труд обучения монастырского хора. Несколько лучших своих музыкальных произведений отец Петр Турчанинов написал специально для этого хора.

Великий русский композитор М. И. Глинка тоже был глубоким почитателем архимандрита Игнатия; по его просьбе он занимался изучением древней русской музыки и своими

советами способствовал повышению музыкальной культуры хора обители.

Живое участие в организации хора Сергиевой пустыни принимал и директор придворной капеллы А. Ф. Львов.

Архимандрит Игнатий совмещал почти несовместимые должности: он был для братии обители прекрасным настоятелем, администратором и в то же время благостным старцем-духовником. В 27 лет он уже имел дар принимать помыслы своих пасомых и руководить их духовной жизнью. По собственному признанию отца Игнатия, служение живым словом было его основным занятием, которому он отдавал все свои силы. Подвиг служения ближним словом назидания был для него источником радости и утешения на поприще его многоскорбной жизни. В Сергиевой пустыни он, несмотря на крайнюю занятость, написал и большинство своих произведений.

С 1838 года круг деятельности архимандрита Игнатия значительно расширился: он был назначен благочинным всех монастырей Петербургской епархии и мог теперь более широко распространять свое благотворное влияние на монашество всей епархии. Он способствовал расцвету духовной жизни древнего Валаамского монастыря, содействуя назначению туда настоятелем опытного в духовной жизни игумена Дамаскина.

В Сергиевой пустыни к отцу Игнатию непрестанно приходили посетители всех положений и рангов. С каждым нужно было побеседовать, каждому нужно было уделить время. Весьма часто приходилось выезжать в Петербург и бывать в домах знатных благотворителей его обители. Несмотря на такой, внешне казалось бы, рассеянный образ жизни, в душе архимандрит Игнатий оставался аскетом-пустынником. Он умел при любых внешних условиях жизни сохранять внутреннюю сосредоточенность, непрестанно совершать Иисусову молитву. В одном из писем отец Игнатий писал о себе: «Я, проведя начало своего иночества в уединеннейших монастырях и напитавшись понятиями строгой аскетики, сохранял это направление в Сергиевой пустыни, так что в моей гостини я

был репрезентативным архимандритом, а в кабинете скитянином».

Там, в уединенной комнате, отец Игнатий проводил бессонные ночи в молитве и слезах покаяния. Но, как истинный раб Божий, руководствуясь духом смирения, он умел скрывать от взора людей свои подвиги.

В 1847 году архимандрит Игнатий, изнуренный болезнями, подал прошение об увольнении на покой, но вместо этого получил длительный отпуск и поехал лечиться в Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии. На пути в этот монастырь он остановился в Москве и несколько дней провел в Троице-Сергиевой лавре.

В Николо-Бабаевском монастыре отец Игнатий пробыл 11 месяцев, после чего опять вернулся в Сергиеву пустынь. Опять начались многотрудные дни: руководство духовной жизнью монастырской братии, прием посетителей, выезды в Петербург, строительство новых храмов.

По воспоминаниям архимандрита Игнатия (Малышева), его духовный отец – архимандрит Игнатий (Брянчанинов) весьма различно относился к посетителям, оно зависело от того, с каким расположением души приходили они к отцу Игнатию. Его душа обладала особым свойством видеть состояние души других людей. Это особое свойство имеют почти все благодатствованные люди, люди духа, а не плоти. Архимандрит Игнатий с одного взгляда постигал душу человека. С окаменелыми он был молчалив. С лукавыми – порой юродствовал. Но с искавшими спасения он был откровенен и беседовал подолгу, вливая в душу собеседника спасительный бальзам слова Божия, святоотеческих наставлений и проверенных своей жизнью советов.

Круг знакомых у отца Игнатия был весьма обширен. Епископы, настоятели монастырей, иноки и простые миряне обращались к нему со своими просьбами, зная, что любвеобильное сердце отца Игнатия откликнется на их нужды.

Имя архимандрита Игнатия знали во всех слоях общества. Весьма со многими духовными и светскими лицами отец Игнатий переписывался. Так, Н. В. Гоголь в одном из своих

писем с большим уважением отзывается об отце Игнатии. Известный адмирал Нахимов – герой Крымской войны с благоговением принял икону святителя Митрофана Воронежского, присланную ему в Севастополь архимандритом Игнатием. Замечательно его письмо к великому русскому художнику К. П. Брюллову.

Всего в настоящее время известно более 800 писем епископа Игнатия. В письмах как-то живее раскрываются качества души архимандрита Игнатия: его необычайная благостность, духовная рассудительность, глубокое и правильное понимание современной ему жизни.

Шли годы. Телесные силы отца Игнатия все более слабели. Мысль уйти на покой, чтобы в уединенном безмолвии провести конец жизни, появлялась все чаще.

В 1856 году он предпринял путешествие в Оптину пустынь, предполагая совсем переселиться туда, но это намерение не осуществилось, ибо Господу было угодно, чтобы Его избранник послужил Святой Церкви еще и в епископском сане.

В 1857 году, по представлению Петербургского митрополита Григория, архимандрит Игнатий был посвящен во епископа Кавказского и Черноморского. Хиротония состоялась 27 октября 1857 года в Петербургском Казанском соборе. Хиротонию совершил митрополит Григорий с сонмом других иерархов.

Отец Игнатий никогда не стремился к епископскому сану. Не об архиерейском жезле, а о простом посохе пустынножителя были его непрестанные мечты. В речи при наречении он сказал: «Во дни юности своей я стремился в глубокие пустыни, но я вовсе не мыслил о служении Церкви в каком бы то ни было сане священства. Быть епископом своего сердца и приносить в жертву Христу помышления и чувствования, освященные Духом, – вот высота, к которой привлекались мои взоры».

4 января 1858 года епископ Игнатий приехал в город Ставрополь и вступил в управление епархией.

Недавно открытая Кавказская епархия была весьма неустроена. Население отличалось беспокойным воинственным характером; поэтому первое слово святителя Игнатия,

обращенное к ставропольской пастве, было словом мира. «Мир граду сему!...»

Недолго – менее четырех лет – управлял Преосвященный Игнатий Кавказской епархией. За это время он посетил многие приходы своей обширной епархии, привел в порядок органы епархиального управления, добился повышения окладов духовенству епархии, ввел торжественное богослужение, устроил прекрасный архиерейский хор, построил архиерейский дом, перевел семинарию в новые лучшие здания и внимательно следил за ее внутренней жизнью. Кроме того, он неустанно проповедовал. В отношении к духовенству и прихожанам Владыка Игнатий был истинным миротворцем: строгий к себе, он был снисходителен к немощам ближних.

Но тяжкая болезнь не покидала епископа Игнатия и на Кавказе, и летом 1861 года он подал прошение уволить его на покой в известный ему уже Николо-Бабаевский монастырь. Через несколько месяцев просьба была удовлетворена, и 13 октября этого же года он вместе с несколькими преданными учениками переехал в названную обитель.

Спустя некоторое время он писал своему другу Михаилу Чихачеву: «Никогда в жизни моей я не был так доволен моим положением, как доволен им теперь. Кажется, мой Ангел Хранитель по повелению Божию продиктовал Святейшему Синоду указ о мне – так этот указ удовлетворяет требованиям моего душевного настроения и телесного здоровья».

Трудное дело – управление епархией – епископ Игнатий совершил достойно. И теперь он шел на покой, чтобы подготовить в уединении душу для перехода в вечность и для посильных занятий на благо ближних.

Епископ Игнатий приехал в Николо-Бабаевский монастырь 13 октября 1861 года. И вот потекли годы уединенной жизни в малоизвестной обители.

Ко времени приезда Владыки Игнатия Николо-Бабаевский монастырь пришел в крайне плачевное положение. Не было даже продовольствия, и обитель имела большие долги. Многие здания, в частности, соборный храм, пришли в ветхость.

Природный ум и практичность владыки позволили ему в короткий срок улучшить материальное положение обители и произвести капитальный ремонт зданий и построить новый храм в честь Иверской иконы Божией Матери.

В свободное время святитель занимался пересмотром своих прежних сочинений и написанием новых. В Николо-Бабаевском монастыре святитель Игнатий написал «Приношение современному монашеству» и «Отечник». Множество назидательных писем его относится к этому периоду.

Свои сочинения сам автор разделил на три группы: первые 3 тома – «Аскетические опыты», включающие статьи, в основном написанные в Сергиевой пустыни; 4-й том – «Аскетическая проповедь», куда вошли проповеди, произнесенные на Кавказе; 5-й том – «Приношение современному монашеству», то есть советы и наставления монашествующим о внешнем поведении и внутреннем делании, 6-й том – «Отечник» – был издан уже после смерти епископа Игнатия. Эта книга содержит высказывания более 80 подвижников по вопросам христианской аскетики и примеры из их жизни.

Сочинения епископа Игнатия – это не плод размышлений богослова-теоретика, а живой опыт деятельного подвижника, создавшего свою духовную жизнь на основе Священного Писания и нравственного предания Православной Церкви.

О творениях святителя Игнатия нужно сказать прежде всего то, что все они имеют печать благодатной помазанности. Он писал свои произведения тогда, когда Божественный глагол касался его чуткого уха, когда в его сердце появлялось слово, посланное Господом.

«Бывали в жизни моей минуты, – писал он С. Д. Нечаеву, – или во время тяжких скорбей, или после продолжительного безмолвия, минуты, в которые появлялось в сердце моем «слово». Это слово было не мое. Оно утешало меня, наставляло, исполняло нетленной жизни и радости, потом отходило. Случилось записывать мысли, которые так ярко светили в сии блаженные минуты. Читаю после, читаю не свое, читаю слова, из какой-то высшей среды нисходившие и

остающиеся наставлением». По этой причине святитель Игнатий не смотрел на свои произведения как на свои собственные, но признавал их «собственностью всех современных подвижников Православной Церкви».

Сочинения святителя Игнатия излагают учение святых отцов о христианской жизни, «примененное к требованиям современности». В этом – важная особенность и достоинство его творений.

Богословское наследие святителя Игнатия было принято читателями с большой любовью и благодарностью.

Еще при жизни епископа Игнатия его творения разошлись по многим обителям Русской земли и получили высокую оценку.

Саровская пустынь приняла «Аскетические опыты» с особенной любовью. В Киево-Печерской лавре, Оптиной пустыни, в обителях Санкт-Петербургской, Московской, Казанской и других епархий творения святителя были признаны душеспасительными книгами, отражающими аскетическое предание православного подвижничества, применительно к духовным требованиям иночества того времени. Даже на далеком Афоне творения епископа Игнатия получили известность и вызвали благоговейное почитание их автора. Лучшие иерархи прошлого века сразу же увидели в сочинениях преосвященного Игнатия всестороннее руководство к духовной жизни. Митрополит Петербургский Исидор 7 апреля 1867 года писал епископу Игнатию: «Получив сегодня 3–4 тома сочинения Вашего преосвященства, спешу принести Вам искреннюю признательность за полезные труды Ваши, свидетельствующие о глубоком изучении Вами душеспасительного учения богомудрых подвижников благочестия и истинных руководителей в иноческой жизни».

В первый год пребывания в Николо-Бабаевском монастыре здоровье епископа Игнатия несколько улучшилось. Но вскоре болезнь опять усилилась, и он до самой смерти безвыездно пребывал здесь.

Наступил 1866 год, печатались 3-й и 4-й тома его творений. Сам же епископ Игнатий настолько ослабел, что все приезжавшие к нему поражались, видя его. Но духом владыка

был бодр, он ждал смерти, ибо всю жизнь посвятил на служение Христу и жизнь для него была Христос, а смерть – приобретение (Флп. 1, 21).

В последние дни своей жизни он был проникнут необычайной милостью ко всем, которая, казалось, была растворена какою-то жалостью. Но вместе с тем и несказанная радость сияла на лице больного.

16 апреля 1867 года, в первый день Пасхи, владыка с большим трудом отслужил последнюю литургию. Больше уже он не выходил из келлии, силы его заметно слабели.

Кончина епископа Игнатия последовала в воскресенье 30 апреля, в Неделю жен-мироносиц.

На шестой день после смерти было совершено отпевание тела епископа Игнатия преосвященным Иоанафаном, епископом Кинешемским, по пасхальному чину.

На погребении святителя Игнатия присутствовало 5 тысяч человек.

Все удивлялись мягкости рук и вообще покойному положению тела почившего, которое нисколько не издавало обыкновенного запаха тления. Отпевание усопшего скорее походило на какое-то торжество, чем на погребение. Невольно вспоминались слова усопшего: «Можно узнать, что почивший под милостью Божией, если при погребении тела его печаль окружающих растворена какою-то непостижимой отрадою».

Гроб с телом святителя был обнесен вокруг собора и при пении «Христос Воскресе» опущен в землю в малой больничной церкви в честь преподобного Сергия Радонежского и свт. Иоанна Златоуста, у левого клироса.

Весьма примечательно, что епископ Игнатий, почти двадцать пять лет отдавший на служение северной обители преподобного Сергия, вечное упокоение нашел тоже в храме преподобного Сергия, только на юге.

В автобиографических записках М. В. Чихачева отмечены посмертные явления святителя Игнатия своим пасомым.

Так, на двенадцатый день по кончине святителя одна из духовных дочерей его, находившаяся в большой скорби из-за его внезапной кончины, видела его в неопишемом свете в

храме. Ночью того же дня она слышала дивное пение тысячи голосов. Мерно гудели издали густые басы, как гудит в пасхальную ночь звон всех московских колоколов, и плавно сливался этот гул с мягкими бархатными тенорами, с рассыпавшимися серебром альтами, и весь хор казался единым гласом – столько было в нем гармонии. И все яснее и яснее выделялись слова: «православия поборниче, покаяния и молитвы делателю и учителю изрядный, архиереев богодухновенное украшение, монашествующих славо и похвало; писании твоими вся ны уцеломудрил еси. Цевнице духовная, новый Златоусте: моли Слова Христа Бога, егоже носил еси в сердце твоём, даровати нам прежде конца покаяние!»

Пение этого тропаря повторялось в течение трех ночей.

Служение епископа Игнатия словом назидания не прекратилось с его кончиной. Учение святителя о духовной жизни христианина, изложенное им в его творениях, служит спасению христиан всех последующих поколений. Многочисленные издания творений Владыки Игнатия быстро расходились по обителям и частным лицам, по лицу всей Русской земли.

В год смерти епископа Игнатия архиепископ Ярославский Леонид писал: «Я уповаю, что православные русские люди мало-помалу усвоят себе покойного святителя; в его жизни и писаниях они постараются найти и найдут что может быть общедушеспасительного».

Интерес к личности и бессмертным творениям епископа Игнатия не угасает и в наши дни. На Православном Востоке епископ Игнатий считается выдающимся подвижником и православным духовным писателем.

«Все, чему учит епископ Игнатий по вопросам, относящимся к христианской жизни, находится в полном соответствии с Вселенским преданием Православия, основано на этом предании, высказанном в творениях святых отцов».

И в настоящее время преосвященный Игнатий является лучшим духовным руководителем, лучшим примером того, как в жизненном водовороте человек может сохранить верность

Христу, возгревая постоянно в сердце своем огонь любви и преданности Богу.

Епископ Игнатий канонизован за святость жизни, которая раскрывается в его творениях, написанных в духе подлинного Православного святоотеческого предания. Они продолжают и ныне действенно оказывать свое благотворное влияние на всех, ищущих пути христианского спасения.

Никита, епископ Новгородский – прославление

Святитель Никита, епископ Новгородский, родился в Киеве. Он был одним из первых постриженников Киево-Печерской обители, в которой подвизался при преподобном игумене Никоне (1078–1088). В молодости Никита претерпел искушение от беса, внушившего ему желание прославиться среди людей. Несмотря на запрещение игумена, он самовольно затворился в келлии. В затворе Никита, по повелению демона, явившегося ему в образе светлого Ангела, перестал молиться и каяться в грехах; из всего Священного Писания он стал читать лишь книги Ветхого Завета, истолковывая их по-своему, поучать народ и пророчествовать. Многие стали приходить к нему для беседы. По молитвам святых отцов Киево-Печерской обители Никита понял, что обольщен бесом, и глубоко раскаялся в непослушании игумену, после чего полностью покорил себя воле старцев, стал вести строгую, воздержанную жизнь. Много лет он оплакивал свой грех и нес подвиг смиренного послушания. Самосовершенствуясь в добродетелях, он достиг высокой духовной мудрости, стал одним из наиболее строгих подвижников Киево-Печерского монастыря.

В 1096 году преподобный Никита был возведен митрополитом Киевским Ефремом на святительский престол Великого Новгорода. Немало потрудился он для утверждения христианства, распространения и поддержания благочестия в обширной Новгородской епархии. В течение двенадцатилетнего архиерейского служения он был для своей паствы ярким примером добродетельной жизни. Святитель Никита тайно подавал милостыни, был молитвенником и помощником страждущих. Еще при жизни святитель прославился чудотворениями: в 1097 году он своей молитвой угасил сильный пожар в Новгороде; в другой раз во время губительной засухи низвел дождь на землю. При святителе Никите велось весьма значительное строительство храмов в Новгородской земле. Антониев монастырь – один из первых в Новгороде – был основан по благословению епископа Никиты преподобным

Антонием Римлянином († 1147; память 3/16 августа). На средства святителя Никиты расписан главный храм Новгорода – собор в честь Софии, Премудрости Божией.

При всех многочисленных трудах и заботах по благоустройству Новгородской епархии святитель Никита никогда не оставлял сугубого подвига монахов-отшельников: под святительскими одеждами он носил железные вериги. Святитель Никита скончался 31 января 1108 года и был погребен в новгородском Софийском соборе в приделе во имя святых праведных Иоакима и Анны. У гробницы святого происходили исцеления больных. В 1547 году на церковном Соборе в Москве состоялось общероссийское прославление святого (местно его чтили сразу же после кончины). 30 апреля 1558 года, при митрополите Московском Макарии († 31 декабря 1563 г.) и архиепископе Новгородском Пимене были обретены нетленные мощи святителя. При открытии святых мощей до 10 больных, преимущественно больные глазами и слепые, получили исцеление. В день открытия мощей святителя святой Никита явил свою чудесную силу и помощь не только в Новгороде, но и вдали от него: среди русских войск, осаждавших ливонский город Ругодив (Нарву), многие ливонцы видели на коне мужа в святительских одеждах. Русские войска овладели Ругодивом без приступа и стенобитных орудий благодаря молитвам святителя Никиты. Обретенные нетленные мощи были переложены в новую деревянную гробницу, в 1629 году обложенную басменным серебром. Во времена Новгородского митрополита Гавриила (Петрова, † 1801) святые мощи были переложены в бронзовую гробницу, а в 1846 – в серебряную. В 1956 году епископом Старорусским Сергием (Голубцовым, † 1982), по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (1970 г.), чудотворные мощи святителя Никиты были перенесены из Софийского собора в Никольский собор, а в 1962 году – в храм во имя святого апостола Филиппа, где и ныне покоятся в гробнице, расположенной в северном приделе во имя святителя Николая Чудотворца. Память святителя Никиты Новгородского

празднуется 31 января/13 февраля, в день его блаженной кончины.

Май 1

Тамара Великая, благоверная царица Грузии

Святая благоверная царица Грузии Тамара Великая родилась около 1165 года. Происходила из древней грузинской династии Багратидов и с 1178 года являлась соправительницей своего отца, Георгия III. Время царствования святой Тамары известно как золотой век грузинской истории. В этот период заметно оживились дружественные отношения Грузии с братской единой Русью. Царица Тамара отличалась высоким благочестием и, продолжая начинания своего деда, святого благоверного царя Давида III Возобновителя, способствовала широкому распространению веры Христовой по всей Грузии, строительству храмов и монастырей. В 1204 году правитель Римского султана Рукн-эд-Дин обратился к царице Тамаре с требованием отказа Грузии от христианства и принятия ислама. Царица Тамара отвергла это требование, и в исторической битве близ Басиани грузинское войско разбило коалицию мусульманских государств. Мудрое правление благоверной царицы Тамары снискало ей всенародную любовь. Последние годы жизни она провела в пещерном монастыре Вардзиа. Благоверная царица имела келлию, сообщавшуюся посредством оконца с храмом, из которой она могла возносить молитвы к Богу во время богослужения. Скончалась мирно в 1213 году и была причислена к лику святых. Память ее празднуется дважды; 1/14 мая – в день преставления и вторично в неделю жен-мироносиц (переходящее празднование).

Герасим Болдинский, преподобный

Преподобный Герасим Болдинский, в миру Григорий, родился в 1490 г. в Переяславле Залесском. В раннем детстве он часто посещал храм Божий. Узнав о святой жизни прп. Даниила Переяславского, 13-летний Григорий со слезами просил старца принять его к себе в Горицкий монастырь. Преподобный принял мальчика послушником и в скором времени постриг с именем Герасим. Новоначальный инок ревностно совершал подвиги поста и молитвы, усердно помогал старцу в построении храмов и келлий и служил бедной братии своим ремеслом – он был сапожником. Вскоре о нем, как о строгом подвижнике, стало известно в Москве. Вместе со своим учителем он был вызван в столицу, где встречался с царем.

Земная слава тяготила подвижника и, после 26-летнего пребывания под руководством преподобного Даниила, святой Герасим, получив благословение старца на отшельничество, поселился недалеко от города Дорогобужа в Смоленской земле, в диком лесу, населенном змеями и зверями. Святой много раз подвергался нападениям разбойников, но кротко и терпеливо сносил все обиды и молился за обидчиков. Для пропитания своего он повесил кузовок на дереве у дороги: проходившие клали туда куски хлеба, но и эти куски иногда отбирали другие бедняки, за что преподобный только благодарил Бога. Впоследствии явился у него сторож его кусочков – ворон; если недобрый человек подходил к кузовку, ворон поднимал крик и, летая, бил крыльями по лицу нежеланного посетителя, а хищным зверям даже выклевывал глаза и обращал их в бегство.

По особому ведению он перешел на Болдину гору, где у источника стоял огромный дуб. Местные жители избили его палками и хотели утопить, но, убоявшись ответственности перед начальством, наклеветали на него наместнику Дорогобужа и подкупили сего наместника прогнать старца. Наместник хотел уже посадить Герасима в тюрьму, как бродягу. Преподобный Герасим терпеливо переносил издевательства,

молчал и молился. И в это время к наместнику прибыл царский посланник из Москвы. Увидев святого Герасима, он поклонился и попросил у него благословения, так как ранее видел святого вместе с преподобным Даниилом у царя. Наместник испугался, тотчас же просил прощения у старца, обещал ограждать его от нападений и даже пожертвовал ему на устройство обители. С этих пор св. Герасим стал принимать к себе желающих иноческого подвига, и собрались к нему братия.

Тогда, испросив в Москве позволения на устройство обители, он, как сам говорил в завещании братии, «в пустыне сей, зовемой Болдино, в нейже разбойницы живяху, в Дорогобужском уезде, в лето от Рождества Христова 1528 года, Божиим изволением и помощью создах обитель сию, общежительный монастырь». А в 1530 году воздвиг храм во имя Святой Троицы и построил келлии для собравшейся братии.

Кроме Болдина монастыря прп. Герасим основал еще в городе Вязьме в 1553 г. монастырь во имя Иоанна Предтечи и поставил в ней игуменом одного из учеников своих Симеона.

Затем в брянском лесу на реке Жиздре основал третью обитель в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Игуменом обители был поставлен ученик прп. Герасима Петр Коростелев. За девять лет до кончины преподобный устроил еще один монастырь, четвертый, близ Дорогобужа, во имя Рождества Богородицы. В Болдиной обители под конец жизни преподобного было до 140 братий.

Перед кончиной прп. Герасим призвал к себе игуменов и иноков основанных им монастырей, рассказал им о своей жизни и дал последние наставления. Этот устный рассказ святого был включен в его житие, составленное по прошению соборных старцев святителем Антонием. Преставился прп. Герасим 1 мая 1554 года на 65-м году жизни. Мощи его почивают под спудом в соборной церкви Троицкого Болдина монастыря, в 15 верстах от Дорогобужа.

Макарий, Митрополит Киевский, священномученик

Священномученик Макарий, митрополит Киевский, до избрания на кафедру Киевской митрополии был архимандритом Свято-Троицкого монастыря в г. Вильне. В 1495 г. он в сане архимандрита, но уже нареченный митрополитом Киевским, присутствовал при венчании великого князя литовского Александра с дочерью великого князя московского Иоанна Васильевича, Еленой. Вопреки желанию Иоанна III таинство брака было совершено не архимандритом Макарием, а сначала Виленским епископом Войцехом Табором, а затем духовником княгини Елены придворным священником Фомой.

В 1495 г. после смерти Киевского митрополита Ионы Глезны совершилось рукоположение архимандрита Макария в сан митрополита собором русских архиереев: Вассиана, епископа Владимирского, Луки Полоцкого, Вассиана Туровского и Ионы Луцкого. Для получения благословения на управление митрополией к константинопольскому патриарху Нифонту были посланы старец Дионисий и инок Герман. В 1496 году патриарх прислал великому князю, княгине и митрополиту Макарию благословенные листы.

Киев в то время был полуразрушен и жить в нем было небезопасно вследствие постоянных набегов крымских и ногайских татар. Поэтому митрополит Макарий, подобно своим предшественникам, жил в Вильне, где отстаивал Православие, активно действуя против католиков. Много скорбей, трудов и забот принял на себя митрополит Макарий.

В 1497 году он решил посетить Киевскую кафедру, особенно пострадавшую от нашествия татар. Послушный пастырскому долгу, митрополит Макарий смело двинулся в путь, несмотря на грозившую опасность нападения со стороны татар. И вот, как повествует летописец, 1 мая 1497 года, на шестой неделе после великого дня Пасхи, в понедельник, безбожные перекопские татары убили преосвященного митрополита Киевского и всея Руси Макария. Произошло это в селе Стригалове, на реке Вжище, недалеко от Мозыря. Спутников его – одних убили, а

других увели в плен. Много зла причинили татары и окрестным жителям.

Господь, заповедавший не бояться убивающих тело, прославил Своего верного служителя нетлением его тела. Оно было привезено в Киев и положено в соборном храме Святой Софии, где прославилось чудесами в 1625 и 1634 гг. Неоднократно возжигались чудным образом свечи перед иконостасом в соборе, где почивал святитель, а от гробницы его исходил свет и огонь.

Память его совершалась прежде в день тезоименитства (18/31 января), но с 1827 года перенесена на день его кончины. В этот день мощи его обносились вокруг Софийского собора при пении тропаря святому.

Ныне святые мощи священномученика Макария покоятся в Киеве во Владимирском кафедральном соборе.

Пафнутий Боровский, преподобный

Преподобный Пафнутий был внуком татарина-баскака. Когда пришел на нашу землю татарский царь Батый со своим многочисленным войском, то, опустошив ее мечом и огнем, пленивши города, разрушивши церкви Божии с их святынями и посекиши, как деревья или колосья, русских князей и начальников, он поставил в ней татарских властителей, называвшихся баскаками. Таким баскаком и был дед преподобного Пафнутия. Во время одного восстания русских против татар дед Пафнутия принужден был креститься и был назван Мартином. У нового Христова последователя, отличавшегося благочестием, родился сын Иоанн, который по достижении совершеннолетия женился на девице Фотинии. Иоанн и Фотиния жили в своем наследственном селе Кудинове, в верстах четырех от Боровска, уездного города Калужской губернии. От этой четы, благочестивой и нищелюбивой, и родился около 1395 года преподобный Пафнутий, названный во святом крещении Парфением. Развиваясь и возрастая телесно, Парфений вместе с тем совершенствовался и духовно. Преуспевая в изучении грамоты и особенно в чтении Божественных книг, отрок поучался и добрым нравам: кротости, незлобию, целомудрию. С ревностью подражая людям добродетельным, он стремился избегать общения с пустыми людьми.

Когда Парфению исполнилось двадцать лет от роду, он оставил дом отца, родителей, сродников и друзей; отрекся от всего мирского и поступил в Высокий Покровский монастырь близ города Боровска.

От настоятеля этого монастыря Маркелла Парфений принял пострижение с именем Пафнутия и был отдан под руководство престарелого священноинока Никиты, бывшего ученика преподобного Сергия. Семь лет преподобный Пафнутий был в послушании у благочестивого старца и научился от него иноческим добродетелям. Он приобрел общую любовь и почтение братии. Когда игумен Маркелл скончался,

преподобный Пафнутий был избран настоятелем Высокой обители, после долгих и настоятельных просьб братии и боровского князя Симеона Владимировича. Посвящение он принял от рук всероссийского митрополита, святого Фотия. Новый игумен присоединил к подвигам инока заботы доброго и искусного пастыря словесных овец Христовых и бдительного стража их. В своей жизни он являл образ своему стаду. «Уклоняясь всегда шуиих, десным же прилежа», он непрестанно работал Господу – и днем, и ночью. День употреблял на исполнение монастырских забот, ночь проводил в молитве.

Своего верного раба Господь украсил рассудительностью, прозорливостью, дивными откровениями и иными дарами Святого Духа. Всеведущий Бог дал преподобному Пафнутию способность узнавать по человеческому лицу и взору скрытые душевные страсти и немощи, а иное открывал святому во сне. Преподобный заботился о братии своей, как искусный врач лечил их душевные немощи, как добрый пастырь исторгал из волчьей пасти овцу и принимал на свои плечи, как сильный муж носил немощи немощных.

Тринадцать лет игуменствовал преподобный Пафнутий в Высоком монастыре. Потом он сильно и надолго заболел и во время болезни принял схиму.

По выздоровлении он оставил игуменство и уединился вместе с одним братом на высокое, очень красивое место, поросшее густым лесом на берегах двух рек, в трех верстах от Боровска. Место это принадлежало не к Боровской, а к Суходольской области. Поселение преподобного Пафнутия на новом месте произошло около 1440 года. Сюда начали приходить к нему братия, ставить себе с его благословения келлии и жить под его спасительным руководством. Монастырь рос, братия множились. Иноки молили своего наставника о дозволении им построить церковь. И они поставили деревянную церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Храм освящен был повелением Московского митрополита Ионы.

Преподобный был незлобив при оскорблениях и удивительно терпелив в нуждах, всегда непоколебимо веруя в Божию помощь. Раз приближался праздник Пасхи, а в обители

совсем не было рыбы. Братия и монастырские служители были этим очень опечалены и даже роптали на святого. «Не скорбите об этом, братия, и не гневите Бога, – говорил им преподобный, – Всемиловитый Владыка, создавший нас и просветивший весь мир Своим восстанием (от мертвых), утешит нас, Своих рабов, в скорби нашей и подаст в изобилии блага боящимся Его». Такая надежда на Всеблагого и Премудрого Промыслителя не замедлила принести свой прекрасный плод. Вечером в Великую Субботу, незадолго до Светлой ночи, пономарь пошел на малый источник почерпнуть воды для литургии и увидел бесчисленное множество рыб, называвшихся на тамошнем наречии «сижки», по своей величине немного больше сельдей. В то время был разлив воды: и их собралось так много, как никогда прежде. Пономарь поспешил сказать о том святому. Преподобный прославил Бога и велел рыболовам закинуть сети. И поймали такое множество этих рыб, что их достало целой обители на всю Светлую неделю как на обеды, так и на ужины.

Далеко разносилась слава о великих подвигах преподобного Пафнутия и все более и более привлекала в его святую обитель любителей иноческого благочестия. Между ними было немало людей высокой добродетели. Таковы, например, преподобный Иосиф, постриженный руками святого в иночество и бывший впоследствии основателем Волоколамской обители, старец Иннокентий, Исаия, по прозванию Черный, родственник преподобного, Вассиан, писатель его жития, бывший потом Ростовским архиепископом, и другие.

Преподобный являлся живым образцом подвижника для братии. Он был строгий постник, ничего не ел по понедельникам и пяткам, по средам разрешал себе только сухоядение и весьма умеренно вкушал в остальные дни за общей трапезой. Его пищей было – говорит ученик преподобного – угождение братии. Себе он выбирал все худшее и в пище, и во всем, касающемся удобств. Одежды: мантия, ряса, сшитая из овчины, и обувь – не годились ни одному нищему. Вся жизнь преподобного Пафнутия была непрерывным трудом в поте лица, подвигом, страданием и молитвой. Никто прежде его не являлся ни на общее молитвенное правило, ни на работы. Он выполнял с

усердием самые тяжелые послушания: рубил и носил дрова, копал землю и поливал растения в саду. Зимой занимался чтением, плетением рыболовных сетей. Постоянный боритель праздности, подвижник был от чрева матери верным, безупречным другом девства. Во имя целомудрия он не позволял никому прикасаться к своему телу, а женщин не только не пускал в обитель, но не хотел их видеть и издалека, женщинам и знатым он не разрешал даже приближаться к воротам обители своей, а братии строго запрещал всякие разговоры о них.

Преподобный отличался учительностью. Охотно беседовал он и с иноками, и с мирянами. Речь его была всегда проста и приятна. Подвижник чужд был человекоугодия, никогда он не льстил собеседнику, не стыдился лица князя или боярина, не смягчался приносами богатых, но всегда говорил правду, по Божьему закону, по Его святым заповедям. Также говорил он и с простецами, называя их братией, и никто после беседы его не ушел когда-либо скорбным. Для многих открывались здесь тайны сердечные, прежде недоступные.

Преподобный усердно поучал своих слушателей творить милостыню, эту царицу добродетелей. Одна милостыня, говорил преподобный, может спасти человека, если живет он законно. Он указывал на примеры нищелюбивых людей, удостоившихся награды за гробом: на московского великого князя Иоанна Данииловича Калиту, раздававшего нищим подаяние всем без отказа, на одного магометанина, которого Господь за многую милостыню избавил от адских мук, приведя его к Православию.

Один милостивый человек скончался, а другому было откровение о его загробной судьбе. Приведен был умерший к реке огненной, а на другой стороне реки рай – чудное место, светлое и злачное, прекрасный сад. Но не может никак перейти душа человека через страшную реку. И вот множество нищих, получивших его милостыню; они ложатся мостом через реку, и милостивый человек переходит по мосту в рай. К этому рассказу преподобный прибавляет, что души праведных переносятся в рай Ангелами, но Господь открыл судьбу

праведной души в таком виде для нашего вразумления. Когда братия обители умножились, святой, при содействии их, построил каменный храм. Во все время его строения он и сам трудился как простой работник, нося на своих плечах камень, воду и все необходимое для постройки. Поставив церковь, преподобный украсил ее иконописью и пригласил для этого лучших живописцев, которые расписали ее «чудно вельми». Преподобный украсил храм иконами, книгами и всякой утварью церковной, так что дивились даже князья, привыкшие к церковному благолепию.

Сам преподобный начало вечного блаженства и богообщения полагал еще на земле. Из живого чувства любви к Богу, Подателю всяческих благ, в душе его было постоянное стремление к Богу, и сердце его очищалось внутренним подвигом покаяния в призывании Иисуса Христа. Сия тайна, по апостольскому слову: *Христос в вас* (Рим. 8, 10), открывала ему новое бытие – вечное, бессмертное, ангельское -воскресение души прежде всеобщего воскресения, по выражению прп. Симеона Нового Богослова. Сердце его горело несказанной любовью к Преподобной Деве Богородице, Матери Родоначальника нового человечества, Спасителя Господа Иисуса Христа. Небесная Игумения земного иночества положила путь к тайнам Царствия Божия, и душа преподобного пребывала в умном делании – во внимании и непрестанном призывании Иисуса Христа – в этом сокровенном таинстве, Божественном делании умной молитвы. И, как ученик преподобного Сергия, он перенял и осознал, что умное делание есть сокровенный путь к ангельскому житию на земле и есть херувимское богоношение душой Бога Слова. В умном делании – сущность монашества, а в монашестве – сущность христианства.

Умное делание молитвы Иисусовой есть делание внутреннее, сокровенное и есть очищение сердца в трезвении, во внимании ума к помыслам. Преподобный Пафнутий опытно сознавал, что помыслы суть слова бесов и предтечи страстей, и, подобно тьме и потоку, покрывают наше сердце. Князь тьмы наводит тьму неведения и страстей. Необходимы труды,

воздержание, бодрствование, смирение, терпение, псалмопение и непрестанная молитва. А память о смерти и адских муках порождала в душе преподобного смирение и плач. Молитва его – «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» – была постоянным плачем и соединялась с его дыханием, и он непрестанно – и при трудах, и в храме – везде и всегда в сердце своем призывал Иисуса Христа. Страх Божий и умиление порождали в его душе слезы, и этот слезный поток очищал его мысленную и бестелесную душу – разумное и прекрасное Божие создание.

Составляя и сам одушевленную церковь, преподобный Пафнутий украшался от Бога чудесной благодатью, проявлявшейся в исцелениях, прозорливости, откровениях и иных дарах Святого Духа.

Обитель преподобного Пафнутия окружена была густым лесом, в котором обитало много птиц. В изобилии водились здесь чернопереые вороны, вившие гнезда близ монастыря. Смотря на них, преподобный восхищался и дал заповедь не ловить и не губить их. Между тем однажды сын городского воеводы проезжал мимо обители святого Пафнутия и, увидав стаю воронов, натянул лук и убил одного из них. Обрадовался юноша, но скоро почувствовал, что голова его, повернутая в сторону, осталась неподвижной в таком неестественном положении. Скорбь и ужас сменили в его сердце веселье и самодовольство. Вместе с тем в душе юноши явилось сознание действительной причины случившегося с ним бедствия, а вслед за этим и раскаяние. Охваченный им сын воеводы быстро отправился к преподобному и, припав к его ногам, просил прощения и святых его молитв перед Господом о своем исцелении. Подвижник приказал ударить в било и пошел в церковь. Удивленные несвоевременным звуком била иноки быстро собрались в церковь и спрашивали святого о причине необычайного звона. Преподобный с улыбкой сказал: «Отомстил Бог за кровь ворона». Совершивши затем молебное пение и осенив святым крестом страждущего юношу, подвижник обратился к нему со словами: «Силою Честного и Животворящего Креста обратись наперед». И тотчас голова его

приняла естественное положение. Другой юноша напустил на ворона ястреба. Но ястреб, убив ворона, сам пал мертвым. Таким образом, охотник лишился своей забавы.

Однажды ночью пришли к обители преподобного воры и, захватив трех монастырских волов, пасшихся в окольном лесу, хотели вести их к себе домой. И вдруг они заблудились и ходили, подобно слепым, вокруг обители. С наступлением утра воры хотели убежать без волов. Но невидимая сила Божия связала их, и они не могли отойти от похищенного скота, пока разыскивающие его монастырские работники не нашли их и не привели затем к преподобному. Он же, дав им наставление не присваивать чужого, повелел накормить воров и отпустил их с миром.

Один ропотливый брат, хуливший все, что совершалось в обители, и самого святого, имел такое видение во сне: будто бы он стоит посреди церкви с поющими, внезапно приходит в нее святой отец и, взглянув на него, гневно говорит: «Этот – хульник: возьмите его из церкви». И тотчас два черных эфиопа схватили его, повлекли вон и при этом сильно били. Проснувшись, брат почувствовал сильный страх и со слезами на глазах поспешил к преподобному просить у него прощения.

Преподобный Пафнутий имел дар прозорливости: он узнавал по лицу инок, какой страстью тот обуревается, исполнял он или нет положенное на день молитвенное правило; узнавал даже тайные и давние грехи людей, которых в первый раз видел.

Боярыня, супруга Алексея Габурина, питала особое уважение и веру к святому и часто посылала к нему своих детей с дарами, прося его молитв и благословения. По дьявольскому действию она впала в болезнь и часто видела многих устрашающих ее демонов. Потом являлся ей какой-то сгорбленный малорослый старец с большой седой бородой, в плохой одежде. Старец властно отгонял демонов, и после того она становилась здоровой. Однажды больная услышала при этом голос, говоривший ей: «Пафнутий, который в Боровске, отгоняет от тебя демонов». Так случалось с боярыней много раз. Прошло несколько времени, она совершенно выздоровела

и пожелала увидеть святого, чтобы узнать, действительно ли он являлся ей и отгонял бесов. Боярыня пришла со слугами к обители. Но так как монастырь для женщин был невходен, то, остановившись у его ворот, она послала слуг своих к ученикам блаженного с просьбой о том, как бы ей увидеть преподобного. Иноки, показав святого старца слугам, повелели им указать его госпоже своей во время его выхода с братией в трапезу, так как приближалось обеденное время. Но боярыня, прежде всякого указания, увидев преподобного, тотчас узнала в нем являвшегося ей старца и со слезами возопила: «Воистину это тот, который своим явлением отгонял от меня демонов и даровал мне исцеление». Затем, воздав благодарение Богу, Пречистой Его Матери и преподобному Пафнутию, послала милостыню.

У одного из учеников преподобного болел глаз. Больной, сильно страдая, усиленно искал лекаря. Святой же дал ему свои четки и приказал тысячу раз произнести молитву Иисусову. Но понуждаемый сильными страданиями, больной едва исполнил половину приказанного числа. Произнеся пятьсот раз молитву и заметив исцеление своего глаза, инок от радости с поспешностью пошел к преподобному, чтобы сообщить ему о своем выздоровлении. Но прозорливый старец опять повелел ученику возвратиться к себе для окончания заповеданного числа молитв.

Благочестивые миряне поведали преподобному и сидевшим в его келлии братьям об оставлении архимандритства тогдашним архимандритом подмосковного Симонова монастыря. При этой вести начался разговор о том, кто будет Симоновским архимандритом: один назвал такого-то, другой – иного. Святой же, взглянув на своего очень юного новопостриженного ученика по имени Вассиана, родного брата преподобного Иосифа (своего будущего жизнеописателя), и указав на него, с улыбкой сказал: «Этот – Симоновский архимандрит». В этих словах святого обнаружилось его прозрение в более отдаленное будущее. Спустя много лет Вассиан, действительно был архимандритом Симоновского монастыря.

Раз преподобный попросил у одного князя половить рыбу три дня на одном месте Оки с тем, чтобы все пойманное пошло в пользу монастыря. Отправляя одного из служителей на эту ловитву, подвижник повелел дать ему пять гривен денег для покупки сосудов, чтобы в них посолить рыбу, пойманную в назначенный срок. Служитель не брал столько денег, не надеясь и одного малого сосуда наполнить рыбой. Преподобный прозорливыми очами посмотрел на него и велел делать, что ему приказано. Тогда посланный пошел и в три дня поймал 730 больших рыб. Столько не поймали рыболовы князя и во все лето. Предвидя чудесную ловитву, святой и повелел купить так много сосудов.

Один юноша, став иноком, подвергся искусительному действию диавола. Исконный враг людей являлся ему в разных образах: то в образе неизвестного зверя или черного пса, а иногда в то время, когда инок сидел в келлии, подобно медведю, он ходил кругом келлии и ударял по ее стенам. Старец повелел юному иноку прочесть при нем Псалтирь. Как только юноша исполнил приказание святого, бесовские мечтания совершенно исчезли и он освободился от страшных призраков.

Святая жизнь преподобного Пафнутия, его благорассудительность и опытность во всяком деле, Божиим и человеческом, сделали то, что не только иноки, но и многие миряне выбирали его духовным отцом себе. К нему, как к искусному врачу, шли знатные и простолюдины, богатые и бедные, добродетельные и грешные, и все получали полезные советы и должные епитимии. В прием приходящих у святого не было никакого лицеприятия. Не боясь сильных и не щадя гордых, подвижник был очень ласков со смиренными.

Преподобный Иосиф Волоколамский пишет о своем учителе преподобном Пафнутии, что когда нужно, он был милостив и снисходителен, но подчас бывал суров и гневен, если это требовалось. Духовные дети преподобного почитали его и боялись. Георгий Васильевич, князь Дмитровский, рассказывал, что, когда он шел на исповедь к преподобному, у него подгибались колена. Зато духовные дети, выбрав преподобного

отцом своим, не разрывали с ним общения и за гробом. Один раз, задремав на пороге церкви перед заутреней, преподобный видел во сне, будто открылись врата обители и вошло множество народа со свечами, направлявшегося к церкви, а в середине был князь Георгий Васильевич. Придя к церкви, князь поклонился ей, потом духовному отцу. Преподобный спросил его: «Сын и князь, ты уже преставился?» – Да, честный отче! – «Каково же тебе там ныне?» – спрашивает преподобный. – «Твоими святыми молитвами Бог дал мне добро. Особенно же потому, что когда я шел под Алексин на безбожных агарян, покаялся у тебя во всех грехах». В это время начали звонить к заутрене и преподобный пробудился.

Преподобный был очень милостив и нищелюбив. Проповедуя милосердие словом, подвижник осуществлял эту добродетель на деле. В Боровской стране случился сильный голод, и преподобный усердно питал в обители своей голодающих, приходивших из окрестных сел. Так собиралось ежедневно до тысячи человек, даже более, и милосердный подвижник истощил все запасы монастыря. На следующий год Господь послал умножение плодов земных.

Преподобный Пафнутий жил до глубокой старости – до 83 лет, из которых 63 года он провел в иноческих подвигах. Отрекшемуся от всех утех земных, живущему лишь для Бога и для вечности преподобному оставалось только освободиться от всего временного и перейти к тому вечному, уготованному Богом для любящих Его, чего «око не виде и ухо не слыша и на сердце человеку не взыдоша».

Господь открыл святому старцу за целую седмицу день его блаженной кончины, и подвижник готовился встретить ее мирно и непостыдно. Все эти дни при святом находился ученик его Иннокентий, который оставил описание последних дней жизни своего святого учителя.

Это происходило весной 1477 года, вскоре после праздника Святой Пасхи, бывшего в тот год 6 апреля.

В четверг третьей недели по Пасхе (24 апреля), после утрени святой вышел с Иннокентием к пруду, который сам выкопал. Заметили они, что сквозь запруду протекает вода.

Преподобный учил Иннокентия, как преградить путь воде; потом вернулся в обитель ввиду наступившего времени святой литургии. При уходе старца ученик просил его прийти на работу после обеденного часа. В ответ на это святой сказал: «Невозможно мне прийти, потому что я имею иное, более нужное и неотложное дело». После литургии святой старец трапезовал с братией, потом послал за Иннокентием и приказал ему идти к пруду. Иннокентий пошел в келлию святого и, увидевши своего наставника сидящим на одре, напомнил ему о работе. «У меня есть другая нужда, которой ты не знаешь; «сущий союз разрешится хочет"», – ответил святой. Иннокентий был так смущен словами старца, что, выйдя с тремя братьями на работу, ничего не мог сделать. Вернувшись в монастырь, ученик нашел подвижника опять сидящим на одре. Старец приказал передать князю Михаилу Андреевичу, чтобы он не приходил в обитель, потому что пришло иное дело. В этот день святой не ходил в церковь ни на вечернее, ни на послевечернее правила, но велел Иннокентию совершить их в своей келлии. Братия подошли к келлии преподобного, чтобы узнать, почему он не явился на богослужение. Но подвижник никому не позволил войти к себе и просил всех собраться на следующее утро. Отпуская от себя ученика, подвижник сказал ему: «В такой же четверг я освобожусь от своей немощи». Всю ночь святой провел в молитве.

Утром в пятницу 25 апреля братия монастыря приходили к преподобному прощаться и получить от него благословение. Иноков в монастыре было тогда 95 человек, и все до одного собрались к болящему подвижнику, даже немощные и слепые. Простившись с братией, преподобный пошел к литургии, поддерживаемый своими учениками.

У святого старца был многолетний обычай – поститься перед приобщением Святых Тайн и проводить в молчании целую седмицу. Молитвой готовился преподобный к приобщению великой святыни и лишь только начало светать, повелел преподобному Иосифу прочесть правила ко причащению. Приобщившись Животворящих Христовых Тайн в

храме за Божественной литургией в воскресенье 27 апреля, святой старец приведен был в келлию.

«Братия, сами собой сохраняйте чин церковный и строй монастыря. Не переменяйте сроков церковной молитвы. Священников почитайте как и я, и не лишайте их платы, чтобы не оскудела Божественная служба, ибо от нее зависит успех во всем. Не затворяйте трапезы своей от странника, заботьтесь о милостыне, просящего не отпустите ни с чем. Трудитесь в рукоделиях; но удаляйтесь от мирских бесед; заботливо храните посты и праздники и имейте милосердие и смирение, и Господь воздаст сторицею в сем веке, а в будущем дарует жизнь вечную.

Мне, братия, кто приказывал монастырь сей основать? Сама Пречистая Царица изволила. Она возлюбила это место прославления имени Своего, воздвигла храм Свой, собрала братию и меня, нищего, много времени питала и покоила вместе с братией. И теперь, когда я, смертный человек, смотрю в гроб и не могу помочь себе, Сама Царица Небесная может устроить полезное Своей обители, как Она начала это. Вы знаете сами: не княжеской властью, не богатством сильных, не золотом и не серебром воздвигалась эта обитель, но изволением Божиим и волею Пречистой Его Матери. На Нее возлагаю всю надежду. Своею милостью Она покроет меня на мытарствах от насилия мрачных и лукавых духов, а в день праведного суда избавит вечной муки и причтет к избранным. Если же я получу благодать, то не промолчу молиться о вас ко Господу. И сами вы будьте поэтому усердны: живите чисто, не только так, как жили при мне, но и еще лучше; содевайте спасение со страхом и трепетом, чтобы ради ваших добрых дел я почивал мирно, чтобы вселились добре пришедшие сюда после меня. Да обретете вы покой по кончине своей. Пусть каждый пребывает в том звании, в котором призван. Не возвышайтесь паче меры, это не полезно вам, но и душевредно. Не возносите над немощными братьями ни мыслью, ни делом, но долготерпите о них, как о членах своих. Ей, чада, спешите делать добро».

Наступил четверг 1 мая, день кончины преподобного Пафнутия. Подвижник повелел отслужить литургию ранее обыкновенного. Сам он думал идти к ней, собирался спеша и говорил про себя: «Вот пришел день. Этот день – четверг, о котором говорил я вам раньше». Ученик спросил: «Где велишь ископать себе могилу?» Он велел ее ископать у южной стороны церкви, близ церковных дверей. «А гроба дубового не покупайте мне. – сказал святой. – На эти шесть денег купите калачей и раздайте их нищим».

Преподобный Пафнутий скончался в четверток 1 мая 1477 года за час до захода солнца, то есть около 7 часов вечера. Братия вышли из церкви и, узнав о кончине преподобного, горько оплакали его. Было уже поздно погребать подвижника и, чтобы исполнить его завещание о погребении без мирян, братия на другой же день, в пятницу, 2 мая, в 5 часов утра, похоронили своего наставника. Скорбь братии была так велика, что все рыдали и проливали слезы: никто не мог ни петь, ни канонарить. Погребение совершал верный ученик преподобного Иннокентий. От слез он едва мог проговорить чин погребения.

Как только погребение совершилось, о смерти подвижника узнали в Боровске и весь город пришел в движение. Не только монахи и священники, но и наместники города и народ пошли в обитель преподобного. И хотя в городе скоро узнали, что тело святого уже в земле, народ непрерывно весь день приходил в монастырь и со многой любовью все кланялись гробу почившего.

По описанию современников, преподобный Пафнутий был низок ростом, согбенный, с седой клинкой бородой. В «Иконописном подлиннике» сказано: «Преподобный отец наш Пафнутий, игумен монастыря Пречистая Богородицы, иже в Боровске, подобием сед и стар, брада поменьше Богословли, разохата, ризы преподобнические, и в святую схиму облечен».

За подвижническую и богоугдную жизнь преподобный Пафнутий удостоился от Бога дара прозорливости, узнавал мысли и внутреннее душевное состояние человека. Так, например, в одном известном иноке он прозрел убийцу князя Дмитрия Шемяки (это был боярин Иоанн Котов, который в

Великом Новгороде отравил Дмитрия Шемяку, но затем, после раскаяния, принял монашество). Нередко в видениях ему открывались тайные поступки братии.

Обитель прп. Пафнутия и после его кончины была одним из духовных центров русского монашества наравне с другими знаменитыми монастырями того времени. Из нее вышли святители Русской Церкви – Нифонт, епископ Суздальский (известный защитник Православия в борьбе с ересью жидовствующих); Вассиан (Топорков), епископ Коломенский; Макарий, митрополит Московский († 1563); а также прпп. Давид Серпуховский, основатель Давидовой Вознесенской обители († 1520, память 18/31 октября), Даниил Переяславский, чудотворец, основатель Переяславского Данилова монастыря († 1540, память 7/20 апреля); прп. Левкий Волоколамский и другие.

Юноша Иоанн Савин, постриженный преподобным с именем Иосиф и ставший основателем Волоколамской обители († 1515; память 9/22 сентября и 18/31 октября); впоследствии преподобный Иосиф Волоцкий, твердо хранивший чистоту православной веры, возглавил борьбу против ереси жидовствующих, осужденной на Соборе 1504 года. На этот подвиг молодого инока благословил прп. Пафнутий.

Среди других учеников прп. Пафнутия впоследствии прославились богоугодной жизнью старцы Иннокентий, Исаия, Вассиан (впоследствии архиепископ Ростовский) и прозорливый старец Евфимий.

Житие преподобного Пафнутия составлено в XVI веке постриженником преподобного Пафнутия Вассианом Савиным, братом преподобного Иосифа Волоцкого.

Митрополит московский Даниил с собором епископов благословил петь канон и читать на богослужении житие преподобного Пафнутия, то есть установил местное празднование ему. А на Московском Соборе 1547 года совершено причисление преподобного Пафнутия к лику святых Русской Церкви.

Святые мощи преподобного почивают в главном монастырском храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы,

в приделе, посвященном его имени.

Май 2

Феодосий, игумен Киево-Печерский, преподобный

После преподобного и богоносного отца нашего Антония Печерского великим светильником Русской Церкви и доблестным подвижником славной Киево-Печерской лавры был преподобный и богоносный отец наш Феодосий, прославленный от Бога многочисленными подвигами и чудесами. Для всех желающих познакомиться с житием сего славного мужа подробные сведения о нем сохранил нам преподобный Нестор, летописец Печерский; как верный небесный свидетель, он предлагает нам достоверные сведения о житии преподобного Феодосия.

Родиной преподобного и богоносного отца нашего Феодосия был один из городов русской земли – Васильев. Благоверные родители с ранних лет воспитывали своего сына в благочестии, когда же он подрос, отдали его учиться грамоте. Скоро Феодосий столь основательно изучил Божественное Писание, что все удивлялись его разуму и мудрости. С отроческих лет Феодосий каждый день ревностно посещал храм Божий и, со вниманием слушая все, что здесь читалось и пелось, всегда до конца выстаивал церковные службы. Уже в эти годы он сторонился своих сверстников и не принимал никакого участия в детских играх.

Когда Феодосию исполнилось 13 лет, родители его по какой-то причине должны были переселиться в Курск – город, лежащий ближе к центру Русской земли. Здесь в скором времени, согласно велению Божественного Промысла, суждено было умереть его отцу, праведная душа которого переселилась из юдоли земной в Обители Небесные. Лишившись отца, тринадцатилетний Феодосий жил с матерью, укрепляемый с летами благодатью Божией. После смерти отца своего земного Феодосий начал еще ревностнее заботиться о снискании себе вечной жизни на небесах: он жаждал богоугодных дел и удалялся от каких бы то ни было мирских удовольствий; перестал одеваться в дорогие одежды и носил только бедное платье. Он всегда имел лишь одно желание – достичь спасения.

Однажды Феодосию случилось встретиться со странниками из Иерусалима. Заинтересовавшись их рассказами и восплаившись сильной любовью к святым местам, блаженный юноша упросил их вместе с ним посетить те святые места, где обитал и пролил Свою бесценную кровь ради нашего спасения Спаситель мира. И вот, исполняя свое намерение, Феодосий ночью тайно от матери отправляется в далекий путь. Мать же три дня вся в слезах искала его по городу до тех пор, пока не узнала, куда он пошел. Тогда мать с младшим сыном тотчас отправилась за ним и, догнавши его, в сильном гневе стала наносить ему жестокие побои, повергая на землю и попирая ногами. Затем, приведя его домой, она заперла его в комнате. Все это Феодосий сносил без ропота, даже с благодарностью. Наконец мать сжалилась над ним и, освободив его, со слезами начала упрашивать его не уходить никуда из ее дома. Тогда Феодосий возвратился к своим прежним подвигам и по-прежнему каждый день посещал церковь.

Заметив раз, что в церкви часто не совершалось Божественной литургии по недостатку просфор, Феодосий решил сам готовить хлеб, приносимый в жертву Богу. С этой целью Феодосий покупал пшеницу, молот ее своими руками и пек из нее просфоры, которые приносил в дар церкви. Если же приходилось получать немного денег от тех, кто подавал просфоры на проскомидию, то Феодосий отдавал их нищим. Такую жизнь вел он года два или немного более, не обращая внимания на препятствия, которые ставил ему в этом деле враг рода человеческого – диавол. По внушению диавола на Феодосия за это негодовали его сверстники, которые старались вооружить против него даже его мать. Мать говорила Феодосию: «Прошу тебя, дитя, оставь свою работу; ею ты возбуждаешь нарекания на свой род».

Блаженный же отрок со смирением отвечал ей: «Послушай меня, мать, прошу тебя, Сам Господь Бог наш Иисус Христос смирил Себя ради нас и тем дал пример нам, чтобы и мы смирились ради Него. Он Сам на Тайной Вечери претворил хлеб в Свое Тело; за что же можно порицать или упрекать человека,

приготавливающего хлеб, на котором должна совершаться эта великая тайна претворения хлеба в Тело Христово?»

Услышав такой ответ, мать весьма удивилась премудрости отрока и с этого времени оставила его в покое. Однако диавол не переставал возбуждать ее против смиренного и трудолюбивого отрока и внушал ей запретить сыну готовить просфоры. По прошествии года мать, увидав Феодосия пекущим просфоры и загоревшим от печного жара, опять начала убеждать его оставить печение просфор. Она действовала на сына иногда ласками, иногда угрозами, а иногда даже и побоями. Блаженный юноша не зная, что делать, встал ночью, тайно вышел из дома. Ушедши оттуда в соседний город, он поселился у пресвитера, где и продолжал свои труды. Мать снова разыскала его и, нанеся ему побои, заставила его опять вернуться в свой город.

Начальник города Курска, заметив смирение и благоговейные молитвы в церкви блаженного Феодосия, подарил ему для ношения светлую одежду. Поносив непродолжительное время новую одежду, Феодосий отдал ее нищим. Начальник города снова одел его в еще лучшую одежду, но и ту отрок отдал нищим. Таким образом Феодосий поступал много раз.

После этого блаженный отправился в кузницу и поручил там кузнецу сковать себе железный пояс в виде цепи. Этот тесный и до крови врезавшийся в тело пояс он надел прямо на тело и с тех пор никогда уже его не снимал.

Раз в праздник начальник города приказал Феодосию присутствовать на его званном обеде, желая, чтобы отрок прислуживал его гостям. Собираясь на обед, отрок по наставлению матери должен был одеться в праздничную одежду. И вот когда он стал одеваться, мать увидала на его хитоне (нижней одежде) кровь, как ни старался отрок скрыть это от нее. Желая узнать, почему тело отрока было в крови, мать стала внимательно вглядываться и, заметив на теле юноши железный пояс, убедилась, что кровь текла из ран от врезавшегося в тело железного пояса. Разгневавшись на Феодосия, мать разорвала на нем хитон и с побоями сняла с

сына пояс. А блаженный, как будто ничего не испытал обидного, оделся и с великой скромностью прислуживал на обеде начальнику города и его гостям.

Спустя некоторое время, Феодосию пришлось услышать в церкви евангельские слова: *уже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37); и еще: *мати Моя и братия Моя сии суть слышащий слово Божие и творящий е* (Лк. 8, 21). Воспламенившись к подвигам этими словами, Феодосий тайно ушел из дому в город Киев. Здесь он услышал о строгой иноческой жизни в пещере преподобного старца. Придя в пещеру к Антонию, Феодосий пал на колени перед ним и со слезами начал упрашивать принять его к себе для иноческих подвигов. Преподобный же Антоний, выслушав его, так отвечал ему: «Отрок, ты видишь, как мрачна и тесна сия пещера; ты не вынесешь здешних неудобств».

«Бог привел меня в твою святую пещеру, ясно предуказывая, что мне должно спастись через тебя. Я буду исполнять все, что ты мне ни прикажешь».

Тогда преподобный Антоний с любовью принял его к себе и, благословив, отдал на попечение образованному священнику, блаженному Никону, который скоро и постриг юношу в иночество. Пострижение Феодосий принял в 23 года от роду, вскоре же после смерти благоверного князя киевского Ярослава Владимировича.

Приняв святой иноческий чин, преподобный Феодосий всего себя отдал на служение Богу и усердно исполнял волю своего старца Антония. Он ревностно исполнял великие иноческие труды как подвижник, воспринявший иго Христова. Превозмогая дремоту, целые ночи он бодрствовал, славословя Бога; днем же, удручая плоть свою воздержанием и постом, исполнял разные тяжелые работы. Такое благонравие, смирение, бодрость и трудолюбие юноши вызывали удивление даже в преподобном Антонии и блаженном Никоне; видя праведную жизнь Феодосия, оба они прославляли за это Бога.

Между тем мать Феодосия, тщетно проискав сына в своем городе и в его окрестностях, оплакивала уже его как умершего. Только потом, спустя уже много времени, узнала она о

пострижении своего сына в Киеве у преподобного Антония в пещере. Тогда она пошла к сему старцу и просила его выйти из пещеры к ней. Когда старец, наконец, вышел к ней, она в слезах обратилась к нему с усердной просьбой показать ей сына. Узнав от старца о просьбе матери, юноша сильно смутился тем, что никак не смог скрыться от нее; однако, вняв увещаниям Антония, вышел из пещеры к матери. Увидев сына иноком с лицом, похудевшим от великих подвигов и трудов, мать пала к нему на грудь и, горько плача, говорила ему: «Возвратись ко мне в дом, сын мой, и делай по своей воле все, что считаешь полезным для спасения души твоей. Когда же я умру, то предай мое тело земле и тогда возвратись в эту пещеру. Без тебя же жить я не могу».

Блаженный юноша отвечал ей: «Останься, мать, здесь, в Киеве, и постригись в женском монастыре, и тогда ты получишь возможность иногда приходить ко мне для свидания. Этим ты стяжешь себе спасение и сподобишься лицезреть Бога в вечной жизни».

Но мать не хотела и слушать сына. Тогда блаженный, возвратясь в пещеру, начал усердно молиться Богу о спасении души своей матери. И Бог услышал молитву Своего угодника. Через несколько дней мать, пришедши к нему, сказала: «Сын мой, я поступаю по твоему совету и не возвращусь уже более домой. Постригшись по воле Божией, проведу остаток дней в женском монастыре, потому что я убедилась, как ты мне сказал, что маловременный мир сей – ничто».

Узнав об этом, блаженный возрадовался душой и рассказал о намерении матери своей преподобному Антонию. Последний прославил Бога за обращение сердца его матери на путь истины и, выйдя из пещеры, долго поучал ее душеспасительными беседами; а затем он направил ее в женский монастырь святителя Николая, где она и приняла пострижение. Прожив здесь благочестно несколько лет, мать Феодосия в мире отошла к Богу.

Окончательно отрекшись от всяких мирских забот после пострижения матери, блаженный Феодосий вместе с преподобным Антонием и блаженным Никоном еще ревностнее

стал подвизаться в трудах иноческих. В сообществе старцев Феодосий скоро проявил свою силу – побеждать злых духов, воздействуя на них постом и молитвой. В этом помогал им Сам Бог, Который сказал: *Идеже есте два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18, 20).

Когда блаженному Никону нужно было уйти из монастыря для более усиленного подвига в другое место, блаженный Феодосий по воле Божией и по желанию преподобного Антония был посвящен в иереи (это было в 1056–1057 гг.). Приняв этот сан, он старался ежедневно с великим благоговением совершать Божественную литургию. Вскоре после посвящения Феодосия преподобный Антоний, собрав в пещере 12 иноков из братии, поставил им в игумены блаженного Варлаама, а сам ушел оттуда и стал подвизаться в другой выкопанной им самим пещере. Тогда почтенный иерейским саном, благоговейный отец наш Феодосий, оставшийся в Антониевой пещере вместе с блаженным игуменом Варлаамом, сообща поставили над пещерою небольшую церковь в честь Пресвятой Богородицы, предназначив ее для общей братской молитвы.

Святой Феодосий превосходил тогда всех своими великими подвигами: постом, бодростью, ручной работой, а более всего смирением и послушанием. Он помогал братии, иногданося воду, иногда доставляя из лесу дрова, иногда же исполнял по ночам назначенную другим инокам работу; и притом он всегда бодрствовал целыми ночами, стоя на молитве. Иногда ночью летом он восходил на верх пещеры и, обнажив до пояса свое тело, предавал его жалу многочисленных оводов и комаров. В это время руками своими он пряд волну, а устами воспевал стихи из Псалтири. В следствие многочисленных ужалений и поранений насекомых все тело его обагралось кровью. Но он недвижимо сидел, не трогаясь с места до тех пор, пока не ударяли к утрени. В церковь он опять приходил первым и, став на своем месте, неотступно совершал церковные молитвы, не развлекаясь суетными мыслями. И из церкви выходил он после всех. Видя это, все дивились его смирению и терпению и относились к нему с любовью, как к отцу.

Спустя некоторое время блаженный Варлаам, начальник братьев пещерников, был назначен князем Изяславом игуменом в монастырь святого великомученика Димитрия. Тогда по желанию и просьбе всех братий преподобный Антоний, призвав к себе святого Феодосия, благословил его на игуменство над двенадцатью братьями, находившимися тогда в Печерской обители. Достохвальный же сей игумен, преподобный отец наш Феодосий, и в этом высоком сане не изменил своего смиренного образа жизни и по-прежнему строго следил за своими поступками, «сам себе подавая образ добрых дел»: раньше всех исполнял работы, приходил раньше других в церковь на богослужение и позже всех уходил оттуда. Богоугодными молитвами сего праведника стала цвести и богатеть с того времени Печерская обитель. Так исполнилось сказанное в Божественном Писании: *праведник яко финик процветет, яко кедр, иже в Ливане, умножится* (Пс. 91, 13). И действительно, подобно тому, как семя благодатью Божией в доброй почве приносит плод во сто крат, так и святой Феодосий увеличил число братьев-пещерников. Мало-помалу он собрал в свою обитель человек сто братии, жизнь которых цвела добрыми нравами; многие из братии приносили плоды, достойные покаяния (Мф. 3, 8).

По причине значительного увеличения числа братии пещера оказалась тесною, что мешало инокам в строгости проводить безмолвную жизнь, также и церковь оказалась слишком тесной для общей молитвы. Вследствие этого преподобный Феодосий избрал одно красивое место, находившееся недалеко от пещеры, достаточно обширное для возведение на нем монастырских стен, и вознамерился построить здесь обитель. С благословения преподобного Антония он испросил это место у христоролюбивого князя Изяслава и затем, при помощи Божией, вскоре соорудил на нем просторную деревянную церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы. Затем он возвел там монастырские стены и, построив достаточное число келлий, переселился с братией в новую обитель.

Раз эту обитель посетил блаженный Ефрем, от него-то и привел Бог Феодосия познакомиться подробно со Студийским

уставом монашеского жития. Получив от Ефрема полный список устава святой Студийской обители, Феодосий стал во всем ему следовать и в делах своей обители. А впоследствии этот устав приняли и все остальные русские обители, следуя примеру древнейшего Печерского монастыря.

Преподобный Феодосий усердно поучал учеников своих, возбуждая их к истинному покаянию. Сей преподобный учитель имел обычай каждую ночь обходить келлии братии, таким образом он знакомился с образом жизни братии и узнавал степень усердия в подвигах каждого брата. Он радовался и славил Бога, когда, обходя келлии, слышал молитву инока: когда же приходилось ему услышать после вечерней молитвы разговор двух или трех сошедшихся в келлию для беседы иноков, то Феодосий, давая знать о своем присутствии, ударял рукой в двери и с сокрушенным сердцем отходил прочь. На следующий день он призывал к себе провинившихся и, не обличая прямо, притчами вызывал их на раскаяние. Кроткий сердцем брат тотчас, сознав свою вину, просил прощения, а ожесточенный, думая, что игумен говорит в притчах о постороннем лице, а не о нем самом, не признавался в своем поступке до тех пор, пока преподобный, прямо не обличив его, не налагал на виновного епитимию. Так Феодосий учил братию прилежно молиться Богу, не разговаривать после вечерней молитвы и тем более не ходить из келлии в келлию для беседы. Он учил молиться каждому в своей келлии, а при исполнении ручной работы всегда читать вслух псалмы Давида. Во время его жизни иноки, казалось, были равны подвигами своими Ангелам Божиим, а монастырь Печерский уподоблялся как бы обители небесной. Действительно, в своей обители преподобный отец наш Феодосий просиял светом добрых дел как великий светильник небесный. За свою праведную жизнь Феодосий еще при жизни своей был прославлен Богом перед людьми, будучи осияваем видимым светом. Это случилось при следующих обстоятельствах.

Раз в темную ночь игумен монастыря святого Архистратига Михаила Софроний возвращался к себе мимо Феодосиевой обители. Вдруг предстал глазам его необычайный свет, сиявший

над монастырем праведника. Пораженный необыкновенным явлением, Софроний прославил Бога, говоря: «Сколь велико милосердие Твое, Господи – Ты дал людям в этом месте светильник в лице Феодосия, и он своим сиянием просвещает монастырь».

Подобные явления наблюдались много раз и другими людьми, а так как народ говорил много об этом, то слух о том дошел и до князя и его бояр. Сияния эти были отражением света праведной жизни святого старца. Так все объясняли себе это явление.

Несмотря на почтение, оказываемое ему князем и вельможами, преподобный отец наш Феодосий нисколько не возгордился этим, но поистине, как светило ярко сияет по тьме, так и он, облекшись еще в большее смирение, стал еще более трудиться, уча своих учеников не только словами, но и делом. Невзирая на свой игуменский сан, святой Феодосий часто заходил в хлебопекарню и работал там вместе с пекарями, меся тесто и выкатывая хлеба. Преподобный не сокрывал в землю данный ему от Бога талант крепости телесной, но всегда веселясь духом, своею бодростью подкреплял и других, убеждая никогда не ослабевать в усердии к своему телу.

Однажды накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы келарь Феодор пришел к преподобному и сказал, что в поварне не хватило воды, а носить ее некому. Тогда преподобный, встав, тотчас же сам принялся носить воду из колодца. Один из братии, увидав игумена за этим занятием, поспешил рассказать об этом прочим инокам, а те с большой поспешностью собрались и наносили воды с избытком.

Был и другой подобный случай. Раз не приготовили в достаточном количестве дров для варки пищи; келарь опять явился к преподобному и сказал: «Прикажите, отче, кому-нибудь незанятому из братии пойти приготовить необходимое количество дров». «Я не занят, я и пойду», – отвечал преподобный.

Этот разговор происходил в обеденный час. Блаженный, взяв топор, пошел и начал сам рубить дрова, а прочей братии велел идти обедать. Вышедши из трапезной после обеда, иноки

увидели своего игумена за работой. Устыженные его смирением, монахи сами взялись за топоры и приготовили столько дров, что хватило их на несколько дней.

И одежду игумен носил скромную и бедную: на теле жесткую власяницу, а поверх другую, очень поношенную; эту он одевал, чтобы не показывать людям нижней колючей власяницы.

Однажды преподобный отправился по какому-то делу к христолюбивому князю Изяславу, а так как последний находился в это время далеко от города, то Феодосию пришлось промедлить там до вечера. Когда он стал собираться домой, христолюбивый князь велел отвезти его домой на своей колеснице. На пути везший его отрок, видя на преподобном плохую одежду и думая, что это не игумен, а простой инок, сказал ему: «Чернец, сядь на коня, а я сяду на колесницу».

Преподобный тотчас же смиренно сошел с колесницы, уступив место на ней отроку, а сам или шел подле, или, когда уставал, садился на коня верхом. Так ехали они ночью. При рассвете начали попадаться им навстречу вельможи, ехавшие к князю. Последние, узнав преподобного, сходили с коней и низко кланялись ему. Тогда преподобный обратился к отроку и сказал: «Вот уже день, встань с колесницы и сядь на своего коня».

Отрок же, увидев, что преподобному кланяются вельможи, испугался и, сойдя с колесницы, сел на коня. Между тем встречные еще чаще стали приветствовать преподобного, когда он сел в колесницу. Сопутствовавший же ему отрок еще более приходил от того в смущение.

Когда они приехали таким образом в монастырь, навстречу преподобному вышли все братия и приветствовали его земным поклоном. Отрок пришел в еще больший ужас, недоумевая кто это, которому все покланяются. Преподобный же, взяв его за руку, повел в трапезную и там велел накормить и напоить его, затем отпустил его с подарками. Этот случай стал всем известен от самого отрока, преподобный же никому об этом не рассказывал, так как всегда учил братию ни в чем никогда не возноситься, но всегда пребывать во смирении и ставить себя ниже всех.

Вот такому-то смирению учил преподобный свою братию. Он учил при начале всякого дела испрашивать благословение у старшего, памятуя слова Писания: «сеяй о благословении, о благословении и пожнет». Справедливость этого изречения он показал на деле. У него был обычай: когда приходили к нему по своей нужде благочестивые люди, преподобный, преподав Божественное наставление, отпускал им из монастырских запасов хлеб и горячую пищу. Однажды сам князь, попробовав у него монастырского кушанья, сказал преподобному: «Ты знаешь, отче, что мой дом наполнен всеми благами мира, но я никогда не ел с такой сладостью, как здесь. Мои рабы, хотя и готовят различные дорогие кушанья, но они не так сладки, как эти. Молю тебя, отче, скажи мне, почему такая сладость в вашей пище?»

Блаженный же Феодосий отвечал на это: «Если, благий владыко, ты хочешь знать, почему это, послушай – я тебе скажу: когда наши братия собираются варить горячую пищу или печь хлебы, они соблюдают такой порядок: прежде всего приходит инок к игумену и берет у него благословение, потом, поклонившись перед святым алтарем три раза до земли, зажигает свечу от алтаря и этим огнем разжигает дрова в поварне и хлебне. А когда нужно вливать воду в котел, инок говорит старшему: «Благослови, отче». Последний же отвечает: «Бог благословит тебя, брат». Всякое дело таким образом начинается у нас с благословения, поэтому и сладость бывает в кушаньях. А твои рабы, думаю, работают бранясь, ропща и клеветая друг на друга, может быть, даже часто принимая побои от своих начальников. Поэтому и дело их, не без греха совершаемое, бывает не в сладость».

Выслушав это, князь говорит: «Поистине, отче, это так, как ты говоришь».

Замечая, что иноки не совсем оставляют заботу о завтрашнем дне и приобретении временных благ (а это противоречило монашеским обетам), преподобный Феодосий учил свою братию следовать добродетели нестяжания. Он говорил, что иноки должны обогащаться верой и надеждой на Бога, а не искать тленного имущества. Он часто обходил келлии

и, если находил у кого лишнее, не положенное по уставу, было ли то пища, одежда или еще что другое, он брал это и бросал в печь, как исходящее от диавола и противное уставу монастырскому. Преподобный так увещевал братию к добродетели нестяжания: «Не хорошо нам, инокам, отказавшись от всего мирского, собирать в келлиях суетные вещи. Как мы будем приносить Богу чистую молитву, когда храним в своей келлии сокровище тленное! Ведь вы слышали слова Господа: *идеже есть сокровище ваше, то будет и сердце ваше (Мф. 6, 21)*. И еще: *безумне, в сию ночь душу твою истяжут от Тебе: а яже уготовал еси, кому будут (Лк. 12, 20)*. Поэтому, братия, – говорил он, – будем довольны установленной одеждой и пищей, предлагаемой на трапезе, а в келлиях не подобает нам иметь ничего подобного. Итак, со всяким усердием от всего сердца будем возносить к Богу чистую молитву».

Так увещевал братию Феодосий с великим смирением и слезами.

Преподобный был милосерд, кроток, не вспыльчив и всем оказывал внимание. Так, когда случалось, что кто-нибудь из нестяжательного его стада ослабевал духом и уходил из монастыря, тогда преподобный в великой печали и скорби об ушедшем молился со слезами Богу, чтобы Он возвратил назад отлучившуюся от его стада овцу. Так он молился до тех пор, пока ушедший не возвращался.

В числе его братии был один инок, отличавшийся большим непостоянством. Он часто убегал из монастыря и всякий раз, когда он возвращался, преподобный с радостью принимал его назад, говоря, что Бог не оставит его и не допустит окончить жизнь его вне монастыря: «Хоть он и многократно уходит от нас, – говорил преподобный, – но все-таки окончит жизнь в нашем монастыре».

И со слезами молил Бога ниспослать брату терпение.

Однажды этот брат пропадал особенно долго, но все-таки возвратился и по обыкновению стал просить преподобного снова принять его. Поистине милостивый Феодосий и теперь принял его с радостью и присоединил к своему стаду возвратившуюся заблудшую овцу. С этого времени брат, не

отлучаясь, жил в монастыре, проводя остаток дней своих в покаянии, и здесь, по предсказанию преподобного, с миром скончался.

Преподобный Феодосий был очень милосерд к бедным. Он построил близ монастыря двор с церковью во имя святого первомученика Стефана и там поселил нищих, слепых, хромых и прокаженных, а все необходимое для них отпускал из монастыря. На это употреблялась десятая часть монастырского дохода. Кроме этого преподобный каждую субботу посылал воз хлеба заключенным в темницах и тюрьмах.

Преподобный отец наш Феодосий был милосерд не только к бедным, но даже и к наносящим вред его монастырю. Так, однажды в окрестностях монастыря поймали разбойников, пришедших туда для кражи, и привели их к игумену. Видя их связанными и в угнетенном состоянии духа, преподобный прослезился и велел развязать их. Накормив и напоив их, он поучал их не делать никому обиды, но быть довольным каждому плодами своих трудов. Затем, дав им достаточно денег, он отпустил покаявшихся разбойников с миром.

Преподобный Феодосий твердо надеялся, что Сам Господь сохранит от грабителей все, что нужно братии. Что упование это было не напрасно, подтвердилось следующим чудом.

С увеличением числа братии преподобному отцу нашему Феодосию понадобилось расширить монастырь, так как необходимо было строить новые келлии. Вместе с братией преподобный приступил к работам и начал возводить больших размеров ограду. И вот когда сломали старую ограду и монастырь остался без ее защиты, в темную ночь пришли к монастырю разбойники и начали так рассуждать между собой: «В церковных палатах скрыто у иноков имущество, пойдем туда».

Но когда разбойники приблизились с этой целью к церкви, они услышали пение. Предполагая, что это поют иноки, собравшиеся на вечернюю молитву, разбойники ушли оттуда в густой лес. Немного помедлив там, они опять пришли к храму. На этот раз также было слышно пение и был виден чудный свет внутри, от церкви же распространялось благоухание. Это

происходило оттого, что в церкви находились Ангелы, славословившие Бога. Разбойники же, предположив, что это братия совершает теперь полуночное пение, опять удалились. Они решили еще подождать, чтобы, когда разойдутся иноки, войти в церковь и похитить все находящееся в ней. Таким образом, они многократно подходили к церкви и всякий раз слышали то же пение Ангелов. Между тем наступило время утрени, и пономарь по обыкновению начал ударять в колокол. Услышав звон, разбойники удалились в лес, разговаривая между собой: «Что нам делать? Ведь в церкви мы видели, должно быть, приведение. Поступим так: когда монахи соберутся в церковь, мы преградим выход им и, убив всех, завладеем их богатствами». Дождавшись, когда все иноки со своим наставником блаженным Феодосием собрались в церковь на утреннюю молитву, разбойники устремились к церкви. Они уже приблизились с преступной целью к храму, как вдруг были поражены страшным видом: церковь с находящимися в ней иноками стала подыматься и остановилась в воздухе на той высоте, что разбойники не могли достать ее даже выстрелом. Они сильно испугались, увидав это, и в великом страхе и ужасе возвратились домой. Пораженные чудом, разбойники дали себе обещание с этого времени более не грабить, а начальник их с тремя товарищами, придя к преподобному Феодосию, покался и исповедал ему все свои преступления. Выслушав его, преподобный прославил Бога, сохранившего не только церковное имущество, но и жизнь братии. Отпущенные же со спасительными наставлениями игумена разбойники удалились, славя и благодаря Бога и Его угодника Феодосия.

Подобное чудо во время игуменства преподобного Феодосия имело место вторично в той же монастырской церкви. Поистине эта церковь охранялась с неба Самим Богом, как незримо стоящая на воздухе под покровом Самой Пресвятой Богородицы.

Одному из бояр христолюбивого князя Изяслава случилось раз ночью проезжать через поле, отстоящее поприщ на пятнадцать от монастыря преподобного Феодосия. Вдруг он увидел вдалеке церковь, стоящую на воздухе под облаками. От

такого видения боярин пришел в великий ужас, однако со слугами своими тотчас же ускорил бег лошади, чтобы узнать, что это была за церковь. Когда же он приблизился к монастырю преподобного Феодосия, то церковь в его глазах начала спускаться на землю и оказалась в монастырской ограде на своем месте. Тогда боярин постучал в ворота и, войдя в монастырь, рассказал о своем видении преподобному. С этого времени боярин стал часто посещать преподобного и с наслаждением слушать его богодухновенные речи. Впоследствии этот боярин уделил много своих средств на устройство монастыря и на украшение хранимой Богом церкви.

Случилось раз, что нужно было некоторым людям доставить в город к судье пойманных грабителей. Дорога шла мимо одного поселка, принадлежавшего Печерскому монастырю. Когда связанных разбойников проводили мимо этого села, то один из них, кивнув головой на село, сказал: «Однажды ночью мы приходили к этому селу, намереваясь убить людей и ограбить весь монастырь. Однако нам это не удалось, потому что, когда мы пришли, селение оказалось стоящим на высоте, что к нему совершенно нельзя было подойти».

Так Промыслитель Бог охранял имущество монастыря, внимая уповавшему на Него преподобному. Феодосий имел обыкновение обходить по ночам монастырь с молитвой и ею, как крепкой стеной, ограждал обитель со всем находящимся в ней. Во время игуменства преподобного Феодосия Бог и Пресвятая Богородица охраняли от грабителей монастырь.

Один боярин пожелал пожертвовать в монастырь преподобного Феодосия Евангелие. С этим намерением он пришел к преподобному, имея под своей одеждой приготовленное для пожертвования Святое Евангелие. Помолившись, они хотели сесть, но так как боярин все еще не показывал Евангелия, то преподобный сказал: «Брат Климент, вынь сначала обещанное Пресвятой Богородице Святое Евангелие, которое ты скрываешь под своей одеждой, и тогда сядем».

Услышав это, боярин ужаснулся прозорливости преподобного, так как он был убежден, что об Евангелии, которое он принес, никому ничего не было известно. Тотчас же вынув из-под одежды Святое Евангелие, боярин отдал его преподобному. После этого они сели, и боярин, насладившись духовной беседой с Феодосием, возвратился домой.

В своей келлии преподобный жил вместе с иноком Иларионом. Обыкновенно святой Феодосий, тихо произнося стихи Псалтыри, пряд волну или делал еще что-нибудь, а Иларион день и ночь писал книги. Вот этот-то инок и рассказал потом о следующем случае.

Раз вечером, когда они по обыкновению занимались каждый своим делом, вошел в келлию эконо, по имени Анастасий, и сказал преподобному: «Завтра у нас не на что купить съестных припасов для братии, и у нас нет денег для удовлетворения других потреб монастырских».

Преподобный же отвечал: «Сейчас, как видишь вечер, а завтрашний день еще далек. Поэтому иди и с терпением жди. Молись Богу: Он позаботится о наших нуждах и помилует нас, если на то будет Его воля».

Выслушав это, эконо ушел. Преподобный же тотчас встал и отправился во внутреннюю келлию петь по обыкновению свое правило. Возвратившись после молитвы, он сел и продолжал свое дело. В келлию опять вошел эконо и стал говорить о том же. Тогда преподобный сказал ему: «Не сказал ли я тебе – молись Богу? Завтра иди в город и возьми необходимое для братии у торговцев взаймы, а потом, когда Бог поможет, отдадим долг. Иисус Христос истинно сказал: *не пе́чьтесь на утрей* (Мф. 6, 34): Бог не оставит нас Своею благодатью».

Лишь только удалился эконо, как в келлию вошел сияющий светом отрок в воинской одежде. Поклонившись, он положил на стол близ преподобного гривну золота и, ничего не сказав, вышел вон. Преподобный же встал и, взяв золото, со слезами благодарности помолился Богу.

Наутро преподобный позвал привратника и спросил, не приходил ли кто в прошедшую ночь в монастырь. Привратник же отвечал: «Нет, как только зашло солнце, я тотчас же

затворил ворота и с того времени не отворял их, потому что никто не приходил в монастырь».

Тогда преподобный призвал эконома и, отдавая ему гривну золота, сказал: «Как же ты говоришь, брат Афанасий, что нам не на что купить необходимое для братии, – вот, бери золото и иди покупать то, что нужно».

Эконом, поняв, что это послано по милости Божией, поклонился святому в ноги, прося прощения. А преподобный поучал его по этому случаю так: «Брат, никогда не впадай в отчаяние, но всегда укрепляйся верою в Бога и во всякой печали надейся на помощь Господа, ибо Он позаботится о нас, если будет на то Его воля. Итак, приготовь праздничное угощение для братии, потому что это есть Божие посещение. Когда пообедем, Бог тогда позаботится о нас, как было сегодня».

Подобным же образом пришел однажды к преподобному келарь, именем Феодор и, сказал: «У меня нет ничего съестного, что я мог бы предложить братии к обеду». Преподобный же, как и в тот раз, отвечал: «Иди, потерпи немного и молись Богу. Он позаботится о нас, а если мы не будем достойны Его милости, то подай к обеду вареную пшеницу с медом. Но мы должны надеяться, что Господь, в пустыне пославший хлебы непокорным людям (Исх. 16, 15), может и нам подать пищу».

Выслушав это, келарь удалился, а преподобный стал усердно молиться Богу. И вот по тайному внушению Божию первый боярин князя Изяслава, по имени Иоанн, прислал преподобному в монастырь три полных воза со съестными припасами: хлебом, рыбой, овощами, пшеном и медом. Получив все это, преподобный прославил Бога, а келарю сказал: «Видишь, брат Феодор, Бог не оставит нас, если только мы будем надеяться на Него всем сердцем. Итак, иди и приготовь угощение братии, так как это посещение Божие».

Так радовался духовно преподобный с братией во время трапезы и благодарил Бога за то, что *несть лишения боящимся Его* (Пс. 33, 10). Подобные чудеса Бог часто творил в Печерской обители по молитве преподобного.

Однажды пришел из города к преподобному священник с просьбой одолжить вина для совершения Божественной литургии. Тотчас же святой Феодосий призвал церковного старосту и велел ему наполнить вином сосуд, с которым пришел священник. Староста же сказал, что у них самих так мало вина, что его едва хватит на совершение трех-четырех литургий. Преподобный же отвечал ему: «Вылей все вино этому человеку, а о нас позаботится Сам Бог».

Староста, отойдя в сторону и не послушавшись приказания святого, отлил немного вина в сосуд священника, а остальное приберег себе на завтра для совершения Божественной службы. Тогда священник пошел и показал преподобному, как мало отлил ему вина староста. Преподобный вновь позвал старосту и сказал ему: «Не говорил ли я тебе, чтобы ты отдал все вино, а о завтрашнем дне не заботился. Господь не допустит, чтобы церковь Его Матери осталась завтра без службы. Он еще сегодня пошлет вина с избытком».

Тогда староста отдал священнику все вино и отпустил его. Между тем после обеда к вечеру по предсказанию преподобного привезли три воза бочонков, наполненных вином. Это прислала в дар монастырю одна домоуправительница христоролюбивого князя Всеволода. Видя совершившееся, церковный староста прославил Бога, дивясь исполнению предсказания преподобного Феодосия, который сказал, что Бог сегодня же пошлет в обитель вина с избытком.

Тот же церковный староста был свидетелем и другого подобного чуда, совершившегося по молитвам преподобного. Случилось это так. Когда под праздник Успения Пресвятой Богородицы не оказалось масла, необходимого для возжжения церковных лампад, церковный староста решил приготовить его из семян и этим маслом заменить деревянное при богослужении. Староста спросил разрешения на это у преподобного Феодосия, а так как тот ничего не возразил ему, то староста и поступил так, как задумал. Но когда он намеривался влить приготовленное масло в лампы, то увидел, что в сосуде с маслом плавает мертвая мышь. Тогда староста поспешно пошел к преподобному и сказал: «Я

тщательно покрыл сосуд с приготовленным мною маслом и не знаю, как могла попасть туда мышь».

Преподобный же, поняв, что это случилось по усмотрению Промысла Божия, сказал старосте: «Нам следовало бы надеяться на Бога, что Он подаст нам все нужное, и не хорошо было действовать без веры во всемогущество Господне: иди и вылей масло на землю. Немного подождем и помолимся Богу. Он сегодня же даст нам деревянного масла в избытке».

Староста сделал, как ему было сказано, преподобный же между тем стал молиться. К вечеру один богатый человек действительно привез в дар монастырю очень большую бочку деревянного масла. Преподобный прославил Бога, так скоро услышавшего его молитву. Полученным маслом не только наполнили все лампы, но его осталось еще больше половины. Таким образом братия отпраздновали с должной торжественностью светлый праздник Успения Пресвятой Богородицы.

Вот еще одно из подобных же чудес, посредством которых Господь по молитве преподобного Феодосия удовлетворял насущные нужды обители. Христоролюбивый князь Изяслав, питавший к преподобному Феодосию истинно христианскую любовь, часто посещал его, находя наслаждение в его приятной беседе. В одно такое посещение он незаметно пробеседовал с ним до времени вечернего пения: затем князь вместе с преподобным пошел в церковь. По устроению Божию вдруг в это время пошел сильный дождь. Заметив это, преподобный, призвав ключаря, велел ему приготовить обед для князя.

«Отче, – сказал ключарь, – у нас совсем нет меда, чтобы угостить князя и его спутников».

Тогда преподобный спросил: «Неужели у тебя нет хотя бы немного?»

«Да, отче, совсем нет, – отвечал ключарь, – я даже порожний сосуд, в котором был напиток, перевернул, поставив его дном кверху».

Преподобный же Феодосий, преисполненный благодатных даров, как на то указывает и самое имя его, сказал: «Пусть так. Однако же ступай, согласно моему приказанию и по вере в

могущество имени Господа нашего Сладчайшего Иисуса Христа ты найдешь мед в том сосуде».

Ключарь пошел с верою во всемогущество Господа и увидел, что бочонок стоит на своем месте и наполнен медом, как предсказал преподобный. Ключарь в страхе поспешил рассказать преподобному о происшедшем.

«Молчи, – сказал ему преподобный, – и не рассказывай об этом никому. Иди и подавай тот мед князю и его спутникам, пусть кушают сколько хотят. Угости этим медом и братию: это ведь благословение Божие».

Спустя некоторое время дождь перестал лить и князь отправился домой. В монастыре же осталось еще столько меда, что его хватило братии на долгое время.

В другой раз к преподобному пришел однажды старший пекарь и сказал, что в монастыре нет муки для печения хлебов. «Иди и осмотри житницы, – отвечал ему преподобный, – может быть, найдешь там немного муки и нам как-нибудь хватит до тех пор, пока Господь опять не позаботится о нас».

Пекарь же сказал преподобному: «Я говорю тебе правду, отче: я сам мел житницу, но там ничего нет, кроме оставшихся в углу трех-четырёх горстей отрубей».

Тогда преподобный сказал ему: «Верь мне, сын, что Бог может и эти оставшиеся отруби обратить в муку и ею наполнить житницу, подобно тому, как при Илии Он из одной горсти сотворил столько муки, что вдова с детьми питалась ею в голодное время до тех пор, пока урожай не доставил в избытке хлеба всем. И теперь Бог столь же могущественен, что может сотворить нам из недостатка избыток. Итак, иди и посмотри, не благословит ли Господь милостью и то место, где хранится у нас мука».

Выслушав эти слова, пекарь ушел. Войдя затем в житницу, он увидел, что пустой прежде амбар теперь по молитве преподобного Феодосия был так переполнен, что мука сыпалась на землю через края его стен. Инок ужаснулся, увидя столь славное чудо, возвратившись, он рассказал все преподобному. «Иди, брат, – сказал ему преподобный, и не говори никому о

случившемся, пеки по обыкновению свои хлебы. Эту милость послал нам Бог по молитвам святых братий наших».

Хваля и благодаря Бога за Его такие великие благодеяния, преподобный отец наш Феодосий все ночи проводил в молитвах: обливаясь слезами и падая на колени, он благодарил Бога за Его великие благодеяния. Братия обители, приходившие к преподобному ежедневно перед утреней брать благословение для начала богослужения, всегда слышали из-за двери, как игумен весь в слезах творил молитву, часто ударяя головою о землю. Преподобный же, услышав шаги их, умолкал и принимал вид спящего, так что братиям приходилось иногда раза по три стучать в дверь, произнося каждый раз слова: «Благослови, отче!» Тогда преподобный, показывая вид, что он только что проснулся, отвечал: «Бог да благословит вас». И, дав благословение, прежде всех приходил в церковь. Рассказывали, что так поступал он каждую ночь. Кроме этих подвигов преподобный во время своего игуменства подвизался и во многих других трудах. Его никогда не видели отдыхавшим на постели, а когда по немощи телесной ему необходимо было отдохнуть после дневных молитв, то он засыпал лишь на короткое время, и то сидя; затем он вскоре же просыпался и шел ко всенощной, где молился, часто преклоняя колена. Также никогда не видели его моющим свое тело для удовольствия, он омывал водой только руки и лицо. А когда иноческий устав предписывал братии сухоядение, то он сам тоже вкушал сухой хлеб и похлебку, сваренную на масле, и пил лишь одну воду. Тем более никогда не видели его печально сидящим за трапезой; он всегда имел веселое лицо, потому что его сердце укреплялось не пищей, а благодатью Божией.

Каждый год преподобный переселялся на время Великого поста в пещеру (где впоследствии было положено честное тело его) и там затворялся до наступления Недели ваий (цветоносной); в пятницу перед цветоносной неделей, во время вечерни, он возвращался к братии. Братия думали, что он безвыходно живет в известной им пещере, а на самом деле ночью тайно от всех он уходил в одно монастырское село и там в другой пещере, находившейся в скрытом месте, пребывал

один, так что никто кроме Бога не знал о его действительном местопребывании. Оттуда перед пятницей на шестой неделе Великого поста, он опять ночью уходил в первую пещеру, из которой в пятницу и выходил к братии, так что все думали, что он весь пост пребывал в известной им пещере.

Много скорбей от суетных мыслей внушали тогда преподобному в пещере злые духи, которые иногда наносили ему даже раны. Но Бог подавал ему невидимую силу для победы над ними, и духи никак не могли заставить блаженного уйти из пещеры. Преподобный один пребывал в темной пещере и не страшился множества полков князя тьмы. Но сам, как храбрый воин Христов, молитвой и постом отгонял демонов от себя так, что они не смели потом к нему приблизиться и только издали показывались ему в призрачных видах.

Раз после вечернего пения в пещере Феодосий сел, желая немного отдохнуть. Вдруг раздался страшный вопль. Казалось, в пещере собралось множество бесов, причем одни ездили на колесницах, другие били в тимпаны, третьи играли на свирели. От шума и голосов содрогалась вся пещера. Слыша все это, преподобный не испугался, не ужаснулся, но, оградив себя, как оружием, крестным знаменiem, встал и начал петь стихи из Псалтири. Землетрясение и шум тотчас прекратились. Но когда после молитвы он опять сел отдохнуть, опять послышался прежний шум голосов бесчисленных бесов. Преподобный, встав, опять начал петь, и опять шум прекратился. Так много дней и ночей беспокоили его злые духи, не давая ему заснуть хоть немного. Это продолжалось до тех пор, пока преподобный при помощи благодати Божией окончательно их не победил и не получил над ними такую власть, что они уже не осмеливались приблизиться к тому месту, где преподобный стоял на молитве. Сами бесы стали бегать от него, как это подтверждают многочисленные нижеприводимые случаи.

В помещении, где пеклись для братии хлебы, бесы немало досаждали братии своими кознями: то рассыпали муку, то проливали квас, приготовленный для хлебов, делали и многие другие неприятности братии. Однажды старший пекарь рассказал о кознях демонов преподобному Феодосию. Тогда

преподобный отправился в то помещение и, затворив за собою двери, пробыл там до утрени, все время молясь Богу. С того часа бесы навсегда оставили это место в покое и не делали уже там ничего злого.

В другой раз пришел однажды к преподобному брат из монастырского села и рассказал ему, что в хлеве, куда загоняли скот, появились бесы, которые причиняли большой вред, не давая скоту есть. Многократно священник читал молитву и окроплял помещение для скота святой водой, но ничто не помогало. Тогда преподобный, подкрепившись молитвой и постом, отправился в то село. С наступлением вечера он вошел в хлев, затворил за собой двери и пробыл там на молитве до утра. С того часа бесы уже не появлялись в этом месте и никому в том селе не могли сделать ничего злого.

Преподобный не только сам побеждал бесовскую силу, но и других учил, как избавиться от демонов. Если он узнавал, что кто-нибудь из братии страдал от бесов, то учил такого брата не уходить с того места, но ограждать себя молитвой и постом и призывать Бога для победы над демонами. Преподобный так поучал братию по поводу козней диавольских: «Сначала и со мной случалось подобное. Раз ночью, когда я пел в келлии обычные псалмы, вдруг передо мной появился черный пес, и притом так близко, что я не мог сотворить земного поклона. Долго стоял он так, и я уже хотел его ударить, как вдруг он исчез. Меня охватил тогда такой страх и трепет, что я намеревался бежать с того места, если бы Господь не помог мне. Немного придя в себя от ужаса, я начал усердно молиться и класть частые поклоны. С тех пор я совершенно перестал бояться бесовских наваждений, хотя бы бесы и являлись перед моими глазами».

Один из братии, Иларион (о котором было упомянуто выше), рассказал следующее: «Много зла мне делали в келлии бесы. Так, когда я ложился ночью спать, являлось вдруг множество бесов, которые, схватив меня за волосы и наступая на меня ногами, волокли меня по земле; другие же из бесов, подняв стену, говорили: «подтащим его сюда и задавим стеною». Подобное проделывали они со мною все ночи, я, не

будучи в состоянии терпеть это, пошел и рассказал все преподобному Феодосию, намереваясь переселиться оттуда в другую келлию. Преподобный же сказал мне: «Нет, брат, не уходи, чтобы бесы не могли похвалиться победой над тобой и сказать, что ты побежал от них. Если ты уйдешь, то бесы с той поры будут делать тебе еще больше зла, как получившие власть над тобою. Усердно молись в своей келлии, и Бог, увидев твое терпение, поможет тебе победить их так, что они не посмеют и приблизиться к тебе». Я же вновь сказал преподобному: «Молю тебя, отче, позволь перейти в другую келлию, теперь уж у меня нет никаких сил оставаться более в старой келлии, потому что там живет множество бесов». Тогда преподобный, осенив меня крестным знамением, сказал: «Иди, брат, в свою келлию. С этого времени лукавые бесы не посмеют причинить тебе никакого зла». Я с верой выслушал слова святого Феодосия и, поклонившись преподобному, вышел. С того времени дерзкие бесы уже не осмеливались приблизиться к моей келлии, будучи раз навсегда отогнаны молитвами преподобного Феодосия».

Насколько преподобный Феодосий был настойчив в борьбе с невидимыми врагами, настолько же мужественен в борьбе с видимыми врагами Христа Господа. Он имел такой обычай: часто, встав ночью, тайно от всех отправлялся он к евреям и там мужественно вступал с ними в спор о Христе. Он укорял и обличал их, называя их преступниками закона и богоубийцами. Он, как истинный подражатель Христа, страстно желал принять смерть за исповедание имени Его именно от тех людей, от которых принял смерть и Сам Господь наш Иисус Христос.

Так как во время его игуменства увеличилось число братии настолько, что ветхий Печерский монастырь оказался слишком тесным для братии, то преподобный отец наш Феодосий начал помышлять о том, как бы и куда бы с Божией помощью переселиться на более обширное место и там построить большую каменную церковь тоже во имя Пресвятой Богородицы. Бог внял молитве праведника, одобрил выбранное им для переселения место и благословил постройку большой

каменной церкви. Свою волю Господь обнаружил дивными чудесами.

Один благочестивый и богобоязненный человек шел раз темной ночью мимо ветхого Печерского монастыря и видел следующее. От монастыря исходил яркий свет, а преподобный Феодосий стоял перед церковью, воздев к небу руки и вознося к Богу молитву. Прохожий продолжал еще с удивлением смотреть на это, как вдруг видение изменилось, и он увидел другое чудо: над церковной крышей показалось очень большое пламя и, приняв вид дуги, перешло на другой холм, именно на тот, на котором преподобный Феодосий начал потом строить новую каменную церковь. И, таким образом, один край огненной дуги стоял над старой церковью, а другой над тем местом, где предполагалось построить новый храм. Видевший это чудо, впоследствии поведал о нем в монастыре преподобного Феодосия.

В другой раз ночью окрестные жители были разбужены пением множества голосов, слышавшихся близ обители. Они встали и, выйдя из домов своих, пошли на возвышенное место посмотреть, откуда именно слышатся эти голоса. Тогда они увидели следующее. Ветхий Печерский монастырь был залит ярким светом; множество иноков, выходя из старой церкви, шли на новое место: одни несли икону Пресвятой Богородицы, а прочие с песнопениями сопутствовали первым, неся в руках зажженные свечи. Во главе всех шел отец и наставник иноков преподобный Феодосий. Дойдя до нового места, они сотворили на нем пение и молитву, а затем, возвратившись назад, с пением опять вошли в старую церковь. Множество свидетелей удостоверяло потом действительность этого чуда. А так как в вышеупомянутом шествии не участвовал ни один инок, то все поняли, что люди эти видели Ангелов.

На ознаменованном Богом столь великими чудесами месте таким образом стала строиться каменная церковь во имя Пресвятой Богородицы. В постройке этой церкви принимал большое участие своими трудами и сам преподобный Феодосий: он ежедневно приходил туда, тщательно наблюдал за работами и, насколько возможно, помогал строить, работая вместе с

каменщиками. Во время работы он так плохо одевался, что его можно было принять за последнего послушника, но никак не за игумена.

Однажды, когда преподобный шел на постройку церкви, встретила его одна вдова, обиженная судьей, и спросила: «Чернец, скажи мне, где ваш игумен? Не в монастыре ли он?» «Что тебе нужно от него, – отвечал преподобный, – ведь он тоже грешный человек». Женщина же ответила на это: «Я не знаю, грешен ли он или нет; знаю только то, что он многих избавляет от печали и зла. Поэтому я и иду просить его, чтобы он защитил меня от обид несправедливого судии».

Преподобный же, разузнав ее дело, сжалился над ней и сказал: «Иди теперь домой, а когда возвратится наш игумен, я скажу ему о тебе и он избавит тебя от беды».

Выслушав его, женщина пошла домой, а преподобный отправился к судье. Вняв просьбам святого Феодосия, судья вошел в положение вдовы и, сделав снисхождение, возвратил ей все, в чем она была им обижена.

Таковыми и подобными этому достойными праведника делами преподобный Феодосий сопровождал постройку Печерской церкви во имя Пресвятой Богородицы. Он окончательно не отстроил этой церкви при жизни своей, но и после смерти своими, угодными Богу молитвами, помогал в этом преподобному Стефану, который после него принял игуменство и продолжал начатую святым Феодосием постройку храма.

Между тем богоугодная жизнь преподобного отца нашего Феодосия стала склоняться к закату. Предчувствуя свое отшествие к Богу, преподобный в день своей кончины велел собрать всю братию, позвав к себе не только находящихся в монастыре, но и всех почему-либо отсутствовавших и занятых делом и даже всю монастырскую службу. Когда все собрались, он начал убеждать каждого со всяким усердием и страхом Божиим исполнять порученные ему обязанности. Со слезами говорил он о спасении души, о богоугодной воздержанной жизни, об усердном посещении церкви, о благоговейном страхе, с которым все должны стоять на богослужении, о любви и покорности в отношении не только к старшим, но и к своим

сверстникам. Сказав об обязанностях каждого, он благословил братию и отпустил ее с миром. Затем пришел посетить преподобного благочестивый князь Святослав. Его он учил своими благодатными устами благочестию, охранению Православия и попечению о святых церквях. Затем он сказал ему: «Я буду молиться Господу и Его Всенепорочной Матери о укреплении тебя в благочестии. Дай Бог, чтобы правление твое было тихо и безмятежно. И вот, я поручаю твоему благочестию этот святой Печерский монастырь и храм Пресвятой Богородицы, по Ее воле созданный».

Перемежающиеся страшный озноб и болезненный палящий жар так расслабили тело преподобного, что он должен был лечь в постель, на которую никогда прежде не ложился. В постели он говорил: «Да будет воля Божия! Как Господь соизволит, так пусть Он и творит! Но молю Тебя, Владыко мой, Иисусе Христе, будь милостив к душе моей: пусть избегнет она лукавых демонов, пусть встретят ее Твои Ангелы и, проведя мимо воздушных мытарств, пусть представят ее к свету Твоего милосердия». Сказав это, он умолк. Три дня преподобный не мог ни говорить, ни открыть глаз, так что его можно было принять за умершего, если бы не было слабого дыхания на устах его. Опасная болезнь святого старца причиняла братии великую скорбь и печаль. Пробыв три дня в такой болезни, преподобный поднялся с одра своего и сказал собравшейся братии: «Братия мои и отцы! Вот жизнь моя кончается – это Господь открыл мне в пещере Великим постом. Подумайте между собой, кого бы вы хотели иметь у себя игуменом вместо меня».

Сильно опечаленные этими словами, братия начали плакать. Выйдя от преподобного и посоветовавшись, все иноки согласились избрать себе игуменом уставщика Стефана. На другой день преподобный снова созвал всех братий и спросил их: «Как же решили между собой, дети? Кто из вас достоин быть игуменом?» Все сказали: «Игуменства достоин Стефан». Подозвав к себе Стефана, преподобный благословил его на игуменство вместо себя и сказал ему: «Вот, чадо, передаю тебе монастырь; тщательно береги его; какой порядок в службах

завел я, такой соблюдай и ты, и во всем держись монастырского предания. Устава не изменяй, но все делай по закону и монастырскому чину».

Братию же преподобный долго поучал, завещая им слушаться нового игумена. Затем отпустил всех, преуказав им день своего преставления – субботу. «После восхода солнца, – сказал он братии, – душа моя выйдет из тела».

Затем преподобный снова позвал к себе одного Стефана и наедине много поучал его о том, как пасти святое стадо. Так как преподобный сильно ослаб от болезни, то Стефан, не отлучаясь, со смирением служил ему. В наступившую субботу на рассвете святой Феодосий послал за братией. Когда все иноки собрались, святой, прощаясь, с любовью поцеловал каждого; они же горько рыдали, предвидя скорую потерю такого доброго пастыря. Святой Феодосий, уже совсем приготовившись к смерти, сказал им: «Дети мои любезные и братия мои! Я всех вас облобызал потому, что отхожу к моему Владыке Иисусу Христу. Вот вам игумен, которого вы сами себе выбрали; почитайте его за духовного отца, слушайтесь его и по его повелению творите все богоугодное. Бог же, сотворивший все словом и премудростью, пусть Сам благословит вас и сохранит от наветов лукавого: да сохранит Он в вас до последнего издыхания вашего твердую и непоколебимую веру и любовь друг к другу. Затем, молю вас и заклинаю, – похороните меня в той одежде, в которой я нахожусь теперь, и положите тело мое в ту пещеру, где я пребывал Великим постом; ни в каком случае не оmyвайте моего убогого тела. Пусть никто из мирских людей не видит моего погребения. Вы одни, иноки, положите меня в указанном мною месте». Слушая слова святого, братия сильно плакали. Преподобный снова стал утешать их, говоря: «Обещаю вам, братия и отцы, что хотя и отхожу от вас телом, но душою своею всегда пребуду с вами».

После этих слов преподобный всех отпустил, не оставив при себе никого. Один из братии, который постоянно ему служил, просверлив скважину в двери, посмотрел, что он делал. Преподобный, поднявшись с постели, пав ниц, со слезами молил Милостивого Бога о спасении души своей. В своей

молитве он призывал на помощь всех святых и более всего Пресвятую Владычицу нашу Богородицу, Которой он поручал свое стадо и самую обитель свою. После молитвы он снова лег в постель, а затем, немного отдохнув, поднял глаза к небу и с радостью на лице громким голосом сказал: «Благословен Бог! Если это так, то уже не боюсь, но еще с большей радостью отхожу от этого мира». Надо думать, что, произнося вышеприведенные слова, он созерцал какое-то видение. Потом он, выпрямив ноги, сложив крестообразно на груди руки, предал святую душу свою Богу и присоединился к лику святых отцов. Это произошло в 1074 году 3 мая в субботу, как предсказал преподобный, после восхода солнца. Горячо оплакав кончину святого Феодосия, братия отнесли святое тело его в церковь и там совершили обычные молитвы и песнопения о преставившемся.

По Божественному устроению о кончине преподобного тотчас узнало очень много людей. Народ и многие из бояр, собравшиеся по собственному усердию у монастырских ворот, ожидали времени, когда вынесут тело преподобного из монастыря для погребения в пещере. Братия же, затворив ворота, никого не пускали в монастырь, дожидаясь времени, когда разойдется народ, чтобы предать погребению тело преподобного, как он сам завещал об этом в отсутствии мирян. И вот по воле Божией небо внезапно закрылось тучами; пошел сильный дождь. Только что народ разошелся, как опять засияло солнце. Тогда братия вынесли из церкви тело преподобного и с честью положили его в пещере.

В момент кончины праведника князь Святослав находился недалеко от Печерского монастыря: вдруг он видит над монастырем огненный столб, простиравшийся от земли до неба. Догадавшись о кончине преподобного, князь сказал присутствовавшим: «Это, как я думаю, сегодня преставился от земли к небу преподобный Феодосий. Я вчера был у него и видел, что он находился в очень тяжелой болезни». Он послал узнать о преподобном и, когда удостоверился в его смерти, много плакал.

В год смерти блаженного Феодосия по молитвам его все монастырские сокровища стали умножаться, в полях было обилие, в монастырских животных – большой приплод. Такого еще не было прежде. Видя это, братия вспомнили обещание святого отца своего и прославили Бога за то, что Он сподобил угодника Своего, блаженного Феодосия, благодатных даров Своих. Благодатные дары обнаружились после смерти святого Феодосия многими чудесами, которые творил святой по усердной молитве всех призывавших его на помощь.

В описываемое время князь Святослав сильно прогневался на одного боярина. Многие говорили, что князь хочет послать его в заточение. Боярин же тот усердно молился Богу и призывал на помощь преподобного Феодосия, говоря: «Знаю, отче, что ты свят; вот я в беде, будь милостив ко мне – своей молитвой к небесному Владыке избавь меня от беды». Когда боярин уснул, ему явился во сне преподобный и сказал: «Что так печалишься? Неужели ты думаешь, что я совсем ушел от вас? Если телом я и отлучился, но душою всегда пребываю с вами. Вот завтра князь без всякого гнева призовет тебя и опять возвратит тебе прежний чин».

Опомнившись и придя в себя, боярин увидел сзади близ двери выходившего из комнаты преподобного. Предсказанное святым Феодосием действительно сбылось, и боярин с этого времени стал питать еще большую любовь к Печерскому монастырю.

Имел место и следующий случай. Один клирик святой великой соборной Киевской Софийской церкви сильно занемог: все тело его пылало от сильного внутреннего жара. Придя в чувство, он помолился Богу и преподобному угоднику Его Феодосию, прося облегчить его страдания. Едва он уснул, как увидел во сне преподобного Феодосия, который, подавая ему жезл, сказал: «Возьми и ходи с ним». Проснувшись, больной почувствовал, что жар в теле его слабеет и болезнь прекращается. А когда после этого он выздоровел, то пошел в Печерский монастырь и рассказал братии, как он исцелился от болезни по молитвам преподобного Феодосия. Иноки же прославили Бога, давшего такую благодать праведнику.

Борис и Глеб, благоверные князья, страстотерпцы

Святой Владимир, сын Святослава, внук Игоря, просветивший святым крещением всю землю Русскую, имел 12 сыновей, и младшие были Борис и Глеб, которые родились от царевны Анны, сестры греческих императоров Василия и Константина. И посадил их отец на княжение по разным землям, каждому дав удел: Борису – Ростов, Глебу – Муром. О раннем возрасте свв. Бориса и Глеба прп. Нестор сообщает следующее: «Святой Владимир отпустил всех своих детей по волостям, которые дал им в управление, но Бориса и Глеба держал при себе, потому что они были весьма юны. Святой Глеб был совсем еще дитя, а святой Борис уже проявлял высокий разум, был полон благодати Божией, знал грамоту и любил читать книги. Читал же он жития и мучения святых и, молясь со слезами, просил у Господа, чтобы Он сподобил его участи единого из сих святых. Так он молился постоянно, а святой Глеб слушал его, безотлучно находясь при нем».

Когда уже прошло 28 лет по святом крещении, постиг Владимира злой недуг. В это время к отцу прибыл Борис из Ростова. Печенег, кочевой народ тюркского происхождения, шли ратью на Русь, и Владимир был в великой печали, потому что не имел сил выступить против безбожных. Озабоченный этим, призвал он Бориса, которому во святом крещении было наречено имя Роман. Отец дал Борису, блаженному и скоропослушливому, много воинов и послал его против безбожных печенегов. С радостью пошел Борис, сказав отцу: «Вот я перед тобой, готов сотворить что требует воля сердца твоего».

Но не нашел Борис супостатов своих. На возвратном пути к нему прибыл вестник и сказал, что отец его Владимир, нареченный во святом крещении Василием, умер месяца июля 15-го дня 1015 года. А Святополк утаил смерть отца, ночью разобрал пол палат в селе Берестовом, обернул тело усопшего в ковер, спустил его на веревках, отвез на санях (в Древней Руси был обычай усопших переносить и перевозить на санях на

отпевание в церковь) в Десятинную церковь Пресвятой Богородицы, построенную и украшенную святым князем Владимиром, и поставил там. Все это было сделано тайно.

Услышав сие, Борис сильно опечалился и не мог говорить, но в сердце так плакал по отце своем: «Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, воспитатель юности моей, наказание неразумия моего: увы мне, отец и господин мой! К кому я прибегну, на кого я посмотрю, где я насыщусь благого учения и наказания твоего разума? Увы мне, увы мне! Закатилось солнце мое, а я не был тут, не мог сам облачить честное тело твое и предать гробу своими руками. Не переносил я твоего прекрасного и мужественного тела, не сподобился поцеловать твоих седин! О, блаженный мой, помяни меня в месте твоего упокоения. Сердце у меня горит, смущается у меня разум, не знаю я к кому обратиться и поведать мою горькую печаль. Если к брату, которого я имел бы вместо отца, то тот, кажется, думает о суете мирской и о моем убиении. Если же он решится на мое убиение, то буду мучеником Господу моему. Но не противлюсь, ибо пишется: *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать (Иак. 4, 6)*». Так помышляя в уме своем, пошел Борис к брату своему и говорил в душе: «Воля Твоя да будет, Господи мой».

Идя своим путем, Борис горько плакал; хотел удержаться от слез, но не мог, и все, видя его в слезах, плакались о его благородной красоте и добром разуме. И кто мог не заплакать, предчувствуя смерть Бориса, видя его унылое лицо и его скорбь, ибо был блаженный князь правдив, щедр и тих, кроток и смирен, всех миловал и всем помогал. Но святого Бориса укрепляла мысль о том, что, если его брат, по научению злых людей, и убьет его, то он будет мучеником и Господь примет дух его. Он забыл смертную скорбь, утешая свое сердце словами Божиими: *уже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю (Мк. 8, 35)* и в жизни вечной сохранит ее. И шел Борис с радостным сердцем, говоря: «Не презри, премилостивый Господи, меня, уповающего на Тебя, но спаси душу мою».

Святополк же самовластно утвердился в Киеве, призвал киевлян, раздал им многие дары и отпустил их. Затем послал к

Борису с такими словами: «Брат, я хочу с тобой жить в любви и увеличу твою часть в отчем наследии». В этих словах была лесть, а не истина. Исконный ненавистник добрых людей, диавол, видя, что святой Борис возложил всю надежду на Бога, стал сильнее воздействовать на Святополка, который, подобно Каину, горел огнем братоубийства, задумав избить всех наследников отца своего и одному принять власть его. Окаянный проклятый Святополк, советник всякого зла и начальник всякой неправды, призвал к себе вышегородских мужей и сказал: «Если вы обещаете положить за меня головы, идите тайно, братья мои, найдите брата моего Бориса и, улучив время, убейте его». И обещались они.

Блаженный Борис на возвратном пути остался на реке Альте в шатрах (он выходил против печенегов). И сказала ему дружина его: «Иди в Киев и сядь на княжеском престоле отца своего, ибо и воинство отчее с тобою». Он же отвечал им: «Не подниму руки на брата своего, да еще на старшего меня, которого мне следует считать за отца». Услышав сие, воины ушли от Бориса, и он остался только с отроками своими. Был тогда день субботний. Удрученный печалью, вошел он в шатер свой и со слезами жалобно воззвал: «Слез моих не презри, Владыко. Уповаю на Тебя, что приму жребий с Твоими рабами, со всеми святыми Твоими. Ибо Ты Бог Милостивый и Тебе славу воссылаем во веки, аминь».

Наступил вечер, и святой Борис велел служить вечерню; а сам творил молитву и вечерню со слезами горькими, и частым воздыханием и стенанием многим. Потом лег и уснул. Утром, умывши лицо, стали совершать утреню.

Посланные Святополком пришли на Альту ночью, приблизились и услышали голос блаженного страстотерпца, поющего псалмы, положенные на утрени. Уже дошла до святого весть о предстоящем убиении, и он пел: *Господи, что ся умножиша стужающии ми, мнози восстают на мя (Пс. 3, 2). Обыдоша мя пси мнози и юнцы тучнии одержаша мя. Потом: Господи Боже мой, на Тя уповах, спаси мя (Пс. 21, 17–18; 7, 2)* и прочие псалмы.

И услышав сильный топот около шатра, святой Борис затрепетал, залился слезами и сказал: «Слава Тебе Господи, что в свете сем сподобил меня принять горькую смерть из-за зависти и пострадать за любовь и слово Твое». Священник и отрок, слуга святого Бориса, увидев господина своего ослабевшим и одержимым печалью, горько заплакали и сказали: «Милый господин наш дорогой, какой благодати сподобился ты, ибо не захотел противиться брату своему ради любви Христовой, хоть и много воинов имел ты у себя». Тут они увидели бегущих к шатру, блеск их оружия и обнаженные их мечи. Без милости было пронзено честное тело святого блаженного страстотерпца Христова Бориса. Его проткнули копьями Путша и Талец и Елович Ляшко. Видя сие, отрок святого Бориса бросился на тело его и сказал: «Не оставляю тебя, господин мой дорогой; тут пусть и я буду сподоблен окончить свою жизнь с тобою». Был же он родом венгерец, звали его Георгий, и был он любим князем безмерно. Тут пронзили и отрока.

Раненный Борис выбежал из шатра и начал умолять и упрашивать убийц: «Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте мне помолиться Богу моему». И он молился: «Господи Боже милостивый, слава Тебе, ибо освободил меня от прельщения жития сего. Слава Тебе, прещедрый Податель жизни, сподобивший меня страдания святых Твоих мучеников. Слава Тебе, Владыко Человеколюбец, исполнивший желание сердца моего. Слава, Христе, милосердию Твоему, ибо Ты направил на правый и мирный путь ноги мои идти к Тебе без соблазна. Призри с высоты святости Твоей; посмотри на сердечное мое страдание, которое я принял от своего сродника. Ибо ради Тебя умерщвляют меня сегодня. Они, как агнца, пожирают меня. Знаешь, Господи, знаешь, что я не противлюсь, не возражаю. Имея в своих руках всех воинов отца своего (их было 8 тысяч) и всех его любимцев, я не помыслил ничего злого сотворить брагу моему... И не поставь ему в вину греха сего, но прими с миром душу мою. Аминь».

Затем, обратив к убийцам истомленное лицо свое и возрев на них умиленными очами, заливаясь слезами, сказал им:

«Братья, приступите и окончите повеленное вам, и да будет мир брату моему и вам, братья».

Многие плакали и взывали: «Как удивительно, что ты не захотел славы мира сего и величия, не захотел быть среди чесных вельмож. Кто не удивится великому его смирению, кто не смирится, видя и слыша его смирение!»

Посланные Святополком избили и многих отроков. Блаженного Бориса они обернули шатром и, положивши на повозку, повезли. А когда узнал о сем Святополк, то послал двух варягов, и те пронзили мечом сердце мученика. И тотчас святой скончался, предав душу в руки Бога Жива, месяца июля в 24 день. Тело его тайно принесли в Вышгород, положили у церкви святого Василия и в земле погребли его.

Так святой Борис, прияв венец от Христа Бога, был сопричтен с праведными и водворился с пророками и апостолами и с ликами мученическими, воспевая с Ангелами, веселясь в лике святых.

Окаянные же убийцы пришли к Святополку, считая себя достойными похвалы. Такими слугами бесы бывают. Злой же человек, стремящийся ко злу, не уступает во зле бесу. Бесы веруют и Бога боятся и трепещут (Иак. 2, 19), а злой человек Бога не боится и не стыдится людей. Бесы боятся Креста Господня, а злой человек даже и Креста не боится.

Не остановился на сем убийстве окаянный Святополк, но замыслил убить и Глеба, брата своего. И послал сказать блаженному Глебу: «Иди скорей, отец очень нездоров и зовет тебя». Глеб тотчас сел на коня и с малой дружиной помчался на зов. Когда он доехал до Волги, у устья Тьмы на поле споткнулся под ним конь в канаву и повредил себе ногу. Затем прибыл к Смоленску и, отойдя от Смоленска, невдалеке остановился на реке Смядыне в лодке. В это время пришла от Предславы к Ярославу весть о смерти отца. Ярослав же послал к Глебу со словами: «Не ходи, брат, отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком». Услышав сие, блаженный запечалился, горько зарыдал и сказал: «Увы мне, господин мой, двумя плачами я плачу и сетую двумя сетованиями. Увы мне, увy мне, плачу я об отце, плачу больше, в отчаянии, по тебе, брат и господин

мой Борис. Как пронзили тебя, как ты безмилостивно был предан смерти, не от врага, но от своего брата приял гибель. Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели жить в сем житии одному, осиротевшему от тебя».

Когда святой Глеб так стenal, внезапно появились посланные Святополком злые его слуги и стали плыть к нему. Когда лодки поравнялись, злодеи схватили лодку князя за уключины, потянули к себе и стали скакать в нее, имея в руках обнаженные мечи. У гребцов выпали из рук весла и все помертвели от страха. Блаженный, видя, что его хотят убить, взглянул на злодеев умиленными очами, и с сокрушенным сердцем, смиренным разумом и частым воздыханием, заливаясь слезами и слабей телом, стал жалобно молить их: «Не троньте меня, братья мои милые и дорогие. Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и господа мои. Если есть обида, то ведите меня к князю вашему, а к моему брату и господину. Пощадите юность мою, помилуйте, прошу вас и умоляю. Докажите мне, что злого сделал я». Но убийц не постыдило ни одно слово. Он же, видя, что они не внимают словам его, стал говорить: «Василий, Василий, отец мой, приклони слух твой и услышь голос мой. Погляди, что случилось с сыном твоим, как без вины закалают меня. Увы мне, увy мне! И ты, брат Борис, услышь голос мой, погляди на скорбь сердца моего и помолись обо мне общему всех Владыке, так как ты имеешь дерзновение и предстоишь Престолу Его».

Преклонив колена, стал он так молиться: «Прещедрый, премилостивый Господи, не презри слез моих, но с жалостью посмотри на сокрушение сердца моего. Вот я закалаем, но за что и за какую обиду – не знаю. Ты сказал Своим апостолам: *в терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19). Смотри, Господи, и суди. Вот готова душа моя перед Тобою, Господи, и Тебе славу воссылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу». Затем, взглянув на убийц, сказал им тихим голосом: «Приступайте уж и кончайте то, зачем вы посланы». Тогда окаянный Горьсер велел его тотчас зарезать, а старший повар Глеба, именем Торчин, обнажив нож свой, перерезал горло блаженному, как незлобивому агнцу. Сие было 5 сентября в понедельник. И

принеслась Господу жертва чистая, святая и благовонная и взошла в Небесные обители к Богу. И узрел святой желанного брата, и оба они восприяли венцы небесные, которые так желали.

Окаянные же убийцы возвратились к пославшему их и сказали: «Сотворили мы повеленное тобою». Услышав это, Святополк вознеся сердцем, и сбылось сказанное псалмопевцем Давидом: *что хвалишися во злобе, сильнее; беззаконие весь день... Сего ради Бог разрушит тя до конца, восторгает тя и преселит тя от селения твоего, и корень твой от земли живых* (Пс. 51, 3–7).

Когда святой Глеб был убит, тело его бросили в пустынном месте, между двух колод. Но Господь никогда не оставляет Своих рабов, как сказал Давид: *хранит Господь вся кости их, ни едина от них сокрушится* (Пс. 33, 21). И вот, когда тело святого долго лежало на пустыре, Господь не оставил его пребывать в неведении и небрежении, но показывал сие место то свещой горящей, то прохожие купцы, охотники и пастухи слышали пение ангельское. Но ни слышавшим, не видевшим сие не пришло на мысль поискать тело святого, пока Ярослав, возмущенный сим убийством, не пошел войной на братоубийцу, окаянного Святополка, которого, приняв много бранного труда, победил, при помощи Божией и поспешении святых князей мучеников. Так был посрамлен и побежден нечестивый.

А когда Ярослав еще не знал о смерти отца, а Святополк уже стал княжить в Киеве, то ему пришла весть от сестры Предславы: «Отец у тебя умер, Святополк княжит в Киеве, убил он Бориса, и на Глеба послал убийц. Берегись его». Услышав сие, Ярослав загрустил об отце, брате и на другой день стал собирать дружину. Собрав варяг тысячу, да других воинов сорок тысяч, Ярослав призвал Бога на помощь и пошел на Святополка со словами: «Не я начал избивать братьев, но он. Пусть же он и ответит за кровь братьев, ибо без вины пролил он праведную кровь Бориса и Глеба, и мне то же сотворит. Но суди Бог по правде, чтобы прекратилась злоба грешного». И пошел на Святополка. Тот же, услышав про поход Ярослава, собрал бесчисленное войско Руси и печенегов и выступил к Любечу.

Это было в лето 6524 (1016 г.). Оба войска встретились у Днепра, стали одно против другого по обе стороны реки и никакое из них не имело смелости начать бой. Так они и стояли друг против друга около 3 месяцев. И стал воевода Святополка, ездя по берегу, укорять новгородцев: «Что вы пришли с хромым, вы – плотники, вот мы вас заставим строить нам хоромы». Услышав сие, новгородцы оскорбились и сказали Ярославу: «Завтра переведемся через реку. Если же кто не пойдет с нами, сами убьем его». В ту пору были уже заморозки. На заре Ярослав с войском перевезлись через реку, высадились и оттолкнули лодки от берега. И вот пошли войска друг на друга и столкнулись. Сильная была сеча: печенеги стояли за озером и не могли помочь Святополку. Воины Ярослава притиснули Святополкову рать к озеру, столкнули их на лед, который под ними провалился. И стал одолевать Ярослав. Видя сие, Святополк бежал к ляхам. Ярослав же сел на отцовском княжении в Киев после того, как пробыл в Новгороде 28 лет.

Через 2 года Святополк пошел против Ярослава с королем Болеславом и ляхами. Ярослав же не успел подготовиться к битве, и победил Болеслав Ярослава. Болеслав вошел со Святополком в Киев, а Ярослав бежал с 4-мя мужами в Новгород. И начали они собирать деньги, с каждого мужа по 4 куны, со старост по 9 гривен, а с бояр – по 80 гривен. Затем призвали варягов и заплатили им собранные деньги. Так собрал Ярослав большое войско. Безумный же Святополк сказал: «Избивайте по городам ляхов». Так и сделали. Тогда Болеслав бежал из Киева, захватив с собой имущество и бояр. Ярослав же устремился на Святополка и победил его. Святополк бежал к печенегам.

В лето 6527 (1019 г.) он возвратился со множеством печенегов. Ярослав собрал войско и выступил против него на Альту. Став на месте, где был убит святой Борис, он воздел руки на небо и сказал: «Вот кровь брата моего вопиет к Тебе, Владыко, как кровь Авеля. Отомсти за него Святополку так, как братоубийце Каину, на которого Ты возложил стенание и трясение (Быт. 4, 12). Молю, Тебя, Господи, пусть Святополк получит то же. О, братья мои, если вы и умерли телом, то живы

благодатью и предстоите Господу. Помогите мне молитвою». Сказав сие, он пошел на Святополка, и поле у реки Альты покрылось множеством воинов. И сошлись войска на восходе солнца, и была злая сеча, соступались трижды, бились целый день, и только к вечеру одолел Ярослав.

Сей же окаянный Святополк бежал. И напал на него бес и расслабил кости его так, что он не мог сидеть на коне и его несли на носилках. Так донесли его до Берестья. Он же говорил: «Бегите, вот гонятся за нами». Посылали против погони, но никого не находили. Лежа в немощи, Святополк все вскакивал и говорил: «Бежим, опять гонятся. Ох мне!» Так не мог он побыть на одном месте. И пробежал он через ляшскую землю, гонимый гневом Божиим, и достиг пустыни между землей ляхов и чехов. Тут он лишился жизни и принял возмездие от Господа, так как свидетельствовала посланная на него болезнь о вечной муке по смерти. Так был он лишен той и другой жизни: здесь он лишился не только княжения, но и жития, а там – не только Царства Небесного и пребывания с Ангелами, но и был предан муке и огню. Могила его осталась. От нее исходит злой смрад, на показание людям, что, если услышавший о сем сотворит подобное, то примет и горше сего.

С того времени затихла в Русской земле крамола, а Ярослав получил господство в Руси. И стал он вопрошать о телесах святых, как и где они положены. И поведали ему, что святой Борис погребен в Вышгороде, о святом же Глебе не все знали, что он был убит в Смоленске. И тогда сказали Ярославу близкие, что они слышали о приходивших оттуда, будто там они видели сияние и свечи на пустынном месте. Услыхав сие, Ярослав послал на поиски в Смоленск пресвитеров.

Те пошли и отыскивали его тело там, где совершались видения. С почтением, со свечами многими и кадилами перенесли они его в лодки и отнесли в Вышгород, где лежало тело преблаженного Бориса, там они вырыли могилу и положили тело, изумленные его прекрасным и цветущим видом. Дивно и чудно и памяти достойно, что тело святого столько лет оставалось невредимым, не тронутое плотоядными зверями и не только не почернело, как это бывает с трупами, но было

светло, прекрасно, цело и благовонно. Так Бог сохранил останки Своего страдальца. Многие не ведали, что тут лежали тела святых страсотерпцев. Но как сказал святой евангелист, *не может град укрытись верху горы стоя. Ниже вжигают светильника, и поставляют его под спудом, но на свещнице, и светит всем* (Мф. 5, 14–15), так и сих святых Господь поставил светить миру и сиять премногими чудесами в Русской стране, где много страждущих получили спасение. На местах же, где они приняли мученические венцы, были созданы церкви во имя их. И творили они здесь много чудес.

Дивен Бог во святых Своих, творяй чудеса Един (Пс. 67, 36; 71, 18), – воспел пророк Давид. Преподобный же Иоанн Дамаскин писал, что такие мужи и по смерти живы и Богу предстоят. Источник нашего спасения Владыка Христос помощь их подаст, ибо от мученических телес миро благоуханное исходит. И кто в Бога верует и в надежду воскресения, тот не назовет их мертвыми. Ибо как мертвая плоть может творить чудеса? Такими бес отгоняется, проходят болезни, исцеляются немощи, слепые получают зрение, прокаженные очищаются, скорби и несчастья прекращаются и всякое доброе даяние от Отца света через них исходит. Они – заступники всего рода, за нас Богу молитвы творят. Почитая память их, с усилием творим праздник святых, которых Господь прославил премногой благодатью и чудесами – сих чудотворцев и заступников всех стран нашей Русской земли.

Многие не знали, что в Вышгороде почивают святые мученики и страсотерпцы Христовы Роман и Давид, но Господь не допустил, чтобы такое сокровище таилось в земле, и обнаружил его для всех. На месте, где они лежали, иногда виделся огненный столп, иногда же слышалось ангельское пение. Слыша сие и видя, люди приходили поклоняться со страхом на месте том.

Однажды пришли к тому месту, где лежали святые, погребенные под землею, варяги, и один из них вступил на него; тотчас же огонь вышел из гроба и опалил ноги варяга. Тот вскочил, стал рассказывать и показал дружине свои

обоженные ноги. С тех пор не осмеливались подходить близко, но со страхом поклонялись.

Известен случай, когда неожиданно загорелся храм во имя святителя Василия Великого, где были захоронены святые страстотерпцы Борис и Глеб. Это было воспринято как некий знак Божий, ибо храм давно обветшал и нуждался в обновлении.

По этому случаю Киевский митрополит Иоанн (1008–1035) и благоверный князь Ярослав пришли на это место с крестным ходом, чтобы с благоговением достать из земли святые мощи Бориса и Глеба. И, откопав, вынули гроб из земли. И приступил митрополит Иоанн и пресвитеры со страхом и любовью, открыли гроб святых и увидели чудо преславное. Телеса святых не имели никакого повреждения, но были совершенно целы и белы, как снег, лица их были светлы, как у Ангелов, благоухание исходило от них. Сильно дивились архиепископ и все люди. И отнесли они тела в небольшую часовню, которая была поставлена на месте сгоревшей церкви, и положили их над землею на правой стороне.

Был в Вышгороде муж, именем Миронег, огородник. Он имел сына, у которого нога высохла и согнулась. И не мог он ходить и не ощущал ее. Ходил же он, сделав себе деревянную ногу. И пришел он к святым, припал к гробу и молился Богу и святым, прося от святых исцеления. Так день и ночь молился он со слезами. Однажды ночью явились ему святые страстотерпцы Христовы Роман и Давид и спросили: «Что ты вопиешь к нам?» Тот показал ногу. Они взяли ногу сухую и трижды ее перекрестили. Пробудившись от сна, он увидел себя здоровым и вскочил, славя Бога и святых. Затем он поведал всем, как святые его исцелили, и сказал, что видел и Георгия, отрока святого Бориса, который шел перед святыми, неся свечу. Видя такое чудо, люди прославили Бога.

Князь Ярослав, призвав митрополита Иоанна, с веселием поведал ему слышанное. Архиепископ также воздал хвалу Богу и дал князю богоугодный совет построить церковь. И построили церковь великую, имеющую пять глав, в 1026 году. С крестным ходом митрополит Иоанн, князь Ярослав, все священники и

весь народ перенесли в церковь мощи святых и освятили ее. И установили празднование 24 июля, когда был убит преблаженный Борис.

Когда на святой литургии присутствовали князь и митрополит, случилось быть в храме человеку хромому. С большим трудом приполз он в храм, молясь Богу и святым. И тотчас стали крепкими ноги его, благодатью Божией и молитвами святых. И восстав, пошел он перед всеми. Видя сие чудо, благоверный князь Ярослав, митрополит и все люди воздали хвалу Богу и святым. После литургии князь позвал на трапезу всех, и митрополита, и пресвитеров, и справили они праздник, как подобает. И много имения раздал князь нищим, сиротам и вдовицам.

И вот скончался Ярослав (в 1054 году), оставив наследниками своих сыновей Изяслава, Святослава и Всеволода, разделив между ними наследие. В последующие годы Вышгородский Борисоглебский храм с мощами святых страстотерпцев становится семейным храмом Ярославичей, святыщем их братской любви и совместного служения Родине.

Прошло два года, и церковь уже обветшала. Придя однажды в нее, Изяслав Ярославич увидел ее ветхость, призвал старшину плотников и велел ему построить новую, одноглавую церковь во имя святых страстотерпцев. Когда церковь была закончена совсем, боголюбец Изяслав умолил архиепископа Георгия, чтобы тот учредил перенесение мощей святых в новую церковь. И взяли прежде князя на рамена тело святого Бориса в раке деревянной и понесли в предшествование преподобных черноризцев со свечами. За инокami шли дьяконы и пресвитеры, затем митрополит и епископы. И принеши, поставили раку в церкви, открыли ее, и исполнилась церковь благоухания чудного. Затем взяли каменную раку с телом святого Глеба, поставили на сани и, взявшись за веревки, повезли их. И когда были уже в дверях, остановилась рака и не двинулась вперед. Тогда повелели народу восклицать: Господи, помилуй! – и молились Господу и святым. И тотчас сдвинули

раку. Митрополит Георгий взял руку святого Глеба и благословил ею князей.

И с тех пор (1072 г.) установился сей праздник 2 мая в честь и славу святых мучеников, благодатью Господа нашего Иисуса Христа. Этот день памяти перенесения мощей также стал широко праздноваться на Руси. Летопись под 1093 годом сообщает, что праздник святых Бориса и Глеба явился новым великим праздником земли Русской. Борисоглебский храм с мощами святых страстотерпцев прославился многими чудесными исцелениями, дарованными по милости Божией всем, приходившим с верой и молитвой.

Некий человек был нем и хром, нога у него была отнята по колено. Сделав деревянную ногу, он ходил на ней. И прибывал у церкви святых, с иными убогими, принимая от христиан милостыню. В один из дней случилось же так, что ему не дали ни есть, ни пить, и сидел он голодный и жаждущий. Тогда внезапно впал он в исступление и видение видел. Представилось ему, что он сидит у церкви святых. И увидел он Бориса и Глеба, вышедших как бы из алтаря и шедших к нему, и пал он ниц. Святые взяли его за руку, посадили его и стали говорить об исцелении его. Потом перекрестили уста его, взяли его больную ногу, как бы помазали маслом и потянули ее за колено. Все сие недужный как бы во сне видел, ибо он упал ниц. Увидев его распростертым на земле, люди повертывали его туда и сюда. Он лежал как мертвый, не имея сил двинуть ни устами, ни очами. Только душа его в нем была и сердце билось. Все думали, что его поразил бес. Взяли его, понесли и положили у церкви святых, перед дверями. Много людей стояло вокруг, смотрели и дивились преславному чуду. Из колена страдальца появилась нога и стала расти, пока не сравнялась с другой, и это произошло не в долгий срок, а в один час. Видя сие, находившиеся тут прославили Бога и его угодников, мучеников Романа и Давида. И все воскликнули: «Кто возглаголет силы Господни, слышаны сотворит вся хвалы Его. Дивен Бог творяй чудеса Един» (Пс. 105, 2; 71, 18).

Жил в городе некий слепец. Приходил он к церкви святого Георгия и молился святому, прося прозрения. Однажды ночью

явился ему святой мученик Георгий и сказал: «Что ты взываешь ко мне! Если ты хочешь прозреть, я тебе поведаю, как сего достигнуть. Иди к святым Борису и Глебу, они, если пожелают, даруют тебе зрение, о котором ты просишь. Ибо им дана благодать от Бога в стране Русской исцелять всякие муки и недуги». Видя сие и слыша, слепец пробудился и отправился в путь, как ему было велено. Пришел он к церкви святых мучеников и пробыл тут несколько дней, припадая и моля святых, пока они не посетили его. И прозрел он и стал видеть, славя Бога и святых мучеников. И рассказал он всем, как видел, что пришли к нему святые мученики, перекрестили ему глаза трижды и тотчас они отверзлись. Все возблагодарили Бога за те преславные, предивные и несказанные чудеса, которые творились святыми мучениками. Ибо написано: *волю боящихся Его сотворит и молитву их услышит* (Пс. 144, 19), и еще: *вся елика восхоте сотвори* (Пс. 113, 11). Тогда Святослав, сын Ярослава, замыслил создать святым каменную церковь, но успел довести кладку стен лишь до восьми локтей и скончался в 1079 году. Всеволод, став князем земли Русской, довершил ее всю. Когда же она была окончена, тотчас, в ту же ночь, упал ее верх и вся она разрушилась.

Почитание святых Бориса и Глеба сильно развилось в эпоху внуков Ярослава, приводя нередко к своеобразному благочестивому соревнованию между ними. Сын Изяслава Святополк († 1113) устроил святым серебряные раки, сын Всеволода Владимир Мономах († 1125) в 1102 году тайно, ночью, прислал мастеров и оковал серебряные раки листами золота. Но их превзошел сын Святослава Олег († 1115), который «умыслил воздвигнуть сокрушившуюся каменную церковь и, приведя строителей, дал в обилии всего, что нужно». Церковь была готова в 1111 году. Расписали ее. Олег много понуждал и молил Святополка, чтобы перенести в нее святые мощи. Святополк не хотел, «зане не он создал эту церковь». Перенесение мощей совершилось 2 мая 1115 года.

Вообще же имена Борис и Глеб также, как Роман и Давид, были излюбленными во многих поколениях русских князей. Князья состязались в создании великолепных храмов святым

мученикам. Сам Олег, кроме Вышгородского храма, воздвиг в 1115 году Борисоглебский собор в Старой Рязани (почему и епархия называлась позже Борисоглебской). Его брат Давид строит такой же в Чернигове (в 1120 году). В 1132 году Юрий Долгорукий построил церковь Бориса и Глеба в Кидекше на реке Нерли, «где было становище святого Бориса». В 1145 году святой Ростислав Смоленский «заложи церковь каменну на Смядыни», в Смоленске. В следующем году возник первый (деревянный) Борисоглебский храм в Новгороде. В 1167 году на смену деревянному закладывается каменный, оконченный и освященный в 1173 году.

Вышгородские святые были не единственным центром литургического церковного почитания святых страстотерпцев Бориса и Глеба, распространенного по всей Русской земле. Прежде всего, существовали храмы и монастыри в конкретных местностях, связанных с мученическим подвигом святых и их чудесной помощью людям: храм Бориса и Глеба на Дорогожиче, на пути в Вышгород, где святой Борис, по преданию, испустил дух; Борисоглебский монастырь на Тме, близ Торжка (основан в 1030 году), где хранилась глава святого Георгия Утрина. Борисоглебские храмы были воздвигнуты на Альте – в память победы Ярослава Мудрого над Святополком окаянным 24 июля 1019 года, и на Гзени, в Новгороде – на месте победы над волхвом Глеба Святославича.

И умножались чудеса святых, и, как писано во Святом Евангелии, *ни всему миру вместити пишемых* (Ин. 21, 25); они творились, не будучи записываемы, и кто знал о них – рассказывал.

В городе Владимире Залесском княжил внук Владимира Мономаха Всеволод Юрьевич. На него в 1175 году восстали два племянника – Мстислав и Ярополк Ростиславичи. После великой битвы Ростиславичи были поражены Всеволодом, захвачены в плен и приведены во Владимир. Всеволод приставил к ним стражу, но позволил им ходить на свободе. Владимирцы, видя сих плененных князей на свободе, а не в темнице, возроптали, и великий князь не мог удержать народ от мятежа. Владимирцы разметали темницу и, схвативши

Мстислава и Ярополка, ослепили их и отпустили. Так несчастные Ростиславичи, хотевшие большей славы и власти, были усмирены и ослеплены. И вот пошли они к Смоленску и пришли на Смядыню в церковь святых мучеников Бориса и Глеба. Был же тогда день памяти убиения святого Глеба, 5 сентября. И молились князья Богу с великим усердием и призывали на помощь святых мучеников, как сродников своих, чтобы святые послали им облегчение, так как язвы на месте очей гноились у них. Когда они молились, сначала облегчилась боль, а затем неожиданно им было даровано прозрение. Ясно видя, начали Ростиславичи славить и благодарить Бога, Пречистую Богородицу и святых князей Романа и Давида. И возвратились они с радостью в дома свои, рассказывая всюду о милости Господней, поданной им по молитве святых мучеников.

В городе Турове жил в древние времена старец некий именем Мартин. И страдал он часто от болезни живота. Когда страдания приступали к нему, старец лежал, крича от боли, не имея сил встать и позаботиться о теле своем. Однажды, хворая тем недугом, лежал он в келлии и изнемогал от жажды. Но никто не посетил его, так как вокруг монастыря тогда разлилась вода. На третий день вошли к нему святые мученики Борис и Глеб, в том виде, как они были изображены на иконе, и спросили: «Чем ты хвораешь, старче?» Тот рассказал им о своем недуге. «Не надо ли тебе воды?» – О, господа мои, отвечал старец, уже давно я жажду». Один из них взял коромысло и принес воды, а другой зачерпнул ковшиком. И напоили они старца. Тогда он спросил: «Чьи вы дети?» Они ему отвечали: «Мы братья Ярослава. – Старец, думая, что они родственники князя Ярослава, сказал: «Да пошлет вам Господь многие лета, господа мои, возьмите сами хлеб и ешьте, ибо я не могу послужить вам». Они отвечали: «Пусть хлеб останется для тебя, а мы пойдем. Ты же не хворай больше, но усни». И тотчас стали невидимы. Выздоровев, старец понял, что его посетили святые Борис и Глеб, и, встав, прославил Бога и угодников Его. И с тех пор никогда не хворал он тем недугом, был здоров и рассказывал братии о исцелении, дарованном ему святыми мучениками.

Благоверный князь Александр Ярославич, прозванный Невским, во время княжения своего в Великом Новгороде вел войну со шведами. Когда он с войском пришел на реку Неву, один из его воевод, богобоязненный муж именем Филипп, исполняя порученную ему ночную стражу, увидел при восходе солнца плывущий по воде корабль; посреди корабля стояли святые мученики Борис и Глеб в одеждах червленых, гребцы же сидели, одетые как бы мглой. И сказал святой Борис святому Глебу: «Брат Глеб, пойдем скорее, поможем сроднику нашему князю Александру против неистовых врагов».

Сие видение воевода поведал князю своему. И в тот день князь Александр помощью святых мучеников Бориса и Глеба победил и попрали силу шведов, вождя их Биргера сам уязвил мечом в лицо и с торжеством возвратился в Великий Новгород в 1240 году.

Подобным же образом, когда великий князь московский Димитрий Иоаннович вел войну с царем татарским Мамаем, ночной страж Фома Хацибеев видел открытое ему Богом такое видение. На высоте показалось большое облако, и вот с востока шли как бы великие полки, с юга же явились двое юношей, державшие в руках свечи и острые обнаженные мечи. Сии юноши были святые мученики Борис и Глеб. И сказали они воеводам татарским: «Кто вам велел истреблять отечество наше, от Господа нам дарованное?» И стали они сечь врагов, так что никто из них не уцелел. Наутро страж тот поведал свое видение великому князю. Князь же, возведя очи на небо и воздев руки, стал молиться со слезами, говоря: «Господи Человеколюбче, по молитвам святых мучеников Бориса и Глеба помоги мне! Как Моисею на Амалика (Исх. гл. 17), как Давиду на Голиафа (1 Цар. гл. 17), как Ярославу на Святополка, как прадеду моему Александру на шведского короля, так и мне на Мамая подай помощь». И вот в день 8 сентября 1380 года великий князь московский Димитрий, по молитве святых страстотерпцев Бориса и Глеба, победил Мамая царя татарского.

Святые страстотерпцы Борис и Глеб были первыми русскими святыми, канонизированными Русской и Византийской

Церквями. Служба им была составлена вскоре после их кончины, составителем ее был святитель Иоанн I, митрополит Киевский (1008–1035), что подтверждают записи в Минеях XII века. Свидетельством особого почитания на Руси святых мучеников Бориса и Глеба служат многочисленные списки житий, сказаний о мощах, чудесах и похвальных слов в рукописных и печатных книгах XII-XIX вв. Их заступничество простирается на всех, кто с верой обращается к ним в своих молитвах.

Серапион, митрополит Сарский и Подонский

Митрополит Сарский и Подонский Серапион родился в г. Кашине. Родители были Савва Максимович Сысоев, соборный протоиерей, и Стефанида, в иночестве Филонида. О первоначальной жизни Серапиона не сохранилось сведений, известно только, что впоследствии он принял иночество в Калязине монастыре; за благочестивую жизнь удостоен сана архимандрита в Спасо-Андрониеве монастыре, а затем был переведен во Владимирский Рождественский монастырь (1634), а 1 января 1643 года хиротонисан в сан митрополита Сарского и Подонского. В 1652 году в глубокой старости Серапион оставил епархию и удалился в обитель, в которой принял монашество, здесь и скончался 2 мая в том же 1652 году. Тело сего иерарха погребено в западной части паперти, с правой стороны от дверей соборного (Троицкого) храма. С правой стороны гробницы, устроенной из белого камня, висит портрет его. Святитель изображен здесь во весь рост в полном архиерейском облачении. По преданию, портрет этот устроен иждивением какого-то Санкт-Петербургского купца, бывшего в болезни. Святитель, явись во сне и объявив свое имя, повелел больному изобразить свой образ в таком виде, в каком недужный сподобился видеть святителя, и отослать изображение в Калязин монастырь; оно доставлено было в 1779 году через калязинского архимандрита Стефана, бывшего тогда в Санкт-Петербурге; к останкам святителя Серапиона в Калязине имеют глубокое уважение и веруют, что оные находятся под осенением благодати Божией.

Афанасий, Патриарх Константинопольский, Лубенский чудотворец

Святитель Афанасий, в миру Алексей, родился в 1560 (1597) году в городе Ревимне (или Ретимне) на острове Крите, в семье благочестивого грека Пателария. Пателарии отличались незаурядными умственными дарованиями. Отец Григорий Пателарий был выдающимся ученым, философом и публицистом. До 26 лет Алексей жил на Крите и образование получил в знаменитом Аркадийском монастыре, который давал своим ученикам разносторонние познания и твердое православное воспитание, что было особенно важным, так как Критом владели в то время венецианцы-католики. Он изучил риторику, грамматику и пиитику, математику и астрономию, музыку и литературу, богословские науки, превосходно владел древнегреческим, латинским, арабским и итальянским языками и удивлял современников своими познаниями и обширными знаниями. Но несмотря на образованность и известность в обществе, светская жизнь с ее суетными удовольствиями и призрачной славой не соблазнили Алексея – его влекла жизнь христианских подвижников. И после смерти отца он постригся в рясофор с именем Анания в одном из солунских монастырей, откуда позже ушел в монастырь Есфигмен на Афоне, где нес послушание в трапезной. С Афона он предпринял путешествие в палестинские обители и в одной из них принял иноческое пострижение с именем Афанасий. По возвращении в Солунь он был поставлен во пресвитера и распространял Христово учение среди валахов и молдаван, для которых перевел Псалтирь с греческого на их родной язык. Вскоре святой Афанасий стал известен как выдающийся проповедник, толкователь Священного Писания и гимнограф, автор духовных песнопений в честь Пресвятой Богородицы и некоторых святых.

В 1626 году святой Афанасий был назначен учителем в Валахию. Ему было поручено перевести с еврейского на новогреческий язык Псалтирь. Псалтирь в его переводе впоследствии хранилась в обители во имя святого апостола

Иоанна Богослова на острове Патмосе, а списки с нее – в разных монастырях Святой горы Афон.

Изредка святитель уходил на Афонскую Гору для молитвенного уединения и Божьего благословения на пастырские труды. Святость его жизни привлекала множество христиан, желавших видеть истинного проповедника православной Христовой веры.

Своими трудами в славянских землях и духовными дарованиями св. Афанасий привлек благосклонное внимание Патриарха Константинопольского Кирилла I Лукариса (был патриархом с перерывами с 1621 по 1638 гг.), который, призвав святого подвижника в Константинополь, назначил проповедником при своей кафедре. В 1631 году святой Афанасий был хиротонисан во епископа и назначен на одну из главных митрополий Константинопольского Патриархата – Фессалоникийскую (Солунскую).

В это время Патриарх Кирилл I (Лукарис) был оклеветан перед султаном и заточен на острове Тенедос, а святитель Афанасий избран на патриарший престол 25 марта 1634 года, в день Благовещения Пресвятой Богородицы. Находясь на первосвятительской кафедре, патриарх Афанасий вел неустанную борьбу за Православие против еретиков, иезуитов и мусульман. Пробыв на патриаршем престоле около 40 дней, происками врагов Православия он был низведен, а на кафедру возвращен Кирилл I (Лукарис). Святитель отправился на Афон, где некоторое время подвизался в уединении. Там он устроил себе небольшую келлию (ныне на том месте русский Свято-Андреевский скит). Более года он прожил на Афоне, совершенствуясь в подвигах поста и молитвы. Святитель Афанасий затем жил один год в Италии, где папа предложил ему католичество, обещая возвести в кардинальское достоинство, но святитель Афанасий остался верен святому Православию.

Затем святитель Афанасий в 1635 году вторично был возведен на патриаршество, но через год был низложен и сослан в ссылку на остров Родос. После возвращения с 1638 года вновь управлял Солунской кафедрой, не прерывая связи с

Афоном. В то время Солунская митрополия, как и вся Константинопольская Церковь, терпела притеснения со стороны турок и была крайне разорена. В храмах не хватало богослужебных книг, церковной утвари и облачений. Святителю Афанасию дважды приходилось посылать (с 1633 по 1643 гг.) прошения русскому царю Михаилу Феодоровичу (1613–1645) о даровании милостыни бедствующей Константинопольской Церкви, в первый раз он просил помощи на уплату долгов, оставшихся от его предшественника; во второй раз – «на выкуп заложенной в долг ризницы его митрополии и церковных сосудов». Позднее святитель Афанасий неоднократно обращался за помощью к русскому государю, а затем и сам совершал поездки в Россию.

Когда пребывание в Солуни стало для святителя невозможным, он в 1643 году вынужден был уехать в Молдавию под защиту господаря Василия Лукула и поселиться там в обители святителя Николая, близ Галаца. В Молдавии он неожиданно заболел и прожил до 1651 года. Но здесь он постоянно обращал свой взор к Афонской Горе, часто посещал ее и надеялся там окончить свою жизнь. Однако промысл Божий судил иначе.

В начале 1651 года святитель Афанасий вернулся в Константинополь и 25 мая был вновь поставлен патриархом, однако пробыл на кафедре только 40 дней.

В 1652 году святитель Афанасий вновь был возведен на Вселенскую кафедру, но пробыл на ней всего 15 дней, так как мусульманам и католикам не нравился этот проповедник православной Христовой веры.

Во время своего последнего патриаршего служения он произнес проповедь, в которой обличил папские притязания на главенство во Вселенской Церкви и мнимое апостольское преемство. Преследуемый мусульманами и иезуитами, физически ослабевший, он передал управление Константинопольской Церковью митрополиту Лаврийскому Паисию. 5 июля того же года перед Собором архиереев, клириков и мирян он добровольно отрекся от патриаршего престола. В особой грамоте он объяснял свой поступок так: «Не

будучи в силах служить (патриаршего престола города Константинополя) защитой, принять на себя и нести обычные царственные обязанности, разные дела и труды патриаршего служения, удалились мы из патриархии по собственному желанию и доброй воле и творим отречение от патриаршего сего престола...»

В начале 1653 года святитель Афанасий вернулся в Молдавию, где получил от господаря в управление монастырь святителя Николая в городе Галаце. Зная глубокую веру и отзывчивость русского народа, святитель Афанасий предпринял путешествие в Россию.

В апреле 1653 года он был с большими почестями встречен в Москве патриархом Никоном (1652–1658) и царем Алексеем Михайловичем. Во время пребывания в Москве святитель Афанасий совершал богослужения в монастырях и храмах столицы. В июне он совершил паломничество в Троице-Сергиеву лавру.

Святитель Афанасий неоднократно встречался с патриархом Никоном, который произвел на него очень благоприятное впечатление. Святитель с большим сочувствием отнесся к предложенному патриархом Никоном делу об исправлении богослужебных книг по образцу греческих. По просьбе патриарха Никона, желавшего видеть отличие в чине архиерейского совершения Божественной литургии на Востоке и на Руси, он написал особое сочинение – «Чин архиерейского служения литургии на Востоке».

В декабре 1653 года святитель Афанасий отправился в обратный путь – в молдавский монастырь во имя святителя и чудотворца Николая близ г. Галаца. Этот монастырь еще ранее был дан ему в управление Молдаво-Валахским господарем Василием Лукулой (1634–1654). Русские царь и патриарх щедро одарили святителя милостыней на его монастырь и другие нужды, а также преподнесли ему ценные подарки, ткани для облачения, церковные сосуды, кубки, меха и т. д. По дороге святитель Афанасий заболел.

В феврале 1654 года он прибыл в Преображенский Мгарский монастырь в г. Лубны и остановился там, вероятно, в

ожидании весны и выздоровления. Однако болезнь обострилась и 5 апреля, в среду на Фоминой неделе, святитель Афанасий скончался. Он был погребен игуменом Петронием по восточному обычаю: тело святого в полном облачении было помещено в кресло и опущено в каменную гробницу в монастырском Преображенском храме.

В 1662 году Газский митрополит Паисий Лигарид, проезжая через Лубны, просил показать ему гробницу святителя. «А как де гробницу раскрыли, и из гробницы наполнилось благовония, и обрели святейшего патриарха тело цело, лишь де у правой руки, как держал посох, пальцев двух или трех не было». Одежда почти вся и кресло сгнили, палица же и посох были целы. Обретение чесных мощей произошло 1 февраля 1662 года, и святитель Афанасий был прославлен в лике святых.

Тело святителя было облачено в новые ризы и открыто для всеобщего поклонения. От святых мощей святителя Афанасия многие болящие получили исцеления. Необычное для России погребение святителя Афанасия в сидячем положении стало причиной именования его Афанасием Сидящим. Празднование было установлено 2 мая, в день памяти соименного ему святителя Афанасия Великого. В 60-х годах XIX века было составлено житие святителя Афанасия с описанием чудес, совершившихся при его мощах. В 1901 году, при епископе Полтавском Иоанне, в Синодальной типографии была отпечатана «Служба, иже во святых отцу нашему Афанасию, патриарху Константинопольскому, Лубенскому чудотворцу».

Ныне святые мощи патриарха Афанасия покоятся в Благовещенском кафедральном соборе в городе Харькове.

Май 3

Григорий, архиепископ Ростовский

Григорий, архиепископ Ростовский, прозванный Премудрым, поименован святым у Кайдалова (см. Чтение в обществе любителей духовного просвещения, июнь, 1878 г.). Упоминаемый Григорий, как видно из списков иерархов г. Строева (с. 331) был Ростовским архиепископом с 29 марта 1396 г. по 1416 г. и скончался 3 мая 1416 года. О жизни этого святителя ничего не известно.

Май 4

Никиты, Кирилла, Никифора, Климента и Исаакия, братья Алфановы, Новгородские преподобные

Преподобные братья Алфановы жили в XIV веке в Новгороде. Они проводили праведную жизнь и основали Сокольницкую обитель. Как сообщают летописи, «на Соколей горе поставиша церковь древяну святого Николы и монастырь устроиша» в 1389 году. Праведные Алфановы были в родстве с известным по летописям новгородским воеводой Яковом Анфалом или Алфаном, который убежал на Двину, спасаясь от преследований за сношения с Москвой, и праведники подверглись бедам по родственной связи с Яковом, тяжкими скорбями невинного страдания очистившись для блаженной вечности. В «Сказании» о святых братьях описаны чудеса, происходившие от мощей после их кончины. Празднование их памяти положено 4/17 мая и 17/30 июня. В связи с пожаром, истребившим Сокольницкую обитель, мощи преподобных братьев были перенесены в Антониев монастырь 4 мая 1775 года.

Май 5

Феодосия, блаженная княгиня

Блаженная великая княгиня Феодосия, в иночестве Евфросиния, дочь Мстислава Мстиславича Храброго, супруга великого князя Ярослава, мать святых благоверных князей Александра Невского и Феодора Новгородского (5/18 июня) местно чтится как святая. Скончалась она в 1244 году и погребена в Юрьеве монастыре. Гробница ее находится у южной стены собора вровень с правым клиросом: на ней положена плита из белого мрамора с надписью: «Лета 1244 мая 5-го в Великом Новгороде почил о Господе блаженная великая княгиня Феодосия, честнейшая супружница князя Ярослава Всеволодовича... от него породил св. благоверных князей Феодора Новгородского и Александра Невского и иных семь сынов, и на конец жития иноческий образ восприимши, в нем же дано бысть ей имя Евфросиния; положена же бысть в обители св. Георгия подле сына своего, св. благоверного князя Феодора, на сем месте в каменном гробе». А в первой Новгородской летописи под 6752 годом сказано: «Преставися княгиня Ярославля, постригшаяся у святого Георгия в монастыри; ту же и положена бысть, сторонь сына своего Феодора, месяца мая в 5-й день, на память св. Ирины, наречено бысть ей имя Евфросиния».

Иаков Железоборовский, преподобный – прославление

Преподобный Иаков Железоборовский, угодник Божий, происходил из рода галичских дворян Амосовых (Аносовых); с раннего детства, подобно преподобному Сергию, он отличался постничеством, и подобно ему же, похоронив родителей, он раздал имение бедным и ушел в его Троицкую обитель. Великий отец иноков постриг его в ангельский образ и он, под благодатным руководством преподобного Сергия, возрастал в духовной жизни, проходя все послушания и побеждая разные искушения вражеские.

Получив благословение от великого старца на отшельническую жизнь в пустынных костромских лесах, преподобный Иаков в 1392 году поселился в 30 верстах от Галича, в глухом лесу у железных рудников, в уединенной хижине на берегу речки Тебзы, недалеко от селения Железный Борок. С разрешения жителей селения он остался на этом месте, водрузив деревянный крест, и построил небольшую келлию.

Более 20 лет преподобный Иаков жил отшельником, совершая подвиги поста и молитвы. Постепенно к нему стали приходить искавшие пустынного подвига и желавшие разделить с ним труды по устройению монашеской обители. Преподобный Иаков построил на избранном месте храм в честь Рождества Иоанна Предтечи.

В период царствования великого князя Василия Дмитриевича (1389–1425) сына благоверного князя Дмитрия Донского, преподобный Иаков в 1415 году посетил Москву, где узнал о том, что супруга Василия Дмитриевича великая княгиня София Витовтовна (в монашестве Синклитикия, † 1453) находилась при смерти перед родами. Великий князь московский, знавший о молитвенных подвигах святого подвижника, просил его помолиться о здравии любимой супруги. Преподобный Иаков отпустил посланцев государя со словами: «Пусть молится Богу, Пречистой Матери Его и св.

мученику Лонгину, а о княгине пусть не скорбит; будет она здорова и в нынешний же вечер родит ему наследника». И действительно, великая княгиня благополучно родила сына Василия, и благодарный князь поспешил щедро вознаградить преподобного Иакова, предоставив ему дополнительные земельные угодья для расширения монастыря и денежные средства для обители.

Великий князь Василий Васильевич (1425–1462) после победы над князем Димитрием Шемякой в 1450 году посетил обитель преподобного Иакова и с благодарностью молился там.

В 1429 году казанские татары опустошали окрестности Галича. Преподобный Иаков с учениками скрылся в глухих лесах. Возвратившись, они нашли обитель в развалинах, однако их усилиями она была восстановлена, а также сооружен новый трапезный храм во имя святителя Николая и выкопаны пруды. По примеру Троице-Сергиева монастыря в обители было введено строгое общежитие. Множество голодных и бедных людей, разоренных татарами, кормилось в монастыре.

После многих лет совместных подвигов иноки просили преподобного быть их игуменом. Он смиренно покорился их просьбе и, будучи уже в преклонном возрасте, поехал в Москву, где был облечен священным саном. Однако вскоре после возвращения он блаженно почил в глубокой старости 11 апреля 1442 года. Святые мощи преподобного, которого Господь прославил чудотворениями как при жизни, так и после смерти, были положены под спудом за левым клиросом соборного Предтеченского храма в основанной им обители.

На гробницу преподобного Иакова положили каменный крест и вериги – свидетельство его монашеских подвигов. До пятидесяти исцелений и других чудесных знамений, совершившихся по молитвам преподобного, записаны в его обители. Упомянем некоторые из них.

Монах, по имени Нифонт, несколько лет одержим был нечистым духом, скитался в лесу и, возвращаемый, рвал на себе цепи. Раз братия, поймав, притащили его к гробу Иакова; как только коснулся он гробницы, пришел в себя, со слезами

пал перед иконой преподобного, стоявшей на гробнице, молил спасти душу и тело его, и встал здоровым.

Фотий, человек богатый, поклялся в неправде: вслед за тем лицо его искривилось и он впал в расслабление. Три года пробыл он в таком положении. Родные привезли его в обитель преподобного. Во время молебного пения он громко каялся в грехах своих; в тоже время лицо его выпрямилось и он стал здоровым.

Вот опыт любви преподобного к своей обители и иночеству. Инок Феодосий, лежавший расслабленным три года, обратился с молитвой слезной к блаженному Иакову. «Отче Иакове, – говорил он в душе, – ты много подаешь исцелений у гроба твоего; помоги и мне в тяжелой моей болезни». Внезапно в тишине ночной явился ему преподобный и сказал: «Дай Богу обещание пребывать в обители моей до смерти и буди у гроба моего». Расслабленный сказал о том братии; по приказанию игумена принесли его ко гробу, отпели молебен и больной сам приложился к гробу, и стал здоров. «Пока жив буду, не выйду из обители», – сказал он с восторгом и выполнил обещание.

Житие преподобного Иакова написано настоятелем того же монастыря смиренным архимандритом Иосифом в конце XVI столетия. В «Иконописном подлиннике» сказано: «Преподобный отец наш Иаков, иже на Железном Борку, костромский чудотворец; подобием сед, брада аки Власиева, в схиме: из под схимы кудерцы знать».

Варлаам и Гedeон Серпуховские, преподобные

Прп. Варлаам, келейник свт. Алексия, Московского митрополита, основатель владычного в Серпухове мужского (а впоследствии обращенного в женский) монастыря. Жизнь его мало известна, скончался в 1377 году. Могила его находится близ самого входа в монастырский соборный храм, где была некогда паперть, а ныне трапезная церковь. От гробницы бывали чудесные исцеления, которых запись началась со времени настоятельства игумении Митрофании (Розен), много хлопотавшей об открытии и прославлении мощей этого угодника Божия. В описании Серпуховского монастыря вспоминается еще местночтимый Гedeон, брат по духу и сподвижник Варлаама, по словам которого он (то есть Гedeон) еще в сей жизни был готов для жизни вечной.

Адриан Монзенский, преподобный

Преподобный Адриан Монзенский жил в XVI – в начале XVII вв., был уроженцем города Костромы. В миру носил имя Амос. По исполнению совершеннолетия должен был по желанию родителей вступить в брак, но благочестивая душа Амоса искала не мирской жизни. Вскоре он тяжело заболел. Во время болезни во сне ему представился одинокий храм между двух рек и слышался голос: «Здесь твое место». После сего видения, лишь только выздоровел Амос, тайно ушел из дома своих родителей и поселился в Толгском монастыре близ Ярославля. Родители нашли его здесь и возвратили домой. Но вскоре он снова ушел от них и принял пострижение с именем Адриан в Геннадиевом монастыре Костромской епархии. Прожив здесь несколько лет, подвижник отправился на север искать виденный им во сне храм между двух рек. Он подвизался в Спасо-Каменном, затем в Павло-Обнорском монастыре.

В Павловом монастыре полюбил его старец Пафнутий, и Адриан рассказал ему давнее видение свое. В одно время вечером Пафнутию во сне является неизвестный человек и говорит: «Пошли друга твоего Адриана к востоку, место не дальше 50 верст отсюда; там увидит он преподобного мужа». Пафнутий спросил, кто он и как знает это место. Неизвестный отвечал: «То место не тебе назначено». Пафнутий рассказал об этом Адриану. Адриан отправился на указанное место и по рассказу престарелого священника Евпла нашел в глухом месте запустелый храм, тот самый, который представлялся ему в видении. Он возвратился к Пафнутию с радостью и они условились жить там вместе. Но неожиданно царский указ потребовал Пафнутия в Москву, где он (1595 г.) поставлен в архимандрита Чудова монастыря. Адриан оставался при храме с тремя иноками. Место было самое пустынное и тихое. Но открылось и неудобство: полая вода подмывала берег и была в виду опасность, что подроеется она под храм. Адриан и братия положили переселиться на другое место, но явился неизвестный человек. «Не беспокойся о месте, место тебе

назначено на берегу реки Монзы; ты узнаешь о нем по исцелении двух больных». По этим указаниям Адриан перенес храм и обитель на берег реки Монзы; это в 35 верстах от Галича и в 20-ти от Костромы, при впадении р. Монзы в р. Кострому.

Скоро стали собираться к преподобному Адриану искатели пустынноческой жизни и таким образом стала основываться обитель. Братия кормились земледелием, и строитель Адриан был первым в работе. Сюда же пришел и преподобный Ферапонт, наставлениями и примером которого пользовался (один год) преподобный Адриан. Раз прп. Ферапонт посоветовал игумену поехать в Москву, говоря, что архимандрит Пафнутий болен и желает его видеть. Но когда прп. Адриан приехал, то архимандрит Пафнутий рассказал ему, что у него перед тем был старец его монастыря с письмом от него о монастырских скорбях и нуждах. Никакого старца о. Адриан в Москву не посылал, но по описанию указал прп. Ферапонта, хотя он из монастыря никогда не отлучался и письма этого не писал, руку свою игумен Адриан однако же узнал. Привез он из Москвы богатую милостыню. По наставлению чудного наставника своего прп. Адриан задолго до голодного времени в 1601 году, когда хлеб был убит летним морозом и целые тысячи умирали от голода, наполнил монастырские житницы, а во время бедствия обитель Адрианова с любовью помогала страдавшим беднякам. Однажды литовцы хотели сжечь обитель Адриана, уже разожгли огонь среди нее, но по молитве святого обитель оставалась невредимой. Скончался прп. Адриан в основанной им обители 5 мая 1619 года. Мощи его были положены вместе с мощами прп. Ферапонта под спудом в Благовещенской церкви. Житие святых написано около 1645 года.

Пахомий Нерехтский, преподобный

Преподобный Пахомий, в миру Иаков, родился в благочестивой семье священника св. Николаевской церкви в городе Владимире Игнатия и жены его Анны, и семи лет «отдан бысть учиться священным книгам», а потому из детства «навык Божественному Писанию» и утешением его было как можно чаще посещать храм Божий. Особенно любил он монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, где почивали мощи св. благоверного великого князя Александра Невского. После кончины отца своего, с согласия матери, Иаков поступил туда и принял постриг с именем Пахомия. Ему тогда был 21 год. Новонаначального инока поручили строгому старцу, который прежде всего научил его полному отречению от своей воли и иноческой сдержанности. Подчинялся он ему беспрекословно. Пахомий безропотно проходил в обители разные послушания (например в пекарне).

В 1352 году Пахомий по просьбе настоятеля был посвящен святителем Алексием, епископом Владимирским (впоследствии Московский митрополит), в диакона, а в 1365 году тем же святителем он был взят из Рождественского монастыря и поставлен игуменом Константинопольской обители.

Но, устроив эту обитель, Пахомий из любви к уединению тайно оставил братию и, нашедше в глубоком костромском лесу в двух верстах от селения Нерехты полуостров Сыпаново, отличавшийся своей красотой, решился здесь, на речке Гриденке, устроить пустынную обитель. Преподобный обратился к жителям посада Нерехты с просьбой поселиться и устроить обитель. Жители Нерехты приняли его с радостью, согласились и приняли посильное участие в устройстве обители, ибо монастыря в этом краю не было. Пахомий написал образ Св. Троицы, и с молебным пением и крестным ходом все пошли в Сыпаново, где и положили основание храма во имя Святой Троицы. Все дружно принялись за работу, и монастырь скоро был закончен.

Строгая благочестивая жизнь Пахомия привлекла к нему многих, которые имели желание поступить в обитель. Для братии преподобный составил устав иноческого жития, по правилу которого никто не должен иметь собственности и всякий обязан питаться трудами своих рук, обрабатывая землю. Монастырь был общежительным, и главным занятием иноков после молитвы должно быть земледелие. Преподобный Пахомий сам пахал, подавая другим пример. Но помня, что монастырь сооружен был руками мирян, преподобный построил для них за стенами гостиницу, где и принимал их, упокоевал и беседовал с ними.

Перед смертью назначив своим преемником Феодора (пришедшего к нему из Рождественского монастыря), преподобный скончался в 1384 году в глубокой старости со словами: «В руце твои, Господи, предаю дух мой», и был погребен в основанном им Троицком храме. Несметная толпа народа собралась на его погребение. Чудесно освобожденный от обуревания страстей ученик его Иринарх в благодарность написал образ Пахомия, а братия над могилой (по правую сторону алтаря Троицкой церкви) устроили гробницу и в ней поставили икону. В 1675 г., 5 мая, совершилось обретение святых его мощей, которые видели нетленными, и над ними был построен каменный храм во имя его.

Май 6

Иов преподобный

Преподобный Иов – основатель Ущельского монастыря на Мезени. Жизнь этого подвижника малоизвестна. Первые биографические сведения почерпнуты из благословенной грамоты 1608 года, данной Иову Новгородскому митрополитом Исидором, из которой в записке сделано извлечение; к этому прибавлен краткий рассказ об основании монастыря на Ущелье в 1614 году по смерти Иова от разбойников в 1628 году; за сим описываются чудеса, совершившиеся при гробнице преподобного с 1654 по 1663 гг.

Михей Радонежский, преподобный

Михей был любимый келейник преподобного Сергия, «возливавший», по выражению Епифания, «воду на руце его». Под руководством великого старца, подвизаясь в простоте сердца, Михей достиг такой высокой степени духовной чистоты, что один из всех сподвижников Сергиевых удостоился видеть Матерь Божию, посетившую своего избранника. Вот что поведает об этом другой ученик Сергиев, Епифаний.

Однажды, в глубокую ночь, преподобный Сергей совершал свое келейное правило и перед иконою Богоматери пел акафист, что он делал, по своему обычаю, ежедневно. Часто взирая он на святую икону и усердно молил Матерь Божию о своей обители. «Пречистая Мати Христа моего, – взывал святой старец, – Ходатаица и Заступница и крепкая Помощница роду человеческому! Буди и нам недостойным Ходатаицей, присно моли Сына Твоего и Бога нашего, да призрит Он милостиво на святое место сие, посвященное в похвалу и честь Его святого имени на веки! Тебя, Матерь Сладчайшего моего Иисуса Христа, призываем на помощь, рабы Твои, ибо Ты имеешь великое дерзновение у Сына Твоего и Бога! Будь же всем спасительное упокоение и пристанище!»

Так молился преподобный; его чистое сердце горело благодатным пламенем, его смиренный ум весь погружен был в молитву, и он, как дитя, в простоте души беседовал с Пречистой Матерью всех возлюбивших чистым сердцем Ее Божественного Сына.

Окончив молитву, он сел для отдохновения; но вдруг его святая душа ощутила приближение небесного явления, и он сказал своему келейному ученику, преподобному Михею: «Бодрствуй, чадо, мы будем в сей час иметь чудесное посещение». Едва сказал он это, как послышался голос: «Се, Пречистая грядет!»

Тогда старец встал и поспешно вышел в сени; здесь осиял его свет паче солнечного, и он узрел Преблагословенную Деву, сопровождаемую апостолами Петром первоверховным и

Иоанном девственником – Богословом. Не в силах будучи вынести этого чудного сияния и неизреченной славы Матери Света, преподобный Сергей пал ниц, но благая Мать прикоснулась к нему рукою и ободрила его словами благодати. «Не бойся, избранниче Мой, – изрекла Она. – Я пришла посетить тебя: услышана молитва твоя об учениках твоих, не скорби больше и об обители твоей, отныне она будет иметь изобилие во всем, и не только при жизни твоей, но и по отшествии твоём к Богу Я неотступна буду от места сего, и всегда буду покрывать его». Сказала так и стала невидима.

Вострепетал старец от страха и радости: несколько минут был как бы в восторженном состоянии, а когда пришел в себя, то увидел ученика своего Михея лежащим на полу, как бы умершим; великий наставник мог видеть Царицу Небесную, и слышать голос Ее, а ученик, пораженный ужасом, не в состоянии был видеть все, и видел только свет небесный».

«Встань, чадо мое», – кротко сказал старец. Михей пришел в чувство, но тут же упал к ногам преподобного Сергея. «Скажи, отче, Господа ради, – говорил он, – что это за чудное видение? Душа моя едва не разделилась от тела"...

Но Сергей и сам еще не мог говорить от волнения душевного, только лицо его цвело небесной радостью. «Подожди, чадо, – сказал он ученику, – и моя душа трепещет от этого видения».

Когда наконец старец несколько успокоился, то послал Михея пригласить двоих благоговейных мужей из братии – Исаакия молчальника и Симона экклесиарха. Те поспешили на зов своего старца-игумена, и он рассказал им все, что сейчас было у него в келлии. И все вместе совершили они молебное пение Богоматери, а преподобный Сергей провел всю ночь без сна, внимая умом Божественному видению, которое было венцом его подвигов еще здесь, на земле. «Не гаданием, не в сонном видении, а наяву видел Он Мать Божию, как видел Ее некогда преподобный Афанасий Афонский», – замечает при сем летописец.

По древнему преданию церковному и записанному в Никоновой летописи, это небесное посещение было в пост

Рождества Христова, в ночь с пятницы на субботу и, как думают, в 1384 году; по другому предположению, это событие относят к Рождественскому посту 1379 года, указывая на то, что в наступивших летом 1380 года трудных обстоятельствах (нашествие Мамаю) сам великий заступник земли Русской, прп. Сергей, имел духовную нужду в особенном подкреплении, и обращают внимание на то, что преподобный послал на поле Куликово именно Богородичную просфору.

В благодарное воспоминание сего чудного посещения в обители преподобного Сергия установлено каждую пятницу, с вечера, совершать всенощное бдение с акафистом Богоматери, в юго-западном притворе Троицкого собора, на том месте, где, по преданию, стояла келлия преподобного Сергия и где красуется теперь величественная икона, изображающая это чудное пришествие Небесной Гостьи.

Кроткий ученик кроткого старца преставился еще при жизни своего аввы 6 мая 1385 года. Мощи его почивают под спудом небольшой церкви, устроенной и освященной 10 декабря 1734 года по указу Святейшего Синода, «в честь явления Богоматери преподобному Сергию», свидетелем чего удостоился быть Михей.

Май 7

Иоанн Зедазнийский, преподобный, и 12 его учеников

Преподобный Иоанн Зедазнийский и 12 его учеников: Авив, епископ Некресский, Антоний Марткобский, Давид Гареджийский, Зенон Икалтский, Фаддей Степанцминдский, Исе, епископ Цилканский, Иосиф, епископ Алавердский, Исидор Самтавийский, Михаил Улумбийский, Пирр Бретский, Стефан Хирский, Шио Мгвимский – святые, сирийские (каппадокийские) подвижники, основатели грузинского монашества, пришедшие в Грузию из Каппадокии в середине VI века. Тринадцать святых каппадокийских отцов, вероятно, были грузинами, получившими духовное образование в знаменитой лавре святого Симеона Столпника и в других монастырях Сирии и Месопотамии с целью вернуться на родину и содействовать ее христианскому просвещению.

Святой Иоанн Зедазнийский, глава этих подвижников, получил духовное образование в Антиохии. О месте его рождения и о родителях сведений не сохранилось. В молодые годы он принял монашество и предался уединенной аскетической жизни, стяжав впоследствии удивительную кротость, смирение и дар чудотворения. Слава о духовных подвигах привлекла к нему множество учеников. И вот в сонном видении Матерь Божия предстала Иоанну, главе сирийских Отцов, в пределах Антиохийских, и велела ему с 12-ю учениками своими идти утверждать христианскую Иверию. Святой Иоанн Зедазнийский избрал по жребию 12 человек и, исполняя повеление Божией Матери, отправился с ними в Грузию. По дороге они получили благословение от святого Симеона Столпника Младшего († 596), а в Мцхете, древней столице Грузии, перейдя «немокрыми ногами» реку Куру, были радостно встречены народом, царем Парсманом (542–557) и Католикосом-Архиепископом Евлаviем (552–560). Летописцы повествуют, что святые каппадокийские отцы обратились к встречавшим их на грузинском языке, а войдя в соборный храм Свети-Цховели и простершись перед Животворящим Столпом,

славили и благодарили Бога. По благословению Католикоса Евлавия святой Иоанн вместе с учениками поселился на горе Зедазени (отсюда наименование святого Иоанна – Зедазнийский), где некогда было языческое капище и возвышался идол. Подвижники жили в шалашах, питались травами и кореньями, постоянно пребывая в молитве и духовных размышлениях. К ним притекало множество больных, получавших исцеления по их молитвенному предстательству. Да и число монашествующих около аввы Иоанна беспрестанно увеличивалось, так что самая гора, служившая им жилищем, лишилась непроходимых некогда лесов своих. После избрания святых Авива и Исе епископами святому Иоанну опять явилась во сне Божия Мать, ранее пославшая его на дальний подвиг, и с Нею равноапостольная просветительница страны сей Нина и повелела ему послать своих учеников по разным местам Грузии для проповеди Сына Божия и пастырского назидания. Проснулся авва, собрал учеников и велел им готовиться исполнить небесную волю, идти туда, куда каждому из них укажет путь Дух Святой, руководивший их в Иверию. Это была вторая горькая их разлука, тяжело было расставаться с любимым учителем уже в краю чужом, но никто не смел противоречить воле Божией. Сам св. Иоанн представил их Католикосу, открыл чудное свое видение и просил благословить их на новые подвиги; потом отпустил с молитвою, дав каждому в сопровождение по одному иноку. Один только святой Шио, как любитель одинокой жизни, просил блаженного авву благословить его на жизнь отшельническую и получил его согласие.

Все они учили народ, наставляли его в вере, уничтожали мрак суеверия и истребляли оставшиеся в горных теснинах идолослужение и капища, вместо чего воздвигали святой крест и святые храмы, устроили в народе гражданственность.

Святой Зенон, «столп сладкого послушания», завершив проповедь в горах верхней Кахетии, основал монастырь в Икалто, где и был после великих подвигов погребен в соборном храме в честь Нерукотворенного образа Спаса.

Святой Фаддей (по-грузински Тате) вначале остался в Мцхете, устроив по повелению святого Иоанна монастырь у подножия горы Зедазени для приходящих к учителю. После смерти святого Иоанна святой Фаддей проповедовал в Карталинии, где основал много церквей, в том числе храм в честь святого первомученика Стефана в городе Урбниси. Впоследствии он поселился в пещере на горе Цлеви близ города Каспи, на вершине которой также основал храм в честь святого первомученика Стефана. В этой пещере у основания храма были погребены мощи святого Фаддея, «образа чистой правды и веры».

Святой Исидор, «вертоград добродетели», после долгих апостольских подвигов устроил монастырь в Самтависи в честь Нерукотворенного образа Спаса, где и почивают его святые мощи.

Святой Михаил много потрудился в утверждении христианства в горах верхней Карталинии и Осетии. Близ местечка Улумби он основал большую обитель. В соборном храме этой обители, обращенной в XIX веке в приходскую церковь, покоятся его святые мощи.

Святой Пирр, «Божественный образ плача», основал обитель на левом берегу реки Дванис-цхали, близ местечка Брети. В храме обители были положены его честные мощи.

Святой Стефан, «венчанный силою и ведением», после долгих апостольских трудов в нижней Кахетии основал обитель близ местечка Хирсы. Он был погребен в соборном храме в честь святого первомученика Стефана, с левой стороны алтаря у жертвенника.

Распустив таким образом учеников своих, пришедших с ним из Сирии, Иоанн повелел одному из них, Фаддею, бывшему потом настоятелем Степанцминдским, соединить все множество оставшихся братий в одну обитель у подошвы горы Зедазенской, а сам уединился на ее вершине с одним только верным ему диаконом Илией, который служил опорой его старческой немощи. Безводна была сия вершина, и трудился ежедневно ученик аввы,нося на нее воду от подошвы. Сжалился над ним блаженный учитель и слезами своими

испросил у Господа живую струю. Однажды ученик святого, подшед к источнику, увидел прямо против себя медведя необычайной величины, и с ужасом бежал к своему учителю. Авва вышел из пещеры и сказал зверю: «Пей, если жаждешь, и иди, но говорю тебе: отныне никому не смей вредить на горе сей», – и дикий зверь смиренно повиновался достигшему духовной высоты первого человека, которому повиновались все звери сельные в раю. Но что удивительно, по словам писателя жития Иоаннова, заповедь блаженного отца доселе соблюдается, через столько лет, ибо никогда не слышно каких-либо несчастий от зверей сих на горе, хоть теперь они суть единственные жители опустевшей обители.

Непрестанные чудеса истекали от великого старца. Привели к нему расслабленного всеми членами и просили о помиловании. Тяжким казалось авве такое всенародное испытание его смирения, однако, движимый состраданием, он произнес слова Господни к расслабленному Капернаума: «*Восстань, возьми одр твой и ходи (Мф. 9, 6)*, ибо исцеляет тебя Иисус Христос», и воспрянул болящий. В другой раз представили ему отрока, одержимого духом немым и глухим; великий старец воззвал к связавшему его врагу человеческому: «Душе злый, зачем терзаешь ты творение рук Божиих? Именем Господа нашего Иисуса Христа изыди из него и беги в места пустынные и непроходимые!» И внезапно проговорил отрок, как некогда исцеленный Самим Господом. Авва же сказал изумлявшимся людям: «Не удивляйтесь проявлению величия Божия, ибо не я врачую, а имя Господа нашего Иисуса Христа, Который пришел спасти род человеческий от силы диавольской и говорил ученикам своим: «Верующий в Меня не только сотворит дела, какие Я творю, но и больше сих сотворит, так что вы изумитесь''' (Ин. 14, 12).

Святой Иоанн сумел противостоять козням злых духов, которых изгнал именем Христа из пределов Мцхета. И кто исчислит все чудеса Иоанновы, как в Сирии, так равно и в новом его отечестве. Пришло наконец ему время упокоиться от многих трудов своих. Получив откровение о своей смерти, он пригласил к себе некоторых из учеников сирских и новых,

поселившихся у его горы, и сказал им: «Дети, близок час мой, боюсь и при последней минуте, чтобы мне не отклониться от спасительного пути; вы же непрестанно бодрствуйте, ибо ходит, как лев, враг душ наших, ищущий кого бы поглотить. Прошу вас непрестанно обо мне молиться и вспоминать меня перед престолом благодати». Так велико было смирение аввы, помнившего заповедь евангельскую: *Егда сотворите повеленная вам, глаголите яко раби неключими есмы* (Лк. 17, 10). Строго заповедал он ученикам своим св. диакону Илие и св. Фаддею Степанцминдскому, погребсти его на месте подвига, в той пещере, где много лет спасался. Причастившись Святых Божественных Таин, преподобный пришел как бы в некий восторг; он созерцал отверстое небо и вокруг себя бесплотное воинство Сил Небесных со множеством святых, которые сретали раба Божия, прославившегося на земле ангельским житием своим. И, оставаясь в таком духовном восторге, он предал Господу чистую свою душу. Кончина святого Иоанна последовала между 557 и 560 гг., при Католикосе Макарии (553–569).

Ученики не исполнили завета старца, ибо почитали недостойным для него гробом убогую пещеру на недоступной горе. С великим торжеством, в сопровождении сонма духовенства положили они блаженного Иоанна в раке, для него приготовленной в нижней обители. Но смиренному не угодно было такое непослушание: живой и по смерти, он изъявил им волю свою тем, что страшное колебание земли около обители привело в ужас непокорных. Они вспомнили заповедь старческую и открыли Католикосу последнюю волю усопшего. Повиновался Католикос, с духовным собором поднял святые мощи Иоанновы и перенес их торжественно в убогую пещеру, освященную долгим его пребыванием на вершине горы. Тогда успокоилась земля, и множество исцелений еще более ознаменовали святость угодника Божия. В X веке при Католикосе архиепископе Клименте (908–923) на южной стороне этой пещеры была построена церковь в честь Иоанна Крестителя, бывшего Ангелом блаженного подвижника, так что святые мощи прп. Иоанна Зедазнийского оказались у ее

предела, у жертвенника. Остатки этой церкви доселе существуют на пустынной горе, обросшей опять густым лесом, ибо она возвратилась к прежнему своему безмолвию.

Антоний Печерский, преподобный – преставление

Преподобный Антоний, основатель иноческой жизни в России, скончался 7 мая 1073 года на 90-м году своей жизни. Днем кончины преподобного Антония по древним святцам поставлено 7 мая. В Минее митрополита Макария под 7 числом мая помещено «слово о св. Антонии Печерском».

В старинных святцах память о прп. Антонии также под 7 мая, а под 10 числом июля в уставе замечено: «Соборная Церковь Антонию не празднует»; эта заметка дает видеть, что в то время лавра уже праздновала прп. Антонию 10 июля. Но обычай праздновать прп. Антонию 10 июля, а не 7 мая, вошел в общее употребление, и во всех святцах и календарях память прп. Антонию помещается под 10 числом июля, под каковым помещены и сведения о жизни его.

Нил Сорский, преподобный

Преподобный Нил Сорский происходил из дворянского рода Майковых, родился в 1433 году. Начало иноческой жизни положил в Кирилло-Белозерской обители, где пользовался советами мудрого и строгого старца Паисия Ярославова, впоследствии игумена Троице-Сергиева монастыря. Спустя несколько времени, он вместе с учеником своим и сотрудником монахом Иннокентием отправился в паломничество по святым местам восточным. Несколько лет провел он на Афонской горе и в монастырях константинопольских, изучая все виды монашеского подвижничества, в особенности – неизвестный ему дотоле вид скитского жития. Главным образом он везде старался вникнуть в смысл и дух так называемого умного иноческого делания, внутреннего самоиспытания, все применяя к себе, к собственной духовной жизни. Внимательно св. Нил изучал и опытом проходил наставления богомудрых древних отцов Антония Великого, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Варсонофия, Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, Максима Исповедника, Исихия, Симеона Нового Богослова, Петра Дамаскина, Григория, Нила и Филофея Синайских. И, возлюбив скитский образ жизни, пребывая еще на Афоне, у него явилась мысль и по возвращении на родину начать этот новый, по образу восточных подвижников, вид жизни для иноков. До него на Руси было два вида иночества: общежительный и отшельнический. Нил положил начало третьему – среднему пути подвижничества: иноки селились один от другого на таком расстоянии, чтобы можно было только слышать голос друг друга, а подвизались каждый особо. Возвратясь на Русь в Белозерский монастырь, преподобный Нил уже не остался жить в нем, ибо слишком глубоко запала в душу его любовь к уединению. Сначала срубил себе келлию недалеко от монастыря; потом отошел за 15 верст, где обрел свою Палестину в дикой глуши Вологодской земли на берегу безвестной реки Сорки. Там водрузив крест, поставил сперва часовню и уединенную келлию, и при ней ископал кладезь, а

когда собралось к нему для сожития несколько братии, то построил деревянную церковь Сретения Господня. Таким образом составил первый Русский скит с новым в то время уставом, заимствованным Нилом на Афоне.

Как для себя, так и для учеников своих преподобный Нил поставил правилом не общежительное житие, а строгое скитское. При построении храма надлежало сделать на болотистой почве высокую насыпь, тем более, что под церковью назначалась братская усыпальница. Руками богомудрого старца и живших при нем скитников насыпан был высокий холм для храма и усыпальницы. Келлии поставлены на возвышении: каждая от другой и от храма на расстоянии брошенного камня. Скитники собирались в храм свой, по примеру восточных, только по субботам, воскресеньям и праздникам, в прочие дни каждый молился и трудился в своей келлии. Всенощная скитская продолжалась всю ночь в полном смысле слова: за каждой кафизмой предлагалось по три и четыре чтения из отцов. Во время литургии пели только Трисвятую песнь, Аллилуия, Херувимскую и Достойно; все прочее читалось протяжно, на распев. В субботу приходили в братскую усыпальницу, где совершалась панихида за упокой усопших. В завещании ученикам преподобный Нил так изображает внешнюю сторону скитского жития: а) пропитание снискивать трудами рук, но не заниматься даже земледелием, так как оно по сложности своей неприлично отшельнику; б) только в случае болезни или крайней нужды принимать милостыню, но не ту, которая могла бы служить кому в огорчение; в) не выходить из скита; г) в церкви не иметь никаких украшений из серебра, даже и для священных сосудов, а все должно быть просто; д) здоровые и молодые должны утомлять тело постом, жаждою и трудом, а старцам и слабым дозволяется успокоение в известной мере; е) женщинам отнюдь не входить в скит. Не многосложны правила для наружной жизни. Но преимущественный труд и подвиг скитского жития состоит во внутреннем подвижничестве, строгом наблюдении над состояниями души, в очищении ее молитвами и богомыслием. И главным подвигом иноков была борьба со своими помыслами и

страстями, в результате чего в душе рождается мир, в уме – ясность, в сердце – сокрушение и любовь. Сие-то подвижничество преподобный Нил изображает довольно подробно в завещании для учеников своих и в обширном сочинении: «Предание о жительстве от святых отец учеником своим», или скитском уставе, где излагает ступени этого спасительного мысленного делания. Первая ступень – отречение от мира, в частности, от всяких мирских развлечений; вторая – непрестанная молитва, сопровождаемая памятью о смерти. Отличительная особенность сего «Предания» или устава преподобного Нила Сорского от всех других уставов, писанных основателями монастырей, состоит именно в том, что все внимание преподобный Нил сосредотачивает на внутренней духовной жизни во Христе, на чисто духовном воспитании человека-христианина.

Преподобный Нил при скитническом образе жизни исключал монастырское земледелие, считал, что иноки должны жить только трудом своих рук. Сам он был для братии образцом трудолюбия и отличался крайней нестяжательностью.

Продолжая изучать Священное Писание и творения святых отцов, преподобный Нил устраивал жизнь обители по заповедям Божиим и советам святых. Прежде чем приступить к какому-либо делу, он соотносил это дело с поучениями святых отцов. В письме к своему сподвижнику Иннокентию он писал: «Живя наедине, занимаюсь испытанием духовных писаний: прежде всего испытываю заповеди Господни и истолкования, и предания апостольские, потом жития и наставления святых отцов. О всем том размышляю, и что, по рассуждению моему, нахожу богоугодного и полезного для души моей, переписываю для себя. В этом жизнь моя и дыхание. В немощи моей и лени возложил упование на Бога и Пречистую Богородицу. Если что случается мне предпринимать и если не нахожу того в Писании, на время отлагаю в сторону, пока не найду. По своей воле и по своему рассуждению не смею предпринимать что-нибудь. Живешь ли отшельнически или в общежитии, внимай святому Писанию и следуй по стопам отцов или повинуйся тому, кто известен тебе как муж духовный в слове, и жизни, и

рассуждении. Святое Писание жестоко лишь для того, кто не хочет смириться страхом Божиим и отступить от земных помышлений, а желает жить по своей страстной воле. Иные не хотят смиренно испытывать Священное Писание, не хотят даже слышать о том, как следует жить, как будто Писание не для нас писано, не должно быть выполняемо в наше время. Истинным же подвижникам и в нынешние, и во все века слова Господни всегда будут словами чистыми, как очищенное серебро; заповеди Господни для них дороже золота и камней драгоценных, слаще меда и сота». Об этом же он писал и в другом письме: «Аз убо не творю без свидетельства Божественных Писаний... О себе же не смею творити, понеже невежда и поселянин есмь». Начитанность преподобного Нила в творениях святых отцов была так велика, что он цитировал их наизусть.

Слава блаженного Нила возсияла гораздо далее стен русских обителей. Его знали и уважали русские иерархи. Когда в Новгороде открылась ересь жидовствующих и всюду распространены были ожидания кончины мира в 1492 году, архиепископ Новгородский Геннадий просил Иоасафа, архиепископа Ростовского, посоветоваться между прочим с преподобным Нилом, как он думает о сих ожиданиях: «да что бы еси послал по Паисия (Ярославова), да по Нила, да с ними бы еси о том посоветовал: прейдут три лета, кончается седьмая тысяча и проч...» В 1490 году состоялся против ереси жидовствующих собор: старцы Паисий и Нил приглашены были в Москву на собор. По летописям и актам известно, что в 1503 году был еще «собор на Москве». Блаженный Нил присутствовал и на сем соборе. Замечательно, что этим строгим отшельником внесено было в соборные рассуждения предложение освободить монастыри от управления вотчинами, то есть населенными имениями. Вопрос этот поднял жаркие рассуждения. Волоколамский игумен Иосиф, столько известный в древней духовноотеческой литературе своими трудами, защищал имения монастырские, приводя свидетельства прп. Феодосия, общего жития начальника, прп. Афанасия Афонского и настоятелей других обителей, которые владели селами. А

блаженный Нил, предлагая, чтобы у монастырей сел не было, требовал, «чтобы жили бы чернецы по пустыням, а кормились бы рукоделием». К мнению Нила пристали многие иноки Кирилло-белозерские и даже некоторые из других монастырей. Однако же по их воле не состоялось. После смерти преподобного Нила мысль его долго жила в умах учеников его. Один из них, князь Вассиан Косой, сильно поборал, «еже бы у монастырей не было сел, и с ним другие старцы, с ними ж святогорцы», в числе которых был преподобный Максим Грек, даже пострадавший за это впоследствии от митрополита Даниила, хотя виной гонения была вымышленная на него ересь.

Но главное в житии преподобного Нила – это то, что он до смерти остался верен своему уставу, олицетворяя его начала не только в общественных вопросах, каков вопрос о монастырских имениях, но и в своей собственной жизни и подвигах.

Еще значительно ранее своей смерти преподобный Нил, посылая Иннокентия в пределы Вологодские на реку Нурму для учреждения обители и предсказывая ей процветание общежитием, на счет своей скитской пустыни заметил: «Здесь же как было при жизни моей, так пусть будет и по смерти: братия пусть живут по одиночке каждый в своей келлии». Эти слова сохранились, как завещание и были исполняемы по смерти блаженного Нила.

Умирая, преподобный Нил оставил следующее завещание ученикам своим: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Завещаю яже о себе, моим присным господам и братиям, яже суть моего нрава. Молю вас, повергните мое тело в пустыни, да изъядят е звери и птицы: понеже согрешило есть Богу много и недостойно есть погребения. Аще ли сице не сотворите, то, ископавши ров на месте, идеже живем, со всяким безчестием погребите мя. Бойтесь же слова, еже Великий Арсений завеща учеником своим, глаголя: на суде стану с вами, еще кому дадите тело мое. Тщание бо и мне было то, елико по силе моей, да не сподоблен буду чести и славы века сего некоторые, якоже в житии сем, тако и по смерти моей. Молю же всех, да

помолятся о души моей грешней, и прощения прошу от всех и от Мене прощение да будет, Бог да простит всех нас».

Со стороны блаженного Нила это завещание служит выражением глубочайшего его смирения перед Богом и людьми, которое достойно бы изобразить словами пророка Давида: *смирися до зела, Господи (Пс. 118, 107)*.

Великий старец отошел ко Господу 7 мая 1508 года в третью неделю по Пасхе – святых жен-мироносиц; будучи 75 лет от рождения.

И предсмертное желание великого ревнителя нищеты и смирения исполнилось; обитель его осталась одной из самых малолюдных и бедных на севере России, и святые мощи его почивают под спудом в приделе его имени в убогой деревянной церкви во имя Иоанна Предтечи.

Царь Иоанн Грозный в 1569 году хотел построить каменный храм над гробницей преподобного Нила. Но богоносный ревнитель скитской простоты в сонном видении запретил царю эту постройку. Прошло несколько столетий, и уже в нашем столетии возобновилась мысль о каменной церкви в честь преподобного Нила; но своды ее обрушились над самой ракой основателя обители, причем чудесно спаслись от гибели трое каменщиков, работавшие в церкви.

Дико, мрачно, пустынно место, избранное преподобным Нилом. Речка Сорка чуть струится по болотистой, низкой местности, на которой устроен скит. Там целы еще выкопанные дивным подвижником небольшой пруд и колодезь с весьма вкусной водой, целебной для верующих. Еще цела власяница преподобного Нила: волосья ее колются, как иглы.

Святая Церковь впоследствии времени, по указанию свыше, причислила Нила к лику преподобных отцов, и память его положено совершать по церковному месяцеслову 7 мая, в день его блаженного успения. Особенной службы преподобному Нилу не составлено, и торжество в честь и славу имени его совершается по общей Минее. Замечательно предание о священном лике преподобного, написанном на его гробовой доске.

Один богатый человек Московского государства захвачен был татарами и многие годы оставался у них в плену. Сильно скорбел он о своем семействе и призывал себе на помощь угодников Божиих. Однажды ночью явился к нему в тонком сне светолепный старец и велел написать образ преподобного Нила, обещая возвращение на родину. Пробудившись от сна, он хотел спросить, как может это исполнить; но явившийся, как молния, уже скрылся от его взора, ослепленного ярким светом. Пленник начал размышлять сам с собой: кто это преподобный Нил, о котором впервые слышал, и где обретается? Он стал приывать его на помощь, хотя и не ведал его. И вот опять в другую ночь является ему тот же старец и говорит: «В пределах Белозерских Нил, за двенадцать поприщ от Кириллова монастыря». Вскочив с постели, пленник яснее хотел разглядеть лицо явившегося и подробнее его расспросить, но опять столь же быстро стал невидим старец, оставив за собой струю света и благоухания. Тогда уверовал человек, что, действительно, послал Господь к нему Своего угодника, и молил святого Нила, дабы явил ему яснее лик свой: и в третью ночь является ему преподобный, оставляет у его возглавия начертание своего лика и говорит ему утешительное слово: «Человек Божий, возьми лист сей и иди в Русскую землю».

Едва опомнился утешенный узник и, действительно, обрел у своего изголовья начертание лика преподобного. Со слезами молил он Господа и Его угодника указать ему путь, чтобы избавиться от руки неверных; и опять был к нему голос: «Иди ночью в степь и увидишь перед собой яркую звезду; последуй за нею и избежешь агарян». Пленник, укрепляемый верой, дерзновенно ночью пустился в неизмеримую неведомую степь, взяв с собой немного хлеба, и дивная звезда его руководила, по обещанию Нила, доколе не воссияла заря. Тогда услышал он за собой топот коней и крики варваров, ищущих своей добычи; в ужасе пал он на землю, моля Господа о своем сохранении, и Господь осенил его невидимой силой от их взоров, так что они с воплем пронесли мимо. День и ночь странствовал он по бесприютной степи, и вот подходит к реке глубокой и быстрой, хотя и не широкой, а перевозчика нет, и течение ее – через всю

степь. Варвары знали, что нельзя миновать реки, и гнались до ее берега с твердой уверенностью, что поймут своего беглеца. Увидев его издали, устремились на него с дикими воплями и обнаженными мечами; он же, не видя себе ни откуда спасения, оградился знаменем крестным и бросился в реку: быстро понесла его вода вниз по течению, и напрасно стреляли в него с берега агаряне, ибо его охраняла благодать Божия. Быстрее их коней мчала его река: они возвратились, почитая его уже утопшим, но река плеском волны выбросила человека на противоположный отлогий берег, оттоле беспрепятственно шел он через степь, питаясь былием травным и непрестанно призывая в молитвах Господа и Его угодника Нила.

Река сия, вероятно, была Донец, которая в то время служила границей от Крымской орды: освобожденный пленник благополучно достиг городов русских. Прежде, чем войти в дом отеческий, он отыскал в Москве иконописца и велел изобразить лик преподобного, с листа ему данного, в меру гробовой доски; потом созвал священников и убогих и, угостив их трапезой, снабдил их обильной милостыней, рассказывая все, как избавил его Господь от плена. Когда же написан был образ преподобного, сделал большое торжество в честь святого Нила, и с верным служителем послал честную икону в скит его, снабдив его многими дарами и церковной утварью. Икона сия и доселе лежит на раке и молитвами преподобного Нила истекают из нее исцеления. Преподобный изображен в одежде схимнической, в благолепном покое посмертного созерцания, начатого им еще на земле. «Преподобный отец наш Нил, Сорский чудотворец, подобием сед, брада аки Кирилла Белозерского, но у сего курчевата; ризы преподобнические, в руках свиток». Такое описание внешности преподобного сохранилось в «Иконописном подлиннике».

Преподобный Нил Сорский считается основателем скитского жития в России во внешнем и внутреннем быту, основой которого было духовное делание, то есть внутренняя созерцательная молитва, непрестанно совершаемая умом в сердце.

О такой сокровенной жизни во Христе *о Немже подобает спастися нам* (Деян. 4, 12) ясно учит и слово Божие. Так, Марфа, заботясь об угощении, показала нам пример лишь деятельного служения ближним, в то время как Мария, ее сестра, избравши благуя часть и сидя у ног Иисусовых, подала нам образ более богоугодного делания, созерцательного молитвенного предстояния в подражание ангельских умных существ, которые немолчными устами (лишь умом) славят Сокровенного. И это высшее духовное умное служение в духе и истине приводит к богообщению и напоминает херувимское богоношение душой Бога Слова.

Такая душа телесно оставила все богатство и стяжания мира, оставила и «прежние правы, пороки и страсти как душевные, так и телесные и, отвлекая свой ум от всего настоящего и видимого, только будущее, вечное, невидимое созерцает» (прп. Иоанн Кассиан).

Преподобный Нил известен не только как основоположник скитского жития и великий подвижник, но и как духовный писатель. Благодатное предание великого старца, составленное на основании творений святых отцов, как бы поучает с времен русской старины жить жизнью «Святой Руси» и искать прежде всего *Царствия Божия и правды Его* (Мф. 6, 33).

И если Св. Писание говорит, что мы здесь странники и пришельцы (Евр. 11, 13), а потом для нас, после смерти, наступит вечная неизменная жизнь, или блаженная, или исполненная мучений, какую воздаст Господь каждому по делам его, то нам особенно нужно попещись о будущей загробной жизни.

Должно возбуждать совесть к лучшему, сохранить себя от дурной жизни и не мудрствовать по плоти и злобно от преданий лукавых и суетных, которые приходят нам от общего врага и льстеца нашего дьявола и нашей лени.

В учении о вере св. отец завещает веровать во Единого Бога в Троице славимого, Отца и Сына и Святого Духа; Сына Божия исповедовать, что Он Истинный Бог и Совершенный Человек. С великой верой и любовью должно величать и славить Господа, Пречистую Святую Богородицу, всех святых.

Прп. Нил в исповедании веры пишет: «Всею моею душою прибегаю ко Святой Соборной Апостольской Церкви; ея учение, которое она приняла от Самого Господа и свв. апостолов, так же постановлением святых седми Вселенских Соборов и Соборов Поместных, и учение святых отцов о православной вере и благочестивой жизни – все это принимаю с великой верой и любовью. Еретические же учения и наставления проклинаяю, и да будут нам чужды все еретики...»

Преподобный Нил напоминает заповедь о труде, говоря: «И то осмотнительно, – заповедали нам св. отцы, – что всякий от своих праведных трудов, своего рукоделия и работы должен приобретать себе дневную пищу и все необходимое. Апостол Павел сказал: *Кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2Фес. 3, 10). Приобретение же с вымогательством, собранное трудами других, никак не послужит нам на пользу... Все это и подобное мы должны от себя отгонять, как смертоносный яд».

В Уставе скитского жительства, составленном для братии, преподобный Нил более всего обращает внимание иноков на умное делание, под которым также подразумевает глубокую молитвенность и духовное подвижничество. Он с любовью поучает о важности «мысленного делания», то есть богомыслия, созерцания, сердечной молитвы, или внутренней беседы с Господом.

Учение о хранении ума и сердца, об очищении внутреннего человека преподали нам многие святые отцы, как научились они от Самого Господа. Преподобный Нил (в слове первом) указывает степень мысленной борьбы при действии на нас помыслов. Дьявол со своими бесами может смущать своими помыслами (подобно словам, речам, беседам) наши мысли и колебать ум всякого человека. Причем дьявол свои внушения заставляя принимать человеку как собственные, как плод якобы своего сознания и мышления. Разумная же и искусная борьба состоит в том, говорят святые отцы, чтобы отсекал и отгонять от себя дурной помысл, то есть прилог, в самом начале, и непрестанно молиться; ибо кто сумеет противиться первому прилогу помысла, тот, сказано, одним ударом пересечет все последующие действия. Потому что, кто борется

разумно, тот отвергается корня зла, то есть лукавого прилога мыслей. Особенно во время молитвы должно стараться сделать свой ум глухим и немым (к предметам посторонним), как сказал прп. Нил Синайский, и иметь сердце безмолвным ко всякому помыслу даже по-видимому доброму, говорит Исихий Иерусалимский, ибо за бесстрастными помыслами следуют уже страстные, как известно из опыта, и вход в сердце первых бывает причиной входа последних. И поскольку, как сказано, что за подобными помыслами следуют и дурные, то и нужно принудить себя не допускать и таких помыслов, о которых мы думаем, что они хороши, а постоянно созерцать глубину своего сердца и говорить: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного! И повторять так должно всегда с усердием, когда стоишь, или сидишь, или лежишь, умом и сердцем, сокращая даже сколько можно дыхание, чтобы не так часто дышать, как говорит Симеон Богослов. Григорий Синаит сказал: «Призывай Господа Иисуса со всем желанием, но терпеливо, с ожиданием, избегая всех злых помыслов». А что св. отцы советуют сдерживать свое дыхание, чтобы дышать не часто – опыт скоро научит, что это весьма полезно для сосредоточения ума в молитве. Если же не можешь молиться в безмолвии сердца и без помыслов, а видишь даже, что они умножаются в твоём уме – не унывай, а продолжай молитву. Блаженный Григорий Синаит, зная в точности, что нельзя нам, страстным, решительно победить лукавые помыслы, так говорит: «Никто из новоначальных сам собою не может удержать ум и помыслы: ибо удерживать ум и отгонять помыслы – свойство искушенных и сильных. Но и они не сами по себе отгоняют их, но с Божией помощью решаются на брань против них, как облеченные благодатью и всеоружием Господа! – В случае же расслабления и изнеможения призывай Бога на помощь и понуждай себя, сколько есть силы, не прерывая молитвы; и все сие совершенно, Божией помощью, отгонится и исчезнет.

Особенно нужно стараться о благочестивой деятельности ночью. Ночью, говорит прп. Филофей Синаит, более очищается ум.

Делание сие, то есть соблюдение ума в сердце, устранив все помыслы, весьма трудно не только для новоначальных, но и для долго трудившихся делателей, которые не сознали еще всей сладости молитвы от действия благодати в сердце. И из опыта мы знаем, как трудно и неудобоприлежно кажется это немощным.

На все злые помыслы надо призывать в помощь Бога. Хорошо молиться краткой молитвой, словами Священного Писания и помышлять о смерти, когда душа Божиим велением отойдет от тела. Нужно еще и сокрушение сердца, сетование и плач о грехах, ибо слезы избавляют нас от вечных мук. И это есть лучшее из всех дарований человеколюбия Божия, которое приводит к чистоте, бесстрастию и любви.

Тогда рождается внутренняя радость, и льющиеся слезы сами собой без усилия утешают скорбную душу, подобно тому, как младенец в одно и то же время и плачет и смеется. Тогда облегчается нападение от мысленного, невидимого демона – умирение помыслов и братская духовная любовь ко всем людям.

И когда сподобится кто благодати, тогда молится без труда и с любовью, будучи подкрепляемым и утешаемым ею. «И когда воздействует молитва, тогда действие ее покоряет себе ум, веселит его и освобождает от пленения лукавого», – сказал святой Григорий Синаит.

Когда же душа, подвигнутая духовным действием, приблизится к Божественному и через непостижимое общение уподобится Божеству, и просветится в своих движениях лучом высокого света, а ум сподобится ощущения будущего блаженства, тогда забывает и себя, и окружающих, и теряет, так сказать, и способность к самостоятельности в чем-нибудь. И в другом месте говорят, во время молитвы ум, сверх желания, восхищается к мыслям бесплотным, и никакие чувства не могут выразить сего. Тогда внезапно возжигается в тебе радость, язык умолкает, и не в силах будучи высказать всю сладость ее. Из сердца изливается постепенно некоторая сладость, которая неощутительно сообщается всему человеку: все тело его проникает такая духовная пища и радование, что язык

человеческий забывает о всем земном и вменяет его ни во что. И когда подобная кипящая сладость сообщается и телу человека, он думает тогда, что это-то состояние и есть Царство Небесное. В другом месте говорит: получивший радость о Боге не только не прилепляется страстями, но и не обращает внимание на свою жизнь.

Любовь к Богу для него дороже жизни, и познание Бога, из которого рождается любовь, для него слаще меда и сота. Все это состояние души нельзя передать словами, говорит Симеон Новый Богослов. Какой язык скажет? Какой ум объяснит? Какое слово выразит? Страшно, поистине страшно, и выше всякого слова!

Обращаясь к лицу Господню говорит: «Вот Господь соделал меня не только равным Ангелам, но и даже выше их поставил меня: ибо Он, невидимый для них и неприступный по существу, мне всячески видим и соединяется с моим существом. Это есть то, о чем возвещает апостол: око не видело, ухо не слышало, и не приходило то на плотское сердце (1Кор. 11, 9). Будучи в таком состоянии, монах не только не захочет выходить из келлии, но пожелает ископать под землей пещеру, чтобы, уединившись от всех и от всего мира, созерцать Бессмертного Владыку и Создателя. Согласно с ним св. Исаак говорит: «Когда человеку будет снято покрывало страстей от мысленных его очей, он увидит Божественную силу, то ум его приходит в священный ужас. И если бы Бог не положил предела тому состоянию в этой жизни и не назначил время, которое полезно человеку провести в этом состоянии, то сам человек, если бы допущено было такому состоянию продолжаться всю его жизнь, кажется, никогда бы не пожелал прекратить оно дивного видения. Но Бог совершает так по Своей милости, чтобы на время умалаялась благодать Его во святых, дабы могли позаботиться и о братии, служа им своим словом, то есть поучением о благочестии, как говорит св. Макарий о тех, кои достигли совершенства, что они должны приносить себя в жертву от любви и сладости чудных видений.

А мы, непотребные, виновные во многих грехах, одержимые страстями, мы недостойны даже и слышать о подобных

предметах. Дабы хотя немного обратить внимание, каким окаянством мы объаты, какому безумию предаем себя, прилепляясь и пристращаясь к миру сему, скопля вещи тленные, и ради них вдаваясь в заботы и смуты со вредом для душ наших. И при всем этом думаем, что мы благотворим другим и вменяем то себе в похвалу. Но горе нам, что не познаем душ наших и не рассуждаем, к какой мы жизни призываемся, как говорит св. Исаак: мирскую жизнь, скорби мира или блага его и покой считаем мы за нечто важное.

В назидание приведем здесь несколько наставлений преподобного Нила о борьбе со страстями.

Отцы, говорит он, наставляют сопротивляться лукавым помыслам, сколько у нас есть силы. Последствием противоборства будут или венцы, или наказания. Венцы – победителю; муки же – согрешившему и не покаявшемуся в житии сем. Согрешение, муку заслуживающее, есть то, по словам Петра Дамаскина, когда кто помысл приведет в исполнение. Тем, кои твердо борются и среди сильной борьбы вражией не изнемогают, – тем соплетаются светлейшие венцы.

Мы же, зная все из Божественного Писания, если желаем искренно порадеть о деле Божиим, прежде всего и насколько возможно удалимся суеты сего мира, постараемся исторгнуть страсти, соблюдая сердце свое от лукавых помыслов и во всем исполняя заповеди Божии, сохраняя сердце. А чтобы блюсти сердце, нужно всегда иметь молитву. Это первая степень иноческого возраста, а иначе нельзя умалить страстей, сказал прп. Симеон Новый Богослов.

О борьбе со страстями чревоугодия, блуда, гнева и гордости преподобный Нил учит: «Если стужает, то есть сильный и всегдашний напор делает на тебя помысл чревообъядения, представляя тебе различные вкусные и дорогие яства, воспомяни тогда первое слово Господа: «Да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством» (Лк. 21, 34). И, помолясь Ему и Его на помощь призвав, размысли о том, что изрекли отцы: «Сия, – говорят они, – страсть (чревообъядения) в иноках корень всему злу, а наипаче – блуду»".

Велик нам подвиг в борьбе с духом блудным и крайне труден (лют зело), ибо борьба сия объемлет и душу, и тело. Когда стужают нас блудные помыслы, тогда надобно оживлять в себе страх Божий и приводить себе на память то, что от Бога ничто не может быть утаено, ни даже самое тонкое движение сердечное, и что Господь есть Судия и истязатель за все, и за самое тайное и сокровенное, и представлением стыда и срама можем отразить студное и гнусное намерение. В самом деле, вообразим себе, что мы застигнуты кем-либо в сквернодействе: не пожелали ли бы мы тогда лучше умереть, нежели обрестись в таком сраме? Главное же, и сильное победоносное оружие против духа нечистоты состоит в прилежной молитве ко Господу Богу, как учат святые отцы. Максим Исповедник наставляет вооружиться на блудные помыслы молитвой, заимствуя слова для молитвы у псалмопевца Давида: *Изгоняющи мя ныне обыдоша мя (Пс. 16, 11); радости моя, избави мя от обышедших мя (Пс. 31, 7)*. Прп. Иоанн Лествичник, беседуя о сем же предмете, представляет нам образец, какой молитвой побороть помыслы блудные: *Боже, в помощь мою вонми (Пс. 69, 2)* и сему подобное. Полезно в этом случае призывать на помощь тех святых, кои известны нам особенным подвигом своим и трудами в сохранении чистоты и целомудрия. Так, Даниил Скитский брату, ратуемому от блуда, приказывал молиться, призывая на помощь мученицу Фомаиду, за хранение целомудрия убиенную, молиться же так: «Боже, за молитвы мученицы Фомаиды, помози мне», и боримый брат, помолясь у гроба мученицы, тотчас избавлен был от блудной страсти. Если брань длится и нападение от врага не прекращается, то, встав и простерши на небо очи и руки, возопий к Могущему спасти тебя, не хитросложенными словами, но смиренным и простым вещанием сим. «Помилуй мя, Господи, яко немощен есмь», и тогда познаешь силу Вышнего, и невидимых врагов невидимо отженешь. Бей всегда ратники именем Иисусовым, ибо крепче сего оружия ты не обрящешь ни на небе, ни на земле.

Ежели кого-либо томит и мучит дух гневный, питая в нем злопомнение и пробуждая в ярости воздать злом и отмстить оскорбившему, то воспомянет он сей глагол Господень: *Аще не*

отпустите кийждо брату своему от сердец ваших прегрешений их, ни Отец ваш небесный оставит вам согрешений ваших (Мф. 18, 35; Мк. 11, 26).

Да будет нам известно, что если мы и добрые дела совершаем, а от гнева не воздерживаемся, то они неуютны Богу. Ибо сказано отцами: «Если гневливый и мертвого воскресит, молитва его не богоприятна». Сказано же сие не в том разуме, будто бы гневливый может воскресить мертвого, но для того, чтобы показать мерзость его молитвы. Великая, говорит авва Дорофей, и блистательная победа над гневным помыслом в том состоит, чтобы возносить молитву за брата, который оскорбил нас, взывая так: «Помози, Господи, брату моему (такому-то) и за молитвы его помилуй и меня, грешного». Здесь то, что молимся за брата, есть знак любви к нему и благорасположения; а призвание его молитв в помощь себе выражает наше смирение.

Должно, кроме сего и благодетельствовать ему по возможности. Так-то и исполняются сии заповеди Господа: *любите враги ваша, благословите клянуция вы, добро творите ненавидящим вас, и молитесь за творящих вам напасть (обиду) (Мф. 5, 44).* Исполняющему сие Господь обещал такое воздаяние, которое превышает все прочие обетования – обещал не только Царство Небесное, не только утешение и радость, как прочим, но сыноположение: *Будете, – сказал Он, – сынове Отца вашего, Иже есть на небесех (Мф. 5, 45).*

Все добрые дела должны совершаться для славы Божией, не из тщеславия и человекоугодия, ибо побежденный духом гордости – враг своему спасению. Нельзя превозноситься естественными дарованиями, ибо это не твоим трудом добыто, а от Бога. И тот, кто в гордости своей сопротивником своим возымел Бога, кто мерзок и нечист перед Ним, помысли: где, в чем, когда, и какое может он обрести благо? От кого получит милость? И кто очистит его? О, страшно и представить сие! Кто поработил себя гордости, тот сам и бес, и враг (ратник) для себя самого, – тот в себе самом носит скорую гибель. Да боимся убо и страшимся гордыни; да отрываем ее от себя

всевозможно, всегда памятуя, что без помощи Божией никакое добро не может быть сделано, и что ежели оставлены будем от Бога, то, как лист колеблется или как прах возмется от ветра, так и мы будем от диавола сметены и поруганы и соделаемся предметом плача человеков. Уразумев сие, всемерно потщимся проходить жизнь нашу во смирении.

Желающему обучиться смирению, сей Божественной науке, говорит святой старец: «Во-первых, должно ставить себя ниже всех, то есть почитать себя хуже и грешнее всех человек, и сквернее всех тварей, потому что вышел из порядка, всякому естеству тварей указанного, и горше самих бесов, потому что и они преследуют нас и побеждают. И не должны ли мы почитать себя хуже всех тварей, потому что всякая тварь сохранила то, что даровано естеству ее Творцом, а мы через свои беззакония потеряли совершенства и назначение, естественные нам по природе? – Поистине и звери, и скоты – честнее меня, грешного. Поистине, я – ниже всего, потому что я осужденник, и ад уготован мне еще прежде моей смерти.

Но кто не восчувствует и того, что грешник – горше самих бесов, яко их раб и послушник, и сожигатель их, во тьму бездны сойти к ним долженствующий? Воистину всякий, кто во власти бесов, горше и злосчастнее их самих. С ними низринулась ты, душа окаянная, в бездну! А посему, будучи жертвой тления, ада и бездны, почто прельщаешься умом своим и почитаешь себя праведной, будучи греховна, скверна и по злым делам своим бесподобна?... Увы тебе, пес нечистый и всескверный, во огонь и тьму кремешную осужденный! Горе прельщению и заблуждению твоему, о злобесне!»

Поэтому необходимо постоянное мысленное делание (молитва) и хранение ума (от злых и лукавых помыслов). И это есть возделывание и хранение рая ([Быт. 2, 15](#)), соблюдение веры, заповедей Христовых, побуждение к добротолочию, смирению, кротости, безмолвию внешнему и внутреннему, и все с рассуждением – требуется от всех, даже и от находящихся в великой болезни.

Постоянная же память о Боге, то есть умная молитва, выше всех деланий и есть глава добродетелей, как и любовь Божия.

Нелестный же учитель для христиан – Богодухновенное Писание, в котором сокрыта воля Божия.

Таким духом преисполнены все наставления благодатного сего старца, преподобного Нила Сорского. Его писания представляют богатую сокровищницу духовного опыта и могут служить не только иноку, но и всякому христианину прекрасным руководством к самопознанию в подвиге очищения сердца от страстей. Сам преподобный о своем «Уставе» говорит: «Всем прикладно (то есть полезно, нужно) иметь сие».

Кроме устава сохранилось несколько посланий преподобного к его ученикам. В посланиях к Кассиану говорится о борьбе с помыслами и о терпеливом перенесении скорбей; в послании к Иннокентию и Вассиану преподобный рассказывает о своей жизни и предлагает различные наставления. В двух посланиях к неизвестным инокам святой подвижник заповедует памятовать о смерти и дает советы, как бороться с греховными помыслами.

Преподобный Нил, совершенный инок, ревнитель и подражатель древних святых, заканчивая свои наставления и писания, говорит: «Все, что он писал, он заимствовал от святых отцов и подтверждает свидетельствами Божественных Писаний».

Нилово-Сорская Сретенская пустынь, заштатная, находится в Новгородской губернии, Кирилловского уезда, в 15 верстах от Кириллова, при речке Сорке.

Пахомий, мученик

Святой мученик Пахомий родился в Малороссии, носил имя Прокопий и в детстве был взят в плен татарами, которые продали его в рабство одному турку в город Усаки (Филадельфия в Анатолии). В рабстве он прожил 17 лет, снося терпеливо все обиды и поругания. Хозяин-мусульманин научил его кожевному ремеслу, полюбил его за его добрый нрав и хотел было выдать за него свою дочь. Прокопий отказался от брака, и хозяин отпустил его на свободу. Вскоре Прокопий тяжело разболелся, а когда выздоровел, то на него сделан был ложный донос, что во время болезни он отрекся от Христа и дал обещание сделаться мусульманином. Тогда Прокопий решился через Смирну удалиться на святую Афонскую гору, где и поселился близ монастыря св. Павла у одного благочестивого старца иеромонаха Иосифа, который и постриг его в иноки с именем Пахомия. 12 лет он подвизался вместе с этим старцем, но потом, наслышавшись о великих подвигах и богоугодной жизни замечательного подвижника того времени Акакия Кавсокаливита, переселился на жительство в Кавсокаливский скит. Под обаянием подвигов этого старца св. Пахомий стал думать о мученическом венце, так как его мысль о том, что он, быть может, и на самом деле во время своей болезни отрекся от Христа и пообещал принять магометанство, не давала ему покоя и побуждала его искупить свой грех. Свое намерение он поведал старцу Аакию, а этот последний – добродетельнейшим старцам Святой Горы, и все единогласно одобрили намерение Пахомия. Тогда, с благословения старцев, Пахомий покинул Святую Гору и отправился вместе с старцем Иосифом в Усаки, где на базаре он был узан турками и схвачен ими. На суде он исповедал Христа и отказался принять магометанство, а посему был заключен сначала в темницу, а затем был обезглавлен в день Вознесения Господня, 7 мая 1780 года. Мощи святого мученика покоятся на острове Патмос, в обители святого апостола Иоанна Богослова. В честь этого

преподобномученика была составлена особая служба, которая торжественно совершается на Патмосе в день кончины святого.

Май 8

Арсений Новгородский, преподобный – прославление

Преподобный Арсений Новгородский, Христа ради юродивый, родился в городе Ржев-Владимиров в Тверской земле. Был крещен с именем Амвросий, с возрастом получил хорошее христианское воспитание в доме благочестивых родителей, где был обучен кожевенному ремеслу.

После смерти его отца Григория мать Пелагея (впоследствии инокиня Аполлинария) настояла на том, чтобы Амвросий вступил в брак с девицей Марией. Однако склонный к монашеству Амвросий через пять месяцев супружеской жизни «оставил мирской мятеж», как об этом повествуется в тексте службы, и ушел в Новгород. Через 5 лет он известил о себе. В своих письмах к матери и жене он просил прощение за свой поступок и утешал их евангельским обещанием вечной блаженной жизни тем, кто оставит ради Господа мать, жену, детей, имущество (Мф. 19, 29), утешал их надеждой на будущую небесную награду за терпение.

Узнав о подвижнической жизни святого Амвросия, благочестивый строитель храма и монастырей Феодор Димитриевич Сырков предложил ему средства для постройки храма и обители. Святой Амвросий принял монашеский постриг с именем Арсений и в 1562 году основал обитель и храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы, что на Ярославском дворце (торговая сторона Новгорода, на правом берегу реки Волхов), по соседству с храмом в честь святых жен-мироносиц. Преподобный Арсений вел жизнь строгую, довольствовался малым. На теле он носил вериги, которые были прикрыты такой бедной и ветхой одеждой, что никакой бедняк не позарился бы на нее. Случалось даже, что за убогое одеяние над ним смеялись малые дети, когда преподобный ходил по улицам города. Многие считали его юродивым. Угодник Божий наряду со строгим постом и утруждением плоти занимался внутренним деланием: его ум был постоянно занят молитвой, сопровождавшейся благодатным даром слез. Из его очей

постоянно текли слезы покаяния. Святой Арсений плакал также о своей земной Отчизне, провидя грозные беды, готовые обрушиться на гордых новгородцев за их беззакония. В последние годы земной жизни преподобный жил в затворе в своем монастыре.

В 1570 году царь Иоанн Грозный предал жестокой казни тысячи новгородцев. Узнав о преподобном Арсении, царь пришел к нему с щедрыми подарками. Но святой не принял даров и безбоязненно обличил царя в его жестокости по отношению к новгородцам, многих из которых он казнил. Святой встретил его словами: «Много невинных послал ты в Царство Небесное». Грозный смолчал.

Через некоторое время Иоанну Грозному вторично довелось посетить святого Арсения перед отправлением в Псков. Он пришел к затворнику, чтобы взять благословение на предстоявший путь. «Завтра, государь, готов и я в путь свой», – таков был ответ святого. Царь, думая, что затворник решил идти с ним в Псков, весьма обрадовался. Однако этими словами преподобный Арсений предсказал собственную кончину. На следующее утро преподобный приобщился Святых Христовых Таин и мирно отошел ко Господу. Блаженная кончина святого последовала 12 июля 1570 года.

Погребли святого Арсения в том же затворе, где он совершал спасительный подвиг. После обретения нетленных мощей преподобного над ними была построена часовня, а затем деревянная церковь в честь Рождества Христова. Сохранились записи 1634 года: «На торговой стороне, в монастыре Арсеньеве мощи преподобного Арсения лежат под спудом; от мощей его приходящим с верою исцеления бывают. Тропарь и кондак ему составлен». Не ранее 1701 года было написано житие святого Арсения и составлена ему служба. 21 января 1787 (1785) года нетленные мощи подвижника были перенесены в Кириллов монастырь близ Новгорода и положены на южной стороне соборной церкви во имя святителя Афанасия († 373) и Кирилла († 444) Александрийских (память 18/31 января). Там же был устроен и освящен в сентябре 1793 года придел во имя преподобного Арсения, а в 1812 году устроена

новая позолоченная гробница. В честь преподобного Арсения был освящен также придел в храме в честь Владимирской иконы Божией Матери в г. Ржеве. В древнем житии преподобный Арсений назван юродивым Христа ради.

Память преподобного Арсения праздновалась в обители в первое воскресенье после 18 января, то есть после храмового праздника монастыря. Русская Православная Церковь 12/25 июля отмечает день преставления преподобного Арсения, а 8/21 мая установлено празднование в память обретения его мощей и дня тезоименитства угодника Божия.

Арсений трудолюбивый, преподобный

Преподобный Арсений Трудолюбивый жил в XIV веке. Этот подвижник назван трудолюбивым потому, что подвизаясь в пещерах Киевской обители Успения Пресвятой Богородицы, он не знал отдыха, никто никогда не видел его в праздности. Он всегда что-нибудь делал: или молился, или послушание монастырское исполнял, и до захождения солнца никогда не употреблял пищи – «хлеба не вкушаше». За свое смирение и трудолюбие в сей жизни принял от Господа дар чудотворений, по смерти же его душа обитает на небе со святыми, а тело его почивает нетленным в пещере. Память преподобного совершается совместно со святыми Дальних пещер – 28 августа/10 сентября.

Кассиан, затворник Печерский, преподобный

Преподобный Кассиан Послушник и Постник (Затворник Печерский) жил в XIII-XIV вв. Преподобный Кассиан перед всеми смирялся, был весьма послушлив, трудолюбив и постник. Святым послушанием он заставил бесов исповедать, как много есть иноков в Печерском монастыре, которые могут изгонять бесов и как демоны боятся святых Печерских. Затвор в пещере был завершением его подвигов. «А ныне в небе в неизреченной радости со ангельскими лики наслаждается». Память его празднуется также в Соборе преподобных отцов Киево-Печерских, в Дальних пещерах – 28 августа/10 сентября.

Пимен постник, преподобный

Преподобный Пимен, постник Печерский, имел ту благодать, что один раз в седмицу вкушал пищу, и то в малом количестве, и, непрестанно исполнял монастырское послушание, никогда не ослабевал от труда и поста. Днем он молот муку в жерновах, носил на себе дрова для братии, а ночью подвизался в молитвах. «За которые труды в небе почивает», сподобившись получить вечное блаженство. Мощи святого покоятся в Дальних пещерах. Память его совершается также 28 августа/10 сентября.

Май 9

Шео Мгвимский, преподобный

Преподобный Шео (Симеон) Мгвимский родился в Антиохии Сирской. Родители его были христианами и воспитывали своего сына как единственного наследника. Юноша получил хорошее образование, изучил Священное Писание. Любовь к слову Божию так глубоко внедрилась в сердце молодого Шео, что он постоянно держал его в уме своем и даже всегда носил при себе Евангелие, Послания апостола Павла и Псалтирь. И уже в ранние годы был одарен способностью толкования слова Божия. Родители его, опасаясь наконец излишнего умственного напряжения сына их и желая доставить ему отдых, решились однажды отобрать у него эти святые книги. «Зачем прервали вы мои Божественные занятия? – возразил им опечаленный отрок. – Кто не поучается постоянно закону Божию, тот отдаляется от Царства Небесного. Возвратите мне мои сокровища...» И родители, вразумленные словами не по летам мудрого сына их, не стали больше стеснять его свободы... Узнав о святом подвижнике Иоанне Зедазнийском, Шео тайно покинул родительский дом и направился к святому. Преподобный Иоанн возвратил юношу родителям, предсказав, что и они станут иноками. Предсказание скоро исполнилось: Шео убедил их провести остаток их жизни в иночестве, а сам, употребив в пользу бедных и монастыря оставшееся после них имущество, пришел к преподобному Иоанну, сиявшему в то время в Антиохии и, получив от него пострижение в иночество, сделался его учеником.

Спустя 20 лет преподобный Шео, в числе 12 других избранных учеников святого Иоанна, отправился в Иверию (Грузию) для проповеди слова Божия.

Послужив этому делу распространения веры Христовой преподобный Шео пожелал жить отшельником. И по благословению Католикоса Евлавия и своего учителя преподобный Шео направил свой путь на запад от Мцхета в непроходимые дебри лесные. Здесь в пустыне, защищенной отвесными и совершенно крутыми стенами песчаной горы от

взора людского, Шио поселился в тесной пещере, им самим высеченной в скале, едва достаточной, чтобы укрыться в ней... Трудное подвижничество предстояло одинокому, беспомощному борцу среди суровой, дикой пустыни, но чудным Промыслителем о нем был Тот, к Кому он постоянно обращался с молитвой: «Господь просвещение и Спаситель мой; кого убоюсь? Господь Защитник жизни моей, кого устрашуся?» И за суровый аскетический подвиг Шио удостоился чудных видений. В скале открылся родник, источающий для отшельника воду, а с пищей прилетал к нему голубь. Этот-то голубь, по изволению Божию, определившему не оставлять под спудом благодатный светильник, открыл людям жилище Шио. Некто Евагрий, знатный царедворец, охотясь по обыкновению за рекой Курой, проследил за голубем, носящим пищу отшельнику, и нашел его, погруженного в молитву, с воздетыми к небу руками. Он был так поражен встречей с этим укrywшимся от мира человеком, молитвенно предстоящим в пустыне пред лицом Единого Бога, что, пленившись этим, внезапно сознал и в себе отречение от всего мирского и стал просить дивного отшельника взять его под свое руководство и подвизаться в пещере, всецело предавшись Богу.

С этих пор о Шио стало известно и другим людям в округности, которые стали селиться близ него, и таким образом собралось до 25 добровольных пустынножителей. На избранном по откровению блаженному Шио месте выстроили они церковь во имя образца пустынножителей – Иоанна Крестителя. Молва о святом подвижнике распространялась, и место его уединенной жизни и подвига стало превращаться в обитель. Когда царь Парсман VI навел на бывшего любимого своего Евагрия в пустыне, то с благоговением отнесся к подвижнику Шио и подарил ему землю под монастырь, доставив значительные средства для построения храмов. Главным из них был храм в честь Успения Божией Матери, второй – в честь Рождества Иоанна Крестителя, где впоследствии и почивали останки прп. Шио. Все храмы были освящены Католикосом Макарием. Таким образом, преподобный Шио устроил обитель, которая некогда включала в себя множество иноков и называлась, по имени

основателя, Мгвимскою (в 30 верстах от Тифлиса). Здесь навел его бывший учитель его Иоанн Зедазнийский и, погостив три дня, имел отраду удостовериться в высокой степени духовного совершенства новых иноков.

Но стремление к полному уединению преобладало в душе Шио. Он оставил основанную им обитель, простился с братией назидательнейшим словом, оставил для них 160 письменных поучений и, прервав всякое сообщение с миром, обрек себя на затворническую жизнь в темной, глубокой пещере. Пища святому спускалась туда по веревке. Кто может постичь и исчислять несказанные подвиги этого Ангела в человеческом теле! Предузнав по откровению час кончины и приобщившись Святых Таин, преподобный Шио 9 мая кончил свое земное житие. Тело великого затворника, при напутственном пении собравшихся иноков, было погребено в основанной им обители. Святые мощи его и до ныне служат ограждением обители, которая одна из немногих уцелела посреди частых опустошений Грузии.

Христофор преподобный

Преподобный Христофор – основатель Христофоровой Богородицкой пустыни, которая находилась в Сольвычегодском уезде, в верховье реки Малой Коряжемки, в 20 верстах от Николаевского Коряжемского монастыря, от Сольвычегодска – в 27 верстах. Основателем был прп. Христофор, ученик и пострижник прп. Лонгина (см. 10/23 февраля). Но по кончине своего учителя, проведши несколько лет в Коряжемском монастыре, Христофор решился искать себе пустынного уединения и, нашедши вышеупомянутое место при реке Малой Коряжемке, поселился там один. Однако стали сходить к нему послушники и принимали от него пострижение, так что около 1555 года составила, под его настоятельством, обитель и построена была церковь во имя иконы Богоматери Одигитрии, которую Христофор принес на это место и от которой потом происходили многие исцеления молящимся. Вскоре обитель эта прославилась примерным житием ее иноков, а от целебной силы источника, открывшегося близ нее в 150 саженьях, царица Анастасия, супруга Иоанна Грозного, получила облегчение от болезни. Это обратило к Христофоровской обители усердие и самого царя, который наградил пришедшего на тот случай в Москву преподобного Христофора с братией щедрым денежным подаянием на монастырь. По окончании всего устройства обители прп. Христофор в 1572 году, оставив свою братию, тайно ушел, и где скрылся или каким образом скончался, осталось никому неизвестным. После удаления прп. Христофора обитель скоро расстроилась и опустела и была приписана к Коряжемскому Николаевскому монастырю. При составлении духовных штатов в 1764 г. церковь (каменная, построенная в 1763 году) во имя Божией Матери Одигитрии обращена в приходскую; в этой церкви находится вышеупомянутая чудотворная икона.

Гавриил Белостокский, мученик-младенец

Святой мученик-младенец Гавриил Белостокский (Заблудовский) родился 20 марта 1684 года в деревне Зверки Гродненской губернии, в семье благочестивых и православных родителей Петра и Анастасии Гавдель. В 1690 году, в день, когда родителей не было дома, младенец (6 лет) был похищен евреем-арендатором, жидом Шутко, и увезен в местечко Белый Сток, где и претерпел мученическую кончину 20 апреля от иудеев (ритуальное убийство) секты хасидов, что подтвердило судебное следствие. Св. Гавриила, распяли, прободили в бок и кололи его разными инструментами до тех пор, пока не выпустили всю кровь, и он умер. Тело младенца было брошено в поле, но скоро найдено и предано христианскому погребению, а мучители получили достойное возмездие. Через 30 лет после погребения в 1720 году совершилось открытие мощей святого Гавриила, они оставались нетленными. В 1746 году храм в Заблудове, в котором был погребен младенец, сгорел (возможно, был сожжен), но святые мощи уцелели. И в 1775 году было перенесение их в Слуцкий Троицкий монастырь. Тогда же было установлено празднование святому мученику Гавриилу. Слуцкий архимандрит Михаил Козачинский составил стихотворную повесть о мученике Гаврииле. Память св. мученика-младенца Гавриила Святая Церковь совершает 20 апреля/3 мая и 9/22 мая в день перенесения его нетленных мощей.

Май 10

Василий Мангазейский, мученик

Святой праведный мученик Василий Мангазейский чудотворец – первый святой, прославленный на Сибирской земле. Блаженный Василий родился около 1583 года в Ярославле, в семье благочестивого, но небогатого горожанина, именем Феодора. В юном возрасте он был взят неким богатым ярославским купцом на место управляющего продажей своих товаров в заполярную Мангазею – один из первых русских городов Сибири. В то время (конец XVI в.) в связи с использованием арктического мореплавания, Мангазея переживала расцвет как центр торговли и колонизации на русском Севере (впоследствии город запустел и в конце XVII в. прекратил свое существование).

Святой Василий исправно исполнял свои обязанности управляющего, и честность его была очевидна всем. От природы кроткий и смиренный, с детских лет исполненный страха Божьего, он пользовался добрым расположением окружающих. Сердце его было исполнено веры в Бога, а любовь к молитве заставляла оставлять житейские заботы и ходить во святую церковь. Поэтому все свободное от работы время святой Василий проводил в храме за богослужением, часто и подолгу молился дома.

Едва исполнилось благочестивому юноше девятнадцать лет, как Всевышний, «призирая на его добродетели, захотел воззвать его к вечному блаженству, коему достичь из сей временной жизни нельзя иначе, как узким и прискорбным путем внешнего испытания». Как свидетельствует церковное предание, однажды, когда блаженный Василий молился в храме на Пасхальной заутрене, хозяин обнаружил, что воры разграбили его лавку. Несмотря на зовы хозяина, святой Василий оставался в храме до конца богослужения. Недоверчивый и сребролюбивый хозяин заподозрил и обвинил святого Василия в соучастии в преступлении и подверг его ругательствам и побоям. Невинный юноша не утратил своей кротости и на все смиренно отвечал мучителю: «Истинно ничто

же от имени твоего взях». Тогда хозяин отвел святого Василия к городскому воеводе, перед которым очернил его как преступника. Воевода подверг святого Василия новым пыткам, но он снес их терпеливо и безмолвно. Раздраженный молчанием святого Василия, купец пришел и ярость и, по наущению лукавого, ударил мученика связкой амбарных ключей. От этого удара святой Василий скончался († 4 апреля 1602 года).

Тело безвинного мученика было положено в гроб и без должного христианского погребения предано земле, «где надлежит от воды мокрость». Но Всемогущий Господь по прошествии 47 лет благоволил явить его из недр земли и прославить многими чудесами.

Как повествует житие святого Василия, в 1649 году мангазейский стрелец Степан Ширяев заметил, что на погорелом месте близ храма в земле обнаружилась верхняя часть неизвестного гроба (погорелое место образовалось после большого пожара 1642 г.). На гроб этот «для мирского ходу» была положена судовая доска, но ее, к изумлению очевидцев, переломило гробом, вышедшем из земли. Тогда над гробом поставили часовню. Вскоре после этого некоторые больные, с верою притекавшие к помощи неведомого угодника Божия, получили исцеление. Отдельные случаи исцелений были засвидетельствованы письменно. Так, например, 25 января 1652 года мангазейский стрелец Тимофей Сечеников пришел к местному воеводе Корсакову и рассказал ему, что видел во сне угодника Божия, который открылся ему как новоявленный чудотворец Мангазейский, тот, над гробом которого ставят новую часовню. Тимофей, давший обет пожертвовать на часовню, если у него исцелится больная рука, был тотчас исцелен.

Дошедшие до нас списки жития святого Василия Мангазейского (XVII-XIX вв.) сообщают об обильных чудотворениях, совершенных по молитвам к нему: святой Василий помогал заблудившимся путникам и охотникам, исцелял расслабления, слепоту и другие недуги, сохранял малодушных от самоубийства. В феврале 1653 года через

видение мангазейскому охотнику Григорию Каратаеву открылось имя новоявленного чудотворца. В том же году воевода Корсаков послал архиепископу Тобольскому Симеону (1651–1664) списки чудес святого Василия. Архиепископ Симеон препроводил эти списки в Москву князю А. П. Трубецкому, ведавшему Сибирским приказом. Списки были переданы царю, но сопроводительное письмо архиепископа сдано в архив, и дело о канонизации святого Василия не получило хода.

В августе 1659 года по благословению архиепископа Симеона в Мангазею приехал диакон Богоявленского храма в Тобольске Иван Семенов. В присутствии мангазейского воеводы С. В. Ларионова и двух местных священников Димитрия и Луки было произведено вскрытие гробницы и освидетельствование мощей святого Василия.

В 1670 году строитель Троицкого Туруханского монастыря иеромонах Тихон после бывшего ему видения совершил с крестным ходом перенесение мощей святого Василия из Мангазеи в свою обитель. Мангазею через два года после этого покинули последние жители, а в Туруханске почитание святого Василия еще более усилилось.

Летом 1719 года в Туруханск прибыл митрополит Сибирский и Тобольский Филофей (Лещинский; 1702–1711; вторично 1715–1721). По его распоряжению мощи святого Василия были перенесены из старого и тесного храма во имя Пресвятой Троицы в новый просторный храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. В западной стороне храма, против раки с мощами святого Василия, был поставлен его образ, написанный послушником Тобольского митрополита Павла (1678–1692) иконописцем Лукой, спасенным святым Василием от потопления в 1679 г. Митрополит Филофей произвел освидетельствование мощей святого Василия и написал в похвалу его канон. За годы правления митрополита Филофея было составлено несколько списков жития святого Василия и три службы ему.

При следующем митрополите Сибирском и Тобольском Антонии (Стаховском; 1721–1740) мощи святого Василия были сокрыты под спудом, в земле, в пределах монастырской ограды,

над этим местом устроили часовню. В 1788 году гроб святого вновь показался из земли наружу. Игумен Троицкого монастыря Михаил перенес его во вновь построенный каменный храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы и устроил особое надгробие. Все это время местное почитание святого Василия практически не прекращалось: верующий народ по-прежнему прибегал к его молитвенному предстательству и по вере своей получал облегчение в болезнях и исцеления. Почитание святого Василия Мангазейского немало способствовало обращению из язычества в Православие различных местных народностей Севера: тунгусы, эвенки и юраки молились святому как покровителю охотников-промысловиков.

В конце 1802 – начале 1803 гг. Туруханский край охватила эпидемия. Жители Туруханска усмотрели причину бедствия в том, что иконы святого Василия вынесены из Троицкого монастыря, мощи его находятся под спудом, а службы в его честь прекращены. Архиепископ Тобольский Амвросий (1806–1822) предписал игумену Туруханского Троицкого монастыря внести в соборный храм образ святого Василия и не чинить препятствий к его почитанию.

В 1907 году по благословению Святейшего Синода было отпечатано цветное литографическое изображение святого Василия Мангазейского. На иконах святого Василия изображают «лицом млада, мала возрастом, образом священнолепна, очи имуща светли, взирающе прелюбезне, власы же главы его русы». На некоторых иконах изображается Троицкий Туруханский монастырь, а над ним на горе молящийся святой Василий, в одной рубашке и без обуви. Иногда на иконах изображались и страдания его при купце и воеводе. Известны изображения святого Василия Мангазейского во Владимирском соборе города Киева, в Новгороде, в Москве.

Среди жителей Туруханска сохранилось предание, что некогда святой Василий явился во сне одному благочестивому эвенку и повелел ему взять из монастырского храма святыне мощи и сокрыть их в тайге, что и было исполнено.

Память святому Василию Мангазейскому совершалась первоначально 6/19 июля, в день явления из земных недр его

мощей, 10/23 мая совершалось торжество перенесения мощей святого из Мангазеи в Туруханск, 22 марта/4 апреля является днем особого празднования памяти святого Василия Мангазейского, тезоименитого прославляемому в этот день Церковью священномученику Василию Анкирскому († IV в.).

Симон, Юрьеvecкий чудовторец, блаженный

Блаженный Симон Юрьеvecкий родился в селе Братском Костромской области в благочестивой семье крестьян Родиона и Марии Шитовых. Во святом крещении он был назван Симоном, в честь святого апостола Симона Зилота (память 10/23 мая). С юношеских лет Симон принял на себя особый подвиг юродства Христа ради и ушел из родительского дома в дремучие леса, около села Елнати.

Однажды елнатские поселяне увидели в лесу человека, изможденного, в одной рубахе, босого, который назвал им только свое имя – Симон, о нем сообщили местному священнику Иосифу, и тот взял блаженного в свой дом.

Святой Симон начал ходить по домам елнатских жителей и помогал им в исполнении самых трудных работ, но плату не брал. Несмотря на постоянные труды, он часть дня и ночи усердно молился, изнурял свое тело постом и любил посещать храм Божий. Зимой и летом он ходил только в льняной рубашке и босым, так что кожа его почернела, и спал на голом полу. Неразумные люди нередко жестоко били его. Блаженный кротко переносил все оскорбления и насмешки, и не платил злом за зло, но молился за обидчиков, а себя постоянно укорял и называл «глупцом» и «несытой гортанью». 15 лет жил в Елнати блаженный Симон, а потом перешел в город Юрьеvec-Поволжский. Любимым местом пребывания его там были церковные паперти, где он возносил горячие молитвы Богу. Особенно часто святой приходил в Богоявленский монастырь, где на паперти усердно молился перед иконой Пресвятой Богородицы.

Подвиг полного самоотречения, который очистил душу его, был угоден Богу, и он еще при жизни получил дар прозрения: многое предвидел и предсказывал будущее во славу Божию для врачевания недугов и нравственного исправления ближних.

Незадолго до своей кончины блаженный зашел в дом воеводы Феодора Петелина. Тот, не зная подвигов святого, раздраженный поведением Симона, в порыве гнева приказал

слугам избить святого и бросить в подвал. Блаженный тяжело заболел. Чувствуя скорый отход из жизни земной в жизнь вечную, блаженный Симон призвал священника, исповедался, приобщился Святых Таин и предал Господу душу свою 4 ноября 1584 года (по другим источникам – в 1586 году).

Воевода раскаялся в своем согрешении. Весь город собрался на погребение святого. Тело его было погребено на территории Богоявленского монастыря. В 1619 году над могилой блаженного была построена церковь во имя Пресвятой Богородицы Одигитрии. В 1635 году игумен Богоявленского монастыря Дионисий доносил патриарху Иоасафу об исцелениях у мощей блаженного Симона. Патриарх благословил написать икону блаженного и совершать ему службу по общей Минее. В 1666 году блаженному Симону, Юрьевецкому чудотворцу, составлена особая служба. Дни его памяти – 4/17 ноября и 10/23 мая.

Симон Радонежский преподобный

Преподобный Симон Радонежский – ученик преподобного и богоносного отца нашего Сергия. В начале около святого аввы собралось не более двенадцати братьев, и долгое время такое число оставалось неизменным. Когда убывал один, приходил другой на его место, так что это некоторым подавало мысль: не по числу ли двенадцати апостолов, или стольких же колен Израилевых, само собою уравнивается число учеников Сергиевых.

И в 1350 (1357) году пришел к преподобному архимандрит Симон – первый принятый им сверх числа двенадцати. Это был первый муж, старейший из архимандритов области Смоленской, известный своими добродетелями и строгой жизнью. Слушая рассказы о подвигах преподобного Сергия, он возгорелся ревностью по Боге, оставил свое настоятельство в Смоленске, оставил почет и уважение, коими пользовался там, оставил наконец родную сторону, расстался с друзьями и всеми близкими, и с посохом простого странника пришел в пустыню Радонежскую. С глубоким смирением просил он преподобного Сергия принять его в число своих послушников, и преподобный с любовью и радостью принял смиренного архимандрита. Много лет провел усердный Симон в послушании у святого игумена, живя в келлии рядом с угодником Божиим. И когда благодатный старец удостоился дивного откровения о будущей судьбе его духовного потомства, всех дорогих чад его по духу, и пожелал разделить свою духовную радость с кем-нибудь из присных учеников своих, то он пригласил Симона быть участником дивного видения птиц, летавших по всей обители и вокруг нее. Удивленный нечаянным зовом игумена в ночное время, Симон поспешил на его голос: но успел видеть только некую часть чудного света. Преподобный поведал ему все, что сам видел, и оба они, по слову псалмопевца, возрадовались о Господе с трепетом...

На пожертвование архимандрита Симона был построен более обширный храм Живоначальной Троицы, затем было

возведено множество братских келлий вокруг храма и обитель окружена высокой и прочной оградой. С этого времени стало быстро умножаться число учеников преподобного Сергия.

Украшенный всеми добродетелями подвижника пустыни, в глубокой старости представился Богу сей смиренный послушник, архимандрит Симон, и преподобный игумен с великой честью совершил его погребение.

Служба преподобному Симону Радонежскому составлена архиепископом Рязанским и Касимовским Симоном.

Симон, епископ Владимирский и Суздальский

Святитель Симон, епископ Владимирский и Суздальский, был первым епископом Владимиро-Суздальской земли.

Иисус, сын Сирахов, написав о Симоне, сыне Ионине, говоря: *Симон, сын Ионин, иерей великий, иже в животе своем сострои дом и во дни своя утверди церковь*; и еще: – *яко звезда утренняя посреде облаков, аки луна полна во днех своих, яко солнце сияюще на церковь Вышняго* (Сир. 50, 1, 6, 7). То же самое достойно сказать и написать и о преподобном отце нашем Симоне, епископе Владимирском и Суздальском, вторым, после блаженного Нестора, свидетеле и писателе св. житий Печерских. Ибо сей преподобный поистине устроил дом Божий: житием своим святым утвердил Церковь Христову; прославил ее назидательными повествованиями о жизни святых, как один из тех добрых пастырей, которых обещал Господь, говоря через пророка Иеремию: *Дам вам пастыри по сердцу Моему и упасут вас разумом и учением* (Иер. 3, 15). И поэтому все, чем прославился Симон, сын Ионин, добрый пастырь и хранитель закона иудейского, поистине свойственно и преподобному Симону, пастырю Владимирскому и Суздальскому.

Блаженный Симон, приняв иноческий образ во св. Печерском монастыре, стал подвизаться в добродетелях, которыми украшались святые отцы Печерские. Вспоминая дела и подвиги первого строителя, преподобного Феодосия, Симон и сам стал подражать ему и научился делам утверждения и укрепления церкви и устройства ее. Размышляя о подвигах святого первоначальника Антония, этого лучезарного светоча, просветившего всех светом добрых дел своих, блаженный Симон устремлялся и сам по стопам сего великого инок и унаследовал равноангельское угождение Господу в безмолвии. От преподобных, умножившихся, как звезды, Симон навыв смиренному послушанию. И посему, как истинное зеркало, изображая в себе прекрасные светила небесные – звезду, луну и солнце – блаженный Симон и сам проявлял из себя свет

звездный, лунный и солнечный. Он усердно подвизался в святом монастыре Печерском, подобном небу, и сам Симон уподоблялся своими подвигами звезде утренней, всегда подражая Пресвятой Богородице, прекрасной, как луна, и славной, как солнце. Сколько было у него сил, он усердно служил Матери Божией, пребывая постоянно в великом смирении, усердной молитве, как общей с братией, так и уединенной.

Когда сей святой Симон просиял подвигами своими по многим окрестным странам, так что был даже известен в странах весьма отдаленных, случилось, что в то время архиерейский престол епархии Владимирской и Суздальской не имел своей главы. «Церкви же прилично украшаться звездным венцем», как пишет святой Иоанн в своем Апокалипсисе. В это время, по изволению Начальника пастырей – Иисуса, блаженный Симон, от всего сердца возлюбивший Пречистую Матерь Божию, был призван Богом на престол епископский для управления Богом хранимыми городами – Владимиром и Суздалем. Таким образом укрепился венец церкви той светом звездным.

В начале XIII века (1206 г.) был он назначен игуменом монастыря в честь Рождества Пресвятой Богородицы во Владимире. В 1215 году великий князь владимирский Георгий II Всеволодович, желая избежать зависимости своего епископа от архипастыря Ростова Великого, решил основать отдельную епархию под названием Суздальской, Владимирской, Юрьевской и Тарусской. На эту вновь образованную кафедру, по желанию великого князя, был возведен святой Симон.

Константин, брат Георгия, в 1217 году вытеснил из Владимира великого князя, который удалился в бедный городок Радивилово; с ним сюда же прибыл и Симон. Но когда Константин примирился с своим братом и возвратил ему Владимир, тогда и Симон «опять вступил в свою епископию во Владимире». В 1218 году в присутствии великого князя Георгия Симон освящал храм в Рождественском монастыре, а в 1225 году освящал соборный храм в Суздале, воздвигнутый на месте древнего разрушавшегося собора. Великий князь так любил

Симона, что готов был открыть епископскую кафедру в г. Суздале для его друга – инока Поликарпа из Киево-Печерского монастыря, которого обуревал дух честолюбия. Но святитель Симон, видя духовное состояние Поликарпа, отговорил великого князя от его намерения, а самому Поликарпу написал глубоко назидательное послание, в котором он преподавал своему другу наставления против его душевных недугов.

Блаженный Симон долгое время подвизался, как ревностный пастырь, усердно и внимательно заботившийся о своей пастве; и следует заметить, что преподобный весьма успешно проходил служение свое. На престоле архиерейском он с неусыпной бодростью прилежно пас духовное стадо свое. Так он весьма заботился о сохранении и водворении между людьми мира, учил всех самым делом своим терпению. Всегда трудясь в Христовом вертограде паствы своей, наставлял всех делом и словом чистоте духовной, поучал всех непрестанной молитве к Богу, всегда благодарил Его, даже среди скорбей своих, и к тому же поучал паству свою. Он укоренял милосердие и любовь к ближнему, а также – постоянную мысль о Боге. В то же время святой не оставлял и трудов своих иноческих, всегда представляя в мысли своей труды и подвиги чесных подвижников Печерских и радуясь душою своею о том, что Господь сподобил его в сей честной обители принять образ иноческий и быть как бы сожителем сих святых.

Сей блаженный Симон настолько изучил подвижническую жизнь святых угодников Печерских, что как бы написал ее на скрижалях сердца своего; поэтому он восхотел, чтобы и прочим благочестивым людям была известна жизнь Печерских подвижников; а для этого он решил составить письменное описание подвижнической жизни Печерских иноков. Следует заметить, что в это время, по причине многочисленных войн и усобиц было утеряно много книг, так что многие события, описанные в этих книгах, начинали приходить в забвение. Ввиду этого блаженный Симон с большим усердием разыскивал всех очевидцев того или другого чудесного события, случившегося в Печерской обители, и все полученные таким образом сведения преподобный собирал в одно целое, трудясь, как мудрая пчела.

Потому-то он и просветил нас светом, так как описал чудеса преподобного Антония, преподобного Феодосия. Ко всему этому блаженный Симон присовокупил сказание о святой, небесам подобной, церкви Печерской, престол которой поистине сиял, как солнце и как луна полная.

Из сочинений сего блаженного Симона видно, что он имел великую любовь ко Пресвятой Богородице и к преподобным отцам – Антонию и Феодосию Печерским, так что с сими преподобными обитал духом и умом своим как бы в одной пещере, несмотря на то, что телом своим жил в своей епархии.

Симон выказывал больше всего любовь и ревность к Пресвятой Богородице и обители Ее Печерской. И во дни жизни своей он удостоился видеть великое знамение: Пресвятая Владычица Богородица явилась на небе, окруженная ликами святых угодников Божиих под видом звезд, а вблизи Богоматери Антоний и Феодосий, как солнце и луна среди всего сонма звезд небесных. Великий в добродетели своей, св. Симон был проникнут необычайным смирением и служил одним из лучших примеров этого рода добродетели. Будучи епископом, писал он в послании своем, дабы подражали Самому Господу, сказавшему: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем.*

Этот добрый пастырь потрудился довольно продолжительное время, питая духовных овец своих пищею нетленною, ведущею в жизнь, так как предлагал всем пасомым своим жития святых, подвизавшихся в обители Печерской, и «в письмени», и самым делом жизни своей.

Перед своей блаженной кончиной, последовавшей, по свидетельству летописи и надписи на гробнице, 22 мая 1226 года, святой епископ принял схиму. Пробыв двенадцать лет на архипастырском престоле, блаженный Симон отошел к пастырям, восседающим на двенадцати престолах, и к Самому Пастыреначальнику, Господу Иисусу, дабы восприять от Него неувядаемый венец славы.

Святитель Симон был погребен во Владимирском Успенском соборе. Существовало мнение, что мощи святителя по его завещанию были перенесены в пещеры Киево-Печерской

лавры. Это мнение ошибочно, так как в Антониевых пещерах почивают мощи Симона, епископа Ростовского и Суздальского, жившего в конце XI и первой половине XII вв. Он был епископом в Ростове после епископа Ефрема, и о нем известно, что погребен в Киево-Печерской лавре. О погребении святителя Владимирского и Суздальского Симона в Успенском соборе свидетельствует хранившаяся там выписка из книги о поименовании усопших, погребенных в соборе. В ней говорится: «По государеву, цареву великаго князя Иоанна Васильевича всея России указу, по книгам пети панихиды... по Владимирским по пяти владыкам пети в год по одной панихиде на их памяти». Среди имен архиереев указан и епископ Симон. В той же рукописи сказано: «служить панихиды всем собором, туто, где кто лежит». Таким образом во времена Иоанна Грозного не сомневались, что святитель Симон погребен в Успенском соборе. О нахождении мощей святителя Симона в Успенском соборе свидетельствует также следующий факт. В 1882–1884 гг. во время реставрации собора было произведено восстановление надгробной плиты на гробнице святителя Симона. Во время этих работ через отверстие в плите были видны святые останки святителя Симона. Об этом рассказал очевидец протоиерей Александр Виноградов в «Истории Успенского Владимирского собора», изданной в 1891 году.

В летописи святой Симон назван «учительным и милостивым». Ему принадлежат многочисленные труды. Поучительное послание святителя к Поликарпу, монаху Киево-Печерской обители, положило начало Киево-Печерскому Патерику, где в живых назидательных примерах из жизни Киево-Печерских подвижников указывает высокие образцы христианских добродетелей: смирения, терпения, безропотного перенесения бедствий и т. п., а в заключение указывает Поликарпу высокое значение Киево-Печерской лавры, в которой он, епископ богатой епархии, желал бы быть последним послушником. Святитель описал чудеса преподобного Антония Печерского и составил жития многих Печерских угодников. Известно его описание устройства гробницы преподобного Феодосия Печерского. Святитель Симон – автор «Сказания о

святой чудотворной церкви Печерской Киевской, како создася, украсися и освятися». Все эти труды святого Симона были занесены преподобным Нестором в первую часть Киево-Печерского Патерика. А во вторую часть вошли послания к Поликарпу, в которых святитель предложил сведения о жизни многих подвижников Печерских, сиявших, как звезды, подвигами своими. Упомянутое же выше «Сказание» впервые вышло отдельными изданиями в Киеве в 1701 году. Перу святителя Симона принадлежит вся третья часть Печерского Патерика.

Май 11

Иосиф, священномученик, первый митрополит Астраханский

Священномученик Иосиф, первый митрополит Астраханский, родился в 1579 году в Астрахани в семье родителей Климента и Варвары. Скорби и страдания сопровождали его с юных лет до мученической кончины. Мальчику было семь лет, когда в их городе разразилась смута, произведенная сторонниками самозванца Лжедмитрия I. В дом его родителей ворвались казаки, один из которых ударил мальчика камнем по голове, отчего он страдал потом всю жизнь.

Приняв постриг, святой Иосиф на 52-м году жизни был произведен в сан архимандрита Астраханского Троицкого монастыря. В 1656 году он находился в Москве, после чего он был возведен в сан митрополита Астраханского. По данным же месяцеслова в 1659 году хиротонисан в архиепископа Астраханского, в 1667 году он находился в Москве на Соборе, где получил сан митрополита с правом служения в саккосе, ему дозволено было в Неделю ваий совершать действия на осляти.

11 мая 1672 года во время бунта Стеньки Разина святитель Иосиф принял мученическую кончину в Астрахани. Это печальное событие было подробно описано очевидцами и свидетелями, священниками Астраханского собора Кириллом и Петром.

Когда казаки, взяв Астрахань, окружили собор, они потребовали, чтобы святитель вышел к ним. Он же велел звонить в большой колокол, чтобы собралось все духовенство, сам облачился и в сопровождении духовенства вышел. Обвинив его в сношениях с Московским правительством и казаками, отложившимися от Разина, они потребовали, чтобы он разоблачился. После долгих попыток сбросили святителя Иосифа со ската крыши собора. Священники подняли тело священномученика и, облачив в святительские одежды, положили в приготовленный гроб. На следующий день, после совершения панихиды, тело святителя было перенесено в

придел свв. Афанасия и Кирилла в Астраханском соборе и в течение девяти дней оставалось непогребенным. Затем мощи были положены в гробницу и в скором времени прославлены чудотворениями.

Канонизация святителя совершена на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в апреле 1918 года.

Софроний преподобный, затворник Печерский

Преподобный Софроний, затворник, подвизался в Дальних (Феодосиевых) пещерах Киево-Печерского монастыря в XIII в. Преподобный Софроний, затворивши себя в темной пещере, ежедневно прочитывал всю Псалтырь и всегда носил на себе власяницу и тяжелый пояс железный. В каноне преподобным Дальних пещер изложен затворнический подвиг святого подвижника, удостоившегося слышания ангельского пения. Он и ныне «в небе наслаждается вечной радости, со Христом царствующи». Память святого Софрония совершается вместе с другими святыми отцами Дальних пещер 28 августа/10 сентября, особо 11/24 марта и обретение его нетленных мощей – 11/24 мая.

Кирилл и Мефодий, равноапостольные, учителя Словенские

Вечно славные и памятные труды свв. Кирилла и Мефодия в составлении славянской грамоты, в ведении славянского языка при богослужении, в переводе священных книг на родной славянский язык положили основание духовному и гражданскому величию славян, их нравственной и гражданской самобытности. Переводом священных книг и богослужебных на родной славянский язык они положили начало нашему вечному спасению, и в этом отношении свв. Кирилл и Мефодий не только наши учителя и апостолы, но и отцы: они возродили нас и духовно, научив своими трудами познавать Единого Истинного Бога.

Родные братья Кирилл и Мефодий происходили из благочестивой семьи, жившей в греческом городе Солуни (в Македонии). Они были дети одного воеводы, родом болгарского славянина. Святой Мефодий был старшим из семи братьев, святой Константин (Кирилл – его монашеское имя) – самым младшим.

Святой Мефодий сначала служил, как и отец его, в военном звании. Царь, узнав о нем, как о хорошем воине, поставил его воеводой в одно славянское княжество, Славинию, бывшую под греческой державой. Это случилось по особому усмотрению Божию и для того, чтобы Мефодий мог лучше научиться славянскому языку, как будущий впоследствии духовный учитель и пастырь славян. Пробыв в чине воеводы около 10 лет и познав суету житейскую, Мефодий стал располагать свою волю к отречению от всего земного и устремлять свои мысли к небесному. Оставив воеводство и все утехы мира, он ушел в монахи на гору Олимп, где с большим усердием и смирением старался выполнять монашеские обеты, занимаясь при сем изучением священных книг.

А брат его святой Константин с юности своей показал блестящие успехи как в светском, так и в религиозно-нравственном образовании. Он учился вместе с малолетним

императором Михаилом у лучших учителей Константинополя, в том числе у Фотия, будущего патриарха Константинопольского. Получив блестящее образование, он в совершенстве постиг все науки своего времени и многие языки, особенно прилежно изучал он творения святителя Григория Богослова. За свой ум и выдающиеся познания святой Константин получил прозвание Философа (мудрого). По окончании учения святой Константин принял сан иерея и был назначен хранителем патриаршей библиотеки при храме Святой Софии. Но, пренебрегая всеми выгодами своего положения, удалился в один из монастырей при Черном море. Почти насильно он был возвращен в Константинополь и определен учителем философии в высшей Константинопольской школе. Мудрость и сила веры еще совсем молодого Константина были столь велики, что ему удалось победить в прениях вождя еретиков-иконоборцев Анния. После этой победы Константин был послан императором на диспут для прений о Святой Троице с сарацинами (мусульманами).

«Не хулите Пребожественную Троицу, – говорил христианский философ, – Которую мы научились исповедовать от древних пророков. Они же учат нас, что Отец, Сын и Дух суть Три Ипостаси. Существо же их едино. Подобие сему можно видеть на небе. Так в солнце, созданном Богом во образ Святой Троицы, находятся три вещи: круг, светлый луч и теплота. Во Святой Троице солнечный круг есть подобие Бога Отца. Как круг не имеет ни начала, ни конца, так и Бог – безначален и бесконечен. Как от солнечного круга происходит светлый луч и солнечная теплота, так от Бога Отца рождается Сын и исходит Дух Святой. Таким образом солнечный луч, просвещающий всю вселенную, есть подобие Бога Сына, рожденного от Отца и являемого в сем мире, солнечная же теплота, исходящая из того же солнечного круга вместе с лучом, есть подобие Бога Духа Святаго, Который вместе с рождаемым Сыном предвечно исходит от Отца, хотя во времени посылается людям и Сыном, как, например на апостолов был послан в виде огненных языков. И как солнце, состоящее из трех предметов – круга, светлого луча и теплоты – не разделяется на три солнца, хотя каждый из сих предметов имеет свои особенности: одно есть

круг, другое – луч, третье – теплота, однако не три солнца, а одно, так и Пресвятая Троица, хотя имеет Три Лица – Отца, Сына и Святого Духа, однако не разделяется Божеством на три бога, но есть Один Бог». Так же ум, слово и дух в человеке отображает образ Троицы.

По возвращении Кирилл жил некоторое время в Константинополе, а затем удалился к брату Мефодию и несколько лет разделял с ним иноческие подвиги в монастыре на Олимпе, проводя время в непрестанной молитве и чтении творений святых отцов. На Олимпе блаженный Константин впервые стал заниматься изучением славянского языка. Среда, в которой приходилось ему быть, благоприятствовала этому. В обителях, бывших на горе, было много иноков-славян из разных соседних стран, почему Константин мог иметь здесь для себя постоянную практику, что для него было особенно важно, так как он, почти с детства, все время проводил в греческой среде.

Вскоре император вызвал обоих святых братьев из монастыря и отправил их к хазарам для евангельской проповеди. На пути они остановились на некоторое время в городе Корсуни, готовясь к проповеди.

Здесь же проживал один самарянин, который ходил к Константину и беседовал с ним о вере. Однажды он принес самарянские книги и показал их Константину. Константин выпросил их у самарянина и, затворившись в своей комнате, стал усердно молить Бога, чтобы Он помог ему изучить их. С помощью Божией Константин скоро и хорошо изучил эти книги. Узнав об этом, самарянин воскликнул: «Воистину, кто верует во Христа, скоро приемлет благодать Святого Духа». Он и сын его крестились, приняв Христову веру. Здесь же святые братья узнали, что мощи святого священномученика Климента, папы Римского, находятся в море и чудесным образом обрели их.

Там же, в Корсуни, святой Константин нашел Евангелие и Псалтирь, написанные «русскими буквами», и человека, говорящего по-русски, и стал учиться у этого человека читать и говорить на его языке. После этого святые братья отправились к хазарам, где одержали победу в прениях с иудеями и мусульманами, проповедуя евангельское учение. На пути домой

братья снова посетили Корсунь и, взяв там мощи святого Климента, вернулись в Константинополь. Святой Константин остался в столице, а святой Мефодий получил игуменство в небольшом монастыре Полихрон, неподалеку от горы Олимп, где он подвизался прежде.

Вскоре пришли к императору послы от моравского князя Ростислава, притесняемого немецкими епископами, с просьбой послать в Моравию учителей, которые могли бы проповедовать на родном для славян языке. Император призвал святого Константина и сказал ему: «Необходимо тебе идти туда, ибо лучше тебя никто этого не выполнит». Святой Константин с постом и молитвой приступил к новому подвигу. С помощью своего брата святого Мефодия и учеников Горазда, Климента, Саввы, Наума и Ангеляра он составил славянскую азбуку и перевел на славянский язык книги, без которых не могло совершаться богослужение: Евангелие, Псалтирь и избранные службы. Это было в 863 году.

После завершения перевода святые братья отправились в Моравию, где были приняты с великой честью, и стали учить богослужению на славянском языке. Это вызвало злобу немецких епископов, совершавших в моравских церквях богослужение на латинском языке, и они восстали против святых братьев, утверждая, что богослужение может совершаться лишь на одном из трех языков: еврейском, греческом или латинском. Святой Константин отвечал им: «Вы признаете лишь три языка, достойных того, чтобы славить на них Бога. Но Давид вопиет: «Пойте Господеву вся земля, хвалите Господа вси языцы, всякое дыхание да хвалит Господа!» И в Святом Евангелии сказано: «Шедши научите вся языки...''' Немецкие епископы были посрамлены, но озлобились еще больше и подали жалобу в Рим. В 867 году свв. Мефодий и Константин вызваны были папою Николаем I в Рим на суд для решения этого вопроса. Взяв с собой мощи святого Климента, папы Римского, святые Константин и Мефодий отправились в Рим. Когда они прибыли в Рим, Николая I уже не было в живых; его преемник Адриан II, узнав, что они несут с собой мощи св. Климента, встретил их торжественно за городом; Константин

поднес ему Евангелие и другие книги на славянском языке, и папа, в знак их одобрения, положил их на престол в храме св. Марии, а затем по ним было совершено богослужение в нескольких церквях Рима. Папа Римский утвердил богослужение на славянском языке, а переведенные братьями книги приказал положить в римских церквях и совершать литургию на славянском языке.

Находясь в Риме, святой Константин, в чудесном видении извещенный Господом о приближении кончины, принял схиму с именем Кирилл. Через 50 дней после принятия схимы, 14 февраля 869 года равноапостольный Кирилл скончался в возрасте 42 лет. Перед смертью он говорил брату: «Мы с тобой, как дружная пара волов, вели одну борозду; я изнемог, но ты не подумай оставить труды учительства и снова удалиться на свою гору». Святой Мефодий умолял папу Римского разрешить увезти тело брата для погребения его на родной земле, но папа приказал положить мощи святого Кирилла в церкви святого Климента, где от них стали совершаться чудеса.

После кончины святого Кирилла папа, следуя просьбе славянского князя Коцела, послал святого Мефодия в Паннонию, рукоположив его во архиепископа Моравии и Паннонии, на древний престол святого апостола Андроника. В Паннонии святой Мефодий вместе со своими учениками продолжал распространять богослужение, письменность и книги на славянском языке, просвещая свою паству и проповедуя Христа многим другим славянским народам (чехам, хорватам, далматам и др.). При этом Мефодию немало приходилось переносить неприятностей от инославных миссионеров, и он «многия беды и изгнания претерпел». Так, латинские священники вооружили против него немецкого императора; по распоряжению Зальцбургского архиепископа с собором Мефодия сослали в Швабию, где в течение двух с половиной лет он претерпел многие страдания. Освобожденный в 874 г. по приказанию папы Римского Иоанна VIII и восстановленный в правах архиепископа, Мефодий продолжал евангельскую проповедь среди славян и крестил чешского князя Боривоя и его супругу Людмилу (память 16/29 сентября), а также одного из

польских князей. В третий раз немецкие епископы воздвигли гонение на святителя за непринятие римского учения об исхождении Святого Духа от Отца и от Сына. В 879 г. святитель Мефодий был вызван в Рим, но оправдался перед папой, сохранив в чистоте православное учение, и был снова возвращен в столицу Моравии Велеград.

Здесь в последние годы своей жизни святитель Мефодий с помощью двух учеников-священников перевел на славянский язык весь Ветхий Завет, кроме Маккавейских книг, а также Номоканон (Правила святых отцов) и святоотеческие книги (Патерик).

Предчувствуя приближение кончины, святой Мефодий показал на одного из своих учеников, Горазда, и сказал: «Вот муж вашей земли, правоверный и хорошо знающий латинские книги. Если на то будет воля Божия и ваша любовь, я желаю, чтобы он был моим преемником». Святитель предсказал день своей смерти и скончался 6 апреля 885 года в возрасте около 60 лет. Отпевание святителя было совершено на трех языках – славянском, греческом и латинском; он был погребен в соборной церкви Велеграда.

К лику святых равноапостольные Кирилл и Мефодий причислены в древности. В Русской Православной Церкви память равноапостольных просветителей славян чествуется с XI века. Древнейшие службы святым, дошедшие до нашего времени, относятся к XIII веку. Они были найдены русским ученым-исследователем В. И. Григоровичем в пергаментной рукописи болгарской редакции в Зографском монастыре на Афоне и опубликованы в 1862 году. Жития святых первоучителей Словенских были составлены их учениками в XI веке. Наиболее полным жизнеописанием святых являются пространные, или так называемые Паннонские жития. С этими текстами наши предки были знакомы со времени распространения христианства на Руси. Их авторами были, очевидно, ученики святых Кирилла и Мефодия – епископ Величский Климент и Горазд, которого святитель Мефодий оставил своим преемником.

Торжественное празднование памяти святых первосвятителей равноапостольных Кирилла и Мефодия было установлено в Русской Церкви в 1863 году.

В «Иконописном подлиннике» под 11 мая сказано: «Преподобных отец наших Мефодия и Константина, нареченного Кирилла, епископов Моравских, учителей Словенских, Мефодий – подобием стар, власы седы, брада долга аки Власиева, ризы святительские и омофор, в руках Евангелие. Константин – ризы преподобнические и в схиме, в руках книга, а в ней написана русская азбука А, Б, В, Г, Д и прочие слова (буквы) все по ряду».

Указом Св. Синода (1885 г.) празднование памяти славянских учителей отнесено к средним церковным праздникам. Тем же указом определено в молитвах, на литии, по Евангелии на утрени перед канонами, на отпустах, а равно во всех молитвах, в коих поминаются вселенские святители Русской Церкви, поминать после имени святителя Николая, архиепископа Мирликийского, чудотворца, имена иже во святых отец наших Мефодия и Кирилла, учителей Словенских.

Для православной России празднование свв. первоучителям имеет особое значение: «Ими бо начаса на сроднем нам языке словенством литургия Божественная и все церковное служение совершатся, и тем неисчерпаемый кладезь воды текущий в жизнь вечную дадеса нам».

Май 12

Епифаний премудрый Радонежский, преподобный

Преподобный Епифаний Премудрый, бывший духовником в обители преподобного Сергия и оставивший нам описание жития своего великого старца, был человек весьма образованный для своего времени, много путешествовавший по святым местам и написавший, кроме жития преподобного, похвальное ему слово, житие святителя Стефана Пермского и тоже похвальное ему слово. В молодости своей он жил со Стефаном в Ростове, в монастыре Григория Богослова, именуемом «Затвор».

Ермоген, Патриарх Московский и всея Руси, священномученик – прославление

Священномученик Ермоген, Патриарх Московский и всея Руси, происходил из донских казаков. По свидетельству самого Патриарха, он был священником в городе Казани при казанской гостинодворской церкви во имя святителя Николая. И во время его там служения в 1579 году совершилось явление и обретение чудотворной Казанской иконы Божией Матери. С благословения тогдашнего Казанского архиерея Иеремии, будущий Святейший Патриарх Ермоген переносил новоявленную икону с места обретения в церковь во имя святителя Николая. Обладая незаурядным литературным дарованием, святитель сам впоследствии (в 1594 году) составил сказание о явлении чудотворной иконы и совершившихся от нее чудесах.

Вскоре он принял монашество и с 1582 года был архимандритом Спасо-Преображенского монастыря в Казани. 13 мая 1589 года хиротонисан во епископа и стал первым Казанским митрополитом.

В 1591 году святитель собирал в кафедральный собор новокрещенных татар и наставлял их в вере. В 1592 году были перенесены мощи святителя Германа, второго Казанского архиепископа (память 25 сентября/8 октября, 6/19 ноября, 23 июня/7 июля), скончавшегося в Москве 6 ноября 1567 года, во время моровой язвы, и погребенного у церкви во имя святителя Николая. По благословению патриарха Иова (1589–1605) святитель Ермоген совершил их погребение в Свияжском Успенском монастыре. 9 января 1592 года святитель Ермоген направил патриарху Иову письмо, в котором сообщал, что в Казани не совершается особое поминовение воинов, жизнь положивших за веру и Отечество под Казанью, и просил установить определенный день памяти. Одновременно он сообщал о трех мучениках, пострадавших в Казани за веру Христову, из которых один был русский, по имени Иоанн (память 24 января/6 февраля), родом из Нижнего Новгорода, плененный татарами, а двое других, Стефан и Петр (память 24 марта/6

апреля) – новообращенные татары. Святитель выражал сожаление, что эти мученики не были вписаны в синодик, читавшийся в неделю Православия, и что им не пелась вечная память. В ответ святителю Ермогену патриарх прислал указ от 25 февраля, который предписывал «по всем православным воинам, убитым под Казанью и в пределах казанских, совершать в Казани и по всей Казанской митрополии панихиду в субботний день после Покрова Пресвятой Богородицы и вписать их в большой синодик, читаемый в неделю Православия», повелевалось вписать в тот же синодик и трех мучеников казанских, а день их памяти поручалось определить святителю Ермогену. Святитель объявил патриарший указ по своей епархии, добавив, чтобы по всем церквам и монастырям служили литургии и панихиды по трем казанским мученикам и поминали их на литиях и на литургиях 24 января. Святитель Ермоген проявлял ревность по вере и твердость в соблюдении церковных традиций, заботился о просвещении верой Христовой казанских татар.

В 1595 году при деятельном участии святителя совершилось обретение и открытие мощей казанских чудотворцев: святителя Гурия, первого архиепископа Казанского (память 4/17 октября, 5/18 декабря, 20 июня/3 июля), и Варсонофия, епископа Тверского (память 4/17 октября, 11/24 апреля). Царь Феодор Иоаннович (1584–1598) приказал соорудить в Казанском Спасо-Преображенском монастыре новую каменную церковь на месте прежней, где были погребены святые. Когда были обретены гробы святителей, святой Ермоген пришел с собором духовенства, повелел вскрыть гробы и, увидев нетленные мощи и одежды святителей, сообщил патриарху и царю. По благословению патриарха Иова и по повелению царя мощи новоявленных чудотворцев были поставлены в новом храме. Святой Ермоген сам составил жития святителей Гурия и Варсонофия.

За выдающиеся архипастырские качества митрополит Ермоген был избран на первосвятительскую кафедру и 3 июля 1606 года он возведен Собором святителей на патриарший престол в Московском Успенском соборе. Митрополит Исидор

вручил патриарху посох святителя Петра, Московского чудотворца (память 5/18 октября, 21 декабря/3 января, 24 августа/6 сентября), а царь принес в дар новому патриарху панагию, украшенную драгоценными камнями, белый клобук и посох. По древнему чину патриарх Ермоген совершал шествие на осляти.

Служение патриарха Ермогена совпало с трудным для Русского государства периодом – нашествием самозванца Лжедмитрия и польского короля Сигизмунда III. В этот мрачный период Смутного времени первосвященник все свои силы посвятил служению Церкви и Отечеству, но в этом подвиге он не был одинок: ему подражали и помогали самоотверженные соотечественники. С особенным вдохновением противостоял Святейший Патриарх изменникам и врагам Отечества, желавшим ввести в России униатство и католичество и искоренить Православие, поработив русский народ.

Когда самозванец подошел к Москве и расположился в Тушине, патриарх Ермоген направил мятежным изменникам два послания. В одном из них он писал: «Вы забыли обеты православной веры нашей, в которой мы родились, крестились, воспитались и возросли, преступили крестное целование и клятву стоять до смерти за дом Пресвятой Богородицы и за Московское государство и припали к ложно-мнимому вашему царю... Болит моя душа, болезнует сердце и все внутренности мои терзаются, все составы мои содрогаются; я плачу и с рыданием вопию: помилуйте, помилуйте, братия и чада, свои души и своих родителей, отшедших и живых... Посмотрите, как Отечество наше расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются святые иконы и церкви, как проливается кровь неповинных, вопиющая к Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружие, не на Бога ли, сотворившего вас? Не на своих ли братьев? Не свое ли Отечество разоряете?.. Заклинаю вас именем Бога, отстаньте от своего начинания, пока есть время, чтобы не погибнуть вам до конца». В другой грамоте первосвященник призывал: «Бога ради, познайте себя и обратитесь, обрадуйте своих родителей, своих жен и чад, и всех нас, и мы станем молить за вас Бога...» Вскоре праведный суд

Божий совершился и над Тушинским вором: его постигла столь же печальная и бессловесная участь, как и предшественника; он был убит собственными приближенными 11 декабря 1610 года.

Но Москва продолжала оставаться в опасности, так как в ней находились поляки и изменники-бояре, преданные Сигизмунду III. Грамоты, рассылавшиеся патриархом Ермогеном по городам и селам, возбуждали русский народ к освобождению Москвы от врагов и избранию законного русского царя. Москвичи подняли восстание, в ответ на которое поляки подожгли город, а сами укрылись в Кремле. Совместно с русскими изменниками поляки насильно свели святого патриарха Ермогена с патриаршего престола и заключили в Чудовом монастыре под стражу. В Светлый понедельник 1611 года русское ополчение подошло к Москве и начало осаду Кремля, продолжавшуюся несколько месяцев. Осажденные в Кремле поляки не раз посылали к патриарху послов с требованием, чтобы он приказал русским ополченцам отойти от города, угрожая при этом смертной казнью. Святитель твердо отвечал: «Что вы мне угрожаете? Боюсь одного Бога. Если вы все, литовские люди пойдете из Московского государства, я благословлю русское ополчение идти от Москвы, если останетесь здесь, я благословлю всех стоять против вас и помереть за православную веру». Уже из заточения священномученик Ермоген обратился с последним посланием к русскому народу, благословляя освободительную войну против завоевателей. Но русские воеводы, не проявив согласованности, не смогли взять Кремль и освободить своего первосвященника. Более девяти месяцев томился он в тяжелом заточении, и 17 февраля 1612 года скончался мученической смертью от голода.

Освобождение России, за которое с таким несокрушимым мужеством стоял святитель Ермоген, успешно завершилось русским народом. Тело священномученика Ермогена было погребено в Чудовом монастыре, а в 1654 году перенесено в московский Успенский собор.

В течение трех столетий из поколения в поколение передавалась память о патриархе Ермогене как святителе-

мученике и росла народная вера в него как заступника и молитвенника за землю Русскую у Престола Вседержителя. В тяжкие годы отечественных бедствий молитвенная мысль народа обращалась к памяти патриарха-героя. Шли русские люди к его гробнице и со своими личными скорбями, недугами и болезнями, благоговейно призывая на помощь святителя Ермогена, веруя в него как теплого молитвенника и предстателя перед Господом. И Всемиловитый Господь вознаградил эту веру.

Ко дню торжественного прославления 12 мая 1913 года, совпавшему с 300-летием со времени кончины священномученика Ермогена, в Москву стали стекаться верующие со всех концов России. Паломники спешили поклониться мощам святого патриарха, находящимся в Успенском соборе Кремля, где почти непрерывно служились панихиды.

Накануне прославления совершался крестный ход, во главе которого несли икону святителя Ермогена, а вслед за ней покров с гробницы, на котором святитель изображен в рост в мантии и с посохом. Рядом с иконой патриарха несли икону его сподвижника в духовной и патриотической деятельности по освобождению Русской земли от польско-литовских захватчиков преподобного Дионисия Радонежского. На колокольне Иоанна Великого светила огромная надпись: «Радуйся, священномучениче Ермогене, Российския земли великий заступниче». Сотни тысяч свечей горели в руках верующих, прославляющих угодника Божия. По окончании крестного хода у раки с мощами патриарха началось чтение пасхального канона с присоединением канона святителю Ермогену. Всенощное бдение совершалось под открытым небом на всех площадях Кремля. В эту ночь произошло несколько исцелений по благодатным молитвам святителя Ермогена. Так, например, один больной пришел в Успенский собор на костылях, но ощутил исцеление после того, как приложился к раке с мощами святителя. Исцелился другой больной, тяжело страдающий расслаблением. Его принесли на полотенце к раке священномученика Ермогена, где он получил полное исцеление.

Эти и другие подобные исцеления, очевидцами которых были многочисленные верующие, стали знаменательным подтверждением святости нового русского чудотворца.

В воскресенье 12 мая в 10 часов утра совершалась Божественная литургия в Успенском соборе. На празднование торжества прославления нового святого прибыл блаженнейший Григорий, патриарх Антиохийский, возглавивший служение. По окончании литургии во всех храмах Москвы были отслужены молебны святителю Ермогену и совершен крестный ход в Московском Кремле, в котором приняли участие более 20 архиереев, сопровождавших торжественное шествие пением: «Святителю отче Ермогене, моли Бога о нас». Богослужение закончилось молитвой священномученику Ермогену. С этого дня началось литургическое почитание святителя Ермогена. Так исполнилось желание верующих русских людей, по молитвам которых Русская Православная Церковь получила благодатного небесного покровителя нашего Отечества.

Святейшим Синодом Русской Церкви установлены дни празднования священномученику Ермогену, Патриарху Московскому и всея Руси: 17 февраля/2 марта – преставление (сведения о жизни и подвиге помещены в этот день) и 12/25 мая – прославление в лике святителей.

Велико общенациональное значение святителя Ермогена, неутомимого борца за чистоту Православия и единство Русской земли. Его церковная и государственно-патриотическая деятельность в течение нескольких столетий служит ярким образцом пламенной веры и любви для русского человека. Церковная деятельность первосвятителя характеризуется внимательным и строгим отношением к богослужению. При нем были изданы: Евангелие, Минеи месячные за сентябрь (1607 г.), октябрь (1609 г), ноябрь (1610 г.) и первые двадцать дней декабря, а также напечатан «Большой Верховный Устав» в 1610 году. При этом святитель Ермоген не ограничивался благословением к изданию, но тщательно наблюдал за исправностью текстов. По благословию святителя Ермогена с греческого на русский язык была переведена служба святому апостолу Андрею Первозванному (память 30 ноября/13

декабря) и восстановлено празднование памяти в Успенском соборе. Под наблюдением первосвященника были сделаны новые станки для печатания богослужебных книг и построено новое здание типографии, пострадавшее во время пожара 1611 года, когда Москва была подожжена поляками. Заботясь о соблюдении богослужебного чина, святитель Ермоген составил «Послание наказательно ко всем людям, паче же священником и диаконом о исправлении церковного пения». «Послание» обличает священнослужителей в неуставном совершении церковных служб – многогласии, а мирян – в неблагоговейном отношении к богослужению.

Сказание о Казанской иконе Божией Матери и служба этой иконе (1594 г.), послание патриарху Иову, содержащее сведения о казанских мучениках (1591 г.), сборник, в котором рассматриваются вопросы богослужения (1598 г.), патриотические грамоты и воззвания, обращенные к русскому народу (1606–1613) – всеми этими сочинениями и многими другими трудами первосвященника пополнилась духовная сокровищница Русской Церкви.

«Государь велика разума и смысла и мудра ума» – пишется о патриархе Ермогене, «чуден зело и многого разсуждения», «зело премудростию украшен и в книжном учении изящен», «о Божественных словесах присно упражняется и вся книги Ветхого закона и Новыя благодати, и уставы церковных и правила законныя до конца извыче». Святитель Ермоген много занимался в монастырских библиотеках, прежде всего в богатейшей библиотеке московского Чудова монастыря, где выписывал из древних рукописей ценнейшие исторические сведения, положенные в основу летописных записей. В сочинениях предстоятеля Русской Церкви и его архипастырских грамотах постоянно встречаются ссылки на Священное Писание и примеры, взятые из истории, что свидетельствует о глубоком знании Слова Божия и церковной письменности того времени.

С такими высокими познаниями патриарх Ермоген соединял и незаурядные способности проповедника и учителя. Современники характеризовали нравственный облик первосвященника как «мужа благочестиваго», «известнаго чистаго

жития», «истинного пастыря стада Христова», «неложного стоятеля по вере христианской».

И все эти качества святителя Ермогена с особенной силой проявились, когда Русскую землю постигло несчастье внутреннего нестроения, усугубленное польско-литовским нашествием. Первосвятитель Русской Церкви самоотверженно оберегал Русское государство, словом и делом защищая православную веру от латинства и единство нашего Отечества – от врагов внутренних и внешних. Свой подвиг спасения Родины святитель Ермоген увенчал мученической кончиной, перешедшей в благодатное молитвенное небесное заступничество за наше отечество у Престола Святой Троицы.

Дионисий Радонежский, преподобный

Преподобный Дионисий Радонежский родился в г. Ржеве Тверской губернии. Во святом крещении ему было наречено имя Давид. В Кашинском уезде Тверской губернии есть село Зобнино; вероятно, родители преподобного Феодор и Иулиания происходили из этого села, от названия которого и получили свою фамилию – Зобниновские. Еще во дни детства Давида родители переселились в соседний город Старицу, где отец принял старейшинство над ямской слободой. Иноки обители Старицкой Гурий и Герман, научившие грамоте отрока, рассказывали о добродетельном житии его. С юных лет отличался он добротой, кротостью и любовью к чтению Священных книг, имел смирение и простоту сердечную, свыше обычая человеческого. Пренебрегая детскими играми, в страхе Божиим, прилежно внимал учению и соблюдал в сердце своем ревность к добродетелям. Его духовный отец, по имени Григорий, дивился его смирению и крепкому разуму, ибо внутренними очами прозрел имеющую в нем быть благодать Святаго Духа и не раз говорил своим духовным детям: «Посмотрите, чада, на сего сына моего по духу, который и сам будет огнем духовным для многих».

Много терпел юный Давид оскорблений от сверстников ради своего смирения, даже и самые удары, как иногда случалось от буйных детей, которые досадовали, что он не хочет разделить с ними игр. Но он все переносил с кротостью и старался по возможности от них уклоняться, имея непрестанно в устах своих имя Божие. Когда научился грамоте и достиг совершенного возраста, понуждением родителей, хотя и против желания, должен был вступить в брак. За свое благочестие был рано удостоен сана священнического и определен в церковь Богоявления в селе Ильинском, принадлежавшем Старицкой обители, за 12 верст от города. Но через 6 лет скончалась жена его Васса и двое сыновей-малюток Василий и Косма. Тогда уже он, свободный от мирских забот, оставил дом свой, пришел в

Старицу, принял монашество с именем Дионисия в обители Богоматери, подвизаясь о своем спасении.

Горячо любил Дионисий книжное учение. И случилось ему однажды быть в Москве для церковной потребности. И вошел он на торг, где продавались книги. Некто из бывших на торгу, взирая на юность и благолепное лицо его, помыслил о нем лукавое и стал дерзостно оскорблять его словами, говоря: «Зачем ты здесь, монах?» Но не смутился инок и не озлобилось сердце его; воздохнув из глубины души, кротко сказал оскорбителю. «Да, брат, я точно такой грешник, как ты думаешь обо мне. Бог тебе обо мне открыл, ибо если я был истинный инок, то не скитался бы по торжищу между мирскими людьми, а сидел бы у себя в келлии. Прости меня грешного, Бога ради». Умилились предстоявшие, внимая кротким и смиренным его речам, и обратились с негодованием на оскорбителя дерзкого, называя его невеждою. «Нет, братия, – говорил им инок Дионисий, – не он невежда, а я; он же послан мне от Бога на мое утверждение и правдивы речи его, чтобы впредь мне не скитаться по сему торжищу, но сидеть в келлии». Тогда уж и сам оскорбитель устыдился и хотел просить прощения за свою дерзость, но инок скрылся. Это был преподобный Дионисий, тогда казначей Старицкого Успенского монастыря. В 1605 году посвящен он был в архимандриты Старицкого Успенского монастыря.

Вскоре по вступлении Дионисия в должность настоятеля привезен был в Старицкую обитель низверженный по воле первого самозванца патриарх Иов. Хотя Дионисию было приказано содержать Иова как можно строже, «в озлоблении скорбном», но святой с любовью принял сверженного патриарха и стал во всем испрашивать у него наставлений и приказаний, стараясь успокоить невинного страдальца. Преподобный Дионисий вместе с митрополитом Крутицким Пафнутием и Тверским архиепископом Феокистом похоронил его в своей обители в 1607 году.

Духовное общение архимандрита Дионисия со Святейшим Патриархом Иовом, можно предполагать, было виною и благосклонного к преподобному расположения Святейшего Патриарха Ермогена. На него часто указывал патриарх, дивясь

его разуму: «Посмотрите на архимандрита Старицкого, как он подвизается; никогда он от соборной церкви не отлучается, и на царских собраниях он же всегда тут». И в смутное время преподобный Дионисий был ближайшим помощником святителя Ермогена, неотлучно находясь при нем, да и царь имел в Дионисии одного из ревностных защитников престола.

Однажды приверженцы литовские и московские злодеи, схватив Святейшего Патриарха Ермогена, со всякими ругательствами повлекли его на лобное место; одни толкали его, другие бросали песком в лицо и на честную главу, иные же, схватив за перси, дерзновенно потрясали, и когда все прочие трепетали, один лишь Дионисий в такой беде ни на шаг не отступал от патриарха, но страдал вместе с ним и всех с горькими слезами увещевал, чтобы перестали от такого дерзкого бесчинства, как о том засвидетельствовали многие из самовидцев.

В 1610 году патриарх Ермоген перевел архимандрита Дионисия на место настоятеля Троицкой лавры, которая еще не оправилась после осады поляков и нуждалась в хорошем благоустроителе.

Велико и сильно было имя преподобного Сергия в то время. Его уважали и боялись самые враги отечества, поляки и всякого рода воры. И если, бывало, кого эти недобрые люди остановят в дороге и он скажется Сергиевым, того пропускали без вреда. Случилось преподобному Дионисию возвращаться из Ярославля с одним боярином. Дорога же была тогда опасная и много проливалось крови от варварских людей. Посему архимандрит Дионисий сговорился с своими спутниками называться Сергиевыми. «Если, – говорил он, – поедем мы дорогою просто, та ограбят нас воровские люди и даже убьют; а если будем называться именем чудотворца Сергия, то спасемся». Не знал он еще, что он уже, действительно, стал «Сергиевым», ибо был назначен в обитель чудотворца в настоятели. Так проехали они многие опасные места. Не доезжая лавры, встретил их служитель Троицкий и спросил: «Какая власть едет?» Они отвечали: «Троице-Сергиева монастыря старцы, едем из монастырских сел». Но тот, зная

всех своих старцев, не поверил и спросил: «Не Старицкий ли это архимандрит, к которому я послан с грамотами от самодержца и патриарха?» И вручил Дионисию грамоты, из коих преподобный узнал о своем новом назначении и поспешил в Москву. Изумился судьбам Божиим преподобный Дионисий и пролил обильные слезы: ибо ему и на мысль не приходило – то, что по воле Божией пришло на сердце Святейшему Патриарху и благоверному царю. И это был, можно сказать, последний драгоценный дар их, которым благодетельствовали они Россию, поставив избранного от людей Божиих на такую ступень, с высоты коей мог защищать земную свою родину в тяжкую годину ее бедствий.

Воздав благодарение царю и святителю за их избрание, Дионисий поспешил возвратиться в лавру Сергееву, только что освободившуюся от осады литовской и прославленную сим бессмертным подвигом. Его самого ожидал великий подвиг содействовать вместе с ревностным келарем Авраамием Палицыным освобождению уже не одной лавры, но всего царства, и двадцать три года подвизался он о спасении своего стада, в непрестанной молитве и пощении.

Ужасное и тяжелое то было время для Русской земли – время, которое русский народ в своей памяти прозвал «лихолетьем». Москва была в руках поляков. Народ страдал от зверства польских и казацких шаек. Толпы русских людей обоего пола нагие, босые, измученные бежали к Троицкой обители, как к единственной, выдержавшей напор врагов, надежной защите. Одни из них были изуродованы огнем, у иных вырваны на голове волосы; множество калек валялось по дорогам; у тех были вырезаны ремни кожи на спине, у других отсечены руки и ноги, у иных были следы ожогов на теле от раскаленных камней. Всеми путями стремились беглецы к дому Живоначальной Троицы, и не было числа слезам; измученные, изломанные просили отцов духовных. Вся обитель Святой Троицы преисполнилась умиравшими от наготы, голода и ран; не только по монастырю лежали они, но и в слободах, и в деревнях, и по дорогам, так что невозможно было всех исповедать и приобщить Святых Таин.

Видя сие, архимандрит Дионисий решился употребить на доброе дело всю монастырскую казну. Со слезами молил он келаря, и казначея, и всю братию, чтобы соболезновали и сострадали несчастным во всех их нуждах. «Любовь христианская, – говорил он, – во всякое время помогает нуждающимся, тем более надобно помогать в такое тяжкое время». Келарь и братия со слугами отвечали с грустью безнадежно: «Кто, отец архимандрит, в такой беде с разумом соберется? Никому тут невозможно промыслить, кроме Единого Бога». Но Дионисий со многим рыданием опять говорил: «В таких-то искушениях и нужна твердость. От осады большой Бог избавил нас молитвами Владычицы нашей и великих чудотворцев, а ныне, за леность нашу и за скупость, может нас и без осады смирить и оскорбить». Умилились от плача его келарь, и братия, и слуги и стали просить совета в своем недоумении. Дионисий так начал молить всех: «Покажите в этом милость свою, государи мои, келарь и казначей, и вся братия святая! Пожалуйте, меня послушайте: видели все, что Москва в осаде, а люди литовские во всю землю рассыпались, у нас же в монастыре людей хотя и много, но мало ратных и умеющих, и те погибают от цинги, от голода и от ран; мы, государи, обещали в иночестве умереть, умереть, а не жить. Если в таких бедах не будет у нас ратных людей, то что будет? Итак, что у нас есть хлеб ржаной и пшеница и квасы в погребе, все отдадим, братии, раненым людям, а сами будем есть хлеб овсяный, без кваса, с одной водой, и не умрем. Пусть каждый делает все, что может для других, а дом Святой Троицы и великих чудотворцев не запустеет, если только станем молить Господа нашего, чтобы подал нам разум». Приятен был всем совет сей и тверд, слез его ради.

И вот закипела деятельность. Преподобный Дионисий посылал монахов и монастырских слуг подбирать несчастных по окрестностям, привозить в монастырь и лечить. Прежде всего, по благословению архимандрита Дионисия, начали монастырской казной строить дома деревянные для болящих и бесприютных и нашлись для них врачи. И повелено было ратных людей лечить и успокаивать их лучшей доброй пищей

братской. В то время молитвами Дионисия было умножение муки в хлебне, ради великого чудотворца Сергия. Во все сие время не плакал, не просил себе милости у сего великого светильника; все со смиренномудрием вкушали только немного овсяного хлеба и то однажды в день, а в среду и пяток вовсе ничего не ели.

«Я и сам грешный, – пишет соборный ключарь Иоанн, – сколько на памяти моей постригал, причащал и погребал, вместе с братом моим Симоном: до четырех тысяч погребли мы мертвецов и, как теперь помню, что в один день похоронили в срубе на Клементьеве, у Николы Чудотворца, 960 человек, да в другом убогом доме – 640, и на Терентьевой роще – 450. Со священником Иоанном ходили мы по окрестным слободам и, по воле Дионисиевой, сосчитали, что в 30 недель погребли более трех тысяч, да зимою и весною погребал я всякий день тех, которые не хотели быть положены в убогих домах и ежедневно случалось до шести и более похорон, а в одной могиле никогда не клали по одному человеку, но не менее трех, а иногда и до пятнадцати; все сие беды продолжались полтора года».

По благословению св. Дионисия, как скоро обретали обнаженного мертвеца, тотчас посылалось все нужное для погребения; приставы ездили на конях по лесам смотреть, чтобы звери не съели замученных от врагов, и если еще кто был жив, привозили в странноприимницы, а которые умирали, тех худые одежды раздавали бедным: женщины шили и мыли беспрестанно рубашки и саваны, за что их довольствовали из монастыря одеждой и пищей. Келейник Дионисия, старец Дорофей, днем и ночью разносил от него больным и раненым полотенца и деньги. Такое пособие лавра оказывала страждущим все время, пока Москва боролась с поляками. Келарь Симон полагает, что за это время одних умерших было более 7000 и до 500 оставшихся при лавре в разных службах: можно по этому судить как велико было число всех, воспользовавшихся пособиями от обители.

Если праведным судом Господь и наказал нас во время осады, замечает писатель жития, то не обогатил ли нас потом сугубо Своею благодатью, как это видимо ныне всем человекам.

Сколькими богатствами расширил Он и украсил селение славы Своей, обитель Пресвятой Троицы, молитвами великого чудотворца Сергия. Господь восставил, как некогда Иосифа на прокормление Египта и Товию праведного в Вавилоне, сего дивного мужа Дионисия, через которого многие сподобились получить благой конец с напутствием.

Но этого было мало для святой души Дионисия: его любящее сердце томилось страданиями всей Русской земли. Великий имел он подвиг, усердно молясь о избавлении царствующего града; во все полтора года, когда была в осаде Москва, непрестанно и в церкви Божией, и в келлии с великим плачем стоял он на молитве. И в 1611–1612 гг. в келлии архимандрита собираются скорописцы и переписывают послания Дионисия и его келаря Авраамия Палицына. Грамоты сии в Рязань, в Пермь с уездами, и в Ярославль, и в Нижний Новгород, князю Димитрию Пожарскому и Косье Минину, и в Понизовские города, князю Димитрию Трубецкому и к Заруцкому под Москву, и в Казань к строителю Амфилохию, и много было в тех грамотах болезнования Дионисиева о всем государстве Московском. «Православные христиане, – писалось в этих посланиях смиренными иноками, доблестными сынами отечества, призывающими русский народ к братскому единодушию и к защите разоряемой врагами родной земли, – вспомните истинную православную веру и покажите подвиг свой, молитесь служилых людей, чтобы быть всем православным в соединении и стать сообща против предателей христианских (изменников отечеству) и против вечных врагов христианства польских и литовских людей! Сами видите, какое разорение учинили они в Московском государстве. Где святые церкви Божии и Божии образы? Где иноки, седиными цветущие, инокини, добродетелями украшенные? Не все ли до конца разорено и поругано злым поруганием? Не пощажены ни старцы, ни младенцы грудные... Если же есть и недовольные в ваших пределах, то Бога ради отложите все сие на время, чтобы вам всем единодушно пострадать для избавления православной веры, покамест еще враги не нанесли какого-либо удара боярам и воеводам. Если мы прибегнем к

Прещедрому Богу и Пречистой Богородице и ко всем святым и обещаемся сообща сотворить наш подвиг, то Милостивый Владыка, Человеколюбец, отвратит праведный Свой гнев и избавит нас от лютой смерти и латинского порабощения. Смилуйтесь и молитесь! Но немедля сотворите дело избавления христианского народа, помогите ратным людям. Много и слезно со всем народом христианским вам о том челом бьем».

С такими воззваниями спешили из лавры гонцы в разные города и полки России. Троицкие грамоты ободрили народ: особенно сильно было воодушевление в Нижнем Новгороде. Здесь восстал на защиту родной земли приснопамятный муж Косма Минин. По его призыву собралось ополчение и под начальством князя Пожарского двинулось на защиту осажденной Москве. Услышал Господь молитву праведника, денно и ночно к Нему взывавшего, о избавлении православных христиан от кровопролитных напастей, о мире и тишине Московскому государству. Когда князь Димитрий Пожарский и Косма Минин двинулись к Москве со многим воинством и достигли Сергиевой обители, сей великий подвижник, совершив для них молебное пение, провожал всем собором воевод и ратных людей на гору, называемую Волкуша, и там остановился с крестом в руках, чтобы осенить их, священники же кропили святой водой. В то время сильный ветер дул навстречу воинам и смущалось их сердце от волнения; тревожились и воеводы, как идти в долгий путь при столь бурном ветре? Преподобный Дионисий благословляя воинства, обнадеживал ратных, внушая им призывать себе на помощь Господа, Пречистую Его Мать и радонежских святых Сергия и Никона. Еще и вслед за ними осенял он идущих Животворящим Крестом, и – внезапное совершилось чудо: мгновенно изменился ветер и стал попутным православному воинству от самой обители, как бы от церкви Святой Троицы и чудотворных мощей, посему немалое было радование воеводам и войску. Высокая ступень иноческого подвига, достигнутая преподобным через непрестанную молитву, сообщила ему такой дар чудотворений, тщательно им хранимый от людей.

Сказание же сие, говорит писатель жития, слышали мы из уст самого князя Дмитрия, который со многими слезами исповедал нам, какого чуда сподобил его Бог, заступлением Пречистой и великих чудотворцев и молитвами святого архимандрита Дионисия! На него излил Господь благодать Свою, ради крепкого его жития и щедро подавала ему чудная десница Божия то, чего со слезами молил у Господа дивный Его угодник. Одни только непрестанные молитвы Дионисия могли заставить князя пренебречь всей опасностью, какая угрожала им в стране от смут и заговоров, и двинуться сперва из Ярославля, а потом из-под лавры для довершения великого дела. Келарь Авраамий был отпущен архимандритом и находился безотлучно при войсках, лицом действующим не менее князя Дмитрия Пожарского и Минина. Его одаренное перо передало потомству современные подвиги, подобно как его мудрые речи восстанавливали мир и тишину посреди враждующего стана.

Немирны были между собой соединившиеся под Москвой Пожарский и Трубецкой, но преподобный Дионисий писал им сердечное красноречивое увещание о мире и любви.

Еще длилась осада: поляки засели в Кремле и Китай-городе, и снова возникли возмущения между казаками. Жаловались они на нищету свою и богатство вождей, они хотели умертвить их и разбежаться. Что же архимандрит и келарь? Последнее сокровище лавры – ризы и стихари, сажженные жемчугом, посылают они в табор с слезным молением не покидать отечество. И тронулись казаки, вошли в разум и страх Божий и, возвратив обители ее пожертвования, поклялись переносить лишения. Скоро преподобный Сергей явился во сне греческому архиепископу Арсению, заключенному в Кремле, и утешил его вестью о избавлении. Приступом был взят Китай-город, сдался Кремль. С Божией помощью столица была очищена от врагов. С торжественным пением вступил прп. Дионисий и весь священный собор в храм Успения и восплакал при виде запустения святыни. Оба, архимандрит и келарь, были при избрании Михаила, которое совершилось в Москве в их Троицком подворье. Авраамий возвестил о том народу с

лобного места, и сам в числе послов почетных ходил приглашать юношу на царство. Он умолял его променять тишину обители Ипатьевской на бурный престол, колеблемый всеми ужасами войны и внутренних смятений. Когда же, по многом плаче, умолен был юный царь, то на пути своем к столице усердно припадал к раке преподобного Сергия, и архимандрит Дионисий благословил Михаила на спасенное царство.

Среди этих забот и трудов для спасения отечества Дионисий успел поправить и вверенную ему лавру. Ее башни и стены после осады были полуразрушены; уцелевшие от огня келлии стояли почти без крыши; имения разорены и рабочие разбежались. По ходатайству Дионисия царь подтвердил права лавры грамотами и повелел возвратить на свои места разбежавшихся крестьян. Деятельностью настоятеля малопомалу изглаждались следы разорения в обители.

Еще не совсем окончились начатые поправки хозяйства по обители, как преподобный Дионисий должен был начать подвиги для святой веры. Казалось, после столь великих заслуг преподобного для отечества и лавры наступило для него время отдыха и успокоения. Не то судил Бог. Царь Михаил Феодорович, зная благочестие и ученость Дионисия, поручил ему грамотой от 8 ноября 1616 года исправить Требник от грубых ошибок, которые вкрались от времени. Дионисий и его сотрудники, старец Арсений и священник Иоанн, с усердием и благоразумием занялись этим делом; для пособия, кроме многих древних славянских требников, в числе коих был и требник митрополита Киприана, были и греческие требники. Ошибок найдено множество и иные крайне грубые: «О воплощении Сына Божия в потребниках письменных и в служебниках выхода первых печатей обрелось, яко Отец Бог с Сыном воплотися». Через полтора года представили исправленный ими требник в Москву, на рассмотрение Собора. Собор 1618 года, по наветам врагов преподобного, без вины осудил его как еретика, на лишение сана и заточение. Дионисия обвиняли и в том, что «имя Святой Троицы велел в книгах марать и Духа Святаго не исповедует, яко огонь есть». Это

означало, что исправители полагали сделать перемены в славословиях Святой Троице, оканчивающих собой разные молитвы, а в чине водоосвящения исключали слово: «и огнем», как внесенное произволом невежества. В защитительной речи прп. Дионисий сказал: «Писано во всех требниках письменных старых, в том числе и пергаменных, в молитве: Твоею бо волею от небытия в бытие привел еси всяческая. Ты и ныне, Владыко, освяти воду сию Духом Твоим Святым. Так стоят слова в пергаменных и в бумажных списках и в них нет слова: и огнем. Так и в списках, присланных из Москвы, – в книге митрополита Киприана (а Киприан митрополит – человек святой, как все знают) и в двух других списках! Так и в греческих книгах! Но не так в Московском печатном служебнике, где напечатано: Духом Твоим Святым и огнем. Мы не знаем, с чего напечатано: и огнем. Мы думали, что напечатано так сообразно с словами евангелиста Луки: Той вы крестит Духом Святым и огнем. Но зная, что евангелисты Марк и Матфей не сказали: и огнем, а только – Духом, приняли в основание слова Господа к Никодиму: еще кто не родится водою и Духом, не может внити в Царствие Небесное. Сам евангелист Лука, предлагая обетование Господа, пишет: имате креститися Духом Святым, но не сказал: и огнем. По книге Деяний апостольских, в день Пятидесятницы снисшел Дух Святой на апостолов и явишася им разделени языцы яко огненни; не сказано: явились языки огненные, но яко огненни. Да и книга Деяний не определяет, в каком виде снисходил Дух Святой на крещающихся. Крещением же огненным означает только испытание огненное». Весьма любопытно и поучительно, что говорил Арсений о прибавке слова «и огнем» в чине крещения. Из числа 12-ти славянских списков, писал он, в 10 не было этого слова; в одном приписано на поле «и огнем», и в другом то же слово написано выше строки; в печатном же требнике это слово поставлено уже в строке. Вот происхождение прибавлений, за которые так упорно стоят ревнители мнимой старины! Прп. Дионисию пришлось вытерпеть много и много оскорблений незаслуженных.

Но по всей земле Русской еще бродили шайки литовцев и поляков, так что Дионисий не мог достигнуть места заточения, а

потому его возвратили в Москву, заключили в Новоспасский монастырь, морили голодом, томили в дыму бани, заставляли класть каждый день по тысячу поклонов. Преподобный, укрепляемый Господом, не только выполнял наложенную эпитимию, но еще от усердия своего клал другую тысячу поклонов ежедневно. По праздникам его водили, а иногда возили верхом на кляче, еще до обедни, к митрополиту на смирение. Здесь в оковах он стоял на открытом дворе в летний зной до вечерни, не освежаемый и чашей студеной воды.

А грубые злобные невежды всячески ругались над ним, бросали в него грязью. Но преподобный был, как младенец, и все принимал со смирением и утешал братию, страдавшую с ним вместе, говоря: «Не скорбите, и не безумствуйте, Господь все видит, мы же страждем за слово истины, и это еще не вечная мука, все минет!» Его обложили пенею в 500 рублей за то, что «Духа Святаго не исповедывал, яко огонь есть». Преподобный же, стоя в железах, толкавшим и оплевавшим его говорил: «Денег не имею, да и давать не за что: лихо чернецу то, если расстричь его велят, а если только достричь, то ему венец и радость. Мне грозят Сибирью и Соловками, но я рад тому, это жизнь мне». Когда другие с состраданием говорили: «Что это за беда с тобой, отче?», он отвечал: «Беды нет никакой, а милость Божия; преподобный Иона, митрополит, смиряет меня по делам моим, чтобы не был я горд. Такие беды и напасти – милость Божия, а вот беда, если придется гореть в геенском огне; да избавит нас Бог от сего!» И по Москве распустили нелепую молву, будто бы Дионисий и его сотрудники хотят огонь совсем вывести. Чего не выдумают и чему не поверит невежество народное! И что же? Ради сей безрассудной клеветы, чернь толпами выходила на улицу, когда на худой лошади везли святого старца из обители или в обитель, чтобы над ним потешаться и бросать в него камнями и грязью; но он, как незлобивый младенец, ни на кого не скорбел.

А главными обвинителями угодника Божия были свои же, троицкие иноки: головщик Логгин и уставщик Филарет. Это были люди крайне дерзкие, невежественные; Филарет от невежества говорил даже богохульные ереси. Их дерзость и прежде

доходила до того, что во время богослужения они вырывали из рук архимандрита книги. Случилось однажды, при недостатке певчих, что сам Дионисий, сойдя с клироса, хотел читать первую статью. Логгин же, бросившись к нему, вырвал из рук его книгу и с большим шумом опрокинул аналой, на соблазн всей братии. Преподобный только перекрестился и молча сел на клиросе. Логгин прочитал статью и, подойдя к архимандриту, вместо прощения, начал плевать на него. Тогда Дионисий взял в руки пастырский свой жезл, махнул им, говоря: «Перестань, Логгин, не мешай пению Божию и братию не смущай; можно нам о том переговорить и после утрени». Логгин же до такой степени разъярился, что, выхватив посох из рук Дионисия, переломил его на четыре части и бросил обломки в настоятеля. Заплакал Дионисий и, возрев к образу Владычню, сказал: «Ты, Господи Владыко, все ведаешь; прости меня грешного, ибо я согрешил пред Тобою, а не он». Сойдя с места своего, стал он перед иконой Богоматери и проплакал всю утренью: ожесточенного же Логгина все братия не могли принудить, чтобы испросил прощения у архимандрита. Уставщик Филарет был другом Логгина. Этот был еще замечательнее. Он иночествовал в обители более 50 лет. Но «от простоты ненаучения мысли мудрования не добраго» имел он в себе, и в одном и том же лице был и темный невежда и дерзкий еретик. Прп. Дионисий скорбел о Филарете, говорил ему, что многолетние подвиги свои губит он самоволием невежества своего. Оба ожесточенные инока, раздражавшись на святого, писали против него в другие обители, в царствующий град, разные воздвигая на него козни, от которых он много страдал. Вот каковы были его клеветники. «Смею сказать о возводящих на нас неправду, писал страдавший вместе с Дионисием инок Арсений, что не знают они ни православия, ни кривославия, проходят священные писания по буквам и не стараются понимать смысл их». Каковы и всегда ревнители старой буквы.

Были однако и светлые минуты в жизни великого подвижника, когда после всех понесенных им искушений за чистоту догматов церковных и после мира, на время упокоившего бедствовавшую Россию, сам патриарх

Иерусалимский Феофан, в 1619 году присланный вселенскими патриархами для поддержания на Руси Православия, пришел поклониться великому чудотворцу Сергию и подивиться подвигам защитников лавры. Где еще можно было найти другого Дионисия, другого Авраамия и подобную им братию? Иерусалимский патриарх предложил патриарху Филарету, вернувшемуся из польского плена, облегчить положение преподобного, и в его оправдание указал на греческий требник. Дионисий освобожден был из темницы.

Слышав об обители Преславной Троицы, как во время разорения Московского государства и самого царствующего града то малое место спасено было от польских и литовских народов, удивился патриарх и хотел видеть с желанием сердечным не место, но дивного хранителя места, великого Сергия чудотворца. Когда же пришел в его обитель, архимандрит Дионисий сотворил ему честь, подобающую царскому величеству, и вышел в сретение вне монастыря, во множестве чина священного. Наутро же патриарх пришел служить литургию. Но прежде, отпев молебен, со многими слезами окроплял святой водой образ Живоначальной Троицы и Пресвятой Богородицы и, приступив к мощам чудотворца, велел архимандриту открыть святое лицо Сергия – ужас объял его и затрепетало в нем сердце, когда узрел нетление святого и осязал руки его и ноги.

«О великий Сергей чудотворец, слава святого жития твоего достигла и до востока солнечного: благодарение Содетелю всех Христу Богу, что и на конец века дошедшим людям, верующим в Него, дает упование не отпадать от правил веры, ради молитв Пресвятыя Своея Матери, и вас ради, со всеми святыми подвизавшимися в благочестии». Сказав сие, совершил сам литургию.

По совершении литургии молил его Дионисий совершить успокоение себе и всем пришедшим с ним из Иерусалима, и на трапезе воздана была ему почать, как царям московским, когда приходят на поклонение в праздники. Святейший Феофан, сидя за обильной трапезой с братией, ничего не вкушал и был неутешен от плача, хотя торжество совершалось с пением

ликов. Но патриарх, духом уразумев их печаль, сказал Дионисию и всей братии: «Что смущаетесь? Не скорбите о слезах моих, ибо радостью веселится о вас сердце мое; не ищу я чего-либо вашего, но вас самих, по глаголу апостола: «Вы бо радость моя и венец» (1Фес. 2, 19), ибо здравых вас обрел. Прежде слышали все Церкви Восточные скорбь вашу и труд, какие подъяли за Христа от гонящих вас, ради правой веры, и мне не безызвестно было о всех приключившихся бедах. Ныне же еще нечто прошу у вас видеть, да возвеселюся по желанию моему. Слышал я, что во время беды ратной некоторые иноки обители вашей дерзнули возложить на себя броню и, приняв оружие в руки, ратовать крепко; дайте мне их видеть».

Умилительное зрелище представляла беседа патриарха со старцами – защитниками лавры, подвизавшимися во время ее осады. Преподобный Дионисий принял было сие требование с недоумением, но подвижники добровольно вызвались: «Яви нас, отче, владыце нашему; буди все по воле его». И представлены патриарху более двадцати иноков, «нихже первый был именем Афанасий Ощерин, зело стар сый, и весь уже пожелтел в седилах». Патриарх спросил его: «Ты ли ходил на войну и начальствовал пред вои мученическими?» Афанасий ответствовал: «Ей, владыко святой, понужден был слезами кровными». Патриарх спросил еще: «Что ти свойственнее, иночество ли в молитвах особо, или подвиг пред всеми людьми?» Афанасий, поклонись ответствовал: «Всякая вещь и дело, владыко святой, во свое время познавается: у вас, святых отец, от Господа Бога власть в руку прощати и вязати, а не у всех; что творю и сотворих – в повелении послушания». И обнажив седую голову свою, поклонился ему и сказал: «Известно ти буди, владыко мой, се подпиш латынян на главе моей от оружия; еще же и в лядвиях моих шесть памятей свинцовых обретаются; а в келлии сидя, в молитвах, как можно найти было из воли таких будильников к воздыханию и стенанию? А все се бысть не наше изволение, но пославших нас на службу Божию». Патриарх, без сомнения, удовлетворенный дознанием, что над воинственным одушевлением тем не менее господствует дух иноческого

благочестия, смирения и простоты, благословил Афанасия, поцеловал его «любезне», и прочих его сподвижников отпустил «с похвальными словесы».

Потом велел патриарх петь конечный молебен Пресвятой Троице и, знаменовавшись у св. икон, подошел ко гробу великого чудотворца, снял с себя клобук и отер им колени Сергия и ноги до подошвы и, подложив под плечо его со многими слезами, припав молитвенно ко гробу. А Дионисия велел стоять без клобука, с преклоненной главой, и, взяв свой клобук из-под ног чудотворца, поцеловал и дал целовать архимандриту, возложил руку на его главу. Архидиакон возгласил: «Вонмем», а архимандрит Синайской горы трижды: «Кирие элеисон». Патриарх же, возложив клобук свой на Дионисия с молитвой, благословил и целовал его в уста, с сими словами: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, дал я тебе благословение, сын мой, и знаменовал тебя в великой России, среди братии твоей да будешь первый в старейшинстве по благословению нашему, так же и кто по тебе будет, да носит в сем святом месте благословение наше, величаясь и хвалясь нашим смирением и радостно всех извещая: сие им дано знамение, что и патриархи Восточные – поклонники сущему святому месту, и честь свою перед Святой Троицей оставили, сняв с главы своей память, по себе, и положили под ноги великому стражу и блюстителю, богоносному Сергию чудотворцу!» Потом велел петь на обоих клиросах: «Спаси Христе Боже, отца нашего архимандрита Дионисия» и, обратясь к братии, сказал: «Запишите себе все сие, что совершил я над архимандритом, и если впредь кто из братии нашей придет сюда на поклонение, пусть ведомо будет изволение наше грядущим родам, чтобы и вы не забыли наше смирение и любовь, и памятовали в своих молитвах».

Вся жизнь преподобного была жизнью истинного Божия подвижника. Большую часть времени он проводил в молитве. «Келлия устава не имать», – говаривал преподобный, и в келлии читал Псалтирь с поклонами, Евангелие и Апостол, вычитывал сполна акафисты и каноны; в церкви выстаивая все положенные службы, Дионисий совершал, кроме того,

ежедневно по шесть и по восемь молебнов. Ложился спать за три часа до утрени и вставал всегда так, что успевал еще положить до нее триста поклонов. В церкви соблюдал строго церковный устав, сам пел и читал на клиросе, имея дивный голос, так что все утешались, внимая ему: как бы тихо не читал он, каждое слово было слышно во всех углах и притворах храма. Признательный к благотворителям обители, он требовал, чтобы читались сполна синодики на проскомидии; во время соборного служения все иеромонахи в епитрахиях стояли в алтаре и поминали имена усопших вкладчиков. В каждую утреню обходил он церковь и осматривал, все ли в храме. Он выходил с братией и на работы монастырские. У него были и иконописцы, и мастера серебряных дел. Благородные князья любили его и помогали, но были и такие властолюбцы, которые ему не только не помогали, но и оскорбляли его словом и делом. Это не останавливало однако Дионисия, до конца жизни, от ревностного обычая строить и обновлять церкви, и после его смерти много осталось утвари, приготовленной им для обновления храмов. Он усердно заботился о храмах Божиих не только в своей обители, но и по селам монастырским, где построено им несколько церквей после польского разгрома. Один из этих храмов в 1844 году был перенесен из села Подсосенья в новооснованный тогда Гефсиманский скит близ Сергиевой лавры, где и теперь привлекает он всех богомольцев своей изящной простотой. По благословению архимандрита Дионисия и при его собственноручной редакции рукописей был составлен сборник Четых-Миней.

При нем было в обители 30 иеромонахов и 15 иеродиаконов, а на клиросах стояло до 30 певцов. Каждую утреню сам архимандрит обходил всю церковь со свечой в руках, посмотреть, нет ли отсутствующих, и если кого не было – посылал за ним будильщиков; если же кто, действительно, был болен, то промышлял об нем, как врач духовный и телесный и упокоевал в больнице. Примером своего смиренномудрия он внушил равенство между братией, а подвижническая жизнь его возбуждала и других к подвигам: по его примеру даже старцы почтенные не стыдились ходить звонить на колокольню. В

обращении с братией он был кроток и прямодушен, приветлив и терпелив. Он во всем старался подражать великому в своем смирении основателю лавры преподобному Сергию, и чудотворец видимо помогал ему во всем. «Я, многогрешный, – пишет келарь Симон, – и прочие из братии, жившие с ним в одной келлии, никогда не слышали от него ничего обидного. Он всегда имел обычай говорить: «Сделай, если хочешь», так что некоторые, не понимая его простого нрава, оставляли без исполнения его повеление, думая, что он оставляет дело на их волю. Тогда добрый наставник, помолчав немного, говорил: «Время, брат, исполнить повеленное: иди и сделай!"".

Из учеников преподобного Дионисия особенно известен Дорофей, прозванный «великим трудником». Келарь Симон Азарьин пишет о нем: «Он был так тверд в благочестии, что никогда не оставлял церковного богослужения, исправлял должность пономаря в церкви чудотворца Никона и вместе с тем был канонархом и книгохранителем. В келлии он выполнял правило необыкновенное: ежедневно читал всю Псалтирь и клал до тысячи поклонов; при том же писал книги. Спал он весьма мало и никогда не ложился для сна. Пищею его служил кусок хлеба и ложка толокна и притом не каждый день; только по убеждению архимандрита стал он есть хлеб с квасом». И другой писатель жития Дионисиева, ключарь Иоанн (священник Иоанн Наседка), бывший также самовидцем строгого жития Дорофеева, свидетельствует о нем, что он всегда по Дионисиеву приказу разносил больным и раненым, мученным от врагов, деньги и одежды от щедрого настоятеля и по целым ночам оставался сидеть с больными и увечными. Братья, наблюдавшие в тайне за образом его жизни, видели, что и по неделе иногда не прикасался он ни к какой пище; некоторые из келейников над ним смеялись и было у них прение: одни говорили, что он свят, другие же, что безумен. Однажды я сам над ним посмеялся, будучи еще мирянином, смиренно сознается писатель, но в ту минуту взошедший Дионисий строго на меня посмотрел, ничего однако не сказал мне. Десять лет спустя, когда был я у архимандрита в Москве на духовной беседе, просил я себе прощения со слезами за свой поступок и

он с кроткой улыбкой, благословив меня, сказал: «Не вопрошай иноков о делах иноческих, ибо для нас великая беда открывать вам, мирянам наши тайны; писано: шуйца да не весть, что творит десница». Однако, по настоянию моему, старец продолжал: «Вы миряне, если что услышите худого о чернецах, нелепо их осуждаете, и это вам грех, а что услышите доброго, о том не ревнуете, но только хвалите и от ваших похвал еще больше приходит искушение, ибо от того происходит величание и гордость; по сему для нас полезнее прикрывать от вас дела свои, чтобы никто о нас не слышал». Когда спросил я: «Что означал строгий его взгляд, когда встретился мне в келлии у Дорофея?», Дионисий отвечал: «Не гневайся, святому мужу вы посмеялись и всем вам грех, потому что не по-вашему он жил. Мне ведомо, что не только седмицу он не едал, но часто до десяти дней и ложки воды не выпивал, а на все службы ходил наг, и бос, и голоден, да еще не умывая ни лица, ни рук, а когда ходил за больными, то не гнушался никаких смрадных ран. Будучи же юн возрастом, мучился блудными помыслами, и потому так сильно ратовал против врагов мысленных алчностью и жаждой; вместо воды служили ему для омовения лица, персей и рук слезы, непрестанно им проливаемые при совершении добрых своих дел, потому и болезненно мне стало смехотворство ваше».

В 1622 году святой архимандрит собрался ехать в Москву. Братия пришли просить благословение, вышел к нему и Дорофей в тяжелой немощи, прося себе последнего прощения: «Уже время мое подходит, – говорил он, – и смерть приближается; о едином скорблю, что уезжаешь отсюда и не сподоблюсь погребения от твоей преподобной руки». Дионисий как бы шутя сказал ему с запрещением: «До моего приезда будь жив, и не дерзай умирать, доколе не возвращусь от самодержца; тогда умрешь, если Господь изволит, и я погребу тебя». – «Воля Господня да будет», – отвечал Дорофей. Архимандрит был в столице и возвратился в лавру. Когда с молитвой входил в сени своей келлии и опять принимала от него благословение братия, вышел и Дорофей, уже в конечном изнеможении, прося себе прощения. Преподобный благословил

его и простился с ним, а сам, облачившись, пошел в церковь петь молебен за царское здравие, по обычаю, какой содержался в обители Троицкой, на приезде властей. Но он еще не успел начать молебна, когда пришли сказать ему, что Дорофей отошел ко Господу. Прослезился Дионисий и похоронил труженика собором, со всей братией.

Кроткому старцу Божию до конца дней своих привел Бог терпеть скорби и искушения от своих собратий, ибо вечный враг рода человеческого вооружился против святого, чтобы каким-нибудь образом удалить его из обители чудотворца Сергия. Дьявол возбудил одного чернеца, по имени Рафаил, присланного под начало в обитель Сергиеву от патриарха Филарета и даже окованного за различные крамолы и поступки, недостойного монашеского звания. Покушаясь освободиться от уз, Рафаил оклеветал преподобного Дионисия перед царем Михаилом и патриархом Филаретом, и старца потребовали в Москву. Много скорбели о том и братия, свидетельствуя о праведном житии его, и в скором времени был он отпущен в лавру, а клеветники его сосланы в заточение, получив достойную мзду за свое беззаконие. Вскоре за сим искушением последовало и другое. Эконом обители Сергиевой, будучи властолюбив, не питая в сердце страха Божия, оклеветал архимандрита, будто бы ни во что вменяет повеление царское и святительское; лукавством своим до такого бесчестия довел блаженного мужа, что был он ввержен в темное и смрадное место, где в тайне пробыл три дня в заточении.

И столь велико было терпение и смиренномудрие святого, что никто даже не узнал о его страдании, кроме духовника; после многих угроз от патриарха был он однако отпущен в лавру. Но эконом тайными грамотами продолжал еще клеветать на него, будто бы Дионисий промышляет себе патриаршество, и дошел до такого безумства, «что однажды на соборе при всей братии, не стыдясь честного лица его», дерзнул бить по ланитам, и с бесчестием запер настоятеля в келлию, откуда не выпускал его четыре дня к церковному пению. Сам благоверный государь, услышав о том, властью державной освободил страдальца и, будучи в обители, перед всей братией сделал

расследование о его страданиях. Но преподобный Дионисий все покрыл любовью и всех представил себе доброхотами, себя одного представляя во всем виновным. Таким образом гнев царский преложил на милость, к общему изумлению всех бывших при царе бояр. С тех пор самодержец уже не верил ни какой клевете на святого мужа до конца его жизни.

Когда пришло время преставления преподобного, по свидетельству бывших при нем, не отлучался он от церкви, но и в самой немощи своей, еще накануне смерти служил обедню и даже в день исхода своего был у утрени и обедни, ни в чем не желая уменьшить своего подвига. В самый благовест вечерни встал он и, надев клобук и мантию, хотел идти в церковь, но, чувствуя конечное изнеможение, стал просить себе схимы. Уже едва мог преподобный стоять от болезни и сел на постель, прежде нежели были довершены последние молитвы. Некоторых из братии он успел благословить и, перекрестив лицо свое, возлег на ложе, закрыл глаза, сложил крестообразно руки свои и предал чистую душу свою в руки Господни, великий оставив по себе плач и сетование братии. Когда было положено во гроб тело его, все на него с услаждением взирали, потому что лицо его было благолепно, очи и уста веселые, и в ту минуту многие из иконописцев, любви ради, списали благолепие лица его, чтобы такой блаженный муж у всех в памяти вечной пребывал. Сам патриарх Филарет пожелал совершить над ним отпевание, для чего святые мощи его и были перевезены в Москву, в Богоявленский монастырь, а потом возвращены в лавру для погребения.

От мощей преподобного получил исцеление князь Алексей Воротынский, который был весьма любим архимандритом. Болящий лежал на одре и не мог сам прийти поклониться усопшему, но, памятуя всегдашнюю любовь, послал отслужить над ним панихиду, и как только принесли ему кутью после службы, немедленно исцелился от своей болезни.

Священник лаврской слободы Феодор много скорбел, что не мог видеть кончины преподобного. И вот во сне видит он, будто спешит с другими принять прощение Дионисия, но святой говорит ему: «Для чего ты спешишь? Те благословение просят

потому, что остаются здесь, а ты скоро пойдешь за мной». Спустя восемь дней Феодор скончался.

И присный ученик его Симон, писатель жития, не присутствовавший при его блаженной кончине, потому что послан был учителем своим настоятельством в Алтырский монастырь, зависевший тогда от лавры, испытал над собой силу посмертных его молитв. Будучи ни в чем не виновен, он выдан был за чужие грехи, и не ожидалось ни откуда спасения. Одна инокиня Хотькова монастыря, по имени Вера, слыша о беде Симоновой, со слезами о нем молилась, призывая на помощь преподобного Дионисия. И вот она видит во сне благолепный храм и святителей в облачении, восходящих на ступени, а в след за ними и Дионисия, поддерживаемого двумя диаконами. Инокиня припала к ногам его, как бы к живому, прося помощи беспомощному, и восклицая: «Господи! Тот, кого Ты любил, нынче сильно страдает и ни от кого не имеет помощи». Дионисий же, прикоснувшись до нее рукой, поднял ее, говоря: «Не скорби, будет ему милость Божия и избавление от такой напасти, от меня же вам благословение». С сими словами он скрылся и, действительно, вскоре освободился от напасти Симон, извещенный о чудном видении сыном инокини Веры Михаилом.

Священноинок Порфирий, живший долго в одной келлии с преподобным, был уже архимандритом в Рождественской обители города Владимира, когда услышал о его кончине. Сильно скорбел он, приводя себе на память все его страдания, и молил всемогущего Бога явить ему: воспринял ли преподобный мзду свою за многострадальный подвиг. После долгой молитвы увидел он желанного ему архимандрита Дионисия сидящим, припавши к ногам его, с радостными слезами просил он благословения и говорил ему: «Отче Дионисие, поведай мне, обрел ли ты благодать от Всещедрого Подателя за такое многострадалство и крепкие подвиги?» Дионисий же, благословив его, сказал утешительное слово: «Радуйся со мною, Порфирий, ибо великую воспринял я благодать у Бога». Впоследствии сей Порфирий был послан

архимандритом в Псков, а потом переведен в Москву, в Андрониев монастырь, где и скончался.

В 1652 году в Великий пост повелением царя Алексея Михайловича митрополит Ростовский Варлаам послан был с боярином Салтыковым в город Старицу, для перенесения из Богородичной обители тела Святейшего Патриарха Иова. В навечерие их отправления с мощами к Москве, явился к митрополиту Варлааму архимандрит Дионисий, когда митрополит слушал утреню на святительском месте. Ему представилось, что Дионисий взошел с кадильницей в руках и, раздувая уголья, покадил сперва образа, а потом святителя и внезапно стал невидим, оставив только по себе чудное благовоние. И подобало сему великому мужу, погребавшему некогда многострадального Иова патриарха, присутствовать при перенесении мощей его в столицу.

Преосвященный Филарет (Гумилевский) днем преставления преподобного Дионисия называет 10 мая 1633 года, а в соответствии с Настольной книгой священнослужителя – 12 мая 1633 года. Месяцеслов святых указывает, что память прп. Дионисия в Русской Церкви совершается 12/25 мая, под каковым числом помещены и сведения о его жизни, но в Гефсиманском скиту (близ Троице-Сергиевой лавры), по предложению наместника лавры архимандрита Антония († 1878), 5 мая совершается празднество св. Дионисию с утверждения Московского митрополита Филарета, в память его кончины (то есть Дионисия). Митрополит Филарет постановил: «Править 5 мая св. Дионисию молебен, по канону, приложенному к житию его». Имя св. Дионисия в Гефсиманском скиту поминается на отпуске при богослужении.

Житие сего великого мужа сохранила нам благочестивая древность по тому глубокому уважению, которое к нему питали Церковь и отечество, спасенные подвигом его самоотвержения в страшную годину самозванцев. Житие и канон написаны келарем Троицкой лавры Симоном (Азарьиным) и дополнены ключарем московского собора священником Иваном Наседкою, от которого осталась нам и летопись о мятежах. Первый говорит

о подвижнической жизни св. Дионисия, второй же больше о деяниях защиты отечества.

Дай Бог, чтобы не оскудевали на Русской земле такие доблестные сыны Отечества и подвижники благочестия. Ими, их молитвами и трудами крепла наша Святая Русь, ибо они-то и есть семя свято – стояние ее!

Май 13

Гликерия праведная, Новгородская

Святая праведная дева Гликерия Новгородская была дочерью Пантелеимона, старосты улицы Легощей в Новгороде. Скончалась она около 1522 года. Нетленные мощи ее, по свидетельству второй Новгородской летописи, обретены 14 июля 1572 года близ каменной церкви в честь святых Флора и Лавра. Архиепископ Новгородский Леонид с собором духовенства предал их торжественному погребению в этом храме. В тот же день получил исцеление при гробе праведницы четырехлетний сын подьячего Богдана Суворова.

Святая дева Гликерия изображена на старинном образе Новгородских чудотворцев. На этой иконе вверху изображена Святая София – Ипостасная Премудрость Божия, с предстоящими Богоматерью и Иоанном Предтечею. В первом ряду изображены святители: Никита, Нифонт, Иоанн, Евфимий, Иона, Моисей, Серапион, Григорий, Феоктист, Лука; во втором ряду святители: Иоаким, Симеон, Мартирий, Василий, Антоний; преподобные – Варлаам Хутынский, Савва Вишерский, Михаил Клопский, Александр Свирский; в третьем ряду преподобные: Александр Ошевенский, Зосима и Савватий Соловецкие, Нил Столбенский, Арсений Коневский, Никодим Кожеезерский, Ефрем Новоторжский, Антоний Римлянин, Антоний Сийский; в четвертом ряду преподобные: Антоний Леохновский, Ефрем Перекомский, Варлаам Шенкурский, Сергей и Герман Валаамские, Евфросин Синоезерский, святой князь Владимир, святая княгиня Анна, блаженные Феодор, Христа ради юродивый, и Николай Кочанов; в пятом ряду святые Арсений Новгородский, Афанасий Череповецкий, Корнилий Палеостровский, Антоний Дымский, Ксенофонт Робейский, Никита, Кирилл, Никифор, Климент и Исаакий Алфановы; в шестом ряду изображены лики святых: Мартирий Зеленецкий, Феофил и Иаков Омучские, Кирилл Челмский, князь Феодор, князь Мстислав, Иоанн и Лонгин Яренгские, Диодор Юрьегорский, Елеазар Анзерский, Макарий Оредский, Артемий Веркольский, Иаков и Иоанн Менюжские и праведная Гликерия.

Амфилохий, Макарий, Тарасий и Феодосий Глушицкие, преподобные

Преподобный Амфилохий Глушицкий был сподвижником и преемником в игуменстве преподобного Дионисия Глушицкого († 1437; память 1/14 июня), основателя Глушицкой обители. Он начал иноческий подвиг в одном из Устюжских монастырей Вологодского края, где принял сан иеромонаха и подвизался в течение долгого времени. Услышав о подвигах пустынножительства святого Дионисия и об основании им в 1403 году общежительного Глушицкого монастыря в честь Покрова Пресвятой Богородицы, преподобный Амфилохий в 1417 году пришел в эту обитель в надежде усовершенствоваться в духовной жизни под руководством ее богомудрого настоятеля. После совместной горячей молитвы между двумя смиренными иноками состоялся братский разговор. Вняв желанию гостя быть ему сподвижником, преподобный Дионисий предостерег его и рассказал о всех трудностях суровой жизни по строгому уставу общежительного монастыря. Однако эти предостережения не смутили искавшего пустынных подвигов пришельца. Тогда святой Дионисий сказал: «Если хочешь пребывать здесь, то сотворим завет – не разлучаться друг с другом, пока останемся на земле». Амфилохий с радостью согласился и пообещал выполнять устав обители.

Двадцать лет провел преподобный Амфилохий в подвигах поста, молитвы и послушания под руководством преподобного Дионисия, стараясь во всем подражать ему и помогая в трудах по устройству обители.

Преподобный Амфилохий был для игумена верным и надежным помощником как в благоустройстве обители, так и в исполнении монастырского устава. Он отличался удивительной кротостью и смирением, настолько отвергал все земное, что ходил в тех одеждах, которые за негодностью выбрасывали другие. Святой игумен Дионисий поражался его подвигам и

терпению, и непрестанно возносил о нем благодарственные молитвы.

В Глушицкой обители преподобный Амфилохий сумел, подражая богобоязненной жизни своего наставника, стяжать достойные духовные плоды, на его долю выпало испытание: по завещанию преставившегося игумена продолжить его многотрудное дело. В течение пятнадцати лет преподобный Амфилохий был игуменом монастыря. Он оставался верным заветам своего святого предшественника и учителя и во всем являя братии пример самоотверженного служения Господу.

12 октября 1452 года, уже в преклонном возрасте, преподобный Амфилохий предал Богу свою праведную душу. По его завещанию он был погребен в основанной преподобным Дионисием в 1420 году недалеко от Покровского Глушицкого монастыря Сосновецкой пустыни, или в Сосновце, рядом с могилой своего возлюбленного учителя. Позднее святые мощи почивали под спудом в Глушицком Сосновецком монастыре среди храма во имя святого Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и преподобных Дионисия и Амфилохия. В 1640 году над мощами обоих преподобных была устроена серебряная гробница.

В «Иконописном подлиннике» о преподобном Амфилохии сказано: «Подобием надсед, брада аки Василия Великого, покороче гораздо, ризы преподобническия, испод вохряной, в руке свиток».

Преподобный Макарий Глушицкий (в миру Матфей) родился в Ростове Великом в благочестивой православной семье. Когда ему исполнилось 12 лет, в доме его родственника Агафоника остановился находившийся проездом в Ростове Великом преподобный Дионисий Глушицкий († 1437; память 1/14 июня). Когда преподобный Дионисий беседовал со старшими в доме о спасении души, то любил слушать его беседы и Матфей, так что невольно обратил на себя внимание старца. Блаженный Дионисий, провидя в нем доброго пустынножителя, сказал: «Чадо! Христос говорит в Евангелии: «кто любит отца или мать более Меня, недостоин Меня и кто не возьмет креста своего и не последует за Мною, не достоин

Меня». Тем, которые желают служить Ему, Он сказал: «не мир принес Я на землю, но разделение», то есть отсечение всех мирских пристрастий и любви к житейскому. От всего этого велит Господь отречься и не прикасаться к нечистоте мира. Однажды, когда сказали Ему: «вот мать Твоя и братья Твои», то и от них внушил Он отрешение, сказав: «мать Моя и братья Мои те, которые творят волю Отца Моего Небесного», и тем показал нам образ нового духовного родства и жительства. Пусть будет отцом твоим тот, кто потрудится вместе с тобою свергнуть бремя духовное, а матью – кто омоет тебя от скверн страстей в новом рождении; братьями твоими да будут беседующие с тобою о горнем отечестве; приобрети в супруги себе непрестанную память о смерти и будешь иметь чадами от нее воздыхания сердечные; рабом сделай себе плоть свою, а друзьями – Святые силы, которые во время исхода твоего будут тебе помощниками к восходу на небеса». Глубоко запали слова старца в душу впечатлительного отрока, и со слезами на глазах он стал просить преподобного Дионисия взять его с собой в монастырь послушником: «Отче, как ты сказал, так я и желаю этого, лишь бы мне иметь тебя учителем». «Я согласен иметь тебя учеником», – отвечал он обрадованному отроку, и Матфей, оставив дом и родителей, решился последовать за Дионисием. Преподобный взял его с собою в монастырь и, сподобив иноческого образа, назвал его Макарием и оставил жить у себя в келлии, чтобы удобнее наблюдать за ним. Юный инок чистотою своего сердца, послушанием и терпением настолько приобрел себе любовь старца, что тот непрестанно молился о нем Богу, чтобы беспрепятственно совершить ему свое течение.

По желанию своего святого наставника преподобный Макарий был рукоположен в священный сан архиепископом Ростовским Дионисием (1418–1425), бывшим прежде игуменом Спасокаменного монастыря.

До самой кончины преподобного Дионисия его верный келейник и послушный ученик находился при нем, был свидетелем его подвигов, которым старался по мере сил подражать. При преемнике по игуменству преподобном

Амфилохии († 1452; память 12/25 октября) он продолжал иноческие подвиги.

Взросший под руководством великого старца, святой отличался редкой чистотой души. Простота и святость души преподобного Макария содействовали тому, что братия избрали его после блаженной кончины преподобного Амфилохия в 1452 году игуменом Глушицкой обители. Будучи настоятелем, он строго заботился о соблюдении устава и наставлений основателя обители.

Неизвестно, сколько времени Макарий управлял обителью; неизвестен и год его кончины, но так как на его имя была написана жалованная грамота великого князя Иоанна III, то думают, что скончался не ранее 1462 года. Погребен был в Покровской Глушицкой обители рядом с преподобным Тарасием († 1440). Позднее их святые мощи почивали в деревянном храме в честь Рождества Христова. На гробнице возложена древняя схима, принадлежавшая по преданию этим преподобным; по ней вышиты разными шелками изображения херувимов, церковь о 4-х главах и смерть с косою.

Память преподобного Макария празднуется 13/26 мая в день его преставления и 12/25 октября в числе других Глушицких святых.

Преподобный Тарасий Глушицкий был сподвижником святителя Стефана, епископа Пермского († 1396; память 26 апреля/9 мая), по его апостольским трудам в деле распространения православной веры среди зырян. Впоследствии преподобный Тарасий стал игуменом одного из монастырей Пермской земли, основанного святителем Стефаном.

В 1427 году, при втором преемнике святителя Стефана – святителе Герасиме (память 29 января/11 февраля), преподобный Тарасий добровольно оставил управление монастырем, не желая, по великому своему смирению, начальствовать, предпочитая самому быть в послушании у другого. Зная о подвигах основателя Глушицкой обители преподобного Дионисия, он пришел к нему со смиренной просьбой о принятии его в послушники монастыря. Святой

Дионисий, видя глубокое смирение Тарасия, со словами «Благословен Бог, пославший к нам, недостойным, мужа опытного и благоговейного», с большой радостью принял бывшего игумена в свою обитель.

Преподобный Тарасий начал трудиться в монастыре наравне с остальными иноками, проводил самую суровую и строгую жизнь, умерщвляя тело постом и молитвой и во всем исполняя волю преподобного Дионисия. Постоянные слезы умиления, глубокое смирение, сердечное сокрушение и необыкновенное терпение – все эти качества роднили преподобного Тарасия с древними подвижниками.

После десяти лет многотрудных иноческих подвигов при жизни преподобного Дионисия и трех лет при игуменстве святого Амфилохия в преклонном возрасте преподобный Тарасий преставился в 1440 году. Святые мощи преподобного Тарасия почивали под спудом в храме в честь Рождества Христова в Покровском Дионисиевом монастыре.

Подробностей о житии **преподобного Феодосия Глушицкого** не сохранилось. Известно, что он подвизался под духовным руководством преподобного Дионисия и был погребен поблизости от могилы святого Тарасия Глушицкого.

Макарий Каневский, преподобномученик

Преподобномученик Макарий Каневский жил в XVII веке. Это было тяжелейшее время для православных людей Западной Руси. Жизненный подвиг, совершенный преподобномучеником, был подвигом защиты православной веры в условиях неравной изнурительной борьбы, когда защищать можно было только будущее Русской Православной Церкви, поскольку то, что сохранялось от проносящегося урагана унии, сносилось татарскими набегами.

Святой Макарий родился в 1605 году в городе Овруче, на Волыни, в знатной семье Токаревских, известных ревнителей Православия. Родители воспитали мальчика в страхе Божиим, любви к молитве и храму. В 1614–1620 гг. святой обучался при Успенском Овручском монастыре и по смерти родителей, «Спаса Христа измлада возлюбивши», стал иноком этого монастыря, начав свое служение с меньшего монастырского чина – послушника. Молитва и чтение святоотеческих творений стали любимым занятием постриженного молодого инок.

В 1625 году инок Макарий, с благословения архимандрита, оставляет Успенский монастырь и направляется к епископу Пинскому Авраамиию, который определяет его в Купятицкий (Купятицкий) Пинский монастырь. Там преподобный настолько прославился подвижнической, добродетельной жизнью, что вскоре (в 1630 году) был рукоположен епископом Лазарем (Барановичем) в сан иеродиакона, а через два года – в иеромонаха.

Слава об образцовом монашеском житии иеромонаха Макария распространилась за пределы Купятицкого монастыря, и в 1637 году братия Симоновского Брестского монастыря обратилась с просьбой к игумену Купятицкого монастыря Илариону (Денисевичу) отпустить к ним в настоятели святого Макария. Но иеромонах Макарий был необходим и купятицкому игумену, и в том же году он послал его к Киевскому митрополиту Петру Могиле для вручения собранных братией денег на перестройку Киевского Софийского храма и

для испрошения помощи на постройку и обновление разрушившейся монастырской церкви. Увидя в иеромонахе Макарии преданного сына Церкви Божией, митрополит выдал ему универсальный лист для сбора пожертвований, а в 1638 году назначил его настоятелем Каменецкого Воскресенского монастыря (Гродненская область). До ограбления и захвата монастыря униатами в 1642 году преподобный Макарий руководил братией этого монастыря. В суровое время братия Купятичского монастыря призвали в игумены преподобного Макария, который удерживал этот монастырь до 1656 года. С 1656 по 1659 гг. преподобный Макарий возглавлял Пинский монастырь. В 1660 году в сане архимандрита, «ко спасению вечному православные люди приводя», святой Макарий руководил братией родного Овручского Успенского монастыря.

Это было тяжелое время для православных христиан Западной Руси. Католическая Польша старалась навязать православному народу унию и латинство. Более девяти лет продолжалась непрерывная борьба с латино-поляками в Овруче. Униаты и монахи-доминиканцы неоднократно нападали на обитель преподобного, грабили церковное имущество, наносили побои и оскорбления братии. Но угодник Божий Макарий не падал духом и ободрял братию надеждой на небесное заступничество. «Повторяйте, повторяйте чаще слова пророка Давида, – говорил он, – Господь просвещение мое и Спаситель мой! Кого убоюсь?... Аще встанет на мя брань, на Него аз уповаю» (Пс. 26, 1–3). И сердца иноков укреплялись твердой верой и надеждой на Всесильного Бога.

Во время нападения на обитель в 1671 году униаты призывали святого Макария перейти в унию, но «веры Православная неустрашимый защитниче» мужественно отвечал: «Какое общение возможно для нас с вами? Вы оставили правила Вселенских Соборов, приняли предания лжи и вместо того, чтобы быть под Главою Церкви Иисусом Христом, преклонились перед земным властителем – римским папой». Разъяренные поляки, подстрекаемые иезуитами, разорили город и обитель и разогнали всех иноков. Преподобный Макарий покинул монастырь, в котором не

осталось ни одного монаха, и отправился для духовных подвигов в Киево-Печерскую лавру. Здесь он провел в подвигах два года. Но такой ревностный защитник Православия нужен был не только в Киеве. Митрополит Киевский Иосиф (Нелюбович-Тукальский) назначил архимандрита Макария настоятелем Каневского монастыря. Там угодник Божий, муж высокой праведной и духовной жизни, поучая всех «истинней вере и житию богоугодному», прославился многими чудесами и благодатным даром прозрения. Множество убогих, бедных, больных и скорбящих людей приходили к нему в обитель, где получали духовный совет и исцеление.

Однажды святой Макарий исцелил ослепшего жителя города Канева. «Веруй и молись Тому, Кто дал зрение слепому, – сказал он, – иди к навечерию Богоявления Господня и молись». Во время богослужения, когда преподобный читал слова молитвы на освящение воды: «Велий еси Господи и чудна дела Твоя», слепой увидел мелькнувший возле глаз луч света и внезапно прозрел. В благодарность Богу исцелившийся построил храм в честь святого Богоявления. Известен случай, когда преподобный Макарий «ленивого и неблагонравного сына жены благочестивыя» добрым советом и молитвой обратил к покаянию. «Читай одну молитву «Отче наш», – говорил преподобный юноше, – и в ней найдешь все – и свет богопознания, уроки для жизни, и утешение, и силу для духа; прочесть эту молитву со вниманием, думаю не тяжело». Молитва так понравилась юноше, что он стал часто читать ее и вскоре стал честным и добродетельным человеком.

За два года до блаженной кончины преподобный Макарий предсказал о разорении Канева и своем страдальческом завершении жизни. Он неустанно призывал твердо и безбоязненно исповедовать святое Православие: «Приять венец нетленный нельзя иначе, – говорил святой, – как совершая законно подвиг свой. Да не отступят православные от святой веры, но да стремятся с терпением на предстоящий подвиг, памятуя непрестанно Господа Иисуса».

В 1672 году в Каневском монастыре нашел приют сын Богдана Хмельницкого Юрий. Гетман Дорошенко,

ходатайствовавший перед митрополитом Иосифом о назначении преподобномученика Макария, неоднократно посещал Каневского настоятеля и в 1675 году перешел в русское подданство, отказавшись от подданства Турции, по видимому, не без совета преподобномученика Макария.

4 сентября 1678 года турки и татары напали на Канев и ворвались в монастырь. С крестом в руках преподобный бесстрашно встретил варваров на паперти храма. Татары стали жестоко бить его, требовали указать, где спрятано монастырское золото и имущество. «Мое золото на Небе, а не на земле», – отвечал святой старец. Нечестивые захватчики стали избивать его палками, ломали руки и ноги железными орудиями и сдирали с него кожу. Но святой Макарий, призывая Сладчайшего Иисуса, терпеливо переносил мучения. «Стопы моя направи на путь мирен, к Тебе, Боже, – восклицал он, – ибо сего желает и в сем скончается душа моя».

Через два дня (7 сентября 1678 года) мучители отсекли преподобному Макарию голову и бросили тело на площади. Христиане тайно ночью внесли святого в монастырскую церковь. Но враги подожгли храм, и все скрывавшиеся в нем погибли от огня и дыма. Когда захватчики ушли из монастыря, то уцелевшие жители города нашли тело преподобномученика нетленным. Словно живой, в одной власянице, с крестом на груди и с крестом в руках лежал преподобный. 8 сентября 1678 года христиане погребли его святыне мощи под жертвенником храма.

В 1688 году при перестройке монастырской церкви был открыт гроб преподобного и в нем обнаружено его нетленное благоухающее тело. В связи с опасностью нападения на Каневскую обитель 13 мая 1688 года святыне мощи были перенесены в новопостроенный храм Михайловского Переяславского монастыря, а после его закрытия почивали с 4 августа 1786 года в Переяславском Вознесенском монастыре Полтавской губернии.

В 1942 году мощи были перенесены в Троицкую церковь города Черкасы, а с 1965 года находятся в храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы того же города.

Память преподобномученика Макария совершается дважды: 7/20 сентября – в день преставления и 13/26 мая – в день перенесения святых мощей.

Май 14

Исидор, Христа ради юродивый, Ростовский чудотворец

Блаженный Исидор родился в Германии, в окрестностях, вероятно Бреннабора (или Браннибора, ныне – Бранденбург) в богатой славянской семье католического вероисповедания и, как говорит предание, был родственником Великого Магистра Немецкого ордена. В сердце его непрестанно отзывалось слово Господне: *Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет, кая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит, или что даст человек измену за душу свою (Лк. 16, 24, 26)*. Возбуждаемый сими спасительными словами, блаженный Исидор сошел с себя княжеские одежды и восприял юродство, или безумное Христа ради житие, как и апостол говорит: *Но буяя мира избра Бог, да премудрыя посрамит, и немощная мира избра Бог, да посрамит крепкая (1Кор. 1, 27)*. По глубокому убеждению в несостоятельности веры латинской перед судом совести и здравого рассуждения, блаженный Исидор «возлюбил христианскую веру православную». И он в лохмотьях, с посохом в руке отправился в долгое странствование через многие города и страны, принимая повсюду насмешки, издевательства, а порой даже и побои. И великое показал святой Исидор терпение, одинаково перенося и хлад зимний, и летний зной. Днем странствовал, как юродивый, ночью же стоял на молитве и, плача, говорил сам себе: «О, Исидор! Многими скорбями подобает внити тебе в Царство Небесное, ибо только силою оно восхищается».

Переходя, таким образом, из града в град, достиг, наконец, славного Ростова, тут соизволил остановиться, привлекаемый благоуханием святыни. Здесь блаженный Исидор принял Православие. И в виде юродивого так же, как и раньше, переносил он насмешки и побои безответно. Подвиг этот тяжелый для самолюбия, много надо бороться с собою, чтобы достигнуть полной победы над щекотливой гордостью. Это значит стать как бы мертвым для себя. Будь мертв, поучал прп.

Макарий Великий, если хочешь спастись. Когда ругают тебя, молчи и не сердись; а когда хвалят, не вознось – даже не думай, как не думает мертвец, ни об оскорблении, ни о похвалах, и спасешься. Так вел себя блаженный Исидор, когда осыпали его насмешками и побоями. На топком месте устроив себе хижину из хвороста, удалялся он в нее на ночь; хижина не защищала его ни от холода, ни от зноя, снег или дождь равно разливались на его тело сквозь открытый покров хижины; она закрывала только от глаз людских молитвенные подвиги его, которые совершал он по ночам, с вечера до утра. Дни же он проводил на городских улицах, смиренно перенося все тяготы и поношения с усердной молитвой за своих обидчиков. Если и давал покой измученному телу своему, то не иначе как на куче навоза или на сырой земле.

Крепка была любовь его к Господу. И вдохновляемый в своих многотрудных подвигах этой горячей любовью к Богу, он претерпевал всякое озлобление и скорбь с таким усердием, что своим терпением уподобился древнему Иову. И Господь прославил такую нелицемерную любовь подвижника, сторицею воздав ему в небесной жизни утраченное им в земной и щедро наделил его даром прозорливости и чудес.

Однажды блаженный Исидор спас от неминуемой гибели ростовского купца, брошенного в бушующее море по жребию его попутчиками. Корабль был застигнут внезапной бурей, и плывшие на нем, подобно спутникам пророка Ионы, решили через жребий узнать, по чьим грехам им угрожает опасность, и бросить виновного в море. Оказавшись на небольшой доске в штормовых волнах, купец почти потерял надежду на спасение, когда внезапно его взору предстал блаженный Исидор, шедший по воде, как по суше. Чудесным образом блаженный Исидор вернул на корабль купца и повелел ему объяснить всем чудесное избавление от смерти силою Божественного милосердия. Впоследствии при случайной встрече на одной из ростовских улиц со спасенным им купцом он вновь настоятельно потребовал не разглашать тайны своего чудесного заступничества, а воздавать благодарение Богу.

Сохранился и другой рассказ о даре чудотворений блаженного Исидора. Однажды князь ростовский призвал к себе на трапезу епископов со всем его клиром после литургии. До прихода святительского пришел в дом княжеский блаженный Исидор, как будто (про себя) прося себе воды у приставника для утоления жажды, но собственно для того, чтобы подать благословение дому благоверного князя. Суровый приставник не только не удовлетворил смиренной просьбы, но и изгнал его с бесчестными словами. Тогда восхотел Господь прославить Своего угодника: когда велел виночерпиям князь подать вино на трапезе, все были немало удивлены, ибо ни капли не обрелось ни в одном сосуде. Возвестили князю о том, что было с Исидором, и князь послал искать его по всему граду, опечаленный, что уже к исходу была трапеза и не обреталось питья. Нигде однако не могли найти блаженного, доколе сам он не явился под конец трапезы с просфорой, которую преподнес епископу со словами: «Приими, святителю, просфору сию, юже аз в сий час приях от руки святейшего митрополита в Киеве, в церкви Святой Софии». Ко всеобщему удивлению, все пустые сосуды оказались при этом вновь наполненными. И всем стало ясно, что его слова о чудесном перенесении в Киев и о мгновенном возвращении с просфорой в Ростов не были плодом воображения блаженного, которого Ангел Божий действительно восхитил, подобно святому Георгию, игумену горы Синайской (восхищенному из своей келлии в Иерусалим и возвращенному обратно после причащения Святых Христовых Таин из рук Святейшего Патриарха Петра).

Современники блаженного Исидора, не раз убеждавшиеся на деле в осуществлении его предсказаний, называли святого «Твердисловом». Особенно ярким подтверждением правильности этого прозвища служит эпизод, когда блаженный Исидор явился в разгар брачного торжества по случаю венчания князя Саввы Оболенского и княжны Дарии Луховской и, подойдя к новобрачному, вручил ему собственноручно сплетенный венок из полевых цветов со словами: «Вот тебе, князь, и архиерейская шапка». Таинственный смысл сказанных слов удивил новобрачных и их гостей, однако неясность

предсказаний святого вскоре всех успокоила. И все же поступок блаженного Исидора и его слова оказались свидетельством его прозорливости: спустя несколько месяцев после свадьбы молодая княгиня внезапно скончалась. Безутешный в своей горе князь Оболенский оставил мир и после пострижения в монашество с именем Иоасаф удалился в Ферапонтов монастырь. Свое служение Богу святой Иоасаф завершил на архиерейской кафедре в сане архиепископа Ростовского († 1489).

Блаженный Исидор получил откровение от Господа о своей кончине за несколько дней до смерти. Он мирно отошел ко Господу в своей хворостяной келлии 14 мая 1474 года. А в описании жития св. Исидора преосвященным Филаретом (Гумилевским) блаженная кончина последовала 14 мая 1484 года. Жители Ростова Великого были оповещены о его кончине удивительным благоуханием, внезапно разлившимся по всему городу. Некий прохожий, находившийся неподалеку от келлии святого угодника Божия, почувствовал благоухание, исходившее от его хижины. Когда он в нее вошел, то обнаружил святого Исидора, лежавшего на земле со сложенными крестообразно на груди руками, а лицо было устремлено горе. Погребен святой на месте, где стояла его хижина, а над могилой вскоре был сооружен деревянный храм в честь Вознесения Господня, так как день погребения Исидора, 18 мая, был тогда накануне сего праздника.

Многие чудеса и по смерти ознаменовали святость человека Божия. Иерею, служившему при церкви Вознесения Господня, пришло на мысль удостовериться: нетленно ли блаженный почивает во гробе? И он уже начал тайно копать землю, когда внезапно отринула его некая чудная сила и впал он в совершенное расслабление. Мысленно, ибо уже был безгласен, просил он у святого разрешения греху своему и немедленно получил исцеление. Исцеления повторялись над многими недужными, которые с верою приходили на гроб Исидора.

Другой человек, по имени Феодор, долго страдал болезнью глаз и от страшной боли кричал день и ночь. Привели его

поздно вечером ко гробу святого Исидора и только на рассвете стали петь молебен: немедленно почувствовал большой облегчение и при чтении Евангелия совершенно прозрел. Обрадованный припал к надгробной иконе святого и теплые вознес к нему молитвы за свое исцеление, проливая слезы из прозревших очей перед сим убогим Лазарем, который уже возлежал на лоне Авраамовом и из глубины мнимой нищеты своей многих обогащал духовным своим богатством.

Впоследствии, в 1566 году, на средства и по приказу Иоанна Грозного деревянный храм был заменен каменным. В 1770 году к храму был пристроен зимний придел во имя блаженного Исидора. Мощи святого почивали в этом приделе под спудом.

Блаженный Исидор почитался Русской Православной Церковью уже в XV веке. Царь Иоанн Грозный называл его одним из великих русских чудотворцев, благодаря молитвенному заступничеству которого в 1563 году был освобожден от поляков город Полоцк. В «Уставе церковных обрядов Московского Успенского собора» (1636) написано: «Мая в 14-й день Исидору Ростовскому благовест в лебедь, трезвон средний».

«Иконописный подлинник» дает следующее описание внешности святого угодника Божия: «Подобием рус, власы велики, брада аки Никиты мученика, подоле, риза на нем едина разодрана серодикая, правое плечо наго, руки крестообразно, ноги голы».

Служба блаженного Исидора была составлена в то время, когда еще можно было опасаться «поганского нашествия», то есть, очевидно, вскоре после кончины святого. На Соборе 1547 года вопрос о составлении службы блаженному Исидору не обсуждался, следовательно, она уже была написана.

По свидетельству святителя Димитрия, митрополита Ростовского, по молитвам блаженного Исидора и после его кончины совершались чудесные исцеления людей, приходивших на его могилу с чистой верой и надеждой на помощь.

Никита, затворник Печерский, епископ Новгородский

Преподобный Никита, родом киевлянин – один из первых постриженников Киево-Печерской обители. Он подвизался там при преподобном игумене Никоне (1078–1088). В молодости инок Никита, желая прославиться среди монахов, стал просить игумена, чтобы он благословил его подвизаться наедине, в затворе. Игумен препятствовал ему, говоря: «Чадю! Не полезно тебе, будучи юным, сидеть праздно. Лучше пребывать тебе с братией, работая вместе, и ты не лишишься награды своей. Сам ты видел брата нашего Исаакия пещерника, как он был прельщен в затворе бесами; и только благодать Божия да молитвы преподобных отец наших Антония и Феодосия спасли его. Желание твое выше сил». Никита же вовсе не хотел внимать словам игумена, так как не мог преодолеть сильного рвения своего к затворнической жизни и поэтому, чего захотел, то и сделал. И он, затворившись, заградил дверь крепко и, не выходя, пребывал один в молитве. Прошло немного дней, как инок не избег сетей дьявольских. Во время пения своего он слышал некий глас, как будто бы кто-то вместе с ним молился. Никита обонял при этом и благоухание неизреченное. Затем предстал перед ним бес в образе Ангела. И неопытный подвижник, прельстившись, поклонился ему, как Ангелу. Тогда сказал ему бес: «Отселе ты уже не молись, но читай книги и будешь беседующим с Богом и подашь полезное слово приходящим к тебе. Я же всегда буду молить Творца о твоём спасении». Никита, поверив сказанному и прельстившись еще более, перестал молиться, но прилежнее начал читать книги, видя при этом беса, непрестанно молящегося о нём. Никита радовался, думая, что сам Ангел творит за него молитву.

В скором времени Никита столь усовершенствовался в изучении Ветхого Завета, что знал его наизусть. Так же с приходящими к нему много беседовал от Писания о пользе для души. По внушению искушителя он начал пророчествовать, и великая слава распространилась о нём, все дивились

исполнению его пророческих словес. Так, Никита сообщил князю Изяславу об убийстве новгородского князя Глеба Святославича. Действительно, вскоре пришла весть, подтвердившая его слова. В летописях сообщается, что князь Глеб был убит 30 мая 1079 года. Так что пророчества Никиты с удивительной точностью исполнялись. Это убеждало затворника в правильности избранного им пути. О молитве же и покаянии Никита не помышлял.

Он часто беседовал о Священном Писании Ветхого Завета, но избегал даже упоминаний имени Господа Иисуса Христа, избегал разговоров о Святом Евангелии. Узнав об этом, святые отцы Киево-Печерской лавры поняли, что инок находится в опасном состоянии духовной прелести. Они не оставили в беде своего собрата. Преподобные отцы, совершив многие молитвы о Никите, изгнали из него беса. После этого они спросили Никиту; знает ли он что-либо из книг Ветхого Завета. Никита клялся, что он никогда их не читал и даже оказался забывшим грамоту, так что отцы снова научили его чтению и письму. Тогда, придя в себя, Никита «исповеда грех свой и плакася о том горько, дав себе в великое воздержание и послушание, восприем чистое и смиренное житие, яко превзыти ему всех добродетелию». Человеколюбивый Господь, видя столь великие подвиги блаженного, а также и прежние его добродетели, принял его истинное покаяние. И как Петру, трижды отрекшемуся, Христос сказал после его покаяния: «Паси овцы Моя», так явил Свою милость Господь и покаявшемуся искренно Никите, ибо потом возвел его в епископа Новгородского.

В 1096 году преподобный Никита был возведен митрополитом Киевским Ефремом (вторая половина XI века) в епископский сан и назначил на кафедру Великого Новгорода. В «Росписи, или кратком летописце Новгородских владык» святитель Никита значится шестым Новгородским епископом.

Со времени епископской хиротонии труды святого Никиты умножились, а подвиги, которые он совершал в обители, возросли. «Он же паству приим и различными добротами себе наипаче украси, имея бо в себе молчания корень, воздержания

ветвь, пощения цвет, смирения плод, любовь украшен, милостынею совершен, чистотою, и целомудрием, и правдою от обоюду, аки стенами, огражден и всеми благими нравы по многу изобилен». Предмет особых забот святителя Никиты была миссионерская деятельность по утверждению христианства, распространению и поддержанию благочестия в епархии. В течение двадцатилетнего архиерейского служения он был для своей паствы примером добродетельной жизни. В Похвальном слове святителю Никите говорится, что он тайно подавал милостыни бедным, исполняя слово Божие: *Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне* (Мф. 6, 3–4).

Святитель Никита был усердным молитвенником и ходатаем за свою паству, и Господь прославил его добродетельную жизнь, дав дар чудотворения. Летописи сохранили свидетельства о двух случаях чудесного спасения Новгорода от бедствий: в 1097 году святитель Никита своей молитвой угасил пожар, истреблявший город, а в другой раз во время губительной засухи низвел дождь. Очевидно, поэтому он почитается верующими как защитник от пожаров и покровитель земледелия. Известно также, что святитель Никита чтился и как защитник отечества, покровитель воинов. Летописец, рассказывая о походе Новгородского князя Мстислава и о его победах, замечает, что Мстислав вернулся «в град свой молитвами преподобного Никиты, епископа Новгородского».

Новгородские святители первыми проявили свою деятельность в различных общественных начинаниях: они строили и украшали храмы с помощью лучших мастеров, которых приглашали из Византии и Западной Европы. Наиболее значительные литературные произведения Новгорода создавались главным образом при Владычнем дворе. Благодаря трудам святителя Никиты в Новгороде было построено несколько храмов, не сохранившихся до наших дней, сведения о которых имеются в летописях и древних житиях: Спасо-Преображенский храм на Ильине улице (перестроен в 1574 году), Благовещенский храм на Городище (перестроен в

1342 году), деревянный храм Рождества Пресвятой Богородицы в Антониевом монастыре.

Антониев монастырь – второй в Новгороде – был основан по благословению святителя Никиты преподобным Антонием Римлянином († 1147 г.; память 17/30 января, 3/16 августа, также в первую пятницу после дня памяти апостолов Петра и Павла) в начале XII века. При содействии святителя Никиты преподобный Антоний получил для монастыря территорию на берегу реки Волхов, где остановился камень, на котором Антоний чудесно приплыл из Рима. Незадолго до кончины святитель Никита вместе с преподобным Антонием разметил место для нового каменного монастырского храма, который благословил освятить так же, как и прежний (деревянный) в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Святитель Никита собственноручно начал копать ров под его основание. На построен храм был уже при его преемнике – епископе Иоанне (1108–1130).

13 лет управлял святитель Никита новгородской паствой и мирно скончался в 1109 году, 31 января.

Уже после кончины святителя Никиты была начата роспись стен новгородского собора во имя Святой Софии Премудрости Божией по завещанию святителя Никиты.

Доныне цел каменный корпус новгородского архиерейского дома, и в памятниках, и в народном предании известного под именем Никитинского. Это самое древнее из дошедших до нашего времени строений архиерейского корпуса было перестроено до средних сводов.

При многочисленных трудах и заботах по благоустройству Новгородской епархии святитель Никита никогда не оставлял сугубого подвига монахов-отшельников: под святительскими одеждами он носил тяжелые железные вериги. Погребен святитель в новгородском Софийском соборе, в приделе во имя святых Иоакима и Анны – родителей Пресвятой Богородицы.

В 1547 году, при архиепископе Новгородском Феодосии (1542–1551), некий благочестивый христианин в пасхальную ночь за богослужением получил в откровении повеление украсить покровом гробницу святителя Никиты, что и было

исполнено. В том же году на церковном соборе состоялось общероссийское прославление святителя. Через несколько лет архиепископ Новгородский Пимен (1553–1570) совершил открытие гробницы по благословению митрополита Московского Макария († 1563). Обретение нетленных мощей святителя Никиты состоялось 30 апреля 1558 года. Примечательно, что по благодатной помощи святителя получают исцеление преимущественно больные глазами и слепые.

Мощи святителя были переложены в 1629 году из обветшавшей гробницы в новую, деревянную, обложенную басменным серебром. Так как Иоакимовский придел был небольших размеров, то по благословению архиепископа Новгородского Пимена с восточной стороны придела была сделана полукруглая пристройка, соединенная аркой с Рождественским приделом. Под этим сводом и были положены в гробницу мощи святителя. Новгородцы принесли в дар своему небесному покровителю лампаду с вызолоченной надписью: «Свеча Великого Новгорода, всех православных христиан поставлена новому Новгородскому чудотворцу Никите в лето 7066, 30 апреля, при архиепископе Пимене». Эта «свеча» святителя Никиты вместе с древней гробницей, облачением, посохом и веригами позднее хранились в ризнице Новгородского Софийского собора.

В настоящее время гробница святителя Никиты находится в храме во имя святого апостола Филиппа, где пребывает в северном приделе во имя святителя Николая.

Память святителя совершается 31 января/13 февраля, в день преставления, и 30 апреля/13 мая, в день обретения мощей (1558 год).

Май 15

Исаия Печерский, преподобный

Преподобный Исаия в числе других Киево-Печерских святых подвизался в XI – начале XII вв. Основным подвигом жизни преподобного Исаии, которым он угодил Господу, было безмолвие и неутомимый труд, за что и именуется «преподобным старцем трудолюбивым»; в службе общей преподобным святым Киево-Печерским Исаия прославляется как «горлица пустыннолюбная». Ему вместе с Онуфрием и Сильвестром приписывается дар угашать страстные бесовские прилоги. «Онуфрий молчания любитель, Исаия горлица пустыннолюбная, с Сильвестром блаженным, триплетенная вервь на бесы, от нихже нанесенные страстные прилоги до конца удавивше, имут дарования и иным пособствовать, тем все их величают» (песнь 9, ст. 5). Кончину преподобного Исаии относят к 15 мая 1115 года. Мощи преподобного почивают в Антониевой пещере или в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры. Жизнь преподобного Исаии не описана в Патерике, и нет особой службы. Празднование преподобному Исаии совершается 15/28 мая, 28 сентября/11 октября и на второй неделе Великого поста.

Исаия, епископ Ростовский

Святитель Исаия родился недалеко от Киева в семье благочестивых родителей и был воспитан в православной вере. В юные годы он оставил суетность мира и пришел в Киево-Печерский монастырь, где был пострижен преподобным Феодосием в монашество. Испытывая горячую любовь к Спасителю, молодой инок жил в строгих и суровых подвигах поста и молитвы. При этом он был кроток, смиренен, послушлив, нестяжателен, братолюбив, воздержанием и терпением умерщвлял плотские страсти. И благодаря добродетелям мудрости, духовного мужества и целомудрия, помня слова древнего старца: «Крепость в человеке зависит не от природы человека, которая подвержена переменам, но от решительного намерения, укрепленного помощью Божией», он постоянно духом возносился к горнему Иерусалиму.

Слава о подвигах юного Исаии скоро распространилась за пределы обители. И когда скончался Варлаам, первый игумен монастыря, построенного на княжеском дворе во имя св. великомученика Димитрия, то киевский великий князь Изяслав Ярославич просил себе, как великий дар, у блаженного Феодосия Исаию в настоятели обители. И в 1065 году, по благословению преподобного Феодосия, святой Исаия был возведен в игумены. Блаженный, приняв этот высокий сан, был благоискусным для братии наставником и добрым пастырем словесного стада. Став игуменом, он помышляя всегда о Господе, продолжал пребывать в смирении, молитвенном и телесном труде. Видя у себя в монастыре такого святого мужа, князь Изяслав радовался духом и благодарил Господа и преподобного Феодосия, благословившего Исаию на игуменство в монастыре св. Димитрия. Преподобный Исаия, как преуспевший в благочестии и исполненный Божественной благодати, принимал участие в 1078 году в соборной молитве Печерских старцев о прельщенном бесом подвижнике Никите (впоследствии епископе Новгородском). Но для великого светильника после подвига настоятельства в обители, и после

десятилетнего игуменства предстояло апостольское служение. В том же 1078 году после смерти святителя Леонтия, епископа Ростовского, святой Исаия был возведен на Ростовскую епископскую кафедру. В то время Ростовская епархия занимала обширное пространство. В нее входили Ярославская, Владимирская, Нижегородская, Костромская, Вологодская и частично Московская, Тверская, Олонецкая земли. Языческие народы этого края были подвержены множеству суеверий, кровавых обычаев, гаданий и чародейств. Много потрудился добрый пастырь Леонтий для просвещения области Ростовской, но еще много нашел там язычников доблестный его преемник. Поэтому святитель Исаия, сказано в древнем житии его, «найдя людей новопросвещенных, еще не утвердившихся в вере, усердно напоял их учением своим». Он с миссией апостольской проповеди о Христе Иисусе обходил Ростово-Ярославские пределы, всюду «идольскую лествицу покаяния» и бесстрашно сжигая языческих кумиров. *Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь (Гал. 3, 27)*, – произносил святитель, умоляя христоименитое стадо свое быть крепким в вере и в жизни подражать Христу.

В одной стихире прекрасно выражен дух служения св. Исаии: «Что ты наречем, святителю? Ангела, яко безплотен на земли пожил еси, апостола, яко научил еси благоверию российския концы, мученика же, яко Христа ради до смерти подвизался еси, обращая люди от тьмы нечестия и приводя их на пажить богоразумия».

Утешением святителя Исаии было участие в его служении великого князя Владимира Мономаха. На средства великого князя был построен в Ростове Великом собор в честь Успения Пресвятой Богородицы, в котором была поставлена чудотворная икона, написанная преподобным Алипием Киево-Печерским (память 17/30 августа). Святитель Христов Исаия с любовью относился к бедным, нищим и всем нуждавшимся. Господь прославлял Своего угодника, совершая через него многие знамения и чудеса.

При благочестивой державе великого князя киевского Всеволода Ярославича, когда настало время освящения

великой соборной церкви Киево-Печерской обители, скорбен был митрополит Иоанн, что не успел собрать на торжество сие боголюбивых епископов, по дальнему расстоянию их кафедр. Но благочестивое его желание исполнили Ангелы Божии, посылаемые на службу человекам для их спасения. И сему блаженному Исаии предстал в образе юношеском светлый Ангел и возвестил о дне освящения храма. Немедленно собрался в путь боголюбивый епископ и был участником духовного торжества, споспешествуемый силою свыше, для которой нет времени и пространства. Сам он, дивясь чудному своему странствию, поведал о том митрополиту всея Руси Иоанну, говоря, что не смел ослушаться повеления его и не прийти на освящение храма. Изумился первосвятитель сему таинственному зову, ибо никого не успел послать для приглашения епископов; дивное сие странствование было плодом послушания и ревности к церкви Божией. Три епископа: Исаия Ростовский, Лука Белгородский, Иоанн Черниговский – были сослужителями митрополита Иоанна при освящении «небеси подобной» церкви Успения Пресвятой Богородицы 14 августа 1089 года, и с радостью духовной возвратился Исаия к своей пастве, которая приняла его с великим торжеством, как присного отца своего.

Не более года после того пас свою паству Ростовскую святитель Исаия. Он скончался в мире в лето от Рождества Христова 1090, месяца мая 15 дня, после тринадцатилетнего епископства, посреди плача народного. И те же Ангелы, которые переносили его для освящения Печерской церкви, перенесли его душу в самые небеса в вечность.

В 1164 году святой благоверный князь Андрей Боголюбский заложил в Ростове Великом новый каменный храм, вместо пострадавшего от пожара в 1160 году деревянного. При раскопке фундамента под южной стеной были обретены мощи святителя Исаии. Говорит древнее предание и летопись: «Нашли гроб блаженного Исаии, открыв его, увидели одежду и тело святителя нетленными и прославили Бога, Который благоволил прославить угодника Своего не только в жизни, но и по смерти; сколько лет прошло, а одежда и тело блаженного

остались неприкосновенными для тления». Мощи святителя поставили тогда в церкви св. Иоанна, и так как каменный храм едва был окончен, как обрушился, то они перенесены в собор уже в 1231 году и положены с правой стороны в притворе.

Мощи св. Исаии в первый раз были обретены вместе с мощами св. Леонтия 23 мая 1164 года. И с того же времени, как видно из жития прп. Феодосия, «и тамо чтут его со святыми», народ чтит св. Исаию за святого.

Но с течением многих лет утратилась память о чудесах его, так что даже никогда не возжигали светильника над его гробом, никогда не приходил священник с фимиамом покадить над ним, ибо самый притвор всегда был заключен. Не подобало однако столь великому светильнику оставаться под спудом. По рукописному житию, «архиепископ соборной церкви, видя, что образ св. Исаии все почитают и поклоняются ему, а гроб его (в притворе собора) в небрежении, созывает 17 мая священников и касается чудотворного гроба пречудного отца – переносит его оттуда в 1474 году и полагает в новом гробе с честью, близ южных дверей, где и ныне он подает исцеление». Первым архиепископом Ростова был в 1390 году Феодор. И церковное почитание св. Исаии началось с 1474 года, со времени перенесения мощей в храм; к тому же времени относится и первое письменное изложение его жития. В 1722 году они были переложены в серебряную гробницу.

В «Иконописном подлиннике» приводится описание внешнего облика святого: «Иже во святых отец наш Исаия епископ, Ростовский чудотворец, подобием рус, брада аки Власиева, от ушей пошире, ризы святительския, саккос празеленый и омофор, на главе клобук белый, в руках Евангелие».

Ефрем Перекомский, Новгородский, преподобный

Преподобный Ефрем родился 20 сентября 1412 года в г. Кашине Тверской губернии. В святом крещении назван Евстафием. Отец преподобного, Стефан, был звания купеческого, богобоязненный и нищелюбивый, и ему в благочестии соревновала супруга Анна. Евстафий родился по обету, что если будет у них сын, то посвятят его Богу. И по рождении сына они не только его, но и себя до конца жизни посвятили на служение Богу.

Уже в самом нежном возрасте явил Евстафий свое духовное расположение и, припадая перед иконой Господа и Пречистой Его Матери и слезно моля о даровании разума Божественных книг, прилагал все старания к изучению грамоты. В юные годы отрок начал вести жизнь постническую, изнуряя тело свое и удаляясь от всех детских игр. Служба церковная и чтение священных книг были единственным его занятием. Соблюдал он и должное повиновение родителям, и тогда только, когда увидел, что хотят сочетать его браком, начал помышлять, как бы ему избежать житейских уз.

Много слышал Евстафий об обители Живоначальной Троицы, что близ Калязина на Волге, и туда направил сердечное свое желание. И, испросив дозволения у родителей отлучиться в ближайшую весь по некоему делу, навсегда оставил отчий дом.

Ласково принял его настоятель Калязинского монастыря и, хотя предварил о скорбном жительстве иноческом, но, провидя в нем избранный сосуд благодати Божией, позволил остаться в обители и велел служить братии. Родители хотели вернуть сына домой, но он сам убедил их оставить мир и принять монашество. И немного времени спустя преставились оба супруга в добром исповедании.

Пробыв в обители три года, Евстафий по чудесному откровению перешел в монастырь преподобного Саввы Вишерского (память 1/14 октября) и там в 1437 году принял постриг с именем Ефрем.

Усугубил свой иноческий подвиг сей новый Ефрем, трудясь свыше сил человеческих, служа всей братии, нося воду и дрова, и еще сверх того ночью изнуряя тело свое, обнажая его до пояса, чтобы сосали кровь комары в сем болотном месте; притом первый являлся в церкви и последний исходил, и в таком послушании провел несколько лет.

Одно лишь его смущало: общая к нему любовь и уважение, и потому просил он игумена Савву отпустить его в пустыню, но не благословил сего начинания опытный старец, опасаясь, чтобы неиспытанный довольно в общежитии, не впал в одиночестве в сети врага, и многие лишатся такого светильника, который может со временем послужить к их спасению. Смиренно повиновался Ефрем и продолжал свой труженический подвиг в обители Вишерской, доколе не созрел духовно для пустыни.

И когда однажды ночью на молитве слышался ему голос, повелевающий удалиться в пустынное место, и утром возвестил о том игумену Савве, прося опять благословить его в пустыню – на сей раз отпустил его Савва, ибо видел на то произволение Божие.

И в 1450 году преподобный Ефрем перешел на озеро Ильмень, к устью реки Веренды и на берегу реки Черной поставил келлию для безмолвных подвигов. Здесь, смиряя «плоти похотные мудрования», изнуряя себя «постом и молитвами» и претерпевая «жестокое житие», преподобный Ефрем пребыл «в пощении многа лета», подражая «древним онем великим отцем, в посте провозсиявшим». И начали к преподобному мало-помалу собираться братия. Первый пришел к нему в пустыню старец по имени Фома, обложенный по всему телу тяжкими веригами, желая у него водвориться с двумя иноками. Не отринул моления блаженный Ефрем, и многие годы оставался при нем подвижник Фома, но не мог однако превзойти подвига самого Ефрема, который в зиму и лето, как бесплотный, ходил в одной разодранной одежде и молитвой отражал злых духов, дерзавших являться ему, доколе именем Христовым не изгнал их навсегда из пустыни.

При умножении братства стали умолять его иноки о принятии на себя священства. Долго уклонялся от сего смиренный Ефрем, но, внимая их просьбе, принял рукоположение в Новгороде от святителя Евфимия († 1458; память 11/24 марта).

Возвратившись из Новгорода, преподобный Ефрем основал храм в честь Богоявления Господня на острове, находившемся в устье реки Веренды. Саном священства не превознесся смиренный; всегда являлся он первый во всех трудах и послушаниях; ходил и в пекарню готовить хлебы и просфоры, ибо крепок был силами телесными. Наипаче же заботился о страждущих и болящих, утешая их словом любви. Всех научил он усердной молитве и воздержанию, напоминая обеты иноческие и день судный. После повечерия не было позволено беседовать и переходить из келлии в келлию; Ефрем обходил по ночам весь монастырь и, если заставал беседующих, подавал им слегка знак о своем присутствии; на другой день притчей или прямо обличал виновных, судя по духовному расположению каждого.

Братия однажды роптали на скудность воды, за которой надлежало далеко ходить. Не оскорбился их ропотом блаженный, но только смиренно напомнил, что не он искал их, а сами они пришли к нему в безводную пустыню. Однако, желая удовлетворить братию для удобной доставки монастырю воды, преподобный прокопал в озеро Ильмень проток, от чего обитель получила название Перекопской, или Перекомской. Впоследствии преподобный Ефрем основал каменный храм во имя святителя Николая Чудотворца. Ввиду недостатка искусных строителей он послал к великому князю Василию Иоанновичу несколько иноков с прошением о присылке каменщиков, после чего в 1466 году строительство храма было завершено.

Когда преподобный Ефрем почувствовал близкое свое отшествие к Богу, призвал братию и поучил ее в последний раз богоугодному житию. Преставился преподобный восьмидесяти лет, украшенный постническими сединами, 26 сентября 1492 года, и был погребен в Никольском храме.

В 1509 году из-за частых наводнений, грозивших монастырю разрушением, обитель была перенесена в другое место на берегу озера Ильмень. Явившийся игумену Роману преподобный Ефрем указал место Клинково для расположения обители. На месте погребения преподобного была построена часовня, поскольку все монастырские храмы были разобраны. С того дня в монастыре ежегодно совершалась память преподобного Ефрема Перекомского, утвердившаяся окончательно после прославления святого подвижника на Соборе Русской Церкви в 1549 году.

Святая Церковь совершает память преподобному Ефрему Перекомскому 26 сентября/9 октября – в день преставления, и 16/29 мая – перенесение мощей в новую обитель.

Евфросин, Серапион, Игнатий, Харалампий и Памфил Псковские, преподобные

Преподобный Евфросин Псковский, в миру Елеазар, родился около 1386 года в селе Виделебье, близ Пскова, из этого же села был родом и прп. Никандр Псковский (память 24 сентября/7 октября). Родители были простые поселяне Псковского края. По достижении возраста Елеазара отдали в научение Божественным книгам, и он вскоре настолько ясно уразумел Божественное Писание, что мог не только словесно изъяснять их, но и составлять собственные поучительные сочинения. При этом он изучил и философские науки, так что даже старики удивлялись его мудрости и с похвалой отзывались о нем. Никогда он не обнаруживал склонности ни к играм, ни к зрелищам, но больше всего любил чтение Божественных Писаний и церковные песнопения, причем с юных лет стал предаваться строгому воздержанию, отказавшись совсем от употребления в пищу сладкого. Когда родители, видя такой суровый образ жизни сына своего, говорили, чтобы он не изнурял тело и этим не причинял им скорбь, то отрок отвечал: «В Писании сказано, что пища и питье не приближают нас к Богу (1Кор. 8, 8), а только пост, молитва, чистота телесная и воздержание – вот что приближает нас к Богу».

После сего родители Елеазара пожелали сочетать его законным браком, но рассудительный отрок убежал от родителей своих, скрывшись в Снетогорском монастыре (на Снятной горе, теперь в самом Пскове). Долго повсюду со слезами разыскивали его и нигде не могли найти, ибо благодать Божия хранила его. В том монастыре от игумена он принял иноческое пострижение с именем Евфросин.

Приняв иночество, преподобный Евфросин стал ревностно подвизаться в посте, бодрствовании, молитве и всенощных молитвенных стояниях и в то же время неленостно служил братии и в поварне, и в пекарне, и на всех других монастырских работах, как это было принято в монастыре, чем приобрел расположение к себе всех живших в обители иноков. Вскоре

слово о преподобном вследствие такой добродетельной жизни его стало распространяться повсюду. Но с огорчением узнал он об этом, ибо отвращался славы людской и считал ее грехом и посрамлением для себя. Преподобный Евфросин стал помышлять о пустынной и безмолвной жизни, чтобы подвизаться только для Бога.

Около 1425 года в поисках более глубокой сосредоточенности в молитве преподобный Евфросин с благословения настоятеля поселился в одинокой келлии на реке Толве, в 30 верстах от Пскова. Он поставил себе здесь шалаш и с усердием стал предаваться иноческим подвигам, отражая козни невидимого врага постом, бодрствованием, молитвой, всенощным стоянием и земными поклонами. Однажды в легком сне явились ему вселенские учителя и святители: Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст и указали место для построения храма во имя их в той местности, где он подвизался.

Забота о спасении ближних заставила преподобного нарушить свое пустынножительство, и он стал принимать всех, кто нуждался в опытном старце-наставнике. Приходивших к нему преподобный Евфросин благословлял жить по скитскому уставу, составленному им самим.

Устав преподобного Евфросина представляет собой общее наставление инокам о достойном прохождении монашеского пути – «како подобает инокам пребывати». Он не содержит строгого распорядка всей жизни монастыря, как, например, устав преподобного Иосифа Волоцкого; богослужебной части в нем нет совсем.

Вот замечательные мысли устава. Настоятель не должен иметь ничего лишнего против братии, «ни ризы более нарядной и мягкой, ни пищи более вкусной» (гл. 3). Братия должны слушаться настоятеля со всей покорностью. «Послушание – лестница на небо, оно выше поста и пустынного подвига. Ангел Господень ходит за послушливым, считает шаги послушания и представляет их лицу Божию, как благовоние приятное: если же видит капли пота его, то приносит как кровь мученическую» (гл. 5). Куда бы настоятель ни послал на службу, должно идти без

всяких отговорок и ослушания; «без благословения же настоятеля и особенно по своим каким-либо надобностям никуда не следует отлучаться» (гл. 16). Странников питать в обители три дня, не требуя от них работы или платы (гл. 23).

В 1447 году по просьбе братии преподобный устроил храм в честь трех святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, которые удостоили его своего явления, и в честь преподобного Онуфрия Великого (память 12/25 июня). Обитель впоследствии получила название Спасо-Елеазаровской.

Преподобный отличался суровой строгостью к себе и даже отказался от свидания со своей матерью, которую убедил принять иночество. По смирению и из любви к уединенному подвигу преподобный не принял звания игумена и, предоставив настоятельство своему ученику преподобному Игнатию, жил в лесу близ озера. Благоговейные ученики почитали место уединенных его подвигов: каменный крест сохраняет память о молитвах в лесу.

Преподобный Евфросин с братией своей обители не только усердно совершал богослужение, но и много трудился на расчистке леса для возделывания нивы. В обители все было общее. Странников и бедных принимали с любовью и питали безмездно, хотя сами пустынножители иногда нуждались в насущном хлебе. Бог не оставлял обители святого. Однажды Евфросин раздал нищим все монастырские запасы и братия роптали за это на старца, но тот утешал их тем, что Господь не оставит Своих рабов. И действительно, вскоре псковский посадник Афанасий послал в обитель две подводы с хлебными запасами. Перед храмовым праздником 30 января в обитель собралось много народа, а в монастыре нечем было угостить богомольцев. Преподобный Евфросин со своим учеником Меркурием отправился с сетями на озеро и наловил множество рыбы.

Не изменяя подвижнического образа жизни, преподобный достиг глубокой старости и скончался 95-ти лет 15 мая 1481 года. Причислен к лику святых на Московском Соборе 1551 (1547) г. На его гробнице, по повелению Новгородского

архиепископа Геннадия, был поставлен образ, написанный еще при жизни преподобного его учеником Игнатием, и положено завещание преподобного братии на лоскуте пергамента, скрепленное свинцовой печатью Новгородского архиепископа Феофила. Это одно из очень немногих духовных завещаний, написанных собственноручно подвижниками.

Впоследствии монастырь преподобного Евфросина был перенесен на гору, а на прежнем месте устроено кладбище с церковью в его имя. В новой обители построена каменная соборная церковь трех святителей, в нее были перенесены мощи преподобного Евфросина, почивающие под спудом близ стены за правым клиросом. Заступлением преподобного Евфросина обитель его была не раз сохраняема от разорения при весьма частых нападениях (в течение 300 лет) литовцев, ливонских рыцарей, поляков и других неприятелей. Преподобный Евфросин, начальник псковских пустынножителей, возрастил многих славных учеников, которые также создавали монастыри и несли благодатные семена подвижничества по всей Псковской земле.

Первым сожителем преподобного Евфросина в пустыни был инок Серапион.

Преподобный Серапион Псковский родился в Юрьеве (ныне Тарту), который тогда находился под властью немцев, старавшихся искоренить Православие. Его родители были прихожанами русской церкви во имя святителя Николая. Преподобный Серапион был сведущ в Священном Писании и не раз выступал на защиту Православия. Владея латышским и чухонским языками, преподобный Серапион во всю свою жизнь заботился о поддержании в говорящих на этих языках духа православной веры. Державшихся Православия он укреплял своими назиданиями, а совратившихся в латинство или протестантство старался возвратить в Православную Церковь. Когда его хотели обратить в чужую веру насильно, он ушел в Толвскую пустынь, где начинал свои молитвенные труды псковский подвижник прп. Евфросин. Под его окормлением преподобный Серапион стал постигать мудрость пустынного жития. Но вскоре ему пришлось пережить искушение:

положившись на собственные силы, он хотел без благословения покинуть своего наставника и в полном уединении начать самостоятельную подвижническую жизнь. Однако Господь вразумил неопытного послушника: сильно поранив ногу, преподобный Серапион раскаялся в своеволии и непослушании и вернулся к старцу. Приняв великую схиму, он 55 лет неотлучно пребывал с преподобным Евфросином, строго соблюдая обет безмолвия. Преподобный ревностно исполнял все его заповеди и был образцом для иноков. Преподобный так строго исполнял иноческий обет нестяжания, что описатель жития называет его «мертвецем непогребенным». Ко всякой обиде он относился с исключительным смирением, всегда обвиняя лишь себя самого, и сам просил прощения у своего обидчика. Преподобный глубоко чувствовал силу общей церковной молитвы и говорил, что «чин двенадцати псалмов», пропетый наедине в келлии, не может равняться одному «Господи, помилуй», пропетому в храме. В последние годы своей жизни он прославился даром исцелений и прозорливости.

Преподобный Серапион скончался 90 лет от роду, 8 сентября 1480 года, в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы. Так как день преставления преподобного Серапиона совпадает с двенадцатым праздником, память его творится 7/20 сентября.

Преподобный Евфросин сам предал земле тело своего ученика, которое от усердных подвигов превратилось в «кости, обтянутые кожей». Со своим духовным отцом преподобный Серапион не разлучался и после смерти: преподобным Евфросину и Серапиону, святые мощи которых были положены рядом, составлена общая служба на 15/28 мая, где преподобный Серапион прославляется как первый сподвижник, «спостник и друг» преподобного Евфросина.

В числе учеников преподобного Евфросина Савва Крыпецкий (28 августа/10 сентября), Досифей Верхнеостровский (8/21 октября), преподобный Онуфрий Мальский (12/25 июня), Иоаким Опочский (9/22 сентября), Иларион Гдовский (21 октября/3 ноября), Харитон Кудинский – основатель и игумен монастыря на озере Кудине, рядом с Торопцом (XVI); местно

почитаемые родные братья из Пскова Игнатий, Харалампий и Памфил, погребенные в Спасо-Елеазаровском монастыре.

Преподобный Игнатий, несмотря на цветущую молодость был не только пострижен прп. Евфросином, но и почтен саном пресвитерства. Рукоположенный Новгородским архиепископом, Игнатий был первым игуменом обители при жизни преподобного ее основателя и духовным отцом его. Игнатий был любимый ученик преподобного Евфросина, и ему только одному преподобный передал о чудном видении, бывшем ему. После усердной молитвы к Богу о призрении своей обители, которую он поручал Пресвятой Богородице и трем святителям и прп. Онуфрию, святой вздремнул и в тонком сне слышал следующие слова: «Се услышана бысть молитва твоя, еже о братии, и Аз неотступна буду от обители сея с Сыном Моим и Богом, снабдящи и покрывающи от всяких зол, и не иметь оскудети обитель сия во век».

Вскоре после Игнатия в обитель к Евфросину пришли и другие два его брата – преподобные Харалампий и Памфил; оба они также удостоились священства. Эти три брата были как бы три духовные столпа обители, в которой и настоятельствовали впоследствии один за другим. На имя игумена Харалампия преподобный Евфросин писал свое предсмертное завещание братии. Игумен Памфил известен своим посланием против языческих суеверий.

Димитрий Угличский, благоверный царевич

Святой благоверный царевич Димитрий, сын царя Иоанна IV Грозного от его седьмого брака с Марией Федоровной (из рода Нагих), родился 19 октября 1582 года (а по другим источникам 1583 или 1585 гг.) в Москве. Царь Иоанн назначил в удел царевичу с его матерью Углич. После смерти Иоанна Грозного на престол вступил старший брат царевича Димитрия Феодор Иоаннович. Однако фактическим правителем Русского государства был его шурин, властолюбивый боярин Борис Годунов. Добрый Феодор Иоаннович остался почти при одном имени царя, а все делалось, как хотел Борис; иностранные дворы присылали Годунову дары наравне с царем. Между тем Борису известно было, что в государстве, начиная с царя Феодора, признают Димитрия наследником престола и имя его поминалось в церквях. Сам Борис в разных делах Феодорова времени признавал Димитрия наследником престола.

Искони ненавидящий добро в роде человеческом диавол, видя сырых братьев, царя Феодора и царевича Димитрия, ни о чем земном не радеющих, ибо ни славы мира сего, ни богатств не желали, и, не в силах будучи ни в чем их искусить, вложил в сердце Бориса твердый помысл восхитить самодержавство, чтобы быть властелином на Руси, когда истребится корень царский, не ведая того, что Бог власть кому хочет, тому дает. И тревожимый опасениями за свою будущность и обольщаемый мечтами о власти, Борис Годунов, привыкший распоряжаться всем с помощью самодержавного царя, стал действовать против царевича, как против личного врага своего, желая избавиться от законного наследника русского трона.

Для осуществления своего преступного замысла Борис Годунов решил удалить царевича от московского царского двора. Вместе с матерью – вдовствующей царицей Марией Федоровной и ее родственниками царевич Димитрий был отправлен в свой удельный город Углич.

Стараясь избежать опасного кровопролития, Борис Годунов пытался сначала оклеветать юного наследника престола,

распустив через своих приверженцев лживые слухи о мнимой незаконнорожденности царевича и запретив помянуть его имя во время богослужений. Поскольку эти действия не принесли желаемого, коварный Борис прибег к распространению новых вымыслов: будто бы Димитрий I с юных лет уже являет в себе наследственную суровость государя, отца своего. Но все это казалось Борису недостаточным; он не мог рассчитывать на царский престол, пока жив Димитрий, а потому решился погубить царевича. Попытка отравить юного царевича с помощью Василисы Волоховой, кормилицы Димитрия Иоанновича, не увенчалась успехом: смертоносное зелье не вредило отроку.

Но когда злодеи убедились, что нельзя совершать злодеяние в тайне, они решились на явное. Через своего сообщника Андрея Клешнина Борис отыскал знакомого человека, дьяка Михаила Битяговского, взявшегося собственноручно умертвить царевича. И посланный в Углич со своим сыном Даниилом и племянником Никитой Качаловым, будто бы для управления земскими делами и хозяйством вдовствующей царицы, Битяговский поручил Волоховой вывести в назначенное время царевича во двор. В субботний день 15 мая 1591 года утром боярыня мамка Волохова позвала Димитрия гулять во двор; кормилица Ирина, как бы предчувствуя, удерживала царевича во дворце, но мамка силой вывела его из горницы в сени, к нижнему крыльцу, где уже были Осип Волохов, Данило Битяговский и Никита Качалов. Волохов, взяв Димитрия за руку, сказал: «Сие у тебя новое ожерелье, государь?» Он же, кроткий агнец, подняв голову, тихим голосом отвечал: «Сие есть старое ожерелье». И Волохов кольнул его ножом по шее, но не захватил гортани. Кормилица, видя пагубу своего государя, пала на него и начала кричать, и убийца, бросив нож, побежал, но союзники его Данило Битяговский и Никита Качалов били кормилицу, едва не до смерти, и, отняв из рук ее праведного отрока, дорезали и сбросили его вниз с лестницы. В это время вышла на крыльцо царица и, увидев гибель сына своего, громко стала вопиять над ним. При виде этого страшного злодеяния пономарь соборного храма,

запершись на колокольне, ударил в набат, созывая народ. Сбежавшиеся со всех концов города люди отомстили за невинную кровь восьмилетнего отрока Дмитрия, самочинно расправившись с жестокими заговорщиками. Донесено было в Москву об убиении царевича, и сам царь хотел отправиться в Углич для исследования преступления, но Годунов под разными предложениями удержал Феодора Иоанновича в Москве. И через своих людей князя В. И. Шуйского (впоследствии царь), окольничего Клешнина и дьяка Вылузгина, посланных в Углич для судебного разбирательства, Борис Годунов сумел убедить царя в том, что его младший брат якобы страдал падучей болезнью и умер нечаянно, упав на нож.

Царица-мать, обвиненная в недостатке надзора за царевичем, была сослана в отдаленный скудный монастырь святого Николая на Восхе, по ту сторону Белого озера, и пострижена в иночество с именем Марфы. Братья ее были сосланы по разным местам в заточение; жители Углича за самовольную расправу с убийцами одни были казнены, другие сосланы на поселение в Пелым, а многим урезывали языки.

Казалось, все заглушено или все умерло; но глас Божий – глас народа: возникла молва народная о усопшем царевиче, и глухой ропот, тщетно подавляемый, все возрастал. Несмотря на приговор боярский и указ царев, никто не верил угличскому розыску князя Шуйского, хотя и укрепленному рукоприкладством стольких свидетелей мирских и духовных. Нельзя думать, чтобы верил и сам князь Шуйский, когда при других обстоятельствах, уж пятнадцать лет спустя, увенчанный сам наследственным венцом Дмитрия, писал в окружных грамотах своим народу, что «за грехи всего христианства православного великого государя царевича Дмитрия Иоанновича не стало, убит же он, как непорочный агнец в Угличе». Он перед всей Россией свидетельствовал, что «царевич Дмитрий Иоаннович, по зависти Бориса Годунова, яко овча незлобливо, заклася». И патриарх Иов в грамоте 1606 года писал: «Прият заклание неповинно от рук изменников своих»; и патриарх Ермоген в сказании об убиении царевича, и многие российские и иностранные современники – все

единодушно говорили, что царевич убит по тайному приказанию Годунова. Ложь, прикрывающая убийц, стала явной, когда в 1606 году открыли гроб царевича, и тогда нашли, что «в левой руке царевич держал полотенце, шитое золотом, а в другой – орехи», в таком виде его и постигла смерть. Царевич Димитрий был погребен в Угличе в дворцовом храме в честь Преображения Господня.

Но Господь, зрящий не на лица, а на помыслы, прежде даже нежели они созреют в деяния, произнес устами пророка Исаии: *Мне отмщение, Аз воздам* (Рим. 12, 19). И устами иного пророка: «Что грех отцев взыщет на сынех до третьего и четвертого рода, милость же Его на тысячи родов» (Исх. 20, 5–6). Он посетил дивными судьбами Своими всех, причастных к смерти Димитриевой. Одним именем мнимо воскресшего отрока поражен сам Борис на престоле и все его семейство. И князь Василий Шуйский, ближайший судья в смерти царевича, низложивший первого Лжедмитрия, сам низложен с престола во время смут второго; и опять тень царевича оказывается сильнее обладающего царя: сам он невольно пострижен, как бы за невольное пострижение матери царевича и, как братья ее Нагие, терпит он с братьями своими долголетние узы и кончается в плену со всем своим родом, некогда столь могущим. Таковы были дела Божии в людех Своих.

Уже в царствование Бориса Годунова у гробницы благоверного царевича Димитрия стали совершаться исцеления больных. 3 июня 1606 года, в царствование Василия Шуйского, при патриархе Ермогене, святые мощи страстотерпца были обретены нетленными и перенесены в собор во имя Архистратига Михаила в Москве митрополитом Ростовским и Ярославским Филаретом, отцом будущего царя Михаила Феодоровича Романова.

Побуждением к этому было желание, по выражению царя Василия Шуйского, «уста лжущия заградить и очи неверующия ослепить глаголющим, яко живой избеже (царевич) от убийственных дланей», ввиду появления самозванца, объявившего себя истинным царевичем Димитрием. Торжественно были перенесены святые мощи и положены в

Архангельском соборе Московского Кремля, «в приделе Иоанна Предтечи, идеже отец и братия его». После многочисленных чудесных исцелений от святых мощей в том же 1606 году «составиша празднество царевичу Димитрию трижды в год – рождение (19 октября/1 ноября), убиение (15/28 мая), перенесение мощей к Москве (3/16 июня)». Русская Церковь благоговейно чтит память св. царевича Димитрия. Город Углич, почитающий святого царевича Димитрия своим особым небесном покровителем, к этим дням присоединяет еще 16 мая. В этот день г. Углич совершает так называемую «празднество плащанице св. царевича». Плащаница (пелена) с изображением св. царевича Димитрия была вышита его матерью на прославленные его мощи и одр, на котором они были несены из Углича в Москву. Эта плащаница, а также образ святого царевича, «на доске писанный», были присланы из Москвы в Углич (вероятно, патриархом Ермогеном). Впоследствии «умысли чин духовный и граждане, да установят празднество плащаницы сей месяца мая в 16 день, носите вокруг дворца его и младенцы подносите, яко же и царевич имел семь лет с половиною, исправляя сие и до разорения Углича от Литвы». Праздник этот отличается глубоко умилительной торжественностью. В этот день после литургии вокруг «царевичева дворца» с торжественным крестным ходом обносились при пении тропаря царевичу плащаница и одр, на котором святые мощи царевича были несены из Углича в Москву. Под плащаницу и одр угличские граждане все – без различия званий и состояний – почитали непременно своей обязанностью подвести или поднести своих детей, начиная с грудных и до 8-летнего возраста. Глубокая вера, что злодейская рука убила только тело святого царевича, а святая душа предстоит престолу славы Царя Небесного, превращая день заклания – этот некогда ужаснейший день – в светло-радостный праздник – в «царевичев день»! День убиения святого царевича есть день его небесной радости, и свою небесную радость он сообщает детям, пришедшим на его праздник.

Святитель Димитрий Ростовский составил житие и описание чудесных исцелений по молитвам святого царевича Димитрия,

из которого видно, что особенно часто исцелялись больные глазами.

В Угличе, на месте убиения святого царевича Димитрия, был построен храм его имени, который в народе получил название «церковь царевича Димитрия на крови». В этом храме хранилось рукописное житие благоверного царевича, написанное святителем Димитрием, митрополитом Ростовским.

Во время Отечественной войны 1812 года святые мощи благоверного царевича Димитрия были спасены от поругания священником московского Вознесенского женского монастыря Иоанном Вениаминовым, который вынес их под своей одеждой из Архангельского собора и спрятал в алтаре, на хорах второго яруса соборного храма в Вознесенском монастыре. После изгнания французов святые мощи были торжественно перенесены на прежнее место – в Архангельский собор.

В «Иконописном подлиннике» под 15 мая сказано: «Подобием млад отрок в венце царском и багрянице, руки молебные; убиен бысть на Угличе повелением Бориса Годунова».

Май 16

Кассиан и Лаврентий Комельские, преподобные

Преподобный Кассиан Комельский, Вологодский, был учеником прп. Корнилия Комельского (память 19 мая/1 июня) и управлял Комельским монастырем во время ухода прп. Корнилия на Сурское озеро. Избранный братией с благословения преподобного Корнилия, он старался во всем подражать своему учителю и строго соблюдал его устав. Следуя его указаниям, преподобный Кассиан наставлял иноков со страхом Божиим пребывать в молитве, заботиться о внутреннем делании и отгонять от себя все земные помыслы, трезвиться мыслью, бодрствовать душою и сокрушаться сердцем (глава 1-я Устава «О церковном благочинии и о соборной молитве»).

По возвращении преподобного Корнилия в обитель святой Кассиан с радостью встретил своего учителя, отказался от игуменства, желая по-прежнему оставаться в послушании святому старцу. Преподобный Кассиан преставился в 1537 году.

Преподобный Лаврентий был учеником преподобного Корнилия Комельского. В 1538 году, по совету преподобного Корнилия, он был единодушно избран братией игуменом обители и пользовался духовными советами и наставлениями своего учителя. Однажды, узнав о приближении татар к монастырю, игумен Лаврентий, по совету преподобного Корнилия, вывел всю братию на время в безопасные места, а затем, когда опасность миновала, иноки возвратились в обитель. В течение десяти лет по преставлении своего учителя преподобный Лаврентий управлял святой обителью, постоянно заботясь о ее благоустройстве. Видя ревность и любовь ко Господу святого Лаврентия, постриженник Корнилиевой обители, старец Алексей, в 1547 году передал Коптеву пустынь, которой управлял, Корнилиеву монастырю. Среди многочисленных забот преподобный не прекращал своего любимого занятия – переписывания книг. Преставился преподобный Лаврентий 16 мая 1548 года.

В рукописных святцах о нем сказано, что «преподобный Лаврентий, игумен Комельский, ученик преподобного Корнилия,

преставился в лето 7000». В житии преподобного Корнилия (под 19 мая) говорится, что Лаврентий был подвижник, постник и молитвенник, строго соблюдал устав Корнилия в обители и скончался спустя десять лет после аввы.

Май 17

Адриан Ондрусовский, преподобномученик

Преподобномученик Адриан (в миру дворянин Андрей Завалишин) – владелец богатого имения (Андреевщины) в 9 верстах от монастыря преподобного Александра Свирского († 30 августа/12 сентября 1533 г.). Во время охоты на оленя в 1493 году он случайно встретил преподобного Александра Свирского и после этого часто приходил к нему слушать наставления. Впоследствии он доставлял хлеб его сподвижникам. Оставив имение, он постригся в Валаамской обители с именем Адриан. Через несколько лет, по благословению преподобного Александра Свирского, преподобный Адриан поселился в уединенном месте на полуострове Ладожского озера. Там был построен храм в честь святителя Николая Чудотворца. Напротив поселения иноков, в дремучем лесу острова Сала (дебрь) укрывалась шайка разбойников под предводительством Ондруса. Встретившись с преподобным, атаман потребовал, чтобы иноки покинули свое место. Преподобный Адриан, не имея у себя денег, чтобы предложить выкуп за место, обещал атаману ходатайствовать за него перед Богом. Разбойник смеялся над преподобным, но тот так долго и смиренно умолял его, что атаман смягчился и сказал: «Живите».

Этот атаман вскоре попал в плен к другой шайке, прятавшейся неподалеку на каменистом Сторожевском мысу. Несчастный знал, что после страшных истязаний его ожидает смерть, и горько раскаивался в прежней жизни. Вдруг он увидел перед собой преподобного Адриана, который сказал: «По милосердию Господа, для Которого просили у тебя пощады пустынному братству, ты свободен», – и исчез. Атаман увидел себя без оков на берегу и никого вокруг. Пораженный, он поспешил в обитель преподобного Адриана и нашел всех подвижников на псалмопении. Оказалось, что преподобный не выходил из обители. Разбойник пал к ногам настоятеля и просил принять его в братию. Оставленный в обители, он окончил жизнь в покаянии. Также раскаялся и разбойник другой шайки. По молитвам преподобного Адриана он принял постриг с

именем Киприан. А впоследствии основал на месте притока обитель и прославился чудесами.

По святости жизни преподобный Адриан был известен самому царю Иоанну Грозному, поэтому обитель получала вклады. Преподобный был приглашен для восприятия от купели св. крещения дочери Иоанна Грозного Анны, в августе 1549 года. Когда святой старец возвращался из Москвы в свою обитель и уже недалеко был от нее, близ селения Обжи злые люди напали на него и убили; злодеи надеялись найти у него деньги и не нашли ничего. Братия долго и напрасно ожидали его возвращения; спустя два года в одну ночь явился преподобный Адриан нескольким старцам Ондрусовой пустыни, рассказывая о страдальческой своей кончине, указал место, где злодеи скрыли его тело и повелел перенести оное в обитель. На другой день, 17 мая, братия обрели его нетленное тело в болоте и предали погребению у стены церкви в честь святителя Николая. В скором времени стали чтить его память как святого. В акте 1659 года сказано: «Милостиво преподобного отца нашего начальника игумена Адриана дан вклад в дом Пречистыя Богородицы и чудотворцу Адриану» (Юрид. Акты, № 128). Император Александр I, обозревая в 1819 году Олонецкую губернию, пожелал поклониться преподобномученику Адриану, взял в проводники крестьянина и без свиты отправился ко гробу преподобного. Здесь долго молился он со слезами, а потом прислал в обитель церковные сосуды и богослужебные книги. В 1828 году мощи преподобного Адриана перенесены в новый каменный храм Введения Богоматери. В рукописном Олонецком требнике под 17 числом мая замечено: «Сей день перенесения мощей преподобного отца нашего Адриана, игумена Николаевского монастыря, на Ладожском озере, на Ондрусовом острове, в Олонецком уезде, новаго чудотворца, а память его празднуется 26 августа».

Евфросиния преподобная, в миру Евдокия, Великая благоверная княгиня Московская

Святая великая княгиня Евдокия родилась в 1353 году. Она была дочерью суздальского князя Дмитрия Константиновича († 1383) и его супруги княгини Анны. С младенческих лет воспитанная в духе христианского благочестия, Евдокия отличалась тихим, кротким нравом. Но живя в Суздале и Переяславле Залесском, в неспокойной обстановке постоянных междоусобных распрей, которые вели с ее отцом удельные князья, с ранних лет княгиня Евдокия привыкла полагать все свое упование на Бога. В 1367 году она стала супругой благоверного великого князя московского Дмитрия Донского († 1389). Их счастливый союз был залогом союза и мира между Московским и Суздальским княжествами. Любовь к супругу и детям княгини Евдокии освящалась ее любовью к Богу. Дела христианского милосердия княгиня и ее супруг сочетали с подвигами поста и молитвы. В своей жизни они полагались на помощь святых, трудами которых была в те времена столь достославна Русская земля.

Время жизни святой благоверной великой княгини Евдокии († 1407) совпадает с эпохой великого игумена земли Русской преподобного Сергия Радонежского, тайнозрителя Святой Троицы. Благочестивую чету можно с полным основанием считать учениками преподобного Сергия. Святитель Алексий, митрополит Московский, был близок к княжескому семейству; духовником Евдокии и Дмитрия был ученик преподобного Сергия, игумен Симонова монастыря, святой Феодор (впоследствии архиепископ Ростовский). Преподобный Сергий был крестным отцом их двоих детей (всего у княжеской четы было 5 сыновей и 3 дочери).

Большой любовью к Богу, Святой Церкви и Родине горела душа княгини. Подвиг великого князя Дмитрия по освобождению Руси от монголо-татарского ига разделяла княгиня Евдокия. Поход благоверного князя московского Дмитрия против Мамаю, победоносно завершившийся 8

сентября 1380 года на Куликовом поле, поддерживался с ее стороны горячими молитвами и делами любви. В память победы княгиня построила внутри Московского Кремля храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы – всемирно-историческая победа русских на Куликовом поле совершилась в этот праздник. Храм был расписан выдающимися иконописцами Феофаном Греком и Симеоном Черным. Храмоводительство и основание монастырей трудами святой благоверной княгини Евдокии содействовали расцвету русского храмостроительства в XIV веке, начало которому было положено постройкой храма в честь Пресвятой Троицы преподобным Сергием.

Постепенно жизнь святой княгини Евдокии становилась подвигом самоотречения и предания себя всецело воле Божией. В 1383 году великий князь московский должен был явиться к татарскому хану Тохтамышу. Но из-за крайнего озлобления Тохтамыша на князя Дмитрия решили послать в Орду его старшего сына Василия, которому в то время было около 13 лет. Святая Евдокия отпустила сына и тем самым обрекла себя на двухлетнее страдание: князь Василий был задержан в Орде как заложник. В 1389 году благоверный князь Дмитрий, не достигнув сорока лет, опасно заболел и отошел ко Господу (память 19 мая/1 июня).

Овдовевшая княгиня видела свою обязанность перед Богом прежде всего в завершении воспитания детей. Вместе с тем она начала устройство Вознесенского женского монастыря в Московском Кремле, отдав под него княжеские чертоги. Видимо, изначально она мыслила этот монастырь местом своего будущего иночества. Одновременно она строила несколько храмов и монастырей в Переяславле Залесском. Однако не только о строительстве храмов думала княгиня Евдокия: ее главной сокровенной целью после смерти супруга стало устройство внутреннего монашества, созидание храма в собственном сердце. Княгиня Евдокия стала вести тайную подвижническую жизнь. По пышным одеждам, в которых святая княгиня являлась перед людьми, нельзя было догадаться о том, что она изнуряла себя постом, бдением, тяжелыми веригами. Пришлось ей претерпеть и человеческую клевету.

Святая княгиня после блаженной кончины мужа воздерживалась от непосредственного участия в государственных делах, но все же именно с ее советом связано перенесение из Владимира в Москву чудотворной иконы Пресвятой Богородицы, вызванное нашествием на Москву хана Тамерлана. Пресвятая Богородица отозвалась на всенародную мольбу. В день сретения иконы в Москве (26 августа 1395 года) Тамерлану было грозное видение во сне Светоносной Жены; устрешенный завоеватель отступил от Москвы. В 1407 году, после видения ей Архангела Михаила, предвозвестившего скорую кончину, княгиня Евдокия, «явлением ангельским от всего земного отрешенная» (см. акафист), решила оставить великокняжеский терем и принять монашество, к которому она шла всю свою жизнь. По ее указанию был написан образ Архангела и помещен в кремлевском храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы. При переходе в Вознесенский монастырь княгиня Евдокия исцелила слепца, который прозрел, отерев глаза краем ее одежды, так же от различных недугов во время этого ее шествия исцелилось 30 человек. В обители княгиня приняла постриг с именем Евфросиния. Кроме смиренного несения иноческих подвигов, тайных для людей, но ведомых Богу, святая княгиня заложила в монастыре новую именную церковь Вознесения, в иночестве святая Евфросиния прожила несколько месяцев: 7 июля 1407 года мирно преставилась ко Господу. Тело ее было погребено в основанном ею Вознесенском монастыре.

Святость преподобной Евфросинии удостоверена чудесными знамениями милости Божией, совершавшимися на ее гробнице в течение нескольких столетий. Много раз видели, что у гроба святой Евфросинии сама возгоралась свеча. И в XIX веке здесь совершилось несколько чудесных исцелений. Так, в 1869 году, приложившись к гробнице с мощами преподобной, исцелился одержимый отрок. В 1870 году преподобная Евфросиния явилась во сне парализованной девице и вернула ей здоровье. Неизлечимо больной был возвращен к жизни через возложение на него пелены с гробницы святой Евфросинии. Ее духовный подвиг свидетельствует о том, что ни богатство, ни

высокое общественное положение, ни семейные узы не могут быть непреодолимым препятствием для стяжания благодати Божией и святости.

Память преподобной Евфросинии совершается 17/30 мая и 7/20 июля.

Май 18

Давид и Таричан грузинские, святые мученики

(Текст отсутствует).

Май 19

Игнатий Вологодский, преподобный, в миру благодарный князь Иоанн Угличский

Святой благодарный князь Иоанн был сыном христоролюбивого князя Андрея Васильевича Угличского – третьего сына великого князя Василия Темного, и благодарной княгини Елены. Родился он около 1477 (1478) года и принял святое крещение в Великих Луках. С самого младенчества своего выказывал необыкновенную сдержанность, несвойственную детям его возраста. «Бяше бо обычаем кроток и смирен сердцем и молчалив в разуме, а не гневлив отнюдь; ни игры, ни царского потешения не внимаше, – говорит о нем описатель его жития старец Логгин, – и егда прииде в разум, поведоша его учить Божественному Писанию и вскоре того извыче». Мать его княгиня Елена Романовна скончалась в 1483 году. Потерявши любимую мать в шестилетнем возрасте, отрок находил утешение в теплой молитве. Еще более предался юный князь чтению Божественных книг, непрестанно имел в уме своем память смертную, днем присутствовал при всех церковных службах, а ночи проводил в молитве. Высшем наслаждением для него были беседы с людьми благочестивыми, любимым занятием – благотворение и милостыня. В столь юном возрасте, окруженный толпой царедворцев, посреди шума и молвы житейской, он более похож был на инок, нежели на наследника богатого княжения. На дела и почести княжеского звания он не обращал никакого внимания, вообще все, что не относилось к просвещению разума и спасению души, было для него совершенно чуждо и как бы не существовало. Воздержный в пище и питии, он и одеваться любил скромно и просто, насколько позволяло ему эту простоту его высокое звание, и более старался украшать себя благими нравами, нежели богатством и пышностью одежд.

Князь Андрей Васильевич был владельцем удельного княжества Угличского. Царствование Василия Темного и Иоанна III отличалось обострением междоусобиц, когда удельные

князя стремились ослабить централизованную власть Московского государя.

В это время ненавидящий добро враг рода человеческого внушил великому московскому князю Иоанну Васильевичу ненависть к родному брату его, благоверному князю Андрею Васильевичу Угличскому и его сыновьям, сему Иоанну и Димитрию, и он повелел схватить их, наложить на них тяжелые оковы, свести в город Переяславль и заключить в темницу. Иоанну было тогда 13 лет от роду, а Димитрию – 12. Двух дочерей князя Андрея не тронули и оставили в Угличе на свободе, хотя удел и присоединили к великому княжению. Но так как Переяславль находился недалеко от Москвы и на самой дороге из нее к Угличу – месту княжения Андрея, а все это могло напоминать народу об узниках и возбуждать в нем сожаление к ним, чего великий князь, конечно, не желал, то детей князя Андрея скоро перевезли на Белоозеро также в темницу, а сам Андрей скончался в Москве 6 ноября 7002 (1493) года. По смерти родителей юных князей перевезли в Вологду, где также держали в тяжких оковах и в самом тесном заключении. Все их имущество состояло из одной иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» – наследство и благословение их от родителя.

В столь юном возрасте исторгнутые из мира и потому не имевшие даже времени и случая испытать его радости, пристраститься к нему, лишенные родных и друзей и видевшие около себя только лица своих стражей, находили себе ограду и утешение царственные узники в одной только молитве к Богу и к Усердной Заступнице всех несчастных и страждущих – Матери Божией. Только сознание своей невинности, вера в Бога и надежда на Его Промысл, всегда премудро и отечески устрояющий пути человека, могли поддержать их, спасти от уныния и отчаяния и даровать им то великодушное терпение, с каким они переносили свое долговременное и тяжкое заключение. Особенно благоверный князь Иоанн, проводивший дни и ночи в молитве, совершенно отрешился от мира и, постоянно имея в уме своем память смертную, достиг такого духовного совершенства и стяжал смирение и умиление, что

непрестанно проливал слезы. Когда его брат Димитрий начинал изнемогать, предаваться печали и унынию, он старался утешать его, напоминал ему о Боге, о терпении святых, о будущем воздаянии страждущим невинно.

Но сам князь Иоанн, подобно брату своему, находясь в узах и темнице, переноса с ним одинаковые лишения и скорби и сам нуждаясь в утешении и скорби, часто должен был забывать о самом себе, чтобы помочь изнемогающему брату и спасти его от отчаяния. Когда он успевал в этом, то духовно радовался и это была единственная радость в течении долговременной страдальческой его жизни. Других радостей они не имели и не могли иметь.

Наступила 32-я весна их томительного заключения, природа видимо пробуждалась и оживала, а князь Иоанн стал нездоров, ослабевая с каждым днем. Напрасно князь Димитрий старался утешить его надеждой на выздоровление; Иоанн не только не верил его словам, но и не желал выздоровления; смерть была для него радостью, окончанием всех его страданий и соединением со Христом. Одного только сильно желал страдалец – быть постриженным, видеть себя причтенным к лику иноков, по примеру многих из своих державных предков. По неотступным просьбам призвали в темницу к болезненному одру его Спасо-Прилуцкого игумена Михаила, который, зная, что блаженный страдалец всю жизнь свою провел в постничестве и воздержании, в терпении и злострадании и видя его пламенное желание, веру и крайнее изнеможение, не только не отказал ему в пострижении, но и облек его в схиму, нарекиши его Игнатием. Новый схимник несказанно обрадовался своему ангельскому образу, пролил благодарственные к Богу слезы и после причащения Святых Таин, осенив себя крестным знаменiem со словами: «Господи, в руце Твои предаю дух мой», предал страдальческий дух свой Богу. Он скончался тихо и мирно 45 лет отроду, из них 32 года провел в темнице. Это было в 19-й день мая месяца 1522 (1523) года.

Как не может укрыться град, стоя на верху горы, так от жителей города Вологды не утаилась святая и подвижническая жизнь, истинно ангельское терпение и незлобие царственного

узника, хотя по причине строгого заключения его никто почти не знал и не видел. Кроме его высокого происхождения, уже одно то, что он так долго находился в узах и темнице, не имея за собой никакой вины, невольно внушало каждому уважение и заставляло смотреть на него как на мученика. И лишь только разнеслась весть о блаженной его кончине, все жители города собрались к дверям темницы, желая видеть, целовать тело страдальца и, отдавая последний долг, проводить до могилы. И только брату усопшего князю Димитрию, несмотря на его вопли и рыдания, не позволили проводить брата далее порога тюрьмы. При звоне колоколов ближайших к темнице церквей и при необычайном множестве народа игумен Михаил со всей монастырской братией и с градским духовенством, с великой честью изнесли из тюрьмы тело князя-схимника и направились с ним к соборной церкви Воскресения Христова, где должно было совершиться его отпевание. И как бы взамен того, что вся жизнь угодника Божия сокрыта была во мраке темницы, Господь поспешил прославить Своего угодника, прежде нежели сокрыто будет в земле его тело. Еще во время медленного шествия, ибо множество народа желало прикоснуться ко гробу, мощи Игнатия начали изливаться исцеления. Одна расслабленная женщина, по имени Александра, не владела ни руками, ни ногами, но, услышав о кончине благоверного князя, стала призывать его в молитве – и тотчас же получила исцеление. Еще одно чудо было засвидетельствовано, когда собирались предать тело благоверного князя земле. Смертельно больной житель Прилуцкого села по имени Михаил, услышав о погребении святого Игнатия, просил поднести его ко гробу, где и получил исцеление, успев в последний момент прикоснуться к нему.

По совершении в соборе Божественной литургии и после отпевания игумен Михаил, в сопровождении всего народа, перенес тело князя-схимника в свою Спасо-Прилуцкую обитель и положил его в ноги преподобного Димитрия Прилуцкого чудотворца († 1392; память 11/24 февраля).

Жители Вологды, глубоко чтившие невинного страдальца при жизни, и по смерти обращались к нему, как к святому и чудотворцу. После погребения преподобного Игнатия на его

могиле по милости Божией получила чудесное исцеление жительница села Прилуки Соломония, глухая и слепая на один глаз. Когда игумен Михаил призвал из того же Прилуцкого села каменщика Давида и велел ему сделать над могилой князя каменную гробницу, по подобию гробницы над чудотворцем Димитрием, и когда Давид по невежеству своему во время работы сел без всякого уважения на гробницу князя, – в ту же минуту был поражен болезнью. Три дня продолжались его страдания, пока он, сознавши свою вину, не пришел ко гробу святого и многими слезами не испросил у него прощение себе. Он так же скоро получил исцеление, как и заболел.

Некто Борис Соловцев привел к могиле преподобного Игнатия своего больного друга Иродиона, почти полностью утратившего зрение; по совершении молебна и после того, как Иродион со слезами на глазах и с глубокой верой в предстательство святого угодника прикоснулся к гробнице, то тотчас прозрел.

В 1538 году к игумену Спасо-Прилуцкого монастыря Афанасию обратилась женщина по имени Дарья с сухой от рождения рукой с просьбой отслужить молебен у гробницы преподобного Игнатия. На следующую ночь после молебна Дарья увидела в тонком сне преподобного Игнатия, взявшего ее за руку со словами: «Встань!» Проснувшись от страха и никого не обнаружив в комнате, она вдруг почувствовала себя совершенно здоровой. Эти и многие другие чудеса и исцеления, полученные людьми после молитвенного призывания имени благоверного князя Иоанна (Игнатия), убедили всех в его святости.

Житие и чудеса преподобного Игнатия написаны были вскоре после его кончины, в первой половине XVI века, современником его монахом Лонгином, который в заключении своего сказания пишет, что он от многого собрал малое, что от гроба преподобного Игнатия, как из неисчерпаемого источника, все приходящие к нему с верою получают исцеления. Служба святому князю, как и житие, была составлена в XVI веке. В сборнике служб XVII века, находившемся в библиотеке Троице-Сергиевой лавры, была помещена рукописная служба

преподобному Игнатию, имя автора которой известно из акростиha тропаря и: «Господи Боже, помилуй Илию».

«Тем и мы убо, грешнии, верно ублажаем тя, угодниче Христа Бога нашего, на конец жития украшение ангельское, великий образ восприял еси, отыде ко Господу, радуясь. Емуже о нас с лики святых молися, совершающих присно память твою».

Иоанн, епископ Готфский, преподобный

Преподобный Иоанн, епископ Готфский, жил в VIII веке. Будущий святитель был родом из Тавроскифии (в Крыму), сын благочестивых родителей Льва и Фотины. Иоанн с детства был посвящен на служение Богу, потому что родился по усердной молитве своих родителей и с юности подвизался в иночестве.

В 754 году православные в Готфии избрали Иоанна во епископа. Но не сразу принял сан преподобный, а обошел все святые места. Возвратившись, он отправился в Грузию (Иверию), сохранившуюся от распространения иконоборческой ереси, где был хиротонисан.

В 780 году, при императрице Ирине, послал Константинопольскому патриарху Павлу свиток с изложением веры (выписки из Ветхого и Нового Заветов о почитании икон). По удалении Павла (в августе 784 года), с разрешения императрицы Ирины, приходил в Константинополь по делам церковным, участвовал в Никейском Соборе, восстановившем иконопочитание. По возвращении епископ Иоанн нашел, что хазары заняли своим гарнизоном Дори, главный город его епархии. Иоанн убедил властителя Готфии выгнать хазар. Но каган хазарский вновь овладел этим местом, многих казнил, а Иоанна отдал под стражу. Верные помогли епископу бежать за море, в Амастриду. Через четыре года, услышав о смерти хазарского властителя, святитель сказал: «Через 40 дней я пойду судиться с ним перед Христом Спасителем». Действительно, через 40 дней, 26 июня святитель скончался, это произошло в то время, когда он обращался с поучением к народу, в 790 году. С честью был провожаем «с фимиамами и свечами до самого корабля» Амастридским епископом Георгием, и тело его 29 июля было доставлено в Готфию, в монастырь Парфенит, расположенный в Крыму у подошвы горы Аю-Даг, где прежде жил святитель у построенного им большого храма во имя святых апостолов Петра и Павла. Об этом свидетельствует надпись на камне, найденном на южном берегу Крыма: «Этот всечестный и Божественный храм святых славных

всехвальных и первоверховных апостолов Петра и Павла был построен с основания в давние времена иже во святых отцем нашим архиепископом города и всея Готфии Иоанном исповедником». Память святителя Иоанна празднуется также 26 июня/9 июля.

Сергий Шухтомский, преподобный

Преподобный Сергий Шухтомский (в миру Стефан) был схимонахом Шухтомского (Шухтовского) монастыря, расположенного в селе Шухтоме (Шухтове) в 50 километрах от города Череповца. Святые мощи его были погребены под спудом монастырской церкви, ставшей после упразднения монастыря приходским Покровским храмом. Сведения о благочестивой и подвижнической жизни преподобного Сергия приведены в пространной надписи на его гробнице. В ней говорится, что 19 мая 1609 года, в день памяти священномученика Патрикия, епископа Прусского, преставился раб Божий, инок и схимник Сергий, в царствование великого князя Василия Иоанновича Шуйского и при Святейшем Патриархе Ермогене. «Погребено же бысть его трудолюбивое тело в часовне у церкви Живоначальныя Троицы и Покрова Пресвятой Богородицы, что в Шухтове, во области града Белоозера».

Далее надпись сообщает о том, что святой угодник родился и воспитывался в Казани и, подобно святому Сергию Радонежскому, в младенчестве вместо материнского молока питался «ячменным и нектасным суслом». С возрастом он принимал в пищу лишь сухой хлеб и немного воды, да и то лишь два раза в неделю.

Оставив Казань, преподобный Сергий отправился в трехлетнее паломничество в Палестину, Константинополь и Грецию, поклоняясь святым местам и обучаясь монашеской жизни. Затем, как сообщает надпись, «непострижен из Палестины прииде в Великий Новград в соборную церковь Софии Премудрости Божией; из Новаграда поиде в Соловецкую обитель преподобных отец Зосимы и Савватия».

В 1603 году святой угодник Божий пришел в Вологодский край, где принял иноческий постриг от настоятеля Череповецкого Воскресенского монастыря архимандрита Исаии, который, будучи иконописцем, написал впоследствии образ своего святого постриженника.

О суровом аскетическом образе жизни преподобного Сергия надпись говорит в следующих подробностях: «Пребываше без сна день и ночь; в молитвах же и в постех, и в коленопреклонениях, постели себе не имеяши; егда же вздремаше, тогда мало сна приимаше на локтях точию и на колену».

Преподобный Сергей преставился в возрасте 50 (или 75) лет. При жизни был прославлен Господом многочисленными чудотворениями и удостоен дара пророчества. О внешнем облике святого схимника в надгробной надписи сказано: «Возрастом бе мал, лице имея бело, кругло, власами черн, кудреват, брады не имеяши, мантия долга, ряса черна».

Корнилий Комельский, Вологодский чудотворец, преподобный

Преподобный Корнилий Комельский, Вологодский чудотворец, родился в 1457 году. Он был родом из знатной боярской семьи Крюковых, жившей в Ростове Великом. Дядя преподобного, дьяк Лукиан, служил при дворе великой княгини Марии, супруги великого князя московского Василия Темного. При посредничестве Лукиана юный Корнилий был определен к московскому великокняжескому двору. Для воспитания отрока нельзя было найти более лучшего места, как тогдашний великокняжеский двор, не уступавший в самом строгом исполнении всех правил церковного устава ни одной иноческой обители. Здесь Корнилий мог видеть и изучать одно только доброе. Современный описатель его жизни называет великую княгиню Марию, скончавшуюся инокинею, именитою благочестием и милостивую паче всех прежде бывших: действительно, испытанная несчастиями и всецело преданная воспитанию детей своих – сверстников Корнилия, она могла служить для юного царедворца самым лучшим живым примером для подражания. Молодой Корнилий, как нельзя более, воспользовался счастливо сложившимися обстоятельствами своей юности: приобрел в науках познания, получив самое лучшее по тогдашнему времени образование, а вместе с этим сохранил чистоту сердца и неповрежденность нравов, так что не достигнув еще совершенных лет, он казался уже мужем совершенным. С раннего возраста начало в нем развиваться влечение к жизни созерцательной, отшельнической, которое усиливалось под влиянием бесед дяди и великой княгини, стремившихся к иночеству. И когда престарелый Лукиан оставил придворную службу и постригся в Кириллове, за ним последовал туда же двадцатилетний Корнилий, хотя служба при дворе великого князя могла доставить ему честь, богатство и другие житейские выгоды.

Приняв постриг в Белозерском монастыре, он с благой кротостью предал себя воле прозорливого многоопытного в

духовной жизни старца Геннадия, повинуюсь ему с любовью, как отцу, и не делая ничего без его благословения. Через некоторое время Корнилий призвал в благодатную обитель своего младшего брата Акинфия.

Свои иноческие подвиги в монастыре юный инок начал с тяжелого послушания – в хлебне, носил тяжелые вериги, а в редкие часы отдыха переписывал богослужебные книги.

Прошедше уже все более тяжелые послушания и ревнуя о высшем совершенстве, преподобный Корнилий, испросив благословения своего духовного наставника, посетил многие обители близ Кирилло-Белозерского монастыря. Подобно птице, он искал себе гнезда, и, как пчела извлекает мед с различных цветов, так и он везде старался приобретать себе духовную пользу из всего, что видел и слышал. Побывав во всех ближайших к Кириллову монастырях и пустынях, преподобный Корнилий направился к Новгороду, славившемуся тогда множеством иноческих обителей.

В Новгороде архиепископ Геннадий (память 4/17 декабря), познакомившись с богобоязненным и опытным в духовной жизни иноком и увидев в нем редкое по тому времени книжное образование, хотел рукоположить преподобного Корнилия в сан священства. Но он уклонился от такой почести, предпочитая путь безмолвного уединенного подвига. Подвижник сначала поселился в пустом месте недалеко от Новгорода, потом жил в безмолвии в пустынях новгородских и тверских, претерпевая «труды многие: и жажду, и голод, студень же и зной Христа ради». Когда же стали навещать его любители иноческого жития, он перешел в Тверскую Савватиеву пустынь. Но и здесь не нашел возжеленной тишины и безмолвия преподобный, ибо братия Савватиевой пустыни и приходившие в нее странники и богомольцы стали посещать уединенную келлию Корнилия, прося его советов и наставлений, вследствие чего преподобный снова решился бежать и искать себе другого места.

И в 1497 году на Вологодской земле, в густых комельских лесах, около пересечения рек Нурма и Талица, преподобный Корнилий нашел брошенную разбойниками хижину, которую обратил в келлию для безмолвия. Однажды напали на старца

разбойники, но, кроме книг, ничего не нашли. Благодаря усердной молитве и Божией помощи, святому отшельнику удалось умиротворить разбойничий люд, обитавший в то время в дремучих комельских лесах, противостоять их угрозам и даже обратить греховную разбойничью братию на путь раскаяния и исправления.

В возрасте сорока лет преподобный Корнилий получил возможность жить в совершенном уединения и безмолвии, пребывая в постоянной молитве и трудах. Через 4 года к месту подвигов преподобного Корнилия стали приходить любители безмолвия. Пустынники питались трудами рук своих, молились каждый в своей келлии, а когда число их умножилось, то стали просить преподобного Корнилия устроить церковь, считая великим ущербом и вредом для души лишение Божественной службы. Услышав о благочестивом желании своих сподвижников, преподобный был весьма рад. Тогда и понял он, что пора уединения и безмолвия для него уже прошла, что настало время жить не для себя только, но потрудиться и для пользы братии и страшный разбойнический притон обратить в святую обитель для иночествующих.

В 1501 году был построен деревянный храм в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, и в том же году митрополит Симон посвятил преподобного Корнилия в сан иеромонаха. Решась жить в обществе братии, блаженный Корнилий не щадил себя для их пользы, наряду с другими трудился в лесу и в обители, и вообще для устройства обители он перенес множество трудов и усилий. В 1512 году, когда число братии возросло, преподобный построил каменный храм и написал для братии устав, составленный на основе уставов преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Это был третий устав, написанный русским святым для монашествующих.

Устав преподобного Корнилия включает 15 глав, содержащих ряд наставлений инокам общежительного монастыря.

В 1-й главе говорится о церковном благочинии, во 2-й – о благочинии трапезы, а в 3-й – о пище и питии. 4-я глава требует

от иноков не есть и не пить нигде, кроме общей трапезы, 5-я глава рекомендует монашествующим иметь только две одежды: одну ветхую, с заплатами, а вторую крепкую; прочее же – «дело тщеславия и соблазн для братии», 6-я глава воспрещает просить подаяние у посторонних, а 7-я – иметь какую-либо собственность: «инок, имеющий в общежитии что-либо свое, малое или великое, чужд любви Божией». В 8-й главе возбраняется брать что бы то ни было без благословения настоятеля, 9-я глава поучает, что «не должно ходить безвременно в трапезу», а 10-я предписывает пребывание на общей работе в молчании и молитве. В 11-й главе преподобный Корнилий запрещает без особенной нужды посещать «ни родных, ни чужих», а в 12-й – принимать подаяние для себя. О недопустимости в обители хмельных напитков говорится в 13-й главе. 14-я и 15-я главы состоят из рекомендаций о том, как принимать приходящих в монастырь с личным имуществом и как поступать с теми, кто, оставив монастырь, пожелает вернуться в него.

Строгий устав преподобного Корнилия не все восприняли с послушанием; в обители поднялась волна ропота, началась смута.

С годами увеличилось число иноков братии, появилась необходимость в строительстве большего храма. Предводимые своим игуменом, комельские отшельники сами принялись за работу, строили стены, плотничали, создавали иконы, переписывали церковные книги и изготовляли своими руками необходимую для храма утварь. В 1515 году по благословению митрополита Варлаама новый храм был возведен и освящен также в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Через некоторое время были достроены трапезная церковь, странноприимный дом и богадельня. Преподобный Корнилий Комельский отличался щедростью к бедным. Спаситель поучает нас: «Будьте милостивы, как и Отец ваш милосерд есть. Давайте и дастся им: мерою доброю, утрясенною и переполненною отсыплют вам в пазуху; ибо какою мерою мерите вы, такою же мерою возмерится и вам» (Лк. 6, 36, 38). Преподобный особенно любил выполнять эту заповедь

Спасителя. Он раздавал милостыню щедрою рукою и твердо верил обетованию Господа Своего. Случилось, что к дню праздника преподобного Антония запасы вышли и раздавать было нечего. Преподобный обратился к молитве и на рассвете дня праздничного посланный великого князя Василия принес богатую милостыню, так что весь народ питался с избытком. Милосердие и вера его открылись во время голода, посетившего Вологодскую страну. Родители оставляли детей у стен обители, не имея чем кормить их; преподобный устроил для них богадельню на монастырском дворе и кормил. За любовь к бедным и сиротам преподобный Корнилий много раз удостоивался благодатного видения преподобного Антония Великого (память 17/30 января), к которому питал особое благоговение и воздвиг в честь великого подвижника храм в своей обители.

Преподобный жил упованием на Господа, и Господь охранял его Своею благодатью. С неизменным усердием преподобный Корнилий заботился о духовном спасении вверенных его попечению иноков. Как мудрый и духовный наставник и распорядительный хозяин, преподобный, примеряясь к древним отеческим правилам, подобно распределил все церковные службы и монастырские работы, чтобы никто не оставался праздным, и внушал всем при всяком рукоделии постоянно иметь в устах молитву Иисусову. Всех, и своих, и приходящих, он учил жить по правилам святых отцов, во всем покоряться воле настоятеля и молитвенно совершать подвиг послушания во все течение жизни.

Строгость жизни святого возбудила ропот некоторых из братии. И, не ища поддержки у великого князя, преподобный Корнилий вместе с молодым воспитанником Геннадием покинул монастырь, оставив его на попечение двенадцати старших учеников. Когда они пришли в костромские леса, то старцу понравилось место на берегу Сурского озера близ реки Костромы верст за 70 от Комельского монастыря.

Несмотря на преклонный возраст, святой старец принялся строить себе келлию, рубил лес и расчищал место для пашни. Так была заложена основа нового монастыря (впоследствии

Геннадиева обитель). Вопреки неоднократным попыткам иноков Комельского монастыря и великого князя Василия вернуть старца в родную обитель, святой угодник оставался непреклонным. Лишь спустя несколько лет, после паломничества и пребывания в затворе в Троице-Сергиевом монастыре, преподобный Корнилий возвратился в Комельскую обитель, но настоятельство передал своему ученику Лаврентию (память 16/29 мая), а сам снова затворился в келлии.

Во время нападения татар на Вологодскую землю преподобный Корнилий, оберегая братию, вместе с ними удалился в Белозерский край по примеру Спасителя, Который скрывался от Ирода в Египте. Братья вместе с наставником молились о спасении обители, и Господь внял их молитвам. Татары неожиданно отступили в паническом бегстве, приняв покинутый монастырь за грозно вооруженную крепость с многочисленным войском.

После возвращения в родной монастырь преподобный Корнилий вскоре почувствовал приближение кончины. Пожелав проститься с братией, великий праведник огласил свое наставление. Он завещал инокам строго соблюдать монастырский устав, жить в мире и согласии друг с другом. На четвертой неделе после Пасхи изнемогший от лет старец велел вести его в церковь, чтобы еще раз причаститься Святых Таин. Возвратясь из церкви, простился со всеми, выслушал акафист Спасителю и Богоматери и тихо предал дух свой Господу; это было 19 мая 1537 года, на 82-м году жизни.

Тело преподобного Корнилия при огромном стечении народа и всеобщем плаче было погребено близ Введенского храма. Святые мощи его были впоследствии прославлены многочисленными чудесами.

Вся жизнь Корнилия была одним непрерывным служением Богу и ближним, как светильник, поставленный на свещнице, он светил современникам своими добродетелями. Среди многочисленного сонма святых подвижников Вологодской стороны преподобный Корнилий занимает одно из первых и самых видных мест. Он воспитал множество святых учеников, ставших впоследствии основателями монастырей: Кассиан и

Лаврентий, игумены Комельские (память 16/29 мая), Кирилл Новоезерский (память 4/17 февраля), Иродион Илоезерский (память 28 сентября/11 октября), Геннадий Любимоградский (память 23 января/5 февраля), Адриан Пошехонский (память 5/18 марта) и другие. Игумен Лаврентий еще 10 лет после старца охранял в мире собранную им паству и вместе с бывшим игуменом Кассианом избрал себе последнее пристанище близ гроба блаженного своего учителя.

Общецерковное празднование преподобному Корнилию – 19 мая/1 июня – установлено 25 января 1600 года святителем Иовом, первым Патриархом Московским и всея Руси (память 19 июня/2 июля). Житие преподобного составлено его учеником Нафанаилом в 1589 году. Позже были составлены тексты службы и похвального слова святому. Сохранился и устав иноческой жизни, отличающийся простотой и опытностью духовной.

Корнилий, игумен Палеостровский, Олонецкий, преподобный

Преподобный Корнилий, игумен Палеостровский, Олонецкий родился в Пскове. Принял монашеский постриг в зрелом возрасте и вначале проходил монашеские подвиги в Валаамском монастыре. Затем через Финляндию он прошел к Белому морю и просвещал там язычников, не раз подвергаясь смертельной опасности. Некоторое время преподобный Корнилий странствовал по монастырям и пустыням, собирая бесценный опыт пустынножительства среди смиренных отшельников и подвижников.

В конце XIV века, по завершении своих многополезных странствий, он отправился на Онежское озеро в поисках уединенного места для жизни в безмолвии и молитве. Красота местоположения и безлюдность Онежского острова Палей (Вспалье) привлекли отшельника, и он поселился здесь, выстроив себе небольшую келлию. Богомыслие и молитвенный подвиг стали основой его уединенной жизни.

Вскоре известие о благочестивой жизни преподобного Корнилия распространилось по окрестностям. И, несмотря на уединенность острова, к нему стали приходить многочисленные посетители, искавшие у него духовной помощи и наставлений. Некоторые из них просили святого подвижника разрешить им поселиться на острове для отшельнической жизни. Преподобный Корнилий с радостью принимал их, помогал им строить келлии, а затем вместе с ними построил церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы и трапезный храм в честь святого пророка Илии. Так было положено начало Палеостровскому монастырю.

Не оставляя своих обязанностей по управлению созданной им обители, угодник Божий часто удалялся для уединенной молитвы в пещеру, расположенную на том же острове у подножия горы. Молитвенный подвиг преподобного Корнилия усугублялся ношением тяжелых железных вериг и суровым постом. Однажды во время ночной молитвы святой игумен

удостоился видения Господа Иисуса Христа, Который явился ему с крестом в руках и благословил его и обитель. Утешенный столь сладостным видением, преподобный Корнилий оставил настоятелем обители своего любимого ученика преподобного Авраамия (память 21 августа/3 сентября) и удалился в затвор в пещеру, где пребывал до самой смерти.

Преподобный Корнилий скончался около 1420 года в преклонном возрасте и был погребен на месте своего затворнического подвига. Еще при жизни преподобного игумена Авраамия (скончался во 2-й половине XV века) Господь прославил нетлением тело первооснователя обители преподобного Корнилия. Преподобный Авраамий с братией торжественно перенесли честные мощи своего учителя из пещеры и положили под спудом в соборном храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

Дмитрий Донской, благоверный Великий князь Московский

Благоверный великий князь московский Дмитрий, прозванный Донским, родился в 1350 году.

О детстве будущего великого князя сына Иоанна Красного и великой княгини Александры известно совсем немного. «Воспитан же был он в благочестии и славе, с наставлениями душеполезными, – говорится в «Слове о житии» Дмитрия Иоанновича, – и с младенческих лет возлюбил Бога. Еще юн был он годами, но духовным предавался делам, праздных бесед не вел, непристойных слов не любил и злонравных людей избегал, а с добродетельными всегда беседовал».

Детство святого Дмитрия прошло под непосредственным влиянием святого митрополита Алексия, бывшего другом и советником отцу Дмитрия, Иоанну Иоанновичу.

1359 год. Великий князь Иоанн Иоаннович, кроткий брат Симеона Гордого, после шести лет княжения преставился в схиме на 33-м году от рождения. Остались сыновья: 10-летний Дмитрий, младший Иоанн, шестилетний племянник Владимир (в будущем – герой Куликовской битвы, заслуживший наименование Храброго). Поначалу роль святителя в государственной деятельности сводилась к духовной поддержке первого среди русских князей, но после смерти Иоанна Иоанновича митрополит становится фактически главой русских княжеств. На него, возглавившего боярскую думу, ложится ответственность за весь ход политических дел на Руси. Девятилетнему Дмитрию он на долгое время заменяет отца, до самой смерти в 1378 году. Святитель – один из ближайших людей в великокняжеском доме. Его воспитательное воздействие развило собственные высокие качества Дмитрия; этот облик юного князя и был увековечен древним описателем его жития. С самого начала жизни великий князь был приобщен к среде русского подвижничества, пребывал в атмосфере, которую создавал вокруг себя преподобный Сергей.

С ранних лет великий князь должен был учиться терпению и мужеству, преодолевать себя, глядеть в лицо смертельной опасности, действовать в обстановке совершенно неведомой.

После кончины его отца Иоанна Иоанновича, в 1359 году, великокняжеский титул отходит от Москвы: малолетнему князю московскому Орда предпочла суздальского Дмитрия Константиновича, мужа зрелого.

В Орде также тогда царили междоусобия, и среди этих смут злосчастные русские князья жили в Орде, добиваясь великокняжеского престола. В 1359 (или 1361 по другим предположениям) году малолетний Дмитрий вынужден был предпринять путешествие в Орду, это было связано с двумя совпавшими событиями – кончиной русского великого князя и очередной переменой на ханском престоле. Поездка отрока Дмитрия в Орду – все это сознавали – по-прежнему сопровождалась смертельной опасностью. Но она была и крайне полезной ему, будущему главе государства, видимо, об этом думал святитель Алексей, благословивший Дмитрия на нее. Он должен был собственными глазами увидеть положение дел: соприкоснуться с врагом, уже более века мучившим родную землю, с которым надо было уметь говорить, а также, проплыв по трем русским рекам, обозреть Русскую землю, которой ему надлежало править. Но в 1362 году в результате очередного переворота в Орде пришел к власти хан Амурат. Сочтя действия своих предшественников незаконными, он направил великокняжеский ярлык с послом в Москву. Суздальский князь не мог с этим смириться. Со своими войсками он занял Переяславль, не желая пропустить Дмитрия Московского во Владимир, куда тот, сопровождаемый своею ратью, шел венчаться на великое княжество. Надлежало решить спор оружием. Тринадцатилетний Дмитрий Иоаннович выступил в свой первый поход. Увидев полки Москвы, суздальский князь в страхе бежал и затворился в Суздале; Дмитрий же, достигнув Владимира, прошел здесь через древний обряд вокняжения.

Здесь впервые отметим черту умеренности и миролюбия в юном князе Дмитрие. Он оставил своего соперника Дмитрия

Константиновича мирно княжить в его родном уделе – Суздальском, хотя осторожнее было бы совсем лишиться того всякой власти и силы... И в самом деле, суздальский князь, заискав в хане Амурате, опять, почти немедленно занял Владимир. Опять поход, опять изгнание соперника из великокняжеской столицы... Дмитрий Иоаннович осаждает Суздаль, но снова – верный своему неизменному миролюбию, щадит суздальского князя, оставляет его на удельном княжении и только берет с него присягу в верности.

Великий князь-отрок постигал науку московской политики, заключающуюся в сочетании силы и милосердия. Под руководством митрополита князь постепенно приобретал ту особую мудрость государственного правителя, которую современники связывали с его личностью. Утвердившись в великокняжеском достоинстве, Дмитрий уже на заре своего правления начинает работу по объединению Московской земли. Москва возвышалась. Она укрепила союз и с Суздалем, завершившийся в 1366 году браком великого князя Дмитрия и суздальской княжны Евдокии Дмитриевны.

Тем не менее постоянная трудность положения великого князя Дмитрия Иоанновича состояла в том, что практически на протяжении всей жизни ему приходилось вести непрекращающиеся войны с многочисленными врагами. Кроме постоянного противостояния Руси державам внешних – Орды и Литвы, великий князь должен был неусыпно помнить о противниках внутрирусских, сильнейшими из которых были княжества: Нижегородское, Рязанское и особенно Тверское.

1368 год был ознаменовал концом сорокалетнего относительного спокойствия на Руси: через Русскую землю к Москве шли войска Ольгерда Литовского, все уничтожая на своем пути. Великий князь, митрополит Алексей, князь Владимир Андреевич, двоюродный брат Дмитрия Иоанновича, затворились в Москве. Ольгерд начал осаду, но вид каменного Кремля смутил его; за новыми постройками просматривалась уверенность в своих силах и в своем праве, сосредоточенная мощь; и, постояв в виду Москвы три дня, Ольгерд снял осаду и ушел в Литву. Страшным нашествием литовцев Московская

земля была опустошена. Но Дмитрий Иоаннович вовсе не собирался отказываться от своей широкой объединительной политики. В вечевые республики Новгород и Псков был послан – ради заключения союза с ними – ближайший друг, князь Владимир Андреевич; за поддержку Литвы понесли наказание князья смоленский и брянский. Митрополит Алексий отлучил от Церкви князей Михаила Тверского и Святослава Смоленского. Читая историю, не успеваешь следить за грозowymi тучами, то и дело налетающими в эту эпоху на стойкое Московское княжество и его властителя.

В 1371 году тверской князь Михаил отправился к Мамаю просить ярлыка для себя. Мамай, который уже давно наблюдал за действиями московского князя Дмитрия, давно не выплачивавшего ему дани, охотно дал ярлык Михаилу. В Москву же был направлен посол Сары-хожа с оскорбительным приглашением Дмитрию Иоанновичу во Владимир на венчание Михаила. И здесь великий князь поступил как свободный человек, истинный хозяин положения: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение Владимирское не пушу, а тебе послу, путь чист». Главным в этом поступке было неповиновение Орде – и в деле весьма важном. Дмитрий Иоаннович, действительно, перекрыл путь Михаилу во Владимир, введя свои войска в Переяславль: ордынский же посол, прибывший в Москву, был встречен великим князем прекрасно. Задобренный, Сары-хожа в Орде походатайствовал за московского князя, чем в какой-то мере подготовил и дальнейший его успех.

Вскоре, в этом же году, Дмитрий Иоаннович отправился в Орду, чтобы прекратить происки Михаила; на этот поступок – как и на прочие свои важные политические действия – великий князь имел благословение митрополита Алексия. Практически ни одного значительного государственного решения великий князь не принял без благословения Церкви. Три фигуры, облеченные духовным саном, оказались ключевыми для его жизненного пути: это святитель Алексий, преподобный Сергей и Феодор Симоновский, впоследствии архиепископ Ростовский; каждый имел особенное влияние на великого князя. Руководство митрополита Алексия, продолжавшееся вплоть до

его смерти в 1378 году, соответственно самой личности святителя, имело жизненно-практический характер, было для Дмитрия Иоанновича школой не только духовной жизни, но и управления страной. Великий князь вернулся в Москву с нужным ярлыком. Михаилу же от Мамая пришло послание, в котором содержалось отрицание права на великое княжение.

Дело возвышения Москвы требовало решения и задач созидательных, устройство собственного дома – с этого начинал давнее общегосударственное дело великий князь. В основе жизненного уклада великокняжеского дома находился истинно христианский брак. Семейная жизнь великокняжеской четы проходила под духовным руководством святителя Алексия, позже – Феодора Симоновского. Оказывал на нее влияние и преподобный Сергей: из двенадцати детей Дмитрия Иоанновича и Евдокии Дмитриевны двое сыновей были крещены Троицким игуменом.

В качестве же основной личной черты великого князя автор «Слова о житии...» называет необыкновенную любовь к Богу. Одно из имен, которым наделяет древний книжник Дмитрия Иоанновича в похвалу ему – «С Богом все творящий и за Него борющийся». «Царским саном облеченный, жил он по-ангельски, постился и снова вставал на молитву и в такой благодати всегда пребывал. Тленное тело имея, жил он жизнью бесплотных». «Землею Русскою управляя и на престоле сидя, он в душе об отшельничестве помышлял, царскую багряницу и царский венец носил, а в монашеские ризы всякий день облекаться желал. Всегда почести и славу от всего мира принимал, а крест Христов на плечах носил. Божественные дни поста в чистоте хранил и каждое воскресенье Святых Таинств приобщался. С чистейшей душой перед Богом хотел он предстать; поистине земной явился Ангел и небесный человек».

С лишком полтораста лет томилась многострадальная Русь под тяжелым игом татарским. И вот, наконец, призрел Господь Бог на мольбы Руси Православной – приближался час освобождения. Народ, сто лет привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал мужественно на поработителей. Как могло это случиться? Откуда взялись,

как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и думать их деды?.. Мы знаем одно, что преподобный Сергей благословил на этот подвиг главного вождя Русского ополчения, и этот молодой вождь был человек поколения, возмужавшего под его благодатным воспитанием.

В 1370-е годы включился великий князь Димитрий Иоаннович в борьбу с Золотой Ордой. Это движение, вдохновляемое Русской Церковью, широко развивалось среди поработанного народа.

В 1376 году состоялся поход на Волжскую Болгарию. Русские осадили болгар и, несмотря на наличие у города пушек – невиданного по тому времени оружия, – вынудили его к сдаче. Это был значительный успех Москвы, ее первая наступательная победа в борьбе с татарами.

В 1378 году Мамай послал на Русь большое войско, во главе которого стоял воевода Бегич; в июле татары вторглись в рязанские земли. Поход этот имел целью не только ограбление Рязанского княжества, но, сидя по размерам обозов, Бегич не исключал возможности дойти и до самой Москвы. Навстречу врагу выступил Димитрий Иоаннович, полки которого разбили татар.

Выигранная битва на реке Воже была генеральной репетицией сражения на Куликовом поле. Приближался грозный 1380 год. Напрасно великий князь Димитрий Иоаннович пытался умиловить хана дарами и покорностью: Мамай и слышать не хотел о пощаде. Как ни тяжело было великому князю после недавних войн с литовцами и другими беспокойными соседями снова готовиться к войне, а делать было нечего: татарские полчища надвигались, подобно грозовой туче, к пределам тогдашней России.

Готовясь выступить в поход, великий князь Димитрий Иоаннович счел первым долгом посетить обитель Живоначальной Троицы, чтобы там поклониться Единому Богу, в Троице славимому, и принять напутственное благословение от преподобного игумена Сергия. Он пригласил с собой брата Владимира Андреевича, всех бывших тогда в Москве православных князей и воевод русских, с отборной дружиной

воинской, и после дня Успения выехал из Москвы. На другой день они прибыли в Троицкую обитель. Воздав здесь свое смиренное поклонение Господу Сил, великий князь сказал святому игумену: «Ты уже знаешь, отче, какое великое горе сокрушает меня, да и не меня одного, а всех православных: ордынский князь Мамай двинул всю орду безбожных татар. И вот они идут на мою отчизну, на Русскую землю, разорять святые церкви и губить христианский народ... Помолись же, отче, чтобы Бог избавил нас от этой беды!»

Святой старец успокоил великого князя надеждой на Бога: «Господь Бог тебе помощник; еще не пришло время тебе самому носить венец этой победы с вечным сном; но многим, без числа многим сотрудникам твоим плетутся венцы мученические с вечной памятью». И, осеняя преклонившегося перед ним великого князя святым крестом, богоносный Сергей воодушевленно произнес: «Иди, господине, небоязненно, Господь поможет тебе на безбожных врагов!» А затем, понизив голос, сказал тихо одному великому князю: «Победиши враги твоя"... С сердечным умилением внимал великий князь пророческому слову святого игумена: он прослезился от душевного волнения и стал просить себе у преподобного особого дара в благословение своему воинству и как бы в залог обещанной ему милости Божией.

В то время в обители Живоначальной Троицы, в числе братии, подвизавшейся под руководством Сергия против врагов невидимых, были два инока-боярина: Александр Пересвет, бывший боярин брянский, и Андрей Ослябя, бывший боярин любецкий. Их мужество, храбрость и искусство воинское были еще у всех в свежей памяти: до принятия монашества оба они славились как доблестные воины, храбрые богатыри и люди очень опытные в военном деле. Вот этих-то иноков-богатырей и просил себе в свои полки великий князь у преподобного Сергия: он надеялся, что эти люди, посвятившие себя всецело Богу, своим мужеством могут служить примером для его воинства и тем самым сослужат ему великую службу. И преподобный Сергей не задумался исполнить просьбу великого князя, на вере основанную. Он тотчас же повелел Пересвету и Ослябе, взамен

лат и шлемов, возложить на себя схимы, украшенные изображением креста Христова: «Вот вам, дети мои, оружие нетленное», – говорил при сем преподобный.

Благословив крестом и окропив еще раз освященной водой великого князя, своих иноков-витязей и всю дружину княжескую, преподобный Сергей сказал великому князю: «Господь Бог да будет твой помощник и заступник: Он победит и низложит супостатов твоих и прославит тебя!» Тронутый до глубины души пророческими речами старца, великий князь отвечал ему: «Если Господь и Пресвятая Матерь Его пошлет мне помощь против врага, то я построю монастырь во имя Пресвятой Богородицы».

Между тем быстро пронеслась по лицу Русской земли молва о том, что великий князь ходил к Троице и получил благословение и ободрение на брань с Мамаем от великого старца, Радонежского пустынника. Светлый луч надежды блеснул в сердцах русских людей, а те, которые готовы были стать противу великого князя московского заодно с Мамаем, поколебались. Таков был старый рязанский князь Олег. Он уже готовился соединиться с Мамаем, чтобы поживиться на счет московского князя, со стороны коего не ожидал большого сопротивления такому сильному врагу. Но, получив известие, что московские силы уже переправились через Оку, что инок-подвижник по имени Сергей благословил московского князя идти против Мамая, князь Олег очень встревожился. Так высоко ставили благословение преподобного Сергия даже сами враги московского князя. Благословение святого старца даже в их глазах считалось уже достаточным ручательством победы великого князя московского. И Олег отложил всякую мысль идти на помощь татарам против московских полков.

Как раз перед выступлением великого князя против татар произошло Божественное знамение – чудесное событие: во Владимире были открыты мощи благоверного князя Александра Невского, прадеда Димитрия Иоанновича. Инок-пономарь той церкви, где находилась гробница князя, ночью спавший на паперти, внезапно увидел, что свечи, стоящие перед иконами, сами собой загорелись, и к гробу подошли два старца, вышедшие из алтаря. Обратившись к лежащему там князю, они

воззвали к нему, понуждая встать и выйти на помощь правнуку, идущему на бой с иноплеменниками. Князь встал и вместе со старцами сделался невидимым. Наутро гроб был выкопан и были обнаружены нетленные мощи. Видимо, об этом событии Димитрий Иоаннович узнал еще до битвы; оно было достоверным свидетельством незримой помощи ему со стороны его великого предка.

8 сентября 1380 года, с раннего утра они стали в боевой порядок между рек Дона и Непрядвы, готовые встретить безбожного врага. В это самое время является перед великим князем инок Нектарий, посланный с другими братьями от преподобного Сергия, неся мир и благословение ему и всему христолюбивому его воинству. Святой старец провидел духом нужду еще раз укрепить мужество великого князя перед самой битвой и прислал ему в благословение Богородичную просфору и своеручную грамотку, конец которой сохранила для потомства одна из наших летописей. Грамотка эта, увещевая великого князя сражаться мужественно за дело Божие и пребывать в несомненном уповании, что Бог увенчает их дело счастливым успехом, оканчивалась следующим изречением: «Чтобы ты, господине, таки пошел, а поможет ти Бог и Троица».

Быстро разнеслась по полкам весть о посланцах Сергиевых, в лице их великий печальник Русской земли как бы сам посетил и благословил русское воинство, и это посещение, в такую важную и решительную для всех минуту было сколько неожиданно, столько же и благовременно. Теперь и слабые духом воодушевились мужеством, и каждый воин, ободренный надеждой на молитвы великого старца, бесстрашно шел на битву, готовый положить душу свою за святую веру православную, за своего князя любимого, за дорогое свое Отечество.

При мысли, что многие тысячи храбрых витязей падут через несколько часов, как усердные жертвы любви к Отечеству, Димитрий Иоаннович в умилении преклонил колена и, простирая руки к златому образу Спасителя, сиявшему вдали на черном знамени великокняжеском, в последний раз горячо молился за христиан и Россию. Потом благоверный князь

Димитрий сел на коня, объехал все полки, воодушевляя их словами: «Отцы и братья мои! Господа ради сражайтесь и святых ради церквей и веры ради христианской, ибо эта смерть нам ныне не смерть, но жизнь вечная; и ни о чем, братья, земном не помышляйте, не отступим, ведь и тогда венцами победными увенчает нас Христос Бог и Спаситель душ наших».

Прибыли еще на помощь Москве князья Ольгердовичи: Андрей Полоцкий и Димитрий Брянский и с ними 70 тысяч воинов.

Наступил грозный час этой битвы, которая должна была решить участь тогдашней России. Над Куликовым полем стоял туман; когда же он рассеялся, то обнаружились две рати, самым своим видом знаменующие противостояние мрака и света. Татарские полчища виделись темными, как замечает летописец; «доспехи же русских сынов будто вода, что при ветре струится, шлемы золоченые на головах их, словно заря утренняя в ясную погоду, светятся; яловцы же шлемов их, как пламя огненное, колышутся», посреди войска развивалось алое великокняжеское знамя с изображением Нерукотворного Спаса.

Вдруг с татарской стороны выехал вперед богатырь огромного роста, крепкого сложения, страшной наружности; звали его Челубей. Страшно было смотреть на этого великана. И хотя было среди них немало храбрых воинов, но никто не решался сам добровольно вызваться на такой подвиг.

Прошло несколько минут томительного ожидания, и вот выступил один из Сергиевых иноков – его усердный послушник схимонах Александр Пересвет. Все были тронуты до слез самоотвержением инок; все молили Бога, да поможет ему, как древле Давиду на Голиафа. А он, в одном схимническом одеянии, без лат и шлема, вооруженный тяжеловесным копьем, подобно молнии устремился на своем быстром коне противу страшного татарина – оба богатыря пали мертвыми на землю!

Тогда-то «закипела битва кровавая, заблестели мечи острые, как молнии, затрещали копья, полилась кровь» – повествует святитель Димитрий Ростовский.

Не выдержал и великий князь: он сошел с коня великокняжеского, отдал его своему любимому боярину

(Михаилу Бренко), повелел ему вместо себя быть под знаменем, а сам достал бывший у него на персях под одеждою крест с частицами Животворящего Древа, поцеловал его и ринулся в битву с татарами наравне с простыми воинами... Самым горячим стремление князя было желание принять участие в битве; им руководила готовность сразиться за веру и пострадать за Христа. Он пренебрег своим привилегированным положением и в своем порыве слиться с воинской массой явил свое великое смирение. Свидетели видели его, переносящегося на коне от полка к полку, твердо бьющимся с татарами, выдерживающим порой атаку нескольких воинов.

«И была сеча лютая и великая, и битва жестокая, и грохот страшный, – повествует летописец, – от сотворения мира не было такой битвы у русских великих князей, как при этом великом князе всея Руси». Люди гибли не только от мечей, копий и под копытами коней – многие задохнулись от страшной тесноты и духоты: Куликово поле как бы не вмещало борющейся рати, земля прогибалась под их тяжестью, пишет один из древних авторов. Особо чутким в эти часы открывалось духовное существо происходящего. Видели Ангелов, помогающих христианам – во главе «трисолнечного» полка стоял Архистратиг Михаил, по небесам шествовали рати святых мучеников и с ними – святые воины Георгий Победоносец, Димитрий Солунский, святые князья Борис и Глеб. От духовных воинств на татар летели тучи огненных стрел. Видели же, как над русским войском явилось облако, из которого на головы православных воинов опустилось множество венцов.

Когда Мамай со своими полками позорно бежал, побросав обозы, князь Владимир Андреевич, вернувшись на Куликово поле, покрытое теперь мертвыми телами, принялся расспрашивать всех о великом князе. Свидетельствовали о том, то он сражался в первых рядах, что бывал окружен множеством врагов; кто-то говорил о его ранении – последний, видевший его, утверждал, то князь брел с поля битвы, шатаясь от ран. Принялись искать князя среди мертвых; наконец, он был найден в роще неподалеку, лежащим без сознания. Бог хранил князя; несмотря на многочисленные удары, принятые им от врагов, он

остался невредимым от серьезных ранений. Услышав голоса, он пришел в себя, известие же о победе окончательно вернуло ему силы.

Между тем, как длилась грозная битва Куликовская, в обители Живоначальной Троицы святой игумен Сергей собрал всю свою братию и возносил молитвы сердечные за успех великого дела. Телом стоял он на молитве во храме Пресвятой Троицы, а духом был на поле Куликовом, прозревая очами веры все, что совершалось там.

И много доблестных русских воинов полегло на поле том. Летописи говорят, что из 150 тысяч воинов вернулось в Москву не более 40 тысяч.

Куликовская победа настолько обессилила Русское войско, что ему необходимо было дать отдых, а у московского князя, как мы уже видели, тогда было немало врагов и кроме татар. И тут преподобный Сергей, предотвращая столкновение великого князя с Олегом Рязанским и предупреждая страшное пролитие родной, братской, русской же крови, послал своего келаря. И не напрасно было это посольство: летопись говорит о раскаянии Олега, хотя и не надолго.

Возвратясь в Москву и распустив по домам воинов победителей, великий князь Дмитрий Иоаннович, прозванный за эту победу Донским, снова прибыл в обитель Живоначальной Троицы, чтобы воздать благодарение сильному во бранех Господу, лично поведать великому старцу о богодарованной победе. В Троицком монастыре по погибшим воинам служились многочисленные панихиды; был учрежден особый день их ежегодного поминовения, названный Дмитриевской субботой, перед 26-м числом октября (день Ангела великого князя Дмитрия Иоанновича) и, конечно, установлено не без совета с преподобным Сергием. Позже он стал днем общего воспоминания усопших предков, родительским днем. Так в церковной памяти была увековечена Куликовская битва.

С именем Дмитрия Иоанновича связано строительство целого ряда новых монастырей и храмов. По благословению преподобного Сергия он заложил в 1378 году Успенский Стромынский монастырь; предполагалось в преддверии

решающей битвы с Ордой собрать в него молитвенников со всей Русской земли, чтобы духовно поддержать Русь. Настоятелем монастыря стал ученик преподобного Сергия Леонтий. Другой, также Успенский, монастырь великий князь построил в благодарность Богу за победу в Куликовской битве. Его называют монастырем на реке Дубенке; первым его игуменом также был ученик преподобного Сергия, будущий святой Савва Звенигородский. На самом Куликовом поле был построен монастырь Рождества Богородицы: победа произошла именно в этот праздник. Также после победы Дмитрий Иоаннович построил Николо-Угрешский монастырь под Москвой и опять-таки с помощью преподобного Сергия Дмитрий Иоаннович выстроил Голутвинский монастырь, а также каменный Успенский собор Симонова московского монастыря.

Последние годы жизни великого князя Дмитрия Иоанновича были, вероятно, самыми трудными для него; после Куликовской битвы его ждали многие тяжелые испытания. Осенью 1380 года, свидетельствуют летописи, Дмитрия Иоанновича впервые посетили тяжелые болезни – сказалось нечеловеческое напряжение великого боя. В изнеможении была и вся Русская земля. Не успела она оправиться от страшных потерь в Куликовскую битву, как явился новый враг, 1382 год ознаменовался нашествием Тохтамыша, разорением Москвы. Это бедствие было еще тяжелее после блестящей победы. Великий князь из-за разногласий среди бояр, как говорит древний автор, не смог собрать достаточного для отпора татарам войска; тогда, чтобы найти людей, он отправился в Переяславль, а затем в Кострому. В Москве остался митрополит Киприан – он не смог противостоять начавшимся здесь беспорядкам.

Митрополит решил уйти из Москвы, также и великая княгиня с детьми. С трудом удалось им выйти за городские стены. Митрополит направился в Тверь, княгиня – к мужу в Кострому. Началась осада Москвы и три дня город держался, но на четвертый воины Тохтамыша ворвались в город. Страшен был учиненный погром в Москве: убивали подряд людей, оскверняли алтари, грабили церкви, сокровищница великого

князя была расхищена; сжигались книги, свезенные со всех окрестностей в московские храмы – сам город был в конце концов подожжен. Когда великий князь вернулся в Москву, он застал город разоренным и опустевшим. И только храбрый Владимир погнался за татарами и поразил 6000 врагов и отнял много пленных и обозы. По преданию, Димитрий Иоаннович плакал на развалинах Москвы и велел похоронить убитых на собственные деньги.

Другим большим горем для великого князя было возобновление старой вражды с Тверью: презрев все письменные обещания 1375 года, князь Михаил отправился к новому хану просить ярлыка на великое княжение. В 1383 году великий князь Димитрий был вынужден отправить в Орду своего старшего сына, одиннадцатилетнего Василия, для отстаивания великокняжеского ярлыка. Ценой возобновления ежегодной дани Москве удалось оставить ярлык за собой – Михаил потерпел неудачу, но Василий был на два года задержан в Орде заложником.

Другой беспокойный сосед московского князя был Олег, князь рязанский. Хитрый и вероломный, он не раз нарушал договоры, входил в сношения то с Ольгердом и тверским князем, то с Мамаем и Тохтамышем. Великий князь не раз посылал к нему доверенных лиц с мирными предположениями, но Олег не хотел и слышать о мире. Тогда великий князь призвал преподобного Сергия и лично просил его принять на себя труд убедить упрямого князя рязанского к примирению. Поздней осенью 1385 года смиренный старец отправился, по своему обыкновению пешком, в Рязань. Олег уже много слышал о Радонежском игумене: еще пять лет назад он не решился присоединиться к полчищам Мамаю только потому, что московский князь получил от преподобного Сергия благословение на битву с Мамаем, и теперь рад был видеть святого старца своим гостем и благословиться у него. Кроткие увещания богомудрого Сергия смягчили сердце сурового князя рязанского, и он чистосердечно открылся преподобному в своих замыслах и «взял с великим князем Димитрием вечный мир и любовь в род и род». Этот мир впоследствии скреплен был

семейным союзом: сын Олега Феодор взял за себя дочь великого князя Софию Димитриевну.

Так, при неусыпном попечении и отеческом руководстве святителя Алексия и благодаря деятельному участию игумена Радонежского, преподобного отца нашего Сергия, стала постепенно объединяться и Русская земля, обессиленная раздорами удельных князей.

Великий князь продолжал свое трудное дело: восстанавливал разрушенную Москву и держал наготове меч, храня бдительно интересы Московского княжества. Образ действий великого князя оставался все тот же: он сначала устрашал и разил врагов и ослушников, потом миловал и прощал их.

Мало-помалу эти князья свыклись с мыслью о необходимости подчиниться власти московского князя, а в народе пробуждалось сознание нужды сплотиться воедино, дабы общими силами сбросить с себя ненавистное иго татарское. Бог знает, мог ли бы достигнуть какого-нибудь успеха в этом великом деле великий князь московский, предоставленный самому себе, без содействия Церкви в лице таких святых мужей, исполненных Духа и силы, каковы были угодники Божии митрополит Алексий и богоносный Сергий, игумен Радонежский.

Хотя, по словам летописи, Димитрий Иоаннович был богатырского сложения – «бяхе же крепок зело, и телом велик и широк, и плечист и чреват вельми и тяжек; брадою и власы черн; взором же дивен зело», – но и при этих мощных силах непрестанная 26-летняя бранная тревога должна была измучить его телесно и душевно. Почувствовав приближение смерти, Димитрий Иоаннович послал за преподобным Сергием. Преподобный, наблюдавший все течение жизни великого князя, не только был главным свидетелем при составлении его духовного завещания (что подтверждено документами), но и преподавал Димитрию Иоанновичу все необходимые ему христианские таинства. Древний источник воспроизводит если не самые предсмертные слова великого князя в их исторической буквальности, то общий дух его назидания

ближним. «Вы, дети мои, – говорил благочестивый князь, – живите заодно, а матери своей слушайтесь во всем... Который сын не станет слушаться матери своей, на том не будет моего благословения... Вот я отхожу к Богу, и вас поручаю Богу и матери вашей: под страхом ея будьте всегда... Бойтесь Бога; бояр своих любите, будьте приветливы ко всем своим слугам. А вы, бояре, знаете мой обычай и нрав – я родился у вас на глазах, при вас я возрос, с вами ходил на врагов, с вами свою отчизну защищал... Я любил вас и детей ваших, с вами делил и радость, и горе... Вспомните, что говорили вы мне всегда: на службе тебе и детям твоим мы должны сложить и свои головы... Будьте же верны слову своему, послужите княгине моей и чадом моим, повеселитесь с ними в их радости, не оставьте их и во время скорби"... Так говорил умирающий Донской герой; а в своей духовной грамоте он навсегда заповедал своим детям и потомству своему, чтобы после отца наследовал великокняжеский престол старший сын его, помимо других лиц, старших в роде, и таким образом установил новый порядок престолонаследия, не допускавший никаких споров и претензий со стороны братьев усопшего великого князя. И вот, охранение этого, столь важного постановления, которому не только Москва, но и вся Россия на веки обязана укреплением единой самодержавной власти, было вверено Промыслом Божиим не иному кому, как великому печальнику земли Русской преподобному Сергию!

Княжение Дмитрия Донского за редким исключением не знало случаев ухода от него служивых людей; на его духовном завещании стоит самое большое число боярских подписей. И перед самой кончиной великий князь пожелал своим родным, ближним, боярам и всей Руси: «Бог мира да будет с вами!» Глубокий смысл сокрыт в этих словах! Вся натрудившаяся, изболевшаяся за Родину душа великого и доброго князя вылилась в этом благочестивом, горячем пожелании...

19 мая 1389 года великий князь Дмитрий Иоаннович преставился. Кончина его на 41-м году жизни поразила всю Русь. После Владимира Мономаха и Александра Невского никого так не любил и не чтит народ русский. Он был похоронен

в Архангельском соборе, рядом с гробницами его отца, деда, прадеда. По преданию, на отпевании среди многочисленного духовенства находился покровитель, молитвенник, старец великого князя, преподобный Сергей Радонежский.

В своем ревностном служении Церкви Христовой, патриотических трудах Отечеству и народу в грозные годы вражеского ига благоверный князь явился истинным сыном Церкви Русской, вдохновляющим и ныне ее верных чад на самоотверженное служение Богу и людям. Праведный подвиг князя, отдавшего «душу свою за други своя» (Ин. 15, 13), не был забыт православным верующим народом. Он побуждает и ныне чад церковных к служению на благо Родины и ее народа.

Особым знаком произволения Господня стало почитание князя Дмитрия как избранника Божия. По свидетельству многочисленных источников, памятников письменности и иконографии, сначала в Москве, а потом повсеместно по всей России началось прославление князя. Уже вскоре после кончины его были написаны «Похвальное слово», текст которого вошел в состав русских летописей, и «Житие». В житии отмечаются христианское великодушие и большая любовь к народу, сочетавшиеся с широкой благотворительностью.

Сохранились и иконографические изображения великого князя: на фреске Архангельского собора и в Грановитой палате. Описание образа князя можно прочесть и в «Иконописном подлиннике» (под 9 мая).

Память о великом князе жива всегда и особенно увеличивается в годы войн и опасностей. Так, в Великую Отечественную войну имя князя Дмитрия в патриотических посланиях патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия стояло рядом с именем святого Александра Невского; оба князя-воина призывались в помощники страждущему Отечеству. Именем Дмитрия Донского была названа танковая колонна, созданная на средства верующих.

Великий князь московский Дмитрий Донской канонизирован как святой благоверный на основании его больших заслуг перед Церковью и народом Божиим, а также на основании его личной благочестивой жизни, воплотившей

спасительную христианскую идею пожертвования собой до крови ради блага и спасения ближних.

Май 20

Алексий, Митрополит Московский, святитель

Святитель Алексий происходил из боярского рода Черниговского княжества и назывался в мире Елевферием. Он родился в 1300 году (по другим данным – в 1292, 1293, 1304 году) и с малых лет отдан был учиться грамоте. «Бог прежде избра от юности пастыря овцам и учителя велика» и рано открыл будущему святителю его высокое предназначение. На двенадцатом году жизни Елевферий раскинул сети для ловли птиц, незаметно для самого себя задремал и вдруг явственно услышал голос: «Алексий! Что напрасно трудишься? Ты будешь ловить людей». С этих пор отрок стал задумчив, молчалив, оставил детские игры и охотнее начал читать Божественные книги. Наклонность к душеспасительному чтению и молитве росла в нем с каждым годом, и скоро самым пламенным желанием его стало вступить в монастырь, чтобы совершенно посвятить себя Богу.

И в 1320 году вступил в Богоявленский монастырь в Москве и тогда же пострижен был с именем Алексий – на 20-м году. Двадцать лет пробыл Алексий в Богоявленском монастыре, изнуряя себя постом и бдением, молитвами и слезами, изучая Святое Писание, совершенствуясь и возвышаясь в духовной жизни. Наставником и руководителем его был старец Геронтий, опытный в духовной жизни. Стефан, брат преподобного Сергия, поступивший в обитель Богоявленскую, с 1337 года был духовным братом его: они вместе певали на клиросе и духовно любили друг друга. Митрополит Феогност любил Стефана, Геронтия и Алексия и по временам призывал их к себе для духовных бесед. Впоследствии митрополит поставил Стефана в игумена обители, а Алексия, оценив его добродетели и высокие дарования, приблизил к себе, поручив ему управление судебными делами Церкви. При таком отношении к святителю-греку у Алексия появилась необходимость знать греческий язык, разговорный и письменный. При занятиях судебными делами он коротко узнал людей и их слабости и приобрел обширные и точные сведения о церковных законах. Двенадцать лет

отправлял он судейскую должность, с званием наместника митрополичьего.

В конце 1352 (1350) года владыка Феогност посвятил Алексия в епископа Владимирского. Митрополит и великий князь Иоанн Иоаннович положили, на общем совещании, быть блаженному Алексию преемником Феогноста на митрополичьей кафедре. Об этом избрании тогда же написано было в Константинополь с просьбой «не поставлять никого другого в митрополита России, как преподобного Алексия, который много лет был наместником и жизни весьма добродетельной».

Сделавшись в 1354 году митрополитом, святой Алексий стал с неутомимой ревностью заниматься церковными делами. В то время Русская Церковь раздираема была великими нестроениями и распрями в частности, из-за претензий митрополита Литвы и Волыни Романа, который требовал себе доходов от Тверского епископа. Святителю известно было, что хотя при митрополите Феогносте испрашивали себе особого митрополита, но это было не надолго, да и не в том виде, как хотел Роман.

И чтобы положить конец смутам и тревогам, смиренный святитель отправился в 1356 году в Константинополь, туда же явился и Роман. Патриарх Каллист подтвердил Роману, чтобы был он митрополитом Литвы и Волыни, а Алексию предоставил считаться архиепископом Киева и великой России, и с титулом «всечестнаго митрополита и экзарха». На обратном пути поднялась страшная буря на море: волны катились, как горы, и корабль каждую минуту готов был исчезнуть в бездне. Все бывшее с митрополитом отчаивались в спасении. Святитель молился, молился усердно, дав обет соорудить храм во имя святого того дня, в который корабль пристанет к берегу. Господь услышал молитву святителя. Настала тишина, и корабль пристал к берегу 16 августа. Итак, святитель остался обетным должником Всемиловитому Спасителю.

В Москве приняли ожидаемого святителя с восторгами радости. И он с ревностью обратился к делам митрополии. Несколько епархий оставалось без архипастырей, умерших от моровой язвы. Он посвятил епископов в Ростов, Смоленск и

Рязань. В то же время низложил он Сарайского епископа Афанасия за распоряжение в чужой епархии и посвятил в Сарай Иоанна. Всячески заботясь о своей пастве, устраивал общежительные монастыри (по образцу Троицкого, основанного преподобным Сергием). Святитель Алексей много трудился для умиротворения смут и междоусобиц, налаживал отношения с ордынскими ханами.

Слава о святой жизни митрополита Алексея дошла до столицы татарского хана. Жена хана Джанибека Тайдула впала в тяжкую болезнь и ослепла. Никакие врачевания не могли возвратить ей зрение, и она решилась обратиться к святителю Алексею, о котором слышала, как о святом муже. В Москву явилось посольство от хана с письмом к великому князю. «Мы слышали, – писал хан, – что есть у вас служитель Божий, который если в чем попросит Бога, Бог слушает его. Отпустите его к нам, и если его молитвами исцелеет моя царица, будете иметь со мною мир; если же не отпустите его, пойду опустошать вашу землю». Смутился смиренный святитель, когда великий князь передал ему грамоту хана и просил исполнить его волю. Любовь к отчизне и святой Церкви не позволяла отказаться от исполнения воли грозного хана; но как смиренному принять на себя такое великое дело? «Прошение и дело превышают меру сил моих, – говорил святитель князю, – но я верю Тому, Который дал прозреть слепому, не презрит Он молитвы веры». Святитель начал готовиться в путь. В соборном храме со всем клиром совершил он молебствие перед иконой Богоматери и потом перед ракой святителя Петра. Во время самого моления внезапно перед глазами всех сама собой зажглась свеча при гробе чудотворца Петра. Утешенный Алексей разделил чудесную свечу на части, раздал ее в благословение предстоявшим и, сделав из остатка малую свечу, взял ее вместе с освященной водой для совершения нового молебствия в Орде. Из Москвы отправился он 18 августа 1357 года. С верой твердой шел он в Орду; а вера Тайдулы была укреплена видением. Когда блаженный Алексей был на пути, Тайдула видела во сне мужа, облеченного в святительскую одежду, пришедшего к ней, и с ним других, одетых в ризы. Она повелела

устроить одежды того вида, как видела она. Ожидаемый принят был с честью в Орде. Святитель отслужил над болящей молебен с чудной свечой, окропил ее святой водой, и Тайдула стала видеть. Признательный хан дал святителю в качестве почести перстень, который доселе можно видеть в патриаршей ризнице. Святитель, совершив чудо веры между людьми тьмы, возвратился на родину, а Тайдула много потом ходатайствовала за Русь.

Святая ревность о благе отечества заставила святого Алексия еще раз предпринять тот же путь. Хан Джанибек был злодейски убит своим сыном Бердибеком, который умертвил еще и 12 братьев своих. В Москву явился посол нового хана и требовал от русских князей даров и их самих звал в Орду. Святителя умоляли снова идти в Орду смягчать жестокость Бердибека. Опасность была очевидна. «Но пастырь добрый полагает душу свою за овцы», – сказал себе святитель и отправился по Волге в Золотую Орду. Ему пришлось испытать в Орде много притеснений и скорбей. Но при помощи Божией сумел он снискать благосклонность Бердибека. И признательная Тайдула не могла забыть своего целителя: при ее посредстве исходатайствована была милость для Русского государства и Церкви: святитель Алексей получил от Бердибека ярлык и охрану духовенства русского.

Когда скончался великий князь Иоанн (1359 год), на рамена святителя пала опека над несовершеннолетним князем Димитрием (будущим Донским). И несколько лет он был гражданским и духовным руководителем Руси. Своим умом и обширным образованием, настойчивостью и твердостью характера, благочестивой и строгой жизнью святой Алексей приобрел себе всеобщее уважение. Ревностно заботясь о благочестии всей своей паствы и поучая ее исполнению христианских обязанностей, святитель был учителем и миротворцем князей, ссорившихся между собой за свои владения. Трудami святителя росла и крепла власть великого князя московского. Он возвышал Москву как центр Православия и единения Руси.

Между тем святитель занимался строением обители иночества. В 1361 году основал он женскую общежительную обитель во имя Ангела Хранителя своего Алексия. В том же году основан им на берегу реки Яуза обетный монастырь во имя Нерукотворенного образа Спасителя. Святитель, обращаясь к преподобному Сергию, говорил: «Хочу, чтобы ты уступил мне одного из учеников твоих». И преподобный с любовью отдал ученика своего Андроника в настоятели новой обители. В 1362 году основан святителем владычней монастырь, в 3 верстах от Серпухова. Здесь был первым игуменом ученик его Варлаам, доселе чтимый за благочестивую жизнь. После того исполнил святитель прежнее намерение свое о восстановлении двух древних монастырей: Благовещенского в Нижнем Новгороде и Константино-Еленского во Владимире. В том и в другом введено им общежитие. В 1365 году основана в самом Кремле обитель в честь чуда Архангела Михаила, на месте, подаренном царицей Тайдулой. Это был благодарный памятник чуду, совершившемуся над царицей в день празднования чуду в Колоссах (6/19 сентября). Святитель со всей щедростью строил и украсил храм Архангела Михаила. Обеспечил содержание обители, где положил быть полному общежитию. «В Чудовом монастыре, – писал преподобный Иосиф Волоколамский, – блаженный митрополит Алексей посадил чесных старцев, испросив одних у святого Сергия, а других взял из иных монастырей, бывших под его рукою; эти иноки жили иночески, жизнью духовною, так, что многие приходили к ним, старые и юные, и получали пользу». Самым надежным наставником был здесь сам святитель. Он любил эту обитель и здесь подвизался, по временам, в посте и молитвах. «Монастырь Михаила чуда приказываю тебе, своему сыну, великому князю Димитрию Ивановичу», – писал святитель. Он же подал совет великому князю построить каменный кремль, безопасный от пожаров и надежный для защиты против неприятеля.

С 1367 года святителю Алексию много надлежало перенести скорбей и трудов по делам тверских князей. Вместе с преподобным Сергием умирил Тверь, и князь Михаил, после пяти лет вражды, вынужден был смиряться перед великим

князем Димитрием. Договор заключен был при посредстве святителя Алексия. В нем читаем: «По благословению отца нашего митрополита всей Руси князь тверской дает клятву за себя и за своих наследников признавать великого князя московского старшим своим братом, никогда не искать Владимирской вотчины и не принимать ее от хана».

Митрополит нередко посещал своего пустынного друга преподобного Сергия, и совещался с ним о всем, что касалось церковных дел. Мудрые советы смиренного старца и его святая равноангельская жизнь подали святителю мысль приготовить в лице Сергия достойного себе преемника первосвятительской кафедры. Чувствуя ослабление старческих сил своих, он хотел поступить по примеру своего предшественника митрополита Феогноста, который еще при жизни вместе с великим князем просил патриарха не назначать себе другого приемника, кроме него, то есть Алексия.

И вот он вызвал к себе в Москву преподобного Сергия из его любимого уединения. Пеший идет старец-игумен к своему другу-митрополиту. С любовью встретил святитель пустынного гостя. Среди беседы он вдруг приказал принести золотой «парамандный» крест, украшенный драгоценными камнями. Он своими руками возложил на Сергия золотой крест, «как бы в знак обручения святительского сана», и сказал: «Я желал бы, пока сам жив, найти человека, который мог бы после меня пасти стадо Христово. Знаю достоверно, что все от Великодержавного до последнего человека тебя пожелают иметь своим пастырем. Теперь, заблаговременно ты почтен будешь саном епископа, а после исхода моего и престол мой восприимешь».

Глубоко смутило смиennemудрую душу Сергия столь неожиданное предложение старца-святителя. С великим уничижением, даже со скорбью, он стал отрекаться от предлагаемой ему чести, несмотря на долгие уговоры святителя. Тогда прозорливый святитель увидел, что если он еще будет настаивать на своем желании, то заставит преподобного Сергия удалиться в какую-нибудь безвестную пустыню, и опасаясь, чтобы совсем не скрылся светильник, тихим светом озарявший и благодатной теплотой согревавшей

его паству, переменял разговор. Утешив старца словом отеческой любви, он отпустил его с миром в обитель.

Святитель Алексей достиг глубокой старости, 78 лет, пробыв на кафедре митрополичьей 24 года. В продолжение служения посвящено им было более 20 архипастырей Русской Церкви.

Драгоценным памятником пастырского учения его служат Евангелие, окружное послание к пастве и послание к христианам Нижегородской области. Евангелие святого Алексея, писанное собственной рукой его, хранится в Чудовом монастыре. Оно писано тогда, как святитель был в Константинополе, и, следовательно, тогда, как мог он иметь в руках лучшие списки греческого Евангелия. В окружном поучении святитель, сказав о своей обязанности учить паству и о расположении, с какими паства должна принимать наставления. Всем говорит: «Приходите к иерею, отцу духовному, с покаянием и слезами; отвергните все дела злые и не возвращайтесь к ним. Истинное покаяние в том и состоит, чтобы возненавидеть свои прежние грехи. Оставив все дела свои, без лености собирайся на церковную молитву. Не говорите: отпоем себе дома. Как храмина без огня от одного дыма не может нагреться, так и эта молитва без церковной. Церковь именуется земным небом. В ней закалается Агнец, Сын и Слово Божие, для очищения грехов всего мира; в ней проповедуется Евангелие Царства Божия и писания святых апостолов; в ней престол славы Божией, невидимо осеняемый Херувимами; в ней руками священническими приемлются Тело и Кровь Божественные и преподаются верным во спасение и очищение души и тела. Итак, входя в церковь, вострепещи душою и телом: не в простую храмину входишь. Не дерзайте, дети, прогневлять Бога своими разговорами в церкви. Имейте знамение Христово в душах ваших. Знак же для овец стада Божия есть приобщение Тела и Крови Христовой. Вы, дети, как овцы словесного стада, не пропускайте ни одного поста, не возобновив на себе сего знамения, причащайтесь Тела и Крови Христовой».

В послании к Нижегородской пастве научает паству страху Божию. Пастырям говорит: «Не убойтесь лица сильных, запрещайте им обижать меньших. Пусть будет между христианами мир, любовь и правда, не на словах только и на языке, но в сердце чистом и душе прямой. Пишу это не для одних игуменов и иереев, но и для князей и бояр, для мужей и жен, и для всех православных христиан. Имейте, дети, попечение, покорность и послушание к духовным отцам вашим, так как они учат вас полезному и спасительному для души». Святой Церковью святитель прославляется как «питатель вдов, и сирот отец, помощник сущим в скорби всеизряден, плачущим утешение, пастырь и наставник всем заблуждающим», «церковная красото», «великий чудотворец», «светило всея российския митрополии», «златозарная российская звезда».

Святитель Божий окончил земное течение свое 12 февраля 1378 года. Он завещал положить тело его в Чудовом монастыре, указал и место погребения «за алтарем храма» своего, не желая, по смирению, быть похороненным в храме. Но благочестивый великий князь Димитрий Иоаннович Донской (1363–1389), глубоко почитавший великого святителя, повелел положить тело митрополита Алексия в церкви, близ алтаря. Целебные мощи его открылись спустя 50 лет после его кончины.

Так как первый храм, построенный в Чудовом монастыре самим святителем Алексием во имя святого Архистратига Михаила, в память бывшего чуда его в Хонех, был деревянный, то случилось, что крыша его, пришедшая от долгого времени в ветхость, обрушилась во время совершения Божественной литургии, причем по устройению Божию все бывшие в это время в храме остались невредимыми. Тогда великий князь московский Василий Васильевич Темный (1425–1462) повелел построить каменный храм. И когда внутри прежнего деревянного храма стали копать рвы для фундамента нового храма, то нашли мощи великого святителя Алексия неповрежденными и даже одежды на нем неистлевшими. Это было 20 мая 1431 года. С того времени стали чтить память святителя. В новом храме, освященном, как и прежний, во имя Архистратига Божия Михаила, был устроен придел в честь Благовещения Пресвятой

Богородицы, в котором и положили многоцелебные мощи святителя Алексия.

В 1484 году при настоятеле Чудова монастыря архимандрите Геннадии (с 12 декабря 1484 года – архиепископ Новгородский; память 4/17 декабря) в обители началось строительство новой трапезной с храмом во имя святителя Алексия. В 1485 году святые мощи его были перенесены в новый трапезный храм и поставлены у южной стены, где и хранились два столетия. 12 февраля 1535 года, в день памяти святителя, мощи его были переложены в новую серебряную гробницу.

20 мая 1686 года при патриархе всея России Иоакиме († 1690) мощи святителя торжественно перенесли из обветшавшего к тому времени трапезного храма в арку между новоустроенными храмом в честь Благовещения Пресвятой Богородицы и храмом во имя святителя Алексия, где почивали открыто. Ныне святые мощи покоятся в Богоявленском патриаршем соборе в Москве.

Со времени открытия мощей исцеления и чудеса разного рода обильным потоком текут от святителя Божия.

Память святителя Алексия Русская Церковь торжественно празднует 12/25 февраля – в день кончины, и 20 мая/2 июня – в день обретения и перенесения святых его мощей. Сохранилось в «Иконописном подлиннике» и описание иконы обретения мощей святителя.

Довмонт, благоверный князь Псковский, во святом Крещении Тимофей

Святой благоверный князь Довмонт (Домант) Псковский, князь Нальшинайский (Нальшанский), был родом из Литвы. Сначала он ревностно исповедал язычество, но в 1265 году, спасаясь от междоусобиц литовских князей, был вынужден бежать из Литвы и с 300 литовскими семьями пришел во Псков. Здесь не было тогда недостатка в способных учителях веры для пришельцев Литвы, и псковские священники и князья встретили его радушно. По выражению летописца, «дохнула на него благодать Божия». Душа Довмонта потрясена была превратностями жизни и, прозрев, стала видеть значение прежней языческой жизни; и стремился он теперь насладиться светом Истины после горькой и многолетней тьмы. Довмонт со всей своей свитой принял святое крещение с именем Тимофей и сподобился великих даров от Господа. Великая была радость всему Пскову о просвещении духовном столь именитого князя.

Уже через год, в 1266 году, за доблесть и истинно христианские добродетели псковичи избрали его своим князем. И Довмонт своими доблестями отблагодарил новое отечество и своею ревностью по святой вере напомнил Пскову лучших его князей. В течение 33 лет он управлял городом и был единственным князем за всю историю Пскова, который сумел так долго прожить в мире и согласии с псковским вечем. Он был справедлив и строго следил за правосудием других, щедро творил милостыню, принимая нищих и странников, благоговейно чтил церковные праздники, покровительствовал храмам и монастырям и сам основал обитель в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Через брак с дочерью великого князя Дмитрия, внучкой святого благоверного князя Александра Невского (память 23 ноября/6 декабря и 30 августа/12 сентября) он породнился с русским великокняжеским родом. Князь Довмонт, как и святой Александр Невский, был славным защитником Русской земли. Основная заслуга благоверного князя Довмонта как полководца и государственного деятеля

состоит в том, что в течение многих лет он надежно защищал северо-западную границу Русского государства от неприятельских нападений.

В 1268 году князь Довмонт был одним из героев исторической битвы при Раковоре, где русская рать одержала победу над датскими и немецкими войсками. Перед битвой святой Довмонт, осмотрев силы неприятеля, собрал войско, пришел в Троицкий собор, положил меч свой перед алтарем, пал на лицо и молился со слезами: «Господи Боже, призри на кротких и смиренных рабов Твоих и смири высокие мысли гордых». Игумен Исидор препоясал князя мечом и благословил на битву за святую веру.

Святой Довмонт сделал псковскую крепость неприступной. В память о славном защитнике города каменная оборонительная стена, возведенная святым князем рядом с Кремлем в конце XIII века, была названа Довмонтовой, а территория, огражденная стеной, до сих пор называется Довмонтовым городом. У святого защитника «дома Святой Троицы» был еще один благочестивый обычай: в благодарность Господу, именем Которого он одерживал победы, не зная поражений, благоверный князь Довмонт рядом с Кремлем возводил храмы в честь того святого, в день памяти которого одерживал победы. Ставили там храмы по особым обетам и другие жители Пскова. Небольшая территория нынешнего Довмонтова города была сплошь покрыта храмами. (Первый храм в честь святого Довмонта-Тимофея был построен в Довмонтовом городе в 1574 году).

Свою последнюю победу доблестный князь-воин одержал 5 марта 1299 года на берегу реки Великой, где он с малой дружиной разбил большое немецкое войско. Ливонские рыцари неожиданно напали на посад у Пскова, захватили пригородные Снетогорский и Мирожский монастыри и сожгли их, жестоко расправившись с насельниками. Они убили основателя Снетогорского монастыря преподобного Иоасафа с 17 иноками и преподобного Василия, игумена Мирожского (память 4/17 марта). Святой князь Довмонт, не дожидаясь, пока соберется

большое псковское войско, вышел навстречу врагу с дружиной и изгнал святотатца за пределы Русской земли.

Через несколько месяцев после тяжелой недолгой болезни святой благоверный князь Довмонт-Тимофей скончался и был погребен в Троицком соборе Пскова. Летопись свидетельствует, что «бысть же тогда жалость велика в Пскове мужам и женам и малым детям по добром господине благоверном князе Тимофее». Псковичи вспоминали, как святой князь заботился о них в мирные дни и особенно когда городу угрожала опасность, как вел их в бой со словами: «Добрые мужи псковичи! Кто из вас стар, тот мне отец, кто молод, тот брат; постоим за Святую Троицу!» Вскоре после кончины князя началось почитание его как святого заступника перед Богом, молитвенно охраняющего нашу землю от врагов и бедствий. Не раз и по смерти защищал Псков святой князь. Так, в 1480 году, когда более ста тысяч немцев осадили город, он явился во сне одному горожанину и сказал: «Возьмите одеяние (покров) гроба моего, обнесите его три раза вокруг города с крестами и не бойтесь». Псковичи исполнили его указание, и немцы отступили от города. После этого чудесного избавления от врагов святому князю была составлена служба. Рядом с мощами благоверного князя в Троицком соборе висел его боевой меч, который хранился в Псковском историко-художественном и архитектурном музее-заповеднике. Этот меч, долго служивший защитой Пскову, являлся предметом особого уважения и вручался псковским князьям в храме Святой Троицы при возведении на престол.

Святой благоверный князь Довмонт-Тимофей и его супруга, в схиме преподобная Марфа († 1300; память 8/21 ноября) удостоились особой почести быть изображенными на чудотворной Мирожской иконе Божией Матери (празднование 24 сентября/7 октября): «Благоизволися Пречистому образу чудотворной иконы Твоя, Богородице, написатися зрака подобию нашего в бранех твердаго заступника князя Довмонта со благочестивою супружницею» (седален службы святому благоверному князю Довмонту-Тимофею). При явлении Божией Матери старцу Дорофею во время осады Пскова поляками 27 августа 1581 года святой благоверный князь Довмонт-Тимофей

был среди избранников Божиих, сопровождавших Небесную Заступницу Пскова.

Мощи святого благоверного князя Довмонта-Тимофея покоятся в Псковском кафедральном соборе Живоначальной Троицы.

Святые князья псковские Всеволод и Довмонт не раз помогали русским воинам в защите западных пределов Отечества. Как посланные Взбранной Воеводой небесного воинства, встали они на защиту и наших восточных рубежей.

В 1640 году великое народное движение на Восток – «встречь солнца» – завершилось выходом русских землепроходцев к устью Амура и Тихому океану. Русь в тех краях столкнулась с языческим Китаем. Оплотом Православия стала русская крепость Албазин, прославленная чудотворной Албазинской иконой Божией Матери (празднуется 9/22 мая) и героической «албазинской обороной» (1685–1686).

Летом 1679 года, в Петров пост, отряд казаков во главе с Гаврилой Фроловым отправился из Албазина на разведку в долину реки Зеи. Три года несли казаки дозорную службу на Зее, объезжали окрестные селения, приводили в русское подданство тунгусское население, основывали зимовья и остроги. Однажды казачий разъезд повстречал в горах двух всадников на белых конях, закованных в броню, вооруженных луками и мечами. Это были святой Всеволод и святой Довмонт. Вступив в разговор с казаками, пребывшими из Албазина, святые князья-воины предрекли последовавшее вскоре вторжение китайских войск на Амур, трудную оборону и конечное торжество русского оружия. «И паки придут китайцы, будут приступы и бои великие, и мы в тех боях будем в помощь русским людям. А града китайцы не возьмут».

Несколько раз в 1684–1686 гг. китайские полчища подступали к Албазину, но града не взяли. Чудесной помощью Албазинской иконы Божией Матери и святых князей Всеволода и Довмонта вражеский натиск бессильно разбился о дальневосточную православную твердыню.

«Повесть о чудесах святых благоверных великих князей Всеволода и Довмонта» была записана Гаврилой Фроловым в

Якутске 23 октября 1689 года. Велика слава святых. Приходят новые поколения, меняется лицо земли, но неизменно на священный дозор у границ Отечества встают российские воины-защитники – святые Всеволод и Довмонт.

Май 21

Агапит Маркушевский, преподобномученик

Преподобномученик Агапит Маркушевский несколько лет подвизался в Сольвычегодском Борисоглебском монастыре. Но откуда был родом, когда и где пострижен в монашество и долго ли жил в Сольвычегодске, достоверно неизвестно. В 1576 году, в марте месяце он сделался тяжело болен и не вставал с постели почти целый месяц. На 27-й день болезни, когда она усилилась уже до того, что Агапит потерял надежду на выздоровление, вдруг явилась ему икона святителя Николая и услышал он голос, приказывающий ему перенести ее в пустое место на речку Маркушу и Тарнагу (Тарнаху) и построить там церковь и обитель иноческую. «Мне ли строить церковь и монастырь, когда не могу встать с постели?» – подумал Агапит и тотчас же почувствовал себя совершенно здоровым. Изумленный и обрадованный, он пал на колени перед явившейся иконой, долго и пламенно молился, обливаясь слезами, и благодарил Бога и святителя Николая за свое чудное исцеление от болезни. Когда Агапит несколько замедлил в монастыре, то снова услышал тот же голос, повелевающий перенести икону в назначенное ей место, и поспешил отправиться с ней в путь. Во время неблизкого путешествия из Сольвычегодска до Маркуши, когда Агапиту, не имевшему там ни друзей, ни знакомых, ни денег, ни имения на строение церкви, приходили помыслы сомнения, то слышал тот же голос. Невидимый спутник как бы хотел показать тем свое присутствие и близость к Агапиту, рассеять его сомнения, ободрить и уверить в своей помощи. И смиренный постник всецело предал себя водительству и Промыслу Божию.

Место для святой иконы было избрано самим святителем, ибо три раза устраивал преподобный Агапит помещение для нее, но на другой день находил святыню на одном месте, на берегу реки Маркуши. Тут он построил небольшую часовню для иконы, келлию для себя и стал подвизаться в ней в непрестанных трудах, посте и молитвах.

Глухо и пустынно было тогда место, указанное для жительства Агапиту, непроходимые леса и болота отделяли его от селений, и, несмотря на то, недолго труженику привелось жить в уединении. Лишь только узнали окрестные жители о пришествии и повелении его, «и начата мнози в пустыню сию приходить, приводити недужныя своя, и быша многа исцеления, о чесом преподобный радовашася духом». Явились и желающие с ним сожительствовать и разделять труды пустынные, и при содействии доброхотных дателей преподобный Агапит того же лета, 20 июля, заложил холодную деревянную церковь во имя святителя Николая, а потом и другую теплую церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы с приделом во имя праведного Прокопия Устюжского, с келарской и трапезной. В 1578 году обе церкви были уже достроены и приготовлены к освящению, и преподобный Агапит отправился в Москву, чтобы получить от митрополита Антония благословение на их освящение и чтобы выпросить у царя Иоанна Васильевича землю на содержание обители и дозволение выстроить на реке Лохте мельницу. 7 сентября 1579 года освятил холодную Никольскую церковь и перенес в нее из часовни чудотворную икону святителя Николая.

Таким образом, Агапитова пустынь, возникшая из ничего среди могучих лесов, неусыпными трудами и распорядительностью своего строителя в течение трех лет устроилась так, как бы существовала целое столетие. Но не возгордился таким успехом, не предался покою и не уменьшил своей деятельности блаженный труженик. С большим рвением принялся он за насаждение и водворение в ней духа истинного пустынножительства и подвигов духовных, каждодневно поучая братию словом и сам служа ей к тому живым примером.

Но не дремал и исконный враг рода человеческого – диавол, раздражаемый подвигами старцев и видя безуспешными собственные козни и нападения, так как старец постоянно разрушал их своими молитвами, старался противодействовать и вредить ему через людей, возбуждая в них злобу и зависть к преподобному. Потому сколько братия и

многие из окрестных жителей любили и почитали его, столько же другие ненавидели и злобствовали на него. Завидно им было благосостояние и отличное хозяйство обители, неусыпными трудами старца в короткое время приведенное в цветущее состояние; и опасались они того, что со временем все угожья и пустоши их отойдут к монастырю. Злобствуя на преподобного, они выжидали только случая, чтобы напасть на него, думая, что со смертью настоятеля разрушится и ненавистная им обитель.

И в 1585 году, уже в восьмое лето пребывания преподобного Агапита на Маркуше, в мае месяце отправился он на лошади на мельницу, находившуюся на реке Лохте, для исправления некоторых повреждений, причиненных весенним разливом, в сопровождении только двух монастырских послушников Феодора и Андрея. Узнав о том, жители деревни Камкина стали подстерегать его. И когда старец 21 мая возвращался в обитель, злые люди напали на него и убили вместе с обоими его спутниками, и тела их бросили в реку Уфтьюгу. Предание говорит, что лошадь, на которой ехал преподобный, вырвавшись из рук убийц, неоднократно прибегала к монастырю, ржанием указывала на случившееся несчастье и убегала к месту убийства.

Когда братия увидели лошадь без седоков, чем-то встревоженную, ржущую и обратно куда-то убегающую, тотчас же подумали, что случилось со старцем какое-либо несчастье, и пошли по дороге, ведущей к мельнице. Долго искали они старца и его спутников в оврагах и в лесу около дороги, но нигде не могли найти, пока не пришли на берег реки Уфтьюги, и не увидели железных вериг преподобного Агапита, плавающих на одном месте на поверхности воды, подобно легкому дереву. Под ними нашли и все три тела убитых, хотя вода в Уфтьюге в то время была еще вельми быстра. С горькими слезами и рыданием братия перенесли тела убиенных в обитель, и с великой честью погребли преподобного Агапита посреди монастыря, между созданными им церквями, и поставили над могилой его часовню, а вериги положили на его гробницу. Во все время существования Маркушевского монастыря мощи

преподобного почивали в этой часовне. Впоследствии мощи были перенесены и находились под спудом в монастырском храме.

В 1712 году Холмогорский епископ Варнава благословил братию собирать сведения о жизни преподобного Агапита и о чудесах от иконы святителя Николая, называемой Великорецкой. По его благословению в 1715 году написано житие преподобномученика Агапита.

Кирилл, епископ Ростовский

Святитель Кирилл, епископ Ростовский, был избран на святительскую кафедру из игуменов Владимирского Рождественского монастыря, духовник ростовского князя св. Василька (4/17 марта). О нем заметил современный летописец, как о пастыре знаменитом, который «ничимже оставшийся прежних Ростовских епископов, весьма учительный, собиравший для слушания своего учения от святых книг в соборную церковь не только жителей Ростова, но из окрестных градов и украсивший соборную церковь иконами многоценными, ихже несть мощи и сказати, кивотами, сосудами, рипидами, и множеством всяких узорий». Своими красноречивыми сказаниями о чудесах святого Леонтия он склонил к христианству ордынского царевича Петра (сведения о нем помещены 30 июня/13 июля).

В Ростовской Вознесенской Церкви замечательна икона Ростовских чудотворцев, на ней изображен святитель Кирилл. На упомянутой иконе, кроме прославленных угодников Божиих – святителей Леонтия (23 мая/5 июня), Исаии (15/28 мая), Игнатия (28 мая/10 июня), Иакова (27 ноября/10 декабря), Феодора (28 ноября/11 декабря), Димитрия (28 октября/10 ноября, этот святитель, как видно, приписан впоследствии), князя Василька (4/17 марта), прп. Авраамия (29 октября/11 ноября), царевича Петра (30 июня/13 июля) затворника Иринарха (13/26 января), блаженного Исидора (14/27 мая) и Иоанна Власатого (3/16 сентября) – изображены еще 10 местночтимых подвижников благочестия: Феодор и Павел, игумены Борисоглебские (22 октября/4 ноября), епископ Прохор († 1328; 7/20 сентября), Иоанн (вероятно 1-й; † 1024) и Кирилл 2-й, блаженные Пимен и Афанасий (или Стахий), Авраамий, Афанасий юродивый и Стефан.

Святителю Кириллу приписывается много сочинений, из которых, по мнению преосвященного Филарета, принадлежат: житие святого Нифонта, пользовавшееся в старину большим уважением, слово о том, яко не забывати своих учителей,

поучение «Духовное убо семя в наших душах уже и правое... всеял еси», слово «О первозданном» (о сотворении прародителей), слово «О страхе Божии», «О небесных силах», «О злых и неверных человеках», «О злых дусех» с упреками за языческое суеверие, и слово святого Кирилла о мытарствах. Вероятно, сему учительному пастырю принадлежит изданное древнее русское сочинение «В неделю 7-ю о Соборе св. отец на Ария еретика». По описи 1638 года в Ростовско-Богоявленском монастыре показана «книга Четья Кирилла епископа».

Скончался святитель Кирилл 21 мая 1262 года.

Константин, благоверный князь и чада его Михаил и Феодор, Муромские чудотворцы

Благоверный великий князь Константин Святославич происходил из рода великого князя Владимира, крестившего землю Русскую. Он хотел иметь своим уделом город Муром, населенный язычниками, чтобы просветить эту страну светом христианской веры. Родственник князя Константина, сын великого князя Владимира благоверный князь Глеб, которому назначен был во Владимире город Муром, употребил много усилий, чтобы овладеть им и склонить его жителей к принятию святого крещения, но не смог этого сделать и два года жил вдали от него на расстоянии двух поприщ (12 верст) на реке Ишне. После того, как святой Глеб был убит, Муром долго оставался без князя христианского, и язычество осталось там в силе. Между тем соседи, болгары, верою магометане, старались распространить свое влияние на Муром. «Князь Константин, слыша о Муроме, яко велик и славен и множество людей живущих в нем и богатством всяким кипящий», испросил у отца своего Святослава Черниговского этот город в удел себе. Отец не хотел отпускать его по сильному опасению, как бы не умертвили его. Но Константин решился на все для святой веры.

И в 1192 году вместе с сыновьями своими князьями Михаилом и Феодором, духовенством, войском и слугами из славного города Киева он пришел в Рязанскую землю к городу Мурому.

Приближаясь к Мурому, святой благоверный князь Константин послал сына своего Михаила убеждать муромцев, чтобы приняли князя без сопротивления. Упорные язычники убили посланного князя и бросили тело его за городом, а сами стали готовиться к бою. Когда князь Константин подошел к городу со своей большой дружиной, жители хотели сражаться, потом смирились, согласились принять князя, но заменить свое язычество на его веру не пожелали. Не принуждая язычников силой к принятию веры Христовой, князь не оставил однако мысли о их просвещении и прежде всего построил храм

Благовещения на месте убиения своего сына, а вскоре и другую церковь святых Бориса и Глеба. В то же время сам он не раз призывал к себе старейшин города и убеждал их к перемене веры; с проповедью о Христе обращалось к муромцам и духовенство, прибывшее с князем. И вот однажды толпа ярых язычников, недовольная князем, подступила к его дому, грозя князю смертью. Помолившись Богу, князь смело вышел к толпе бунтовщиков с иконой Богоматери. Это так поразило язычников, что они смирились и пожелали принять крещение. Обрадованный князь воздал благодарение Господу и Пречистой Его Матери и назначил день для сбора всех непросвещенных. Торжественно было крещение муромцев, и, как некогда Днепр, река Ока стала купелью для всех жителей города. Благоверный князь осыпал детей Божиих разными подарками, одних – одеждой, других – деньгами, а лучших – и вотчинами. Так благоверный князь Константин в городе Муроме «веру утверди» и жителей «от прелести идольския избави», в чем сын его Феодор был ему ревностным помощником.

Теперь надлежало позаботиться и о построении и умножении храмов. И «заповеда ставити церкви в городе и в селах и монастыри мужския и женския», и учредил в своем городе епископскую кафедру. По летописи, в 1098 году видим в Муроме Спасский монастырь, построенный, без сомнения, просветителем Мурома.

Скончался святой князь в 1129 году, проведши жизнь свою в истинной вере и непорочности во всем, являясь всегда защитником бедных и сирот. Его кончина причинила великую скорбь народу. Все оплакивали его как отца и похоронили у построенной им церкви Благовещения, вблизи сыновей его, благоверных князей Михаила и Феодора.

Впоследствии родственник святого князя Константина благоверный князь Георгий Ярославич возобновил первоначальную церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, и с того времени прославил Господь святых князей Константина и сыновей его, так как у гробов их стали совершаться чудеса.

Спустя много лет после этого, в 1553 году, царь всея России Иоанн Васильевич, идя в поход против нечестивых татар к

городу Казани, зашел в город Муром и пробыл здесь две недели. Совершив молебствие у гробов святых чудотворцев, он дал обещание построить каменную церковь. И когда стали копать рвы для этой церкви, то нашли мощи святых князей целыми и нисколько не поврежденными. По окончании постройки церкви в нише церковной стены было устроено особое место, где и положены были святые мощи их. Царь Иоанн Васильевич повелел тогда Рязанскому епископу Гурию освятить новопостроенный храм и прислал к освящению его различную церковную утварь. Храм был освящен, устроен при нем монастырь, и с торжеством было отпраздновано это событие. В то время у гробов святых князей совершилось много чудес, которые совершаются и доныне во славу Христа Бога.

Кассиан Грек, преподобный, Угличский чудотворец

Преподобный Кассиан Грек, Угличский чудотворец, в миру Константин, был потомком греческих князей Мангупских (Манукских). Константин получил значительное, по своему времени, образование. В Москву из Константинополя он прибыл в 1478 году в составе посольства, сопровождавшего царевну Софию – невесту великого князя московского Иоанна III Васильевича, которая доводилась племянницей греческим царям Иоанну и Константину Палеологам. Он изъявил желание остаться в России. Великий князь предлагал ему «города и области в прокормление и земли в обдержание», но он смиренно отказался от этого, ибо суeta придворной жизни тяготила его сердце, искавшее уединения и иноческого служения Богу. С разрешения великого князя Иоанна III он отправился в Ростов Великий, где первое время находился при архиепископе Иоасафе (Оболенском). Когда же архиепископ решил оставить свою кафедру и поселиться в Ферапонтовом Белозерском монастыре, в котором принял ранее монашеский постриг, то князь Константин с радостью последовал за ним. Здесь греческий князь получил возможность для молитвенного уединения и жизни в богомыслии и чтении Священного Писания. Монашество он принял после чудесного ночного видения, в котором бывший игумен обители Мартиниан (по другим источникам преподобный Ферапонт) повелевал ему постричься. И вскоре князь Константин был удостоен иноческого образа с наречением имени Кассиан.

Случилось ему однажды с некоторыми из братии выйти из обители и плыть по Волге к городу Угличу. Не доходя до него за 15 верст, полюбились ему живописное место на берегу Волги, неподалеку от впадения в нее речки Учмы. Там водрузил он крест и поставил себе хижину.

Слава о преподобном широко распространилась, и «начали мнози люди приходить благословения ради и видети пустыннолюбное жительство и беседовати с ним». Святой

Кассиан, всех принимая с любовью, наставлял на путь спасения «тихими словесы».

С разрешения князя Андрея он основал здесь иноческую обитель в честь Успения Пресвятой Богородицы. Вместе с несколькими монахами, пришедшими с ним из Ферапонтова монастыря, он построил в этом месте Успенский храм, положивший начало Учемской обители.

Впоследствии, во время сильного паводка, когда Волга вышла из берегов, храм получил значительные повреждения. Тогда преподобному Кассиану на помощь вновь пришел князь угличский Андрей, с которым преподобного связывала не только личная дружба, но и узы духовного родства, ибо он был восприемником княжеского сына Димитрия. Монастырь с храмом были перенесены на другое место, неподалеку от прежнего, но более безопасное. Новый храм был освящен во имя святого пророка Иоанна Предтечи и стал приходским для близлежащих селений. Преподобный Кассиан в течение долгого времени подвизался в основанной им обители. С миром отошел ко Господу преподобный Кассиан в глубокой старости 2 октября 1504 года. Святые мощи его были погребены в том же монастыре. После своей блаженной кончины преподобный Кассиан был прославлен многочисленными чудесами, о чем свидетельствуют записи Угличской летописи, в частности, защита им своей обители от польских воинов в 1609–1611 гг. Служба преподобному Кассиану написана и передана в дар обители 17 мая 1686 года благочестивым сыном московского священника Михаилом Пименовым, о чем сообщается в рукописи, сохранившейся в Угличе.

Чудесным образом была написана икона блаженного Кассиана. Некто иерей Симеон, художеством живописец, дал обещание написать ее, но впал в тяжкую болезнь и до двух лет не мог исполнить своего обета. Пришел он наконец к игумену Гермогену и спрашивал его: «Как начертать образ преподобного?» Игумен дал ему хартию, на которой написано было как изображать блаженного Кассиана; размышляя о том, чтобы исполнить предпринятое им дело, заснул иерей и увидел во сне лик святого старца, начертанный на приготовленной им

доске; ему казалось, что и у одра его стоит инок, совершенно подобный этому образу.

Являлся и многим другим блаженный Кассиан, не забывал же и своей обители, даруя ей не только блага духовные, но и временные, через то свидетельствуя о непрестанном своем покровительстве собранной им братии.

Память преподобного Кассиана празднуется 2/15 октября – день преставления, и 21 мая/3 июня – день тезоименитства.

Май 22

Иаков Боровичский, Новгородский, праведный

Преподобный Иаков Боровичский – Новгородский чудотворец. О происхождении блаженного Иакова, жизни его и кончине его нет достоверных сведений. По местному преданию, он в отрочестве принял на себя суровый подвиг юродства Христа ради. По церковным песнопениям, святой Иаков, «от младенства Богу прилепясь, Того стопам последовал», победил «плотския страсти воздержанием», «благодать духовную восприял», своим «жестоким житием на земли Ангелы удиви, демоны же устраши и человеки просвети» и «ныне на небесех предстоя всех Царю Христу».

Прославил Господь святого подвижника после кончины. В 1540 году, на третий день Пасхи, к селению Боровичи (в Новгородской области) по реке Мсте против течения приплыла большая льдина, на которой стоял гроб (дубовая колода) без крышки, а в нем лежало тело юноши. Боясь ответственности, крестьяне шестами оттолкнули льдину к середине реки, но она возвратилась к берегу. Так повторялось трижды. Ночью старейшинам села явился во сне юноша, виденный ими на льдине, и сказал: «Я такой же христианин, как и вы. Не гоните меня. Мое имя Иаков, я получил имя в честь святого Иакова, брата Господня».

Мощи святого отрока были сначала помещены в часовне, а в 1544 году перенесены в Святодуховской храм. Тогда же было установлено ему празднование. Господь, прославляя Своего угодника, даровал мощам святого Иакова целительную силу. Полиелейное празднование установлено с 1572 года. В «Иконописном подлиннике» о святом Иакове сказано: «Подобием млад, наг, препоясан платом». В 1657 году патриарх Никон часть мощей святого перевез на Валдай, в Иверскую обитель. Часть святых мощей осталась в Духовом Боровичском монастыре (Новгородской епархии), другая хранилась в Авраамиевом ските (бывшей Финляндской епархии). Память преподобного Иакова совершается два раза в год: 22 мая/4

июня и в день перенесения чесных его мощей 23 октября/5 ноября.

Май 23

Леонтий, епископ Ростовский

Святитель Леонтий, епископ Ростовский, один из выдающихся архипастырей XI века земли Русской. По словам святителя Симона, епископа Владимирского, которого можно считать достаточно достоверным, святой Леонтий был постриженником Печерского монастыря и по происхождению русский, а не грек, хотя родился в Константинополе. Промыслом Божиим будущий просветитель и апостол Ростовской земли проходил послушание под духовным руководством основателей русского монашества преподобных Антония († 1073; память 28 сентября/11 октября и 10/23 июля) и Феодосия († 1074; память 3/16 мая, 14/27 и 28 августа/10 сентября) Печерских. Он был первым епископом, вышедшим из монастыря в Киевских пещерах, воспитавшего многочисленных святителей Русской земли. «От того Печерского монастыря Пречистыя Богородицы, – пишет святой Симон, – мнози епископы поставлены быша и яко светила светлая осветивша всю Русскую землю святым крещением; первый Леонтий, епископ Ростовский, священномученик, егоже Бог прослави нетлением и бысть первопрестольник, егоже невернии, много мучивше, убиша».

Свой равноапостольный подвиг священномученик Леонтий начал по возведении его в сан епископа в сороковых годах XI века и назначении на Ростовскую кафедру.

В Ростовской земле, населенной в то время чудскими племенами, святитель встретил жестокое сопротивление язычников, изгнавших двух его предшественников – епископов Феодора и Илариона. Закоренелые язычники и слушать его не хотели, но святой Леонтий, как добрый пастырь, решился положить и душу свою за спасение врученной ему Богом паствы. Невзирая на постоянную опасность, святитель Леонтий ревностно обращал ко Христу местное население, твердо следуя апостольским заповедям. Однажды он был избит язычниками и изгнан из города, однако не оставил вверенной ему духовной паствы и поселился недалеко от Ростова, у ручья

Брутовщины, где построил небольшой храм в честь Архистратига Михаила. Святитель все претерпел и ревностно продолжал проповедовать веру, подтверждая истинность ее чудесами. К святителю стали приходить дети местных жителей, привлеченные его духовной добротой. Угодник Божий обучал детей началам Христовой веры и потом крестил. Вскоре и взрослое население потянулось к благодатному архипастырю и также принимало святое крещение.

Закоренелые язычники взволновались, их неприязнь к просветителю росла, и, наконец, собравшись огромной толпой, одни с дубинками, другие с оружием в руках, отправились они к собору, чтобы убить или выгнать Леонтия. Причт соборный испугался, но святитель был покоен и укреплял бывших с ним, говоря: «Не бойтесь, дети, без Божией воли ничего они не сделают нам». Святой епископ Леонтий облачился в святительские одежды и приказал то же сделать клирикам храма. С крестом в руках он вышел навстречу язычникам. Апостольская твердость и спокойствие святителя Леонтия перед грозившей смертью остановили возбужденную толпу, а исполненное благодати его слово произвело на людей еще большее воздействие, и многие из них приняли святое крещение. С того момента святитель Леонтий стал более успешно утверждать свет Христовой веры в земле Ростовской. «Тогда начал отходить от нас мрак идольский и воссиял свет благоверия», – говорит древнее ростовское слово в память Леонтия. С проповедью о Христе Спасителе он обходил окрестную землю, и путь его отмечался утверждением Православия в местах прежнего идолослужения.

Апостольский подвиг святителя Леонтия увенчался мученической кончиной. В 1073 году он был убит закоренелыми язычниками по указанию волхвов.

Тело святителя было погребено в Ростове Великом в церкви Пресвятой Богородицы. Во время пожара в 1160 году этот храм сгорел, и по повелению благоверного князя Андрея Боголюбского († 1174; память 4/17 июля) в 1162 году на месте прежнего был заложен каменный собор. «23 мая 1164 года при копании рвов нашли гроб, – сказано в его житии Никоном

летописцем, – покрытый двумя досками, в недоумении открыли и увидели лице (Леонтия), светящегося славою: ризы на нем были как бы вчера надетые, сколько лет минуло и не изменилось священное тело его». В руках у него лежал свиток с именами просвещенных им иереев и диаконов. Обретенные мощи переложили в каменный гроб и поместили в церкви во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова на архиерейском дворе.

В 1170 году, когда было закончено строительство каменной церкви в честь Пресвятой Богородицы, гроб святителя Леонтия перенесли в этот храм и поставили в нише южной стены.

Святой Леонтий, почти неизвестный при жизни, после смерти сделался таким славным и популярным, что кафедра Ростовская называлась «кафедрою Леонтия чудотворца»; при избрании новых епископов Ростову, летописцы замечают, что «поставлен молитвами св. чудотворца Леонтия» такой-то епископ. С молитвой ростовцы прибегали к св. Леонтию. У гроба просветителя Ростовской земли совершались многочисленные благодатные чудотворения. Свидетельства о святости жизни епископа Леонтия, чудесных исцелениях и знамениях по его молитвам были собраны епископом Ростовским Иоанном (1190–1214). По благословению митрополита Феодора было установлено совершать празднование памяти святителя Леонтия 23 мая» 5 июня, в день обретения мощей. Епископ Иоанн написал и канон святителю Леонтию. До 1609 года мощи святителя Леонтия открыто находились в Успенском соборе, но после того, как в смутное время поляки похитили гробницу святителя, они были положены под спудом в том же храме у южной стены придела во имя святителя Леонтия, где находятся до настоящего времени.

Святой Леонтий – один из самых великих святителей земли Ростовской. Он велик по действиям земной жизни, как равноапостольный просветитель Ростовского края; он велик и на небе, как сильный молитвенник за землю Русскую. Святитель Леонтий стоит в ряду первых приемников апостольского служения Русской Церкви, вслед за святой равноапостольной княгиней Ольгой († 969; память 11/24 июля) и великим

равноапостольным князем Владимиром († 1015; память 15/28 июля).

Евфросиния Полоцкая, преподобная

Преподобная Евфросиния, игумения Полоцкая, в миру Предислава, была правнучкой в пятом поколении святого равноапостольного князя Владимира († 1015; память 15/28 июля) и дочерью князя полоцкого Георгия Всеславича. С детских лет она была обучена чтению Псалтири и других книг Священного Писания. Любовь к книжному учению сочеталась у нее с усердной молитвой, внешняя красота – с целомудрием и глубокой сосредоточенностью. Слава о ее мудрости и красоте распространилась далеко за пределы Полоцкой земли. Многие князья просили руки Предиславы. Однако все предложения о браке она отвергала. Однажды, узнав, что родители хотят обручить ее с одним из знатных князей, она тайно ушла из дома в обитель, где ее тетя – игумения Романия (вдова князя Романа Всеславича) – была настоятельницей. Несмотря на молодость и красоту Предиславы, игумения не испугалась возможного гнева ее родителей и, призвав священномонаха, повелела ему облечь молодую княгиню в иноческий образ с именем Евфросиния. Узнав о том, родители горько плакали о ней как бы об умершей, но предоставили ее воле Господа.

В первые годы юная монахиня вела обыкновенную иноческую жизнь. По благословению епископа Полоцкого Илии юная монахиня стала жить при Софийском соборе, подражая тем самым пребыванию Пресвятой Богородицы в Иерусалимском храме. Здесь она не только изучала книги в библиотеке собора, но и занималась их переписыванием. Вырученные деньги от продажи книг преподобная Евфросиния тайно раздавала нищим.

Однажды в сонном видении святой Евфросинии явился Ангел Господень, который внушил ей основать обитель недалеко от Полоцка в местечке под названием Сельцо. Это видение повторилось еще дважды. С тем же наставлением Ангел явился и епископу Полоцкому Илии. Через некоторое время – это уже было при князе Борисе Всеславиче († 1128) в 1125 году – епископ Илия с подобающим торжеством передал

святой Евфросинии Преображенский храм в Сельце для основания при нем женского монастыря. Отправляясь туда, преподобная Евфросиния взяла с собой только свои книги – «все свое имение».

Постепенно, год за годом, Спасо-Преображенский монастырь расширялся, число его насельниц возрастало. Со временем здесь были пострижены в монашество сестры преподобной Евфросинии: родная – Евдокия (в миру Градислава) и двоюродная – дочь князя Бориса Евпраксия (в миру Звенислава). Преподобная учила молодых послушниц грамоте, переписыванию книг, пению, шитью и иным ремеслам, чтобы с юности они знали закон Божий и имели навык к трудолюбию. Основанная святой Евфросинией при монастыре школа способствовала быстрому росту обители.

В 1130 году дом полоцких князей постигло несчастье. Великий князь киевский Мстислав, за неоказание помощи ему против половцев, изгнал полоцких князей с их семьями. Они нашли временный приют у своего родственника – греческого императора Алексея Комнина, сын которого был женат на дочери Всеслава, сестре полоцких князей. Тем не менее князьям дорога была родина и по смерти Мстислава двое из них воротились в Полоцк в 1140 году, а другие еще прежде того.

Ревнуя о благолепии обители, Евфросиния вместо деревянной церкви устроила в 1161 году каменный храм во имя Спасителя. Его строителем был мастер Иоанн, который сам пришел к преподобной, наставленный Духом Святым, повелевшим ему принять участие в храмоводательстве. В этот храм преподобная Евфросиния пожертвовала напрестольный крест, украшенный золотом, с частицами мощей многих святых, а также с частью Животворящего Креста Христова. Внутри храма, по сторонам хоров, были устроены две тесные келлии, в одной из которых жила преподобная Евфросиния. Отсюда слушала она богослужения, а сквозь небольшое окно, пробитое в стене, открывались ее взору обширные поля, вид города с его храмами.

Предметом особого попечения преподобной Евфросинии был основанный ею Богородицкий мужской монастырь. Для чего

святая просила патриарха Константинопольского Луку (1156–1169) и византийского императора Мануила (1143–1180) прислать ей список с чудотворной Ефесской иконы Божией Матери, некогда написанный святым евангелистом Лукой. Ефесская икона Божией Матери известна также под названием Корсунской. В 1239 году она была перенесена в собор города Торопца по случаю венчания благоверного великого князя Александра Невского († 1263; память 23 ноября/6 декабря) и дочери князя полоцкого Брячислава.

Преподобная игуменья, заботливая о славе имени Божия, усердно заботилась и о спасении сестер своих о Господе. Древний жизнеописатель передает трогательную беседу, которой она возбуждала их подвижничество. «Я собрала вас о Господе, – говорила преподобная, – как кокош собирает птенцев, собрала словесных овец на духовную пажить. Паситесь же на заповедях Господних; возрастайте в добродетелях от силы в силу, чтобы я с радостью заботилась о вашем спасении и видела с утешением духовные плоды трудов. Стараюсь я сеять в вас слова Божии; но сердечные нивы ваши не остаются ли в прежнем виде? они не зреют; а время жатвы близится и лопата готова, чтобы отделить плевелы от пшеницы. Страшусь, не нашлись бы между вами плевелы и не преданы бы были огню неугасимому. Старайтесь, молю вас, старайтесь сохранить себя от греха и спастись от геенны. Творите из себя чистую пшеницу Христову, измелитесь в жерновах смирения, трудами постническими, чистотою, любовью, молитвами, чтобы быть хлебом сладким для Бога».

Свою просветительную деятельность и труды по устройению монастырей святая Евфросиния совмещала с заботой об умиротворении соседей, предотвращая ссоры и распри между князьями, боярами и простыми людьми. Всем желавшим жить благочестиво преподобная давала духовные советы в соответствии с предписаниями Святой Церкви. Зная силу ее молитвы, многие приходили к ней за духовной помощью и обретали ее.

Устроив обитель свою, дав ей правила, преподобная Евфросиния уже в преклонных годах решила выполнить

давнее желание свое – посетить святые места Палестины. Вверив обитель сестре своей Евдокии, преподобная отправилась на восток в сопровождении князя Давида и сестры Евпраксии. На пути своем она встретила с императором Мануилом, шедшим против венгров; потом в Константинополе была встреча с патриархом Лукою. Она посетила Святую Софию, поклонялась святыням и в других местах столицы восточной и продолжала путь в Иерусалим. Здесь, остановясь в русском монастыре Пресвятой Богородицы, святая княжна несколько раз ходила на поклонение Живоносному Гробу Господню и поставила над ним лампаду. Потом обошла разные места, ознаменованные жизнью Спасителя, и в Русском монастыре занемогла. После 24 дней болезни предала дух свой Господу 23 мая 1173 года.

Тело почившей преподобной, по ее завещанию, погребено было в обители прп. Феодосия, в паперти храма, там, где покоились матери преподобных Саввы и Феодосия.

3 октября 1187 года Иерусалим завоевал султан Саладин, который потребовал от христиан в пятидесятидневный срок покинуть город, предварительно выкупив свою жизнь. Монахи русского монастыря, возвращаясь на родину, взяли с собой святые мощи русской княжны, которые были перенесены ими в Киево-Печерскую лавру. В 1910 г. мощи прп. Евфросинии были торжественно перенесены в Полоцк, в основанный ею монастырь, где они покоятся в настоящее время.

Прп. Евфросиния Полоцкая прославилась в Русской Церкви как покровительница женского монашества.

Паисий Галичский, преподобный

Преподобный Паисий Галичский, игумен, а потом архимандрит в обители Успения Богоматери, располагавшейся на берегу озера, недалеко от города Галича. Неизвестно, где родился он, от каких родителей и где принял иноческий образ, ибо сего не обретается в писаниях. Неизвестно кем и когда построен Галичский монастырь. Обретается лишь в древних летописях Галичских, что при княжении Дмитрия Донского († 1389), некто боярин Иоанн, прозванием Овин, жил близ города Галича, и подле его дома был монастырь с церковью ветхою во имя святителя Николая. Когда храм святителя и чудотворца Николая обветшал, вместо него при благоверном московском князе Дмитрии Донском был выстроен новый. Пожертвования на строительство были переданы боярином Иоанном (Овином), получившим от некоего незнакомца образ Пресвятой Богородицы с условием, что он построит церковь в честь Ее славного Успения. Таким образом после сооружения нового храма Никольский монастырь стал именоваться Успенским.

В 1433 году, пострадав от междоусобных распрей между великим князем московским Василием Васильевичем Темным и его родным дядей Георгием Дмитриевичем Галичским, Успенский монастырь лишился и своей главной святыни – образа Божией Матери, ради которого строилась церковь Успения. Великий князь московский решил взять его с собой в Москву. Однако чудесным образом икона Пресвятой Девы вновь оказалась на прежнем месте. Это событие еще более прославило икону, к которой стали приходить на поклонение многочисленные паломники.

Преподобный Паисий, игумен Успенского монастыря, по просьбе галичского князя Дмитрия Красного, сына князя Георгия Дмитриевича, заказал список чудотворного образа и отправился с ним в Москву просить у великого князя покровительства для своей обители. Святого игумена торжественно, при колокольном звоне встретили великий князь, митрополит Московский Иона († 1461; память 15/28 июня) и

многочисленные богомольцы. Преподобный Паисий оставил в Москве принесенный им список чудотворной иконы Божией Матери. В знак благодарности великий князь выдал преподобному Паисию охранную грамоту, предписывавшую наместникам защищать Успенский монастырь от всяких нападений и заботиться о его духовном процветании. На обратном пути в монастырь преподобного Паисия сопровождали два московских архимандрита.

Преподобный Паисий подвизался в Успенском монастыре более 70 лет. Он много трудился над благоустройством обители, восстановил ее после разрушения во время княжеских междоусобиц. За строгую подвижническую жизнь и многие иноческие добродетели святитель Иона возвел преподобного Паисия в сан архимандрита.

По прошествии многих лет было извещение преподобному Паисию о скором его исходе. Начал он готовить себя к сему великому дню, и не только себя, но и братию, в непрестанных поучениях представляя перед очами ее неизбежный час смертный, и мытарства воздушные и Страшный Суд Божий, на котором отделяются овцы от козлищ, но не разумели братия почему он так часто говорит о смерти и суде. Когда же приблизился день кончины, почувствовал преподобный малую болезнь и стал готовиться всенощным бдением к Божественной литургии, чтобы сделаться причастником Христовых Таин в напутствии живота вечного. После причащения лицо его просветилось небесным светом, и все с изумлением на него взирали, ожидая, что будет. «Помните ли слова мои, – сказал умирающий старец, – как я всегда говорил вам, что близок день Господень великий; день жития нашего уже приклонился к вечеру: вот ныне постиг меня сей день. Молю вас, и после моего отшествия терпите здесь ради Бога, как обещались в обители Пресвятой Богородицы, соблюдая веру до конца нашего подвига, да сподобитесь неосужденно достигнути горнего Сиона и поклониться воскресшему Христу». Плакали братия, разлучаясь с добрым наставником, который, утешая их, обещал за них молиться и говорил, что будет соблюдать обитель, если братия будут соблюдать заповеди Божии.

При самом исходе простерся старец Паисий на убогом одре своем и осенил себя крестным знамением, творя предсмертную молитву: «Господи! В руце Твои предаю дух мой». Блаженная кончина преподобного Паисия последовала в глубокой старости 23 мая 1460 года. Келлия и вся обитель исполнилась благоухания в час его кончины, и со многими слезами погребли его братия в созданной им церкви Успения Богоматери, где находится и чудотворная Овиновская икона Божией Матери. Успенская обитель после кончины святого была названа его именем.

К лику святых преподобный Паисий был причислен, вероятно, в XVII веке, когда ему была составлена служба. В «Иконописном подлиннике» о святом Паисии сказано: «Преподобный отец наш Паисий, игумен, Галичский чудотворец, подобием сед, брада аки Макария Желтоводского, на конец раздвоилась, курчевата; ризы монашеские».

Май 24

Григорий, архиепископ Новгородский, святитель

Святитель Григорий, архиепископ Новгородский, в миру Гавриил – родной брат святого Иоанна, архиепископа Новгородского. Их иноческие подвиги нераздельно связаны между собою; братья много потрудились в устройстве Благовещенского монастыря в 1179 году, употребляя на то и свою собственность. Когда святой Иоанн решился отказаться от кафедры для уединенного приготовления себя к вечности, то назначил в преемника себе Григория, и в 1187 году посвящен он был в архиепископа Новгородского. Летопись отмечает совершенное им освящение каменного храма в Аркадиевом монастыре и каменного креста, поставленного при основании сего храма с надписью. В летописи значится еще следующее событие времени блаженного архиепископа: «В первый год архиепископства был крестный ход от св. Софии к св. Архангелу Михаилу, на Михайловскую улицу: пели 9-ю песнь канона, как вдруг ударил такой страшный гром, что народ пал; деревянная церковь загорелась, но Бог сохранил от бед молитвами св. Архангела и св. Григория; не было никакого бедствия в церкви, только два человека найдены мертвыми в деревянном храме. Блаженный Григорий управлял Новгородской паствой шесть лет, напоминая ей своими добродетелями великого брата. Он скончался 24 мая 1193 года и погребен вблизи брата в Софийском соборе; мощи его обретены в 1558 году и почивают под ракою, на которой изображен святитель во весь рост.

Никита столпник Переяславский, преподобномученик

Преподобный Никита, столпник Переяславский родился и получил воспитание в городе Переяславле Залесском.

Когда Ростово-Суздальская земля досталась в удел одному из сыновей Владимира Мономаха великому князю Георгию (Юрию) Долгорукому, то с особой силой засветился в той стране свет Христовой веры. Первой и главной заботой сего князя было построение городов и храмов Божиих. Великий князь, посетив жителей у Клещина озера, нашел на одном из возвышений иноческую обитель и близ нее городок, обнесенный высоким земляным валом. Он возымел желание обстроить его и заложил в нем каменную церковь во славу Преображения Господня. Но потом, с течением времени, по расчетам ли экономическим, или по иным каким-либо соображениям, Георгий Владимирович повелел перенести как городок, так и заложенную в нем церковь на берег небольшой речки, названной Трубежом. «Того же лета (1152), – читаем в летописи, – Юрий Владимирович в Суздальстей земли постави многи церкви каменны... во Переяславль переведе от Клещина (озера) заложение церкви и заложи во имя Всемиловитого Спаса». Внезапная смерть сего князя приостановила как устройство города, так и окончательное возведение белокаменной Преображенской церкви. Только при сыне его, великом князе владимирском Андрее Георгиевиче она окончательно была отстроена и украшена «в Переяславле новом».

Все это нелегко было жителям Переяславля. На покрытие издержек князя требовался усиленный сбор податей. Уроженец Переяславля Никита, с молодых лет отличаясь жестоким характером, руководил этими сборами. Он нещадно грабил жителей, причинял много зла, собирая огромные суммы денег для себя. По своей ловкости и умению ладить с властелинами города, он не боялся ни доносов, ни наказаний за неправду. Роскошные пиры, устраиваемые Никитой для властей города, и ценные подарки, делаемые им, давали Никите полную

возможность проводить время весело и беззаботно, не обращая внимания на то, что многие от его корыстолюбия, алчности и притеснений проливали горькие слезы. Таких же, подобных себе, он имел друзей. Так длилось много лет. Но Милосердный Господь, желающий всех грешников спасти, и Никиту привел к покаянию.

Однажды, окончив свои занятия, он во время вечернего богослужения пришел в церковь и услышал следующие прочтенные там слова пророка Исаии: *«Тако глаголет Господь: измыйтеся и чисти будете, отымите лукавства от душ ваших... Научитесь добро творити... избавите обидимаго, судите сиру (защитите сироту) и оправдате вдовицу»* (Ис. 1, 16–17). Словно громом был потрясен он этими словами, проникшими в глубину сердца. Всю ночь Никита провел без сна, волнуемый мыслями о прошлой жизни своей. На другой день по своей привычке он отправился к друзьям своим, развеселился в их обществе и просил их обедать у него. За вкусным обедом с дорогими напитками, в обществе веселой компании Никита думал окончательно забыть слышанные в церкви слова пророка, столь сильно взволновавшие его душу, и совсем заглушить мрачные мысли.

Но долготерпеливый и многомилостивый Господь еще раз восхотел вразумить заблудшего грешника и привести его к сознанию своей греховности. Когда жена стала готовить обед для угощения гостей, то вдруг увидела, что в кипящем котле пенится кровь и всплывают на поверхность то человеческая голова, то рука, то ступни ног. В ужасе позвала он мужа, и Никита увидел то же самое. Внезапно в нем пробудилась уснувшая совесть, и он ясно сознал, что своими поборами он поступает как убийца. И, «велием страхом обдержим быв», оставил жену, детей, несправедливо приобретенное богатство и ушел из дома.

В трех верстах от Переяславля стоял монастырь во имя святого великомученика Никиты, туда и пришел потрясенный страшным видением Никита. Со слезами он припал к ногам игумена: «Спаси погибающую душу!» Тогда игумен решил испытать искренность его покаяния и дал первое послушание:

три дня стоять при монастырских воротах и исповедовать всем приходящим грехи свои. С глубоким смирением и искренним раскаянием Никита исполнял первое послушание. Через три дня игумен вспомнил о нем и послал одного инока посмотреть, что он делает у монастырских ворот, но инок не нашел Никиты на прежнем месте, а обнаружил его лежащим в болоте: он был покрыт комарами и мошками, тело его было в крови. Тогда сам игумен с братией пришел к добровольному страдальцу и спросил: «Сын мой! Что ты делаешь с собой?» «Отец! Спаси погибающую душу!», – отвечал Никита. Игумен одел Никиту во власяницу, сам ввел в монастырь и постриг в монашество.

Всем сердцем приняв монашеские обеты, преподобный Никита предался подвигам покаяния. Как бы в ознаменование тяжести беззаконий прошедшей жизни, возложил он на себя, по благословению настоятеля, тяжелые железные вериги и каменную шапку, без сна проводил дни и ночи, пребывая в молитве и посте. В это время злокозненный враг стал наводить на него страх различными видениями, но он ограждал себя от этих видений крестным знамением, призывая на помощь святого великомученика Никиту, и никому об этом не говорил. На местах своих монашеских подвигов преподобный Никита ископал два глубоких колодца, но, желая больших подвигов покаяния, он устроил для себя столп. Это была столпообразная круглая яма или просто пещера, так что столпничество святого Никиты было, в сущности, затворничеством. И, вошед на него для умерщвления в своей плоти земных пожеланий и страстей и для возношения духа к Богу, подвизался никем незримый.

Искреннее покаяние во грехах, непрестанный пост, пламенные молитвы, изумительные телесные подвиги Господь принял от Никиты, как жертву чистую и благоуханную, и благоволил прославить его еще здесь, на земле, ниспослав ему дар исцелений. Так, однажды преподобный Никита исцелил юного князя черниговского Михаила, послав ему навстречу свой жезл. Больной князь оперся на него и стал здоров. При этом святой Никита именем Божиим связал беса, лукавый три часа стоял у столпа, обещая больше не вредить людям.

Весть о преславных подвигах Никиты и о данной ему от Бога благодати быстро разнеслась не только в городе Переяславле, но и в окрестностях его. В обитель к преподобному, к чудному столпу его, стали стекаться люди всякого чина, возраста и пола, тут были больные и здоровые, богатые и бедные; одни получали исцеление от болезней, другие – утешения в скорбях, третьи – наставления и вразумления. Великий подвижник всем подавал просимое, никто не отходил от него без тех или других милостей.

Вскоре за тем пришло время переселения Никиты в жизнь вечную, и правда Божия приготовила еще очищение для праведника. Преступно возлагавший руку свою на чужую собственность, умерщвлен был руками, жадными до корысти.

В одну ночь пришли к преподобному некоторые из его родственников с просьбой помолиться за них и, увидев на нем тяжелые вериги, которые от долгого трения о тело вычистились и блестели, подумали, что они серебряные. Омраченные диавольским наущением, они задумали убить святого. И в ночь на 24 мая 1186 года они разобрали покрытие столпа, убили подвижника, сняли с него кресты и вериги, завернули их в гробную холстину и убежали. Перед утренним богослужением пономарь, пришедши за благословением к святому Никите, обнаружил разобранную крышу и сообщил об этом игумену. Игумен с братией поспешили к столпу преподобного и увидели убитого святого, от тела которого исходило благоухание. Торжественно и благоговейно, с пением и свечами было погребено честное тело подвижника у церкви святого великомученика Никиты, с правой стороны алтаря. При этом все недужные, какие случились в то время, получили исцеление.

Между тем убийцы, остановившись на берегу реки Волги, решили поделить добычу, но с удивлением увидели, что это не серебро, а железо, и бросили вериги в Волгу. Господь прославил и эти видимые знаки подвигов и трудов святого. В ту же ночь Симеон, благочестивый старец Ярославского монастыря во имя святых апостолов Петра и Павла увидел над Волгой три ярких луча света. Он сообщил об этом настоятелю монастыря и старейшине города. Собор священников и

многочисленные горожане, сошедшиеся к реке, увидели три креста и вериги «яко древо в водах волжских плавающие». С благоговением и молитвами перенесены были вериги в обитель великомученика Никиты и положены на гроб преподобного Никиты. При этом произошли исцеления.

Около 1420–1425 гг. святитель Фотий, митрополит Московский, благословил открыть мощи святого Никиты. Игумен монастыря с братией совершил молебен, затем открыли бересту, которой было обернуто нетленное тело, но вдруг могила закрылась землей и мощи остались под спудом. В 1511–1522 гг. был воздвигнут придел во имя преподобного Никиты, а в XIX веке протоиерей А. Свирелин составил акафист святому.

Май 26

Макарий Калязинский, преподобный

Преподобный Макарий Калязинский, в миру Матфей, сын славного боярина Василия Кожы, родоначальника дворянской фамилии Кожыных, родился в 1400 году в селе Грибково (Кожино) близ города Кашина Тверской губернии. Отец готовил в нем верного слугу князю, каким был сам, но Матфей желал более быть слугою Царя Небесного. Долго родители уговаривали его вступить в супружество и, уступая угрозам отца, сын со слезами сказал: «Воля Господня да будет; делайте со мною, что хотите». Обрадованные, они нашли ему невесту, и сын вступил в брак. Через год после того умерли родители, а через три – и супруга Елена, которых поминал он потом во всю жизнь.

Не имея уже ничего, что привязывало бы его к прежней жизни, Матфей постригся в иноки в Николаевском Клобуковском монастыре. Считая себя ниже всех, послушник Макарий с любовью повиновался не только игумену, но и каждому брату старшему и младшему; ночь проводил он в пении псалмов и молитве, а днем, после послушаний, читал жития святых.

Не довольствуясь подвигами послушания и стремясь душою из городской обители в пустынное уединение, Макарий вместе с 7 иноками нашел место в 18 верстах от Кашина, между двумя озерами, вблизи Волги. Здесь преподобный водрузил крест и основал уединенную пустынь. Боярин Иван Коляга, которому принадлежали близлежащие земли, стал опасаться, что возникнет иноческая обитель, которая начнет обрабатывать пустоши. Враг спасения посеял в боярине такую злобу и ненависть к преподобному, что он решил убить святого. Но неожиданно его свалила тяжелая болезнь. Страх близкой смерти пробудил в боярине раскаяние. Больной Коляга велел нести себя к преподобному и у его ног поведал о своем злом намерении и просил прощения. «Бог простит тебя», – ответил смиренный подвижник. Желая загладить грех и стремясь помочь преподобному, боярин отдал возникшей пустыни свои земли. Иноки воздвигли храм во имя Пресвятой Троицы.

Распространившаяся молва об обращении боярина Коляги привела к преподобному многих, жаждавших спасения. Надо было избрать игумена. Преподобному Макарию было тогда уже не менее 53 лет, но он считал себя недостойным этого сана и просил каждого из пришедших с ним старцев принять на себя священство и игуменство. Лишь уступая общему желанию, преподобный был посвящен во игумена Тверским епископом Моисеем.

К первому служению алтарю Божию новый игумен готовился долгой уединенной молитвой, а потом приобщил всех братьев Святых Таин. В сане игумена преподобный Макарий трудился наравне со своей братией. Впоследствии в монастыре хранились два потира, дискос и два блюда, сделанные преподобным Макарием на токарном станке.

Игумен к подвигам инока присоединил заботы и труд: наставлять братию и посетителей обители. Те, которые искренне искали спасения, в строгой жизни Макария видели сильное назидание, а в простых беседах его слышали голос опытного благочестия. Макария приходили видеть и слушать простые люди и многие вельможи. Они уважали его как отца, хотя носил он одежду худую, покрытую заплатами. По такому одеянию и по простоте обращения иные принимали его за человека простого и даже смеялись над ним. Макарий более доволен бывал, когда слышал насмешки над ним, чем тогда, когда хвалили его. Утешение для него было ходить по местам безмолвным, на природе. Тогда жителями пустынного края были дикие звери, но они были кротки с кротким рабом Божиим и иногда принимали от него пищу.

Духовная жизнь цвела в обители Макария. Не случайно ученик преподобного Пафнутия Боровского († 1477; память 1/14 мая) преподобный Иосиф Волоцкий († 1515; память 9/22 сентября), в 1478 году посетив преподобного Макария, записал: «Такое благочестие и благочиние были в том монастыре, ибо все творилось согласно с отеческими и общежительными преданиями, что даже великий старец Митрофан Бывальцев дивился тому». Возвратясь с Афонской горы, где прожил 9 лет, он говорил братии: «Напрасно и неумно трудился я, совершая

путь в Святую Гору, помимо Калязинского монастыря, в нем можно спастись; здесь все совершается точно так же, как в киновиях Святой Горы».

С тех пор, как поселился в пустыни, Макарий не изменял своего иноческого правила до глубокой старости: твердо стоял на молитве днем и ночью. Раз вступив на жестокий путь, не оставлял его до гроба и часто лил слезы. И Господь удостоил его дара чудотворений и прозорливости. Уже при жизни преподобный неоднократно исцелял расслабленных и бесноватых. «Воздержанием ум очистив», «слезными течением душу просветив» и «бесстрастием украсив» ее, великий угодник скончался 83 лет от роду, в 1483 году.

26 мая 1521 года купец из города Дмитрова Михаил Воронков пожертвовал средства на строительство каменной церкви, вместо обветшавшей деревянной, в Калязинском монастыре. Игумен монастыря Иоасаф, совершив молитвословие, водрузил крест на месте, предназначенном для алтаря, и благословил копать рвы для фундамента. Во время работ нигде не выступала вода, копатели находили только кости погребенной братии: наконец обрели неразрушенный гроб, из которого исходило благоухание. Об этом было донесено игумену; Иоасаф тотчас узнал гроб основателя монастыря Макария. Ударили в колокол, собралась братия и множество народа, радуясь обретенному сокровищу. Иноки благоговейно подняли гроб блаженного и отнесли его в палатку близ церкви, где отпели над ним панихиду. Когда же открыли гроб, излилось из него еще большее благоухание; тело преподобного оказалось совершенно нетленным, не истлели даже одежды.

С этого дня у нетленных мощей святого стали совершаться исцеления. Об этом было сообщено Московскому митрополиту Даниилу (1522–1539), который созвал в Москве собор и, подробно рассмотрев свидетельства о святости преподобного Макария, установил празднование новоявленному святому. Мощи были торжественно перенесены в храм во имя Пресвятой Троицы. Феодосием из Твери была составлена служба на обретение мощей. До 1547 года почитание святого Макария совершалось только в его обители. На Московском Соборе 1547

года, при митрополите Макарии (1543–1564), преподобный Макарий Калязинский был причислен к лику святых, память его в числе других русских святых постановлено праздновать по всей России.

Май 27

Ферапонт Можайский, преподобный

Преподобный Ферапонт Можайский (Белозерский), Лужецкий чудотворец, в миру Феодор, родился в 1337 году в Волоколамске в дворянской земле Поскочиных. С детства он проявил стремление к благочестивой жизни и иночеству. По сказанию жизнеописателя его, Ферапонт хотя «и не хитр был грамоте», но имел здравый ум и доброе сердце, а потому все более и более утверждал себя в благочестии. Сорока лет без предварительного искуса он был пострижен игуменом Московского Симонова монастыря преподобным Феодором, племянником преподобного Сергия (впоследствии архиепископ Ростовский, память 28 ноября/11 декабря). В этой обители инок Ферапонт сблизился с преподобным Кириллом Белозерским (память 9/22 июня), вместе они проходили подвиг спасения в постничестве и молитвах и слушали духовные наставления преподобного Сергия Радонежского (память 25 сентября/8 октября и 5/18 июля), посещавшего монастырь для поучения братии.

Выполняя послушание, преподобный Ферапонт по делам монастырским был в северной Белозерской стране и так пленился пустынностью края, что решился оставить Симонову обитель и отправиться с преподобным Кириллом на Белоозеро, тем более, что преподобному Кириллу было явление Божией Матери, Которая повелела ему идти на север и основать обитель. И получив благословение игумена, отправились они на Белоозеро.

Некоторое время подвижники жили вместе в построенной келлии, а затем, по взаимному согласию, преподобный Ферапонт перешел на новое место подвигов, расположенное в 15 верстах от Кириллова, между двух озер: Бородавским и Павским. Расчистив небольшую площадь для огорода и поставив келлию в глухом лесу на потоке, преподобный Ферапонт продолжил подвиг в отшельничестве и безмолвии. Первое время он терпел много лишений и испытаний в своем уединении, не раз подвергался нападениям разбойников,

пытавшихся изгнать или убить подвижника. Со временем к преподобному стали приходить иноки, и пустынное место постепенно преобразовалось в монастырь, названный впоследствии Ферапонтовым.

В 1398 году преподобный Ферапонт построил деревянный храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы, и обитель стала постепенно благоустраиваться. Сам он по-прежнему подвизался в тяжких работах, не опуская церковной службы и правила келейного. По временам ходил он для духовных бесед к преподобному Кириллу. Братство его умножалось, и пример преподобного одушевлял всех любовью к суровым подвигам: иноки трудились вместе со святым наставником над строительством келлии, переписыванием книг, украшением храма. В монастыре был введен общежительный устав, строго соблюдавшийся иноками. Преподобный Ферапонт, не приняв по смирению настоятельства, поручил игуменство одному из своих учеников. Святой подвижник сам обладал даром совета, но по-прежнему обращался за духовными наставлениями к своему другу, преподобному Кириллу Белозерскому, и получал от него великую пользу. Для всех, однако, преподобный оставался отцом и наставником. К нему в келлию приходили за советами в смущениях духовных. По его мыслям располагалось все в обители. Никто не смел держать в келлии что-нибудь, кроме икон, святых назидательных книг и орудий простого рукоделия. В храме и трапезе наблюдалась глубокая тишина.

Известность о подвигах угодника Божия распространилась далеко за пределы Белозерского края. В начале XV столетия земли, на которых располагались Кириллов и Ферапонтов монастыри, входили в удел Можайского края Андрея Дмитриевича (1363–1432), сына великого князя Дмитрия Иоанновича Донского (1350–1389). В 1408 году князь, давно желавший построить обитель близ Можайска, узнав о высокой духовной жизни белозерского подвижника, пригласил старца для беседы. Тяжело было преподобному оставлять свою обитель, в которой он подвизался более 10 лет. Однако, по совету братии, он отправился в дальний путь. В Можайске князь принял святого старца с великим почетом и стал просить его

присмотреть место для построения монастыря. На первый раз преподобный отвечал только слезами, потом помолился Господу и согласился исполнить волю князя. При богатых средствах князя недалеко от Можайска, в местечке Лужки, на правом холмистом берегу Москвы-реки, преподобный скоро основал второй монастырь с главным храмом в честь Рождества Пресвятой Богородицы в память о Белозерской обители. Боголюбивый князь, глубоко почитавший святого за истинное смирение, оказывал щедрую помощь не только новоустроенному монастырю, но не оставлял своими милостынями и прежние его обители. Но желая возвысить свой монастырь над другими, князь Андрей Димитриевич исходатайствовал настоятелю одного преподобному Ферапонту сан игумена, а затем архимандрита. И по благословению святителя Фотия, митрополита Московского († 1431; память 2/15 июля и 27 мая/9 июня), преподобный Ферапонт был возведен в сан архимандрита.

В новой обители святой старец прожил 18 лет и преставился к Богу в глубокой старости 27 мая 1426 года. Тело его было погребено у северной стены собора Рождества Пресвятой Богородицы. Позже на месте погребения был построен храм в честь преподобного Иоанна Лествичника, переименованный в 1720 году во имя преподобного Ферапонта.

Почитание угодника Божия началось вскоре после преставления. В 1514 году были обретены нетленные мощи святого подвижника, прославленные многочисленными чудотворениями. Канонизация преподобного Ферапонта Можайского, Лужецкого чудотворца, состоялась после Московского Собора 1547 года, когда игумен Ферапонтова монастыря привез митрополиту Макарию (1543–1564) житие и свидетельство святости угодника Божия.

В числе многочисленных учеников и собеседников преподобного Сергия Радонежского Русская Церковь чтит память преподобного Ферапонта, который, следуя завету великого учителя и наставника, соединил подвиг безмолвия и уединения с подвигом деятельного служения ближним.

Память преподобного Ферапонта празднуется дважды: 27 мая/9 июня (преставление, 1426 г.) и 27 декабря/9 января (обретение мощей, 1514 г.).

Московские святители Киприан, Фотий и Иона и с ними святитель Филипп I, митрополиты всея Руси – обретение мощей

Обретение и перенесение честных мощей святителей Московских, митрополитов Киприана, Фотия и Ионы произошло 27 мая 1427 года во время строительства нового каменного Успенского собора в Кремле, при митрополите Филиппе († 1473; память 9/22 января) и великом князе Иоанне (1462–1505). Успенский собор Московского Кремля, заложенный еще святителем Петром, сильно обветшал. И когда фундамент нового собора, «в меру» Успенского собора во Владимире, был заложен и приступили к разборке полов старого храма, то обнаружались гробы прежде бывших святителей русских, преосвященных митрополитов Киприана, Фотия и Ионы.

Святитель Филипп I повелел звонить в колокола, собрались все бывшие в Москве архимандриты, протопопы и игумены, а также все священники московских церквей. Прибыли также великий князь Иоанн Васильевич с матерью и братьями, собралось множество жителей Москвы.

Воспев подобающие сему случаю псалмы, взяли сперва гроб митрополита всея России Киприана и поставили его на приготовленное место в новооснованном храме в особый ковчег на правой стороне, а потом взяли гроб митрополита Фотия и поставили на том же месте. Священные одежды и омофоры, бывшее на святителях, оказались нетленными, несмотря на много лет со дня их кончины, ибо после кончины митрополита Киприана прошло без восемнадцати дней 65 лет, а после кончины митрополита Фотия без тридцати четырех дней 41 год. По перенесении мощей святых Киприана и Фотия пришли ко гробу святителя митрополита Ионы, и когда немедленно после сего снята была с него крышка, то распространилось такое сильное благоухание, что все, стоявшие вокруг этого места, слышали его. При этом все увидели, что святые мощи святителя совершенно целы, только тело присохло к костям, одежды, в которые он был облечен, также целы и нетронуты

тлением, а между тем после его кончины исполнилось тогда 11 лет и 2 месяца. Взяв гроб святителя, поставили его на верху земли с левой стороны храма.

Святитель Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, по происхождению серб (по другим источникам – болгарин) и сначала подвизался иноком на Афоне. Своей благочестивой жизнью и образованием он обратил на себя внимание Константинопольского патриарха Филофея (1354–1355, 1362–1376), который в 1375 (1376) году посвятил Киприана в митрополита Киева и Литвы. На Константинопольском Соборе было постановлено: во избежание разделения русской митрополии «быть ему по смерти святителя Алексия митрополитом всея Руси». В Москве святитель Киприан терпел многие скорби от великого князя и потому первое время жил или в Литве, или в Константинополе. Лишь в 1390 г., при великом князе Василии Димитриевиче, он был принят как первосвятитель в Москве.

Святитель Киприан явился мудрым и ревностным блюстителем Церкви Божией, ее чистого учения и установлений. Особенно много заботился он об упорядочении богослужения. Для этого рассылал он по епархиям различные церковные чинопоследования и уставы, иногда написанные собственноручно, исправлял в богослужебных книгах замеченные ошибки, сам перевел с греческого языка служебник и писал наставления касательно богослужебной практики. Среди этих забот не оставлял и литературной деятельности, памятником чего осталось несколько его по преимуществу исторических сочинений. По отзывам летописи, он был «всякаго любомудрия и разума исполнен, и вельми книжен, и духовен зело, и книг своею рукою писаше, и в молитвах часто упражняшесь, и в почитании Божественных Писаний». Скончался он в 1406 году. Мощи его, обретенные в 1472 году, почивают в Московском Успенском соборе под спудом.

Святитель Фотий, митрополит Киевский и всея Руси, был родом грек из пелопонесского города Монемасии (Мальвазии). Еще в отроческие годы он поступил в монастырь и был постриженником старца Акакия, великого подвижника

(впоследствии митрополита Монеувасийского). В 1408 году, когда Фотий находился в Константинополе у патриарха с поручением от митрополита, встал вопрос о замещении русской кафедры после кончины святителя Киприана († 1406; память 16/29 сентября). Выбор патриарха Матфея (1397–1410) пал на Фотия, известного своей ученостью и святостью жизни. 1 сентября 1408 г. святитель Фотий поставлен в митрополита и через год прибыл на Русь.

Полгода он провел в Киеве (сентябрь 1409 – февраль 1410), занимаясь устройением дел южных епархий Русской Церкви, входивших тогда в состав княжества Литовского, а точнее, как его называли, Литовского и Русского. Святитель видел, что престол митрополита – духовное сосредоточие церковной жизни Руси – не может находиться в Киевской земле, все более попадавшей в зависимость от католической Польши. По примеру прежних русских митрополитов, перенесших свое местопребывание сначала во Владимир, а затем в Москву, митрополит Фотий в день Святой Пасхи 1410 года прибыл в Москву.

22 года подвизался святитель в многотрудном служении предстоятеля Русской Церкви. В тяжелых условиях войн, междоусобных браней, грабительских набегов татар он сумел высоко поднять духовное значение, материальную обеспеченность и благолепие храмов Московской кафедры. Стараниями святого митрополита Фотия было восстановлено молитвенно-каноническое единство Русской Церкви: отдельная Литовская митрополия, учрежденная по настояниям князя Витовта для южных и западных русских православных епархий, в 1420 году была упразднена. Вместе с этим он устранял многие беспорядки церковной жизни, неутомимо боролся с невежеством и пороками народа, с ересью стригольников и предотвращал междоусобия князей.

Мудрый и высокообразованный пастырь оставил много поучений и посланий. Важными церковно-историческими источниками являются составленный святым Фотием «чин избрания и поставления епископов» (1423), «Поучение о важности священного сана и обязанностях

священнослужителей», а также «Духовное завещание», в котором повествуется о его жизни. Великим делом святителя было также составление под его руководством Общерусского летописного свода (ок. 1423 г.).

20 апреля 1430 года святой архипастырь был извещен Ангелом о предстоящей кончине и мирно почил о Господе в указанный ему срок, в праздник Положения ризы Богородицы, 2 июля 1431 года.

Святитель Иона, митрополит Московский и всея России, родился в городе Галиче в благочестивой христианской семье. В двенадцатилетнем возрасте юноша принял постриг в одном из галичских монастырей, откуда перешел в Московский Симонов монастырь, где много лет исполнял различные послушания. Однажды святитель Фотий, митрополит Московский, посетил Симонов монастырь и, после молебна преподав благословение архимандриту и братии, пожелал благословить иноков, исполнявших послушания на монастырских работах. Когда он пришел в пекарню, то увидел уснувшего от многих трудов инок Иону, правая рука утомленного инок была согнута в благословляющем жесте. Святитель Фотий просил не будить его, благословил спящего инок и пророчески предсказал присутствовавшим, что «сей инок будет великим святителем земли Русской, приведет многих неверных к Истинному Богу и наконец будет поставлен пастырем и учителем самому царствующему граду Москве», и при жизни Фотия Иона поставлен был епископом в Рязань.

В 1431 году скончался святитель Фотий, и на Всероссийскую митрополию единодушно был избран святитель Иона. Посвящение его по благословению Константинопольского патриарха Григория III (1445–1450) впервые совершено русскими архиереями в Москве. 15 декабря 1448 года святитель Иона вступил на митрополию и с архипастырской ревностью стал утверждать благочестие среди пасомых, словом и делом укрепляя православную веру в стране. И при своем высоком сане он по-прежнему не оставлял личных монашеских подвигов, при святителе Ионе вся Россия и северная, и южная (к сожалению в последний раз) – соединилась в церковном

отношении и признавала одного первосвященителя – Московского митрополита.

Святой Иона много содействовал укреплению юного государства, оберегал отечество от княжеских смут, старался об утверждении общего мира и подчинения всех единому великому князю. Много он потрудился на пользу Церкви. Многие храмы украшались на пожертвования святителя, честные обители получали от него подаяния; много бедных кормилось от щедрот святителя. Он заботился об уничтожении заблуждения унии и убеждал православных (особенно на юго-западе) с твердостью переносить гонения за веру. За свою святую жизнь он сподобился дара прозорливости и по его молитвам исцелялись трудно больные.

Блаженная кончина святителя Ионы последовала 31 марта 1461 года. При гробе святителя стали совершаться многочисленные исцеления. После него осталось 35 посланий; это – простые, чуждые риторства, отеческие наставления по поводу современных нужд.

Святитель Филипп I, митрополит Московский, был избран на первосвященительскую кафедру в 1464 году. До этого он был епископом Суздальским. В течение десяти лет святитель Филипп I возглавлял Московскую митрополию, с его именем связаны важные церковные мероприятия.

Святитель Филипп известен ревностью о Православной Церкви. Так, когда римский кардинал Антоний, сопровождавший царевну Софию Палеолог, невесту Иоанна III, хотел войти в Москву в мантии и в преднесении латинского креста, на что было соизволение великого князя, тогда митрополит Филипп сказал: «Если Антоний с таким торжеством войдет в Москву одними воротами, то я, твой (то есть великого князя) владыка, выйду из Москвы другими воротами», вследствие чего Антоний явился в Москву без всякой торжественности.

Опираясь на поддержку великого князя московского Иоанна Васильевича, святитель Филипп I постоянно удерживал Великий Новгород от признания митрополита Литовского Григория Болгарина, в прошлом униата, главой всей Русской митрополии. Святитель Филипп I направлял в Новгород грамоты, в которых

призывал новгородцев оставаться верными Москве и в церковном, и в государственном отношении.

Перед концом жизни святитель сосредоточил все свои заботы по сооружении в Москве нового Успенского собора, вместо прежнего, уже обветшавшего и частью обрушившегося. При святителе началось и строительство собора – главной святыни Русской Церкви. При разборке старого храма в 1472 году было совершено обретение мощей святителей Петра, Киприана, Фотия и Ионы и установлено празднование в память этого события.

Значительные труды и заботы прилагал святитель Филипп I к упорядочению жизни приходского духовенства, он особенно содействовал улучшению нравственной жизни вдовых священников и диаконов.

В 1473 году, 4 апреля, в Кремле случился большой пожар, от которого сгорел митрополичий дом. Наутро, когда огонь стал утихать, митрополит пришел в деревянную церковь Успенского собора (временно устроенную) и со слезами начал петь молебен у гроба святителя Петра. Прибывший туда же великий князь, желая утешить святителя, говорил: «Бери у меня, отче, сколько хочешь хором и запасов». Но митрополит, изнемогши телом и почувствовав, что у него ослабела одна нога и рука, сказал князю: «Богу так угодно, отпусти меня в монастырь». Князь не согласился, а велел на время перевести святителя вблизи находившееся Богоявленское подворье Троице-Сергиевой лавры. Здесь в ночь на 5 апреля митрополит Филипп скончался.

После преставления стал известен его особый подвиг – на теле его обнаружили тяжелые металлические вериги, о которых никто не знал до его кончины. В 1479 году, во время торжества перенесения мощей Московских святителей во вновь построенный Успенский собор, мощи святителя Филиппа I были обретены нетленными. Память святителя празднуется также 5/18 апреля, в день его кончины.

Май 28

Игнатий, епископ Ростовский, святитель

Святитель Игнатий, епископ Ростовский, родился в благочестивой семье и был воспитан во всякой христианской добродетели. Убедившись в суете мира сего, он отрекся от мира и принял пострижение в монашество в Богоявленском монастыре Ростова Великого, в котором позднее был некоторое время настоятелем в сане архимандрита.

В 1261 году святой Игнатий был возведен на епископскую кафедру Ростова Великого. Ставши епископом, он, «прием паству словесных овец», «добре» пас «церковь Христову», «просвещая всех омраченныя сердца, наставляя на путь истинный». Просвещение Белозерского края святой верой и построение в 1269 году первой обители во имя Святой Троицы на берегу Белоозера – все было в правление святого Игнатия Ростовской епархией. Он управлял епархией в течение 26 лет, в один из самых трудных периодов в истории Руси – монголо-татарского ига. В этих условиях епископ Игнатий неутомимо и самоотверженно трудился в созидании Русской Церкви и Отечества, утверждая паству в верности святому Православию.

В 1274 году святой Игнатий присутствовал на знаменитом Соборе Владимирском, исправлявшем церковные дела. Два раза по делам епархии святителю пришлось предпринимать тяжелое путешествие в Орду с ходатайством о церковном причте. В 1280 году он отпевал Всероссийского митрополита Кирилла. Святой Игнатий известен как миротворец князей ростовских Димитрия и Константина Борисовичей; в память примирения их основана в Ростове Борисоглебская церковь. За время своего служения он построил несколько иноческих обителей и был истинным отцом для своих пасомых.

Святой Игнатий – единственный из всего сонма святых, в земле Российской просиявших, которого Господь прославил нетлением и целебным даром мощей еще до их погребения. Святой угодник Божий преставился 28 мая 1288 года. В Ростов Великий на поклонение усопшему архипастырю стали стекаться многочисленные верующие. Неутешным был их плач.

Гроб с телом облаченного в архиерейские одежды святителя из-за необыкновенного скопления народа не сразу могли внести в храм. Чин погребения совершался под открытым небом. Когда гроб понесли в храм, две благочестивые монахини, Феодосия и Ксения, и некоторые другие молящиеся увидели, как святитель восстал из гроба и, как бы летя по воздуху, остановился над тем местом, которое было предназначено для погребения, благословляя собравшийся народ. Прикоснувшись к мощам святителя архимандрит Стефан, у которого от рождения не разгибались пальцы руки, тотчас получил чудесное исцеление. При виде чудес, которыми Господь прославлял Своего угодника, было решено не предавать земле святые мощи почившего.

На следующий день, когда ко гробу святителя Игнатия был принесен список с именами всех рукоположенных им при жизни священников и диаконов, усопший святитель, как живой, протянул руку и принял поданный ему свиток.

Святитель Игнатий по кончине своей был признан святым и тело его не предали земле, так как чудеса, совершившееся при самом отпевании, побудили клир и народ поставить открыто его мощи в Ростовском Успенском соборе у северных врат алтаря, где покоились открыто.

По летописи XV века святой Игнатий – «великий чудотворец», и в грамотах XVI века он – «святой чудотворец».

«Иконописный подлинник» дает следующее описание образа святителя Игнатия: «Подобием сед, брада аки Алексия митрополита, на главе клобук бел, ризы святительские камчатые лазоревые, исподняя багряная, в омофоре, в руках Евангелие».

Геронтий, митрополит Московский, святитель

Святитель Геронтий, митрополит Московский, был возведен на первосвятительскую кафедру 29 июня 1471 года. Прежде он был настоятелем Симонова монастыря в Москве, до 1455 года возведен в сан епископа Коломенского.

Время правления святителя Геронтия ознаменовано расширением церковного строительства. После пожара в апреле 1471 года был заново построен митрополичий дом и другие строения. В 1481 году им была заложена церковь Положения ризы Пресвятой Богородицы и освящена 21 августа 1486 года. При участии святителя Геронтия строится Успенский собор в Кремле, освящение которого состоялось 12 августа 1479 года. 24 августа происходило торжественное перенесение мощей святителя Петра в новый собор.

В период правления святителя Геронтия осложнились отношения Церкви с великим князем Иоанном III.

Святитель Геронтий обладал твердым характером и отстаивал независимость Церкви от вторжения великого князя в церковные дела. Между ними возникли споры, в которых принимал участие и архиепископ Ростовский Вассиан, духовник великого князя. На некоторое время митрополит Геронтий оставил кафедру и удалился в Симонов монастырь. Но так как большинство духовенства признавало правоту первоиерарха, великий князь Иоанн III просил у святителя Геронтия прощения и обещал не вмешиваться в церковные дела. После этого святитель возвратился на кафедру. Будучи непреклонным в делах церковных, святитель Геронтий всегда был добрым советчиком и союзником великого князя московского в делах государственных. Так, в 1478 году Новгород Великий был окончательно подчинен Москве. С этого времени на Новгородскую кафедру возводились архипастыри, избранные в Москве.

В 1483 году святитель Геронтий на непродолжительное время вновь удалился в Симонов монастырь из-за болезни, но вскоре возвратился и благополучно управлял церковными

делами до блаженной кончины, последовавшей 28 мая 1489 года, накануне праздника Вознесения.

Святитель Геронтий был погребен в Успенском соборе Кремля. Сохранились несколько грамот и послание к великому князю, составленные митрополитом Геронтием. После кончины началось его почитание. В XVII веке в Успенском соборе была известна икона святителя Геронтия. В «Иконописном подлиннике» содержится указание о написании его изображения вместе со святителями Киприаном, Фотием и другими первоиерархами.

Май 29

Иоанн Устюжский чудотворец, блаженный

Блаженный Иоанн, Христа ради юродивый, Устюжский чудотворец, родился в селе Пухово близ Старого Устюга от благочестивых родителей Саввы и Марии. Старший его брат Иродион был живым подобием своего отца, которому помогал во всех его занятиях, что доставляло родителям величайшее удовольствие. Но второй их сын Иоанн почти с самого младенчества начал обнаруживать в себе что-то необыкновенное, непонятное и нисколько не походил на других детей. Постоянно задумчивый и молчаливый, он никогда не участвовал в играх своих сверстников, питался только хлебом и водой, по средам и пятницам решительно не принимал никакой пищи, все ночи проводил без сна в коленопреклонениях и молитвах. Ходил он всегда с грустным и жалостным лицом, так что некоторые думали, что он не в полном уме. Так блаженный отрок поступал всегда, и мать много раз убеждала его изменить такой образ жизни. Но Иоанн, хотя и не знал грамоты, отвечал ей словами Святого Писания, слышанными им в церкви: «Не принуждай меня, мать моя, воздержание избавит меня от грехов. Пусть никто из людей не хвалится тем, что он безгрешен: без греха – Один только Бог» (Рим. 3, 10, 23; 1Ин. 1, 8–9). И еще: пища и питье не приблизят нас к Богу (1Кор. 8, 8). Посему не будем питать тела своего, чтобы оно не стало врагом нашим».

Вскоре его родители переехали в город Орлец на реке Юг, в 40 верстах от Устюга. Овдовев, мать святого приняла постриг в Троицком Орлецком монастыре с именем Наталия и вскоре избрана была игуменией этого монастыря. Все время она имела сына при себе, но блаженный отрок, познав суету мира сего, принял на себя вид юродивого, и мать, видя, что он так ведет себя, предоставила его воле Божией.

После сего преподобный Иоанн ушел из монастыря и, пришедши в город Устюг, поселился вблизи соборной церкви Пресвятой Богородицы, честного Ее Успения, в церковной сторожке, в построенной для него хижине. Бодрствуя по ночам,

он возносил непрестанные молитвы Господу, а днем старался казаться людям юродивым, подобно святому Прокопию Устюжскому, и в разодранном рубище и босой ходил по улицам города, отдыхая иногда на куче навоза.

Так жил он зимой и летом. Такой тяжелый подвиг принял на себя юный Иоанн! Чего стоило одно то, чтобы зимой босому и еле прикрытому одеждою ходить по городу и переносить северные трескучие морозы! Много пришлось ему вытерпеть побоев, насмешек, брани от людей, не понимавших ни себя, ни его. Чтобы выносить столько страданий, надобно было иметь много твердости, воли и терпения, нужно было глубоко почувствовать смысл слов апостола, что нынешнее страдание наше легко и мгновенно готовит нам в величайшем избытке вечную славу (2Кор. 4, 17). Действительно, блаженный юноша не только никогда не роптал и не гневался на своих гонителей и обидчиков, но еще сожалел и молился за них Богу.

Блаженный Иоанн тщательно скрывал свой молитвенный подвиг, избегая людской молвы. Но были в Устюге и такие люди, которые понимали и смотрели на него как на добровольного страдальца и подвижника. Так, священнику Успенского собора Григорию всегда казались изумительными жизнь и терпение юродивого. И вот ему захотелось узнать, что делает и какую жизнь ведет он, когда бывает один. Долго он искал удобного случая и наконец нашел. Однажды в зимнее время, когда топилась большая печь церковной трапезы, а богомольцы по окончании вечерней службы вышли все, кроме одного юродивого, священник утаился за дверями и стал смотреть, что будет делать Иоанн. Блаженный юноша, осмотревшись кругом и не видя никого в трапезе, стал на молитву. Воздев руки к небу, он молился за глаголющих лести и за творящих неправду; так молился он более часа. По окончании же молитвы стал мешать уголья в печке и затем, оградив себя крестным знаменiem со словами: «Знаменася на нас свет лица Твоего, Господи», лег в печь на горящие уголья. Увидев это, испуганный священник быстро отворил двери и бросился к юродивому, опасаясь, чтобы он не погиб в пламени. Но как он не спешил, мнимо-безумный еще скорее, подобно

молнии, вышел из печи и, грозно посмотрев на пытливого, сказал: «Не смей никому сказать о том, что видел ты, до моей смерти». Трепещущий от страха священник дал слово исполнить волю блаженного в точности, и тот обнадежил его за молчание милостью Божией.

Святой Иоанн постоянно терпел голод и жажду, но ничего ни от кого не брал. Если он и одевался, то обычно в ветхую одежду. Еще при жизни он удостоился от Бога дара чудотворения.

Блаженный подвижник имел в себе такое обилие благодати Божией, что мог одним словом исцелять недуги, но, скрывая то от людей, делал тайно или так, как бы его действие было не с разумом. Жена устюжского князя Феодора Красного Мария жестоко страдала от горячки. Она послала к блаженному своего слугу с просьбой помолиться о ней. Не успел посланец подойти к навозной куче, на которой сидел святой Иоанн, как блаженный воскликнул: «Здравствуй, добрый князь Феодор с княгиней своей». Когда слуга вернулся домой, княгиня была уже исцелена.

Буди верен даже до смерти, и дам ти венец живота, – сказал Господь в Откровении (Откр. 2, 10) – и блаженный Иоанн до конца пребыл верен однажды принятому им на себя подвигу юродства и убожества. Как необыкновенна была его жизнь, также необыкновенна и безболезненна была и мирная кончина его. Судя по молодости лет юродивого и по тому, что он ни на что не жаловался, казался одинаково бодрым и по-прежнему с утра до вечера расхаживал по городу, никому из устюжан и на ум не приходило, что он доживает последние дни. Но сам блаженный знал это и, радуясь близкому окончанию своего подвига, непрестанно благодарил Бога, изливая душу свою в самой пламенной, тайной молитве. На соборной площади близ храма Успения Божией Матери и гроба праведного Прокопия, где Иоанн проводил большую часть своего времени, блаженный в последний раз воздел преподобные руки свои к Богу и, скрываемый от взора людей темнотою ночи, долго молился о сущих в бедах и скорбях, о всем мире и о городе, его приютившем, потом оградил себя крестным знамением, лег на

голую землю и, как бы заснув, предал чистую душу свою Богу 29 мая 1494 года. Вид усопшего, по свидетельству очевидцев, был «яко ангела Божия, лице светло сияюще и тело аки снег».

Кончина приподняла завесу, скрывавшую жизнь блаженного, и сделала известными его прозорливость, ангельское незлобие и терпение. Лицам, бывшим свидетелями жизни блаженного, не было теперь причины скрывать долее его подвиги и благодеяния. Поэтому лишь только слух о его кончине пронесся по городу, тотчас же собралось на соборную площадь великое множество народа, все спешили отдать последний долг подвижнику. Многие плакали и жалели о том, что, почитая его малоумным, насмехались над ним и оскорбляли его. Соборные священнослужители со всем городским духовенством, с великим благоговением и честью, подобающей праведнику, предали труженическое тело его земле на месте его преставления.

Через некоторое время после его кончины благочестивый гражданин Устюга Феодор Тутыгин по данному им обещанию Господу и святому Иоанну построил над мощами блаженного храм в честь Происхождения чесных древ Креста Господня и «гробницу устроил и поставил над телом блаженного Иоанна». С верой притекавшие к гробнице получали много чудесных исцелений. Но так как мощи праведного Иоанна находятся на одной площади с мощами святого Прокопия, изображаются они оба вместе на иконах и во время церковной службы вместе же призываются в молитвах.

Служба святому Иоанну Устюжскому написана в XVI веке. В 1554 году по воспоминаниям знавших его людей было составлено его житие, а несколько позже – похвальное слово. Святой Иоанн особо прославился заступничеством при нашествии врагов. Благодаря его молитвам русское войско одержало победу над польско-литовскими захватчиками под Дмитровом в 1610 году. А последняя запись в книге о жизни и чудесах праведного Прокопия говорит, что в 1613 году устюжане молитвами праведных Прокопия и Иоанна, Устюжских чудотворцев, не только защитили свой город от поляков, но и разбили их. В благодарность святому Иоанну устюжане

построили храм, освященный в его честь. И по надписи на иконе праведного Иоанна, приложенной Никитой Строгановым в Устюжскую Иоанновскую церковь, «всей жизни его было только 18 лет». В «Иконописном подлиннике» писали: «Иоанн юродивый, Устюжский чудотворец, подобием молод, борода только расти зачала, в наусии, волосы просты, риза на нем – раздранное рубище, исчерна бело, и свилося по нем, плечо голо, а также и ребра голы и ноги, выше коленей».

Марфа, Марфа, ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно (Лк. 10, 41–42). Не каждая ли христианская душа должна повторять себе эти слова Спасителя, которые так помнил блаженный Иоанн, как видно из всей жизни его?

Иоанн и Мария Устюжские, праведные

В трудное и несчастное время татарского ига вся Русская земля была обложена податью в пользу хана. Даже в самые отдаленные пределы, не испытывавшие татарского погрома, в Великий Устюг, послан был Батыем баскак для сбора податей в ханскую казну. Тяжелы были для народа эти баскаки, или сборщики: много они делали различного рода несправедливостей, обид и притеснений гражданам, под видом ханской дани обогащали себя и не знали меры своему корыстолюбию и самодовольству.

Таков был и устюжский баскак Буга, или Багу, татарин по происхождению, по вере язычник. Он не уступал другим баскакам ни в сребролюбии, ни в деспотизме. Глухой ропот слышался в народе, злоба и ненависть к Буге накалилась среди христиан. Но Буга не замечал народного недовольства и, видя покорность жителей, становился еще более необузданным и дерзким.

Однажды Буга увидел дочь одного почтенного гражданина Марию, и грубый язычник пленился девственной ее красотой. Не зная другого закона, кроме своей воли, татарин насильно взял ее себе в наложницы, несмотря ни на ее вопли и слезы, ни на просьбы и дары родителей. Терпеливо переносили устюжане поборы и грабительство баскака, но такого насилия и своеволия не могли снести. Народ заволновался и стал говорить, что надобно убить баскака, что в Ростове, Суздале и Владимире (это было в 1262 году) уже убили их и что будто бы сам великий князь Александр желает того и велел изгонять и избивать их. Но чтобы избежать предстоявшей опасности, Буга, по совету Марии, решился принять крещение и вступить с ней в христианский брак. Принятием святого крещения и вступления в брак Буга примирился с правосудием Божиим, успокоился и народ, видя, что он законным браком загладил свое преступление. В святом крещении Буга назван был Иоанном, в честь святого мученика Иоанна Воина, празднуемого 30 июля/12 августа.

Не превосходство христианства перед язычеством, но один только страх смерти побудил баскака принять святое крещение. Господь явил Себя не искавшему Его и открылся не вопрошавшему о Нем, но воспитанная в христианском благочестии добрая жена его своими советами и убеждениями и особенно примером своей высоконравственной жизни скоро тронула его сердце и заставила полюбить принятую им русскую веру. Дикий сын степей с умилением слушал рассказы любимой им женщины и чем более знакомился с догматами и требованиями Православия, тем более прилеплялся к нему сердцем. Скоро он сделался примерным христианином и приобрел всеобщую любовь и уважение граждан. Так Господь различные случаи и обстоятельства, даже самые беды и несчастья, встречающиеся в жизни человека, направляет к его пользе и спасению.

По тогдашнему обычаю богатых людей, однажды Иоанн ездил с соколом на охоту. Утомившись от езды, сошел он с коня и прилег отдохнуть, скоро и уснул. Во сне явился ему дивный величественный муж и сказал: «На этом месте поставь церковь в мое имя». Иоанн не знал, кто говорит с ним, но не решался и спросить явившегося о имени. Заметив то, дивный муж сам сказал ему: «Поставь церковь Рождества Иоанна Предтечи». Поспешно возвратившись домой, Иоанн рассказал жене своей о бывшем ему сновидении и спросил: «Кто такой Иоанн Предтеча?» Мария объяснила ему, показав на иконе изображение Иоанна Крестителя, и советовала своему мужу поспешить исполнением того, что ему было приказано в сновидении. И вскоре была построена церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи, отчего и самая гора вместо соколей стала называться Ивановской. Благочестивые супруги богато украсили храм и снабдили его всем нужным для богослужения. Проводя чистую и святую жизнь, они и сами старались сделаться живыми храмами Божиими.

В Устюге в то время подвизался прп. Киприан, начальник и основатель Устюжского Архангельского монастыря. С любовью и уважением относился Иоанн к прп. Киприану, как к истинному рабу Божию, удивлялся его великим трудам и терпению и

приходил в умиление и восторг от рассказов о подвигах преподобного, ибо он не слышал ничего подобного на своей родине. Еще более благотворное влияние оказывал на благочестивую чету, на ее утверждение в вере и добродетели, другой избранник Божий, скрывавший в себе духовную мудрость под покровом безумия. Преподобный Прокопий, рожденный и воспитанный хотя в христианстве, но вне Православия, и, подобно Буге, принявший святую веру уже в совершенных летах, много лет проходил в Устюге высокий и трудный подвиг юродства ради Христа. Этот самопроизвольный мученик, обрекший себя на неприятности и лишения всякого рода, нередко заходил в дом Иоанна и Марии. Оставляя на время юродство, он любил с ними беседовать от всего сердца, укреплял и утверждал их в благочестии и сам утешался их верой и смирением.

Благочестивые супруги Иоанн и Мария, проводя воздержную и чистую жизнь, с каждым годом восходили от силы в силу в жизни духовной, снискали от граждан всеобщую любовь и уважение и оставили после себя добрую память, еще при жизни получив от современников название праведных. Не дошло до нас никаких сведений о их блаженной кончине, кроме того, что они скончались уже в старости, в летах преклонных, каковыми и изображаются на иконах, и были погребены при градской Вознесенской церкви. Впоследствии времени, при построении новой Вознесенской церкви, место погребения их вошло внутрь здания храма, над гробницей устроена была рака и отправлялось им празднование по особо составленной службе. После многократных перестроек Вознесенской церкви – то после пожаров, то вследствие других причин – единственным памятником места погребения их служит образ праведных Иоанна и Марии, стоящий под окном, на внешней стороне стены, в нише.

В древних рукописных святцах праведные Иоанн и Мария называются начальниками древнего Устюга.

Май 30

**Филипп II митрополит Московский,
священномученик**

(Текст отсутствует).

Июнь 1

Дионисий Глушицкий, преподобный

Преподобный Дионисий Глушицкий родился в окрестностях Вологды в первых числах декабря 1362 года. Во святом крещении он был назван Димитрием. С юных лет у Димитрия проявилось стремление к иноческой жизни. Оставив родительский дом, он отправился на расположенное неподалеку от Вологды Кубенское озеро. Здесь на скалистом берегу («на камне») находился Спасо-Каменный монастырь, историю которого написал впоследствии в XV веке старец Паисий Ярославов. Игуменом обители был в то время, в период ее духовного расцвета, грек Дионисий, по прозванию Святогорец, покинувший Афон из-за смуты вокруг паламитских споров. Известный своим благочестием и широкой образованностью, Дионисий Святогорец сразу увидел в пришедшем юноше духовно одаренную личность.

Приняв монашеский постриг с именем Дионисия, таким же, как и у игумена (это произошло около 1386–1387 гг.), молодой инок полностью отказался от своей воли и всецело предал себя руководству мудрого духовного наставника. В монастыре действовал строгий общежительный устав, запрещавший насельникам иметь какую-либо собственность. Инок Дионисий, изнуряя плоть постом, а дух укрепляя молитвой, старался выполнять самые тяжелые монастырские работы.

В подвигах труда, поста и молитвы, непрестанно совершенствуясь, он провел девять лет. Благодаря подвижнической жизни, кротости и трудолюбию преподобный Дионисий приобрел среди иноков обители высокий духовный авторитет.

Оказываемые ему почет и уважение стали тяготить смиренного инок: у него созрело желание посвятить себя пустынножительству. Вместе со своим единомышленником и собратом Пахомием преподобный Дионисий после долгих размышлений и коленопреклоненных молитв решил обратиться за благословением к игумену. После беседы с иноками проницательный духовный руководитель понял их будущее

предназначение и, преподав отеческие наставления, отпустил преподобных Дионисия и Пахомия из монастыря.

Направляясь вдоль восточной стороны Кубенского озера, иноки достигли излучины реки Сухоны, где рядом с селением Святая Лука ими был обнаружен заброшенный, полуразрушенный монастырь. Путники сочли это место подходящим для отшельничества. Построив для жилья келлию, они принялись за сооружение деревянного храма, который благодаря обилию леса вскоре был завершен. Иконы для храма писал сам преподобный Дионисий, у которого еще в монастыре обнаружился талант незаурядного иконописца. Для совершения богослужений нужен был священник. Но нелегко было найти священника, который бы согласился священнодействовать в их пустынном храме и разделять их труды и лишения. Однако преподобный Дионисий, полный надежды на Бога, не пал духом и, посоветовавшись со своим сподвижником, пошел к архиепископу Григорию просить благословения на возобновление монастыря и освящение церкви. Архиепископ Ростовский Григорий с любовью принял инока Дионисия – выходца из того же Спасо-Каменного монастыря, где и сам он был пострижен и некоторое время игуменствовал. Узнав о просьбе пустынников, архипастырь вполне одобрил их намерение и не только дал все просимое, но и самого просителя рукоположил в иеромонаха. Таким образом на Святой Луке снова начала устроиться обитель иноческая. Это было около 1396 года.

Вернувшись в пустыньку, преподобный Дионисий освятил храм во имя святителя Николая Чудотворца. Душевно рад был Пахомий, что друг и сподвижник его удостоен священного сана и что отныне они в своей уединенной пустыньке не будут лишены церковной службы; с великим благоговением и страхом он стал служить прп. Дионисию при совершении им Божественной литургии и других священнослужений. Сам преподобный Дионисий, принявши на себя священный сан, предался еще большим подвигам: «хлеба причащайся единою днем и воду по оскуду пия», дни и ночи проводил в горячей молитве и богомыслии. Известность о святом отшельнике

распространилась по окрестным селениям. К Святой Луке стал стекаться народ для духовных бесед и наставлений. Пахомий радовался прославлению святого места, но не так смотрел на это прп. Дионисий. Он для того и вышел из Каменного монастыря, что желал работать Богу в совершенном безмолвии и уединении, поэтому ему тяжело было слышать похвалы себе, всеобщую молву и быть предметом почтения и уважения для приходящих, что он вменял себе в стыд и грех. Мысль о пустыне пробудилась в нем с новой силой. Еще не выходя из своего монастыря, св. Дионисий стал жить как пустынный, дни и ночи проводил в молитве и коленопреклонениях и вел жизнь строгую и суровую. К тому времени к ним присоединился еще один инок. Преподобный Дионисий, видя, что его собратьям тяжел столь суровый и строгий образ жизни, который он вел, решил оставить Святую Луку. Однажды после совместной молитвы иноки с миром расстались.

Преподобный Дионисий направился вдоль восточной стороны Кубенского озера. Пройдя 15 верст, он вдруг услышал как бы отдаленный колокольный звон. Преподобный Дионисий устремился на звук и вскоре вышел к крутому берегу реки Глушицы – месту безлюдному, окруженному лесной чащей. Поняв, что таким образом ему было указано, где он должен продолжить свой духовный подвиг, преподобный Дионисий водрузил крест, который он нес из Святой Луки. После благодарственной молитвы он принялся за сооружение келлии, выбрав для нее место под цветущем черемуховым кустом (после кончины преподобного ягоды этого дерева давали исцеление страждущим).

И на новом месте подвигов преподобный Дионисий продолжал строгий образ монашеской жизни. Однажды в Глушицкую пустыньку зашел старец-монах. Он с радостью согласился на предложение святого Дионисия разделить с ним пустынножительство. Через некоторое время к ним присоединились еще несколько собратий. Постепенно вокруг преподобного Дионисия собралось такое количество иноков, что возникла мысль об устройении монастыря. Владевший землей вдоль Кубенского озера удельный князь заозерский Димитрий

Васильевич с радостью откликнулся на благочестивую просьбу старца помочь в устроении обители. Им были присланы работники, вырубившие и расчистившие лесную чащу. Чтобы получить необходимое архипастырское благословение, преподобный Дионисий в 1402 году вновь направился в Ростов Великий.

Архиепископ Ростовский Григорий благословил подвижника на строительство храма и устроение обители, советовал также ввести в ней общежительный устав, «чтобы никому ничего не называть своим, а все иметь общим, как жили при апостолах». По возвращении преподобный Дионисий и братия с помощью княжеских плотников принялись за сооружение небольшого деревянного храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы, которое было закончено в 1403 году.

Постепенно Глушицкая обитель, руководимая опытным и мудрым подвижником благочестия, стала привлекать к себе большое количество богомольцев, странников, нищих. Многие, слыша о его ангельской жизни, приходили в обитель, чтобы насладиться его лицезрением и душеполезными беседами, часто посетители приносили с собой и обильные подаяния, которые преподобный, не стеснясь, принимал с благодарностью, думая, что если бы не было на то воли Божией, то не только никто не стал бы ничего приносить и жертвовать на строение монастыря, но и не пришел бы к ним на Глушицу, в глухую пустыню не по названию только, но и на самом деле.

Строгий (Афонский) монастырский устав возбранял инокам иметь собственность. Поэтому преподобный строго требовал, чтобы у иноков не было никакой собственности и чтобы без благословения настоятеля или старца ничего не делали. Насколько неукоснительно соблюдалось игуменом это правило, свидетельствует следующий случай. Однажды после смерти одного из монахов в его келлии были найдены утаенные монеты. Руководствуясь примером древних пустынножителей, считавших послушание страшным грехом для монаха, преподобный Дионисий велел выбросить деньги за монастырскую ограду, а тело послушника во спасение его души и

в назидание братии долго не разрешал предавать земли, пока иноки не вымолили для него прощения. «Чада, – говорил он, – послушание – гибель». Антуфий без благословения пошел ловить рыбу и наловил очень много. Дионисий велел выбросить рыбу.

Как-то раз кое-кто из братии, думая показать преподобному, что он излишне щедр с нищими, ежедневно заполнявшими монастырский двор, подослал к нему юношу, переодетого убогой странницей. Со слезами нищенка просила помочь ей, и игумен щедро ее одарил. Вечером братья раскрыли свой обман и вернули старцу деньги. Но преподобный Дионисий снова отдал их смущенному юноше, а ученикам своим сказал: «Господь велит делать добро, сколько есть сил; так перестаньте же искушать меня, побуждая к немилосердию».

Во время случившегося в Вологодском крае голода народ толпами устремлялся к обители, где Глушицкий игумен раздавал хлеб. Вскоре огромные монастырские запасы стали истощаться. Однако по вере и молитве преподобного монастырская житница не оскудела. Богоугодные дела преподобного Дионисия были непереносимы для врага человеческого спасения – дьявола, но самые изощренные искушения лукавого не смогли одолеть святого старца.

По мере внешнего устройства обители и утверждения в ней строгого общежительного устава распространялась и слава о ней в окрестности, возрастало и умножалось число братии, так что по прошествии немногих лет братия не могли уже помещаться в церкви во время богослужения и явилась потребность в построении другой, более обширной церкви. Когда братия стали просить о том преподобного, то он, никогда ничего не делавший по своей воле и на все ожидавший явного или тайного указания Промысла, сказал им: «Братия, будем просить об этом Бога и Пречистую Его Матерь, и как Богу угодно, так и будет». Бог, действительно, не оставил его без указания свыше. Однажды ночью, когда прп. Дионисий после продолжительной и пламенной молитвы прилег отдохнуть и предался дремоте, ему явился во сне прекрасный юноша и сказал: «Подобает тебе построить церковь более просторную,

потому что у тебя много братии. Заступницей и Помощницей будешь ты иметь в том Пречистую Богородицу отныне и до века». Воспрянув от сна, преподобный всю ночь воссылал к Богу благодарственные молитвы за указание свыше и после церковной службы, объявив братии о своем сновидении, сказал: «Должно исполнить повеленное, призывая на помощь Бога и Пречистую, ибо Она будет помогать нам». И тогда же – через семь лет после построения первой церкви – приступили к сооружению нового храма также во имя Покрова Богородицы. При неусыпных трудах преподобного и при пособии многочисленных его почитателей храм был окончен и освящен в 1412 году. Преподобный сам написал для него святые иконы, из которых некоторые существуют и доныне; он не жалел ни трудов, ни издержек, чтобы придать ему великолепие и красоту, подобающие дому Божию.

Но как ни велики были его труды и заботы о построении и украшении храма вещественного, он еще более заботился о том, чтобы самого себя и учеников своих сделать живыми, разумными храмами Богу, вселив в их сердца Святого Духа. Это было единственной и главной целью всей его жизни и деятельности, для того и новый храм он украсил «иконами чудне» и поучительными «словесы святых отец», чтобы молящиеся, смотря на угодника, всегда имели их в памяти, часто и сам поучал братию, собственной жизнью представляя живой пример для подражания. «Дети, – говорил он им, – не смущайтесь трудами пустыни и не изнемогайте в подвигах иноческих, многими скорбями надобно достигать Царствия Небесного; для нас эти скорби – пост и лишения всякого рода. Молитва наша должна быть от чистого сердца и смирение ко всем. О милостыни будем помнить слова Спасителя: *Блаженни милостивии (Мф. 5, 7) и суд без милости не сотворшим милости (Иак. 2, 13)*. Стяжем любовь ко всем; и Бог помилует нас, ибо тот только истинно любит Бога, кто любит и брата своего». Преподобный ни себе, ни другим не позволял никогда ни малейшего отступления от общежительного устава, а нарушителей не оставлял без наказания. Несмотря на это, в среде братии не было недовольных им, все любили его как

отца, уважали и почитали как Ангела Божия, и число братии увеличивалось с каждым годом.

Но уже сама многочисленность монастырской братии, требовавшая постоянных распоряжений и забот настоятеля, особенно же частый прилив посетителей и богомольцев нарушали безмолвие старца, желавшего всецело посвятить себя молитвенному собеседованию с Богом, поэтому он однажды тайно покинул обитель. Пройдя четыре версты вдоль реки Глушицы, преподобный Дионисий вышел на возвышенное сухое место, впоследствии получившее название Сосновец из-за огромной сосны, росшей там. В этой пустыньке он стал подвизаться в совершенном одиночестве, суровом посте и постоянной молитве. Иногда святой навещал Покровский монастырь, стараясь уходить из него так, чтобы место его отшельничества не было открыто. Когда же открыли его, то все пришли к нему и стали со слезами просить старца, чтобы он возвратился к ним. Напрасно преподобный указывал на свою старость и немощи, на желание остаток дней своих посвятить всецело Богу в уединении и безмолвии. Братия не переставали просить и плакать, и не мог отказать им чадолюбивый отец, тронутый их слезами. Но он не оставлял мысль о Сосновце и предполагал устроить там небольшую обитель для нескольких иноков, желавших более суровых условий жизни.

В 1419 году старец в третий раз отправился в Ростов Великий, архиепископскую кафедру которого к тому времени занимал бывший игумен Спасо-Каменного монастыря Дионисий Святогорец. Преосвященный Дионисий благословил своего любимого ученика на устройство новой обители иконой Божией Матери.

Построенный в Сосновце храм был освящен во имя святого пророка Иоанна Предтечи в 1420 году. Большую помощь в сооружении монастыря оказал удельный князь Юрий Богтужский, и детям своим завещавший благодетельствовать этой обители. Оставаясь игуменом Глушицкого монастыря, преподобный, которому к тому времени исполнилось 60 лет, перешел с несколькими учениками в Сосновец, где ввел строгий общежительный устав. Таким образом он принял на себя заботы

о двух монастырях. В тогдaшнее время на севере России еще немного было церквей, и приходское духовенство, избираемое из тех же дровосеков и пахарей, не отличалось ни нравственностью, ни образованием, так что монастыри были единственными местами, где народ мог учиться вере и благочестию, и он собирался в монастыри многочисленными толпами, особенно туда, где слышал старца духовного и учительного. Оттого к преподобному Дионисию приходило множество не только мужчин, но и женщин, желавших послушать его наставлений, что было противно монастырскому уставу и опасно для братии. Жаль было преподобному отказать им в праве посещать монастырь как единственное доступное им место для познания закона Божия, но не мог он видеть нарушения своего устава; тяжело было его отеческому сердцу лишить их духовной помощи и назидания, но дорого было спасение и братии, поэтому мудрый старец построил в двух верстах от Покровского монастыря храм во имя святителя Леонтия, епископа Ростовского, и при нем женскую иноческую обитель, которая была четвертым из основанных им монастырей.

Заботами преподобного были построены еще два храма: на реке Сухоне, освященный в честь Воскресения Христова, и на реке Двинице – во имя святителя Николая Чудотворца. Все устроенные игуменом Дионисием монастыри и храмы имели написанные им самим иконы. Кроме того, преподобный Дионисий занимался искусной резьбой по дереву, был известен как книгописец, ковач и изготовитель одежды.

Народ смотрел на него как на пастыря и учителя, посланного Богом для просвещения края, и обращался к нему в телесных и духовных нуждах как к отцу, в полной уверенности получить просимое. И не один только простой народ имел такое высокое мнение о смиренном Глушицком отшельнике. Святая, строго подвижническая жизнь и духовная мудрость его привлекали к нему множество людей всякого звания и возраста. Чем более он смирался и скрывал свои подвиги, тем более и шире распространялась слава о нем, так что даже опытные в духовной жизни приходили к нему и оставались разделять с ним

иноческие труды и поучаться его душеполезными беседами. Так, блаженный Григорий, впоследствии подвижник и чудотворец Пельшемский, уже будучи архимандритом в Ростове, пришел к нему в Сосновец и прожил здесь около пяти лет, изучая духовную жизнь под руководством и по жизни аввы Сосновецкого. Сюда пришел к нему из Великого Устюга священноинок Амфилохий, высокий по благочестию, сделавшийся первым преемником прп. Дионисия в игуменстве. Еще далее Устюга из Великой Перми пришел в лавру Дионисиеву игумен Тарасий, добровольно оставивший свое начальство для того, чтобы самому быть под начальством преподобного и довершить здесь свое святое поприще. Здесь же просиял святостью жизни прп. Макарий, уроженец Ростовский, которого прп. Дионисий взял из отеческого дома еще 12-летним отроком и воспитал под ближайшим своим надзором; впоследствии этот Макарий был вторым преемником его в настоятельстве. Были и другие искренние рабы Божии в числе многолюдного братства прп. Дионисия, которых привлекла в Глушицкую пустынь слава о его духовной опытности. Таковы, например, прп. Феодосий, мощи которого почивают под спудом в Покровском монастыре, и прп. Филипп Рабанский, основавший впоследствии на реке Сухоне свой Рабанский монастырь.

Последние годы жизни святой старец почти всегда проводил в Сосновце, не забывая при этом Покровской обители. Предчувствуя свою кончину, он не ослабевал в подвижнических подвигах. От продолжительных молитвенных стояний и бдений ноги его отекали и «бяху яко столпии», а воздержание было таково, что «точию на самый день светлого Воскресения Христова вкушаше млека и сыра и то пооскуду». Он часто в богомыслии простаивал на морозе целую ночь перед вырытой им для себя могилы.

Во время одного из посещений Покровской обители преподобный призвал к себе в келлию возлюбленного ученика своего и сподвижника Амфилохия и сказал ему: «Ныне вижу, что время отшествия моего уже при дверях. Тебе же, друг мой и сверстник, Господь повелел еще долго жить; покрой тело мое

землею и персть отдай персти, а сам пребывай на этом месте, держась духовного жития и творя память моему смирению. Не изнемогай, чадо, в болезнях и воздыханиях, на всякий час ожидая разлучения отсюда, и теки на почесть вышняго звания во Христе Иисусе. Воспоминай и сие слово Господне: когда исполните все повеленное вам, говорите, что вы рабы ничего не стоящие. Ибо кто из вас может когда-либо заплатить долг, которым мы обязаны Владыке Христу? Он, богатый, обнищал ради нас, чтобы мы обогатились Его нищетою, и, бесстрастный, пострадал, чтобы нас освободить от страстей; вспоминая о том, пленяй всякое помышление твое в послушание Христово». Амфилохий, видя всегда старца бодрым и деятельным, не ожидал услышать от него такой речи и от того, как громом пораженный словами преподобного, заплакал о предстоящем разлучении со своим учителем и сквозь слезы сказал ему: «О, духовный отче, ты сам отходишь на покой, а меня оставляешь в страстях и скорби; помолись Господу, чтобы и мне быть тебе спутником из этой жизни». Дионисий с кротостью отвечал ему: «Много молился я Господу о том, чтобы не разлучаться нам друг от друга, но узнал от Его благодати, что тебе еще не подобает ныне оставить мир, потому что ты еще недовольно подвизался для получения приготовленной тебе награды. Долго тебе еще трудиться на этом месте после моего преставления, ты видел мои труды и заботы об избранном стаде Христовом, потрудись так и ты, пока продлится жизнь твоя, уча и надзирая и возводя к духовному разумению словесное стадо Христово». До самого вечера беседовал старец со своим учеником, передавая ему отеческие свои наставления и советы и, окончивши беседу, приказал ему идти в свою келлию.

Перед смертью преподобному Дионисию было открыто, что через три дня он отойдет ко Господу. Готовясь предать Богу свой дух, прп. Дионисий, как отец сердобольный, еще раз созвал учеников к смертному одру своему, приказал воспитаннику своему Макарию совершить Божественную литургию, чтобы на самый исход еще раз приобщиться Святых Таин. Лицо его сияло небесным светом. Он еще повторил братии завет свой, чтобы тело его было погребено там, где он

сам за семь лет выкопал себе могилу, и чтобы оба монастыря – Сосновецкий и Покровский – были всегда под одним настоятелем. «Если обрету милость у Бога, то не оставлю места сего, но буду молить Господа и Пречистую Матерь Его, чтобы не было здесь оскудения», – сказал он в утешении им и, осенив себя крестным знамением, начал тихо кончаться, как бы погружаясь в сон. Лицо умирающего внезапно просветилось и сделалось бело, как снег, благоухание от тела наполнило келлию, а блаженному Амфилохию показалось в это время, что на голове умершего блистал сияющий венец. Преподобный Дионисий скончался 1 июня 1437 года; всех лет жизни его было 74 года и 6 месяцев.

С подобающей честью, при всеобщем плаче труженическое тело его было положено во гроб и в тот же день с псалмопением, в сопровождении всей братии повезли его из Покровской обители в Сосновец. Но конь, везший тело святого, отойдя недалеко, остановился и не пошел далее, несмотря ни на какие понуждения. Тогда прп. Амфилохий велел привести любимого коня Дионисиева, и хотя он был не лучше и не сильнее первого, однако легко довез тело до пустыни, как бы чувствуя, что в последний раз служит любившему его старцу. На другой день, по совершении Божественной службы, тело святого было погребено согласно завещанию преподобного в приготовленной им для себя могиле в четырех шагах от стены Предтеченского храма в Сосновце, над которой впоследствии была устроена гробница, украшенная золоченой резьбой.

В 1547 году Московский Собор, почитая подвиг преподобного Дионисия и чудесные исцеления, которые он являл после своей кончины, причислил его к лику святых. Служба преподобному составлена в 1548 году. Жизнеописание святого Дионисия составлено глушицким иноком Иринархом.

Преподобный Дионисий, вышедши из Каменного монастыря без всяких средств, устроил четыре иноческих обители и две приходские церкви и при кончине своей оставил лавре Глушицкой весьма достаточные средства для безбедного существования. Но лучшим и более дорогим наследством, оставшимся после него, было водворение им в своих обителях

строного порядка, учреждение общежительного устава и утверждение в сердцах учеников духа истинного подвижничества, долго продолжавшегося на Глушицах и после его кончины, так что Иоанн IV, самый взыскательный и строгий ценитель монашества, должен был признаться, что «на Глушицах обитель процветает постническими подвигами». Целый ряд учеников и ближайших преемников прп. Дионисия настолько был верен его преданию и так старался во всем подражать ему, что и после блаженной его кончины не было на Глушицах ни в чем перемены, как бы сам пустынный авва все еще продолжал управлять своими обителями.

Агапит Печерский, врач безмездный, в Дальних пещерах почивающий

Когда прославился прп. Антоний Печерский своими исцелениями, пришел к нему из Киева в пещеру блаженный Агапит, ища у него исцеление душевное чрез пострижение во святой иноческий чин. Приняв постриг, Агапит стал усердным учеником преподобного и богоносного отца своего Антония. Как тот великий, скрывая святость свою, лечил больных своей пищей, делая вид, что подает им врачебную траву, а больные становились здоровыми по его молитве, так и сей блаженный Агапит, ревнуя святому старцу, помогал больным. Агапит сперва подвизался в пещере вблизи прп. Антония, где изучал высокую жизнь чудного подвижника, потом переселился в монастырскую келлию и служил братии. Когда кто заболел из братии, блаженный оставлял свою келлию и, придя к болящему брату, служил ему во всем, непрестанно моля Бога о спасении болящего. Если болезнь продолжалась – так было угодно Богу, чтобы усилить веру и молитву раба Своего, – блаженный Агапит неотступно оставался с больным, непрестанно молясь за него, пока Господь подавал здравие больному по его молитве. Так следуя подвигам преподобного Антония, Агапит получил от Бога дар той же благодати. Он стал исцелять всех болящих своей молитвой, давая зелие от своего стола. Оттого его стали звать врачом.

Слава о нем распространилась и в городе, и многие, приходя к нему, получали исцеления. В то время в городе Киеве был некто врач-армянин, человек весьма искусный во врачевании. Он, только взглянув на больного, сразу узнавал день и час его смерти, и если больной был уже безнадежен, то, зная это, он не брался лечить его.

Однажды в монастырь Печерский был принесен один больной боярин князя Всеволода. Этого больного врач-армянин привел в отчаяние, предсказав ему смерть через восемь дней. Блаженный Агапит, сотворив над ним молитву и дав ему в снедь зелие, которое ел сам, исцелил его от болезни. С этого

времени слава о блаженном враче распространялась по всей земле Русской.

Армянин, снедаемый завистью, начал поносить блаженного. Он послал в монастырь приговоренного им на смерть, приказав дать ему яда, чтобы тот, приняв, умер на глазах Агапита. Блаженный, подав этому умирающему монастырской пищи, сотворил его здоровым и избавил осужденного от смерти. После того иноверец вооружается против Агапита еще сильнее: он научает своих единоверцев уморить монаха ядом. Но блаженный пил без вреда, ни мало не страдая. *Весть Господь благочестивыя от напасти избавляти* (2Пет. 2, 9). Он сказал: «Аще что и смертное испиют, не вредит их; на недужныя руки возложат и здрави будут».

Сделался болен князь Владимир Мономах, тогда княживший в Чернигове (будущий великий князь киевский). Его лечил армянин и употреблял все старания, все средства искусства, а болезнь не только не смягчалась, но час от часу становилась опаснее. Князь, чувствуя, что близок он к смерти, послал к печерскому игумену Иоанну с просьбой послать к нему Агапита-врача. «Если я пойду к князю, – рассуждал блаженный Агапит, – то должен ходить и ко всем. Человеческая слава опасна. Не пойду за ворота монастыря, чтобы не преступить обета моего. Если выгонят меня, пойду в другую сторону и опять возвращусь». Он послал князю вареное былие, приготовленное им для себя в пищу. Князь выздоровел. Исцеленный Владимир пришел благодарить преподобного Агапита, но тот, опасаясь славы человеческой, скрылся. Князь отдал принесенные для прп. Агапита дары игумену. Потом, живо чувствуя, как многим он обязан прп. Агапиту, приказал боярину отнести золото ему в келлию. «Сын мой! – сказал посланному преподобный. – Я не беру ни с кого за лечение – не за что: исцеляет Христос Господь, а не я». Посланный просил принять дары князя для его утешения и употребить по усмотрению. «Пусть так, – сказал Агапит, – скажи же князю, чтобы не берег он сокровищ. К чему они? Пусть раздает их нищим; если не послушает меня, худо будет ему. Неблагодарности не любит Господь, избавивший его от смерти». Старец вынес золото из

келлии своей и положил его у дверей, а сам скрылся. Вышел и посланный и, увидев брошенное золото, отнес его к игумену Иоанну. Князь же, не дерзая ослушаться св. Агапита, начал нещадно раздавать от своего имения нищим.

После многих трудов и подвигов богоугодных разболелся сам безмездный врач, блаженный старец Агапит. Врач-армянин пришел тогда к нему, как бы для посещения, и стал спорить с ним о врачебной хитрости, спрашивая: «Каким зелием врачуется этот недуг?» Блаженный отвечал: «Тем, какое укажет Господь – Врач души и тела». Тогда армянин, считая преподобного за невежду во врачевании, сказал своим: «Он ничего не понимает в этом искусстве». Затем, взяв св. Агапита за руку, сказал: «Истинно говорю тебе, что в третий день ты умрешь. Если же изменится слово мое, то сам я изменю жизнь мою и буду таким же монахом, как ты». Блаженный отвечал: «В этом ли состоит твое искусство? Ты говоришь о смерти, а не о помощи твоей. Если ты искусен, то исцели меня; если же не можешь, то что укоряешь меня, предсказывая через три дня смерть; ибо Господь возвестил мне, что отойду к Нему только через три месяца». «Ты изменился уже весь и изнемог, – возразил армянин, – и такие не могут прожить более 3-го дня». Между тем принесли блаженному Агапиту, столь больному самому, некоего болящего из города Киева для исцеления. Блаженный пречудной Божией помощью тотчас встал, как будто и не болел, и, взяв обычное свое зелие, употребляемое в пищу, показал армянину, говоря: «Вот зелие врачевания моего, виждь и разумей». Тот же, посмотрев, сказал святому: «Это не из наших зелий, но, может быть, из Александрии». Тогда преподобный дал болящему свое зелие и, помолившись, тотчас исцелил его. Затем, обращаясь к армянину, сказал: «Чадо, молю тебя, ешь и ты это зелие со мною». Но тот ответил: «Мы, отче, постимся в этом месяце четыре дня, а потому теперь у нас пост». Услышав это, блаженный спросил его: «Кто же ты и какой веры?» – «А разве ты не слышал обо мне? Я армянин». Тогда блаженный сказал ему: «Как осмелился ты войти сюда и осквернить мою келлию и держать грешную мою руку! Уйди от меня, иноверный и нечестивый!» Тот, посрамленный, ушел.

Святой Агапит, по предсказанию своему, почил после того ровно через три месяца, в первый день месяца июня. Честные мощи его братия положили в пещере прп. Антония. Через несколько времени после смерти преподобного Агапита врач-армянин снова пришел в Печерский монастырь и сказал игумену: «Теперь я оставляю армянскую ересь и истинно верую в Господа Иисуса Христа, желая Ему работать во святом иноческом чине. Ибо мне явился блаженный Агапит, говоря: «Ты обещался принять иноческой образ, и если солжешь, то погубишь душу свою», я же теперь верую, что явившийся мне поистине свят. Ибо когда он захотел прожить три месяца, то Господь ему это время дал, и если бы он захотел прожить три года, то Господь послушал бы его. Поэтому он сам захотел уйти от нас, как святой, желая царствия святых. Поэтому я желаю вскоре исполнить повеление сего святого мужа». Слыша это от армянина, игумен постриг его в иноческий чин, и бывший армянин в подвигах Православия окончил жизнь свою.

Кончина чудного безмездного врача прп. Агапита последовала не позже 1095 г., так как болезнь, после которой спустя три месяца умер он, случилась вслед за исцелением Мономаха, черниговского князя, который пробыл в Чернигове до 1094 г., а Иоанн был печерским игуменом с 1088 г.

Июнь 2

Иоанн Новый, Сочавский, великомученик

Святой великомученик Иоанн Новый, Сочавский жил в XIV веке в городе Трапезунде. Называется Сочавским, потому что мощи его почивают в соборной церкви в Сочаве. Иоанн занимался торговлей, был благочестив, тверд в Православии и милостив к бедным. По роду своих занятий он часто плавал в другие страны. И однажды ему пришлось плыть на корабле, владелец которого не был православным христианином. В споре о вере святой Иоанн, хорошо знавший Священное Писание и творения святых отцов, обличил неправомыслие корабельщика, и тот затаил на святого злобу. Во время стоянки корабля в Белграде Босфорском (по другим источникам, в Аккермане – Белгород на Днестре) хозяин корабля донес правителю города, язычнику-огнепоклоннику, что святой Иоанн хочет отречься от Христа и поклоняться огню.

Правитель пригласил святого во дворец и с честью принял его. «От многих мы знаем, что ты человек достойный, – ласково говорил он, – и весьма рады слышать, что ты пленен прекрасной и истинной верой нашей. И как ты добровольно любишь ее, то не медли быть нашим другом, отвергнись смешной и постыдной веры христиан, громко посрами закон их перед собравшимся теперь народом, восхвали нашу веру и, как обещал, сделай это немедленно! За это почтен будешь от царя и станешь жить в довольстве как брат наш». Святой тайно молился, призывая на помощь Того, Кто сказал: *Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, но Дух Святой (Мк. 13, 11)*. И Господь дал ему мужество и разумение. Исполнившись Божественной ревности, св. Иоанн, грозно взглянув на правителя, сказал: «Ты явно лжешь! Все это твоя выдумка и ухищрение сатаны! Лучше сам, несчастный, познай истину и крестись, чтобы удостоиться Царства Небесного». После сего громко исповедал свою веру во Единого Бога, в Троице славимого, и себя – христианином. После этого он был

предан жестоким мучениям: святого нещадно били палками, так что тело его было залито кровью. Святой мученик молился, благодаря Бога, удостоившего его пролить за Него кровь и омыть свои грехи, а мучители еще сильнее бичевали его, так что он уже не стал подавать голоса. Но поскольку был уже вечер, то избитого заковали в цепи и отволокли в темницу. На другой день его вновь пытались заставить поклоняться огню, но все усилия мучителей были бесполезны. Святой Иоанн славил Христа и старался обратить язычников к вере истинной. Никакие пытки не сломили волю святого мученика. «Бей жезлами, – говорил он правителю, – жги огнем, утопи в воде или рассеки мечом, и если есть у тебя иные, более лютые муки, не ленись причинить их мне: все готов радостно принять ради любви ко Христу моему».

Святого Иоанна привязали за ноги к хвосту дикого коня, которого стали гнать по улицам города. Над страданиями мученика потешались иудеи. Один из них догнал влачимого мученика и отсек ему голову. Палачи отвязали тело и оставили его с головой на том же месте среди улицы, и никто из христиан не смел его погребать.

Ночью многие видели над телом мученика огненный столп и множество светящихся лампад. Три светящихся мужа воспевали священные песнопения и кадили вокруг него. Некий иудей принял этих мужей за христианских священников и хотел застрелить одного из лука. Но когда он натянул тетиву, лук и стрела будто приросли к его рукам – он стал недвижим, связанный невидимой силой Божией. С наступлением утра видение исчезло, а стрелок продолжал стоять неподвижно. Рассказав собравшимся жителям города о ночном видении и постигшем его наказании Божиим, он освободился от невидимых уз. Узнав о случившемся, правитель разрешил похоронить останки великомученика. Тело было погребено при местной церкви. Это произошло между 1330–1340 гг.

Владелец корабля, раскаявшийся в содеянном, хотел тайно взять тело мученика. Ночью он раскопал могилу и намеревался изъять мощи. Святой Иоанн в сонном видении предупредил об этом пресвитера храма, и тот остановил вора. Честные мощи

были перенесены в алтарь храма, где пролежали более 70 лет. От мощей происходили различные чудеса: сиял свет, распространялось благоухание, многие больные получили исцеления. Правитель Молдо-Влахийского княжества Александр перенес мощи святого Иоанна Нового в свою столицу Сочаву.

Июнь 4

Елеазар и Назарий Олонецкие, преподобные

Преподобные Елеазар и Назарий Олонецкие – основатели монастыря святого Иоанна Предтечи на острове Мурма на Онежском озере. В рукописных святцах называются иногда греками, что позволяет считать их учениками преподобного Лазаря Мурманского, выходца из Константинополя (XV в.), и днем кончины их показано 4 июня. Но в каком году скончались они и как совершили подвиг жизни – осталось неизвестным.

Мефодий, игумен Пешношский, преподобный

Преподобный Мефодий еще в молодых летах, в числе первых, пришел к преподобному Сергию и под руководством сего великого наставника иноческой жизни провел несколько лет. О его родителях, времени и месте рождения ничего неизвестно. Ревнуя жить в безмолвии, он по благословению прп. Сергия удалился искать пустынное место. И в глуши дубового леса за рекой Яхромой, в 25 верстах от Дмитрова, на небольшом возвышении среди болота поставил он себе келлию для подвигов отшельничества. В суровом посте и постоянных молитвах текла жизнь преподобного, и его душа все более и более отрешалась от мира тленного и земного, стремясь в страны горние, небесные. Но как пламень костра просвечивается даже и через лесную чащу, так и подвижническое житие св. Мефодия не укрыли болота и леса от ревнителей благочестия, которые не замедлили собраться, чтобы под его руководством сделаться достойными будущей награды, обещанной Господом всем верным Его последователям. В это время преподобный Сергей, посетив любимого ученика, дал ему совет построить обитель и храм на другом, более сухом и обширном месте и благословил то самое, где и была основана обитель. Преподобный Мефодий, как послушный сын, исполнил волю наставника. Он сам трудился при строении храма и келлий, «пеш»нося деревья через речку, которую от того называли Пешношею, а за обителью осталось навсегда имя Пешношской.

С 1391 года преподобный Мефодий стал игуменом своего монастыря. Поселившиеся здесь иноки вели трудолюбивый образ жизни, сами себе добывая пропитание и исполняя все нужные для обители работы, так что эта обитель по преимуществу была обителью трудолюбия. Только частые посты и молитвы разнообразили жизнь пешношских иноков. Сам игумен подавал братии пример во всем и был между ними первым по подвигам труда, молитвы и поста и через это самое воспитывал многих благочестивых иноков. Но, строгий по

отношению к себе, прп. Мефодий был нетребователен и милостив к братии, снисходя к их немощам и предостерегая от ошибок в будущем.

По временам преподобный, как любитель безмолвия, удалялся за две версты от обители и здесь уединенно подвизался в молитве. Сюда же приходил к нему для духовных бесед преподобный Сергей. Потому эта местность названа была «Беседа». Преподобный Мефодий был погребен († 1392 г.) в основанной им обители. В день преставления его, как видно из составленной в честь его службы, собралось множество народа – старцев, сирот и вдов – оплакивать кончину своего питателя.

По рукописным святцам, «преподобный Мефодий, игумен Пешношской обители, ученик святого Сергия чудотворца, преставился в лето 6900 (1392), месяца июня в 14 день». Прп. Мефодия ублажали на Пешноши как святого со дня его кончины и память его праздновали в обители и в окрестных селениях июня 14-го дня. По другим источникам, преподобный Мефодий преставился месяца июня в 4-й день 1392 года, а память празднуется в один день с памятью свт. Мефодия, патриарха Константинопольского, 14/27 июня. К лику святых прп. Мефодий причислен на Московском Соборе 1549 года.

Июнь 5

Феодор Ярославович, князь Новгородский (брат святого благоверного князя Александра Невского), святой благоверный

Благоверный князь Феодор Новгородский, старший брат святого Александра Невского, родился в 1218 (1219) году. Княжеское служение его родной земле началось в очень раннем возрасте. По летописям, в 1228 году оба брата были оставлены в Новгороде их отцом Ярославом Всеволодовичем как представители его власти. Но вольные новгородцы постановили на вече призвать на княжение св. Михаила Черниговского († 1246; память 20 сентября/3 октября). И не прошло и года, как в феврале 1229 года юным княжичам пришлось покинуть Новгород.

В 1230 году во время голода и мора новгородцы снова пригласили Ярослава. 30 декабря 1238 г. он в четвертый раз сел на княжение в Новгороде, но сам пробыл в городе лишь две недели, вновь посадил там своих сыновей и ушел в Переяславль Залесский. В 1232 году четырнадцатилетний Феодор уже был призван послужить Богу не только молитвой, но и мечом: он участвовал в походе русских дружин против языческих мордовских князей.

В 1233 году по желанию отца он должен был вступить в брак с дочерью святого Михаила Черниговского Феодулией. Когда гости уже собрались на свадебный пир, жених внезапно скончался. Это было 5 июня 1233 года. Святой Феодор был погребен в Юрьевском монастыре в Новгороде.

После неожиданной смерти жениха обрученная с ним княжна оставила мир, постриглась в одном из суздальских монастырей и прославилась в иноческом подвиге как преподобная Евфросиния Суздальская († 1250; 25 сентября» 8 октября).

В 1614 году шведы, ругавшиеся над всеми святыми, при своем нападении на монастырь, «ищуци поклажи, обрели человека цела и неразрушена в княжеском одеянии и, яко жива, поставили у церковной стены». Новгородский митрополит

Исидор, услышав о том, испросил дозволение перенести св. мощи в Софийский собор, где их положили в приделе святого пророка Иоанна, Предтечи и Крестителя Господня. Долгое время нетленные мощи девственного князя, источавшие исцеления, почивали в соборе открыто. Служба благоверному князю составлена в 1787 году митрополитом Петербургским и Новгородским Гавриилом Петровым († 1801 г.).

Вассиан и Иона Пертоминские, Соловецкие чудотворцы, преподобные

Преподобные Вассиан и Иона – иноки Соловецкого Преображенского монастыря, ученики святого игумена Филиппа, впоследствии митрополита Московского († 1570; память 9/22 января). Немалотруден был тогда подвиг братства Соловецкого. При строении соборного храма обители Соловецкой в 1561 году на твердую землю за известью посланы были иноки Вассиан и Иона. Когда суда возвращались в Соловецкий монастырь, то при впадении Северной Двины в Белое море они были застигнуты бурей и утонули. Но Господь прославил преподобных после их кончины – телес их не коснулось тление на дне морской пучины. Святые мощи преподобных Вассиана и Ионы, вынесенные волнами на восточный берег Унской губы, были обретены крестьянами и погребены. Вскоре преподобные явились во сне старцу Троице-Сергиевой обители Маманту, который управлял соляными варницами в Унском посаде, и он в 1599 году воздвиг часовню над могилами преподобных. Впоследствии, по случаю многих исцелений, совершавшихся над их гробами, в 1623 году иеромонах Иаков основал там обитель, получившую название Пертоминской, и вкладами царскими сооружена была церковь во имя Успения Богоматери. Память преподобным Вассиану и Ионе совершается дважды в год: 5/18 июня – обретение святых мощей и 12/25 июня.

Константин, митрополит Киевский, святитель

В 1155 году ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий вступил в первопрестольный град Киев и стал великим князем. Объединив почти всю Русскую землю, Юрий Долгорукий приступил к разрешению церковных дел, требовавших устройства с 1145 года, когда митрополит Киевский Михаил оставил кафедру и удалился в Константинополь.

В 1147 году великий князь Изяслав Мстиславич и собор русских епископов поставили митрополитом Киевским Климента Смолятича без участия Константинопольского патриарха, но не все епископы согласились с этим, и в Русской Церкви началась смута.

По инициативе князя Юрия Долгорукого были проведены успешные переговоры с Константинополем. В январе 1156 года в Константинополе получил посвящение на Киевскую кафедру митрополит Константин, который в том же году приехал в Киев. Перед отправлением в свою северную митрополию он в январе того же года участвовал в Константинопольском Соборе, обсуждавшем вопрос о Евхаристической Жертве. Церковный Собор Русской Церкви в составе митрополита Константина и епископов Космы Полоцкого и Мануила Смоленского приступил к восстановлению канонических норм церковной жизни: священнодействия митрополита Климента были «испровергнуты», а князь Изяслав Мстиславич подвергнут строгому соборному осуждению.

Митрополит Константин замещал архиерейские кафедры епископами-греками, стремясь тем самым сделать невозможным повторение Собора 1147 года. В Суздаль на место лишённого кафедры Нестора был назначен грек Леон, в Чернигов – грек Антоний. По всей вероятности греком был и Косма, поставленный епископом на вновь учрежденную кафедру в Галиче. В Переяславле Залесском был поставлен епископ Василий. В Новгороде Великом на вече был избран епископом Аркадий.

У князя Юрия Долгорукого с митрополитом Константином установились добрые отношения, и князь прислушивался к его мнению в государственных вопросах. 15 мая 1158 года Юрий Долгорукий скончался. Не любившие его киевляне начали грабить княжеское имущество и «избивать» суздальцев по городам и селам. Смерть Юрия Долгорукого позволила захватить великокняжеский стол Изяславу Давидовичу, но в конце 1158 года он был изгнан из Киева Ярославом Галицким и Мстиславом Изяславичем, решившими передать столицу князю смоленскому Ростиславу.

Мстислав, сын преданного анафеме князя Изяслава, требовал при возведении на киевский престол дяди своего Ростислава Смоленского, чтобы низверженный митрополит Климент снова управлял Российской Церковью, ибо пришелец греческий, говорил он, клял будто бы память отца его. Но Ростислав не хотел слушать о Клименте, избранном, по его мнению, неправильно собором русских епископов без соизволения патриарха Царьградского. Князья согласились наконец между собою, чтобы не быть митрополитом ни тому, ни другому, а призвать нового из Царьграда. И митрополит Константин, стремясь избежать мести Мстислава, удалился в Чернигов, где княжил Святослав Ольгович, друг и союзник Юрия Долгорукого, а епископом был грек Антоний. Здесь митрополит Константин внезапно заболел. Тогда он стал сожалеть и раскаиваться в излишне строгом наказании участников постановления на Киевскую митрополию Климента. Митрополит Константин призвал епископа Антония и вручил ему свое завещание, взяв обязательство исполнить все, что в нем написано. Когда, после кончины митрополита Константина, епископ Антоний распечатал перед князем Святославом завещание и прочел его, все присутствовавшие были поражены: «По умертвии моем не погребите тела моего, но повергше его на землю и поцеплеше ужем за нози и извлекше из града, поверзите на оном месте, имя нарек ему, псом на расхищение».

Изумились князь и епископ великому его смиренномудрию, и Антоний, хотя с ужасом и многими слезами, исполнил, клятвы ради, его завещание. Ужаснулся и народ неслыханному делу.

Самоосужденное тело лежало три дня и три ночи невредимым; никакой зверь не мог к нему прикоснуться, и каждую ночь видимы были над ним огненные столпы.

Тогда князь Святослав, проникнутый страхом суда Божия, послал сказать о том в Киев великому князю Ростиславу, а между тем велел поднять святителя Христова и с великой честью нести в город в Спасо-Преображенский собор. Там положено было в теремце тело его, подле князя Игоря Ярославича.

Во все сии три дня в Киеве бушевала буря, а также и в иных местах, так что шатер Ростислава, стоявший на поле под Вышгородом, был сокрушен. При неумолкающих громах молния поразила двух пресвитеров, одного диакона и четырех мирских людей. Но в Чернигове во все эти дни ярко светило солнце, и как только было погребено священное тело, повсюду наступила тишина. Умилился великий князь Ростислав и послал по всем церквам творить поминовение по усопшем святителе, явно исповедуя, что Господь послал кару сию ради его собственного жестокосердия. Подобно тому, как Господь не оставил раскаявшегося разбойника, так милосердный Владыка принял и плоды покаяния, принесенные митрополитом Константином – у его мощей стали совершаться многочисленные чудесные исцеления. Память святого совершается в день его кончины – 5/18 июня.

Июнь 6

Иона Клименецкий, Олонецкий, преподобный – преставление

Благодать небесная зовет всех к спасению и блаженству, но не всех одинаково. Одни слышат призвание ее еще с юности, другие – в летах зрелых; тех возбуждает она от сна душевного необычайными мерами, других – обыкновенными способами; одним является в знамениях и чудесах, другим – в каком-либо событии жизни. Это дело премудрости Божией, которая знает, кого и как позвать к себе. Наше же дело – внимать гласу Божию. Счастлив тот, кто, услышав голос Божий, верно следует ему, не изменяя до гроба. Таков был блаженный Иона Клименецкий.

Новгородский посадник Иоанн Климентов оставил сыну своему много богатства. Сын Иоанн спокойно занимался торговлей, как занимался и отец его. Не раз Иоанн в карельском насаде (большой лодке) переплывал обширное Онежское озеро, простирающееся на 200 верст. Но однажды, возвращаясь из Повенца в Новгород с грузом соли, на середине озера застигнут он был страшной бурей. Долго насад носился по произволу волн, казалось, вот-вот неуправляемый насад должен был пойти ко дну. Иоанн стал просить у Господа избавления от смерти, обещая в случае спасения принять монашеский постриг. Его молитва была услышана, насад выбросило на остров Клименцы. Иоанн со слугами благодарил Бога и в это время услышал голос, повелевший ему построить обитель во имя Живоначальной Троицы. Здесь же в прибрежных кустах можжевельника чудесно обрел он икону Св. Троицы. На месте, куда его выбросили волны, он поставил крест, а на месте явления иконы – крест и часовню. Это было в 1490 году. Вернувшись в Новгород, Иоанн распорядился своим богатым имуществом и, приняв иноческий постриг с именем Иона, отправился на остров.

После возвращения на остров он построил два храма: во имя Святой Троицы во имя святителя и чудотворца Николая – покровителя мореплавателей и землепроходцев. Затем святой построил келлии и приготовил все необходимое для обители

иноков. Троицкий Николо-Климецкий монастырь был основан около 1520 года. Так преподобный исполнил завет Господа. Из бедного Нятинского монастыря, расположенного в трех верстах от новой обители, пришли братия. К ним присоединились иноки из других мест, желавшие безмолвия и уединения. Митрополит Московский Варлаам (1511–1512) благословил для храмов обители антиминсы и хотел поставить святого Иону настоятелем, но тот по смирению отказался. Преподобный Иона уговорил новгородского иеромонаха Тихона принять настоятельство, а сам подвизался как простой инок.

Преподобный Иона мирно скончался 6 июня 1534 года и был погребен у храма во имя святителя Николая. Над нетленными мощами святого впоследствии была построена часовня, а в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761) – каменный храм во имя праведных Захарии и Елисаветы.

Иона, епископ Великопермский, святитель

Святитель Иона, епископ Великопермский, был пятым епископом Пермским. После кончины великого просветителя Пермского края святителя Стефана († 1396; память 26 апреля» 9 мая) его преемником стал епископ Исаакий, проводивший большую часть своего времени в Москве и недолго находившийся на Пермской кафедре.

Апостольские труды святителя Стефана продолжили святители Герасим († 1441; память 24 апреля/7 мая) и Питирим († 1455; память 19 августа/1 сентября); оба приняли мученическую смерть, исполняя свой архипастырский долг.

Вскоре после убиения отрядом вогульского князя Асыки святителя Питирима митрополит Московский и всея Руси чудотворец Иона († 1461; память 31 марта/13 апреля и 15/28 июня) рукоположил соименного ему благочестивого инока в епископский сан. В 1455 году епископ Иона прибыл в Усть-Вымь – главное селение обращенных в христианство зырян, где еще в 1383 году святым Стефаном была учреждена кафедра при построенном им храме в честь Благовещения Пресвятой Богородицы.

Принимая место, обогренное кровью двух его предшественников, святитель Иона безусловно понимал, какие трудности он встретит на своем архипастырском пути. Время междоусобиц уже проходило, и великий князь Василий Васильевич Темный еще в Москве обещал святителю защиту и покровительство. Присланная им сильная московская рать за 1458–1459 гг. установила в Пермских пределах относительное спокойствие, усмирив при этом вятскую вольницу, принимавшую участие в грабежах поселений зырян и убийстве святителя Питирима. В случае же набегов полудиких племен вогулов (или вогуличей) Новгород и Устюг были обязаны по первому требованию Пермского епископа оказывать ему военную помощь.

Заручившись такой поддержкой, святитель Иона смог все свои силы направить на укрепление Пермской Церкви. Главным

делом жизни святителя стало дальнейшее просвещение наиболее упорно державшихся верований небольших, но очень воинственных народностей Великой Перми – остяков и вогулов. Являясь соседями уже крестившихся зырян, они врывались в их поселения, грабя и принуждая жителей отказываться от истинной веры.

Подобно первосвятителю Пермскому Стефану, святитель Иона встретил на своем пути немало лишений, опасностей и гонений. Неумоимо боролся он с влиянием волхвов и жрецов на простодушный народ, поклонявшийся языческому истукану – Золотой бабе.

В 1462 году епископ Иона был вызван на прения о вере, которые проходили в Уросе, владении пермских языческих князьков. Одержав убедительную победу над главными пермскими волхвами, святитель сумел зажечь светом Христовой истины сердце одного из наиболее влиятельных в тех местах князей (по некоторым сведениям, сына того самого Асыки, от руки которого принял кончину святитель Питирим).

С помощью этого князя, нареченного во святом крещении Михаилом, епископ Иона приступил к искоренению языческих кумирниц и идолов. За 1462–1463 годы проповедью слова Божия епископ Иона окончательно обратил в христианство народы Великой Перми, которую он, по выражению летописца, «добавне крести».

На местах идольских капищ, куда народ привык стекаться для жертвоприношений, святитель строил храмы и открывал при них школы для обучения детей. Из Усть-Выми им были вызваны опытные и знавшие местные обычаи священники, способные продолжить дело просвещения новообращенной паствы. Деятельную помощь Пермскому епископу оказали иноки Троицкой Печорской пустыни. Долгое время они выполняли обязанности приходских священников для христиан, живших на реке Печоре. В главном поселении Перми Чердыни епископ Иона основал монастырь во имя святого апостола Иоанна Богослова, на устройство которого так же, как и на строительство храмов, щедрые пожертвования делали жители Устюга и Новгорода.

В 1468 году Пермские земли пострадали от набега казанских татар. Святитель Иона, не щадя своих сил, старался помочь пострадавшим.

Успешная архипастырская деятельность святителя Ионы укрепила его авторитет среди иерархов Русской Православной Церкви. В 1459 году он был призван в Москву, где принял участие в Соборе, в частности, в составлении послания литовским епископам о хранении верности Православию. Об уважении и доверии, каким Пермский епископ пользовался у тезоименитого митрополита Московского Ионы, свидетельствует прочтение духовного завещания почившего в 1461 году первосвятителя собравшимся в Москве архиереям епископом Ионой.

За несколько лет до блаженной кончины, предчувствуя ее близость, святитель Иона стремился побывать в каждом, даже самом отдаленном месте своей епархии, чтобы словом назидания укрепить новообращенных в христианской вере, предостеречь их от опасности возвращения к языческим привычкам и обычаям.

Пятнадцать лет длилось святительское служение в Пермской земле. 6 июня 1470 года он мирно отошел ко Господу.

По свидетельству летописца, «положено бысть святое тело его на Усть-Выми, в его епископии, близ мощей святых в церкви (Благовещения Пресвятой Богородицы), по левую сторону Герасима и Питирима, епископов Усть-Вымских, чудотворцев, идеже все три вкупе почивают и чудеса творят и исцеления различные подают с верою приходящим». Общая память трем святителям (кроме памяти, совершаемой в день кончины каждого) установлена 29 января 1607 года Соборным определением при Святейшем Патриархе Гермогене и царе Василии Иоанновиче Шуйском.

Паисий Угличский, преподобный

Преподобный Паисий Угличский родился в селе Богородском, неподалеку от города Кашина, в Нерехотском стану. Его отец, Иоанн Гавренев, служил у князя угличского Андрея Васильевича, сына великого князя Василия Темного. Ксения, мать преподобного Паисия, была дочерью полководца Василия Ананьевича Кожина и родной сестрой преподобного Макария Калязинского († 1483; память 17/30 марта).

Мальчик, названный в святом крещении Павлом, был рано обучен грамоте и уже в детстве много читал. Часто он бывал с родителями в Калязинском монастыре у своего дяди, где проникся любовью к иноческой жизни. В десятилетнем возрасте Павел осиротел и был взят на воспитание в Троицкую Калязинскую обитель. Вскоре настоятель обители преподобный Макарий, уступая настойчивым просьбам своего племянника, которому не исполнилось еще одиннадцати лет, постриг его в иночество с именем Паисий. Под руководством опытного дяди, в тишине обители юный инок рос по духу, не тревожимый опасными волнениями и советами мира; с юных лет научился он подвигам послушания, поста и молитвы. В монастыре ему было поручено переписывание священных книг. Известно, что в начале XX века в Калязинском Троицком монастыре хранились творения святителя Григория Богослова, переписанные иноком Паисием.

Не засоряемый впечатлениями мирскими и очищаемый подвигами самоотречения, дух его стал способен и к созерцанию мира духовного. Раз во время ночной молитвы явился ему Ангел и сказал: «Ты должен быть наставником для многих; ты выйдешь отсюда и будешь жить там, где тебе велят: так надобно для славы Божией». Преподобный Паисий со страхом выслушал эту весть и пересказал наставнику своему прп. Макарию, но никому другому. Через некоторое время это чудесное предсказание осуществилось.

В 1476 году князь угличский Андрей Васильевич, хорошо знавший родителей преподобного Паисия, обратился с просьбой

к Калязинскому игумену – отпустить инока Паисия из обители для того, чтобы под его руководством основать новый монастырь. Преподобный Макарий с радостью откликнулся на богоугодное желание князя и, благословив своего племянника и воспитанника, направил его в Углич. Князь даровал для будущего монастыря землю на левом берегу Волги, в трех верстах от Углича. Поселившись там в хижине, преподобный Паисий приступил к сооружению деревянного храма в честь Богоявления Господня. Вскоре к нему собрались десять монашествующих собратий, которые обосновались в построенных преподобным Паисием келлиях.

Архиепископ Ростовский Тихон, в епархию которого входил Углич, рукоположил преподобного Паисия в сан иеромонаха. После этого князь настойчиво просил преподобного принять игуменство. Уступив его просьбам, преподобный Паисий возглавил новоустроенный монастырь, где ввел строгий общежительный устав.

Благочестивый князь угличский Андрей Васильевич с большим уважением относился к преподобному, не раз он содействовал укреплению обители и делал щедрые вклады для ее дальнейшего благоустройства. Так, в благодарность Господу за рождение двух сыновей, Димитрия и Иоанна, восприемником которых стал преподобный Паисий, князь передал пожертвования на строительство в монастыре каменного храма. В 1479 году началось возведение нового храма. В 1482 году, после завершения работ, построенный храм был освящен в честь праздника Покрова Пресвятой Богородицы, поэтому монастырь стал называться Покровским.

В скором времени по сооружении соборной церкви восстал на князя угличского Андрея Васильевича родной его брат великий князь Иоанн Московский и, согнав с престола, заключил вместе с детьми его в темницу, где и скончался в 1493 году. Не малодушествовал преподобный Паисий, не изменил своему князю, но с честью похоронил его в соборе угличском. Когда же, по смерти родителя, сыновья его Иоанн и Димитрий были заточены в вологодской темнице, много скорбел о такой неправде святой старец, и, хотя не мог одолеть насилия

великокняжеского, но неоднократно обличал Иоанна, умоляя его многими посланиями отложить гнев. Видя неуспешность своих прошений, вручил он все сие дело суду Божию, а сам не переставал молиться в тиши своей обители о них и посылал им в вологодскую темницу все нужное. Он заботился даже о том, чтобы и после его преставления не оскудевала милостыня заточенным князьям. Преподобный частым писанием поддерживал дух благородных узников, обещая им страдальческие венцы и нескончаемые блага за маловременные страдания. Таким образом созрел духовный плод сей в темнице и, как достойный ученик старца Паисия, князь Иоанн, в схиме Игнатий, был сам причтен к лику святых.

Святость преподобного Паисия, который собирал в житницы вечной жизни сторичный плод добродетели, еще при временной жизни его ознаменовалась многими чудесами. Ему был дан от Господа дар исцелений, но смирение его умело покрывать совершаемые им чудеса. Когда приходили к нему недужные, беснуемые и прокаженные для разрешения от тяжкого недуга, то не просто возлагал он на них руки, но приводил в церковь, после молебна кропил их святою водою или помазывал елеем от лампы, тем подавая исцеление.

Случился великий пожар в Угличе: загорелись все посады и торговые ряды, и не чаяли ниоткуда спасения. Тогда преподобный Паисий собрал всех настоятелей, иноков и священников из обителей и церквей Углича и сам вынес из обители чудотворный образ Покрова Богоматери на пожарище. Огонь как бы устыдился чудотворного лика и такого сонма преподобных, и вскоре угасло лютое пламя молитвами старческими. Было в другой раз сильное наводнение в Угличе. Волга выступила из берегов своих и окружила обитель преподобного, проникла и в ограду, и волны шумели около соборной церкви, но хотя и стояла вода выше порога церковного, однако не взошла внутрь храма, ради молитв старца Паисия.

Случилось однажды молодому боярину угличскому проезжать на коне мимо обители, и внутренне посмеялся он над преподобным, которого застал с заступом в руках, копающим

землю в монастырском огороде, но в ту же минуту рассвирепел под ним конь и сбросил с себя – боярин упал без чувств. Преподобный сам его поднял, привел в чувство и кротко сказал: «Не осуждай иноков».

От всех старался утаить свой подвиг труженик Паисий и одному только Господу, зрящему тайная, могло быть известно равноангельное житие его. Похвала же человеческая была прискорбна святому подвижнику, и всячески старался он избежать молвы житейской. Никогда не превозносился он духовной своей высотой и, будучи настоятелем, исполнял все послушания последнего инока своей обители, терпя холод и зной, в одной власянице, в надежде небесного воздаяния. Всех научал он словом и примером, что многими скорбями подобает внити в Царствие Небесное, и пустынные чада умножались около великого своего аввы. В трудах и воздержании достиг преподобный глубокой старости. Однако он сам совершал Божественную литургию по воскресным и праздничным дням. Когда не позволяли немощи, преподобный Паисий продолжал сидя исполнять келейное правило.

Приняв тайное извещение от Господа о скором своем преставлении, совершил он в последний раз священнодействие и потом собрал в келлию свою братию, чтобы утешить ее о скорой разлуке и поучить взаимной любви. Велел он известить блаженного пустытника Кассиана о своем крайнем изнеможении и ему поручил собранное свое стадо, чтобы промышлял о нем после его кончины. Игуменом поставил он после себя в добродетели священноинока, но и ему велел во всем повиноваться духовному своему брату блаженному отцу Кассиану, начальнику пустыни Учмы, которого умолил из глубины своей пустыни надзирать и за его стадом. Устроив все нужное для обители, разрешился уже от всего житейского столетний старец и почувствовал в сердце своем радость, как бы некто из дальних и чудных стран, весело возвращающийся на свою родину от многих печалей в тихое пристанище. И в самый час своего исхода еще приобщился Божественных Таин; последним его словом было: «Господи! В руце Твои предаю дух мой», и просветилось лице его, келлия и вся обитель

исполнились благовония. Блаженный Кассиан и братия с великим плачем отпели многолетнего своего наставника и положили в созданной им церкви. Во время надгробного пения много недужных исцелялись над священными останками. Июня в 6-й день 1504 года совершилось сие торжественное погребение, и в этот день установила Св. Церковь совершать память сего чудотворца земли Русской.

В 1609 году на обитель напали польско-литовские захватчики: настоятель и братия были умерщвлены, монастырь разорен, но по прошествии некоторого времени силами жителей Углича восстановлен.

Июнь 7

Антоний Кенский, Кожеезерский

Преподобный Антоний Кенский (Кожеезерский), в схиме Авраамий, ученик и преемник преподобного Серапиона (память 27 июня/10 июля) по управлению Кожеезерским монастырем мирно преставился ко Господу 27 июня 1592 года.

Июнь 8

Феодор, епископ Ростовский и чудотворец Суздальский, святитель

Святитель Феодор, епископ Суздальский, был родом из Греции. Он прибыл в Киевскую Русь из Константинополя в свите духовных лиц, сопровождавших святителя Михаила, митрополита Киевского († 992; память 30 сентября/13 октября), который крестил великого князя Владимира в 987 году в Корсуни. По свидетельству Кормчей XIII века, список с еще более древней, равноапостольный великий князь Владимир († 1015 г.) говорил о себе: «Прием святое крещение и прослави Бога, яко сподобити прияти таковую благодать преосвященным митрополитом Михаилом, и взях его, первого митрополита, от патриарха и от всего собора, почтенного лампадою и сакон, яко второго патриарха, с ним же крестих всю Русскую землю».

После крещения киевлян летом 988 года великий князь Владимир вместе с сыновьями и первым митрополитом Киевским Михаилом объезжали русские города, ревностно распространяя христианство. В Чернигов, Белгород, Переяславль, Новгород, Владимир Волынский были поставлены епископы. В 990 году митрополит Михаил посвятил в сан епископа сопровождавшего его святителя Феодора и назначил его на новоустроенную кафедру в Ростове Великом.

Рукописное житие святителя Леонтия Ростовского († 1164; память 23 мая/5 июня) свидетельствует: «Бысть первый епископ Ростову Феодор и крести Ростовскую землю и Суздальскую».

Святитель Феодор сразу же приступил к строительству первого в Ростове христианского храма, первоначально деревянного. Он был освящен в честь Пресвятой Богородицы и простоял 168 лет.

Ростовские жители вначале, будучи еще язычниками, довольно враждебно встретили и самого архипастыря, и все его начинания. Множество обид пришлось вынести святителю от идолопоклонников, подстрекаемых волхвами. Притеснения с их стороны все увеличивались, поэтому в 992 году епископ Феодор вынужден был покинуть Ростов Великий.

По выражению Степенной книги, святитель «изнемог» от упорных язычников и «неверных людей», не принимавших крещения.

Святитель Феодор поселился в местности, где позднее возник город Суздаль. В кратком рукописном сказании о святителе Феодоре, хранившемся в ризнице суздальской соборной церкви, повествуется: «Прям святитель Феодор паству словесных овец в Суздальской стране и, видя их помраченными, начал, возлагая на Бога упование, сеяти семя слова Божия, идольские капища разрушая; храмы же святые во славу Божию созидая и украшая. Зряще бо народи богоугодное житие его и кроткий нрав, и слыша богодухновенное учение его, по премногу удивляшися, обращаяхуся в веру Христову и приимаху святое крещение». Таким образом, Суздальская местность, входившая в то время и в последующие два столетия в состав Ростовской епархии, обязана христианским просвещением святителю Феодору, который поэтому и был поименован впоследствии Суздальским.

Так как по спискам Ростовских епископов XIV века прежде св. Леонтия три раза поставляется в Ростове Феодор, то это подает мысль, что св. Феодор из суздальского уединения снова возвращается в Ростов на кафедру. Это подтверждается и рукописным житием св. Леонтия; здесь сказано о равноапостольном кн. Владимире: «Феодора епископа посла в Ростов с князем Борисом». Поскольку же известно, что св. кн. Борис был послан в Ростов в 1010 году на место князя Ярослава, поступившего в Новгород; то прибытие св. Феодора в Ростов вместе с князем Борисом было также не прежде 1010 года. В этот раз он пробыл в Ростове, вероятно, до 1014 года, пока не вызван был кн. Борис больным отцом в Киев. Страдальческая кончина св. кн. Бориса и последовавшая за нею кровавая борьба Ярослава с братоубийцей Святополком были благоприятны только для фанатиков язычества, и блаженному епископу трудно было в такое время удержаться в Ростове. В помянутом житии св. Леонтия сказано, что блаженный Феодор, прибыв с князем Борисом в Ростов, хотя усердно трудился над

просвещением народа святой верой, но неверие глубоко пустило корни в народе, проповедник «изгнан бысть».

Епископ Феодор преставился в Суздале, но летописи не сообщают года его блаженной кончины; по некоторым сопоставимым данным ее можно отнести не позднее 1023 года.

Дата прославления святителя точно неизвестна, но в соответствии с древним преданием обретение его святых мощей произошло еще до нашествия хана Батыя, то есть до 1237 года.

В 1754 году епископ Суздальский Порфирий предлагал Святейшему Синоду освидетельствовать мощи епископа Феодора. Указом от 27 августа 1755 года Святейший Синод постановил: «Нет никакого сомнительства, вновь освидетельствовать несть потребы, а оставить в таком же, как доныне были, состоянии и почитании».

В 1794 году стараниями преосвященного архиепископа Владимирского и Суздальского Виктора нетленные мощи святителя Феодора были положены в раку из позолоченного серебра и открыто почивали с тех пор по левую сторону от иконостаса в суздальском соборном храме в честь Рождества Богородицы.

Над мощам святителя еще с 1635 года существует настенная надпись: «В лето 6948 первый благоверный и великий князь Владимир просвети Суздальскую землю святым крещением и паству вручи епископу Феодору».

Над гробницей святителя, почившего в Суздале, в XVI веке возложен был дорогой покров с такой шитой надписью: «Лета 7089 (1581), молясь Пресвятой Богородице и великому чудотворцу епископу Феодору Суздальскому, положила сей покров на великаго чудотворца епископа Феодора князя Владимира Андреевича княгиня Евпраксия». В 1633 году Суздальский архиепископ писал в Суздальский Девиный монастырь: «Молитвы великих святителей чудотворцев Суздальских Иоанна и Феодора да будут с вами».

Служба святителю Феодору, а также его житие написаны иноком Григорием, подвизавшимся в Суздальском Евфимиевом монастыре, основанном в XIV веке.

Василий и Константин князя Ярославские, страстотерпцы благоверные – прославление

Святые благоверные князя Василий и Константин были единственными сыновьями первого князя ярославского Всеволода Константиновича от брака его с Мариною, дочерью Олега, князя курского. Всеволод Константинович был родным братом князя Василька Ростовского († 1238; память 4/17 февраля).

В 1238 году монголо-татарские орды хана Батыя опустошили область великого княжения. Великий князь Георгий с сыновьями и немногочисленным войском вынужден был отступить в Ярославский удел своего воспитанника Всеволода. Здесь, на реке Сити, их настигли отряды неприятелей. Произошла кровавая сеча, в которой погибли великий князь Георгий и князь Всеволод Ярославский, отец Василия и Константина. Василько Ростовский был пленен и мученически погиб за веру и отечество. К 1238 году относится первое упоминание в летописях о старшем сыне погибшего ярославского князя Василия (родился не позднее 1229 года), как об одном из князей, спасшемся от меча Батыева. Возмужание осиротевших юных князей пришлось на сложное, тяжелое время. Наследование княжения принял на себя старший брат Василий. Ему предстояло укреплять ослабевший дух своих подданных, вселять в них надежду, помогать вдовам и сиротам воинов, погибших на реке Сити.

Летописи свидетельствуют, что князь Василий Всеволодович в страхе Божиим правил княжеством, не вступая в междоусобные споры с соседями. Им были восстановлены и обновлены разрушенные в Ярославских пределах монголо-татарами многие храмы.

В 1239 году князь Василий Всеволодович впервые отправился вместе с другими князьями в Орду «про свою отчину», то есть для того, чтобы получить от хана утверждение на Ярославское княжение; он был отпущен, по свидетельству летописца, ханом Батыем «с честью». Позже Василий

Всеволодович еще несколько раз ездил в Орду: в 1244 году с Владимиром Константиновичем, князем угличским; в 1245 году вместе со своим дядей великим князем Ярославом Всеволодовичем. По возвращении из последней поездки к хану он женился на княжне Ксении. У них было двое детей – дочь Мария и сын Василий, умерший малолетним.

Зимой 1249 году князь Василий Ярославский отправился во Владимир на Клязьме для встречи с родственным ему святым благоверным великим князем Александром Невским († 1263 г.). Там он тяжело заболел и 8 февраля преставился ко Господу. Гроб с телом князя Василия Всеволодовича от Владимира до Ярославля провожали его двоюродные братья: ростовский и белозерский князья Борис и Глеб Васильковичи вместе со своей матерью, а также сам великий князь Александр Невский – столь велико было их уважение к молодому, но зрелому духом безвременно почившему князю. Погребение совершил епископ Ростовский Кирилл в ярославском соборном храме в честь Успения Пресвятой Богородицы, на северной стороне которого был положен гроб с телом князя Василия Ярославского.

По кончине старшего брата в 1249 году Константин Всеволодович принял правление княжеством. Он укрепил границы своего владения, страдавшие от постоянных набегов ордынцев. 3 июля 1257 года к Ярославлю подступило монголо-татарское полчище. Князь Константин бесстрашно выступил против превосходивших сил неприятеля с малочисленной дружиной. Перейдя на другую сторону реки Которосли, он вышел на гору, где и произошла кровавая битва с татарами. Несмотря на героическое сопротивление, русские были разбиты численно превосходившим противником. Князь Константин геройски пал вместе со своими воинами. Ярославль был жестоко разорен. Гора, где погиб ярославский князь с дружиной, с тех пор стала называться Туговой, как место туги (туга – скорбь, тоска, горе). Тело благоверного страдальца было погребено с честью в соборном Успенском храме, у места упокоения его старшего брата Василия.

В 1501 году в Ярославле произошел пожар, во время которого сгорел кремль и деревянный собор. Когда начали

копать рвы для закладки основания нового храма, то обрели два гроба с нетленными телами. По надписям на каменных плитах было определено, что это благоверные князья Василий и Константин Ярославские. По просьбе народа епископ Ярославский в присутствии многочисленного духовенства перенес нетленные мощи из кремля в деревянный храм во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Известие об этом событии дошло до великого князя московского Иоанна III, который послал из Москвы искусных каменщиков для постройки соборного храма. Впоследствии он сам прибыл в Ярославль на поклонение святым мощам своих предков.

После окончания строительства кафедрального Успенского собора святые мощи князей Василия и Константина были вновь торжественно перенесены и поставлены открыто в пределе, освященном в их честь, между столпов, с правой стороны, под древними родовыми княжескими иконами. В 1744 году во время большого пожара в соборе святые мощи обгорели, после чего останки их были заключены в ковчеги и вновь положены в Успенском храме, но уже в особо устроенную гробницу. В княжение Василия Ивановича (1526–1533) монахом Пахомием было написано житие Ярославских чудотворцев. Память святых благоверных князей Василия и Константина Ярославских совершается дважды в год: 3/16 июля – в день битвы на горе Туговой, 8/21 июня – когда были обретены их святые мощи. В тот же день празднуется память Ярославской иконы Божией Матери, по преданию, принесенной в Ярославль благоверными князьями-братьями и с тех пор находившейся в Успенском кафедральном соборе.

Июнь 9

Александр, игумен Куштский, преподобный

На пустынном острове Кубенского озера в Спасо-Каменном монастыре, в то время прославленном духовном очаге на севере Руси, созрело несколько дивных подвижников. Одни из них просияли святостью жизни на том самом острове, где получили духовное воспитание; другие сделались отцами пустынножителей на диких берегах Кушты и Сянжемы.

При игуменстве блаженного Дионисия Святогорца, постриженника Афонской горы, введен в Спасо-Каменном монастыре строгий Афонский устав. И сам игумен своей добродетельной жизнью столько прославился в окрестности, что народ толпами устремился на пустынный остров. Приходили и люди пожилые, чтобы, как в тихой пристани, найти себе упокоение от треволнений и бурь житейских; приходили и юноши, желавшие оставить мир, пока он еще не приковал их к себе, и учиться иноческой жизни под руководством мудрого и опытного наставника. Игумен Дионисий принимал с отеческой любовью и радушием всех приходивших к нему и старался удовлетворить их духовным нуждам. В числе их был преподобный Евфимий († около 1456; память 20 января/2 февраля и 11/24 апреля), уроженец Вологодский. Он скоро перешел из обители с благословения настоятеля за две версты от Кубенского озера, на реку Кушту, и в тесной келлии работал Господу постом и молитвой. Вскоре после того пришел туда же и молодой странник, родом также из Вологды, по имени Алексей.

Алексей родился около 1371 года и еще в юных годах, навсегда оставив родной дом, отправился в Спасо-Каменную обитель. Смиренно просил он монахов проводить его к игумену. В беседе с юношей, со слезами умолявшим настоятеля принять его в монастырь, прп. Дионисий Святогорец не скрыл тех трудностей и искушений, которые предстоят иноку. Но юноша не отступил, и игумен принял его послушником. Добровольно наложив на себя суровый пост и строгое молитвенное правило, Алексей с таким желанием выполнял все послушания, что

вскоре заслужил любовь и глубокое уважение братии. Благочестивая жизнь молодого послушника побудила игумена Дионисия сократить время монастырского искуса, и уже через несколько месяцев после своего прихода Алексей был пострижен в монашество с именем Александр. Новый инок весьма был этому рад и совершенно всего себя предал Богу. Он с охотой исполнял все монастырские послушания, соблюдал самый строгий пост и обуздывал им юную свою плоть, на устах и сердце постоянно имея молитву, ни одного часа не проводил без рукоделия и труда, так что все братия дивились его подвигам и смирению и смотрели на него как на Ангела Божия. Много лет провел в этих подвигах блаженный Александр, возрастая и укрепляясь в жизни духовной, и в это время получил сан священства, как человек, пользовавшийся общим уважением всех иноков в обители. Впоследствии, когда преподобный Александр явился в Ростов к архиепископу Дионисию, то он называл его сыном и сослужебником.

Но любовь и почитание окружавших искренне тяготили смиренную душу подвижника, и как ни тяжело ему было расставаться с игуменом и собратиями, однажды, после вечернего правила, преподобный покинул монастырь. Странствуя по окрестным лесам несколько дней, он остановился на безлюдном берегу реки Сянжемы, где был густой лес и озеро. Здесь он поставил себе келлию и проводил жизнь в молитве и крайнем воздержании. Но через некоторое время место его уединения было открыто. Жители близлежащих селений, изумленные подвижнической жизнью пустынника, стали приходить к нему, с благоговейным почтением относились они к его подвигу. Смущенный отшельник вынужден был оставить Сянжему и направиться к берегам Кубенского озера, надеясь там найти более безлюдное место. В устье реки Кушты (в 45-ти верстах от Вологды) он неожиданно обнаружил келлию преподобного Евфимия († ок. 1470; память 20 января/2 февраля), собрата и постриженника того же Спасо-Каменного монастыря.

Некоторое время подвижники провели в совместных молитвах и благочестивых беседах. От духовного взора

преподобного Евфимия не укрылось, что его гостю пришлось по душе место на Куште, и когда преподобный Александр смиренно предложил обменяться келлиями, то он с радостью согласился, принимая это желание брата за указание Промысла Божия. Преподобный Евфимий пошел в хижину Александра на Сянжеме, а ему уступил свою малую келлию на Куште и при прощании оставил ему на благословение свой крест. Таковы были взаимные смирение и любовь святых подвижников!

Тихая пустынь очень полюбилась преподобному Александру. Подойдя к озеру, он погрузил крест в воду и молил Господа, чтобы Он собрал здесь ревнителей крестного пути. Блаженный отшельник трудился одиноко, копал лопатой землю и сеял рожь для своего пропитания. И много искушений потерпел он от духов злобы, которых побеждал силою крестною. Спустя некоторое время к преподобному Александру пришел один старец, с которым он прожил пять лет. Когда пришел третий брат, преподобный Александр решил устроить храм в честь Успения Пресвятой Богородицы. Он отправился в Ростов Великий за архипастырским благословением на строительство храма. Архиепископ Ростовский Дионисий Святогорец, бывший игумен Спасо-Каменного монастыря, управлявший в последние годы своей жизни Ростовской епархией (1418–1425), благословил своего постриженника и снабдил его всем необходимым для богослужения.

Вернувшись, преподобный Александр сразу приступил к сооружению храма в честь Успения Пресвятой Богородицы. Князь заозерский Димитрий Васильевич был очень рад тому, что являются новые молитвенники в малонаселенной его вотчине. Он поспешил дать старцу все нужное для строения обители, а супруга его княгиня Мария украсила новоустроенную церковь святыми иконами и дала на престольное Евангелие и часто присылали жизненные запасы для обители. Глубоко почитая святого старца за его благочестивую жизнь и зная о его многочисленных хозяйственных заботах, она стремилась поддержать силы преподобного и присылала ему разнообразную пищу. Но и в игуменстве подвижник не изменял своим строгим правилам: пребывая в сугубом посте, он все

раздавал больным и нищим. «Знаете ли, любимцы мои, – говорил он братии, – что подобает нам многими скорбями войти в Царствие Небесное?»

Северные пределы Руси в те времена неоднократно подвергались опустошительным набегам ордынских отрядов. И однажды, в отсутствие князя Дмитрия Васильевича, на его вотчину напали татары, пятеро из них прискакали в Куштскую обитель. Преподобный Александр спокойно встретил их и осенил крестом. Татары пали как мертвые и пролежали без чувств несколько часов, пока преподобный Александр не пробудил их от оцепенения именем Живоначальной Троицы. И они тотчас же удалились из обители, благодаря и прославляя милосердие старца.

По смерти князя Дмитрия, павшего в битве с неверными, княгиня пожертвовала на поминование мужа село в пользу обители. Раз она нечаянно пришла в обитель и вошла в храм, где блаженный Александр читал Псалтирь в простоте пустынной, с обнаженной грудью, которую терзали насекомые. Преподобный огорчился таким посещением ее и сказал: «Не следует тебе, княгиня, надзирать за нашим убожеством». Княгиня смиренно просила прощения. Преподобный простил, но сказал в наставление: «Корми свою нищету в доме». Возвратясь, она скоро занемогла и прислала просить молитв. Но преподобный Александр прозрел ее кончину и сказал: «Пусть готовится к той жизни». Спустя 20 дней княгиня Мария скончалась.

Жизнеописание преподобного рассказывает, что однажды был собран урожай пшеницы, посеянный трудами игумена и братии. Некий крестьянин, не видя никого вокруг, решил украсть мешок зерна. Но от алчности взял слишком много и потому никак не мог поднять свою ношу. Именно в этот момент и застал его преподобный Александр. «Напрасно ты, сын мой, поднимаешь не по силам», – только и сказал он. Эти кроткие слова вызвали искреннее раскаяние вора и он пал со слезами к ногам старца. Преподобный после отеческого наставления велел ему еще прибавить пшеницы и, сделав наставление впредь не брать чужого, благословил взять мешок и идти с

Богом. Прощенный крестьянин легко понес благословенную ношу, благодаря великодушного старца.

Предчувствуя близость блаженной кончины, старец сказал ученикам своим Савватию и Симеону: «Я ослабеваю и оставляю вас, а вы, чада мои, терпите на этом месте, храните смирение и любите друг друга как самих себя». Предобручив обитель заступничеству Господа Бога и Пречистой Его Матери, он заповедал построить храм во имя святителя Николая Чудотворца и сам указал место. Дождавшись воскресного дня, он в последний раз совершил Божественную литургию и причастился Святых Христовых Таин. По окончании же службы, ставши пред иконой Спасителя, он со слезами на коленях помолился за себя и за свою обитель, и 9 июня 1439 г. в возрасте 68 лет мирно предал свой дух Господу. По завещанию преподобного Александра его тело было положено вне церкви у южной стороны алтаря. Через год над его могилой выросло деревце рябины. Каждый праздник Успения Пресвятой Богородицы к монастырю стекалось множество богомольцев. Один мальчик, по имени Матфей, ради забавы отломил ветку от рябины, и рука его тотчас распухла. Когда родители поняли причину его внезапной болезни, они немедленно привели мальчика к могиле преподобного, и по их молитве к святому ребенок тут же получил исцеление. С тех пор многие по вере получали облегчения от своих недугов, собирая целебные ягоды.

В древнем рукописном житии преподобного Александра содержится запись многочисленных чудес, совершившихся при его гробе. Особенно прославился святой Александр чудесной помощью больным, одержимым различными душевными болезнями.

В построенном по завещанию игумена храме многие видели преподобного Александра вместе со святителем Николаем молящимися и кадящими храм. Служба святому составлена около 1575 г. В 1764 году монастырь был упразднен, и Никольский храм, где были погребены под спудом мощи преподобного Александра, превращен в приходской.

Кирилл Вельский, святой блаженный

Вельский погост, что ныне город Вельск, первоначально находился на берегу реки Ваги, на мысу, образуемого слиянием ее с рекою Велью. Слабость грунта, ежегодно подмываемого с обеих сторон реками, и весенние разливы самих рек, во время которых нередко весь мыс затоплялся водою, принудили жителей переселиться на более крепкое и возвышенное место. Неизвестно когда, но уже после того, когда были построены на новом месте церкви святителя Николая, Иоанна Милостивого и Афанасия Александрийского и когда переехали туда все жители, одной благочестивой женщине Евлампии, из рода Толщеболовых, было следующее видение. Однажды, когда Евлампия была одна в доме и занималась каким-то делом по хозяйству, вдруг перед нею явился неизвестный молодой человек и сказал ей: «Меня вымыло водою из могилы и теперь тело мое на берегу реки Ваги, вели перенести его к храму Божию и поставить над ним часовню». Евлампия хотела спросить его об имени, но явившийся стал невидим. Изумленная внезапностью и чрезвычайностью явления, Евлампия поспешила рассказать о нем священникам и народу. Священники, услышавши о чудесном видении, в сопровождении многих жителей тотчас же отправились на мыс, где были прежде церковь и кладбище. Здесь близ самой реки Ваги они действительно нашли выплывший на берег гроб и перенесли его к церквам. Так как он уже потемнел от времени и казался весьма древним, то и думали найти в нем одни только кости, но когда гроб открыли, то к величайшему своему удивлению увидели, что находящееся в нем тело цело, ничем не повреждено и одежда его крепка, как новая. Тогда священники стали расспрашивать народ: не помнит ли кто такого умершего, не слыхал ли чего-нибудь о нем и не знает ли его имени? Однако все жители Вельского погоста и окрестных деревень единогласно отвечали священникам, что не знают ничего.

Жила в то время на погосте при церквах одна старица-инокиня Акилина, по прозванию Накапа, вследствие своей

дряхлости и слепоты питавшаяся христолюбческим подаянием. Только она, услышав о найденном нетленном теле, заявила священникам, что еще в молодости слыхала она от старых людей. «Когда Новгород, – рассказывала старица, – был еще не за московским государем, тиун (чиновник) новгородских наместников утонул в реке Ваге и был погребен при церкви св. Иоанна Милостивого на мысу. Сказывали, что будто бы боярин за что-то на него озлобился и хотел убить, а Кирилл побежал от него к реке Ваге. И как бежал, вскочил в воду – вода от него расступилась во все стороны сажени на три. Бежавший за ним боярин, увидевши это, раскаялся и послал к нему слугу своего просить себе прощения. Кирилл простил его, но сам пал ниц и утонул. Горько плакал о нем боярин, почитая себя виновником его смерти, приказал отыскать тело его в воде и похоронил с честью и с надгробным пением при храме Божиим». Рассказавши это, старица Акилина просила подвести ее ко гробу. И когда приближалась она к нетленному телу, тотчас же дикое мясо, величиною с яблоко, висевшее у нее над глазом, отвалилось прочь и стала видеть так ясно, как бы не была и слепой. (Инокня Акилина скончалась в 7025 (1517) году, 80 лет от роду). Священники и народ, бывшие свидетелями столь дивного исцеления слепой, прославили Бога за дарование им такого врача и молитвенника и поспешили построить для мощей его часовню.

В древнем рукописном сказании о чудесах св. Кирилла не означено, когда именно обретены его мощи и сколько лет они почивали в часовне. По мере того, как распространялась весть об обретении святых мощей и о происходящих от них исцелениях, народ все более и более начал прибегать к молитвенному ходатайству праведного Кирилла и собираться к часовне для поклонения его гробу. Многие по вере своей получили исцеление от различных недугов, что еще более возбуждало веру и усердие к угоднику Божию.

Отрок Феодор, сын священника Иоакима Черноногова, десять лет страдал глазной болезнью, так что уже ничего не видел, к тому же над левым глазом выросло у него дикое мясо величиной с яйцо. Когда отец привез его к часовне и отправлено

было в нем молебствие, отрок приложился ко гробу св. Кирилла, в это время нарост от глаза отвалился и он стал видеть все ясно.

В 7875 (1567) году женщина Мария одержима была столь сильной горячкой, что лишилась от нее рассудка и стала бегать по улицам как бесноватая. Когда родственники, по обещанию своему, привели ее в часовню и по совершении о ней молебствия приложили ее ко гробу праведного Кирилла, то горячка тотчас же прошла, она стала здоровой и пришла в рассудок.

В 7079 (1571) году Ермолай, крестьянин Устюгского уезда Пежемской волости, был нездоров глазами так сильно, что ничего не видел, на глазе была язва и его совершенно выворотило с места. В сонном видении ему было сказано: «Обещайся ежегодно ходить в Вельск на поклонение мощам преподобного Кирилла». Больной дал это обещание и, пробудившись от сна, стал хорошо видеть, язвы на глазе его уже не было.

В 7094 (1586) году женщина Татьяна, целое лето страдавшая глазной болезнью и ничего не видевшая, когда по своему обещанию была приведена в часовню и по совершении молебствия Всемиловитому Спасу и праведному Кириллу приложилась к его гробу, тотчас же прозрела.

Часовня, наскоро построенная при обретении мощей св. Кирилла, была мала и не могла вмещать множество приходивших богомольцев, к тому же от времени она пришла в ветхость и несколько не соответствовала тому уважению и усердию, какое народ оказывал святым мощам. Наконец, и самые мощи со времени их обретения оставались по-прежнему закрытыми, как бы под спудом, так что новые вельские священнослужители, посвященные после обретения мощей, ничего о них не знали и мощей не видели. Вследствие всего этого «в лето 7095 (1587) г., сентября 1 день, – свидетельствует краткое рукописное сказание о преподобном Кирилле и чудесах его, – на Вельском у Николы Чудотворца священнослужители, отпевшие в собором обедню, начали между собою советовать, и рече священник Феодот священнику Михаилу и дьякону

Симеону: «Отпоем собором молебен в часовне преподобному Кириллу чудотворцу, где гробница стоит и его, преподобного, мощей досмотрим, есть ли он тут в гробнице во плоти или в персти его мощи, что от гроба его великое чудотворение бывает, а про его мощи неведомо, токмо единому Богу сведущу?» «Буди воля Господня», – сказали в ответ священник и дьякон, и все трое во всем сану, как служили обедню, шедше в часовню и отпев молебная, вскрыша верхнюю доску гроба и узреша мощи его (Кирилла) во плоти, ни чим же вредимы, а губу верхнюю земли отда, и образом млад, а саван и срачица яко вчера положены и не истле никакоже, а гроб его не изгни и невредим ничем же. И повелеша священницы звонити во вся колокола, и бысть радость неизреченная, и начаша священницы и весь народ от радости плакаться. И посоветовавше священницы гроб его понесоша на главах своих в церковь великаго чудотворца Николы и поставиша среди церкви и начаша пети над ним надгробная провозждения со псалмы и песни и посем отпеша панихиду великую и поставиша гроб его в церкви Николы Чудотворца по страну алтаря к правой стене и освятиша весь народ покрывше и совершивше молебная Всемиловитому Спасу и Пречистой Его Матери и Николе Чудотворцу и преподобному чудотворцу Кириллу».

Из того, что священники советуются между собою, как бы не зная, что делать, но, решившись только осмотреть мощи, они вдруг переносят их в церковь, о чем не было сперва и речи; из того далее, что они действуют при этом своеобразно: начинают молебном св. Кириллу в часовне, а потом над ним же поют надгробное провозждение и панихиду, – видно, что они не имели для этого никакого указания и распоряжения епархиального начальства. А по отдаленности от Новгорода и по своей простоте действовали едва ли с ведома и благословения Новгородского владыки, к епархии которого принадлежали. Но, очевидно, была на то воля Божия, и св. Кирилл как бы спешил оправдать поступок священников, ознаменовавше перенесение своих мощей новым чудом. В этот же день (1 сентября) у гроба его получил исцеление отрок Симеон, сильно страдавший болезнью чрева, от которой тогда страдали многие, а немало и

умирали. Спустя после сего две недели (16 сентября) в один день последовало два чуда.

Последним в древней рукописи записано следующее чудо. Некто Созонт на Ваге выстроил себе новый дом, и «нача человеческая мудровати и часа добра прехождению своему искати». Чтобы в счастливый день перейти на новоселие, Созонт, обошедши всех знахарей, пришел за советом и к приходскому своему священнику, который и назначил ему днем новоселья субботу. Но когда Созонт перешел в новый дом, то вскоре начали хворать его домашние, а затем и сам он заболел горячкою и в течение десяти дней бредил и кричал днем и ночью не в уме. Однажды в полдень, когда больной на несколько времени пришел в сознание и стал засыпать, он увидел молодого человека, который вошел в комнату и сел в головах его постели. «Кто ты?» – спросил его Созонт. «Я Кирилл Вельский и пришел посетить тебя». Созонт со слезами стал просить св. Кирилла о помощи и избавлении от болезни. «Иди, – отвечал ему явившийся, – на Вельский погост, вели отпеть молебен Кириллу – и будешь здоров». – «Не могу идти, потому что ноги у меня опухли от болезни, да к тому же и денег нет у меня на молебен». – «Когда не можешь идти ныне, – сказал ему святой, – то ты хоть обещаешься сходить помолиться Кириллу, когда будешь здоров, и ежели не имеешь денег, чтобы заплатить клирошанам за молебен, то у тебя много капустного семени, тем и заплати, а про меня расскажи всем, что ты видел». Сказавши это, юноша стал невидимым, а Созонт, пробудившись от дремоты, почувствовал себя совершенно здоровым.

Долго ли мощи св. Кирилла почивали в Никольской церкви – неизвестно, но когда церковь сгорела, то и они сделались жертвой пламени, так что после пожара собрано было от них только несколько костей, которые и хранились в ящике в алтаре каменной Троицкой церкви. Так как мощи праведного Кирилла, несмотря на долгое пребывание их открытыми, никогда не были освидетельствованы высшей церковной властью и имя его осталось почему-то не внесенным в древние святцы, то по образованию из Вельского погоста города Вельска перестали призывать Кирилла Вельского в церковных службах,

а чтобы удовлетворить требованию народа, привыкшего к торжественному празднованию его памяти (9 июня), один из престолов кладбищенской церкви освятили Кириллу Белозерскому, празднуемому в тот день Церковью. Впоследствии остатки мощей праведного Кирилла, сделавшиеся предметом любопытства, были скрыты в землю под одним памятником на престольном месте прежней сгоревшей церкви. Но икона праведного Кирилла долгое время находилась в иконостасе теплого собора, и народ глубоко уважает своего отечественного угодника и почитает до сего времени его память.

Кирилл, игумен Белозерский, преподобный

Преподобный Кирилл, в миру Косма, сын благородных и богатых москвичей, в детстве получил приличное воспитание. Оставшись в юных летах сиротой, он, по поручению родителей, жил у родственника своего, боярина Тимофея Васильевича Вельяминова, окольничего при дворе у князя Дмитрия Донского. За тихий нрав и добрую жизнь боярин любил Косму и поручил ему присмотр за хозяйством и за слугами своего дома. Юноше открывалось блистательное поприще светской службы, но он стремился к подвижничеству. Он не открывал расположения своего благодетельному родственнику, потому что уверен был в несогласии Тимофея с его желаниями, и тайно молился Господу. И вот пришел в дом боярина преподобный Стефан Махрищский († 1406; память 14/27 июля), прибывший в Москву по делам обители. Косма открыл ему душу свою. И преподобный Стефан, провидя в юноше будущего подвижника, склонил боярина до того, что тот согласился с желанием его сердца служить единому Господу.

Косма раздал все свое имущество нищим, после чего игумен Стефан привел его в обитель Симоновскую, только что основанную на новом месте архимандритом Феодором († 1395; память 28 ноября/11 декабря), племянником преподобного Сергия. Св. Феодор с радостью принял Косму, облек его в иноческий образ с именем Кирилл и поручил его подвижнику Михаилу, впоследствии епископу Смоленскому. Под руководством старца юный инок со всей ревностью вступил в подвиг иночества. Ночью старец читал Псалтирь, а Кирилл, по его приказанию, клал поклоны, а по первому удару колокола шел к утрени и прежде всех являлся в церковь. Он старался при непрестанном послушании во всем подражать старцу и просил его позволить вкушать пищу только через два или три дня, но опытный наставник велел ему разделять трапезу вместе с братией, хотя и не до сытости. Кирилл послушался старца, но так мало вкушал, что едва ходил. Архимандрит назначил ему послушание в хлебне, и он сам носил воду, рубил дрова и,

разнося теплые хлеба братии, принимал вместо них теплые себе молитвы. По временам преподобный Сергей приходил в обитель Симоновскую для посещения племянника своего Феодора, но прежде всех искал он Кирилла в хлебне и долгое время беседовал с ним о пользе душевной. Изумлялись все братия: каким образом великий Сергей, оставив настоятеля и всех иноков, занимался одним лишь Кириллом, но не завидовали юноше, зная его добродетель. Из хлебни перешел он, по воле настоятеля, в поварню, топил печи и, смотря на пылающий огонь, говорил сам себе: «Смотри, Кирилл, не попасть бы тебе в вечный огонь». Эти смиренные труды Кирилла продолжались девять лет; и стяжал он такое умиление, что не мог без слез вкушать и хлеба. Общее уважение от братии смущало его и он стал юродствовать, чтобы избежать почета. В наказание за нарушение благочиния настоятель назначил ему в пищу только хлеб и воду дней на сорок; Кирилл с радостью выполнил это назначение. Как, однако, не таил свою духовность прп. Кирилл, опытные старцы понимали его и против его воли заставили принять сан иеромонаха. И тут началась новая для него служба: строго исполняя чреды священнослужения, не оставлял он и прежних монастырских работ в хлебне и поварне.

Вскоре архимандрит Феодор был избран епископом в Ростове, а на его место в Симонов возвели преподобного Кирилла, не внимая его слезам и отрицанию. Это было в 1390 году. Но прп. Кирилл, теперь уже архимандрит, не изменил образа жизни и в свободное время выходил на работу вместе с послушниками. Богатые и знатные люди стали посещать преподобного, чтобы слушать его наставления. Это смущало смиренный дух святого, и он, как ни упрашивали братия, не остался настоятелем, а затворился в своей прежней келлии. Но и здесь частые посетители беспокоили преподобного, и он перешел на старое Симоново. Душа преподобного Кирилла устремилась к безмолвию, и он молил Матерь Божию указать ему место, полезное для спасения. Однажды ночью, читая, как всегда, акафист пред иконой Божией Матери Одигитрия, он услышал голос: «Иди на Белоозеро, там тебе место». Вместе с

тем заблистал свет, и из оконца Кирилл увидел на дальнем севере озаренное место. Услышав от друга своего Ферапонта (память 27 мая/9 июня), какова страна Белозерская, он с той же иконой Богоматери отправился на Белоозеро в сопровождении друга.

В Белозерской стороне, тогда глухой и малолюдной, долго ходили странники и взошли на гору Мяуру. Это самая высокая гора в окрестности Белозерской. Подошву ее омывают волны озера Сиверского. Леса, луга, воды соединились здесь на огромном пространстве и образовали одно из прекраснейших мест России. С одной стороны Шексна разливается извилинами по лугам необозримым, с другой – несколько синих озер разбросано среди густых лесов. Здесь прп. Кирилл увидел то место, которое в видении назначено было для его пребывания, и пал благодарной душой пред Пречистой. Сойдя с горы на площадь, окруженную лесом, поставил он крест, а вблизи его пустыnnики выкопали землянку. Преподобный Ферапонт вскоре удалился в другое место, и преподобный Кирилл не один год в одиночестве подвизался в подземной келлии. Однажды святой Кирилл, томимый странным сном, лег уснуть под сосной, но едва он закрыл глаза, как услышал голос: «Беги, Кирилл!» Только успел преподобный Кирилл отскочить, как сосна рухнула. Из этой сосны подвижник сделал крест. Прп. Кирилл молился потом, чтобы Господь отнял от него тяжкий сон, и с того времени мог он по несколько суток оставаться без сна. В другой раз преподобный Кирилл чуть не погиб от пламени и дыма, когда расчищал лес, но Бог хранил Своего угодника. Один крестьянин пытался поджечь келлию преподобного. Не раз он подходил к келлии, чтобы выполнить свой умысел; он подложил огонь, но огонь погас. Тогда со слезами раскаяния исповедал он грех свой прп. Кириллу и по его просьбе пострижен был в монашество.

Вскоре из Симоновой обители к преподобному пришли любимые им иноки Зеведей и Дионисий, а затем Нафанаил, впоследствии келарь обители. Многие стали приходить к преподобному и просить удостоить их иночества. Святой старец понял, что время его безмолвия кончилось.

В 1397 г. он построил храм в честь Успения Пресвятой Богородицы.

Когда в окрестности распространилась молва, что пришедший из Москвы архимандрит Кирилл устраивает в пустыне монастырь, то боярину Феодору пришло на мысль, что верно архимандрит принес с собой много денег, и он послал слуг своих ограбить Кирилла. Но две ночи сряду подходили те к обители и видели вокруг обители ратных людей. Феодор подумал, что верно пришел кто-нибудь из московских вельмож к Кириллу и послал узнать, кто такой пришел. Ему отвечали, что более недели, как никого из посторонних не было в обители. Тогда Феодор пришел в чувство и, посетив обитель, со слезами исповедал Кириллу грех свой. Преподобный сказал ему: «Будь уверен, сын мой Феодор, что ничего нет у меня, кроме одежды, которую видишь на мне, и нескольких книг». Боярин с того времени стал благоговейно уважать Кирилла и каждый раз, как только приходил у нему, приносил рыбу или что-нибудь другое. После того пришел к нему молчальник Игнатий, муж высокой добродетели; в течение 30 лет жизни в обители Кирилловой он был после Кирилла первым примером подвижничества. Он никогда не ложился для сна и засыпал стоя, прислонясь к стене; нищета и нестяжательность его достигли высшей степени.

Когда в обители Кирилловой умножилось число братий, преподобный дал для нее устав общежития и освящал его примером своей жизни. В церкви никто не смел беседовать и никто не должен был выходить из нее прежде окончания службы; к святому Евангелию подходили по старшинству. За трапезу садились также каждый на своем месте и в трапезе была тишина; в пищу предлагались только три кушанья. Весьма строго заповедал преподобный, чтобы ни при нем, ни после него хмельных напитков не только не пили, но и не держали в обители. Из трапезы каждый молча шел в свою келлию, не заходя к другому. Никто не смел получать ни писем, ни подарков, помимо преподобного – к нему приносили нераспечатанные письма; без его благословения и не писали писем. Деньги хранились в монастырской казне, и ни у кого не

было никакой собственности, даже пить воду ходили в трапезу. В келлии же ничего не держали, кроме икон и книг, и она никогда не запиралась. Иноки старались один перед другим являться как можно раньше к службе Божией и на монастырские работы, подвизаясь не для людей, а для Господа. Когда случался недостаток в хлебе и братия понуждали настоятеля послать за хлебом к христолюбцам, преподобный отвечал: «Бог и Пречистая Богоматерь не забудут нас, иначе зачем и жить нам на земле?» И не позволял докучать мирянам просьбами о подаянии. У него был ученик, по имени Антоний, опытный в делах духовных и житейских; его посылал он однажды в год закупить все нужное для монастыря, в прочее же время никто не выходил из обители, а если присылалась какая-либо милостыня, с любовью ее принимали как дар Божий.

В последние годы преподобного боярин Роман, каждый год присылавший по 50 мер ржи, вздумал обеспечить обитель селом и прислал на него дарственную грамоту. Но преподобный, получив грамоту, рассудил так: если станем иметь села, из того выйдут заботы для братии о земном; явятся поселенцы и рядники, безмолвие иноческое нарушится. Потому благотворителю послан был такой ответ: «Тебе угодно, человек Божий, дать село в дом Богоматери на пропитание братии. Но вместо 50 мер ржи, которые ты давал каждый год, отпускай нам 100, если можешь, мы будем довольны тем, а селами владей сам, ибо для братии они не полезны».

Преподобный до того был проникнут любовью к Господу, что при служении литургии и во время чтений церковных не мог удерживаться от благоговейных слез; особенно же лились они у него во время келейного правила.

Кроткий, смиренный, проводя всю жизнь «в слезах и воздыханиях, бдениях же и молитвах» «и в воздержании прилежном», преподобный еще при жизни прославился даром прозорливости и чудес. Некто Феодор поступил в число братии, но спустя несколько времени враг человеческий внушил ему такую ненависть к святому Кириллу, что тот не только не мог видеть его, но даже слышать его голоса. Смущаемый помыслами, пришел он к строгому старцу Игнатию молчальнику

исповедать ему тяжкое состояние своего духа: что по ненависти к прп. Кириллу хочет оставить обитель. Игнатий несколько его утешил и укрепил молитвой, убедив остаться на испытание еще один год; но год миновал, а ненависть не угасла. Феодор решился открыть свой тайный помысл самому Кириллу, но, взошедши в его келлию, устыдился его седины и ничего не мог выговорить. Когда уже хотел он выйти из келлии, прозорливый старец сам начал говорить о ненависти, какую питал к нему Феодор. Терзаемый совестью инок припал к его ногам и молил простить ему согрешение, но святой с кротостью отвечал: «Не скорби, брат мой, все обо мне соблазнились; ты один познал истину и все мое недостойнство, я — точно грешный и непотребный». Он отпустил его с миром, обещая, что впредь уже не нападет на него такое искушение, и с тех пор Феодор пребывал в совершенной любви у великого аввы.

В обитель принесли человека, одержимого тяжелой болезнью, который только просил, чтобы его постригли перед смертью. Преподобный и облек его в иноческий образ с именем Далмат. Через несколько дней стал он кончаться и просил приобщения Святых Таин, но священник замедлил совершением литургии, и когда принес Святые Дары в келлию, болящий уже скончался. Смущенный иерей поспешил сказать о том преподобному, который весьма огорчился. Тогда святой Кирилл скоро затворил оконце своей келлии и стал на молитву. Немного спустя пришел келейник, служивший Далмату, и, постучав в оконце, сказал блаженному, что Далмат жив еще и просит причаститься. Немедленно послал прп. Кирилл за священником, чтобы приобщить брата. И хотя тот был уверен, что уже умер Далмат, однако, исполняя волю аввы, пошел. Но сколько велико было его удивление, когда увидел Далмату, сидящего на постели. Как только он приобщился Святых Таин, стал прощаться со всей братией и тихо отошел ко Господу.

Не достало однажды вина для церковной службы, а нужно было совершать литургию. Священник пришел сказать о том святому Кириллу, и он спросил пономаря Нифонта: действительно ли нет вина. Услышавши же от него, что нет, как бы сомневаясь, велел принести тот сосуд, в котором всегда

было вино. Повиновался Нифонт и с изумлением принес сосуд, до того преисполненный вина, что оно даже изливалось, и долгое время не оскудевало вино в сосуде, как некогда елей у вдовицы, по слову пророка Илии.

Подобным образом во время голода умножился запас хлеба, так что и самые хлебники уразумели бывшее чудо. «Кирилл, умноживший вино для литургии, умножал и хлебы для пропитания гладных, помощью Богоматери», – говорили они, и так продолжалось до нового хлеба.

Ученики преподобного ловили по воле его рыбу на озере. Поднялась страшная буря, волны перебегали через лодку, смерть готова была поглотить всех. Стоявший на берегу побежал сказать преподобному об опасности. Он, взяв в руки крест, поспешно пришел на берег и, осенив св. крестом озеро, успокоил волны. Случился пожар в обители, и братия не могли погасить его, но святой стал со крестом прямо против огня, вознес к Богу молитвы, и огонь, как бы устыдившись его молитв, внезапно угас.

Приближаясь к блаженной кончине, преподобный призвал к себе всю братию, назначил ученика Иннокентия в игумена и строго заповедал не нарушать устава его. Поручив затем обитель покровительству белозерского князя Андрея, прибавил, что «если кто не захочет жить по моему преданию и не станет слушать игумена, вели, государь, выслать тех из монастыря». Тридцати лет был пострижен прп. Кирилл в Симонове монастыре и прожил там тридцать лет, пришедши на место сие уже шестидесятилетним, прожил еще тридцать лет в новой обители сей, доколе не достиг полного числа лет девяноста. От долгих стояний и старости ноги преподобного в последнее время его ослабли, и он в последние дни сидя совершал келейное правило. В день Св. Троицы совершил он последнее богослужение свое. И последнее слово его было к плакавшим братиям: «Не скорбите о моем отшествии. Если получу дерзновение и труд мой угоден будет Господу, то не только не оскудеет обитель моя, но еще больше распространиться по отшествии моем, только любовь имейте между собою». Он мирно почил на 90 году своей жизни 9 июня 1427 года.

Незадолго до кончины преподобного был тяжело болен инок Сосипатр. Брат его Христофор поспешил к преподобному Кириллу возвестить, что Сосипатр уже умирает, но преподобный, улыбнувшись, отвечал: «Поверь мне, чадо Христофор, что не один из вас прежде меня не умрет; после же моего отшествия многие из вас пойдут вслед за мною». И действительно, Сосипатр выздоровел; но по смерти преподобного исполнилось предсмертное пророчество его о братии. Не прошло и одного года после его кончины, как из 53 человека братии переселилось из здешней жизни более 30. Оставшимся преподобный часто является во сне с поддержкой и наставлением.

Еще при жизни преподобного ученик его Феодосий пересказал ему желание одного боярина дать село монастырю и услышал от преподобного ответ: «При жизни моей не желаю сел, по смерти же моей делайте, как хотите». Феодосий подумал, что это сказал огорченный старец, и оскорбился тем; после же стал скорбеть, что навлек на себя неудовольствие святого. Преподобный явился Мартиниану и сказал: «Скажи брату Феодосию, чтобы не скорбел: я против него ничего не имею». Не трогательно ли это свидетельство снисходительной любви преподобного даже за пределами гроба?...

Святые мощи угодника Божия почивают под спудом в обители его между Успенским собором и церковью во имя его. На иконе, писанной в 1424 году преподобным Дионисием Глушицким († 1437; память 1/14 июня), преподобный Кирилл изображен в рост, в старческих летах, с открытой головой, с лицом задумчивым, с руками, сложенными на персях, в мантии и аналаве. Кроме того, после него сохранилась подлинная духовная грамота, писанная на столбце обыкновенной бумаги мелким, четким и красивым почерком. Из числа рукописей, писанных самим преподобным, замечательна одна с объяснениями разным явлениям природы, взятыми из древнего естествоиспытателя Галена. Здесь есть статьи о морях, о облаках, громах, молнии и падающих звездах. Этими сведениями блаженный пользовался для того, чтобы разгонять предрассудки народные о явлениях природы и показывать

истинное значение этих явлений. К объяснениям Галена здесь прибавлены и свои замечания. Например, о падающих звездах сказано: «О падающих звездах одни говорят, что это падают звезды, а другие, что это злые мытарства. Но это и не звезды, и не мытарства, а отделение небесного огня; несколько нисходят они вниз, растапливаются и опять сливаются в воздухе. Потому никто не видал их на земле, но всегда сливаются и рассыпаются они в воздухе; звезды никогда не падают, только в пришествие Христово. Тогда небеса совятся и падут звезды; равно и духи мытарств тогда пойдут в огонь вечный».

Особенными образцами духовного наставничества и руководства, любви, миролюбия и утешения являются дошедшие до нас три послания преподобного русским князьям. Они отличаются простотою изложения и искренностью благочестивой души, глубоко назидательны.

В послании к великому князю Василию св. авва пишет: «Чем более святые приближаются к Богу любовью, тем более видят себя грешными. Ты, государь, приобретаешь себе великую пользу душевную смирением своим, тем, что посылаешь ко мне грешному, нищему, страстному и недостойному с просьбою о молитвах... Я, грешный, с братией своей рад, сколько силы будет, молить Бога о тебе, нашем государе. Но ради Бога будь и сам внимателен к себе и ко всему княжению, на котором Дух Святой поставил тебя пасти людей, искупленных кровию Христовою. Чем большей удостоен ты власти, тем более строгому подлежишь ответу. Воздай Благодетелю долг твой хранением святых заповедей Его и уклонением от путей, ведущие к гибели. Никакая власть, ни царская, ни княжеская, не может избавить нас от нелицемерного суда Божия; а если будешь любить ближнего, как себя, если утетишь души скорбные и огорченные, это много поможет тебе, государь, на Страшном и праведном суде Христовом. Апостол Павел, ученик Христов, пишет: «Аще имам веру горы преставляти и аще имам раздати все имение свое, любви же не имам, ничтоже польза ми есть». Люби же братию твою и всех христиан, и твоя вера в Бога и милостыня нищим угодны будут Господу».

В послании к князю Андрею Димитриевичу Можайскому, с восторгом вспоминая о чудесном избавлении России от Тохтамыша, пишет, с какими расположениями надлежит быть после такого благодеяния. «Ты властелин, – пишет преподобный, – в твоей вотчине поставленный Богом удерживать людей от лихого обычая; смотри же, государь, чтобы судили суд праведно, как пред Богом, ни кривя; чтобы не был подлогов и поклонов; судьи не брали бы подарков, а довольствовались своим урочным даянием... Наблюдай, государь, чтобы не было в твоей области корчм – от них великая пагуба людям: крестьяне пропиваются, а души их гибнут... Также пусть не будет у тебя таможенных сборов – это деньги неправедные; где есть перевоз, государь, следует давать за труд. Пусть не будет в твоей вотчине ни разбоя, ни воровства. Если не уймутся от злого дела, вели наказать, кто чего стоит. Унимай подчиненных твоих от скверных слов и брани – все это гневит Бога. Если не потщишься управить всем тем, взыщется на тебе, потому что ты властелин над всеми людьми, поставленный Богом. Не ленись сам давать управу крестьянам: это вменится тебе выше пота и молитвы. Удерживайтесь от пьянства. Подавайте по силе милостыню. Вы не можете поститься и молиться – ленитесь. Пусть же милостыня восполнит недостатки ваши. Приказывайте петь молебны по церквам Спасителю и Матери Божией, Заступнице христиан, и сами не ленитесь ходить в церковь. В церкви стойте со страхом и трепетом, представляя себе, что стоите вы как на небе. Церковь – земное небо, в ней совершаются таинства Христовы. Береги себя, государь, стоя в церкви, не твори бесед и не говори праздных слов; если увидишь, что беседует в церкви кто-нибудь из бояр или простых людей, запрещай им то, ибо все это гневит Бога».

Звенигородского князя Юрия Димитриевича преподобный утешал в скорби о болевшей супруге. И вместе писал: «Извещаю тебя наперед, что нельзя тебе видеть нас: оставлю монастырь и уйду, куда Бог наставит. Вы думаете, что я тут добрый, святой человек. Нет, истинно я всех грешнее и несчастнее и исполнен смрада. Не удивляйтесь сему, князь

Юрий: слышу, что ты сам читаешь и знаешь Св. Писание и понимаешь, какой вред происходит от человеческой хвалы, особенно для нас, слабых».

Преподобный Кирилл любил духовное просвещение, сам трудился в списывании книг и привил эту любовь своим ученикам. В XVI веке ни одна из обителей русских не была так богата рукописями, как Кириллова. По описи 1635 года в ней хранилось до 2092 рукописей.

Обитель преподобного Кирилла во многих актах называется лаврою. Наружный вид ее подобен укрепленному городу: высокая трехъярусная ограда с большими башнями, не считая малых, окружает монастырь, разделенный на несколько частей; одна из них, заключающая в себе тот холм, в котором была землянка преподобного, называется Ивановским монастырем.

Общерусское почитание преподобного началось не позднее 1447–1448 годов. Житие святого Кирилла было написано по поручению митрополита Феодосия и великого князя Василия Васильевича иеромонахом Пахомием Логофетом, который прибыл в Кириллов монастырь в 1462 году и застал многих очевидцев преподобного Кирилла, в том числе и преподобного Мартиниана († 1483; память 12/25 января), управлявшего тогда Ферапонтовым монастырем.

Июнь 10

Иоанн, митрополит Тобольский

Святитель Иоанн, митрополит Тобольский и всея Сибири, чудотворец, в миру Иоанн Максимович, родился в городе Нежине в 1651 году. У его отца Максима Васильевича и матери Евфросинии было семеро сыновей, из которых Иоанн был старший. По окончании Киево-Могилянской Коллегии (позже преобразованную в Киевскую духовную академию) будущий святитель был оставлен при ней учителем латинского языка. Тогда же, в 1580 г., он принял в Киево-Печерской обители монашество и углубился в подвиг внутреннего делания. С общего согласия братства молодому иноку поручили ответственное послушание проповедника. С того времени и начал раскрываться его исключительный талант красноречия и благодатные дарования. Святой Иоанн придавал особое значение внутреннему религиозному самопознанию. Сразу же определилась и главная тема его жизни: «Как человек должен свою волю согласовывать с волей Божией?» Ее он развивал и в проповедях, и в своем последующем миссионерском служении. Ответом на нее явился труд, изданный в конце его долгой подвижнической жизни под названием «Илиотропион (Подсолнечник), или соображение человеческой воли с Божественною волею». Из многочисленных творений святых отцов Православной Церкви оно наиболее полно отвечает на этот большой вопрос христианской сотериологии.

В 1685 году святого Иоанна отправили с посольством в Москву. Там патриархом Иоакимом (1674–1690) он был назначен наместником Брянского Свенского монастыря, подчиненного тогда Киево-Печерской лавре.

Святитель Феодосий, архиепископ Черниговский, в 1695 году, незадолго до своей кончины († 1696; память 5/18 февраля), назначил иеромонаха Иоанна архимандритом Черниговского Елецкого монастыря и наметил его своим преемником по кафедре. Святитель Иоанн благоговел к памяти святителя Феодосия, веруя в силу его молитвенного предстательства пред Господом, и по своей вере получил

благодатное исцеление от тяжелой болезни по молитвам святителя Феодосия. В самый разгар болезни ему явился святитель Феодосий и сказал: «Служи завтра – и будешь здоров». На другой день святитель, совершенно здоровый, к удивлению всех отслужил Божественную литургию. Чудо исцеления святителя Иоанна послужило началом чествования святителя Феодосия как благодатного угодника Божия.

10 января 1697 года патриарх Московский и всея Руси Адриан (1690–1700) с собором епископов хиротонисал архимандрита Иоанна во епископа Черниговского в Большом Успенском соборе Московского Кремля.

По вступлении в управление епархией епископ Иоанн создал при Черниговской архиерейской кафедре Коллегиум, подобно Киевской академии, который, по мысли святителя, должен был украсить «Черниговские Афины» – школу просвещенного благочестия.

Ввиду высокого уровня богословского образования и воспитания школа святителя Иоанна получила широкую известность. По существу, это была первая семинария в России, по образцу которой стали открываться духовные семинарии в других епархиях Русской Церкви.

Тогда же святитель открыл типографию, в которой он и его преемники издали много сочинений духовно-нравственного содержания.

Жизнь святителя Иоанна светилась высокими добродетелями, особенно же смирением. Она отобразилась и в его творениях: «Нравоучительное зеркало» (Чернигов, 1703 и 1707 гг.), «Алфавит, рифмами сложенный» (1705 г.), «Богородице Дево» (1707 г.), «Феатрон, или позор нравоучительный» (1708 г.), «Толкование на 50-й псалом» (Чернигов, 1708 г.), «Толкование на «Отче наш» и «Осмы блаженств евангельских» (1709 г.), «Царский путь Креста» (Чернигов, 1709 г.), «Богомыслие в пользу правоверных» (1710–1711 гг.), «Синаксарь о победе под Полтавою» (1710 г.), «Путник» (рукопись), «Духовные мысли» (М., 1782 г.).

В Чернигове в 1714 году святитель впервые издал и свой главный труд, написанный на латинском языке (особенностью

выпускников Киевской школы было то, что свои сочинения они писали на классической латыни. Профессор И. А. Максимович в 1886 году перевел «Илиотропион» на современный русский язык и издал вначале по частям в «Черниговских Епархиальных Ведомостях», затем отдельной книгой – Киев, 1896 г. Сокращенный вариант опубликован в «Журнале Московской Патриархии», 1976. № № 5, 6). С именем святителя Иоанна связан также «Латино-греко-российский лексион».

Известна связь святителя Иоанна со святой горой Афоном. Он принимал особенно горячее участие в судьбе русских насельников Святой Горы, оказывая им существенную материальную помощь в те тяжелые годы. Сохранилась его архиерейская грамота в Русском Пантелеимоновом монастыре, свидетельствующая об его отношении к святогорцам.

14 августа 1711 года святитель Иоанн по возведении в сан митрополита прибыл на кафедру Тобольскую и всея Сибири. Святитель неустанно заботился о просвещении своей епархии. Там он продолжил дело, начатое в Чернигове: усовершенствовал школу, открытую его предшественником, знаменитым миссионером святым митрополитом Филофеем Лещинским († 1727; память 10/23 июня – Собор Сибирских святых), продолжил апостольскую проповедь среди язычников Сибири, обратив ко Христу многие тысячи людей. В 1714 году святитель Иоанн отправил в Пекин миссию во главе с архимандритом Иларионом (Лежайским). В Тобольске он вновь приступил к издательскому делу, используя созданную им в Чернигове типографию. К тому времени относится издание митрополитом Иоанном «Илиотропиона» на славяно-русском языке (1714 г.), чтобы его понимали и сибиряки.

О жизни святителя в Сибири летописец говорит: «Был тих, скромн, благорассудлив, о бедных сострадателен, милостив». Часто он помогал людям. Тайно, а иногда в одежде простого инока, приносил в дома нуждающихся щедрую милостыню со словами: «Приимите во имя Иисуса Христа». Его дом в Тобольске всегда был открыт для всех нуждавшихся в помощи и слове утешения. Даже в день преставления, 10 июня 1715 года, святитель Иоанн после Божественной литургии, как это было в

обычае у него и раньше, устроил в своем доме трапезу для духовенства и бедняков и сам прислуживал за столом. Затем, простившись со всеми, святитель удалился в свои покои и во время благовеста к вечерне скончался в молитве, стоя на коленях. Святитель был погребен в пределе святителя Иоанна Златоуста Тобольского Успенского-Софийского собора.

Святитель Иоанн издавна чтится в Сибири. Ввиду многочисленных чудес и давнего местного почитания святителя Иоанна 1916 году Русская Церковь установила празднование памяти святителя в день его преставления к Богу – 10/23 июня.

Память о святителе Иоанне бережно хранят сибиряки и все верующие русские люди. Он и поныне почивает в Тобольском соборе Покрова Божией Матери. Служба ему была переиздана по благословению Святейшего Патриарха Алексия митрополитом Варфоломеем (Городцовым) в 1947 году в городе Новосибирске.

Василий, епископ Рязанский – перенесение мощей

Святитель Василий, епископ Рязанский и Муромский, подвизался в XIII веке. Он принял иноческий постриг и стал известен как «муж праведен и благочестив» в городе Муроме. Посвященный во епископа Муромского, епископ Василий усердно трудился над благоустройством своей епархии. Он собирал рассеянную во время татарского нашествия паству, укреплял малодушных твердой надеждой на милость Божию, возвращал на правый путь заблудших. По навету врага рода человеческого святитель Василий был заподозрен в нецеломудрии и оклеветан. Некоторые из жителей Мурома были готовы предать его на казнь. Святитель обратился к ним со словами: «Отцы и братия! Дайте мне немного времени до третьего часа следующего дня». Кротость святителя смягчила ожесточившиеся сердца, люди разошлись по домам. Праведник всю ночь молился со слезами в храме во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба, где отслужил всенощное бдение и Божественную литургию; затем он совершил молебен в Благовещенском храме перед чтимой Муромской иконой Пресвятой Богородицы.

Святитель Василий взял с собою эту икону и вышел к реке Оке. Разостлав на воде свою епископскую мантию, он стал на нее, держа в руках образ Царицы Небесной; сильным ветром его понесло вверх по реке, против течения. Этим явным чудом Господь явил невинность доброго пастыря. Прихожане возопили: «О, святой владыко Василий! Прости нас грешных. Согрешили мы пред тобою...» Но святитель был уже далеко – в городе Старая Рязань. В это время жители Рязани собрались на вечернее богослужение в свой кафедральный храм. Диакон вышел из алтаря на амвон и вместо обычного «Благослови, владыко» возгласил: «Владыко грядет, сретайте его». Народ поспешил к берегу Оки. Увидев святителя Василия, плывущего на мантии с иконой Пресвятой Богородицы, рязанцы приняли его с большим почетом: князь рязанский Олег встретил его с крестами.

Через некоторое время Рязань была разрушена монголо-татарами. Святитель Василий вновь отплыл на своей мантии под покровительством Муромской иконы на этот раз по Оке в город Переяславль Рязанский (нынешняя Рязань, в отличие от г. Старая Рязань). В Переяславле Рязанском святитель Василий служил в храме во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба. С того времени храм этот стал соборным. Здесь преосвященный Василий и закончил свой святительский подвиг. 3 июля 1295 года он отошел ко Господу.

Святитель Василий I, Рязанский чудотворец, упомянут в Лаврентьевской летописи и в древнем списке Рязанских владык числится четвертым.

Время не охладило благоговейного и усердного почитания святителя Василия в народе, ибо, по свидетельству Священного Писания, «праведники во веки живут». В XVI веке иноком Ермолаем-Еразмом было написано сказание о святителе, представленное собирателю житий святых митрополиту Московскому и всея Руси Макарию (1542–1563). В Смутное время Промыслу Божию угодно было прославить святителя Василия: 10 июня 1609 года состоялось открытие его святых мощей и перенесение их в Успенский (впоследствии Рождественский) собор Переяславля Рязанского кремля, который со времени епископа Рязанского Ионы II (1522–1547) был кафедральным. Обретение и перенесение святых мощей святителя было совершено Рязанским архиепископом Феодоритом (1605–1617). Мощи святителя Василия были положены под спудом на левом клиросе, подле иконостаса. Тогда же были составлены тропарь и кондак святителю. С этого времени имя святителя Василия «поминается во всех церквах Рязанской епархии». К нему прибегают как к «присному заступнику своему, в скорби и напасти помощнику». В 1638 году, при архиепископе Рязанском и Муромском Моисее (1638–1651), над мощами святителя Василия была устроена каменная гробница, а над ней помещена Муромская икона «Моление Василия». Известно, что в это время в рязанских храмах совершались молебны святителю Василию. 10 июня 1645 года

при архиепископе Моисее впервые торжественно праздновалось перенесение мощей святителя.

Указом Святейшего Синода 1881 года утверждены дни празднования памяти святителя Василия: 3/16 июля – в день блаженной кончины и 10/23 июня – в день перенесения его святых мощей, местное празднование святителю Василию совершается также 21 мая/3 июня. В настоящее время святитель Василий особенно почитается в Рязанской земле. В каждом храме Рязанской епархии имеется его икона, а в большинстве храмов, кроме того, настенное изображение святителя, плывущего по воде на мантии с Муромской иконой Богоматери в руках. В кафедральном соборе каждую среду вечером ему совершается акафистное пение.

Собор Сибирских Святых

С присоединением Сибири к России началась история Тобольско-Сибирской епархии, утвержденной в 1620 году как архиепископии, а затем преобразованной в митрополию, из которой впоследствии были образованы другие Сибирские епархии.

Бывший «стольный град Сибири» Тобольск, основанный в 1587 году, стал кафедральным городом. Из Тобольска во все концы Сибири уходили миссионеры просвещать людей светом Христовой веры.

В самом начале своего бытия Тобольская епархия имела в лице святых, благодатью Божией прославленных, святого праведного мученика Василия Мангазейского († 23 марта 1600 г.). В последующее время Господь явил здесь множество других подвижников веры и благочестия, прославивших землю Сибирскую святостью своей жизни и трудами на благо Церкви и отечества.

В 1984 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена, в связи с подготовкой к празднованию 1000-летия Крещения Руси, было установлено празднование в честь Собора Сибирских святых, которое определено совершать 10/23 июня, в день памяти святителя Иоанна, митрополита Тобольского и всей Сибири чудотворца (1711–1715).

10/23 июня 1984 года в Тобольске (ныне в составе Омско-Тюменской епархии) в Покровском храме, где почивают мощи святителя Иоанна, было совершено первое празднование Собору Сибирских святых.

На малой вечерне в канун праздника епископ Омский и Тюменский Максим совершил в сослужении клириков акафист святителю Иоанну перед гробницей с его святыми мощами и освятил икону Собора Сибирских святых, написанную к празднику иконописцами мастерской Московской Патриархии. На иконе изображены следующие святые и подвижники благочестия.

Первый нижний ряд слева направо: митрополит Киевский Филарет (в схиме Феодосий) († 1857; память 21 декабря/3 января); архимандрит Синесий, сподвижник святителя Софрония, епископа Иркутского († 1787; память 10/23 мая); святитель Софроний, епископ Иркутский († 1771; память 30 марта/12 апреля); святитель Димитрий, митрополит Ростовский († 1709; память 21 сентября/4 октября); святитель Иоанн, митрополит Тобольский и всея Сибири чудотворец († 1715; память 10/23 июня); святитель Иннокентий, митрополит Московский († 1879; память 31 марта/13 апреля); святитель Павел, митрополит Тобольский († 1770; память 4/17 ноября); святитель Иннокентий, епископ Иркутский († 1731; память 26 ноября/9 декабря и 9/22 февраля); святитель Филофей (в схиме Феодор), митрополит Тобольский († 1727; память 31 мая/13 июня).

Второй ряд: митрополит Смоленский Симеон († 1681; память 4/17 января); архиепископ Нектарий († 1636–1640); архимандрит Верхотурский Арефа († 1910; память 15/28 мая); праведный Симеон Верхотурский († 1642; память 12/25 сентября); святитель Мелетий, архиепископ Харьковский († 1840; память 12/25 февраля); преподобный Герман Аляскинский († 1837; память 13/26 декабря и 27 июля/9 августа); святой мученик Василий Мангазейский († 1600; память 23 марта»

5 апреля, 6/19 июня и 10/23 мая); архиепископ Тобольский и Сибирский Варлаам († 1802; память 27 декабря/9 января); митрополит Тобольский и Сибирский Антоний († 1740; память 27 марта/9 апреля).

Третий ряд: блаженный Косма Верхотурский, Христа ради юродивый († 1706; память 1/14 ноября); преподобный Андрей, игумен Рафаиловский, Тобольский († 1820; память 14/27 мая); епископ Герасим Астраханский († 1880; память 24 июня/7 июля); епископ Рязанский Мелетий († 1900; память 14/27 января); архимандрит Макарий, миссионер Алтайском Миссии († 1847; память 18/31 мая); праведный Стефан Омский († 1876; память 30 июня/13 июля); преподобный Мисаил, иеромонах Абалацкого монастыря († 1797; память 17/30 декабря).

Четвертый ряд: блаженный Иоанн Верхотурский, Христа ради юродивый († 1701; память 16/29 апреля); блаженная Домна, старица Томская († 1872; память 16/29 декабря); преподобный Даниил Ачинский († 1843; память 15/28 апреля); праведный отрок Петр Томский († 1820; память 4/17 марта); праведный Феодор Кузьмич Томский († 1864; память 20 января/2 февраля); преподобный Варлаам, пустынник Чикойский († 1846; память 5/18 октября).

Павел, митрополит Тобольский, святитель

Митрополит Павел, в миру Петр Конюсевич, родился в 1705 году в Галиции, в городе Самборе. С раннего детства отличаясь добронравием, незлобием и прилежанием, юный Петр резко выделялся из среды своих сверстников и, одаренный богатыми умственными способностями и пытливым умом, очень рано изучил грамоту. Родители Петра, видя в своем сыне несомненные дарования и способности и имея намерение приготовить из него в будущем высокого и знатного государственного мужа, определили его в 1715 году в Киевскую академию, и вскоре юноша своими быстрыми успехами в науках и замечательной кротостью нрава обратил на себя внимание академического начальства.

Годы шли своей чередой, и академическое учение для Петра близилось к концу. По окончании курса наук он, как отличнейший из воспитанников, был оставлен при академии в должности преподавателя пиитики, или науки стихотворства, и таким образом начал свою службу при том же училище, которому обязан был сам первоначальным и окончательным образованием.

Но не лежало к этой жизни сердце Петра. С юных лет склонный к уединению и богомыслию, он в 1733 году, т. е. на 28 году своей жизни, постригся в монашество. Пострижение было совершено в Киево-Печерской лавре архимандритом Романом (Копою), причем имя ему было наречено Павел. Прервав всякие сношения с миром, новопостриженный инок резко изменил свой образ жизни. Благоговейная и пламенная любовь к Распятому, которую он воспитывал и хранил с самого детства, выразилась во всей своей полноте в его молитвенном бдении, подвигах и трудах. Все видели в лице его высокий пример истинного святоподвижничества, неуклонно шествующего по пути к высшему духовному совершенству. Всегда и во всем отличаясь кротостью, смирением и простотою, он являл в себе глубокое знание самых высоких истин христианского учения и в простоте своего сердца делился приобретенными познаниями с

окружающими его людьми. Жизнь монастырского общежития, эта, по выражению святых отцов, пещь огненная, бывает преисполнена всякого рода лишений, невзгод и нужды. Но мудрый Павел, укрепляясь терпением и надеждою на Бога, мужественно и без ропота нес свой, незримый для посторонних очей, крест, твердо шествуя по ступеням высшего нравственного совершенства, и милосердый Господь, осеняя и укрепляя его Своей благодатью, извел, яко свет, правду его и судьбу его, яко полудне (Пс. 36, 6). 5 декабря 1734 года Павел был рукоположен Рафаилом, архиепископом Киевским и Галицким, в иеродиакона, а 1 января 1740 года – во иеромонаха.

В этом году был переведен из Киево-Михайловского монастыря в Киево-Печерскую лавру архимандрит Тимофей Щербацкий, избранный братией архимандритом лавры. По законам того времени он обязан был явиться в Петербург для представления императрице Анне Иоанновне и для возложения на него лаврских отличий, т. е. мантии со скрижалями, изображающими прпп. Антония и Феодосия, а также и панагии. Дождавшись на то из Святейшего Синода указа, он тотчас, взяв с собою потребную часть ризницы и достаточное число священнослужителей, немедленно отправился в путь, причем на должность дорожного эконома, или распорядителя по экономической части (шафара), был назначен к нему иеромонах Павел Конюскевич. Обязанность эконома довольно трудная, кропотливая и многосложная, ибо не только в столице, но на всем пути их следования иеромонах Павел обязан был вести строгую отчетность в каждой копейке и каждой даруемой тому или другому лицу книге. В то время был такой обычай, что всем высочайшим особам, или высокопоставленным лицам, дарили книги и вещи, и таких подарков было бесчисленное множество. Путешествие это в Петербург имело для о. Павла решающее значение. В Киев он уже не возвратился.

И уже в 1741 году по указу Св. Синода был назначен в Москву на должность проповедника при Славяно-Греко-Латинской академии. Целых два года трудился здесь будущий святитель Православной Церкви в великом деле проповедания

слова Божия. Неутомимые труды, строгость жизни и замечательный дар в сказании поучений снискали благоволение к нему Св. Синода, который указом 25 июня 1743 года предписал Новгородскому епископу Амвросию (Юшкевичу) предоставить отправленному к нему иеромонаху Павлу Конюскевичу первое праздное архимандритское место. Случай вскоре представился, и 18 февраля 1744 года Павел был произведен в архимандриты Новгородского Юрьева монастыря.

Звание настоятеля монастыря возлагает на человека массу разнородных обязанностей и забот. Помимо мудрости, опытности и твердой воли, столь необходимых для пастырского водительства врученных Богом человеческих душ, нужны еще практические познания по архитектуре и домостроительству. Но Павел и здесь оказался на высоте своего призвания.

Более тринадцати лет управлял архимандрит Павел Юрьевым монастырем. Но Богу угодно было избрать его на чреду обширнейшего служения Церкви и отечественного просвещения, и вскоре архимандрит Павел Конюскевич был пожалован митрополитом Tobольской епархии и хиротонисан в Петербурге 5 мая 1757 года.

Не возвращаясь более к месту своего прежнего служения, митрополит Павел направился прямо в Tobольск, куда и прибыл 20 ноября того же года.

Первым шагом архипастырской деятельности святителя Павла при приведении им Tobольской епархии в возможно благоустроенный вид было сооружение на необъятном пространстве ее возможно большего числа новых церквей.

Митрополит Павел, на опыте зная, что главным образом религиозное просвещение народа зависит от пастырей Церкви, и стремясь к увеличению числа лучших пастырей и развитию среди них надлежащих пастырских знаний и нравственных качеств, обратил прежде всего особенное внимание на усовершенствование Tobольской семинарии. Просвещенный иерарх сам лично и непосредственно наблюдал за преподаванием уроков.

Сибирь в тот период времени представляла из себя обширнейшее поле для христианско-просветительной

деятельности. Однако мало радостного встретил святитель Павел по прибытии в свою паству. Правда, во многих городах Сибири стояло уже учение Христово. Но хотя ревность таких архипастырей, как св. Стефан Пермский, митрополит Филофей (Лещинский) и епископ Иннокентий Иркутский, и не оскудевала в отдаленнейших краях России, хотя путь проповедания слова Божия и был ими здесь проложен, однако окрестности Тобольска, Енисейска, Иркутска и Якутской области были полны бродячими племенами, погруженными в глубокое невежество и придерживавшимися шаманства.

Сильно затосковал сердцем богомудрый святитель, огорчаясь тем, что такая осыпанная благословениями Божиими страна засорена была разного рода ересями, расколами и мерзостью идолопоклонства. Ревнуя об очищении ее от заблуждений и суеверий, он пламенно взывал к Богу, умоляя Его совершить над его паствой милость Свою: «Да будут вси едино стадо и един Пастырь».

Ближе всех к иерархической кафедре митрополита Павла было Дчунгарское (Калмыцкое) ханство, граничившее с Южной Сибирью реками Иртышем и Ишимом. К ним-то прежде всего и обратилась благочестивая ревность архипастыря. Он сразу увидел, что люди эти кротки, тихи и послушны, и что пороки, столь обыкновенные в больших городах, им неизвестны, и что шаманы потому только и держат этих детей природы во своей власти, что успевают морочить недоступными их понятию фокусами, а потому, обнаруживая пред ними ложь и обман шаманства, решил воспользоваться их хорошими качествами души для положения в нее семян веры.

Многие из этих инородцев благодаря торговым и домашним сделкам с коренными русскими и казаками, содержащими пограничную стражу, хорошо понимали русский язык, а потому, почуяв сердцем, какая благодатная истина стучится к ним в сердце, дикие кочевники эти с детской непринужденной доверчивостью относились к призыву кроткого просветителя-архипастыря и с большой охотой принимали христианскую веру.

Но особенно много забот и огорчений причиняли святителю раскольники. Больше всего было их в 1760-х годах в Тюмени,

Таре, Екатеринбурге, Енисейске и Томске. Лица эти, отличавшиеся невежественной грубостью, заносчивостью и неподдающимся описанию упрямством, селились там целыми массами, или общинами, и образом своей жизни увлекали и совращали других людей. Препирание со староверами и раскольниками в то время не отличалось миролюбивым характером. И вместо того, чтобы этих отпадших чад Церкви привлекать кротостью и сострадательной беседой, на них смотрели враждебно и действовали строго. Само собой понятно, что такие приемы не в состоянии были погасить раскола, но еще более увеличивали его. А потому и самосжигательство в Сибири старообрядцев и раскольников, несмотря на запрещение правительства и на строжайшую ответственность начальников, продолжалось и повторялось все чаще и чаще.

Тогда кроткая и благочестивая императрица Елисавета Петровна, уразумев сердцем, какие меры необходимо принимать в этой беде, издала 19 июня 1761 года указ, в котором поставила в обязанность духовным лицам, «для вдохновения истины в души, помешанные старообрядчеством, употреблять орган миролюбивый и для обращения заблужденных – меч духовный (слово Божие)». Кроме того, Сибирскому губернскому начальству было предписано защищать и оберегать сибирских и оренбургских жителей от притеснений, производимых командами, которые посылаются комиссией по раскольническому вопросу, учрежденной митрополитом Сибирским Павлом. Как явно видна и здесь гнусная клевета злонамеренных лиц по адресу благочестивого архипастыря. Стоя на свешнице святительского служения посреди бурных и мятежных стихий мира и являя в себе образец веры чистой и нескверной пред Богом Отцом, исполненной милости и плодов благих (Иак. 1, 27; 3, 17), митрополит Павел, наоборот, старался внушить и членам этой комиссии, чтобы они действовали на заблуждающихся духом кротости и любви христианской, и, всячески изгоняя тлетворные обычаи и смягчая жестокие нравы, заслужил вечную похвалу и оставил в сердцах обитателей Сибири добрую память.

Во время управления митрополитом Павлом Тобольской епархией существовали там по штатам 15 монастырей. Все они имели большое количество хлебопашенной, сенокосной и лесной земли, мукомольные мельницы, заимки для соболиных и песцовых промыслов и рыбной ловли, крестьян, которых за Тобольским архиерейским домом и монастырями епархии числилось 16628 душ. Цифра эта по количеству была хотя и значительна, но, принимая во внимание то, что она составляла единственный источник монастырских доходов и способ к их существованию, не может быть названа чрезмерно большой, так как едва могла способствовать тем средствам, которые необходимы были в деле распространения христианской веры среди дикарей-инородцев.

Однако не так смотрело на то правительство. В 1762 году, т. е. по восшествии на всероссийский престол императрицы Екатерины II, слухи об отобрании в казну недвижимых имений, принадлежащих монастырям и архиерейским домам, распространялись все более и более. И 29 ноября 1762 года императрица Екатерина из трех духовных и пяти светских лиц учредила комиссию, которая на своем заседании постановила так: церковные поместья из духовного ведомства изъять и поручить управлению коллегии экономии, обложив всех крестьян, вместо прежних разнородных хлебных, пашенных и сенокосных сборов, однообразным оброком в сумме 1 рубль и 50 коп. Доходы же из этих денег решено было употреблять на приличное содержание и благолепие церквей, на жалование духовенству и монашеству, на учреждение и содержание семинарий и на другие богоугодные государственные дела. Монастыри же были разделены на три класса, с отчислением из казны каждому соразмерно его степени содержания. А пустыни и малолюдные обители решено было совсем упразднить, обратив их в приходские церкви.

Все сочувствовали этим новым законам, все были убеждены в необходимости этой жертвы, так как сама императрица в речи своей, обращенной к Синоду, с сильным красноречием представила монашеству всю нецелесообразность владения вотчинами и своим веским

аргументированным словом убедила отдать монастырские имения в казну. Все с готовностью согласились на это, и только Ростовский митрополит Арсений Мацеевич, а впоследствии и приснопамятный митрополит Сибирский Павел Конюскевич, находя узаконение крайне неосновательным и суммы, определенные на содержание архиерейского дома, для религиозно-просветительных целей недостаточными, подали открытый и жаркий протест.

Первым выступил митрополит Ростовский Арсений еще в 1763 году, т. е. за год до приведения доклада комиссии в исполнение, не захотевший скрывать перед Синодом своих душевных мыслей. Как явный послушник высочайшей воли, он был лишен святительского и иноческого сана и под именем Андрея был заточен в Карельский монастырь, но оттуда, по доносу какого-то солдата, был взят в Архангельск и по снятии показаний препровожден под крепким караулом в Москву. Здесь он был подвергнут новому допросу и заключен в Ревельскую крепость, оставаясь в ней целых шесть лет.

Что же касается личности святителя Павла Тобольского, то, являясь как бы противником нового узаконения, он руководствовался при этом весьма справедливыми умозаключениями и преследовал одни лишь благочестивые цели. Умудренный большим опытом жизни и имея от природы проницательный ум, он лучше других сознавал, что многие обители иноческие, лишившись всех способов к существованию, не в состоянии уже будут служить рассадником христианской веры для диких идолопоклонников сибирских и что с приобретением в государственную казну новых значительных доходов дело христианского просвещения среди инородцев и других неверующих лиц должно умалиться и проповедь евангельского слова ослабнет и заглохнет. Соглашаясь с мнением злосчастного митрополита Арсения, святитель Павел хотя и шел вопреки законодательным порядкам того времени, но в этом поступке его не видно ничего мрачного и неестественного. Он просто был только искренним, благоразумным, справедливым и бестрепетным ревнителем чистоты и успеха Православия, назвать же его нарушителем

государственной власти было бы слишком жестоко и несправедливо. Ибо, коль скоро праведный печется и о жизни скота своего, то как же было не страдать, не заботиться и не печалиться мудрому святителю о своей угнетаемой пастве. Но как бы то ни было, однако протест святителя остался без удовлетворения. Крестьяне в Сибири были от монастырей отобраны, а монастыри распределены по классам.

Когда возражения митрополита Павла Конюсевича по делу отобрания монастырских имений с крестьянами в казну были высшей государственной властью разобраны и истолкованы в невыгодном для святителя смысле, митрополит Павел был потребован в Санкт-Петербург. По прибытии митрополита в январе 1768 года в столицу его тотчас потребовали в Синод для подачи обстоятельных объяснений по возбужденному с его стороны протесту. Явившись на синодальный суд, святитель Павел оказался ярким защитником своих аргументированных воззрений и непоколебимой стойкостью и твердостью воли доказывал судьям нецелесообразность новых правительственных распоряжений об отчуждении монастырских земель. Но тщетно. Никто не внял его справедливому гласу, и по долговременном совещании Св. Синод единодушно осудил митрополита Павла на лишение архиерейского сана. О сем было доложено императрице, но Екатерина II не согласилась утвердить такого определения. Желая поближе познакомиться с личностью преосвященного Павла и обласкать милостивой беседой, императрица Екатерина несколько раз призывала его к себе, но, ведая, что беседа с государыней будет касаться исключительно поднятого им вопроса, святитель Павел каждый раз от того отклонялся. «Я никуда не поеду, – так говорил он, – только в Синод, которому обязан послушанием». Тогда ему было предложено возвратиться в Tobольск и снова управлять епархией, но он и на это не согласился. «Возвратиться в епархию я не могу; ибо лишен оной по приговору Синода. А потому пускай отошлют меня в св. Киево-Печерскую лавру, в которой я принял обет послушания тамошнему настоятелю». Этими словами святитель Павел показал всем, что в поступке его против новых узаконений государственной власти не было

сделано ничего преступного, так как подчинение, покорность и послушание он ставил выше всего на свете. Определение Синода о снятии с преосвященного Павла архиерейского сана была отменено, и согласно выраженному с его стороны желанию он был уволен в июле 1768 года в Киево-Печерскую лавру на покой. *Праведен Ты, Господи, и справедливы суды твои* (Пс. 118, 137).

Сильно возрадовался исстрадавшийся святитель, услышав такое милостивое распоряжение, ибо любовь его к Печерской обители была во всю жизнь безгранична. Даже находясь на далекой окраине Сибири, он мысленно не переставал обитать в ней, пленяя взор в своих мечтах ее священной красотой.

С большой радостью и любовью встретила Киево-Печерская лавра вновь прибывшего в нее святителя Павла. Она знала его уже давно, знала как своего постриженца, но теперь он возвращался в нее не простым иноком, а знаменитым и славным архипастырем, а вместе с тем и великим страдальцем, ищущим в недрах ее давно желанной тишины и спокойствия.

Свободный от епархиальных обязанностей, митрополит Павел вполне предался иноческим подвигам, столь близким и любезным благочестивой строгой душе его. Несмотря на высокое звание и старческие немощи, святитель Павел и здесь отличался смирением и чрезвычайной простотой. Спал не на постели, а на простых деревянных нарах, подкладывая под голову завернутый в полотно кирпич. Пищу употреблял исключительную братскую, требуя всегда, чтобы она подавалась в простой деревянной посуде. Каждый день видно было, как люди толпились около дышащей святостью его келлии, желая высказать свое духовное состояние или поведать о своей духовной нужде. Всех он выслушивал со вниманием и отеческой любовью и всем давал мудрый совет и благословение. Двери его жилища, как и двери его сердца, были открыты для всех и каждого.

Наступила осень 1770 года. Со дня приезда владыки на покой в Киево-Печерскую лавру прошло более двух лет. Имея от природы крепкое телосложение и сохранив свои силы от преждевременного расстройств и истощения строгой и

воздержной жизнью, святитель и теперь, несмотря на глубокую старость, был неутомим как и в трудах церковного богослужения, так и в подвигах иноческой жизни. Часто совершая богослужение в лавре, он любил совершать их и по другим киевским церквам. От постоянных ночных бдений и сурового поста тело владыки утончилось и исхудало до невозможности. Телесные недуги, следуя друг за другом, повторялись все чаще и чаще. Наконец, святитель не выдержал и слег в постель. Не имея возможности присутствовать в церкви на богослужении, святитель Павел просил устроить в его келлии временную церковь; просьба его была немедленно исполнена, и с каждым днем ослабевавший силами архипастырь с умилением в душе ежедневно прослушивал Божественную литургию и приобщался Св. Христовых Таин. Редкая память и отчетливое сознание не покидали больного ни на минуту.

Силы святителя стали каждодневно упадать. Не принимая почти никакой пищи, он таял, как свеча, со дня на день ожидая неосужденного перехода от смерти в живот. Наступил наконец день 4 ноября. Почувствовав как бы некоторое облегчение, святитель Павел причастился утром Св. Христовых Таин, призвал к себе настоятеля лавры Зосиму и, упоминая о скором отшествии своем в загробный мир, просил положить его в том церковном архиерейском облачении, каковое имелось для него в лавре. При этом он передал ему свой белый фанзовый клобук и просил оставить его в ризнице лавры на хранение. Покончив таким образом со всеми необходимыми вопросами и устроив житейские дела, святитель Павел спокойно стал ожидать приближения смертного часа. В пятом часу пополудни того же 4 ноября 1770 года праведная исстрадавшаяся душа святителя Павла отошла ко Господу. Извещенные о его смерти лаврские соборные старцы, облачив тело митрополита в заранее приготовленные для того святительские одежды, тотчас совершили по нем первую панихиду и гроб с останками приснопамятного святителя, впредь до получения из Синода указа о том, как и кому отпевать их, поставили на время в усыпальнице левого придела Великой лаврской церкви, в имеющемся для того склепе.

Но при этом следует упомянуть о весьма знаменательном факте – донесение архимандрита Зосимы в Святейший Синод о кончине митрополита Павла Тобольского по неисповедимым путям Божиим было на почте утеряно. Но, на счастье, одновременно с донесением в Синод о смерти преосвященного Павла архимандрит Зосима послал о том же в Санкт-Петербург еще и частное письмо, адресованное на имя архиепископа Санкт-Петербургского Гавриила (Кременецкого), который был уже назначен в то время на Киевскую митрополию. Получив такое извещение, архиепископ Гавриил тотчас поспешил прислать архимандриту Зосиме ответ, в котором, извещая о. Зосиму о том, что донесение его в Синоде до сего времени не получено, советовал: «Тело преосвященного Павла, ежели по нынешним обстоятельствам медлит сомнительно», предать погребению, даже до получения из Св. Синода указа, и, пригласив для того некоторых соборных старцев, совершить над гробом отпевание, но «только священническое, а не монашеское». Письмо это было получено 18 декабря, а на следующее утро архимандрит Зосима поспешил исполнить давно ожидаемое и столь его томившее распоряжение и, собрав в Великую церковь соборных старцев, совершил над гробом усопшего святителя священническое погребение. Самый же гроб с останками почившего святителя был оставлен в склепе, на том же самом месте, куда был поставлен в первый раз. Таким образом прах усопшего святителя Павла полтора месяца оставался как бы не преданным земле. В свою очередь и Св. Синод, узнав со слов своего члена преосвященного Гавриила о смерти Тобольского митрополита, крайне был озабочен случившимся замедлением его погребения и во избежание каких-либо возможных, по причине свирепствовавшей в Киеве чумы, случайностей указом своим от 11 декабря поспешил подтвердить настоятелю лавры в немедленном погребении останков Тобольского святителя, на что архимандрит Зосима рапортом отвечал, что погребение тела преосвященного Павла, еще задолго до получения из Св. Синода указа, по письму синодального члена Гавриила 19 декабря 1770 года учинено.

Возженный для света светильник, ярко горевший для ходящих в неведении и во тьме, погас и был положен под спуд. Но у гроба святителя Павла совершаются многие чудеса; получают исцеление недужные разными душевными и телесными болезнями. И новый чудотворец земли родной так проявляет заботу, что сам является страждущим. При этом бывает и так, что святитель Павел является и с другими отечественными подвижниками благочестия.

Наместник Киево-Печерской лавры архимандрит Иларион по прибытии в лавру на место своего назначения, утомившись с дороги, заснул и видит во сне, будто явились к нему покойник Филофей и святитель Павел Тобольский и, приступив к постели, Филофей сказал: «Наместник прислан на семь лет, а потом архиереем», а святитель Павел сказал: «Нет, он прислан на пять лет и затем будет архиереем». По истечении пятилетнего срока так и случилось. Наместник Иларион был назначен епископом Полтавским. Прощаясь со святителем Павлом, он умилялся душой и плакал пред гробом его и, сообщая пророчество святителя Павла, просил: «Не скрывайте сего... Всем рассказывайте это великое на мне событие, предреченное во сне святителем Павлом».

Память святителя Павла, митрополита Тобольского, совершается 4/17 ноября – в день преставления и 10/23 июня – в день Собора Сибирских святых.

Июнь 11

Варнава Ветлужский, преподобный

Когда победою великого князя Донского начала успокаиваться земля Русская от непрестанных нашествий монгольских, тогда стали без страха селиться во всех ее пределах и устрояться обители в местах отдаленных, и преподобные пустынножители водворились в дремучих лесах и безлюдных пустынях. Преподобный Варнава, родиной которого был Великий Устюг, до ухода в пустыню был священником одной из городских церквей. В 1417 году преподобный поселился на берегу реки Ветлуги на Красной горе, где подвизался в уединении в течение 28 лет. «Богу работая в псалмопении и молитвах, питаясь былием и вершием дубовым», редко хлебом. По словам автора жития преподобного, к святому Варнаве приходили и «дикие звери, медведи многи, живущие близ келлии его... он же хоуждаше между ними, аки между скотами, зря на них и утешашеся; благодаря великаго Бога, тии звери кротки ему быша».

В окрестностях горы Красной, даже в 50 верстах, не было человеческого жилья. Изредка, ради благословения, посещали пустытника люди, которым он предсказал, что по преставлении его на берегу реки Ветлуги «умножит Бог житие человеком, а на месте его жительства будут жить иноки».

По преданию, в 1439 году, перед тем, как поселиться на реке Унже, сюда приходил за наставлениями и поучениями преподобный Макарий (память 25 июля/7 августа). Преподобный Варнава скончался в глубокой старости 11 июня 1445 года. По кончине святого подвижника на место его подвигов приходили на жительство «от разных стран» многие монахи «и к ним земледельцы», и «размножашеся по всей той реке народ мног даже до великия реки Волги». На Красной горе иноки построили две церкви: одну в честь Пресвятой Троицы, а другую – над гробом преподобного во имя святителя Николая Чудотворца и основали общежительный монастырь, получивший название «Варнавинской пустыни». Житие святого Варнавы написано в 1639 году иноком Варнавинской пустыни

иеромонахом Иосифом (Лядкиным), который впоследствии стал в Москве главнейшим управителем книжного Печатного двора.

Слух о чудесах преподобного достиг в 1639 году и до Святейшего Патриарха Московского Иоасафа, который спросил пред освященным собором двух пресвитеров ветлугских, Иоанна и Онисифора, пришедших в царствующий град засвидетельствовать о чудесах преподобного и милость его, которую сами над собой испытали. Один из них, Онисифор, долго страдал слепотою глаз и в тяжком недуге уже отчаивался в жизни. Иноки обители Ветлугской (Ветлужской) убедили его пойти помолиться на гроб преподобного – и там он прозрел. Другой иерей подтвердил истину слов его и сам о себе возвестил, как исцелился также у гроба преподобного от одержавшей его болезни. Тогда Святейший Патриарх послал игумена желтоводского Пафнутия в обитель преподобного узнать на месте истину слов обоих иереев. И он, собрав многие иные сказания о чудесах, истекавших от раки преподобного Варнавы, возвестил о том патриарху, который прославил память новоявленного чудотворца.

Со временем на месте Варнавинской обители возник уездный город Варнавин, а главный храм обители был обращен в городской собор во имя апостола Варнавы.

Аркадий Вяземский Новоторжский, преподобный – прославление

Преподобный Аркадий был келейником и учеником преподобного Ефрема, настоятеля Борисоглебского монастыря. Он славился святостью жизни, подражая во всем своему учителю преподобному Ефрему, и являл собою образец послушания. Скончался он мирно в 1077 году. Мощи преподобного Аркадия почивают в Новоторжской Борисоглебской обители под спудом.

Июнь 12

Арсений Коневский, преподобный

Из Великого Новгорода происходил блаженный Арсений, но неизвестно, кто были его родители и в какое время он родился; лишь одно знаем, что хороши были родители, воспитавшие его в благочестии, ибо каков корень, таковы и ветви и, по Священному Писанию, *аще корень свят, то и ветви* (Рим. 11, 16). Добрым воспитанием укоренился в сердце его страх Божий и послужил ему началом премудрости. Возрастая телесно, возрастал Арсений и духовно, удаляясь от всего суетного и соблюдая душевную и телесную чистоту. Всем сердцем прилепился он ко Святой Церкви, услаждаясь слышанием Божественных словес. Но чтобы благоговейный отрок не оставался в праздности, родители отдали его на учение ремеслу. «Со усердием повеленная ему исполняше и тако скоро изучися художеству и бысть ковач меди». От своих трудов он со тщанием подавал милостыню нищим, «бе бо зело милостив». Любя всегда молиться Богу, сердце его все более и более разгоралось любовью Христовой. Это побудило его наконец оставить мир, сродников и все имущество, чтобы искать безмолвной жизни.

В 1373 году преподобный поступил в Новгородский Лисицкий (Лисичий) монастырь. Пройдя иноческий искуc, он принял монашество с именем Арсений. Одиннадцать лет прожил Арсений в обители, пройдя различные послушания и сделавшись совершенным иноком не только по одежде, но и по чрезвычайным подвигам бдения, поста и молитвы. Он был возлюблен Богом и людьми за свою добродетель. Все братия смотрели на него как на данный им свыше образец жития иноческого.

Но, стремясь к еще более высоким духовным подвигам, преподобный Арсений ушел на святую гору Афон. Благополучно достигши Святой Горы, он был с любовью принят игуменом Иоанном, который велел пришельцу, как бы новонаначальному, подвизаться в общих трудах с братией, чтобы испытать его терпение. Прошел прп. Арсений по порядку все монастырские

службы, начиная от древоделания и печения хлебов, и всякую службу исполнял с чрезвычайным смирением и послушанием, по рассуждению бдительного пастыря, вменяя себя за худшего из братии и за великого грешника. Игумен, узнав искусство пришельца русского ковать медные сосуды, занял его предпочтительно сим рукоделием. И в глубоком безмолвии ковал он сосуды для потребы монастырской, посвящая на сие целый день, а ночь проводил в молитве, едва позволяя себе мало отдыха, ибо крепок был и мужественен. Безмездно он трудился не только для своей обители, но и для других святогорских, ибо отовсюду приносили ему медь для кования сосудов, как только услышали о его искусстве. Опасаясь, чтобы множество к нему приходивших не обременяло братию его обители, принял он благословение от своего игумена обойти все монастыри Святой Горы, чтобы потрудиться на пользу каждого из них не ради злата и серебра, но для душевного спасения, и в таком подвиге пребыл три года.

Когда настало время возвращения на Русь, игумен Иоанн благословил его иконой Пресвятой Богородицы, впоследствии получившей наименование Коневской (см. 10/23 июля), и передал подвижнику общежительный устав.

Дальнейший подвиг преподобный Арсений проходил на Валааме. Часто взывал инок ко Господу, молитвенно просил он указать место для устройства новой обители. И вот однажды, когда он находился в море, случившаяся буря принесла его к острову Коневец, что на Ладожском озере. Здесь по Промыслу Божию преподобный Арсений поставил крест и, оставшись для подвигов, построил часовню в 1393 году. Трудна, тяжела была жизнь его на холодном и диком острове, но он терпел и подвизался в молитве. Напрасно убеждал его инок Лаврентий, посланный с Валаама от игумена Силы, чтобы возвратить его обратно в обитель. Но, возлюбив безмолвие своего острова, он решился с помощью Божией превратить остров служения лжи в обитель святости и истины. До его поселения на Коневце береговые жители пользовались островом для конского пастбища. Они верили, что скот их остается здесь целым и невредимым оттого, что его берегут духи, живущие под

огромным камнем, и в знак благоговейной признательности оставляли у камня каждую осень одного коня. Конь погибал от голода в какой-нибудь тущобе, а они верили, что благосклонно принят он в жертву духами. От того огромный камень называли Конь-каменем, а остров – Коневым, или Коневцем. Преподобный Арсений, узнав о таком языческом суеверии народа от рыбака Филиппа, еще в начале поселения своего на острове приступил к камню с молитвою, окропил его святою водою, и духи – наставники лжи – отлетели в виде воронов. Преподобный Арсений пять лет подвизался в скиту своем, показывая собою суеверам, что их духи, благодетели и каратели, не смеют коснуться до него. В 1398 году преобразовал он скит свой «на Коневском острове», по благословению Новгородского архиепископа Иоанна (1389–1415), в общежительный монастырь, где построил храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

Впоследствии, при архиепископе Симеоне (1416–1421), угодник Божий вновь посетил святую гору Афон, где испросил молитв и благословения для своей обители. Во время его отсутствия крайняя скудость провизии повергла всех братий в такое смущение, что они было решились покинуть обитель. В глубокой скорби в постигшем испытании ближайший ученик преподобного благочестивый Иоаким вдали от монастыря, в глухом лесу, повергся со слезами, моля Пресвятую Богородицу помочь им в великом горе. Погруженному в легкий сон, этому старцу в небесной славе явилась Преплага Царица неба и земли и возвестила о скором прибытии преподобного. На другой день, действительно, прибыл прп. Арсений на двух больших судах со множеством припасов. В незабвенную память этого радостного и дивного явления Божией Матери и в вечное благодарение за материальное попечение Ее о монастыре, по благословению преподобного, на месте явления иноки поставили крест и святую икону Богоматери; самая гора, которую осенило благодатное явление, с тех пор называется «Святою»; впоследствии на месте явления построены часовня и скит.

В 1421 году необыкновенный разлив Ладожского озера, смывший некоторые постройки бедной обители, заставил преподобного Арсения перенести обитель на новое место на том же острове, где мало-помалу им был сооружен каменный храм с деревянными келлиями и оградой. Архиепископ Евфимий, поступивший на кафедру с Лисичьего монастыря, много содействовал преподобному в устройении новой обители. Коневец стал тогда известным для многих в Новгороде. Благочестивые новгородцы стали посещать уединившуюся на острове обитель и доставляли ей свои пособия. Святитель Евфимий также посещал Арсения на Коневце и в знак духовной дружбы подарил свой клобук. В память посещения святителя прозвалась самая лахта, или пристань, при которой стоял прежний монастырь, Владычной лахтой.

В заботах и трудах об обители и в подвигах иночества прп. Арсений достиг глубокой старости. Если неизвестны годы земной его жизни, то не укрылись годы иноческие, ибо 65 лет провел он в постнической жизни. Поручая обитель свою Матери Божией, обещал прп. Арсений духом не расставаться с братией и в самую минуту своего исхода, поддерживаемый учениками, приобщился Божественных Таин и мирно скончался 12 июня 1447 году.

Преподобный Арсений почитается как покровитель моряков. Так, однажды он спас от гибели старца Моисея с рыбаками. Застигнутые бурей рыбаки молились Господу; явившийся святой осенил их мантией, и лодка благополучно пристала к берегу. Житие преподобного Арсения было написано в XVI веке коневским игуменом Варлаамом. В 1859 году житие было издано вместе со службой и похвальными словами.

Онуфрий Мальский, Псковский (Изборский), преподобный

Преподобный Онуфрий Мальский, Псковский (Изборский) основал обитель в честь Рождества Богородицы в Малах, в четырех верстах от Изборска и в 56 верстах от Пскова. Святой скончался 12 июня 1592 года. По рукописным святцам он новый чудотворец; мощи его почивают под спудом в Рождественской церкви, в которой придел посвящен его имени. Обитель его упразднена в 1764 году. Память преподобного Онуфрия совершается также в так называемое «мальское воскресенье» – первое воскресенье после Петрова поста.

Онуфрия и Авксентия Вологодские, преподобные

В 1499 году сии преподобные отцы пришли в совершенно безлюдное место в Грязовец, находившееся в 35 верстах от Вологды. Основанная ими пустынь с храмом во имя Святой Троицы назывался Перцевой, или, по другим источникам, Персовой. До самой своей блаженной кончины подвизались в ней иноки, терпеливо перенося всевозможные невзгоды среди сурового, непроходимого леса. Время преставления преподобных Онуфрия и Авксентия неизвестно. Уже ближайшие потомки почитали Перцевских подвижников как святых угодников Божиих. Их имена были внесены во все старинные святцы. По древним рукописным святцам, память их – 12 июня. Описание Российских святых, составленное в XVIII веке, содержит упоминание: «Преподобные отцы Онуфрий и Авксентий, иже в Перцевой пустыни, быша в лето 7007». В 1588 году эта пустыня была приписана к монастырю, основанному преподобным Корнилием Комельским († 1538; память 19 мая/1 июня), а в 1764 году упразднена. Мощи преподобных Онуфрия и Авксентия погребены под спудом в Троицкой церкви, ставшей приходской. Позднее это место перешло к Вологодскому Горнему женскому монастырю и там был устроен скит для инокинь.

Иоанн, Христа ради Юродивый, Московский чудотворец, святой блаженный

Блаженный Иоанн родился в конце XV века в Вологодском крае. В юности он оставил родительский дом и стал безмездно работать «водоносцем» на солеварнях. С тяжелым трудом святой соединил строгий пост и молитву. Затем он перешел в Ростов, где и принял на себя трудный подвиг юродства Христа ради: он ходил полунагой, носил на себе вериги в виде тяжелых железных крестов и на голове большой железный колпак, за что прозван был «Иоанн – Большой колпак». Питался святой подвижник хлебом и водой один раз в день. Часто бывало так, что блаженный Иоанн выходил на улицу на народ, полагал на землю колпак и, стоя на нем, подолгу смотрел на солнце и молился. Прохожие смеялись над ним и оскорбляли его, но святой с кротостью и терпением переносил насмешки. В Ростове он был знаком с преподобным Иринархом, затворником Ростовским († 1616; память 13/26 января).

Из Ростова блаженный Иоанн переселился в Москву, где продолжил подвиг юродства. Зимой и летом он ходил в рубище, претерпевая в непогоду холод и сырость. Блаженный Иоанн получил от Бога дары прозорливости и чудотворений. Так, он предсказал большие беды России, Смутное время и нашествие поляков, говоря, что «в Москве будет много видимых и невидимых бесов». Он безбоязненно говорил правду всякому, какое бы положение тот не занимал. Даже самому царю Борису Годунову часто говорил слова: «Умная голова, разбирай Божьи дела. Бог долго ждет, да больно бьет». Однажды святой встретил хромого человека по имени Григорий. Он расспросил его о болезни и узнал, что Григорий два года назад вывихнул ногу и с тех пор нога не заживает. Во время разговора блаженный Иоанн как бы нечаянно наступил на больную ногу, и она тотчас стала здоровой.

Перед смертью святой Иоанн указал себе могилу у храма Покрова на Рву, впоследствии названного собором Василия Блаженного. Готовя себя к погребению, ибо ему был открыт

день кончины, он снял вериги и трижды облился водой. Святой заповедал совершить погребение не ранее третьего дня. Блаженный Иоанн скончался в 1589 (или 1590) году.

На погребении святого в Покровском храме были царь Феодор Иоаннович, архиереи Русской Церкви и множество народа. Однако само погребение совершалось не в указанный блаженным день, а раньше. Господь попустил в наказание за неисполнение завета своего угодника во время богослужения случиться сильной грозе с молниями, так что в Покровском храме опалились некоторые иконы и даже пострадали несколько клириков и мирян. Во время погребения и позднее многие болящие получали исцеление по молитвам блаженного Иоанна.

Служба блаженному Иоанну была составлена вскоре после его кончины, при царе Феодоре Иоанновиче († 1598 г.). Житие составлено, согласно некоторым источникам, монахом Иосифом (в миру священник Иоанн Наседка, сотрудник преподобного Дионисия Радонежского († 1633; память 12/25 мая) по исправлению богослужебных книг) в 1647 году. Нетленные мощи угодника Божия были открыты 13 июня 1672 года. 17 января 1916 года придел в честь Рождества Пресвятой Богородицы в Покровском соборе, где под спудом почивали святые мощи, был переименован во имя блаженного Иоанна, Христа ради юродивого, Московского чудотворца.

Стефан Озерский, Комельский, преподобный

Преподобный Стефан родился во второй половине XV века в стране Вологодской от благочестивых родителей. Отец его служил при княжеском дворе и постарался сыну своему дать, сколько возможно было тогда, лучшее воспитание и образование. Он готовил в нем преемника себе и доброго слугу князьям своим, но завидная и желательная для других придворная жизнь была не по душе юному избраннику Божию.

В то время славилась постническими подвигами пустынная лавра Дионисиева (прп. Дионисий Глушицкий, † 1437; память 1/14 июня). Строгий общежительный устав обители, не позволявший монахам не только иметь какую-либо собственность, но и делать что-нибудь без повеления и благословения настоятеля, удаленное от мирских селений положение ее в глухом лесу как нельзя более соответствовали желанию Стефана, искавшего безмолвия. И он, оставив княжеский двор, родных и друзей, ушел на Глушицы и смиренно просил настоятеля и братию принять его в их монастырь. Тронутый неотступными просьбами и слезами Стефана, настоятель принял его сперва в число послушников, потом, видя его усердие и труды, постриг в монашество с именем Стефан и поручил одному опытному старцу для руководства в духовной жизни. Новый инок всецело предал себя воле своего руководителя и старался подражать ему во всем, проводя дни в монастырских трудах, а ночи – в бдении и молитве. Чем более, однако, он укреплялся в трудах и возрастал в духовной жизни, тем более она казалась ему слабой и несовершенной, тем более он смирялся и охудшал себя. По прошествии нескольких лет жизни на Глушицах Стефан для большего усовершенствования своего в духовной жизни с благословения настоятеля и старца-руководителя отправился странствовать по северным пустыням и монастырям. Ему хотелось воспользоваться мудрыми советами духовных старцев, присмотреться к их подвигам и трудам и приобрести себе таким образом навык и опытность в духовном делании. Странствуя

таким образом, он дошел до Тихвина и остановился здесь на жительство, радуясь тому, что ежедневно может поклоняться чудотворной иконе Божией Матери. Однако он недолго оставался здесь: многочисленные толпы мужчин и женщин, ежедневно приходивших в монастырь для поклонения святой иконе, шумные разговоры, давшие монастырю вид мирского селения и торжища, нарушали тишину в обители. Поэтому, проживши в Тихвине несколько времени, Стефан, увлекаемый любовью к безмолвию и уединению, возвратился в родные Вологодские пределы.

Переходя с места на место, из леса в лес, преподобный достиг пустынного озера Комельского, окруженного со всех сторон мхами и болотами. Ему понравилось это место, никем не обитаемое и удаленное от мирских селений, и он решился остаться тут навсегда. Поставив себе келлию на восточном берегу озера при истоке реки Комелы и соорудив небольшую часовню для двух икон, принесенных им из Тихвинского монастыря – Божией Матери и Николая Чудотворца, он стал подвизаться в посте и молитве, незнаемый людьми и ведомый только Единому Богу. Невозможно высказать всего того, что должен вытерпеть прп. Стефан в первые годы своей жизни в пустыне, каким подвергнуться искушениям и какие перенести труды и огорчения. Запас хлеба был принесен Стефаном небольшой, и ему грозил совершенный недостаток пищи. Спустя более двух лет нечаянно нашли его два зверолова и поделили с ним свой дорожный запас. От них он узнал тропу, ведущую к Белозерской дороге и деревням: иначе не мог он, и заставляемый крайностью, добраться до жилых мест. После того звероловы стали посещать Стефана, а от них узнали его и другие.

Среди таких трудов и искушений благодать Божия не оставляла преподобного своим утешением и помощью. Однажды в летнюю ночь, когда прп. Стефан с великим усердием и слезами молился в своей часовне пред иконами Божией Матери и святителя Николая, внезапно явились ему в чудном свете Пресвятая Дева и Николай Чудотворец. Стефан, объятый священным ужасом, пал пред ними на землю и

слышал, как святитель Николай умолял Пречистую Деву благословить место жительства Стефана для обители иноческой. На моление святителя Матерь Божия повелела отшельнику соорудить в пустыне храм во имя угодника Божия Николая и самому быть начальником новой обители. С этими словами дивные посетители стали невидимы, исполнив сердце Стефана несказанной радостью.

Еще прежде того, в летнюю ночь, жарко молился он в часовне, дабы Матерь Божия благословила место его для обители молитв; тогда в видении он был извещен, что обитель должна устроиться в честь свт. Николая.

Спустя три года одинокого пребывания в пустыне, пришли к прп. Стефану два брата делить труды пустынника, потом явилось еще несколько с подобными желаниями. Ревнители пустынной жизни просили старца устроить храм для молитвы. С одним из них отправился он в Москву испросить благословение у митрополита на построение храма и обители. Митрополит Даниил с любовью принял старца, о котором прежде слышал, поместил его в своей келлии и потом представил его великому князю Василию Иоанновичу. Великий князь, вообще расположенный к монашеству, особенно уважал иноков обителей вологодских, которые он почти все посетил лично в 1528 году, испрашивая себе у Бога наследника. После многих духовных бесед с князем и митрополитом смиренный пустынник Стефан рукоположен был в сан священства и поставлен игуменом новой обители. От митрополита вместе с грамотой на устройство храма и обители он получил и всю необходимую для того церковную утварь, а великий князь дал ему свою грамоту на земли и угодья на содержание братии. Таким образом, с полным духовным и вещественным утешением преподобный возвратился в дремучие леса своей пустыни к нетерпеливо ожидавшей его братии.

Прибывши на озеро, он прежде всего направил свой путь к часовне и сам отслужил первый благодарственный молебен Богоматери и святителю Николаю, за несколько лет предвозвестившим ему основание храма и обители на том месте. Братия с радостью приветствовали своего игумена,

припадая к ногам Стефана, просили его благословения и благоговейно целовали принесенное им из Москвы св. Евангелие, а он всех молитвенно осенял Животворящим Крестом и сам просил их молиться за него. Через несколько дней после сего приступили они к построению храма, который скоро и создали. В 1534 году к великой радости пустынников церковь была освящена во имя святителя Николая и, хотя в малом виде, по числу немногочисленной братии, устроено было все необходимое для общежития.

После освящения церкви прп. Стефан еще восемь лет подвизался в устроении своей юной обители, подавая собою во всем пример братии, умножавшейся с каждым годом. Как отец чадолюбивый, блаженный старец, кроткий и милостивый ко всем, был строг только к самому себе, изнуряя плоть свою непрестанными трудами, постом и бдением. Несмотря на преклонные лета, он казался в своей пустынной обители более послушником, нежели игуменом, всегда первый являлся на монастырские труды, старался служить каждому, всех успокоить и утешить. За то и братия любили его как отца, смотрели на него как на Ангела Божия и старались во всем подражать ему.

Достигши глубокой старости, преподобный за неделю до преставления почувствовал изнеможение сил своих и предугадал приближение кончины. Накануне ее он оделся с помощью своих учеников в погребальные ризы, которые давно приготовил для себя, затем, приведенный ими церковь, приобщился Святых Таин от руки литургисавшего иеромонаха. Потом возвратился на одр свой и тихо скончался 12 июня 1542 года.

В том же 1542 году, когда скончался прп. Стефан, обитель была разорена татарами. Когда при возобновлении ее стали строить новую церковь вместо сожженной грабителями, то поставили ее уже не на прежнем месте, а над могилой преподобного, так как многие из благочестивых людей стали видеть над ней свет, как бы горели свечи. Тогда же, по свежей памяти, на гробнице преподобного было написано его изображение, а другой образ его был поставлен в

новоустроенном храме. После была написана ему и особая служба.

Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную, – учит апостол (Гал. 6, 8). Жизнь духовная, сильно развившаяся в душе, не боится смерти – она дает о себе знать делами чудными и за гробом. Вологодский купец Гавриил, знавший прп. Стефана при его жизни и благотворивший обители его, плыл водой по торговым делам своим. Поднялась страшная буря, и волны грозили поглотить лодку. Гавриил стал призывать в помощь угодников Божиих и между ними блаженного Стефана. И внезапно увидел у себя в лодке светлепого старца, который говорил ему: «Не бойся, сын смирения, Господь послал меня избавить тебя от потопления». «Кто ты?» – спросил Гавриил, бывший в ужасе и от видения, и от явной смерти. «Ты много милостыни подавал в обитель св. Николая, что на озере Комельском, и мне, смиренному строителю Стефану», – отвечал явившийся и исчез, а вслед за тем утихла буря.

Июнь 13

Андроник, Савва и Александр, Даниил и Андрей Московские, преподобные

Первые сведения о преподобном Андронике находятся в житии преподобного Сергия Радонежского, составленном около 1418 года преподобным Епифанием Премудрым. Иеромонах Пахомий Логофет дополнил (около 1440 года) сказание преподобного Епифания некоторыми подробностями, которые он, вероятно, знал из преданий Троицкого и Андрониковского монастырей. Преподобный Андроник «был из города и отчества святого Сергия», то есть Ростовской земли. Юношей пришел он к преподобному Сергию Радонежскому и стал умолять, чтобы тот облек его в святой иноческий образ. Преподобный Сергей не отверг моления юноши: совершил иноческий постриг и нарек имя Андроник. Видя, что молодой инок очень любит безмолвие и молчание, преподобный Сергей благословил ему жить в келлии одному. В воздержании же и трудах Андроник старался ревновать своему старцу.

Преподобный Андроник, «тихий, кроткий, смиренный», по отзыву летописца, рос и укреплялся в духовной жизни под надзором великого аввы Сергия. И святой наставник очень любил своего ученика за «цветущие в нем добродетели» и безответное послушание и особенно молил о нем Бога, чтобы покрыл его невинную душу от вражеских козней и помог ему довершить свое течение до конца. Так прошло десять лет. Однажды преподобному Андронику пришел помысл выйти из Троицкой обители, чтобы основать свой монастырь (как и случилось впоследствии, когда еще был жив святитель Алексей). Преподобный Андроник не скрыл помысла от своего старца, ибо, возлагая упование на Бога, он, поясняет иеромонах Пахомий Логофет, молился в себе: «Если будет угодно Богу, то может и на дело произвести».

И вот, когда святитель Алексей пришел в лавру к преподобному Сергию для духовной беседы, преподобный спросил его: «Есть некоторые из братии, которые, когда приходят к святому иноческому образу, тогда всего отрекаются,

а потом, прожив десять лет, другие же и более, хотят воспринять священный сан. Ты же как повелишь, владыко святой, благословить или нет?» Святитель Алексей ответил: «Ты имеешь от Бога дар рассуждения. Если видишь кого, что он сможет пасти стадо Христово, – не возбраняй ему, а если видишь кого, что он хочет принять священный сан не ради Бога, а ради человеческой славы, – таковым возбраняй». Долго еще продолжалась беседа. Святитель Алексей обратился к преподобному Сергию: «Возлюбленный отец, хочу просить одного благодеяния у твоей духовной любви ко мне». – «Ничто не возбранено в моей обители для твоей святыни». «Хочу, – сказал Алексей, – чтобы ты дал мне одного из твоих учеников, я намерен с помощью Божией построить монастырь во исполнение обета моего. Когда плыл я из Царьграда, поднялась великая буря на море, так что корабль сокрушался от волн и мы все отчаялись в жизни. Тогда дал я обет соорудить храм в честь того празднества, в какое счастливо достигнем пристани. Море улеглось и мы вошли в пристань 16 августа. Потому положил я устроить обитель в честь Нерукотворенной иконы Спасителя; пришло время исполнить обещание». (В течение пяти лет по прибытии из Царьграда митрополит не имел возможности исполнять свой обет, т. к. в его отсутствие скопилось много дел по управлению Церковью.) «Доброе дело, – сказал преподобный Сергей, – да даст тебе Господь выполнить его! А все, чего потребуешь от сына твоего, готово пред тобою», ибо знал великий старец с самого начала, для чего свт. Алексей посетил его. И когда митрополит попросил у него в настоятели обители возлюбленного ученика Андроника, прп. Сергей отдал его. Наделив обитель Пресвятой Троицы милостыней, святитель тогда же взял с собою в Москву преподобного Андроника.

Место было избрано в четырех верстах от Кремля, на речке Яузе. Сам преподобный Сергей приходил благословить это место. И уже в 1361 году была воздвигнута прекрасная церковь, освященная митрополитом в честь Пречистого Нерукотворенного Образа Спасителя, а икону Образа Христова, обложенную золотом, которую святитель сам привез из Константинополя, поставил в церкви. В монастыре, где

преподобный Андроник стал первым игуменом, был принят общежительный устав. Преподобный Андроник со смирением и усердием нес настоятельские труды, пребывая во всяком воздержании и молитве; он был воистину кроток и смирен сердцем, как благоразумный ученик кроткого учителя – преподобного Сергия. К преподобному Андронику часто приходили люди за духовным советом и благословением. Братия монастыря умножались в числе и преуспевали в добродетелях. Через некоторое время после основания обители преподобный Сергей пришел посмотреть строение своего ученика, похвалил его и благословил, освятив молитвою: «Господи, призри с неба, и виждь, и посети место сие, которое Ты благоизволил создать во славу святого Твоего имени». После этого, поучив о пользе душевной, преподобный Сергей отошел в свою обитель. Монастырское предание сохранило память и о другом посещении преподобного Сергия, когда он после продолжительной беседы с преподобным Андроником пошел в Нижний Новгород (1365 г.). На месте беседы впоследствии поставлена была часовня.

Одно из поздних преданий повествует, что благоверный князь Димитрий Донской († 1389 г.) заезжал в Спасо-Андроников монастырь до Куликовской битвы (1380 г.), а после победы здесь было встречено русское войско. Эти события и предания свидетельствуют, что Андроников монастырь в честь Нерукотворенного Образа Спасителя пользовался особым покровительством как великокняжеского дома и Московской митрополичьей кафедры, так и Троице-Сергиева монастыря. Слава об обители и духовных подвигах преподобного Андроника распространялась по Руси, так что многие, взыскующие иноческого жития, стали к нему собираться. Чем более умножалось братство, тем большие подвиги принимал на себя преподобный Андроник. Он старался преуспевать в усиленном воздержании, ночных бдениях, посте и молитве. И кто может поведать как он, добрый муж, исправлял других? Каждого он, как отец, поучал, запрещал, умолял и восстанавливал на брань с невидимыми врагами и всех приводил к согласию кротостью. Так богоугодно прожил он

много лет, нося на себе тяжесть всех. Когда же преподобный Андроник уразумел свое отшествие к Богу, он вручил паству своему ученику преподобному Савве, который сиял многими добродетелями. А сам, поучив братию о духовной пользе, отошел ко Господу († 13 июня 1395 года). Мощи его почивают под спудом в соборной церкви Спасо-Андроникова монастыря.

Преподобный Савва также содержал преданную ему паству в благочестии, чистоте и святости. Ради его великих иноческих добродетелей его почитали великие князья, иноки и народ. Поэтому и умножилось духовное стадо его учеников, из которых многие были поставлены игуменами в другие монастыри, а некоторые стали епископами. Пожив богоугодно и благочестно много лет, преподобный Савва отошел ко Господу.

Через некоторое время игуменом обители стал преподобный Александр, ученик преподобного Саввы, муж весьма добродетельный и преуспевший в монашеских подвигах. С ним подвизался в обители и другой его старец – преподобный Андрей, иконописец преизрядный, который имел честные седины и всех превосходил мудростью. С помощью Божией преподобные Александр и Андрей воздвигли в своей обители прекрасную каменную церковь, которую украсили чудной росписью в память своих отцов.

Преподобный Иосиф Волоцкий († 1515; память 15/28 сентября) в «Отвещании любозазорным и кратком сказании о святых отцах, бывших в монастырях, которые в Русской земле» писал со слов старца Спиридона, что святитель Алексей, митрополит Московский, основав Андрониковский и Чудовский монастыри, взял игумена для Андрониковской обители у преподобного Сергия Радонежского – преподобного Андроника. С ним были его ученики Савва и Александр и чудные и прославленные иконописцы Даниил и ученик его Андрей и многие другие такие же. Преподобные Даниил и Андрей были так добродетельны и ревностны в постничестве и иноческой жизни, что сподобились Божественной благодати. Они были так исполнены Божественной любви, что никогда не упражнялись в земном, но всегда ум и мысль возносили к невещественному и Божественному свету, чувственное же око всегда возводили к

написанным вещественными красками образам Владыки Христа и Пречистой Его Матери и всех святых. В самый праздник Светлого Воскресения они, сидя на седалищах и имея пред собою всечестные и Божественные иконы, взирали на них неуклонно, исполняясь Божественной радости и светлости. И не только в этот день так творили, но в прочие дни, когда не занимались иконописанием. Ради этого Владыка Христос прославил их и в конечный час смертный. Прежде преставился преподобный Андрей, а потом разболелся и спостник его преподобный Даниил. И находясь при последнем дыхании, увидел он почившего Андрея во mnogой славе и с радостью призывающего его в вечное и бесконечное блаженство.

Из этого свидетельства очевидно, что преподобные Андроник († ок. 1395–1404 гг.) и его ученики игумены Савва († ок. 1410 г.) и Александр († после 1427 г.), последовательно настоятельствовавшие в обители, и иконописцы Даниил Черный и Андрей Рублев († до 17 ноября 1426 г.) равно почитались как святые Спасо-Андроникова монастыря. Преподобным Даниилу Черному и Андрею Рублеву принадлежат росписи важнейших храмов Русской Православной Церкви: Московского Благовещенского собора в Кремле (1405 г.), Успенского собора на Городке в Звенигороде (начало XV в.), Успенского собора во Владимире (1408 г.), Троицкого собора в Троице-Сергиевой лавре (1422–1426 гг.) и Спасского собора Андроникова монастыря.

Последние же труды их посвящены были, по просьбе прп. Никона, памяти прп. Сергия. «Преподобный, – говорит летопись, – поспешно собирает живописцев, мужей отличных, совершенных в добродетели, Даниила, спостника его Андрея и их помощников; поспешно совершает он дело, потому что провидел духом скорое преставление тех живописцев, как это и было по окончании дела. При помощи Божией они усердно принялись за дело, весьма украсили разными чудными изображениями, изумляя поныне всех этим конечным трудом своим. Преподобные, оставив память о себе, спустя немного времени в доброй старости прияли благий конец».

До недавнего времени считалось, что Спасский собор был построен при игумене преподобном Александре, между 1410–1427 годами. Некоторые исследователи относят время построения собора к 90-м годам XIV века (Спасо-Андроников монастырь. М., 1872. С. 12). Источники расходятся в том, какой из соборов, Троицкий или Спасский, был «конечным рукоделием» преподобных Даниила и Андрея. Однако древнее свидетельство о кончине и погребении преподобных иконописцев в родном для них Андрониковом монастыре было подтверждено недавней находкой.

В одном из рукописных сборников начала XIX века некий Иона, именующий себя «керженским постриженником», приведя известные ему сведения о преподобных Данииле и Андрее, писал: «Святость обоих их свидетельствует и древле письменныя месяцесловы. Святые же их мощи погребены и почивают в том Андроникове монастыре под старую колокольню...»

Преподобный Андрей Рублев – духовный внук преподобного Сергия, это не раз подчеркивалось. Но подобно тому, как Троицкий собор воплотил в себе духовный опыт преподобного Сергия, духовный опыт преподобного Андроника и его учеников воплощен в соборе в честь Нерукотворенного Образа Спасителя Андроникова монастыря. Этот монастырь явился выразителем основных идей православного иконописания.

Об иконах преподобных Даниила и Андрея еще в XVI–XVII веках свидетельствовали, что они «все чудотворные». Икона Пресвятой Троицы письма преподобного Андрея Рублева Соборным определением 1551 года приравнивалась к каноническому образцу (Стоглав. М., 1890. С. 1681). В «Степенной книге», составлявшейся под непосредственным руководством митрополита Московского Макария в 1560–1563 годах, преподобные Андрей и Даниил именуются «богодухновенными мастерами».

Память преподобного Андроника и его святых учеников совершается в день кончины преподобного Андроника – 13/26 июня и в Соборе Радонежских святых – 6/19 июля,

установленном по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена 10 июля (нового стиля) 1981 года. Память преподобного Андрея Рублева отмечается также в день его тезоименитства – 4/17 июля, за день до праздника обретения честных мощей преподобного Сергия.

Июнь 14

Елисей Сумской, преподобный

Преподобный Елисей жил и подвизался в Соловецкой обители во времена близкие к преподобному Зосиме и, быть может, был его сподвижником. Из жизни Елисея только и известен один предсмертный его подвиг, в котором ясно выразились великое благочестие старца и помощь горняя, осенившая его по заступлению прп. Зосимы.

Четыре брата – Елисей, Даниил, Филарет и Савватий – по благословению своего настоятеля трудились на рыбной ловле на реке Выге, у порога Золотца, в 60 верстах от монастыря. В один день, когда все они исправляли рыболовные сети, Даниил, по откровению ли Божию или по каким-либо внешним признакам, вдруг начал говорить Елисею: «Напрасно, брат, ты трудишься в исправлении этих сетей, не будешь ловить ими рыбу: к тебе приблизилась смерть и ловля твоя окончилась». От этих слов ужас и страх объяли Елисея, он начал скорбеть и тужить не потому, что боялся смерти, а что не был еще пострижен в великий ангельский образ (схиму), на месте же том не было священноинока, который бы совершил пострижение. (Печаль и заботливость старца о пострижении в схиму весьма основательны. На Афонe и ныне принимают все схиму; в прежнее время было так и у нас). Уныние возросло в душе старца до изнеможения телесных сил. Сердобольные братия утешали его, убеждая положиться на волю Божию, Который всюду и всех назирает Всевидящим Оком, видит и их нужду и силен исполнить всякое желание, когда призывают Его от всей души и чистым сердцем. В заключение, видев в старце умножающиеся скорби и болезнь тела, предложили ему, чтобы он, став пред невидимое присутствие Божие и прочитав «Достойно есть», с крестным знамением сам возложил на себя схиму, призывая в помощь и содействие молитвы и благословение прп. Зосимы и Савватия. Совет был принят и исполнен.

Наступила ночь. Больной был положен в постель, упокоились подле него и утомленные братия. Но когда они

встали от краткого сна, то больного уже не было с ними в келлии. Обратились к поискам и нашли его идущим к ним навстречу из леса и без схимы. На вопрос о случившемся он объявил: «Множество бесов пришли к нам в келлию, напали на меня с яростью, силой увлекли от вас, сорвали с меня схиму, но прп. Зосима отнял меня у них». Схима была найдена заброшенной на дереве.

Старцы решились во что бы то ни стало везти Елисея в Суму (60 верст), где при монастырском подворье находился иеромонах. Положили болящего в судно и пустились вниз по реке Выге. Эта река весьма неудобна к плаванию по сильной быстроте и множеству каменных порогов. Старцы часто приходили в смятение от опасностей, но болящий ободрял их, говоря: «Не бойтесь, здесь с нами отец наш Зосима». Без вреда проплыли они опасную реку, вышли в море и достигли пристанища на реке Вирме. Больной между тем более и более изнемогал от болезни и не переставал сокрушаться о лишении схимы. Опять настала ночь; на Вирме старцы переменили судно и взяли в помощь себе несколько наемщиков для устройства плавания. Когда они находились на середине Сумской губы, настала великая буря. Волны подобились горам, на судне разорвался парус, сломалась мачта, весла выбило волнами из рук гребцов; к тому же налегла такая тьма, что пловцы едва видели друг друга. Все были в отчаянии, наемники роптали и укоряли иноков, но болящий Елисей не малодушествовал, ибо его успокаивало дивное видение из иного мира. «Не бойтесь и не скорбите, братия, – говорил он соплавателям, едва дыша от изнеможения, – я вижу отца Зосиму с нами в судне, он помогает нам. Все это случилось с нами по действию диавола, желающего погубить мою душу, но Бог по молитвам прп. Зосимы истребит супостата». Вскоре затем ветер мало-помалу начал утихать, волны улеглись, на море водворилась тишина. Пристав к берегу, старцы с ужасом увидели, что болящий скончался, и радость их мгновенно превратилась в плач. С горькими слезами они зывали к прп. Зосиме: «Преподобный отец наш, надеясь на твои молитвы, какой мы вынесли труд, какую вытерпели в море беду, и вот теперь все это напрасно: что надеялись

получить – не получили!» Но спустя немного времени в мертвом обнаружилось движение и он начал говорить здраво и осмысленно. Взятый на подворье, он был пострижен в великий ангельский образ и сподобился причаститься Божественных Таин Тела и Крови Христовых; затем, прославив Бога и простившись со всеми, опять почил о Господе. Тело его было погребено за алтарем церкви святителя Николая с южной стороны.

Проходили годы, многими было забыто и имя его. Спустя более столетия внимание к почившему возбуждено было тем, что гроб его обнаружился на поверхности земли и вскоре последовали явления прп. Елисея и исцеления от него болящих. Для удостоверения в действительности всего происходящего в 1668 году был послан в Сумский острог царский стольник Александр Севастьянович Хитрово, который по исследовании поставил над гробом преподобного небольшую часовню. Второе исследование о преподобном Елисее происходило в 1710 году по указу архиепископа Холмогорского Рафаила, при соловецком архимандрите Фирсе.

Со временем могила преподобного Елисея стала находиться под алтарем деревянной церкви. Преподобному служились молебны, но также и панихиды, когда богомольцы с именем преподобного желали помянуть своих преставльшихся сродников. После каждой литургии сумляне почитали долгом сходить на поклонение преподобному в его часовню; равным образом, отправляясь на море для звериных промыслов, у него же испрашивали в напутствие благословение и молитв. Память преподобного Елисея совершается 14/27 июня.

Мстислав-Георгий Храбрый, Великий князь Новгородский, благоверный

К лику святых заступников Церкви отеческой причтен и сей князь Новгородский Мстислав, внук великого князя киевского Мстислава († 1132 г.) и сын смоленского князя Ростислава. Князь Мстислав заслужил у современников имя Храброго, которое сохранилось ему в летописях по своему мужеству в битвах и по особенному благородству характера, так как он всегда принимал правую сторону, когда возникали несогласия князей, и вступался за слабого против сильного, невзирая на множество врагов. В Церкви же усвоилось ему утешительное название святого по глубокому его благочестию и делам милосердия, которые не уступали подвигам его воинской доблести.

В 1168 году он участвовал в победе южно-русских князей над половцами. Святой князь принимал участие и в других княжеских походах, в которых прославился необычайным мужеством.

Князь Мстислав, который, по сказанию современников, боялся лишь единого Бога, явил свое мужество против великого князя владимирского Андрея Юрьевича Боголюбского, когда тот, отдав сперва столицу южную Киев брату его Роману, князю смоленскому, хотел опять отнять достояние сие у Ростиславичей и велел Роману выехать из Киева. Повиновался кроткий князь, но за него вступились братья – Рюрик, Давид и Мстислав Смоленские. Храбрый Мстислав принял особенно к сердцу несправедливость владимирского князя и, овладев Киевом, отдал его второму брату Рюрику. Тогда великий князь владимирский объявил Ростиславичам войну. Князь Мстислав с бесчестьем выслал его посла с таким словом к своему владыке: «Доселе мы уважали тебя как отца, но когда ты говоришь с нами как с слугами и людьми простыми, идем на суд Божий». Князь Андрей послал 50 тыс. северного войска. К этому грозному ополчению поневоле присоединились полки некоторых южных князей. Братья Ростиславичи оставили Киев, будучи не в

силах держаться против такого полчища, но Мстислав Храбрый засел с малой дружиной в соседней крепости – Вышгороде, ничтожные стены которого, казалось, можно было разобрать руками. Возбуждала удивление ничтожная крепость, обороняемая горстью людей, но в ней бодрствовал витязь, а в осаждающих не было согласия. Одни князья боялись могущества Андреева, другие же – коварства Святослава, князя черниговского, и все тайно благоприютствовали Ростиславичам. А храбрый Мстислав почти каждый день делал отважные вылазки против войска Андреева. Когда прибыл луцкий князь Ярослав с волынскими войсками и соединился с Мстиславом, страх напал на осаждающих. Они бросились бежать, кто куда мог. Мстислав смотрел со стороны и не верил глазам своим. Наконец, подняв руки к небу, прославил он защитников Вышгорода – св. князей Бориса и Глеба. Потом, вскочив на коня, бросился с дружиной за беглецами. Неприятельский стан, обозы, множество пленных стали добычей Мстислава.

Князь Мстислав не гордился в счастье. Он примирился с князем Андреем и выпросил Киев для брата Романа. Роман, отправляясь в Киев, оставил в Смоленске сына своего. Смоляне возмутились против молодого князя и предложили Мстиславу Смоленск. Мстислав принял (1175 г.) предложение. Между тем Святослав Черниговский выгнал Романа из Киева. Мстислав возвратил Смоленск брату. «Береги его, – сказал он Роману, – я брал только для того, чтобы сохранить тебе». Он не хотел более вступаться в кровавые ссоры князей.

Благоверный князь Мстислав отличался нестяжательностью, щедро расточал милостыню, помогал обителям. Он не вступал в распри с другими князьями и в период междоусобиц стремился к миру, довольствуясь малым.

Вскоре вече новгородское обратилось к сильному дому князей смоленских и стало звать к себе храброго Мстислава. Долго не соглашался витязь идти княжить там, где прежде него не ужились два старших его брата, Рюрик и Роман. Довольствуясь быть щитом родовой своей области и дорожа тем, что дал ему Бог, он, чуждый всякого честолюбия, отвечал новгородцам: «Не пойду от братьев и от своей вотчины». «А мы

разве не твоя вотчина?» – возразили новгородские послы и умолили его прийти на княжение. Радостно зашумел вольный город, когда явился к ним Мстислав (1179 г.). Его встретили с крестами и иконами и с восторгом внимали его присяге в храме Софийском: блюсти великий Новгород. Скоро загредел голос князя Мстислава на вече, и собрались дружины, 20 тыс. воинов стало под хоругвь князя. Тогда же он вышел против хищных эстонцев, которые перед тем осаждали Псков и не переставали грабить пограничные места. Мстислав прошел с опустошением страну их до моря, взяв множество пленных и скота.

Но немного уже дней оставалось ему временной жизни. В силе мужества внезапно поразил его жестокий недуг и приковал к одру болезни. Чувствуя приближение смерти, велел князь нести себя в церковь, приобщился Божественных Таин и в тот же день скончался. Это было 14 июня 1180 года.

Возрыдал по нем весь Великий Новгород: «Зачем не умерли и мы с тобою, князь славный, сотворивший толикую свободу Великому Новгороду». Плакала по нем и вся Русская земля, и, по свидетельству летописи, не только его дружина, но и самые иноплеменники долго не могли забыть доблести его. И прибавляет летописец еще о благоверном князе Мстиславе: «Он был роста среднего, лицом красавец, а душа его была еще лучше. Щедро расточал он милостыню, помогал обителям. Был храбр и мужествен; он желал умереть за землю Русскую. Когда приходилось освобождать пленных у язычников, он говорил: «Братья, если умрем за христиан, очистимся от грехов». Он не собирал ни золота, ни серебра, но раздавал то дружине своей, то церквам за свою душу».

Святой князь Мстислав был погребен в Новгородском Софийском соборе, в приделе в честь Рождества Пресвятой Богородицы. По описанию 1634 года, «мощи его нетленны, а рука ему правая выпреть».

Июнь 15

Григорий и Кассиан Авнежские, преподобные

Когда преподобный Стефан (память 14/27 июля), постриженник Киево-Печерской лавры, устроил свою обитель Махрищскую, недалеко от того места жил землевладелец Григорий, человек грамотный и начитанный. Он часто посещал преподобного Стефана, слушал его беседы, присматривался к образу жизни старца и наконец, видя в нем истинного раба Божия, пожертвовал ему земли и все свое имение на устройство обители и сам постригся в ней.

Прп. Стефан полюбил Григория как родного сына, приблизил его к себе и немало радовался успехам его в духовной жизни. По просьбе святого игумена Суздальский епископ Алексей рукоположил Григория во пресвитера. Но не на Махре, близ его родины, а в другой далекой стороне Промысл готовил Григорию место для подвигов.

Братья Юрковские, жившие недалеко от монастыря, опасаясь, что земли, которыми они владели, отданы будут прп. Стефану, пользовавшемуся благоволением великого князя и известностью в Москве, подняли на преподобного самое злостное гонение и грозились убить, если он не уйдет из их стороны. Всегда кроткий и смиренный Стефан, давая место гневу, поручил свою обитель заведованию старца Илии и ночью, взявши с собою одного только ученика своего Григория, вышел из монастыря. Странники пошли в неведомую для них страну искать себе места для водворения. Преподобному Стефану уже не первый раз приводилось странствовать и бегать злобы людской. А блаженный Григорий, всецело преданный своему наставнику, готов был идти за ним хоть на край света. Переходя из пустыни в пустыню, из дебри в дебрь и углубляясь все далее и далее к северу, странники дошли до глухих лесов и топких болот вологодских. Они остановились недалеко от реки Сухоны, на речке Авнеге. Здесь в 1370 году у потока, называвшегося Юрьевым, они срубили небольшую церковь во имя Святой Троицы, а вскоре затем и другую – во имя великомученика Георгия, себе же построили около них келлии. Мало-помалу

стали приходить к ним люди, искавшие иноческой жизни, и таким образом с благословения Ростовского владыки устроился монастырь. Скорому его устройству много способствовал своими щедрыми подаяниями местный богатый землевладелец Константин Дмитриевич. Он не жалел своего богатства на украшение храмов, созданных пустынниками, на приобретение всего необходимого для братии и на заведение общежития. Сам Константин любил посещать старцев пустынников, слушать их назидательные духовные беседы. И чем ближе знакомился с ними, тем более прилеплялся к ним. Наконец, он решился оставить мир и просил у преподобного Стефана пострижения. Блаженный старец, провидя в нем доброго инока, исполнил благочестивое желание Константина и, назвавши его при пострижении Кассианом, поручил руководству ученика своего Григория. Новый инок во всем подражал своему руководителю. Оба они много радовали преподобного Стефана и служили примером для братии.

Вследствие стройного порядка, заведенного прп. Стефаном, отеческой его заботливости и мудрого управления Авнежская обитель скоро пришла в цветущее состояние, сделалась любимым местом богомолья для окрестных жителей, слава о ней распространилась далеко и дошла до Москвы. Великий князь Димитрий Иоаннович, услышав, что знакомый ему старец Стефан устроил себе пустыню в Вологодских пределах, послал ему книги и другие пожертвования для обители, но самому преподобному велел явиться в Москву и затем возвратиться в обитель Махрищскую. Ученики преподобного, как громом, поражены были этой вестью, много пролили слез о предстоявшей им разлуке с учителем, не хотели расставаться с ним и отпускать его от себя, но не смели противиться воле державного. Оставляя Авнегу, прп. Стефан назначил вместо себя настоятелем любимого ученика своего иеромонаха Григория, а исправление келарской должности поручил иноку Кассиану, заповедав им заботиться о братии и ни в чем не изменять заведенного им в обители порядка. Новые начальники монастыря свято исполняли завет своего учителя. К

несчастью скоро разразился над ней страшный удар, повергший обитель на долгое время в запустение.

Промыслу Божию было угодно, чтобы преподобные Григорий и Кассиан увенчались еще и мученическими венцами. Спустя шесть лет по оставлении преподобным Стефаном Авнеги, в 1392 году, толпы вятчан и казанских татар, грабившие и опустошавшие Вологодские пределы, внезапно 15 июня напали на Авнежскую обитель и предали ее пламени. Кто мог, спасся бегством, а прпп. Григорий и Кассиан были убиты варварами. Через несколько дней после страшного набега окрестные жители, возвратившись из лесов, где спасались от варваров, с честью похоронили тела преподобных на церковном пепелище. Так как место это считалось собственностью Махрищского монастыря и небезопасным от нападения врагов, то оно и не было занято никем из окрестных жителей и по кончине преподобных подвижников совсем запустело и заросло лесом.

В 1524 году при великом князе Василии Иоанновиче, когда иго татар было уже свергнуто и окраины России успокоились от их набегов, авнежский крестьянин Гавриил вырубил для себя в лесу подсеку для посева хлеба на том самом месте, где 132 года назад находился монастырь. Но когда он стал жечь подсеку, чтобы очистить место, то увидел, что небольшое пространство земли на середине подсеки осталось нетронутым от огня, несмотря на то, что оно густо было покрыто сухим лесом и хворостом. Вскоре после этого он передал свою подсеку другому крестьянину Феодору, который и поселился тут в оставленной Гавриилом избе. На том месте, которого не мог выжечь Гавриил, Феодору каждую ночь стали казаться огни, как бы свечи горели. Полагая, что тут лежит клад, Феодор ночью, тайно от своих домашних, отправился добывать клад. Раскопал землю на том месте, где светился огонек, но к удивлению и ужасу своему нашел два гроба, еще совершенно целые. Крестьясь и творя молитву от страха, Феодор не осмелился их открыть и поспешил снова закидать землей. «Тут был лес, – думал растерявшийся крестьянин, поспешно удаляясь от страшного места, – и никто не помнит, чтобы на том месте было

когда-либо жительство или кладбище, откуда же взялись гробы? И если эти покойники похоронены давно, в незапамятные времена, и лес вырос уже после, то отчего же гробы их целы? Видно, тут что-нибудь неспроста», – рассудил крестьянин, входя в свою избу. Когда он лег спать, во сне явился ему старец среднего роста с русыми волосами, широкой окладистой бородой, одетый в священнические ризы и велел в первые три воскресные дня сходить к трем ближним церквям, объявить священникам и народу, чтобы на том месте, где он нашел гробы, была построена церковь св. великомученика Георгия. На вопрос Феодора явившемуся: кто он, старец назвался Григорием. Светолепный вид старца и все слова его так отчетливо запечатлелись в его памяти, что ему казалось, будто он видел и говорил с ним наяву. Феодор исполнил в точности все, ему приказанное, но на его слова не обратили внимания. И не в точности исполнили они повеленное, а только соорудили на том месте часовню вместо церкви.

И затем последовали при гробах преподобных Григория и Кассиана многие чудеса и исцеления. Но крестьянин Гавриил, по прозванию Ушак, тот самый, который вырубил лес на месте бывшей обители, считал это место своей собственностью и сломал часовню. Но Бог поругаем не бывает. Вскоре после разрушения часовни на Гавриила напал такой страх и ужас, что он лишился ума и, как дикий зверь, бродил по лесам, пока через 10 месяцев, пришедши в сознание, не исповедал своего греха и не испросил себе прощение при гробе преподобных.

В 1560 году по благословению Макария, митрополита Московского и всея Руси († 1563), игумен Махрицкого монастыря Варлаам собрал сведения о святости преподобномучеников. Он же царским иждивением построил вместо часовни два храма: Пресвятой Троицы и великомученика Георгия. Митрополит Макарий с собором епископов установил совершать память преподобных 15 июня и велел епископу Пермскому Иоасафу освидетельствовать мощи. При открытии гробницы святые мощи были найдены совершенно нетленными. Сопутствовавший епископу игумен Лопотова монастыря Иларион, который был одержим неверием в святость

подвижников Авнежских, расшибся дорогой от падения с лошади, но получил исцеление от святых мощей.

Авнежский монастырь состоял сперва за Махрищским и управлялся посылаемыми оттуда игуменами и строителями, а в 1612 году был приписан к Троицкой лавре. В 1764 году Троицкий Авнежский монастырь был упразднен, церковь обращена в приходскую, но придел Троицкого храма остался посвященным имени преподобных.

Иона, митрополит Московский и вся Русь, святитель

Святитель Иона, митрополит Московский и вся Русь, родился в последней четверти XIV века в селе Одинцове близ, города Солигалича, в Костромской земле. С ранних лет мальчик стремился к иноческой жизни. В двенадцатилетнем возрасте он принял монашество в одном из Галичских монастырей, а затем перешел в Московский Симонов монастырь.

Юный инок смиренно и усердно исполнял различные послушания, неукоснительно соблюдая заветы первых игуменов обители – святого Феодора, основателя монастыря, впоследствии архиепископа Ростовского († 1394; память 28 ноября/11 декабря), и преподобного Кирилла, впоследствии игумена Белозерского († 1427; память 9/22 июня). Он подвизался в посте, молитве, чтении слова Божия. Святитель Фотий митрополит († 1431; память 2/15 июля) однажды посетил Симонов монастырь. И когда он пришел в пекарню, то увидел уснувшего от многих трудов инок Иону, правая рука утомленного инок была согнута в благословляющем жесте. Святитель Фотий просил не будить его, благословив спящего инок, и пророчески предсказал присутствовавшим, что он будет великим святителем Русской Церкви и многих обратит на путь спасения.

В 1431 году святой Иона был поставлен епископом на Рязанскую и Муромскую кафедру. Немало трудов положил он на то, чтобы обратить ко Христу иноверных жителей своей епархии. Вскоре после кончины митрополита Фотия святитель Иона возглавил Русскую Православную Церковь. В 1432 году он именуется «нареченным в Святейшую митрополию Русскую». Однако междоусобная борьба за великокняжеский престол великого князя Василия II Васильевича и его дяди галицкого князя Юрия Дмитриевича не позволили святителю выехать в Константинополь к патриарху Иосифу II (1416–1439) для посвящения. В это время литовский князь Свидригайло послал в Константинополь для посвящения в митрополита Литовского

Смоленского епископа Герасима (в начале XV века Смоленск был временно присоединен к Литовскому княжеству).

Епископ Герасим был возведен в Константинополе в сан митрополита всея Руси; в 1435 году, заподозренный князем Свидригайло в измене, он был схвачен и сожжен. После кончины митрополита Герасима в Константинополь отправился епископ Иона. Но, прибывши в столицу Византии, он узнал, что патриарх Иосиф уже поставил на Русскую митрополию некоего Исидора. В 1439 году Исидор принял унию на Флорентийском соборе и по возвращении в Москву в 1441 году был заточен в Чудов монастырь. Немедленно был созван Собор русских иерархов, который осудил «Исидорово все дело». Когда стало окончательно ясно, что Константинопольский патриарх согласился на унию, Русская Церковь стала на защиту чистоты Православия. В декабре 1448 года в Москве был созван церковный Собор для избрания предстоятеля Русской Церкви. Святитель Иона был избран митрополитом Всероссийским с титулом «Киевский и всея Руси». Местом пребывания он избрал Москву, поэтому именуется также митрополитом Московским. Так прекратилась зависимость Русской Церкви от Константинополя и было положено начало автокефалии.

Возглавляя Всероссийскую кафедру, святитель Иона прежде всего позаботился об улучшении отношений между Москвой и Литовским княжеством. Благодаря этому ему удалось присоединить к Москве юго-западные епархии. Святитель Иона положил большие усилия на благоустройство возвращенных епархий и на искоренение в них униатства. Он призывал к миру и прекращению междоусобия, объяснял вред ярости и гнева, учил покаянию и послушанию.

Особенно заботился святитель Иона о духовно-нравственном совершенствовании своей паствы. В учительных грамотах он наставлял помнить о спасении души, быть милосердными, добросовестно относиться к своим гражданским обязанностям. Святитель Иона строго требовал соблюдения христианских заповедей от священнослужителей. Указывая на величие священнического сана, он призывал клириков к достойному прохождению пастырского служения. Особое

старание проявлял святитель Иона в выборе достойных кандидатов на архиерейские кафедры.

Большое внимание уделял он монашеским обителям, заботился об их нуждах, о строгом соблюдении иноческих правил. И при своем высоком сане он по-прежнему не оставлял личных монашеских подвигов. Проявляя попечение о храмах Божиих, святитель обновил и благолепно украсил первопрестольный Успенский собор в Московском Кремле. Он придал особую торжественность богослужениям, увеличив число чтецов и певцов. В 1450 году, по благословению святителя Ионы, были воздвигнуты каменные митрополичьи палаты.

Живя во заповедях Божиим и строго соблюдая монашеские обеты, святитель Иона получил от Господа дар чудотворений и прозорливости. По его молитвам исцелялись болящие различными недугами.

В 1451 году татары неожиданно подступили к Москве, сожгли окрестности и готовились к нападению на город. Митрополит Иона с клиром совершал крестный ход по стенам города, со слезами моля Бога о спасении града и людей. Увидев престарелого монаха Антония, инока Чудова монастыря, который отличался добродетельной жизнью, святитель Иона сказал: «Сын и брат мой Антоний! Помолись милостивому Богу и Пречистой Богородице об избавлении города и всех православных христиан». Смиренный Антоний ответил: «Великий святитель! Благодарим Бога и Пречистую Его Матерь: услышала Она молитвы твои и умолила Сына Своего, город и все православные христиане будут спасены по твоим молитвам. Враги будут скоро побеждены, только мне одному суждено от Господа быть убитому врагами». Едва старец сказал это, как вражеская стрела пронзила его.

Предсказание старца Антония сбылось: 2 июля, в праздник Положения ризы Пресвятой Богородицы, в рядах татар произошло смятение и они в неведомом страхе и ужасе обратились в бегство. В память избавления Москвы от нашествия ногайского хана Мазовши святитель Иона в том же

году соорудил храм в честь праздника Положения ризы Пресвятой Богородицы.

Святитель Иона отошел ко Господу в глубокой старости 31 марта 1461 года, в два часа дня во вторник Страстной седмицы. За несколько дней до того он предузнал от Господа время своей блаженной кончины. Святитель был погребен в соборном храме, за левым клиросом.

27 мая 1472 года при перестройке Успенского собора совершилось обретение нетленных мощей святителя Ионы. По молитвам угодника Божия происходили исцеления. Житие святителя и два канона (один – на обретение мощей) написаны иеромонахом Пахомием Сербом, Логофетом († после 1484 г.). Общецерковное празднование памяти святителя Ионы установлено на Московском Соборе 1547 года, при митрополите Московском Макарии (1542–1563). В 1596 году патриарх Иов установил празднование святителю Ионе в Соборе других Московских святителей 5/18 октября.

Июнь 16

Никифор Калужский, преподобный

Из учеников преподобного Тихона особенно прославился святостью жизни преподобный Никифор Калужский. В рукописных святцах читаем: «Преподобный Тихон, начальник монастыря, иже на р. Оке, преставился в лето 7000». Здесь же показан «ученик св. Тихона прп. Никифор». Предполагают, что он был преемником преподобного Тихона по правлению обителью. Преподобный Никифор Калужский изображен на иконах вместе с другими Калужскими святыми: преподобным Пафнутием Боровским (память 1/14 мая), преподобным Тихоном Калужским и блаженным Лаврентием Калужским (память 10/23 августа).

Тихон Медынский, Калужский, преподобный

Преподобный Тихон Медынский, Калужский чудотворец, жил в XV веке. Предполагают, что он был родом из «матери городов русских» – Киева.

В юности он пришел в Москву и принял иноческий постриг, по преданию, в Чудовом монастыре. Через некоторое время, по любви к уединению, он удалился в пустынное место в 17-ти верстах от г. Калуги и в 15-ти от г. Медыни, названия которых позднее стали частью его имени. Место, выбранное святым, находилось на правом берегу небольшой речки Вепрейки, которая пятью верстами южнее впадает в р. Угру.

В последние годы жизни преподобного неподалеку от места его подвигов произошло знаменитое «Стояние на Угре» (1480 г.), положившее конец татарскому игу на Руси.

Подвижник поселился в дремучем лесу в дупле исполинского дуба, простоявшего после кончины святого еще почти четыре века. В начале 1830 годов дуб был сломлен грозой, а в 1838 году игумен основанной преподобным обители Геронтий устроил над сохранившимся могучим остовом часовню.

Пищей преподобному служили «былии саморосленные» (дикорастущие), а питием – вода из целебного колодца, ископанного им самим при истоке Вепрейки и до сих пор именуемого «кладезем преподобного Тихона». Известие о святой жизни подвижника привлекло к нему учеников. Вокруг него постепенно стали собираться братия. Владелец тех мест князь Василий Ярославич (внук Владимира Храброго) во время охоты обнаружил жилище святого. Он приказал преподобному немедленно удалиться из его вотчин. Оскорбив отшельника, князь замахнулся на него плетью. Поднятая на святого рука тотчас онемела и осталась неподвижной. Вразумленный наказанием Божиим, князь раскаялся и просил у инок прощения. Получив по молитве святого исцеление, он стал умолять пустынножителя навсегда остаться в его земле и

устроить здесь обитель для своих учеников, обещая неоскудно снабжать ее всем необходимым.

Преподобный Тихон основал пустынь, поставив в ней невдалеке от своего дуба первый деревянный храм в честь Успения Пресвятой Богородицы. Он стал первым игуменом монастыря и управлял братией со смирennemудрием, кротостью и незлобием. Святой игумен питал алчущих, напоял жаждущих, принимал странных, заступался за обидимых. Преподобный Тихон имел дар слез и отличался молчаливостью.

По древнему монастырскому преданию, преподобный Тихон скончался в 1492 году в глубокой старости, приняв незадолго до кончины великую схиму. Год успения святого был отмечен в синодике Лаврентиева монастыря, составленном при царе Феодоре Иоанновиче.

В царствование Иоанна Грозного в Тихонову пустынь был внесен первый царский вклад, в записи о котором основатель обители назван «преподобным»: «Дано в сей монастырь, в доме Пречистая Богородицы честнаго и славнаго Ея Успения и преподобного отца игумена Тихона... Евангелие престольно письменное...» Всероссийское празднование памяти преподобного Тихона установлено на Соборе 1584 года.

До Смутного времени мощи преподобного Тихона, по преданию, почивали «на вскрытии» в Успенском деревянном храме, после сожжения которого они были перенесены в единственный уцелевший храм во имя Трех святителей. Разоренная польско-литовским нашествием Тихонова пустынь была восстановлена при царях Михаиле Федоровиче (1613–1645) и Алексии Михайловиче (1645–1676) усердием игуменов Герасима и Феодосия. Были вновь построены деревянный Успенский собор, а также теплая Никольская церковь с трапезной палатой. В 1677 году Трехсвятительский храм был перенесен в подмонастырскую слободу, а на его месте сооружен каменный Преображенский собор, в котором за правым клиросом были положены под спудом святые мощи преподобного Тихона.

В 1799 году монастырь отошел ко вновь основанной Калужской епархии. 15 июня 1805 года первый архиепископ

новооснованной епархии Феофилакт (Русанов) утвердил службу преподобному Тихону, составленную на основании более древней службы благотворителем монастыря калужанином Сергеем Васильевичем Еропкиным. Текст службы был напечатан для всероссийского употребления в Минее Дополнительной, изданной в Петербурге в 1909 году.

В 1887 году был выстроен над ископанным преподобным Тихоном колодцем деревянный храм в честь Живоносного Источника.

В продолжение XIX века в храме велась запись наиболее значительных исцелений, происшедших по молитвам преподобного Тихона. Большинство исцелений получали больные, одержимые душевными недугами, выздоравливали также многие страдавшие глазными и детскими болезнями. Вот одно из замечательных событий молитвенного попечения прп. Тихона о чтущих память его. Крестьянин Тихоновой слободы Николай Самбуров имел видение: будто пришел в церковь Тихоновой пустыни, из алтаря вышел седовласый старец-схимник и среди храма начал громко читать помянник. Крестьянин подошел и спросил старца: «А мои записаны тут?» «Да, записаны», – отвечал он и прочел поминовение. Не слыша между именами родных имени сестры, крестьянин спросил: «А сестры нет в помяннике?» «Она была записана, но исключена», – отвечал он. Крестьянин понял потом, отчего исключена сестра, и, рассказывая о видении, говорил: «Бедная сестра незадолго до смерти совратилась в раскол и в расколе умерла».

Память преподобного Тихона благоговейно чтится не только в Калужской земле, но и по всей России. На иконах преподобный Тихон, Калужский чудотворец, обычно изображается в схимническом одеянии молящимся перед иконами Спасителя и Божией Матери, укрепленными в дупле большого дуба, на фоне выстроенной трудами его учеников величественной обители.

Тихон Луховский, Костромской, преподобный

Преподобный Тихон, в миру Тимофей, родился в пределах Литовского княжества и был там на военной службе. В Вильне, столице Литвы, было тогда более православных храмов, чем римских костелов. И однако, дух римской гордости сильно стеснял там православных: открыто перекрещивали жен и детей православных, насильно ставили костелы по городам русским и предавали запустению храмы Православия. Начинали появляться отступники между православными литовскими дворянами; для чести и жизни роскошной меняли Православие на папизм. Все это глубоко тяготило блаженного Тимофея. Теснимый изуверством, скорбя о слабых, удалился он в Москву. Это было в 1482 году, в то самое время, когда поспешно скрылся из Литвы в Москву князь Феодор Иванович Бельский, оставив там юную супругу, с которой только что обвенчался. Блаженный Тимофей удалился не с тем, чтобы искать чести и денег в православной Москве; он желал одного – свободно служить Господу. С утешением сердечным, посетив обители, где цвело искреннее благочестие, святой раздал все, что имел, принял постриг с именем Тихон и удалился в Костромскую епархию, в Луховские земли. Город Лух был отдан тогда князю Феодору Бельскому, вместе с которым преподобный Тихон пришел из Литвы.

В вотчине любимого князя поселился прп. Тихон, не выпрашивая у него ничего, кроме клочка земли. На р. Лухе, в урочище Копытовке, поставил он себе келлию не для покоя, а для трудов полного самоотречения. Копытовка – тогда местность в глухом лесу такая песчаная, что на ней никакой труд не мог добыть обильного пропитания. Прп. Тихону же довольно было и очень малого. Когда прибыли к пустыннику два инока Фотий и Герасим, преподобный не для себя, а для учеников перешел за три версты от Копытовки, на место более удобное для постоянного пребывания, где ныне Луховская обитель. Подвижники проводили многотрудную жизнь, упражняя ум в непрестанном славословии, а тело – в трудах, коими все

трое снискали себе пропитание. Не только ни от кого не принимали они припасы, но если в чем имели нужду крайнюю, то приобретали это не иначе как меной на рукоделие, так как прп. Тихон искусен был в токарном рукоделии и писании книг. Для сеяния хлеба, несмотря на то, что от внутренней болезни преподобный с великим трудом передвигал ноги, сам он вместо лошади впрягался в оральное ярмо, повелевая ученикам управлять плугом. Когда же кто из посторонних находил пустынника в такой работе, то они вдруг оставляли ее, чтобы избежать мирской славы. Тихон удалялся от беседы с приходящими, даже с иноками, любопытствовавшими видеть его. Так прожил он много лет до глубокой старости во всяком лишении. Когда скончался, ученики, кроме обыкновенной его одежды, не имели чем покрыть его тело. По смирению он так и не принял священства. Скончался преподобный Тихон 16 июня 1503 года. Но к утешению учеников преподобного Суздальский архиерей прислал подвижнику свитку, в которой его и предали земле.

Вскоре после его смерти на месте его подвигов устроилась обитель в честь святителя Николая Чудотворца.

В 1569 году при гробе преподобного Тихона начали совершаться исцеления больных и его мощи были обретены нетленными (празднование 26 июня/9 июля). Но игумен Константин, который поставил их поверх земли, был поражен слепотой; получив прозрение, он сокрыл мощи преподобного в земле. С того времени началось почитание преподобного Тихона. Житие его с описанием 70-ти посмертных чудес было составлено в 1649 году.

Июнь 17

Шалва, князь Ахалцихский, святой мученик и 10000 мучеников грузинских

Святой мученик Шалва отличался многими христианскими добродетелями. За его храбрость и мужество святая благоверная царица Тамара Великая (память 1/14 мая) назначила его правителем Ахалцихской области (на юге Грузии).

Возглавив грузинское войско, он одержал блестящую победу над турецким султаном Нокардином, благодаря чему в продолжении царствования святой Тамары Грузии сопутствовали мир и благоденствие.

В царствование царицы Русудан († 1237) Грузия подверглась нашествию персидского шаха Джелал-эд-Дина. В битве с превосходившими силами противника князь Шалва был тяжело ранен и пленен.

Шах Джелал-эд-Дин окружил князя Шалву показной заботой, но спустя год, когда он оправился от ран, потребовал принять магометанство. Обещания высокой должности и всяческих почестей не смогли поколебать грузинского исповедника. Он отклонил все посулы и не устрасился тяжести пыток, а своему мучителю спокойно отвечал: «Скажу тебе словами святого Игнатия Богоносца: и не желаю никаких приобретений, кроме сохранения Божественного образа, по которому я создан».

Разгневанный шах приказал обнаженного исповедника влачить по земле, избивая ногами и палками. Во время истязания святой мученик радостно воскликнул: «Радуйся, Шалво! Вместе с одеждою ты совлекаешь с себя и ветхого человека и освобождаешься от тли вечной». Полумертвого, с переломленными костями святого мученика бросили в темницу, где он скончался в июне 1227 года.

После этого Джелал-эд-Дин опустошил Армению и с многочисленным войском направился к Тбилиси. Грузинские войска оказали героическое сопротивление, но из-за измены горожан-персов город не смог устоять. Тбилиси был взят. «Не только общественные и частные здания, но и все храмы и

святилища были преданы огню и осквернению; не оставлены были в покое даже кости умерших, жертвой бесчеловечья делались служители алтарей и весь клир церковный, словом, Тифлис представлял теперь тот вид, какой представлял Иерусалим при разрушении его Титом».

Жестокий шах приказал снять купол с кафедрального Сионского собора в честь Успения Божией Матери, а вместо него поставить свой шатер, чтобы смотреть на сожжение города и мучения христиан. Пленных грузин он приказал обратить в ислам. Десять тысяч человек были пригнаны к мосту через реку Куру, вблизи Сионского собора. Пленникам предложили свободу и щедрые дары шаха, если они отрекутся от Христа и плюнут на святые иконы, поставленные на мосту.

Христиане же, подходя поочередно к святым иконам, вместо поругания воздавали им должную честь и поклонение. Тут же палачи отрубали им головы и обезглавленные тела бросали в Куру. Так были казнены все десять тысяч грузинских исповедников. Можно было перейти реку с одного берега на другой по телам святых мучеников, не замочив в воде ноги. Вода в реке, смешавшись с мученической кровью, стала красной.

Эта страшная казнь продолжалась весь день до позднего вечера. Ночью над мостом опустился столпообразный свет и осветил тела страдальцев Христовых. Вслед за этим произошло сильное землетрясение, во время которого палатка нечестивого шаха рухнула с высоты Сионского собора.

Память святых десяти тысяч Тбилисских мучеников совершается Грузинской Православной Церковью в один день с памятью святого мученика Шалвы.

Ананий Новгородский, преподобный

Преподобный Анания Новгородский, иконописец Новгородского Антониева монастыря, подвизался в XVI веке. Сведения о нем содержатся в сказании о чудесах преподобного Антония Римлянина, из которого известно, что иконописец Анания писал «дивные иконы многих святых чудотворцев» и, выполняя иноческий обет, за 33 года ни разу не выходил за ограду монастыря. Письменные источники время его блаженной кончины относят к 1581 году.

Июнь 18

Леонтий, Канонарх Печерский, в Дальних Пещерах почивающий, преподобный

Преподобный Леонтий с юных лет поступил в Киево-Печерскую обитель, где принял постриг. Он обладал прекрасным голосом и, когда обучился грамоте, исполнял послушание канонарха. Был и другой канонарх в Великой церкви Печерской – преподобный Геронтий (память 1/14 апреля). Они благоугождали Господу всегдашними молитвами и воздержанием, уподобляясь совершенным св. отцам в подвигах молитвы и послушания. Преподобный Леонтий преставился молодым в XVI веке и за самоотверженный подвиг спасения прославлен Господом благодатным даром чудотворений. Мощи святого подвижника находятся в Дальних пещерах, память его совершается также 28 августа/10 сентября и во 2-ю неделю Великого поста.

Июнь 19

Иов, святитель, первый Патриарх Московский и Всея Руси

Святитель Иов (в миру Иоанн), первый патриарх Московский и всея России, родился во второй четверти XVI века в древнем русском городе Старица в семье благочестивых горожан. В детстве Иоанн был обучен грамоте настоятелем Успенского Старицкого монастыря архимандритом Германом. Отрок любил читать Священное Писание и, обладая прекрасной памятью, знал некоторые тексты Библии наизусть. Монастырское воспитание возбудило в нем желание служить Богу в иноческом образе. Около 1553 года, когда Иоанн окончил обучение в монастыре, отец хотел его женить. В день венчания юноша отпросился у родителей в обитель для беседы с духовным старцем. Придя к архимандриту Герману, он упросил старца постричь его в монашество. «Иоанн изволи мира сего суетнаго отлучиться и восприяти святой ангельский образ... И наречен бысть во иноцех Иов».

Более пятнадцати лет провел святой Иов в Старицкой обители, пройдя путь от послушника старца Германа до настоятеля. Под руководством опытного духовника молодой инок воспитал в себе бескорыстие и нестяжательность, послушание и воздержание, научился сердечной молитве и строгому посту. «...Не обретется человек, подобен ему ни образом, ни нравом, ни гласом, ни чином, ни похождением, ни вопросом, ни ответом... Дарование Божие бысть ему паче же прочих человек».

Вместе с тем святой Иов отличался глубоким смирением, кротостью и милосердием. Он никогда никого не обличал и не оскорблял, всех миловал и прощал. Будучи настоятелем, святой Иов словом и жизнью воодушевлял братию к духовному деланию.

В 1571 году святой Иов был назначен настоятелем Симонова монастыря в Москве. С усердием исполнял он возложенное на него послушание. Как настоятель одного из важнейших монастырей того времени, святой Иов принимал

участие в делах Русской Церкви, а нередко и государства. В 1572 году, а позднее и в другие годы он был участником церковных Соборов.

В 1575 году святой Иов был назначен настоятелем Новоспасского монастыря и в течение шести лет возглавлял древнюю московскую обитель.

16 апреля 1581 года архимандрит Иов был рукоположен митрополитом Московским Дионисием и собором русских архиереев во епископа Коломенского. 9 января 1586 г. святитель был перемещен на древнюю Ростовскую кафедру с возведением в сан архиепископа, а 11 декабря 1587 года собором епископов поставлен первосвятителем Русской Церкви – митрополитом Московским и всея России.

26 января 1589 года, по благословению и при личном участии Константинопольского патриарха Иеремии II, митрополит Иов в Успенском соборе Московского Кремля был поставлен патриархом – первым патриархом Московским и всея России. Русское правительство, архипастыри и весь народ с радостью восприняли это знаменательное событие в истории Русской Церкви и государства. Каноническая подчиненность нашей Церкви Константинопольской была упразднена. В 1590 году на Соборе восточных иерархов была утверждена и каноническая самостоятельность Русской Церкви. Патриархи Константинопольский Иеремия, Антиохийский Иоаким, Иерусалимский Софроний, митрополиты, архиепископы и епископы, присутствовавшие на Соборе, определили русскому патриарху пятое место в диптихе патриархов – после Иерусалимского. Это решение было подтверждено и на Соборе 1593 года.

Главной целью всей деятельности патриарха Иова было укрепление в России Православия и духовной мощи Русской Церкви. Святитель Иов с усердием благоустраивал церковную жизнь. Он провел ряд мер, направленных на укрепление дисциплины среди клириков, на улучшение их нравственности и поддержание благочиния в храмах. Немало трудов святителя было направлено на духовное развитие народа, распространение Священного Писания и святоотеческих книг.

Особенно важным было начатое святителем печатание богослужебных книг, которых повсеместно не хватало, а особенно в новопросвещенных землях – в Казани, Астрахани, Сибири. По благословению святителя Иова впервые были изданы: Триодъ Постная (1589 г.), Триодъ Цветная (1591 г.), Октоих (1594 г.), Минея Общая (1600 г.), Чиновник архиерейского служения (1600 г.) и Служебник (1602 г.). Святитель предпринял также некоторые меры по исправлению существовавших неточностей в богослужебных книгах. Сопоставляя древние списки, он отбирал лучшие, как образец для печатания. Патриарх Иов первым поставил дело книгопечатания на широкую основу.

При святителе Иове были прославлены некоторые русские святые: Василий Блаженный, преподобный Иосиф Волоколамский (святитель сам написал ему канон и «исправил службу»), святители Казанские Гурий и Варсонофий, благоверный князь Роман Угличский, преподобные Антоний Римлянин и Корнилий, блаженный Иоанн Московский, преподобные Игнатий Вологодский и Мартирий Зеленецкий. Некоторым святым, уже чтимым на Руси, были установлены новые дни празднования.

Свои личные средства и богатые царские подарки святитель Иов употреблял на милостыню и на строительство храмов. Только в Москве в период 1592 по 1600 гг. святитель построил двенадцать храмов. По благословению святителя Иова в Москве были построены Донской, Зачатьевский и Ивановский монастыри, во Владимирской епархии построена Лукианова пустынь, в Вятской епархии – Богоявленский Слободской монастырь. Строились монастыри в Сибири и в других епархиях: Курской, Новгородской, Псковской, Казанской, Астраханской, Тверской, Вологодской.

Святитель Иов был ревностным служителем Церкви и мудрым пастырем. Особенно эти черты проявились в его миссионерской деятельности, направленной на укрепление православной веры в отдаленных районах государства, а также в Грузии. При святителе Иове были вновь учреждены Псковская, Астраханская и Карельская епархии.

В этих епархиях и в Сибири строились храмы и монастыри. Патриарх Иов посылал туда миссионеров-священников. Семена Православия, посеянные патриархом Иовом, принесли в дальнейшем свои духовные плоды, благодаря которым сохранились и упрочились северные и южные пределы Русского государства.

В трудные времена государственной смуты в начале XVII века святитель Иов сохранил истинное христианское терпение, бесстрашие и мужество. Стремясь пресечь действия Лжедмитрия, он написал соборную грамоту киевскому князю Константину Отрожскому, в которой убеждал его не потворствовать обманщику, но передать его русским. Патриотические воззвания он направлял в русские полки, боярам и воеводам. Среди общего народного смятения святитель Иов сохранял твердость духа и стремился внести организованность в неустойчивой обстановке. После смерти Бориса Годунова он первым выразил верность вдовствующей царице Марии и ее детям. За ним присягнули бояре и все жители Москвы. Однако не все поддерживали святителя. Через некоторое время Лжедмитрий захватил Москву. Первосвятитель и молитвенник за весь русский народ, святой Иов бесстрашно обличал разрушителей государственного порядка, внесших нестроения и в Церковь Божию. Большую часть времени он проводил в молитве в Успенском соборе. Однажды во время Божественной литургии сторонники Лжедмитрия с позором вывели святителя из собора и повели на Лобное место, по дороге бесчестили и били. Через некоторое время святитель Иов, измученный, в простой черной рясе, был посажен на телегу и отвезен в заточение в Успенский Старицкий монастырь, где он начал свой иноческий подвиг. Святой Иов два года прожил в обители. Ослабленный и утративший зрение, он все время проводил в молитве.

После свержения Лжедмитрия святитель Иов не мог из-за немощи возвратиться на первосвятительский престол. На свое место он благословил митрополита Казанского Гермогена.

Святителя Иова отличали глубокая, чистая вера, любовь к ближним и отечеству, утверждение и защита Православия,

жертвенное служение Церкви Христовой, подтвержденное его исповедничеством.

Святитель Иов мирно скончался 19 июня 1607 года и был погребен у западных дверей Успенского собора Старицкого монастыря. Впоследствии над могилой святителя была устроена часовня. В 1652 году при патриархе Иосифе (1642–1652) нетленные и благоуханные мощи святителя Иова были перенесены в Москву и положены около гробницы патриарха Иоасафа (1634–1640). От мощей святителя Иова происходили исцеления. Почитание патриарха Иова в лике святых отмечается в различных рукописях и агиографических изданиях. Имя его упоминается и в старинном месяцеслове в числе святых города Москвы. Свидетельства о святости патриарха Иова встречаются и в ряде агиографических источников: в «Полном месяцеслове Православного Востока», «Источниках русской агиографии», «Месяцеслове русских святых», «Книге, глаголемой описание о Российских святых». Во второй половине XVIII века между настенными изображениями собора Новоспасского монастыря было изображение патриарха Иова. В конце XIX века при архиепископе Тверском Димитрии (Самбикине; † 1908) день кончины патриарха Иова воспоминался во всех городских храмах Тверской епархии. Тогда же, по благословению архиепископа Димитрия, была написана икона Тверских святых, на которой был изображен Святейший Патриарх Иов. В 1907 году Русская Православная Церковь праздновала 300-летие со дня блаженной кончины первого патриарха. Тогда же в «Тверских Епархиальных Ведомостях» было выражено пожелание духовенства Тверской епархии продолжить дело, начатое патриархом Иосифом по прославлению Святейшего Иова. Завершение канонического и литургического оформления почитания памяти святителя Иова произошло в наши дни. По благословению Святейшего Патриарха Пимена и Священного Синода имя святителя Иова внесено в число Собора Тверских святых. Первое празднование Собора Тверских святых состоялось в июле 1979 года. Для всероссийского почитания свт. Иов был канонизован на

Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 7–14 октября 1989 года.

Варлаам Пинежский, Важский (Шенкурский), преподобный

Преподобный Варлаам Важский, Шенкурский, в миру Василий Степанович Своеземцев, новгородский посадник – один из богатейших людей Великого Новгорода. Древний повествователь пишет о нем: «Посадник Василий по наследству («из отчества») владел Заволочьем; р. Вага со всеми ее окрестностями была в его владении». По другим сведениям, дед Василия Степановича Василий Матвеевич Своеземцев, новгородский посадник, по купчей крепости 1315 г. приобрел у чудских старшин земли Шенкурские до Ростовских границ. Василий Степанович первый завел на Ваге хлебопашество; до того времени чудь питалась ловлей зверей и рыбы. Он складывал огромные средства свои для пользы дикой страны и особенно уделял внимание на нравственное образование ее жителей. Сам живя в Новгороде, пишет повествователь жития его, посылал он в Заволочье управителей, а по временам и сам бывал на Ваге для личных распоряжений и надзора за управлением доверенных. Он любил Вагу. По этой любви построил он в Заволочье, на горе над р. Вагой, городок и назвал его «Пинежским городком», как поставленный над рекой Пинежкой. Тогда городки получали имена по рекам и урочищам, замечает древний повествователь. Пинежка впадает в р. Вагу в 16-ти верстах ниже Шенкурска. В Новгороде Василий, продолжает повествователь, начальствовал честно и ненавидел все худое. Исполняя заповедь Спасителя, он был питателем сирот, одеждою нагим, врачом больных, в доме его находили себе покой все странники. Особенно же расточал он благотворения свои на любимой Ваге. Он построил здесь много храмов. Им были построены храмы Рождества Христова на Химаневе, храм Рождества Богородицы на Усть-Пуе, храм Рождества Предтечи на Леде.

По особому Божьему внушению, в 1444 году основал Василий Степанович на Ваге иноческую обитель в честь евангелиста Иоанна. Обители своей он дал много земель,

утвердив свои пожертвования грамотами. Так, известны грамоты, которыми в 1452 году назначены были три села с землями в пользу Богословской обители, и в тех же грамотах видим игумена обители Серапиона.

По летописям видим, что на Ваге при всей любви своей к людям Василий Степанович вынужден бывал братья за оружие для усмирения дикарей – вогулов и остяков, нападавших на его поселения. Не раз посадник Василий Степанович являлся послом от Новгорода к великим князьям, и имя его встречается в важнейших для истории Новгорода документах 1446–1456 годах.

Василий Степанович собственным опытом уверился, что дела мира – только тревоги и суета, и совсем удалился из шумного Новгорода в любимый Важский край. Приготовив душу к подвигам самоотречения делами благотворительности и глубоко чувствуя пустоту мирской жизни, Василий Степанович поступил в основанную им Богословскую обитель. Василий, пишет древний повествователь, оставив жену и детей, сам поселяется в обители евангелиста и принимает монашество с именем Варлаама. Иноческая жизнь его была весьма строга: смирением и послушанием он ставил себя ниже всех, как будто не был основателем обители и владельцем богатых земель. Сколько знаменит был за оградой обители, столько в обители в одежде инока старался быть известным одними иноческими подвигами. Верный Владыке своему раб, он работал ему каждый день со всем усердием, упражняясь в посте и молитвах. Достигши глубокой старости, он мирно скончался 19 июня 1462 года. Накануне преставления он завещал кормить в монастыре бедных и раздавать хлеб.

В 1552 году случился большой разлив реки Ваги. И в прежние годы во время весеннего половодья разливавшаяся вода подмывала часть горы, на которой находилось монастырское кладбище. В этот же год, перед днем памяти блаженного Варлаама, когда в обитель собралось множество богомольцев, оторвалась часть горы с самой вершины, так что едва уцелел храм. Тогда открылось много гробов, в том числе гроб преподобного Варлаама. Мощи прп. Варлаама оказались

совершенно целы, даже иноческие одежды его и гроб не истлели, тогда как в другом гробе современном увидели прах. После обретения мощи святого подвижника прославились многими чудесами. Впоследствии святые мощи были положены в Богословской церкви под спудом.

Празднование ему установлено в 1613 году. Сведения о жизни преподобного Варлаама хранились в монастыре в виде отдельных записей, на основании которых инок Антониева Сийского монастыря Иона в 1589 году написал его житие. В 1630 году составлен канон преподобному Варлааму.

Июнь 20

Глеб Владимирский, святой благоверный князь

Благоверный князь Глеб, во святом крещении Георгий, сын благоверного князя Андрея Боголюбского (память 4/17 июля), родился во Владимире в 1155 году. Святой Глеб – живой пример тому, как много значит добрая жизнь родителей для судьбы детей.

Жизнь князя Андрея во Владимире была посвящена преимущественно делам благочестия: строению храмов и монастырей, делам благотворительности и молитвам. И под влиянием примера и наставлений благочестивых родителей Глеб вырос глубоко верующим и с двенадцатилетнего возраста проводил уединенную духовную жизнь. Родители не препятствовали сыну и даже содействовали ему в духовном возрастании. Жизнь его посвящалась благочестию, а не греху; страх Божий располагал мыслями, чувствами, желаниями и поступками его; молитва низводила на него благодать небесную, тушившую страсти юности. Святой князь особенно любил чтение святых книг, почитал священнослужителей и был милостив ко всем; несмотря на юный возраст, он избрал для себя подвиг строгого поста и молитвенного бдения. Жизнь князя Глеба продолжалась недолго: чистый, непорочный князь блаженно почил 20 июня 1175 года в 19-летнем возрасте.

У мощей святого, которых не коснулось тление, неоднократно совершались чудеса. Во время монголо-татарского нашествия на Русскую землю в 1238 году, когда в осажденный Владимир ворвались воины хана Батыя, они подожгли кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы. В этом пожаре сгорели епископ Митрофан, великая княгиня Агафия, супруга великого князя Георгия Всеволодовича († 1238), и множество жителей Владимира, закрывшихся в соборном храме. Однако огонь не коснулся гробницы благоверного князя Глеба, чему дивились даже неприятельские воины.

Соборные летописи сообщают еще о двух знамениях, прославивших имя святого. В 1410 году на Владимир

неожиданно напало татарское войско, действовавшее совместно с отрядом нижегородского воеводы Карамышева. Успенский собор был разграблен, но сокровища ризницы успел спрятать ключарь Патрикий, за что был подвергнут истязаниям и принял мученический венец. Один из воинов в поиске спрятанных сокровищ поднял крышку гробницы благоверного князя, но в это же мгновение из нее вышел огонь. Это так устрасило татар, что они тотчас покинули храм.

В 1608 году ляхи делали два, три раза нападения на Владимир, почти беззащитный, но взять не могли. Во время этой осады в самую полночь сторожа собора заметили в соборе какое-то освещение и дали знать о том пономарю Герасиму. Он, отворив дверь, увидел свет, а у гробницы князя кто-то сидел и ему, испуганному, сказал: «Не бойся, я не привидение. Господь не предаст сего города в руки врагов. Мы храним его и молим за него Господа и Пречистую Матерь Его. Иди и скажи протоиерею и причту, что сказал я тебе, я лежу в этом гробе». Герасим от страха едва пришел в себя. И рассказал о всем протоиерею и всем настоятелям обителей. В эту же ночь ляхи удалились от Владимира, гонимые страхом.

О местном почитании святого Глеба свидетельствует описание Успенского собора, относящееся к XVII веку. Общероссийская канонизация благоверного князя была совершена 30 ноября 1702 года, вместе с освидетельствованием его мощей, вскоре была составлена служба святому, а несколько позже написано его житие. В 1774 году южный придел Успенского собора был торжественно освящен во имя благоверного князя.

Мощи святого Глеба сохраняются ныне в кафедральном Успенском соборе Владимира как великая святыня, а сам князь почитается покровителем города.

К изложенному житию святого князя Глеба не лишним прибавить описание случая из жизни архимандрита Антония.

В «Православном Обозрении» за 1879 год была помещена биография наместника Троицкой Сергиевой лавры архимандрита Антония, в коей между прочим было упомянуто, что отец наместник, живши еще в миру, сомневался в нетлении

святых мощей и был убежден в их истине мощами св. Глеба, почивающего во Владимирском соборе. Случай этот передаем словами самого отца наместника.

«...Тщетно старались они убедить меня и навести на путь веры и истины, с которого я так страшно пошатнулся; враг так посетил мой рассудок, что все их доводы были без успеха – я оставался при своем предубеждении против святых мощей. И что же последовало со мною за это? Сердцем овладела злоба, досада на всех и на все; в духе – немирность, страшное томление, тоска, хульные помыслы не только на одни мощи, но и на все святое. Я чувствовал, что враг овладел мною, что я погибаю; но и не мог и не умел выйти из этого ужасного положения. Так приехали мы во Владимир. Чтобы облегчить свою совесть, я пошел в собор перед чудотворным образом Владимирской Божией Матери излить свою душу. Прихожу, собор только что отперли перед начатием обедни. В соборе никого не было. Я прошел мимо мощей, не отдав им должного поклонения, прямо к образу Богоматери. Долго с усердием молился. Я сознавался в душе, что заблуждаюсь и грешу пред Богом, отвергая мощи его угодников; но рассудок мой не мог убедиться в истине, и вот я просил Матерь Божию, чтобы Она не дала мне погибнуть, вразумила бы меня и наставила на путь правый. С верою приложившись к образу, почувствовал себя как-то легче, оглянувшись, увидел священника, который только что вошел в собор для служения литургии. Я обратился к нему с просьбой показать мне достопримечательное в их соборе. «Главные достопримечательные драгоценности нашего собора, – отвечал священник, – это святые мощи благоверных князей наших: вот среди собора, между двух столпов, почивает князь Георгий, убитый в нашествие Батыя; а на левой стороне у иконостаса – князь Андрей, за свою любовь к Богу прозванный Боголюбским и тоже убитый, но не от иноплеменика, а от своих присных, а тут по правую сторону, напротив, почивает сын его князь Глеб, в юности мирно скончавшийся незадолго до убийства отца».

Так рассказывал священник, указывая на гробницы угодников. Благородное обхождение, доброе выражение лица

священника расположили меня в его пользу, и я решился объясниться с ним откровенно. «Батюшка, – сказал я, – ради Бога, о чем я вас попрошу, исполните мою просьбу. Я не верю нетлению мощей, думая, что это обман, выдуманный для доходов. Чтобы уверить меня, ради Бога, ради спасения души моей, откройте мне которые-нибудь из мощей, чтобы я мог лично удостовериться в их нетлении. Я вам заплачу за это, что вам угодно. В соборе теперь нет никого; вам это легко сделать: только ради моего спасения выведите меня из этого заблуждения!» «Извольте!» – сказал священник. Он подвел меня к мощам св. князя Глеба, сделал перед ними три земных поклона и с одушевлением начал мне говорить: «Вот мощи святого князя Глеба, скончавшегося в 1275 году. С тех пор до времени Петра Великого они лежали в земле, а от его царствования доселе лежат на вскрытии для благочестивейшего чествования, но посмотрите, ни время, ни земля, ни воздух не смели коснуться освященного тела». При этих словах священник снял покров святых мощей, и мне открылись мощи, лежащие в княжеской одежде. Священник благоговейно приподнял руку угодника, засучил на ней рукав, показал мне ее по локоть: она была в полном нетлении, все составы, самая кожа были целы, как у недавно умершего, только желтоватого цвета. «Не думайте, что это сделано», – продолжал священник; он взял обе ручки, которые были сложены на груди, поднял их и разложил не как у мертвого, а как бы у спящего. Ужас напал на меня; мороз прошел по коже. «Верите ли вы теперь?» – спросил меня священник.

Вместо ответа, я упал в чувстве благоговения перед святыми мощами. Теперь я был вполне убежден; я истинно верил и пламенно благодарил угодника Божия, что он благоволил так уверить меня; я просил Бога, чтобы Он не наказал меня за мое прежнее неверие; на душе стало так легко, слезы радости невольно текли из глаз моих. «Батюшка! Чем я могу заплатить вам за ваше благодеяние?» – сказал я с чувством благодарности священнику. Я ему предложил было какую-то ассигнацию, но он благородно отказался: «Нет, благодарю вас; я сделал это не за деньги; вы просили меня

сделать это ради Бога и ради вашего спасения: вот ради чего я решился исполнить вашу просьбу. Спасение души ближнего для меня всего дороже». Сказав это, он вежливо раскланялся и удалился в алтарь. С тех пор я свято верую в святость и нетление святых мощей, и это происшествие со мной послужило мне уроком, что надо беречься разговоров с еретиками и раскольниками» (Душеполезные чтения, 1879 г., январь).

Мина, святитель, епископ Полоцкий

Святитель Мина, епископ Полоцкий, долгое время подвизался в Киево-Печерском монастыре. 13 декабря 1105 года он был хиротонисан во епископа Полоцкого. Имя святителя Мины вошло в службу Киево-Печерским святым отцам, так как до возведения в сан епископа он нес послушание в этой обители. Упоминание о нем содержится в Киево-Печерском Патерике. Святитель Мина известен как один из первых русских архипастырей, продолживших благодатное распространение веры Христовой после крещения нашей земли.

Инна, Пинна и Римма, святые мученики

Святые мученики Инна, Пинна и Римма – родом славяне, из северной Скифии, ученики святого апостола Андрея Первозванного. Они учили о имени Христовом и крестили многих варваров, обратив их к правой вере. За это были схвачены местным князем, который хотел было обольстить их различными соблазнами и лестными обещаниями, но они не склонились на предложенные им почести и за свою твердость веры во Христа были биты без пощады. В то время стояла суровая зима и реки замерзли настолько, что их могли переходить по льду не только люди, но и кони с возами. Князь приказал поставить в лед большие бревна и привязать к ним святых, постепенно опуская их в студеную воду. Когда лед дошел до шеи святых, они, измученные страшной стужей, предали Господу свои блаженные души. В древнем славянском месяцеслове повествуется, что некоторые христиане похоронили тогда тела их, но потом епископ Гедца вынул их из могилы и, взяв на плечи свои, положил в своей церкви. Спустя семь лет после кончины своей святые мученики явились тому же епископу и повелели ему перенести мощи их в местечко, называемое Аликс, в сухое пристанище. (Аликс есть нынешняя Алушта, находящаяся на берегу Черного моря, на северо-восток от Ялты. «Сухое пристанище» означает морскую пристань).

Июнь 21

Луарсаб II, святой мученик, благоверный царь Грузинский, Карталинский

Святой мученик благоверный царь Грузинский Луарсаб II родился в 1587 году. Он был сыном Георгия X (1600–1603), отравленного персидским шахом Аббасом I (1584–1628). После смерти отца Луарсаб остался с двумя сестрами, Хорешан и Еленой. Он был еще отроком, но отличался разумом и благочестием и, несмотря на юный возраст, был венчан на царство Карталинское с именем Луарсаба II. В 1609 году Грузия подвергалась нашествию турецкого войска под предводительством Дели-Мамад-хана. Молодой царь дал решительный бой туркам под селением Квенадкоци (между Гори и Сурами). Накануне сражения 14-тысячное грузинское ополчение провело всю ночь в неусыпных молитвах, а поутру, после Божественной литургии и принятия всеми Святых Таин, в героическом сражении грузинские воины обратили в бегство 60-ти тысячную армию противника.

Персидский шах Аббас I, встревоженный этой победой Грузии и сжигаемый завистью к Луарсабу II, всячески искал случая погубить его. Святой Луарсаб II был вынужден, спасая Картли (Центральная Грузия) от разорения, выдать замуж за магометанина шаха Аббаса I свою сестру Елену, по его требованию. Но и это не остановило шаха. Через некоторое время он вторгся в Грузию с огромным войском. Из-за измены нескольких феодалов благоверный царь Луарсаб II и кахетинский царь Теймураз I вынуждены были в конце 1615 года удалиться в Имеретию (Западная Грузия) к царю имеретинскому Георгию III (1605–1639).

Шах Аббас I разорил Кахетию и, угрожая разорением Картли, требовал Луарсаба II к себе, обещая в случае его прибытия заключить мир. Благоверный царь Луарсаб II, пытаясь сохранить храмы Картли от опустошения, отправился к шаху Аббасу со словами: «Возложу всю надежду свою на Христа, и какая бы участь не ожидала меня там, жизнь или смерть, да будет благословен Господь Бог!»

Шах Аббас I принял святого Луарсаба II миролюбиво и казалось был готов выполнить свои обещания. После совместной охоты шах Аббас пригласил его в Мазандаран, но за обедом Луарсаб II отказался есть рыбу (поскольку шел Великий пост), несмотря на уговоры и требования шаха. Разгневанный шах стал настаивать на том, чтобы грузинский царь принял магометанство, за что обещал с великими сокровищами отпустить в Картли, в противном случае угрожая мучительной смертью. Благодетельный царь Луарсаб II, с детских лет соблюдавший строгие посты и постоянно творивший молитвы, без колебания отверг домогательства шаха. Тогда его связали и заключили в неприступную крепость Гулаб-Кала, близ Шираза. Епископ Мровельский Николай повествует, что благоверный царь Луарсаб семь лет находился в темнице в оковах, перенося ужасные притеснения и частые избиения, принуждаемый принять магометанство. Но святой исповедник остался верен Святой Церкви Христовой и принял мученическую смерть в 1622 году на 35-ом году своей жизни. Вместе с ним были замучены два его верных служителя.

Тела святых мучеников бросили ночью в темнице без погребения, но на другой день христиане предали их земле в общей могиле.

Феодор Стародубский, святой благоверный князь

Святой благоверный князь Феодор Стародубский мученически пострадал в 1330 году в Орде при татарском хане Узбеке. По народному преданию, тело святого князя было на куски изрублено татарами. К всеобщему удивлению птицы не садились на честные останки благоверного князя Феодора. Святые мощи страдальца отвезли в село Алексино, располагавшееся в удельном княжестве благоверного князя. Благоверный князь Феодор был погребен в храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

От могилы благоверного князя Феодора совершались исцеления болящих. В основном исцелялись страдавшие глазными болезнями. Память благоверного князя Феодора чтилась местно в день памяти мученика Иулиана Тарсийского. Над его могилой была устроена гробница с балдахином, пострадавшая во время пожара в XVIII веке.

Арчил II, святой мученик, царь Иверский

Святой мученик царь Арчил II принадлежал к династии Хосроидов и был прямым потомком святого благоверного царя Мириана († 342).

В царствование Арчила II Грузия подверглась опустошительному нашествию Мурвана-Кру (Глухого), прозванного так грузинским народом за его неумолимую жестокость. Положение грузин было безвыходным, и царь Арчил II вместе со своим братом Миром, правителем Западной Грузии, со слезами просили заступничества у Пресвятой Богородицы. И Она явила Свою милость.

В сражении при реках Абаша и Цхенис-цхали грузины чудесным образом одержали победу над значительно превосходившими силами Мурвана-Кру.

После этой победы благоверный князь Арчил II занялся восстановлением Грузинского царства. Он восстановил город Нухпатис, возобновил разрушенные храмы в Мцхете и способствовал принятию христианства многими горскими племенами. Однако вскоре Грузия подверглась новому арабскому нашествию – неожиданному вторжению Джиджум-Асима. Исправно выплачивая дань арабам, благоверный царь не ожидал этого нападения. Чтобы избавить страну от нового разгрома и от навязываемого ей ислама, он счел за благо самому явиться к Джиджум-Асиму, признать вассальную зависимость Грузии и испросить мира. Возлагая всю надежду на милосердие Божие и приготовившись положить душу свою за святую веру и за свой народ, святой Арчил явился в стан арабов. Джиджум-Асим принял его гостеприимно и обещал свое покровительство, но настаивал на принятии мусульманства. Как повествует «Летопись Грузии», святой царь Арчил спокойно отвечал: «Не будет того, чтобы я оставил Христа, Истинного Бога, Который для нашего спасения принял на Себя плоть человеческую. Знай, если я послушаюсь тебя, то умру вечной смертью и буду страдать вечно; если же за мою твердость ты

предашь меня смерти, то я воскресну, как и Господь мой, и приду к Нему».

Услышав эти слова, Джиджум-Асим приказал связать исповедника и отвести в темницу. Но ни пытки, ни уговоры, ни обещания не могли сделать благоверного царя Арчила вероотступником.

20 марта 744 года святой царь Арчил был предан мученической смерти через усечение. Тело мученика тайно вывезли грузины-христиане в местечко Эрцо и погребли в Кахетии, в Ноткорской церкви, построенной самим благоверным царем.

Июнь 23

Собор Владимирских святых

Святители: митрополиты: Максим († 1305), Алексий († 1378), Иона († 1461), Иларион († 1707); архиепископы: Дионисий († 1385), Арсений († 1627); епископы: Феодор († 1023), Симон († первая пол. XII в.), Иоанн († 1214), Симон († 1226), Серапион († 1275), Феодор († 1286), Василий Рязанский († 1295), Кирилл Ростовский († 1384), Софроний († 1654), Митрофан Воронежский († 1703).

Благодарные князья: Глеб († 1015), Константин († 1129), Михаил и Феодор Муромские (XII в.), Борис Туровский († ок. 1160), Изяслав († 1165), Мстислав († 1172), Андрей Боголюбский († 1174), Глеб († 1174), Михаил († 1176), Петр Муромский († 1228), Георгий († 1238), Василько Ростовский († 1238), Всеволод, Мстислав, Владимир, Димитрий († 1238), Федор († 1246), Святослав († 1253), Александр Невский († 1263), Димитрий († 1269), Димитрий († 1294), Феодор Стародубский († 1330).

Благодарные княгини: Ирина († ок. 1129), Феврония († 1228), Агафия, Феодора, Мария и Христина († 1238), Евдокия (XIV в.).

Преподобные: Никита Переяславский († 1186), Илия Муромец Печерский († ок. 1188), Пахомий архимандрит и Феодосий († 1237), Даниил Успенский († 1238), Михаил-верижник Вязниковский († 1333), Сергей Радонежский († 1392), Роман Киржачский († 1392), Пахомий Нерехтский († 1384), Евфимий Суздальский († 1404), Стефан Махрицкий († 1406), Никон Радонежский († 1426), Косма Яхромский († 1492), Иов, архимандрит Владимирский (XV в.), Аркадий Вязниковский († 1592), Прохор и Вассиан Ястребские († 1592), Дионисий Переяславский († 1645), Лукиан Александровский († 1654), Корнилий Александровский († 1681), Зосима Александровский († ок. 1713).

Преподобные жены: Мария (в иночестве Марфа) († 1206), Феодосия (в иночестве Евфросиния) († 1244), Евфросиния Суздальская († 1250), Васса (в иночестве Феодора)

Нижегородская († 1378), София († 1542), Феодосия Муромская (XVII в.).

Мученики: Авраамий Болгарский († 1229), Митрофан архиепископ († 1238), Патрикий священномученик († 1411).

Праведные: Георгий и Иулиания Муромские († 1604), Карп Медушский, Ковровский (XVII в.), Савва Мошокский († 1592).

Блаженные, Христа ради юродивые: Киприан († 1622), Евдокия († 1776), Парфений († втор. пол. XVI в.) Суздальские.

Антоний и Иоанникий Заоникиевские, преподобные

Преподобные Антоний и Иоанникий подвизались в обители преподобного Иосифа Заоникиевского († 21 сентября 1612 г.) и были после него игуменами.

Июнь 24

Иаков и Иоанн Менюжские, Новгородские, праведные отроки

Праведные отроки Иаков и Иоанн Менюжские были братьями по плоти, дети благочестивых супругов Исидора и Варвары, живших в 60-ти верстах от Новгорода. В рукописных святцах праведные братья названы мучениками; по обстоятельствам времени и места это означает, что они умерщвлены были злодеями: святой Иаков в трехлетнем возрасте, а святой Иоанн – в пятилетнем. Мученическая кончина их последовала около 1566–1569 гг., при святом митрополите Московском Филиппе († 1569). Между 1682–1689 гг. обретены их нетленные мощи и положены под спуд в Троицкой церкви села Менюж на реке Менюге, в Новгородской епархии, на месте бывшего здесь когда-то Троицкого монастыря. В этом храме был устроен придел во имя святых праведных отроков Иакова и Иоанна.

Антоний Дымский, Новгородский, преподобный

Преподобный Антоний Дымский родился в 1157 году в Новгороде. Богобоязненные родители с детства научили его правилам христианского благочестия. Святой Антоний избегал детских игр, празднословия и смеха. Он ежедневно посещал храм Божий и не ленился молиться, стоя вдали от людей. Однажды во время службы ему особенно запали в душу слова Святого Евангелия: *Аще кто хочет по мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой и по мне грядет* (Мф. 16, 24). Размышляя о словах Спасителя, святой Антоний решил оставить родительский дом и стать монахом. Он пришел в Хутынский Спасо-Преображенский монастырь, игумен которого преподобный Варлаам Хутынский († 1192; память 6/19 ноября) постриг его в монашество.

С того времени преподобный Антоний стал жить в совершенном послушании своему старцу – преподобному Варлааму. С усердием и смирением исполнял он все послушания, никогда не опускал келейных правил и не пропускал церковных служб. Святой Антоний первый приходил в храм и последний уходил из него.

По преданию, преподобный Антоний по делам монастыря ездил в Константинополь. Во время поездки он посетил святые места. Через пять лет преподобный вернулся в свою обитель. Его приезд совпал со днем кончины преподобного Варлаама (6 ноября). На смертном одре святой игумен благословил преподобного Антония быть вместо себя наставником братии и строителем монастыря.

Управляя Хутынской обителью, преподобный Антоний во всем соблюдал устав, оставленный преподобным Варлаамом. Он достроил и благолепно украсил храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Примером своей подвижнической жизни и кротким наставлением преподобный Антоний наставлял братию в иноческом делании.

Всеобщая любовь и почитание тяготили святого подвижника. Со слезами он молил Бога и Пречистую

Богородицу указать ему место уединенных подвигов. В скором времени преподобный Антоний оставил Хутынскую обитель и удалился в пустынное место в Дымских лесах, в 15-ти верстах от г. Тихвина. Недалеко от небольшого озера Дымского, среди глухих лесов преподобный устроил себе сначала малую кущу, а затем построил небольшую келлию и выкопал пещеру для жизни зимой. Он с терпением переносил зной и холод, мужественно боролся с демонскими искушениями. Преподобный Антоний всячески избегал покоя: днем он трудился до изнеможения плоти, ночью стоял на молитве.

Когда место подвигов святого отшельника стало известно, к нему пришли иноки, ищущие уединенной жизни под духовным руководством опытного наставника. Постепенно Дымская пустынь заселилась боголюбивыми монахами. Так возник монастырь, игуменом которого стал преподобный Антоний. Иноки построили храм во имя преподобного Антония Великого с приделами в честь Покрова Пресвятой Богородицы и во имя святителя Николая Чудотворца. Тогда же были построены келлии, а через некоторое время – зимний (теплый) храм с трапезной во имя святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

Преподобный Антоний мудро управляя братией Дымского монастыря до блаженной кончины. Провидя день своей смерти, он собрал иноков и благословил их, затем причастился Святых Христовых Таин и мирно скончался. По преданию, это произошло 24 июня 1224 года. Тело преподобного Антония было погребено в устроенном им храме, с левой стороны. В 1330 году святые мощи преподобного Антония были обретены нетленными.

В 1409 году во время очередного нашествия татар на Новгородские земли игумен Дымской обители с братией, боясь надругания над святыней, скрыл святые мощи преподобного Антония под спудом.

Преподобный Антоний неизменно оставался хранителем Дымской обители. После разорения шведами в 1611 году монастырь восстал из пепла не без молитвенной помощи преподобного Антония. В 1687 году (по другим источникам, в

1585 году) в монастыре дважды возникал пожар, и оба раза преподобный Антоний являлся в сонном видении игумену и предупреждал его о пожаре, так что братии удавалось вовремя погасить пламя.

Память преподобного Антония праздновалась в обители дважды: 17 января – в день тезоименитства (память преподобного Антония Великого) и 24 июня – в день кончины, когда совершался крестный ход из монастыря на озеро Дымское.

В 1744 году над местом сокрытия святых мощей петербургским купцом Калитиным, исцеленным преподобным Антонием от продолжительной тяжелой болезни, была устроена деревянная золоченая гробница. В монастыре сохранялась тяжелая железная шапка, которую носил преподобный Антоний. Широкие поля шляпы прибиты к тулье толстыми гвоздями, которые давили подвижнику голову. Так через терпение и телесные страдания преподобный Антоний очищал душу для жизни вечной. Многие больные получали исцеления от возложения на голову этой шапки и от поклонения гробнице над святыми мощами преподобного Антония Дымского.

На иконах преподобный Антоний изображается держащим в руке хартию со словами: *Се удалихся, бегая, и водворихся в пустыни* (Пс. 54, 8).

Рукописное житие преподобного Антония составлено в XVII веке.

Никита, святитель, епископ Ремесианский

Святитель Никита, уроженец, а впоследствии епископ города Ремесианы (Ремешек; ныне Нирот, около г. Софии), был родом славянин. Получив прекрасное образование в Риме, он всю свою жизнь посвятил на распространение Евангелия среди славянских племен. Но не только многие села славянские, целые племена славян как по дикости, так и по недоверчивости к грекам, неохотно слушали проповедь греков, которая притом большинству их была вовсе и непонятна. Но у св. Никиты успехи проповеди были блистательные. Современник св. Никиты говорил:

«Не любившие склонять шею под рабство,
Ныне покорны Истинному Владыке.
Какая перемена! И какая счастливая!
Где был обычай зверей, ныне там чин Ангелов».

Деятельность святителя Никиты была обращена преимущественно на славян балканских. Это и естественно по близости их к месту его кафедры. Святитель написал слогом простым и чистым, приспособленным к оглашаемым в вере, шесть книг. Первая – о готовящихся к вере; вторая – о заблуждениях язычества; третья – о вере в Высочайшее Существо; четвертая – против родословия; пятая – о символе; шестая – о жертве Пасхального Агнца. Кроме того, он издал книгу о падшей деве, возбуждающую каждого падшего к исправлению. Сочинения его были весьма похваляемы «за благочестивый дух их и за основательное знание». Кончина свт. Никиты последовала не прежде 420 года, июня 22 дня.

Июнь 25

Пётр, благоверный князь, Феврония, благоверная княгиня, муромские чудотворцы

Благоверный князь Петр был вторым сыном муромского князя Юрия Владимировича. Он вступил на муромский престол в 1203 году. За несколько лет до этого святой Петр заболел проказой, от которой никто не мог его излечить. В сонном видении князю было открыто, что его может исцелить дочь пчеловода благочестивая дева Феврония, крестьянка деревни Ласковой в Рязанской земле. Святой Петр послал в ту деревню своих людей.

Когда князь увидел святую Февронию, то так полюбил ее за благочестие, мудрость и доброту, что дал обет жениться на ней после исцеления. Святая Феврония исцелила князя. Признательный князь сочетался с ней браком, хотя муромская знать противилась этому. Они объявили: «Или пусть отпустит от себя супругу, оскорбляющую своим происхождением знатных жен, или же оставит Муром». Князь твердо помнил слова Господа: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучит. Кто отпустит жену свою и женится на другой, тот прелюбодей». Потому, верный долгу христианского супруга, князь согласился отказаться от княжества. Они на лодке отплыли по Оке из родного города. Князь остался после того с небогатыми средствами к жизни, и печальные мысли невольно приходили ему. Но умная княгиня поддерживала и утешала его: «Не печалься, князь, милостивый Бог не оставит нас в нищете». В Муроме скоро открылись раздоры непримирения, искатели власти схватились за мечи и многие из вельможных потеряли жизнь. Бояре муромские были принуждены просить князя Петра и княгиню Февронию возвратиться в Муром. Так князь, верный долгу своему, восторжествовал и над врагами своими.

В Муроме правление князя Петра было правдолюбивое, но без суровой строгости, милостивое, но без слабости. Умная и благочестивая княгиня помогала супругу советами и делами благотворительности. Оба жили по заповедям Господа, всех любили, но не любили ни гордости, ни несправедливой корысти;

покои́ли странников, облегчали участь несчастных, чтили иноческий и священнический чин, ограждая его от нужд.

Однажды княгиня во время плавания по реке на судне приказала вельможе, пленившемуся ее красотой и смотревшему на нее с худыми помыслами, хлебнуть, зачерпнув рукой, воды с одной и другой стороны судна. И когда тот выполнил волю ее, она спросила: «Находишь ли разность между той и другой водой?» «Никакой», – отвечал вельможа. Святая сказала тогда: «Точно так одинаково естество женское; напрасно ты, оставляя свою жену, думаешь о чужой».

Скончались святые супруги в один день и час 25 июня 1228 года, приняв перед этим монашеский постриг с именами Давид и Евфросиния. Тела святых, согласно их завещанию, были положены в одном гробе.

Святые Петр и Феврония являются образцом христианского супружества. Своими молитвами они низводят небесное благословение на вступающих в брак.

Июнь 27

Георгий Иверский, Афонский, преподобный

Преподобный Георгий Иверский, Афонский, родился в Триалети (область Южной Грузии) в 1009 году (по некоторым данным, в 1014 году) в семье знатных владетелей Марии и Иакова. Его отец по поручению грузинского царя Георгия I (1014–1027) ездил к персидскому шаху в качестве посла.

Когда мальчику исполнилось семь лет, родители привели его в женский Тадзрийский монастырь, где воспитывалась его старшая сестра Тэклэ (Фекла). Здесь святой Георгий провел три года и дважды за это время был чудесно спасен Промыслом Божиим от гибели (в реке Кция и в пламени пожара, разразившегося в обители).

В 1019 году по просьбе своих дядей (братьев отца), Георгия-писаря и Саввы, подвизавшихся в Хахульском мужском монастыре, отрок Георгий получил благословение настоятеля Хахульского монастыря Макария на воспитание у строгого подвижника Илариона Туалели, который славился образованностью и высотой духовной жизни.

В 1022 году святой Георгий был отправлен в Константинополь, где в продолжении двенадцати лет тщательно изучал науки и получил разностороннее образование.

После возвращения в Грузию в 1034 году он принял иноческий постриг в Хахульском монастыре от блаженного старца Илариона Туалели. Спустя некоторое время инок Георгий, отдав свои одежды нищему и одевшись в его ветхое рубище, отправился на поклонение святым местам Палестины.

После непродолжительного пребывания в обителях на Черной горе (близ Антиохии) инок Георгий отправился на Дивную гору, в монастырь святого Симеона Дивногорца († 459). Там он обрел духовного наставника старца Георгия Молчальника († 1068), тоже грузина, жившего в расселине скалы. Три года провел он в монастыре святого Романа (с 1036 по 1039 гг.). В 30-летнем возрасте преподобный Георгий принял великую схиму от старца Георгия Молчальника. Затем, напутствуемый им, он отправился на Афон, в Иверский

монастырь. По дороге святой посетил и Иерусалим и поклонился Гробу Господню.

Преподобный Георгий прибыл на Афон в 1040 году и продолжил работу над переводом богослужебных книг и творений святых отцов Церкви, начатую преподобным Евфимием Иверским (память 13/26 мая).

И поныне Грузинская Православная Церковь признает канонической и допустимой для церковного употребления только ту редакцию Священного Писания, которая принадлежит перу преподобного Георгия Иверского, достойно завершившего труды преподобного Евфимия.

В житии преподобного Георгия приводится неполный список его переводов с греческого: Большой Синаксарь, Деяния и Послания святых апостолов, 12 богослужебных Миней, Октоих, Триодь (Постная и Цветная), Требник, Псалтирь, Полный Часослов, «Шестоднев» святого Василия Великого, Послания святого Игнатия Богоносца, Соборные послания святого Кирилла Александрийского, Книга святого Григория Нисского, Книга святого Феодора Студита, Книга деяний VI Вселенского Собора и много других полезных и святых книг.

Из переводов святого Георгия Иверского с латинского на греческий до нас дошло известное сочинение епископа Дорофея «О 70-ти учениках Господа». Широко известно также оригинальное произведение преподобного Георгия Иверского «Житие Иоанна и Евфимия», дающее обстоятельные сведения об основании и внутренней жизни Афонского Иверского монастыря при первых его ктиторах и настоятелях – преподобных Иоанне и Евфимии (память 12/25 июля и 13/26 мая).

После года послушничества преподобный Георгий в 1042 году был рукоположен в сан иерея и назначен старшим иеромонахом при соборном храме. Он исполнял также обязанности регента. Свободное от богослужений время святой посвящал переводческой деятельности и поэтическому творчеству. Афонские песнопения преподобного Георгия Иверского, в частности знаменитый «Вечерний звон» (перевод

на русский язык И. И. Козлова), были впоследствии переведены на многие европейские языки.

После кончины игумена Иверского монастыря Стефана Хартуляри преподобный Георгий был в 1044 году избран новым настоятелем (трижды жребий указал на него). Попечением нового игумена был перестроен и укреплен соборный храм обители в честь Успения Пресвятой Богородицы и подтверждены права Грузии на Иверский монастырь. С этой целью преподобный Георгий посетил Константинополь, где был принят императором Константином IX Мономахом (1042–1055) и получил от него жалованную грамоту.

Вернувшись в Иверскую обитель, преподобный оставил после себя настоятелем Георгия Олтисели и отправился на Черную гору, близ Антиохии. Вероятно, он вынужден был это сделать, чтобы оправдать перед патриархом Антиохийским Феодосием III (1057–1076) братию Иверского монастыря, заподозренную греками в неправославии. Преподобному Георгию удалось справиться не только с этой задачей, но и убедить Антиохийского первосвященителя в канонической законности автокефалии Грузинской Православной Церкви, сохраняющей апостольскую преемственность от святого апостола Андрея Первозванного. Из Антиохии, по приглашению грузинского царя Баграта IV (1027–1072), преподобный Георгий отправился в Грузию. В Грузии он провел пять лет: учил народ словом и делом, помогал благоустройству церковной жизни и внедрял свои переводческие труды. Благодаря их высоким научным и литературным достоинствам они были признаны Грузинской Церковью образцовыми.

Заботясь о духовном просвещении страны, преподобный Георгий отобрал 80 грузинских юношей и отправился с ними на Афон, чтобы отдать их в основанное им же училище. По дороге он посетил Константинополь. Несмотря на уговоры учеников отложить посещение императора, поскольку преподобный Георгий занемог, он, будучи извещен свыше о своей предстоящей кончине, поторопился представить императору Константину X Луке (1059–1067) своих учеников и получил грамоту на их обучение в Афонском училище.

На следующий день, 29 июня 1065 года, святой Георгий мирно отошел ко Господу. Тело преподобного было с честью перевезено на Афон, пролежало во гробе без погребения в храме Всех святых. Когда гроб был открыт, тело святого оказалось совершенно нетленным: ни один волос не упал с его головы и бороды. Гроб святого Георгия был установлен близ раки святого Евфимия 24 марта 1066 года, в день памяти преподобного Симеона Дивногорца. С согласия Католикоса-патриарха всей Грузии Иоанна IV (1110–1142) ежегодно в этот день совершалась память святого Георгия, приуроченная впоследствии ко дню его блаженной кончины и совершаемая ныне 27 июня/10 июля.

Серапион Кожеезерский, преподобный

В числе пленных казанских татар был приведен в Москву в 1551 году мурза Туртас Гравирович. Он принял крещение с именем Сергей и жил в доме московского боярина Захария Плещеева. Святой Сергей так искренне воспринял христианскую веру, что решился всецело посвятить себя Богу. Обойдя иноческие пустыни на пустынном острове озера Кожи в 1560 году, он встретил инок-отшельника Нифонта и остался жить с ним. Они вместе стали делить подвиги суровой отшельнической жизни, пищей для них служила трава и частью ягоды. Сергей со всей точностью выполнял наставления Нифонта. После испытания, данного себе самому, Сергей просил старца постричь его в иночество. Старец, видя искренность и чистоту его желаний, назвал его при пострижении Серапионом.

Мало-помалу узнали строгих отшельников, и молва о них стала привлекать к ним ревнителей духовной жизни. Отшельническая жизнь Серапиона продолжалась почти 18 лет. Когда собралось к Нифонту и Серапиону довольное число иноков, Нифонт отправился в Москву просить земли для обители, но он скончался в Москве, не начав дела там. В обители не знали еще о судьбе Нифонта. В то время по недостатку съестных припасов стали чувствовать голод, и по состраданию к страждущим Серапион отправился испрашивать подаяние. Ему дали хлеба в зерне и жернова, он принес все это на себе в обитель и спас братию от голодной смерти. Узнав о кончине Нифонта, блаженный Серапион отправился в Москву. Здесь получил он у царя Феодора Иоанновича (1584–1598) грамоту от 30 сентября 1584 года, которой предоставлялась земля для новой обители по четыре версты во все стороны; а митрополитом дана грамота с благословением на устройство монастыря. Возвратясь на свое место, блаженный Серапион с иноками расчистил для пашни лес, оградил место обители оградой и соорудил два храма: в честь Святого Богоявления и

святителя Николая. Патриарх Иов (1589–1605; † 1607) дал преподобному Серапиону святыне антиминсы.

В 1608 году, по прошению отягченного старостью подвижника, был поставлен во игумены обители ученик его Авраамий. Блаженный Серапион скончался 27 июня 1611 года, оставив после себя до 40 иноков в своей общежительной обители, и был погребен в храме Кожеезерской обители.

В 1613 году постриженник Кожеезерского монастыря инок Боголеп написал сказание об основании монастыря и о его первом строителе преподобном Серапионе. Он же составил и житие преподобного Серапиона.

Мартин Туровский, блаженный

В Царстве Христовом нет ни раба, ни свободного (Кол. 3, 11). Никакое звание не унижает христианина и никакое занятие не составляет непреодолимой преграды к совершенству духовному. Земледелец, дровосек, кожевник, повар в Царстве Христовом имеют то же значение, что военачальник, градоправитель, судья. Наоборот, гражданская свобода – не то же, что духовная свобода; с ней одной человек может остаться не выше степного животного. В Царстве Христовом нет места для гордости и своеволия. Смирение – основа и краса христианства. Оттого-то бывает, что пренебрегаемые миром, но верные закону Божию, неожиданно и для них самих оказываются великими пред небом, удостоиваются посещения небожителей.

В городе Турове, ныне местечко Минской губернии, был монастырь св. князей Бориса и Глеба. Здесь была и кафедра Туровских епископов, впоследствии Минских. Здесь был повар Мартин, он служил при Туровских епископах Симеоне, Игнатии, Иоакиме и Георгии, из которых Иоаким известен по летописи в 1114–1146 гг. Епископ Георгий уволил Мартина от поварской службы по его старости. Благодетельный старец не хотел расставаться с монастырем, он принял монашество и жил в епископском монастыре святых мучеников на болонье (на выгоне). Живя один, он часто бывал болен вследствие прежних тяжелых работ. В припадках тяжелой болезни лежал он неподвижный, кричал от боли и не мог служить себе самому. Раз, когда страдал он от той же болезни и лежал в келлии, изнемогал от жажды, так как никто не посещал его тогда и не служил ему. Усердно призывал он на помощь святых князей Бориса и Глеба. На третий день беспомощного положения входят к Мартину святые мученики Борис и Глеб явно, в своем виде, как пишутся они на иконе, и говорят: «Чем ты болен, старец?» Он рассказал им о своей болезни. «Не хочешь ли воды?» – спросили они. «О, господа мои, – отвечал он, – уже давно жажду». Один взял ведро и принес для старца воды, а

другой взял ковш и напоил старца. Блаженный Мартин благодарил их: «Да умножит Господь Бог годы жизни вашей, господа мои, возьмите сами хлеб и соль и кушайте, а я уже не могу послужить вам». Они отвечали: «Нет, побереги себе; мы уйдем, а ты не более и усни» – и перестали быть видимы. А старец оказался здоровым, сам встал, прославил Бога и святых мучеников. Он жил еще год. Об этом рассказал он духовному отцу своему.

Июнь 28

Ксенофонт Робейский, преподобный

Преподобный Ксенофонт Робейский был учеником преподобного Варлаама Хутынского († 1192; память 6/19 ноября). В Хутынском монастыре он настоятельствовал после игумена Исидора († 1243). Оставив игуменство, преподобный Ксенофонт на берегу реки Робейки (недалеко от Новгорода) основал Троицкую обитель. Здесь он блаженно почил 28 июня 1262 года. Память преподобного Ксенофонта совершается также в день памяти тезоименного ему преподобного Ксенофонта (V-VI вв.) – 26 января/8 февраля.

Июнь 29

Собор всех святых, в земле Тверской просиявших

С 1897 года по благословению архиепископа Тверского и Кашинского Димитрия (Самбикина; † 17 марта 1908 г.) началось собирание сведений о Тверских святых. Приснопамятным преосвященным Димитрием была составлена служба всем Тверским святым, подготовлен к печати Тверской Патерик, изданный в Казани в 1908 году, а также по его просьбе написана в 1902 году икона Собора Тверских святых. В 1904 году архиепископ Димитрий освятил престол в честь Собора Тверских святых во втором ярусе колокольни кафедрального собора. С этого времени началось местное почитание Собора Тверских святых.

Начатое архиепископом Димитрием дело получило свое завершение через 70 лет благодаря трудам архиепископа Калининского и Кашинского Алексия. Им была составлена служба всем Тверским святым и возбуждено ходатайство перед Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Пименом совершать память всех святых, в земле Тверской просиявших, в первый воскресный день после праздника святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Святейший Патриарх Пимен удовлетворил ходатайство и благословил внести память Собора Тверских святых в календарь Русской Православной Церкви, начиная с 1979 года.

В сонме святых, подвизавшихся в пределах Тверской епархии, более 40 угодников Божиих. Среди них некоторые не были наставниками и учителями тверской паствы, но, как отмечает Святейший Патриарх Пимен в поздравительном Послании к архиепископу Калининскому и Кашинскому Алексию, они «были причастны к ней либо по происхождению, либо по кончине».

Особо чтимыми святыми Тверской епархии являются показавший пример патриотического служения и подвига исповедничества святой благоверный князь тверской Михаил Ярославич († 1318; память 22 ноября/5 декабря) и его супруга святая благоверная княгиня Анна Кашинская († 1338; память

12/25 июня и 2/15 октября). Известны святые архипастыри Тверской епархии: первоначальник Тверских святителей епископ Симеон († 1289; память 3/16 февраля), епископ Феодор, прозванный Добрым († 1367; память 20 марта/2 апреля) и епископ Арсений († 1409; память 2/15 марта), которым пришлось управлять епархией в тяжелые времена междоусобиц и монголо-татарского ига.

Особый ряд Тверских святых составляют учителя, просветители и проповедники Христова учения, которые на протяжении многовековой истории Тверской епархии поддерживали благочестие и святость на этой земле. Среди них основатель Борисоглебского монастыря преподобный Ефрем Новоторжский († 1053; память 28 января/4 февраля и 11/24 июня); преподобный Аркадий Вяземский и Новоторжский († 1053; память 13/26 декабря); блаженный Константин Новоторжский (предположительно XVI в.), основатель Сретенского монастыря преподобный Саава († 1467) и его брат преподобный Варсонофий († ок. 1459); основатель Свято-Троицкой обители преподобный Макарий, игумен Калязинский († 1483; память 17/30 марта, 26 мая/8 июня); основатель Введенского монастыря преподобный Нектарий Бежецкий († 1494); основатель Сретенского монастыря преподобный Савватий († ок. 1434); основатель Оршинского Савватиева монастыря преподобный Евфросин († ок. 1460); основатель Стоlobенской пустыни преподобный Нил, Стоlobенский чудотворец († 1554; память 7/20 декабря, 27 мая/9 июня); святитель Акакий, епископ Тверской и Кашинский († 14 января 1567 г.); святитель Варсонофий, епископ Тверской, чудотворец Казанский († 1575; память 11/24 апреля, 4/17 октября); убитый поляками святитель Феоктист, архиепископ Тверской († 1609); основатель Николо-Антониевого Краснохолмского монастыря преподобный Антоний Краснохолмский († 17 января 1642 г.).

Наибольшую известность из всех монастырей Тверской епархии получил Успенский Отрочь монастырь, основанный в конце XII века. Здесь был пострижен в монашество святитель Моисей, архиепископ Новгородский и Псковский († 1362; память 25 января/7 февраля); здесь проживал в заточении более

двадцати лет знаменитый ученый преподобный Максим Грек († 1556; память 21 января/3 февраля); сюда был сослан царем Иоанном Грозным и умерщвлен опричником Малютой Скуратовым святитель Филипп, митрополит Московский и всея Руси († 1569; память 9/22 января); здесь настоятельствовал в течение нескольких лет святитель Тихон, епископ Воронежский и Елецкий, чудотворец Задонский († 1783; память 13/26 августа).

Жизнеописания многих подвижников и угодников Божиих связаны с историей Тверской земли. В пределах Тверского княжества был убит в битве с татарами святой благоверный великий князь владимирский Георгий Всеволодович († 1238; память 4/17 февраля), здесь же и в том же году за отказ принять татарские обычаи был убит святой благоверный Василий, князь Ростовский. Родом из Кашина Тверской епархии был преподобный Савва Вишерский, Новгородский († 1460; память 1/14 октября), здесь же родился преподобный Ефрем Перекомский, Новгородский чудотворец († 1492; память 16/29 мая, 26 сентября/9 октября). Из того же города был родом святитель Серапион, митрополит Сарский и Подонский († 1659). В городе Ржеве Тверской епархии родился преподобный Арсений Новгородский († 1570; память 12/25 июля), в Торжке – преподобный Трифон Печенгский, Кольский чудотворец († 1583; память 15/28 декабря), в Твери – преподобный Антоний Леохновский († 1611; память 17/30 октября).

Подвизались в монастырях Тверской епархии преподобный Паисий Угличский († 1504; память 6/19 июня); преподобный Иосиф Волоцкий († 1515; память 9/22 сентября, 18/31 октября), преподобный Корнилий Комельский († 1537; память 19 мая/1 июня). Настоятелем Свято-Троицкого Селижаровского монастыря Тверской епархии был некоторое время святитель Гурий, архиепископ Казанский и Свияжский († 1563; память 20 июня/7 июля, 4/17 октября, 5/18 декабря); настоятельствовал в Старицком Успенском монастыре святитель Герман, архиепископ Казанский († 1567; память 6/19 ноября, 23 июня/6 июля), в этом же монастыре святитель Герман постриг в монашество Святейшего Иова, впоследствии первого патриарха Московского и всея Руси († 1607; память 19 июня/2 июля),

исповедника и патриота, который в конце своей жизни был заточен самозванцем Лжедмитрием I в эту же обитель, руководимую уже преподобным Дионисием Радонежским, будущим архимандритом Троице-Сергиевой лавры († 1633; память 12/25 мая). Настоятельством в Ниловой Столобенской пустыни святитель Нектарий, архиепископ Тобольский и Сибирский († 15 января 1667 г.).

На иконе Собора Тверских святых изображены лики нескольких святых, чтившихся ранее местно: благоверная княгиня Тверская Ксения (XIV в.) – мать святого князя Михаила Тверского; благоверный князь Бежецкий Димитрий Юрьевич Красный († 1441); благоверный князь Ржевский Владимир (XIII в.; память 15/28 июля) и его супруга княгиня Агриппина (XIII в.; память 23 июня/6 июля и 15/28 июля); праведная Параскева, игуменья Ржевская (память 13/26 октября).

Прославление всех святых, в земле Тверской просиявших, имеет огромное значение. Русская Православная Церковь может молиться в особо установленный день всем Тверским святым, чтобы они, как пишет в своем Послании Святейший Патриарх Пимен, «не оставляли этой церковной области своим благодатным покровительством и помогали ее священноначалию, членам клира и церковно-приходским советам благоустраивать жизнь каждого прихода и всей епархии по образу своей небесной соборности, запечатленной на иконе сегодняшнего праздника и призывающей пастырей и пасомых, *снисходя друг ко другу любовью, сохранять единство духа в союзе мира* (Еф. 4, 2–3)".

Июнь 30

Пётр, царевич Ордынский, Ростовский чудотворец, преподобный

Святой Петр царевич – ясный пример тому, что пребывание пастырей Русской Церкви в Орде, тяжелое для них, не оставалось без плодов для святой веры. Ростовский епископ Кирилл (память 21 мая/3 июня) ходил в Орду к хану Бергаю по нуждам Церкви. При восшествии нового хана на престол князя и пастыри наши обыкновенно ходили на поклон к нему. Так было и при Бергае, когда он взошел на престол после брата своего в 1257 году. Ласково принятый Бергаем, блаженный Кирилл, по его желанию, рассказывал ему о святой вере, как распространял ее святой Леонтий в Ростове (память 23 мая/5 июня), какие чудеса совершаются при мощах его во славу имени Христова и силой Христовой. В числе слушателей беседы епископа с ханом был юный племянник Бергая, сын его брата. Слово о вере Христовой пало на добрую почву – на сердце доброго юноши. Он был сильно поражен тем, что слышал о святой вере, и стал уверяться в пустоте своей языческой религии: поклонении солнцу, звездам, огню. В том же году у хана разболелся единственный сын, и хан, вспомнив рассказы Ростовского епископа об исцелениях, совершающихся при гробе свт. Леонтия, вытребовал Кирилла к себе для исцеления сына. Святитель после теплой молитвы к Богу и Пресвятой Богоматери молил чудотворца Леонтия оправдать дело святой веры перед заблудшими. Прибыв в Орду, он исцелил больного царевича молитвой и освященной водой. Щедро одаренный ханом Ростовский епископ отправился в отечество. Юный племянник хана во время вторичного пребывания епископа у хана решился удалиться с ним в Ростов, чтобы там принять святую веру. Не смея открыть своих намерений матери, боясь власти дяди, он тайно ушел из Орды и, догнав на дороге епископа, со слезами просил взять его с собой. Святитель согласился.

В Ростове царевич жил в доме епископа, ходил смотреть на чин богослужения, слушал чтение и пение и все его приводило

в восторг. Тогда в кафедральном храме епископа, говорит древний повествователь, на левом клиросе пели по-гречески, а на правом по-русски. Царевич просил крестить его. Но владыка, заботившийся о своей пастве, велел царевичу ожидать до времени, опасаясь гнева ханского на землю Русскую, если услышит о крещении своего племянника. Но прошло довольно времени, умер хан Бергай, перестало в Орде искание царевича, и святитель с любовью окрестил его с именем Петра. Новый христианин научился русскому языку, усердно читал книги, трудолюбиво молился, посещал богослужение храма, жил чисто и воздержно, оставаясь в доме епископа.

Блаженный Кирилл скончался, и 19 сентября 1261 года из Авраамиевой обители взошел на кафедру Ростовскую свт. Игнатий. Петр продолжал жить при свт. Игнатии в кафедральном доме. Продолжая усердно посещать храм Божий и жить благоговейно, по временам забавлялся он соколиной охотой на берегу озера Неро. Раз, замедлив до ночи на этой охоте, заснул он у озера. Ему явились во сне, а по пробуждении и наяву, свв. апостолы Петр и Павел. Ужаснулся юноша, видя пред собой светлых мужей ростом, превышающим человеческий, и далеко осиявших окрестный мрак; трижды хотел он восстать и трижды повергался долу пред ними. И они, подняв его, ласково сказали: «Не бойся, друг Петр, мы посланы к тебе Богом, в Которого ты уверовал, и желаем, чтобы и здесь, где заснул ты, создана была церковь в наше имя; завтра ты выменяешь три иконы, одну Богородицы с Предвечным Младенцем и две святых, отнесешь их к епископу и скажешь, что апостолы Петр и Павел повелевают построить в их имя церковь на указанном ими месте». Затем они дали царевичу два мешка, один с золотом, другой с серебром, и стали невидимы. Блаженный Петр пробыл в молитве до утра на месте, где явились ему апостолы. Потом нашел в городе у иконописца три указанные иконы, выменял и понес их епископу. В ту же ночь свт. Игнатию явились апостолы и приказали построить в их имя храм. Устрашенный тоном приказания и видом их, Игнатий утром пригласил к себе князя – тогда был князем сын мученика Василька Борис – и, рассказав ему о видении, говорил: «Не

знаю что делать? Недоумеваю, где строить храм?» В это время они увидели Петра с иконами на руках; епископ и князь были поражены изумлением, откуда мог взять Петр иностранец такие прекрасные иконы, тогда как в городе на то время не было иконописца? Выслушав рассказ Петра, они благоговейно поклонились святым иконам, отслужили в храме молебен перед ними, совершили крестный ход на место явления святых апостолов и здесь в построенной наскоро часовне поставили чудные иконы. Блаженный Петр выбрал обширную площадь на берегу озера. На отведенном месте был построен храм святых апостолов и при нем основался монастырь иноков.

Почитание преподобного царевича Петра началось с XIV века. Поместное празднование установлено на Соборе 1547 года, при митрополите Всероссийском Макарии.

Июль 3

Иоанн и Лонгин Яренгские

Преподобные Иоанн и Лонгин Яренгские жили в XVI веке. Они были иноками Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря в то время, когда игуменом обители был святой Филипп (впоследствии митрополит Московский).

Проводя жизнь в строгом посте, постоянной молитве и внимании к своей совести, они были усердными исполнителями воли своего игумена. Постоянным правилом жизни их было изречение св. апостола: *Все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков (Кол. 3, 23)*. Хотя они были люди некнижные, но, наставленные в первоначальных истинах христианства, из созерцания величественной природы почерпали важные уроки для своего простого ума и чистого сердца. Они видели необозримое море; звездное небо обращало взоры их к Богу, назначившему всему стройный порядок. Таким образом эти простые люди в тиши обители смиренно восходили от совершенства к совершенству, пока Господу угодно было призвать их к Свету невечернему не совсем обычным путем.

В 1561 году преподобные Иоанн и Лонгин отправились по монастырским делам в Тверскую землю. На обратном пути на Белом море их застигла буря, судно было разбито и святые Иоанн и Лонгин утонули. Через некоторое время тела святых были обретены нетленными в 120 верстах от обители, в устье реки Сосновки, и были положены в часовне во имя святителя и чудотворца Николая в с. Яренге. Вскоре чудесные знамения подтвердили святость преподобных Иоанна и Лонгина, у чесных мощей которых больные получали исцеление. Со временем на месте погребения святых иноков возник монастырь.

В 1625 году инок Яренгской обители Илия Телов сообщил Святейшему Патриарху Филарету о чудесах, происходивших у гробницы святых Иоанна и Лонгина. Свидетельства о чудесных исцелениях были тщательно исследованы и подтверждены. 2 июля 1638 года святые мощи были перенесены в

новосооруженный храм обители. В честь этого события память святым Иоанну и Лонгину Яренгским была установлена 3 июля.

Иоанн, Московский чудотворец

Блаженный Иоанн родился в конце XV – в первой половине XVI века. Он известен подвигами благочестия в эпоху, предшествовавшую времени смутному и опасному для Русской земли. Блаженный был уроженцем Вологодской земли. В молодости он трудился на солеваренных заводах, за что его впоследствии называли «Водоносцем». Отсюда он ушел в Ростов, где начал редкий подвиг юродства. На голове он стал носить железный колпак, из-за чего его прозвали «Большим колпаком». Также он носил на пальцах тесные железные кольца, а на теле – тяжелые вериги из крестов. Питался святой подвижник хлебом и водой один раз в день. Часто бывало так, что блаженный Иоанн выходил на улицу, на народ, полагал на землю колпак и, стоя на нем, подолгу смотрел на солнце и молился. Прохожие смеялись над ним и оскорбляли его, но святой с кротостью и терпением переносил насмешки.

В Ростове он был знаком с преподобным Иринархом, затворником Ростовским († 1616; память 13/26 января). Посетив его однажды в Ростове (ок. 1580 г.), святой Иоанн пророчески предсказал ему нашествие поляков: «Даст тебе Бог поучать людей от востока до запада, наполнять землю учениками, отводить людей от пьянства. За незаконное же пьянство и разврат Господь Бог найдет на Русскую землю иноплеменных... Но их Святая Троица Своею силою прогонит».

Последние годы своей жизни блаженный Иоанн провел в Москве. Ходил он с распущенными волосами, почти обнаженный, даже и в жестокие морозы. Его поведение было вызовом мирскому самодовольству, поступки и порой загадочные слова намекали на скрытую повседневную жизнь. Блаженный Иоанн часто обращался с откровенным или обличительным словом к сильным мира сего, его знали даже и цари, терпя от него то, что не вынесли бы от другого. Так, царю Борису Годунову часто он говорил слова: «Умная голова, разбирай Божьи дела. Бог долго ждет, да больно бьет».

Св. Иоанн сам предсказал свою кончину, испросив у протоиерея Димитрия, настоятеля храма Покрова Пресвятой Богородицы на Рву, впоследствии названного собором Василия Блаженного, место своего упокоения.

В народной памяти остались события, предшествовавшие кончине святого. По пути из храма блаженный исцелил человека, не владевшего ногой: как бы нечаянно святой наступил на нее, и нога стала здорова. Затем он пошел в баню и там, впервые сняв вериги, трижды облился водой, готовясь к погребению. Святой заповедал совершить погребение не ранее третьего дня. Затем он лег на лавку, просил у всех прощение и завещал отнести свое тело к гробу блаженного Василия в Покровский храм. С этими словами блаженный Иоанн мирно преставился к Богу 3 июля 1589 (1590) года.

О подвигах его знали многие современники. По указу царя Феодора Иоанновича было совершено торжественное погребение блаженного Иоанна. Однако само погребение совершалось не в указанный блаженным день, а раньше. Господь попустил в наказание за неисполнение завета Своего угодника во время богослужения случиться сильной грозой с молниями, так что в Покровском храме опалились некоторые иконы и даже пострадали несколько клириков и мирян. Во время погребения и позднее многие болящие получали исцеление по молитвам блаженного Иоанна. Блаженный Иоанн являлся и больным, находившимся далеко от Москвы, и они выздоравливали.

Вскоре после блаженной кончины святого Иоанна, Московского чудотворца, были составлены житие и служба. Мощи святого были обретены нетленными 12 июня 1672 года и погребены под спудом в приделе Рождества Пресвятой Богородицы в Покровском соборе. А 17 января 1916 года этот придел был переименован во имя блаженного Иоанна, Христа ради юродивого, Московского чудотворца. Память святого совершается в день его блаженной кончины – 3/16 июля и в день обретения его нетленных мощей – 12/25 июня.

Василий и Константин, князья Ярославские

Мало сохранилось сказаний в летописях отечественных о подвигах сих благоверных князей и немного дополнил эти сказания позднейший описатель жития их, инок Пахомий, но благоухание святой их жизни исполнило их княжескую вотчину и доселе, сквозь ряд столетий, сделало драгоценной память их в Ярославле. Они были детьми благочестивого князя Всеволода Константиновича и супруги его Марины, дочери курского князя Олега.

В 1236 году разразилась над Россией грозная туча, давно над ней висевшая: вторгся в нее свирепый Батый с бесчисленными полчищами, все предавая огню и мечу. Татаро-монголы разорили престольный Владимир и удельные Ростов и Ярославль со многими иными городам Северной Руси. На берегах реки Сити в 1238 году разгорелась кровавая сеча, в которой пал князь Всеволод Ярославский со своим братом князем Георгием.

Осиротевшие юные князья Василий и Константин остались с матерью своей в разоренном их наследии, и старший наследовал княжение. Горькая предстояла им участь в краткие дни правления своего, но, несмотря на юный возраст, они проявили разумение и волю, свойственные зрелым мужам.

Тяжкая была эпоха для земли Русской под игом монгольским, но чудная была судьба страждущей Руси: как неопалимая купина, горела она и не сгорала; веянием небесным охлаждалось пламя ее страданий, и сколько воссияло новых звезд на тверди небесной в это лютое время! Между ними кротко воссияли и два князя, Василий и Константин, искушенные бедствиями, как злато в горниле. В страхе Божиим управляли они своей родовой областью, не вступаясь в междоусобия князей русских, ибо заботились только о благе своей вотчины, врачевали раны, нанесенные ей набегами татаро-монголов, и обновляли разоренные храмы, но и их святая жизнь не продлилась ко благу земной их отчизны.

В 1242 году юный князь Василий мужественно отправился в Золотую Орду, чтобы умиротворить хана Батыя. В следующем году он отправился в Орду вместе с великим князем киевским Ярославом (1190–1246). По возвращении князь Василий вступил в брак с княжной Ксенией. Они имели двух детей в благочестивом супружестве: дочь Марию и сына Василия, умершего в малолетстве. Испытанный многими скорбями, князь Василий со смирением принимал все тяготы и невзгоды, часто молился. Жизнь святого князя Василия, как повествует его биограф инок Пахомий, была недолгая, но добрая, исполненная многих духовных утешений. Зимой 1249 года князь Василий, прибывши во Владимир для свидания с родственным ему великим князем святым Александром Невским, заболел и там скончался 8 февраля. Гроб с его честными останками провожал от Владимира до Ярославля великий князь Александр вместе с двоюродными братьями почивавшего ростовскими князьями Борисом и Глебом. Погребение совершил епископ Ростовский Кирилл (1230–1262). Тело святого князя Василия было положено в Ярославском Успенском соборе, на северной стороне.

Младший брат князя Василия Константин наследовал на краткое время княжение братнее. Ватаги татар беспрестанно скитались по опустошаемой земле Русской, разоряя ее пределы. В 1252 году они опустошили Суздальское княжество. Степные кочевники с юга совершали разбойничьи набеги. 3 июля 1267 года татарские отряды подошли к Ярославлю. Князь Константин вместе со своей дружиной вышел им навстречу. На возвышенности у реки Которосли произошла кровавая сеча, во время которой погибло множество воинов с обеих сторон. Юный князь Константин принял в этом бою мученическую кончину, отдав свою жизнь за православную веру и независимость родины.

Гора, на которой происходило сражение, с тех пор называется Туговой, как место туги (печали) и слез, пролитых осиротевшими ярославцами. Тело благоверного князя Константина было с честью погребено в соборном Успенском

храме Ярославля, рядом с телом своего брата благоверного князя Василия.

В 1501 году Ярославский кремль был опустошен пожаром. Когда начали копать рвы для нового соборного храма, обрели два гроба с нетленными мощами. По надписям на каменных плитах узнали, что это святые мощи князей Василия и Константина. После совершения соборной панихиды оба гроба со святыми мощами были опущены в землю. Внезапно поднявшаяся буря с громом и ливнем, продолжавшаяся две недели, устрасила ярославцев. Он приняли это за знамение небесного гнева, потому что не воздали должной почести благоверным князьям своим, которые как бы возвратились к ним своим нетлением через два с половиной столетия. По просьбе народной архиепископ Ростовский и Ярославский Тихон с духовенством торжественно перенесли святые мощи из кремля в храм во имя святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Великий князь московский Иоанн III (1440–1585) тогда же повелел строить каменный собор. Когда храм был сооружен, Иоанн III, посещая Ярославль, не раз приходил поклониться святым мощам благоверных князей Василия и Константина, от которых происходили многие чудесные исцеления. Придел в этом соборе с давних пор освящен во имя святых благоверных князей Василия и Константина. Память их совершается 3/16 июля.

Василий, епископ Рязанский – преставление

Святитель Василий жил в XIII столетии. Первые подвиги благочестия он совершил в Муроме. Там он принял монашество, и когда Промыслу Божию угодно было поставить его святителем пастве муромской и рязанской, был уже известен как «муж праведен и благочестив».

Об избрании святого Василия во епископа предание, сохранившееся в письменных источниках, повествует следующее: «По преставлении благоверного князя Константина с чады его, многим летом минувшим, и по запустении града (Мурома) от неверных людей, и после благоверного князя Петра и благоверных княгини Февронии, тогда же многим летом минувшим прииде из Киева в Муром град благоверный князь Георгий Ярославич, и поставил себе двор в Муроме, такожде и бояре его и все купцы муромстии. Благоверный же князь Георгий первоначальную церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы обновил, и второй храм святых страстотерпцев такожде обновил, и епископа по-прежнему у их церкви устроил именем Василия, мужа праведна и благочестива».

Приняв высокий святительский сан, епископ Василий много трудов положил на устройство своей паствы: рассеянных татарским нашествием собирал во единое стадо, изнемогавших укреплял, сокрушенных сердцем утешал твердой надеждой на милость Божию, заблудших возвращал на правый путь. Он явил себя пастырем добрым, мудрым и неусыпным, милостивым и любвеобильным, был примером своим пасомым в молитвах и подвигах.

Однако, как повествует житие, по проискам врага рода человеческого святителя Божия оболгали, он был заподозрен в нецеломудрии и изгнан народом из Мурома. Некоторые в ослеплении были даже готовы убить его, но святитель Василий просил их: «Отцы и братия! Дайте мне немного времени, до третьего часа следующего дня». Кротость святителя смягчила жестокие сердца, и народ разошелся по домам. Праведник всю ночь молился со слезами в Борисоглебском храме; совершив

всенощное бдение, он утром отслужил Божественную литургию, затем в Благовещенском храме совершил молебен перед чтимой иконой Божией Матери. Взяв с собой эту икону и предав себя воле Божией, он пошел к реке Оке, сняв с себя мантию, разостлал ее на воде и, встав на нее с образом Богоматери, поплыл вверх по реке, против течения. Господь совершил это чудо, чтобы явить людям невинность святителя. Пораженные чудом, муромцы раскаялись и со слезами просили святителя вернуться. Но святитель Василий был взят от муромских жителей «во мгновение ока».

Предание повествует, что жители Старой Рязани перед самым появлением там святителя Василия собрались в храм к вечернему богослужению. Диакон, выйдя из алтаря на амвон, вместо обычного возгласия «Благослови, Владыко» по наитию воскликнул: «Владыко грядет, сретайте его». Тогда весь народ поспешил на берег Оки и, увидев архипастыря, плывущего на мантии святителя, принял его с великой радостью. Великий князь рязанский Олег «срети его со кресты».

Недолго пришлось рязанской пастве быть под окормлением чудесно дарованного им святителя. В 1288 году, во время одного из опустошительных набегов татар, Рязань и все ее храмы были разрушены. Святитель Василий под покровом Муромской иконы Божией Матери приплыл на своей мантии по Оке и ее притоку Трубежу к церкви святых Бориса и Глеба в Переяславле Рязанском (нынешняя Рязань, в отличие от Старой Рязани). Там он основал новую епископию, и церковь святых страстотерпцев Бориса и Глеба с того времени стала соборной. 3 июля 1295 года (по рукописным святцам, в 1292 г.) святитель Василий отошел ко Господу. Святое тело его было погребено в Борисоглебском соборе (при перестройках собора могила оказалась снаружи храма).

Житие святителя Василия, епископа Рязанского, помещено в Прологе под 21 мая вместе с житием Муромских чудотворцев благоверных князей Константина и чад его Михаила и Феодора, а также под 21 апреля – в день празднования чудотворной Муромской иконы Божией Матери.

Сказание, или Повесть, о святителе Василии в составе Жития князя Константина и чад его Михаила и Феодора известно в трех редакциях: пространной, средней и сокращенной. Известны и самостоятельные списки Сказания, или Повести, о святителе Василии, восходящие к XVI веку.

Автором Повести считают Ермолая Прегрешного (в иночестве Еразма) – протопопа московской церкви Спаса-на-Бору, который собрал сведения о святителе Василии в Муроме в том виде, как хранила их память народная. Известно, что автор повести был близок к кругу митрополита Московского Макария († 1563; память 31 декабря/13 января) – собирателя житий русских святых. Повесть о святителе Василии предназначалась для царя Иоанна Грозного.

В начале XVII века Промыслу Божию угодно было еще более прославить святителя Василия. 10 июня 1609 года, при архиепископе Рязанском и Муромском Феодорите (1605–1617), состоялось открытие и перенесение его святых мощей в Успенский (впоследствии Рождественский) собор в кремле Переяславля Рязанского, который со времени епископа Рязанского и Муромского Ионы II (1522–1547) был кафедральным. Мощи святителя Василия были положены под спудом на левом клиросе, рядом с иконостасом. Тогда же были составлены тропарь и кондак святителю.

С того времени имя святителя Василия «поминается во всех церквах Рязанской епархии». К нему прибегают как к «присному заступнику своему, в скорби и напасти помощнику».

При архиепископе Моисее (1638–1651), в 1638 году, над мощами святителя Василия была устроена каменная гробница, а над ней помещен образ Муромской Пресвятой Богородицы «Моление Василия». Известно, что в это время в рязанских храмах совершались молебны святителю Василию. 10 июня 1645 года впервые торжественно праздновалось перенесение мощей святителя Василия. Особенно усердным почитателем Рязанского первосвятителя был сподвижник патриарха Никона архиепископ Рязанский и Муромский Мисаил (1651–1655).

В 1722–1723 гг., при императоре Петре I, состоялось свидетельство святости святителя Василия. После этого

святитель Василий был изображен на иконе вместе с другими русскими святыми.

Митрополит Новгородский Димитрий (Сеченов) в бытность епископом Рязанским и Муромским (1752–1757) составил службу святителю Василию, «взяв во внимание прежде написанный тропарь, кондак и канон». При нем же над мощами святителя Василия была сделана новая гробница с иконой святителя. В 1782 году гробница над мощами святителя Василия была великолепно украшена архиепископом Рязанским и Зарайским Симоном (Лаговым; 1778–1804).

В 1810 году, при архиепископе Рязанском и Зарайском Феофилакте (Русанове; † 19 июля 1821 г.) последовал указ Святейшего Синода о праздновании святителю Василию в неделю Всех святых.

В 1871 году архиепископ Рязанский и Зарайский Алексий (Ржаницын; 1867–1876) первый раз отслужил Божественную литургию в Борисоглебской церкви в день памяти святителя Василия, 3 июля, положив начало этому празднику. В 1881 году, при архиепископе Палладии (Раеве; 1876–1882), указом Святейшего Синода утверждены дни празднования памяти святителя Василия: 3/16 июля – день блаженной кончины и 10/23 июня – день перенесения его святых мощей.

В настоящее время святитель Василий особенно почитается на Рязанской земле. В каждом храме Рязанской епархии имеется его икона, а в большинстве храмов, кроме того, настенное изображение святителя, плывущего по воде на мантии с Муромской иконой Богоматери в руках. В кафедральном соборе Рязани каждую среду вечером ему совершается акафистное пение.

Василий, архиепископ Новгородский

Святитель Василий, архиепископ Новгородский, по прозванию Калика, был священником в Новгороде и за добродетельную жизнь был избран на Новгородскую кафедру. Святой Василий рукоположен в архиепископа Новгородского святым митрополитом Феогностом († 1353; память 14/27 марта) во Владимире Волынском в 1331 году. Он возглавлял Новгородскую кафедру в тяжелое время княжеских усобиц и внутренних раздоров в самом городе. Неоднократно он виделся с великим князем московским Иваном Калитой, склоняя его к миру с Новгородом. В 1344 году, когда в Новгороде собрались для выбора посадника одновременно два враждовавших между собой веча, святитель примирил обе стороны. После двух опустошительных пожаров, бывших в Новгороде, святитель Василий проявил архипастырскую заботу о пострадавшем городе: на средства своей кафедры он помог восстановить сгоревшие здания, построил новый мост через Волхов, украсил храмы иконами. В Борисоглебском храме Новгорода хранилась написанная им икона святых благоверных князей Бориса и Глеба. Самоотверженная архипастырская деятельность святителя Василия была отмечена современником-летописцем так: «Дай ему, Господи, жить много лет на сем свете и на том поставь его одесную Себя – он много потрудился для Церкви Твоей».

Особенно ярко проявилась любовь святителя к пастве, когда по просьбе псковичей он без боязни прибыл в их город во время эпидемии моровой язвы. Святитель Василий совершил Божественную службу в трех церквах, обошел с крестным ходом город, ободрил и утешил упавших духом жителей, но сам на обратном пути в Новгород заболел и скончался 3 июля 1352 года, положив, как добрый пастырь, душу свою за овец (Ин. 10, 11).

Из его сохранившихся творений известно «Послание о земном рае», написанное в 1347 году и обращенное к епископу Тверскому Феодору Доброму. С именем святого архиепископа

Василия связано церковное сказание о белом клобуке, присланном владыке в дар от патриарха Константинопольского. По преданию, этот клобук был возложен святым равноапостольным Константином († 337; память 21 мая/3 июня) на святого Сильвестра, папу Римского († 335; сведения о нем помещены под 2/15 января). Белый клобук святого Василия был для Русской Церкви символом преемственного перехода духовного средоточия Православия из Рима Древнего через Новый Рим, Царьград – в Третий Рим, Москву.

Анатолий и другой Анатолий, затворники Печерские

Преподобные Анатолий и другой Анатолий, затворники Печерские, подвизались в Киево-Печерской лавре. Преподобный Анатолий скончался в XII веке и был погребен в Ближних пещерах. Другой святой Анатолий, затворник, жил и скончался в XIII веке и погребен в Феодосиевых (Дальних) пещерах.

Память преподобного Анатолия (Ближние пещеры) совершалась также 31 октября, вместе с памятью преподобных Никодима и Спиридона, просфорников Печерских. В службе преподобным отцам (28 сентября), погребенным в Ближних пещерах, говорится: «Спиридон, незлобия крин, и Никодим победотезоименитый, оба просфорника святии... Причисляется к сим и Анатолий, ихже вси величают».

Никодим Кожеезерский (Хозьюгский)

Преподобный Никодим Кожеезерский (Хозьюгский), в миру Никита, родился в селе Ивановка Ростовского уезда в крестьянской семье. Еще в молодости, работая с отцом в поле, он слышал слова: «Никодим! Никодим!» – предвещавшие ему будущее иночество.

После смерти родителей он выучился кузнечному мастерству в Ярославле и пришел в Москву. Никита вел самую скромную жизнь, довольствовался малым, отдавая избыток своего заработка нищим. В свободное время он усердно посещал храмы и иноческие обители.

Приятель, с которым работал Никита, имел злую жену. Она задумала отравить мужа и насыпала в пищу яд. Муж ее умер, а Никита, обедавший с ним, получил тяжелое заболевание желудка и долго страдал от этой болезни. Однажды ему явился блаженный Василий и дал выпить из сосуда. С тех пор болезнь оставила Никиту.

Как-то, проходя Кулишки, Никита остановился у хижины юродивого Илии, который, увидев его, закричал: «Хозьюгский пустынник пришел!» Эти слова сильно поразили Никиту, и он принял их как призвание к монашеской жизни. Продав имущество, он пришел к архимандриту Чудова монастыря Пафнутию и попросил принять его в число братии.

В монастыре он принял постриг с именем Никодим. Одиннадцать лет преподобный был примером для братии монастыря в смирении, послушании, нестяжании и братолюбии. В 1602 году архимандрит Пафнутий был поставлен митрополитом Сарским и взял с собой преподобного Никодима. Но угодник Божий искал жизни уединенной и подвижнической. Через год преподобный Никодим по благословению архипастыря отправился на север и поступил сначала в общежительную Кожеезерскую обитель, в которой прожил полтора года.

Желание безмолвия привело его на речку Хозьюгу, в пяти верстах от Кожеезерского монастыря. Там он поставил себе в

лесной чаще небольшую келлию и прожил в ней уединенно 35 лет, подражая преподобному Павлу Фивейскому. В полной тишине, вдали от мира совершал святой строгое молитвенное правило о мире. Он делился с братией обители рыбой, которую любил ловить на удочку. Дикие олени безбоязненно ходили и кормились около пустытника. Ночь преподобный Никодим проводил в молитве и только изредка позволял себе дремать сидя. Пламенная молитва и упование на помощь Божию не раз спасали преподобного от бед. Так, однажды загорелась его келлия, но он не оставил ее. Взяв икону Божией Матери, святой стал молиться Богу; неожиданно пошел дождь, и огонь угас. В другой раз святой Никодим избавился молитвой от наводнения. Когда построенная преподобным келлия пришла в такую ветхость, что грозила рухнуть, иноки Кожеезерской обители поставили старцу новую келлию. Рядом с ней преподобный Никодим своими руками выкопал могилу и часто спускался в нее для молитвы. Однажды он молился в могиле всю святую Четыредесятницу. Суровыми подвигами он достиг высоких духовных дарований, стяжая дар слез и непрерывной молитвы. Бог наградил его благодатной прозорливостью и силой исцеления болезней.

Однажды святому Никодиму явились два светоносных мужа: святитель Алексей, митрополит Московский, и преподобный Дионисий, архимандрит Свято-Троицкого Сергиева монастыря. Они возвестили преподобному о времени его отшествия ко Господу, которое и совершилось через 40 дней 3 июля 1640 года. Мощи преподобного Никодима покоились под спудом в Богоявленском храме Кожеезерской обители. Житие святого написал его ученик иеромонах Иаков. У гроба преподобного Никодима и в пустыне, на месте келлии святого, где позднее был водружен крест, больные получали исцеление. Иноческая мантия и посох святого получили целебную силу. Преподобный Никодим многим являлся в сонных явлениях, особенно заблудившимся путникам и мореплавателям, направляя их на верный путь и спасая от смерти.

Июль 4

Андрей Боголюбский, благоверный князь

Святой благоверный князь Андрей Боголюбский (1110–1174), внук великого князя Владимира Мономаха, сын князя Юрия Долгорукого и половецкой княжны (во святом крещении Марии), родился в 1110 году и 35 лет жизни провел в Ростово-Суздальской земле, которую получил в удел его отец. Но в молодые годы жил в Киеве, где его отец был великим князем. От деда Владимира Мономаха внук унаследовал великую духовную сосредоточенность, любовь к слову Божию и привычку обращаться к Писанию во всех случаях жизни. «От юнаго бо возраста, от младых ногтей, от мирских суемудрий отврати себе, – говорит описатель его жития. – Гласы Божественными всегда огласоваше ушеса своя, святых книг поучений сладце послушающи, отнюдуже притяжа себе зачало премудрости – страх Божий и премудрость разума от Писаний святых». Любил князь церковное пение и церковные службы, хорошо знал устав церковный и прекрасно помнил память какого святого и в какой день совершается. Любил он тайные ночные молитвы и часто ночью, тайком от всех, ходил в храм, зажигал свечи и молился.

Вместе с глубоким благочестием святой князь Андрей совмещал ратные подвиги. Храбрый и искусный воин, Андрей отличавшийся особой находчивостью и сноровкой, «мужество и ум в нем жили, правда и истина в нем ходили, вторым мудрым Соломоном был он», – писал летописец. Участник многих походов своего воинственного отца, князь Андрей не раз в сражениях был близок к смерти. Под Луцком (1150 г.) он гнал неприятелей и был окружен ими на мосту – был спасен от копья немецкого наемника молитвами к великомученику Феодору Стратилату, чья память совершалась в тот день (8/21 февраля). Бросясь на другую сторону реки, он гнал стрелков неприятельских к городу, но был оставлен своими; один из его дружины, схватив за узду коня Андреева, держал его и тем спас от плена, если не от смерти. В 1152 году в жаркой битве при р. Руте князь Андрей сильным ударом изломал свое копье, шлем

слетел с головы его и щит упал на землю, но и на этот раз Промысл Божий незримо спас князя-молитвенника.

Умелый воин, юный князь вместе с тем «не величав был на ратный чин». Летописцы особо отмечают миротворческий дар святого Андрея, редкий в князьях и полководцах того сурового времени. Сочетание воинской доблести с миролюбием и милосердием, великого смирения с неукротимой ревностью о церкви было в высшей степени присуще князю Андрею. Он любил нищих и убогих и давал милостыню, говоря: «Се есть Христос, пришедый искусить меня».

Князь Андрей, рожденный и воспитанный на севере, любил свою родину – Суздальскую землю – и умело управлял ею, насаждая чистоту нравов и благочестие. Вместе с отцом своим князем Юрием Долгоруким строил в 1147 г. Москву, в 1152 г. – Юрьев Польский, город во Владимирской земле, в 1154 г. – Дмитров и украшал храмами Ростов, Суздаль, Владимир.

В это время на северо-восточные окраины Киевского государства, где было расположено княжество святого Андрея, широким потоком двинулись большие массы переселенцев из южных пределов Руси. Это были люди, измученные постоянными междоусобицами удельных князей, татарскими набегами, страдавшие от разгула и бесчинств своевольных княжеских дружин. Они ревновали о чистоте Православия и искали правды и благочестивой жизни в свете Христова Евангелия. С великой любовью встречал святой князь поселенцев и, как добрый хозяин, всячески помогал им устраиваться на новом месте: расчищались леса, засеивалась хлебом девственные земли; люди стали заниматься земледелием, пчеловодством, рыболовством, охотой. Огромные реки Волга и Ока с притоками открывали водные пути. Устраивались дороги, мосты, развивались ремесла, процветала торговля. Возникали города Тверь, Галич, Псков, Стародуб, Звенигород.

Когда в 1154 году Юрий Долгорукий стал великим князем киевским, он дал сыну в удел Вышгород под Киевом, чтобы в его храбрости иметь близкую себе опору. Но не по душе было благочестивому Андрею на юге Руси. С глубокой скорбью

воспринимал он междоусобные распри князей, бесчинства их дружин, незащищенность населения и стремился в Суздальские земли, где в противовес шумному, беспокойному югу были тишина, покой и благочестие. И в сердце его все более и более возгоралась мужественная и решительная мысль – основать единую сильную княжескую державу на севере Руси с единой православной верой. «Нечего нам здесь, батюшка, делать, – говорил он отцу, – уйдем-ка отсюда затепло».

А незадолго до этого Константинопольский патриарх Лука Хризверг по внушению Пресвятой Богородицы послал в Киев князю Юрию Долгорукому великую святыню – чудотворную икону Божией Матери, написанную еще евангелистом Лукой. Около 1130–1131 гг. вместе с иконой Божией Матери «Пирогоща» обе святыни были перенесены на Русь. Здесь им оказали достойную встречу: для иконы Богоматери «Пирогоща» построили церковь, а икону, впоследствии названную Владимирской, поместили в родовом имении св. равноапостольной Ольги в Вышгороде в бывшем там женском монастыре. Это было знаком особой милости Божией и великого благословения для Российской земли.

«Видя чудес множество» от принесенной в Вышгород святой иконы Божией Матери, благоверный князь Андрей «возгорется духом и умоляше Пречистую Богородицу, да скажет святую волю Свою» и да благословит его. Со слезами и любовью раскрывал он свое сердце в горячей молитве перед чудотворной иконой Преподобной Владычицы: «О, Пречистая Госпоже, Дево Богородице, Мати Христа Бога нашего! Аще хочеши, можеши мне Помощница быти в Ростовской земле, идеже тщимся шествовати, и тамо посети нас, Владычице!» – так часто и умиленно взывал князь.

И Мать Бога нашего услышала немолчный вопль Своего избранника и благословила его благое начинание. Пресвятая Богородица, «от иконы Своей милости нам источающая», видимым знаменiem указала волю Свою. В Вышгороде икона иногда возвышалась, поднималась, стояла на воздухе, иногда в храме «ношашеся сию и сию», обнаруживая стремление Божией Матери покинуть это место. Тогда благоверный князь

Андрей, «улучив желаемое» и взяв святую икону, как великое сокровище и благословение Божией Матери, «идяше в путь свой, радуясь и поя Богу» (акафист). Тайно от всех молодой князь со священником Микулицею (Николаем), диаконом Нестором и их семействами весной 1155 года выехал из Киева. Благочестивое предание, записанное позднейшими летописцами, сообщает, что благодать Божия была с ним. Едва путники вступили в пределы Ростово-Суздальского княжества, как от иконы Божией Матери начали совершаться чудеса, впоследствии записанные духовником князя Андрея «попом Микулицей» в «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божией Матери».

В пределах Москвы, тогда еще совсем юного города, по молитве князя пред иконой был чудесно спасен от утопления в реке Яузе один из его слуг; затем на Рогожских полях конь сбил жену священника Микулицы и затоптал ее ногами, но по молитве пред иконой пострадавшая осталась невредимой. Особая же благодать Матери Божией открылась неподалеку от Владимира, верстах в десяти вниз по течению реки Клязьмы. Святой князь Андрей намеревался поставить икону в Ростове, но по действию силы Божией обоз остановился. Лошади никак не шли дальше. Тогда лошадей переменили, но и новые не могли подвинуться с места. Благоверный князь Андрей счел это за тайное извещение Божие, «и zde благу волю Твою, Владычице, позна». Отслужили молебен перед чудотворной иконой. Князь и все присутствующие на коленях молились со слезами. И когда настала ночь, было чудное видение. Пресвятая Дева явилась с хартией и сказала благоверному князю Андрею: «Не хочу, чтобы ты нес образ Мой в Ростов. Поставь его во Владимире, а на сем месте воздвигни церковь каменную во имя Рождества Моего и устрой обитель инокам».

Благочестивый князь немедленно заложил храм и, призвав искусных иконописцев, велел написать им икону Богородицы в том молитвенном виде, в каком Она явилась ему. Боголюбивая икона была написана греческим письмом. На ней Богородица изображена во весь рост, со свитком в правой руке, левая обращена в молитве ко Спасителю, сам же князь изображен на

ней в молитвенном предстоянии. Икона прославилась многими чудесами. Она стала называться Боголюбивой, а обитель и город – Боголюбово, сам князь – Боголюбским. В благодарность Пресвятой Богородице в 1155 году благоверный князь повелел украсить святую икону драгоценным окладом, а в память чудесного явления Ее в 1157 году установил ежегодное празднование в честь иконы 18 июля.

Город Боголюбово и его окрестности по местоположению на высоком берегу Клязьмы, а также расстоянию от Владимира (одиннадцать верст) во всем напоминал Вышгород, находившийся на высоком берегу Днепра и на таком же расстоянии от Киева, как и Боголюбово от Владимира.

15 мая 1157 года великий князь киевский Юрий Долгорукий умер и святой благоверный князь Андрей был избран и утвержден на Ростово-Суздальский княжеский стол, «зане бе любим всеми за премногую его добродетель, иже имяше прежде к Богу и ко всем сущим под Ним».

Деятельность святого Андрея Боголюбского, как самостоятельного князя Ростово-Суздальской земли, весьма важна в историческом отношении: здесь он является начинателем нового государственного порядка, стоит у истоков русского централизованного государства.

Но избранник старших городов Ростова и Суздаля святой Андрей не жил ни в том, ни в другом, потому что здесь княжеская власть ослаблялась значением веча и бояр. И стольным городом по внушению Пречистой Богородицы он избрал пригород – Владимир на Клязьме. Князь Андрей желал не только возвысить Владимир над старыми городами своего княжества, но и создать из него второй Киев. Были насыпаны валы, расширен город и устроены стены, и новая столица засияла богатством и благолепием. С западной стороны были построены по примеру Киева и Константинополя Золотые ворота, с восточной – Серебряные, с северной – Медные, с южной – Волжские.

И в 1153 году в похвалу и честь Пресвятого имени Богородицы был заложен во Владимире Успенский собор по образу чудесного Киевского храма. Благоверный князь решил

построить такой храм, «каких никогда не было на Руси и никогда не будет», чтобы все были поражены этим величественным селением славы Бога христианского и Его Пречистой Матери. Камень для стен храма привозили водным путем из Волжской Болгарии и выгружали на берегу реки Нерли, при впадении ее в реку Клязьму, при этом десятую часть камня оставляли для построения впоследствии знаменитого Покровского храма. Со всех земель Руси «приводе Бог мастера», чтобы построить «свят храм Свой и дивен в правде». И через два года великолепно украшенный храм был сооружен и освящен.

Успенский собор горел и блистал золотом. Верха – в золоте, двери церковные – в золоте, паникадила – золотые, серебро, жемчуг; он представлял из себя «светлость некую зрети». Он был живой проповедью о величии и славе Истинного в Троице славимого Бога. В этом великолепном храме благоверный князь Андрей поставил и главную святыню свою, ставшую отныне святыней всей Северной Руси, – чудотворную икону Божией Матери, и стала она называться Владимирской. А на месте встречи при перенесении иконы из Боголюбова на берегу реки была построена церковь во имя Сретения иконы Пресвятой Богородицы Владимирской.

В день поставления иконы Богоматери в соборе князь Андрей объявил себя единодержавным великим князем всея земли Русской, город Владимир провозгласил престольным городом, а Успенский собор стал главным храмом во всей Русской земле. На содержание храма святой Андрей дал от стад и торговых пошлин, одарил селами.

Так, «имеяше в себе благодатное сокровище икону Твою Владимирскую, преуспеваше от силы в силу отечество наше». Владимирская икона Божией Матери стала великой национальной святыней на Руси, а святой Андрей Боголюбский явился основателем нового государства.

И Мать Божия внушила благочестивому князю строить монастыри, храмы и города как основу крепости, мощи, единства Руси. Началось просвещение Северной Руси. Там, где раньше полудикие племена занимались охотой и рыболовством да поклонялись бездушным истуканам, воссиял свет Христов,

благовестие о Христе Иисусе разрушило тьму языческого нечестия. Появилось иконописание, открывались школы, при этом сохранялись древние благочестивые традиции Византии, Киевской Руси и устои православного бытия.

Тридцать храмов было создано святым князем Андреем. Только за шесть первых лет своего княжения он построил восемь каменных храмов: Рождества Богородицы в Боголюбове (1159 г.), Владимирский Успенский собор (1158–1160 гг.), Успения Богородицы в Ростове (1162 г.), Положения ризы Богоматери на Золотых воротах во Владимире (1164 г.), церковь Спаса во Владимире (1164 г.), Покрова Богородицы при устье Нерли, близ Боголюбова (1165 г.), святого мученика Леонтия в Боголюбове, святого Андрея Стратилата в Боголюбове.

О себе он писал: «Я Белую Русь городами и селами застроил и многолюдною соделал». Он укрепил и объединил Русскую землю, основал новый духовный центр. Распространяя христианство, он крестил многих болгар-язычников. Он, по сказанию летописца, имел обыкновение водить в свои храмы всех язычников, своих и приезжавших, а чаще всего купцов из разных стран «от латынян и от всей погани» и показывать им «истинное христианство». «Язычники, болгаре, жидове и вся погань» поражались величию и красотой церковного благолепия, где поистине небо соединяется с землей, благодать Божия касалась их сердец, и многие принимали святое крещение. Таковы были последствия впечатлений от созданных св. Андреем Боголюбским величественных храмов.

По благодатному заступлению и помощи Славной Владычицы Богородицы и заботами святого князя распространялась и крепла православная вера – великая сила Христова, и разрозненное язычество в этих святых краях объединилось пламенем общей молитвы в единую великорусскую народность – Православную Русь. «Посещая великолепные христианские храмы, Северная Русь под покровом единой религии начала чувствовать свое единство, и создавшаяся народность великорусская здесь, в этих храмах, приобрела твердое и непоколебимое убеждение, что без Православия не может быть и Руси» (В. Георгиевский).

В 1160 году совершилось событие, которое оказало важное влияние на развитие и укрепление христианства в Ростово-Суздальской земле, – это обретение мощей свв. Леонтия и Исаии, просветителей Ростовских. Благоверный князь Андрей Боголюбский устроил для святых мощей великолепные гробницы. Это нетление святых останков и чудеса, совершавшиеся при мощах первых просветителей Ростовских, были убедительным знаменем для язычников величия христианской веры.

Благоверный князь Андрей не расставался с Владимирской иконой Божией Матери, особенно во время походов на врагов. Так, в 1164 году он совершил доблестный поход на Волжскую Болгарию, расположенную на Великом Волжском пути и представлявшую серьезную опасность для Русского государства. Святой Андрей брал с собой в этот поход Владимирскую икону Божией Матери и двухстороннюю икону, на которой были изображены Спас Нерукотворенный на одной стороне и «Поклонение Кресту» – на другой. (В настоящее время обе иконы в Государственной Третьяковской галерее.) Князь и все войско причастились Святых Христовых Таин и со слезами молились пред иконой Божией Матери, прося Ее помощи. И великое чудо было явлено от святых икон в день решающей победы над болгарами 1 августа 1164 года. После разгрома болгарского войска братья (Андрей, его брат Ярослав, сын Изяслав и др.) вернулись к «пешцам» (пехоте), стоявшим под княжескими стягами у Владимирской иконы, и поклонились иконе, «хвалы и песни воздающе ей». И тогда все увидели, что от икон Спасителя, Богоматери и Креста исходили огненные лучи, свет, озаривший всю местность, и благоухание. И благоверный князь, чтобы увековечить эту всесильную помощь в памяти народной, с благословения Константинопольского патриарха учредил ежегодное празднество 1 августа в память этого события, которое ознаменовало явный покров Божией Матери над Россией. Одновременно в 1164 году византийскому императору Мануилу († 1180) было явлено знамение от иконы Спасителя во время его победного сражения с сарацинами. Изумленные одновременностью чудесных знамений полководцы

установили по почину благоверного князя Андрея празднование 1 августа – Всемилоstitивому Спасу и Пресвятой Богородице.

А 1 октября был установлен праздник Покрова Божией Матери над Русью. Покров есть праздник национального торжества, великой радости принятия Богородицей под Свой омофор Святой Руси. И хотя он был основан на событии, имевшем место в Византии, такого праздника нет ни на латинском Западе, ни на греческом Востоке, и устанавливался он как знак именно русского Православия для прославления Заступницы нового Ее удела – Руси Залесской. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы близок для нас особым выражением надежды на скорое заступничество и милосердие Божией Матери.

Святым Андреем был построен первый храм, посвященный новому празднику, – знаменитый Покров на Нерли. Он воздвигнул его в 1165 году как приношение похвалы Богу за победу над врагами и прославление Богоматери, приявшей под Свой покров Русь Православную. Храм был построен в устье реки Нерли, при впадении ее в реку Клязьму. По воле князя из привозимого белого камня для строительства Успенского собора во Владимире откладывалась десятая часть для Покровской церкви. Здесь зодчие и мастера сделали булыжное основание искусственного холма, поверхность его облицевали белокаменными плитами. Варвары Батыя не тронули храма, и ежегодно разлив двух рек в течение семи веков не подмывал его основания. Были некоторые попытки разорить, разрушить этот храм – шедевр мировой архитектуры, но сила Божия сохранила его.

Оставаясь во всем верным сыном Православной Церкви, блюстителем веры и канонов, святой Андрей обратился в Царьград к патриарху с сыновней просьбой об учреждении особой митрополии для Северо-восточной Руси. С соответствующей княжеской грамотой в Византию отправился избранный князем кандидат в митрополиты – Суздальский архимандрит Феодор. Патриарх Лука Хризверг согласился посвятить Феодора, но не в митрополиты, а лишь во епископа Владимирского. В то же время, стремясь сохранить

расположение князя Андрея, наиболее могущественного среди владетелей Русской земли, он почтил епископа Феодора правом ношения белого клобука, что было в Древней Руси отличительным признаком церковной автономии – известно, как дорожили своим белым клобуком архиепископы Великого Новгорода. Очевидно, поэтому русские летописи сохранили за епископом Феодором прозвище «Белый клобук», а позднейшие историки называют его иногда «автокефальным епископом».

В 1167 году умер в Киеве святой Ростислав, двоюродный брат Андрея, умевший вносить умиротворение в сложную политическую и церковную жизнь того времени, а из Царьграда был прислан новый митрополит Константин II. Новый митрополит потребовал, чтобы епископ Феодор явился к нему для утверждения. Святой Андрей вновь обратился в Царьград за подтверждением самостоятельности Владимирской епархии и с просьбой об отдельной митрополии. Сохранилась ответная грамота патриарха Луки Хризверга, содержащая категорический отказ в устройении митрополии, требование принять изгнанного епископа Леона и подчиниться Киевскому митрополиту.

Исполняя долг церковного послушания, святой Андрей убедил епископа Феодора с покаянием поехать в Киев для восстановления канонических отношений с митрополитом. Покаяние епископа не было принято. Без соборного разбирательства митрополит Константин, в соответствии с византийскими нравами, осудил его на страшную казнь: Феодору отрезали язык, отрубили правую руку, выкололи глаза. После этого он был утоплен слугами митрополита (по другим сведениям, вскоре умер в темнице).

Не только церковные, но и политические дела Южной Руси потребовали к этому времени решительного вмешательства великого князя владимирского. Князь Андрей желал дать первенство Ростово-Суздальской области над всеми русскими землями; первенство же думал основать на подчинении своей власти Новгорода и Киева. Политика по отношению к Новгороду привела его к столкновению с князьями Южной Руси. 8 марта 1169 года войска союзных князей во главе с сыном Андрея

Мстиславом овладели Киевом. Русские летописи рассматривали это событие как заслуженное возмездие: «Се же здеся за грехи их (киевлян), паче же за митрополичью неправду». Сам князь Андрей оставался во Владимире и в походе не участвовал. Захваченный город он отдал на княжение младшему брату своему Глебу. Это пренебрежение к Киеву было событием первостепенной важности, событием поворотным в русской истории, показавшем, что центр русской государственной жизни переместился на север, в область верхней Волги. Древняя столица потеряла свое бывшее значение, и вместо Киева теперь стала Владимирская Северная Русь, где была сильная единодержавная княжеская власть.

В том же 1169 году князь двинул войска на непокорный Новгород, но они были отброшены чудом Новгородской иконой Божией Матери Знамения (празднуется 27 ноября/10 декабря), которую вынес на городскую стену святой архиепископ Иоанн († 1186; память 7/20 сентября). Но когда вразумленный великий князь преложил гнев на милость и миром привлек к себе новгородцев, благоволение Божие вернулось к нему: Новгород принял князя, назначенного святым князем Андреем.

Святой Андрей в Древней Руси был первый труженик созидания Северной Руси, ее усиления и возвышения. И к концу 1170 года он сосредоточил в своих руках власть над всей Южной и Северной Русью и Новгородом.

Однако по Божью попущению трагедия нависла над княжеским родом Боголюбских. Еще в 1165 году, оплакивая смерть сына своего Изяслава, князь Андрей построил для молитвы за усопшего монастырь Покровский – это в версте от Боголюбова, при впадении реки Нерли в Клязьму. Зимой 1172 года войска князя под командованием сына его Мстислава вновь разгромили Волжскую Болгарию, однако радость победы была омрачена смертью доблестного Мстислава. В 1174 году умер загадочной смертью любимый младший сын великого князя – святой Глеб (память 20 июня/3 июля). Вскоре гроза нависла и над святым князем Андреем.

После смерти сыновей великий князь жил в Боголюбове. Несмотря на христианские добродетели князя, на чрезвычайную

доброту его и благочестие, были у него тайные завистники и враги из числа его приближенных. Но не обращал на них внимания благочестивый князь, продолжая в уединении Боголюбова подвижнический образ своей жизни. Часто проводил он ночи на молитве, взирая на лик Господа и Его святых с сокрушенным сердцем и слезами покаяния. Слышал он о тайных кознях, враждебно против него устрояемых, но думал сам себе: «Если и Господа моего распяли спасаемые Им люди, то и полагающий душу за друзей своих есть верный ученик Его».

Вам дано о Христе не только веровать в Него, но и страдать за Него (Флп. 1, 29), – писал апостол некоторым из своих учеников. Тот же дар дан и блаженному князю Андрею. За живую, пламенную любовь свою к Господу он удостоен страдальческой кончины. В ночь на 30 июня 1174 года святой князь Андрей Боголюбский принял мученическую кончину от руки изменников в своем Боголюбском замке. Тверская летопись сообщает, что святой Андрей был убит по наущению его жены, участвовавшей в заговоре. Во главе заговора стояли ее братья, бояре Кучковичи, а также облагодетельствованные святым Андреем ключник Ясин (кабардинец), Анбал и крещеный еврей Ефрем Моизич, которые, будучи готовы за деньги продать все, «совещаша убийство на ночь, якоже Иуда на Господа». И присоединили они к себе еще до 16-ти человек: одни из заговорщиков пылали злобой за то, что справедливый князь не позволял им, вопреки их надеждам, весело жить за счет других; другие рвались от зависти и негодовали на князя за то, что он верного и лучшего слугу своего Прокопия отличал особенной любовью. Все они были осыпаны милостями князя, и Анбал был полным распорядителем в домашнем хозяйстве князя, но страсть, то же, что ад, не скажет: довольно. В глубокую ночь вооруженные заговорщики пришли ко дворцу в Боголюбово, перебили малочисленную охрану и вломились в сени. Но, когда стали подходить к опочивальне князя, ужас напал на них – они бросились бежать из сеней, в погребе княжеском напились вина и опьяневшие пошли опять. Убийцы стали ломать и выломали двери. Князь Андрей вскочил, хотел схватить меч, который был

всегда при нем (он принадлежал св. князю Борису), но меча не было, – ключник Анбал украл его днем. Князь успел повергнуть на пол первого из нападавших, которого сообщники тут же по ошибке пронзили мечами. Но вскоре они поняли свою ошибку, «и посем познаша князя, и боряхуся с ним вельми, бяше бо силен, и секоша и мечами и саблями, и копийные язвы даша ему». Копьем был пробит сбоку лоб святого князя, все остальные удары трусливые убийцы наносили сзади. «Нечестивцы! – кричал он им. – Какое зло сделал я вам? Господь отмстит вам за кровь мою и за неблагодарность к милостям моим». Когда князь наконец упал, они опрометью бросились вон из опочивальни, захватив убитого сообщника. Но святой еще был жив. Он поднялся на ноги и в беспамятстве, стеная громко, вышел в сени, последним усилием спустился по дворцовой лестнице, надеясь позвать стражу. Но стенания его были услышаны убийцами, они повернули обратно. Князь сумел укрыться в нише под лестницей и разминуться с ними. Заговорщики вбежали в опочивальню и не нашли там князя. «Погибель нам предстоит, ибо князь жив», – в ужасе вскричали убийцы. Но кругом было тихо, никто не пришел на помощь святому страдальцу. Тогда злодеи вновь осмелели, зажгли свечи и по кровавому следу пошли искать свою жертву. Молитва была на устах святого Андрея, когда его вновь обступили убийцы. Боярин Иоаким Кучкович отрубил ему руку, другие вонзили в грудь мечи. «Господи, в руке Твои предаю дух мой», – успел сказать святой князь-мученик и скончался. Это было ночью с 29 на 30 июня 1174 года. Утром следующего дня убийцы ограбили во дворце князем серебро, золото, дорогие камни, жемчуг, ткани и отправили ограбленное по домам. Затем сами и через своих взволновали народ против верных чиновников князя, начались грабежи и убийства такие, что страшно было смотреть, говорит очевидец.

Святое тело благоверного князя, брошенное в огороде, валялось без призора. Тогда верный слуга киевлянин Косьма, отыскав его, стоял и горько плакал над ним. Увидев Анбала, идущего во дворец, Косьма вскричал ему: «Дай ковер или что-нибудь покрыть князя». «Оставь его, – сказал со злобой Анбал,

– мы кинули его на съедение псам». «Изверг! – воскликнул добродушный слуга. – Помнишь ли, в каком рубище пришел ты к князю? Теперь ты в бархате, а князь, благодетель твой, лежит нагой». Анбал дал ковер и епанчу, Косьма прикрыл тем тело усопшего и положил в притворе церкви, где оно оставалось два дня и две ночи. На третий день, когда еще мятеж не кончился, косьмодемьянский игумен Арсений отдал возможную почесть убиенному благотворителю-князю. «Долго ли нам ждать распоряжения старших? – сказал он. – Неприлично так лежать князю. Отоприте церковь и совершим должное. Мы вложим его в какой-либо гроб, доколе не престанет злоба сия, и тогда придут из Владимира и возьмут его для погребения». Собрались клирошане боголюбские, подняли тело и внесли в церковь и, отпев погребальное с игуменом Арсением, опустили в могилу, выложенную камнем. Между тем дурные люди, являясь из сел, продолжали грабежи в городе. Взволновалась чернь и во Владимире, но пресвитер Николай, принесший некогда вместе с князем икону Владычицы из Вышгорода, облекся в священные ризы и стал ходить с чудотворной иконой, уговаривая народ прекратить беспорядки своеволия, никогда не угодного Господу; наконец волнение страстей утихло. На шестой день, когда волнение улеглось, владимирцы послали за телом князя в Боголюбово. Увидав княжеский стяг, который несли перед гробом, народ заплакал, припомнив, что за убитым князем было много добрых дел. Торжественно с погребальными песнопениями и плачем духовенство и народ с плачем предали земле честное тело князя в златоверхом Успенском соборе, который сам он создал.

И заключает летописец трогательное сказание сими словами псаломскими: «Князь сей Андрей при жизни не дал телу своему покоя, ниже очам дремания, доколе не обрел дом истинный, прибежище всем христианом и Царицы Небесных Сил, многими различными путями приводящей ко спасению человеком. Кого любит Господь, того и наказует, говорит апостол, и красному солнцу определен восток его, и полдень, и закат; так и угодника Своего, князя Андрея, не привел к Себе обычным путем, хотя бы мог и иначе спасти его душу, но

мученической кровию омыв его прегрешения, вместе с единокровными и единоплеменными ему страстотерпцами Романом и Давидом ввел его в райское блаженство».

Русь Православная с благодарностью чтит память святого Андрея Боголюбского. Святой князь явился одним из самых светлых лиц отечественной истории, и не напрасно сравнивали его современники с кротким Давидом и мудрым Соломоном. Деятельность его, по неизреченному Промыслу Божию, явилась основой для становления Северо-восточной Руси. Андрей Боголюбский, став первым великорусским князем, своей деятельностью положил начало и показал образец своим потомкам; последним при благоприятных обстоятельствах предстояло совершить то, что намечено было их прародителем. Благоговело пред ним потомство, и Церковь причла его к лику небесных своих заступников, вместе с другими священными витязями родного ему Владимира.

Но только в позднейшее время, уже во дни Петра I, в 1702 году, когда перенесены были мощи витязя Невского (память 23 ноября/6 декабря) в новую столицу Руси, обретенные были к общему утешению в соборном Успенском храме нетленные мощи князя Андрея и юного сына его князя Глеба. Честные мощи св. блгв. князя Андрея были положены в приделе в честь Благовещения Пресвятой Богородицы (в 1768 году он был переименован в честь его имени). С тех пор еще более стали чтить память благоверных князей, осеняющих покровом своим древний град Владимир.

Перенесение митрополичьей кафедры из Киева во Владимир митрополитом Максимом в 1299 году, а затем митрополитом Петром в 1325 году в Москву было видимым знаком непрерывного попечения и покровительства Пресвятой Богородицы над Русской землей. В 1326 году в Москве, при Иоанне Калите, был построен Успенский собор, и стала возвышаться Москва. В скором времени она стала центром Северо-восточной Руси, которую основал святой Андрей Боголюбский.

Андрей Рублев, преподобный

Источники, сообщающие о святом Андрее Рублеве, очень немногочисленны. Это Житие преподобного Никона, краткой и пространной редакции; «Отвещание любозазорным» святого Иосифа Волоцкого; «Сказание о святых иконописцах» конца XVI – начала XVII вв.; летописные упоминания; запись о могиле святого Андрея начала XIX в.; упоминания в месяцесловах.

Сведения о святом Андрее в перечисленных источниках представляют собой в основном краткие вставки общего характера или отдельные упоминания. Самостоятельного жития святого нет, хотя признание его святости по этим источникам представляется вполне очевидным.

Важным дополнением к немногочисленным сведениям о святом Андрее являются его произведения – иконы и росписи. Согласно известному постановлению Седьмого Вселенского Собора, Православная Церковь почитает образ «наряду с крестом и Евангелием». Поэтому создание иконы является подвигом благочестия, предполагающим благодатную помощь свыше. Подвиг благочестия может перерасти в святость. Отсюда особый чин в православной иерархии святости – чин святых иконописцев, во главе со святым апостолом и евангелистом Лукою, написавшим, по преданию, образ Божией Матери. В Русской Церкви к лику святых иконописцев причислены святой Алипий Печерский, преподобный Дионисий Глушицкий. Величайшим русским иконописцем был и святой Андрей Рублев.

Его основные произведения: иконостас и росписи Благовещенского собора в Московском Кремле (1405 г.); росписи и иконостас Успенского собора во Владимире (1408 г.); икона Богоматерь Владимирская для Успенского собора в г. Владимире; росписи и иконостас Успенского собора в Звенигороде (кон. XIV – нач. XV вв.); Деисусный чин из собора Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре (начало XV в.); росписи и иконостас Троицкого собора в Троице-Сергиевом монастыре (20-е гг. XV в.); икона Святой Троицы из

того же собора; росписи Спасского собора Спасо-Андроникова монастыря в Москве (начало 20-х гг. XV в.). Большинство из них выполнено совместно с другими мастерами, однако на всех этих произведениях, созданных в духе христианского братского единства и подвижничества, лежит несомненная печать святости, которую мы в первую очередь связываем со святым Андреем, согласно тому, что нам известно о нем и его сподвижниках.

Самым знаменитым его произведением является икона Пресвятой Троицы, по единодушному признанию специалистов, созданная им самим. Нет никакого сомнения, что святым Андреем создано намного больше святых икон и росписей, чем выше перечислено, однако свидетельств о других его произведениях не сохранилось.

Исторические сведения о преподобном Андрее Рублеве крайне скудны. О происхождении его ничего неизвестно. Некоторый свет на этот вопрос может пролить наличие у него прозвища (Рублев), которое сохранилось за ним в монашестве. По-видимому, Рублев – это родовое прозвище, то есть фамилия. Оно имеет характерное для русских фамилий окончание. В XIV-XV вв., то есть в эпоху преподобного Андрея, а также значительно позже, фамилии носили только представители высших слоев общества, что заставляет предполагать его происхождение из образованных кругов.

Кроме того, источники отмечают его необыкновенную мудрость, о чем свидетельствует и его творчество.

Год рождения преподобного Андрея неизвестен. Предполагают, что он родился около 1360 года. Этот год является условной датой, официально принятой в современной исторической науке. Если считать, что он был еще сравнительно молодым человеком, когда имя его впервые упоминается в летописи, дата эта может быть отодвинута к 70–80-м гг. XIV в.; в летописной записи он упоминается на последнем (третьем) месте, и, следовательно, был младшим из мастеров. Обучение начинали с детства и профессионализма достигали рано. Исключительно высокое качество творений преподобного Андрея и глубокое проникновение в духовный смысл

изображения, что особенно для него характерно, заставляет выдвигать вопрос о том, где мог учиться преподобный Андрей живописному мастерству.

В настоящее время стало возможным считать, что святой Андрей мог в ранний период своей жизни учиться работать в Византии и Болгарии. В самом деле, многие русские посещали Балканские страны, Афон, Константинополь, Святую землю и нередко оставались там на более или менее продолжительное время. Так, Афанасий Высоцкий, ученик преподобного Сергия, и, несомненно, лично известный преподобному Андрею, провел в Константинополе почти целых 20 лет, трудясь вместе с группой других монахов над переводами и переписыванием творений отцов Церкви. В Константинополе имелись и иконы русских святых, в частности, была там икона святых Бориса и Глеба. Там также писали иконы специально по заказам Русской Церкви: так, уже упомянутый Афанасий Высоцкий в 1392 г. доставил на Русь знаменитый «Высоцкий чин» – ряд Деисусных икон, написанных специально для основанного им Серпуховского Высоцкого монастыря. Все специалисты согласны в том, что святой Андрей должен был знать эти иконы. Известно, что иконописцы иногда сопровождали послов, отправляемых в Царьград.

В наследии святого Андрея имеется изображение греческого морского судна (во фреске «Земля и море отдают мертвых». Владимирский Успенский собор. 1408 г.), мачты, реи, корпус корабля, флаг на корме – все написано с таким живым знанием конструкции корабля, какое трудно представить в сухопутной Руси. Можно предположить одно из двух: либо святой Андрей видел сам такие корабли, то есть был на море, либо перенял эти сведения от своего наставника – художника греческого происхождения. Согласно одной из гипотез, святой Андрей – ученик знаменитого Феофана Грека. Эта гипотеза основана на том, что в записи 1405 г. их имена упоминаются совместно, причем первым идет Феофан. То, что Феофан оказал определенное и, может быть, немалое воздействие на святого Андрея, можно считать несомненным, хотя бы в силу того, что они работали какое-то время вместе, и более молодой Андрей,

конечно, внимательно наблюдал, как работает знаменитый грек. Однако никаких указаний на их более тесное сотрудничество нет. Наоборот, то, что в записи 1405 г. между ними упомянут еще один мастер – старец Прохор с Городца, не имеющий отношения к Феофану, скорее говорит об отсутствии тесных контактов между Феофаном и святым Андреем. Несомненно при этом, что святой Андрей был во всеоружии культуры своего времени. Подвижный образ жизни и сам характер Феофана также говорят скорее против возможности систематических занятий. Такое образование, дающее возможность проникновения в духовную глубь явлений, скорее всего можно было получить в соответствующей среде, в первую очередь в Византии. Таким образом, приведенная гипотеза о греческом образовании преподобного Андрея не лишена основания. Святой Андрей жил в эпоху крупных исторических событий. Он был свидетелем и, возможно, участником этих событий, часто очень тяжелых для Руси. В 1380 г. произошла кровопролитная битва на Куликовом поле, положившая начало освобождению Руси от татарского ига. Через два года Москва была разорена и сожжена Тохтамышем. Вполне вероятно, что эти события повлияли на выбор монашеского пути, сделанного святым Андреем.

В 1395 г. Русь подверглась новому нашествию – на этот раз на нее обрушились полчища Тамерлана. Несмотря на готовность великого князя Василия Дмитриевича дать отпор врагу, шансов на победу было очень мало ввиду колоссального численного превосходства войск противника. Оставалась одна надежда на заступничество Божией Матери. В Москву из Владимира была принесена чудотворная икона Божией Матери. Весь народ во главе с митрополитом Киприаном вышел встречать святую икону на место, где впоследствии в память этого события был основан Сретенский монастырь.

Церковь призвала всех к молитве, посту и покаянию. Произошло чудо: Матерь Божия явилась Тамерлану (Темир-Аксаку) во сне и грозно запретила ему идти на Москву. Дойдя до Ельца, Тамерлан повернул обратно и исчез так же внезапно, как и появился. Вскоре после этого святой Андрей написал копию с

образа Божией Матери Владимирской по благословению митрополита Киприана.

Место пострижения святого Андрея достоверно неизвестно. Но вся его жизнь связана с двумя монастырями – Троице-Сергиевым и Спасо-Андрониковым в Москве. Предание, восходящее к концу XVI в., видит в святом Андрее духовного сына преподобного Никона Радонежского. Однако современные исследования показывают, что постриг он принял скорее всего в Спасо-Андрониковом монастыре. Эти две версии не противоречат по существу друг другу, поскольку оба монастыря были тесно связаны между собой; очевидно, что святой Андрей был в послушании у преподобного Никона, когда трудился в Троицком монастыре, и воспоминания об этом естественно сохранились. Поскольку же инок Андрей постоянно выполнял заказы митрополита и великого князя, естественно ему было находиться, так сказать, «под рукой», то есть в одном из московских монастырей, а именно в Спасо-Андрониковом. Возможно, однако, что неизвестные нам более ранние отношения связывали святого Андрея с обителью преподобного Сергия. По духу святой Андрей является несомненным учеником святого Сергия.

Но и пребывая в Спасо-Андрониковом монастыре, инок Андрей жил в духовной среде учеников преподобного Сергия, с которыми он тесно общался во время своих поездок, связанных с выполнением заказов. Кроме преподобного Никона, он, по-видимому, знал святого Савву Сторожевского, поскольку на рубеже XIV-XV вв. работал в Звенигороде и несколько позднее в самом Саввино-Сторожевском монастыре. Он должен был знать и племянника преподобного Сергия святителя Феодора, архиепископа Ростовского, некоторое время игуменствовавшего в Симоновом монастыре, по соседству с Андрониковым монастырем. Другой игумен этого монастыря и собеседник преподобного Сергия святой Кирилл ушел в 1392 году на Белоозеро, но как личность и он, несомненно, был известен иноку Андрею. Наконец, непосредственным учеником преподобного Сергия был преподобный Андроник, основатель и первый игумен монастыря. Связи с Троице-Сергиевым

монастырем были постоянны и разнообразны. Из Троицкого монастыря в Спасо-Андроников переходили некоторые монахи. Среди них был Ермола-Ефрем, давший средства на постройку каменного храма, и будущий игумен, с которым инок Андрей также находился в тесных взаимоотношениях. Святой Андрей знал, несомненно, и Епифания Премудрого, непосредственного Сергиева ученика, записавшего первоначальные сведения об Андрониковом монастыре и оставившего сведения о Феофане Греке. Об иноке Андрее Епифаний ничего не написал, что вполне естественно, поскольку повествовал о прошлом, хотя и недавнем, а не о современниках.

Живя в высокой духовной среде, в атмосфере святости, инок Андрей поучался как историческими примерами святости, так и живым образцом окружавших его подвижников. Он глубоко вникал в учение Церкви и в жития святых, которых он изображал, следовал им, что и позволило его таланту достичь художественного и духовного совершенства.

Кроме Епифания Премудрого, инок Андрей хорошо знал и других высокообразованных людей своего времени, с которыми тесно общался. Среди них, в первую очередь, следует назвать святителя Киприана, митрополита Московского. Иноку Андрею был близок духовный мир святителя Киприана, который прошел школу афонского монашества. Общение с ним было достаточно тесным, поскольку в нем был заинтересован не только преподобный Андрей, но и святитель Киприан, привыкший к интеллектуальной атмосфере Византии и выделявший поэтому наиболее духовных и образованных русских в Москве. Через это общение духовная генеалогия преподобного Андрея восходит к обеим главам афонского исихазма, так как митрополит Киприан был учеником святого патриарха Филофея, ученика святителя Григория Паламы, и родственником (как предполагают) святителя Евфимия, патриарха Тырновского, ученика святителя Феодосия Тырновского, ученика святого Григория Синаита. Возношение «ума и мысли» к «невещественному и Божественному свету» от созерцания святых икон («возведение чувственного ока») – эта совершенно исихастская характеристика была неслучайно дана святым

Иосифом Волоцким преподобному Андрею и его «сопостнику» Даниилу. Ей, вероятно, найдется не очень много аналогий в русской агиографии.

Несомненно, инок Андрей хорошо знал и святого митрополита Фотия, заменившего умершего митрополита Киприана в 1409 г. Это следует со всей очевидностью хотя бы из того, что Андрей и Даниил к приезду Фотия расписывали в 1408 г. кафедральный митрополичий собор во Владимире. Фотий также принадлежит к числу высокообразованных, духовных и деятельных иерархов, ему принадлежит ряд посланий, которые инок Андрей, несомненно, знал.

«Всех превосходящий в премудрости зелье», по выражению преподобного Иосифа, инок Андрей хорошо знал творения многих святых отцов и учителей Церкви. Ему, несомненно, были известны творения святого Дионисия Ареопагита, переведенные на славянский язык в XIV в. афонским монахом Исаией по поручению высшей церковной власти в связи с исихастскими спорами. Ему были близки и творения святого Григория Синаита, доступные русскому читателю. В круг чтения просвещенного человека и, несомненно, святого Андрея входили «Богословие» Иоанна Дамаскина, «Шестоднев» Иоанна Экзарха, «Палея толковая» и другие творения православных писателей и отцов Церкви.

В 1408 г., как сообщает летопись, преподобный Андрей и Даниил расписывают Успенский собор во Владимире. Под этим годом летописи указывают: «Того же лета мая 25-го начата бысть расписываться великая и соборная церковь Пречистая Володимирская повелением великого князя, а мастера Данило-иконник да Андрей Рублев».

В коротком летописном сообщении обращает внимание, что указана дата начала росписи. Это исключительный случай. Очевидно росписи придавалось огромное значение, что объясняется ожиданием приезда из Константинополя нового митрополита, которым, после смерти Киприана в 1406 г., стал Фотий (в 1409 г.).

Владимир продолжал считаться городом-резиденцией митрополита, а городской собор соответственно являлся

кафедральным собором. Поэтому митрополичий собор должен был обладать росписями, достойными высокого посланца Константинопольской Церкви, и показать не меньшее достоинство Русской Церкви. Иконописцы таким образом осуществляли своего рода «представительскую миссию», причем задача их была очень трудной, если учесть исключительно высокие требования Греческой Церкви того времени к церковному искусству, требования, в первую очередь, духовного свидетельства истины в искусстве, а отсюда и его качества. К тому же, ожидаемый митрополит сам по себе был, без сомнения, хороший знаток и ценитель церковного искусства, что следует из его константинопольского воспитания.

Высокая миссия была доверена Даниилу Черному и преподобному Андрею, который упоминается вторым, как более младший. Иконописцы достойно выполнили возложенное на них послушание.

В 1408 г. инок Андрей впервые упоминается вместе со своим «сопостником Даниилом Черным», также ведущим высокую духовную жизнь. С этого года мы знаем о тесной духовной связи двух иконописцев-подвижников, продолжавшейся до самой их смерти, около 20-ти лет. Красноречивые, хотя и краткие свидетельства о духе Христовой любви, соединявшей их, показывает высочайший образец этой любви, подобной тому, что мы встречаем в сказаниях о древних подвижниках христианского Востока. Предание о тесных духовных узах святого Андрея и Даниила бережно сохранялось на протяжении XV века и было написано святым Иосифом Волоцким со слов бывшего игумена Троице-Сергиева монастыря Спиридона. Приведем широко известный текст: «Поведаше же нам и се честный он царь Спиридон... чуднии они пресловущии иконописцы Даниил и ученик его Андрей... толику добродетель имуще, и толико потщенье о постничестве и о иноческом жительстве, оноже им Божественная благодати сподобится и толико в Божественную любовь предуспети, яко никогдаже от земных упражняться, но всегда ум и мысль возносити к невестественному и Божественному свету, чувственное же око всегда возводити ко еже от вещных валов,

написанным образом Владыки Христа и Пречистыя Его Матере и всех святых, оно и на самый праздник Светлого Воскресения, на седалищах сидяща, и пред собою имуща всечестныя и Божественныя иконы, и на тех неуклонно зряща Божественныя радости и светлости исполняху(ся); и не то что на той день тако творяху, но и в прочая дни, егда живописательству не прилежаху. Сего ради Владыка Христос тех прослави и в конечный час смертный: прежде убо преставися Андрей, потом же разболеся и спостник его Даниил, и в конечном издыховении сый, виде своего спостника Андрея в мнозе славе и с радостию призывающа его в вечное оно и бесконечное блаженство».

Приведенное краткое сказание святого Иосифа доносит до нас удивительно светлый образ двух подвижников-художников, истинных иноков и аскетов. Они «предуспели» в Божественной любви, которая открылась им и привлекла их к себе. Стяжанием великой божественной благодати преподобный Иосиф объясняет их полный уход от всякого земного попечения, «яко никогда же о земных упражняться». Выше уже говорилось об их подлинно исихастском опыте. Святой Иосиф кратко излагал их опыт отношения к иконописи, который является подлинно духовным опытом, научающим нас правильному восприятию образа. Созерцание икон для них является праздником, исполняющим сердце «Божественной радостью и светлостью», поскольку возводит ум «от вещественных валов», то есть от материального, огрубленного, недвижимого подражания невещественному, источающему жизнь мира Первообразу. Отсюда и особое значение иконы как свидетельства об истине, отсюда и особо проникновенное отношение к каждому движению кисти.

«Сего ради», то есть ради столь высокого и столь духовного образа жизни «Владыко Христос тех прослави и в конечный час смертный». Уже после кончины святого Андрея его «сопостник» Даниил, не разлучавшийся с ним в сердце своем и по смерти, умирая, получает откровение о прославлении своего духовного брата в Царствии Небесном: «виде... Андрея во мнозе славе и с радостию призывающа его в вечное оно и бесконечное блаженство». Это особенно важное свидетельство приводится

также в несколько иной редакции, в «Житии святого Никона Радонежского», составленном Пахомием Логофетом: «Егда бо хотяше Даниил телесного союза отрешитися, абие видит возлюбленного ему Андреа, в радости призывающа его. Он же, яко виде его, желаше зело, радости исполнися; братиям престоющим поведати им сопостника своего пришествие и абие предаси дух...»

Таким образом, мы имеем два указания о смертной славе святого Андрея. Младший в земной жизни, он указывается старшим в духовном мире и как бы принимает душу праведного Даниила при ее разлучении с телом. Местом вечного упокоения обоих подвижников стал Спасо-Андроников монастырь.

На протяжении XIV-XVII вв. память обоих иконописцев, в первую очередь святого Андрея, была окружена глубоким почитанием. В середине XVI в. Стоглавый Собор возвел его во всеобщий образец, предписав писать образ Святой Троице как писал Андрей Рублев и «пресловущие греческие живописцы». Таким образом, святой Андрей поставлен в один уровень с теми «пресловущими», хотя в подавляющем большинстве неизвестными византийскими художниками, которые выработали православный канон иконописи. Можно также думать, что идеальный образ иконописца, начертанный в 43-й главе Стоглава и широко распространившийся через иконописные подлинники, в немалой степени вдохновлен преданием о святом Андрее, хорошо известном отцам Собора.

Свидетельство о духовном признании святости преподобного Андрея находим в Строгановском иконописном подлиннике (кон. XVI в.). Этот подлинник был составлен, по видимому, в среде придворных иконописцев и пользовался самым широким влиянием и авторитетом. Подлинник сообщает: «Преподобный Андрей Радонежский, иконописец, прозванием Рублев, многия святыя иконы написал, все чудотворные, а прежде живяте в послушании у преподобного отца Никона Радонежского. Он повеле при себе образ написати Пресвятыя Троицы, в похвалу отцу своему, святому Сергию чудотворцу...» Здесь святой Андрей именуется преподобным (как, несколько ниже, и Даниил), все его иконы признаются особо

благодатными; указывается на его принадлежность к духовной традиции святых Сергия и Никона. Имя святого Андрея (вместе с Даниилом) встречается и в древних месяцесловах.

Место их погребения помнили до конца XVII в. Согласно более позднему источнику, «святые их мощи погребены и почивают в том Андрониеве монастыре под старую колокольню, которая в недавнем времени разорена, и место сравнено с землею, яко ходити по ней людям всяким и нечистым, и тем самым предадеся забвению (память) о тех их святых мощах».

Старая колокольня находилась, как предполагают, к северо-западу от западной стороны Спасского собора. Для уточнения ее местонахождения необходимы археологические изыскания.

На миниатюрах рукописей XVI в. святой Андрей изображается с нимбом (Остермановский летописец; Лицевое житие святого Сергия. Конец XVI в. Из Большого собрания Троице-Сергиевой лавры).

Приводимые источники удостоверяют, что в XV-XVII вв. никто не сомневался в святости Андрея Рублева, как и в высокой праведности Даниила.

Согласно традиции, в Троице-Сергиевом монастыре память преподобного Андрея совершалась 4 июля, в день памяти святого Андрея Критского.

XVIII-XIX вв. были временем забвения многих православных традиций и, в частности, канонического иконописания, поэтому данный период не был благоприятен для почитания памяти святых иконописцев. Известность святого Андрея стала возвращаться лишь с начала XX в., когда пробудился интерес к традициям православного иконописания. На протяжении этого столетия она чрезвычайно возросла. По явному Промыслу Божию, именно в XX веке «Святая Троица» преподобного Андрея, а также и другие его произведения приобрели значение свидетельства истины Православия перед лицом всего мира.

Преподобный Андрей канонизирован на основании святости жизни, на основании его подвига иконописания, в котором он,

подобно евангелисту, свидетельствовал и продолжает ныне возвещать людям неложную истину о Боге, в Троице славимом, а также на основании свидетельства о его святости преподобного Иосифа Волоцкого.

Июль 5

Сергий, игумен Радонежский, преподобный чудотворец – прославление

Дивен Бог во святых Своих! Прославляя Своих избранников, Он через них же устрояет и наше спасение.

В трудные для Церкви времена, когда благопотребна была особенная помощь Божия к укреплению веры Православной в сердцах людских или когда нечестие людское грозило подавить собою благочестие и веру, в такие трудные времена Бог нарочито посылал особых избранников Своих, которые, будучи преисполнены благодати Божией, своей дивной жизнью, своим смирением привлекали к себе сердца людей и делались наставниками и руководителями в духовной жизни для всех.

Одним из таких великих избранников Божиих был преподобный Сергий, дарованный Богом земле Русской именно в такое тяжкое время, когда татары заволокли почти все пределы ее, когда междоусобия князей доходили до кровавых побоищ, когда эти усобицы, бесправие, татарское насилие и грубость тогдашних нравов грозили русскому народу совершенной гибелью. Полтораста с лишком лет томилась многострадальная Русь под тяжелым игом татарским. И вот наконец призрел Господь Бог мольбы Руси Православной – приближался час освобождения, в котором Сергий явился истинным печальником родной земли.

Но чтобы сбросить варварское иго и ввести инородцев в ограду Христианской Церкви, для этого нужно было приподнять и укрепить нравственные силы, принижённые вековым порабощением и унынием. Этому нравственному воспитанию народа и посвятил свою жизнь преподобный Сергий. Самым сильным средством, доступным и понятным тому веку, был живой пример, наглядное осуществление нравственного правила. Он начал с самого себя и продолжительным уединением, исполненным трудов и лишений среди дремучего леса, приготовился быть руководителем других пустынножителей. Жизнеописатель, сам живший в братстве, воспитанном Сергием, живыми чертами описывает, как оно

воспитывалось, с какой постепенностью и любовью к человеку, с каким терпением и знанием души человеческой. На страницах древнего жития повествуется о том, как Сергей, начав править собиравшейся к нему братией, был для нее поваром, пекарем, мельником, дровоколом, портным, плотником, каким угодно трудником, служил ей, как раб купленный, по выражению жития, ни на один час не складывал рук для отдыха; как потом, став настоятелем обители и продолжая ту же черную хозяйственную работу, он принимал искавших у него пострижения, не спускал глаз с каждого новичка, возводя его со степени на степень иноческого искуса, указывал дело всякому по силам, ночью дозором ходил мимо келлий, легким стуком в дверь или окно напоминал празднословящим, что у монаха есть лучшие способы проводить досужее время, а поутру осторожными намеками, не обличая прямо, не заставляя краснеть, «тихой и кроткой речью» вызывал в них раскаяние без досады. В этом повествовании видно практическую школу благонравия, в которой сверх религиозно-иноческого воспитания главными житейскими науками были умение отдавать всего себя на общее дело, навык к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах. Наставник вел ежедневную терпеливую работу над каждым отдельным братом, над отдельными особенностями каждого брата, приспособляя их к целям всего братства. Наблюдение и любовь к людям дали умение тихо и кротко настраивать душу человека и извлекать из нее, как из хорошего инструмента, лучшие ее чувства.

Так воспитывалось дружное братство, производившее, по современным свидетельствам, глубокое назидательное впечатление на мирян. Мир приходил к монастырю, пытливым взглядом смотрел на чин жизни и то, что он видел, быт и обстановка пустынного братства поучали его самым простым правилам, которыми крепко людское христианское общежитие. В монастыре все было бедно и скудно или, как выразился разочарованно один мужичек, пришедший в обитель преподобного Сергия повидать прославленного величественного игумена, «все худостно, все нищетно, все сиротинско». Случалось, все братия по целым дням сидели чуть

не без куска хлеба. Но все были дружны между собой и приветливы к пришельцам, во всем следы порядка и размышления, каждый делал свое дело, каждый работал с молитвой, и все молились после работы. Во всех чуялся скрытый огонь, который без искр и вспышек обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Мир видел все это и уходил ободренный и освеженный. Пятьдесят лет делал свое тихое дело преподобный Сергей в Радонежской пустыни; целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утешение к ободрению и, воротясь в свой круг, по каплям делились им с другими. И эти капли нравственного влияния, подобно закваске, вызывающей живительное брожение, западая в массы, незаметно изменяли направление умов, перестраивали весь нравственный строй души русского человека XIV века.

Преподобный Сергей примером своей святой жизни, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло, помог ему заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел сам он. И народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарские полчища в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями.

Чувство нравственной бодрости, духовной крепости, которое преподобный Сергей вдохнул в русское общество, еще живее и полнее воспринималось русским монашеством. В жизни русских монастырей со времени Сергия начался замечательный перелом: заметно оживилось стремление к иночеству. Древнерусское монашество было точным показателем всего мирского общества: стремление покинуть мир усиливалось не от того, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы. Преподобный Сергей со своей обителью и своими учениками был образцом и

начинателем в этом оживлении монастырской жизни, «начальником и учителем всем монастырям, иже в Руси», как называет его летописец. Он уподобил и продолжает уподоблять своей духовной природе и всех близко соприкасающихся с ним людей. Он напитал своим крепким духом целые сонмы, целые поколения монашествующих. До 70-ти монастырей было основано его учениками и учениками его учеников; его духовное потомство было одной из главных духовных сил, содействовавших духовному претворению разных полуязыческих племен, раскинутых по пространству северной и средней России, в одно целое великорусское племя, объединенное, одушевленное, скрепленное духом Православия. И наши летописцы имели полное основание именовать преподобного Сергия игуменом всея Руси, и Святая Церковь достойно и праведно величает его Возбранным Воеводою Русской земли!

Родиной преподобного Сергия была земля Ростовская, поэтому «он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна». А преподобный прошел общим путем скорбей и подвига крестного прежде, чем явился тем дивным благодатным мужем, каким мы видим его в последние годы жизни. Сбылось дивное обетование Господа: *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит его, и Аз возлюблю его, и к нему приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 21–23). Преподобный Сергей опытно познал тайну Живоначальной Троицы, потому что жизнью своей соединился с Богом, приобщился к самой жизни Божественной Троицы, то есть достиг возможной на земле меры обожения, став *причастником Божеского естества* (2Пет. 1, 4). И в душе его «сотворила обитель» Святая Троица; он сам сделался «обителью Святой Троицы», и всех, с кем общался преподобный, он возводил и приобщал к ней. Справедливо замечает его ученик и описатель жития его, что Сергей был «яко един от древних великих отцев». За свою крепкую веру он удостоился лицезреть камня веры – Петра; за свою девственную чистоту – девственника и друга Христова Иоанна,

а за свое величайшее смирение – смиреннейшую из земнородных Владычицу мира, Пресвятую Богородицу. В смиренном сердце подвижника тихо сиял неизреченный свет благодати Божией, согревая все его духовное существо. Ему преизобильно сообщены были все дары Божии: и дар чудотворений, и дар пророчества, и дар утешения и назидания, совета и разума духовного. Для его духовного взора как бы не существовало ни преград вещественных, ни расстояния, ни самого времени: он видел далече отстоящее, яко близ сущее, зрел будущее, как бы настоящее. За святость жития своего он был почти от всех любим и почитаем и уважаем более, чем сколько позволило это его тогдашнее смиренное состояние. Многое множество приходило к нему из разных стран и городов, и в числе приходивших были и иноки, и князья, и вельможи, и простые люди, «на селе живущие».

Как корабль, обремененный множеством сокровищ, тихо приближается к доброму пристанищу, так богоносный Сергей приближался к исходу из сей временной жизни. Вид смерти не страшил его, потому что он готовился к ней подвигами всей своей жизни. Ему было уже за 70 лет. Непрестанные труды изнурили его старческие силы, но он никогда не опускал ни одной службы Божией и «чем больше состаревался возрастом, тем больше обновлялся усердием», подавая собою юным поучительный пример.

За полгода до кончины великий подвижник удостоился откровения о времени своего отшествия к Богу. Он созвал к себе братию и в присутствии всех передал управление обителью присному ученику своему преподобному Никону (память 17/30 ноября), а сам начал безмолвствовать. Наступил сентябрь 1391 года, и преподобный старец тяжело заболел... Еще раз собрал он вокруг себя всех учеников своих и еще раз простер к ним свое последнее поучение.

Сколько простоты и силы в этом предсмертном поучении умирающего отца иноков! Сколько любви к тем, которых оставляет! Он желал и заповедал, чтобы его духовные дети шли тем же путем к Царству Небесному, каким шествовал он сам в продолжение всей своей жизни. Прежде всего он учил их

пребывать в Православии: «основанием всякого доброго дела, всякого доброго намерения, по учению слова Божия, должна быть вера; без веры угодить Богу невозможно. Но вера православная, основанная на учении апостолов и отцов, чуждая высокоумудрствования, которое часто ведет к маловерию и неверию и сбивает с пути спасения». Далее преподобный завещал братии хранить единомыслие, блюсти чистоту душевную и телесную и любовь нелицемерную, советовал удаляться от злых похотей, предписывал умеренность в пище и питии, смирение, страннолюбие и всецелое искание горнего, небесного, с презрением суеты житейской. Он многое напомнил им из того, что говорил прежде, и наконец заповедал не погребать его в церкви, а положить на общем кладбище, вместе с прочими усопшими отцами и братьями.

Безмолвно стояли с поникшими главами скорбящие чада Сергиевы и с болью сердечной внимали последним наставлениям любимого старца. Особенно грустно им было слышать последнюю волю своего смиренного игумена относительно места его последнего покая. Один вид могилы его в храме Божиим среди собора молящихся братьев мог бы служить для них некоторым утешением. Но старец не желал этого, а ученики не хотели огорчать его смирение своим противоречием, и всякое слово невольно замирало на их устах. «Не скорбите, чада мои, – с любовью утешал их старец, – я отхожу к Богу, меня призывающему, и вас поручаю Всемогущему Господу и Пречистой Его Матери: Она будет вам прибежищем и стеной от стрел вражиих!»

Перед самым исходом души своей старец пожелал в последний раз приобщиться Пречистого Тела и Крови Христовых. Весь исполненный благодатного утешения, он возвел горе свои слезящиеся от радости очи и еще раз, при помощи учеников, простер к Богу свои преподобные руки... «В руце Твои предаю дух мой, Господи!» – тихо произнес святой старец и в дыхании сей молитвы отошел чистой своей душой ко Господу, Которого от юности возлюбил.

Это было 25 сентября 1392 года. Лишь только преподобный Сергей испустил последний вздох, несказанное благоухание

разлилось по его келлии. Лицо усопшего праведника сияло небесным блаженством, и смерть не посмела наложить свою мрачную печать на светолепный лик новопреставленного старца Божия.

Немедленно старейшие из братии отправились в Москву со скорбной вестью к митрополиту Киприану. Они сообщили ему как завещание старца о месте погребения, так и усердное желание всей братии положить его в церкви Пресвятой Троицы, им самим созданной, и просили его архипастырского о том распоряжения. И святитель не затруднился благословить их на погребение смиренного игумена в церкви, хотя сам он не желал того. Весть о его преставлении привлекла в обитель множество народа не только из окрестных селений, но и из ближайших городов. Каждому хотелось приблизиться и прикоснуться если не к самому телу богоносного старца, то, по крайней мере, ко гробу его. Тут были и князья, и бояре, почтенные старцы-игумены, и честные иереи столицы, и множество иноков, кто со свечами, кто с кадилами и святыми иконами, провожая святые останки блаженного старца к месту последнего их упокоения. И похоронили его у правого клироса в церкви Пресвятой Троицы.

Трогательными чертами изображает скорбь осиротевших учеников Сергиевых блаженный описатель жития его, сам свидетель и участник этой скорби. «Все сетовали, – говорил он, – все плакали, вздыхали, ходили с поникшей головой». И в горести души своей часто приходили они на могилу старца, и здесь в слезной молитве припадали к его мощам святым, и беседовали с ним, как бы с живым, поверяя ему скорбь свою. «О, святче Божий, угодниче Спасов, избранниче Христов!» – говорили они. – О, священная главо, преблаженный авва Сергие Великий! Не забуди нас, убогих рабов твоих, не забуди нас сирот своих; поминай нас всегда во святых своих и благоприятных молитвах ко Господу, поминай стадо, тобою собранное. Молись за нас, отче священный, за детей твоих: ты имеешь дерзновение у Царя Небесного, – не промолчи же, вопия за нас ко Господу! Тебе дана благодать за нас молиться... Мы не считаем тебя умершим, нет! Хотя телом ты и

преставился от нас, но дух твой с нами; не отступи же от нас, пастырь наш добрый».

Так оплакивали святые ученики святого старца, так крепко веровали они в его благодатное сопребывание духом с ними. И по вере их угодник Божий не оставлял их без утешения. Так, однажды благочестивый инок Игнатий видел наяву во время всенощного бдения, что преподобный Сергей стоит на своем месте игуменском и поет вместе с братией. Это видение было как бы ответом любвеобильного старца своим присным ученикам из загробного мира, ответом на их сердечный молитвенный плач над гробом его.

Спустя 30 лет по преставлении преподобного Сергея Бог благоволил явить миру сокровище святыни. Незадолго перед построением нового храма во имя Живоначальной Троицы преподобный Сергей явился одному благочестивому мужу, жившему близ обители, и повелел возвестить игумену и братии: «Вскую мя оставите толико время во гробе, землю покровена, воде утесняющей тело мое?» И преподобный Никон, приступая к созданию каменного храма, в присутствии крестного сына Сергеева князя звенигородского и галичского Юрия Дмитриевича, при копании рвов обрел и изнес из земли мощи отца своего 5 июля 1422 года. При открытии гроба разлилось благоухание необыкновенное. И не только тело чудотворца оказалось нетленным, но и одежды его были невредимы, хотя с обеих сторон гроба стояла вода. Мощи на время были поставлены в деревянной Троицкой церкви (на том месте находится теперь церковь Сошествия Святого Духа.) Каменный храм, как место покоя великого Сергея, созидался и украшался с благоговейной любовью и с усердными молитвами. Над украшением сего святилища потрудились преподобные иконописцы Даниил и Андрей Рублев (память 4/17 июля). При освящении в 1426 году каменного Троицкого собора святые мощи были перенесены в него. И доныне стоит этот храм Никонова строения, не потрясаемый веками, и освящает молящихся, и руки нечестивых доныне не прикасались к нему.

Все нити духовной жизни Русской Церкви сходятся к великому Радонежскому угоднику и чудотворцу, по всей

Православной России благодатные животворящие токи распространяются от основанной им Троицкой обители. Духовный вклад преподобного Сергия в богословское учение о Святой Троице особенно велик, ибо он глубоко прозирал сокровенные тайны «умными очами» подвижника – в молитвенном восхождении к Триипостасному Богу, в опытном богообщении и богоуподоблении.

Радонежский подвижник, его ученики и собеседники обогатили Русскую и Вселенскую Церковь новым богословским и литургическим ведением и видением Живоначальной Троицы, Начала и Источника жизни, являющей Себя миру и человеку в соборности Церкви, братском единении и жертвенной искупительной любви ее пастырей и чад.

Духовным символом собирания Руси в единстве и любви исторического подвига народа стал храм Живоначальной Троицы, воздвигнутый преподобным Сергием «чтобы постоянным взиранием на Нее побеждался страх ненавистой розни мира сего». «Ненавистная рознь», раздоры и смятения мирской жизни преодолевались иноческим общежитием, насажденным преподобным Сергием по всей Руси. Обитель преподобного Сергия стала для Русской Церкви образцом восстановления первоизданного единства и святости человеческой природы, которая была создана Творцом по образу Божественного Триединства. В ней воспитались святые, принесшие затем начертание истинного пути Христова в отдаленные пределы. Во всех своих трудах и деяниях прп. Сергий и его ученики воцерковляли жизнь, давая народу живой пример возможности этого. Не отрекаясь от земного, но преображая его, они звали восходить и сами восходили к небесному.

К преподобному Сергию, как к неиссякаемому источнику молитвенного духа и благодати Господней, во все времена шли на поклонение – для назидания и молитвы, за помощью и исцелением – тысячи народа. И каждого из прибегающих с верою к его чудотворным мощам он исцеляет и возрождает, исполняет силы и веры, преображает и возводит к своей светоносной духовности.

Не только духовные дары и благодатные исцеления подаются всем, приходящим с верою к мощам преподобного, но ему дана также от Бога благодать защищать от врагов Русскую землю. Своими молитвами преподобный был с воинством Димитрия Донского на Куликовом поле; он благословил на ратный подвиг своих постриженников-инок Александр Пересвета и Андрея Ослябю. Он указал Иоанну Грозному место для сооружения крепости Свияжска и помогал в победе над Казанью. Во время польского нашествия преподобный Сергей явился во сне нижегородскому гражданину Косме Минину, повелевая собирать казну и вооружать войско для освобождения Москвы и Русского государства. И когда в 1612 году ополчение Минина и Пожарского после молебна у Святой Троицы двинулись к Москве, благодатный ветер развеивал православные стяги, «яко от гроба самого чудотворца Сергия».

К периоду Смутного времени и польского нашествия относится героическое «Троицкое сидение», когда многие иноки по благословению преподобного игумена Дионисия (память 12/25 мая) повторили священный ратный подвиг Сергиевых учеников Пересвета и Осляби. Полтора года – с 23 сентября 1608 года по 12 января 1610 года – осаждали поляки обитель Живоначальной Троицы, желая разграбить и разрушить этот священный оплот Православия. Но заступлением Пречистой Богородицы и молитвами преподобного Сергия «со многим стыдом» бежали наконец от стен монастыря, гонимые Божиим гневом, а вскоре и сам предводитель их Лисовский погиб лютой смертью как раз в день памяти преподобного Сергия, 25 сентября 1617 года. В 1618 году приходил к стенам Святой Троицы сам польский королевич Владислав, но, бессильный против охраняющей обитель благодати Господней, вынужден был подписать перемирие с Россией в принадлежавшем монастырю селе Деулино. Позже здесь был воздвигнут храм во имя преподобного Сергия.

А в 1812 году, когда Наполеон поднялся на колокольню Ивана Великого, чтобы полюбоваться окрестностями Москвы, то был устрешен видением: по воздуху приближались три армии русских с необыкновенным предводителем – монахом с крестом

в руках. И это был покровитель Москвы и Руси преподобный Сергий, Радонежский чудотворец.

В последующее время обитель продолжала быть неоскудевающим светочем духовной жизни и церковного просвещения. Из ее братии избирались на чреду служения многие прославленные иерархи Русской Церкви. В 1744 году обитель за заслуги перед родиной и верой стала именоваться лаврой. В 1742 году в ее ограде учреждена духовная семинария, в 1814 году сюда была переведена Московская духовная академия.

И ныне Дом Живоначальной Троицы служит одним из главных благодатных центров Русской Православной Церкви. Здесь изволением Святого Духа совершаются деяния Поместных Соборов Русской Церкви. В обители имеет местопребывание Святейший Патриарх Московский и всея Руси, который носит на себе особенное благословение преподобного Сергия, являясь по установившемуся правилу «Свято-Троицкой Сергиевой лавры священноархимандритом». Но самое главное: на этом небольшом островке среди многомятежного мира, под покровом Царицы Небесной, обещавшей быть неотступной от места сего, особенно чувствуется умиротворяющее дыхание вечности; именно здесь ощущается, что отечество – это не только земля, не только поля, реки и горы, но это, прежде всего, люди, это наши святые отцы, которые рожают нас духовно, те отцы, которые руководят нас в Царствие Небесное.

5/18 июля, день обретения мощей святого аввы Сергия, игумена Русской земли, – самое многолюдное и торжественное церковное празднество в обители.

Елисавета великая княгиня и инокия Варвара, преподобномученики

Преподобномученица великая княгиня Елисавета родилась 20 октября 1864 года в протестантской семье великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвиг IV и принцессы Алисы, дочери английской королевы Виктории. В 1884 году она вышла замуж за великого князя Сергея Александровича, брата императора Российского Александра III.

Видя глубокую веру своего супруга, великая княгиня всем сердцем искала ответа на вопрос: какая же религия истинна? Она горячо молилась и просила Господа открыть ей Свою волю. 13 апреля 1891 года, в Лазареву субботу, над Елисаветой Феодоровной был совершен чин принятия в Православную Церковь. В том же году великий князь Сергей Александрович был назначен генерал-губернатором Москвы.

Посещая храмы, больницы, детские приюты, дома для престарелых и тюрьмы, великая княгиня видела много страданий. И везде она старалась сделать что-либо для их облегчения. После начала в 1904 году русско-японской войны Елисавета Феодоровна во многом помогала фронту, русским воинам. Трудилась она до полного изнеможения.

5 февраля 1905 года произошло страшное событие, изменившее всю жизнь Елисаветы Феодоровны. От взрыва бомбы революционера-террориста погиб великий князь Сергей Александрович. Бросившаяся к месту взрыва Елисавета Феодоровна увидела картину, по своему ужасу превосходившую человеческое воображение. Молча, без крика и слез, она начала собирать и класть на носилки части тела горячо любимого еще несколько минут назад живого мужа.

В час тяжелого испытания Елисавета Феодоровна просила помощи и утешения у Бога. На следующий день она причастилась Святых Таин в храме Чудова монастыря, где стоял гроб супруга. На третий день после гибели мужа Елисавета Феодоровна поехала в тюрьму к убийце. Она не испытывала к нему ненависти. Великая княгиня хотела, чтобы

он раскаялся в своем ужасном преступлении и молил Господа о прощении. Она даже подала государю прошение о помиловании убийцы.

Елисавета Феодоровна решила посвятить свою жизнь Господу через служение людям и создать в Москве обитель труда, милосердия и молитвы. Она купила на улице Большая Ордынка участок земли с четырьмя домами и обширным садом. В обители, которая была названа Марфо-Мариинской в честь святых сестер Марфы и Марии, были созданы два храма – Марфо-Мариинский и Покровский, больница, впоследствии считавшаяся лучшей в Москве, и аптека, в которой лекарства отпускались бедным бесплатно, детский приют и школа. Вне стен обители был устроен дом-больница для женщин, больных туберкулезом.

10 февраля 1909 года обитель начала свою деятельность. 9 апреля 1910 года за всеобщим бдением епископ Дмитровский Трифон по чину, разработанному Святейшим Синодом, посвятил насельниц в звание крестовых сестер любви и милосердия. Сестры дали обет, по примеру инокинь, проводить девственную жизнь в труде и молитве. На следующий день за Божественной литургией святитель Владимир, митрополит Московский и Коломенский, возложил на сестер восьмиконечные кипарисовые кресты, а Елисавету Феодоровну возвел в сан настоятельницы обители. Великая княгиня сказала в тот день: «Я оставляю блестящий мир.., но вместе со всеми вами я восхожу в более великий мир – в мир бедных и страдающих».

В Марфо-Мариинской обители великая княгиня Елисавета Феодоровна вела подвижническую жизнь: спала на деревянной кровати без матраса, часто не более трех часов; пищу употребляла весьма умеренно и строго соблюдала посты; в полночь вставала на молитву, а потом обходила все палаты больницы, нередко до рассвета оставаясь у постели тяжелобольного. Она говорила сестрам обители: «Не страшно ли, что мы из ложной гуманности стараемся усыплять таких страдальцев надеждой на их мнимое выздоровление? Мы

оказали бы им лучшую услугу, если бы заранее приготовили их к христианскому переходу в вечность».

Без благословения духовника обители протоиерея Митрофана Серебрянского и без советов старцев Оптиной Введенской пустыни и других монастырей она ничего не предпринимала. За полное послушание старцу она получила от Бога внутреннее утешение и стяжала мир в своей душе.

С начала первой мировой войны великая княгиня организовала помощь фронту. Под ее руководством формировались санитарные поезда, устраивались склады лекарств и снаряжения, отправлялись на фронт походные церкви.

Отречение императора Николая II от престола явилось большим ударом для Елисаветы Феодоровны. Душа ее была потрясена, она не могла говорить без слез. Елисавета Феодоровна видела, в какую пропасть летела Россия, и горько плакала о русском народе, о дорогой ей царской семье.

В ее письмах того времени есть следующие слова: «Я испытывала такую глубокую жалость к России и ее детям, которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не больной ребенок, которого мы любим во сто раз больше во время его болезни, чем когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания, помочь ему. Святая Россия не может погибнуть. Но Великой России, увы, больше нет. Мы должны устремить свои мысли к Небесному Царствию и сказать с покорностью: «Да будет воля Твоя»».

Великую княгиню Елисавету Феодоровну арестовали на третий день Святой Пасхи 1918 года, в Светлый вторник. В тот день святитель Тихон служил в обители.

С ней разрешили поехать сестрам обители Варваре Яковлевой и Екатерине Янышевой. Их привезли в сибирский город Алапаевск 20 мая 1918 года. Сюда же были доставлены великий князь Сергей Михайлович и его секретарь Федор Михайлович Ремез, великие князья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи и князь Владимир Палей. Спутниц Елисаветы Феодоровны отправили в Екатеринбург и там отпустили на

свободу. Но сестра Варвара добилась, чтобы ее оставили при великой княгине.

5/18 июля 1918 года узников ночью повезли в направлении деревни Синячихи. За городом, на заброшенном руднике, и совершилось кровавое преступление. С площадной руганью, избивая мучеников прикладами винтовок, палачи стали бросать их в шахту. Первой столкнули великую княгиню Елисавету. Она крестилась и громко молилась: «Господи, прости им, не знают, что делают!»

Елисавета Феодоровна и князь Иоанн упали не на дно шахты, а на выступ, находящийся на глубине 15 метров. Сильно израненная, она оторвала от своего апостольника часть ткани и сделала перевязку князю Иоанну, чтобы облегчить его страдания. Крестьянин, случайно оказавшийся неподалеку от шахты, слышал, как в глубине шахты звучала Херувимская песнь, – это пели мученики.

Несколько месяцев спустя армия адмирала Александра Васильевича Колчака заняла Екатеринбург, тела мучеников были извлечены из шахты. У преподобномучениц Елисаветы и Варвары и у великого князя Иоанна пальцы были сложены для крестного знамения.

При отступлении Белой армии гробы с мощами преподобномучениц в 1920 году были доставлены в Иерусалим. В настоящее время их мощи почивают в храме равноапостольной Марии Магдалины у подножия Елеонской горы.

Преподобномученица инокиня Варвара была крестовой сестрой и одной из первых насельниц Марфо-Мариинской обители в Москве. Будучи келейницей и сестрой, самой близкой к великой княгине Елисавете Феодоровне, она не превозносилась и не гордилась этим, а была со всеми добра, ласкова и обходительна, и все любили ее. В Екатеринбурге сестру Варвару отпустили на свободу, но и она, и другая сестра Екатерина Янышева просили вернуть их в Алапаевск. В ответ на запугивания Варвара сказала, что готова разделить судьбу своей матушки-настоятельницы. Как более старшую по

возрасту, в Алапаевск вернули ее. Мученическую кончину она приняла в возрасте около 35-ти лет.

Память преподобномучениц великой княгини Елисаветы и инокини Варвары совершается 5/18 июля и в день Собора новомучеников и исповедников Российских.

Июль 6

Иулиания, княжна Ольшанская

Св. Иулиания жила в первой половине XVI века. Она была дочерью князя Георгия (Юрия) Дубровицкого-Ольшанского, одного из благотворителей Киево-Печерской лавры. Праведная Иулиания скончалась на 16-м году жизни и была погребена в Киево-Печерской лавре. В начале XVII века, при архимандрите Елисее Плетенецком (1599–1624), святые мощи праведной Иулиании были обретены нетленными. При копании могилы близ Успенской церкви, у придела во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, обнаружили гробницу, на которой была прибита дощечка с гербом князей Ольшанских и надписью: «Иулиания, княжна Ольшанская, дочь князя Георгия Ольшанского, преставльшаяся девою на шестнадцатом году от рождения». Когда открыли гроб, увидели святую Иулианию как бы спящей; она была одета в шелковые, шитые золотом, одежды, шея и руки были украшены драгоценностями, а голова увенчана золотым венцом с жемчугом. Но лишь только прикоснулись к ее одежам, как они рассыпались в прах. Осталось одно ее нетленное тело, к которому как бы не дерзнула прикоснуться смерть, и еще драгоценные украшения на ее руках. Святую девицу облекли в новую одежду и положили в юго-западном углу Великой Успенской церкви, но без почести, подобающей святым.

В 1617 году еретик-арианин, по имени Василий, пришел в Успенскую церковь и просил еkkлесиарха Ливерия открыть ему гробницу праведной Иулиании. Прикладываясь к святым мощам, он похитил драгоценный перстень с руки святой. Но когда святотатец вышел с похищенным из храма, он упал у церковных дверей и умер. При осмотре тела умершего нашли перстень святой девы и поняли причину его внезапной смерти.

Прошло немного времени, и святая Иулиания в чудесном видении явилась архимандриту Петру Могиле (впоследствии митрополит Киевский), обличая за небрежение к ее святым мощам и за маловерие к ним. Тогда тот ревностный пастырь немедленно повелел искусным и благочестивым девственницам

чина иноческого приготовить для святых мощей достойные одеяния и благолепную утварь. Сделана была также по его повелению новая рака, в которую и были благочинно положены святые мощи. Облекшись сам во святительские одежды и созвавши весь освященный собор, Петр Могила совершил торжественное их перенесение в иное место и празднственное моление и пение, с благодарением Богу и Богородице и преподобным отцам Печерским и за явление чесных мощей святой девственницы. С тех пор и положено было совершать память святой праведной Иулиании в день обретения ее чесных мощей 6/19 июля, ибо многие с верою к ней притекавшие получили исцеление.

Праведная Иулиания явилась также в числе многих святых дев игумену Златоверхого Киевского монастыря Феодосию. При этом она сказала игумену: «Господь для того явил тебе это видение, чтобы ты узнал, что и я причтена Господом к святым девам, угодившим Ему».

При пожаре Успенской церкви в 1718 году святые мощи праведной Иулиании сгорели. Их останки были перенесены в Ближние пещеры Киево-Печерской лавры. В 1889 году по ходатайству архиепископа Волынского Модеста часть святых мощей была перенесена в кафедральный собор г. Житомира.

Собор Радонежских святых

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена 10 июля 1981 года было установлено празднование Собора Радонежских святых на следующий день после праздника в честь обретения мощей преподобного Сергия Радонежского – 6/19 июля.

История установления Собора Радонежских святых восходит к середине XVII века, когда было осознано значение преподобного Сергия как взбранного воеводы и защитника отечества. Именно тогда были восстановлены первые списки учеников преподобного Сергия, был напечатан «Канон молебен преподобным и богоносным отцем нашим игумену Сергию и ученику его Никону, чудотворцам». Приблизительно к тому же времени относится написание иконы Собора Радонежских святых, которую поместили на западной стороне левого столпа Троицкого собора, и местной иконы (1671 г.) преподобных Сергия и Никона, которая была поставлена у северных врат в иконостасе Троицкого собора.

Последующие события в установлении Собора Радонежских святых связаны с именем митрополита Московского Филарета (Дроздова; † 1867). В 1843 году наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Антоний (Медведев; † 1877) по благословению и под наблюдением митрополита Филарета устроил общежительное отделение лавры – Гефсиманский скит. 27 сентября 1853 года в скиту была освящена трапезная церковь во имя преподобных Сергия и Никона Радонежских. Но еще к летнему празднику обретения мощей преподобного Сергия (5/18 июля) была составлена «Служба преподобным отцем нашим Сергию и Никону, Радонежским чудотворцам. В храме их, в ските Гефсимании». В дарственной надписи (из-за нового переплета сохранившейся не в автографе, а в копии) сказано: «Жертвую на храм преподобных Сергия и Никона, что в ските Гефсиманском. 3 июля 1853 года. Архимандрит Антоний». Эта рукопись службы долгое время хранилась у известного

лаврского звонаря «слепого Сережи» († 1942), а затем перешла к его ученику Константину († 1981).

Служба состоит из соединения текстов служб преподобному Сергию (на 25 сентября) и преподобному Никону (на 17 ноября). Значение рукописи Гефсиманского скита в том, что она зафиксировала богослужебную практику Троице-Сергиевой лавры середины XIX века.

11 июня 1981 года наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Иероним († 1982) освятил новый придел в честь Собора Радонежских святых, устроенный в северной части храма в честь Всех святых, в земле Российской просиявших, что под Успенским собором обители. На следующий день после праздника обретения святых мощей преподобного Сергия, 6/19 июля 1981 года, было впервые совершено торжественное празднование Собора Радонежских святых. В том же году были составлены тропарь, кондак и молитва Радонежским святым. К службе преподобному Сергию, которая была взята за основу, присоединили службы преподобному Михею Радонежскому (1913 г. издания), в которой упоминаются другие ученики аввы Сергия. Позднее была составлена особая служба Радонежским святым.

На протяжении XIV-XX веков сложился Патерик Троице-Сергиевой лавры, в который входят более семидесяти пяти угодников Божиих. Родословное древо Радонежских святых включает в себя следующие имена:

Преподобный Сергей, игумен Радонежский и всея России чудотворец, 25 сентября 1392 г., обретение мощей 5 июля 1422 г. (если дата памяти совпадает с днем преставления и днем мощей, то отдельно она не указывается).

Сродники преподобного Сергия: преподобные схимонахи Кирилл и Мария, родители прп. Сергия († до 1337; память 28 сентября/11 октября и 18/31 января); преподобный Стефан, брат преподобного Сергия, (XIV-XV вв.; память 14/27 июля); святитель Феодор, архиепископ Ростовский, племянник прп. Сергия († 28 ноября 1394 г.).

Ученики преподобного Сергия: преподобный Митрофан-игумен, старец († до 1392; память 4/17 июня); преподобный

Василий Сухий († до 1392; память 1/14 января); преподобный Иаков посольник (XIV в.; память 23 октября»

5 ноября); преподобный Онисим вратарь (XIV в.; память 15/28 февраля); преподобный Елисей диакон (XIV в.; память 14/27 июня); преподобный Симон архимандрит († до 1392; память 10/23 мая); преподобный Исаакий Молчальник († зима 1388; память 30 мая/12 июня); преподобный Макарий († после 1392; память 19 января/1 февраля); преподобный Илия келарь († 29 мая 1384 г.); преподобный Симон экклесиарх († после 1392; память 10/23 мая); преподобный Михей († 6 мая 1385 г.); преподобный Нектарий, вестник (XIV в.; память 29 ноября/12 декабря); преподобный воин схимонах Александр Пересвет († 8 сентября 1380; память 7/20 сентября); преподобный воин схимонах Андрей Ослябя (XIV в.; память 7/20 сентября); преподобный Варфоломей (XIV в.; память 11/24 июня); преподобный Наум (XIV в.; память 1/14 декабря); преподобный Иоанникий (XIV в.; память 4/17 ноября); преподобный Игнатий († после 1392; память 20 декабря/2 января); преподобный Епифаний Премудрый († ок. 1418–1422; память 12/25 мая); преподобный Никон, игумен Радонежский и всея России чудотворец († 17 ноября 1426 г.); преподобный Авраамий Галичский, Чухломский († 20 июля 1375 г.); преподобный Сильвестр Обнорский († 25 апреля 1379 г.); преподобный Сергей Обнорский, Нуромский († 7 октября 1412); преподобный Павел Обнорский, Комельский († 10 января 1429 г.); преподобный Андроник Московский († 13 июня ок. 1395–1404 гг.); преподобный Савва Московский († ок. 1410–1420; память 13/26 июня); преподобный Александр Московский († после 1427; память 13/26 июня); преподобный Даниил Черный, иконописец, Московский († до 17 ноября 1426 г.; память 13/26 июня); преподобный Андрей Рублев, иконописец, Московский († до 17 ноября 1426 г.; память 4/17 июля и 13/26 июня); преподобный Роман Киржачский († 29 июля 1392 г.); преподобный Афанасий Высоцкий, Серпуховской, Старший († после 1401; память 12/25 сентября); преподобный Афанасий Высоцкий, Серпуховской, Младший († 12 сентября 1395 г.);

преподобный Леонтий Стромынский († ок. 1380; память 20 июля»

2 августа); преподобный Савва Стромынский († 20 июля 1392 г.); преподобный Савва Сторожевский, Звенигородский († 3 декабря 1407 г.; обретение мощей 19 января 1652 г.); преподобный Иаков Стромынский (XIV в.; память 21 апреля/4 мая); преподобный Григорий Голутвинский, Коломенский (XIV-XV вв.; 25 января/7 февраля); преподобный Афанасий, Железный Посох, Череповецкий († ок. 1388; память 26 ноября/9 декабря и 25 сентября/8 октября); преподобный Феодосий Череповецкий († ок. 1388; память 26 ноября\9 декабря и 25 сентября»

8 октября); преподобный Мефодий Пешношский († 4 июня 1392; память 14/27 июня; преподобный Иаков Железноборовский († 11 апреля 1442 г.); преподобный Никифор Боровский († до 1414; память 9/22 февраля); преподобный Никита Боровский († после 1421; память 1/14 мая); преподобный Ферапонт Боровенский, Калужский (XIV-XV вв.; память 27 мая/9 июня).

Собеседники преподобного Сергия: святой благоверный великий князь Димитрий Донской († 19 мая 1389 г.); преподобная Евфросиния Московская, в миру святая благоверная великая княгиня Евдокия († 6 июля 1407 г.); святитель Стефан, епископ Великопермский († 26 апреля 1396 г.); святитель Михаил, епископ Смоленский († 6 мая 1402 г.; память 28 ноября/11 декабря); святитель Дионисий, архиепископ Суздальский († 15 октября 1386 г.; память 26 июня»

9 июля); преподобный Евфимий Суздальский († 1 апреля 1405 г.; обретение мощей 4/17 июля); преподобный Димитрий Прилуцкий († 11 февраля 1392 г.); преподобный Стефан Махрицкий († 14 июля 1406 г.); преподобномученик Григорий Авнежский († 15 июня 1392 г.); преподобномученик Кассиан Авнежский († 15 июня 1392 г.); преподобный Феодор Ростовский († 22 октября 1409 г.); преподобный Павел Ростовский († после 1409; память 22 октября/4 ноября); преподобный Ферапонт Можайский, Белозерский († 27 мая 1426 г.; обретение мощей 27

декабря 1514 г.); преподобный Кирилл Белозерский († 9 июня 1427 г.).

Святые инок Трице-Сергиевой обители: святитель Вассиан I (Рыло), архиепископ Ростовский (игумен Трице-Сергиевой обители с 1455 по 1466 гг.) († 23 марта 1481 г.); преподобный Мартиниан Белозерский (игумен Трице-Сергиевой обители с 1447 по 1454 гг.) († 12 января 1483 г.); святитель Серапион, архиепископ Новгородский (игумен Трице-Сергиевой обители с 1495 по 1506 гг.) († 16 марта 1516 г.); преподобный Арсений Комельский (Сахарусов) (игумен Трице-Сергиевой обители с 1525 по 1527 гг.) († 24 августа 1556 г.); святитель Иоасаф, митрополит Московский (Скрипицын) (игумен Трице-Сергиевой обители с 1529 по 1539 гг.) († 27 июля 1556 г.); преподобный Максим Грек († 1556; память 21 января/3 февраля); священномученик Иоасаф Боровский (архимандрит Трице-Сергиевой обители с 1605 по 1609 гг.) († 5 июля 1610 г.; память 12/25 января); преподобный Иринарх пономарь († 1621; память 28 ноября/11 декабря, 12/25 января); преподобный Дионисий Радонежский (архимандрит Трице-Сергиевой обители с 1610 по 1633 гг.) († 12 мая 1633 г.); преподобный Дорофей книгохранитель († 1622; память 5/18 июня); святитель Иоасаф, епископ Белгородский (наместник Трице-Сергиевой лавры с 1745 по 1748 гг.) († 10 декабря 1754 г.; прославление 4 сентября 1911 г.); святитель Иннокентий, митрополит Московский (священноархимандрит-настоятель Трице-Сергиевой лавры с 1868 по 1879 гг.) († 31 марта 1879 г.; прославление 23 сентября 1977 г.).

Сисой, схимник Печерский, преподобный

Преподобный Сисой подвизался в XIII веке в Киево-Печерской обители. Он проводил пещерную жизнь свою в великих постнических трудах. Его воздержанию удивлялись знавшие его. Он победил все страсти плоти и духа и приобрел великую благодать от Бога. Проведше всю жизнь свою в подвигах иночества, он задолго до смерти предвидел свою кончину. В общей службе святым отцам, почивающим в Дальних пещерах, преподобный Сисой упоминается вместе с преподобным Григорием постником: «Сисое чудне и Григорие, имя от бодрости имевый, оба постом обуздавшие своя страсти...» Память преподобного Святая Церковь отмечает 6/19 июля и 28 августа/10 сентября вместе с Собором всех преподобных отцов Киево-Печерских, в Дальних пещерах почивающих.

Июль 8

Прокопий, Устюжский чудотворец, блаженный

В первой половине XIII века, во дни славы и могущества Новгорода, в числе заморских торговых гостей, приезжавших ежегодно во множестве, прибыл однажды с богатым грузом товаров немецкий купец. Какого он был рода и племени и из какого города – неизвестно. Без всякого сомнения, ему и его товарищам и на мысль не приходило долго пробыть, а тем более остаться навсегда в суровой и холодной России. Кто мог думать, что этот молодой купец, воспитанный в довольстве и роскоши и с младенчества налитанный враждебным Православию католическим учением, решится добровольно на всю жизнь подвергнуть себя всевозможным лишениям и страданиям, что при видимом скудоумии он сохранит мудрость и чистоту сердца, достигнет высоты нравственного совершенства, сделается украшением Православной Церкви, великим чудотворцем, защитником и покровителем своего нового отечества. Истинно, сила Божия в немощи совершается (2Кор. 12, 9). Дивны дела Господни, дивен Бог во святых Своих!

Когда Прокопий прибыл в Новгород, то невольно был поражен множеством и красотой церквей и монастырей, доброгласным звоном многочисленных колоколов, набожностью и усердием народа к церковным службам – чего он никогда не думал встретить между людьми, не повинующимися римскому первосвященнику. А когда молодой человек по своей любознательности посетил храм Св. Софии и другие церкви и монастыри, услышал стройное пение ликов, увидел чинное и благоговейное служение, торжественность и благолепие обрядов Православной Церкви, то благодать Божия коснулась его сердца. Он умилился до глубины души, так что не захотел уже больше возвращаться на родину, решился принять Православие и стал искать человека, который бы мог научить его догматам веры и уставам Православной Церкви. Ему указали на Хутынский монастырь, незадолго (1192 г.) пред тем основанный и славившийся строгостью устава и святостью жизни своих иноков.

В то время в монастыре подвизался старец Варлаам Прокшинич, старавшийся во всем подражать прп. Варлааму Хутынскому († 1192; память 6/19 ноября), основателю обители. К нему обратился Прокопий и, припавши к ногам, со слезами просил научить его истинной вере. Сначала удивительным показалось старцу, что молодой и богатый иностранец, приехавший в Новгород для торговли, ищет Православия, но, убедившись в искренности желания Прокопия, с отеческой любовью принял его к себе и стал учить заповедям Божиим, уставам и чиноположениям Православной Церкви. Не напрасны были наставления и труды мудрого подвижника: Прокопий с охотой слушал примеры из отеческих писаний, житий святых и собственных наблюдений старца и старался запечатлеть в своем сердце. Особенно трогали его жития преподобных и Христа ради юродивых, добровольно подвергавшихся различным лишениям и трудам и при этом еще старавшихся скрывать свои подвиги от людей. «Вот, – думал он, – как люди трудились и терпели для спасения своей души; вот примеры, которым я должен подражать». И с каждым днем более и более стал чувствовать отвращение от мирской жизни и возгораться любовью к Богу. Наконец, он раздал все свое имение и богатство частью нищим, частью на сооружение храма в Хутынской обители и, решительно ничего не оставив себе, стал жить в обители как один из странных, ежедневно посещая все церковные службы и усердно служа братии. Избавившись от всех попечений и житейских забот, Прокопий ощутил спокойствие в своей душе, новый образ жизни сердечно ему понравился, и он желал всю свою жизнь провести в тишине уединенной келлии под мирным кровом святой обители.

Но новгородцы, узнавши о том, что Прокопий принял святую веру и раздал все свое имение, стали хвалить и превозносить его. Некоторые даже нарочно приходили на Хутынь, чтобы только видеть Прокопия, потому что слава о нем распространилась во всех концах города и пятинах новгородских. Тяжело было Прокопию слышать о себе такие разговоры. Людская слава, лишившая покоя его смиренное сердце, сделалась для него невыносимым бременем. Опасаясь

из-за нее лишиться славы небесной, он открыл старцу Варлааму свою душевную скорбь и стал просить у него совета и благословения удалиться куда-либо, где бы его никто не знал. Старец сперва удерживал его, советуя лучше не выходить из обители и даже заключиться в затвор, но непреклонно было желание Прокопия, как будто что влекло его из обители. И сколько Варлаам ни старался, не мог остановить его, и, преподавши наставление, старец с молитвой и благословением отпустил своего ученика в путь.

Без всяких средств к жизни, не взявши ничего даже на дорогу, в бедной одежде Прокопий вышел из монастыря. Он спешил оставить Новгородские пределы и устремился в неизвестные ему восточные страны, тогда еще не густо населенные и покрытые дремучими лесами и болотами. Часто усталому страннику после длинного целодневного пути приходилось оставаться без пищи, спать на улице под дождем и ветром, если не встречалось сострадательного человека, который бы вызвался накормить и успокоить его, ибо Прокопий, сколько бы ни был голоден, никогда ничего не просил и представлял из себя глупого. Много насмешек и оскорблений, ругательств и побоев перенес он от грубых людей на пути, много привелось ему в своем ветхом рубище потерпеть и от летнего жара и насекомых и от зимних вьюг и трескучих морозов. Но он не унывал и не падал духом, зная, что каждый день добровольных его злостраданий, каждый шаг по этому узкому и истинно крестному пути приближают его к вечному покою и Небесной Отчизне. Юродствуя днем, он и ночью не давал себе покоя, проводил ее в коленопреклонении и молитвах, вспоминая слова апостола: *Многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян. 14, 22) и стараясь утешать себя тем, что все земные скорби, как бы они не казались нам велики и тяжки, ничто в сравнении с небесными за них наградами (Рим. 8, 18). Переходя таким образом из страны в страну, из города в город и все далее и далее углубляясь на восток, Прокопий дошел до Устюга.

Появление в городе неизвестного юродивого с кочергами в руках – ибо блаженный Прокопий носил в руках три кочерги или

деревянных клюки – и едва прикрытого рубищем скоро обратило на него внимание жителей. Он и здесь скоро сделался предметом насмешек и поругания людей грубых, которые не стыдились даже и бить его без всякой с его стороны причины. Несмотря на это, город понравился блаженному и он решился навсегда остаться в нем. Так Устюг сделался местом, назначенным ему Промыслом, где он должен был проводить и кончить свой многотрудный подвиг. Представляясь безумным и юродствуя днем на улицах города, он каждую ночь обходил все городские церкви, припадал на колени и со слезами молился в открытых их папертях. Когда же изнуренное постом и бдением тело его отказывалось служить и требовало отдохновения, он на краткое время ложился где попало: в некрытом сарае, на куче навоза, на голой земле или на камне, несмотря ни на какую погоду: и летом, и зимой, хотя изодранное рубище едва прикрывало его тело и он был почти наг и бос. Если сострадательные и добрые люди подавали ему милостыню, он принимал с любовью и благодарностью, но не каждый день. А от богачей, нажившихся неправдою, никогда ничего не брал, хотя был голоден, а нередко и по несколько дней оставался совершенно без всякой пищи. Это был мученик, из любви к Богу добровольно обрекший себя на скорби и лишения всякого рода. И как он возлюбил Господа всей душой, для Него оставил все свое богатство и передал себя изумительным подвигам самоотвержения, так и Господь возлюбил его и, подобно древним святым пророкам, даровал Своему избраннику дар предвидения и пророчества.

Долго скитаясь по городу, везде гонимый и оскорбляемый, праведный Прокопий избрал наконец местом постоянного своего жительства угол паперти огромного высокого соборного храма Успения Божией Матери, срубленного из дерева. Здесь стал он пребывать лето и зиму, не опуская ни одной церковной службы, ночи проводил в молитвах, а днем юродствовал по улицам города.

Много опытов духовной мудрости и прозорливости показал блаженный Прокопий во время многолетнего своего юродствования в Устюге. Когда он беседовал с людьми

благочестивыми, пред которыми не считал нужным скрываться, то каждое его слово и действие было наставлением и предостережением. Когда же юродствовал и казался помешанным, многие поступки его для людей внимательных имели смысл пророческий. Замечали, например, что когда он бегал по городу и, размахивая своими кочергами, держал их головами кверху, то в тот год бывал хороший урожай на хлеб и плоды; если же оборачивал кочерги головами книзу, то бывал неурожай и во всем недостаток, так что приходилось невольно всем смиряться.

Важнейшим из многих пророческих предсказаний и чудес праведного Прокопия было избавление Устюга от истребления каменно-огненной тучей. Это было в 1290 году, за 13 лет до его кончины.

В один воскресный день, когда было много народа за службой в соборе, юродивый вдруг обратился ко всем с таким увещанием: «Приближается гнев Божий, покайтесь, братия, во грехах ваших, умиловляйте Бога постом и молитвой, иначе город погибнет от града огненного». «Он не в своем уме и никогда не говорит ничего дельного. Что его слушать?» – сказали устюжане и не обратили никакого внимания на слова праведника. Любвеобильному сердцу Прокопия тяжело было встретить в гражданах такую беспечность и легкомыслие в то время, когда страшная опасность, угрожавшая им, уже висела над городом. От печали и горести сердца он едва мог дстоять до окончания литургии и, вышедши на паперть, удалился в свой угол, зарыдал и, обливаясь слезами, проплакал весь тот день и ночь, да и на другой день не переставал плакать. Некоторые сострадательные люди, видя его неутешный плач, спрашивали его: «Что с тобою, Прокопий, что ты непрестанно плачешь? Что у тебя за печаль на сердце?» Обливаясь слезами, он отвечал им словами Спасителя: *Бдите и молитесь, да не внидите в напасть* (Мф. 24, 41). На третий день блаженный Прокопий пошел по всему городу проповедовать покаяние жителям, со слезами всем и каждому он говорил: «Плачьте, други, плачьте о грехах ваших, гибель близка, молитесь, чтобы избавил вас Господь от праведного Своего гнева и не погубил вас, как

Содом и Гоморру, за беззакония ваши». Но и эта вторая проповедь осталась бесплодной, ожестевшие во грехах устюжане оказались хуже ниневитян. Они не только не думали каяться, но еще смеялись и издевались над проповедником, как над безумным. Молитвенником за погибающий город остался один Прокопий, печально возвратившийся в свой угол на паперти. В следующее воскресенье в полдень явилось на небосклоне черное облако. Приближаясь к городу, оно стало расти более и более, так что наконец день превратился в темную ночь. Молнии бегали огненными полосами, и страшные грохоты грома раздавались в воздухе, не прерываясь ни на минуту. Тогда-то увидели, что городу грозит гибель, вспомнили о проповеди Прокопия и поверили ему. И стар, и млад, и нищие, и богатые – все бросились в храмы, особенно же в соборный храм Богородицы. Прокопий был уже там и, падши пред иконой Благовещения Богородицы, с горькими слезами молился, чтобы Мать Божия была Ходатаицей за людей преступных. И весь народ с рыданием молился о спасении от гнева Божия, все единогласно зывали: «Владычице, спаси нас!» Долго молился блаженный, не поднимая головы своей от пола и орошая его своими слезами, и вот от иконы Богородицы потекло ручейком миро и по храму разлилось благоухание. В то же время произошла перемена в воздухе: не стало более удушливого зноя, утихли молнии и громы, разошлись тучи. Скоро узнали, что за 20 верст от Устюга, в Котовальской волости, упали с градом раскаленные камни. И долго был виден ломаный опаленный лес, над которым разразился гнев Божий, пощадивший город, в страх и свидетельство будущим родам. Но никто не был поражен ни в городе, ни в окрестностях. Между тем мира от святой иконы истекло столько, что им наполнили церковные сосуды, мазавшиеся им получали исцеление от различных болезней, а две бесноватые женщины освободились от своего лютого мучителя. Общая радость заступила место печали и распространилась по всему городу. Это чудное избавление города от неминуемой и явной гибели обратило было внимание граждан на Прокопия, но он приписал его милосердию и ходатайству Божией Матери и по-прежнему

продолжал свой подвиг и юродством закрывал от людей обильную благодать, в нем обитавшую.

Любимым местом, где часто и долго сживал блаженный Прокопий, был камень на берегу реки Сухоны, неподалеку от собора. Здесь, смотря на плавающих в малых лодках через большую реку, он молился, чтобы они не потонули, и убедительно просил мимоходящих погребсти его тут. «Положите здесь мои кости, на этом месте, а камень сей, на котором сию ныне, положите на моей могиле, и воздаст вам Господь благое в день праведного суда Своего», – говорил он устюжанам.

Когда Прокопий пришел в Устюг, были еще в живых престарелые супруги Иоанн и Мария, заслужившие от современников название праведных (память 29 мая/11 июня). Юродствуя по городу, он иногда заходил к ним в дом, беседовал с ними о пользе души, что доставляло старцам несказанное удовольствие, так как и он сам, и праведные супруги, хотя и различными путями, стремились к одной и той же цели. Но особенным другом и собеседником его был преподобный Киприан († 1276; память 29 сентября/12 октября), основатель Устюжского Архангельского монастыря. Однако ни у Иоанна и Марии, ни у Киприана самопроизвольный мученик не искал покоя для своей плоти и не хотел пользоваться никакими удобствами земной жизни. После их блаженной кончины ближе других к юродивому был благочестивый клирик соборной церкви Симеон, впоследствии родитель свт. Стефана Пермского († 1396; память 26 апреля/9 мая). В продолжение многих лет Симеон был очевидным свидетелем пребывания Прокопия на соборной паперти и умел усмотреть в нем под кровом юродства великую духовную мудрость и обилие благодати Божией. Ему мы обязаны приведением в известность и сохранением для потомства следующего дивного события из жизни блаженного Прокопия.

Уже в последний год жизни Прокопия зима настала столь жестока и сурова, что такой не помнили старожилы. Сильная вьюга, продолжавшаяся две недели, занесла снегом дома даже внутри города, а мороз и северный ветер так были резки, что птицы падали мертвые и много погибло скота. Множество

народа померзло в городе и окрестностях, особенно терпели нищие и странные, стеная из глубины сердца. Можно представить себе, каково было в этот мороз нагому Прокопию, который обыкновенно проводил труженическую жизнь свою на высокой холодной соборной паперти, не имел ни храмины, ни постели, ни теплой одежды. Ослабевший от старости и терзаемый нестерпимым морозом, он вышел было из паперти и пытался найти теплый угол, чтобы хотя сколько-нибудь погреться, но когда не удалось, принужден был возвратиться на прежнее место и здесь, забытый и оставленный всеми, переносил невероятные страдания. Когда выюга унялась и стало несколько теплее, юродивый вышел из паперти и направился за церковь, в угольный дом, к любимому им клирику Симеону. Как бы нисколько не пострадав от мороза, с светлым лицом и приятным смехом он вошел в комнату, спрашивая хозяина. Изумился Симеон, увидевши у себя юродивого, ибо думал, что он замерз во время столь лютого продолжительного мороза, и, обнявши его со слезами, с радостью спешил приветствовать и принять дорогого гостя. Когда начали разговаривать, Прокопий спросил Симеона: «Для чего ты, брат мой, так скорбел и сетовал обо мне и теперь плачешь? Не унывай, приготовь трапезу, чтобы нам вместе вкусить сегодня пищи». Симеон обрадовался неожиданному предложению и не знал, как и благодарить за него гостя. Между тем, пока готовили и собирали на стол, блаженный Прокопий опять спросил Симеона: «Скажи мне искренне, добрый брат мой, ты много пожалел обо мне, странном человеке, думая, что я уже замерз от этой лютой стужи? Что же было бы тогда с братьями моими нищими? Нет! Хранит Господь любящих Его, близок к сокрушенным сердцем и спасает смиренных Пресвятым Своим Духом. Если ты и впредь будешь любить меня, то получишь много утешения для души. Не проливай же более обо мне слез, ибо великая радость бывает человеку, который скорбит всей душой и всем сердцем своим уповает на Бога и в сем веке, и в будущем». Из этих слов блаженного Симеон понял, что нечто дивное совершилось с ним во время страшного мороза, и, дружески обнимая и целуя его, стал спрашивать блаженного о

его терпении, умоляя не таить благодати Божией и не скрывать от него, как обнаженное старческое тело его в течение стольких дней и ночей могло перенести такую страшную стужу. Долго молчал блаженный Прокопий, как бы о чем размышлял, и, вздохнув из глубины сердца, сквозь слезы отвечал: «Какую пользу хочешь ты, брат мой, получить от нечистого и юродивого, валяющегося в смраде грехов своих? Но великая любовь твоя ко мне побуждает поведать тебе мою тайну. Заклинаю тебя однако же Богом, Создателем и Спасителем нашим Иисусом Христом, что пока я жив, ты не откроешь того, что я поведаю теперь любви твоей». Симеон поклялся сохранить тайну, и блаженный Прокопий открыл ему следующее.

«Когда впервые поднялась эта страшная вьюга, ужаснулся я и уже отчаялся в жизни, думая, что не в силах буду перенести ее в моей наготе. Малодушествовал я и вышел ночью из паперти соборной, из под крова Божией Матери. Сперва устремился я к стоящим напротив собора малым хижинам убогих людей, надеясь обрести у них хотя краткий покой и укрыться от стужи, но они не только не пустили меня, а еще, выскочив из хижин, палками прогнали меня, как какого-нибудь пса, ругаясь и крича вслед: «Прочь, прочь отсюда, мерзкий юродивый!» В страхе бежал я от них уже и сам не знаю куда, дорогой мысленно молился и говорил сам с собою: «Буди имя Господне благословенно отныне и до века; лучше умереть мне Христа ради, и Господь вменит мне то в праведность». Не видя от вьюги пред собой ничего, набрел я дорогой на пустую хижину, в углу которой лежало несколько псов, спрятавшихся от мороза. Я лег было подле них, чтобы хотя сколько-нибудь от них согреться, но они, увидев меня, все вскочили и бросились вон. Тогда я подумал: «Вот до чего я мерзок и грешен, что не только нищие, но и псы гнушаются мною». Тогда пришла мне на сердце такая мысль: люди отвергли меня, никому я не нужен, возвращусь на старое место, пусть будет что угодно Богу, если и умру, так в святом месте, под кровом Божией Матери. И собравши последние силы, побежал обратно к церкви. Вошедши на паперть, я сел в углу, скорчившись от жестокого холода. Все члены мои дрожали, а я, взирая на икону

Спасителя и Божией Матери, плакал и молился, но молился уже о спасении души, ибо уже жить не надеялся и каждый вздох казался мне последним, так как тело мое совсем оцепенело и посинело. Когда я наконец начал забываться и терять сознание, вдруг почувствовал какую-то необыкновенно приятную теплоту, открыв уже смежившиеся глаза, я увидел пред собой прекрасного юношу, лицо которого было так светло, что невозможно было смотреть на него, как будто горел на нем луч солнца. В руке у него была чудная ветвь, расцветшая всякими цветами – и белыми, и алыми, испускавшими из себя чудные ароматы – не мира сего тленная ветвь, но райская. Взглянув на меня, он сказал: «Прокопий, где ты ныне?» «Сижу во тьме и сени смертной, окован железом», – сказал я ему в ответ. Тогда юноша ударил меня цветущей благовонной ветвью прямо в лицо и сказал: «Приими ныне неувядаемую жизнь во все твое тело и разрешение оцепенения, постигшего тебя от мороза». И вдруг посреди невыносимой зимней стужи благовоние весенних цветов проникло в мое сердце и наполнило меня всего. Как молния, блеснул и скрылся от меня небесный посланник, но жизнь, данная им оцепеневшим моим членам, прижилась мне, и я жив доселе. Вот что случилось со мной, грешным юродом, в это страшное время, но ты, брат мой, помни свои клятвы и никому не рассказывай о том ранее моей смерти». Сказав это, блаженный Прокопий поспешно вышел из дома Симеона и возвратился на соборную паперть, чтобы продолжать свои подвиги непрестанной молитвы к Богу и юродства пред людьми.

Не напрасно питал духовную приязнь к благочестивому Симеону угодник Божий, провидя прозорливым оком священную леторосль, имевшую от него возникнуть. Но не ему открыл он сию радостную тайну, а той, которой еще в детстве предназначено было в супружестве с Симеоном родить великого Стефана. Еще трех только лет была сия блаженная Мария, дочь посадского человека Великого Устюга. Случилось ей однажды идти с родителями мимо соборной церкви Успения Богоматери во время вечернего пения, когда много народа стояло около церкви, внимая Божественной службе. Прокопий вышел из паперти и, как бы юродствуя пред людьми,

поклонился до земли отроковице и громко сказал: «Вот идет мать великого отца нашего Стефана, епископа и учителя Пермского». Подивились богомольцы, слыша слова юродивого, и едва ли кто из них принял их за пророчество и поверил им, ибо в то время не было еще в Перми ни одной христианской души. Ну а Мария, впоследствии вступившая в супружество с Симеоном, действительно стала матерью Стефана, апостола зырян.

Прибывши в Устюг еще в лучшей поре своего возраста, блаженный Прокопий достиг глубокой старости и давно уже был покрыт сединой, хотя по-прежнему бодрым духом и с юношеским жаром продолжал свои изумительные подвиги, что никому из граждан и на мысль не приходило, что великий подвижник доживает уже последние свои дни и что скоро они должны будут расстаться с ним. Однажды, когда праведник ночью молился на паперти, явился ему Ангел Божий и возвестил о скором окончании его подвига, об отшествии его к Богу, назначив и самый день его кончины. С величайшей радостью услышал о том Прокопий и еще более предался подвигам самой пламенной молитвы, в течение нескольких дней не отходил от храма Пресвятой Богородицы, готовясь к своему исходу. На 8 июля ночью вышел он из соборной паперти и направился к обители покойного друга своего прп. Киприана. Там перед святыми вратами праведный Прокопий, встав на колени, последний раз вознес пламенную молитву к Богу, благодаря Его за все благодеяния, которыми Господь наградил его в жизни от первых дней юности до старости, призвав его от мрака заблуждения к свету истины и из страны далекой приведши в богоспасаемый град Устюг, под кров дома Пресвятой Богородицы. Отошедши от святых ворот на конец моста, Прокопий возлег тут и, оградив себя крестным знаменiem, сложил крестообразно руки на груди и с молитвой испустил дух.

Как бы для того, чтобы святое и многострадальное тело его не осталось без крова в ту же ночь, несмотря на летнюю пору, выпал снег и покрыл землю на две четверти, а над мощами блаженного Прокопия снежной бурей наваяло сугроб в две

сажени вышины. Изумились устюжане, вставши поутру и видя дома и улицы, покрытые снегом. Погибли, думали они, весь хлеб и овощи, но настал жаркий солнечный день и к вечеру снег растаял, не повредив растительности. Между тем соборные священнослужители заметили, что против постоянного обычая, какого блаженный держался в течение многих десятков лет, его не было в церкви на утреннем пении, и начали о нем спрашивать горожан, но никто ничего не мог сказать. Тогда стали искать его по всему городу, обошли все церкви и опять нигде не могли его найти. Только на четвертый день обрели святое тело блаженного на конце моста к монастырю, лежащее на голой земле и покрытое сугробом снега, который служил ему покровом и все еще не растаял, тогда как в других местах везде было уже сухо. С благоговением и слезами священнослужители подняли тело блаженного трудника и всем собором, с пением псалмов, свечами и фимиамом, на головах своих перенесли его в соборную церковь и оставили там до тех пор, пока все граждане не соберутся на погребение. На том месте, где обретено было тело его, в память события водрузили деревянный крест, а потом, по времени, заменили его каменным и построили часовню.

Сошелся весь народ Великого Устюга с женами и детьми в соборную церковь Божией Матери, и началось надгробное пение среди всеобщего плача и рыдания. Со слезами благодарности вспоминали граждане отеческие заботы юродивого о их спасении, его предсказания и проповедь пред нашествием гнева Божия, чудное избавление города от огненной тучи и многие другие знамения, бывшие от блаженного. Многие неутешно плакали и скорбели о том, что по своему невежеству и грубости считали его безумным, смеялись и оскорбляли его. По совершении надгробного пения тело блаженного с великой честью было отнесено на берег реки Сухоны на то место, где он любил сидеть на камне и молиться о плавающих по реке и где просил похоронить его. Там и предали тело его земле и камень положили на его могилу, начертав на нем год, месяц и число его кончины. Это было в 1303 году.

Устюжане, не умевшие понять и оценить человека Божия при жизни, не умели сохранить и передать потомству подробностей чудного его жития, хотя он прожил в их городе более полувека и был известен каждому. «Многострадальное же житие того и прозорливство не бе предано писанию исперва, но токмо повествованиями сказовашеся от древних последним», – говорит свт. Димитрий Ростовский. Уже много лет спустя после блаженной кончины праведника, когда множество полученных от него чудесных исцелений побудило устюжан построить над могилой его храм во имя его и установить день празднования его памяти, они собрали и записали о житии блаженного Прокопия то, что еще сохранилось в предании народа и рассказах отцов и дедов.

Прошло более 130 лет после кончины блаженного Прокопия, а место его погребения оставалось ничем не огражденным, кроме одного лежащего на нем камня. Поскорбел душой об этом один убогий человек, по имени Иоанн, который слышал о великих подвигах блаженного Прокопия. Стал он подражать его чудному житию и, написав священный лик его, поставил в часовню, которую соорудил своими руками над его гробом, ради памяти и поклонения благочестивых людей. Но помысл лукавый взошел в сердце священнослужителей; они изгнали благоговейного пришельца, вынесли образ и разметали часовню.

Протекло не более тринадцати лет после сего события, когда повелением великого князя Иоанна Васильевича со всех сторон собиралась рать на Казань, и с Великого Устюга пришли ратники в Нижний Новгород, где долгое время стояли на страже от нашествия казанских татар. В то время попущением Божиим за грехи людей повальная болезнь свирепствовала в Нижнем. И это было началом прославления угодника Божия, ибо он начал являться в ночных видениях многим из своих горожан в том знакомом им образе, как они привыкли его видеть на иконе в своей часовне устюжской. Блаженный говорил им, чтобы они дали обещание поставить в Великом Устюге церковь в память Христа ради юродивого Прокопия, и минуется их болезнь. Те из них, которые дали обет сей, исцелились, те же, которые по

жестокосердию своему не уверовали, умерли от болезни. Спасшиеся столь чудесно от неминуемой смерти ратники по возвращении в Устюг действительно построили церковь, но не во имя его, а в честь святых благоверных князей Бориса и Глеба и великомученика Георгия. Но эта церковь, как бы в наказание за преслушание повеления праведного Прокопия, 1 августа 1490 года сгорела от молнии. Тогда устюжане, в другой раз ходившие для защиты Нижнего от татар, при возвращении домой нарубили на берегу реки Сухоны лесу, приплыли на нем в Устюг и в 1495 году построили из него новую церковь уже во имя праведного Прокопия (на 192-м году после его преставления), так как к тому времени святость его была засвидетельствована многими чудесами. С этого времени чаще стали являться исцеления и чудеса от его гроба.

Московский Собор 1547 г. причислил праведного Прокопия к лику святых и установил совершать ему память 8/21 июля.

Прокопий Устьянский, праведный

Нетленные мощи праведного Прокопия были обретены в XVII веке в Вельском уезде Вологодской земли, на берегу реки Устья, неподалеку от приходского храма села Верюги. Земля обнажила гроб, сплетенный из ивовых прутьев. В нем лежало целое, как будто только что погребенное тело, которое издавало благоухание. От мощей стали происходить благодатные исцеления, и окрестные жители поставили над ними часовню.

Вскоре неизвестный праведник явился благочестивому местному жителю Савелию Антропову и приказал сделать ему новый гроб. На вопрос Савелия, кто он, явившийся назвал себя Прокопием и объяснил, что он тот, чьи нетленные мощи недавно явились при приходской церкви в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Савелий рассказал народу о бывшем явлении и сделал новый гроб, в который с благоговением переложил святые мощи, а старый гроб был бережно разобран верующими по прутикам в благословение. Так стало известно имя праведника. После того, как Введенская церковь обветшала, выстроили новую деревянную, около южной стены которой и были поставлены святые мощи. Там они находились в течение двухсот лет в открытом виде, источая многочисленные чудеса. Святые мощи праведного Прокопия почивали в старинной деревянной гробнице, украшенной резьбой, под балдахином.

Благодаря заботам сольвычегодского купца Иоанна Ермолаева, усердно почитавшего и молившегося праведному Прокопию, в 1652 году иконописец Онисим Карамзин написал образ праведника.

В 1645 (или в 1696) и в 1739 гг. мощи праведного Прокопия были освидетельствованы, после чего в 1764 году был освящен придел во имя праведного Прокопия, а в 1774 году среди поля над источником устроена часовня, в которой находился чудотворный образ святого Прокопия.

В 1818 году было установлено повсеместное празднование святого в 8-й день месяца июля. Преосвященный Онисифор,

епископ Вологодский, писал в Священный Синод: «Убеждаясь совестью и внушением Божественной благодати, признаю мощи сии святыми...»

Июль 10

Силуан схимник, преподобный, в Дальних пещерах почивающий

Преподобный Силуан жил в конце XIII – начале XIV вв. Он ревностно заботился о чистоте душевной и телесной. Чтобы приобрести ее, он соблюдал великое воздержание в пище и питии, присовокупляя всегдашние ночные бдения и молитвы. Умертвив греховную плоть свою, он сподобился от Господа обилия духовных дарований: особенного молитвенного дерзновения к Богу, постоянной радости о Господе, прозорливости и чудотворения. Приобретение духовных дарований соответствовало его подвигам духовным.

Сперва благодать Божия обильно исполняла его сердце и все существо его, а потом, подобно благовонному аромату, изливалась от него и на других. Назидательное слово его многих наставило на путь благочестия, а дар прозорливости и прозрения в духовный мир показывал в нем угодника Божия.

Вот пример его прозорливости. Преподобный Силуан был хранителем монастырского сада. Однажды воры пришли ночью в сад красть овощи. Преподобный, бывший в то время в келлии на молитве, провидел их приход и, чтобы довести их до сознания своего преступления, тотчас молитвой связал их на три дня, в продолжение которых они не могли двинуться со своего места. Приведши их таким образом в чувство раскаяния, святой наставил их вести трудолюбивую жизнь и затем отпустил.

Прозрение святых мужей еще более относится к миру духовному. Есть бесплотные хищники – враги нашего спасения, старающиеся похитить духовные сокровища сердца, расстроить нашу святую жизнь и сделать бесплодными все наши подвиги. Много нужно труда, чтобы приобрести прозрение всех вражьих козней и не допустить их обмануть нас. И кто очистит свою душу святой жизнью, тот получает дар Божий видеть и побеждать вражьи козни. Этот дар прозрения имел и преподобный Силуан. И потому как сам избежал козней диавольских, так и других предостерегал от них.

После долговременной трудолюбивой жизни преподобный преставился ко Господу. Мощи же его нетленно покоятся в Феодосиевых пещерах. Память преподобного совершается также 10/23 июня, 28 августа/10 сентября (в Соборе преподобных Дальних пещер) и во 2-ю неделю Великого поста (в Соборе всех Киево-Печерских преподобных).

Антоний Печерский, преподобный

«Восхвалим мужей славных и отцев наших в бытии, – говорит премудрый сын Сирахов, – многую славу создал в них Господь величием Своим от века; они оставили по себе имя и возможно поведать хвалу их; тела их в мире погребены были, а имена их живут в роды, премудрость их поведает люди и похвалу им исповедает Церковь». (Сир. 44, 1–14). К сим великим и славным мужам, которых похвала исповедуется во всей Церкви, принадлежит и отец бытия иноческого в России, великий Антоний Печерский, чрез которого многую славу создал Господь, ибо от его пещерной лавры процвели все пустынные обители земли Русской. Во дни просветителя равноапостольного князя Владимира благоволил Господь даровать Церкви Своей и сего светильника иночествующих.

На берегах Днепра, в городе Любече, близ Чернигова, в 983 году родился прп. Антоний, когда еще только начало распространяться христианство на Руси, и уже с юных лет пожелал жития иноческого, о котором еще только мог слышать, но не имел случая видеть иноков. Человеколюбивый Господь вложил ему в сердце идти в страну Греческую, чтобы там принять пострижение. И святой Антоний отправился в путь, подражая Господу, странствовавшему и трудившемуся ради нашего спасения. Достигнув Константинополя, юноша направился во святую гору Афонскую. Обходя ее монастыри, он удивлялся жизни в них святых отцов, которые, будучи во плоти, возвышались над человеческой природой, подражая в подвигах бесплотным Ангелам. И сильнее прежнего возгорелась в сердце Антония любовь ко Христу. Желая уподобиться по жизни инокам, он пошел в одну из обителей Афона и умолял игумена возложить на него ангельский образ. Прозирая в нем духовным оком избранный сосуд благодати, игумен не отказал ему в просьбе и постриг, наставив в заветах совершенного иночества. Новопостриженный инок во всем благоугождал Богу, подвизаясь на пути добродетели; но особенно преподобный Антоний преуспевал в покорности и послушании, так что все

радовались, глядя на его жизнь. Преподобный Антоний пробыл на Святой Горе, на месте своего пострижения, уже немалое время, являясь наставником ко спасению для многих и сам достигая больших степеней совершенства, когда игумен получил внушение от Бога отпустить преподобного на родину. Призвав его к себе, игумен сказал: «Антоний! Иди обратно в Русскую землю, пусть и там живущие через тебя преуспевают и утверждаются в вере христианской; да будет с тобою благословение Святой Горы!»

Приняв это благословение, как исходящее из уст Божиих, преподобный Антоний отправился в землю Русскую и прибыл в город Киев. Размышляя, где бы поселиться, он обошел монастыри, но не в одном из них не остановился – так было угодно Богу. Поэтому св. Антоний отправился в горы и глухие места и пришел на Берестово. Здесь он нашел пещеру, которую выкопали некогда варяги, сотворил молитву и поселился тут, пребывая в великом воздержании. Это было в 1013 году. Своим расположением на Киевских горах место подвигов преподобного Антония напоминало Святую Гору.

По преставлении благоверного князя Владимира в 1015 году власть захватил безбожный и окаянный Святополк, севший на великокняжеском престоле в Киеве. Желая истребить с лица земли своих братьев, он убил святых благоверных князей Бориса и Глеба (память 2/15 мая и 24 июля/6 августа). Видя такое кровопролитие, преподобный Антоний снова удалился на Святую Гору. Когда благоверный князь Ярослав Мудрый победил Святополка и занял Киев, тогда стал известен своим благочестием, постничеством и разумением Божественного Писания пресвитер именем Иларион, впоследствии святой митрополит Киевский (память 21 октября/3 ноября), автор «Слова о законе и благодати». Пресвитер Иларион удалялся временами из Берестова на Днепр, на холм, покрытый вековым лесом, где ныне находятся Дальние, или Феодосиевы, пещеры монастыря. В этом холме Иларион ископал себе пещеру сажени в две, где и молился втайне Богу, воспевая псалмы и творя поклоны.

Преподобный же Антоний в это время находился на Святой Горе, в монастыре своего пострижения. И опять игумену было откровение от Бога. «Пошли, – сказал Господь, – Антония снова в землю Русскую, ибо он Мне нужен там». Игумен, призвав преподобного, открыл ему: «Антоний! По воле Божией иди опять в землю Русскую, и да будет с тобою благословение Святой Горы!» Вместе с этим игумен предсказал преподобному, что в земле Русской он явится отцом многих черноризцев; затем, благословив Антония, игумен отпустил его с напутствием: «Иди с миром!»

С этим благословением преподобный Антоний опять пришел в Киев. Взойдя на холм, где Иларион ископал небольшую пещеру, преподобный Антоний возлюбил это место. Помолившись Богу со слезами, он сказал: «Господи! Да будет на сем месте благословение святой Афонской горы и молитва моего отца, меня постригавшего; утверди, Боже, мое вселение здесь!»

И здесь он водворился, продолжая афонский подвиг строгой жизни, вкушая только хлеб и воду, а иногда ничего во всю неделю; во бдении же пребывал день и ночь, и руками своими прилежно копал землю, распространяя пещеру. Многие, узнавши о святой жизни подвижника, приходили к нему, приносили все необходимое, прося благословения. Некоторые из посетителей изъявили желание и жить с ним, таков был, например, блаженный Никон, пресвитер из дальней Тмутаракани. Тогда же пришел к преподобному Антонию в пещеру преподобный Феодосий, имея 23 года от роду (память 3/16 мая, 14/27 августа). Прп. Антоний повелел преподобному Никону постричь молодого пришельца.

По прошествии многих лет умирает благоверный князь Ярослав, а княжеская власть переходит к старейшему сыну его Изяславу. К этому времени прп. Антоний уже прославился своими добродетелями по всей земле Русской, подобно великому подвижнику Антонию Египетскому. Узнав о подвижнической жизни прп. Антония, христоробивый князь Изяслав пришел к нему со своей дружиной, прося молитв и благословения. С этого времени еще более возросла

известность преподобного, почитаемого всеми. И начали к нему стекаться христороубцы, желая пострижения.

Среди этих христороубцев пришли к преподобному Антонию сначала блаженный Варлаам, сын знатного киевского боярина Иоанна, а потом Ефрем, евнух княжеский. Согласно выраженному ими желанию преподобный Антоний велел блаженному Никону их обоих постричь, что доставило преподобному с братией много неприятностей. Боярин Иоанн со множеством слуг прибыл в пещеру с яростью, разогнал богоизбранное Антониево стадо, сына своего блаженного Варлаама извлек из пещеры, сорвал с него монашеские одежды и, облекши его в светлые боярские одеяния, насильно отправил в свои палаты. Разгневался на преподобного Антония и сам князь Изяслав, узнав о пострижении боярского сына Варлаама и евнуха своего Ефрема. Князь повелел взять блаженного Никона, постригшего их, и с гневом и яростью угрожал отправить его вместе с прп. Антонием и братией в заточение, а самую пещеру их раскопать. Видя такой гнев князя, прп. Антоний решил оставить пещеру и идти с братией в Черниговское княжество. Узнав об этом намерении преподобного, княгиня стала умолять князя, чтобы он гневом своим не отгонял рабов Божиих из своей области. При этом княгиня указывала на пример гнева Божия, постигшего отечество ее, землю Ляхскую, за изгнание черноризцев. Вняв с трудом мольбам княгини, князь наконец образумился и убоился Бога: он послал к старцу просьбу о возвращении на покинутое место. Преподобного Антония едва нашли после трех дней розысков и умоляли возвратиться.

Таким образом преподобный отец наш Антоний снова вернулся в свою пещеру. Он непрестанно умолял Бога о разогнанных иноках. И Господь услышал молитву преподобного: не только снова возвратились братья с миром к своему пастырю, но и многие другие приходили к нему, умоляя обратить их к свету пути спасительного. Преподобный Антоний всех принимал с любовью и после наставлений, как должно следовать за Христом, повелевал блаженному Никону постригать желающих. И собралось около преподобного братии двенадцать человек. Общими усилиями была выкопана

большая пещера, а в ней устроены церковь и келлии, и в этой пещере пребыл прп. Антоний 40 лет. Когда уже было собрано довольно братии и устроена жизнь в обители по строгим иноческим уставам, преподобный Антоний, неизменно стремившийся к отшельничеству, поставил братии игумена Варлаама, а сам удалился в затвор в келлии той же пещеры, избегая всякой молвы. Потом для большего уединения переселился на другой, соседний, холм, ближе к нынешней великой лавре, и там начал копать себе иную пещеру, а игумен Варлаам с братией по его благословению остались в прежней. Если кто из иноков стремился к более суровой аскетической жизни, он поселялся рядом с преподобным Антонием; так стал образовываться монастырь Ближних, или Антониевых, пещер.

Монастырь же на старом месте постепенно благоустраивался. Число братии росло, пещерный храм стал слишком мал. Тогда пришли игумен и братия к преподобному и просили благословения поставить малую церковь на холме вне пещеры, и благословил их на то Антоний. Убогая сия церковь во имя Успения Богоматери послужила началом великой лавры Печерской.

После устройства малой надпещерной церкви князь Изяслав, во святом крещении Димитрий, создал каменный храм в честь святого, христианское имя которого носил, то есть в честь великомученика Димитрия; при храме он устроил монастырь. На игуменство для этого монастыря князь Изяслав взял игумена Варлаама. Надеясь на богатство, он хотел свой монастырь возвысить пред монастырем Печерским. Но, как замечает преподобный летописец Нестор (память 27 октября/9 ноября), хотя и много монастырей бывают поставляемы от князей и бояр их богатством, не таковы они, как те, которые поставляются молитвами святых, слезами их и пощением. Так и прп. Антоний, не имея ни злата, ни серебра, несравненную возрастил обитель, поливая ее слезами, которая внезапно процвела из пещерного семени и, как ветвистое дерево, разрослась над всей Русской землей.

После того, как блаженный Варлаам перешел в монастырь св. великомученика Димитрия, оставшиеся без игумена братия

после совещания пришли к прп. Антонию с такими словами: «Отче, поставь нам игумена». «Кого же вы хотите?» – спросил преподобный. «Кого хочет Бог, Пресвятая Богородица и ты, честный отче», – отвечали пришедшие. «Тот из вас, – решил преподобный Антоний, – который отличается послушанием, кротостью и смирением, пусть и будет вам игуменом». Тогда братия единодушно начали просить преподобного Антония, чтобы он благословил на игуменство преподобного Феодосия как единокровного ему и во всех благих делах искусного; и благословил его преподобный Антоний на игуменство.

Сделавшись игуменом, преподобный Феодосий с усиленным тщанием начал заботиться об обители, присоединяя к этим заботам строгое пощение и слезные молитвы; великое содействие оказывали ему молитвы и благословение начальника его, преподобного отца нашего Антония, наедине безмолвствующего. И Господь начал умножать черноризцев, так что вскоре под водительством преподобного Феодосия оказалось до 100 человек. Преподобный Феодосий, видя такое умножение, стал совещаться с братией об устройстве монастыря. Потом он отправился к прп. Антонию и сказал ему: «Отче! Братия все более и более возрастают в числе, – не поставить ли нам монастырь?» Преподобный Антоний обрадовался: «Благословен Бог, – воскликнул он, – за все! Молитва же Пресвятой Богородицы и отцов Святой Горы да будет с вами и да содействует вам». Затем он послал одного из братьев сказать князю Изяславу: «Князь христолюбивый! Бог умножает братию, а место, где мы поселились, тесно. Просим тебя: благоволи отдать нам гору, которая над пещерой». Князь, услышав слова эти, исполнился радости и послал своего боярина, чтобы тот дал им просимую гору. На этой-то горе преподобный Феодосий и братия его основали большую деревянную церковь, украсили ее иконами, поставили много келлий, куда и переселились иноки из своих пещер, и оградил монастырь столбами. С этого времени монастырь стал называться Печерским, так как прежде черноризцы жили в пещере.

После этого решил прп. Феодосий оградить монастырь оградой мысленной, то есть уставом, определяющим жизнь иночествующих не только в затворе, но и монастыре. Он начал искать подходящий для указанной цели монастырский устав. И в данном случае ему поспешествовали молитва и благословение преподобного отца нашего Антония; нашелся один честный инок Студийского монастыря, по имени Михаил, пришедший из Греции с митрополитом Георгием. К нему-то и обратился преподобный игумен об уставе отцов Студийских: как поются у них песнопения, что и когда читают, как держать поклоны, спрашивал о стоянии в церкви и седании на трапезе, о роде пищи и днях поста. Подробно узнав обо всем от Михаила, прп. Феодосий установил все это и в своем монастыре. А от Печерского монастыря Студийский устав переняли и все другие русские монастыри.

Преподобный Антоний, проводя уединенную жизнь в другой пещере, славя Бога в молитвах и подвигах, преуспевая во всех добродетелях, телесных и душевных, восходил от силы в силу. И изливалась благодать Божия чудными дарами на преподобного исцелениями и пророчествами. Не только исцелял он духовно, но и телесно своими молитвами, смиренномудрием покрывая данную ему благодать. Преподобный Антоний подавал болящим вместо благословения зелье, которым питался, и они получали здравие. Подражателем сего чудного образа врачевания он оставил по себе преподобного Агапита Печерского, безмездного врача (память 1/14 июня).

О даре же предвидения святого Антония, кроме других примеров, свидетельствуют еще следующие. Три князя Ярославича: Изяслав Киевский, Святослав Черниговский, Всеволод Переяславский, отправляясь на войну с половцами, пришли к преподобному Антонию, прося благословения. Он же, провидев гнев Божий, имеющий их постигнуть, сказал им: «За ваши грехи вы будете побеждены варварами и обращены в бегство. Многие из ваших воинов утонут в реке, другие будут взяты в плен, а остальные падут от меча». Что и сбылось после битвы на реке Альте, когда князья, едва сохранив жизнь,

бежали: Изяслав и Всеволод – в Киев, Святослав – в Чернигов. Половцы же рассеялись по юго-восточным окраинам Русской земли, пленяя и губя ее жителей.

Вместе с этим пророчеством преподобный Антоний предсказал Симону, сыну князя варяжского Африкана, что он по благодати Божией в помянутой битве не только избегнет смерти, находясь уже среди трупов, но спустя много лет первым будет положен в каменной Печерской церкви, о которой также предвозвестил, что она устроится чудесным образом. По возвращении с поля битвы Симон поведал преподобному Антонию, что, действительно, лежал он раненный, среди убитых, но какая-то Божественная сила исхитила его из их среды и исцелила от ран, что и всех своих близких воинов нашел невредимыми. Говорил также Симон и об исполнении пророчества о построении церкви: «Видел я дважды на воздухе подобие церкви, которая должна создаться и которая будет местом моего упокоения: при реке Альте, находясь среди убитых, и еще раньше на море, когда бежал в Русскую землю к князю Ярославу от дяди Якуна, изгнавшего меня из варяжского княжества». Затем Симон самым делом подтвердил свои слова о явленном ему благословении Божиим к созданию церкви. Он принес с собой пояс и золотой венец и вручил их преподобному Антонию, говоря: «Я снял сии предметы с образа Иисуса, распятого на кресте, когда уходил из своего отечества. При этом был глас Господень, да измерится этим поясом основание церкви, подобие коей я видел и в коей по твоему предсказанию я буду положен по смерти. Венец же этот пусть будет повешен над жертвенником». С такой ясностью свидетельствовалось согласие Божия благоволения с пророчеством св. Антония. И еще более подтвердилось это пророчество, когда по прошествии многих лет в построенной каменной Печерской церкви первым был положен Симон.

Летописец вспоминает еще о тяжелой напасти, которую претерпел преподобный. Князь тьмы – диавол, не вынося света дел добрых, снова попытался через князя Изяслава лишить стольный Киев великого светильника, преподобного отца нашего Антония, и с этой целью устроил смятение. После

предсказанной преподобным победы половцев над русскими князьями киевляне стали побуждать князя своего Изяслава идти с ними против рассеявшихся по Руси врагов. Князь не согласился; тогда они произвели крамолу и освободили из темницы бывшего в плену в Киеве полоцкого князя Всеслава, которого и сделали своим князем. А Изяслав бежал в землю Ляхскую, в Польшу. Через семь месяцев он возвратился оттуда к Киеву с Болеславом Храбрым. Всеслав, тоже вышедший было им навстречу с войском, убежал затем тайком к Полоцку. Тогда Изяслав вошел в Киев. Он начал по наущению диавола гневаться на преподобного Антония, которого кто-то оклеветал пред ним, что будто бы Антоний любил Всеслава, давал ему советы, что он будто бы даже главный виновник всей смуты, происшедшей в Киеве. Преподобный же Антоний в это время служил в пещере болящему Исаакию затворнику (память 14/27 февраля), которого прельстил диавол, явившись в образе Иисуса Христа, и оставил еле живого, вовлеки в пляску с бесами. Это служение преподобного Антония болящим было особенно ненавистно обольстителю, опасавшемуся как бы Исаакий вскоре не исцелился душою и телом от сатанинского искушения. Поэтому диавол всячески и возбуждал гнев в князе Изяславе, чтобы тот изгнал преподобного Антония из Киевских пределов. И на некоторое время он достиг этого. Князь черниговский Святослав, узнавши, что брат его Изяслав сильно гневается на преподобного Антония, прислал за святым ночью и тайно взял его к себе в Чернигов. Преподобному Антонию полюбилось одно место близ Чернигова в горах Болдинских; здесь он выкопал себе пещеру и жил в ней (впоследствии на этом месте возник монастырь). Вскоре князь Изяслав, рассмотрев хорошенько и беспристрастно дело, убедился в незлобии святого и узнал козни искушителя. Сожалея о случившемся, он послал в пределы Черниговские к преподобному Антонию, умоляя его опять возвратиться в Киевскую область к своему богоизбранному стаду. Преподобный Антоний, кроткий и смиренный подвижник, склонился на эти просьбы: он возвратился к печерской братии, находившейся в смятении и забвении, как овцы без пастыря. Бог не хотел, чтобы

такой светильник, светозарное солнце Русской земли, как преподобный Антоний, положил начало благочинного иноческого жития в ином городе, кроме богоспасаемого стольного Киева, но откуда через благоверного князя Владимира (память 15/28 июля) воссиял свет православной веры во всю землю Русскую, оттуда же Господь благоволил воссиять через преподобного Антония и лучу совершенного закона подвижнического.

И после таких напастей не изнемог преподобный Антоний, но, восходя по ступеням все больших и больших подвигов, трудился в пещере, пока не одержал полной победы над немощной пред ним силой дьявола. По слову евангельскому, он изгонял род обольстителей молитвой и постом (Мк. 9, 29), а также и другими трудолюбивыми подвигами: бдением, стоянием и бесчисленным коленопреклонением на молитве. И до смерти он уже не оставлял своей темной пещеры, хотя жизнь его в ней была непрестанной борьбой с миродержателями тьмы века сего.

Снова поселившись в пещере, преподобный Антоний опять начал проявлять дар чудотворений и даже в более сильной степени. Он стал с великим тщанием заботиться о каменной Печерской церкви, о создании которой сам предсказал, получив к тому же свидетельство о благоволении Божиим к этому делу от Шимона. Преподобный Антоний совещался с преподобным игуменом Феодосием, молясь в то же время с усердием Небесному Зодчему, да благословит Он Сам Своими пречистыми руками и да содействует созданию дома Пречистой Своей Матери, Владычицы нашей Богородицы, ибо, говорил преподобный словами Давида, *еще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущии* (Пс. 126, 1). Когда преподобный Антоний подвизался в такой молитве, произошло дивное чудо: не отлучаясь от Печерского монастыря, как некогда преславный чудотворец святитель Николай от Мир, он вместе с единомышленником своим другом преподобным Феодосием явился в Константинополь, представ Царице Небесной, Пресвятой Богородице. Получив от Нее с преподобным Феодосием золото, он дал его мастерам-каменщикам, чтобы они по повелению

Царицы Небесной шли в землю Русскую для построения Печерской церкви.

Каменноздатели пришли из Греции и возвестили об этом чуде. И явил преподобный отец наш Антоний еще иные дивные чудеса, свойственные древним пророкам Гедеону и Илии (Суд. 6, 36–40; 3Цар. 18, 36–39). Когда каменщики-строители начали спрашивать преподобного о месте, на котором он желает воздвигнуть храм, то он три дня молился, чтобы Господь, Троичный в Лицах, Сам указал знамением с неба место, достойное для жилища Царицы Небесной. Когда собрались для избрания такого места, то по внушению Божию приехал князь Святослав и подарил под церковь принадлежавшее ему поле, примыкавшее к пещере. Но этого мало. Сам Царь славы, Господь Иисус Христос, явился преподобному Антонию, когда он стоял на молитве первую ночь. «Антоний! – сказал Господь. – Ты обрел благодать предо Мною». Услышав это, преподобный испросил у Господа, чтобы в эту ночь по всей земле была роса, а на предполагаемом для церкви месте – суша; в другую же ночь он испросил у Господа сушу, а на место, удобное Ему для храма, – росу. На третий день преподобный отец благословил предуказанное место и велел измерить его золотым поясом, взятым с иконы Спасителя и полученным от Шимона, – в тридцать поясов в длину и двадцать в ширину, как повелено было Шимону свыше. При этом, по молитве св. Антония, с неба сошел огонь, который не только сжег деревья, но самую землю ископал. Так чудесно было приготовлено место, где теперь сияет святая чудотворная, небеси подобная Печерская церковь.

Благословив чудесно место и начало здания церковного во святой Печерской обители, преподобный Антоний начал и сам приготовляться к отшествию к Церкви нерукотворенной, вечной, пребывающей во обителях Небесных, о которой св. ап. Иоанн в Откровении писал: *Храма не видех в нем* (то есть во святом Иерусалиме, нисшедшем с неба): *Господь бо Бог Вседержитель Храм ему есть* (Откр. 21, 10, 22). Так предсказала и Царица Небесная во время явления Своего во Влахерне, открывши строителям церкви: «Сей Антоний только

благословит вас на дело, ибо он сам отходит в вечный покой; за ним во второе лето последует и Феодосий».

Но в каком приготовлении нуждался преподобный Антоний? Имея добродетельное житие в пещере, как во всегдашнем гробе, он мог сказать с апостолом: *По вся дни умираю* (1Кор. 15, 31). Также мог сказать он неложно и с пророком: *Уготовихся и не смутихся сохранить заповеди Твоя* (Пс. 118, 60). Готовый сам, будучи в сердце своем праведен, к переходу в вечную жизнь, он душевно тревожился только о том, чтобы богоизбранное стадо его не оставить в смятении. Так исполнилось на преподобном слово апостольское: *Обдержимь же есмь от обою?, желание имый разрешитися, и со Христом быти, много паче лучше; А еже пребывати во плоти, нужнейше есть вас ради* (Флп. 1, 23–24). Преподобный Антоний, чувствуя приближение времени отшествия своего, утешал чад своих обещанием, что и по отшествии своем он не оставит того святого места, на котором подвизался, но, заботясь об обители, всегда будет посещать и надзирать ее, помогать живущим в ней и притекающим в нее с верою. Но особенно ценно превосходящее всякие наследия следующее благостное обетование преподобного Антония о месте своих подвигов: он обещал молитвами своими ходатайствовать, чтобы, как сам он отходит от тела с покаянием и уверенностью в помиловании, так того же сподобились и остальные, находящиеся здесь и имеющие любовь к нему, чтобы они тоже умирали в покаянии и были помилованы. 40 лет подвизался преподобный в первой пещере и 16 лет в другой, где и окончил свое житие временное, переменяв его на вечное в 10-й день июля месяца, в лето от создания мира 6581, а от Рождества Христова 1073, от рождения же в 90-е.

Честные мощи преподобного первоначальника тогда же были положены в пещере, где он преставился, то есть в пещере под великим монастырем. Но как сам преподобный отец во время жизни своей удалялся от глаз человеческих, тайно молясь в уединении Богу, так и мощам своим он испросил тот же дар – да будут они удалены от взоров людских. Ибо надлежало нашему российскому законодателю сподобиться

равного дарования с законодателем израильским. Подобно тому, как пророка Моисея при жизни не могли лицезреть во свете сияния, когда он принес закон с горы Синайской, точно так же не могли и прп. Антония, живущего в пещере, видеть во свете дел добрых, когда принес он закон для земли Русской с Афонской горы. Мощи Моисея, израильского законодателя, сокрыты от зрения, также сокровенны от взоров и мощи прп. Антония, российского законодателя. Честные мощи эти Сам Бог, дивный во святых Своих, чудотворно возбраняет видеть, ибо многие, имевшие дерзновение раскопать место, где положено честное тело прп. Антония, были наказуемы опалением огня и долго и много страдали телом, пока не раскаивались в своем дерзновении. Но хотя святые мощи невидимы для нас, однако помощью всегда с нами и близки ко всем призывающим его. Они творят много чудес, помогая всем с верою притекающим к честному гробу преподобного старца. С особенной силой отгоняют они от людей тьму бесовскую, как истинный свет и во тьме темного гроба святящийся, свет, который тьма бесовская никогда не может объять, он всегда блистанием своим разгоняет темные силы ада.

Святые останки преподобного Антония избавляют также и от различных недугов, воюющих не только тело, но и самую душу, как испытал это на себе св. Иоанн Многострадальный (память 18/31 июля). Сей угодник, ведя борьбу с нечистыми страстями в продолжение трех лет и много потерпев, будучи искушен на блуд, пришел ко гробу прп. Антония и молился здесь день и ночь. И вот он услышал глас преподобного к себе: «Иоанн, Иоанн, надобно тебе затвориться здесь в пещере, чтобы борьба твоя уничтожилась уединением и молчанием, и Господь поможет тебе». Иоанн так и сделал. И благодатью Божией по молитве прп. Антония был спасен и победил свои нечистые телесные страсти, хотя они и вооружались против него вместе с духами нечистыми в продолжение почти 30-ти лет, как пишется в его житии.

Не оставил, согласно обещанию, прп. Антоний святого места своего подвижничества. Непрестанно заботясь о нем, явился он по успении своем с прп. Феодосием в

Константинополе. Здесь он имел совещание с греческими иконописцами об изображении святых икон для церкви Печерской, дал иконописцам достаточно золота, как и прежде дал его строителям, и послал иконописцев в Киев, в свой монастырь, к его игумену блаженному Никону.

Во всех обещаниях своих преподобный Антоний оказался достоверен и благонадежен: он обещал любящим его помогать по отшествии своем, чтобы они, живя на святом месте том, кончали жизнь покаянием и сподоблялись помилования от Господа. Это слово его обетования чудотворно сбылось самым делом на блаженном Еразме, черноризце Печерском (память 24 февраля»

8 марта). Этот инок, скорбя о золоте, потраченном на украшение Печерской церкви, впал в лютый недуг. Семь дней лежал он без чувств и уже, по-видимому, приблизился к кончине, но никак не мог преставиться; ибо Господь не хотел, чтобы он скончался на том святом месте без покаяния. И вот на восьмой день блаженному Еразму явился преподобный Антоний с преподобным Феодосием и сказал: «Мы молились Богу о тебе, и Он даровал тебе время покаяния». Еразм тотчас выздоровел, принес покаяние во грехах и, помилованный Богом, скончался на третий день, сподобившись, как сообщается в его житии, причисления к лику святых.

«Прославим и мы, – говорит позднейший писатель жития его, – Человеколюбца Господа, даровавшего столь чудного первоначальника иночествующим земли Русской, которого тайные деяния ведомы Единому Сердцеведцу, и в книгах живота вечного пространнее записано житие его, нежели на земле, тростью книжною скорописца (Пс. 44, 2); от многих браней не обрелось древней рукописи, но то что сохранилось, мы собрали воедино, чтобы, прославляя первоначальника нашего, и нам сподобиться его обещания, быть общниками спасения и в покаянии окончить дни свои».

Июль 11

Ольга, Российская княгиня

Неизмерима глубина великого и святого таинства крещения! Оно первое в ряду таинств, установленных Самим Господом Иисусом Христом и хранимых Церковью. Через него лежит путь к вечной жизни в благодатном единении с Богом.

Утверждению христианства на Руси при святом равноапостольном великом князе киевском Владимире (память 15/28 июля) предшествовало княжение великой княгини Ольги, которую в древности называли корнем правоверия. Блаженная Ольга явилась как заря пред наступлением светлого дня святой веры во Христа – Солнца правды, воссияла подобно луне во мраке ночи, то есть во тьме идолослужения, облежавшей Русскую землю. В период ее правления на Руси успешно насаждались семена веры Христовой. По словам летописца, святая равноапостольная Ольга «во всей Русстей земли первая разорительница кумирским требищам бысть и правоверию основание».

Княгиня Ольга, прославленная мудрым правлением во дни язычества и еще более обращением ее к христианству, которое указала она своему великому внуку, сделалась искони предметом любви народной. Много сохранилось о ней преданий, языческих и христианских, каждое из них проникнуто духом своей веры, и поэтому не должно удивляться, если язычество, думая прославить свою княгиню, яркими чертами изобразило то, что казалось ему первой добродетелью – месть за супруга. Более отрадны предания о первых днях ее юности, которые дышат свежестью чистых нравов славянских – это первое явление св. Ольги на ее высокое поприще.

Равноапостольная Ольга родилась в Псковской земле, ее родословная восходит к Гостомыслу, тому славному мужу, который начальствовал в Великом Новгороде до тех пор, пока по его же совету не был призван от варягов на княжение русское Рюрик с братьями. Принадлежала она, уточняет Иоакимовская летопись, к роду князей Изборских, одной из забытых древнерусских княжеских династий, которых было на

Руси в X-XI вв. не меньше двадцати, но которые все были вытеснены со временем Рюриковичами или свелись с ними посредством браков. Она родилась в языческой семье и называлась варяжским именем Хельга, в русском «окающем» произношении – Ольга, Вольга. Женское имя Ольга соответствует мужскому имени Олег, что значит «святой». Хотя языческое понимание святости совершенно отличное от христианского, но и оно предполагает в человеке особый духовный настрой, целомудрие и трезвение, ум и прозорливость. Позднейшие предания называли ее родовым именем весь Выбутскую, в нескольких километрах от Пскова, вверх по реке Великой. Родители блаженной Ольги сумели внушить своей дочери те правила честной и разумной жизни, которых сами держались, несмотря на свое идолопоклонство. Поэтому уже в юности ей были присущи глубокий ум и исключительная в языческой среде нравственная чистота. Богомудрой, мудрейшей в роде называют святую княгиню древние авторы, и именно чистота была той доброй почвой, на которой принесли такой богатый плод семена христианской веры.

Рюрик, умирая, оставил после себя сына своего Игоря еще малолетним отроком, поэтому как Игоря, так и самое княжение до дней совершеннолетия сына Рюрик поручил попечению родственника своего кн. Олега. Собрав значительное войско и имея при себе малолетнего наследника княжения Игоря, он отправился к Киеву. Убив здесь русских князей Аскольда и Дира, незадолго до этого принявших христианство, Олег подчинил себе Киев и стал единовластителем варяго-русских владений, сохраняя княжение для племянника своего Игоря. За время княжения Олега с 882 по 912 гг. Русь превращается в огромное сильное государство, объединяя под властью Киева почти все русские земли вплоть до Новгорода.

Князь же Игорь, достигнув юношеского возраста, занимался охотой. Случилось ему во время охоты по окрестностям Новгорода зайти в пределы Пскова. Выслеживая зверя около веси Выбутской, он увидел на другой стороне реки место, удобное для лова, но не мог туда попасть за неимением лодки.

Спустя немного времени Игорь заметил какого-то юношу, плывшего в лодке, и, призвав его к берегу, велел себя перевезти на другую сторону реки. Когда они плыли, Игорь, внимательно всматриваясь в лицо гребца, увидел, что это не юноша, а девица – то была блаженная Ольга. Красота Ольги уязвила сердце Игоря, и он начал прельщать ее словами, склоняя к нечистому плотскому смешению. Однако целомудренная девица, уразумев помыслы Игоря, разжигаемого похотью, пресекла беседу мудрым увещанием: «Зачем смущаешься, князь, замышляя дело неисполнимое? Слова твои обнаруживают бесстыдное желание надругаться надо мною, чего да не будет! Прошу тебя, послушайся меня, подави в себе эти нелепые и позорные помышления, которых нужно стыдиться. Вспомни и подумай, что ты князь, а князю для людей должно быть как правителю и судии, светлым примером добрых дел – ты же теперь близок к беззаконию. Если сам ты, побежденный нечистой похотью, будешь совершать злодеяния, то как же будешь удерживать от них других и судить справедливо своих подданных? Оставь такое бесстыдное вожделение, которого гнушаются честные люди; они могут возненавидеть тебя за это, хотя ты и князь, и предать позорному осмеянию. Да и то знай, что, хотя я и одна здесь и бессильна по сравнению с тобой, ты все-таки не одолеешь меня. Но если бы ты даже мог и одолеть меня, то глубина этой реки мне тотчас же будет защитой; лучше мне умереть в чистоте, похоронив себя в сих водах, чем быть поруганным моему девству». Такие увещания к целомудрию образумили Игоря, пробудив чувство стыда. Он молчал, не находя слов для ответа. Так они переплыли реку и расстались. И удивился князь столь выдающемуся разуму и целомудрию юной девицы. Действительно, подобный поступок блаженной Ольги достоин удивления: не зная Истинного Бога и Его заповедей, она обнаружила такой подвиг в защите целомудрия; тщательно охраняя чистоту своего девства, она образумила юного князя, укротив его похоть словами мудрости, достойными ума мужа.

Протекло немного времени. Князь Олег, утвердив престол княжения в Киеве и посадив своих наместников и прочих

подчинившихся ему в городах Русской земли, стал искать невесту для князя Игоря. Собрали многих красивых девиц, чтобы среди них найти достойную княжеского чертога, но ни одна из них не полюбилась князю. Ибо в сердце его уже давно был сделан выбор невесты: он велел вызвать ту, которая перевезла его через реку Великую в час ловли в дремучих лесах Пскова. Князь Олег с великой честью привез Ольгу в Киев, и Игорь вступил в брак с нею в 903 году.

С 912 года, после смерти князя Олега, Игорь стал править в Киеве единовластно. В начале своего самостоятельного княжения Игорь вел упорные войны с окрестными народами. Он ходил даже на Константинополь, захватив многие страны Греческой земли, и возвратился из этого похода со многой добычей и славой. Остальные годы своей жизни он проводил в тишине, имея мир с пограничными землями, и богатство стекалось к нему в изобилии, ибо и дальние страны присылали ему дары и дани.

В правление Игоря, лояльно относившегося к христианской религии, вера Христова становится значительной духовной и государственной силой в Русском государстве. Об этом свидетельствует сохранившийся текст договора Игоря с греками 944 года, который включен летописцем в «Повесть временных лет», в статью, описывающую события 6453 (945) года.

Мирный договор с Константинополем должен был утверждаться обеими религиозными общинами Киева: «Русь крещеная», то есть христиане, приводились к присяге в соборном храме святого пророка Божия Илии и «Русь некрещеная», язычники, клялись на оружии в святилище Перуна Громовержца. И то, что христиане поставлены в документе на первом месте, говорит об их преимущественном духовном значении в жизни Киевской Руси.

Очевидно, в момент, когда договор 944 года составлялся в Царьграде, у власти в Киеве стояли люди, сочувствовавшие христианству, сознававшие историческую необходимость приобщения Руси к животворной христианской культуре. К этому направлению принадлежал, возможно, и сам князь Игорь, официальное положение которого не позволяло ему лично

перейти в новую веру, не решив вопроса о крещении всей страны и установления в ней православной церковной иерархии. Поэтому договор был составлен в осторожных выражениях, которые не помешали бы князю утвердить его и в форме языческой клятвы, и в форме присяги христианской.

Князь Игорь не сумел преодолеть косности обычая и остался язычником, поэтому и договор скрепил по языческому образцу – клятвой на мечех. Он отверг благодать крещения и был наказан за неверие. Год спустя, в 945 году, восставшие язычники убили его в Древлянской земле, разорвав между двух деревьев. Но дни язычества и основанного на нем жизненного уклада славянских племен были уже сочтены. Бремя государственного служения возложила на себя, при трехлетнем сыне Святославе, вдова Игоря – великая княгиня киевская Ольга.

Начало самостоятельного правления княгини Ольги связано в летописях с рассказами о грозном возмездии древлянам, убийцам Игоря. Клявшиеся на мечех и веровавшие «только в свой меч», язычники обречены были Божиим судом от меча погибнуть (Мф. 26, 52). Поклонявшиеся, среди прочих обожествленных стихий, огню нашли свое отмщение в огне. Исполнительницей огненной кары Господь избрал Ольгу, оплакивавшую вместе с сыном Святославом своего мужа; плакали и все жители Киева. Древляне же составили следующий дерзкий замысел: они хотели Ольгу, слыша о ее красоте и мудрости, взять в жены своему князю Малу, а наследника тайно умертвить. Таким образом древляне думали увеличить власть своего князя. Они немедленно на ладьях отправили к Ольге двадцать нарочитых мужей, чтобы они просили Ольгу сделаться женою их князя; а в случае отказа с ее стороны им было велено угрозами понуждать ее – пусть, хотя и насильно, станет женою их господина. Посланные мужи водным путем достигли Киева и пристали к берегу. Услыхав о прибытии посольства, княгиня Ольга позвала мужей-древлян к себе и спросила их: «С добрым ли намерением прибыли вы, честные гости?» «С добрым», – отвечали они. «Скажите же, – продолжала она, – зачем именно вы прибыли к нам?» Мужи

отвечали: «Нас послала к тебе Древлянская земля с такими словами: Не гневайся, что мы убили твоего мужа, ибо он, как волк, расхищал и грабил. А наши князья добрые правители. Нынешний же князь наш без сравнения лучше Игоря: молодой и красивый, он к тому же кроток, любвеобилен и милостив ко всем. Пойдя же за нашего князя, ты будешь нам госпожой и обладательницей Древлянской земли». Княгиня Ольга, скрывая свою печаль и болезнь сердечную по муже, сказала посольству с притворной радостью: «Мне угодны слова ваши, ведь мужа мне уже не воскресить, а оставаться вдовой для меня не беспечно: будучи женщиной, я не в состоянии, как следует, управлять таким княжеством; сын же мой еще малый отрок. Итак, я с охотой пойду за вашего молодого князя; к тому же я еще и сама не стара. Теперь идите, отдохните в ладьях ваших; утром же я позову вас на почетный пир, который устрою для вас, чтобы всем стала известной причина прибытия вашего и мое согласие на ваше предложение; а затем я пойду к князю вашему. Вы же, когда посланные утром придут взять вас на пир, знайте, как вам должно соблюдать при этом честь пославшего вас князя и вашу собственную: вы прибудете на пир таким образом, как прибыли к Киеву, то есть в ладьях, которые понесут киевляне на головах, – пусть все увидят вашу знатность, которой я почитаю вас такой великой честью пред моими людьми». С радостью древляне удалились в свои ладьи. Княгиня же Ольга, мстя за убийство своего мужа, раздумывала, какой бы смертью погубить их. Она приказала той же ночью выкопать глубокую яму во дворе при загородном дворце княжеском, в котором находилась и прекрасная палата, приготовленная для пира. Наутро княгиня послала честных мужей звать сватов на пир. Посадив их в маленькие лодочки по одному, киевляне понесли их, надутых пустой гордостью. Когда принесли древлян на двор княжий, Ольга, смотревшая из палаты, приказала бросить их в глубокую яму, приготовленную для этого. Затем, подошедши сама к яме и нагнувшись, спросила: «Угодна ли вам такая честь?» Они кричали: «О, горе нам! Мы убили Игоря и не только не приобрели через это ничего

хорошего, но получили еще более злую смерть». И приказала Ольга засыпать их живыми в той яме.

Сделав это, княгиня Ольга немедленно послала своего гонца к древлянам со словами: «Если вы действительно хотите, чтобы я пошла за вашего князя, то присылайте за мной посольство и более многочисленное, и более знатное, чем первое; пусть оно с честью ведет меня к князю вашему; присылайте же послов как можно скорее, пока меня не удержали киевляне». Древляне с великой радостью и поспешностью послали к Ольге пятьдесят знатнейших мужей, начальнейших старейшин земли Древлянской после князя. Когда они пришли в Киев, Ольга велела приготовить для них баню и послала к ним с просьбой: пусть послы после утомительного пути вымоются в бане, отдохнут, а потом уже придут к ней; они с радостью отправились в баню. Когда древляне начали мыться, то сейчас же нарочно приставленные слуги крепко снаружи заложили затворенные двери, обложили баню соломой с хворостом и подожгли; так с баней сгорели старейшины древлянские вместе со слугами.

И снова Ольга отправила к древлянам гонца, извещая о скором своем прибытии на бракосочетание с их князем и приказывая приготовить меда и всякого питья и пищи на том месте, где убит был ее муж, чтобы сотворить прежде второго своего брака по первому своему мужу тризну, то есть поминальный пир, по обычаю языческому. Древляне на радости все приготовили в изобилии. Княгиня же Ольга по обещанию своему отправилась к древлянам со многим войском, точно готовясь к войне, а не для бракосочетания. Когда Ольга приблизилась к стольному городу древлян Коростеню, последние выступили ей навстречу в праздничных одеждах и приняли ее с ликованием и радостью. Ольга же прежде всего пошла на могилу своего мужа и сильно плакала о нем. Совершив затем по обычаю языческому поминальную тризну, она повелела насыпать над могилой большой курган. «Я уже не скорблю о первом своем муже, – сказала княгиня, – совершив над могилой его то, что должно было совершить. Наступило время с веселием готовиться ко второму браку с князем

вашим». Древляне же спрашивали Ольгу о первых и вторых послых своих. «Они идут вслед за нами по другому пути со всем моим богатством», – отвечала она. После этого Ольга, снявши печальные одежды, облеклась в брачные светлые, свойственные княгине, показывая вместе с тем радостный вид. Она повелела древлянам есть, пить и веселиться, а своим людям приказала, чтобы они прислуживали им, едя с ними, но не упивались. Когда же древляне напились, княгиня велела своим людям заранее приготовленным оружием – мечами, ножами и копьями – избивать их, и убитых пало до пяти тысяч и более. Так Ольга, смешав веселье древляне с кровью и отомстивши этим за убийство своего мужа, возвратилась в Киев.

На другой год Ольга, собравши войско, пошла на древлян с сыном своим Святославом Игоревичем, и его привлекая к отмщению за смерть отца. Древляне вышли им навстречу с немалой воинской силой; сойдясь вместе, обе стороны ожесточенно бились, пока киевляне не одолели древлян, которых и гнали до их стольного города Коростеня, предавая смерти. Древляне затворились в городе, и Ольга целый год неотступно осаждала его. Видя же, что трудно взять город приступом, мудрая княгиня придумала такую хитрость. Она послала сказать древлянам, затворившимся в городе: «Зачем, безумные, хотите уморить себя голодом, не желая мне покориться? Ведь все остальные города ваши мне выразили покорность: жители их уплачивают дань и живут спокойно в городах и селах, обрабатывая свои нивы». «Мы хотели бы тоже, – отвечали затворившиеся, – покориться тебе, да боимся, как бы ты не стала снова мстить за князя своего». Ольга же отправила к ним второго посла со словами: «Я уже неоднократно мстила и на старейшинах, и на прочих людях ваших; и теперь желаю не мести, но требую от вас дани и покорности». Древляне согласились уплачивать ей дань, какую она захочет. Ольга предложила им: «Я знаю, что вы сейчас обнищали от войны и не можете уплатить мне дани ни медом, ни воском, ни кожами, ни другими годными для торговли вещами. Да я и сама не хочу отягощать вас большой данью.

Дайте мне какую-нибудь малую дань в знак вашей покорности, хотя бы по три голубя и по три воробья от каждого дома». Древлянам дань эта настолько показалась ничтожной, что они даже насмеялись над женским разумом Ольги. Однако же они поспешили собрать от каждого дома по три голубя и воробья и послали ей с поклоном. Ольга сказала пришедшим к ней из города мужам: «Вот, вы теперь покорились мне и сыну моему, живите же в мире, завтра я отступлю от города вашего и отправлюсь домой». С этими словами она отпустила помянутых мужей; все жители города сильно обрадовались, услышав о словах княгини. Ольга же раздала птиц своим воинам с приказанием, чтобы поздним вечером каждому голубю и каждому воробью привязан был лоскут, пропитанный серой, который следовало зажечь, и пустить всех птиц на воздух вместе. Воины исполнили это приказание. И птицы полетели в город, из которого были взяты: каждый голубь влетал в свое гнездо и каждый воробей – в свое место. Тотчас город загорелся во многих местах, а Ольга в это время отдала своему войску приказ окружить город со всех сторон и начать приступ. Население города, спасаясь от огня, выбегало из-за стен и попадало в руки неприятеля. Так взят был Коростень. Много людей из древлян погибло от меча, другие с женами и детьми сгорели в огне, а иные утонули в реке, протекавшей под городом; в это же время погиб и князь древлянский. Из оставшихся в живых многие отведены были в плен, а другие оставлены княгиней на местах их жительства, причем она наложила на них тяжкую дань. Так княгиня Ольга отомстила древлянам за убийство своего мужа, подчинила себе всю Древлянскую землю и со славой и торжеством возвратилась к Киеву.

И управляла княгиня Ольга подвластными ей областями Русской земли не как женщина, но как сильный и разумный муж, твердо держа в своих руках власть и мужественно обороняясь от врагов. Великая княгиня объезжала Русскую землю с целью упорядочения гражданской и хозяйственной жизни народа, и летописи полны свидетельств о ее неустанных «хождениях». Добившись внутреннего укрепления власти киевского великого

князя, ослабив влияние мешавших собиранию Руси мелких местных князей, Ольга централизовала все государственное управление с помощью системы «погостов», которые, являясь финансово-административными и судебными центрами, представляли прочную опору великокняжеской власти на местах. Позже, когда Ольга стала христианкой, по погостам стали воздвигать первые храмы; со времени крещения Руси при святом Владимире погост и храм (приход) стали неразрывными понятиями (лишь впоследствии от существовавших возле храмов кладбищ развелось словоупотребление «погост» в смысле кладбище).

Много трудов приложила княгиня Ольга для усиления оборонной мощи страны. Города застраивались и укреплялись, обрастали каменными и дубовыми стенами (забралами), ошетинивались валами, частоколами. Сама княгиня, зная, сколь враждебно относились многие к идее укрепления княжеской власти и объединения Руси, жила постоянно «на горе», над Днепром, за надежными забралами киевского Вышгорода (Верхнего города), окруженная верной дружиной. Две трети собранной дани, по свидетельству летописи, она отдавала в распоряжение киевского веча, третья часть шла «к Ользе, на Вышгород» – на нужды ратного строения. Ко времени Ольги историки относят установление первых государственных границ России – на западе, с Польшей. Богатырские заставы на юге сторожили мирные нивы киевлян от народов Дикого Поля. Чужеземцы спешили в Гардарику («страну городов»), как называли они Русь, с товарами и рукодельями. Шведы, датчане, немцы охотно вступали наемниками в русское войско. Ширились зарубежные связи Киева. Это способствовало развитию каменного строительства в городах, начало которому положила княгиня Ольга. Первые каменные здания Киева – городской дворец и загородный терем Ольги – лишь в нашем веке были разысканы археологами (дворец, точнее его фундамент и остатки стен были найдены и раскопаны в 1971–1972 гг.).

Во всех делах управления великая княгиня Ольга обнаруживала дальновидность и мудрость. Для врагов была

она страшна, своими же людьми любима, как правительница милостивая и благочестивая, как судья праведный и никого не обидящий. Она внушала злым страх, воздавая каждому соразмерно достоинству его поступков. При этом Ольга, милосердная по душе, была щедродательница к нищим, убогим и малоимущим; до ее сердца быстро доходили справедливые просьбы, и она быстро их исполняла. Все дела ее, несмотря на ее пребывание в язычестве, были угодны Богу, как достойные благодати христианской. Со всем этим Ольга соединяла воздержную и целомудренную жизнь: она не хотела выходить вторично замуж, но пребывала в чистом вдовстве, соблюдая сыну своему до дней возраста его княжескую власть. Когда же последний возмужал, она передала ему все дела княжения, а сама, устранившись от молвы и попечений, жила вне забот управления, предаваясь делам благотворения.

Наступило время благоприятное, в которое Господь восхотел славян, ослепленных неверием, просветить светом святой веры, привести в познание истины и наставить на путь спасения. Начатки этого просвещения Господь благоизволил в посрамление жестокосердых мужей явить в немощем женском сосуде, то есть через блаженную Ольгу. Ибо как прежде проповедниками Своего воскресения Он соделал жен-мироносиц и Свой Крест честный, на котором распялся, явил миру из недр земных женой-царицей Еленой (память 21 мая/3 июня), так и потом в земле Русской изволил насадить веру святую дивной женой, новой Еленой – княгиней Ольгой. Господь избрал ее как «честный сосуд» для Пресвятого имени Своего – да пронесет она Его в земле Русской. Он возжег в сердце зарю невидимой благодати Своей, отверз ее умные очи к познанию Истинного Бога, Которого она еще не знала. Она уже уразумела обольщение и заблуждение языческого нечестия, убедившись, как в истине самоочевидной, в том, что чтимые безумными людьми идолы – не боги, но бездушное произведение рук человеческих; поэтому она не только не почитала их, но и гнушалась ими. Как купец ищет многоценный жемчуг, так Ольга от всей души искала правого богопочитания.

История не сохранила имен первых христианских наставников святой Ольги, вероятно потому, что обращение блаженной княгини ко Христу связывали с Божественным вразумлением. Один из древних текстов говорит об этом так: «О дивство! Сама не ведуще Писания, ни закона христианского и учителя о благочестии не слыша, а нравом благочестия усердно поучашася и веру христианскую от всея души возлюбив. О неизреченного Промысла Божия! Не от человек блаженная научася истине, но свыше учителя име Божию Премудрость». Ко Христу святая Ольга шла через поиски истины, ища удовлетворения для своего пытливого ума; древний философ называет ее «богоизбранной рачительницей премудрости». Преподобный Нестор Летописец повествует: «Блаженная Ольга с малых лет искала мудрости, что есть самое лучшее в свете этом, и нашла многоценный жемчуг – Христа».

По смотрению Божию княгиня Ольга услышала от некоторых людей, что есть Бог Истинный, Творец неба, земли и всего создания, в Которого и веруют греки; кроме же Его нет иного бога. Такими людьми, как предполагает известный историк Е. Е. Голубинский, были варяги-христиане, которых много находилось среди дружины князя Игоря. И Ольга обратила внимание на этих варягов новой веры; со своей стороны и сами варяги мечтали сделать ее своей сторонницей, рассчитывая, что она была женщина не просто с большим умом, но с умом именно государственным. Поэтому то, что христианство стало верой почти всех народов Европы, и во всяком случае есть вера народов между ними лучших, и то, что и между собственными ее сородичами (варягами) началось сильное движение к христианству, по примеру других народов, не могло не подействовать на ум Ольги, делая для нее необходимым заключение, что у людей лучших и вера должна быть лучшей. И стремясь к истинному богопознанию и от природы не будучи ленивой, Ольга захотела сама сходить к грекам, чтобы своими глазами посмотреть на службу христианскую и вполне убедиться в их учении об Истинном Боге.

К этому времени Русь возросла в великую державу. Княгиня завершила внутреннее устройство земель. Русь была крепка и могущественна. Лишь два европейских государства могли в те годы соперничать с ней в значении и мощи: на востоке Европы – древняя Византийская империя, на западе – королевство саксов. Опыт обеих империй, обязанных своим возвышением духу христианского учения, религиозным основам жизни, показывал ясно, что путь к будущему величию Руси лежит не только через военные, но, прежде всего, и преимущественно через духовные завоевания и достижения.

Мечом своим Русь постоянно «задевала» соседнюю Византию, испытывала еще и еще раз не только военноматериальную, но и духовную силу православной империи. Но за этим скрывалась некая устремленность Руси к Византии, искреннее восхищение ею. Отношение Византии к Руси было иным. В глазах империи Русь являлась не первым и не единственным «варварским» народом, плененным ее красотой, богатством и духовными сокровищами. Гордая Византия с нескрываемым раздражением смотрела на новый «полудикий» народ, дерзнувший причинить ей большие беды и стоявший в представлении императорского двора на самой низкой ступени дипломатической иерархии государств и народов. Отбиться, откупиться от него, а по возможности и превратить в послушного подданного и слугу, – вот основная линия отношения империи к молодому государству руссов. Но Русская земля, готовая принять Православие, исповедуемое и в дивной красоте являемое Греческой Церковью, вовсе не намерена была склонить свою голову под иго. Русь пыталась и отстоять свою независимость, и установить теснейший союз с Византией, но такой, в котором она заняла бы главенствующее положение. Не знала тогда превозносившаяся империя, что Русь своего добьется! Ибо Промысл Божий именно Руси (и, может быть, как раз за сокровенную искренность любви) определил стать исторической преемницей Византии, унаследовать ее духовные богатства, политическое могущество и величие.

С естественным желанием побывать в Византии великая княгиня Ольга соединяла и серьезные государственные

интересы. Признание Руси, повышение ее статуса в иерархии союзников Византии, а следовательно повышение престижа в глазах остального мира, – вот что было особенно важно для мудрой Ольги. Но достичь этого можно было только принятием христианства, ибо в те времена доверие между государствами Европы устанавливалось на основе религиозной общности. Взяв с собою особо знатных мужей и купцов, великая княгиня Ольга летом 954 (955) года отправилась с большим флотом в Царьград. Это было мирное «хождение», сочетавшее задачи религиозного паломничества и дипломатической миссии, но политические соображения требовали, чтобы оно стало одновременно проявлением военного могущества Руси на Черном море и напомнило гордым «ромеям» о победоносных походах князей Аскольда и Олега, прибывшего в 907 году свой щит «на вратах Цареграда». И результат был достигнут. Появление русского флота на Босфоре создало необходимые предпосылки для развития дружеского русско-византийского диалога.

С великой честью была принята русская княгиня императором Константином VII Багрянородным (913–959) и патриархом Феофилактом (933–956), которым вручила многие дары, достойные таких лиц. Для высокой русской гостьи были не только соблюдены дипломатические приемы, но сделаны и особые отступления от них. Так, вопреки обычным правилам двора, кн. Ольга принималась не вместе с послами из других государств, а отдельно от них. В то же время императору удалось отразить в церемониалах приема и то «расстояние», которое отделяло русскую княгиню от повелителя Византии: кн. Ольга больше месяца жила на корабле в Суду – гавани Константинополя, прежде чем состоялся первый прием во дворце 9 сентября. Шли долгие утомительные переговоры о том, как, с какими церемониями должна быть принята русская княгиня. При этом большое значение церемониалу придавала прежде всего сама кн. Ольга, добивавшаяся признания высокой престижности Русского государства и своей лично как правительницы его. В Константинополе Ольга поучалась вере христианской, ежедневно с усердием внимая словам Божиим и

присматриваясь к великолепию богослужебного чина и к другим сторонам христианской жизни. Она присутствовала за богослужением в лучших храмах: Святой Софии, Влахернской Богоматери и других. И южная столица поразила суровую дочь Севера благочинием богослужений, богатством христианских храмов и собранных в них святынь, разнообразием красок, великолепием архитектуры.

Сердце мудрой Ольги открылось святому Православию, и она приняла решение стать христианкой. По свидетельству летописца, таинство крещения совершил над ней патриарх Константинопольский Феофилакт, а восприемником был сам император Константин Багрянородный. Ей было наречено в крещении имя Елена, в честь святой равноапостольной Елены. В назидательном слове, сказанном по совершении обряда, патриарх сказал: «Благословенна ты в женах русских, ибо оставила тьму и возлюбила Свет. Благословят тебя русские люди во всех грядущих поколениях, от внуков и правнуков до отдаленнейших потомков твоих». Он наставил ее в истинах веры, церковном уставе и молитвенном правиле, изъяснил заповеди о посте, целомудрии и милостыне. Она же, – говорит преподобный Нестор Летописец, – склонила голову и стояла, словно губа напаяемая, внимая учению, и, поклонившись патриарху, промолвила: «Молитвами твоими, владыко, да сохранена буду от сетей вражеских». После этого новокрещеная княгиня еще раз посетила патриарха, поведав свою скорбь: «Люди мои и сын мой язычники...» Патриарх ободрил, утешил ее и благословил. Затем блаженная Ольга приняла от него честный крест, святые иконы, книги и прочие потребные для богослужения вещи, а также пресвитеров и клириков. И удалилась святая Ольга из Константинополя к себе домой с великой радостью.

Такого ненавистника русских, каким был император Константин Багрянородный, не просто было заставить сделаться крестным отцом русской княгини. В летописи сохранились рассказы о том, как решительно и на равных разговаривала Ольга с императором, удивляя греков духовной зрелостью и государственной мудростью, показывая, что

русскому народу как раз под силу воспринять и умножить высшие свершения греческого религиозного гения, лучшие плоды византийской духовности и культуры. Так святой Ольге удалось мирным путем «взять Царьград», чего до нее не смог сделать ни один полководец. Великая княгиня достигла чрезвычайно важных результатов. Она была с почестями крещена в столице Византии (в храме Святой Софии – главном соборном храме Вселенской Церкви того времени). При этом она получила как бы благословение на апостольскую миссию в своей земле. Кроме того, глава русского государства получает от императора титул «дочери», ставящий Русь в «самый высокий ранг дипломатической иерархии государств после самой Византии». Титул совпадает с христианским положением Ольги-Елены как крестной дочери императора. И вот в этом, по свидетельству летописи, сам император вынужден был признать, что «переключала» (перехитрила) его русская княгиня. И в своем сочинении «О церемониях византийского двора», дошедшем до нас в единственном списке, Константин Багрянородный оставил подробное описание церемоний, сопровождавших пребывание святой Ольги в Константинополе. Он описывает торжественный прием в знаменитой палате Магнавре, и переговоры в более узком кругу в покоях императрицы, и парадный обед в зале Юстиниана, где по стечению обстоятельств промыслительно встретились за одним столом четыре «государственных дамы»: бабушка и мать святого равноапостольного Владимира (святая Ольга и ее спутница Малуша) с бабушкой и матерью его будущей супруги Анны (императрица Елена и ее невестка Феофано). Пройдет немногим более полувека и в Десятинном храме Пресвятой Богородицы в Киеве будут рядом стоять мраморные гробницы святой Ольги, святого Владимира и блаженной царицы Анны.

Во время одного из приемов, рассказывает Константин Багрянородный, русской княгине было поднесено золотое, украшенное камнями блюдо. Святая Ольга пожертвовала его в ризницу Софийского собора, где его видел и описал в начале XIII века русский дипломат Добрыня Ядрейкович, впоследствии архиепископ Новгородский Антоний: «Блюдо велико злато

служебное Ольги русской, когда взяла дань, ходивши в Царьград; во блюде же Ольжине камень драгий, на том же камени написан Христос».

Что касается непосредственно дипломатического исхода переговоров, у святой Ольги были основания остаться недовольной ими. Добившись успеха в вопросах о русской торговле в пределах империи и подтверждении мирного договора с Византией, заключенного Игорем в 944 году, она не смогла, однако, склонить императора к двум главным для Руси соглашениям: о династическом браке Святослава с византийской царевной и об условиях восстановления существовавшей при кн. Аскольде православной митрополии в Киеве. Ее недовольство исходом миссии явственно звучит в ответе, который она дала, уже по возвращении на родину, присланным от императора послам. На вопрос императора относительно обещанной военной помощи святая Ольга через послов резко ответила: «Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе воев в помощь». Великая русская княгиня ясно дала понять Византии, что империя имеет дело с могучим независимым государством, международный престиж которого теперь сама же империя и возвысила на виду у всего света!

Вернувшись из Константинополя в Киев, новая Елена – княгиня Ольга – начала христианскую проповедь. Многие зависело от того, обратится ли ко Христу ее сын Святослав, который должен был вот-вот принять бразды правления государством. И с него то, согласно летописи, начала равноапостольная княгиня свою проповедь.

Но никак не могла она привести его в истинный разум, к познанию Бога. Всецело отдавшийся военным предприятиям, не хотел Святослав и слышать о святом крещении, но креститься никому не возбранял, а только смеялся над новокрещеными, потому что для неверных, не ведающих славы Господней, вера христианская казалась безумием, по слову апостола: *Мы проповедуем Христа Распятого, для иудеев соблазн, для еллинов безумие, потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немоющее Божие сильнее человеков* (1Кор. 1, 23, _

25). Часто говорила блаженная Ольга князю Святославу: «Сын мой, я познала Бога и радуюсь духом. Если и ты Его познаешь, и ты радоваться будешь». Но он не хотел внимать матери, продолжая следовать обычаям языческим, и говорил ей: «Что скажет о мне дружина моя, если изменю вере отцов? Она надо мною ругаться будет». Тяжки были такие речи для матери, но она справедливо заметила сыну: «Если ты крестишься, то и все сделают то же». Это была первая в истории попытка устроить всеобщее крещение Руси. Святослав не мог возразить и потому, как сказано в летописи, «гневался на мать». Не только боязнь насмешек удерживала его, но и собственное «желание жить по языческим обычаям». Войны, пиры, забавы, далекие походы, жизнь по похотям сердца и плоти – вот что владело душой Святослава. Во всем этом отчаянно храбрый, умный, широкий душой Святослав хотел найти полноту жизни. Но мать знала, что подлинной радости это не принесет его душе, глубоко скорбела о нем и о Русской земле и говаривала: «Да будет воля Божия; если захочет Бог помиловать род сей и землю Русскую, то вложит им в сердце то же желание обратиться к Богу, что даровал и мне». И с теплой верой молилась она день и ночь о сыне и о народе, чтобы просветил их Господь, какими ведает судьбами. А между тем, будучи не в силах умягчить сердце Святослава, она старалась посеять семена христианства в трех своих малолетних внуках – Ярополке, Олеге и Владимире, которых оставлял ей отец-воитель. Святое семя сие в свое время принесло благоприятный плод, укоренившись в сердце юного Владимира.

Несмотря на неудачу стараний об учреждении на Руси церковной иерархии, святая Ольга, став христианкой, ревностно предавалась подвигам христианского благовестия среди язычников и церковного строительства; «требища бесовская сокруши нача жити о Христе Иисусе». Для увековечения памяти первых русских исповедников имени Христова великая княгиня воздвигла Никольский храм над могилой Аскольда и заложила деревянный собор над могилой Дира во имя Святой Софии Премудрости Божией, освященный 11 мая 960 года. Этот день впоследствии отмечался в Русской Церкви как особенный

церковный праздник. В месяцеслове пергаменного Апостола 1307 года под 11 мая записано: «В тот же день освящение Святой Софии в Киеве в лето 6460». Дата памяти, по мнению церковных историков, указана по так называемому «антиохийскому», а не по общепринятому константинопольскому летоисчислению и соответствует 960 году от Рождества Христова.

Недаром русская княгиня Ольга получила в крещении имя святой равноапостольной Елены, обретшей Честное Древо Креста Христова в Иерусалиме. Главной святыней новосозданного Софийского храма стал святой восьмиконечный крест, принесенный новой Еленой из Царьграда и полученный ею в благословение от Константинопольского патриарха. Крест, по преданию, был вырезан из цельного куска Животворящего Древа Господня. На нем была надпись: «Обновися Русская земля святым крестом, его же прияла Ольга, благоверная княгиня». Крест и другие христианские святыни благодатью, от них исходящей, содействовали просвещению Русской земли.

Софийский собор, простояв полвека, сгорел в 1017 году. Ярослав Мудрый на этом месте построил позже, в 1050 году, церковь святой Ирины, а святыни Софийского Ольгина храма перенес в каменный храм того же имени – до ныне стоящую Софию Киевскую, заложенную в 1017 году и освященную около 1030 года. В Прологе XIII века об Ольгином кресте сказано: «Иже ныне стоит в Киеве во Святой Софии в алтаре на правой стороне». Разграбление киевских святынь, продолженное после монголов литовцами, которым город достался в 1341 году, не пощадило и его. При Ягайле в период Люблинской унии, объединившей в 1384 году Польшу и Литву в одно государство, Ольгин крест был похищен из Софийского собора и вывезен католиками в Люблин. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Затем с проповедью святой веры святая княгиня отправилась на север. Она посетила Великий Новгород и другие города, всюду, где только было можно, приводя людей ко Христовой вере, при этом сокрушала идолов, поставляла на их месте честные кресты, от которых для уверения язычников соделовались многие знамения и чудеса. Придя на родину, в

Выбутскую весь, блаженная Ольга простерла и здесь слово проповеди христианской к близким ей людям. Во время пребывания в этой стороне она достигла берега реки Великой, текущей с юга на север, и остановилась против того места, где в реку Великую впадает река Пскова, текущая с востока (в то время на этих местах рос большой дремучий лес). И вот святая Ольга с того берега реки увидела, что с востока на это место, озаряя его, сходят с неба три пресветлых луча. Чудный свет от этих лучей видела не только святая Ольга, но и спутники ее; и сильно обрадовалась блаженная и возблагодарила Бога за видение, которое предуказывало на просвещение благодатью Божией той стороны. Обратившись к сопровождавшим ее лицам, блаженная Ольга сказала пророчески: «Да будет вам ведомо, что изволением Божиим на этом месте, озаряемом тридесятью лучами, возникнет церковь во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы и создастся великий и славный город, изобилующий всем». После этих слов и довольно продолжительной молитвы блаженная Ольга поставила крест; и доныне молитвенный храм стоит на месте, где блаженная Ольга его водрузила.

Обойдя многие города земли Русской, проповедница Христова возвратилась в Киев и здесь для Бога явила благие дела. Вспомнив о видении на реке Пскове, она послала много золота и серебра на создание церкви во имя Святой Троицы, повелела населять то место людьми. И в короткое время разросся город Псков, так названный от реки Псковы, в великий город, и прославлялось в нем имя Пресвятой Троицы.

Молитвы и труды святой равноапостольной Ольги принесли богатые плоды: христианство на Руси стало быстро распространяться и укрепляться. Но ему противодействовало язычество, утвердившееся как господствующая (государственная) религия. Среди бояр и дружинников в Киеве нашлось немало людей, которые, по слову Соломона, «возненавидели Премудрость», как и святую княгиню Ольгу, строившую ей храмы. Ревнители языческой старины все смелее поднимали голову, с надеждой взирая на подраставшего Святослава, решительно отклонившего уговоры матери принять

христианство и даже гневавшегося на нее за это. Нужно было спешить с задуманным делом крещения Руси. Коварство Византии, не пожелавшей дать Руси христианство, было на руку язычникам. В поисках решения святая Ольга обращает взоры на Запад. Никакого противоречия здесь нет. Святая Ольга († 969) принадлежала еще к нераздельной Церкви и вряд ли имела возможность вникать в богословские тонкости греческого и латинского вероучения. Противостояние Запада и Востока представлялось ей прежде всего политическим соперничеством, второстепенным по сравнению с насущной задачей – созданием Русской Церкви, христианским просвещением Руси.

Под 959 годом немецкий хронист, именуемый «продолжителем Регинона», записывает: «Пришли к королю послы Елены, королевы руссов, которая крещена в Константинополе, и просили посвятить для сего народа епископа и священников». Король Оттон, будущий основатель Германской империи, охотно откликнулся на просьбу Ольги, но повел дело не спеша, с чисто немецкой основательностью. Лишь на Рождество следующего 960 года епископом Русским был поставлен Либудий, из братии монастыря святого Альбана в Майнце. Но он вскоре умер (15 марта 961 г.). На его место был посвящен Адальберт Трирский, которого Оттон, «щедро снабдив всем нужным», отправил наконец в Россию. Трудно сказать, что случилось бы, не промедлив король так долго, но когда в 962 г. Адальберт появился в Киеве, он «не успел ни в чем том, за чем был послан, и видел свои старания напрасными». Хуже того, на обратном пути «некоторые из его спутников были убиты, и сам епископ не избежал смертельной опасности».

Оказалось, что за прошедшие два года, как и предвидела Ольга, в Киеве совершился окончательный переворот в пользу сторонников язычества, и, не став ни православной, ни католической, Русь вообще раздумала принимать христианство. Языческая реакция проявилась настолько сильно, что пострадали не только немецкие миссионеры, но и некоторые из киевских христиан, крестившихся с Ольгой в Царьграде. По

приказу Святослава был убит племянник святой Ольги Глеб и разрушены некоторые построенные ею храмы. Разумеется, здесь не обошлось без византийской тайной дипломатии: настроенные против Ольги и встревоженные возможностью усиления Руси за счет союза с Оттоном, греки предпочли поддержать язычников.

Провал миссии Адальберта имел промыслительное значение для будущего Русской Православной Церкви, избежавшей папского пленения. Святой Ольге оставалось смириться с происшедшим и полностью уйти в дела личного благочестия, предоставив бразды правления язычнику Святославу. С ней по-прежнему считались, к ее государственной мудрости неизменно обращались во всех трудных случаях. Когда Святослав отлучался из Киева – а он большую часть времени проводил в походах и войнах, – управление государством вновь вручалось княгине-матери. О крещении Руси уже не могло быть и речи, и это, конечно, огорчало святую Ольгу, считавшую Христово благочестие главным делом своей жизни.

Великая княгиня кротко переносила скорби и огорчения, старалась помогать сыну в государственных и военных заботах, руководить им в героических замыслах. Победы русского оружия были для нее утешением, особенно разгром давнего врага Русского государства – Хазарского каганата. Дважды, в 965 и в 969 гг., прошли войска Святослава по землям «неразумных хазаров», навсегда сокрушив могущество иудейских властителей Приазовья и Нижнего Поволжья. Следующий мощный удар был нанесен по мусульманской Волжской Болгарии, потом пришла очередь Болгарии Дунайской. 80 городов по Дунаю было взято киевскими дружинами. Одно беспокоило Ольгу: как бы, увлекшись войной на Балканах, Святослав не забыл о Киеве.

Весной 969 года Киев осадили печенеги: «и нельзя было вывести коня напоить, стояли печенеги на Лыбеди». Русское войско было далеко на Дунае. Послав к сыну гонцов, святая Ольга сама возглавила оборону столицы. Святослав, получив известие, вскоре прискакал в Киев, «приветствовал мать свою и

детей и сокрушался, что случилось с ними от печенегов». Но, разгромив кочевников, воинствующий князь вновь стал говорить матери: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей». Святослав мечтал о создании огромной русской державы от Дуная до Волги, которая объединила бы Русь, Болгарию, Сербию, Причерноморье и Приазовье и простерла бы свои пределы до самого Царьграда. Мудрая Ольга понимала, что при всем мужестве и отваге русских дружин им не справиться с древней империей ромеев, Святослава ждала неудача. Но сын не слушал предостережений матери. Блаженная же Ольга со слезами говорила ему: «Зачем оставляешь меня, сын мой, и куда ты идешь? Ища чужого, кому поручаешь свое? Ведь дети твои еще малы, а я уже стара, да и больна. Я ожидаю скорой кончины – отшествия к возлюбленному Христу, в Которого верую. Теперь ни о чем не беспокоюсь, как только о тебе: сожалею о том, что хотя я и много тебя учила и убеждала оставить идольское нечестие, уверовать в Истинного Бога, познанного мною, а ты пренебрег этим. И знаю я, что за твое непослушание ко мне тебя ждет на земле худой конец и по смерти – вечная мука, уготованная язычникам. Исполни же теперь хоть эту мою последнюю просьбу: не уходи никуда, пока я не преставлюсь и не буду погребена, а тогда иди, куда хочешь. По моей кончине не делай ничего, что требует в таких случаях языческий обычай; но пусть мой пресвитер с клириками погребут по обычаю христианскому мое грешное тело: не смейте насыпать надо мною могильного холма и делать тризны, но пошли в Царьград золото к Святейшему Патриарху, чтобы он совершил молитву и приношение Богу за мою душу и раздал нищим милостыню». Слыша это, Святослав горько плакал и обещал исполнить все завещанное ею, отказываясь только от принятия святой веры.

По истечении трех дней св. княгиня Ольга впала в крайнее изнеможение. Причастившись Божественных Таин Пречистого Тела и Животворящей Крови Христа Спаса нашего, она все время пребывала в усердной молитве к Богу и к Пречистой Богородице, Которую всегда по Боге имела себе Помощницей, призывала и всех святых. С особенным усердием молилась

блаженная Ольга о просвещении по ее смерти земли Русской: прозирая будущее, она неоднократно во дни жизни своей пророчески предсказывала, что Бог просветит людей земли Русской и многие из них будут великие святые; о скорейшем исполнении этого пророчества и молилась святая Ольга при своей кончине. И еще молитва была на устах, когда честная душа ее разрешилась от тела, – «и тако поживши и добре славяще Бога в Троице, Отца, и Сына, и Святаго Духа, почи в блазии вере, сконча житие свое с миром о Христе Иисусе, Господе нашем». Так она переселилась от земных к небесным и сподобилась войти в чертог Бессмертного Царя – Христа Бога, и как первая святая из земли Русской была причтена к лику святых. Преставилась св. равноапостольная Ольга, во святом крещении Елена, в 11-й день июля месяца 969 года, всех лет жизни ее было около девяноста. «И плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки, и все люди». Последние годы, среди торжества язычества, ей, когда-то гордой владычице, крестившейся от патриарха в столице Православия, приходилось тайно держать при себе священника, чтобы не вызвать новой вспышки антихристианского фанатизма. Но перед смертью, вновь обретя прежнюю твердость и решимость, она запретила совершать над ней языческие тризны и завещала открыто похоронить ее по православному обряду. Пресвитер Григорий, который был с нею в 957 году в Константинополе, в точности выполнил ее завещание.

По преставлении святой Ольги сбылось ее пророчество о злой кончине сына и о добром просвещении земли Русской. Замечательный полководец Святослав (как сообщает об этом летописец) был убит не в славном походе, а в коварной засаде печенегов в 972 году. Князь печенежский отсек Святославу голову и из черепа сделал себе чашу, оковав ее золотом и написав следующее: «Имущий чужого, губит свое». Во время пира с вельможами своими князь пил из этой чаши. Так великого князя Святослава Игоревича, храброго и доселе непобедимого в битвах, по предречению матери, постигла злая кончина за то, что он не слушал ее. Исполнилось пророчество блаженной Ольги и о земле Русской. Спустя девятнадцать лет

по ее кончине внук ее кн. Владимир (память 15/28 июля) принял святое крещение и просветил святой верой землю Русскую.

Бог прославил святую труженицу Православия, «начальницу веры» в Русской земле чудесами и нетлением мощей. Иаков Мних († 1072) через 100 лет после ее смерти писал в своей «Памяти и похвале Владимиру»: «Бог прослави тело рабы Своей Елены, и есть в гробе тело ее честное, и неразрушимое пребывает и до сих дней. Блаженная княгиня Ольга прославила Бога всеми делами своими добрыми, и Бог прославил ее». При святом князе Владимире, по некоторым данным, в 1007 году мощи святой Ольги были перенесены в Десятинный храм Успения Пресвятой Богородицы, потому что на содержание его кн. Владимир давал десятую часть от своих имений, и положены в специальном саркофаге, в каких принято было класть мощи святых на православном Востоке. «И ино чудо слышите о ней: гроб камен мал в церкви Святыя Богородицы, ту церковь создал блаженный князь Владимир, и есть гроб блаженныя Ольги. И на верху гроба оконце сотворено – да видети тело блаженныя Ольги лежаще цело». Но не всем было явлено чудо нетления мощей равноапостольной княгини: «Иже с верою придет, отворится оконце, и видит честное тело лежаще цело, яко спя, почивает. А другим, иже не с верою приходят, не отворится оконце гробное, и не видит тела того честного, но только гроб». Так и в кончине святая Ольга проповедовала вечную жизнь и воскресение, наполняя радостью верующих и вразумляя неверующих. Была она, по словам преподобного Нестора Летописца, «предтекущая христианской земли, аки денница пред солнцем и аки заря пред светом».

Святой равноапостольный великий князь Владимир, вознося свое благодарение Богу в день крещения Руси, свидетельствовал от лица своих современников о святой равноапостольной Ольге знаменательными словами: «Благословите тя хотят сынове русии...» Русский народ чтит святую равноапостольную Ольгу как основоположницу христианства на Руси, обращаясь к ней словами преподобного

Нестора: «Радуйся, русское познание Бога, начало нашего с Ним примирения».

Никодим Албанский

Святой преподобномученик Никодим, славянин из Албании, родился в местечке Эльбасан. Родители его были благочестивы и, когда он достиг совершеннолетия, сочетали его браком, от которого имел он детей. Между тем, входя в постоянные связи и знакомства с магометанами, Никодим увлекся чувственными обещаниями Корана их и в угодность им отрекся от веры Христовой. Он дошел до такой степени безнравственности, что, несмотря на убеждения и слезы домашних, насильно сделал причастными исламу детей своих, кроме одного, которого христиане успели похитить и тайным образом отправить на Святую Гору.

Узнав, что сын находится на Святой Горе, он поспешил туда с целью непременно отыскать свое дитя и отомстить всей Святой Горе, как только можно, по собственным его силам и средствам. Но Человеколюбивый Бог, желающий всякому спасения, судьбами его жизни расположил иначе – Он не только не допустил преступного отца к сыну, но и самого его, несчастного отверженника, привлек к Себе через покаяние, так что Святая Гора сделалась для него в некоторой степени виновницей спасения. Безмолвие, постнические труды, лишения всякого рода и удаление от всего чувственного, даже от связей родственных, – все это, виденное им на Святой Горе в иноках, по прибытии туда поразило его до крайности. Он вспомнил минувшее, когда и для его сердца не были чужды надежды загробного мира, и райские красоты, и те обетования Христовы, которые от магометовых так далеки, как далеки – или еще дальше – небо от земли или свет от мрака. Он вспомнил, что и сам принадлежал когда-то Христу, и горько, неутешно заплакал о гибельном своем состоянии. Мысли его переродились: он обратился опять к Богу с покаянием и, не выходя со Святой Горы, принял на себя ангельский образ с именем Никодим.

Три года день и ночь оплакивал он свое богоотступство, изнуряя плоть постом и многоразличными лишениями и подвигами. Наконец, услышав от некоторых отцов такие речи,

что кто отрекся Христа пред людьми, тому очень полезно исповедать Его снова пред ними, решился непременно искупить грех свой страдальческой кровью. Чтоб узнать приятно ли это будет Богу и есть ли на то Его воля, он обратился за советом к преподобному Акакию, подвизавшемуся в Кавсокаливском ските (память 12/25 апреля). Долго плакал он у ног старца Акакия, прося его молитв и решения что ему делать в этом стеснительном положении духа, требующего страдальческого подвига. Преподобный, пользовавшийся на Святой Горе общей славой и доверием как подвижник действительно святой, ласково поднял Никодима и, потом немного отступив от него, обратился с молитвой к Богу. Окончив свою молитву, он тихо что-то сказал Никодиму и потом, когда тот долго и горько плакал, вручил ему старческий жезл со словами: «Иди с Богом, Бог тебе в помощь. Подвиг совершишь, и мученический венец за него готовится тебе в небесах». Таким образом напутствованный от преподобного старческими молитвами и благословением, Никодим, едва движущийся от постного изнурения, отправился в путь. Между тем, перед исходом со Святой Горы Господь удостоил его Своего Божественного явления, укрепил, открыл ясно все мучения, которые он должен претерпеть за имя Его, и даже показал ему самое место, где будет усечена его глава. Утешенный и утвержденный таким благословением Господа Никодим весело потек на поприще страдальчества.

Со Святой Горы он прямо прибыл в Албанию, на свою родину, и там торжественно перед знавшими его турками исповедал Христа Истинным Богом, а Магомета уничижил как льстеца и обманщика. Турки представили его к паше (высший сановник в Турции). И здесь блаженный Никодим повторил свое исповедание, уничижая ислам. Взбешенный этим, паша приказал ринуть его с высокой террасы своего дома вниз в чаянии раздробить его тело на части. Однако вышло напротив: страдалец по благодати Божией остался невредим и тогда же снова явился к паше. Паша затрепетал, видя пред собой того, которого считал убившимся до смерти. Чтобы удовлетворить неистовство толпы, требовавшей казни уничижителя великого

пророка, паша отдал страдальца на волю их. Трое суток истощались неистовые турки во всевозможных родах мучительства над Никодимом, но, видя, что нет возможности и сил поколебать его твердость, на показанном ему от Господа месте обезглавили его.

Преподобный Никодим пострадал в 1722 году, 11 июля. Так, совершив исповеднический подвиг, блаженный удостоился венца райской славы.

Июль 12

Феодор варяг и сын его Иоанн, преподобномученики

Святые мученики Феодор варяг и сын его Иоанн жили в Киеве в X столетии, когда варяги, предки нынешних шведов и норвежцев, принимали особенно деятельное участие в государственной и военной жизни Руси. Купцы и воины, одни из них прокладывали новые торговые пути в Византию, на Восток, другие участвовали в походах на Царьград, составляли значительную часть населения древнего Киева и княжеских наемных дружин. Главный торговый путь Руси – из Балтийского моря в Черное – называли тогда путем «из варяг в греки». На варяжскую дружину опирались в своих начинаниях вожди и устроители ранней русской государственности. Как и славяне, среди которых они жили, многие из заморских пришельцев под влиянием Византийской Церкви принимали святое крещение.

Киевская Русь занимала срединное место между языческой Скандинавией и православной Византией, поэтому господствующими в духовной жизни Киева оказывались попеременно то живительное влияние христианской веры, шедшее с юга (при блаженном Аскольде в 860–882 гг., при Игоре и святой Ольге в 940–950 гг.), то губительные вихри язычества, налетевшие с севера, от Варяжского моря (при кн. Олеге, убившем Аскольда в 882 г., при восстании древлян, убивших кн. Игоря в 945 г., при Святославе, отказавшемся принять крещение, несмотря на настояния своей матери равноапостольной Ольги).

Когда в 972 г. (по другим данным, в 970 г.) Святослав был убит печенегами, великим князем киевским оставался назначенный им старший сын его Ярополк. Средний сын Олег, былинный Вольга Святославич, держал Древлянскую землю; младший Владимир – Новгород. Правление Ярополка (970–978), как правление его бабки Ольги, вновь стало временем преимущественного христианского влияния на духовную жизнь Руси. Сам Ярополк, по мнению историков, исповедал христианство, но крещения, по-видимому, не принял, и это

никак не соответствовало интересам скандинавских дружинников-язычников, привыкших считать Киев оплотом своего влияния в землях славян. Их предводители постарались поссорить между собой братьев, вызвали междоусобную войну Ярополка с Олегом, а после того, как был убит Олег, поддерживали Владимира в борьбе против Ярополка.

Будущий креститель Руси начинал свой путь убежденным язычником и опирался на варяг, специально приведенных им из-за моря в качестве военной силы. Его поход в Киев 978 года, увенчавшийся полным успехом, преследовал не только военно-политические цели – это был религиозный поход русско-варяжского язычества против нарождавшегося киевского христианства. 11 июня 978 года Владимир «сел на столе отца своего в Киеве», а несчастный Ярополк, приглашенный братом для переговоров, при входе в пиршественный зал был предательски убит двумя варягами, пронзившими его мечами. Для устрашения киевлян, среди которых уже многие, как русские, так и варяги, были христианами, в восстановленном и украшенном новыми идолами языческом святилище были совершены неизвестные до того времени у днепровских славян человеческие жертвоприношения. В летописи сказано о поставленных Владимиром кумирах: «И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним сыновей и дочерей, и жертвы эти шли бесам... И осквернилась кровью земля Русская и холм тот».

Видимо, к этому периоду торжества язычества в Киеве при вокняжении Владимира следует отнести гибель святых мучеников Феодора варяга и сына его Иоанна.

Жил среди киевлян, сообщает преподобный Нестор Летописец (память 27 октября/9 ноября), варяг, по имени Феодор, долгое время до того пробывший на военной службе в Византии и принявший там святое крещение. Языческое имя его, сохранившееся в названии «Турова божница», было Тур (скандинавское Тор), или Утор (скандинавское Оттар), в старинных рукописях встречается то и другое написание. Вернувшись в языческий тогда Киев, он сохранил веру в

Истинного Бога и научил ей своего сына Иоанна, который так же, как и отец, стал исповедовать христианство.

В тот 983 год великий князь Владимир ходил в поход на литовское племя ятвягов и одержал над ними победу. В ознаменование этой победы князь пожелал принести жертвы богам языческим. Здесь внушил диавол служителям своим принести ему жертву человеческую, и сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отроков и девиц, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам». Бросили жребий. «Бяше, по сказанию летописца, варяг один, пришедший от грек, и держаше веру христианскую; и бе у него сын, красен лицом и душею, и на него паде жребий». И очевидно, не без умысла, жребий брошенный языческими жрецами, пал на христианина св. Иоанна.

Когда посланные к св. Феодору сообщили, что его сына «избрали себе боги, да принесем его им в жертву», доблестный варяг выступил со смелой проповедью: «Не боги это, а дерево. Нынче есть, а завтра сгниет. Не едят они, не пьют и не говорят, но сделаны человеческими руками из дерева. Бог же Един, Ему служат греки и поклоняются. Он сотворил небо и землю, звезды и луну, солнце и человека и предназначил ему жить на земле. А эти боги что сотворили? Они сами сотворены. Не дам сына моего бесам». Это был прямой вызов христианина обычаям и верованиям язычников. Посланные передали слова святого Феодора народу, и разъяренная толпа язычников окружила их дом и стала угрожать. Однако святые исповедники не испугались. Они поднялись на возвышенную крытую галерею дома, которая строилась на столбах и называлась сенями, и оттуда смотрели на бесновавшуюся толпу. «Если боги ваши действительно боги, – говорил святой Феодор, – пусть пошлют одного из среды своей и тот возьмет сына. А вы к чему хлопчете за них?» Язычники, зная, что святой Феодор – мужественный воин, боялись вступить с ним в открытую борьбу. Поэтому они подсекли столбы, на которых стояли сени, и, когда строение рухнуло, напали на святых Феодора и Иоанна и убили их. Где погребли святых мучеников, неизвестно. В летописи говорится: «Мощи же их неизвестны, где погребены, понеже погани (то есть язычники) беша».

На месте мученической кончины варягов святой равноапостольный Владимир впоследствии воздвиг Десятинную церковь Успения Пресвятой Богородицы, освященную 12 мая 996 года (празднуется 12/25 мая). В нее были перенесены в 1007 году мощи святой равноапостольной Ольги. Восемь лет спустя здесь обрел место последнего упокоения сам святой Владимир, крестивший Русскую землю (память 15/28 юля).

Менее чем через 100 лет после исповеднического подвига киевских варягов Русская Православная Церковь почитала их в сонме святых. Свв. Феодор и Иоанн стали первыми мучениками за святую православную веру в Русской земле. Первыми «русскими гражданами Небесного града» назвал из описатель Киево-Печерского Патерика, епископ Симон, святитель Суздальский († 1226; память 10/23 мая). Последняя из кровавых языческих жертв в Киеве стала первой святой христианской жертвой, сораспятием Христу. Путь «из варяг в греки» становился для Руси путем из язычества в Православие, из тьмы к свету.

Дивен Бог во святых Своих! Камня и бразды не щадит время, а нижний сруб деревянного дома святых варягов-мучеников, сожженный тысячу лет назад, сохранился до наших дней; он был обнаружен в 1908 году во время раскопок в Киеве у алтаря Десятинной церкви.

Серапион, епископ Владимирский

Святитель Серапион, родом из южной России, был иноком Киево-Печерской обители. В 1274 году за свои высокие подвиги он был поставлен епископом Владимирским. Усматривая в бедствиях своей родины от монгольского ига наказание Божие за грехи, св. Серапион всеми силами старался обратить свою паству на путь покаяния. Он был «зело учительным и сильным в Божественном Писании». До нас дошло пять его поучений. Он скончался в 1275 году и был погребен во Владимирском Успенском соборе.

Симон Воломский

Преподобномученик Симон Воломский (в миру Симеон Михайлович) родился в 1586 году в семье крестьянина монастырской Волоколамской вотчины. В 1607 году, в Смутное время, его отец, разорившись, отправился на север, а Симеон пошел в Москву. Там он нашел приют у одного портного и научился портняжному ремеслу.

Вскоре святой Симеон покинул Москву, наполненную тогда изменниками отечества, и пошел в Устюг, где, водворившись, питался трудами рук своих. Спустя некоторое время, движимый благочестием, направился он на остров Соловецкий для поклонения преподобным Зосиме и Савватию. В Соловецком монастыре Симеон научился грамоте и церковному пению, сладостно было для него чтение Божественных книг и беседа с духовными старцами о спасении души. Однако из-за многолюдства в прославленной обители св. Симеон, жаждавший уединенных и безмолвных подвигов, перешел в пустынный монастырь в честь Грузинской иконы Божией Матери, расположенный на Черной горе, на реке Пинеге. Там он молил игумена Макария постричь его в иночество. После многих назидательных речей настоятель исполнил его благочестивое желание и изменил мирское имя его Симеона на сходное с оным Симона; юноше было тогда уже двадцать четыре года. Со всей ревностью предал он себя службе монастырской, безропотно исполняя все тяжелые послушания, имея всегда в сердце своем память смертную и непрестанно повторяя богодухновенные слова Давида: *Видь, Господи, смирение мое и труд мой и остави вся грехи моя* (Пс. 24, 18). Строгая подвижническая жизнь снискала ему любовь и уважение братии. Слава о его равноангельском житии стала распространяться в округе. Но преподобный Симон пожелал совершенного безмолвия, и игумен, зная высокую его добродетель, отпустил его в уединение.

Некоторое время он путешествовал по монастырям Новгородской, Московской и Вологодской епархий, а затем в

1613 году поселился в 80-ти верстах от Устюга, в глухом и непроходимом месте Волмы, или Воломском лесу, на реке Кичменге. Полюбилось это дикое место блаженному Симону, и он молился Господу и Пречистой Его Матери, чтобы позволили ему тут водвориться для спасения его души. Он поставил себе тесную келлию и начал возделывать землю в совершенном уединении, питался он овощами, которые сам сажал, а иногда хлебом, который собирал как милостыню в окрестных селениях, ибо в течение пяти лет никто не ведал его уединенной келлии, огражденной дремучим бором. Когда же окрестные жители узнали, то старались его вытеснить, но он благодушно претерпел гонение и удержался на избранном месте.

Когда понемногу начали собираться к прп. Симону ученики, он пожелал устроить обитель. Испросив у царя Михаила Феодоровича жалованной грамоты на избранное им место, преподобный поставил церковь во имя Воздвижения Креста Господня. Однако вскоре после освящения храм был сожжен окрестными поселянами, опасавшимися, что к храму отойдут их земли. Преподобный Симон не пал духом и стал строить новую церковь. В 1620 году, когда храм также в честь Воздвижения Креста Господня был построен, преподобный Симон пошел в Ростов, чтобы просить у архиепископа Варлаама антиминос и нужную утварь. Но он получил не только все необходимое для богослужения, но и принял от руки его и сан священства. Возвратившись в свою обитель, преподобный Симон уже сам освятил новую церковь.

Преподобный игумен Симон был для братии примером трудолюбия, смирения, простоты сердечной. Пост и молитва были главным делом иноков. Однако враг рода человеческого продолжал настраивать против святого старца некоторых крестьян. Дарованные царем Михаилом Феодоровичем жалованные грамоты на владение землей в округе на 10 верст вызывали у них зависть и злобу. Однажды три злодея напали на святого старца, когда он один рубил лес, навалили на него колоду и грозили убить, если он не отдаст им грамоту на землю. Едва умолил их прп. Симон отпустить его, чтобы поискать грамоту. Возвратясь к своим, он рассказал

бывшее с ним приключение и угрожавшую опасность. Монастырские люди собрались, чтобы поймать сих трех насильников, но нигде не могли найти их.

12 июля 1641 года, когда большинство иноков обители ушли на праздник в честь Прокопия Устюжского (память 8/21 июля), умышленники пробрались в монастырь и, найдя преподобного одного, вновь стали требовать грамоту. Преподобный умолил их отпустить его в церковь для отыскивания грамоты. Там он пал ниц пред иконой Матери Божией и со слезами молился, благодаря Владычицу за то, что позволила ему водвориться в сей пустыне, и поручал Ей с сыновней доверенностью собранные им стадо и самого себя в час смертный; молился и Господу Иисусу, чтобы послал Ангела мира принять душу его и причислил бы его к избранному Своему стаду. Восстав от молитвы, он причастился в алтаре запасными Дарами, хранившимися в ковчеге, и, укрепленный бессмертною вещью, вышел к своим злодеями: «Теперь делайте со мною, что хотите». И жестокосердные, не умилившись смирением старца, «много мучиша, поругающеся ему и ножи разбодоша святое тело его, и наконец отсекоша честную главу его, и повергоша тело близ его келлии».

Несколько дней лежало поверженное тело, никем не вредимое, ни зверями, ни птицами. Возвратились братия из Великого Устюга и с ужасом обрели блаженного своего наставника мертвым пред дверьми его келлии, с жестокими знаками мучения. Вызванный из Архангельской обители города Устюга иеромонах Ефрем совершил отпевание, и тело преподобномученика Симона было с честью погребено с левой стороны созданного им храма. В скором времени у могилы святого стали совершаться чудеса, в основном исцеления больных. В 1646 году началось почитание преподобномученика, ему была составлена служба с описанием жития и чудес.

Арсений Новгородский, преподобный – преставление

Преподобный Арсений Новгородский, в миру Амвросий, родился в г. Ржеве в семье благочестивых христиан. Отец его Григорий занимался выделкой кож и научил своему ремеслу сына. Амвросий для поддержания родителей прилежно занимался этим ремеслом, не забывал он и нищих, которых наделял милостыней. Воспитанный во всяком благочестии, он ежедневно посещал храмы Божии для молитвы. По смерти отца Амвросий был понуждаем матерью вступить в супружество с девицей Марией, но и полгода не прожил с супругой.

Как некогда Авраам оставил дом родительский, чтобы идти странником на зов Божий, так и сей блаженный юноша оставил все свое – и дом, и присных – и втайне от них бежал в Великий Новгород. В Новгороде он исполнял кожевенные работы, тайно совершая спасительный подвиг поста и молитвы. Через пять лет святой Амвросий написал письмо жене и матери, в котором утешал их евангельским обещанием вечной блаженной жизни тем, кто оставит ради Господа мать, жену, детей, имущество (Мф. 19, 29).

В 1562 году с помощью Феодора Димитриевича Сыркова, благочестивого строителя храмов и монастырей, святой Амвросий основал обитель и храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы, что на Ярославском дворище (торговая сторона Новгорода, на правом берегу реки Волхов), по соседству с храмом в честь святых Жен-мироносиц. В этой же обители он принял монашеский постриг с именем Арсений.

В образе ангельском еще более усугубил преподобный Арсений свой подвиг, ибо всего себя предал любви Божией, и жителство его, по слову апостольскому, было сокровенно со *Христом в Боге* (Кол. 3, 3). Жизнь он вел самую строгую, довольствовался малым; на теле носил вериги, которые были прикрыты такой бедной и ветхой одеждой, что никакой бедняк не позарился бы на нее. Угодник Божий наряду со строгим постом и утруждением плоти занимался внутренним деланием:

его ум был постоянно занят молитвой, сопровождавшейся благодатным даром слез. В последние годы земной жизни преподобный Арсений жил в затворе в своем монастыре. Из его очей постоянно текли слезы покаяния, и плакал он также о своей земной отчизне, провидя грозные беды, готовые обрушиться на гордых новгородцев за их беззакония.

В 1570 году царь Иоанн Грозный предал жестокой казни тысячи новгородцев. Узнав о преподобном Арсении, царь пришел к нему с щедрыми подарками. Но святой не принял даров, упрекнув царя за жестокость, строго говоря: «Многие неповинные души послал ты в Царство Небесное». Когда, собираясь в Псков, Иоанн Грозный вновь пришел к преподобному Арсению и просил благословения на дорогу, подвижник сказал: «Завтра, государь, готов и я в путь». Обрадовался его готовности царь, но это было только таинственное предсказание о собственной кончине. Наутро, приобщившись Святых Христовых Таин, преподобный Арсений предал на молитве чистую свою душу Богу 12 июля 1570 (1571) года.

Погребли святого Арсения в том же затворе, где он совершал спасительный подвиг. После обретения нетленных мощей преподобного над ними была построена часовня, а затем деревянная церковь в честь Рождества Христова. Сохранилась запись 1634 года: «На торговой стороне, в монастыре Арсеньеве мощи преподобного Арсения лежат под спудом; от мощей его приходящим с верою исцеления бывают. Тропарь и кондак ему составлен...» Не ранее 1701 года было написано житие святого Арсения и составлена ему служба. 21 января 1787 года нетленные мощи подвижника были перенесены в Кириллов монастырь близ Новгорода и положены на южной стороне соборной церкви во имя святителей Афанасия и Кирилла Александрийских (память 18/31 января). Там же был построен и освящен в сентябре 1793 года придел во имя преподобного Арсения, а в 1812 году устроена новая позолоченная гробница. Память преподобного Арсения праздновалась в обители в первое воскресенье после 18 января, то есть после храмового праздника монастыря. В честь

преподобного Арсения был освящен также придел в храме в честь Владимирской иконы Божией Матери в г. Ржеве.

В древнем житии преподобный Арсений назван юродивым Христа ради.

Июль 14

Стефан Махрицкий

Преподобный Стефан был современником и ближайшим собеседником преподобного Сергия Радонежского. Родился и воспитался он в Киеве, принял иночество в Печерской обители, где проводил жизнь в строгом воздержании, непрестанной молитве и полном послушании у старцев. Несколько лет святой Стефан прожил в Киево-Печерском монастыре, все более совершенствуясь в иноческих подвигах. Но мирное течение монашеской жизни в Киеве было нарушено подчинением южной части России князьям литовским, а затем – польскому королю. Католики усилили свое влияние и стали притеснять православных: отбирали у них храмы и устраивали в них костелы, не допускали православных до значительных должностей, бранили и даже избивали священников и монахов. Гонение на Православие особенно усилилось в середине XIV века. В то время многие иноки в Киеве и его окрестностях покинули свои монастыри и уединились в безвестных дебрях и пустынях для подвигов поста и молитвы. Преподобный Стефан также ушел из Киево-Печерской лавры и отправился на север, в православную Москву.

Святой Стефан прибыл в столицу Русского государства в княжение великого князя Иоанна II (1353–1359), сына Калиты и отца св. блгв. кн. Димитрия Донского (память 19 мая/1 июня), который предложил подвижнику избрать для жительства любой монастырь в Москве. Но святой Стефан решил поселиться в пустыне и отправился на северо-восток, где избрал себе место в лесном урочище Махрище, в 35-ти верстах от обители преподобного Сергия. Водрузив деревянный крест, подвижник срубил себе келлию, выкорчевал вокруг лес для возделывания земли и стал жить там, подвизаясь в посте, молитве и трудах. Когда о святом отшельнике стало известно в окрестностях, к нему начали приходить ревнители благочестия. Сначала преподобный Стефан, стремясь к безмолвию, не разрешал им поселиться около него, но затем уступил их просьбам. Не позднее 1358 года по благословению святителя Алексия,

митрополита Московского († 1378; память 12/25 февраля), преподобный Стефан основал монастырь. Братия построили храм во имя Живоначальной Троицы, трапезную и келлии, которые обнесли оградой. Святитель Алексей рукоположил преподобного Стефана во иеромонаха и поставил игуменом новой обители.

Устроенная преподобным Стефаном обитель чрезвычайно распространилась, руководимая им по уставу общежития. Неленостно кроткими и тихими наставлениями поучал братию преподобный о путях спасения, о благочинии церковном и обязанностях инока, напоминая им слова Господни: «На кого воззрю, если не на кроткого и молчаливого и трепещущего Моих словес» (Ис. 66, 2). Еще более, чем словом, поучал игумен примером, ничем не отличаясь от братии в одежде и пище, облеченный в рубище, как бы один из последних, первенствуя только на молитве, ибо всех предупреждал в храме Божиим и никому не уступал в трудах. Не только иноки, но и миряне стекались к нему из окрестностей для духовного совета, посещал для назидательной беседы и преподобный Сергей Радонежский, лавра которого уже возникала по соседству, в сорока верстах от Махрищи. Но однажды пришел к преподобному Стефану великий сподвижник Сергей, утаив от него вину своего прихода – огорчение от братии, вынудившее его удалиться на время от своей обители. Узнав о пришествии преподобного Сергея, преподобный Стефан велел ударить в било церковное и встретил его со своей братией, ибо единокорны были оба труженика; единую волю творили они Господа своего и дружно возделывали духовную бразду, посеявая в ней семя словесное. Встретившись, поклонились они взаимно до земли, прося друг у друга молитв и благословения, вместе вошли они в церковь для краткой молитвы. Несколько дней пробыл преподобный Сергей в Махрищской обители, обходя с ним пустыню и веселясь духовно о ее процветании. Наконец, открыл преподобный Сергей ему желание своего сердца: «Желал бы я, отче, с помощью Божией обрести себе место уединенное, где бы безмолвствовать. Прошу твою любовь даровать мне одного из учеников твоих, знающих

пустынные места». Преподобный Стефан с любовью исполнил просьбу аввы Сергия и, отпустив с ним добродетельного ученика своего Симона, проводил его до источника, за три версты от обители. Позднее на месте расставания святых старцев, над источником, была поставлена часовня. Симон, обошедши с преподобным Сергием многие места пустынные, указал ему высокое прекрасное место на реке Киржачи. Оно полюбилось отшельнику Радонежскому, и там основал преподобный новую обитель во имя Благовещения Богоматери, где временно водворился, доколе братия первоначальной лавры его не почувствовали горького лишения и разлуки с таким пастырем и не умолили его возвратиться, уже чрез посредство святителя Московского Алексия.

Вскоре и самого Стефана постигло такое же искушение от братии и он последовал смиренному примеру собеседника своего преподобного Сергия. Некто Григорий, живший недалеко от Троицкой обители, передал монастырю свою землю и другое имущество, принял монашество и стал усердным учеником игумена. Преподобный вскоре послал его к святителю Алексию, который рукоположил Григория во пресвитера и возвратил в обитель. Между тем присоединение к обители преподобного Стефана некоторых земель вызвало раздражение живших неподалеку четырех братьев Юрковских, опасавшихся, что их имение может отойти к монастырю. С целью заставить преподобного уйти из этих мест они грозили убить его. Никакие вразумления святого не помогали. Тогда преподобный Стефан, оставив вместо себя священноинока Илию, тайно оставил монастырь вместе с любимым учеником своим Григорием. В 60-ти верстах от Вологды, в древнем Авнежском княжестве, он основал Троицкую Авнежскую пустынь. Первым постриженником обители стал местный землевладелец Константин Дмитриевич, который, желая подражать подвигам преподобного Стефана, одну часть своего имения раздал бедным, а другую пожертвовал новому монастырю и принял монашеский постриг с именем Кассиан (впоследствии пострадал вместе с преподобным Григорием в 1392 году; память их 15/28 июня). Со временем слава об Авнежских иноках дошла до Москвы.

Благоверный великий князь Димитрий Иоаннович Донской, узнав о месте пребывания преподобного Стефана, вызвал его к себе, а в монастырь сделал богатый вклад богослужебными книгами и другими пожертвованиями. Преподобный Стефан, поручив паству свою преподобному Григорию, а келарную службу – преподобному Кассиану, пошел в царствующий град.

По дороге в Москву преподобный Стефан посетил Махрищскую обитель, где с радостью был встречен братией, умолявшей его не оставлять их более и возвратиться к ним из столицы.

Милостиво принял его там святитель Алексей, глубоко уважавший его добродетель, и любитель благолепия церковного великий князь, который снабдил Махрищскую обитель многими землями и льготами и велел преподобному Стефану опять в ней водвориться.

Будучи в Москве, преподобный обрел там будущего светильника Российской Церкви. Юноша-сирота Косма, сродник великокняжеского боярина и окольничего Тимофея Васильевича Вельяминова, славившегося богатством, мечтал быть иноком. Но его влиятельный родственник не соглашался отпустить его в монастырь. Узнав о святом Стефане, Косма пошел к нему и со слезами стал просить о помощи. Преподобный Стефан, провидя в юноше великого подвижника, постриг его в рясофор и преднарек ему имя Кирилл. Затем преподобный отвел Косму в Симонов монастырь, где преподобный Феодор (впоследствии архиепископ Ростовский, † 1394; память 28 ноября/11 декабря) постриг его в мантию. Это был преподобный Кирилл Белоезерский († 1427; память 9/22 июня).

Вернувшись в Махрищскую обитель, преподобный Стефан ввел в ней общежительный устав и в течение многих лет мирно и мудро управлял братией. По временам он приходил для беседы к великому чудотворцу Сергию.

Достигнув глубокой старости, преподобный Стефан передал игуменство старцу Илии и принял великую схиму. В скором времени, чувствуя приближение своей кончины, он созвал духовное стадо и в последний раз поучил братию подвигам духовным, страху Божию и непрестанной памяти смертной,

любви нелицемерной, воздержанию и конечному отречению от мира. И причастившись Святых Христовых Таин, предал преподобный Стефан чистую свою душу Богу июля в 14-й день 1406 года. Благоухание святой его жизни повеяло от святых его мощей, свидетельствуя о благоприятном предстательстве его пред лицом Божиим. Со слезами братия погребли его в созданной им обители Живоначальной Троицы.

Много лет после преставления блаженного Стефана жил в его обители некто благоговейный старец инок Герман, уже столетний, днем и ночью предстоявший в молитвах Богу. Однажды ночью вышел он из своей келлии и увидел над гробом преподобного огонь. Ужаснулся старец и поспешил возвестить о том игумену Ионе, который увидел из окна своего тот же огонь, как бы луч света, сиявший от гробницы. Пришел в то время из лавры преподобного Сергия игумен Арсений и, услышав о чудном явлении, духовно уразумел знамение благодати Божией. Он велел поставить над могилой гробницу, осенить ее покровом и пред нею возжечь неугасимую лампаду. С того времени возобновилось почитание святого, уже почти забытого, и было установлено ежегодное ему празднование.

В 1550 году при постройке нового каменного храма во имя Живоначальной Троицы мощи преподобного Стефана были обреты нетленными, но оставлены в новом храме под спудом. От кожного параманда, найденного на персях мощей и вложенного в серебряный крест, последовали исцеления для прикасавшихся к нему с верою.

По молитвам преподобного происходили и другие чудеса. Однажды в праздник Пятидесятницы в обитель собралось до двух тысяч богомольцев. В тот год (по некоторым источникам, 1557 г.) был голод и в обители было мало хлеба. Игумен Варлаам (1557–1570), желая исполнить завет преподобного, учившего питать всех приходящих в монастырь, не знал, как быть. С верою он обратился в молитве к святому Стефану, прося у него помощи. Затем игумен повелел монаху Симеону, служившему за трапезой, весь имевшийся хлеб разделить и разложить на столы. Симеон мысленно осудил игумена, полагая, что такой поступок не только не накормит множество

народа, но и лишит братию завтрашнего пропитания, однако он исполнил повеление, и по молитве святого Стефана произошло чудо: не только все паломники насытились, но еще осталось столько хлеба, что братия питались им три месяца.

Игумен Варлаам стал первым собирателем сведений о жизни преподобного Стефана. Он разыскал записки о святом у своего прадеда Серапиона, лично знавшего преподобного Стефана, и записал известные ему чудеса, происходившие у святых мощей. На основе этих записей игумен Данилова монастыря Иоасаф (впоследствии епископ Вологодский) по благословению митрополита Московского Макария († 1563; память 30 декабря/12 января) составил житие и службу преподобному Стефану. Служба святому была составлена также Симеоном Полоцким.

Июль 15

Равноапостольный великий князь Владимир, креститель Руси

Немногие имена на скрижалях истории могут сравниться по значению с именем святого равноапостольного Владимира, крестителя Руси, на века вперед предопределившего духовные судьбы Русской Церкви и русского православного народа.

Во времена безусловного господства язычества на Руси, задолго до предуготовляемого Промыслом Божиим принятия святого крещения, уже жили христиане. И святитель Димитрий Ростовский в житии святого князя Владимира процесс христианизации нашего народа условно делит на четыре периода.

Впервые славянские племена, населявшие территорию будущей Киевской Руси, услышали евангельскую проповедь от святого апостола Андрея Первозванного еще в I веке по Р. Х. Святой Андрей прошел от Крыма через всю страну до будущего Новгорода, повсюду крестя наших предков и утверждая их в вере Христовой. На Киевских горах он предсказал основание великого города со множеством христианских храмов.

Второй период относится ко времени царствования византийского императора Василия Македонянина (867–886). Константинопольский патриарх Фотий (857–867; 877–886) прислал на Русь епископа Михаила, который стал проповедовать слово Божие среди язычников. По их требованию епископ Михаил совершил чудо: он велел развести огонь и положил в него Евангелие, которое при этом осталось невредимым. Тогда многие уверовали во Христа.

В третий раз массовое крещение славянороссов произошло во времена святой равноапостольной княгини Ольги, после ее крещения. Святая Ольга построила много христианских храмов. Но крещение Русского государства в целом, крещение всего народа произошло только при святом Владимире, который по праву называется просветителем русского народа светом Христовой веры.

Святой князь Владимир был внук святой равноапостольной Ольги († 969; память 11/24 июля), сын Святослава († 972). Мать его Малуша († 1001) – дочь Малка Любечанина, которого историки отождествляют с Малом, князем древлянским. Приводя к покорности восставших древлян и овладев их городами, княгиня Ольга повелела казнить князя Мала, за которого пытались ее сватать после убийства Игоря, а детей его Добрыню и Малушу взяла с собой. Добрыня вырос храбрым, умелым воином, обладал государственным умом, был впоследствии хорошим помощником своему племяннику Владимиру в делах военного и государственного управления.

Малуша стала христианкой (вместе с великой княгиней Ольгой в Царьграде), но сохранила в себе таинственный сумрак языческих древлянских лесов. Тем и полюбилась она суровому воину Святославу, который против воли матери сделал ее своей женой. Разгневанная Ольга, считая невозможным брак своей «ключницы», пленницы, рабыни, с сыном Святославом, наследником великого Киевского княжества, отправила Малушу на свою родину, в весь неподалеку от Выбут. Там и родился, около 960 года, мальчик, названный русским языческим именем Володимир – владеющий миром, владеющий особым даром мира.

В 970 году Святослав, отправляясь в поход, из которого ему не суждено уже было вернуться, поделил Русскую землю между тремя сыновьями. В Киеве княжил Ярополк, в Овруче, центре Древлянской земли, – Олег, в Новгороде – Владимир.

Ярополк был женат на гречанке – бывшей монахини, которую Святослав захватил в Византии во время набега и привез в жены сыну. Под влиянием сначала бабки своей Ольги, а затем и жены Ярополк начал склоняться к христианству. Крещения он, по-видимому, не принял, но, по свидетельству летописи, давал «великую волю христианам». Однажды брат его Олег убил в своем лесу сына варяга-дружинника Ярополка за то, что тот осмелился охотиться там. Отец убитого настаивал на мести. Ярополк пошел против Олега дружиной. Отступая, Олег погиб в свалке на мосту, что сильно опечалило Ярополка, не хотевшего смерти брата.

Известие о его смерти достигло Новгорода, и князь Владимир, зная властолюбие брата, бежал на море к варягам. Ярополк послал в Новгород своих посадников и стал один править на Руси. Но через три года князь Владимир вернулся в Новгород с дружиной варягов и изгнал киевских посадников. Восстанавливая свои княжеские права и оправдывая себя местью за смерть Олега, Владимир захватил Киев. Коварно преданный своими ближайшими советниками, Ярополк попал в руки Владимира и был убит его варягами. Владимир взял себе жену Ярополка, гречанку. От нее, между прочим, родился потом Святополк Окаянный – убийца святых братьев Бориса и Глеба. С 980 года Владимир начал единолично править в Киеве всей Русской землей.

Став единодержавным князем Руси, Владимир осуществил несколько военных удачных походов: завоевал Галицию (Червонную Русь), смирил вятичей и радимичей, победил камских болгар, успешно воевал с печенегами и, таким образом, распространил пределы своей державы от Балтийского моря на севере до реки Буг на юге. Он «пас свою землю правдою, мужеством и разумом», как добрый и рачительный хозяин, при необходимости расширял и оборонял ее пределы силой оружия, а возвращаясь из похода, устраивал для дружины и для всего Киева щедрые и веселые пиры.

По слову летописца, «побежденный вождение», страстный, сильный, любящий войны и походы, безудержный в пирах и забавах, Владимир был сыном своего отца Святослава – язычником не столько по убеждению, сколько по образу жизни. Христианство должно было отталкивать Владимира ни чем иным, как своими нравственными правилами. Кроме того, Владимир, как и его предшественники, мечу доверял более, чем кресту. Наконец, христианство могло отталкивать его, как и варяга-Олега, угрозой подчинения Византии. Владимир тогда еще не мог, подобно Ольге, оценить значение христианства и отделить в своем сознании веру от политики византийских императоров, которые, действительно, не прочь были использовать христианство в качестве духовного орудия подчинения себе других народов. Он сумеет сделать это позже.

А пока Владимир, как и Олег, был движим одним желанием – во что бы то ни стало укрепить язычество наперекор и в противовес растущему и усиливающемуся христианству. Князь опирался на большинство населения своего государства, которое придерживалось язычества в основной массе, по инерции, по привычке, неосознанно. Это была неорганизованная, слепая стихия, поскольку на Руси не существовало идеологов, устроителей и вдохновителей языческой религии. Поэтому решающее значение приобретал религиозный выбор князя – главы государства. На него смотрели как на вождя не только в военном, но и в религиозном деле.

Утвердив свою власть, великий князь киевский Владимир всячески устремился упрочить на Руси языческую религию – многобожие, культ стихийных сил природы. Он установил на киевских холмах идолов: Перуна, Хорса, Дадзьбога, Стрибога, Симарьгла, Мокоши. Этим идолам приносились жертвы, и не раз обагрялась земля Русская невинной кровью.

Между тем в Русском государстве началась подлинная духовная война – открытый поединок язычества с христианством. Как свидетельствует одно из житий князя Владимира, в то время «христиане, иже от святыя Ольги бяху посвящени, страха ради безвестни быша: овии бо бежаша, овии же втайне святую храняху веру, а инии паки на прежнее нечестие обратишася.., где бяше церковь христианская, разорися рукою идолослужителей».

В 983 году, после победы над ятвягами, кн. Владимир, повествует летопись, «пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими. И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отроков и девиц, на кого падет он, того и принесем в жертву богам». Был тогда варяг один Феодор, а двор его стоял там, где сейчас церковь святой Богородицы (Десятинная, которую построил Владимир). И был у него сын Иоанн, прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий, по зависти диавола. Ибо не терпел его диавол, имеющий власть над всеми, а этот был ему, как терние в сердце, и пытался сгубить его окаянный и натравил людей. И посланные к нему, придя, сказали: «На

сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, чтобы мы принесли жертву богам». И сказал варяг: «Не боги это, а просто дерево – нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны человеческими руками из дерева. Бог же один. Ему служат греки и поклоняются; Он сотворил небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека, и предназначил его жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам». Посланные ушли и поведали обо всем людям. Те же схватили оружие, пошли на него и разнесли двор... и так их убили. И не ведает никто, где их положили. Ведь были тогда люди невежды и поганы. Дьявол же радовался тому, не зная, что близка уже его гибель. Так пытался погубить он весь род христианский, прогнан был честным Крестом из иных стран. Здесь же, думал окаянный, обрету себе жилище, ибо здесь не учили апостолы, здесь и пророки ничего не предрекли, не зная, что пророк сказал: *Во всю землю изыде вестие их и в концы вселенныя глаголы их* (Пс. 18, 5). Если и не были здесь апостолы сами, однако учения их, как трубы, возглашают в церквях по всей вселенной. Их учением побеждаем врага дьявола, попирая его под ноги себе, как попрали и эти два праведника, приняв венец победный наравне со святыми мучениками и исповедниками».

Произошло грозное столкновение язычества с христианством на Руси! словно молния, оно осветило небосклон русской духовной жизни, словно гром, потрясло эту жизнь.

Ибо любая расправа над христианами – всегда только поражение противной стороны по той единственной и важнейшей причине, что страдания связывают христиан со Христом, пострадавшим ради человеческого спасения, и потому привлекают к месту, к земле, где пролилась кровь христиан, чрезвычайные Божественные силы. Мученическая смерть за Христа святых Феодора и Иоанна (память 12/25 июля) привлекла обильную благодать Божию на Русскую землю. И произошло чудо: вождь язычества, гонитель христианства начал обращаться ко Христу! Доказательством служит тот неоспоримый факт, что после окончательного прихода к вере

Христовой и крещения князь Владимир поставил благолепную первую каменную Десятинную церковь во имя Божией Матери не где-нибудь, а на месте того дома, где были убиты Феодор и Иоанн. Археологические раскопки, произведенные в 1908 году в алтарной части Десятинной церкви, обнаружили остатки деревянного сруба этого дома. Следовательно, тогда, в 983 году, пережил князь Владимир первое и сильное потрясение, обратившее его духовный взор к христианству.

Помогли и молитвы святой равноапостольной Ольги, молившейся и молящейся за Русь. Князь Владимир был не только сыном своего отца, но и внуком своей бабки – святой равноапостольной Ольги! Многие унаследовал он и от нее. С языческой необузданностью страстей в нем сочеталась и определенная душевная глубина, мудрость, сердечная доброта, а это есть видимые причины того, почему его сердце оказалось способно воспринять Божие посещение.

Церковный писатель второй половины XI в. Иаков Мних (монах) пишет, что, «взыскав спасения», Владимир стал припоминать свое детство и благочестивые наставления своей бабки св. кн. Ольги, вспоминал о том, как уверовала она и крестилась, ибо много слышал об этом и «разгорался Духом Святым в сердце, желая святого крещения». Вряд ли он прислушивался к рассказам об Ольге до 983 года. Тогда никто не рискнул бы приступить к нему с проповедью о Христе. Но теперь, после того, как, «взыскав спасения», кн. Владимир сам начал интересоваться историей обращения своей великой бабки, он стал способен воспринимать слова истины, исходящие от его ближайших родственников-христиан. А таковыми были мать Владимира Малуша, а также одна из жен.

По свидетельству преподобного Нестора (память 27 октября/9 ноября) в его «Чтении о житии... Бориса и Глеба», князю Владимиру было «видение Божие», побудившее его к обращению. Но поскольку обращение ко Христу князя происходило уже в зрелом возрасте, то от начала обращения до окончательного принятия веры и крещения должно было пройти какое-то время в размышлениях, сопоставлениях, уяснении и восприятии христианских истин.

За религиозной жизнью на Руси пристально следили те, кто так или иначе был связан с Русью и потому заинтересован в духовном ее развитии: православные греки на юге, Римская Церковь на западе, мусульмане Волжской Болгарии, иудаисты Хазарии на востоке. Правда, Хазария была совершенно разгромлена Святославом в 965–968 гг. Могучий каганат, союзник и опора Византийской империи, рухнул под натиском киевского князя, навсегда перестав существовать как государство! Часть земель его, в том числе некоторые земли по Дону и Северному Кавказу, Таманский полуостров (знакомая нам Таматарха, ставшая русской Тмутараканью), отошли к владениям Руси. Став подданными Руси, иудейские проповедники и книжники теперь, естественно, были особо заинтересованы в приобщении к иудаизму русской княжеской власти. Но обращением этой власти к своей вере были не менее озабочены и все вышеназванные стороны. Напряженное затишье в духовной жизни русского общества после грозного разряда 983 года вселило во всех ее соседей определенные надежды.

В 986 году, по данным летописи, «пришли болгары магометанской веры... потом пришли иноземцы из Рима... пришли хазарские евреи... затем прислали греки к Владимиру...» И все проповедали свое. Князь Владимир внимательно выслушивал всех, задавал вопросы.

В мусульманстве Владимиру, согласно летописи, как будто нравилась возможность многоженства и в этой жизни, и в будущей. Магометане не случайно упирали именно на этот пункт своего вероучения: они явно пытались приспособиться к нравам Владимира-язычника. Но они не знали, что от язычества Владимир в глубине души уже отвратился. К тому же «предаваться всякому блуду» он мог и не переходя в иную веру... Проповедники ислама просчитались. Но не только в этом. Они не открыли Владимиру ничего нового о Боге, Его отношении к миру и человеку, о смысле бытия. Заповеди ислама об обрезании, воздержании от свинины и вина были использованы Владимиром как предлог, чтобы отвергнуть эту

веру. И он сказал полушутливые слова: «Руси есть веселие питие, не можем без того быть».

«Иноземцы из Рима, посланные папой», строили свою проповедь на противопоставлении истинного Бога, сотворившего небо и землю, звезды и месяц и «всякое дыхание», языческим истуканам, которые «суть дерево», подчеркивая, что христианство – свет, а язычество – тьма. Владимир спросил: «В чем заповедь ваша?» (то есть что требуется от человека, чтобы быть угодным Богу истинному, чтобы спастись). И получил знаменательный ответ. «Пост по силе, если кто пьет или ест, то все это во славу Божию, как сказал учитель наш Павел». Ни слова о необходимости духовного преобразования, перерождения человека во Христе и во образ Христов, об отвержении себя с необходимостью, «взяв крест», следовать за Христом! Трудно сказать, чего больше в этой проповеди «иноземцев из Рима», смысл которой вполне отчетливо отражен в кратких словах летописи, – попытки приспособиться к распущенным нравам Владимира-язычника или свойственной вообще западному христианству обмирщенности... Во всяком случае, суть ответа римских посланцев – в призыве переменить веру без особой перемены образа жизни. А вот это как раз и должно было оттолкнуть Владимира, уже хорошо знавшего, какую перемену жизни совершила после крещения княгиня Ольга и каков образ жизни других русских христиан, принявших веру от Константинопольской Церкви! «Идите, откуда пришли, – говорит он посланцам римского папы, – ибо и отцы наши не приняли этого».

Остроумен отказ кн. Владимира и от иудаизма. Пришедшие из Хазарского каганата, проповедуя ветхозаветную веру, «лучшею быти паче всех», старались обратить особое внимание князя на «презренность» христианства по сравнению с их верой: «Христиане же веруют в Того, Кого мы распяли...» Владимир спрашивал сначала о законе иудеев, а затем задал неожиданный вопрос: «А где земля ваша?» Вопрос коварный и продуманный: Хазария недавно разгромлена, а Палестина не принадлежит иудеям. Вынудив проповедников ответить:

«Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши...», кн. Владимир заметил: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Или и нам того же хотите?»

«Затем прислали греки к Владимиру философа», – сообщает «Повесть временных лет» и передает обширную проповедь этого философа. Беседа Владимира с философом сводится к самому важному и главному – к вопросу о Боговоплощении. – «Зачем же сошел Бог на землю и принял страдание?» Ответил же философ: «Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала...» Владимир же сказал: «Рад послушать». И начал философ говорить так: «Вначале, в первый день, сотворил Бог небо и землю...» Сочинение настолько стройно, последовательно, глубоко и в то же время просто раскрывает основные события Священной истории и некоторые вероучительные истины, что сохраняет свое богословское значение и по сей день.

Философ поведал князю Владимиру о творении мира и грехопадении, быстро и кратко передал важнейшие события в жизни народов ветхозаветного времени, далее привел выдержки из пророческих книг об отвержении Израиля и призвании новых народов, о явлении Бога во плоти, искуплении Его страданиями греха Адама. Затем кратко, точно изложена евангельская история до сошествия Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы. «Когда приняли обетование Святого Духа, то разошлись по вселенной, уча и крестя водою». Выслушав внимательно, кн. Владимир задал еще один, последний, вопрос, в котором, собственно, содержались три вопроса: «Зачем родился Он от Жены, был распят на древе и крестился водою?» Эти вопросы чрезвычайно ценны: в них отражается то, что более всего интересовало русских людей того времени в Священной истории и учении христианства.

«Через жену, – отвечал на первый вопрос философ, – была первоначальная победа дьявола, так как через жену был изгнан Адам из рая; через Жену же воплотившись, Бог повелел верным войти в рай». На второй вопрос дан ответ: «А на древе был распят потому, что от древа вкусил Адам и из-за него был

изгнан из рая, и древом жизни спасутся праведные». В связи с третьим вопросом говорилось, что «обновление водою» совершилось, с одной стороны, потому, что водою Бог «потопил людей» при Ное. «Потому-то и сказал Бог: «Водою погубил Я людей за грехи их, теперь вновь водою очищу от грехов людей – водою обновления». Ибо первой была сотворена вода; сказано ведь: «Дух Божий ношашеся верху воды», потому и ныне крестятся водою и Духом».

«Когда апостолы учили во всем мире веровать Богу, учение их и мы, греки, приняли, вселенная верует учению их». Но в летописи за этой «концовкой» следует еще такой текст: «Установил же Бог и день единый, в который, сойдя с небес, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его: праведникам – Царство Небесное, красоту неизреченную, веселие без конца и бессмертие вечное; грешникам же – мучение огненное, червь неусыпающий и мука без конца. Таковы будут мучения тем, кто не верит Богу нашему Иисусу Христу; будут мучиться в огне те, кто не крестится». И сказав это, философ показал Владимиру занавес, на котором было изображено судилище Господне, направо указал ему на праведных, в веселии идущих в рай, а налево – грешников, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева». Философ же сказал: «Если хочешь с праведниками справа стать, то крестись». Владимиру же запала на сердце мысль эта, и сказал он: «Подожду еще немного», желая разузнать о всех верах.

Умственное восприятие основ вероучения той или иной религии дает, конечно, очень многое, но далеко не все. В полной мере почувствовать дух религии или, во всяком случае, определить, сродни ли он душе того, кто хочет ее узнать, можно только при непосредственном созерцании отправлений религиозного культа. Конкретные формы богослужения и молитвы как раз выражают главнейшее – сокровенное духовное начало. Образ (или образы), употребляемые в религиозном культе, всегда непосредственно обнаруживают «лик» самой религии, и притом гораздо ясней, чем их подчас надуманные толкования. Древность знала это лучше, чем современность.

Поэтому не только окружению Владимира, но и ему самому было нужно знать, какая у кого служба и кто как служит Богу.

Отпустив греческого посла с дарами, князь Владимир собрал своих старшин и бояр на совет. На этом высшем государственном совете Руси дружина, бояре и старцы во главе с князем Владимиром перед окончательным выбором веры (а значит, всего будущего духовного пути земли Русской) в качестве решающего рассматривали вопрос об образе богослужения ислама, западного христианства и Православия. И было решено послать послов и испытать каждую веру на месте, и избрали для этого десять мужей, «добрых и смысленых».

Князь Владимир, призванный Промыслом Божиим быть крестителем Руси, был уже готов принять православную веру от греков, но, будучи мудрым руководителем, подготавливал народ к крещению путем частых бесед о вере на княжеском дворе, путем испытания вер и посылки посольства в другие страны. Отправляя посольство, он знакомил русских с верою, состоянием торговли, армии, бытия, жизни народов.

И вот эти послы наблюдали в Болгарии, как мусульмане молятся в мечети: «Став там без пояса, сделав поклон, (человек) сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их». У немцев «видали в храмах различную службу, но красоты не видели никакой». В Византии же в Константинопольском храме во имя Софии Премудрости Божией они созерцали праздничное патриаршее богослужение при полном свете паникадил, с пением соборных хоров. «Поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние диаконов и рассказав им о служении Богу своему», то есть пояснив общий смысл богослужебной символики. «Не знали, на небе или на земле мы, – рассказывали послы по возвращении в Киев, – ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как рассказать об этом, знаем только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом

горького, так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». Выслушав их, бояре сказали князю Владимиру: «Если бы был худ закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а она была мудрейшей из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо».

Так было принято историческое государственное решение о крещении Руси.

Православная Церковь как образ Царства Божия, Царства Небесного, в видимых образах своего богослужения являющая невидимую и неизреченную красоту и радость Горнего мира, новой жизни, вечного пребывания Бога с человеком, открыла Руси светлый лик Христовой истины! Через образы православного богослужения Русь увидела Христа во славе и духовном веселии пребывания с людьми! Этим пленилась Русь, так восприняла она дух и смысл Христовой веры, в таком православном облиции эта вера оказалась удивительно близкой русской душе, русскому народу. Отсюда берут начало «врожденная» приверженность Руси к Православию и органическое неприятие всего, что чуждо ему.

В августе 986 года, когда войско Византии было разгромлено болгарами, положение греческих императоров-соправителей Василия II и Константина было очень тяжелым. В начале 987 года мятежный полководец Варда Склир с арабами вошел в пределы империи. На борьбу с ним был послан другой военачальник – Варда Фока, но он, в свою очередь, поднял мятеж, провозгласил себя императором и овладел Малой Азией. В 987 году Варда Фока осадил Вайдос и Хрисополь, намереваясь создать блокаду Константинополя. И вот тут-то император Василий и обратился к могущественному князю Владимиру с просьбой вспомнить греко-русский договор 954 года князя Игоря с Византией, где был пункт о взаимопомощи. «И истожились богатства его (Василия), и побудила его нужда вступить в переписку с царем руссов. Они были его врагами, но он просил у них помощи», – пишет о событиях 980-х гг. авторитетный арабский историк Яхья Антиохийский.

Князь после долгого совещания решил оказать помощь грекам, но в награду потребовал руки царевны Анны, сестры

императоров. Это было для византийцев неслыханной дерзостью! Ибо греки имели всегда твердое намерение не родниться с варварскими народами. Еще Константин Багрянородный постановил законом: «С сими северными народами – хазарами, турками, руссами – не прилично дому императорскому обязываться браками». И когда в свое время руки той же Анны домогался для своего сына император Оттон Великий, то ему было отказано. Но сейчас Константинополь вынужден был согласиться, но только при условии, что Владимир станет христианином. Князь принял условие.

Был заключен договор, согласно которому в 987 или начале 988 года русское шеститысячное войско прибыло в Константинополь. Но императоры не спешили выполнять условия договора. Тогда возмущенный греческим лукавством князь Владимир «вборзе собра вся своя» и двинул на Корсунь, «град греческий», древний Херсонес. При осаде Херсонеса «не можаше взяти: бе бо крепок град, и воинство в нем греческое мужественно». «Божие же смотрение, – говорит одно из житий кн. Владимира, – неведомыми судьбами полезнейшее не токмо греком, но и всему российскому роду усмотря, устрой то, да Херсон град покорится Владимиру». И благодаря помощи некоего «протопопа» Анастаса корсунянина, давшего Владимиру совет, как перекрыть водопровод, снабжавший водой осажденных, Херсонес был взят. Пал неприступный оплот византийского господства на Черном море, один из жизненно важных узлов экономических и торговых связей империи.

Из взятого города Херсонеса в Константинополь был направлен грозный ультиматум: «Если не отдадите ее (Анну) за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». Ультиматум Владимира должен был возыметь особую силу как раз в связи с тем, что в то время, в 988 году, вблизи Царьграда уже находилось шеститысячное русское войско, от которого в значительной мере зависела судьба империи! И в Константинополе вынуждены были его принять. А сама Анна плакала при мысли о замужестве с князем варварской страны, предпочитая смерть такому супружеству. Решающим доводом для царевны Анны в пользу брака с русским князем послужили

слова, влагаемые летописцами в уста ее братьев Василия и Константина: «Может быть обратит тобою Бог землю Русскую к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь?» Тогда царица, «разсмотря спасение толикаго рода российского, к Богу обратится хотящаго, еще же и отечеству своему, Греческому царству мира желая, соизволи совету и молению братии своих, и рече со слезами: воля Господня да будет». И послали ее морем в корабле со архиереем (митрополитом) Михаилом, со священниками, и клиром, и многими святыми мощами и другими святынями.

Но царевну Анну в Херсонесе ожидала невеселая новость. Ее жених князь Владимир «по Божию устроению... разболелся глазами и не видел ничего, и скорбел сильно, и не знал, что сделать. И послала к нему царица (так называет летопись Анну) сказать, чтобы он крестился скорей» («если же не крестишься, то не избежишь недуга своего»).

Какова сила веры царицы! Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же Корсунский с царицыными попами, огласив, крестили Владимира, «нарече ему имя Василий. Бысть же в крещении его чудо, подобное оному, еже в Дамасце на Савле, Церковь Божию гонившем, егда бо Владимир ослеплен сый очима, вниде во святую купель, а епископ по чину крещения возложи на него руку, абие отпаде от очес его слепота яко чешуя, и прозре, и прослави Бога, яко приведе его в истинную веру».

До сих пор князь в основном узнавал о Боге. Но чтобы узнать Бога, нужно особое Божие снисхождение к человеку, отчетливо и сильно переживаемое как личная встреча с Богом. И она произошла! «Теперь узнал я истинного Бога», – в веселии и радости воскликнул великий князь, почувствовав свое исцеление. Видев чудо, крестилась и вся дружина его.

С крещением кн. Владимира произошло еще нечто большее и важнейшее. Как повествуется в старинных житиях кн. Владимира, в Херсонесе «бояре его и воинство крестишася, и бысть радость велия россияном и греком, а наипаче святым

Ангелом на небеси: еже бо о едином грешнике кающемся тии радуются, кольми паче о толь многих душах, Бога познавших, возрадовашася и «Слава в вышних Богу» воспеша. Совершися крещение Владимирове, и бояр его, и воев в Херсонесе в лето бытия мира 6496, воплощения же Бога Слова в лето 988». Крещение князя Владимира с боярами и дружиной было началом крещения всей Русской земли!

Наследуя честь и славу Византии, Русь тем самым становилась великой мировой державой. И становление это началось с 988 года и можно было не опасаться даже канонической подчиненности Русской Церкви Константинопольскому патриарху, за вторым оставалось только право в поставлении (утверждении) русских митрополитов в Царьграде.

Херсонес, «вено (выкуп) царицы», был возвращен Византии, а в память о своем крещении князь построил в нем храм во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня.

Арабский историк Яхья Антиохийский (конец X – начало XI вв.), византийские авторы и армянский историк Степанов из Тарона, прозванный Асохином (конец X в.) сообщают, что после женитьбы князя Владимира на царевне Анне он помог византийскому императору Василию подавить восстание Варды Фоки. Таким образом упрочились династические и межгосударственные связи между Русью и Византией.

«После всего этого, – говорится в летописи, – Владимир взял царицу, и Анастаса (того самого протопopa, который помог ему овладеть Херсонесом), и священников... с мощами святого Климента, папы Римского (память 25 ноября/8 декабря) и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные и иконы на благословение себе». В сопровождении дружины, бояр, духовенства князь Владимир двинулся к Киеву. Впереди великокняжеского поезда с частыми молебнами и несмолкающими священными песнопениями несли кресты, иконы, святые мощи. Казалось, сама Святая Вселенская Церковь двинулась в просторы Русской земли, и обновленная в купели крещения Святая Русь открывалась навстречу Христу и Его Церкви.

По возвращении в Киев князь Владимир собрал двенадцать своих сыновей и, подготовив их к принятию святой веры Христовой, крестил в источнике, навсегда получившим название Крещатик. Вместе с ними крестился и весь дом его, и некоторые бояре, вероятно, из тех, кто не был в Херсонесе. Одновременно князь повелел везде сокрушать идолов: одни были сожжены, другие изрублены. А главного же идола Перуна с серебряной головой и золотыми усами было приказано, привязав к хвосту лошади, стащить в Днепр, молотя палками для публичного поругания, а затем провожать до порогов, чтобы никто не мог вытащить и взять его. Там идолу привязали камень на шею и утопили. Кануло в воду русское язычество... Со слезами и стонами провожали его те, кто еще не видел духовного света новой веры.

Сразу же по истреблении идолов последовало оглашение киевлян евангельской проповедью. Священнослужители, а также ранее крещеные княжичи и бояре обходили площади и дома киевлян и наставляли их в истинах Евангелия, обличали суетность и тщету идолопоклонства. Многие охотно принимали христианство, были колеблющиеся, некоторые упорствовали. Это побудило князя Владимира назначить день всеобщего крещения киевлян (по некоторым сведениям, 1 августа 988 г.). По городу был оглашен указ: «Аще кто не обрящется завтра на реке, богат ли, или убог, или нищ, или работен, противен мне да будет!» «Услышав это, – говорит летописец, – с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не добро это было (то есть крещение и вера), то не приняли бы наш князь и бояре'''". Только самые закоренелые язычники воспротивились этому повелению великого князя и бежали из Киева.

В назначенный день к месту, где р. Почайна впадает в Днепр, стеклось людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие до груди, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже совершенные (то есть уже крещеные и учившие новопосвящаемых) бродили между ними. Начался небывалый, единственный в своем роде на Руси всеобщий чин крещения. Священники во главе с первым Киевским митрополитом Михаилом читали положенные

молитвы и крестили в водах Днепра и Почайны бесчисленное множество киевлян. «И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ», – заключает летопись.

Святой же князь, смотря на крещение «толикаго народа, радовашася духом, и возвел очи к небеси и, руце воздев, рече: «Господи Боже, сотворивый небо и землю, призри на новокрещенныя люди Твоя и даждь им истинно познати Тебя, Бога Истиннаго, и утверди их в православной вере, и мне помози на видимыя и невидимыя враги, и прослави в Российских странах имя Твое Пресвятое!""

В чистых киевских водах, как в «бане пакибытия», осуществилось таинственное преображение русской духовной стихии, духовное рождение народа, призванного Богом к невиданным еще в истории подвигам христианского служения человечеству. «Тогда начал мрак идольский от нас отходить, и заря Православия явилась, и солнце евангельское землю нашу осияло». В память священного события – обновления Руси водою и Духом – установился в Русской Церкви обычай ежегодного крестного хода «на воду» 1 августа, соединившийся впоследствии с празднеством Происхождения честных Древ Животворящего Креста Господня, общим с Греческой Церковью, и русским церковным празднеством Всемилоливому Спасу и Пресвятой Богородице (установленным святым Андреем Боголюбским в 1164 году). В этом соединении праздников нашло точное выражение русское богословское сознание, для которого неразрывны крещение и крест.

Всюду по Святой Руси, от древних городов до дальних погостов, повелел святой Владимир ниспровергнуть языческие требища, иссечь истуканов, а на месте их рубить по холмам церкви, освящать престолы для Бескровной Жертвы. Храмы Божии вырастали по лицу земли: на возвышенных местах, у излучин рек, на старинном пути «из варяг в греки», словно путеводные знаки, светочи народной святости. Прославляя храмоздательные труды равноапостольного Владимира, автор «Слова о законе и благодати» святитель Иларион, митрополит Киевский, восклицал: «Капища разрушаются и церкви

поставляются, идола и иконы святых являются, бесы убегают. Крест грады освящает».

С первых веков христианства ведет начало обычай воздвигать храмы на развалинах языческих святилищ или на крови святых мучеников. Следуя этому правилу, святой Владимир построил храм святого Василия Великого на холме, где находился жертвенник Перуна, и заложил каменный храм Успения Пресвятой Богородицы (Десятинный) на месте мученической кончины святых варягов-мучеников (память 12/25 июля). Великолепный храм, призванный стать местом служения митрополита Киевского и всея Руси, первопрестольным храмом Русской Церкви, строился пять лет, был богато украшен настенной фресковой живописью, крестами, иконами и священными сосудами, привезенными из Херсона (Корсуни). День освящения храма Пресвятой Богородицы – 12 мая (в некоторых рукописях, 2 мая) – святой Владимир повелел внести в месяцесловы для ежегодного празднования. Событие было соотнесено с существовавшим уже праздником 2 мая, связывавшим новый храм двойной преемственностью. Под этим числом отмечается в святцах церковное «обновление Царьграда» – посвящение святым императором Константином новой столицы Римской империи Константинополя Пресвятой Богородице (в 330 г.). В тот же день при святой равноапостольной Ольге освящен в Киеве храм Софии Премудрости Божией (в 960 г.). Святой равноапостольный Владимир, освятив кафедральный собор Пресвятой Богородицы, посвящал тем самым, вслед за равноапостольным Константином, стольный град земли Русской Киев Владычице Небесной.

Тогда же святым Владимиром была пожалована Церкви десятина, почему и храм, ставший центром общерусского сбора церковной десятины, нарекли Десятинным. Древнейший текст уставной грамоты, или церковного устава, святого князя Владимира гласил: «Се даю церкви сей Святые Богородицы десятину из всего своего княжения, и тако же и по всей земле Русской от всего князя суда десятую векшу, из торгу – десятую неделю, а из домов на всяко лето – десятое всякого стада и

всякого жита, чудной Матери Божией и чудному Спасу». Устав перечислял также «церковных людей», освобождавшихся от судебной власти князя и его тиунов, подлежавших суду митрополита.

Летопись сохранила молитву святого Владимира, с которой он обратился к Вседержителю при освящении Успенского Десятинного храма: «Господи Боже, призри с Небесе и виждь, и посети виноград Свой, яже насади десница Твоя. И сверши новые люди сии, им же обратил еси сердце и разум, познати Тебя, Бога Истинного. И призри на церковь Твою сию, юже создал недостойный раб Твой во имя рождшей Тя Матери, Приснодевы Богородицы. Аще кто помолится в церкви сей, то услыши молитву его, молитв ради Пречистая Богородицы».

С Десятинной церковью и епископом Анастасом некоторые историки связывают начало русского летописания. При ней были составлены житие святой Ольги и сказание о варягах-мучениках в их первоначальном виде, а также «Слово о том, како крестися Владимир возмъ Корсунь». Там же возникла ранняя греческая редакция жития святых мучеников Бориса и Глеба.

Просвещение Руси сразу же началось на церковно-славянском языке, и Византия направила в Русь с царевной Анной не греческое, а болгарское духовенство и богослужебные книги на церковно-славянском языке. В этом заключалась величайшая историческая правота Греческой Церкви в отношении Руси, Премудрость Божия Промысла о судьбах Православия. Киевскую митрополичью кафедру при святом Владимире занимали последовательно святой митрополит Михаил († 15 июня 991 г.), митрополит Феофилакт, переведенный в Киев с кафедры Севастии Армянской (992–997), митрополит Леонтий (997–1008), митрополит Иоанн I (1008–1037). Их трудами были открыты первые епархии Русской Церкви: Новгородская (первым ее предстоятелем был святитель Иоаким Корсунянин († 1030), составитель Иоакимовской летописи), Владимиро-Волынская (открыта 11 мая 992 г.), Черниговская, Переяславская, Белгородская, Ростовская. «Сице же и по все грады и по селам воздвизахуся

церкви и монастыри, и умножахуся священницы, и вера православная цветяше и сияше, яко солнце».

В храмах, устрояемых по велению князя Владимира, богослужение совершалось по православному чинопоследованию на понятном народу родном славянском языке, по тем книгам, которые еще за столетие до того были переведены с греческого на славянский святыми равноапостольными братьями Кириллом и Мефодием, первоучителями Словенскими (память 11/24 мая). Благодаря этому храмы Божии становились всенародными училищами веры, а вера Христова мирно и сравнительно быстро распространилась по всей Руси.

Но для утверждения веры в новопросвещенном народе нужны были ученые люди и школы для их подготовки. Поэтому святой Владимир со святым митрополитом Михаилом «начаша от отцов и матерей взимати молодые дети и давати в училище учиться грамоте». Такое же училище устроил святитель Иоаким Корсунянин в Новгороде, были они и в других городах. «И бысть множество училищ книжных, и бысть от сих множество любомудрых философов».

Труды великого князя Владимира и первых Киевских митрополитов Михаила и Леонтия, верных его сподвижников, дали замечательные плоды. Прошло несколько лет, и к концу X века на Руси уже были свои епископы, священники и диаконы, значительно возросло количество грамотных людей всякого возраста и звания.

Святой Владимир твердой рукой сдерживал на рубежах врагов, строил города, крепости. Им была построена первая в русской истории «засечная черта» – линия оборонительных пунктов против кочевников. «Нача ставити Володимир грады по Десне, по Выстре, по Трубежу, по Суле, по Стугне. И населил их новгородцами, смольнянами, чудью и вятичами. И воевал с печенегами и одолевал их». Действительным оружием часто была мирная христианская проповедь среди степных язычников.

Апостольская ревность великого князя Владимира, просветителя Руси, простиралась так далеко, что он посылал

христианских проповедников на берега Двины и Камы. В Никоновской летописи под 990 г. записано: «Того же лета приидоша из болгар ко Володимеру в Киев четыре князя и просветишася Божественным крещением». В следующем году «прииде печенегский князь Кучу, и прият греческую веру, и крестися во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и служаше Володимеру чистым сердцем». Под влиянием святого князя крестились и некоторые видные иноземцы, например, живший несколько лет в Киеве норвежский конунг (король) Олаф Трюггвасон († 1000), знаменитый Торвальд Путешественник, основатель монастыря святого Иоанна Предтечи на Днепре под Полоцком и другие. В далекой Исландии поэты-скальды называли Бога «хранителем греков и русских».

Средством христианской проповеди были и знаменитые пиры святого Владимира; по воскресеньям и большим церковным праздникам после литургии выставлялись для киевлян обильные праздничные столы, звонили колокола, славословили хоры, «калики перехожие» пели былины и духовные стихи. Например, 12 мая 996 г. по поводу освящения Десятинной церкви князь «сотвори пирование светло, раздавая имения много убогим, и нищим, и странникам, и по церквам и по монастырям. Больным же и нищим доставляли по улицам великие кады и бочки меду, и хлеб, и мясо, и рыбу, и сыр, желая, чтобы все приходили и ели, славя Бога». Пир устраивался также в честь побед киевских богатырей, полководцев Владимировых дружин – Добрыни, Александра Поповича, Рогдая Удалого.

В 1007 году святой Владимир перенес в Десятинную церковь мощи святой равноапостольной Ольги. А четыре года спустя, в 1011 году, там же была погребена его супруга, сподвижница многих его начинаний, блаженная царица Анна.

У самого же князя Владимира после принятия святого крещения явилась разительная перемена его собственной жизни, его духовно-нравственного состояния. Из страстного, гордого язычника он переродился в целомудренного, кроткого, необычайно милосердного и доброго человека – его милостыни бедным не знали меры. Одно время он не решался даже

утверждать приговоры о справедливых казнях особо опасных преступников, на что митрополит и старцы говорили ему: «Аще бо не казниши злых, то веждь, яко добры зле деяши: понеже твоего ради нерадения умножаются злии на пакость добрым: но погуби злых, да добрии в мире жительствоуют». «Красным солнышком» прозвал Владимира русский народ. При этом князь продолжал оставаться победоносным полководцем, мужественным воином, мудрым главой и строителем государства.

При святом князе Владимире Киевская Русь достигла расцвета и ее влияние распространилось далеко за ее пределы.

Эпоха святого Владимира была ключевым периодом для государственного становления Православной Руси. Объединение славянских земель и оформление государственных границ державы Рюриковичей происходили в напряженной духовной и политической борьбе с соседними племенами и государствами. Крещение Руси от православной Византии было важнейшим шагом ее государственного самоопределения. Главным врагом святого Владимира стал Болеслав Храбрый, в планы которого входило широкое объединение западно-славянских и восточно-славянских племен под эгидой католической Польши. Это соперничество восходит еще ко времени, когда Владимир был язычником: «В лето 6489 (982) иде Володимер на ляхи и взя грады их Перемышль, Червень и иные грады, иже есть под Русью». Последние годы X столетия наполнены войнами святого Владимира и Болеслава.

После кратковременного затишья (первое десятилетие XI века) «великое противостояние» вступает в новую фазу: в 1013 году в Киеве был раскрыт заговор против святого Владимира: Святополк Окаянный, женившийся на дочери Болеслава, рвался к власти. Вдохновителем заговора был духовник Болеславны, католический епископ Колобжегский Рейберн. Заговор Святополка и Рейберна был прямым покушением на историческое существование Русского государства и Русской Церкви. Святой Владимир принял решительные меры. Все трое были взяты под стражу, и Рейберн вскоре скончался в

заточении. Святой Владимир не мстил «гонящим и ненавидящим» его. А Святополк, принесший притворное покаяние, был оставлен на свободе.

Новая беда назревала на севере, в Новгороде. Ярослав, еще не столь «мудрый», каким он вошел позже в русскую историю, ставший в 1010 году держателем Новгородских земель, задумал отложиться от своего отца, великого князя киевского, завел отдельное войско, перестал платить в Киев обычную дань и десятину. Единству Русской земли, за которое всю жизнь боролся святой Владимир, угрожала опасность. В гневе и скорби князь повелел готовиться к походу на Новгород. Силы его были на исходе. В приготовлениях к последнему своему походу креститель Руси тяжело заболел и предал дух Господу в селе Спас-Берестове 15 июля 1015 года. Он правил Русским государством 37 лет (978–1015), из них 28 лет прожил во святом крещении.

Готовясь к новой борьбе за власть и надеясь в ней на помощь поляков, Святополк, чтобы выиграть время, пытался скрыть смерть отца. Но патриотически настроенные киевские бояре тайно ночью вывезли тело почившего государя из Берестовского дворца, где сторожили его люди Святополка, и привезли в Киев. В Десятинной церкви гроб с мощами святого Владимира встретило киевское духовенство во главе с митрополитом Иоанном. Святые мощи были положены в мраморной раке, поставленной в Климентовском приделе Десятинного Успенского храма рядом с такой же мраморной ракой царицы Анны.

Во время монголо-татарского нашествия честные останки святого князя Владимира были погребены под развалинами Десятинного храма. В 1635 году они были обретены, честная глава святого князя Владимира покоилась в Успенском соборе Киево-Печерской лавры, малые частицы святых мощей – в разных местах. Во второй половине XIX века в Киеве был построен храм во имя святого равноапостольного князя Владимира, являющийся в настоящее время кафедральным собором.

Имя и дело святого равноапостольного князя Владимира связано со всей последующей историей Русской Церкви. «Им мы обожились и Христа, Истинную Жизнь, познали», – засвидетельствовал святитель Иларион. Подвиг его продолжили его сыновья, внуки, правнуки, владевшие Русской землей в течение почти шести столетий: от Ярослава Мудрого, сделавшего первый шаг к независимому существованию Русской Церкви, до последнего Рюриковича, царя Феодора Иоанновича, при котором в 1589 году Русская Православная Церковь стала пятым самостоятельным Патриархатом в диптихе Православных Автокефальных Церквей.

Празднование святому равноапостольному Владимиру было установлено святым Александром Невским (память 23 ноября/6 декабря) после того, как 15 мая 1240 года помощью и заступлением святого Владимира им была одержана знаменитая Невская победа над шведскими крестоносцами.

Но церковное почитание святого князя началось на Руси значительно ранее. Митрополит Иларион, святитель Киевский († 1053), в «Слове о законе и благодати», сказанном в день памяти святого Владимира у раки его в Десятинном храме, называет его «во владыках апостолом», «подобником» святого Константина и сравнивает его апостольское благовестие Русской земле с благовестием святых апостолов.

Владимир князь и княгиня Агриппина Ржевские

Святые благоверные князь Владимир и княгиня Агриппина Ржевские издревле почитались в городе Ржеве. Они были погребены в ржевском соборном храме. Над их могилами, расположенными рядом, до 1745 года сохранялась гробница. Город Ржев в древности назывался Ржевою Владимировою по имени своего первого князя – святого Владимира. Святой Владимир был сыном Мстислава Мстиславича Удалого, брат святой Феодосии, матери благоверного князя Александра Невского († 1263; память 23 ноября/6 декабря). По другим источникам, он сын Всеволода Большое Гнездо. Святая Агриппина, вероятно, была женой благоверного князя Владимира. Память ее совершалась местно также 23 июня/6 июля. Точных сведений об этих святых нет. По преданию, колодец около городского собора выкопан благоверным князем Владимиром. Во Ржеве существовала легенда о сохранении города в Смутное время от литовцев благодаря заступничеству благоверного князя Владимира. Будто бы благоверный князь верхом на коне, словно из-под земли, вырастал перед литовскими войсками, и они в смятении отступали, когда он взмахивал белым платом. Каждую ночь благоверный князь Владимир обходил городские стены, как бы сторожа Ржев. Вечером к его могиле ставили новые сапоги, а наутро они оказывались истоптанными. Но однажды ржевцы пожалели новые сапоги и сделали набойку на старые. Утром обувь оказалась нетронутой, и, хотя жители города поспешили исправить свою вину и поставили к гробнице новые сапоги, благоверный князь Владимир более не обходил город. Православные жители Тверской земли продолжали почитать память святых князя Владимира и княгини Агриппины. В 1979 году благоверные князь Владимир и княгиня Агриппина по благословению Святейшего Патриарха Пимена включены в Собор Тверских святых (переходящее празднование в 1-ю неделю после дня памяти святых первоверховных апостолов Петра и Павла).

Июль 16

Собор Российских Чудотворцев

В службе новым Российским чудотворцам прославляются русские святые, канонизированные на Московских Соборах 1547 и 1549 гг. На этих Соборах, которые возглавлял митрополит Московский Макарий († 31 декабря 1563 г.), решался только один вопрос – о прославлении русских подвижников благочестия и веры. В Окружной грамоте, посланной от лица участников Собора 1547 года в Вологду, говорится: «Уставили есмы ныне праздновати новым чудотворцам в Русской земли, что их Господь Бог прославил, Своих угодников, многими и различными чудесы и знаменьями, и не бе им доднесь соборного пения».

Митрополит Макарий начал собирать сведения о русских святых еще будучи архипастырем Новгородским. Его агиологические труды показали необходимость созыва Собора, который должен был упорядочить канонизацию святых и составить списки почитаемых святых. Подготовка к Собору длилась несколько лет, и так как материалы были изучены, заседания Собора 1547 года проходили в течение двух дней – 1–2 февраля. На этом Соборе свидетельствовались службы святым и их жития и было установлено: «По всем градом великого царства Российского пети и праздновати повсюду» следующим святым: митрополиту Московскому Ионе (память 30 марта/12 апреля), епископу Новгородскому Никите (память 30 апреля/13 мая), архиепископу Новгородскому Иоанну (память 7/20 сентября), благоверному князю Александру Невскому (память 23 ноября/6 декабря), преподобным Макарию Калязинскому (память 17/30 марта), Пафнутию Боровскому (память 1/14 мая), Никону Радонежскому (память 17/30 ноября), Павлу Комельскому (память 10/23 января), Михаилу Клопскому (память 11/24 января), Савве Сторожевскому (память 3/16 декабря), Зосиме (память 17/30 апреля) и Савватию (память 27 сентября/10 октября) Соловецким, Дионисию Глушицкому (память 1/14 июня), Александру Свирскому (память 30 августа/12 сентября). Местное празднование было установлено

блаженному Максиму, Христа ради юродивому, Московскому (память 13/26 августа), благоверным князьям Константину и чадам его Михаилу и Феодору Муромским (память 21 мая/3 июня), Петру и Февронии Муромским (память 25 июня»

8 июля), святителю Арсению Тверскому (память 2/15 марта), блаженным Прокопию и Иоанну, юродивым Христа ради, Устюжским (память 8/21 июля). Условием причисления к лику святых на Соборе служило прославление этих подвижников даром чудотворений.

После Собора 1547 года архиереям Русской Церкви было поручено собирать в монастырях и пустынях «и во всех весях» сведения о подвижниках, чудесах, мощах, а также собирать жития, каноны, молитвы. В результате были изучены многие материалы о русских местно чтимых или со временем забытых святых. На Соборе 1549 года были причислены к лику святых святители Нифонт, Иона, Евфимий Новгородские, Стефан Пермский, Иаков Ростовский, Арсений Сербский; благоверные князья Всеволод Псковский и Михаил Тверской; преподобные Евфимий Суздальский, Авраамий Смоленский, Савва Вишерский, Евфросин Псковский, Ефрем Перекомский и Григорий Пельшемский; мученики Иоанн, Антоний и Евстафий Литовские и Иоанн Болгарский. Так как документы Собора 1549 года не сохранились, список имен канонизированных на этом Соборе установлен по другим источникам и может быть неполным. Возможно, что на Соборе 1549 года были также канонизированы преподобные Ферапонт и Мартиниан Белозерские и другие святые. Современник по поводу Соборов 1547 и 1549 гг. замечает: «С того времени церкви Божии в Русской земле не вдовствуют памятьми святых и Русская земля сияет Православием, верою и учением...»

Соборы, созванные митрополитом Макарием, стали особенно известными в истории Русской Церкви, после этих Соборов с особой силой проявилось почитание русских подвижников. Появилось много рукописных сборников, в которых были объединены и помещены службы новым святым. Святые, внесенные в диптих Русской Церкви на этих Соборах, были названы новыми чудотворцами. Прославление новых

святых вызвало стремительное развитие агиографии и гимнографии.

В XVI веке была составлена служба, в которой соборно прославлялись все русские святые. В каноне после перечисления имен всероссийских святых, прославленных еще прежде, следуют имена святых, канонизированных на Соборах 1547 и 1549 гг. С прославлением подвижников вновь написанные жития были внесены во вторую и третью редакции Великих Четых-Миней – Успенский и Царский списки. Жития новых чудотворцев читались в храмах во время богослужений и были «самым лучшим родом проповеди в XV-XVI вв.».

Служба новым чудотворцам, составленная монахом Спасо-Евфимиева Суздальского монастыря Григорием, ранее правилась 17 июля, вероятно потому, что под 16 июля помещается служба святым отцам Шести Вселенских Соборов. Но служба святым отцам совершается 16 июля лишь тогда, когда это число придется на воскресный день, а обыкновенно совершается в ближайший воскресный день к 16 июля. Поэтому более целесообразно править службу новым Российским чудотворцам 16 июля, на следующий день после памяти святого равноапостольного князя Владимира.

Июль 17

Леонид Устьянедумский

Преподобный Леонид Устьянедумский родился в 1551 году в Пошехонско-Ярославской земле в семье благочестивых крестьян Филиппа и Екатерины. Родители воспитали сына в страхе Божиим и научили его чтению. До 50-летнего возраста он занимался земледелием, труды которого не прошли бесследно для остальной его жизни: они выработали из него человека с верным взглядом на предметы, расширили его кругозор и укрепили волю. Близость к природе и занятие земледелием, ставившее человека в полную от нее зависимость и побуждавшее земледельца надеяться честного плода (Иак. 5, 7) своих трудов только от щедрот Отца Небесного, научили его терпению и сохранили в нем детскую простоту сердца, сделавшую его достойным духовных откровений.

Неизвестно, думал ли преподобный Леонид оставить свои земледельческие занятия и посвятить себя иноческой жизни. Но однажды в 1603 году преподобный удостоился во сне явления Божией Матери. Она повелела ему идти на реку Двину, в Моржевскую Николаевскую пустынь, неподалеку от Холмогор в Архангельской земле, взять там Ее икону Одигитрия и перенести на реку Лузу к Туринской горе (в пределы современной Кировской области) и, построив в честь ее храм, оставаться при нем до кончины. Преподобный Леонид, считая себя недостойным особого Божественного откровения, положил отнестись к явлению как к обычному сну и никуда не пошел. Так он сделал по своему великому духовному опасению, осмотрительности и высокому смирению.

Однако вскоре, оставив свои занятия и несмотря на преклонные лета, он отправился в Кожеезерский монастырь в Архангельской земле и принял там монашеский постриг. После основания монастыря в 1565 году преподобным Серапионом († 27 июня 1611 г.) третьим игуменом в 1643–1646 гг. был там Никон, впоследствии патриарх Московский и всея Руси. Для того, чтобы с первого же раза оставить мирские привычки, испытать все скорби и лишения и видеть на деле всю трудность

и тесноту иноческого пути, не надобно было искать другого места, кроме этой, вновь возникавшей тогда обители, находившейся в стране бедной и суровой, окруженной водами пустынного озера и удаленной от жилищ человеческих. Преподобный Леонид прожил здесь около года, исполняя послушание келаря и подвизаясь вместе с братией обители в условиях сурового климата и постоянно испытывая недостаток в пище. Его духовным руководителем был преподобный старец Серапион. Никогда, конечно, преподобный Леонид не расстался бы с ним и не вышел из пустынной обители, если бы ему не повторилось прежнее сновидение, повелевавшее идти в Моржевскую пустыню и перенести на Лузу икону Одигитрии. Тогда он в недоумении и страхе никому не поведал о видении, вышел из Кожеезерской обители и, идя по реке Онеге, дошел до моря и отправился в Соловки для поклонения мощам преподобного Зосимы (память 17/30 апреля) и Савватия (память 27 сентября/10 октября, совместная память 8/21 августа). Благосклонно принятый игуменом, он прожил здесь три года как новоначальный, трудясь в пекарне. Постоянно занятый исполнением своего послушания, самого тяжелого в многочисленных обителях, преподобный Леонид начал было уже успокаиваться и забывать о своем двукратном сновидении, как вдруг увидел его в третий раз так живо и ясно, как будто бы не во сне, а наяву. Пресвятая Дева явилась ему в том же самом виде и велела немедленно идти в Моржевскую пустынь и перенести икону Ее на Лузу. Тогда старец понял, что это было необыкновенное сновидение, и устранился того, что так долго не верил ему и не исполнял повеление Божией Матери. С горькими слезами он рассказал игумену Антонию о своем троекратном сновидении и просил благословения оставить Соловецкую обитель. Игумен посоветовал ему не противиться более воле Божией, чтобы не навлечь на себя гнева небесного, с молитвой отпустил его из своей обители, и Леонид немедленно отправился в Моржевскую пустынь.

Пришедши туда, он не решился, однако, сказать настоятелю Корнилию (Кочергин; 1599–1623) причину своего прибытия и целый год провел в обители на тяжелых

послушаниях, постоянно думая о бывших ему сновидениях, ужасаясь и трепеща о том, что он все еще не исполнил повеленного. Но Благая Мати Благаго Бога не прогневалась на то, что было допущено по неведению и недоумению, Она благоутробно снизошла и призрела на мольбы и слезы старца, в котором провидела будущего Своего усердного служителя, и явилась ему в четвертый раз, повелевая перенести Свою икону на назначенное Ею место. С великим благоговением и страхом старец дерзнул спросить: «Покажи мне, Госпоже, место, где стоит образ Пречистого лица Твоего, и, объемши его грешными руками моими, я пойду на место, которое Ты назначишь». Пресвятая Дева так явственно показала ему образ и место, где он стоял в церкви, что как будто это было не во сне, а видел он его телесными очами. Пробудившись, старец пришел в трепет и в страхе воскликнул: «Пресвятая Богородице, помоги мне грешному!» Тогда преподобный рассказал настоятелю и братии о явлении Пресвятой Богородицы и указал святую икону, которую ему было повелено перенести к Туринской горе. Благочестивый настоятель и братия, «в велицем ужасе бывше о слышанных, после Божественной литургии пеша молебен и взявше строитель образ Пречистой Богородицы честнаго Ея Одигитрии, с Превечным Младенцем, даде старцу Леониду, и паде пред иконою, целовав ю моляся со слезами; такожде и вся братия и народи прилучавшися ту, и проводиша образ Пречистыя Богородицы со звоном» (Рукописная книга Устьнедумской церкви).

Получив святую икону и напутствуемый молитвами и благожеланиями всей братии, прп. Леонид с радостью отправился в назначенное ему место, хотя никогда и не бывал в тех краях. На реке Лузе, в двух верстах от Туринской горы, при устье речки Якутицы (Якушицы), впадающей в Лузу, в 80-ти верстах от Великого Устюга, преподобный Леонид построил небольшое жилище и жил в нем некоторое время, проводя дни и ночи в посте и молитве. Здесь надлежало святому устроить иноческую обитель, как ему было сказано в видении. Однако местные жители не позволили ему приступить к постройке. Со святой иконой в руках пошел преподобный Леонид лесом по

берегу реки Лузы, из глубины души взывая к Богу о своей скорби. Отойдя версты две, встретился святой Леонид с крестьянином Никитой Назаровым, одним из самых зажиточных в окрестности. Удивился благочестивый земледелец, встретивши старца-инока в таком месте, где не было никогда пути, и, увидев его слезы, стал спрашивать, кто он, откуда, куда идет и о чем плачет. Преподобный Леонид рассказал ему о бывших видениях, показал образ Божией Матери и просил указать место, где можно было бы построить храм для святой иконы. Видя слезы старца, Никита предложил ему строить храм на месте их встречи. Никита помог старцу построить келлию и затем начал посещать его для духовной беседы и совместной молитвы. Окрестные жители, узнав о старце Леониде, стали приходить к пустыннику и молиться пред святой иконой. Вскоре благочестивые крестьяне построили часовню.

В 1608 году преподобный Леонид, видя в народе возрастающее благоговейное почитание святой иконы Божией Матери, по просьбе желавших проходить под его руководством иноческие подвиги отправился в Ростов к митрополиту Филарету (впоследствии патриарх Московский и всея Руси; 1619–1633), чтобы получить его благословение на построение храма и устройство обители. Митрополит Ростовский благословил выдать старцу антиминс и все необходимые для богослужения священные принадлежности, а самого преподобного рукоположил во иеромонаха, определив ему быть начальником новоустроивающейся иноческой обители.

Вскоре была воздвигнута церковь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. При освящении храма 17 февраля 1608 года в него была перенесена святая икона Богородицы Одигитрии. И с того времени, как от неисчерпаемого источника, потекли от нее исцеления и чудеса, что еще более прославило устрояющуюся обитель и наполнило ее братией. Прп. Леонид с отеческой любовью принимал приходивших к нему, служил для них живым образом строгого исполнения иноческих обязанностей и показал пример изумительного трудолюбия.

Место, на котором находилась обитель, было сырое, болотистое. И чтобы осушить его, почти 60-летний старец

решился предпринять великий труд, который едва был по силам и нескольким молодым и сильным работникам. «И нача копать болото лесное, непроходимое до Черного озера, – повествует рукописная книга, – много трудився и скорби прият от солнечного зноя и от паутов и комаров, а правила своего никогда не оставляше. Ненавидяй же добра диавол, хотя его устрашити и отгнати от трудов, наведе на него сицеву пакость: копающе ему, внезапно прииде змий и уязви его в левую ногу. Старец изскочив вскоре из протоки тоя, помышляше на бегание, но боляше ногою и нача слезно молится Господу Богу и Пречистой Богородице и почи мало и уснув услыша глас: «Не скорби, старче, и не думай бежати, но паки возвратися на дело, уповая на милость Божию. Помогает тебе Пресвятая Богородица и от змия не будет тебе вреда». Старец же паки нача труждаться и прозва той исток Недума река. В болоте же том прежде змиинаго рода никогда не бывало и донине несть. И копа того непроходимаго леснаго болота от Лузы реки до Черного озера 900 сажен, а от Черного озера копа болота 40 сажен до Святаго озера, от Святаго озера до Черныя речки копа 800 сажен, а та Черная речка течет из лесных дальних болот. И обратися та Черная речка тою копаною бороздою в Святое озеро и в Черное и в Лузу реку и постави старец Леонид мельницу колесную на той речке». Общая длина канала составила около двух километров (канал существует и ныне, исполняя свое назначение). И поскольку вырытый канал был назван преподобным Недумой-рекой, поэтому и обитель стала именоваться Устьнедумской.

Тот край, где поселился блаженный Леонид, был край пустынный и глухой. Он и после долго назывался «Лузскою Пермцею», то есть частицей страны диких пермяков. Отсюда понятно, какое важное значение должна была иметь пустынь для этого дикого края в церковном и гражданском отношении. Не говоря уже о том благотворном влиянии, которое старец оказывал на окрестных жителей как учитель веры и благочестия, своими беседами и наставлениями, а особенно своей святой и подвижнической жизнью, его неутомимое трудолюбие, строгий порядок в заведенном общежитии и хозяйственная во всем

предприимчивость и находчивость могли быть весьма полезны и служить примером для подражания полудиким жителям Пермцы. Поэтому преподобный Леонид справедливо почитается просветителем этой глухой стороны.

Сколько борьбы с негостеприимной природой вынес преподобный Леонид, сколько принял трудов при устройении обители! Но все эти подвиги казались ему малыми и недостаточными, поэтому, желая достигнуть высшего совершенства, он имел обычай часто уходить из своего монастыря в пустое и непроходимое лесное место над Черным озером. Там на этом мысу он поставил крест и проводил здесь дни и ночи в молитве, «терпя великое досаждение от лесного гнуса, от пауков и комаров». Многие, проходя мимо и видя его сидящим у креста в лесу и покрытого лесным гнусом, удивлялись его добровольному страданию, другие смеялись над ним и называли суетным его терпение. Старец говорил им на то: «Здесь у креста будет монастырь, будут церкви и звон, будет много людей и пашни, и мне умереть на сем месте». Когда братья, жалея его, приходили звать его в монастырь, он иногда возвращался с ними, иногда же, несмотря на все их просьбы и мольбы, оставался тут, чтобы продолжать свои подвиги. Предсказание святого исполнилось еще при его жизни.

Канал, проведенный невероятными трудами преподобного Леонида (и названный им рекою Недумою), значительно осушил болота, но Луза весной во время разлива часто выходила из берегов и затопляла монастырь, стоявший на низком месте. В иные годы вода стояла по несколько дней не только в келлиях, но даже и в церкви, вливалась в амбары, кладовые и портила монастырские припасы. Избавиться от этого почти ежегодного бедствия не было другого средства, как перенести монастырь на более возвышенное место. Сильно скорбел об этом преподобный Леонид и не хотел умереть, пока не перенесет монастыря на избранное им место, на высокий мыс Черного озера, и не успокоит там братию. Поэтому пригласив в монастырь Григория, сына Никиты Назарова, и других влиятельных людей из окрестных жителей, он объявил им о своем желании перенести монастырь на мыс Черного озера и

просил их помощи в этом деле. Когда строитель, братия и все приглашенные в монастырь крестьяне единогласно одобрили его намерение и изъявили готовность помочь ему, то старец просил их пригласить народ. И в назначенный день, совершив в церкви молебное пение, поднял чудотворную икону Божией Матери и в сопровождении всей братии и множества народа перенес ее на мыс и, поставив у креста, начал рубить лес для постройки церкви. Примеру старца последовали братия и все пришедшие по приглашению крестьяне и вскоре нарубили лесу на церковь и на другие монастырские постройки.

А когда церковь была построена, то по благословению митрополита Ростовского Варлаама 23 мая 1652 года была освящена также в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, с приделом во имя великомученицы Параскевы (каменный храм сооружен на этом месте в 1763 году) архимандритом Устюжского Михаило-Архангельского монастыря Арсением. С крестным ходом, с горящими свечами и с пением хвалебных песней, при многочисленном собрании народа перенесли чудотворную икону Божией Матери из прежнего монастыря в новоустроенный храм. Это был радостнейший день в жизни труженика преподобного Леонида и уже последнее деяние его на пользу устрояемой им обители. По перенесении монастыря на новое место блаженный старец большую часть времени проводил в уединенной молитве и безмолвии, выходил из келлии только в церковь и совершенно устранил себя от управления обителью. Как светильник, тихо догорал он и, исполненный дней, на сотом году жизни почил от своих трудов, переселившись в обители вечные к блаженному лицезрению Той, святому и чудотворному образу Которой он предстоял столь долгое время. Блаженная кончина иеромонаха Леонида последовала 17 июля 1654 года. Мощи его были положены под спудом в Устьнедумском Введенском храме, где долго хранилась его жесткая и тяжелая власяница – свидетель подвижнических трудов святого.

Иринарх Соловецкий

Преподобный Иринарх, приняв иноческое пострижение в Соловецкой обители, ревностно подражал добродетельной жизни преподобных Зосимы (память 17/30 апреля) и Савватия (память 27 сентября/10 октября, совместная память 8/21 августа). Высокие качества души сделали его известным царю, и «светильник» был поставлен «на подсвечнике» (Мф. 5, 15) – в 1614 году, по смерти игумена Антония, преподобный Иринарх был поставлен соловецким игуменом.

В то время Соловецкий монастырь имел большое значение в защите северной России от шведов и датчан. Преподобный Иринарх прилагал немало трудов по укреплению оборонной мощи обители. С восточной стороны монастыря была построена вторая каменная стена с двумя огромными башнями, с северной и южной сторон выкопаны глубокие рвы, обложенные затем камнем. Внутри обители на случай военных действий построили два корпуса для солдат. За счет монастыря были также сделаны новые укрепления в Сумском и Кемском острогах. Обитель содержала увеличенные гарнизоны этих острогов и свой собственный. Заботы преподобного Иринарха о защите отечества имели большое значение и еще при жизни святого подвижника принесли свои плоды. Так, в 1623 году датчане на военных кораблях появились у Карельского острова, но, увидев хорошо укрепленную крепость – Соловецкий монастырь, не рискнул начать военные действия и вернулись в свои воды.

Заботясь о внешней безопасности обители, преподобный много внимания уделял и внутреннему духовному ее укреплению. Сам смиренный и кроткий, постоянно погруженный в богомыслие, он ревновал о поддержании в иноках истинно монашеского духа. Царь Михаил Феодорович вполне сочувствовал благим стремлениям игумена и своей грамотой в 1621 году предписывал неослабное наблюдение за трезвенностью и безмолвием братии. «Как только придет к вам наша грамота, – писал царь, – вы, богомольцы наши, введете

строгий надзор и не допускайте исполнять свою волю тем, которые захотят жить слабо, уклоняться к мирским делам или держать (хмельное) питье, выходить из монастыря и творить молвы; строго надзирайте, чтобы братия и послушники жили по правилам св. отцов, а не по своим похотям, и усердно ходили бы в церковь. Пусть новоначальные будут в полном послушании у вас, богомольцев наших, игумена и известных старцев, а по самоволию ничего не делали бы, безчиния в обитель не вносили бы».

Под духовным руководством преподобного Иринарха в Соловецком монастыре выросли многие достойные подвижники. По благословению игумена и при его покровительстве преподобный Елеазар (память 13/26 января), друг и сподвижник преподобного Иринарха, основал скит на Анзерском острове.

За два года до блаженной кончины преподобный Иринарх оставил управление обителью и усилил подвиг безмолвной молитвы. 17 июля 1628 года святой подвижник мирно отошел к Богу. Святые мощи преподобного Иринарха почивали под спудом в часовне его имени.

Посмертные явления преподобного Иринарха свидетельствовали о том, что он обрел благодать у Господа и сделался молитвенником за бедствующих и страждущих. Вот одно из них. Жители Сумского острога, промышляя в море на 15-ти судах, пристали у Анзерского острова на льдине, на которой, вытащив свои суда, легли спать. Оставленный ими сторож, задремав, вдруг услышал голос: «Зачем спишь? Вставайте и влеките суда свои дальше на лед». Проснувшись, он увидел перед собою высокого роста старца, который, назвав себя Соловецким Иринархом, стал невидим. Но сон одолевал сторожа. Опять явился ему старец и вскричал: «Вставайте, ваши суда повредит льдом». Между тем на море поднялась великая буря. Тогда сторож поспешил разбудить товарищей, которые едва успели оттащить свои суда дальше на лед; некоторые снасти были уже унесены волнами.

Июль 18

Леонтий Кариховский, Новгородский

Преподобный Леонтий был основателем Карихова монастыря, близ Новгорода. Отошел ко Господу 18 июля 1429 года.

В тот же день совершается память **преподобномученика Космы Грузинского († 1630) и святого блаженного Леонтия Устюжского, Христа ради юродивого.**

Иоанн Многострадальный

Многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие (Деян. 14, 22), – сказал апостол Павел. И преподобный Иоанн Многострадальный, возлюбленный ученик Пресвятой Богородицы обители Печерской, российский девственник, поистине много принял скорби ради подвига девства, будучи обручен Небесному Жениху.

Так сам подвижник рассказывал про свою жизнь, незадолго уже до смерти: «От самой юности много я страдал, мучимый похотью плоти. Пришедши в этот святой монастырь Печерский, стал трудиться по чину святого ангельского иноческого образа, но, сильно разжигаемый похотью, весьма много претерпел ради своего спасения. По два, иногда и по три дня я не ел, часто целую неделю совершенно не принимал никакой пищи и жаждой умерщвлял себя. Бывало, целыми ночами не спал. И в таком состоянии я провел около трех лет, но и таким образом не нашел покоя. Тогда я пошел в пещеру, где был положен преподобный отец наш Антоний († 1073; память 10/23 июля) и пробыл день и ночь в молитве у его гроба; и вот услышал голос преподобного ко мне: «Иоанне, Иоанне! Подобает тебе здесь затвориться в пещере, да невидением и молчанием упразднится брань, и Господь поможет тебе молитвами преподобных Своих». Тогда я затворился в этом тесном и скорбном месте и пребываю здесь уже тридцатое лето и только недавно обрел покой. Все это время боролся со страстями и помыслами телесными, удручая тело свое постом и бдением. Обуреваемый плотскими страстями и не зная, как изгнать их, я решил, сняв одежду, наложить на тело мое тяжкие брони и с того времени и доныне измощаю себя стужей и тяжестью железа. Однако и этого всего было недостаточно. Тогда я придумал иное: выкопал глубокую яму по самые мне плечи. С наступлением Великого поста я шел в нее, засыпал себя песком, оставив свободными только руки и голову. И так, угнетаемый землей, пробыл весь пост, не двигая ни единым суставом. Много творил мне пакостей диавол, желая изгнать

меня из ямы. Он поразил страшной болезнью ноги мои, так что они скорчились, кости мои разломило и огонь поразил члены мои, но, не думая и не печалась об этой болезни, я радовался душою, соблюдая ее чистой от скверны и желал лучше сгореть в огне том, нежели выйти из ямы, поруганный бесом. И вот в то же время я увидел страшного и лютого змея, дышащего пламенем и искрами и хотевшего пожрать меня. И это продолжалось несколько дней. В светносную же ночь Воскресения Христова вдруг напал на меня тот страшный змей и, вложив голову мою и руки в свою пасть, опалил мне волосы на голове и бороде. Я же, находясь в гортани того змея, возопил из глубины сердца моего: «Господи Боже, Спасе мой! Вскую оставил мя еси, ущебри мя, Владыко, яко Ты еси един Человеколюбец, избави мя от поглощения врага сего: воздвигни силу Твою и прииди во еже спасти мя, блесни молнии Твоя и прожени его, да исчезнет от лица Твоего». Когда же кончил я молитву, тотчас свет Божественный блеснул, как молния, и лютый змей исчез; и я его не вижу благодатью Божией и доныне. И услышал я тогда голос Божий ко мне: «Иоанне, Иоанне! Вот была тебе помощь – смотри же, будь внимателен к себе, дабы не случилось что-либо худшее в будущем веке». Я же, поклонившись, сказал: «Господи, почто мя оставил еси зле мучима быти?» Отвечал мне голос: «По силе терпения твоего Я испытал тебя, дабы, искушенный огнем, явился чистым, как золото. Ибо выше силы Бог не попускает человеку искушений, дабы не был он поруган змием лукавым; но премудрый господин вручает крепким и сильным рабам великие и тяжкие дела, немощным и слабым – легкие. Ты же, чтобы избавиться от брани похоти телесной, помолись преподобному Моисею Угрину, да облегчит тебя от страсти блудной, ибо он более Иосифа Прекрасного (Быт. гл. 39) сотворил и может помогать страждущим страстью сей». Я же стал взывать: «Господи! Помилуй меня молитвами преподобного сего». И вот пришел на меня неизреченный свет, который и ныне есть, не требуя свечи ночью и днем. И все, достойно приходящие ко мне, видят воочию мое утешение и насыщаются такого света, осветившего меня в ночь Воскресения Господня, ради будущего вечного

света». Так окончил преподобный Иоанн рассказ о своем многострадальном житии.

Много раз приходил к преподобному Иоанну, затворившемуся в пещере преподобного Антония, некто от братии, боримый наветом диавольским на вождение плотское, и просил святого, дабы помолился он ко Господу об ослаблении его страсти. Преподобный Иоанн говорил ему: «Брате! Мы сами пригвождаем ум наш к плотолюбию, поэтому Господь праведным судом Своим попускает на нас и страсти, ибо мы никогда не творим плодов достойных покаяния. Если же пробудешь здесь, во святом монастыре, то будешь подобен мужу, стоящему недалеко от пропасти, и уже враг не в силах будет низринуть тебя. Так Господь за терпение твое изведет тебя от рова страстей и от брения нечистоты. И сему преподобному Моисею помолись, и он поможет тебе». Затем, помолившись вместе с братом и взяв одну из костей от мощей прп. Моисея, блаженный Иоанн дал ее ему, говоря: «Приложи это к своему телу». Тот поступил так и тотчас же ощутил, что разжжение угасло и все страсти блудные в плоти омертвели. Тогда вместе – блаженный и брат – воздали хвалу Богу и угоднику Его Моисею, совершающему и по смерти чудеса.

Провидя свою блаженную кончину, преподобный Иоанн Многострадальный также закопал себя в ту яму, в которой однажды подвизался, и там мирно почил около 1160 года, 18 июля. Мощи святого Иоанна стали неоскудевающим источником исцелений от блудной страсти.

Памва, затворник

Преподобный Памва жил в XIII веке. Он был иеромонахом Киево-Печерской обители. Во время осады монастыря татарами иноки послали святого Памву за пищей. Как не велика была опасность, святой со смирением взялся исполнить послушание, но татары схватили его и подвергли мучениям за отказ отречься от христианской веры. Он говорил им: «Ваши боги прокляты, а я верую во Христа, Истинного Бога, Который сотворил небо и землю. Он Господь, един Истинный, Всемогуший, Он и меня избавит от рук ваших молитвами святых Печерских». И, действительно, впоследствии преподобный чудесным образом спасся от мучителей: он был восхищен Ангелами и перенесен в свою келлию в Киево-Печерской обители. До блаженной кончины святой Памва жил в затворе, где мирно преставился к Богу в 1241 году. Мощи преподобного почивают в Дальних (Феодосиевых) пещерах.

Память преподобного Памвы совершается также 28 августа/10 сентября – день совместной памяти преподобных отцов, почивающих в Дальних пещерах.

Июль 19

Серафим Саровский, преподобный – прославление

В начале прошлого века на свещнице Русской Православной Церкви возгорелась новая яркая свеча. Господь благоволил послать земле нашей великого молитвенника, подвижника и чудотворца.

В 1903 году состоялось прославление преподобного Серафима Саровского, через 70 лет после его кончины. (Житие святого и подробное описание обретения нетленных его мощей помещено под 2/15 января, в день его преставления.) 19 июля, в день рождения святого, с великим торжеством были открыты его мощи и помещены в приготовленную раку. Долгожданное событие сопровождалось многими чудесными исцелениями больных, в большом количестве прибывших в Саров. Очень широко почитаемый еще при жизни, преподобный Серафим становится одним из самых любимых святых православного русского народа, так же, как и преподобный Сергей Радонежский.

Духовный путь преподобного Серафима отмечен большой скромностью, присущей русским святым. С детства избранный Богом, Саровский подвижник без колебаний и сомнений восходит от силы в силу в своем стремлении к духовному совершенству. Восемь лет послушнических трудов и восемь лет храмового служения в сане иеродиакона и иеромонаха, пустынножительство и столпничество, затвор и безмолвие сменяют друг друга и венчаются старчеством. Подвиги, далеко превосходящие естественные человеческие возможности (например, молитва на камне в течение тысячи дней и ночей), просто и в сочетании друг с другом входят в жизнь святого.

Тайна живого молитвенного общения определяет духовное наследие преподобного Серафима, но он оставил Церкви еще одно богатство – краткие, но прекрасные наставления, записанные отчасти им самим, а отчасти слышавшими их. Незадолго до прославления святого была найдена и в 1903 году напечатана «Беседа преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни», состоявшаяся в конце ноября 1831 года,

за год с небольшим до его преставления. Беседа эта явилась самым драгоценным вкладом подвижника в сокровищницу русского святоотеческого учения.

«Пост, молитва, бдение и всякие другие дела христианские, – говорил в той беседе преподобный Серафим, – сколько ни хороши сами по себе, однако не в делании лишь только их состоит цель нашей жизни христианской, хотя они и служат средствами для достижения ее. Истинная цель жизни нашей христианской есть стяжание Духа Святого Божия. Пост же и бдение, молитва и милостыня и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святого Духа Божия... только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатью Духа Святого и притом, как сказано, «не в меру бо дает Бог Духа Святого. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его».

Стяжание – все равно, что приобретение. Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание, или наживание денег, а у дворян сверх того – получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос, уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именуется куплею и говорит всем нам: «Купуйте, дóндеже прииду, искупующи время, яко дни лукави суть», то есть выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары – это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятого Духа.

В притче о мудрых и юродивых девах, когда юродивым не доставало елея, я убогий думаю, что у них именно благодати Всесвятого Духа Божиего не доставало. Творя добродетели, девы эти по духовному своему неразумию полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия,

достигли ли они ее, им и дела не было. За то-то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Святаго Духа, без Которого и спасения никому нет и быть не может, ибо «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется же Тройческим единством священнотайне». Сам Дух Святой вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Тройческого Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святаго, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божию всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божию: «Вселюся в них, и похожу, и буду им Бог, и тии будут Мне людие». Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дождаться и Жениха, пришедшего в полнощи, и войти с Ним в чертог радости.

Торжище – жизнь наша; двери чертога брачного, затворенные и не допустившие к Жениху, – смерть человеческая; девы мудрые и юродивые – души христианские; елей – не дела, но получаемая через них во внутрь естества нашего благодать Всесвятаго Духа Божия, претворяющая оное от сего в сие, то есть от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери, в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших. Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, т. е. невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: «Се стою при дверях и толку», разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью.

О, как желал бы я, ваше боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божием. «В чем застану, в том и сужу», – говорил Господь. Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечениями и печальми житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто станет? Вот почему сказано: «Бдите и молитесь, да не внидите в напасть»,

то есть да не лишитесь Духа Божия, ибо бдение и молитва приносят нам благодать Его.

Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, даст благодать Духа Святого, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших, как орудие для стяжания Духа благодати. Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет или случая снискать не можно. А до молитвы это никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность – и богатому и бедному, и знатному и простому, и сильному и слабому, и здоровому и больному, и праведнику и грешнику. Велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божиего, и ее удобнее всего всякому исправлять. Блаженными будем, когда обрящет нас Господь бдящими, в полноте даров Духа Его Святого. Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными на облацах во сретение Господа на воздухе, грядущего со славою и силою новою судити живым и мертвым и воздать им коемуждо по делам его.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так, когда не был я еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте, и как в торговом деле не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать. Хотя апостол и говорит: «Непрестанно молитесь», но да ведь, как помните, и прибавляет: «Хочу лучше пять словес реши умом, нежели тысящи языком». И Господь говорит: «Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, спасется, но творяй волю Отца Моего», то есть делающий «дело Божие и притом с благоговением, ибо проклят всяк, иже творит дело Божие с

нерадением», а дело Божие есть «да веруете в Бога и Его же послал есть Иисуса Христа».

Если рассудите правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, то есть в ящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго».

«Батюшка, – сказал я, – вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Святаго Духа как о цели христианской жизни; но как же и где я могу видеть ее? Добрые дела видны, а разве Дух Святой может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?»

«Мы в настоящее время, – так отвечал старец, – по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: «И виде Адам Господа, ходящего в раи», или когда читаем у апостола Павла: «Идохом во Ахаию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами». Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человеком.

Вот некоторые и говорят: «Эти места непонятны: неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание от того, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным.

Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. И все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем ей по

гордости ума нашего вселиться в души наши, потому и не имеем истинного просвещения от Господа. Мы не преуспеваем в благодати и в разуме Божиим, как преуспевал в том Господь наш Христос Иисус.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуместь под благодатью Божией и как распознать ее и чем особливо проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Духа Святого есть свет, просвещающий человека. И на самом деле Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святого на тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него – так сиял он необыкновенным светом, окружающим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе, как под покрывалом. Вспомните преображение Господне на горе Фаворе. Великий свет объял Его и «быша ризы Его блещущие, яко снег, и ученицы Его от страха падоша ниц». Когда же Моисей и Илия явились к Нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, «облак, сказано, осени их». И таким-то образом благодать Всесвятого Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ее».

«Каким же образом, – спросил я батюшку о. Серафима, – узнать мне, что нахожусь в благодати Духа Святого?»

«Это, ваше боголюбие, очень просто, – отвечал он мне, – поэтому-то и Господь говорит: «Вся проста суть обретающим разум». Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не ищем этого разума Божественного, который не кричит, ибо не от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение ему. Про этот разум Господь сказал: «Бог хочет всем спастися и в разум истины прийти». Апостолом же Своим про недостаток этого разума Он сказал: «Ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания и притчи сия не разумеете ли?» Опять же про этот разум в Евангелии говорится про апостолов, что «отверз им тогда Господь разум разумети Писания». Находясь в этом разуме, и апостолы всегда

видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет, и, проникнутые Им и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: «Изволися Духу Святому и нам» и только на этих основаниях и предлагали свои писания, как святые апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божиего... Так вот, ваше боголюбие, видите ли, как это просто?»

Я отвечал: «Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божиим? Как мне самому в себе распознать истинное Его явление?»

Батюшка о. Серафим отвечал: «Я уже, ваше боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божиим и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?»

«Надобно, – сказал я, – чтобы я понял это хорошенько».

Тогда о. Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне: «Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобою... Что же ты не смотришь на меня?»

Я отвечал: «Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли».

О. Серафим сказал: «Не устрашайтесь, ваше боголюбие, и вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божиего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть».

И приклонив ко мне свою голову, он тихонько на ухо сказал мне: «Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, Которым Ты достаиваешь рабов Своих, когда благоволишь явиться во свете великолепной славы Твоей». И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима. Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынным

являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь – Господь с нами».

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе в середине солнца, в самой блистающей яркости его полуденных лучей лицо человека с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко на несколько сажен кругом и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху, и меня, и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?»

«Что же чувствуете вы теперь?» – спросил меня о. Серафим.

«Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу».

«Это, ваше боголюбие, – сказал батюшка о. Серафим, – тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: «Мир Мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам. Аще бо от мира были бысте, мир убо любил свое, но якоже избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Обаче дерзайте, яко Аз победих мир». Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете; «мир, по слову апостольскому, всяк ум преимуций». Таким его называет апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому; он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется «миром Божиим"... Что же еще чувствуете вы?»

– «Необыкновенную радость во всем моем сердце».

И батюшка о. Серафим продолжал: «Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется радостью, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он не прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем, что «в мире скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости ваша никто не возьмет от вас». Но как бы не была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами своего апостола сказал, что радости той «ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготовал Бог любящим Его». Предзадатки этой радости даются нам теперь; если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована там, на небесах, плачущим здесь, на земле? Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какую радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: «Терпящие же Господа, тии изменят крепость, окрилотеют, яко орли, потекут и не утруждаются, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу, явится им Бог Богов в Сионе разумения и небесных видений». Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам в мале и вкратце, явится во всей полноте своей, и никтоже возмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же еще вы чувствуете, ваше боголюбие?»

Я отвечал: «Теплоту необыкновенную».

– «Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... какая же может быть тут теплота?»

Я отвечал: «А такая, такая бывает в бане, когда поддают на каменку и когда из нее столбом пар валит».

«И запах, – спросил он меня, – такой же, как из бани?»

«Нет, – отвечал я, – на земле нет ничего подобного этому благоуханию».

И батюшка Серафим, приятно улыбнувшись, сказал: «Я сам, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас – так ли вы это чувствуете? Сущяя правда, ваше боголюбие. Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святого Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему? Заметьте же, ваше боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас и ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу: «Теплотою Духа Святого согрей мя». Ею-то согреваемые пустыnnики и пустыnnицы не боялись зимнего мразя, будучи вдеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святого Духа истканную. Так ведь и должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царствие Божие внутрь вас есть». Под Царствием же Божиим Господь понимает благодать Духа Святого. Вот это Царствие Божие теперь внутрь вас и находится, а благодать Духа Святого и от вне осиявает и согревает нас и, преисполняя многообразным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напоая сердца наши радостью неизглаголанною. Ваше теперешнее положение есть то самое, про которое апостол говорит: «Царствие Божие несть пища и питание, но правда и мир о Дусе Святе». Вера наша состоит «не в препретельных земных премудрости словах, но в явлении силы и духа». Но в этом-то состоянии мы с вами теперь находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: «Суть неции от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе». Вот, батюшка, ваше боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог. Вот что значит быть в полноте Духа Святого, про которую прп.

Макарий Египетский пишет: «Я сам был в полноте Духа Святаго...» Этою-то полнотою Духа Святаго и нас убогих преисполнил теперь Господь. Ну, уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго. Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей вас?»

«Не знаю, батюшка, – сказал я, – удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую, эту милость Божию».

«А я мню, – отвечал мне о. Серафим, – что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей, ибо иначе благодать Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более, что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божиим, и другим могли бы быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищет сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему, – вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое, – говорит Он, – а все прочее Я Сам приложу тебе», ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие. Господь заповедует ученикам Своим: «Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам. Весть бо Отец ваш Небесный, яко всех сих требуете».

О милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через пророка, сбылись на нас. «Несмь Аз Бог издалече, но Бог вблизи, и при устех твоих есть спасение твое». Не успел я убогий перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть Его благостыню во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не зело хваляся говорю я это и

не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше боголюбие, нет, но «близ Господь всем призывающим Его во истине, и несть у Него зрения на лица. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его», лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего Небесного истинно, по-сыновнему. Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя бы «яко зерно горушно».

Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: «Веруяй в Мя дела не точию яже Аз творю, но и больше сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю Его о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просите ничесоже во имя Мое, ныне же просите и приимите». Так-то, ваше боголюбие, все, о чем бы вы не попросили у Господа Бога, все восприимете, лишь бы только было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: «Вся, яже единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе». Так не имете никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились. Но если бы для собственной вашей нужды, или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его: благ Господь всяческим, щедрит же и дает и непризывающим имени Его, и щедроты Его во всех делах Его, волю же боящихся Его сотворит, и молитву их услышит, и весь совет их исполнит, исполнит Господь вся прошения твоя. Одного опасайтесь, ваше боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру в Христа Спасителя.

Так-то, ваше боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Матерь Божия через меня, убогого

Серафима, вам сказать и показать соблаговолили. Грядите же с миром, Господь и Божия Матерь с вами да будет всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром».

И во все время беседы этой, с того самого времени, как лицо о. Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою.

На этом месте заканчивается Мотовиловская рукопись (дана с некоторым сокращением).

Духовная связь с прошлым и будущим у преподобного Серафима исполнена жизненной силы. Так однажды, находясь в Духе Божиим, преподобный видел всю Русскую землю, и была она наполнена и как бы покрыта фимиамом молитв верующих, молящихся ко Господу. И сам преподобный говорил: «Господь открыл мне, что будет время, когда архиереи земли Русской и прочие духовные лица уклонятся от сохранения Православия во всей его чистоте, и за то гнев Божий поразит их. Три дня стоял я, просил Господа помиловать их и просил лучше лишить меня, убогого Серафима, Царствия Небесного, нежели наказать их. Но Господь не преклонился на просьбу убогого Серафима и сказал, что не помилует их, ибо будут «учить учениям к заповедям человеческим, сердца же их будут стоять далеко от Меня"". А дивеевским сестрам отец Серафим незадолго перед своей кончиной оставил утешительное обещание, говоря: «Для вас я живой есть, буду и во веки».

И один брат, видя истинно подвижническую жизнь о. Серафима, в назидание самому себе спросил его: «Почему мы, батюшка, не имеем такой строгой жизни, какую вели древние подвижники благочестия?» «Потому, – отвечал старец, – что не имеем к тому решимости. Если бы решимость имели, то и жили бы так, как отцы, древле просиявшие подвигами и благочестием: потому что благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая были и прежде, ибо, по слову Божию, *Иисус Христос вчера, днесь, той же и во веки* (Евр. 13, 8)». Эта глубокая и святая истина,

которую о. Серафим разумел из опыта собственной жизни, была, так сказать, заключительным словом его уст и печатью его подвигов.

Облик великого русского подвижника предстает пред нами настолько пропитанным истинным Православием, настолько явно украшенным дарами Духа Святого, что сам жизненный его путь мы узреваем как икону жизни нашей Церкви, Церкви, идущей долгим крестным путем, под терновым венцом, но идущей под водительством Пресвятой Троицы, не оставляющей рода своего – детей Божиих, того рода, о котором печется и Пречистая Богоматерь, утешающая нас в лице избранного своего старца.

Роман Рязанский, благоверный князь

Святой благоверный князь Роман Олегович Рязанский (в миру Ярослав) родился незадолго до нашествия татар на Русскую землю, в 1237 году. Он происходил из доблестного рода рязанских князей, заботившихся о вере и благочестии. Родоначальник рода, правнук святого равноапостольного великого князя Владимира, князь Ярослав-Константин и его дети князя Михаил и Феодор (память 21 мая/3 июня) прославились святостью жизни. Внук Константина Владимир Святославич был примером бескорыстия и самоотвержения, святой Муромский чудотворец Петр († 1228; память 25 июня/8 июля) также был внуком Константина. Дед святого князя Романа князь Олег основал Ольгов Успенский монастырь недалеко от Рязани. Два деда – князья Юрий и Олег Игоревичи – погибли в 1237 году за веру и отечество в битве с Батыем. Святой князь Роман умножил добродетели своих предков, прославив Рязанскую землю подвигом исповедничества.

Детство и юность святого князя Романа пришлись на самый первый период монголо-татарского ига и это оставило отпечаток на судьбе святого князя Романа, как и тысяч его современников. Он лишился также и родителей. Об отце святого князе Олеге Игоревиче известно, что он был взят Батыем в плен и вернулся на родину в 1252 году. Неизвестно, как уцелел от татар юный князь Роман. Существует предположение, что он был увезен епископом Рязанским и Муромским Евфросином Святогорцем в Муром.

Лишенный родных и крова, святой князь Роман с юности шел к исповедническому подвигу путем скорбей и страданий. Воспитание его было, по благочестивому русскому обычаю, церковное. Начало премудрости – страх Божий – полагалось в основание жизни через чтение Священного Писания. Кроткий князь с юности пламенел любовью ко Христу и утверждался в православной вере. Благочестие и терпение, любовь к отчизне и совершенная преданность воле Божией отличили будущего страстотерпца и исповедника.

Когда отец вернулся из татарского плена, благоверный князь был уже семейным человеком. Его супруга княгиня Анастасия происходила из рода великого князя киевского и отличалась искренней верой и благотворительностью. Трое сыновей – княжики Феодор, Ярослав и Константин – воспитывались в благочестии и страхе Божиим.

20 марта 1258 года, после кончины отца князя Олега, перед смертью принявшего монашеский постриг, благоверный князь Роман вступил на престол обширного Рязанского княжества, которое в то время медленно оправлялось от татарского погрома. Святой князь Роман принял управление княжеством с одной надеждой на Промысл Божий и в продолжение двенадцати тяжелейших лет своего княжения сумел сохранить Рязанские земли от новых разорений. Благоверный князь со слезами молился о своей родине и старался облегчить участь разоренного народа. Словом и примером своей жизни он внушал окружающим любовь к родной земле и Святой Церкви. Татарские сборщики дани (баскаки) злобились на святого князя, так как он постоянно удерживал их от насилий и заступался за обиженных. Однажды один из баскаков донес хану Менгу-Темиру, что благоверный князь Роман хулит хана и поносит его языческую веру. Нашлись люди, которые подтвердили клевету, и хан вызвал святого в Одру на суд.

Спокойно выслушал печальную весть кроткий князь и стал собираться в Орду, к горести семейства и всех жителей Рязани, искренно его любивших.

Отправляясь к хану, благоверный князь Роман распределил между сыновьями уделы своего княжества и причастился Святых Христовых Таин. В Орде святой князь, по слову летописца, в клевете «оправдался, но баскак напусти многи от князей татарских, и они начаша нудити его к вере их». И по повелению хана благоверный князь должен был для своего оправдания принять веру их. В порыве благочестивого негодования и любви к вере Христовой «он же глагола к ним: «Не достоин православным христианом, оставя веру свою православную, приимати веру басурманскую». Тогда начаша его бити. Он же глаголаша: «Христианин есть, и воистину,

христианская вера свята, а ваша татарская вера погана есть"".

Татары пылали яростью и скрежетали зубами на святого, но, видя непреклонность устремились на него и начали бить немилостиво. «Христианин есть, – восклицал князь, осыпаемый ударами, – и свята воистину вера христианская!» Он хотел еще говорить, но ему заткнули рот и, заковав цепями, бросили в темницу. В душном подземелье, связанный по рукам и ногам, св. князь Роман ослабевал телом, но укреплялся духом. Покорность Промыслу Божию, бывшая одной из основных добродетелей его жизни, поддерживала страдальца и вливала в него новые силы для перенесения наступивших мучений. Князь предчувствовал, что его ожидает, и только молился. Жребий его уже был решен ханом: он дал татарам повеление умертвить благоверного князя Романа. С жестокими ругательствами извлекли мученика из темницы и повели на место казни. Князь спокойно шел на мучение; на лице его отражалось чувство христианского смирения и душевного спокойствия, которые даются в удел немногим, очистившимся в горниле искушений. Исповедник Христов не страшился умереть за Него, но не знал, что ожидает его ужаснейшая из смертей – смерть медленная. Пришедши на место казни, святой в последний раз решил испытать силу своего слова над варварами и начал укорять их в суеверии и жестокости, грозил им гневом Божиим. Ему отрезали язык, а затем предали страшным мукам: выкололи глаза, обрезали губы. Бесчеловечие мучителей не пощадило ни одного члена страдальца, св. страстотерпца рубили по частям: сначала отняли персты рук и ног, потом отсекали руки и ноги. «И яко остася труп един, они же содраша кожу от главы его и копие возоткнуша».

Такие страдания претерпел в Орде доблестный князь рязанский Роман Олегович в 19-й день месяца июля 1270 года. Предание гласит, что святые мощи мученика Романа Рязанского были тайно перенесены в Рязань и там с благоговением преданы земле. Место погребения осталось неизвестным. Церковное почитание благоверного князя Романа в лике святых началось сразу же после его мученической кончины. Современники называли его новым мучеником и сравнивали с

великомучеником Иаковом Персянином († 421; память 27 ноября/10 декабря). Летопись говорит о святом: «Купи себе страстию Царствие Небесное и венец прият от руки Господней со сродником своим великим князем черниговским Михаилом Всеволодовичем, пострадавши по Христе за православную христианскую веру».

В 1812 году, в день памяти благоверного князя Романа, русские войска одержали первую победу при Клястицах. В память об этом на стене Московского храма в честь Христа Спасителя был написан образ святого князя Романа. По преданию, на иконах благоверный князь изображался так: «Князь не старых лет, с волосами русыми, кудрявыми, падающими на плечи тонкою волною, в собольей шубе на плечах, в бархатной поддевке; правая рука простерта на молитву, а левая держит город с церковью».

С 1854 года совершается в Рязани крестный ход и молебен в день памяти святого Романа. В 1861 году в Рязани освящен храм в честь благоверного князя Романа. В настоящее время в главном алтаре рязанского кафедрального Борисоглебского собора есть переносной престол, освященный во имя святого благоверного князя Романа Рязанского. Во время Божественной литургии в этом соборе наряду с храмовым и рядовыми тропарями поется тропарь страстотерпцу Роману, мудрому устройтелю Рязанской земли, молитвеннику, исповеднику, защитнику православной веры.

Празднование трем святителям: Димитрию, митрополиту Ростовскому, Митрофану и Тихону, епископам Воронежским

Празднование трем святителям – Димитрию, митрополиту Ростовскому, Митрофану и Тихону, епископам Воронежским, – установлено в XIX столетии. Посещая в 1899 году храмы епархии, архиепископ Тверской Димитрий (Самбикин; † 1908) обнаружил, что в храме в честь Рождества Христова в городе Бежецке имеется придел во имя трех вышеназванных святителей, освященный 29 октября 1868 года. Особый тропарь и кондак трем святителям составлены известным агиографом А. Н. Муравьевым по благословению епископа Полтавского Иоанна. Крестовый храм преосвященного Иоанна, расположенный в селе Андрушке, также был посвящен святителям Димитрию, Митрофану и Тихону.

Паисий Печерский, преподобный, в Дальних пещерах почивающий

Преподобный Паисий Печерский был иноком Киево-Печерского монастыря. Из общего канона Киево-Печерским преподобным, почивающим в Дальних пещерах (празднование 28 августа/10 сентября), известно, что он был связан единомыслием и братской любовью с преподобным Меркурием (сведения о нем помещены под 24 ноября/7 декабря). Оба святых были неразлучны, жили в одной келлии, а после смерти были положены в один гроб. В настоящее время мощи их почивают в отдельных раках.

Июль 20

Леонтий Стромынский, преподобный

Преподобный Леонтий Стромынский был первым игуменом Успенского Стромынского монастыря, основанного преподобным Сергием Радонежским по просьбе великого князя Дмитрия Донского (1363–1389; память 19 мая/1 июня) в честь победы над татарами в 50-ти верстах от Москвы, по дороге в Юрьев. Игуменом в этом монастыре преподобный Сергей поставил своего ученика преподобного Леонтия. Преподобный Леонтий преставился в конце XIV века.

Савва Стромьинский, преподобный

Преподобный Савва Стромьинский, ученик преподобного Сергия Радонежского, вместе с преподобным Леонтием основал Стромьинский монастырь. С 1381 по 1392 гг. был игуменом основанной обители. Преподобный Савва преставился в 1392 году и погребен в деревянной часовне Стромьинского монастыря.

Авраамий Галический

Преподобный Авраамий жил и совершал подвиг спасения в XIV веке. Точно неизвестно, когда, «сродники своя по плоти Христа ради оставивый», преподобный Авраамий пришел «в тихое пристанище, преподобного Сергия обитель». Известно лишь, что преподобный Авраамий кротко, «яко овча незлобиво», исполнял различные послушания в хлебне, поварне. Летами он был много старше преподобного Сергия и, вероятно, был одним из первых его учеников и постриженников. В Троицкой обители он был удостоен сана священства. После многолетних подвигов в общежитии св. Авраамий молил блаженного своего учителя отпустить его на безмолвие в уединенное место. И преподобный Сергей, провидя, что настало для него время собрания собственных чад духовных, благословил с любовью, много поучил о кознях диавольских, искушающих наипаче пустыннолюбцев и заповедал: «Если приидут к тебе братия в пустыню, принимай их с любовью, не себе угождая, но искреннему твоему, и носи на себе немощи немощных». Когда преподобный Сергей благословлял святого Авраамия, иноки увидели свет благодати «из десницы его, яко пламень огнен низходящ», охвативший преподобного Авраамия. Так с миром отпустил его великий Сергей, дав во Христе целование, и ушел прп. Авраамий в Галическую страну, населенную чудскими племенами. Это было в 1350 году.

Пришедши в пустынное место на берегу Чухломского (или Чудского) озера, святой Авраамий прежде вознес теплую молитву к Господу со слезами чтобы Он наставил, где водвориться, не презрев его смирения, и чтобы Сама Матерь Божия, приняв его под Свой покров, умолила о нем Сына Своего и Бога. После совершения акафиста Матери Божией слышался ему голос с горы: «Взойди на гору, Авраамие, там стоит икона Матери Господней». Ужаснулся преподобный и, возрев на гору, увидел чудный свет на ее вершине. Оградив себя крестным знаменiem, святой с верою поднялся туда и увидел на дереве сияющую неизреченным светом икону

Пресвятой Богородицы «Умиление». Чудотворная икона сама спустилась с древа в руки преподобному. «Откуда мне сие, – воскликнул он, – яко прииде ко мне Мати Господа моего», – и с благодарною молитвою поставил опять икону на древо, отпел молебен Божией Матери и так всю ночь пребыл без сна, помышляя о чудном явлении.

Через несколько времени пришло на мысль к преподобному взять икону сию и идти с нею в одну внутреннюю пустыню; но когда, при наступлении ночи, заснул с сею мыслию, услышал опять таинственный голос: «Авраамий! Останься на месте сем и спасешься, и возградишь Мне обитель; много будет тебе, муж желанный, чад духовных, и Я не оставлю учеников твоих, соблюдая их во дни твоей жизни и после твоего отшествия к Господу». И он остался. Но через несколько дней перешел он на другую, соседнюю, гору, которая была пространнее первой и имела источник сладкой воды, и начал созидать малую часовню, и туда перенес икону Матери Божией. Но когда пришел на прежнее место, где в начале обрел ее, с изумлением опять ее увидел на том же дереве. Он почувствовал вину свою и, падши ниц пред иконою, исповедал грех свой, что дерзнул самовольно перенести икону Пречистой с того места, которое соизволила Сама Она избрать. Тогда он перенес срубленную им часовню и собрал ее опять на том месте, где явилась ему икона. Здесь, в убогой келейке, в великом воздержании проводил преподобный дни свои. Сухой хлеб и вода источника служили ему пищею и то через несколько дней. Здесь и нашел его один поселянин, который стал приносить ему по одному хлебу втайне, чтобы никто не узнал о его пребывании.

Однако не мог укрыться в своей пустыне преподобный. Дошел слух о чудном явлении иконы до князя галицкого Дмитрия Феодоровича, благоговейного и боголюбивого, и он послал пригласить преподобного к себе благословения ради. Но св. Авраамий сказал посланному: «Иди и умоли князя твоего оставить меня в сей пустыни плакаться о грехах моих». Этот ответ еще более усилил желание князя видеть старца. Еще два посланных от имени его пришли к человеку Божию, и он не мог более отказаться. Помолившись перед чудною иконою, с нею

переплыл озеро на рыбацкой лодке (народное предание говорит, что там, где плыл преподобный, еще и теперь видна струя, отличающаяся от прочих и называемая Авраамиевою). Благоверный князь велел собраться всему церковному клиру и со множеством свещей и кадил встретил честную икону во вратах города. В Спасском соборном храме, где была поставлена чудотворная икона, святой Авраамий совершил водосвятный молебен и окропил святой водой множество собравшегося народа. При этом было много от святой иконы чудес, поэтому князь с радостью обещал помогать в устройстве обители на месте явления святой иконы. Вернувшись на гору, преподобный Авраамий основал на средства князя Дмитрия храм и обитель в честь Успения Пресвятой Богородицы.

Будучи мудрым наставником братии, преподобный усердно трудился и над духовным просвещением местного чудского населения, «новокрещеных люди от суеверий поганских очищая». Усердно молился о них св. Авраамий пред иконой Матери Божией, чтобы наставил их Господь к познанию Своей истины и отвратил их от прелести бесовской, и ради святых его молитв умягчались сердца, исцелялись их телесные недуги. И народ прославлял угодника Божия. В великом уважении была чудотворная икона в новой обители. Когда сын благоверного великого князя Дмитрия Донского (память 19 мая/1 июня) князь Георгий получил в удел Галич, он часто посещал обитель для поклонения святыне и чтобы принять благословение от старца, без чего никогда не отправлялся в путь и не выступал на брань. Ради большей почести испросил он прп. Авраамия сан архимандрита, но человек Божий помышлял не о почести мирской, а только о безмолвии.

Когда обитель укрепилась, преподобный Авраамий поставил вместо себя настоятеля своего ученика Порфирия, а сам удалился за 30 верст в пустынное место, на берег небольшого озера, где проходил подвиг умной сердечной Иисусовой молитвы. Пребывая в строгом посте и безмолвии, он вкушал лишь сухой хлеб с водою один раз в неделю. Через некоторое время ученики нашли преподобного, и он основал

новую обитель с храмом в честь Положения пояса Божией Матери, получившею название «великой пустыни Авраамлей».

Однако святой Авраамий, избегая многолюдства, удалился в Вочу (Вигу), где, «молитвы непрестанные Христу Богу и Пресвятей Богородице от сердца воссылая», продолжал свой спасительный отшельнический подвиг. Но вскоре и здесь собрались иноки; ими были устроены храм и обитель в честь Собора Богоматери, настоятелем которой преподобный Авраамий поставил ученика своего священноинока Пафнутия.

Наконец, неутомимый просветитель дикого края нашел себе лучшее место, в 20-ти верстах от Вигского монастыря под горой, на которой когда-то было языческое капище – «чудской городок». Здесь поставил он часовню. Провидел уже подвижник духовным оком своим, что тут должно было упокоиться его многотрудному телу. Посему, когда и тут собрались к нему ученики, не воспретил им, зная, что на горе сей процветет обитель Богоматери свыше всех, которые основал до того времени, ибо там будет сокровище мощей его. Вместе с учениками трудился он для сооружения церкви во имя Покрова Богоматери и носил на старческих плечах землю для укрепления крутого берега, на котором хотел поставить храм. Сам же жил уединенно под горой. Но сюда приходили к нему ученики для исповедания помыслов своих; сюда же приходили и окрестные жители и получали полезные наставления. Слыша о подвиге преподобного, стекались к нему окрестные жители и вскоре составила многолюдная обитель во сто человек братии, которая также процвела общежитием, – это была уже четвертая, основанная преподобным в пределах Галичских.

Блаженный Авраамий достиг уже старости, но не оставлял в преклонных летах труженического своего подвига. Когда же почувствовал приближение кончины своей, вручил старейшинство обители присному ученику своему Иннокентию, а сам удалился на безмолвие за одно лишь поприще от обители, куда перенес малую свою часовню, и там опять стал подвизаться в посте и бдении. За полгода предсказал он о своем преставлении и усугубил подвиг, приготавливаясь к

отшествию в вечность еженедельным приобщением Божественных Таин.

В июле месяце впал он в недуг свой и послал пригласить к себе настоятелей всех основанных им обителей, вместе с ними стеклись все братия. В последний раз простер он к ним назидательную свою беседу о пользе иночества, наставляя их быть единомысленными и твердо стоять в Православии, удаляясь от всякой прелести душевной и телесной, и не забывать странных и нищих, ожидая себе воздаяния от Господа. Преподобный поручил собранное им стадо Матери Божией и в самый час своего исхода приобщился еще однажды Божественных Таин, поддерживаемый учениками. Долго молился он о присных чадах своих, которым вместе преподал мир и благословение; смиренно молился и о душе своей, чтобы избежать ей мытарств воздушных, и в теплой молитве к Господу и Пречистой Его Матери мирно отошла душа его июля в 20-й день 1375 года.

Преподобный Авраамий явился просветителем Галичской страны, основав в ней четыре монастыря, посвященные Божией Матери, явившей ему Свою икону в начале его молитвенных подвигов. Сей светильник смирения, переносимый Промыслом Божиим с одного места на другое, везде возжигал светочи духовной жизни, населяя земли суеверной чуди православными иноками.

Святые мощи просветителя Галичской земли почивали в приделе храма Покровской обители, посвященном его имени. В Чухломе свято чтится колодец, выкопанный, по преданию, преподобным Авраамием, вода которого обладала целебными свойствами. Преподобного Авраамия называют также и Городецким.

Афанасий Брестский, преподобномученик – прославление

Около времени рождения святого Афанасия, в 1596 году, в городе Бресте была заключена уния между частью Православной Церковью юго-западной Руси, входившей в то время в состав Польско-Литовского государства, и римско-католической церковью. Уния имела целью латинизацию святой православной веры и русской народности. В ответ на заключение унии Православный Собор, состоявшийся также в 1596 году, принял постановление: «Мы даем обет веры, совести и чести за себя и за наших потомков не слушать этих осужденных соборным приговором митрополита и владык, не повиноваться им, не допускать их власти над нами; напротив, сколько возможно, противиться их определениями, действиям и распоряжениям, стоять твердо в нашей святой вере и при истинных пастырях нашей Святой Церкви, особенно при наших патриархах (имеются в виду восточные патриархи), не оставляя старого календаря... и сопротивляясь всем притеснениям, насилиям и новизнам, которыми бы стали препятствовать целостности и свободе нашего богослужения, совершаемого по древнему обычаю».

Эти заветы, которые от лица Церкви возложили на ее верных чад представители Восточного Православия на Брестском Соборе, стали призванием святого Афанасия, и их осуществлению была отдана вся его жизнь.

Мученическая кончина святого страстотерпца Афанасия, игумена Брестского, последовала 5 сентября 1648 года (сведения о жизни и подвиге помещены 5/18 сентября). В течение восьми месяцев тело страдальца за Православие лежало в земле без церковного отпевания. 1 мая 1649 года один мальчик указал братии Брестского Симеоновского монастыря место погребения игумена. Земля, в которой был погребен мученик, оказалась временно принадлежавшей иезуитам, поэтому пришлось действовать тайно. Ночью иноки выкопали нетленное тело игумена и тотчас перенесли на другое

место, а утром – в свой монастырь, где спустя несколько дней, 3 мая, с честью погребли у правого клироса в главном храме монастыря в честь преподобного Симеона Столпника.

Земная жизнь преподобномученика Афанасия прекратилась, но память о нем всегда оставалась живой и священной среди православного населения западно-русского края. Глубоко чтилось здесь верующими его святое имя, а нетленные мощи святого преподобномученика, положенные в медную раку, были прославлены благодатным даром чудотворений и привлекали громадное количество верующих.

8 ноября 1815 года во время пожара, происшедшего в Брестском Симеоновском монастыре, сгорела деревянная монастырская церковь, а медная рака, в которой хранились мощи преподобномученика, расплавилась в пламени пожара. На следующий день после пожара уцелевшие частицы мощей были найдены священником Самуилом Лисовским и благочестивыми жителями города Бреста и положены под алтарем монастырской трапезной церкви. В 1823 году для частиц мощей был устроен ковчег и они были поставлены для всенародного поклонения. В 1824 году Симеоновский монастырь был упразднен, его храм обращен в приходской, а святые мощи преподобного Афанасия положены в Николаевском соборе. После сооружения в 1865 году в городе Бресте нового каменного Симеоновского собора святые мощи преподобного были перенесены в храм. Богу было угодно даровать им чудотворную силу, о чем свидетельствуют многочисленные чудеса и исцеления.

В высоких вдохновенных чертах воскресает перед нами этот священный образ великого поборника Православия, не пощадившего ради веры и ближних своей жизни. Глубоко религиозный, беззаветно преданный вере своих отцов, он возмущается духом и выражает словом и делом свой священный гнев против притеснения православных христиан надменными латино-униатами. С твердой верой в свое призвание Богом он выступает на борьбу за своих угнетенных братьев. «Я не пророк, а только слуга Бога, Творца моего, посланный согласно с временем, чтобы говорить каждому

правду... Он для того послал меня, чтобы я наперед возвестил об истреблении проклятой унии». Такими были слова твердого, непреклонного и вдохновенного борца за Православие, глубоко веровавшего в победную силу истинного исповедания.

Всецелое утверждение Православия и окончательное, полное уничтожение унии – вот в чем видел преподобный Афанасий свою единственную цель, за осуществление которой он отдал свою святую жизнь. Кроме этой цели, для него не существовало иной, ибо он уже не жил своей личной жизнью. Покоряясь воле Божией, он не задумывался над опасностями, не взирав на препятствия, чтобы исполнить свой святой долг. Смелые, одухотворенные речи, письменные ходатайства, публичные жалобы на собраниях и добровольное юродство во Христе – все эти средства испытывались преподобномучеником Афанасием для достижения и торжества заветной цели – утверждения Православия в исконно русской земле. Однако, отвергая унию, он проникался глубоким чувством братского сострадания и любви к тем, кто стал жертвой униатского влияния. Праведность и искренность в отношении к ближним отличали святого Афанасия на протяжении всего подвига. По существу в одиночестве, окруженный явными и скрытыми врагами, святой подвижник оставался незыблемым защитником и столпом Православия, укрепляемый только светлой верой в его торжество и истинность. Не страшила его мученическая смерть, потому что он провидел исполнение своего пророческого предсказания: «Уния исчезнет, а Православие зацветет».

Память преподобномученика Афанасия Брестского празднуется также 5/18 сентября и в день Собора Белорусских святых (3-я неделя по Пятидесятнице).

Афанасий Галичский, Чухломской, преподобный

(Текст отсутствует).

Июль 21

Онуфрий молчаливый и Онисим затворник, Печерские

Преподобный Онуфрий молчаливый, Печерский, подвизался в Ближних (Антониевых) пещерах в XII веке. Вторично память его совершается 28 сентября/11 октября, в Соборе преподобных отцов Киево-Печерских Ближних пещер.

Преподобный Онисим Печерский (XII-XIII вв.), подвизаясь в Киево-Печерской лавре, затворился в Ближних пещерах. Святые мощи преподобного погребены на месте его подвигов. Память его совершается также 28 сентября/11 октября, в Соборе преподобных отцов Киево-Печерских Ближних пещер.

Анна Кашинская, преподобная, благоверная княгиня – прославление

Святая благоверная княгиня Анна Кашинская, дочь ростовского князя Дмитрия Борисовича, в 1294 году стала супругой святого благоверного великого князя Михаила Ярославича Тверского (он был замучен татарами в Орде в 1318 году; память 22 ноября/5 декабря). После страдальческой кончины мужа Анна удалилась в Тверской Софийский монастырь и приняла постриг с именем Евфросиния. По просьбе своего сына, кашинского князя Василия Михайловича, перешла на жительство в Кашинский Успенский монастырь, где приняла схиму с прежним именем своим Анна. Св. Анна имела кроме Василия, еще трех сыновей: Дмитрия и Александра, повторивших исповеднический подвиг отца своего, и Константина. Дмитрий Михайлович (Грозные очи) был убит в Орде 15 сентября 1325 года, а Александр Михайлович, князь тверской, вместе с сыном Феодором – 29 октября 1339 года. Преподобная скончалась 2 октября 1338 года (по другим источникам, в 1368 г.) и погребена в Успенском Кашинском монастыре.

С годами Успенский храм обветшал, сквозь зияющий пол открылась гробница святой княгини Анны, память о которой со временем изгладилась в народе. Не зная, чья гробница находится в храме, прихожане ставили на гробницу вещи, клали одежду. В 1611 году, в Смутное время, благоверная княгиня Анна явилась тяжело больному пономарю Успенского храма Герасиму, исцелила его от болезни и велела передать соборному протопопу Василию и жителям города Кашина, что Господь по ее молитвам сохранит город от литовцев, разорявших в то время северо-западную Русь. Благоверная Анна повелела чтить ее память и возжечь лампаду пред иконой Спаса Нерукотворенного, которая находилась над местом ее упокоения. С той поры кашинцы стали благоговейно хранить и почитать гробницу святой княгини Анны. При гробе ее неоднократно совершались исцеления больных.

В царствование Алексея Михайловича (1645–1676) и при патриархе Московском и всея Руси Иосифе (1642–1652) жители Кашина ходатайствовали об открытии нетленных мощей покровительницы своего города. Святейший Патриарх Иосиф благословил архиепископа Тверского Иону свидетельствовать мощи благоверной княгини Анны, что и было исполнено 21 июля 1649 года. Святые мощи благоверной княгини Анны были обретены нетленными. В том же году Собор Русской Православной Церкви причислил благоверную княгиню Анну к лику святых. Торжественное перенесение ее мощей из деревянного Успенского собора в каменный Воскресенский состоялось 12 июня 1650 года.

Но в 1677 году патриарх Иоаким поставил вопрос на Московском Соборе об упразднении ее почитания в связи с обострением старообрядческого раскола, использующего имя Анны Кашинской в своих целях. В 1909 году, 12 июня, произошло восстановление церковного почитания святой Анны. Поэтому память преподобной Анны Кашинской совершается трижды в год: 2/15 октября – в день преставления, 21 июля/3 августа – на обретение чесных мощей и 12/25 июня – вторичное ее прославление и установление повсеместного празднования.

Июль 22

Киприан Суздальский, блаженный – преставление

Блаженный Киприан, юродивый Христа ради, был прихожанином храма села Воскресенского, близ города Коврова Владимирской епархии. Святой Киприан подвизался в безмолвии на острове при устье рек Клязьмы и Уводы. По преставлении 22 мая 1622 года тело угодника Божиего было погребено при храме в селе Воскресенском. В 1751 году усердными почитателями блаженного Киприана над его гробом был пристроен придел к храму в честь Покрова Божией Матери. В иконописном подлиннике о блаженном говорится: «22 июля преставление святого праведного Киприана, иже Христа ради юродивого в селе Воскресенском, Суздальского чудотворца; подобием рус исчерна, власы с ушей повились, брада подобие Богослова, раздвоилась, в свите зеленой, ноги босы, руце молебныя».

Корнилий Переяславский, преподобный

Преподобный Корнилий Переяславльский (в миру Конон) жил в XVII веке. Он родился в городе Переяславле Рязанском (современная Рязань) в купеческой семье благочестивых родителей Гордия и Феодоры. Сохраняя душу и тело в целомудрии, он удалялся детских игр и забав, усердно слушал Священное Писание. Так с ранней юности святой Конон соделался достойным сосудом Божественной благодати. Когда ему было не более пятнадцати лет, он тайно оставил родительский дом и в поисках места для духовных подвигов достиг пределов Переяславля Залесского Владимирской епархии. Он поселился в 25-ти верстах от города в Лукиановой пустыни и начал постнические труды под руководством трудолюбивого инока Павла. Через пять лет, наставляемый Духом Божиим, святой Конон пришел в Переяславль Залесский монастырь во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба, что на Песках. Строитель обители иеромонах Сергей долго не принимал святого Конона из-за его молодости. Но видя неотступность святого, игумен принял его в обитель. За скромность и молчаливость братия считали Конона как бы глухим и немым.

В обители святой Конон с усердием и беспрекословно исполнял все послушания. Он носил дрова и воду в трапезную, молот пшеницу, колол дрова, очищал отходные ямы. Святой усердно посещал храм Божий и упражнялся в подвигах смирения и самоукорения. Он никогда не садился за трапезу вместе с братией, но питался только тем, что оставалось после всех, да и то лишь трижды в неделю.

Через пять лет за усердное и безропотное послушание и строгое постничество святой был пострижен в монашество с именем Корнилий. С того времени он стал еще усерднее подвизаться в монашеском делании, совершенно отсекая свою волю. В церковь святой подвижник приходил первый, а выходил из нее последним. Он перестал спать на постели, за что молча, со смирением претерпевал насмешки и укоризны некоторых

братий. Через три года преподобный Корнилий стал просить игумена устроить для него особую келлию для уединенных подвигов. Игумен, видя в нем «искусна инока и в добродетелех совершенна», исполнил желание святого и благословил его жить в затворе. Затворившись в келлии, преподобный Корнилий день и ночь проводил в молитве. Однажды братия нашли его едва живым: келлия преподобного была заперта изнутри. Три месяца преподобный Корнилий пролежал больным; он мог принимать только воду и сок. Выздоровев, преподобный, будучи убежден игуменом, остался жить с братией. Святой Корнилий был пономарем в храме, служил в трапезе, трудился в пекарне и поварне, копал землю, сажал овощи и плодовые деревья. Преподобный Корнилий своими руками выкопал для братии колодец, в котором была очень вкусная и чистая вода. Господь благословил труды преподобного: «немолчным сердцем воспевая Богу», святой Корнилий выращивал лучшие во всей округе яблоки и раздавал их всем приходившим.

Тридцать лет совершал преподобный подвиг молчания, так что его считали глухонемым. Тело подвижника было совершенно измождено: от постоянных трудов, при зимнем морозе и летнем зное, сочетавшихся со строгим постом и молитвой, оно было словно сухое дерево, покрытое кожей. И Господь прославил Своего угодника даром прозорливости. Великий постник, святой Корнилий, будучи молчальником, знаками и жестами многим предсказывал будущее. Предчувствуя свою кончину, преподобный Корнилий исповедался, причастился Святых Христовых Таин и был пострижен в великую схиму. Затем он соборовался и через несколько часов отошел ко Господу. Это произошло 22 июля 1693 года. Тело святого было погребено в часовне рядом с могилой первоначальника обители схимонаха Адриана.

В 1701–1702 гг. при закладке фундамента для новой каменной церкви в честь Смоленской иконы Божией Матери были обретены нетленные мощи преподобного. Тогда же честные мощи святого Корнилия были поставлены на месте бывшей ризницы. В 1702 году у гробницы святого получила исцеление слепая девица. В 1705 году святитель Димитрий

Ростовский († 1709; память 28 октября/10 ноября) свидетельствовал, что святые мощи преподобного Корнилия были положены в кипарисовый, обитый парчой гроб. В 1818 г. над местом упокоения сделали деревянную гробницу с сенью.

В рукописном житии преподобного записано 17 чудес, совершившихся при его мощах до 1717 года. Но чудодейственная благодать исцелений не прекращается. Особенно помогает преподобный Корнилий исцелению больных младенцев.

Июль 24

Боголеп Черноярский, Астраханский

Преподобный отрок-схимонах Боголеп был сыном московского дворянина Якова Лукича Умакова, отличавшегося своей справедливостью, и его супруги Екатерины. Родился он в 1660 году в Москве. При крещении новорожденному дали имя Борис, в честь святого благоверного князя страсотерпца Бориса (память 24 июля/6 августа). Вскоре Умаков был определен воеводой в город Черный Яр, находившийся в 250-ти верстах от Астрахани.

Борис с самого младенчества проявил черты необыкновенные. По средам и пятницам он не вкушал от груди матери молока; когда благовестили в церкви, начинал плакать и сразу успокаивался, когда его относили в храм. Когда младенца не носили в церковь, он плакал весь день и ничего не ел.

В 1662 году в России распространилась смертельная язва. Мальчик заболел – язва показалась у него на ноге. Он стал хромать, но продолжал ходить в церковь. Родители молились о здравии сына и прилагали все силы, чтобы исцелить его. Но едва прошла одна болезнь, как на лице появилась другая, под названием чечуй.

Однажды во время болезни мальчик увидел странствовавшего инокa, который посетил их дом. Ангельское одеяние так поразило мальчика, что он тут же стал просить родителей сшить ему такую же одежду и разрешить принять постриг. При этом святой отрок говорил: «Вот увидите сами, когда пострижете и сподобите меня ангельского образа, я буду здоров». Родители согласились. Мальчик был облечен в схиму с именем Боголеп (русский перевод греческого имени Феопрепий). На другой день святой схимонах Боголеп был совершенно здоров, лицо его стало чисто и не осталось даже следов болезни. Но на третий день новая болезнь – огневица – смертельно поразила отрока. Он скончался 1 августа 1667 года и был погребен у левой стороны деревянной черноярской церкви в честь Воскресения Христова (эта церковь была воздвигнута после большого пожара в Черном Яре, бывшего в

1652 году), по другим источникам, в 1632 году (24 июля, в день памяти святого Бориса). Над могилой святого отрока была устроена часовня.

Многочисленные чудеса и исцеления по молитвам святого схимонаха Боголепа явились основанием для установления ему празднования в день тезоименитства со святым благоверным князем Борисом – 24 июля/6 августа.

Житие святого схимонаха Боголепа было составлено по обету черноморским купцом Саввой Татариновым в 1731–1732 гг. В Астраханском крае были широко распространены иконы святого, известны тропарь и кондак ему.

В 1750 году на месте деревянной была построена каменная церковь с приделом в честь святого мученика Иоанна Воина. Могила святого схимонаха была включена в этот придел. Берег реки, на котором находилась церковь Воскресения Христова, постоянно подмывался. В середине XIX века состояние храма стало угрожающим и из него унесли все святыни. Но черноморцы долго не решались сами взять главную святыню – гроб святого схимонаха. Наконец, когда в 1851 году вода подступила уже на два аршина, жители обратились к Святейшему Синоду с просьбой перенести святые останки схимонаха Боголепа и получили на это разрешение. Был обретен маленький детский гробик, но лишь только городской глава принял его на руки, как он тут же выскользнул из его рук и вместе с осыпавшейся землей скрылся в водах Волги.

Это исчезновение только что обретенного гроба было воспринято как действие Промысла Божия, так как святой отрок неоднократно являлся другим во сне и наяву ходящим по берегу и падающим под гору. Вместе с тем он утешал, что духом пребудет с верующими.

Простая и полная тайн Божиих жизнь преподобного схимонаха Боголепа являет силу слов Спасителя о детях: *Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие. Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него. И, обняв их, возложил руки на них и благословил их* (Мк. 10, 14–16).

Поликарп, архимандрит Печерский

Преподобный Поликарп, архимандрит Печерский, жил в XII веке. Отрекшись от житейских благ и мирской жизни, он принял монашеский постриг в Киево-Печерском монастыре и в своей жизни усердно подражал подвигам основателей обители – преподобному Антонию († 1073; память 10/23 июля и 28 сентября»

11 октября) и Феодосию († 1074; память 8/21 мая и 14/27 августа). В 1164 году, после смерти игумена Акиндина I, святой Поликарп за свою рассудительность и добродетельную жизнь был единодушно избран братией настоятелем монастыря, архимандритом Печерским.

Приняв начальство над великой лаврой, святой Поликарп строго сохранял устав, положенный преподобным Феодосием. Он был искусным руководителем иноков в монашеском делании. Святая жизнь преподобного Поликарпа внушала к нему уважение не только монастырской братии, но и многих мирян, приходивших к нему для назидания. Особенную любовь к преподобному Поликарпу питал великий князь киевский Ростислав Мстиславич (1158–1167). Каждую субботу и воскресенье Великого поста он приглашал святого Поликарпа и двенадцать старцев обители к своей трапезе, чтобы послушать их богодухновенные беседы. Под влиянием преподобного Поликарпа великий князь укреплялся в благочестии и неоднократно просил принять его иноком в монастырь. Но святой Поликарп говорил ему: «Князь благочестивый! Бог повелел тебе жить так: творить правду, судить праведным судом и неизменно стоять в крестном целовании». Князь возражал: «Отче святой! Княжение в этом мире не может обойтись без греха и уже измучило и изнурило меня вседневными заботами и трудами; хотел бы я хоть немного в старости моей послужить Богу и поревновать таким князьям и царям, которые, пройдя узкий и прискорбный путь, получили Царство Небесное. Слышал я о желании великого в царях Константина, уже с небес явившегося одному из старцев и сказавшего, что если бы он

знал, какую великую честь получает чин иноческий, как огненными крылами они невозбранно возлетают к Престолу Владыки, то снял бы с себя венец и багряницу царские и облекся бы в иноческие одежды». Выслушав это, преподобный Поликарп сказал: «Если желаешь этого от сердца, воля Божия да будет». Князь, однако, не успел выполнить своего желания, но что оно было у него искренне и от сердца, это доказал таким образом.

Будучи проездом в г. Смоленске, он вдруг серьезно заболел и во время болезни приказал везти себя в Киев. Сестра его Рогнеда, видя сильное изнеможение брата, умоляла его: «Останься здесь в Смоленске, и мы положим тебя в созданной нами церкви». Он же отвечал ей: «Не делайте этого. Хотя я немощен, но пусть везут меня в Киев, и если Бог возьмет меня на пути, пусть положат тело мое в церкви, построенной отцом моим – в монастыре св. Феодора. Если же Бог избавит меня от этой болезни и подаст мне здравие, то я даю обет быть иноком Печерского монастыря при блаженном Поликарпе». Когда болезнь его усилилась и уже он был при смерти, то сказал своему духовнику иерею Симеону: «Ты воздашь ответ перед Богом за то, что воспрепятствовал мне постричься от святого того мужа в Печерском монастыре, ибо истинно желал того, – и да не вменит мне Господь во грех, что не исполнил я обета». И так принял он блаженную кончину. Началом и причиной высоко добродетельной жизни этого князя был св. Поликарп, Божественные наставления коего и особенно живой личный пример его неотразимо действовали на душу князя. Он не только братию иноческую привлек своим примером к добродетели, но и мирских людей наставлял на путь спасения.

После кончины великого князя Ростислава в 1167 году преподобный Поликарп подвергся гонению со стороны митрополита Константина II (1167–1175) за то, что он, согласно Студийскому уставу X века, упразднял посты в среду и пятницу, если эти дни совпадали с Господскими праздниками. Спор о постах был в то время общим для Русской Церкви. Для решения этого вопроса был созван Собор, на котором мнения разделились, и преподобный Поликарп был заключен в темницу.

В 1169 году князь Мстислав Андреевич взял Киев и отдал его на разгромление своим войскам. Киевляне, убежденные в невинности святого Поликарпа, видели в разорении Киева наказание Божие за несправедливость митрополита в отношении к святому. Преподобный Поликарп был освобожден из заточения.

Преподобный Поликарп мирно отошел к Богу 24 июля 1182 года в глубокой старости. Тело святого было положено в Ближних (Антониевых) пещерах. После его кончины братия не могли избрать себе игумена, так как все достойные старцы по смирению отказывались, предпочитая жить в полном повиновении и проводить время в уединенном богомыслии и молитве, чем управлять другими и развлекаться многоразличными заботами и внешними трудами. И настала великая скорбь и печаль среди братии: все понимали, что такому великому стаду не подобает оставаться без пастыря. И вот по звону колокола все братия собрались в церковь и стали молиться о нужде своей Господу Богу, Его Пречистой Матери, преподобным Антонию и Феодосию и новопреставленному своему игумену Поликарпу, чтобы сей последний указал им, кого избрать игуменом и этим известить, угодил ли он своей жизнью Господу. После молитвы произошло чудо: собравшиеся иноки неожиданно для себя вдруг стали говорить в один голос, что игуменом нужно избрать благочестивого иерея Василия, служившего на Щекавице (название урочища) в Киеве.

Некоторые источники ошибочно сообщают, что преподобный Поликарп был одним из составителей Печерского Патерика. Составителем житий был инок Киево-Печерского монастыря с именем также Поликарп, но он жил в XIII веке и был учеником святителя Симона, епископа Владимирского и Суздальского († 1226; память 10/23 мая).

Июль 25

Христофор Сольвычегодский, Коряжемский, преподобный

В 1537 году, когда преподобный Лонгин (память 10/23 февраля) поселился при устье речки Коряжемы и стал принимать к себе учеников, желавших разделять с ним пустынные труды, блаженный Христофор был одним из первых его постриженников и сподвижников. Не дошло до нас, откуда он был родом, какого звания и в каком возрасте пришел в пустыню. Но, принимая во внимание то, что он пришел к преподобному Лонгину вскоре после его прибытия на Коряжему, о чем не могли знать жители дальних мест, надобно полагать, что родом он был или из Сольвычегодска, или из ближайших его окрестностей. То обстоятельство, что, несмотря на существование монастыря в городе, где можно было и принять монашество, и проводить жизнь в довольстве и спокойствии, Христофор пришел в пустыню к преподобному Лонгину, показывает, что это был человек с глубоким религиозным чувством, с высокими стремлениями и сильным духом. Он ищет в монашестве не покоя и довольства, а лишений, трудов и подвигов; он идет к Лонгину, у которого ничего не было, который сам не знал, чем будет питаться и как будет переносить пустынные труды и лишения, идет, следовательно, с зрелым убеждением в суетности всего земного и с твердой решимостью посвятить себя на служение единому Богу, Ему одному посвятить все свои мысли, чувства, желания и стремления, не ради земного, а ради небесного переносить все невзгоды, трудности и лишения пустынной жизни, ее постоянную борьбу с плотью и с искушениями духа. Преподобный Лонгин понял и оценил эту твердую решимость, он постриг и приблизил к себе новонаначального инок, стараясь передать ему все опыты и наблюдения своей долголетней подвижнической жизни. Преподобный желал, чтобы его ученик не по имени только был Христофор, но, по правилу иноческому постоянно имея на устах спасительное имя Иисуса, соделал и сердце свое жилищем Христа Спасителя. Не напрасны были старания старца.

Наставления преподобного падали на добрую землю, ученик старался во всем подражать своему учителю, возрастая и укрепляясь в духовной жизни. В первые годы по устройении монастыря подвижники во всем ощущали недостаток и часто не имели самого необходимого. Когда в таких случаях преподобный замечал, что Христофор начинает смущаться и сетовать, то, утешая его, говорил, что иноку не сетовать, а радоваться тому надобно, как дару небесному и знамени любви Божией, что благодушное терпение скорбей и лишений делает инок общником страстей Христовых, уподобляет святым угодникам и отличает любимцев Божиих от людей, преданных миру, что первые живут в скорбях и нужде, а последние наслаждаются довольством и счастьем.

Недолго суждено было Христофору пользоваться наставлениями своего учителя. Преподобный Лонгин, пришедши на Коряжему уже в преклонных годах, скоро преставился. Видя ученика своего еще не достигшим совершенства иноческого и по собственному опыту зная, сколь необходимо и полезно для новоначальных иноков общежитие, он советовал Христофору и по кончине своей оставаться в обители и быть в таком же послушании игумену, как ему самому. Любящий ученик исполнил заповедь учителя и еще десять лет подвизался в Коряжемской обители. Каждый день по несколько раз он приходил к его могиле, вспоминал наставления старца и спрашивал сам себя, так ли он живет и подвизается, как был научаем. По мере усовершенствования в иноческих подвигах в нем сильнее и сильнее стало развиваться стремление к уединению. Долго он боролся с этим желанием, глубоко запавшим в его душу, но не мог его преодолеть и, наконец, вышел из монастыря и поселился в лесу, на речке Малой Коряжемки, в 20-ти верстах к югу от монастыря. Здесь он стал подвизаться в совершенном безмолвии и уединении, часто целые дни и ночи проводил в молитве пред иконой Божией Матери Одигитрии, которой его благословили при выходе из монастыря и для которой он устроил близ своей келлии часовню.

Когда узнали о пустыннике окрестные жители, то стали приходить к нему один за другим и ставить себе келлии близ его хижины и просили от него пострижения. Многие из молившихся в его часовне пред иконой Богоматери получали исцеления от своих болезней; это еще более стало привлекать к преподобному как богомольцев, так и желавших нести с ним труды пустынножительства, так что святой подвижник против воли своей должен был построить храм и принять начальство над образовавшейся обителью. Около 1555 года была освящена церковь во имя иконы Божией Матери Одигитрии, исцеления от которой стали совершаться все чаще. Кроме этой чудотворной иконы в трехстах метрах от церкви открылся целебный источник из камня, что еще более прославило новую обитель, молва о которой достигла до самой Москвы. В то время находящаяся в болезни супруга Иоанна Грозного (1533–1584) Анастасия (1547–1560), услышав о чудесах от иконы Пресвятой Богородицы и о целебном источнике, пожелала пользоваться водою. И по приказанию царя Иоанна Васильевича прп. Христофор должен был лично доставить ее ко двору. Велика была радость царя, когда царица получила облегчение от своей болезни, испив целебной воды, и по-царски наградил он старца, давши достаточную сумму денег на устройство обители. Через это его обитель еще более сделалась известной и теряла характер пустыни, а блаженный Христофор только и думал о безмолвии и уединении. Поэтому сначала, возвратившись в монастырь, чтобы не показаться послушником царской воли, преподобный вскоре приступил к устройству обители и храма Пресвятой Богородицы. По окончании же постройки в 1572 году он оставил обитель и тайно уединился в неизвестное место. Предполагают, что преставился он около 1572–1582 гг.

Макарий Желтоводский, Унженский

Преподобный Макарий родился в Нижнем Новгороде в 1349 г. от благочестивых родителей Иоанна и Марии. Еще в младенчестве он был достоин удивления: когда бывал благовест церковный к утрени – пробуждался и плакал, слезами выражая желание свое быть в церкви; он плакал во время звона к каждой церковной службе, а когда богослужения не было, то спал непробудным сном. Сначала родители не понимали этого, но однажды в праздник взяли младенца в церковь, и когда вошли с ним в храм Божий, плач сразу прекратился, младенец во время всей церковной службы улыбался и ласкался к матери своей. И с тех пор стали носить его в приходскую церковь Женмироносиц на каждую службу. Семилетним родители отдали его учиться грамоте; в учении отрок оказывал необычайные успехи, изумляя учителей, ибо всех своих сверстников превзошел быстрым разумением Священных книг, кротостью же и послушанием давал пример старшим. Детских игр он удалялся и во всякий день ходил в церковь, слушая там чтение и пение, но особенно любил священнослужение иноческое в обители Печерской, куда часто ходил, несмотря на довольно далекое расстояние от города. И в двенадцать лет он тайно от родителей ушел в Печерский Нижегородский монастырь. Придя в обитель, он просил архимандрита Дионисия (впоследствии архиепископ Суздальский; † 1385; память 26 июня/9 июля) принять его в число братии. Настоятель спрашивал отрока, откуда он и кто его родители; отрок назвал себя безродным сиротой, желающим работать Господу. Преподобный Дионисий принял отрока в свою келлию, сам был его наставником и спустя три года облек его в иноческий образ с именем Макария. С искренним желанием юношеской души, «гласом любезным Троицу воспевая», преподобный Макарий начал иноческий путь спасения, быв послушен каждому в обители, особенно же настоятелю.

Родители искали сына своего повсюду, тосковали и плакали неутешно. И только спустя три года отец случайно узнал от

одного из печерских иноков о местопребывании сына, пришел в обитель и со слезами умолял архимандрита показать ему любимого сына-инока. Удивился Дионисий и призвал юношу. «Чадо Макарий, – сказал он ему с легким упреком, – хочет видеть тебя отец твой, о котором ты мне не открыл». Но блаженный отвечал ему: «Отец мне Господь Бог мой, а после Господа отец мне ты, учитель мой!» Родитель Макария, стоя у окна келлии и слыша голос сына, с радостью и со слезами сказал: «Сын мой, покажи лицо твое мне, отцу твоему!» Макарий отвечал: «Невозможно нам видеться здесь, ибо Господь говорит в Евангелии: «Кто любит отца или мать больше Меня, тот недостойн Меня». Иди с миром домой, оставив мне свое благословение. Ради любви твоей я не хочу лишиться любви Господа Моего. И если Бог благословит, то в будущем веке увидим друг друга». Родитель стал плакать и говорить: «Разве я не радуюсь о спасении твоём?» Но юный инок не тронулся слезными просьбами родителя. Тогда отец стал просить: «Протяни хоть руку свою из оконца». И Макарий исполнил эту малую просьбу. А отец, поцеловав протянутую руку сына, сказал: «Сын мой, спасай душу свою и о нас моли Господа, да и мы будем спасены твоими молитвами!» С сим утешением возвратился он в дом свой, славя Бога.

Живя в обители, преподобный Макарий подвизался со всей ревностью. Пост его был строже других: принимал пищу, лишь бы не умереть от голода, хотя всегда ходил в трапезу вместе с другими и вкушал пищу со страхом Божиим. При такой жизни братья стали отличать его вниманием. Это всеобщее уважение было тяжело для смиренной его души, потому, пламенно желая безмолвия, он решился удалиться в пустыню.

Тайно оставив обитель Печерскую, прп. Макарий пришел на реку Лух, где построил себе хижину и стал жить в молитвенном уединении. Только звери дикие, покорившиеся святому Макарию, изредка нарушали его безмолвие. Однако в скором времени и здесь собрались вокруг прп. Макария ревнители иноческого благочестия. Тогда святой Макарий устроил обитель с храмом в честь Святого Богоявления, а затем тайно удалился на берега озера Желтого, расположенного на левобережье реки

Волги. Там он выкопал себе пещеру и с еще большим усердием продолжил иноческие подвиги, твердым воздержанием и терпением преодолевая брань врага спасения.

Не только русский православный народ, но даже татары-мусульмане и языческие народности, населявшие близлежащую местность, с удивлением и восхищением смотрели на суровую, подвижническую жизнь преподобного Макария. Вскоре многие из них, «оставив агарянское безбожное шатание», стали поселяться рядом с преподобным. Когда собралось к нему довольное число братии пустыннолюбивой, он построил (в 1435 году) храм во имя Пресвятой Троицы и принял посвящение в игумена новой обители. Для всех служил он примером труда и смирения и сам готовил пищу для братии. Его любовь и смирение привлекали к нему не только верующих, но и чувашей, черемисов, мордву и татар; обходясь с ними ласково, передавал преподобный сердцам их истины святой веры Христовой, и многие из них крестились по убеждению святого. Перед воротами монастыря было озеро, впоследствии названное Святым, в котором преподобный Макарий крестил во имя Святой Троицы обращавшихся магометан и язычников.

В 1439 году хан Улу-Махмет, утвердись в Казани, стал подвигать свою власть к пределам России. Сын его Мамомяк напал на Нижний Новгород и его окрестности. Толпы хищных татар, как волны, разлились по селениям русским и опустошали их. Неожиданно нахлынули они и на обитель Макариеву, разорили ее, избили иноков, а святого игумена взяли в плен. Однако из уважения к благочестию преподобного Макария хан Улу-Махмет отпустил святого и по его просьбе освободил еще до 400 христиан. Но при этом татарский властелин потребовал от преподобного не селиться больше при Желтом озере. «Эта земля, – говорил хищный татарин, – принадлежит нам». Прп. Макарий еще выпросил себе дозволение погребсти убиенных братий в разоренной обители. «Вот Божий человек, – сказал хан, – он заботится не только о живых, но и о мертвых». Преподобный Макарий, вернувшись в обитель, с честью похоронил замученных татарами иноков, а вышедших с ним из плена убедил не селиться на прежних местах, иначе татары

предадут их злой смерти. Все условились идти в Галичскую сторону за 240 верст и, помолясь Богу, отправились лесами и местами топкими. Путь был тяжелый, и край тот пустынный. В дороге не стало у них хлеба, голод начал терзать непривычных к посту. Преподобный Макарий стал молиться, и вот нашли они завязшего в узком месте лося. Это было во время поста Апостольского, за три дня до праздника. Путники просили у прп. Макария позволения утолить голод лосем. Он не благословил им нарушить пост и убеждал потерпеть до праздника святых апостолов Петра и Павла. «Поверьте, братия, – прибавил старец, – лось будет в ваших руках, когда придет время разрешить пост. Потерпите еще три дня – Господь сохранит жизнь вашу». Путники послушались преподобного и, надрезав ухо лосю, отпустили его, а преподобный молил Господа, чтобы Он укрепил слабых его товарищей. По милости Всемогущего даже малые дети остались живы, пробыв без пищи до праздника апостолов. В праздник прп. Макарий, отойдя в сторону от прочих, преклонил колена и, воздав благодарение Творцу, молил Его пропитать его голодных спутников. И вот неожиданно явился тот самый лось, которого пустили на свободу за три дня перед тем. Его поймали, и святой старец с радостью благословил его для трапезы. «Надейтесь же, друзья мои, на Господа, – говорил он, – Он не оставит нас и впредь». И после того, действительно, то попадался им лось, то без труда ловили оленя, и так благополучно дошли до Унжи.

Унжа – старинный русский город в пределах Галичских. Вблизи его не существовало иноческих обителей, когда явился здесь прп. Макарий. Спутники его рассказали жителям Унжи, кто таков Макарий, как он избавил их от плена и как чудесно прокормил в дороге. И унжане приняли Макария как Ангела Божия. Но смиренномудрого Макария, от юности возлюбившего безмолвие пустынное, не радовало это, он спешил отыскать себе безмолвное место.

И ему указали в 15-ти верстах от города, на берегу озера, место, окруженное лесом, ровное и красивое. Здесь поставил он крест, построил келлию и поселился. Это было в 1439 году. Продолжая подвижническую жизнь свою, преподобный

прославился даром исцелений: девушку слепую и бесноватую с молитвой осенил он крестным знаменем, и та стала видеть и исцелилась от беснования. Недалеко от своей келлии молитвой извел он воду, и эта вода исцеляла больных.

На пятом году поселения своего на Унже, на 95-м году своей жизни и на 80-м году монашества преподобный Макарий приблизился к кончине.

Блаженный Макарий посещал от времени до времени город Унжу, чтобы не лишать жителей его спасительного слова. Там, а не в пустыне, судил ему Господь окончить дни свои. В самый час блаженной его кончины внезапно исполнился благоухания весь город Унжа и окрестные селения, так что все уразумели, что чистая душа отходит к Господу. Был общий плач и великое стечение, когда понесли многотрудное тело подвижника из города в пустыню, где заповедал он себя погребсти. И во время сего торжественного шествия было много исцелений от мощей его. Блаженная кончина его последовала 25 июля 1444 года.

Вскоре после кончины преподобного поселились в его пустыни любители пустынной жизни, воздвигли над гробом его храм и завели монашеское общежитие. В 1522 году громадные толпы татар окружили Унжу и трое суток осаждали слабый город, но не могли взять его, уstraшенные видением грозного черноризца. В четвертый день они бросили огонь в город и город загорелся. Народ в ужасе повторял: «Святой Макарий, помоги нам!» И неожиданно полился дождь, пожар был залит, а татары в ужасе бросились бежать из города. Достойные видели в это время преподобного в облаках, заливающего пожар. Пленные татары говорили, что им виделся старец на коне, в иноческой одежде, вторгнувшийся в их полки и метавший в них стрелы. В то же время отдельный отряд татар из трехсот человек хозяйничал в Макариевой пустыни: враги хотели обворовать раку, обитую серебром, но внезапно ослепли. Это навело ужас на всех, все бросились бежать и многие потонули в озере Унже.

В 1532 году молитвами преподобного Макария был спасен от татарского набега город Солигалич, и благодарные жители устроили в соборном храме придел во имя преподобного

Макария. Сохранился до наших дней текст письма знаменитого предводителя русского ополчения в борьбе против польско-литовских захватчиков князя Димитрия Михайловича Пожарского, в котором он сообщает Святейшему Патриарху Московскому Филарету о многочисленных исцелениях, происшедших от чудотворной иконы преподобного Макария, находившейся в его поместье.

Местное почитание памяти преподобного Макария началось вскоре после преставления великого чудотворца. При патриархе Филарете, в 1619 году, отправленные на место следователи нашли, что, по свидетельству сторонних людей, разных больных исцелено преподобным более 50-ти человек, из них иные были больны по 20 лет, другие по 12 или 10 лет. Тогда же имя сего угодника Божия внесено в святцы и назначено повсеместное празднование памяти его 25 июля.

Первая обитель его, на реке Лух, давно уже не существует. Вторая обитель, Желтоводская, возобновлена в 1620 году муромским уроженцем монахом Авраамием (впоследствии игумен; † 5 апреля 1640 г.), который по благословению патриарха Филарета основал монастырь, известный под именем Желтоводского Макариева. За правым клиросом в обители преподобного находилась икона, на которой преподобный Макарий изображен со свитком в руках. Вверху, над его головой – Пресвятая и Животворящая Троица; на свитке надпись: «Чту, пою и поклоняюсь Отцу, и Сыну, и Святому Духу». Эта икона была написана в XVII веке по благословению возобновителя монастыря игумена Авраамия.

Третий монастырь – Макариев Унженский Троицкий Костромской губернии, близ города Макарьева. В соборе во имя Святой Троицы, построенном в 1669 году святым игуменом Митрофаном (впоследствии епископ Воронежский; память 23 ноября/6 декабря), покоились мощи преподобного Макария. В 1670 году, при игумене Никите (1666–1675), во время ремонта каменного храма были обретены под каменной плитой нетленные мощи святого подвижника. При этом обнаружилось, что «и кости в составах тверди и нерушимы, власы главнии и брада седы, видом же всем таков, яко же и на иконах пишется;

одежда же иноческая на мощех, яже есть схима и мантия и прочее, весьма целы и крепки, молитвой положили нетленные мощи преподобного в новый гроб и сотвориша праздник светел и торжество радостное обретению чесных мощей преподобного». 226 лет пробыли в земле святые мощи и силой Божественной благодати сохранились нетленными. При патриархе Иоакиме (1674–1690) святые мощи были вновь погребены под спудом.

Святая Церковь совершает память преподобного Макария 25 июля/7 августа.

Июль 26

Моисей угрин, печерский

Преподобный Моисей был родом угрин (то есть из Венгрии). Вместе со своими братьями Георгием и Ефремом (впоследствии преподобный Ефрем основал Борисоглебский монастырь в городе Торжке; † 1053; память 28 января/10 февраля) он пришел на Русь и поступил на службу к ростовскому князю святому страстотерпцу Борису. В 1015 году, когда коварным Святополком Окаянным был убит благоверный князь Борис (память 2/15 мая и 24 июля/6 августа), вместе с ним погиб и святой Георгий (память 24 июля/6 августа). Святой Моисей избежал смерти и нашел приют в Киеве у сестры святых страстотерпцев Бориса и Глеба и князя Ярослава Предиславы и скрывался здесь от Святополка, молясь прилежно Богу, пока тот не был побежден благочестивым князем Ярославом. Окаянный же Святополк убежал же в Ляшскую землю, оттуда возвратился в 1018 году с королем Болеславом, тестем своим, и, изгнав князя Ярослава, занял киевский престол. Святой Моисей вместе с другими был уведен в Ляшскую землю, в Польшу. Блаженного вели, заковав железными цепями по рукам и ногам, а там заключили в темницу, где он томился пять лет.

Находясь в темнице, преподобный Моисей усердно молился Господу и дал обет: если вернется в Киев, там примет монашеский постриг и оставшиеся дни своей жизни посвятит служению Богу. Но Господь, испытывая искренность его желания и верность данному обету, попустил святому Моисею тяжелое искушение. Однажды его увидела знатная молодая полячка, муж которой погиб в походе на Киев. Она поразилась красотой и стройностью преподобного Моисея и, воспылав к нему плотской похотью, начала обольщать его, убеждая лестными словами: «О, человек! Зачем ты переносишь такие мучения, от которых, имея разум, мог бы избавиться?» «Богу так угодно», – отвечал преподобный Моисей. «Если ты мне покоришься, – продолжала женщина, – я избавлю тебя и сделаю известным по всей земле ляхов, и будешь обладать мною и всеми моими владениями». Блаженный же, понимая ее нечистое вождение, возразил:

«Кто из мужей, послушавшись жены, поступил хорошо? Первозданный Адам, послушавшись жены, был изгнан из рая. Самсон, превосходивший всех силою и победивший целое войско, женщиной был предан иноплеменникам. Соломон, постигший глубину премудрости, повинувшись женщине, поклонился идолам. Ирод, одержавший много побед, угождая жене, отсек голову Иоанну Предтечи. И каким образом я стану свободным, сделавшись рабом женщины, которой я не знал со дня рождения?» Моисей как бы говорил ей, что со дня рождения соблюл он нерушимым свое девство. «Я тебя выкуплю, – говорила она, – сделаю знаменитым, поставлю господином над всем моим домом и желаю иметь тебя своим мужем, только ты исполни мою волю, ибо нет сил видеть твою красоту бессмысленно погибающей». «Будь уверена, – решительно ответил ей блаженный Моисей, – я не исполню твоей воли и не желаю ни господства над тобою, ни богатства; выше всего этого для меня душевная и телесная чистота. Да не погублю пятилетнего подвига этих мучительных уз, которые Господь определил мне незаслуженно терпеть, за что надеюсь избавиться мук вечных».

Тогда панна та, видя, что может лишиться такой красоты, перешла к другому дьявольскому решению, размыслив, что если выкупит его, то он всячески, хотя бы насильно, покорится ей. Она послала к тому владельцу, у которого святой был в плену, чтобы он взял с нее, сколько хочет, только пусть продает ей Моисея. А тот, видя удобный случай приобрести богатство, взял с нее почти 1000 золотых, а Моисея передал ей. И получив власть над ним, она уже без всякого стыда влекла его на неподобающее дело. Освободив от оков, она приказала сбросить с него худые одежды и одеть в многоценные ризы, питать сладкими брашнами и еще больше стала соблазнять его на блуд. Но блаженный, видя неистовство жены, прилежнее совершал молитву и пост, принимая лишь сухой хлеб и воду. Потом он сбросил надетые на него одежды и, как некогда Иосиф, избежал греха. Тогда посрамленная жена впала в ярость и приказала бросить святого в темницу, намереваясь уморить его голодом.

Но Господь, дающий пищу всякой плоти, не оставил и сего блаженного. Один из слуг, сжалившись над Моисеем, тайно принес ему пищу, другие же из слуг уговаривали преподобного, говоря: «Брат Моисей, что возбраняет тебе жениться? Ты молод, а сия вдова жила с мужем только одно лето, красотой же лучше всех, богатство ее бесчисленное и власть велика. Сам князь не гнушался бы ею, а ты, пленник и раб, и не хочешь быть ее господином. Если ты боишься нарушить заповедь Христову, то разве Христос не сказал: *Сего ради оставит человек отца своего и мать: и прилепится к жене своей и будут оба в плоть едину* (Мф. 19, 5). Тоже и апостол: *Лучше есть жениться, нежели разжизатися* (1Кор. 7, 9). И о вдовах: *Хощу юным вдовицам посягати* (1Тим. 5, 14). Ты же не обязан чином монашеским, но свободен; зачем, поэтому, предаешь себя столь великим мукам? Ибо если ты умрешь, то какая от того польза? Ведь и праведники Авраам, Исаак и Иаков имели жен. Иосиф-раб убежал от жены, но после и он взял себе жену (Быт. 41, 45). Да и ты, если живой уйдешь от сей жены, после, как думаем, также сам себе отыщешь жену. И кто не посмеется над твоим неразумием? Лучше тебе покориться жене этой, сделаться свободным и господином над всем домом ее». Блаженный же Моисей отвечал им: «Истинно, братия и добрые друзья мои, вы хорошо советуете. Но я понимаю так, что предлагаете мне слова, злейшие из нашептанных змеем Еве в раю. Вы понуждаете меня покориться этой жене, но ни в коем случае я не приму вашего совета: если мне случится и умереть в этих оковах и тяжких муках, то я ожидаю за это от Бога многообразной милости, и если много праведников спаслось с женами, я грешный один не могу спастись с женою. Да если бы и Иосиф повиновался вначале жене Пентефрия, то после, когда взял себе жену, не царствовал бы в Египте. Видев же его прежнее терпение, Бог даровал ему Египетское царство; поэтому он был прославляем в роды и роды, как целомудренный, хотя и прижил детей. А я не желаю Египетского царства и еще менее господствовать, и быть высоко стоящим в земле ляхов, и пользоваться честью далеко по всей Русской земле, но все это презрел ради Небесного Царства. Поэтому-то,

если я выйду живым из руки этой женщины, то никакой другой жены искать не буду, но, если Богу угодно будет, сделаюсь черноризцем. Ибо сказал Христос в Евангелии: *Всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, имени Моего ради, сторицею примет и живот вечный наследит* (Мф. 19, 29). Христа ли больше послушать или вас? Апостол еще говорит: *Не оживевыйся печется о Господних, како угодити Господеви, а оживевыйся печется о мирских, како угодити жене* (1Кор. 7, 32–33). Итак, спрашиваю вас: для кого надобно больше работать – для Господа или для жены? Знаю также, что апостол пишет и следующее: *Раби, послушайте господий своих* (Еф. 6, 5), но во благо, а не во зло. Поэтому пусть будет вам известно, что никогда не прельстит меня женская красота, ни тем более удалит меня от любви ко Христу».

Услыхав это, жена та приняла другое хитрое намерение в своем сердце. Она приказала посадить блаженного на лошадь и в сопровождении многих слуг водить по своим города и селам, говоря ему: «Все это твое, если тебе нравится; поступай со всем, как хочешь». И сама она говорила людям: «Это ваш господин, а мой муж; всякий, кто встретится ему, пусть кланяется». Но он, посмеявшись безумию жены, сказал: «Всую труждаешься, ибо не можешь прельстить меня тленными вещами мира сего». Жена с яростью сказала: «Разве не знаешь, что ты продан мне, и кто избавит тебя от моих рук? Я не отпущу тебя живого, но после многих мучений предаю смерти». Преподобный же с дерзновением отвечал ей: «Не боюсь никакого зла, ибо Господь со мною».

В это время, по Промыслу Божию, пришел к блаженному Моисею со Святой Горы один черноризец, иерей, и облек его во святой ангельский иноческий образ. Затем, много поучив его чистоте душевной и телесной, убедив не бояться той скверной жены, он ушел. Несмотря на все розыски, нигде не могли найти этого черноризца.

Узнав об этом и отчаявшись и в последней надежде, жестокая его обладательница уже не щадила своей жертвы и велела терзать ее ударами, пока не снимет монашеское

одеяние. Кровь лилась потоками; свирепые исполнители воли своей госпожи увещевали мученика под ударами, чтобы согласился исполнить ее желание, если не хочет погибнуть в тяжких муках. Но страдалец спокойно отвечал им: «Братья, делайте, что вам приказано, без всякого замедления: я же ни в каком случае не могу отречься от монашества и любви к Богу, и никакое истязание ни огнем, ни мечем, ни нанесением ран не может заставить меня отказаться от Бога и от великого ангельского образа. А этой потерявшей стыд и с помраченным разумом женщине никогда не покорюсь и не исполню ее окаянного приказания». Много сокрушаясь и желая отомстить за посрамление, неистовая жена, потеряв страх Божий, обратилась к королю Болеславу и, изложив ему в послании, как осталась вдовой после мужа и как купленный ею пленник пренебрегает брачными узами и, несмотря на все истязания, облекся самовольно в иноческий образ, она просила совета и участия. Болеслав велел пригласить к себе жену ту и привести с ней ее узника. Он сначала уговаривал святого отложить свой обет и вступить в брак с той, которая предлагала ему все свое богатство, но потом, видя безуспешность своей попытки, разрешил делать с праведником все, что она захочет. Мужественный Моисей, обращаясь к Болеславу, сказал: *«Кая польза человеку, – говорит Господь, – аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит; или что даст человек измену за душу свою? (Мф. 16, 26).* А ты, который обещал мне почет и славу, скоро и сам лишишься всего, и гроб тебя примет уже ничего не имеющим. Точно так же и эта нечистая жена жестоко будет убита».

Все это и сбылось по предсказанию преподобного. Но прежде этого жена та, получив над ним окончательную власть, еще более бесстыдным образом привлекала его ко греху: она приказала насильно положить Моисея на свою постель и лобызала и обнимала его; но не могла и этим привлечь его к тому, чтобы он исполнил ее желание, ибо преподобный говорил ей: «Напрасен труд твой, я только ради страха Божия гнушаюсь тебя, нечистой». Услышав это, женщина приказала давать ему ежедневно по сто ран; напоследок она приказала оскотить его.

Господь не оставил подвижника без отмщения: в 1027 году Болеслав внезапно умер, в народе произошел мятеж, во время которого были убиты многие паны, в том числе и бесстыдная жена. Оправившись от ран, преподобный Моисей пришел в Печерский монастырь, нося на себе мученические раны и венец исповедания как победитель и храбрый воин Христов. Возможно, это произошло в 1031 году, когда великий князь Ярослав вернул на Русь многих пленников. Святой Моисей пришел в пещеру к преподобному Антонию и в течение десяти лет подвизался там в посте и молитве. За великое целомудрие Господь дал преподобному Моисею власть исцелять плотские страсти. Однажды к святому пришел инок, боримый плотской страстью, и молил его помочь в искушении. Преподобный Моисей сказал: «Никогда в жизни ни с одной женщиной слова не говори». Брат обещал исполнить совет преподобного. У святого Моисея была в руке палка, без которой он не мог ходить от полученных ран. Этой палкой он прикоснулся к груди пришедшего к нему брата, и тотчас тот был избавлен от искушения.

Преподобный Моисей провидел свою кончину. Причастившись Святых Христовых Таин, он мирно почил 26 июля 1043 года, еще при жизни преподобного Антония († 1073; память 10/23 июля и 28 сентября/11 октября), и был погребен в Ближних пещерах. Прикосновением к святым мощам преподобного Моисея и усердной молитвой к нему печерские иноки исцелялись от плотских искушений. Известно, что преподобный Иоанн Многострадальный († 1160; память 18/31 июля), более тридцати лет мучимый плотской похотью, по повелению Божию обратился с молитвой к святому Моисею и получил исцеление. Частицей мощей преподобного Моисея он исцелил приходившего к нему инок, также страдавшего от плотской страсти. Божественный голос сказал святому Иоанну, что преподобный Моисей в своем подвиге за целомудрие стал выше Иосифа Прекрасного.

Житие преподобного Моисея Угрина написано монахом Киево-Печерского монастыря преподобным Поликарпом (память 24 июля/6 августа). Святые мощи преподобного Моисея и

поныне лежат нетленно в пещере преподобного Антония, подавая всем победу над блудными и нечистыми страстями.

Июль 27

Иоасаф, митрополит Московский

Святитель Иоасаф происходил из дворянского рода Скрипицыных, принял пострижение в Сергиевой лавре и с 1529 года был там игуменом. Близкий к великому князю Василию Иоанновичу – любителю иноков и иночества, он в сане игумена лавры крестил у раки прп. Сергия сына его и наследника Иоанна, впоследствии царя Иоанна Грозного. Потом, перед самой кончиной великого князя Василия, Иоасаф, согласно давнему желанию самого князя, облек его в иноческий сан с именем Варлаама. Не доставало новому иноку-князю мантии – троицкий келарь Серапион отдал свою. По кончине князя вынесли тело его в церковь для отпевания не бояре, а братия Троицкого и Иосифова монастырей.

Во время малолетства царя, при буйном управлении бояр, митрополит Даниил принужден был сложить с себя сан первосвятительский, и на место его в 1539 году был избран игумен Иоасаф. В своем исповедании веры нареченный митрополит писал: «Во всем следую Святейшим Патриархам, соблюдающим истинную непорочную веру христианскую, установленную святыми апостолами и переданную богоносными отцами, а не ту, которую принес Исидор с несвященного латинского собора, просиявшего злочестьем. К тому же обещаюсь не делать ничего из одного угождения великому князю или многим князьям, хотя бы грозили мне смертью, принуждая сделать что-либо вопреки Божественным и священным правилам». Блаженный Иоасаф выполнил обещание свое с полной твердостью.

В эту эпоху совершенного безначалия и неистовых злодейств, которыми особенно отличились Шуйские, новый первосвятитель, заботясь о прекращении беспорядков, испросил свободу заточенному князю Бельскому, и, действительно, добрый боярин, заняв место в думе правителей государства, умел остановить грабежи и насилия. Но князь Иван Шуйский схватил и отправил Бельского на Белоозеро, где его удушили. Старания святителя положить предел всяким

беззакониям, которые делали бояре Шуйские, навлекли на него страшную ненависть последних. Толпы неистовых едва не убили святителя; в келлию его бросали камни; во дворце самого великого князя он не нашел защиты; на Троицком подворье готовы были растерзать его. Именем преподобного Сергия игумен Алексей умолил пощадить жизнь первосвятителя. И после многих обид и насилий святитель Иоасаф был сослан на Белоозеро в Кириллов монастырь, но потом выпросил себе милость провести последние годы на месте иноческого обета. Ему и здесь были неприятности: с ним жили тогда люди, которые сами по себе мало хотели жить в монастыре и которых загнали туда только беды жизни мирской; они часто оскорбляли блаженного Иоасафа припадками своего мирского своеволия. Невольными и вольными скорбями святитель очистил душу свою для светлых радостей неба и мирно почил 27 июля 1555 года.

Мощи святителя Иоасафа почивают под спудом в южном притворе Троицкого Собора, в Серапионовой палате. Память празднуется в день преставления.

В уединении блаженный Иоасаф еще потрудился для Церкви, рассматривая присылаемые к нему рассуждения Стоглавого Собора, и усердно занимался исправлением книг для пользы общей. В сборнике его читаем: «Божиею благодатию и Пречистыя Богородицы помощью переписал житие святых преподобных отец. Писал с разных списков, тщася обрести правый. И обретох в списках много неисправно. И елико возможно моему худому разуму, сия исправлял, а яже невозможна, сия оставих, да имущии разум больший нас, тии исправят неисправленная и наполнят недостаточная».

Герман Аляскинский, преподобный

Преподобный Герман Аляскинский родился в подмосковном городе Серпухове в 1757 году в купеческой семье. Его мирское имя и фамилия неизвестны. С шестнадцати лет вступил он на иноческий путь. Вначале преподобный нес послушание в Троице-Сергиевой пустыни, расположенной в окрестностях Петербурга, на берегу Финского залива (пустынь принадлежала Троице-Сергиевой лавре).

В обители будущий миссионер подвизался около пяти лет. Желая полного уединения и безмолвия, преподобный Герман удалился на Валаам. Валаамский монастырь, расположенный на островах Ладожского озера, бывал отрезан от внешнего мира до восьми месяцев в году.

После тщательного испытания различными послушаниями игумен Назарий благословил молодого подвижника на постоянное жительство в лесу, в пустынном уединении. По праздникам, приходя в монастырь, преподобный нес клиросное послушание (у него был прекрасный голос). В Валаамской Преображенской обители святой Герман принял монашеский постриг.

Есть мнение, что святой Герман пришел на Валаам в 1778 году. В том же году преподобный Серафим пришел в Саровскую обитель. Обстоятельства жизни преподобного Германа на Валааме напоминают об уединенных подвигах его великого современника – Саровского чудотворца. Подобно преподобному Серафиму, Валаамский подвижник отличался исключительным и проникновенным знанием Священного Писания, творений святых отцов и учителей Церкви.

Духовным руководителем и наставником будущего миссионера был игумен Назарий, Саровский старец, который ввел на Валааме устав Саровской пустыни. Таким образом, благодатный строй Саровского подвижничества, в котором совершалось духовное возрастание преподобного Германа на Валааме, стал неотъемлемой частью его души и сделал его родным и исключительно близким по духу преподобному

Серафиму, Саровскому чудотворцу. Известно, что преподобный Серафим пользовался, в свою очередь, наставлениями старца Назария во время его жительства в Сарове.

Через 15 лет пребывания преподобного Германа на Валааме Господь призвал смиренного инок на апостольское служение и послал его проповедовать Евангелие и крестить язычников мало обжитого и сурового края Аляски и прилегающих к ней островов Северной Америки. С этой целью в 1793 году была создана Духовная Миссия, получившая название Кадыякской, с центром на острове Кадыяк. Руководителем Миссии был назначен архимандрит Иоасаф (Болотов), инок Валаамского монастыря. В числе прочих сотрудников Миссии было еще пять иноков Валаамского монастыря, среди них и прп. Герман, которому Господь благословил потрудиться в благовестии дольше и плодотворнее, чем кому-либо другому из членов Миссии.

По прибытии на остров Кадыяк миссионеры немедленно занялись постройкой храма и обращением язычников. «1794 года, сентября с 24-го живу на острове Кадыяке. Слава Богу, более 700 американцев перекрестил, да более 2000 браков обвенчал, построили церковь, а время позволит – сделаем другую, да походные две, а то и пятую нужно сделать», – замечает в одном из писем архимандрит Иоасаф. Отец Герман на новом месте поначалу нес послушание в пекарне и занимался хозяйственными заботами Миссии.

Под руководством архимандрита Иоасафа (позднее епископа) Миссия находилась недолго: во время бури (в 1799 году) преосвященный Иоасаф со своими спутниками погиб в волнах океана. На помощь оставшимся в живых миссионерам в 1804 году был командирован только один иеромонах Александро-Невской лавры Гедеон. Он на некоторое время возглавил Миссию. Его заботами была устроена школа для детей крещеных алеутов. В 1807 году иеромонах Гедеон навсегда покинул стан миссионеров, возложив всю ответственность на преподобного Германа, который до самой кончины своей оставался духовным отцом, пастырем и попечителем душ человеческих в доверенной ему Миссии.

Преподобного хотели посвятить в сан иеромонаха и возвести во архимандрита, но смиренный инок отказался от какого бы то ни было возвышения и до конца своих дней пребывал простым монахом.

Преподобный Герман был для местных жителей истинным добрым пастырем и защищал их, как мог, от злых и хищных людей, которые видели в островитянах только объект для жестокой эксплуатации. В том, что новообращенные не отвергли веру пришельцев и не вернулись к своим прежним суевериям, видя беззаконие промышленников, великая заслуга старца Германа. Непоколетимо и настойчиво, не имея никакой поддержки, кроме своей пламенной веры, старец продолжал свое заступничество за обиженных и угнетенных, видя в этом свой пастырский долг, сущность которого он выразил следующими удивительными словами: «Я – низайший слуга здешних народов и нянька».

Тайные подвиги и келейные молитвы старца оставались неведомыми миру, но виден был окружавшим свет его благодатной жизни, проводившейся в условиях полного самоотречения, нестяжательности и сурового пренебрежения всеми удобствами. Одежда его была самая убогая и очень ветхая. Всем своим видом, всеми привычками старец Герман живо напоминал современникам древних отшельников, прославившихся подвигами воздержания и богоугождения. Беседа старца производила на слушающих неотразимое впечатление. Особенно поражали собеседников ясность его мыслей, отчетливость и быстрота суждений. Божественная благодать, наполнявшая душу преподобного Германа, преображала сердца людей, общавшихся с ним. Ярко свидетельствует об этом случай с С. И. Яновским, правителем администрации Российско-Американской Компании, приступившим к своим обязанностям в 1817 году.

Семен Иванович Яновский, аристократ по происхождению, был человеком всесторонне образованным и начитанным, но его религиозно-философские взгляды сводились к модному в те времена деизму (деизм – религиозно-философское учение, распространенное в XVII-XVIII вв., допускавшее существование

Бога лишь как первопричины мира и отрицавшее существование Бога как Личности). Христианства он, по существу, не знал (хотя формально считался христианином). Православие, Церковь, таинства были для него понятиями, не заслуживающими серьезного внимания. Преподобный Герман много беседовал с ним. Впоследствии С. И. Яновский писал: «Ежедневно беседовали мы с ним до полночи и даже за полночь о любви Божией, о вечности, о спасении души, о христианской жизни. Сладкая речь неумолкаемым потоком лилась из уст его; такими постоянными беседами и молитвами святого старца Господь совершенно обратил меня на путь истинный, и я сделался настоящим христианином». Он называл старца «святым мужем», «великим подвижником». Как великую драгоценность он хранил у себя письма преподобного Германа. Такое же благоговение к личности святого испытывали и многие другие его современники. «Живо помню я, – писал о внешнем облике старца Яновский, – все черты сиявшего благодатью лица старца, его приятную улыбку, кроткий, привлекательный взор, смиренный, тихий нрав и его приветливое слово. Он был росту небольшого, лицо имел бледное, покрытое морщинами, глаза серо-голубые, исполненные блеска, а на голове у него было полно седых волос. Речь его была негромкая, но весьма приятная». Отец Герман жил сначала возле храма Миссии, на Кадьяке, а после переселился на ближайший остров Еловый, который назвал «Новый Валаам». Остров Еловый был последним приютом в многотрудных апостольских странствованиях святого старца. Иногда преподобный бывал в гостях у православных жителей на американском континенте и в душеспасительных беседах проводил время за полночь. Ел он очень мало: немного рыбы и овощей составляли весь его обед, тело свое изнурял постом, бдением и пятнадцатифунтовыми веригами.

Преподобный Герман предсказал своим духовным детям время своей кончины и объяснил, как похоронить его. 13 декабря 1837 года он просил зажечь перед иконами свечи и читать Деяния святых апостолов. Во время чтения о трудах святых благовестников святой старец перешел от земных

трудов к небесному упокоению на 81-м году жизни. Над могилой его первоначально был установлен простой деревянный памятник, затем сооружена скромная деревянная церковь, освященная во имя святых Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев.

В этом храме хранится старинное изображение преподобного Серафима Саровского, находившееся в келлии святого старца Германа при его земной жизни: старец любил и чтит своего прославленного современника и единокровного с ним работника на ниве Божией. Господу было угодно одновременно благословить на великое служение людям этих двух благоговейных подвижников безмолвия и умного делания. Преподобный Герман с любовью отзывался на скорби и нужды людей во время своей земной жизни. Не оставляет он без помощи взывающих к нему и после своего преставления.

Наиболее известный случай молитвенного предстательства преподобного Германа находится в житии первого православного епископа Америки – святителя Иннокентия, митрополита Московского (память 31 марта/13 апреля и 23 сентября/6 октября). В 1842 году святитель на бриге «Охотск» направлялся на остров Еловый. Из-за бури корабль долго не мог войти в гавань и жизнь команды и пассажиров была под угрозой. Тогда святитель Иннокентий обратился с молитвой к преподобному Герману: «Если ты, отец Герман, угодил Господу, то пусть переменится ветер». Не прошло и четверти часа, как переменился ветер и сделался попутным. И вскоре святитель, спасшийся от бури, служил панихиду на могиле святого Германа.

С 1860-х годов Русская Православная Церковь знала о большом почитании старца Германа на Кадьяке. В 1867 году один из Аляскинских епископов составил описание его жизни и чудес. Первое сообщение об отце Германе было напечатано в Валаамском монастыре в 1894 году. В 1930-х годах другой русский православный монах – архимандрит Герасим (Шмальц) – прибыл на остров Еловый и долго жил там подобно преподобному Герману. Перед своей кончиной в 1969 году архимандрит Герасим открыл останки своего славного

предшественника и построил здесь небольшую часовню. Исцеления, связанные с молитвенным заступничеством старца Германа, записывались со времени его жизни и до 1970 года. В марте 1969 года Собор епископов Русской Православной Церкви в Америке под председательством архиепископа Нью-Йоркского, митрополита всей Америки и Канады Ириней совершил прославление преподобного Аляскинского инок в лике святых. Преподобный Герман выполнил свое христианское призвание достойно, продолжает и ныне предстательствовать пред Богом о живущих.

Собор Святых Болгарских Равноапостольных Просветителей

Святые равноапостольные Климент, Наум, Савва, Горазд и Ангеляр, славяне по происхождению, были учениками святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей Словенских (память 11/24 мая), и помогали святым братьям в деле просвещения славянского народа и в их борьбе против латинских проповедников за утверждение Православия в Моравии. После кончины святителя Мефодия († 6 апреля 885 г.) по его благословению преемником на Моравской кафедре стал святой Горазд, уроженец Моравии и наиболее опытный из учеников святителя, прекрасно владевший греческим и латинским языками.

Святитель Горазд с усердием окормлял свою паству, и противники Православия – немецкое духовенство, много причинившие вреда святым Кириллу и Мефодию, начали против него и его сподвижников активную деятельность, пытаясь настроить против народ. Когда это не удалось, они оклеветали святителя Горазда и святых пресвитеров Климента, Наума (память 23 декабря)

5 января), Савву и Ангеляря перед моравским князем Святополком, обвинив в заговоре и в распространении ложного учения. Латинские миссионеры предъявили святым те же обвинения, которые они ранее выдвигали против их учителей равноапостольных Кирилла и Мефодия: в совершении богослужения на славянском языке, в переводе богослужебных книг и книг Священного Писания на славянский язык, в неверном, по их мнению, учении об исхождении Святого Духа и т. д. Святополк нашел святителя Горазда виновным и, так как сам в то время был занят войной, предоставил их противникам право суда над святителем и его помощниками. Латинские миссионеры, в течение многих лет безуспешно пытавшиеся искоренить Православие в Моравии, теперь торжествовали: началось жестокое гонение на православных. Святитель Горазд и святые пресвитеры, а также многие другие христиане были

брошены в темницу. Через 80 дней после жестоких истязаний одних (в преклонном возрасте) изгнали из страны разными дорогами, чтобы разлучить между собой, других продали в рабство евреям. Посол византийского императора в Венеции Василий Македонянин выкупил на венецианском рынке некоторых из них и переправил в Константинополь. Изгнанные же разными путями отправились в Болгарию, где были с честью встречены болгарским князем Борисом (852–888; в крещении Михаил), утвердившим христианство в Болгарии и собравшим при своем дворе людей благочестивых и просвещенных.

О пребывании святителя Горазда в юго-западной Болгарии свидетельствует список болгарских архиепископов 1156 года, где его имя упоминается между Мефодием и Климентом, а также храм и монастырь во имя святителя Берата в Албании, где под спудом почивают его мощи. Святитель Горазд скончался, очевидно, не позднее 986 года, так как в том году архиепископом Болгарии был поставлен святой Климент.

Вместе со святителем Гораздом в юго-западной Болгарии подвизался и святой Савва.

Святой Климент, изгнанный из Моравии, пришел в Болгарию вместе с другими исповедниками – святыми Наумом и Ангеляром. При первом же вступлении на Болгарскую землю они подверглись искушению. В селении на берегу Дуная святые решили отдохнуть после долгого пути. Им указали на дом страннолюбивого человека, где тяжело болел единственный сын хозяина. Не зная об этом, святые направились к дому, но когда вошли, юноша умер. Безутешный отец обратил свой гнев на странников, обвиняя их в чародействе и грозя отдать под суд. Святые, как могли, утешали скорбного отца, а затем стали молиться над умершим. По их молитве юноша воскрес.

В Болгарии святые Климент, Наум и Ангеляр некоторое время жили при дворе князя Бориса, утверждая в Православии знатных людей. Вскоре святой Ангеляр скончался и был погребен, очевидно, в Плиске – тогдашней столице Болгарии.

Через некоторое время князь Борис послал святого Климента просвещать болгар в Кутмичивице (область

Македонии) и подарил ему при этом три дворца – в Деболе, около Охрид и около Главеницы.

Объезжая вверенные ему земли, святой Климент проповедовал слово Божие и крестил многих язычников. В каждом округе он оставлял учеников, подготовив их для дальнейшей проповеди святого Евангелия. Святого Климента никогда не видели праздным: он учил детей грамоте, много читал, писал книги, организовывал школы для детей и взрослых. В Охриде святой Климент основал монастырь во имя великомученика Пантелеимона.

Около 896 года (возможно, в 893 г.) при болгарском князе Симеоне (888–927) святой Климент был поставлен первым епископом-болгарином Велицы, где христианство существовало с VII века.

Святитель Климент неустанно заботился о просвещении своей паствы, вводил стройный порядок в богослужение. Он первым из болгарских иерархов стал служить, проповедовать и писать на славянском языке. На болгарском языке не было поучений на великие церковные праздники, и клирики, не знавшие греческий язык, зачастую не могли объяснить верующим их значение. Святитель Климент, по слову его жития, «сочинил слова простые и понятные на все праздники и стал для болгар вторым Павлом». В древнем житии также говорится, что в Болгарии не было плодовых деревьев. Святитель Климент выписал их из Греции и путем прививок с дикими деревьями вывел новые сорта, получившие распространение в Болгарии.

Господь прославил святителя Климента даром чудотворений. Однажды, по свидетельству современника, по пути из Главеницы в Охриду, святитель встретил двух расслабленных и слепого. Сжалившись над несчастными, он помолился Богу, а затем прикоснулся к больным, и те тотчас стали здоровы.

Незадолго до кончины, уже в глубокой старости, святитель Климент перевел на болгарский язык Триодь Цветную. Завещав свою библиотеку кафедре и основанному им Охридскому монастырю, святитель стал готовиться к смерти; он своими руками выкопал себе могилу справа от притвора Охридского

монастырского храма. 27 июля 916 года епископ Величковский Климент мирно скончался и был погребен в подготовленном месте. По названию обители святитель Климент стал называться Охридским. Память святителя Климента Охридского установлена в день его тезоименитства – 25 ноября/8 декабря, когда прославляется святитель Климент, папа Римский.

Святой Наум был усердным помощником святителя Климента. На юго-восточной стороне Охридского озера он вместе со святителем Климентом основал монастырь на средства князя Бориса. В этой обители святой Наум и был погребен. Святые мощи, хранящиеся под спудом, прославились чудотворениями: прикасаясь к гробнице святого, больные получают исцеление. В обители был построен каменный храм во имя святого Наума. Память его Святая Церковь совершает 23 декабря/5 января.

Соборная память болгарским просветителям – святителям Клименту и Горазду и святым пресвитерам Науму, Савве и Ангеляру – установлена в день кончины святителя Климента, 27 июля/9 августа.

Николай Кочанов, Христа ради юродивый, Новгородский

Блаженный Николай Кочанов жил в XIV веке. Он родился в Новгороде в богатой и знатной семье Максима и Иулиании. С юности святой Николай отличался глубоким благочестием, усердно посещал храм Божий, любил пост и молитву, щедро раздавал милостыню бедным. Видя его добродетельную жизнь, новгородские вельможи стали прославлять его. Блаженный, испугавшись славы «от человек», начал юродствовать ради Господа. Он оставил свой богатый дом, оделся в рубище и так скитался по городу в любое время года, претерпевая холод и нищету, с тайной молитвой в сердце. Безрассудные люди злословили святого, наносили ему всякие обиды и даже побои, но он радовался и молился о своих оскорбителях. Господь же укреплял его в подвиге.

Блаженный Николай жил на Софийской стороне Новгорода. На Торговой стороне в то же время подвизался блаженный Феодор, также юродивый Христа ради (память 19 января/1 февраля). Оба святых, обличая распри новгородцев Софийской и Торговой сторон, мнимо враждовали. Они изгоняли друг друга, когда каждый заходил не на свою сторону. Однажды, догоняя своего «непримиримого врага», блаженный Николай пошел по Волхову как по суше и бросил в блаженного Феодора кочан капусты, отчего и был назван Кочановым.

Господь прославил Своего угодника дарами прозорливости и чудотворений. Тут не укрылся блаженный от молвы, ибо все взирали на него как на человека Божия. Как-то один новгородский посадник пригласил его на пиршество всех именитых мужей города, а слуги без ведома хозяина прогнали святого. Когда он ушел, то исчезло вино в сосудах. Посадник, узнав, что приходил блаженный Николай и что его прогнали, послал вернуть его. И когда святой вернулся, вино вновь обрелось в сосудах.

После кончины блаженного Николая, 27 июля 1392 года, его тело было погребено по завещанию святого на краю кладбища,

расположенного вокруг Иаковского собора, близ дороги.

В 1554 году над могилой святого был построен каменный храм во имя святого великомученика Пантелеимона, но в народе он называется храмом святого Николая чудотворца Кочанова. Этот храм пользовался особым почитанием Новгородских святителей, которые обязательно (по уставу Софийского собора) посещали его в четверг недели мясопустной: «А в тот же день (четверток мясопустной) едет святитель к святому Николе Кочанову в церковь прощаться». В XVII веке в день памяти блаженного Николая в том храме служба совершалась архиереем.

В 1815 году над мощами блаженного Николая был устроена новая резная гробница с сенью. На иконах блаженный Николай, в отличие от других юродивых Христа ради, не изображается босым, полунагим, едва прикрытым ветхой одеждой, но... «шуба княжеская, исподняя лазоревая, подпоясан платом», с кочаном в руке.

Июль 28

Собор Святых Земли Смоленской

История Смоленской епархии начинается в глубокой древности. На Смоленской земле просияли многие святые, а также подвижники благочестия, прославленные и непрославленные Матерью Церковью.

В 1983 году было установлено празднование Собора Смоленских святых. По благословению Святейшего Патриарха Пимена празднование определено совершать в воскресенье перед праздником в честь Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии (Путеводительницы). В 1986 году день памяти Собора Смоленских святых впервые включен в Православный календарь Русской Церкви.

В Соборе Смоленских святых прославляются угодники Божии, родившиеся и жившие на Смоленщине, а также родившиеся на Смоленской земле, но совершавшие подвиги благочестия и спасения в других землях нашего отечества.

Святитель Игнатий II, епископ Смоленский, родился в XII веке. Известно, что он был благочестивым и деятельным архипастырем. Он построил в Смоленске монастырь в честь Положения ризы Пресвятой Богородицы, архимандритом в этой обители был поставлен известный подвижник преподобный Авраамий Смоленский, с которым святителя Игнатия связывали тесные узы духовной и братской дружбы.

Блаженная кончина святителя Игнатия последовала около 1210 года. Погребен он был в основанном им монастыре, память его совершается 29 января/11 февраля.

Святитель Меркурий, епископ Смоленский, управлял Смоленской кафедрой, вероятно, после епископа Лазаря, хиротонисанного в 1219 году. До своего посвящения в епископский сан святой Меркурий подвизался в Киево-Печерской лавре. Вместе со своей паствой святитель Меркурий испытал ужасы Батыева нашествия и мученически скончался 24 ноября 1239 года. В историческом описании лавры сказано: «Святой Меркурий, епископ Смоленский, убит Батыем в 1239 году и память его 24 ноября».

Мощи святителя Меркурия чудесным образом по Днепру приплыли в Киев и были погребены в Ближней (Антониевой) пещере Киево-Печерской обители. Святитель Меркурий воспевается в службе Киево-Печерским святым: «Слава Смоленскому граду, Меркурий пастырь, пастырей начальника своего овцы пасый добре, духом же горя выну неразлучну быти от лика преподобных Печерских, темже по смерти чудотворне приплыл в кладе, в пещере святых почивает телом, душою же радуется с преподобными в славе вечней» (канон, песнь 3-я).

Святитель Михаил, епископ Смоленский, пострижен в монашество в Московском Симоновом монастыре, где был известен строгой подвижнической жизнью. Ближайшими его сподвижниками были святитель Феодор, архиепископ Ростовский (память 28 ноября/11 декабря), и преподобный Кирилл Белозерский (память 9/22 июня).

В 1383 году святитель Михаил хиротонисан во епископа Смоленского. В 1396 году, уклоняясь от смут и нестроений, происходивших в Смоленском княжестве, оставил кафедру и удалился в Троице-Сергиев монастырь, где завершил свой жизненный путь. Блаженная кончина святителя Михаила, епископа Смоленского, последовала 6 мая 1402 года. Святитель Михаил включен в Собор Радонежских святых, память которых празднуется 6/19 июля.

Святитель Антоний, епископ Вологодский, был учеником Смоленского подвижника преподобного Герасима Болдинского († 1554; память 1/14 мая), основателя Болдинского Дорогобужского монастыря во имя Живоначальной Троицы. Под руководством опытного наставника святитель Антоний учился монашеской жизни. Между 1569 и 1585 гг. в сане игумена он управлял Дорогобужской обителью.

11 октября 1586 года (по другим источникам, в 1585 году) святитель Антоний хиротонисан во епископа Вологодского.

Незадолго до блаженной кончины святитель Антоний совершил освящение Вологодского собора в честь Софии Премудрости Божией. До последнего дня святитель не пропускал ни одного богослужения.

Накануне отшествия к Богу святитель Антоний сам облачился в архиерейские одежды, преподал благословение священнослужителям, испросил у них прощение и причастился Святых Христовых Таин. Святитель Антоний отошел к Богу 26 октября 1588 года. Он был погребен в Вологодском Софийском соборе, у северной стены.

По молитвам святителя Антония одержимые различными недугами получают исцеления. Известно свидетельство инок Болдинской обители Дионисия о явлении ему во время тяжелой болезни святителя Антония вместе с преподобным Герасимом, после чего недуг оставил его. Память святителя Антония совершается 26 октября/8 ноября.

Святитель Симеон, митрополит Смоленский, происходил из рода Молюковых, родился в городе Тобольске. После принятия монашеского пострижения подвизался в Борисоглебском монастыре в городе Ростове Великом. Благодаря редким дарованиям и благочестивой жизни был назначен архимандритом известного Нижегородского Печерского монастыря. В 1674 году он был переведен в Москву и назначен настоятелем Спасо-Андроникова монастыря.

9 апреля 1676 года в Успенском соборе Московского Кремля была совершена его епископская хиротония и последовало назначение на Смоленскую кафедру. В этот период православная паства особенно нуждалась в кафедральном соборе – центре православной жизни смолян. Святитель Симеон благословил это начинание и принимал большое участие в созидании величественного кафедрального собора, посвященного Успению Пресвятой Богородицы. По благословению святителя Симеона и в других городах Смоленской земли возводились многочисленные храмы.

Одновременно Смоленский архипастырь принимал деятельное участие в делах всей Русской Церкви. В 1678 году он участвовал в заседании Собора, решавшего вопросы об обрядах в неделю ваий. В 1681 году святитель Симеон принимал участие в погребении Святейшего Патриарха Никона и получил в дар митру патриарха Никона, впоследствии хранившуюся в ризнице кафедрального собора. В том же году

он освящал церковь во Флорищевой пустыни и участвовал сначала в Земском Соборе, а затем в Поместном Соборе, на котором было принято решение о возведении Смоленской епархии в достоинство митрополии, в Вязьме и Брянске определялось быть викарным епископам. На этом Соборе определено было Смоленскому митрополиту поставлять священников для зарубежных православных храмов.

Блаженная кончина святителя Симеона, митрополита Смоленского, последовала 4 января 1699 года. Чин погребения был совершен Тихоном, митрополитом Сарским и Подонским. Погребен святитель Симеон в Троицком монастыре, у южной стены собора, ставшим усыпальницей Смоленских архипастырей. Впоследствии над местом погребения была устроена деревянная часовня, а позже – каменный придел в честь иконы Божией Матери Всех скорбящих Радости. Сохранились свидетельства о многочисленных благодатных исцелениях по молитвам святителя Симеона.

Святитель Питирим, епископ Тамбовский (в миру Прокопий), родился 27 февраля 1645 (или 1644) года в городе Вязьме. На 21 году жизни он был пострижен в монашество с именем Питирим в Вяземской Предтеченской обители, где впоследствии был избран игуменом.

15 февраля 1685 года Святейшим Патриархом Иоакимом (1674–1690) он был рукоположен в Москве во епископа Тамбовского. Свое управление епархией святитель Питирим ознаменовал упорядочением духовной жизни и построением храмов и монастырей. Большое внимание он уделял духовному просвещению паствы. Духовным братом и другом святителя Питирима был святой Митрофан, епископ Воронежский (память 7/20 августа), с которым они постоянно встречались и много времени проводили в духовных беседах.

Блаженная кончина святителя Питирима последовала в 1698 году в возрасте 53 лет. Он был погребен в Преображенском соборе в городе Тамбове. По молитвам святителя стали совершаться исцеления больных, место его погребения стало особенно почитаться богомольцами и многочисленными паломниками. В 1914 году святитель Питирим

был причислен к лику святых Русской Церкви, память его совершается 28 июля/10 августа.

Святой равноапостольный Николай, архиепископ Японский (в миру Иван Дмитриевич Касаткин), родился 1 августа 1836 года в Березовском погосте Бельского уезда Смоленской губернии, где его отец служил диаконом. После окончания Бельского духовного училища и Смоленской духовной семинарии, в 1857 году, он поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. 24 июня 1860 года он был пострижен в монашество с именем Николай, 29 июня рукоположен в иеродиакона, 30-го – в сан иеромонаха. Затем иеромонах Николай был назначен в Японию настоятелем консульского храма города Хакодате.

В течение нескольких лет отец Николай изучал историю, язык и культуру японцев. Благодаря его трудам была образована Российская Духовная Миссия в Японии. Отец Николай был возведен в сан архимандрита, а 30 марта 1880 года в Троицком соборе Александро-Невской лавры в Петербурге состоялась его хиротония во епископа.

Святитель Николай организовывал строительство православных храмов, духовных школ и училищ, издавал журнал Церковный Вестник. Глубоко изучив японский язык, он осуществлял переводы богослужебных и других книг на японский язык. В начале XX века в Японии было 266 православных общин, насчитывавших более 30 тысяч христиан и 35 священников.

3 февраля 1912 года на 76-м году жизни апостол и просветитель Японии архиепископ Николай мирно отошел ко Господу и погребен в Токио. 10 апреля 1970 года святитель Николай причислен к лику святых Русской Православной Церкви. Память его совершается 3/16 февраля.

Святой мученик князь Глеб (Давид) был родным братом великого князя киевского Ярослава Мудрого († 1054). Он мученически пострадал вместе со своим братом Борисом (Романом) от Святополка, прозванного Окаянным, за коварное убийство недалеко от Смоленска, у Смядыни. Тело князя было

погребено в пустынном месте «между двумя колодами», то есть в простом деревянном гробу († 1015).

В 1019–1020 гг. могилу святого Глеба разыскал его брат Ярослав, нетленное тело страстотерпца было перенесено в Вышгород Киевский и погребено рядом со святым Борисом. Затем мощи братьев были перенесены (память 2/15 мая) в церковь святитель Василия Великого. Память святого мученика князя Глеба совершается 5/18 сентября.

Святой благоверных великий князь Ростислав (Михаил) Смоленский, сын князя Мстислава Великого, внук князя Владимира Мономаха, родился в первой половине XII века. С юных лет он отличался храбростью и неоднократно принимал участие в спорных делах между родственными князьями Мономаховичами и Ольговичами. После смерти князя Мстислава благоверному князю Ростиславу досталось в удел Смоленское княжество, поэтому он считается родоначальником смоленских князей.

Благоверный князь Ростислав содействовал распространению христианства в своем княжестве, в его правление была учреждена Смоленская кафедра. В Смоленске святой князь Ростислав оставил по себе добрую память как о благочестивом, кротком и добросердечном князе. Проникнутый чувством благочестия, он возводил храмы и содействовал устройению монастырей. При его участии в Смоленске были построены храмы апостолов Петра и Павла, святого пророка Илии, святых бессребреников Космы и Дамиана, которые были освящены епископом Смоленским Мануилом († 1169). Кончина его последовала 14 марта 1167 года, тело благоверного князя Ростислава было погребено в Киеве, согласно завещанию, в «отнем» Феодоровском монастыре.

Благоверный князь Михаил Феодорович был сыном святого благоверного князя Феодора Смоленского († 1299; память 19 сентября/2 октября) от его первой супруги Марии, дочери благоверного князя ярославского Василия. Супруги воспитали сына в благочестии и любви к Церкви. Блаженная кончина святого князя Михаила последовала в раннем возрасте (†

1290). Память благоверного князя Михаила совершается 19 сентября/2 октября.

Святой благоверный князь Феодор Смоленский и Ярославский, по прозванию Черный, родился в грозную для Руси годину монгольского нашествия, около 1237–1239 гг., и был в крещении наречен во имя святого великомученика Феодора Стратилата (память 8/21 февраля), особо почитавшегося русскими князьями-воинами.

В 1260 году святой князь Феодор женился на Марии Васильевне, дочери святого благоверного князя Василия Ярославского († 1249; память 3/16 июля), и стал князем ярославским. У них родился сын Михаил (память 19 сентября»

2 октября), но вскоре святой Феодор овдовел. Он много времени проводил в ратных трудах и походах, сына его воспитывала теща, княгиня Ксения.

В 70-х годах он жил в Орде, где благодаря храбрости и мудрости вызвал к себе особое расположение хана Менгу-Темира, выдавшего за благоверного князя Феодора свою дочь, названную в крещении Анной. В Орде у благочестивых супругов родились сыновья – святой благоверный князь Давид и святой благоверный князь Константин.

Большое влияние, которое святой князь Феодор приобрел в Орде, он использовал во славу Русской земли и Русской Церкви. Православие все более укреплялось среди монголо-татар, ордынцы усваивали русские обычаи, нравы и благочестие, культуру. В 1290 году благоверный князь вместе с семьей возвратился в Ярославское княжество. Не порвались его связи с родиной – Смоленском.

18 сентября 1299 года в Преображенском монастыре в Ярославле он принял монашеское пострижение, 19 сентября последовала его блаженная кончина. После него в Ярославле правил его сын святой князь Давид († 1321), второй сын, Константин, вероятно, почил ранее. 5 марта 1463 года совершилось обретение мощей святого князя Феодора и чад его Давида и Константина, память их празднуется 19 сентября/2 октября и 5/18 марта.

Святой благоверный князь смоленский Глеб Всеволодович (Святославич) жил в XIV столетии. О его имени сохранились немногочисленные агиографические сведения. Известно, что он был благочестивым и мужественным князем. Обостренные отношения Русского государства с Литвой приводили к тому, что благоверный князь Глеб дважды был в литовском плену, последний раз после временного взятия Смоленска литовцами в 1395 году.

В Иконописном подлиннике о нем сообщается: «Святой благоверный князь Глеб Всеволодович подобием надсед, власы кудреваты, брада доле Власиевой и поуже, ризы на нем княжеския, верхняя шуба, испод лазоревый, на главе шапка зеленая, заломы черныя, в руке крест, в другой меч в ножнах». Память благоверного князя Глеба празднуется 7/20 июля.

Святой благоверный князь Андрей Смоленский был сыном смоленского князя Феодора Фоминского. Еще в юном возрасте, тяготясь распрями своих братьев, он оставил родной город и простым странником пришел в Переяславль Залесский. В смирении и кротости он 30 лет прослужил пономарем в церкви святителя Николая, около которой и был погребен. После его кончины обнаружили наследственный княжеский перстень, золотую цепь и записку со словами: «Аз есмь Андрей, един от смоленских князей».

В 1589 году произошло обретение мощей благоверного князя по ходатайству преподобного Даниила Переяславского (память 7/20 апреля). Память благоверного князя Андрея Смоленского празднуется 28 октября/10 ноября.

Благоверная Иулиания, княгиня вяземская и новоторжская, дочь боярина Максима Данилова, прославилась высоким супружеским целомудрием. Супруг ее святой благоверный князь вяземский Симеон Мстиславич вместе со смоленским князем Юрием Святославичем вынужден был бежать из родных земель, которые захватил литовский князь Витовт. Тогда московский князь Василий Димитриевич дал изгнанным князьям Тверской город Торжок. Князь Юрий Святославич пленился красотой Иулиании и всячески старался склонить ее к прелюбодеянию, но Иулиания строго хранила супружескую

верность. Однажды во время пира князь Юрий убил мужа Иулиании в надежде насильем овладеть ею. Святая Иулиания воспротивилась насильнику. Разъяренный князь Юрий приказал отрубить ей ноги и руки, а тело ее бросить в реку Тверцу. Мученическая кончина святого князя Симеона и святой Иулиании произошла зимой 1406 года. От угрызений совести князь Юрий бежал к татарам, но и там не нашел покоя. Тогда он удалился в Рязанскую пустынь, где и умер в 1408 году.

Весной будущего года тело блаженной княгини увидели плывущим против течения. Некий расслабленный услышал голос свыше, повелевавший похоронить тело святой Иулиании у южных врат собора в Торжке. Гроб с телом впоследствии поставлен в Спасо-Преображенском соборе, где многие получили от него исцеления. В связи с прославлением святой Иулиании 2 июня 1819 года был устроен правый придел, посвященный ее имени. У собора Преображения Господня, где раньше была часовня над гробом святой, устроена церковь и также освящена во имя святой Иулиании в 1906 году. Память святой мученицы княгини Иулиании и святого мученика князя Симеона празднуется 21 декабря/3 января.

Преподобный Ефрем Новоторжский, основатель Борисоглебского монастыря в городе Торжке, был родом из Венгрии. Вместе со своими братьями Моисеем Угрином (память 26 июля/8 августа) и святым Георгием он покинул родину, возможно, по причине преследования православных. Придя на Русь, братья поступили на службу к ростовскому князю святому Борису, сыну равноапостольного великого князя Владимира. В 1015 году на реке Альте вместе со святым князем Борисом погиб и брат преподобного Ефрема Георгий.

Оставив службу при княжеском дворе, преподобный Ефрем удалился на реку Тверцу с тем, чтобы там вести уединенную иноческую жизнь. После того, как около него поселилось несколько монашествующих, он в 1038 году построил монастырь в честь святых князей страстотерпцев Бориса и Глеба. Братия избрали его своим настоятелем.

Кончина преподобного Ефрема последовала в 1053 году в глубокой старости, его тело было погребено в устроенном им

монастыре, а в гроб, согласно его завещанию, была положена голова его брата святого Георгия. Мощи преподобного Ефрема были обретены в 1572 году. Память его совершается 28 января/10 февраля – день преставления и 11/24 июня – перенесение мощей.

Преподобный Аркадий Вяземский и Новоторжский происходил из Смоленского города Вязьмы от простых благочестивых родителей, с детства научивших его молитве и послушанию. Кроткий, проникательный, добрый и целомудренный юноша избрал своим подвигом юродство Христа ради. Он питался подаянием, спал, где придется: в лесу, на церковной паперти. Опытный наставник преподобный Ефрем, Новоторжский чудотворец (память 28 января/10 февраля), помогал юному подвижнику избегать духовных опасностей в прохождении трудного и редкого в то время подвига юродства.

Поступив в Борисоглебский монастырь, неподалеку от Торжка, преподобный Аркадий принял монашество и взял на себя подвиг полного послушания своему духовному отцу – преподобному Ефрему. Преподобный Аркадий никогда не пропускал литургии и являлся к заутрени первым, вместе со своим наставником. После преставления преподобного Ефрема (28 января 1053 г.) преподобный Аркадий продолжал подвизаться по заветам своего старца, пребывая в молитве, посте и молчании. По прошествии нескольких лет (по некоторым данным, 13 декабря 1077 г.) он также мирно отошел ко Господу. Мощи преподобного Аркадия, прославленные чудесными исцелениями, были обретены 11 июля (ранее в этот день совершалась память) 1677 года в каменном склепе Борисоглебского собора города Торжка. Торжественное празднование 300-летия со времени обретения святых мощей преподобного Аркадия состоялось в городе Торжке в 1977 году. Вторичная память установлена 14/27 августа.

Преподобный Авраамий Смоленский, проповедник покаяния и грядущего Страшного Суда, родился в середине XII века в Смоленске от богатых родителей, которые до него имели 12 дочерей и молили Бога о сыне. С детства он рос в страхе

Божием, часто посещал церковь и имел возможность учиться по книгам. После смерти родителей, раздав все имущество монастырям, церквам и бедным, преподобный ходил по городу в рубище, моля Бога указать ему путь спасения.

Он принял постриг в монастыре Пресвятой Богородицы, который стоял в пяти верстах от Смоленска, на месте Селище. Проходя в нем различные послушания, преподобный усердно занимался переписыванием и собиранием книг, черпая из них духовные богатства. Более 30 лет подвизался он в обители, когда игумен убедил его принять в 1198 году сан пресвитера.

Святой Авраамий был строг к себе и к духовным детям. Он неустанно проповедовал в церкви и приходившим в его келлию, беседуя равно с богатыми и бедными.

Святитель Игнатий, епископ Смоленский (память 29 января/11 февраля), построил монастырь в честь Положения ризы Пресвятой Богородицы и поручил в нем настоятельство преподобному Авраамию, а сам, оставив по старости епархию, поселился в нем. Преподобный Авраамий после смерти святителя Игнатия, бывшего его духовным другом, более прежнего внушал братии помнить о смерти и молиться день и ночь о том, чтобы не быть осужденными на Суде Божием. Скончался преподобный Авраамий до 1224 года, пожив в иночестве 50 лет. Уже в конце XIII века ему была составлена служба, совместная с учеником преподобным Ефремом. Память преподобного Авраамия празднуется 21 августа/3 сентября.

Преподобный Прохор Печерский родился в Смоленске и принял пострижение в Киево-Печерском монастыре от игумена Иоанна (1089–1103). Был он великий подвижник по строгому воздержанию, вместо хлеба употреблявший лебеду, за что получил прозвище Лебедник. При этом никто и никогда не видел его печальным. По молитвам преподобного Прохора совершались многочисленные чудеса.

Скончался преподобный Прохор в 1107 году и был погребен в Ближних пещерах. Память его празднуется 10/23 февраля, а также 28 сентября/11 октября и во 2-ю неделю Великого поста.

Преподобный Симон, архимандрит Смоленский, ученик преподобного Сергия Радонежского, был настоятелем

монастыря в Смоленске, но оставил почет и уважение, которыми там пользовался, покинул родную сторону и с посохом простого странника в 1357 году пришел к преподобному Сергию и просил принять его послушником. Он был первый, принятый сверх числа двенадцати учеников. На пожертвование преподобного Симона архимандрита построили более обширный храм Живоначальной Троицы.

Преподобный Симон архимандрит жил в келлии рядом с игуменом. Когда преподобный Сергей удостоился откровения о будущей судьбе его учеников, он именно святого Симона позвал быть участником дивного видения птиц, летавших по всей обители и вокруг нее. Преподобный Симон архимандрит скончался в глубокой старости и был погребен с великой честью преподобным Сергием.

День тезоименитства преподобного Симона архимандрита – 1/23 мая. Служба ему составлена преосвященным Симоном, архиепископом Рязанским и Касимовским, в 1981 году. Преподобный Симон на иконах пишется «сед, брада курчава, подоле Иоанна Богослова».

Преподобный Герасим Болдинский, в миру Григорий, родился в 1490 году в Переяславле Залесском. В раннем детстве он часто посещал храм Божий. Узнав о святой жизни преподобного Даниила Переяславского, 13-летний Григорий со слезами просил старца принять его к себе. Старец принял мальчика послушника и в скором времени постриг с именем Герасим. После 26-летнего пребывания под руководством преподобного Даниила святой Герасим, получив благословение старца на отшельничество, поселился недалеко от города Дорогобужа в Смоленской земле, в диком лесу. Здесь его учеником стал преподобный Аркадий.

Святой много раз подвергался нападениям разбойников, но кротко и терпеливо сносил все обиды и молился за обидчиков. По особому видению он перешел на Болдинскую гору, где в 1530 году воздвиг храм во имя Святой Троицы и построил келлии для собиравшейся братии. Кроме Болдина монастыря, преподобный Герасим основал еще монастыри в честь Иоанна Предтечи в городе Вязьме, а затем в Брянском лесу, на реке

Жиздре – обитель в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Преставился преподобный Герасим 1 мая 1554 года.

Святой мученик Меркурий Смоленский был славянин, родом, вероятно, из Моравии, потомок княжеского рода. Воспитанный в Православии, святой Меркурий по ревности к истинной вере ушел из своего отечества на Русь и служил в войске смоленского князя. Святой воин тайно вел подвижническую жизнь – был строгим постником, девственником, проводил ночи в молитве, духовно уготовляя себя к страданиям за веру Христову. В 1239 году полчища татар, полонившие уже многие русские города, подошли к Смоленску и встали в 25-ти верстах от него, на Долгомостье, угрожая разорением городу и его святыням. Пономарь, молившийся ночью в смоленском соборе перед чудотворным образом Божией Матери, услышал глас Небесной Владычицы, повелевшей ему разыскать святого воина и сказать ему: «Меркурий! Иди к брани военной. Владычица зовет тебя». Воин пришел в собор и сам услышал глас Пречистой Девы, посылающей его на брань с врагом и обещающей небесную помощь.

Воин Христов той же ночью отправился в татарский стан в Долгомостье. Там он сразился с предводителем татарского войска – великаном, обладавшим громадной силой, убил его и вступил в единоборство с вражеским полчищем. Призывая имя Господа и Пречистой Богородицы, святой воин истребил множество врагов. Сам святой Меркурий принял смерть в бою от сына убитого им татарского исполина.

Жители Смоленска, спасенные чудесным заступлением Господа и Пресвятой Богородицы, с честью погребли тело святого воина-мученика в соборе в честь Успения Пресвятой Богородицы. Ныне в смоленском кафедральном соборе хранятся сандалии святого мученика Меркурия. Празднование ему установлено в конце XVI века, уже в 1509 году жители Смоленска называли его своим главным заступником. Память его празднуется 24 ноября/7 декабря.

Преподобный Макарий архимандрит, миссионер Алтайский (в миру Михаил Яковлевич Глухарев), родился 8 ноября 1792 года в городе Вязьме Смоленской губернии в семье священника Введенской соборной церкви отца Иакова Глухарева и его супруги Агафьи. От своих родителей он получил хорошее начальное образование. Уже в семилетнем возрасте Михаил Глухарев успешно осуществлял переводы с русского языка на латинский, поэтому в восьмилетнем возрасте он был принят в третий класс Вяземского духовного училища и скоро переведен в Смоленскую духовную семинарию, которую окончил в 1813 году. Через год он поступил в Петербургскую духовную академию, где на него обратил внимание ректор академии архимандрит Филарет (Дроздов).

В 1817 году студент Михаил Глухарев успешно окончил академию с присвоением степени магистра богословия. К этому времени он обладал прекрасным знанием древних языков: латинского, греческого, еврейского – и новых: немецкого и французского. По окончании академии он был назначен инспектором и преподавателем Церковной истории и немецкого языка в Екатеринославскую духовную семинарию. В 1818 году пострижен в монашество с именем Макарий в честь преподобного Макария Египетского. Вскоре рукоположен в иеродиакона, а затем – в иеромонаха. По указу Святейшего Синода он был причислен к разряду соборных иеромонахов Киево-Печерской лавры. С 1821 по 1824 гг. отец Макарий был ректором Костромской духовной семинарии, настоятелем Богоявленского монастыря в городе Костроме. 21 декабря 1821 года возведен в сан архимандрита. Из-за ухудшения состояния здоровья в 1825 году по собственному желанию он ушел на покой в Киево-Печерскую лавру, где занимался переводами творений святых отцов.

Узнав о благочестивой жизни настоятеля Глинской пустыни старца Филарета, отец Макарий в конце 1825 года переселился в Глинскую пустынь, где постоянно читал Добротолюбие, обучался духовной брани и самопознанию. Из Глинской пустыни архимандрит Макарий, движимый апостольской ревностью, отправился на проповедь Евангелия к сибирским народам.

Получив разрешение Синода, отец Макарий 5 июня 1829 года отправился в Москву, а затем после встречи с митрополитом Филаретом (Дроздовым) с его благословения выехал в Тобольск.

Основанная им Православная Миссия стала в XIX столетии образцом для других Миссий Сибири. Он перевел для алтайцев необходимые молитвы, текст Евангелия, многие места из Деяний и Посланий апостольских, многочисленные псалмы, краткую Священную историю, краткий Катехизис и ряд других книг.

Скончался апостол Алтая, архимандрит Макарий, в возрасте 55 лет, 18 мая 1847 года. Перед самой блаженной кончиной он твердо произнес слова: «Свет Христов просвещает всех». О духовных подвигах архимандрита Макария повествуется в книге Ястребова «Архимандрит Макарий, основатель Алтайской Духовной Миссии» (С-Пб., 1890). Сохранившиеся свидетельства об апостольских трудах архимандрита Макария, совместно со свидетельствами о его почитании, как угодника Божия, позволили в 1983 году внести его имя в Собор Сибирских святых, чем положено начало общецерковному прославлению этого выдающегося просветителя и апостола Алтая. Память его празднуется 18/31 мая.

Питирим, епископ Тамбовский, святитель

Святитель Питирим, епископ Тамбовский, в миру Прокопий, родился 27 февраля 1645 (или 1644) года в городе Вязьме в Смоленской губернии. Его родители были благочестивыми христианами и привили своим детям любовь к Богу и Святой Церкви. Они научили Прокопия с благоговением чтить святые иконы, хранить православные обряды и предания. Изучив грамоту, святой Прокопий особенно полюбил чтение слова Божия и житий святых отцов и подвижников Церкви Христовой. Это способствовало формированию духовного облика будущего святителя. Мальчик удивлял окружающих трудолюбием, обширными знаниями и зрелостью суждений. Частое посещение храма развило в нем любовь к богослужению и церковному пению. Одаренный тонким художественным восприятием, святой Прокопий был искусным певцом, а также живописцем. Позднее он написал копии почитавшихся в Вязьме чудотворных икон. Святой Прокопий строго соблюдал посты, любил молиться и избегал праздных развлечений, детских шалостей и забав, что показывало его высокую аскетическую настроенность. Благоговевя перед всеми святыми, Прокопий особенно чтит своего небесного покровителя – преподобного Прокопия Декаполита (VIII в.; память 27 февраля/11 марта), в день памяти которого он родился.

Достигнув совершеннолетия и решив всецело посвятить себя Богу, святой Прокопий попросил благословение родителей и поступил послушником в Вяземский Иоанно-Предтеченский монастырь, основанный преподобным Герасимом Болдинским († 1554; память 1/14 мая). Этот монастырь, расположенный вблизи Вязьмы, отличался строгостью устава, введенного его святым основателем. Вступив на путь монашеских подвигов, святой Прокопий стал с усердием подвизаться в посте, бдении и молитве. Неленостно исполняя возложенные на него монастырские послушания, он к обязательным трудам прилагал добровольные, стараясь никогда не быть праздным, читал

наставления и жития святых отцов, стремясь в своей жизни подражать их подвигам.

На двадцать первом году жизни святой Прокопий был пострижен в монашество с именем Питирим. Через некоторое время он был рукоположен во иеродиакона и во иеромонаха.

Своей подвижнической жизнью молодой инок заслужил уважение монастырской братии и был избран игуменом. Опытный в духовной жизни, святой игумен умело управлял братией, милосердием и кротостью исправляя заблудших, примером своей жизни побуждал иноков к большему подвигу. В 1684 году он был возведен в сан архимандрита. Заботясь об укреплении в иноках духа строгого подвижничества, святой Питирим в своем служении проявил особую любовь к благолепию храмов. Под руководством мудрого наставника Предтеченская обитель достигла духовного расцвета.

Несмотря на всеобщее уважение, святой Питирим отличался глубоким смирением и кротостью. В своих трудах он все упование возлагал на помощь Божию. С 1681 года, когда Вязьма отошла к Смоленской епархии, в Предтеченском монастыре поселился викарный епископ Смоленского митрополита.

1 сентября 1684 года святой Питирим по благословению патриарха Иоакима (1674–1690) получил новое церковное послушание – был назначен на Тамбовскую кафедру. 15 февраля 1685 года в неделю блудного сына в Успенском соборе в Москве Святейший Патриарх Иоаким рукоположил его во епископа. Однако в Тамбов святитель отправился не сразу. Очевидно, на некоторое время он был оставлен при патриархе. Во время пребывания в Москве святитель Питирим изучил положение и нужды Тамбовской епархии и разработал план необходимых мероприятий для укрепления благочестия в своей пастве и распространения христианства среди иноверцев, в большинстве составлявших население того края.

Тамбовская епархия была образована незадолго до назначения на нее святителя Питирима – в 1682 году. Поэтому епархию населяли в основном люди, не просвещенные светом Христовой веры: язычники (мордва, черемисы, мещера),

магометане (татары), а также раскольники. Среди населения было много ссыльных из центральной России и беглых преступников. Святителю Питириму предстояло бороться с язычеством, сектантством и грубостью нравов. Укрепив себя на предстоящий подвиг постом и молитвой и испросив благословение у мощей Московских святителей и чудотворцев и преподобного Сергия, святитель Питирим в начале 1686 года выехал в Тамбов. По пути он заехал в Воронеж для духовной беседы со святителем Митрофаном Воронежским (память 23 ноября»

6 декабря и 7/20 августа). Торжественная встреча в первом городе епархии – Козлове – смутила смиренного святителя, поэтому в Тамбов он въехал с сопровождавшими его несколькими монахами и келейником Василием еще до восхода солнца, и лишь немногие благочестивые христиане встретили его в храме за ранним богослужением.

Из сохранившихся в записях дел святителя Питирима первым его делом по прибытии на Тамбовскую кафедру значится выдача во дни Святой Пасхи 1686 года грамоты Козловскому монастырю на построение каменного соборного храма во имя Святой Троицы. Повсюду стали строиться храмы, благолепному украшению которых святитель Питирим придавал особое значение. Дело это было особенно трудным из-за крайней нищеты населения. Умелое руководство и личная нестяжательность святителя позволили ему при малочисленных средствах достигнуть в этом деле значительных результатов. Только в Тамбове было построено несколько храмов – свой для каждой слободы города. После кончины святителя в епархии было 168 храмов.

Особую пастырскую заботу проявил святитель о монастырях. По его инициативе были построены и новые обители: женская Вознесенская в Тамбове (1692 г.), игуменьей которой стала сестра святителя Екатерина, и мужская Тригуляевская во имя Крестителя Господня Иоанна (1691 г.) в семи верстах от Тамбова, в пустынном, окруженном лесами месте. Название эта обитель получила с связи с тем, что святитель Питирим любил уединение. Тонко ощущая красоту

родной природы, которая возбуждала в нем чувство молитвенной благодарности к Творцу видимого мира, он при всякой возможности гулял в окрестностях Тамбова и в одиночестве предавался богомыслию. Однажды (15 сентября 1688 года) он, совершая прогулку с навестившим его святителем Митрофаном Воронежским и благочестивым иноком Иннокентием, просил у них совета о выборе места для построения обители. Все трое пришли в уединенное место, которое и благословили для основания обители.

Заботясь о благолепном украшении храмов и монастырей, святитель Питирим старался, чтобы и населенные пункты имели вид христианских поселений. Так, сразу по прибытии в Тамбов на крепостных воротах и в городских слободах, около караульных постов он установил распятия Христа Спасителя и иконы Божией Матери, которые привез с собой. Ограждая город иконами, святитель вверял его покрову Господа и Божией Матери и возбуждал в жителях благочестие. Привезенная святителем Питиримом копия чудотворной Смоленской иконы Божией Матери, выполненная, возможно, им самим, была поставлена в Преображенском кафедральном соборе в Тамбове. Эта икона, а также привезенные святителем Казанская (также написанная, вероятно, им самим) и Ильинско-Черниговская, получившая затем название Тамбовской иконы, были родительским благословением святителя.

Много трудов приложил святитель для обращения в христианство язычников и магометан и для вразумления раскольников. Край, где прежде процветали грабежи и разбой, благодаря трудам и молитве святителя Питирима стал краем религиозным. Обращение святителя к пастве отличалось кротостью и доступностью. Объезжая свою епархию с проповедью слова Божия, святитель словом искренней любви к пастве, кротостью и смирением сеял в душах семена веры и благочестия. Святитель отличался удивительным снисхождением даже к нравственно падшим людям. Со всеми он обращался одинаково, ровно и кротко, как истинный друг и брат. В то же время он был по-отечески требователен. Его двери были открыты для всех приходивших за советом и

помощью. Нетребовательный в личной жизни, он все свои средства тратил на храмы, монастыри и нужды ближних. Избегая всяких удобств, святитель совершал поездки по епархии в простой повозке.

Вновь открытые храмы требовали новых пастырей. Одной из забот святителя Питирима было избрание и подготовка кандидатов в священники. Он неукоснительно требовал, чтобы прихожане избирали кандидатами только грамотных людей. В своем доме он устроил специальную школу, где сам готовил избранного к принятию священного сана.

В 1694 году святитель Питирим приступил к строительству каменного кафедрального собора. Он не только внимательно следил за постройкой храма, но даже сам участвовал в строительных работах. Закончен он был уже после его кончины. При святителе был освящен только южный придел в нижнем этаже собора – во имя святителя и чудотворца Николая. Новый собор святитель снабдил за свой счет необходимой утварью, ризами (одна из риз святителя Питирима была передана позднее святителю Иннокентию Иркутскому).

Святитель Питирим с детства любил богослужение. Он часто служил и заботился о благоговейном исполнении служб, вниманном пении и чтении. Нередко он сам становился на клирос, чтобы научить певцов правильному пению. Святитель учил свою паству с благоговением относиться к священным предметам. Заботясь о торжественности богослужений, он установил в праздничные дни крестные ходы из соборного храма в тот храм, где были престольные торжества.

Слава о святительских трудах Тамбовского архипастыря распространилась за пределами епархии. О нем было хорошо известно при дворе московских государей Иоанна и Петра Алексеевичей, которые неоднократно удовлетворяли прошения святителя Питирима о нуждах епархии. В 1690 году святитель Питирим участвовал в Соборе Русской Церкви, избравшим Святейшего Патриарха Адриана (1690–1700).

На архиерейской кафедре святитель Питирим не только не ослабил подвижнические труды, но еще более усилил монашеские подвиги. Среди благочестивых душевных занятий

он не оставлял и физический труд. Около архиерейского дома святитель своими руками ископал колодец, над которым позднее была построена часовня, а с 1868 года к нему стал совершаться крестный ход для освящения воды. Однажды во время тяжелой болезни святителя Питирима Господь утешил его дивным видением. Во время молитвы святитель просил не здоровья и продления жизни, но с любовью и надеждой испрашивал оставления грехов и дарования вечной жизни в Царстве Небесном. Он обратился с просьбой ходатайствовать о нем к своему покровителю, которому молился всю жизнь, – святому Прокопию Декаполиту. Во время этой молитвы ему явился преподобный Прокопий и стал молить о нем Господа. По молитве преподобного в облаке явился Спаситель и благословил святителя Питирима. После кончины святителя это явление было запечатлено на иконе, помещенной над его гробницей.

После болезни, во время которой святителю явился Господь и преподобный Прокопий, святитель Питирим прожил еще около трех лет. Но силы не вернулись к нему полностью и он постоянно недомогал, поэтому он не смог закончить многие из своих начинаний, в частности, достроить кафедральный собор. Кончина святого последовала 28 июля 1698 года в возрасте 53 лет. Он был с честью погребен в освященном им Никольском приделе нового кафедрального собора, над могилой его была устроена деревянная резная гробница.

После блаженной кончины святителя Питирима его духовная связь с паствой не прервалась. Сначала память святителя совершалась в Тамбовской епархии местно. От его гробницы совершались исцеления больных. В начале XIX века в тамбовском кафедральном соборе была заведена книга, в которой отмечались чудесные исцеления от гробницы святителя. Эти записи свидетельствуют, что к святителю Питириму с просьбой обращались не только православные, но и иноверцы. Божественные откровения побуждали людей со всех концов России ехать в Тамбов за благодатной помощью, истекавшей от гробницы еще не прославленного святого. В 1914 году, 28 июля,

святитель Питирим был причислен к лику святых Русской Церкви.

Июль 29

Евстафий Мцхетский, мученик

Святой мученик Евстафий происходил из рода персидских жрецов-огнепоклонников и носил до крещения имя Бгробандав. Отец и братья его, служители зороастрийского культа, пытались сделать Бгробандава языческим жрецом, но безуспешно. В царствование грузинского царя Гурама Куропалата (575–600) в возрасте 30-ти лет он переселился из персидской деревни Арбукети (близ города Ганракили) в древнюю столицу Грузии, город Мцхета. Средства к существованию он зарабатывал сапожным ремеслом. Святой Евстафий стал часто посещать мцхетский собор, где христианское богослужение наполняло его душу неизреченным восторгом. Архидиакон Самуил (будущий Католикос-архиепископ Самуил IV; 582–591), заметив духовную расположенность перса-язычника, рассказал ему о христианском вероучении. Уверовав во Христа, Бгробандав принял от архидиакона Самуила оглашение, а через некоторое время, когда Самуил стал католикосом, принял от него крещение с именем Евстафий. Евстафий взял себе жену-христианку и вел жизнь благочестивую, исполненную всяких добродетелей.

Его соплеменники-персы, жившие в Мцхете, не сумев склонить святого Евстафия к возвращению в огнепоклонство, добились того, что персидский глава города отправил его в Тбилиси к Арванд-Губнабу, сатрапу (наместнику) персидского шаха Хозроя Нуширвана. Вместе со святым Евстафием на суд сатрапа были отправлены также другие персы, принявшие христианство: Губнан, Багдад, Панагузнас, Перозав, Зарми и Стофан. Двое из них – Багдад и Панагузнас – под страхом смерти отреклись от Христа.

Святой Евстафий и остальные исповедники с честью вынесли шестимесячное заключение в темнице и по ходатайству католикоса Самуила IV и грузинской знати были освобождены.

Новый сатрап Грузии Бежан-Бузмил (назначенный в Тбилиси через три года) по навету прежних врагов святого

Евстафия приказал привести его, требуя отречения от веры Христовой и возврата к огнепоклонству. Святой Евстафий отвечал с достоинством: «Могу ли оставить Творца всех и кланяться Его творению? Не будет этого никогда! Не солнце, луна и звезды суть боги, но Бог создал солнце для освещения дня, а луну и звезды, чтобы они сияли во тьме ночной... И огонь не есть Божество, ибо огонь производится человеком и человеком же погашается». По приказу сатрапа святой Евстафий был обезглавлен 29 июля 589 года. Перед принятием мученического венца он преклонил колена и вознес молитву, испрашивая у Господа, чтобы его тело после кончины было предано христианскому погребению в городе Мцхете. Страстотерпец услышал глас: «Ничем не будешь умален от прежних мучеников: ни благодатью, ни исцелениями, о своем теле не заботься, но будет так, как ты просишь».

Тело святого Евстафия, брошенное ночью на поле, было перенесено христианами в Мцхет с великой честью и положено католикосом Самуилом IV под престолом мцхетского собора Светицховели. Католикос Самуил IV установил ему память 29 июля/11 августа – в день славной кончины святого мученика.

Роман Киржачский

Преподобный Роман Киржачский – сподвижник и ученик преподобного Сергия, игумена Радонежского (память 25 сентября/8 октября и 5/18 июля). В житии преподобного Сергия сообщается, что после введения в Троицкой обители по благословению святителя Алексия, митрополита Московского (память 12/25 февраля), строгого общежительного устава некоторые из братии стали роптать и выражали недовольство строгостью устава. Преподобный Сергей вынужден был оставить свою обитель и удалился на реку Киржач.

Чувствуя духовное сиротство в разлуке с любимым старцем-игуменом, многие иноки решились уже покинуть и самую обитель Троицкую, в которой теперь все казалось так пусто и бесприютно... И как велика была радость их, когда они узнали, где пребывает их любимый наставник и отец. Они не могли более сносить разлуки, и один по одному стали переселяться на Киржач.

Списатель жития Сергиева повествует, что при помощи Божией успешно была построена церковь и основана новая обитель в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, где преподобный также ввел общежительный устав. Это было в 1371 году.

Через три года, когда тревоги «мирского самоволия» прекратились, преподобный Сергей по благословению святителя Алексия, митрополита Московского, возвратился в Троицкий монастырь. А из своих учеников преподобный Сергей избрал Романа, который был рукоположен тем же святителем Алексием в священный сан и поставлен настоятелем вновь устроенной обители.

Истинный подвижник, сочетавший доброту душевную с требовательностью наставника, святой Роман с большим усердием исполнял заповеди преподобного Сергия – своего духовного отца и учителя – и был образцом подвижнической жизни для всей братии.

29 июля 1392 года он мирно отошел ко Господу. Святые мощи преподобного Романа почивают под спудом в бывшей монастырской Благовещенской церкви (в 1764 году монастырь был упразднен, а храм его обращен в приход города Киржача). Над святыми мощами была устроена резная сень, под которой положено медное надгробие с изображением преподобного Романа на верхней доске, а в возглавии надписаны тропарь и кондак святому. На старинных иконах преподобный Роман написан в лике учеников преподобного Сергия. В рукописных святцах преподобный упоминается в числе святых и назван чудотворцем.

Константин и Косма Косинские, Старорусские, преподобные

Преподобные Константин и Косма Косинские, Старорусские, были основателями Косинского Николаевского монастыря, расположенного недалеко от города Старая Русса в Новгородской епархии. Они приняли монашеский постриг в Хутынской обители и первоначально совершали иноческие подвиги под духовным руководством преподобного Варлаама Хутынского († 1192; память 6/19 ноября) и его преемника преподобного Антония Дымского († 1224; память 17/30 января). По влечению к безмолвной жизни преподобные Константин и Косма около 1220 года ушли из Хутынского монастыря в пределы Старой Руссы и поселились в пустынном месте между реками Полистью и Снежною, образующими косу (отсюда название этого места – Косинское). Через некоторое время около подвижников стали поселяться другие иноки. Со временем возник монастырь, в котором был построен небольшой каменный храм во имя святителя и чудотворца Николая. Преподобный Константин принял игуменство над собравшейся братией.

Как достойные ученики великого наставника преподобного Варлаама Хутынского, преподобные Константин и Косма были примером инокам в исполнении монашеских обетов. После многолетних подвигов преподобный Константин мирно почил 29 июля 1240 года. В древних рукописных святцах он назван чудотворцем.

Преподобный Косма продолжил делание своего сподвижника и после кончины преподобного Константина стал, очевидно, его преемником. Он погребен в одной гробнице с преподобным Константином. Позднее мощи святых основателей обители покоились под папертью нового Николаевского храма, построенного в 1820 году, возможно, на месте деревянного храма.

Июль 30

Герман Соловецкий, преподобный

Преподобный Герман был родом из города Тотьмы Пермской епархии. Благочестивые родители не могли научить его грамоте, но воспитали ум и сердце сына в строгих правилах христианского благочестия. С юных лет, стремясь к богоугождению и спасению, он по достижении зрелого возраста посвятил себя всецело на служение Богу в иноческой жизни. Молва о чрезвычайном удобстве Соловецкого острова для пустынного подвижничества привлекла его на Беломорский берег, и с рыболовами летом, вероятно, 1428 года он посетил место своих будущих подвигов. Хотя Соловецкий остров вполне соответствовал влечениям его души и представлялся ему совершенно удобным для глубокого безмолвия, однако же он не решился остаться там на жительство один. По окончании лета прп. Герман возвратился с рыболовами на Поморский берег и, поселившись на реке Выге при часовне, подвизался в молитве и посте.

Полюбив Соловецкий остров, преподобный Герман сделался со временем проводником и сожителем первым обитателям его – преподобным Савватию († 1435; память 27 сентября/10 октября) и Зосиме († 1478; память 17/30 апреля). Удалившись из Валаамского монастыря и отыскивая более уединенное место, инок Савватий, объятый огнем Божественной любви и смиренномудрия, устремился к Белому морю с непреодолимым желанием достигнуть Соловецкого острова. На реке Выге он встретился с преподобным Германом, от которого еще более услышал об удобстве Соловецкого острова для пустынножительства. Заготовив ладью, съестные припасы и орудия для возделывания земли, около 1429 года оба подвижника переселились на пустынный Соловецкий остров. Под Секирной горой, на расстоянии одной версты от берега, они устроили келлию, где совершали спасительный подвиг пустынножительства. Здесь они были утешены особенным знамением, предвещавшим будущее предназначение острова, а именно: Господь благословил Соловецкий остров для

уединенной монашеской жизни. Поэтому миряне не могли на нем долго оставаться. Но один рыбак дерзнул поселиться там с женой. Однажды в раннее воскресное утро преподобный Савватий услышал плач и стоны. И когда преподобный Герман пошел к месту, откуда они слышались, то увидел женщину в слезах, которая и рассказала ему, что два светлых юноши били ее, повелевая оставить остров, определенный по воле Божией для жительства иноков. После этого рыбак с женою отплыл с острова.

В суровом подвиге преподобные Герман и Савватий провели около шести лет. В 1435 году преподобный Герман уехал на Онегу за припасами, а преподобный Савватий отошел ко Господу. Но случилось это не на острове, а на реке Выге, куда преподобный Савватий приплыл в предчувствии кончины для причащения Св. Таин. Однако в скором времени Господь привел к преподобному Герману другого пустынника – юного отшельника Зосиму, который соорудил келлию на берегу пресноводного озера, в полуверсте от келлии преподобного Германа. С этого времени преподобный Герман сделался постоянным обитателем острова, участником молитвенных подвигов преподобного Зосимы и ревностным помощником его в основании монастыря. Будучи человеком некнижным, но убежденный в том, что жизнь великих подвижников весьма назидательна, прп. Герман впоследствии велел записать клирикам для памяти все, что он видел при жизни преподобного Савватия, о пришествии своем с ним на остров и о разных событиях из жизни блаженных отцов. Таких записок оставалось немало, ими воспользовался при составлении жития преподобных Зосимы и Савватия ученик преподобного Германа Досифей. Также преподобный завещал ученикам собирать в обитель книги.

Более пятидесяти лет провел преподобный Герман на суровом, холодном острове, проводя жизнь в непрестанной Иисусовой молитве и трудах, стараясь, как можно более, быть полезным для обители. Но по нуждам монастыря часто путешествовал на твердую землю. Святая любовь не взидала ни на опасности плаванья по обманчивому морю, ни на другие

неудобства пути, нелегкие особенно для старости. И самая смерть застигла его на службе обители. В 1479 году при игумене Арсении, преемнике св. Зосимы, преподобный Герман был послан в Новгород по делам монастыря, в обители св. Антония Римлянина почувствовал близость кончины и после исповеди и причащения Св. Таин мирно предал дух свой Богу. Соловецкие иноки хотели перевезти тело святого старца в родную обитель. Честные мощи святого были обретены нетленными и с честью положены с правой стороны алтаря в монастырском храме во имя святителя и чудотворца Николая, рядом с мощами преподобного Савватия. Впоследствии над местом погребения преподобного Германа была устроена часовня, а в 1860 году в обители был освящен каменный храм его имени.

Около 1602 года преподобный Герман явился пресвитеру Григорию, служившему в городе Тотьме, и повелел ему написать его образ вместе с преподобными Зосимой и Савватием и составить ему тропарь. Пресвитер Григорий исполнил повеление святого. Все с верою приходившие к иконе преподобного Германа получали исцеления от недугов.

Празднование преподобному по благословению патриарха Московского и всея Руси Иоакима (1674–1690) и архиепископа Холмогорского Афанасия совершается с 1692 года 30 июля/12 августа.

Сохранилось рукописное житие святого, составленное около 1627 года иноком Соловецкой обители. К житию приложено описание чудес, совершившихся от иконы преподобного Германа в Тотьме

Июль 31

Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский, священномученик

Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский (в миру Василий) родился в 1873 году на Нименском погосте Андреевской волости Каргопольского уезда, ныне Архангельской области, в семье священника Павла и Марии Казанских. Родители воспитывали сына в благочестии и христианских добродетелях. Полюбив чтение житий святых, отрок восхищался их духовными подвигами, сожалея о том, что в современном ему мире он лишен возможности пострадать за веру православную.

Интерес Василия Казанского к душеполезным книгам и усердие в изучении церковной грамоты предопределили выбор жизненного пути: после окончания Петрозаводской духовной семинарии юноша поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. Студентом активно участвовал в деятельности «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви», организуя беседы среди рабочих. В 1895 году он принял монашеский постриг с именем Вениамин и был рукоположен во иеродиакона, а в следующем году – во иеромонаха. По окончании академии в 1897 году со степенью кандидата богословия иеромонах Вениамин был назначен преподавателем Священного Писания в Рижскую духовную семинарию. С 1898 года он – инспектор Холмской, а спустя год – Санкт-Петербургской семинарий.

Священник по призванию, архимандрит Вениамин вскоре был возведен на более высокую ступень пастырского служения: 24 января 1910 года в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры он был рукоположен во епископа Гдовского, Петербургского викария. Среди совершавших чин наречения были митрополиты Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский; † 1912) и Московский Владимир (Богоявленский; † 1918; прославлен в лике святых в 1992 году), архиепископ Ярославский (впоследствии Святейший Патриарх) Тихон

(Бела́вин; † 1925; прославлен в лике святых в 1989 году) и другие иерархи.

Святительский сан владыка Вениамин воспринял как обязанность пастырского подвига и апостольской проповеди. Его часто видели в самых отдаленных и бедных кварталах столицы, куда он спешил по первому зову, словно приходской священник, в простой рясе, без внешних отличий епископского сана, и где крестил ребенка или напутствовал умирающего. Немало труда приложил он к спасению падших женщин, выступая с проповедями в «Обществе Пресвятой Богородицы». Воздействие его наставлений было столь велико, что многие заблудшие раскаялись в греховной жизни.

Он всегда находил путь к сердцам простых людей, за что был искренне любим паствой, называвшей его «наш батюшка Вениамин». Евангельская простота святителя, отзывчивость, сердечность, доступность в сочетании с открытым лицом, тихим, проникновенным голосом и все освещавшей улыбкой, располагали к нему даже иноверцев.

События 1917 года вызвали перемены в жизни Церкви: после Февральской революции правящие архиереи стали избираться на епархиальных съездах клира и мирян. Если в некоторых епархиях это вызвало распри и нестроения, то выборы в Петрограде прошли на редкость спокойно – подавляющее большинство голосов было отдано викарному епископу Вениамину. С 6 марта он – архиепископ Петроградский и Ладужский, а 13 августа, накануне открытия Священного Собора Российской Церкви, назначен митрополитом Петроградским и Гдовским.

Сразу же после избрания на Петроградскую кафедру святитель заявил: «Я стою за свободную Церковь. Она должна быть чужда политики, ибо в прошлом она много от нее пострадала. И теперь накладывать новые путы на Церковь было бы большой ошибкой. Самая главная задача сейчас – это устроить и наладить нашу приходскую жизнь».

В то смутное время трудно было найти человека столь далекого от политики, как митрополит Вениамин. Приступив к осуществлению своей программы, он все силы направил на

защиту православного народа России от жесточайших гонений, воздвигнутых на него врагами истины Христовой. По сути они начались в январе 1918 года после издания декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», который на деле воспринимался властью на местах как сигнал к повсеместному уничтожению главным образом Русской Православной Церкви и ее служителей, к грабежу церковного имущества. По всей стране прокатилась волна закрытия и разрушения храмов и монастырей, осквернения и уничтожения святых икон и мощей, массовых арестов, пыток, ссылок и казней епископов, священников, монахов и монахинь, мирян, лишения Церкви и ее служителей материальных средств к существованию.

Насилие над Церковью не прекратилось и после окончания гражданской войны. Небывалая разруха и голод, охватившие страну в 1921 году, послужили поводом для новых гонений на Церковь, которые проводились под лозунгом «похода пролетариата на церковные ценности». Их изъятие в Петрограде началось в марте 1922 года. Митрополит Вениамин ни минуты не колебался в решении этого вопроса. Являя пример высокой христианской любви, он благословил передачу церковных ценностей, не имеющих богослужебного употребления, на нужды бедствующих, рассматривая это решение как исполнение своего пастырского долга. «Мы все отдадим сами», – говорил святитель.

Однако к голосу владыки Вениамина власти не посчитали нужным прислушаться. Они объявили, что ценности будут изъяты в формальном порядке как «принадлежащее государству» имущество. В городе, в некоторых церквях, уже началась их конфискация. Изъятие ценностей сопровождалось волнениями народа, но серьезных беспорядков, острых столкновений и арестов пока еще не было. Чувствовалось приближение расправы. Ее ускорило опубликованное 24 марта 1922 года в «Петроградской правде» письмо двенадцати лиц – организаторов обновленческого раскола. Они обвиняли все верное Святейшему Патриарху Тихону духовенство в сопротивлении изъятию церковных ценностей и в участии в

контрреволюционном заговоре против советской власти. 29 мая 1922 года последовал арест митрополита Вениамина, а 10 июня того же года началось слушание дела, к которому было привлечено еще 86 человек.

Святитель Вениамин на процессе был, как и всегда, простым, спокойным, благостным, убеждающим в невинности других людей. Перед лицом ожидавшей его смерти он, обращаясь к трибуналу, произнес: «Я не знаю, что вы мне объявите в вашем приговоре, жизнь или смерть, но что бы вы в нем не провозгласили, я с одинаковым благоговением обращаю свои очи горе, возложу на себя крестное знамение (святитель при этом широко перекрестился) и скажу: «Слава Тебе, Господи Боже, за все»".

5 июля 1922 года трибунал объявил приговор, а в ночь с 12 на 13 августа того же года митрополит Вениамин и вместе с ним архимандрит Сергей (Шеин), миряне Юрий Новицкий и Иван Ковшаров были расстреляны на окраине Петрограда.

На братском кладбище Александро-Невской лавры воздвигнут крест над символической могилой новомучеников Российских.

Священномученик архимандрит Сергей (в миру Василий Павлович Шеин) родился в 1866 году в деревне Колпна Новосельского уезда Тульской губернии. В 1893 году окончил училище правоведения. Был членом IV Государственной думы, входил в состав секретариата Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Был заместителем председателя правления «Общества объединенных петроградских православных приходов».

Мученик Юрий (Юрий Петрович Новицкий) родился в 1882 в г. Умани Киевской губернии. Окончил 1-ю гимназию и Киевский университет. С 1914 года – доцент, затем – профессор кафедры уголовного права Петроградского университета. Был председателем правления «Общества объединенных петроградских православных приходов».

Мученик Иоанн (Иван Михайлович Ковшаров) был родом из Одессы, юрист по образованию, бывший присяжный поверенный. Был юрисконсульт лавры в Петрограде.

Память священномучеников митрополита Вениамина, архимандрита Сергия, мучеников Юрия и Иоанна празднуется 31 июля/13 августа и в день Собора новомучеников и исповедников Российских.

Август 2

Василий, блаженный Каменский

Блаженный Василий Каменский жил в XV веке, был иноком Спасо-Каменного монастыря, находившегося на острове Кубенского озера (недалеко от Вологды). При раке его мощей, устроенной впоследствии в церкви в честь святого Василия Блаженного, Московского находились икона святого Василия Каменского во весь рост, тяжелые железные вериги и шапка из железных полос. В 1774 году, когда во время пожара сгорело все, что могло гореть, бывшая тогда над мощами угодника еще деревянная рака и образ на ней остались неприкосновенными, хотя вся гробовая палатка его наполнена была дымом и пламенем. Память блаженного Василия совершается 2/15 августа, в день его тезоименитства.

Василий, блаженный, Христа ради юродивый, Московский чудотворец

Премудрость смиренного, – говорит Иисус, сын Сирахов, – вознесет главу его и посреде вельмож посадит его. Премудрость его поведят языцы, и хвалу его исповесть церковь (Сир. 11, 1; 39, 13) Черты сии премудрого ясно раскрываются в жизни смиренного раба Божия Василия Блаженного, Московского чудотворца; его богомудрое юродство вознесло главу его и посадило его с князьями людей своих; многие восхвалили разум его, и имя его в память вечную будет; хвалу его от лет древних поведает Святая Церковь, убажая его как единого от людей Божиих.

Блаженный Василий родился в декабре 1468 года, по преданию, на паперти подмосковного Елоховского храма в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы. Родители его Иаков и Анна были из простых, и когда отрок вырос, его отдали в обучение сапожному ремеслу. Во время учения блаженного его мастеру пришлось быть свидетелем одного удивительного случая, когда он понял, что ученик его необыкновенный человек. Один купец привез на баржах в Москву хлеб и зашел в мастерскую заказать сапоги, прося сделать их такими, чтобы не сносить их за год. Блаженный Василий прослезился: «Сошьем тебе такие, что и не износишь их». На недоуменный вопрос мастера ученик объяснил, что заказчик даже не обует новые сапоги, так как вскоре умрет. Через несколько дней пророчество сбылось.

В 16-летнем возрасте блаженный Василий бежал из дома родительского, но не в безмолвную пустыню, где бы мог удобнее восходить благоговейным помыслом в горняя, но удалился (что могло бы казаться странным) в многолюдный град Москву, где, по слову псаломскому, не оскудевают беззакония, неправда, лихва и лесь. Преподобный показал своим примером, что не место спасает человека или полагает преграды его спасению, но благочестивый человек освящает

всякое место, ибо он жил во граде как в пустыне и в народе пребывал как бы в обители кающихся.

Избрав необыкновенным местом для своего подвижничества многолюдный град, блаженный избрал и необыкновенный путь ко граду Небесному – юродство Христа ради. В продолжение всей своей подвижнической жизни он всегда имел пред своими глазами страшный день воздаяния Господня и не носил никакого одеяния, но пожелал быть всегда нагим, как бы уже предстоящим нелицемерному судилищу Сына Божия. Ни зимою, ни летом, никогда не имел он у себя крова, ни даже какого-либо малого вертепа, то есть пещеры, но страдал от мороза и от палящего зноя. Как первозданный Адам прежде своего преступления, наг ходил он и не стыдился, свыше украшенный душевной красотой, не радея о своем теле и вменяя нестерпимый мороз как бы в некую теплоту, ибо тело праведника, согреваемое благодатью Божией, сильнее было и стужи, и огня.

Странны были поступки блаженного: то опрокинет лоток с калачами, то прольет кувшин с квасом. Рассерженные торговцы били блаженного, а он с радостью принимал побои и благодарил за них Бога. Затем обнаруживалось, что калачи были испечены из муки с вредными примесями, а квас был негодным. Таким образом, в действиях блаженного открывался особый поучительный смысл. Почитание блаженного Василия быстро росло: в нем признали юродивого, человека Божия, обличителя неправды.

Один купец задумал построить на Покровке в Москве каменную церковь, но трижды своды ее обрушивались. Купец обратился за советом к блаженному, а он направил его в Киев: «Найди там убогого Иоанна, он даст тебе совет, как достроить церковь». Приехав в Киев, купец разыскал Иоанна, который сидел в бедной хате и качал пустую люльку. «Кого ты качаешь?» – спросил купец. «Родную матушку, плачу (то есть воздаю) неоплатный долг за рождение и воспитание». Тогда только вспомнил купец свою мать, которую выгнал из дома, и ему стало ясно, почему он никак не может достроить церковь. Вернувшись в Москву, он возвратил мать домой, принес

покаяние в содеянном поступке, испросил у нее прощение. После этого он благополучно завершил возведение храма.

Постоянно истомляя плоть необычайным воздержанием и подвигами, превышавшими силы человеческие, сохранял блаженный Василий душу свободной от страстей, обитая посреди народа и молвы житейской, как бы на одиноком столпе, и безмолвствуя, как бы совершенно безгласный, чтобы утаить от людей свою добродетель. Духовное его обращение к Богу выражалось и в самом теле святого, ибо глава его всегда была поднята к небу и очи устремлены горе; посему и Господь прославил еще на земле угодника Своего чудными знамениями и даром прозрения будущего.

Когда ночью тайно ходил преподобный по святым церквам на молитву, ему, как доброму молитвеннику, церковные врата сами собою отверзались. Летописец повествует о чудном видении, которое открыл Бог блаженному Василию в 1521 году пред грозным нашествием Махмет-Гирея. Пришел он однажды ночью к соборной церкви Богоматери и долго стоял пред святыми вратами, уныло на них взирая и тайную совершая со слезами молитву к Богу. И тогда слышали некоторые близ него стоявшие шум великий внутри церкви и видели в ней страшное пламя, которое исходило из всех ее окон, так что вся церковь казалась огненной, и по времени утихло пламя. И в другой раз, повествует летописец, человеколюбивый Бог, не хотящий конечной гибели нашей, но да престанем от злобы и да не уповаем на мимотекущее богатство, попустил быть страшному пожару 21 июня 1543 года, и опять было о том заблаговременно откровение блаженному Василию.

После сих пожаров, в полдень 8 июля, пришел блаженный в монастырь Воздвижения Честного Креста, стал пред дверьми церкви, которая в то время были деревянные, и, взирая на них, плакал неутешно. Дивился мимо ходивший народ, не понимая причины его плача, и только узнали впоследствии, когда на другой день возгорелся страшный пожар и пламя из церкви распространилось на соседние улицы. Выгорела Неглинная, Большой Посад и весь Великий торг и самый двор Царский с Митрополичьим – все сие исполнилось в мгновение ока: не

только деревянные храмы, но и каменные распадались и железо растоплялось, как олово.

Сколько ни старался утаить своим юродством высоту своей добродетели блаженный Василий, не мог, однако, укрыться, по слову евангельскому, град, стоящий верху горы. Случилось однажды блаженному Василию в день тезоименитства царского быть приглашенным в палаты. Принял он в руку заздравную чашу и до трех раз выливал ее из окна, возбудив тем негодование царя, который подумал, что им пренебрегает блаженный. Но св. Василий дерзновенно сказал державному: «Престань от гнева твоего, о царь, и ведай, что изливанием сего пития угасил я пламя, которым объят был весь Новгород, и престало запаление». Сказав сие, устремился вон из палат царских; погнавшиеся за ним не могли его настигнуть, ибо, когда прибежал к Москве-реке, прямым путем пошел он по водам и сделался невидим. Ужаснулся царь, видевший это из своего терема. Хотя и почитал он Василия за святого мужа, но, однако, усомнился в том, что возвещал он о пожаре Великого Новгорода, и, заметив день и час, послал туда гонца. Тогда лишь обнаружилась истина. Горожане свидетельствовали посланному, что во время всеобщего запаления города внезапно явился нагой человек с водоносом, который заливал пламя, и оно потухло. Это был самый тот день и час, когда преподобный бежал с пира царского. Тогда еще большим уважением исполнился царь к блаженному Василию. Спустя несколько времени случились в Москве люди новгородские, они узнали святого Василия, что это был тот самый, который потушил запаление города. Весь народ прославил Господа, дивного во святых Своих.

Пришло на мысль царю соорудить себе дом на Воробьевых горах, и приступил он к строению. Пришедши однажды в день праздничный в церковь, помышлял царь о том, как бы довершить ему благолепно здание. Пришел в тот же храм и святой Василий и, утаившись от лица царского, встал в углу, взирая на царя и внутренним оком наблюдая, что совершается в мыслях его. После Божественной службы вошел царь в свои палаты и вслед за ним блаженный Василий. Державный стал

вопрошать его: «Где ты был во время литургии?» Блаженный отвечал ему: «Там же, где и ты». И когда царь говорил, что не видел его, блаженный опять возразил: «Я же видел тебя и даже там, где ты истинно был, в храме или в ином месте». «Нигде не был я, как только в храме», – сказал царь. «Нет, – обличил блаженный тайную его мысль, – я видел тебя мысленно ходящим по Воробьевым горам и строящим дворец свой. И так ты не был во храме Господнем, а Василий там был, ибо после пения «Всякое ныне житейское отложим попечение» со святыми Херувимами поклонялся он Богу, ни о чем земном не помышляя. Стоять же в храме и помышлять житейское значит не быть в нем». Умилился царь и сказал: «Так истинно было со мною» – и еще более стал бояться блаженного как обличителя тайных его мыслей.

«Истинное свидетельство и от враг приносится», – поет Святая Церковь, восхваляя блаженного Василия. Действительно, и самые враги Христовы поведали чудодейственную силу Божию видимым предстательством о них блаженного. Случилось кораблю персидскому, в котором было много народа, плыть по Каспийскому морю. Поднялся сильный шторм и волны начали заливать корабль, кормчий не правил кораблем, ибо утратил путь посреди бурной стихии – уже не было больше надежды на спасение. Вместе с персами находились на корабле несколько православных христиан, вспомнили они в час опасности блаженного Василия и сказали плывшим с ними неверным: «Бысть у нас на Руси в Москве блаженный Василий, который ходит по водам, и волны его слушают: он имеет великое дерзновение ко Христу Богу нашему и силен избавить от потопления корабль наш, погружаемый волнами, и спасти нас». Едва произнесли слово сие, увидели обнаженного мужа, стоящего на водах, который, взяв корабль их за руль, направил через бурные волны. Вскоре утихли волны и престал ветер, и все спаслись от предстоящей гибели. Возвратившиеся в свою землю персы рассказали своему правителю о бывшем чуде. Шах написал об этом царю Иоанну Грозному, и когда некоторые из спасенных персов прибыли в Москву по торговым делам, то встретили на улицах города

блаженного Василия и в нем узнали того самого мужа, который избавил их от потопления.

Один из вельмож московских любил блаженного Василия, и сам Василий нередко посещал его. Однажды, когда юродивый пришел к нему в лютый мороз, боярин стал умолять его, чтобы по крайней мере в такое суровое время прикрыл наготу свою. «Истинно ли желаешь сего?» «Истинно желаю, – отвечал боярин, – чтобы ты облекся в мои одежды, ибо люблю тебя от всего сердца». Улыбнулся блаженный и сказал: «Добро, господин мой, делай как хочешь, ибо и я тебя люблю». Обрадовался боярин и вынес ему собственную лисью шубу, покрытую красным сукном, и Василий, облекшись ею, пошел по улицам и площадям города. Лукавые люди, увидев издали святого в столь необычайной одежде, умыслили коварно испросить у него шубу. Один из них лег на дороге и представился как бы мертвым, другие же, когда приблизился к ним юродивый, пали пред ним на землю и просили подать им что-либо для погребения лжеумершего. Вздохнул блаженный Василий из глубины сердца о их окаянстве и спросил: «Истинно ли мертв их товарищ и давно ли скончался?» Они отвечали, что в сию только минуту, и блаженный, сняв с себя шубу, покрыл мнимо усопшего, говоря: «Писано во псалмах: лукавнующие потребятся». Когда праведник отошел, обманщики обнаружили, что их товарищ действительно мертв.

Проповедуя милосердие, блаженный помогал прежде всего тем, кто стыдился просить милостыню, а между тем нуждался в помощи более других. Был случай, что он отдал богатые царские подарки купцу-иностранцу, который остался безо всего, и, хотя три дня уже ничего не ел, не мог обратиться за помощью, так как носил хорошую одежду.

Сурово осуждал блаженный Василий тех, кто подавал милостыню с корыстными целями, не из сострадания к бедности и несчастью, а надеясь легким путем привлечь благословение Божие на свои дела. Однажды блаженный увидел беса, который принял облик нищего. Он сидел у Пречистенских ворот и всем, кто подавал милостыню, оказывал немедленную помощь в делах. Человек Божий разгадал лукавую выдумку и прогнал

беса. Ради спасения ближних блаженный Василий посещал и корчмы, где старался даже в самых опустившихся людях увидеть зерно добра, подкрепить их лаской, ободрить. Пришел как-то он в корчемницу, хозяин которой был зол сердцем и с бранью подносил вино, часто повторяя имя демонское. Блаженный Василий стал в дверях и, скорбя духом, смотрел на приходивших пить. Вслед за ним вошел человек, трясущийся телом от многого пьянства, и стал просить корчемника скорее дать ему за деньги вина, но тот от нетерпенья в порыве злобы крикнул на него: «Лукавый не возьмет тебя, пьяницу, мешающего мне подносить лучшим тебя». Услышав такое слово, оградил себя крестным знамением пришедший, принимая из рук его вино, а блаженный Василий, как бы юродствуя, громко засмеялся и рукоплескал ему, говоря: «Хорошо сделал ты, человек, так и всегда делай, чтобы спастись от невидимого врага». Бывшие в корчемнице спрашивали о причине смеха, и разумно отвечал им Христа ради юродивый: «Когда корчемник призвал имя лукавого, то с его словом он вошел в сосуд; когда же хотевший пить вино оградил себя крестным знамением, вышел из сосуда демон и бежал из корчмы. Я же засмеялся от великой радости и хвалю помнящих Христа Спаса нашего и осеняющих себя во всех делах своих крестным знамением, которым отражается вся сила вражия».

Проходил по торжищу Христа ради юродивый, где сидели женщины, продававшие свое рукоделие. Посмеялись они наготу его и все ослепли. Одна из них, будучи разумнее других, как только почувствовала, что лишается зрения, воспользовавшись остатком света, устремилась вслед за блаженным Василием, умоляя его остановиться. Со слезами припала она к ногам его, раскаиваясь в своем согрешении, и блаженный добродушно сказал ей: «Прозришь, если исправишься». Он дунул ей на глаза, и она прозрела. Исцеленная умолила его возвратиться к ее подругам, сидевшим на торжище в слепоте своей, человек Божий снисходительно исполнил ее желание и всем им возвратил зрение.

Многие замечали, что когда святой проходил мимо дома, в котором совершалось молебное пение, или читали Божественное Писание, или беседовали о Боге, он собирал камни и с улыбкой метал их в углы сего дома. Когда же спрашивали люди, которые привыкли вопрошать о странных его действиях, для чего бросает камни, он отвечал: «Отгоняю бесов, которым нет места в таком доме, исполненном святости, чтобы и вне его не прилеплялись, и мысленно благодарю владыку дома, что не дает им у себя места». Если же проходил мимо такого дома, где пили вино, или пели бесстыдные песни, или плясали, то со слезами обнимал углы дома и на вопросы мимо ходивших отвечал: «Неподобающее христианам творится в этом доме. Спаситель повелел нам непрестанно молиться, да не внидем в напасть, а не суетными делами утешаться; сказано в Евангелии: *Горе вам, смеющимся ныне, яко возрыдаете и восплачете* (Лк. 6, 24). Дом сей изгоняет от себя блюстителей своих – Ангелов святых, приставленных нам от купели, ибо не терпят они таких непотребных деяний. И поскольку не обретаются им места, сидят они на углах, скорбные и унылые, и я со слезами упрашивал их молить Господа об обращении грешников». Внимая такой разумной беседе юродивого, умилялся народ и благодарил Бога за столь чудного советника.

Несмотря на лишения и невзгоды, испытанные при жизни, блаженный Василий достиг глубокой старости. Когда же, по Божьему усмотрению, настало время земному обратиться в землю, предсмертная болезнь объяла праведника, и в первый раз возлег он на одре. Услышав о его близком преставлении, царь Иоанн с супругой своей Анастасией и детьми Иоанном и Феодором пришли принять его благословение. Блаженный уже при последнем издыхании пророчески сказал царевичу Феодору: «Все прародителей твоих твоим будет и будешь им наследник». В это время необычайная радость осияла лицо блаженного Василия, ибо созерцал он пришествие к нему Ангелов Божиих, в руки которых предал праведную свою душу, а от тела святого распространилось чудное благовоние. Скончался святой 2 августа 1557 года в возрасте 88 лет, 72 из которых провел в подвиге юродства. Почти весь город собрался

на погребение великого угодника Божия. Умилительное было зрелище: сам царь и князья несли тело его в церковь, а митрополит Московский Макарий (память 30 декабря/12 января) с сонмом духовенства совершил погребение святого. Тело его было положено у Троицкого храма, что на Рву, где в 1554 году был построен Покровский собор в память покорения Казани. Прославлен блаженный Василий Поместным церковным Собором 2 августа 1588 года по благословению Святейшего Патриарха Иова (память 5/18 апреля и 19 июня/2 июля). В Покровском соборе был устроен придел во имя святого Василия Блаженного. Еще до прославления ему была написана служба соловецким старцем Мисаилом.

Много различных исцелений и чудес происходило у гроба блаженного Василия. Многие из них засвидетельствованы современниками. Православные москвичи с особенной духовной теплотой почитают память Василия Блаженного.

В описании облика блаженного Василия имеются подробности: «Наг весь и в руке посошок». Почитание его было столь сильным, что Покровский собор и пристроенный к нему придел и доньше именуются храмом Василия Блаженного.

Вериги святого Василия Блаженного хранятся в Московской духовной академии.

Август 3

Антоний римлянин Новгородский чудотворец, преподобный

Преподобный Антоний родился в 1067 году в Риме в семье знатных и состоятельных горожан, державшихся православного исповедания. С детства он был воспитан родителями в христианском благочестии и преданности Святой Церкви. В юности преподобный Антоний вследствие постоянных прений о вере и стремления римских пап обратить православных в латинство изучил богословие Восточной Церкви и творения святых отцов. Лишившись родителей, святой Антоний решил принять монашество и покинуть Рим. Ему было 17 лет. Раздав одну часть богатого наследства нищим, а другую вложив в бочку и бросив в море, он всецело предал себя воле Божией и отправился в странствие по обителям, где подвизались православные монахи. В одном пустынном скиту он принял монашеский постриг и прожил там двадцать лет. Он отличался «воздержанием и любомудрием и смирения высокими нравы». Покаяв плоть свою духу «терпением и постом и частыми молитвами», очищая «слезами душевное око», просвещая «ум бесстрастием», украшая «Божественным смирением», он достиг высокой святости.

Гонение на православных со стороны латинян вынудило брата покинуть скит. Святой Антоний скитался, переходя с места на место, пока не нашел на пустынном берегу моря большой камень, на котором целый год прожил в посте и молитве. Страшная буря, разыгравшаяся 5 сентября 1105 года, отторгла от берега камень, на котором стоял святой подвижник, и понесла далеко в пучину морскую. Пребывая в глубокой молитве, преподобный Антоний не испугался, но всецело предал себя Богу.

Камень чудесным образом понесло по водам; переплыв море, он вошел в устье реки и в канун праздника Рождества Пресвятой Богородицы остановился на берегу реки Волхова близ села Волховского, в трех верстах от Новгорода. Событие это засвидетельствовано в Новгородских летописях.

Утром преподобного Антония с удивлением обнаружили окрестные жители. Они с изумлением смотрели на чудного пришельца, который не смел сойти со своего камня, ставшего домом его и твердыней, испытанной среди бурь. Не зная русского языка, святой Антоний на все вопросы отвечал поклонами. Три дня святой молился на камне и просил Бога открыть ему, в какой стране он находится. Затем он отправился в Новгород, где по Промыслу Божию встретил человека из иноземных купцов, который знал латинский, греческий и русский языки. От него преподобный Антоний узнал, в какой стране он находится. С удивлением слушал он, что пред ним Великий Новгород и Святая София, что камень его не на водах Тибра, а на Волхове, который отстоит на полугодишный путь от древнего Рима, ему же трехдневным казалось сие таинственное странствие на пучинах. Вместе они вошли в собор, где священнодействовал святитель Никита, и душа пришельца, гонимого на своей родине за веру предков, исполнилась несказанной радостью при виде благолепия службы православной, столь убогой на оставленном им Западе. Побывав в храме, святой Антоний вернулся на свой камень. Окрестные жители стали приходить к нему за благословением. У них преподобный научился русскому языку.

Через некоторое время преподобный Антоний отправился в Новгород к святителю Новгородскому Никите († 1108; память 31 января/13 февраля, 30 апреля/13 мая и 14/27 мая), которому рассказал о своем чудесном прибытии. Святитель Никита хотел оставить преподобного при кафедре, но святой Антоний испросил у него благословения жить на том месте, где определил ему Господь. Через некоторое время святитель Никита сам побывал у преподобного Антония, который продолжал жить на камне. Осмотрев место, святитель благословил преподобного основать здесь монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Он получил у посадников место и освятил построенный вначале деревянный храм.

На следующий год рыбаки ловили рыбу недалеко от новой обители, но неудачно. По слову преподобного они забросили невод еще раз и поймали много рыбы, а также вытащили бочку,

брошенную преподобным Антонием в море на родине. Святой узнал свою бочку, но рыбаки не хотели отдать ее ему. Преподобный предложил им отправиться к судьям и рассказал, что в бочке находятся преимущественно священные сосуды и иконы (очевидно, из домово́й церкви его родителей). Получив бочку, преподобный Антоний на имевшиеся в ней деньги купил у новгородских посадников землю вокруг монастыря, село и рыбные ловли.

С годами обитель преподобного благоустраивалась и благоукрашалась. Вместо деревянных храмов были воздвигнуты каменные. В 1117 году был заложен каменный храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы, который освятил епископ Новгородский Иоанн (1110–1130) в 1119 году. Не позднее 1125 года этот храм был расписан. В это же время была построена каменная трапезная, при которой позднее соорудили храм в честь Сретения Господня.

В 1131 году преподобный Антоний по желанию братии обители был поставлен игуменом монастыря. Шестнадцать лет он управлял обителью, наставляя братию в благочестии и богоугодном житии. Перед кончиной он назначил преемником своего ученика преподобного священноинока Андрея. Преподобный Антоний мирно почил 3 августа 1147 года и был погребен епископом Новгородским Нифонтом (1130–1156) в монастырском храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

В 1597 году при Всероссийском Патриархе Иове (1589–1607) и Новгородском митрополите Варлааме (1592–1601), в первую пятницу после дня памяти святых первоверховных апостолов Петра и Павла (29 июня), были обретены святы́е мощи преподобного Антония. Обретению мощей предшествовали чудесные исцеления по молитвам преподобного. Так, например, у гробницы святого исцелился от смертельной болезни игумен обители Кирилл (1580–1594). В благодарность он построил над камнем подвижника часовню. Некий бесноватый свечник по имени Феодор пришел в монастырь и молился у камня преподобного, на котором в то время уже был написан образ святого. Ему явился преподобный Антоний и сказал, что он исцелится от беса, когда приложится к

камню. Так и случилось. Исцелялись от болезни также иноки обители, когда они обращались к молитвенной помощи преподобного.

Однажды благочестивому иноку Антониевой обители Нифонту было видение, в котором открылась воля Божия о прославлении преподобного Антония. По ходатайству Нифонта и бывшего игумена обители Кирилла, ставшего к тому времени архимандритом Троице-Сергиева монастыря, Святейший Патриарх Иов повелел переложить мощи преподобного Антония в новую гробницу и поставить их в храме для всеобщего поклонения. Перед открытием святых мощей митрополит Новгородский Варлаам и братия обители установили строгий пост и сугубые молитвы преподобному. Преподобный Антоний явился митрополиту Варлааму и благословил исполнить повеление патриарха. 1 июля 1597 года, когда разобрали гробницу над могилой, то увидели честные мощи преподобного, «яко жива лежаща». Благоуханием наполнился весь монастырь. Святые мощи были положены в новую гробницу рядом с местом прежнего погребения. От святых мощей происходили чудесные исцеления больных. В том же году преподобный Антоний был прославлен в лике святых.

Ученик и преемник преподобного Антония игумен Андрей составил житие преподобного Антония, которое в 1598 году было дополнено упоминавшимся иноком Нифонтом. Инок Нифонт составил также сказание об обретении мощей святого и похвальное слово ему. В 1168 году был напечатан первый акафист преподобному, составленный бывшим настоятелем Антониева монастыря архимандритом Макарием.

Со времени обретения святых мощей преподобного Антония в его обители в первую пятницу после Петрова дня (в 1597 году этот день пришелся на 1 июля) совершалось особое торжество. Из Новгородского Софийского собора в обитель совершался крестный ход. Множество народа стекалось со всей Новгородской епархии. 17 января, в день тезоименитства преподобного, в обители совершалось местное празднование в честь святого Антония.

Богослужебные сосуды, обретенные в бочке, были увезены в Москву Иоанном Грозным и хранились в ризнице Московского Успенского собора. Сохранились духовная и купчая грамоты преподобного Антония, издававшиеся неоднократно. По-прежнему в Рождественском соборе Антониева монастыря в Новгороде хранится камень, на котором преподобный Антоний чудесно приплыл из Рима.

Ражден, святой мученик

Мученик Ражден, перс, поклонник Зороастровой религии, происходил из знатной семьи. Он был наследником персидской принцессы Балендухты (дочери персидского царя Ормизда), вышедшей замуж за благочестивого грузинского царя Вахтанга Великого (446–499). Вместе с ней Ражден переселился в Грузию. Из уважения к его высокому происхождению царь осыпал воспитанника жены милостями и сделал своим советником. Простого и добродушного иноземца вскоре полюбили все придворные и народ. Когда он узнал христианство и принял крещение, то стал часто беседовать с архиепископом Михаилом и посещать храмы. Сердце святого загорелось невыразимой любовью ко Христу. Он старался постичь премудрость Божию, много беседовал с пастырями Церкви и с жадностью слушал рассказы и поучения о подвигах христианских мучеников. Желание соединиться со Христом неодолимо влекло его принять страдания за Спасителя.

Кровопролитная война между Персией и Грецией отразилась и на Православной Грузии. Новый персидский царь Фируз (с 456 г.) потребовал от Грузии расторгнуть союз с единоверной Грецией. Получив отказ, он двинул войска против Грузии, и началась жестокая война. По словам летописца, женщины были предаваемы бесстыдному поруганию, а мужчины – страшным пыткам и мучениям. Несмотря на это, христиане оставались твердыми в вере и, надеясь на помощь Божию, давали отпор врагам. В это время святой Ражден принял начальство над войском в столице и в близлежащих крепостях. Четыре месяца он вел упорную борьбу с врагами христианства и отгонял их от столицы. Персы решили отомстить, захватив ревностного предводителя живым. Однажды во время вылазки грузинского отряда из крепости Армаза святой Ражден был вероломно предан тем, кто завидовал его высокому положению. Пленника немедленно доставили прямо к царю Ферузу. Уведомленный обо всем, царь спросил святого Раждена о его происхождении и причине отступления от прежней веры и

народа. Мученик отвечал на это: «Действительно так, царь, что я некогда оставил свое отечество и его богов, которые служат человеку и созданы для украшения вселенной, но я теперь служу Единому, Истинному и Живому Богу, Который сотворил небо и землю и все сущее, Который Один имеет бессмертие и пребывает во Свете Непреступном, Которого никто никогда не видел и не увидит. Это Единый Истинный Бог, Которого познал я в Трех Лицах и во Едином Существом. Но одно из Лиц Святой Троицы, Слово и Сын Отца, в конце веков для спасения нашего снизошло на землю, воплотилось от Святой Девы Марии, жило на земле, страдало, было пригвождено ко кресту, умерло, в третий день по смерти воскресло, а в сороковой вознеслось на небо и сидит одесную Отца. В конце мира Этот же Сын Божий, Иисус Христос, опять придет на землю со славою, чтобы судить живых и мертвых, и тогда праведные просветятся подобно солнцу, нечестивые же и непослушные Ему примут вечное мучение вместе с диаволом».

Зная мужество святого, царь Феруз решил заставить его поклониться солнцу и огню не пытками, а льстивыми обещаниями. «Да будет тебе известно, царь, – ответил мученик, – что я не отвергну Господа моего Иисуса Христа, Который создал меня, я не поклонюсь богам твоим. Обещанные мне сокровища и слава да будут с тобою, они мне не нужны и не потребны, и я из-за них не оставлю Бога моего, Который призвал меня к Свету Сына Своего, и не променяю вечную, обещанную нам Христом жизнь на жизнь временную и скоропреходящую. Поэтому сколько ни обещай и ни советуй мне, ты не вынудишь у меня отречения от Христа и Бога моего; предлагаемые тобою сокровища и честь я отвергаю и не послушаю тебя более, чем Господа моего». Когда мученика схватили, чтобы начать пытки, он снова обратился к царю: «Ты говоришь, что предашь меня искушениям, и думаешь, что пытки страшнее вечных мучений, знай, что для меня Христос и смерть – приобретение». Огнепоклонники начали страшные истязания, а потом заточили мученика в тюрьму. Через некоторое время царь Феруз по совету некоторых грузинских предателей-вельмож отправил святого Раждена в Мцхет, где жила его

семья. Царь спокойно отпустил его, зная, что мученик исполнит данное им слово вернуться к персам. Семья умоляла его пощадить себя и близких, но святой Ражден твердо отвечал: «Никто не отвратит меня от любви ко Господу моему Иисусу Христу». Он вернулся к персам, и царь Феруз отправил его к правителю Верхней Карталинии, проживавшему в местечке Цроми. Снова начались бессмысленные уговоры и жестокие пытки. Изувеченного мученика бросили в смрадную темницу. Ночью ему явился Сам Спаситель и исцелил все раны. Пораженные персы тогда решили, что настало время исполнить приказ царя – распять мученика на кресте.

«Радуйся, Животворящее Древо, которым умерщвлен был древний змий и к которому пригвождены были и мои грехи, – воскликнул мученик, увидев орудие смертной казни. – И я через тебя взойду ко Господу моему Иисусу Христу, Который будет мне помощью и даст силу до конца испытать приготовленную мне чашу. Ибо я свидетельствовал истину пред врагами Его и, подобно Ему, буду пригвожден на тебе». Святого мученика раздели и пригвоздили ко кресту среди четырех преступников, распятых рядом. Желая увеличить его страдания, персы выпросили у правителя стрелков. Пронзенный ядовитыми стрелами, подобно мученику Севастиану, святой Ражден скончался на кресте в 457 году. Вся земля под ним была омочена святой кровью. На небе явилось знамение: солнце скрылось и началось долгое затмение, а ночью поднялась страшная буря, так что ничего нельзя было видеть даже рядом. Лишь тело мученика таинственно сияло небесным светом. От содеянного преступления стражей объял ужас и они разбежались по палаткам. Христиане, скрывавшиеся неподалеку, тотчас же сняли мученика с креста и с честью погребли вблизи этого места, где он был распят.

Место погребения святого долго оставалось неизвестным, пока мученик сам не велел погребавшему его священнику открыть это Вахтангу Великому. С большим торжеством мощи мученика Раждена были перенесены в Никозийский храм (близ города Цхинвали).

Имя Раждена означает «светило веры». Первомученик Церкви Грузинской своей кончиной, сопровождавшейся явлением Спасителя и небесными знамениями, дает твердое упование на всеобщее воскресение во втором пришествии Господа Иисуса Христа.

Август 5

Феоктист святитель, епископ Черниговский

Святитель Феоктист, епископ Черниговский, по вступлении на кафедру подвизался в Киево-Печерском монастыре. Он был в числе великих старцев, исцеливших молитвой преподобного Никиту, впоследствии святителя Новгородского (сведения о нем под 31 января/13 февраля). В 1103 году святой Феоктист был поставлен игуменом Киево-Печерского монастыря. В 1108 году он построил на средства благоверного князя Глеба Всеславича каменную трапезную. Именно святой Феоктист настоял, чтобы имя преподобного Феодосия (память 3/16 мая) было внесено в синодики святых по всей Руси. В 1110 году, 11 февраля, при нем было небесное знамение в Печерском монастыре: явившийся огненный столп от земли до неба и молния осветили всю землю, в 1 час ночи прогремел гром; огненный столп стоял над каменной трапезой так, что не было видно креста; затем перешел на церковь и стал над гробом преподобного Феодосия, а потом, повернувшись к востоку, стал невидим. «Это же был не огненный столп, но лик ангельский, – писал преподобный Нестор Летописец, – ибо Ангел так является: когда столпом огненным, когда пламенем, как сказал пророк Давид, творяй Ангелы своя духи и слуги своя огонь палящ» (Пс. 103, 4). В 1113 году он был посвящен во епископа Черниговского. Преподобный священномученик Кукша (память 27 августа/9 сентября) просвещал в это время вятичей, относившихся к Черниговской епархии. 2 мая 1115 года святитель участвовал в перенесении мощей благоверных князей Бориса и Глеба в Вышгороде, а позднее в Чернигове освятил близ кафедрального собора церковь во имя благоверных князей Бориса и Глеба, воздвигнутую в 1120 году князем Давидом Черниговским. Благоверным князьям-страстотерпцам святитель посвятил Слово в день их памяти. 6 августа 1123 года, в праздник Преображения, святитель Феоктист скончался. Память его совершается 5/18 августа. В одном из списков святых сказано, что он был погребен в Печерском монастыре. К памяти святителя Феоктиста верующие обращаются и 28 сентября,

когда он упоминается в 9-й песни канона Собора преподобных отцов Ближних пещер.

Иов Ущельский, преподобный

Преподобный Иов Ущельский был иноком Соловецкого монастыря (отца его звали Патрикием Мазовским). 10 ноября 1608 года он был посвящен в сан иеромонаха Новгородским митрополитом Исидором. В 1614 году преподобный Иов отправился в Мезенский край, где при впадении в реку Мезень рек Езег и Важка поставил часовню в честь Рождества Христова. Первые собравшиеся к нему иноки жили в домах своих родственников-мирян, настолько бедна была обитель. После пожалования царем Михаилом Феодоровичем (1613–1645) земли с рыбными ловлями преподобный устроил церковь и братские келлии. 5 августа 1628 года, когда все братия были на сенокосе, на монастырь напали разбойники. После страшных истязаний с требованием открыть монастырские сокровища разбойники обезглавили преподобного Иова. Ничего не найдя, они ушли. Возвратившиеся братия с честью погребли тело преподобномученика. Местное почитание преподобного как угодника Божия началось вскоре после его кончины ввиду многочисленных чудес (в XVII в. их известно до 50-ти). Первая икона была написана в 1658 году, а житие – в 1660-х гг. Около того времени была построена над мощами преподобного часовня, перестроенная затем по благословению архиепископа Холмогорского Афанасия в церковь в честь тезоименитого святого – праведного Иова Многострадального (память 6/19 мая; в этот же день Церковь установила и память преподобного Иова Ущельского). 3 ноября 1739 года мощи преподобного Иова были освидетельствованы архиепископом Варсонофием, очевидно, им же благословлено петь молебны святому. Так совершилось его прославление. Лик преподобного описывается так: «Подобием надсед, брада аки Александра Свирского, ризы преподобническия, в схиме, в руках свиток, а в нем написано: «Не убойтесь от убивающих тело, души же не могущих убить»".

Август 7

Меркурий, епископ Смоленский, преподобный

Преподобный Меркурий, епископ Смоленский, был иноком Киево-Печерского монастыря. Время его хиротонии неизвестно. На Смоленской кафедре, вероятно, был преемником епископа Лазаря, так как он испытал со своей паствой ужасы Батыева нашествия. В описании Киево-Печерской лавры говорится о нем: «Святой Меркурий, епископ Смоленский, убит Батыем в 1247 году». После блаженной кончины святого мощи чудесным образом приплыли по Днепру к Киеву. Ныне они почивают в Киево-Печерской лавре в Антониевых (Ближних) пещерах.

Пимен блаженный, Печерский

Приступая к повествованию о блаженном Пимене, остановим наше внимание на его великом мужестве в страданиях и отсюда научимся, что болезни должно переносить терпеливо и что сила Божия в немощах совершается.

Блаженный Пимен родился на свет больным, больным он и вырос. Но сия телесная болезнь не дала в нем места болезни духовной: он был чист от пороков и соблюл девство от утробы матери. Неоднократно просил он своих родителей, чтобы они позволили ему удалиться в монастырь для пострижения в иноческий образ, но из сильной любви к нему они не соглашались на эти просьбы, желая иметь его наследником по своей смерти. Однажды по действию Божественного Промысла, устрояющего все к лучшему, блаженный Пимен особенно сильно заболел, так что даже не надеялся и на выздоровление. Повинуясь необходимости, родители принесли его тогда в Печерский монастырь и просили живших в нем преподобных отцов помолиться об избавлении их сына от болезни. Но усердные молитвы иноков не принесли исцеление болящему, ибо молитва самого блаженного была сильнее молитвы их всех. Он не просил себе здоровья у Господа, но, напротив, молил о продолжении болезни, зная, что если будет здоров, то родители возьмут его из монастыря и лишится он осуществления заветного желания. Так как отец и мать были здесь и не давали возможности сыну принять пострижение, то блаженный впал в великую печаль и прилежно начал молиться Богу, чтобы Он исполнил его желание какими Сам ведает путями. И вот в одну ночь, когда родители его и рабы были погружены в глубокий сон, вошли к нему светлые Ангелы, одни из которых были в образе прекрасных юношей, другие – как игумен и братия. Они несли в руках святое Евангелие, свечи, власяницу, мантию, куколь и все остальное, нужное при пострижении. «Желаешь ли, чтобы мы постригли тебя?» – спросили они преподобного. Он с радостью отвечал: «Ей, хочу! Бог послал вас; молю, исполните желание моего сердца». Они тотчас же начали творить вопросы,

совершая сполна все, что положено в уставе иноческого пострижения. Так они постригли его в великий ангельский образ, облекли в мантию и куколь, нарекши Пименом. Вручив же ему по обычаю свечу горящую, сказали: «Сорок дней и ночей не угаснет свеча эта». Вместе с тем они предсказали ему всегдашнее страдание от телесных болезней, заметив при этом, что получение здоровья будет знамением наступления смерти. И целовав новопостриженного, они удалились в церковь, где положили на гроб преподобного Феодосия († 1074; память 3/16 мая и 14/27 августа) волосы его, завернув их в полотно.

Иноки, находившиеся в ближних келлиях, слыша пение, разбудили прочих, полагая, что или игумен с некоторыми из братии постригает болящего, или он преставился. Все вместе они отправились в келлию, где лежал преподобный. Но придя, нашли всех спящими, отец, мать и слуги также спали. Между тем иноки заметили, что келлия полна благоухания, а болящий полон радости и веселия и облечен в иноческую одежду. «От кого, брате, принял ты пострижение? И что за пение мы слышали здесь, которого, однако, не слышали твои родители?» – спросили они, обращаясь к преподобному. «Я так понимаю, – отвечал он, – что меня постриг, нарекши Пименом, игумен, пришедший сюда с братией; они-то и пели, как вы слышали; они же мне дали и эту свечу, которую вы видите, сказав, что она будет непрерывно гореть в течение сорока дней и ночей. Власы же мои положив в убрус (полотно), они удалились с ними в церковь».

Услышав это, иноки тотчас поспешили в церковь, но она оказалась запертой. Разбудив пономарей и дознавшись у них, что в церковь после вечерней молитвы никто не входил, так как и самые ключи от нее не у них, а у ектlesiарха, иноки отправились к нему. Но и ектlesiарх никому не давал ключей и сам ни с кем не входил в церковь. Тогда, взяв ключи, они все вместе пошли в храм, где на гробе преподобного Феодосия действительно нашли лежащие в убрусе волосы. После этого о всем известили игумена. Игумен же чрезвычайно удивился и старательно доискивался, кто бы мог постричь преподобного Пимена, но все розыски были напрасны. Тогда для всех стало

очевидно, что пострижение по повелению Божию совершили святые Ангелы. Долго рассуждали игумен и братия: вменять ли чудесное пострижение как обычное, совершенное по уставу. Но так как имелись ясные доказательства действительности совершенного над ним: власы, чудесно перенесенные на гроб преподобного Феодосия, и свеча, для которой было довольно суток, чтобы сгореть, а она не угасала в течение сорока дней и ночей, – взирая на все это, игумен с братией признали излишним творить на преподобном свое пострижение, но только сказали: «Довольно, брат Пимен, тебе: ты от Самого Бога получил иноческий образ и нареченное имя».

Случилось как-то, что один больной, страдавший таким же недугом, как и преподобный Пимен, принесен был в Печерский монастырь и пострижен. Иноки, на которых лежала обязанность служить больным, внесли его к блаженному Пимену, чтобы служить обоим вместе и равномерно. Но, небрежно относясь к своим обязанностям, они часто забывали о них, так что больные по временам изнемогали от жажды. Тогда блаженный Пимен сказал лежавшему с ним больному: «Так как прислуживающие нам гнушаются нами по причине смрада, исходящего от нас, то захотел ли бы ты, брат мой, нести их обязанности, если бы тебя восставил Господь?» Больной обещался преподобному с усердием служить до самой смерти. Блаженный Пимен сказал на это: «Вот Господь отнимает болезнь твою от тебя и, сделавшись здоровым, исполни обещание твое, служа мне и подобным мне. На нерадивых же о таковом служении Господь наведет болезнь лютую, чтобы они, наказанные так, получили спасение». Больной тотчас поднялся совершенно здоровым и начал служить преподобному Пимену, а прежние его прислужники, гнушавшиеся своего дела – служения больным, были объаты недугом, по слову блаженного. Исцелившийся от недуга брат служил усердно, но, побыв немного в таковом деле, и он уклонился от Пимена вследствие мерзкой его болезни и оставил его без хлеба и воды. Уйдя, он поселился в другой келлии. И вот внезапно, как огнем, охватил его сильный жар, и, не имея сил подняться, он три дня мучился от жажды и наконец стал кричать: «Ради Бога сжальтесь надо мною, ведь я умираю».

от жажды!» Услыхав его, иноки, находившиеся в ближайшей келлии, пришли к нему и, увидев его болезнь, сообщили о ней преподобному Пимену: «Брат, служивший тебе, умирает». «Что сеет человек, – отвечал преподобный, – то и пожнет: он бросил меня голодного и жаждущего, и сам потерпел то же, солгав Богу и презрев мое недостойнство. Но мы научены не воздавать за зло злом, поэтому идите и скажите ему: тебя зовет Пимен, встань и иди к нему».

Когда заболевшему передали это, он тотчас сделался здоров и, вставши без всякой помощи, пришел к преподобному. Блаженный Пимен долго увещевал его, говоря: «МалOVER, вот ты здоров; смотри, опять не согрешай! Разве ты не знаешь, что равную награду будут иметь как болящий, так и служащий ему. Терпение униженных не останется бесплодно: испытывающие здесь кратковременную скорбь и тяготу будут испытывать радость и веселие там, где нет ни болезней, ни печалей, ни воздыханий, но жизнь бесконечная. Ради этого я и терплю все. Бог, через меня избавивший тебя от твоего недуга, может и меня восставить от этого одра и исцелить мою немощь, но я сам не хочу, ибо *претерпевый до конца спасен будет* (Мф. 10, 22), – сказал Господь. Лучше в этой жизни я сгнию весь, чтобы в будущей тело мое было нетленно; лучше здесь переносить смрад, чтобы там наслаждаться неизреченным благоуханием. Величественно, брат мой, церковное служение в светлом, чистом и святом месте, где богоугодно и сладостно с невидимыми ангельскими силами возносить молитвы к Богу, почему церковь и называется земным небом, а стоящие в ней почитаются за стоящих на небе. Эта же темная и смрадная келлия не прежде ли суда суд? Не прежде ли бесконечной муки мука? Но терпящий все это с благодарением может с правом сказать: *Терпя потерпех Господа, и внят ми* (Пс. 39, 2); утешая подобных страдальцев, апостол говорит: *Аще наказание терпите, якоже сыновом обретается вам Бог. Аще без наказания есте, убо прелюбодейчици есте, а не сынове* (Евр. 12, 7–8), и Сам Господь увещевает нас, брат мой, говоря: *В терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19)».

Наставленный таковым увещанием блаженного, брат был глубоко тронут и с тех пор неотступно служил святому Пимену.

Доблестный же страдалец и достойный подражатель праведного Иова, воссылая непрестанные благодарения Богу, лежал одержимый страданиями своими в продолжении двадцати лет. Но вот приспел час и время преставления преподобного. Во святом Печерском монастыре явилось знамение. Ночью над трапезной показались вдруг три огненные столпа, которые потом перешли на верх церкви. Бог весть, о чем говорило сие дивное знамение! Но истинно то, что Бог, в Троице прославляемый, *творяй Ангелы Своя духи и слуги Своя пламень огненный* (Пс. 103, 4), уже прислал Ангелов Своих за душой многоболезненного Пимена. В тот день преподобный внезапно почувствовал себя здоровым и узнал час исхода своего, как предсказали ему постригавшие его. Восставши от одра своего, преподобный Пимен обошел все келлии, поклонился всем и смиренно простился с братией. Болящим же братьям сказал: «Друзья мои и братья! Встаньте и проводите меня». И тотчас, по слову его, болезни их исчезли и, сделавшись здоровыми, они пошли со своим благодетелем. Преподобный Пимен, войдя в церковь, причастился Божественных Таин и после этого, взявши погребальный одр, без постороннего указания пути понес его к пещере, в которой никогда не был и которую не видел от рождения своего. Войдя в пещеру, он поклонился гробу преподобного Антония († 1073; память 10/23 июля и 28 сентября/11 октября) и указал место, где желал быть положенным.

Здесь, в пещере, преподобный Пимен сопровождавшей его братии поведал чудную тайну, указывая на гробы некоторых из братьев, лежащих вблизи: «Вы положили в этом гробу двух братьев, одного без схимы, а другого в схиме. Первого инока, положенного без схимы, вы найдете в схиме. Он при жизни неоднократно хотел принять ее, но все откладывал, дела же являл достойные этого образа, поэтому Господь даровал ему схиму по смерти. Другого же брата, положенного в схиме, найдете без нее; он не хотел схимы во время жизни, не показал и дел, достойных ее, а говорил только: «Когда увидите, что я

покидаю этот мир, тогда постригите меня в схиму». Не помнил он слов, сказавшего: *Не мертвии восхвалят Тя, Господи, ниже вси низходящии во ад, но мы, живии, благословим Господа* (Пс. 113, 25–26). Поэтому и отнята у него схима и дана показавшему дела, достойные ее: *Имущему бо (добрые дела) дано будет и преизбудет; от неимущаго же (добрых дел), и еже мнится имея, взято будет* (Мф. 25, 29). Третий брат, – продолжал преподобный, – много лет положен здесь и весь истлел, но схима его осталась нетленной: она блюдетсЯ для его осуждения и обличения в день Страшного Суда. Ибо он совершал дела недостойные этого образа: всю жизнь провел в лености и грехах, не помня слов Господа: *Емуже дано будет много, много взыщется от него* (Лк. 12, 48). Пострижение в схиму не приносит никакой пользы тем, которые не совершают добрых дел, избавляющих от вечных мук».

Преподобный на время замолчал и потом, обратившись к братии, торжественно сказал: «Вот, братия, пришли постригавшие меня для принятия моей души» – и вслед за этими словами возлег на одр и успе о Господе. С великой честью братия возложили его на показанном месте в пещере.

После кончины преподобного братия убедились в прозорливости его слов. Откопавши гробы, о которых рассказал преподобный, они нашли соответственно его словам трех черноризцев: погребенный в схиме из двух, недавно умерших, оказался лишенным ее, а на другого, не имевшего ее, она была возложена. Третьего же брата, уже давно умершего, нашли всего истлевшего, одна только схима его была цела. И долго дивились неизреченному суду Божию, воздающему каждому по делам его.

Небесное знамение, явившееся в виде трех огненных столпов в день преставления преподобного Пимена, описано в летописи под 11 февраля 1110 года, когда игуменом Киево-Печерского монастыря был святой Феоктист, впоследствии епископ Черниговский († 6 августа 1123 г., память 5/18 августа). И день кончины преподобного Пимена поэтому предполагается 11 февраля 1110 года, совпавшие с небесным знамением.

Мощи преподобного Пимена почивают в Антониевой пещере.

Вторично память святого празднуется 28 сентября/11 декабря с Собором преподобных Ближних пещер.

Пимен постник, преподобный

Преподобный Пимен, подвизавшийся в Дальних пещерах Киево-Печерского монастыря, прославился подвигами постничества. Он имел ту благодать, что один раз в седмицу вкушал пищу, и то в малом количестве, и, непрестанно исполняя монастырское послушание, никогда не ослабевал от труда и поста. Днем он молол муку в жерновах, носил на себе дрова для братии, а ночью подвизался в молитвах. Внешнее пощение было соответственным воздержанию внутреннему от неугодных Богу поступков, мыслей и чувств. Преподобный Пимен был игуменом Киево-Печерского монастыря с 1132 по 1141 гг.

Память преподобного Пимена совершается трижды в году: 8/21 мая, 7/20 августа и 28 августа/10 сентября в Соборе Киево-Печерских святых, в Дальних пещерах почивающих.

Август 8

Григорий, иконописец Печерский, преподобный

Преподобный Григорий, иконописец Печерский, был сопостник преподобного Алипия Печерского (память 17/30 августа). В «Сказании о святых иконописцах» говорится, что он написал много чудотворных икон, находящихся в Русской земле. В 9-й песни канона службы Собору Киево-Печерских преподобных, почивающих в Ближних пещерах (память 28 сентября/11 октября), преподобный Григорий называется Византийским – возможно, он был в числе иконописцев, прибывших из Константинополя в Киев для украшения Великой церкви монастыря в честь Успения Пресвятой Богородицы.

Зосима и Савватий преподобные Соловецкие

Преподобные Савватий и Герман отплыли на необитаемые Соловецкие острова в 1429 году. Прожив в уединении шесть лет, преподобный Герман вернулся на побережье для пополнения насущных припасов, а преподобный Савватий продолжил свой подвиг в одиночестве.

Предвидя приближение кончины, преподобный Савватий в поисках священника уплыл с острова на побережье. Там, у реки Выг, в местности, называемой Сорока, он встретил обходившего этот край игумена Нафанаила. Исповедавшись, получив причастие Святых Христовых Таин, преподобный Савватий мирно отошел ко Господу 27 сентября 1435 года. Игуменом Нафанаилом и купцом Иоанном преподобный Савватий был погребен при часовне на реке Выг.

Годом позже уроженец Обонежья, молодой инок Палеостровского монастыря Зосима после знакомства с иноком Германом, спутником преподобного Савватия, отправился с ним для уединенного жительства на Соловецкие острова. По прибытии, в первую же ночь, преподобный Зосима был удостоен пророческого видения, вдохновившего двух иноков на основание Соловецкой обители.

По прошествии нескольких лет преподобный Зосима, вызванный архиепископом в Новгород, был рукоположен в священник и удостоен возведения в сан игумена. В обители не забыли первоначальника этих мест преподобного Савватия. По совету старцев Кирилло-Белозерского монастыря перенести мощи преподобного Савватия (что соответствовало желанию братии Соловецкой обители) преподобный Зосима перевез святые мощи преподобного на место последних его подвигов. Здесь, за алтарем новопостроенного храма в честь Успения Пресвятой Богородицы, они были положены в землю, где покоились до 1566 года.

Преподобный Зосима преставился к Богу, достигнув маститой старости, 17 апреля 1478 года. Братия погребли своего игумена за алтарем Преображенского храма.

Через несколько десятилетий церковный Собор при митрополите Московском Макарии 26 февраля 1547 года определил совершать всецерковную память Соловецким преподобным каждому в день его кончины: Савватию – 27 сентября/10 октября, Зосиме – 17/30 апреля.

Известны сведения, согласно которым первое обретение мощей преподобных отцов было 2 сентября 1545 года. Вероятно, это связано с подготовкой к канонизации этих подвижников на Соборе 1547 года.

Прославленный игумен Соловецкого монастыря священномученик Филипп (Колычев; † 1569), ставший настоятелем в 1548 году, много потрудился во славу обители. Святым игуменом Филиппом был обнаружен чудотворный образ Богородицы Одигитрии, принесенный на остров преподобным Савватием, а также его каменный крест. Эти святые реликвии были установлены у мощей преподобных: икона – у гробницы святого Савватия, а крест – в часовне святого Германа. Было также пополнено житие преподобных описанием чудес, совершившихся при их гробницах.

Торжество перенесения мощей преподобных Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев, состоялось на третий день праздника Преображения, после освящения Преображенского собора 8 августа 1566 года. Подготовлено и вдохновлено оно было святителем Филиппом, будущим митрополитом Московским († 1569; память 9/22 января, 3/16 июля и 5/18 октября). Мощи преподобных Зосимы и Савватия были перенесены в придел Преображенского собора, устроенный в их честь.

Русский народ свято чтит память Соловецких чудотворцев; они особо почитаются как покровители пчеловодства. Во многих местностях России к дню памяти преподобного Зосимы «Пчельника» (17/30 апреля) приурочивалась выставка пчел. В день памяти преподобного Савватия (27 сентября/10 октября) обычно завершается уборка пчел в омшанник на зимовку.

Август 9

Макарий Оредежский, Новгородский, преподобный

Преподобный Макарий Оредежский был учеником преподобного Александра Свирского († 30 августа 1533 г.). Он совершал подвиги спасения на реке Оредеже у Ладожского озера, где основал монастырь. Блаженная кончина его последовала в 1532 году.

Август 10

Лаврентий Калужский, блаженный

Имя блаженного Лаврентия начинает древний семейный синодик (помянник) боярского рода Хитровых, находившийся в Перемышльском Лютиковом монастыре Калужской епархии. Это, как и другие косвенные свидетельства, говорят о том, что блаженный Лаврентий происходил из старинного рода.

В 1505 году Калуга, находившаяся в 190 км к юго-западу от Москвы, стала самостоятельным княжеством, завещанным Иоанном III (1462–1505) как удел своему сыну Симеону (1505–1518).

Князь Симеон предстает как добрый, заботливый правитель, удостоившийся благодетельствовать святому человеку и в свою очередь получить от него чудесную помощь себе и всему городу. Калужская летопись отмечает: «В 1512 г. напали на город агаряны (крымские татары); против них вышел князь (Симеон) с гражданами, а праведный Лаврентий, бывший в его доме, внезапно крикнул громким голосом: «Дайте мне острый топор, псы напали на князя Симеона, надобно оборонить его от псов»; и, схватив (топор), ушел. И когда князь Симеон бился с насада (судна) на Оке, а агаряны во множестве обступили князя, внезапно оказался на насаде праведный Лаврентий, укрепляя его и все войско словами: «Не бойтесь!» В тот же час князь победил агарян и прогнал их; а праведный Лаврентий опять явился в дому княжеском и, юродствуя, шумел: «Оборонил князя от псов». Князь, возвратясь с сражения, рассказал, как явился праведник и его помощью побеждены враги, напавшие на Калугу.

С топором, насаженным на длинное топориче, изображается святой Лаврентий и на древних иконах. Ходил зимой и летом босой, в рубашке и овчинном кожухе. В доме у князя он жил только некоторое время, а больше – там, где впоследствии был основан монастырь его имени. Здесь в полуверсте от города (ныне – Городище на левом берегу р. Яченки), на вершине горы, покрытой густым лесом, стоял уединенный храм Рождества Христова; вблизи храма была

хижина блаженного Лаврентия. Ночью выходил он из нее на паперть храма и совершал молитвы, а для слушания богослужения был прокопан у него от хижины в земле ход, и праведный Лаврентий ходил к церкви, утаивая от людей свои молитвы. Подвигами самоотречения он столь возвысился в духе, что еще при жизни прославился чудом защиты Калуги. В рукописных святцах сказано: «Святой праведный Лаврентий, иже Христа ради юродивый, чудотворец, преставился в лето 7023 (1515), месяца августа в 10-й день». На месте его подвигов, вероятно, князем Симеоном устроен монастырь. Мощи праведного Лаврентия почивали под спудом у левого клироса. В 1565 году Иоанн Грозный в жалованной грамоте монастырю писал: «Монастырь Рождества Христова, где лежит Лаврентий, Христа ради юродивый». Из этого видно, что в XVI веке уже чтили память праведного Лаврентия.

Описание посмертных чудес праведного Лаврентия известно по списку, составленному в обители при игумене Карионе (игумен-настоятель с 1697 г., архимандрит с 1708 г.; † 1722).

Первое из чудес относится к 1621 году. Это исцеление параличного боярина Льва Андреевича Кологривова. Он не владел ни руками, ни ногами, ни языком. Его принесли и положили близ гроба святого Лаврентия. Во время пения молебна, когда читали Евангелие, расслабленный проговорил, поднял правую руку и стал полагать ею на себе крестное знамение; потом встал, подошел к гробнице и приложился к ней. По окончании молебна он уже свободно говорил, стал совершенно здоров, как прежде.

По молитвам блаженного Лаврентия Калужского исцелялись бесноватые и излечивались глазные болезни. Многочисленны были исцеления и от других недугов, именовавшихся в то время одним общим названием – лихорадка.

Калужский чудотворец был помощником и в ратном деле. Святой, защищавший Калугу при жизни, и после блаженной кончины посылал обильно помощь русскому воинству и избавлял государство от врагов, приходивших покорить Калугу и находивших здесь гибель.

Во время наполеоновского нашествия заступление блаженного Лаврентия за родную землю проявилось особенно ярко. Калужские места стали «пределом наступления и началом отступления и гибели врага», как написано на Малоярославецком памятнике в честь боя 12 октября 1812 года.

Когда после сражения под Малоярославцем 12 октября 1812 года началось отступление неприятеля, то калужане увидели в этом милосердие Божие, заступление Божией Матери в чудотворном Ее Калужском образе и помощь святого покровителя города – блаженного Лаврентия. Святейший Синод указом от 17 июня 1813 года удовлетворил просьбу граждан об оставлении образа блаженного Лаврентия в соборе и постановил совершать с ним ежегодно крестный ход вокруг Калуги в память чудесного заступления 12 октября 1812 года.

Известно, что во время Отечественной войны 1812 года было собрано Калужское ополчение – 150 тысяч человек. Епископ Калужский Евлампий (Введенский) после молебна привел всех к присяге и сказал им слово, проникнутое глубокой надеждой на помощь Божию. Окропив ополченцев святой водой, он вручил начальнику ополчения генерал-лейтенанту Шепелеву знамя-хоругвь, на которой с одной стороны был образ Калужской Богоматери, а с другой – святого праведного Лаврентия. Ополчение, в которое входили и местные семинаристы, прошло под этой хоругвью всю войну, и после победного возвращения войск из заграничного похода она была помещена в калужском кафедральном соборе в 1814 году.

Кроме дня преставления блаженного Лаврентия, память святого чтилась еще и 8 июля, вероятно, в память о первом в Калуге чудесном исцелении, которое получил боярин Л. А. Кологривов в 1621 году.

Август 11

Феодор, князь Острожский. Преподобный

Преподобный Феодор, князь Острожский, стяжал славу устроением храмов и защитой Православия на Волыни от насилий папизма. Он происходил от рода святого равноапостольного князя Владимира (память 15/28 июля) через правнука Святополка Михаила, князя туровского (1080–1093), великого князя киевского († 1113). Первый раз имя преподобного князя Феодора упоминается под 1386 годом, когда польский король Ягелло и литовский князь Витовт утвердили за ним наследственное владение – Острожский округ – и увеличили Заславским и Корецким округами. В 1410 году преподобный князь Феодор участвовал в разгроме рыцарей католического ордена под Грюнвальдом. В 1422 году святой князь из-за сочувствия православным в Чехии поддержал гуситов в борьбе с германским императором Сигизмундом. (В русское военное искусство введен был святым князем особый прием – гуситский строй, так называемые таборы, усвоенный украинским казачеством). В 1432 году, одержав ряд побед над польскими войсками, святой Феодор вынудил князя Ягелло оградить законом свободу Православия на Волыни. Князь Свидригайло, опасавшийся усиления своего союзника, в 1435 году заключил преподобного Феодора в темницу, но народ, любивший святого, поднял мятеж и он был освобожден. Преподобный Феодор примирился с обидчиком и явился ему на помощь в борьбе с литовско-польской партией. В 1438 году святой князь участвовал в битве с татарами; в 1440 году, по вступлении на польский престол Казимира, младшего сына князя Ягелло, святой Феодор получил на правах наместничества города Владимир, Дубно, Острог и стал обладателем обширнейших имений в лучших областях Подолии и Волыни. Все это вместе с княжеской силой и славой преподобный Феодор оставил, поступив после 1441 года в Киево-Печерскую обитель, где, приняв монашество с именем Феодосий, подвизался для спасения своей души до самого преставления к Богу. Год преставления преподобного Феодора

неизвестен, но не подлежит сомнению, что он скончался во второй половине XV века в глубокой старости. Погребен преподобный в Дальних пещерах преподобного Феодосия (память Собора преподобных отцов Дальних пещер 28 августа/10 сентября). Прославление, очевидно, было в конце XVI века, так как в 1638 году иеромонах Афанасий Кальпофийский свидетельствовал, что «преподобный Феодор открыто почивает в Феодосиевой пещере в целом теле».

Феодор и Василий Печерские, преподобные

Преподобный Феодор в мирском житии своем владел богатым имением. Слыша же в Евангелии изречение Господне: *Всяк от вас, иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик (Лк. 14, 33)*, он последовал словам этим. Оставив все мирское и раздав богатство нищим, он сделался черноризцем в монастыре Печерском и с великим усердием подвизался в добродетели. По благословению игумена он поселился в варяжской пещере, соседней с пещерами преподобного Феодосия, где и прожил много лет, соблюдая строгое воздержание. Во время пребывания преподобного Феодора в этой пещере, диавол поселил в нем печаль и сожаление о розданном нищим имении, приводя ему на ум преклонность лет, слабость здоровья и скудость монастырской пищи. Блаженный Феодор не понял, что подобные мысли есть диавольское искушение. Забывая слова Господа: *Не печытесь душою вашею, что ясте или пиете: воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их (Мф. 6, 25–26)* и видя нищету свою, стал приходить в отчаяние, сделался мрачен и об этой скорби своей поведал друзьям.

Среди черноризцев Печерского монастыря был некто Василий, один из наиболее добродетельных по жизни. Сей инок достиг высокой степени совершенства. Желая утешить Феодора и избавить его от отчаяния, он сказал ему: «Молю тебя, брат Феодор, не губи награды своей, но если ты сожалеешь об имении, розданном нищим, то я постараюсь возвратить его тебе в том же количестве, только скажи пред Господом, чтобы твоя милостыня вменилась мне, и тотчас избавишься от скорби и снова приобретешь через меня свое имение. Впрочем, смотри, попустит ли это Господь: в Константинополе также некто сожалел о золоте розданном нищим и вменил пред Богом милостыню другому, взяв с него деньги, равные розданным; когда сказал, что не он сотворил милостыню, но она есть дело другого, то тотчас упал среди церкви и умер, потерял таким

образом золото и жизнь». Выслушав это, блаженный Феодор образумился и начал оплакивать свое падение, ублажая брата, исцелившего его от столь опасной душевной болезни. О таких людях сказал Господь: *Аще изведеши честное от недостойнаго, яко уста Моя будеши* (Иер. 15, 19). С этого времени между Феодором и Василием еще более усилилась любовь друг к другу. С тех пор прп. Феодор неустанно преуспевал в заповедях Божиих, стараясь совершать все необходимое для праведной, богоугодной, святой и непорочной жизни. Дьявол же жестоко уязвлен был тем, что не мог окончательно прельстить прп. Феодора сребролюбием. Поэтому он опять вооружился на преподобного, строя новые козни, чтобы возбудить в нем страсть любостяжания.

Однажды игумен послал преподобного Василия из монастыря на некоторое послушание, исполнение которого заняло у него три месяца. Считая это время удобным для своих козней, дьявол, приняв образ Василия, пришел в пещеру преподобного Феодора как будто для душеспасительной беседы. «Как ты, – говорил он, – преуспеваешь в добродетельной жизни? Прекратилась ли у тебя борьба с искушениями бесовскими или все еще продолжается, возбуждая в тебе любостяжание через воспоминание о имении розданном нищим?» Преподобный Феодор, не узнав беса и полагая, что с ним говорит брат Василий, отвечал: «По твоим, отче, молитвам я с успехом выдерживаю борьбу с дьяволом и не слушаю возбуждаемых им мыслей. И теперь, что ты мне прикажешь, я охотно исполню, повинуюсь тебе: в твоих наставлениях я нашел великую пользу для моей души». Мнимый же брат, бес, почувствовав смелость, так как Феодор не упомянул имени Господа Бога, сказал преподобному: «Вот я дам тебе еще и другой совет, брате! Исполняя его, ты обрящешь покой и вскоре получишь воздаяние за розданное имение твое. Проси, брат, у Господа Бога, чтобы Он послал тебе злата и серебра множество, и не впускай никого к себе в пещеру и сам не выходи из нее». Преподобный Феодор обещал все это исполнить. Тогда лукавый скрылся и, невидимо принося ему помышления об обретении сокровища, воздвигал его на

молитву просить у Господа сокровище, обещаясь раздать его нищим. Заснув, преподобный увидел во сне беса, явившегося в образе светлого и украшенного ангела, который показывал преподобному сокровище в пещере. Сие видение повторялось неоднократно. Преподобный же по прошествии нескольких дней пришел на место, показанное во сне, начал копать и нашел сокровище: множество золота и серебра и сосуды многоценные. После этого снова явился бес преподобному Феодору во образе преподобного Василия и сказал ему: «Где же, брате, сокровище данное тебе? Ибо явившийся тебе и мне сказал, что по молитве твоей много дастся золота и серебра». Блаженный Феодор не захотел ему показать сокровище. Злохитрый бес тотчас начал явно говорить пещерному и тайно влагать ему помышления о том, чтобы он взял сокровище и отправился в иную страну. Но прежде сказал ему так: «Брат Феодор, не говорил ли я тебе, что вскоре примешь от Бога воздаяние за розданное тобою имение, ибо Он сказал: *Всяк, иже оставит дом или села имени Моего ради, сторицею приимет и живот вечный наследит* (Мф. 19, 29). Теперь же вот в руках твоих богатство, сделай с ним, что хочешь». «Я просил его у Бога, – ответил ему преподобный, – чтобы раздать нищим, если Богу угодно было бы дать его мне, и думаю, что ради этого обещания моего Бог и послал сие богатство». Супостат же сказал преподобному: «Смотри, брате Феодоре, чтобы снова враг не принес тебе скорби о раздаянии, как это было с тобой прежде, ибо дано оно тебе вместо того, которое ты раздал. Я советую взять богатство и идти с ним в иную страну и там приобрести себе землю, ибо и там можно спастись и избежать козней бесовских. Когда же настанет час твоего отшествия от мира сего, отдашь имение кому захочешь, и так сохранится память о тебе». – «Не стыдно ли будет мне, оставивши мир и все, что в мире, и обещавшемуся жизнь сию окончить в пещере сей, сделаться беглецом и мирским жителем? Если угодно тебе, я все сотворю, что прикажешь, только останусь жить в монастыре». Тогда бес сказал преподобному: «Здесь ты не можешь утаить сокровища своего; о нем узнают и возьмут от тебя; приими мой совет и сделай поскорей, что говорю я тебе; ибо, если бы Богу не было бы

угодно, чтобы ты имел стяжание, Он не даровал тебе и мне бы не поведал, чтобы я утвердил тебя». Тогда блаженный Феодор, веруя бесу как брату, начал тайно готовить повозки и сосуды, чтобы скрыть сокровище и выйти из пещеры, куда поведет его бес, вознамерившийся лестью своей отлучить Феодора от места святых преподобных отец Антония и Феодосия и Самой Пресвятой Богородицы и, что всего хуже, от Бога.

Человеколюбивый же Господь, хотящий всем спастись, спас и раба Своего Феодора молитвами преподобных Своих. В то время возвратился в монастырь преподобный Василий, спасший прежде преподобного Феодора от злого помышления. Преподобный Василий явился в пещеру, желая видеть живущего в ней брата, и приветствовал его такими словами: «Как ты проводишь теперь, брат Феодор, жизнь свою в Боге? Давно я тебя не видал». Преподобный Феодор удивился такому приветствию и сказал: «Что это ты говоришь, что долгое время не видел меня? Вчера, третьего дня и раньше ты постоянно приходил ко мне, поучая меня, и вот я теперь отравляюсь, как ты мне велел». В свою очередь преподобный Василий еще более дивился такому ответу: «Скажи мне, что означают твои слова, будто я вчера, третьего дня и раньше постоянно приходил к тебе, наставляя тебя? И куда ты идешь? Я только сегодня возвратился с дороги и ничего не знаю; быть может тебя искушал диавол? Молю тебя, ради Бога не скрывайся от меня». Преподобный Феодор с гневом сказал ему: «Что ты искушаешь меня? Зачем смущаешь душу мою, говоря в одно время так, а в другое иначе? Чему я должен верить?» Выразив так ему свою досаду, он прогнал его от себя. Преподобный Василий тогда отправился, скорбя, в монастырь. Бес же снова явился в образе Василия и сказал: «Брате, я окаянный, омрачившись умом, наговорил тебе иное, поэтому я забыл досаждение, которое принял от тебя и снова советую: иди, покинь в эту же ночь место сие, уходи отсюда, захватив обретенное сокровище». С этими словами он удалился. Преподобный же Василий, взяв с собою некоторых старцев, опять пришел к Феодору. «Бог свидетель и старцы сии, – обратился он к нему, – что прошло три месяца, как я не видел

тебя, я был отослан игуменом по монастырским делам. Сегодня третьей день, как я возвратился, а ты, едва только я вошел к тебе, сказал мне, что за все время моего отсутствия я постоянно приходил к тебе. Думаю, что к тебе приходил в моем образе бес. Если хочешь убедиться, сделай так: не позволяй никому из пришедших к тебе начинать беседы с тобою, прежде чем он не сотворит молитвы Иисусовой; если вошедший не захочет, тогда узнаешь, что он есть бес». После этого преподобный Василий сотворил молитву запрещения, призывая на помощь святых, и, наставив Феодора, ушел в монастырь в свою келлию. Бес не дерзнул снова явиться преподобному Феодору, и для него стало явно коварство обольстителя. С той поры он заставлял каждого приходящего к нему прежде всего сотворить молитву Иисусову и потом уже беседовал с ним. Так преподобный Феодор победил врага и избавился при помощи Божией от уст льва, ищущего добычи (1Пет. 5, 8).

Освободившись от такового рва погибели, блаженный Феодор начал еще более стараться о том, чтобы не себе, а врагу-диаволу приготовить падение в яму. Прежде всего он выкопал глубокий ров и с отвращением бросил туда и закопал помощью диавола обретенное сокровище, да погибнет память его с шумом. При этом блаженный непрестанно и усердно молил, чтобы Господь даровал ему забвение места, где он скрыл сокровище, и чтобы уничтожить в нем всякую страсть сребролюбия. И Господь Бог исполнил моление преподобного, ибо с тех пор он никогда не упоминал о том месте, никогда не помышлял о стяжании; золото и серебро стало для него ничтожным бременем. С тех пор преподобный Феодор стал внимательнее к себе. Чтобы в праздности не увлекаться помыслами, он возложил на себе великий труд: поставил в своей пещере жернова и начал работать на братию, причем не только сам молот жито, но и приносил его из монастыря. Ночь он проводил почти без сна, посвящая большую часть ее молитве и работе на ручных жерновах, а днем относил муку и снова приносил жито. Своими трудами преподобный в течение многих лет немало облегчал монастырских рабов, не стыдясь разделять их труд.

Однажды монастырский келарь, увидев, какой тяжелый и мучительный подвиг возложил на себя преподобный Феодор, пришел в умиление. И когда было привезено из монастырских сел жито, он отправил пять возов его преподобному, чтобы избавить его хотя от труда носить зерно самому в пещеру для изготовления муки. Преподобный Феодор же, ссыпав зерно в сосуды, начал молоть, поя псалмы. Когда же он ослабел, то пожелал отдохнуть немного; и вот внезапно раздался глас, как гром, и жернова начали двигаться сами собой. Уразумев козни диавола, преподобный поднялся и начал усердно молиться, после чего сказал громким голосом: «Господь запрещает тебе, лукавый бес!» Но бес не переставал молотить на жерновах. Тогда преподобный снова сказал: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, свергшего тебя с небес и давшего власть угодникам Своим, я грешный повелеваю тебе не оставлять работы, пока не перемелешь все жито; потрудись и ты на святую братию». Сказав это, он продолжал молитву, бес уже не посмел послушаться и в одну ночь измолот все жито. Утром преподобный Феодор дал знать келарю, чтобы тот прислал за мукою. Келарь удивился столь необычному делу, в недоумении помышляя: «Как можно было смолоть в одну ночь пять возов», и сам отправился в пещеру, чтобы вывезти муку. Но здесь совершилось и другое чудо: от этого же жита получилось еще пять возов муки. Так сбылось на деле слово апостолов, некогда говоривших Иисусу Христу: *Господи, и беси повинуются нам о имени Твоем (Лк. 10, 17)*, а также и обетование и Самого Слова Божия: *Се даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражю (Лк. 10, 19)*. Лукавые бесы хотели устрашить преподобного Феодора и заставить его повиноваться себе, как прежде во время его прельщения, но вместо этого сами наложили на себя узы рабства, так что принуждены были возопить: «Мы не будем более появляться здесь».

Преподобные Феодор и Василий установили между собою благочестивый обычай никогда не утаивать своих мыслей, но обоим обсуждать их вместе, чтобы видеть, насколько они богоугодны. По обоюдном совещании преподобный Василий удалился безмолвствовать в пещеру, а преподобный Феодор,

как достигший уже старости, вышел из нее с тем, чтобы поселиться в древнем монастыре.

В это время монастырь был сожжен, деревья на устройство церкви и келлии, пригнанные плотами по Днепру, лежали на берегу. Наняты были работники, чтобы ввезти их в гору, но преподобный Феодор, желая сам поставить себе келлию, начал на себе носить бревна с берега на гору, не позволяя никому работать за него. Лживые бесы, забыв свое, вынужденное подневольной работой, обещание никогда не приближаться к преподобному, снова начали свои козни: все бревна, какие с великим трудом блаженный Феодор вносил за день на гору, бесы ночью сбрасывали вниз, желая через это добиться его удаления. Поняв козни бесов, преподобный сказал им: «Именем Господа нашего Иисуса Христа, повелевшего вам войти в свиней (Мф. 8, 32), я, грешный раб Его, повелеваю вам все бревна с берега перенести на гору, чтобы братия, работающая Богу, не отрывалась от своего труда и могла без ваших козней выстроить храм Пресвятой Богородице и келлии себе; тогда узнаете, что Господь присутствует на этом месте». В ту же ночь бесы перенесли с берега на гору все бревна предназначенные для постройки монастыря. Когда утром на берег приехали нанятые для перевозки, то увидели, что бревна все до одного уже находятся на горе и не свалены в кучу, а разложены в порядке. В одной куче лежало то, что пригодно было для крова, в другой – для помоста, в особом месте были сложены большие по длине и чрезвычайно тяжелые балки. Все это как дело, превышающее человеческие силы, возбуждало удивление. Так прославился Господь чрез угодников Своих преподобного Феодора и советника его преподобного Василия, ради подвигов которых и было сие предивное чудо. Но эти сродные по духу рабы Божии не гордились, видя повиновение себе бесов, следуя наставлению Христа: *Не радуйтесь, яко дуси вам повинуются: радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесех* (Лк. 10, 20). Бесы же столь явно обличенные в своих кознях святыми Феодором и Василием не могли стерпеть своего поношения. Ибо когда-то пользовавшиеся, как боги, почитанием и поклонением от язычников, теперь они должны были

переносить от верных угодников Божиих презрение, унижение и бесчестие, должны были, как рабы купленные, трудиться для них, то меля жито, то таская бревна; и к тому же, повинуюсь запрещению тех же святых, они должны были удаляться от людей. Поэтому-то во время переноски бревен они и вопили, как слышали некоторые: «О, злые и лютые враги наши Феодор и Василий! Мы не перестанем бороться с вами, пока не предадим вас смерти!»

С этого времени лукавые бесы, не зная, что послужат к еще большему прославлению преподобных, начали всеми способами возбуждать злых людей на святых Феодора и Василия. По бесовскому внушению подняли крамолу нанятые возницы, говоря блаженному Феодору: «Отдай нам нашу плату, ибо мы не знаем, какими кознями, согласившись с Василием, устроил ты так, что бревна оказались на горе, мы же готовы были сами перевозить их». Судья, рассматривавший это дело, подкупленный золотом, присудил, чтобы Феодор отдал плату наемникам, дерзнув при этом сказать: «Да помогут тебе и платить те же бесы, которые помогали возить».

Велико было досаждение бесовское на нестяжательного старца Феодора и советника его Василия, но довести до смерти преподобных диаволу не удалось. Тогда, вспоминая свою первую победу над блаженным Феодором, диавол воздвиг опять смертоносную бурю. Приняв образ преподобного Василия, безмолвствовавшего в то время в варяжской пещере, он явился к одному из княжеских советников, человеку, хотя знавшему прп. Василия, но свирепому и нечестивому словом и делом, и сказал: «Феодор, бывший прежде меня в пещере, нашел большое сокровище, много золота, серебра и сосудов многоценных. Взяв все это, он хотел бежать в иную страну, но я удержал его; и вот теперь он юродствует и, войдя в союз с бесами, повелевает им молоть зерно и носить деревья с берега на гору. Сокровища же он скрыл в одном месте, чтобы потом, взяв его, тайно уйти. Князь же ничего не получит для себя из этого богатства». Слыша все это от беса, мнимого Василия, боярин привел его к князю Мстиславу Святополчичу. Бес все это повторил и перед князем, прибавив при том: «Возьмите его

скорее, пока он не убежал, и захватите себе богатство, если же добровольно он отдать не захочет, то израньте его, и он отдаст. Если и так не исправится, то, предав его многим мукам, меня призовите, и я пред всеми вами обличу его и покажу место, где скрыто сокровище». Сообщив это, диавол скрылся. Князь утром поехал сам, со множеством воинов, как будто против какого-либо сильного неприятеля, и, захватив блаженного Феодора, привел его в дом свой. Сначала ласково начал спрашивать его, говоря: «Скажи мне, отче, нашел ли ты сокровище, о чем я слышал?» Феодор отвечал ему: «Да, нашел и ныне оно скрыто в пещере». Князь снова спросил преподобного: «Слышно ли, отче, кто скрыл то сокровище и много ли в нем золота, серебра и сосудов?» «Еще когда жив был преподобный отец Антоний, – в простоте сердца стал рассказывать прп. Феодор, – он слышал, что пещера та служила варяжским хранилищем, почему и доселе называется варяжской. Золота и серебра видел бесчисленное множество, сосуды же латинские». – «Почему, отче, не дашь мне того сокровища? Я разделю с тобою, и то, что потребно будет для тебя, возьмешь». – «Я ничего не желаю взять от сокровища, мне оно бесполезно, я бы все отдал вам, так как вы ему работаете, я же от него свободен. Но не могу исполнить этого потому, что Господь отнял у меня память о месте, где скрыто сокровище». Тогда князь с гневом сказал слугам: «Монаха этого приказываю сковать по рукам и ногам и только через три дня дать ему хлеба и воды, так как он отверг мою милость». Затем уже окованного князь снова спросил: «Скажи, где сокровище?» Феодор же отвечал: «Не знаю, где скрыл его». Тогда князь приказал мучить блаженного многими ранами, так что вся власяница его пропиталась кровью. Потом по приказанию того же князя его повесили в сильном дыму и, привязав сзади, развели под ним огонь. Многие дивились терпению прп. Феодора: он пребывал среди пламени, точно среди росы; огонь не коснулся даже власяницы. Один из видевших это рассказал князю, который, придя в ужас, опять стал увещевать старца: «Зачем ты губишь себя, не открывая сокровища, которое должно быть наше?» «Я тебе истину говорю, что по молитвам брата моего Василия был

избавлен от сребролюбия, когда нашел сокровище, и теперь, снова повторяю: Господь отнял у меня память, где оно зарыто», – отвечал прп. Феодор. Выслушав этот ответ, князь тотчас послал за блаженным Василием, которого привели силою, так как он не хотел выходить из пещеры. «Все, что ты советовал мне сделать с этим злым старцем, – обратился князь к преподобному Василию, – я сделал, но успеха никакого. Теперь самого тебя призвал я во свидетельство». Преподобный Василий же с недоумением сказал ему: «Что именно тебе я велел сделать?» Князь сказал: «Ты уведомил меня о сокровище, найденном им. Он же теперь отказывается указать место хранения сокровища, и я мучил его». Преподобный Василий заметил: «Понимаю я теперь кознь лукавого беса. Это он, княже, прельстил тебя, солгавши и на меня, и на сего преподобного. Ибо меня никогда ты не видел и не мог видеть, так как вот уже 15 лет я не выхожу из пещеры». Предстоящие заметили: «Ты при всех нас говорил князю». Василий же сказал: «Всех вас бес прельстил; я же ни князя, ни вас не видел». Разгневался князь еще больше, повелел и этого мучить без милости, как преподобного Феодора. Не вынося обличения и придя в сильнейшую ярость, от опьянения перешедшую в буйство, он схватил стрелу и уязвил ею блаженного Василия. Преподобный, вынув стрелу из тела своего, бросил ее к ногам князя, говоря: «Стрелой этой в скором времени ты сам уязвлен будешь». Это и сбылось по проречению святого. Но перед этим князь повелел преподобных Феодора и Василия, оставшихся чуть живыми от мук лютых, заключить особо в темницу, чтобы утром мучить их снова. И в эту-то ночь уснули преподобные честной своей смертью пред Господом. Господь извел из темницы души их исповедатися имени Его святому во свете присносущнем. Братия, узнав о кончине святых страдальцев, пришли в темницу и взяли честные тела их, предав погребению в пещере варяжской, где преподобные и подвизались богоугодно. Но потом они были перенесены в пещеру преподобного Антония, где и доныне лежат нетленно в одеждах и окровавленных власяницах, которые также пребывают нетленны.

По прошествии немного времени после блаженной кончины их сбылось пророчество преподобного Василия: 15 июля 1099 года на стене Владимирской крепости князь Мстислав во время междоусобной войны с Давидом Игоревичем был неожиданно сквозь отверстие доски поражен стрелой в грудь. И тогда вспомнил он о стреле своей, коей уязвил блаженного Василия и сказал: «Умираю ныне ради преподобных Феодора и Василия» – и в следующую ночь скончался. Так злой убийца принял отмщение за неправоное дело свое. Преподобные же страдальцы, как победители диавола, увенчаны не серебром тленным и золотом, но славой и честью и удостоены неувядаемого венца от «камене честна», еже есть Христос (1Кор. 10, 4).

Август 13

Тихон, епископ Воронежский, святитель

При описании жития отечественных святых, утешительно и ободрительно для сердец наших явление земле Русской угодников Божиих, ясно доказывающее, что не оскудела и для нас благодать Божия, всегда восполняющая то, что оскудевает в слабой природе человеческой. И какое торжество для Церкви Православной, прославляемой верными сынами своими! Господь увенчал их венцами нетления во свидетельство их подвигов и правого исповедания той Церкви, которая и доселе есть столп и утверждение истины.

Происхождение свт. Тихона самое убогое: отец его Савелий Кириллов был дьячком в Новгородской губернии, в селе Корецке (Короцке) Валдайского уезда, и оставил по себе вдову с пятью малолетними детьми. Будущий святитель родился в 1724 году и был назван Тимофеем. Лишившись в младенчестве отца, он остался на попечении матери Домники и старшего брата Евфимия. «Как я начал себя помнить, – вспоминал впоследствии святитель Тихон, – в доме при матери нашей (отца своего я не помню) было нас четыре брата и две сестры; больший брат дьячкову должность отправлял, средний же брат был взят в военную службу, а мы все еще молодые в великой жили бедности...» При таком положении Тимофей едва ли мог надеяться получить достаточное образование даже для исполнения церковной должности пономаря. Некий богатый бездетный ямщик полюбил Тимофея и хотел усыновить его. Он неоднократно просил об этом Домнику, обещая воспитать Тимофея как родного сына. Святитель Тихон вспоминал об этом: «Матушка моя, хотя и отказывала ему (ямщику) – жаль ей было отдать меня, – но крайний недостаток пропитания понудил ее отдать... Я хорошо помню, как, взяв за руку, она повела меня к ямщику. Старшего брата в то время не было дома. Когда же он возвратился, то спросил сестру: «Где матушка?» Та отвечала: «Повела Тиму ямщику». Брат, догнав матушку, стал пред ней на колени и сказал: «Ямщику его отдадите – ямщиком он и будет. Я лучше с сумою по миру пойду, а брата не отдам... Постараюсь

обучить его грамоте, тогда он сможет к какой-нибудь церкви определиться в дьячки или пономари». И матушка воротилась домой. Так таинственный Божий Промысел от самого отрочества руководил будущим великим подвижником. Любовь братская спасла Тихона, она же приготовила в нем и достойного служителя Церкви. Но оставшись в доме родительском, он продолжал томиться под гнетом тяжелой нищеты, питаясь одним черным хлебом, и то очень воздержанно. «Когда, бывало, дома есть нечего, – рассказывал келейнику в последние годы своей жизни, вспоминая детство, – я ходил на целый день бороться за землю у какого-либо богатого пахаря, чтобы он только прокормил меня». Так трудился Тимофей, живя в родительском доме до четырнадцати лет.

В 1737 году были изданы два указа императрицы Анны Иоанновны, которые со всей строгостью предписывали «сделать церковнослужительским детям разбор и лишних, особливо не учащих, отдавать на военную службу». В Новгородской епархии, не имевшей тогда епископа, исполнение этих указов было особо ревностным.

Мать отрока Тимофея по чрезвычайной скудости от бывшего неурожая хотя и не нашла у себя достаточно средств, чтобы содержать сына своего в духовном училище, однако привезла его в Новгород на рассмотрение начальства, надеясь еще спасти сына от военной службы. Ее надежды едва не остались тщетными: уже Тимофей был назначен к исключению из духовного звания для определения в военное училище, когда опять сжалился над ним старший брат, служивший причетником при одной из новгородских церквей. Несмотря на крайнюю нищету, решился он взять брата на свое содержание и умолил начальство определить его в духовное училище. И 11 декабря 1738 года он был зачислен в Новгородскую духовную славянскую школу при архиерейском доме.

В 1740 году старанием нового епископа Новгородского Амвросия духовная славянская школа была преобразована в духовную семинарию. Из общего тысячного состава учащихся духовной школы Тимофей, как один из способнейших к наукам, был переведен во вновь открытую семинарию и принят на

казенное содержание. Начальство Новгородской семинарии присвоило ему новую фамилию – Соколовский. О годах семинарской жизни святитель Тихон вспоминал впоследствии: «Я продолжал учение на казенном коште и терпел великую нужду, по недостатку потребного к содержанию и так бывало: когда получу казенный хлеб, то из одного половину оставляю для продовольствия себе, а другую половину продам; куплю свечу, с ней сяду на печку и читаю книжку. Товарищи мои, богатых отцов дети, случалось, иногда найдут отопки моих лаптей и, смеясь надо мной, начнут ими махать на меня, приговаривая: «Величаем тя"". Им же довелось впоследствии кадить еп. Тихону фимиам.

Юноша, всегда стоявший впереди всех своих сверстников, переходил успешно в высшие классы. Почти 14 лет обучался он в семинарии: два года грамматике и по четыре года – риторике, философии и богословию. Длительный период обучения связан с тем, что в недавно открытой семинарии был недостаток учителей.

В 1754 году Тимофей окончил семинарию. Один из исследователей так характеризует годы его пребывания в ней: «Во время всеобщего увлечения схоластикой, когда в самой семинарии, воспитавшей святителя, преобладала над всем схоластическая ученость, когда между словом и делом, между мыслью и действительностью не было ничего почти общего, когда о многом и очень хорошо говорили, но очень мало или же совсем ничего не делали, святитель Задонский был человеком совершенно чуждым указанных недостатков и противоречий». Тимофей был назначен преподавателем сначала греческого языка, затем риторики и философии. Молодого учителя, отличавшегося необыкновенной сердечностью, скромностью и благочестивой жизнью, все очень любили и уважали – и ученики, и семинарское начальство, и новгородские архиереи.

Будущий святитель в тот период своей жизни все более прилагал ум и сердце Богу, изучая дивные пути Его и стремясь к иночеству и богомыслию. Промысел Божий готовил в нем доблестного подвижника и светильника Церкви Русской и,

охраняя его от опасностей, явно указывал на его высокое предназначение.

Святитель Тихон по милости Божией стяжал способность особого духовного зрения. Однажды в майскую ночь Тимофей вышел из келлии и увидел разверзшиеся небеса и дивный свет. Вскоре после бывшего ему видения он окончательно решил стать иноком.

16 апреля 1758 года, в Лазареву субботу, Тимофей Соколовский был пострижен в монашество с именем Тихон. После пострига он был вызван в Петербург, где Новгородский епископ Димитрий (Сеченов) рукоположил Тихона во иеродиакона, а летом того же года – во иеромонаха. В том же году иеромонах Тихон стал преподавать философию и был назначен префектом семинарии, но недолго оставался в этой должности. Епископ Тверской Афанасий (Вольховский), хорошо знавший дарования и благочестивую жизнь отца Тихона, ходатайствовал о его переводе в свою епархию. Указом Святейшего Синода от 26 августа 1759 года иеромонах Тихон был переведен в ведение Тверского архиепископа, который возвел его в сан архимандрита и назначил настоятелем Желтикова монастыря. В том же году архимандрит Тихон был назначен ректором Тверской семинарии и настоятелем Отроча монастыря. Одновременно он состоял присутствующим в духовной консистории и преподавателем богословия в семинарии.

Так быстро подвигался Тихон на поприще духовном, как светильник, который не мог оставаться под спудом. Многим уже было известно внутреннее его достоинство, и его ожидала высшая степень епископства. Два года провел он в должности ректора, и уроки богословия, составленные им для учеников своей семинарии, послужили основанием замечательной его книги о истинном христианстве, к назиданию всей отечественной Церкви, так как сам он был весь проникнут духом Св. Писания и творений отеческих. Тихон по своему глубокому смирению никогда не думал, что он может когда-либо достигнуть степени епископской, но Промысл Божий таинственно указал на него верховным пастырем Русской Церкви.

Однажды в день Пасхи, на Божественной литургии, во время Херувимской песни, подошел он вместе с другими пресвитерами к архиерею, который вынимал частички у жертвенника, и на его обычное прошение «Помяни мя, владыко святой» преосвященный Афанасий, забывшись, отвечал: «Епископство твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем». Смутился смиренный архимандрит, но архипастырь, улыбаясь, сказал ему: «Дай Бог вам быть епископом». А в этот самый день митрополит Димитрий, первенствующий член Синода, вместе с епископом Смоленским Епифанием избирали vikaria в Новгород. Уже были написаны имена семи кандидатов, выбор коих должен решиться по жребию, когда Смоленский епископ просил приписать к ним еще имя Тверского ректора, и хотя митрополит заметил, что он еще молод, однако велел записать. Три раза метали жребий, и три раза выпадал жребий Тихона. «Видно Богу так угодно, – сказал Димитрий, – хотя и не туда я думал его назначить, а в архимандриты Сергиевой лавры».

13 мая 1761 года архимандрит Тихон был хиротонисан во епископа Кексгольмского и Ладожского, vikaria Новгородской епархии, с тем, чтобы, управляя Хутынским монастырем, быть vikарием архиепископа Новгородского. Так, на 37-м году жизни, через семь лет по окончании семинарского курса и через три года по принятии монашества, архимандрит Тихон по воле Божией был облечен архиерейским саном.

С любовью встретили новгородцы своего нового пастыря, воспитанного в их кругу, которого издавна привыкли уважать по его монашеской жизни. Многие из его товарищей, которые смеялись над его лаптями, были уже тогда священниками и диаконами в Новгороде. С большим смущением предстали они своему владыке, ожидая от него укоров, но владыка Тихон встретил их кротко, как некогда Иосиф братьев своих в Египте, словом мира: «Не бойтесь, я Божий». Епископ Тихон, улыбаясь, напомнил их детские годы: «Вы на меня махали отопками, а теперь будете кадилами махать, – и, видя их смущение, прибавил, – я это шутя вам говорю». Сестра Тихона, жившая в Новгороде, видела торжественную встречу брата своего и не

смела к нему явиться, но он сам пригласил ее на другой день и они вспомнили со слезами тяжкие годы своего детства в крайней нищете. «Ты, родная, никогда не наскучишь мне, – говорил ей Тихон, – потому что я тебя почитаю как старшую сестру». Но не больше месяца прожила она под кровом братским – сам он отпевал ее.

Недолгое время суждено было святителю находиться в Новгороде – немногим более года. 3 февраля 1763 года, после кончины епископа Воронежского и Елецкого Иоанникия (Павлуцкого), он получил новое назначение на Воронежскую кафедру.

Воронежская епархия, в состав которой помимо Воронежской губернии входили некоторые города Тамбовской, Орловской и Курской губерний, а также земля Войска Донского, нуждалась тогда в преобразованиях. До 800 церквей и более 800 тысяч жителей составляли обширную паству святителя Тихона, но она была лишена всех вещественных средств, потому что в это самое время были отобраны церковные имущества, а положенные по новым штатам оклады еще не производились. Напрасно писал о том свт. Тихон к властям светским и духовным, представляя затруднительность своего положения, упадок образования духовного, разрушение самих зданий церковных и убожество соборной церкви.

Еще большим бедствием в жизни Воронежского края был раскол. Широкие степи Дона сделались с конца XVII века удобным и излюбленным местом укрытия преследовавшихся правительством старообрядцев и сектантов. Нелегко было святителю Тихону бороться с нестроениями церковной жизни. Его добрым намерениям ставились препятствия как со стороны отдельных лиц, так и со стороны всякой власти. Поэтому он должен был искать себе помощи свыше и в силе своего духа, в благодатном обилии пастырской своей ревности.

Одновременно занялся святитель и сооружением вещественных храмов, и обновлением нерукотворенных, которые составляли Церковь Бога живаго (2Кор. 6, 16), особое внимание обращая на развитие и правильную постановку школьного духовного образования. Так как кафедральный собор

его приходил в совершенную ветхость, святитель Тихон на другой же год своего прибытия одним только подаянием начал строить другой каменный Архангельский собор, который имел утешение довершить во время своего управления. Вместо семинарии нашел он в архиерейском доме на скудном иждивении одно только убогое училище славянского языка, потому что по новым штатам были уничтожены прежние сборы с имуществ церковных. Свт. Тихон старался, сколько мог, поддерживать своими средствами эту школу, завел и другие по городам и, как только получен был первый незначительный оклад, немедленно собрал в Воронеже полную семинарию (1765 год) и выписал для нее духовных учителей из Киева и Харькова, так что в короткое время она достигла цветущего состояния. И могло ли быть иначе, когда сам пастырь непрестанно о ней заботился, зная, что она послужит для нравственного утверждения вверенной ему паствы. Часто посещал он классы и знакомился с характером учеников, действуя на них личным своим присутствием, гораздо более нежели через доверенных людей. Он указывал им какого лучше держаться порядка для образования юношей, отмечал назидательные места из духовных писателей и сам словесно поучал учеников; отличавшихся между ними ободрял подарками, вручая книгу или платье, иногда поощрял и денежным жалованием или принимал их на полное казенное содержание. И сверх того, святитель учредил для семинаристов по воскресным дням открытое преподавание Закона Божия в соборном храме.

Святитель весьма хорошо чувствовал, что для нравственного усовершенствования своей паствы прежде всего необходимо подготовить достойных пастырей, непосредственно ею руководящих. Духовное образование имело также решающее значение в борьбе с расколом и сектантством. Поэтому-то его первой заботой была как организация школ для бедных детей духовенства, так и для самого духовенства. Вскоре по своем приезде он написал для духовенства особую книжку под названием «Должность священническая о семи таинствах» и разослал ее по всем монастырям и приходам для

безмездной раздачи священникам. Книжка свт. Тихона была как малый катехизис, в котором излагалось по вопросам и ответам учение о каждом таинстве с убедительным внушением благоговейно совершать их. В следующем году дополнил он сей катехизис, присовокупив к нему более подробное наставление «О таинстве покаяния» для руководства неопытных священников при исповеди: как им беседовать с людьми, хотящими раскрыть пред ними свою душу. Не довольствуясь тем, написал он еще год спустя «Окружное послание» духовенству своей паствы, внушая пресвитерам скромное и трезвенное житие, братолюбие взаимное и любовь к прихожанам и напоминая словами евангельскими высокий долг их звания. И на духовные должности святитель старался ставить лиц достойных и особо требовал, чтобы каждый священнослужитель имел Новый Завет и ежедневно его читал. В то же время начертал и руководство для духовных правлений с увещанием блюсти правосудие и присягу. Таким образом ничего не было забыто заботливым архипастырем для вразумления поставленных на духовной страже.

Святитель Тихон был близок народу как по своему убогому происхождению, так и по первоначальному воспитанию, а потому особенно любил людей простого звания и умел с ними сближаться искренним словом, которое доступно было сердцу каждого. Соображаясь с духовной нуждой народа, добрый пастырь составил четыре малые книжки под заглавиями «Краткое увещание для всегдашней памяти о смерти», «Заметки из Св. Писания для возбуждения грешников от греховного сна», «Наставление во взаимных обязанностях родителей и детей», «Плоть и дух – взаимная их борьба в человеке». Святитель велел священникам прочитывать сии книжки народу вместо церковных поучений.

В Воронежском крае еще имели место давние языческие обряды. Особенно сильно возмущался дух святителя существованием «годового торжества» в честь языческого божества Ярилы, сумасбродством и пьянством во время масленицы.

В творениях его, появившихся в Воронеже, читаем: «Души многих находятся в худом состоянии... расслаблены, разболелись, требуют врачевства и целительного пластыря»; «христианской веры и жития равного и следов не видано»; «предерзости, злодеяния, насильования, озлобления и прочия беззакония от злых и пагубных людей все более и более умножаются»; «многие, нынешнего наипаче века, люди то до болезни, то до старости, то до смерти отлагают покаяние... грех тяжкий, и точно прелесть дьявольская. Знак есть крайнего о спасении нерадения и сна греховного».

Святитель Тихон против этого принимал самые решительные меры. Однажды он сам явился на праздник Ярилы. Видя пред собою святителя, одни «от стыда разбежались с площади игрища», другие «в угрызении совести» молча пали к ногам святителя, третьи «в горячности своего покаяния испрашивали прощения». Игрищные и торжищные палатки в присутствии святителя были разрушены.

А на другой день архипастырь созвал к себе в обитель всех городских священников и лучших граждан и в обличительном слове объяснил им все безобразия бывшего торжества, умоляя навсегда его оставить. В ближайшее воскресенье назначил он всенародное собрание в кафедральном соборе и там опять произнес сильное слово против языческого требища. Изложив сперва до какой степени оно незаконно и недостойно христиан, напомнил он православным, что они записаны в воинство Христово и уже отреклись при святом крещении от сатаны и его ангелов, но, забыв свое высокое звание, начинают бесчинствовать и от незаконных игр доходят даже до смертоубийства в угождение дьяволу, ибо это требище установлено еще со времен язычества. Потом обратился к священникам, которые поставлены на страже дома Божия, и напомнил им строгую их ответственность, если допустят по своей беспечности гибель христианских душ. Не убоился он сказать сильное слово и светским властям, присутствовавшим в соборе, чтобы твердо исполняли долг свой, наблюдая за благочинием народа. И отцов семейств, и старейших из горожан проповедью увещевал: не оставаться равнодушными к такому

позору, но удерживать детей своих и подчиненных от участия бесовских требищах, чтобы не дать случая врагам Православия кощунствовать над Святой Церковью и обесславить самый город, где совершается такое хульное празднество, которого недостойное имя должно бы истребиться из памяти народа.

Слово сие, одушевленное простосердечием и пастырской ревностью, имело удивительный успех; рыдания в церкви заглушали голос проповедника, все покалялись с сокрушением сердца, и к вечной славе доброго пастыря языческий обычай навсегда был оставлен в Воронеже. Это было торжество христианства и любви достойное первых времен проповеди слова Божия. Тихон смиренно благодарил Бога за дарованный ему успех. Простотой и силой проповеди святитель Тихон также вернул в Православие не одну тысячу старообрядцев. «Влияние его на раскольников было велико, – отмечает историк. – Даже наиболее упорствовавшие из них, не возвратившиеся в лоно Православия, несомненно, чтили его».

Святитель Тихон был чрезвычайно деятелен, ни одной свободной минуты у него не проходило напрасно, он все слишком близко принимал к своему любвеобильному сердцу. Заботясь об пастырях и о пасомых, святитель не забывал и о церковном благолепии: о ремонте и благоустройстве храмов, о церковной утвари, священных сосудах и святых иконах. Ни одной праздничной церковной службы не пропускал святитель Тихон и не оставлял без назидания свою паству. В своих поучениях он особенно ополчался против сребролюбия и различных видов хищения, безнравственных увеселений, против роскоши, скупости и недостатка любви к ближним. Святитель смело обличал во всей наготе и безобразии эти и им подобные пороки.

Случалось, однако, кроткому пастырю терпеть и осуждение за свою благочестивую ревность, ибо не везде находил благоприятную почву для сеяния слова Божия. Немошным людям не нравилось иногда, что святитель во время общего бедствия налагал особые посты на граждан, но страх оскорбить его заставлял повиноваться, ибо уже заживо видели в нем угодника Божия и говорили между собою: «Нельзя не

послушаться. Богу пожалуется». Действительно, бывали случаи, когда Господь видимо наказывал ослушников. Ехал однажды Тихон на погребение помещика через село Хлевное, по Московской дороге. Там грубые жители долго задержали его, не давая лошадей, под предлогом будто их нет, когда, напротив, были ими весьма богаты. Вскоре после того пали у них почти все лошади, так что они пришли в крайнюю бедность и почувствовали вину свою, что оскорбили человека Божия. Несколько лет спустя, когда уже Тихон жил на покое в Задонске, они пришли просить у него разрешения в вине своей, жалуюсь, будто кроткий святитель их проклял. Тихон лежал больной и не мог принять их, но велел сказать им, что никогда и не думал их проклинать, а только Бог их наказал за неуважение к своему пастырю.

Постоянные труды и заботы, от которых святитель Тихон никогда не имел отдыха, также неприятности и частые затруднения при исполнении благих намерений сильно расстроили здоровье святителя. Епископ Тихон сожалел, что не может с прежней неутомимостью трудиться на пользу Церкви Божией. И в 1767 году он вынужден был оставить управление епархией и удалиться на покой. Ему была назначена пенсия и дозволено жить там, где он пожелает.

Недолговременна была церковно-общественная деятельность святителя Тихона на Воронежской кафедре – четыре года и семь месяцев, но и за такой сравнительно короткий срок он оставил благотворный след в области духовного просвещения, и в церковном благоустройстве, и в миссионерском деле. После ухода за штат свт. Тихон более 15-ти лет пребывал на покое в монастырях Воронежской епархии: до 1769 года – в Толшевском Спасо-Преображенском монастыре, а затем – в Задонском монастыре.

Уединенный Толшевский монастырь, за сорок верст от Воронежа, привлек к себе внимание святителя глубокой своей тишиной среди дремучих лесов. Он надеялся, что свежий воздух и спокойствие при сельских работах восстановят его силы, но болотистая местность оказалась неблагоприятной для его здоровья. Более года колебался святитель и наконец на

следующий 1769 год, во время Великого поста, решился переменить место, избрав для своего мирного убежища обитель Задонскую, благоприятную по климату, где водворился навсегда в небольшом каменном доме, пристроенном к колокольне у самых ворот.

Поселившись в этом монастыре, святитель Тихон стал великим учителем христианской жизни. В те годы он написал свои лучшие духовные произведения, в которых с глубокой мудростью развил идеал истинного монашества. Это «Правила монашеского жития» и «Наставления обратившимся от суетного мира». Этот идеал святитель воплотил и в жизни своей. Он строго хранил уставы Церкви и ревностно (почти ежедневно) посещал храмы Божии, часто сам пел и читал на клиросе, а со временем по смирению совсем оставил участие в совершении служб и стоял в алтаре, благоговейно ограждая себя крестным знаменiem. Любимым келейным занятием его было чтение житий святых и святоотеческих творений. Псалтирь он знал наизусть и в пути обычно читал или пел псалмы. Своей жизнью святитель учил всех окружающих тому, как надо жить, чтобы спастись. Подвижническая жизнь святителя Тихона, его неземная доброта утверждали людей в мысли о высоком достоинстве христианской веры.

По мере укрепления сил своих святитель стал испытывать сердечную скорбь о своей мнимой праздности, как это свойственно людям деятельным, которые внезапно чувствуют себя на свободе. Обилие времени точно так же тяготило его душу, как некогда и недостаток его для пастырских занятий. Ему казалось, что он совершенно бесполезен для общества, а между тем получает пенсию за прежнюю службу. К тому же укорял себя даже и в том, что принял, хотя и на краткое время, сан епископский, считая себя недостойным его. Такие мрачные думы волновали его сердце, и он часто о том говорил своим присным; писал даже первенствовавшему в Св. Синоде митрополиту Гавриилу, который знал его лично и уважал. Думая его успокоить, митрополит предложил ему в управление Валдайский Иверский монастырь, близ места его родины, но Тихон не решался, борясь с помыслами, еще однажды

переменить место, избранное им для покоя. Но, совершенно покорив себя воле Божией, твердо сказал: «Хотя умру, а не выйду отсюда!» И с этой минуты стал спокойнее. Еще его успокоило слово простого старца, как тайное указание Промысла Божия. Был в Задонске некто Аарон, уважаемый им за строгую жизнь. Однажды келейник святителя, встретив инок у святых ворот, сказал, что преосвященный имеет непереносимое желание выехать из Задонска в Новгородскую епархию. Аарон отвечал: «Божия Матерь не велит ему отсюда выезжать». Когда келейник передал ему слова старческие, святитель Тихон смиренно отвечал: «Да я не поеду отсюда» – и порвал уже приготовленную просьбу. Совершенно отложив всякую мысль о перемещении из Задонска, он решился посвятить себя вполне служению ближним, чтобы быть полезным Церкви, хотя и не на кафедре святительской.

Любил святитель беседовать с каждым о спасении души. Он собирал вокруг себя детей и учил их молиться Богу, входил в разговор с крестьянами и учил любви к труду и страху Божию, делил скорби несчастных. Иногда выезжал к знакомым, и чаще тогда, когда не ожидали его, но имели нужду в его советах. Нищих стекалось к нему множество, и всем им раздавал он милостыню, когда возвращался из церкви, или на крыльце через келейников, но ни в какое время никому не отказывал из убогих. Часто вступал сам в беседу с монастырской братией, с послушниками и простыми богомольцами, допуская каждого к себе под благословение и стараясь по возможности утаить от них высокий свой сан, чтобы свободнее раскрывали пред ним свою душу; посему встречал их на дворе или у своего крыльца в простой иноческой одежде, расспрашивал о нуждах и трудах, и для каждого у него было назидательное слово. Кроме устных бесед, вел благочестивую переписку, излагая мысли в письмах. Когда случалось, что кто-либо из соседних крестьян пострадал от неурожая или пожара, добрый пастырь давал ему по возможности пособие деньгами, которые сам заимствовал у благодетелей. Если же кто из богомольцев дорогой заболел, то принимал его в свой дом и держал до выздоровления, а иным посылал на дом пищу или лекарства; никто из болевших

среди монастырской братии не оставался без его призрения. Не только людям простым оказывал он помощь, но и сиротам из дворянского звания не отказывал. Пользуясь общим уважением, ходатайствовал в судах за притесняемых и давал от себя просительные письма, которые имели благоприятное влияние. Поэтому можно судить, до какой степени было к нему привязано все окрестное население.

Сострадал чадолюбивый пастырь и заключенным в тюрьмах за долги и за преступления и нередко посещал их. Заключенные встречали его как отца, и он радушно садился между ними, будто в кругу семьи, расспрашивал каждого о вине его и старался пробудить в нем раскаяние или внушить терпение для перенесения своей участи.

Святителю Тихону обязана своим возрождением и женская Знаменская обитель в г. Ельце. Случился большой пожар в 1769 году, от которого сгорел девичий монастырь, и все монахини были переведены в Воронеж. Одна только послушница решилась по благословению святителя водвориться на пепелище бывшей обители, ибо он предсказал, что по молитве усопших стариц опять возобновиться обитель. Послушница нашла там убогую старицу, которая устроила себе келлию из каменного погреба, и мало-помалу собралось к ним несколько сестер. При пособии святителя и одного из благочестивых граждан елецких соорудилась небольшая деревянная церковь во имя Знамения Богоматери и образовалась при ней община, которая и возведена была в женский монастырь.

С годами святитель Тихон все более увеличивал свои подвиги. Жил святитель в самой простой обстановке: спал он на соломе, накрываясь овчинным тулупом. Трапеза его была самая скудная, но и тут он говаривал, как бы упрекая себя в роскоши: «Слава Богу, вот какая у меня хорошая пища, а братия моя: иной бедный в темнице сидит, иной без соли ест – горе мне окаянному». Одежду имел самую простую, потому что он хотел быть иноком и подвижником в полном смысле слова. В баню никогда не ходил и не любил, чтобы ему прислуживали, разве только когда бывал болен. Смирение его доходило до того, что на насмешки, которые нередко сыпались ему вслед, святитель

не обращал внимания, делая вид, что их не слышит, и говорил после: «Богу так угодно, что служители смеются надо мною, – и я достоин того за грехи мои». Часто говорил он в подобных случаях: «Прощение лучше мщения». Всю свою жизнь святитель «досады, скорби, обиды радостно терпел еси, помышляя, яко венец без победы, победа без подвига, подвиг без брани, а брань без врагов не бывает» (6-я песнь канона).

В минуты искушений затворялся он в келлии и, повергаясь на землю, с рыданием молил Господа избавить его от лукавого. Большую часть ночи проводил в бдении и молитве и только на рассвете давал себе часа четыре покоя и еще около часа после обеда. Потом выходил на прогулку в монастырский сад, удаляясь куда-нибудь в чащу деревьев, но и тут любил погружаться в богомыслие. Плодом его размышлений о природе и о людях были творения, которые святитель завершил на покое, «Сокровище духовное, от мира собираемое» (1770 г.), «Об истинном христианстве» (1776 г.).

Подвигами самоотречения и любви душа святителя возвысилась до созерцаний небесного и прозрений будущего. Он предсказал много из судеб России, в частности, говорил о победе России в Отечественной войне 1812 года. Не раз святителя видели в духовном восхищении, с измененным и просветленным лицом, но он запрещал говорить о том.

За три года до кончины святитель Тихон каждый день молился и со слезами просил Бога: «Скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих!» И вот однажды на утренней заре он услышал тихий голос: «В день недельный будет конец жизни твоей». Это святитель открыл своему ближайшему другу отцу Митрофану. Духовный благодатный мир, который наступает после борьбы, в то время уже обитал в святой душе подвижника.

В праздник Рождества Христова 1779 года святитель в последний раз был в храме на Божественной литургии. 29 января 1782 года святитель составил духовное завещание, в котором, воздав славу Богу за все Его благодеяния к нему, словами апостола Павла выразил упование на милость Божию и за пределами земной жизни. Свою кончину святитель

предузнал и предсказал за три дня, позволив в тот день всем знакомым приходить к нему прощаться. 13 августа 1783 года, «в день недельный», в шесть часов сорок пять минут утра душа святителя разлучилась с телом. «Смерть его была столь спокойна, что он как бы заснул». Так окончил свою многотрудную жизнь на 59-ом году от рождения святитель Тихон Задонский.

До самого дня погребения множество поселян и городских жителей из Ельца и Воронежа приезжали в обитель и требовали панихид над усопшим, так что не доставало иеромонахов для службы и нужно было содействие окрестных священников. После отпевания, которое совершилось только 20 августа, тело блаженного Тихона руками священников было перенесено под алтарь соборной церкви в специально приготовленный для него склеп.

Благоговейно была чтима память святителя Тихона в Задонске не только теми, которые знали его лично, но и теми, которые о нем только слышали или читали его назидательные творения. Панихиды о святителе непрестанно совершались над его гробницей, и вскоре после его блаженной кончины начались знамения и исцеления, свидетельствовавшие о его небесной славе.

И 12 августа 1861 года святитель Тихон был причислен к лику святых Русской Церкви. На следующий день в г. Задонске при огромном стечении паломников со всех концов России митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Исидором (Никольским) в сослужении многочисленных иерархов и духовенства были открыты мощи святителя Тихона. В день памяти свт. Тихона была совершена соборная литургия, после которой начался крестный ход со святыми мощами не только кругом собора, но и вокруг обители Задонской, где он и почил от трудов своих. Умилительное зрелище было. Весь монастырский двор, все крыши, ограда и высокая колокольня были унижены народом, который, держась друг за друга, сидел так с раннего утра, чтобы только занять места; даже все деревья монастырские были покрыты людьми. Народ бросал убрusy и полотна по всему протяжении крестного пути; холсты и

полотенца летали по воздуху через головы проходящих, так что более чем на аршин высоты (0,71 м) накидано их было по той дороге, где проходило шествие, и собрали до 50 тысяч аршин холста, которые были розданы убогим, чтобы святитель Тихон и в день своего прославления, как бывало при жизни, одевал убогих. Так светильник был водружен на свещнице, «да светит всем, иже в храмине суть». И днем памяти святителя Тихона установлено 13/26 августа.

Максим Московский чудотворец, блаженный – прославление

Блаженный Максим, Христа ради юродивый, жил в Москве. О его родителях, времени и месте рождения ничего неизвестно. Святой Максим избрал один из самых трудных и тернистых путей ко спасению, добровольно, Христа ради приняв на себя личину юродивого. Летом и зимой Максим ходил почти нагим, перенося с молитвой и зной, и холод. «Хоть люта зима, но сладок рай», – говорил он, поучая всех терпению и перенесению житейских невзгод.

Русь очень любила своих юродивых, ценила их глубочайшее смирение, внимала их мудрости, высказанной доходчиво и образно народным языком пословиц. И слушали юродивых все: от великих князей до последнего бедняка.

Блаженный Максим жил в тяжелые для русского народа времена. Татарские набеги, засуха, эпидемии разоряли и губили людей. Святой говорил обездоленным: «Не все по шерсти, ино и напротив... за дело побьют, повинись, да пониже поклонись; не плачь битый, плачь небитый; оттерпимся, и мы люди будем; исподволь и сырые дрова загораются; за терпение даст Бог спасение». Но не только слова утешения говорил святой. Его гневных обличений страшились сильные мира сего: купцы и московская знать. Блаженный Максим говорил им, знатным да богатым: «Божница домашня, а совесть продажна; всяк крестится, да не всяк молится; Бог всякую неправду сыщет. Ни Он тебя, ни ты Его не обманешь». Обличения юродивого не оставались бесплодными, многие из москвичей обращали свои сердца к Богу.

Скончался блаженный Максим 11 ноября 1434 года и был погребен у церкви святых князей Бориса и Глеба. Господу было угодно прославить чудесами Своего угодника: у гроба святого стали совершаться исцеления. 13 августа 1547 года были обретены нетленные мощи блаженного Максима и тогда же ему было установлено ему празднование. В Окружной грамоте митрополита Московского Макария сказано: «Пети и

праздновати на Москве, августа в 13-й день, новому чудотворцу Максиму, Христа ради юродивому». Храм в честь благоверных князей Бориса и Глеба, рядом с которым был погребен святой Максим, сгорел в 1568 году. Но святые мощи Максима оставались под спудом. Благоговейные почитатели памяти святого построили над его могилой придел в честь святого Максима Исповедника.

В «Уставе церковных обрядов, совершавшихся в Московском Успенском соборе» (около 1634 г.) под 11 ноября сказано: «Максиму юродивому: благовест в лебедь, средней»; под 12/13 августа: «Праздновали прежде сего Максиму блаженному: благовест в лебедь, звон средней; а ныне только празднуют в ноябре, а поют по уставу».

В 1698 году по усердию московских жителей Максима Верховитина и Максима Шаровникова старый Борисоглебский храм был разобран; при этом отвалившийся от стены камень открыл великое сокровище – целебные мощи святого блаженного Максима. Они были с честью перенесены в один из московских соборов, где и находились во все время постройки нового храма. По окончании строительства он был освящен во имя блаженного Максима Московского с приделом в честь прп. Максима Исповедника. Около сорока лет хранились мощи блаженного в этом храме. В 1737 году произошел сильный пожар, во время которого сгорел храм во имя Максима Московского. Уцелевшие части мощей блаженного Максима были благоговейно собраны и переданы в Максимовский храм в 1768 г. Священнику этого храма Никите Иванову было поручено изготовить кипарисовый ковчег, украшенный серебром, что и было им исполнение в 1770 году.

В «Повести» о перенесении мощей блаженного Максима сказано: «О святом же житии его и чудесех его глаголют мнози, еже была не малая книга написаная, но не ведем, како из церкви изгиге или кто у прежде бывших священников взял ради списания».

Август 14

Феодосий Печерский, преподобный

В восемнадцатый год после блаженной кончины преподобного Феодосия († 1074; память 3/16 мая) по воле Божией совершилось перенесение его нетленных мощей из пещеры в лаврскую церковь. В 1091 году братия святой, великой и чудотворной Печерской лавры, собравшись вместе со своим игуменом Иоанном, единодушно решили раскрыть место погребения преподобного Феодосия и перенести его святые мощи в соборный Успенский храм. «Следует нам, братия, – говорили они, – всегда иметь перед глазами нашими честную раку нашего отца и всегда приносить ему достойное поклонение. Неудобно ему пребывать в другом месте кроме монастыря и своей церкви, потому что он основал ее и собрал иночествующих». Найти святые мощи было поручено преподобному Нестору Летописцу, который впоследствии описал их обретение.

За три дня до праздника Успения Пресвятой Богородицы игумен Иоанн отвел преподобного Нестора к пещере преподобного Феодосия. Осмотрев пещеру, они определили место, где нужно копать. Игумен обители запретил преподобному Нестору сообщать братии о раскопках, пока святые мощи не будут обретены. В помощь ему отец игумен разрешил взять, кого он захочет. Сам блаженный Нестор о себе так свидетельствует: «Глубоким вечером я взял с собою двух братьев, мужей чудной жизни – более же никто не знал. Когда пришли в пещеру, то, сотворив молитву с поклонением, приступили немедля с пением псаломских песен к делу. Копать начал я; после продолжительного труда я вручил заступ другому брату. Так копали до полуночи и не могли обрести мощей святого. Тогда мы начали скорбеть и плакать; сначала думали, что святой не благоволит нам явить себя, эту мысль сменила другая: не копаем ли мы в другой стороне. И затем стали копать с другой стороны. Наступало утро, ударили в колокол к заутрени, а мы все, не переставая, копали. Вдруг чувствую, что достиг гроба; великий страх напал на меня и я

начал восклицать: «Господи, помилуй меня ради преподобного Феодосия». Сейчас же послал к игумену сказать: «Прииди, отче, изнести честныя мощи преподобнаго». Когда пришел игумен, я еще прокопал землю и мы увидели святые мощи, нетленно почивающие. Все составы были целы, лицо светло, очи закрыты, уста сомкнуты, головные волосы прилипли ко главе. Возложив мощи на одр, мы вынесли их из пещеры. Открытие святых мощей преподобного Феодосия было ознаменовано дивными знамениями и чудесами. Ночью, когда раскапывали могилу преподобного, многие видели необычайный лучезарный свет над пещерой Феодосия, распространявшийся над Великой лаврской церковью, куда были перенесены его святые мощи».

Чудесное знамение видел в эту ночь епископ Владимирский Стефан, который в 1074–1078 гг. был игуменом Печерского монастыря. Он находился тогда в Киеве в Кловском монастыре и знал о скором перенесении святых мощей преподобного Феодосия. Когда епископ Стефан увидел ночью над пещерой большое зарево, то подумал, что начали перенесение без него. Тотчас он сел на коня и вместе с Климентом, игуменом Кловского монастыря, отправился к пещере преподобного. Когда они приблизились к пещере, то увидели над нею множество свечей, но, подъехав совсем близко, не видели уже ничего.

В эту ночь в монастыре Печерском бодрствовали два брата, сторожа, когда игумен тайно с неизвестным им братом перенес честные мощи преподобного; и смотрели они прилежно по направлению к пещере. Когда ударили к утрени в церковное било, они заметили, что три столпа в виде как бы светозарных дуг, постояв над пещерой преподобного Феодосия, переместились на верх Великой церкви, куда преподобный имел быть перенесен. Это видели и другие из иноков, идущих к утрени в церковь; видели и в самом городе многие из благочестивых граждан.

14 августа, к празднику Успения Пресвятой Богородицы, собрались епископы – Переяславский Ефрем, Владимирский Стефан, Черниговский Иоанн, Юрьевский Марин и Полоцкий Антоний, а также игумены многих монастырей с иноками и

множеством православных мирян. Честные мощи преподобного Феодосия были перенесены с подобающими почестями в приготовленное место на правой стороне притвора Успенского собора обители.

Во время перенесения святых мощей шествие останавливалось для отдыха. Мощи были поставлены на пень дерева. Позднее на этом месте был построен храм во имя преподобного Феодосия, он был расположен так, что пень оказался на месте престола.

От гробницы преподобного Феодосия происходили исцеления болящих, во множестве притекавших к святым мощам. И через 18 лет по перенесении честных мощей преподобный Феодосий Собором Русской Церкви был причислен к лику святых и память его торжественно празднуется с того времени всей Русской Церковью. «Радуйся, отче Феодосие, – поет она, – наша похвала и велелепие! Лавра твоя хвалится тобою и до окраин вселенной славно имя твое».

Август 17

Левкий Волоколамский, преподобный

Преподобный Левкий Волоколамский был основателем Успенской пустыни на реке Рузе (пустынь находилась в 32-х верстах от г. Волоколамска и в 2-х верстах от села Середы-Стратилатского). Преподобный Левкий был учеником преподобного Пафнутия Боровского († 1 мая 1477 г.) и спостником преподобного Иосифа Волоцкого († 9 сентября 1515 г.). Время основания преподобным Левкием пустыни может быть определено из данных жития преподобного Даниила Переяславского († 7 апреля 1540 г.). Преподобный Даниил по вступлении в Боровский монастырь в 1466 году был поручен преподобным Пафнутием старцу Левкию как опытному в духовной жизни подвижнику. Через 10 лет, то есть в 1476 году, старец и ученик удалились в Волоколамские пределы, где прожили вместе в основанной пустыни еще два года. После этого преподобному Левкию было при основании пустыни 62 года. Устроив обитель, он прославился среди окрестного населения подвигами иноческой жизни. Преподобный Левкий скончался в глубокой старости (по преданию, 17 июля) в конце XV века. Он был погребен в основанной им пустыни.

В Иконописном подлиннике образ преподобного описывается под 17 июля: «Подобием сед, брада подоле Сергиевы, власы не с ушей, схима на плечах, в руке лестовка, ризы монашеские». Память преподобного Левкия совершается также 14/27 декабря и 17/30 августа – в день святого мученика Левкия.

Филипп Сухонский, преподобный

Преподобный Филипп Сухонский был отшельником на Янковской горе, на левом берегу реки Сухоны, в двух верстах от города Устюга. Устюжские жители на месте его подвигов устроили монастырь, чтобы под его руководством учиться иноческой жизни, и в 1654 году построили храм в честь Знамения Божией Матери с приделом во имя прославленного тогда Московского митрополита Филиппа. Вскоре собрались братья. Преподобный Филипп, не отказывая никому в наставлениях, не принял по своему смирению сана игумена и скончался в обители простым иноком 17 августа 1662 года.

Алипий иконописец Печерский, преподобный

Преподобный Алипий, один из первых и лучших русских иконописцев, с молодых лет подвизался в Киево-Печерском монастыре. Иконописанию он учился у греческих мастеров, с 1083 г. украшавших печерскую церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы. Святой Алипий был очевидцем предивного чуда: когда иконописцы украшали живописью алтарь, то в нем сама собою изобразилась икона Пресвятой Богородицы. При этом икона просветилась и блистала ярче солнца; потом из уст Пресвятой Богородицы вылетел голубь, который, полетав долгое время по церкви, влетел в уста Спасителя, изображенного на иконе, находившейся в верхней части церкви. Когда упомянутые иконописцы окончили свое дело украшения иконами святой церкви, украшен был и Алипий преподобным игуменом Никоном (память 23 марта/5 апреля) чудным образом святого ангельского иноческого чина.

Преподобный Алипий писал иконы даром. Если узнавал, что в какой-нибудь церкви иконы обветшали, брал их к себе и поправлял безмездно. Если же случалось, что ему платили за труд, преподобный одну часть тратил на приобретение материалов для иконописания, вторую раздавал нищим и лишь третью оставлял себе. Так делал он всегда, не давая себе покоя ни днем, ни ночью; ибо ночью пребывал во бдении, творя молитвы и поклоны; когда же наступал день, он со всяким смирением, нестяжанием, чистотою, терпением, постом, любовью, богомыслием принимался за рукоделие. Преподобный Алипий никогда не был праздным и оставлял иконописание только ради Божественной службы. Когда игумен заметил столь великие добродетели и иконописное искусство у преподобного, так что он был достоин, нося ангельский образ иноческого чина, являть собою подражателя Сына Божия Иисуса Христа – Иерея по чину Мелхиседекову, то возвел его на степень иерейства. Тогда преподобный был поставлен как светильник на свещнице (Мф. 5, 15) или, лучше сказать, как образец для подражания на высоком месте, сияя сугубой

красотой добродетелей иноческих и иерейских; и был святой образцом не простым, ибо творил чудеса.

Некто из числа богатых граждан города Киева страдал проказой. Он искал помощи у многих врачей, волшебников и язычников, но не только не получил облегчения от своей болезни, а впал в еще худшее состояние. Тогда один из друзей больного посоветовал ему идти в Печерский монастырь, дабы просить молитвы у святых отцов; он согласился, но с неудовольствием. Когда больной был приведен в монастырь, игумен приказал напоить его водою из колодца преподобного Феодосия (память 3/16 мая и 14/27 августа), а также велел умыть ему тою же водою и лицо. И тотчас на теле больного появилось так много гноя, в наказание за неверие, что все сторонились от него, не будучи в состоянии выносить смрадного запаха, исходившего от тела больного. Тогда с плачем и негодованием сей прокаженный возвратился к себе в дом и не выходил из дома многие дни по причине исходившего от него смрада и каждый день ожидал своей смерти. Однако, придя в себя, сей муж решил исповедать все грехи свои; посему пошел опять в монастырь Печерский к преподобному Алипию и исповедал ему свои согрешения. Преподобный же сказал ему: «Ты хорошо сделал, чадо, что пришел исповедать Богу грехи свои пред моим недостойнством, так свидетельствует о себе и пророк, взывая во Господу: *Рех: исповем на мя беззаконие мое Господеву, и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5)». Потом преподобный Алипий долгое время поучал его душеспасительными речами, затем, взяв иконописные краски, украсил лице его, помазав гнойные места; после этого святой повел больного в церковь, причастил его Божественных Таин и повелел ему умыться тою водою, которой обычно умывались священники после принятия Святых Таин. Вскоре же гнойные струнья сошли с больного и он стал здоров, как и раньше.

Много икон, писанных преподобным Алипием, прославились как чудотворные. Известны некоторые случаи, когда Ангелы Божии помогали ему в святом деле писания икон. Один киевлянин, построив церковь, поручил двум печерским инокам заказать для нее иконы. Иноки утаили деньги и ничего

не сказали преподобному Алипию. Прождав долгое время выполнения заказа, киевлянин обратился к игумену с жалобой на преподобного, и тут только обнаружилось, что он и не слышал о заказе. Когда принесли доски, данные заказчиком, оказалось, что на них уже написаны прекрасные лики. Все пришли в ужас и с трепетом пали ниц на землю и поклонились нерукотворенным тем образам – Господню, Пречистой Его Матери и святых Его.

Случилось однажды, по попущению Божию, сгореть всему Подолу в Киеве. Сгорела и церковь, в которой хранились те иконы. После пожара, однако, иконы были найдены целыми и невредимыми. Князь Владимир Мономах (1113–1125), узнав об этом, сам приходил смотреть таковое чудо и, видя оставшиеся неповрежденными иконы, слыша о них, что в одну ночь они были написаны мановением Божиим, избавляющим преподобного Алипия, прославил Бога, содежавшего толикое чудо ради преподобного Алипия. Князь, взяв одну из тех икон – икону Успения Пресвятой Богородицы, послал в город Ростов, в каменную церковь, которую построил сам. Но и это здание церкви рухнуло – икона же осталась без вреда. Тогда она была внесена в деревянную церковь, но и та вскоре сгорела. Икона же, впоследствии получившая наименование Владимирской-Ростовской (празднование 15/28 августа), опять осталась нетронутой, даже без малейших следов влияния огня. Все это удоставляло добродетельную жизнь преподобного Алипия, ради которого же и изобразились нерукотворно те иконы.

При кончине преподобного Алипия, дабы видеть, как дивно сей человек перешел из жизни временной в жизнь вечную, совершилось еще чудо преславное. Один благочестивый человек дал преподобному Алипию написать наместную икону Успения Пресвятой Богородицы, умоляя его приготовить икону к празднику Успения. Прошло немного дней, как преподобный Алипий разболелся и, приближаясь к смертному своему успению, не мог исполнить поручения, и икона оставалась ненаписанной. Человек тот печалился и негодовал на святого, но Алипий сказал ему: «Чадó, не печалься, приходя ко мне; но возверзи на Господа печаль твою и Той сотворит, якоже хочет –

икона в свой праздник станет на своем месте». Муж поверил словам преподобного, отошел в дом свой, радуясь. И придя снова, уже в навечерие праздника Пресвятой Богородицы, увидев икону ненаписанной, а преподобного Алипия еще более разболевшимся, стал досаждать ему, говоря: «Почему не возвестил ты мне о таковой своей немощи, и я бы другому поручил написать икону, дабы праздник был светел и честен, а теперь ты посрамил меня». Отвечал ему кротко преподобный: «Чадо, ужели по лености я это сделал? Помни, что возможно Богу икону Своей Матери словом единым написать, ибо я уже отхожу от мира сего, как явил мне Господь, тебя же не оставлю скорбным». Муж ушел в сильной печали. Тотчас после его ухода к преподобному Алипию вошел некий светлый юноша, который и начал писать икону. Прп. Алипий же, подумав, что разгневавшийся на него заказчик прислал другого писца, усумнился в его умении писать иконы. Но скорость и красота дела показали в пишущем Ангела, ибо, то золото полагая на икону, то краски различные растирая на камне и употребляя их для письма, пишущий в три часа написал дивную икону. А затем сказал преподобному: «Отче, чего еще не достает здесь, и в чем я погрешил?» Преподобный же отвечал: «Хорошо сделал ты, Бог тебе помог, столь благолепно написал. Он Сам Собою исполнил это». Когда же настал вечер, писец тот вместе с иконой стал невидим. Заказчик иконы всю ночь пребывал в печали, что икона не успеет к празднику. Поутру он встал и отправился в церковь, чтобы плакать там о своем согрешении, вследствие которого храм не удостоился иметь икону к празднику Успения. Но едва лишь он открыл двери храма, как увидел икону, стоявшую на своем месте. Тотчас же он пал на землю от страха, думая, что это было привидение. Придя в себя и немного поднявшись от земли, он со вниманием посмотрел на икону и понял, что это была его икона. Вследствие сего он пришел в великий страх и ужас и вспомнил слова преподобного Алипия, который сказал ему, что икона будет готова к своему празднику. Он пошел и разбудил всех домашних своих. Домашние же его с веселием поспешили в храм со свечами и кадильницами; увидев здесь икону, сиявшую

как солнце, все пали на землю, поклонились иконе и облобызали ее с радостной душой.

После сего тот благочестивый муж отправился к игумену и рассказал ему о чуде, случившемся с иконою. Вместе они отправились к преподобному Алипию и нашли его уже отходящим из мира сего. Несмотря на это, игумен спросил его: «Отче! Кем и как была написана икона мужу сему?» Алипий передал им все, что видел, и сказал: «Икону ту написал Ангел, и он же предстоит здесь, намереваясь взять душу мою». Сказав сие, блаженный предал дух свой в руки Господа, в 17-й день месяца августа в 1114 году. Братия, покрыв пеленами тело, отнесли его в церковь и, сотворив обычное погребальное пение, положили тело святого в пещере преподобного Антония. У правой руки преподобного Алипия три первые перста сложены совершенно равно, а два последних пригнуты к ладони – в таком молитвенном осенении себя крестным знамением скончался преподобный. Так сей святой чудотворный иконописец украсил небо и землю. Небо – тем, что взошел туда добродетельной душой, землю же – своим пречистым телом.

Одна из икон преподобного Алипия – Пресвятой Богородицы с Младенцем Спасителем и с предстоящими преподобными Антонием и Феодосием Печерскими – хранится ныне в Государственной Третьяковской галерее (именуемая Свенской, празднование 3/16 мая и 17/30 августа). Память преподобного Алипия совершается 17/30 августа и 28 сентября/11 октября в Соборе святых преподобных отцов, в Ближних пещерах почивающих.

Август 20

Феодор, епископ Ростовский и Иоанн, епископ Суздальский – переложение мощей

Святитель Иоанн, епископ Суздальский, по всей вероятности, родился в пределах Суздальско-Нижегородского княжества в начале XIV века. Он принял монашеский постриг в молодые годы. В 1350 году суздальский князь Константин Васильевич перенес столицу княжества из Суздаля в Нижний Новгород. Тогда же он пожелал поставить в своем княжестве отдельного от Ростова и Владимира епископа. По его просьбе был возведен в сан епископа Нижегородского и Суздальского боголюбивый инок Иоанн.

Отличаясь особой любовью к бедным и больным, святитель Иоанн ходатайствовал об уменьшении налогов крестьянам, устраивал больницы для больных, богадельни для престарелых, одиноких и убогих. Когда князь Константин покорил часть мордовских земель, святитель Иоанн усердно проповедовал слово Божие среди мордвы.

По благословению святителя Иоанна в Суздальской земле строились храмы, основывались иноческие обители. В самом Суздале был основан монастырь преподобным Евфимием Суздальским († 1404; память 1/14 апреля), которого святитель Иоанн в 1352 году поставил архимандритом новосозданной обители. В Нижнем Новгороде святитель благословил князя Константина построить Покровский женский монастырь, в котором в 1364 году поставил настоятельницей племянницу преподобного Евфимия Суздальского.

После 1365 года, при святителе Московском Алексии († 1378; память 12/25 февраля), Суздаль вошел в состав Московской митрополии. С этого времени святитель Иоанн, оставив управление епархией, поселился в Боголюбской обители и стал вести уединенную жизнь, подвизаясь в посте и молитве. Рукописное житие сообщает, что он жил безмолвником. 15 октября он мирно скончался и был погребен под спудом в кафедральном соборе Суздаля в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

В том же соборе еще в 1023 году был погребен епископ Ростовский Феодор, о жизни которого известно очень мало. Родом грек, он прибыл в Киев из Херсона вместе с киевским князем Владимиром после крещения. В 990 году был посвящен во епископа Ростовского и стал первым архипастырем Ростовской земли. Однако управлять паствой и просвещать светом Христовой истины ростовчан епископу Феодору довелось недолго, так как через некоторое время он был изгнан из Ростова язычниками. Святитель Феодор удалился в Суздаль, где устроил храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Подробных сведений о святителе Феодоре не сохранилось. Известно только, что он неоднократно посещал Ростов, скончался не ранее 1023 года и был погребен в соборе Рождества Пресвятой Богородицы в Суздале. По преданию, открытие и прославление святых мощей святителя произошло еще до нашествия на Русь полчищ хана Батыя.

Нетленные мощи святителей Феодора и Иоанна почивали открыто в устроенных гробницах. В XVIII веке согласно Духовному Регламенту, составленному в 1720 году по приказу Петра I епископом Псковским Феофаном Прокоповичем (впоследствии архиепископом), стали изучаться сведения о мощах малоизвестных святых. При этом под влиянием протестантизма некоторые пытались упразднить и ослабить почитание святых и их благодатных останков. Святители Феодор и Иоанн почитались тогда только в Суздале и окрестностях. Сведений об открытии их мощей к тому времени не сохранилось. Поэтому в 1739 году, в период засилья немцев-протестантов при временщике Бироне, некоторые пытались посеять сомнение относительно мощей святителей. Но народ отстоял церковные святыни, и поэтому празднование памяти святителей Феодора и Иоанна совершалось в суздальских храмах по-прежнему торжественно. Преемник епископа Симона (1739–1747) епископ Порфирий (1748–1755), узнав о возникших сомнениях, потребовал от священнослужителей собора сообщить имевшиеся сведения о святителях Феодоре и Иоанне.

Все собранные сведения епископ послал на рассмотрение в Святейший Правительствующий Синод. К тому времени

обстановка в стране изменилась. Рассмотрев дело, Синод прислал в Суздаль указ от 17 апреля 1755 года, в котором говорилось: «Понеже оные святые Феодор и Иоанн были архиереи православные, в Суздальской стране пастырие благочестивии, и по скончании всея жизни пребыли и ныне пребывают нетленными, то, не имея никакого о них сумнительства, вновь ныне свидетельствовать несть потребы и оставить в таковом же как ныне были состоянии и почитании». Получив указ 27 августа того же года, епископ Порфирий в свою очередь оповестил о нем свою паству и распорядился: «Оных святителей Феодора и Иоанна епископов во всех священнослужениях, где принадлежит, воспоминать неотменно, и память оных святителей празднество по церковному чиноположению повсегодно исправлять – святителю Феодору июня в 8-й день, святителю Иоанну – октября в 15-й день, как издревле в оные дни оные празднества исправлялись...»

20 августа 1879 года честные мощи святителей Феодора и Иоанна, по указу Светейшего Синода, были переложены в новые серебряные раки, устроенные усердием суздальцев. В честь этого события было установлена празднование.

Август 21

Авраамий Палеостровский, преподобный

Преподобный Авраамий Палеостровский – ученик и последователь прп. Корнилия Палеостровского, Олонецкого (память 19 мая/1 июня) – совершал иноческие подвиги в XV веке на уединенном острове Палий Онежского озера. Из жизнеописания прп. Корнилия известно, что его ученик прп. Авраамий в своей подвижнической жизни во всем уподоблялся своему учителю и духовному наставнику. Преподобный Авраамий, совершивший погребение своего наставника, был впоследствии, после своей блаженной кончины, удостоен чести погребения рядом с прп. Корнилием в храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы Палеостровской обители.

В тот же день совершается память **святителя Сармеана, Католикоса Грузии.**

Авраамий Смоленский, преподобный

Преподобный Авраамий Смоленский, проповедник покаяния и грядущего Страшного Суда, родился в 1172 году в Смоленске от богатых родителей, которые до него имели 12 дочерей и молили Бога, чтобы даровал Он наследника роду их и всему имению.

Уже в самом юном возрасте видно было духовное направление отрока, который чуждался детских игр, рос в страхе Божиим и имел склонность к посту и молитве. Авраамий с ранних лет был определен в училище, где обратил на себя внимание дарованием и необыкновенной любознательностью. В свободное от занятий время он любил ходить в церковь, где прекрасно пел и читал. Еще юношей он стремился к уединенной и благочестивой жизни. Родители предлагали ему, как единственному наследнику, вступить в брак, но он отклонил их предложение, ибо искал другой жизни.

По смерти своих родителей, вскоре затем последовавшей, он, следуя примеру святых, жития которых любил читать, раздал свое имущество церквям, монастырям и бедным, оделся в рубище и стал ходить по городу, как нищий и юродивый, прося Бога указать ему путь ко спасению. Вскоре, во внушение Божию, он поступил иноком в обитель Богоматери, находившуюся в шести верстах от Смоленска, на месте, называвшемся «Селище». С терпением и кротостью молодой инок ревностно исполнял все подвиги послушания, проводил время в посте и молитве, украшал себя иноческими добродетелями и прилежно занимался изучением Св. Писания, житий и поучений св. подвижников и святоотеческих творений. Изучая все это, преподобный Авраамий извлекал назидательные уроки не только для себя, но и для других, искавших у него назиданий. Окружив себя писцами, преподобный усердно занимался списыванием и собиранием книг, черпая из них духовное богатство. Смоленский князь Роман Ростиславич († 1170) завел в городе училище, в котором учились не только по славянским, но и по греческим и

латинским книгам. У самого князя было большое собрание книг, которыми пользовался преподобный Авраамий.

Более 30 лет подвизался он в обители, когда игумен убедил его принять в 1198 году сан пресвитера. Посвященный в сан пресвитера и избранный духовником, преподобный, украсив себя «иерейскою лепотою», ни одного дня не опуская без совершения литургии и проповедания слова Божия. Он явился столь искусным проповедником, что его наставления привлекали к нему многих слушателей. Целыми толпами шли к нему духовные и миряне, чтобы насладиться его богомудрыми беседами и уврачевать свои язвы душевные. Вместе с тем прп. Авраамий не оставлял обычного своего подвига иноческой жизни, как любитель нищеты и смирения. Видя совершенства подвижника, поднял на него крамолу враг человеческий, возбудив зависть собратий. Много клевет и гонений пришлось перенести ему от людей, завидовавших его влиянию на народ. Они вооружили против Авраамия самого игумена и ему запрещено было вести беседы с народом. И через 5 лет преподобный вынужден был перейти в бедный Крестовоздвиженский монастырь в самом Смоленске. Но народ и сюда стал стекаться толпами к преподобному за наставлениями. Помимо бесед народ привлекала сюда и строгая подвижническая жизнь Авраамия. На пожертвования богомольцев был украшен соборный храм монастыря иконами, завесами и свечами. Сам он написал две иконы на темы, которые более всего занимали его: на одной изобразил Страшный Суд, а на другой – истязания на мытарствах. И опять сетовал враг человеческий, что Господь прославил раба Своего.

Сам преподобный Авраамий утруждал плоть свою чрезвычайным постом. Лицо его было бледно и необыкновенно сухо. Подвижник был похож в священных одеждах на святителя Василия Великого, жизни которого подражал. Святый был строг и к себе, и к духовным детям. Он неустанно проповедовал в церкви и приходящим в его келлию, беседуя равно с богатыми и бедными. Строго наблюдал он во время Божественной службы, чтобы никто из братии и народа не позволяли себе беседовать в

церкви, ибо почитал сие за святотатство и с особенным благоговением совершал Божественную службу.

Много испытал преподобный Авраамий искушений демонских, видимых и невидимых, во время своего подвига, ибо в страшных образах являлся ему враг человеческий, думая устрашить, но всегда был побеждаем молитвой преподобного. Тогда, будучи не в силах действовать лично на святого, диавол возбудил против него клевету в городе, что преподобный проповедует ересь, живет нечисто и наружной святостью прикрывает темные дела. Эти слухи дошли до епископа Игнатия, и весь город пришел в смущение. Городская знать и духовенство требовали у епископа предать преподобного суду. Они предлагали утопить или сжечь подвижника. В это время случилось быть у епископа князю и боярам. На суде князя и епископа преподобный отвел все лживые обвинения, но, несмотря на это, ему запретили священнодействовать и перевели в прежний монастырь в честь Пресвятой Богородицы. И вот в городе открылись разные беды: засуха и болезни. Напрасно совершались молебствия – ничто не помогало. Тогда священник Лазарь явился к епископу Игнатию и просил разрешить служение преподобному Авраамию, иначе еще большие беды постигнут жителей. Епископ Игнатий разрешил св. Авраамия, просил у него прощения в неправильном осуждении его и молитв за город и жителей. Смиренный инок сам просил епископа помолиться. Возвратившись в келлию, преподобный Авраамий предался усердной молитве, и вдруг пошел обильный дождь и засуха кончилась. Тогда все убедились воочию в праведности преподобного и стали высоко уважать его.

Епископ Игнатий имел намерение построить каменную церковь в честь Ангела своего вне города, где полюбилося ему пустынное место, с тем, чтобы устроить около нее малый монастырь. Но впоследствии он изменил свою мысль и основал церковь на другом месте, уже не во имя своего Ангела, но на память Положения ризы Богоматери во Влахерне, и собрал при ней несколько братьев, которые питались милостыней епископской. И никто не хотел быть игуменом в столь убогой

обители. Между тем вспомнил еп. Игнатий, что блаженный Авраамий скорбел иногда об удалении от города той обители, в которой прибывал не ради себя, но ради приходивших к нему за советами духовными, и поручил ему настоятельство в сане архимандрита. И сам, оставив по старости епархию, поселился в нем. Так вознаградил Господь долгие страдания угодника Своего, и некогда уничижаемый всеми внезапно от всех прославился. Уже не боялись приходить к нему чада его духовные, но отовсюду толпами стекались, даже и сами бывшее клеветники смиренно припадали к ногам его, прося себе прощения. Благолепно украсил преподобный дом Пресвятой Богородицы, как невесту, богатыми завесами, иконами и лампадами. И много было желавших поступить под руководство преподобного Авраамия, но он принимал их весьма разборчиво и после больших испытаний, отмечая истинное усердие приходивших, так что в его монастыре собралось только 17 братьев.

В глубокой старости преставился епископ Игнатий, немного времени оставалось и блаженному Авраамию пребывать на земле. Более прежнего внушал он братии помнить о смерти и молиться день и ночь о том, чтобы не быть осужденными на суде Божиим. Скончался преподобный Авраамий до 1224 года, пожив в иночестве 50 лет.

В 1238 году скончался преподобный Ефрем – любимый ученик и усердный подражатель добродетели своего отца: кротости, смирения и любви к ближним. Уже в конце XIII века преподобному Авраамию была составлена служба, совместная с учеником преподобным Ефремом. Страшное монголо-татарское нашествие, бывшее наказанием Божиим за грехи, не только не заглушило памяти преподобного Авраамия Смоленского, но напомнила людям его призыв к покаянию и памятованию Страшного Суда.

Авраамий – подвижник Печерской, преподобный

Преподобный Авраамий – подвижник Печерской обители XIV века. Мощи его почивают в Антониевых пещерах. Память его совершается 21 августа/3 сентября и 28 сентября/11 октября в Соборе преподобных, почивающих в Ближних пещерах.

Август 22

Боголеп Угличский, преподобный

Преподобный Боголеп был учеником преподобного Паисия Угличского († 1504; память 6/19 июня). В миру он был хлебопекарем, то же послушание нес и в обители. Ему явилась чудотворная икона Покрова Пресвятой Богородицы, когда преподобный пошел рано утром за водой на Волгу. Он увидел неизвестно откуда приплывшую икону, которая стояла у берега и сияла небесным светом. Оставив водонос, преподобный Боголеп быстро побежал в обитель и рассказал все преподобному Паисию. Преподобные Адриан, Вассиан, Боголеп и Паисий в сопровождении всей монастырской братии перенесли икону в обитель. Преподобный Боголеп был в сане иеромонаха. Перед смертью он принял схиму. Память его совершается 22 августа/4 сентября – в день памяти тезоименитого мученика Феопрепия (по русскому переводу, Боголеп).

Август 24

Арсений Комельский Волгоградский, преподобный

Комельский лес, простиравшийся по южной окраине Вологодской страны на сотни верст и служивший жилищем диких зверей и притоном разбойников, издавна казался какой-то обетованной страной любителям безмолвия, стремившихся сюда со всех сторон. Монашеский топор в продолжение двух веков то там, то инде не переставал рубить вековые сосны и ели, пролагая новые пути и обращая в иноческие обители берлоги медведей и становища разбойников. По течению одной только незначительной речки Нурмы было несколько иноческих обителей, а сколько было рассеяно пустынь и уединенных келлий по громадному пространству этого леса! Там, в непроходимых чащах леса, за мхами и болотами жили люди, проникнутые древним христианским духом и составлявшие свой особый мир. Это не был мир ангельский, потому что подвижники были люди, но это не был и мир человеческий, потому что в подвижниках почти ничего не оставалось человеческого. Распять плоть со страстями и похотями, стать выше самих себя, выше своей чувственности было их единственной целью, к которой они стремились и для достижения которой они не щадили никаких усилий. Их снедало желание Божества, стремление к вечной Красоте, пламенная любовь к вечному Свету и Жизни, чего мы, огрубевшие от земных помыслов, не понимаем и понять не можем и чего они ничем не могли насытить. Высокая и святая любовь к Божественному раскрывала им в труженической их жизни такой источник блаженства, что они желали бы до бесконечности увеличивать свои труды и подвиги, если бы то было возможно. Отшельники на самом деле показали, какую чудную силу имеет природа наша, какая власть и могущество заключены в душе и теле человека, когда он весь проникается силой благодати. И как благотворно было для Вологодской страны влияние на нее этого чудного мира, как много комельские пустынножители способствовали утверждению в ней веры и благочестия! Комельский лес был светом для окрестных жителей, колыбелью

и рассадником иночества, воспитавшим в себе целый сонм великих сподвижников и основателей монастырей.

Среди этого светлого сонма святых мужей, подвизавшихся в Комельском лесу, *тела их в мире погребена быша, а имена их живут в роды. Премудрость их поведят людие, и похвалу исповесть церковь* (Сир. 44; 13–14), преподобный Арсений был уже последним по времени, основавшим в лесу новые обители. Замечательно то, что колонизация Комельского леса как началась, так и окончилась выходцами из Сергиевой лавры, принесшими на место своих подвигов благословение великого аввы.

Преподобный Арсений родился в Москве в последней половине XV века, но в котором именно году – неизвестно, по происхождению был из рода бояр Сахарусовых. Он рано начал тяготиться шумом столицы и почувствовал отвращение к мирской жизни, хотя по правам рождения мог иметь в ней большие успехи, приобрести честь и богатство. Его юное сердце, еще не связанное никакими житейскими узами, свободное от всех мирских пристрастий, горело любовью к одному Богу, стремилось всецело посвятить себя на служение Ему. И обитель Св. Троицы, прославленная подвигами своего основателя преподобного Сергия, уже причисленного тогда к лику святых, представлялась ему лучшим для того местом, поэтому юный боярин и принял в ней иноческое пострижение.

Нелегка была жизнь для молодых и новоначальных иноков в многолюдной обители Сергиевой. Кроме строгого исполнения обязательного для всех повседневного монашеского правила, каждый инок должен был пройти длинный ряд различных послушаний, начиная с самых низших и трудных: службы на скотном дворе, в монастырских огородах и полях, привратником, в поварне и на хлебне, в братской трапезе и церкви. При этом инок совершенно отрекался от своей воли и подчинял себя воле старца-наставника, пока наконец достигал права пользоваться услугами других в тишине своей келлии.

Молодой инок Арсений совершенно предал себя иноческим трудам, со всем усердием и с юношеским жаром он начал проходить монастырские послушания: в числе первых приходил

в церковь и всегда первым являлся на послушаниях, охотно исполняя и то, чего не успевали или не хотели сделать другие, по своему смирению считая себя последним в обители и слугою всех. Трудami и постом изнуряя тело и умерщвляя страсти, он в то же время старался укреплять душу свою молитвою, чтением душеполезных книг и переписыванием их, то для своего монастыря, то для других церквей. Как драгоценный памятник его трудов, доныне сохранилось в его обители Евангелие, написанное им в Сергиевом монастыре в 1506 году, на котором можно прочесть такую смиренную надпись: «Писал Евангелие многогрешный чернец Арсеньишко Сахарусов». Такая примерная, труженическая жизнь и высокие добродетели не могли не снискать ему всеобщей любви и уважения. И когда в 1525 году, в сентябре месяце, игумен Порфирий отказался от управления монастырем, все братия единогласно избрали преподобного Арсения на его место как самого достойного. Но это избрание, лестное для других, показалось смиренному подвижнику тяжелым бременем, которое он согласился принять на себя только из послушания, ради моления и ради слез братии. В сане игумена богатого монастыря Арсений не изменил своей любви к нищете и посту и честь игуменства своего поставлял в том только, чтобы служить всем и трудиться более других. Отечески заботясь о довольстве и успокоении братии, преподобный Арсений забывал о самом себе и не замечал того, что одежда его покрыта заплатами и хуже всех, даже тогда, когда встречал и принимал приходивших в монастырь князей и бояр. «Что это значит, что игумен ваш ходит в такой худой одежде?» – спрашивал братию великий князь Василий Иоаннович, увидевши Арсения во время посещения обители едва не в рубище. «Наставник наш – истинный раб Божий и живет в Боге; он думает только о том, как бы оставить нас и удалиться в пустыню на безмолвие», – сказали в ответ братия и просили великого князя, чтобы убедил их игумена остаться с ними. Василию Иоанновичу и самому было жаль, если обитель лишится такого настоятеля, поэтому он стал просить преподобного Арсения остаться в обители, на что тот и

согласился, постыдившись огорчить отказом высокого посетителя, хотя и сильно желал удалиться в пустыню.

В то время многие окрестные монастыри и пустыни были подчинены Троицкому монастырю и игумен Троицкий наблюдал за их хозяйством и образом жизни братии. Преподобный Арсений и эту обязанность старался исполнять в точности. Несмотря на то, что многолюдство его собственного монастыря требовало неусыпных трудов и надзора со стороны игумена, он находил еще время посещать и эти монастыри, чтобы лично наблюдать за ними и собственным примером руководить братию. Особенно он любил посещать обитель современника Сергия преподобного Стефана Махрищского, находившуюся в 35-ти верстах от Троицкой, чтобы в ее пустынном безмолвии хотя несколько успокоиться и приобрести новые силы к прохождению своей многотрудной должности. Там однажды махрищский игумен Иона объявил ему, что благоговейный инок Герман, уже столетний старец, вышедши ночью из своей келлии, увидел огонь, горящий под древесными ветвями над местом погребения преподобного Стефана, и тогда, ужаснувшись необычности явления, поспешил сказать ему о том, что и он сам из окна своей келлии увидел тот огонь, как бы луч света, сиявший от могилы Стефана. Преподобный Арсений, приняв это за знамение благодати Божией, дарованной преподобному Стефану, приказал поставить над его могилой гробницу, осенять ее покровом и возжечь пред ней большую свечу, затем, совершив соборне Божественную литургию, установил, чтобы с тех пор ежегодно праздновалась в обители память преподобного.

Если бы преподобный Арсений не был возведен на высокую степень игумена и оставался по-прежнему в числе братства, не обращая на себя особенного внимания других, то, может быть, он и не подумал бы никогда оставить Троицкую обитель, в которой принял иноческое пострижение, дал обещание пребывать до смерти и провел уже столько лет. Но начальство над братией, неизбежные отношения с богатыми и сильными мира, всеобщий почет и уважение, оказываемое ему, как преемнику Сергиеву, лежало тяжелым бременем на смиренной

душе подвижника. Часто вспоминал он о своей прежней жизни, когда ничем не развлекаемый и заботясь только о самом себе, он мог всецело предаваться богомыслию, любовь к пустыни и безмолвию начала возгораться в его сердце все более и более, пока наконец преподобный, будучи не в силах противиться влечению своего сердца и зная, что великий князь и все братия не согласятся отпустить его, решился тайно оставить свое место и удалиться в незнакомые места, чтобы в уединении всецело посвятить себя на служение единому Богу.

Наслышавшись о неизмеримых лесах севера и зная, что еще при преподобном Сергии и с его благословения из Троицкого монастыря ушли туда некоторые и основали там собственные монастыри и пустыни, преподобный Арсений в 1527 (или в 1529) году вышел из монастыря и направил свой путь в эту сторону, для него совершенно неизвестную. Он обошел много лесов и пустынных дебрей, ища для себя удобного места, и наконец, руководимый Промыслом, достиг Вологодской страны. Здесь, незадолго пред тем временем (около 1525 года), в расстоянии 40 верст к северо-западу от г. Вологды, в верховьях малой речки Бабайки явилась чудотворная икона Божией Матери Одигитрии. Услышав об этом новом знамении милосердия Божия, преподобный Арсений пошел в то пустынное место, где явилась икона, и, соорудив себе малую келлию, стал подвизаться в ней в посте и молитве. Но со времени явления св. иконы пустынное место перестало быть безмолвным от множества приходивших туда богомольцев, поэтому, пробыв здесь несколько времени, он оставил свою келлию в основание будущей Мяслянской пустыни и снова пошел странствовать по болотам и дебрям Комельского леса, усердно прося Господа, чтобы Он Сам указал ему место для жительства.

И через некоторое время в густой чаще леса, у слияния речек Лежа и Кохтыш, в 40 верстах от Вологды, с его плеч сорвало ношу. Преподобный присел отдохнуть и вдруг увидел необыкновенный свет, озаривший окрестность. Уразумев откровение Божие, святой Арсений на месте явления света построил себе небольшую келлию и начал подвизаться в посте

и молитве, дни проводя в труде, а ночи – в бдении. Он думал, что зашел в такую лесную глушь, в которой никто уже его не потревожит и не нарушит его безмолвия, но видно нет на земле такого места, где бы искушение не могло постигнуть человека. «Видевше себе беси поругани бываемы от блаженнаго Арсения и изгоними от места того святаго, воздвигоша брань на него и многа искушения и досаждения святой претерпе от них», – говорит описатель его жития. Не возмогши победить подвижника сами, невидимые враги насылали на него видимых в лице окрестных жителей, возбуждая в них зависть и гнев против святого. Крестьяне, ходившие сюда то для рубки леса, то для звериной и рыбной ловли, сочли себе помехой уединенную келлию пустынника, опасаясь, чтобы со временем она не разрослась в монастырское общежитие и не овладела окрестными землями. Чтобы изгнать его из пустыни и удержать за собой землю, они стали наносить преподобному различные обиды и притеснения. Смиранный старец противопоставлял им сначала христианское терпение и кротость, стараясь победить их злобу своей любовью; потом, когда притеснения сделались слишком часты и невыносимы, так что однажды злые люди, пришедши в келлию и не заставши в ней самого Арсения, убили жившего с ним келейного его старца, тогда он, по слову апостола, дал место гневу (Рим. 12, 19) и, оставивши Комельскую пустыню, удалился оттуда верст за тридцать в дикий Шилегонский лес, на речку Шингор. Полное уединение этого места вполне соответствовало сердечному влечению святого Арсения служить Господу в безвестной пустыни. И, прилагая труды к трудам и подвиги к подвигам, блаженный подвижник, как огнем, горел любовью к Богу, вперив к небу ум свой. Но сколько ни нравилась ему эта уединенная жизнь и как он ни рад был своему безмолвию, оно скоро должно было прекратиться.

Господь, не желая доле оставлять светильника Своего как бы под спудом, восхотел, чтобы это духовное сокровище обогатило и других и чтобы подвиги его послужили примером и назиданием для многих. Крестьянин Алексей Охотин один раз пришел в Шилегонский лес с собаками ловить зверей, и собаки

отбежали от него, и он, отыскивая их, нечаянно набрел на келлию отшельника. Старец принял его с отеческой любовью и стал спрашивать у него, как он нашел его келлию, так как преподобный до него не видел в лесу ни одного человека и не знал, далеко ли находятся селения. Когда охотник рассказал ему подробно обо всем, то преподобный, видя в нем человека простого и доброго, долго беседовал с ним, поучая страху Божию, и, отпуская, он велел ему искать собак по речке Шингоре на мысу Кривике и при этом сказал: «Там найдешь их с большой добычей». Удивился охотник прозорливости старца, когда в самом деле нашел своих собак с добычей именно на том месте, где сказал ему преподобный. Добычей, пойманной собаками была дорогой цены лисица, с которой охотник тотчас же возвратился к келлии старца и просил его принять ее в дар, но старец отказался от подарка и посоветовал жертвователю употребить цену ее на милостыню. Через этого охотника келлия Арсения сделалась известной и один за другим стали приходить к нему из окрестности для духовных бесед монахи и миряне. Старец всех принимал с отеческой любовью, поучал всем сердцем любить Господа, пролившего за нас кровь Свою на кресте, и ближних как самих себя. Когда некоторые из посетителей, желая постоянно иметь его своим наставником и руководителем в духовной жизни, стали принимать от него пострижение и селиться близ его келлии, преподобный Арсений водрузил крест и построил часовню для общей молитвы. Таким образом в дремучем Шилегонском лесу составилось братство любителей безмолвия и основалась пустыня, известная впоследствии под названием Александро-Коровиной (позднее Троицкая пустынская церковь).

Уже около семи лет преподобный Арсений подвизался в Шилегонском лесу, довольный его безмолвием, как в 1538 году казанские татары неожиданно вторглись в Вологодские пределы, сжигая селения, а беззащитных жителей грабя, убивая и уводя некоторых с собою в неволю. Ужас распространился в стране, и жители, чтобы спастись от смерти, толпами бежали из селений в Шилегонский лес, где находилась пустыня преподобного, думая найти себе защиту в неприступности

места, удаленного от дорог. Варвары хотели было проникнуть и туда вслед за бежавшими жителями, но были удержаны Промыслом по молитвам человека Божия, так что все те, которые искали себе убежища в его пустыни, остались невредимы. После ухода татар многие из жителей не захотели более возвратиться на пепелища своих жилищ и поселились со своими семействами близ келлии отшельников, вследствие чего любимое преподобным безмолвие было нарушено близостью мирского шумного селения. Тогда Арсению пришла мысль опять идти в Комельский лес на прежнее свое место, и когда он объявил о своем намерении жившим с ним пустынникам, то один из учеников его, инок Герасим, не захотевши разлучиться со своим наставником, пожелал отправиться с ним.

Еще в 1530 году великим князем была выдана преподобному Арсению жалованная грамота, которой строго запрещалось всем около пустыни его в Комельском лесу на речке Кохтыше во все стороны на две версты рубить лес, ставить новые поселения, заниматься звероловством и обращать в свое владение землю или лес. Но, испытавши после того столько притеснений и обид, преподобный Арсений решился снова идти в Москву искать защиты от своеволия грубых людей и в 1539 году получил новую грамоту с большими правами и наделом земли уже на пять верст. Тогда, поручивши управление Шилегонской пустыней одному из своих учеников, преподобный Арсений с Герасимом отправился в Комельский лес, водворился на своем прежнем месте и стал рубить лес, расчищать и готовить землю под поля и огороды для будущей обители. Труд шел успешно, ибо препятствий со стороны жителей теперь уже не было. Но когда пустынники завели несколько голов рогатого скота, то стали их обижать медведи, чем причиняли подвижникам постоянный труд и беспокойство. Однажды, когда медведь напал на корову, прозорливый старец молитвой остановил и связал зверя, приказавши своему ученику идти и наказать его, чтобы он более не тревожил их. Герасим пошел и начал сечь зверя лозой, и медведь не только не рассвирепел и не бросился на него, но, как бы сознавая свою вину, поклонился ему до земли и ушел на

свое место. С того времени звери перестали нападать на монастырский скот. Такова была вера и сила молитвы старца и истинно детская простота и послушание ученика!

Когда рядом с отшельником стали селиться иноки, преподобный Арсений по благословению епископа Вологодского Алексия (1525–1543) построил храм, который был освящен 2 июля 1541 года в честь Положения ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне. Так возникла Комельская Ризоположенская обитель. Преподобный Арсений не жалел ни сил, ни времени, чтобы наставить иноков и приходивших поселян истинам православной веры и правилам христианской жизни. Он часто сам ходил в селение, на покосы и проповедовал слово Божие. Не забывал святой Арсений и Шилегонской обители, которую также нередко посещал и назидал братию.

Преподобный Арсений не любил лжи и обличал людей, допускавших обман. Однажды крестьяне близлежащего села испросили у преподобного разрешение на ловлю рыбы в пределах монастырского участка в реке Леже. Старец, благословив их, сказал, чтобы в случае хорошего улова они принесли часть рыбы в монастырь. По молитве преподобного улов был хороший, но рыбаки скрыли лучшую долю. Преподобный Арсений обличил их лукавство, и рыбаки принесли искреннее покаяние. Особенно строг был преподобный к тем, кто нарушал воскресные дни и оскорблял их святость работой на пользу своего дома. Однажды одна крестьянка в воскресный день вышла в поле жать. В то время преподобный находился в этом селе и, узнав об этом, велел ей прекратить работу и помолиться Богу. Крестьянка сначала послушалась, а затем вновь пошла в поле. Тогда по молитве праведника поднялся ветер и разметал все снопы непослушной женщины.

В служении Богу и ближним, в труде и молитве прошла жизнь преподобного Арсения. Предчувствуя кончину, святой старец назначил преемником своего ученика Герасима и, затворившись в келлии, стал готовиться к смерти. Незадолго до кончины он преподал последнее наставление братии: любить друг друга и хранить монастырский устав. Преподобный

Арсений мирно скончался 24 августа 1550 года, причастившись Святых Христовых Таин. Братия погребли святого близ алтаря монастырского храма.

Вскоре после кончины преподобного от его гробницы стали совершаться чудесные исцеления болящих. Описание многочисленных чудес, входившее в житие преподобного, сгорело во время пожара в 1596 году. Позднее житие было восстановлено в кратком виде по сохранившимся записям иноком обители Иоанном.

Через 100 лет игумен Комельского монастыря Иоасаф (1656–1665) построил на месте прежнего храма новый, каменный, с двумя приделами: во имя преподобного Сергия Радонежского и преподобного Арсения – над местом его погребения. Позднее над мощами преподобного была устроена гробница.

Мартирий, архиепископ Новгородский, святитель

Святитель Мартирий, архиепископ Новгородский, родился в Старой Руссе. На северо-восточной стороне города, близ правого берега реки Полисти, он основал в 1192 году мужской Преображенский монастырь. На Новгородскую кафедру святой Мартирий был поставлен по жребию после смерти святителя Григория († 1193; память 24 мая/6 июня). 10 декабря 1193 года его посвятили в сан архиепископа в Киеве. Святитель Мартирий прославился как неутомимый строитель храмов. В мае 1195 года он заложил храм во имя Божией Матери на городских воротах, 13 сентября 1196 года освятил храм в честь Воскресения Христова в новой женской обители у озера Мячина. В январе 1197 года святитель освятил храм во имя свт. Кирилла Александрийского в одноименном мужском монастыре в трех верстах от Новгорода. В 1197 году он заложил в Плотницком конце Новгорода женский монастырь во имя святой великомученицы Евфимии, построенный благочестивой молодой жительницей Городища. В января 1197 года святитель Мартирий освятил в Преображенском монастыре Старой Руссы храм во имя свт. Никифора, патриарха Цареградского. В мае 1198 года он начал строить каменный храм в честь Преображения Господня, а 15 августа того же года освятил его. В том же году княгиня Елена, супруга князя Ярослава Владимировича, построила на Торговой стороне на Молоткове храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы в монастыре, основанном святителем Мартирием. Храм был построен в память следующего чуда. Один набожный новгородец каждый день ходил в церковь. Однажды он возвращался домой и, устав, заснул и обронил Богородичную просфору. Собаки, почуяв хлеб, подбежали к просфоре, но отскакивали прочь, прогоняемые невидимой силой.

Великий князь Всеволод был недоволен новгородцами, и в 1199 году святитель Мартирий вместе с представителями горожан отправился во Владимир. По дороге, на берегу озера Селигер, он скончался 24 августа 1199 года. Тело его перевезли

в Новгород и погребли в Мартириевой паперти Софийского собора, получившей это название потому, что была построена святителем Мартирием. Известен его образ в алтаре Новгородского Софийского собора.

Петр, митрополит Московский, святитель

Святитель Петр, митрополит Московский и всея России, скончался 21 декабря 1326 года (сведения о нем помещены под 21 декабря/3 января) и был погребен в приготовленной им самим гробнице в стене Успенского собора Московского Кремля, с левой стороны жертвенника. В 1472 году древний Успенский собор, к тому времени обветшавший, стали перестраивать. В присутствии митрополита Московского Филиппа I (1464–1473) и нескольких епископов 14 июня разобрали надгробие святителя и увидели нетленные мощи, лежавшие открыто и сиявшие небесной славой. Оказалось, что в 1382 году во время пожара при нападении на Москву полчищ хана Тохтамыша огонь проник в гробницу святителя и уничтожил гроб святого. Тело же осталось невредимым.

Честные мощи святителя Петра были переложены в новую каменную гробницу. Тогда же собор епископов установил праздник перенесению мощей святителя Петра 1 июля. Через два года строившийся храм обрушился, мощи святителя были засыпаны, но не повредились. Великий князь московский Иоанн III вызвал из Италии выдающегося зодчего Аристотеля Фиоравенти, под руководством которого 17 апреля 1475 года был заложен новый Успенский собор. Мощи святителя Петра были на время поставлены в храме во имя преподобного Иоанна Лествичника (по другим источникам, под Ивановскую колокольню). 12 августа 1479 года новый Успенский собор был освящен. 24 августа честные мощи святителя Петра митрополитом Геронтием (1473–1489) с епископами, великим князем Иоанном Васильевичем (1440–1505) и его сыном Иоанном (1458–1490) были торжественно перенесены в новый собор и поставлены на прежнем месте. В этот день было установлено празднование в честь перенесения мощей святителя Петра, Московского и всея России чудотворца (прежнее празднование 1 июля было отменено).

От святителя Петра сохранилось три послания. Первое – к священникам с увещанием достойно проходить пастырское

служение, усердно пасти духовных чад. Оно заканчивается изложением церковного законоположения о вдовых священниках: с целью ограждения их от нареkania и соблазнов им предлагалось поселяться в монастырях, а дети должны были определяться на воспитание и обучение в монастырские школы. Во втором послании святитель призывает священников быть истинными пастырями, а не наемниками, заботиться об украшении себя христианскими и пастырскими добродетелями. В третьем послании святитель Петр снова дает наставления священникам об их пастырских обязанностях, а мирян увещевает исполнять заповеди Христовы.

Выдающаяся церковно-государственная деятельность святителя Петра уже современникам давала основание сравнивать его со святителями Василием Великим, Григорием Богословом и Иоанном Златоустым. Главный подвиг святителя Петра – борьба за единство Русского государства и благословение Москвы как собирательницы Русской земли.

Август 26

Адриан Угличский, преподобный

Преподобный Адриан Угличский был из первых десяти учеников преподобного Паисия Угличского († 1504; память 6/19 июня). Он был ближайшим келейником, учеником и сподвижником преподобного Паисия. Вместе с ним преподобный Адриан сподобился небесного явления Пресвятой Богородицы в 1472 году. Однажды преподобный Паисий находился в одной келлии с преподобным пустынником Кассианом Угличским (сведения о нем под 2/15 октября), иноком Герасимом и преподобным Адрианом. Иноки пели акафист Пресвятой Богородице. Внезапно по всей обители засиял необыкновенный свет и преподобные услышали голос, призывавший их выйти из келлии. В страхе и недоумении подвижники вышли, и Ангел показал им явление Матери Божией, сидящей на воздушном престоле и держащей на руках Богомладенца. Подвижники пали на землю, но Ангел восставил их и сообщил преподобному Паисию повеление Матери Божией устроить на этом месте церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Видение кончилось, и преподобные всю ночь провели в бдении и славословии.

В 1482 году преподобный Адриан участвовал в постройке каменного храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы на месте, указанном Ангелом, затем был свидетелем обретения иконы Покрова Пресвятой Богородицы. В 1489 году преподобный Адриан помогал преподобному Паисию в постройке обители во имя святителя Николая близ Грехова ручья, на правом берегу Волги. Как опытный и добродетельный старец, преподобный Адриан был поставлен ее первым начальником и иеромонахом. Он был на погребении преподобного Паисия 6 июня 1504 года и позднее, согласно своему завещанию, был сам погребен близ его могилы. Память преподобного Адриана совершается 26 августа/8 сентября (ради тезоименитства с мучеником Адрианом), а также в сыропустную субботу.

Август 27

Кукша преподобный Печерский, священномученик

Преподобный священномученик Кукша со своим учеником преподобномучеником Никоном и преподобный Пимен постник скончались после 1114 года. Святитель Симон, епископ Владимирский и Суздальский (XII в.; память 10/23 мая), в послании к преподобному Поликарпу, архимандриту Печерскому († 1182; память 24 июля/6 августа), писал о преподобном Кукше: «Как могу достойно прославить святых мужей, бывших в святом Печерском монастыре, в котором язычники крестились и становились иноками и иудеи принимали святую веру? Но я не могу умолчать о блаженном священномученике и черноризце сего монастыря Кукше, о котором все знают, что он прогонял бесов, крестил вятичей, дождь свел, иссушил озеро, сотворил многие другие чудеса и после многих мук убит был с учеником своим Никоном».

Кончину священномученика Кукши прозрел преподобный Пимен постник. Сей блаженный за свои велики подвиги был награжден от Бога великим даром исцелять недужных и провидеть будущее и совершающееся в отдаленных и неизвестных местах. Много больных и мучимых тяжкими болезнями он чудодейственно исцелил и много пророчествовал, предсказал, между прочим, и свою блаженную кончину за два года. Провидев убийство преподобного Кукши, находившегося далеко от обители, он однажды среди церкви Печерской громко воскликнул: «Брат наш Кукша в этот день убит». И сказав это, преподобный Пимен почил в один день со святым Кукшей и учеником его преподобным Никоном месяца августа 27-го дня (9 сентября).

Таким образом сии трое вместе получили тройственную радость, *яже око не виде и ухо не слыша и на сердце человека не взыдоша, яже уготовал Бог любящим Его* (1Кор. 2, 9).

Вятичи, среди которых проповедовал и принял кончину преподобный священномученик Кукша, жили по реке Оке, занимали местность Орловской и Калужской областей. Они были язычниками. Преподобный Нестор Летописец (память 27

октября/9 ноября), описывая вятичей, возмущался их гнусными обычаями и добавлял, что они так живут «даже и до нынешнего дня», оставаясь незнакомыми с законом Божиим и творя свой закон. Преподобный священномученик Кукша проповедовал у вятичей во времена святителя Феоктиста, епископа Черниговского (1113–1123; память 5/18 августа). Он был погребен так же, как преподобный Пимен постник, в Ближних пещерах (память Собора преподобных, почивающих в Ближних пещерах, совершается 28 сентября/11 октября).

Август 28

Шушаника, княгиня Ранская, мученица

Мученица Шушаника, княгиня Ранская († 475), была дочерью известного армянского военачальника Вардана. Настоящее ее имя – Вардандухт, в честь отца, а ласкательное – Шушаника.

Она вышла замуж за питиахша (правителя пограничных областей в Грузии) Варскена, который, изменив Христу, стал вероотступником. В восьмой год правления шаха Пероза Варскен отправился в Ктезифон, где была резиденция персидского шаха, и стал маздеистом (огнепоклонником), чтобы угодить шаху. Узнав об этом по возвращении мужа, святая Шушаника не пожелала продолжать супружеской жизни с отступником от Бога. Она оставила дворец и стала жить в небольшой келлии недалеко от дворцовой церкви. Духовник царицы Яков Цуртавели (впоследствии автор ее жития) повествует, что святая царица, узнав о намерении мужа прибегнуть к силе, исполнилась решимости твердо стоять в вере, несмотря ни на какие уговоры, угрозы и мучения. Отвергнув домогательства Варскена, 8 января 469 года она была подвергнута им избиению и закована в кандалы, а 14 апреля 469 года заключена в темницу крепости, где находилась шесть с половиной лет. «Шесть лет она пробыла в заключении и украсилась добродетелями: постом, бодрствованием, стоянием на ногах, неослабными поклонами и непрерывным чтением книг. Она сделалась духовной цевницей, освящающей и украшающей темницу». К темнице приходило много страждущих, «при этом каждый по молитвам блаженной Шушаники получал от Человеколюбивого Бога то, в чем он нуждался: бездетные – детей, больные – исцеление, слепые – прозрение». Тем временем Варскен обратил в огнепоклонство детей святой Шушаники, которые перестали навещать заключенную мать. На седьмом году заточения у святой Шушаники открылись на ногах и теле язвы. Джоджик, брат питиахша Варскена, узнав, что блаженная Шушаника приближается к смерти, проник в темницу вместе со своей женой и детьми и просил у святой Шушаники:

«Прости нам вину нашу и благослови нас». Святая Шушаника простила и благословила, сказав: «Вся здешняя жизнь мимолетна и непостоянна, как цветок полевой; кто посеял, тот и пожал, кто расточил для нищих, тот собрал; кто пожертвует собой, тот обретет...»

Накануне блаженной кончины святой мученицы ее навестили в темнице Католикос-архиепископ Грузии Самуил I (474–502), епископ Иоанн и духовник мученицы Яков Цуртавели (в течение всех шести лет он постоянно навещал и утешал заключенную). Придворный епископ Афоц (Фотий) причастил святую Шушанику. Ее последними словами были: «Благословен Господь Бог мой, ибо с миром легла и заснула». Кончина блаженной мученицы наступила 17 октября в праздник мучеников бессребренников Космы и Дамиана, и именно в этот день древняя Церковь праздновала ее память.

Мощи святой мученицы Шушаники покоились вначале в храме города Цортага. Цортагский храм через некоторое время перешел в ведение армянского епископа-монофизита, и Католикос-архиепископ Грузии Самуил IV (582–591) перенес святые мощи Шушаники в город Тбилиси, где они были положены в 586 году в пределе Метехской церкви, с южной стороны алтаря. Вероятно, в связи с этим память святой Шушаники была перенесена с 17 октября на 28 августа.

Иов, Игумен Почаевский, преподобный – прославление

Преподобный Иов Почаевский жил в трудные для Православной России годы, когда на западных ее окраинах православный народ Волыни и Галиции подвергся церковным и политическим притеснениям со стороны польско-литовских магнатов. Преподобный Иов был свидетелем Брестской унии 1596 года и последовавшего за ней неудержимого наступления католичества, а также все возрастающего влияния протестантизма. Будучи игуменом монастыря и пользуясь огромным духовным авторитетом, преподобный Иов использовал все свои возможности для борьбы с инославными и еретическими влияниями на народное сознание для укрепления Православия.

Преподобный Иов (в миру Иоанн) родился в крае, называемом Покутье, лежащим в Галиции между Карпатами и Днестром. Семья его, носившая фамилию Железо, принадлежала к дворянскому роду, хранившему верность Православию. Родителей его звали Иоанном и Агафией. С детства будущий подвижник обнаружил стремление к иноческой жизни. В 10-летнем возрасте мальчик оставил родительский дом и просил игумена ближайшего Угорницкого монастыря позволить ему служить братии. Своим усердием он завоевал вскоре любовь монастырского братства, прозорливый же игумен провидел в нем большие духовные дары. На двенадцатом году жизни Иоанн принял монашеский постриг с именем Иов, на тринадцатом, уже после многих иноческих подвигов, он был рукоположен в священнический сан (впоследствии он принял схиму, вернув прежнее имя). Известность о его духовных подвигах широко распространилась по всему краю.

К преподобному Иову начали приходить вельможи, просившие духовного окормления. Он стал пользоваться особым доверием и покровительством известного защитника Православия на Волыни князя Константина Острожского. Князь Константин обратился к игумену Угорницкого монастыря с

просьбой отпустить преподобного Иова в его княжеский Дубенский Крестный монастырь. Игумен согласился, и через некоторое время преподобный Иов был поставлен во главе Дубенской братии. В сане игумена он пробыл более двадцати лет, к этому времени относятся заключение Брестской унии (1596 г.) и последовавшие притеснения православных. Князь Константин, под защитой которого находился преподобный Иов, имел огромное влияние на Волыни, пользовался уважением польского короля Сигизмунда III и папы римского Климента VIII. Поэтому униаты и иезуиты не решались препятствовать действиям преподобного. Во время пребывания в Дубне святой приступил к распространению православных книг. С этой целью он подвигнул некоторых на переводческую деятельность и переписку книг, по свидетельству жития, прп. Иов и сам участвовал в этом труде.

По благословению святого в 1581–1582 гг. князь Константин издал в г. Остроге первопечатную славянскую Библию (Острожская Библия). Заботы и волнения, связанные с издательскими трудами, а также неприязнь латинян отвлекали святого Иова от монашеского делания. Поэтому он решил оставить Дубенский монастырь и около 1604 г. поселился в скромной обители неподалеку – на горе Почаевской.

Какой была эта обитель до прихода в нее прп. Иова? Около 1240 года здесь поселились пустынножители монахи – выходцы из Киево-Печерского монастыря. Они покинули Киев, спасаясь от нашествия полчищ Батыя. В 1340 году в Почаеве совершилось чудесное явление Божией Матери в огненном столпе. До конца XVI века обитель была пустынной: иноки жили в отдельных пещерах и собирались для молитвы в небольшом храме в честь Успения Божией Матери. В 1597 году в обители появилась великая святыня – чудотворная икона Божией Матери, переданная помещицей Анной Гойской (икону подарил Гойской греческий митрополит Неофит, гостивший в ее доме).

Преподобный Иов искал в Почаевской обители безвестности и свободы для молитвы, но иноки, вскоре почувствовавшие в пришельце духовную силу, единодушно и со слезами просили его стать их игуменом. Святой был вынужден

уступить, и вскоре его трудами монастырь Почаевский упрочил свое положение и возвысился над прочими западно-русскими обителями. Он стал пользоваться материальной поддержкой местных дворян, избежавших отпадения в унию. Так, в 1649 году на средства помещиков Феодора и Евы Тамашевских в обители был построен каменный храм во имя Пресвятой Троицы, в который был передан запечатленный в камне отпечаток цельбоносной стопы Божией Матери и Ее чудотворная Почаевская икона. Икона была установлена над Царскими воротами, откуда опускалась для верующих, что совершается и доныне. Это был период расцвета монастыря, число иноков в нем сильно возросло. Но вскоре последовали бедствия. В 1607 году на обитель напали татары и, ограбив, убили одного из иноков. В 1620 году внук скончавшейся Гойской, протестант Фирлей, задумал прогнать иноков с Почаевской горы, для чего отобрал у них земельные угодья и, ворвавшись со слугами в монастырь, унес чудотворную икону. После этого дом Фирлея постигли бедствия и болезни, не прекращавшиеся до тех пор, пока икона не была возвращена в монастырь. Эти события побудили преподобного Иова к большим и скорбным трудам. В течение нескольких лет он был принужден сам ездить по судам и конторам, пока наконец тяжба с Фирлеем не решилась в пользу монастыря. В результате огромных усилий удалось вырыть на Почаевской горе колодец и тем самым дать обители воду (соседние источники были отобраны Фирлеем).

Особенно важной для укрепления Православия на Волыни была книгоиздательская литературная деятельность преподобного Иова. В начале XVII века в этом крае осталась всего одна славянская типография – Почаевская. Ее-то и использовал преподобный в целях борьбы с иновением. Здесь печатались книги обличительного и догматического характера, православные молитвы, послания. Долгие годы (по 1932 г.) в Почаевском монастыре хранился труд самого преподобного – «Книга блаженного Иова Почаевского, властною рукою его написанная», содержащая до 80-ти бесед, поучений, проповедей, а также выписки из святоотеческих аскетических и полемических сочинений (издана в 1884 году в Киеве на

русском языке под названием «Пчела Почаевская»). Главной для преподобного была борьба с католиками и протестантскими сектами, особенно социнианской, проповедующей монотеизм в иудаистской форме. Социниане ставили Моисеевы книги выше Евангелия, отрицали догматы о Святой Троице, Божестве Иисуса Христа, Приснодевстве Марии. Именно поэтому в книге преподобного Иова эти заблуждения рассмотрены особенно подробно. Преподобный присутствовал на Киевском Соборе 1628 года, состоявшемся в связи с возвращением в Православие отпавшего в унию архиепископа Мелетия Смотрицкого. Преподобный Иов писал соборное определение, свидетельствующее о верности Восточному Православию.

Вместе с этими трудами проходила и незримая молитвенная жизнь святого. В Почаевской лавре до сих пор сохраняется пещера, где в течение нескольких суток стоял на молитве преподобный Иов. В одну из ночей во время молитвы святого свидетели видели необычайный свет, озаривший пещеру. Кроме молитвы и богомыслия преподобный занимался физическим трудом. Он работал в монастырском саду, при его участии были вырыты два пруда вблизи обители. В период военных действий Богдана Хмельницкого против Речи Посполитой преподобный Иов давал многим людям убежище в своем монастыре. Известно также, что преподобного избрали своим духовником многие влиятельные люди того времени. Вплоть до 1649 года игуменствовал преподобный Иов, он назначил себе преемника лишь в 98-летнем возрасте, но и после того участвовал в важнейших делах обители. 21 октября 1651 года святой получил откровение о своей близкой кончине. 28 октября он, совершив Божественную литургию, мирно отошел ко Господу.

Преподобный Иов был погребен близ пещеры, где подвизался. Над его могилой часто видели чудесное сияние. Через семь лет после кончины святой Иов трижды явился во сне митрополиту Киевскому Дионисию (Балабану) и известил о том, что пришло время открыть его святые мощи.

28 августа 1659 года нетленные останки преподобного Иова были перенесены в храм Живоначальной Троицы. От них

произошло много чудес, например, получил исцеление смертельно больной Досифей, описатель жития святого. В 1675 году по молитве преподобного Иова Матерь Божия спасла Почаевскую обитель от осадивших ее татар и турок. Пресвятая Богородица явилась над Почаевской горой вместе со святым Иовом; стрелы, направляемые в Нее врагами, возвращались назад и поражали тех, кто их пускал. От ужаса перед чудом мусульмане бежали.

В начале XVIII века Почаевская обитель отошла к униатам. Но чудеса исцеления от мощей преподобного Иова не прекращались. Униаты уверовали в святость преподобного, составили ему службу с акафистом и стали просить папу римского канонизировать его. Но папа отказал им по причине ревности святого о Православии.

В 1831 году Почаевская обитель вновь вернулась в ведение Русской Православной Церкви. Чудесные исцеления от мощей преподобного Иова побудили Святейший Синод вторично открыть их, что и было совершено 28 августа 1833 года. В 1858 году на месте пещерной церкви был устроен новый храм во имя преподобного Иова.

Память преподобного Иова Почаевского празднуется также 28 октября/10 ноября.

Савва Крыпецкий, преподобный

Преподобный отец наш Савва родился не в Русской земле. Некоторые полагают, что пришел он из Сербской земли в богохранимый град Псков, другие же – что от горы Афонской. Сперва он поселился на Снетной горе в Богородичной обители, близ Пскова, затем перешел в более уединенное место на речку Толву, в обитель преподобного Евфросина (память 15/28 мая). Преподобный Евфросин принял его, поручив исполнять обязанности монастырского слуги. Инок Савва исполнял эти обязанности ревностно и со смирением. Спустя немного времени возгорелось в Савве пламенное желание послужить Единому Богу в безмолвии пустынном и, испросив благословения у великого Евфросина, он ушел в Крыпецкую пустынь, за 15 верст от Толвы, и поселился один при небольшом озере в непроходимом лесу. Пищей отшельника были хлеб и вода, а в среду и пятницу он ничего не вкушал. В отшельнической жизни он много претерпел от нечистых духов, но всегда побеждал их молитвой. Утвердившись на пустынном холме, преподобный соорудил небольшую церковь во имя св. евангелиста Иоанна Богослова, ибо начали уже стекаться к нему из Пскова и окрестных мест ученики, привлекаемые молвою о его святой жизни. Имя блаженного Саввы было у всех на устах: одни восхваляли его высокое смирение, нестяжательный нрав и трудолюбный подвиг, других же привлекала к нему сладость его учения, и так собрались к нему на сожительство иноки.

Всех с любовью принимал преподобный Савва. Князья, посадники, бояре и благочестивые люди города Пскова стали приходить к нему за духовным советом, и всех отпускал он с назиданием, поучая их воздерживаться от лени и неправды, от зависти и клеветы и пребывать в чистоте телесной, по слову апостола, *что всякий грех есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела (1Кор. 6, 18)*, потому все нечисто живущие, если не покаются, осуждены будут на вечные муки. Наипаче заповедовал иметь всем любовь и братолюбие

искреннее между собою, ибо, по выражению апостольскому, *любовь милосердствует, не завидует, не превозносится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все любит, всему верит, всего надеется, все терпит, любовь никогда не перестает* (1Кор. 13, 4–8).

Богатых он поучал милостыне, напоминая им сказанное в Писании, что дом милостивых не оскудеет; судьям внушал праведный суд, чтобы не обижали братию, ибо они имеют Судию на небесах и той же мерой возмерится им. Таким образом устроил он спасение многих душ, и некоторые из приходивших к нему не хотели более возвращаться в мир. Посадники же и бояре начали давать имущества для сооружения обители, но игуменом преподобный отказался быть и поручил управление иноку Кассиану.

В обители с самого начала было введено строгое общежитие. И тогда, когда собралось довольно братии и средств, в келлии самого преподобного не было ничего, кроме двух икон, мантии и рогожки, на которую он ложился отдыхать. Той же нищете он обучал братию. Преподобный заповедал им возделывать землю своими руками. Он говорил: «К чему называем мы древних подвижников своими отцами, когда не живем их жизнью, как следует детям. Они, бездомные, нищии, проводили время в вертепах, в пустынях и для Господа со всей твердостью покоряли свою плоть духу, не знали покоя ни днем, ни ночью. Возлюбленные дети благого Господа, не звуками только и одеждою будем показывать любовь нашу к Нему, а делами: любовью друг ко другу, слезами, постом, всяким воздержанием, как совершали это древние отцы».

К строгому старцу приходили многие из Пскова, которых он исцелял и увещевал, но ни от кого не принимал даров. Однажды псковский князь Ярослав Васильевич Оболенский, который часто посещал обитель, приехал к святому вместе с больной супругой. Преподобный Савва послал сказать ему: «Старец, грешный Савва, говорит тебе, князь, не вступай в обитель с княгиней; у нас здесь такое правило – жены не должны входить в обитель; если преступишь отеческую

заповедь, княгиня твоя не получит исцеления». Князь просил прощения, что по незнанию хотел нарушить устав. Преподобный Савва вместе с братией вышел за ворота и отслужил молебен. Княгиня исцелела. И благодарный князь построил через мхи и болота к обители мост длиной в 1400 сажен и по его ходатайству в 1487 году Псков получил грамоту на землю для обители.

Преподобный Савва прожил много лет и в 1495 году, 28 августа, отошел ко Господу. Но и после своей кончины преподобный Савва не оставил обители, а много раз оказывал защиту. Однажды ночью к монастырю подошли разбойники, но они увидели благолепного старца с жезлом в руке, который грозно велел им покаяться. Наутро узнали, что в монастыре такого старца не было, и поняли, что это явился им преподобный Савва. Предводитель разбойников покался игумену и остался жить в монастыре.

Преподобный Савва был высок ростом, с бородой седой, как снег, круглой, густой и не очень долгой. В таком виде он явился в середине XVI века иноку Исаии, указав, где находятся его нетленные мощи. Тогда же, в 1555 году, по просьбе крыпецкой братии псковский священник Василий написал житие преподобного Саввы и ему было установлено празднование.

Собор Преподобных Отцов Киево-Печерских

Колыбель русской иноческой жизни, Киево-Печерская лавра, основанная в 1051 году преподобными Антонием и Феодосием Печерскими, распространяла сияние великих духовных подвигов по всей земле Русской. Монахи Киево-Печерского монастыря стали первыми тружениками русского иноческого подвижничества. Их молитвенные подвиги воодушевляли последующие поколения на великие духовные труды.

Эта обитель, по словам Киево-Печерского Патерика, была поставлена «слезами, пощением, молитвой, бдением». Преподобный Антоний, говорит один из авторов Патерика, «не имел ни золота, ни серебра, но приобрел все слезами и постом». В бытность игуменом преподобного Феодосия лавра жила милостыней, которую в изобилии получала от князя и от мирян, привлекаемых благочестием и святостью жизни монашеской общины.

Приняв монастырь на свое попечение по благословению преподобного Антония, преподобный Феодосий усугубил в нем воздержание, «великое пощение и молитву со слезами»; когда же число братии превысило 100 человек, он стал искать подходящий монастырский устав для устройства внутренней жизни монастыря. Преподобный Феодосий избрал Студийский устав, который в дальнейшем был заимствован у Киево-Печерской лавры другими русскими монастырями.

В условиях строгой монастырской жизни и каждодневных аскетических подвигов иноки Киево-Печерской обители, как «светила, сияли на Руси». «Одни были крепкие постники, другие подвизались в бдении, иные на земных поклонах; иные постились по дню и по два, иные ели хлеб с водою, иные одну вареную зелень или одну сырую», – свидетельствует Киево-Печерский Патерик.

Большое внимание уделялось в обители послушанию: «Меньшие покорялись старшим и не смели говорить перед ними; но все делали с покорностью и с великим послушанием».

В обители царила истинно христианская любовь в отношениях между братией. В Патерике особо отмечается взаимная забота иноков друг о друге, попечение о младших со стороны старших насельников, которые «научали меньших и утешали как детей возлюбленных. Если брат впадал в какое-нибудь прегрешение, другие утешали его и по великой любви своей епитимью разделяли трое или четверо... Если который-нибудь брат уходил из монастыря, все братия сильно печалились о том; посылали за ушедшим и, призвав его в монастырь, шли к игумену, кланялись, просили за него и принимали в монастырь с радостью. Такие-то были любящие, воздержные постники!» – восклицает инок Киево-Печерской обители прп. Нестор Летописец.

Живя милостыней мира, монастырь и сам стремился помогать от своих избытков сирым, голодным и неимущим людям. Неподалеку от Киево-Печерской лавры преподобным Феодосием был построен странноприимный дом для нищих и больных, которым оказывалась всемерная помощь. Каждую субботу монастырь отправлял в город воз хлеба, предназначенного для заключенных в тюрьмах. Бывали случаи, когда милостыня оказывалась даже разбойникам, пойманным на попытке ограбления монастыря, против которых в духе великой христианской любви не возбуждалось никакого преследования.

Из всех аскетических подвигов особое распространение среди иноков Киево-Печерской лавры получило затворничество. Претерпевая великие искушения, подвижники выходили из них победителями благодаря глубочайшей вере, многотерпению, беспредельной верности Богу, усердной непрестанной молитве и суровому подвигу. Среди преподобных отцов Киево-Печерских, почивающих в Дальних пещерах, память которых Церковь празднует 28 августа/10 сентября, более половины прославились затворничеством и великим постничеством.

В число этих преподобных отцов входят иноки, совершавшие свой духовный подвиг в разные периоды времени – с XI по XV вв. О каждом из них не сохранилось подробных житийных сведений, за исключением имени, времени несения подвигов и указания о том, на какой стези тот или иной инок нес

духовные труды и подвиги. В общем списке празднуемых 28 августа/10 сентября преподобных отцов Киево-Печерских Церковь чтит память следующих подвижников: преподобный Феодосий Великоименитый († 1074; память 3/16 мая; 14/27 августа и 2/15 сентября); Моисей чудотворец (XIII-XIV вв.; память 28 июля/10 августа); Лаврентий затворник XIII-XIV вв.; память 20 января/2 февраля); Иларион схимник († 1066; память 21 октября/3 ноября); Пафнутий затворник (XIII в.; память 15/28 февраля); Мартирий диакон (XIV в.; память 25 октября/7 ноября); Феодор, князь Острожский († ок. 1483; память 11/24 августа); Афанасий затворник (XIII в.; память 2/15 декабря); Дионисий иеромонах, затворник (XV в.; память 3/16 октября); Феофил, епископ Новгородский († ок. 1482; память 26 октября/8 ноября); Зинон постник (XIV в.; память 30 января/12 февраля); Григорий чудотворец (XIV в.; память 8/21 января); Ипатий целебник (XIV в.; память 31 марта/13 апреля); священномученик Лукиан († 1243; память 15/28 октября); Иосиф Многоболезненный (XIV в.; память 4/17 апреля); Павел Послушливый (XIII в.; память 10/23 сентября); Сисой схимник (XIII в.; память 6/19 июля); Нестор Некнижный (XIV в.; память 27 октября/9 ноября); Памва затворник († 1241; память 18/31 июля); Феодор молчальник (XIII в.; память 17 февраля/1 марта); Софроний затворник (XIII в.; память 11/24 марта); Панкратий иеромонах, затворник (XIII в.; память 9/22 февраля); Анатолий затворник (XIII в.; память 3/16 июля); Аммон затворник (XIII в.; память 4/17 октября); Мардарий затворник (XIII в.; память 13/26 декабря); Пиор затворник (XIII в.; память 4/17 октября); Мартирий затворник (XIII-XIV вв.; память 25 октября/7 ноября); Руф затворник (XIV в.; память 8/21 апреля); Вениамин затворник (XIV в.; память 13/26 октября); Кассиан затворник (XIII-XIV вв.; память 8/21 мая); Арсений Трудолюбивый (XIV в.; память 8/21 мая); Евфимий схимник (XIV в.; память 20 января/2 февраля); Тит воин (XIV в.; память 27 февраля/11 марта); Ахила диакон (XIV в.; память 4/17 января); Паисий (XIV в.; память 19 июля/1 августа); Меркурий постник (XIV в.; память 24 ноября/6 декабря); Макарий диакон (XIII-XIV вв.; память 19 января/1 февраля); Пимен постник (XII в.; память 8/21 мая);

Леонтий (память 8/21 июня) и Геронтий канонархи (XIV вв.; память 1/14 апреля); Захария постник (XIII-XIV вв.; память 24 марта/6 апреля); Силуан схимник (XIII-XIV вв.; память 10/23 июня); Агафон чудотворец (XIII-XIV вв.; память 20 февраля/4 марта); Игнатий архимандрит († 1435; память 20 декабря/2 января); Лонгин вратарь (XIII-XIV вв.; память 16/29 октября).

Август 30

Даниил Московский, благоверный великий князь – прославление

Святой благоверный князь Даниил Московский, младший сын благоверного князя Александра Невского, скончался 4 марта 1303 года. Перед кончиной, следуя благочестивому примеру отца, принял иноческий чин и схиму и по глубокому смирению завещал совершить погребение на братском кладбище основанной им обители в честь преподобного Даниила Столпника, впоследствии получившей название Московского Данилова монастыря. Честные мощи святого князя Даниила находились под спудом почти 350 лет. В течение этого времени благоверный князь неоднократно напоминал о себе и о месте своего погребения. Так, во времена великого князя Иоанна III (1462–1505) святой Даниил явился придворному юноше и повелел сказать великому князю следующее: «Рцы великому князю Иоанну: се убо сам всячески себе утешаеши, мене же почто забвению предад еси, но обаче аще он забвенна мя имать. Бог же мой несть мене забыл никогдаже». Узнав об этом, Иоанн III повелел служить соборные панихиды, раздавать милостыню и устраивать трапезы на помин своих усопших.

При сыне Иоанна III великом князе московском Василии Иоанновиче (1505–1533) произошло событие, описанное в Степенной книге. Однажды великий князь с многочисленной свитой, в которой находился князь Иоанн Михайлович Шуйский, был в Даниловом монастыре и проезжал недалеко от места захоронения благоверного князя Даниила. Шуйскому нужно было сесть на коня, и он решил сделать это с надгробного камня на могиле святого Даниила. Оказавшийся поблизости некий благочестивый христианин сказал Шуйскому: «Господине княже! Не дерзай с камни сего всести на конь свой. Ведый буди, яко лежит ту великий князь Даниил». Гордый же князь не послушал совета и, встав на камень, хотел сесть на коня. Неожиданно конь вздыбился и упал мертвым на землю, подмяв седока, едва оставшегося в живых после падения.

В царствование Иоанна Васильевича Грозного (1533–1584) на могиле князя Даниила получил исцеление умирающий сын коломенского купца. Иоанн Грозный установил ежегодно совершать крестный ход к могиле благоверного князя Даниила и служить о нем панихиды. Он же издал указ о построении в запустевшем к тому времени монастыре двухэтажной каменной церкви, братских келлий, пополнении обители иноками и устройстве монашеского общежития.

В 1652 году царь Алексей Михайлович (1645–1676) по повелению явившегося ему благоверного князя Даниила совершил торжественное открытие мощей святого. 30 августа патриарх Никон с собором епископов и царь Алексей Михайлович с придворными открыли могилу благоверного князя и обрели честные мощи нетленными. В то же время среди многочисленного народа произошло немало чудесных исцелений. Святые мощи были торжественно перенесены в монастырский храм в честь святых отцов Семи Вселенских Соборов и положены в специально приготовленной деревянной гробнице напротив правого клироса. Тогда же благоверный князь Даниил был причислен к лику святых и ему было установлено общецерковное празднование 4/17 марта – в день блаженной кончины и 30 августа/12 сентября – в день обретения нетленных мощей.

Александр Свирский, преподобный – преставление

Преподобный Александр Свирский родился 15 июня 1448 года в семье крестьян приладожского села Мандеры на реке Оять (притоке реки Свирь) Стефана и Василиссы (Вассы). Стефан и Василисса имели двух взрослых детей, но им очень хотелось иметь еще сына, и они молили об этом Бога. Однажды во время молитвы благочестивые супруги услышали голос свыше: «Радуйтесь, доброе супружество... имате родити сына... в рождестве его утешение Церквам Своим подати имать Бог». День рождения святого совпал с днем памяти пророка Амоса, имя которого и нарекли мальчику при крещении.

Когда Амос подрос, родители отдали его учиться грамоте, но учение давалось отроку с трудом. Тяжело переживая это, Амос часто молил Бога о помощи. Однажды он отправился в близлежащий Острожский Введенский монастырь и стал горячо молиться перед иконой Божией Матери. Во время молитвы отрок услышал голос: «Восстани, не бойся; а еже просил еси, имаша восприяти». С тех пор Амос стал преуспевать в учении и вскоре опередил своих сверстников.

Он был всегда послушен и кроток, избегал игр и смеха, носил самую простую одежду и рано начал укреплять свою душу постом, чем вызвал беспокойство матери. Когда Амос вырос, родители хотели женить его, но он пожелал посвятить свою жизнь служению Богу. После знакомства с валаамскими монахами юношей овладело неодолимое желание уйти на Валаам. В 19 лет он тайно покинул родительский дом и отправился в дальний путь. Дойдя до реки Свири, Амос переправился на другой берег и прошел еще шесть верст. Ночь застала его на берегу тихого лесного озера. Долго пребывая в ночной молитве, юноша услышал голос, который повелел ему идти на Валаам в обитель Всемиловитого Спаса, через некоторое время вернуться на это место и основать здесь обитель. На избранное Богом место сошел небесный свет. Утром Амос продолжил свой путь. Долго пробирался он по лесным дебрям без дороги и очень утомился. Вдруг он увидел

путника, который сказал, что идет на Валаам и знает туда дорогу. Они пошли вместе и через некоторое время достигли Валаамского Спасо-Преображенского монастыря. Воздав хвалу Богу у ворот обители, Амос хотел выразить благодарность своему спутнику, но тот внезапно исчез. Тогда Амос понял, что это был Ангел Божий.

Семь лет пребывал Амос послушником в Спасо-Преображенском монастыре, дни проводя в трудах, а ночи – в молитвах. Иногда он обнажался до пояса и молился всю ночь в лесу, весь покрытый комарами и мошками. Когда родители узнали о местонахождении сына, отец приехал в обитель. Амос не хотел выйти к нему, сказав, что умер для мира. И только по просьбе игумена побеседовал с отцом, который хотел уговорить сына вернуться домой, однако после отказа сына покинул обитель в гневе. Уединившись в своей келлии, Амос стал усердно молиться о родителях, и по его молитве благодать Божия сошла на Стефана. Вернувшись домой, он принял постриг в Введенском монастыре с именем Сергей. Также и мать Амоса постриглась с именем Варвара.

26 августа 1474 года Амос принял иноческий постриг с именем Александр и удалился на уединенный остров, впоследствии названный Святым. Там он обнаружил пещеру и подвизался в ней еще семь лет. Далеко разнеслась слава о его подвигах. Желая избежать людской молвы, преподобный Александр решил удалиться в неведомые леса, но по просьбе игумена остался. В 1485 году во время ночной молитвы перед иконой Пресвятой Богородицы в келлии святого воссиял свет, и он услышал голос, повелевавший ему возвратиться на прежде указанное место. В окно преподобный увидел как бы перст, указующий в сторону Святого озера. Узнав о видении, игумен благословил преподобного Александра в путь.

На берегу Святого озера, в 36-ти верстах от нынешнего г. Олонца и в 6-ти верстах от реки Свирь, преподобный Александр построил малую келлию, в которой прожил семь лет, не видя человеческого лица, не вкушая хлеба и питаясь лишь плодами леса. За это время святой отшельник претерпел немало лишений от холода, голода, болезней и диавольских искушений,

но Господь не оставлял подвижника Своими неизреченными милостями. Однажды, когда преподобный был тяжело болен и не мог даже приподнять голову с земли, он лежа напевал псалмы. Вдруг предстал пред ним «преславный муж», положил руку на больное место, осенил его крестным знамением и исцелил праведника. В другой раз, когда преподобный шел за водой и громко пел молитвы, он услышал голос, предрекавший приход к нему множества людей, которых надлежало принять и наставить.

В 1493 году на жилище отшельника во время охоты набрел боярин Андрей Завалишин. Он очень обрадовался этой встрече, так как давно хотел посетить место, над которым неоднократно видел «овогда яко столп стоящ, овогда же яко лучу Божественную сияющую, а иногда дым светел от земли к высоте восходящ». С того времени Андрей Завалишин стал часто посещать святого отшельника, а затем по его совету принял постриг на Валааме с именем Адриан. Впоследствии он основал на восточном берегу Ладожского озера Ондрусовский монастырь и прославился обращением на путь покаяния многих разбойников. От разбойников же преподобный Адриан Ондрусовский принял мученическую кончину († 1549; память 26 августа/8 сентября и 17/30 мая).

Известие о духовных подвигах преподобного Александра широко распространилось, к нему стали стекаться иноки. Пришел к святому подвижнику и его брат Иоанн, который через некоторое время скончался. Иноки расчищали лес, благоустраивали пашню, сеяли хлеб, которым кормились сами и подавали просящим. Преподобный Александр из любви к безмолвию уединился от братии и устроил себе «отходную пустынь» в 130-ти саженьях от прежнего места, у озера Рощинского. Там на него вооружились бесы: они являлись ему в образе зверей, змей, пытались запугать святого, понуждали бежать. Но молитва праведника, «яко пламень огненный, от уст его исхождаху и вся бесовская немощнейшая ополчения попали и к тому невидими быша». В пустыни преподобному явился Ангел, напомнил прежние Божественные видения и предсказал

основание на этом месте обители с храмом во имя Святой Троицы.

В 1508 году, на 23-м году пребывания преподобного Александра в заповедном месте, ему было явление Живоначальной Троицы. Преподобный молился ночью в пустыни. Вдруг воссиял сильный свет, и святой увидел вошедших к нему Трех Мужей, облаченных в светлые белые одежды. Освященные небесной славой, Они сияли чистотой ярче солнца. Каждый из Них держал в Своей руке жезл. Преподобный получил повеление возвести храм и устроить обитель во имя Святой Троицы. «Я оставляю тебе мир и мир Мой подам тебе», – сказал Господь преподобному. И тотчас святой подвижник увидел Господа Иисуса Христа с простертыми крылами, словно по земле ходящего, и Он стал невидим.

После этого видения преподобный Александр стал размышлять, на каком месте соорудить храм. Ангел Божий указал ему место. В том же году была построена деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы, а в 1526 году на ее месте был воздвигнут каменный храм. Сразу после построения деревянной церкви братия стали уговаривать преподобного принять священство. Смиренный старец отказывался, но братия обратились за помощью к архиепископу Новгородскому святителю Серапиону († 1516; память 16/29 марта). В том же году преподобный Александр посетил Новгород, где получил посвящение от святителя Серапиона. Вскоре братия умолили преподобного принять игуменство.

Став игуменом, преподобный Александр стяжал еще большее смирение и кротость. Он спал на полу, одежды носил в заплатах, сам готовил пищу и замешивал тесто, выпекал хлеб. Однажды не хватило дров, и эконо́м просил игумена послать в лес тех иноков, кто в то время был празден. «Я празден», – сказал преподобный и пошел рубить дрова. Ночами, когда братия спали, святой игумен приходил в помещение, где мололи хлеб жерновами, и молот за других. Обходя келлии и слыша суетные разговоры, он тихонько стучал в дверь и уходил, а утром наставлял братию. Вскоре Свирская обитель прославилась строгостью жизни иноков. Несколько учеников

преподобного Александра стали основателями новых монастырей.

В конце жизни преподобный пожелал построить каменный храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Из Москвы были приглашены мастера. Когда заложили основание храма, то на месте алтаря преподобному явилась Божия Матерь с Младенцем в окружении множества Ангелов. Царица Небесная обещала исполнить молитвы праведника об учениках и обители. «И не только при животе твоём, – сказала Она, – но и по отшествии твоём неотступной буду от обители твоея, потребная неоскудне и снабдевающи и покрывающи». При этом преподобный узрел множество иноков, которые впоследствии подвизались в его обители.

Перед кончиной преподобный Александр Свирский изволил завещать братии предать его тело погребению в болотистом месте. Но братия не согласилась. Тогда он просил, чтобы его тело погребли не в обители, а в «отходной пустыни». Преставился преподобный Александр 30 августа 1533 года 85-летнем старцем.

В житии преподобного Александра рассказывается о множестве чудес, совершенных по его молитвам. Он имел дар исцелять больных и возвещать будущее. В 1545 году ученик и преемник преподобного Александра Иродион по повелению архиепископа Новгородского Феодосия составил житие святого. Через два года началось местное празднование памяти преподобного и была составлена ему служба. 17 апреля 1641 года честные мощи подвижника чудесным образом были обретены нетленными и положены в Преображенском храме с приделом во имя преподобного Александра Свирского. В том же году началось общецерковное почитание святого: 30 августа/12 сентября – день преставления и 17/30 апреля – день прославления. В благочестивом народном сознании преподобный Александр Свирский почитается «новозаветным Авраамом», ибо удостоился явления Святой Троицы в виде Трёх Ангелов.

Александро-Свирский монастырь стал одной из наиболее значительных обителей на севере Руси, духовно-

просветительным центром для всего Олонецкого края. Сам г. Олонец был основан в 1647 году на средства Александро-Свирского монастыря, при непосредственном участии его братии. Большую помощь оказал монастырь в 1703 году при основании Санкт-Петербурга. Обитель, основанная преподобным Александром Свирским, имела исключительно важное значение для сохранения целостности Русской державы и неприкосновенности ее границ на севере. Во время нашествия Литвы, в период Северной войны со шведами, во время Отечественной войны 1812 года обитель вносила огромные денежные средства и продовольственные припасы «на ратных людей» и вообще «на государево дело». В обители хранились списки с грамот царей Михаила Феодоровича, Иоанна Грозного, Феодора Иоанновича, Василия Иоанновича Шуйского, Алексея Михайловича, Петра Великого, а также множество присланных ими для нужд монастырской братии церковных облачений и священных сосудов.

Духовным залогом процветания и благополучия русского Севера являлись тесные молитвенные связи между Александро-Свирским монастырем и другими православными обителями русского Севера, такими, например, как Валаамский и Соловецкий монастыри.

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧЕНИКАХ ПРЕПОДОБНОГО АЛЕКСАНДРА СВИРСКОГО

(память 30 августа/12 сентября)

Целый сонм учеников наставлял и воспитал преподобный Александр Свирский, как и завещала ему Матерь Божия. Это – преподобные Игнатий Островский (XVI в.), Леонид Островский (XVI в.), Корнилий Островский (XVI в.), Дионисий Островский (XVI в.), Афанасий Островский (XVI в.), Феодор Островский (XVI в.), Ферапонт Островский (XVI в.). Кроме этих святых, известны ученики и собеседники преподобного Александра Свирского, имеющие отдельные дни памяти: преподобный Афанасий Сяндемский (XVI в.; память 18/31 января), преподобный Геннадий Важеозерский († 8 января 1516 г.; память 9/22 февраля), преподобный Макарий Оредежский († 1532; память

9/22 августа), преподобный Адриан Ондрусовский († 26 августа 1549 г.; память 17/30 мая), преподобный Никифор Важеозерский († 1557; память 9/22 февраля), преподобный Геннадий Костромской и Любимоградский († 1565; память 23 января/5 февраля).

Александр Невский, благоверный князь

Перенесение мощей благоверного князя Александра Невского состоялось 30 августа 1724 года из Рождественского монастыря г. Владимира в Троицкий монастырь г. Санкт-Петербурга.

Край, где была основана новая столица Российской империи г. Санкт-Петербург (1703 г.), в XI веке находился под властью Новгорода Великого. Нева разделяла земли Карелии и Ингрии (Ижоры). С середины XII века за эту землю шла упорная борьба новгородцев со шведами и немецкими рыцарями. В 1323 году новгородцами в истоке Невы была основана крепость Орешек, ныне Шлиссельбург. В Смутное время Карелия и Ингрия временно отпали от России, но в начале XVIII века при Петре I были отвоеваны русскими.

В июле 1710 года, вскоре после взятия Выборга, Петр I осматривал окрестности города. По его указанию было выбрано место для будущего монастыря во имя Живоначальной Троицы и святого благоверного князя Александра Невского на берегу Черной речки (впоследствии Монастырки). 20 февраля 1712 года Петр I приказал объявить архимандриту Феодосию (Яновскому), «дабы начинал на осмотренном месте строить монастырь». 25 марта 1713 года в деревянном храме, освященном в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, была совершена Божественная литургия. Монастырь связывала с городом дорога, устроенная в 1712 году по распоряжению архимандрита Феодосия (будущий Невский проспект).

Когда новая столица обстроилась и основанная в ней обитель во имя святого Александра Невского обзавелась приличным храмом и достаточным составом братии, возникла мысль о перенесении в нее святых мощей ее небесного покровителя.

В феврале 1722 года, исполняя указ Петра I, архиепископ Феодосий был во Владимире, в Рождественском монастыре, где находились мощи святого князя Александра Невского. Вместе с архимандритом монастыря Сергием он произвел

освидетельствование мощей, хранившихся в серебряной гробнице.

Святейший Синод 30 июня 1723 года постановил: «Святые мощи в Александро-Невский монастырь перенести, по примеру перенесения из Соловецкого монастыря в Москву святых мощей Филиппа митрополита».

Ковчег с балдахинном для мощей с «носилом» (шириной семь аршин, длиной одиннадцать аршин, высотой более пяти аршин) был доставлен из Москвы во Владимир 10 августа. Несли его около 150 человек, а иногда и более. Перенесение святых мощей началось 11 августа 1723 года. После литургии и молебна с водосвятием святые мощи Александра Невского были подняты, вынесены в южные двери собора и поставлены в ковчег. Так как из ворот обители выйти было затруднительно, частично разобрали забор; при шествии через тесную торговую площадь города пришлось сломать несколько прилавков. Город Владимир провожал мощи колокольным звоном до полуночи. Жители ближайших сел встречали и провожали мощи «со многими народными людьми».

17 августа подошли к Москве, а 18-го состоялась торжественная встреча святых мощей архимандритом и братией Симоновского монастыря, архиепископом Сарским и Подонским Леонидом, епископом Суздальским и Юрьевским Варлаамом, сонмом священнослужителей и множеством верующих. В Москву шли Мещанской улицей и по Сретенке, Введенской и Петровской улицами; не заходя в Кремль, по Тверской вынесли мощи за Ямскую Тверскую улицу и поставили в поле. При большом стечении верующих всю ночь совершались молебны святому Александру Невскому.

23 августа мощи были в Клину, 26-го – в Твери, 28-го – в Торжке, 31-го – в Вышнем Волочке. 9 сентября через озеро Ильмень святые мощи перенесли в Новгород. У Софийского собора был совершен молебен. 10 сентября продолжили путь с мощами по Волхову с остановкой у Хутынського монастыря. 13 сентября их доставили в Старую Ладугу. В Шлиссельбурге 19 сентября святые мощи были встречены и поставлены в каменном храме, где и оставались до июля следующего 1724

года. 24 июля Петр I повелел архиепископу Феодосию ехать «в Шлиссельбург ко гробу святого благоверного князя Александра Невского с мощами» и завершить их перенесение в Петербург до 30 августа.

К тому времени был издан указ Святейшего Синода от 15 июня 1724 года, в котором постановлялось: «Отныне святого благоверного князя Александра Невского в монашеской персоне никому отнюдь не писать, а писать тот святого образ во одеждах великокняжеских». В Шлиссельбурге с раки святого был снят его образ (в монашеском одеянии, поскольку он преставился в схиме) и вместо него был помещен новый, писанный живописцем столичной типографии Иваном Одольским. Тогда же для печатания гравюр знаменитым гравером Пикаром была выполнена медная доска с видом Александро-Невского монастыря. В титул святого князя Александра Невского было добавлено слово «великий».

В самом монастыре для встречи мощей была изготовлена особая лестница для внесения мощей в верхний храм во имя святого Александра Невского. Утром в воскресенье 30 августа 1724 года тремя выстрелами из Петропавловской крепости столица была оповещена о начале торжества. Невский флот в полном составе (был выведен даже ботик Петра I) пошел вверх по Неве навстречу галере со святыми мощами. Петр I перешел на галеру, где сам встал у руля, а бывшие с ним сановники сели за весла. При пушечном салюте и колокольном звоне честные мощи святого князя Александра Невского были встречены на берегу Невы, у речки Монастырки. С берега святые мощи были перенесены царем и сановниками в монастырь и поставлены в новом храме, который освятили в тот же день.

После окончания перенесения мощей святого князя Александра Невского Петр I велел «по новой службе, вместо прежде бывшей этому святому ноября 23-го числа службе, отныне праздновать 30 августа». Составление новой службы Синод поручил обер-иеромонаху флота, советнику Синода, школ и типографии протектору архимандриту Гавриилу (Бужинскому).

В содержание этой службы, кроме церковного прославления святого, включен исторический материал о событиях начала XVIII века. В тексте службы приносится благодарение Богу за дарованную России победу над Швецией, за долгожданный мир, прославляется Россия как страна православной веры и ее новая столица, посвященная апостолу Петру. Вновь составленное житие святого Александра Невского тоже представляет собой краткую историческую справку по истории Северной войны и перенесению мощей святого князя из Владимира в Петербург.

В настоящее время небольшая частица мощей благоверного князя Александра Невского хранится в ковчеге в Троицком соборе Александро-Невской лавры, в этом соборе хранится также и одна из чтимых икон святого князя.

В перенесении мощей благоверного князя Александра Невского в Петербург Промысл Божий усматривал небесное покровительство городу. В годы первой и второй мировых войн героизм русских людей, соединенный с молитвенным предстательством небесного покровителя города на Неве, продолжает свидетельствовать о небесной помощи благоверного князя Александра Невского.

Август 31

Иоанн митрополит Киевский и Всея Руси, святитель

Святой Иоанн в сане митрополита прибыл в Киев в 1080 году и скоро заслужил общее глубокое уважение. Преподобный Нестор (память 27 октября/9 ноября), его современник, говорит о нем: «Этот муж, сведущий в книгах, искусный в учении, милостивый к убогим и вдовицам, ласковый ко всякому – богатому и бедному, смиренный и кроткий». Свт. Иоанн скончался во второй половине XI века. Он оставил несколько сочинений, из которых известны «Послание митрополита Иоанна Клименту, папе старшего Рима» и «Церковное правило», писанное для черноризца Иакова и представляющее собою объяснение правил Вселенской Церкви в применении их к Церкви Русской.

Святой Иоанн в сане митрополита прибыл в Киев в 1080 году и скоро заслужил общее глубокое уважение. Преподобный Нестор (память 27 октября/9 ноября), его современник, говорит о нем: «Этот муж, сведущий в книгах, искусный в учении, милостивый к убогим и вдовицам, ласковый ко всякому – богатому и бедному, смиренный и кроткий». Свт. Иоанн скончался во второй половине XI века. Он оставил несколько сочинений, из которых известны «Послание митрополита Иоанна Клименту, папе старшего Рима» и «Церковное правило», писанное для черноризца Иакова и представляющее собою объяснение правил Вселенской Церкви в применении их к Церкви Русской.